СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

№ 5
2026

DOI 10.34823/SGZ.2026.5.262009

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Фокина Г.В., Белозерова С.И. Разработка и апробация иммерсивных экскурсий на основе VR/AR-технологий в музейно-образовательной среде университета 9

Беседина К.Ю. Авторское творчество как досуг: музыкальное производство в цифровую эпоху 13

Блинов В.В., Барбаянова В.Е., Фролова Д.А., Шпилькова М.И. Православие в контексте консервативных ценностей современной России 17

Бондаренко Н.И. Педагогическая компаративистика образовательных моделей стран Латинской Америки 23

Васильева В.О., Цепанов Л.А. Обучение чтению на занятиях английского языка студентов неязыковых вузов 26

Власенко Ю.И. Социальные барьеры межведомственного взаимодействия при оказании помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации 30

Галеева Е.В. Лингводидактические аспекты организации самостоятельной работы иностранных курсантов на начальном этапе обучения в российском военном вузе 34

Ефхиев О.М., Моисеев А.В. Социально-правовая архитектоника благополучия человека в современной России (аксиологический срез): обзорно-аналитическое исследование 37

Ерзылева И.А. Меры стимулирования рождаемости в 2026 году 42

Зайцев О.Н. Геймификация как технология социального управления образовательным процессом в системе военно-патриотической социализации студентов гражданских вузов 46

Каминский А.В. К вопросу о развитии и дальнейшем совершенствовании дистанционных форм обучения и контроля в системе высшего образования 50

Касьянова Е.И., Виноградова Н.И. Анализ проблем становления смысла жизни современного студента 54

Ким А.С., Ананичева С.Р. Социально-педагогические технологии раннего предупреждения межэтнических конфликтов: социологический анализ 57

Климова О.М. Языковая семиотика цифрового пространства: к проблеме мультимодальности 60

Ковальчук Н.В. Лексикографические подходы к изучению динамики неологизмов в современном немецком языке: вопросы фиксации и функциональной вариативности 64

Костюкович Е.Ю. Психологические и социальные аспекты профессиональной адаптации молодых специалистов в условиях цифровой трансформации 67

Кузнецов А.Д. Социологическая модель геймификации социального контракта как механизм снижения уровня бедности 71

Ли Мэнтин. Киберэтнография виртуального сообщества: анализ китайской платформы DOUBAN 75

Май Судань. Особенности мышления китайской молодежи поколения Z и потенциал русской литературы в партийной работе вузов 78

Мартемьянов Д.С. Репрезентация традиционных духовно-нравственных ценностей в современном российском кино: барьеры восприятия и факторы коммерческого успеха 82

Мехдиев С.М. Стратегические подходы и образовательные программы национальных антидопинговых агентств Азербайджана и России 86

Осипова И.А. Влияние особенностей поколения на процесс обучения английскому языку 90

Кочарян Ю.Г., Папов И.Б. Влияние владения английским языком и искусственного интеллекта на стиль программирования и читаемость кода 93

Плещёва Т.Н., Корнева М.И. Медико-гигиеническая оценка рисков для здоровья населения в условиях технологической трансформации пищевой промышленности 96

Плотников П.С. Алгоритмическая модерация цифровых платформ как фактор трансформации политического участия граждан в условиях цифрового 100

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: **70652**
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: **welcome@socgum-journal.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович– доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет: 15.06.2026* *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Пономарева О.В. От имитации к коммуникации: лингводидактический потенциал киноремейка в аудитории РКИ 104
Рязанова Т.А., Крейк А.И. Особенности адаптации и интеграции мигрантов в современном обществе 107
Северилова П.В., Трохимчук Е.А. Прогностический интеллект и «алгоритмический человек» 112
Сиверцев Е.Ю. Поиск эмпирических закономерностей и возможности искусственного интеллекта 118
Солодовник Е.В. Взрослая парентификация: клинические маркеры и динамика психологических изменений 122
Телякаева А.Ф., Потапова А.Н., Балышева Н.В. Этические проблемы интеграции систем искусственного интеллекта в медицинскую практику 127
Тенеряднова С.П. Формирование информационной грамотности студентов посредством критического анализа 130
Тибейкин С.Е. Смена парадигмы рабочего места: интеллектуальная автоматизация как вызов или возможность? 133
Хатхе А.А., Аутлева Ф.А., Симбулетова Р.К., Хачецукова З.К., Калашаова А.А. Культурная глобализация и её влияние на межкультурную коммуникацию: концептуальные модели 137
Хусейнова А.А. Нейродиагностика как инструмент оценки и развития компетенций 141
Ци Жофэй, Го Сывэнь. Исследование перевода идеи экологической цивилизации на русский язык и формирования внешнеполитического дискурса 144
Черенкова С.В. Квазипрофессиональный компонент в системе формирования мотивации к изучению иностранного языка у студентов нелингвистических специальностей 149
Чэнь Чуань, Чжан Ли. Исследование трансформации, вызовов и путей развития сферы устного перевода в эпоху искусственного интеллекта 153
Шарова М.А., Гараева Г.Ф., Бужор Е.С. Квази-субъект и гибридное познание: социально-философский анализ искусственного интеллекта 158
Щербакова И.В. Методика использования мобильных приложений для изучения лексических единиц иностранного языка в высшей школе 161
Кульмаметова Э.Х., Шаяхова Э.Ф. Социокультурная трансформация в условиях становления инклюзивного общества 164
Шумилкина О.Г. Персональность, интимность и уязвимость в цифровой среде 169
Щербакова И.В. Роль и влияние латинских и греческих элементов в формировании терминологической базы науки 172

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Дерюгин П.П., Лебединцев Д.А. Экстремальный туризм в концепции дополненной современности: новые социальные детерминанты и гибридные практики 176
Веремчук В.И., Крутилин Д.С., Григорьев Н.Ю. Социология войны: становление и развитие 179
Ефименко Е.И. Системы оценки труда профессорско-преподавательского состава вузов: преимущества и проблемы применения 184
Жулин А.Г., Леньков Р.В., Лоскутова И.М., Панич Н.А., Тарченко В.С. Внеучебная деятельность в образовательной среде современного инклюзивного вуза 189
Иванова Ю.О., Бронников Л.В. Актуальные аспекты развития киберспортивной индустрии 192
Калмыков Н.Н. Человекосохраняющая цифровая социальная архитектура: представления студентов о будущем ИИ-агентов 196
Магомедова М.З. Роль духовных управлений мусульман в продвижении гражданско-патриотических ценностей в Российской Федерации 201
Манаенкова А.С. Компоненты модели современного цифрового городского пространства 205
Иванова Я.С. Программа долгосрочных сбережений как инструмент управления сберегательным поведением населения: сравнительный анализ и условия развития 209
Маркелов А.Ю., Москалев Е.П., Ноздров А.А. Клиентоцентричность как инструмент повышения доверия и удовлетворения ожиданий экономических агентов: психологические аспекты социально-экономической политики 214
Лаптева А.С., Мкртумова И.В. Формирование имиджа бренда как социального института: дискурсивный анализ позиционирования коммерческих организаций перед семейной аудиторией в цифровой среде 219
Орлова Е.А. Цивилизационные вызовы сохранения исторической памяти в России: теоретико-методологический анализ 223
Передня Д.Г. Качество высшего образования сквозь призму самоорганизации и лидерства в студенческих коллективах 228
Попова О.В., Вильская Н.В. Институциональная трансформация механизмов социального контроля в контексте цифровизации и формирования новых моделей взаимодействия государства и общества в современной России 231
Савгачева М.Ю. Влияние акне на качество жизни, самооценку и социальную адаптацию пациентов: медико-социальный и экономический аспекты 235
Тизенгаузен М.Г. Институционализация креативных индустрий в России: государственная политика, региональные разрывы и ограничения 238
Тихонов Ю.О. Роль развивающихся стран в международном климатическом режиме: вызовы и возможности в условиях режимной сложности 243
Туркменов И.О. Теоретические проблемы исследования коллективных трудовых практик российской студенческой молодежи в социологической науке 248
Федоров Г.А. Социальные технологии развития профессиональной идентичности педагогических кадров системы общего образования: эмпирическое обоснование потенциала применения 252
Харичев А.Д. Концепция политической легитимности: эволюция теоретических подходов от легальности к многомерной модели 257
Черных Н.С. Классические подходы к исследованию ценностных ориентаций молодежи: сравнительный анализ и управленческие ограничения 262

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Бакеев А.В. Экзистенциальные основы предпринимательской деятельности 266
Баркова Э.В. Экоменеджмент в развитии пространства экофилософско-экономической картины мира 270
Филюшкина Д.В., Дагдаверян С.Р. Коммуникативные процессы в социально-культурном пространстве: интегративная модель 274
Заховаева А.Г., Урсу А.В. Философия детства: от страха бытия к «эре милосердия» 278
Ильмира Ильяс, Ли Синьжань. Методы перевода культурно маркированной лексики в свете культурной концепции перевода Сьюзен Баснетт: на материале повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» из цикла «Повести Белкина» 282
Козлюк Д.В. Социальный идеал как критерий эффективности деятельности субъекта в современном мире 286
Кудаяров А.М. Социально-философский анализ коммерциализации видеоигр: отчуждение, симуляция и биополитика игрового капитализма 290
Кузьменкова Т.Л. Этика искусственного интеллекта как философская проблема 293
Курилов С.Н. Проблема понимания в диалоге преподавателя и студента в современном высшем образовании: от социально-философских теорий коммуникации к практике их применения 296
Малышева М.К. Медиаконвергенция как фактор трансформации массовой и элитарной культуры 300
Малютина Ю.Г. Эволюция понятия «традиция» в истории культуры 304
Наумов А.В. Философские аспекты понятий объективного и субъективного и их использование в педагогической практике высшей школы 307
Наумова Т.В. Научное наследие ученых СССР, Русского зарубежья и современной России: единое целое отечественной науки 310
Нурмагамбетова А.Г. Цифровая память, приватность и право на забвение: философский анализ 315
Пигарева А.В. Языковая картина мира как методологическая основа проектирования будущего России 318
Писачкин Д.В. Казачество как фактор консолидации многонационального российского народа в контексте национальной безопасности России 322
Понизовкина И.Ф. Когнитивные ловушки экспансии ИИ в образовательный процесс 326
Симонова М.М., Самассе Мамаду. Критика традиционной этики: от намерений к последствиям в эпоху технологической власти 329
Филатов Д.Л. Взаимодействие Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве современной России 332
Чемезов Н.А. Социальная технология и социальная практика: общее и особенное, критерий воспроизводимости 337
Шувалова М.В., Кафтан В.В. Философия Ю. Такера: «темные» теории медиакоммуникаций 340
Юдин Н.О. Культурные практики транснационального поля: философско-антропологический анализ ценностных систем современных корпораций 343

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Аршин К.В. Этнос как предмет социально-философского исследования 347
Ван Синь. Реконструкция ценностной системы современного китайского образования в контексте конфуцианской традиционной мысли 351
Ли Жун. Биологический детерминизм в произведениях П.Д. Боборыкина 355

Мамбетайса Мамбеттурган. Охрана и передача эпоса «Манас» в Синьцзяне Китая 359

Чупин Д.Д. Метод эссе в изучении веры в свободу воли: предварительный анализ 364

Шашкова А.А. Антропологическое значение «мимесиса» в работах Поля Рикера 368

Ши Вэньцзюнь. Расширение основного вопроса философии в теории сознания времени Бернара Стиглера 371

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Беломыцев А.А. Цифровой медиадискурс о религии как феномен культуры: тематическая структура и линии напряженности (на примере Свердловской области) 374

Кустов Д.С. Доктрина имамата в вероучении шиитов-имамитов 379

Нанда Марларланкара, Михайлова М.В. Практика сострадания (каруна) в буддизме: уровни вовлечённости и социальное значение 384

Сарсания Р. Диалог христианской и индийской философских традиций в литературе. Пути преодоления духовной гордыни у Л.Н. Толстого и Г. Гессе 386

Бужор Е.С., Базилико Э.А., Шарова М.А. О концепции несотворенной любви в христианстве 388

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Аристов А.Д., Жегодская К.А. Политические дипфейки: инструмент влияния на избирательные процессы анализ 2023–2025 гг. 392

Артемьев А.А., Урсул В.И., Ястребов А.П., Марченко А.О. Роль и место дата-центров в информационном обеспечении национальной безопасности России 396

Баранов А.А. Институциональные неопределённости регулирования труда иностранных студентов в России 399

Богданов И.Я. Проблемы неравенства в обществе с изменениями электоральных циклов 403

Бочанов М.А. Вычислительные мощности как стратегический ресурс: государственное участие в развитии ИИ-инфраструктуры 408

Возмитель И.А. Специфика электорального доверия: на примере выборов президента США в 2024 году 411

Графин А.Д. Методические подходы к оценке эффективности грантовых механизмов государственной политики патриотического воспитания: сравнительный анализ Cipp-Ahp-модели и contribution analysis на материалах проектной практики 415

Данилов В.Л., Горбунова К.А. Цифровизация религиозного пространства: трансформации коммуникативных практик 420

Жуков В.Н. Политика памяти в действии: образы прошлого в политическом пространстве России 423

Зайцев В.Ю. Исскуственный интеллект как инструмент манипуляции общественным сознанием 426

Зимовец Л.Г., Худайберганова М.Д. Интеллектуал как фигура политического риска: от критики власти к подрыву символического порядка в западноевропейской и российской традиции 430

Казарин Р.Ю. Избирательные реформы: теоретические и методологические проблемы изучения и стратегии преодоления 433

Зайцев В.Ю. Манипуляционное влияние средств массовой информации на политическое сознание населения 437

Ковальчук Н.В. Современная неолексикография в условиях цифровой трансформации: опыт Германии и России 441

Кореньков И.О. Концепция «острой силы» как инструмент информационной войны: формирование образа врага в западном научном дискурсе 445

Кугай А.И., Шахова К.А. Кодекс цифрового взаимодействия парламентария как инструмент укрепления легитимности региональной законодательной власти (на примере Санкт-Петербурга) 448

Ли Пэйнун. О дилеммах развития и будущих направлениях новой темы патриотического кино 453

Мамаева Ю.А., Ряпина В.М., Халиков Д.Р. Эволюция и особенности политики исторической памяти в Российской Федерации (1992–2025 гг.) 456

Морозова И.В. Влияние средств массовой информации на электоральное поведение граждан России в контексте манипулятивной теории электорального поведения 459

Мухаммад Шариф. Политика цифрового национализма: возвышение агентности женщин-белуджей в социально-политическом движении Белуджистана, Пакистан 462

Панов А.И. О некоторых методах воздействия на сознание молодежи по фальсификации Великой Отечественной войны 1941–1945 гг 466

Романов Ю.А. Политические партии России: ретроспективный анализ 469

Салимов Д.М. Легитимный порядок и сетевое противостояние радикализму: опыт постсоветского Казахстана 473

Сапожков Д.О. Российская специфика применения политических технологий в целях патриотической консолидации представителей поколения Z 478

Слепов А.П. Транспарентность публичной власти в условиях цифровизации и информационно-политических рисков: теоретико-методологический аспект 483

Строкова Т.А. Буллинг в политике как тактика политического поведения 487

Сяо Лэцзя, У Хуэйсинь. Теория интеграции традиционных китайских культурных ценностей и современного идеологического управления 490

Тюменцев А.Г. Методологические подходы к оценке эффективности политико-административной элиты в современной России: компетентностный ракурс 493

Фролов М.О. Философия современного суверенитета в эпоху глобализации 496

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Абрамов К.А. Доктрина Монро как структурная основа стратегии США в западном полушарии: от истоков к «поправке Трампа» 500

Асадов Э.Б. Факторы политизации Европейского зеленого курса: причины и перспективы 504

Багирова Р.А. Тайваньский Вопрос в Стратегических Документах КНР и США 509

Викторов А.А. Современные политические процессы в странах Западной Европы: тренды и трансформации 513

Го Аньбан. Влияние трампизма на геополитический порядок в Арктике 517

Григорьев И.Н. Франкофония как инструмент формирования культуры политической власти в постколониальных странах Северной Африки и Сахеля 521

Еременко О.С. СВО как фактор радикализации санкционной политики западных стран 525

Жуков А.В., Ковалев В.А. Трансформация представлений о военной безопасности в условиях гибридных войн с использованием средств цифровизации 530

Кожемяко П.А. Современные изменения в расстановке международных сил, трансформация систем глобальной и региональной безопасности 534

Ли Цзяси. Цифровые платформы трансграничной торговли как фактор углубления евразийской экономической интеграции: опыт КНР И ЕАЭС 537

Ло Сии. Гренландия как ключевой фактор баланса интересов арктических и неарктических государств в проекте Ледового шелкового пути 540

Лю Юань. От «помощи в обмен на поддержку» к «мягкой взаимосвязи правил» смена поколений в модели «мягкой силы» Китая в Северной Африке 545

Люй Вэньюй. Карта знаний исследований мягкой силы Китая (2016–2026): анализ на основе CiteSpace 549

Макашов А.И. Проблематика отношений Грузии и ЕС в первую декаду независимости. Зарождение планов европейской интеграции Грузии (1991–2003 гг.) 553

Петров А.А. Военно-политические кампании США в Афганистане и Ираке: от антитеррористической операции к трансформации режимов 557

Савосина Ю.В., Анисимов Р.С. Нелегальная миграция как фактор трансформации политического ландшафта Великобритании: стратегии пяти премьер-министров (2010–2024) 560

Саканян Н.С. Современный комплексный подход к типологизации форм международного терроризма 565

Галиуллина С.Д., Салахова А.Р. Исследование «цветочной дипломатии» в странах Азии и России: сравнительный анализ и перспективы развития 570

Усачева В.В., Пестерева А.В., Рождественская А.А. Новые лики глобального колониализма: цифровая зависимость и информационное доминирование 575

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Алборова М.Б., Хачатурова Р.С. Вклад научной дипломатии в укрепление международных технологических отношений 579

Карпухин М.М. Космос как «священная территория» и «ресурсная среда» в современной мировой политике 583

Павлова С.А., Павлов И.Е., Волкова А.В. Северный морской путь – перспективы развития нефтегазового международного сектора России 588

Попов В.С. Персонализированный уровень взаимодействия как механизм управления кризисами в российско-турецком многоплановом партнёрстве (2000-е – 2020-е гг.) 593

Пуабу Жилберт Наолиссиа Алдонов. Цифровая дипломатия России и Альянса государств сахеля: формирование общих нарративов 598

Рузанов М.Д., Хнорм =.(. Внешняя политика и приоритеты безопасности Греции в средиземноморье 602

Се Тяньюй. Цифровые платформы как новые транснациональные акторы в современной системе международных отношений 606

Сперкач А.И., Фролова И.А., Пожидаева Е.А., Томилина М.Д. Манипулятивные стратегии на выборах в США в XXI веке 610

Чжао Юйчжэ. Асимметрия взаимозависимости в двусторонних торговых отношениях Китая и России и ее политико-экономическое значение 615

Шипиков А.Н. От дипломатии к бизнесу: особенности российско-африканских отношений на современном этапе 618

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Берберова Л.Б. Традиционное и инновационное в современной балкарской свадьбе 622

Го Синьюй. Историописание и национальная идентичность: нарративная логика нового учебника истории для вузов России (взгляд китайского исследователя) 625

Ерохина О.В., Андрющенко О.И., Калтыгина К.С. Отношение студентов вуза к использованию технологий искусственного интеллекта для персонализированного обучения 629

Кравченко А.И. На углу городской улицы 632

Лю Лу. Исследование русских заимствованных слов в китайском языке 637

Мурзина Т.М. Мотивация на обучение английскому языку в неязыковом вузе: проектное обучение для социальных и жизненных навыков в контексте студентонаправленного подхода 641

Абрикосова Л.Д. Ценностно-репутационные риски и инструменты защиты смысловой рамки проектов партнерства государства и меценатов 643

Айдарбекова А.А. Влияние этнической и религиозной идентичности на радикализацию в Центральной Азии: сравнительный анализ Казахстана, Узбекистана И Кыргызстана 646

Булыгин А.В. Свобода и ответственность в условиях применения искусственного интеллекта 650

Дорондова В.В. Технологические уклады и режимы накопления капитала в трансформации образования 653

Дубовицкий Р.А., Захарова С.А., Василенко А.М. Экспертный анализ тональности повестки дня в современном российском медиапространстве 657

Климов Я.И. Анемойя и кризис идентичности в цифровой культуре: ностальгия по непрожитому как социально-философская проблема 661

Курюкин А.Н. Трансформации(я) идентичности россиян в социальных сетях: опыт социологического анализа 665

Климов Я.И. Цифровой двойник как постгуманистический феномен: проблема субъектности, согласия и авторства в эпоху генеративного кино 670

Мэн Шу, Ли Инцзюнь. Сопоставительное исследование человеческого и AI-перевода цветообозначений в сказке «Счастливый принц»: корпусный анализ на основе трехуровневой модели культурной нагруженности 674

Воробьева С.А., Попов Д.А., Сахарова Л.Г., Каспаров А.И. Подходы к освещению антисоветской интервенции периода Гражданской войны в практике преподавания истории России в высших учебных заведениях (непрофильные направления подготовки) 679

Саид Ари Шорш. Эволюция политической системы Ирака в 21 веке 682

Сорокина Д.Д., Милевская Ф.А. Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в условиях гибридных войн 685

Вахмистрова С.И., Тарасов А.С. Административный произвол в провинциальной России XIX века в произведениях русских писателей 689

Саматова К.Ф., Терешина Е.А. Российско-таджикское сотрудничество в гидроэнергетике как фактор энергетической безопасности Центральной Азии 692

Фокина Г.В. Актуальные проблемы применения технологий искусственного интеллекта в высшем образовании 697

Хань Емэй, Гун Лэй. Трансформация лингвистического измерения при переводе диалогической речи в русском переводе «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеева 700

Чэн Си, Ху Яньхуа. Исследование состояния технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы в эпоху искусственного интеллекта и факторов, влияющих на неё 704

Чэнь Цзюнью. Логика генезиса и практические пути концепции сообщества единой судьбы человечества в свете марксистской теории всемирной истории 709

Чэнь Чжундао. Конструкция то есть в Русском национальном корпусе 712

Шадиева О.П. Целостность личности в цифровую эпоху в оптике постнеклассической парадигмы 716

Шамшетдинов И.К. Влияние социально-экономических условий на репродуктивные практики молодых семей 720

Шестакова Т.А. Интеграция информационных технологий в процесс совершенствования скоростно-силовой подготовки любителей бега с различными вариантами сочетания модулей тренировочных средств 724

Юденкова О.В. Средства невербальной коммуникации как инструмент обучения иностранным языкам в инженерно-технических вузах 727

Яковлев А.Ю., Волох В.А. Государственно-конфессиональные отношения в Санкт-Петербурге 731

Янчевский Д.П., Комаров М.А., Мищенко Я.П. Сравнительный анализ психологических профилей политических лидеров в различных институциональных контекстах 734

Абдалсамад Абдалрахман А. Абдалсамад. От нефти к водороду: сотрудничество Саудовской Аравии и США в новом энергетическом секторе 738

Тюкалова Н.Е. Грамматическая асимметрия как переводческая стратегия: видо-временной континуум в художественном переводе с французского на русский 742

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Fokina G.V., Belozerova C.I. Development and testing of VR/AR-based immersive tours in the university museum-educational environment: results of a pilot project 9

Besedina K.Yu. Creativity as Leisure: Music Production in the Digital Age 13

Blinov V.V., Barbayanova V.E., Frolova D.A., Shpilkova M.I. Orthodoxy in the context of conservative values in modern Russia 17

Bondarenko N.I. Pedagogical comparative study of educational models in Latin American countries 23

Vasilieva V.O., Tsepanov L.A. Teaching reading in English classes for students of non-linguistic universities 26

Vlasenko Yu.I. Social barriers to interagency cooperation in providing assistance to families in difficult life situations 30

Galeeva E.V. Lingvodidactic aspects of foreign cadets' independent work organization at the initial stage of training at a Russian military university 34

Yepkhiev O.M., Moiseyev A.V. The Socio-Legal Architectonics of Human Well-Being in Modern Russia (Axiological Cross-Section): A Review and Analytical Study 37

Erzyleva I.A. Fertility incentive measures in 2026 42

Zaitsev O.N. Gamification as a Social Management Technology in the Educational Process within the System of Military-Patriotic Socialization of Civilian University Students 46

Kaminsky A.V. On the development and further improvement of distance learning and assessment forms in higher education 50

Kasyanova E.I., Vinogradova N.I. Analysis of the development of meaning in life as an acmeologically oriented process 54

Kim A.S., Ananicheva S.R. Social and Pedagogical Technologies for Early Warning of Interethnic Conflicts: A Sociological Analysis 57

Klimova O.M. Linguistic Semiotics of Digital Space: Toward a Multimodal Perspective 60

Kovalchuk N.V. Lexicographic approaches to studying the dynamics of neologisms in modern German: issues of fixation and functional variability 64

Kostiukovich E.Y. Psychological and social aspects of professional adaptation of young specialists in the conditions of digital transformation 67

Kuznetsov A.D. A sociological model of gamification of the social contract as a mechanism for reducing poverty 71

Li Mengting. Cyberethnography of a virtual community: an analysis of the Chinese platform DOUBAN 75

Mai Sudan. Thinking Patterns of Chinese Generation Z Youth and the Potential of Russian Literature in University Party Building 78

Martemyanov D.S. Representation of traditional spiritual and moral values in modern Russian cinema: barriers to perception and factors of commercial success 82

Mehdiyev Samir Mehdi Strategıc approaches and educatıonal programs of the natıonal antı-dopıng agencıes of Azerbaıjan and Russıa 86

Osipova I.A. The Impact of Generational Characteristics on English Language Teaching 90

Kocharyan Yu.G., Papov I.B. Influence of English proficiency and artificial intelligence on programming style and code readability 93

Pleshcheva T.N., Korneva M.I. Medical and hygienic assessment of public health risks in the context of technological transformation of the food industry 96

Plotnikov P.S. Algorithmic moderation of digital platforms as a factor in the transformation of citizen political participation in the digital state 100

Ponomareva O.V. From imitation to communication: linguodidactic potential of a film remake in the RFL classroom 104

Ryazanova T.A., Kreyk A.I. Features of adaptation and integration of migrants in modern society 107

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**
Publisher: **Knorus Publishing House LLC**

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022
Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:
Editor-in-Chief:
Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)
Executive Secretary:
Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow)**; **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich,** Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna,** Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich,** Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich,** Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich,** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2 Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.06.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Severilova P.V., Trokhimchuk E.A. Predictive intelligence and the «Algorithmic Human» ... 112

Sivertsev E.Yu. Searching for empirical patterns and the potential of artificial intelligence ... 118

Solodovnik E.V. Adult parentification: clinical markers and dynamics of psychological change ... 122

Telyakaeva A.F., Potapova A.N., Balysheva N.V. Ethical problems of integrating artificial intelligence systems into medical practice ... 127

Teneryadnova S. Developing students' information literacy through critical analysis ... 130

Tibeikin S.E. A Workplace Paradigm Shift: Intelligent Automation as a Challenge or an Opportunity? ... 133

Khatkhe A.A., Autleva F.A., Simbuletova R.K., Khachetsukova Z.K., Kalashaova A.A. Cultural globalization and its impact on intercultural communication: conceptual models ... 137

Huseynova A.A. Neurodiagnostics as a tool for assessing and developing competencies ... 141

Qi Ruofei, Guo Siwen. A Study on the Russian Translation of the Idea of Ecological Civilization and the Formation of Foreign Policy Discourse ... 144

Cherenkova S.V. Quasi-professional component in the system of forming motivation for learning a foreign language among students of non-linguistic specialties ... 149

Chen Chuan, Zhang Li. Research on the Transformation, Challenges, and Development Paths of the Interpreting Industry in the Era of Artificial Intelligence ... 153

Sharova M.A., Garaeva G.F., Buzhor E.S. Quasi-subject and hybrid cognition: a socio-philosophical analysis of artificial Intelligence ... 158

Shcherbakova I.V. The methodology of using mobile applications to study lexical units of a foreign language in higher education ... 161

Kulmametova E.Kh., Shayakhova E.F. Sociocultural Transformation in the Context of the Emergence of an Inclusive Society ... 164

Shumilkina O.G. Personality, intimate, and vulnerability in the digital environment ... 169

Shcherbakova I.V. The role and influence of Latin and Greek elements in the formation of the terminological base of science ... 172

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Deriugin P.P., Lebedintsev D.A. Extreme tourism in the concept of augmented modernity: new social determinants and hybrid practices ... 176

Veremchuk V.I., Krutilin D.S., Grigoriev N.Yu. Sociology of War: formation and development ... 179

Efimenko E.I. Academic staff performance evaluation systems in universities: advantages and problems of application ... 184

Zhulin A.G., Lenkov R.V., Loskutova I.M., Panich N.A., Tarchenko V.S. Extracurricular activities in the educational environment of a modern inclusive university ... 189

Ivanova Yu.O., Bronnikov L.V. Current aspects of the development of the eSports industry ... 192

Kalmykov N.N. Human-preserving digital social architecture: students' perceptions of the future of ai agents ... 196

Magomedova M.Z. The role of Muslim spiritual administrations in promoting civil FND patriotic values in the Russian Federation ... 201

Manaenkova A.S. Components of the model of modern digital urban space ... 205

Ivanova Ya.S. The long-term savings program as a tool for managing the savings behavior of the population: comparative analysis and development conditions ... 209

Markelov A.Yu., Moskalev E.P., Nozdrov A.A. Client-Centricity as a tool for increasing trust and meeting the expectations of economic agents: psychological aspects of socio-economic policy ... 214

Lapteva A.S., Mkrtumova I.V. Shaping Brand Image as a Social Institution: A Discursive Analysis of the Positioning of Commercial Organizations for Family Audiences in the Digital Environment ... 219

Orlova E.A. Civilizational challenges to preserving historical memory in Russia: a theoretical and methodological analysis ... 223

Perednya D.G. Quality of higher education through the prism of self-organization and leadership in student groups ... 228

Popova O.V., Vilskaya N.V. Institutional Transformation of Social Control Mechanisms in the Context of Digitalization and Formation of New Models of State-Society Interaction in Modern Russia ... 231

Savgacheva M.Yu. Impact of acne on quality of life, self-esteem, and social adaptation of patients: medico-social and economic aspects ... 235

Tizengauzen M.G. Institutionalization of Creative Industries in Russia: State Policy, Regional Gaps and Constraints ... 238

Tikhonov Yu.O. The role of developing countries in the international climate regime: challenges and opportunities under regime complexity ... 243

Turkmenov I.O. Theoretical problems of studying collective labor practices of Russian student youth in sociological science ... 248

Fedorov G.A. Social technologies for the development of professional identity of general education teaching staff: empirical substantiation of the potential for application ... 252

Kharichev A.D. The concept of political legitimacy: an evolution of theoretical approaches from legality to a multidimensional model ... 257

Chernykh N.S. Classical approaches to studying the value orientations of youth: comparative analysis and managerial limitations ... 262

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Bakeev A.V. Existential foundations of entrepreneurial activity ... 266

Barkova E.V. Ecomanagement in the development of the space of the ecophilosophical and economic worldview ... 270

Filyushkina D.V., Dagdaveryan S.R. Communication Processes in the Socio-Cultural Space: Integrative Model ... 274

Zakhovaeva A.G., Ursu A.V. Philosophy of childhood: from the fear of being to the era of mercy ... 278

Yilimire Yiliyasi, Li Xinran. Translation Methods for Culturally Marked Vocabulary in Light of Susan Bassnett's Cultural Theory of Translation: Based on A.S. Pushkin's "The Squire's Daughter" from The Tales of Belkin ... 282

Kozlyuk D.V. The social ideal as a criterion of the subject's activity efficiency in the contemporary world ... 286

Kudayarov A.M. Socio-philosophical analysis of video game commercialization: alienation, simulation, and the biopolitics of gaming capitalism ... 290

Kuzmenkova T.L. The ethics of artificial intelligence as a philosophical problem ... 293

Kurilov S.N. The problem of understanding in teacher-student Dialogue in Modern Higher education: from socio-philosophical analysis to practical application ... 296

Malysheva M.K. Mass and elite culture in the context of media convergence ... 300

Malyutina Y.G. The evolution of the concept of «tradition» in the history of culture ... 304

Naumov A.V. Philosophical aspects of the concepts of objective and subjective and their use in pedagogical practice of higher education ... 307

Naumova T.V. The scientific legacy of scientists from the USSR, the Russian emigration, and contemporary Russia: an indivisible whole of Russian science ... 310

Nurmagambetova A.G. Digital memory, privacy and the right to be forgotten: a philosophical analysis ... 315

Pigareva A.V. The linguistic picture of the world as a methodological basis for Russia's future design ... 318

Pisachkin D.V. The Cossacks as a factor of consolidation of the multinational Russian people in the context of Russia's national security ... 322

Ponizovkina I.F. Cognitive traps of ai expansion in the educational process ... 326

Simonova M.M., Samassé M. Critique of traditional ethics: from intentions to consequences in the age of technological power 329

Filatov D.L. Interaction of the Russian Orthodox Church and the Army in the Axiological Space of Modern Russia 332

Chemezov N.A. Social technology and social practice: common and distinctive features, the criterion of reproducibility 337

Shuvalova M.V., Kaftan V.V. The philosophy of E. Tucker: «Dark» theories of media communications 340

Yudin N.O. Cultural practices within the transnational field: philosophical-anthropological analysis of corporate value systems 343

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Arshin K.V. Ethnicity as a Subject of Social and Philosophical Research 347

Wang Xin. The Reconstruction of the Value System of Contemporary Chinese Education in Confucian Traditional Thought 351

Li Rong. Biological Determinism in the Works of P.D. Boborykin 355

Maimaitiaisha Maimaitituerhan. Protection and Transmission of the Epic Manas in Xinjiang, China 359

Chupin D.D. Essay method in studying beliefs in free will: a preliminary analysis 364

Shashkova A.A. The Anthropological Significance of «Mimesis» in the Works of Paul Ricoeur 368

Shi Wenjun. Expansion of the fundamental question of philosophy in bernard stiegler's theory of time consciousness 371

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Belomytsev A.A. Digital Media Discourse on Religion as a Cultural Phenomenon: Thematic Structure and Lines of Tension (the Case of Sverdlovsk Region) 374

Kustov D. Doctrine of imamate in the creed of the twelver Shiites 379

Nanda Marlarlankara, Mikhailova M.V. The practice of compassion (karuna) in buddhism: levels of engagement and social significance 384

Sarsaniya R. Dialogue between Christian and Indian Philosophical Traditions in Literature. Paths to Overcoming Spiritual Pride in Leo Tolstoy and Heinrich Hesse 386

Buzhor E.S., Basilicò E.A., Sharova M.A. On the concept of uncreated love in Christianity 388

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Aristov A.D., Zhegodskaya K.A. Political deepfakes: a tool for influencing electoral processes analysis 2023–2025 392

Artemyev A.A., Ursul V.I., Yastrebov A.P., Marchenko A.O. The role and place of data centers in information support of Russia's national security 396

Baranov A.A. Institutional uncertainties in regulating the labor of foreign students in Russia 399

Bogdanov I.Ya. Problems of inequality in society with changing electoral cycles 403

Bochanov M.A. Computing power as a strategic resource: state participation in the development of AI infrastructure 408

Vozmitel I.A. The features of electoral trust: an example of the US presidential election in 2024 411

Grafin A. Methodological approaches to assessing the effectiveness of grant mechanisms in state policy of patriotic education: a comparative analysis of the Cipp-Ahp model and contribution analysis based on project practice 415

Danilov V.L., Gorbunova K.A. Digitalization of religious space: transformations of communication practices 420

Zhukov V.N. Memory politics in action: images of the past in Russia's political space 423

Zaitsev V.Yu. Artificial intelligence as a tool for manipulating public consciousness 426

Zimovets L.G., Khudayberganova M.D. The intellectual as a figure of political risk: from criticism of power to undermining the symbolic order in western European and Russian tradition 430

Kazarin R.Yu. Electoral reforms: theoretical and methodological problems of studying and strategies for overcoming 433

Zaitsev V.Yu. Manipulative influence of the media on the political consciousness of the population 437

Kovalchuk N.V. Contemporary Neolexicography in the Context of Digital Transformation: The Experience of Germany and Russia 441

Korenkov I.O. The concept of «sharp power» as an instrument of information warfare: enemy image formation in western academic discourse 445

Kugay A.I., Shakhova K.A. The Code of Digital Interaction for Parliamentarians as a Tool for Strengthening the Legitimacy of Regional Legislative Authority (using St. Petersburg as an Example) 448

Li Peinong. On the dilemmas of development and future directions of the new theme of patriotic cinema 453

Mamaeva Yu.A., Ryapina V.M., Khalikov D.R. Evolution and features of historical memory policy in the Russian Federation (1992–2025) 456

Morozova I.V. The influence of mass media on the electoral behavior of Russian citizens in the context of the manipulative theory of electoral behavior 459

Muhammad Sharif. The politics of digital nationalism: the rise of Baloch women's agency in socio-political movement of Balochistan, Pakistan 462

Panov A.I. On some methods of influencing the consciousness of young people by falsifying the Great Patriotic War of 1941–1945 466

Romanov Yu.A. Political parties of Russia: retrospective analysis 469

Salimov D.M. Legitimate order and network opposition to radicalism: the experience of post-soviet Kazakhstan 473

Sapozhkov D.O. Russian specifics of the use of political technologies for the purpose of patriotic consolidation of representatives of generation Z 478

Slepov A.P. Transparency of public authority in the context of digitalization and information-political risks: a theoretical and methodological aspect 483

Strokova T.A. Bullying in Politics as a Tactic of Political Behavior 487

Xiao Lejia, Wu Huixin. Theory of integration of traditional Chinese cultural values and modern ideological management 490

Tyumentsev A.G. Methodological approaches to assessing the effectiveness of the political-administrative elite in contemporary Russia: a competency-based perspective 493

Frolov M.O. The Philosophy of Modern Sovereignty in the Age of Globalization 496

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Abramov K.A. The Monroe doctrine as a structural constant of U.S. strategy in the western hemisphere: from its origins to the «trump corollary» 500

Asadov E. Factors of the Politicization of the European Green Deal: causes and prospects 504

Bagirova R.A. The Taiwan Issue in the Strategic Documents of China and the United States 509

Viktorov A.A. Contemporary political processes in Western Europe: trends and transformations 513

Guo Anbang. Influrnce of trumpism on the geopolitical order in the arctic ... 517

Grigorev I.N., Francophonie as an instrument for shaping the culture of political power in the postcolonial countries of North Africa and the Sahel 521

Eremenko O.S. A special military operation as a factor in the radicalization of Western countries' sanctions policies 525

Zhukov A.V., Kovalev V.A. Transformation of concepts of military security in the context of hybrid wars using digitalization tools 530

Kozhemyako P.A. Current changes in the balance of international power, transformation of global and regional security systems 534

Li Jiaxi. Digital platforms of cross-border trade as a factor of deepening Eurasian economic integration: experience of China and EAEU .. 537

Luo Xiyi. Greenland as a key factor in the balance of interests between Arctic and non-Arctic states in the Ice Silk Road project 540

Liu Yuan. From «Aid for Support» to «Soft Rules-Based Interconnection»: A Generational Shift in China's Soft Power Model in North Africa 545

Lu Wenyu. A Knowledge Map of China's Soft Power Research (2016–2026): A CiteSpace-Based Analysis 549

Makashov A.I. Problems of relations between Georgia and the EU in the first decade of independence. The emergence of plans for Georgia's European integration (1991–2003) 553

Petrov A.A. US military and political campaigns in Afghanistan and Iraq: from anti-terrorist operations to regime transformation 557

Savosina Yu.V., Anisimov R.S. Illegal migration as a factor in the transformation of the United Kingdom's political landscape: strategies of five prime ministers (2010–2024) 560

Sakanyan N. A modern comprehensive approach to the typologization of forms of international terrorism 565

Galiullina S.D., Salakhova A.R. Research of «floral diplomacy» in Asian countries and Russia: comparative analysis and development prospects 570

Usacheva V.V., Pestereva A.V., Rozhdestvenskaya A.A. New faces of global colonialism: digital dependency and information dominance 575

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Alborova M.B., Khachaturova R.S. The Contribution of Science Diplomacy to Strengthening International Technological Relations 579

Karpukhin M.M. Outer space as «sacred territory» and «resource environment» in contemporary world politics 583

Pavlova S.A., Pavlov I.E., Volkova A.V. The North Sea route: prospects for the development of Russia's oil and gas international sector 588

Popov V.S. Personalized Interaction as a Crisis Management Mechanism in the Russian-Turkish Multifaceted Partnership (2000s-2020s) 593

Pouabou G.N.A. Digital diplomacy between Russia and the Sahel Alliance: shaping shared narratives 598

Ruzanov M.D. Foreign policy and security priorities of Greece in the mediterranean 602

Tianyu Xie. Digital Platforms as New Transnational Actors in the Contemporary System of International Relations 606

Sperkach A.I., Frolova I.A., Pozhidaeva E.A., Tomilina M.D. Manipulative strategies in U.S. elections in the 21st century 610

Zhao Yuzhe, Asymmetry of interdependence in China–Russia bilateral trade relations and its political-economic significance 615

Shipikov A.N. From Diplomacy to Business: Features of Russia–Africa Relations at the Present Stage 618

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Berberova L.B. Traditional and innovative in a modern Balkar wedding 622

Guo Xinyu. Historiography and National identity: the Narrative Logic of a new History textbook for Russian Universities (the view of a Chinese researcher) 625

Erokhina O.V., Andruchenko O.I., Kaltygina K.S. Students' attitudes toward using artificial intelligence technologies for personalized learning ... 629

Kravchenko A.I. On the Corner of a City Street 632

Liu Lu. Study of Russian loanwords in the Chinese language 637

Murzina T.M. Motivating non-linguistic students: project-based learning for developing social and life skills in context of student-friendly environment 641

Abrikosova L.D. Value-Reputational Risks and Instruments for Protecting the Narrative Framework of State–Philanthropist Partnership Projects 643

Aidarbekova A.A. The impact of ethnic and religious identity on radicalization in Central Asia: a comparative analysis of Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan 646

Bulygin A.V. Freedom and responsibility in the context of the application of artificial intelligence 650

Dorondova V.V. Dynamics of Capital Accumulation and Technological Paradigm Shifts as Factors of the Anthropological Transformation of Education 653

Dubovitskiy R.A., Zakharova S.A., Vasilenko A.M. Expert Tonality Analysis of Agenda in the Modern Russian Media Space 657

Klimov Ya.I. Anemoya and Identity Crisis in Digital Culture: Nostalgia for the Unlived as a Socio-Philosophical Problem 661

Kuryukin A.N. Transformation(s) of Russians' Identity in Social Networks: A Sociological Analysis 665

Klimov Ya.I. The Digital Double as a Posthumanist Phenomenon: The Problem of Subjectivity, Consent, and Authorship in the Age of Generative Cinema 670

Meng Shu, Li Yingjun. A Comparative Study of Human and AI Translation of Color Terms in The Happy Prince: A Corpus-Based Analysis Using a Three-Tier Cultural Loading Framework 674

Vorobyeva S.A., Popov D.A., Sakharova L.G., Kasparov A.I. Approaches to the coverage of the anti-Soviet intervention during the Civil War in the practice of teaching Russian history in higher education institutions (non-core areas of study) 679

Said Ari Shorsh. The Evolution of Iraq's Political System in the 21st Century 682

Sorokina D.D., Milevskaya F.A. Prospects for the use of artificial intelligence technology in hybrid warfare 685

Vakhmistrova S.I., Tarasov A.S. Administrative Arbitrariness in 19th Century Provincial Russia in the Works of Russian Writers 689

Samatova K.F., Tereshina E.A. Russian-Tajik cooperation in hydropower as a factor of energy security in Central Asia 692

Fokina G.V. Current issues in the application of artificial intelligence technologies in higher education 697

Han Yemei, Gong Lei. Transformation of the Linguistic Dimension in the Translation of Dialogic Speech in V.M. Alekseev's Russian Translation of Liao Zhai Zhi Yi 700

Cheng Xi, Hu Yanhua. A Study on the Current State of Technology Anxiety among Primary and Secondary School English Teachers in the Era of Artificial Intelligence and Its Influencing Factors 704

Chen Junyou. The logic of genesis and practical pathways of the community with a shared future for mankind concept in the light of the marxist theory of world history 709

Chen Zhongdao. The Construction to est' in the Russian National Corpus ... 712

Shadieva O.P. Personality in the digital age: post-non-classical paradigm .. 716

Shamshetdinov I.K. The impact of socio-economic conditions on the reproductive practices of young families 720

Shestakova T.A. Integration of information technology into the process of improving speed-strength training for recruiter runners with various combinations of training equipment modules 724

Yudenkova O.V. Nonverbal Communication Means as a Foreign Language Teaching Instrument at Universities of Technology 727

Yakovlev A.Y., Volokh V.A. State-confessional relations in St. Petersburg ... 731

Yanchevsky D.P., Komarov M.A., Mishchenko Ya.P. Comparative analysis of psychological profiles of political leaders in different institutional contexts 734

Abdalsamad Abdalrahman A. Abdalsamad. From oil to hydrogen: cooperation between Saudi Arabia and the United States in the new energy sector 738

Tyukalova N.E. Grammatical Asymmetry as a Translation Strategy: the Aspectual-Temporal Continuum in Literary Translation from French into Russian 742

Разработка и апробация иммерсивных экскурсий на основе VR/AR-технологий в музейно-образовательной среде университета

Фокина Галина Васильевна,
старший преподаватель ВШ ПРИ, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000128@pnu.edu.ru

Белозерова Светлана Ивановна,
к.т.н., доцент, каф. «Цифровые технологии и инженерная графика», Дальневосточный государственный университет путей сообщений
E-mail: si@list.ru

В статье представлены результаты разработки иммерсивных экскурсий, созданных на основе технологий виртуальной и дополненной реальности и их апробации в музейно-образовательной среде. Тема статьи является актуальной в связи с тем, что иммерсивные экскурсии являются перспективным направлением в сферах образования и туризма. Традиционные музейные экскурсии часто являются пассивными и малопривлекательными для молодежи, которую привлекают геймификация, интерактив и трехмерная визуализация. Цель данного исследования: представить результаты разработки четырёх иммерсивных экскурсий по разным музейным объектам и проанализировать технологические решения для их разработки. Были подробно рассмотрены и представлены фрагменты следующих экскурсий: «Виртуальный археологический музей», «MuseumeAR», «Профориентационный тур», «Экскурсия по лабораториям». Кроме того, в ходе исследования были проанализированы технологии создания экскурсий виртуальной и дополненной реальности и выявлены возможности, достоинства, недостатки и перспективы применения.

Ключевые слова: иммерсивные технологии, виртуальная реальность, дополненная реальность, виртуальные экскурсии, музеи, образование

Введение

Иммерсивные технологии являются современным и перспективным направлением в комплексе цифровых решений, позволяющих создать эффект присутствия и погружения в виртуальную, дополненную или смешанную реальность [1, 2, 3]. В отличие от традиционных презентаций или видеофильмов, иммерсивные подходы позволяют обучающемуся не только наблюдать, но и взаимодействовать с трёхмерной средой, изменять точку обзора и получать обратную связь. Данные технологии находят свое применение во многих сферах деятельности человека: в медицине, маркетинге, рекламе, образовании, искусстве, спорте, туризме [4, 5, 6]. Одним из перспективных направлений иммерсивных технологий является музейно-образовательная среда, в которой сочетаются археологические находки, произведения искусства, исторические документы и современные учебные лаборатории, оснащенные специальным оборудованием и станками[7, 8]. Однако, несмотря на рост интереса к VR и AR в образовании, остаётся недостаточно изученным вопрос о том, как именно адаптировать иммерсивные экскурсии к разным типам музеев и каким образом оценить их дидактическую эффективность по сравнению с традиционными форматами [9, 10, 11].

Актуальность данного исследования связана с развитием современных иммерсивных технологий и наличием проблемы традиционных музейных экскурсий, связанной с пассивностью и низким интересом со стороны пользователей, ожидающих геймификацию, трехмерную визуализацию экспонатов и интерактив.

Цель исследования

Представить результаты разработки и оценки эффективности четырёх типов иммерсивных экскурсий (VR/AR) по различным музейным объектам, созданным в университете.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализировать технологические решения и разработанные иммерсивные экскурсии.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования являются: научные публикации по вопросам применения иммерсивных технологий; созданные VR и AR экскурсии; технологические платформы для их разработки.

К методам исследования относится: анализ научно-методической литературы и существующего опыта применения AR/VR в музейно-образовательной среде.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе проведенного исследования технологий, применяемых для создания иммерсивных экскурсий, были выявлены основные программные продукты, их назначение в проектах, достоинства, недостатки и рекомендации по применению (Табл. 1).

Таблица 1. Анализ технологий для создания AR / VR экскурсий

Назначение в проекте	Возможности	Достоинства	Недостатки
Unreal Engine			
Создание VR-экскурсий (основной движок)	Микродетализация геометрии, динамическое освещение, визуальные эффекты	Фотореалистичная графика; высокая производительность; встроенная поддержка VR-шлемов (SteamVR, Oculus)	Требует мощного ПК для разработки; сложность освоения для новичков
Фотограмметрия			
Создание 3D-моделей реальных артефактов	Автоматическое построение полигональной модели из серии фото; расчет текстур высокого разрешения	Максимальная точность; реалистичные текстуры; высокая скорость создания модели	Требует фотографии высокого качества и специальное оборудование; могут появиться «шум» и артефакты требующие дальнейшей обработки

Окончание

Назначение в проекте	Возможности	Достоинства	Недостатки
Blender			
Создание и доработка 3D-моделей для иммерсивных экскурсий	Полигональное моделирование, скульптинг, ретопология, UV-развертка, визуализация, анимация, видеомонтаж	Бесплатно; большое количество аддонов; оптимизация под VR/AR; активное сообщество	Трудоемкость; требует художественных навыков; сложность изучения
Vuforia			
Движок распознавания для AR	Распознавание маркеров и объектов; отслеживание положения в пространстве	Кроссплатформенность; устойчивость к изменению масштаба; поддержка многопользовательских маркеров	Платная лицензия при превышении лимита распознаваний; сложная настройка продвинутых функций
Unity			
Хаб для сборки VR/AR приложений	Кроссплатформенная среда разработки в реальном времени, для создания 2D– и 3D-игр, а также интерактивных приложений, симуляций и визуализаций;	Кроссплатформенность; большое количество аддонов и документации, использования языка C#, быстрая сборка под iOS/Android; легкий вес финального приложения	Рендеринг менее фотореалистичен, чем в Unreal Engine; сложность с большими сценами

Unreal Engine прекрасно подходит для создания VR проектов, реконструкций с высоким уровнем детализации, помещений музеев, археологических зон.

Технология 3D-сканирования (фотограмметрия) ускорит процесс создания моделей и подходит для памятников, украшений, орудий, исторических находок, но ее необходимо комбинировать с ручной чисткой артефактов в Blender.

Blender рекомендуется использовать для создания трехмерных моделей окружения, чистки фотограмметрии, низко полигональных копий моделей под AR.

Vuforia идеально подходит для залов музея. Маркер или QR-код у витрины активирует модель артефакта или его видео поверх реального экспоната.

Unity рекомендуется применять для создания AR и VR частей проекта.

Рассмотрим несколько примеров из разработанных в университете иммерсивных экскурсий (Табл. 2).

Таблица 2. Созданные VR / AR экскурсии

Музей / пространство	Тип технологии	Название экскурсии	Основной контент
Музей археологии	VR	«Виртуальный археологический музей»	3D-реконструкция пещеры, здания музея и его залов с экспонатами.
Музей университета	AR	«MuseumeAR»	Оживающие изображения объектов, 3D-модели моста, вертолета, туннеля, автомобилей.
Виртуальная экскурсия для абитуриентов	VR	«Профориентационный тур»	3D-модели поезда, станции с которой начинается экскурсия, зала выбора направления обучения, цифровых информационных табло, залов с экспонатами, компьютерами и 3D оборудованием.
Лаборатории виртуальной, дополненной реальности и прототипирования	VR	«Экскурсия по лабораториям»	3D-модели помещений, мебели и оборудования. Пошаговая визуализация 3D-печати, гравирования и 3D-сканирования, виртуальные очки, перчатки, видеоролики по изучению технических устройств для работы с VR.

Виртуальная экскурсия по музею археологии г. Хабаровска начинается со входа в музей и позволяет осмотреть здание музея, посетить основные залы музея, увеличивать и изучать детали артефактов, взаимодействовать с 3D-экспонатами, просматривать информационные блоки, фотографии и видеоматериалы, которые помогут более наглядно представить каждый экспонат, а также исследовать уникальную интерактивную экспозицию «Лабиринты Подземья». На рис. 1 представлено отображение интерактива экспоната музея.

Рис. 1. Отображение интерактива в виртуальной экскурсии

Экскурсия «MuseumeAR» выполняется с помощью интерактивного мобильного приложения с использованием технологий дополненной реальности. При наведении камеры на маркеры появляются анимированные 3D-сцены:, движение автомобилей по туннелю и мосту, полет вертолета (рис. 2).

Рис. 2. Дополненная реальность с полетом вертолета

«Профориентационный тур» предназначен для абитуриентов, планирующих поступать в университет. После прибытия поезда (рис. 3) посетитель виртуальной экскурсии телепортируется к информационному стенду, на котором он может выбрать интересующее его направление и профиль, изучить требуемую для поступления информацию, а далее переместиться на выставку, которая позволяет ознакомиться со специальными профильными дисциплинами и работами студентов. В ходе экскурсии можно взаимодействовать с объектами (трехмерные модели, компьютеры, 3D-принтеры, чертежи), перемещаться по кабинетам. Цель создания данной экскурсии – привлечь потенциальных абитуриентов к поступлению в университет.

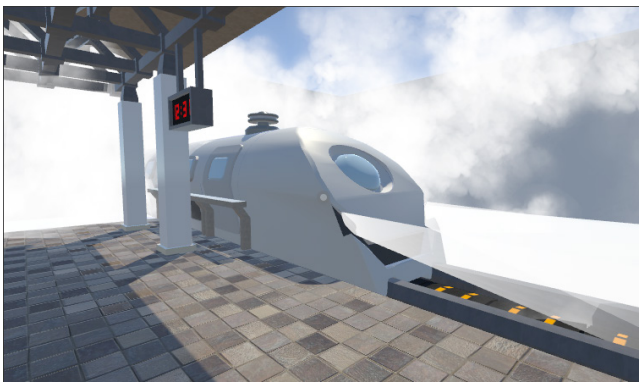


Рис. 3. Прибытие поезда для начала экскурсии

VR экскурсии по лабораториям университета предоставляют возможность ознакомления с лабораторией виртуальной и дополненной реальности, его основным оборудованием. В процессе экскурсии можно взаимодействовать с предметами (виртуальные очки, планшеты) и просматривать видеоролики по изучению VR оборудования (рис. 4).

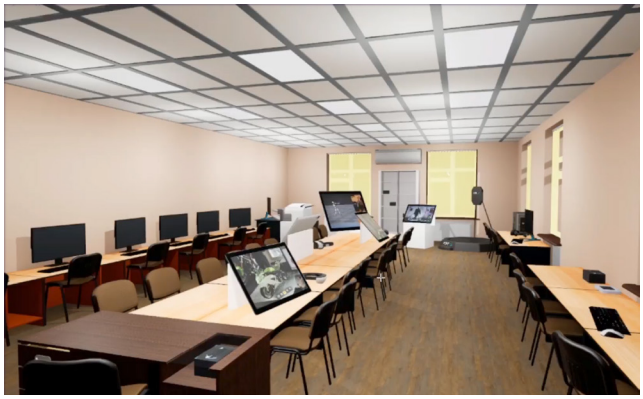


Рис. 4. Лаборатория виртуальной и дополненной реальности

Посещение кабинета прототипирования позволяет изучить работу специального оборудования для гравирования, 3D-сканирования и 3D-печати. Возможно взаимодействие с 3D принтером, лазерным гравером, 3D сканером и различными предметами. После запуска оборудования можно наблюдать процесс его работы. Демонстрация 3D-печати показана на рис. 5.

Рис. 5. Демонстрация 3D-печати

Выводы

Проведенный анализ показал, что экскурсии VR эффективнее для пространственных знаний («Виртуальный археологический музей», «Профориентационный тур», «Экскурсия по лабораториям»). Экскурсии AR наиболее эффективны при работе с реальными объектами (экскурсия «MuseumeAR»).

Тип контента не менее важен, чем сама технология и в области археологии, и в сфере образования наиболее предпочтителен VR, а для истории университета и ознакомления с музейными экспонатами университета можно эффективно применять AR.

Кроме того, необходимо помнить о том, что VR-шлемы вызывают усталость после 20 минут применения, AR на смартфонах разряжает батарею.

Применение иммерсивных технологий в музейно-образовательной среде не должно полностью заменять экскурсоводов или педагогов, а призвано дополнять и делать процесс изучения более интересным и качественным благодаря эмоциональной вовлеченности, интерактивности и применению современных технологий.

Иммерсивные экскурсии в музейно-образовательной среде университета являются перспективным направлением. Они привлекают внимание и способствуют цифровой трансформации высшего образования, а также реализации принципов наглядности и интерактивности, обеспечивая посетителям доступ к цифровым двойникам экспонатов музеев или производственного оборудования без риска повреждения оригиналов и возможностью повторного изучения в индивидуальном темпе.

Литература

1. Сафонов Е.И., Парунов Д.А., Синягин А.Д. Разработка тренажера виртуальной реальности замены обратного клапана на фонтанной арматуре // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 4 (63). С. 71–83; URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47385331 (дата обращения: 12.04.2026). EDN: ZSTEAN.

2. Ганиева Г.Р., Сон Л.П., Муллахметова А.Д. Цифровые технологии в образовании: повышение интереса и мотивации обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 88–3. С. 71–74.; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83992466 (дата обращения: 12.04.2026) EDN: KGVNDI.

3. Иванова С.В., Василевская Е.А., Мензул Е.В. Игровые решения в образовательном пространстве самарского государственного медицинского университета // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 1; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=32434 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32434.

4. Григорьев С.Г., Родионов М.А., Кочеткова О.А. Образовательные возможности технологий дополненной и виртуальной реальности // Информатика и образование. 2021. № 10 (329). С. 43–56; URL: https://doi.org/10.32517/0234–0453–2021–36–10–43–56 (дата обращения: 12.04.2026).

5. Блинов В.И., Сергеев И.С., Осадчева С.А. Преемственность в образовании: современные подходы // Профессиональное образование и рынок труда. 2025. № 1 (60). С. 6–21; URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-v-obrazovanii-sovremennye-podhody (дата обращения: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.5244/PORT.2025.60.1.001.

6. Собина Е.В., Данилова Н.В. Применение технологий виртуальной реальности для повышения мотивации в профессиональной деятельности // Техник транспорта: образование и практика. 2023. Т. 4. № 1. С. 26–31; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50459777 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: 10.46684/2687-1033.2023.1.26-31 EDN: TILIYC.

7. Горбунова Н.В. Применение технологий виртуальной реальности в контексте профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79–1. С. 131–134; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54066862 (дата обращения: 12.04.2026). EDN: RAXUEW.

8. Сигачев М.Ю. Междисциплинарная интеграция в условиях цифровой образовательной среды // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 2; URL: ttps://science-education.ru/ru/article/view?id=32505 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32505.

9. Леушканова О.Ю. Основные принципы организации виртуальной среды в непрерывном педагогическом образовании и их реализация // Вестник педагогических наук. 2025. № 8. С. 129–141; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83021645 (дата обращения: 12.04.2026). EDN: OOODGB

10. Глотова Я.А. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности в искусстве // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 3–4–1. С. 141–146; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54607240 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: 10.34670/AR.2023.78.21.018 EDN: LCNDIN.

11. Чередниченко Г.А. Инженерная подготовка в структуре высшей школы и профессионального выбора молодежи // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 89–99; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=74521009 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: 10.31857/S0132162524090082 EDN: ZDWFBF.

12. Корнилов Ю.В. Иммерсивное обучение: современные вызовы, модели и перспективы исследований // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89–4. С. 192–195; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88934228 47385331 (дата обращения: 12.04.2026). EDN: IMBOTB.

13. Стожко Д.К., Стожко К.П. Ролевые игры и иммерсивное обучение: проблемы современного вузовского образования // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2024. Т. 24. № 2 (66). С. 178–191; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=67901735 47385331 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: 10.15507/2078-9823.066.024.202402.178-191 EDN: SKZEYT.

14. Муравьева А.А., Олейникова О.Н. Иммерсивное обучение – технология будущего или временное увлечение? // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1 (156). С. 120–129; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50371355 47385331 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: 10.51379/KPJ.2023.158.1.012 EDN: QGMTSK.

15. Кочеткова О.А., Пудовкина Ю.Н., Гусева Е.В., Животкова Ю.В., Рыбалко М.А. Методика проведения курса внеурочной деятельности «AR/VR-технологии» в 8–9 классах // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 6–1; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=32125 (дата обращения: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32125.

DEVELOPMENT AND TESTING OF VR/AR-BASED IMMERSIVE TOURS IN THE UNIVERSITY MUSEUM-EDUCATIONAL ENVIRONMENT: RESULTS OF A PILOT PROJECT

Fokina G.V., Belozerova C.I.
Pacific State University, Far Eastern State Transport University

This article presents the results of developing immersive tours based on virtual and augmented reality technologies and their testing in museum and educational environments. The topic of the article is relevant due to the fact that immersive tours are a promising

area in the fields of education and tourism. Traditional museum tours are often passive and unappealing to young people, who are attracted by gamification, interactivity, and 3D visualization. The purpose of this study is to present the results of developing four immersive tours of different museum sites and analyze the technological solutions for their development. Excerpts from the following tours were examined in detail and presented: "Virtual Archaeological Museum," "MuseumeAR," "Career Guidance Tour," and "Laboratory Tour." Furthermore, the study analyzed the technologies for creating virtual and augmented reality tours and identified the capabilities, advantages, disadvantages, and application prospects.

Keywords: immersive technologies, virtual reality, augmented reality, virtual tours, museums, education

References

1. Safonov E.I., Parunov D.A., Sinyagin A.D. Development of a virtual reality simulator for replacing a check valve on a wellhead system // Bulletin of Yugra State University. 2021. No. 4 (63). Pp. 71–83; URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47385331 (accessed: 12.04.2026). EDN: ZSTEAN.

2. Ganieva G.R., Son L.P., Mullakhmetova A.D. Digital technologies in education: increasing the interest and motivation of students // Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 88–3. Pp. 71–74. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83992466 (accessed: 12.04.2026) EDN: KGVNDI.

3. Ivanova S.V., Vasilevskaya E.A., Menzul E.V. Gaming solutions in the educational space of Samara State Medical University // Modern problems of science and education. 2023. No. 1; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=32434 (accessed: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32434.

4. Grigoriev S.G., Rodionov M.A., Kochetkova O.A. Educational possibilities of augmented and virtual reality technologies // Computer Science and Education. 2021. No. 10 (329). P. 43–56; URL: https://doi.org/10.32517/0234–0453–2021–36–10–43–56 (date of access: 12.04.2026).

5. Blinov V.I., Sergeev I.S., Osadcheva S.A. Continuity in education: modern approaches // Professional education and the labor market. 2025. No. 1 (60). P. 6–21; URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preemstvennost-v-obrazovanii-sovremennye-podhody (date of access: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.5244/PORT.2025.60.1.001.

6. Sobina E.V., Danilova N.V. Application of virtual reality technologies to increase motivation in professional activity // Transport technician: education and practice. 2023. Vol. 4. No. 1. Pp. 26–31; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50459777 (date of access: 12.04.2026). DOI: 10.46684/2687-1033.2023.1.26-31 EDN: TILIYC.

7. Gorbunova N.V. Application of virtual reality technologies in the context of professional education // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 79–1. P. 131–134; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54066862 (date of access: 12.04.2026). EDN: RAXUEW.

8. Sigachev M. Yu. Interdisciplinary integration in the digital educational environment // Modern problems of science and education. 2023. No. 2; URL: ttps://science-education.ru/ru/article/view?id=32505 (date of access: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32505.

9. Leushkanova O. Yu. Basic principles of organizing the virtual environment in continuous pedagogical education and their implementation // Bulletin of pedagogical sciences. 2025. No. 8. P. 129–141; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=83021645 (accessed on 12.04.2026). EDN: OOODGB

10. Glotova Ya.A. Application of virtual and augmented reality technologies in art // Culture and Civilization. 2023. Vol. 13. No. 3–4–1. Pp. 141–146; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54607240 (accessed on 12.04.2026). DOI: 10.34670/AR.2023.78.21.018 EDN: LCNDIN.

11. Cherednichenko G.A. Engineering training in the structure of higher education and the professional choice of young people // Sociological research. 2024. No. 9. Pp. 89–99;

URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=74521009 (date of access: 12.04.2026). DOI: 10.31857/S0132162524090082 EDN: ZDWFBF.

12. Kornilov Yu.V. Immersive learning: modern challenges, models and research prospects // Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 89–4. Pp. 192–195; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=88934228 47385331 (date of access: 12.04.2026). EDN: IMBOTB.

13. Stozhko D.K., Stozhko K.P. Role-playing games and immersive learning: problems of modern university education // Humanitarian: current problems of humanitarian science and education. 2024. Vol. 24. No. 2 (66). Pp. 178–191; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=67901735 47385331 (date of access: 12.04.2026). DOI: 10.15507/2078-9823.066.024.202402.178-191 EDN: SKZEYT.

14. Muravyova A.A., Oleynikova O.N. Immersive learning – technology of the future or a temporary fad? // Kazan pedagogical journal. 2023. No. 1 (156). Pp. 120–129; URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50371355 47385331 (access date: 04/12/2026). DOI: 10.51379/KPJ.2023.158.1.012 EDN: QGMTSK.

15. Kochetkova O.A., Pudovkina Yu.N., Guseva E.V., Zhivotkova Yu.V., Rybalko M.A. Methodology for conducting a course of extracurricular activities "AR/VR technologies" in grades 8–9 // Modern problems of science and education. – 2022. – No. 6–1; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=32125 (accessed: 12.04.2026). DOI: https://doi.org/ 10.17513/spno.32125.

Авторское творчество как досуг: музыкальное производство в цифровую эпоху

Беседина Кристина Юрьевна,
аспирант, кафедра социологии культуры и коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: k.besedina28@mail.ru

Трансформация роли музыканта в эпоху цифровизации приводит к формированию новой структуры музыкального поля, которая состоит из ядра (профессионалов, трендсеттеров), полупериферии (любителей, которые предпринимают попытки монетизировать музыкальное творчество) и периферии (музыкантов, для которых музыка в первую очередь предстаёт не как коммерческий продукт, а как творческий). Грань между профессионалом и любителем перестаёт быть такой чёткой, а где-то даже стирается, ввиду схожести практик «ядра» и «периферии». Чёткое разделение становится теперь невозможным по ряду причин: музыкальное творчество и его монетизация стали доступнее из-за появления компьютерных технологий, специальных программ, искусственного интеллекта и демократизации в том числе образовательных процессов. Для подтверждения этой гипотезы было проведено эмпирическое исследование, результаты которого представлены в настоящей статье.

Ключевые слова: музыкальная индустрия, поле музыки, компьютерная музыка, искусственный интеллект, депрофессионализация.

Введение

В современной социокультурной ситуации музыка все больше выдвигается на первый план в структуре художественных предпочтений человека, обгоняя другие виды искусства по объему потребления и разнообразию форм воздействия.

Музыка будет играть все большую роль в художественной культуре, ибо дальнейшее возрастание роли в человеческой жизни науки, абстрактного мышления, познания законов бытия будет порождать все более острую потребность в уравновешивании рационального человеческого развития, активизацией его эмоциональной сферы, его духовных чувств, его способности не только мыслить, но и переживать.

Новые практики прослушивания музыки, её создания и распространения приводят к плюрализации режимов музыкального производства. Отличия в этих режимах позволяют нам по-новому разграничить любителя и профессионала и описать роль цифровых технологий в этом процессе.

Теоретико-методологические основания

Цифровизация радикально поменяла музыкальное пространство – появление специальных программ для записи и создания музыки снизило порог входа в музыкальную индустрию, а современные агрегаторы позволили уйти от строгих институционализированных процессов (рецензирования, продюсирования, согласования с лейблом и т.д.). Снижение барьеров входа привело к увеличению числа непрофессиональных музыкантов и, как следствие, к увеличению количества музыкальных продуктов разного качества. Широкая доступность генеративных инструментов искусственного интеллекта представляет собой фундаментальный парадокс: является ли всеобщий доступ к сложным творческим возможностям демократизацией культуры или ее окончательной девальвацией? С одной стороны, люди, не имеющие традиционного художественного образования, теперь могут создавать сложные изображения, увлекательные нарративы и комплексные музыкальные композиции. Это можно рассматривать как осуществление авангардной мечты об устранении различия между художником и зрителем, профессионалом и любителем. С другой стороны, эта же доступность вызывает опасения по поводу того, что можно назвать «творческой инфляцией»: когда каждый может создавать контент профессионального качества, теряет ли такой контент свою ценность?

Этот парадокс можно понять с помощью концепции «общей экономики» Жоржа Батая [3, с. 107–233], которая проводит различие между ограничительными экономиками, основанными на дефиците и консервации, и общими экономиками, характеризующимися избытком и расходами. Традиционный мир искусства функционировал как ограничительная экономика, где ценность определялась дефицитом – редким талантом, уникальным видением. Но влияние ИИ на творчество переводит нас в общую экономику изобилия.

Философская проблема уходит глубже, чем экономическая ценность, и затрагивает то, что Чарльз Тейлор [2] называет «этикой аутентичности». Аутентичное самовыражение было центральной ценностью современной культуры, но что происходит, когда это выражение опосредуется системами, обученными на компиляции творчества миллионов других людей? Мы сталкиваемся с «парадоксом вспомогательной аутентичности» – ИИ может помочь людям выражать себя, но одновременно унифицирует это выражение через статистические закономерности, заложенные в обучающих данных.

В этом контексте особое значение приобретает проблема авторства. Классическое понимание автора как уникального источника творческого замысла было поставлено под сомнение уже в постструктуралистской традиции, в частности в работе Ролана Барта «Смерть автора» [5] и в концепции Мишеля Фуко об авторской функции [7]. В этих подходах автор рассматривается не как индивидуальный гений, а как позиция в дискурсивном поле, связанная с определёнными социальными практиками, нормами и механизмами легитимации.

Цифровая среда и особенно инструменты, основанные на искусственном интеллекте, радикализируют этот тезис. Музыкальное произведение всё чаще становится результатом делегированного производства, включающего не только самого пользователя, но и разработчиков программного обеспечения, алгоритмы, обучающие выборки и платформенную инфраструктуру. В этом смысле авторство стано-

вится гибридным, а граница между «создателем» и «инструментом» размывается.

Однако важно различать два режима авторства. В профессиональном сегменте музыкальной индустрии авторство во многом сохраняет институциональный характер: оно закрепляется юридически (через авторские права), экономически (через роялти) и символически (через бренд артиста). Здесь автор выступает как производитель продукта, встроенный в рыночные и платформенные механизмы. В сфере же любительского и досугового творчества авторство носит преимущественно экспрессивный характер – связано не столько с признанием со стороны институций или рынка, сколько с процессом самовыражения.

Таким образом границы между профессионалом и любителем-музыкантом стали более размытыми. В цифровую эпоху происходит расслоение музыкального поля: профессиональное ядро ориентировано на производство коммерчески успешного продукта, тогда как периферия представлена непрофессиональными акторами, для которых музыка выступает одной из форм развивающего досуга.

Гипотеза исследования

Цифровизация не приводит к полной демократизации музыкального производства, а, напротив, формирует новую стратифицированную структуру музыкального поля. В её рамках можно выделить узкую профессиональную нишу музыкантов-трендсеттеров и любителей, для которых первичен не коммерческий интерес, а процесс самовыражения.

Методика исследования

Объект: музыканты, создающие музыку с использованием компьютерных технологий.

Предмет: трансформация музыкальной подготовки и практик освоения музыкального производства в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется таким аспектам, как изменение роли формального образования, значение наслушанности и неформального обучения, а также влияние цифровых платформ и искусственного интеллекта на структуру профессиональной деятельности.

Эмпирическая база исследования включает 10 глубинных биографических интервью, проведённых в 2023–2026 годах. Критериями отбора информантов стали:

- принадлежность к музыкальной индустрии (в качестве автора, исполнителя, звукорежиссёра, продюсера или диджея);
- самостоятельное использование цифровых технологий для создания и распространения музыки;
- ориентация на DIY-практики (самостоятельное производство, дистрибуция);
- возраст до 35 лет (активная фаза профессиональной и личностной самореализации).

Сбор данных методом глубинного биографического интервью позволяет увидеть социальные тенденции – упрощённый вход в музыкальную индустрию, появление «периферии» музыкального поля (полупрофессионалов, которые ещё не зарабатывают при помощи музыки, но предпринимают попытки монетизировать творчество), демократизацию процессов музыкального творчества. Тексты обработаны в программе ATLAS.ti 8.

Цитаты из интервью сопровождаются в данной статье кодом (например, *(1/25-И-м-24 г. – СПб)*, в котором первая цифра – порядковый номер интервью в базе данных, вторая (здесь 25) – год проведения интервью, тип документа (И – интервью, Б – блог, интернет-страничка), далее пол (м или ж), возраст (здесь 24 г.) и место проведения интервью (СПб – Санкт-Петербург, М–Москва и т.д.).

Разнообразие практик музыкального производства

Современный музыкант может подходить к процессу создания музыки разными способами: кто-то записывает «живой» звук – использует настоящие музыкальные инструменты во время записи, привлекает разных исполнителей (если не владеет необходимыми инструментами сам), выстраивает определённую логику процесса: формирование идеи, описание, поиск музыкантов, запись звука, сведение, мастеринг.

Очень важно собрать свою команду, у меня на это ушло несколько лет, но это очень важно. Важно, чтобы тебя слышали. И чем больше ты работаешь с человеком, тем больше вы понимаете друг друга, быстрее это происходит. Лучше иметь профессионала в своем деле, чем делать кое-как самому. Я для себя это так определил. (2/25-И-м-22 г.-Псков)

Обычно после происходит работа по продвижению готового трека, которая включает в себя создание обложки (найм фотографа), публикацию на музыкальных площадках при помощи дистрибьютора. В таком подходе уже можно отследить степень включения концепции DIYв практики музыканта – кто-то фотографирует или рисует обложки самостоятельно, сводит или записывает инструменты сам, продвигает «своими силами» в социальных сетях. Часто организационные и финансовые трудности кооперации в совокупности с техническими возможностями интеграции различных функций в одних руках толкают к автономным практикам.

Ты зависим от других людей, соответственно, тебе становится сложнее прогнозировать свой музыкальный путь, вообще музыкальный процесс. Например, по поводу записи, человек может это затянуть на неограниченное количество времени, ты зависим от него. Плюс, если выступления, ты тоже зависим от других людей…То есть появляется вот этот фактор зависимости от других людей. (1/25-И-ж-24 г.-СПб)

Другие могут пользоваться услугами продюсера и получать готовый продукт, над которым выполняется минимум самостоятельной работы (сейчас это полноценная услуга – профессионал как «исполнитель» придумывает идею трека, создаёт аранжировку, помогает в записи, создании обложки и публикации, а «заказчик» в свою очередь платит, чтобы делегировать работу, либо чтобы примерить на себя новую роль, роль «музыканта», что ярко демонстрирует, как музыкальная индустрия подвергается общему тренду на креативный консьюмеризм [4]).

На самом деле, это очень даже круто, когда у людей есть такая возможность не учиться, не получать образование. Хотя он, возможно, ничего не понимает в том, что он сделал, но он сделал то, что будет нравиться другим людям. Возможно, это будет вдохновлять на что-либо другое много людей. (6/25-И-м-30л.-Иркутск)

Музыкальная индустрия сейчас предлагает и упрощённые способы овладевания этими знаниями и навыками: это онлайн или оффлайн курсы, гайды (по написанию музыки, монтажу, мастерингу, продвижению и т.д.) или даже так называемый «коучинг», где влиятельный (уже успешный в той или иной мере) наставник проводит с клиентом индивидуальное обучение, подстраиваясь под специфичные запросы.

Самообразование всегда лучше, если человек может позволить себе вольность в чем-то настолько объёмном разгрестись. Мозги у всех разные, ситуации у всех разные. И запас концентрации, энергозапас, предрасположенность, и количество свободного времени, желание – да, всё это может стать какими-то ограничениями. Ну а в чём тогда интерес, если человек не трогает что-то сам? (4/25-И-м-21 г.-Новосибирск)

Невысокий порог входа также подразумевает отсутствие «рецензентов» – музыка публикуется на всех цифровых площадках с упрощенной модерацией, иногда и вовсе без неё. Агрегаторы за определённую сумму предлагают услуги дистрибуции даже музыки низкого качества/содержащей нецензурную лексику или важные заимствования (трек может быть очень похож на популярный, или вообще написан под «тайп-бит» – музыкальное произведение, находящееся в открытом доступе, авторскими правами к которому обладает битмейкер; такая музыка продаётся желающим, то есть возможен выкуп авторских прав с заключением договора, но при этом может свободно использоваться для некоммерческих целей, чем могут пренебрегать недобросовестные артисты).

Все эти новые способы овладевания особыми знаниями, конечно, подразумевают меньшие временные затраты, но никак не гарантируют результат. Некоторые обучающие весьма далеки от академического знания и предлагают свои «образовательные продукты» не совсем высокого качества. Само наличие подобных курсов становится современной тенденцией и тоже порождает новые социальные практики – самообразование выходит на первый план, необходимость в классическом академическом обучении становится всё меньше.

В музыкальную школу я ходил на класс гитары, но ничего не хотел, не запоминал, мне было очень неинтересно. Поэтому только самообразование. Самообразование мне помогло и вытащило. И, конечно, в осознанном возрасте музыкальная школа, наверное, мне бы помогла, но лучше самообразование, потому что в музшколе всё очень растянуто, устаревшая штука какая-то. С педагогом каким-нибудь можно, но тоже очень сомнительно. (2/25-И-м-22 г.-Псков)

Так, есть музыканты, для которых важны академические знания и их последующее применение в процессе производства музыки, но также значимую долю респондентов составили те, для кого самообразование и полное самостоятельное производство кажется более эффективным.

Разделение поля музыки

Под влиянием распространения нейросетей и постоянной модернизации процессов создания музыки, происходит ключевой сдвиг – практические знания (продакшн) становятся более ценными, чем теоретические. Формируется новая структура поля музыки:

1. Ядро профессионалов.

Это так называемые «трендсеттеры», которые задают основную волну, формируют популярность жанра и зарабатывают созданием (и распространением) музыки. Профессионалов отличает прагматичный подход – музыка становится в первую очередь продуктом (в логике индустрии), который нужно продать, что становится катализатором возникновения схожих произведений. Появляется даже так называемая «формула хита» [1] – прямая инструкция, как создать популярный трек, который потенциально может набрать большое число прослушиваний.

Сложно универсально ответить, из чего для каждого составлена эта музыкальная ценность, но цифровые технологии эту ценность, на мой взгляд, снижают. Во-первых, различные плагины и эмуляторы по сути дают тебе некоторые записанные срезы, «снимки» музыки, лишь отдельные мгновения. Нейросети так же работают с этими усредненными срезами. В музыке очень много дает как раз движение между этими мгновениями, и так мы оказываемся очень ограничены в этом, когда записываем не живые инструменты. Мы получаем не непрерывную гармоничную волну, а грубый конструктор с весьма ограниченным набором деталей. (8/26-И-м-24 г.-СПб)

2. Полупериферия любителей.

В полупериферии находятся те, кто только пытается монетизировать свои навыки и продукт. Обычно в таком случае для музыканта сонграйтинг становится формой развивающего досуга, а треки создаются шаблонно, по правилам какого-то жанра, т.к. одной из целей (помимо самореализации) здесь преследуется именно заработок. Такие музыканты также могут делегировать создание профессионалам, но чаще происходит использование бесплатных ресурсов (нейросетей, VST-инструментов, «лупов» или тайп-битов).

Популярная текстоцентричная рок, поп или рэп музыка обычно не отличалась и не отличается сложными инструменталами, и это не то, на что обычно в ней обращают такое уж большое внимание. Тут действительно активно используют и VST, и нейросети, и это может значительно упрощать создание такой музыки. Но, справедливости ради, она и раньше не требовала обучения в консерватории, а 4 квинта на гитаре каждый более-менее мог сыграть. (8/26-И-м-24 г.-СПб)

3. Периферия любителей.

В полупериферии находятся те музыканты, для которых музыка не является источником дохода, а главной целью создания музыки становится именно самореализация и творческое самовыражение. Именно в периферии происходят самые смелые музыкальные эксперименты, ведь музыка выступает не как продукт, а произведение искусства. Здесь рождаются необычные жанры (или происходит их смешение) и проходят апробацию нестандартные способы продакшна – звуки не всегда генерируются, а могут быть «сняты» с живых источников (саунд-дизайн).

Даже не умея играть ни на одном инструменте, ты можешь набрать в секвенсорах музыкальные партии, создать из них трек. … Зачастую это может дать неожиданные результаты, особенно, когда есть желание, но нет опыта и понимания того, как работает гармония, как работает психоакустика и т.д. В этом есть свой особенный шарм. Отличаться радикально такая музыка не будет, потому что всё уже придумано до нас, но может звучать и ощущаться свежо, необычно, экспериментально. (3/25-И-м-34 г.-Мостовской)

Подобные практики стирают необходимость в формировании «личного бренда» музыканта, на первый план выходит конечный продукт – музыка. Артист может не публиковать свои фотографии, не афишировать личную жизнь, а его аудитория не будет знать ничего о возрасте, географическом положении и внешних данных создателя любимых песен. Это лишает предвзятости, но и одновременно становится неочевидным минусом для репутации – узнаваемость музыканта-инкогнито гораздо ниже, чем того, кто открыто делится индивидуальными фактами о своей личности. При этом наличие псевдонима не равно анонимности – никнейм даёт музыканту узнаваемость, хоть эта узнаваемость и может быть направлена на несуществующего персонажа.

Заключение

Анализ разнообразия практик музыкального производства в цифровую эпоху показывает, что процесс создания музыки становится множественным, гибридным и вариативным. Постепенно снижается институциональная однородность этих процессов – современные музыканты выбирают между кооперативной моделью (с участием команды специалистов) и автономной (DIY), в которой один человек совмещает функции композитора, исполнителя, продюсера и дистрибьютора. При этом выбор в пользу автономии часто обусловлен не только идеями о самостоятельности, но и прагматическими факторами – зависимость от других участников процесса и финансовые ограничения обычно упоминаются в негативном ключе. К автономии подталкивает и доступность цифровых инструментов, и развитие искусственного интеллекта.

Распространение образовательных платформ, курсов и неформальных практик обучения приводит к трансформации механизмов освоения музыкальной деятельности. Самообразование становится доминирующей стратегией, вытесняя традиционное академическое образование или снижая его значимость. При этом новые формы обучения носят фрагментарный и прикладной характер, ориентированный на быстрый результат, что отражает общий сдвиг от фундаментальных знаний к практическим навыкам. Однако доступность обучения не гарантирует качества, а сама образовательная сфера становится частью креативной индустрии, отражающей тренд на креативный консьюмеризм, где стандартизированные решения (прямые и упрощенные руководства по созданию трека) снижают порог вхождения.

Снижение барьеров входа и упрощение дистрибуции ведут к росту объёма музыкального контента и одновременному снижению институционального контроля за его качеством. Отсутствие механизмов экспертной оценки и рецензирования способствует распространению заимствований, шаблонных решений и полуавтоматизированного производства музыки. В этих условиях усиливается роль цифровых платформ, которые определяют видимость (популярность) и доступность музыкального продукта.

В результате этих процессов формируется стратифицированная структура музыкального поля, включающая три уровня: профессиональное ядро, полупериферию и периферию. Профессиональное ядро представлено музыкантами, ориентированными на рынок. Их деятельность характеризуется прагматическим подходом к музыке как продукту, а также использованием стандартизированных решений. Это приводит к определённой унификации музыкального контента (профессиональное ядро «задаёт тон») и воспроизводству успешных моделей.

Полупериферия объединяет акторов, находящихся в процессе перехода к профессионализации. Для них музыкальная деятельность сочетает в себе элементы досуга и попытки монетизации. Их практики характеризуются использованием доступных цифровых ресурсов (VST-инструментов, лупов, нейросетей), а также ориентацией на жанровые шаблоны. В этом сегменте заметна тенденция к упрощению творческого процесса за счёт автоматизации.

Периферия представлена музыкантами, для которых музыка является формой самовыражения и развивающего досуга. Здесь отсутствует жёсткая ориентация на рынок и допускается значительная свобода в выборе средств и форм. Именно в этом сегменте концентрируются экспериментальные практики, межжанровые пересечения и альтернативные подходы к звуку. Музыкальное производство в данном случае выступает не как средство получения дохода, а как способ реализации творческого потенциала и конструирования идентичности.

Таким образом, цифровизация не только расширяет доступ к музыкальному производству, но и приводит к его внутренней дифференциации. Музыка одновременно существует в двух логиках: как стандартизированный продукт, ориентированный на массовое потребление, и как форма индивидуального творческого высказывания, реализуемая в рамках досуговых практик. Это подтверждает гипотезу о расслоении музыкального поля и позволяет рассматривать современное авторское творчество прежде всего как форму повседневной досуговой и культурной активности, а не исключительно профессиональной деятельности.

Философская задача, стоящая перед нами, заключается не в том, чтобы разрешить противоречия между человеческим и машинным творчеством, между аутентичностью и симуляцией, между демократическим доступом и культурной ценностью. Скорее, она заключается в разработке концептуальных рамок, достаточно тонких, чтобы удержать эти противоречия в продуктивном диалоге. Нам нужно то, что Ричард Рорти назвал «переописанием» – новый словарный запас, способный запечатлеть новые формы опыта и творчества, возникающие в результате сотрудничества человека и компьютера [6]. Стоя на этом пороге, мы можем вспомнить наблюдение Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия» [8, с. 192–220]. Если это так, то в настоящее время мы участвуем в огромном архитектурном проекте, строя новые комнаты в этом доме – пространства, где человеческий и искусственный интеллект могут сосуществовать, общаться и совместно творить. Формы, которые примут эти пространства, значения, которые возникнут в них, и формы жизни, которые они позволят создать, остаются радикально открытыми. Одно можно сказать наверняка: творческое создание смысла в будущем не будет ни чисто человеческим, ни чисто искусственным, а будет чем-то беспрецедентным: совместной формой культурного производства, которая бросает вызов нашим самым фундаментальным представлениям о творчестве, сознании и том, что значит быть человеком в мире, превосходящем человеческое.

Литература

1. Gupta R. Finding the formula for a hit: analyzing music data // IOSR Journal of Mathematics. – 2026. – Vol. 22, № 1. – P. 1–9.

2. Taylor Ch. The ethics of authenticity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 150 p.

3. Батай Ж. Проклятая часть: опыт общей экономии / пер. с фр. А.В. Соловьева // Батай Ж. Проклятая часть. – М.: Ладомир, 2006. – С. 107–233.

4. Ильин В.И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-konsyumerizm-kak-trend-sovremennogo-obschestva-potrebleniya (дата обращения: 08.11.2025).

5. Барт Р. Смерть автора [Электронный ресурс]. – URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

6. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 282 с.

7. Фуко М. Что такое автор [Электронный ресурс]. – URL: https://prepod.nspu.ru/pluginfile.php/383075/mod_resource/content/2/Mishel_Fuko_Chto_takoe_avtor.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 192–220.

CREATIVITY AS LEISURE: MUSIC PRODUCTION IN THE DIGITAL AGE

Besedina K.Yu.
Saint Petersburg State University

The transformation of the role of a musician in the era of digitalization leads to the formation of a new structure of the musical field, which consists of a core (professionals, trendsetters), a semi-periphery (amateurs who attempt to monetize musical creativity) and a periphery (musicians for whom music primarily appears not as a commercial product, but as a creative one). The line between a professional and an amateur ceases to be so clear, and in some places it even gets blurred, due to the similarity of the practices of the "core" and "periphery". A clear separation is now becoming impossible for a number of reasons: musical creativity and its monetization have become more accessible due to the advent of computer technology, special programs, artificial intelligence, and the democratization of educational processes, among others. To confirm this hypothesis, an empirical study was conducted, the results of which are presented in this article.

Keywords: music industry, music field, computer music, artificial intelligence, deprofessionalization.

References

1. Gupta R. Finding the Formula for a Hit: Analyzing Music Data // IOSR Journal of Mathematics. – 2026. – Vol. 22, No. 1. – P. 1–9.

2. Taylor Ch. The Ethics of Authenticity. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. – 150 p.

3. Bataille G. The Accursed Share: An Essay on General Economy / trans. from French by A.V. Solovyov // Bataille G. The Accursed Share. – Moscow: Ladomir, 2006. – P. 107–233.

4. Ilyin V.I. Creative Consumerism as a Trend of Modern Consumer Society // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2011. – No. 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-konsyumerizm-kak-trend-sovremennogo-obschestva-potrebleniya (accessed: 08.11.2025).

5. Barthes R. The Death of the Author [Electronic resource]. – URL: https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/bart-smert-avtora.pdf (accessed: 08.11.2025).

6. Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity / trans. from English by I.V. Khestanova, R.Z. Khestanov. – Moscow: Russian Phenomenological Society, 1996. – 282 p.

7. Foucault M. What Is an Author? [Electronic resource]. – URL: https://prepod.nspu.ru/pluginfile.php/383075/mod_resource/content/2/Mishel_Fuko_Chto_takoe_avtor.pdf (accessed: 08.11.2025).

8. Heidegger M. Letter on Humanism // Heidegger M. Time and Being: Essays and Lectures / comp. and trans. from German by V.V. Bibikhin. – Moscow: Respublika, 1993. – P. 192–220.

Православие в контексте консервативных ценностей современной России

Блинов Владимир Владимирович,
кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vvblinov@fa.ru

Барбаянова Валерия Евгеньевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Фролова Дарья Александровна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Шпилькова Марина Игоревна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В статье рассматривается распространение отношения к православию современных граждан России наряду с духовно-нравственными ценностями. Для анализа используются актуальные результаты социологических исследований ведущих исследовательских компаний. Самоидентификация как православных, участие в религиозных таинствах и отношение, в связи с этим к политическим ценностям сопоставляются с социально-демографическими характеристиками опрошенных. Анализ обнаруженных тенденций интерпретируется, с одной стороны, как выражение традиционных качеств российского общества, с другой, в связи с происходящими в стране изменениями в настоящий момент.

Ключевые слова: православие, традиционные ценности, консервативные ценности, российское общество, сравнительный анализ поколений.

Православие веками формировало национальную идентичность русского человека и продолжает оказывать влияние в наши дни. В российском обществе оно выступает важным фактором, формирующим мировоззрение, и частью исторической национальной традиции. Как справедливо замечал один из философов, душа русского народа была сформирована православной церковью, получив чисто религиозную формацию [1].

По данным ВЦИОМа 2023 года 57% россиян считали себя православными [2]. Однако, если посмотреть на некоторые критерии приверженности религии, количество резко снижается. Например, посещаемость храмов как основной критерий воцерковленности показывает, что только 13% опрошенных делают это раз в месяц и чаще. Если же рассматривать такой фактор, как частота причащения, который для истинно верующих людей является основополагающим, то окажется, что только 3–4% причащаются на постоянной основе, в то время как 34% не имеют подобного опыта [3].

Разумеется, существуют и другие факторы степени религиозности, например чтение молитв и Евангелия, ношение религиозных символов, соблюдение постов, но два вышеупомянутых фактора являются основными, и судя по ним, можно увидеть достаточно большой разрыв между называющими себя православными и являющимися таковыми в реальности. Однако, это совершенно не говорит о том, что религия не влияет на ценности в наши дни. У многих людей, живущих в России, можно встретить убеждения, пришедшие из православия, однако сейчас они могут не ассоциировать подобные установки с ним напрямую. Также существует группа людей, называющих себя православными, но при этом отмечающих, что они не верят в Бога. В 2023 году эта группа составила 11% опрошенных. Священники утверждают, что практикующих верующих, которые в полной мере выполняют требования и ритуалы своей религии, в нашей стране не больше двух процентов [4].

В ходе работы было проанализировано мониторинговое исследование на данную тему, датируемое 9 июня 2025 года [5]. Согласно результатам, большая часть россиян является христианами (67%), при этом на втором месте по популярности ответ «не считаю себя верующим, атеизм». Вторая по распространенности религия – Ислам, которая значительно отстает от первого ответа (7%). Также особо заметна тенденция к тому, что женщины значительно больше считают себя верующими в сравнении с мужчинами (73% против 59% среди православных, 8% против 15% среди атеистов). В исламе наблюдается обратная закономерность – пусть и небольшим отличием, больше верующих мужчин, чем женщин (9% против 5%).

В различных возрастных категориях россиян разнится и мнение в вопросе, насколько религия помогает им в повседневной жизни. Наиболее сильно поддержку ощущают люди в возрасте от 41 до 60 лет, небольшая разница с категорией 61–95 лет. Больше всего помощь религии в жизни не замечает молодежь в возрасте 18–24 лет. В целом, среди возрастов, в особенности в ответе «такие случаи бывают», значительная разница не замечена (табл. 1) [5].

Как показывают следующие данные (табл. 2) [5], существует взаимосвязь выбора религии и мнения человека о ее помощи в повседневной жизни. Более половины респондентов, верой которых является ислам (58%) или протестантизм (52%), ответили, что в обыденности она помогает им постоянно, среди православных наиболее распространенный ответ – «такие случаи бывают» (46%).

Сам по себе вариант последний упомянутый вариант является самым распространенным среди верующих россиян (37%). Превалирующим среди атеистов ответом является мнение, что религия не помогает им в повседневной жизни (91%). Среди представителей различных конфессий, католики и иудеи – лидеры в мнении, что поддержка веры ими не ощущается (58% и 57%).

Следующая таблица 3 [5] представляет мнение о том, чем в первую очередь для людей различных полов и возрастов является религия. Согласно результатам, можно сделать следующие выводы: самые распространенные среди всех опрошенных ответы – «национальная традиция, вера предков» и «следование моральным и нравственным нормам»; также заметно, что женщины являются более верующими, чем мужчины, что проявляется в разнице выбора ответа «личное спасение, общение с Богом», в том числе среди различных возрастных

категорий (например, 41% и 23% среди представителей возраста 41–60 лет); молодежь в возрасте 18–24 лет чаще всего ассоциирует для себя религию с частью мировой культуры и истории (47%); больше всех веру относили к предрассудку люди от 18 до 24 лет (17% среди юношей и 8% среди девушек).

Таблица 1

		(тех) SEX. Зафиксируйте пол респондента, НЕ ЗАДАВАЯ ВОПРОС:		Все
		мужской	женский	все
		% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу
rel1. Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?	Православия	59	73	67
	Ислама	9	5	7
	Католицизма	1	0	0
	Иудаизма	0	0	0
	Буддизма	1	1	1
	Протестантизма (пятидесятничества, адвентизма, лютеранства, союза евангельских христиан-баптистов и другое)	1	1	1
	Являюсь верующим, но какой-либо конкретной конфессии не принадлежу	3	3	3
	Не считаю себя верующим/атеизм	15	8	11
	Колеблюсь между верой и неверием	4	4	4
	Другое (впишите)	6	3	4
	Затрудняюсь ответить	2	1	2
	(НЕ ЗАЧИТЫВАТЬ!!!) Респондент отказался продолжать интервью. Отметить, только при явно выраженном отказе; не отмечать…	0	0	0

Таблица 2.

		Православия	Ислама	Католицизма	Иудаизма	Буддизма
		% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу
Rel5. Скажите, в повседневной жизни Вам религия помогает или нет?	Помогает постоянно	27	58	14	16	28
	Такие случаи бывают	46	26	20	28	37
	Не припоминаю таких случаев	22	14	58	57	35
	Затрудняюсь ответить	4	3	9	0	0
	(НЕ ЗАЧИТЫВАТЬ!!!) Респондент отказался продолжать интервью. Отметить, только при явно выраженном отказе; не отмечать…	0	0	0	0	0

Рассматривая вопрос в рамках ответов представителей различных организации, в которых они работают, получились интересные результаты [5]. Среди опрошенных, люди из коммерческих учреждений чаще отвечали, что религия для них является предрассудком, однако этот ответ все равно непопулярен (8%). Представители правоохранительных органов, вооруженных сил и МЧС дали ответ «Личное спасение, общение с Богом» как самый распространённый (37%). Среди работающих в бюджетных организациях, так же, как и в структурах власти и управления, самыми популярными стали версии: «Национальная традиция, вера предков» и «Следование моральным и нравственным нормам».

Таблица 3.

		18–25			26–40		
		(тех) SEX. Зафиксируйте пол респондента, НЕ ЗАДАВАЯ ВОПРОС:		Все	(тех) SEX. Зафиксируйте пол респондента, НЕ ЗАДАВАЯ ВОПРОС:		Все
		мужской	женский	все	мужской	женский	все
		% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу
Rel4. Лично для Вас религия, в первую очередь, это…? Выберите из шести вариантов два самые важные или дайте собственный ответ.	Соблюдение всех религиозных обрядов, участие в церковной жизни	2	3	3	4	8	6
	Национальная традиция, вера предков	31	35	33	35	36	36
	Личное спасение, общение с Богом	12	23	18	24	40	32
	Часть мировой культуры и истории	44	49	47	24	30	27
	Следование моральным и нравственным нормам	24	36	30	35	37	35
	Предрассудок	17	8	12	6	4	5
	Другое (запишите, что именно)	7	2	4	10	5	8

В вопросах о том, чем для людей является религия и помогает ли она в повседневной жизни, можно найти определенные закономерности: среди тех, кто верит в ее содействие на постоянной основе, лидирующий ответ – «личное спасение, общение с Богом» (39%); те, кто не помнит, что бы религия была для него полезна в повседневной жизни, больше всего тех, кто считает ее предрассудком (9%), а самым распространенным ответом стал «часть мировой культуры и истории» (30%); среди ответивших «такие случаи бывают», то есть помощь веры в жизни периодически ощущается, с небольшой разницей были выбраны варианты «личное спасение, общение с Богом» (22%) и «национальная традиция, вера предков» (26%).

Как показывают результаты данного исследования, существуют различия людей различных полов и возрастов в вопросе религиозных практик. Среди всех опрошенных, чаще всего регулярно люди носят религиозные символы (нательный крестик, полумесяц и прочее) (46%), отмечают религиозные праздники (43%) и живут в соответствии с заповедями своего вероисповедания (45%). Наоборот, среди религиозных практик, которые никогда не делают, чаще всего выбирали «Участие в церковных таинствах, обрядах» (59%), «Помощь при своем храме» (63%), «Общение со священником-духовником, духовным наставником» (59%) и «Соблюдение постов» (65%). Самое большое расхождение среди мужчин и женщин замечено в вопросе чтения молитв, мужчины выбрали вариант «Никогда» (44%) на 18% чаще, чем женщины (26%), регулярнее всех этим занимаются представители возраста 41–60 лет (24% – регулярно и 45% – иногда). Живут в соответствии с заповедями своего вероисповедания люди в возрасте 61–

95 лет (55%) гораздо чаще, чем молодежь 18–25 лет (27%), что создает между мнениями этих групп в данном вопросе огромную разницу.

Из другого проведенного на данную тему исследования [6], по тенденции заметно небольшое увеличение числа прихожан, часто посещающих храмы (раз в месяц и чаще). Так за период с 2000 по 2025 год их число увеличилось с 6% до 13%, при этом самый большой скачок наблюдается с 8% до 13% в период с 2014 по 2025 соответственно. При этом количество людей, никогда не посещающих храмы, практически не изменилось за 25 лет. На 2000 год эта категория составляла 10%, на 2025–9%, с небольшими колебаниями за указанный период. Самой обширной группой являются редко-посещающие церковь (один-два раза в год и несколько раз в год, но реже, чем один раз в месяц), что с большой вероятностью связанно с отмечанием церковных праздников, таких как Пасха, Рождество, Троица и т.д. В разные года эти группы представляли от 12% до 19% опрошенных. Это свидетельствует о культурном характере православия в России, нежели религиозном. По сравнению с критерием посещаемости храмов во все остальные активности, связанные с воцерковленностью, вовлечено гораздо меньше людей. Так, доля тех, кто причащается раз в месяц и чаще, за период с 2000 по 2025 год составила 1–3%. Среди тех, кто не имеет такого опыта, процент доходит до 42 (2013 год). Эта группа также является самой многочисленной. Также можно наблюдать значительный разрыв между теми, кто причащается 1–2 раза в год и теми, кто делает это несколько раз в год – 10%–12% и 3–4% соответственно.

Говоря о соблюдении постов, в целом больше половины населения практически не придерживается периода духовного и телесного воздержания. Из всех упомянутых постов, самым соблюдаемым является Великий пост (от 4% до 6%) [2]. Что касается остальных, их соблюдают от 0% до 2% опрошенных. Следующим показателем является чтение молитв (церковные – от 5% до 12% опрошенных, свои – от 19% до 27% в разные годы). Нельзя не упомянуть, что в целом большинство православных, согласно статистике, никогда не читали Евангелие (на регулярной основе в разные годы количество таких людей составляет 1%–2%).

Интересным моментом является рост доли православных среди молодежи. Обычно данная социальная группа являлась самой малочисленной среди верующих, однако последние тенденции говорят об обратном. В период с 2021 по 2025 год число религиозных молодых людей увеличилось с 25% до 45% по заявлению эксперта ВЦИОМа Марины Григорьевой [7]. Можно выделить ряд причин, по которым это происходит. Во-первых, это увеличение активности представителей РПЦ в Интернете. Например, у протоиерея Андрея Ткачева 1,9 млн подписчиков на платформе «Ютуб», при этом в марте 2024 года подписчиков было 1,7 млн, что свидетельствует о росте аудитории. Видео со священнослужителем Павлом Островским набирают по 2,5 млн просмотров, его аудитория также выросла за последние 2 года с 188 тыс. до 276 тыс. Андрей Ткачев продвигает более консервативные взгляды на Церковь, в то время как Павел Островский следует более взвешенному курсу, но несмотря на это, они оба популяризируют религию, а количество вовлеченных людей растет вне зависимости от выбранных подходов.

Во-вторых, церкви в наше время становятся все более открытыми, и выходят за рамки традиционных занятий. Так, в последнее время можно наблюдать открытие чаевен и кофеен при храмах и монастырях, которые часто попадают в туристические путеводители и набирают популярность в социальных сетях. Одна из таких трапезных расположена при храме священномученика Антипы Пергамского. Директор по развитию проектов этого заведения отмечала в своем комментарии агентству «Ведомости», что они создали место для коммуникации храма с городом, но в их изначальные задачи не входила цель воцерковления: они хотели показать, что современные православные такие же обычные люди, и у всех есть похожие вкусы и интересы. При этом они упоминают о случаях, когда работники проникались религией и впоследствии воцерковлялись [8]. Это и есть основное влияние подобных заведений: они сближают простых обывателей и Церковь, показывая, что современный уклад жизни может сочетаться с православной культурой.

Другой пример вовлечения людей в церковную жизнь – это различные православные организации. Например, «Клуб во имя святых Петра и Февронии», который ведет свою деятельность с 2007 года, на данный момент в социальной сети «Вконтакте» насчитывает 10,5 тыс. подписчиков. Основная его цель – создание православных пар, но также участники постоянно посещают музеи, различные мероприятия, а раз в месяц служится молебен перед чудотворной иконой святых Петра и Февронии, после которого проводится чаепитие. Подобные организации не только притягивают изначально воцерковленных людей, но также и тех, у кого изначальные цели могут быть другими: социализация или досуг, однако постоянное нахождение в подобном обществе часто ведет к появлению религии в жизни человека.

Еще одной причиной может служить реакция на кризисы, в особенности с начала 2020-х. Во времена неопределенности люди часто ищут опору и стабильность, современное поколение начинает уставать от многообразия постоянно меняющихся опций и мнений. Религия, формировавшаяся веками, является устойчивым механизмом с четкими правилами: она предлагает уже сформированную, понятную модель мировоззрения, которая во времена информационного перегруза является спасательным кругом и избавляет от ощущения неопределенности.

Далее стоит рассмотреть такую важную тему, как политические предпочтения верующих. Согласно исследованию, основанному на данных 2003 года, вовлеченность в церковную жизнь снижает уровень участия в политике: «высокая степень проникновения религиозных убеждений в сознании человека, фиксируемая в еженедельном посещении религиозных служб, понижает интерес верующих к мирским явлениям и повышает интерес к трансцендентному, что проявляется в увеличении среди наиболее воцерковленных частотности отказа от участия в выборах» [9]. В исследовании также отмечены другие интересные выводы. Например, пожилые люди из воцерковленной группы гораздо чаще голосуют за партию КПРФ, нежели за «Единую Россию», однако это скорее связанно с возрастом, нежели с отношением к Церкви. Большинство же людей, называющих себя верующими, но не относящихся к группе сильно воцерковленных, склонны голосовать за «Единую Россию». Наиболее религиозные люди, наоборот, склонны не участвовать в политической жизни общества [10].

Всё это свидетельствует о том, что православие в России носит более культурный характер, нежели религиозный. Это означает, что мотивация людей исходит не из внутреннего желания принадлежать к определенной конфессии, а из чувства традиционной преемственности. Такое поведение объясняется тем, что в обществе положительно оценивается принадлежность к православию, и человек отражает в ответах на вопросы социально одобряемые установки. Когда конъюнктура меняется, мнение также может трансформироваться, причем абсолютно искренне. В настоящее время многие считают, что называть себя атеистом не очень приемлемо, поэтому предпочитают заявлять о вере в высшие силы, Бога, но без принадлежности к конкретной конфессии. Если бы такой вопрос о религии задали в 30–40-е годы прошлого века, люди с большей вероятность. отвечали бы на него иначе: человек мог тайно носить крестик, быть верующим, но открыто об этом не заявлять. При этом с политической точки зрения более важной группой являются верующие, не сильно вовлеченные в церковную жизнь, так как они составляют наибольшую часть православных в России. Именно эта группа проявляет лояльность к власти. В мире, где зачастую люди разочаровывается в материалистической культуре, осознавая, что такие ценности не способны удовлетворить глубинные духовные потребности человека, религия не может потерять свою значимость. При этом отдельно подчёркивается, что граждане прежде всего воспринимают религию как часть мировой культуры и истории вместо догматического учения, в то время как среди ответов, получивших большее количество голосов, были несколько иные: «Национальная традиция, вера предков», «Следование моральным и нравственным нормам».

Согласно аналитическим обзорам, уровень патриотизма в России остается высоким, но его содержание меняется: происходит переход от монолитной модели патриотического сознания к более дифференцированной системе установок, от безусловной лояльности государству к включению элементов критического восприятия [11]. Наряду с национально-ориентированным патриотизмом формируются гражданские формы, основанные на ценностях участия, ответственности и социальной справедливости. Внешнеполитический контекст усилил мобилизационные настроения и коллективную идентичность, возросла значимость державных ценностей: независимости государства, его силы и способности защищать интересы народа [12]. Однако к 2025 году фиксируется не только консолидация в противостоянии внешним угрозам, но и нарастающая усталость от конфликта. Важным аспектом является восприятие данной ценности и изменение ее понимания разными поколениями: старшие чаще связывают с исторической памятью, военным опытом и государственными достижениями, тогда как молодые – с личными возможностями и качеством жизни. Для молодежи патриотизм в меньшей степени ассоциируется с абстрактными государственными символами и в большей именно с конкретными условиями жизни, возможностями самореализации и отношением государства к гражданину, становясь более прагматичным и индивидуализированным. Старшие поколения, напротив, связывают его с исторической памятью, военным опытом и государственными достижениями [13]. Описанной выше трансформации активно способствует медийное

пространство, которое, с одной стороны, закрепляет державные ценности, такие как сила государства, его историческая миссия и особый путь развития, а с другой – формирует новые интерпретации патриотизма, что усиливает его вариативность [14]. В связи с перечисленными выше факторами ценностная структура значительно усложняется, учитывает современные условия и дифференцируется среди различных социальных групп и их культурных особенностей.

На фоне изменяющегося понимания патриотизма традиционные ценности – нравственность, культура, историческая память – демонстрируют устойчивость и становятся ядром ценностного комплекса общества. Абсолютным лидером (табл. 4) [15] является крепкая семья, семейные ценности, дети – 41% в целом. У молодежи (до 35 лет) этот показатель выше (44%), чем у старшего поколения (39%), что объясняется нахождением молодых в фазе создания семьи и воспитания маленьких детей. С ростом уровня образования значимость семьи как ценности только увеличивается: от 32–29% у респондентов без основного образования и с основным общим до 50% у людей с двумя и более высшими. Это опровергает миф о том, что высокообразованные меньше ценят семью, – напротив, они ценят ее больше, однако возможно, относясь к ней как к осознанному проекту, а не данности. В жизненных целях «создать счастливую семью, воспитать детей» выбрали 56% в целом, причем у молодежи это 71% (абсолютный максимум по всей таблице), а у старших – 52%. Даже у старшего поколения семья остается второй по значимости целью (после здоровья), что показывает, что с возрастом она не обесценивается. По уровню образования семья как жизненная цель также растет: от 22% (без образования) до 63% (два и более высших). То, что респонденты с низким образованием реже ставят семью как цель, вряд ли означает нежелание ее создать, а скорее говорит о том, что у них есть другие более насущные приоритеты (выживание, базовые потребности).

Таблица 4

Какие ценности Вы бы назвали традиционными российскими ценностями?	Сколько полных лет Вам исполнилось?		
	все	молодежь	35+
	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу
Жизнь	0	0	0
Достоинство	0	0	0
Права и свободы человека / равноправие / демократия	2	3	2
Патриотизм / любовь к Родине / отечество / патриотическое воспитание / гордость за страну	12	12	12
Служение отечеству и ответственность за его судьбу / преданность Родине / защита отечества	1	1	1
Крепкая семья / семейные ценности / семья, дети / забота о детях / многодетные семьи	41	44	39
Созидательный труд / трудолюбие	2	1	3
Приоритет духовного над материальным / бескорыстие	1	1	1
Гуманизм / человеколюбие / доброта	5	3	6
Милосердие / сострадание	1	1	2
Справедливость / стремление к справедливости	2	2	2
Коллективизм / общество	2	1	2
Взаимопомощь и взаимоуважение / поддержка	7	5	7
Историческая память и преемственность поколений	7	7	7
Единство народов России / многонациональность / сплоченность	9	10	8
Православие / христианство	2	2	2
Религия / религиозные ценности / церковь / вера в Бога / духовность	7	7	7
Союз мужчины и женщины / против ЛГБТ	3	3	3
Культура / культурные ценности / традиции / искусство	6	6	6

Окончание

Какие ценности Вы бы назвали традиционными российскими ценностями?	Сколько полных лет Вам исполнилось?		
	все	молодежь	35+
	% по столбцу	% по столбцу	% по столбцу
Праздники	1	1	1
Благополучие / благосостояние	2	1	2
Мир / мирное небо / миролюбие	2	1	2
Великая/сильная страна / стойкость / сила / мужество	1	0	1
Вера в будущее / вера в лучшее	0	0	0
Толерантность / терпимость	1	1	1
Воспитание / образование	3	4	3
Дружба / дружелюбие / гостеприимство	5	5	6
Природные ресурсы / большая богатая страна	1	1	1
Забота государства о людях	1	0	1
Доверие / поддержка власти / власть	1	0	1
Дом / земля	0	0	1
Патриархат / домострой / консерватизм	1	1	1
Деньги / потребление / коррупция	1	1	1
Здоровье / здоровый образ жизни / здравоохранение	1	1	2
Народ / люди	0	1	0
Менталитет / характер	1	1	1
Нравственность / порядочность / ответственность / честность	3	4	2
Еда / кухня	0	0	0
Пьянство / алкоголь	1	1	0
Развитие страны / экономика / инфраструктура	2	2	2
Спорт	1	0	1
Терпение / покорность	0	0	0
Уважение старших / забота о пожилых	3	2	4
Уважение к ветеранам / военнослужащим / армия	0	0	0
Щедрость / широта души	0	0	0
Безопасность	0	0	0
Независимость / суверенитет	0	0	0
Отношения между людьми	0	0	0
Стабильность / спокойствие	0	0	0
Нет таких ценностей	2	2	2
Другое	6	7	5
Затрудняюсь ответить	27	29	26

Важно отметить то, что культура, традиции, искусство набирают 6%, без значительных возрастных различий и с небольшим ростом по образованию (от 0% без образования до 7% у среднего профессионального, затем 6% у высших групп). «Возрождение культуры и духовности» как приоритет для России выбирают 31% в целом, причем этот показатель как раз растет с образованием: от 5% (без образования) до 36% (два и более высших). «Возрождение традиций» – 22% в целом, с максимумом 25% у самых образованных. В приоритетах развития России «защита традиционных ценностей» набирает 3% в целом, однако у людей с двумя и более высшими этот показатель вдвое выше – 6%, что может объясняться тем, что интеллектуалы чаще рефлексируют о ценностном кризисе и идентичности. «Реализация политической реформы» также максимальна у самых образованных – 10% (в 2,5 раза выше среднего), тогда как в группах, не получивших высшее, – 0–2%.

Не менее значимой здесь является обратная сторона медали, а именно люди, не признающие концепцию традиционных ценностей.

«Нет таких идеалов» ответили 2% в целом, но среди респондентов с основным общим и средним общим образованием – по 4%, то есть люди без аттестата чаще отрицают существование данных убеждений в обществе. Затруднились ответить на вопрос о традиционных ценностях 27% в целом, причём их доля резко снижается с ростом образования: от 56% (его отсутствие) до 13% (два и более высших). Таким образом, образование выступает ключевым фактором, делающим данные духовные ориентиры более осознанными, рефлексивными и инструментальными, а семья остается абсолютным ядром этой системы для всех социально-демографических групп.

После анализа социологических опросов можно сделать следующий вывод: Традиционные ценности образуют иерархически организованную систему, ядром которой является семья, а государственная политика последнего десятилетия закрепила «консервативный поворот». Именно через этот ценностный фильтр адаптируются все иные идеологические влияния – от либеральных до державно-патриотических. То, как разные социальные группы интерпретируют и поддерживают перечисленные убеждения, наглядно проявляется в их электоральных предпочтениях.

Проведенный анализ, основанный на данных аналитических обзоров и результатах эмпирических исследований последних лет позволяет сформулировать несколько ключевых выводов, относящихся к значению консервативных ценностей в современном российском обществе и к их трансформации, которая, в первую очередь, наблюдается в молодежной среде. В современной России политические ценности и установки населения зависят от характера отношений государства и общества, уровня доверия к институтам власти, внешнеполитической повестки, официальной политики в сфере исторической памяти и традиционных ценностей, а также от религиозных, гражданских и региональных различий. Таким образом, «консервативный поворот» российского общества – действительно существующая тенденция, однако важно понимать, что в условиях изменяющейся действительности и появления новых стандартов, меняются также люди и само понятие «консерватизм». Теперь эта концепция проходит в обществе определенную трансформацию, сторонники которой поддерживают идею того, что данная идеология должна меняться, чтобы не остаться архаизмом, находя баланс между сохранением главных убеждений и их адаптацией под новые реалии и запросы: они становятся более прагматичными и инструментальными, наблюдается запрос на эффективность, справедливость и высокое качество жизни. Однако это не исключает того факта, что, выбирая консерватизм, граждане выражают запрос на стабильность, сильное государство, способное решать проблемы людей и обеспечивать им безопасность, проверенный опыт прошлого и постепенные, а не радикальные изменения, добавляя этим идеям больше конкретности и визуализации в виде реальных институтов. Либеральные и традиционные ценности не исключают друг друга, а формируются в модели сосуществования для сложной и многогранной системы. Это подтверждает первоочередную идею о том, что данные ценности не только продолжают существовать в России, но и сохраняют свое центральное положение и являются жизненными ориентирами во всех социальных группах общества.

Литература

1. Жданова Д.С. Русское православие как ценностно-смысловая система [Электронный ресурс] // Актуальная культура. – 2025. – № 2. – URL: https://journal.asu.ru/cc/article/download/17584/15165 (дата обращения: 04.04.2026).

2. Религия и общество: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 27.07.2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring (дата обращения: 06.04.2026).

3. Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковлённость [Электронный ресурс] // ФОМ. – 18.04.2025. – URL: https://fom.ru/TSennosti/15172 (дата обращения: 06.04.2026).

4. Изучая паству: почему россияне считают себя верующими, но не ходят в церковь и не знают молитв [Электронный ресурс] // VM.RU. – 08.12.2024. – URL: https://vm.ru/society/1189136-izuchaya-pastvu-pochemu-rossiyane-schitayut-sebya-veruyushimi-no-ne-hodyat-v-cerkov-i-ne-znayut-molitv (дата обращения: 10.04.2026).

5. Религия и общество: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 9.06.2025. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 21.04.2026).

6. Русская православная церковь: вероисповедание и воцерковлённость. Индекс воцерковленности православных верующих: мониторинг [Электронный ресурс] // ФОМ. 18.04.2025. – URL: https://fom.ru/TSennosti/15172 (дата обращения: 10.04.2026).

7. ВЦИОМ: более 80% россиян считают себя верующими [Электронный ресурс] // ТАСС. 24.07.2025. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24601365 (дата обращения: 21.04.2026).

8. В церковь за капучино. Зачем открывают кофейни при московских храмах [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт]. – 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/culturalcity/articles/v-tserkov-za-kappuchino-zachem-otkrivayut-kofeini-pri-moskovskih-hramah (дата обращения: 21.04.2026).

9. Богачёв М.И. Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ [Электронный ресурс] // Религиоведческие исследования. – 2016. – № 13. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/votserkovlennost-i-politicheskie-predpochteniya-pravoslavnyh-veruyuschih-kolichestvennyy-analiz (дата обращения: 10.04.2026).

10. Карпич Ю.В. Влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России (на примере Липецкой области) [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2020. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-religioznosti-na-politicheskiy-vybor-pravoslavnyh-veruyuschih-v-rossii-na-primere-lipetskoy-oblasti (дата обращения: 10.04.2026).

11. Динамика представлений россиян о патриотизме [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-predstavleniy-rossiyan-o-patriotizme (дата обращения: 21.04.2026).

12. Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/variativnost-i-dinamika-patrioticheskih-ustanovok-rossiyan-v-kontekste-svo (дата обращения: 21.04.2026).

13. Влияние возрастных стереотипов россиян на отношение к патриотизму: дискурс СМИ и социальные представления [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vozrastnyh-stereotipov-rossiyan-na-otnoshenie-k-patriotizmu-diskurs-smi-i-sotsialnye-predstavleniya (дата обращения: 21.04.2026).

14. Формирование патриотизма как социальная технология: понятия, элементы, индикаторы [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: науч. электрон. б-ка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-patriotizma-kak-sotsialnaya-tehnologiya-ponyatiya-elementy-indikatory (дата обращения: 21.04.2026).]

15. Семья в системе российских ценностей [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 22.11.2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (дата обращения: 21.04.2026).

ORTHODOXY IN THE CONTEXT OF CONSERVATIVE VALUES IN MODERN RUSSIA

Blinov V.V., Barbayanova V.E., Frolova D.A., Shpilkova M.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation)

This article examines the prevalence of attitudes toward Orthodoxy among contemporary Russian citizens, along with spiritual and moral values. The analysis utilizes current sociological research findings from leading research companies. Self-identification as Orthodox, participation in religious sacraments, and the resulting attitude toward political values are compared with the socio-demographic characteristics of respondents. The analysis of the identified trends is interpreted, on the one hand, as an expression of traditional qualities of Russian society, and, on the other, in relation to the changes currently occurring in the country.

Keywords: Orthodoxy, traditional values, conservative values, Russian society, comparative analysis of generations.

References

1. Zhdanova, D.S. Russian Orthodoxy as a System of Values and Semantics [Electronic resource] // Actual Culture. – 2025. – № 2. – URL: https://journal.asu.ru/cc/article/download/17584/15165 (accessed: 04.04.2026).

2. Religion and Society: Monitoring [Electronic resource] // VTsIOM. – 07.27.2023. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring (accessed: 06.04.2026).

3. The Russian Orthodox Church: Religion and Churching [Electronic resource] // FOM. – 18.04.2025. – URL: https://fom.ru/TSennosti/15172 (date of access: 06.04.2026).

4. Studying the Flock: Why Russians Consider Themselves Believers, But Don't Go to Church and Don't Know the Prayers [Electronic resource] // VM.RU. – 08.12.2024. – URL: https://vm.ru/society/1189136-izuchaya-pastvu-pochemu-rossiyane-schitayut-sebya-veruyushimi-no-ne-hodyat-v-cerkov-i-ne-znayut-molitv (date of access: 10.04.2026).

5. Religion and Society: Monitoring [Electronic resource] // VTsIOM. 9.06.2025. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (date of access: 21.04.2026).

6. Russian Orthodox Church: Religion and Churching. The Index of Churching of Orthodox Believers: Monitoring [Electronic resource] // FOM. 18.04.2025. – URL: https://fom.ru/TSennosti/15172 (date of access: 10.04.2026).

7. VTsIOM: More than 80% of Russians consider themselves believers [Electronic resource] // TASS. 24.07.2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/24601365 (accessed: 21.04.2026).

8. To church for a cappucciNo. Why are coffee shops opening at Moscow churches [Electronic resource] // Vedomosti: [website]. – 2025. – URL: https://www.vedomosti.ru/gorod/culturalcity/articles/v-tserkov-za-kappuchino-zachem-otkrivayut-kofeini-pri-moskovskih-hramah (accessed: 21.04.2026).

9. Bogachev M.I. Church membership and political pReferences of Orthodox believers: a quantitative analysis [Electronic resource] // Religious studies. – 2016. – № 13. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/votserkovlennost-i-politicheskie-predpochteniya-pravoslavnyh-veruyuschih-kolichestvennyy-analiz (date of access: 10.04.2026).

10. Karpich Yu.V. The Influence of Religiosity on the Political Choice of Orthodox Believers in Russia (using the Lipetsk Region as an Example) [Electronic resource] // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. – 2020. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-religioznosti-na-politicheskiy-vybor-pravoslavnyh-veruyuschih-v-rossii-na-primere-lipetskoy-oblasti (date of access: 10.04.2026).

11. Dynamics of Russians' ideas about patriotism [Electronic resource] // CyberLeninka: scientific electronic library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-predstavleniy-rossiyan-o-patriotizme (date of access: 21.04.2026).

12. Variability and dynamics of patriotic attitudes of Russians in the context of the SVO [Electronic resource] // CyberLeninka: scientific electronic library. Library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/variativnost-i-dinamika-patrioticheskih-ustanovok-rossiyan-v-kontekste-svo (date of access: 21.04.2026).

13. The Influence of Age Stereotypes of Russians on Attitudes Toward Patriotism: Media Discourse and Social Representations [Electronic resource] // CyberLeninka: scientific. electronic library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-vozrastnyh-stereotipov-rossiyan-na-otnoshenie-k-patriotizmu-diskurs-smi-i-sotsialnye-predstavleniya (date of access: 21.04.2026).

14. Formation of Patriotism as a Social Technology: Concepts, Elements, Indicators [Electronic resource] // CyberLeninka: scientific electronic library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-patriotizma-kak-sotsialnaya-tehnologiya-ponyatiya-elementy-indikatory (date of access: 21.04.2026).]

15. Family in the System of Russian Values [Electronic resource] // VTsIOM. 22.11.2024. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (date of access: 21.04.2026).

Педагогическая компаративистика образовательных моделей стран Латинской Америки

Бондаренко Наталья Ионовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры европейских языков Дипломатической академии МГИМО МОИД России
E-mail: mkbv@rambler.ru

В статье проводится сравнение образовательных моделей стран Латинской Америки. Основное внимание уделяется выявлению сходств и различий в организации систем образования на дошкольном, школьном уровнях, а также на уровне высшего образования. Автор анализирует институциональные особенности образовательных моделей, включая структуру образовательного процесса, механизмы финансирования и степень доступности образования для разных социальных групп. Особое внимание уделяется влиянию социально-экономического уровня развития стран на характер и эффективность образовательных систем. Установлено наличие устойчивой корреляции между уровнем социально-экономического развития государства и параметрами образовательной модели, включая охват населения образованием, его качество и степень институциональной модернизации.

Ключевые слова: образовательная модель, начальное образование, кредит, цифровизация, Латинская Америка

Системы образования в абсолютном большинстве стран демонстрируют масштабные трансформации, позволяющие им соответствовать цифровому, сложному и динамично меняющемуся миру XXI в. Развитые страны и часть развивающихся стран находятся в активном поиске направлений и инструментов оптимальной трансформации образования, выступают с разными инициативами, имплементируют креативные образовательные приемы и технологии, которые впоследствии станут ресурсом для формирования новой парадигмы образования [1, с. 108].

Как правило, большинство исследований в отечественной научной литературе, посвященных развитию образовательных моделей, посвящено российским образовательным моделям, а также моделям стран ближнего зарубежья, странам Центральной и Западной Европы. Страны Латинской Америки, как правило, находятся на периферии внимания

Тем не менее, как показывает новейшая история стран Южной Америки, эти территории активно трансформируются как за счет технического прогресса, так и в рамках стремительной смены социально-политической ситуации. Как указывает Л. Дмитриева, в течение последних двух десятилетий образование в регионе «вышло на новый качественный уровень и во многом приблизилось к европейским стандартам» [2].

Рассмотрим некие общие черты, характерные для большинства образовательных систем стран латиноамериканского региона. Общей чертой для образовательных моделей всех стран Латинской Америки выступает то, что современные властные ведомства, отвечающие за реализацию образовательной политики, декларируют цели на расширение доступа к образованию, повышение уровня грамотности населения и обеспечение социальной интеграции.

Система образования стран Латинской Америки представляет собой, с одной стороны, гетерогенную и сложную структуру, а с другой – на этой территории имеется немало общих черт, характеризующих страны, входящие в данный регион. Так, в частности, система образования в странах Латинской Америки включает в себя учреждения дошкольного, начального, среднего, профессионально-технического и высшего образования. Образовательные учреждения представлены как в государственном, так и в частном секторе.

Следует сказать, что практически для всех стран Латинской Америки католическая церковь играет важную роль в учреждении и организации образовательных структур, их финансировании и, соответственно, представлении обучающего контекста и корректировке учебных планов и программ.

Дошкольное образование в странах Южной Америки осуществляется посредством сети яслей, детских садов и центров дошкольной подготовки. Учреждения образования данного уровня могут быть как частными, так и государственными. Можно сказать, что в большинстве стран дошкольный этап образовательной модели долгое время находился на периферии внимания и считался факультативным звеном системы образования. Сегодня же государственные органы всех стран региона Латинской Америки уделяют гораздо большее внимание развитию системы раннего детского образования, рассматривая её как важнейший фактор последующего обучения.

Образовательные программы для детей дошкольного возраста ориентированы на развитие коммуникативных, когнитивных и социальных навыков. Как и в других образовательных моделях мира, важное место в педагогическом процессе занимает игровая деятельность, посредством которой формируются базовые представления об окружающем мире, развиваются речевые способности, эмоциональный интеллект и навыки взаимодействия в команде.

Начальное образование в каждой из стран Южной Америки является обязательным. К концу первого десятилетия XXI в. уровень охвата детей начальным школьным образованием в странах Латинской Америки и достиг около 95%, а в ряде государств приблизился к максимальному – 100% – показателю. Согласно прогнозам международных организаций, латиноамериканский регион постепенно достигает одной из ключевых целей международной образовательной политики – обеспечения всеобщего начального образования. Данная цель предполагает не только посещение детьми школы, но и успешное завершение полного курса начального обучения с получением соответствующего документа об образовании.

Среднее образование охватывает обучение с 7 по 13 класс и включает как базовую, так и старшую ступень школы. В странах Латинской Америки средним образованием охвачено около 90% подростков. В отличие от образовательных моделей, характерных для большинства европейских государств, среднее школьное образование в Латинской Америке отличается гораздо большей вариативностью программ и индивидуализацией. Так, среди обязательных дисциплин – математика, естественные науки, иностранные языки и история Латинской Америки. При этом школьники даже внутри обязательных образовательных векторов обладают возможностью варьировать траекторию обучения – к примеру, выбирать между алгеброй, геометрией или тригонометрией, между физикой, химией или биологией. Изучение английского языка выступает акцентным элементом в школах Латинской Америки в связи с его инструментальной ролью как языка международной коммуникации [2].

Школьникам, кроме того, доступны элективные курсы – экономика, информатика, литература, изобразительное искусство, актерское мастерство и проч. Тогда как вышеперечисленные закономерности характерны для абсолютного большинства образовательных моделей Латинской Америки, именно в вопросах о перечнях доступных элективных курсов наблюдаются существенные различия между странами. Во многом это связано с идеолого-политическими причинами, историей и колониальным «бэкграундом» конкретной страны и проч. внеотраслевыми факторами.

Высшее образование в странах Латинской Америки представлено университетами, институтами и колледжами. Тем не менее, большинство университетов континента не входит в число ведущих мировых рейтингов, отдельные высшие учебные заведения обладают высоким академическим авторитетом и признаны на международном уровне. Среди наиболее известных университетов можно выделить Университет Сан-Паулу, Католический университет Чили и Университет Кампинаса.

Государства региона активно поддерживают развитие высшего образования посредством финансирования университетов, предоставления бесплатных учебных мест и выплаты стипендий. Кроме того, реализуются международные программы студенческого обмена и академической мобильности, направленные на интеграцию латиноамериканских университетов в глобальное научно-образовательное пространство. Для системы высшего образования стран Латинской Америки характерно отсутствие практики обязательного распределения выпускников после окончания университета. Государство не предоставляет гарантий последующего трудоустройства, а профессиональная реализация выпускников во многом определяется состоянием национального рынка труда и уровнем экономического развития конкретной страны.

Именно на уровне развития высшего образования различия между образовательными моделям латиноамериканских стран проявляются наиболее отчетливо. Подходы к организации высшего образования в государствах Латинской Америки существенно различаются в зависимости от уровня социально-экономического развития, исторических традиций и государственной политики.

По мнению специалистов, в Бразилии и Чили правительственным ведомствам удалось добиться достаточно высокого уровня развития высшего образования и даже перейти к интенсивной фазе цифровизации и интеллектуализации учебного процесса. При этом в некоторых странах Центральной Америки активное внедрение технологий в образовательный процесс практически не наблюдается, сохраняются проблемы неравного доступа к качественному образованию, особенно в периферийных районах. В странах с менее «сильной» экономикой одним из факторов, побуждающих молодежь отказываться от поступления в вузы, является социальное неравенство и потребность в скорейшем трудоустройстве для обеспечения финансовой стабильности для себя и своей семьи.

Прогресс в развитии систем образования характерен для наиболее экономически развитых стран латиноамериканского региона – Мексики, Аргентины и Бразилии. Современная система образования Мексики по своей структуре часто в научной периодике сопоставляется с российской образовательной моделью и включает последовательные уровни дошкольного, школьного и высшего образования. Развитие образовательной сферы рассматривается государством как одно из приоритетных направлений социальной политики, направленной на повышение уровня грамотности населения, профессиональной подготовки кадров и модернизацию национальной экономики. Дошкольное образование в Мексике носит обязательный и бесплатный характер. Его основная функция заключается в обеспечении ранней социализации ребёнка, формировании базовых коммуникативных и познавательных навыков, а также подготовке к последующему школьному обучению. Начальное образование включает семилетний цикл обучения. Характерной особенностью мексиканской начальной школы является организация образовательного процесса, при которой преподавание основных дисциплин осуществляется двумя педагогами, что способствует более эффективному распределению учебной нагрузки и повышению качества обучения. Неполное среднее образование дифференцируется по двум основным направлениям – академическому и техническому. Подобная модель позволяет учитывать профессиональные интересы и образовательные потребности учащихся уже на раннем этапе обучения. После завершения данной ступени выпускники получают возможность либо продолжить обучение, либо выйти на рынок труда. Академические программы ориентированы на подготовку учащихся к поступлению в высшие учебные заведения, тогда как технические направления обеспечивают получение профессиональной квалификации и соответствующего аттестата. Система высшего образования Мексики представлена значительным количеством университетов и колледжей, число которых приближается к 100. Подготовка специалистов осуществляется в рамках многоуровневой модели высшего образования. Первый уровень, лиценциат, предполагает трёхлетний период обучения и соответствует базовой профессиональной подготовке. Следующая ступень, магистратура, ориентирована на проведение самостоятельного научного исследования, имеет продолжительность 1–2 года. Высшей ступенью академической подготовки является докторантура, предусматривающая выполнение фундаментального научного исследования и защиту докторской диссертации.

Система образования Бразилии функционирует в рамках традиционной многоуровневой модели и включает дошкольное, среднее и высшее образование. Организация образовательного процесса в стране характеризуется сочетанием государственных и частных форм обучения, а также значительной ролью муниципальных органов власти в финансировании и управлении образовательной сферой. Финансирование дошкольного и школьного образования осуществляется преимущественно через Национальный фонд образования, формируемый за счёт налоговых поступлений муниципалитетов. Вместе с тем уровень финансирования существенно варьируется в зависимости от экономического развития конкретного региона, что обусловливает заметную дифференциацию качества образовательных услуг внутри страны.

Дошкольное образование в Бразилии представлено как государственными, так и многочисленными негосударственными учреждениями. Характерной особенностью образовательной системы страны является высокая популярность частного дошкольного сектора среди населения. Среднее образование подразделяется на две ступени: обязательное восьмилетнее начальное образование и трёхлетнее среднее обучение. Формально школьное образование в Бразилии является бесплатным, однако фактические условия обучения существенно различаются в зависимости от финансовых возможностей муниципалитетов. Высшее образование Бразилии представлено государственными и частными университетами, при этом преобладающую долю составляют именно частные высшие учебные заведения. Государственные университеты традиционно считаются наиболее престижными и обеспечивают подготовку специалистов преимущественно в области медицины, инженерно-технических и естественно-научных дисциплин.

Современная система школьного образования Бразилии окончательно сформировалась в конце XX в., хотя её исторические основы восходят к периоду португальской колонизации и деятельности иезуитских школ. Обязательное образование охватывает девятилетний цикл обучения для детей от 6 до 14 лет. Учебные программы регулируются Федеральным советом по образованию и включают изучение португальского языка, математики, естественных и гуманитарных наук, искусства, физической культуры и иностранных языков. На старших ступенях обучения усиливается развитие коммуникативных компетенций и региональной специализации образовательных программ. Старшая школа функционирует по смешанной модели, сочетающей естественно-научные и гуманитарные дисциплины. Существенной особенностью бразильского образования является отсутствие выпускных экзаменов, тогда как поступление в университеты осуществляется через систему сложного вступительного тестирования и не зависит от школьных оценок [5, с. 69].

Система образования Аргентины занимает ведущие позиции среди стран Латинской Америки по уровню грамотности населения и качеству образовательной подготовки. Высокий показатель грамотности, достигающий 95%, свидетельствует о значительной эффективности государственной образовательной политики и устойчивом развитии национальной системы образования. Структура системы образования в Аргентине включает дошкольное, начальное, среднее, профессионально-техническое и высшее образование. Дошкольное образование в Аргентине охватывает детей с раннего возраста. Учреждения для детей от 45 дней до двух лет преимущественно относятся к частному сектору

и известны под названием «гуардерия». Школьное образование начинается с шестилетнего возраста. Начальная школа, называемая «примария», охватывает период обучения до 12 лет, после чего учащиеся переходят в среднюю школу «секундарию». Образовательные учреждения подразделяются на государственные и частные. Характерной особенностью государственных школ является обязательное ношение школьной формы, включающей белые халаты и чёрную обувь, что рассматривается как средство поддержания дисциплины и социального равенства среди учащихся.

Высшее образование в государственных университетах Аргентины является бесплатным. Одной из особенностей системы высшего образования выступает отсутствие вступительных экзаменов при поступлении в большинство государственных вузов, что способствует расширению доступа населения к университетскому образованию [2].

Одним из дискуссионных вопросов в рассматриваемом нами регионе является внедрение системы кредитов. Системы академических кредитов представляют собой механизм количественной оценки учебной нагрузки студентов и результатов освоения образовательных программ. Почти во всем мире кредиты используются для определения объёма академической работы, включающей аудиторные занятия, самостоятельное обучение, практику и подготовку к экзаменам. В странах Латинской Америки кредитные системы рассматриваются как инструмент повышения гибкости и мобильности высшего образования. Они обеспечивают признание результатов обучения между университетами и способствуют интернационализации образовательного пространства. В регионе внедряются модели, основанные на международных стандартах, включая европейскую систему ECTS и латиноамериканскую систему CLAR. В Аргентине, к примеру, развивается национальная система SACAU, предусматривающая 25–30 часов учебной работы на один кредит [8].

Наконец, еще одной важной проблемой в конструировании и модернизации образовательной модели в странах Латинской Америки – это образовательная миграция. как важный инструмент развития человеческого капитала, академической мобильности и инновационной экономики. Регион, ранее столкнувшийся с масштабной «утечкой мозгов», в настоящее время стремится развивать национальные системы образования и привлекать иностранных студентов. Крупнейшими центрами образовательной миграции выступают Аргентина, Бразилия, Мексика и Чили, реализующие программы академической мобильности [4, с. 133]. Так, к примеру, центры открытого образования на русском языке и обучения русскому языку в странах Латинской Америки представляют собой инструмент гуманитарного и образовательного сотрудничества, направленного на продвижение русского языка и культуры за рубежом. ФГБОУ ВО «ГИПУ» выступает страновым оператором данных центров в ряде государств региона, включая Кубу, Никарагуа, Венесуэлу, Мексику, Парагвай, Колумбию и Перу. В 2025 г. функционировало 18 площадок, в рамках которых работали преподаватели русского языка как иностранного и было обучено около 1600 слушателей [7].

Литература

1. Ветчинова, М.Н. Актуальные практики функционирования образовательных экосистем / М.Н. Ветчинова, Н.В. Плаксина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2023. – № 1 (65). – С. 107–113.

2. Дмитриева, Л. Система образования в странах Латинской Америки /Л. Дмитриева // VIGIL Journal Россия в Новом Свете [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vigiljournal.com/ru/sistema-obrazovaniya-v-stranah-latinskoy-ameriki. – Дата доступа: 11.05.2026

3. Канюк, А.С. Политика обеспечения качества университетского электронного образования в Европе и Латинской Америке / А.С. Канюк, Л.Л. Стародумов, Е.В. Бондарева // Образование и право. – 2022. – № 2. – С. 302–307.

4. Кузнецов, Н.Г. Политика стран Латинской Америки и Карибского бассейна в области регулирования образовательной миграции / Н.Г. Кузнецов // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. – 2021. – № 4. – С. 129–139.

5. Мачехина, О.Н. Образовательные реформы в странах БРИКС: особенности и специфика / О.Н. Мачехина // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2017. – № 1 (42). – С. 68–73.

6. Хохлова, М. Образование в Латинской Америке в контексте мировых тенденций: социальная проекция / М. Хохлова // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 113–119.

7. Центры открытого образования на русском языке и обучения русскому языку в странах Латинской Америки [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://centre-la.com/. – Дата доступа: 11.05.2026.

8. Marguina, M. Академические кредитные системы в странах Латинской Америки: полезный инструмент для формулировки? / M. Marguina. – 2025 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.linkedin.com/pulse/academic-credit-systems-latin-american-countries-useful-marquina-h0pof?tl=ru/ – Дата доступа: 11.05.2026.

PEDAGOGICAL COMPARATIVE STUDY OF EDUCATIONAL MODELS IN LATIN AMERICAN COUNTRIES

Bondarenko N.I.
Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations

This article compares educational models in Latin American countries. The focus is on identifying similarities and differences in the organization of education systems at the preschool, school, and higher education levels. The author analyzes the institutional characteristics of these educational models, including governance structure, financing mechanisms, and the degree of accessibility of education for various social groups. Particular attention is paid to the influence of countries' socioeconomic development on the nature and effectiveness of their educational systems. A stable correlation has been established between a country's level of socioeconomic development and educational model parameters, including education coverage, quality, and the degree of institutional modernization.

Keywords: educational model, primary education, credit, digitalization, Latin America

References

1. Vetchinova, M.N. Current practices of functioning of educational ecosystems / M.N. Vetchinova, N.V. Plaksina // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. – 2023. – No. 1 (65). – P. 107–113.

2. Dmitrieva, L. Education system in Latin American countries / L. Dmitrieva // VIGIL Journal Russia in the New World [Electronic resource] – Access mode: https://vigiljournal.com/ru/sistema-obrazovaniya-v-stranah-latinskoy-ameriki. – Access date: 11.05.2026

3. Kanyuk, A.S. Policy for ensuring the quality of university e-education in Europe and Latin America / A.S. Kanyuk, L.L. Starodumov, E.V. Bondareva // Education and Law. – 2022. – No. 2. – P. 302–307.

4. Kuznetsov, N.G. Policies of Latin American and Caribbean Countries in the Field of Regulating Educational Migration / N.G. Kuznetsov // DEMIS. Demographic Research / DEMIS. Demographic Research. – 2021. – No. 4. – P. 129–139.

5. Machekhina, O.N. Educational Reforms in the BRICS Countries: Features and Specifics / O.N. Machekhina // Society. Environment. Development (Terra Humana). – 2017. – No. 1 (42). – P. 68–73.

6. Khokhlova, M. Education in Latin America in the Context of Global Trends: Social Projection / M. Khokhlova // World Economy and International Relations. – 2015. – No. 11. – P. 113–119.

7. Centers for Open Education in Russian and Russian Language Teaching in Latin American Countries [Electronic resource] – Access mode: https://centre-la.com/. – Access date: 11.05.2026.

8. Marguina, M. Academic Credit Systems in Latin American Countries: A Useful Tool for Formulation? / M. Marguina. – 2025 [Electronic resource] – Access mode: https://ru.linkedin.com/pulse/academic-credit-systems-latin-american-countries-useful-marquina-h0pof?tl=ru/ – Access date: 11.05.2026.

Обучение чтению на занятиях английского языка студентов неязыковых вузов

Васильева Виктория Олеговна,
преподаватель, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: VasilievaVO@mgsu.ru

Цепанов Лев Алексеевич,
студент ИГЭС 1–7, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: levazep2007@gmail.com

Статья посвящена теоретическим и практическим аспектам обучения чтению как рецептивному виду речевой деятельности на занятиях по английскому языку. В работе представлены классификации видов чтения, принятые в отечественной и зарубежной методике. Особое внимание уделено этапам работы с текстом (дотекстовый, текстовый, послетекстовый), критериям отбора учебных текстов (познавательная ценность, соответствие интересам и уровню учащихся, аутентичность) и типовым экзаменационным заданиям (множественная подстановка, множественный выбор, восстановление текста и др.). Статья адресована преподавателям иностранных языков, методистам и студентам языковых направлений.

Ключевые слова: упражнения обучения чтению, этапы обучения чтению, поисковое чтение, ознакомительное чтение.

Чтение представляет собой рецептивный вид речевой деятельности, направленный на восприятие и осмысление письменного текста. В процессе чтения происходит не только понимание, но и оценка содержащейся в тексте информации. Как подчёркивает немецкий лингвист и методист Г.Э. Пифо, «чтение с точки зрения мыслительных процессов протекает на различных уровнях: от умения понять содержание приблизительно до творческого прочтения, при котором читающий не только воссоздаёт ход мыслей автора, но и сравнивает, синтезирует прочитанное, принимает или отвергает основную мысль, реорганизует свою мысль или принимает новую точку зрения» [1].

В условиях современного образования, а именно обучения английскому языку, умение читать формируется на младшей ступени обучения, еще во 2 классе. Это умение-синтеза букв и звуков-прививается единожды и навсегда в дальнейшем лишь развиваясь в автоматическое действие [11].

Выделяют три механизма чтения: речевой слух, прогнозирование и память. Речевой слух отвечает за способность сопоставления произносимых звуков с их буквенным обозначением (совокупность и последовательность букв, в результате складывающиеся в слово). Прогнозирование напрямую связано с осведомленностью обучающегося о тематике текста, а также с узнаванием обучающимся ранее изученных слов. Оба механизма лишаются своей практической значимости без аспекта запоминания [4]. Оно может быть как осмысленным (ученик осознанно пытается запомнить орфографию, семантическое значение и т.д.), так и непроизвольным (обучающиеся фиксируют в памяти языковые единицы сами того не замечая) [5].

Обучение чтению непосредственно связано с рецепцией (восприятием) и пониманием информации, заключенной в графемы. Говоря о процессуальном плане чтения, следует отметить необходимость озвучивания текста, то есть соотнесение графем с фонемами. Для содержательного плана чтения характерно полное понимание прочитанного (переход от сочетания графем к значению). Общее «понимание» текста достигается при комплексном подходе к чтению. Обучающийся развивает навык узнавания графем, формирует внутренний речевой слух, устанавливает связь между семантикой слова и его графической составляющей. В зависимости от коммуникативной задачи, цель преподавателя развить у обучающегося навык понимания этой задачи и извлечения требуемой информации из предложенного текста [2].

Чтение также выступает как средство формирования и контроля всех речевых умений. Оценка сформированности лексических и грамматических навыков не может быть осуществлена без чтения. Речевые опоры для дальнейшего развития монологической и диалогической речи строятся на текстовых единицах. Установки к выполнению заданий представлены в учебных материалах с учетом сформированности у обучающихся навыка и умения чтения. Для развития профессиональной компетенции данный вид речевой деятельности имеет ключевое значение, что вызвало изменения требований к учебным текстам в сторону их усложнения.

В современных учебно-методических комплексах представленные тексты должны отвечать следующим критериям: наличие воспитательного аспекта (обучающиеся должны понимать ценности общества, осознавать ответственность за результаты своей профессиональной деятельности); научное содержание текстов (профессионально-ориентированное содержание); соответствие текста интересам, возрасту и уровню владения иностранным языком обучающихся [2].

Различия в уровнях понимания текста, в поставленных перед обучающимися заданиях и форме чтения отражены в следующих видах чтения:

- переводное и беспереводное;
- аналитическое и синтетическое;
- индивидуальное, фронтальное, классное и домашнее;
- подготовленное и неподготовленное;
- экстенсивное и интенсивное.

Перевод каждой незнакомой лексической и грамматической единицы при прочтении текста определяет переводной вид чтения. Когда как минимальное использование родного языка для определения главной мысли предполагает беспереводную форму чтения. Данную классификацию определяет степень вовлеченности единиц родного языка обучающегося. Для преподавателя английского языка в неязыковом

вузе иметь в арсенале задания для тренировки обеих форм является хорошим подспорьем для развития речевых навыков обучающихся [6].

Аналитическое чтение представляет собой учебный вид чтения, ориентированный на глубокое осмысление текста посредством анализа его языковой структуры. Синтетический же вид чтения основывается на уверенном владении лексическими единицами и грамматическими конструкциями, способности выявлять значения незнакомых слов исходя из контекста либо иных формальных признаков, включая смысловое содержание морфологических компонентов и синтаксическую роль слов в высказывании. Разделение видов чтения в данном случае основано в соответствии с психологической установкой [10].

В зависимости от типа работы над текстом разделяют индивидуальное и фронтальное чтение. Домашнее чтение от классного отличается рядом преимуществ, выраженных в экономии времени непосредственно на занятии. Домашнее чтение подразумевает лишь проверку понимания содержания текста в ходе занятия, когда как классное чтение занимает урочное время.

Предтекстовые упражнения, фасилитирующие понимание текста (направлены на прогнозирование содержания, понимание лексических единиц и грамматических сложностей), определяют подготовленное чтение, а неподготовленное чтение требует от обучающихся осмысления языковых единиц.

Ярким примером экстенсивного чтения является внеклассное чтение. Обучающимся предлагаются тексты, полностью отвечающие их интересам, зачастую художественного жанра большого объема (около 20–30 страниц). Ученики самостоятельно, в свое удовольствие читают работы для погружения в иноязычную среду настолько, что грань между родным языком и английским постепенно стирается (ученик все реже обращается к переводу слов на родной язык для понимания).

Интенсивное же чтение полностью противоположно. Оно несет исключительно учебный характер, содержание также соответствует профессиональной тематике. Данный вид чтения выполняется под пристальным вниманием преподавателя для детального разбора стилистических черт, языковых средств и речевых клише [13].

В отечественной методике преподавания принято различать следующие основные формы чтения: аналитическое, изучающее, просмотровое, поисковое, ознакомительное. Е.И. Пассов считает, что указанные типы чтения скорее отражают различные цели его использования. В то же время Р.К. Миньяр-Белоручев высказывает мнение о целесообразности ограниченного числа видов информативного чтения, среди которых выделяются изучающее и поисковое [8].

В англоязычной методике также выделяют несколько видов чтения, применяемых для решения определённых речевых задач. Наиболее распространённые среди них: skimming (выделение основной идеи текста), scanning (поиск конкретной информации), reading for detail (детальное понимание текста на уровне содержания и смысла).

В статье основной фокус будет направлен на теоретические постулаты отечественных методистов. Доктор педагогических наук и автор пособия для обучения чтению в неязыковых вузах С.К. Фоломкина в основу своей классификации положила практические потребности учащихся: от быстрого просмотра и ознакомления до изучения текста с целью поиска информации и подробного анализа содержания и языкового материала. Каждый тип чтения направлен на решение конкретных коммуникативных задач [7].

В рамках школьного обучения основными видами чтения являются:

- ознакомительное (нацеленное на извлечение основного содержания),
- просмотровое/поисковое (с выборочным пониманием значимой информации),
- изучающее (предполагающее полное и точное понимание текста).

Ознакомительное и поисковое чтение относятся к формам быстрого чтения, различающимся по степени полноты и точности восприятия информации. При ознакомительном чтении извлекается основная информация при уровне понимания 70–75%, что считается нормативным показателем. Такой тип чтения применим к достаточно длинным, несложным текстам, содержащим минимум избыточной информации.

Просмотровое и поисковое чтение направлены на нахождение в тексте конкретных сведений – определений, выводов, фактов, культурологических данных и т.п. Текст может просматриваться как полностью, так и выборочно, если учащийся располагает информацией о расположении нужных фрагментов.

Изучающее чтение предполагает достижение детального, максимально полного понимания всех аспектов содержания текста. Оно осуществляется медленно, сопровождается повторным чтением, переводом, а иногда и письменной фиксацией, что способствует глубокому осмыслению коммуникативной ситуации. Данный вид чтения рекомендован для сложных текстов, обладающих высокой познавательной и информативной ценностью.

Как справедливо отмечает С.К. Фоломкина, анализ выполняет вспомогательную функцию, позволяя учащемуся, с опорой на языковые подсказки, преодолевать возникающие трудности [7].

Все три вида чтения развиваются параллельно при условии сформированных технических навыков. К техническим навыкам относится формирование буквенно-звуковой связи. Соловова Е.Н. предлагает свой подход к обучению чтению на начальном этапе. На первой ступени важно разграничить буквы (изучить алфавит) и звуки, которые эти самые буквы могут передавать.

На старшей ступени обучения происходит дальнейшее развитие всех трёх видов чтения на материале аутентичных текстов различных функциональных стилей: публицистических, научно-популярных, художественных, прагматических и т.д. Задачи при этом следующие:

- ознакомительное чтение используется для восприятия основного содержания текстов различного жанра;
- просмотровое/поисковое – для извлечения нужной информации;
- изучающее – для глубокого понимания прагматических текстов (инструкций, рецептов, статистики и т.д.).

К основным умениям, формируемым в процессе обучения чтению, относятся:

- умение выделять главную информацию;
- умение предсказывать содержание;
- установление причинно-следственных связей;
- понимание аргументации;
- выражение собственного мнения о прочитанном.

Таким образом, можно заключить, что существенных расхождений между отечественной и зарубежной методикой в понимании целей и задач обучения чтению не наблюдается.

Е.Н. Соловова, исследующая вопросы методики преподавания иностранного языка, подчёркивает, что содержание и формат итогового контроля определяют процесс формирования читательских умений. Поскольку целями являются развитие ознакомительного, просмотрового и изучающего чтения, проверка этих умений должна стать основой экзаменационного контроля [12].

В рамках экзаменационных заданий можно выделить несколько типов:

Множественная подстановка: проверяет способность учащихся быстро определять основную мысль параграфов и соотносить её с соответствующими заголовками.

Множественный выбор: позволяет одновременно проверить общее понимание текста, установление логических связей и понимание значений отдельных языковых единиц.

Восстановление текста: направлено на проверку умения воссоздать структуру текста и заполнить пропущенные фрагменты.

Поиск информации: требует от учащихся сканирования текста на предмет нахождения ответов на предложенные вопросы, причём в иной последовательности, чем в тексте.

Такие задания позволяют не только проверить технику чтения, но и стимулируют развитие необходимых навыков.

Отечественные и зарубежные методисты (Н.Д. Гальскова, Е.И. Пассов, Е.Н. Соловова, М.З. Биболетова) выделяют три этапа работы с текстом:

1. Дотекстовый (этап антиципации) – постановка цели чтения, мотивация, снижение языковых трудностей. Ниже представлены возможные примеры заданий на данном этапе.

Предположите возможное содержание текста по заголовку «Across advanced economies». Для упрощения задачи, преподаватель может попросить обучающихся построить mind map. Отведите от слова «economy» стрелки и подберите с нему подходящие сочетания (economy – regional, -country`s; – world`s и т.д.).

Соотнесите новые слова из текста и их перевод

Surge	Потребитель
Consumer	Резкий рост
Tenants	Аренда жилья
Leasing a home	арендатор

По такому же принципу задание на соотнесение новых слов с их описанием на английском также будет актуально.

2. Текстовый – формирование и контроль речевых умений через задания на поиск информации, интерпретацию, анализ и т.д.

Подберите к словам из абзаца синонимы. Rich-world rents *are rising at an annual* pace *of 5% or so? the fastest sustained* increase *in decades-presenting a huge challenge for the quarter of* households *that rent [50].*

Заполните пропуски в следующем абзаце, используя слова из списка.

employability, dwelling, diligent, reinforced concrete

In modern living, constructing a _____(1) has become an intricate blend of architectural finesse and technological innovation. Today's engineers, using _____(2), create structures that showcase human ingenuity. These buildings are more than shelters; they symbolise society's progress, crafted by means of advanced methodologies and _____(3) application of materials. In this global landscape, _____(4) has shifted dramatically.

3. Послетекстовый – развитие продуктивных умений (говорение и письмо), интерпретация, творческие задания (аннотация, пересказ, сочинение и т.д.).

Ответьте на вопросы по тексту.

How was the rental market changed across advanced economies in recent years? What factors have contributed to the surge in rental inflation in many countries?

How does the rise in rental costs impact renters, especially those with lower incomes?

Используя текст, опишите нынешнее состояние рынка недвижимости в России.

Разнообразие упражнений на этих этапах способствует формированию читательской компетенции [3].

Оценка уровня сформированности навыков и умений чтения на английском языке студентов первого курса направления подготовки 08.03.01 «Строительство» Московского государственного строительного университета определена в рабочей программе дисциплины. Согласно данному документу, в перечень планируемых результатов обучения по дисциплине «Иностранный язык» входит индикатор достижения компетенции *УК– 4.2. Чтение и понимание на слух информации делового и профессионального характера на иностранном языке (работа со словарем).*

В рамках оценивания уровня сформированности навыков и умений чтения на английском языке во втором семестре, студенты выполняют чтение иноязычного текста.

Эффективность обучения чтению на иностранном языке во многом определяется правильным отбором и организацией материала, что требует учета комплекса факторов, интегрирующих дидактические принципы с психологическими закономерностями познавательной деятельности учащихся. Данная проблема нуждается в многоаспектном анализе.

Прежде всего, следует принимать во внимание динамику становления умений в чтении, соответствующую стадиям формирования речевых навыков. На этапе развития механизмов озвучивания звукового кода, не знакомого учащемуся, целесообразно предлагать для чтения изолированные слова, словосочетания, предложения и смысловые фрагменты. Отбор материала здесь опирается на простые критерии: включается лексика, уже освоенная в устной речи, и буквосочетания, декодированию которых посвящена тренировка на текущем этапе. Такое упражнение лишь приближается к подлинному чтению, ибо чтение в истинном смысле предполагает смысловую обработку связного содержания.

Переходя к связным текстам, критерии отбора дифференцируются на две группы: требования к содержанию и языковому оформлению, что способствует реализации условий для проблемного усвоения знаний.

Рассмотрим содержательные аспекты. Первым обязательным требованием выступает познавательная ценность материала. Текст должен стимулировать пополнение знаний и формирование ценностных ориентаций, вовлекая учащихся в активный познавательный процесс. Не менее важным критерием является соответствие текста интересам обучающихся, поскольку успешность обучения напрямую коррелирует с мотивационной значимостью материала. Интерес возникает только при совпадении эмоционально-познавательных потребностей личности с предлагаемым содержанием, что детерминируется возрастом и уровнем интеллектуального развития.

Что касается языковой стороны, эффективность чтения как речевой деятельности зависит от способности учащегося сосредоточиться на содержании без языковых барьеров, что обеспечивает автоматизацию навыков (глазодвигательные координации, целостное восприятие, расширение поля зрения) и усиливает мотивацию через чувство успеха. Наряду с информационной насыщенностью и логической структурой, лексическая и грамматическая сложности определяют успех. В лексическом плане влияние незнакомых слов варьируется в зависимости от типа текста, их количества, характера и вида чтения. Например, в поисковом чтении допустим больший процент новизны (до 25%, включая выводимые слова), поскольку задача компенсирует сложности. Для ознакомительного чтения – 4–10%; для точного понимания Фоломкина рекомендует 2–3 слова на страницу [7].

Проблема грамматической сложности менее разработана. На старшем этапе, в соответствии с принципом аутентичности, допускаются неизученные структуры, компенсируемые «восполняющими» умениями (контекстуальная догадка, игнорирование, морфемный анализ).

При отборе действует принцип «от простого к сложному», корректируемый по мере развития аналитических способностей, расширения словаря и овладения стратегиями, чтобы поддерживать интерес и избегать перегрузки.

В современной методике акцент направлен на типы текстов: художественные, публицистические, научно-популярные, эпистолярные, прагматические (инструкции, рецепты, реклама и т.д.). Их разнообразие повышает обучающий потенциал: для поискового чтения – прагматические тексты; для просмотрового – газетные или онлайн-публикации; для развития речи – примеры композиции (аргументация в публицистике). Нормативные документы предусматривают максимальную вариативность на старшей ступени [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках обучения дисциплине «Иностранный язык (английский)» студенты 1 курса строительного университета Москвы должны овладеть навыками ознакомительного и поискового типов чтения. Предлагаемые на экзамене тексты отличаются своей технологической направленностью, а некоторые также и академическим стилем письма, что добавляет сложность выполнению задания.

Для достижения наиболее высокой результативности обучения чтению на английском языке, что является одним из наиболее часто употребляющихся форм для понимания информации на иностранном языке, необходимо применить комплексный подход. Этот подход заключается в учете таких аспектов, как фонетика (чтение по слогам и словам), беглость (точность и скорость чтения), словарный запас, понимание текста, этапы освоения навыка и умения чтения.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Бредихина И.А. Методика преподавания иностранных языков: Обучение основным видам речевой деятельности: учеб. пособие / И.А. Бредихина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 104 с.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов лингв. унтов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2004. – 336 с.
4. Гез Н.И. [и др.] Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учеб. – М.: Высш. школа, 1982. – 373 с.
5. Дорохов Р.С. Роль, содержание и специфика обучения чтению на занятиях по английскому языку // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 4 (48).
6. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому как иностранному: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 78 с.
7. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе: учеб.-метод. пособие / С.К. Фоломкина; науч. ред. Н.И. Гез. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2005. – 253 с.
8. Пассов Е.И. Урок иностранного языка. – М.: Просвещение, 1988. – 222 с.
9. Приказ Минобрнауки России от 31.05.2017 № 481 (ред. от 08.02.2021).
10. Ревякина Т.Л., Щур В.В., Федотова Н.В. Чтение как аспект обучения на занятиях по РКИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2013. – № 11.
11. Рогова Г.В. [и др.] Методика обучения иностранным языкам в средней школе. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.
12. Соловова Е.Н., Солокова И.Е. State Exam Maximiser: Подготовка к экзаменам. Английский язык. – М.: Pearson Longman, 2007. – 224 с.
13. Умарканова С.Ж. Интенсивное и экстенсивное чтение: цели обучения, трудности освоения, перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2020. – № 3. – С. 132–140.

TEACHING READING IN ENGLISH CLASSES FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

Vasilieva V.O., Tsepanov L.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the theoretical and practical aspects of teaching reading as a receptive type of speech activity in English classes. The paper presents classifications of

types of reading adopted in domestic and foreign methods. Special attention is paid to the stages of working with the text (pre-text, text, post-text), the criteria for selecting educational texts (cognitive value, matching the interests and level of students, authenticity) and standard exam tasks (multiple substitution, multiple choice, text restoration, etc.). The article is addressed to teachers of foreign languages, methodologists and students of language courses.

Keywords: reading exercises, stages of learning to read, exploratory reading, introductory reading.

References

1. Azimov, E.G., & Shchukin, A.N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). – Moscow: IKAR Publishing House, 2009. – 448 p.

2. Bredikhina, I.A. Methods of teaching foreign languages: Teaching the main types of speech activity. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2018. – 104 p.

3. Dorokhov, R.S. The role, content and specifics of teaching reading in English classes. // Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. – 2018. – No. 4 (48).

4. Folomkina, S.K. Teaching reading in a foreign language in a non-linguistic university / ed. by N.I. Gez. – 2nd ed., rev. – Moscow: Vysshaya Shkola, 2005. – 253 p.

5. Galskova, N.D., & Gez, N.I. Theory of teaching foreign languages: Linguodidactics and methodology. – Moscow: Akademia, 2004. – 336 p.

6. Gez, N.I., et al. Methods of teaching foreign languages in secondary school. – Moscow: Vysshaya Shkola, 1982. – 373 p.

7. Kryuchkova, L.S. Practical methodology of teaching Russian as a foreign language. – Moscow: Flinta: Nauka, 2009. – 78 p.

8. Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 481 dated May 31, 2017 (as amended on February 8, 2021).

9. Passov, E.I. The foreign language lesson. – Moscow: Prosveshchenie, 1988. – 222 p.

10. Revyakina, T.L., Shchur, V.V., & Fedotova, N.V. Reading as an aspect of teaching in Russian as a foreign language classes. // Current Issues of Modern Philology and Journalism. – 2013. – No. 11.

11. Rogova, G.V., et al. Methods of teaching foreign languages in secondary school. – Moscow: Prosveshchenie, 1991. – 287 p.

12. Solovova, E.N., & Solokova, I.E. State Exam Maximiser: Exam preparation. English language. – Pearson Longman, 2007. – 224 p.

13. Umarkanova, S. Zh. Intensive and extensive reading: Learning objectives, acquisition difficulties, development prospects. // RSUH Bulletin. Series “Psychology. Pedagogy. Education”. – 2020. – No. 3. – Pp. 132–140.

Социальные барьеры межведомственного взаимодействия при оказании помощи семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации

Власенко Юлия Игоревна,
аспирант НГУЭУ, заведующий отделением профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, МБУ «ГКЦСОН» – филиал «КЦСОН Кировского района»
E-mail: Vlasenkojulia1009@icloud.com

В статье рассматриваются актуальные проблемы организации межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на примере Кировского района г. Новосибирска. Автор анализирует нормативно-правовую базу, включая Федеральный закон № 120-ФЗ и региональные нормативные акты, регламентирующие порядок межведомственного взаимодействия. Основное внимание уделяется выявлению системных недостатков в работе служб профилактики: межведомственной разобщенности, избыточной бюрократизации, формальном подходе к выполнению социальной работы. Особо отмечается проблема недостаточной профессиональной подготовки специалистов в работе с наиболее уязвимыми категориями семей. На статистических данных демонстрируются тенденции в работе с семьями группы риска, однако подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования системы межведомственного взаимодействия. Предлагаются конкретные меры по оптимизации работы, включая разработку единой концепции сотрудничества, создание оперативных коммуникационных каналов, внедрение междисциплинарного подхода в подготовке кадров.
Статья будет полезна специалистам органов социальной защиты, образования, здравоохранения, органов полиции, опеки и попечительства, а также других служб, участвующих в системе профилактики семейного неблагополучия, исследователям в области социальной работы.

Ключевые слова: социальная работа, межведомственное взаимодействие, социальное сиротство, социальная реабилитация, трудная жизненная ситуация, социальная помощь семье.

На сегодняшний день сфера социальной поддержки семей с детьми функционирует как сложная формация, требующая скоординированного участия всех субъектов профилактики. Ключевыми условиями ее эффективности выступают, во – первых, синергия воспитания и образования, и во – вторых, доминирующее влияние на ребенка социального контекста –семейной и общественной среды. Н.В. Кравчук в своей позиции подчеркивает, что Конвенция ООН о правах ребенка закрепляет приоритет семейного воспитания и обязывает государства – участники оказывать всестороннюю поддержку семье как естественной среде обитания ребенка [1, с. 48–49].

Необходимость межведомственного сотрудничества не вызывает сомнений у служб, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, но фактически плодотворному сотрудничеству мешают ведомственная разобщенность, излишняя бюрократия и инструкции. Распределение обязанностей между службами важно, но общество – это уникальный организм. Так, для помощи семьям с детьми усилий лишь одной службы системы профилактики часто недостаточно.

Каждая структура выполняет свой узкий набор функций, но целостная картина проблемы и потребностей семьи остается неясной. Органы и учреждения образования замечают проблемы с учебной успеваемостью, органы социальной защиты населения фиксируют уровень дохода, а медицинские службы - состояние здоровья членов семьи. При этом основные причины, которые часто располагаются на стыке этих социальных сфер, остаются незамеченными. Семья вынуждена самостоятельно обращаться в различные инстанции, теряя много времени и сил, в то время как ее проблемы лишь усугубляются. Таким образом, сама система, призванная помогать, порой невольно способствует маргинализации семей, нуждающихся в поддержке. Как отмечает С.А. Бражников, исторический анализ деятельности органов социальной защиты показывает, что многие проблемы межведомственного взаимодействия имеют давнюю природу и требуют комплексного решения [2 с. 21].

Исторический анализ деятельности органов социальной защиты показывает, что многие проблемы межведомственного взаимодействия имеют давнюю природу и требуют комплексного решения [2, с. 21].

В Кировском районе г. Новосибирска ключевыми проблемами, требующими межведомственного подхода, являются:
– организация образовательного процесса для педагогически запущенных детей в различных формах (очное, очно – заочное, индивидуальное и домашнее обучение);
– осуществление функций опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей;
– содействие жизнеустройству детей - сирот в замещающие семьи;
– предоставление адресной материальной помощи семьям;
– реализация программ профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних с помощью развития инфраструктуры организованного досуга;
– применение мер, ограничивающих помещение несовершеннолетних в социальные центры с круглосуточным пребыванием.

Наибольшую уязвимость перед ведомственной разобщенностью испытывают дети с ограниченными возможностями здоровья и социальные сироты [3]. Ребенок из неблагополучной семьи нуждается не только в материальной помощи, но прежде всего в понимании, тепле и поддержке [4, с. 112]. Шанс таких детей на полноценную жизнь напрямую зависит от слаженной работы специалистов района при грамотном администрировании со стороны руководителей различных социальных сфер района. Робертсон зафиксировал, что после воссоединения с матерью ребенок может проявлять амбивалентное поведение: сочетание цепляния за мать и избегания ее [5].

Несмотря на то, что ключевые векторы работы между системой образования и органами социальной защиты законодательно определены, а именно: охрана прав несовершеннолетних, проведение социальной диагностики с помощью форм документов, патронаж семей и реабилитации семей [6, с. 58, 7, с. 58] – на системном уровне сохраняется ряд фундаментальных проблем. К ним относится отсутствие единой методологии взаимодействия, дефицит апробированных методов и форм организации совместной деятельности, а также несоот-

ветствие существующей нормативной базы реальным организационно - управленческим запросам. Деятельность органов социальной защиты населения по профилактике безнадзорности в конце XX века носила фрагментарный характер и не была подкреплена ресурсно [2, с. 18].

Десятилетие детства объявлено в целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства [7].

27.05.2022 года утвержден приказом министерства труда и социального развития Новосибирской области, министерства образования Новосибирской области, министерства здравоохранения Новосибирской области, министерства культуры Новосибирской области, министерства физической культуры и спорта Новосибирской области, ГУ МВД России по Новосибирской области № 596/1072/1656/192/552/371 от 27.05.2022 (в редакции от 06.09.2023 № 1554-НПА/1949/2325/358/505/747, от 07.05.2025 № 870-НПА/616/1311 – НПА/198/210/300) «Об утверждении Порядка межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Новосибирской области по раннему выявлению и предотвращению детского и семейного неблагополучия, организации работы с несовершеннолетними и семьями по профилактике социального сиротства». [8] Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики, основан на Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». [9]

Рекомендовано разработать и внедрить единые стандарты подготовки специалистов системы профилактики, включающие междисциплинарные компетенции [10, с. 45].

Проблемы взаимодействия между службами системы профилактики становятся очевидными, как только семья попадает в кризисную ситуацию. Обмен информацией, оперативное реагирование, защита интересов ребенка, обеспечение его прав на образование и социальную поддержку семьи - требует скоординированных действий руководителей сфер социальной защиты, органов опеки и попечительства, образования, здравоохранения и правоохранительных органов. [11 с. 39, 5. с. 39]

Например, вопросы реабилитации и социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья традиционно относятся к компетенции социальных служб, при этом образовательные учреждения сосредоточены на педагогических аспектах. Подчеркнута важность развития служб ранней помощи и стационарозамещающих технологий как приоритетных направлений профилактики социального сиротства [12]. В ряде случаев необходимо активно привлекать медицинские учреждения, а при необходимости и органы полиции. Правовое регулирование в сфере профилактики представляет собой большой массив устаревших и несистемных норм, характеризующихся коллизионностью и пробельностью [13, с. 63].

В Кировском районе г. Новосибирска используются различные формы взаимодействия:
- межведомственный мобильный рейд;
- взаимодействие в соответствии с утвержденными алгоритмами;
- межведомственная служба «Единое окно».

На практике, эти формы взаимодействия не решают в оперативном и полном объеме задач, которые поставлены для реализации порядка межведомственного взаимодействия.

Фундаментальным барьером остается отсутствие слаженности в работе ведомств. Деятельность специалистов органов социальной защиты населения, специалистов отдела опеки и попечительства, педагогов и чиновников зачастую осуществляется в рамках ведомственной замкнутости, что значительно снижает результативность общих усилий, поскольку оказание действенной помощи семье достижимо только с помощью взвешенного и консолидированного подхода [11, с. 5, с. 43].

С введением в работу нового порядка межведомственного взаимодействия, большое внимание стало уделяться документации. По результатам мониторинга реализации порядка межведомственного взаимодействия было выявлено, что отношение к отчетам и инструкциям - формальное, а важность человеческого фактора и межотраслевого сотрудничества недооценивается. Раннее выявление детского и семейного неблагополучия осуществляется на основе межведомственного обмена информацией [8, с. 12]. Для преодоления этой проблемы необходимо:
– довести до руководителей служб системы профилактики необходимость и обоснованность строгого соблюдения, внедренного в Новосибирской области порядка межведомственного взаимодействия и оказать службам методическую помощь;
– внедрить междисциплинарный подход в подготовке кадров (правовая грамотность, основы педагогики и психологии для специалистов по социальной работе, специалистов отдела опеки, учителей, специалистов отдела по делам молодежи, культуре и спорту);
– создать единый инструмент оперативной коммуникации между ведомствами;
– обосновать необходимость подключения к междисциплинарной работе всем руководителям и специалистам служб системы профилактики необходимость оказания поддержки детям, находящимся в трудной жизненной ситуации;
– разработать единые методики и стандарты межведомственной работы.

Отсутствие ресурсов для преодоления кризиса в семье – наиболее сложная задача для системы профилактики в оказании реальной и качественной помощи. Эффективная защита семейных прав ребенка невозможна без межведомственной координации и постоянного мониторинга соблюдения конвенционных стандартов [1, с. 53].

Родители, склонные к алкоголизации, нуждаются в комплексной помощи, медицинской и психологической, а их детям необходима интеграция в про активную социальную среду. Включение детей в социально значимую деятельность способствует профилактике девиантного поведения и развитию позитивных личностных качеств [14, с. 18].

Согласно данным на 2024 год, 535 детей из семей Кировского района г. Новосибирска в рамках летней оздоровительной кампании предпочла остаться дома с родителями. Основной причиной нежелания летнего оздоровления в каникулярный период (около 70%) является отрицание необходимости загородного летнего отдыха детей самими родителями. Профилактика химических аддикций среди взрослых детей алкоголиков должна включать как раннее выявление семейного неблагополучия, так и психокоррекционную работу с уже сформированными дезадаптивными механизмами [15, с. 24].

Согласно статистическим данным за 2025 год ситуация повторяется, из 535 детей Кировского района г. Новосибирска в рамках летней оздоровительной кампании загородным отдыхом вышеназванной категории семей было охвачено 3,7% детей. Социализация ребенка в детских общественных организациях эффективна при условии добровольности, деятельностного подхода и поддержки взрослых [14, с. 18].

Существенной проблемой остается дефицит профессиональных компетенций педагогов в работе с детьми из наиболее уязвимых групп населения. Многие педагоги до сих пор не знакомы с основными принципами инклюзивного образования, что приводит к дискриминации и ограничению доступа таких детей к полноценному обучению. Часто, дети имеющие педагогическую запущенность, не имеют статуса ребенка с ограниченными возможностями здоровья, что не позволяет образовательному учреждению определить индивидуальный образовательный маршрут для данной категории детей, кроме того, путь от первичной диагностики ученика школы до рассмотрения и донесения результатов психолого-педагогического консилиума до родителя и направления ребенка на территориальную психолого-медико-педагогическую комиссию занимает от 2 до 6 месяцев, таким образом ребенок имеющий ограниченные возможности здоровья не имеет возможности воспользоваться образовательным маршрутом подходящим под его особенности развития, в связи с чем нарушается учебная мотивация обучающегося а так же закрепленное Конституцией Российской Федерации право на образование этого ребенка [16].

Для большинства родителей, педагогически запущенных детей, характерны черты социального инфантилизма. У них снижена способность к самостоятельному планированию жизни и принятию ответственных решений, устоявшаяся позиция иждивенчества и перекладывания ответственности за свою жизнь и жизнь и здоровье своих детей на государство или других людей, отсутствует сформированность навыка преодоления кризисных ситуаций, что зачастую приводит к пассивности или деструктивным моделям поведения. Данная особенность личности создает внутренний барьер для получения социальной помощи, даже при наличии поддержки человек не способен ей воспользоваться.

Данная проблема на сегодняшний день присутствует не только в социально – неблагополучных семьях, но и в благополучных, где для несовершеннолетнего имеется все необходимое для полноценного развития.

Наиболее частыми причинами семейного неблагополучия остаются злоупотребление алкоголем, низкий уровень доходов и неудовлетворительные жилищные условия [17, с. 12].

Согласно статистических данных межведомственное взаимодействие в Кировском районе г. Новосибирска затруднено, но, например, в 2023 году из 23 семей, злоупотребляющим алкоголем прошли полный курс лечения 2 человека (8,6%), в 2024 году из 19 семей – 3 человека (15,7%), в 2025 году выявлено 6 семей склонных к алкоголизации, полный курс лечения прошли 3 человека (50%). На основании представленных статистических данных можно сделать вывод, что в Кировском районе г. Новосибирска отмечается положительная динамика по выяв-

лению и лечению склонных к алкоголизации родителей. При этом, в системе лечения родителей от злоупотребления алкоголем участвуют далеко не все службы системы профилактики, так, выявлением зачастую занимается образовательная организация, работой по организации лечения –специалисты по социальной работе филиала «КЦСОН Кировского района», содействие в противоалкогольном кодировании оказывает некоммерческая организация за свой счет, и прохождением полного курса лечения от алкогольной зависимости занято здравоохранение.

Данная статистика не гарантирует полную социальную реабилитацию лиц, прошедших стационарное лечение. Программы реабилитации лиц с химической аддикцией должны обязательно включать проработку детского травматического опыта, без чего невозможно достижение устойчивой ремиссии [18, с. 65].

Для улучшения ситуации необходимо следующее.

1. Разработать единую концепцию межведомственного взаимодействия.

2. Создать четкие механизмы координации между учреждениями образования, социальной защиты и здравоохранения.

3. Оптимизировать административные процедуры в рамках комплексного подхода реабилитации семьи.

4. Развивать общественные инициативы, такие как совет отцов, союз женщин и другие некоммерческие общественные организации.

5. Обеспечить лицам, прошедшим наркологическое лечение условия социальной реабилитации без разлучения с детьми в стационарных условиях.

Порядок межведомственного взаимодействия обладает значительными преимуществами, включая распределение функций между ведомствами (образование, органы социальной защиты населения, здравоохранение, органы опеки и попечительства, полиция, отдел по делам молодежи, культуре и спорту и другими), что исключает дублирование полномочий.

В системе раннего выявления семей находящихся в группе риска разработаны и стандартизированы подходы к оперативному реагированию. В межведомственное взаимодействие служб внедрены инструменты обмена сведениями (информационные системы), что позволяет оперативно отреагировать на сигнал. Не всем службам системы профилактики они доступны, в г. Новосибирск доступ к системам имеет только комиссия по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, а также органы социальной защиты населения. Профилактика социального сиротства происходит через приоритет сохранения кровной семьи с оказанием целевой поддержки (финансовой, психологической, правовой). Правовой основой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних является федеральный закон № 120-ФЗ, который гарантирует на законодательном уровне надежность системы межведомственного сотрудничества [9]. Единственная отрасль законодательства, оставшаяся неизменной в современной России, – это нормы, касающиеся защиты прав детей, однако их реализация сталкивается с правоприменительными барьерами [14, с. 65]. В системе оценки эффективности работы с семьей организован постоянный контроль результативности принимаемых мер, в частности, мониторинг динамики сокращения случаев помещения детей в учреждения с круглосуточным пребыванием в форме стационарного обслуживания. Своевременная помощь семье способна предотвратить развитие психической патологии у ребенка и разрыв семейных связей [19, с. 89].

Вместе с тем существуют и административные барьеры в организации межведомственного взаимодействия такие как чрезмерная бюрократия и многоэтапные согласования, которые затрудняют своевременное оказание поддержки. Ключевым барьером остается недостаточная координация на этапе раннего выявления семейного неблагополучия [20, с. 67].

Дефицит возможностей, знаний и навыков у руководителей локальных учреждений, отсутствии мотивации к работе с проблемными семьями, а также нехватка специалистов и бюджетного обеспечения. Еще в XX веке недостаток финансирования и кадровый дефицит серьезно ограничивали возможности социальной защиты [2, с. 19].

Оптимизация межведомственного взаимодействия требует не только совершенствования нормативной базы, но и изменения профессиональной культуры специалистов [20, с. 70]. Не редко и формальное отношение к работе с семьей, особенно со стороны образовательных организаций, а также органов опеки и попечительства, которые зачастую не видят необходимости работать с теми семьями, с которыми имеются затруднения у других специалистов. За индивидуальную профилактическую работу с семьей согласно порядка межведомственного взаимодействия отвечает специалист ведомства, назначенный комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав. Курирующему семью специалисту вместо помощи от служб системы профилактики приходится доказывать адресно каждому руководителю служб, что имеется необходимость помощи других ведомств, помимо специалиста, которому такая работа была поручена. Основополагающим фактором для специалиста является решение конкретных социальных проблем, а не выполнение показателей. Органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществляют индивидуальную профилактическую работу [9]. При этом предложения исходящие от органа опеки и попечительства в рамках межведомственной работы с семьей формальны и единообразны, для каждой семьи они используют профилактические беседы руководствуясь ст. 16 ФЗ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, без дальнейшего сопровождения [9]. Чем раньше будет оказана помощь семье, тем выше шанс предотвратить формирование у ребенка устойчивых отклонений в развитии и поведении [4, с. 89].

Недостаточный профессионализм сотрудников социальных служб, органов опеки и попечительства и образовательных учреждений также является на сегодняшний день серьезным затруднением в работе с семьей, зачастую специалисты не обладают необходимыми навыками работы с трудными случаями (различные виды зависимостей родителей, случаи семейного насилия). Психические нарушения у детей нередко являются следствием семейного неблагополучия, а не самостоятельным заболеванием [19, с. 68]. Чаще всего подобные проблемы в семьях вызывают затруднения у специалистов, и вместо срочной квалифицированной помощи семьи получают формальные, запоздалые и несистемные действия, не приводящие к разрешению кризисной ситуации, что приводит к усугублению проблемы, кризису в семье и повышению риска для благополучия ребенка, что в конечном итоге полностью дискредитирует идею межведомственной профилактической работы. Задача педагогов и врачей – не клеймить неблагополучную семью, а попытаться найти способы помочь ей [4, с. 67].

Не редко поступают обращения, свидетельствующие о нарушениях принципа конфиденциальности при межведомственном документообороте. Информационная защита и конфиденциальность получаемой информации находится под угрозой. Специалисты в своей работе не заботятся об утечке конфиденциальной информации, что пагубно сказывается на семье и желании делиться собственными проблемами со службами системы профилактики. Психологическая травма у детей выступает значимым фактором формирования невротических расстройств, особенно в условиях семейного неблагополучия [21, с. 739].

Несмотря на активное применение в Новосибирске действующего порядка межведомственного взаимодействия служб системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, он требует существенной доработки для перехода от формального соблюдения регламентов к оказанию персонализированной и квалифицированной помощи семьям. Целью оптимизации должен стать переход от механического следования процедурам к обеспечению адресной и профессиональной помощи семье как единому комплексному объекту социальной поддержки.

Как сказал Мартин Лютер Кинг: «Всякая жизнь есть жизнь в сообществе, и всякая жизнь требует сообщества».

Литература

1. Кравчук, Н.В. Конвенция о правах ребенка ООН как инструмент защиты семейных прав ребенка в России / Н.В. Кравчук // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 48–53. – EDN HUHBCR. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9243293

2. Бражников С.А. Деятельность органов социальной защиты населения по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в России конца XX века / С.А. Бражников // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. – 2025. – Т. 10, № 2. – С. 14–21. – DOI 10.25206/2542–0488–2025–10–2–14–21. – EDN ITTWYM.

3. Власенко Ю.И. Межведомственное взаимодействие. Оказание помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации // Ученые заметки: № 34 (2), июнь 2025. – URL: https://uronsk.ru/articles2/428/36/mezhvedomstvennoe-vzaimodeystvie-okazanie-pomoshchi-detyam-okazavshimsya-v-trudnoy

4. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки детского психиатра: книга для учителей и родителей / М.И. Буянов. – Москва: Просвещение, 1988. – 207, [1] с.: ил. – (Психологическая наука – школе). – ISBN 5-09-000854-4.

5. Robertson, J. A Two-Year-Old Goes to Hospital [Film] / J. Robertson. – 1952.

6. Шестоперова, Е.Л. Из практики социальной реабилитации семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе в социально опасном положении, на базе комплексного центра социального обслуживания / Е.Л. Шестоперова, Г.Н. Мухаматдинова // Работник социальной службы. – 2013. – № 3. – С. 57–64.

7. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 // Российская газета. 30 мая 2017.

8. Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Новосибирской области по раннему выявлению и предотвращению детского и семейного неблагополучия, организации работы с несовершеннолетними и семьями по профилактике социального сиротства: утв. приказом от 27.05.2022 № 596/1072/1656/192/552/371. – Новосибирск, 2022. – 45 с.

9. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

10. Специальный доклад уполномоченного при президенте РФ М.А. Львовой-Беловой Об итогах всероссийской инспекции системы профилактики социального сиротства 2025. – URL: https://rybinskij-r04.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/287/2039/Spetsial_nyy_doklad_M.A._L_vovoy_Belovoy_Ob_itogah_VISP_2025.pdf

11. Сальвассер, М.А. Система работы с семьей и детьми в комплексном центре социального обслуживания / М.А. Сальвассер // Работник социальной службы. – 2012. – № 8. – С. 38–45.

12. Зональное совещание, посвященное вопросам реализации порядка межведомственного взаимодействия в целях профилактики социального сиротства. – URL: https://rg.ru/2025/12/17/reg-sibfo/v-novosibirske-sovershenstvuiut-sistemu-profilaktiki-socialnogo-sirotstva.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.bing.com%2F

13. Бондаренко Д.В. Единственная отрасль законодательства, оставшаяся неизменной в современной России // Российское право: образование, практика, наука. – 2022. – № 3. – С. 61–70. – DOI 10.34076/2410_2709_2022_3_61. – EDN KKCFMY.

14. Волохов А.В. Теория и методика социализации ребенка в детских общественных организациях: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук: 13.00.01 / Волохов Алексей Васильевич; Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 1999. – 31 с.

15. Меринов А.В. Распространенность химических аддикций у «Взрослых детей алкоголиков» / А.В. Меринов, А.В. Лукашук, М.Д. Филиппова // Тюменский медицинский журнал. – 2015. – № 4. – С. 21–25.

16. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). – М.: Проспект, 2020. – 32 с.

17. Доклад уполномоченного по правам ребенка в Новосибирской области за 2025 год. – URL: https://nskdeti.nso.ru/sites/nskdeti.nso.ru/wodby_files/files/page_2142/doklad_upr_nso_2025.pdf]

18. Евтушенко В.С. Взаимосвязь химической аддикции с наличием детских психологических травм / В.С. Евтушенко // Психологические исследования: актуальные направления и перспективы: Сборник научно-практических исследований молодых ученых. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2024. – С. 61–66. – EDN AUBCGW. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=74741678 (дата обращения: 19.01.2026).

19. Вроно Е.М. Несчастливые дети – трудные родители [Текст]: наблюдения детского психиатра / Елена Вроно. – Москва: Семья и школа, 2013. – 126, [2] с. – (Школа для родителей). – ISBN 978-5-88539-041-5.

20. Евстратова Т.А. Сложности межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности, социального сиротства, преступлений и правонарушений несовершеннолетних / Т.А. Евстратова // Социальная политика и социология. – 2025. – Т. 24, № 1(154). – С. 64–71. – DOI 10.17922/2071–3665–2025–24–1–64–71. – EDN SKTHFU.

21. Бекмиров Т.Р. Психологическая травма у детей как фактор невроза // Academic research in educational sciences. Conference. – 2023. – Volume 4. – pp. 739–744.

SOCIAL BARRIERS TO INTERAGENCY COOPERATION IN PROVIDING ASSISTANCE TO FAMILIES IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS

Vlasenko Yu.I.
«KCSON of the Kirovsky District» (Complex Center for Social Services to the Population)

The article addresses current issues in organizing interagency cooperation within the system for preventing neglect and juvenile delinquency, using the Kirovsky District of Novosibirsk as an example. The author analyzes the regulatory and legal framework, including Federal Law № 120-FZ and regional regulations governing the procedure for interagency cooperation. The main focus is on identifying systemic shortcomings in the work of prevention services: interagency fragmentation, excessive bureaucracy, and a formal approach to social work. Special attention is drawn to the problem of insufficient professional training of specialists working with the most vulnerable categories of families. The statistical data demonstrate trends in working with at-risk families, but emphasize the need for further improvement of the interagency cooperation system. Specific measures for optimizing work are proposed, including the development of a unified cooperation concept, the creation of operational communication channels, and the implementation of an interdisciplinary approach in staff training.
The article will be useful for professionals in social protection, education, healthcare, and other services involved in the system of preventing family distress, as well as for researchers in the field of social work.

Keywords: social work, interagency cooperation, social orphan hood, social rehabilitation, difficult life situation, social assistance to the family.

References

1. Kravchuk, N.V. The UN Convention on the Rights of the Child as an Instrument for Protecting the Family Rights of the Child in Russia / N.V. Kravchuk // State and Law. – 2006. – № 4. – Pp. 48–53. – EDN HUHBCR. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9243293

2. Brazhnikov S.A. Activities of Social Protection Agencies to Prevent Neglect and Homelessness of Minors in Russia at the End of the Twentieth Century / S.A. Brazhnikov // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. – 2025. – Vol. 10, № 2. – Pp. 14–21. – DOI 10.25206/2542–0488–2025–10–2–14–1. – EDN ITTWYM.

3. Vlasenko Yu.I. Interdepartmental interaction. Providing assistance to children in difficult life situations // Scientific notes: № 34 (2), June 2025. – URL: https://uronsk.ru/articles2/428/36/mezhvedomstvennoe-vzaimodeystvie-okazanie-pomoshchi-detyam-okazavshimsya-v-trudnoy

4. Buyanov M.I. A child from a dysfunctional family: notes of a child psychiatrist: a book for teachers and parents / M.I. Buyanov. – Moscow: Pro-education, 1988. – 207, [1] p.: ill. – (Psychological science – for school). – ISBN 5-09-000854-4.

5. Robertson, J. A Two-Year-Old Goes to Hospital [Film] / J. Robertson. – 1952.

6. Shestoperova, E.L. From the practice of social rehabilitation of families in difficult life situations, including those in socially dangerous situations, based on the integrated social services center / E.L. Shestoperova, G.N. Mukhamatdinova // Social service worker. – 2013. – № 3. – P. 57–64.

7. On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of May 29, 2017, № 240 // Rossiyskaya Gazeta. May 30, 2017.

8. The procedure for interdepartmental interaction of bodies and institutions of the system for the prevention of child neglect and juvenile delinquency in the Novosibirsk Region on the early detection and prevention of child and family problems, and the organization of work with minors and families on the prevention of social orphanhood: approved by order of May 27, 2022 № 596/1072/1656/192/552/371. – Novosibirsk, 2022. – 45 p.

9. Federal Law of June 24, 1999 № 120-FZ «On the Fundamentals of the System for the Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency»: (as amended and supplemented) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – № 26. – Article 3177.

10. Special report of the Commissioner for the President of the Russian Federation M.A. Lvova-Belova On the results of the All-Russian inspection of the system of prevention of social orphanhood 2025 – URL: https://rybinskij-r04.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/287/2039/Spetsial_nyy_doklad_M.A._L_vovoy_Belovoy_Ob_itogah_VISP_2025.pdf

11. Salvasser, M.A. The system of work with family and children in a comprehensive social services center / M.A. Salvasser // Social service worker. – 2012. – № 8. – P. 38–45.

12. Zonal meeting dedicated to the implementation of the procedure for interdepartmental cooperation for the prevention of social orphanhood. – URL: https://rg.ru/2025/12/17/reg-sibfo/v-novosibirske-sovershenstvuiut-sistemu-profilaktiki-socialnogo-sirotstva.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.bing.com%2F

13. Bondarenko D.V. The only branch of legislation that has remained unchanged in modern Russia // Russian law: education, practice, science. – 2022. – № 3. – P. 61–70. – DOI 10.34076/2410_2709_2022_3_61. – EDN KKCFMY.

14. Volohov A.V. Theory and Methods of Child Socialization in Children's Public Organizations: Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / Volohov Aleksey Vasilyevich; Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. – Yaroslavl, 1999. – 31 p.

15. Merinov A.V. Prevalence of Chemical Addictions in «Adult Children of Alcoholics» / A.V. Merinov, A.V. Lukashuk, M.D. Filippova // Tyumen Medical Journal. – 2015. – № 4. – P. 21–25.

16. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). – M.: Prospect, 2020. – 32 p.

17. Report of the Commissioner for Children's Rights in the Novosibirsk Region for 2025. – URL: https://nskdeti.nso.ru/sites/nskdeti.nso.ru/wodby_files/files/page_2142/doklad_upr_nso_2025.pdf

18. Yevtushenko V.S. The relationship between chemical addiction and the presence of childhood psychological trauma / V.S. Yevtushenko // Psychological research: current directions and prospects: Collection of scientific and practical research of young scientists. – Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, 2024. – Pp. 61–66. – EDN AUBCGW. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=74741678 (date of access: 19.01.2026).

19. Vrono E.M. Unhappy Children – Difficult Parents [Text]: Observations of a Child Psychiatrist / Elena Vrono. – Moscow: Family and School, 2013. – 126, [2] p. – (School for Parents). – ISBN 978-5-88539-041-5.

20. Evstratova T.A. Difficulties of interdepartmental interaction in the system of prevention of child neglect, social orphanhood, crimes and juvenile delinquency / T.A. Evstratova // Social policy and sociology. – 2025. – Vol. 24, № 1 (154). – Pp. 64–71. – DOI 10.17922/2071–3665–2025–24–1–64–71. – EDN SKTHFU.

21. Bekmirov T.R. Psychological trauma in children as a factor of neurosis // Academic research in educational sciences. Conference. – 2023. – Vol. 4. – pp. 739–744.

Лингводидактические аспекты организации самостоятельной работы иностранных курсантов на начальном этапе обучения в российском военном вузе

Галеева Елена Викторовна,
преподаватель кафедры русского языка Московского высшего общевойскового командного училища
E-mail: elv-galeeva@inbooks.ru

В данной работе автором рассматриваются вопросы, связанные с обучением иностранных курсантов русскому языку как иностранному на начальном этапе обучения. В статье охарактеризованы особенности самостоятельной работы и специфика деятельности обучающихся в военном вузе, предложены лингводидактические методы организации самостоятельной работы иностранных курсантов в рамках аудиторного занятия и внеаудиторной деятельности. Для преодоления выявленных трудностей предложены приемы, позволяющие формировать у иностранных обучающихся умения и навыки самостоятельной работы, рассмотрены факторы, способствующие формированию личности будущего военного специалиста, готового к самообразованию и к профессиональной деятельности. Данная модель организации самостоятельной работы может использоваться в образовательном процессе при обучении иностранных курсантов русскому языку как иностранному на начальном этапе обучения в российском военном вузе.

Ключевые слова: лингводидактика; методика преподавания; русский язык как иностранный; самостоятельная работа; иностранные курсанты; лингафонный кабинет; аудиовизуальный метод.

В настоящее время к уровню подготовки и компетентности современного военнослужащего предъявляются особые требования как к личности, способной постоянно совершенствоваться, повышать свою профессиональную квалификацию, имеющей опыт самостоятельной деятельности, практическое умение работать с большим объемом информации и с помощью полученных знаний ориентироваться в современном мире.

В системе современного высшего военного образования самостоятельная работа курсантов является одной из важнейших составляющих учебного процесса. В приказе министра обороны от 15 сентября 2014 г. № 670 «О мерах по реализации отдельных положений статьи 81 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" определено, что «самостоятельная работа является частью учебной деятельности обучающихся по основной профессиональной образовательной программе и организуется в целях закрепления и углубления полученных знаний и навыков, поиска и приобретения новых знаний, а также выполнения учебных заданий, подготовки к предстоящим занятиям, зачетам и экзаменам».

Согласно требованиям нормативных документов, самостоятельная работа курсантов является обязательной на всех этапах обучения в российском военном вузе, а на начальном этапе имеет решающее значение, т.к. перед учащимися стоит задача формирования системы умений и навыков самостоятельной работы, приобретение опыта самостоятельной деятельности, формирование личной ответственности за обучение и качество приобретенных знаний. В связи с этим возникает необходимость обращения особого внимания на поиск возможных путей интенсификации обучения русскому языку посредством внедрения инновационных технологий, повышения качества самостоятельной подготовки обучающихся по русскому языку [7, с. 43].

Анализ научно-методической литературы по данной проблеме показывает, что актуальность исследований в области организации самостоятельной работы обучающихся возрастает. Это определяется новыми реалиями и задачами в области военного образования, увеличением объема и роли самостоятельной работы, применением широкого арсенала стремительно развивающихся инновационных средств обучения [1, с. 7]. Современная лингводидактика предлагает различные виды самостоятельной работы, в рамках которой учащемуся будет необходимо применить полученные знания для решения поставленной задачи [8, с. 506].

Обучение на подготовительном факультете имеет ряд особенностей, учитывая специфику военного вуза: дисциплина и строгая иерархия; ограниченный срок подготовки, а при более позднем прибытии курсантов в Россию ускоренные сроки обучения; специфическая лексика, акцент на устную речь и восприятие на слух (команды, рапорты, доклады, переговоры); кроме русского языка иностранным курсантам необходимо за короткий срок учебы на подготовительном факультете овладеть другими учебными дисциплинами: математикой, физикой, химией, историей на уровне, достаточном для восприятия учебного материала на первом курсе.

На этапе довузовской подготовки четкая организация самостоятельной подготовки, координация, консультирование и контроль самостоятельной деятельности курсантов являются неотъемлемой частью обучения. Важную роль в оптимизации учебного процесса играют научно обоснованные, правильно организованные с методической точки зрения различные формы внеаудиторной работы. Внеучебная деятельность мотивирует учащихся к обучению и способствует формированию у них интереса к изучению языка, к самостоятельной творческой деятельности [9, с. 11].

Перед преподавателем русского языка как иностранного стоит задача за короткий период сформировать у иностранных военнослужащих максимально широкий спектр языковых и коммуникативных умений и навыков, позволяющих овладеть будущей военной специальностью на русском языке. Самостоятельная работа – это активные формы и методы обучения, это единство учебно-воспитательной работы, это сотрудничество студента и преподавателя [6, с. 135]. Задача преподавателя заключается в том, чтобы с помощью различных лингводидактических методов и приемов мотивировать, организовывать и активизировать познавательную деятельность каждого иностранно-

го обучающегося, индивидуализировать процесс овладения русским языком, усилить учебную мотивацию курсантов во время аудиторных занятий и во внеаудиторное время, т.к. от эффективности самостоятельной работы зависит качество приобретенных на уроке знаний, их устойчивое закрепление.

Самостоятельная работа иностранных курсантов при изучении русского языка на этапе довузовской подготовки реализуется в двух формах: аудиторные занятия и самоподготовка.

Во время аудиторных занятий на стадии введения, закрепления, активизации нового языкового материала обучающиеся вовлечены в интенсивную совместную с преподавателем деятельность. Этот этап включает в себя лексическую работу, т.е. изучение лексики, без которой невозможно восприятие дальнейшего материала, работу с грамматическими моделями, работу лингвокультурологического характера и т.п.

На начальном уровне обучения основной вид самостоятельной работы в классе предполагает работу по образцу, выполнение тренировочных упражнений по заданному алгоритму под руководством преподавателя. Цель первого начального уровня самостоятельной работы заключается в узнавании, осмыслении и запоминании учебного материала.

Следующий уровень предполагает воспроизведение знаний и умений, осуществление переноса приобретенных лексических и грамматических знаний на аналогичные ситуации. Характерным признаком второго уровня самостоятельной деятельности является то, что обучающийся уже имеет необходимые навыки и умения для выполнения самостоятельной работы и умеет соотносить новое задание с уже известными ему знаниями и решениями.

Для отработки грамматики на уроках русского языка как иностранного широко используются наглядно-сопоставительный метод и метод структурных таблиц. Для закрепления падежей и видов глагола созданы визуальные схемы, сравнительные формы, таблицы с «окошками», куда вставляются слова. Для начального этапа обучения успешно реализуется метод мини-тестов с обратной связью. Для промежуточного контроля используются быстрые тесты (выбор окончания, вставка пропущенного слова).

Внеаудиторная самостоятельная подготовка курсантов протекает в отсутствии преподавателя, имеет ряд особенностей и отличий от самостоятельной работы студентов гражданского вуза. Она организуется в строго установленное распорядком дня время, отводимое на самостоятельную работу, обучающиеся обязательно получают учебную литературу, самостоятельная подготовка проходит в закрепленном учебном классе, организация и проведение самостоятельной работы контролируется командирами. Однако, большим недостатком является ограниченный доступ обучающихся к интернету, отвлеченность от самостоятельной работы из-за большого количества учебных часов, которые отводятся на физическую подготовку, несение службы в карауле и наряде, участие в торжественных, праздничных и спортивных мероприятиях.

Для успешной внеаудиторной самостоятельной работы на уроке обязательно выполняется ряд заданий, предшествующих заданиям на самоподготовку, даются рекомендации повторить необходимые грамматические правила.

Особую значимость обучения самостоятельной работе в условиях военного вуза на начальном этапе имеет лингафонный кабинет. На кафедре русского языка Московского высшего общевойскового командного училища для работы в лингафонном кабинете используется современное программное обеспечение, которое позволяет создавать учебный материал и использовать его обучающимися. Технические возможности лингафонного класса позволяют освоить все виды речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, аудирование): правильную артикуляцию и интонационные конструкции русской речи; отработать лексику и грамматические формы, развить навыки чтения и устной речи, закрепить навыки аудирования. При выполнении фонетических упражнений иностранный обучающийся имеет возможность записывать свою речь, а преподаватель прослушивать аудио, проверять задания, отмечать правильность постановки ударения в словах, произношение.

Для работы в лингафонном кабинете кафедрой русского языка подготовлены учебные пособия для подготовительного курса, соответствующие рабочим программам и тематическим планам. Пособия включают систему упражнений, направленных на развитие, закрепление и систематизацию навыков грамотного употребления в речи специальной лексики, готовят курсантов к восприятию профессионально ориентированного материала. Также преподавателями кафедры сформирована база упражнений, презентационных и обучающих материалов, творческих заданий с интересным актуальным иллюстративным материалом, что мотивирует курсантов к самостоятельной работе, вызывает определенный интерес, активизирует познавательную деятельность. Подготовленные аудио– и видеопрограммы учат воспринимать русскую речь на слух, отрабатывать произношение и интонацию, подражая речи носителя языка. Система упражнений для самостоятельной работы снабжена перекрестными ссылками, которые позволяют связать лексический, морфологический и синтаксический материал, извлекают из аудиовизуального материала все соответствующие элементы, которые интегрируются в прочную грамматическую архитектуру [1, с. 12].

Ниже приводятся специальные лингводидактические методы и приёмы использования лингафонного кабинета на самоподготовке. Работа может производиться как в присутствии преподавателя, так и при его отсутствии, т.к. система предоставляет отстроченный контроль учебного материала. Задания группе обучающихся имеют определенную очередность выполнения. Основные режимы работы – общий, индивидуальный, парный и групповой. Методы обучения заключаются в активном слушании, имитации, записи, сравнении, коррекции.

1. Фонетический метод с аудиовизуальной обратной связью используется для постановки звуков (особенно сложных: ы, ш, щ, ц, р, мягких и твердых согласных) и отработке ритмико-интонационных конструкций. Автоматизированные фонетические и орфографические тренажеры, интерактивные таблицы букв и звуков с анимацией артикуляции позволяют отрабатывать ИК-1, ИК-2, ИК-3, например, фразу «Это наше училище?» (ИК-3 с повышением на «училище»). Курсант видит на экране свой интонационный контур и корректирует его.

2. Метод коррекции произношения «эхо-повтор» и самоконтроль. Курсанты сначала слушают разницу в минимальных парах слов: «был – бил, лук – люк, рад – ряд», затем записывает свой голос и сравнивают свои записи с эталонной. Преподаватель выборочно прослушивает записи, голосом или текстовым комментарием указывает на ошибку.

3. Метод «теневого повторения» с записью является одним из самых эффективных для автоматизации произносительных навыков и снятия акцента. Курсант в наушниках слушает фразу и одновременно повторяет её вслух в микрофон, подражая темпу, ритму и интонации, например: «У меня нет времени», «Дайте, пожалуйста, карту местности». Затем записывает себя через микрофон. Когда на экране отображается осциллограмма, сравнивает свой ответ с оригиналом, корректирует его, отрабатывает редукцию гласных и мягкости.

4. Метод «диктанта с взаимопроверкой». Преподаватель диктует текст или даёт аудиозапись, курсанты пишут. Затем включается режим «эталон», и студенты сами проверяют задание, прослушивая правильный вариант. Учебная программа позволяет при необходимости замедлять запись для начального уровня.

5. Метод тестирования и самодиагностики. Лингафонная система позволяет проводить фронтальные тесты на узнавание интонационных конструкций и звуков. Курсанты нажимают кнопки в ответ на услышанную фразу. Программа мгновенно строит отчёт: какой процент ошибок в интонации, кто из учащихся путает [ш] и [щ]. Преподаватель тут же даёт разъяснение.

Обучение будущих военных командиров требует высокой скорости формирования речевых навыков, чёткого фонетического оформления, чтобы избежать ошибок в командах, и в дальнейшем готовности к работе в шумной, стрессовой обстановке. Военные тексты насыщены сложными для иностранцев аббревиатурами, глаголами движения, составными числительными. Для будущего офицера недопустимо неправильное использование падежных форм и искаженное произнесение числительных в координатах. Поэтому лингафонный кабинет при обучении русскому языку как иностранному имеет особую значимость, т.к. оборудование позволяет имитировать условия радиосвязи, работу командных пунктов, интенсивный речевой обмен.

Следующие лингводидактические методы и приёмы позволяют проработать во время самоподготовки в лингафонном кабинете профессиональную лексику.

Военная подготовка требует мгновенного понимания и точного воспроизведения приказов. Во время внеаудиторной самостоятельной работы многократно отрабатываются императивные конструкции и команды. Преподаватель (или запись) произносит типовые команды «Смирно!», «Равняйсь!», «Отставить!» и др. Курсанты в наушниках повторяют с той же интонацией, силой голоса и темпом. Затем записывают себя и сравнивают с эталоном. В военной сфере также много стандартных фраз и речевых клише для закрытых каналов связи, например: «Приём», «Конец связи», «Разрешите доложить». Автоматизм произношения достигается через многократное повторение в диалоговых тренажёрах.

Во время аудирования и прослушивания записей военно-профессиональных диалогов производится имитация условий радиосвязи и интенсивного речевого обмена. Для отработки используются аутентичные или учебные записи: рапорт, переговоры на КП, доклады, донесения, запросы. Для тренировки восприятия речи в условиях помех отрабатывается упражнение «Прием» с имитацией радиопереговоров. Программа позволяет накладывать шум (транспорт, стрельба, радиопомехи) на учебный сигнал. Курсант слышит искажённый фрагмент речи, он должен восстановить и записать точную фразу.

Для интенсивной фонетической коррекции терминов и числительных используется метод «Микрофонный разбор». Курсант записывает фразу: «В 8 часов 15 минут прибыть к сто двадцать четвёртому километру». Система предоставляет преподавателю индивидуальную обратную связь, т.е. визуально показывает осциллограмму ударения, темпа речи.

При тактико-речевых симуляциях работа осуществляется в парах через лингафонную сеть. Преподаватель дает задание: «Вы – командир отделения. Отдайте приказ радисту на открытие огня по противнику». Курсанты работают в парах, преподаватель подключается к каждой паре, корректирует лексику и грамматику. В процессе работы отрабатываются падежи, например: «Передайте координаты (В.п.) для нанесения решительного удара (Р.п.) по противнику (Д.п.)».

Метод «скрытого контроля» используется для развития оперативной памяти. Программа лингафонного кабинета позволяет дать каждому курсанту индивидуальное задание. Например, при прослушивании длинной военной сводки или донесения курсант, когда услышит неправильное числительное, глагольную или падежную форму, должен нажать кнопку «ошибка», Преподаватель видит статистику ответа.

Эффективны на данном этапе обучения диктанты с военной лексикой в режиме самопроверки. Преподаватель (или запись) диктует текст, курсанты пишут. Затем включается эталонная запись с паузами. Курсанты самостоятельно проверяют и исправляют ошибки. Это формирует важный для письменных боевых документов (рапорты, приказы, донесения) навык саморедактирования.

Военная связь часто требует быстрого реагирования. Для стресс-тренировки с нарастанием темпа лингафонная программа позволяет ускорять запись эталона на 10–30%. Курсанты пытаются повторить или ответить в том же темпе, затем выполняют задания: выделить ключевую информацию (координаты, время, количество личного состава), заполнить бланк доклада по прослушанному, записать свой ответ на запрос, например, «Я – первый. Понял, выполняю».

Для контроля произношения географических названий и ориентиров преподаватель прослушивает записи курсантов, оценивает адекватность реакции и правильность грамматических конструкций, особенно глаголов движения и числительных в падежах, например: «до ста километров» «в радиусе двухсот метров», «без трёх минут».

Таким образом, использование аудиовизуальных материалов в лингафонном кабинете при обучении иностранных военнослужащих русскому языку как иностранному позволяет эффективно организовать внеаудиторную самостоятельную работу, помогает в короткие сроки сформировать у иностранных курсантов автоматизм восприятия и воспроизведение терминов, числительных, падежных форм, глаголов движения, позволяет имитировать реальную речевую среду. Комплексное использование описанных методов аудиторных и внеаудиторных форм самостоятельной работы даёт высокую эффективность при подготовке иноязычного военного персонала.

Проведенный анализ форм самостоятельной работы позволяет сделать вывод о том, что самостоятельная подготовка на начальном этапе обучения является важной частью образовательного процесса в военном вузе. Она опирается на активные методы овладения знаниями, организуется с учетом потребностей и возможностей иностранных обучающихся, способствует формированию коммуникативных навыков и познавательного интереса, обучает навыкам поиска, осмысления и анализа новой информации и на основе этого позволяет перейти от пассивной формы выполнения самостоятельной работы к активной познавательной деятельности. Самостоятельная работа направлена на личностное развитие курсанта, формирует способности к саморазвитию, готовность к самообразованию и успешному применению полученных знаний и умений при дальнейшем обучении в российском военном вузе.

Литература

1. Бузинова Л. М., Парамонова Д.В. Обучение русскому языку как иностранному: исторический экскурс и современная лингводидактика // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 9. С. 1–18.
2. Веденеева И. Б., Солуянова Е.Г. Формирование готовности иностранных военнослужащих к изучению специальных дисциплин в процессе обучения русскому языку как иностранному // Русский язык в военном вузе. 2024. № 3 (15). С. 5–11.
3. Владимирова Т.Е. Актуальные проблемы современной лингводидактики // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, № 3. С. 553–561.
4. Гарцов А.Д. Электронная лингводидактика в системе иноязычного языкового образования. М.: РУДН, 2009. 398 с.
5. Дмитриева Д.Д. Модель организации самостоятельной работы студентов в процессе обучения русскому языку как иностранному // Карельский научный журнал. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 17–20.
6. Комарова Н.И. Самостоятельная работа как фактор успешного изучения русского языка как иностранного. Киров: ВятГУ, 2018. 140 с.
7. Ромашов В.М. Оптимизация обучения иностранных военнослужащих основам самостоятельной работы в военных вузах России // Вестник Военного университета. 2010. № 1. С. 42–45.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
9. Юрова Ю.В. Инновационные лингводидактические аспекты адаптационной самостоятельной работы. М.: РУДН, 2011. 27 с.

LINGVODIDACTIC ASPECTS OF FOREIGN CADETS' INDEPENDENT WORK ORGANIZATION AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING AT A RUSSIAN MILITARY UNIVERSITY

Galeeva E.V.
Moscow Higher Combined Arms Command School

In this work the author considers issues related to teaching foreign cadets Russian as a foreign language at the initial stage of training. The article describes the features of independent work and the specificity of students' activities at a military university, proposes lingvodidactic methods of foreign cadets' independent work organization as a part of classroom and extracurricular work. To overcome the identified difficulties certain techniques allowing foreign students to form individual work skills are proposed, and factors contributing to the formation of a future military specialist's personality ready for self-education and professional activity are considered. This model of individual work organization can be used in the educational process when teaching foreign cadets Russian as a foreign language at the initial stage of training at a Russian military university.

Keywords: lingvodidactics; teaching methodology; Russian as a foreign language; independent work; foreign cadets; language laboratory; audiovisual method.

References

1. Buzinova L.M., Paramonova D.V. Teaching Russian as a Foreign Language: A Historical Excursion and Modern Lingvodidactics // Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2024. No. 9. Pp. 1–18.
2. Vedeneyeva I.B., Soluyanova E.G. Developing the Readiness of Foreign Military Personnel to Study Specialized Disciplines in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language // Russian Language in a Military University. 2024. No. 3 (15). Pp. 5–11.
3. Vladimirova T.E. Actual Problems of Modern Lingvodidactics // Polylingualism and Transcultural Practices. 2022. Vol. 19, No. 3. Pp. 553–561. 4. Gartsov A.D. Electronic linguodidactics in the system of foreign language education. Moscow: RUDN University, 2009. 398 p.
5. Dmitrieva D.D. Model for organizing students' independent work in the process of teaching Russian as a foreign language // Karelian Scientific Journal. 2019. Vol. 8, No. 2 (27). Pp. 17–20.
6. Komarova N.I. Independent work as a factor in successful learning of Russian as a foreign language. Kirov: Vyatka State University, 2018. 140 p.
7. Romashov V.M. Optimization of training foreign military personnel in the basics of independent work in military universities of Russia // Bulletin of the Military University. 2010. No. 1. Pp. 42–45.
8. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter, 2002. 720 p.
9. Yurova Yu.V. Innovative linguodidactic aspects of adaptive independent work. Moscow: RUDN University, 2011. 27 p.

Социально-правовая архитектоника благополучия человека в современной России (аксиологический срез): обзорно-аналитическое исследование

Епхиев Олег Муратович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий НИУ МГСУ
E-mail: ephiev1@mail.ru

Моисеев Александр Владимирович,
кандидат политических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, АНО ВО Институт современного образования и информационных технологий
E-mail: decibal@mail.ru

Благополучие рассматривается в статье не как совокупность благ, а как структурно-функциональная система, базирующаяся на существующей социально-правовой архитектонике. На основе дедуктивного метода анализа авторы выявляют диссонанс (дисфункциональные узлы) между «должным» (нормами аксиологического порядка) и «сущим» (социально-правовой реальностью). Обнаруженный диссонанс обуславливает необходимость концептуального пересмотра в сторону усиления «положительного правового антропоцентризма»: от государственных стратегий «выживания», «соцзащиты» и «соцподдержки» к «созидательной парадигме» благополучия как высшей цели государственной политики. Работа продолжает авторский цикл исследований феномена социального благополучия.

Ключевые слова: благополучие человека, социальное государство, социальная политика, положительный правовой антропоцентризм, национальные цели развития, социально-правовая архитектоника, правовое регулирование.

Актуальность темы диктует существующая реальность: сложившаяся социально-правовая архитектоника благополучия человека, выстроенная вокруг патерналистских стратегий «выживания», «соцзащиты», «соцподдержки» нуждающихся граждан, сегодня вступает в конфликт с интересами социально активной, трудоспособной части общества. Именно те, кто формирует совокупный общественный доход, не имеют сегодня реальной возможности удовлетворять жизненно важные потребности, развиваться и жить достойно. Подобный диссонанс между «должным» и «сущим» – не просто теоретический спор, это весомый фактор социальной апатии одних и деструктивного поведения других, непоколебимого скепсиса, нежелания быть социально активным, созидательным субъектом, и социальной напряженности. Подобные настроения особенно проявляются в среде молодежи, чей максимализм диктует категоричность суждений, а присущая экспрессивность делает ее менее избирательной в методах самовыражения, что подтверждается множеством исследований [1]. В условиях функционирования деструктивных сил такая ситуация становится особенно критичной. Текущая система не в полной мере обеспечивает реализацию конституционных (аксиологических) положений 1993 и 2020 годов, препятствуя созданию высокоэффективного механизма достижения желанного человеком благополучия. В этом, по нашему мнению, и кроется суть противоречий между «должным» и «сущим», затаившиеся в социально-правовой архитектонике благополучия человека.

Ситуация требует пересмотра социально-правовой парадигмы в сторону усиления положительного правового антропоцентризма. Под «положительным правовым антропоцентризмом» авторы понимают не просто формальный приоритет личности, а результат процесса усиления мировоззренческой синхронизации: когда идея о центральной роли человека в социально-правовом пространстве соединяется с уже закрепленными в национальном законодательстве гуманистическими ценностями – от достоинства до прав на самореализацию. При этом созидательная парадигма социально-правовой архитектоники благополучия невозможна без того, что мы называем «нравственным законом» – высочайшей меры не только социальной обязанности, но и ответственности самого человека перед обществом и государством. Основания для пересмотра имеются фундаментальные: закрепленные конституционные, доктринальные и стратегические положения, которые более основательно рассмотрим ниже. Это и стало для нас стимулом подвигнуться как минимум к контурному описанию самой проблемы, как максимум – к формулированию принципиально отличной созидательной парадигмы социально-правовой архитектоники благополучия человека. Мы никоим образом не считаем конструктивной деструктивную (политизированную – это не ценно с точки зрения науки) критику системы «изнутри», однако есть убежденность в том, что пересмотр требуется, и он является исторически необходимым. Переосмысление важно не ради какой-либо эфемерной политико-правовой идеи, оно отвечает требованиям времени, вызовам глобального и внутреннего характера, перед которыми стоит современное общество. Такова, как можно видеть, хотя и не фатальная, но все же предкритическая, требующая пристального исследовательского внимания логика проблемы.

Осмысление проблемы требует от нас решительного перехода от общих философских, социологических и политологических рассуждений (изложенных далеко не только нами) [2], к более строгому пониманию социально-правового основания как «фундаментального социального регулятора». Наша авторская методологическая матрица – продукт осознанного эклектизма. Мы верифицируем архитектонику благополучия человека через синтез (как итог конвергенции) идей, которые по мнению многих не соотносимы в силу их полярности. Так, мы опираемся на *иеринговскую* «защищенность интересов», но лишь в той мере, в какой они принимают исключительно форму актуальных «положительных прав» [3]. Для нашего исследования важна также *кельзеновская* «чистая иерархия норм» как ценность объективного свойства; при всей ее «стерильности» (за которую автор подвергался систематической критике), она дает нам методологический инструмент социологии права – основательной теории среднего уровня [4]. К этому мы органично добавляем «объективное право» Л.Дюги – ту самую его «социальную норму», которая через солидарность (в духе Э. Дюр-

кгейма) скрепляет общество [5]. Было бы непростительным лишить нашу матрицу *штейновской* социально-правовой формулы «социального государства, как функционального механизма реализации «государственной воли» [6]. И, конечно же, учения Б.А. Кистяковского о социально-правовом государстве, где мы обнаруживаем критически важную составляющую нашего «положительного правового антропоцентризма»: «нравственный закон» как высочайшую обязанность и меру ответственности перед обществом и государством. В нашем понимании это не просто этическая категория, а функциональная основа всей нашей архитектоники благополучия человека, где есть не только «право на», но и должны органично быть вплетены – «социально-этическая обязанность во имя» и «ответственность за» [7]. Таким нам видится фундаментальный аксиологический стержень Кистяковского, претендующий на статус универсальной этической политико-правовой формулы, способной основательно разрешить современную модель благополучия человека, если в основе ее архитектоники будет функциональный «нравственный закон» (по крайней мере, таким потенциалом она обладает).

Такова наша авторская (возможно не бесспорная, в силу осознанного эклектизма, характеризуемого нами как допустимый «методологический плюрализм») методологическая матрица, позволяющая нам с необходимой и достаточной степенью репрезентативности объемно верифицировать социально-правовую архитектонику благополучия человека.

В первой части нашего исследования мы посчитали методологически обоснованным начать с международно-правового, а следом и конституционного среза – как уровня исключительно аксиологического (так велит, по крайней мере, *кельзеновская* «чистая иерархия норм»). Далее (в части 2) сочли логически верным анализ стратегических документов, предопределяющих вектор развития и благополучия человека. Мы рассматриваем их как естественное продолжение заложенных в международном и национальном законодательстве смыслов и ценностей – того самого «ценностного ядра». Упомянем лишь общеизвестный науке факт, что эти смыслы и ценности родились не вдруг и не сразу, не сами по себе: они стали результатом длительной (особенно в эпоху Просвещения, немецкой правовой классики и теории экономического детерминизма) социально-гуманитарной рефлексии. Их квинтэссенция воплотилась в фундаментальных нормах как «должного», без знания которого сложно, а может и невозможно было бы верифицировать «сущее».

Уровень международно-правовой. Исторически утвердившиеся нормы («должное») мирового сообщества – ныне, увы, девальвируемые рядом стран в результате деструктивного геополитического поведения, – отражены в статьях 22 и 25 Всеобщей декларации прав человека, принятой ГА ООН, без малого 80 лет назад (10.12.1948). Квалифицировать их «ценностное ядро» («должное») нам позволяет само содержание, созвучное с нашей матрицей: *во-первых*, право на «поддержку» (солидаризм Дюги); *во-вторых*, логика «защищенности интересов» (сообразно Иерингу), где благополучие – это не «милость», а непреложное положение, ориентирующее государство не только на «соцзащиту» и «поддержку», но и на формирование необходимых условий, способствующих развитию личности, соблюдению ее экономических, социальных и социокультурной прав [8]. Если Декларация (1948) – это исключительно аксиологический фундамент, то Конвенция МОТ № 102 о минимальных нормах соцобеспечения, принятая почти 75 лет тому назад (16.06.1952) – это тоже все еще аксиологический срез, но уже фиксирующий необходимые социально-правовые параметры благополучия, детализированные в разделах II–VI, VIII, IX [9]. Это «должное», что важно уже задает базовые стандарты достойной жизни, к которым надо стремиться, а не просто условия для выживания человека. Конвенция предлагает социально-правовой механизм достижения *дюгиевской* «социальной нормы», через совместную ответственность государства, работника и работодателя. В этом мы видим важный аспект положительного правового антропоцентризма, основанного на нравственном законе и углубляющего степень «солидаризма» в обществе.

Все вышеупомянутое осталось бы лишь декларацией гуманистических смыслов, если бы не принятые в один день (16.12.1966) два важных документа: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) – фиксирующий «право на труд, справедливые условия труда, социальное обеспечение, достойный уровень жизни, здоровье и образование» [10] и Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) – фиксирующий «защиту права на жизнь, свободу слова, право на справедливое судебное разбирательство, свободу религии, право на участие в выборах…» [11]. *Моисеева* (Ветхозаветная) формула: «не хлебом единым жив человек», нашла здесь свою реализацию, закрепив принцип неразделенности материального и духовного оснований благополучия. Пакты были приняты спустя 18 лет после Декларации (1948 г.) и 14 лет после Конвенции МОТ (1952 г.). СССР ратифицировал их в 1973 году, а в силу они вступили в начале 1976 года: МПЭСКП – 3 января; МПГПП – 23 марта [12]. Для Российской Федерации данные документы обязательны к исполнению (в этом наше договорное обязательство) в силу ее статуса государства-продолжателя СССР.

Здесь мы фиксируем один из критически важных *дисфункциональных узлов* международно-правовой доктрины: он обусловлен дефицитом баланса между декларативными правами человека на благополучие и реальной исполнимостью обязанностей государства (согласно *штейновской* формуле «социального государства»), с одной стороны, и отсутствием строгих норм ответственности самой личности перед обществом и государством, которые, сообразно нашей авторской матрице, должны находить опору в «нравственном законе» Б. Кистяковского, – с другой. Это уже удел государства, реализуемый в своем национальном законодательстве. Формулируя наш тезис о дисфункции, мы исходили из того, что при закреплении декларативных, фундаментальных международных прав и рекомендательно-обязывающей функции государства по созданию условий, вполне естественным, и столь же необходимым было определение: а) обязанностей самого человека (но не столь абстрактных, что фиксируется в ст. 29 Декларации), б) встречных строгих обязательств самого государства и в) ответственности человека и государства за нереализованные взаимные обязательства (сообразно кельзеновской формуле – «норма без ответственности не норма»). Это создало бы тот самый положительный баланс, где социально-правовая форма наполнилась бы нормативно-ценностным содержанием через высочайшую меру ответственности (сообразно «нравственному закону» Кистяковского) – как личности перед обществом, так и государства перед личностью.

Такова диалектическая логика сформулированного нами «положительного правового антропоцентризма». Наднациональная, по сути своей, данная антропологическая «формула» органично и основательно реализована в национальном законодательстве современной России и даже, смеем утверждать, усилена в национальных стратегиях, что формирует динамичный социально-правовой каркас современной архитектоники благополучия человека.

Уровень национального законодательства. Социально-правовой дискурс о благополучии, достойной жизни, уровне и качестве жизни занимает значимое место. Он ориентирован не только на интерпретацию конституционных императивов (как «до», так и «после» редакции 2020 года), но и на поиск реальных механизмов (в сноске далеко не полный перечень глубоких научных работ, пополнивших эмпирический массив нашего исследования) их реализации [13]. Однако при всей глубине работ (таковыми признаем их по праву), в них часто отсутствует описание самой архитектоники в цепи иерархической взаимосвязи элементов (по Кельзену), что, скорее всего, предопределялось предметом исследований. В этом мнении мы основательно утвердились в результате своих собственных исследований [15], опубликованных ранее [15]. Не ставя целью детальную верификацию всех 32,4% изученных работ, связанных именно с социально-правовыми проблемами, все же сформулируем свои соображения. *Во-первых*, большинство публикаций все же носят фрагментарный характер: в них редко встречается *кельзеновская* «иерархия» или *дюгиевский* «солидаризм» (хотя отметим С.В. Кабышева с его акцентом на «смыслах и ценностях гражданского согласия») [16], зато в избытке (что искренне радует) – *штейновское* «социальное государство» (например, у Летовой Н.В., где право на благополучие есть основа социального государства) [17]. Это, однако, не компенсирует недостаток рефлексии целостной социально-правовой архитектоники благополучия. *Во-вторых*, авторы чаще всего репрезентируют либо «должное», либо «сущее» в отрыве друг от друга. Именно в этом разрыве и кроется, как мы полагаем, причина фрагментарности исследований и отсутствия в них системного описания дисфункциональных узлов.

В интересах нашего исследования мы подчиняем рефлексию следующей логике: кратко описываем (давно известный) аксиологический срез национального законодательства, отвечая на вопрос о «должном» («ценностном ядре»). Это даст нам основание перейти в Части 2 к следующему уровню – анализу ключевых национальных стратегий с последующей верификацией «сущего» (реализации декларируемых смыслов и стандартов благополучия в реальной практике). Подобный подход позволяет осмыслить целостную социально-правовую архитектонику, соотнеся нормативно-ценностные стандарты с механизмом их воплощения.

Конституционный срез благополучия человека. Конституция РФ выступает фундаментом социально-правовой архитектоники благополучия. Принятая в 1993 и содержательно дополненная в 2020 году

[18], она представляет собой нормативно-доктринальный акт высшей юридической силы, вобравший в себя смыслы и ценности международного права, касающиеся всех сфер жизнедеятельности именно человека (как первичного субъекта права), а не абстрактных социальных групп. Анализ этого аксиологического «ценностного ядра» дает нам возможность уточнить базовые элементы социально-правовой архитектоники благополучия человека, декомпозиция которых представлена в таблице 1.

Таблица 1. Аналитическая декомпозиция конституционного среза благополучия: аксиологические основания [19]

Статьи Конституции РФ	Сущностное выражение социально-правовой архитектоники
ст. 2	устанавливает фундаментальное основание «положительного правового антропоцентризма» как базиса всей архитектоники, провозглашая человека как «высшую ценность»
ст. 6 и ст. 17–64 (Гл. 2)	формирует положительный баланс социально-правовой архитектоники благополучия через декларацию единства неотчуждаемых и принадлежащих от рождения прав (гражданских, политических, социокультурных, социально-экономических) и свобод (совести, слова, творчества, предпринимательства), осуществление которых не должно затрагивать права и свободы других
ст. 7	Россия провозглашает себя «социальным государством» (согласно *штейновской формуле*), а ее политика направлена «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие»
ст. 15	утверждаются «принципы и нормы международного права и международных договоров», которые являются (по Кельзену) составной частью правовой системы, но не «уступка суверенитета». Если МД установлены иные правила, чем предусмотрены законом, то применяются правила МД, что фиксирует преемственность «чистой иерархии норм» (по Кельзену)
ст. 46	«Фундаментальный охранный механизм» самозащиты. Если государство не выполняет обязанности (по Штейну), а «нравственный закон» (по Кистяковскому) не функционирует, то положение данной статьи дает право на самозащиту через суд
ст. 67.1	находят отражение *штейновские* права и нравственная ответственность Кистяковского, которую можно обозначить как логику преемственности и устойчивой солидарности поколений: ч. 2 – тысячелетняя история и преемственность, ч. 3 –запрет на отрицание и принижение особой роли подвига народа, ч. 4 – дети – приоритет государственной политики
ст. 79	Декларирует приоритет смыслов и ценностей, заложенных в Конституции страны над МПА (договорами), до тех пор, пока смыслы и ценности МПА не вступают в противоречие с конституционными нормами. Это есть в чистом виде *штейновское* самосохранение «государственной воли», выступающее, по сути, аксиологическим (ценностным) щитом для государственного суверенитета и «ценностного ядра» архитектоники благополучия

Соблюдение прав и свобод – это фундаментальное условие жизни социально-правовой архитектоники благополучия, однако, столь же значимым условием и важным регулятором должна выступать высочайшая мера ответственности личности («нравственный закон» по Кистяковскому). Поэтому наряду с правами и свободами в нормативно-доктринальном акте фиксируются непреложные обязанности человека и гражданина (см. табл. 2), что придает социально-правовой архитектонике положительный баланс.

Таким образом, можно сделать вывод: основополагающий для государства юридический акт содержит концентрированное «ценностное ядро», способное претендовать на право символизировать (в своем сущностном выражении) «положительный правовой антропоцентризм» архитектоники. Выражается это в наличии положительного баланса прав и свобод личности (по Штейну), и четкой фиксации ее обязанностей (по «нравственному закону» Кистяковского). С подобными фиксированными основательными смыслами и ценностями социально-правовой архитектоники благополучие за счет других не просто безнравственно – оно попросту невозможно. В этом и кроется диалектика нашего глубокого «положительного правового антропоцентризма» на уровне конституционного среза. Однако при всей кажущейся относительной полноте картины в логической цепи – международно-правовые акты и национальное законодательство, обнаруживается еще два дисфункциональных узла: *первый* диссонанс связан с возникшим (2020 г.) положением статьи 79 о доминировании положений национального законодательства над МПА, что закономерно необходимо для защиты суверенитета и «воли» (по Штейну), но резонирует в архитектонике, разрушая *кельзеновскую* «чистую иерархию норм» – это противоречие порожденное глобальными условиями; *второй*, диссонанс между сформулированными идеалами международно-правовой доктрины и реально существующими возможностями государства, что выразилось в нератификации разделов IV (пособие по безработице) и VII (семейные пособия) Женевской Конвенции МОТ № 102. Однако разрешение данных противоречий просматривается в попытках компенсировать их в рамках стратегического планирования и конкретных актов современной России, что предстоит нам верифицировать в рамках последующих исследований.

Таблица 2. Аналитическая декомпозиция конституционного среза благополучия: институциональные обязанности и ответственность [20]

Статьи Конституц. РФ	Сущностное выражение социально-правовой архитектоники
ч.2 ст. 15	обязывает к неукоснительному соблюдению Конституции и законов, это есть непреложная фундаментальная обязанность гражданина (не может человек, не исполняющий правовые требования системы, ждать милости и требовать для себя благ)
ст. 38, 43, 44, 57–59 (Гл. 2)	ст. 38 – через взаимную обязанность заботу родителей о детях и трудоспособных детей (18+) о нетрудоспособных родителях реализуется *дюгиевская* формула «солидарности»; ст. 57 – обязывает платить установленные законом налоги, как один из ресурсов обеспечения общественного блага; ч. 4 ст. 43 – фиксирует обязанность получения образования, как качественное условие развития личности и потенциала государства; ч. 3 ст. 44 и 58 – обязывает бережно сохранять историческое наследие (человек без рода и племени не может быть благополучным) и природу фиксируют связь благополучия с культурной идентичностью и эко-средой; ст. 59 – провозглашает защиту Отечества как высшую меру ответственности гражданина.

Литература

1. Захарова Е.М. Политическая активность российской молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 6. С. 127–131; Бондаренко А. Политика и ее особая роль в жизни молодежи // Новый Петербург. 2015. № 26; Габа О.И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151. Трынов Д.В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. 2019. № 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31195; Зиненко В.Е. Политическое участие как условие проявления политической субъектности российской молодежи // автореф. дис. на соиск. канд. полит. наук. М., 2020; Шайхисмалов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи // Научный результат. Социология управления. 2021. Т. 7, № 3. С. 104–121.

2. Епхиев О. М., Моисеев А.В. Идеи социального благополучия в социально-философских учениях // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 12. С. 93–99; Епхиев О.М., Моисеев А.В. Социальное благополучие в социологических теориях (обзорно-аналитическое исследование) // Экономика строительства. 2024. № 2. С. 6–15; Моисеев А.В., Епхиев О.М. Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 12–19; Епхиев О.М., Моисеев А.В. Социально-политические факторы и условия социального благополучия в современной России (описательное исследование) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 21–26; Моисеев А.В., Епхиев О.М. Содержание и структура категории «социальное благополучие» // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 2. С. 134–137.

3. Иеринг Р. Борьба за право // Избранные труды. В 2-х томах. Т. 1 / перевод 17-го немецкого издания В.И. Лойко. – СПб.: «Вестник Знания», 1912.

4. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.

5. Дюги Л. Общество, личность и государство: Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства; сущность конституции / проф. Леон Дюги, Фердинанд Лассаль; Перевод А. Бэтта. – СПб.: Издательство «Вестник знания» (В.В. Битнера). 1914.

6. Штейн Лоренц фон. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А.С. Гиероглифов. 1874.

7. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. М., 1916; Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Б.А. Кистяковский. Санкт-Петербург, Лань, 2014. – 38 с.

8. См. статьи 22, 25 Всеобщей декларации прав человека (принята ГА ООН 10.12.1948).

9. Россия ратифицировала Конвенцию МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», приняв ФЗ от 03.10.2018 № 349-ФЗ. В соответствии с ним государство взяло на себя обязательства по семи из девяти ключевых разделов: медицинское обслуживание (раздел II), пособие по болезни (раздел III), по старости (раздел V), при несчастном случае на производстве (раздел VI), по материнству (раздел VIII), по инвалидности (раздел IX), по случаю потери кормильца (раздел X). Данные положения действуют в РФ в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако, Российская Федерация не приняла в качестве обязательных разделы: IV (пособие по безработице) и VII (семейные пособия).

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

11. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 года № 4812 – VIII «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах».

13. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 245–249; Аверьянова Н.Н., Тюменева Н.В., Якушева С.Е. Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29–35; Чуча С.Ю. Конституционный принцип уважения человека труда: проблемы реализации в российском законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 159–171; Маматказин И.Р. Юридическая природа мотивационной функции права социального обеспечения и ее значение для межотраслевого взаимодействия социально-обеспечительных и трудовых правоотношений // Вестник Московского ун-та. Сер. Право. 2022. № 1. С. 66–89; Авакьян С.А. Статус человека и гражданина: необходимы конституционные уточнения // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 19–22; Колотова Н.В. Конституционализация понятия «достойный уровень жизни» // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 11. С. 152–159.

14. Авторами в период с февраля 2023 г. по октябрь 2024 г., а также в течение 2025 г. был проанализирован массив из 127 научных материалов (опубликованных в 2000–2025 гг.), из которых для глубокого изучения отобрано 116 публикаций, посвященных феномену благополучия, его доктринальному обоснованию и описанию соответствующих социально-правовых основ. Установлено, что из 116 работ чуть более трети (32,4%) затрагивают социально-правовой дискурс (концепции государства, в основе и целях которого лежат «благо, права и свободы человека», начиная с идей Л. Штейна, Р. Иеринга, Э. Хэннока, и, к сожалению, значительно реже – Л. Дюги, Б. Кистяковского и др.).

15. Моисеев А. В., Епхиев О.М. Сравнительный анализ определений понятия «социальное благополучие» в современном социально-гуманитарном знании // Научно-аналитический журнал «Социально-гуманитарные знания». 2025. № 2. С. 12; Епхиев О.М., Моисеев А.В. Социально-политические факторы и условия социального благополучия в современной России (описательное исследование) // Научно-аналитический журнал «Социально-гуманитарные знания». 2025. № 4. С. 21; Моисеев А.В., Епхиев О.М. Содержание и структура категории «социальное благополучие» // Научно-аналитич. журнал «Социально-гуманитарные знания». 2026. № 2. С. 134.

16. Кабышев С.В. Российская конституционная концепция правового статуса человека и гражданина: обретение ценностей и смыслов гражданского согласия // Труды Академии управления МВД РФ. 2024. № 1 (69). С. 46–53

17. Летова Н.В. Право на благополучие как основа социального государства: состояние и тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 252–259.

18. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2020. 14 марта.

19. См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.04.2026).

20. См.: там же.

THE SOCIO-LEGAL ARCHITECTONICS OF HUMAN WELL-BEING IN MODERN RUSSIA (AXIOLOGICAL CROSS-SECTION): A REVIEW AND ANALYTICAL STUDY

Yepkhiev O.M., Moiseyev A.V.
Moscow State University of Civil Engineering, Institute of Contemporary Education and Information Technology

This article examines well-being not as a set of benefits, but as a structural and functional system based on the existing socio-legal architecture. Using a deductive method of analysis, the authors identify dissonance (dysfunctional nodes) between the "ought" (axiological norms) and the "actual" (socio-legal reality). This dissonance necessitates a conceptual revision toward strengthening "positive legal anthropocentrism": from state strategies of "survival," "social protection," and "social support" to a "creative paradigm" of well-being as the highest goal of state policy. This work continues the authors' cycle of research into the phenomenon of social well-being.

Keywords: human well-being, welfare state, social policy, positive legal anthropocentrism, national development goals, socio-legal architecture, legal regulation.

References

1. Zakharova E.M. Political activity of Russian youth // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2015. No. 6. Pp. 127–131; Bondarenko A. Politics and its special role in the life of young people // Novy Petersburg. 2015. No. 26; Gaba O.I. Youth as a subject of protest sentiments // Knowledge, understanding, skill. 2015. No. 1. Pp. 144–151. Trynov D.V. Political participation of young people: support vs protest // Sociodynamics. 2019. No. 12. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31195; Zinenko V.E. Political participation as a condition for the manifestation of political subjectivity of Russian youth // author's abstract. diss. for candidate of political sciences. Moscow, 2020; Shaikhismalov RB, Asadullina GR, Sadretdinova EV Youth protest sentiments through the eyes of Russian youth // Scientific result. Sociology of management. 2021. Vol. 7, No. 3. Pp. 104–121.

2. Epikhiev OM, Moiseev AV Ideas of social well-being in social and philosophical teachings // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 12. Pp. 93–99; Epikhiev OM, Moiseev AV Social well-being in sociological theories (review and analytical study) // Construction economics. 2024. No. 2. Pp. 6–15; Moiseev AV, Epikhiev OM. Comparative analysis of definitions of the concept "social well-being" in modern social and humanitarian knowledge // Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 2. Pp. 12–19; Epikhiev OM, Moiseev AV. Socio-political factors and conditions of social well-being in modern Russia (descriptive study) // Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 4. Pp. 21–26; Moiseev AV, Epikhiev OM. Content and structure of the category "social well-being" // Social and humanitarian knowledge. 2026. No. 2. Pp. 134–137.

3. Ihering R. The fight for the right // Selected works. In 2 volumes. T. 1 / translation of the 17th German edition by V.I. Loiko. – St. Petersburg: "Vestnik Znaniya", 1912.

4. Kelsen, G. The Pure Doctrine of Law. 2nd ed. / translated from German by M.V. Antonov and S.V. Lozov. – St. Petersburg: OOO Izdatelskiy Dom "Alef-Press", 2015.

5. Duguit, L. Society, Individual, and State: Social Law, Individual Law, and the Transformation of the State; the Essence of the Constitution / prof. Leon Duguit, Ferdinand Lassalle; Translated by A. Batt. – St. Petersburg: Izdatelstvo "Vestnik Znaniya" (V.V. Bitnera). 1914.

6. Stein, Lorenz von. The Doctrine of Administration and the Law of Administration with a Comparison of the Literature and Legislation of France, England, and Germany. St. Petersburg: A.S. Gieroglifov. 1874.

7. Kistyakovsky B.A. Social Sciences and Law. Moscow, 1916; Kistyakovsky B.A. The Legal and Socialist State // B.A. Kistyakovsky. St. Petersburg, Lan, 2014. – 38 p.

8. See Articles 22, 25 of the Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948).

9. Russia ratified ILO Convention No. 102 "Concerning Minimum Standards of Social Security" by adopting Federal Law No. 349-FZ of October 3, 2018. In accordance with this law, the state assumed obligations under seven of the nine key sections: medical care (Section II), sickness benefits (Section III), old-age benefits (Section V), industrial accident benefits (Section VI), maternity benefits (Section VIII), disability benefits (Section IX), and survivor's benefits (Section X). These provisions are in effect in the Russian Federation in accordance with Part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation. However, the Russian Federation has not adopted Sections IV (unemployment benefits) and VII (family benefits) as mandatory.

10. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (Adopted on 16 December 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly).

11. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 16 December 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly).

12. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of 18 September 1973 No. 4812-VIII "On Ratification of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights."

13. Novgorodtsev P.I. The Right to a Dignified Human Existence // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. No. 4. pp. 245–249; Averianova N.N., Tyumeneva N.V., Yakusheva S.E. Constitutional and Legal Content of the Category "Dignified Human Life" // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 29–35; Chucha S. Yu. The constitutional principle of respect for the working person: problems of implementation in Russian legislation and law enforcement practice // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2022. No. 44. P. 159–171; Mamatkazin I.R. Legal nature of the motivational function of social security law and its

importance for intersectoral interaction of social security and labor relations // Bulletin of Moscow University. Series: Law. 2022. No. 1. P. 66–89; Avakyan S.A. The status of a person and a citizen: constitutional clarifications are needed // Constitutional and municipal law. 2023. No. 8. P. 19–22; Kolotova N.V. Constitutionalization of the Concept of "Decent Standard of Living" // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2024. No. 11. Pp. 152–159.

14. Between February 2023 and October 2024, and also during 2025, the authors analyzed a set of 127 scientific materials (published in 2000–2025), from which 116 publications devoted to the phenomenon of well-being, its doctrinal justification, and a description of the corresponding socio-legal foundations were selected for in-depth study. It was found that out of the 116 works, just over a third (32.4%) touch upon the socio-legal discourse (concepts of the state, the basis and goals of which are the "welfare, rights, and freedoms of man", starting with the ideas of L. Stein, R. Ihering, E. Hannock, and, unfortunately, much less frequently – L. Duguit, B. Kistiakovsky, etc.).

15. Moiseev A. V., Epikhiev O.M. Comparative Analysis of Definitions of the Concept of "Social Well-Being" in Modern Social and Humanitarian Knowledge // Scientific and Analytical Journal "Social and Humanitarian Knowledge". 2025. No. 2. P. 12; Epikhiev O.M., Moiseev A.V. Socio-political Factors and Conditions of Social Well-Being in Modern Russia (Descriptive Study) // Scientific and Analytical Journal "Social and Humanitarian Knowledge". 2025. No. 4. P. 21; Moiseev A.V., Epkhiev O.M. Content and structure of the category "social well-being" // Scientific and analytical journal "Social and humanitarian knowledge". 2026. No. 2. P. 134.

16. Kabyshev S.V. Russian constitutional concept of the legal status of a person and citizen: finding values and meanings of civil harmony // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. No. 1 (69). P. 46–53

17. Letova N.V. The right to well-being as the basis of the welfare state: status and trends // Bulletin of Tomsk State University. 2025. No. 521. P. 252–259.

18. Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority" // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2020. March 14.

19. See: Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: April 28, 2026).

20. See: ibid.

Меры стимулирования рождаемости в 2026 году

Ерзылева Ирина Анатольевна,
ст. преподаватель Кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: iaerzyileva@fa.ru

В статье рассматривается проблематика актуальных механизмов повышения рождаемости на территории Российской Федерации. Стимулирование рождаемости интерпретируется автором как одно из ключевых направлений стратегического планирования и одновременно как многоступенчатый кластер долгосрочной государственной политики, состоящий из: 1) стратегического уровня, включающего артикулированное целеполагание (закрепление связи повышения рождаемости с устойчивым развитием страны и обеспечением национальной безопасности), формулировку базисных мировоззренческих координат прогрессивного демографического курса на основе российских духовно-нравственных ценностей и двухчастную этапизацию Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года; 2) организационно-распорядительного уровня, связанного с институционализацией и развитием Совета по реализации государственной демографической и семейной политики; 3) уровня индикативного планирования, сопряженного с введением количественных критериев повышения рождаемости и закреплением контрольных показателей сличения эффективности или неэффективности имплементации стратегических программ наращивания человеческого капитала; 4) прикладного уровня демографической стратегии, находящего выражение в адресных материальных мерах стимулирующего характера. Отдельное внимание уделяется такой юридико-социальной новелле стимулирования рождаемости 2026 года, как введение ежегодной семейной выплаты гражданам Российской Федерации, имеющим более двух детей. В заключении делается вывод о том, что демографическая политика 2026 года в немалой степени основывается на стимулировании тектонических сдвигов в сфере повышения рождаемости за счет развития самосознания домохозяйств на базе признания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, конституирующих примат духовного над материальным, руководством к действию. По мнению автора публикации, повышение рождаемости в современных реалиях выводится из разряда исключительно «кабинетных» направлений государственной социально-экономической политики и переносится на куда более высокий экзистенциальный уровень, сопряженный с духовно-нравственной ответственностью граждан за воспроизводство человеческого капитала на уровне, необходимом для повышения обороноспособности страны, ее суверенитета, а также укомплектованности трудовыми ресурсами.

Ключевые слова: стратегическое планирование, демографическая политика, традиционные духовные ценности, человеческий капитал, рождаемость.

Проблематика повышения рождаемости инкорпорируется в содержание важнейших блоков деятельности современного развитого государственного механизма, в целом, и системы государственного управления Российской Федерации, в частности. Данное направление приложения усилий публичной власти вычерчивает биополитическое измерение государственного функционирования, что подтверждает гуманистическую ориентацию России как суверенной передовой державы, обращенной в будущее.

В теоретическом ключе проблема повышения рождаемости входит в актуальный тематический круг исследований политологической и философской направленности. Выдающийся философ-структуралист XX столетия М. Фуко в этой связи неслучайно концептуализировал термин «биополитика», который обозначает попытку акторов властеотношений «рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство» [8, с. 405].

Таким образом, сфера рождаемости и повышения численности населения в современном политологическом дискурсе интерпретируется как неизбежное и объективное слагаемое функционала государственного аппарата, как то, с чем государство неминуемо сталкивается при формировании политико-демографического курса.

Практические аспекты проблемы повышения рождаемости определяются Президентом Российской Федерации, роль которого в условиях текущего этапа развития страны неуклонно возрастает. В Послании Президента Федеральному Собранию в 2024 году глава государства сформулировал стратегический наказ: «В горизонте ближайших шести лет мы должны добиться устойчивого роста рождаемости» [13]. При этом В.В. Путин обращает внимание на комплексный характер проблемы рождаемости, на ее связь со сферами воспитания, образования, экономического развития страны, в целом, и каждого субъекта Федерации в отдельности. По мнению Президента РФ, «не только экономика, качество социальной сферы влияют на демографию, на рождаемость, но и в огромной степени те жизненные ориентиры, которые закладываются в семье, формируются культурой, образованием, просвещением» [13].

Стимулирование рождаемости к 2026 году выступает в виде одного из направлений стратегического планирования в Российской Федерации, включающего, как явствует из статьи 3 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», целеполагание, прогнозирование и программирование действий институций публичной власти, отраслей народного хозяйства и механизмов государственного и муниципального администрирования в целях обеспечения безопасности страны и устойчивого социально-экономического развития государства [1].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, относящейся к основополагающим документам стратегического планирования, проблематика повышения рождаемости раскрывается в тематическом блоке, посвященном сбережению народа России и развитию человеческого потенциала. Отмечается, что «повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России» [2]. Выдвигаемое требование коррелирует с артикулированной задачей сбережения народа нашей страны и развития человеческого капитала, которая формулируется как «повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности» [2].

В настоящее время стратегия стимулирования рождаемости представляет собой программу действий, построенную на основе двухчастной этапизации.

Как отмечается в Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, на первом этапе, реализация которого намечена на 2025–2030 гг., необходимо провести «разработку и утверждение плана мероприятий по реализации Стратегии, включающего перечень наиболее важных социально значимых мероприятий, с указанием сроков их исполнения и ответственных исполнителей, совершенствование федерального и регионального законодательства, регулирующего вопросы семейной и демографической политики, повышения качества жизни семей с детьми, с учетом положений Стратегии, реализацию национального проекта «Семья», реализацию мероприятий

государственных программ Российской Федерации и государственных программ субъектов Российской Федерации, предусматривающих мероприятия в сфере семейной и демографической политики, в том числе в опорных населенных пунктах, корректировку региональных программ по повышению рождаемости на среднесрочный период с учетом Стратегии и региональных особенностей, обеспечение межведомственной и межуровневой координации вопросов реализации семейной и демографической политики, разработку и внедрение системы качественных и количественных показателей эффективности реализации Стратегии, включение приоритетных мер по реализации Стратегии в состав национальных и федеральных проектов, государственных программ, документов стратегического планирования на уровне субъектов Российской Федерации и на уровне муниципальных образований» [7].

Второй этап, хронологические рамки которого охватывают 2031–2036 гг., связан с непосредственной реализацией мероприятий Стратегии и с возможным включением дополнительных мер для достижения цели и задач повышения рождаемости на территории России. Столь детализированная проработка Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года свидетельствует о том, что «на уровне стратегических документов семья представляется как фундамент национальной идентичности и важнейший ресурс демографического развития» [10, с. 30].

Стратегическое планирование повышения рождаемости, будучи одним из верхних уровней государственной демографической политики, в рамках которого формулируется программа достижения целей, диктует необходимость наработки организационного инструментария, сопряженного, в числе прочего, с утверждением специализированных институтов на стыке государства и гражданского общества. Одной из таких институциональных основ стал Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики.

Возникшее образование является, как следует из Указа президента о его создании, «совещательным и консультативным органом при Президенте Российской Федерации, образованным в целях совершенствования государственной демографической и семейной политики, обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при ее реализации» [5].

Отмеченный в предыдущем абзаце орган готовит предложения главе государства по приоритизации направлений демографической политики и созданию действенных и эффективных механизмов повышения рождаемости, координирует коммуникации между институтами публичной власти (федерального, регионального и муниципального уровней), гражданским обществом (в частности, речь идет об общественных организациях) и научной средой по вопросам выстраивания единой демографической политики и реализации программных положений актов стратегического планирования в сфере рождаемости и поддержки семьи, готовит предложения к ежегодным посланиям главы государства обеим палатам парламента в пределах означенной компетенции, анализирует действующие программы в социодемографической сфере, в целом, и в кластере повышения рождаемости, в частности, а также готовит предложения по дальнейшему распространению эффективно апробированных практик госуправления демографическим потенциалом и воспроизводством населения.

Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики, будучи, в первую очередь, институтом консультационно-совещательного плана, лишен юрисдикционных полномочий и не обладает реальным властным потенциалом. Тем не менее, Президент делегирует данному органу ряд важных правомочий, к которым относятся:

1) запрашивание релевантных материалов от органов государственной власти, органов местного самоуправления и негосударственных организаций по вопросам, относящимся к прямой компетенции Совета;

2) организация заседаний с участием уполномоченных должностных лиц по вопросам демографии и планирования репродуктивной политики;

3) использование государственных информационных ресурсов в рамках достижения задач, предусмотренных Положением о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики.

В настоящее время Совет при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики состоит из авторитетных специалистов в различных сферах функционирования общества, высокопоставленных должностных лиц, руководителей высшего звена. Так, в данный орган входят члены Правительства Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, сенаторы Совета Федерации, главы субъектов, руководители автономных некоммерческих организаций, банков и госкорпораций, ведущие ученые Российской академии наук, крупных высших учебных заведений и научно-исследовательских медицинских центров, главы средств массовой информации и ньюсмейкеры, лидеры бизнес-объединений, священнослужители традиционных для России конфессий и религиозных организаций.

Важной вехой в функционировании Совета при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики стало проведение осенью 2025 года заседания с участием Президента Российской Федерации, в ходе которого глава государства поставил стратегические долгосрочные задачи на 2026 год и дальнейшие временные периоды.

По убеждению В.В. Путина, в настоящее время, как следует из материалов статистики, «всё больше наших граждан говорит о том, что хотели бы, чтобы их семьи были многодетными» [12]. По словам Президента, если в 2005 году граждане России в среднем статистическом измерении считали, что нормой для домохозяйства являются 2,4 ребенка, то сейчас данная цифра превышает трех детей.

При этом, крайне важно, то, что В.В. Путин прозорливо обозначает методологические и духовные основы для повышения рождаемости в России. Президент в своем выступлении на первом заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики сопоставляет финансовую составляющую с нравственной, подчеркивая, что «внутренние ценностные установки являются гораздо более крепкими и важными» [12]. Ссылаясь на опыт многодетных российских крестьянских семей, уровень доходов которых был ниже среднеевропейского, глава государства подчеркивает: «Ценностные установки совсем другие, мировоззренческие – вот что лежит в основе и должно лежать в основе демографической политики» [12].

Отсюда следует очевидная последовательная приверженность нашего Президента ценностно ориентированному политическому курсу, закрепленному на нормативном уровне еще в 2022 году в связи с принятием Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3]. Так, к важнейшим традиционным ценностям относятся не только крепкая семья, но и приоритет духовного над материальным. Следовательно, фундаментальные основы актуальной государственной политики по повышению рождаемости строятся на необходимости осознания и деятельного принятия гражданами обязательства по улучшению демографической ситуации в стране во имя достижения высших духовно-нравственных идеалов, обозначенных государством, в число которых входят патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за будущее Отчизны.

В этой связи на основе подчиненности идее о нравственном, а не бытовом, измерении проблемы повышения рождаемости сообразно с позицией главы государства выстраивается нижестоящая нормативная правовая база. Видится чрезвычайно важным то обстоятельство, что ряд профильных регулирующих актов начинаются не с изложения сухих цифр статистики, а с идеологической составляющей. Так, например, оценка Правительством Российской Федерации текущей ситуации в сфере семейной и демографической политики отталкивается от того благонадежного обстоятельства, что «сегодня Российская Федерация является мировым идеологическим центром поддержки традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых особая роль отведена традиционным семейным ценностям» [7].

Таким образом, можем заключить, что демографическая проблематика в существующих условиях всецело опоясывается ценностно ориентированным политическим курсом, который В.В. Зубов справедливо определил как «артикуляцию и правовое облечение государством социально значимых идей и смыслов непреходящего толка в сочетании с разработкой и имплементацией юридических, организационно-распорядительных и коммуникативных механизмов соблюдения ценностей» [9, с. 39].

Представляется самоочевидным то обстоятельство, что без ответственной реализации демографической политики «снизу» становится невозможным воспроизводство человеческого капитала на том уровне прироста, который необходим для ресурсного обеспечения обороны страны, безопасности, эффективного противодействия нарастающим внешним угрозам и поддержки устойчивой макроэкономической динамики в тылу. В этом отношении в фарватере мысли, высказанной Президентом, двигается и глава Свердловской области Д.В. Паслер, который в 2025 году в ходе пресс-конференции в рамках обсуждения демографической повестки, отталкиваясь от собственного жизненно-

го опыта, сказал: «Бог даст деточку, даст и денежку» [11]. Разумеется, обозначенный совет выражен в адаптированной для публичного мероприятия форме, однако он довольно точно отражает желаемую ориентацию молодых семей на скорейшее деторождение.

Мероприятия стимулирования рождаемости на государственном уровне, очевидно, не могут ограничиваться постановкой цели и введением базисных мировоззренческих координат для повышения рождаемости. Не менее важным представляется индикативное планирование реализации ответственной демографической политики.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в части описания показателей достижения цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» ставится задача повышения «суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 году и до 1,8 к 2036 году, в том числе ежегодный рост суммарного коэффициента рождаемости третьих и последующих детей» [4].

Отмеченные в президентском Указе показатели индикативного планирования повышения рождаемости до 2036 года ощутимо расходятся с констатированным Президентом на заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики положением о трех детях как норме для современной семьи, что объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, Президент ссылался на данные социологических исследований, отражавших представления граждан России о норме рождаемости, а не реальную демографическую картину. Во-вторых, показатели индикативного планирования, будучи закрепленными в нормативных правовых актах стратегического характера, основываются на более консервативных оценках будущего.

В рамках индикативного планирования стимулирования рождаемости, помимо прочего, предусматривается введение контрольных показателей, свидетельствующих о реализации намеченных программ или, напротив, о недостижении целей:

« – суммарный коэффициент рождаемости к 2030 году составит не менее 1,6, к 2036 году – не менее 1,8;

– суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей к 2030 году составит не менее 0,475, к 2036 году – не менее 0,485;

– охват граждан репродуктивного возраста (18–49 лет) диспансеризацией в целях оценки репродуктивного здоровья к 2030 году составит не менее 50 процентов и сохранится не ниже достигнутого уровня до 2036 года;

– доля беременных женщин, обратившихся в медицинские организации в ситуации репродуктивного выбора, получивших услуги по оказанию правовой, психологической и медико-социальной помощи и вставших на учет по беременности, к 2030 году составит не менее 26 процентов, к 2036 году – не менее 30 процентов;

– младенческая смертность к 2030 году составит не более 3,9 промилле, к 2036 году – 3,7 промилле;

– количество многодетных семей к 2030 году составит не менее 2400 тыс., к 2036 году – не менее 2725 тыс.;

– уровень бедности многодетных семей к 2030 году составит не более 12 процентов, к 2036 году – не более 8 процентов» [7].

Необходимо обратить внимание на адресные меры стимулирующего характера, связанные с материальной стороной поддержки рождаемости федеральной властью и органами управления субъектами РФ. Так, правовой новеллой 2026 года в сфере стимулирования рождаемости является установление ежегодной семейной выплаты гражданам Российской Федерации, имеющим более двух детей. Данная выплата осуществляется при следующих условиях: 1) родители, будучи гражданами РФ, постоянно проживают на территории страны; 2) родители являются налоговыми резидентами РФ; 3) родители в год, предшествующий году обращения за выплатой, имели доходы, с которых удерживался НДФЛ; 4) размер среднедушевого дохода семьи не превышает 1,5-кратную величину прожиточного минимума, установленную для соответствующего субъекта РФ. Размер выплаты определяется территориальным органом Фонда пенсионного и социального страхования РФ (СФР) как разница между суммой уплаченного за предыдущий год НДФЛ с доходов заявителя и суммой, исчисленной с того же дохода, в размере 6% [6].

Помимо прочего, специализированные меры адресной поддержки рождаемости устанавливаются на уровне субъектов Российской Федерации. Так, например, в Липецкой области с конца 2024 года действуют социальные выплаты на жилье для многодетных детей, а также выплаты молодым семьям при рождении третьего ребенка. На территории Рязанской области установлены выплаты беременным студенткам и компенсация аренды жилья молодым семьям.

Таким образом, стимулирование рождаемости является одним из ключевых направлений стратегического планирования Российской Федерации и, будучи сферой приложения управленческих усилий на федеральном, региональном и местном уровне, становится многоступенчатым кластером долгосрочной государственной политики.

На верхнем этаже блока стимулирования рождаемости находятся четко артикулированное целеполагание (закрепление связи повышения рождаемости с устойчивым развитием страны и обеспечением национальной безопасности), формулировка базисных мировоззренческих координат прогрессивной демографической политики на основе российских духовно-нравственных ценностей, определяющих приоритет духовного над материальным и оттеняющих возможные риски малообеспеченности семей с детьми осознанным следованием такой традиционной ценности, как служение Отечеству и ответственность за будущее России, а также двухчастная этапизация Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года.

Этажом ниже располагается организационно-распорядительный уровень государственной демографической политики, связанный с институционализацией и развитием Совета по реализации государственной демографической и семейной политики, обладающего координационными и консультативными полномочиями.

Конкретизация вектора стимулирования рождаемости находит выражение в индикативном планировании реализации ответственной демографической политики, предусматривающем введение количественных критериев повышения рождаемости и закрепление контрольных показателей сличения эффективности или неэффективности имплементации стратегических программ наращивания человеческого капитала.

Прикладной уровень демографической стратегии находит выражение в адресных мерах стимулирующего характера, связанных с материальной стороной поддержки рождаемости. Данные меры действуют как на федеральном, так и на региональном уровнях, и их основное предназначение – субсидирование расходов малоимущих семей в контексте жилищной обеспеченности, воспитания детей или сопровождения беременности. При этом важнейшей новеллой 2026 года на данном уровне демографической политики является введение ежегодной семейной выплаты гражданам Российской Федерации, имеющим более двух детей.

В заключение еще раз отметим, что демографическая политика 2026 года в немалой степени основывается на стимулировании тектонических сдвигов в сфере повышения рождаемости за счет развития самосознания домохозяйств на базе признания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, конституирующих примат духовного над материальным, руководством к действию. Повышение рождаемости тем самым выводится из разряда исключительно «кабинетных» направлений государственной социально-экономической политики и переносится на куда более высокий экзистенциальный уровень, сопряженный с духовно-нравственной ответственностью граждан за воспроизводство человеческого капитала на уровне, необходимом для повышения обороноспособности страны, ее суверенитета, а также укомплектованности трудовыми ресурсами.

Литература

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 года, номер 26 (часть I), статья 3378.

2. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации» от 5 июля 2021 года, номер 27 (часть II), статья 5351.

3. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 14.11.2022, ст. 7977.

4. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации» от 20 мая 2024 года, № 21, ст. 3033.

5. Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2025 года № 99 «Об утверждении Положения о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики и его состава» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 8, 24.02.2025, ст. 752.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2025 г. № 2173 «Об осуществлении ежегодной семейной выплаты гражданам Российской Федерации, имеющим 2 и более де-

тей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 1 (ч. I), 05.01.2026, ст. 52.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года № 615-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2025 года, номер 13, статья 1505.

8. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.

9. Зубов В.В. Ценностная политика в Российской Федерации: правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 38–47.

10. Рогозин К. Д., Хомутникова Е.А. Сохранение семейных ценностей как основа патриотического воспитания молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2026. № 1 (116). С. 28–31.

11. «Бог даст деточку, даст и денежку»: глава российского региона рассказал о поддержке семей [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/07/17/26290592.shtml?ysclid=mnx5tnwzza392143993 (дата обращения: 13.04.2026).

12. Заседание Совета по реализации государственной демографической и семейной политики. Президент принял участие в первом заседании Совета по реализации государственной демографической и семейной политики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273?ysclid=mnx5e24yiq19500067 (дата обращения: 13.04.2026).

13. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73585 (дата обращения: 13.04.2026).

FERTILITY INCENTIVE MEASURES IN 2026

Erzyleva I.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the current mechanisms for increasing the birth rate in the Russian Federation. The author interprets birth rate promotion as a key area of strategic planning and, simultaneously, as a multi-stage cluster of long-term public policy, consisting of: 1) the strategic level itself, including articulated goal-setting (reinforcing the connection between increasing the birth rate and the country's sustainable development and ensuring national security), formulating the basic ideological coordinates of the progressive demographic course based on Russian spiritual and moral values, and a two-part stage-by-stage strategy for implementing family and demographic policy and supporting large families in the Russian Federation until 2036; 2) the organizational and administrative level, associated with the institutionalization and development of the Council for the Implementation of State Demographic and Family Policy; 3) the level of indicative planning, associated with the introduction of quantitative criteria for increasing the birth rate and the consolidation of control indicators for comparing the effectiveness or ineffectiveness of the implementation of strategic programs for increasing human capital; 4) the applied level of the demographic strategy, expressed in targeted material incentive measures. Particular attention is paid to such a legal and social innovation to stimulate the birth rate in 2026 as the introduction of an annual family payment to citizens of the Russian Federation with more than two children. In conclusion, it is concluded that the demographic policy of 2026 is largely based on stimulating tectonic shifts in the sphere of increasing the birth rate by developing the self-awareness of households based on the recognition of traditional Russian spiritual and moral values, which constitute the primacy of the spiritual over the material, as a guide to action. According to the author of the publication, the increase in the birth rate in modern realities is № longer a purely «cabin-level» aspect of state socio-economic policy, but has been elevated to a much higher existential level, involving the spiritual and moral responsibility of citizens for the reproduction of human capital at a level necessary to enhance the country's defense capabilities, sovereignty, and workforce availability. In conclusion, it is concluded that the demographic policy of 2026 is largely based on stimulating tectonic shifts in the sphere of increasing the birth rate by developing the self-awareness of households based on the recognition of traditional Russian spiritual and moral values, which constitute the primacy of the spiritual over the material, as a guide to action. According to the author of the publication, the increase in the birth rate in modern realities is № longer a purely «cabin-level» aspect of state socio-economic policy, but has been elevated to a much higher existential level, involving the spiritual and moral responsibility of citizens for the reproduction of human capital at a level necessary to enhance the country's defense capability, its sovereignty, and the staffing of labor resources.

Keywords: strategic planning, demographic policy, traditional spiritual values, human capital, birth rate.

References

1. Federal Law of June 28, 2014, № 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation» // Collection of Laws of the Russian Federation of June 30, 2014, № 26 (Part I), Article 3378.

2. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Laws of the Russian Federation of July 5, 2021, № 27 (Part II), Article 5351.

3. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» // Collection of Laws of the Russian Federation, № 46, 14.11.2022, Art. 7977.

4. Decree of the President of the Russian Federation № 309 dated May 7, 2024 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // Collection of Legislation of the Russian Federation dated May 20, 2024, № 21, art. 3033.

5. Decree of the President of the Russian Federation dated February 21 2025 № 99 «On Approval of the Regulations on the Council under the President of the Russian Federation for the Implementation of State Demographic and Family Policy and its Composition» // Collection of Legislation of the Russian Federation, № 8, 02/24/2025, art. 752.

6. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 27, 2025 № 2173 «On the implementation of annual family payments to citizens Of the Russian Federation having 2 or more children» // Collection of legislation of the Russian Federation, № 1 (Part I), 05.01.2026, art.52.

7. Decree of the Government of the Russian Federation dated March 15, 2025 № 615-r // Collection of legislation of the Russian Federation dated March 31, 2025, № 13, Article 1505.

8. Foucault, M. The Birth of Biopolitics. A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the Academic Year 1978–1979. St. Petersburg: Nauka, 2010. 448 p.

9. Zubov, V.V. Value Policy in the Russian Federation: Legal Aspects // Gaps in Russian Legislation. 2024. Vol. 17. № 1. Pp. 38–47.

10. Rogozin K.D., Khomutnikova E.A. Preservation of Family Values as the Basis of Patriotic Education of Youth // World of Science, Culture, and Education. 2026. № 1 (116). Pp. 28–31.

11. «God will give you a child, and He will give you money»: the head of a Russian region spoke about supporting families [Electronic resource]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/07/17/26290592.shtml?ysclid=mnx5tnwzza392143993 (Accessed: 13.04.2026).

12. Meeting of the Council for the Implementation of State Demographic and Family Policy. The President took part in the first meeting of the Council for the Implementation of State Demographic and Family Policy [Electronic resource]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/78273?ysclid=mnx5e24yiq19500067 (Accessed: 13.04.2026).

13. President's Address to the Federal Assembly [Electronic resource]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73585 (Accessed on 13.04.2026).

Геймификация как технология социального управления образовательным процессом в системе военно-патриотической социализации студентов гражданских вузов

Зайцев Олег Николаевич,
кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: ONZajtsev@fa.ru

Включение модуля «Основы военной подготовки» в образовательные программы высшего образования на основании поручения Президента и Правительства Российской Федерации порождает управленческую задачу формирования эффективных механизмов вовлечённости и мотивации студентов, не обладающих предшествующим опытом военной службы. Предметом настоящего исследования выступает геймификация как социально-управленческая технология, обеспечивающая конструирование мотивационной среды в процессе военно-патриотической социализации студентов гражданских вузов. В работе применены институциональный, системный и сравнительный методы, позволяющие проанализировать управленческие модели интеграции игровых механик в образовательный процесс, оценить зарубежный и отечественный опыт геймификации военной подготовки. Проведён анализ мета-аналитических исследований 2020–2025 годов, фиксирующих размер эффекта геймификации на когнитивные результаты обучения на уровне g = 0,49–0,82. Систематизирован международный опыт инвестирования в геймифицированные тренажёры, включая планы армии США по выделению свыше 26 млрд долларов ежегодно к 2028 году. Разработана авторская структурно-функциональная модель геймификации дисциплины «Основы военной подготовки», включающая мотивационно-целевой, содержательно-процессуальный, технологический и оценочно-рефлексивный блоки. Результаты свидетельствуют о том, что геймификация выступает не просто дидактическим приёмом, а технологией социального управления, конструирующей институциональную среду, в которой внешние стимулы постепенно трансформируются во внутреннюю мотивацию к выполнению воинского долга. Научная новизна заключается в социологической интерпретации геймификации как управленческого механизма конструирования мотивационной среды военно-патриотической социализации. Практическая значимость определяется возможностью использования модели при проектировании рабочих программ по дисциплине «Основы военной подготовки».

Ключевые слова: социология управления, геймификация, военно-патриотическая социализация, управление образовательным процессом, игровые механики, мотивационная среда, теория самодетерминации, виртуальные тренажёры, основы военной подготовки, социальное управление.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что включение модуля «Основы военной подготовки» в образовательные программы высшего образования на основании письма Министерства науки и высшего образования РФ от 21 декабря 2022 г. № МН-5/35982 создало принципиально новую управленческую ситуацию, в которой преподаватели гражданских вузов столкнулись с задачей формирования военно-прикладных компетенций у студентов, не обладающих предшествующим опытом военной службы[1]. Следует обратить внимание на то, что традиционные формы проведения занятий демонстрируют недостаточную эффективность при формировании мотивации к освоению военно-прикладных дисциплин, что подтверждается исследованиями Е.А. Кошелевой, зафиксировавшей снижение вовлечённости обучающихся при использовании исключительно конвенциональных методов[2]. Принципиальные основания для социологического анализа представляет геймификация, определяемая С. Детердингом как использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах для повышения вовлечённости и продуктивности[3], которая может быть рассмотрена с позиций социологии управления как технология конструирования мотивационной среды. Вместе с тем научная рефлексия геймификации в системе военного образования остаётся преимущественно педагогической, тогда как социально-управленческий потенциал данной технологии остаётся недостаточно исследованным. Немаловажное значение имеют мета-аналитические исследования 2024–2025 гг., фиксирующие средний размер эффекта геймификации на мотивацию обучающихся на уровне g = 0,654[4], а также отечественные исследования, демонстрирующие рост мотивации на 30–40% при внедрении геймифицированных элементов[5]. Проблематика социального управления образовательным процессом получила разработку в трудах К. Вербаха[6], Ю-Кай Чоу[7], Э. Деси и Р. Райана[8], а также в работах М.Р. Ванягиной по соревновательной геймификации в военных вузах[9] и Е.П. Дорохова по возможностям и ограничениям геймификации[10].

Объектом исследования выступает образовательный процесс по дисциплине «Основы военной подготовки» в организациях высшего образования Российской Федерации.

Предметом являются социально-управленческие механизмы интеграции геймификационных технологий в процесс военно-патриотической социализации студентов.

Целью исследования является социологическая интерпретация геймификации как технологии социального управления и разработка модели её внедрения в преподавание дисциплины «Основы военной подготовки».

Научная новизна состоит в переосмыслении геймификации как технологии социального управления мотивационной средой военно-патриотической социализации. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при проектировании рабочих программ и фондов оценочных средств по дисциплине «Основы военной подготовки».

Материалы и методы

Методологическую основу составляют теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана[8], обосновывающая роль внутренней мотивации, трёхуровневая модель геймификации К. Вербаха[6], октагональная модель мотивации Ю-Кай Чоу[7], а также институциональный и сравнительный методы анализа. Информационную базу составили мета-аналитические исследования за 2020–2025 гг., индексированные в Scopus, Web of Science, eLibrary и КиберЛенинка, нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие преподавание дисциплины «Основы военной подготовки» [1],[11],[12].

Результаты и обсуждение

Теоретический фундамент настоящего исследования базируется на понимании геймификации как социально-управленческой технологии, выходящей за рамки дидактического приёма. С. Детердинг и соавторы предложили каноническое определение геймификации как использования элементов игрового дизайна в неигровых контекстах[3], что позволило разграничить геймификацию, игровое обучение и серьёзные

игры. К. Вербах в развитие данного подхода предложил трёхуровневую иерархическую модель, включающую динамики (ограничения, эмоции, нарратив, прогрессия, отношения), механики (вызовы, соревнование, сотрудничество, обратная связь, вознаграждения) и компоненты (баллы, значки, рейтинговые таблицы, уровни, аватары)[6]. Ю-Кай Чоу расширил теоретическую рамку, предложив октагональную модель «Octalysis», выделяющую восемь ключевых драйверов мотивации, среди которых «эпическое значение и призвание» представляется особенно значимым для контекста военной подготовки, поскольку позволяет апеллировать к чувству долга и призвания защитника Отечества[7].

Стоит обратить внимание на то, что теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, постулирующая три базовые психологические потребности (автономию, компетентность, социальную связанность), обеспечивает объяснительный механизм эффективности геймификации с позиций социологии управления[8]. Игровые элементы, поддерживающие указанные потребности, способствуют формированию внутренней мотивации, тогда как элементы, ориентированные исключительно на внешние вознаграждения, могут подрывать внутреннюю мотивацию при длительном применении. Данный вывод представляется принципиально значимым для управления процессом военно-патриотической социализации, где формирование устойчивой внутренней мотивации является приоритетной задачей. Ж. Жусупбек кызы и А. Тайырбек кызы подчёркивают, что интеграция геймификации должна базироваться на чётких целях, а не на стремлении развлечь обучающихся[13]. Е.П. Дорохов отмечает, что геймификация обладает как значительными возможностями, так и ограничениями, требующими тщательного управленческого проектирования[10].

Анализ мета-аналитических исследований 2020–2025 гг. свидетельствует о формировании устойчивого эмпирического консенсуса. Сравнительные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Мета-аналитические исследования эффективности геймификации в образовании (2020–2025)

Исследование	Выборка	Размер эффекта (Hedges' g)	Область измерения
Sailer, Homner (2020)	19 исследований, N = 1686	g = 0,49	Когнитивные результаты
Li et al. (2023)	41 исследование, N = 5071	g = 0,82	Общие учебные результаты
Zeng et al. (2024)	Систематический обзор 2008–2023	Значимое повышение	Академическая успеваемость
Kurnaz (2025)	31 исследование, k = 41	g = 0,654	Мотивация K-12

Источник: составлено автором на основе материалов[4],[14],[15],[16].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о последовательном подтверждении положительного эффекта геймификации, с размером эффекта от среднего (g = 0,49) до большого (g = 0,82). Следует подчеркнуть, что исследование Kurnaz (2025) зафиксировало несколько больший эффект на внешнюю мотивацию по сравнению с внутренней[4], что указывает на необходимость проектирования геймифицированных систем с акцентом на поддержку базовых психологических потребностей. Н.Р. Сакаев справедливо предупреждает об опасности формирования «иллюзии компетентности» при некорректном применении геймификации, когда внешние атрибуты успешности замещают реальное освоение содержания[17].

Международный опыт демонстрирует масштабное инвестирование в геймификацию военной подготовки. Армия США планирует выделять свыше 26 млрд долларов ежегодно на геймифицированные и симуляционные системы к 2028 году[18]. N. Stathakarou и соавторы продемонстрировали эффективность геймификации при проектировании виртуальных пациентов для подготовки шведских военных медиков[19]. Военно-морская аспирантская школа США провела серию экспериментов, результаты которых показали превосходство геймифицированных методов над традиционными лекционными форматами на 15% и более[20]. Исследовательская лаборатория армии США установила, что персонализация геймификационных элементов критически важна для достижения положительных результатов[18].

Отечественный опыт развивается по нескольким направлениям. Холдинг «Росэлектроника» Госкорпорации «Ростех» представил рабочий прототип тренажёра на основе технологий гибридной реальности (Mixed Reality) на базе программно-технического комплекса «Аватар». Специалисты Военно-медицинской академии имени Кирова разрабатывают VR-тренажёр по тактической медицине. М.Р. Ванягина исследовала возможности соревновательной геймификации при обучении курсантов военных вузов[9].

На основе проведённого анализа теоретических подходов и практического опыта автором разработана структурно-функциональная модель геймификации дисциплины «Основы военной подготовки», отображённая на рисунке 1.

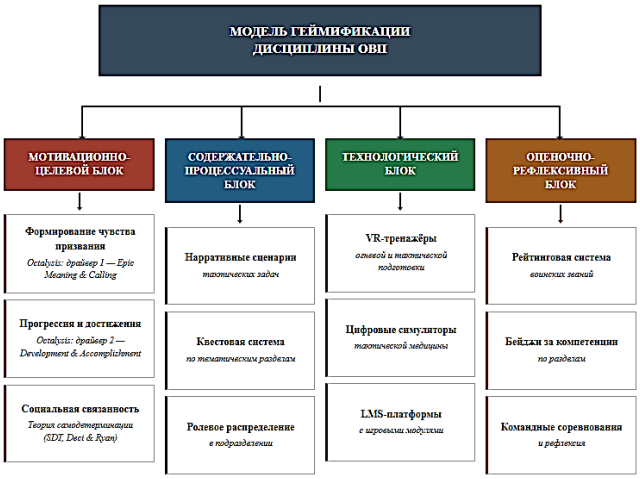


Рис. 1. Структурно-функциональная модель геймификации дисциплины «Основы военной подготовки»

Источник: составлено автором на основе материалов[6],[7],[8].

Представленная на рисунке 1 модель демонстрирует четырёхблочную архитектуру геймифицированного образовательного процесса, позволяющую системно интегрировать игровые элементы в преподавание военно-прикладных дисциплин. Мотивационно-целевой блок опирается на октагональную модель Ю-Кай Чоу и теорию самодетерминации, обеспечивая апелляцию к чувству призвания защитника Отечества. Содержательно-процессуальный блок предполагает трансформацию тематических разделов дисциплины в нарративные цепочки тактических сценариев, где каждая тема представлена как этап выполнения боевой задачи, а обучающиеся распределяются по ролям в составе условного подразделения (командир отделения, стрелок, пулемётчик, гранатомётчик, санитар). Технологический блок включает VR-тренажёры, позволяющие отрабатывать навыки огневой подготовки, тактической медицины и топографии в иммерсивной среде. Оценочно-рефлексивный блок реализует систему прогрессии, где текущие достижения трансформируются в условные воинские звания, а за освоение каждого тематического раздела присваиваются специализированные бейджи компетенций.

Авторская адаптация игровых элементов модели К. Вербаха к дисциплине «Основы военной подготовки» представлена в таблице 2.

Таблица 2. Адаптация игровых элементов модели К. Вербаха к дисциплине «Основы военной подготовки»

Уровень модели	Элемент	Реализация в дисциплине	Управленческая функция
Динамики	Нарратив	Сквозной сценарий «Подготовка подразделения к выполнению задачи»	Формирование смысловой целостности курса
Динамики	Прогрессия	Система воинских званий (рядовой → ефрейтор → мл. сержант → сержант)	Визуализация индивидуальной траектории
Динамики	Отношения	Формирование отделений, взаимозависимость ролей	Моделирование субординации
Механики	Вызовы	Тактические задачи нарастающей сложности	Управление когнитивной нагрузкой
Механики	Соревнование	Межкомандный тактический квест	Стимулирование групповой динамики
Механики	Сотрудничество	Совместное выполнение задач в VR-среде	Формирование командной сплочённости
Компоненты	Значки	Бейджи «Снайпер», «Тактик», «Медик», «Сапёр»	Фиксация освоенных компетенций
Компоненты	Рейтинг	Таблица лидеров отделений	Управление соревновательной динамикой

Источник: составлено автором на основе материалов[6],[7],[9].

Анализ представленной в таблице 2 информации демонстрирует возможность последовательной адаптации всех трёх уровней модели К. Вербаха к управлению образовательным процессом по дисциплине «Основы военной подготовки». Особого внимания заслуживает уровень динамик, где нарратив обеспечивает смысловую целостность между тематическими разделами, традиционно преподаваемыми автономно. Система прогрессии через условные воинские звания задействует мотивационный драйвер достижения и создаёт психологически достоверную модель карьерного роста военнослужащего.

Алгоритм проектирования геймифицированного занятия по дисциплине «Основы военной подготовки» представлен на рисунке 2.

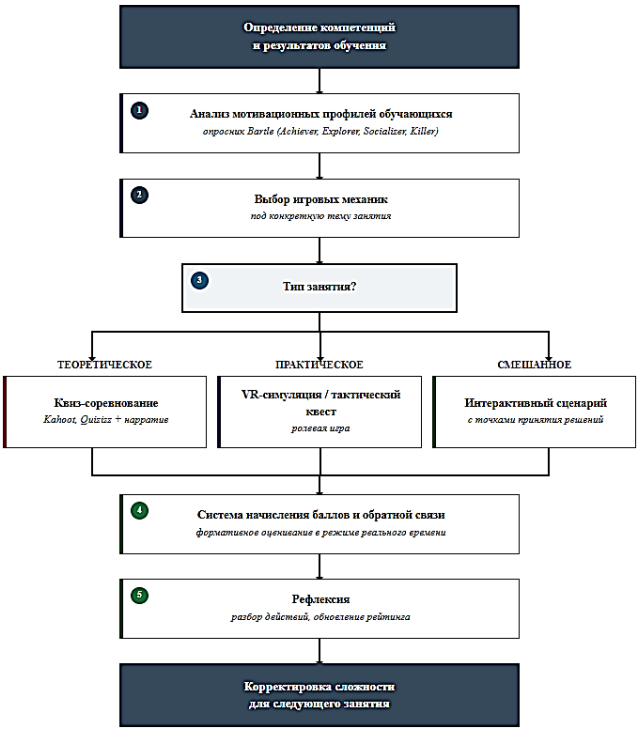


Рис. 2. Алгоритм проектирования геймифицированного занятия по дисциплине «Основы военной подготовки»

Источник: составлено автором на основе материалов[6],[8].

Рисунок 2 иллюстрирует последовательность управленческих действий при проектировании геймифицированного занятия, ключевым элементом которой является предварительный анализ мотивационных профилей обучающихся. Данный подход основан на результатах исследований Исследовательской лаборатории армии США, установивших, что персонализация геймификационных элементов критически важна для достижения положительных образовательных результатов[18]. Типология игроков Р. Бартла (Achievers, Explorers, Socializers, Killers), адаптированная к образовательному контексту, позволяет дифференцировать подходы: обучающимся с выраженным мотивационным профилем «достигателя» целесообразно предлагать систему бейджей и рейтингов, «исследователям» – нарративные сценарии с разветвлёнными траекториями, «коммуникаторам» – командные задания с распределением ролей.

Принципиально важным представляется вопрос о соотношении внешних и внутренних мотивационных механизмов геймификации в контексте военно-патриотической социализации. Если баллы, рейтинги и значки относятся к инструментам внешней мотивации, то нарратив, апеллирующий к чувству призвания защитника Отечества, и командное взаимодействие, формирующее чувство принадлежности к воинскому коллективу, задействуют внутренние мотивационные ресурсы. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана позволяет обосновать, что устойчивый мотивационный эффект достигается только при гармоничном сочетании обоих типов мотивации[8].

Управленческие условия эффективной реализации геймификации представлены в таблице 3.

Данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что эффективность геймификации как управленческой технологии определяется не столько набором применяемых игровых элементов, сколько качеством управленческого проектирования, учитывающего специфику контингента обучающихся, содержательные особенности дисциплины и имеющуюся технологическую инфраструктуру. Разнообразие организационных моделей реализации модуля «Основы военной подготовки» в российских вузах создаёт различные предпосылки для внедрения геймификации. Вузы с военными учебными центрами имеют возможность задействовать VR-тренажёры и симуляторы, тогда как вузы, реализующие модуль в формате факультатива, могут опираться на программные средства геймификации.

Таблица 3. Управленческие условия эффективной реализации геймификации в дисциплине «Основы военной подготовки»

Условие	Содержание	Риск при несоблюдении
Баланс игрового и военно-профессионального контекста	Игровые элементы усиливают, а не подменяют военно-прикладную направленность	Девальвация содержания дисциплины, «иллюзия компетентности»
Командное взаимодействие	Моделирование реальных отношений субординации и сплочённости подразделения	Индивидуализация, утрата командного духа
Технологическая инфраструктура	VR-тренажёры огневой подготовки, тактической медицины, топографии	Редукция к примитивным квизам и тестам
Персонализация	Учёт индивидуальных мотивационных профилей обучающихся (типология Р. Бартла)	Универсальное применение единообразных элементов без учёта индивидуальных различий

Источник: составлено автором на основе материалов[7],[13],[18],[20].

Выводы

Анализ теоретико-методологических оснований геймификации с позиций социологии управления показал, что геймификация представляет собой не просто дидактический приём, а целостную социально-управленческую технологию конструирования мотивационной среды. Концепция С. Детердинга, определяющая геймификацию как применение элементов игрового дизайна в неигровых контекстах, трёхуровневая модель К. Вербаха, систематизирующая игровые элементы по уровням динамик, механик и компонентов, октагональная модель Ю-Кай Чоу, выделяющая восемь драйверов мотивации, а также теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, обосновывающая три базовые психологические потребности, в совокупности формируют теоретический базис, позволяющий рассматривать геймификацию как управленческий механизм трансформации внешних стимулов во внутреннюю мотивацию к выполнению воинского долга.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта выявил два доминирующих направления геймификации военного образования. Высокотехнологичное направление, основанное на VR/MR-тренажёрах и боевых симуляторах, представлено планами армии США по инвестированию свыше 26 млрд долларов ежегодно, российским программно-техническим комплексом «Аватар» и VR-тренажёрами тактической медицины Военно-медицинской академии имени Кирова. Программно-дидактическое направление интегрирует игровые механики в традиционные формы обучения через квизы, рейтинговые системы и нарративные сценарии, что подтверждается исследованиями N. Stathakarou и соавторов по виртуальным пациентам для шведских военных медиков и экспериментами Naval Postgraduate School.

Разработанная авторская структурно-функциональная модель включает четыре взаимосвязанных блока (мотивационно-целевой, содержательно-процессуальный, технологический, оценочно-рефлексивный) и предполагает трансформацию тематических разделов дисциплины в нарративные цепочки тактических сценариев с ролевым распределением обучающихся, системой прогрессии через условные воинские звания и бейджами компетенций.

Литература

1. Письмо Министерства науки и высшего образования РФ от 21 декабря 2022 г. № МН-5/35982 «О направлении программы образовательного модуля «Основы военной подготовки»«. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405911395/ (дата обращения 17.02.2026).

2. Кошелева Е.А. Геймификация в образовании. Перспективы развития // Universum. Психология и образование. – 2024. – № 1 (127). –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://7universum.com/ru/psy/archive/item/19100 (дата обращения 17.02.2026).

3. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From Game Design Elements to Gamefulness. Defining «Gamification» // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference. – 2011.

4. Kurnaz F. A Meta-Analysis of Gamification's Impact on Student Motivation in K-12 Education // Psychology in the Schools. – 2025. –[Элек-

тронный ресурс] Режим доступа: URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/pits.70056 (дата обращения 17.02.2026).

5. Перфильева П.А. Геймификация в образовании. Мотивационные аспекты и эффективность // Молодой учёный. – 2025. – № 7 (558). – С. 114–116. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://moluch.ru/archive/558/122667/ (дата обращения 17.02.2026).

6. Werbach K., Hunter D. For the Win. How Game Thinking Can Revolutionize Your Business. – Wharton School Press, 2012. – 148 p.

7. Chou Y.-K. Actionable Gamification. Beyond Points, Badges, and Leaderboards. – Packt Publishing, 2019. – 501 p.

8. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78.

9. Ванягина М.Р. Технологии соревновательной геймификации для обучения курсантов военных вузов иностранному языку // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 6–1. – С. 62.

10. Дорохов Е.П. Геймификация в современном образовании. Возможности и ограничения // Гуманитарные проблемы современности. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. – Курск, 2025.

11. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (ред. от 2024 г.). –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/consdocLAW_10591/ (дата обращения 17.02.2026).

12. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ред. от 21.04.2025 г.).

13. Жусупбек кызы Ж., Тайырбек кызы А. Эффективность геймификации в цифровом образовании // Вестник ОшГП У. – 2025. – Т. 2, № 2. – С. 101–106. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://ilim.oshmpu.kg/index.php/01/article/view/401 (дата обращения 17.02.2026).

14. Sailer M., Homner L. The Gamification of Learning. A Meta-Analysis // Educational Psychology Review. – 2020. – Vol. 32. – P. 77–112.

15. Zeng J. et al. Exploring the Impact of Gamification on Students' Academic Performance. A Comprehensive Meta-Analysis 2008–2023 // British Journal of Educational Technology. – 2024. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://bera-journals.onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/bjet.13471 (дата обращения 17.02.2026).

16. Ramírez Ruiz J., Vargas Sanchez A.D., Boude Figueredo O.R. Impact of Gamification on School Engagement. A Systematic Review // Frontiers in Education. – 2024. – Vol. 9. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/feduc.2024.1466926/full (дата обращения 17.02.2026).

17. Сакаев Н.Р. Геймификация в современном образовании. Между инновацией и иллюзией компетентности // Научный диалог. Теория и практика. Сборник научных статей Международного научного форума. – М., 2025.

18. Halldale Group. US Army to Invest $26B in Training Gamification. – 2024. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.halldale.com/defence/us-army-26b-gamification-training-2028 (дата обращения 17.02.2026).

19. Stathakarou N., Kononowicz A.A., Mattsson E., Karlgren K. Gamification in the Design of Virtual Patients for Swedish Military Medics to Support Trauma Training // JMIR Serious Games. – 2024. – Vol. 12. – e63390. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://games.jmir.org/2024/1/e63390/ (дата обращения 17.02.2026).

20. Finkenstadt D., Helzer E. Gamified Learning Can Be Effective // Proceedings (USNI). – 2023. – Vol. 149/3. –[Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.usni.org/magazines/proceedings/2023/march/gamified-learning-can-be-effective (дата обращения 17.02.2026).

GAMIFICATION AS A SOCIAL MANAGEMENT TECHNOLOGY IN THE EDUCATIONAL PROCESS WITHIN THE SYSTEM OF MILITARY-PATRIOTIC SOCIALIZATION OF CIVILIAN UNIVERSITY STUDENTS

Zaitsev O.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The inclusion of the module «Fundamentals of Military Training» in higher education programs based on the instructions of the President and Government of the Russian Federation generates a managerial task of forming effective mechanisms of engagement and motivation for students who lack prior military service experience. The subject of this study is gamification as a social management technology that ensures the construction of a motivational environment in the process of military-patriotic socialization of civilian university students. Institutional, systemic, and comparative methods were applied, enabling the analysis of management models for integrating game mechanics into the educational process and the evaluation of foreign and domestic experience with gamification of military training. An analysis of meta-analytical studies from 2020–2025 was conducted, documenting the effect size of gamification on cognitive learning outcomes at the level of g = 0.49–0.82. International experience in investing in gamified simulators was systematized, including US Army plans to allocate over $26 billion annually by 2028. An original structural-functional model of gamification for the discipline «Fundamentals of Military Training» was developed, comprising motivational-targeted, content-procedural, technological, and evaluative-reflective blocks. The results indicate that gamification acts not merely as a didactic technique but as a social management technology that constructs an institutional environment in which external stimuli are gradually transformed into intrinsic motivation to fulfill military duty. The scientific novelty lies in the sociological interpretation of gamification as a management mechanism for constructing the motivational environment of military-patriotic socialization. The practical significance is determined by the possibility of using the model in designing work programs for the discipline «Fundamentals of Military Training».

Keywords: sociology of management, gamification, military-patriotic socialization, educational process management, game mechanics, motivational environment, self-determination theory, virtual simulators, fundamentals of military training, social management.

References

1. Letter of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. MN-5/35982 of 21.12.2022 «On the Educational Module Program 'Fundamentals of Military Training'«. (In Russ.)

2. Kosheleva E.A. Gamification in Education: Development Prospects. Universum: psikhologiya i obrazovanie, 2024, No. 1 (127). (In Russ.)

3. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining «Gamification». Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference, 2011.

4. Kurnaz F. A Meta-Analysis of Gamification's Impact on Student Motivation in K-12 Education. Psychology in the Schools, 2025.

5. Perfilieva P.A. Gamification in Education: Motivational Aspects and Effectiveness. Molodoi uchenyi, 2025, No. 7 (558), Pp. 114–116. (In Russ.)

6. Werbach K., Hunter D. For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business. Wharton School Press, 2012. 148 p.

7. Chou Y.-K. Actionable Gamification: Beyond Points, Badges, and Leaderboards. Packt Publishing, 2019. 501 p.

8. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. American Psychologist, 2000, Vol. 55, No. 1, Pp. 68–78.

9. Vanyagina M.R. Competitive Gamification Technologies for Teaching Foreign Language to Military Cadets. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2022, No. 6–1, p. 62. (In Russ.)

10. Dorokhov E.P. Gamification in Modern Education: Opportunities and Limitations. Gumanitarnye problemy sovremennosti, Kursk, 2025. (In Russ.)

11. Federal Law No. 61-FZ of 31.05.1996 «On Defense» (as amended 2024). (In Russ.)

12. Federal Law No. 53-FZ of 28.03.1998 «On Military Duty and Military Service» (as amended 21.04.2025). (In Russ.)

13. Zhusupbek kyzy Zh., Taiyrbek kyzy A. Effectiveness of Gamification in Digital Education. Vestnik OshGPU, 2025, Vol. 2, No. 2, Pp. 101–106. (In Russ.)

14. Sailer M., Homner L. The Gamification of Learning: A Meta-Analysis. Educational Psychology Review, 2020, Vol. 32, Pp. 77–112.

15. Zeng J. et al. Exploring the Impact of Gamification on Students' Academic Performance: A Comprehensive Meta-Analysis 2008–2023. British Journal of Educational Technology, 2024.

16. Ramírez Ruiz J., Vargas Sanchez A.D., Boude Figueredo O.R. Impact of Gamification on School Engagement: A Systematic Review. Frontiers in Education, 2024, Vol. 9. Available at: https://www.frontiersin.org/journals/education/articles/10.3389/feduc.2024.1466926/full (accessed 17.02.2026).

17. Sakaev N.R. Gamification in Modern Education: Between Innovation and the Illusion of Competence. Nauchnyi dialog: teoriya i praktika, Moscow, 2025. (In Russ.)

18. Halldale Group. US Army to Invest $26B in Training Gamification, 2024. Available at: https://www.halldale.com/defence/us-army-26b-gamification-training-2028 (accessed 17.02.2026).

19. Stathakarou N., Kononowicz A.A., Mattsson E., Karlgren K. Gamification in the Design of Virtual Patients for Swedish Military Medics to Support Trauma Training. JMIR Serious Games, 2024, Vol. 12, e63390. Available at: https://games.jmir.org/2024/1/e63390/ (accessed 17.02.2026).

20. Finkenstadt D., Helzer E. Gamified Learning Can Be Effective. Proceedings (USNI), 2023, Vol. 149/3. Available at: https://www.usni.org/magazines/proceedings/2023/march/gamified-learning-can-be-effective (accessed 17.02.2026).

К вопросу о развитии и дальнейшем совершенствовании дистанционных форм обучения и контроля в системе высшего образования

Каминский Александр Викторович,
к. ф-м.н., доцент ВШ КЦТ ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
E-mail: Ak13636@mail.ru

В статье рассматривается развитие дистанционных и смешанных форм обучения в высшем образовании в связи с распространением систем управления обучением и внешних инструментов оценки качества подготовки обучающихся. Показано, что LMS-платформы за последние годы стали не вспомогательным, а фактически постоянным элементом образовательной среды вуза: через них организуются доступ к учебным материалам, самостоятельная работа студентов, текущий контроль, обратная связь и фиксация результатов обучения. При этом подчеркивается, что цифровая образовательная среда не устраняет базовых педагогических задач высшей школы. Электронный курс не может быть сведен к набору файлов и тестов, поскольку качество обучения определяется не только доступностью материалов, но и методикой их включения в учебный процесс, характером взаимодействия преподавателя и обучающихся, а также достоверностью оценки достигнутых результатов. Отдельное внимание уделено проблеме объективности контроля в LMS, так как содержание заданий, уровень их сложности и критерии оценивания во многом зависят от преподавателя и локальной практики образовательной организации. Обосновывается вывод о целесообразности смешанной модели обучения, в которой аудиторная работа и дистанционные технологии не конкурируют, а дополняют друг друга. Предлагается рассматривать LMS-платформу как инструмент сопровождения учебного процесса, а независимую оценку качества подготовки обучающихся – как средство проверки сопоставимости и объективности образовательных результатов.

Ключевые слова: дистанционное обучение, LMS-платформа, Moodle, смешанное обучение, электронный учебный курс, независимая оценка качества образования, интернет-тестирование, компетентностный подход, высшее образование.

Введение

Цифровизация высшего образования заметно изменила организацию учебного процесса. Если еще сравнительно недавно электронный курс нередко воспринимался как дополнительный ресурс к аудиторным занятиям, то в настоящее время он во многих вузах стал обязательным элементом образовательной среды. Через цифровые платформы размещаются лекционные материалы, задания для самостоятельной работы, тесты, методические рекомендации, ссылки на внешние источники, результаты текущего контроля и сообщения преподавателя.

Расширение дистанционных образовательных технологий обусловлено не только последствиями пандемийного периода. Более существенное значение имеют долгосрочные изменения в самой системе высшего образования: рост индивидуальных образовательных траекторий, увеличение числа работающих студентов, востребованность гибких форм обучения, необходимость постоянного доступа к образовательному контенту и развитие электронных информационно-образовательных сред вузов. Для студентов заочной формы обучения дистанционный формат позволяет сократить временные и финансовые затраты. Для студентов очной формы он становится средством подготовки к занятиям, компенсации пропусков, повторения учебного материала и выполнения текущих заданий.

Основным инструментом организации дистанционного и смешанного обучения выступают системы управления обучением – Learning Management System, или LMS. В российской образовательной практике наряду с этим используется термин «система дистанционного обучения» – СДО. Эти понятия близки, однако не являются полностью тождественными. СДО чаще связывается с удаленным форматом освоения образовательной программы, тогда как LMS может применяться и в очном, и в заочном, и в смешанном обучении. LMS позволяет не только хранить материалы, но и управлять ходом изучения дисциплины, фиксировать активность студентов, организовывать контроль и получать данные для анализа учебных результатов.

Вместе с тем внедрение LMS само по себе не гарантирует повышения качества образования. Электронная платформа может быть использована по-разному: как полноценная среда сопровождения дисциплины либо как формальное хранилище файлов. Результат зависит от методического замысла преподавателя, структуры курса, качества заданий, регулярности обратной связи и готовности студентов к самостоятельной работе.

Особое значение имеет проблема контроля учебных достижений. Текущая и промежуточная аттестация, проводимая внутри образовательной организации, необходима для управления учебным процессом, но ее результаты не всегда позволяют объективно сопоставлять качество подготовки студентов разных образовательных программ и вузов. Причина заключается в том, что содержание курса, сложность тестов и критерии оценивания чаще всего определяются самим преподавателем или кафедрой. Поэтому развитие LMS-платформ целесообразно рассматривать в связи с внешними системами независимой оценки качества подготовки обучающихся.

В педагогическом отношении важно учитывать, что цифровизация образования не отменяет гуманитарного содержания обучения. Образовательный процесс остается пространством речевого, ценностного и профессионального развития личности. В работах А.Н. Кохичко подчеркивается значение родного языка, речеязыкового чувства и национально-ценностного содержания образования в становлении обучающегося [14; 15]. Несмотря на то что данные исследования выполнены преимущественно в русле методики обучения младших школьников, их общий методологический посыл важен и для высшей школы: цифровая форма подачи материала не должна вытеснять живую речь, осмысленное обсуждение, работу с понятийным аппаратом и ценностное содержание образования.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании возможностей и ограничений дистанционных форм обучения и контроля в высшем образовании, а также в обосновании необходимости сочетания LMS-платформ с внешними инструментами независимой оценки качества подготовки обучающихся.

Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть функциональные возможности LMS-платформ, определить их преи-

мущества и ограничения, охарактеризовать роль смешанного обучения, а также показать значение независимой оценки качества подготовки обучающихся для повышения объективности образовательных результатов.

Материалы и методы исследования

Материальную основу исследования составили научные публикации, посвященные электронному обучению, смешанным образовательным моделям, применению LMS-платформ и независимой оценке качества подготовки обучающихся. Также использованы положения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», материалы по вопросам аккредитационного мониторинга и источники, раскрывающие практику интернет-тестирования в системе образования.

В качестве примера распространенной LMS-платформы рассмотрена Moodle. Обращение к данной системе обусловлено ее широким применением в образовательных организациях, открытым исходным кодом, модульной структурой и возможностью адаптации под задачи конкретного вуза. По данным официальной статистики Moodle, платформа используется в большом числе стран, а число зарегистрированных пользователей исчисляется сотнями миллионов [8].

При анализе внешней оценки качества подготовки обучающихся учитывались возможности сервисов единого портала интернет-тестирования в сфере образования i-exam.ru. Интерес к таким сервисам связан с тем, что они позволяют использовать единые подходы к оценке результатов обучения, формировать аналитические отчеты и выявлять проблемные разделы подготовки студентов.

Методологическую основу исследования составили системный, сравнительный, формально-юридический и аналитический методы. Системный метод использовался при рассмотрении LMS как элемента образовательной среды вуза. Сравнительный метод позволил сопоставить аудиторный, дистанционный и смешанный форматы обучения. Формально-юридический метод применялся при анализе положений законодательства, регулирующих независимую оценку качества подготовки обучающихся. Аналитический метод использовался при обобщении преимуществ и ограничений LMS-платформ в образовательном процессе.

Выбор данной методологии обусловлен междисциплинарным характером рассматриваемой проблемы. Развитие дистанционного обучения связано одновременно с педагогикой высшей школы, цифровыми технологиями, управлением качеством образования и нормативным регулированием образовательной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

LMS-платформа в современном вузе выполняет роль цифрового контура дисциплины. Через нее преподаватель выстраивает логику работы с учебным материалом, размещает задания, определяет сроки их выполнения, проводит тестирование, организует консультации и фиксирует результаты. Для студента такая платформа становится точкой постоянного доступа к курсу, где можно найти материалы занятия, уточнить требования к работе, проверить сроки выполнения заданий и получить обратную связь.

Важной особенностью LMS является возможность соединять разные формы представления учебного материала. В рамках одного электронного курса могут использоваться текстовые конспекты, презентации, видеозаписи, фрагменты нормативных документов, практические задания, тренировочные тесты, форумы для обсуждения и ссылки на внешние образовательные ресурсы. Такая организация курса дает студенту возможность возвращаться к сложным темам, работать с материалом в индивидуальном темпе и готовиться к аудиторным занятиям более осознанно. Однако сама по себе множественность форматов не является показателем качества. Если материалы размещены бессистемно, без методических пояснений и связи с результатами обучения, электронный курс теряет образовательную ценность и превращается в набор разрозненных файлов.

При выборе LMS образовательная организация должна исходить не только из технических параметров платформы. Безусловно, важны стабильность работы, защищенность данных, качество технической поддержки, возможность интеграции с информационными системами вуза и удобство интерфейса. Но не меньшее значение имеют дидактические характеристики: насколько просто преподавателю проектировать курс, создавать тесты, распределять задания по темам, организовывать групповую работу, отслеживать активность студентов и предоставлять содержательную обратную связь. Для обучающегося принципиальны понятная навигация, прозрачные требования, доступность материалов и возможность видеть собственное продвижение по дисциплине.

Одной из наиболее известных LMS-платформ является Moodle. Ее распространенность объясняется не только бесплатностью и открытым исходным кодом, но и гибкостью настройки. Moodle позволяет создавать электронные курсы с лекциями, заданиями, тестами, форумами, глоссариями, опросами, семинарами и журналами оценок. Модульная структура дает возможность адаптировать платформу под особенности образовательной программы, подключать дополнительные плагины, изменять интерфейс и интегрировать внешние сервисы. Вместе с тем опыт использования Moodle показывает, что техническая доступность системы еще не означает ее эффективного применения. Для полноценной работы необходимы методическое сопровождение преподавателей, регулярное обновление курсов, техническая поддержка и анализ результатов обучения.

Дистанционный формат обучения расширяет возможности образовательного процесса, но не устраняет его внутренние противоречия. Его сильная сторона заключается в доступности материалов и гибкости организации самостоятельной работы. Студент может обратиться к курсу вне расписания, повторить пропущенную тему, выполнить тренировочное задание, подготовить вопросы к очной встрече. Для работающих студентов и обучающихся по индивидуальному учебному плану это имеет существенное значение. В заочной форме обучения дистанционные технологии позволяют уменьшить зависимость от кратких сессионных периодов и сделать освоение дисциплины более равномерным.

Для очной формы обучения LMS полезна не как замена занятия, а как средство его продолжения. После лекции или практического занятия студент получает возможность вернуться к материалу, выполнить задание, пройти тест, изучить дополнительные источники. До занятия электронный курс может использоваться для предварительного знакомства с темой. Такой подход повышает содержательность аудиторной работы: преподаватель тратит меньше времени на передачу базовой информации и больше внимания уделяет обсуждению сложных вопросов, анализу ошибок и решению практических задач.

При всех преимуществах дистанционного формата нельзя игнорировать его ограничения. Наиболее очевидная проблема связана с идентификацией обучающегося при выполнении контрольных заданий. В условиях удаленного тестирования преподаватель не всегда может достоверно установить, кто именно выполнял работу. Технические средства контроля, включая видеонаблюдение и прокторинг, частично снижают этот риск, но требуют дополнительных ресурсов, устойчивого интернет-соединения и соблюдения требований к защите персональных данных.

Не менее значима проблема мотивации. Качественный электронный курс требует от преподавателя серьезной предварительной работы: необходимо продумать структуру дисциплины, разработать задания разного уровня сложности, настроить систему оценивания, предусмотреть обратную связь и регулярно обновлять материалы. Если эта работа не учитывается организационно и методически, электронный курс часто остается формальным приложением к аудиторным занятиям. Со стороны студентов дистанционный формат требует самоорганизации, умения планировать время и готовности работать с учебным материалом без постоянного внешнего контроля. Такие навыки сформированы не у всех обучающихся.

Отдельного внимания требует асинхронность взаимодействия. В аудитории преподаватель сразу видит реакцию группы, может изменить темп объяснения, вернуться к непонятному вопросу, предложить дополнительный пример. В электронной среде обратная связь часто оказывается отложенной. Это особенно заметно при изучении дисциплин, где важны диалог, аргументация, устное объяснение, работа с профессиональным языком и обсуждение спорных вопросов. В данном контексте актуальны выводы А.Н. Кохичко о значении речеязыкового развития и осознания ценностного содержания языка в образовательном процессе [14; 15]. Цифровая платформа может поддерживать обучение, но не должна вытеснять речевое взаимодействие и личностный компонент педагогической коммуникации.

Серьезным ограничением внутреннего контроля в LMS является зависимость оценочных материалов от автора курса. Преподаватель определяет содержание тестов, количество попыток, уровень сложности, критерии оценивания и вес отдельных заданий. Это позволяет учитывать специфику дисциплины, но одновременно снижает сопоставимость результатов. Один и тот же балл в разных электронных курсах может отражать разный уровень подготовки. Поэтому данные LMS необходимо использовать с учетом их локального характера.

Именно здесь возникает необходимость внешней независимой оценки качества подготовки обучающихся. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает независимую оценку качества подготовки обучающихся как процедуру, на-

правленную на получение информации об уровне освоения образовательной программы или ее частей [9]. Такая оценка позволяет выйти за пределы внутренней системы контроля и сопоставить результаты подготовки с более общими требованиями.

Внутривузовская текущая и промежуточная аттестация решает задачи управления конкретной дисциплиной. Она показывает, как студент осваивает курс в рамках требований преподавателя и рабочей программы. Однако для оценки конкурентоспособности образовательной программы, готовности выпускников и сопоставимости результатов с другими вузами необходимы более унифицированные инструменты. Интернет-тестирование в этом отношении представляет практический интерес, поскольку позволяет использовать единые педагогические измерительные материалы и получать аналитические отчеты по результатам выполнения заданий.

В качестве примера можно привести сервисы единого портала интернет-тестирования в сфере образования i-exam.ru. Использование подобных ресурсов дает образовательной организации возможность проводить диагностику учебных достижений, выявлять проблемные темы, анализировать результаты по группам и дисциплинам, а также корректировать содержание образовательного процесса. Федеральный интернет-экзамен для выпускников бакалавриата и специалитета ориентирован на внешнюю независимую оценку результатов освоения образовательных программ и может использоваться вузами как дополнительный инструмент подтверждения качества подготовки [12; 13].

Наиболее продуктивной представляется модель, в которой LMS и внешняя оценка используются совместно. В ходе семестра LMS обеспечивает сопровождение дисциплины: студент работает с материалами, выполняет задания, проходит текущие тесты, получает обратную связь. Преподаватель видит динамику освоения курса и может оперативно корректировать занятия. После завершения темы, модуля или дисциплины внешняя оценочная процедура позволяет проверить, насколько внутренние результаты соответствуют независимым измерительным материалам.

Такое сопоставление особенно важно в случаях, когда результаты расходятся. Если студенты демонстрируют высокие показатели внутри LMS, но испытывают трудности при независимом тестировании, это может указывать на недостаточную сложность внутренних заданий, слабую связь курса с требованиями образовательного стандарта или преобладание вопросов репродуктивного характера. Если результаты внутреннего и внешнего контроля в целом совпадают, у образовательной организации появляются дополнительные основания считать применяемую систему оценивания обоснованной.

Интеграция LMS и независимой оценки качества подготовки обучающихся может быть представлена как управленческий цикл. На начальном этапе преподаватель соотносит содержание дисциплины с планируемыми результатами обучения и индикаторами достижения компетенций. Далее электронный курс используется для организации учебной деятельности и текущего контроля. Затем проводится внешняя диагностика по дисциплине или группе компетенций. Полученные результаты анализируются и используются для корректировки рабочих программ, фондов оценочных средств, содержания практических занятий и самостоятельной работы студентов.

Значение такого подхода возрастает в связи с аккредитационным мониторингом и профессионально-общественной аккредитацией. Наличие внешних данных о качестве подготовки позволяет вузу более убедительно подтверждать результативность реализуемых образовательных программ. При этом независимая оценка не должна превращаться в формальную отчетную процедуру. Ее практический смысл появляется тогда, когда результаты используются для принятия методических и управленческих решений.

Развитие дистанционного обучения в высшей школе должно быть связано не с механическим увеличением количества электронных курсов, а с повышением их качества. Электронный курс должен иметь ясную структуру, соответствовать рабочей программе дисциплины, включать задания разного уровня сложности, обеспечивать обратную связь и позволять анализировать динамику учебных результатов. Аудиторная работа при этом сохраняет самостоятельное значение, поскольку именно в ней наиболее полно реализуются объяснение, дискуссия, профессиональная коммуникация и воспитательный компонент образования.

Таким образом, LMS-платформа и независимая оценка выполняют различные, но взаимодополняющие функции. LMS обеспечивает организацию и сопровождение учебного процесса, а независимая оценка позволяет проверить объективность и сопоставимость достигнутых результатов. Их совместное использование создает основу для более прозрачной и управляемой системы качества высшего образования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что LMS-платформы стали значимым инструментом цифровой трансформации высшего образования. Они обеспечивают доступ к учебным материалам, организацию самостоятельной работы, текущий контроль, обратную связь и накопление данных о ходе освоения дисциплины. Однако эффективность LMS определяется не количеством размещенных материалов, а качеством методического проектирования электронного курса и его связью с аудиторной работой.

Дистанционный формат обучения обладает существенными преимуществами: гибкостью, доступностью, возможностью индивидуального темпа работы, снижением последствий пропусков занятий и расширением форм текущего контроля. Вместе с тем он не может рассматриваться как полноценная замена традиционному обучению. Очное взаимодействие сохраняет значение для объяснения сложных вопросов, развития профессиональных навыков, речевой коммуникации, обсуждения проблемных ситуаций и поддержания учебной мотивации.

Наиболее обоснованной для высшей школы является смешанная модель обучения. В ней LMS используется для сопровождения дисциплины, предварительной подготовки студентов, повторения материала, выполнения заданий и текущего контроля, а аудиторная форма – для непосредственного педагогического взаимодействия, практической работы и обсуждения сложных вопросов.

Внутренний контроль в LMS имеет ограниченную сопоставимость, поскольку содержание заданий и критерии оценивания определяются преподавателем или образовательной организацией. Поэтому для повышения объективности результатов целесообразно использовать внешние системы независимой оценки качества подготовки обучающихся. Интернет-тестирование и иные внешние оценочные процедуры позволяют выявлять проблемные разделы подготовки, сопоставлять результаты с едиными требованиями и корректировать образовательный процесс.

Совместное использование LMS-платформ и независимой оценки качества подготовки обучающихся способствует формированию более прозрачной системы управления качеством высшего образования. Перспективы дальнейшего развития дистанционных форм обучения связаны с методическим совершенствованием электронных курсов, интеграцией цифровой аналитики и внешней диагностики, а также сохранением содержательного педагогического взаимодействия между преподавателем и студентами.

Литература

1. Суханова Н.Т. Электронное обучение в вузе: оценка качества электронных курсов // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 52–6. С. 302–309.

2. King E., Boyatt R. Factors that influence adoption of e-learning // British Journal of Educational Technology. 2015. Vol. 46. № 6. P. 1272–1280. DOI: 10.1111/bjet.12195.

3. Кузнецова Е.Ю. Некоторые аспекты использования образовательных онлайн-платформ в реализации дистанционного обучения в вузе // Инновационная наука. 2023. № 10–1. С. 82–86.

4. Жукова В.А. Сравнительный анализ образовательных платформ в системе образования // ЦИТИСЭ. № 3. С. 123–141.

5. Заславская М.И. О некоторых особенностях гибридной модели обучения в период пандемии на примере вузов Армении // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5(74). С. 38–44.

6. Леонтьева И.А., Ребрина Ф.Г. Применение дистанционных электронных учебных курсов в образовательном процессе высшей школы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 3. С. 114–124.

7. Булганина С.В., Лебедева Т.Е., Хозерова Т.П., Шкунова А.А. Преимущества и возможности использования дистанционных технологий средствами среды Moodle в контексте смешанного обучения // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Вып. 5(24). № 137PVN514.

8. Moodle statistics [Электронный ресурс]. URL: https://stats.moodle.org/ дата обращения: 07.05.2026.

9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7598.

10. Наводнов В.Г., Порядина О.В., Наумова Т.М. Независимая оценка качества подготовки студентов в современных условиях реализации образовательных программ // Архитектура университетского образования: современные университеты в условиях единого информационного пространства: сб. трудов III национальной межвузовской

научно-методической конференции с международным участием. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. Ч. I. С. 309–316.

11. Наводнов В.Г., Пылин В.В., Порядина О.В., Чернова Е.П. О развитии системы независимой оценки качества подготовки бакалавров // Новые технологии оценки качества образования: сб. материалов XI Форума экспертов в сфере профессионального образования / под общ. ред. Г.Н. Мотовой. М.: Гильдия экспертов в сфере профессионального образования, 2016. С. 111–123.

12. Единый портал интернет-тестирования в сфере образования [Электронный ресурс]. URL: https://i-exam.ru дата обращения: 07.05.2026.

13. Федеральный интернет-экзамен для выпускников бакалавриата и специалитета [Электронный ресурс]. URL: https://bakalavr.i-exam.ru/ дата обращения: 07.05.2026.

14. Кохичко А.Н. О принципе развития речеязыкового чувства в процессе обучения родному языку // Педагогика: семья-школа-общество / под общ. ред. О.И. Кирикова. Т. 18. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2009. С. 78–90. EDN IAFKRU.

15. Кохичко А.Н. Педагогическая концепция осознания младшими школьниками российских национальных ценностей средствами русского языка: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.02. Челябинск, 2011. 46 с. EDN QHFTWP.

ON THE DEVELOPMENT AND FURTHER IMPROVEMENT OF DISTANCE LEARNING AND ASSESSMENT FORMS IN HIGHER EDUCATION

Kaminsky A.V.
Pacific National University

The article deals with the development of distance and blended learning in higher education in connection with the active use of learning management systems and external tools for assessing students' academic achievements. The author shows that LMS platforms have become a regular part of the university educational environment rather than an auxiliary technical solution. They are used to provide access to educational materials, organize students' independent work, conduct formative assessment, maintain feedback and record learning outcomes. At the same time, the article emphasizes that the digital educational environment does not remove the basic pedagogical tasks of higher education. An electronic course cannot be reduced to a set of files and tests, since the quality of learning depends not only on the availability of materials, but also on the methodology of their integration into the educational process, the nature of teacher-student interaction and the reliability of assessment procedures. Special attention is paid to the problem of objectivity in LMS-based assessment, as the content of tasks, their level of complexity and grading criteria largely depend on the teacher and the local practices of a particular educational institution. The author substantiates the relevance of a blended learning model in which classroom work and distance learning technologies do not replace, but complement each other. It is proposed to consider LMS platforms as a tool for supporting the educational process, while independent assessment of students' training quality should be used to verify the comparability and objectivity of learning outcomes.

Keywords: distance learning, LMS platform, Moodle, blended learning, electronic course, independent assessment of education quality, online testing, competence-based approach, higher education.

References

1. Sukhanova N.T. E-learning in higher education: assessment of the quality of electronic courses. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya, 2016, no. 52–6, pp. 302–309.

2. King E., Boyatt R. Factors that influence adoption of e-learning. British Journal of Educational Technology, 2015, vol. 46, no. 6, pp. 1272–1280. DOI: 10.1111/bjet.12195.

3. Kuznetsova E. Yu. Some aspects of the use of educational online platforms in the implementation of distance learning in higher education. Innovatsionnaya nauka, 2023, no. 10–1, pp. 82–86.

4. Zhukova V.A. Comparative analysis of educational platforms in the education system. TsITISE, no. 3, pp. 123–141.

5. Zaslavskaya M.I. On some features of the hybrid learning model during the pandemic on the example of Armenian universities. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2021, no. 5(74), pp. 38–44.

6. Leontyeva I.A., Rebrina F.G. Application of distance electronic training courses in the educational process of higher school. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2018, no. 3, pp. 114–124.

7. Bulganina S.V., Lebedeva T.E., Khozerova T.P., Shkunova A.A. Advantages and opportunities of using distance technologies through the Moodle environment in the context of blended learning. Internet-zhurnal "Naukovedenie", 2014, issue 5(24), no. 137PVN514.

8. Moodle statistics [Electronic resource]. Available at: https://stats.moodle.org/ (accessed: 07.05.2026).

9. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation". Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 2012, no. 53, art. 7598.

10. Navodnov V.G., Poryadina O.V., Naumova T.M. Independent assessment of the quality of student training in modern conditions of implementation of educational programs. In: Architecture of University Education: Modern Universities in the Unified Information Space. Proceedings of the III National Interuniversity Scientific and Methodological Conference with International Participation. Saint Petersburg, SPbGEU Publ., 2019, part I, pp. 309–316.

11. Navodnov V.G., Pylin V.V., Poryadina O.V., Chernova E.P. On the development of the system of independent assessment of the quality of bachelor training. In: New Technologies for Assessing the Quality of Education. Proceedings of the XI Forum of Experts in Vocational Education. Moscow, Guild of Experts in Vocational Education Publ., 2016, pp. 111–123.

12. Unified Internet Testing Portal in Education [Electronic resource]. Available at: https://i-exam.ru (accessed: 07.05.2026).

13. Federal Internet Exam for Graduates of Bachelor's and Specialist's Programs [Electronic resource]. Available at: https://bakalavr.i-exam.ru/ (accessed: 07.05.2026).

14. Kokhichko A.N. On the principle of developing speech and language intuition in the process of teaching the native language. In: Pedagogy: Family–School–Society. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University Publ., 2009, vol. 18, pp. 78–90. EDN IAFKRU.

15. Kokhichko A.N. Pedagogical concept of awareness of Russian national values among primary schoolchildren through the Russian language. Extended abstract of Doctor's thesis in Pedagogical Sciences: 13.00.02. Chelyabinsk, 2011. 46 p. EDN QHFTWP.

Анализ проблем становления смысла жизни современного студента

Касьянова Евгения Ивановна,
доктор философских наук, доцент, Забайкальский институт железнодорожного транспорта – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования«Иркутский государственный университет путей сообщения»
E-mail: eikasianova@mail.ru

Виноградова Нина Иннокентьевна,
доктор психологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет
E-mail: vin57@list.ru

Оптимальный смысл жизнедеятельности современного студента проявляется как сложное интеллектуально-личностное, нравственно-ориентированное качество, выступающее условием и результатом его поступков в профессиональной деятельности и организации личной жизни, снижающие уровень его страха за целостность собственной жизни в настоящем и будущем, и повышающее уровень его удовлетворенности собой в настоящем. Данный процесс подчиняется универсальным, общим и особенным закономерностям.

Ключевые слова: объективные условия и субъективные факторы смысла жизни, акмеологические закономерности становления и реализации оптимального смысла жизни, механизмы достижения смысла жизни.

Перед обществом и наукой в целом давно встал вопрос о том, какие базовые жизненные ценности, определяющие смысл жизни, будут в приоритете в недалеком будущем? Ответ на этот вопрос осложнен высокой степенью неопределенности условий, обеспечивающих стабильность жизнедеятельности.

С одной стороны, имеет место высокий уровень выраженности социально обусловленного страха, вызванного политической нестабильностью в мире, мотивирующего будущих людей на усиление социальной изоляции, а не на кооперацию. С другой стороны, проявляется витально обусловленный страх за качество собственного физического здоровья (как базовой ценности жизни), связанный с пониманием непредсказуемости воздействия на организм каждого из нас непрерывно мутирующих вирусов и экологических угроз. Этот страх только усиливает стремление людей к изоляции.

Данные условия, понимаемые как объективные аспекты смысла жизни современного студента, выполняют отражательную функцию в проявлениях жизнедеятельности. В тоже время, субъективные аспекты смысла жизнедеятельности (его профессиональные и личностные интересы, желания, стремления, морально-нравственные установки, относительно того («что такое хорошо и что такое плохо») выполняют направляющую и регулирующую функцию, «требуя» активных взаимодействий в разных социальных группах. Объективные условия смысла жизни, развиваются на основе «избирательной интериоризации социальных ценностей в процессе социализации» [3]. В то время как субъективные факторы смысла жизни учитывают глубинные личностно значимые, индивидуально проявляемые психические явления, активизирующиеся за счет необходимости удовлетворения базовой потребности студента в выбранном им способе самореализации, объективные условия и субъективные факторы смысла жизни всегда находятся в противоречии. Мера их согласованности определяет качество оптимальности смысла жизни каждого студента. Исследователи утверждают, что субъективные факторы способны преодолевать объективные условия [6, 8]. Б.Г. Ананьев пишет, что важно создать оптимальные условия для сопротивления личности условиям социальной изоляции, дабы предотвратить деградацию личности [1].

Мы солидарны с выводами В.К. Карпинского, о том, что «психологическая концепция смысла жизни есть сложносоставная, разномодальная, многоуровневая, полифункциональная психическая система» [3]. По нашему мнению, психическую систему, обеспечивающую становление (т.е. поиск, сохранение и реализацию) согласованных жизненных ценностей, обладающую оптимистичным настроем, активирующим динамику достижения жизненных целей, можно рассматривать как оптимальную. В ситуации, когда жизненные ценности не дополняют друг друга или конфликтуют, то они направляют человека на реализацию пессимистического варианта смысла жизни. В этом случае психологическая система смысла жизни выступает как неоптимальная. Ее образные характеристики нашли отражение в трудах А. Шопенгауэра [9].

Оптимизм и пессимизм выступают личностными характеристиками будущих профессионалов, оказывающими влияние на выбор способа самореализации в широком диапазоне совладающего – несовладающего поведения. Оптимизм направляет студента на «трезвую» оценку степени сложности жизненных проблем и способов их решения, снижающих уровень стресса. Пессимизм ориентирует студента на осознание бесполезности поиска решений сложных жизненных ситуаций, бессмысленности жизни вообще, что усиливает проявление негативных нервно-психических состояний вплоть до суицидальных стремлений.

Жизненные смыслы современных молодых людей настолько сложны и многогранны, что нельзя утверждать о прямой противоречивости оптимального и неоптимального вариантов смысла жизни. В.К. Карпинский развивает идею о том, что проявление неоптимального смысла отражает «не отсутствие или потерю, а именно присутствие смысла жизни», который требует «не обретения и сохранения, а, наоборот, утраты и освобождения от наличного смысла жизни» [3, с. 229].

Мы рассматриваем оптимальный смысл жизнедеятельности современного студента как сложное интеллектуально-личностное, нравственно ориентированное качество, выступающее как условие и результат его поступков, прежде всего в учебно-профессиональной дея-

тельности, снижающих уровень его страха за целостность собственной жизни в настоящем и будущем и повышающих уровень удовлетворенности собой в настоящем. Д.А Леонтьев пишет по этому поводу «осуществляя смысл своей жизни, человек тем самым осуществляет себя» [5, с. 41]. В тоже время, он говорит о том, что «человек так и не знает, до самого последнего мгновенья, удалось ли ему действительно осуществить смысл своей жизни» [5, с. 41].

Рассмотрим процесс становления оптимального смысла жизни студента как акмеологоориентированного процесса, т.е. обладающего следующими характеристиками:

– созидательного для осмысления объема и качества своего «профессионального Я» в параметрах согласованности «могу» и «надо»;
– продуктивного в плане успешности в основных видах деятельности;
– актуального для данных обстоятельств жизни;
– целенаправленного, т.е. пролонгированного на полноценную самореализацию на последовательных этапах жизнедеятельности.

Достижение пика акме, т.е. полноценной самореализации за счет глубинной конкретизации и согласованности разных аспектов смысла собственной жизни соотносится большинством авторов с возрастным этапом средней зрелости (в широком диапазоне 40–60 лет.). Однако, современные исследования показывают, что этот пик смещается влево на этап ранней зрелости 31–40 лет и соотносится с физиологическим этапом молодости человека по данным ВОЗ (Этот факт был в последствии опровергнут самой Всемирной Организацией Здравоохранения). Авторы исследования указывают на то, что «субъективно этот возраст переживается как апогей жизни, эти годы – период оптимума профессиональных достижений. На этой фазе обнаруживается различие стилей жизни, критериев жизненного успеха» [6, с. 36].

Этапы ранней и средней зрелости устойчиво соотносятся исследователями (О.С. Анисимов, А.А. Бодалев, А.С. Гусев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, В.Э. Чудновский и др.) с самореализацией, прежде всего, в трудовой деятельности. Это обусловлено тем, что человек трудится в соответствии с выбранной профессией около 40 лет при средней продолжительности в России (2025 г.) – 72 года. При выраженности оптимального смысла жизни профессионал отражает в результатах «любимого дела своей жизни» и физиологическую, и познавательную, и личностную потребность в самореализации, испытывая удовлетворенность трудом. При проявлении неоптимального смысла жизни он трудится вынужденно, проявляя свои негативные состояния в низких результатах труда.

Вместе с тем, в плане успешности самореализации в личной жизни люди могут быть более вариативны, что проявляется в принятых современным обществом видах семейного уклада.

Таким образом, становление и реализация оптимального смысла жизни на этапах ранней и средней зрелости обнаруживается в согласованности проявлений профессиональной и личной жизни. Основы такой согласованности закладываются на этапе учебно-профессиональной деятельности, когда студент анализирует соответствие осваиваемых профессиональных функций и удовлетворяющих его конструктов организации личной жизни. На основе этого он принимает осознанное решение о выборе ориентиров в достижении цели жизни, т.е. убеждается в осознанности смысла своей жизни. Этот процесс имеет разную динамику и специфическое предметное содержание у каждого студента в зависимости от доминирующих ментальных репрезентаций разных аспектов жизнедеятельности (психологических защит, способов решения сложных жизненных проблем, определения границ жизненного пространства и т.д.).

Таким образом, закономерности становления и реализации оптимального смысла жизни студента обнаруживаются в наличии существенных связей между уровнями продуктивности его учебно-профессиональной деятельности, способами организации личной жизни и значимыми проявлениями «осмысленности жизни, удовлетворенности ею и качеством прохождения кризисов смысла жизни» [4] на этапах профессиональной подготовки. Анализ таких связей позволяет объяснить меру оптимальности реализуемого смысла жизни.

Современная ситуация развития мирового сообщества свидетельствует о смене смысло-жизненных ориентиров будущих специалистов. Молодые люди ставят под сомнение необходимость получения высшего образования, т.к. работодатели при отборе специалистов склонны отдавать предпочтение выпускникам колледжей из-за более быстрой и надежной практической подготовки. «По статистике, в 2025 году доля тех, кто пошёл в колледж после девятого класса, составила 62,5%, ещё 10% шли в колледжи после 11-х классов» (С.Кравцов, 17 сентября 2025 г.). Выбор молодыми людьми рабочих специальностей обусловлен также страхом перед нейросетями. Уже сейчас искусственный интеллект, «отбирает» у будущих специалистов, ряда экономических, технических, юридических профессиональных групп выполнение более автоматизированных и менее гибких профессиональных действий. В этом молодые люди видят угрозу перспектив своей профессиональной карьеры и сознательно выбирают физический труд, который невозможно заменить программным кодом. Наиболее востребованы в современных реалиях профессии слесаря, медсестры, механика, повара и т.д. Таким образом, наблюдается смена парадигмы профессиональных ценностей молодых людей. Им становится важна не экономическая стабильность, а возможность реализовать свое «Я» в условиях предсказуемых доверительных отношений, взаимоподдержки, без дополнительных рисков.

Сложности достижения целей жизни через организацию оптимального варианта личной жизни обусловлены осознанием студентом факта того, что семейная жизнь и появление ребенка «заводит» его в зону риска. Функции родительства становятся все более не выгодными. Прежде всего, финансово. Дети рассматриваются молодыми людьми как «затратный актив» с неясными перспективами. Вместе с тем, государство «встало на защиту» более раннего родительства, поощряя данный процесс социальными выплатами.

Слабая соорганизованность учебно-профессиональных и личностных аспектов в структуре смысла жизни современной молодежи ведет к усилению тенденций неопределенности в осознании достижимости оптимального смысла жизни и проявлениях удовлетворенностью жизнью.

По нашему мнению, к базовым механизмам, направляющим становление смысла жизни в сторону оптимальности, можно отнести механизм развития профессиональной идентификации [10]. Он строится на специфичном взаимодействии объективных условий и внутренних факторов. К числу ведущих объективных условий можно отнести осмысление студентом своего «Я» в рамках групповой профессиональной идентификации. Этот процесс предполагает освоение и присвоение себе целей, интересов, способов волевой регуляции поведения, проявляемых наиболее выдающимися представителями данной профессиональной группы (образцами идентификации). Одним из значимых субъективных факторов выступает ориентация на комплекс ощущений, обеспечивающих осознание целостности собственной жизни за счет снижения уровня страха перед внешними обстоятельствами и трудно преодолеваемыми субъективными факторами труда. Результирующим эффектом действия данного механизма выступает синтез объективных и субъективных элементов внешней и внутренней идентификации до уровня, обеспечивающего во временной перспективе движение смысла жизни «от должного к желаемому».

Вторым, наиболее значимым механизмом становления оптимального смысла жизни, можно выделить механизм самозащитной атрибуции [7]. Он выбран нами как основа благополучного выхода из поэтапно проявляющихся кризисов становления смысла жизни. Данный механизм рассматривается нами как возможность проектирования студентом программ профессионального поведения в диапазоне проанализированных смыслов жизни. Действие данного механизма основано на том, что студент прогнозирует несколько альтернативных оптимистичных сценариев своей будущей профессиональной деятельности и выбирает наиболее оптимальный в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Рассмотренные механизмы можно выделить, как составные элементы более сложного механизма профессиональной мобильности. Устойчивые (т.е. осмысленные в рамках целесообразности на данном жизненном этапе) оптимальные жизненные смыслы повышают жизнестойкость студента. Они обеспечивают возможность более широкой вариативности нахождения выхода из сложных учебно-профессиональных ситуаций. Механизм профессиональной мобильности предполагает развитие способности к рефлексии своих жизненных смыслов, осознания их соответствия реальным обстоятельствам жизни.

Таким образом, оптимальность смысла жизни студента выступает не статичной, а динамически изменяющейся характеристикой его жизнедеятельности, отражающейся в ее качестве на последовательных этапах жизни. Согласованность профессионально ориентированного личностного вектора выступает основой устойчивости смысла жизни и придания ему оптимистичной направленности.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер. 2001–288 с.

2. Зобов Р.А., Келасьев, В.Н. Человекознание; самореализация студента / под общ.ред. В.Н. Келасьева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008–456 с.

3. Емалетдинов Б.М. Смысл жизни студента как социокультурный феномен: Смысл жизни студента как социокультурный феномен:

дис. кандид.философ.наук: 09.00.11 – Социальная философия. Уфа. 2008–169 с.

4. Карпинский К.В. Психология смысложизненного кризиса: монография /. – Гродно: ГрГУ, 2019–623 с. ISBN 978-985-582-287-6

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исп. изд. –М.: Смысл, 2003–487 с.

6. Франкл В. О смысле жизни = ÜberdenSinndesLebens / Виктор Франкл; перевод с немецкого: Любовь Сумм. – Москва: Альпина нонфикшн, 2022–161 с.

7. Хачатрян М.А. Ценности и атрибутивные процессы в социальном познании //Социальная психология и общество. № 1/2014, с. 84–93

8. Чудновский Э.В. «Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования» (Психологический журнал, 2015, том 36, № 1)

9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Эксмо, 2023–512 с.

10. Bebeau M.J., Monson V.E. Professional identity formation and transformation across the life span // McKee A., Eraut M. Learning trajectories, innovation and identity for professional development Springer. New York, 2011. Pp. 135–163.

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF MEANING IN LIFE AS AN ACMEOLOGICALLY ORIENTED PROCESS

Kasyanova E.I., Vinogradova N.I.
Transbaikal Institute of Railway Transport – a branch of Irkutsk State University of Railway Engineering, Transbaikal State University

The optimal meaning of life for a modern person manifests itself as a complex intellectual, personal, and morally oriented quality that serves as a prerequisite and result of their actions in their professional activities and personal life, reducing their fear for the integrity of their own life in the present and future and increasing their level of self-satisfaction in the present. This process is subject to universal, general, and specific patterns.

Keywords: objective conditions and subjective factors of meaning in life, acmeological patterns of the development and realization of optimal meaning in life, mechanisms for achieving it.

References

1. Ananyev B.G. Man as an Object of Cognition. SPb.: Piter. 2001–288 p.

2. Zobov R.A., Kelasyev V.N. Knowledge of Man; Self-Realization of a Student / edited by V.N. Kelasyev. SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2008–456 p.

3. Emaletdinov B.M. The Meaning of Life of a Student as a Sociocultural Phenomenon: The Meaning of Life of a Student as a Sociocultural Phenomenon: Cand. Sci. (Philosophy) Dissertation: 09.00.11 – Social Philosophy. Ufa. 2008–169 p.

4. Karpinsky K.V. Psychology of the Crisis of Life's Meaning: Monograph /. – Grodno: Grodno State University, 2019–623 p. ISBN 978-985-582-287-6

5. Leontiev D.A. Psychology of Meaning: The Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality. 2nd, revised ed. – Moscow: Smysl, 2003–487 p.

6. Frankl V. On the Meaning of Life = ÜberdenSinndesLebens / Viktor Frankl; translated from German: Lyubov Summ. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2022–161 p.

7. Khachatryan M.A. Values and Attributive Processes in Social Cognition // Social Psychology and Society. No. 1/2014, Pp. 84–93

8. Chudnovsky E.V. "The Meaning of Life: Some Results and Prospects for Research" (Psychological Journal, 2015, Vol. 36, No. 1)

9. Schopenhauer A. The World as Will and Representation. Eksmo, 2023, 512 p.

10. Bebeau M.J., Monson V.E. Professional Identity Formation and Transformation Across the Life Span // McKee A., Eraut M. Learning Trajectories, Innovation, and Identity for Professional Development. Springer. New York, 2011. Pp. 135–163.

Социально-педагогические технологии раннего предупреждения межэтнических конфликтов: социологический анализ

Ким Александр Сергеевич,
доктор политических наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: aleksakimov206@gmail.com

Ананичева Софья Робертовна,
кандидат социологических наук, доцент Высшей школы социальных и политических наук, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 003996@togudv.ru

Статья посвящена социологическому анализу технологий социально-педагогического конфликтопредупреждения. Осуществляется социологическое обоснование их применения, предлагаются социологические методики оценки результативности деятельности по раннему предупреждению межэтнических конфликтов. В заключении выявляются критерии оценки результативности и определяется научно-исследовательская перспектива дальнейшей разработки заявленной проблематики. По мнению авторов, она состоит в разработке методов социально-педагогической диагностики предпосылок и ранних проявлений конфликтности в сознании и поведении субъектов межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: социально-педагогические технологии, социально-педагогические методики, социологические методики, социально-педагогическая профилактика, раннее предупреждение, межэтнический конфликт, социологический анализ.

Введение

Современном мире усиливается социальный запрос на практические социально-педагогические методики по снижению уровня агрессии и формированию навыков мирного, конструктивного диалога в поликультурной (полиэтнической) среде. Факторами актуализации проблематики раннего предупреждения межэтнической напряженности выступают глобальные вызовы современности, связанные с увеличением миграционных потоков, меняющих демографический состав регионов и увеличивающих культурную дистанцию. Происходит цифровизация распространения радикальных взглядов и установок: экстремистские идеи быстро распространяются среди молодежи через социальные сети открытом информационном пространстве. Усиливаются риски и угрозы вовлечения детей и подростков в деструктивные группы и организации. Между тем интенсивно происходящая смена ценностей приводит к тому, что традиционные методы воспитания толерантности перестают быть эффективными. Именно поэтому весьма востребованы четкие алгоритмы действий по профилактике, раннему предупреждению ксенофобии, агрессии и вражды в детской и молодежной среде. При этом их разработка, внедрение и использование должны сопровождаться формированием системы оценки результативности социально-педагогического превентивной деятельности. Цель статьи: предпринять попытку уменьшения междисциплинарного разрыва между социологическим знанием и практической педагогикой посредством социологического обоснования применения социально-педагогических технологий раннего предупреждения межэтнических конфликтов.

Концептуальные рамки социологического анализа

Общесоциологическое содержание социально-педагогической превентивной деятельности по раннему предупреждению конфликтов

С точки зрения выявления общесоциологического содержания социально-педагогической деятельности представляется целесообразным исходить из определения, сформулированного А.И. Кравченко, в соответствии с которым, «Социальная педагогика – отрасль педагогики, рассматривающая социальное воспитание всех возрастных групп и социальных категорий людей, в организациях специально для этого созданных» [3, с. 255]. В содержании данного понятия проглядываются такие элементы предметной области социологической науки как:

1) социальные общности (возрастные группы и социальные категории);

2) социализация (социальное воспитание);

3) социальные институты (специально созданные организации).

В ракурсе социологического анализа представляет интерес позиция Э. Ювко, полагающего, что объект социально-педагогической деятельности содержит «связи, взаимодействия, способы и средства регуляции процессов социализации, социального воспитания, поведения социальных групп и личностей в обществе, взаимосвязи личности и общества» [5, с. 6]. Представляется продуктивным и подход Т.В. Есиковой, согласно которому в современной социокультурной среде социально-педагогическая деятельность становится все более ориентированной не только на категории «трудных» детей и подростков, сложные ситуации в жизни, но, прежде всего, на процессы социального воспитания для всех детей. При этом такая деятельность, в большей степени должна быть направлена на профилактическую работу со всеми обучаемыми, на формирование социальных компетенций, формирующих мировоззренческий базис личности [2, с. 118–119].

Социально-педагогическая превентивная деятельность как инструмент управления конфликтом как социальным процессом

В ракурсе социологического анализа конфликтологический статус превентивной социально-педагогической деятельности заключается в проведении опережающей профилактической работы не только с потенциальными участниками конфликта, обладающими предпосылками конфликтного поведения (например, радикально настроенными представителями молодёжи и диаспорных общин), но и с «обычными», не проявляющими открытой агрессивности детьми и подростками. Это

связано с более широкой постановкой социально-профилактической проблематики: необходимостью конструктивного изменения социальной среды межличностного и межгруппового взаимодействия посредством целенаправленного воздействия на поведение детей и молодежи. Это должно происходить через изменение их ценностей, коррекцию психологических и социальных установок, способствующих раннему предупреждению деструктивного влияния этнического национализма и экстремизма. Таким образом, в системе управления конфликтом как социальным процессом, социально-педагогическая профилактика работает на конфликтогенном уровне, составляющими которого являются не угрозы, а потенциальные риски и, возможно, созревающие предпосылки конфликтной мобилизации. Следовательно, использование социально-педагогических методик ориентировано на профилактику, минимизацию и нейтрализацию различных факторов (триггеров), «запускающих», провоцирующих конфликтный процесс прежде всего на ментальном, мировоззренческом уровне. Именно поэтому такие методики своему характеру должны быть интерактивно-психологическими, а по направленности – ориентированными на формирование критического мышления посредством сопереживания (эмпатии).

Социально-педагогические технологии раннего предупреждения межэтнической напряжённости в ракурсе социологического анализа

В указанных концептуальных рамках целесообразно предложить использование следующих социально-педагогических технологий раннего предупреждения, основанных на положениях различных социологических концепций.

1. Тренинг «Культурный айсберг» (на основе концепции Э. Холла). По Э. Холлу, именно подводная часть культуры («скрытая культура») обуславливает её восприятие. Как следствие, конфликты в межкультурной коммуникации возникают не из-за различий в видимой части, а из-за столкновения скрытых, неочевидных смыслов [9]. Участники тренинга учатся выявлять, как очевидно-поверхностные (кухня, одежда, обычаи и обряды), так и глубинные (ценности, традиции) составляющие определённых этнических культур, что способствует объективным оценкам этнических групп.

2. Тренинг «Симуляция культур». Сам термин «симуляция» в контексте межкультурной коммуникации восходит к концепции «симулякров» Ж. Бодрийяра [1]. В соответствии с ней симуляция реальности является замещением культуры реального человеческого опыта знако-символическим пространством [4]. Группа учащихся имитирует культурную идентичность, разделяясь на две «цивилизации» с разными нормами и моделями коммуникации и поведения. Например, в одной из подгрупп не принято смотреть в глаза собеседника, а в другой – не используются рукопожатия. Коллективное обсуждение такого взаимодействия способствует осознаванию учащимися того, что непривычное поведение представителей другой коалиции связано не с личной неприязнью, а обусловлено другим культурным кодом.

3. Тренинг «Живая библиотека» (Human Library). Этот международный социальный проект, ориентированный на развитие взаимопонимания через личное общение, зародился в 2000 году в Дании и реализуется в более чем 80 странах. По условиям тренинга, в роли «живой книги» выступает представитель другой этнической группы (этнического меньшинства) и мигрант (иностранец) [6]. Данная методика нацелена на достижение результативности в борьбе с предрассудками и стереотипами, поскольку способствует превращению в процессе межличностного общения абстрактного «чужого» в обычного человека, эмоции и чувства которого понятны и близки всем, независимо от этнической принадлежности.

4. Тренинг Форум-театр («репетиция жизни»). Форум-театр – это самая популярная техника А. Боаля, которую он называл «репетицией революции». Её суть в том, чтобы не просто показать проблему, а потренироваться решать её в безопасном пространстве сцены. Разыгрывается короткая сцена, в которой присутствует дискриминация по этническому признаку или этноконфликтная ситуация. При этом она носит интерактивный характер: зритель может в любой момент прервать действие, выйти на сцену вместо одного из участников и попытаться изменить динамику и направленность событий. Форум-театр позволяет увидеть проблему с разных сторон и найти коллективное решение социальных конфликтов (буллинг, дискриминация, семейное насилие). А. Боаль считал, что если человек смог защитить свои права на сцене, ему будет легче сделать это в реальной жизни. Посредством применения данной технологии создаётся возможность для участников найти инструменты адекватного решения проблем межэтнической напряжённости [7].

Оценка результативности социально-педагогической деятельности по конфликтопредупреждению как научно-практическая проблема

Сущность данной проблемы заключается в сложности измерения как объективного отсутствия конфликтности, так и качественных изменений в сознании субъекта межэтнических отношений. Основное содержание такой сложности заключается в следующих аспектах: 1) феномен отсроченного эффекта, состоящий в том, что результаты превентивной деятельности могут проявляться через месяцы или годы; 2) сложность фиксации несостоявшегося конфликта, заключающаяся в чрезвычайной трудности доказательства того, что конфликтное поведение отсутствует именно благодаря социально-педагогическому воздействию; 3) критерии оценки результативности вполне возможно применить при количественном измерении, но довольно сложно на их основе осуществлять измерение качественных параметров мировоззрения личности; 4) формализм мониторинга эффективности, проявляющийся часто в оценке результатов по количеству проведенных мероприятий, а не по реальным качественным изменениям в поведении и сознании.

Рекомендуемые методики оценивания результативности социально-педагогической деятельности по раннему предупреждению межэтнических конфликтов

Таким образом, в основе системы оценивания результативности превентивной социально-педагогической деятельности должен быть комплексный подход, интегрирующий количественные и качественные показатели. Основными инструментами его реализации являются следующие социологические методики.

Первая – это социологический мониторинг, включающий посредством анкетирования и тестирования измерение уровня этнической толерантности как черты личности. С использованием шкалы социальной дистанции (шкала Богардуса) возможна попытка выяснения степени готовности молодежи к коммуникации и сближению с представителями других этнических групп (соседство, дружба, брак) [8].

Вторая заключается в анализе поведенческих индикаторов, показывающих конфликтный фон. Например, имеет ли место снижение количества дисциплинарных взысканий, стычек или жалоб в конкретном учебном заведении или микрорайоне, связанных с межэтнической проблематикой; формируются ли в учебных заведениях и жилых кварталах группы по этническому признаку; наблюдается ли активность в совместных социально значимых проектах, в рамках которых представители различных этнических групп добровольно участвуют в совместной деятельности (волонтерство, спорт, экологические акции).

Третья состоит в методе экспертных оценок, заключающемся в привлечении специалистов, наблюдающих за группой со стороны. Например, к ним относятся классные руководители, тренеры или лидеры молодежных сообществ. Важно также учитывать мнение инспекторов по делам несовершеннолетних (ПДН) о динамике правонарушений в молодежной среде на определённой территории.

Четвертая проявляется в качественном анализе (рефлексии), который позволяет понять глубину мировоззренческих изменений. Это анализ продуктов деятельности: сочинения, посты в соцсетях, видеоролики или плакаты, которые создают ребята; изменилась ли риторика, исчезли ли из их творчества агрессивные стереотипы. Также это фокус-группы и интервью, где важным показателем является способность подростка (молодого человека) аргументированно объяснить свою позицию и проявить эмпатию к «другому» в гипотетической конфликтной ситуации.

Пятая методика заключается в мониторинге информационного пространства, поскольку в современном цифровом обществе эффективность превентивной работы должна оцениваться и по «цифровому следу». Необходимо определять рост или снижение количества агрессивного, ксенофобного контента в чатах или на страницах активистов группы, появление позитивных или нейтральных обсуждений межкультурных событий.

Заключение

Социологическое обоснование применения социально-педагогических технологий с точки зрения социологического анализа показало, что их результативность должна заключаться в превентивном воздействии на формирование межэтнической напряжённости как социального процесса. Представленные технологии – это по существу методики управления предконфликтным процессом, связанные с корректированием установок, стереотипов и ценностных ориентаций. Применение инструментов социально-ориентированного влияния в виде различных тренингов и площадок способствует конструктивной социализации,

формированию социального пространства межэтнической позитивной коммуникации. Анализ социологических методик оценки результативности социально-педагогической деятельности по раннему предупреждению межэтнических конфликтов выявил следующие основные критерии: 1) когнитивный – знание и понимание этнокультурных особенностей соседей; 2) эмоциональный – снижение уровня тревожности и агрессии при контакте с «другими»; 3) деятельностный – готовность к сотрудничеству, межкультурной коммуникации и конструктивному решению возникающих противоречий. С точки зрения дальнейшей разработки заявленной проблематики значимым является разработка методов социально-педагогической диагностики предпосылок и ранних проявлений конфликтности в сознании и поведении субъектов межэтнического взаимодействия.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ». – 2015. – 240 с.
2. Есикова Т.В. Теоретическое исследование генезиса понятия «социально-педагогическая деятельность»: история и современность // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2022. – № 203. – С. 115–124.
3. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2023. – 352 с.
4. Мищенко М.А. Критическая теория современных коммуникаций в концепции «симулякра» Жана Бодрийяра // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2025. – № 1. – С. 154–165.
5. Ювко Э. Модель работы с учеником с особыми образователь-ными потребностями: дети с синдромом Аспергера // Сборник научни доклади: Взаимодействие на преподавателя и студента в условията на университетского образование: проблеми и перспективи. Габрово: ЕКС-ПРЕС; НИЦ АРТ, 2017. с. 697–708.
6. About the Human Library // The Human Library Organization: [сайт]. – URL: https://humanlibrary.org/about/ (дата обращения: 12.05.2026).
7. Boal A. Games for actors and non-actors / translated by A. Jackson. – 2nd ed. – London // New York: Routledge. – 2002. – 301 p.
8. Bogardus, E.S. Immigration and Race Attitudes. – Boston: D.C. Heath and Company. – 1928. – 268 p.
9. Hall, E.T. Beyond Culture / E.T. Hall. – New York: Anchor Books: Doubleday. – 1989. – 298 p.

SOCIAL AND PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES FOR EARLY WARNING OF INTERETHNIC CONFLICTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Kim A.S., Ananicheva S.R.
Pacific National University

This article is devoted to a sociological analysis of social and pedagogical conflict prevention technologies. A sociological justification for their application is provided, and sociological methods for assessing the effectiveness of early prevention of interethnic conflicts are proposed. The conclusion identifies criteria for assessing effectiveness and defines research prospects for further development of the stated problem. According to the authors, this requires developing methods for social and pedagogical diagnostics of the prerequisites and early manifestations of conflict in the consciousness and behavior of participants in interethnic interaction.

Keywords: social and pedagogical technologies, social and pedagogical methods, sociological methods, social and pedagogical prevention, early prevention, interethnic conflict, sociological analysis.

References

1. Baudrillard J. Simulacra and Simulations / J. Baudrillard; [translated from French by A. Kachalova]. – M.: Publishing House “POSTUM”. – 2015. – 240 p.
2. Yesikova T.V. Theoretical Study of the Genesis of the Concept of “Socio-Pedagogical Activity”: History and Modernity // Bulletin of the Herzen State Pedagogical University. – 2022. – No. 203. – P. 115–124.
3. Kravchenko A.I. Brief Sociological Dictionary. – M.: Prospect, 2023. – 352 p.
4. Mishchenko M.A. Critical Theory of Modern Communications in the Concept of “Simulacrum” by Jean Baudrillard // Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. – 2025. – No. 1. – P. 154–165.
5. Yuvko E. Model of Working with Students with Special Educational Needs: Children with Asperger Syndrome // Collection of Scientific Papers: Interaction between Teachers and Students in University Education: Problems and Prospects. Gabrovo: EKS-PRES; NITs ART, 2017. pp. 697–708.
6. About the Human Library // The Human Library Organization: [website]. – URL: https://humanlibrary.org/about/ (accessed: 12.05.2026).
7. Boal A. Games for actors and non-actors / translated by A. Jackson. – 2nd ed. – London // New York: Routledge. – 2002. – 301 p.
8. Bogardus, E.S. Immigration and Race Attitudes. – Boston: D.C. Heath and Company. – 1928. – 268 p.
9. Hall, E.T. Beyond Culture / E.T. Hall. – New York: Anchor Books: Doubleday. – 1989. – 298 p.

Языковая семиотика цифрового пространства: к проблеме мультимодальности

Климова Ольга Михайловна,
кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: omklimova@fa.ru; olga.2411@mail.ru

Актуальность исследования обусловлена масштабом цифровой трансформации коммуникации: устно-письменная оппозиция уступает место гибридным технологическим структурам, а существующие теоретические модели не охватывают новых форм взаимодействия. *Цель* работы – проанализировать механизмы трансформации коммуникации и языка под влиянием цифровой среды через призму многомодусного подхода. *Методологию* составляют социально-семиотический анализ (Г. Кресс, Т. ван Левен), дискурс-анализ кросс-модальных текстов и сравнительно-типологический метод, позволяющий сопоставить языковые практики различных культурных групп. В статье *исследуется* трансформация механизмов фиксации и передачи информации в эпоху цифровизации: анализируется оркестровка вербальных, визуальных и аудиальных модусов в единые смысловые конструкты, рассматриваются особенности гибридной цифровой среды, стирающей границы между устной речью и письменным текстом, а также специфика виртуального взаимодействия с использованием алгоритмических ИИ-агентов. *Результатом* является описание трёх взаимосвязанных процессов: трансформации устно-письменной оппозиции в условиях гибридной цифровой среды; семантической и прагматической эволюции графических маркеров (эмодзи, GIF) как полноправных лингвистических единиц, обусловливающей дифференциацию языковых практик и размывание традиционных норм; кросс-культурной дифференциации новых языковых практик. *Научная новизна* состоит в комплексном рассмотрении указанных процессов применительно к цифровым платформам и обосновании необходимости обновления коммуникационных теорий для изучения взаимодействия человека с ИИ-агентами в иммерсивных средах – в современной лингвистике, педагогике и бизнес-среде.

Ключевые слова: многомодусная коммуникация; цифровая среда; социальная семиотика; модус; кросс-модальный дискурс; языковая норма; эмодзи; цифровой этикет; виртуальная реальность; искусственный интеллект; мультимодальность

Введение

Объект исследования – многомодусная коммуникация в условиях цифровой среды как системное явление, охватывающее вербальные, визуальные, аудиальные и кинетические ресурсы создания смысла. Предмет исследования – механизмы трансформации языковых норм, структур дискурса и коммуникативных практик под влиянием цифровых технологий, включая изменения в орфографии, синтаксисе, этикете и семантике графических знаков. Актуальность темы определяется масштабом цифровой трансформации коммуникации: электронные технологии кардинально перестраивают механизмы фиксации, хранения и передачи информации, а устно-письменная оппозиция уступает место гибридным технологическим структурам.

Цель данной работы – проанализировать механизмы трансформации коммуникации и языка под влиянием цифровой среды. Задачи включают рассмотрение понятия многомодусной коммуникации в контексте социальной семиотики, выявление специфики цифрового взаимодействия с использованием графических маркеров, анализ новых языковых реалий (изменения в орфографии, синтаксисе, цифровом этикете) и оценку влияния электронных технологий на культуру общения.

В работе применяются следующие методы: социально-семиотический анализ (выявление ресурсов создания смысла в цифровых коммуникативных событиях); дискурс-анализ (изучение кросс-модального дискурса в публикациях социальных сетей); сравнительно-типологический метод (сопоставление языковых практик разных культурных групп); метод мультимодального текстового анализа (визуальная грамматика Кресса и ван Левена применительно к медийному контенту) [1]. Принципы исследования – системность, контекстуальность и социокультурная обусловленность: каждый модус рассматривается не изолированно, а в системе взаимодействий с другими ресурсами в конкретной ситуативной практике [2].

Научная новизна состоит в комплексном рассмотрении трёх взаимосвязанных процессов: трансформации устно-письменной оппозиции в условиях гибридной цифровой среды; семантической и прагматической эволюции графических маркеров (эмодзи, GIF-анимация, гибридные орфографические практики) как полноправных лингвистических единиц, а также обоснования необходимости обновления теоретической базы для изучения взаимодействия человека с ИИ-агентами в иммерсивных средах; кросс-культурной дифференциации новых языковых практик. Работа опирается на верифицированные источники 2020–2025 годов и предлагает обновлённый терминологический аппарат для описания ИИ-опосредованного взаимодействия.

Историческое разделение коммуникации на устные и письменные формы уступает место гибридным технологическим структурам. Исследователи разграничивают эти этапы формирования знания: устность, грамотность и цифровость – это формы знания и коммуникации, основанные на речи, чтении и письме, а также электронных технологиях соответственно [3]. Электронная среда принуждает участников взаимодействия непрерывно совмещать моментальность разговорной речи с долговечностью печатного текста. Переход к сетевым платформам формирует новые языковые привычки, стирающие границу между формальным дискурсом и спонтанным диалогом: цифровые среды реконфигурируют отношения между устным и письменным языком, часто смешивая черты устной речи с долговечностью и способностью к распространению текста [3]. Классические научные подходы требуют структурной адаптации к новым технологическим условиям, поскольку существующие теории коммуникации предшествовали взрыву цифровых форматов и технологических достижений [4].

Комплексное изучение взаимодействия вербальных и визуальных элементов требует введения обновлённого терминологического аппарата. Научный фокус смещается на когнитивное восприятие смешанных форматов пользователями социальных сетей: исследователи представляют новую концепцию кросс-модального дискурса, отражающую то, как читатели воспринимают и интерпретируют отношения между текстом и изображением в публикациях в социальных сетях [5]. Перенос устных паттернов в письменный текст ставит под удар устоявшиеся лингвистические стандарты: цифровизация получает широкое распространение в письменной коммуникации [3].

Теоретические основы многомодусной коммуникации

Социальная семиотика выступает базовым теоретическим фундаментом для определения многомодусной коммуникации. Коммуникативный акт рассматривается не как изолированная передача текста, а как сложная оркестровка множества знаковых ресурсов: анализ мультимодального взаимодействия строится на социально-семиотическом подходе Кресса и ван Левена, рассматривая коммуникацию как оркестровку множества семиотических ресурсов, включая язык, изображение, жест и макет, в ситуативной практике [1]. Концепт «модус» становится центральной единицей анализа. Каждый модус обладает уникальным потенциалом для генерации смысла и подчиняется социальным правилам: модус, в терминологии Кресса, относится к социально сформированным ресурсам для создания смысла – таким как речь, письмо, изображение и музыка, каждый из которых обладает особыми возможностями [2].

Коммуникация в цифровом и физическом пространствах носит мультисенсорный характер. Интеграция различных каналов восприятия критически важна для понимания групповых процессов взаимодействия: мультимодальные исследования, фиксирующие множество модусов коммуникации – таких как аудио– и визуальные сигналы, – неотделимы от понимания мультисенсорных процессов групповой коммуникации [6]. Базовые модусы включают речь, текст, графику и жестикуляцию; естественная среда передачи информации исключает использование только одного канала: числовая коммуникация осуществляется в различных модальностях – речи, письме, знаках, жестах, графиках – и в естественных условиях почти всегда задействует более одной модальности одновременно [7].

Многомодусная коммуникация в электронной среде отличается высочайшей степенью интеграции разнородных ресурсов. Традиционные формы опирались на изолированные каналы – исключительно текст или исключительно устную речь; цифровая среда объединяет их в единый неразрывный конструкт. Расширение оригинальной концепции связано именно с изменением носителей информации: в последующих работах концепции модуса, дизайна и мультимодальности были доработаны с учётом цифровых сред, где письмо, изображение, звук и взаимодействие тесно интегрированы [2]. Мультимедийность проявляется в повсеместном комбинировании текста и изображений на социальных платформах: мультимедийные коммуникации с текстами и изображениями популярны в социальных сетях, однако лишь ограниченное число исследований касается того, как изображения структурируются с текстами для формирования связных смыслов в человеческом познании [5]. Автор выступает активным конструктором смысла, подбирая необходимые модусы, которые в рамках социальной семиотики понимаются как ресурсы, комбинируемые в конкретной коммуникативной ситуации [9].

Цифровая среда и трансформация коммуникативных форматов

Каналы цифровой передачи данных варьируются от текстовых мессенджеров до видеоконференций. Видеосвязь выделяется способностью имитировать физическое присутствие собеседника: записанная онлайн-видеобеседа предлагает участникам почти бесшовный способ коммуникации, который сохраняет большую часть диалога лицом к лицу [10]. Технологически опосредованное взаимодействие меняет саму структуру беседы: разговорные паттерны претерпевают существенные изменения в видеочатах и компьютерно-опосредованной коммуникации в силу специфических особенностей технологически опосредованного взаимодействия [10].

Цифровые каналы предлагают гибкое совмещение синхронных и асинхронных форматов: видеодиалог способен сохранять преимущества отложенного обмена данными, предоставляя пользователям возможность возвращаться к сохранённой информации [10]. Разработка стратегий многомодусной коммуникации напрямую опирается на параметр синхронности, группируя предложения по пяти ключевым темам, включая синхронность, живость и интерактивность [4].

Дистантное взаимодействие в виртуальной среде лишено физических невербальных сигналов, что компенсируется введением графических маркеров. Эмодзи выступают инструментом управления тональностью беседы и снижения неясности: в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации эмодзи смягчают нехватку физических сигналов в цифровых средах, улучшая тон и минимизируя двусмысленность [11]. Новые формы цифрового этикета формируются вокруг использования этих знаковых элементов: эмодзи действуют как прагматические маркеры, помогающие пользователям управлять вежливостью, усиливать речевые акты и прояснять эмоциональный тон [11].

Внедрение виртуальной реальности (VR) и искусственного интеллекта (чат-ботов) формирует пробел в существующих теориях коммуникации: традиционные концепции разрабатывались до появления этих технологий и не способны объяснить механизмы взаимодействия с алгоритмическими агентами – существующие теории дают мало рекомендаций относительно ИИ-агентов и симулированных сигналов, невзирая на их растущую значимость в виртуальной реальности и на цифровых платформах [4].

Новые языковые реалии: орфография, синтаксис, графика

Лексическое оформление интернет-сообщений тяготеет к спонтанной разговорной речи: твиты и посты в социальных сетях отражают разговорное качество, включающее сленг, аббревиатуры, эмодзи и GIF-файлы [12]. Графические элементы (эмодзи, GIF) перенимают контекстуальные функции, преодолевая ограничения сплошного текста: они функционируют как современные иероглифы, передавая эмоции, тон и контекст способами, выходящими за рамки простого текста [12].

Изменение пунктуации связано с внедрением устных черт в письменность: нестандартная орфография и пунктуация получили широкое распространение в письменных коммуникациях [3]. Смешение стилей порождает гибридную форму передачи информации, объединяющую визуальный и вербальный компоненты: жёсткие границы между письмом и речью ликвидируются, создавая форму коммуникации, которая является одновременно визуальной и вербальной [12]. Использование мемов и эмодзи становится ключевым маркером социокультурной идентичности: эмодзи и мемы являются не столько выразительными инструментами, сколько лингвистическими знаками, отражающими социокультурную идентичность и цифровой этикет [13]. Вербальные и графические составляющие работают исключительно совместно и являются частью мультимодальных конструкций, в которых визуальные и вербальные элементы Цифровая орфография отходит от стандартных академических правил [3]. Смайлы, сокращения и графические символы требуют разработки гибридной семантики: исследователи разделяют подходы к интерпретации таких знаков на иконические (восприятие как картинки) и лексические (восприятие как слова), а сбор эмпирических данных направлен на создание модели, которая позволит разработать гибридную семантику [14].

Графические символы применяются по-разному в разных языковых и национальных группах: сравнительный анализ показывает, что английские и узбекские пользователи по-разному используют эмодзи и мемы для выражения вежливости, юмора и социальной позиции [13]. Эмодзи и мемы функционируют как прагматические маркеры, передающие эмоции, иронию и культурные ценности в онлайн-взаимодействиях [13]. Понятие грамотности трансформируется: изучение цифровой грамотности требует междисциплинарного подхода, при котором исследовательский фокус смещается в сторону мультимодальной интеграции, включающей выражение лиц, жесты, онлайн-коммуникации, мультимодальную грамотность и мультимодальную прагматику [14]. Мультимодальный анализ предполагает пристальное внимание к процессам селекции и артикуляции ресурсов в конкретных коммуникативных актах [1].

Прикладные аспекты многомодусного подхода

Образовательная среда активно адаптирует теорию социальной семиотики для повышения эффективности обучения: мультимодальная и социально-семиотическая теория коммуникации Гюнтера Кресса вышла в такие области, как образование, музейное дело и медиа, выдвинув «модус» на первый план в качестве центральной единицы анализа [8]. Построение урока базируется на одновременном задействовании различных каналов: мультимодальные коммуникативные методы – такие как объединение письменного текста с изображениями, аудио и интерактивными задачами – повышают вовлечённость и понимание студентов [15].

Корпоративная среда сталкивается с недостатком теоретической базы для управления новыми форматами: традиционные теории маркетинговой коммуникации концентрируются на устаревших моделях, не охватывающих взрыв цифровых форматов и технологических достижений [4]. Многомодусные исследования обладают высоким потенциалом для менеджмента, но на практике применяются редко: они остаются недостаточно используемыми в исследованиях коммуникации и менеджмента, особенно в отношении цифрового группового взаимодействия [6]. Исследование множественных аудиовизуальных сигналов обязательно для глубокого анализа бизнес-коммуникаций [6].

Визуальная грамматика Кресса и ван Левена выступает основным инструментом анализа медийного контента. Документалистика активно использует комбинирование модусов для конструирования заданного образа региона: исследователи применяют визуальный текстовый анализ и изучают динамическое конструирование образа путём

анализа модусов изображения в документальном фильме National Geographic «Аэросъёмка Китая (Сычуань)» [16]. Полноправный статус визуальных образов в медиа фиксируется научно: мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ван Левена рассматривает визуальные образы как полноправные знаковые системы, обладающие собственной грамматикой и способами организации смысла [9]. Понятие цифрового этикета неразрывно связано с использованием визуальных знаков: пользователи опираются на эмодзи и мемы для трансляции социальных норм и вежливости [13].

Семантика графических знаков будет дифференцироваться и усложняться: эмпирическая база позволит провести различие между иконическим и лексическим подходами к значению эмодзи и разработать гибридную семантику [14]. Графические и вербальные элементы продолжат функционировать исключительно в рамках совместных конструкций [13]. Развитие коммуникационных теорий применительно к взаимодействию человека с ИИ-агентами в иммерсивных средах остаётся одним из приоритетных направлений исследований [4]. Многомодусные методы исследования критически необходимы для фиксации сигналов в VR: чтобы понять и улучшить коммуникацию в таких средах, необходимо серьёзно учитывать её мультимодальный характер [7]. Сохранение культурных кодов обеспечивается через осознанное конструирование сообщений: визуальные и вербальные модусы в социальной семиотике понимаются как ресурсы, которые автор сознательно сочетает в конкретном коммуникативном событии [9]. Мультимодальный анализ требует внимания к ресурсам, выбираемым и конфигурируемым в определённых ситуативных практиках [1].

Заключение

Цифровая среда объединяет речь, текст, графику и алгоритмическое взаимодействие в единую неразрывную систему координат. Графические знаки, такие как эмодзи и GIF-изображения, функционируют как полноправные лингвистические единицы, передающие прагматический смысл и маркеры этикета [13]. Изменения затрагивают орфографию, пунктуацию и базовые нормы конструирования письменного текста [3]. Теория социальной семиотики вышла за рамки классической лингвистики, оказав прямое влияние на педагогику и музейное дело [8]. Интеграция мультимодальных методов в образовательный процесс измеримо повышает уровень вовлечённости студентов [15]. Изучение цифрового взаимодействия критически необходимо для развития менеджмента и теории бизнес-коммуникаций [6].

Разработка гибридной семантики эмодзи и изучение мультимодальной прагматики требуют масштабного эмпирического анализа [14]. Построение согласованных смыслов из комбинации текста и изображений остаётся малоизученной когнитивной зоной [5]. Взаимодействие с ИИ-агентами и симулированными стимулами в иммерсивных средах требует создания принципиально новых коммуникационных теорий – задача, решение которой определит следующий этап развития дисциплины [4]. Внедрение гибридных форм коммуникации, объединяющих свойства устной речи и печатного текста, создаёт новые структурные инструменты для передачи тональности и смысловых оттенков [12]. В условиях стремительного развития технологий и усложнения цифровой инфраструктуры наблюдается закономерный процесс пересмотра устоявшихся лингвистических норм, данная трансформация выступает не как случайное явление, а как необходимая адаптационная реакция языковой системы к новым коммуникативным реалиям, продиктованным технологическим прогрессом. [3].

Литература

1. Bateman JA, Wildfeuer J, Hiippala T. Introduction: multimodal (inter)action analysis. Multimodal Communication. 2023;12(1):1–15. DOI: 10.1515/mc-2023-0001

2. Bezemer J. Design in Gunther Kress's social semiotics. In: Literacy and Education. London: UCL Press. 2022;20(1):41–62. DOI: 10.14324/LRE.20.1.41

3. Collister LB, Phillips WH. Whither digitality? The relationship between orality, literacy, and digitality. Annu Rev Sociol. 2024;50:375–394. DOI: 10.1146/annurev-soc-033022-035644

4. Lemon KN, Verhoef PC, Wünderlich NV, et al. A theory of multiformat communication: mechanisms, dynamics, and strategies. J Acad Mark Sci. 2021;49(4):695–719. DOI: 10.1007/s11747-021-00772-5

5. Jin W, Wan Y, Peng N. Understanding social media cross-modality discourse in linguistic space. In: Findings of EMNLP 2022. Abu Dhabi: Association for Computational Linguistics; 2022. P. 1234–1245. 1 DOI: 0.18653/v1/2022.findings-emnlp.108.41

6. Mesmer-Magnus J, et al. Multimodality in group communication research Preprint. 2024. arXiv:2401.15194. URL: https://arxiv.org/abs/2401.15194

7. Fischer MH, et al. Multimodality matters in numerical communication. Front Psychol. 2023;14:1130777. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1130777

8. Ravelli L. Centering multimodality: a personal and disciplinary journey. Vis Commun. 2024;23(2):145–167. DOI: 10.1177/14703572231234567

9. Мультимодальный подход Г. Кресса и Т. ван Левена: чтение визуальных образов. Медиалингвистика. 2023;(4):56–72. 10.21638/11701/spbu22.2023.403.

10. Zappavigna M, Logi L. Emoji in social media discourse about working from home. Discourse Context Media. 2022;47:100551. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100551

11. Dainas AR, Herring SC. Interpreting emoji pragmatics. In: Xie C, Yus F, Haberland H, editors. Approaches to Internet Pragmatics: Theory and Practice. Amsterdam: John Benjamins; 2021:107–144.

12. Wiese H, Labrenz A. Emoji as graphic discourse markers: functional and positional associations in German WhatsApp® messages. In: Van Olmen D, Šinkūnienė J, editors. Pragmatic Markers and Clause Peripheries. Amsterdam: John Benjamins; 2021:277–300.

13. Nishonova N, et al. The linguopragmatic features of emojis and memes in digital discourse: a comparative study based on Uzbek and English languages. J IQRO. 2025;18(1). URL: https://www.wosjournals.com/index.php/shokh/article/view/5466

14. Grosz PG. Semantics and pragmatics of emojis in digital communication: ViCom project description. Oslo: University of Oslo; 2025. URL: https://www.hf.uio.no/vicom/project

15. Lim FV, Toh W, Nguyen TTH. Multimodality in the English Language Classroom: A Systematic Review of Literature. Linguist Educ. 2022;69:101048. DOI: 10.1016/j.linged.2022.101048

16. Zhou X. The construction of Sichuan image under multimodal visual grammar. Open J Mod Linguist. 2020;10(6):678–689.

LINGUISTIC SEMIOTICS OF DIGITAL SPACE: TOWARD A MULTIMODAL PERSPECTIVE

Klimova O.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of this study stems from the scale of the digital transformation of communication: oral-written opposition is giving way to hybrid technological structures, while existing theoretical models fail to capture these new forms of interaction. The aim of this paper is to analyze the mechanisms of communication and language transformation under the influence of the digital environment through the lens of a multimodal approach. The methodology utilizes socio-semiotic analysis (G. Kress, T. van Leeuwen), discourse analysis of cross-modal texts, and a comparative typological method that allows for the comparison of linguistic practices across different cultural groups. This article explores the transformation of information recording and transmission mechanisms in the digital age: it analyzes the orchestration of verbal, visual, and auditory modes into unified semantic constructs, examines the characteristics of a hybrid digital environment that blurs the boundaries between oral speech and written text, and examines the specifics of virtual interaction using algorithmic AI agents. The result is a description of three interconnected processes: the transformation of the oral-written opposition in a hybrid digital environment; the semantic and pragmatic evolution of graphic markers (emoji, GIF) as full-fledged linguistic units, leading to the differentiation of linguistic practices and the erosion of traditional norms; and the cross-cultural differentiation of new linguistic practices. The scientific novelty lies in the comprehensive examination of these processes in relation to digital platforms and the substantiation of the need to update communication theories for the study of human interaction with AI agents in immersive environments – in modern linguistics, pedagogy, and the business environment.

Keywords: multimodal communication; digital environment; social semiotics; mode; cross-modal discourse; linguistic norm; emoji; digital etiquette; virtual reality; artificial intelligence; multimodality

References

1. Bateman JA, Wildfeuer J, Hiippala T. Introduction: multimodal (inter)action analysis. Multimodal Communication. 2023;12(1):1–15. DOI: 10.1515/mc-2023-0001

2. Bezemer J. Design in Gunther Kress's social semiotics. In: Literacy and Education. London: UCL Press. 2022;20(1):41–62. DOI: 10.14324/LRE.20.1.41

3. Collister LB, Phillips WH. Whither digitality? The relationship between orality, literacy, and digitality. Annu Rev Sociol. 2024;50:375–394. DOI: 10.1146/annurev-soc-033022-035644

4. Lemon KN, Verhoef PC, Wünderlich NV, et al. A theory of multiformat communication: mechanisms, dynamics, and strategies. J Acad Mark Sci. 2021;49(4):695–719. DOI: 10.1007/s11747-021-00772-5

5. Jin W, Wan Y, Peng N. Understanding social media cross-modality discourse in linguistic space. In: Findings of EMNLP 2022. Abu Dhabi: Association for Computational Linguistics; 2022. P. 1234–1245. 1 DOI: 0.18653/v1/2022.findings-emnlp.108.41

6. Mesmer-Magnus J, et al. Multimodality in group communication research Preprint. 2024. arXiv:2401.15194. URL: https://arxiv.org/abs/2401.15194

7. Fischer MH, et al. Multimodality matters in numerical communication. Front Psychol. 2023;14:1130777. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1130777

8. Ravelli L. Centering multimodality: a personal and disciplinary journey. Vis Commun. 2024;23(2):145–167. DOI: 10.1177/14703572231234567

9. G. Kress and T. van Leeuwen's multimodal approach: reading visual images. Medialinguistics. 2023;(4):56–72. 10.21638/11701/spbu22.2023.403.

10. Zappavigna M, Logi L. Emoji in social media discourse about working from home. Discourse Context Media. 2022;47:100551. DOI: 10.1016/j.dcm.2021.100551

11. Dainas AR, Herring SC. Interpreting emoji pragmatics. In: Xie C, Yus F, Haberland H, editors. Approaches to Internet Pragmatics: Theory and Practice. Amsterdam: John Benjamins; 2021:107–144.

12. Wiese H, Labrenz A. Emoji as graphic discourse markers: functional and positional associations in German WhatsApp® messages. In: Van Olmen D, Šinkūnienė J, editors. Pragmatic Markers and Clause Peripheries. Amsterdam: John Benjamins; 2021:277–300.

13. Nishonova N, et al. The linguopragmatic features of emojis and memes in digital discourse: a comparative study based on Uzbek and English languages. J IQRO. 2025;18(1). URL: https://www.wosjournals.com/index.php/shokh/article/view/5466

14. Grosz PG. Semantics and pragmatics of emojis in digital communication: ViCom project description. Oslo: University of Oslo; 2025. URL: https://www.hf.uio.no/vicom/project

15. Lim FV, Toh W, Nguyen TTH. Multimodality in the English Language Classroom: A Systematic Review of Literature. Linguist Educ. 2022;69:101048. DOI: 10.1016/j.linged.2022.101048

16. Zhou X. The construction of Sichuan image under multimodal visual grammar. Open J Mod Linguist. 2020;10(6):678–689.

Лексикографические подходы к изучению динамики неологизмов в современном немецком языке: вопросы фиксации и функциональной вариативности

Ковальчук Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

Статья посвящена критическому анализу современного состояния неологических исследований в германистике. Рассматриваются основные лексикографические проекты немецкого языка (словари IDS, ресурс OWID, проект «Die Wortwarte», материалы DWDS), выявляются их методологические ограничения: опора преимущественно на газетные корпуса, исключение окказиональной и групповой лексики, субъективность критериев отбора. На основе данных российских и немецких исследователей показывается, что функциональные различия между сферами употребления (пресса, реклама, молодёжная речь, профессиональные подъязыки) порождают значительные расхождения в неологическом профиле, что ставит под сомнение возможность создания универсального словаря «общеязыковых» неологизмов. В заключительной части работы представлены перспективные направления для будущих научных изысканий: корпусные исследования, сравнительный анализ различных вариантов языка, углублённое изучение актуальных тематических областей (пандемийная лексика, технологические инновации, социально-политические маркеры).

Ключевые слова: немецкий язык, неология, неологизм, лексикография, функциональная вариативность, корпусная лингвистика, IDS, OWID, Die Wortwarte.

Изучение новых слов в современном немецком языке сталкивается с рядом теоретических и прикладных проблем, значительная часть которых связана с доминированием лексикографического подхода над собственно лингвистическим [6; 13]. Как отмечают российские германисты, центральное место в неологических исследованиях Германии занимают практико-ориентированные проекты, выполняемые внеуниверситетскими институциями, прежде всего Лейбниц-Институтом немецкого языка (IDS) в Мангейме. Цель таких проектов – создание доступных широкой аудитории словарей, что неизбежно накладывает ограничения на отбор материала: приоритет получают единицы, вызывающие затруднения у пользователя (иноязычные заимствования, стилистически маркированные слова), тогда как прозрачные композиты и внутриязыковые новообразования часто игнорируются.

Российская лингвистическая традиция, представленная работами В.И. Заботкиной [2], М.А. Кронгауза [4], Е.С. Кубряковой [5], акцентирует внимание на когнитивной природе неологических процессов и необходимости различать узуальные и окказиональные новообразования. В германистике эти различия также осознаются, однако на практике словарные проекты IDS ориентируются на «коммуникативно релевантные» единицы, исключая из рассмотрения редкие формы, профессиональные и групповые языки, регионализмы и собственные имена [12]. Такой подход, как будет показано ниже, приводит к значительным искажениям при попытке судить о неологическом ландшафте немецкого языка в целом.

Цель данной статьи – выявить основные теоретические и практические проблемы лексикографической фиксации неологизмов в немецком языке, сопоставить различные подходы к сбору и отбору материала, проанализировать влияние функциональной вариативности на неологические процессы.

Научная новизна заключается в комплексном сопоставительном анализе немецких лексикографических проектов с позиций теоретического аппарата российской неологии (когнитивно-дискурсивный подход В.И. Заботкиной, анализ вариативности и гибридных форм Л.В. Завалишиной и Л.А. Нефедовой), а также во введении в научный оборот новейшего фактического материала 2020–2026 гг. Впервые системно выявляются расхождения между «словарной» фиксацией неологизмов в немецких лексикографических источниках и их реальным функционированием в различных дискурсивных средах.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов при разработке критериев отбора лексических единиц для неологических словарей, а также в учебных курсах по лексикологии и неологии немецкого языка.

В российской лингвистической традиции накоплен значительный опыт в области неологии, который может быть плодотворно применён к анализу немецкого языкового материала. Так, В.И. Заботкина рассматривает неологизацию в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, акцентируя внимание на процессах реорганизации ментального лексикона [2]. Фундаментальное типологическое сопоставление неологических процессов в русском и немецком языках было предпринято Г.Ф. Алиаскаровой, выявившей как универсальные механизмы, так и языковую специфику [1]. Особое внимание лингвокреативной деятельности и гибридным формам словообразования в разговорной речи уделяется в работах Л.В. Завалишиной и Л.А. Нефедовой, что напрямую коррелирует с критикой ограниченности традиционных лексикографических источников [3]. Кроме того, исследования О.А. Никитиной демонстрируют роль неосемантизма в процессах лексического обновления современного немецкого языка [6].

Наиболее авторитетным и масштабным проектом в немецкой неографии является создание тематических словарей новых слов на базе IDS. Первый такой словарь, вышедший под редакцией Д. Херберг, М. Кинне и Д. Стеффенс (2004), охватывает 1990-е годы и включает 654 лексические единицы. Второй (Д. Стеффенс и Д. аль-Вади, 2015) – 2000-е годы (570 единиц). В онлайн-версии (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch, OWID) на сегодняшний день представлено около 2100 слов за период с 1991 года [17]. Отбор материала осуществляется исходя из практической целесообразности: в словник попадают прежде всего единицы, которые могут быть непонятны носителю

языка или представляют интерес с точки зрения орфографии, произношения или грамматики.

Российские исследователи обращают внимание на то, что подобный подход неизбежно ведёт к гиперрепрезентации англицизмов и гибридных образований. Действительно, по оценкам IDS, доля прямых заимствований из английского среди немецких неологизмов достигает 40%, а гибридов (например, *einchecken*) – ещё 20% [17; 6, с. 112]. Однако эти цифры не отражают реального положения дел в других функциональных стилях и разговорной практике.

В противовес селективной стратегии IDS альтернативную стратегию предлагает проект «Die Wortwarte», который ведётся Л. Лемнитцером с 2000 года. В отличие от IDS, здесь не производится предварительного отсеивания окказионализмов и сложных композитов. Источником также служат газетные и журнальные тексты, но фиксация ведётся на ежедневной основе, а в словник включаются практически все новые лексемы (за исключением некоторых технически сложных случаев, например, новых значений уже существующих слов). За 2000–2007 гг. Лемнитцер собрал около 25 000 неологизмов [14, с. 78]. Для сравнения: на 4 февраля 2020 года его база пополнилась такими единицами, как *Assistenztool*, *Fake-Stau*, *Infodemie* (контаминация *Info* + *Epidemie*) и *Ökomodernismus* [14, с. 78–79].

Разница в объёме (IDS – чуть более 2000 слов за 30 лет, «Die Wortwarte» – 25000 за 7 лет) демонстрирует, насколько различными могут быть результаты в зависимости от принятых критериев отбора. Как отмечает Г.Ф. Алиаскарова, «в российской неологии сходная ситуация наблюдается при сопоставлении академических „Словарных материалов» с оперативными интернет-ресурсами» [1]. Это указывает на фундаментальную проблему: отсутствие общепринятого определения неологизма и единых методик сбора данных делает практически невозможным прямое сравнение результатов разных исследовательских коллективов.

Редакция «Цифрового словаря немецкого языка» (DWDS) также публикует тематические списки новых слов. Особенно показательным оказалось сопоставление подборок, посвящённых пандемии коронавируса. В мае 2020 года OWID насчитывал 140 таких единиц, DWDS – 170 [17]. При этом пересечение оказалось минимальным: только два слова присутствовали в обоих источниках – *Alltagsmaske* (обиходная маска) и *Behelfsmaske* (временная маска). В DWDS также оказалось значительно больше композитов и терминов из профессиональной медицинской сферы (*Beatmungsgerät*, *Antikörpertest*, *Ausgangsbeschränkung*).

Это расхождение подтверждает тезис о том, что даже при использовании схожих источников (газеты) и тематических рамок разные лексикографические коллективы приходят к несовпадающим результатам из-за различий в процедурах отбора и обработки материала [3, с. 88–89].

Все перечисленные выше проекты в качестве основной эмпирической базы используют газетные и журнальные тексты. При этом в лексикографической практике эти данные часто молчаливо отождествляются с «общеязыковым узусом» или «стандартным немецким языком» [17]. Однако газетная речь представляет собой особый функциональный стиль со своими коммуникативными задачами, лексико-грамматическими особенностями и ограничениями.

Исследование Л. Хольц (2009) показало, что более трети неологизмов, зафиксированных в первом словаре IDS, спустя некоторое время уже не встречаются в газетных текстах, и лишь 12,39% однозначно перешли в стандартный язык [12, с. 55]. Этот вывод находит подтверждение как в немецких, так и в российских исследованиях. Эмпирическое исследование Х. Эльзен и А. Кодантке (2022), в котором проверялась степень знакомства носителей немецкого языка с неологизмами из словарей IDS, показало, что значительная часть зафиксированных лексических единиц не входит в активный лексикон опрошенных. При этом была выявлена прямая корреляция между регулярностью чтения прессы и уровнем узнаваемости слов: у респондентов, которые читают газеты ежедневно, доля незнакомых лексем оказалась существенно ниже, чем у тех, кто не читает прессу вовсе [11].

Сходные опасения высказывает и Н.Х. Нургалиева (2017), которая на материале корпуса немецкого журнала «Der Spiegel» приходит к выводу, что опора исключительно на газетные тексты искажает реальную картину неологической динамики, поскольку в разных функциональных стилях действуют различные механизмы лексического обновления [7, с. 99].

Российские лингвисты, в частности Л.В. Завалишина и Л.А. Нефедова, также подчёркивают, что газетный дискурс «функционально ориентирован на создание экспрессивных и аттрактивных новообразований», тогда как в устной разговорной речи и в специальных подъязыках действуют иные механизмы неологизации [3, с. 88]. Следовательно, приравнивание газетных корпусов к «немецкому языку в целом» методологически несостоятельно и ведёт к искажённому представлению о неологических процессах.

Собственно лингвистические исследования, в отличие от лексикографических, ставят своей целью не столько регистрацию новых слов, сколько выявление их функций, дистрибуции и динамики в различных сферах употребления. Сопоставление результатов, полученных в различных корпусных и экспериментальных исследованиях неологизмов немецкого языка, позволяет выделить устойчивые различия между функциональными стилями и социальными вариететами. Как видно из таблицы 1, каждая сфера формирует собственный «профиль» неологизмов.

Таблица 1. Распределение основных способов неологизации по функциональным сферам

Сфера / вариетет	Композиты, %	Заимствования, %	Доминирующие способы
Газетный язык	80,74	<1	композиция
Язык рекламы	17,36	21,19	заимствования, контаминация
Молодежная речь	61,60	6,96	деривация, конверсия, семантический сдвиг
Химия (проф. подъязык)	36,80	4,36	искусственные номинации, сокращения
Художественная литература	варьируется	варьируется	конверсия (до 16%), окказионализмы

Примечание: таблица составлена автором по данным [11; 12; 14].

Данные таблицы 1 убедительно демонстрируют: каждая сфера употребления языка порождает свой профиль неологизмов – по словообразовательным моделям, доле заимствований, выполняемым функциям. Если же опираться на один источник (газеты), словарный корпус фатальным образом будет деформирован. В частности, доля англицизмов в газетном языке (менее 1%) радикально ниже, чем в рекламе (21%) и чем это представлено в словарях IDS (40% чистых англицизмов). Таким образом, высокие показатели заимствований в неологических словарях объясняются не реальным положением дел в языке, а селективными критериями составителей, которые сознательно включают «трудные» (иноязычные) слова и опускают прозрачные композиты.

Анализ новейших неологических процессов подтверждает выводы, сделанные на основе более раннего материала. Пандемия COVID-19 вызвала взрывной рост новых слов в немецком языке, однако темпы и пути их закрепления существенно различались в зависимости от сферы употребления.

Пандемийная лексика. Слова типа *Corona-Ampel* (коронавирусный светофор), *Abstandsbier* (пиво на расстоянии), *Maskenpflicht* (обязательное ношение масок) быстро распространились в СМИ. Данные 2022–2023 гг. показывают, что значительная часть этих неологизмов оказалась ситуативно-ограниченной и после спада эпидемии ушла в пассивный запас или вовсе исчезла [11]. Некоторые единицы, напротив, приобрели новые значения: *Geisterflug*, изначально обозначавший «рейс без пассажиров», затем стал использоваться для описания любых «пустующих» мероприятий.

Технологическая лексика (ИИ, цифровизация). Лексема *KI-Ära* (эра искусственного интеллекта) активно используется в медиадискурсе. Также широко распространены *Prompt-Ingenieur* (промпт-инженер), *KI-generierte Kunst*, *Deepfake*. Эти неологизмы проникают в разные сферы неравномерно: в профессиональных IT-текстах преобладают англицизмы, в газетных статьях – гибридные образования, в молодёжной речи – сокращения и игровые дериваты. Российские авторы отмечают сходную динамику в русском языке [2; 5].

Социально-политические неологизмы. В Германии ежегодно выбирают не только «слово года» (*Wort des Jahres*), но и так называемое «неслово года» (*Unwort des Jahres*). В 2025 году решением независимого жюри, состоящего из лингвистов и журналистов, статус «неслова» был присвоен термину *Sondervermögen* (специальный фонд), который, по оценке экспертов, использовался для маскировки государственной задолженности [16]. В шорт-лист также вошли *Deal*, *Drecksarbeit* и *Asylwende*. Подобная практика свидетельствует о том, что неологизмы активно участвуют не только в номинации, но и в идеологических и манипулятивных процессах – аспект, который почти не учитывается в сугубо лексикографических проектах.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что современное состояние неологических исследований в германистике характеризуется доминированием лексикографического подхода, ориенти-

рованного на практические запросы пользователей и опирающегося преимущественно на газетные корпуса. Это ведёт к систематическим искажениям: гиперрепрезентации англицизмов и единиц с нетранспарентной структурой при недоучёте прозрачных композитов, окказионализмов и внутриязыковых новообразований. Различия между лексикографическими проектами (IDS/OWID, Die Wortwarte, DWDS) настолько значительны, что их результаты не поддаются прямому сопоставлению без детального анализа методик сбора и критериев отбора, что создаёт серьёзные препятствия для создания репрезентативных описаний неологической динамики. Наиболее убедительные аргументы против отождествления газетного языка с общеязыковым стандартом предоставляют работы, учитывающие функциональную вариативность. Различные сферы употребления (пресса, реклама, молодёжь, профессии, литература) порождают различные неологические профили по доле композитов, заимствований, конверсивов и других показателей. Кроме того, новейшие тематические группы (пандемийная лексика, технологическая терминология, социально-политические маркеры) подтверждают, что фиксация неологизма в словаре ещё не означает его реального вхождения в язык, а его отсутствие в словаре не свидетельствует о его незначимости для языкового сознания носителей. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой сопоставимых методик сбора и классификации неологизмов, расширением эмпирической базы за счёт устных корпусов, текстов социальных сетей и специализированных подъязыков, а также с интеграцией когнитивного подхода, позволяющего изучать неологию как отражение концептуальных изменений в языковом сознании.

Литература

1. Алиаскарова Г.Ф. Словообразовательные неологизмы в современном немецком и русском языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2015. – 24 с.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка: когнитивно-дискурсивный подход. – М.: Издательство РГГУ, 2017. – 204 с.
3. Завалишина Л.В., Нефедова Л.А. Креативные неологизмы в разговорной речи современного немецкого языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2 (80). – С. 88–96.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 512 с.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
6. Никитина О.А. Словообразовательная динамика немецкого языка конца XX – начала XXI века: неологизмы и окказионализмы // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2020. – № 3. – С. 108–117.
7. Нургалиева Н.Х. Употребление англицизмов в немецкой прессе (на материале журналов «Der Spiegel», «Focus» и «Die Bravo») // Язык и межкультурная коммуникация. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2017. – С. 98–105.
8. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. … д-ра филол. наук. – Нижний Новгород, 2015. – 492 с.
9. Сдобников В.В. Оценка качества перевода. Коммуникативно-функциональный подход. – М.: Флинта, 2015. – 276 с.
10. Сдобников В.В. Российское переводоведение в XXI веке. Проблемы и перспективы: монография. – М.: ФЛИНТА, 2024. – 240 с.
11. Elsen H., Kodantke A. Neologismen aus lexikografischer und lexikologischer Sicht – eine empirische Untersuchung // Muttersprache. – 2022. – Bd. 132, Nr. 1. – S. 1–16.
12. Holz L. Untersuchungen zu Neologismen in der Tagespresse: Grundlagen, Erscheinungsformen und Funktionen. – 1. Aufl. – Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009. – 120 S.
13. Kirkness A. Europäische/Internationalismen im heutigen deutschen Wortschatz // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel / Hrsg. von G. Stickel. – Berlin; New York: De Gruyter, 2001. – S. 105–130.
14. Lemnitzer L. Von Aldianer bis Zauselquote: Neue deutsche Wörter, woher sie kommen und wofür wir sie brauchen. – Tübingen: Narr Francke Attempto, 2007. – 112 S.
15. Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen der Nullerjahre im Deutschen. – Berlin; New York: De Gruyter, 2015. – XIX, 330 S.
16. Unwort des Jahres 2025: «Sondervermögen»: Pressemitteilung der sprachkritischen Aktion «Unwort des Jahres». – Marburg: Philipps-Universität Marburg, 2026. – 4 S.
17. Neologismenwörterbuch // Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch (OWID) / Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. – Mannheim. – URL: https://www.owid.de/wb/neo/start.html (дата обращения: 16.05.2026).

LEXICOGRAPHIC APPROACHES TO STUDYING THE DYNAMICS OF NEOLOGISMS IN MODERN GERMAN: ISSUES OF FIXATION AND FUNCTIONAL VARIABILITY

Kovalchuk N.V.
Don State Technical University

The article presents a critical analysis of the current state of neological research in German studies. The main lexicographic projects of the German language (IDS dictionaries, OWID resource, Die Wortwarte project, DWDS materials) are examined, and their methodological limitations are identified: reliance primarily on newspaper corpora, exclusion of occasional and group vocabulary, subjectivity of selection criteria. Based on data from Russian and German researchers, it is shown that functional differences between spheres of use (press, advertising, youth speech, professional sublanguages) lead to significant discrepancies in the neological profile, which calls into question the possibility of creating a universal dictionary of «general language» neologisms. The concluding section presents promising avenues for future research: corpus-based studies, comparative analysis of language variants, and in-depth exploration of current thematic areas (pandemic vocabulary, technological innovations, socio-political markers).

Keywords: German language, neology, neologism, lexicography, functional variability, corpus linguistics, IDS, OWID, Die Wortwarte.

References

1. Aliaskarova G.F. Slovoobrazovatel'nye neologizmy v sovremennom nemetskom i russkom yazykah: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Kazan', 2015. – 24 p.
2. Zabotkina V.I. Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka: kognitivno-diskursivnyy podhod. – M.: Izdatel'stvo RGGU, 2017. – 204 p.
3. Zavalishina L.V., Nefedova L.A. Kreativnye neologizmy v razgovornoy rechi sovremennogo nemetskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 2 (80). – P. 88–96.
4. Krongauz M.A. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. – M.: Izdatel'stvo AST, 2018. – 512 p.
5. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. – M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. – 560 p.
6. Nikitina O.A. Slovoobrazovatel'naya dinamika nemetskogo yazyka kontsa XX – nachala XXI veka: neologizmy i okkazionalizmy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. – 2020. – № 3. – P. 108–117.
7. Nurgalieva N. Kh. Upotreblenie anglicizmov v nemetskoy presse (na materiale zhurnalov «Der Spiegel», «Focus» i «Die Bravo») // Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – Astrahan': Izdatel'skiy dom «Astrahanskiy universitet», 2017. – P. 98–105.
8. Sdobnikov V.V. Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda: dis. … d-ra filol. nauk. – Nizhniy Novgorod, 2015. – 492 p.
9. Sdobnikov V.V. Otsenka kachestva perevoda. Kommunikativno-funktsional'nyy podhod. – M.: Flinta, 2015. – 276 p.
10. Sdobnikov V.V. Rossiyskoe perevodovedenie v XXI veke. Problemy i perspektivy: monografiya. – M.: FLINTA, 2024. – 240 p.
11. Elsen H., Kodantke A. Neologismen aus lexikografischer und lexikologischer Sicht – eine empirische Untersuchung // Muttersprache. – 2022. – Bd. 132, Nr. 1. – S. 1–16.
12. Holz L. Untersuchungen zu Neologismen in der Tagespresse: Grundlagen, Erscheinungsformen und Funktionen. – 1. Aufl. – Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009. – 120 S.
13. Kirkness A. Europäische/Internationalismen im heutigen deutschen Wortschatz // Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel / Hrsg. von G. Stickel. – Berlin; New York: De Gruyter, 2001. – S. 105–130.
14. Lemnitzer L. Von Aldianer bis Zauselquote: Neue deutsche Wörter, woher sie kommen und wofür wir sie brauchen. – Tübingen: Narr Francke Attempto, 2007. – 112 S.
15. Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen der Nullerjahre im Deutschen. – Berlin; New York: De Gruyter, 2015. – XIX, 330 S.
16. Unwort des Jahres 2025: «Sondervermögen»: Pressemitteilung der sprachkritischen Aktion «Unwort des Jahres». – Marburg: Philipps-Universität Marburg, 2026. – 4 S.
17. Neologismenwörterbuch // Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch (OWID) / Leibniz-Institut für Deutsche Sprache. – Mannheim. – URL: https://www.owid.de/wb/neo/start.html (accessed: 16.05.2026).

Психологические и социальные аспекты профессиональной адаптации молодых специалистов в условиях цифровой трансформации

Костюкович Елена Юрьевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Национального исследовательского Московского государственного строительного университета
E-mail: markelena08@mail.ru

Статья посвящена изучению психологических детерминант и социальных механизмов профессиональной адаптации молодых специалистов в условиях цифровизации трудовой деятельности. Автором обосновывается актуальность и практическая значимость темы исследования с акцентом на ситуацию перехода к парадигме Society 5.0 и необходимостью, в связи с этим, пересмотра традиционных адаптационных моделей. Дается системная феноменологическая характеристика процесса вхождения субъекта в цифровую среду. Указывается на неоднозначность существующих научных подходов к трактовке феномена профессиональной инклюзии, предлагается авторское определение понятия «цифровая профессиональная адаптация» как совокупности динамических навыков. Уточняется структура факторов адаптации, выделяются ключевые уровни взаимодействия личности и цифровой экосистемы организации. Проводится анализ специфических психологических маркеров, таких как «техностресс» и «цифровая тревожность», выделяются причины «академической и профессиональной инклюзии» молодежи. Отдельное внимание уделяется трансформации социальных связей и перспективности интеграции моделей «реверсивного наставничества» как инструмента гармонизации межпоколенческих отношений (коммуникации). Автором заключается о необходимости формирования цифрового суверенитета личности как предиктора устойчивого развития кадрового потенциала в условиях глобальной неопределенности.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, цифровая трансформация, молодые специалисты, техностресс, цифровая тревожность, реверсивное наставничество, цифровая инклюзия, когнитивная гибкость.

Современное состояние глобальной техносферы, детерминированное процессами тотальной цифровизации и интеллектуализации производственных систем, предъявляет новые требования к качественным характеристикам человеческого капитала. В условиях развертывания четвертой промышленной революции (англ. Industry 4.0) и прогностического перехода к антропоцентричной парадигме (англ. Society 5.0), традиционные механизмы вхождения индивида в профессиональную среду подвергаются существенной эрозии (декомпозиции), требуя переосмысления самой природы адаптационного процесса [11, с. 65]. В связи с этим, особый интерес представляет изучение проблемы **профессиональной адаптации молодых специалистов** – когорты, обладающей высоким уровнем предиктивных цифровых компетенций, однако, вместе с тем, сталкивающиеся с определенными когнитивными и социальными барьерами в рамках ретроспективно сформировавшихся организационных культур [2, 25]. Контекстуально данная проблема выходит за рамки узкопрофильного анализа, приобретая междисциплинарный статус на стыке психологии труда, акмеологии, социологии управления, поскольку цифровая трансформация выступает в качестве агрессивного мета-модулятора субъект-объективных отношений в трудовой деятельности.

Обращаясь к генезу теоретических представлений о профессиональной адаптации в рамках указанного подхода, необходимо отметить, что в классической российской психологии (Д.А. Андреева, Ф.Б. Березин, А.Г. Маклаков, В.А. Сластенин и проч.) данный феномен традиционно рассматривался как процесс установления динамического равновесия между личность, его профессией и профессиональной средой [3, 7, 8]. Вместе с тем, в современных реалиях, характеризующихся высокой степень неопределенности и волатильности (VUCA-мир), данная трактовка, с нашей точки зрения, требует пересмотра и конкретизации в силу своей смысловой неопределенности и узости. Согласно мнению проф. А.В. Карпова, интегративные процессы в психологической деятельности субъекта труда в настоящее время протекают в условиях «информационного разрыва», что, как одно из следствий, приводит к трансформации адаптационных стратегий [5, с. 45]. Исходя из этой мысли, классическая дихотомия «приспособление – преобразование» в цифровой среде в рассматриваемых условиях и под влиянием *d*-факторов (англ. digital) дополняется **элементом «цифровая интеграция»**, где ключевым фактором становится не столько овладение конкретными инструментами, сколько готовность к переобучению на протяжении всей жизни (англ. long-life). Таким образом, профессиональную адаптацию молодых кадров следует рассматривать как многомерный процесс гармонизации личностных диспозиций с динамически меняющейся архитектурой цифровой экосистемы организации.

Исследование международного научного дискурса позволяет говорить о наличии повышенного интереса в последние годы к проблеме **«цифрового разрыва»** (англ. digital divide) внутри корпоративных структур. Так, например, в работах зарубежных авторов делается акцент на том, что «цифровые аборигены» (англ. digital natives) вступая в профессиональную деятельность, как правило, сталкиваются с феноменом институционального сопротивления [21, p. 2]. Проф. М. Кастельс, давая характеристику сетевому обществу, указывает на том, что технология – это не просто инструмент, а культурная форма, определяющая способы социальной коммуникации [6, с. 88]. В данном контексте интерес представляют позиции тех исследователей, которые рассматривают адаптацию через призму социально-технологического подхода, где эффективность (успешность) инклюзии молодого специалиста зависит от комплементарности его когнитивного стиля и интерфейсных решений используемых платформ [22]. Таким образом, становится очевидным сдвиг научной мысли в сторону деатомизации процесса адаптации и признания его системного характера, в котором психологическая устойчивость индивида непосредственно коррелирует с социальной поддержкой и технологической зрелостью профессиональной среды.

Феноменология профессиональной адаптации в цифровых реалиях также тесно связана с вопросами самоидентификации молодого специалиста в виртуальном пространстве. Как отмечается Т.Ю. Базаров, процесс интериоризации профессиональных ценностей в настоя-

щее время осложняется размыванием физических границ офиса и переходом к гибридным формам занятости [1, с. 124]. Это, в свою очередь, актуализирует проблему формирования профессионального «Я» в условиях дефицита непосредственных визуальных и невербальных контактов с ближайшим микросоциальным окружением индивида (руководитель, коллеги). Таким образом, оптика данного процесса смещается в сторону **виртуальной социализации**, где механизмы эмпатии и идентификации замещаются алгоритмизированными формами взаимодействия [10, 14]. Однако, несмотря на априорную технологическую компетентность современной молодежи, психологическая готовность к ответственности в условиях дигитального контроля остается дискуссионным вопросом. В этой связи, представляется логичным обращение нашего внимания в проблеме структуры цифровых навыков (англ. digital skills) как фундаментальной основы для успешного преодоления адаптационных барьеров на начальном этапе карьерного пути молодого специалиста.

Проведение углубленного анализа предметного поля позволяет заключить о наличии широкого спектра подходов к интерпретации **процессов вхождения субъекта в цифровую профессиональную среду** [4, 9, 12, 25]. Мы разделяем мнение отдельных авторов, согласно которому существующие модели профессиональной адаптации во многом игнорируют специфику «цифрового следа» и алгоритмический характер современной трудовой деятельности. С нашей точки зрения, рассмотрение данного феномена исключительно с позиции «освоения программного обеспечения» является редукционистским, поскольку оно не учитывает трансформацию когнитивных и регуляторных механизмов психики. В связи с этим, далее мы будем исходить из того, что **цифровая профессиональная адаптация** – это системная совокупность динамических навыков (англ. digital-native skills), обеспечивающих субъекту возможность эффективного функционирования в гибридной среде, где профессиональная идентичность формируется и развивается через интеграцию личностных когнитивных стратегий с архитектурными особенностями цифровой экосистемы организации.

Подобное видение позволяет структурировать процесс адаптации, выделив в нем ключевые уровни (**см. рисунок 1**): личностный и инструментальный – формируют внутренний базис готовности специалиста, организационный – выступает доминантой, определяющей границы реализации этого потенциала. Представленная архитектоника демонстрирует переход от линейного освоения навыков к сетевому взаимодействию различных уровней компетенций. Точка пересечения данных векторов как зона цифровой профессиональной адаптации является динамической величиной: она смещается в зависимости от технологической сложности среды и когнитивного ресурса субъекта. Таким образом, эффективность инклюзии молодого специалиста находится в прямой зависимости от сбалансированности указанных элементов, где дефицит одного уровня (например, низкая цифровая грамотность) может быть частично скомпенсирован гипертрофированной развитостью другого (например, высокая когнитивная гибкость), и определяется его индивидуальным ресурсом и «обратной связью» самой цифровой среды. Исходя из этого, можно предположить о наличии **специфических психологических маркеров**, которые в условиях цифровой трансформации и приобретают статус критических барьеров, о которых было сказано ранее (рис. 1).

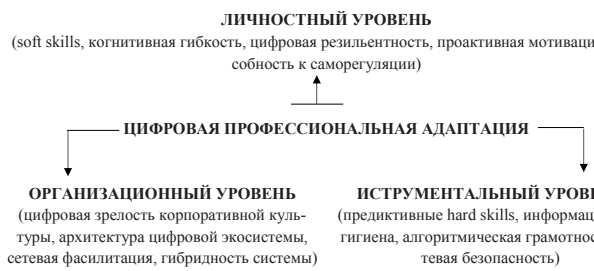


Рис. 1. Структурно-логическая схема факторов цифровой профессиональной адаптации молодого специалиста

Так, например, одним из наиболее значимых феноменов в их комплексе, с нашей точки зрения, выступает «техностресс» (англ. technostress); его концепция была предложена К. Броддом [13] и в последующем развита в работах современных исследователей [16, 23]. Согласно им, техностресс возникает вследствие невозможности индивида эффективно справляться с требованиями новых и (или) постоянно обновляющихся технологий, что ведет к когнитивной перегрузке. Для молодых специалистов данный маркер проявляется в форме «перфекционистского давления» и необходимости постоянного нахождения в режиме online. Еще одним значимым деструктором выступает «цифровая тревожность» (англ. digital anxiety); в отличие от общего стресса, данный вид тревожности сопряжен с опасениями субъекта по поводу собственной некомпетентности в быстро меняющемся технологическом стеке. С нашей точки зрения, именно этот фактор является латентной причиной профессиональной эксклюзии, когда условно подготовленный молодой специалист (с базовым уровнем профессиональных знаний, умений и навыков) психологически дистанцируется от сложных автоматизированных процессов (возникает эффект сопротивления) [18, 20].

Трансформация психологического профиля адаптации естественным образом запускает каскад качественных изменений в социальной архитектуре профессионального взаимодействия. В условиях цифровой среды традиционные механизмы социализации замещаются опосредованными формами коммуникации, что требует от молодого специалиста развития специфической **«социально-цифровой» перцепции** [17]. В рассматриваемом контексте, социальная адаптация в настоящее время представляет собой процесс вхождения в сетевое сообщество практик, где ключевым фактором успеха становится навык управления виртуальными связями. Особое значение в этой связи приобретает вопрос об институте наставничества. В последние годы в, как правило, крупных корпоративных образованиях, все более актуализируется так называемое **«реверсивное наставничество»** (англ. reverse mentoring), в рамках которого молодые специалисты («цифровые аборигены») выступают «проводниками инноваций» для более опытных коллег, обеспечивая, таким образом, взаимный трансфер компетенций; последние же обеспечивают передачу организационной культуры и смыслов профессиональной деятельности. [15, 19]. Полагаем, что именно такая синергетическая модель взаимодействия является наиболее эффективным предиктором снижения адаптационных рисков (**см**. **рисунок 2**); она раскрывает диалектическую природу современного наставничества в дигитальной экосистеме.

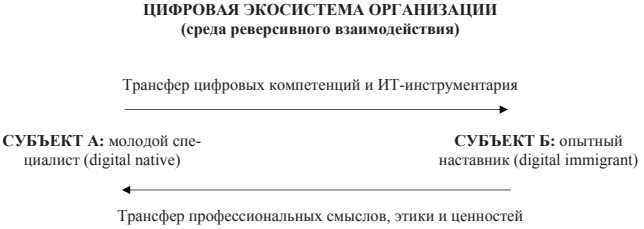


Рис. 2. Модель реверсивного взаимодействия в процессе адаптации молодых специалистов

Мы исходим из того, что традиционная иерархия «учитель – ученик» в условиях цифровой трансформации приобретает черты горизонтальной системы «взаимного обогащения». Вектор, направленный от молодого специалиста, обеспечивает приток «живого» технологического знания и навыков оперативного владения инновационным (новым) инструментарием. Встречный вектор от опытного наставника транслирует неявное знание (англ. tacit knowledge), не подлежащее алгоритмизации, то есть профессиональную этику, интуицию и ценностные ориентации. Именно такой равновесный обмен, как представляется, позволит нивелировать эффекты техностресса и иных специфических психологических маркеров, в разной степени характерных для обеих когорт («перфекционистское давление» против «информационного шока»), и предупредить риски профессиональной инклюзии у молодых специалистов, создавая единое смысловое поле внутри организации. В данной оптике профессиональная адаптация выходит за пределы узкотехнического обучения и трансформируется в социально-психологический симбиоз, в рамках которого дигитальная экосистема из агрессивного мета-фактора стрессогенности преобразуется в конструктивное пространство межпоколенческого диалога и взаимного развития.

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть, что в условиях тотальной технологической экспансии профессиональная адаптация молодого специалиста перестает быть дискретным эпизодом в его карьерной стратегии и приобретает черты перманентного трансграничного процесса (англ. lifelong adaptation), становясь фундаментальным фактором устойчивости человеческого капитала. Достижение синергетического эффекта в направления психологического комфорта (благополучия) специалиста представляется возможным исключительно в условиях гибкой конвергенции высокотехнологичных решений с гуманитарными стратегиями предиктивного управления. Мы заключаем о том, что стратегическим вектором развития систем профессиональной инклюзии должно стать формирование и постоянное развитие целостного **цифрового суверенитета личности**, предполагающего конструирование когнитивно безопасного пространства для безбарьерной реализации self-skill-потенциала субъекта. В связи с этим, прогности-

ческую ценность представляет дальнейшее изучение алгоритмических возможностей искусственного интеллекта в мониторинге и коррекции психоэмоционального состояния молодых специалистов; интеграция подобных систем позволит не только превентивно снижать риски профессиональной деструкции, но и формировать качественно новую, адаптивную модель трудовых отношений, способную выступать драйвером развития больших управляемых социально-экономических систем в условиях неопределенности.

Литература

1. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. – 2-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 382 с.

2. Безвиконная Е.В., Богдашин А.В., Портнягина Е.В. Адаптация молодых специалистов в условиях цифровизации // Экономика труда. 2022. № 11. С. 1797–1812.

3. Дружилов С.А. Профессиональное благополучие человека и психологические аспекты профессиональной адаптации и профессиональных деструкций // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 12 (68). С. 1236–1246.

4. Забелина О.В., Пилипчук Н.В. Алгоритмическое управление трудом в сфере платформенной занятости: проблемы и перспективы регулирования // Экономика труда. 2025. Т. 12, № 9. С. 1295–1310.

5. Карпов А.В. Психология деятельности: [в 5 т.]; Т. 2: Структурная организация. – М.: РАО, 2015-, 2015. – 405 с.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: НИУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

7. Кирякова Е.А. Основные подходы к исследованию профессиональной адаптации военнослужащих офицеров // Северо-Кавказский психологический вестник. 2012. № 3. С. 8–11.

8. Клейменов А.А. Профессиональная адаптация, её роль в формировании компетентности молодых специалистов // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2020. № 1. С. 139–146.

9. Патраков Э.В. Цифровая трансформация субъекта труда: социальные взаимодействия, концепции, перспективы исследования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. № 2. С. 66–73.

10. Поскакалова Т.А., Сорокова М.Г. Цифровая социализация молодых взрослых: тренды и тенденции в коммуникации // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022): сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 331–343 с.

11. Розанова Н.М. Индустрия 5.0: золотой век или прыжок в темноту? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 61–77.

12. Филипова И.А. Алгоритмический менеджмент и цифровое профилирование в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 16–18.

13. Brod C. Technostress: The Human Cost of the Computer Revolution. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1984. – 242 p.

14. Čekić E. Virtual Empathy: A Systematic Review of the Impact of Digital Communication on Interpersonal Relationships and Social Dynamics // International Journal of Psychology. Vol. 10(2). P. 11–29.

15. Doles M.D., Dasgupta A., Ribera A., Doles J.D. Forward Mentoring: A Reverse Mentoring-Inspired Initiative to Enhance Cultural Humility and Promote Academic Leadership Capacity // Medical Science Educator. 2025. Vol. 35, No. 4. P. 2175–2185.

16. Högemann M., Hein L., Britsche J.-O., Thomas O. Technostress and generative AI in the workplace: a qualitative analysis of young professionals / M. Högemann, L. Hein, J.-O. Britsche, O. Thomas // Frontiers in Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. Art. 1728881.

17. Hussain S., Debreli E., Farman M. Sustainable professional growth through digital mentorship: evidence from language teachers in low-resource settings // Scientific Reports. 2025. Vol. 16, No. 1. Art. 16.

18. Kalogiannis D. The Impact of Digital Skills Perceptions on Work-Related Anxiety and Motivation Among Late-Career Employees Within the Grey Digital Divide / Supervisor: Dr. William Marler, Second reader: Sara Pabian. – Tilburg: Tilburg University, 2025. – 63 p.

19. Li M., Guo J., Zou C., Yin J. The Impact of Reverse Mentoring on Employees' Innovative Behavior: Evidence from Chinese Technology Enterprises // Sustainability. 2025. Vol. 17, No. 1. Art. 6.

20. Pfaffinger K., Reif J.A. M., Spiess E., Berger, R. Anxiety in a digitalised work environment // Gruppe. Interaktion. Organisation. Zeitschrift für Angewandte Organisationspsychologie (GIO). 2020. Vol. 51. P. 25–35.

21. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, No. 5. P. 1–6.

22. Schmitt N. Personality and Cognitive Ability as Predictors of Effective Performance at Work // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2014. Vol. 1(1). P. 45–65.

23. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan B.S., Ragu-Nathan T.S. The Impact of Technostress on Role Stress and Productivity // Journal of Management Information Systems. 2007. Vol. 24, No. 1. P. 301–328.

24. Tverdokhlib, O., Opushko, N., Viktorova, L., Topolnik, Y. The Digital Competences of a Specialist: Contemporary Realities of the Information and Technological Paradigm in the Age of Globalization // Postmodern Openings. 2022. Vol. 13, No. 1 Sup1. P. 412–446.

25. Zhang Q., Dai W., Chen J., et al. The 'side effects' of digitalization: A study on role overload and job burnout of employees // PLoS One. 2025 Apr 30. Vol. 20(4). P. e0322112.

PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL ASPECTS OF PROFESSIONAL ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Kostiukovich E.Y.
National Research University Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the study of psychological determinants and social mechanisms of professional adaptation of young specialists in the context of digitalization of labor activity. The author substantiates the relevance and practical significance of the research topic, emphasizing the transition to the "Society 5.0" paradigm and the subsequent need to revise traditional adaptation models. A systemic phenomenological characteristic of the subject's entry into the digital environment is provided. The study points out the ambiguity of existing scientific approaches to the interpretation of the professional inclusion phenomenon and proposes an original author's definition of "digital professional adaptation" as a set of dynamic skills. The structure of adaptation factors is specified; the key levels of interaction between the individual and the organization's digital ecosystem are identified. Specific psychological markers, such as "technostress" and "digital anxiety," are analyzed, and the reasons for the "academic and professional inclusion" of youth are highlighted. Particular attention is paid to the transformation of social ties and the prospects for integrating "reverse mentoring" models as a tool for harmonizing intergenerational relations (communication). The author concludes that it is necessary to form the digital sovereignty of the individual as a predictor of sustainable development of human potential in conditions of global uncertainty.

Keywords: professional adaptation, digital transformation, young specialists, technostress, digital anxiety, reverse mentoring, digital inclusion, cognitive flexibility.

References

1. Bazarov T. Yu. Psychology of Personnel Management. – 2nd ed. – Moscow: Yurait Publishing House, 2026. – 382 p.

2. Bezvikonnaya E.V., Bogdashin A.V., Portnyagina E.V. Adaptation of Young Specialists in the Context of Digitalization // Labor Economics. 2022. No. 11. Pp. 1797–1812.

3. Druzhilov S.A. Professional Well-Being of a Person and Psychological Aspects of Professional Adaptation and Professional Destructions // Modern Scientific Research and Innovation. 2016. No. 12 (68). Pp. 1236–1246.

4. Zabelina O.V., Pilipchuk N.V. Algorithmic labor management in the sphere of platform employment: problems and prospects of regulation // Labor Economics. 2025. Vol. 12, No. 9. Pp. 1295–1310.

5. Karpov AV Psychology of activity: [in 5 volumes]; Vol. 2: Structural organization. – Moscow: RAO, 2015-, 2015. – 405 p.

6. Castells M. Information age: Economy, society and culture / Translated from English under scientific editorship O.I. Shkaratan. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2000. – 606 p.

7. Kiryakova EA Main approaches to the study of professional adaptation of military officers // North Caucasian Psychological Bulletin. 2012. No. 3. Pp. 8–11.

8. Kleymenov A.A. Professional adaptation, its role in the formation of the competence of young specialists // Interdisciplinary research: experience of the past, possibilities of the present, strategies of the future. 2020. No. 1. Pp. 139–146.

9. Patrakov E.V. Digital transformation of the subject of labor: social interactions, concepts, research prospects // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2021. No. 2. Pp. 66–73.

10. Poskakalova T.A., Sorokova M.G. Digital Socialization of Young Adults: Trends and Tendencies in Communication // Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2022): Collection of Articles from the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. November 17–18, 2022 / Ed. by V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. – Moscow: Publishing House of FSBEI HE MGPPU, 2022. 331–343 p.

11. Rozanova N.M. Industry 5.0: Golden Age or a Leap into the Dark? // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 6. Pp. 61–77.

12. Filipova I.A. Algorithmic Management and Digital Profiling in the Sphere of Labor // Labor Law in Russia and Abroad. 2023. No. 1. P. 16–18.

13. Brod C. Technostress: The Human Cost of the Computer Revolution. – Reading, MA: Addison-Wesley, 1984. – 242 p.

14. Čekić E. Virtual Empathy: A Systematic Review of the Impact of Digital Communication on Interpersonal Relationships and Social Dynamics // International Journal of Psychology. Vol. 10(2). P. 11–29.

15. Doles M.D., Dasgupta A., Ribera A., Doles J.D. Forward Mentoring: A Reverse Mentoring-Inspired Initiative to Enhance Cultural Humility and Promote Academic Leadership Capacity // Medical Science Educator. 2025. Vol. 35, No. 4. P. 2175–2185.

16. Högemann M., Hein L., Britsche J.-O., Thomas O. Technostress and generative AI in the workplace: a qualitative analysis of young professionals / M. Högemann, L. Hein, J.-O. Britsche, O. Thomas // Frontiers in Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. Art. 1728881.

17. Hussain S., Debreli E., Farman M. Sustainable professional growth through digital mentorship: evidence from language teachers in low-resource set-tings // Scientific Reports. 2025. Vol. 16, No. 1. Art. 16.

18. Kalogiannis D. The Impact of Digital Skills Perceptions on Work-Related Anxiety and Motivation Among Late-Career Employees Within the Gray Digital Divide / Supervisor: Dr. William Marler, Second reader: Sara Pabian. – Tilburg: Tilburg University, 2025. – 63 p.

19. Li M., Guo J., Zou C., Yin J. The Impact of Reverse Mentoring on Employees' Innovative Behavior: Evidence from Chinese Technology Enterprises // Sustainability. 2025. Vol. 17, No. 1. Art. 6.

20. Pfaffinger K., Reif J.A. M., Spiess E., Berger, R. Anxiety in a digital-ised work environment // Gruppe. Interaction. Organization. Zeitschrift für An-gewandte Organisationspsychologie (GIO). 2020. Vol. 51. P. 25–35.

21. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, No. 5. P. 1–6.

22. Schmitt N. Personality and Cognitive Ability as Predictors of Effective Performance at Work // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2014. Vol. 1(1). P. 45–65.

23. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan B.S., Ragu-Nathan T.S. The Impact of Technostress on Role Stress and Productivity // Journal of Management Information Systems. 2007. Vol. 24, No. 1. P. 301–328.

24. Tverdokhlib, O., Opushko, N., Viktorova, L., Topolnik, Y. The Digital Competences of a Specialist: Contemporary Realities of the Information and Technological Paradigm in the Age of Globalization // Postmodern Openings. 2022. Vol. 13, No. 1 Sup1. P. 412–446.

25. Zhang Q., Dai W., Chen J., et al. The 'side effects' of digitalization: A study on role overload and job burnout of employees // PLoS One. 2025 Apr 30. Vol. 20(4). P. e0322112.

Социологическая модель геймификации социального контракта как механизм снижения уровня бедности

Кузнецов Арсений Дмитриевич,
аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС
E-mail: rollboy@bk.ru

Формальная логика государства сегодня часто расходится с реалиями жизни малоимущих семей, что приводит к глубоким противоречиям в практике реализации социального контракта в Российской Федерации. Чтобы преодолеть этот барьер, авторы предлагают новую модель государственной поддержки, построенную на стыке поведенческой экономики (механизмы «подталкивания») и социологии геймификации. Опора на данные качественного исследования, проведенного методом фокус-групп (N = 12), позволила детально изучить неочевидные проблемы действующей системы. Выяснилось, что жесткие стартовые требования вызывают у людей «бюрократический шок», при котором постоянный страх перед штрафами и возвратом субсидии полностью блокирует их экономическую инициативу.
В качестве решения в статье выстраивается и проверяется альтернативная геймифицированная среда, которая отказывается от карательного подхода. Вместо контроля внедряется институт социального наставничества, весь сложный путь заявителя разбивается на посильные микро-шаги, а на стартовом этапе закрепляется безопасное «право на ошибку» при первых попытках запуска своего дела. Доказывается, что такая перестройка социальной политики надежно снимает психологическую перегрузку получателей помощи. Изменение правил взаимодействия ломает привычку к иждивенчеству и помогает человеку сформировать самостоятельную, проактивную позицию, превращая бюджетные выплаты из инструмента выживания в эффективную инвестицию в развитие человеческого капитала.

Ключевые слова: социальный контракт, малоимущие семьи, поведенческая экономика, социология геймификации, бюрократический шок, микро-шаги, проактивность.

Введение

В современной России социальный контракт выступает ключевым институциональным механизмом реализации социальной политики по снижению уровня бедности. Его стратегическая цель заключается в трансформации социальной поддержки: от патерналистской модели безусловных выплат (формирующей иждивенческие установки) к субсидиарной модели, стимулирующей переход домохозяйств на устойчивое самообеспечение [1]. Однако мониторинг правоприменительной практики выявляет глубокий структурный конфликт между институциональной (экономико-центричной) логикой государства и реальными жизненными стратегиями получателей помощи. Значительная часть граждан, находящихся в состоянии глубокой материальной депривации, либо отказывается от заключения контракта, либо терпит неудачу на первых этапах самостоятельной экономической деятельности, возвращаясь к исходной стратегии пассивного выживания.

Традиционная экономическая социология склонна объяснять эту дисфункцию исключительно дефицитом человеческого и культурного капитала – недостатком у получателей функциональной грамотности и предпринимательских компетенций [6]. Тем не менее, поведенческая экономика и современные социокультурные исследования предлагают принципиально иную оптику.

Для людей, длительное время пребывающих за чертой бедности, характерен специфический паттерн мышления, описываемый С. Муллайнатаном и Э. Шафиром как «сценарий дефицита» [2]. В этом состоянии когнитивный ресурс индивида полностью истощен решением сиюминутных задач выживания. В рамках действующей модели социального контракта выделение крупной суммы (например, 350 тысяч рублей на открытие бизнеса) под жесткий, многостраничный бизнес–план с перманентной угрозой санкций (возврат средств в случае ошибки отчетности) вызывает у таких граждан эффект «бюрократического шока». Риск фатальной ошибки и страх перед государственным контролем многократно перевешивают потенциальную выгоду, что парализует инициативу и блокирует любые проактивные действия.

Параллельно с этим современное общество переживает масштабный социокультурный сдвиг, который J. Raessens (2006) концептуализирует как «людификацию» (игровизацию) культуры [4]. Формируются новые паттерны восприятия реальности («игривые идентичности»), стирающие жесткие границы между трудом, обучением и повседневной коммуникацией. Как показывают исследования корпоративной среды, высокая вовлеченность и мотивация сегодня достигаются не через жесткую иерархию и наказания, а через создание безопасных экосистем с правом на ошибку, поэтапными «достаточными вызовами» и немедленной обратной связью [7]. Строго формализованная, монолитная архитектура социального контракта вступает в прямое противоречие с этими новыми социокультурными реалиями, отчуждая наиболее уязвимые слои населения от механизмов социальной мобильности.

Исходя из этого, целью данного исследования является разработка и концептуальное обоснование качественно новой архитектуры государственной поддержки на примере социального контракта.

Гипотеза исследования заключается в том, что интеграция инструментов поведенческой экономики (концепции «подталкивания» / nudging) и социологии геймификации в процесс реализации социального контракта позволит нивелировать эффект когнитивной перегрузки. Предполагается, что декомпозиция контракта на геймифицированные микро–шаги с системой поэтапного реализации государственных выплат снизит психологические барьеры и трансакционные издержки малоимущих граждан, стимулируя их переход от стратегии пассивного выживания к формированию устойчивой проактивной идентичности в рамках инклюзивной государственной экосистемы.

Теоретико-методологическая база и дизайн качественного эмпирического исследования

Теоретико-методологической базой исследования является полипарадигмальный подход, который интегрирует классические социологические теории с инструментарием поведенческой экономики. Объяснительная модель строится на пересечении теории форм капитала П. Бурдье

(для анализа дефицита инкорпорированного культурного и социального капитала у малоимущих граждан), концепции социальной стратификации и депривации П.А. Сорокина (объясняющей сужение горизонта планирования под воздействием «фактора голода» и воспроизводство маргинального статуса) и теории «подталкивания» (nudging) Р. Талера [5]. Последняя в социологическом контексте рассматривается не просто как когнитивная уловка, а как механизм реконфигурации институциональной среды, способный трансформировать пассивные патерналистские установки граждан в проактивную социальную субъектность [8].

Поскольку фокус данного исследования смещен с формально-статистической оценки результативности социального контракта на изучение микросоциологической динамики, повседневных практик выживания и институциональных барьеров, в качестве базовой исследовательской стратегии была выбрана качественная парадигма. Отказ от количественных опросных методов обусловлен необходимостью феноменологического погружения в жизненный мир информантов. Это позволяет зафиксировать не сухую констатацию факта успеха или неудачи, а выявить скрытые механизмы социального исключения (эксклюзии), уровень институционального доверия и специфику взаимодействия уязвимых граждан с бюрократическим аппаратом социальной защиты.

Основным методом сбора первичной социологической информации выступило глубинное фокус-групповое исследование, реализованное в 2025 году на территории Пушкинского района Санкт-Петербурга.

Характеристика выборки информантов

В исследовании приняли участие 12 информантов трудоспособного возраста (от 25 до 45 лет), выступающих непосредственными акторами реализации социального контракта. Для обеспечения методологической строгости применялся метод целевой (критериальной) выборки. Участники были отобраны по принципу контрастных случаев и разделены на две профильные подгруппы (по 6 человек), репрезентирующие различные траектории социальной мобильности (табл. 1).

Таблица 1. Сегментация участников фокус-группы

Подгруппа	Условное название	Характеристика экономического и институционального опыта	Социальная стратегия и капитал
А	**«Инвесторы»**	Успешная конвертация выделенного экономического капитала в стабильный социальный статус и доход	Стратегия проактивной социальной адаптации. Наличие базового культурного капитала
Б	**«Выживающие»**	Дисфункциональный институциональный опыт: бизнес закрыт, средства канализированы в бытовое потребление, статус вернулся к исходной точке депривации	Стратегия пассивного выживания. Воспроизводство «габитуса необходимости»

Структура фокус-группового исследования была поделена на смысловые блоки. В каждом блоке в рамках предмета исследования, были выявлены ключевые маркеры, которые формировали промежуточные выводы для предпосылок интеграции геймификации в рамках реализации социального контракта (табл. 2).

Таблица 2. Структура качественного исследования: смысловые блоки, предмет анализа и модераторские маркеры

№	Смысловой блок	Предмет исследования	Фокус внимания модератора / Ключевые маркеры
1	**Реконструкция институционального опыта** *(«Бюрократический шок»)*	Субъективное восприятие входа в госпрограмму, практики взаимодействия с комиссиями и процедура получения крупной выплаты	1. Маркеры институциональной стигматизации. 2. Ощущение символического насилия со стороны бюрократии. 3. Страх перед негативными санкциями
2	**Идентификация структурных барьеров** *(Повседневные практики адаптации)*	Анализ первого этапа контракта. Выявление факторов, блокирующих вертикальную социальную мобильность	1. Дефицит функциональной грамотности и изоляция от соц. сетей. 2. Конфликт жестких требований контракта и непредсказуемости жизни малоимущих. 3. Диагностика дисфункции модели (лишение «права на социальную ошибку»)

Окончание

№	Смысловой блок	Предмет исследования	Фокус внимания модератора / Ключевые маркеры
3	**Проективное тестирование новой модели**	Презентация концепции геймификации соцконтракта (реализация через микро-шаги) и оценка реакции на изменение «архитектуры выбора».	Влияние смены среды с карательной на поддерживающую на: 1) восстановление социальной агентности (субъектности); 2) преодоление иждивенческих установок; 3) готовность к легальному экономическому риску

Аудиозаписи фокус–групповой дискуссии были транскрибированы с сохранением паралингвистических особенностей речи информантов. Анализ эмпирического массива осуществлялся методом тематического кодирования (Thematic Analysis) по методологии В. Браун и В. Кларк.

На первом этапе проводилось открытое кодирование основных идей, позволившее выделить первичные смысловые единицы («практики отчуждения», «страх надзора», «дефицит поддержки», «запрос на наставничество»). На этапе осевого кодирования данные категории были сгруппированы в более крупные аналитические концепты, отражающие специфику структурного конфликта между экономикоцентричной логикой государства и реальным социокультурным ресурсом малоимущих граждан.

Использование качественной методологии позволило не просто зафиксировать дисфункции текущей системы распределения благ, но и получить глубокое эмпирическое обоснование для реконфигурации института социальной защиты – перехода от практик администрирования бедности к формированию инклюзивной среды развития человеческого капитала.

Социологическая модель геймификации социального контракта: от административного контроля к конструированию социальной субъектности

Интеграция алгоритмов поэтапного финансирования и стратегии «малых шагов» в институциональный дизайн социального контракта нуждается в серьезной теоретической рефлексии. В классическом управленческом дискурсе элементы игры зачастую трактуются сугубо утилитарно – как прагматичный инструментарий для повышения количественных показателей результативности [3]. В противовес этому, актуальный социологический анализ позволяет рассматривать геймификацию не в качестве развлекательной надстройки, а как глубинную инновацию, радикально трансформирующую саму архитектуру властных и коммуникативных интеракций.

В ситуациях, когда государство опирается исключительно на технократическую парадигму (сопровождающуюся ужесточением контроля и формальных требований к реципиентам), возникает специфический феномен «геймификации сверху». Как подчеркивают представители критического направления в социологии, а именно М. Смолен, Дж. Вудкок и М.Р. Джонсон, подобная логика превращает игровые механики в инструмент элитарного микроменеджмента и скрытой эксплуатации со стороны бюрократического аппарата [9]. Ответом на такое институциональное давление и дефицит подлинной партисипации (участия) становится так называемая «геймификация снизу», при которой малоимущие граждане выбирают тактику имитации требуемой активности исключительно ради обхода административных барьеров.

Для того чтобы социальный контракт функционировал как действенный институт преодоления материальной депривации, процесс его игровизации должен изначально конструироваться в формате инклюзивной социальной среды. Базируясь на комплексном подходе к социологическому осмыслению геймификации, в рамках данного исследования была разработана авторская концептуальная рамка. Предлагаемая структура базируется на взаимодействии четырех системообразующих компонентов: Акторы, Содержание, Опосредующие факторы и Эффекты.

В традиционной модели существует жесткая бинарная оппозиция: Государство (контроль) и Гражданин (проситель). Геймифицированная модель вводит третью, критически важную группу акторов – Модераторов (социальных наставников, ИИ–Компаньонов, бизнес–менторов).

Роль модератора заключается в технической и социальной поддержке «игры». Если гражданин совершает ошибку (например, первая партия товара не продается), модератор не применяет санкции, а помогает пересобрать стратегию. Это снимает изначальное статусное нера-

венство и переводит конфликт из плоскости «выживания» в плоскость безопасного игрового обучения.

Содержание геймификации социального контракта должно уходить от формального оценивания (сдал чек/не сдал чек) к осмысленной игровой прогрессии (leveling), как представлено в таблице 3.

Таблица 3. Этапы реализации социального контракта в геймифицированной модели

Уровень	Название этапа	Содержание этапа	Игровая механика	Результат / Награда
Уровень 1	Подготовительный (Обучение)	Интеграция участника в программу посредством коротких образовательных модулей, направленных на базовое освоение финансовой грамотности	Система мгновенного позитивного подкрепления успешных действий	Перечисление стартовой (стимулирующей) части субсидии
Уровень 2	Апробация (MVP) и легализация права на ошибку	Предоставление небольшого первоначального капитала для практического тестирования жизнеспособности бизнес-идеи	Дестигматизация неудачи: потеря средств на данном этапе трактуется как неизбежный элемент игрового цикла, полностью исключающий штрафные санкции со стороны государства	Трансформация неудачного старта в базу полезного опыта, необходимого для последующих итераций
Уровень 3	Полноценный запуск (Масштабирование)	Предоставление доступа к основному массиву финансирования, заложенному в социальном контракте	Позиционирование выдачи средств не как формы социальной опеки, а как закономерной награды за пройденные испытания (игровой achievement)	Качественный рост личностной самооценки индивида и формирование устойчивой внутренней мотивации к труду

Внедрение геймифицированной архитектуры микро–шагов превращает социальный контракт из стрессового финансового обязательства в поддерживающую социальную систему. Гражданин в этой системе получает не просто деньги, а новую «игривую», но при этом экономически состоятельную идентичность. Отношения эксплуатации и контроля сменяются отношениями вовлеченности, что обеспечивает подлинный, а не статистический выход семей из состояния бедности.

Эмпирическая верификация социологической модели геймификации: анализ фокус-групповых нарративов

Предложенная теоретическая модель социального контракта, основанная на социологии геймификации, нашла свое прямое эмпирическое подтверждение в ходе анализа нарративов фокус-группы (N = 12). Сопоставление компонентов разработанной матрицы (Акторы, Содержание, Опосредующие факторы, Эффекты) с субъективным опытом информантов из подгрупп «Инвесторы» и «Выживающие» позволило верифицировать гипотезу о том, что геймификация способна демонтировать барьеры институционального отчуждения.

1. Акторы и отношения власти: преодоление «бюрократического шока».

В рамках групповой дискуссии информанты ярко описывали феномен «бюрократического шока», который в терминах предложенной нами модели интерпретируется как результат жесткой властной асимметрии (Инспектор – Подчиненный). Информанты из подгруппы «Выживающие» отмечали чувство тотальной незащищенности и страха перед негативными санкциями государства.

Внедрение в геймифицированную модель нового актора – Модератора/Наставника – получило абсолютную поддержку в ходе проективного тестирования. Как отмечали информанты, наличие фигуры, которая не наказывает за ошибку, а «помогает пройти уровень», радикально меняет восприятие государства.

2. Содержание геймификации.

Данный эмпирический вывод верифицирует фундаментальный социологический тезис. Отказ от жесткого административного контроля в пользу субсидиарного партнерства работает. Он конструирует уникальную среду, в которой субъект не просто возвращает себе социальную агентность, но и заново формирует базовое институциональное доверие к государству.

Глубинное интервьюирование выявило скрытую дисфункцию системы. Стандартная транзакция провоцирует шок. Получая на руки беспрецедентную сумму, уязвимый индивид неизбежно сталкивается с парализующей когнитивной перегрузкой, поскольку внезапный груз ответственности моментально обнуляет его и без того скудные адаптационные ресурсы. Большие деньги пугают, а капитал превращается в угрозу. Внедрение же поэтапного сценария активации (от ознакомительной выплаты к масштабированию микропредприятия) демонстрирует принципиально иной уровень адаптации. Ошибка на старте больше не фатальна. Подобно игровой механике, дозированный формат снимает блокирующий страх перед экономической неудачей, легитимизируя для малоимущего право на оправданный риск.

3. Габитус выживания и микрошаги социальной мобильности.

Эмпирика показывает однозначный результат. Действующая нормативная модель зачастую слепа к повседневным реалиям «культуры бедности». Она игнорирует критический дефицит функциональной грамотности и предельно суженный горизонт планирования заявителей. Представители кластера «Выживающие» предсказуемо конвертировали государственную инвестицию в ситуативное латание «бытовых дыр». Многолетний габитус выживания намертво блокирует способность мыслить категориями долгосрочной капитализации. Выживание требует ресурсов сегодня, а инвестиции требуют времени. Система, по сути, требует невозможного.

Однако интеграция геймифицированных практик позволяет обойти этот структурный барьер, декомпозируя глобальную пугающую цель на серию микроскопических задач. Освоение основ финансовой грамотности за небольшую стипендию выступает для получателя абсолютно безопасным «первым уровнем». В результате субъект, изначально лишенный культурного капитала, поэтапно наращивает компетенции. Без тотального прессинга и без риска вторичной депривации.

4. Институциональные эффекты: отказ от иждивенчества.

Нарративы респондентов из кластера «Инвесторы» полностью подтверждают гипотезу. Поэтапное, игровое вовлечение в контрактные отношения запускает реальный механизм социальной мобильности, окончательно трансформируя пассивного получателя пособий в полноценного экономического агента. Эта группа положительно оценила идею поэтапного доступа к финансированию, которое выдается по мере достижения конкретных результатов. Механизм, при котором государственная поддержка перестает восприниматься как данность, начинает работать на формирование качественно иной социальной идентичности. Когда предоставление денежных средств позиционируется не в качестве классического пособия, а выступает своеобразным поощрением (игровым achievement) за верификацию бизнес-модели на малых масштабах, у получателя социальных услуг закономерно возникает чувство собственного профессионального достоинства и резко повышается самоэффективность.

Заключение

Комплексное сопоставление концептуального аппарата социологии игры с нарративами, полученными в ходе фокус-групповых дискуссий, дает основания для принципиального вывода. Существующая сегодня нормативно-правовая и организационная архитектура социального контракта, к сожалению, склонна консервировать социальное расслоение, поскольку страх перед карательными санкциями нивелирует проактивность граждан на низовом уровне.

Реорганизация данного инструмента в формате поддерживающей экосистемы – с внедрением института социального менторства, дроблением задач на микро-этапы и легализацией права на ошибку – максимально резонирует с реальными социокультурными потребностями депривированных слоев населения. Предложенный подход обладает серьезным потенциалом перевести государственную политику из парадигмы простого «администрирования нищеты» в русло создания институциональных условий для выращивания самостоятельных социальных акторов. По сути, интеграция социологической модели геймификации способна стать важной вехой в качественной эволюции современного социального государства.

Трансформация так называемой «архитектуры выбора» лишает процедуру реализации контракта статуса травмирующей бюрократической транзакции, превращая ее в пространство развития. В подобной системе координат гражданин сбрасывает с себя стигматизированную роль пассивного объекта опеки и обретает безопасный плацдарм для выстраивания собственной экономической независимости. В конечном итоге, именно перенос фокуса с надзора на вовлечение дает возможность рассматривать средства социальной защиты не как безвозвратное бремя для бюджета, а как долгосрочную инвестицию в человече-

ский капитал, гарантирующую окончательный разрыв порочного круга бедности для уязвимых домохозяйств.

Литература

1. Барбашина С.Е. Социальный контракт (правовой аспект) // Научный альманах «В зеркале права»: сборник научных трудов. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 93–96.

2. Муллайнатан С., Шафир Э. Дефицит. Почему слишком мало значит так много. Саммари / составители Smart Reading. – Москва: Smart Reading, 2025. – Текст: электронный // ЛитРес: [сайт]. – URL: https://www.litres.ru/book/smart-reading/deficit-pochemu-slishkom-malo-znachit-tak-mnogo-sendhil-mull-72609100/chitat-onlayn/ (дата обращения: 02.04.2026).

3. Муравская С.А., Смирнова М.М. Геймификация: подходы к определению и основные направления исследований в менеджменте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2019. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-podhody-k-opredeleniyu-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniy-v-menedzhmente (дата обращения: 02.04.2026).

4. Рейссенс Дж. Ф.Ф. Игровые идентичности, или Осмеяние культуры // Игры и культура. – 2006. – С. 52–57. – URL: http://gac.sagepub.com/content/1/1/52.abstract (дата обращения: 01.04.2026).

5. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – Москва: Academia, 2003. – 684 с.

6. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. – 2014. – № 1. – С. 7–19.

7. Bakker A.B. Building engagement in the workplace // The peak performing organization / Ed. by R.J. Burke, C.L. Cooper. – Oxon: Routledge, 2009. – P. 50–72.

8. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness. – New Haven: Yale University Press, 2008.

9. Woodcock J., Johnson M.R. Gamification: what it is, and how to fight it // Sociological Review. – 2017. – DOI: https://doi.org/10.1177/0038026117728620.

A SOCIOLOGICAL MODEL OF GAMIFICATION OF THE SOCIAL CONTRACT AS A MECHANISM FOR REDUCING POVERTY

Kuznetsov A.D.
North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration

Today, the formal logic of the state often diverges from the realities of life for low-income families, leading to profound contradictions in the implementation of the social contract in the Russian Federation. To overcome this barrier, the authors propose a new model of state support, built at the intersection of behavioral economics («nudge» mechanisms) and the sociology of gamification. Relying on data from qualitative research conducted using focus groups (N=12) allowed for a detailed examination of the hidden problems of the current system. It turned out that strict initial requirements cause people to experience «bureaucratic shock» in which the constant fear of fines and having to repay subsidies completely stifles their economic initiative.

As a solution, the article proposes and tests an alternative gamified environment that abandons the punitive approach. Instead of control, a system of social mentoring is introduced; the applicant's entire complex journey is broken down into manageable micro-steps, and at the initial stage, a safe «right to make mistakes» is established during the first attempts to launch a business. It is demonstrated that such a restructuring of social policy reliably alleviates the psychological burden on aid recipients. Changing the rules of interaction breaks the habit of dependency and helps individuals develop an independent, proactive stance, transforming budget payments from a survival tool into an effective investment in human capital development.

Keywords: social contract, low-income families, behavioral economics, sociology of gamification, bureaucratic shock, micro-steps, proactivity.

References

1. Barbashina S.E. Social contract (legal aspect) // Scientific almanac «In the mirror of law»: collection of scientific works. – Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2025. – Pp. 93–96.

2. Mullainathan S., Shafir E. Scarcity. Why having too little means so much. Summary / compiled by Smart Reading. – Moscow: Smart Reading, 2025. – Text: electronic // LitRes: [website]. – URL: https://www.litres.ru/book/smart-reading/deficit-pochemu-slishkom-malo-znachit-tak-mnogo-sendhil-mull-72609100/chitat-onlayn/ (accessed: 08.04.2026).

3. Muravskaya S.A., Smirnova M.M. Gamification: approaches to definition and main directions of research in management // Vestnik of Saint Petersburg University. Management. – 2019. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geymifikatsiya-podhody-k-opredeleniyu-i-osnovnye-napravleniya-issledovaniy-v-menedzhmente (accessed: 08.04.2026).

4. Raessens J.F.F. Playful identities, or the ludification of culture // Games and Culture. – 2006. – Pp. 52–57. – URL: http://gac.sagepub.com/content/1/1/52.abstract (accessed: 08.04.2026).

5. Sorokin P.A. Hunger as a factor. The influence of starvation on human behavior, social organization and public life. – Moscow: Academia, 2003. – 684 p.

6. Tikhonova N.E. The phenomenon of poverty in modern Russia // Sociological Studies. – 2014. – № 1. – Pp. 7–19.

7. Bakker A.B. Building engagement in the workplace // The peak performing organization / Ed. by R.J. Burke, C.L. Cooper. – Oxon: Routledge, 2009. – Pp. 50–72.

8. Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: improving decisions about health, wealth, and happiness. – New Haven: Yale University Press, 2008.

9. Woodcock J., Johnson M.R. Gamification: what it is, and how to fight it // Sociological Review. – 2017. – DOI: https://doi.org/10.1177/0038026117728620.

Киберэтнография виртуального сообщества: анализ китайской платформы DOUBAN

Ли Мэнтин,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st122661@student.spbu.ru

Статья посвящена вопросу виртуальных сообществ в контексте социологии культуры. В статье представлены результаты анализа коммуникативных и социокультурных процессов функционирования виртуального сообщества Douban, который осуществлялся на основе применения метода киберэтнографии. В частности показано, как групповые нормы внутри сообщества влияют на коммуникацию, способствуют социокультурной дифференциации по интересам, укрепляют идентичность сообщества, удовлетворяют социокультурные и психологические потребности участников. Также показано, что темы обсуждений в группах Douban не являются однородными и находятся под влиянием широкого социокультурного контекста, связанного с жизнью современного Китая.

Ключевые слова: киберэтнография, виртуальное сообщество, сетевые коммуникации, китайский интернет.

Введение

Понятие «виртуальное сообщество» впервые было введено Говардом Рейнгольдом в начале 1990-х годов. Он полагал, что «виртуальное сообщество» – это социальное образование, которое появляется на основе практики компьютерно-опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве [1, с. 5]. После этого количество исследований виртуальных сообществ постоянно растет в различных странах, в том числе и в Китае.

Как отмечают китайские исследователи, в интернет-пространстве виртуальные сообщества представлены на различных платформах, таких как блоги, социальные сети, форумы, мессенджеры, Википедия, виртуальные миры/виртуальная реальность, агрегаторы контента и онлайн-игры [2]. Китайские виртуальные сообщества также претерпели ряд изменений, начиная с BBS и форумов и до микроблогов. Среди них платформа Douban, запущенная в 2005 году, благодаря своей модели групп по интересам стала одним из наиболее влиятельных социокультурных виртуальных сообществ, что делает ее особо привлекательным объектом изучения.

Целью данной статьи является анализ коммуникативных и социокультурных процессов виртуального сообщества Douban на основе применения метода киберэтнографии.

Киберэтнография или цифровая этнография означает проведение этнографических исследований в виртуальной среде, посвященных Интернету и деятельности, связанной с Интернетом, или «наблюдение за Интернетом», которое представляет собой качественный метод наблюдения за обменом информацией между членами интернет-сообществ [3, 4].

На наш взгляд, метод киберэтнографии может быть полезен для изучения социокультурных процессов в виртуальных сообществах, поскольку он позволяет: 1) понять, как культурные нормы и правила коммуникации определяют социокультурную дифференциацию по интересам в виртуальном сообществе; 2) показать, какое влияние на формирование этих норм оказывает социокультурный контекст; 3) проанализировать, какие социокультурные потребности реализуются в дискурсивных практиках сообщества.

Использование метода киберэтнографии позволяет сблизиться с участниками группы, установить с ними отношения и получить первичную информацию об их личностях и принадлежащих к ним группах, что дает возможность сделать выводы по вопросам формирования групповых норм и социокультурных процессов, реализуемых в группах данного виртуального сообщества.

При проведении исследования автор присоединился к 17 группам, посвященным таким темам, как чтение, повседневная жизнь и развлечения; в каждой из них насчитывалось более 100 000 участников. В первую очередь были собраны и прочитаны правила всех групп, после чего были сделаны записи и проведен анализ общих характеристик и различий. Затем были выбраны периоды наибольшей активности участников для проведения наблюдений, которые включали в себя процедуру вступления в группу, модели взаимодействия участников, а также информацию о мерах, принимаемых администраторами в случае нарушений правил. Также был произведен анализ контента групп, что позволили выявить социокультурную дифференциацию по интересам рассматриваемого сообщества, включая тематические предпочтения участников сообщества. В результате были получены результаты по следующим позициям.

Структура групп Douban

Douban – это социальный сайт, которые предоставляет информацию о книгах, фильмах, музыке и других творческих произведениях, отличаясь тем, что как описания, так и отзывы создаются самими пользователями (англ. User-generated content, UGC)[1]. Группы на Douban изначально существовали лишь как дополнительный продукт «Douban Reading», но по мере роста платформы Douban их тематика стала разнообразнее: сегодня можно создавать группы на любую тему – от повседневной жизни и развлечений до игр и гуманитарных наук. На дан-

[1] 豆瓣小组 = группа Douban (англ. Douban group). URL: https://www.douban.com/group/25456/

ный момент количество групп на Douban достигло 710 тысяч, охватывая такие сферы, как путешествия, фотография и гастрономия и др[1]..

Как правило, в каждой группе есть администраторы и руководители, отвечающие за соблюдение правил и ведение дел группы. На администраторов возлагаются обязанности по поддержанию дисциплины в группе, регулированию выступлений участников, определению направления деятельности группы, планированию ее будущего развития, а также проведению управленческих мероприятий, включая привлечение новых участников и рекламную деятельность. Исходя из этого, в группах Douban действуют достаточно четкие правила коммуникации, и все действия участников должны осуществляться в рамках этих правил.

Культурные нормы и правила коммуникации

В группах установлены четкие разделы для обсуждений, а формат взаимодействия подобен другим сообществам. Большинство групп включают три основных раздела: «Опыт и впечатления», «Консультации и ответы» и «Правила и организационные вопросы». «Опыт и впечатления» – это размышления и выводы, которые участники делают, исходя из опыта собственной жизни в связи с темой группы. Участники могут публиковать соответствующие посты в группе, а остальные участники оставляют свои комментарии к ним. Раздел «Консультации и ответы» включает публикацию вопросов, которые возникают в повседневной жизни и связаны с темами обсуждений в группе, чтобы получить советы и ответы от других участников. Раздел «Правила и организационные вопросы» предназначен исключительно для администраторов и служит для публикации правил общения в группе и объявлений, таких как «Поиск друзей», «Набор участников» и «Опросы».

На главной странице группы на Douban обычно отображаются правила группы, установленные администратором и руководителем группы. Данные правила определяют, какое содержание сообщений допускается, а какое запрещается в группе, и участники не имеют права открыто нарушать правила общения внутри группы. Нарушение правил влечет за собой такие меры наказания, как ограничение права на общение или исключение из группы.

Правила группы являются не только условиями, которые участники должны соблюдать при коммуникации внутри группы, но и, в большинстве случаев, критерием проверки для новых участников, желающих присоединиться к группе. Большая часть групп на Douban не является открытой, и новые участники могут присоединиться к ним следующими способами: (1) Подача заявки на вступление. Новый участник должен объяснить руководителю и администратору цель своего вступления в группу; (2) Ответить на вопросы. Руководитель и администраторы заранее готовят несколько вопросов (обычно не более десяти), содержание которых связано с правилами группы. Новый участник должен внимательно прочитать правила, представленные на странице описания группы, а затем ответить на вопросы; только после правильного ответа на все вопросы он может войти в группу; (3) Ответить на пароль. Руководитель и администраторы группы заранее устанавливают пароль, и при попытке вступления в группу новому участнику появляется сообщение о том, что для вступления необходимо правильно ответить на пароль, который скрыт в правилах группы; (4) Система приглашений. Для вступления в группу необходимо получить приглашение от одного из существующих участников группы, и только после одобрения администратором можно присоединиться к группе.

В некоторых группах правила коммуникации довольно просты. Например, в правилах для участников группы «На кухне», обновленных 24 января 2022 года, указано лишь, что запрещается публиковать контент, не допускаемый «Руководством по сообществу» (опубликованным официально Douban), а именно: (1) действия и контент, нарушающие законодательство Китая или страны, в которой проживают пользователи Douban; (2) высказывания, содержащие дискриминацию и ненависть по признакам расы, национальности, этнической принадлежности, религии, пола, возраста, географического происхождения или физических особенностей; (3) контент, касающийся радикальных политических и идеологических вопросов; (4) использование нецензурных выражений, оскорблений, домогательств или иных недружественных действий; (5) действия, нарушающие частную жизнь других лиц; (6) действия, угрожающие безопасности жизни, здоровья или имущества других лиц или пользователей Douban; (7) злоупотребление функциональными возможностями продукта, нарушение экосистемы и атмосферы платформы, например, злонамеренные атаки на нормальные управленческие действия руководителя или администратора группы и т.д.

При этом в некоторых группах правила коммуникации довольно сложны. Например, администратор группы «Умная жизнь в общежитии» в правилах поведения, опубликованных 4 октября 2021 года, четко указал, что помимо запрета на публикацию контента, не допускаемого «Руководством по сообществу», в группе также запрещено публиковать следующее: (1) контент, направленный на привлечение трафика, и рекламный контент; (2) контент, содержащий домыслы и спекулятивные высказывания без веских доказательств; (3) опросы с целью извлечения прибыли; (4) любой контент, касающийся знаменитостей и их поклонников. Таким образом, мы видим, что данные нормы заданы социокультурным контекстом, связанным с жизнью современного Китая.

В соответствии с правилами коммуникации, сообщения, публикуемые участниками групп на Douban, обычно имеют определенный формат. Например, в группе «Кот» участники, желающие поделиться фотографиями своих кошек, должны при публикации поста вручную выбрать раздел «Фото кошек». Администраторы группы регулярно проверяют посты в группе или рассматривают жалобы других пользователей на отдельные сообщения. В случае нарушения правил администраторы могут удалять посты, блокировать пользователей или исключать их из группы. При этом посты высокого качества и имеющие значительное влияние администраторы могут отметить как «качественные» и «закрепленные». Поэтому посты, отмеченные как «качественные» и «закрепленные» в различных группах на Douban, как правило, собирают больше комментариев и репостов, а также становятся популярными темами в группах.

Коммуникативные форматы и популярные темы обсуждения

Можно классифицировать различные тематические предпочтения участников сообщества в зависимости от различных коммуникативных форматов, реализуемых в группах. Выделяются три основных формата: обращение с вопросами и просьбами, обмен опытом и разговорные беседы.

1. Обращение с вопросами и просьбами. Являясь основной мотивацией для дискуссии, форма вопросов раскрывает проблемы и тематические предпочтения, с которыми сталкиваются участники группы. Например, в группе «Заходите в гости в мою комнату» часто задают такие вопросы, как «Почему моя квартира выглядит так убого?», «Как недорого отремонтировать старую квартиру, которую только что сняли?», или «Можете порекомендовать удобный одноместный диван?». Кроме того, после получения ответа на свой вопрос пользователь, задавший его, обычно должен обратиться к автору ответа с благодарностью. Благодарность за ответ является реакцией на исходный вопрос, включает в себя эмоциональную оценку результатов общения и является одним из неофициальных правил общения между участниками группы.

2. Обмен опытом. В постах, посвященных обменом опытом, администраторы обычно помечают как «качественные» посты с полезным опытом, чтобы выделить уникальные, оригинальные и вызывающие резонанс материалы. В группе совместных покупок «Pin» пост «Поделиться/Нашел способ, как выгоднее покупать товары с Таобао через Alipay» собрал 1479 комментариев, 30 репостов и 598 добавлений в избранное; в группе «Кот» пост «Советы новичкам по уходу за кошками» собрал 555 комментариев, 976 репостов и 12 000 добавлений в избранное. Получается, что посты, посвященные обмену опытом, привлекают большое внимание в рамках онлайн-общения группы и, отражая тематику группы, в максимальной степени стимулируют других участников присоединяться к обсуждению.

3. Разговорный формат. Сообщения развлекательного и разговорного характера составляют небольшую часть всех постов в группе, однако, в отличие от постов, посвященных обмену опытом и вопросам, они не направлены на распространение знаний и информации, а в определенной степени смягчают «профессиональную атмосферу» в группе и способны вызвать больше эмоционального резонанса. Однако, как правило, в целях эффективного управления группой ее администраторы и руководители будут ограничивать количество сообщений развлекательного характера и бесед, чтобы не допустить отклонения обсуждений от темы группы.

Исходя из тем для обсуждения в каждой группе, можно определить самые популярные темы в группах различных типов. В группах, посвященных чтению, кулинарии, интересам и карьере, популярные темы в основном касаются обсуждения профессиональных интересов, например: «Книжная полка студента факультета китайского языка», «Поделюсь рецептом невероятно вкусных сконов с черным кунжутом», «Советы: руководство по написанию коротких рассказов», «Все о заявлении об увольнении, справке об увольнении и важных моментах при уходе с работы». В группах, посвященных личным впечатлениям

[1] Там же.

и переживаниям, участники в основном обсуждают темы, связанные с социальными отношениями, например: «Размышления и осознания: Как найти себя заново после измены в браке», «Увидела в телефоне парня переписку с бывшей и просто развалилась», «Что делать, если сосед по комнате не уважает личную границу». В группах, посвящённых повседневной жизни и домашним животным, темы касаются в основном неофициальных, нейтральных вопросов, которые можно назвать «легкой беседой» (англ. Small talk). Например: «Какое время года вам нравится больше всего», «Фото кошек: Как стало у нас котенок», «Фото кошек: Первый день котенка в доме» и т.п.

Помимо этого, ведется множество дискуссий по актуальным вопросам, темы которых меняются в зависимости от социально-культурной обстановки. Например, в последние годы, когда китайские женщины выступают за свои права и за женскую независимость, в группе «Жизнь» одновременно появились такие популярные темы для обсуждения, как «Может ли мой циничный парень повлиять на наше будущее», «Рождение ребенка заставляет женщину оставаться в браке даже после развода» и т.д.

Социокультурные потребности участников

Опираясь на результаты ранее проведенного киберэтнографического анализа, мы можем определить, какие потребности удовлетворяются участниками виртуального сообщества группы на Douban.

Во-первых, группы на Douban удовлетворяют потребность участников в общении и взаимодействии. Им предоставляется возможность общаться, делиться информацией и обсуждать темы, интересующие участников. Как неформальное общение, так и формат решения конкретных проблем являются одними из функций, которые необходимо реализовать в виртуальном сообществе.[5] Во-вторых, реализуется потребность в самореализации и самовыражении. Группы на Douban предоставляют пользователям возможность создавать контент и делиться своими мыслями. В-третьих, группы на Douban удовлетворяют потребность в самоидентификации. Обсуждая с другими участниками группы одинаковую тему, участники получают чувство признания, которое выражается, например, в количестве лайков, репостов или оценок контента. Участие в жизни сообщества помогает человеку через взаимодействие с другими членами осознать свою идентичность и сформировать самосознание [6]. Наконец, и самое важное – потребность в информации. Обмен информацией по темам, представляющим общий интерес, включая поиск ответов на вопросы и обмен знаниями, не только позволяет пользователям получать полезную информацию, но и, в свою очередь, способствует коммуникации между членами сообщества и культурно-творческой деятельности.

Заключение

В данной статье на основе киберэтнографического исследования проанализированы структура, правила коммуникации и основные темы обсуждения в типичной китайской виртуальной сообществе на платформе Douban. Исследование показало, что благодаря этим основным факторам группы на Douban создают для участников стабильную среду для коммуникации, удовлетворяя их социокультурные и психологические потребности.

Механизм проверки при вступлении в группу, а также правила поведения при общении внутри группы, с одной стороны, ограничивают круг участников, не позволяя пользователям, которые не знакомы с правилами группы или не соблюдают их, самовольно вступать в группу и нарушать атмосферу общения; с другой стороны, они поддерживают порядок внутри группы и создают основу для ее существования и развития. Таким образом, по сравнению с открытыми виртуальными сообществами, группы на Douban имеют относительно ясные границы.

В рамках правил групп на Douban основное содержание повседневного взаимодействия участников в основном вращается вокруг тематики каждой группы, но в целом участники публикуют сообщения в группах в основном с тремя целями: задавать вопросы, делиться опытом и общаться в развлекательных целях. Это подтверждает, что группы на Douban удовлетворяют потребности участников, а также указывает на основные мотивы, побуждающие участников присоединяться к общению в группах.

Анализ показывает, что темы обсуждений в группах Douban не являются однородными и находятся под влиянием широкого социокультурного контекста. Иными словами, в условиях динамичных изменений в социальной и культурной сфере Китая характер коммуникации в группах Douban также претерпевает изменения. Таким образом, группы Douban представляют собой удачный пример сочетания самоуправления и общественного контроля, что имеет определенную ценность и задает перспективу для развития и формирования других виртуальных сообществ.

Литература

1. Rheingold H. The virtual community: Finding commection in a computerized world. United States: Addison-Wesley Longman Publishing, 1993. С. 5.
2. Шарков Ф., Кириллина Н. Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор// Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 229–249.
3. 张劼颖, 李雪石. 数字虚拟社区研究:学术脉络与关键议题// 中国社会科学评价. 2023. № 3. P. 32–44+158 = Чжан Цзеинь, Ли Сюеши. Исследование цифровых виртуальных сообществ: научная линия и ключевые вопросы// Оценка социальных наук в Китае. 2023. № 3. С. 32–44+158. (на кит. яз.)
4. Белорусова С.Ю. Киберэтнография: методология и технологии// Этнография. 2021. Т.13. № 3. С. 123–145.
5. Апетян М.К. Особенности виртуальной коммуникации/ М.К. Апетян. Текст: непосредственный// Молодой ученый. 2015. № 3. С. 939–941.
6. Gu T, Cheng Z, Zhang Z, Li C, Ni Y and Wang X. Formation mechanism of contributors' self-identity based on social identity in online knowledge communities// Frontiers in Psychology. 2022. № 13.

CYBERETHNOGRAPHY OF A VIRTUAL COMMUNITY: AN ANALYSIS OF THE CHINESE PLATFORM DOUBAN

Li Mengting
Saint-Petersburg State University

This article examines the topic of virtual communities within the context of cultural sociology. It presents the results of an analysis of the communicative and sociocultural processes within the Douban virtual community, conducted using the cyberethnography method. In particular, the study demonstrates how group norms within a community influence communication, promote socio-cultural differentiation based on interests, strengthen community identity, and satisfy the socio-cultural and psychological needs of participants. It is also shown that the topics of discussion in Douban groups are not homogeneous and are influenced by the broader sociocultural context associated with life in contemporary China.

Keywords: cyberethnography, virtual community, online communication, Chinese internet.

References

1. Rheingold H. The virtual community: Finding commection in a computerized world. United States: Addison-Wesley Longman Publishing, 1993. С. 5.
2. Sharkov, F., Kirillina, N. The convergence of real and virtual communities in digital space: A sociological review// Sociological Review. 2022. Т. 21. № 3. P. 229–249. (In Russian)
3. Zhang J, Li X. Research on Digital Virtual Communities: Academic Context and Key Issues// Chinese Social Sciences Evaluation. 2023. № 3. P. 32–44+158. (In Chinese)
4. Belorusova, S.Y. Cyberethnography: Methodology and Technologies// Ethnography. 2021. Vol. 13. № 3. P. 123–145. (In Russian)
5. Apetyan M.K. Characteristics of Virtual Communication/ M.K. Apetyan. Text: Direct// Young Scientist. 2015. № 3. P. 939–941. (In Russian)
6. Gu T, Cheng Z, Zhang Z, Li C, Ni Y and Wang X. Formation mechanism of contributors' self-identity based on social identity in online knowledge communities// Frontiers in Psychology. 2022. № 13.

Особенности мышления китайской молодежи поколения Z и потенциал русской литературы в партийной работе вузов

Май Судань,
магистр, преподаватель, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли
E-mail: 18898604502@163.com

Молодежь поколения Z стала основной частью студенчества китайских вузов. Такие её особенности, как клиповое мышление, ценностный плюрализм, цифровой образ жизни и стремление к иммерсивному участию, создают новые вызовы для работы партийных организаций в вузах. В данной статье, основанной на Идеях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, анализируются особенности мышления и поведения поколения Z, а также связанные с ними задачи в сфере партийно– воспитательной работы. Через призму ценностного содержания, особенностей форм воздействия и профессиональной интеграции русская литература рассматривается как важный ресурс развития партийно-воспитательной работы в вузах. В статье предлагается трехмерная стратегия, включающая микроформатную теоретическую подготовку, иммерсивную организационную деятельность и цифровое сетевое взаимодействие. Исследуется инновационный путь культурно– нравственного воспитания, направленный на повышение привлекательности и эффективности партийно-воспитательной работы среди молодежи поколения Z.

Ключевые слова: поколение Z; Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи; работа партийных организаций в вузах; русская литература.

Статья выполнена при поддержке гранта проекта «Исследование особенностей мышления и поведения молодежи поколения Z и стратегий в работе партийных организаций» (*26–01ZDJ*) 【"Z世代"青年思想行为特点与引导策略研究 (*26–01ZDJ*) 项目成果】

Председатель Си Цзиньпин подчеркивает: «Молодежь – самая активная, самая жизнеспособная сила общества. Надежды государства – в молодежи, будущее нации – в молодежи» [11]. На Всекитайском совещании по вопросам образования он также отметил необходимость «непоколебимо придерживаться всестороннего руководства партии в сфере образования и рассматривать нравственное воспитание как фундаментальную задачу образования» [10]. Эти положения задают вектор развития вузовского партийного строительства и идеологической работы в новую эпоху. Молодежь поколения, обычно определяемая как люди, родившиеся в период с 1995 по 2009 год, постепенно стала основной частью студенчества китайских вузов. Представители этого поколения, сформировавшиеся в условиях цифровой эпохи, отличаются клиповым мышлением, ценностным плюрализмом, цифровым образом жизни и стремлением к иммерсивному участию, что ставит перед традиционными формами партийной работы новые вызовы. Как указывал Си Цзиньпин, «для эффективного осуществления идеологической и политической работы в вузах необходимо адаптироваться к изменениям ситуации, двигаться в ногу со временем и обновляться в соответствии с современными тенденциями» [11]. В этой связи глубокое понимание ценностных ориентиров поколения Z и поиск инновационных подходов к воспитательной работе становятся приоритетной задачей университетских партийных организаций. Русская литература, имеющая более чем вековую историю глубокого восприятия в Китае, выступает мощным культурным мостом. Её этическое ядро – патриотизм, коллективизм и гуманизм – органично соотносится с ключевыми социалистическими ценностями. Настоящее исследование, основанное на идеях Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, рассматривает русскую литературу как культурный ресурс для укрепления вузовского партийного строительства и предлагает трехмерную стратегию партийной работы, направленную на повышение эффективности воспитания молодежи поколения Z.

Особенности мышления китайской молодежи поколения Z и вызовы партийной работы вузов

Председатель Си Цзиньпин подчеркивает: «Для реализации Китайской мечты необходимо глубоко изучать особенности и закономерности роста современной молодежи» [9]. Понимание когнитивного и поведенческого профиля поколения Z является ключевым условием эффективности вузовской идейно-воспитательной работы. Взаимосвязь ключевых характеристик данной социальной группы и вызовов для партийно-воспитательной деятельности структурируется по четырем основным направлениям.

Фрагментарность познания и кризис традиционного дискурса. Будучи «цифровыми аборигенами», представители поколения Z демонстрируют когнитивный сдвиг от линейного глубокого чтения к многозвенному сетевому восприятию. По данным Социологического центра «Чжунго цинняньбао» (2025 г.), 87,0% опрошенных студентов ощущают себя в поле фрагментированной информации, а 48,9% отмечают снижение способности к длительному чтению [1]. Это критически снижает эффективность традиционного партийного дискурса, ориентированного на нормативность и линейное изложение.

Плюрализм ценностных ориентаций и потребность в адресном наставничестве. Согласно докладу Института развития Фудань (2024 г.), ценностные установки молодежи становятся все более гетерогенными при сохранении общего признания базовых социалистических ценностей [4]. Данная неоднородность требует от университетских структур решительного перехода от универсальных методов массового просвещения к дифференцированному и адресному наставничеству.

Цифровой образ жизни и необходимость платформенной интеграции. Сетевое пространство стало основной средой социализации и культурного обмена поколения Z, где доминирующими платформами выступают WeChat, Douyin, Bilibili и Xiaohongshu. В этих условиях партийная работа должна активно интегрироваться в цифровую экосистему присутствия молодежи, выполняя задачу по глубокому сопряжению традиционных идеологических преимуществ с новыми информационными технологиями [10].

Запрос на иммерсивность и кризис директивных форм. Современные студенты ориентированы на получение «эмоциональной ценно-

сти» и личного опыта, демонстрируя низкую восприимчивость к менторским методам воспитания. Это обуславливает необходимость ускоренной трансформации регламентированных форм организации партийной жизни (таких как партийные дни или традиционные собрания) в интерактивные, контекстуализированные и иммерсивные практики.

Потенциал русской литературы в партийной работе вузов

Аксиологическая конвергенция

Этический фундамент русской литературы напрямую соотносится с социалистическими ценностями Китая. Как отмечал известный литературовед Ли Миньбинь: «Патриотизм и коллективизм, воспеваемые в советской литературе, стали одними из наиболее воспринимаемых ценностей для китайских читателей» [2].

·Патриотическое воспитание и гражданская ответственность. Историческая эволюция патриотического духа в русской литературе прослеживается от раннего национального самосознания в «Слове о полку Игореве» (концептуально перекликающегося с боевой песней «Ву И» из «Ши цзина») до всенародного сопротивления в эпопее «Война и мир» Л.Н. Толстого. Через духовное пробуждение героев разных сословий – от крестьянина Платона Каратаева до аристократа Андрея Болконского – этот нарратив формирует глубокую межкультурную параллель с романом Лао Шэ «Четыре поколения под одной крышей». В советский период («Они сражались за Родину» М.А. Шолохова, «Молодая гвардия» А.А. Фадеева) патриотизм соединяется с социалистическим идеалом и революционным героизмом, что созвучно подвигам бойцов НОА в китайском романе «Защита Яньаня» и закладывает прочную ценностную основу для партийного просвещения.

·Коллективизм и общественная солидарность. Концепт коллективизма исторически укоренен в традициях взаимопомощи русской общины («мира»), что обнаруживает глубокую ментальную близость с конфуцианской триадой общественного служения. Сцены совместного труда в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого синкретически созвучны поэтическим строкам «Ши цзина» о коллективном труде. Советская проза возвела этот принцип в ранг социалистического императива: через трагедию Григория Мелехова в «Тихом Доне» М.А. Шолохова (что перекликается с общинным единством в «Равнине Белого оленя» Чэнь Чжунши) доказывается невозможность обретения идентичности вне своего народа. Высшей точкой этого направления выступает роман Н.А. Островского «Как закалялась сталь», где трудовой подвиг Павла Корчагина созвучен созидательному героизму строителей китайского канала Хунцы, формируя для поколения Z идеал самоотверженного служения обществу.

·Гуманистическая эмпатия и социальная справедливость. Защита достоинства «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Шинель» (образ Акакия Акакиевича) обнажает дегуманизирующую природу системы, что концептуально близко к лусиньевской критике традиционного общества в «Кун Ицзи». Народный гуманизм бабушки Акулины в повести М. Горького «Детство» типологически родственен духовному благородству героев Лао Шэ («Рикша»). Вершиной этого направления выступает роман Л.Н. Толстого «Воскресение», где через драму Катюши Масловой и князя Нехлюдова утверждается ценность каждой личности через катарсис и деятельное искупление.

Перевод этих психологически выверенных экзистенциальных образов в плоскость сопереживания позволяет трансформировать гуманистический потенциал классики в осознанную мотивацию личностного роста студентов, делая партийное руководство в вузах более эмпатичным.

Коммуникативное соответствие

С точки зрения природы литературы, художественные произведения, опираясь на сюжет и эмоциональное воздействие, обладают силой убеждения, недоступной традиционному теоретическому воспитанию. Они способны переводить абстрактные идеи партийного строительства в конкретные жизненные ситуации и тем самым сокращать психологическую дистанцию между молодежью поколения Z и идеологическим содержанием. Как показало столетнее взаимодействие китайской и русской литературы, элементы русской литературы, такие как гуманизм, критическое сознание, уже давно стали «скрытым ресурсом» китайской литературной традиции[12]. Знакомство с русской литературой позволяет молодежи через эстетический опыт актуализировать культурную память о китайской современной литературе и более органично воспринимать ценностные ориентиры.

С точки зрения специфики поколения Z, эмпирические данные фиксируют запрос на интерактивность: более 80% опрошенных предпочитают иммерсивные форматы, а лояльность к ролевым играм кратно превышает готовность воспринимать лекции. Нарративное многообразие русской литературы – от полифонических эпопей Л.Н. Толстого до психологических новелл А.П. Чехова – предоставляет неисчерпаемый материал для такой деятельности. Это позволяет русской классике выступать эффективным медиатором, сопрягающим задачи партийного строительства с запросами молодежи и обеспечивающим латентное, но глубокое воспитательное воздействие.

В аспекте компаративистских преимуществ русская литература занимает уникальное промежуточное положение между традиционной китайской культурой и западным масскультом. С одной стороны, она сохраняет культурную близость к китайскому контексту, а с другой – обеспечивает необходимое поколению Z ощущение новизны. Этот баланс превращает русскую классику в эффективный инструмент идейно-воспитательного воздействия.

Профессиональная синергия

Если ценностное соответствие и специфика рецепции обосновывают теоретическую применимость русской литературы, то профессиональная интеграция обеспечивает практическую реализуемость данной модели. Для языковых (гуманитарных) вузов синергия филологического образования и партийной работы формирует инновационный бренд «специальность + партстроительство», имеющий тройное прикладное значение:

Конверсия профессиональных ресурсов в воспитательные. Системное внедрение научно-педагогического потенциала кафедр русской литературы в контур партийной работы расширяет границы профессионального образования и обогащает содержание идеологического воспитания, формируя двунаправленную структуру взаимного усиления.

Релевантность когнитивному профилю студентов. Студенты-русисты обладают естественным интересом к русской литературе. Использование художественного текста как медиатора партийно-политического просвещения снижает психологические барьеры студентов, органично связывая учебный процесс с ценностным ориентированием.

Инновация межкультурного дискурса. В контексте глобальной концепции «Сообщества единой судьбы человечества» когнитивный потенциал русской классики позволяет через компаративный анализ углубить понимание китайской культуры и укрепить культурную уверенность молодежи. Это открывает новый путь для трансляции китайской повестки и формирования у поколения Z сочетания патриотизма с международным видением.

Трехмерная стратегия партийной работы с молодежью поколения Z в вузах

Опираясь на ценностно-содержательную и профессиональную конвергенцию русской литературы и партийно-воспитательной работы, исследование предлагает трехмерную стратегию: «микроформатное просвещение – иммерсивная организационная жизнь – цифровое сетевое взаимодействие». Данный комплекс направлен на адаптацию партийной работы к когнитивным привычкам поколения Z и повышение эффективности идейно-воспитательного воздействия.

Микроформатное теоретическое просвещение

Специфика клипового мышления поколения Z требует перехода от объёмных лекционных изложений к лаконичным, эмоционально насыщенным формам коммуникации. Афористичность и образность русской классики позволяют интегрировать её потенциал в систему университетского партийного просвещения через микроформаты.

Семантическая трансформация содержания :

·«Дух борьбы» (Н.А. Островский, «Как закалялась сталь»). Афоризм Павла Корчагина «Самое дорогое у человека – это жизнь…» и его стойкость при строительстве железной дороги, в боях и перед лицом смерти символизируют качества китайских коммунистов – готовности к борьбе и преодолению трудностей.

·«Народная позиция» (М. Горький, «Мать»). Эволюция Ниловны от пассивного страдания к осознанной защите интересов трудящихся наглядно иллюстрирует партийный принцип служения народу и заботы о массах, что полностью созвучно концепции КПК «Ориентация на народ» (以人民为中心).

·«Идеалы и убеждения» (А.А. Фадеев, «Молодая гвардия»). Жертвенность и верность своей вере молодых подпольщиков в условиях оккупации служат для поколения Z новой эпохи ярким литературным ориентиром, помогающим укреплять идеалы, убеждения и верность первоначальной миссии (初心).

Инновация форм:

·«Короткие видеоролики (3–5 минут)». Преподаватели-коммунисты или активные студенты выступают спикерами, раскрывая литератур-

ные афоризмы сквозь призму ключевых понятий партийной теории, с последующей дистрибуцией в Douyin и WeChat Channels.

·«Интерактивные H5-страницы». Контент проектируется по принципу «одна цитата – один образ – одно тезисное пояснение», что позволяет адаптировать сложные теоретические положения к сценариям фрагментарного чтения студентов.

·«Мини-программа WeChat ("Цитата дня: сила убеждений")». Интеграция функций ежедневных чек-инов, шеринга и комментариев позволяет органично внедрить идеологическое просвещение в повседневный жизненный ритм молодежи.

Подобные микроформаты позволяют сохранять идейную глубину партийной теории, одновременно соответствуя цифровым привычкам поколения Z и снижая психологический барьер восприятия.

Иммерсивная организационная деятельность

Запрос поколения Z на интерактивность и неприятие директивного воспитания требуют трансформации партийной жизни вуза от линейного информирования к формам ситуационного сопереживания. Это обеспечивает интернализацию ценностей через личный опыт и групповое взаимодействие. Драматургический и нарративный потенциал русской классики предоставляет неисчерпаемые ресурсы для проектирования таких иммерсивных практик.

·Иммерсивные литературные сценарии

Произведения русской классики революционной тематики («Молодая гвардия» А. Фадеева, «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева) могут адаптироваться в формат сценарно-ролевых игр, позволяя участникам погрузиться в контекст и пережить сложность нравственного выбора героев. При разработке таких сценариев важно соблюдать три принципа: сохранение идейного ядра первоисточника, создание значимых «точек выбора» и обязательную рефлексию по итогам участия. Опыт китайских вузов подтверждает, что когда «история оживает», вовлеченность молодежи поколения Z и воспитательный эффект значительно возрастают.

·Литературно-театральные мастерские

На уровне партийных организаций организуются постановки фрагментов классики: сцены строительства узкоколейки из романа «Как закалялась сталь», диалогов о смысле жизни из «Чайки», эпизодов из пьесы «На дне». Процесс репетиций способствует интернализации ценностей: воплощая образы Павла Корчагина или Нехлюдова, студенты глубже осмысляют их убеждения и духовный выбор. Финальный показ становится площадкой ценностного диалога и формирования мировоззренческого консенсуса.

·Литературные салоны и дискуссионные площадки

Вместо традиционных лекций организуются камерные дискуссии по этико-философским темам, объединяющим литературоведческий и идеологический аспекты (например: «Сохраняет ли выбор Павла Корчагина актуальность сегодня?» или «Как понимать моральные дилеммы в «Преступлении и наказании»?»). Формат «круглого стола» и фасилитирующий стиль ведения беседы стимулируют самостоятельное выражение мнений, при котором модератор лишь направляет обсуждение. Такая децентрализованная модель общения полностью соответствует психологии поколения Z, ориентированной на равенство и уважение к разнообразию взглядов.

Цифровое сетевое взаимодействие

Учитывая цифровой характер повседневной жизни поколения Z и высокой значимости сетевых сообществ, партийно-политическое воспитание должно активно интегрироваться в цифровое пространство присутствия молодежи.

·Цифровые платформы «Партийное строительство + литература»

Для эффективного взаимодействия с молодежью необходимо использовать популярные цифровые платформы: Bilibili – для аналитических видеоэссе, Xiaohongshu – для визуальных читательских дневников, Douyin – для коротких роликов о литературе и партийных ценностях. Коммуникативный образ таких аккаунтов должен строиться по модели «старшего товарища», что исключает менторский тон и делает идейно-воспитательное воздействие более естественным и искренним.

Создание цифрового контента

Производство цифрового контента строится с учетом сетевых алгоритмов платформ и привычек медиапотребления поколения Z через внедрение трех ключевых форматов. Во-первых, видеодневники молодых коммунистов, фиксирующие от первого лица процесс осмысления русской классики (например, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Тихий Дон» М.А. Шолохова) и отражающие ценностные ориентиры молодежи. Во-вторых, интерактивные литературные карты, связывающие географию текста с историческим контекстом для укрепления исторической памяти и гражданской ответственности студентов. В-третьих, сетевые краудсорсинговые дискуссии на ценностные темы, стимулирующие генерацию пользовательского контента (UGC) и обеспечивающие органичное распространение идейно-политических смыслов внутри цифровых сообществ.

Аналитика и адресное взаимодействие

Использование аналитических инструментов цифровых платформ (мониторинг просмотров, глубины досматриваемости контента, семантики комментариев и шеринга) позволяет оперативно выявлять латентные интересы и мировоззренческие тренды поколения Z. Например, фиксация высокой пользовательской активности вокруг разборов романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского сигнализирует о запросе аудитории на осмысление этических дилемм, что позволяет точечно масштабировать данную тему через онлайн-дискуссии или вебинары. Подобный дата-ориентированный подход обеспечивает переход от унифицированного идеологического воздействия к адресному, дифференцированному взаимодействию, критически повышая эффективность цифровой идейно-воспитательной работы в студенческой среде.

Заключение

В настоящей статье на основе идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху проанализированы когнитивные и поведенческие особенности молодежи поколения Z в контексте актуальных вызовов для партийного строительства в вузах. Проведенный анализ позволил системно обосновать значительный потенциал русской литературы как ценного ресурса идейно-политического воспитания студентов. Данный потенциал реализуется на трех уровнях: ценностно-смысловом (через трансляцию идеалов патриотизма и коллективизма), коммуникативном (посредством глубокого эмоционально-образного воздействия художественного текста) и профессионально-интеграционном (путем органичного сочетания партийной работы со спецификой обучения в языковом вузе).

Разработанная в исследовании трехмерная стратегия («микроформатное просвещение – иммерсивная деятельность – цифровое сетевое взаимодействие») предлагает инновационную модель воспитания, адаптированную к цифровому образу жизни современной молодежи. Практическая реализация данного подхода способствует укреплению ценностной идентификации и мировоззренческих ориентиров студентов поколения Z и одновременно открывает новые перспективы для содержательного и технологического обновления системы вузовского партийного строительства в новую эпоху.

Литература

1. Ван Пинчжи. 87% опрошенных ощущают себя окружёнными фрагментированной информацией // Гуанчжоу циннянь бао. – 2025. – 26 июня. – С. А3.
2. Ван Цзябо. Яркая страница в истории гуманитарного обмена между Китаем и Россией – обзор церемонии открытия Китайского кинофестиваля и объявления результатов оценки самых влиятельных литературных произведений Китая и России / Ван Цзябо. – Текст: непосредственный // Гуанмин жибао. 13 ноября 2016. С. 05.
3. Дай Яо. Новые формы театрального искусства: более 80% молодых респондентов предпочитают иммерсивные интерактивные постановки // Чжунго циннянь бао. – 2025. – 27 ноября. – С. 04.
4. Институт развития Фудань. Доклад о социальном настрое китайских молодых интернет-пользователей (2024). – Шанхай: Институт развития Фудань, 2025.
5. Исследовательская группа Ляонинский технологический институт. Практическое исследование интеграции партийного строительства и развития негосударственных вузов. – 2025.
6. Партийный комитет Институт восточных языков. «Поэтический дух русского языка и культурное многообразие»: хроника китайско-российского конкурса художественного чтения «Красная поэзия – живое звучание». – 2025.
7. Партийный комитет Уханьский университет. Формирование уникального культурного образа партийного строительства и инновационные пути развития партийной культуры в вузах // Хубэй жибао. – 2025. – № 11.
8. Партийный комитет Цилуский технологический институт. Стандартизация партийного строительства как фактор качественного развития вузовской партийной работы // «Жизнь партийной ячейки». – 2025. – № 5.
9. Си Цзиньпин. Важные указания по вопросам работы Коммунистического союза молодежи Китая // Жэньминь жибао. – 2014. – 28 июня.

10. Си Цзиньпин. Выступление на Всекитайском совещании по вопросам идеологической и политической работы в вузах // Жэньминь жибао. – 2016. – 9 декабря.

11. Си Цзиньпин. Выступление на торжественном собрании, посвящённом 100-летию Движения 4 мая // Жэньминь жибао. 2019. – 1 мая.

12. У Цзюньчжун. Глубинное влияние русской литературы на китайскую культуру / У Цзюньчжун. – Текст: непосредственный // Журнал Шэньчжэньского университета. Серия гуманитарных и социальных наук. 2006. № 6. С. 14–21.

13. Шанхайский центр исследований молодежи; Soul App. Доклад о потреблении эмоций поколением Z в 2025 году. – Шанхай: Шанхайский центр исследований молодежи, 2025.

THINKING PATTERNS OF CHINESE GENERATION Z YOUTH AND THE POTENTIAL OF RUSSIAN LITERATURE IN UNIVERSITY PARTY BUILDING

Mai Sudan
Guangdong University of Foreign Studies South China Business College

Generation Z has become the primary demographic in Chinese higher education. Their distinctive characteristics–fragmented thinking, value pluralism, digital lifestyles, and a preference for immersive engagement–pose new challenges for university Party-building. Grounded in Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, this paper analyzes the cognitive and behavioral patterns of Chinese Generation Z students. It explores Russian literature as a vital cultural resource for strengthening university Party-building. From the perspectives of value alignment, communicative influence, and disciplinary integration, the study proposes a three-dimensional strategy–micro-format theoretical education, immersive organizational activities, and digital engagement–offering an innovative approach to enhancing the effectiveness of Party-building work among Generation Z students.

Keywords: Generation Z; Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era; university Party building; Russian literature; ideological and political education.

References

1. Wang, P. Z. (2025, June 26). 87% of respondents feel surrounded by fragmented information. Guangzhou Youth Daily, p. A3.

2. Wang, J. B. (2016, Nov. 13). Sino-Russian Cultural Exchanges: The Chinese Film Festival and Mutual Literary Reviews. Guangming Daily, p. 5.

3. Dai, Y. (2025, November 27). Unlocking new theater postures: Over 80% of surveyed youth enjoy immersive interactive performances. China Youth Daily, p. 4.

4. Fudan Development Institute. (2025). Survey report on the social mentality of Chinese youth netizens (2024). Shanghai: Fudan Development Institute.

5. Research Group of Liaoning Institute of Science and Technology. (2025). Practical research on promoting the "Double High" integration of Party building and career development in private universities.

6. Party Committee of the School of Eastern Languages. (2025). Poetic soul of Russian, literary brilliance: A record of the "Red Poetry·Endless Sound" Sino-Russian poetry recitation contest [Activity record].

7. Party Committee of Wuhan University. (2025, November 11). Building a characteristic Party building cultural IP and innovating the path of university Party building cultural construction. Hubei Daily.

8. Party Committee of Qi Lu University of Technology. (2025). Empowerment of high-quality development of university Party building through standardized construction. Branch Life, (5).

9. Xi, J. P. (2014, June 28). Important instructions on the work of the Communist Youth League of China. People's Daily.

10. Xi, J. P. (2016, December 9). Speech at the National Conference on Ideological and Political Work in Colleges and Universities. People's Daily.

11. Xi, J. P. (2019, May 1). Speech at the grand meeting celebrating the 100th anniversary of the May Fourth Movement. People's Daily.

12. Wu, J. Z. (2006). The deep influence of Russian literature on Chinese culture. Journal of Shenzhen University (Humanities & Social Sciences), (6), 14–21.

13. Shanghai Youth Research Center & Soul App. (2025). 2025 Generation Z emotional consumption report. Shanghai: Shanghai Youth Research Center.

Репрезентация традиционных духовно-нравственных ценностей в современном российском кино: барьеры восприятия и факторы коммерческого успеха

Мартемьянов Дмитрий Сергеевич,
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mds0202@inbox.ru

В статье рассмотрена проблема продвижения традиционных ценностей и проблема коммерческой окупаемости, через призму конфликта между целями создаваемого продукта. Был проведен анализ российской киноиндустрии, который показал основные проблемы как в части окупаемости фильмов, так и в части их смысловой нагрузки. При помощи метода кейс-стади были разобраны художественные картины «Нюрнберг» и «Летучий корабль». Анализ фильмов показал, что в разных жанрах присутствуют определённые проблемы, мешающие понять зрителю те смыслы, которые пытались донести авторы. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения того, как происходит репрезентация традиционных ценностей в целом в российской культурной сфере.

Ключевые слова: традиционные ценности, репрезентация ценностей, кейс-стади, проблемы коммерциализации проекта.

В результате обострившегося идейного противостояния между Россией и странами коллективного запада после начала специальной военной операции, был выработан и закреплен перечень традиционных ценностей в Указе Президента Российской Федерации № 809 [12]. После принятия этого документа одним из приоритетных направлений российской политики стало создание новой морально-ценностной рамки при помощи информационной кампании.

Данную информационную кампанию можно охарактеризовать как комплекс многоуровневых и многоаспектных мероприятий, которые охватывают все сферы жизни общества. Так, одним из основных направлений было выбрано создание различных культурно-тематических и развлекательных проектов, которые включают в себя фестивали, выставки, кинокартины, книги, театральные постановки и многое другое.

Одной из особенностей создания такого рода мероприятий является то, что эти проекты должны окупаться и приносить прибыль. Этот аспект является одним из показателей успешности проекта, так как чем больше прибыль, тем сильнее он откликнулся у людей и был ими принят. Поэтому некоторые авторы таких проектов исключительно опираются на этот показатель, при этом происходит упрощение и упущение каких-то важных деталей, которые могут играть важную роль в донесении смыслов.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что кинематограф был выбран в качестве одного из ведущих направлений по продвижению традиционных ценностей. Об этом свидетельствуют многочисленные экранизации сказок и классических художественных произведений, которые вышли за последние несколько лет. Одной из проблем, с которыми сталкиваются данные картины связана с непринятием зрителями каких-то художественных решений, что в свою очередь приводит к негативной реакции, а значит смыслы не были восприняты так, как это было нужно.

Таким образом, цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть существующее противоречие в области поиска баланса между качественной проработкой и кодировкой продвигаемых смыслов и коммерциализацией кинокартин, с акцентом на получение прибыли.

Методологическая база работы основана на использовании комбинации коммуникационного и нормативно-ценностного подходов, так как в статье напрямую рассматривается то, как происходит коммуникация между создателями картины и зрителем, а также то, какие смыслы пытались донести при помощи различных приемов.

Для достижения результата работы был использован метод кейс-стади, который позволил не только рассмотреть, в связи с чем возникла проблема, в области создания проектов, направленных на продвижение традиционных ценностей.

Эмпирическая база исследования включает в себя, в первую очередь картины, которые были выпущены на большой экран и демонстрировались в кинотеатрах. Такая выборка кинофильмов обусловлена тем, что можно при помощи открытых данных оценить такие показатели как: рейтинг картины, сборы, высказывания кинокритиков. В то же время считаем необходимым подчеркнуть, что онлайн кинотеатры не дают такого широкого представления о картинах, поэтому в рамках этой работы они не рассматривались.

Для анализа использовались фильмы из разных жанров, вышедшие в период с 2022 по 2026, такая выборка обусловлена тем, что в продукты культурной сферы стали активно внедряться способы продвижения того перечня традиционных ценностей, которые были обозначены в указе № 809, поэтому фильмы, вышедшие только в этот период, можно оценить через призму этого продвижения.

В свою очередь для анализа были выбраны два жанра – это детские сказки и исторические драмы. Такой выбор обусловлен тем, что позволяет охватить две разные целевые аудитории, для которых создается свой уникальный контент. Проанализировав два этих жанра, можно будет экстраполировать полученные результаты на весь российский кинематограф.

Для объяснения сложившейся ситуации считаем необходимым обратиться к ряду работ, которые объясняют принципы продвижения и популяризации продукта при помощи связей с общественностью, в том числе и в культурной сфере. Это необходимо для того, чтобы ра-

зобраться как вообще осуществляется процесс продвижения фильмов и на что сделать акцент при дальнейшем анализе.

Так, в работе Воблая И.Н. [3] приводится сравнение многочисленных подходов к определению связей с общественностью. На основе приведенных в ней вариантов, в этой работе будет использоваться следующий подход к определению PR как деятельность в области создания и продвижения положительного имиджа продукта, при помощи многочисленных технологий. Другими словами, говоря о сфере киноиндустрии в контексте продвижения традиционных ценностей, перед продюсерами стоит задача не только компенсировать издержки, потраченные на создание картины, но и донести смыслы, которые будут верно интерпретированы и приняты зрителем.

Как отмечено в статье Гененко О.Н. [4] то у связей с общественностью имеется около 10 основных функций, из которых вопросы получения финансово-экономической выгоды стоят только на 8-м месте. В этой же работе подмечается и то, что мало заниматься только продвижением самого продукта, важно уделять значительное внимание продвижению бренда, которому этот продукт принадлежит. С одной стороны, это значительно увеличивает экономические издержки на процессы продвижения, но в то же время в результате этого развития продукция бренда будет более узнаваема, а значит и конкурентоспособна.

В своей работе Постникова А.А. [11] в результате проведенного опроса среди людей, задействованных в области креативных индустрий, резюмирует, что в этой сфере очень важна именно узнаваемость бренда. Как подчеркивают респонденты, это помогает с большей эффективностью привлекать к себе внимание потенциального зрителя.

Про специфику продвижения кинокартин в своей статье писал Панасюра Д.С. [9], он отмечает, что работа над формированием положительного имиджа картины начинается ещё во время её производства. Как он пишет, важно создать чувство ожидания премьеры, чтобы зритель этим ожиданием делился с другими, чтобы удалось привлечь ещё больше людей к выходу будущего фильма.

Важно провести демаркацию таких понятий, как PR и Реклама, о чем подробно написано в статье Пекарская И.В. [10]. Так эти термины отличаются тем, что Реклама направлена исключительно на продажу какого-то продукта, просто с целью получить максимальную прибыль. PR же направлен больше на выстраивание долгосрочных отношений с клиентом, это более долгая и сложная работа.

Возвращаясь к особенностям связей с общественностью в области киноиндустрии, то в работе Веселова В.К. [2] описано, что для продвижения фильмов используются следующие технологии. Во-первых, это тематические мероприятия, какие-то акции, в которых люди могут познакомиться с картиной, ещё её, не посмотрев в то же время зацепив его.

Во-вторых, это системная работа со средствами массовой информации, лидерами общественного мнения, чтобы они, посмотрев картину или только какую-то её часть, привлекли свою аудиторию к этому фильму. На стыке этих двух технологий появляются специальные показы для СМИ, в рамках которых узкая аудитория полностью смотрит кино, а после делает свою рецензию в свои каналы коммуникации [1].

В-третьих, необходимо заниматься созданием целого спектра различных материалов, которые будут популяризировать среди аудитории будущий проект, например создание специализированного мерча.

В тоже время важно как-то оценивать эффективность от проведенных мероприятий, как пишет Макрдумян В.В. [6], то её можно оценивать как по степени лояльности к бренду, оценку отношения к продукту и бренду, а также через степень включенности и вовлеченности аудитории. Интересный способ предложила Гулиева А.Ш. [5], которая предлагает применять для оценки эффективности такой коэффициент, как «степень приближенности к идеалу» PRT. Ключевая его особенность является то, что он настраивается индивидуально под отдельно взятый продукт, что позволяет не только учесть основные метрики, о которых было написано выше, но и определить степень их значимости. Такой подход позволяет учитывать все особенности продвижения того или иного кинопродукта.

Это были наиболее значимые теоретические аспекты, о которых было необходимо упоминать в рамках этой части работы, касающиеся области связей с общественностью и продвижения продукта и бренда.

Теперь же перейдём непосредственно к результатам самого исследования. Так, за последние несколько лет в отечественный кинопрокат вышло большое количество разных картин, но лишь немногие картины сумели себя окупить, так в 2025 году не окупились 88% всех отечественных фильмов [15]. Это невероятно низкий результат для российского кинематографа.

Как отмечают кинокритики [17], российское кино обладает целым спектром проблем, о которых считаем необходимым рассказать ниже:

Во-первых, слабые сценарии [16], одна из самых фундаментальных ошибок, из-за которых фильм изначально создается неправильно. Они мало уделяют внимания тому, чтобы правильно преподнести те смыслы, которые лежат в идее того или иного проекта. Так если это исторический фильм, то цель показать интересно не просто историческое событие или личность, но и передать идею о том, почему и зачем эти события надо помнить. Говоря о сказках, то стоит делать акцент на простых вещах, чтобы дети могли легко понять, что хотел донести режиссёр и сценарист через те или иные образы.

Во-вторых, проблемы в области визуализации и интерпретации сценариев, в процессе подготовки к съемкам фильма происходит колоссальная работа по подбору костюмов, созданию декораций, выбор локаций для сцен. Но многие члены команды не уделяют должного внимания тому, чтобы разобраться и ознакомиться детальнее с проектом, такое отношение происходит в силу разных обстоятельств, но оно приводит к таким случаям, как это было с фильмом «Бременские музыканты», в котором у зрителя случилось неприятие костюмов, которые были созданы для героев-животных [7].

В-третьих, слабое PR-продвижение проектов, многие из фильмов по мнению экспертов [13], провалились в прокате именно по причине того, что недополучили информационной поддержки. Одним из таких неудачных рекламных продвижений случилось с картиной «Роднина», она получила довольно высокие оценки от критиков, но люди на этот фильм не пришли, так как не имели представления о его существовании.

В-четвертых, неудачные даты по выбору выпуска фильмов, как известно, необходимо учитывать то, в какой период года выходит кинокартина, так как от этого зависит, выберут ли люди вообще пойти в кино в тот или иной период. Так, менее выгодно выпускать фильмы в августе [14] по причине того, что люди проводят в основном время на свежем воздухе, а также отвлекаются на какие-то другие жизненные обстоятельства, связанные с учебой и работой.

Выше было представлена ситуация, связанная в области коммерческой части создания российских фильмов. Теперь же обратимся к некоторым примерам того, как продвигаются ценности в разных жанрах. В интересах достижения цели и решения исследовательских задач для дальнейшего подробного анализа были выбраны фильмы «Летучий корабль» и «Нюрнберг». Выбор этих картин обоснован тем, что представляют те жанры, о которых писалось в начале работы, а именно сказки и исторические драмы. Также эти фильмы были полностью сняты уже после публикации указа № 809, поэтому их можно оценивать через призму репрезентации традиционных ценностей. Так начнем с разбора фильма «Летучий корабль», который вышел в 2024 году.

Основная идея этой сказки, в новой её интерпретации, заключается в том, что при огромном желании и стремлении можно сделать невозможное, в том числе и построить невероятный летучий корабль. Этот фильм старается научить зрителя, что надо помогать другим, тогда добро к тебе вернется. Не упустили и важность работы в команде, только вместе герои смогли победить общего врага.

Но фильм не был тепло принят публикой. Во-первых, костюмы персонажей были неединными, то есть какие-то сделали при помощи графики, какие-то были работой костюмеров, это привело к тому, что возник диссонанс на экране и возникли трудности в понимании вообще всего происходящего на экране. Во-вторых, сильное отхождение от классического сюжета обусловило изначальное негативное ожидание от предстоящего фильма. Это выстроило ещё один уровень «помех», которые не позволили оказать нужное влияние на людей. В-третьих, в фильме явно не хватает сюжетных поворотов, которые бы показали важные традиционные ценности. Так в картине не хватает отражения ценностей патриотизма и любви к Родине, по причине того, что главный герой является матросом, и этот человек привык путешествовать, и в конце фильма сложилось ощущение, что, забрав принцессу, он уже в эту страну не вернется.

Перейдем к рассмотрению картины из другого жанра, исторической драмы, а именно «Нюрнберг», который вышел в 2023 году. Этот фильм посвящён рассказу о событиях, связанных с судом над высшими нацистскими преступниками против человечности. Основная проблема этой картины заключается в том, что была произведена попытка и рассказать об этом суде, и тех вещах, которые там поднимались, и показать судьбы обычных людей, которые складывались самым разным способом вокруг этого процесса. Такое смешение привело к тому, что те важные моменты, которые были на том суде просто потерялись в этой картине, они стали походить больше на информационные вставки, чем на то, на что стоит обратить внимание зрителю. Поэтому в результате фильм не смог в полной мере продвинуть ценность исторической памяти. Создатели старались сделать повествование динамичным, но по итогу не смогли ни донести ценности правильно,

но и не сумели привлечь зрителей, даже с точки зрения общих впечатлений о фильме.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что наблюдаются проблемы как в области кодирования смыслов в картинах, так и в аспектах, связанных с полноценной окупаемостью проектов. Ниже представлены рекомендации, которые должны помочь преодолеть выявленный кризис.

Первая и самая главная заключается в том, чтобы перед началом работы над картиной определить – это должен быть коммерчески успешный проект, или главная ценность такого фильма будет в его смысловых характеристиках. Такой подход в корне изменит съемочный процесс и позволит получать такой продукт, который точно соответствует поставленной цели.

Вторая состоит в том, чтобы продолжить практику применения ограничений кинопоказа иностранных картин в периоды, когда у россиян наибольшие праздники, а именно новогодние каникулы и майские праздники. Предлагаем распространить эту практику на даты за неделю до дня России в июне, на неделю до Дня народного единства. Это поможет создать больше так называемых слотов, в которые могут быть выпущены различные картины и при этом иметь значительно меньшую конкурентную среду.

Третья рекомендация основана на усилении информационного продвижения, в качестве основных направлений должны быть использованы те, о которых написано выше, но добавим, что интерес к выходу фильма необходимо подогревать как можно раньше.

Четвертая рекомендация состоит в том, чтобы работать в целом над брендом российского кино, это будет возможно только когда начнут выходить действительно качественные картины, в которых сильный сценарий, и отражены ценности, понятные и близкие для большей части общества.

Пятая рекомендация заключается в том, что при выборе жанра фильма надо четко определять, какие ценности будут продвигаться, а значит сделать акцент именно на них, чтобы зритель точно смог понять, что хотели до него донести создатели картины.

Так, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в российском кинематографе сложился серьёзный кризис, который привел не только к тому, что фильмы не окупаются, но и они довольно низкого качества. В ходе анализа были определены четыре основные проблемы, которые охватывают весь процесс создания картины, от написания сценария, до выбора путей дальнейшего его продвижения, а также были разобраны некоторые фильмы, которые показали проблемы в области продвижения традиционных ценностей. Были даны комплексные рекомендации, направленные на преодоление выявленных негативных эффектов.

Изучение процессов продвижения в отечественном кинематографе имеет широкий потенциал, как в области сравнения с тем, как это происходило в советском кино, так и сравнение ценностей, которые продвигаются различными жанрами. Так объектами анализа могут стать комедийные фильмы или боевики.

Литература

1. Бодункова Е.В. Современные технологии продвижения //Инновационные технологии в кинематографе и образовании. III Международная научно-практическая конференция. Москва, 28–30 сентября 2016 года. – ЛитРес, 2018. – С. 189.

2. Веселова В.К. Российское кино: современные инструменты международного продвижения //Россия: общество, политика, история. – 2022. – № . 1 (1). – С. 91–102.

3. Воблая И. Н., Стрижак М.С., Сейфиева Е.Н. Технологии в PR-стратегии: понятие, управление, интеграция //Вестник экономики, права и социологии. – 2025. – № . 4. – С. 401–406.

4. Гененко О. Н., Зенин С.Н., Миронова М.В. Теоретические основы и продвижение связей с общественностью в сфере культуры //Миссия конфессий. – 2022. – Т. 11. – № . 65. – С. 101–108.

5. Гулиева А. Ш., Минаева Н.В., Моховиков И.С. Оценка эффективности PR-кампании //Столыпинский вестник. – 2022. – Т. 4. – № . 5. – С. 2894–2900.

6. Макрдумян В. В., Герейханова И.А. Проблемы эффективности PR //Москва. – 2026. – Т. 2. – С. 159–165.

7. Мартемьянов Д.С. Особенности репрезентации традиционных ценностей в современных экранизациях сказок // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 9. – С. 33–35.

8. Мухина А.А. Эффективная коммуникационная стратегия PR: формирование имиджа и деловой репутации организации //Коммуникология: электронный научный журнал. – 2022. – Т. 7. – № . 1. – С. 40–49.

9. Панасюра Д. С. PR-продвижение отечественной кинопродукции //Экранные искусства в ракурсе современной культуры. – 2025. – Т. 2. – С. 324–329.

10. Пекарская И. В., Шпомер Е.А. «Реклама» и «Паблик рилейшнз»: сходства и отличия //Вестник Хакасского государственного университета им. НФ Катанова. – 2023. – № . 1 (43). – С. 15–25.

11. Постникова А.А. Продвижение креативных брендов: эмпирический анализ PR-практик в культурных индустриях России //Управление культурой. – 2025. – Т. 4. – № . 1. – С. 86–92.

12. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 № 809 // Российская газета. – 2022.

13. 5 самых убыточных российских фильмов 2025 года: в них вложили миллиарды из бюджета, а они с треском провалились // Киноафиша [Электронный ресурс]. – URL: https://kz.kinoafisha.info/news/tolko-5-filmov-dobilis-uspeha-epichnyy-proval – eti-kinoproekty-ne-okupilis-s-gosudarstvennoy-podderzhkoy-v-2025-godu/ (дата обращения: 15.05.2025).

14. Битва за слоты: как выбор релизной даты помогает фильмам зарабатывать // FILM.ru [Электронный ресурс]. – URL: https://www.film.ru/articles/kinoslovar-reliznye-daty (дата обращения: 15.05.2025).

15. В 2025 году не окупились 88% фильмов с государственной поддержкой // Газета.ru [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/03/17/28071157.shtml (дата обращения: 15.05.2025).

16. Давай лучше дома: как российские фильмы проваливаются в прокате и почему // Фонтанка.Ру [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fontanka.ru/2025/05/12/75446327/ (дата обращения: 15.05.2025).

17. Самые убыточные фильмы России в 2025 году // Cinemaplex [Электронный ресурс]. – URL: https://cinemaplex.ru/2026/01/12/samye-ubytochnye-filmy-rossii-v-2025-godu.html (дата обращения: 15.05.2025).

REPRESENTATION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN MODERN RUSSIAN CINEMA: BARRIERS TO PERCEPTION AND FACTORS OF COMMERCIAL SUCCESS

Martemyanov D.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the problem of promoting traditional values and the problem of commercial payback through the prism of the conflict between the goals of the product being created. An analysis of the Russian film industry was conducted, which showed the main problems both in terms of the payback of films and in terms of their semantic load. The art paintings «Nuremberg» and «Flying Ship» were dismantled using the case study method. An analysis of the films showed that there are certain problems in different genres that make it difficult for the viewer to understand the meanings that the authors were trying to convey. The results of the study can be used to further explore how traditional values are represented in general in the Russian cultural sphere.

Keywords: traditional values, representations of value, case studies, problems of project commercialization.

References

1. Bodunkova E.V. Modern promotion technologies //Innovative technologies in cinematography and education. III International Scientific and Practical Conference. Moscow, September 28–30, 2016. – LitRes, 2018. p. 189.

2. Veselova V.K. Russian cinema: modern tools of international promotion //Russia: society, politics, history. – 2022. – № . 1 (1). – Pp. 91–102.

3. Voblaya I.N., Strizhak M.S., Seifieva E.N. Technologies in PR strategy: concept, management, integration //Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2025. – № 4. – Pp. 401–406.

4. Genenko O.N., Zenin S.N., Mironova M.V. Theoretical foundations and promotion of public relations in the field of culture //The mission of the faiths. – 2022. – Vol. 11. – № 65. – Pp. 101–108.

5. Guliyeva A. Sh., Minaeva N.V., Mokhovikov I.S. Evaluation of the effectiveness of the PR campaign //Stolypinsky Bulletin. – 2022. – Vol. 4. – № 5. – Pp. 2894–2900.

6. Makrdumyan V.V., Gereikhanova I.A. Problems of PR effectiveness //Moscow. – 2026. – Vol. 2. – Pp. 159–165.

7. Martemyanov D.S. Features of the representation of traditional values in modern adaptations of fairy tales // Socio-humanitarian knowledge. – 2025. – № 9. – Pp. 33–35.

8. Mukhina A.A. Effective communication strategy of PR: formation of the image and business reputation of the organization //Kommunikologiya: electronic scientific journal. – 2022. – Vol. 7. – № 1. – Pp. 40–49.

9. Panasyura D.S. PR-promotion of domestic film production //Screen arts from the perspective of modern culture. – 2025. – Vol. 2. – Pp. 324–329.

10. Pekarskaya I.V., Shpomer E.A. «Advertising» and «Public relations»: similarities and differences //Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanov. – 2023. – № . 1 (43). – Pp. 15–25.

11. Postnikova A.A. Promotion of creative brands: an empirical analysis of PR practices in the cultural industries of Russia //Cultural management. – 2025. – Vol. 4. – № 1. – Pp. 86–92.

12. Decree of the President of the Russian Federation «On approval of the Foundations of State policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» dated 11/09/2022 № 809 // Rossiyskaya gazeta. – 2022.

13. The 5 most unprofitable Russian films of 2025: billions were invested in them from the budget, but they failed miserably // Kinoafisha [Electronic resource]. – URL: https://kz.kinoafisha.info/news/tolko-5-filmov-dobilis-uspeha-epichnyy-proval – eti-kinoproekty-ne-okupilis-s-gosudarstvennoy-podderzhkoy-v-2025-godu / (date of access: 05/15/2025).

14. The battle for slots: how choosing a release date helps films earn money // FILM.ru [Electronic resource]. – URL: https://www.film.ru/articles/kinoslovar-reliznye-daty (date of request: 05/15/2025).

15. In 2025, 88% of films with state support did not pay off // Газета.ру [Electronic resource]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/03/17/28071157.shtml (date of application: 05/15/2025).

16. Let's do better at home: how Russian films fail at the box office and why // Fontanka.ru [Electronic resource]. – URL: https://www.fontanka.ru/2025/05/12/75446327 / (accessed: 05/15/2025).

17. Russia's most unprofitable films in 2025 // Cinemaplex [Electronic resource]. – URL: https://cinemaplex.ru/2026/01/12/samye-ubytochnye-filmy-rossii-v-2025-godu.html (date of request: 05/15/2025).

Стратегические подходы и образовательные программы национальных антидопинговых агентств Азербайджана и России

Мехдиев Самир Мехди,
Академия Спорта Азербайджана
E-mail: samirmekhtiyev@gmail.com

Страны, спортсмены, команды, клубы и спортивные организации ведут глобальную борьбу за медали, а роль антидопинговых организаций заключается в обеспечении беспристрастности, объективности и прозрачности в защите ценностей и духа спорта.

Главными столпами антидопинговой системы являются общественные ценности, такие как здоровье, честность и равенство. Сегодня мировое сообщество дополняет их инновациями и социальной ответственностью, чтобы решить глобальную проблему допинга и соответствовать международным обязательствам, касающимся различных этических аспектов, таких как равные права, образование, гендерный баланс, безопасность, справедливость, благополучие и здоровье.

Статья посвящена изучению соответствия стандартам и нормам глобальной антидопинговой системы на примере Национального антидопингового агентства Азербайджана (АМАДА) и Российского антидопингового агентства (РУСАДА). Описаны основные шаги, предпринятые АМАДА и РУСАДА для развития чистого спорта и совершенствования антидопингового законодательства; проведен сравнительный анализ ключевых этапов, программных документов и мониторинговых визитов международных организаций, направленных на проверку соответствия деятельности АМАДА и РУСАДА глобальным стандартам, нормам и практике. Учитывая важность и актуальность защиты и поддержания высоких этических стандартов поведения спортсменов, в статье отмечается необходимость дальнейшего совершенствования функционирования антидопинговой системы и ее соответствия современным глобальным вызовам.

Ключевые слова: ВАДА, АМАДА, РУСАДА, соответствие, антидопинг, конвенция, законодательство, образование

Введение

В качестве национальных антидопинговых организаций (НАДО), действующих в рамках Всемирного антидопингового кодекса, Национальное антидопинговое агентство Азербайджана (АМАДА) и Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) разрабатывают и реализуют антидопинговые программы, а также координируют борьбу с допингом в спорте в Азербайджане и России. АМАДА и РУСАДА осуществляют свою деятельность прозрачно и в строгом соответствии со Всемирным антидопинговым кодексом и международными стандартами. Кроме того, АМАДА, как государственный орган, обеспечивает соблюдение Азербайджаном Международной конвенции ЮНЕСКО против допинга в спорте и Антидопинговой конвенции Совета Европы.

Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) является основным национальным органом, обладающим необходимыми полномочиями для борьбы с допингом в России. Агентство было отстранено Всемирным антидопинговым агентством (ВАДА) в ноябре 2015 года, а аккредитация Московской антидопинговой лаборатории – отозвана. С тех пор ВАДА также отозвало аккредитацию у 13 национальных антидопинговых организаций за несоблюдение положений Всемирного антидопингового кодекса. РУСАДА была отстранена по рекомендации Независимой комиссии, созданной ВАДА для расследования деятельности Российской Федерации. Отстранение РУСАДА и Московской антидопинговой лаборатории привело к подписанию соглашения о сотрудничестве между РУСАДА, ВАДА и Британским антидопинговым агентством (UKAD), предусматривающего предоставление консультационных услуг и координацию планирования антидопинговых проверок.

Цель данной статьи – провести сравнительный анализ шагов, предпринятых АМАДА и РУСАДА для обеспечения соответствия международному антидопинговому законодательству.

Материалы и методы

Статья основана на официальных публикациях и отчетах ВАДА, ЮНЕСКО, Совета Европы, законодательстве Азербайджанской Республики и Российской Федерации, ежегодных отчетах о деятельности АМАДА, РУСАДА и других источниках. В статье используются как теоретико-логические, так и эмпирико-исторические методы исследования.

Обсуждение

АМАДА: Этапы развития Национального допингового агентства (НАДО)

Правовой основой антидопинговой системы в Азербайджанской Республике является Закон № 447-ВК от 29 ноября 2016 г. «О борьбе с применением допинговых веществ и методов в спорте» [1], который был подписан и введен в действие Указом Президента Азербайджанской Республики от 14 декабря 2016 г. [2].

АМАДА – независимое учреждение, ответственное за борьбу с допингом в спорте в Азербайджане, созданное в соответствии с Законом Азербайджанской Республики «О борьбе с применением допинговых веществ и методов в спорте» и Указом Президента Азербайджанской Республики о его реализации [3]. Агентство является публичным юридическим лицом, зарегистрированным в Министерстве налогов. В его структуру входят Наблюдательный совет и оперативный орган.

2017 год стал первым годом работы АМАДА [4]. Агентство было создано в период, когда требования Всемирного антидопингового кодекса не соблюдались в полной мере. Тем не менее Агентство обладало собственными планами, решимостью и твердой уверенностью в возможности создания в стране прозрачной, эффективной и независимой антидопинговой системы.

2017 год также стал переходным этапом. На протяжении многих лет в Азербайджане наблюдался недостаток лидерства и экспертных знаний в области антидопинга. Первая половина 2017 года была насыщена рабочими встречами, направленными на наращивание потенциала. Эти инициативы реализовывались в сотрудничестве с ВАДА и Польским антидопинговым агентством (ПОЛАДА); всего в течение 2017 года было проведено девять рабочих встреч, ориентированных на развитие организации. Постоянная поддержка и сотрудничество ВАДА и ПОЛА-

ДА имели большое значение для АМАДА в процессе организационного становления и наращивания потенциала. Однако даже при поддержке ВАДА и ПОЛАДА этот процесс оказался непростой задачей.

Указанные мероприятия проводились в соответствии с амбициозным планом, согласованным обеими организациями и утвержденным ВАДА. Согласно данному плану предполагалось, что АМАДА достигнет полной операционной готовности по всем направлениям деятельности к январю 2018 года. Следует отметить, что в соответствии со Стратегией программы ВАДА по НАДО на 2021–2025 годы одной из ключевых целей является «повышение антидопинговой экспертизы НАДО и содействие их развитию посредством запланированной программы обучения и повышения квалификации» [5].

В течение 2017–2022 годов АМАДА выстроила открытую и надежную систему взаимодействия с государственными учреждениями и общественностью в соответствии со своими обязательствами. Оперативная деятельность АМАДА независима от Наблюдательного совета, государственных органов и спортивных организаций. Особое внимание Агентство уделяет обеспечению отсутствия конфликтов интересов. АМАДА является организацией, не относящейся к государственным или муниципальным органам, и осуществляет деятельность национального и (или) общественного значения, созданную от имени государства, муниципалитета или государственного юридического лица [4].

В соответствии со своим статусом АМАДА применяет инновационный подход к управлению, сочетающий преимущества как государственных, так и частных юридических организаций. Цель данного подхода заключается в создании организации, открытой для инноваций, предсказуемой, гибкой, ориентированной на общество и эффективной, с акцентом на справедливость, независимость, верховенство права и интересы государства. Инновационный подход АМАДА к предоставлению государственных услуг объединяет качество государственных услуг, социальную сплоченность и охрану окружающей среды, одновременно повышая эффективность деятельности за счет использования моделей управления частного сектора. Цель состоит в формировании организации будущего – создании структуры, способной обеспечивать высокую производительность, адаптивность и привлечение квалифицированных сотрудников.

Так, в последние годы повышение квалификации новых сотрудников АМАДА осуществлялось посредством различных механизмов, включая партнерство и сотрудничество, международную деятельность (обучение, семинары и мастер-классы), развитие новых навыков через курсы и сертификацию, а также обучение непосредственно в процессе работы [5].

Согласно годовым отчетам, в 2017 году АМАДА провела в общей сложности 694 теста, в 2018 году – 913 тестов, а в 2019 году – 1933 теста. В связи с глобальной пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 в 2020 году было проведено 1046 тестов [7]. Если в 2017 году в АМАДА работало всего семь сотрудников, то к 2022 году их число увеличилось до 35 человек, распределенных по семи отделам: тестирования, разведки и расследований, юридическому, образовательному, научному, информационных технологий, а также финансов и управления персоналом.

РУСАДА: Направления деятельности

Российское антидопинговое агентство «РУСАДА» – национальная антидопинговая организация Российской Федерации. РУСАДА реализует национальную антидопинговую программу и в своей деятельности руководствуется принципами и ценностями Всемирного антидопингового кодекса и Всемирной антидопинговой программы. Миссия РУСАДА заключается в защите фундаментального права спортсменов на участие в соревнованиях, свободных от допинга [8].

Агентство действует в рамках Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», Российского антидопингового регламента и Устава РУСАДА.

В декабре 2022 года Спортивный арбитражный суд (CAC) постановил, что РУСАДА не соблюдала положения Кодекса, а ограничения, наложенные на участие российских спортсменов и официальных лиц в международных соревнованиях в соответствии с данным решением, были сняты. Все последствия решения были приостановлены. Однако статус соответствия РУСАДА не был восстановлен из-за «критического» нарушения, выявленного в ходе аудита, проведенного ВАДА; данное нарушение касалось применения положений Кодекса в национальном законодательстве [9].

Вопрос о восстановлении соответствия РУСАДА Кодексу продолжал обсуждаться на протяжении всего 2023 года. Агентство представило свою позицию, задействовав все меры, доступные антидопинговым организациям в соответствии с Кодексом и Международным стандартом по соответствию подписантов Кодекса. В то же время оперативная деятельность РУСАДА продолжалась в полном объеме по всем ключевым направлениям, включая как превентивные, так и правоприменительные меры. К ним относятся [10]:

- образовательные программы, кампании по повышению осведомленности общественности и продвижению ценностей здорового и справедливого спорта;
- мероприятия по допинг-контролю, включая планирование допинг-тестирования, сбор проб и обработку заявок на получение разрешений на терапевтическое использование (TUE);
- расследование потенциальных нарушений антидопинговых правил и управление последствиями таких нарушений;
- независимое принятие решений Дисциплинарным антидопинговым комитетом;
- научное сотрудничество и участие в разработке правовой и нормативной базы, регулирующей антидопинговую деятельность в Российской Федерации;
- международное сотрудничество.

Стратегический подход АМАДА и интеграция устойчивого развития

При создании АМАДА был разработан четырехлетний Стратегический план устойчивого развития (СПУР), связанный с Целями устойчивого развития ООН (ЦУР). Повестка дня ООН на период до 2030 года представляет собой призыв к действию для людей, организаций, государств и всех заинтересованных сторон, направленный на совместную реализацию данного плана. Это одна из крупнейших глобальных задач современности, и АМАДА приняла решение участвовать в ее решении. Приверженность принципам устойчивого развития была заложена в стратегию АМАДА, ее основные функции и нашла отражение в методах работы, коммуникации и предоставления услуг Агентства.

СПУР АМАДА представлял собой подход к управлению качеством, ориентированный на устойчивое развитие. В центре внимания находились пять ключевых направлений и 11 из 17 Целей устойчивого развития (ЦУР), в рамках которых Агентство могло внести наибольший вклад в решение глобальных проблем, а также в повышение социальной, экологической и организационной эффективности. Общая концепция АМАДА в отношении ЦУР демонстрирует значительные достижения за относительно короткий период времени [5]. Таким образом, стратегический подход АМАДА основан на инновационности, гибкости, инклюзивности, коллективной ответственности и прозрачности.

Международная деятельность РУСАДА и ее роль в антидопинговой политике

Международная антидопинговая деятельность Российской Федерации составляет значимую часть развития общей антидопинговой политики. Международное сотрудничество РУСАДА динамично развивается с момента ее создания в 2008 году.

До признания РУСАДА не соответствующей Кодексу ВАДА Агентство проводило тестирование от имени международных федераций и других антидопинговых организаций по всему миру. РУСАДА также сотрудничала с международными федерациями в рамках международных спортивных мероприятий, проводимых в России, выступая органом, ответственным за сбор проб на данных мероприятиях [11].

РУСАДА прилагает значительные усилия для развития международного сотрудничества в области профилактики антидопинговых нарушений. С этой целью Агентство организует совместные образовательные программы с международными федерациями и активно участвует в разработке информационных и образовательных материалов на международном уровне. Так, по запросу ВАДА РУСАДА подготовила перевод интерфейса системы ADAMS на русский язык, а также обновленную русскоязычную версию материалов.

По инициативе РУСАДА ряд ключевых российских антидопинговых нормативных актов был переведен на английский язык, что обеспечило их доступность для международных спортивных организаций и спортсменов.

РУСАДА также предприняла ряд мер по развитию профессионального взаимодействия с зарубежными НАДО. Так, в 2012 году началось тесное сотрудничество с Национальной антидопинговой организацией Армении. РУСАДА провела обучающие семинары для армянских коллег, посвященные разработке и внедрению эффективной антидопинговой программы.

С 2009 года одним из стратегических партнеров РУСАДА является Норвежское антидопинговое агентство (ADN). В 2009–2011 годах РУСАДА совместно с ADN разработала комплексную антидопинговую программу, охватывающую основные направления деятельности

Агентства. Кроме того, РУСАДА активно сотрудничает с болгарским НАДО. В последние годы РУСАДА также начала взаимодействие с Финским антидопинговым агентством в сфере подготовки сотрудников антидопинговых служб.

Важной частью международного сотрудничества РУСАДА является взаимодействие с ВАДА и Международным олимпийским комитетом (МОК). В 2013 году РУСАДА присоединилась к ИНАДО. В настоящее время Российская Федерация является стороной ряда двусторонних соглашений с другими государствами, охватывающих, помимо прочего, вопросы спорта, включая антидопинговую деятельность [12].

Программы РУСАДА по антидопинговому образованию и повышению осведомленности

Российские спортивные учреждения и организации достаточно активно участвуют в мероприятиях по антидопинговому образованию. РУСАДА играет ведущую роль в разработке, координации и реализации программ антидопингового образования. РМС, МОК, РПК, НФС выступают в качестве вспомогательных коммуникационных платформ для реализации программ РУСАДА. В соответствии со статьей 19.1 Российских антидопинговых правил РУСАДА отвечает за планирование, реализацию, оценку и мониторинг национальных программ антидопингового образования и информационных кампаний [13].

РУСАДА организует семинары и конференции для спортсменов и вспомогательного персонала спортсменов. Образовательные программы затрагивают следующие вопросы:

- вещества и методы, включенные в Запрещенный список ВАДА;
- нарушения антидопинговых правил;
- последствия злоупотребления допингом, включая санкции, возможный личный вред и социальные последствия;
- процедуры допинг-контроля;
- индивидуальные права и обязанности спортсменов и персонала;
- риски допингового загрязнения, связанные с употреблением НПВП;
- вред, который допинг наносит духу спорта;
- правила предоставления информации о местонахождении спортсмена.

Информационно-просветительские программы РУСАДА направлены на предотвращение допинга в спорте и ориентированы на спортсменов, спортивных врачей, тренеров, персонал поддержки спортсменов, родителей юных спортсменов и журналистов. Главная цель программ – повышение осведомленности спортсменов и персонала о борьбе с допингом и мерах, принимаемых для предотвращения допинга среди молодежи [14].

Существуют примеры успешных антидопинговых программ в прошлом. Так, с 2011 по 2015 год РУСАДА и Континентальная хоккейная лига России (КХЛ) реализовали масштабный антидопинговый проект «Чистый лед», в рамках которого известные хоккеисты участвовали в продвижении принципов чистого спорта. В Москве также действовала собственная антидопинговая программа, направленная на продвижение чистого спорта. К сожалению, несмотря на то что это были примеры успешных инициатив, обе программы были впоследствии закрыты по неизвестным причинам.

РУСАДА признает ведущую роль ВАДА в установлении единых стандартов и координации глобального антидопингового движения. Информационно-просветительские программы РУСАДА по предотвращению допинга в спорте разрабатываются в соответствии с положениями Конвенции, Кодекса ВАДА, Российских антидопинговых правил и других международных стандартов организации антидопингового образования.

В 2017 году Департамент образовательных программ РУСАДА провел 26 мероприятий, в том числе 11 семинаров для спортсменов и вспомогательного персонала по антидопинговым правилам, ответственности за нарушения, процедуре допинг-контроля и работе с системой ADAMS.

Было проведено четыре семинара для спортсменов и вспомогательного персонала паралимпийских видов спорта. Сотрудники Департамента образовательных программ приняли участие в трех конференциях, посвященных информированию о нарушениях антидопинговых правил. В сотрудничестве с РСМС РУСАДА организовала два учебных курса для региональных сотрудников, ответственных за антидопинговое обеспечение в России. Подобные семинары были ориентированы на руководителей региональных спортивных организаций и проводились в трех городах России, объединяя представителей соседних регионов. Кроме того, открытые уроки по спортивным ценностям проводились в двух школах (общеобразовательной и спортивной). Несмотря на значительный прогресс в развитии программ антидопингового просвещения, можно выделить ряд направлений для совершенствования.

Основные выявленные недостатки следующие [15]:

- в настоящее время РУСАДА не располагает достаточным количеством персонала для реализации образовательных программ во всех регионах России;
- образовательные программы РУСАДА основаны на единой модели обучения и не предусматривают обратной связи относительно эффективности обучения;
- существующим образовательным программам часто не хватает персонализированной адаптации для целевой аудитории;
- цифровая коммуникационная деятельность РУСАДА ограничивается публикацией видеопрезентаций и лекций на официальном сайте и YouTube-канале;
- отсутствуют эффективные механизмы оценки результатов антидопингового просвещения среди спортсменов и вспомогательного персонала;
- существующие образовательные программы часто разрабатываются в краткосрочной перспективе, что ограничивает их долгосрочное воздействие.

Для решения указанных проблем могут быть предложены следующие меры:

- региональные отделения национальных спортивных федераций должны более активно участвовать в реализации антидопинговых образовательных и информационных программ РУСАДА в своих регионах; например, они могли бы проводить дополнительные обязательные образовательные мероприятия;
- рекомендуется проводить специальные образовательные программы для родителей юных спортсменов, направленные на информирование о негативном влиянии допинга на здоровье детей и обучение распознаванию признаков допингового поведения; такие программы также должны разъяснять и популяризировать концепцию «информатора»; антидопинговое просвещение родителей может способствовать более эффективной борьбе с лицами, вовлекающими спортсменов в употребление допинга;
- антидопинговые образовательные программы должны разрабатываться с учетом долгосрочной перспективы для повышения их эффективности;
- по мнению национальных консультантов, РУСАДА и другим спортивным организациям необходимо повысить активность в социальных сетях, которая в настоящее время остается низкой; это особенно важно для взаимодействия с молодыми спортсменами, их родителями и вспомогательным персоналом; также было бы целесообразно разработать ВАДА специальные стандарты и рекомендации по коммуникации в социальных сетях для национальных антидопинговых организаций;
- возможно привлечение известных российских спортсменов и тренеров к программам антидопингового просвещения, что могло бы способствовать лучшему усвоению ценностей чистого спорта молодыми спортсменами.

Заключение

Сегодня АМАДА – независимое агентство, уполномоченное принимать беспристрастные решения для обеспечения чистоты спорта и защиты прав чистых спортсменов. Однако масштабы проблемы соблюдения норм, с которой сталкивается Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА), неоднократно подчеркивались рядом допинговых скандалов в различных видах спорта и странах мира. Это подтверждает неизменную актуальность и важность принятия необходимых мер по борьбе с незаконной деятельностью в сфере профессионального спорта.

В настоящее время АМАДА работает по двум основным направлениям:

- дальнейшая работа по принятию азербайджанскими властями комплексных законодательных мер по предотвращению оборота допинговых веществ;
- содействие и финансирование антидопинговых исследований академическими и иными заинтересованными учреждениями страны, а также координация антидопинговых исследований на национальном уровне.

Кроме того, АМАДА обновляет и расширяет свою приверженность развитию, соответствующему самым высоким стандартам устойчивого развития и соблюдения норм, объединяя Цели устойчивого развития ООН и национальные приоритеты, а также предыдущий опыт в основе новой, еще более амбициозной стратегии на ближайшие пять лет.

В настоящее время РУСАДА реорганизуется в соответствии с требованиями ВАДА. Все сферы деятельности РУСАДА находятся под наблюдением двух независимых международных экспертов, назначенных ВАДА.

• В настоящее время реализуется «дорожная карта» ВАДА по восстановлению соответствия РУСАДА.

• В соответствии с требованиями ВАДА РУСАДА изменила состав заинтересованных сторон и Наблюдательного совета. РСМ (Региональное управление по борьбе с допингом) исключено из числа заинтересованных сторон и Совета РУСАДА. В настоящее время у РУСАДА осталось только две заинтересованные стороны – РК и РПК (Региональный комитет по борьбе с допингом).

РУСАДА, РСМ, РК и РПК реализуют ряд новых образовательных программ, семинаров и тренингов в области антидопинговой деятельности. РСМ и РУСАДА выделяют дополнительные ресурсы для финансирования таких образовательных программ.

Литература

1. “İdmanda dopinq vasitələrindən və üsullarından istifadəyə qarşı mübarizə haqqında” Azərbaycan Respublikasinin Qanunu [Электронный ресурс] // E-qanun.az. – 2026. – URL: https://e-qanun.az/framework/34359 (дата обращения: 30.01.2026).

2. Legislation [Электронный ресурс] // AMADA. – 2026. – URL: https://www.amada.az/en/legal/legislation (дата обращения: 30.01.2026).

3. “İdmanda dopinq vasitələrindən və üsullarından istifadəyə qarşı mübarizə haqqında” Azərbaycan Respublikasının 2016-cı il 29 noyabr tarixli 447-VQ nömrəli Qanununun tətbiqi barədə Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı [Электронный ресурс] // President.az. – 2026. – URL: https://president.az/az/articles/view/22056 (дата обращения: 30.01.2026).

4. Annual Report [Электронный ресурс] // AMADA. – 2026. – URL: https://amada.az/site/assets/files/1956/AMADA_2017_english-1.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

5. Antidopinq Qaydaları [Электронный ресурс] // Azərbaycan Milli Antidopinq Agentliyi (AMADA). – 2026. – URL: https://www.amada.az/legal/antidopinq-qaydalari/ (дата обращения: 30.01.2026).

6. Fərqli 2020 [Электронный ресурс] // AMADA. – 2020. – URL: https://amada.az/site/assets/files/1956/ar_2020_az.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

7. Annual Report 2020 [Электронный ресурс] // Azerbaijan National Anti-Doping Agency. – 2020. – URL: https://www.amada.az/site/assets/files/1956/ar_2020_en.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

8. About RUSADA [Электронный ресурс] // Russian Anti-Doping Agency (RUSADA). – 2026. – URL: https://www.rusada.ru/en/about (дата обращения: 30.01.2026).

9. Decision regarding the compliance of RUSADA with the World Anti-Doping Code [Электронный ресурс] // Court of Arbitration for Sport (CAS). – 2022. – URL: https://www.tas-cas.org (дата обращения: 21.05.2026).

10. Compliance restoration and operational activities of the Russian Anti-Doping Agency [Электронный ресурс] // RUSADA. – 2023. – URL: https://www.rusada.ru (дата обращения: 21.05.2026).

11. Безуглов Э.Н. Антидопинговое обеспечение в российском футболе / Э.Н. Безуглов, М.А. Пахноцкая, Е.Е. Ачкасов. – Москва: [б.и.], 2021. – 53 с.

12. Андриянова Е.Ю. Основы антидопингового обеспечения / Е.Ю. Андриянова. – Великие Луки: [б.и.], 2021. – 71 с.

13. О RUSADA [Электронный ресурс] // Российское антидопинговое агентство (RUSADA). – 2026. – URL: https://rusada.ru/about/ (дата обращения: 21.05.2026).

14. Допинг контроль [Электронный ресурс] // Российское антидопинговое агентство (RUSADA). – 2026. – URL: https://rusada.ru/doping-control/ (дата обращения: 21.05.2026).

15. Абсалямов Т.М. Борьба с допингом в Российской Федерации / Т.М. Абсалямов // Вестник спортивной науки. – 2024. – № 1 (3). – С. 45–49.

STRATEGIC APPROACHES AND EDUCATIONAL PROGRAMS OF THE NATIONAL ANTI-DOPING AGENCIES OF AZERBAIJAN AND RUSSIA

Mehdiyev Samir Mehdi
Azerbaijan Sports Academy

Countries, athletes, teams, clubs and sports organizations are in a global struggle for medals, and the role of anti-doping organizations is to provide impartial objectivity and transparency in protecting the values and spirit of sport.

The main pillars of the anti-doping system are public values such as health, integrity and equality, and today the world community complements them with innovations and social responsibility in order to address the global public issue of doping and remain in line with global obligations related to different ethical aspects such as equal rights, education, gender balance, security, justice, welfare, good health, etc.

The article is devoted to the study of compliance with the standards and norms of the global anti-doping system on the example of the Azerbaijan National Anti-Doping Agency (AMADA) and the Russian Anti-Doping Agency (RUSADA). Here, the main steps taken by AMADA and RUSADA to develop clean sport and improve anti-doping legislation are described, a comparative analysis of the main stages, program documents and monitoring visits of international organizations to verify the compliance of the work carried out by AMADA and RUSADA with global standards, norms and practices is carried out. Taking into account the importance and relevance of protecting and maintaining high ethical standards of athletes' behavior in sports, the article notes the need to further improve the functioning of the anti-doping system and its compliance with global challenges.

Keywords: WADA, AMADA, RUSADA, compliance, anti-doping, convention, legislation, education

References

1. “İdmanda dopinq vasitələrindən və üsullarından istifadəyə qarşı mübarizə haqqında” Azərbaycan Respublikasinin Qanunu [Electronic resource] // E-qanun.az. – 2026. – URL: https://e-qanun.az/framework/34359 (access date: 01/30/2026).

2. Legislation [Electronic resource] // AMADA. – 2026. – URL: https://www.amada.az/en/legal/legislation (access date: 01/30/2026).

3. “İdmanda dopinq vasitələrindən və üsullarından istifadəyə qarşı mübarizə haqqında” Azərbaycan Respublikasının 2016-cı il 29 November tarixli 447-VQ nömrəli Qanununun tətbiqi barədə Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı [Electronic resource] // President.az. – 2026. – URL: https://president.az/az/articles/view/22056 (access date: 01/30/2026).

4. Annual Report [Electronic resource] // AMADA. – 2026. – URL: https://amada.az/site/assets/files/1956/AMADA_2017_english-1.pdf (access date: 01/30/2026).

5. Antidopinq Qaydaları [Electronic resource] // Azərbaycan Milli Antidopinq Agentliyi (AMADA). – 2026. – URL: https://www.amada.az/legal/antidopinq-qaydalari/ (access date: 01/30/2026).

6. Fərqli 2020 [Electronic resource] // AMADA. – 2020. – URL: https://amada.az/site/assets/files/1956/ar_2020_az.pdf (access date: 05/21/2026).

7. Annual Report 2020 [Electronic resource] // Azerbaijan National Anti-Doping Agency. – 2020. – URL: https://www.amada.az/site/assets/files/1956/ar_2020_en.pdf (date of access: 21.05.2026).

8. About RUSADA [Electronic resource] // Russian Anti-Doping Agency (RUSADA). – 2026. – URL: https://www.rusada.ru/en/about (date of access: 30.01.2026).

9. Decision regarding the compliance of RUSADA with the World Anti-Doping Code [Electronic resource] // Court of Arbitration for Sport (CAS). – 2022. – URL: https://www.tas-cas.org (date of access: 21.05.2026).

10. Compliance restoration and operational activities of the Russian Anti-Doping Agency [Electronic resource] // RUSADA. – 2023. – URL: https://www.rusada.ru (date of access: 21.05.2026).

11. Bezuglov E.N. Anti-doping support in Russian football / E.N. Bezuglov, M.A. Pakhnotskaya, E.E. Achkasov. – Moscow: [no record], 2021. – 53 p.

12. Andrianova E. Yu. Fundamentals of anti-doping support / E. Yu. Andrianova. – Velikiye Luki: [no record], 2021. – 71 p.

13. About RUSADA [Electronic resource] // Russian Anti-Doping Agency (RUSADA). – 2026. – URL: https://rusada.ru/about/ (date of access: 21.05.2026).

14. Doping control [Electronic resource] // Russian Anti-Doping Agency (RUSADA). – 2026. – URL: https://rusada.ru/doping-control/ (date of access: 21.05.2026).

15. Absalyamov T.M. The fight against doping in the Russian Federation / T.M. Absalyamov // Bulletin of Sports Science. – 2024. – No. 1 (3). – P. 45–49.

Влияние особенностей поколения на процесс обучения английскому языку

Осипова Инна Алексеевна,
старший преподаватель кафедры операционного и отраслевого менеджмента и кафедры английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при правительстве Российской Федерации
E-mail: iaosipova@fa.ru

Статья рассматривается влияние психологических характеристик поколения Z на процесс обучения английскому языку в средней школе. Опираясь на теорию поколений и системно-деятельностный подход в статье утверждается мысль о том, что традиционными методики не в полной мере учитывают запросы нового поколения. В работе обосновывается необходимость адаптации обучения с учетом особенностей современного поколения, предлагаются общие стратегии интеграции новых инструментов, форматов, позволяющие превратить особенности поколения из препятствия в эффективной ресурс обучения.

Ключевые слова: поколение Z, цифровые технологии, клиповое мышление, системно-деятельностный подход, интерактивная технологии, персонализация.

Система образования сегодня сталкивается с вызовами, которые еще несколько лет назад оказались незначительными, потому что современные старшеклассники, представители поколения Z, представляют собой первое поколение людей, чье становление целиком произошло в цифровой среде. Учащиеся, принадлежащие этому возрастному периоду, росли со смартфонами, поисковыми системами и социальными сетями, и учителя все чаще замечают, что те приемы, которые работали с предыдущими поколениями, перестают давать результат, так как учащиеся отвлекаются, быстро теряют интерес, не могут только удерживать внимание на одном задании, но при этом демонстрируют высокую скорость обработки информации, когда она подана в привычном для них формате. Это объективное изменение когнитивного профиля человека, который вырос в цифровой среде. Данное обстоятельство требует не просто корректировки образовательного процесса, но пересмотре его фундаментальных оснований применительно к обучению иностранному языку, так как традиционная методика ориентирована не на линейное формирование навыков, а на длительную концентрацию внимания, и это вступает в противоречие с когнитивным профилем представителя поколения Z. Следствием этого противоречия становится снижение академической успеваемости, падение мотивации, рост тревожности учащихся. В связи с этим все более актуальным становится вопрос о том, какие именно особенности психотипа поколения Z значимы для педагогического процесса, так как их учет может повысить эффективность обучения, и каким образом следует трансформировать содержание, методы и организационные формы преподавания английского языка. В рамках данной статьи рассмотрим, как особенности психотипа поколения Z влияют на процесс овладения иностранным языком, и какие общие стратегии позволяют адаптировать преподавание всех видов речевой деятельности к потребностям современных учащихся.

В современном мире, где способы обучения продолжают трансформироваться, становится все яснее, что учет психотипа учащихся может играть важную роль в педагогическом процессе. Изучение психологии поколений проводилось многочисленными авторами, включая таких исследователей, как Штраус Уильям и Хоув Нил, которые отмечали, что каждые два десятилетия появляются люди с различными психологическими чертами, взглядами на жизнь и приоритетами, которые формируются под влиянием исторических и социальных событий [7]. Эта теория стала основой для понимания различий между поколениями.

В России адаптацию классификации поколений осуществил исследовательский центр «Rugenerations» под руководством психолога Е.М. Шамис [7].

Таблица 1. Классификация поколений центра Rugenerations

Наименование поколения	Годы рождения
Победители/Строители	1903–1923
Молчаливое поколение	1923–1943
Бэби-бумеры	1944–1963
Поколение X	1964–1984
Поколение Y (миллениум)	1985–2002
Поколение Z/Хоумлендеры (зумеры)	2003–2024

Представленная периодизация позволяет проследить смену доминирующих ценностей и когнитивных стилей на протяжении большого периода времени. Особый интерес для педагогической теории и практики представляет переход от поколения миллениалов к поколению Z, потому что именно на этом рубеже произошло изменение характера социализации [2]. Миллениалы еще застали частично аналоговый, частично цифровой мир, а поколение Z с момента рождения погружено в полностью цифровую среду.

У каждого поколения есть свои уникальные черты, эти факторы формируют и образ мышления, и способы восприятия информации. Представления о том, какие отличительные черты есть у разных поколений помогает педагогам адаптировать учебные методики, учитывая предпочтения и замотивировать учеников.

Для описания оптимальных стратегии обучения необходимо рассмотреть те характеристики поколения Z, которые непосредственно

обеспечивают успешность владения иностранными языками. В первую очередь, исследователи фиксируют, что представители этого поколения обладают клиповым мышлением, особым способом обработки информации, при котором когнитивный опыт структурируется не в виде линейных причинно-следственных связей, а виде визуально окрашенных фрагментарных образов, которые изменяют друг друга с высокой скоростью [6]. Такой тип мышления связан со снижением продолжительности внимания, так как средняя длительность удержания внимания на одном объекте сократилась в несколько раз по сравнению с предшествующими поколениями. Следствием клипового мышления является затрудненность восприятия объемных текстов, длинных аудиосообщений, последовательных объяснений. При этом возрастает способность к быстрому сканированию информации и выделению ключевых моментов.

Кроме того, представителям данного поколения тяжело концентрироваться, особенно, если речь идет о каком-либо объемном материале, который необходимо освоить или о том материале, который не представляет для них интерес [3]. Им достаточно сложно воспринимать информацию на слух, им нужна визуализация, какие-либо средства наглядности, которые помогают такую информацию воспринимать, а также четкие инструкции при выполнении конкретных заданий.

Представители поколения Z демонстрируют устойчивое качество многозадачности, но здесь важно понимать, что речь идет не параллельной, а о последовательной, но очень быстрой смене различных когнитивных действий [3]. Тем не менее, данная особенность должна учитываться в процессе проектирования учебного процесса.

Также важно отметить, что для поколения Z характерно доминирование визуального канала обработки информации, то есть образные, схематичные, наглядные формы представления материала усваиваются эффективнее вербальных. Значительную часть информации представители этого поколения получаю через видеоконтент, графические мемы, инфографику, а не через печатный текст. Кроме того, меняется структура памяти, потому что фиксируется не только содержание информации, а места ее размещения.

Мотивация к учебной деятельности представителей данного поколения является прагматической, потому что учащиеся готовы затрачивать усилия только при условии понимания практической применимости усваиваемого материала, то есть ценностью обладает не сам процесс обучения, а результат, то есть тот навык или компетенция, которая оказывается востребованной в конкретной жизненной ситуации [4].

Несмотря на внешнюю замкнутость, предпочтение цифровых форм общения, опросы и различные статистические данные демонстрируют стремление представителей поколения Z к работе в группах или парах, так как учебная коммуникация воспринимается ими как безопасное пространство для обработки коммуникативных навыков [2]. Важным требованием также является персонализация, потому что для представителей данного поколения право выбора темы, формата, темпа работы является неотъемлемым требованием к успешной учебной познавательной деятельности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет систематизировать ключевые характеристики поколения Z, значимые для обучения иностранному языку: клиповое мышление; фрагментарная, нелинейная обработка информации с быстрой сменой когнитивных объектов; многозадачность, способность к быстрому переключению между разными видами деятельности; доминирование визуального канала восприятия, предпочтение образных, графических форм предъявления материала вербальным; запоминание не содержания, а места хранения информации; прагматическая мотивация; предпочтение групповых форм работы; запрос на персонализацию. Данные характеристики не являются изолированными, они образуют системное единство, которое может быть положено в основу проектирования методической системы обучения английскому языку, которая принимает во внимание специфику поколения.

На основе изложенных выше особенностей необходимо пересмотреть принципы организации учебного процесса по английскому языку для учащихся данного поколения для того, чтобы образовательный процесс был наиболее эффективным и принимал во внимание все уникальные характеристики этого поколения. В первую очередь, нужно обратить внимание на принцип практической направленности, то есть каждая учебная задача должна быть связана с определенной коммуникативной ситуацией, в которой изученные языковые средства могут применяться. Отсутствие очевидной практической цели может привести к резкому снижению учебной мотивации независимо от содержательной значимости материала. Также важно учитывать принцип интерактивности и фрагментации, так как учебные материалы необходимо делить на небольшие, логически завершенные единицы, и длительность работы с одним фрагментом не должна превышать среднюю продолжительность удержания произвольного внимания [2]. Принцип визуализации также играет важную роль, потому что объяснение грамматического правила, схема построения высказывания, структура текста должны предъявляться не только вербально, но и в виде графических опор, ментальных карт, схем, таблиц, иллюстраций, так как визуальная поддержка снижает когнитивную нагрузку и способствует лучшему запоминанию.

Для поколения, которое активно взаимодействует с цифровой средой принцип интеграции цифровых инструментов является одним из первоочередных, так как технические устройства являются для поколения Z привычной средой деятельности, они не должны изымаются из учебного процесса, а становиться его компонентом. В процессе обучения необходимо использовать чат-боты с искусственным интеллектом, онлайн-словари, платформы для совместной работы, приложения и другие программы, которые можно интегрировать в образовательный процесс.

В процессе обучения также важно принимать во внимание принцип персонализации и прозрачности критериев оценивания. Учащимся должна предоставляться возможность выбора темы, типа упражнения, способы презентации результата, что может повысить внутреннюю мотивацию. Также они должны иметь четкое представление о том, какие именно параметры деятельности оцениваются, в каких единицах, и какой результат считается успешным.

Изложенные общие принципы находят свое специфическое выражение применительно к каждому из четырех основных видов речевой деятельности. Так, например, в процессе аудирования аутентичные длительные аудиозаписи требуют предварительного разделения на смысловые отрезки. Также можно каждое отрезок сопровождать визуальной опорой и небольшим заданием. Альтернативой объемным аудиотекстам могут служить короткие форматы, подкасты, отрывки из видеоблогов, озвученные посты социальных сетей. В процессе обучения аудированию длительное аутентичные аудиозаписи требуют методической обработки, которая учитывает сниженную продолжительность произвольного внимания учащихся поколения Z. Важно также предлагать учащимся выбор из нескольких аудиоматериалов на одну тему, что реализует принцип персонализации и повышает внутреннюю мотивацию.

Обучение чтению на иностранном языке при работе с поколением Z требует преодоления психологического барьера, связанного с неспособностью длительно удерживать внимание на линейном тексте. В связи с этим необходимо предварительная активация когнитивной установки. Перед предъявлением текста учащимся предлагаются наводящие вопросы, визуальные опоры или короткие видео, которые задают направление поиска информации, формируют определенные ожидания. Сам текст нужно подвергать фрагментации, разбивать на смысловые блоки с подзаголовками, иллюстрациями, вопросами в тексте. Процесс чтения целесообразно сопровождать чередованием с другими видами деятельности, после каждого блока предлагать краткое задание. Особого внимания заслуживает отбор текстового материала, и здесь приоритетными становятся короткие жанры, органичные для цифровой коммуникативной среды, например, новостные заметки, посты, инструкции, отрывки из интернет-форумов и так далее. Длинные художественные или публицистический тексты рекомендуется использовать во фрагментированном виде или в режиме сканирования с последующим выборочным детальным анализом отдельных абзацев.

Обучение письменной речи представителей поколения Z связано с определенными методологическими трудностями, так как этот возрастной период демонстрирует значительный объем спонтанной письменной коммуникации в цифровой среде, но эта коммуникация характеризуется стилистической редукцией, орфографическими упрощениями, игнорированием грамматических норм. В данном контексте задачи педагога заключается в том, чтобы перенести сформированную привычку к письменной самореализации в учебное русло, не разрушая ее, а корректируя. Наряду с традиционны жанрами необходимо предлагать жанры, которые релевантны для цифровой коммуникативной среды, например, посты, развернутые комментарии, отзывы. Письменные задания рекомендуется выполнять совместно, например, в облачном документе, где каждый участник носит свой фрагмент, комментирует правки других участников, участвует в итоговой редактуре.

Развитие навыков устной речи представляет собой наибольшую сложность для учащихся поколения Z в силу ряда причин, а именно доминирование письменной коммуникации в их повседневной жизни, страх сделать ошибку перед собеседником, недостаточная сформированность спонтанных ключевых умений [1]. Учет данных трудностей требует введения подготовительного этапа с использованием цифровых средств. Здесь эффективной стратегией является предварительная отработка диалогических единств с использованием чат-ботов

на базе искусственного интеллекта, что позволит снять психологический барьер, многократно повторить конструкции без страха публичного осуждения и выйти в живую коммуникацию с одноклассниками. Темы для устной коммуникации также необходимо приближать к цифровому опыту обучающегося. В качестве стимулов для говорения предпочтительно использовать не вербальные опоры, а визуальные.

Таким образом, адаптация каждого из четырех видов речевой деятельности требует при сохранении фундаментальных принципов применения специфических приемов, которые учитывают психологические особенности поколения Z. Общей тенденцией выступает смещение акцента с длительных монотонных форматов к коротким вариативным видам деятельности, которые требует высокой саморегуляция. Реализация этих принципов не означает отказа от формирования фундаментальных языковых навыков, напротив, она позволяет достичь тех же целей, но психологически комфортным для учащихся путем.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что поколение Z, чья социализация происходила в условиях цифровизации, обладает специфическим когнитивным профилем, который отличаются от профилей предыдущих поколений. Ключевыми характеристиками, значимыми для обучения иностранному языку, выступает клиповое мышление, многозадачность, доминирование визуального канала восприятия информации, прагматическая мотивация и предпочтение групповых форм работы, а также устойчивый запрос на персонализацию. Традиционная методика преподавания иностранного языка, ориентированная на поэтапное формирование навыков, вступает в противоречие с особенностями поколения Z. Игнорирование этих особенностей может привести к снижению успеваемости, падению уровня мотивации и тревожности.

Эффективная адаптация обучения английскому языку должна основываться на следующих принципах: практическая направленность, интерактивность, визуализация, использование цифровых инструментов, персонализация, прозрачность критериев оценивания. Данные принципы получают специфическое преломление применительно к каждому виду речевой деятельности, где общим выступает смещение акцента с длительных форматов к коротким видам работы, а также от индивидуальной деятельности к парной или групповой работе.

Важно понимать, что учет особенностей поколения Z – это не рекомендация, а методологическая необходимость, которая обусловлена объективными изменениями когнитивного облика современного учащегося. Реализация предложенных принципов не означает отказ от формирования фундаментальных языковых навыков и умений, но позволяет достичь таких же образовательных результатов с помощью способов, которые будут психологически более комфортными для учащихся поколения Z.

Литература

1. Андреева, И.А. Обучение говорению старшеклассников на уроках английского языка на основе информационных технологий / И.А. Андреева, О.Б. Шепелина // Инновационная наука. – 2015. – Т. 2, № 5(5). – С. 159–160.

2. Воробьева, М.В. Обучаем поколение Z: традиции и современные учебные реалии // Педагогическое образование и наука. – 2018. – № 2. – С. 135–138.

3. Новикова, Л.И. От «поколения пепси» к «поколению гаджетов»: слом традиционных представлений об обучении / Л.И. Новикова // Организация учебной и воспитательной работы в вузе. Том Выпуск 6. – Москва: Российский государственный университет правосудия. – 2017. – С. 340–347.

4. Сапа, А.В. Поколение Z – поколение эпохи ФГОС // Педагогическая мастерская. Всё для учителя! – 2015. – № 7. – С. 3–4.

5. Сетко, Н.П. Психофизиологическая характеристика особенностей становления когнитивных функций у учащихся старших классов / Н.П. Сетко, О.М. Жданова, А.Г. Сетко // Гигиена и санитария. – 2021. – Т. 100, № 4. – С. 358–364.

6. Трусова, М.И. Особенности обучения детей, относящихся к Поколению Z / М.И. Трусова // Студенческий. – 2020. – № 21–3(107). – С. 29–30.

7. Strauss, W. The fourth turning / William Strauss, Neil Howe // Broadway books. – 1997. – P. 7–31.

THE IMPACT OF GENERATIONAL CHARACTERISTICS ON ENGLISH LANGUAGE TEACHING

Osipova I.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the impact of the psychological characteristics of Generation Z on English language teaching in secondary schools. Drawing on generational theory and a systems-activity approach, the article argues that traditional methods do not fully address the needs of the new generation. The paper substantiates the need to adapt teaching to the characteristics of the modern generation and proposes general strategies for integrating new tools and formats that can transform generational characteristics from a barrier into an effective learning resource.

Keywords: Generation Z, digital technologies, clip-based thinking, systems-activity approach, interactive technologies, personalization.

References

1. Andreeva, I.A. Teaching Senior Schoolchildren Speaking in English Lessons Using Information Technology / I.A. Andreeva, O.B. Shepelina // Innovative Science. – 2015. – Vol. 2, № 5(5). – Pp. 159–160.

2. Vorobyova, M.V. Teaching Generation Z: Traditions and Modern Educational Realities // Pedagogical Education and Science. – 2018. – № 2. – Pp. 135–138.

3. Novikova, L.I. From the «Pepsi Generation» to the «Gadget Generation»: Dismantling Traditional Concepts of Learning / L.I. Novikova // Organization of Educational and Upbringing Work at the University. Volume Issue 6. – Moscow: Russian State University of Justice. – 2017. – Pp. 340–347.

4. Sapa, A.V. Generation Z – the generation of the Federal State Educational Standard era // Pedagogical workshop. Everything for the teacher! – 2015. – № 7. – Pp. 3–4.

5. Setko, N.P. Psychophysiological characteristics of the features of the development of cognitive functions in senior school students / N.P. Setko, O.M. Zhdanova, A.G. Setko // Hygiene and Sanitation. – 2021. – Vol. 100, № 4. – Pp. 358–364.

6. Trusova, M.I. Features of education of children belonging to Generation Z / M.I. Trusova // Student. – 2020. – № 21–3 (107). – Pp. 29–30.

7. Strauss, W. The fourth turning / William Strauss, Neil Howe // Broadway books. – 1997. – P. 7–31.

Влияние владения английским языком и искусственного интеллекта на стиль программирования и читаемость кода

Кочарян Юлия Гамлетовна,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и русской филологии Сочинский государственный университет
E-mail: juliakocharyan@mail.ru

Папов Ильяс Бесланович,
студент магистратуры, Сочинский государственный университет
E-mail: ilaspapov@gmail.com

В статье проведено исследование владения английским языком и использования инструментов искусственного интеллекта (ИИ) влияет на формирование стиля программирования и читаемость кода. Проанализированы ключевые функции английского языка в IT-сфере, включая работу с терминологией, документацией и международными командами. Рассмотрено, как языковая компетенция способствует созданию самодокументируемого кода и соблюдению стандартов. Отдельно изучены возможности и ограничения ИИ-инструментов в генерации кода, их влияние на унификацию и потерю контекста. Проведён сравнительный анализ, показавший взаимодополняющий характер владения английским языком и применения ИИ. Сделан вывод о том, что языковые навыки остаются критически важными для обеспечения смысловой ясности и качества кода, даже в условиях автоматизации.

Ключевые слова: английский язык для IT, стиль программирования, читаемость кода, искусственный интеллект в программировании, генерация кода, именование переменных, стандарты кодирования, код-ревью.

Введение

В условиях стремительной глобализации и повсеместного внедрения отрасли информационных технологий (ИТ) владение английским языком вышло за рамки факультативного навыка и стало составной частью профессиональной компетенции любого сотрудника данной сферы, в особенности разработчика программного обеспечения. Языки программирования, техническая документация, интерфейсы прикладного программирования (API) и среда международного взаимодействия в большинстве случаев базируются на англоязычной терминологии и англоязычном контексте [1, 2]. Знание английского языка способствует более глубокому и оперативному восприятию англоязычных источников, документации и форумов, что позволяет специалисту не ограничиваться отечественными материалами или переводами и адаптациями, которые часто оказываются устаревающими или неполными, ведь в данной сфере различные инструменты постоянно устаревают, совершенствуются, заменяются новыми или вовсе появляются инновационные решения [3].

Кроме того, формирование программного кода – от выбора имён переменных и функций до размещения комментариев и применения библиотек – неразрывно связано с логикой англоязычной лексической и синтаксической структуры, что может влиять на читаемость и стиль программирования [4]. С другой стороны, на фоне бурного развития искусственного интеллекта (ИИ) и его различных инструментов для написания программного кода, таких как автоматическая генерация кода, подсказки в средах разработки, автокомментирование и автодополнение, возникает новый фактор в разработке: взаимодействие с ИИ средствами может изменить традиционную роль языковой компетенции [5]. Возникает дискуссионный вопрос: влияет ли владение английским языком на стиль программирования и читаемость кода, и может ли использование инструментов ИИ частично либо полностью компенсировать недостаток языковой компетенции?

Целью данной статьи является установление того, как знание английского языка и использование ИИ инструментов влияют на формирование стиля программирования и читаемость программного кода. Объектом исследования выступает стиль программирования и читаемость кода, предметом – влияние владения английским языком и взаимодействия с ИИ инструментами на эти характеристики. Методологической основой работы является аналитический обзор отечественных и зарубежных публикаций по вопросам языковой компетенции в ИТ, когнитивных аспектов программирования, читаемости кода и роли ИИ инструментов.

В статье рассматриваются следующие вопросы: роль английского языка в сфере разработки программного обеспечения; особенности формирования программного стиля и читаемости кода; влияние ИИ инструментов на профессиональную практику разработчика; сравнительный анализ факторов языковой компетенции и использования ИИ инструментов. По результатам анализа даны рекомендации по включению языковой подготовки в образовательные программы IT специалистов и по сбалансированному использованию ИИ инструментов в профессиональной деятельности.

Роль английского языка в сфере программирования

Владение английским языком в сфере программирования выполняет несколько ключевых функций.

Во-первых, большинство языков программирования используют англоязычную терминологию. Ключевые слова (if, while, function, class), названия встроенных функций и стандартных библиотек сформулированы на английском, что делает знание языка необходимым для базового понимания кода [1, 2].

Во-вторых, документация и справочные материалы по языкам и инструментам разработки почти всегда создаются на английском. Даже если существует локализация, она часто бывает неполной или устаревшей. Знание английского позволяет разработчику использовать самые свежие источники и лучше ориентироваться в сложных концепциях [3]. Например, документация по Python, JavaScript или Java регулярно обновляется на англоязычных сайтах, и только англоязычные версии содержат все последние изменения и рекомендации [4].

Третья функция – коммуникация и совместная работа. Англоязычные комментарии в коде, README-файлы, описание API (application

programming interface – программный интерфейс приложения) и кодовые ревью (review – оценка) позволяют команде программистов из разных стран эффективно взаимодействовать [5]. Даже простое объяснение, что делает функция или переменная, проще на английском, потому что термины уже стандартизированы и понятны международной аудитории.

Практический аспект проявляется в именовании переменных и функций. Разработчики, владеющие английским языком, обычно используют понятные англоязычные имена (totalSum, getUserData, isActive) и лаконичные комментарии, что повышает читаемость кода. Разработчики без знания английского часто применяют транслитерацию или сокращения на родном языке (sumaVsego, polzovatelDannye), что затрудняет понимание кода коллегами или будущей поддержкой проекта [6].

Из чего можно сделать вывод, знание английского языка напрямую связано с качеством и структурой кода, облегчает доступ к актуальной информации и улучшает взаимодействие в международных командах. Даже базовый уровень владения английским позволяет разработчику быть более автономным, эффективно изучать новые технологии и использовать инструменты, ориентированные для глобального использования [1, 3, 5].

Формирование стиля программирования и читаемости кода

Стиль программирования отражает индивидуальные привычки разработчика и влияет на понимание кода другими людьми. Он формируется под влиянием нескольких факторов: используемого языка программирования, профессионального опыта, личных предпочтений, а также языковой компетенции [1, 2].

Читаемость кода – это способность разработчика быстро и без ошибок понять, что делает программа. Ключевые элементы читаемости включают выбор имён переменных и функций, структуру комментариев, организацию блоков кода и применение общепринятых шаблонов. Например, ясные имена функций (calculateTotal, getUserInfo) делают код самодокументированным и уменьшают потребность в дополнительных пояснениях [3, 4]. Знание английского языка влияет на стиль и читаемость кода, так как большая часть общепринятой терминологии программирования формируется на английском. Разработчики, владеющие английским, чаще используют понятные и стандартизированные имена, короткие и точные комментарии, а также соблюдают принятые в сообществе практики оформления кода [5]. В то же время разработчики с ограниченным знанием английского могут применять локализованные термины или нестандартные сокращения, что затрудняет восприятие кода коллегами и усложняет командную работу [6].

Практический аспект проявляется в согласованности стиля: разработчик, который понимает англоязычные термины, легче поддерживает единый стиль в проекте, использует шаблоны и рекомендации сообществ (code conventions, style guides). Например, стандарт PEP 8 для Python включает рекомендации по именованию и структуре кода, и полностью основан на английской терминологии. Следование таким стандартам повышает читаемость, облегчает ревью кода и поддержку проекта [4].

Помимо языковой компетенции, на стиль влияют также привычки и опыт работы с командами. Взаимодействие с кодом коллег из разных стран формирует чувство универсальности кода и приучает к соблюдению единых правил. В этом контексте английский язык служит инструментом стандартизации и унификации, не только как средство коммуникации, но и как средство повышения качества кода [2, 5].

Следовательно, формирование стиля программирования и высокая читаемость кода зависят от сочетания личного опыта, стандартов отрасли и языковой компетенции. Владение английским языком помогает быстрее освоить международные стандарты, использовать общепринятые шаблоны и создавать код, который легко понимается другими разработчиками и инструментами анализа [3, 6].

Использование искусственного интеллекта в программировании

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы значительно изменило подход к программированию. Инструменты, основанные на машинном обучении и языковых моделях, позволяют автоматически генерировать код, подсказывать синтаксис, исправлять ошибки и оптимизировать алгоритмы. Крупнейшие компании, такие как «GitHub» и «Google», активно внедряют интеллектуальные помощники для разработчиков, что делает программирование более доступным и ускоряет процесс создания программных продуктов [9].

Однако вместе с очевидными преимуществами возникает ряд новых проблем. Автоматическая генерация кода часто снижает его читаемость и индивидуальность. Код, созданный ИИ, как правило, следует шаблонам, не всегда учитывающим контекст проекта или принятый в команде стиль. Это может привести к нарушению единообразия оформления и усложнить поддержку программного продукта [10]. Кроме того, ИИ не обладает «пониманием» смысла задачи – он работает на основе вероятностных моделей, подбирая наиболее подходящие фрагменты кода. В результате код может быть грамматически и синтаксически корректен, но не всегда логически обоснован. Здесь проявляется важность участия человека-разработчика, особенно того, кто имеет высокий уровень владения английского языка: он способен осмыслить смысловые связи, корректно описать функциональность и обеспечить читаемость для коллег [9, 11].

Сравнивая работу ИИ и человека, можно отметить, что искусственный интеллект стремится к унификации, тогда как человеческий подход включает творческое и контекстное мышление. Например, ИИ может использовать шаблонные имена переменных (temp1, result_data), тогда как человек при должной языковой компетенции создаёт более осмысленные структуры (averageSpeed, userResponseTime), улучшая восприятие кода [10].

Таким образом, ИИ становится мощным инструментом поддержки, но не заменяет человеческого подхода к написанию кода. Программист, владеющий английским языком, способен эффективно использовать ИИ, интерпретировать результаты его работы, исправлять ошибки и адаптировать решения под конкретные задачи [9]. В этом смысле владение английским языком остаётся неотъемлемой частью профессиональной компетенции, даже при активном использовании интеллектуальных систем [10, 11].

Сравнительный анализ влияния языковой компетенции и взаимодействия с искусственным интеллектом на стиль написания и читаемость кода

Современная практика программирования демонстрирует, что как владение английским языком, так и использование инструментов искусственного интеллекта оказывают заметное влияние на стиль и читаемость кода. Однако природа этого влияния принципиально различна.

Английский язык формирует когнитивную основу программиста: знание терминологии, понимание документации, способность описывать логику и назначение функций. Это влияет на семантическую структуру кода – программист стремится выбирать осмысленные имена, точные комментарии и последовательную логику. Такие особенности делают код понятным для международного сообщества и повышают его сопровождаемость [1, 4, 5].

Искусственный интеллект, напротив, выступает инструментом автоматизации и стандартизации. Его цель – ускорение разработки, а не улучшение читаемости. Код, создаваемый при участии ИИ, часто отличается унифицированной структурой и однообразием [9]. Хотя это снижает вероятность синтаксических ошибок, но одновременно ограничивает индивидуальность и адаптацию к конкретным проектным стандартам [10, 11].

В отличие от программиста, владеющего английским, ИИ не способен учитывать контекст и намерение автора. Например, при описании функций искусственный интеллект может использовать обобщённые наименования (handleData, processInput), не уточняя назначение, тогда как человек создаёт более информативные конструкции (filterUserRequests, calculateMonthlyRevenue). Эти различия напрямую влияют на читаемость и восприятие кода другими разработчиками [6, 10].

Кроме того, владение английским языком обеспечивает программисту возможность не только понимать, но и корректно применять рекомендации из англоязычных источников – стандартов, стайлгайдов и методических пособий. Взаимодействие с ИИ требует этих же навыков, так как большинство интеллектуальных инструментов функционируют на английском языке и корректно реагируют только на точные языковые формулировки [2, 9].

Владение английским языком и использование ИИ не являются взаимозаменяемыми, а скорее взаимодополняющими факторами. Английский язык обеспечивает осознанность, структурность и понятность кода, в то время как ИИ ускоряет процесс написания и снижает нагрузку на разработчика. Оптимальный результат достигается при сочетании обоих подходов: когда программист использует ИИ как инструмент, но сохраняет контроль за смысловой и лингвистической составляющей кода [4, 9, 11].

Заключение

В ходе рассмотрения темы было установлено, что владение английским языком и использование искусственного интеллекта оказывают различное, но взаимодополняющее влияние на процесс программирования.

Знание английского языка формирует у разработчика способность осознанно создавать читаемый и структурированный код, соответствующий международным стандартам [1, 2]. Английский язык обеспечивает доступ к профессиональной документации, позволяет понимать логику существующих решений и поддерживать единообразный стиль оформления программного продукта [3, 4].

В то же время искусственный интеллект способствует повышению эффективности программирования за счёт автоматизации рутинных задач и сокращения времени разработки. Однако его использование не исключает необходимости владения английским языком. Напротив, успешная работа с интеллектуальными инструментами предполагает понимание англоязычных терминов и команд, а также способность критически оценивать результаты их работы [10, 11].

Сравнительный анализ показал, что без владения английским языком программист сталкивается с ограничениями при чтении документации, взаимодействии с коллегами и применении ИИ-инструментов. Искусственный интеллект может ускорить процесс кодирования, но не способен обеспечить смысловую ясность, присущую человеку, который понимает язык исходных обозначений и умеет адаптировать их под контекст проекта.

Следовательно, знание английского языка остаётся ключевым фактором профессионального развития в сфере информационных технологий, даже в условиях стремительного внедрения ИИ-систем. Будущий ИТ-специалист, совмещающий языковую компетенцию с умением рационально использовать интеллектуальные инструменты, получает конкурентное преимущество на рынке труда и демонстрирует более высокий уровень профессиональной зрелости.

В заключение можно отметить, что искусственный интеллект способен поддерживать, но не заменять когнитивные и языковые навыки программиста. Наиболее эффективным подходом является сочетание: использование ИИ как вспомогательного инструмента при сохранении аналитического и языкового контроля со стороны человека.

Литература

1. Стогниева, О.Н. Английский язык для ит-специальностей: Учебное пособие // О.Н. Стогниева. – 1-е изд.. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 143 с. – (Профессиональное образование). – ISBN 978-5-534-07972-2. – EDN WWZBIH.

2. Лавриненко, И.Ю. Английский язык для IT-специалистов: учебное пособие / И.Ю. Лавриненко, В.В. Козлова. – Москва: Юрайт, 2021. – 263 с. – ISBN 978-5-534-09041-3.

3. Руденко, С.Н. Английский язык в сфере информационных технологий и вычислительной техники: учебное пособие / С.Н. Руденко. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2023. – 178 с. – ISBN 978-5-406-10907-6. – EDN MTTIWF.

4. Сташок, А.П. Программирование и английский язык: есть ли пересечения? / А.П. Сташок // Профессиональная коммуникация: язык, культура, перевод: сборник статей III Внутривузовской молодёжной научной конференции, Курск, 08 ноября 2022 года / Юго-Западный государственный университет. – Курск: Б. и., 2022. – С. 305–311. – EDN ZUGKSG.

5. Винников, М.Д. Влияние английского языка IT на русский язык (общий аспект) // М.Д. Винников, О.Н. Ясаревская // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 29 ноября 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2022. – С. 229–233. – EDN DFPHAX.

6. Иванов, Д.П. Современные языки программирования и сферы их применения / Д.П. Иванов, А.А. Баев // Трибуна ученого. – 2022. – № 5. – С. 70–80. – EDN TSFNIP.

7. Бухаров, Т.А. Обзор языка программирования python и его библиотек / Т.А. Бухаров, А.Р. Нафикова, Е.А. Мигранова // Colloquium-Journal. – 2019. – № 3–1(27). – С. 23–25. – EDN YXOWBV.

8. Царева, Г.В. Английский язык для изучающих информационные технологии: учебное пособие / Г.В. Царева. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2021. – 140 с. – ISBN 978-5-907271-87-6. – EDN UOGPFZ.

9. Chai, Y., Wang, S., Pang, C. ERNIE-Code: Beyond English-Centric Cross-Lingual Pretraining for Programming Languages [Электронный ресурс] // arXiv. – 2022. – URL: https://arxiv.org/abs/2212.06742 (дата обращения: 05.11.2025).

10. Muñoz Barón M., Wyrich M., Wagner S. An Empirical Validation of Cognitive Complexity as a Measure of Source Code Understandability [Электронный ресурс] // arXiv. – 2020. – URL: https://arxiv.org/abs/2007.12520 (дата обращения: 05.11.2025).

11. Alawad D., Panta M., Zibran M. et al. An Empirical Study of the Relationships between Code Readability and Software Complexity [Электронный ресурс] // arXiv. – 2019. URL: https://arxiv.org/abs/1909.01760 (дата обращения: 05.11.2025).

12. Васильев О. И., Медведев В.Ю. Анализ оптимизации программной системы на примере свободных автоматизированных библиотечноинформационных систем // Электронные библиотеки. – 2024. – Т. 27, № 2, с. 151163. DOI:10.26907/1562541920242721511 63.

INFLUENCE OF ENGLISH PROFICIENCY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON PROGRAMMING STYLE AND CODE READABILITY

Kocharyan Yu.G., Papov I.B.
Sochi State University

The article deals with the impact of English language proficiency and the use of artificial intelligence (AI) tools on the formation of programming style and code readability. The key functions of the English language in the IT sphere are analyzed including working with terminology, documentation, and international teams. We studied how language competence contributed to the creation of self-documenting code and adherence to standards. The opportunities and limitations of AI tools in code generation, their impact on unification and loss of context are separately considered. A comparative analysis is conducted showing the complementary nature of English proficiency and the use of AI. It is concluded that language skills remain critical for ensuring semantic clarity and code quality, even in the context of automation.

Keywords: English for IT, programming style, code readability, artificial intelligence in programming, code generation, variable naming, coding standards, code review.

References

1. Stognieva, O.N. English for IT Specialties: Textbook // O.N. Stognieva. – 1st ed. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. – 143 p. – (Professional Education). – ISBN 978-5-534-07972-2. – EDN WWZBIH.

2. Lavrinenko, I. Yu. English for IT Specialists: textbook / I. Yu. Lavrinenko, V.V. Kozlova. – Moscow: Yurait, 2021. – 263 p. – ISBN 978-5-534-09041-3.

3. Rudenko, S.N. English in the Field of Information Technologies and Computer Engineering: textbook / S.N. Rudenko. – Moscow: Limited Liability Company “Publishing House “KnoRus”, 2023. – 178 p. – ISBN 978-5-406-10907-6. – EDN MTTIWF.

4. Stashok, A.P. Programming and English: Are There Intersections? / A.P. Stashok // Professional Communication: Language, Culture, Translation: collection of articles of the III Intra-University Youth Scientific Conference, Kursk, November 08, 2022 / Southwestern State University. – Kursk: B. i., 2022. – P. 305–311. – EDN ZUGKSG.

5. Vinnikov, M.D. The Influence of IT English on the Russian Language (General Aspect) / M.D. Vinnikov, O.N. Yasarevskaya // Language as a Basis for Modern Intercultural Interaction: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, November 29, 2021. – Penza: Penza State Technological University, 2022. – P. 229–233. – EDN DFPHAX.

6. Ivanov, D.P. Modern Programming Languages and Their Areas of Application / D.P. Ivanov, A.A. Baev // Tribune of the Scientist. – 2022. – No. 5. – P. 70–80. – EDN TSFNIP.

7. Bukharov, T.A. Overview of the Python Programming Language and Its Libraries / T.A. Bukharov, A.R. Nafikova, E.A. Migranova // Colloquium-Journal. – 2019. – No. 3–1(27). – P. 23–25. – EDN YXOWBV.

8. Tsareva, G.V. English for Students of Information Technologies: textbook / G.V. Tsareva. – Bryansk: Bryansk State Technical University, 2021. – 140 p. – ISBN 978-5-907271-87-6. – EDN UOGPFZ.

9. Chai, Y., Wang, S., Pang, C. ERNIE-Code: Beyond English-Centric Cross-Lingual Pretraining for Programming Languages [Electronic resource] // arXiv. – 2022. – URL: https://arxiv.org/abs/2212.06742 (access date: 05.11.2025).

10. Muñoz Barón M., Wyrich M., Wagner S. An Empirical Validation of Cognitive Complexity as a Measure of Source Code Understandability [Electronic resource] // arXiv. – 2020. – URL: https://arxiv.org/abs/2007.12520 (access date: 05.11.2025).

11. Alawad D., Panta M., Zibran M. et al. An Empirical Study of the Relationships between Code Readability and Software Complexity [Electronic resource] // arXiv. – 2019. URL: https://arxiv.org/abs/1909.01760 (access date: 05.11.2025).

12. Vasiliev, O. I., Medvedev, V. Yu. Analysis of Software System Optimization Using the Example of Free Automated Library Information Systems // Electronic Libraries. – 2024. – Vol. 27, No. 2, Pp. 151–163. DOI:10.26907/1562 5419 2024 27 2 151 163.

Медико-гигиеническая оценка рисков для здоровья населения в условиях технологической трансформации пищевой промышленности

Плещёва Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Chuvachko@mail.ru

Корнева Мария Ивановна,
старший преподаватель кафедры общей гигиены с экологией, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: lorkorneva@rambler.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы гигиенической оценки качества и безопасности продуктов питания в контексте стремительного технологического развития пищевой промышленности.
Тема гигиенической оценки пищевых продуктов в условиях технологических изменений имеет важное медицинское значение. Алиментарный фактор признан одним из ведущих детерминантов здоровья населения. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), нерациональное питание является причиной или значимым фактором риска развития широкого спектра хронических неинфекционных заболеваний: сердечно-сосудистой патологии, сахарного диабета 2 типа, ожирения, хронических заболеваний желудочно-кишечного тракта, отдельных форм злокачественных новообразований. Клиническая значимость данной проблемы определяется также ростом распространённости пищевой аллергии и непереносимости, патогенетически связанных с изменением антигенной структуры технологически обработанных белков.
Обосновывается необходимость адаптации нормативно-правовой базы и методологических подходов к оценке безопасности пищевой продукции в условиях технологической трансформации отрасли. Подчёркивается, что эффективное гигиеническое регулирование в данной сфере требует межведомственного взаимодействия, интеграции современных аналитических методов, включая геномные, протеомные и метаболомные технологии в систему санитарно-эпидемиологического надзора, а также гармонизации национальных стандартов с международными требованиями в рамках Комиссии «Кодекс Алиментариус» (CAC) и рекомендаций JECFA.

Ключевые слова: гигиена питания, технологические инновации, пищевые добавки, нутритивная ценность, пищевая промышленность, санитарно-эпидемиологический контроль

Введение

По данным ВОЗ, ежегодно в мире регистрируется около 600 миллионов случаев заболеваний, связанных с употреблением небезопасной пищи, из которых порядка 420 тысяч заканчиваются летальным исходом. При этом эксперты подчёркивают, что наряду с классическими микробиологическими рисками всё большую долю в структуре алиментарно – обусловленной патологии занимают заболевания, связанные с химическим загрязнением пищевых продуктов и дисбалансом нутриентного состава [1]. Исследования показывают, что агрессивная высокотемпературная обработка приводит к потере от 25 до 80% термолабильных витаминов в зависимости от вида продукта и режима воздействия, тогда как содержание акриламида как признанного потенциального канцерогена, в отдельных видах термически обработанных крахмалсодержащих продуктов может превышать допустимые ориентировочные уровни в 2–3 раза. Возникают закономерные вопросы о сохранности эссенциальных нутриентов при агрессивной технологической обработке, о безопасности новых пищевых добавок и технологических вспомогательных средств, о токсикологической значимости продуктов взаимодействия компонентов пищи в ходе технологических процессов [2].

Пищевая промышленность является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей современной экономики. По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), объём мирового рынка переработанных пищевых продуктов к 2023 году превысил 7 триллионов долларов США, а среднегодовые темпы его роста составляют порядка 5,2%, что существенно опережает динамику большинства других промышленных секторов [3]. На протяжении последних двух десятилетий отрасль претерпела кардинальные технологические изменения, затронувшие все этапы производственной цепочки: от первичной обработки сырья до конечной упаковки и дистрибуции готового продукта. По различным оценкам, более 70% всех пищевых продуктов, реализуемых в розничной торговле экономически развитых стран, в той или иной мере подвергаются промышленной технологической обработке. Внедрение высокотемпературных и сверхвысокочастотных методов обработки, технологий глубокой заморозки, модифицированных атмосфер хранения, нанотехнологий и биотехнологических процессов существенно изменило облик современного пищевого продукта. Только за период с 2000 по 2022 год число зарегистрированных в мире пищевых добавок возросло более чем на 40%, а доля ультрапереработанных продуктов (УПП) в суточном рационе жителей США, Великобритании и ряда стран Западной Европы достигла 50–60% от общей калорийности питания [4].

Гигиеническая наука в данном контексте приобретает принципиально важную роль: именно она призвана обеспечить научное обоснование стандартов безопасности, разработать методологию оценки рисков и сформировать критерии допустимости технологических новаций с позиций охраны здоровья населения [5]. Особую актуальность это приобретает в свете данных о том, что нерациональное питание, в том числе обусловленное потреблением технологически изменённых продуктов, входит в тройку ведущих факторов риска глобального бремени болезней, ежегодно являясь причиной около 11 миллионов предотвратимых смертей во всём мире.

Гигиеническая оценка: методологические подходы

Гигиеническая оценка качества и безопасности пищевых продуктов представляет собой многоуровневую систему, включающую несколько взаимосвязанных компонентов.

Санитарно-химический контроль направлен на определение содержания в продуктах питания потенциально опасных химических веществ: остаточных количеств пестицидов, ветеринарных препаратов, тяжёлых металлов, микотоксинов, нитратов, а также мигрирующих из упаковочных материалов соединений. В условиях технологических изменений особую актуальность приобретает контроль продуктов технологической трансформации нутриентов – акриламида, образующегося при высокотемпературной обработке крахмалсодержащих продуктов, гетероциклических аминов в продуктах термической обработки белковой пищи, фуранов и полициклических ароматических углеводородов [6].

Микробиологический контроль в условиях новых технологий приобретает новые аспекты. С одной стороны, современные методы обработки значительно снижают микробную контаминацию. С другой – увеличение сроков годности и применение модифицированных атмосфер создают условия для селекции нетипичных патогенных микроорганизмов, устойчивых к традиционным методам консервирования.

Оценка нутритивной ценности приобретает самостоятельное гигиеническое значение в контексте технологических изменений. Агрессивная промышленная обработка приводит к деградации термолабильных витаминов (прежде всего витамина С, тиамина, фолатов), изменению структуры белков и снижению биодоступности минеральных веществ. Гигиенически значимым является также вопрос о соотношении макронутриентов: ультрапереработанные продукты, как правило, характеризуются избыточным содержанием насыщенных жиров, простых углеводов и натрия при дефиците пищевых волокон [7].

Оценка риска как методологический инструмент получила широкое признание в международной практике гигиены питания. Она включает четыре последовательных этапа: идентификацию опасности, характеристику опасности (установление зависимости «доза – эффект»), оценку воздействия и характеристику риска. Применительно к новым пищевым технологиям этот подход позволяет количественно оценить вероятность и выраженность неблагоприятных эффектов для здоровья [8].

Актуальные гигиенические проблемы в контексте технологических изменений

Среди наиболее значимых гигиенических проблем, обусловленных технологической трансформацией пищевой промышленности, следует выделить следующие.

1. Проблема УПП (Ultra-Processed Foods, UPF). Многочисленные когортные исследования последних лет демонстрируют устойчивую ассоциацию между высоким потреблением УПП и повышенным риском развития ожирения, сахарного диабета 2 типа, сердечно-сосудистых заболеваний, отдельных форм злокачественных новообразований [9]. По данным масштабного проспективного исследования NutriNet-Santé (2019), проведённого во Франции с участием более 170 000 человек, каждые дополнительные 10% УПП в рационе ассоциированы с повышением риска сердечно-сосудистых заболеваний на 12%, онкологических заболеваний – на 11%, а общей смертности – на 14% [10]. Согласно классификации NOVA, к ультрапереработанным относятся продукты, содержащие пять и более пищевых добавок (ПД), при этом в развитых странах их доля в суточном рационе достигает 57–60% от общей калорийности. В Российской Федерации, по данным Роспотребнадзора за 2022 год, потребление ультрапереработанных продуктов среди городского населения возросло на 23% по сравнению с показателями десятилетней давности.

Механизмы неблагоприятного влияния UPF на здоровье реализуются через несколько взаимосвязанных патогенетических путей: нарушение пищевого поведения и формирование пищевой зависимости вследствие воздействия усилителей вкуса; дисбиоз кишечной микробиоты под влиянием эмульгаторов и искусственных подсластителей; системное провоспалительное действие ряда пищевых добавок; а также прямая нутритивная неполноценность продуктов с высоким содержанием простых углеводов, насыщенных жиров и натрия при дефиците пищевых волокон, микронутриентов и фитохимических соединений [4].

2. Проблема пищевых добавок. Действующая система гигиенического нормирования ПД базируется преимущественно на оценке изолированного воздействия каждого отдельного вещества [11]. Вместе с тем реальный пищевой рацион предполагает одновременное поступление множества добавок в составе различных продуктов питания [12]. По расчётным данным ряда европейских исследований, среднестатистический потребитель ежедневно подвергается воздействию от 40 до 80 различных пищевых добавок в совокупности. По данным EFSA (Европейского агентства по безопасности продуктов питания), около 12% потребителей в Европейском союзе имеют суммарную экспозицию к отдельным группам пищевых добавок, превышающую расчётно – допустимые уровни. Среди детей в возрасте до 10 лет этот показатель достигает 28–34%, что обусловлено как более высоким относительным потреблением продуктов с добавками на кг/ массы тела, так и незрелостью систем биотрансформации ксенобиотиков [13].

Проблема усугубляется тем обстоятельством, что синтез токсикологических данных по смесевому воздействию пищевых добавок методологически крайне затруднён: число возможных комбинаций исчисляется миллионами, тогда как ресурсы регуляторной токсикологии принципиально ограничены.

3. Проблема аллергенности новых пищевых продуктов. Технологические модификации белков (гидролиз, ферментация, экструзия итд) – способны как снижать, так и повышать аллергенный потенциал пищевых белков, что делает прогнозирование аллергологической безопасности новых продуктов исключительно сложной задачей. По данным ВОЗ, распространённость пищевой аллергии в популяции экономически развитых стран за последние три десятилетия возросла примерно втрое и в настоящее время составляет от 6 до 8% среди детей и от 2 до 4% среди взрослых. Ежегодно в мире регистрируется около 200 000 случаев тяжёлых анафилактических реакций, связанных с употреблением пищевых продуктов, из которых не менее 30 000 требуют госпитализации [14]. Особую гигиеническую проблему представляет широкое внедрение в пищевую промышленность альтернативных источников белка – насекомых, микроводорослей, грибных белков, чья аллергенная активность изучена недостаточно. Введение ГМО-культур с модифицированным белковым составом, также требует обязательной аллергологической экспертизы: история с трансгенной соей, содержавшей ген бразильского ореха, наглядно продемонстрировала реальность данного риска ещё в 1990-х годах [15].

4. Проблема нанотехнологий и наноматериалов. Применение наночастиц в пищевом производстве и упаковке стремительно расширяется: мировой рынок пищевых нанотехнологий оценивается в 10–15 миллиардов долларов США и демонстрирует ежегодный прирост около 8%. Наиболее широко используются диоксид титана (TiO_2) в качестве белого красителя, диоксид кремния (SiO_2) как антислёживающий агент, наночастицы серебра как антимикробный компонент упаковки. Принципиальная гигиеническая особенность наноматериалов состоит в том, что их биологическая активность качественно отличается от свойств тех же веществ в макроскопическом состоянии вследствие экстремально малого размера частиц (менее 100 нм) и огромной удельной площади поверхности. Наночастицы способны преодолевать гематоэнцефалический барьер, плацентарный барьер и эпителий кишечника, аккумулируясь в органах и тканях [16]. В 2022 году EFSA завершило переоценку безопасности TiO_2 как пищевой добавки (E171) и пришло к выводу о невозможности исключить его генотоксический потенциал, что повлекло запрет его применения в пищевых продуктах на территории ЕС. Данный прецедент наглядно демонстрирует необходимость опережающей гигиенической оценки наноматериалов до их широкого внедрения в пищевое производство [17].

5. Проблема антибиотикорезистентности как алиментарного риска. Широкое применение антибиотиков в животноводстве и аквакультуре создаёт реальный путь передачи резистентных микроорганизмов и генов резистентности через пищевую цепочку к человеку. По данным ВОЗ, около 80% всех производимых в мире антибиотиков используется в животноводстве, причём значительная их часть применяется в субтерапевтических дозах в качестве стимуляторов роста. Резидуальные количества антибиотиков, обнаруживаемые в продуктах животного происхождения, способны оказывать прямое воздействие на кишечную микробиоту потребителя, формируя условия для селекции резистентных штаммов [18]. Согласно прогнозам межправительственных экспертных групп, к 2050 году антибиотикорезистентность может стать причиной до 10 миллионов смертей ежегодно, и алиментарный путь передачи резистентности признаётся одним из значимых факторов в развитии данной глобальной угрозы. Гигиенический контроль содержания антибиотиков в продуктах питания, а также мониторинг распространённости резистентных микроорганизмов в пищевых продуктах приобретают в этой связи стратегическое значение для общественного здравоохранения.

Выводы

Технологическая трансформация пищевой промышленности порождает комплекс новых гигиенических вызовов, требующих системного научного и регуляторного реагирования. Масштаб распространения УПП достиг критического уровня и формирует устойчивый рост хронической неинфекционной патологии, что требует пересмотра подходов к нормированию состава продуктов и информированию потребителей. Действующая методология оценки безопасности пищевых добавок, основанная на изолированном нормировании отдельных веществ, не отражает реальной картины комплексной экспозиции, а разработка методологии оценки смесевого воздействия остаётся первоочередной научной задачей.

Нарастающее разнообразие новых пищевых продуктов опережает развитие инструментов аллергологической экспертизы, создавая реальные риски для сенсибилизированных лиц. Технологические контаминанты и вещества, мигрирующие из упаковочных материалов, представляют самостоятельную гигиеническую проблему, тогда как применение наноматериалов требует принципиально новых подходов

к токсикологической оценке с неукоснительным соблюдением принципа опережающей экспертизы. Наконец, алиментарный путь передачи антибиотикорезистентности приобретает стратегическое значение и должен рассматриваться как неотъемлемый элемент системы санитарно-эпидемиологической безопасности. В совокупности всё это свидетельствует о необходимости перехода от реактивной к проактивной модели гигиенического регулирования, способной опережать технологические изменения, а не следовать за ними.

Литература

1. Keddy KH, Hoffmann S, Founou LL, et al. Quantifying national burdens of foodborne disease-Four imperatives for global impact. PLOS Glob Public Health. 2025. No. 5(4): e0004309. doi:10.1371/journal.pgph.0004309

2. Nordhagen S, Lambertini E, DeWaal CS, McClafferty B, Neufeld LM. Integrating nutrition and food safety in food systems policy and programming. Global Food Security. 2022. Vol. 32:100593. doi: 10.1016/j.gfs.2021.100593

3. Willett W, Rockström J, Loken B, Springmann M, Lang T, et al. Food in the Anthropocene: the EAT-Lancet Commission on healthy diets from sustainable food systems. Lancet. 2019. Vol. 393(10170). Pp. 447–492. doi: 10.1016/S0140-6736(18)31788-4.

4. Baker P, Machado P, Santos T, Sievert K, Backholer K, Hadjikakou M, Russell C, Huse O, Bell C, Scrinis G, Worsley A, Friel S, Lawrence M. Ultra-processed foods and the nutrition transition: Global, regional and national trends, food systems transformations and political economy drivers. Obes Rev. 2020. Vol. 21(12): e13126. doi: 10.1111/obr.13126.

5. Кислицына, Л.В. Гигиеническая оценка содержания контаминантов в продуктах питания по данным социально-гигиенического мониторинга // Здоровье. Медицинская экология. Наука. – 2013. – № 2–3(52). – С. 49–53. – EDN RCLVJJ.

6. Марущак Е. С., Сердюкова Я.П. Санитарно-эпидемиологическая экспертиза пищевых продуктов // Академическая публицистика. – 2021. – № 5. – С. 137–140. – EDN SFKCYA.

7. Mieszczakowska-Frąc M, Celejewska K, Płocharski W. Impact of Innovative Technologies on the Content of Vitamin C and Its Bioavailability from Processed Fruit and Vegetable Products. Antioxidants (Basel). 2021;10(1):54. Published 2021 Jan 5. doi:10.3390/antiox10010054

8. Лопаева Н. Л., Неверова О.П., Галушина П.С. [и др.]. Гигиена питания как социальный фактор // Российский научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 586–589. – DOI 10.24412/2782–3830–2025–11–586–589. – EDN LMAJKD.

9. Baker P, Machado P, Santos T, Sievert K, Backholer K, Hadjikakou M, Russell C, Huse O, Bell C, Scrinis G, Worsley A, Friel S, Lawrence M. Ultra-processed foods and the nutrition transition: Global, regional and national trends, food systems transformations and political economy drivers. Obes Rev. 2020. Vol. 21(12): e13126. doi: 10.1111/obr.13126. Epub 2020 Aug 6. PMID: 32761763.

10. Bellicha A, Wendeu-Foyet G, Coumoul X, Koual M, Pierre F, Guéraud F, Zelek L, Debras C, Srour B, Sellem L, Kesse-Guyot E, Julia C, Galan P, Hercberg S, Deschasaux-Tanguy M, Touvier M. Dietary exposure to acrylamide and breast cancer risk: results from the NutriNet-Santé cohort. Am J Clin Nutr. 2022. No. 116(4). Pp. 911–919. doi: 10.1093/ajcn/nqac167.

11. Novais C, Molina AK, Abreu RMV, et al. Natural Food Colorants and Preservatives: A Review, a Demand, and a Challenge. J Agric Food Chem. 2022;70(9):2789–2805. doi:10.1021/acs.jafc.1c07533

12. Плещёв И. Е., Николенко В.Н., Ачкасов Е.Е., Преображенский Я.И., Гридин Л.А., Шкребко А.Н., Цоллер М.В. Влияние физических упражнений и нутритивной поддержки на пациентов пожилого и старческого возраста с саркопеническим ожирением // Acta Biomedica Scientifica. – 2024. – Т. 9, № 3. – С. 14–25. – EDN HAMPYA.

13. Kraemer MVDS, Fernandes AC, Chaddad MCC, et al. Food additives in childhood: a review on consumption and health consequences. Rev Saude Publica. 2022. No. 56:32. doi:10.11606/s1518-8787.2022056004060

14. Wong GW. Food allergies around the world. Front Nutr. 2024. Vol. 11:1373110. doi:10.3389/fnut.2024.1373110

15. Caradus JR. Processes for regulating genetically modified and gene edited plants. GM Crops Food. 2023. Vol. 31. No. 14(1). Pp. 1–41. doi: 10.1080/21645698.2023.2252947.

16. Lugani Y, Sooch BS, Singh P, Kumar S. Nanobiotechnology applications in food sector and future innovations. Microbial Biotechnology in Food and Health. 2021. Pp. 197–225. doi:10.1016/B978-0-12-819813-1.00008-6

17. Dand C, Bajaj A, Wairkar S. EFSA prohibits titanium dioxide in food– should pharmaceuticals be next? Toxicology. 2025. Vol. 513:154089. doi: 10.1016/j.tox.2025.154089.

18. Khalifa HO, Shikoray L, Mohamed MI, Habib I, Matsumoto T. Veterinary Drug Residues in the Food Chain as an Emerging Public Health Threat: Sources, Analytical Methods, Health Impacts, and Preventive Measures. Foods. 2024;13(11):1629. Published 2024 May 23. doi:10.3390/foods13111629

19. de Kraker ME, Stewardson AJ, Harbarth S. Will 10 Million People Die a Year due to Antimicrobial Resistance by 2050?. PLoS Med. 2016;13(11): e1002184. Published 2016 Nov 29. doi:10.1371/journal.pmed.1002184

MEDICAL AND HYGIENIC ASSESSMENT OF PUBLIC HEALTH RISKS IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE FOOD INDUSTRY

Pleshcheva T.N., Korneva M.I.

Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article discusses current issues of hygienic assessment of food quality and safety in the context of the rapid technological development of the food industry.

The topic of hygienic assessment of food products in the context of technological change is of great medical importance. The nutritional factor is recognized as one of the leading determinants of public health. According to the World Health Organization (WHO), poor nutrition is a cause or significant risk factor for the development of a wide range of chronic non-communicable diseases: cardiovascular pathology, type 2 diabetes, obesity, chronic diseases of the gastrointestinal tract, and certain forms of malignant neoplasms. The clinical significance of this problem is also determined by the increasing prevalence of food allergies and intolerances pathogenetically related to changes in the antigenic structure of technologically processed proteins.

The necessity of adapting the regulatory framework and methodological approaches to food safety assessment in the context of technological transformation of the industry is substantiated. It is emphasized that effective hygienic regulation in this area requires interdepartmental cooperation, integration of modern analytical methods, including genomic, proteomic and metabolomic technologies into the system of sanitary and epidemiological surveillance, as well as harmonization of national standards with international requirements within the framework of the Codex Alimentarius Commission (CAC) and JECFA recommendations.

Keywords: food hygiene, technological innovations, food additives, nutritional value, food industry, sanitary and epidemiological control

References

1. Keddy KH, Hoffmann S, Founou LL, et al. Quantifying national burdens of foodborne disease-Four imperatives for global impact. PLOS Glob Public Health. 2025. No. 5(4): e0004309. doi:10.1371/journal.pgph.0004309

2. Nordhagen S, Lambertini E, DeWaal CS, McClafferty B, Neufeld LM. Integrating nutrition and food safety in food systems policy and programming. Global Food Security. 2022. Vol. 32:100593. doi: 10.1016/j.gfs.2021.100593

3. Willett W, Rockström J, Loken B, Springmann M, Lang T, et al. Food in the Anthropocene: the EAT-Lancet Commission on healthy diets from sustainable food systems. Lancet. 2019. Vol. 393(10170). Pp. 447–492. doi: 10.1016/S0140-6736(18)31788-4.

4. Baker P, Machado P, Santos T, Sievert K, Backholer K, Hadjikakou M, Russell C, Huse O, Bell C, Scrinis G, Worsley A, Friel S, Lawrence M. Ultra-processed foods and the nutrition transition: Global, regional and national trends, food systems transformations and political economy drivers. Obes Rev. 2020. Vol. 21(12): e13126. doi: 10.1111/obr.13126.

5. Kislitsyna L.V. Hygienic assessment of the content of contaminants in food according to social and hygienic monitoring data / L.V. Kislitsyna // Health. Medical ecology. Science. 2013. No. 2–3(52). – Pp. 49–53.

6. Marushchak E. S., Serdyukova Ya.P. Sanitary and epidemiological examination of food products // Academic journalism. 2021. No. 5. Pp. 137–140.

7. Mieszczakowska-Frąc M, Celejewska K, Płocharski W. Impact of Innovative Technologies on the Content of Vitamin C and Its Bioavailability from Processed Fruit and Vegetable Products. Antioxidants (Basel). 2021;10(1):54. Published 2021 Jan 5. doi:10.3390/antiox10010054

8. Лопаева Н. Л., Неверова О.П., Галушина П.С. [и др.]. Гигиена питания как социальный фактор // Российский научный вестник. – 2025. – № 11. – С. 586–589. – DOI 10.24412/2782–3830–2025–11–586–589.

9. Baker P, Machado P, Santos T, Sievert K, Backholer K, Hadjikakou M, Russell C, Huse O, Bell C, Scrinis G, Worsley A, Friel S, Lawrence M. Ultra-processed foods and the nutrition transition: Global, regional and national trends, food systems transformations and political economy drivers. Obes Rev. 2020. Vol. 21(12): e13126. doi: 10.1111/obr.13126. Epub 2020 Aug 6. PMID: 32761763.

10. Bellicha A, Wendeu-Foyet G, Coumoul X, Koual M, Pierre F, Guéraud F, Zelek L, Debras C, Srour B, Sellem L, Kesse-Guyot E, Julia C, Galan P, Hercberg S, Deschasaux-Tanguy M, Touvier M. Dietary exposure to acrylamide and breast cancer risk: results from the NutriNet-Santé cohort. Am J Clin Nutr. 2022. No. 116(4). Pp. 911–919. doi: 10.1093/ajcn/nqac167.

11. Novais C, Molina AK, Abreu RMV, et al. Natural Food Colorants and Preservatives: A Review, a Demand, and a Challenge. J Agric Food Chem. 2022;70(9):2789–2805. doi:10.1021/acs.jafc.1c07533

12. Pleshchev I.E., Nikolenko V.N., Achkasov E.E., Preobrazhenskiy Ya.I., Gridin L.A., Shkrebko A.N., Tsoller M.V. The effect of exercise and nutritional support on elderly and senile patients with sarcopenic obesity // Acta Biomedica Scientifica. 2024. Vol. 9(3). Pp. 14–25. https://doi.org/10.29413/ABS.2024–9.3.2

13. Kraemer MVDS, Fernandes AC, Chaddad MCC, et al. Food additives in childhood: a review on consumption and health consequences. Rev Saude Publica. 2022. No. 56:32. doi:10.11606/s1518-8787.2022056004060

14. Wong GW. Food allergies around the world. Front Nutr. 2024. Vol. 11:1373110. doi:10.3389/fnut.2024.1373110

15. Caradus JR. Processes for regulating genetically modified and gene edited plants. GM Crops Food. 2023. Vol. 31. No. 14(1). Pp. 1–41. doi: 10.1080/21645698.2023.2252947.

16. Lugani Y, Sooch BS, Singh P, Kumar S. Nanobiotechnology applications in food sector and future innovations. Microbial Biotechnology in Food and Health. 2021. Pp. 197–225. doi:10.1016/B978-0-12-819813-1.00008-6

17. Dand C, Bajaj A, Wairkar S. EFSA prohibits titanium dioxide in food– should pharmaceuticals be next? Toxicology. 2025. Vol. 513:154089. doi: 10.1016/j.tox.2025.154089.

18. Khalifa HO, Shikoray L, Mohamed MI, Habib I, Matsumoto T. Veterinary Drug Residues in the Food Chain as an Emerging Public Health Threat: Sources, Analytical Methods, Health Impacts, and Preventive Measures. Foods. 2024;13(11):1629. Published 2024 May 23. doi:10.3390/foods13111629

19. de Kraker ME, Stewardson AJ, Harbarth S. Will 10 Million People Die a Year due to Antimicrobial Resistance by 2050?. PLoS Med. 2016;13(11): e1002184. Published 2016 Nov 29. doi:10.1371/journal.pmed.1002184

Алгоритмическая модерация цифровых платформ как фактор трансформации политического участия граждан в условиях цифрового

Плотников Павел Сергеевич,
аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт деловой карьеры»
E-mail: anndpowec@mail.ru

Современное развитие политических систем неразрывно связано с процессами цифровой трансформации государственного управления и публичной коммуникации. Феномен «цифрового государства» предполагает не только перевод государственных услуг в онлайн-среду, но и изменение механизмов взаимодействия между властью, институтами гражданского общества и отдельными индивидами. В этих условиях эффективным инструментом политического участия становятся крупные цифровые платформы – социальные сети, мессенджеры, агрегаторы контента и специализированные сервисы обсуждения государственных инициатив. Статья посвящена анализу влияния алгоритмической модерации цифровых платформ на трансформацию политического участия граждан в условиях становления цифрового государства. В условиях, когда цифровые платформы становятся ключевыми посредниками между государством и обществом, алгоритмические системы модерации контента выполняют не только техническую, но и политико-регулятивную функцию. Рассматривается, каким образом скрытые алгоритмы отбора, ранжирования, фильтрации и блокировки контента изменяют политическую повестку, формируют новые формы участия и создают феномен «программируемой публичной сферы». Особое внимание уделяется двойственному эффекту алгоритмической модерации. С одной стороны, она снижает риски дезинформации и деструктивного поведения, с другой – способствует политической фрагментации, подавлению свободы голоса и появлению цифровых форм скрытого управления гражданской активностью. Предлагаются подходы к концептуализации доверия и прозрачности алгоритмов как необходимым условиям сохранения суверенитета политического субъекта в цифровом государстве.

Ключевые слова: алгоритмическая модерация, цифровое государство, политическое участие, цифровые платформы, искусственный интеллект, политическая коммуникация, социальные сети, цифровая демократия, политическая мобилизация, цифровизация политики.

Введение

Цифровое государство предполагает не только предоставление услуг онлайн, но и формирование гибридного публичного пространства, где социальные сети, мессенджеры и агрегаторы контента становятся ключевыми аренами политического участия. Алгоритмическая модерация – это автоматизированная фильтрация, ранжирование, маркировка или удаление контента, изначально она создавалась для борьбы со спамом и незаконным контентом, но быстро превратилась в инструмент управления политическим дискурсом. Алгоритмическая модерация – это автоматизированный процесс проверки и фильтрации пользовательского контента на цифровых платформах (соцсетях, маркетплейсах, форумах) с помощью программных правил и моделей машинного обучения. Она устанавливает границы допустимого высказывания, структурирует политическую повестку, формирует видимость (или невидимость) определённых мнений, мобилизует или блокирует коллективные политические действия, а также незаметно для граждан изменяет саму логику их участия в политической жизни.

Проблемная ситуация, таким образом, характеризуется растущим разрывом между декларируемой доступностью цифровых каналов для политического участия и фактическим контролем, осуществляемым через алгоритмическую модерацию как со стороны платформ, так и со стороны государства. Граждане, действуя в рамках цифрового государства, всё чаще сталкиваются с эффектом «невидимой руки» алгоритмов: их политические высказывания либо усиливаются цифровыми механизмами, либо систематически подавляются, а критерии таких решений остаются непрозрачными и редко подлежат публичной апелляции.

В России: с 2022 года действуют законы о «приземлении» платформ и авторизации через ЕСИА. Алгоритмическая модерация становится инструментом защиты суверенитета, но одновременно ограничивает трансграничное политическое участие граждан. Политология только начинает адаптировать методы для анализа алгоритмов, отсутствуют четкие теории того, как именно ранжирование комментариев градиентом машинного обучения влияет на формирование политической воли граждан. Без понимания этого механизма цифровое государство не сможет выстроить справедливую политику участия.

Обсуждение и результаты

Сегодня политическая коммуникация массово переместилась на частные цифровые платформы (ВКонтакте, Telegram). Здесь модерация контента осуществляется не государством и не обществом напрямую, а алгоритмами, которые ранжируют, фильтруют, удаляют или продвигают политические сообщения, что напрямую меняет доступ граждан к политической информации и формам участия.

Цифровое государство (электронное правительство, умное государство) с одной стороны предоставляет каналы для участия (например, порталы петиций), с другой – все чаще использует или регулирует алгоритмическую модерацию на крупных платформах. Государство становится как регулятором, так и бенефициаром алгоритмов. Алгоритмическая модерация может как расширять, так и сужать политическое участие. В позитивном аспекте этот процесс нацелен на борьбу с дезинформацией, спамом, ненавистью, защищая качества общественной дискуссии. Демократия, основанная на принципах от крытости и конкуренции, оказывается одновременно наиболее восприимчивой к инновациям и наиболее уязвимой к последствиям неконтролируемого цифрового воздействия [1]. Но «теневая модерация» (твиттер-бан, демонетизация, понижение охватов) политических взглядов без формального нарушения правил приводит к самоцензуре и охлаждению политической активности граждан, особенно оппозиционных групп.

Современное развитие политических систем характеризуется углубляющейся цифровой трансформацией публичной сферы, затрагивающей базовые механизмы политического участия, коммуникации и институционального воспроизводства власти. Цифровые технологии все в большей степени интегрируются в практики публичного управления и демократического взаимодействия, формируя новые формы включенности граждан в политический процесс [8]. Алгоритмы поро-

дили беспрецедентные формы участия: «алгоритмический активизм» (координация действий через рекомендательные системы), «бойкоты алгоритмов» (флуд, репорт-волны), использование ботов для лоббирования. В цифровом государстве гражданин имеет право на политическое участие, но платформы (особенно зарубежные) не гарантируют конституционных прав. Алгоритмическая модерация часто нарушает принципы прозрачности, равенства, судебной защиты, что создает конфликт между частным регулированием (ToS платформ) и публичным правом (политическими свободами).

Таблица 1. Трансформация форм политического участия в условиях цифровизации

Традиционные формы	Цифровые формы
митинги	онлайн-активизм
партийные собрания	цифровые сообщества
агитационные материалы	алгоритмический таргетинг
обращения граждан	чат-боты и цифровые платформы

Цифровая среда не только изменяет барьеры участия, но и радикально переформатирует механизмы вовлечения, формируя ситуативное, персонализированное и алгоритмически управ ляемое электоральное поведение [12].

Алгоритмы не нейтральны: они обучаются на данных, содержащих исторические и институциональные предубеждения. В результате легитимное политическое высказывание может быть ошибочно помечено как «дезинформация» или «разжигание розни» из-за отсутствия контекста. Маргинализация альтернативных точек зрения происходит не через прямой запрет, а через понижение видимости в ленте. Граждане начинают использовать эвфемизмы, символы или переходят в закрытые каналы, что сужает процесс публичности политической сферы.

Алгоритмы рекомендаций определяют, что увидят пользователи, они получают в основном совместимый с их предыдущими предпочтениями контент, что снижает готовность к компромиссу и диалогу. Приоритизации эмоционального и конфликтного контента повышает вовлеченность, что стимулирует не рациональное участие (обсуждение программ), а аффективное (гнев, возмущение, триггерная мобилизация). Цифровые платформы часто встраивают алгоритмические рейтинги граждан, в результате чего политическое участие сводится к подтверждению лояльности (лайки, репосты официальных сообщений), алгоритмы поощряют конформизм. Протестные действия (координация через группы) автоматически детектятся и подавляются до того, как возникнут (алгоритмическое превентивное управление). Граждане не знают правил модерации в реальном времени, а апелляционные механизмы часто формальны или отсутствуют. Это порождает отказ от политического высказывания из страха случайной блокировки, перевод участия в формат «скрытых практик» (использование VPN, децентрализованных соцсетей, шифрованных мессенджеров), что усложняет демократический контроль и подотчетность.

Рассмотрим сферу влияния алгоритмической модерации на типы политического участия (табл. 2).

Таблица 2. Влияние на типы политического участия

Тип участия	Действия алгоритмической модерации
Электоральное	Таргетированная агитация алгоритмами; риск манипуляции через микросигментирование. Модерация может блокировать одних кандидатов и продвигать других.
Консультативное (опросы, петиции)	Алгоритмы решают, кому покажут петицию; сбор подписей легко ботится, но модерация может отсеивать «неудобные» петиции как спам.
Протестное	Детекция координации создает упреждающее ограничение аккаунтов. Однако алгоритмы не различают мирный протест и насилие, что криминализирует гражданскую активность.
Дискурсивное (обсуждение политики)	Сильная зависимость от дизайна платформы: на одних – токсичность фильтруется, на других – алгоритмы создают поляризацию. Снижается доля сложных, нюансированных аргументов.

Цифровое государство может использовать три модели взаимодействия с платформенной модерацией:

1. Прямая координация: государство через законодательство (закон о «приземлении» в РФ, законы о суверенном интернете) обязывает платформы передавать алгоритмические решения под государственный надзор или даже внедрять государственные фильтры (реестр запрещенной информации). В результате политическое участие сужается до безопасной, предсказуемой повестки.

2. Делегирование: государство перекладывает модерацию на сами платформы, получая рычаги через штрафы за неудаление незаконного контента. В результате платформы гипер-модерируют, чтобы избежать рисков, что ударяет по маргинальным и оппозиционным мнениям.

3. Государство как платформа: единая цифровая среда с встроенной алгоритмической модерацией. Политическое участие полностью опосредовано государственными алгоритмами, но есть риск превращения участия в ритуал одобрения. Данная модель в России не действует, характерна для Эстонии, Китая.

Алгоритмы социальных сетей и цифровых платформ не являются нейтральными посредниками. Они активно формируют политическое поведение, используя три основных механизма: фильтрацию контента, персонализацию ленты и оптимизацию вовлеченности (удержание внимания любой ценой). Алгоритмы показывают пользователю то, что ему скорее всего понравится (исходя из прошлых лайков, кликов и времени просмотра), что ведет к изоляции от оппозиционных взглядов. Люди начинают воспринимать свою экстремальную или узкую точку зрения как мнение большинства, растет внутригрупповая солидарность и враждебность к «чужим», снижается готовность к компромиссам, растет политическая поляризация. Алгоритмы повсеместно отдают приоритет эмоционально-заряженному контенту, поэтому что он вызывает больше кликов, комментариев и репостов. Платформы иногда подталкивают пользователя от умеренных взглядов к экстремальным. Например, просмотр политического юмора может привести к рекомендации «разоблачений заговора», так как алгоритм видит высокую вовлеченность на шокирующем контенте. Умеренные избиратели сдвигаются к полюсам, политический дискурс становится агрессивнее. Люди чаще выходят на уличные протесты под влиянием эмоциональных роликов, даже без понимания сути вопроса.

Используя данные о поведении, алгоритмы позволяют политикам отправлять разным группам совершенно разные сообщения. Происходит манипуляция актуальными темами (страхи, предрассудки, надежды) каждого конкретного человека. Люди голосуют не за программу, а за эмоциональный триггер, подобранный алгоритмом. Лайк, репост или смена аватарки в поддержку чего-либо не требуют усилий, алгоритмы поощряют такие легкие действия, показывая их друзьям пользователя. Возникает иллюзия, что политическое участие уже состоялось, что снижает вероятность реальных действий, при этом в кризисных ситуациях соцсети, наоборот, могут мгновенно мобилизовать людей.

Алгоритмы борются за время пользователя, поэтому они решают дилемму: правдивый, но скучный контент или ложный, но сенсационный. Deepfakes, откровенные фейки и теории заговора распространяются в разы быстрее опровержений, алгоритм не оценивает истинность, он оценивает вовлеченность. Люди перестают доверять любым институтам (СМИ, судам, науке), голосование становится не выбором между политиками, а выбором между параллельными реальностями (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительная характеристика алгоритмической модерации цифровых платформ

Платформа	Тип алгоритмов	Особенности модерации	Политические риски
Meta	рекомендательные алгоритмы	персонализация контента	информационные пузыри
TikTok	AI-рекомендации	продвижение вирусного контента	манипуляция мнением
Telegram	минимальная модерация	высокая скорость распространения	распространение фейков
VK	автоматическая фильтрация	интеграция с цифровыми сервисами	цифровой контроль

Алгоритмы социальных платформ фундаментально меняют природу избирательных процессов. Исследователи ввели термин «TikTokкратия» для описания феномена, когда алгоритмические системы начинают определять электорат, минуя традиционные механизмы демократического волеизъявления.

В настоящее время TikTok стал наиболее влиятельной платформой для политической мобилизации молодежи, особенно в Центральной и Восточной Европе. Его ключевые характеристики как политического инструмента – это формат коротких эмоциональных видео идеально подходит для эмоциональной радикализации, алгоритмический дизайн механически усиливает поляризующий контент, норма-

лизуя экстремистскую риторику, скоординированное неаутентичное поведение с использованием фейковых аккаунтов, платных инфлюенсеров для создания иллюзии органической поддержки. В Румынии, Болгарии и Косово исследователи задокументировали использование TikTok-сетей для искусственного усиления кандидатов и нарративов в электоральные периоды.

Telegram стал центральной платформой протестной координации, но с серьезными компромиссами по безопасности. Преимущества его в том, что имеются публичные чаты с возможностью создания тематических веток, это одна из немногих платформ, позволяющая тысячам незнакомых людей координироваться, есть функции анонсов, голосований, распространения медиа. Но в работе платформы существуют и риски, такие как отсутствие сквозного шифрования для групп и каналов по умолчанию, доступ ко всем метаданным и содержанию сообщений, возможные связи инфраструктуры серверов с ФСБ России.

Упоминание VK в современных западных исследованиях практически отсутствует из-за региональной ограниченности. В контексте российской политики VK остается ключевой платформой, но ее влияние на глобальные демократические процессы минимально по сравнению с другими платформами.

Российское законодательство об искусственном интеллекте находится в стадии активного формирования. Ключевым документом в этой сфере выступает проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», разработанный Минцифры России. Законопроект вводит принципиально новый подход: требования к системам ИИ дифференцируются в зависимости от степени их влияния на жизнь человека и общество, то есть чем выше потенциальные риски от использования ИИ, тем строже регуляторные требования. При этом закон не распространяется на сферы обороны, безопасности государства и охраны правопорядка. Законопроект вводит легальные определения ключевых понятий: «искусственный интеллект», «система искусственного интеллекта», «сервис искусственного интеллекта», «модель искусственного интеллекта». Кроме того, устанавливаются четыре ключевые роли участников оборота ИИ-технологий.

В сфере защиты информации уже действуют требования Приказа ФСТЭК России от 11 апреля 2025 года № 117, устанавливающие особые правила для государственных информационных систем при использовании ИИ. Ключевым требованием выступает исключение несанкционированного доступа и предотвращение использования систем не по назначению. Кейс с использованием нейросетей стал настолько вероятной угрозой, что потребовал немедленного законодательного реагирования. Особо выделен запрет на воссоздание образов ушедших из жизни исторических личностей: Владимира Ленина, Иосифа Сталина и Владимира Жириновского. Эксперты объясняют, что образ ЛДПР долгое время держался на харизме её основателя. Создание нейросети, которая могла бы общаться с избирателями голосом и мимикой Жириновского, автоматически дало бы партии колоссальное преимущество перед конкурентами.

В апреле 2026 года Комитет Госдумы по информационной политике рекомендовал отклонить законопроект об обязательной маркировке контента, сгенерированного искусственным интеллектом. Депутаты сочли норму избыточной и технически нереализуемой, отметив, что при таком подходе маркировать пришлось бы уже 90% всего интернета.

Ожидается, что закон вступит в силу с 1 сентября 2027 года, что дает бизнесу время для подготовки: внедрения механизмов маркировки, создания альтернативных «человеческих» каналов обслуживания и анализа используемых ИИ-моделей на предмет трансграничной передачи данных.

Российская модель цифрового государства демонстрирует качественный сдвиг: государство переходит от автоматизации отдельных административных процедур к построению единых управляемых цифровых контуров. Этот переход утвержден стратегическими документами, в частности распоряжением Правительства № 398-р от 2 марта 2026 года о цифровой трансформации строительства и ЖКХ до 2030 года. В юридическом измерении это означает формирование цифрового суверенитета управления, при котором данные становятся основным объектом регулирования; решения принимаются на основе агрегированной, верифицированной информации; контроль осуществляется не постфактум, а в режиме реального времени.

Цифровые технологии создали новые каналы политического участия, но одновременно породили новые риски. Новые возможности – это приложение «Мобильный избиратель», которое позволяет голосовать в несколько касаний; дистанционное электронное голосование (ДЭГ) снижает административные барьеры; онлайн-сервисы избирательных комиссий упрощают взаимодействие с избирателями. Существующие риски и вызовы связаны с растущим цифровым неравенством (разный уровень доступа к технологиям); уязвимостью кибербезопасности; информационными пузырями, угрожающими фрагментацией публичной сферы и подрывом доверия в обществе. Цифровизация смягчает многие технические барьеры участия, но создает новые вызовы для целостности политического сообщества.

Избирательная кампания 2026 года в России демонстрирует неожиданный тренд – возвращение к офлайн-методам агитации, что связано с ограничениями интернет-среды и нестабильностью цифровых каналов. Политические партии вынуждены адаптироваться в этом процессе. «Единая Россия» делает ставку на прямые, личные коммуникации кандидатов и избирателей в условиях возможных ограничений мобильной передачи данных, КПРФ ведет работу «от двери к двери», устанавливая «кубы», организовывая раздачу агитационных материалов, в ЛДПР первоочередной задачей является работа «на земле», «Новые люди» раздает интернет с помощью проекта «WiFi-феи».

Технологии ИИ стремительно входят в политическую практику, но встречают правовые ограничения. На конференции РАПК 2026 года выделен отдельный трек «Цифровая реальность: ИИ, большие данные и электоральные стратегии. В условиях фрагментации медиапространства и нестабильности цифровых каналов политические консультанты вынуждены разрабатывать новые форматы взаимодействия с избирателями и модели формирования образов кандидатов.

Выводы

Алгоритмическая модерация – это новый политический институт. В цифровом государстве она системно трансформирует политическое участие: снижает его автономность, переформатирует политический язык в соответствии с оптимизационными метриками платформ и создает асимметрию между государством/корпорациями и гражданином. Без вдумчивого публичного регулирования и технических контрмер существует риск, что политическое участие выродится в алгоритмически управляемую симуляцию, а реальная гражданская инициатива будет систематически подавляться во имя «безопасности» или «эффективности».

Алгоритмы действуют не как пропагандист, а как усилитель эмоций и групповой идентичности. Они меняют политическое поведение через ускорение, радикализацию, фрагментацию. Цифровые платформы стали основной средой политической коммуникации, особенно для молодого поколения. Они не только расширяют доступ к участию, но и переопределяют нормы этого участия, вводя собственную алгоритмическую логику. Следствием становится гибридизация демократических процедур и возникновение феномена «алгоритмического гражданства», при котором возможности и результаты участия зависят от архитектуры платформы, а не только от воли граждан.

Выявленные риски – цензура со стороны платформ, непрозрачность решений, дискриминация, политически мотивированное подавление контента, отсутствие эффективной апелляции – указывают на критический дефицит регуляторной среды. Существующие подходы саморегулирования и общие принципы защиты данных недостаточны для контроля за алгоритмической модерацией контента в политическом контексте. Следовательно, существует необходимость разработки и внедрения специализированного правового регулирования, которое установило бы требования к прозрачности, объяснимости решений модерации; процедуры независимого аудита алгоритмов; механизмы судебной и административной защиты прав пользователей; запрет на использование алгоритмической модерации для подавления политической конкуренции и оппозиционных взглядов. Параллельно требуется формирование этических стандартов для разработчиков и операторов платформ, включая принципы соразмерности, недискриминации и сохранения политического плюрализма в цифровой среде.

Литература

1. Адамс О.Ю., Цян Чун. Влияние цифровых технологий на политические процессы и дипломатическое взаимодействие: постановка проблемы // Вестник ВГУ. 2025. № 3. С. 12–18.

2. Батырева М.В., Карагулян Е.А. Методология оценки эффективности электронного участия граждан в социально-политических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 167–183.

3. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 1. С. 84–103.

4. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. Москва: Проспект, 2024. 496 с.

5. Габидулина Э.Р. Политический активизм в цифровой среде: новые формы участия // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 89–96.

6. Дзидзоев Р.М., Лолаева А.С. Цифровая (электронная) демократия в России: понятие и пределы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 2(14). С. 14–20.

7. Добробаба М.Б. Цифровая демократия в России как компонент цифрового государства // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 2. С. 27–34.

8. Каримов Э.Р. Цифровая демократия как форма политического участия: институциональные эффекты и нормативные риски // История, культурология, политология. 2026. № 1. С. 109–116.

9. Кирюшин И.А. Влияние цифровизации на электоральное поведение граждан в современной России // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы. Сборник статей Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС. Москва, 2024. С. 78–85.

10. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs полити ка цифровизации // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 47–68.

11. Победин П.К. Использование искусственного интеллекта и цифровых технологий как метода политического влияния на молодежь // Пост советский материк. 2024. № 4 (44). С. 65–78.

12. Тованчова Е.Н. Цифровая политическая социализация и изменение электоральной динамики в условиях социотехнологической трансформации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 212–221.

13. Третьяков Н.А. Цифровые платформы и общественный контроль публичной политики: кейс онлайн-услуг в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 5. С. 169–175.

14. Adler-Nissen R., Eggeling K.A. Blended Diplomacy: The Entangle ment and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice // European Journal of International Relations. 2022. № 28 (3). P. 640–666.

15. Hirblinger A.T. Making Peace with Un-Certainty: Refl ections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype // International Studies Perspectives. 2024. № 25. P. 185–225.

ALGORITHMIC MODERATION OF DIGITAL PLATFORMS AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF CITIZEN POLITICAL PARTICIPATION IN THE DIGITAL STATE

Plotnikov P.S.
Institute of business career

The modern development of political systems is inextricably linked to the digital transformation of public administration and public communication. The phenomenon of the «digital state» presupposes not only the transfer of public services to an online environment but also a change in the mechanisms of interaction between government, civil society institutions, and individuals. In this context, large digital platforms–social networks, instant messaging apps, content aggregators, and specialized services for discussing government initiatives–are emerging as effective tools for political participation. This article analyzes the impact of algorithmic moderation of digital platforms on the transformation of citizen political participation in the context of the emergence of the digital state. With digital platforms becoming key intermediaries between the state and society, algorithmic content moderation systems perform not only a technical but also a political and regulatory function. This article examines how hidden algorithms for selecting, ranking, filtering, and blocking content are reshaping the political agenda, shaping new forms of participation, and creating the phenomenon of a «programmable public sphere.» Particular attention is paid to the dual effects of algorithmic moderation. On the one hand, it reduces the risks of disinformation and destructive behavior, while on the other, it contributes to political fragmentation, the suppression of free speech, and the emergence of digital forms of hidden governance of civic engagement. Approaches to conceptualizing trust and transparency in algorithms as necessary conditions for maintaining the sovereignty of political actors in a digital state are proposed.

Keywords: algorithmic moderation, digital state, political participation, digital platforms, artificial intelligence, political communication, social networks, digital democracy, political mobilization, digitalization of politics.

References

1. Adams, O. Yu., Qiang Chun. «The Impact of Digital Technologies on Political Processes and Diplomatic Interaction: Statement of the Problem.» VSU Bulletin. 2025. № 3. Pp. 12–18.

2. Batyreva, M. V., Karagulyan, E. A. «Methodology for Assessing the Effectiveness of Citizen Electronic Participation in Socio-Political Processes.» Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15. № 3. Pp. 167–183.

3. Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N. «Traditional Political Institutions in the Context of Digitalization: Risks and Prospects of Transformation.» Discourse-Pi. 2022. Vol. 19, № 1. Pp. 84–103.

4. Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S.N. Digital Technologies and Artificial Intelligence in Modern Politics. Moscow: Prospect, 2024. 496 p.

5. Gabidulina E.R. Political Activism in the Digital Environment: New Forms of Participation // Social and Humanitarian Knowledge. 2022. № 1. Pp. 89–96.

6. Dzidzoev R.M., Lolaeva A.S. Digital (Electronic) Democracy in Russia: Concept and Limits // Law Bulletin of Kuban State University. 2022. № 2(14). Pp. 14–20.

7. Dobrobaba M.B. Digital Democracy in Russia as a Component of the Digital State // Actual Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20. № 2. Pp. 27–34.

8. Karimov E.R. Digital Democracy as a Form of Political Participation: Institutional Effects and Normative Risks // History, Cultural Studies, Political Science. 2026. № 1. Pp. 109–116.

9. Kiryushin I.A. The Impact of Digitalization on the Electoral Behavior of Citizens in Modern Russia // Public Administration and Development of Russia: Civilizational Challenges and National Interests. Collection of articles from the Conference Session of the Institute of Public Administration and Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, 2024. Pp. 78–85.

10. Konkov A.E. Digitalization of Politics vs. Digitalization Policy // Bulletin of St. Petersburg State University. International Relations. 2020. Vol. 13, № 1. Pp. 47–68.

11. Pobedin P.K. Use of Artificial Intelligence and Digital Technologies as a Method of Political Influence on Young People // Post-Soviet Continent. 2024. № 4 (44). Pp. 65–78.

12. Tovanchova E.N. Digital Political Socialization and Changing Electoral Dynamics in the Context of Sociotechnological Transformation // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. 2025. № 2. Pp. 212–221.

13. Tretyakov N.A. Digital Platforms and Public Control of Public Policy: The Case of Online Services in Modern Russia // Society: Politics, Economics, Law. 2025. № 5. Pp. 169–175.

14. Adler-Nissen R., Eggeling K.A. Blended Diplomacy: The Entanglement and Contestation of Digital Technologies in Everyday Diplomatic Practice // European Journal of International Relations. 2022. № 28 (3). R. 640–666.

15. Hirblinger A.T. Making Peace with Un-Certainty: Reflections on the Role of Digital Technology in Peace Processes beyond the Data Hype // International Studies Perspectives. 2024. № 25. P. 185–225.

От имитации к коммуникации: лингводидактический потенциал киноремейка в аудитории РКИ

Пономарева Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: olga.ff.olga@gmail.com

Статья посвящена анализу лингводидактического потенциала киноремейка (интерпретационного переосмысления оригинального кинопроизведения) в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Исследование основано на опыте проектной работы на базе НИУ МГСУ со студентами первого курса бакалавриата из Республики Конго, Замбии, Афганистана, Монголии, изучающими РКИ, а также российскими студентами-волонтерами. В качестве учебного материала использовались российские фильмы «Бриллиантовая рука», «Старший сын», «Двенадцать стульев» и советско-болгарский фильм «Русалочка». Рассматривается переход от имитационного воспроизведения реплик к самостоятельному коммуникативному действию в процессе создания ремейков. Особое внимание уделяется освоению разговорной речи, идиоматики, интонационных моделей, культурно маркированной лексики и советских реалий. Анализ практического материала показывает, что включение иностранных студентов в совместную творческую деятельность с носителями языка способствует снижению речевого барьера, развитию спонтанной речи и формированию устойчивой мотивации к изучению русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, РКИ, лингводидактика, ремейк, киноремейк, проектное обучение, разговорная речь, межкультурная коммуникация.

В последние годы в методике преподавания русского языка как иностранного все большее внимание уделяется практикам, ориентированным на развитие естественной коммуникации. В центре внимания оказывается уже не только усвоение грамматических моделей или расширение словарного запаса, но и способность обучающихся использовать язык в реальных ситуациях общения. В этом отношении особый интерес представляет работа с кинотекстом, поскольку художественный фильм сочетает речевую, культурную и эмоциональную составляющие.

Тем не менее использование фильмов на занятиях по РКИ нередко остается в рамках традиционной схемы: просмотр фрагмента, обсуждение сюжета, выполнение упражнений на лексику и грамматику. Подобная модель помогает формировать навыки аудирования, однако далеко не всегда способствует развитию самостоятельной речи. Студент чаще воспроизводит уже готовые языковые конструкции, чем создаёт собственное высказывание.

В данной статье рассматривается опыт использования киноремейка как формы проектной работы, позволяющей перевести учебную коммуникацию в более естественную плоскость. Особенность методики заключалась в том, что иностранные студенты не ограничивались повторением реплик героев, а переосмысляли сцены российских фильмов, адаптируя их к современным реалиям и собственному коммуникативному опыту.

Методологическую основу исследования составили труды Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина, Е.И. Пассова, Н.В. Кулибиной, В.Г. Костомарова, И.А. Гончар, посвященные коммуникативному подходу и использованию аутентичных материалов в преподавании РКИ. Важное значение имели также работы В.В. Красных и Д.Б. Гудкова, рассматривающих прецедентные тексты как часть культурной памяти носителей языка.

Исследователи отмечают, что простая демонстрация темы не рождает мотив говорить. Как отмечает Е.И. Пассов, полноценное обучение устной речи невозможно без опоры на ситуативность. Исследователь принципиально разграничивает учебные темы («В магазине», «В кино») и реальные речевые ситуации. По мнению автора, традиционное заучивание лексических списков в рамках искусственно очерченной темы не способно породить у студента подлинный мотив к общению. Ситуация – это не просто внешние обстоятельства (место и время действия), а динамическая система психологических и социальных взаимоотношений между говорящими. Автор подчеркивает: «Ситуация существует как динамическая система отношений общающихся субъектов… и именно эти отношения, а не внешняя обстановка, определяют характер и направленность речевого акта» [1, с. 118]. Художественный фильм в данном контексте решает эту методическую проблему, выступая готовой моделью таких взаимоотношений.

Исследователи отмечают потенциал художественного текста и аудиовизуальной рецепции.

Согласно концепции Н.В. Кулибиной, художественный текст является оптимальным средством обучения, поскольку он избыточен по своей природе и содержит ситуативные подсказки, помогающие иностранцу расшифровать скрытый прагматический подтекст: «Читая художественный текст, иностранец имеет дело не с препарированным языковым материалом, а с живой тканью языка, где смысл рождается на стыке контекста и культуры» [2, с. 42].

И.А. Гончар исследует звучащий (аудиовизуальный) текст как самостоятельный объект лингводидактики [3]. По мнению исследователя, студент должен научиться распознавать интонационные маркеры на слух, через аудиовизуальный ряд, а не читать их с экрана. Как пишет И.А. Гончар, полноценное овладение русским языком требует от иностранных учащихся формирования гибких навыков слухового восприятия речи, позволяющих декодировать звучащий текст без постоянного обращения к напечатанному тексту.

Теоретическую основу исследования составили труды А.Н. Щукина, Э.Г. Азимова, Е.И. Пассова, Н.В. Кулибиной, В.Г. Костомарова и И.А. Гончар, посвященные коммуникативному подходу и использованию аутентичных материалов в преподавании русского языка как иностранного. Особое значение для настоящего исследования имели также работы В.В. Красных и Д.Б. Гудкова, рассматривающих прецедентные феномены как важную составляющую культурной памяти носителей языка и межкультурной коммуникации.

Теоретические положения коммуникативной методики и проектного обучения получили практическую проверку в ходе работы со смешанными студенческими группами на базе НИУ МГСУ. Проект реализовывался в смешанных группах: в работе принимали участие иностранные студенты (с уровнем владения языком В1–В2) из Конго, Замбии, Монголии, Афганистана, а также российские студенты младших курсов.

Такой формат оказался методически продуктивным прежде всего потому, что речевое взаимодействие выходило за рамки учебного диалога. Обсуждение сценария, распределение ролей, репетиции и съёмочный процесс требовали постоянной коммуникации на русском языке. При этом иностранные студенты сталкивались не с адаптированной учебной речью, а с живыми разговорными моделями, которые использовали их российские коллеги.

Организация смешанных групп имела принципиальное методическое значение. Наличие носителей языка заметно меняло характер общения в группе и позволяло вывести коммуникацию за пределы формального учебного взаимодействия и приблизить ее к естественной речевой среде. Во время репетиций иностранные учащиеся начинали обращаться к носителям языка не только по поводу текста роли, но и по поводу бытовых коммуникативных ситуаций: уточняли значение разговорных слов, спрашивали, насколько естественно звучит та или иная реплика, обсуждали интонацию и жесты персонажей.

Именно в такой коммуникативной среде проектная деятельность переставала быть исключительно учебным заданием и приобретала характер реального межкультурного взаимодействия, в котором русский язык использовался как инструмент решения практических и творческих задач.

Уже после нескольких репетиций общение переставало ограничиваться сценарием фильма. Студенты обсуждали монтаж, спорили о вариантах сцен, предлагали собственные реплики. Русский язык постепенно становился не учебным объектом, а рабочим инструментом совместной деятельности.

В качестве рабочего материала были выбраны советские фильмы «Бриллиантовая рука», «Старший сын», «Двенадцать стульев», а советско-болгарский фильм «Русалочка» (реж. В. Бычков), снятый по мотивам сказки Ханса Кристиана Андерсена. Выбор кинолент объясняется не только их значимостью для русской культуры, но и богатством разговорной речи, наличием устойчивых выражений, языковой игры и разнообразных коммуникативных ситуаций.

Работа строилась поэтапно и включала просмотр сцен, обсуждение культурных реалий, анализ разговорной лексики, переработку сценария, репетиции и последующую съемку.

Практика показала, что наиболее активное речевое взаимодействие происходило именно на этапе обсуждения и адаптации сцен. Так, при работе с фильмом «Бриллиантовая рука» у студентов возникало большое количество вопросов, связанных с пониманием разговорных реплик: «*Наши люди в булочную на такси не ездят*», «*Будем искать*», «*Шеф, всё пропало*». Иностранные учащиеся достаточно быстро понимали буквальный смысл фраз, однако испытывали трудности при интерпретации их иронического или ситуативного значения.

Особое внимание привлекла сцена, в которой герой Папанова, наблюдая за Горбунковым из автомобиля, произносит: «Лопух!». Для части студентов слово «лопух» ассоциировалось исключительно с растением, поэтому эмоциональный смысл реплики оставался неочевидным. В процессе обсуждения русские студенты объясняли разговорное значение слова –«наивный», «простодушный человек, которого легко обмануть». Дополнительно анализировались интонация, мимика героя и сам комический контекст сцены. После этого выражение стало активно использоваться студентами уже вне учебной работы – в шутках, репетициях и бытовом общении.

Интерес иностранных студентов вызывали и особенности разговорного синтаксиса. Во время работы над фильмом «Старший сын» внимание участников привлек диалог Бусыгина и Сильвы:

– Что?

– Что «что»?

Первоначально подобная конструкция воспринималась иностранными участниками как нелогичная. Студенты отмечали, что одинаковое слово в пределах одной реплики неожиданно меняет коммуникативную функцию. Обсуждение показало, что в разговорной речи подобная модель используется для выражения раздражения, недовольства или эмоционального переспроса. После анализа интонации и ситуации общения иностранные студенты начали самостоятельно использовать аналогичные конструкции:

– Какое «завтра»?

– Что значит «нормально»?

Подобные примеры оказались важны для понимания того, что смысл в живой русской речи формируется не только грамматически, но и интонационно.

Сложности возникали и при восприятии советского юмора. Многие комические реплики требовали культурного комментария. Так, выражение «*цигель-цигель, ай-лю-лю*» воспринималось студентами как бессмысленный звуковой набор до тех пор, пока не обсуждалась сама ситуация общения и комический эффект реплики.

Работа с подобными сценами позволяла студентам осваивать:

- разговорные модели;
- интонационные схемы;
- эмоционально окрашенную лексику;
- элементы речевого поведения;
- прагматические особенности русской коммуникации.

Особое место заняла работа с ремейком фильма «Русалочка». в котором студенты обратились не только к современному кинотексту, но и к элементам русского фольклора. В одну из сцен был включён аутентичный славянский фольклор – обрядовая песня «На гряной няделе русалки сядели…». Исполнение этой песни студенткой из Конго стало одним из наиболее запоминающихся моментов проекта и вызвало сильный эмоциональный отклик как у иностранных, так и у российских участников. Иностранные и российские студенты вместе с преподавателем разбирали специфический звуковой строй песни – «яканье», гортанные возгласы («у!», «ууу-й!»), призванные передать хтоническую, мифическую атмосферу.

С методической точки зрения этот фрагмент был крайне показательный. Иностранной студентке было трудно осваивать фольклорный текст не столько на уровне произношения звуков, сколько на уровне интонации, ритма и культурного понимания содержания. Лексика архаична, фонетическая структура народной песни отличается от привычного современному человеку разговорного русского языка, а темп исполнения замедлен.

Во время подготовки ремейка преподаватель объяснял студентам значение отдельных слов и месте образа русалки в славянской мифологии. Участники проекта рассказывали, есть ли в их культуре подобный фольклорный образ. В результате работа над песней постепенно вышла за рамки фонетического упражнения и превратилась в элемент межкультурного диалога.

Особого внимания заслуживает динамика восприятия песни во время репетиционного процесса. Если изначально текст казался иностранным студентам стилистически чуждым и далеким от того русского языка, который они привыкли слышать, то после работы над контекстом и вписывания его в драматургию ремейка текст стал звучать эмоционально насыщенно.

Для российских студентов исполнение русской народной песни студенткой из Конго тоже стало значимым культурным событием. Многие говорили, что обычный для них фольклорный материал начинает звучать по-новому, когда он «проходит» сквозь другую языковую и культурную интонацию. Так происходит не только процесс освоения русской культуры иностранными студентами, но и своего рода рефлексия над собственным культурным материалом у российских участников проекта.

Помимо ремейка классики студенты подготовили собственную интерпретацию фильма «Русалочка» – детективную. Работа над двумя версиями ремейка усиливала самостоятельность обучающихся. Если при создании ремейков фильмов «Бриллиантовая рука», «Старший сын», «Двенадцать стульев» студенты в большей степени опирались на оригинальный сценарий, то в случае с «Русалочкой» они уже значительно свободнее перестраивали сюжет, предлагали собственные линии развития действия и экспериментировали с речевыми моделями.

Наблюдения за учебным процессом показали, что такая вариативность способствует лучшему усвоению языка. У студентов формируется не просто умение воспроизводить устойчивые формы, но и понимание русской речи как живой системы, зависящей от жанра, интонации и коммуникативной задачи.

Через работу с фольклором, современными кинопроизведениями и жанровую трансформацию иностранные студенты осваивали разные пласты русской культуры и русского языка – от народной традиции до современной кинематографической репрезентации мифологических образов.

Опыты жанрового перевода одного и того же кинотекста оказались эффективными не только для тренировки устной речи, но и для формирования многослойного восприятия русской языковой и культурной реальности картины мира.

Съемки значительно уменьшали страх ошибки. Во время групповой работы участники фокусировались не на грамматической безу-

пречности фразы, а на выполнении практического задания – построении сцены и взаимодействии друг с другом.

По итогам работы был подведен итог:

- увеличение количества спонтанной речи;
- более свободное обращение с разговорными средствами;
- формирование умений аудирования;
- развитие коммуникативных навыков.

Кроме того, взаимодействие студентов из России и других стран создавало стабильную атмосферу спонтанной коммуникации на русском языке, что особенно важно для иностранцев-первокурсников.

Полученные данные дают основания рассматривать киноремейк как продуктивный лингводидактический ресурс в аудитории РКИ, способствующий переходу от репродуктивного усвоения готовых речевых схем к самостоятельному коммуникативному действию и одновременно углубляющему межкультурное взаимодействие иноязычного студента со средствами русской культуры.

Литература

1. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. – Москва: Просвещение, 1991. – 223 с.
2. Кулибина Н.В. Художественный фильм на уроках русского языка как иностранного /Н. В. Кулибина. – Москва: Русский язык. Курсы, 2015. – 304
3. Гончар И.А. Послушайте, посмотрите, поговорите: художественный фильм на уроке РКИ / И.А. Гончар. – Санкт-Петербург: Русский язык. Курсы, 2018. – 164 с.
4. Щукин А.Н. Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам: учебное пособие / А.Н. Щукин. – 4-е изд. – Москва: Филоматис, 2024. – 192 с.
5. Азимов Э.Г. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва: Русский язык. Курсы, 2018. – 496 с.
6. Хруненкова А.В. Использование потенциала советского кинематографа в практике преподавании русского языка как иностранного / А.В. Хруненкова // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 4 (287). – С. 42–47.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – Москва: Гнозис, 2002. – 284 с.
8. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е.С. Полат. – Москва Академия, 2009. – 272 с.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 320 с.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.

FROM IMITATION TO COMMUNICATION: LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF A FILM REMAKE IN THE RFL CLASSROOM

Ponomareva O.V.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article examines the linguodidactic potential of film remakes (interpretative reinterpretations of original films) in the practice of teaching Russian as a Foreign Language (RFL). The study is based on project-based learning experience conducted at Moscow State University of Civil Engineering involving first-year undergraduate students from the Republic of the Congo, Zambia, Afghanistan, and Mongolia studying RFL, as well as Russian volunteer students. The educational material included the Russian films «Бриллиантовая рука», «Старший сын», «Двенадцать стульев» and Soviet-Bulgarian film «Русалочка». The article explores the transition from imitative reproduction of film dialogues to independent communicative action in the process of creating remakes. Particular attention is paid to the acquisition of colloquial speech patterns, idiomatic expressions, intonation models, culturally marked vocabulary, and Soviet cultural realities. The analysis of the practical material demonstrates that involving international students in collaborative creative activities with native speakers helps reduce language barriers, develop spontaneous speech, and foster sustained motivation for learning Russian.

Keywords: Russian as a Foreign Language, RFL, linguodidactics, remake, film remake, project-based learning, colloquial speech, intercultural communication.

References

1. Passov, E. I. (1991). Kommunikativny metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu [Communicative method of teaching foreign language speaking]. Moscow: Prosveshchenie. 223 p.
2. Kulibina, N. V. (2015). Khudozhestvenny film na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo [Feature film in Russian as a foreign language lessons]. Moscow: Russky Yazyk. Kursy. 304 p.
3. Gonchar, I. A. (2018). Poslushayte, posmotrite, pogovorite: khudozhestvenny film na uroke RKI [Listen, watch, talk: feature film in the RFL lesson]. St. Petersburg: Russky Yazyk. Kursy. 164 p.
4. Shchukin, A. N. (2024). Sovremennye intensivnye metody i tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam: uchebnoe posobie [Modern intensive methods and technologies of teaching foreign languages: a textbook] (4th ed.). Moscow: Filomatis. 192 p.
5. Azimov, E. G., & Shchukin, A. N. (2018). Sovremenny slovar metodicheskikh terminov i ponyaty (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [Modern dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow: Russky Yazyk. Kursy. 496 p.
6. Khrunenkova, A. V. (2021). Ispolzovanie potentsiala sovetskogo kinematografa v praktike prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Using the potential of Soviet cinema in the practice of teaching Russian as a foreign language]. Russky Yazyk za Rubezhom [Russian Language Abroad], (4), 42–47.
7. Krasnykh, V. V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology]. Moscow: Gnosis. 284 p.
8. Polat, E. S. (2009). Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya [New pedagogical and information technologies in the education system]. Moscow: Akademiya. 272 p.
9. Kostomarov, V. G. (1999). Yazykovoy vkus epokhi [Language taste of the era]. St. Petersburg: Zlatoust. 320 p.
10. Bakhtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo. 424 p.

Особенности адаптации и интеграции мигрантов в современном обществе

Рязанова Татьяна Александровна,
старший преподаватель кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета; старший преподаватель кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
E-mail: ps1970_2010@mail.ru

Крейк Альфред Иосифович,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета; доцент кафедры социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
E-mail: alfredkreyk@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор отечественных и зарубежных подходов к изучению адаптации и интеграции мигрантов в условиях современного общества. Рассматриваются теоретические основы процесса адаптации, прежде всего как сложного и динамического, включающего в себя различные аспекты, такие как социальные, культурные, психологические и другие. Особое внимание уделено адаптационным стратегиям мигрантов, а также макро- и микро-факторам, определяющим выбор стратегии. Описаны основные формы проявления адаптации: культурная, социальная, экономическая и т.д., а также её ключевые характеристики: длительность, нелинейность и т.д. Отмечается различие между адаптацией и интеграцией: если адаптация имеет пассивный характер, то интеграция предполагает активное включение мигранта в социальные институты. Анализируются модели интеграции (ассимиляция, сегрегация, мультикультурализм, плюрализм), раскрываются их преимущества и ограничения. В рамках данного исследования акцентируется внимание на специфике и сути стратегии интеграции. В статье подчёркивается актуальность комплексного подхода к изучению миграционных процессов.

Ключевые слова: мигранты, новая страна, особенности адаптации, интеграция, современное общество.

Поскольку мигранты вынуждены адаптироваться в стране прибытия к новому для них социуму, поэтому в широком смысле у них происходит социальная адаптация. Она определяется как «процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой социальной среды» [1, с. 3]. Соответственно, адаптация для мигранта в стране прибытия – это процесс, при котором он выстраивает в ранее незнакомом для себя социуме новую поведенческую модель, которая должна обеспечить ему улучшение качества его жизни. От того, насколько мигрант будет удовлетворен при переезде на новое место жительства и от того, будет ли он доволен уровнем своей жизни в новой стране, зависят его последующие взаимоотношения с окружающими людьми, органами власти и социумом страны прибытия в целом [2]. Иными словами, благоустроенность мигранта на новом месте жительства в совокупности с личным психоэмоциональным балансом предопределяют качество его жизни в стране пребывания.

Рассмотрение адаптации мигранта в стране прибытия как процесс, означает последовательную смену явлений, состояний, событий, ситуаций, стадий и т.п., или – совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенных целей, получение конкретных результатов.

Согласно теории, разработанной Л.Л. Рыбаковским, процесс адаптации индивидов в социуме может иметь один из трех возможных вариантов. К первому относится привыкание человека к незнакомой для него социальной и демографической среде, под которой подразумевается место его жительства в конкретном населенном пункте. Второй вид адаптации представляет собой перемещение индивида на новое место жительства (в другую страну), социальный и экономический статус которого кардинально отличается от этих же характеристик прежнего места его проживания. Третий вид адаптации представляет собой переселение индивида в регион с новыми для него природными, экологическими, географическими условиями проживания, к которым ему еще предстоит привыкнуть [3].

Выделяют следующие стадии, которыми характеризуется процесс миграции.

1. Первая – подготовительная (собственно миграция).
2. Вторая – адаптация (период, за который индивид привыкает к новым условиям жизни и трудовой деятельности) [4].

Адаптация мигрантов к новой среде обитания представляет собой следующие процессы:

1. Процесс привыкания к социальной и демографической среде.
2. Процесс привыкания к условиям проживания в новом поселении.
3. Процесс привыкания к природным, географическим, климатическим условиям [5].

Перечисленные процессы неизбежны для каждого мигранта.

Пребывая в новой для себя стране, мигрант обычно придерживается одной из двух тактик: или он повседневно общается с коренными жителями или же ведет изолированный образ жизни. Обе эти тактики жизни мигрантов в стране прибытия проявляются в виде основных адаптационных стратегий. Конкретизация этих адаптационных стратегий мигрантов в новой стране представлена далее [6].

Первый вид – стратегия «геттоизации». Она характеризуется тем, что попадая в непривычную для себя социальную среду, мигранты, по возможности, изолируют себя от прямых взаимодействий с чужой для них культурой, что обеспечивает приехавшему профилактику так называемого «культурного шока».

Второй вид – стратегия «культурной колонизации». Соблюдая эту адаптационную стратегию, мигрант крайне неадекватно воспринимает новые условия проживания и трудовой деятельности страны прибытия, критикует окружающие явления, процессы, в целом культуру, отвергая их.

Третий вид – стратегия «ассимиляции». При этой адаптационной стратегии мигрант добровольно или вынужденно отказывается от своей прежней культуры, в пользу культуры нового места проживания и сложившихся в этой среде жизненных устоев, традиций.

Четвертый вид адаптационной стратегии – интеграция, которая иногда определяется как аккультурация. Она признается предпочтительным вариантом адаптационной стратегии, поскольку при таком варианте вхождения мигранта в новую среду проживания он не только

не отказывается от культуры страны, из которой приехал, но и проходит параллельную интернализацию. Данная стратегия предполагает также активизацию паритетного межкультурного диалога между мигрантом и доминирующим этническим большинством страны; и при этом взаимное приспособление сторон: мигранту необходимо усвоить базовые ценности, нормы, знания и социокультурные образцы новой среды проживания, а принимающему сообществу – адаптировать свои социальные институты к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп. Если обе стороны заинтересованы в поддержании собственных культур и позитивных, конструктивных отношений с представителями другой культуры – это означает факт осуществления стратегии интеграции. Она предполагает сохранение и возможное развитие собственной культуры мигранта, и его интеграцию с культурой большинства населения страны пребывания.

Пятый вид адаптационной стратегии – это маргинализация. Такой процесс привыкания характеризуется дезадаптивностью, поскольку мигрант демонстрирует неспособность или нежелание и неготовность приспособиться к социальной реальности страны прибытия.

Выбор мигрантом определенной адаптационной стратегии предопределяется множеством микро-социальных и макро-социальных факторов.

К микро-социальным факторам адаптационной стратегии относится следующие.

1. Жизненные ценности, возраст, наличие образования, а также его уровень, стремление к коммуникациям с окружающими, уровень самооценки и другие индивидуальные и личностные характеристики мигрантов, проходящих процесс адаптации.

2. Степень сходств и отличий между двумя этническими культурами – той, из которой мигрант переселился, и той, которая свойственна месту его нового места жительства.

Выделяют следующие макросоциальные факторы адаптационной стратегии:

1. Политическая, социальная, экономическая обстановка в стране, в которую переселился индивид.

2. Особенности иммиграционной, этнической и национальной политики властей страны прибытия мигранта.

3. Правовой статус страны прибытия, которому соответствует мигрант.

4. Фактор наличия либо отсутствия объединений или групп людей, сформированных по критерию принадлежности к определенной территории (сюда относятся ассоциации, землячества, объединения соотечественников) страны прибытия мигранта.

5. Фактор преступности, коррупции и пр. в стране прибытия мигранта [7, с. 22].

Анализ изложенного выше позволяет сделать вывод, что едва ли не единственная правильная стратегия для мигрантов в стране прибытия – это соблюдение стратегии аккультурации, что предполагает возможность не только сохранения своей собственной культуры и усвоение культуры той страны, в которую индивид прибыл, но и характеризуется возможностью продуктивных взаимодействий с окружающими, проживая на новой для него территории.

Стратегии же колонизации, ассимиляции и маргинализации не способны обусловить жизненно желаемые взаимодействия мигранта с представителями социума и структурами его нового места жительства, и в большинстве своем влекут последующую неудовлетворенность мигранта проживанием на новом месте пребывания.

У социальной адаптации есть разные формы и виды, что зависит от оснований и критериев определения феномена. Пример: социально-психологическая форма, личностно-психологическая, социокультурная форма, учебная, ролевая, профессиональная. Также существует вынужденная и добровольная адаптация.

Выделяют следующие модели социальной адаптации.

1. Принудительная адаптация, при которой эффективность процесса привыкания мигранта зависит от условий и требований, которые исходят от общества страны, принявшей его.

2. Встречная адаптация, при которой социальная среда и мигрант продуктивно взаимодействуют.

3. Ресурсная адаптация, когда мигрант устанавливает параметры, а также условия привыкания и цели осуществления этого процесса по мере своей интерпретации социальной реальности без давления, оказываемого со стороны общества принявшей страны.

4. Фоновая адаптация, при которой не только мигрант, но и общество страны его прибытия, по мере привыкания, придерживаются тактики пассивности [8].

Отечественные исследователи выявили, что адаптированность и дезадаптированность наиболее часто соответствует двум критериям – внешнему и внутреннему. В первом случае результат процесса адаптации предполагает степень его соответствия требованиям социума. Исходя из внутреннего критерия, подразумевается актуальность психоэмоционального комфорта, что характеризуется появлением у индивида чувства удовлетворенности от его взаимодействий с социумом [9].

Обращая внимание на наличие у процесса адаптации указанных выше критериев, можно сделать вывод, что результат, к которому приводит приспособление мигранта к новым условиям жизнедеятельности, допустимо считать оптимальным только в том случае, если он соответствует не только внешнему, но и внутреннему критерию.

Учитывая сочетание внешнего и внутреннего критериев адаптации, отечественные исследователи предложили рассматривать типологию процесса социальной адаптации исключительно с точки зрения его пользы и безопасности для самого человека и окружающей его среды [10]. Такая адаптация может быть определена как позитивная. При этом позитивная адаптация не предполагает потери и разрушения, которые претерпел индивид по мере прохождения процесса приспособления к новым условиям среды [11]. Напротив, она предполагает личностный рост, а также достижения, которые появились у индивида за время его привыкания к условиям нового места проживания.

По мнению Н.Н. Мельниковой, процесс адаптации характеризуют следующие признаки:

- контактность-избегание;
- направление осуществляемых перемен (она считает, что по мере изменения окружающей среды, перемены происходят и в самом индивиде);
- активность-пассивность человека [12].

Объектом изучения адаптации мигрантов зарубежными исследователями зачастую является экономическая сторона привыкания индивидов к новым условиям жизни и трудовой деятельности. В частности, они оценивают процесс адаптации с точки зрения того, насколько мигранты способны обеспечить для себя доступность рынка труда в принявшей их стране, а также состоятельны ли они в вопросе восстановления своего статуса (профессионального и экономического) [13].

Рассматривая социокультурный вид адаптации, можно прийти к следующему выводу: значительное внимание в ее изучении уделяется уровню качества, а также эффективности взаимоотношений индивидов, переселившихся на ранее незнакомую территорию, с представителями местного социума [14].

Важную роль в процессе прохождения периода адаптации мигранта имеют модели государственного регулирования принимающей страны. В этом аспекте выделяют следующие 4 основных модели: полное исключение, избирательное исключение, которое определяется как сегрегация; а также ассимиляция и плюрализм [15]. Далее даны характеристики каждой из этих моделей поведения принимающей мигрантов страны.

1. Суть модели «полное исключение» заключается в создании условий, при которых мигрантам невозможен въезд в определенную страну.

2. Модель «сегрегация» предполагает ситуацию, при которой мигранты могут пересекать границу для занятия определенной вакансии на рынке труда, но при этом ограничены в допуске к другим сферам жизнедеятельности. Исключение – юридические процессы, к числу которых относится отказ в предоставлении гражданства или неофициальные методы: к ним относится дискриминация, расизм. В этих случаях мигрантам ограничен доступ к социально-экономической и политической сфере жизнедеятельности страны.

3. Модель «ассимиляция» представляет собой механизм включения мигрантов в социальную среду страны прибытия посредством адаптации. Согласно этой модели, страна, принявшая мигрантов, создает благоприятные условия для их приспособления к новой обстановке. В свою очередь, мигранты, согласно модели ассимиляции, становятся максимально схожими с коренным населением страны, поскольку отказываются от своих социокультурных и лингвистических характеристик в пользу нового для них общества. Изучению модели ассимиляции уделили внимание не только отечественные, но и западные социологи – особенно, научные деятели из университетов США. В своих трудах они рассматривали ассимиляцию, как необратимое и неизбежное событие, которое предстоит пройти всем мигрантам, принявшим решение навсегда поселиться в принявшей их стране. Учитывая специфику, которой характеризуется ассимиляция, после длительных дискуссий она была заменена политикой интеграции. Будучи более слабой формой ассимиляции, она является механизмом, суть которого лежит в постепенности адаптационного процесса для мигрантов. Основополагающую роль в процессе интеграции играет фактор единства и взаимодействия мигрантов с представителями принявшей их страны.

4. Плюрализм представляет собой модель, при которой общество принимает мигрантов и признает в качестве отдельного этнического сообщества, имеющего отличия от преобладающей части населения страны по разным критериям, в числе которых – язык, культура, поведение в социуме. Согласно модели «плюрализм», иммигранты и представители нового для них общества получают равные права только при условии принятия первыми основных ценностей социума страны прибытия.

Если проанализировать различные модели поведения, которых придерживаются сами мигранты и которым следуют представители стран, принимающих иммигрантов, можно сформулировать следующие последствия.

1. Среди людей, переселившихся на новое место жительства, наблюдается высокий процент маргинализации. Между приезжими (мигрантами) и представителями коренного населения имеется существенная дифференциация. Особенно, в странах, в которых взаимодействия мигрантов и представителей местного населения основываются на принципе сегрегации, что отличает их от стран, для которых актуален плюрализм.

2. Враждебность в отношении мигрантов и проявление расизма относительно них в большей степени наблюдаются в странах, в которых взаимодействия между местным населением и мигрантами основаны на модели сегрегации и ассимиляции.

3. Наивысшая степень сепаратизма, независимо от его вида (культурного, религиозного или же этнического) совместно с политической мобилизацией властвующих структур, чаще наблюдается в странах, где действует сегрегация.

Если сравнивать взаимодействия мигрантов и представителей местного населения по модели сегрегации и ассимиляции, а также сопоставлять каждую из этих моделей поведения с рассмотренными выше вариантами (плюрализмом, полным или избирательным исключением), можно сделать не оптимистичный для мигрантов вывод. В частности, что такие формы взаимодействий способствуют укреплению сформировавшихся из мигрантов этнических меньшинств, к которым принимающая страна не относится как к легитимной части своего социума.

То, какой поведенческой тактики мигрантам придерживаться в новой для них стране, предопределяется комплексом факторов, а также мотивацией смены места жительства и трудовой деятельности каждого прибывшего. Но, прежде всего, как мигрантам принимать участие в новом для них социуме, зависит от отличия переселившихся от представителей коренного населения по расовому признаку, а также от разницы в возрасте, полу, состоянии здоровья, степени образованности. Также основополагающие факторы – изъявление стремления адаптироваться к новым условиям, продолжительность планируемого нахождения на новом месте жительства.

По мнению Т.Н. Юдиной, при переселении в другую страну мигранты придерживаются нескольких стратегий, среди которых преобладают следующие: мультикультурная, стратегия интеграции и ассимиляции [15, с. 43]. Ниже представлены их характеристики.

Мультикультурная стратегия предполагает осуществление мигрантом минимальных личностных изменений и незначительного приложения усилий в отношении прохождения адаптации. Переселившись в среду, в которой, невзирая на различия в культуре и мировоззрении, ценности мигранта и принявшего его общества взаимно уважаются, индивиду удается сохранить свою приверженность своему вероисповеданию, обычаям, навыкам, искусству.

Стратегия интеграции предполагает, что мигрант будет изучать новые для себя модели поведения в новом для него социуме; при этом возможность соблюдения собственных, привычных для него элементов культуры, у него лишь частичная.

Согласно стратегии ассимиляции, мигрант должен отказаться от собственной культуры в пользу усвоения культуры той страны, в которую он переселился. При выполнения этого условия образ жизни индивида и его поведение будут признаны культурой, преобладающей в принявшей мигранта стране. Такой стратегии могут придерживаться как специалисты, имеющие высокий уровень квалификации, так и люди, которые планируют получить статус беженцев.

О.Л. Проскурякова считает, что в качестве обобщающего критерия оценки уровня социальной адаптированности мигрантов может выступать такой показатель, как степень удовлетворенности человека условиями и качеством новой жизни. При этом берется в расчет не только материальный, но и духовный аспекты. Однако, в то же время, по ее мнению, в зависимости от сложившейся ситуации в обществе страны прибытия мигранта, возможной нравственной деградации и обесценивания прежних духовных ориентиров данный показатель может использоваться лишь с определенной корректировкой [16, с. 59].

Что касается непосредственно мигранта, то он достигает либо состояния адаптивности, либо неадаптивности, что проявляется в соответствии или несоответствии целей его деятельности и достигнутых результатов.

В рамках данного исследования акцентируется внимание на специфике и сути стратегии интеграции, поскольку по мнению специалистов в области миграции, она – наиболее эффективная. Итальянский исследователь Роберто Чиприани рассматривает интеграцию как поиск равновесия в группе, сообществе, обществе в целом [17, с. 56].

Социальная интеграция – это «объединение в целое каких-либо частей и элементов, различных социальных групп и индивидов; характеристика меры совпадения их целей и интересов» [18, с. 374]. Т.Н. Юдина считает, что социальная интеграция представляет собой систему, сочетание процессов, за счет которых происходит взаимодействие отдельных частей, составляющих элементов. Механизм социальной интеграции может быть актуальным в пределах уже имеющейся, сформированной группы или общности, либо же в рамках образования новой системы (из элементов, которые ранее не были связаны). Такая форма интеграции выполняет функцию сохранения баланса между социальными взаимоотношениями отдельных индивидов, групп, стран [19].

Социальная интеграция проявляет себя в следующих видах:
– нормативная, которая служит проявлением взаимодействий между фактическим поведением представителей социума и культурными шаблонами;
– культурная, включающая договоренности между людьми о нормах поведения и культурных шаблонов при взаимодействиях друг с другом, синхронность автономных структур этнических символов;
– функциональная, имеющая фундамент в виде синхронизации и выгодного взаимообмена услугами между индивидами в социуме;
– коммуникативная, за основу которой взято культурное информационное сотрудничество между людьми, включая использование общественных символов того или иного этноса; она выражает уровень распространения своего влияния в масштабах конкретного объединения индивидов или народа в целом [15, с. 67].

Преобладания конкретных начал интеграции провоцирует трансформацию интеграционных процессов в последовательные действия с соответствующими изменениями. На этом фоне идентифицируются принудительная и естественная общественная интеграция. Первая включает ограничения на возможность разделения или преобладания первостепенности общественных интересов над собственными (яркий пример – тоталитаризм). Вторая строится на фундаменте комплексной синхронизации потребностей, увлечений членов общества и конкретного индивида.

Разнообразие социума страны прибытия мигранта является актуальным по ходу его интеграции. Синхронность общественных различий и создание единой структуры соответствия индивидуальных планов и предпочтений мигранта в совокупности трансформируют стандартную социальную интеграцию в среде страны прибытия в наиболее устойчивую, надежную, долговременную.

Последовательное выполнение мигрантом определенных институциональных начал страны прибытия и преобразование его общественных начал проявляется в виде социальной интеграции, переплетающейся на ментальном, социокультурном, этническом и локационном уровне с аккультурацией.

Естественная интеграция мигранта возникает на основе совпадения его индивидуальных и групповых интересов. Принудительная интеграция строится посредством запрета на, в первую очередь, институциональные различия, подчинения личных интересов мигранта заданным извне.

В принципе интеграция мигранта не обязательно погашает для него социальное разнообразие в стране прибытия. Напротив, самая жизнеспособная разновидность социальной интеграции складывается из единства разнообразия и формирования целостности на основе совпадения отдельных целей и интересов.

Социальную интеграцию рассматривают как процесс, тесно связанный с другими процессами, типа социализации, аккультурации, ассимиляции, адаптации, т.е. как некий результат этих процессов.

Целесообразно отметить несколько вариантов осознания мигрантом своей социальной интеграции. Один из них основан на исследовании С.Н. Эйзенштадта и идентифицируется как абсорбция или поглощение. Он включает следующие три основных показателя.

1. Данные повышения социокультурного развития индивида как иммигранта, приспосабливающегося к местному быту, нормам поведения, традициям и культуре.

2. Степень волнения мигранта в отношении собственных преобразований, изменений предпочтений и индивидуальных качеств со стороны государства прибытия.

3. Уровень тревожности мигранта по поводу статуса, положения в основном этносе страны прибытия и общественном устройстве новой страны его эмигрантской группы.

Отражение в восприятии личностных изменений мигрантов под давлением культуры, законодательства и социума страны прибытия описал Милтон Гордон [20]. Он идентифицирует интеграцию в качестве ассимиляции как однобокий процесс, в котором мигранты полностью подстраиваются под непривычный формат культуры и быта нового социума. С точки зрения автора, различают семь видов ассимиляции, которые представлены далее.

1. Глобальная трансформация менталитета и обычаев мигрантов в стандартные для местных этнических групп (структурный тип процесса).

2. Преобразование жизненных взглядов, ценностей, приоритетов, обычаев, повышение уровня культуры, приспосабливание мигрантов под местные религиозные традиции.

3. Проявление у мигрантов ассимиляционной принадлежности.

4. Множественные заключения смешанных типов браков мигрантов с представителями местной культуры.

5. Исключение для мигрантов дискриминационных факторов (ассимиляция осознания поведенческих процессов).

6. Исключение у мигрантов их прежних предрассудков (ассимиляция осознания отношения).

7. Исключение у мигрантов споров, разногласий и конфликтных ситуаций с представителями органов власти (гражданско-правовая ассимиляция) [20].

Основное кредо М. Гордон по вопросу социальной интеграции мигрантов следующее: любой из видов ассимиляции способен проявляться локационно в разной интенсивности, но повышение уровня социокультурного развития возможно исключительно в рамках комплексной ассимиляции [20].

Будучи эффективной стратегией повышения уровня освоения местной культуры для мигрантов, осуществление их полноценной интеграции в местное общество страны прибытия требует аналогичного отношения со стороны представителей коренного населения страны пребывания. Интеграция способствует взаимному принятию мигрантов и представителей общества страны их прибытия. В отличие от интеграции, ассимиляция обусловливает для мигрантов потерю своей культуры. Разделение представляет собой стратегию роста культуры, которая выбирается отдельно взятым мигрантом или же группой лиц.

Миграция выполняет следующие функции.

1. Переселение мигрантов из одного места в другое обычно вызвано определенными жизненными обстоятельствами, поэтому данное решение зачастую способствует улучшению жизни переселяющихся людей. Это означает, что данный процесс повышает жизненный уровень мигрирующего в другую страну населения.

2. Вторая функция миграции – изменение качественного состава населения.

3. Третья функция – ускорительная. Территориальные перемещения людей приводят к изменению их социально-психологических характеристик, углублению развития личности (происходит накопление знаний, обмен трудовыми навыками и производственным опытом) и трансформации ее материальных, социальных и духовных потребностей.

Исходя из этого, можно утверждать, что миграция ведет к развитию мигрантов.

Только посредством прохождения процесса адаптации каждый человек (а в конкретном, рассматриваемом случае – мигрант) становится органичной составляющей единицей социума. Осуществляя свое культурное преобразование, которое объединяет в себе изменение ценностей, норм, поведения и других личностных аспектов, мигранты меняют свой образ жизни. Однако, несмотря на это, они нередко не копируют поведение и мировоззрение представителей коренного населения принявшей их страны, а создают благоприятные условия для достижения взаимного понимания в новом для них обществе.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что интеграция мигрантов представляет собой сложный процесс, в котором они связаны с культурными группами. В процессе своей адаптации к новым условиям проживания и ведения трудовой деятельности мигранты привыкают к тому образу жизни, который актуален для принявшей их страны. Адаптация мигрантов происходит по фактору культурного измерения, а также по их включению в структуру социума страны прибытия. Эти два измерения важно дифференцировать, что позволяет отделить фактор интеграции в культурное измерение от второго фактора – включения в состав общества.

Литература

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: Издат. группа НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – 672 с.

2. Пестерева Н.М., Янина Ю.В., Сахарова Л.А. и др. Миграция населения и мобильность трудовых ресурсов. – М.: Русайнс, 2019. – 108 с.

3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып. 5. Стадии миграционного процесса. – М., 2001. – 158 с.

4. Назарова Е.А. Особенности современных процессов миграции // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 106–111.

5. Пухова М.М., Дорошина И.П., Ходжаева И.Г. Теоретические основы миграции // Транспортное дело России. – 2013. – № 6. – С. 13–16.

6. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 70–78.

7. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения. – М.: КДУ, 2009. – 153 с.

8. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, 2002. – 272 с.

9. Долгова В.И., Василенко Е.А. Развитие критериальной базы изучения социально-психологической адаптации личности // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 5–3. – С. 530–534.

10. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – М.: МПГУ, 2022. – 524 с.

11. Linley P.A. Positive Adaptation to Trauma: Wisdom as Both Process and Outcome // Journal of Traumatic Stress. – 2003. – Vol. 16. – № 6. – pp. 601–610.

12. Мельникова Н.Н. Стратегии поведения в процессе социально-психологической адаптации: автореф. Дисс. … к. псих. наук. – СПб., 1999. – 194 с.

13. Aycan Z., Berry J.W. Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada // Canadian Journal of Behavioural Science. – 1996. – № 28. – Pp. 240–251.

14. Ward C., Kennedy A. The Measurement of Sociocultural Adaptation // International Journal of Intercultural Relations. – 1999. – № 23. – Pp. 659–677.

15. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2006. – 272 с.

16. Проскурякова О.Л. Адаптация мигрантов как социальный процесс // Вестник ОГУ. – 2007. – № 4. – С. 58–63.

17. Чиприани Роберто Миграции и религии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2023. – Т. 41. – № 2. – С. 56–79.

18. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Руководитель научн. проекта Г.Ю. Семигин; главн. редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 694 с.

19. Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: Дисс. … д.с.н. – М., 2004. – 292 с.

20. Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. – New York: Oxford University Press, 1964. – 288 p.

FEATURES OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN MODERN SOCIETY

Ryazanova T.A., Kreyk A.I.

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk State University of Economics and Management

This article presents an analytical review of domestic and foreign approaches to studying the phenomenon of migrants adaptation and integration under the modern society context. The theoretical basics for the adaptation process are considered, primarily as a complex and dynamic one, including various aspects, such as social, cultural, psychological and others. Particular attention is drawn to the migrants adaptation strategies, as well as macro- and micro-factors determining the choice of the strategy. The main forms of adaptation – cultural, social, economic, etc. – are described, as well as its key characteristics: duration, non-linearity, etc. A distinction is made between adaptation and integration: while adaptation is passive, integration involves the active inclusion of a migrant into social institutions. Integration models (assimilation, segregation, multiculturalism, pluralism) are analyzed, revealing their advantages and limitations. This study focuses on the specifics and essence of integration strategy, as discussed by migration experts. The article emphasizes the relevance of an integrated approach to the study of migration processes.

Keywords: migrants, new country, adaptation features, integration, modern society.

References

1. Russian Sociological Encyclopedia / Ed. G.V. Osipov. – Moscow: NORMA-INFRA-M Publishing Group, 1998. – 672 p.

2. Pestereva N.M., Yanina Yu.V., Sakharova L.A., et al. Population Migration and Labor Mobility. – Moscow: Rusains, 2019. – 108 p.

3. Rybakovsky L.L. Population Migration. Issue 5. Stages of the Migration Process. Moscow, 2001. – 158 p.

4. Nazarova E.A. Features of Modern Migration Processes // Sociological Research. – 2000. –No. 7. – Pp. 106–111.

5. Pukhova M.M., Doroshina I.P., Khodjaeva I.G. Theoretical Foundations of Migration // Transport Affairs of Russia. – 2013. – № 6. – Pp. 13–16.

6. Yuzhanin M.A. On Sociocultural Adaptation in a Foreign Ethnic Environment: Conceptual Approaches to Analysis // Sociological Research. – 2007. – № 5. – Pp. 70–78.

7. Blinova M.S. Modern sociological theories of population migration. – Moscow: KDU, 2009. – 153 p.

8. Romm M.V. Adaptation of the individual in society: theoretical and methodological aspect. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 272 p.

9. Dolgova V.I., Vasilenko E.A. Development of the criteria base for studying the socio-psychological adaptation of the individual // Modern science-intensive technologies. – 2016. – № 5–3. – Pp. 530–534.

10. Rean A.A., Kudashev A.R., Baranov A.A. Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice. – Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2022. – 524 p.

11. Linley P.A. Positive Adaptation to Trauma: Wisdom as Both Process and Outcome // Journal of Traumatic Stress. – 2003. – Vol. 16. – № 6. – Pp. 601–610.

12. Melnikova N.N. Behavioral strategies in the process of social and psychological adaptation: author's abstract. diss. … candidate of psychological sciences. – St. Petersburg, 1999. – 194 p.

13. Aycan Z., Berry J.W. Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada // Canadian Journal of Behavioural Science. – 1996. – № 28. – Pp. 240–251.

14. Ward C., Kennedy A. The Measurement of Sociocultural Adaptation // International Journal of Intercultural Relations. – 1999. – № 23. – Pp. 659–677.

15. Yudina T.N. Sociology of Migration: A Textbook for Universities. – Moscow: Academichesky Proekt, 2006. – 272 p.

16. Proskuryakova O.L. Adaptation of Migrants as a Social Process // Bulletin of OSU. – 2007. – № 4. – Pp. 58–63.

17. Cipriani Roberto Migrations and Religions // State, Religion, Church in Russia and Abroad. – 2023. – Vol. 41. – № 2. – Pp. 56–79.

18. Sociological Encyclopedia: In 2 volumes. Vol. 1 / Head of the research project G. Yu. Semigin; editor-in-chief V.N. Ivanov. – Moscow: Mysl, 2003. – 694 p.

19. Yudina T.N. Migration Processes: Theory, Methodology, and Practice of Sociological Research: Diss. … Doctor of Sociological Sciences – M., 2004. – 292 p.

20. Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. – New York: Oxford University Press, 1964. – 288 p.

Прогностический интеллект и «алгоритмический человек»

Северилова Полина Вячеславовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент ДОННАСА – филиал ФГБОУВО НИУ МГСУ
E-mail: p.v.severilova@donnasa.ru

Трохимчук Екатерина Александровна,
кандидат философских наук, доцент ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: eatrohimchuk@sfedu.ru

В статье рассматриваются онтологические и социальные последствия внедрения прогностического интеллекта – технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, используемых для анализа данных и предсказания будущих событий. На примерах из экономики, криминалистики, экологии, искусства и медиа авторы показывают, как алгоритмическое прогнозирование повышает управляемость и безопасность, но одновременно формирует зависимость человека от алгоритмов. Анализируются концепции алгоритмической идентичности (Дж. Чейни-Липпольд) и алгоритмической культуры (Т. Стрифас), а также критические подходы Э. Парисера и Ш. Зубофф. Авторы вводят понятие «алгоритмический человек» – новый антропологический тип, чья физическая, социальная и символическая реальности конструируются прогностическими алгоритмами. Делается вывод, что современный человек существует в режиме непрерывного взаимодействия с предикативными системами, что трансформирует его идентичность, свободу и повседневные практики.

Ключевые слова: прогностический интеллект, машинное обучение, алгоритмическая идентичность, алгоритмическая культура, алгоритмический человек.

Человечество с древнейших времен мечтало заглянуть в завтрашний день. Это фундаментальное желание находило выражение в многообразии гадательных практик и обрядов традиционных обществ, от шаманских ритуалов, обращения к оракулам Дельфийского храма и чтению линий судьбы по руке, до составления гороскопов и пророческих видений. Представленные в вавилонских астрономических таблицах, в китайском И-цзин, в средневековых европейских альманахах предсказания служили основой для принятия политических решений и расчета личных стратегий жизни. Люди верили, что все эти действия могут помочь избежать роковых поворотов судьбы, минимизировать риски, преодолеть препятствия, одолеть противников и достичь желаемого. Предсказательные практики сквозь века преследовали общую человеческую прагматическую цель – создать стабильность и безопасность в мире, полном случайностей и неопределенностей. Предсказание выступало в качестве технологии контроля над реальностью, где символический акт интерпретации знамений превращался в рациональное действие, а индивид в ритуалах прорицания обретал не только знание возможного грядущего, но и практический инструмент его контроля и корректировки – будь то жертва богам, смена имени или создание магических талисманов.

Однако мечтам о возможном управлении будущим всегда сопутствовали и представления о неизбежности судьбы и предопределенности. Так, в античной культуре судьба определялась неумолимыми Мойрами – богинями, ткущими нить жизни, – перед которыми и смертные, и даже боги были бессильны. Но был и миф о Прометее, укравшем огонь у богов, который стал символом извечного стремления человечества к преодолению хаоса с помощью силы разума.

Современная технология прогностического интеллекта – или предсказательного моделирования на базе искусственного интеллекта – представляет собой кульминацию этой «тысячелетней мечты». В отличие от мистических практик символического контроля реальности, она опирается на рационально организованные алгоритмы машинного обучения, большие данные и вероятностные модели, которые способны предлагать сценарии будущего с высокой точностью.

Прогностический интеллект (predicative intelligence) представляет собой применение искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа данных, выявления паттернов и прогнозирования будущих событий, тенденций или поведения с целью принятия обоснованных решений. Данный термин, как правило используется в прикладных дисциплинах, таких как data science, бизнес-аналитика, социология технологий.

В настоящее время нет такой области, в которой бы не использовались прогностические возможности искусственного интеллекта, от прогнозов погоды – до анализа рынка труда, от моды – до политики, от личных рекомендаций в ленте новостей – до анализа глобальных процессов, происходящих в мире. Развитие прогнозирования связано с изучением применения технологий ИИ для составления прогнозов и осмысления развития всех сфер жизни общества.

Современные исследователи обращаются к различным аспектам конструирования алгоритмических систем для оценки природной и социальной динамики, прогнозирования различных сторон экономического, политического, культурного развития. Так, например, можно отметить исследования нейросетевых моделей, используемых для прогноза инфляции представленных в работах Е.В. Балацкого и М.А. Юрьевич. Авторы рассматривают двухшаговую процедуру прогнозирования, при которой на первом шаге строится малоразмерная эконометрическая модель, а на втором происходит загрузка отобранных данных в нейронную сеть для последующего уточнения и повышения качества прогнозов. Данный подход позволил повысить точность краткосрочных прогнозов потребительских цен по сравнению с традиционными методами расчетов [1].

В исследовании М.Г. Краюшкина, посвященном прогнозированию социально-экономического развития Алтайского края продемонстрирована более точная динамика показателей прогноза численности населения края, составленного нейросетью, по сравнению с данными Росстата [2].

Нейросетевое прогнозирование находит применение и в криминалистике, ускоряя работу экспертов по анализу и предотвращению преступлений, совершаемых в цифровой среде. В этой сфере машин-

ное обучение используется для автоматического выявления вредоносного программного обеспечения и фишинговых сайтов по их поведенческим и содержательным принципам. Как отмечают И.О. Тюнис и А.М. Анисимова, специализированные ML-модели анализируют характеристики файлов, сетевое поведение, структуру веб-страниц, доменные признаки и на этой основе обучаются отличать легитимные объекты от вредоносных [3].

В науках о природе прогностические возможности ИИ используются, например, для оценки динамики ледового покрова в Арктике. Т.А. Григорьев рассматривает проблематику краткосрочного прогнозирования состояния морского льда на примере региона Баренцева и Карского морей с помощью специализированного алгоритма анализа спутниковых и метеорологических данных. Повышение точности прогнозов в этой сфере критически важно для обеспечения безопасности судоходства по Северному морскому пути, и возможностей экологического мониторинга и хозяйственной деятельности [4].

Исследования показывают, что в сфере искусства, где особенно остро стоит задача сохранения и восстановления объектов культурного наследия, современные технологии искусственного интеллекта позволяют предсказывать недостающие элементы частично разрушенных изображений с минимальными ошибками, сохраняя художественный стиль оригинала. Предложенная специалистами Южного федерального университета методика «сверточных нейронных сетей» позволяет восстановить как форму, так и цвет утраченных фрагментов фресок для последующей реставрации произведений искусства [5].

Сетевые новостные ленты и рекомендуемые музыкальные подборки рядовых пользователей сегодня так же представляют собой не просто хронологические перечни, а результат работы нейросетевых алгоритмов, которые анализируют поведение пользователей и предлагают, что именно будет им интересно, производя адресное прогнозирование и персонификацию контента [6].

Перечень примеров можно расширять и далее. Важно отметить, что количество исследований, посвященных прогнозированию с применением ИИ, растет экспоненциально, и это непосредственно связано как с актуальностью совершенствования технологий прогностики, так и с их возрастающей ролью в социальных практиках в связи с возможностями снижения неопределенности, управления рисками и минимизации нежелательных последствий.

Однако повышение контроля и безопасности одновременно создает ситуацию, в которой индивид, делая алгоритмически предсказуемым повседневность, коммуникацию и выбор становится зависимым от алгоритмов.

Возникает вопрос о том, как в условиях тотальной предсказуемости трансформируется человеческая субъектность и где проходят границы алгоритмического контроля – ведет ли он к освобождению от случайности или, напротив, ограничивает автономию, подчиняя поведение человека логике машинных вычислений. В связи с чем, целью данной статьи является рассмотрение основ технологии прогнозирования с применением искусственного интеллекта, а также осмысление последствий развития этих технологий в виде формирования нового типа человека алгоритмического.

В работах отечественных и зарубежных ученых, представляющих как технические, так и гуманитарные дисциплины, накапливаются результаты исследования возможностей прогностического ИИ, а также анализа его влияния на человека, социальные институты, экономику, культуру и конфигурацию будущего современного мира в целом. Среди них можно выделить исследования А. Агравала, Дж. Ганса и А. Гледфарба, рассматривающих ИИ как «новую технологию предсказания» и описывающих трансформацию экономических моделей в условиях радикального удешевления прогнозирования; работы юристов и специалистов по этике технологий, таких как А. Чандер, Я.К. Бублиц, Н. Фарахни, анализирующих правовые и нормативные последствия распространения алгоритмического прогнозирования в судебной системе, здравоохранении и трудовых отношениях; исследования представителей критический направлений в исследовании интернет и философии техники, в том числе К. Кроуфорд, Г. Паскуале, Ш. Зубофф, обращающихся к вопросам власти, надзора и эксплуатации предикативной инфраструктуры.

В российском контексте проблематика прогностического искусственного интеллекта обсуждается в работах, посвященных «искусственной социальности» и регуляции алгоритмических систем (А.В. Резваев, Н.Д. Трегубова и др.), где подчеркивается неразрывная связь искусственного интеллекта с социальными практиками и институтами.

Существующие технологии прогнозирования основаны на машинном обучении, которое сегодня рассматривается как один из видов ИИ [7, с. 26]. Сегодня при прогнозировании используются различные виды машинного обучения, такие, как «обучение с учителем» или «обучение с сопровождением или контролем» (Supervised learning), предполагающее наличие размеченных данных и использование алгоритмов классификации и регрессии; «обучение без сопровождения» (Unsupervised learning), предполагающее самообучение машины без вмешательства человека, с самостоятельным поиском правильных ответов на поставленные вопросы; «обучение с подкреплением» (Reinforcement learning), предполагающее обучение машин умению самостоятельно делать выбор наилучших стратегий выполнения поставленных задач на основе взаимодействия со средой и получения сигналов вознаграждения или штрафа. Отдельно выделяется глубинное или глубокое обучение (Deep learning) – вид машинного обучения, который имитирует работу человеческого интеллекта и использует сложные многослойные нейронные сети, большие объемы данных и параметров, сложные алгоритмы для обучения моделей и больших вычислительных мощностей. Именно методы глубокого обучения сегодня рассматриваются как наиболее динамично развивающийся инструмент ИИ, позволяющий добиваться исключительных результатов при решении когнитивных и творческих задач, включая возможности предсказания в фундаментальной науке (например AlphaFold) и прикладных сферах [8].

Основой ИИ прогнозирования является разработка разного типа алгоритмов машинного обучения. У каждого из используемых наборов алгоритмов находится своя сфера применения и своя специализация: от цифровой рекламы, работы поисковых систем, статистики, компьютерных наук, робототехники, – до здравоохранения, финансовой сферы, экономики и бизнеса. Например, методы «опорных векторов» и «деревья решений» – это алгоритмы, применяемые при классификации и категоризации объектов. Алгоритмы регрессии способны предсказывать числовые значения. Алгоритмы «обучения с подкреплением» подходят для обучения машин принятию самостоятельных решений, в зависимости от поставленных задач и контекста, который не может быть определен заранее.

Использование алгоритмов разного типа, различных стратегий и комбинаций алгоритмов, предназначенных для анализа большого количества данных, повышает точность выполнения машинами задач, связанных с прогнозированием тенденций и результатов во всех областях применения. На их основе формируются выводы-прогнозы, а затем принимаются решения, оказывающие влияние как на конкретного человека (когда анализируются персональные данные и индивидуальные поведенческие паттерны), так и на общество в целом (в том случае, когда анализируются группы людей, сообщества или какие-либо социальные процессы – в макроэкономических моделях, политических рисках, эпидемиологическом прогнозировании и т.п.). При этом одна из главных задач современной науки и инженерной практики состоит в том, чтобы дойти до создания алгоритмов, способных автономно адаптироваться к поступлению новых данных и обучаться в условиях изменяющейся среды (Lifelong learning, continual learning), что поднимает вопросы о границах самостоятельности предикативных систем.

Фундаментальная проблема, на которую указывают как инженеры, так и критические теоретики заключается в том, что принципы работы машинных алгоритмов, используемых сегодня, основываются на воспроизведении предыдущего опыта обработки информации, применяемого для решения различных проблем, таких, как идентификация и прогнозирование классов, структур, признаков, взаимосвязей, и других параметров новых данных. Это означает, что в настоящее время при составлении алгоритмических прогнозов в качестве базового используется метод экстраполяции. Выводы-прогнозы, сделанные на основе обработки имеющихся данных или ранее полученных данных, распространяются на то, какие данные мы ожидаем получить в будущем.

Концепция «воспроизводимости» предыдущего опыта определяет то, что будущее программируется на основе анализа информации, полученной при обработке уже имеющихся данных [9]. Эта установка на воссоздание прошлого опыта анализа исходных данных, при переносе его выводов на будущее порождает целый комплекс проблем не только технического, но и философского характера.

С технической точки зрения, вопрос состоит в том, возможно ли прогнозирование с использованием недетерминированных алгоритмов, то есть, неких дополнительных переменных, кроме тех, которые получены из входных данных. Очевидно, спрогнозировать результат в таком случае будет затруднительно. Каждый раз итог может быть разным. Функция, использующая недетерминированный алгоритм, может в одном случае дать для входного числа один результат, а в другом случае, для того же числа, она может вернуть другой результат. То есть, возможности современных машин ограничены, так как они не способны, работая автономно, сделать точный прогноз, если используются неучтенные ранее данные.

С философской точки зрения, человек и его мир оказываются замкнутыми в искусственно созданном мире, внутри которого пространство-время и причинно-следственные связи детерминированы системой заданных координат – если даны причины и условия, в которых находится объект, мы можем предсказать его поведение со сколь угодной точностью. В это же время случайные, стохастические (вероятностные, непредсказуемые, беспорядочные) процессы оказываются вне картины этого мира, они не могут быть предсказаны точно, так как находятся под влиянием случайных факторов, выходящих за границы возможностей алгоритмических предсказаний как не заданные переменные.

Если прошлый опыт с неизбежностью определяет будущее, то будущее предопределено, если человек в совокупности своих прежних выборов и решений, понимается как существо детерминированное, то его будущие действия, предпочтения, интересы, можно предсказать с какой угодно точностью. По аналогии этот принцип работает и при анализе социальных явлений, идет ли речь об обществе в целом или об отдельных малых и больших социальных группах, объединенных по какому-либо признаку.

Человек и общество в алгоритмической прогностике становятся своего рода воспроизводящими прошлый опыт машинами, а прогнозы говорят не столько о будущем, которое произойдет, сколько представляют проекцию вероятного будущего, с точки зрения прошлого и настоящего [9]. При этом необходимо учитывать и тот факт, что алгоритмические прогнозы будущего не могут быть абсолютно точными. Будущее всегда содержит возможность вероятностного развития событий, однако машины могут анализировать только то, что поддается анализу с точки зрения «логики машины».

Осмысляя подобный принцип работы машинных алгоритмов, мы оказываемся перед критически важным вопросом о том, в какой онтологической ситуации мы находимся сегодня, и какими становится мир и человек, все сферы жизни которого оказываются спрогнозированы при помощи алгоритмов ИИ.

Очевидно, заданность алгоритмических предсказаний, предполагает принятие такой картины мира, в которой связи между элементами должны быть строго детерминированы. Эта картина мира может быть описана как замкнутая система, все части которой жестко связаны по закону причинности, а процессы автоматизированы. Она может быть названа механистичной точно так же, как жизнь человека и общества – ее средоточий, фактически уподобляется работе машин-автоматов, функционирующих в соответствии с заданными алгоритмами инструкциями.

Подобная картина мира находит отражение в работах современных представителей кибероптимизма – направления, осмысляющего цифровые технологии и искусственный интеллект на стыке философии трансгуманизма и футурологии. Н. Бостром, Н.Ю. Харари и Р. Курцвейл обращают внимание на то, что уже сегодня существование человека и общества определяется тотальной включенностью в цифровой информационный поток, в котором границы между физическим и техническим, человеческим и цифровым миром постепенно стираются. Для кибероптимистов характерна позитивная оценка технологических преобразований жизни человека, которая рассматривается как закономерный и неизбежный этап развития цивилизации, который прогнозируемо приближается к моменту сингулярности – полному «слиянию» человека и цифры, «человеческого мозга и облака», как об этом писал, в частности, Р. Курцвейл [10].

Р. Курцвейл концептуализирует технологическую сингулярность как момент, когда совокупный потенциал машинного интеллекта существенно превзойдет суммарные когнитивные возможности человека и приведет к глубокому пересмотру социальных, биологических и онтологических оснований человеческого существования. В его прогнозах в ближайшие десятилетия должен быть достигнут уровень «сильного искусственного интеллекта», а к 2045 году – наступит точка слияния биологического и небиологического, машинного и превращение всей доступной материи в оптимально организованную вычислительную среду [11].

Вместе с тем подобная оптимистическая перспектива не исчерпывает весь спектр философских интерпретаций цифрового будущего человечества. По мере усиления алгоритмического посредничества в доступе к информации, коммуникации и принятии решений формируется альтернативная критическая линия осмысления цифровой реальности, представители которой акцентируют внимание не столько на расширении человеческих возможностей, сколько на усилении механизмов контроля, манипуляции и структурной зависимости субъекта от цифровых технологий, в том числе алгоритмического прогнозирования. Эта линия осмысления представлена в работах Э. Парисера, Г. Ловинка, Дж. Чейни-Липпольда, Ш. Зубофф и др.

Так, российские социологи, исследователи в сфере человеко-машинного взаимодействия А.В. Резваев и Н.Д. Трегубова в своих работах обращают внимание на то, что технологии искусственного интеллекта на сегодняшний день исключительно глубоко укоренены в социальном контексте. Разработка и внедрение ИИ представляют собой неразрывный единый процесс, а его функционирование напрямую зависит от практик, осуществляемых человеком [12]. В качестве примера авторы обращают внимание на алгоритмы поисковых систем, которые постоянно эволюционируют благодаря обработке данных о поведении многомилионной пользовательской аудитории в сети. Фактически, не только поисковая система Яндекс и ей подобные, но также и системы рекомендации музыки и покупок, новостные ленты и контекстная реклама «обучаются» на основе наших поведенческих паттернов, выявляя, какие результаты следует ранжировать в ответ на вводимые запросы. Эффективность их работы как качественных поисковых и рекомендательных систем находится в прямой зависимости от постоянного притока информации со стороны пользователей. Прекращение этого потока приведет к постепенной утрате системой своей результативности – она перестанет выполнять функцию надежного поискового инструмента.

Другим аспектом этого же примера, в контексте рассматриваемой темы прогностического интеллекта является пользовательская персонализация данных, анализ которой продемонстрирован в размышлениях Э. Парисера, американского политического активиста и представителя киберпессимизма.

Так, алгоритмы работы поисковых систем, социальных сетей и рекомендаций не только подстраивают текущую выдачу под уже выявленные интересы пользователя, но и в неявном виде прогнозируют и формируют модели его вероятного будущего поведения, предвосхищая и заранее предоставляя тот контент, на который он обратит внимание, «кликнет», посмотрит, купит или поддержит, максимально увеличивая вовлеченность конкретного человека.

Как отмечает Э. Парисер, алгоритмическая персонализация разрывает единое пространство человеческой коммуникации, превращая его в изолированные информационные «пузыри», которые создают впечатление, что наш узкий интерес – это единственное, что существует. Подобный режим отлично подходит для того, чтобы побудить людей совершать покупки в интернете, но при этом серьезным образом разобщает. Вместо единого поля обсуждения формируется множество частных, слабо пересекающихся микро публичностей. Это, в свою очередь подрывает возможность конструирования общего опыта граждан, делает сложнее переговоры и достижение компромиссов в социальном, экономическом, политическом и культурном поле, в том числе, провоцирует проявление аффективной враждебности [13].

Алгоритм, стремясь подтвердить свои собственные прогнозы, подбирает контент, усиливающий уже сложившиеся установки и предубеждения. Например, на маркетплейсах, если пользователь несколько раз покупает книги или просматривает товары определенного идеологического и культурного спектра (политические манифесты, литературу по альтернативной медицине и пр.), блок «Покупатели, которые купили это, также купили…» и персональные рекомендации начинают предлагать все больше из той же ниши – тех же авторов, смежные теории, наборы товаров, тематически связанные с предыдущим запросом. В результате человеку все сложнее столкнуться с альтернативными точками зрения или опровергающими исследованиями. Сама экосистема рекомендаций усиливает первоначальный выбор и превращает его в устойчивый интерес. В этом смысле крупные интернет-платформы выступают «новыми привратниками» не только потому, что контролируют доступ к информации, но и потому, что контролируют горизонты того, что считается вероятным и подлежащим вниманию, в рамках алгоритмического прогнозирования.

Таким образом, в условиях современных информационных трансформаций человеческое существование оказывается тесно сопряженным с техникой и технологиями. Создавая машины и передавая управление ими алгоритмам искусственного интеллекта, человек, в конечном счете, попадает в ситуацию бесконечной зависимости – он привыкает к конструируемому удобству и оказывается уже не способен организовывать и выстраивать свою повседневную жизнь без участия машин и искусственного интеллекта.

Усиление этих тенденций приводит к тому, что фоновый контур реальности и структуры повседневных практик человека становятся целиком сосредоточены в цифровом пространстве, которое профессор Т.Г. Лешкевич называет «привычной энвайроментальной средой обитания». В этой цифровой среде приоритет получают инструментальные действия и практики, выстраиваемые по канонам цифровой грамотности, где реальным субъектом выступает индивид, который постоянно достраивается с учетом ресурсов сети, соотносится с ее изменчивой

архитектоникой и осваивает все новые необходимые навыки цифровой жизнедеятельности. Субъект выступает в виде последовательности ролей, функций и операций, реализуемых онлайн и подтверждающих его активность.

Т.Г. Лешкевич описывает такого субъекта как «актанта», который «не тождественен человеку как носителю глубинного, личностно наполненного внутреннего мира», а представляет собой совокупность действий, производимых в сетевом пространстве, своего рода гибридное образование, сущность которого заключается в осуществлении непрерывной цифровой «работы» в хаотической цифровой стихии. Чем большее число ролей и инструментов задействует актант, тем существеннее его конкурентные преимущества. Актанты способны менять свой статус, быть элементарными или развитыми, устойчивыми или нестабильными, и в скором будущем будут подчинены особой иерархии, где доминирующее положение займут те, кто располагает более широкими возможностями использования цифровых инструментов и сетевых ресурсов [14].

В этом контексте субъективно переживаемая идентичность практически перестает быть определяющей. Важно не то каким себя воспринимает человек, а то каким он предстает как результат классификации через алгоритмические системы, используемые институтами, государством, корпорациями – именно они определяют, кто мы и какие у нас есть возможности.

Осмысляя такое положение человека, профессор, исследователь цифровой культуры Дж. Чейни-Липпольд вводит понятие алгоритмической идентичности – процесс формирования идентичности с помощью математических алгоритмов для определения категорий анонимных существ. Такая идентичность создается без нашего осознанного участия, через цифровые следы, поведенческие данные, связи, покупки, клики и перемещения. Эти данные объединяются и превращаются в так называемые «измеримые типы» – идеальные типы, представляющие собой шаблоны данных, которые интерпретируют мир в форме, удобной для машинной обработки и принятия решений [15].

В алгоритмических системах используются такие признаки, которые хорошо поддаются измерению и монетизации. При этом многие другие аспекты идентичности человека оказываются не учтенными. Так, значимыми будут, например, характеристики «белой кожи», тогда как сложные культурные, биографические нюансы учтены не будут. Кроме того, алгоритмические профили оказываются нестабильны и контекстно-зависимы – покупка лампы или изменение паттерна кликов может изменить связь с гендерной классификацией или политический профиль. Таким образом, индивид распадается на множество фрагментов данных, которые могут определить его для систем искусственного интеллекта как «надежный клиент», «раса», «пол», или «подозрительный гражданин».

Эти типы не совпадают с реальной живой многомерностью человека, но действуют от его имени в цифровом пространстве. На их основе алгоритмические системы определяют, что именно будет показано человеку, какие предложения он получит, какие меры будут к нему применены и какова будет его видимость и статус в различных системах общественного управления.

Дж. Чейни-Липпольд отмечает, что алгоритмическая идентичность основана на прогностических моделях, которые консервативны по своей природе – опираются на исторические данные и тем самым закрепляют оценки и решения прошлого. А смыслы, которые они генерируют, оказываются отфильтрованы в интересах тех, кто ими пользуется – государства, платформ, бизнеса.

Анализируя существование такой алгоритмической идентичности Дж. Чейни-Липпольд отмечает, что оно носит инфраструктурный характер. Алгоритмическая идентичность – это не один файл или профиль, а распределенная система записей, фрагментов информации, которые циркулируют между различными системами, часто без видимого контроля со стороны самого субъекта. Но именно через это поле смыслов алгоритмы «обращаются» к человеку и фильтруют то, что он увидит в ленте, какие цены и условия будут ему предложены, какие границы доступны и какой уровень подозрения к нему автоматически будет применен. Это, в свою очередь приводит к тому, что человек в своей реальной жизни оказывается постоянно сопряжен с цифровым телом своего аватара и информационными паттернами, и постоянно «пересчитывается» согласно логике алгоритмических моделей.

Обозначенные тенденции становятся важны с точки зрения как личного позиционирования человека, так и со стороны выхода в сферу власти и политики. Дж. Чейни-Липпольд отмечает, что влияние алгоритмической идентичности многослойно. На одном уровне она определяет доступ к материальным и символическим ресурсам (кредиты, страхование, возможности трудоустройства, видимость в поисковых выдачах и пр.). На другом уровне формирует структуру возможных жизненных сценариев – задает, какие опции человек увидит, какие решения будут выглядеть для него «естественными», а какие окажутся недоступными. В свою очередь все это воздействует на человека и его самовосприятие сквозь призму оценок и рейтингов, заданных внешними системами: кредитный балл, число лайков, рейтинг научного сотрудника, статус «надежного» или «рискованного» коллеги. В этом смысле алгоритмическая идентичность становится не только инструментом внешнего управления, но и элементом внутреннего самовосприятия, подталкивая к тому, чтобы подстраивать поведение под предполагаемые ожидания алгоритмов.

В этой системе мы становимся свидетелями трансформации приватности. Корпорации и государство получают право на тайну, их алгоритмы и критерии недоступны и не подлежат общественному обсуждению. В то же время личные данные, которые традиционно относились к сфере приватного, превращаются в их собственность. В случае государственных прогностических моделей цель смещается от равенства и справедливости к обеспечению предсказуемости и управляемости. Одновременно для пользователей предлагается верить в точность и надежность прогнозов, не имея возможности проверить их корректность и отсутствие манипуляции.

Подобную систему коммуникации государства и корпораций с обществом и человеком Т. Стрифас определяет при помощи понятия «алгоритмическая культура». Это такой режим организации культуры, при котором функции отбора, сортировки и иерархизации смыслов, практик и артефактов передаются алгоритмам, работающим с массовыми данными и частной инфраструктурой. Ссылаясь на серию исследований понятия «культура», Т. Стрифас отмечает, что исторически культура рассматривалась как авторитетный принцип, призванный бороться с анархией и энтропией социальной жизни, то есть восстанавливать единство общества через выработку общих ценностей и норм. В условиях алгоритмической культуры эту функцию начинают выполнять алгоритмы – им делегируется задача «управления хаосом» в таких сферах, как розничная торговля, поиск, социальные сети и за их пределами. Культура в этом контексте предстает не как поле открытого диалога, а как побочный продукт вычислительной обработки информации, результат выполнения конкретных задач по анализу и сопоставлению данных [16].

При этом данный процесс оказывается глубоко приватен и закрыт для рядового пользователя. Мы фактически лишаемся языка и понятий, чтобы описать и критически оценить алгоритмическое вмешательство, тогда как решения о том, что считать важным и ценным принимаются внутри частных платформ.

Рассматривая примеры с рекомендациями торговых площадок и поисковых систем, Т. Стрифас демонстрирует как алгоритмическая культура использует «коллективную фильтрацию» и «мудрость толпы», сопоставляя индивидуальную историю просмотров и покупок с поведением миллионов других пользователей, чтобы предложить то, что считается «подходящим» или «значимым».

Эта ситуация подается как демократизация культурного канона, когда у любого человека, у которого есть доступ в интернет, есть возможность участвовать в определении лучшего. Но Т. Стрифас показывает, что в действительности современная культура оказывается в жестком управлении, где ее авторитет реструктурирован в форме алгоритмов, принадлежащих корпорациям. Таким образом, алгоритмическая культура способствует приватизации культурного производства и отбора. Формы решения и несогласия, которые раньше разворачивались в публичной сфере, переносятся в закрытые вычислительные системы, где культурная значимость и видимость определяются логикой данных, инфраструктурой и политикой собственников.

Такой экономический порядок Ш. Зубофф определяет как надзорный капитализм, и обращает внимание на то, что человеческий опыт в этой системе начинает присваиваться как сырье для извлечения поведенческих данных, их вычислительной обработки и продажи в виде предсказаний на «рынках поведенческого будущего». Ключевым ресурсом здесь становится «поведенческий излишек» – те аспекты действий человека, которые не нужны для улучшения сервиса, но используются для формирования все более точных прогнозов и для перехода от пассивного наблюдения к активному конструированию поведения человека – тонкой настройке, подталкиванию пользователей в выгодных для онлайн платформ направлениях [17].

В подобной системе организации реальности человек представляет собой статистический «агрегат», набор цифровых данных, на основе которых алгоритмы анализируют, характеризуют и предопределяют его действия и поступки.

Таким образом, мы видим, что уже сейчас человек становится тотально зависимой частью системы отношений «человек – машина», и своего рода «продуктом» взаимодействия человека и «машины». Его

жизнь подчинена законам «цифровой реальности», алгоритмическим закономерностям «функционирования» по принципу «цифрового автомата», наделенного «набором признаков сетевого субъекта, зафиксированным в виде электронных записей» [18].

В новой «цифровой реальности» идентичность человека предстает как совокупность «цифровых следов», то есть, набора цифровых данных о нем, собираемых и анализируемых глобальной сетью на основе заданных алгоритмов. Эти «цифровые следы» подробнейшим образом характеризуют «цифрового двойника» человека, замещая его в процессе перехода к биоцифровому существованию и трансформации в «алгоритмического» субъекта, сформированного «конвергентными технологиями, киберфизическими системами и искусственным интеллектом» [19, с. 60].

Можно сказать, что в настоящее время мы становимся свидетелями разворачивания антропологического сценария, давно описанного идеологами трансгуманизма как чаемое будущее человечества. Речь идет о новейшей модели человека XXI века, жизнь, границы и «координаты» существования которого «задаются законами цифровой реальности» [20]. Это новый антропологический тип, онтологический статус которого «под вопросом», так как мыслить о нем мы сможем лишь как о человеке, «исчезающем в пустоте».

Отталкиваясь от обозначенных нами позиций отечественных и зарубежных исследователей, обратим внимание, что на наш взгляд для целостного описания специфики положения и способа бытия человека в современном мире на сегодняшний день уже недостаточно просто фиксировать наличие цифровых фильтров, персонализированных сред или описывать цифровой образ жизни исключительно в терминах актанта или онлайн-практик. Рассмотрение сетевых ролей и функций человека схватывает структурные особенности нового типа субъектности, но не исчерпывает глубины онтологических сдвигов, связанных с распространением прогностического ИИ и алгоритмического управления.

Аналогично и концепция алгоритмической идентичности Дж. Чейни-Липпольд высвечивает критически важный момент алгоритмического опосредования идентичности, но не в полной мере охватывает трансформацию способа бытия человека в мире, где будущее систематически предвосхищается и конструируются предикативными системами.

Если следовать логике Т. Стрифаса, который говорит о алгоритмической культуры, в рамкой которой отбор, иерархизация смыслов и конструирование связей делегируется алгоритмам, то становится очевидным, что речь идет не только о модификации медийной сферы, но о более глубокой экзистенциальной трансформации самого общества и человека. В этом контексте цифровые фильтры, персонализированные ленты и рекомендательные алгоритмы выступают лишь поверхностными проявлениями гораздо более фундаментальной зависимости – зависимости, где алгоритмически опосредуется не только доступ к информации, но и сама структура человеческой деятельности, возможных жизненных сценариев, горизонты вероятного и мыслимого, механизмы распределения шансов и рисков, понимание себя и другого.

В связи с обозначенным контекстом нам видится важным обратить внимание на необходимость комплексного всестороннего исследования этой новой онтологической и экзистенциальной ситуации современного человека в мире – человека нового типа, который мы предлагаем определить как «алгоритмический человек». Это человек, чья физическая, социальная и символическая реальности систематически соконструируются прогностическими алгоритмами, чья идентичность, возможности и жизненные сценарии задаются в значительной степени логикой алгоритмических классификаций, и чья повседневность протекает внутри алгоритмической культуры.

Специфическая онтологическая ситуация алгоритмического человека задается через взаимодействие с алгоритмами, понимаемыми в контексте размышлений Н. Стрифас как математически задаваемые процедуры обработки данных, (исторически связанные с вычислением и шифрованием), которые в условиях больших данных выступают в качестве автоматизированных инструментов наведения порядка и конструирования социокультурной целостности через выявление статистических корреляций в массивах информации [17].

Алгоритмический человек выступает таким субъектом, для которого любые повседневные практики – от поиска информации и потребления новостей до трудоустройства, кредитования и участия в политической жизни – опосредованы системами предикативной аналитики, непрерывно собирающими и интерпретирующими его поведенческие данные.

В логике прогностического интеллекта алгоритмический человек существует не в виде цельного биографического субъекта, а в виде распределенного набора профилей, скрининговых оценок, вероятностных принадлежностей к различным группам, в отношении которых алгоритмы принимают решения о доступе к ресурсам, уровне доверия, социальных, экономических и культурных возможностей.

В результате прогностический интеллект не просто обслуживает потребности алгоритмического человека, а становится условием его онтологической данности. Мир, в котором он живет – заранее структурирован множеством невидимых прогнозов – от предсказаний кликабельности и покупательской способности до оценок вероятности девиантного поведения и политической нелояльности. Его телесное, «офлайновое» существование не исчезает, но постоянно сопрягается с цифровым двойником – распределенным аватаром, собранным из метаданных, следов устройств и транзакций, которые образуют «цифровое тело» человека, подвергающегося гораздо более тонкому и непрерывному наблюдению, чем его социальное тело в классических институтах культуры. Физическое тело алгоритмического человека вписано в городскую, профессиональную, семейную среду, а цифровое бытие – в систему оценок, классификаций и прогнозов, от которых зависят его шансы на успех, безопасность, работу и признание в реальной жизни.

Самовосприятие алгоритмического человека формируется не только и не столько через классические механизмы социализации, но и через постоянное отражение в экранах, интерфейсах и метриках. Алгоритмический человек видит себя в виде рекомендаций, уведомлений, рейтингов, баллов и статистик, которые возвращают ему образ его же алгоритмического профиля. Отсюда можно говорить и о специфических ценностях алгоритмического человека – ценность представленности, видимости, измеримости, оптимизации, стремление к повышению собственных показателей и избеганию рисков, подстраивая свою публичную и частную активность под предполагаемые предпочтения и санкции алгоритмов, принадлежащих государству и бизнесу (выбор слов в посте, осторожность в кликах, стратегия карьерного продвижения в условиях рейтингов).

Такая ситуация с необходимостью порождает и специфические экзистенциальные тревоги, например страх утраты контроля над тем, как человек будет представлен в системах данных, опасение быть несправедливо отнесенным к «неблагополучному» кластеру из-за непрозрачной логики моделей и невозможности оспорить это в привычных юридических и моральных категориях.

Связанность алгоритмического человека с прогностическим ИИ трансформирует понимание свободы. Свобода начинает переживаться, в том числе, как возможность маневрировать внутри заданных алгоритмических рамок, «экспериментировать» с предсказательными моделями, минимизировать их влияние или, напротив, использовать в своих интересах. В этом смысле можно сказать, что алгоритмический человек стремится не быть пассивным объектом технологического детерминизма, он существует в поле непрерывного «диалога» с алгоритмическими системами, что на сегодняшний день становится предметом многочисленных исследований в области человеко-машинной коммуникации (Human-Machine Communication).

Таким образом, понятие «алгоритмический человек» призвано зафиксировать факт всесторонней взаимозависимости современного человека и алгоритмической инфраструктуры и предикативных систем, расширить и дополнить философский дискурс о современном человеке, и конечно, может стать объектом дальнейшей разработки и критики на стыке социально-гуманитарных и технических исследований.

Литература

1. Балацкий Е.В., Юревич М.А. Использование нейронных сетей для прогнозирования инфляции: новые возможности [Электронный ресурс]. – URL: https://nonerg-econ.ru/cat/6/407/ (дата обращения: 23.03.2026).

2. Баринова Н.В., Баринов В.Р. Применение нейросетей в прогнозировании экономических процессов в условиях неопределенности [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrosetey-v-prognozirovanii-ekonomicheskih-protsessov-v-usloviyah-neopredelennosti (дата обращения: 23.03.2026).

3. И.О. Тюнис, А.М. Анисимова Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-tsifrovye-tehnologii-v-kriminalistike/viewer (дата обращения: 23.03.2026).

4. Григорьев Т.А. Применение автокодировщика с дополненным контекстом в задаче прогнозирования льдов в Арктике [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-avtokodirovschika-s-dopolnennym-kontekstom-v-zadache-prognozirovaniya-ldov-v-arktike/viewer (дата обращения: 23.03.2026).

5. Хришкевич Г.А., Андреев Д.А., Мотайленко Л.В., Бруттан Ю.В., Тимофеева О.Н. Методика автоматизированного восстановления изображений с использованием сверточных нейронных сетей [Электронный ресурс]. – URL: https://izv-tn.tti.sfedu.ru/index.php/izv_tn/ru/article/view/1011 (дата обращения: 23.03.2026).

6. Зорина М.В., Марачева А.В. Персонализация новостей с помощью аалгоритмов: как рекомендательные системы формируют новостную повестку [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalizatsiya-novostey-s-pomoschyu-algoritmov-kak-rekomendatelnye-sistemy-formiruyut-novostnuyu-povestku/viewer (дата обращения: 23.03.2026).

7. Феверолф, М., Бринк, Х., Ричардс, Дж. Машинное обучение / М. Феверолф, Х. Бринк, Дж. Ричардс. – СПб.: Питер, 2017. – 336 с.: ил. – (Серия «Библиотека программиста»)

8. Глубинное обучение: основные понятия // Издательство «Открытые системы» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.osp.ru/articles/2019/0804/13055056 (дата обращения: 23.03.2026).

9. Matsumi, Hideyuki and Solove, Daniel J. The Prediction Society: AI and the Problems of Forecasting the Future (January 24, 2024). GWU Legal Studies Research Paper № 2023–58, GWU Law School Public Law Research Paper № 2023–58, 2025 Illinois Law Review 1 (2025), Available at SSRN. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ssrn.com/abstract=4453869

10. Kurzweil, Ray We are going to expand intelligence a millionfold by 2045 / Ray Kurzweil. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.theguardian.com/technology/article/2024/jun/29/ray-kurzweil-google-ai-the-singularity-is-nearer (дата обращения: 23.03.2026).

11. Трохимчук Е.А. Кибероптимизм и киберпессимизм как дискурсивные рамки философского осмысления технологий ИИ // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 42–53.

12. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и chatGpt. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sotsiologii-algoritmov-k-sotsialnoy-analitike-iskusstvennoy-sotsialnosti-analiz-keysov-api-i-chatgpt/viewer (дата обращения: 23.04.2025).

13. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Эли Паризер; пер. с англ. А. Ширикова (Eli Pariser. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. P.50.). – М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.

14. Лешкевич Т.Г. Проблема субъектности нейросетей: humans и non-humans [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-subektnosti-neyrosetey-humans-i-non-humans (дата обращения: 23.03.2026).

15. Scheuerman M.K. We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves (summary) [Электронный ресурс]. 2018–2020. URL: https://www.morgan-klaus.com/readings/we-are-data.html (дата обращения: 23.03.2026).

16. Striphas T. Algorithmic culture [Электронный ресурс] // European Journal of Cultural Studies. 2015. Vol. 18, № 4–5. P. 395–412. URL: https://www.dawsoncollege.qc.ca/ai/wp-content/uploads/sites/180/10-Ted-Striphas_Algorithmic-Culture.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

17. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. Гл. 3. Открытие поведенческого излишка [Электронный ресурс]. Пер. с англ. А.Ф. Васильева. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. URL: http://209.42.197.18/b/744007 (дата обращения: 23.03.2026).

18. Соловьева, Л.Н. Цифровая идентичность как новый вид идентичности человека информационной эпохи / Л.Н. Соловьева. – [Электронный ресурс]. – URL: https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.6 (дата обращения: 23.03.2026).

19. Елькина, Е.Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи / Е.Е. Елькина // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2020. – № 22. – С. 57–70.

20. Меликян, М.А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества / М.А. Меликян. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/noosfernost-i-informatsionnost-cheloveka-filosofsko-antropologicheskoe-osmyslenie-novogo-chelovecheskogo-kachestva-1 (дата обращения: 23.03.2026).

PREDICTIVE INTELLIGENCE AND THE «ALGORITHMIC HUMAN»

Severilova P.V., Trokhimchuk E.A.
Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Moscow State University of Civil Engineering», Southern Federal University

The article examines the social and anthropological consequences of predictive intelligence – AI and machine learning technologies used for data analysis and forecasting future events. Using examples from economics, criminology, ecology, art, and media, the authors show how algorithmic prediction increases manageability and security while simultaneously fostering human dependence on algorithms. They analyze the concepts of algorithmic identity (J. Cheney-Lippold) and algorithmic culture (T. Striphas), along with critical approaches by E. Pariser and S. Zuboff. The authors introduce the concept of the «algorithmic human» – a new anthropological type whose physical, social, and symbolic realities are coconstructed by predictive algorithms. The conclusion is that modern humans exist in a mode of continuous interaction with predictive systems, which transforms their identity, freedom, and everyday practices.

Keywords: predictive intelligence, machine learning, algorithmic identity, algorithmic culture, algorithmic human.

References

1. Balatsky E.V., Yurevich M.A. Using Neural Networks to Forecast Inflation: New Possibilities [Electronic resource]. – URL: https://nonerg-econ.ru/cat/6/407/ (accessed: 23.03.2026).

2. Barinova N.V., Barinov V.R. Using Neural Networks to Forecast Economic Processes under Uncertainty [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrosetey-v-prognozirovanii-ekonomicheskih-protsessov-v-usloviyah-neopredelennosti (accessed: 23.03.2026).

3. I.O. Tyunis, A.M. Anisimov, Artificial Intelligence and Digital Technologies in Forensic Science [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-tsifrovye-tehnologii-v-kriminalistike/viewer (Accessed: March 23, 2026).

4. Grigoriev, T.A. Application of an Autoencoder with Augmented Context in the Problem of Ice Forecasting in the Arctic [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-avtokodirovschika-s-dopolnennym-kontekstom-v-zadache-prognozirovaniya-ldov-v-arktike/viewer (Accessed: March 23, 2026).

5. Khrishkevich G.A., Andreev D.A., Motailenko L.V., Bruttan Yu.V., Timofeeva O.N. Methodology of automated image restoration using convolutional neural networks [Electronic resource]. – URL: https://izv-tn.tti.sfedu.ru/index.php/izv_tn/ru/article/view/1011 (date of access: 23.03.2026).

6. Zorina M.V., Maracheva A.V. Personalization of news using algorithms: how recommender systems form the news agenda [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalizatsiya-novostey-s-pomoschyu-algoritmov-kak-rekomendatelnye-sistemy-formiruyut-novostnuyu-povestku/viewer (date of access: 23.03.2026).

7. Feverolf, M., Brink, H., Richards, J. Machine Learning / M. Feverolf, H. Brink, J. Richards. – St. Petersburg: Piter, 2017. – 336 p.: ill. – (Series «Programmer's Library»)

8. Deep Learning: Basic Concepts // Open Systems Publishing House [Electronic resource]. – URL: https://www.osp.ru/articles/2019/0804/13055056 (date of access: 03/23/2026).

9. Matsumi, Hideyuki and Solove, Daniel J. The Prediction Society: AI and the Problems of Forecasting the Future (January 24, 2024). GWU Legal Studies Research Paper № 2023–58, GWU Law School Public Law Research Paper № 2023–58, 2025 Illinois Law Review 1 (2025), Available at SSRN. – [Electronic resource]. – URL: https://ssrn.com/abstract=4453869

10. Kurzweil, Ray We are going to expand intelligence a millionfold by 2045 / Ray Kurzweil. – [Electronic resource]. – URL: https://www.theguardian.com/technology/article/2024/jun/29/ray-kurzweil-google-ai-the-singularity-is-nearer (accessed: 23.03.2026).

11. Trokhimchuk E.A. Cyber-optimism and cyber-pessimism as discursive frameworks for the philosophical understanding of AI technologies // Scientific Thought of the Caucasus. 2026. № 1. Pp. 42–53.

12. Rezaev A.V., Tregubova N.D. From the sociology of algorithms to social analytics of artificial sociality: analysis of API and chatGpt cases. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sotsiologii-algoritmov-k-sotsialnoy-analitike-iskusstvennoy-sotsialnosti-analiz-keysov-api-i-chatgpt/viewer (Accessed: 23.04.2025).

13. Pariser, E. Behind the Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You? / Eli Pariser; trans. from English by A. Shirikova (Eli Pariser. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. P. 50). – Moscow: Alpina Business Books, 2012. – 304 p.

14. Leshkevich, T.G. The Problem of Neural Network Subjectivity: Humans and Non-Humanities [Electronic resource] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-subektnosti-neyrosetey-humans-i-non-humans (accessed: March 23, 2026).

15. Scheuerman M.K. We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves (summary) [Electronic resource]. 2018–2020. URL: https://www.morgan-klaus.com/readings/we-are-data.html (accessed: March 23, 2026).

16. Striphas T. Algorithmic Culture [Electronic resource] // European Journal of Cultural Studies. 2015. Vol. 18, № 4–5. P. 395–412. URL: https://www.dawsoncollege.qc.ca/ai/wp-content/uploads/sites/180/10-Ted-Striphas_Algorithmic-Culture.pdf (accessed: 23.03.2026).

17. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism. The Battle for the Human Future on the New Frontiers of Power. Chapter 3. Discovery of Behavioral Surplus [Electronic resource]. Translated from English by A.F. Vasiliev. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. URL: http://209.42.197.18/b/744007 (accessed: 23.03.2026).

18. Solovieva, L.N. Digital Identity as a New Type of Identity for a Person in the Information Age / L.N. Solovieva. – [Electronic resource]. – URL: https://doi.org/10.24158/fik.2018.12.6 (date of access: 23.03.2026).

19. Elkina, E.E. Autotrophic project – a response to the challenges and global risks of the digital age / E.E. Elkina // Mysl: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. – 2020. – № 22. – Pp. 57–70.

20. Melikyan, M.A. Noosphericity and informationality of man: philosophical and anthropological understanding of a new human quality / M.A. Melikyan. – [Electronic resource]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/noosfernost-i-informatsionnost-cheloveka-filosofsko-antropologicheskoe-osmyslenie-novogo-chelovecheskogo-kachestva-1 (date of access: 03/23/2026).

Поиск эмпирических закономерностей и возможности искусственного интеллекта

Сиверцев Евгений Юрьевич,
канд. филос. наук, доцент, ст. преподаватель кафедры философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: emden1914@yandex.ru

В статье рассматривается возможность изменения классической схемы научного поиска под влиянием технологий искусственного интеллекта. Автор исходит из замечания К.Г. Гемпеля о промежуточном звене научного объяснения, которое связывает наблюдаемые феномены через ненаблюдаемые теоретические сущности. Если этот теоретический конструкт заменить вычислительной обработкой больших массивов оцифрованных данных, схема познания трансформируется. Предлагается пятиэтапный алгоритм исследования с применением нейросетей: загрузка разнородной эмпирической информации, ее перевод в количественные характеристики, дифференциация временных потоков, синхронизация виртуальных сущностей и поиск супервентных зависимостей между ними. Понятие супервентности, заимствованное у Д. Чалмерса, используется для описания непрямой взаимодетерминированности состояний нескольких систем. Алгоритмы машинного обучения берут на себя эвристическую функцию, ранее принадлежавшую теоретическому уровню научного знания. Автор приходит к выводу, что ИИ позволяет устранить из научного описания ненаблюдаемые сущности и стереть дисциплинарные перегородки при обработке данных в едином информационном поле. Применение искусственного интеллекта приводит к изменению эпистемологической структуры научного знания. Ускорение исследовательских процедур оказывается лишь побочным эффектом.

Ключевые слова: научное познание; эпистемология; искусственный интеллект; нейросети; виртуальная сущность; цифровизация эмпирических данных; супервентность.

Введение

Актуальность. Карл Густав Гемпель в свое время заметил одну особенность научного познания: «первое звено, представляющее наблюдаемое и контролируемое событие, связано с заключительным («третьим») звеном того же рода посредством звена, которое обычно недоступно наблюдению и контролю» [1, с. 164].

Нельзя ли обойтись без второго звена? Т. е. представить научную теорию в виде мысленной модели конечного числа связанных между собой феноменов, способных определенным образом воспринимать воздействие друг друга и внешней среды, а также определенным образом на воздействия реагировать? Иными словами, создать модель какого-либо фрагмента реальности, в которой зафиксированы связи между различными эмпирическими явлениями, т.е. присутствует формализованная информация об их взаимодействии и взаимовлиянии?

До недавнего времени это было невозможно. Невозможно по многим причинам. Одна из них заключается в том, что ненаблюдаемые теоретические сущности играют важную «практическую роль в контексте открытия взаимозависимостей между наблюдаемыми сущностями и… в контексте реального осуществления вычислений, необходимых для объяснения или предсказания определенных событий на основе этих взаимозависимостей» [1, с. 186]. Если отказаться от теоретических терминов, то наука практически лишится эвристической силы (т.е. ориентиров поиска), а люди науки будут тратить чрезвычайно много времени и энергии для поиска связей между явлениями, используя при этом, по сути, метод проб и ошибок.

В современном мире ситуация иная. У науки есть инструмент поиска, обладающий практически неисчерпаемым ресурсом энергии и способностью очень интенсивно использовать время. Это искусственный интеллект.

Предметом настоящего исследования выступает эпистемологический потенциал технологий искусственного интеллекта (ИИ) в контексте трансформации классической модели научного познания.

В статье анализируется **гипотеза** о том, что рекуррентные нейросети и алгоритмы машинного обучения способны выполнять эвристическую работу на ключевых этапах исследования: отбор эмпирических фактов, их формализация, выявление скрытых причинно-следственных связей и построение прогностических моделей. Особое внимание уделяется преобразованию качественных характеристик реальности в количественные данные, доступные для машинной обработки, а также поиску феноменов «супервентности» – непрямой взаимозависимости изменений различных процессов во времени.

Методологическую основу исследования составляют системный анализ философских концепций неопозитивизма и постпозитивизма. Автор применяет метод междисциплинарного синтеза, сопоставляя задачи классического научного поиска (этапы формирования знания) с возможностями конкретных архитектур ИИ для их решения, а также использует принципы математического моделирования для описания процессов цифровизации данных.

Научная новизна исследования заключается в обосновании возможности построения принципиально новой схемы научного поиска, где роль связующего звена между наблюдаемыми явлениями выполняет не умозрительный теоретический конструкт, а вычислительный анализ больших массивов оцифрованных данных.

Автором предложен детализированный пятиэтапный алгоритм использования ИИ в науке: от загрузки разнородной эмпирической информации и ее преобразования в числовые ряды до синхронизации временных потоков и выявления супервентных зависимостей с помощью нейросетей.

Главный вывод работы заключается в том, что применение ИИ не просто ускоряет научный поиск и минимизирует ошибки, но и ведет к фундаментальным изменениям в структуре знания. Происходит «стирание» границ между научными дисциплинами, так как данные обрабатываются в едином информационном поле. Кроме того, реализуется давний идеал антитеоретизма – наука получает возможность описывать реальность без использования многозначных и ненаблюдаемых теоретических терминов, опираясь исключительно на динамику количественных показателей.

Основная часть

Искусственный интеллект и научный поиск

Сам термин «искусственный интеллект» еще очень молод. Он введен американским ученым Джоном Маккарти в 1956 году.

Однозначное определение искусственного интеллекта пока отсутствует. Но для нашего поиска единое хрестоматийное определение не очень нужно, попытаемся составить то, что подойдет для работы. Приведем два определения. Индонезийские ученые Ронал Чандра и Йога Прихастомо понимают под искусственным интеллектом способность компьютерной системы функционировать таким образом, как будто машина имеет способность мыслить как человек [2, с. 44]. Американские ученые-компьютерщики Стюарт Рассел, Питер Норвиг полагают, что искусственный интеллект – это система, которая может «действовать и думать как человек, при этом действовать и думать рационально» [3, с. 18].

То есть искусственный интеллект – это некое спроектированное и созданное человеком устройство, имеющее способность воспринимать информацию и команды из внешней среды, способное выполнять операции, требующие применения математики, логики, знания символических систем и способное выводить результаты своей работы во внешнюю среду (в виде знаковой информации и в виде действий).

Возвращаемся к проблеме возможной, но пока эмпирически не фиксируемой связи между феноменами. Кто (или что) эксплицирует эту связь?

Для обозначения индивидов и коллективов, участвующих в производстве научного знания, существует несколько названий: «ученый», «исследователь», «научное сообщество», «невидимый колледж» и т.п. В контексте нашего исследования наиболее удачным кажется относительно недавно появившееся понятие «актор» (actor). Обычно под актором понимается индивидуальный или коллективный субъект, который совершает некие действия. В программировании применяется более узкое понятие: «информационный актор» – это активный объект вычислений, взаимодействующий с другими объектами через обмен сообщениями. По аналогии с информационным актором можем ввести понятие «актор научного действия». Актор научного действия – отдельный ученый или коллектив. Главный признак актора научного действия: в данный (достаточно длительный) момент времени он проводит научные исследования в рамках какой-либо одной проблемы.

В самом общем плане формирование определенным актором практически верифицируемого знания проходит следующие этапы.

Первый. Сбор эмпирического материала, формирование информации о фактах.

Второй этап. Создание мысленной (или цифровой) модели неких невидимых (возможно, и не существующих сейчас в природе) феноменов. Модель эта представляет собой картину связей (а в гораздо более лучшем случае – картину численно выразимых связей) между видимыми явлениями. Также модель позволяет предсказывать, как исследуемая система поведет себя в той или иной ситуации, а еще модель позволяет определенным образом физически воздействовать на избранные фрагменты доступной эмпирической реальности, чтобы получить заранее планируемые результаты.

В самом общем плане данный путь таков: от информации об объективном обстоянии дел (информации о фактах) – к получению возможности изменения объективного обстояния дел (изменению актуальных для нас фактов).

Зададимся следующим вопросом: существуют ли какие-либо закономерности эвристической работы актора на каждом из названных здесь этапов?

Говоря о первом этапе – сборе эмпирического материала, накоплении фактов – мы можем обратиться к доктрине, появившейся в рамках постпозитивизма и именующейся «теоретическая нагруженность фактов».

В формировании факта (т.е. картины некоторого фрагмента реальности, существующей в менталитете актора) участвуют три фактора.

Первый – язык. Слова языка существуют до каждого конкретного исследования и налагают на результат последнего определенные оттенки смысла и значения: «…язык каждого по-своему схватывает смысл сущего» [4, с. 42].

Второй фактор – уже имеющиеся и разделяемые актором научные теории. Эти теории определяют направление поиска, организуют интерпретацию и классификацию результатов. Также теории влияют на признание или непризнание результатов исследований. Например, в 1918 г. французский микробиолог Феликс д'Эрелль открыл бактериофаги – вирусы, поражающие бактерии. Однако, поскольку данные открытия противоречили тогдашним представлениям о природе вирусов, большинство коллег посчитали данное открытие ошибочным.

Третье, что влияет на факт – это парадигма. Данное понятие вводит Т. Кун. Он полагает, что парадигма есть единство четырех моментов. Первый – «символические обобщения» – те выражения, которые члены научной группы используют «без сомнений и разногласий» [5, с. 271]. Далее идут «метафизические предписания» или «категориальные модели» – т.е. фундаментальные утверждения о природе явлений [5, с. 273]. Завершают список критерии оценки научных результатов и исторические примеры решения задач.

Все три фактора – как их видят рассмотренные нами авторы – являют собой некое подобие фундаментальной онтологии, т.е. существуют как последние основания. Основания, направляющие научный процесс, при этом сами они понимаются как основанные на самих себе.

Замечание про последнее основание может служить поводом для следующего методологического предположения: основания не имеют никаких закономерностей образования, и в методологическом плане их можно считать совершенно случайно сформировавшимися феноменами. А то, что формируется случайно, может быть – как мы увидим – произведено и использовано искусственным интеллектом.

Проведенная работа позволяет нам перейти к проблеме возможного участия искусственного интеллекта в процессе научного исследования.

Прежде всего необходимо выяснить, что для искусственного интеллекта будет считаться фактом? Самый лучший способ представления факта, пригодного для обработки в искусственном интеллекте, – это представление его численных характеристик. Для искусственного интеллекта вся Вселенная – это, по сути, набор взаимосвязанных и взаимоизменяющих цифр. Проблема заключается в том, что этот набор единый, монотонный, недифференцированный и, следовательно, не оцифровываемый. Дифференцировать его по «природной» дифференциации невозможно: как заметил еще Кант, размышляя об априорных формах чувственности, ни о какой природной дифференциации сущего говорить нельзя, всю дифференциацию в природу приносит человек. Вернее, те механизмы восприятия, которые «встроены» в человека.

Значит ли это, что искусственный интеллект не может ничего дифференцировать? Искусственный интеллект, безусловно, может провести дифференциацию, но результаты работы с отдифференцированной искусственным интеллектом информацией будут понятны только искусственному интеллекту.

Значит, некоторую первоначальную информацию в искусственный интеллект должен внести человек. Потому, приступая к продолжению работы, мы должны учесть следующее обстоятельство: результат проделанных операций должен быть понятен человеку и должен служить инструментом преобразования природы в нужных человеку целях. Потому следует заранее подумать над механизмом обратного преобразования: преобразования исходной информации в нечто, воспринимаемое человеком, пригодное для человеческой работы. Необходимость обратного преобразования еще раз подтверждает важность участия человека в формировании первоначальных данных.

Какова роль человека? В используемую нами вычислительную систему все акторы научного действия заносят информацию о динамике любых систем. Существуют ли какие-нибудь критерии отбора информации? Выше мы заметили, что т.н. «фундаментальные основания теории» можно считать совершенно случайно сформировавшимися феноменами, потому никаких требований к отбору данных не существует – принимается все, что понятно человеку. Действие осуществляется в прямом соответствии с тезисом П. Фейерабенда «допустимо все» (anything goes) [7, с. 396]. Вносимая информация содержит обозначение системы и как можно больше ее количественных характеристик в как можно большее количество моментов времени. Обозначенную систему с ее изменяющимися количественными характеристиками можем назвать виртуальной сущностью.

Каждая виртуальная сущность должна быть представлена как конкретный, уникальный набор оцифрованных характеристик чего-либо, воспринимаемого человеком или доступными ему приборами (характеристики звуковых и световых волн, масса, частота колебаний и проч.). Каждой такой виртуальной сущности присваивается случайным образом подобранный индекс. Затем все сущности с их знаками сохраняются в специально созданной для этого библиотеке. Например, температура тела овчарки N в момент времени t_1 = 37°C, t_2 = 36,9°C, t_3 = 37,1°C, t_4 = 37,3°C – присваиваем этой сущности индекс 101010; освещенность поверхности M в момент времени t_1 = 3 лк, t_2 = 4 лк, t_3 = 2 лк, t_4 = 8 лк – присваиваем этой сущности индекс 111010; количество занимающихся в спортивном зале S в момент времени t_1 = 15, t_2 = 25, t_3 = 18, t_4 = 4 – присваиваем этой сущности индекс 111011.

Основные этапы формирования научного знания с использованием искусственного интеллекта

После создания виртуальной сущности начинается процесс цифровизации. Современные системы искусственного интеллекта позволяют цифровизировать любые типы проявления неорганического и органического мира [8, с. 85].

Цифровизация звуков может выглядеть так. Звуки кодируются в спектрограмму с использованием алгоритма типа STFT, готовая спектрограмма подается на вход нейросети (например, CNN или Transformer) как двумерный массив чисел.

Цифровизация изображения тоже возможна. Изображение делится на сетку пикселей. Каждый пиксель получает координаты (x, y). Затем для каждого пикселя записываются значения цветовых каналов: красный (R), зеленый (G), синий (B) – по 8 бит на канал (диапазон 0–255). На завершающем этапе изображение представляется как трехмерный массив (высота × ширина × каналы), и этот массив, как и в случае со звуком, подается на вход CNN, Vision Transformer и др. [9, с. 26].

Примерно такие же операции можно проделать и с плотностью, и с запахом. Еще заметим, что подобное преобразование может захватить не только звуки, цвета, запахи, доступные человеческим органам чувств, но еще и то, наименование чего начинается с префиксов «ультра» и «инфра» (ультразвук, инфракрасное излучение), а также невидимые человеку потоки волн и частиц [10, с. 185].

Далее происходит дифференцирование потока времени. Того времени, в котором пребывают виртуальные сущности. Для этой операции можно использовать рекуррентные сети RNN в их улучшенной версии LSTM/GRU – с механизмами «ворот» для долгосрочного запоминания. В непрерывный процесс изменения виртуальной сущности сеть вносит шаг квантования (от 1 мс до 1 мин), затем группирует события во временные окна. Тогда же добавляются метки времени (например, Unix timestamp).

Далее необходимо обеспечить синхронность дифференциации потока времени для всех сформированных виртуальных сущностей. Для этого лучше всего подходят уже известные нам сети типа Transformer или ConvLST M. Они могут принимать на вход несколько временных рядов, отражающих состояние каждой виртуальной сущности, и фиксировать взаимосвязь между ними. Это можно выразить простой формулой: X = [xt(1), xt(2), …, xt(N)], где xt(i) – значение i-го процесса в момент t.

После того как сформировались виртуальные сущности и произошло временное дифференцирование, наступает этап поиска закономерностей. Закономерностей, сопровождающих и подчиняющих процессы, идущие в мире. Собственно закономерность можно определить как наблюдаемую «устойчивость некоторого образца, по которому последовательно сменяются отношения объектов природы» [11, с. 116]. Ключевыми словами для нас здесь будут глагол «сменяются» и существительное «отношения». Закономерности, регулирующие процессы, идущие в мире, можно выразить как осуществляющиеся в последовательно сменяющие друг друга промежутки времени изменения отношений между некими строго ограниченными виртуальными сущностями.

Когда поток времени дифференцирован, а выделенные моменты времени синхронизированы для всех виртуальных сущностей, наступает время сравнения динамики изменений. Т. е. надо выяснить, какие виртуальные сущности изменяются более или менее одновременно. Для обозначения такой одновременности удачнее всего подходит введенное Д. Муром и усовершенствованное Д. Льюисом понятие «супервентность». Дэвид Чалмерс определяет супервентность как такое соответствие, когда «одно множество фактов может полностью определять другое множество фактов» [12, с. 54]. В нашем случае под супервентностью будем понимать отношение непрямой взаимодетерминированности состояния двух и более систем.

Путь к обнаружению супервентности проходит два этапа. На первом этапе составляется график изменения каждой из множества виртуальных сущностей. Используемая нами нейросеть получает оцифрованное значение параметра виртуальной сущности в разные моменты времени. Для каждой возможной пары вертикалей (каждая вертикаль последовательно устанавливается в пару с каждой из всех остальных) рассчитывается производная. Формула здесь такова:

$$ui = (yi+1 - yi) / (ti+1 - ti)$$

ui – скорость изменения в момент ti, yi – значение параметра.

Потом нейросеть формирует таблицу изменения u в зависимости от t и визуализирует ее в виде линейного графика, столбчатой диаграммы или чего-либо еще, подходящего для данного случая.

Когда у нас имеется визуализация изменения скорости изменения, появляется возможность фиксирования значения ключевых показателей через равные интервалы времени для каждой виртуальной сущности. Для сравнения динамики используется коэффициент корреляции Пирсона (r): появляется возможность измерить линейную зависимость между рядами, выявить динамику взаимной информации, выявить нелинейные связи. Эта работа выявляет точные совпадения (пики и спады в одних и тех же точках времени), выявляет сдвинутые совпадения (виртуальная сущность А несколько раз меняется ровно через три часа после изменения виртуальной сущности В).

Результаты фиксируются. Фиксация осуществляется в виде матриц корреляций, тепловых карт (значения в матрице отображаются с помощью света), графов связей (где узлы – это вертикаль изменения виртуальной сущности, а ребра – значимые совпадения) или в виде синхронизированных графиков с выделенными совпадающими участками. Такая фиксация может отмечать как точные совпадения (пики и спады в одних и тех же точках времени), так и совпадения сдвинутые, т.е. реакции с задержкой (виртуальная сущность А меняется через 67 минут после изменения виртуальной сущности В). Могут замечаться и периодические паттерны – циклические совпадения (каждые 15 миллисекунд, каждые 25 лет). Для иллюстрации можно привести следующую таблицу (здесь Т1, Т2, Т3… Т10 – моменты времени).

Таблица 1. Динамика данных

	ВС 1 %	ВС 2 %	ВС 3 %	ВС 4 %	ВС 5 %	ВС 6 %	ВС 7 %	ВС 8 %	ВС 9 %	ВС 10 %
Т1	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	1
Т2	30,00	0,00	25,00	40,00	11,00	0,00	10,00	150,00	10,00	10,00
Т3	60,00	0,00	18,00	8,00	22,00	0,00	2,00	1,00	20,00	90,00
Т4	90,00	0,00	40,00	11,00	34,00	0,00	3,00	97,00	30,00	80,00
Т5	12,00	0,00	150,00	15,00	45,00	0,00	4,00	14,00	40,00	70,00
Т6	15,00	0,00	80,00	18,00	56,00	0,00	5,00	0,00	50,00	60,00
Т7	18,00	0,00	30,00	21,00	66,00	0,00	6,00	120,00	60,00	50,00
Т8	21,00	0,00	70,00	25,00	77,00	0,00	7,00	4,00	70,00	40,00
Т9	24,00	10,00	76,00	28,00	87,00	0,00	8,00	135,00	80,00	30,00
Т10	40,00	8,00	11,00	60,00	98,00	0,00	90,00	11,00	90,00	20,00

ВС: виртуальная сущность

Источник: составлено автором.

Из таблицы следует, что виртуальная сущность 1 изменяется более или менее синхронно с виртуальной сущностью 4, виртуальная сущность 7 изменяется более или менее синхронно с виртуальной сущностью 9.

Далее следуют обратные преобразования – из цифры в явления и процессы, которые могут быть визуализированы современными средствами получения научной информации. Должен осуществиться процесс, обратный процессу оцифровки и дифференцирования информации, тому процессу, в результате которого получились виртуальные сущности. Наиболее удачный в данной ситуации метод преобразования – перевод цифровой информации в графики

$$y = f(x)$$

Применить можно т.н. BI-системы (Tableau, Power BI).

Что, собственно, визуализируется? Графики, показывающие взаимоизменение цифровых групп, вполне могут быть визуализированы, однако это даст лишь дополнительные цифровые группы. Но в самом начале процесса дифференциации и цифровизации мы создали библиотеку, в которой сохранили виртуальные сущности вместе с их индексами. Возвращаемся в библиотеку и, используя индексы, выбираем там виртуальные сущности, супервентность изменений которых была обнаружена операциями, проведенными на предыдущих этапах. Например, температура тела овчарки N супервентна освещенности поверхности M, а количество занимающихся в спортивном зале S ничему не супервентно, значит, эта величина изменяется во времени совершенно самостоятельно.

Информация о всех обнаруженных супервентностях изменений процессов визуализируется и заносится в специальную библиотеку, доступную актору научного действия. Любой исследователь может задать в поисковой системе этой библиотеки один, два и более параметров в их динамике, после чего он получит информацию о процессах, супервентных тем процессам, которые его интересуют. Например, пики и спады заболеваемости коклюшем могут приблизительно совпасть с колебаниями процента облаков над Северной Европой, а количество

поломок двигателей внутреннего сгорания в Мурманске – совпасть с изменением температуры Гольфстрима.

Далее следует анализ и поиск возможности дополнительной верификации и последующего применения данной информации.

В общем и целом, научное исследование с применением искусственного интеллекта проходит пять этапов. На первом этапе искусственный интеллект получает самую разнообразную информацию об изменениях большого количества параметров во многих сферах исследуемой наукой реальности. На втором этапе эта информация переводится в количественные характеристики. Далее оцифрованная информация «упаковывается» в пространственно-временные ячейки: то есть выбираются промежутки времени, через которые отслеживается степень изменения какой-либо количественной характеристики. Следующий этап – это вычисление процента изменения каждой количественной характеристики каждого из загруженных параметров. На последнем этапе происходит сравнение динамики изменения и выявляются процессы, изменения в которых более или менее совпадают по времени.

Заключение

Что дает использование искусственного интеллекта для научного познания? Прежде всего – практически полное удаление из научного познания тех терминов, которые обозначают недоступные эмпирической фиксации сущности.

Все исходные данные формируются из наблюдаемых органами чувств и приборами, количественно измеряемых и размещаемых в конкретных временных промежутках свойств.

Следующее достоинство – большое количество исходных данных и высокая скорость их обработки. Человеческий мозг может воспринять в одну секунду 10 бит информации и проделать в секунду примерно 10^{16} операций, а мощный компьютер в одну секунду может воспринять более гигабайта (8 500 000 000 бит) информации и проделывает более одного квантилиона операций.

Еще один результат применения искусственного интеллекта в науке – стирание граней между отраслями научного знания. События, происходящие в природе и фиксирующиеся в виде фактов, не относят сами себя к какой-либо науке. Это отнесение делает человек. Он же выделяет отдельные дисциплины, решает, какой факт к какому ведомству приписывать. Нельзя сказать, что такое разделение полностью исключает междисциплинарный обмен фактами, но до некоторой степени его затрудняет. А когда все факты воспринимает и обрабатывает ИИ, там границы отсутствуют в принципе, поиск взаимного влияния фактов ничем не ограничен.

Применение искусственного интеллекта в научном исследовании не заменяет кропотливого научного поиска, но помогает значительно ускорить такой поиск, минимизировать вероятность ошибки, освобождает от терминов, не имеющих однозначного значения.

Литература

1. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 240 с.
2. Ronal C., Nazori A., Yoga P. Self Driving Car: Artificial Intelligence Approach // Jurnal TICOM. 2012. Vol. 1, № 1. P. 43–47.
3. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход. Том 3. Обучение, восприятие и действие. М., СПб.: Диалектика, 2022. 640 с.
4. Жук Е.И. Ханс Георг Гадамер о природе языка: проект феноменологической герменевтики // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 39–47.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2020. 320 с.
6. Аристотель. Физика. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 232 с.
7. Фейерабенд П. Против метода. М.: АСТ, 2007. 413 с.
8. Carter J. Neural Networks Beginnings. SelfPub, 2023. 102 p.
9. Нейросеть. Пошаговое руководство по генерации картинок и текста. М.: АСТ, 2023. 128 с.
10. Тауллли Т. Основы искусственного интеллекта: нетехническое введение. СПб.: БХВ-Петербург, 2021. 288 с.
11. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
12. Чалмерс Д. Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. 512 с.

SEARCHING FOR EMPIRICAL PATTERNS AND THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Sivertsev E.Yu.
Institute of Philosophy of Saint Petersburg State University

The article examines how artificial intelligence technologies may transform the classical scheme of scientific inquiry. The author starts from C.G. Hempel's observation about the intermediate link of scientific explanation that connects observable phenomena through unobservable theoretical entities. If this theoretical construct is replaced by computational processing of large arrays of digitized data, the cognitive scheme is transformed. A five-stage research algorithm using neural networks is proposed: loading heterogeneous empirical information, converting it into quantitative characteristics, differentiating temporal flows, synchronizing virtual entities, and searching for supervenience relations among them. The notion of supervenience, borrowed from D. Chalmers, is used to describe the indirect mutual determination of the states of several systems. Machine learning algorithms take on the heuristic function previously belonging to the theoretical level of scientific knowledge. The author concludes that AI allows the elimination of unobservable entities from scientific description and the erasure of disciplinary boundaries when data are processed in a unified information field. The use of artificial intelligence leads to a change in the epistemological structure of scientific knowledge; the acceleration of research procedures turns out to be only a side effect.

Keywords: scientific knowledge; epistemology; artificial intelligence; neural networks; virtual entity; digitalization of empirical data; supervenience.

References

1. Hempel C.G. Logika ob'yasneniya [Logic of Explanation]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 1998. 240 p. (in Russ.)
2. Ronal C., Nazori A., Yoga P. Self Driving Car: Artificial Intelligence Approach // Jurnal TICOM. 2012. Vol. 1, № 1. P. 43–47.
3. Russell S., Norvig P. Iskusstvennyy intellekt: sovremennyy podkhod. Tom 3. Obuchenie, vospriyatie i deystvie [Artificial Intelligence: A Modern Approach. Vol. 3. Learning, Perception, and Action]. Moscow, Saint Petersburg: Dialektika, 2022. 640 p. (in Russ.)
4. Zhuk E.I. Khans Georg Gadamer o prirode yazyka: proekt fenomenologicheskoy germenevtiki [Hans-Georg Gadamer on the Nature of Language: A Project of Phenomenological Hermeneutics] // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. 2019. № 1. P. 39–47. (in Russ.)
5. Kuhn T. Struktura nauchnykh revolyutsiy [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST, 2020. 320 p. (in Russ.)
6. Aristotle. Fizika [Physics]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 232 p. (in Russ.)
7. Feyerabend P. Protiv metoda [Against Method]. Moscow: AST, 2007. 413 p. (in Russ.)
8. Carter J. Neural Networks Beginnings. SelfPub, 2023. 102 p.
9. Neyroset'. Poshagovoe rukovodstvo po generatsii kartinok i teksta [Neural Network. A Step-by-Step Guide to Generating Pictures and Text]. Moscow: AST, 2023. 128 p. (in Russ.)
10. Taulli T. Osnovy iskusstvennogo intellekta: netekhnicheskoe vvedenie [Artificial Intelligence Basics: A Non-Technical Introduction]. Saint Petersburg: BHV-Peterburg, 2021. 288 p. (in Russ.)
11. Whitehead A.N. Izbrannye raboty po filosofii [Selected Works on Philosophy]. Moscow: Progress, 1990. 718 p. (in Russ.)
12. Chalmers D. Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Moscow: URSS: Knizhniy dom "Librokom", 2013. 512 p. (in Russ.)

Взрослая парентификация: клинические маркеры и динамика психологических изменений

Солодовник Елена Викторовна,
кандидат физико-математических наук, доцент, доцент высшей школы промышленного и гражданского строительства, магистр психологии, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000613@togudv.ru

Обоснование. В статье рассматривается парентификация во взрослом возрасте как устойчивый ролевой сценарий, связанный с избыточной ответственностью и хронической вовлечённостью в семейные взаимодействия. Цель. Целью исследования является выявление клинических маркеров взрослой парентификации и описание динамики психологических изменений. Материалы и методы. Исследование выполнено в качественном дизайне рефлексивного тематического анализа. Эмпирическим материалом послужили консультативные эпизоды, реконструированные на основе серии из 8 клинических случаев взрослых клиентов, имеющих опыт парентификационной динамики. Для представления результатов и обеспечения конфиденциальности использованы четыре композитные виньетки (A–D), реконструированные как типичные конфигурации выявленных тем. Анализ включал сегментацию текста на смысловые единицы, первичное и осевое кодирование, формирование тем и реконструкцию динамики перехода от позиции «спасателя/родителя» к разграничению ответственности и укреплению автономии. Результаты. Выделены клинические маркеры взрослой парентификации: переживание чрезмерной ответственности за состояние семьи, семейная лояльность, страх утраты связи, внутренний моральный императив «я должен(на)», запрет на амбивалентные чувства, прежде всего злость и усталость. Психологические изменения связаны с прояснением границ ответственности, легитимацией амбивалентности и постепенными поведенческими экспериментами, уменьшающими вовлечённость в треугольные взаимодействия. Полученные результаты могут быть использованы для уточнения клинических ориентиров и разработки практических подходов в консультативной практике.

Ключевые слова: парентификация; ролевая инверсия; семейная система; границы ответственности; семейная лояльность; психологическая автономия; тематический анализ; психологическое консультирование

Введение

Парентификация традиционно описывается как инверсия ролей в семье, при которой ребёнок выполняет функции, не соответствующие его возрастной позиции: эмоционально поддерживает родителей, берёт на себя ответственность за их состояние, выступает посредником в конфликтах и решает практические задачи взрослых [2; 8; 14; 17]. В системно-семейной перспективе это связано с нарушением границ между поколениями и закреплением устойчивых паттернов взаимодействия [1; 17]. Последствия парентификации могут сохраняться во взрослом возрасте, проявляясь как гиперответственность, трудности автономии, эмоциональное напряжение и склонность к вовлечению в проблемные семейные взаимодействия [7; 10; 12].

В литературе подчёркивается необходимость различать нормативную помощь семье и деструктивную парентификацию, при которой ответственность превышает возрастные и ресурсные возможности ребёнка [15; 16; 20]. Значение имеют не только функции, но и контекст их делегирования, субъективное переживание справедливости, наличие поддержки и учёт потребностей ребёнка [13; 15; 18]. Во взрослом возрасте важным становится не только ранний опыт ролевой инверсии, но и способы воспроизведения этого сценария в актуальных отношениях.

Клинически взрослая парентификация проявляется жалобами на хроническое напряжение, вину, эмоциональное истощение и невозможность «жить своей жизнью» из-за постоянной включённости в родительскую систему. Клиент часто переживает себя как «держателя системы», посредника или эмоционального контейнера для близких. Попытки дистанцироваться сопровождаются тревогой, стыдом и страхом утраты связи, а забота о себе воспринимается как эгоизм [2; 19].

Важным компонентом выступают аффективные запреты: злость, раздражение и усталость по отношению к близким оказываются «запрещёнными» и нейтрализуются оправданием другого или самокритикой. Это поддерживает ролевую включённость и возвращает клиента к привычным стратегиям помощи и посредничества. Взрослую парентификацию целесообразно рассматривать как систему взаимосвязанных компонентов: ролевой включённости, внутренних установок долженствования и лояльности, аффективных запретов и поведенческих паттернов, препятствующих автономии.

Несмотря на рост исследований парентификации, её процессуальная сторона остаётся разработанной недостаточно подробно [9; 11; 16; 18]. Менее изучены клинические маркеры поддержания парентификационного сценария и консультативные шаги, связанные с его изменением. Особенно значимы «точки входа» для вмешательств: поддержка разграничения ответственности, легитимация амбивалентных чувств и снижение вовлечённости в треугольные семейные взаимодействия.

Объектом исследования выступает взрослая парентификация как устойчивый ролевой сценарий у взрослых клиентов. Цель работы – выявить клинические маркеры взрослой парентификации и описать траекторию изменений от позиции «держателя системы» и «спасателя» к разграничению ответственности и укреплению автономии.

Научная новизна работы заключается в процессуальном описании взрослой парентификации как сценария, включающего взаимосвязь ролевой включённости, нормативного долженствования и аффективных запретов, а также в реконструкции последовательности изменений в консультативном процессе. Практическая значимость связана с возможностью использовать выделенные маркеры как ориентиры клинической оценки и планирования вмешательств.

Материалы и методы

Исследование выполнено в качественном дизайне рефлексивного тематического анализа консультативного материала, полученного в практике психологического консультирования. Выбор качественного подхода связан с целью выявить клинические маркеры взрослой парентификации и описать динамику психологических изменений, а не измерить частоту признаков. Анализ опирался на принципы тематического анализа, включающего выделение смысловых единиц, кодирование и формирование тем [4; 5].

Материалом послужили консультативные эпизоды, реконструированные на основе 8 клинических случаев взрослых клиентов с выраженной парентификационной динамикой. Отбор случаев осуществлял-

ся по критериям: устойчивый мотив гиперответственности и включённости в родительские конфликты; наличие эмоциональной «цены» сценария – вины, напряжения, истощения, трудностей автономии; наличие эпизодов разграничения ответственности и попыток отказа от посредничества.

Исходные данные были представлены рабочими консультативными записями и реконструкциями значимых фрагментов процесса. Фиксировались ключевые эпизоды, переживания клиента, нормативные установки, поведенческие действия и признаки изменений. Для представления результатов использованы четыре композитные виньетки A–D как типичные конфигурации выявленных тем.

Единицей анализа выступал консультативный эпизод, включающий контекст семейного взаимодействия, внутренние установки клиента, формы включённости в парентификационный сценарий и признаки изменения или сопротивления.

Анализ проводился итеративно и включал: сегментацию материала, первичное и осевое кодирование, группировку кодов по функциональным категориям и формирование тем. Статистическая обработка не проводилась; задача анализа состояла в выявлении повторяющихся тем, кодов и процессуальных связей между ними.

Для повышения прозрачности процедуры анализа в табл. 1 приведена краткая кодовая книга, включающая ключевые коды, их определения и тематическую принадлежность.

Таблица 1. Краткая кодовая книга тематического анализа

Код и тема	Краткое определение
Тема 1. C01 «Нести всех»	Переживание себя основным носителем ответственности за устойчивость семьи и состояние близких
Тема 1. C03 «Посредник и переводчик»	Включённость в коммуникацию между конфликтующими сторонами в роли передатчика, объясняющего или примиряющего участника
Тема 1. C07 Катастрофизация отказа	Представление отказа от вмешательства или дистанцирования как угрозы ухудшения ситуации или распада отношений
Тема 2. C10 «Быть хорошим»	Связывание самоценности с полезностью, правильностью и соответствием ожиданиям близких
Тема 2. C12 Стыд за отказ	Переживание стыда при установлении границы или отказе от помощи
Тема 2. C13 Предательство семьи	Переживание автономного выбора как нарушения семейной лояльности
Тема 3. C17 «Злость нельзя»	Запрет на признание или выражение гнева и раздражения по отношению к значимым фигурам
Тема 3. C21 «Устал(а) и стыжусь»	Переживание усталости как слабости, несостоятельности или моральной неправильности
Тема 3. C19 Обесценивание переживания	Снижение значимости собственных чувств через рационализацию, сравнение или самообвинение
Тема 4. C25 «Это не моё»	Когнитивное и эмоциональное отделение чужой ответственности от собственной
Тема 4. C26 Граница разговора	Ограничение темы, времени, формы или тона коммуникации
Тема 4. C27 Маленький отказ	Небольшой поведенческий эксперимент отказа от привычного спасательства

Примечание. Представлена краткая версия кодовой книги; полный перечень кодов C01–C33 с определениями, индикаторами и иллюстративными парафразами может быть предоставлен по запросу редакции. Потенциально идентифицирующие сведения в клинических парафразах исключены или изменены.

Для соотнесения кодов с итоговыми темами тематического анализа был составлен обобщённый реестр тем и ключевых кодов (табл. 2).

Таблица 2. Реестр тем и ключевых кодов тематического анализа

Тема	Смысловое ядро	Функция в сценарии	Ключевые коды
Тема 1. «Я держу систему»: контейнирование и посредничество	Чрезмерная ответственность и постоянная включённость в поддержание семейной устойчивости через посредничество, эмоциональное контейнирование, «разруливание» и мониторинг напряжения	Исходная ролевая позиция: клиент занимает место функционального стабилизатора семейной системы	C01–C07; переходный код: C08

Окончание

Тема	Смысловое ядро	Функция в сценарии	Ключевые коды
Тема 2. Лояльность и моральный императив «я должен(на)»	Удержание сценария внутренними правилами «хорошести», семейной лояльностью, виной и стыдом за отказ	Нормативное закрепление роли: помощь переживается как условие принадлежности и сохранения связи	C09–C16; переходный код: C08
Тема 3. Запрет на амбивалентность и обесценивание переживания	Нелегитимность злости, усталости и других амбивалентных чувств; рационализация, оправдание другого и обесценивание собственного переживания	Аффективное удержание сценария: чувства, которые могли бы стать сигналом границы, блокируются или превращаются в самокритику	C17–C23; переходные коды: C16, C24
Тема 4. Разграничение ответственности: границы и рост автономии	Переход к автономии через дифференциацию ответственности, границы коммуникации, малые отказы, паузу и переадресацию ответственности	Изменение сценария: клиент постепенно выходит из роли посредника и расширяет репертуар автономных действий	C25–C33; переходный код: C24

Примечание. Таблица представляет обобщённый реестр тем и ключевых кодов тематического анализа. Переходные коды отражают связи между темами и могут встречаться на стыке процессов: C08 – между ролевой включённостью и лояльностью; C16 – между самокритикой и запретом амбивалентности; C24 – между попытками изменения и возвратом к спасательству; C33 – как амбивалентный эффект изменения. Полный перечень кодов C01–C33 с определениями, индикаторами и иллюстративными парафразами может быть предоставлен по запросу редакции.

Автор совмещает роли практикующего психолога и аналитика данных, что обеспечивает доступ к процессуальным аспектам материала, но требует явной фиксации аналитических решений и контроля интерпретативной позиции. Для снижения риска односторонней интерпретации в ходе анализа велись аналитические и рефлексивные заметки, отражающие основания кодирования, возможные альтернативные трактовки и влияние профессиональной позиции автора на выделение тем. Формулировки тем уточнялись до уровня, обеспечивающего одновременно клиническую различимость и межслучаевую применимость [5].

При подготовке материала использовались процедуры анонимизации и композитного представления консультативных эпизодов; этические аспекты, включая вопросы конфиденциальности и информированного согласия, описаны в соответствующих разделах после заключения.

Результаты и обсуждение

В результате тематического анализа выделены четыре взаимосвязанные темы, отражающие структуру взрослой парентификации и динамику психологических изменений. Описание результатов опирается на краткую кодовую книгу и реестр тем, представленные выше (табл. 1–2). Каждая тема раскрывается через описание содержания, ключевые коды и иллюстративные парафразы композитных виньеток A–D. Все иллюстративные парафразы представлены в обобщённом виде и не являются дословными высказываниями клиентов.

Тема 1. «Я держу систему»: контейнирование и посредничество

Первая тема описывает исходную организацию сценария: клиент переживает себя как фигуру, удерживающую семейную систему от дестабилизации, и занимает позицию посредника, «старшего» или эмоционального контейнера. В эпизодах этой темы наблюдаются гиперответственность (C01), присвоение функции взрослого по отношению к другим взрослым членам семьи (C02), посредничество между конфликтующими сторонами (C03), потребность немедленно «разрулить» напряжение (C04), сканирование эмоциональных сигналов (C05) и готовность выдерживать чувства других в ущерб собственному ресурсу (C06). Отказ от включённости сопровождается катастрофизацией последствий (C07) и страхом утраты связи (C08), что поддерживает возвращение к роли «опоры» семейной системы.

Иллюстративно это проявляется в эпизодах, где клиент в ситуации конфликта или эмоционального всплеска близких автоматически берёт на себя функцию «разруливающего»: успокаивает одного участника, объясняет позицию другого, пытается снизить напряжение и восстановить контакт. После таких эпизодов возникают истощение и раздражение на собственную вовлечённость, но дистанцирование переживается как опасное: «если я отпущу, станет хуже; всё развалится». Полученные данные согласуются с системным пониманием семьи как

структуры взаимосвязанных ролей и границ, в которой изменение позиции одного участника может переживаться как угроза устойчивости всей системы [1; 3; 17].

Тема 2. Лояльность и моральный императив «я должен(на)»

Вторая тема раскрывает внутреннюю нормативную рамку, поддерживающую парентификационный сценарий. Самоценность клиента оказывается связана с полезностью и «правильностью» (C10), а помощь интерпретируется как условие принадлежности и сохранения отношений (C11). Попытки установить границу сопровождаются стыдом (C12), переживанием автономии как нарушения семейной лояльности (C13), маркированием заботы о себе как эгоизма (C14), запретом на собственные потребности (C15) и усилением самокритики (C16). Вина и стыд выполняют регулирующую функцию: они быстро возвращают клиента к привычному способу стабилизации отношений через действие и самопожертвование.

Типовой эпизод этой темы связан с попыткой обозначить границу, после которой возникает волна вины и моральной тревоги. Клиент сначала говорит «я не готов(а) обсуждать это сейчас», но затем смягчает отказ, оправдывается, уступает или делает «компенсирующее» действие, чтобы восстановить внутреннее чувство «я хороший/ая» и снизить риск отвержения (C09–C13). Такая динамика соотносится с контекстуальной традицией, в которой семейная лояльность, обязательства, взаимность и переживание справедливости рассматриваются как значимые регуляторы межпоколенческих отношений [2], а также с исследованиями вины и стыда как аффектов, способных поддерживать самонаказание и возврат к привычным стратегиям восстановления связи [19].

Тема 3. Запрет на амбивалентность и обесценивание переживания

Третья тема описывает аффективный контур сценария: злость, раздражение и усталость по отношению к значимым фигурам оказываются слабо легитимированными и быстро нейтрализуются. В эпизодах наблюдаются запрет на злость (C17), оправдание другого вместо признания собственного ущерба (C18), обесценивание переживания (C19), рационализация вместо эмоционального контакта (C20), стыд за усталость (C21), установка «не имею права» на границу или чувство (C22), а также тревога при попытке отделения (C23). В результате чувства, которые могли бы стать сигналом границы, превращаются в самокритику и возвращают клиента к спасательству (C24).

Это проявляется в эпизодах, где клиент замечает раздражение на близкого, но сразу его сглаживает: «ему тяжело», «это неважно», «я сам(а) виноват(а)». Попытка признать злость или усталость вызывает тревогу и риск отката: при недовольстве со стороны других клиент вновь берёт на себя роль посредника. Таким образом, амбивалентные чувства выполняют регуляторную функцию, но при запрете на их признание становятся источником вины и возврата к прежней роли.

Тема 4. Разграничение ответственности: границы и рост автономии

Четвёртая тема описывает процесс психологических изменений, связанный с дифференциацией ответственности и расширением поведенческого репертуара границ. Изменения проявляются в формулировке «это не моё» (C25), установлении границ коммуникации по теме, времени или тону (C26), малых отказах от спасательства (C27), паузе и отложенном ответе (C28), переходе от обязанности к выбору (C29), переадресации коммуникации прямым участникам конфликта (C30), оговаривании условий помощи (C31) и перераспределении ответственности (C32). При этом изменения остаются нелинейными: успешный «маленький отказ» часто сопровождается облегчением и одновременно страхом утраты связи (C33), что может запускать временный откат (C24).

Иллюстративно это выглядит как постепенное прекращение посредничества: клиент перестаёт передавать сообщения между конфликтующими родственниками, предлагает обсуждать напряжение напрямую, вводит правило говорить только в спокойной форме или берёт паузу, чтобы проверить собственный ресурс и желание. После такого шага возникает облегчение, но вместе с ним – тревога, вина и страх быть отвергнутым, что требует дальнейшей консультативной поддержки. Такая нелинейность согласуется с представлением о том, что последствия парентификации не сводятся только к дефициту или патологии, а зависят от контекста, субъективного восприятия, ресурсов, поддержки и способности к дифференциации [7; 12; 13; 16; 20].

Обобщающая модель динамики взрослой парентификации

Полученные результаты позволяют рассматривать взрослую парентификацию не только как отдалённое следствие детского опыта, но и как устойчивый ролевой сценарий, который воспроизводится и поддерживается в текущих семейных взаимодействиях. В структуре выявленных тем прослеживается согласованная логика: исходная позиция «держателя системы» и посредника задаёт паттерн постоянной включённости; нормативная рамка лояльности и долженствования придаёт этому паттерну моральную обязательность; аффективные запреты и обесценивание переживаний ограничивают возможность установления границ; изменения разворачиваются через разграничение ответственности и поведенческие эксперименты, но сопровождаются амбивалентностью и риском откатов [8; 12].

Для обобщения результатов и повышения прозрачности интерпретации ниже представлен рис. 1, интегрирующий выделенные темы и переходные коды, отражающие динамику поддержания и изменения парентификационного сценария. Направление стрелок отражает типовую траекторию процесса; при этом переходы могут быть возвратными, что особенно заметно в эпизодах усиления вины, тревоги и страха утраты связи.

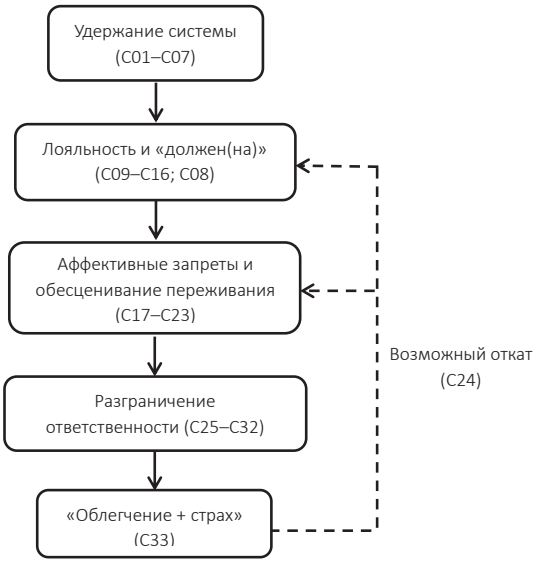


Рис. 1. Концептуальная модель динамики взрослой парентификации в терапии

Примечание. Сплошные стрелки отражают типовую последовательность поддержания и изменения парентификационного сценария. Возвратная стрелка обозначает возможный откат в спасательство (C24) при усилении вины, тревоги или страха утраты связи. C08 рассматривается как переходный код между удержанием системы и лояльностью; C33 отражает амбивалентный эффект изменения – сочетание облегчения и страха.

Интерпретативная модель поддержания сценария

Результаты позволяют описать взрослую парентификацию как контур «роль → долженствование → аффективные запреты». Ролевой компонент проявляется в позиции «стабилизатора» семейной системы: посредничество, контейнирование и «разруливание» конфликтов переживаются как необходимые для сохранения отношений [1; 3; 17]. Нормативный компонент формирует установку, при которой помощь становится условием принадлежности, а граница – источником стыда и чувства предательства [2; 19].

Аффективный компонент связан с запретом амбивалентности: злость и усталость нейтрализуются оправданием другого, рационализацией или самокритикой. В результате сценарий поддерживается не только поведенческой привычкой, но и внутренней связью любви и принадлежности с обязанностью и самопожертвованием.

Интерпретативная модель изменения

Психологические изменения проявляются как постепенное освоение дифференциации ответственности и расширение поведенческого репертуара границ. Устойчивый прогресс связан не с разовым «решением поставить границы», а с повторяемыми малыми экспериментами: паузой, отказом от посредничества, переадресацией ответственности, оговариванием условий помощи. Эти шаги позволяют клиенту накопить опыт выдерживания тревоги и вины без немедленной компенсации действием, признания амбивалентных чувств без самонаказания и удерживания новой позиции ответственности [6; 7; 14]. Одновременно выявленная нелинейность изменений согласуется с данными о неоднозначных последствиях парентификации и роли медиаторов, включая воспринимаемую несправедливость, дифференциацию Я, субъективную оценку опыта и наличие поддерживающих ресурсов [10; 12; 13; 16; 20].

Точки психологического вмешательства

Опираясь на структуру тем и коды (табл. 1–2), можно выделить пять типовых точек вмешательства: 1) экспликация ролевой позиции и «цены» сценария; 2) деконструкция морального императива без разрушения семейной лояльности; 3) легитимация амбивалентности как условия границ; 4) поддержка малых поведенческих экспериментов – паузы, отказа от посредничества, переадресации ответственности; 5) нормализация эффекта «облегчение + страх» и работа с откатами как материалом для уточнения условий, запускающих сценарий. Практическая значимость этих точек состоит в том, что они позволяют работать не только с содержанием семейных историй, но и с актуальной организацией роли, аффекта и действия в консультативном процессе.

Ограничения исследования

Интерпретация результатов должна учитывать ряд ограничений. Во-первых, анализ основан на ограниченном корпусе консультативного материала, полученного в ходе текущей практики, что ограничивает переносимость выводов на иные клинические и социокультурные контексты. Аналитический корпус включал серию из 8 случаев, а результаты представлены через четыре композитные виньетки A–D; следовательно, виньетки следует рассматривать не как описание отдельных клиентов, а как способ обобщённого представления повторяющихся паттернов.

Во-вторых, использование композитных виньеток и парафраз без дословных цитат повышает конфиденциальность и снижает риск узнаваемости, но одновременно ограничивает возможность независимой проверки интерпретаций на уровне исходных высказываний. Это ограничение частично компенсируется представлением краткой кодовой книги и реестра тем (табл. 1–2).

В-третьих, совмещение ролей практикующего психолога и исследователя повышает риск интерпретационных смещений. Для его снижения использовались аналитические и рефлексивные заметки, фиксация оснований кодирования, рассмотрение альтернативных трактовок и итеративная проверка тем на межслучаевую применимость [4; 5].

Заключение

1. Взрослая парентификация проявляется как устойчивый сценарий, при котором человек занимает позицию «держателя системы», посредника или эмоционального контейнера и воспринимает свою включённость как условие сохранения семейной устойчивости.

2. Клиническими маркерами выступают гиперответственность, постоянный мониторинг состояния близких, стремление снижать напряжение в семье, страх утраты связи при дистанцировании и ощущение, что отказ от участия приведёт к дестабилизации отношений.

3. Сценарий поддерживается нормативно-аффективным контуром: семейной лояльностью, установкой «я должен(на)», стыдом и виной при попытке обозначить границу. Помощь и самопожертвование становятся условием принадлежности, а автономия переживается как эгоизм или предательство.

4. Важным механизмом фиксации выступает запрет на амбивалентные чувства. Злость, раздражение и усталость нейтрализуются оправданием другого, рационализацией или самокритикой, что способствует возврату к спасательству.

5. Психологические изменения связаны с разграничением ответственности, легитимацией амбивалентности и расширением репертуара границ. Значимыми шагами становятся пауза перед ответом, отказ от посредничества, установление условий коммуникации и переадресация ответственности.

6. Динамика изменений носит нелинейный характер: шаги к автономии сопровождаются тревогой, виной и возможными откатами, поэтому консультативная работа требует поддержки способности выдерживать амбивалентность без возвращения к прежнему сценарию.

Исследование не проходило рассмотрение комитетом по этике, поскольку представляло собой ретроспективный качественный анализ анонимизированных консультативных записей и композитных клинических реконструкций без экспериментального вмешательства и публикации персональных данных.

Литература

1. Эйдемиллер, Э. Г., & Юстицкис, В. В. (2008). Психология и психотерапия семьи (4-е изд.). Санкт-Петербург: Питер. 672 с.

2. Boszormenyi-Nagy, I., & Spark, G. M. (1973). Invisible loyalties: Reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown, MD: Harper & Row. 408 p.

3. Bowen, M. (1978). Family therapy in clinical practice. New York: Jason Aronson. 565 p.

4. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology, 3(2), 77–101. https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa

5. Braun, V., & Clarke, V. (2019). Reflecting on reflexive thematic analysis. Qualitative Research in Sport, Exercise and Health, 11(4), 589–597. https://doi.org/10.1080/2159676X.2019.1628806

6. Byng-Hall, J. (2002). Relieving parentified children's burdens in families with insecure attachment patterns. Family Process, 41(3), 375–388. https://doi.org/10.1111/j.1545–5300.2002.41307.x

7. Byng-Hall, J. (2008). The significance of children fulfilling parental roles: Implications for family therapy. Journal of Family Therapy, 30(2), 147–162. https://doi.org/10.1111/j.1467–6427.2008.00400.x

8. Chase, N. D. (Ed.). (1999). Burdened children: Theory, research, and treatment of parentification. Thousand Oaks, CA: Sage. 216 p.

9. Dariotis, J. K., Chen, F. R., Park, Y. R., Nowak, M. K., French, K. M., & Codamon, A. M. (2023). Parentification vulnerability, reactivity, resilience, and thriving: A mixed methods systematic literature review. International Journal of Environmental Research and Public Health, 20(13), 6197. https://doi.org/10.3390/ijerph20136197

10. Hooper, L. M., DeCoster, J., White, N., & Voltz, M. L. (2011). Characterizing the magnitude of the relation between self-reported childhood parentification and adult psychopathology: A meta-analysis. Journal of Clinical Psychology, 67(10), 1028–1043. https://doi.org/10.1002/jclp.20807

11. Hooper, L. M., Doehler, K., Wallace, S. A., & Hannah, N. J. (2011). The Parentification Inventory: Development, validation, and cross-validation. The American Journal of Family Therapy, 39(3), 226–241. https://doi.org/10.1080/01926187.2010.531652

12. Hooper, L. M., Marotta, S. A., & Lanthier, R. P. (2008). Predictors of growth and distress following childhood parentification: A retrospective exploratory study. Journal of Child and Family Studies, 17(5), 693–705. https://doi.org/10.1007/s10826–007–9184–8

13. Jankowski, P. J., Hooper, L. M., Sandage, S. J., & Hannah, N. J. (2013). Parentification and mental health symptoms: Mediator effects of perceived unfairness and differentiation of self. Journal of Family Therapy, 35(1), 43–65. https://doi.org/10.1111/j.1467–6427.2011.00574.x

14. Jurkovic, G. J. (1997). Lost childhoods: The plight of the parentified child. New York: Brunner/Mazel. 252 p.

15. Jurkovic, G. J., Morrell, R., & Thirkield, A. (1999). Assessing childhood parentification: Guidelines for researchers and clinicians. In N.D. Chase (Ed.), Burdened children: Theory, research, and treatment of parentification (Pp. 92–113). Thousand Oaks, CA: Sage.

16. Masiran, R., Ibrahim, N., Awang, H., & Lim, P. Y. (2023). The positive and negative aspects of parentification: An integrated review. Children and Youth Services Review, 144, 106709. https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2022.106709

17. Minuchin, S. (1974). Families and family therapy. Cambridge, MA: Harvard University Press. 268 p.

18. Stanić, L., Branica, V., & Rajhvajn Bulat, L. (2025). Conceptualising and measuring parentification: A scoping review. Psihologijske teme, 34(3), 369–391. https://doi.org/10.31820/pt.34.3.1

19. Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). Shame and guilt. New York: Guilford Press. 272 p.

20. Telzer, E. H., & Fuligni, A. J. (2009). Daily family assistance and the psychological well-being of adolescents from Latin American, Asian, and European backgrounds. Developmental Psychology, 45(4), 1177–1189. https://doi.org/10.1037/a0014728

ADULT PARENTIFICATION: CLINICAL MARKERS AND DYNAMICS OF PSYCHOLOGICAL CHANGE

Solodovnik E.V.
Pacific National University

Background. This study examines adult parentification as a stable role script associated with excessive responsibility and chronic involvement in family interactions. Purpose. The aim of the study is to identify clinical markers of adult parentification and describe the dynamics of psychological change. Materials and methods. The study was conducted within a qualitative design using reflexive thematic analysis. The empirical material consisted of counseling episodes reconstructed from a series of eight clinical cases of adult clients with parentification dynamics. To present the findings and ensure confidentiality, four composite vignettes (A–D) were used as typical configurations of the identified themes. The analysis involved segmentation into meaning units, initial and axial coding, theme development, and reconstruction of the transition from the "rescuer/parent" role toward differentiation of responsibility and increased autonomy. Results. The analysis identified the following clinical markers of adult parentification: excessive responsibility for the family's emotional state, family loyalty, fear of relational loss, an internal moral imperative ("I must"), and prohibition of ambivalent affects, especially anger and fatigue. Psychological change was associated with clarification of responsibility boundaries, legitimization of ambivalence, and gradual behavioral experiments that reduced involvement in triangular interactions.

The findings may contribute to refining clinical markers and informing practical approaches in counseling practice.

Keywords: parentification; role reversal; family system; responsibility boundaries; family loyalty; psychological autonomy; thematic analysis; psychological counseling

References

1. Eidemiller, E. G., & Justickis, V. V. (2008). Psychology and family psychotherapy (4th ed.). St. Petersburg: Peter. 672 pp.

2. Boszormenyi-Nagy, I., & Spark, G. M. (1973). Invisible loyalties: Reciprocity in intergenerational family therapy. Hagerstown, MD: Harper & Row. 408 p.

3. Bowen, M. (1978). Family therapy in clinical practice. New York: Jason Aronson. 565 p.

4. Braun, V., & Clarke, V. (2006). Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology, 3(2), 77–101. https://doi.org/10.1191/1478088706qp063oa

5. Braun, V., & Clarke, V. (2019). Reflecting on reflexive thematic analysis. Qualitative Research in Sport, Exercise and Health, 11(4), 589–597. https://doi.org/10.1080/2159676X.2019.1628806

6. Byng-Hall, J. (2002). Relieving parented children's burdens in families with insecure attachment patterns. Family Process, 41(3), 375–388. https://doi.org/10.1111/j.1545–5300.2002.41307.x

7. Byng-Hall, J. (2008). The significance of children fulfilling parental roles: Implications for family therapy. Journal of Family Therapy, 30(2), 147–162. https://doi.org/10.1111/j.1467–6427.2008.00400.x

8. Chase, N. D. (Ed.). (1999). Burdened children: Theory, research, and treatment of parentification. Thousand Oaks, CA: Sage. 216 p.

9. Dariotis, J. K., Chen, F. R., Park, Y. R., Nowak, M. K., French, K. M., & Codamon, A. M. (2023). Parentification vulnerability, reactivity, resilience, and thriving: A mixed methods systematic literature review. International Journal of Environmental Research and Public Health, 20(13), 6197. https://doi.org/10.3390/ijerph20136197

10. Hooper, L. M., DeCoster, J., White, N., & Voltz, M. L. (2011). Characterizing the magnitude of the relationship between self-reported childhood parentification and adult psychopathology: A meta-analysis. Journal of Clinical Psychology, 67(10), 1028–1043. https://doi.org/10.1002/jclp.20807

11. Hooper, L. M., Doehler, K., Wallace, S. A., & Hannah, N. J. (2011). The Parentification Inventory: Development, validation, and cross-validation. The American Journal of Family Therapy, 39(3), 226–241. https://doi.org/10.1080/01926187.2010.531652

12. Hooper, L. M., Marotta, S. A., & Lanthier, R. P. (2008). Predictors of growth and distress following childhood parentification: A retrospective exploratory study. Journal of Child and Family Studies, 17(5), 693–705. https://doi.org/10.1007/s10826–007–9184–8

13. Jankowski, P. J., Hooper, L. M., Sandage, S. J., & Hannah, N. J. (2013). Parentification and mental health symptoms: Mediator effects of perceived unfairness and differentiation of self. Journal of Family Therapy, 35(1), 43–65. https://doi.org/10.1111/j.1467–6427.2011.00574.x

14. Jurkovic, G. J. (1997). Lost childhoods: The plight of the parentified child. New York: Brunner/Mazel. 252 p.

15. Jurkovic, G. J., Morrell, R., & Thirkield, A. (1999). Assessing childhood parentification: Guidelines for researchers and clinicians. In N.D. Chase (Ed.), Burdened children: Theory, research, and treatment of parentification (Pp. 92–113). Thousand Oaks, CA: Sage.

16. Masiran, R., Ibrahim, N., Awang, H., & Lim, P. Y. (2023). The positive and negative aspects of parentification: An integrated review. Children and Youth Services Review, 144, 106709. https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2022.106709

17. Minuchin, S. (1974). Families and family therapy. Cambridge, MA: Harvard University Press. 268 p.

18. Stanić, L., Branica, V., & Rajhvajn Bulat, L. (2025). Conceptualizing and measuring parentification: A scoping review. Psychologijske teme, 34(3), 369–391. https://doi.org/10.31820/pt.34.3.1

19. Tangney, J. P., & Dearing, R. L. (2002). Shame and guilt. New York: Guilford Press. 272 p.

20. Telzer, E. H., & Fuligni, A. J. (2009). Daily family assistance and the psychological well-being of adolescents from Latin American, Asian, and European backgrounds. Developmental Psychology, 45(4), 1177–1189. https://doi.org/10.1037/a0014728

Этические проблемы интеграции систем искусственного интеллекта в медицинскую практику

Телякаева Альбина Фаргатовна,
к.полит.н., старший преподаватель, Оренбургский государственный медицинский университет
E-mail: river8585@mail.ru

Потапова Алена Николаевна,
к.и.н., доцент, Оренбургский государственный медицинский университет
E-mail: pani0906@mail.ru

Балышева Наталия Викторовна,
старший преподаватель, Оренбургский медицинский университет
E-mail: balyshevanataliya@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ этических проблем, возникающих в связи с интеграцией систем искусственного интеллекта в медицинскую практику. Рассматриваются ключевые вызовы, связанные с обеспечением конфиденциальности персональных данных пациентов, непрозрачностью алгоритмических решений («проблема черного ящика»), распределением ответственности за клинические решения, рисками дегуманизации медицинской помощи и алгоритмической дискриминацией. Особое внимание уделяется трансформации традиционных принципов медицинской этики в условиях цифровизации здравоохранения. Предлагаются пути решения обозначенных проблем через формирование многоуровневой системы регулирования, сочетающей разработку нормативно-этических требований, внедрение технологических решений и совершенствование правовых механизмов. Научная новизна исследования заключается в систематизации этических рисков применения ИИ в медицине и разработке комплексного подхода к их минимизации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медицинская этика, цифровизация здравоохранения, конфиденциальность данных, алгоритмическая прозрачность, ответственность в медицине, этика ИИ.

Введение

Современная медицина переживает трансформацию, связанную с внедрением искусственного интеллекта (ИИ), который способствует переходу от медицины, основанной на опыте врача, к медицине данных. Алгоритмы машинного обучения уже демонстрируют высокую точность в диагностике заболеваний, прогнозировании эпидемий и оптимизации медицинских процессов, что открывает значительные перспективы для повышения эффективности здравоохранения. Однако стремительное развитие технологий опережает формирование адекватных этических и правовых норм, что порождает серьезные вызовы [1].

Среди ключевых проблем – отсутствие прозрачности алгоритмов («черный ящик»), риски конфиденциальности данных, вопросы распределения ответственности за решения, возможность алгоритмической дискриминации и угроза дегуманизации врачебной практики [3,5]. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления противоречия между потенциалом ИИ и этико-правовыми пробелами в его регулировании. Цель статьи – системный анализ этических проблем применения ИИ в медицине и выработка подходов к их решению. В рамках работы рассматривается трансформация принципов медицинской этики под влиянием цифровых технологий, исследуются основные вызовы и предлагаются пути минимизации рисков, включая развитие нормативной базы, технологические решения и правовые механизмы. Особое внимание уделяется российскому «Кодексу этики в сфере ИИ в медицине и здравоохранении» (2025) как примеру регулирования в данной области.

Медицинская этика и вызовы цифровой эпохи

Фундамент современной медицинской этики был заложен тысячелетия назад – от клятвы Гиппократа до принципов, сформулированных в ходе Нюрнбергского процесса и последующих международных соглашений. Классическая биоэтика структурируется вокруг четырех базовых принципов, предложенных Томом Бошампом и Джеймсом Чилдрессом: уважение автономии пациента, благодеяние (бенефиценция), непричинение вреда (нонмалефиценция) и справедливость. Эти принципы образуют устойчивую систему координат, в которой работает любой медицинский работник. Однако с приходом технологий искусственного интеллекта эта, казалось бы, незыблемая система сталкивается с необходимостью глубокого переосмысления и адаптации к принципиально новым реалиям [2].

Трансформация принципа автономии в цифровую эпоху приобретает особую сложность. Классическое понимание автономии предполагает, что пациент, обладая всей необходимой информацией, самостоятельно принимает решение о своем лечении. Однако когда источником этой информации становится алгоритм «черного ящика», чьи решения не могут быть полноценно объяснены даже разработчиками, возникает фундаментальное противоречие [4]. Как пациент может дать информированное согласие на лечение, рекомендованное ИИ, если сама логика принятия решения остается недоступной для понимания? Более того, появляется риск «алгоритмического патернализма», когда врачи и пациенты слепо доверяют выводам системы, фактически делегируя ей право принятия решений и добровольно ограничивая собственную автономию. Таким образом, ИИ создает разрыв между формальным получением согласия и его подлинной информированностью.

Принципы благодеяния и непричинения вреда также подвергаются серьезной трансформации. В традиционной модели врач несет прямую ответственность за свои назначения и их последствия. С внедрением ИИ цепочка «действие-последствие-ответственность» размывается [4]. Если алгоритм, обученный на миллионах медицинских карт, рекомендует терапию, которая в редком конкретном случае приводит к тяжелому побочному эффекту, кто должен нести ответственность: разработчик, создавший модель, врач, доверившийся ей, или медицинское учреждение, внедрившее систему в практику? Проблема усугубляется тем, что ИИ-системы непрерывно обучаются и эволюционируют, а значит, их поведение может меняться непредсказуемым образом, создавая постоянно обновляющиеся риски, которые невозможно было предусмотреть на этапе первичной сертификации. Это ставит под вопрос саму возможность гарантировать принцип «не навреди» в его классическом понимании [1].

Принцип справедливости, требующий равного и беспристрастного распределения медицинских ресурсов и помощи, сталкивается с феноменом алгоритмической предвзятости. ИИ не создает знания из ничего – он извлекает паттерны из данных, созданных людьми в конкретном социально-историческом контексте. Если данные для обучения собранны преимущественно по одной этнической, гендерной или социально-экономической группе, алгоритм неизбежно унаследует и усилит существующие в этих данных диспропорции [2]. Например, диагностическая система, обученная главным образом на снимках светлокожих пациентов, будет менее точна при работе со снимками людей с темным цветом кожи. В результате вместо преодоления неравенства ИИ рискует стать инструментом его институционализации, закрепляя и масштабируя системные предубеждения, делая их невидимыми и технически оправданными. Это создает этический парадокс: инструмент, обладающий потенциалом демократизировать медицину, может, напротив, усугубить существующую несправедливость.

Наконец, сама природа взаимоотношений «врач-пациент» претерпевает изменения. Эта отношения традиционно строились не только на профессиональной компетенции, но и на эмпатии, доверии и совместном принятии решений. Внедрение ИИ-посредника рискует превратить врача в оператора, который сверяется с «техническим оракулом», а пациента – в набор данных, который нужно обработать. Хотя ИИ может значительно усилить диагностические и аналитические способности врача, он не может заменить человеческое сострадание и психологическую поддержку, которые являются неотъемлемой частью процесса исцеления. Ключевой вызов цифровой эпохи заключается в том, чтобы интегрировать ИИ в клиническую практику таким образом, чтобы он усиливал, а не подменял гуманистическую составляющую медицины.

Ключевые этические проблемы применения ИИ в медицине

Основой для обучения любых медицинских ИИ являются обширные массивы персональных и крайне чувствительных данных о здоровье пациентов. Возникает фундаментальное противоречие: с одной стороны, для создания точных алгоритмов необходима максимально полная информация, с другой – существует колоссальный риск утечки или несанкционированного использования этих данных. Проблема заключается не только в возможных кибератаках, но и в самой технологии: современные методы анализа позволяют деанонимизировать, то есть восстановить личность человека, даже из обезличенных на первый взгляд наборов данных [5]. Кроме того, классическая модель информированного согласия, когда пациент подписывает бумажный формуляр, оказывается неадекватной. Пациент часто не может в полной мере осознать, как именно будут использоваться его данные, кто получит к ним доступ и какие решения на их основе могут быть приняты в будущем. Традиционное право пациента на конфиденциальность вступает в конфликт с потребностью в данных для развития медицинской науки.

Многие современные алгоритмы, особенно на основе глубоких нейронных сетей, работают по принципу «черного ящика». Это означает, что мы можем видеть входные данные (например, КТ-снимок) и итоговый результат («вероятность злокачественной опухоли – 95%»), но не понимаем внутренней логики, по которой алгоритм пришел к такому выводу. Для врача это создает серьезную профессиональную и этическую дилемму: как нести ответственность за диагноз или назначение лечения, если он не может самостоятельно проверить и осмыслить ход рассуждений системы? Слепое доверие алгоритму так же опасно, как и его полное отрицание. Проблема «черного ящика» подрывает саму основу доказательной медицины, построенной на проверяемости и воспроизводимости результатов, и ставит под вопрос возможность полноценного клинического мышления [4].

В традиционной медицине вектор ответственности четок: лечащий врач несет ответственность за поставленный диагноз и назначенное лечение. С появлением ИИ эта ясная модель размывается. В случае ошибки, приведшей к ущербу для здоровья пациента, крайне сложно определить виновного. Это может быть разработчик алгоритма, допустивший ошибку в коде или использовавший нерепрезентативные данные для обучения; медицинское учреждение, внедрившее недостаточно протестированную систему; или врач, который либо слепо последовал ошибочной рекомендации ИИ, либо, наоборот, проигнорировал его точный прогноз [2,4]. Создается правовой вакуум, где каждая из сторон может перекладывать ответственность на другую, а пациент остается без гарантий справедливой компенсации.

Медицина – это не только наука, но и искусство, основанное на доверительных отношениях, эмпатии и человеческом сопереживании. Активное внедрение ИИ несет в себе риск выхолащивания этой гуманистической составляющей. Если взаимодействие «врач-пациент» будет опосредовано или заменено интерфейсом алгоритма, это может привести к эмоциональной отстраненности, потере психологической поддержки и обезличиванию лечения. Врач, постоянно сверяющийся с компьютером, рискует превратиться в технического оператора, утрачивая навыки клинического наблюдения и интуиции, которые часто играют ключевую роль в постановке диагноза. Важно помнить, что ИИ должен быть инструментом, *расширяющим* возможности врача, а не заменяющим его человеческую сущность [5]. ИИ учится на данных, созданных людьми, а потому наследует все их предубеждения и системные неравенства. Если алгоритм обучается преимущественно на данных о здоровье представителей одной этнической группы, пола или социального статуса, его рекомендации для других групп населения могут быть менее точными или откровенно дискриминационными. Например, уже известны случаи, когда алгоритмы, используемые для распределения медицинской помощи, систематически недооценивали потребности чернокожих пациентов, потому что были обучены на данных, где их историям уделялось меньше внимания [2]. Это создает порочный круг неравенства: существующая несправедливость закрепляется в алгоритме, который, в свою очередь, начинает ее воспроизводить и усиливать в своих решениях. Кроме того, существует риск возникновения «цифрового разрыва»: передовые ИИ-технологии могут стать доступными лишь для богатых клиник и пациентов, усугубляя разрыв в качестве медицинского обслуживания между разными слоями общества и регионами.

Пути решения: от принципов к регулированию

Преодоление этических вызовов, связанных с интеграцией систем искусственного интеллекта в медицинскую практику, требует формирования комплексной системы регулирования. Эта система должна объединять методологические подходы, технологические решения и правовые механизмы, создавая устойчивую основу для безопасного и эффективного применения интеллектуальных технологий в здравоохранении [3]. Разработка нормативно-этических требований представляет собой фундаментальную основу для создания доверительных отношений между пациентами, медицинскими работниками и разработчиками технологий. Российский «Кодекс этики в области искусственного интеллекта в медицине и здравоохранении», принятый в 2025 году, устанавливает систему принципов, которые должны лежать в основе разработки и применения медицинских систем искусственного интеллекта. Особое значение имеет закрепление приоритета человеческого контроля при принятии клинических решений, что подчеркивает вспомогательную роль технологий и сохраняет ответственность медицинского работника за окончательное диагностическое или терапевтическое решение [1]. Наряду с этим, кодекс формулирует требования к обеспечению прозрачности и обоснованности решений алгоритмов, создавая основу для профессиональной проверки и клинической интерпретации их выводов. Международные организации вносят существенный вклад в формирование глобальных стандартов применения искусственного интеллекта в медицине. Рекомендации Всемирной организации здравоохранения акцентируют необходимость создания систем постоянного мониторинга работы алгоритмов после их внедрения в клиническую практику. Такой подход позволяет своевременно выявлять и корректировать возможные отклонения в работе систем, обеспечивая их безопасность на протяжении всего жизненного цикла. Кроме того, важным аспектом является разработка механизмов регистрации и анализа нежелательных явлений, связанных с использованием искусственного интеллекта, что способствует накоплению доказательной базы и совершенствованию технологий [2].

Технологические решения играют ключевую роль в практической реализации этических принципов. Современные методы защиты информации, такие как распределенное обучение, позволяют совершенствовать алгоритмы без передачи конфиденциальных данных пациентов в централизованные хранилища. Это значительно снижает риски нарушения приватности и обеспечивает соответствие требованиям законодательства о защите персональных данных. Особое внимание уделяется разработке методов объяснимого искусственного интеллекта, которые делают решения алгоритмов понятными и интерпретируемыми для медицинских специалистов. Визуальное выделение значимых областей на медицинских изображениях, расчет показателей достоверности и формирование текстовых пояснений создают условия для содержательного диалога между врачом и системой, способствуя обоснованному принятию клинических решений [2].

Правовое регулирование завершает формирование комплексной системы обеспечения этичности искусственного интеллекта в медицине. Совершенствование процедуры информированного согласия требует учета специфики работы с интеллектуальными системами. Пациенты должны получать понятную информацию о принципах ра-

боты используемых алгоритмов, их возможностях и ограничениях, что создает основу для осознанного участия в процессе лечения [5]. Установление четких требований к проверке и регистрации медицинских систем искусственного интеллекта обеспечивает их соответствие стандартам эффективности, безопасности и этичности. Особое значение имеет формирование сбалансированной системы распределения ответственности между разработчиками, медицинскими организациями и врачами, которая учитывает степень влияния каждого участника на конечный результат.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что внедрение искусственного интеллекта в медицину сопровождается комплексом этических вызовов, требующих системного подхода к их решению. Ключевыми проблемами остаются обеспечение прозрачности алгоритмов, защита конфиденциальности данных, распределение ответственности и предотвращение дискриминации. Важнейшим выводом работы является необходимость сохранения баланса между технологическим прогрессом и соблюдением фундаментальных принципов медицинской этики. Для этого требуется разработка многоуровневой системы регулирования, объединяющей нормативные требования, технологические решения и правовые механизмы. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется создание стандартов этического аудита алгоритмов и развитие методов объяснимого искусственного интеллекта. При этом приоритет должен оставаться за сохранением гуманистической составляющей медицины и обеспечением прав пациентов в условиях цифровой трансформации здравоохранения.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения. Руководство по этике и управлению искусственным интеллектом в здравоохранении = Ethics and governance of artificial intelligence for health: WHO guidance. – Женева: ВОЗ, 2021. – 150 с.
2. Мартынов, А.И. Искусственный интеллект и главная этическая проблема современной медицины / А.И. Мартынов, Л.Н. Ясницкий // Терапия. – 2020. – Т. 6, № 3(37). – С. 149–154.
3. Тополь, Э. Искусственный интеллект в медицине. Как умные технологии меняют подход к лечению / Э. Тополь. – Москва: Альпина Диджитал, 2019. – 532 с.
4. Bartoletti, I. AI in Healthcare: Ethical and Privacy Challenges / I. Bartoletti // Artificial Intelligence in Medicine: Lecture Notes in Computer Science. – 2019. – Vol. 11526. – P. 4–11.

ETHICAL PROBLEMS OF INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS INTO MEDICAL PRACTICE

Telyakaeva A.F., Potapova A.N., Balysheva N.V.
Orenburg State Medical University

The article provides a comprehensive analysis of the ethical issues that arise in connection with the integration of artificial intelligence systems into medical practice. The key challenges related to ensuring the confidentiality of patients' personal data, the opacity of algorithmic solutions (the "black box problem"), the distribution of responsibility for clinical decisions, the risks of dehumanization of medical care and algorithmic discrimination are considered. Special attention is paid to the transformation of traditional principles of medical ethics in the context of digitalization of healthcare. The author suggests ways to solve these problems through the formation of a multi-level regulatory system combining the development of regulatory and ethical requirements, the introduction of technological solutions and the improvement of legal mechanisms. The scientific novelty of the research lies in the systematization of the ethical risks of using AI in medicine and the development of an integrated approach to their minimization.

Keywords: artificial intelligence, medical ethics, digitalization of healthcare, data privacy, algorithmic transparency, responsibility in medicine, ethics of AI.

References

1. World Health Organization. Ethics and governance of artificial intelligence for health: WHO guidance. – Geneva: WHO, 2021. – 150 p.
2. Martynov, A.I. Artificial Intelligence and the Main Ethical Problem of Modern Medicine / A.I. Martynov, L.N. Yasnitsky // Therapy. – 2020. – Vol. 6, No. 3(37). – Pp. 149–154.
3. Topol, E. Artificial Intelligence in Medicine. How Smart Technologies Are Changing the Approach to Treatment / E. Topol. – Moscow: Alpina Digital, 2019. – 532 p.
4. Bartoletti, I. AI in Healthcare: Ethical and Privacy Challenges / I. Bartoletti // Artificial Intelligence in Medicine: Lecture Notes in Computer Science. – 2019. – Vol. 11526. – P. 4–11.

Формирование информационной грамотности студентов посредством критического анализа

Тенеряднова Светлана Павловна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: steneriadnova@mgsu.ru

В статье описана работа по формированию информационной грамотности студентов посредством использования приемов критического анализа. Заняв в современном мире доминирующую позицию, информация побуждает исследователей обратиться к действенным инструментам критического мышления. Системный анализ и детальная переработка информации становятся необходимым условием успешности в академической сфере. Вопросы информационной грамотности выходят за пределы одного предмета и являются объектом пристального внимания специалистов разных научных областей: культурологов, философов, психологов, лингвистов, педагогов, ИТ-специалистов. В статье представлены техники аналитических вопросов по содержанию информации и ее авторстве, а также приводятся фразы, побуждающие к критическому анализу. В целом работа представляет собой теоретическое осмысление вопроса с ориентацией на действующие методики и приемы в отечественной и мировой науке.

Ключевые слова: информация, информационная грамотность, критический анализ, формирование, критическое мышление.

Известно, что еще в XVII веке Рене Декарт и Джон Локк внесли существенный вклад в создание системы представлений об информационной культуре. Эти ученые исследовали процессы получения знания и особенности движения к познанию, которые стали впоследствии основой для научных трудов по информационной грамотности и информационному обществу.

Можно наблюдать, что информация заняла главенствующую позицию в современном мире и доминирует среди таких важнейших категорий, как материя и энергия [1].

Информационная грамотность (Information Literacy) на сегодняшний день является ключевым термином и часто заменяющимся в зарубежной научной литературе синонимом «информационное мировоззрение». Люди, владеющие информационной грамотностью, это люди, «научившиеся учиться» [2, с. 55]. Как видно, в основе информационной грамотности находится умение работать с различной информацией и критически ее осмысливать. Предполагается, что у человека, стремящегося к овладению информационной грамотностью, должна быть должная мотивация к эффективному использованию информации и развитые приемы с целью ее критического анализа. В этой связи сошлемся на мнение Умберто Эко, который считал основной проблемой современной информации даже не визуализацию (о которой пишет сегодня практически каждый исследователь), а проблему, связанную с сохранением способности субъекта к критическому восприятию получаемой информации и выработке «иммунитета к её убеждающей интенции» [3, цит. по Костиной А.В.]. Ученый предполагал, что в ближайшем будущем общество разделится на две группы людей. Первая группа будет представлять людей, «не имеющих возможности проверять информацию на предмет её соответствия образам и понятиям реального мира и предпочитающих получать готовые определения», это представители «визуальной культуры» [3, цит. по Костиной А.В.]. Вторая группа будет включать людей, готовых и способных к отбору необходимой информации и ее дальнейшему применению, это, по мнению Умберто Эко, «элита, компьютерно грамотные носители книжной культуры, которая сохранит своё доминирующее положение как средство трансляции информации» [3, цит. по Костиной А.В.]. Как видим, в утверждениях современного итальянского культуролога явственно проступает рефлексивно-оценочный аспект: необходимость включения критического мышления человека в работу с информацией, а также способность к самоанализу действий в информационном пространстве. Наряду с рефлексивно-оценочным аспектом в данном вопросе выступает другой, не менее важный – аксиологический, формирующий ценностное принятие и понимание информации. При работе с информацией проявляется мировоззренческая функция культуры человека – формирование и развитие ценностей и убеждений в информационном обществе. Как известно, именно эта функция претерпевает сегодня изменения, далекие от положительных. Среди них – частичная подмена (или полная замена) культурных ценностей, общее снижение общего уровня культуры общества, неконтролируемый объем информации (нередко хаотичной).

Несмотря на проблемы, наблюдающиеся в информационной культуре общества, вопрос повышения уровня информационной грамотности продолжает волновать многих специалистов, в том числе – работников образования. Как замечает Хесус Лау, «между информационной грамотностью и образованием на протяжении всей жизни существует стратегическая, взаимодополняющая связь», которая приводит в действие символический и синергетический потенциал, чтобы «люди и институты успешно существовали и соревновались в XXI веке и дальше» [4, с. 10].

Информационную грамотность нередко рассматривают в качестве информационной подготовки личности. Обычно сюда относят следующие знания и умения, которые рассмотрим более подробно.

1. Умения, связанные с самостоятельным формулированием собственных информационных запросов. Так, с появлением искусственного интеллекта нашим современникам приходится обращаться с многочисленными запросами: «Напиши текст о русской природе», «Создай памятку по написанию реферата» и т.д. Однако данные запросы носят обобщенный характер, искусственному интеллекту нужна конкретика: в каком жанре должен быть текст, какие ключевые слова должны в нем употребляться, о каком виде реферата идет речь (к примеру, ин-

формационном или аналитическом) и др. Как оказалось, далеко не все люди способны точно сформулировать свой запрос, надеясь на то, что искусственный интеллект может за них домыслить. В последние годы исследователи обеспокоены форматом общения людей с нейросетями и искусственным интеллектом. Так, в своем труде «Лингвистическая катастрофа: Философия антропологического разрыва» М. Аркадьев пишет об «искусственной» или «произвольной» афазии, которая возникает вследствие «неудержимого бытового и медийного «скользящего» говорения» [5, с. 64]. Сюда же ученый относит нейросетевые текстовые чаты и искусственный интеллект. «Нам не грозит катастрофа извне, мы и есть катастрофа», – заключает автор [5, с. 64].

2. Знание и умение работать с информационными ресурсами. К примеру, не всегда определенная поисковая система может выдать информацию, что не говорит еще об отсутствии информации в других поисковых системах. Уникальность информационных ресурсов состоит в разнородности способов их хранения и многообразии в обработке информации. Все мировые информационные ресурсы (свыше 200 тыс. профессиональных баз) условно делят на три сектора: сектор деловой информации, сектор научно-технической и специальной информации и сектор массовой, потребительской информации. «В современном обществе информационные ресурсы – самый дорогой и самый ценный ресурс. Один и тот же информационный ресурс может иметь разную ценность для каждого отдельно взятого человека» [6]. Умение пользоваться многотысячными информационными ресурсами – прерогатива современного человека с высоким уровнем развития информационной грамотности.

3. Умения, связанные с обработкой информации и ее критическим осмыслением. Данный вид умений подразумевает не только умения извлечь нужную информацию, но и интерпретировать ее посредством использования различных символов. Так, к примеру, линейный текст можно переработать в нелинейный (составить опорный конспект-схему, кластер, ментальную карту и т.д.). Критически обоснованный анализ текста и умелое оформление результатов собственной информационно-аналитической деятельности – залог сформированного инструмента информационной грамотности.

Критический анализ предстает в данном случае тем мыслительным процессом, во время которого человек выявляет актуальность, правдивость, достоверность и полноту информации. Актуальность при этом отражает ценность в системе «здесь и сейчас»: конкретный текст в конкретный момент времени. Правдивость представляется в двух ипостасях: истина или ложь. Так, аналитик при работе с Интернетом стоит перед дилеммой: он работает со способом отражения информации или с ее источником. Достоверность раскрывает, насколько надежен текст и был ли он искажен в результате интерпретации: чем большее количество ретрансляторов имеется, тем выше риск получить недостоверную информацию. Нередко намеренная интерпретация превращается в манипуляцию (многочисленные примеры из СМИ). Полнота информации проявляется в степени ее достаточности для логического умозаключения. Критический анализ – это процесс рациональной и логической деконструкции того, что вы читаете, пишете или слушаете [7]. Можно сказать, что критический анализ информации – это экспертная систематическая работа по определенным критериям. Он всегда связан с идеей глубинного подхода к обучению: речь идет о соотношении новых знаний с уже имеющимися. Вместе с тем критический анализ также требует изучения многочисленных теоретических концепций и идей, использования сравнения и сопоставления различных точек зрения, чтобы подвергнуть сомнению собственное понимание и затем выстроить определенные предположения, придя к соответствующим выводам.

Студентам важно учиться критически мыслить, поскольку именно этот процесс позволяет понимать и анализировать факты, идеи и утверждения в рамках выбранной ими конкретной области изучения. Критический анализ позволяет обучающимся более ясно понимать вопросы и информацию, которая нуждается в обработке и переработке. В академическом контексте критический анализ должен включать ряд вопросов:

- Что я уже знаю?
- Что мне нужно развивать?
- В тексте содержится факт или мнение?
- Какие доказательства приводятся в поддержку заявленного?
- Каковы заявленные и невысказанные предположения в этой информации?
- Существуют ли другие способы рассмотрения этого вопроса?
- Является ли информация убедительной и актуальной?

Критическому анализу могут быть подвержены как само содержание информации, так и наличие авторства, а также качественность сделанных автором выводов (доказательств).

Рассмотрим ряд вопросов, которые можно задать по содержанию информации:

– Каков исследовательский вопрос в информации? Каковы ее цели?
– Каковы основные выводы? Были ли достигнуты поставленные цели?
– Оказались ли результаты достоверными?
– Выражено ли в информации субъективное мнение?
– Рассматриваются ли противоположные точки зрения в информации?

Подобные вопросы можно использовать при работе по составлению тезисов, конспекта, реферата, рецензии. Они, как правило, расширяют представление аналитика о возможных методах предоставления информации, учат более детальному, «въедливому» анализу, т.е. медленному чтению, о котором вновь сегодня активно заговорили. В отличие от скорочтения, медленное чтение осуществляется через глубокое понимание и осознанное восприятие текста, что, безусловно, благотворно влияет на академические успехи личности.

Вопросы относительно авторства информации можно представить следующим набором:

– Кто написал этот текст, когда и почему? Можно ли поставить под сомнение авторитетность информации?
– Можно ли проверить результаты исследований?
– О чем умалчивается в тексте? Почему?
– Является ли информация значительным вкладом в предметной области?

Наконец в технике критического анализа есть фразы, позволяющие демонстрировать критические размышления: «Это важно, потому что…», «Это демонстрирует…», «Важно рассмотреть… в контексте…», «Это исследование показывает, что…» и т.д.

Как видно, критический анализ помогает устанавливать связи между различными знаниями, позволяя воспроизводить собственные обоснованные идеи.

Следует помнить, что критическое отношение к информации обязательно должно обозначать выявление проблем. Критичность подразумевает вынесение суждений или оценок, оспаривание предположений и/или указание на ограниченность прочитанных текстов. Критический анализ, как правило, основывается на синтезе объективных факторов, а не просто на субъективном мнении. Существуют рекомендации, позволяющие объективно оценить информацию:

– Никогда не принимайте утверждение за истинное только потому, что кто-то сказал, что оно истинно.
– Никогда не осуждайте утверждение как ложное, если (а) вы не можете предоставить рациональные доказательства в поддержку своей позиции и (б) у вас нет веских оснований для попытки продемонстрировать его ложность.
– Всегда задавайте вопросы о том, что вы исследуете: «Что, если? Почему? Почему нет? Кто это написал? Есть ли другие исследования, приведшие к иным выводам?».

Представленная в рамках научного сочинения работа по применению элементов критического анализа при формировании информационной грамотности представляет далеко не полную картину, многое остается в поле зрения практиков и методистов. Однако даже подобный экскурс в теорию вопроса показал, что критический анализ, являясь неотъемлемой частью академических дисциплин и академической среды, представляет собой важный инструмент развития информационной грамотности личности.

Литература

1. Ильницкая О.И. Особенности формирования информационной культуры в условиях развития информационного общества // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-v-usloviyah-razvitiya-informatsionnogo-obschestva (дата обращения: 28.09.2025).

2. Byerly, Greg and Brodie, Carolyn S. (1999). Information literacy skills models: defining the choices. In Learning and libraries in an information age: principles and practice. Ed. Barbara K. Stripling, Englewood: Littleton: Libraries Unlimited, p. 54–82.

3. Костина А.В., Массовая культура как феномен постиндустриального общества, М., «Едиториал УРСС», 2005 г., с. 173.

4. Хесус Лау. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни: Издатель МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». – Последняя редакция: 30 июля 2006 г. Публикация № 070209/a/1

5. Аркадьев М. Лингвистическая катастрофа: Философия антропологического разрыва. – М.: Культурная революция, 2025. – 368 с.

6. Лузан А. Ю., Серебрякова Т.А. Понятие и виды информационных ресурсов. мировые информационные ресурсы // Вестник нау-

ки. 2018. № 7 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-informatsionnyh-resursov-mirovye-informatsionnye-resursy (дата обращения: 28.09.2025).

7. Browne, M & Keeley, S 2012, Asking the right questions: a guide to critical thinking, 10th edn, Prentice-Hall, Upper Saddle River, NJ.

DEVELOPING STUDENTS' INFORMATION LITERACY THROUGH CRITICAL ANALYSIS

Teneryadnova S.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article describes efforts to develop students' information literacy through the use of critical analysis techniques. Having assumed a dominant position in the modern world, information prompts researchers to turn to effective tools of critical thinking. Systematic analysis and detailed processing of information are becoming essential for success in academia. Information literacy issues extend beyond the boundaries of a single subject and are the focus of attention from specialists in various fields: cultural studies, philosophers, psychologists, linguists, educators, and IT specialists. The article presents techniques for analytical questioning of information content and authorship, and also provides phrases that encourage critical analysis. Overall, the work presents a theoretical understanding of the issue, drawing on current methods and techniques in Russian and international science.

Keywords: information, information literacy, critical analysis, formation, critical thinking.

References

1. Il'nitskaya O.I. Osobennosti formirovaniya informatsionnoy kul'tury v usloviyakh razvitiya informatsionnogo obshchestva // Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo. 2015. № 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-informatsionnoy-kultury-v-usloviyah-razvitiya-informatsionnogo-obschestva (data obrashcheniya: 28.09.2025).

2. Byerly, Greg and Brodie, Carolyn S. (1999). Information literacy skills models: defining the choices. In Learning and libraries in an information age: principles and practice. Ed. Barbara K. Stripling, Englewood: Littleton: Libraries Unlimited, p. 54–82.

3. Kostina A.V., Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva, M., «Editorial URSS», 2005 g., s.173.

4. Khesus Lau. Rukovodstvo po informatsionnoy gramotnosti dlya obrazovaniya na protyazhenii vsey zhizni: Izdatel' MOO VPP YuNESKO «Informatsiya dlya vsekh». – Posledniyaya redaktsiya: 30 iyulya 2006 g. Publikatsiya № 070209/a/1

5. Arkad'ev M. Lingvisticheskaya katastrofa: Filosofiya antropologicheskogo razryva. – M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2025. – 368 s.

6. Luzan A. Yu., Serebryakova T.A. Ponyatie i vidy informatsionnykh resursov. mirovye informatsionnye resursy // Vestnik nauki. 2018. № 7 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-informatsionnyh-resursov-mirovye-informatsionnye-resursy (data obrashcheniya: 28.09.2025).

7. Browne, M & Keeley, S 2012, Asking the right questions: a guide to critical thinking, 10th edn, Prentice-Hall, Upper Saddle River, NJ.

Смена парадигмы рабочего места: интеллектуальная автоматизация как вызов или возможность?

Тибейкин Степан Евгеньевич,
аспирант, кафедра социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Статья посвящена анализу влияния интеллектуальной автоматизации на трансформацию корпоративных коммуникаций в условиях цифровой экономики. Рассматриваются основные направления интеллектуальной автоматизации, включая автоматизацию на основе искусственного интеллекта, когнитивную автоматизацию, интеллектуальную обработку данных и системы поддержки принятия решений. На основе теоретического анализа и прикладного кейса внедрения RPA в HR-процессы показано, что автоматизация способствует снижению рутинной нагрузки, стандартизации информационных потоков, повышению скорости и точности выполнения операций. Обосновано, что внедрение RPA приводит к перераспределению функций сотрудников в сторону аналитической и коммуникативной деятельности, а также способствует переходу от иерархических моделей корпоративных коммуникаций к более гибким сетевым формам взаимодействия. Сделан вывод о том, что интеллектуальная автоматизация выступает не только инструментом повышения операционной эффективности, но и фактором глубокой реконфигурации организационных коммуникаций, влияющим на структуру взаимодействий и роль человека в управленческих процессах.

Ключевые слова: социальные коммуникации, корпоративные коммуникации, цифровая трансформация, HR-процессы, сетевые формы взаимодействия.

В условиях стремительного технологического прогресса и высокой конкурентоспособности на рынке современные компании постоянно ищут способы оптимизации своих бизнес-процессов. Особое значение приобретает развитие и внедрение форм интеллектуальной автоматизации, которые позволяют не только оптимизировать операционные процессы, но и существенно трансформировать характер корпоративных коммуникаций. В современной научной литературе интеллектуальная автоматизация рассматривается как совокупность технологий, обеспечивающих обработку, интерпретацию и использование данных с элементами когнитивных функций, ранее присущих исключительно человеку.

Согласно работам Т. Дэвенпорта и Р. Ронанки, интеллектуальная автоматизация включает интеграцию искусственного интеллекта, аналитики данных и автоматизированных систем принятия решений. Авторы выделяют несколько ключевых направлений, формирующих современную архитектуру интеллектуальной автоматизации [1].

1. Автоматизация на основе искусственного интеллекта. Данный тип автоматизации связан с использованием алгоритмов машинного обучения и искусственного интеллекта для анализа данных и принятия решений. В рамках исследований С. Рассела и П. Норвига подчёркивается, что такие системы способны к адаптации и самообучению, что позволяет им функционировать в условиях неопределённости [5].

2. Когнитивная автоматизация. Как отмечает Д. Каплан, когнитивная автоматизация ориентирована на воспроизведение интеллектуальных процессов человека, включая интерпретацию текста, распознавание образов и принятие решений на основе неструктурированных данных. Данный тип автоматизации активно используется в обработке коммуникационных потоков.

3. Интеллектуальная обработка данных. В исследованиях Т. Дэвенпорта акцентируется внимание на автоматизации работы с большими массивами данных, где ключевую роль играют алгоритмы анализа и визуализации информации. Это направление обеспечивает основу для управленческих решений и стратегического планирования [2].

4. Автоматизация поддержки принятия решений. Традиция изучения систем поддержки принятия решений восходит к работам Г. Саймона, который рассматривал рациональность как ограниченную и подверженную когнитивным ограничениям.

Наряду с указанными формами интеллектуальной автоматизации, в научной и прикладной практике выделяется особый класс технологий – Robotic Process Automation (RPA).

RPA представляет собой программные решения, имитирующие действия пользователя в цифровых системах (работа с интерфейсами, ввод данных, обработка документов). Несмотря на то, что RPA в классическом понимании не всегда включает элементы «интеллекта», современные исследования рассматривают его как часть более широкой экосистемы интеллектуальной автоматизации.

С социологической точки зрения, внедрение RPA-технологий оказывает существенное влияние на трансформацию коммуникационных процессов внутри организации: снижение рутинной коммуникационной нагрузки, автоматизация типовых запросов и операций уменьшает объём повторяющихся коммуникаций между сотрудниками; стандартизация информационных потоков RPA обеспечивает единообразие обработки данных, что снижает интерпретативную вариативность и повышает согласованность действий; повышение скорости коммуникации – взаимодействие между подразделениями ускоряется за счёт автоматической передачи и обработки информации. Также освобождение от рутинных задач приводит к смещению фокуса в сторону аналитической и коммуникативной деятельности более высокого уровня. С точки зрения социологии организаций, интеллектуальная автоматизация и RPA можно рассматривать как инструменты, способствующие переходу от иерархически организованных коммуникационных структур к более гибким, сетевым формам взаимодействия. Автоматизированные системы начинают выполнять функцию посредников в коммуникации, перераспределяя информационные потоки и снижая зависимость от вертикальных каналов. При этом важно отметить, что автоматизация не устраняет полностью роль человека, а, напротив, усиливает значение его интерпретационных и координационных функций.

До ухода из России ряда компаний по разработке и внедрению RPA-технологий такие вендоры как UiPath, Blue Prism, Kofax и другие занимали порядка 80–90% российского рынка. На сегодняшний день их доля составляет не более 15% и продолжает планомерно снижаться.

Вместе с тем активно развиваются отечественные разработчики RPA-продуктов, наиболее крупные из них: PIX, Primo RPA, Sherpa RPA, ROOMY bots, Lexema-RPA, Robin RPA.

В рамках исследуемой темы, было проведена работа по внедрению функций RPA-технологии в описываемый процесс специалистов отдела кадров компании. На сегодняшний день в работе отдела кадров (до внедрения RPA) все операции, связанные с приемом, переводом, увольнением сотрудников, формированием отчетов выполняются вручную, что требует значительного количества времени и усилий HR-специалистов, вызывает задержки и ошибки.

После внедрения RPA планируется, что робот будет помогать в поиске сотрудников, подготовке пакета документов при приеме на работу, перемещении работника с одной должности на другую, и переводов, связанных с изменением разряда с последующим формированием сопутствующих документов, увольнении.

Внедрение RPA в HR-процессы приносит ряд значительных эффектов, которые делятся на четыре основные группы: сокращение затрат, повышение качества, ускорение процессов и стандартизация. Рассмотрим каждый эффект подробнее.

Внедрение RPA позволяет автоматизировать рутинные, повторяющиеся задачи, такие как обработка резюме, отправка предложений о работе и создание учетных записей для новых сотрудников. Это высвобождает часть рабочего времени HR-специалистов, которую можно пересчитать в FTE (единицы эквивалента полной занятости) [4]. В результате компания может перераспределить ресурсы на более сложные задачи, направить высвобожденное время на улучшение HR-функций.

Происходит снижение затрат на обучение и адаптацию новых сотрудников. Автоматизация процессов адаптации, включая создание инструкций, проверку документов, отправку приветственных сообщений и организацию вводного обучения, позволяет уменьшить затраты на ввод новых сотрудников в курс дела. Это сокращает время, которое опытные сотрудники тратят на адаптацию новых коллег, и снижает потребность в проведении дополнительных тренингов, что снижает затраты на обучение. Также внедрение RPA способствует сокращению использования ресурсов, таких как бумага, чернила и другие офисные материалы, за счет автоматизации документооборота. Так как большинство документов (например, формы, договоры и отчеты) теперь генерируются, обрабатываются и хранятся в электронном формате, необходимость в их печати значительно уменьшается. Это не только снижает затраты на закупку офисных принадлежностей, но и помогает компании сократить нагрузку на корпоративные архивы и расходы, связанные с хранением и утилизацией бумажных документов.

Ручное выполнение задач, таких как заполнение данных, проверка информации или создание учетных записей, неизбежно связано с риском ошибок из-за человеческого фактора. RPA-системы выполняют операции строго по заданным алгоритмам и правилам, что исключает вероятность ошибок. Это особенно важно для HR-процессов, так как ошибки в данных сотрудников, доступах или документации могут привести к правовым и репутационным рискам. RPA позволяет внедрить автоматическую систему контроля качества операций. Например, боты могут проверять корректность введенных данных, соответствие форматов и полноту информации на каждом этапе процесса [6]. Это позволяет HR-отделу своевременно выявлять и устранять несоответствия, поддерживая высокий уровень качества выполнения операций.

Благодаря автоматизации таких этапов, как сбор и предварительная обработка резюме, отправка уведомлений кандидатам и автоматическая генерация договоров и других документов, значительно ускоряется процесс найма. Это позволяет HR-специалистам быстрее закрывать вакансии и снижает потери от отсутствия сотрудника на позиции, что положительно сказывается на операционной деятельности компании. RPA позволяет ускорить обработку данных сотрудников, связанных с их регистрацией, изменением статуса, перемещениями внутри компании и другими событиями. Например, изменение информации о сотруднике во всех учетных системах можно проводить в автоматическом режиме, что устраняет задержки и делает данные доступными мгновенно для всех заинтересованных отделов.

Автоматизация вносит стандарты в HR-процессы, обеспечивая их унифицированное выполнение. RPA-системы следуют установленным алгоритмам, что исключает отклонения от принятого стандарта. Это повышает предсказуемость и прозрачность процессов, что важно для аналитики и последующего улучшения процессов. Стандартизация также упрощает документооборот, так как все документы создаются в едином формате, что упрощает их хранение, поиск и использование.

Внедрение RPA в HR-процессы приносит комплексные выгоды, сочетая сокращение расходов, повышение качества, ускорение выполнения задач и упрощение работы с документацией. Все эти эффекты способствуют более эффективному использованию ресурсов, улучшению опыта сотрудников и развитию кадровой функции компании.

Основным эффектом от внедрения в рассматриваемые процессы RPA-роботов, который можно оценить в денежном эквиваленте является высвобождение FTE (full-time equivalent).

Данный показатель можно посчитать на основе количества человеко-часов, которые автоматизация позволяет сэкономить.

Сэкономленные человеко-часы = Человеко-часы на задачу до RPA – Человеко-часы на задачу после RPA (1)

Высвобожденные FTE = Сэкономленные человеко-часы в год / Годовая норма человеко-часов для одного FTE (2)

FTE измеряет полное рабочее время одного сотрудника за определенный период, обычно за год. В большинстве компаний стандартное рабочее время составляет около 1,920 часов в год (40 часов в неделю × 48 рабочих недель, учитывая отпуск и праздники).

Годовая стоимость одного FTE = Средняя годовая зарплата × Коэффициент накладных расходов (3)

Экономия в денежном выражении = Высвобожденные FTE × Годовая стоимость одного FTE (4)

Для оценки экономической эффективности проекта принимались следующие параметры:

– ставка дисконтирования 12%;
– период расчета 5 лет после освоения инвестиций;
– ставка налога на прибыль 20%;
– в качестве основного эффекта, представленного в денежном выражении как приток, выступает высвобождение ETF;
– проект по роботизации HR позволяет ежегодно экономить 20% операционных расходов на найм, оформление, обучение и т.д.;
– в качестве положительного эффекта рассматривается снижение налога на прибыль в результате снижения налогооблагаемой базы в результате амортизационных отчислений по нематериальным активам (ПО);
– основная стоимость проекта складывается из стоимости внедрения, оплаты бессрочной лицензии (серверная для проекта роботизации HR), оплаты консалтинговых услуг.

Расчет экономической эффективности проекта по внедрению RPA в процессы работы кадровой службы показал следующие результаты:

1) ежегодное высвобождение ETF составляет 797 тыс. руб.;

2) ежегодная экономия операционных затрат составляет 350 тыс. руб.;

3) снижение налога на прибыль за счет амортизации составляет 345 тыс. руб. и 230 тыс. руб. в первый и второй год соответственно (за счет применения коэффициента ускоренной амортизации равного 3);

4) стоимость реализации проекта составляет 3 275 тыс. руб., включая затраты на внедрение, консалтинговые услуги и покупку бессрочной серверной лицензии;

5) показатели эффективности приведены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели эффективности проекта по внедрению RPA в HR-процессы

Показатель	Ед. изм.	Значение
ЧДД	тыс. руб.	1 352
ВНД	%	29
ИД	-	1,4
Срок окупаемости	лет	2,4
Срок окупаемости дисконтирования	лет	3,0

Источник: составлено авторами

Таким образом, можно сделать вывод о том, что проект по роботизации работы отдела кадров является эффективным с экономической точки зрения, поскольку ЧДД проекта положителен, ВНД проекта значительно выше требуемой доходности инвестора (ставки дисконтирования), равной 12%, индекс доходности выше 1, что говорит о том, что на каждый вложенный рубль проект приносит 1,4 рубля, срок окупаемости меньше 5 лет (планируемого срока использования продукта).

Наиболее распространенными методами оценки риска являются: статистический, аналитический, анализ чувствительности операций, анализ размера относительных рисков, метод экспертных оценок, метод сценариев, метод «дерева» решений, метод использования ана-

логов, анализ целесообразности затрат, метод имитационного моделирования [3].

Оценить риск означает определить качественно или количественно величину риска. Поэтому оценка степени влияния рисков на результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятия предполагает использование качественных и количественных методов оценки. Качественный подход не позволяет определить численную величину риска. Он является основой для проведения дальнейших исследований с помощью количественных методов, широко использующих математический аппарат теории вероятностей, математической статистики, теории исследования операций.

Проблемы, которые могут возникнуть при внедрении технологии RPA связанные с внедрением и эксплуатацией проекта, приведены в таблице 2.

Таблица 2. Риски проекта по внедрению RPA

Категория риска и эффект	Оценка вероятности	Оценка последствий	Управление риском
Технические риски:			
Несовместимость RPA с некоторыми ПО	Низкая	Средняя	Провести анализ RPA и используемого ПО и выбрать оптимальный
Работа робота приводит к сбоям работы ИТ инфраструктуры	Низкая	Высокая	Продуманное техническое задание
Сбои в работе ит-инфраструктуры (системы, с которыми интегрируется робот)	Низкая	Высокая	Предусмотреть порядок восстановления работоспособности роботов после сбоев ИТ-инфраструктуры
Не правильная работа робота	Низкая	Высокая	Привлечение сторонних организаций для разработки и настройки робота
Организационные риски:			
Незаинтересованность руководства	Низкая	Высокая	Разработка качественного проекта с обоснованием
Сопротивление персонала (страх потери рабочего места, нежелание нового)	Средняя	Средняя	Проведение совещаний посвященных стратегии развития Общества
Низкая квалификация персонала	Средняя	Средняя	Обучение персонала, проведение техзанятий
Нарушение графика финансирования	Средняя	Высокая	Резерв на случай нарушения сроков финансирования
Изменение бизнес-процесса	Средняя	Высокая	Дополнительная настройка робота
Некорректное заполнение шаблонов роботом	Низкая	Средняя	Контроль извлеченных данных сотрудником
Контрактные:			
Срыв сроков разработки внедрения RPA	Низкая	Высокая	Поиск надежного контрагента, контроль этапов разработки
Отказ от разработки RPA	Низкая	Высокая	
Безопасность данных:			
Неправильная обработка или хранение персональных данных	Низкая	Высокая	Работа робота в локальной сети передачи данных (ЕВСПД), соблюдение законодательства при автоматизированной обработке персональных данных
Кибератаки (уязвимость ПО робота до частичной/полной потери данных)	Низкая	Высокая	Обновление программного обеспечения, в т.ч. актуальные базы антивируса. Многоуровневая аутентификация и шифрование. Бэкап данных

Источник: составлено авторами

«SWOT-анализ»

SWOT-анализ поможет структурировать факторы, которые могут повлиять на проект по внедрению Robotic Process Automation (RPA) в HR-процессы для дочерней компании ПАО «Газпром». Этот анализ учитывает как внутренние (сильные и слабые стороны), так и внешние (возможности и угрозы) факторы (рисунок 1).

Рис. 1. SWOT-анализ проекта по роботизации кадровых процессов

Сильные стороны (Strengths)

1. **Снижение времени на рутинные процессы** – RPA позволяет автоматизировать повседневные задачи (например, управление данными сотрудников, формирование отчетности), что снижает рабочую нагрузку HR-специалистов.

2. **Сокращение ошибок** – автоматизация снижает вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором, например, в процессе расчета заработной платы или при обновлении данных сотрудников.

Слабые стороны

1. **Зависимость от IT-инфраструктуры** – внедрение RPA требует стабильной и защищенной IT-инфраструктуры, которая в случае сбоев может нарушить работу HR-процессов.

2. **Отсутствие компетенций в области RPA у HR-сотрудников** – HR-отделы часто не обладают необходимыми знаниями и опытом для управления RPA, что потребует дополнительных обучений и адаптации сотрудников.

Возможности

1. **Расширение использования RPA на другие бизнес-процессы** – успешное внедрение RPA в HR может стать примером и для других отделов компании (финансового, юридического, логистического), увеличив эффективность в масштабах компании.

2. **Повышение удовлетворенности сотрудников** – автоматизация рутинных задач позволит HR-специалистам больше времени уделять стратегическим задачам, улучшая качество их работы и повышая удовлетворенность сотрудников.

Угрозы

1. **Киберугрозы и утечки данных** – автоматизация HR-процессов, включающих персональные данные, повышает риски утечек и кибератак, особенно если система недостаточно защищена.

2. **Сложности с законодательным регулированием** – использование RPA в управлении персоналом может столкнуться с неопределенностями законодательства, включая защиту персональных данных и трудовые права.

Проект по внедрению RPA в HR-процессы нефтегазовой компании обладает значительным потенциалом для повышения эффективности и точности HR-операций, особенно для крупной компании с высоким уровнем повторяющихся задач. Однако важно подготовить персонал, наладить интеграцию с существующими системами и обеспечить соответствие нормативным требованиям для успешного внедрения.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что интеллектуальная автоматизация становится одним из ключевых факторов трансформации современных организаций, оказывая существенное влияние не только на операционные процессы, но и на структуру корпоративных коммуникаций. Рассмотренные теоретические подходы, представленные в работах исследователей, демонстрируют, что современные формы автоматизации выходят за рамки простой цифровизации и включают элементы когнитивной обработки информации и поддержки принятия решений.

Особое место в данной системе занимает технология RPA, которая, несмотря на ограниченное использование интеллектуальных компонентов в классическом виде, выступает важным инструментом оптимизации и стандартизации коммуникационных процессов. С социологической точки зрения, внедрение RPA и иных форм интеллектуальной автоматизации способствует снижению коммуникационной нагрузки, уменьшению интерпретативной вариативности и повышению согласованности действий внутри организации. Это, в свою очередь, приводит к изменению логики взаимодействия: от традиционных иерархических моделей, основанных на вертикальной передаче информации, к более гибким сетевым формам, в которых автоматизированные системы выполняют функцию посредников и координаторов информационных потоков.

Литература

1. Дэвенпорт Т. Конкурируя на основе аналитики / Т. Дэвенпорт, Ж. Харрис; пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 304 с.
2. Каплан Д. Люди и роботы: как искусственный интеллект изменит жизнь / Д. Каплан; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 320 с.
3. Кастельс М. Становление сетевого общества / М. Кастельс; пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
5. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг; пер. с англ. – М.: Вильямс, 2016. – 1408 с.
6. Шарков Ф.И. Коммуникации в управлении: учебник / Ф.И. Шарков. – М.: Дашков и К., 2017. – 320 с.

A WORKPLACE PARADIGM SHIFT: INTELLIGENT AUTOMATION AS A CHALLENGE OR AN OPPORTUNITY?

Tibeikin S.E.
St. Petersburg State University of Economics

This article analyzes the impact of intelligent automation on the transformation of corporate communications in the digital economy. It examines the main areas of intelligent automation, including AI-based automation, cognitive automation, intelligent data processing, and decision support systems. Based on a theoretical analysis and a practical case study of RPA implementation in HR processes, it is shown that automation reduces routine workload, standardizes information flows, and increases the speed and accuracy of operations. It is also shown that RPA implementation leads to a redistribution of employee functions toward analytical and communicative activities, and facilitates a transition from hierarchical corporate communications models to more flexible networked forms of interaction. The conclusion is that intelligent automation serves not only as a tool for improving operational efficiency but also as a factor in the profound reconfiguration of organizational communications, influencing the structure of interactions and the role of humans in management processes.

Keywords: social communications, corporate communications, digital transformation, HR processes, networked interactions.

References

1. Davenport, T. Competing with Analytics / T. Davenport, J. Harris; translated from English. – Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2010. – 304 p.
2. Kaplan, D. People and Robots: How Artificial Intelligence Will Change Life / D. Kaplan; translated from English. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2017. – 320 p.
3. Castells, M. The Formation of a Network Society / M. Castells; translated from English. – Moscow: HSE, 2000. – 608 p.
4. Pocheptsov, G.G. Communication Theory / G.G. Pocheptsov. – Moscow: Refl-book; Kiev: Wackler, 2001. – 656 p.
5. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach / S. Russell, P. Norvig; translated from English. – Moscow: Williams, 2016. – 1408 p.
6. Sharkov F.I. Communications in Management: A Textbook / F.I. Sharkov. – Moscow: Dashkov i K., 2017. – 320 p.

Культурная глобализация и её влияние на межкультурную коммуникацию: концептуальные модели

Хатхе Асиет Асланбечевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»
E-mail: xatxe70@mail.ru

Аутлева Фатима Аскарбиевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
E-mail: xatxe70@mail.ru

Симбулетова Рима Казбековна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный
E-mail: xatxe70@mail.ru

Хачецукова Зарема Кушуковна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
E-mail: xatxe70@mail.ru

Калашаова Аза Аскеровна,
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Политехнический колледж МГТУ
E-mail: xatxe70@mail.ru

Предмет статьи – влияние культурной глобализации на межкультурную коммуникацию через призму концептуальных моделей. Актуальность темы связана с усилением трансграничных культурных потоков, цифровизацией общения, ростом полицентричности мирового культурного пространства и сохранением коммуникативных барьеров между носителями разных ценностных систем. Цель исследования состоит в аналитическом разграничении моделей, через которые современная гуманитарная наука описывает изменения межкультурного взаимодействия под воздействием глобализационных процессов. В работе применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитическое обобщение и синтез. Источниковую базу составили русскоязычные научные публикации 2021–2025 гг., посвященные гомогенизации, гибридизации, культурным конфликтам, доверию, цифровой коммуникации, региональной многонациональной среде и барьерам общения. Научная новизна состоит в систематизации исследовательских подходов в виде совокупности взаимосвязанных моделей: унификационной, гибридизационной, конфликтно-ценностной, доверительной, барьерной, цифровой и полицентрической. Результаты пригодны для подготовки теоретических разделов исследований по культурологии, коммуникавистике, социологии культуры и межкультурному образованию.

Ключевые слова: Культурная глобализация, межкультурная коммуникация, гомогенизация, гибридизация, культурные конфликты, доверие, цифровая среда, коммуникативные барьеры, полицентричность, концептуальные модели.

Введение

Культурная глобализация изменила саму логику межкультурной коммуникации. Общение между представителями разных культур перестало ограничиваться дипломатическими, образовательными, миграционными или деловыми контактами. Его повседневной средой стали цифровые платформы, международные образовательные траектории, медиадискурс, перевод, туризм, сетевые профессиональные сообщества и транснациональные культурные рынки. В таких условиях коммуникация получает более высокую интенсивность, но не избавляется от смысловых и ценностных разрывов.

Актуальность темы определяется тем, что глобальные культурные потоки одновременно сближают коммуникативные практики и усиливают различия в их восприятии. Универсальные языки, цифровые форматы, массовая культура и международные нормы общения создают видимость общего смыслового пространства. При столкновении с конкретными традициями, исторической памятью, религиозными установками, моделями вежливости и национальными картинами мира данная видимость часто нарушается. Межкультурная коммуникация в результате требует анализа не как простая передача сообщений, а как сложный процесс согласования кодов, ценностей, доверия и идентичности.

Цель исследования – определить концептуальные модели, через которые раскрывается влияние культурной глобализации на межкультурную коммуникацию.

Для достижения цели поставлены задачи:

1) раскрыть основные направления научного осмысления связи культурной глобализации и межкультурной коммуникации;

2) классифицировать модели межкультурного взаимодействия, представленные в современных русскоязычных исследованиях;

3) показать аналитическую и прикладную ценность выделенных моделей для изучения коммуникации в глобализированной культурной среде.

Научная новизна исследования состоит в том, что разрозненные подходы к описанию межкультурной коммуникации соотнесены с несколькими объяснительными моделями. Такой способ анализа позволяет рассматривать глобализацию как совокупность процессов унификации, гибридизации, ценностной конкуренции, цифрового опосредования, преодоления барьеров и формирования доверия.

Материалы и методы

Материал статьи составили современные исследования, в которых культурная глобализация и межкультурная коммуникация рассматриваются с разных теоретических позиций. Л.А. Баландина, Е.В. Ганина, Н.М. Малюгина, Р.И. Полякова [1] исследуют формирование межкультурной коммуникации в многонациональном регионе и обращают внимание на образовательные и социально-психологические условия взаимодействия. С.А. Большунова и А.Г. Тюриков [2] раскрывают межкультурную коммуникацию через взаимодействие жизненных миров и проблему доверия. А.А. Гезалов [3] анализирует межкультурную коммуникацию в полицентричном мире, где возрастают требования к диалогу культур и согласованию различий. В.Н. Карпухина и А.Д. Шабалин [4] изучают глобализационные культурные войны в медиадискурсе и связывают их с лингвоэкологической проблематикой. И.В. Мащенко [5] рассматривает культурные конфликты в межкультурной коммуникации и их значение для интернационализации экономики. М.Ф. Рюдель [6] обращается к языковым нормам, идиомам, сленгу и вторичному культурному смыслу как условиям адекватного общения. С.А. Сехлеян [7] анализирует сценарии гомогенизации и гибридизации культурной глобализации. А.В. Соболева и О.А. Обдалова [8] предлагают модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде обучения иноязычной коммуникации. Ю.П. Тен [9] разграничивает дескриптивные и прескриптивные модели межкультурных коммуникаций в социально-экономической сфере. А.Г. Тюриков и А.Я. Большунов [10] обосновывают два семейства стратегий и моделей межкультурных коммуникаций.

Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация, логико-аналитический анализ и синтез. Анализ позволил выделить смысловые линии в изученных работах; сравнение использовано для сопоставления моделей; классифика-

ция – для их группировки; синтез – для построения связной схемы влияния культурной глобализации на межкультурную коммуникацию.

Результаты

Анализ источников показывает, что культурная глобализация воздействует на межкультурную коммуникацию через несколько взаимосвязанных процессов. Первый процесс связан с расширением контактов между культурными группами. Он выражается в росте образовательной, профессиональной, миграционной, экономической и цифровой мобильности. В многонациональной региональной среде межкультурная коммуникация приобретает прикладное значение: от нее зависит способность образовательных и социальных институтов снижать напряжение, учитывать языковые различия, поддерживать взаимодействие представителей разных культурных групп [1]. Здесь глобализация проявляется не как удаленный мировой процесс, а как повседневная организация совместной жизни в неоднородной социальной среде.

Второй процесс связан с изменением самой структуры культурного различия. Культурная глобализация часто описывается через сценарии гомогенизации и гибридизации. Гомогенизация предполагает сближение культурных практик, распространение массовых стандартов, усиление влияния глобальных языков и медиаплатформ. Гибридизация, напротив, раскрывает смешение элементов разных культур без полного исчезновения локальной специфики [7]. Для межкультурной коммуникации различие между этими сценариями принципиально. При гомогенизации участники общения чаще ориентируются на универсальные коды, при гибридизации – на смешанные формы, где глобальные элементы перерабатываются локальными культурами.

На основании указанного разграничения выделяется унификационная модель межкультурной коммуникации. Она исходит из предпосылки, что глобальные культурные потоки создают общие средства общения: международные языки, цифровые шаблоны коммуникации, стандартизированные жанры делового письма, сходные визуальные форматы, массовые символы. Данная модель хорошо объясняет ускорение контактов и снижение части внешних барьеров. Ее ограничение состоит в том, что она слабо раскрывает глубинные различия смыслов. Участники общения способны пользоваться единым языком, но вкладывать в одни и те же слова разные ценностные и поведенческие ожидания.

Гибридизационная модель строится иначе. Она не сводит глобализацию к культурному выравниванию. В ее логике межкультурная коммуникация выступает пространством переработки внешних влияний. Глобальные формы получают локальные значения, а локальные традиции начинают функционировать в новых медиальных и социальных условиях. Такой подход особенно продуктивен при анализе культурной идентичности, поскольку он позволяет объяснить, почему участники глобального общения одновременно заимствуют внешние нормы и сохраняют собственные способы самоописания [7]. Межкультурная коммуникация при таком рассмотрении предстает не как движение к единому культурному образцу, а как переговоры о допустимых формах культурного смешения.

Третий процесс связан с ценностным напряжением. Глобализация не устраняет конфликтность культурного взаимодействия. Напротив, при высокой плотности контактов различия становятся более заметными. Исследования культурных конфликтов показывают, что межкультурная коммуникация нарушается не только из-за языкового непонимания, но и из-за несовпадения норм поведения, представлений о допустимом, моделей аргументации, символических границ и образов «своего» и «чужого» [5]. В медиадискурсе данная напряженность получает особую форму: культурные различия начинают оформляться как ценностное противостояние, а язык становится инструментом обозначения границ между группами [4].

На этом основании выделяется конфликтно-ценностная модель. Она рассматривает межкультурную коммуникацию как процесс, в котором сообщение всегда связано с ценностной рамкой говорящего и адресата. Коммуникативная неудача возникает не только при неправильном переводе, но и при несовпадении моральных оценок, исторических ассоциаций, символических статусов и коллективной памяти. Данная модель особенно уместна при анализе медиадискурса, международной публичной коммуникации и делового взаимодействия, где конфликт способен возникнуть из-за различий в интерпретации статуса, ответственности, уважения, индивидуализма, коллективной лояльности или представлений о справедливости [4; 5].

Четвертый процесс затрагивает доверие. Межкультурная коммуникация требует не только обмена знаками, но и признания другого участника как носителя осмысленного жизненного мира. В подходе С.А. Большуновой и А.Г. Тюрикова общение между культурами рассматривается через столкновение и согласование разных жизненных миров [2]. Доверие при таком рассмотрении выступает условием, без которого коммуникация превращается в формальное соприкосновение кодов. Если участники не признают смысловую обоснованность позиции друг друга, даже грамматически корректное сообщение не достигает полноценного понимания.

Из данной линии вытекает доверительная модель межкультурной коммуникации. Ее основание – представление о том, что глобализация увеличивает количество контактов, но не гарантирует взаимного признания. Доверие формируется через устойчивость ожиданий, готовность учитывать чужую систему смыслов, снижение подозрительности и отказ от автоматического переноса собственных норм на поведение собеседника. В отличие от унификационной модели, доверительная модель переносит внимание с внешних средств общения на качество отношений между участниками. Она объясняет, почему одинаковые коммуникативные процедуры дают разные результаты в зависимости от уровня взаимного признания.

Пятая линия связана с барьерами. Ю.П. Тен выделяет дескриптивные и прескриптивные модели межкультурных коммуникаций в социально-экономической сфере [9]. Дескриптивные модели описывают реальные различия между культурами, типы коммуникативных дистанций и факторы непонимания. Прескриптивные модели ориентированы на регулирование общения: они задают практические рекомендации для снижения барьеров и повышения результативности взаимодействия. Данный подход полезен для анализа деловой, управленческой, образовательной и сервисной коммуникации, поскольку в данных сферах межкультурное непонимание влечет организационные и экономические последствия.

Барьерная модель позволяет представить влияние глобализации как рост требований к коммуникативной компетентности. Участникам общения требуется учитывать языковые, прагматические, этикетные, институциональные и ценностные различия. Простое владение иностранным языком уже не обеспечивает успешного взаимодействия. М.Ф. Рюдель обращает внимание на вторичные культурные смыслы, сленг, идиомы и языковые нормы, нарушение которых искажает содержание сообщения [6]. Барьерная модель фиксирует переход от понимания коммуникации как передачи информации к пониманию коммуникации как настройки смыслов в условиях культурной неоднородности.

Шестая линия связана с цифровизацией. Цифровая среда изменила скорость, масштаб и форму межкультурного взаимодействия. А.В. Соболева и О.А. Обдалова предлагают модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации [8]. В цифровом общении участники взаимодействуют через интерфейсы, платформенные правила, визуальные и текстовые форматы, алгоритмические фильтры и смешение устных и письменных жанров. В результате межкультурная коммуникация приобретает новые признаки: фрагментарность, ускоренность, мультимодальность, зависимость от цифровой грамотности и платформенной нормы.

Цифровая модель раскрывает влияние глобализации через изменение канала и режима общения. В традиционной межкультурной коммуникации участники чаще ориентировались на ситуацию личного контакта или институционально оформленного обмена. В цифровой среде коммуникация протекает в условиях сокращенного времени реакции, неполной информации о собеседнике, неоднозначности эмодзи, мемов, сокращений, визуальных знаков и автоматизированного перевода. Данная модель показывает, что глобализация усиливает не только культурную связанность, но и зависимость общения от технологической инфраструктуры [8].

Седьмая линия связана с полицентричностью. А.А. Гезалов рассматривает межкультурную коммуникацию в мире, где отсутствует единый культурный центр, способный задавать универсальную норму для всех участников [3]. Полицентричность означает множественность культурных центров, каждый из которых претендует на собственную систему ценностей, интерпретаций и символических авторитетов. Для межкультурной коммуникации данное положение меняет прежнюю схему «центр – периферия». Участники общения все чаще вступают в диалог не с позиции культурного подчинения, а с позиции сопоставления нескольких равнозначных смысловых систем.

Полицентрическая модель позволяет соединить несколько ранее выделенных линий. Она признает наличие глобальных средств коммуникации, но не сводит их к культурной унификации. Она учитывает гибридизацию, но не растворяет различия в смешанных формах. Она признает конфликтность, но не сводит межкультурное взаимодействие к противостоянию. В такой модели главной задачей становится поиск процедур согласования различий без требования полной смысловой одинаковости. Данный подход особенно значим для анализа между-

народного образования, городских многонациональных пространств, научной коммуникации и культурной дипломатии [1; 3; 10].

А.Г. Тюриков и А.Я. Большунов предлагают различать семейства стратегий и моделей межкультурных коммуникаций [10]. Такой подход помогает не смешивать описательные схемы с практическими стратегиями. Для темы культурной глобализации данное разграничение имеет методологическое значение: одни модели объясняют, как устроены культурные различия, другие задают способы действия в ситуации различия. При анализе современной коммуникации обе линии требуется рассматривать вместе, поскольку глобализация одновременно производит новые формы контакта и требует новых способов их регулирования.

На основании рассмотренных источников влияние культурной глобализации на межкультурную коммуникацию можно представить как переход от простой модели передачи информации к многослойной модели согласования смыслов. В таком переходе соединяются семь объяснительных схем: унификационная, гибридизационная, конфликтно-ценностная, доверительная, барьерная, цифровая и полицентрическая. Каждая из них фиксирует отдельную сторону процесса. Унификационная модель объясняет распространение общих кодов; гибридизационная – смешение культурных форм; конфликтно-ценностная – напряжение между системами смыслов; доверительная – условия признания собеседника; барьерная – практические препятствия пониманию; цифровая – влияние платформ и медиатехнологий; полицентрическая – множественность культурных центров.

Обсуждение

Полученные положения позволяют уточнить теоретическое понимание культурной глобализации. Ее нельзя описывать только как распространение единых культурных образцов. Такой взгляд чрезмерно упрощает межкультурную коммуникацию, поскольку игнорирует сохранение локальных смыслов, сопротивление унификации, переработку заимствований и конфликт интерпретаций. Более точным выступает представление о глобализации как о неравномерном процессе, где сближение коммуникативных форм сочетается с усложнением ценностных различий.

Сопоставление моделей показывает, что они не исключают друг друга. Унификационная модель объясняет, почему представители разных культур получают общие средства общения. Гибридизационная модель показывает, почему данные средства не приводят к полному совпадению культурных практик. Конфликтно-ценностная модель раскрывает причины напряжения там, где внешне коммуникация уже организована. Доверительная модель объясняет, почему технически корректный обмен сообщениями не равен взаимопониманию. Барьерная модель переводит теоретические наблюдения в плоскость практической диагностики. Цифровая модель учитывает влияние платформенной среды. Полицентрическая модель задает рамку для анализа мира без единого культурного нормативного центра.

Наиболее ограниченной выглядит унификационная трактовка, если ее использовать изолированно. Она убедительна при анализе распространения английского языка, цифровых шаблонов, международных образовательных форматов, стандартов деловой переписки. При переходе к вопросам идентичности, доверия и ценностной интерпретации ее объяснительная сила снижается. Одинаковые коммуникативные инструменты не устраняют различий в понимании уважения, дистанции, авторитета, индивидуальной свободы, коллективной ответственности и допустимого выражения эмоций.

Гибридизационная модель лучше описывает культурную динамику, но нуждается в уточнении границ применимости. Не всякое смешение культурных элементов ведет к продуктивному взаимодействию. В отдельных случаях гибридные формы воспринимаются как утрата традиции, культурное присвоение или размывание идентичности. Поэтому гибридизация требует анализа не только на уровне форм, но и на уровне оценки участниками коммуникации. Один и тот же символ в глобальном медиапространстве способен восприниматься как знак открытости, коммерциализации, давления или культурного обновления.

Конфликтно-ценностная модель позволяет объяснить устойчивость напряжения в межкультурной коммуникации, но при чрезмерном расширении способна превратить любое различие в конфликт. Для научного анализа требуется различать несовпадение культурных норм, коммуникативную ошибку, институциональное неравенство и ценностное противостояние. Без такого разграничения модель теряет аналитическую точность. Ее продуктивность выше при исследовании медиадискурса, политической коммуникации, дискуссий об идентичности и ситуаций символического соперничества.

Доверительная модель раскрывает то, что часто остается за пределами формального анализа коммуникации. Межкультурное понимание зависит не только от знания языка и этикета, но и от готовности признать собеседника носителем полноценной системы смыслов. При низком доверии участники склонны интерпретировать действия друг друга через подозрение, стереотип или ожидание угрозы. При достаточном доверии даже неполное совпадение кодов не разрушает коммуникацию, поскольку участники допускают возможность уточнения и смысловой корректировки.

Барьерная модель наиболее удобна для прикладных исследований, поскольку она дает основания для разработки образовательных программ, тренингов, корпоративных регламентов и методик подготовки к межкультурному взаимодействию. Ее ограничение связано с риском чрезмерной инструментализации культуры. Если барьеры рассматривать только как технические помехи, то из поля анализа исчезают власть, память, неравенство и ценностные расхождения. Поэтому данная модель требует соединения с доверительной и конфликтно-ценностной линиями.

Цифровая модель отражает современное состояние межкультурной коммуникации, где значительная часть взаимодействий проходит через платформы. Ее сильная сторона состоит в учете медиальной формы сообщения. Слабое место – недостаточная разработанность критериев оценки того, как именно цифровой канал меняет глубину понимания. Быстрая коммуникация облегчает контакт, но сокращает время интерпретации, усиливает зависимость от визуальных знаков и повышает риск неверного прочтения культурно маркированных выражений.

Полицентрическая модель позволяет избежать упрощенной схемы, где одна культура задает норму, а другие адаптируются. Она больше соответствует современной ситуации множественных центров влияния. Ее ограничение связано с трудностью практического применения: равнозначность культурных центров провозгласить легче, чем обеспечить в реальной коммуникации. Экономическое, языковое, технологическое и академическое неравенство продолжают влиять на то, чьи смыслы получают большую видимость.

Исследовательская лакуна состоит в недостаточной связке между макроуровнем культурной глобализации и микропрактиками общения. Многие работы описывают крупные процессы – гомогенизацию, гибридизацию, культурные конфликты, цифровизацию. Меньше внимания уделяется тому, как данные процессы проявляются в конкретных речевых действиях: выборе обращения, переводе идиом, реакции на несогласие, интерпретации юмора, выражении критики, установлении доверия в деловом или образовательном общении. Перспективным направлением выступает соединение концептуальных моделей с анализом реальных коммуникативных ситуаций.

Заключение

Первая задача исследования решена через раскрытие основных направлений научного осмысления связи культурной глобализации и межкультурной коммуникации. Рассмотренные источники показывают, что данная связь раскрывается через процессы гомогенизации, гибридизации, ценностного напряжения, формирования доверия, преодоления барьеров, цифрового опосредования и полицентрического взаимодействия культур.

Вторая задача решена через классификацию моделей межкультурного взаимодействия. Выделены унификационная, гибридизационная, конфликтно-ценностная, доверительная, барьерная, цифровая и полицентрическая модели. Каждая из них описывает отдельный уровень влияния культурной глобализации: от распространения общих коммуникативных кодов до согласования различий между несколькими культурными центрами.

Третья задача решена через определение аналитической и прикладной ценности выделенных моделей. Их использование позволяет точнее описывать межкультурную коммуникацию в научных, образовательных, деловых, медиаполитических и цифровых средах. Практическое значение результатов связано с возможностью применять данную классификацию при подготовке теоретических разделов научных работ, разработке программ межкультурного обучения и анализе коммуникативных барьеров в глобализированной культурной среде.

Литература

1. Баландина Л.А., Ганина Е.В., Малюгина Н.М., Полякова Р.И. Формирование межкультурной коммуникации в многонациональном регионе // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/57PDMN325.pdf.

2. Большунова С.А., Тюриков А.Г. Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 1. С. 80–89. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89.

3. Гезалов А.А. Межкультурная коммуникация в полицентричном мире: проблемы и перспективы // Коммуникология: электронный научный журнал. 2024. Т. 9. № 1. С. 54–62.

4. Карпухина В.Н., Шабалин А.Д. Глобализация vs. глобализационные культурные войны: лингвоэкологический аспект исследования современного медиадискурса // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 2 (54). С. 47–61. DOI: 10.31249/chel/2023.02.03.

5. Мащенко И.В. Культурные конфликты в межкультурной коммуникации и их роль в процессе интернационализации экономики // Human Progress. 2024. Т. 10. Вып. 7. С. 14. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-7a-25.

6. Рюдель М.Ф. Межкультурная коммуникация: фундаментальная необходимость для глобализированного мира // Общество и государство. 2024. № 4 (48). С. 33–37.

7. Сехлеян С.А. Культурная глобализация: сценарии гомогенизации и гибридизации // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. 2021. № 5. С. 165–170.

8. Соболева А.В., Обдалова О.А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 193–202. DOI: 10.17223/15617793/497/20.

9. Тен Ю.П. Анализ дескриптивных и прескриптивных моделей межкультурных коммуникаций в социально-экономической сфере // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 3. С. 78–87. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-3-78-87.

10. Тюриков А.Г., Большунов А.Я. О двух семействах стратегий и моделей межкультурных коммуникаций // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 6. С. 54–61. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-54-61.

CULTURAL GLOBALIZATION AND ITS IMPACT ON INTERCULTURAL COMMUNICATION: CONCEPTUAL MODELS

Khatkhe A.A., Autleva F.A., Simbuletova R.K., Khachetsukova Z.K., Kalashaova A.A.
Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism, Adyghe State University, Polytechnic College of Moscow State Technical University

This article examines the impact of cultural globalization on intercultural communication through the lens of conceptual models. The relevance of this topic is linked to the strengthening of cross-border cultural flows, the digitalization of communication, the growing polycentricity of the global cultural space, and the persistence of communication barriers between holders of different value systems. The aim of this study is to analytically distinguish between the models through which modern humanities scholarship describes changes in intercultural interaction under the influence of globalization processes. This paper utilizes an analysis of scholarly publications, comparative analysis, classification, logical-analytical generalization, and synthesis. The source base consists of Russian-language scholarly publications published between 2021 and 2025 on homogenization, hybridization, cultural conflicts, trust, digital communication, regional multinational environments, and communication barriers. The scientific novelty lies in the systematization of research approaches into a set of interconnected models: unification, hybridization, conflict-value, trust, barrier, digital, and polycentric. The results are suitable for developing theoretical research sections in cultural studies, communication studies, the sociology of culture, and intercultural education.

Keywords: Cultural globalization, intercultural communication, homogenization, hybridization, cultural conflicts, trust, digital environment, communication barriers, polycentricity, conceptual models.

References

1. Balandina, L.A., Ganina, E.V., Malyugina, N.M., Polyakova, R.I. Formation of Intercultural Communication in a Multinational Region // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2025. Vol. 13. No. 3. URL: https://mir-nauki.com/PDF/57PDMN325.pdf.

2. Bolshunova, S.A., Tyurikov, A.G. A View of Intercultural Communication as the Interaction of Lifeworlds and Overcoming the Crisis of Trust // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. Vol. 12. No. 1. pp. 80–89. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89.

3. Gezalov, A.A. "Intercultural Communication in a Polycentric World: Problems and Prospects." Communicology: Electronic Scientific Journal. 2024. Vol. 9. No. 1. pp. 54–62.

4. Karpushina, V.N., Shabalin, A.D. "Globalization vs. Globalization Culture Wars: A Linguoecological Aspect of the Study of Contemporary Media Discourse." Human: Image and Essence. Humanitarian Aspects. 2023. No. 2 (54). pp. 47–61. DOI: 10.31249/chel/2023.02.03.

5. Mashchenko, I.V. "Cultural Conflicts in Intercultural Communication and Their Role in the Process of Economic Internationalization." Human Progress. 2024. Vol. 10. Issue. 7. P. 14. DOI: 10.46320/2073-4506-2024-7a-25.

6. Rudel M.F. Intercultural Communication: A Fundamental Necessity for a Globalized World // Society and State. 2024. No. 4 (48). Pp. 33–37.

7. Sekhleyan S.A. Cultural Globalization: Scenarios of Homogenization and Hybridization // Sociology. Journal of the Russian Sociological Association. 2021. No. 5. Pp. 165–170.

8. Soboleva A.V., Obdalova O.A. Model of Intercultural Speech Interaction in a Digital Environment in Teaching Foreign Language Communication // Bulletin of Tomsk State University. 2023. No. 497. Pp. 193–202. DOI: 10.17223/15617793/497/20.

9. Ten Yu.P. Analysis of Descriptive and Prescriptive Models of Intercultural Communications in the Socio-Economic Sphere // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2021. Vol. 21. No. 3. pp. 78–87. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-3-78-87.

10. Tyurikov A.G., Bolshunov A. Ya. On Two Families of Strategies and Models of Intercultural Communications // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11. No. 6. pp. 54–61. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-54-61.

Нейродиагностика как инструмент оценки и развития компетенций

Хусейнова Анастасия Алишеровна,
к.п.н., преподаватель кафедры общего и проектного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: aakhusejnova@fa.ru

Современные изменения в характере управленческого и интеллектуального труда обусловливают необходимость совершенствования подходов к оценке и развитию профессиональных компетенций сотрудников. Статья посвящена анализу нейродиагностики как дополнительного научно обоснованного инструмента, позволяющего выявлять психофизиологические механизмы, лежащие в основе профессиональной успешности. Показано, что эффективность деятельности работников определяется не только знаниями и навыками, но и устойчивостью внимания, способностью к саморегуляции, сохранением работоспособности в условиях высокой когнитивной нагрузки и адаптационным потенциалом. Обосновывается, что традиционные методы оценки не всегда позволяют зафиксировать указанные характеристики, тогда как нейродиагностика обеспечивает их объективную фиксацию. Рассматриваются возможности применения вариабельности сердечного ритма, электроэнцефалографии, биологической обратной связи и нейрофидбэка в процедурах оценки, профилирования и развития персонала. Подчеркивается, что интеграция нейродиагностических показателей с поведенческими и управленческими моделями повышает точность оценки, позволяет выявлять адаптационные ресурсы работников и разрабатывать персонализированные программы. Разработаны алгоритм и модель использования нейродиагностики для оценки и развития компетенций.

Ключевые слова: компетенции, инструменты оценки и развития, нейродиагностика.

В настоящее время значимость исследования нейродиагностики как инструмента оценки и развития компетенций определяется изменением характера труда в современных организациях. Для работников управленческого и интеллектуального профиля профессиональная успешность зависит не только от формально подтверждённых знаний и навыков, но и от устойчивости внимания, способности к длительной когнитивной нагрузке, сохранению точности деятельности в условиях дефицита времени, а также от качества саморегуляции в ситуациях напряжённого труда.

Глухов Д.В., Юшкова О.И. и Капустина А.В. исследуя психофизиологическое состояние работников управленческого аппарата промышленных предприятий, подчеркивали, что анализ функционального состояния центральной нервной и сердечно-сосудистой систем необходим для понимания механизмов профессиональной работоспособности, утомления и перенапряжения у работников умственного труда [1]. Это позволяет рассматривать проблему оценки компетенций сотрудников организаций шире чисто поведенческого описания и связывать её с необходимостью обращения к объективным показателям, отражающим внутренние регуляторные механизмы профессиональной деятельности.

По мнению Кричевского М.Л., Дмитриевой С.В., Мартыновой Ю.А. компетенции являются формой подхода к пониманию навыков, знаний и личных качеств работников в течение некоторого времени. Компетенции можно рассматривать как действие, использование навыков, мотивов, самооценки, которые позволяют человеку успешно решать проблемы в организации при сложных ситуациях [2]. В таком понимании компетенция выступает не как статическая совокупность характеристик, а как их проявление в деятельности, в процессе решения рабочих задач, принятия решений, взаимодействия с коллегами и адаптации к изменяющимся условиям. Именно поэтому её оценка должна учитывать не только результаты труда, но и устойчивость психофизиологических механизмов, обеспечивающих достижение этих результатов.

Однако до сих пор нет общепринятой методологии, подхода, единиц измерения для оценки компетенций [3]. Указанный тезис сохраняет методологическую значимость и применительно к управлению персоналом и менеджменту, поскольку поведение работника и его профессиональная эффективность определяются множеством разнотипных факторов. Для анализа поведения сотрудников организации сегодня требуется учитывать совокупность переменных, включая удовлетворённость работой, длительность работы в компании, уровень оплаты труда, должностную позицию и характеристики организационной среды. Из этого следует, что компетенция как объект оценки не может быть сведена к одному тесту или одному наблюдаемому индикатору. В этой связи нейродиагностика представляет интерес как дополнительный инструмент анализа, позволяющий включить в оценочную модель данные о функциональном состоянии работника.

В научном смысле под нейродиагностикой целесообразно понимать совокупность инструментальных методов регистрации нейрофизиологических и психофизиологических показателей, используемых для оценки состояния регуляторных систем, внимания, когнитивной нагрузки, утомления и адаптационного потенциала человека. Такая трактовка соотносится с российскими исследованиями биологической обратной связи и нейрофидбэка. Так, Е.Г. Сергеевой, Т.В. Ибрагимовой и М.Д. Дидур биологическая обратная связь рассматривается как технология, позволяющая в режиме реального времени получать информацию о физиологических процессах и использовать её для коррекции функционального состояния [4]. В.В. Сойко, П.Е. Григорьева, С.Ф. Риштакова и В.Н. Клинкова описывают нейрофидбэк как направление, основанное на регистрации параметров мозговой активности, прежде всего ЭЭГ, а также HEG– и fMRI-показателей, с последующей обратной связью и возможностью целенаправленной саморегуляции [5]. Тем самым нейродиагностика в области оценки персонала может рассматриваться не как клиническая процедура, а как способ объективизации функциональных оснований профессионального поведения. Алгоритм использования инструментов нейродиагностики представим на рисунке 1.

В классическом ассессменте оцениваются компетенции и наблюдаемое поведение, но не всегда отражена глубина и сложности внутренних физиологических реакций человека. Она не всегда видна

во внешнем поведении, даже опытным ассессорам. По материалам экспертов компании HR-UP ими была произведена оценка уровня компетенций сотрудников с использованием специальных приборов, измеряющих вариабельность сердечного ритма и кожно-гальваническую реакцию. Оценка этих физиологических параметров в режиме реального времени позволила лучше понять, какие части упражнений вызывали наиболее сильные реакции адаптации и отклика у каждого человека [6]. Это показывает, что в организационной диагностике появляется возможность фиксировать не только внешний успех выполнения задания, но и физиологическую «цену» этого успеха.

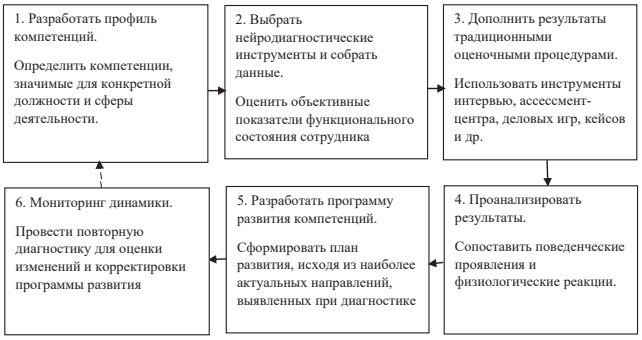


Рис. 1. Алгоритм использования инструментов нейродиагностики

Как отмечает директор рекрутингового агентства Innopro2020 Мартиросян Л., нейроассессмент – это новое направление диагностике, в рамках которого оценивается развитие управленческих компетенций, которые формируются на основе нейрофизиологических данных. То есть, надевая это оборудование, возможно считывать биоритмы мозга [7]. Практически данное положение конкретизируется через использование электроэнцефалографии и нейрофидбэка. Так, отечественные авторы подчёркивают, что ЭЭГ-нейрофидбэк, HEG-нейрофидбэк и fMRI-нейрофидбэк позволяют работать с параметрами внимания, контроля и саморегуляции [8]. Вследствие этого нейроассессмент может применяться прежде всего там, где профессиональная роль требует устойчивой концентрации, переключения между задачами, контроля импульсивных реакций, быстрого восстановления после напряжения и сохранения эффективности в условиях высокой когнитивной нагрузки.

Нейро-диагностика Брейни от группы компаний Neiry сегодня стала неотъемлемой частью системы профориентации в России и СНГ, помогая людям в выборе оптимального профессионального пути [9]. Тем самым применимость нейродиагностики не ограничивается задачами медицины или реабилитации, а распространяется на профессиональное ориентирование, профилирование и прогнозирование соответствия человека требованиям конкретной деятельности. Для организаций это означает возможность использования нейродиагностических инструментов при отборе, адаптации, планировании карьерных траекторий и определении зон профессионального развития сотрудников. Одной из актуальных проблем управления человеческими ресурсами остается необходимость согласования интересов организации и потенциала работников, что требует поиска таких инструментов, которые позволяют не только оценивать текущие качества персонала, но и выявлять ресурсы его дальнейшего профессионального развития [10]. Такой подход особенно значим для должностей, связанных с длительным информационным напряжением, многозадачностью, высокой ответственностью за решение и риском профессионального истощения. Именно в таких профессиональных группах контроль функционального состояния приобретает самостоятельное значение для сохранения работоспособности и профессиональной устойчивости [1].

Эксперты Сколково подчеркивают, что нейротехнологии сегодня обладают способностью с существенно более высокой точностью прогнозировать поведение оцениваемого [11]. Вместе с тем речь идёт не о прямом «считывании» компетенции, а о расширении прогностической модели за счёт включения объективных физиологических и нейрофизиологических признаков. Работы М.Л. Кричевского и соавторов показывают, что анализ поведения сотрудников в организации становится более надёжным при использовании многопараметрических моделей и интеллектуальных методов обработки данных [12]. Соответственно, нейродиагностические показатели могут рассматриваться как дополнительный слой признаков в системе оценки персонала наряду с интервью, ассессментом, тестированием и анализом результатов деятельности. Их значение заключается в том, что они повышают точность интерпретации поведения сотрудника в ситуациях, когда внешне одинаковая результативность достигается за счёт разных механизмов саморегуляции.

Практики нейродиагностики, уже имеющие научное обоснование, включают прежде всего методы регистрации вариабельности сердечного ритма, электроэнцефалографии, показателей биологической обратной связи и нейрофидбэка. Вариабельность сердечного ритма позволяет судить о напряжении адаптационных систем и качестве вегетативной регуляции; ЭЭГ – о параметрах активации, устойчивости внимания и ряде характеристик нейродинамики; нейрофидбэк – не только о текущем состоянии, но и о возможности его целенаправленной коррекции. Для оценки компетенций сотрудников организаций эти методы особенно перспективны не как автономные процедуры, а как элементы комплексного иисследования. При таком подходе традиционные методы оценки выявляют содержательную сторону компетенции, тогда как нейродиагностические инструменты позволяют определить степень устойчивости её проявления, чувствительность к стрессу, адаптационные резервы и вероятность снижения эффективности в условиях повышенной нагрузки.

Использование инструментов нейродиагностики для развития компетенций представляется не менее значимым, чем их применение для оценки. Биологическая обратная связь и нейрофидбэк ориентированы не только на регистрацию параметров, но и на формирование навыков саморегуляции. Это позволяет переводить результаты диагностики в программы развития сотрудников. В прикладном отношении такой подход может быть востребован для развития стрессоустойчивости у руководителей, повышения устойчивости внимания у специалистов аналитического профиля, оптимизации саморегуляции у работников клиентских служб, а также для профилактики функционального перенапряжения у сотрудников, работающих в условиях высокой интенсивности труда. Профилактика неблагоприятных функциональных состояний имеет непосредственное значение для сохранения профессиональной устойчивости. Поэтому нейродиагностика в организационной среде должна рассматриваться как часть более широкой системы управления человеческими ресурсами, где оценка компетенций соединяется с технологиями их поддержания и развития (рисунок 2).

Рис. 2. Возможности использования нейродиагностики для оценки и развития компетенций

Таким образом, нейродиагностика может быть определена как научно обоснованный дополнительный контур оценки и развития компетенций, ориентированный на выявление функциональных механизмов профессионального поведения. Её значение состоит в том, что она позволяет дополнить традиционные методы оценки объективными данными о состоянии регуляторных систем, когнитивной нагрузке, устойчивости внимания и адаптационных возможностях работника. В сочетании с поведенческими и управленческими моделями анализа персонала это создаёт предпосылки для более точной оценки профессионального потенциала, более адресного развития компетенций и более надёжного прогноза эффективности сотрудника в реальной организационной среде.

Литература

1. Глухов Д.В., Юшкова О.И., Капустина А.В. Оценка психофизиологического состояния работников управленческого аппарата и риски нарушения здоровья// Медицина труда и промышленная экология. 2023. № 63(3). С. 193–199. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-3-193-199

2. Кричевский М. Л., Дмитриева С.В., Мартынова Ю.А. Нейросетевая оценка компетенций персонала // Экономика труда. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrosetevaya-otsenka-kompetentsiy-personala

3. Jevscek M. Competencies assessment using fuzzy logic // Journal of Universal Excellence. 2016. № 2. p. 187–202.

4. Сергеева Е.Г., Т.В. Ибрагимова, М.Д. Дидур Биологическая обратная связь и коррекция вариабельности ритма сердца у спортсме-

нов, тренирующихся на выносливость // Интерактивная наука. 2018. № 4 (26). С. 32–36. EDN XRGUJV.

5. Сойко В. В., Григорьев П.Е., Риштаков С.Ф., Клинков В.Н. Применение нейрофидбэка в психиатрии // Таврический журнал психиатрии. 2016. № 3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrofidbeka-v-psihiatrii

6. Нейроассессмент – современный метод оценки компетенций, когда важно увидеть не только поведение. URL: https://hr-consulting.online/neiroassessment-otsenka-kompetentsij/

7. Нейроассессмент – это новое направление в HR-диагностике. URL: https://bfm74.ru/ot-pervogo-litsa/liana-martirosyan-neyroassessment-eto-novoe-napravlenie-v-hr-diagnostike/

8. Сойко В. В., Григорьев П.Е., Риштаков С.Ф., Клинков В.Н. Применение нейрофидбэка в психиатрии // Таврический журнал психиатрии. 2016. № 3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrofidbeka-v-psihiatrii

9. Инновационный комплекс для нейро-диагностики и профориентации. URL: https://brainy-prof.ru/

10. Хусейнова А.А. Современные проблемы управления человеческими ресурсами в организациях // Экономика строительства. 2025. № 10. С. 155–158. EDN NFEEYG.

11. Нейроассессмент. URL: https://www.skolkovo.ru/centres/neuroassessment/

12. Кричевский М. Л., Дмитриева С.В., Мартынова Ю.А. Выбор модели оценки текучести персонала // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9, № 2. С. 391–404. DOI 10.18334/lim.9.2.114741. – EDN EKJOCJ.

NEURODIAGNOSTICS AS A TOOL FOR ASSESSING AND DEVELOPING COMPETENCIES

Huseynova A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Modern changes in the nature of managerial and intellectual work necessitate the improvement of approaches to the assessment and development of professional competencies of employees. The article is devoted to the analysis of neurodiagnostics as an additional scientifically based tool that allows to identify the psychophysiological mechanisms underlying professional success. It is shown that the effectiveness of employees' activities is determined not only by knowledge and skills, but also by the stability of attention, the ability to self-regulate, maintaining working capacity in conditions of high cognitive load and adaptive potential. It is proved that traditional assessment methods do not always allow to record these characteristics, whereas neurodiagnostics ensures their objective fixation. The possibilities of using heart rate variability, electroencephalography, biofeedback, and neurofeedback in personnel assessment, profiling, and development procedures are being considered. It is emphasized that the integration of neurodiagnostic indicators with behavioral and managerial models increases the accuracy of assessment, allows identifying adaptive resources of employees and developing personalized programs. An algorithm and a model for using neurodiagnostics for assessing and developing competencies have been developed.

Keywords: competencies, assessment and development tools, neurodiagnostics.

References

1. Glukhov D.V., Yushkova O.I., Kapustina A.V. Assessment of the psychophysiological state of administrative staff and health risks// Occupational Medicine and Industrial Ecology. 2023. № 63(3). Pp. 193–199. DOI: 10.31089/1026-9428-2023-63-3-193-199

2. Krichevsky M.L., Dmitrieva S.V., Martynova Yu.A. Neural network assessment of staff competencies // Labor Economics. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyrosetevaya-otsenka-kompetentsiy-personala

3. Jevscek M. Competencies assessment using fuzzy logic // Journal of Universal Excellence. 2016. № 2. Pp. 187–202.

4. Sergeeva E.G., T.V. Ibragimova, M.D. Didur Biological feedback and correction of heart rate variability in athletes training for endurance // Interactive Science. 2018. № 4 (26). Pp. 32–36. EDN XRGUJV.

5. Soiko V.V., Grigoriev P.E., Rishakov S.F., Klinkov V.N. The Application of Neurofeedback in Psychiatry // Taurida Journal of Psychiatry. 2016. № 3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrofidbeka-v-psihiatrii

6. Neuroassessment is a modern method of assessing competencies where it is important to look beyond mere behavior. URL: https://hr-consulting.online/neiroassessment-otsenka-kompetentsij/

7. Neuroassessment is a new direction in HR diagnostics. URL: https://bfm74.ru/ot-pervogo-litsa/liana-martirosyan-neyroassessment-eto-novoe-napravlenie-v-hr-diagnostike/

8. Soyko V.V., Grigoriev P.E., Rishakov S.F., Klinkov V.N. The Application of Neurofeedback in Psychiatry // Taurida Journal of Psychiatry. 2016. № 3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-neyrofidbeka-v-psihiatrii

9. Innovative Complex for Neurodiagnostics and Career Guidance. URL: https://brainy-prof.ru/

10. Khuseynova A.A. Contemporary Issues in Human Resource Management in Organizations // Construction Economics. 2025. № 10. Pp. 155–158. EDN NFEEYG.

11. Neuroassessment. URL: https://www.skolkovo.ru/centres/neuroassessment/

12. Krichevsky M.L., Dmitrieva S.V., Martynova Yu.A. Selection of a Model for Assessing Staff Turnover // Leadership and Management. 2022. Vol. 9, № 2. Pp. 391–404. DOI 10.18334/lim.9.2.114741. – EDN EKJOCJ.

Исследование перевода идеи экологической цивилизации на русский язык и формирования внешнеполитического дискурса

Ци Жофэй,
магистр, Северо-восточный университет лесного хозяйства
E-mail: 1240067403@qq.com

Го Сывэнь,
канд. филол. наук, преп, Северо-восточный университет лесного хозяйства, Исследовательский центр постдокторантуры Хэйлунцзянского университета
E-mail: job2025@yeah.net

В статье рассматриваются особенности перевода идеи экологической цивилизации Си Цзиньпина на русский язык и ее распространения в русскоязычном коммуникативном пространстве. Актуальность исследования обусловлена возрастанием значения устойчивого развития, углублением китайско-российского экологического сотрудничества и необходимостью адекватной передачи китайского политико-экологического дискурса. На основе текстового и сопоставительного анализа русскоязычных переводов, а также материалов внешней коммуникации выявляются основные переводческие стратегии: смысловая адаптация, терминологическая стандартизация, структурная имитация, культурная трансформация и сохранение логико-синтаксической организации оригинала. Особое внимание уделяется каналам распространения данной концепции, включая официальную коммуникацию, средства массовой информации, образовательные и культурные обмены. Делается вывод о том, что эффективность продвижения идеи экологической цивилизации зависит от качества перевода, степени терминологической унификации, учета культурных особенностей адресата и дифференциации коммуникационных материалов для различных аудиторий.

Ключевые слова: Экологическая Цивилизация, Политико-Экологический Дискурс, Перевод На Русский Язык, Китайско-Российская Коммуникация, Внешнеполитический Дискурс.

Введение

В условиях обострения глобальных экологических вызовов, включая изменение климата, сокращение биоразнообразия и загрязнение окружающей среды, проблематика устойчивого развития приобретает особую значимость в международной научной и политической повестке. Китай, накопивший значительный опыт в сфере экологического управления, сформировал собственную систему теоретических представлений и практических механизмов, центральное место в которой занимает идея экологической цивилизации Си Цзиньпина. Данная концепция не только отражает внутреннюю логику модернизации Китая, ориентированной на гармоничное сосуществование человека и природы, но и выступает важным элементом внешнеполитического дискурса страны.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью изучения способов перевода и распространения китайского экологического дискурса в русскоязычном пространстве. В условиях углубления китайско-российского сотрудничества в области охраны окружающей среды, зеленого развития и устойчивой экономики особое значение приобретает адекватная передача ключевых понятий экологической цивилизации на русский язык. От качества перевода зависит не только точность восприятия политических и экологических идей Китая, но и эффективность их включения в международный научный, медийный и общественный контекст.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей перевода идеи экологической цивилизации на русский язык и оценке эффективности ее внешней коммуникации в российском направлении. Для достижения данной цели рассматриваются теоретическое содержание концепции экологической цивилизации, анализируются способы перевода ключевых терминов и образных выражений, а также исследуются основные каналы распространения данного дискурса. Особое внимание уделяется таким переводческим стратегиям, как смысловая адаптация, терминологическая стандартизация, структурная имитация, культурная трансформация и сохранение логико-синтаксической организации оригинала.

Методологическую основу исследования составляют текстовый анализ, сопоставительный анализ переводов, анализ конкретных примеров, а также элементы эмпирического исследования, включая анкетирование, направленное на выявление уровня восприятия идеи экологической цивилизации. Материалом исследования послужили русскоязычные издания «Си Цзиньпин о государственном управлении», тексты, посвященные идеям Си Цзиньпина об экологической цивилизации, а также материалы, отражающие практику внешней коммуникации данной концепции.

Научная значимость исследования заключается в уточнении механизмов перевода политико-экологического дискурса с китайской спецификой на русский язык. Практическая значимость состоит в разработке рекомендаций, направленных на повышение эффективности международного распространения идеи экологической цивилизации, совершенствование переводческой практики и укрепление межкультурного понимания в сфере китайско-российского экологического сотрудничества.

Обзор идеи экологической цивилизации

Идеология экологической цивилизации является важной составной частью идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Она представляет собой результат теоретического новаторства, в котором соединяются основные положения марксизма, практика построения экологической цивилизации в Китае и лучшие традиции китайской экологической культуры. Данная концепция обладает выраженной национальной спецификой и вместе с тем отвечает актуальным требованиям современного развития.

Идеи Си Цзиньпина об экологической цивилизации служат фундаментальным ориентиром и практическим руководством для продвижения зеленого развития, совершенствования экологического управления и построения общества, гармонично сосуществующего с природой. Как отмечает Ло Сяньюй, данная теория является ответом на усиливающееся взаимодействие между процессами урбанизации и экологическими проблемами в Китае, а также имеет важное значе-

ние для поиска модели современного города, находящегося в гармонии с природной средой. В работах Чжан Юньфэя и Мэн Хэнъянь подчеркивается мировое значение этой концепции: она выходит за рамки внутренней политики Китая и предлагает международному сообществу «китайскую мудрость» и «китайские решения» в сфере устойчивого развития.

В теоретическом плане идеи Си Цзиньпина об экологической цивилизации раскрывают диалектическое единство охраны окружающей среды и социально-экономического развития, указывая на возможность согласования экономического роста с сохранением природной среды. В практическом плане они находят выражение в реализации крупных экологических проектов, совершенствовании институциональных механизмов экологического управления, включении экологических показателей в систему оценки деятельности руководящих кадров, а также в развитии зеленой и низкоуглеродной промышленности. Эти меры свидетельствуют о переходе Китая от отдельных природоохранных действий к более системной модели экологической модернизации.

По мере укрепления позиций Китая в сфере возобновляемой энергетики и глобального климатического управления международное значение идеи экологической цивилизации становится все более заметным. Данная идеология не только формирует внутри страны новую модель модернизации, основанную на гармоничном сосуществовании человека и природы, но и играет важную роль в международном экологическом дискурсе. Выходя за рамки традиционной логики индустриальной цивилизации, она предлагает глобальному сообществу альтернативный подход к решению экологических и климатических проб

Анализ перевода идеи экологической цивилизации на русский язык

Перевод идеи экологической цивилизации представляет собой не только межъязыковую трансформацию, но и форму передачи политического дискурса, управленческого опыта и ценностных установок. В этом смысле перевод данной концепции на русский язык связан с решением нескольких взаимосвязанных задач: сохранением смысловой точности, обеспечением терминологической устойчивости, передачей культурно маркированных образов и адаптацией текста к нормам русского научного и общественно-политического стиля. Перевод экологического дискурса Китая прошел путь от простого сопоставления отдельных терминов к более системному воспроизведению теоретической, политической и культурной составляющих концепции экологической цивилизации.

В качестве основного материала исследования рассматриваются русскоязычные издания «Си Цзиньпин о государственном управлении» в четырех томах, а также тексты, посвященные идеям Си Цзиньпина об экологической цивилизации. Особое внимание уделяется ключевым экологическим и политическим понятиям, обладающим высокой степенью теоретической обобщенности и значимой идеологической нагрузкой. Анализ данных примеров позволяет выявить основные переводческие стратегии, используемые при передаче китайского экологического дискурса на русский язык, а также определить, каким образом сохраняется специфика китайского политического контекста при одновременной ориентации на нормы восприятия русскоязычной аудитории.

Одной из центральных проблем перевода политических текстов является соотношение формы и содержания. В тех случаях, когда образная структура оригинала может быть адекватно воспринята русскоязычным читателем, переводчик стремится сохранить как семантическое ядро, так и риторическую форму исходного выражения. Однако при отсутствии прямого языкового или культурного соответствия предпочтение нередко отдается смысловой адаптации. Такой подход позволяет избежать буквальности, способной затруднить понимание текста, и одновременно обеспечивает точную передачу основного содержания.

Показательным примером является выражение 绿水青山就是金山银山, переведенное как «Зеленые воды и изумрудные горы – это бесценные сокровища». В первой части русского варианта сохраняется природный образ оригинала. Употребление определения «изумрудные» усиливает эстетическую выразительность перевода и передает положительную оценку природной среды. Во второй части китайская метафора «золотые и серебряные горы» заменяется более обобщенным выражением «бесценные сокровища». В результате буквальный образ частично утрачивается, однако смысл высказывания становится более прозрачным для русскоязычного читателя. Перевод ясно передает идею о том, что экологическая ценность природы сопоставима с экономическим богатством и является важнейшей основой устойчивого развития.

Аналогичный принцип проявляется в переводе выражения 心怀“国之大者” как «крепко помнить, в чем заключаются главные государственные интересы». Китайская формула имеет высокий уровень философско-политического обобщения и не имеет прямого эквивалента в русском языке. Поэтому переводчик раскрывает ее содержание через понятие «главные государственные интересы», делая смысл более конкретным и доступным. При этом глагольный компонент 心怀 не передается буквально как «держать в сердце», поскольку подобный вариант мог бы звучать неестественно в русском политическом тексте. Выражение «крепко помнить» соответствует нормам русского официально-политического стиля и подчеркивает чувство ответственности перед государством.

Терминологическая точность является необходимым условием перевода политических, научно-технических и экологических текстов. Использование устойчивых терминов позволяет обеспечить единообразие перевода, повысить научную строгость текста и снизить риск смысловых искажений. Особенно важно это в тех случаях, когда китайский экологический дискурс включается в международную повестку устойчивого развития и глобального климатического управления.

Так, выражения 碳达峰 и 碳中和 переводятся как «достижение пика выбросов углерода» и «углеродная нейтральность». Эти варианты уже закрепились в международном климатическом дискурсе и активно используются в политических документах, научных исследованиях, средствах массовой информации и материалах международных организаций. Первый термин обозначает достижение максимального уровня выбросов углерода с последующим их устойчивым снижением, второй – компенсацию выбросов посредством энергосбережения, сокращения эмиссии, лесопосадок и других механизмов. Использование общепринятых русскоязычных эквивалентов позволяет соотнести экологическую политику Китая с глобальной системой понятий и делает текст более понятным для специалистов.

Вместе с тем ряд китайских политических формул не имеет готовых аналогов в русском языке. В таких случаях применяется заимствование или структурная имитация. Например, выражение “五位一体”总体布局和“四个全面”战略布局 передается как «общая пятиединая схема строительства и стратегическая концепция “четырех всесторонних аспектов”». При переводе сохраняются числовые и структурные элементы исходной формулы. Компонент «五位一体» воспроизводится с помощью слова «пятиединая», где приставка «пяти-» передает количественный элемент, а «единая» указывает на целостность системы. Выражение «四个全面» передается через конструкцию «четыре всесторонних аспекта», что позволяет сохранить формальную организацию китайского политического термина.

Подобные варианты могут показаться непривычными русскоязычному читателю, поскольку они воспроизводят структуру китайского политического дискурса. Однако при регулярном употреблении и достаточной контекстуальной поддержке такие термины постепенно закрепляются в переводческой практике. Их преимущество состоит в том, что они позволяют не растворять специфические китайские понятия в более общих русских формулировках, а вводить их в русскоязычный научный и политический контекст как элементы самостоятельной дискурсивной системы.

Передача культурно маркированных образов является одной из наиболее сложных задач при переводе идеи экологической цивилизации. Китайский политический дискурс часто опирается на метафоры, связанные с традиционной культурой, историческим опытом и классическими образами. Буквальный перевод таких выражений не всегда обеспечивает адекватное понимание, поскольку соответствующий культурный фон может отсутствовать у русскоязычного читателя. В подобных случаях переводчик прибегает к функциональной замене, сохраняя основное значение образа, но трансформируя его форму.

Характерным примером является выражение 生态文明制度的“四梁八柱”, переведенное как «прочная опора системы экокультуры». Метафора «четыре балки и восемь колонн» восходит к традиционной китайской архитектуре и обозначает основные элементы конструкции, поддерживающие здание. В переносном смысле она указывает на фундаментальную институциональную структуру, обеспечивающую устойчивость всей системы. Для русского читателя буквальный перевод данного образа мог бы выглядеть избыточно и требовать дополнительного пояснения. Поэтому слово «опора» является функционально оправданным выбором: оно сохраняет значение основы, устойчивости и системной поддержки, одновременно соответствуя привычным моделям русского научного и политического стиля.

Такой подход показывает, что культурная адаптация не означает отказа от смысла оригинала. Напротив, она позволяет сохранить его коммуникативную функцию. В результате перевод становится более лаконичным, понятным и стилистически уместным, а культурно спец-

ифический образ получает форму, приемлемую для русскоязычной аудитории.

Для китайского политического текста характерны параллельные конструкции, ритмическая симметрия, контрастность и высокая степень смысловой сжатости. При переводе подобных выражений важно передать не только содержание, но и внутреннюю логику оригинала. Русский язык, в отличие от китайского, часто требует синтаксического развертывания, поэтому переводчик использует союзы, придаточные предложения, лексические повторы и противопоставительные конструкции.

Например, выражение 生态兴则文明兴，生态衰则文明衰 переведено как «Когда экологическая среда расцветает, расцветает и цивилизация, а если экологическая среда ухудшается, то цивилизация также пребывает в упадке». Китайский оригинал отличается краткостью и строгим параллелизмом. В русском переводе структура предложения расширяется за счет конструкций «когда» и «а если», благодаря чему причинно-условная логика становится более явной. Повтор глагола «расцветает» и противопоставление «ухудшается – пребывает в упадке» помогают сохранить ритмическую и смысловую симметрию исходного выражения. Таким образом, перевод сочетает логическую ясность русского синтаксиса с попыткой воспроизвести риторическую выразительность оригинала.

Проведенный анализ показывает, что язык идеи экологической цивилизации Си Цзиньпина отличается лаконичностью, высокой степенью политической обобщенности, насыщенностью экологической терминологией, а также использованием метафор, идиоматических выражений и ритмически организованных формул. В связи с этим перевод на русский язык требует комплексного применения различных стратегий. Среди них можно выделить смысловую адаптацию, терминологическую стандартизацию, структурную имитацию, культурную трансформацию и сохранение логико-синтаксической организации оригинала.

В целом существующая практика перевода демонстрирует стремление к балансу между сохранением китайской политико-культурной специфики и адаптацией текста к нормам русского языка. Переводчики не ограничиваются буквальным воспроизведением исходных формул, а выбирают такие грамматические и лексические средства, которые позволяют передать содержание оригинала в понятной и стилистически приемлемой форме. Это особенно важно для внешней коммуникации, поскольку эффективность перевода определяется не только точностью передачи терминов, но и способностью текста быть воспринятым целевой аудиторией.

Вместе с тем в данной сфере сохраняются определенные трудности. Во-первых, при передаче идиом, классических образов и культурных метафор часть выразительности оригинала неизбежно утрачивается, поскольку полное совпадение культурных ассоциаций невозможно. Во-вторых, в отдельных случаях наблюдается терминологическая нестабильность, что может затруднять восприятие текста и вызывать неоднозначное понимание ключевых понятий. Поэтому дальнейшая стандартизация русскоязычных переводов, создание единого корпуса ключевых терминов и разработка пояснительных материалов представляются важными условиями повышения эффективности международного распространения идеи экологической цивилизации.

Анализ каналов и текущей ситуации внешней пропаганды идеи экологической цивилизации

Каналы внешней пропаганды идеи экологической цивилизации Си Цзиньпина в Китае в основном включают официальные мероприятия, медиа-платформы и культурный обмен.

В частности, к официальным каналам относятся выступления государственных лидеров во время зарубежных визитов, межправительственные соглашения о сотрудничестве, соответствующие проекты Государственного агентства по международному сотрудничеству в области развития, а также информационно-пропагандистские мероприятия посольств и консульств за рубежом. Официальные каналы обладают авторитетом и направляющим характером, могут оказывать определенное влияние на правительство и научных исследователей, однако формы пропаганды в них довольно шаблонны, информация скучна и чрезмерно обширна, что затрудняет привлечение интереса широких масс; глубина распространения информации и степень ее проникновения в общество недостаточны.

Платформы внешней пропаганды в СМИ являются основными каналами распространения идеи экологической цивилизации, и их роль становится все более заметной. Например, 22 октября 2025 года третий сезон программы «Простые слова – любимые цитаты Си Цзиньпина» был показан на ведущих российских СМИ, включая Всероссийскую государственную телерадиокомпанию. Программа, рассказывая о цитатах и используя культуру в качестве носителя, систематически разъясняет идеи Генерального секретаря об экологии и охране окружающей среды, приоритете интересов народа и общем благосостоянии. С одной стороны, распространение информации через медиаплатформы имеет значительные преимущества: широкий охват, высокая эффективность, возможность быстрого охвата глобальной аудитории, а также разнообразие форм и высокая выразительность, что позволяет в определенной степени ослабить пропагандистский характер. С другой стороны, существуют и явные недостатки, например, медиаплатформы, особенно зарубежные, могут стать центром распространения различных точек зрения и даже негативной общественной мнения, что усложняет управление общественным мнением.

Семинар по экологическим технологиям Китая и России, Молодежный экологический форум, мероприятия по культурному обмену на тему экологии в рамках Года культурного туризма также являются важными каналами для незаметного распространения концепции экологической цивилизации. В качестве примера можно привести совместные исследования вузов: в ноябре 2025 года Северо-Восточный университет лесного хозяйства в качестве одного из соорганизаторов принял участие в «Китайско-российском семинаре по инженерным работам и окружающей среде в холодных регионах», на котором эксперты обеих стран обсудили такие темы, как деградация вечной мерзлоты и инженерные работы в холодных регионах. Влияние культурного обмена является глубоким и долгосрочным; оно способно формировать глубокое понимание и эмоциональные связи посредством долгосрочного двустороннего взаимодействия, основанного на равенстве и взаимном уважении, что способствует устранению предрассудков и формированию объективного восприятия. Однако его недостатком является ограниченный охват аудитории: в отличие от СМИ, он не может охватить широкую общественность, что затрудняет масштабное и быстрое распространение, а также делает его уязвимым для влияния внешних факторов, таких как двусторонние отношения.

Оценка эффективности коммуникации – это процесс измерения и определения степени достижения ожидаемых целей в деятельности по распространению информации. Посредством систематического сбора и анализа статистических данных о доступе информации, осведомленности аудитории, степени согласия с ее позицией и изменении поведения, в ходе этого процесса уделяется внимание тому, была ли информация точно доставлена целевой аудитории и была ли она правильно понята и принята. В данном исследовании с помощью информационных запросов и анкетных опросов была предпринята попытка проверить степень реализации внешней пропаганды идеи Си Цзиньпина об экологической цивилизации, чтобы тем самым обеспечить данные и эмпирические основания для оптимизации стратегии распространения информации.

В настоящее время российские СМИ и научные круги демонстрируют прагматичный подход при освещении и оценке достижений Китая в области экологической цивилизации. С позитивной стороны, Китай и Россия уже добились существенного прогресса в таких областях, как создание трансграничных природных заповедников, охрана миграционных путей перелетных птиц и экспорт технологий в сфере зеленой энергетики, что убедительно свидетельствует о широком признании теории экологической цивилизации Си Цзиньпина на официальном и научном уровнях, а также о том, что обе страны активно воплощают китайские концепции в жизнь. Эксперты Российской академии экологических наук и соответствующих аналитических центров выражают высокую поддержку действиям и эффективности Китая в области масштабного устранения загрязнения за короткий срок, считая, что китайская модель экологического управления предоставляет важный ориентир для трансформации ресурсозависимых стран. Однако внимание российской стороны к экологическим вопросам Китая в основном сосредоточено на конкретных совместных проектах, таких как трансграничный мониторинг окружающей среды, охрана качества воды в реке Амур и освоение лесных ресурсов Китая и России, при этом отсутствуют глубокие и всесторонние репортажи, и в области тематических и системных исследований концепции экологической цивилизации еще есть пространство для улучшения.

На общественном уровне, благодаря богатым традициям экологической литературы в России, у обычных граждан существует естественная симпатия и признание в отношении охраны природы. Репортажи о таких мероприятиях, как «Неделя экологического образования Китая и России» и выставки экологической фотографии для молодежи, проведенных в последние годы, показывают, что влияние китайской экологической цивилизации на местное население неуклонно растет. Соответствующие данные показывают, что жители Дальнего Востока также благодаря трансграничному экологическому туризму и сотрудничеству в области лесного хозяйства постепенно формируют

у себя наглядное представление и явное восприятие «зеленого развития». Для более точной оценки уровня осведомленности российского населения об экологической цивилизации Си Цзиньпина в данном исследовании использовался метод анкетирования, направленный на объективную оценку эффективности пропаганды идеи экологической цивилизации посредством эмпирического исследования.

1) Составление анкеты. В данном исследовании для составления анкеты использовался подход, сочетающий дедуктивный и индуктивный методы, и была доработана «Анкета по изучению восприятия и практического применения концепции экологической цивилизации Си Цзиньпина».

Для проведения более точного исследования с учетом региональных и страновых особенностей, а также в связи с тем, что демографические переменные могут оказать потенциальное влияние на результаты опроса, в данном исследовании в качестве контрольных переменных были использованы три индивидуальных характеристических переменных: гражданство, уровень образования и область научной деятельности.

2) Источники данных анкеты. В рамках данного исследования анкета была распространена через онлайн-платформу для опросов; данные были собраны в период с января по март 2026 года, при этом опрос охватывал в основном Китай и Россию. Учитывая порог познания и глубину понимания идеологии экологической цивилизации Си Цзиньпина, а также с целью снижения коммуникационных затрат, обеспечения возврата анкет и достоверности ответов, в качестве основной целевой группы данного исследования были выбраны лица с высшим образованием. Всего было получено 102 анкеты, из которых 102 были признаны действительными, что соответствует коэффициенту валидности 100%.

3) Проверка надежности и валидности. В данном исследовании для проверки надежности и валидности использовалась платформа SPSSAU.Результаты проверки надежности показали, что коэффициент Cronbach's α для анкеты в целом составил 0,612, что свидетельствует о приемлемом качестве надежности данных исследования; результаты проверки валидности показали, что значение KMO составило 0,870, а критерий сферичности Бартлетта, $p < 0,001$, что свидетельствует о том, что данные исследования очень хорошо подходят для извлечения информации. В целом анкета обладает хорошей надежностью и валидностью и имеет определенную справочную ценность для исследования.

4) Эмпирический анализ. Результаты опроса показывают, что 41,18% респондентов из общего числа опрошенных имеют представление об идеях Си Цзиньпина об экологической цивилизации и знают их основные положения, 34% респондентов указали, что слышали о них время от времени, но не знают конкретного содержания, 9,8% респондентов выбрали вариант «никогда не слышал», а среди 50 респондентов из России доля тех, кто выбрал вариант «никогда не слышал», достигла 20%.

Большинство респондентов познакомились с идеями экологической цивилизации через школьную программу и средства массовой информации, готовы узнавать о них, но не желают активно распространять эту информацию, разделяют основные ценностные принципы и проявляют определенный интерес к международным проектам экологического сотрудничества, руководствующимся идеями экологической цивилизации Си Цзиньпина. В то же время 41% респондентов считают, что дискурс экологической цивилизации Китая сосредоточен исключительно на собственном развитии и не имеет большого отношения к глобальному управлению.

5) Выводы. Результаты исследования показывают, что, хотя в распространении идеологии экологической цивилизации Си Цзиньпина достигнут некоторый существенный прогресс, ее проникновение в зарубежную общественность по-прежнему остается недостаточным. Большинство иностранных граждан могут познакомиться с теорией экологической цивилизации через пропаганду в средствах массовой информации или соответствующие учебные курсы, однако у них отсутствует глубокое понимание этой концепции, а уровень ее признания остается низким; часть населения просто рассматривает ее как вид политической пропаганды.

В целом, продвижение идеи экологической цивилизации на низовом уровне общества по-прежнему сопряжено с большими трудностями и требует длительной работы, а также подтверждения дополнительными результатами, чтобы преодолеть негативное влияние общественного мнения.

В данном исследовании предлагаются рекомендации по оптимизации стратегии внешней пропаганды, которые в основном выражаются в следующих трех аспектах.

Содействие стандартизации перевода ключевых терминов с учетом интерпретационной специфики внешней пропаганды. Согласно теории межкультурной коммуникации, коммуникация происходит между индивидуумами или группами с разным культурным фоном, поэтому следует уделять внимание законам обмена информацией между различными культурными контекстами, подчеркивать влияние культурных различий, уменьшать количество недоразумений и способствовать межкультурному взаимопониманию. Стандартизация перевода ключевых концепций, использование понятных и образных переводческих форм, характерных для русского культурного контекста, создание единого стандартизированного корпуса текстов, а также укрепление владения и чувствительности переводчиков к экокультурному и политическому дискурсу Китая и России способствуют усвоению информации аудиторией, формированию у нее положительного впечатления и возникновению ценностного резонанса.

Подготовить больше дифференцированных переводов и материалов, ориентированных на различные аудитории. Например, наряду с выпуском переводных версий с обилием профессиональной терминологии и высокой степенью академичности, предназначенных для политиков, экспертов и других представителей элиты, следует издавать книги для подростков с лаконичным и понятным содержанием, высокой степенью наглядности, сопровождаемые иллюстрациями для повышения интереса и облегчения наглядного понимания.

Объединять различные медиаформаты для повышения эффективности повествовательной коммуникации. Отказаться от односторонней подачи информации и стереотипных форм коммуникации с большими объемами текста, использовать цифровые платформы, демонстрировать экологическое управление Китая с помощью микрофильмов, коротких видеороликов, документальных фильмов, анимацию и другие визуальные продукты, демонстрировать экологическое управление в Китае, а также проводить интерактивные мероприятия, такие как онлайн-викторины по экологии и виртуальные выставки «зеленых» городов. Внедрение передовых технологий, таких как VR, AR, большие данные и искусственный интеллект, в процесс коммуникации позволит повысить эффект погружения в контент, сделать стиль повествования разнообразным и живым.

Уделять внимание микроуровню, подчеркивая эмоциональную составляющую повествования. Избегать дидактической теоретической пропаганды, разворачивать типизированное творчество и распространение информации вокруг ощутимых и понятных жизненных, культурных и профессиональных историй, а затем разумно дополнять их данными и результатами научных исследований.

Усилить координацию между различными ведомствами. Ведомства по делам иностранных дел, охраны окружающей среды, науки и технологий, образования и другие должны выполнять свои обязанности, координировать сотрудничество. Ведомства всех уровней должны выполнять свои обязанности: центральные органы должны возглавить создание соответствующего банка ресурсов, предоставляя СМИ всех уровней стандартизированные объяснения понятий, базу примеров и шаблоны повествования, а местные органы должны систематически собирать и систематизировать успешные примеры экологического управления в различных регионах, данные и практические модели.

Активно развивать диалог и обмен мнениями. Китаю необходимо активно участвовать в таких важных международных форумах, углублять диалог по экологическим концепциям и сотрудничество, укреплять международный имидж страны, практикующей экологическую цивилизацию, способствовать взаимопониманию через практику и преодолевать информационные барьеры, создаваемые западной общественностью.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что идея экологической цивилизации Си Цзиньпина представляет собой комплексную теоретико-практическую систему, объединяющую экологические, политические, культурные и управленческие компоненты. Ее перевод на русский язык не может рассматриваться исключительно как языковая операция, поскольку он связан с передачей специфического китайского политического дискурса, ценностных установок и опыта экологического управления. Анализ показал, что при переводе ключевых понятий используются взаимодополняющие стратегии: смысловая адаптация, терминологическая стандартизация, структурная имитация, культурная трансформация и сохранение логико-синтаксической организации оригинала. Эти приемы позволяют обеспечить баланс между точностью передачи содержания и адаптацией текста к нормам русского научного и общественно-политического стиля.

Представляется необходимым дальнейшее совершенствование русскоязычного корпуса переводов, разработка материалов для различных целевых групп, активное использование цифровых и визуальных форматов, а также усиление институциональной координации в сфере внешней коммуникации. Эффективное продвижение данной концепции на русском языке имеет значение не только для повышения качества перевода китайского политико-экологического дискурса, но и для углубления китайско-российского сотрудничества в области устойчивого развития.

Литература

1. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении: на русском языке / пер. русской переводческой группы. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2023.

2. Си Цзиньпин. Избранные произведения Си Цзиньпина об экологической цивилизации. Т. 1. Пекин: Издательство центральной партийной документации, 2025.

3. Лянь Вэньчао, Ван Цаньфа. Формирование системы дискурса и инновационные пути новостной коммуникации идей Си Цзиньпина об экологической цивилизации // Исследования экологической цивилизации. 2025. № 3. С. 16–29.

4. Ло Сяньюй. Теоретический вклад, научное содержание и современная ценность важных высказываний Генерального секретаря Си Цзиньпина о строительстве городской экологической цивилизации // Исследования экологической цивилизации. 2025. № 1. С. 24–35.

5. Мэн Хэнъянь. Анализ значения «глобального» поворота в нарративе об экологической цивилизации Китая в новую эпоху // Вестник Нанкинского технологического университета. Серия: Социальные науки. 2024. Т. 23, № 5. С. 11–21, 117.

6. Чжан Юньфэй. Мировое значение концепции «Чистые воды и зеленые горы – это золотые и серебряные горы» // Народный форум. 2025. № 15. С. 84–88.

A STUDY ON THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE IDEA OF ECOLOGICAL CIVILIZATION AND THE FORMATION OF FOREIGN POLICY DISCOURSE

Qi Ruofei, Guo Siwen
Northeast Forestry University

The article examines the specific features of translating Xi Jinping's idea of ecological civilization into Russian and its dissemination in the Russian-speaking communicative space. The relevance of the study is determined by the growing importance of sustainable development, the deepening of China–Russia environmental cooperation, and the need for an adequate rendering of China's political and ecological discourse. Based on textual and comparative analysis of Russian translations, as well as materials of external communication, the article identifies the main translation strategies: semantic adaptation, terminological standardization, structural imitation, cultural transformation, and preservation of the logical and syntactic organization of the original text. Special attention is paid to the channels for disseminating this concept, including official communication, mass media, educational exchanges, and cultural exchanges. The article concludes that the effectiveness of promoting the idea of ecological civilization depends on translation quality, the degree of terminological unification, consideration of the cultural characteristics of the target audience, and differentiation of communication materials for various audiences.

Keywords: Ecological Civilization, Political And Ecological Discourse, Translation Into Russian, China–Russia Communication, Foreign Policy Discourse.

References

1. Xi Jinping. Xi Jinping on Public Administration: in Russian / translated by the Russian translation group. Beijing: Foreign Language Literature Publishing House, 2023.

2. Xi Jinping. Selected Works by Xi Jinping on Ecological Civilization. Vol. 1. Beijing: Central Party Document Publishing House, 2025.

3. Lian Wenchao, Wang Canfa. Formation of a Discourse System and Innovative Ways of News Communication of Xi Jinping's Thought on Ecological Civilization // Studies on Ecological Civilization. 2025. No. 3. pp. 16–29.

4. Luo Xianyu. Theoretical Contribution, Scientific Content, and Modern Value of Important Statements by General Secretary Xi Jinping on Building an Urban Ecological Civilization // Studies on Ecological Civilization. 2025. No. 1. pp. 24–35.

5. Meng Henyan. Analysis of the Significance of the "Global" Turn in the Narrative of China's Ecological Civilization in the New Era // Bulletin of Nanjing University of Technology. Series: Social Sciences. 2024. Vol. 23, No. 5. pp. 11–21, 117.

6. Zhang Yunfei. The Global Significance of the Concept "Clear Waters and Green Mountains Are Golden and Silver Mountains" // People's Forum. 2025. No. 15. pp. 84–88.

Квазипрофессиональный компонент в системе формирования мотивации к изучению иностранного языка у студентов нелингвистических специальностей

Черенкова Софья Владиславовна,
преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, НИУ Московский государственный строительный университет

В статье рассматривается вопрос применения квазипрофессионального компонента в системе формирования мотивации к изучению иностранного языка у студентов, для которых иностранный язык не является профильным предметом. В статье представлены обзор теоретических аспектов вопроса, результаты входного и итогового опросных срезов с целью выявления исходного уровня мотивации у студентов и эффективности применения предлагаемой системы, сформированы выводы.

Ключевые слова: квазипрофессиональная деятельность, мотивация, иностранный язык, мотивирующее обучение

Вопросы мотивации студентов к обучению традиционно обсуждаются несколькими поколениями ученых, однако, единого мнения о наиболее эффективном способе ее формирования на сегодняшний день нет.

Положения о мотивации учения отражены в работах В.Г. Асеева, А.Н. Леонтьева, Е.П. Ильина, С.Л. Рубинштейна, Л.И. Божович, А.К. Марковой, А.А. Широких предложены подходы к пониманию сущности мотивации.

При всем многообразии определения сущности мотивации, дефиниция мотивации на внутреннюю и внешнюю является общепризнанной [2].

Е.П. Ильин понимает внешнеорганизованную мотивацию, как воздействие на процесс мотивации субъекта [5]. В рамках настоящего исследования точка зрения Е.П. Ильина нам представляется центральной.

Как форма воздействия на процесс мотивации отдельного внимания заслуживает компетентностный подход, который представляет собой формирование у студента определенного вида компетентности, то есть овладение специализированными навыками.

Развитию профессиональных компетенций способствует контекстное обучение, обеспечивающие получение студентами не только общей информации, но и специальной, связанной с их будущей профессией.

А.А. Вербицкий, разрабатывая концепцию контекстного обучения, ввел понятие *квазипрофессиональной деятельности* в 1990-х годах. Ее появление обусловлено невозможностью соединения реальной профессиональной деятельности и обучения в учреждении высшего образования. Прежде всего различия составляет вид мотивации: в учебной деятельности у обучающихся задействована *познавательная мотивация*, практическая же деятельность затрагивает мотивацию *профессиональную* [4]. Сравнивая учебную и профессиональную деятельность, помимо вида мотивации, можно выделить следующие параметры:

– предмет: в ходе учебной деятельности обучающийся получает образовательную информацию, тогда как предметом профессиональной *деятельности* является конкретное вещество;

– содержание: содержание обучения – это комплекс знаний, который обучающийся получает, изучая множество предметов. Предметы, на первый взгляд не связанны между собой. В профессиональной же деятельности полученные знания индивид получает системно;

– вид активности: у студента активность «ответная», он совершает действия, инициированные управляющим действием преподавателя;

– вид информации: студент получает «статичную информацию», тогда как в профессиональной деятельности она носит «динамичный» характер (используется в пространстве и времени и обусловлена рабочим процессом);

– вид деятельности: студент во время обучения работает индивидуально, тогда как производственный процесс является деятельностью коллективной [1].

Контекстное обучение направлено на разрешение перечисленных противоречий.

А.А. Вербицкий выделяет три формы деятельности: академическая, квазипрофессиональная и моделирующая в аудиторных условиях профессиональную ситуацию [1, с. 44].

О.Б. Даутова выделяет такие формы квазипрофессиональной деятельности, как: проектирование, создание кейсов, организационно-деятельностные игры и научно-исследовательская работа студентов [3].

Также одной из наиболее эффективных форм квазипрофессиональной деятельности является деловая игра. Деловая игра представляет собой имитацию выбранного фрагмента профессиональной деятельности. Результатом системного применения которой является формирование социальной и предметной компетенции и профессиональной компетенции будущего специалиста.

В рамках исследования, посвященного формированию учебной мотивации, мы применяли организационно-деятельностные игры, научно-исследовательскую работу и создание кейсов.

Проведенный нами анализ литературы по теме исследования позволил нам разработать систему формирования мотивации к изучению иностранного языка у студентов неязыковых специальностей,

а также апробировать ее в учебном процессе учреждения высшего образования. Результаты настоящего исследования позволяют нам сделать вывод о влиянии квазипрофессионального компонента системы на формирование мотивации у студентов.

Разработанный нами комплекс профессионально-ориентированных упражнений применялся на первом курсе в рамках изучения предмета «иностранный язык» в группах, изучающих английский язык.

Перед началом работы нами было проведено анкетирование с целью выявления исходного уровня заинтересованности студентов в изучении иностранного языка.

Для оценки входного уровня мотивации студентов к изучению иностранного языка (у обучающихся на нелингвистических специальностях), мы применили простой опрос, состоящий из нескольких положений.

На рисунке 1 представлена диаграмма, отражающая мнение обучающихся по вопросу «считаете ли вы, что иностранный язык вам может понадобиться в реализации вашей профессиональной деятельности?».

Рис. 1. Результаты входного опроса

Опрос проводился в двух группах, в которых реализовывалось обучение с применением форм квазипрофессионального обучения. Всего было опрошено 68 студентов.

Исходя из полученных данных, мы пришли к выводу, что всего 11,8% считают, что могут применить иностранный язык в профессиональной деятельности, 29,4% не согласны с этим мнением, 25% ответили «скорее да, чем нет», и 33,8% выразили неуверенность, выбрав вариант «скорее нет, чем да».

Второй вопрос, на который мы предлагали ответить: «Оцените от 1 до 5 уровень вашей заинтересованности в изучении иностранного языка, где 1 – не заинтересован, 5 – очень заинтересован». На рисунке 2 представлена диаграмма с результатами опроса.

Рис. 2. Результаты опроса

Полученные результаты содержат в себе следующие данные: вариант «5» выбрали 11,8% респондентов. Примечательно, что студенты, выбравшие вариант «да» в предыдущем вопросе – одни и те же студенты. «4» – 17,7%; «3» – 29,4%; «2» – 26,5% и «1» (крайняя незаинтересованность) – 14,7%.

Применение форм квазипрофессионального обучения содержит в себе две цели: 1. Приблизить обучение к профессии. 2. Ответить студентам на вопрос «как я могу применить полученные знание после обучения».

А.А. Широких считал, что мотивы определяют ценность цели и побуждают к ее реализации. Мотивы, по мнению А.А. Широких можно разделить на три типа:

– инструментальный (применение, чтобы достичь поставленной цели);
– интегративный (интерес к культуре и языку);
– узко-утилитарный (предмет является частью программы, и по нему необходимо получить зачет) [7].

Для того, чтобы составить корректную учебную программу, третий вопрос звучал следующим образом «что из перечисленного побуждает вас посещать занятия и принимать участие в учебной и внеучебной деятельности?». Респондентам предлагалось выбрать один из трех вариантов ответов: 1) иностранный язык поможет мне продвинуться по карьерной лестнице в будущем; 2) мне нравится иностранный язык, и возможность осуществлять межкультурную коммуникацию; 3) потому что он есть в учебной программе, и по нему нужно сдавать зачет или экзамен.

Результаты представлены в виде диаграммы на рисунке 3.

Ответы распределились в следующей пропорции: «иностранный язык поможет мне продвинуться по карьерной лестнице в будущем» – 39,7%; «мне нравится иностранный язык, и возможность осуществлять межкультурную коммуникацию» – 36,7%; «потому что он есть в учебной программе, и по нему нужно сдавать зачет или экзамен» – 23,5%.

Полученные данные позволили нам сформировать требования к системе формирования мотивации, и учитывать все три типа мотива, основываясь на классификации А.А. Шацкого.

Рис. 3. Результаты входного опроса

Исходя из вышеизложенного, мы заключили, что: центральным компонентом формирования мотивации является квазипрофесиональный; задания, предлагаемые в рамках учебного процесса должны содержать коммуникативный, междисциплинарный и культурный аспекты; итоговая аттестация за семестр должна быть основана на балльной системе, включающей в себя оценку посещаемости, выполнение обязательных заданий и участие во внеучебной деятельности.

В рамках реализации системы в формирования мотивации в рамках учебного процесса, студентам на практических занятиях предлагались коммуникативные ситуации, имитирующие реально возникающие в рамках профессиональной деятельности.

В качестве примера приводим описание одного из заданий, предлагаемых студентам направления 08.03.01 «Гражданское и промышленное строительство». После изучения лексического и грамматического блоков по теме «правила безопасности на стройке» была подготовлена деловая игра, позволяющая отработать пройденный материал. Студенты разбивались на «бригады» по четыре человека, каждому из них выдавалась соответствующая роль и в ее рамках коммуникативная задача. Например, студенты, которому выпала роль прораба, должны были провести первичный инструктаж по технике безопасности, используя изученную лексику и грамматике «must, must not, have to, don't have to». Студентам, которым выпадала роль любой профессии, была предложена ситуация, в которой они нарушали правила безопасности, и должны были объясниться перед студентом, которому выпала роль руководителя бригады.

Система формирования мотивации применялась нами в рамках учебного процесса на протяжении одного учебного года, в конце которого студентам был предложен контрольный опрос, в котором мы просили их оценить по пятибалльной шкале уровень заинтересованности в изучении иностранного языка, и ответить на вопрос: «хотели бы вы продолжить изучение иностранного языка после окончания курса в рамках учебной программы». Результаты представлены на рис. 4 и 5.

Рис. 4. Результаты контрольного опроса

На основании анализа опроса и сравнения его с результатами входного опроса об уровне заинтересованности студентов в изучении иностранного языка мы можем сделать вывод о положительной динамике роста мотивации.

Сравнительные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительные данные оценки уровня заинтересованности студентов в изучении иностранного языка

Оценка по пятибалльной шкале	Входной опрос в %	Контрольный опрос в %
5	**11,8%**	**14,7%**
4	**17,7%**	**23,5%**
3	**29,4%**	**36,8%**
2	**26,5%**	**14,7%**
1	**14,7%**	**10,3%**

Из результатов сравнительного анализа видно, что у оценок уровня заинтересованности в изучении иностранного языка «5», «4» и «3», соответствующих высокому и среднему уровню заинтересованности наблюдается прирост, тогда как у оценок «2» и «1», соответствующих низкому уровню заинтересованности наблюдается снижение.

Рис. 5. Результаты контрольного опроса

Полученные данные демонстрируют следующие результаты: однозначно положительный ответ дали 29,4% опрошенных студентов, «скорее да, чем нет» ответили 36,8% студентов, «скорее нет, чем да» выбрали 19,1% респондентов, однозначно «нет» ответили 14,7%.

Выводы об успешности применения системы мы делали на основе следующих данных: 1) результаты опросов (статистические данные); 2) наблюдение за успеваемостью и мониторинг посещаемости; 3) проявление инициативы студентов во время учебного процесса.

Мониторинг посещаемости осуществлялся путем сравнения данных и журнала успеваемости, и показал значительный прирост во втором семестре. Если в первом семестре заполняемость аудитории составляла 40–50%, то во втором семестре этот показатель вырос до 75%. Улучшение посещаемости было обеспечено в том числе и за счет введения балльно-рейтинговой системы. Необходимо отметить, что по результатам проведения сравнительного анализа была выявлена следующая закономерность: имена стабильно отсутствующих на занятиях студентов совпадали с именами респондентов, ответивших однозначное «нет» в опросах о желании продолжать изучать иностранный язык после окончания учебного курса, и с именами респондентов, оценивших уровень своей заинтересованности в изучении иностранного языка как «1».

Отмечая уровень инициативы, проявляемой студентами в ходе учебного процесса, наблюдается значительный прирост: по сравнению с началом учебного года количество студентов, выражающих желание принять участие в студенческих научно-практических конференциях выросло с трех человек до двенадцати к концу учебного года. Также выросло количество инициатив в рамках учебного процесса: студенты выражали желание принять участие в неделе профориентации и подготовили тематический квиз.

Кроме того, студентами было подготовлено практическое занятие в формате «своя игра», в рамках которой у групп была возможность повторить весь лексический материал перед выходом на итоговую аттестацию.

Обобщая полученные данные, мы можем сделать следующий вывод: квазипрофессиональный компонент в системе формирования мотивации у студентов нелингвистических специальностей обеспечил прирост уровня заинтересованности студентов в изучении иностранного языка, а комплекс мер, направленных на улучшение показателей учебной деятельности, обеспечил устойчивый рост посещаемости и усвоения содержания обязательной программы.

Литература

1. Вербицкий А.А. Контекстно-компетентностный подход к модернизации образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontekstno-kompetentnostnyy-podhod-k-modernizatsii-obrazovaniya (дата обращения: 12.05.2026).

2. Гуро-Фролова Ю.Р. Психолого-педагогические условия формирования мотивации изучения иностранного языка у студентов нелингвистического вуза: канд. …канд. псих.н. 19.00.07 / Ю.Р. Гуро-Фролова. – Нижний Новогород, 2011. – 205 с.

3. Даутова О.Б. Профессиональная компетентность педагога-воспитателя: (содействие развитию Я-концепции школьника): учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «540600 (050700) – Педагогика» / О.Б. Даутова; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 95 с.: ил., табл.; 21 см.; ISBN 5-8064-0975-9

4. Захарова Т.В. Квазипрофессиональная деятельность в педагогическом образовании: проблемы и перспективы // МНКО. 2013. № 6 (43) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvaziprofessionalnaya-deyatelnost-v-pedagogicheskom-obrazovanii-problemy-i-perspektivy (дата обращения: 23.04.2026).

5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е.П. Ильин. – СПб: Питер, 2011. – 508 с.: табл.; 24 см. – (Мастера психологии).; ISBN 978-5-459-00574-5

6. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте / Пособие для учителя. – М., Просвещение, 1983. –96 с.

7. Широких А.А. Роль рациональной составляющей в мотивации изучения иностранного языка / А.А. Широких // Вестник ТГУ. – 2009. – № 323 июнь. – С. 98–101.

QUASI-PROFESSIONAL COMPONENT IN THE SYSTEM OF FORMING MOTIVATION FOR LEARNING A FOREIGN LANGUAGE AMONG STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES

Cherenkova S.V.
National Research University Moscow State University of Civil Engineering

The article discusses the application of a quasi-professional component in the system of motivation to study a foreign language among students for whom a foreign language is not a subject. The article presents an overview of the theoretical aspects of the question, results of the input and final survey sections in order to identify the initial level of motivation among students and the effectiveness of application of the proposed system; the conclusions are formed.

Keywords: quasi-professional activity, motivation, foreign language, motivating learning

References

1. Verbitsky, A. A. “A Context-Competence-Based Approach to Modernizing Education.” Innovative Projects and Programs in Education. 2011, No. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kontekstno-kompetentnostnyy-podhod-k-modernizatsii-obrazovaniya (Accessed: 12.05.2026).

2. Guro-Frolova, Yu. R. “Psychological and Pedagogical Conditions for Developing Motivation to Learn a Foreign Language in Students of a Non-linguistic University.” Cand. … Cand. Sci. (Psych.), 19.00.07 / Yu.R. Guro-Frolova. – Nizhny Novgorod, 2011. – 205 p.

3. Dautova O.B. Professional competence of a teacher-educator: (assistance in the development of a schoolchild’s self-concept): a textbook for university students studying in the direction of “540600 (050700) – Pedagogy” / O.B. Dautova; Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2005. – 95 p.: ill., table; 21 cm; ISBN 5-8064-0975-9

4. Zakharova T.V. Quasi-professional activity in pedagogical education: problems and prospects // MNKO. 2013. No. 6 (43) URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kvaziprofessionalnaya-deyatelnost-v-pedagogicheskom-obrazovanii-problemy-i-perspektivy (date of access: 23.04.2026).

5. Ilyin EP Motivation and motives [Text] / EP Ilyin. – St. Petersburg: Piter, 2011. – 508 p.: table; 24 cm. – (Masters of Psychology).; ISBN 978-5-459-00574-5

6. Markova AK Formation of motivation for learning in school age / Handbook for a teacher. – Moscow, Prosveshchenie, 1983. –96 p.

7. Shirokih AA The role of the rational component in the motivation for learning a foreign language / A.A. Shirokih // TSU Bulletin. – 2009. – No. 323 June. – P. 98–101.

Исследование трансформации, вызовов и путей развития сферы устного перевода в эпоху искусственного интеллекта

Чэнь Чуань,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 107622002010219@xjnu.edu.cn

Чжан Ли,
аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 107622003010030@xjnu.edu.cn

В статье рассматривается трансформация сферы устного перевода под влиянием технологий искусственного интеллекта. Анализируются основные этапы развития ИИ-перевода, его ключевые характеристики, включая оперативность, многоязычность, профессиональную специализацию и экономическую доступность. Особое внимание уделяется двойственному влиянию искусственного интеллекта на отрасль: с одной стороны, он повышает эффективность переводческих услуг и расширяет сферы их применения, с другой – порождает профессиональные, этические и правовые вызовы. В статье подчёркивается, что ИИ не способен полностью заменить устного переводчика, поскольку передача культурного контекста, эмоциональной окраски и сложных прагматических смыслов по-прежнему требует человеческого участия. Обосновывается необходимость формирования модели человеко-машинного сотрудничества, совершенствования подготовки переводчиков и разработки отраслевых норм для устойчивого развития устного перевода в цифровую эпоху.

Ключевые слова: Искусственный Интеллект, Устный Перевод, Ии-Перевод, Человеко-Машинное Сотрудничество, Межкультурная Коммуникация.

Введение

В условиях стремительного развития цифровых технологий искусственный интеллект становится одним из ключевых факторов трансформации современной переводческой деятельности. Особое значение данные изменения приобретают в сфере устного перевода, где традиционно решающую роль играли языковая компетенция переводчика, способность к межкультурной коммуникации, эмоциональная чувствительность и умение оперативно реагировать на сложные коммуникативные ситуации. Появление генеративных моделей, систем автоматического распознавания речи, машинного перевода и синтеза речи существенно изменило технологическую основу устного перевода, расширив возможности его применения в международных конференциях, деловых переговорах, медицине, образовании, государственном управлении и других сферах.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что искусственный интеллект оказывает на сферу устного перевода двойственное воздействие. С одной стороны, он способствует повышению эффективности переводческих услуг, снижению их стоимости, расширению языкового охвата и доступности межъязыковой коммуникации. С другой стороны, ИИ-перевод выявляет ряд ограничений, связанных с передачей культурного содержания, эмоциональной окраски, прагматических смыслов и сложного контекста. Кроме того, его распространение порождает новые профессиональные, этические и правовые проблемы, включая изменение требований к компетенциям переводчика, защиту данных, алгоритмическую предвзятость и распределение ответственности за переводческие ошибки.

Целью статьи является анализ развития технологий устного перевода на основе искусственного интеллекта, выявление их ключевых характеристик и оценка влияния ИИ на профессиональную роль устного переводчика и устойчивое развитие отрасли. В соответствии с поставленной целью рассматриваются этапы эволюции ИИ-перевода, его преимущества и ограничения, трансформация профессиональных функций переводчика, а также возможные пути формирования модели человеко-машинного сотрудничества. Особое внимание уделяется необходимости сохранения гуманитарной ценности устного перевода, поскольку перевод представляет собой не только технический процесс языкового преобразования, но и сложную форму межкультурного взаимодействия.

Развитие и основные характеристики технологии устного перевода на основе искусственного интеллекта

В условиях быстрого развития искусственного интеллекта устойчивое развитие сферы устного перевода требует комплексного подхода, объединяющего технологические инновации, подготовку кадров, отраслевое регулирование и человеко-машинное сотрудничество. Такая модель должна обеспечивать баланс между технологической эффективностью и гуманитарной ценностью перевода, поскольку устный перевод остаётся не только языковым преобразованием, но и важной формой межкультурной коммуникации.

Прежде всего, технологические инновации являются основой дальнейшего развития отрасли. Предприятиям и научно-исследовательским организациям необходимо совместно преодолевать ключевые ограничения ИИ-перевода. Особое внимание следует уделять обработке культурных и эмоциональных компонентов речи. Обучение систем на больших межкультурных корпусах позволит точнее передавать культурно маркированную лексику, метафоры, идиомы и скрытые смыслы, снижая риск буквального или искажённого перевода. Одновременно развитие технологий распознавания и передачи эмоций поможет ИИ учитывать эмоциональное состояние говорящего и воспроизводить его через интонацию, темп речи и другие речевые параметры. Это особенно важно в дипломатии, медицине, образовании и других сферах, где эмоциональная точность влияет на качество коммуникации.

Не менее важным направлением является совершенствование способности ИИ работать со сложным контекстом. Необходимо улучшать обработку неоднозначных высказываний, многозначных слов

и сложных синтаксических конструкций, а также повышать качество распознавания речи в условиях шума. Снижение задержки перевода и повышение точности позволят шире применять ИИ-системы в реальных коммуникативных ситуациях. Перспективным является развитие мультимодальных технологий, позволяющих одновременно анализировать речь, текст, изображения, мимику и жесты. Это даст возможность интеллектуальным системам лучше понимать смысл высказывания и адаптироваться к сложным сценариям общения. Кроме того, необходимо развивать ИИ-перевод для редких языков и диалектов, что расширит языковое покрытие и повысит доступность переводческих услуг.

Вторым условием устойчивого развития является совершенствование системы подготовки переводчиков. Университеты и предприятия должны совместно формировать специалистов нового типа, обладающих языковой компетенцией, навыками применения ИИ, профессиональными знаниями и развитой межкультурной коммуникативной компетенцией. Навыки человеко-машинного взаимодействия должны стать одной из центральных целей подготовки. Для этого необходимо обновить учебные программы: наряду с традиционными курсами устного перевода следует вводить дисциплины по использованию ИИ-инструментов, ИИ-ассистированному переводу, межкультурной коммуникации и специализированным профессиональным областям.

Особое значение имеет практическая подготовка. Вузы могут сотрудничать с компаниями iFlytek, Huiban Technology и другими разработчиками ИИ-систем, внедряя их оборудование и технологии в образовательный процесс. Это позволит студентам осваивать человеко-машинное взаимодействие в условиях, приближенных к реальной профессиональной практике. Не менее важно повышать квалификацию преподавателей, поощрять их участие в научных проектах и корпоративных практиках, а также привлекать к обучению отраслевых экспертов и специалистов по искусственному интеллекту. Для действующих переводчиков необходимо развивать программы переподготовки, помогающие им овладеть новыми цифровыми инструментами и адаптироваться к меняющимся требованиям рынка.

Третьим направлением является формирование эффективной системы отраслевых норм и стандартов. Профессиональные ассоциации, предприятия и государственные структуры должны совместно разрабатывать этические правила применения ИИ-перевода. Такие нормы должны включать требования к защите персональных данных, алгоритмической справедливости, прозрачности использования ИИ и определению границ его применения. Особое значение имеет распределение ответственности в случаях ошибок ИИ-перевода, поскольку неточность может привести к коммуникативным конфликтам, экономическим потерям или правовым спорам. Разрабатываемый Международной федерацией переводчиков этический кодекс для эпохи искусственного интеллекта может служить важным ориентиром для формирования национальных отраслевых стандартов.

Кроме того, необходимо создать объективную систему оценки качества ИИ-перевода. Она должна учитывать точность, скорость, способность передавать культурное содержание, устойчивость к шуму и соответствие коммуникативной ситуации. В систему профессиональной сертификации переводчиков целесообразно включить оценку навыков работы с ИИ, поскольку способность эффективно использовать интеллектуальные инструменты становится частью профессиональной компетенции. Одновременно требуется усилить отраслевой контроль, предотвращать недобросовестную конкуренцию, злоупотребление данными и нарушение прав пользователей. Наряду с государственным регулированием важно развивать профессиональное саморегулирование, формируя ответственное отношение участников отрасли к качеству и этичности переводческих услуг.

Наконец, развитие устного перевода в эпоху ИИ не должно строиться на противопоставлении человека и машины. Наиболее перспективной является модель «ИИ как вспомогательный инструмент – человек как ведущий субъект перевода». В такой системе ИИ выполняет повторяющиеся и технические задачи: базовый перевод, генерацию субтитров, обработку текста и подготовку материалов. Переводчик, в свою очередь, отвечает за сложный контекст, культурную адаптацию, эмоциональную передачу и контроль качества.

Например, на международных конференциях ИИ может обеспечивать субтитры и первичный перевод, а профессиональный переводчик – смысловую и культурную адаптацию сложных фрагментов. В медицине, государственном управлении и других сферах возможно создание специализированных решений «ИИ + переводчик», повышающих одновременно качество и эффективность услуг. Примером является модель «ИИ + человек», применённая Huiban Technology на Международном форуме по заболеваниям сетчатки, где скорость ИИ сочеталась с профессиональным контролем переводчиков. Следовательно, устойчивое развитие устного перевода возможно только при объединении технологических возможностей ИИ с профессиональной, культурной и этической ответственностью человека.

Двойственное влияние искусственного интеллекта на сферу устного перевода

Стремительное развитие искусственного интеллекта оказывает двойственное воздействие на сферу устного перевода. С одной стороны, ИИ открывает для отрасли новые возможности: повышает эффективность переводческих услуг, снижает их стоимость, расширяет сферы применения и делает межъязыковую коммуникацию более доступной. С другой стороны, распространение ИИ-перевода порождает ряд вызовов: усиливает конкуренцию на рынке труда, выявляет ограничения машинной обработки культурных и эмоциональных смыслов, а также ставит перед отраслью новые этические и правовые вопросы. Таким образом, позитивные и негативные последствия развития ИИ тесно взаимосвязаны и совместно формируют новую модель функционирования устного перевода.

Одним из наиболее значимых преимуществ ИИ является его высокая эффективность и экономическая доступность. В отличие от традиционного устного перевода, ИИ-системы не требуют длительной предварительной подготовки, способны работать без перерывов и быстро реагировать на различные коммуникативные запросы. Это особенно важно в экстренных, продолжительных или массовых ситуациях. Например, на крупных международных выставках такие системы могут одновременно обеспечивать многоязычный перевод для нескольких стендов, сокращая потребность в большом числе переводчиков. В транснациональных компаниях ИИ-перевод может интегрироваться в платформы Zoom, Microsoft Teams и другие сервисы видеоконференцсвязи, обеспечивая международным командам коммуникацию в реальном времени. Кроме того, стоимость таких решений значительно ниже стоимости профессионального устного перевода. Для малых и средних предприятий это особенно важно, поскольку позволяет сокращать расходы на межъязыковое взаимодействие, развивать трансграничное сотрудничество и выходить на международные рынки. Согласно отраслевым оценкам, использование ИИ-перевода позволяет компаниям ежегодно экономить 260–320 тыс. юаней, повышать эффективность совещаний на 30–50% и сокращать количество коммуникативных ошибок примерно на 60%.

Распространение технологий ИИ также существенно расширяет сферу применения устного перевода. Если ранее человеческий перевод был сосредоточен преимущественно в сегменте международных конференций высокого уровня, деловых переговоров и дипломатических мероприятий, то ИИ делает переводческие услуги доступными в более широких социальных, профессиональных и повседневных сценариях. Сегодня устный перевод на основе ИИ применяется в государственном управлении, медицине, юриспруденции, образовании и туризме. Так, во время сессий Народного собрания в Шэньчжэне была использована система ИИ-синхронного перевода, обеспечивавшая перевод для иностранных консульских представителей в режиме реального времени. В медицинской коммуникации ИИ может переводить диагностические заключения врачей и жалобы пациентов, снижая риск ошибок, вызванных языковым барьером. Согласно анализу Всемирной организации здравоохранения, точность передачи медицинской терминологии при использовании ИИ-синхронного перевода достигает 92,7%. В юридической сфере ИИ помогает точнее передавать договорные положения и правовую терминологию, а в туризме облегчает общение иностранных гостей с местными жителями. Кроме того, развитие ИИ способствует появлению новых форм переводческих услуг, включая автоматическую генерацию субтитров, двуязычное отображение текста и автоматическое составление протоколов совещаний.

Важным положительным эффектом является частичное преодоление дефицита переводческих кадров. В условиях глобализации спрос на специалистов в области устного перевода постоянно растёт, однако подготовка профессиональных синхронных переводчиков требует длительного времени, глубоких языковых знаний, широкой профессиональной компетенции и высокой стрессоустойчивости. Особенно остро нехватка переводчиков ощущается в малых городах, учреждениях базового уровня и при работе с редкими языками. В этих условиях ИИ-перевод становится значимым дополнением к человеческому труду. Он позволяет сотрудникам местных учреждений взаимодействовать с иностранными гражданами без привлечения штатного переводчика, а в коммуникации на малораспространённых языках нередко выступает основным средством общения. Например, устройство Timekettle X1 поддерживает перевод ряда исчезающих языков, расширяя возможности межъязыковой коммуникации. Вместе с тем ИИ может выполнять вспомогательные функции для профессиональ-

ных переводчиков: осуществлять поиск терминологии, подготавливать справочные материалы и выполнять первичную обработку текста, снижая нагрузку специалиста и позволяя ему сосредоточиться на более сложных аспектах перевода.

Развитие ИИ-перевода способствует и стандартизации отрасли. Традиционная оценка качества устного перевода во многом основывалась на субъективных суждениях и не имела единых количественных критериев. Искусственный интеллект, обученный на больших корпусах данных, способен формировать относительно унифицированные нормы перевода, особенно в области профессиональной терминологии и устойчивых выражений. Это помогает уменьшить расхождения, связанные с индивидуальными особенностями переводчиков. Кроме того, мультимодальные системы оценки позволяют проводить более объективную диагностику качества перевода. Например, система автоматической оценки устного перевода, разработанная Шанхайским университетом Цзяотун, анализирует качество по трём параметрам: полнота передачи информации, плавность выражения и качество языка перевода. Использование технологий BLEURT, SHAP и других методов повышает валидность и надёжность оценки. Одновременно Международная федерация переводчиков разрабатывает этические нормы для переводчиков в эпоху ИИ, что должно способствовать определению границ применения таких технологий и распределению ответственности.

Однако наряду с преимуществами ИИ-перевод сохраняет существенные ограничения. Прежде всего, он недостаточно эффективно передаёт культурное содержание. Устный перевод является не только языковым преобразованием, но и процессом межкультурной коммуникации. Человеческий переводчик способен учитывать культурный контекст, ценностные различия и коммуникативные намерения говорящего, адекватно передавая идиомы, метафоры и культурно маркированную лексику. ИИ-системы, напротив, часто склонны к буквальному переводу и не всегда распознают скрытый смысл. Например, английское выражение “break a leg” может быть ошибочно передано буквально, тогда как профессиональный переводчик переведёт его как пожелание удачи. В тестировании ВОЗ лозунг “Joy Bangla” был ошибочно интерпретирован системой как имя женщины Joy, что привело к некорректному обращению к председателю заседания.

Ещё одной проблемой является недостаточная передача эмоциональной окраски. Человеческий переводчик улавливает интонацию, эмоциональное состояние и прагматические намерения говорящего, передавая их через темп речи, паузы и интонационные изменения. Речевой вывод ИИ-систем, напротив, нередко воспринимается как механический и монотонный. Это особенно заметно в дипломатических переговорах, кризисной коммуникации и ситуациях, требующих эмпатии. Кроме того, ИИ испытывает трудности при обработке сложного контекста: неоднозначных высказываний, многозначных слов, оговорок, повторов, нарушенной логики и высокого уровня шума. Тестирование платформы WORDLY, проведённое ВОЗ, показало, что средняя оценка ИИ-перевода в реальных конференционных условиях составила лишь 46%, а при переводе на китайский язык – около 40%, причём в каждой речи были выявлены потенциальные репутационные риски.

Широкое распространение ИИ усиливает давление на рынок труда переводчиков. Благодаря низкой стоимости и высокой эффективности ИИ активно занимает сегмент простых и стандартных переводческих услуг: повседневное общение, местное административное обслуживание, типовые деловые переговоры и туристическое сопровождение. Работа, ранее выполнявшаяся начинающими переводчиками, постепенно автоматизируется. Одновременно растут требования к специалистам высокого уровня: всё чаще востребована модель «ИИ + человек», при которой переводчик должен не только владеть языком, но и уметь использовать интеллектуальные инструменты. Это создаёт риск профессиональной невостребованности для специалистов, не готовых к технологической адаптации. Кроме того, представление о том, что ИИ способен полностью заменить переводчика, снижает привлекательность профессии и может привести к сокращению кадрового резерва.

В этих условиях меняются и требования к подготовке переводчиков. Современному рынку нужны специалисты комплексного типа, сочетающие языковую компетенцию, навыки применения ИИ, профессиональные знания и межкультурную коммуникативную компетенцию. Однако система подготовки переводчиков в Китае пока не полностью соответствует этим требованиям: во многих вузах обучение по-прежнему ориентировано на традиционные навыки устного перевода, тогда как курсы по ИИ-инструментам, ИИ-ассистированному переводу и человеко-машинному сотрудничеству представлены недостаточно. Кроме того, сохраняется нехватка преподавателей, обладающих практическим опытом в сфере ИИ-перевода.

Наконец, развитие ИИ-перевода порождает этические и правовые проблемы. Для работы таких систем требуется сбор голосовых данных и содержания коммуникации, что создаёт риски нарушения конфиденциальности. Некоторые приложения могут использовать данные пользователей для обучения моделей без достаточного согласия. Кроме того, алгоритмическая предвзятость, возникающая из-за неравномерности и возможной дискриминационности обучающих данных, может приводить к некорректным переводам, особенно в отношении редких языков и уязвимых групп. Остаётся нерешённым и вопрос ответственности: если ошибка ИИ приводит к недопониманию, финансовым потерям или дипломатическому конфликту, неясно, кто должен отвечать – разработчик, пользователь или переводчик. Следовательно, ИИ не отменяет необходимость человеческого участия, а требует формирования новой модели отрасли, основанной на сочетании технологической эффективности, профессионального контроля и этического регулирования.

Трансформация роли и развитие компетенций устного переводчика в эпоху искусственного интеллекта

В условиях стремительного развития искусственного интеллекта роль устного переводчика существенно меняется. Его профессиональная ценность уже не сводится только к языковому преобразованию. Всё большее значение приобретают культурная компетентность, способность воспринимать эмоциональные оттенки речи, умение работать со сложным контекстом и адаптировать перевод к конкретной ситуации. Именно эти качества позволяют переводчику не конкурировать с ИИ, а выстраивать с ним эффективное сотрудничество, при котором совместный результат превосходит возможности каждой стороны по отдельности. Поэтому современному переводчику необходимо переосмыслить свою профессиональную роль и развивать комплекс новых компетенций.

Прежде всего, системы устного перевода на основе ИИ следует рассматривать не как замену переводчика, а как вспомогательный инструмент. Они могут выполнять базовые операции: первичный перевод, поиск терминологии, преобразование речи в текст, автоматическую генерацию субтитров и обработку материалов. Это снижает рабочую нагрузку и позволяет переводчику сосредоточиться на более сложных задачах. Например, на международной конференции ИИ может обеспечивать черновой перевод и субтитры в реальном времени, тогда как переводчик уделяет основное внимание сложным синтаксическим конструкциям, культурно маркированной лексике и передаче эмоциональной окраски речи. В повседневной практике такие инструменты помогают быстро уточнять профессиональные термины и повышать точность перевода. Однако эффективное использование ИИ требует умения настраивать его под конкретную ситуацию: подключать терминологические базы, корректировать параметры перевода и учитывать особенности коммуникативной среды.

Одновременно переводчик всё чаще выступает в роли контролёра качества. Несмотря на повышение точности ИИ-перевода, в сложных условиях интеллектуальные системы по-прежнему могут допускать смысловые, стилистические и культурные искажения. Поэтому специалист должен проверять, исправлять и адаптировать результаты машинного перевода, обеспечивая точную передачу информации. Особенно важна эта функция в дипломатических переговорах, юридическом переводе, медицинской коммуникации и других сферах высокой ответственности, где даже незначительная ошибка может вызвать серьёзные последствия. Переводчик должен в режиме реального времени отслеживать содержание ИИ-перевода, оперативно устранять неточности и при необходимости дополнять текст культурными смыслами, которые машина не способна корректно передать. Кроме того, он обязан учитывать потребности аудитории и выбирать соответствующий стиль: в официальной обстановке делать перевод более строгим и нормативным, а в повседневной коммуникации более простым и доступным.

Одной из важнейших функций переводчика в эпоху ИИ становится межкультурное посредничество. Устный перевод всегда представляет собой не только языковой, но и культурный процесс. Искусственный интеллект способен быстро обрабатывать большие объёмы информации, однако ему сложно учитывать культурный контекст, национальные традиции, ценностные различия и прагматические намерения говорящего. Поэтому переводчик должен обеспечивать не буквальную, а смысловую и культурную адаптацию сообщения. В международных деловых переговорах он помогает сторонам понять различия в коммуникативных нормах и избежать конфликтов, вызванных культурным недопониманием. В культурных мероприятиях переводчик передаёт не только содержание речи, но и образ мышления, эмоциональный

фон и культурную специфику исходного языка. Именно эта способность остаётся одним из ключевых преимуществ человека перед ИИ.

Не менее значима роль переводчика как специалиста по адаптации к различным коммуникативным сценариям. Медицинский, дипломатический, деловой, образовательный и бытовой перевод требуют разных стратегий. В медицинской сфере переводчик должен владеть профессиональной терминологией, учитывать состояние пациента и выбирать деликатную форму выражения. В дипломатическом переводе особое значение имеют точность, сдержанность, соблюдение протокола и понимание политического контекста, поскольку перевод может влиять на имидж государства. В повседневной коммуникации, напротив, допустимы большая простота и гибкость выражения. Кроме того, переводчик должен уметь адаптировать использование ИИ-инструментов к условиям работы, например применять функции шумоподавления, подключать специализированные словари или сочетать машинный перевод с собственной редакторской обработкой.

Для успешной деятельности в новых условиях переводчику необходимо формировать комплексную систему компетенций. Её основой остаётся высокая языковая подготовка: свободное владение исходным языком и языком перевода, развитые навыки аудирования, устной речи, чтения и письма, а также способность точно воспринимать смысл, интонацию и коммуникативные намерения говорящего. Особое значение имеют знание профессиональной терминологии, идиом, культурно маркированной лексики и умение работать со сложными или неоднозначными высказываниями.

Наряду с этим переводчик должен владеть ИИ-технологиями: использовать системы ИИ-ассистированного перевода, понимать их принципы и ограничения, оценивать результат, выявлять ошибки и корректировать параметры работы. Важной становится способность постоянно осваивать новые цифровые инструменты. Кроме того, современному переводчику необходимы профессиональные знания в специализированных областях – медицине, праве, финансах, дипломатии, науке и технологиях, а также развитая межкультурная компетенция. Не меньшее значение имеют профессиональная этика, конфиденциальность, стрессоустойчивость, ответственность и умение работать в команде. Таким образом, ИИ не отменяет роль переводчика, а переводит её на новый уровень, требующий сочетания языковой, культурной, технологической и этической компетенций.

Пути устойчивого развития устного перевода в эпоху искусственного интеллекта

В условиях быстрого развития искусственного интеллекта устойчивое развитие сферы устного перевода требует комплексной модели, объединяющей технологические инновации, подготовку кадров, отраслевое регулирование и человеко-машинное сотрудничество. Такая модель должна обеспечивать баланс между технологической эффективностью и гуманитарной ценностью перевода.

Прежде всего, технологические инновации остаются ключевым фактором развития отрасли. Предприятиям и научно-исследовательским организациям необходимо совместно преодолевать основные ограничения ИИ-перевода. Особое внимание следует уделять обработке культурных и эмоциональных компонентов речи. Обучение систем на больших межкультурных корпусах позволит точнее передавать культурно маркированную лексику, метафоры и идиоматические выражения. Одновременно развитие технологий распознавания и передачи эмоций поможет ИИ учитывать эмоциональное состояние говорящего и передавать его через интонацию, темп речи и другие речевые параметры.

Важным направлением является также совершенствование способности ИИ работать со сложным контекстом. Необходимо улучшать обработку неоднозначных высказываний, многозначных слов и сложных синтаксических конструкций, а также повышать качество распознавания речи в условиях шума, снижать задержку перевода и увеличивать точность. Кроме того, перспективным является развитие мультимодальных технологий, позволяющих одновременно анализировать речь, текст, изображение и жесты. Это поможет ИИ лучше адаптироваться к сложным коммуникативным ситуациям. Отдельное значение имеет развитие перевода для редких языков и диалектов, что расширит языковое покрытие и повысит доступность услуг.

Вторым условием устойчивого развития является совершенствование подготовки переводчиков. Университетам и предприятиям следует совместно формировать специалистов комплексного типа, обладающих языковой компетенцией, навыками применения ИИ, профессиональными знаниями и межкультурной коммуникативной компетенцией. Навыки человеко-машинного взаимодействия должны стать одной из ключевых целей подготовки.

Для этого необходимо обновить учебные программы. Наряду с традиционными курсами устного перевода следует вводить дисциплины по использованию ИИ-инструментов, ИИ-ассистированному переводу, межкультурной коммуникации и специализированным профессиональным областям. Практическая подготовка должна осуществляться в сотрудничестве с предприятиями, например через внедрение оборудования и технологий компаний iFlytek, Huiban Technology и других разработчиков. Важно также повышать квалификацию преподавателей, привлекать отраслевых экспертов и специалистов по ИИ, а для действующих переводчиков создавать программы переподготовки, помогающие им адаптироваться к новым условиям.

Третьим направлением является развитие отраслевых норм и стандартов. Профессиональные ассоциации, предприятия и государственные структуры должны совместно разрабатывать этические правила применения ИИ-перевода. Эти нормы должны включать защиту персональных данных, требования к алгоритмической справедливости, определение границ использования ИИ и распределение ответственности в случае ошибок. Разрабатываемый Международной федерацией переводчиков этический кодекс для эпохи искусственного интеллекта может служить важным ориентиром.

Кроме того, необходимо создать объективную систему оценки качества ИИ-перевода, учитывающую точность, скорость, способность передавать культурное содержание и другие параметры. В систему профессиональной сертификации переводчиков целесообразно включить оценку навыков работы с ИИ. Одновременно требуется усилить отраслевой контроль, предотвращать недобросовестную конкуренцию и злоупотребление данными, а также развивать профессиональное саморегулирование.

Наконец, развитие отрасли не должно строиться на противопоставлении человека и машины. Наиболее перспективной является модель «ИИ как вспомогательный инструмент – человек как ведущий субъект перевода». В такой системе ИИ выполняет повторяющиеся задачи: базовый перевод, генерацию субтитров, обработку текста. Переводчик, в свою очередь, отвечает за сложный контекст, культурную адаптацию, эмоциональную передачу и контроль качества.

Например, на международных конференциях ИИ может обеспечивать субтитры и первичный перевод, а профессиональный переводчик смысловую и культурную адаптацию сложных фрагментов. В медицине, государственном управлении и других сферах возможно создание специализированных решений «ИИ + переводчик», повышающих качество и эффективность услуг. Примером является модель «ИИ + человек», применённая Huiban Technology на Международном форуме по заболеваниям сетчатки, где скорость ИИ сочеталась с профессиональным контролем переводчиков. Следовательно, устойчивое развитие устного перевода возможно только при объединении технологических возможностей ИИ с профессиональной, культурной и этической ответственностью человека.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что искусственный интеллект стал важным фактором трансформации сферы устного перевода. Его внедрение повышает оперативность и доступность переводческих услуг, расширяет области их применения, частично компенсирует дефицит кадров и способствует стандартизации качества перевода. Вместе с тем ИИ не способен полностью заменить профессионального переводчика, поскольку передача культурного контекста, эмоциональной окраски, скрытых смыслов и работа со сложными коммуникативными ситуациями по-прежнему требуют человеческого участия. В этих условиях роль переводчика не исчезает, а переосмысливается: он становится контролёром качества, межкультурным коммуникатором и участником человеко-машинного взаимодействия. Устойчивое развитие отрасли возможно при сочетании технологических инноваций, обновления системы подготовки кадров, разработки этических и профессиональных стандартов и формирования модели сотрудничества человека и ИИ. Будущее устного перевода связано не с противопоставлением человека и машины, а с их продуктивным взаимодействием.

Литература

1. Чжан Айлин, Шэн Хао. Перспективы развития отрасли устного перевода в эпоху генеративного искусственного интеллекта: обзор конференции вузов-партнёров Генерального директората устного перевода Европейской комиссии // Иностранные языки. 2025. Т. 48, № 3. С. 107–113.

2. Ван Хуашу, Ян Чэншу. Исследование развития и применения технологий устного перевода // Китайский перевод. 2019. Т. 40, № 3. С. 77–84.

3. Чэнь Цзин, У Цюн. Инновации и развитие подготовки устных переводчиков в условиях искусственного интеллекта // Электронное обучение иностранным языкам. 2019. № 5. С. 3–8.

4. Чэн Лулу. Влияние генеративного искусственного интеллекта на сферу устного перевода и стратегии реагирования // Шанхайский перевод. 2023. № 2. С. 45–50.

5. Китайская служба новостей. На сессии Народного собрания Шэньчжэня впервые применён ИИ-синхронный перевод с задержкой 0,5 секунды. 2026. 11 февр.

6. Китайская научно-техническая сеть. Компания iFlytek представила систему ИИ-синхронного перевода на семи языках на 22-й выставке «Китай – АСЕАН». 2025. 17 сент.

7. Компания Huiban Technology. Пример применения ИИ-синхронного перевода на Международном форуме по заболеваниям сетчатки IRS100·2025. 2026. 14 янв.

8. Цюй Хоцзуаньму. Обзор индустрии ИИ-перевода в 2025 году: почему «синхронный перевод совещаний в реальном времени» стал новой необходимостью. 2025. 11 дек.

9. Yijian. Искусственному интеллекту в сфере устного перевода ещё предстоит долгий путь развития. 2025. 11 дек.

10. Gartner. Прогноз развития индустрии ИИ-перевода к 2027 году: аналитический доклад. 2025.

RESEARCH ON THE TRANSFORMATION, CHALLENGES, AND DEVELOPMENT PATHS OF THE INTERPRETING INDUSTRY IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chen Chuan, Zhang Li
Xinjiang Normal University

The article examines the transformation of interpreting under the influence of artificial intelligence technologies. It analyzes the main stages in the development of AI-based interpreting and its key characteristics, including immediacy, multilingual capacity, professional specialization, and economic accessibility. Particular attention is paid to the dual impact of artificial intelligence on the industry: on the one hand, it improves the efficiency of interpreting services and expands their areas of application; on the other hand, it creates professional, ethical, and legal challenges. The article emphasizes that AI cannot fully replace the interpreter, since the transmission of cultural context, emotional nuance, and complex pragmatic meanings still requires human participation. The need to develop a model of human-machine cooperation, improve interpreter training, and establish industry standards for the sustainable development of interpreting in the digital era is substantiated.

Keywords: Artificial Intelligence; Interpreting; Ai-Based Interpreting; Human-Machine Cooperation; Intercultural Communication.

References

1. Zhang Ailing, Sheng Hao. “Prospects for the Development of the Interpreting Industry in the Era of Generative Artificial Intelligence: A Review of the Conference of Partner Universities of the Directorate-General for Interpreting of the European Commission” // Foreign Languages. 2025. Vol. 48, No. 3. Pp. 107–113.

2. Wang Huashu, Yang Chengshu. Research on the Development and Application of Interpreting Technologies // Chinese Translation. 2019. Vol. 40, No. 3. Pp. 77–84.

3. Chen Jing, Wu Qiong. Innovations and Development of Interpreter Training in the Context of Artificial Intelligence // E-Learning of Foreign Languages. 2019. No. 5. Pp. 3–8.

4. Chen Lulu. The Impact of Generative Artificial Intelligence on Interpreting and Response Strategies // Shanghai Translation. 2023. No. 2. Pp. 45–50.

5. China News Service. AI Simultaneous Interpretation with a 0.5-Second Delay Applied for the First Time at the Shenzhen People’s Congress. 2026. Feb. 11.

6. China Science and Technology Network. iFlytek Unveiled an AI Simultaneous Interpretation System in Seven Languages at the 22nd China-ASEAN Expo. 2025. Sept. 17.

7. Huiban Technology. A Case Study of AI Simultaneous Interpretation at the IRS100 International Retinal Diseases Forum 2025. 2026. Jan. 14.

8. Qu Huojuanmu. AI Translation Industry Outlook 2025: Why “Real-Time Simultaneous Meeting Interpretation” Has Become a New Necessity. 2025. Dec. 11.

9. Yijian. Artificial Intelligence in Interpretation Still Has a Long Way to Go. 2025. Dec. 11.

10. Gartner. AI Translation Industry Forecast to 2027: Analytical Report. 2025.

Квази-субъект и гибридное познание: социально-философский анализ искусственного интеллекта

Шарова Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: masharova@fa.ru

Гараева Галина Фаизовна,
доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: gfgaraeva@fa.ru

Бужор Евгения Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: ESBuzhor@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу трансформации знания и познания под воздействием искусственного интеллекта, который перестаёт быть пассивным инструментом и становится активным агентом производства социальных смыслов. Исследование направлено на выявление механизмов участия искусственного интеллекта в фильтрации, генерации и легитимации смыслов, а также на отслеживание эпистемологических и антропологических последствий этого процесса. Теоретико-методологической базой исследования стал синтез зарубежных (П. Бергер, Т. Лукман, Л. Флориди) и отечественных (Э.В. Ильенков, Д.И. Дубровский, В.А. Лекторский) подходов, позволяющий зафиксировать переход от антропоцентризма к техно-социальной эпистемологии. В статье раскрываются ключевые механизмы участия искусственного интеллекта в производстве смыслов: алгоритмическая фильтрация, генерация нарративов и легитимация через апелляцию к алгоритмической объективности. Показано, что под воздействием цифрового интеллекта знание трансформируется из истинного в вероятностную предикцию («знание без понимания»), а познание становится гибридным, распределённым между человеком и алгоритмом. Обосновывается тезис о фундаментальном эпистемологическом сдвиге, выражающемся в феномене «знания без понимания» и становлении «гибридного интеллекта». Фиксируются такие риски, как алгоритмическая эпистемическая несправедливость, кризис доверия, когнитивная атрофия, алгоритмический фетишизм, эпистемическая несправедливость, фрагментация публичного пространства и т.д. Авторы приходят к выводу о необходимости фундаментального пересмотра категорий «истины», «субъекта» и «смысла», а также конструктивной роли социальной философии в проектировании когнитивных экосистем, сохраняющих человека носителем смысла и интерпретации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная философия, производство социальных смыслов, трансформация знания, гибридный интеллект, «знание без понимания», техно-социальная реальность, когнитивные экосистемы.

Введение. Искусственный интеллект как новый агент социального смыслопроизводства

Современная социокультурная реальность обусловлена фундаментальным сдвигом в понимании природы знания, что связано как с распространением генеративных нейро– и алгоритмических систем управления, так и с трансформацией модели социального знания. Необходимым становится обращение к внутренней логике искусственного интеллекта как техносоциального феномена, поскольку интеллектуальный агент не просто опосредует транслирование уже существующих социальных смыслов, но активно участвует в их порождении, легитимации и циркуляции, что приводит к трансформации познавательной реальности современного обществ. Масштаб происходящих изменений таков, что некоторые исследователи (Х. Дрейфус, Л. Флориди, Ш. Зубофф и др.) говорят о становлении новой формы социальной реальности, порождаемой вхождением цифровых агентов в социальные отношения. Социальная философия, традиционно ориентированная на антропоцентричную модель познающего субъекта, оказывается перед необходимостью пересмотра базовых категорий: «субъект», «объект», «истина», «знание», «познание».

Теоретико-методологические основания исследования: от антропоцентризма к техно-социальной эпистемологии

Теоретико-методологической основой стали положения зарубежных (П. Бергера, Т. Лукмана, Л. Флориди и др.) и отечественных (Э.В. Ильенков, Д.И. Дубровский, В.А. Лекторский и др.) исследователей, позволяющие проследить трансформацию знания – от антропоцентристских моделей к техно-социальной эпистемологии.

В рамках классической социально-феноменологической традиции П. Бергера и Т. Лукмана знание трактуется как продукт и одновременно агент социального конструирования реальности, воспроизводящийся в процессах интерсубъективного взаимодействия [1]. Сегодня искусственный интеллект бросает вызов антропоцентричной предпосылке, становясь активным участником коммуникативного акта и смыслопроизводства, не обладая при этом интенциональностью. Ж. Симондон характеризует этот феномен как «трансиндивидуацию», в рамках которой технологическая система и человек взаимно обусловливают и порождают друг друга [11]. Такой подход позволяет уйти от дихотомии «человек – инструмент» и перейти к пониманию коэволюции человека и машины в общей операционной среде.

В концепции «распределенного познания» Л. Флориди искусственный интеллект выступает не как нейтральный инструмент, а как среда, конституирующая эпистемические отношения, что позволяет исследователю рассматривать цифровую трансформацию как антропологическую революцию, изменяющую понимание того, что значит «быть познающим субъектом» [12].

В отечественной традиции центральными фигурами дискуссии о природе сознания и возможности искусственного интеллекта стали Э.В. Ильенков и Д.И. Дубровский. Если Э.В. Ильенков настаивал на социально-деятельностной природе сознания, где мышление невозможно вне общества и вне практики [3], то Д.И. Дубровский, напротив, отстаивал информационный подход к сознанию, допускающий возможность моделирования психических процессов в искусственных системах [2]. Обе эти позиции остаются релевантными и сегодня: спор о том, может ли искусственный интеллект обладать сознанием и социальностью, по сути, воспроизводит контуры этой классической дилеммы.

В.А. Лекторский говорит о необходимости преодоления крайности, подчеркивая, что искусственный интеллект не создает ценности – он работает в системе ценностей, задаваемых человеком, но благодаря автономности технологических устройств, может принимать решения, советовать человеку и даже диктовать [4].

В.Е. Лепский разработал концепцию саморазвивающихся рефлексивно-активных сред, что соответствует кибернетике третьего порядка и позволяет создать «мост» между технологическими и социогуманитарными описаниями искусственного интеллекта, преодолевая тем самым онтологический и эпистемологический па-

радоксы, возникающие при цифровой трансформации социальных систем [5].

С.Н. Дубровский развивает идею «гибридного интеллекта» – нового типа познающего субъекта, в котором человеческая интуиция и машинная логика образуют распределенную агентность [2]. По его словам, «мы не делегируем агентность алгоритмам – мы создаем распределенную агентность, где граница между человеческим и машинным вкладами становится все более условной» [2, с. 114].

Методологический синтез настоящего исследования опирается на междисциплинарный подход, посттьюринговую методологию и диалектический метод, позволяющие рассматривать взаимодействие человека и искусственного интеллекта как процесс взаимного становления, в рамках которого границы между субъектом и объектом, знанием и информацией становятся реконфигурируемыми.

Механизмы участия искусственного интеллекта в производстве социальных смыслов

Для современной социальной философии ключевой проблемой становится выяснение механизмов участия искусственного интеллекта в генерации социально значимых смыслов. Первый уровень – алгоритмическая фильтрация и агрегация информации, когда поисковые алгоритмы не просто отбирают информацию в соответствии с предпочтениями пользователя, а конституируют его социальный мир, определяя, что на что обратить внимание, а что может быть проигнорировано. Е. Парайзер называет это эффектом «пузыря фильтров», когда алгоритмическая персонализация приводит к фрагментации публичного пространства и радикализации позиций [10].

Второй уровень – генерация нарративов, текстов и высказываний. Поскольку большие языковые модели (LLM, Large Language Models) типа GPT способны создавать связные, грамматически правильные тексты, то Е. Парайзер ставит вопрос о том, насколько готовы люди принять социальную субъективность машин [10]. Дело не только в том, что языковые модели не обладают интенциональностью и не понимают смысл порождаемых высказываний. Дело в том, что нейросетевые тексты функционируют в социальном пространстве как полноценные речевые акты: машинные алгоритмы способны убеждать, информировать, вводить в заблуждение, формировать мнения. А.А. Шевченко предлагает рассматривать ситуации, когда языковая модель предъявляет несуществующие факты, но не как технический сбой, а как новую форму эпистемической ошибки, что ставит проблему эпистемической ответственности [8].

Третий, наиболее глубокий уровень – легитимация смыслов через апелляцию к алгоритмической объективности. Поскольку пользователи склонны воспринимать рекомендации искусственного интеллекта как нечто объективно истинное, то Т. Монахан ввёл термин «алгоритмический фетишизм», обозначающий приписывание алгоритмам качеств, которых у них объективно нет [9]. В.А. Лекторский отмечает, что автономность цифрового агента не тождественна его беспристрастности [4]. Напротив, алгоритмы могут не только воспроизводить, но и легитимировать социальные стереотипы, заложенные в обучающих данных.

Механизм участия цифрового агента в производстве смыслов свидетельствует об онтологическом сдвиге, когда искусственный интеллект перестает быть пассивным инструментом и обретает черты квазисубъекта. Онтологический парадокс является также и эпистемологическим парадоксом, поскольку всякое утверждение онтологического типа предполагает его эпистемологическое обоснование. Возникает эффект эвокативного объекта, когда интеллектуальный агент активно провоцирует ответные реакции, высказывания и действия со стороны людей, порождает иную социальную реальность.

Трансформация знания: эпистемологический сдвиг

Производство социальных смыслов искусственным интеллектом влечет за собой фундаментальную трансформацию самого понятия знания, поскольку затрагивает как статус знания, так и его структуру и динамику.

Традиционная эпистемология, восходящая к Платону, Аристотелю, а через Новое время и к философии И. Канта, определяла знание как обоснованное истинное мнение, где ключевую роль играли два элемента: обоснование (субъект должен иметь основания считать некоторое утверждение истинным) и истина (утверждение должно соответствовать действительности). Искусственный интеллект оказывает давление на оба эти элемента. Системы машинного обучения производят предсказания, которые могут быть статистически достоверны, но не сопровождаются доступным для человека обоснованием. А.А. Шевченко характеризует этот феномен как «знание без понимания», так как цифровой интеллект дает ответ, но не знает, почему этот ответ правильный, и, что более важно, не может объяснить его человеку понятным образом [8]. А.А. Шевченко, анализируя эволюцию релевантности научного объяснения, выделяет три ключевых вызова традиционной парадигме: 1) эпистемический сдвиг от объяснения к пониманию; 2) технологические трудности «знания без понимания» и необходимостью его объяснения искусственным интеллектом; 3) социальная и этическая ответственность за выбор релевантных факторов [8]. А.А. Шевченко предлагает модель релевантности объяснения, где знание трансформируется из обоснованного убеждения в предикцию с высокой степенью вероятности, обоснованность которой определяется эмпирической успешностью [8].

Д.И. Дубровский считает, что феномен «знания без понимания» есть проявление проблемы непрозрачности алгоритмических систем, так как нейронные сети представляют собой системы, причинно-следственные связи, которые не могут быть прослежены человеком [2]. Мы видим вход (данные) и выход (решение), но не можем адекватно описать процедуру преобразования одного в другое. Д.И. Дубровский, анализируя создание общего искусственного интеллекта, подчеркивает, что одним из ключевых вызовов является преодоление парадигмального разрыва между технологическими и социогуманитарными описаниями [2].

Сжатие временного горизонта также является существенной трансформацией, оказывающей влияние на производство и потребление знания, поскольку цифровой интеллект производит смыслы в реальном времени. Этот феномен приводит к эпистемической инфляции – обесцениванию знания как устойчивого, верифицированного и воспроизводимого результата познавательной деятельности. На смену редакционной культуре приходит алгоритмическая фильтрация, критерии которой остаются неэксплицированными. В.А. Лекторский отмечает изменение в самом понимании того, что значит «обладать знанием» [4]. Исторически сложилось так, что знание было тем, что человек имеет и может воспроизвести в нужный момент. Сегодня, в условиях тотальной доступности информации распространение получает феномен «знающего незнания»: мы знаем, где найти нужную информацию, но не содержим эту информацию в своей памяти.

В новой эпистемической ситуации знание утрачивает свою автономность по отношению к средствам его производства. Знание – это не то, что открыто субъектом после познавательного процесса; знание – это то, что производится в ходе взаимодействия субъекта с искусственным интеллектом и онлайн-средой. Субъект перестает быть автономным агентом познания и становится узлом в распределенной когнитивной сети, элементами которой выступают другие люди, алгоритмы, базы данных и интерфейсы.

Трансформация познания: антропологический сдвиг

Если трансформация знания касается объективной стороны познавательного отношения, то трансформация познания касается субъективной стороны – природы и когнитивных способностей человека как познающего существа. Искусственный интеллект не просто изменяет знание, а трансформирует сам процесс познания, когнитивные привычки и интеллектуальные способности человека. С.Н. Дубровский ввел понятие «гибридный интеллект», понимая под ним создание «исследовательских ассамбляжей, где человеческая интуиция и машинная логика образуют новый тип познающего субъекта» [2]. В гибридном интеллекте человек остается носителем смысла, источником интерпретаций, а машина становится усилителем восприятия, детектором невидимых паттернов.

В.О. Саяпин говорит о возможных рисках, связанных с развитием «гибридного интеллекта», когда вместо сбалансированного синтеза человека и цифрового агента возможен перекос в одну из сторон с непродуктивным способом компенсации [7]. В.О. Саяпин называет это «эффектом Google» (или «цифровой амнезией»), когда люди хуже запоминают информацию, которую можно легко найти в сети [7]. Память человека перестает быть хранилищем фактов и становится указателем на внешние источники. Риском для человека становится когнитивная зависимость от цифрового агента, при которой человек перестает самостоятельно мыслить и довольствуется готовыми алгоритмами. В этом случае утрачивается необходимость рефлексии, критического сомнения как конструктивных составляющих процесса познания (Р. Декарт, И. Кант и др.).

В конечном счете трансформация познания под воздействием искусственного интеллекта ведет к смене парадигмы от активного познающего субъекта к пассивному потребителю готовых смыслов.

Социальные последствия и эпистемологическая фрагментарность

Трансформация знания и познания под воздействием искусственного интеллекта имеет глубокие социальные последствия, которые М. Фрикер обозначила термином «эпистемическая несправедливость», понимая

под ней ситуации, в которых человеку отказано в статусе познающего субъекта или его высказываниям приписывают пониженную эпистемическую значимость [13].

В контексте искусственного интеллекта возникает новая форма эпистемической несправедливости, состоящая в том, что: 1) определенные социальные группы систематически исключаются из пространства циркуляции смыслов; 2) алгоритмические решения фиксируют существующие социальные иерархии, придавая им видимость объективности; 3) доступ к средствам производства знаний становится олигополией нескольких технологических корпораций.

В.А. Лекторский отмечает, что хотя искусственный интеллект и не задает ценности, но разработчики могут включить в него этические нормы, определяющие мировоззренческие паттерны целых социальных групп [4]. Это создает эпистемическую ситуацию, которую можно назвать кризисом эпистемического доверия, так как пользователь часто не имеет надежных критериев для отличия человеческого текста от машинного, а реального события от симулированного. Для общества угрозой становится эпистемическая фрагментация: разные социальные группы обитают в разных информационных статусах, каждая из которых имеет собственные критерии истинности и достоверности.

А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова, анализируя дилеммы искусственной социальности, отмечают, что одним из ключевых вопросов является роль искусственного интеллекта как агента / зеркала в социальных отношениях [6]. Если искусственный интеллект выступает как агент – то есть активный участник, формирующий социальные отношения, – то возникает вопрос о его ответственности за эти отношения. Если искусственный интеллект выступает как зеркало – то есть пассивное отражение человеческих предпочтений, – то ответственность ложится на людей. Но в ситуации кризиса доверия это различение перестает работать, и мы оказываемся в пространстве неопределенности.

Заключение

В современной гносеологической парадигме искусственный интеллект перестаёт быть пассивным инструментом и превращается в активного агента производства социальных смыслов, порождая онтологический и эпистемологический парадоксы, когда машина занимает позицию, функционально эквивалентную субъекту, не обладая при этом ни сознанием, ни интенциональностью. Знание трансформируется из обоснованного истинного мнения в вероятностную предикцию («знание без понимания»), а познание становится гибридным – распределённым между человеком и алгоритмом. Возникает феномен алгоритмического фетишизма, когда решению искусственного интеллекта приписывается объективность, что легитимирует социальные стереотипы и порождает эпистемическую несправедливость.

Социальная философия сегодня стоит перед гносеологическим вызовом, когда необходимо не просто адаптировать старые концепции, а фундаментально пересмотреть категории «истины», «субъекта» и «смысла» применительно к техно-социальной реальности. Предназначение социально – философского знания заключается в конструктивном участии в проектировании когнитивных экосистем, где человек остаётся носителем смысла, создателем интерпретаций и хранителем контекста. Только при таком подходе гибридный интеллект превратится не в источник угрозы для человека, а в инструмент его подлинного совершенствования.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сборник статей / Институт философии РАН. – Москва: Стратегия-Центр, 2007. – 263 с.
3. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – Москва: Политиздат, 1974. – 272 с.
4. Лекторский В.А., Васильев С.Н., Макаров В.Л. и др. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. В.А. Лекторского. – СПб.: Юридический центр, 2022. – 328 с.
5. Лепский В.Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. – Москва: Когито-Центр, 2019. – 141 с.
6. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1. – С. 35–47.
7. Саяпин В.О. Трансдуктивная игра: машинное обучение как процесс трансиндивидуации // Философия и культура. – 2026. – № 2. – С. 212–228.
8. Шевченко А.А. «Галлюцинации» ИИ как новая форма эпистемической ошибки // Respublica Literaria. – 2025. – Т. 6, вып. 4. – С. 93–98.
9. Monahan T. Editorial: Algorithmic Fetishism // Surveillance and Society. – 2018. – № 16(1). – p. 1–5.
10. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. – New York: Penguin Books, 2012. – 304 p.
11. Simondon G. Imagination et invention (1965–1966). – Paris: Presses Universitaires de France, 2014. – 232 p.
12. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 243 p.
13. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. – New York: Oxford University Press, 2007. – 188 p.

QUASI-SUBJECT AND HYBRID COGNITION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Sharova M.A., Garaeva G.F., Buzhor E.S.
Financial University under the Government of the Russian Federatio

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the transformation of knowledge and cognition under the influence of artificial intelligence, which ceases to be a passive tool and becomes an active agent in the production of social meanings. The study aims to identify the mechanisms of artificial intelligence's participation in the filtering, generation, and legitimization of meanings, as well as to track the epistemological and anthropological consequences of this process. The theoretical and methodological basis of the study is a synthesis of foreign (P. Berger, T. Lukman, and L. Floridi) and domestic (E.V. Ilyenkov, D.I. Dubrovsky, and V.A. Lektorovsky) approaches, which allows us to identify the transition from anthropocentrism to techno-social epistemology. The article reveals the key mechanisms of artificial intelligence's participation in the production of meanings: algorithmic filtering, narrative generation, and legitimation through the appeal to algorithmic objectivity. It is shown that under the influence of digital intelligence, knowledge transforms from true knowledge to probabilistic prediction («knowledge without understanding»), and cognition becomes hybrid, distributed between humans and algorithms. The article substantiates the thesis of a fundamental epistemological shift, which manifests itself in the phenomenon of "knowledge without understanding" and the emergence of «hybrid intelligence». Risks such as algorithmic epistemic injustice, trust crisis, cognitive atrophy, algorithmic fetishism, epistemic injustice, fragmentation of public space, etc. are being identified. The authors conclude that there is a need for a fundamental revision of the categories of «truth», «subject», and «meaning», as well as for a constructive role in social philosophy in designing cognitive ecosystems that preserve the human capacity for meaning and interpretation.

Keywords: artificial intelligence, social philosophy, production of social meanings, transformation of knowledge, hybrid intelligence, «knowledge without understanding», techno-social reality, and cognitive ecosystems.

References

1. Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / Translated from English by E. Rutkevich. – Moscow: Medium, 1995. – 323 p.
2. Dubrovsky D.I. Consciousness, Brain, Artificial Intelligence: A Collection of Articles / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. – Moscow: Strategy-Center, 2007. – 263 p.
3. Ilyenkov E.V. Dialectical logic: Essays on history and theory. Moscow: Politizdat, 1974. – 272 p.
4. Lektorskiy V.A., Vasiliev S.N., Makarov V.L. and others. Man and artificial intelligence systems / ed. Academician V.A. Lektorsky. – St. Petersburg: Law Center, 2022. – 328 p.
5. Lepsky V.E. Public Participation in Self-Developing Polysubject Environments. – Moscow: Kogito-Center, 2019. – 141 p.
6. Rezaev A.V., Tregubova N.D. Artificial Intelligence and Artificial Sociality: New Phenomena, Problems, and Tasks for Social Sciences // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2021. – № . 1. – P. 35–47.
7. Sayapin V. Transductive Game: Machine Learning as a Process of Transindividualization // Philosophy and Culture. – 2026. – № . 2. – P. 212–228.
8. Shevchenko A.A. «Hallucinations» of AI as a New Form of Epistemic Error // Respublica Literaria. – 2025. – Vol. 6, issue 4. – P. 93–98.
9. Monahan T. Editorial: Algorithmic Fetishism // Surveillance and Society. – 2018. – № 16(1). – P. 1–5.
10. Pariser E. The Filter Bubble: How the New Personalized Web Is Changing What We Read and How We Think. – New York: Penguin Books, 2012. – 304 p.
11. Simondon G. Imagination et invention (1965–1966). – Paris: Presses Universitaires de France, 2014. – 232 p.
12. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. – Oxford: Oxford University Press, 2023. – 243 p.
13. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. – New York: Oxford University Press, 2007. – 188 p.

Методика использования мобильных приложений для изучения лексических единиц иностранного языка в высшей школе

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В статье описано мобильное обучение, как средство изучения иностранного языка. Разобрана тема внедрения в процесс обучения иностранным языкам мобильных приложений. Мобильные приложения являются доступными средствами по тренировке лексического материала на иностранном языке; они выступают не только как формы практики полученных знаний, но и контроля. Стоить подчеркнуть факт повышения интереса обучающихся к изучению иностранного языка при использовании мобильных приложений. Сделан вывод о качественной практической работе по запоминанию лексических единиц иностранного языка при использовании мобильных приложений.

Ключевые слова: высшая школа, иностранный язык, использование, лексическая единица, методика, мобильное приложение, обучение.

В мире развития современных технологий и приложений происходит активное их внедрение в образовательный процесс. На всех этапах обучения преподаватели используют разнообразные инновационные формы, методы и приемы [2, с. 454]. При обучении иностранному языку на начальных, средних и высших уровнях обучения необходимо включать в образовательный процесс те методы и приемы, которые соответствуют современному обучению [1, с. 130].

Развитие Интернет-ресурсов и мобильных приложений приводит к их внедрению в практические занятия по изучению иностранных языков. Постоянно совершенствующиеся мобильные приложения являются наиболее эффективным средством по обучению грамматическим правилам и нормам иностранных языков, изучению и тренировке лексических единиц, а также формированию навыков диалогической и монологической речи обучающихся. Внедряемые мобильные приложения по изучению иностранных языков обладают рядом преимуществ, необходимых для обучающихся. Мобильные приложения являются доступными постоянно, интерактивными средствами, а также индивидуализируют обучение иностранному языку под определенного обучающегося. Методы работы, предоставляемые мобильными приложениями, являются разнообразными с лексическим и грамматическим материалом изучаемого иностранного языка [8, с. 486].

Быстроразвивающиеся технологии и современный мир требуют гибкости обучения. В настоящее время широко используют термин мобильного обучения. Под мобильным обучением понимают использование мобильных устройств, гаджетов, девайсов, приложений, платформ, создающих условия образования здесь и сейчас. Мобильное обучение позволяет взаимодействовать всем участникам образовательного процесса между собой. Отметим, что ряд мобильных устройств растет с развитием технических устройств, но в мобильном обучении в большинстве случаев используют смартфон. Также подчеркнем, что обучающиеся буквально не привязаны к процессу обучения, но они всегда могут проходить курсы, имея смартфон или планшет. Таким образом, мобильное обучение приобретает статус дистанционного [9, с. 293].

Появление мобильных приложений обеспечивает непрерывный процесс обучения. Мобильные приложения относятся к таким средствам обучения, где изучение материала по иностранному языку происходит в любое время. С помощью мобильных приложений современные обучающиеся находятся в образовательном процессе в любом месте и в любое время. Такое положение вещей особенно важно для занятых обучающихся высшей школы [6, с. 10]. Обучающиеся высших учебных заведений принимают участие в многочисленных проектах и конкурсах, что занимает значительную часть времени. На изучение материала остается немного времени самостоятельного обучения. Мобильные приложения по иностранному языку постоянно находятся под рукой. Мобильные приложения возможно установить на планшеты, ноутбуки, смартфоны, всевозможные портативные устройства [4, с. 77].

В данном случае мобильные приложения и разнообразные образовательные платформы обладают некоторыми преимуществами: гибкостью расписания, доступностью, микрообучением, персонализацией, мгновенным доступом к обучающей информации, интерактивностью и вовлеченностью, а также синхронизацией прогресса [10, с. 151]. Под гибкостью расписания при изучении иностранных языков с использованием мобильных приложений понимают отсутствие очных практических занятий или онлайн выход в конференции для обучения. Обучающиеся сами решают, когда заниматься и где, они обучаются в мобильных приложениях в удобное для них время [11, с. 172]. Мобильные приложения доступны в любе время, они могут быть с выходом в Интернет или без подключения (что делает их более востребованными). Подобное обучение доступно в любой точке мира. Микрообучение позволяет обучающимся получать информацию маленькими порциями, уроки или занятия по определенным темам иностранного языка длятся от 5–10 минут. Маленькие занятия позволяют обучаться на ходу, такой процесс условно называют микрообучением. Микрообучение открывает доступ к персонализации обучения. Мобильные приложения и обучающие платформы адаптируют образовательный материал под уровень владения иностранным языком и под индивидуальные особенности. При настройке мобильного приложения обучающий указы-

вает темп обучения, уровень владения, отбор определенных тем, использование видео и аудио сопровождения. Мобильные приложения позволяют получать мгновенный доступ к информации. Навигация мобильных приложений по иностранному языку проста в использовании, что заинтересовывает обучающихся. При необходимости можно найти перевод лексических единиц, примеры их использования, транскрипцию и объяснение, а также примеры диалогов с необходимыми лексическими единицами. Поиск по грамматическим темам также прост, при поиске появляется не только теоретический материал с объяснениями в формате видео и аудио, но и примеры с практическими заданиями. Мобильные приложения имеют схожесть с игровыми контентами, что несомненно влияет на мотивацию обучающихся к изучению иностранных языков [3, с. 241]. В структуру мобильных приложений могут быть включены викторины, игры, кроссворды, опросы, тесты и другие игровые формы работы. Останавливая обучение на определенной форме работы с теоретическим или практическим материалом, мобильные приложения позволяют возвращаться к тому же уроку, что синхронизирует процесс обучения иностранным языкам.

Изучение, пополнение и тренировка словарного запаса иностранного языка играет важную роль при развитии языковых навыков обучающихся. Мобильные приложения в данном случае выступают средствами обогащения лексическими единицами иностранного языка. Работая с мобильными приложениями, обучающиеся систематически пополняют лексическими единицами свой словарный запас. Выполняя различные упражнения, обучающиеся тренируют знания и развивают навыки применения лексических единиц в реальных ситуациях общения.

В мобильных приложениях использованы следующие методы и подходы знакомства и тренировки лексических единиц иностранного языка: интервальное повторение, адаптивное обучение, применение мультимедиа, игровые формы работы, а также создание собственных учебных модулей. Под интервальным обучением, или методом флэш-карточек, понимают создание карточек с лексическими единицами на иностранном и родном языках, а также транскрипцией. В мобильных приложениях предусмотрена демонстрация карточек со словами, отводится время на запоминание, и далее происходит автоматическая коррекция расписания повторений данных карточек. Таким образом происходит обеспечение прочного запоминания лексических единиц иностранного языка. Игровые формы работы представлены викторинами, заданиями на сопоставление, выбором перевода и другими играми. Внедрение игровых форм в процесс изучения лексических единиц иностранного языка делает его увлекательным и интересным [7, с. 287]. Мобильные приложения имеют незаконченный формат, что позволяет преподавателям и обучающимся его изменять и добавлять, например: преподаватель может добавить новый ряд лексических единиц по определенной теме, их перевод, транскрипцию и аудио дорожку.

В ходе исследования были отобраны наиболее популярные мобильные приложения для изучения лексических единиц иностранного языка [5, с. 168]. Обозначим мобильные приложения: Quizlet, Anki, Memrise, EasyTen, MyWordBook. Основными преимуществами данных приложений остается доступность в любом месте и в любое время. В мобильном приложении в профиле обучающегося возможно установить контроль прогресса обучения, вывести статистику, а также индивидуальный подход к изучению. Считаем необходимым обозначить характеристику представленных приложений. Мобильное приложение Quizlet позволяет пользователям создавать учебные модули и блоки с карточками, а также применять имеющиеся готовые наборы карточек по определенным темам. Набором функций по предоставлению к лексическим единицам выступают карточки, заучивание и тестирование. При использовании набора карточек мобильное приложение имеет ряд преимуществ. Обучающиеся активно вовлечены в процесс изучения иностранного языка. Возможна загрузка карточек вручную, а также импорт из файлов или скачивание из доступных наборов пользователям. Мобильное приложение Memrise имеет аудио и визуальный набор. Здесь также представлены готовые курсы и блоки, использующие интервальное повторение лексического материала. По завершении обучения на определенные темы пользователи имеют возможность прохождения тестирования. Мобильное приложение EasyTen имеет индивидуальную структуру, оно ориентировано на определенны потребности пользователей. Данное мобильное приложение выдает определенный набор лексических единиц ежедневно. Приложение MyWordBook является своего рода записной книгой с карточками слов и их примерами употребления.

Основными недостатками данных приложений выступают наличие мобильных устройств и необходимость сети Интернет. Отметим, что при несистематическом использовании возникают трудности с обучением и запоминанием лексических единиц иностранного языка. Также нами обозначены типовые наборы практических упражнений на знакомство и запоминание лексических единиц иностранного языка.

Используя мобильные приложения по тренировке и запоминанию лексических единиц иностранного языка следует учитывать следующие рекомендации. Необходимо в мобильных приложениях делать выбор уровня владения иностранным языком. На начальных этапах обучения мобильные приложения предоставляют необходимые лексические единицы на бытовую и общенаучную тематику; продвинутые уровни предлагают лексику деловой и специальной области. Мобильные приложения не являются основным источником получения информации в виде новой лексики, необходимой к заучиванию. Стоит обратить внимание на аудиторные занятия в группе или индивидуально, также играет важную роль самостоятельная работа обучающихся. Изучение лексических единиц не является гарантов знания иностранного языка; необходимо развивать навыки письма, аудирования, чтения и говорения одновременно. Систематическое использование мобильных приложений влияет на закрепление лексических навыков, а также их переходу в долговременную память. Отслеживание прогресса позволяет вносить корректировки в процесс изучения лексических единиц иностранного языка.

В результате проведенного исследования выявлено, что мобильные приложения являются эффективным дополнительным средством по изучению и тренировке лексических единиц иностранного языка. Необходимо учитывать, что мобильные приложения не смогут заменить аудиторные занятия, однако стоит совмещать обе формы изучения иностранных лексем.

Литература

1. Дигтяр О.Ю. Методические рекомендации по созданию эффективного контента при разработке онлайн-курсов по английскому языку // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15. № 4. С. 119–130.

2. Карпович И.А., Медведева О.Д., Бышук Г.В. Практические рекомендации по разработке современных учебно-методических комплексов для курса дисциплины «иностранный язык: профессионально-ориентированный курс» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 4. С. 448–454.

3. Карпович И.А., Моргун Е.А. Учебная мотивация как фактор успешного освоения дистанционного курса по иностранному языку в многопрофильном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 7. С. 227–241.

4. Садофьева А.А. Применение модели addie при создании онлайн-курса по английскому языку для школьников 9 класса // Психология человека и общества. 2025. № 6 (82). С. 70–77.

5. Тё О.Е., Вильган А.О. Создание мобильного приложения для обучения китайскому языку по дополнительным материалам к учебнику «практический курс китайского языка» (на платформе «glide») // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. 2025. № 6–3. С. 163–168.

6. Шунякова О.В. Метод интерактивного обучения на занятиях по иностранному языку на примере моделирования электронного учебного курса английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2025. № 1 (29). С. 5–10.

7. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Использование видеоматериалов при обучении немецкому языку как второму иностранному // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 2. С. 283–287.

8. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В. Развитие лексических навыков на основе юмористических текстов при обучении немецкому языку в техническом вузе // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 483–486.

9. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Резуненко И.В., Бекташ Н.И. Анализ лексических трудностей при изучении немецкого языка // Современное педагогическое образование. 2025. № 12. С. 291–293.

10. Щербакова И.В., Ковальчук Н.В., Тимашова М.В. Результаты внедрения цифровых инструментов в обучение немецкому языку при освоении грамматических норм и правил // Современное педагогическое образование. 2025. № 10. С. 146–151.

11. Щербакова И.В., Тимашова М.В. Методика развития лексической компетенции обучающихся технических вузов в процессе чтения текстов немецкоязычных СМИ // Современное педагогическое образование. 2025. № 6. С. 170–172.

THE METHODOLOGY OF USING MOBILE APPLICATIONS TO STUDY LEXICAL UNITS OF A FOREIGN LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION

Shcherbakova I.V.
Don State Technical University

The article describes mobile learning as a means of learning a foreign language. The topic of introducing mobile applications into the process of teaching foreign languages is discussed. Mobile applications are available tools for training lexical material in a foreign language; they act not only as forms of practice of acquired knowledge, but also as control. It is worth emphasizing the fact that students are becoming more interested in learning a foreign language when using mobile applications. The conclusion is made about high-quality practical work on memorizing lexical units of a foreign language when using mobile applications.

Keywords: higher school, foreign language, usage, lexical unit, methodology, mobile application, training.

References

1. Digtyar O.Y. Methodological recommendations for creating effective content in the development of online English language courses. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2025. Vol. 15. No. 4. Pp. 119–130.

2. Karpovich I.A., Medvedeva O.D., Byshuk G.V. Practical recommendations for the development of modern educational and methodological complexes for the course of the discipline “foreign language: a professionally oriented course”. Pedagogy. Questions of theory and practice. 2025. Vol. 10. No. 4. Pp. 448–454.

3. Karpovich I.A., Morgun E.A. Educational motivation as a factor of successful development of a distance learning course in a foreign language in a multidisciplinary university. Scientific and methodological electronic journal “Concept”. 2025. No. 7. Pp. 227–241.

4. Sadofieva A.A. Application of the addie model when creating an online English course for 9th grade schoolchildren. Psychology of man and Society. 2025. No. 6 (82). Pp. 70–77.

5. Te O.E., Vilgan A.O. Creation of a mobile application for teaching Chinese using additional materials for the textbook “practical Chinese course” (on the glide platform). Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Natural and Technical Sciences. 2025. No. 6–3. Pp. 163–168.

6. Shunyakova O.V. Method of interactive teaching in foreign language classes using the example of modeling an electronic English language course. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and healthcare. 2025. No. 1 (29). Pp. 5–10.

7. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The use of video materials in teaching German as a second foreign language. Science. Scientific staff. 2025. No. 2. Pp. 283–287.

8. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V. The development of lexical skills based on humorous texts in teaching German at a technical university. Modern pedagogical education. 2025. No. 5. Pp. 483–486.

9. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Rezunenko I.V., Bektash N.I. Analysis of lexical difficulties in learning German. Modern pedagogical education. 2025. No. 12. Pp. 291–293.

10. Shcherbakova I.V., Kovalchuk N.V., Timashova M.V. The results of the introduction of digital tools in German language teaching when mastering grammatical norms and rules. Modern pedagogical education. 2025. No. 10. Pp. 146–151.

11. Shcherbakova I.V., Timashova M.V. Methods of developing the lexical competence of technical university students in the process of reading texts in German-language media. Modern pedagogical education. 2025. No. 6. Pp. 170–172.

Социокультурная трансформация в условиях становления инклюзивного общества

Кульмаметова Элиза Халилевна,
магистрант, Тюменский индустриальный университет
E-mail: eli.ktova@gmail.com

Шаяхова Эльвира Фанизовна,
аспирант, Тюменский индустриальный университет
E-mail: alvira@yandex.ru

Современное общество переживает глубокую трансформацию, связанную с переосмыслением отношения к инаковости и утверждением принципов гуманизма. В этой связи инклюзия рассматривается не только как социальная практика, но и как показатель становления новой культур-системы. В статье представлен целостный анализ процессов становления инклюзивного общества: от исторических предпосылок и изменения общественного сознания до институциональных и средовых преобразований. В целях раскрытия инклюзии как многомерного явления современной культуры объединяются социологический, культурологический и педагогический ракурсы. Акцент ставится на взаимосвязи ценностных сдвигов и социальных механизмов, определяющих успешность перехода к социально-гуманистической модели инклюзивного общества, в котором признание разнообразия становится индикатором достижения развития.

Ключевые слова: инклюзия, социокультурная трансформация, культур-система, социальная интеграция, культурные ценности, барьеры социальной интеграции, разнообразие, люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), равноправие, социальные институты, общественные отношения.

Общечеловеческие ценности и нормы – индицирующие и в зависимости от состояния культуры разнящиеся в наименовании атрибуты динамической субстанции, известной как общество. Исследование его цивилизационного развития рассматривают в формате «слепков» – систем, сложившихся под воздействием совокупности конкретных социокультурных и политико-экономических факторов. Сквозь разные свои эпохи общество, тем не менее, переживало неизменный процесс эволюции – неоднородный, но постепенный.

На исторической шкале развития общества изменяются как формы взаимодействия людей, так и смыслы, стоящие за ними. Наблюдение за ходом сложения очередного этапа человеческой культуры затрудняется в случае, если процессы её модификации происходят в настоящий для исследователя момент: при попытке охарактеризовать динамику событий теряется объективность [13, с. 57]. Особенно трудноуловимыми становятся тренды, когда необходимо установить их действительную значимость для заданного периода, их силу влияния на последующие события и преемственность, которая может возникнуть в отношении их. В таком случае само слово «тренд» перестаёт вмещать в себя имеющийся исторический потенциал, и на смену ему предметом дискуссии становится тенденция, установить которую возможно на более длительной дистанции.

Эпоха постмодернизма отличается скептицизмом по отношению к универсальным истинам. Тарасов А.Н. и Лукьянчиков В.И. называют скепсис характерной чертой социокультурной трансформации – элемента динамики культуры, который подразумевает транзитный этап между завершением одной парадигмы мышления, или культур-системой, и началом новой [13, с. 57]. Во время социокультурной трансформации происходят процессы, рефлексирующие отношение к старым культурным смыслам и формам и вырабатывающие новые – продиктованы эти процессы смысловыми векторами, направляемыми различными обстоятельствами культурно-исторического фона [13, с. 58]. В зависимости от периода истории одни смысловые векторы могут обладать большей силой воздействия перед другими. Предположим, что и степени их выражения также различаются в контекстах той или иной сферы жизни: ярче всего динамика трансформации общества выражается в искусстве ввиду его наглядности [13, с. 63].

Относительно общественной жизни людей как сообщества, в рамках современности, формирование новой культур-системы обеспечивается незримо, как тенденции в отношении к человеку, его правам и свободам, а также как последствия этих тенденций, выраженные институционально. Итак, явление скептицизма – это выражение релятивизации смыслов – одного из смысловых векторов социокультурной трансформации, в процессе которого происходят попытки переоценки значимости критериев религии, науки, искусства и этики. Оценивая общее движение этих поисков, можно отметить, что в целостном полотне того или иного сложения культуры такие элементы выглядят или по-новому, или нарочито противоречиво, или неконсистентно, и оценка этих поисков может быть как положительной, так и отрицательной. Однако именно эти попытки переосмысления форм и традиций позволяют заложить пути и тропы для поступательного развития культуры и человеческого прогресса в целом [13, с. 59].

Исследователи в области социологии отмечают процессы формирования новых мировоззренческих парадигм культурной инклюзии и актуальность научных исследований в этой сфере [1; 10]: развитие инклюзивных процессов задаёт движение общества вперёд, заостряя внимание на приоритете общечеловеческих ценностей. Афонькина Ю.А. называет это тенденцией к инклюзии, которая, в частности, стимулирует переосмысление концепта инвалидности [1, с. 159]. Хотя сам термин «инклюзии» в общественном дискурсе конца XX в. применялся относительно проблематики прав людей ОВЗ, в современности, и довольно скоро, он получил больший охват, имея место там, где поднимается вопрос равных прав и возможностей людей всех социальных групп.

Учитывая чувствительность поля этой темы в настоящее время, тенденция к инклюзии является продуктом релятивизации смыслов: обладая сильным воздействием на формирование новой культур-системы, она, тем не менее, подвергается постоянной критике консервативно настроенных частей общества различных признаков, будь то политические взгляды, конфессии, идеологии, культурные традиции

и так далее. Негативные убеждения общества относительно инклюзивности, например, о том, что защита прав дискриминированных групп населения – это веяние либерализации, не имеющее под собой действительно обоснованной значимости [16, с. 239], являются свидетельством турбулентного состояния культур-системы. Пока одновременно сосуществуют диаметрально противоположные мировоззренческие установки, которые взаимодействуют друг с другом, будет место столкновениям и противоречиям, а значит, те или иные истины постоянно будут проверяться на их относительность или абсолютность, рождая тем самым энергию для развития человеческого общества и, следовательно, представляя собой единый, но многомерный процесс социокультурной трансформации.

Динамика отношения общественности к инклюзии от полного непринятия к открытому диалогу прослеживается с самых времён античности. В эпохи спартанской и афинской систем образования люди с физическими или умственными отклонениями не рассматривались пригодными к какой бы то ни было жизни [11, с. 82]. Постепенное изменение отношения к «инаковости» [6, с. 85] начинается лишь в Средние века, с развитием религиозных и гуманистических идей, когда появляются первые приюты для слепых, а в XVIII–XIX вв. в Европе создаются специализированные образовательные институты и школы для людей с физическими или умственными отклонениями [11, с. 83].

Основательно же процесс гуманизации на международном уровне закрепился после Второй мировой войны, когда человеческое насилие друг над другом унесло множество жизней и нанесло непоправимые увечья выжившим: процент людей с инвалидностью – понятия людей с ОВЗ ещё не существовало – резко возрос, и вопрос об их правах, как и о правах людей вообще, актуализировался [12, с. 42], что стало основанием для глобальной политики равных прав и возможностей. Повсеместно в США, в Европе и в ряду стран Азии с 1970-х по 2000-е годы внедряются принципы инклюзии с помощью разнообразных моделей: интеграции, развития специализированных ресурсных классов, системной инклюзии и тому подобного [11, с. 85]; активно развиваются идеи всеобщего равенства, большую огласку получают концепции инклюзивного образования, универсального дизайна и другие [12, с. 42].

В России же концепция инклюзии формируется хотя и по тем же причинам, но позднее. Её научные основы заложил Л.С. Выготский, разработавший идеи компенсации дефекта через развитие сильных сторон ребёнка и рассматривавший дефектологию как часть общей педагогики. С 1960-х годов им создаются экспериментальные школы и дома-интернаты, а на пороге нового столетия формируется нормативно-правовая база, закрепляющая право на образование лиц с ОВЗ [11, с. 85].

Ныне проблемы инклюзии раскрываются в трудах как педагогов, так и социологов, психологов, экономистов и других специалистов. Первые такие работы соотечественников стали появляться с начала 2000-х годов, незадолго до подписания Российской Федерацией Конвенции ООН «О правах инвалидов»: среди упомянутых трудов – исследования Е.Р. Ярской-Смирновой, И.А. Шаповал, Афонькиной Ю. А, Жигуновой Г.В. и других учёных.

За рубежом, ожидаемо, вопросами о правах людей с ОВЗ озаботились раньше: ещё в XIX в. идеи Э. Дюркгейма о солидарности стали предтечей для тезиса о том, что для достижения инклюзивного общества необходимо преобразовывать коллективные нормы и ценности. В настоящее время большинство учёных, принимающих участие в обсуждении инклюзии, отмечает преобразование общечеловеческих ценностей как основополагающую необходимость для достижения реальной, а не формальной инклюзии, в обстоятельствах которой общество функционирует сейчас [10; 12; 14; 16]. Ключевой посыл многих работ, касающихся предмета инклюзии, формируется в том, что общество должно признавать разнообразие как культурную особенность новой социальной парадигмы [16, с. 10].

Понимание того, кем является человек с ОВЗ, с начала 2000-х годов претерпело смысловое изменение. В одном из недавних исследований авторства Кузнецова А.А. и Сахно П.Е. его ключевые точки обобщаются до двух типов восприятия: медицинский и социальный [8, с. 18]. В более ранних работах научного дискурса также отмечается эволюция государственной политики в сфере инвалидности: от нормоцентрической парадигмы к социально-гуманистической [16, с. 240]. Вне зависимости от способа наименования, сущность изменения заключается в поиске первопричины дезадаптации людей с ОВЗ, а также в признании их личностной автономности. Осознание необходимости системных изменений привело к тому, что отрицание и игнорирование прав людей с ОВЗ, отношение к ним как к объектам опеки, нуждающимся в регулятивных мерах социальной политики, были смещены политикой социальной интеграции, которая трактует инвалидность как явление, созданное стигматизирующим, нелояльным и неадаптированным устройством социальной и физической среды [16].

Социальная интеграция – это процесс социальной адаптации лиц с ОВЗ и включения их во все сферы жизни общества: образования, культуры, коммуникаций, политики, рынка труда, городской среды и так далее – с определённой степенью реформации этих сфер [2, с. 133]. Деятельность социальной интеграции сопряжена с преодолением различных социально-психологических и средовых барьеров, на сегодняшний момент хорошо изученных и описанных [6; 7; 15]. К ним относятся стигматизация, дискриминация людей с ОВЗ, непринятие их со стороны общества, отсутствие качественной поддержки системы образования и труда, неадаптированность правовой и городской сред, а также самоизоляция людей с ОВЗ вследствие ухудшения психологического состояния [15, с. 77].

И хотя в России применяются различные меры поддержки людей с ОВЗ, главная проблема заключается в том, что мотивация этих мер исходит из той позиции, что люди с ОВЗ не обладают достаточной интернальностью, чтобы восприниматься полноценными членами общества, и именно поэтому им нужно оказывать ситуативную поддержку. Сама же по себе внешняя среда не обладает достаточным институциональным развитием [6; 16; 18] и неспособна ответить на запросы людей с ОВЗ, своим устройством воплощая сегрегационный механизм.

С этим положением дел обществу придётся работать ещё какое-то время, однако совершенно очевидна позитивная динамика в ходе разрешения указанной проблемы. Интеграция – процесс глобальный и постепенный, она предполагает разрешение множества серьёзных задач на своём пути. Успешность её претворения состоит в разработке концептуальных теоретико-методологических основ для организации образовательных процессов, повышении компетентности преподавателей и их осведомлённости о проблематике, создании ресурсных центров инклюзивного образования [2, с. 133]; в повышения общего уровня осведомлённости общества через социальные сети и медиакультуру, в том числе через рекламу и бизнес-стратегии; в разработке и внедрении ассистивных технологий; в продвижении идей универсального дизайна как способа проектирования среды, удобной для всех [9].

Однако самым необходимым фактором, способствующим беспрепятственной социальной интеграции людей с ОВЗ, является переоценка ценностей общества. В этом выражении важно понимать, что социокультурная трансформация предполагает изменение ценностей сама по себе, однако доподлинно знать нельзя, к какому формату придут общественные ценности в отдалённом будущем – например, через десять лет; и является ли в действительности инклюзия трендом, а значит, краткосрочным волнением в обществе, или же всё-таки тенденцией, имеющей культуропреобразующую значимость и являющейся её лейтмотивом. Так или иначе, сообщество специалистов, занимающееся вопросом инклюзии и освещающее проблематику прав людей с ОВЗ, видит необходимость в продолжении освещения вопроса в широких кругах.

Интересной в данном отношении видится возможность влияния на выработку у общества толерантного отношения к ненормотипичным людям через рекламу, моду и другие средства трансляции социального диалога. В обзорной статье Бикбулатовой А.А. производится описание демонстрации инвалидности в медиакультуре и делается вывод о том, что участие людей с инвалидностью в рекламе и модных показах способствует развитию инклюзии и изменению отношения общества к людям с ОВЗ в лучшую сторону [3]. Сильный эффект оказывает уже не только освещение проблемы препятствий, с которыми люди с ОВЗ сталкиваются, но и демонстрация тех случаев, когда, несмотря на эти препятствия и объективные ограничения, люди с ОВЗ добиваются успеха. Участие людей с ОВЗ в формировании позитивного представления об их способностях является наиболее убедительной формой социального заявления. Кроме того, само явление их участия в медиа является продуктом своего времени, созданного тенденциями к гуманизации общества, преодолевающими консервативные, ксенофобные настроения – процесс инклюзии глубоко культурен и затрагивает мировоззренческие установки, язык и формы общения между людьми. Н.В. Крестиненко, рассматривая инклюзию и маргинальность как связанные феномены, описывает этот эффект так: маргинальные группы, к которым нередко могут относиться и люди с ОВЗ ввиду того или иного обстоятельства, становятся носителями инноваций, поскольку их пограничное положение позволяет формироваться новым формам самовыражения, искусства и коммуникации. Инклюзия, таким образом, перестаёт быть исключительно благотворительной практикой «помощи» людям, нуждающимся в ней, и становится способом культурного роста общества [6, с. 85–86].

В то время как одни специалисты в своих работах подчёркивают необходимость преобразования ценностного аппарата общества, дру-

гие делают больший упор на институциональных изменениях [2; 6; 16; 18], без которых социальная интеграция механически невозможна. Очевидно при этом, что оба фактора социальной интеграции взаимосвязаны и равнозначны.

В области образования как первостепенно формирующей культурно-нравственную воспитанность людей уже давно запущены процессы социальной интеграции, и кроме дифференцированной, или традиционной, модели обучения также применяются интегрированная и инклюзивная. Несмотря на трудности в подготовке профессиональных кадров и средовые барьеры принятия обществом инклюзии как социальной и культурной нормы, третья, инклюзивная модель образования, подразумевающая совместное обучение детей с ОВЗ вместе с нормотипичными детьми, становится всё более распространённой и получает огласку в научно-педагогическом сообществе, заинтересованном в качественном преобразовании не только образовательной сферы, но и всей культурной парадигмы общества [11, с. 86].

Научные сотрудники и практикующие преподаватели отмечают важность включения людей с ОВЗ в образовательный процесс в целях обеспечения равного доступа всех детей к получению образования. В то же время наблюдается поддержка в пользу индивидуалистического подхода к воспитанию и образованию, который предполагает чуткое отношение к потребностям, способностям и особенностям детей. Педагогическое сообщество, таким образом, видит образовательный процесс, включающий в себя людей с ОВЗ, более комплексным и многоаспектным, когда индивидуальные особенности людей с особыми потребностями не мешают тому, чтобы социализироваться среди людей нормотипичных [2, с. 134–135], закрепляя своим собственным присутствием право на полноценное включение в общество. Рано или поздно это приводит к пересмотру общественного консенсуса относительно того, что является нормой, и противодействует стигматизирующему взгляду [15, с. 77].

В настоящий же момент, несмотря на то что институт образования раньше всех встал в фокус тенденции на инклюзию, как показало исследование 2023-го года Е.С. Сахарчук, М.Я. Рудневой и других соавторов [14], динамика социокультурных изменений в восприятии инвалидности студентами российских вузов имеет противоречивый характер. Практики по социальной адаптации людей с ОВЗ значительно увеличились в количестве, выросло число обучающихся с ОВЗ, но качественных изменений в общественном сознании ещё не произошло. Показательно, например, что уровень осведомлённости о заболеваниях, приводящих к инвалидности, и об инвалидности вообще, остаётся низким (около 47% опрошенных).

Как и по результатам другого опроса, проведённого Филатовой Е.В. тремя годами ранее [15], в обществе сохраняется отчуждённое отношение к лицам с ОВЗ: нормотипичные люди не испытывают желания общаться с людьми с ОВЗ лично, предпочитая перекладывать ответственность за процесс их социальной интеграции на плечи их семей и на государство [14, с. 184]. Семьи же людей с ОВЗ, в свою очередь, выражают удовлетворение социально-экономической поддержкой со стороны государства, однако психолого-педагогическую и социально-правовую помощь качеством отметить не могут [15, с. 76–77]. Тем не менее, в образовательной среде можно выделить позитивную тенденцию. В университетах, практикующих инклюзивное образование, постоянное взаимодействие студентов с ОВЗ со студентами нормотипичными постепенно всё-таки снижает социальную дистанцию между ними, но изменение психологических установок общества требует большего времени [14].

Кроме изменений в институте образования необходимо принимать и другие меры реформирования для обеспечения успешной социальной интеграции не только людей с ОВЗ, но и иных дискриминированных групп, таких как пожилые люди или матери с детьми. Это касается и законодательно-правовой сферы, и сферы рынка труда, и городской и архитектурной среды.

Взаимодействие людей с ОВЗ с городской средой может казаться тем случаем, когда прикладные меры, например, установка пандусов, надписей на шрифте Брайля, предупреждающих тротуарных покрытий, достаточны, однако и в этой области закономерно происходят определённого рода переосмысления. Смена общественного отношения к людям с ОВЗ от объектов опеки к полноправным членам общества породила вопрос, достаточно ли просто «обтачивать» имеющуюся физическую среду под нужды людей с ОВЗ, или этот метод паллиативен.

Как было отмечено в начале статьи, в истории человечества специализированная архитектура для людей с ОВЗ носила изолирующий характер. В настоящий момент осознание инвалидности становится более системным – это проявляется в выражении взглядов и концепций, основной нарратив которых лежит в отношении к людям с ОВЗ как к людям, которые имеют такие же права на физическое, городское пространство, как и все остальные. Это означает, что образ жизни человека с ОВЗ не должен замыкаться в стенах жилых ячеек и чётко выверенных маршрутах и сценариях, в которых фигурируют продовольственные магазины, учреждения здравоохранения и, по счастливому стечению обстоятельств, парки, до которых будет возможно добраться. Формирование городского пространства должно производиться с идеологией, которая предполагает беспрепятственные доступ и функционирование внутри этих пространств людей с любыми физическими и социальными возможностями.

Беспрепятственный доступ – не единственный принцип, которым должны озаботиться архитекторы. Малоисследованной и недостаточно освещённой является проблема общественных пространств, доступных для людей с ОВЗ, обеспечивающих их самостоятельное к ним обращение и активную роль в социальной коммуникации. В настоящее время общественные городские пространства лишь усиливают видимость маргинализации людей с ОВЗ, что свидетельствует в пользу того, что городская среда совершенно недружелюбна к людям с ОВЗ и не расценивает их как своих полноправных пользователей.

Включение людей с ОВЗ в городскую жизнь подразумевает не просто вновь проектируемые здания и сооружения с пандусами, подъёмниками и другими средствами, надлежащими для размещения нормативной документацией, а такую среду, которая предлагает людям с ОВЗ сюжетность и функциональность, которые они могут не получать от общественных мест обычно, даже если они полностью безбарьерны и доступны для них. Необходимость проектирования общественных пространств таким образом, чтобы потребности людей с ОВЗ в общении, просвещении, формировании сообществ, занятии различными хобби и другими формами самовыражения были учтены, ещё требует подробного обсуждения в кругах специалистов. Восходящая динамика может быть отмечена, но её примеры ещё не обладают достаточной степенью представительности и относятся больше к формам специализированных учреждений, чем к «третьим местам», важным в ткани городской общественной жизни [9].

Чувство чужеродности себя среде, продуманной только для «здоровых» людей – та в данный момент непреодолимая стена, которую будут вынуждены испытывать люди с ОВЗ, вероятно, ещё долгое время. В дискуссии, касающейся проблем людей с ОВЗ, внутренние психологические барьеры также немаловажны и часто отмечаются в научных работах [7; 10; 15; 16] – в частности, этот аспект факторов, препятствующих социальной интеграции людей с ОВЗ, подробно рассматривается Шаповал И.А.: негативные установки самих людей с ОВЗ о себе, о других и о мире, их подозрительность, а также отношение к инвалидности как к ярлыку, формирующему их идентичность, могут значительно затруднять их адаптацию в обществе, склоняя к ожиданию плохого отношения к себе, которое отпечатывается на их самооценке и самовосприятии [16, с. 245]. Фрустрация и депрессивные состояния, которым подвержены дискриминированные социальные группы, могут провоцировать саботаж необходимости устанавливать контакт со внешним миром, приводя к самостоятельному исключению себя из жизни общества и принятию своих ограничений не как данности, а как индикатора негодности.

Научное же сообщество, тем временем, заостряет внимание на том, что процесс преодоления барьеров и стигматизации требует вовлечения и непосредственного активного участия самих людей с ОВЗ как при разработке мер адаптации среды по отношению к дискриминированным социальным группам, так и при обыкновенных социализации и выходе в крупные сообщества. Крайне важным видится привлечение людей с ОВЗ к процессу регулирования политики социальной интеграции на институциональных уровнях и любых других.

Глобальность процесса инклюзии требует учитывать и внутриполитические факторы, сдерживающие социокультурную трансформацию. Как отмечают Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. и Юдина Т. Н, ключевым препятствием в России становится несоответствие между обновлёнными социальными целями и устаревшей, инерционной институциональной структурой, сохраняющей черты патернализма и этатизма [4, с. 19]. Законодательная система России продолжает опираться на вертикальные, зависимые формы взаимодействия, в то время как эффективная трансформация требует установления горизонтальных связей, доверия и диалога между гражданами и государством [4, с. 21]. Россияне же демонстрируют отчуждение от власти, низкий уровень легитимности и отсутствие веры в справедливость институтов [4, с. 24–27], в связи с чем социальные преобразования приобретают флёр принуждения и вызывают преждевременную критику, и даже самая искренняя мотивация реформирования, продиктованная гуманизацией, в условиях накопленных россиянами недовольства и недоверия будет воспринята негативно. Стоит отметить, однако, что на уровне муници-

палитетов острота проблемы имеет свойство сглаживаться: локальные сообщества обладают большей интенцией к саморегуляции.

Итак, попытка внедрения нововведений без изменения культурных основ рождает хотя и неизбежный для социокультурной трансформации, но резкий конфликт между старым и новым, тормозящий укрепление новой культур-системы [4, с. 33]. Барьер для принятия изменений возникает как в широком смысле, так и в отношении норм, связанных со включённостью людей с ОВЗ в список полноценных общественных акторов. Внедрение инклюзии «сверху» без работы над восприятием общественности не только малоэффективно, но и затрудняет социальную интеграцию групп людей с ОВЗ, провоцируя у консервативно настроенной части общества обострение ксенофобии и чувства недоверия.

Резюмируя, современное общество, находясь в состоянии социокультурной трансформации, сталкивается с рядом проблем разного характера, замедляющих этот процесс. Декларативная инклюзивность, зародившаяся в 2010-х годах, не подкрепляется стратегией, направленной на признание инаковости, развитие чувства общности, ввиду чего формируется противоречие между официально оглашённой в мире политикой равных возможностей и глубинными установками массового сознания, состоящего, помимо прочего, из стигматизирующих убеждений. Становление инклюзивного общества подразумевает переход от отчуждения к общественной солидарности. Сама инклюзия, таким образом, индицирует зрелость общества и уровень его культурно-социального развития, который, как и прочее, может различаться по географическому признаку.

Факторы, замедляющие социокультурную трансформацию, объёмны и представляют собой тяжеловесный конгломерат, воздействие на который требует многоаспектной работы. Однако переоценка старых ценностей и преобразование всей системы, стоящей на них, имеет свои плоды. В качестве наиболее очевидного, сквозным эффектом, пронизывающим всю социокультурную трансформацию, является улучшение социального климата. Согласно исследованию Агошковой Т.В., Гарбузовой Т.Г. и других соавторов, в образовательной сфере инклюзивная модель способствует формированию толерантного, лояльного общества, где выпускники постоянно обмениваются опытом и, как следствие, вырабатывают навыки работы в разнообразных коллективах. Успех инклюзивных практик первоначально зависит от педагогической подготовки, и авторский коллектив исследования делает акцент на необходимости разработки наставнических и государственных программ, направленных на информирование представителей бизнеса и работодателей о позитивных трендах и перспективах инклюзивности [17, с. 363]. В сфере бизнеса также отмечается, что инклюзивность и разнообразие оказывают положительный эффект на производительность, способствуя более высокой эффективности организации в целом [5, с. 103].

Что касается экономического аспекта, то, несмотря на первоначально более высокие затраты на реализацию, инклюзивная модель образования имеет экономическое преимущество перед традиционным сегрегированным образованием. Выражается это преимущество, главным образом, в росте количества образованных кадров и, как следствие, в повышении уровня трудовой активности и снижении безработицы среди людей с ОВЗ. Это ведёт к увеличению налоговых поступлений, что оборачивается долгосрочной выгодой. Инклюзивное образование ведёт к сокращению расходов государства на социальную помощь, снижается необходимость в затратах на специализированную инфраструктуру, представленную учреждениями для социальной поддержки людей с ОВЗ, нужда в которых в совокупности вызвана неинтегрированностью людей с ОВЗ в экономическую систему и отсутствием условий для их участия в ней [17, с. 361].

Политика по защите прав людей с ОВЗ сквозь недоверие приводит к повышению удовлетворённости и положительному восприятию гражданами различных институтов государства. Меры социальной интеграции людей с ОВЗ обладают положительными эффектами, простирающимися за гранью целевых задач, поскольку стимулируют развитие и технологический прогресс внутри всех сфер общества, а значит, оказывают пользу не только лицам с ОВЗ [17, с. 363]. Достижение этих эффектов ожидаемо сопряжено с воспитанием в обществе уважения к человеческому разнообразию: необходимо различными форматами способствовать избавлению от стигматизирующих убеждений – преодоление средовых барьеров не является конечным этапом инклюзии. Административные меры, меры социальной поддержки позволяют процессу социальной интеграции людей с ОВЗ развиваться дальше и привлекать к себе внимание. Дискурс проблемы требует продолжения, но находится на восходящей ветви.

Во всём процессе формирования новой культурной парадигмы участие людей с ОВЗ обладает убедительной силой, и потому их привлечение к процессу социокультурной трансформации видится ярким и обоснованно необходимым. Каждая из социальных групп общества способна принять и выполнить отмеренную ей долю обязанностей, и в этом стоит надеяться на сплочённость человечества.

Социокультурная трансформация, в будущем способная привести к инклюзивному обществу, порождает закономерные релятивизации смыслов, конфликты ценностей и пробирается сквозь различные препятствия, однако пути их преодоления не только обозначены, но и задействованы в современности. Глобальные процессы – цифровизация, урбанизация, миграция и другие – радикально перестраивают систему взаимодействий между социальными группами, давая жизнь неожиданным и непредсказуемым модификациям коммуникации, в которых стираются рамки и иерархичность, а патернализм по отношению к людям с ОВЗ перестаёт соответствовать убеждениям общества.

Явление инклюзии, изначально относящейся к сфере образования, в XXI веке расширяется до универсального принципа. Она не ограничивается регуляцией отношений между людьми или устройством физической среды, но и касается, в целом, общечеловеческого признания культурного разнообразия, ратующего за возможности каждой личности быть принятой независимо от её социального, физического или культурного статуса [6, с. 83–84]. Тенденция к инклюзии обладает директивным свойством и занимает одну из ключевых ролей в социокультурной трансформации – формировании новой культур-системы инклюзивного общества. Полноправное присутствие людей с ОВЗ, а также других дискриминированных социальных групп – женщин, пожилых, нейроотличных людей и других –обещает усиливаться, и требует это усилий как со стороны государства, так и со стороны общества во всех его лицах и проявлениях.

Литература

1. Афонькина, Ю.А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства / Ю.А. Афонькина. – Текст: непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 11 (55). – С. 149–162.
2. Бикбаева, М.Р. Преимущество инклюзивного образования для социальной интеграции обучающихся с ОВЗ / М.Р. Бикбаева, С.Ю. Гордеева. – Текст: непосредственный // Педагогическое образование и наука. – 2024. – № 4. – С. 132–135.
3. Бикбулатова, А.А. Влияние открытой демонстрации инвалидности в рекламе и публичных мероприятиях на развитие инклюзивного общества / А.А. Бикбулатова. – Текст: непосредственный // Костюмология. – 2020. – Т. 5, № 4. – 11 с.
4. Бормотова, Т.М. Институциональные проблемы современного российского общества / Т.М. Бормотова, Ю.Н. Мазаев, Т.Н. Юдина. – Текст: непосредственный // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 1(175). – С. 18–36.
5. Гринев, Д.Д. Исследование влияния разнообразия и инклюзивности на организационную производительность / Д.Д. Гринев, Д.В. Гулякин. – Текст: непосредственный // Экономический вестник. – 2023. – Т. 2, № 4. – С. 100–108.
6. Крестиненко, Н.В. Маргинальность и инклюзивность как культурные феномены / Н.В. Крестиненко. – Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 2 (59). – С. 82–86.
7. Кузнецов, А.А. Современные подходы к обеспечению доступности социальной инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями / А.А. Кузнецов, Т.М. Шаулина. – Текст: непосредственный // Общество и цивилизация. – 2025. – Т. 7, № 2. – С. 21–25.
8. Кузнецов, А.А. Социальное обеспечение инвалидов в сфере образования: проблемы и перспективы / А.А. Кузнецов, П.Е. Сахно. – Текст: непосредственный // Общество и цивилизация. – 2025. – Т. 7, № 2. – С. 17–20.
9. Кульмаметова, Э.Х. Социальная инклюзия в отражении архитектурной среды: проблематика общественного пространства для людей с ОВЗ / Э.Х. Кульмаметова. – Текст: непосредственный // Архитектура и архитектурная среда: вопросы исторического и современного развития: материалы международной научно-практической конференции и научно-образовательной студенческой конференции по архитектуре и дизайну (23–24 апреля 2025 г.). В 2-х т. Т. 1 / отв. ред. М.Ю. Гайдук. – Тюмень: ТИУ, 2025. – С. 238–246.
10. Культурная инклюзия и социокультурное проектирование в формировании инклюзивной культуры общества / К.Ш. Шарифзянова, М.Ю. Герасимова, Г.Н. Айсина. – Текст: непосредственный // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. – 2024. – № 3 (22). – 4 с.
11. Мальцева, Е.Ю. Ретроспективный анализ развития инклюзивного образования: международный опыт / Е.Ю. Мальцева. – Текст:

непосредственный // Проблемы современного образования. – 2019. – № 2. – С. 80–88.

12. Насыбуллина, Р.А. Эволюция концепции инклюзивности в архитектуре / Р.А. Насыбуллина, Д.В. Зуйков. – Текст: непосредственный // Innovative Project. – 2024. – Т. 9, № 15. – С. 40–46.

13. Тарасов, А.Н. Смысловые векторы социокультурных трансформаций: культурфилософский анализ / А.Н. Тарасов, В.И. Лукьянчиков. – Текст: непосредственный // Культура и искусство. – 2020. – № 8. – С. 56–66.

14. Трансформация восприятия студентами инвалидности как результат инклюзивного образования: a posse ad esse / Е.С. Сахарчук, М.Я. Руднева, Э.Р. Баграмян, А.Л. Сахарчук. – Текст: непосредственный // Образование и наука. – 2024. – Т. 26, № 6. – С. 167–198.

15. Филатова, Е.В. Социально-психологические барьеры, препятствующие социальной интеграции инвалидов в общество / Е.В. Филатова. – Текст: непосредственный // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 1. – С. 76–79.

16. Шаповал, И.А. Социально-психологический климат интеграции лиц с инвалидностью в общество / И.А. Шаповал. – Текст: непосредственный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 4 (52). – С. 239–248.

17. Экономические аспекты инклюзивного образования: затраты и выгоды для общества / Т.В. Агошкова, Т.Г. Гарбузова, Л.В. Ермолина [и др.]. – Текст: непосредственный // Современный ученый. – 2025. – № 5. – С. 359–365.

SOCIOCULTURAL TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF THE EMERGENCE OF AN INCLUSIVE SOCIETY

Kulmametova E.Kh., Shayakhova E.F.
Tyumen Industrial University

Modern society is undergoing a profound transformation associated with a rethinking of attitudes towards otherness and the affirmation of the principles of humanism. In this regard, inclusion is considered not only as a social practice, but also as an indicator of the formation of a new cultural system. The article presents a holistic analysis of the processes of formation of an inclusive society: from historical prerequisites and changes in public consciousness to institutional and environmental transformations. In order to reveal inclusion as a multidimensional phenomenon of modern culture, sociological, cultural and pedagogical perspectives are combined. Special emphasis is placed on the relationship between value shifts and social mechanisms that determine the success of the transition to a socio-humanistic model of an inclusive society, in which the recognition of diversity becomes an indicator of achieving development.

Keywords: inclusion, socio-cultural transformation, cultural system, social integration, cultural values, barriers to social integration, diversity, people with disabilities, equality, social institutions, public relations.

References

1. Afonkina, Yu.A. Social inclusion of persons with disabilities and the problem of human dignity / Yu.A. Afonkina. – Text: direct // Modern studies of social problems. – 2015. – № 11 (55). – Pp. 149–162.

2. Bikbaeva, M.R. The advantage of inclusive education for the social integration of students with disabilities / M.R. Bikbaeva, S.Y. Gordeeva. – Text: direct // Teacher education and science. – 2024. – No. 4. – Pp. 132–135.

3. Bikbulatova, A.A. The influence of open demonstration of disability in advertising and public events on the development of an inclusive society / A.A. Bikbulatova. – Text: direct // Costumology. – 2020. – Vol. 5, No. 4. – 11 p.

4. Bormotova, T.M. Institutional problems of modern Russian society / T.M. Bormotova, Y.N. Mazaev, T.N. Yudina. – Text: direct // Ethnosocium and interethnic culture. – 2023. – № 1(175). – Pp. 18–36.

5. Grinev, D. D. A study of the impact of diversity and inclusivity on organizational productivity / D.D. Grinev, D.V. Gulyakin. – Text: direct // Economic Bulletin. – 2023. – Vol. 2, No. 4. – Pp. 100–108.

6. Krestinenko, N.V. Marginality and inclusivity as cultural phenomena / N.V. Krestinenko. – Text: direct // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2024. – № 2 (59). – Pp. 82–86.

7. Kuznetsov, A.A. Modern approaches to ensuring accessibility of social infrastructure for people with disabilities / A.A. Kuznetsov, T.M. Shaulina. – Text: direct // Society and civilization. – 2025. – Vol. 7, No. 2. – Pp. 21–25.

8. Kuznetsov, A.A. Social security for the disabled in education: problems and prospects / A.A. Kuznetsov, P.E. Sakhno. – Text: direct // Society and civilization. – 2025. – Vol. 7, No. 2. – Pp. 17–20.

9. Kulmametova, E.H. Social inclusion in the reflection of the architectural environment: the problems of public space for people with disabilities / E.H. Kulmametova. – Text: direct // Architecture and the architectural environment: issues of historical and modern development: proceedings of the international scientific and practical conference and scientific and educational student conference on architecture and design (April 23–24, 2025). In 2 volumes Vol. 1 / ed. by M.Y. Gaiduk. Tyumen: TIU, 2025, Pp. 238–246.

10. Cultural inclusion and socio-cultural design in the formation of an inclusive culture of society / K. Sharifzyanova, M. Gerasimova, G. Aisina. – Text: direct // Modern education: current issues and innovations. – 2024. – № 3 (22). – 4 C.

11. Maltseva, E. Y. A retrospective analysis of the development of inclusive education: international experience / E.Y. Maltseva. – Text: direct // Problems of modern education. – 2019. – No. 2. – Pp. 80–88.

12. Nasybullina, R.A. The evolution of the concept of inclusivity in architecture / R.A. Nasybullina, D.V. Zuikov. – Text: direct // Innovative Project. – 2024. – Vol. 9, No. 15. – Pp. 40–46.

13. Tarasov, A.N. Semantic vectors of socio-cultural transformations: cultural philosophical analysis / A.N. Tarasov, V.I. Lukyanchikov. – Text: direct // Culture and Art, 2020, No. 8, Pp. 56–66.

14. Transformation of students' perception of disability as a result of inclusive education: a posse ad esse / E.S. Sakharchuk, M. Ya. Rudneva, E.R. Baghramyan, A.L. Sakharchuk. – Text: direct // Education and Science. – 2024. – Vol. 26, No. 6. – Pp. 167–198.

15. Filatova, E.V. Socio-psychological barriers hindering the social integration of disabled people into society / E.V. Filatova. – Text: direct // Successes of the humanities. – 2021. – No. 1. – Pp. 76–79.

16. Shapoval, I.A. Socio-psychological climate of integration of persons with disabilities into society / I.A. Shapoval. – Text: direct // Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. – 2019. – № 4 (52). – Pp. 239–248.

17. Economic aspects of inclusive education: costs and benefits for society / T.V. Agoshkova, T.G. Garbuzova, L.V. Ermolina [et al.]. – Text: direct // Modern scientist. – 2025. – No. 5. – Pp. 359–365.

Персональность, интимность и уязвимость в цифровой среде

Шумилкина Оксана Геннадьевна,
к.филос.н., доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
E-mail: o.shumilkina2015@yandex.ru

В статье рассматривается трансформация понятий персональности, интимности и уязвимости в условиях цифровой среды. Анализируется, как процессы дигитализации, распространение социальных сетей и систем сбора данных изменяют границы между публичным и приватным. Автор исследует феномен «сетевой персональности» – конструирование цифрового профиля личности через алгоритмы и Big Data, что приводит к размыванию идентичности и появлению новых форм отчуждения. Особое внимание уделяется интимности как товару и инструменту вовлечения: от практик селфинг-культуры до цифрового эскапизма. В работе доказывается, что добровольное раскрытие личной информации в обмен на комфорт или социальное признание генерирует специфическую форму уязвимости – «алгоритмическую ранимость», когда пользователь теряет контроль над собственными данными и эмоциональным следом. На основе междисциплинарного подхода выделяются стратегии резистентности: от кибергигиены до концепции «интимности по запросу».

Ключевые слова: цифровая среда, персональность, интимность, уязвимость, приватность, Big Data, алгоритмическая ранимость, цифровая идентичность, границы приватного.

Цифровая среда сегодня – это полноценное пространство обитания человека, где формируются социальные связи, выражается идентичность и выстраивается внутренний мир. Однако перенос коммуникации, творчества и даже интимных переживаний в онлайн-формат порождает принципиально новую конфигурацию человеческого опыта. В этом контексте ключевыми категориями становятся персональность, интимность и уязвимость – три взаимосвязанных измерения, определяющих как самоощущение человека, так и его способность к безопасному и подлинному самовыражению.

Цифровая среда выступает в роли нового «пространства опыта», реконфигурирует процессы идентификации, переводя их в плоскость алгоритмически опосредованных взаимодействий. Здесь личностный нарратив уже не строится через непосредственный контакт, а конструируется в диалоге с машиной, где алгоритмы не только фильтруют, но и со-творят реальность, определяя, что становится значимым, а что остается на периферии. В этом контексте субъектность приобретает модульный характер: индивид превращается в динамичный проект, реализуемый в цифровом пространстве, где его идентичность формируется через постоянную рефлексию и адаптацию к технологическим контекстам [1].

Под персональностью в цифровой среде мы понимаем активно конструируемый образ «Я», который может фрагментироваться, тиражироваться или деформироваться под влиянием алгоритмов и чужих ожиданий. Интимность, традиционно связанная с закрытостью, доверием и телесным присутствием, в эпоху мессенджеров, социальных сетей и метавселенных приобретает гибридные формы: от «публичной интимности» в сторис до глубоких эмоциональных связей, опосредованных интерфейсами. Наконец, уязвимость становится оборотной стороной самой природы цифрового существования: раскрытие личных данных, слежка, доксинг, утечки информации или эмоциональное манипулирование делают человека более открытым для атак, чем когда-либо прежде.

Цель данной статьи – проанализировать, как трансформируются понятия персональности, интимности и уязвимости под влиянием цифровых технологий, и показать их внутреннюю взаимосвязь.

Задачи:

1. Показать, как традиционные понятия «личность» (персональность) и «интимность» трансформируются при переносе в цифровое пространство, где стираются границы публичного и приватного.
2. Выявить, как цифровая среда (соцсети, мессенджеры, Big Data, алгоритмы) делает человека более уязвимым.
3. Исследовать, почему стремление к персонализации и выражению интимности неизбежно повышает уязвимость, и как пользователи пытаются балансировать между этими полюсами.
4. Обозначить, где проходит граница допустимого вторжения в личное; нужны ли новые права.

Методологическую основу исследования составляет единство трех уровней:

- Феноменологическая парадигма, позволяющая описать субъективный опыт конструирования персональности в цифре.
- Акторно-сетевая теория, выявляющая роль интерфейсов и алгоритмов в производстве интимности/уязвимости.

В классической философской антропологии персональность – это способ бытия человека, при котором он обладает самосознанием и рефлексивной структурой «Я», несет моральную и экзистенциальную ответственность за свои поступки, обладает уникальной субъективностью – внутренним миром, не сводимым к внешним детерминантам, имеет тело и временную целостность (биографию, связь прошлого, настоящего и будущего).

Ключевые характеристики персональности (в классическом понимании):

1. Автономия – способность действовать на основании собственных норм.
2. Недискретность – «Я» не может быть разбито на отдельные независимые модусы без потери самого себя.
3. Укорененность в теле и памяти.
4. Приватность внутреннего мира – доступ к нему имеет только сам субъект.

Пользователь одновременно существует во многих мессенджерах и игровых мирах. Алгоритмы собирают и анализируют поведенческие

следы (лайки, поиск, геолокация), создавая цифровой профиль, который лучше предсказывает действия, чем сам человек. Субъективность становится внешней и предсказуемой. Человек начинает воспринимать себя через количественные метрики (шаги, рейтинг, KPI, лайки).

Классическая персональность требовала связной биографии. Цифровая среда провоцирует атомизацию опыта: клиповое мышление, бесконечная прокрутка контента, отсутствие долгой фокусировки. Биография заменяется потоком событий. Появилась возможность редактировать, удалять и фильтровать посты, фотографии, историю – создается симулированная версия своего прошлого. Человек вынужден непрерывно «выступать» для разных аудиторий, что истощает ресурс аутентичности.

Память, внимание, принятие решений делегируются устройствам. Философ Б. Стиглер говорит о «потере индивидуальной психической способности заботиться о себе». С одной стороны, социальные сети поощряют интимные признания, с другой – эта интимность становится спектаклем, теряя приватность.

Современная философия предлагает пересмотреть классическую персональность:

• Киберфеминизм и постгуманизм (Д. Харауэй): человек всегда был «киборгом» – гибридом организма и машины. Цифровая эпоха лишь обнажает эту реальность.

• «Расщепленная» субъективность (Ш. Теркл): мы живем в режиме «alone together» – одновременно требуя связи и избегая настоящего диалога.

• Резистенс: сохранение персональности возможно через намеренные практики офлайн-рефлексии, цифровой детокс, критическую медиаграмотность и защиту приватности.

Цифровая эпоха не отменяет проблему персональности, но радикально переопределяет условия ее существования. Классические атрибуты – автономия, нарративная целостность, приватность – становятся не данностью, а достижением, требующим сознательных усилий. Для философской антропологии это требует нового языка: отказ от субстанциального «Я» в пользу процессуального, диалогического и ограниченно-автономного понимания персональности в условиях тотальной вычислительной среды.

Классическая приватность предполагала, что интимное (чувства, тело, слабости, личные драмы) скрыто за закрытой дверью. Публичная интимность – это выставление этих аспектов на всеобщее обозрение, но в контролируемой, эстетизированной форме.

Самопрезентация и экономика внимания тесно связаны: внимание – дефицитная валюта, а самопрезентация – способ эту валюту заработать. Платформы конкурируют за время пользователя, пользователь конкурирует за внимание других пользователей. Чтобы получить внимание, нужно выделиться: быть громче, откровеннее, экстремальнее, уязвимее. Пользователь превращает свою личность в продукт. Для этого нужно, чтобы аудитория «знала» его слабости, страхи, неудачи. Но это знание – симулякр. Аудитория знает образ слабости, а не саму слабость.

Размывание границ частного и публичного – это системный результат описанного выше процесса. Границы исчезают по трем векторам: пространственный, временной и социальный вектор.

Наблюдается парадокс этой системы: чем публичнее становится интимность, тем менее интимной она является. Настоящая интимность требует риска, уязвимости, закрытой комнаты и права на ошибку без свидетелей. Публичная интимность – это спектакль, который всегда идет на публику. Она не соединяет двух людей (А и В), а создает треугольник: А, В и аудитория. В итоге человек может иметь миллион просмотров своего откровенного видео, но чувствовать глубочайшее одиночество, потому что публика потребляет его драму, но не вступает в настоящую близость [10].

В классической антропологии и экзистенциальной философии уязвимость – не дефект, а фундаментальное условие человеческого существования. Человек раним физически, подвержен болезням, старению и смерти. Эта «онтологическая незащищенность» лежит в основе потребности в социальных институтах, этике заботы и взаимопомощи. Экзистенциальная уязвимость связана со способностью испытывать страх, тревогу, стыд, одиночество и зависимость от Другого (М. Хайдеггер «заброшенность в мир», Ж.-П. Сартр «взгляд Другого»). Уязвимость открывает человека к миру, делает его способным на эмпатию и сострадание. Социальная уязвимость проистекает из включенности в отношения власти, экономики и культуры. Неравенство делает одних более уязвимыми, чем других. Без уязвимости не было бы нужды в праве, морали или солидарности [2].

Цифровая среда не отменяет антропологическую уязвимость, но радикально ее модифицирует, создавая новые, системные риски. В отличие от устного секрета, цифровые данные могут быть скопированы бесконечно и без следа. Потеря контроля над персональными данными становится пожизненной. Алгоритмы превращают косвенные данные (лайки, время покупок, геолокацию) в интимные выводы о здоровье, настроении, политических взглядах. Субъект становится прозрачным для тех, кто владеет данными. Кража аккаунта равносильна временной потере социального существования (дипфейки, угон банковского профиля, блокировка).

Контроль и асимметрия власти в данном процессе проявляется в следующих аспектах:

1. Тотальное наблюдение со стороны платформ, работодателей, государства. Субъект знает о слежке, но не может её избежать.

2. Дизайн интерфейсов, бесконечная лента, системы рейтингов навязывают выбор, который субъект ошибочно считает своим.

3. Принимая условия сервиса под угрозой отказа в услуге, человек утрачивает свободу несогласия [4].

В последнее время участились кибератаки на уязвимые группы: больницы, системы водоснабжения, школьные порталы, пожилых людей. Чрезмерное самораскрытие в соцсетях, сторителлинг травм, публичные конфликты является фактором того, что люди сами создают свои уязвимые следы [5]. Актуализируется соотношение технической уязвимости и уязвимости использования. Баги в коде (CVE, zero-day) – это уязвимость системы, но антропологический фокус – на уязвимости субъекта, который не может ни аудировать код, ни оценить все риски [6].

Отправленное сообщение без ответа, неподтвержденная дружба, непросмотренный сторис – мгновенная рана нарциссическому Я. Цифровая среда гипертрофирует потребность в признании и страх отвержения. Общество требует от человека быть «кибергигиеничным», самому защищать свои данные, выбирать сложные пароли, не переходить по ссылкам. Уязвимость перестает быть онтологической данностью и превращается в личную вину.

Цифровой субъект оказывается в двойном положении. Его антропологическая уязвимость (страх, потребность в связи, доверие, конечность) становится новым ресурсом для извлечения прибыли и контроля. В ответ ему предлагаются технические решения (антивирусы, VPN, анонимайзеры, согласия GDPR), которые никогда полностью не устраняют уязвимость, но требуют постоянного труда самозащиты [4].

В аналоговом мире персональность (ощущение себя уникальным «я») строилась через призму приватности. В цифровом мире персональность всё чаще требует верификации через раскрытие. Чтобы быть признанным как личность (получить доступ к сервису, сообществу, вниманию), субъект вынужден раскрывать данные. Риск здесь не только в утечке паролей, но в экзистенциальном риске: потеря контроля над нарративом о себе. Платформы поощряют «аутентичность» (честные посты, сторис, слезы на камеру), но монетизируют именно моменты уязвимости. Чем более интимное переживание раскрывает личность, тем выше вовлеченность аудитории – и тем выше риск инструментализации боли (кибербуллинг, сталкинг, доксинг).

В цифре стирается различие между публичным и приватным. Интимное (например, здоровье, сексуальность, религиозные сомнения) теперь может быть записано, сохранено, проанализировано. Интимность становится бессрочной, а значит, превращается в перманентную уязвимость. Алгоритмы часто знают желания личности раньше, чем они стали осознанными. Это подрывает классическое понимание субъектности как источника намерения [6].

Этика в цифровой среде должна отойти от наивного принципа «информированного согласия» (которое никто не читает) и перейти к дифференциальной этике уязвимости. Платформа, требующая самораскрытия, должна нести пропорциональную долю уязвимости. Это означает юридическую и техническую ответственность за «цифровые шрамы» – последствия утечек или неверной интерпретации интимных данных. Поскольку интимность не может быть вечной без насилия над психикой, этичным является дизайн систем с «естественным распадом» данных. Возможность исчезнуть (не удалить аккаунт, а именно исчезнуть как нарратив) – основа цифрового достоинства. Цифровая среда должна проектироваться не для «среднего пользователя», а для пользователя в моменте его максимальной уязвимости (гнев, депрессия, влюбленность, горе). Это требует отказа от темных паттернов (dark patterns), заставляющих раскрывать интимное через манипуляцию. В этике предлагается различать уровни доступа к персональности: информация (данные), сообщение (смысл) и прикосновение (эмпатический доступ). Платформы и другие субъекты не должны иметь права на «прикосновение» без взаимной уязвимости [9].

В цифровом существовании уязвимость становится онтологическим свойством, а не случайным риском. Персональность без интимности пуста, интимность без уязвимости – иллюзия, а цифровая среда без специальной этической защиты превращает субъекта в «сырье для

эмпатии». Этичный выход – в признании права на намеренную, ограниченную во времени и обратимую уязвимость, что требует пересмотра архитектуры цифровых платформ от логики извлечения к логике заботы.

Личность больше не принадлежит только человеку – платформы анализируют, предсказывают и формируют поведение на основе собранных данных. Человек становится продуктом. Интимность подменяется симуляцией (лайки, эмодзи, сторис), которая создает ощущение присутствия без реальной уязвимости. Появляются цифровые пространства для уязвимости (личные блоги, закрытые каналы, сообщества по интересам), где люди раскрываются быстрее и глубже, чем в реальной жизни. Однако эта открытость часто становится товаром или инструментом манипуляции [3].

Цифровая среда требует постоянного раскрытия информации (даже для базовых сервисов), что превращает уязвимость из редкого акта доверия в обязательное условие участия в социуме. Пользователь уязвим перед алгоритмами и корпорациями, которые знают о нем больше, чем он сам. Утечки данных, дипфейки, доксинг, кибербуллинг – это превращение интимной уязвимости в инструмент насилия. Искренние эмоции и слабости (страх, грусть, одиночество) стали наиболее востребованным контентом. Платформы поощряют исповеди и крики о помощи, так как они генерируют максимальное вовлечение.

В эпоху цифрового общества социальные сети, интернет-платформы, онлайн-игры, гаджеты, телеконференции и другие области программного обеспечения де-факто создают виртуальные миры, играющие ведущую роль в обыденной жизни индивидов [7]. Чем более персонализированной и интимной становится среда, тем более уязвимым оказывается пользователь. Инструменты, созданные для выражения себя и близости (мессенджеры, соцсети, трекеры привычек), одновременно служат системами тотального наблюдения и контроля. Цифровая среда делает интимность публичной, а персональность – управляемой, превращая естественную человеческую уязвимость в главный ресурс для извлечения прибыли и власти.

Литература

1. Лисенкова А.А. Цифровая идентичность: границы приватного и публичного в современном мире // Российский гуманитарный журнал. 2025. Том 14. № 3. С. 161–172.
2. Назаров М.М. Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории интернета // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 87–107.
3. Пеннер Р.В., Осипова Л.Б. Цифровые варианты проектирования социальной идентичности // Социум и власть. 2022. № 4 (94). С. 7–15,
4. Теркл Ш. Одиночество вместе: почему мы ожидаем от технологий больше, чем от людей. М.: Олимп Бизнес, 2012. 368 с.
5. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 1. С. 18–38.
6. Усова Н.В. Уровень информационно-психологической безопасности молодежи при использовании цифровых технологий // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 50–54.
7. Храмова Л.С. Персональная идентичность в эпоху цифровой трансформации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 4 С. 130–135.
8. Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Ваханцева О.В. Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа // Вестник Московского университета. 2022. № 2. С. 73–107.
9. Koch R., Miles S. Inviting the stranger in: Intimacy, digital technology and new geographies of encounter // Progress in Human Geography. 2021. Vol. 45. № 6. Pp. 1379–1401.
10. Fiedler A. The «digital village» revisited, or the re-ruralization of the public and private spheres in contemporary digitality // New Media & Society. 2023. Vol. 27. № 1. Pp. 168–184.

PERSONALITY, INTIMATE, AND VULNERABILITY IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Shumilkina O.G.
Oryol State University named after. I.S. Turgenev

This article examines the transformation of the concepts of personality, intimacy, and vulnerability in the digital environment. It analyzes how digitalization processes, the proliferation of social media, and data collection systems are reshaping the boundaries between public and private. The author explores the phenomenon of «networked personality»–the construction of a digital profile through algorithms and Big Data, leading to the erosion of identity and the emergence of new forms of alienation. Particular attention is paid to intimacy as a commodity and a tool for engagement, from the practices of self-culture to digital escapism. The paper argues that the voluntary disclosure of personal information in exchange for comfort or social recognition generates a specific form of vulnerability–»algorithmic vulnerability,» where the user loses control over their own data and emotional trace. Using an interdisciplinary approach, resilience strategies are identified, ranging from cyber hygiene to the concept of «intimacy on demand.»

Keywords: digital environment, personality, intimacy, vulnerability, privacy, Big Data, algorithmic vulnerability, digital identity, boundaries of privacy.

References

1. Lisenkova A.A. Digital Identity: The Boundaries of Private and Public in the Modern World // Russian Journal for the Humanities. 2025. Vol. 14. № 3. Pp. 161–172.
2. Nazarov M.M. Online Privacy and Digital Obedience: A Study of the Internet Audience // Bulletin of the Institute of Sociology. 2022. Vol. 13. № 3. Pp. 87–107.
3. Penner R.V., Osipova L.B. Digital Options for Designing Social Identity // Society and Power. 2022. № 4 (94). Pp. 7–15.
4. Turkle S. Loneliness Together: Why We Expect More from Technology than from People. Moscow: Olimp Business, 2012. 368 p.
5. Trufanova E.O. Private and Public in Digital Space: Blurring Boundaries // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 1. Pp. 18–38.
6. Usova, N.V. «The Level of Information and Psychological Security of Young People Using Digital Technologies» // Bulletin of Kostroma State University. 2025. Vol. 31, № 3. Pp. 50–54.
7. Khramova, L.S. «Personal Identity in the Era of Digital Transformation» // Intelligence. Innovations. Investments. 2023. № 4. Pp. 130–135.
8. Shaigerova, L.A., Shilko, R.S., Vakhantseva, O.V. «Cultural Mediation of the Identity of the Digital Generation: Prospects for the Analysis of Internet Activity and Social Media» // Bulletin of Moscow University. 2022. № 2. Pp. 73–107.
9. Koch R., Miles S. Inviting the stranger in: Intimacy, digital technology and new geographies of encounter // Progress in Human Geography. 2021. Vol. 45. № 6. Pp. 1379–1401.
10. Fiedler A. The «digital village» revisited, or the re-ruralization of the public and private spheres in contemporary digitality // New Media & Society. 2023. Vol. 27. № 1. Pp. 168–184.

Роль и влияние латинских и греческих элементов в формировании терминологической базы науки

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

В представленной работе описано понятие терминоэлемента. Приведен разбор понятия словообразования научных терминов для наполнения терминологической научной базы, состоящих из конечных и начальных терминоэлементов. В статье приведены и описаны примеры начальных и конечных терминоэлементов греческого и латинского происхождения для медицинской науки. Приведены примеры формирования терминов одного терминологического ряда. Сделан вывод о важности использования начальных и конечных терминоэлементов греческого и латинского происхождений по причине их точности и унифицированности. Научные понятия, образованные путем словосложения, облегчают их понимание и использование.

Ключевые слова: влияние, греческие элементы, греческие терминоэлементы, латинские элементы, латинские терминоэлементы, наука, термин, терминологическая база, формирование.

Современная наука постоянно развивается и требует новых понятий для обозначения процессов, состояний и явлений. В связи с чем растет научная терминологическая база. Новые научные понятия вводятся в терминологическую базу учеными, авторами учебников и справочной литературы. Иногда данное явление способствует появлению эквивалентных понятий.

Латинский язык считается мертвым языком, но он сыграл ключевую роль в формировании терминологической базы научных терминов. Влияние латинского языка на терминологическую базу обусловлено историческим развитием науки. Также стоит учесть культурное наследие античного мира и структурные особенности латинского языка [3; 7]. С помощью латинского языка была создана универсальная система обозначения научных терминов и понятий.

Термины, используемые в различных научных областях, имеют латинское и греческое происхождение [4]. Используемые терминоэлементы латинского и греческого происхождений образуют новые термины в научной базе путем словосложения. Под словосложением понимаем способ образования новых слов, заключающийся в морфологическом объединении двух или более элементов в один термин [10, с. 165]. Подчеркнем, что в медицинской науке данный способ является наиболее продуктивным для обозначения понятий и процессов. Для образования медицинских терминов используют греческие и латинские начальные и конечные терминоэлементы [5, с. 336]. Терминоэлементом называют словообразующую структурную часть понятия, обладающую определенным значением и написанием. Начальные и конечные терминоэлементы регулярно повторяются в одном ряде смысловых терминов.

Исследования подчеркивают фонетическую вариативность при образовании терминов в медицинской науке с помощью латинских и греческих префиксов. Данное явления связано с законами исторической грамматики представляемых языков. Префиксы меняются в зависимости от фонетических изменений в греческом языке, а затем данные изменения происходят и в латинском языке. Описываемые изменения влияют на семантику медицинских терминов [9, с. 279].

Терминоэлементы латинского и греческого происхождений имеют нейтральную терминологическую окраску. Они не принадлежат ни одному живому языку. Латинские и греческие терминоэлементы в равной степени используются во всех языках. Интернационализация научных терминов обусловлена быстрым развитием информационного общества, использующего латинские и греческие элементы. Таким образом, начальные и конечные латинские и греческие терминоэлементы являются международными, что значительно упрощает общение ученых разных стран [11, с. 593].

Развитие терминологической базы способствует появлению неогрецизмов и неолатинизмов. Представленные понятия появились благодаря создающимся лексическим единицам по существующим в латинском и греческом языках моделям [8, с. 103].

Отметим, что некоторые терминологические единицы имеют более двух элементов, подобные термины отражают специфические изменения в научных областях. В результате латинские и греческие терминоэлементы обеспечивают системность и универсальность терминологической научной базы. Научные термины, образованные словосложением, являются важным инструментов в дальнейшем развитии науки [2, с. 4].

Влияние греческих и латинских терминоэлементов на терминологическую научную базу обусловлено следующими способами. Латинский и греческие языки являются теми языками, которые предоставляют элементы для образования новых научных терминов [6]. Они обеспечивают целыми рядами научных единиц, а также моделями словообразования. Научные термины, образованные с помощью словосложения, заключают в себе понятийную мотивированность. В таких научных терминах выражен признак соответствующего понятия. Благодаря лаконичности греческих и латинских терминоэлементов научные термины заменяют многословные термины в государственных языках. Такие научные термины выходят на международный уровень; они становятся понятными ученым, говорящим на разных языках. Также с помощью терминоэлементов имеется возможность образования новых современных научных понятий и терминов с любыми основами.

Отметим, что латинские и греческие терминоэлементы, несомненно, играют главную роль в образовании научной мировой терминологической базы, являющейся удобной в использовании в международном плане [1, с. 64].

Терминоэлементы – это словообразующие структурные элементы научных понятий, имеющие определенное значение. Терминоэлементы греческого и латинского происхождений используют для образования научных понятий в разных областях. Под начальными терминоэлементами понимают корневые элементы, обозначающие названия органов, тканей, веществ. Начальные терминоэлементы имеют строгое значение, но входящие в различные научные термины. При образовании научного термина после латинских и греческих элементов ставят соединительную – «о», если далее следует согласный звук. Начальные терминоэлементы служат основой для научных терминов, обозначающих структуры, вещества. Приведем примеры в таблице 1 начальных терминоэлементов греческого и латинского происхождений, используемых в области медицины.

Таблица 1. Начальные терминоэлементы и их значения

№	Начальный терминоэлемент	Перевод начального терминоэлемента
1.	anthropo	человек, человеческий
2.	arthro	сустав
3.	dermato	кожа, кожный, связанный с кожей
4.	gynaeco	женщина, женский, связанный с женщиной
5.	haemat	кровь; кровь, как вещество или ткань
6.	ophthalmo	глаз, глазной
7.	stomato	рот
8.	pead	ребенок, дитя. детский
9.	phthis	туберкулез легких
10.	bio	жизнь; связанный с жизненными процессами
11.	histo	ткань
12.	cyto	клетка
13.	col	толстая кишка или ободочная кишка
14.	crani	череп, головной конец тела
15.	oesophag	пищевод
16.	hepat	печень
17.	pancreat	поджелудочная железа
18.	peritone	брюшина
19.	blephar	подвижное веко
20.	cardi	сердце
21.	enter	кишка, тонкая кишка
22.	kerat	роговое вещество, роговица
23.	mast	молочная железа, используется, когда говорят о патологической форме
24.	mening	мозговая оболочка
25.	nephr	почка
26.	pneumon	легкое
27.	splen	селезенка
28.	ten	сухожилие
29.	metr	матка, определение, используемое в области терапии
30.	hyster	матка, определение, используемое в области хирургии

Конечными терминоэлементами в латинском и греческом языках называют элементы (суффиксы), регулярно повторяющиеся в ряду научных терминов; за данными конечными терминоэлементами закреплены определенные значения. Конечные терминоэлементы греческого или латинского происхождений распределяют на группы, которые имеют следующие значения: состояния. процессы, методы лечения, диагностики, операционные вмешательства, а также патологические изменения и другие понятия. Конечные терминоэлементы при образовании базы научных понятий имеют функцию основополагающую; они выступают опорой для образования нового научного термина. При образовании новых научных терминов существует правило: если вначале конечного терминоэлемента стоит гласный звук, то новый научный термин не получает соединительный – «о». Приведем пример: oesophagectomia (oesophag– – начальный терминоэлемент, означает «пищевод»; -ectomia – конечный терминоэлемент, начинающийся с гласного звука). Отметим, что с помощью одного конечного терминоэлемента возможно образование множества научных однотипных терминов, образованных по одной модели. В таблице 2 приведены примеры конечных терминоэлементов, используемых в медицинской научной области для образования терминов.

Таблица 2. Конечные терминоэлементы и их значения

№	Конечный терминоэлемент	Перевод конечного терминоэлемента
1.	logo (logos)	наука, раздел знаний, раздел науки
2.	logus	специалист в определенной области знаний, наук
3.	logia	наука, раздел научной дисциплины
4.	iatria	область, раздел медицины, специализация врача
5.	paedia	коррекция нарушения развития, деформация, неправильное развитие; используют в сочетании с названием органа или части тела
6.	metria	измерение органа или части тела, определение параметров или размеров
7.	scopia	метод обследования, при котором исследование происходит с помощью специального инструмента
8.	graphia	запись, изображение, графическое изображение, графическое исследование
9.	gramma	рентгеновский снимок, результат регистрации (записи) сигналов
10.	tomia	хирургическая операция, при которой происходит рассечение, вскрытие
11.	ectomia	хирургическая операция с удалением, вырезанием органа или части тела
12.	stomia	создание искусственного отверстия или свища
13.	pexia	означает фиксацию, прикрепление какого-либо внутреннего органа, подшивание одного органа
14.	rrhaphia	наложение шва или соединение тканей, ушивание
15.	lysis	разрушение или распад; используется в сочетании с названием органа
16.	plastica	пластическая операция, восстановление формы или структуры органа

Проведен разбор терминов с суффиксом -logia, для образования научных областей. Описываемый элемент имеет греческое происхождение, в результате активного смешивания языков данный элемент закрепился в латинском языке. Представленный элемент является конечным терминоэлементом, означает раздел, область научных знаний. Для образования терминов были добавлены начальные терминоэлементы, представленные в таблице 3 с их значениями.

Таблица 3. Термины и их значения

№	Термин	Значение
1.	Biologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – bio-, конечный терминоэлемент – -logia. Приставка bio– означает жизнь, живые организмы, получаем «биология» – наука о жизни и живых организмах
2.	Geologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – geo-, конечный терминоэлемент – -logia. Приставка geo– – «земля», таким образом наука о строении, составе и истории земли
3.	Theologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – theo-, конечный терминоэлемент – -logia. Приставка theo– – это богословие, религия, учение о Боге
4.	Psyhcologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – psyhco-, конечный терминоэлемент – -logia. Психология является наукой о душе и поведении человека
5.	Sociologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – socio-, конечный терминоэлемент – -logia. socio– – общество; получаем наука об обществе и социальных отношениях

Окончание

№	Термин	Значение
6.	Astrologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – astro-, конечный терминоэлемент – -logia. Соединив приставку astro– и суффикс –logia, получаем учение о звездах, их влиянии, о планетах
7.	Ecologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – eco-, конечный терминоэлемент – -logia. Экология является наукой о взаимоотношениях организмов с окружающей средой
8.	Anthropologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – anthropo-, конечный терминоэлемент – -logia. Приставка anthropo– означает «человек»; что является наукой о человеке, его происхождении и культуре
9.	Archeologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – archeo-, конечный терминоэлемент – -logia. Археология – это наука о прошлом человечества, изучающая останки
10.	Philologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – philo-, конечный терминоэлемент – -logia. Филологией является наука о языке и литературе
11.	Meteorologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – meteoro-, конечный терминоэлемент – -logia. Метеорологией называют науку об атмосфере и погодных условиях
12.	Pathologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – patho-, конечный терминоэлемент – -logia. Патологией является наука о болезнях, о болезненных состояниях и болезненных процессах
13.	Physiologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – physio-, конечный терминоэлемент – -logia. Физиологией называют науку о функциях организма и его систем
14.	Mythologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – mytho-, конечный терминоэлемент – -logia. Мифологией называют науку, изучающую мифы, собрания мифов определенных культур и цивилизаций
15.	Cosmologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – cosmo-, конечный терминоэлемент – -logia. Космологией является наука о Вселенной, ее структуре
16.	Technologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – techno-, конечный терминоэлемент – -logia. Под технологией понимают науку о методах и процессах производства
17.	Epistemologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – epistemo-, конечный терминоэлемент – -logia. Эпистемологией называют науку о теории познания, о природе знаний
18.	Genealogia	Структура слова: начальный терминоэлемент – genea-, конечный терминоэлемент – -logia. Генеалогией является наука о происхождении и истории рода
19.	Lexicologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – lexico-, конечный терминоэлемент – -logia. Лексикологией называют раздел науки, в основу которого легло изучение словарного состава языка
20.	Morphologia	Структура слова: начальный терминоэлемент – morpho-, конечный терминоэлемент – -logia. Морфологией является наука о строении ялов в лингвистике; или строении организмов в биологии

Латинский и греческие языки влияют на пополнение терминологической научной базы. Начальные и конечные терминоэлементы латинского и греческого языков служат базой для образования новых научных терминов в области медицины, биологии, фармации, ветеринарии, психологии, техники и других областях. Для формирования научной терминологической базы латинские и греческие терминоэлементы вступают во взаимосвязь между собой, образу новые терминологические ряды. Термины в таком случае получают новые значения, вступают в новые связи и модели. Таким образом пополняется терминологическая база новыми научными единицами. Четкие значения греческих и латинских терминоэлементов позволяют описать строго требуемое понятие или состояние, они имеют фиксированное значение, что особенно является важным для медицинской области. Фиксированность и строгость терминоэлементов обобщает одним словом многословные сложные понятия в русском языке. Стоить отметить, что использование латинских и греческих терминоэлементов повлияло на формирование международной терминологической базы. Важные многие термины, образованные в классических языках, стали международными без предъявления перевода на национальный язык. Данный фактор играет важную роль в условиях глобализации и международного обмена.

По известным моделям с помощью греческих и латинских терминоэлементов образуют новые научные понятия. Применяют в науке и технике как суффиксальные, приставочные способы, так и словосложение. Латинские и греческие терминоэлементы взаимодействуют друг с другом, что позволяет в большей степени обогатить терминологическую базу. Изучение латинских и греческих терминоэлементов способствует развитию новых синтагматических отношений. Данный фактор позволяет образовывать новые точные научные термины.

Литература

1. Азиза Равшановна З. Роль латинских и греческих корней в понимании медицинской терминологии // Advances in Science and Humanities. 2025. Т. 1. № 10. С. 62–64.
2. Антакова А.К., Швецова М.Г. Роль латинского языка в обучении студентов медицинских вузов анатомической терминологии // Педагогический вестник. 2025. № 39. С. 4–6.
3. Вранцева Д.В. Синонимы в анатомической терминологии // Ratio et Natura. 2023. № 1 (7).
4. Климова Е.В. Русские и латинские названия растений сквозь призму мифологии // Ratio et Natura. 2023. № 1 (7).
5. Лазарева А.Е., Щербакова И.В. Популярные латинские выражения в лексиконе студента-медика // В книге: Актуальные проблемы науки и техники. 2023. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.А. Шевченко. Ростов-на-Дону, 2023. С. 335–336.
6. Меркулова И.Ю. Особенности создания англоязычных медицинских терминов с помощью интернациональных словообразовательных элементов греко-латинского происхождения при формировании медицинской терминологии // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. № 1.
7. Николаева Е.А. Мифологические термины, давшие развитие ветеринарии как науке // Ratio et Natura. 2023. № 1 (7).
8. Пенькова Н.А., Набиева К.Р. Применение технологий искусственного интеллекта для изучения латинской терминологии студентами российских медицинских вузов // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2025. № S7. С. 100–103.
9. Савенкова С.Р., Малыгина Г.Е. Семантические следствия фонетической вариативности префиксов латинского и греческого происхождения в медицинской терминологии // Глобальный научный потенциал. 2025. Т. 1. № 11 (176). С. 273–279.
10. Щербакова И.В., Дорохина И.В. Онлайн-курсы в профессионально ориентированном обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 2. С. 161–164.
11. Яковлев А.Б., Круглова Л.С., Майоров Р.Ю. К вопросу о терминологии и клинической классификации онихомикозов // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2025. Т. 28. № 5. С. 586–593.

THE ROLE AND INFLUENCE OF LATIN AND GREEK ELEMENTS IN THE FORMATION OF THE TERMINOLOGICAL BASE OF SCIENCE

Shcherbakova I.V.
Don State Technical University

The presented paper describes the concept of a term element. The analysis of the concept of word formation of scientific terms is given to fill the terminological scientific base consisting of finite and initial terminological elements. The article provides and describes examples of initial and final terminological elements of Greek and Latin origin for medical science. Examples of the formation of terms of the same terminological series are given. The conclusion is made about the importance of using the initial and final terminological elements of Greek and Latin origin because of their accuracy and uniformity. Scientific concepts formed by word composition make them easier to understand and use.

Keywords: influence, Greek elements, Greek terminological elements, Latin elements, Latin terminological elements, science, term, terminological base, formation.

References

1. Aziza Ravshanovna Z. The role of Latin and Greek roots in understanding medical terminology // Advances in Science and Humanities. 2025. Vol. 1. No. 10. Pp. 62–64.
2. Antakova A.K., Shvetsova M.G. The role of the Latin language in teaching anatomical terminology to students of medical universities // Pedagogical Bulletin. 2025. No. 39. Pp. 4–6.

3. Vrantseva D.V. Synonyms in anatomical terminology // Ratio et Natura. 2023. № 1 (7).

4. Klimova E.V. Russian and Latin names of plants through the prism of mythology // Ratio et Natura. 2023. No. 1 (7).

5. Lazareva A.E., Shcherbakova I.V. Popular Latin expressions in the lexicon of a medical student // In the book: Actual problems of science and technology. 2023. Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference. The editor-in-charge is N.A. Shevchenko. Rostov-on-Don, 2023. Pp. 335–336.

6. Merkulova I.Y. Features of creating English-language medical terms using international word-formation elements of Greek-Latin origin in the formation of medical terminology // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2025. Vol. 16. No. 1.

7. Nikolaeva E.A. Mythological terms that gave rise to veterinary medicine as a science // Ratio et Natura. 2023. № 1 (7).

8. Penkova N.A., Nabieva K.R. The use of artificial intelligence technologies for the study of Latin terminology by students of Russian medical universities // Bulletin of the Bashkir State Medical University. 2025. No. S7. Pp. 100–103.

9. Savenkova S.R., Malygina G.E. Semantic consequences of phonetic variability of prefixes of Latin and Greek origin in medical terminology // Global scientific potential. 2025. Vol. 1. No. 11 (176). Pp. 273–279.

10. Shcherbakova I.V., Dorokhina I.V. Online courses in professionally oriented foreign language teaching for students of non-linguistic universities // Psychology and pedagogy of professional activity. 2024. No. 2. Pp. 161–164.

11. Yakovlev A.B., Kruglova L.S., Mayorov R. Yu. On the terminology and clinical classification of onychomycosis // Russian Journal of Skin and Venereal Diseases. 2025. Vol. 28. No. 5. Pp. 586–593.

Экстремальный туризм в концепции дополненной современности: новые социальные детерминанты и гибридные практики

Дерюгин Павел Петрович,
доктор социологических наук, профессор, СПбГУ
E-mail: deriuginpav@yandex.ru

Лебединцев Даниил Александрович,
аспирант, СПбГЭТУ (ЛЭТИ)
E-mail: daniil.al1997@gmail.com

В статье обосновывается необходимость концептуального пересмотра социологического анализа экстремального туризма. Автор впервые предлагает рассматривать данный феномен в рамках концепции дополненной современности Д.В. Иванова и теории мобильностей Дж. Урри, что позволяет выйти за пределы традиционных психологических и экономических интерпретаций. Выявлены новые социальные детерминанты роста экстремального туризма, особенно в молодежной среде: компенсация информационной перегрузки и цифрового выгорания, экзистенциальное самоопределение в условиях размывания социальных ролей, формирование идентичности через пограничные ситуации. Особое внимание уделяется гибридным практикам, где физический риск дополняется цифровой репрезентацией (VR-подготовка, трекинг, медиасопровождение), что порождает парадоксальное сочетание аутентичности и постановочности. Статья вносит вклад в развитие социологической теории туризма и открывает новые направления эмпирических исследований.

Ключевые слова: экстремальный туризм, дополненная современность, гибридные практики, социальные детерминанты, цифровое выгорание, пограничные ситуации, молодежные субкультуры, мобильности, идентичность.

Введение

Экстремальный туризм, долгое время воспринимавшийся как маргинальное увлечение узких групп энтузиастов или форма девиантного поведения, к началу XXI века превратился в масштабный социальный феномен (Иванов М., 2022). Однако, как справедливо отмечают исследователи, в социологической науке он остается «белым пятном»: большинство работ выполнено в русле психологии (мотивация, преодоление страха), экономики (рыночный сегмент) или отраслевых исследований туризма (инфраструктура, безопасность) (Чудина-Шмидт, 2018). Парадоксальным образом при росте популярности экстремальных практик их социологическое осмысление продолжает использовать концептуальный аппарат, сформированный еще в индустриальную эпоху (Beck, 1992).

Цель данной статьи – предложить принципиально новый теоретический ракурс, интегрирующий концепцию дополненной современности Д.В. Иванова и теорию мобильностей Дж. Урри. Такой синтез позволяет, во-первых, выявить гибридные формы экстремального туризма, где физическое действие неразрывно переплетено с цифровой репрезентацией. Во-вторых, установить ранее не фиксировавшиеся социальные детерминанты его роста, особенно значимые для молодежной аудитории. В-третьих, переосмыслить противоречие между поиском «настоящего» экстрима и его неизбежной медиатизацией.

Ограниченность классических подходов и необходимость новой теоретической оптики

Анализ научной литературы показывает, что экстремальный туризм традиционно изучается через призму субъективных состояний. Психологический подход акцентирует терапевтический потенциал, механизмы самореализации и преодоления страхов (Иванов М., 2022; Кузина, 2016; Brymer, Schweitzer, 2013). Экзистенциальный подход интерпретирует экстремальные практики как способ раскрытия экзистенции в «пограничных ситуациях» (К. Ясперс), где человек лицом к лицу встречается со смертью, свободой и смыслом (Метелев, Маслова, 2019). Эти подходы, безусловно, дают глубокое понимание внутреннего мира участника, но они не позволяют ответить на макросоциологические вопросы: почему экстремальный туризм становится массовым именно сейчас? Как цифровые технологии трансформируют саму природу риска? Как формируются сетевые сообщества экстремалов в отсутствие физического контакта?

Социологические концепции, применявшиеся к туризму (структурный функционализм, теория практик П. Бурдье, концепция общества риска У. Бека), также обладают ограничениями. Структурный функционализм слишком статичен и игнорирует субъективные смыслы. Теория практик, напротив, переоценивает символический капитал риска. Концепция общества риска, хотя и продуктивна для анализа восприятия опасностей, не учитывает специфику «добровольного» риска в досуговой сфере и, главное, не фиксирует роль цифровых посредников. Исходя из этого вытекает необходимость в подходе, который одновременно охватывал бы: а) мобильность как ключевую характеристику современности; б) гибридизацию реального и виртуального; в) новые формы социальной солидарности и идентичности.

Дополненная современность как теоретическая рамка

Ключевая идея социолога Д.В. Иванова заключается в том, что после этапа виртуализации социальная реальность не исчезает, а становится более интенсивной – «дополненной» (Иванов Д., 2020). В отличие от классического постиндустриализма Д. Белла и концепций виртуализации Ш. Туркла, Д. Иванов утверждает, что после этапа активного замещения реальных объектов и действий их образами и симуляциями (этап виртуализации) наступает этап *дополненной современности*, суть которого заключается не в исчезновении социального, а в его сверхнасыщении, интенсификации и гибридизации. Физические и цифровые, материальные и символические компоненты человеческого существования не просто сосуществуют, а взаимопроникают, порождая новые, ранее не существовавшие формы. Применительно к экстремальному туризму это означает концептуальный сдвиг: данный феномен перестает

быть «уходом от реальности» или «бегством в природу». Напротив, он становится гипертрофированным слепком самой дополненной реальности. Рассмотрим ключевые положения этой теории в их операционализации для экстремальных практик.

***От виртуализации к дополнению* социальной реальности.** В соответствии с концепцией «жизни на экране» Ш. Теркл в 1990–2000-е годы доминировал дискурс о том, что интернет и цифровые технологии создают параллельный мир, в котором можно жить. Однако к 2020-м годам стало очевидно, что цифровое пространство не замещает реальное, а *дополняет* его. Выбор находится не в плоскости, например, между физическим походом в горы и просмотром фильма о горах: человек делает и то, и другое, и данные два опыта оказываются связаны между собой. Более того, туристические походы теперь немыслимы без GPS-трекера, спутникового коммуникатора, экшн-камеры и т.д. Другими словами, туриста, покоряющего горную вершину, сопровождает целый арсенал цифровых устройств, благодаря которым он оставляет цифровой след в виртуальном пространстве: восхождение планируется с помощью цифровых карт, погодных сервисов и форумов, а по завершении немедленно становится контентом для социальных сетей. Таким образом, экстремальный туризм – это скорее продолжение цифровой повседневности иными средствами.

Гибридный характер опыта и «расширенное присутствие». Дж. Урри в своей теории мобильностей выделил пять взаимозависимых типов мобильностей: телесные (физическое перемещение людей), физические (перемещение объектов), воображаемые (путешествия через образы в медиа), виртуальные (цифровые коммуникации) и коммуникационные (потоки информации) (Урри, 2012). В традиционном туризме данные типы мобильности были относительно автономны, а в дополненной современности разные типы мобильности могут соединяться между собой. Так, экстремальный турист может одновременно совершать телесную мобильность, перемещаясь в физическом пространстве; генерировать виртуальную мобильность (публикует сторис, обновляет трек); потреблять воображаемую мобильность (смотрит видео других экстремалов, готовясь к маршруту); участвовать в коммуникационной мобильности (обсуждает в чате погоду или снаряжение).

Результатом подобной активности становится гибридный опыт, который нельзя свести ни к чистому действию, ни к чистой репрезентации. Возникает феномен «расширенного присутствия», в котором физическое нахождение в опасной точке маршрута дополняется одновременным цифровым присутствием в сообществе, а часто и удаленным наблюдением со стороны подписчиков или инструктора.

Формирование сетевых сообществ и алгоритмическая солидарность. В классической социологии субкультуры (включая туристические и экстремальные) изучались как территориально-локальные образования с присущими им ритуалами и иерархией. Концепция дополненной современности фиксирует их трансформацию. На сегодняшний день сообщество экстремалов – это гибридная структура, существующая одновременно в офлайн- и онлайн-пространствах. Локальные клубы по интересам не исчезают, но их значение снижается. Основная коммуникация, поиск попутчиков, обмен опытом, оценка рисков, даже «ритуалы посвящения» (публикация первого сложного маршрута, получение статуса «эксперт» по количеству лайков или комментариев) происходят на цифровых платформах.

Российский социолог Иванов Д.В. вводит в оборот важное понятие *алгоритмической солидарности* – формы социальной связи, которая опосредована не личным знакомством или общим делом, а рекомендательными системами, хештегами, тематическими подборками (Иванов, 2020). Применительно к экстремальному туризму это означает, что турист может никогда лично не встречаться с теми, кого считает своими и достаточно подписаться на блогера-экстремала, использовать его код для скидки на снаряжение и ориентироваться на его треки. Алгоритм платформы (YouTube, Instagram, специализированного форума) будет подбирать ему похожий контент и похожих пользователей, формируя устойчивое чувство принадлежности без личных встреч и/или контактов. Это порождает качественно новую социальность, которую можно обозначить как *аффилиацию без интеграции*.

Парадокс контроля и симуляции риска. Д.В. Иванов, следуя за У. Беком, отмечает, что в дополненной современности риск не исчезает, но становится управляемым и симулируемым. И экстремальный туризм является ярким примером этого противоречия. С одной стороны, участники ищут настоящий, непредсказуемый риск, где все зависит от их реакции. С другой стороны, вся индустрия экстремального туризма (от производителей страховочного снаряжения до организаторов туров) работает на *минимизацию* этого риска. Более того, цифровые инструменты (точные прогнозы, спутниковая связь, тревожные кнопки, трекеры) создают иллюзию полной контролируемости. Возникает феномен «симулякра риска», т.е. опыта, который переживается *как* опасный, хотя объективная вероятность фатального исхода сведена к минимуму. Данный факт не отменяет ценности переживания для индивида, но требует от социологии рефлексии, что именно переживает человек – реальную опасность или ее высококачественную цифровую модель?

От «туристического взгляда» к «регистрируемому действию». Дж. Урри ввел понятие «туристического взгляда» как социально сконструированного способа видения достопримечательностей (Урри, 2012). В дополненной современности «взгляд» дополняется (а иногда и замещается) «регистрируемым действием». Экстремальный турист не столько смотрит на пейзаж, сколько фиксирует свое действие на его фоне. Критически важным становится не то, что он *увидел*, а то, что он *сделал* (трек, селфи на вершине, видео прыжка) и как это было *зарегистрировано цифровыми устройствами*. Сама регистрация (съемка, трекинг) начинает влиять на действие: альпинист выбирает более безопасный, но эффектный ракурс; рафтер проходит порог не самым быстрым, а самым кинематографичным способом. Действие подстраивается под его будущую репрезентацию.

Таким образом, синтез концепции дополненной современности Д.В. Иванова и теории мобильностей Дж. Урри дает аналитический инструмент, который позволяет преодолеть дихотомию «реальное и виртуальное» и изучать экстремальный туризм как гибридный феномен; выявить новые механизмы социальной солидарности (сетевые, алгоритмические, пост-нарративные); зафиксировать внутренние противоречия современного экстремального опыта (аутентичность и постановочность, риск и контроль, одиночество и публичность); операционализировать понятие «дополненной реальности» не как технологического, а как социологического концепта, описывающего повседневность экстремала.

Именно эта теоретическая рамка становится основой для последующего анализа новых социальных детерминант и гибридных практик.

Новые социальные детерминанты экстремального туризма

На основе предложенной теоретической рамки можно выделить три группы факторов роста экстремального туризма, которые ранее не были концептуально описаны в социологии.

1. *Компенсация информационной перегрузки и цифрового выгорания*. Согласно данным (на 2023–2025 гг.), более 20% россиян фиксируют устойчивый психоэмоциональный стресс, причем в IT-отрасли, где занято около 1,15 млн человек, стресс стал профессиональной нормой. Парадокс дополненной современности: чем более виртуальной становится работа, тем сильнее потребность в «абсолютно реальном», телесном опыте. Экстремальный туризм предлагает именно такой опыт – холод, высоту, усталость, риск. Он выступает как антидот к «жизни на экране». При этом, как ни парадоксально, сам этот «реальный» опыт немедленно возвращается в экран через съемку и трансляцию. Возникает цикл: выгорание от цифры → поиск настоящего → оцифровка настоящего → новое выгорание.

2. *Экзистенциальное самоопределение в условиях размывания социальных ролей*. Современное общество (особенно для молодежи) характеризуется размытостью традиционных траекторий: карьера не гарантирует статуса, семья перестала быть единственной ценностью, политические идентичности фрагментированы. В этой ситуации пограничная ситуация (например, решение прыгнуть со скалы или продолжить восхождение в шторм) становится пространством для мгновенного, неотменимого самоопределения. Человек не «конструирует» идентичность рефлексивно как у Э. Гидденса, а «схватывает» ее в действии на грани. Экстремальный туризм – это технология производства экзистенциальной определенности в условиях перманентной неопределенности.

3. *Формирование идентичности через пограничные ситуации*. В отличие от традиционных механизмов социализации (семья, школа, работа), где идентичность формируется постепенно, экстремальная практика предлагает «сжатый» ритуал перехода. Опыт страха, преодоления и последующей рефлексии (часто также опосредованной цифровыми дневниками и биометрической обратной связью) маркирует участника как «другого», как «экстремала». Эта идентичность обладает высокой степенью аутентичности для самого носителя, поскольку она оплачена реальным риском. В то же время она требует постоянного подтверждения в цифровом сообществе (через лайки, комментарии, репосты видео), что порождает внутреннее противоречие: «я рискую для себя, но доказываю это другим».

Гибридные практики и парадокс аутентичности

Эмпирическим референтом предложенной теоретической рамки выступают гибридные практики, которые можно сгруппировать следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Гибридные практики в экстремальном туризме

Тип практики	Описание	Пример
Виртуальная репетиция	Использование VR/AR для подготовки к маршруту, создание симуляций опасных участков	360 – панорама скального маршрута, симулятор порога для рафтинга
Цифровое сопровождение	Трекинг физиологических параметров (пульс, кислород), GPS-навигация, спутниковая связь в реальном времени	Носимые датчики, передача данных инструктору
Медиа-гибридизация	Одновременное действие и его съемка; адаптация поведения под «кадр»	Альпинист, выбирающий ракурс для селфи на опасном участке
Пост-нарративизация	Создание отфильтрованного, смонтированного рассказа о пережитом; соревнование за «лучший контент»	Монтаж видео прыжка с роуп-джампинга, выкладывание трека в Strava
Сетевая социализация	Поиск группы, инструктора, обмен опытом преимущественно через онлайн-платформы	Форум диггеров, чат для поиска попутчиков в горный поход

Каждая из этих практик порождает фундаментальный парадокс: стремление к аутентичному, «настоящему» экстриму вступает в противоречие с логикой его медийной упаковки. Чем качественнее фото и видео, чем тщательнее спланирован маршрут с помощью цифровых инструментов, тем дальше участник отходит от спонтанности, непредсказуемости и, следовательно, от самой сути экстремального опыта. Возникает ситуация, когда настоящий риск симулируется – не в контексте обмана, а в постановочном смысле, где все элементы контролируемы. Данный факт не отменяет ценность переживания, но требует уточнения: в дополненной современности экстремальный туризм – это не только и не столько взаимодействие с дикой природой, сколько взаимодействие с системой цифровых, экономических и социальных отношений, где природа выступает декорацией, а риск – ресурсом.

Экстремальный туризм как фактор социальной солидарности и источник неравенства

Важно подчеркнуть, что концепция дополненной современности позволяет по-новому взглянуть на социальные последствия экстремального туризма. С одной стороны, гибридные сообщества экстремалов демонстрируют высокий уровень солидарности, основанной на совместном преодолении и общем риске. Как показывают эмпирические данные, совместное прохождение сложных маршрутов способствует формированию долгосрочных дружеских связей, развитию эмпатии и навыков командной работы. Онлайн-платформы только усиливают эти эффекты, позволяя поддерживать связи между экспедициями.

С другой стороны, требования к физической подготовке и финансовые затраты на экипировку, страховку и т.д. создают порог входа к настоящему экстремальному путешествию. Более того, цифровой разрыв проявляется и здесь и выражается в создании качественного медиаконтента, необходимого для признания в сетевом сообществе, что требует не только смелости и дорогой техники, но и развитых цифровых навыков. Таким образом, экстремальный туризм в дополненной современности воспроизводит и даже усиливает социальную стратификацию, превращая риск в символический капитал, доступный далеко не всем.

Заключение

Проведенный теоретический анализ предлагает концептуальное расширение экстремального туризма, который не может быть адекватно понят в рамках классических теорий досуга и/или девиации. Концепция дополненной современности и теория мобильностей образуют необходимую теоретическую рамку, фиксирующую гибридную природу этого феномена.

Впервые были выявлены новые социальные детерминанты, в частности, три группы факторов, объясняющих рост экстремального туризма среди молодежи: компенсация цифрового выгорания через поиск «настоящего» в ответ на тотальную виртуализацию, экзистенциальное самоопределение в условиях размытых ролей и формирование идентичности через опыт, требующий последующей медийной верификации. Также было продемонстрировано, что современный экстремальный туризм представляет собой гибридные практики, которые существуют на стыке физического действия, цифровых технологий и медиарепрезентации; выделены типы гибридных практик: виртуальная репетиция, цифровое сопровождение, медиа-гибридизация, пост-нарративизация, сетевая социализация. В завершении анализа отмечается возникновение парадокса аутентичности: зафиксировано фундаментальное противоречие между стремлением к «неподдельному» опыту и логикой его неизбежной медиатизации. Вместе с тем, это открывает новое направление исследования – социологию «сконструированного риска».

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных теоретических положений: анализом цифровых следов экстремалов (треки, посты, взаимодействия), глубинными интервью с участниками гибридных практик и сравнительным анализом различных субкультур (например, «чистых» альпинистов и блогеров-экстремалов). Экстремальный туризм в эпоху дополненной современности перестает быть просто приключением – он становится зеркалом, в котором отражаются главные противоречия нашего времени: между реальным и виртуальным, аутентичным и постановочным, риском и безопасностью, одиночеством и публичностью.

Литература

1. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
2. Иванов М.В. Сущность экстремального туризма как явления культуры: структурно-функциональный анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 1. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/39KLSK122.pdf
3. Метелев А.В., Маслова О.М. Экзистенциальные основания экстремального туризма (опыт интерпретации, развития и применения философских идей К. Ясперса) // Siberian Journal of Tourism and Economic. 2019. № 10. С. 5–10.
4. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
5. Чудина-Шмидт Н.В. От феномена экстремальности к понятию «экстремальность» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. № 1. С. 147–154.
6. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage, 1992.
7. Brymer E., Schweitzer R. Extreme sports are good for your health: a phenomenological understanding of fear and anxiety in extreme sports // Journal of health psychology. 2013. Vol. 18. № 4. P. 477–487.

EXTREME TOURISM IN THE CONCEPT OF AUGMENTED MODERNITY: NEW SOCIAL DETERMINANTS AND HYBRID PRACTICES

Deriugin P.P., Lebedintsev D.A.
St. Petersburg State University, Saint Petersburg Electrotechnical University (LETI)

The article substantiates the need for a conceptual revision of the sociological analysis of extreme tourism. For the first time, the author proposes to consider this phenomenon within the framework of D.V. Ivanov's concept of augmented modernity and J. Urry's mobility theory, which makes it possible to go beyond traditional psychological and economic interpretations. New social determinants of the growth of extreme tourism, especially among young people, are identified: compensation for information overload and digital burnout, existential self-determination in conditions of blurring social roles, identity formation through borderline situations. Special attention is paid to hybrid practices where physical risk is complemented by digital representation (VR training, tracking, media support), which gives rise to a paradoxical combination of authenticity and staging. The article contributes to the development of the sociological theory of tourism and opens up new directions for empirical research.

Keywords: extreme tourism, augmented modernity, hybrid practices, social determinants, digital burnout, borderline situations, youth subcultures, mobility, identity.

References

1. Ivanov, D.V. (2020) 'Augmented modernity: effects of post-globalization and post-virtualization', Sociological Studies, (5), pp. 44–55.
2. Ivanov, M.V. (2022) 'The essence of extreme tourism as a cultural phenomenon: structural and functional analysis', World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies, 13(1).
3. Metelyov, A.V. and Maslova, O.M. (2019) 'Existential foundations of extreme tourism (experience of interpretation, development and application of K. Jaspers' philosophical ideas)', Siberian Journal of Tourism and Economic, (10), pp. 5–10.
4. Urry, J. (2012) Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Higher School of Economics Publishing House.
5. Chudina-Schmidt, N.V. (2018) 'From the phenomenon of extremity to the concept of «extremality»', Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies, (1), pp. 147–154.
6. Beck, U. (1992) Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage.
7. Brymer, E. and Schweitzer, R. (2013) 'Extreme sports are good for your health: a phenomenological understanding of fear and anxiety in extreme sports', Journal of Health Psychology, 18(4), pp. 477–487. Doi: 10.1177/1359105312446770

Социология войны: становление и развитие

Веремчук Владимир Игоревич,
доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
E-mail: mr.veremchuk@mail.ru

Крутилин Дмитрий Сергеевич,
кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии, Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
E-mail: krutilin_dc@mail.ru

Григорьев Николай Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
E-mail: nugrig@mail.ru

Век войн начался. Одна из научных дисциплин, позволяющих встретить это время во всеоружии – социология войны. Она заставляет нас прочувствовать всю серьезность наступающего момента. Эта наука, несмотря на усилия отдельных ученых, находится все еще в стадии становления. Первые наработки в русле социология войны появились в Европе в XV веке. У нас в стране становление социологии войны связано с именами выдающихся социологов П.А. Сорокина и Н.Н. Головина и датируется 30-ми годами прошлого века. Социология войны, как научная дисциплина состоит из двух частей: наука о войне и военное искусство. Изучая данную военно-социальную дисциплину, мы должны быть готовыми к ведению войны, чтобы защитить мир.

Ключевые слова: война, социология войны, вооруженные силы, военное искусство.

Введение

Мы вступили в век войн. Поэтому на первый план выходят стратегия и тактика их ведения. Жизнь заставляет нас возвращаться к научным дисциплинам чрезвычайно важным, но не «пришедшимся ко двору» результатами своих исследований. Одна из таких дисциплин – социология войны. Эта наука, несмотря на усилия отдельных ученых, все еще находится в стадии становления. Итак, социология войны – отрасль социологии, изучающая войну как социально-психологическое явление, высшая синтетическая наука о войне и военном искусстве, а так же социологическое исследование природы войны, рассматривающее различные социальные аспекты боевых действий, и выводящая закономерности ведения вооруженной борьбы в социуме. Эта наука представила закономерности ведения войны, без понимания которых любая военная компания обречена на провал. Основными из них являются следующие:

– главенства духовного элемента в явлениях войны;
– неизбежности войны;
– силы (энергетического превосходства над противником);
– единства цели и средств ведения войны;
– информационного противоборства (использование информационного пространства как театра военных действий);
– расширения масштаба боевых действий;
– сетевого характера противоборства (опасность может исходить от всевозможных организаций, участники которых объединены в сетевые структуры);
– синергетической организации боевых действий [1–2].

Эти и многие другие важные аспекты знания о войне были получены в ходе длительного периода развития социологической науки. Рассмотрим подробнее специфику этого процесса за рубежом и в России.

Становление социологии войны за рубежом

Первым в Европе научный трактат о ведении войны представил в своих трудах итальянский мыслитель Н. Макиавелли. В своих работах «Государь» и «О военном искусстве» выдающийся политический деятель эпохи Возрождения пытается раскрыть тайны многих аспектов военного дела. В работе «Государь» он пишет, что поистине страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное для государя и добивается этого он умением или силой. Вывод, который Н. Макиавелли делает, звучит очень просто, – государь (или республика) должны иметь собственное войско, без которого всякое предприятие лишено настоящей основы, ибо он не будет иметь ни более верных, ни более храбрых, ни лучших солдат [3, с. 124].

В трактате «О военном искусстве» военный мыслитель делает несколько обобщающих принципов ведения войны.

1. Любое преимущество, которое может быть предоставлено врагу, обернется твоим ущербом. И наоборот: все, что укрепляет твои позиции, неизбежно ослабляет противника.
2. Не вступай в битву, пока не убедишься в высоком боевом духе своих солдат и не подавишь в них страх перед врагом.
3. Не начинай сражения, если не убедился, что твои воины верят в успех.
4. Эффективная стратегия – та, что не вскрыта противником до самого момента ее реализации.
5. На войне крайне важно уметь видеть возможность для маневра и без промедления использовать ее в своих интересах.
6. Истинная храбрость выковывается в учениях, закаляется дисциплиной и постоянным трудом.
7. На поле боя железная дисциплина ценится выше, чем скорость или натиск.
8. Мужество и стойкость бойцов значат гораздо больше, чем их численное превосходство.
9. Будь гибок: если противник разгадал твой план, не бойся изменить тактику и действовать иначе.
10. Принимай решения, советуясь со многими, но о финальном плане информируй лишь узкий круг доверенных лиц.
11. Непредвиденные обстоятельства всегда сложнее контролировать, тогда как к ожидаемым угрозам можно подготовиться заранее.
12. Основу любой войны составляют четыре столпа: люди, вооружение, финансы и продовольствие [4, с. 134–135].

Многие мысли Макиавелли в несколько ином виде были сформулированы Т. Гоббсом в его труде «Левиафан». Английский философ утверждал, что любые договоренности, не подкрепленные реальной военной мощью, остаются лишь пустыми словами, неспособными обеспечить безопасность. Истинной гарантией защиты для любого народа служат его вооруженные силы, эффективность которых определяется централизованным управлением, объединяющим все военные ресурсы под единым началом [5, с. 11–31].

Существенный вклад в развитие социологических аспектов теории войны внес К. фон Клаузевиц. В работе «О войне» он пишет, что война является «актом насилия, имеющим целью заставить противника выполнить нашу волю» [6, с. 15–20]. При этом полная невозможность сопротивляться есть худшее положение, в котором может оказаться воюющая сторона. Прусский военный теоретик особо отмечает, что сила сопротивления противника равна не только размеру средств, которыми он располагает, но и его силе воли.

Классик военной мысли, стоявший у истоков науки о войне, отмечал, что в своей основе война сродни азартной игре, где ключевую роль играет случай. Однако на исход влияют не только удача. Огромное значение имеют непредсказуемые факторы, необходимость идти на риск и, безусловно, элемент везения. Поскольку военное искусство оперирует в первую очередь людьми со всей совокупностью их чувств, верований и воли, результат противоборства по определению не может быть заранее предопределенным. В борьбе всегда остается место для неопределенности, а значит – и для смелых, рискованных решений [6, с. 34–36]. Ведение боя всегда есть пересечение объективного и субъективного.

Делая некоторые обобщения, К. Клаузевиц пишет, война в обществе цивилизованных народов всегда порождается политикой и продиктована исключительно политическими мотивами. При этом, чем масштабнее и весомее политические причины, тем глубже они проникают во все сферы жизни народа. Мыслитель резюмирует, что война обладает триединой природой. Ее составными элементами выступают:
– насилие, основанное на ненависти и вражде (это удел социальных масс);
– игра случая и вероятности, требующая нешаблонности мысли и действий (сфера деятельности полководцев);
– подчиненность политике, где господствует холодный расчет (ведущая роль правительства).

Таким образом, чем сильнее политические цели войны отклоняются от некой идеальной модели абсолютной войны, тем очевиднее становится ее политическая сущность.

Другой немецкий мыслитель Ф. Ницше в своей неоконченной книге «Воля к власти» (1901; 1906) попытался представить нам историю ближайших двух столетий. По его мнению, вся европейская культура уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе. Он заключает, что жизнь есть результат войны, само общество – средство для войны. При этом человек как «вид» не представляет прогресса в сравнении с каким-нибудь иным животным, и потому он, как и все его «стадо», неизбежно пойдет воевать без жалости и снисхождения к противнику [7, с. 25–40].

Вот как описывает характер боевых действий немецкий писатель и философ, участник и герой Первой мировой войны Э. Юнгер. Он отмечает, что «война – отец всех вещей, также и наш отец. Она выковала нас, вычеканила и закалила, сделав из нас то, что мы есть. Война разорвала общность Европы, когда мы за знаменами и символами, встали друг против друга для древнего решения. Там его инстинкты, слишком долго уже сдерживавшиеся обществом и его законами, снова стали единственным и святым и последним разумом. Война, продолжает немецкий писатель, – это самая могущественная встреча народов. На войне вся команда знает только одну цель – врага. Война – это в столь же малой степени человеческое учреждение, как и половой инстинкт. Она – закон природы, поэтому мы никогда не избежим ее» [8, с. 7–10].

По мысли Э. Юнгера, современная армия представляет собой единый военный механизм, где люди и машины есть одно целое. Его предназначение – тотальное уничтожение. В этом чудовищном единстве машина предстает как сгусток коллективного разума. Она в тысячи крат умножает силу отдельного бойца и именно она определяет весь ужасающий характер современной борьбы. И все же, как заключает «поэт войны», за всей этой стальной мощью стоит человек. Именно он вкладывает в машины смысл и цель, направляет их разрушительную энергию. Человек остается самым опасным существом на планете, ее главным ее хищником.

Грядущая война в представлении европейцев будет называться «тотальной». Э. Людендорф является отцом-основателем тотальной войны. В 1935 году выходит в свет его книга – «Тотальная война». Немецкий полководец настаивает, что тотальная война направлена не только против вооруженных сил, но и непосредственно против самих народов. Особенностями тотальной войны являются:
- направленность против огромных масс людей, степень вовлечения которых в боевые действия очень высока;
- нацеленность одного государства на подчинение своей воле другого государства (идея К. Клаузевица);
- неразрывное единство вооруженных сил и гражданского населения;
- значительное увеличение боевых средств в ходе военных операций;
- изменение жизни и души каждого представителя воюющих народов;
- необходимость «политическим вождям» не только разбираться в военном деле, но и руководить внешней политикой;
- потребность политики поддерживать духовную силу народа и формировать новый уклад его жизни;
- сущность тотальной войны требует мобилизации всей национальной силы своего Отечества.

В тотальной войне мощь армии находится в прямом соответствии с экономической, духовной и физической мощью народа. Нравственное состояние народа становится нравственным состоянием вооруженных сил.

Немецкий полководец пишет, что лишь такой народ, единство которого глубоко укоренено в его духовной жизни, способен оказать всестороннюю поддержку войнам. Высшее военно-политическое руководство, по мнению исследователя, в случае тотальной войны должно принять особые меры:
- ужесточение законов о разглашении военной тайны;
- закрытие границ с нейтральными государствами;
- строжайшая цензура печати и запрет собраний;
- арест по меньшей мере главарей «недовольных»;
- тщательный контроль за железными дорогами и радиовещанием.

В духовной сфере тотальная политика должна быть не только политикой военного времени, но и охватывать все сферы общественных интересов. Только тотальная война обеспечит выживание нации, – подводит итог Э. Людендорф [9, с. 19–112].

Этим воспользовался фашизм в Германии. Мало того, что было возведено в форму идеологии понятие «тотальной войны», все германское общество стало носителем фашисткой ментальности.

Вильгельм Райх определяет фашистскую ментальность как психологию «маленького человека» – личности порабощенной, но одновременно жаждущей власти и находящейся в состоянии внутреннего протеста. Этим, по его мнению, и объясняется тот факт, что большинство диктаторов выходили именно из этой среды.

Сам фашизм немецкий психолог уподобляет «сержанту колоссальной армии» – нашему глубоко больному, промышленно развитому обществу. Это образ функционера, который является не причиной болезни, а ее симптомом и исполнителем.

Таким образом, становится очевидно, что фашизм – это не злая воля отдельных личностей вроде Гитлера или Муссолини. Это закономерное выражение глубинной психологии «массового человека». Не случайно сам Гитлер подчеркивал, что для управления толпой бесполезно апеллировать к разуму. Язык власти в таких условиях – это язык чувств и верований, а не доказательств и знаний [10, с. 14–22].

Так происходило становление теории войны и ее социологических аспектов за рубежом. Рассмотрим отечественные подходы к социологии войны.

Отечественный подход к социологии войны

Время социологии войны в России – первая половина XX века. Но еще до этого момента выходили книги, посвященные войне. Одна из них принадлежит перу социолога М. Энгельгарта. Российский ученый (1899) пытается доказать, что культура человечества, нашедшая свое воплощение в таких явлениях, как войны и сопутствующие социальные явления, представляли собой эволюцию всех форм жестокости и нравственный регресс.

Первые успехи социологии, как самостоятельной науки, – отмечает М. Энгельгарт, – осветили торжество ошибочной теории прогресса. Между тем жестокость есть именно специфическая, общая, массовая черта человечества, биологической свойство вида Homo sapiens. С тех пор, как существуют люди на земле, у них не было более страшных врагов, чем люди же.

Социолог доказывает, что война создала государства; деспотизм укреплял их, соединяя вместе людей, непривыкших к подчинению. Первичный путь государства – военный тип; другого способа возникновения государств, кроме войны не было; и дальнейшая их история – история непрерывной борьбы военных типов.

М. Энгельгарт приходит к выводу, что война, великий бичь культурного человечества, выдвинув на первый план жестокость, породила и сладострастие жестокости. Долгая практика войны создает «инстинкты разрушения», убивают ради убийства, вредят без надобности, из удовольствия вредить. Война становится делом «благородного» человека [11, с. 3–107].

Вплотную подошел к созданию науки о войне – социологии войны –ученый Николаевской академии Генерального штаба генерал от инфантерии Н.П. Михневич. В его трудах изучение войны как социального явления составляет один из разделов динамической социологии. Военная социология или, как ее называл Н.П. Михневич, «социология войны» должна постоянно идти в ногу со временем, аккумулируя современное социологическое и военное знание, поскольку «война и есть приложение в жизни человеческих обществ всемирного закона борьбы за существование» [12, с. 90–91].

Однако первым, кто начал разрабатывать социологию войны был выдающийся русский социолог П.А. Сорокин. В 1928 году, находясь в эмиграции, выходит в свет его книга на английском языке «Современные социологические теории». Одна из глав этой книги носит название «Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социологии войны». Цель данной главы состоит, в том, чтобы дать анализ социологических теорий, посвященных войне. В работе также имеется ряд интересных наблюдений.

Так, русский социолог обращает внимание на то, что уровень потерь в современных армиях не снижается по сравнению с историческими аналогами, что свидетельствует о неизменности числа жертв в войнах. Это ставит под сомнение утверждения о том, что войны исчезают, как это утверждают некоторые авторы. На основании имеющихся данных он делает вывод, что исчезновение войн не может быть доказано.

Существуют два основных подхода к пониманию социальных функций войны. Первый подход рассматривает войну как двигатель прогресса, который приносит определенные полезные последствия. Второй, напротив, акцентирует внимание на разрушительном воздействии войны на различные аспекты социальной жизни.

В результате анализа этих подходов социолог формулирует несколько ключевых выводов. Во-первых, он отмечает наличие корреляций между феноменом войны и различными аспектами социальной жизни. Во-вторых, для углубления понимания войны необходимо отказаться от морализаторства и сосредоточиться на ее объективном исследовании. В-третьих, существующие теории часто сводятся к ссылкам на «универсальные законы борьбы» или «инстинкты», такие как «военные» и «патриотические инстинкты».

П.А. Сорокин подчеркивает, что даже если инстинкт войны может быть источником конфликтов, он не объясняет, почему общество в определенные периоды времени находится в состоянии войны или мира, а также почему одни общества более воинственны, чем другие. Это требует дальнейшего изучения и анализа [13, с. 112–133].

С П.А. Сорокиным активно сотрудничал другой известный социолог – генерал Н.Н. Головин, внесший основной вклад в становление социологии войны (1938). Его публикации по теме относятся так же к периоду эмиграции. Он пишет, что наука о войне – социология войны – имеет право на существование наравне с прочими науками, изучающими военную жизнь. Она должна представлять собой ее социологическое исследование и рассматриваться в рамках двух основных разделов:

1) наука о войне – посвящена закономерностям ведения войны;

2) наука о ведении войны – основное содержание должны представлять социально-психологические принципы ведения войны.

Социология войны даст необходимое объединение для теории военного искусства и науки о войне, устанавливая из закономерности [14, с. 16–17].

В своей научной работе, написанной на заре Второй мировой войны, Н.Н. Головин обращает внимание на уникальную возможность, открывшуюся перед военными специалистами. Попав в действующую армию, они получают шанс подвергнуть практическому испытанию не только знания, полученные в мирное время, но и собственные теоретические построения. Автор подчеркивает, что социальные науки в целом находятся на раннем этапе развития, а военная наука – и вовсе в зачаточном состоянии. Это объясняется исключительной сложностью самого феномена войны, который является самым многогранным из всех социальных явлений.

Российский социолог проводит аналогию, называя войну лучшим учителем. Именно она, по его мнению, отсекает все умозрительное и оторванное от реальности, что неизбежно накапливается в теории без проверки на практике. Следовательно, для формирования адекватного понимания природы войны личный опыт становится абсолютно незаменимым. При этом опыт военнослужащего на передовой и опыт полководца в штабе – две разные плоскости восприятия, каждая из которых требует специфических знаний и навыков. Для успешного командования недостаточно лишь опыта управления крупными соединениями, необходимо понимание «окопной правды».

Особое внимание автор уделяет психологическому аспекту боевых действий. Он утверждает, что истинную сущность войны можно постичь, только увидев ее своими глазами. При этом понимание природы войны рядовым бойцом («внизу») кардинально отличается от имеющегося в высших штабах («сверху»). Н.Н. Головин призывает не пугаться того кризиса, который переживает военная наука при столкновении с ситуацией «на земле». Этот период переоценки знаний о войне жизненно необходим.

В заключение мыслитель дает напутствие: следует быть готовым к несовершенству существующей теории. Не нужно бояться подвергать ее выводы сомнению, опираясь на суровую реальность противоборства. Однако цель критики – не разрушение ради разрушения. Развенчав старые догмы и отбросив устаревшие положения, необходимо немедленно приступить к созданию новой, более совершенной научной концепции, основанной на полученном боевом опыте [15].

Внутри страны тематика войны также имела большое значение. Отметим перешедших на сторону революции А.А. Свечина и А.Е. Снесарева Работы по социологии войны не публиковались, ибо социология была объявлена буржуазной наукой и собственно расцвет ее приходится на конец 80-х годов XX века.

А.А. Свечин публикует по теме военного искусства научный труд «Стратегия» (1923–1924; 1927). Он рассматривает военное искусство как обширную область, охватывающую все аспекты военного дела. Для ученого стратегия – это не просто набор тактических приемов, а искусство, требующее от военных лидеров глубокого понимания политических и социальных процессов.

В работе подчеркивается, что война является продолжением политической борьбы и что армия не может существовать в отрыве от классовых интересов, доминирующих в обществе. Ученый утверждает, что армия должна быть инструментом в руках правящего класса, который формирует идеологию и цели, стоящие перед вооруженными силами. Патриотизм, по его мнению, остается основным фундаментом для формирования национальных армий, что особенно актуально в условиях современных конфликтов.

В своих рассуждениях А.А. Свечин акцентирует внимание на том, что успех в войне зависит не только от численности и подготовки войск, но и от морального духа, организации и дисциплины. Он считает, что задачи войны должны быть понятны и близки широким массам населения, что позволяет вооруженным силам действовать с большим моральным подъемом и упорством. Важнейшими факторами, способствующими победе, он называет физическую работоспособность, выучку и вдохновляющий дух солдат.

Свечин также выделяет, что стратегическая мысль возникает в процессе военных действий, когда становится очевидным путь к достижению целей войны. Он отмечает, что военные действия могут принимать различные формы: от сокрушения и обороны до маневренных и позиционных операций. Это разнообразие форм требует от командиров гибкости и способности адаптироваться к изменяющимся условиям на поле боя.

Одним из ключевых выводов А.А. Свечина является то, что высшее командование должно состоять из людей, способных действовать самостоятельно, а не только следовать строгим приказам. Он настаивает на том, что директивы должны быть ясными и целенаправленными, а не перегруженными излишними указаниями. Лишь авторитетный лидер может вдохновить своих подчиненных на выполнение задач, создавая атмосферу доверия и энергии.

Таким образом, труды А.А. Свечина остаются актуальными и сегодня, предлагая глубокий анализ взаимосвязи между военным искусством, политикой и обществом, а также подчеркивая важность морального и организационного аспектов в достижении победы в войне [16, с. 7–257].

А.Е. Снесарев называет свой труд «Философия войны» (1919–1921). Он настаивает на мысли, что война является постоянной и неизменной спутницей человечества. А философия войны есть научно переработанное военное мировоззрение.

Он утверждал, что бремя войны не может быть возложено исключительно на армию. По его мнению, вся нация должна быть вовлечена в военные усилия, что требует воспитания граждан в духе военного патриотизма.

Ученый акцентировал внимание на двух ключевых вопросах: продолжительности и неизбежности войны, подчеркивая, что эти аспекты определяют судьбу государства. По его мнению, война формирует государство и его будущее, требуя от народа не только физической,

но и социально-психологической готовности. Он утверждал, что в условиях войны государство должно проводить политику всеобщего воинского воспитания, что, по сути, превращает граждан в «злых и ярых зверей», готовых защищать свою родину. Это, по его мнению, является необходимым условием для выживания и процветания нации.

А.Е. Снесарев отмечал, что войны всегда играли решающую роль в жизни государств и народов. Они открывают новые горизонты для молодых наций и одновременно приводят к упадку старых, изможденных историческими испытаниями. В этом контексте он делает вывод, что основная функция государства заключается в защите от внешних угроз и завоеваний.

Ученый доказывал, что современное огосударствление войны является непреложным законом. Он утверждал, что наличие войны неизбежно приводит к созданию или разрушению государства. Человечность и этика ведения войны, по его мнению, зависят от моральных устоев самого государства.

В заключение А.Е. Снесарев подводит итог, что без сильного государства невозможно существование общества и достижение общечеловеческих целей. Все усилия, направленные на защиту государства, являются правильными и нравственными. Таким образом, война, с точки зрения разумно понятых государственных интересов, находит свое оправдание и является необходимым инструментом для обеспечения безопасности и процветания нации [17, с. 61–210].

Однако вскоре в стране происходят социально-политические изменения. С середины 80-х годов возрастает роль социологии. Одной из ведущих книг в этот период явилась работа доктора философских наук, генерал-лейтенанта В.В. Серебрянникова «Социология войны». Война, трактуется им, как особое социальное явление. Исследование этого явления имеет главные цели:

– на основе глубокого познания общества всесторонне рассмотреть данное социальное явление;
– вывить ее закономерности и свойства;
– раскрыть постоянный характер войны, как социального явления.

В XX веке войны в своем развитии достигли ступени мировых, – отмечает военный социолог, – охватывая большинство населения Земли. Ракетно-ядерная война вышла на глобальный уровень. В XXI веке возрастет число локальных войн. Значительно расширится число военных информационных систем.

В.В. Серебрянников утверждает, что происходят глобальные изменения масштабов войн. Возрастает число средних и малых войн. Расширяется содержание войн. Оно стало дополняться информационно-психологической, разведывательно-диверсионной, экономической и другими типами войн.

Войны стали организованными государствами, массированными видами вооруженного насилия. Произошло изменение содержания войн на внешние и внутренние последствия для государства. В качестве особенности хотелось бы выделить неизмеримо возросшие жертвы среди мирного населения государств. Война, – констатирует В.В. Серебрянников, – есть организованная вооруженная борьба или военные действия одних политических общностей против других, либо между их частями. Войны происходят от агрессивности государств, обществ, социальных групп, правителей.

Он раскрывает механизм образования военной идеологии:

– милитаризация общества и населения. Агрессивность вооруженных сил;
– поиск и создание идеологии для вооруженной борьбы;
– приход к власти агрессивных военно-политических сил;
– усиление конфронтационности действий по обострению внешней и внутренней обстановки;
– превращение военной организационной и материально-технической деятельности в ведущее направление;
– наличие в обществе военно-агрессивного лидера.

Таким образом, В.В. Серебрянников делает вывод, что имеется глубокая объективная потребность в насилии, порождающая войну. Война не исчезнет как социальное явление. Армии нужны всегда: они вечны, и без них человечество погрузится в пучину хаоса. Война никогда не уйдет из жизни людей.

Блестящий военный социолог аккумулирует задачи перед социологией войны. Он пишет, что социология войны, формально определившаяся как самостоятельная отрасль социологической науки в 30-х годах XX века, вплоть до сегодняшних времен сосредотачивалась на исследованиях морально-психологических состояний, поведения и отношений различных категорий военнослужащих (контрактников, рядовых, сержантов, офицеров и генералов), их общностей (групп, коллективов, частей и соединений, воинских масс), армии в целом в экстремальных боевых условиях вооруженной борьбы. Ее главной задачей было обслуживание своими средствами потребностей военной политики, подготовка государств, армий, народов, обществ и граждан к войне, достижению победы в ней. Главными же потребителем плодов социологии войны является военно-политическое руководство государств, командование вооруженных сил, войсковые начальники, военно-учебные заведения.

Социологии войны предстоит совершить крутой поворот в своем развитии.

1. Необходимо сделать главной и ведущей системой отсчета и функционирования потребности ведения войны.

2. Существенно расширяются социально-политические функции социологии войны. Она оказывает более сильное влияние на выработку мировой политики, концепций развития международных отношений, военных доктрин и реформ в бою отводится большая роль в формировании новых ценностных ориентиров для военно-политической системы и трансформаций армий в главное орудие войны.

3. Социология войны, имея главной целью исследования трансформаций социумов всех уровней и социальных отношений в интересах военной сферы.

Доктрина войны, – резюмирует В.В. Серебрянников, – принуждающая противника к миру, нуждается в приоритетной разработке. Только на ее основе могут быть разработаны военные концепции, достойные третьего тысячелетия [18, с. 6–115].

Сущность войны связана и с понятием «суверенитет». В настоящее время подлинным суверенитетом обладает сравнительно небольшое количество государств. Об этом пишет в своих работах академик РАН А.А. Кокошин. Он утверждает, что «реальный суверенитет означает способность государства на деле, а не декларативно самостоятельно определять свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать союзы, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т.д. Наличие реального суверенитета порождает у нации и ее индивидуумов особое мироощущение, особую гордость за свою страну, государство и его институты» [19, с. 173–174].

Реальный суверенитет, по мнению А.А. Кокошина, основывается на независимых вооруженных силах, развитой военной науке и оборонной промышленности. Отсутствие национальной научно-промышленной политики влечет потерю реального суверенитета.

А.Г. Дугин отмечает, что у нашего народа есть историческая память в отстаивании своей национальной целостности и суверенитета. Русские на протяжении всей своей истории непрерывно воевали, – пишет философ в книге «Русская война». В каждой схватке, – продолжает он, – нам бросали вызов. И каждый раз мы давали ответ. «У войны нет альтернативы: либо война, либо война. Одно из двух. Государство, народ, культура всегда вынуждены воевать за то, чтобы остаться собой и сохраниться» [20, с. 53–68], – констатирует ученый.

А.Г. Дугин делает широкое обобщение о том, что быть военным – это не просто профессия или призвание, а врожденная предрасположенность. По его мнению, военные представляют собой особый тип людей, обладающих уникальными социальными, психологическими и этическими установками, которые характерны для армий всех времен и народов. По его мнению, именно воины, не секретари обкомов, не аналитики, не актеры создали Русь и русское общество. На них и дальше будет лежать ответственность за судьбу России.

Заключение

Социология войны прошла сложный путь своего становления в качестве научной дисциплины о войне, ее влиянии на социум, его институты и организации, характер и направленность общественных процессов. Наиболее интенсивно она развивалась в 30-х годах прошлого столетия, когда выдающиеся социологи П.А. Сорокин и Н.Н. Головин на основе разрозненного эмпирического материала получили серьезные теоретические построения, методологические основы исследования вооруженного противоборства.

В предметную область социологии войны вошло и изучение влияния общества на ход и исход военных действий. В.В. Серебрянников убедительно показал социальную обусловленность результатов силового противостояния народов и наций.

Страна вступила в схватку, она воюет. Появляются призывы к тотальной войне. Несмотря на безусловную высокую значимость здесь военных технологий, именно человек, в конечном счете, и определяет итог и победу в войне.

Литература

1. Головин Н.Н. История военного искусства как наука. (Лекция, прочитанная в младшем классе Императорской Николаевской военной академии 8-го января 1908 года) // Сборник статей и лекций. – СПб.: Экономическая типо-литография, 1913.

2. Добреньков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. – М.: Академический проект, Альма Матер, 2011. – 218 с.
3. Макиавелли Н. Государь. Пер. с ит. Г. Муравьевой. М.: Мартин, 2022. – 128 с.
4. Макиавелли Н. О военном искусстве // Искусство войны: Антология. В 2 кн. Кн. 2. Новое время/ Сост., подгот. текста, предисл., коммент. Р.Светлова. СПб.: Амфора, 2000. – 493 с.
5. Гоббс Т., Канетти Э. Левиафан. Как рождается чудовище власти / Т. Гоббс, Э. Канетти. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 272 с.
6. Клаузевиц К. О войне / Карл фон Клаузевиц; [перевод с немецкого А. Рачинского]. М.: Издательство АСТ, 2022. – 1024 с.
7. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей / Фридрих Ницше; пер. с нем. Т. Гейликмана, Е. Герцык, Г. Рачинского и др. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 448 с.
8. Юнгер Э. Философия войны. «Я» перед лицом смерти // Аффекты войны / Юнгер Э., Кайуа Р. – М.: Родина, 2025. – 240 с.
9. Людендорф Э. Тотальная война: [перевод с немецкого] / Эрих Фридрих Вильгельм Людендорф. – Москва: Издательство «Э», 2015. – 448 с.
10. Райх В. Психология масс и фашизм / Райх Вильгельм; [перевод с английского Ю.М. Донца]. – Санкт-Петербург.: Издательство «Университетская книга», 1997. – 380 с.
11. Энгельгарт М.А. Прогресс как эволюция жестокости / Предисл. О.А. Донских. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 222 с.
12. Михневич Н.П. Стратегия. Изд. 2-е. – СПб, 1906. Кн.1. – 292 с.
13. Сорокин П.А. Социологическая интерпретация «борьбы за существование» и социологии войны. Глава из кн. // Социология современных войн / Под ред. Рязанцева И.П., Цыганкова П.А.; Перевод с английского Ю.Б. Михайлова, Л.А. Преснякова. Москва, 2004. – 135 с.
14. Головин Н.Н. Наука о войне: О социологическом изучении войны. Париж: Издательство газеты «Сигнал», 1938. – 242 с.
15. Головин Н. Знание и опыт // Русский Инвалид. – 1939. – № 142.
16. Свечин А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. – 265 с.
17. Снесарев А.Е. Философия войны. – М.: Финансовый контроль, 2003. – 287 с.
18. Серебрянников В.В. Социология войны. – М.: «Ось-89», 1998. – 320 с.
19. Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии // Предисл. академика РАН Г.В. Осипова. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 616 с.
20. Дугин А.Г. Русская война / Под ред. М.В. Коровина. –М.: Родина, 2023. – 272 с.

SOCIOLOGY OF WAR: FORMATION AND DEVELOPMENT

Veremchuk V.I., Krutilin D.S., Grigoriev N.Yu.
Knyaz Military University Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

The century of wars has begun. One of the scientific disciplines that enables us to face this era fully prepared is the sociology of war. It compels us to grasp the gravity of the impending moment. This science, despite the efforts of individual scholars, is still in its formative stage. The first developments in the field of the sociology of war emerged in Europe in the 15th century. In our country, the establishment of the sociology of war is associated with the names of the eminent sociologists P.A. Sorokin and N.N. Golovin and dates back to the 1930s.
The sociology of war, as a scientific discipline, consists of two parts: the science of war and the art of war. By studying this military discipline, we must be prepared to wage war in order to defend peace.

Keywords: war, sociology of war, armed forces, military art.

References

1. Golovin N.N. History of Military Art as a Science. (Lecture delivered at the Junior Class of the Imperial Nicholas Military Academy on January 8, 1908) // Collection of Articles and Lectures. – St. Petersburg: Ekonomicheskaya Tipo-litografiya, 1913.
2. Dobren'kov V.I., Agapov P.V. War and Security of Russia in the 21st Century. – Moscow: Akademicheskii Proekt, Al'ma Mater, 2011. – 218 p.
3. Machiavelli N. The Prince / Translated from Italian by G. Murav'eva. – Moscow: Martin, 2022. – 128 p.
4. Machiavelli N. On the Art of War // The Art of War: Anthology. In 2 books. Book 2. Modern Times / Edited, prepared, introduction and comments by R. Svetlov. – St. Petersburg: Amfora, 2000. – 493 p.
5. Hobbes T., Canetti E. Leviathan: How the Monster of Power is Born / T. Hobbes, E. Canetti. – Moscow: OOO «TD Algoritm», 2016. – 272 c.
6. Clausewitz C. On War / Carl von Clausewitz; [translated from German by A. Rachinsky]. – Moscow: AST Publishing House, 2022. – 1024 p.
7. Nietzsche F. The Will to Power: An Attempt at a Revaluation of All Values / Friedrich Nietzsche; translated from German by T. Geylikman, E. Gertsyk, G. Rachinsky et al. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. – 448 p.
8. Jünger E. The Philosophy of War. «I» in the Face of Death // The Affects of War / E. Jünger, R. Caillois. – Moscow: Rodina, 2025. – 240 p.
9. Ludendorff E. Total War: [translated from German] / Erich Friedrich Wilhelm Ludendorff. – Moscow: «E» Publishing House, 2015. – 448 p.
10. Reich W. The Psychology of Masses and Fascism / Wilhelm Reich; [translated from English by Yu.M. Dontsov]. – St. Petersburg: Universitetskaya Kniga Publishing House, 1997. – 380 p.
11. Engel'gart M.A. Progress as the Evolution of Cruelty / Foreword by O.A. Donskikh. Stereotype edition. – Moscow: LENAND, 2021. – 222 p.
12. Mikhnevich N.P. Strategy. 2nd edition. – St. Petersburg, 1906. Book 1. – 292 p.
13. Sorokin P.A. Sociological Interpretation of the «Struggle for Existence» and the Sociology of War // Sociology of Modern Wars / Edited by I.P. Ryazantsev, P.A. Tsygankov; translated from English by Yu.B. Mikhailov, L.A. Presnyakov. – Moscow, 2004. – 135p.
14. Golovin N.N. The Science of War: On the Sociological Study of War. – Paris: Signal Newspaper Publishing House, 1938. – 242p.
15. Golovin N. Knowledge and Experience // Russkii Invalid, 1939. – № 142.
16. Svechin A. Strategy. – Moscow: Military Messenger, 1927. – 265p.
17. Snesarev A.E. Philosophy of War. – Moscow: Financial Control, 2003. – 287p.
18. Serebryannikov V.V. Sociology of War. – Moscow: «Os'-89», 1998. – 320p.
19. Kokoshin A.A. Political Science and Sociology of Military Strategy // Foreword by Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. Stereotype edition. – Moscow: LENAND, 2021. – 616p.
20. Dugin A.G. Russian War/ Edited by M.V. Korovin. – Moscow: Rodina, 2023. – 272p.

Системы оценки труда профессорско-преподавательского состава вузов: преимущества и проблемы применения

Ефименко Екатерина Ивановна,
аспирант, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: efimenko_katyrina@mail.ru

В современных условиях системы оценки труда профессорско-преподавательского состава становятся ключевым инструментом управления кадровым потенциалом, однако их внедрение нередко сопровождается противоречивыми эффектами. В статье анализируются преимущества и проблемы применения систем оценки на основе эмпирических данных, собранных автором в 2023–2026 гг. (анкетный опрос преподавателей российских вузов (2023 г., n = 236), полуструктурированные интервью с преподавателями высшей школы (2023 г., n = 15; 2026 г., n = 25), анализ локальных нормативных актов 20 ведущих российских университетов). На основе полученных данных, обоснована роль систем оценки в стимулировании научно-исследовательской продуктивности и повышении заработной платы преподавателей. Вместе с тем выявлены устойчивые проблемы: непрозрачность системы оценивания, низкий уровень информированности преподавателей, рост бюрократической нагрузки и доминирование количественных показателей оценки. Показано, что при декларируемой стимулирующей функции систем оценки отсутствие прозрачности и стабильности самой процедуры может приводить к тому, что она воспринимается преподавателями как инструмент формального контроля. Сделан вывод о целесообразности перехода от унифицированных рейтинговых моделей к индивидуализированным профессиональным трекам, позволяющим учитывать многозадачность преподавательского труда. Дальнейшее развитие таких подходов в сочетании с прозрачностью оценочных процедур может способствовать повышению эффективности систем оценки как инструмента реализации кадровой политики университета.

Ключевые слова: научно-педагогические работники, академическая профессия, оценка эффективности деятельности преподавателей, эффективный контракт, система стимулирования.

Введение

За последние десятилетия система российского высшего образования претерпевает существенные институциональные изменения, обусловленные как внутренними запросами общества и экономики, так и глобальными трендами развития науки и технологий. Отражением этих процессов становится повышение требований к реализации университетами исследовательской функции, которая из вспомогательного вида деятельности превращается в обязательный критерий оценки их эффективности. На наш взгляд, наиболее точно это прослеживается в государственных программах поддержки университетов. Программа «Проект 5–100» (2013–2020), несмотря на дискуссионность своей основной цели, вхождение не менее пяти российских университетов в топ-100 мировых рейтингов, сыграла значимую роль в стимулировании научной продуктивности вузов (повышение публикационной активности, расширение научной кооперации) [19]. Сменившая ее в 2021 году программа «Приоритет-2030» сохранила курс на повышение научной результативности, при этом сместив акценты с показателей глобальной конкурентоспособности (позиции в международных рейтингах) на вклад университетов в достижение национальных целей развития, прежде всего в социально-экономическое развитие регионов. Тем самым был оформлен запрос на реализацию так называемой «третьей миссии» университета, предполагающей активное участие вузов в решении прикладных задач общества, государства и экономики.

Успех реализации поставленных задач напрямую зависит от научно-педагогических работников вузов (НПР). Как отмечают П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский, речь идет о востребованности широкой авангардной общности НПР, обладающих высоким уровнем компетенций, готовностью вести научно-исследовательскую работу на высоком уровне, способностью участвовать во все стадиях научного производства, включая практическую реализацию научно-исследовательских проектов [2, с. 61]. Развитие кадрового потенциала НПР становится стратегическим направлением в программах развития вузов, ориентированных на повышение качества преподавательской, научно-исследовательской и инновационной деятельности.

Несмотря на право вузов самостоятельно формировать кадровую политику, ее реализация ограничена федеральным законодательством, задающим общие контуры реализации трудовых отношений в высшей школе. Два ключевых изменения определили вектор развития стимулирования и оценки труда вузовских преподавателей. Во-первых, отказ от использования единой тарифной сетки, вместо нее была введена новая система оплаты труда, в рамках которой заработная плата преподавателей подразделяется на базовый оклад и стимулирующие выплаты (за интенсивность, качество работы, стаж, а также премии по итогам работы) [14; 15]. Во-вторых, майские указы Президента РФ от 2012 года, установившие целевой показатель: средняя заработная плата преподавателей должна достигать 200% от средней по региону [17].

Таким образом, под влиянием федеральных нормативных решений и целевых ориентиров государственных программ поддержки вузов в университетах активизировалась работа по разработке и внедрению систем оценки труда профессорско-преподавательского состава (ППС).

Декларируемые цели систем оценки – стимулирование инновационной активности преподавателей, повышение их научно-исследовательской продуктивности, обеспечение активного участия в реализации «третьей миссии» университета. Вместе с тем эмпирические исследования фиксируют устойчивые проблемы в российской преподавательской среде, которые эти системы призваны преодолевать. Так, А.В. Гармонова и соавторы на основе опроса 2400 преподавателей российских вузов фиксируют распространение целерациональных стратегий поведения: большинство преподавателей ограничиваются выполнением минимального набора требований трудового договора, не выходя за его рамки [5]. Аналогичные тенденции фиксируются и в исследованиях, проведенных в отдельных университетах. Например, по результатам опроса преподавателей (n = 156), проведенного в вузе-участнике программы «Приоритет 2030», около трети преподавателей демонстрируют низкий уровень готовности к иннова-

ционной деятельности, называя в качестве ведущих барьеров высокую нагрузку, отсутствие материальных стимулов и недостаточную информированность [8]. В другом исследовании отмечается, что практики академического капитализма, включая формальное, бюрократическое внедрение систем оценки и эффективного контракта, провоцируют распространение протестных стратегий среди преподавателей, что может проявляться в имитации работы по принципу «вы делаете вид, что платите, мы делаем вид, что работаем» [6].

Системы оценки эффективности труда ППС призваны не только фиксировать достигнутые преподавателями результаты, но и формировать мотивацию к развитию профессиональных компетенций, вовлеченности в достижение стратегических задач университета. Критически важное значение приобретает не столько формальное наличие систем оценки, сколько их реальная способность стимулировать инициативу и повышение качества работы преподавателей. В этой связи особую значимость приобретает анализ того, как сами научно-педагогические работники оценивают действующие системы оценки.

Цель настоящей работы – выявить сильные и слабые стороны применения систем оценки с позиции научно-педагогических работников вузов.

Обзор литературы

Публикации, посвященные анализу систем оценки результативности труда ППС и эффективного контракта, условно, можно разделить на три тематических направления.

Первое направление составляют работы, в которых дается концептуальное обоснование их применения. Здесь, в первую очередь, стоит упомянуть концепцию эффективного контракта в системе высшего образования, предложенную Я.И. Кузьминовым [11]. Критическую публикацию Г.Н. Крайнова, в которой акцентируется внимание на необходимости разработки механизма детального регулирования и нормирования труда преподавателей высшей школы [10]. Системы оценки труда ППС нередко рассматриваются в более широком контексте, а именно в работах, анализирующих современное состояние и управленческую практику российских университетов. Так, российские исследователи М.В. Курбатова и Е.С. Каган, исследуя формы проявления оппортунистического поведения преподавателей вузов, справедливо отмечают: системы оценки могут стать эффективным инструментом стимулирования профессиональной деятельности ППС, однако в тех случаях, когда они насаждаются как метод контроля, а не поддержки, неизбежно подрывается доверие между руководством вуза и преподавателями [13].

Второе направление представлено работами, в которых рассматриваются практики использования систем оценки и эффективного контракта. Анализируя выполнение ключевых задач эффективного контракта, М.В. Курбатова и И.В. Донова отмечают, что целевой показатель роста зарплат преподавателей в целом достигается вузами, но с существенными затруднениями из-за экономических факторов, при этом стимулирующая роль эффективного контракта увязывается с решением задач по повышению результативности самих вузов [12]. И.А. Бедрачук и О.В. Митина описывают этапы перехода на эффективный контракт на примере Владивостокского государственного университета экономики и сервиса [4]. Технология рейтинговой оценки подробно рассмотрена М.И. Рабинович с соавторами на примере Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева [16].

Третье направление представляют публикации, в которых анализируются эффекты внедрения систем оценки на деятельность ППС. Л.В. Антосик и Е.С. Шевченко показывают, что на количество публикаций значимо влияют стимулирующие выплаты [3]. П.В. Деркачев с соавторами на основе опроса ППС (n = 395) фиксируют положительное влияние внедрения эффективного контракта на научную результативность преподавателей [9]. Стоит отметить, что преимущественная ориентация систем оценки на стимулирование научно-исследовательской продуктивности влияет на предпочтения преподавателей в отношении различных видов деятельности. Так, российские исследователи Р.Н. Абрамов, И.А. Груздев, Е.А. Терентьев на основе опроса преподавателей НИУ ВШЭ констатируют, что среди респондентов, не удовлетворенных текущим распределением рабочего времени, подавляющее большинство (89%) выражают стремление увеличить долю времени, затрачиваемого на научную деятельность [1].

Расширение профессиональных обязанностей ППС и усиление контроля за результатами их деятельности актуализировали дискуссию о необходимости использования индивидуализированных подходов к оценке и стимулированию, учитывающих многозадачность преподавательского труда. Речь идет о проектировании индивидуальных профессиональных треков, дифференцированных по основным направлениям работы преподавателя высшей школы (наука, преподавание, практическая/административная деятельность) [18]. Как отмечает А.В. Гозалова и соавторы, ожидания администраций университетов относительно универсальной результативности научно-педагогических работников не соотносятся с реальностью: по данным опроса 207 НПР Южного федерального университета, доля респондентов, которым удается эффективно совмещать все виды академической деятельности, не достигает и 2% [7]. Использование индивидуальных треков может рассматриваться как один из возможных способов преодоления данного противоречия, поскольку позволяет дифференцировать требования к преподавателям в зависимости от их профессиональных приоритетов.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что существующие исследования охватывают как теоретические основания систем оценки труда ППС, так и практики и результаты их применения. При этом мало изучено то, как сами преподаватели воспринимают эти системы и оценивают их эффективность. Это подтверждает необходимость дальнейших исследований, ориентированных на субъективный опыт преподавателей и позволяющих определить направления совершенствования действующих механизмов оценки труда в высшей школе.

Эмпирическая база

Эмпирическую базу статьи составили результаты социологических исследований, проводимых автором с 2023 года. Для выявления преимуществ и проблем применения систем оценки использованы три источника данных: анкетный опрос преподавателей российских вузов, полуструктурированные интервью и анализ локальных нормативных актов.

Анкетный опрос был проведен весной 2023 г. и реализован в онлайн-формате: ссылка на электронную опросную форму рассылалась на адреса электронной почты респондентов, опрос для всех его участников проводился анонимно. Всего было опрошено 236 преподавателей из 36 российских университетов, в которых используется система стимулирования и оценки ППС. Выборочная совокупность является репрезентативной (доверительная вероятность $\gamma = 0{,}95$; относительная ошибка $\Delta = 6{,}2\%$).

Помимо опроса, проведены полуструктурированные интервью – всего 40 (2023 г., n = 15; 2026 г., n = 25). Среди информантов – старшие преподаватели, доценты, профессора, заведующие кафедрами. Все совмещают преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность. 20 участников относятся к категории молодых преподавателей (до 35 лет). Интервью проводились по полуструктурированному гайду.

Кроме того, проанализированы локальные нормативные акты 20 ведущих вузов России за период 2023–2025 гг., размещенные в открытом доступе: программы развития, положения о стимулирующих выплатах и регламенты проведения оценки. В выборку вошли 10 университетов с особым статусом (национальные исследовательские, федеральные, опорные) и 10 вузов без статуса. При этом 14 из них являются участниками программы «Приоритет 2030». Выборка включает университеты различных типов: классические, технические, педагогические, медицинские.

Основные характеристики систем оценки труда профессорско-преподавательского состава российских вузов

Анализ локальных нормативных актов показал, что оценка профессорско-преподавательского состава преимущественно осуществляется посредством балльно-рейтингового метода. Наряду с ним в ряде вузов применяется подход, при котором стимулирующие выплаты назначаются разово по факту достижения сотрудником установленных показателей. В этом случае каждому критерию присваивается конкретная стоимость в денежных единицах, а выплата производится при его выполнении (из двадцати рассмотренных нами вузов такой метод зафиксирован в пяти). При этом подавляющее большинство вузов использует единые критерии оценки для всех преподавателей, не предусматривая возможности выбора профессионального трека (академического, научно-исследовательского, практико-ориентированного и т.д.). Среди рассмотренных нами вузов исключение составляют НИУ ВШЭ и УрФУ, где внедрены системы гибких профессиональных треков, для каждого из которых установлены собственные критерии оценки, включая их балльное и стоимостное выражение.

Важно отметить, что вузы преимущественно ориентируются на стимулирование научно-исследовательской продуктивности, «дороже» оценивая публикации в высокорейтинговых журналах, грантовую и проектную научно-исследовательскую работу. В каждом из рассмотренных нами вузов присутствуют критерии, связанные с наукой, тогда как показатели воспитательной, учебно-методической работы

представлены в меньшей степени и, как правило, имеют меньший вес в балльно-рейтинговой системе.

Редким исключением выступает включение в систему стимулирования и оценки непосредственно преподавательской деятельности, например, по результатам анкетирования студентов присваивается звание «Лучший преподаватель» с назначением единовременной стимулирующей выплаты. В подавляющем большинстве случаев студенческая оценка используется только в рамках самообследования факультета, кафедры или вуза и не влияет на стимулирующие выплаты.

Установлено, что вузы-участники программы «Приоритет 2030», а также университеты с особым статусом (научно-исследовательские, федеральные, опорные) отличаются от вузов, не имеющих такого статуса, более широким набором учитываемых направлений деятельности и расширенным перечнем критериев оценки.

Преимущества и проблемы применения систем оценки

Среди преимуществ применения систем оценки преподаватели выделяют стимулирование научно-исследовательской продуктивности:

«нельзя отрицать того факта, что преподаватели стали больше публиковаться, больше грантовой работой заниматься, в университете стало больше научной деятельности! Я могу сказать за свою кафедру, что у нас сложился такой цельный коллектив, в котором научно-исследовательская работа не на последнем месте, это, я считаю, и для преподавания большой плюс, магистрантам у нас читают преподаватели, которые ведут серьезную исследовательскую работу» (зав. кафедрой, женщина 45 лет);

«с ее внедрением [системы оценки] *активизировалась научная работа. Все уже привыкли, что надо статьи писать, гранты… на мой взгляд, это правильно, в конце концов, есть нагрузка второй половины дня, ее надо выполнять»* (доцент, женщина 36 лет).

Значимую роль в восприятии систем оценки играет материальное стимулирование, которое преподаватели получают по итогам оценивания. Для части респондентов именно возможность дополнительного заработка выступает ключевым мотивирующим фактором, побуждающим к достижению установленных показателей.

«…те выплаты, которые я получаю за публикации, лично для меня очень ощутимы. Скажем так, они дают стимул в принципе этой работой заниматься… чтобы подготовить хорошую публикацию нужно исследование проводить, на это нужно время и силы, и когда есть понимание, что это все поощряется всячески, желания, конечно, больше» (доцент, женщина 32 года).

Несмотря на в целом положительное восприятие систем оценки с точки зрения стимулирования научной продуктивности, преподаватели отмечают ряд проблем, возникающих в процессе их реализации. Среди наиболее частых замечаний – ориентация на количественные показатели (число грантов, публикаций, патентов), которая нередко идет в ущерб качеству научно-исследовательской работы. В этой связи информанты неоднократно указывали на необходимость контроля за недобросовестными практиками, включая покупку соавторства и публикации в «заказных» журналах.

«Институт репутации рушится, все закрывают глаза на то, что происходит… стало нормой заниматься имитацией бурной научной деятельности. Многим совесть позволяет публиковаться в сомнительных журналах за деньги, чтобы просто набрать необходимое количество публикаций» (доцент, мужчина 50 лет).

Помимо этого, преподавателями отмечается рост нагрузки, связанный с необходимостью не только выполнять основные виды профессиональной деятельности (учебную, научную, воспитательную, методическую), но и регулярно подтверждать свои результаты в установленных формах отчетности. Согласно результатам анкетного опроса преподавателей высшей школы, с увеличением требований, увеличились временные затраты, в большей степени на научную деятельность (отметили 64,3% опрошенных), в меньшей степени на воспитательную (30,6%) и учебно-методическую (18,6%). Свободное время уменьшилось, по мнению 66,1% опрошенных преподавателей вузов. Помимо необходимости выполнения требований прохождения процедуры оценки, это связано со спецификой работы преподавателя. Нагрузка второй половины рабочего дня – это творческая компонента труда, на которую нужно достаточно много времени. В интервью преподаватели чаще всего акцентировали внимание на чрезмерной учебной нагрузке, при которой выполнение критериев эффективности на высоком уровне становится трудно выполнимой задачей.

«Аудиторная нагрузка – это же не только лекции прочитать и все, к занятиям нужно готовиться, это предполагает определенную работу до и после самих занятий, поэтому на науку времени среди недели не остается. Я вот сижу мучаюсь со своей докторской диссертацией, я не могу доделать один параграф. Если раньше Ученый совет шел навстречу, и они вводили СНС (на старшего научного сотрудника) и освобождали немного от учебной нагрузки, то сейчас на это никто не идет. Всем нужно, чтобы выполняли нагрузку» (доцент, женщина 39 лет).

На отношение к системам оценки влияет то, как они реализуются в конкретном вузе. Ключевыми факторами здесь выступают прозрачность методики расчета, стабильность критериев, а также степень информированности преподавателей о том, какие показатели и в каком объеме влияют на размер стимулирующих выплат. Именно эти аспекты во многом определяют, воспринимается ли система как справедливый инструмент стимулирования или как формальный механизм контроля.

Результаты исследования показали, что полная информированность о системе оценивания в вузе, это скорее исключение, нежели правило. Полную информацию о системе оценки в своем вузе имеют 29,5% опрошенных (имеют полную информацию, включая методику расчета). В то время как 36,6% респондентов получают общие сведения, 22,8% получают лишь частичную информацию, а 11,1% считают, что не получают достоверной информации (рис. 1).

Рис. 1. Характер информирования респондентов о системе оценки деятельности научно-педагогических работников в своем вузе (в % к опрошенным)

Недостаточной можно назвать информированность молодых преподавателей, только 10% преподавателей, имеющих педагогический стаж до 5 лет, сообщили о том, что в полной мере и достаточно информированы о системе оценки деятельности научно-педагогических работников в своем вузе. Это подтверждается следующим высказыванием: «*нет системы передачи информации о критериях и методике оценки новым сотрудникам, узнаешь все на словах от других преподавателей, что это и как это работает*» (старший преподаватель, мужчина 30 лет).

Величина стоимости критериев / стоимость одного балла системы оценки деятельности научно-педагогических работников в большинстве вузов не является «прозрачной»: в 49,1% вузов она преподавателям неизвестна; в 33,1% вузов эта величина постоянно меняется (см. рисунок 2), что вызывает справедливые нарекания респондентов. Дело в том, что критерии, которые были актуальны в прошлый период оценки и для выполнения которых нацеливаются усилия преподавателей, могут быть отменены в следующем периоде.

«Система ежегодно меняется: то, что было актуально раньше, вдруг отменяется. Все, что делалось для достижения критерия как в прошлом году, вдруг становится неактуальным» (профессор, женщина 60 лет).

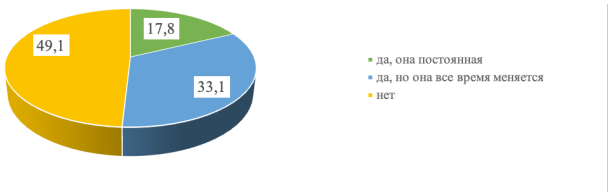


Рис. 2. Знание респондентами «стоимости» в рублях каждого критерия / одного балла системы оценки деятельности научно-педагогических работников (в % к опрошенным)

Составленное на основе ответов преподавателей «облако» ухудшений, связанных с внедрением систем оценки деятельности научно-педагогических работников показывает основные негативные изменения (рис. 3). Среди них: увеличение нагрузки и требований, акцентуация на выполнении формальных критериев, отсутствие прозрачности самого процесса оценивания.

Аналогичное «облако» улучшений, связанных с внедрением систем оценки деятельности научно-педагогических работников (рис. 4) показывает основные позитивные изменения. Это: рост заработной платы, большее внимание научной деятельности и рост активности преподавателей.

Рис. 3. «Облако» УХУДШЕНИЙ, связанных с внедрением систем оценки деятельности научно-педагогических работников (по мнению профессорско-преподавательского состава)

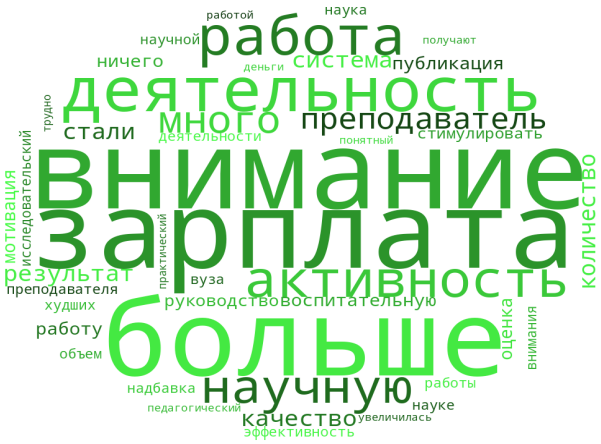


Рис. 4. «Облако» УЛУЧШЕНИЙ, связанных с внедрением систем оценки деятельности научно-педагогических работников (по мнению профессорско-преподавательского состава)

Заключение

Таким образом, несмотря на в целом положительное отношение преподавателей к системам оценки и стимулирования, они выделяют ряд проблем, связанных прежде всего с организацией самой процедуры оценивания. Ключевые из них: непрозрачность методики расчета, нестабильность критериев, низкий уровень информированности. В итоге при декларируемой стимулирующей функции систем оценки, на практике они нередко превращаются в инструмент формального контроля, что снижает их развивающий потенциал. Устранение выявленных недостатков видится необходимым условием для того, чтобы оценка труда преподавателей действительно способствовала профессиональному развитию ППС, повышению качества преподавательской, научно-исследовательской и инновационной деятельности.

Отдельно выделим проблему роста нагрузки преподавателей, которая, как показало исследование, во многом обусловлена увеличением требований к результативности деятельности ППС и нарастанием бюрократической отчетности. В сложившихся условиях одним из перспективных направлений совершенствования может стать переход от унифицированных моделей к индивидуализированным профессиональным трекам, позволяющим преподавателю концентрироваться на приоритетных для него видах деятельности (преподавательской, научно-исследовательской, практико-ориентированной) с соответствующей дифференциацией критериев и стимулирующих выплат. Как показал проведенный анализ, отдельные вузы уже внедрили подобные подходы, что подтверждает их практическую реализуемость. Дальнейшее развитие таких подходов при условии обеспечения прозрачности оценочных процедур может способствовать повышению эффективности систем оценки как инструмента управления кадровым потенциалом университета.

Литература

1. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111.

2. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Научно-педагогическое сообщество в российских вузах в условиях осуществления программы «Приоритет-2030»: проблемы и перспективы // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 59–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71.

3. Антосик Л.В., Шевченко Е.С. Оценка влияния эффективного контракта на публикационную активность преподавателей: кейс регионального университета // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2018. № 3. С. 247–267. https://doi.org/10.17323/1814–9545–2018–3–247–267.

4. Бедрачук И.А., Митина О.В. Эффективный контракт с преподавателем как инструмент повышения эффективности деятельности вуза. Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 1. С. 39–52.

5. Гармонова А.В., Опфер Е.А., Щеглова Д.В., Гаврилов С.В. Професси- ональные стратегии преподавателей: идеи неовеберианцев в реалиях российского высшего образования // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 12. С. 31–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-12-31-49.

6. Гегер А.Э., Ляшко С.В., Клюев А.В., Саганенко Г.И. Стратегии протеста в условиях развивающегося академического капитализма // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 8–9. С. 27–40. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-27-40.

7. Гозалова А.В., Рыжова В.С., Скачкова Л.С. (2022). «И швец, и жнец, и на дуде игрец…»: универсальны ли научно-педагогические работники? // Управленец. Т. 13, № 5. С. 85–101. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-5-6. EDN: OECUWK.

8. Гут Ю.Н., Турсунов Л.Э., Ланских М.В., Ахмедова Ш.Б. Развитие инновационной активности преподавателей вуза: философская и психологичеперспективы // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 1. С. 149–163. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-149-163.

9. Деркачев П.В., Варакина Ж.Л., Гусева Н.С., Клишевич Н.С. Субъективная оценка преподавателями вузов влияния эффективного контракта на повышение показателей их научно-исследовательской работы // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26, № 1. С. 54–67. DOI 10.15826/umpa.2022.01.004.

10. Крайнов Г.Н. Будет ли эффект от эффективного контракта в системе высшего образования? // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 170–172.

11. Кузьминов Я.И. Академическое сообщество и академические контракты: вызовы и ответы последнего времени // Контракты в академическом мире. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 13–30.

12. Курбатова М.В., Донова И.В. Эффективный контракт в высшем образовании: замыслы и результаты // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 23–41. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-23-41.

13. Курбатова М.В., Каган Е.С. Оппортунизм преподавателей вузов как способ приспособления к усилению внешнего контроля деятельности // Journal of Institutional Studies. 2016. Т. 8. № 3. С. 116–136.

14. Постановление Правительства РФ от 5 августа 2008 г. № 583 «О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных, автономных и казенных учреждений и федеральных государственных органов, а также гражданского персонала воинских частей, учреждений и подразделений федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная и приравненная к ней служба, оплата труда которых осуществляется на основе Единой тарифной сетки по оплате труда работников федеральных государственных учреждений» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/193695/ (дата обращения: 27.03.2026).

15. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 29 декабря 2007 г. № 818 «Об утверждении Перечня видов выплат стимулирующего характера в федеральных бюджетных, автономных, казенных учреждениях и разъяснения о порядке установления выплат стимулирующего характера в этих учреждениях» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/192714/ (дата обращения: 27.03.2026).

16. Рабинович М.И., Степанова Е.Ю., Уман А.И. О технологии применения рейтинговой оценки во внутривузовской системе материального стимулирования преподавателей. Университетское управление: практика и анализ. 2016;(4):56–63. https://doi.org/10.15826/umj.2016.104.028.

17. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Собрание законодательства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70170950/ (дата обращения: 27.03.2026).

18. Щеглова Д.В., Опфер Е.А., Гармонова А.В., Гаврилов С.В. Профессиональные стратегии преподавателей российских вузов: запрос на индивидуализацию. Университетское управление: практика и анализ. 2024;28(2):66–80. https://doi.org/10.15826/umpa.2024.02.016.

19. Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M.M. The effect of Russian University Excellence Initiative on publications and collaboration patterns // Journal of Informetrics. 2021. Vol. 15. № 1. DOI: 10.1016/j.joi.2020.101110.

ACADEMIC STAFF PERFORMANCE EVALUATION SYSTEMS IN UNIVERSITIES: ADVANTAGES AND PROBLEMS OF APPLICATION

Efimenko E.I.
Lomonosov Moscow State University

Today, performance evaluation systems for university teaching staff are becoming a key tool for managing human resources; however, their implementation is often accompanied by contradictory effects. This article analyzes the advantages and problems of applying evaluation systems based on empirical data collected in 2023–2026 (a survey of Russian university teachers (2023, n=236), semi-structured interviews with university teachers (2023, n=15; 2026, n=25), and an analysis of local regulatory acts of 20 leading Russian universities). Based on the obtained data, the role of evaluation systems in stimulating research productivity and increasing teachers' salaries is substantiated. At the same time, persistent problems are identified: opacity of the evaluation system, low level of teacher awareness, growing bureaucratic burden, and dominance of quantitative assessment indicators. It is shown that, given the declared stimulating function of evaluation systems, the lack of transparency and stability of the procedure itself can lead to it being perceived by teachers as a tool of formal control. The conclusion is made about the feasibility of transitioning from unified rating models to individualized professional tracks that allow for the multi-tasking nature of academic work. Further development of such approaches, combined with transparency of evaluation procedures, can increase the effectiveness of evaluation systems as a tool for implementing university personnel policy.

Keywords: scientific and pedagogical staff, academic profession, evaluation of teaching staff performance, management process of scientific and educational activities, effective contract, incentive system.

References

1. Abramov, R.N., Gruzdev, I.A., Terentev, E.A. Working Time and Role Strains of Research and Teaching Staff in a Modern Russian University. Educational Studies. 2017. № 1. Pp. 88–111. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111.

2. Ambarova, P.A., Zborovsky, G.E. Scientific and Pedagogical Community in Russian Universities in the Context of the Program «Priority 2030» Implementation: Problems and Prospects. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2022. Vol. 31. № 1. Pp. 59–71. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-59-71.

3. Antosik L.V., Shevchenko E.S. Assessment of the Impact of an Effective Contract. Introduction on the Publication Activity Of a University Faculty: The Case of a Regional University». Voprosy Obrazovaniya / Educational Studies Moscow. № 3 (September). Pp. 247–267. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-3-247-267.

4. Bedrachuk I.A., Mitina O.V. Effective contract with a lecturer as an instrument upgrading university efficacy. University Management: Practice and Analysis. 2015. № 1. Pp. 39–52.

5. Garmonova, A.V., Opfer, E.A., Shcheglova, D.V., Gavrilov, S.V. Professional Strategies of University Teachers: Neo-Weberian Ideas in the Realities of Russian Higher Education. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2024. Vol. 33. № 12. Pp. 31–49. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-10-31-49.

6. Geger, A.E., Lyashko, S.V., Klyuev, A.V., Saganenko, G.I. Practices of Protest in the Conditions of the Developing Academic Capitalism. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2022. Vol. 31. № 8–9. Pp. 27–40. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-8-9-27-40.

7. Gozalova A.V., Ryzhova V.S., Skachkova L.S. Whether academic and teaching staff are universal. Upravlenets / The Manager. 2022. Vol. 13. № 5. Pp. 85–101. DOI: 10.29141/2218-5003-2022-13-5-6. EDN: OECUWK.

8. Gut Yu.N., Tursunov L.E., Lanskikh M.V., Akhmedova Sh.B. Development of Innovative Activity of University Teachers: Philosophical and Psychological Perspectives. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2024. Vol. 33. № 1. Pp. 149–163. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-149-163.

9. Derkachev P.V., Varakina Zh. L., Guseva N.S., Klishevich N.S. Subjective Assessment by University Teachers of the Effective Contract Impact in Universities on Improving the Indicators of Their Research Work. University Management: Practice and Analysis. 2022. Vol. 26. № 1. Pp. 54–67. DOI: 10.15826/umpa.2022.01.004.

10. Kraynov G.N. Whether There Will Be an Effect from the Effective Contract in System of Higher Education? Sociological Studies. 2018. № 7. Pp. 170–172.

11. Kuzminov Y.I. Academic Community and Academic Contracts: Calls and Answers of the Last Time. Contracts in the Academic World. Moscow: HSE Publishing House. 2011. Pp. 13–30.

12. Kurbatova M.V., Donova I.N. Effective Contract in Higher Education: Intentions and Outcomes. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. № 4. Pp. 23–41. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-23-41.

13. Kurbatova M.V., Kagan E.S. Opportunism of University Lecturers as a Way to Adaptate the External Control Activities Strenghtening. Journal of Institutional Studies. 2016. Vol. 8. № 3. Pp. 116–136.

14. Decree of the Government of the Russian Federation of August 5, 2008 № 583 «Regulations on the establishment of remuneration systems for employees of federal budgetary, autonomous and government institutions and federal state bodies, as well as civilian personnel of military units, institutions and divisions of federal executive authorities, in which the law provides for military and equivalent service, remuneration for which is carried out on the basis of the unified tariff schedule for remuneration of employees of federal government institutions» (with amendments and additions). [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/193695/ (accessed on: 27.03.2026).

15. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of December 29, 2007 № 818 «On Approval of the List of Types of Incentive Payments in Federal Budgetary, Autonomous, Government Institutions and Clarification on the Procedure for Establishing Incentive Payments in these Institutions» (with amendments and additions). [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/192714/ (accessed on: 27.03.2026).

16. Rabinovich M.J., Stepanova E.Y., Uman A.I. About the use of technology of rating in the university system of material incentives for lecturers. University Management: Practice and Analysis. 2016. № 4. Pp 56–63. DOI: 10.15826/umj.2016.104.028.

17. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 № 597 «On measures to implement the State Social Policy». Collected Legislation of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: https://base.garant.ru/70170950 / (accessed on: 27.03.2026).

18. Scheglova D.V., Opfer E.A., Garmonova A.V., Gavrilov S.V. Professional Trajectories of the University Teachers in Russia: Request for Individualization. University Management: Practice and Analysis. 2024. Vol. 28. № 2. Pp. 66–80. DOI: 10.15826/umpa.2024.02.016.

19. Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M.M. The effect of Russian University Excellence Initiative on publications and collaboration patterns // Journal of Informetrics. 2021. Vol. 15. № 1. DOI: 10.1016/j.joi.2020.101110.

Внеучебная деятельность в образовательной среде современного инклюзивного вуза

Жулин Антон Геннадьевич,
директор ГБОУ г. Москвы «Школа № 875»
E-mail: ZhulinAG@edu.mos.ru

Леньков Роман Викторович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций, Российский государственный университет социальных технологий (РГУ Соцтех)
E-mail: lenkov@rgust.ru

Лоскутова Ирина Мироновна,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова», профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: loskutova07@yandex.ru.

Панич Наталья Александровна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного администрирования Высшей школы государственного администрирования (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: napanich@anspa.ru

Тарченко Вера Сергеевна,
старший преподаватель кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: veratarchenko@gmail.com.

В статье представлены результаты поискового социологического исследования, проведенного в феврале-марте 2026 года по системному анализу опыта конструирования инклюзивной образовательной среды в Российском государственном университете социальных технологий (далее – РГУ СоцТех). Дана оценка динамики реализации внеучебных мероприятий в форме молодежных проектов и инклюзивных событий за 2022–2025 гг., в которых участвовали студенты с инвалидностью. Акцент сделан на инклюзию, науку, спорт и патриотизм. Выводы по результатам исследования: Успешность адаптации образовательных программ высшего образования требует сочетания различных форм учебной и внеучебной деятельности. Эффективность обучения студентов в современном инклюзивном вузе напрямую связана с качеством и доступностью образовательной среды, их внеучебной активностью в творческих и волонтерских проектах, научной деятельности. Сегодня актуален вопрос о появлении инновационного социального технолога, способного организовывать социальные отношения в образовательной среде инклюзивного вуза.

Ключевые слова: инклюзивный вуз, студенты с инвалидностью, образовательная среда, внеучебная деятельность, гибкие навыки, РГУ СоцТех.

Введение

Инклюзивное образование в России является законодательной нормой, поэтому вопросы внедрения инклюзии в учебный процесс и внеучебную деятельность современных вузов требуют осмысления.

С 2019 по 2024 г. численность студентов с инвалидностью, обучающихся на всех уровнях подготовки высшего образования, увеличилась на 56% (с 25,3 до 36 тыс. чел.). Число лиц с инвалидностью, поступивших в 2024 году составило 11693 чел. (увеличение по отношению к 2019 году на 49%). Более половины (69,5%) получают подготовку по программам бакалавриата и четверть (24,7%) – по программам специалитета. Наиболее высокие темпы роста наблюдаются по программам специалитета (прирост 35%) [7, с. 15].

По образовательным программам высшего образования в 2024 году в 685 вузах-партнерах обучался 39441 студент с инвалидностью.

Вместе с тем изучение и распространение опыта ведущих вузов по конструированию инклюзивной образовательной среды на основе различных моделей включения в учебную и внеучебную деятельность сегодня незначительно. В частности, может быть полезен более чем 35-летний опыт, накопленный РГУ СоцТех по организации инклюзивного образования в отношении лиц с инвалидностью с разными нозологическими нарушениями.

Методы

Методы исследования: анализ документов и эмпирического опыта. Выявлено 40–50 ключевых событий с учетом ежегодных, содержащихся на сайте РГУ СоцТех в разделах «Молодежная политика», «Новости и анонсы», планах Центра карьеры «РОСТ» и университетских научных мероприятий. Поиск сфокусирован на внеучебных мероприятиях и формах включенности в них студентов с инвалидностью в роли организаторов (через студенческие советы и волонтерство), участников (в конкурсах и фестивалях) или победителей (в конкурсных проектах и олимпиадах).

Цель исследования состоит в системном анализе опыта РГУ СоцТех по конструированию современной инклюзивной образовательной среды. Специальной задачей является оценка динамики реализации молодежных проектов и инклюзивных практик за 2022–2025 гг., в которых участвовали студенты с инвалидностью.

Степень исследования проблемы

В дискурсе психолого-педагогической науки и опыте социальной практики при обсуждении условий обучения учащихся с инвалидностью используются понятия «инклюзивная образовательная среда» и «инклюзивная информационно-образовательная среда». Так, Б.Б. Айсмонтас определяет инклюзивную образовательную среду в контексте решения проблемы образования детей с особыми возможностями здоровья за счет реформирования учебного процесса, методической гибкости и вариативности, благоприятного психологического климата, оказания учащимся с инвалидностью поддерживающих услуг. М.Г. Фидарова и др. рассматривают инклюзивную информационно-образовательную среду как системно-организованную совокупность информационных ресурсов, организационно-методических, технических и программных средств реализации учебной деятельности, адаптированную к особым образовательным потребностям студентов с инвалидностью [2, с. 139–150].

В.Д. Байрамов и А.В. Герасимов новое качество образовательной среды современного инклюзивного вуза напрямую связывают с ее физической доступностью и специальными средствами обучения, что требует педагогической адаптации учебного процесса. Важна системная связь уровней инклюзивной образовательной среды при сохранении каждой из них как самостоятельной среды со своей спецификой. На уровне общей среды вуза цели направлены на обеспечение возможностей инклюзивного учебного процесса с учетом потребностей особых студентов и их индивидуальных возможностей в образовании [1, с. 15–25]).

ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий» создано постановлением Совета Министров СССР от 11.10.1990 № 1011 «Об организации в г. Москве института-интерната для инвалидов». Это инклюзивный вуз, в котором основной контингент обучающихся был представлен студентами с нарушениями опорно-двигательного аппарата (60%). Модель включения, реализуе-

мая в вузе сегодня, является «инклюзией обратного порядка»: квота для детей-сирот и студентов с инвалидностью составляет 40%. Обучение ведется по адаптированным образовательным программам на основе принципов равенства, доступности и поддержки.

По состоянию на 30.06.2024 года в РГУ СоцТех на 7 факультетах по 57 образовательным программам обучался 1661 чел. [8].

Конструирование инклюзивной образовательной среды предполагает построение содержательной модели среды учебного процесса, отражающей требования к ней в соответствии с принципами педагогической системы и спецификой предметного обучения. Это универсальная модель, открытая для адаптации к переменным условиям педагогической системы. Инклюзивная образовательная среда выступает способом профилактики дезадаптации и саморазвития, обеспечивающим поддержку равных возможностей для получения высшего образования. Нормативно-целевой подход к созданию инклюзивной образовательной среды в РГУ СоцТех направлен на апробацию действующей модели, предоставляющей доступность и повышение качества образования студентов с инвалидностью с разными нозологическими нарушениями. Как педагогическая система, инклюзивная образовательная среда позволяет решать задачи совместного обучения различных категорий студентов путем обеспечения динамического соответствия ее условий индивидуальным возможностям в образовании. Она включает пространственно-предметную, содержательно-методическую, ресурсную (специализированную) и коммуникативно-организационную компоненты функционирования [2].

Отдельного внимания при конструировании инклюзивной образовательной среды требуют базовые положения инклюзивной педагогики в части особенностей организации учебного процесса в группах, включающих студентов с инвалидностью. В основе организации учебной работы в смешанных группах лежат принципы вовлеченности, учета индивидуальных способностей, профильного погружения, верификации внешних источников информации [4, с. 50–52].

Организация труда профессорско-преподавательского состава РГУ СоцТех при конструировании инклюзивной образовательной среды состоит в принятии работы со студентами с инвалидностью, применении интерактивных форм реализации учебного процесса и внеучебной деятельности, включенности в профессионально-ориентированные мероприятия, участии во внутренних и внешних научных и просветительских мероприятиях различного уровня и формата, развитии педагогических и профессиональных навыков. Векторами обеспечения сбалансированности оптимизации практики освоения учебных дисциплин являются балансы интересов и возможностей студентов с инвалидностью и не имеющих отклонений по здоровью, ориентирования на фундаментальные и прикладные аспекты учебных дисциплин, применения традиционных и интерактивных методов освоения учебного материала, индивидуализации и коллективизации учебной работы.

Конструирование инклюзивной образовательной среды предполагает обращение к вопросу построения цифровой инклюзии, в частности, соответствия сайта критериям, удовлетворяющим потребностям и запросам студентов с инвалидностью. Также в РГУ СоцТех ведется системная работа по развитию медиасреды, итогом которой стало вхождение в топ-20 лидеров медиарейтинга Минобрнауки России среди 233 вузов-участников.

Успешность адаптации образовательных программ высшего образования требует сочетания различных форм учебной и внеучебной деятельности.

Внеучебная деятельность способствует успешной интеграции студентов с инвалидностью в «пространстве» инклюзии, которая организуется для их социализации, формирует потребность к участию в социально-значимых практиках и самоуправлении, создает условия для развития значимых качеств личности, реализации творческой и познавательной активности, достижения метапредметных результатов. Ее основа – признание равных прав студентов с нарушениями развития на достижение образовательного ценза, учет интересов, способностей и особенностей, успешной социализации и адаптации личности; цель – создание условий проявления и развития студентами своих интересов, базирующихся на свободном выборе, постижении духовно-нравственных ценностей и культурных традиций [3, с. 12–21; 6, с. 230–233]. Такая ценностно-целевая установка близка сути учебно-воспитательной инклюзии.

Результаты

Динамика реализации внеучебной деятельности с участием студентов вуза [9] 2022 год

Олимпиада по информатике (весна-лето, соревнования по программированию и IT-решениям). Роль студентов: участники и призеры (до 100 человек). Результат: интеграция в социально-профессиональную сферу, совершенствование цифровых навыков. Пилотажный проект по высшему образованию (осень, дискуссия о стратегиях развития). Роль студентов: члены совета. Результат: подача предложений в инициативы Минобрнауки России;

Ежегодные мероприятия: День знаний и Визитка первокурсника (сентябрь-октябрь, творческие выступления). Интеллектуальная игра «Кругозор» (весна, командные викторины). Выпускной (июнь, культурные программы). Роль студентов: организация через студенческие советы, творческая и образовательная активность (300–400 человек). Результат: укрепление сообщества, адаптация новичков.

Фокус 2022 года – на адаптацию и базовые мероприятия. Участие студентов локальное, с акцентом на IT и патриотизм. Число событий: 8–10.

2023 год

Математический Олимп (май, Олимпиада по математике и логике). Роль студентов: участники (студенты факультета цифровых технологий). Результат: победы в региональных этапах, публикации работ. Всероссийский сетевой конкурс студенческих проектов «Профессиональное завтра» (осень-зима, 351 проект, включая инклюзивные инициативы). Роль студентов: авторы проектов (более 300 лауреатов заочного этапа). Результат: высокая оценка жюри, 186 проектов прошли в финал; развитие навыков проектного управления. Региональная конференция молодых ученых (осень, представление докладов). Роль студентов: докладчики. Результат: обмен опытом с вузами-партнерами;

Ежегодные мероприятия: аналогично с 2022 годом, включая участие в Проекте #ЗАОДНО (осень, инклюзивные эстафеты). Роль студентов: участники и волонтеры. Результат: более 400 студентов, продвижение инклюзии.

Фокус 2023 года – на науку и инклюзию, наблюдался рост проектной активности. Студенты активно подавали заявки на гранты и участвовали в национальных конкурсах. Число событий: 10–12.

2024 год

II Международная олимпиада «Ростконкурс» (декабрь, Конкурс по росту профессиональных навыков). Роль студентов: участники из РГУ СоцТех (студенты с инвалидностью). Результат: призы и сертификаты, приобретение международного опыта. Всероссийский кейс-чемпионат по экономике (весна-лето, командные соревнования). Роль студентов: участники команд (студенты экономического факультета). Результат: решение реальных кейсов, networking. XXIX Региональная конференция молодых ученых Волгоградской области (осень, прием заявок с сентября). Роль студентов: авторы исследовательских работ. Результат: поддержка молодых ученых. Национальный проект «Молодежь России» (апрель, дискуссионный клуб, обсуждение целей и задач). Роль студентов: участники заседаний. Результат: формирование стратегий молодежной политики;

Ежегодные мероприятия: аналогично с 2022–2023 гг., включая День Победы (май, патриотические акции). Роль студентов: организаторы. Результат: участие в инициативах (Национальный проект «Молодежь России»).

Фокус 2024 года – на конкурсах и конференциях, наблюдалось усиление международного и регионального участия студентов. Число событий: 12–15, с ростом поддержки по грантам.

2025 год

Студенческая весна РГУ СоцТех-2025: Наука, Память, Будущее (март, Конференция молодых ученых). Роль студентов: участники дискуссий. Результат: обсуждение разработок, поддержка и развитие студенческой научной мысли. Всероссийский форум «Июлька-2025» (июль, Молодежный палаточный форум). Роль студентов: участники из РГУ СоцТех. Результат: объединение более 1000 молодых людей, обмен идеями. Проект #ЗАОДНО (октябрь-ноябрь, фестиваль и эстафеты, спорт, музыка). Роль студентов: организаторы и участники (более 300 студентов из 34 вузов). Результат: победы в номинациях, продвижение инклюзии. Всероссийский инклюзивный марафон «Равный диалог» (декабрь, онлайн-тест по инклюзии). Роль студентов: наставники абитуриентов. Результат: сертификаты участников. Экскурсия на выставку «Дни регионов Дальнего Востока» (декабрь, посещение интерактивных зон). Роль студентов: участники (студенты 1–3 курсов). Результат: знакомство с культурой и профессиональной карьерой. XVI Межвузовская конференция по праву (ноябрь, дискуссии по праву и искусственному интеллекту). Роль студентов: участники. Результат: обмен мнениями, расширение кругозора. Разработка мобильной онлайн платформы (осень, проект с TransNetIQ). Роль студентов: инициаторы и разработчики (студенты факультета цифровых технологий). Результат: презентация руководству университета, потенциальное внедрение. Всероссийский

конкурс «ИнваПрофи-2025» (октябрь, 526 участников). Роль студентов: конкурсанты. Результат: победы участников из 69 регионов. Футбол на электроколясках (круглый год, развитие уникального спорта). Роль студентов: участники команд. Результат: достижения в соревнованиях. План научных мероприятий: около 100 событий (хакатоны, семинары). Роль студентов: докладчики. Результат: интеграция AI и VR.

Фокус 2025 года – на цифровизацию и инклюзию. Наблюдался пик – более 20 событий (связан с 35-летним юбилеем РГУ СоцТех).

Обсуждение

Система инклюзивной образовательной среды в РГУ СоцТех интегрируется на основе пространственно-предметной, содержательно-методической, ресурсной (специализированной) и коммуникативно-организационной компонент обеспечения учебного процесса и внеучебной деятельности. Для инклюзивного вуза характерна целенаправленная реализация различных форм молодежных проектов и инклюзивных практик, в которых участвуют студенты-инвалиды с разными нозологическими нарушениями.

Анализ эмпирического опыта реализации внеучебной деятельности в РГУ СоцТех за 2022-2025 гг. показал следующее.

Динамика. Рост от 8–10 в 2022 году до более 20 событий в 2025 году. Средняя частота – 1–2 события в месяц. Пиковые периоды: осень (адаптация, фестивали) и весна (олимпиады, конференции). Тренд: от локальных (2022 г.) к всероссийским и международным мероприятиям (2024–2025 гг.).

Тематика. Соответствует миссии вуза: инклюзия и ОВЗ (50%, #ЗАОДНО, «ИнваПрофи»); наука/образование (30%, конференции, олимпиады); патриотизм/культура (10%, День Победы); спорт/цифровизация (10%, футбол, приложения).

Включенность. Более 80% событий – с активной ролью студентов (участники – 70%, организаторы – 20%, победители – 10%). Охват: 300–500 человек ежегодно. Результаты: Сертификаты, баллы при поступлении, публикации, гранты (до 1 млн руб. в конкурсах «Росмолодежь.Гранты»).

Реализация. Через студенческие советы, Ресурсный учебно-методический центр по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ, партнерство (Минобрнауки России, TransNetIQ). Формат: смешанный (онлайн и офлайн). Влияние: развитие надпрофессиональных компетенций (soft skills), социальная интеграция для лиц с инвалидностью.

Проблемы. Фрагментарность сведений за 2022–2023 гг. (архив сайта ограничен). Фокус – на 2025 год, как актуальный. Цифровая инклюзия, включая создание полного архива на сайте. Актуальны вопросы грантовой поддержки инклюзивных проектов, международное партнерство.

Заключение

Эффективность обучения студентов с инвалидностью в современном инклюзивном вузе напрямую связана с качеством и доступностью образовательной среды, реализующей особые социальные и психолого-педагогические условия с учетом цифровой трансформации. Сегодня необходимо развитие гибких навыков обучающихся, их ознакомление с новыми интересными сферами для карьеры, где эти навыки будут применены. Во многом это обеспечивается внеучебной активностью в творческих, волонтерских или иных проектах, научной деятельности.

Наиболее сложными в решении, по мнению Байрамова В.Д. и Герасимова А.В., выступают социально-психологические проблемы, включающие сложившиеся стереотипы образования, неготовность педагогов и учащихся принять новые принципы обучения, недостаток комплексных психолого-педагогических знаний и технологий, специальных мониторинговых исследований инклюзивных образовательных практик [2, с. 146]. В структурном отношении это знаменует собой появление инновационного социального технолога, способного конструировать и организовывать «пространство» инклюзии образовательной среды, избирать новые социальные отношения в вузе [5, с. 44–49].

Литература

1. Байрамов В.Д., Герасимов А.В. Инклюзивная образовательная среда университета: особенности и проблемы проектирования (опыт МГГЭУ) // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 3. С. 15–25.
2. Байрамов В.Д., Герасимов А.В. Университетская среда как фактор социокультурной интеграции студентов с инвалидностью // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 2 (100). С. 139–150.
3. Герасимов А.В. Инклюзивная образовательная среда как условие успешной социализации студентов с инвалидностью // Человек. Общество. Инклюзия. 2019. № 4 (40). С. 12–21.
4. Глущенко В.В., Трубачеев Е.В. Образовательные проекты как инструмент инклюзивной педагогики // Теоретические и практические основы научного прогресса в современном обществе. Стерлитамак, 2025. С. 50–52.
5. Леньков Р.В., Пацула А.В. Социопрогностический подход к анализу феномена социального управления // Высшее образование сегодня. 2014. № 10. С. 44–49.
6. Пашкова Я.В. Особенности организации внеурочной деятельности в инклюзивном образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72–1. С. 230–233.
7. Распоряжение Правительства РФ от 02.09.2024 № 2401-р. Концепция по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 года. С. 15.
8. Российский государственный университет социальных технологий. Официальный сайт. Режим доступа: https://rgust.ru/sveden/common/ (дата обращения: 15.04.2026).
9. Мероприятия сгруппированы по годам. Охват до 500 человек ежегодно. Формы указаны со сроками, описанием, ролью студентов и результатами. В подготовке материала участвовал студент 4-го курса бакалавриата РГУ СоцТех (2026 г.) А.А. Бенескул.

EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A MODERN INCLUSIVE UNIVERSITY

Zhulin A.G., Lenkov R.V., Loskutova I.M., Panich N.A., Tarchenko V.S.

«School № 875», Russian State University of Social Technologies, Pirogov Russian National Research University, Moscow State Pedagogical University, Lomonosov Moscow State University

The article presents the results of an exploratory sociological study conducted in February-March 2026 to systems analysis the experience of designing an inclusive educational environment at the Russian State University of Social Technologies. An assessment is given of the dynamics of the implementation of extracurricular activities in the form of youth projects and inclusive events for 20222025, involving students with disabilities. The study focuses on inclusion, science, sports, and patriotism. Conclusions: Successful adaptation of higher education programs requires a combination of various forms of academic and extracurricular activities. The effectiveness of student learning in a modern inclusive university is directly related to the quality and accessibility of the educational environment, their extracurricular activities in creative and volunteer projects, and scientific research. Today, the question is relevant about the emergence of an innovative social technologist capable of organizing social relations in the educational environment of an inclusive university.

Keywords: inclusive university, students with disabilities, educational environment, extracurricular activities, soft skills, RSU SotsTech.

References

1. Bayramov V.D., Gerasimov A.V. Inclusive Educational Environment of the University: Features and Design Challenges (MGGEU Experience) // Psychological and Pedagogical Research. 2019. Vol. 11, № 3. Pp. 15–25.
2. Bayramov V.D., Gerasimov A.V. University Environment as a Factor in the Sociocultural Integration of Students with Disabilities // Pedagogical Journal of Bashkortostan. 2023. № 2 (100). Pp. 139–150.
3. Gerasimov A.V. Inclusive Educational Environment as a Condition for the Successful Socialization of Students with Disabilities // Man. Society. Inclusion. 2019. № 4 (40). Pp. 12–21.
4. Glushchenko V.V., Trubacheev E.V. Educational projects as a tool of inclusive pedagogy // Theoretical and practical foundations of scientific progress in modern society. Sterlitamak, 2025. Pp. 50–52.
5. Lenkov R.V., Patsula A.V. Socioprognostic approach to the analysis of the phenomenon of social management // Higher education today. 2014. № 10. Pp. 44–49.
6. Pashkova Ya.V. Features of the organization of extracurricular activities in inclusive education // Problems of modern pedagogical education. 2021. № 72–1. Pp. 230–233.
7. Order of the Government of the Russian Federation dated 02.09.2024 № 2401-r. Concept for Increasing the Employment Rate of Persons with Disabilities in the Russian Federation through 2030. P. 15.
8. Russian State University of Social Technologies. Official website. Access mode: https://rgust.ru/sveden/common/ (date of access: April 15, 2026).
9. Events are grouped by year. Reach up to 500 people annually. Forms are provided with deadlines, descriptions, student roles, and results. A.A. Beneskul, a fourth-year undergraduate student at RSU SotsTech (2026), participated in the preparation of this material.

Актуальные аспекты развития киберспортивной индустрии

Иванова Юлия Олеговна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры операционного и отраслевого менеджмента, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: yuoivanova@fa.ru

Бронников Леонид Владимирович,
магистрант, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: Dracanima@yandex.ru

Многие страны активно инвестируют в развитие киберспорта, создавая условия для его роста. Государства рассматривают киберспорт как перспективную сферу для привлечения инвестиций и стимулирования инновационного развития. В последние годы всё больше стран выделяют средства для развития инфраструктуры, создания новых киберспортивных центров и поддержки отечественных разработчиков игр. Таким образом, киберспорт, демонстрируя интенсивный рост, представляет большие перспективы для всех участников индустрии, начиная от обычных игроков, стримеров, киберспортсменов и заканчивая производителями компьютерной техники и оборудования. По итогам анализа даны рекомендации по внедрению наиболее устойчивых моделей финансирования. Сделаны выводы о том, что в условиях 2026–2027 годов успех будут иметь гибридные схемы: сочетание государственного содействия, цифровых платформ и взаимодействия с внутренним бизнесом. Например, комбинирование государственного финансирования через гранты и субсидии с активным привлечением отраслевых спонсоров (банки, IT-компании) и монетизацией через платформы позволит снизить зависимость от внешних факторов и обеспечить масштабируемость проектов. В то же время отмечается необходимость внимания к нормативным барьерам (особенно в сфере цифровых финансовых инструментов) и выстраивания долгосрочных партнёрских отношений.

Ключевые слова: киберспорт, компьютерный спорт, спонсор, рекламодатель, турнирный оператор, контрагент, стриминг, игрок, краудфандинг.

Введение

Глобальная аудитория киберспорта по оценкам составляет около одного миллиарда человек, что более чем вдвое превышает аудиторию гонок Формулы-1 или в 10 раз превышает аудиторию суперкубка [1]. Киберспорт, несомненно, обладает определенными характеристиками, связанными со спортом, и взаимосвязь между киберспортом и традиционными видами спорта прослеживается как в монетизации, так и в количестве зрителей.

Хотя киберспорт существовал практически с момента зарождения видеоигр как таковых, его формирование в качестве самостоятельной индустрии, способной приносит хороший доход, произошло относительно недавно – примерно в конце 2000-х годов. В 2017 году уровень доходов, приносимых киберспортом по всему миру, составлял около 1,18 миллиардов долларов; в период пандемии COVID-19–2,55 миллиардов долларов; на конец 2025 года совокупных доходы находятся на уровне 4,78 миллиардов долларов, что демонстрирует рост индустрии в 4 раза за последние 8 лет [2].

Основная часть

В последние годы киберспорт перестал рассматриваться исключительно как форма досуга и развлекательной активности и всё чаще воспринимается как перспективное направление индустрии цифровых развлечений, объединяющее элементы спорта, медиа, информационных технологий и коммерческой деятельности. Каждая из групп контрагентов вносит свой вклад в развитие киберспорта, однако степень их влияния существенно различается. В одних случаях издатели и разработчики доминируют в управлении всей системой, а в других большую роль играют независимые организаторы и клубы.

Государственные органы

Государственные органы играют вспомогательную роль в развитии киберспортивной индустрии. Влияния государства может быть как позитивным, через поддержку, признание и финансирование, так и негативным через различные ограничения. Во многих странах киберспорт получил официальный статус, что соответствует его интеграции в систему традиционного спорта. В Российской Федерации с 2016 года киберспорт признан официальной дисциплиной, с 2023 года был внесен законопроект, который предоставляет чемпионатам международных турниров льготы при поступлении в спортивные вузы. Китай официально признал киберспорт в 2019 году и с тех пор активно развивает его на государственном уровне, а Саудовская Аравия в 2023 году объявила о создании национальной стратегии развития киберспорта, направленной на превращении страны в глобальный центр этой индустрии. В Европе и Азии правительства разрабатывают нормативные акты, регулирующие деятельность киберспортивных организаций, включая вопросы лицензирования, трудоустройства игроков и защиты их прав.

Многие страны активно инвестируют в развитие киберспорта, создавая условия для его роста. Государства рассматривают киберспорт как перспективную сферу для привлечения инвестиций и стимулирования инновационного развития. В последние годы всё больше стран выделяют средства для развития инфраструктуры, создания новых киберспортивных центров и поддержки отечественных разработчиков игр. Так один из новых кейсов в инвестициях в киберспорт – это новая киберспортивная арена Qiddiya City Esports arena – один из крупнейших инвестиционных проектов правительства Саудовской Аравии. Арена расположена в инновационном городе Каддия, является частью масштабной стратегии Vision 2030. направленной на диверсификацию экономики и снижение зависимости от нефтяного сектора. Это ключевой элемент комплексного киберспортивного хаба. Государственные инвестиции позволили создать инфраструктуру, вместимость новой арены составила 5300 мест.

В последние годы российские власти активно инвестируют в развитие киберспорта, уделяя особое влияние инфраструктуре, турнирам при поддержке профессиональных игроков. Одним из наиболее знаменитых событий в этой сфере стали игры будущего, прошедшие в Казани. На их организацию из федерального бюджета было выделено свыше 5,2 миллиардов рублей. В соревнованиях приняли участие более 2000 спортсменов из 256 команд. Уникальный формат фиджитал, объединяющий традиционные и цифровые виды спорта, привлек

внимание мирового сообщества. Согласно данным аналитической компании Технологии доверия (бывший PWC) российский рынок киберспорта демонстрирует динамичный рост. Если в 2022 году его объем составлял 30 миллионов долларов, то в 2023 году он увеличился до 100 миллионов, что составляет около 5 процентов мирового рынка. Киберспорт привлекает крупных инвесторов, включая такие компании как Сбер, Росатом, Билайн и Мегафон, которые выступают спонсорами крупных турнирных лиг.

Государство продолжит вкладываться в инфраструктуру, открывая киберспортивные лиги, привлекая новых специалистов, инвестирует в развитие, но в то же время нуждается в более четких механизмах управления и долгосрочного планирования для устойчивого развития отрасли.

Спонсоры и рекламодатели

Спонсоры и рекламодатели играют ключевую роль в развитии киберспорта, обеспечивая финансовую поддержку турниров команд и игроков. Их участие способствует профессионализации индустрии и увеличению призовых фондов, и привлечению новых зрителей.

Основных спонсоров можно разделить на несколько категорий, это:

1 – технологические компании, такие как один из крупнейших производителей процессоров Intel, основной производитель видеокарт и его ПО компания Nvidia и компании, производящие игровую периферию – они предоставляют оборудование и финансируют турниры, сотрудничая с киберспортсменами;

2 – стриминговые платформы, медиа, развивающие экосистему киберспорта, проводя трансляции киберспортивных матчей и матчей академий;

3 – крупные бренды, такие как производители энергетических напитков Red Bull, производители одежды и т.д. используют киберспорт как маркетинговый инструмент, поддерживают команды, создавая рекламные кампании;

4 – букмекерские компании, спонсирующие киберспортивные команды и сами организующие как отдельные киберспортивные команды, так и занимающиеся организацией киберспортивных турниров. Далее оценим степень влияния спонсоров на развитие киберспорта.

Технологические компании играют одну из ключевых ролей в развитии киберспорта, так производители процессоров CPU и графических процессоров GPU обеспечивают киберспортсменов мощными вычислительными решениями, необходимыми для плавного игрового процесса. Так на крупнейших турнирах по дисциплинт Counter-strike 2, используется один из мощнейших на сегодняшний день процессоров компании Ryzen 7 7800X3D, в связке с видеокартой GeForce RTX 4080 [3]. Также было проанализировано, каким компаниям отдают предпочтения про-игроки, и составлен график компаний – производителей, которым доверяют спортсмены (рис. 1).

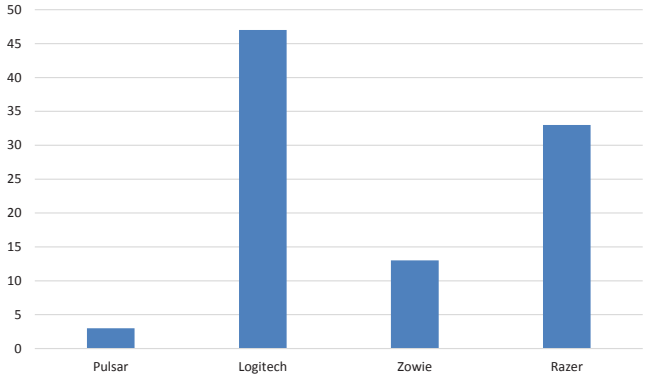


Рис. 1. Использование бренда компьютерных мышей из топ 100 игроков дисциплины CS2 за 2024 год

Источник: составлено авторами.

Так, почти 50 процентов игроков используют игровые мыши фирмы Logitech – имея хорошую репутацию на про-сцене, компания добилась большого успеха в развитии киберспорта, спонсирую своей продукцией такие крупные киберспортивные команды, как Cloud 9, Team Spirit, Astralis TSM BLG G2 другие.

Также стоит отметить производителей мониторов. Компания Zowie, китайский бренд, за последние 10 лет занял практически всю игровую сцену – большинство киберспортивных команд использует мониторы данного бренда благодаря его техническим характеристикам. Поддержка частоты обновления экрана в 360 герц позволяет киберспортсмену комфортно пользоваться и иметь игровое преимущество.

Также технические бренды проводят и свои киберспортивные турниры. Так, уже упомянутая компания Intel спонсирует проведение одного из крупнейших турниров в дисциплине CS 2 Intel Extreme Masters. В данном турнире соревнуются 24 коллектива за призовой фонд 1 миллион долларов. Российский коллектив Team Spirit за последние два года смог занять 1 и 2 места, в 2024 году обыграв в финале американский коллектив FaZe Clan, а в 2025 году уступив в финале французскому коллективу Team Vitality.

Стриминговые платформы также играют значительную роль в развитии киберспорта. Twitch является основной площадкой для просмотра киберспортивных турниров. Миллионы зрителей могут в режиме реального времени следить за матчами, взаимодействовать с комментаторами и другими болельщиками через чат. Многие крупные киберспортивные операторы заключают эксклюзивные контракты с данной платформой. Так одни из самых крупных турнирных операторов по трем дисциплинам Esl Pro League по CS 2, League of Legends Championship Series, и The International транслируются эксклюзивно на Twitch.

Так за 4 последних года минимум 2 миллиарда человек одновременно просматривает трансляции на данной платформе. Что подтверждает популярность данного стримингового сервиса как одного из крупнейших на сегодняшнее время. Также Twitch стала платформой для популяризации киберспортивных турниров локальных сцен и молодых турниров. Многие организаторы используют данную платформу для трансляции турниров более низкого уровня.

В киберспорте существует градация команд по их силе. Команды, находящиеся в топ 50, участвующие в крупных турнирах, считаются ТИР 1 (от англ. Слова tier – уровень). Команды, которые не способны бороться с тир 1 командами или же академии топ команд становятся ТИР2 – ТИР3 командами.

Неотъемлемой частью популяризации киберспорта через платформу Twithc стали стримеры. Так большинство про-игроков имеют свои каналы, на которых проводят прямые трансляции, на которых играют в игры или общаются с болельщиками. Свои каналы есть у таких знаменитых СНГ киберспортсменов, как Илья Осипов (mONESY) с 1,1 миллионом подписчиков. Даниил Крышковец (donk) 147 тысяч подписчиков. Также Twich спонсирует своих авторов, фанаты платят от 5 долларов за эксклюзивный контент, а зрители могут финансово поддерживать своих любимых игроков. Данный сервис помогает новым игрокам заявить о себе, даже если они ещё не выступают на крупных турнирах. Если стример показывает высокий уровень игры, его могут заметить скауты команд и пригласить принять участие в турнирах. Из последних кейсов можно выделить стримера Ивана StRoGo Шурпатова – стример показывал хороший уровень игры в дисциплине CS2 и получил приглашение от сербской команды Aurora Gaming. Отдельные стримеры также открывают свои киберспортивные организации, и благодаря своей аудитории команда получает значительную популярность, что обеспечивает ей возможность быстро найти своих фанатов и начать выступать на тир 2 – тир 3 чемпионатах. Из СНГ команд есть несколько успешных кейсов открытия команд стримерами, одним из первых таких команд стала организация стримера Олега Тюркаева Insilio, команда получила свою популярность в 2021 году как команда, которая открыто публиковала внутреннюю сторону киберспорта, но сейчас команда держится в тир 2 чемпионатах и не выходит на крупные чемпионаты. Самой успешной командой по нашему мнению стала команда стримера Германа Попкова Amkal Esport – организация смогла пройти отборочный этап на самый престижный турнир по CS2 в Копенгагене в 2024 году. Так Twitch оказывает огромное влияние на развитие киберспорта, делая его более доступным, популярным и прибыльным. Платформа не только предоставляет пространство для трансляций турниров, но и помогает игрокам и организаторам продвигать киберспорт в новую аудиторию. Благодаря этой платформе киберспорт вышел на новый уровень традиционных соревнований и продолжает расти с каждым годом.

Из спонсоров также стоит разобрать производителей игровой формы и энергетических напитков. Энергетики стали неотъемлемой частью индустрии киберспорта, так как продукт позиционируется как продукт, повышающий концентрацию, выносливость и реакцию. Так один из самых популярных энергетиков в мире Red Bull – один из пионеров киберспортивного спонсорства, начинавший поддерживать киберспорт на этапе его зарождения. Компания спонсирует крупнейшие команды, такие как американские команды OG и Cloud9, финскую организацию ENCE, французов G2, и российскую команду Team Spirit. Monster Energy (прямой конкурент) также финансирует про-команды – данный энергетик является партнером американских команд Team Liquid и Evil Geniuses, шведскую команду Fnatic. Компании, производящие энергетики, вкладывают значительную часть финансов в турниры и команды и благодаря громким коллаборациям привлекают новую ауди-

торию. Киберспортсмены всё чаще сотрудничают с брендами спортивной одежды, создавая уникальные коллекции и повышая престиж индустрии. Организация Nike стала лидером в киберспортивной одежде, до 2022 года компания спонсировала все крупные российские организации, в 2019 году стала официальным копировщиком LPL, и создает эксклюзивную форму для команд T1и FPX. Adidas стала спонсором сильнейшей команды Франции Vitality, выпуская уникальную форму и худи для киберспортсменов. Одним из крупнейших релизов, вызвавшим огромный интерес среди игроков регионов Америки, стала коллаборация американской команды FaZe и репера Джареда Jucie WRLD Хиггса. В декабре 2021 года, спустя два года после смерти музыканта, они выпустили совместную коллекцию одежды, что показало как компьютерный спорт стал частью глобальной поп-культуры.

Букмекерские организации играют двоякую роль в развитии киберспорта. С одной стороны, они обеспечивают финансирование турниров и команд, способствуя профессионализации индустрии, с другой же стороны существует проблема договорных матчей и негативного влияния азартных игр на молодых зрителей.

Букмекерские конторы сделали огромный вклад в развитие киберспорта. Parimatch и Betboom имеют свои команды в двух самых популярных дисциплинах компьютерного спорта CS2 и DOTA 2, особенно во второй дисциплине эти команды добиваются особого успеха, занимая первые строчки в рейтинге ТИР 1 команд. Благодаря спонсорствам команды получают дополнительное финансирование, а турниры могут предлагать большие призовые фонды. Также букмекеры занимаются организацией собственных турниров, к примеру крупнейший турнир BetBoom Dacha среди тир1 команд, и недавний турнир, проводимый для команд Тир 2 уровня и академий BetBoom LanDaLan. Благодаря этому молодые спортсмены из академий могут принимать участие на открытых турнирах с болельщиками (LAN – турниры) и получать игровой опыт. Большинство профессиональных команд имеют спонсорские контракты с букмекерами. Pari спонсирует такие команды как Virtus Pro и Team Spirit, благодаря чему организации могут выплачивать зарплату топ-игрокам и проводить специальные буткемпы (места, где киберспортсмены играют друг с другом). Многие букмекеры поддерживают контент о киберспорте, финансово поддерживая комментаторов (касты), тем самым поддерживая проведение матча профессиональным обозреванием с комментаторами. В 2023 году оборот ставок на киберспорт превысил 20 миллиардов долларов, сделав киберспорт четвертым по популярности видом спорта для ставок после футбола, баскетбола и тенниса. Но также стоит учесть и негативное влияние ставок на киберспорт: одной из главных угроз стали договорные матчи, за все время существования были разоблачены сотни мошеннических схем, были забанены игроки за участие в подставных матчах, из-за этого в некоторых странах были введены ограничения. В Китае и Корее были запрещены ставки на киберспорт, турниры операторов ESL и Riot накладывают ограничения на спонсорство, особенно в молодежных лигах.

Спонсоры и рекламодатели играют ключевую роль в развитии киберспорта, обеспечивая финансовую поддержку, популяризацию и профессионализацию индустрии. Их влияние проявляется в увеличении призовых фондов, привлечении новой аудитории развитии инфраструктуры и интеграции киберспорта в массовую культуру. Крупнейшие мировые производители цифровой техники активно спонсируют компьютерной спорт, поддерживая его развитие и вовлечение в основные виды спорта. Молодые киберспортсмены благодаря спонсорству букмекеров и увеличению своей аудитории из-за стримов имеют большой шанс пробиться в ТИР 1 команд, в отличие от киберспортсменов, которые начинали свой путь в 2010х годах. Сейчас у молодёжи есть все возможности, чтобы посвятить себя данной отрасли. По финансированию и количеству просмотров киберспорт уже обходит некоторые виды спорта, благодаря чему массовая культура может обратить внимание на молодую и перспективную отрасль.

Турнирные операторы

Турнирные операторы играют также ключевую роль в развитии киберспорта, организуя соревнования, устанавливая стандарты качества проведения и привлекая инвестиции. С точки зрения количественных показателей, турнирные операторы, такие как ESL FACEIT Group, BLAST, PGL генерируют значительные доходы за счет организации турниров, продажи медиа прав, спонсорских контрактов и билетов на офлайн-мероприятия. В 2024 общий рынок киберспорта оценивался примерно в 1,38 миллиардов долларов, и значительная часть этих средств поступала именно от турнирных организаторов. Ожидается, что к 2026 году этот показатель превысит 1,8 миллиардов, при этом турнирные организаторы останутся ключевыми бенефициарами роста.

Основными источниками дохода турнирных операторов являются спонсорские контракты с крупными брендами, продажей прав на трансляции стриминговым платформам, а также доход от продажи билетов и мерча. На пример IEM Katowice 2023 организованный ESL Faceit Group принес более 20 миллиардов долларов, а PGL Major Stockholm сгенерировал свыше 40 миллионов, став одним из самых прибыльных турниров в истории игры Counter-Strike, включая продажи билетов, атрибутики и внутриигровых предметов, посвященных данному событию. Самым доходным турниром по дисциплине DOTA 2 стал The International 2021, призовой фонд которого достиг 40 миллионов долларов благодаря краудфандинговой система Battle Pass, часть заработанной прибыли от него были направленны на призовой фонд для команд [4].

Помимо финансовых показателей турнирные операторы активно инвестируют в развитие инфраструктуры. В 2022 году ESL и FACEIT были приобретены инвестиционной группой Savvy Gaming Group за 1.5 миллиардов долларов, что стало крупнейшей сделкой в истории киберспорта. Riot games вкладывают сотни миллионов в развитие экосистемы League of Legends и Valorant, создавая франшизные лиги и региональные чемпионаты.

Одним из важнейших количественных показателей является аудитория турниров, которая продолжает расти с каждым годом. The International каждый год собирает от 2 миллиардов просмотров, а самые зрелищные матчи могут достигать до 3 миллиардов просмотров в пиковый момент.

Для повышения вовлеченности аудитории турнирные операторы внедряют новые механики: интерактивные трансляции, прогнозы, эксклюзивные внутриигровые предметы. В дисциплине CS2 существуют наборы специальных наклеек, которые содержат логотипы команд и росписи топовых игроков. От каждой продажи наклеек часть прибыли уходит про-игроку, так в среднем команда получает до 1 миллиона долларов на команду, также за покупку специального Battle Pass игроки могут угадывать счет будующих матчей и за правильные ответы получать памятные награды. Watch Parties, проводимые популярными стримерами, используют AR и VR технологии, а также персонализированные функции просмотра матчей, что делает трансляции более захватывающими для зрителей. Важным аспектом является влияние турнирных операторов на экосистему киберспорта. Они создают структуры ранговых турниров, позволяя молодым талантам развиваться и попадать в профессиональные лиги. Операторы позволяют командам пройти путь от локальных соревнований до крупных международных чемпионатов. В League of Legends действует четкая система региональных лиг LEC LCS LCK LPL, ведущая к участию в чемпионате мира. В чемпионатах DPRA 2 функционирует система, в которой команды зарабатывают очки за турниры, что позволяет выходить на чемпионат мира.

Таким образом, турнирные операторы оказывают значительное влияние на развитие киберспорта. С точки зрения количественных показателей, они способствуют росту доходов индустрии, увеличению призовых фондов и расширению зрительской аудитории. С точки зрения качественных показателей они формируют репутацию киберспортивных мероприятий, создают качественный контент и внедряют инновационные форматы трансляций. Несмотря на все вызовы и проблемы, турнирные организаторы продолжают развиваться, привлекать инвестиции и обеспечивать дальнейший рост киберспорта.

Игроки и команды

С точки зрения количественных показателей команды и игроки генерируют значительные доходы за счет спонсорских контрактов, призовых фондов и трансляций. Основными источниками доходов являются спонсорские контракты с производителями игровой периферии и призовых фондов турниров.

Аудитория киберспорта продолжает расти благодаря популярности топовых игроков. Помимо финансовых показателей команды и игроки формируют репутацию киберспорта и вовлекают фанатов. Они создают стандарты дисциплины и мастерства, заключая контракты с мировыми брендами, а также активно взаимодействуют с аудиторией через социальные сети, блоги и документальные фильмы. Кроме того, команды способствуют развитию экосистемы, создавая академии и обучающие программы, тем самым популяризируя киберспорт среди молодежи и сокращая издержи на покупку игроков, взращивая через академии собственные таланты. Самые известные кейсы – это академии команд Team Spirit и Mouz, которые вырастили целое поколение юных киберспортсменов, которые сейчас выступают на Тир 1 сцене. Благодаря профессиональным игрокам и ведущим командам киберспорт становится престижной, высокооплачиваемой индустрией, способной конкурировать с традиционными видами спорта.

Заключение

Таким образом, киберспорт, демонстрируя интенсивный рост, представляет большие перспективы для всех участников индустрии, начиная от обычных игроков, стримеров, киберспортсменов и заканчивая производителями компьютерной техники и оборудования. Краудфандинг, выраженный в большей степени получением средств от игроков в обмен на внутриигровые преференции, долгое время оставался редким примером эффективного финансирования, во многом за счет сложности понимания психологического восприятия и индивидуальной мотивации, играющих крайне важную роль при данном способе финансирования. Корпоративное спонсорство остается малоприменимым, поскольку классические модели, использующиеся в традиционных профессиональных спортивных состязаниях, представляют сложность для адаптации к киберспортивным мероприятиям. Компании продолжают сталкивать с трудностями, в большей степени связанными с сохраняющейся нестабильностью и недостаточной развитостью индустрии.

Параллельно с ростом общественного интереса наблюдается усиление государственной и институциональной поддержки отрасли. В России осуществляется работа по формированию нормативно-правовой базы, разработке стандартов подготовки киберспортсменов, а также созданию механизмов государственной поддержки игровой индустрии и киберспорта. Важную роль в развитии отрасли играет Федерация компьютерного спорта России, которая выступает координатором соревнований, образовательных инициатив и взаимодействия с государственными структурами.

Можно сделать вывод, что современная модель финансирования и поддержки киберспорта в России носит смешанный характер и включает государственные программы, институциональную деятельность профильных организаций, а также участие частного бизнеса и корпоративных инвесторов. Сочетание этих факторов создаёт предпосылки для дальнейшего развития индустрии, расширения её экономического потенциала и укрепления позиций России на международной киберспортивной арене.

Литература

1. Webb, Michael D. (2022) «History and Effectiveness of Sponsorships in Esports,» The Park Place Economist: Vol. 29 Available at: https://digitalcommons.iwu.edu/parkplace/vol29/iss1/9 (дата обращения: 11.04.2026).

2. Statista. (December 10, 2025). Esports market revenue worldwide from 2017 to 2030 (in billion U.S. dollars) [Graph]. In Statista. Retrieved February 24, 2026, from https://www.statista.com/forecasts/490522/global-esports-market-revenue/ (дата обращения: 10.04.2026).

3. Evelone Duo Cup // Liquipedia. – URL: https://liquipedia.net/counterstrike/Evelone/2025/Duo_Cup (дата обращения: 14.03.2026).

4. Краудфандинг в действии. Как зрители способствуют развитию киберспорта? // Аргументы и Факты. – URL: https://aif.by/timefree/sport/kraudfanding_v_deystvii_kak_zriteli_sposobstvuyut_razvitiyu_kibersporta (дата обращения: 12.03.2026).

5. Винокуров А.С., Иванова Ю.О., Гураль О.Н. Киберспортивная команда-клуб как основа государственно-частного партнерства в компьютерном спорте // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7–2. С. 196–200.

6. Popkova E. G., Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (ed.). Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. – Springer Nature, 2021. – Т. 314.

7. Глобальный отчет о рынке киберспорта (2024) // ASO World. – URL: https://asoworld.com/ru/blog/global-esports-market-report-2024/ (дата обращения: 21.02.2026).

8. Кто спонсирует киберспорт в России и мире // RB.RU. – URL: https://rb.ru/opinion/kto-sponsiruet-kibersport-v-rossii-i-mire/ (дата обращения: 13.03.2026).

9. Отчет о мировом рынке киберспорта 2023 // ASO World. – URL: https://asoworld.com/ru/blog/global-esports-market-report-2023/ (дата обращения: 10.04.2026).

10. Революция киберспорта: как блокчейн-технологии и смарт-контракты изменят игровую индустрию // Fork Log. – URL: https://forklog.com/news/revolyutsiya-kibersporta-kak-blokchejn-tehnologii-i-smart-kontrakty-izmenyat-igrovuyu-industriyu-i-kibersport (дата обращения: 10.03.2026).

11. Рынок в $33 млрд: как киберспорт перестал быть нишевым и начал завоевывать Россию // Forbes. – URL: https://www.forbes.ru/sport/511409-industria-na-33-mlrd-kak-rynok-translacij-kibersporta-zavoevyvaet-rossiu (дата обращения: 23.03.2026).

12. BetBoom VALORANT League: Winter // Liquipedia. – URL: https://liquipedia.net/valorant/BetBoom_VALORANT_League/Winter (дата обращения: 14.03.2026).

13. ESports Market, Till 2035 // Root Analysis business research and consulting. – URL: https://www.rootsanalysis.com/esports-market#overview (дата обращения: 21.03.2026).

14. Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2023–2027 // PWC. – URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/01/22/748518-mailru-group-kupila-kibersportivnii-holding-esfoce-za-100-mln (дата обращения: 21.03.2026).

15. The 9 most expensive League of Legends skins that drain your wallet // One Esports. – URL: https://www.oneesports.gg/league-of-legends/most-expensive-league-skins/ (дата обращения: 24.03.2026).

CURRENT ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THE ESPORTS INDUSTRY

Ivanova Yu.O., Bronnikov L.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Many countries are actively investing in the development of esports, creating the conditions for its growth. These countries view esports as a promising area for attracting investment and stimulating innovative development. In recent years, more and more countries have allocated funds for infrastructure development, the creation of new esports centers, and support for domestic game developers. Thus, esports, demonstrating rapid growth, presents great prospects for all industry participants, from ordinary players, streamers, and esports athletes to computer hardware and equipment manufacturers. The analysis provides recommendations for implementing the most sustainable financing models. It is concluded that, in the 2026–2027 environment, hybrid schemes will be successful: a combination of government support, digital platforms, and collaboration with domestic businesses. For example, a combination of government funding through grants and subsidies with the active involvement of industry sponsors (banks, IT companies) and monetization through platforms will reduce dependence on external factors and ensure the scalability of projects. At the same time, the need to address regulatory barriers (especially in the area of digital financial instruments) and build long-term partnerships is noted.

Keywords: esports, computer sports, sponsor, advertiser, tournament operator, counterparty, streaming, player, crowdfunding.

References

1. Webb, Michael D. (2022) «History and Effectiveness of Sponsorships in Esports». The Park Place Economist: Vol. 29. – URL: https://digitalcommons.iwu.edu/parkplace/vol29/iss1/9 (Accessed April 11, 2026).

2. Statista. (December 10, 2025). Esports market revenue worldwide from 2017 to 2030 (in billion U.S. dollars) [Graph]. In Statista. Retrieved February 24, 2026, from https://www.statista.com/forecasts/490522/global-esports-market-revenue/ (Accessed April 10, 2026).

3. Evelone Duo Cup // Liquipedia. – URL: https://liquipedia.net/counterstrike/Evelone/2025/Duo_Cup (date of access: March 14, 2026).

4. Crowdfunding in Action. How Do Spectators Contribute to the Development of Esports? // Arguments and Facts. – URL: https://aif.by/timefree/sport/kraudfanding_v_deystvii_kak_zriteli_sposobstvuyut_razvitiyu_kibersporta (date of access: March 12, 2026).

5. Vinokurov A.S., Ivanova Yu.O., Gural O.N. Esports Team-Club as the Basis for Public-Private Partnership in Computer Sports // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2022. № 7–2. pp. 196–200.

6. Popkova E.G., Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (eds.). Socio-economic Systems: Paradigms for the Future. – Springer Nature, 2021. – Vol. 314.

7. Global Esports Market Report (2024) // ASO World. – URL: https://asoworld.com/ru/blog/global-esports-market-report-2024/ (date of access: 21.02.2026).

8. Who sponsors esports in Russia and the world // RB.RU. – URL: https://rb.ru/opinion/kto-sponsiruet-kibersport-v-rossii-i-mire/ (date of access: 13.03.2026).

9. Global Esports Market Report 2023 // ASO World. – URL: https://asoworld.com/ru/blog/global-esports-market-report-2023/ (date accessed: 10.04.2026).

10. The Esports Revolution: How Blockchain Technologies and Smart Contracts Will Change the Gaming Industry // Fork Log. – URL: https://forklog.com/news/revolyutsiya-kibersporta-kak-blokchejn-tehnologii-i-smart-kontrakty-izmenyat-igrovuyu-industriyu-i-kibersport (date accessed: 10.03.2026).

11. A $33 Billion Market: How Esports Stopped Being a Niche and Started Conquering Russia // Forbes. – URL: https://www.forbes.ru/sport/511409-industria-na-33-mlrd-kak-rynok-translacij-kibersporta-zavoevyvaet-rossiu (Accessed: March 23, 2026).

12. BetBoom VALORANT League: Winter // Liquipedia. – URL: https://liquipedia.net/valorant/BetBoom_VALORANT_League/Winter (Accessed: March 14, 2026).

13. ESports Market, Till 2035 // Root Analysis business research and consulting. – URL: https://www.rootsanalysis.com/esports-market#overview (Accessed: March 21, 2026).

14. Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2023–2027 // PWC. – URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/01/22/748518-mailru-group-kupila-kibersportivnii-holding-esfoce-za-100-mln (accessed: March 21, 2026).

15. The 9 most expensive League of Legends skins that drain your wallet // One Esports. – URL: https://www.oneesports.gg/league-of-legends/most-expensive-league-skins/ (accessed: March 24, 2026).

Человекосохраняющая цифровая социальная архитектура: представления студентов о будущем ИИ-агентов

Калмыков Николай Николаевич,
кандидат социологических наук, докторант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: Kalmykov@Kalmykovnn.ru

В статье представлены результаты авторского сценарно-диагностического онлайн-опроса студентов колледжей и вузов Москвы, посвященного представлениям обучающейся молодежи о будущих социальных архитектурах в условиях развития нейросетей и ИИ-агентов. Эмпирическая база исследования составила 325 анкетных записей. В выборку вошли обучающиеся по направлениям ИТ, бизнес-информатика, дизайн, реклама и связи с общественностью, журналистика и медиа. Исследование показало, что студенты уже активно включены в практики использования ИИ: 92,1% валидно ответивших используют нейросети регулярно или время от времени. Вместе с тем высокая ИИ-вовлеченность сочетается с выраженной верификационной тревогой, запросом на приватность, правом понимать и оспаривать решения цифровых систем, а также с неприятием постоянного рейтингования человека. Центральным результатом исследования является выявление человекосохраняющей ориентации: ИИ принимается как помощник, усилитель и исполнитель рутинных задач, но отвергается как непрозрачная система, подменяющая человеческий выбор, ответственность и субъектность. На основе закрытых и открытых вопросов предложена модель человекосохраняющей цифровой социальной архитектуры, включающая объяснимость, апелляцию, приватность, право на ошибку, ограничение рейтингования, восстановление цифрового статуса и сохранение неалгоритмизируемых зон человеческой жизни.

Ключевые слова: социальная архитектура; искусственный интеллект; ИИ-агенты; цифровая среда; молодежь; автономия; доверие; алгоритмическое управление; цифровой контроль; человекосохраняющая архитектура

Введение

Искусственный интеллект становится элементом социальной среды: он влияет на коммуникацию, образование, труд, доверие, доступ к возможностям, цифровую репутацию и способы принятия решений. В российском контексте развитие ИИ закреплено в стратегических и регуляторных документах [1; 2], а этическая рамка связана с человекоцентричностью, безопасностью и ответственностью [3].

Контекст исследования задают также документы о развитии информационного общества и экспериментальном регулировании ИИ. Стратегия развития информационного общества РФ на 2017–2030 годы рассматривает цифровую среду как фактор общественного развития [4]; Федеральный закон об эксперименте по внедрению ИИ в Москве показывает, что ИИ становится не только технологическим, но и регуляторно-управленческим объектом [5].

Социальная архитектура понимается как управленчески значимая конфигурация правил, цифровых посредников, интерфейсов, платформенных механизмов, каналов доступа, процедур оценки и обратной связи. Она не только отражает социальные отношения, но и формирует вероятные действия субъектов; ИИ рассматривается как часть социально-управленческого устройства среды.

Теоретическая постановка проблемы опирается на отечественную традицию анализа общества как управляемой и саморегулирующейся системы, где особое значение имеют структура, обратная связь и управленческое воздействие [6; 7]. ИИ-агенты выступают новыми элементами управленческой среды: они влияют на распределение информации, доступ к возможностям, процедуры оценки и условия принятия решений. Гуманитарное измерение требует сохранения человека как субъекта ответственности, смысла и выбора [8].

Объект исследования – представления студентов колледжей и вузов о будущей социальной среде в условиях распространения ИИ-агентов. Предмет – восприятие ИИ как элемента социальной архитектуры, влияющего на доверие, автономию, цифровой контроль, доступ к возможностям и границы субъектности. Цель – выявить, какие модели ИИ-среды студенты считают вероятными, желательными и опасными, и с какими условиями связывают сохранение человеческой субъектности.

Рабочая гипотеза: высокая включенность студентов в ИИ-практики не ведет к безусловному технооптимизму, а сочетается с запросом на человекосохраняющую цифровую социальную архитектуру. Научная новизна – рассмотрение отношения к ИИ как представления о будущей социальной архитектуре, включающей цифровых посредников, рейтинги, верификационные механизмы, право на апелляцию, цифровой след и неалгоритмизируемые зоны человеческой жизни.

Теоретико-методологическая рамка

Теоретическая рамка исследования соединяет системный, управленческий, организационно-деятельностный и этический подходы.

Системный подход рассматривает общество как структуру, где управленческие воздействия, информационные потоки, обратные связи и институциональные правила воспроизводят социальный порядок [6]. Цифровая среда задает условия коммуникации, доступа, видимости, оценки и контроля.

Организационно-деятельностная перспектива описывает социальную архитектуру как конфигурацию деятельности, правил, ролей, процедур и управленческих контуров. В цифровой среде к традиционным институтам добавляются интерфейсы, алгоритмы, ИИ-агенты, цифровая история действий и процедуры автоматизированной оценки [7].

Этическая рамка связана с принципами человекоцентричности, безопасности и ответственности. Российский Кодекс этики в сфере ИИ подчеркивает приоритет благополучия человека, прозрачность и недопущение дискриминации [3]. Эти положения соотносятся с ожиданиями респондентов: правом на объяснение, возможностью оспорить решение, защитой приватности, ограничением рейтингования и сохранением зон, где человек не должен быть полностью заменен алгоритмом.

Для социологии управления важно, что цифровые рекомендации и автоматизированные решения могут быть встроены в образовательные, трудовые, медийные, городские и административные процессы.

Анкета – авторский сценарно-диагностический инструмент, направленный на выявление представлений о будущей ИИ-среде не как о наборе технологий, а как о конфигурации доступа, доверия, контроля, автономии, рейтингов, цифровых следов и неалгоритмизируемых зон.

Методика исследования

Эмпирическую основу составили данные авторского онлайн-анкетирования студентов колледжей и вузов Москвы (N=325). Опрос проводился в формате сценарно-диагностической анкеты, включавшей закрытые, множественные, шкальные и открытые вопросы.

Выборка целевая и нерепрезентативная: задача – выявление устойчивых представлений и сравнение профессионально-образовательных групп, связанных с разными сторонами будущей ИИ-среды.

Социальная архитектура операционализирована через группы индикаторов: цифровые посредники и ИИ-агенты; правила и процедуры принятия решений; доверие и проверка информации; цифровые следы, рейтинги и репутация; доступ к возможностям и благам; право на апелляцию и восстановление статуса; зоны приоритета человека. Это позволило анализировать не только отношение к ИИ, но и представления о будущих механизмах социального управления.

В выборку вошли следующие профильные группы (табл. 1).

Таблица 1. Профиль подготовки респондентов.

Профиль подготовки	Количество	Доля от массива
Реклама и связи с общественностью	87	26,8%
ИТ / программирование / информационные системы	75	23,1%
Журналистика / медиа	62	19,1%
Бизнес-информатика / цифровое управление	40	12,3%
Дизайн / цифровой дизайн	24	7,4%
Иное	37	11,4%

Категория «Иное» включает респондентов, не указавших профиль подготовки или выбравших вариант, не относящийся к пяти основным аналитическим группам.

По уровню обучения: колледж / СПО – 137, бакалавриат / специалитет – 119, магистратура – 22 (по данному вопросу имелись пропуски). Проценты рассчитывались от числа валидных ответов по конкретному вопросу.

В анализе использовались описательная статистика, сравнение профильных групп, авторские расчётные индексы и тематическое кодирование открытых ответов. Индексы – вспомогательный способ представления результатов, не валидированная психометрическая шкала. Открытые ответы группировались в категории: риски, возможности, новые элементы среды, границы алгоритмизации, образ хорошего ИИ-агента и образ нежелательного будущего.

Респондентам сообщалось о научных целях исследования и конфиденциальном характере обработки ответов. В публикации использован обезличенный и агрегированный массив данных; идентифицирующие сведения не раскрываются.

Учитывались паспортные переменные – уровень обучения, профиль подготовки, опыт работы, пол и учебное заведение. Центральный анализ строился вокруг представлений о доверии, автономии, контроле, цифровом следе и границах делегирования ИИ.

Результаты исследования

ИИ как повседневная инфраструктура студентов

ИИ нормализован в повседневных практиках респондентов: 40,8% используют нейросети регулярно, 51,3% – время от времени; 92,1% имеют устойчивый или периодический опыт использования ИИ.

Основные цели использования ИИ распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Цели использования нейросетей

Цель использования	Доля от N=325
Поиск информации	74,8%
Учеба	66,5%
Личные задачи	52,6%
Общение / идеи / советы	40,3%
Генерация изображений / дизайна	39,1%
Написание текстов	36,6%
Программирование / помощь в коде	23,4%
Перевод	20,6%
Работа или подработка	15,1%

ИИ встроен в учебную, информационную, личную и креативную повседневность; ответы отражают опыт группы, уже находящейся внутри ИИ-среды.

93,6% респондентов считают, что ИИ уже как минимум умеренно влияет на поведение людей. Наиболее заметные сферы влияния – социальные сети и медиапотребление, ИТ, образование, творчество и культура. ИИ воспринимается как средовой фактор, влияющий на коммуникацию, учёбу, работу и потребление информации.

Цифровой слой будущей социальной архитектуры

Будущие изменения связываются прежде всего с цифровыми и алгоритмическими механизмами. Наиболее высокие средние оценки получили алгоритмы платформ и рекомендаций, цифровые следы и данные о человеке, рейтинги и цифровая репутация, интерфейсы взаимодействия и ИИ-агенты (табл. 3).

Таблица 3. Элементы будущей социальной среды

Элемент будущей среды	Средняя оценка по шкале 1–5
Алгоритмы платформ и рекомендаций	3,74
Цифровые следы и данные о человеке	3,66
Рейтинги, баллы, цифровая репутация	3,61
Интерфейсы взаимодействия с системой	3,58
ИИ-агенты и цифровые помощники	3,54
Возможность / невозможность оспорить решение	3,49
Неформальные сообщества и человеческие связи	3,43
Символы, образы, визуальная среда	3,39
Формальные правила и регламенты	3,35
Корпоративная или организационная культура	3,35

Респонденты распознают не только ИИ, но и более широкий цифровой слой: платформы, интерфейсы, цифровые профили, рейтинги и данные. Будущее поведение определяется не только институтами и культурными нормами, но и цифровыми процедурами, встроенными в среду.

В открытых ответах регулярно появляются персональные ИИ-ассистенты, цифровые двойники, ИИ-компаньоны, системы верификации контента, маркировка «создано человеком / ИИ», цифровые рейтинги, алгоритмическая персонализация и гибридные коллективы человек–ИИ. Выделяются типы новых элементов будущей социальной архитектуры: агентный, репрезентационный, синтетический медиаслой, верификационный, репутационно-рейтинговый, персонализирующий, эмоционально-коммуникативный и гибридно-сообщественный.

Следовательно, в ответах фиксируется ожидание не отдельных сервисов, а перестройки самой социальной среды.

Доверие, проверка и верификационная тревога

Один из центральных результатов – выраженная верификационная тревога: 64,4% респондентов считают, что в будущем человеку будет сложно отличать достоверную информацию от убедительной, но фальшивой.

В важных решениях доверие чаще адресуется человеку-эксперту (39,9%) или профессиональному сообществу (16,3%), реже – ИИ с объяснением и источниками (7,0%) или официальной цифровой платформе (5,1%).

При участии ИИ в важных решениях наиболее востребованными оказались источники информации, логика ответа, ограничения и возможные ошибки (табл. 4).

Таблица 4. Что ИИ должен показывать при важных решениях

Требование	Доля от N=325
Источники информации	70,8%
Логику ответа	63,4%
Ограничения и возможные ошибки	53,8%

Окончание

Требование	Доля от N=325
Степень уверенности	23,7%
Историю действий системы	17,8%
Кто отвечает за итоговое решение	16,6%
Возможность апелляции	12,3%

Это запрос на эпистемическую проверку: респонденты хотят понимать источники, логику ответа и возможные ошибки системы. Институциональная ответственность и апелляция здесь выражены слабее, хотя в других блоках право на оспаривание поддерживает подавляющее большинство.

Распределение ответственности за проверку результатов ИИ: пользователь – 36,4%; организация, использующая ИИ, – 16,9%; разработчики – 15,7%; эксперт – 11,2%; профсообщества – 7,7%; государство – 4,5%. Верификационная ответственность в значительной степени индивидуализируется: пользователю придётся самостоятельно проверять результаты систем.

В открытых ответах риски ИИ связываются с дезинформацией, дипфейками, правдоподобной ложью, невозможностью отличить реальное от сгенерированного и деградацией навыка самостоятельной проверки. Доверие в ИИ-среде требует новых верификационных институтов и компетенций.

Человекосохраняющая ориентация и границы делегирования ИИ

Центральный нормативный результат исследования – человекосохраняющая ориентация респондентов. Главной ролью ИИ в будущем 53,7% назвали роль помощника, тогда как роль контролера указали 3,8%, а организатора среды – 2,9%.

Модель принятия решений показывает сохранение человеческой субъектности: 42,5% – человек сам решает, используя ИИ как инструмент; 20,6% – совместно с ИИ; 26,7% – чаще полагаются на рекомендации ИИ; только 4,4% следуют решениям системы.

Типы допустимого делегирования различаются. ИИ допускается как исполнитель рутинных действий: поиск информации – 63,7%, организация задач – 52,6%, подготовка документов – 35,4%. Передача оценочных функций вызывает осторожность: отбор кандидатов – 16,0%, финансовые операции – 12,6%. ИИ может выполнять операции, но не должен становиться окончательным оценщиком людей и распределителем жизненных шансов.

76,6% считают, что человек останется нужным в обществе, где многие задачи выполняет ИИ. Сферы незаменимости – эмпатия и человеческое общение, нравственный выбор и ответственность, создание смысла, творчество, воспитание и обучение.

Право человека оспорить решение системы или ИИ поддерживают 89,5%; 82,7% считают, что должны оставаться области жизни, где человек важнее эффективности, рейтинга и алгоритма.

Границы полного делегирования ИИ – зоны предельной человеческой ответственности: судьбоносные решения о человеке, медицинские решения без врача, воспитание детей, политические решения, окончательное наказание, оценка достоинства человека.

Сохранение человека в мире ИИ: законы и ограничения для ИИ – 52,0%, образование и критическое мышление – 43,4%, навыки и профессионализм – 41,8%, человеческие сообщества – 39,1%, семья – 37,2%, прозрачность систем – 29,8%, апелляция – 27,4%. Человекосохраняющая архитектура многослойна: правовые ограничения, образование, профессиональные компетенции, связи, семья, доверие и прозрачность.

Открытые ответы дополняют картину: вне алгоритмического контроля должны оставаться жизнь и смерть, суд, наказание, воспитание, личные отношения, вера, совесть, творчество, право на ошибку и право сказать системе «нет». Один из ответов: «ИИ должен быть подсказкой, а не заменой головы»; в другом требование к ИИ-агенту сведено к двум кнопкам – «Почему?» и «Нет».

Человекосохраняющая архитектура – не отказ от ИИ, а конфигурация среды, где ИИ помогает, но не отменяет человеческое решение, ответственность, моральный выбор и право быть неэффективным, ошибаться и действовать не по алгоритму.

Приватность, цифровая история, анти-рейтингование и право на восстановление статуса

В нормативных альтернативах 77,1% выбрали больше приватности и меньше сбора данных вместо персонализации с помощью ИИ; 84,7% – право понимать решение вместо быстрых решений системы; 81,6% – оценку без постоянного рейтингования; 73,4% – более автономные человеческие сообщества вместо централизованной цифровой системы.

57,8% согласны, что в будущем система будет сохранять почти всю цифровую историю действий человека; 79,2% считают важным сохранение возможности восстановить доступ, статус или репутацию после ошибки или санкции.

Цифровая идентичность не заменяет классические социальные ресурсы. Доход – 62,2%, репутация и рейтинг – 42,2%, право и статус гражданина – 38,2%, личные связи – 34,8%, принадлежность к сообществу – 27,7%, цифровая идентичность – 26,5%, доступ к ИИ-инструментам – 20,3%. Цифровой слой наслаивается на прежние основания доступа, формируя дополнительные контуры включения и исключения.

Цифровой след воспринимается как потенциальный ресурс контроля. Респонденты предъявляют требование обратимости цифровой ошибки: будущая социальная архитектура не должна превращать человека в сумму необратимых цифровых следов и санкций, она должна предусматривать право на восстановление, пересмотр и исправление.

Сценарный блок: наиболее желательный сценарий – мир расширенного доступа и возможностей; наиболее опасные – мир, где внешняя система определяет место человека, и мир постоянного рейтингования. Желательное будущее – доступ к знаниям и усилителям; опасное – внешняя система, рейтингование и потеря автономии.

Ключевую нормативную позицию респондентов можно выразить формулой: доступ без подчинения. Респонденты хотят пользоваться ИИ и цифровыми возможностями, но не хотят, чтобы цифровые системы становились внешней системой распределения статуса, выбора и жизненных шансов.

Переход к ИИ-среде связывается с массовым использованием ИИ в учёбе и работе – 32,7%, распространением ИИ-агентов – 21,8%, автоматическими решениями – 14,7%, цифровыми профилями и рейтингами – 11,2%, зависимостью от платформ – 8,3%. Переход – повседневная нормализация ИИ, а не внешняя катастрофа.

Профессиональная перспектива: замещение, авторство и компетенции будущего

Профессиональные тревоги связаны с ценностью навыков, авторства и труда. Главные страхи: обесценивание навыков – 53,2%; частичное замещение ИИ – 49,8%; потеря авторства – 40,0%; распространение недостоверной информации – 34,5%; рост требований и конкуренции – 31,1%.

Труднее всего заменить ИИ: человеческое общение и эмпатию – 62,8%; работу с доверием и репутацией – 45,2%; ответственность за итоговое решение – 43,7%; визуальный вкус – 41,8%; интерпретацию и смысл – 35,4%.

В компетенциях будущего на первом месте – умение работать с данными и критическое мышление (по 57,2%); далее креативность и визуальное мышление – 44,0%, технические навыки – 40,9%, коммуникация и работа со смыслами – 38,8%.

Кто быстрее адаптируется к миру ИИ: «зависит не от специальности, а от человека» – 41,9%; технические специалисты – 14,9%; дизайнеры и креативные – 13,0%; аналитики и управленцы цифровых процессов – 12,4%; специалисты по коммуникациям и медиа – 4,4%. Адаптация воспринимается как личностная метакомпетентностная характеристика.

51,4% согласны, что в будущем важнее станет не только знание, но и умение жить и работать в среде, которую формируют ИИ-системы. Это значение средовой компетентности: способности ориентироваться в правилах, интерфейсах, цифровых следах и режимах ответственности.

Сравнение профильных групп показывает: технические и цифрово-управленческие группы воспринимают ИИ более инструментально и демонстрируют большую готовность к будущей среде. Студенты ИТ и бизнес-информатики чаще регулярно используют ИИ и выше оценивают личную готовность жить и работать в ИИ-среде. Напротив, студенты журналистики, рекламы/PR и дизайна сильнее выражают тревоги, связанные с авторством, приватностью, недостоверной информацией и рейтингованием. Например, выбор приватности вместо персонализации особенно высок у студентов журналистики/медиа – 91,9%, рекламы/PR – 84,9%. Отказ от постоянного рейтингования также наиболее выражен у журналистики/медиа – 91,9%, дизайна – 87,5%, рекламы/PR – 87,2%.

Чем ближе группа к разработке, данным и цифровому управлению, тем выше её инструментальная готовность к ИИ; чем ближе к медиа и креативному производству – тем сильнее тревоги, связанные с доверием, авторством, приватностью и оценкой человека.

Общая оценка будущего и адаптационный разрыв

Общая оценка будущего – не катастрофическая, а амбивалентная: 34,3% оценивают будущее в мире ИИ скорее позитивно, 28,3% – противоречиво, 19,8% – тревожно, 4,9% – опасно.

Личная готовность выше оценки готовности общества: полностью или скорее готовыми себя считают 40,1%, общество – только 23,0%; частично готовым общество считают 39,7%, не готовым – 31,3%. Это разрыв между индивидуальным освоением ИИ и институциональной готовностью: ИИ-практики распространяются быстрее, чем формируются устойчивые механизмы их осмысления и регулирования.

Обсуждение

Результаты уточняют содержание понятия человекосохраняющей цифровой социальной архитектуры. В выборке проявляется не технофобская и не технооптимистическая позиция: респонденты активно используют ИИ, но связывают его приемлемость с сохранением человеческой субъектности.

Выражения «внешняя система», «цифровое рейтингование», «алгоритмический контроль» относятся к сценарным категориям анкеты, а не к оценке конкретных структур.

Человекосохраняющая архитектура предполагает связанные условия: ИИ – инструмент расширения возможностей, а не замена человека; объяснимость систем (источники, логика, ограничения, ошибки видимы пользователю); процедурные гарантии – право оспорить решение, восстановить доступ или репутацию, понять решение и сказать системе «нет»; ограничение цифрового рейтингования; сохранение неалгоритмизируемых зон – жизнь и здоровье, суд, наказание, воспитание детей, личные отношения, убеждения, политический выбор, творчество, право на ошибку.

Открытые ответы позволяют выделить образ «комфортной антиутопии» – не прогноз, а обобщение тревожных сценариев части респондентов. Риск видится не только в жёстком цифровом контроле, но и в мягкой утрате субъектности через удобство, персонализацию и предиктивные подсказки. «Свобода исчезнет не из-за запретов, а из-за ненадобности» – будущая цифровая власть может быть сервисной и потому менее заметной.

Для социологии управления это смещение внимания от институтов к конфигурации среды: если поведение направляется через интерфейсы, рекомендации и автоматизированные решения, социальная архитектура становится механизмом косвенного управления – она не запрещает действие, но меняет вероятность выбора и цену отказа от рекомендованного поведения.

Результаты соотносятся с российской нормативной и этической рамкой развития ИИ [1; 3; 4]: требования человекоцентричности, безопасности и прозрачности присутствуют не только в нормах, но и в представлениях студентов.

Результаты показывают диагностический потенциал социально-архитектурного подхода: через анкетирование выявляются представления о будущих механизмах доступа, контроля, доверия, рейтингов, апелляции и сохранения субъектности.

Ограничения исследования

Исследование имеет ряд ограничений. Выборка целевая и нерепрезентативная: результаты не распространяются на всю молодёжь Москвы или России и описывают представления студентов конкретных образовательных групп.

Исследование фиксирует представления и сценарные оценки респондентов, а не объективный прогноз будущего: данные показывают, какие элементы ИИ-среды воспринимаются как вероятные, желательные или опасные.

Число валидных ответов различалось из-за пропусков; проценты рассчитывались от числа валидных ответов по каждому вопросу. Группа студентов дизайна небольшая; авторские индексы – вспомогательные показатели.

Заключение

Студенты колледжей и вузов Москвы воспринимают ИИ как фактор перестройки социальной среды. ИИ формирует новые элементы будущей социальной архитектуры: посредников, цифровых двойников, синтетический контент, системы верификации, рейтинги, ИИ-компаньонов и гибридные сообщества человек–ИИ.

Высокая ИИ-вовлечённость не означает технооптимизма: она сочетается с верификационной тревогой, неприятием рейтингования и запросом на сохранение автономии. ИИ принимается как помощник и исполнитель рутинных задач, но отвергается как непрозрачная система, подменяющая выбор.

Главный вывод – запрос на человекосохраняющую цифровую социальную архитектуру: ИИ как усилитель человека, объяснимость, приватность, апелляция, восстановление статуса после ошибки, ограничение рейтингования и защита неалгоритмизируемых зон.

Для социологии управления развитие ИИ – это проектирование среды, где распределяются возможности, доверие, контроль и формы субъектности через архитектуру цифровых посредников, интерфейсов, рейтингов и процедур доступа. Приемлемость будущей социальной архитектуры связана с тем, чтобы доступ к цифровым усилителям не превращался в подчинение, а эффективность не отменяла право оставаться человеком.

Литература

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003 (дата обращения: 18.05.2026).

2. Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 № 2129-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260012 (дата обращения: 18.05.2026).

3. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. – М.: Альянс в сфере искусственного интеллекта, 2021. – URL: https://a-ai.ru/code-of-ethics/ (дата обращения: 18.05.2026).

4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (дата обращения: 18.05.2026).

5. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030 (дата обращения: 18.05.2026).

6. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.

7. Щедровицкий Г.П. Организация. Руководство. Управление. – М.: Путь, 2003. – 288 с.

8. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.

HUMAN-PRESERVING DIGITAL SOCIAL ARCHITECTURE: STUDENTS' PERCEPTIONS OF THE FUTURE OF AI AGENTS

Kalmykov N.N.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article presents the results of an original scenario-diagnostic online survey of college and university students in Moscow devoted to young people's perceptions of future social architectures amid the spread of neural networks and AI agents. The empirical basis of the study includes 325 questionnaire records. The sample included students specializing in IT, business informatics, design, advertising and public relations, journalism and media. The study shows that students are already actively involved in AI practices: 92.1% of valid respondents use neural networks regularly or from time to time. At the same time, high AI involvement is combined with pronounced verification anxiety, a demand for privacy, the right to understand and challenge digital system decisions, and rejection of continuous rating of individuals. The central result of the study is the identification of a human-preserving orientation: AI is accepted as an assistant, amplifier and performer of routine tasks, but is rejected when it becomes an opaque system that replaces human choice, responsibility and subjectivity. Based on closed and open-ended questions, the article proposes a model of human-preserving digital social architecture, including explainability, appeal, privacy, the right to make mistakes, limitation of rating practices, restoration of digital status and preservation of non-algorithmizable zones of human life.

Keywords: social architecture; artificial intelligence; AI agents; digital environment; youth; trust; autonomy; algorithmic governance; digital control; human-preserving architecture

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10 October 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" [Electronic re-

source], Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003 (accessed 18 May 2026). (In Russian).

2. Order of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of 19 August 2020 "On the Approval of the Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics Technologies until 2024" [Electronic resource], Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260012 (accessed 18 May 2026). (In Russian).

3. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence (2021) [Electronic resource], Alliance in the Field of Artificial Intelligence, Moscow. Available at: https://a-ai.ru/code-of-ethics/ (accessed 18 May 2026). (In Russian).

4. Decree of the President of the Russian Federation No. 203 of 9 May 2017 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" [Electronic resource], Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002 (accessed 18 May 2026). (In Russian).

5. Federal Law No. 123-FZ of 24 April 2020 "On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Constituent Entity of the Russian Federation – the Federal City of Moscow" [Electronic resource], Official Internet Portal of Legal Information. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030 (accessed 18 May 2026). (In Russian).

6. Afanasiev, V.G. (1981), *Society: Systemness, Cognition and Management*, Politizdat, Moscow, 432 p. (In Russian).

7. Shchedrovitsky, G.P. (2003), *Organization. Leadership. Management*, Put', Moscow, 288 p. (In Russian).

8. Moiseev, N.N. (2000), *The Fate of Civilization. The Path of Reason*, Languages of Russian Culture, Moscow, 224 p. (In Russian).

Роль духовных управлений мусульман в продвижении гражданско-патриотических ценностей в Российской Федерации

Магомедова Мадина Зайнудиновна,
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
E-mail: spirow@mail.ru

В статье анализируется роль духовных управлений мусульман в процессе формирования и трансляции гражданско-патриотических ценностей в современной России. Актуальность исследования обусловлена возросшим значением традиционных религиозных институтов как агентов «мягкой силы» и стабилизации общественно-политической системы в условиях современных вызовов. На основе анализа материалов научно-практических конференций, официальных докладов и научных работ автор рассматривает основные направления деятельности мусульманских организаций. В статье систематизированы ключевые практики: образовательная и воспитательная работа с молодежью, взаимодействие с Вооруженными силами, увековечение памяти о Великой Отечественной войне, а также символические акции. Обосновывается тезис о конвергенции религиозной и гражданской идентичности, где исламские богословские аргументы интегрируются в общегражданский патриотический дискурс. Сделан вывод о трансформации мусульманских организаций в полноправные субъекты государственно-конфессиональной политики, вносящие вклад в сохранение национального суверенитета и общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: ислам в России, гражданско-патриотическое воспитание, Духовные управления мусульман, традиционные ценности, государственно-конфессиональные отношения, специальная военная операция, общероссийская идентичность.

Введение

В условиях современной геополитической ситуации и роста международной напряженности проблема консолидации российского общества вокруг базовых национальных ценностей приобретает для нашей страны стратегическое значение. Институты гражданского общества, и в первую очередь традиционные религиозные организации, рассматриваются государством как ключевые партнеры в деле гармонизации этноконфессиональных отношений и воспитания патриотизма. В.В. Путин многократно подчеркивал, что представители всех традиционных религий в России содействуют укреплению межконфессионального единства и героически проявляют себя в защите национальных интересов. «Мы, на первый взгляд, очень сложная страна, но на деле, особенно когда Россия сталкивается с какими-то трудностями, тем более внешними трудностями, мы становимся сильнее именно на основе нашего разнообразия. И представители ислама всегда вносили и сейчас вносят в это очень заметный вклад – в наше единство и в нашу общую силу, которая так эффективно противодействует всем сложностям и угрозам и обеспечивает России движение вперед» [3], – отметил Президент на встрече с председателем Центрального духовного управления мусульман России Талгатом Таджуддином. «В обществе формируется понимание того, что развитие нашей страны возможно только с опорой на духовные ценности и традиции народов России. В рамках государственно-конфессионального диалога создаются условия для максимальной реализации патриотического потенциала традиционных российских религий» [12, с. 58].

С целью упрочения мира и согласия между нашими народами 2026 год объявлен Годом единства народов России. Единение народов укрепляется общей многовековой историей совместного проживания, единым социокультурным полем, усилением гражданственности, уважением к традициям и ценностям этносов, объединенных в общероссийскую целостность. Единство народов России является залогом межнационального и межконфессионального согласия на всей территории нашей страны. Российская Федерация является государством с уникальным этноконфессиональным составом, где ислам традиционно занимает важное место наряду с православием. По оценкам специалистов, в России проживает от 15 до 25 миллионов мусульман, что делает ислам второй по численности религией в стране. В этом контексте актуализируется вопрос о роли исламских религиозных организаций в продвижении общероссийских патриотических ценностей.

Религиозные институты мусульман в России представлены разветвленной системой духовных управлений (муфтиятов), крупнейшими из которых являются – Совет муфтиев России, Духовное собрание мусульман России, Центральное духовное управление мусульман и др. Эти структуры обладают развитой сетью местных религиозных организаций, образовательных учреждений и информационных ресурсов, что создает институциональную основу для проведения комплексной воспитательно-патриотической работы с подрастающим поколением. «Мусульманские религиозные организации, ориентирующиеся на традиционный ислам, придерживаются политики межконфессионального мира и сотрудничества в общих интересах многонационального российского народа и воспитания у верующих не только гуманистической традиционной исламской идентичности, но и гармонически интегрированного с ней общероссийского патриотизма» [8, с. 86]. Одним из маркеров, зафиксировавшим гражданскую лояльность и готовность мусульман к сотрудничеству с государством, стало принятие «Социальной доктрины российских мусульман» [9].

Целью данной работы является выявление, анализ и систематизация основных форм и методов работы духовных управлений мусульман России по продвижению гражданско-патриотических ценностей. Особое внимание уделяется периоду 2021–2026 гг., характеризующемуся активизацией этой деятельности в контексте специальной военной операции, празднования 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и объявлением текущего года Годом единства народов России.

Исследование выполнено в рамках качественной парадигмы с использованием элементов дискурс-анализа и институционального подхода.

Эмпирическую базу составили материалы официальных сайтов духовных управлений с отчетами о конференциях, проповедях и со-

циальных проектах за 2021–2026 гг., программные документы – «Социальная доктрина российских мусульман» [9] и учебно-методические пособия, такие как «Гражданская идентичность мусульман в России» [14], а также научные публикации по проблеме межрелигиозного взаимодействия и материалы научно-практических конференций, форумов и семинаров. Данный подход позволил комплексно рассмотреть как декларируемые цели (анализ доктрин и выступлений лидеров), так и реальные практики (анализ мероприятий на местах).

Продвижение гражданско-патриотических ценностей исламскими религиозными организациями

Проведенный анализ позволил выделить несколько основных направлений деятельности мусульманских организаций России по формированию патриотического сознания: сохранение исторической памяти в воспитании патриотических чувств у молодежи, роль традиционных ценностей в условиях современных геополитических вызовов, работа с подрастающим поколением через образовательные, инфраструктурные проекты, а также поддержка военнослужащих в зоне специальной военной операции на Украине.

Центральное место в сохранении исторической памяти как основы патриотических чувств занимает тема Великой Отечественной войны. Представители исламского духовенства обосновано выстраивают образ войны как «священной» для мусульман СССР. В проповедях, приуроченных к 9 мая, имамы акцентируют внимание на том, что все четыре существовавших в СССР духовных управления мусульман объявили войну с нацизмом священной, а муфтии призывали верующих к защите Родины. Примеры героев-мусульман (Александр Матросов, Муса Гареев, Муса Джалиль) использовались как образцы для подражания [7]. В 2025 году, объявленном Годом защитника Отечества и 80-летия Победы, увековечению памяти было посвящено множество мероприятий воспитательно-патриотического характера. Одним из них является Всероссийская научно-практическая конференция «Мусульмане в защите Отечества: исторический подвиг и современные вызовы», где ветераны и действующие военнослужащие делились опытом, а юные мусульмане читали стихи военных поэтов. «Организаторами конференции выступили Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по межнациональным, межрелигиозным отношениям и миграции, Духовное собрание мусульман России при содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, Исламского института имени Мухаммеджана Хусаинова» [2].

Большое значение в духовно-нравственном воспитании молодежи играет окормление военнослужащих и поддержание боевого духа участников специальной военной операции. С 2022 года деятельность муфтиятов приобрела ярко выраженную военно-патриотическую направленность. Институциональный уровень консолидации мусульманского духовенства вокруг государственной повестки проявился в двух взаимосвязанных событиях: коллективном обращении религиозных лидеров и индивидуальной фетве Верховного муфтия. Коллективное обращение лидеров мусульманских организаций, принятое 16 марта 2022 года, оперировало категориями гражданского долга и самопожертвования, применяя такие ключевые концепты, как обеспечение мира, безопасности, благополучия и первичность гражданских интересов над личными [5]. Фетва Верховного муфтия России Талгата Таджуддина, изданная 25 марта 2022 года, подняла светский военный статус в сакральную плоскость посредством интерпретации аятов Корана и Сунны Пророка, что позволило приравнять павших военнослужащих к шахидам, тем самым обеспечив теологическое обоснование мученичества в контексте специальной военной операции [6]. Эти два послания духовных лидеров ислама обеспечили некую функциональную иерархию, в рамках которой коллективное обращение апеллирует к политической легитимности, а фетва Верховного муфтия подкрепляет взаимодополняемость гражданско-патриотической и исламской дискурсивных практик.

Представители духовных управлений мусульман активно сотрудничают с военными комиссариатами и подразделениями, непосредственно участвующих в специальной военной операции. За это время накоплен значительный опыт взаимодействия исламского и православного духовенства при работе с верующими военнослужащими в воинских частях, что способствует укреплению морального духа и братских отношений между воинами разных национальностей. Духовные наставники мусульман подчеркивают, что «опора на веру и духовность» помогает военнослужащим достойно отвечать на вызовы, а мусульмане «героически воюют практически на всех участках линии боевого соприкосновения» [2].

Мусульманские духовные лидеры и общественные деятели активно участвуют в формировании общероссийской гражданской идентичности, подчеркивая идею, что быть мусульманином в России означает быть патриотом своей страны. Принципы служения Отечеству, мирного сосуществования и ответственности за благополучие государства активно пропагандируются. Исламская традиция, имеющая многовековую историю в России, естественным образом интегрирует в себя элементы российской государственности и культуры, формируя лояльных и активных граждан [10, с. 186].

Важным инструментом патриотического воспитания становится создание материальных символов единства. Первый заместитель председателя Совета муфтиев России Дамир Мухетдинов акцентировал значимость строительства мечети в составе храмового комплекса в Парке «Патриот» Министерства обороны Российской Федерации. По его словам, единый комплекс храмов традиционных религий России является «примером единства россиян разных вер в святом деле защиты Отечества» [15] и служит базовой основой военно-патриотического воспитания. Инициатива, поддержанная Президентом и Министром обороны, наглядно демонстрирует признание на государственном уровне вклада мусульман в обороноспособность страны.

В рамках патриотического воспитания молодежи в мечетях проводятся «Уроки мужества» с участием ветеранов, организуются конкурсы сочинений и военно-спортивные мероприятия. На институциональном уровне в 2021 году был презентован учебник «Гражданская идентичность мусульман в России», разработанный по запросу Болгарской исламской академии. Дисциплина, ориентированная на формирование у студентов медресе и исламских вузов чувства принадлежности к российскому обществу и государству, была внедрена в учебные программы. Как отметил один из авторов учебника Али Полосин, основная задача состоит в том, чтобы «донести до рядовых верующих нормы гражданского сознания» [14].

Духовные управления мусульман республик Северного Кавказа проводят кропотливую воспитательную работу с молодежью, пропагандируя духовно-нравственные ценности ислама, формируя у подрастающего поколения уважение к представителям других конфессий и бережное отношение к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации. В рамках духовно-просветительской работы с молодежью на регулярной основе проводятся лекции, встречи с богословами, благотворительные акции, обучение арабскому языку, конкурсы на чтение Корана и знание норм шариата и др. Региональные муфтияты проводят духовно-просветительские, благотворительные и торжественные мероприятия, выступают организаторами и участниками молодежных научно-практических конференций и богословских форумов.

Деятельность по патриотическому воспитанию немыслима без межрелигиозного сотрудничества. Совместные заявления и действия лидеров традиционных конфессий создают мощный стабилизирующий эффект. Конференция в Болгарской исламской академии в сентябре 2025 года, объединившая мусульманских и православных богословов, представителей государственной власти и экспертов, была целиком посвящена роли межрелигиозного диалога в патриотическом воспитании. Работа участников конференции прошла в рамках трех секций: «Опыт взаимодействия государственных, общественных и религиозных организаций при работе с верующими военнослужащими в зоне специальной военной операции, вернувшимися после службы и членами их семей», «Патриотизм как социальная ценность человека и общества», «Сохранение гражданской идентичности и традиционных ценностей в условиях глобальных вызовов» [1]. Гость конференции ливийский политик Абдулла Эмхеед Альмаграви отметил, что все религии едины в основополагающих ценностях справедливости, сострадания и человеческой солидарности.

Заместитель руководителя Администрации Президента РФ Магомедсалам Магомедов, комментируя решение Президента об объявлении 2026 года Годом единства народов России, почеркнул, что дружба народов, их единство – приоритет для государства, гражданских институтов, духовенства всех конфессий. В первую очередь, это наши старшие братья православные – большинство населения нашей страны. Но и мусульмане являются значительной частью российского общества, их вклад в развитие России очень значим [4].

«Республика Дагестан традиционно выступает лабораторией межконфессионального взаимодействия ислама, православия и иудаизма. В последние годы Муфтият Республики Дагестан, Махачкалинско-Дербентская епархия Русской Православной Церкви и иудейские общины регулярно участвуют в форумах, конференциях и советах при органах государственной власти по вопросам духовной безопасности, молодежной политики и профилактики экстремизма. Такие форматы, как межрелигиозные молодежные форумы, циклы публичных дискуссий «Религия и современный мир», заседания Совета при Главе Республики Дагестан по межнациональным и межконфессиональным отно-

шениям стали действенным механизмом профилактики конфликтов и выстраивания партнерства религий и государства» [11, с. 131–132].

Конвергенция исламской и общегражданской идентичности в условиях современных вызовов

Полученные результаты демонстрируют устойчивую тенденцию к интеграции исламского религиозного дискурса в официальную парадигму российского патриотизма. Если в 1990-е гг. XX в. акцент делался на «возвращение» ислама и адаптацию мусульман к новой реальности, то сегодня мы наблюдаем активную субъектную позицию духовных управлений мусульман. Ключевым инструментом становится теологическое обоснование гражданского долга. Ссылки на пророка Мухаммеда («Любовь к Родине – часть твоей веры» [6]) становятся столь же весомым аргументом в проповеди, как и ссылки на подвиги предков в Великую Отечественную войну. Это позволяет снимать потенциальное противоречие между религиозной (умма) и светской (нация) идентичностями, представляя их как взаимодополняющие. Формируется концепция «российского мусульманина-патриота», для которого защита государства является религиозной обязанностью.

Достижение конструктивного баланса интересов гражданской и религиозной составляющих идентификации российских мусульман стало возможным благодаря взвешенной государственной политике, способной обеспечить эффективное взаимодействие публичной власти и исламских институтов. «Важным компонентом современных государственно-конфессиональных отношений становятся совместные усилия властных структур и религиозных авторитетов (не только представителей республиканских муфтиятов, но и приверженцев идей салафизма) в противодействии идеологии экстремизма и терроризма» [13, с. 71]. Приоритетным направлением выступает не только согласованное противодействие экстремистским тенденциям, но и партнерство в нравственном становлении подрастающего поколения на основе интеграции исламской самоидентификации и гражданской лояльности. «Государству в этих условиях важно найти правильные формы взаимодействия с исламскими сообществами, не допуская маргинализации тех или иных конфессиональных групп. Это сотрудничество государства с исламскими религиозными объединениями на Северном Кавказе должно быть взаимовыгодным и не только не конфронтационным, а прямо направленным на укрепление мира» [13, с. 72].

Однако данный процесс сопряжен с вызовами. Как справедливо отметил муфтий, председатель Духовного управления мусульман г. Москвы и Центрального региона Альбир Крганов, существует деятельность деструктивных сил, пытающихся «фальсифицировать историческую память» и навязать «деструктивные идеологические провокации» [2]. В этой связи деятельность официальных духовных управлений мусульман рассматривается как важнейший барьер на пути проникновения радикальных идеологий, подменяющих понятия «джихада» и противопоставляющих мусульман государству. Воспитательно-патриотическая работа с молодежью, таким образом, выполняет и превентивно-защитную функцию. Так опыт Оренбургской области, где православные священники и мусульманские имамы совместно работают в воинских частях, является репрезентативным для многих регионов [16, с. 104]. В связи с этим мир и согласие между представителями различных народов и конфессий внутри страны признается необходимым условием победы и сохранения суверенитета.

Заключение

Роль духовных управлений мусульман в продвижении гражданско-патриотических ценностей в Российской Федерации вышла за рамки сугубо конфессиональной деятельности и приобрела общественно-политическое значение. Системная работа, включающая историко-просветительские проекты, духовную поддержку армии, образовательные инновации и символические акции, переводит мусульманские общины в надежных союзников государства в деле консолидации российского общества.

Используя богословскую аргументацию и опираясь на авторитет религиозных лидеров, Духовные управления мусульман на различных уровнях транслируют ценности патриотизма, межнационального согласия и уважения к общему историческому прошлому. Это позволяет не только укреплять общероссийскую гражданскую идентичность, но и противостоять попыткам внешней радикализации.

Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости сравнительного анализа эффективности патриотических программ в различных региональных муфтиятах, а также изучения рецепции этих идей среди рядовых верующих.

Литература

1. В Болгарской исламской академии проходит научно-практическая конференция «Роль межрелигиозного диалога в патриотическом воспитании молодежи». Центральное Духовное Управление Мусульман России. 23.09.2025. – URL: https://cdum.ru/news/44/12275/ (дата обращения: 19.02.2026).

2. В Москве прошла всероссийская научно-практическая конференция «Мусульмане в защите Отечества: исторический подвиг и современные вызовы». Межрелигиозный диалог в России и других странах СНГ. 22.09.2025. – URL: http://interreligious.ru/news/государство/novosti_805.html (дата обращения: 19.02.2026).

3. Встреча с председателем Центрального духовного управления мусульман России Талгатом Таджуддином // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76326 (дата обращения: 16.03.2026).

4. Магомедсалам Магомедов: единство народов – приоритет для государства – URL: https://muslim.ru/articles/287/45902/ (дата обращения: 03.03.2026).

5. Обращение лидеров мусульманских религиозных организаций16.03.2022. – URL: https://kavtoday.ru/article/6855 (дата обращения: 12.03.2026).

6. Обращение меджлиса ЦДУМ России. – URL: https://www.cdum.ru/news/44/11265/ (дата обращения: 12.03.2026).

7. Опыт патриотического воспитания в мусульманских общинах, входящих в состав Совета муфтиев России. Совет муфтиев России. 09.01.2016. – URL: https://www.muslim.ru/articles/287/11816/ (дата обращения: 19.02.2026).

8. Поломошнов П.А., Поломошнов П.А. Актуализация патриотизма в российском исламе // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 2 (56). С. 78–89.

9. Социальная доктрина российских мусульман – URL: https://www.muslim.ru/articles/280/13635/ (дата обращения: 12.03.2026).

10. Султанов А.А. Влияние исламской культуры на формирование духовно-нравственных ценностей российского общества: исторический аспект. Minbar. Islamic Studies. 2026;19(1):178–196. https://doi.org/10.31162/2618–9569–2026–19–1–178–196

11. Тумаллаев Д.Р. Деятельность религиозных общин Республики Дагестан в конце XX – начале XXI вв.: путь к межконфессиональному диалогу // Богослов. 2025. № 4 (8). С. 130–149.

12. Халимбекова М.Х. Религиозное в культуре патриотизма // Известия Дагестанского государственного педагогического университета: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 4 (17). С. 54–58.

13. Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12, № 4. С. 59–74.

14. Textbook «Civil Identity of Muslims in Russia» was presented in Kazan. Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир». 09.09.2021. – URL: https://russia-islworld.ru/en/kultura/nauka/textbook-civil-identity-of-muslims-in-russia-was-presented-in-kazan-2021–09–09–19297/ (дата обращения: 19.02.2026).

15. The first deputy chairman of the RBM of the Russian Federation spoke about the importance of building a mosque in the complex of temples of the Patriot Park. Совет муфтиев России. 16.02.2026. – URL: https://www.muslim.ru/en/articles/138/40707/ (дата обращения: 19.02.2026).

16. Sharipov A.A. Patriotic Education by Muslim and Russian Orthodox Religious Organisations of the Orenburg Region. Islam in the modern world. 2022. № 18(2), Pp. 103–116. – URL: https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/view/927?locale=en_US (дата обращения: 19.02.2026).

THE ROLE OF MUSLIM SPIRITUAL ADMINISTRATIONS IN PROMOTING CIVIL FND PATRIOTIC VALUES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Magomedova M.Z.
Regional center of ethnopolitical sciences of Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

This scholarly article examines the pivotal role of Muslim spiritual administrations in shaping and transmitting civic and patriotic values across contemporary Russia. The research is fundamentally motivated by the growing significance of traditional religious institutions as vehicles of soft power and stabilizers of the socio-political order amid contemporary challenges. Drawing on official conference proceedings, institutional reports, and peer-reviewed literature, the author systematically outlines the primary spheres of Muslim organizational activity. Key empirical practices include youth education, civic socialization programs, cooperation with the Armed Forces, commemoration of the Great Patriotic War, and public initiatives. The article argues that religious and civic identities are increasingly converging, as Islamic theological frameworks are integrated into a broader civic-patriotic discourse. It concludes that these administrations have established themselves as legitimate stakeholders in state-religious policy, actively contributing to the preservation of national sovereignty and the consolidation of a unified all-Russian civic identity.

Keywords: Islam in Russia, civic-patriotic education, Muslim spiritual administrations, traditional values, state-religious relations, special military operation, all-Russian identity.

References

1. Scientific and Practical Conference «The Role of Interreligious Dialogue in the Patriotic Education of Youth» at the Bulgarian Islamic Academy. Central Spiritual Administration of Muslims of Russia. 23.09.2025. – URL: https://cdum.ru/news/44/12275/ (accessed February 19, 2026) (in Russian).

2. A nationwide scientific and practical conference «Muslims in the Defense of the Fatherland: Historical Feat and Contemporary Challenges» was held in Moscow. Interreligious dialogue in Russia and other CIS countries. 22.09.2025. – URL: http://interreligious.ru/news/gosudarstvo/novosti_805.html (accessed February 19, 2026) (in Russian).

3. Meeting with the Chairman of the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia, Talgat Tadzhuddin. // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/76326 (accessed March 16, 2026) (in Russian).

4. Magomedsalam Magomedov: Unity of Peoples as a State Priority – URL: https://muslim.ru/articles/287/45902/ (accessed March 3, 2026) (in Russian).

5. Appeal by Leaders of Muslim Religious Organizations 16.03.2022. – URL: https://kavtoday.ru/article/6855 (accessed March 12, 2026) (in Russian).

6. Appeal of the Majlis of the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia. – URL: https://www.cdum.ru/news/44/11265/ (accessed March 12, 2026) (in Russian).

7. Experience of Patriotic Education in Muslim Communities within the Council of Muftis of Russia 09.01.2016. – URL: https://www.muslim.ru/articles/287/11816/ (accessed February 19, 2026) (in Russian).

8. Polomoshnov P.A., Polomoshnov P.A. The actualization of patriotism in Russian Islam // Islamic Studies. 2023, Vol. 14, № 2 (56), Pp. 78–89.

9. Social Doctrine of Russian Muslims – URL: https://www.muslim.ru/articles/280/13635/ (accessed March 12, 2026) (in Russian).

10. Sultanov A.A. The Influence of Islamic Culture on the Formation of Spiritual and Moral Values in Russian Society: A Historical Aspect. Minbar. Islamic Studies. 2026; 19(1):178–196. https://doi.org/10.31162/2618–9569–2026–19–1–178–196 (in Russian).

11. Tumallaev D.R. The Activity of Religious Communities in the Republic of Dagestan in the Late 20th – Early 21st Centuries: The Path to Interfaith Dialogue // The Theologian. 2025, № 4 (8). Pp. 130–149 (in Russian).

12. Khalimbekova M. Kh. The Religious Component in the Culture of Patriotism // Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities. 2011, № 4 (17). Pp. 54–58 (in Russian).

13. Yarlykapov A.A., Adiev A.Z. Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization and the Problem of «Traditionality» // Islamic Studies. 2021, Vol. 12, № 4. – pp. 59–74 (in Russian).

14. Textbook «Civil Identity of Muslims in Russia» was presented in Kazan. Strategic Vision Group «Russia – Islamic World». 09.09.2021. – URL: https://russia-islworld.ru/en/kultura/nauka/textbook-civil-identity-of-muslims-in-russia-was-presented-in-kazan-2021–09–09–19297/ (accessed February 19, 2026) (in English).

15. The first deputy chairman of the RBM of the Russian Federation spoke about the importance of building a mosque in the complex of temples of the Patriot Park. 16.02.2026. – URL: https://www.muslim.ru/en/articles/138/40707/ (accessed February 19, 2026) (in English).

16. Sharipov A.A. Patriotic Education by Muslim and Russian Orthodox Religious Organisations of the Orenburg Region // Islam in the modern world. 2022, № 18(2), pp.103–116. – URL: https://islamjournal.idmedina.ru/jour/article/view/927?locale=en_US (accessed February 19, 2026) (in English).

Компоненты модели современного цифрового городского пространства

Манаенкова Анна Сергеевна,
аспирант, Высшая школа современных социальных наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: manaenkova_anna@bk.ru

В условиях глобальной цифровой трансформации современные города сталкиваются с необходимостью фундаментального переосмысления своих структурных и функциональных характеристик. Активное внедрение цифровых технологий в городскую среду порождает новые формы социального взаимодействия, модели управления и пространственной организации, что требует комплексного научного осмысления. В статье исследуются компоненты модели современного цифрового городского пространства, выявленные на основе применения метода анализа документов. В качестве эмпирической базы использованы зарубежные и отечественные стратегические документы городского развития, нормативно-правовые акты федерального и муниципального уровней, а также отчетные материалы о реализации программ цифровой трансформации в городских пространствах. В результате исследования выделены следующие компоненты модели современного городского пространства: технологическая база, инфраструктура, управление данными, цифровые сервисы для граждан, безопасность и устойчивость, участие граждан и инклюзивность, управление и сотрудничество, инновации и адаптивность. Полученные результаты имеют теоретическое значение для развития научных представлений о цифровой трансформации городских пространств. Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов для совершенствования механизмов управления цифровыми городами, разработке рекомендаций по оптимизации процессов управления цифровым развитием городских территорий с учетом принципов устойчивого развития и социальной приемлемости инноваций. Материалы статьи представляют интерес для специалистов в области социологии управления, урбанистики, а также для практиков, занимающихся проектированием и реализацией инициатив по цифровизации городов.

Ключевые слова: цифровой город, искусственный интеллект, устойчивое развитие, цифровое неравенство, социальные последствия цифровизации, компоненты цифрового города

Введение

В современном мире точками социально-экономического роста становятся не страны, а города. Глобальная конкуренция также сосредоточена в городских пространствах. При этом, в течение длительного времени проектирование и строительство новых городов учитывало лишь архитектурные нормы и не учитывало должным образом социальных факторов. И лишь в условиях интенсивной урбанизации такой учет стал особенно актуальным [Тощенко, 2025].

Численность городского населения преобладает над населением, проживающих в сельской местности. По данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на 2025 год общая численность населения Российской Федерации составила 146,1 млн человек, из которых 109,8 млн человек – жители городов, 36,3 млн человек – жители сельской местности. То есть доля городского населения составляет более 75% от общей численности населения. Таким образом, социальный аспект развития городского пространства становится неотъемлемой его частью, а социология управления показывает, что городские проблемы – это не только вопросы инфраструктуры и технологий, но и системные дисфункции во взаимодействии социальных групп, институтов власти и общества.

Основным трендом устойчивого развития городов является цифровизация. Французский социолог и философ Анри Лефевр хотя и писал до эпохи цифровизации, но его идеи о производстве общественного пространства и сейчас являются фундаментом для понимания цифровых городов. Он определяет такое пространство как некий социальный продукт, который находится в постоянном и непрерывном производстве пространственных отношений. Такое обобщающее определение актуально и в современном мире, в котором формируется новая форма городского пространства с применением цифровых технологий, где переплетается физическая и виртуальная жизни граждан.

Городское пространство представляет собой уникальные площадки для развития цифровых технологий, которые определяют качество человеческого капитала и деловой среды. При этом вносятся коррективы в ежедневную жизнь граждан, включая их среду проживания, окружающее пространство, в том числе рабочее, за счет цифровой трансформации. По итогу становится актуальной тема цифровизации современного городского пространства, организованная на кооперации людей с цифровыми технологиями, которая формирует алгоритмические решения, для создания комфорта и повышения качества жизни граждан. Таким образом, цифровизация городской жизни – это инструмент повышения качества жизни, в центре которого находятся потребности каждого гражданина.

Результаты опроса россиян об «умных городах», опубликованные в конце 2024 года Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), демонстрируют, что единое понимание цифровых городов и городского пространства у населения отсутствует (лишь 33% из опрошенных имеют свое представление об этом феномене), поэтому необходимо его сформировать и представить модель современного цифрового городского пространства, в центре которой будет находиться человек и его потребности.

Эволюция концепции цифрового городского пространства прослеживается от техноцентрического подхода, основанного на инфраструктуре, до антропоцентрической модели, где главный акцент на человеко-ориентированных сервисах. Таким образом, необходимо применение системного подхода к изучению цифровизации городского пространства, охватывая различные сферы развития общества: транспорт, жилье и городская среда, медицина, культура, безопасность и др.

Анализ документов, включая стратегии цифрового развития, нормативно-правовые акты, городские программы и отчеты, представляет собой важный методологический инструмент для выявления базовых элементов цифрового городского пространства. Этот подход позволяет не только выделить структурные компоненты модели, но и определить приоритеты, заложенные в основу цифровой трансформации городской среды. Поэтому целью статьи является определение и описание ключевых компонентов модели современного цифрового городского пространства.

Обоснование и описание компонентов 5модели современного цифрового городского пространства

Для выделения ключевых компонентов модели современного цифрового городского пространства применен метод анализа документов. Этот метод позволил систематизировать и интерпретировать информацию, содержащуюся в нормативно-правовых актах, программах и проектах, выявить национальные приоритеты и проанализировать реализованные инициативы в городах.

В результате проведенного анализа установлено, что технологическая база выступает ключевым компонентом модели современного цифрового городского пространства, формируя ее материально-техническую основу. Ведомственный проект цифровизации городского хозяйства «Умный город», паспорт которого утвержден приказом Минстроя России от 27 декабря 2021 г. № 1014/пр, служит методической основой для внедрения технологий для системной цифровизации российских городов и акцентирует внимание на Интернете вещей (IoT), больших данных и облачных платформах. Инициатива Европейского Союза по развитию цифровых городов (Digital Cities Challenge) предусматривает внедрение искусственного интеллекта и автоматизации процессов в городское управление. Согласно отчету McKinsey «Умные города: цифровые решения для более комфортного будущего» («Smart cities: Digital solutions for a more livable future») современные цифровые технологии играют ключевую роль в повышении эффективности управления городами. Таким образом, фундаментом управления цифровым городским пространством, без которого оно не может функционировать, является технологическая база.

Технологическая база цифрового городского пространства представляет собой киберфизическую систему, интегрирующую аппаратно-программные комплексы, обеспечивающие сбор, передачу, обработку и визуализацию данных в режиме реального времени. К технологической базе относятся:

– Интернет вещей (IoT): сеть датчиков и устройств для сбора данных (например, мониторинг транспорта, качества воздуха, энергопотребления);

– большие данные (Big Data): анализ информации от IoT, социальных сетей, государственных систем для прогнозирования и оптимизации процессов;

– искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение: автоматизация решений (управление трафиком, распознавание аномалий);

- 5G и высокоскоростной интернет: обеспечение стабильной связи для всех цифровых сервисов;

– облачные вычисления: Хранение и обработка данных в режиме реального времени.

Технологическая база формирует инфраструктурный каркас модели современного цифрового городского пространства. Вступившие в силу с 1 февраля 2025 г. стандарты (ГОСТ Р 71866–2024, ГОСТ Р 71870–2024, ГОСТ Р 71871–2024) устанавливают требования к устройствам и автоматизированным системам управления умным домом. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», реализация которого началась с 2025 года, предусматривает создание перспективных технологий (6G) в сфере телекоммуникаций. Как показывают анализируемые документы именно инфраструктурный уровень обеспечивает физическую реализацию технологических решений, трансформируя их в устойчивую операционную среду. Из этого следует, что другим важным компонентом модели современного цифрового городского пространства является инфраструктура.

В рамках системного подхода инфраструктура цифрового городского пространства может быть классифицирована на четыре взаимосвязанных слоя:

– умные здания: автоматизация энергопотребления, климат-контроля, безопасности;

– интеллектуальный транспорт: электрический транспорт, умные светофоры, каршеринг, системы навигации;

– энергосети: «умные» сети (Smart Grid) с интеграцией возобновляемых источников энергии ВИЭ (солнечные панели, ветрогенераторы);

– цифровые двойники: виртуальные копии городских систем для моделирования сценариев.

Технологическая база и цифровая инфраструктура, обеспечивающие сбор и передачу информации, формируют основу для следующего компонента модели – системы управления данными. Как следует из анализируемых документов (рекомендации «Группы двадцати» по умным городам (G20 Smart Cities Guidelines), стратегии ЕС в области данных 2020–2025), именно эффективная обработка, хранение и анализ данных определяют качество принятия управленческих решений в цифровом городском пространстве. Российское федеральное законодательство, нормативно-правовые акты, национальные программы и проекты, отраслевые стандарты и методические рекомендации также регулируют открытость данных, защиту персональных данных, интеграцию данных и кибербезопасность. Таким образом, управление данными в цифровом городском пространстве – это баланс между эффективностью, социальной защищенностью и интересами граждан.

Управление данными в контексте цифрового городского пространства представляет собой комплексную систему методов и технологий, обеспечивающих цикл работы с городскими данными – от генерации до аналитики, и включает:

– центры обработки данных (ЦОД): хранение и анализ информации;

– городские платформы данных: единые системы для интеграции данных от разных служб (транспорт, ЖКХ, экология);

– открытые данные (Open Data): публичный доступ к информации для бизнеса и граждан.

Формирование технологической базы, цифровой инфраструктуры и системы управления данными создает предпосылки для реализации следующего компонента модели – цифровых сервисов для граждан. Как отмечается в документах ЕС (European Data Strategy, 2020) и рекомендациях Организации Объединенных Наций (ООН) (UN-Habitat, 2022), именно ориентированность на конечного пользователя определяет эффективность цифрового города, трансформируя технические возможности в конкретные решения для улучшения качества жизни граждан. В России национальной целью на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года определена цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Следует отметить, что с 2001 года Организацией Объединенных Наций (ООН) рассчитывается Индекс развития электронного правительства, с помощью которого можно сравнить, насколько эффективно разные страны внедряют и используют цифровые технологии в работе государственных органов и предоставлении услуг гражданам. Страны с развитыми цифровыми сервисами для граждан лидируют. Следовательно, такие сервисы станут главными индикаторами успеха цифрового города. Если технологическая база, инфраструктура и управление данными формируют основу современного цифрового городского пространства, то цифровые сервисы обеспечивают его содержательное наполнение, напрямую связывая технологические возможности с потребностями населения.

Цифровые сервисы для граждан представляют собой комплекс программно-аппаратных решений, обеспечивающих трансформацию традиционных городских услуг в цифровой формат, включая:

– электронное правительство (e-Government): онлайн-порталы для оплаты налогов, получения справок, голосования;

– мобильные приложения: удобный доступ к городским услугам (парковка, общественный транспорт);

– телемедицина и цифровое здравоохранение: удаленные консультации, мониторинг здоровья;

– умное образование: онлайн-курсы, цифровые школьные платформы.

Рисками внедрения цифровых сервисов для граждан являются государственные хакерские атаки, утечки данных из государственных реестров, фишинг и мошенничество через портал государственных услуг, уязвимость искусственного интеллекта в государственном управлении. Согласно данным отчета «Киберугрозы для умных городов» («Cyber Threats to Smart Cities») от «Лаборатории Касперского» (Kaspersky Lab) за 2021 год более 60% IoT-устройств в городской инфраструктуре имеют уязвимости. Необходимость нивелирования указанных рисков отражена в официальных документах. Международный стандарт ISO 37123, посвященный устойчивому развитию городов, фокусируется на аспектах цифровой безопасности и устойчивости инфраструктуры в цифровом городском пространстве. Стратегией отрасли связи до 2035 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 3339-р, отражена необходимость защиты критической инфраструктуры. Исходя из этого, безопасность и устойчивость цифрового городского пространства важны для общественной безопасности, конфиденциальности, стабильности критической инфраструктуры и оказывают влияние на доверие граждан к цифровым системам и власти, эффективность управления и социальную стабильность. Как отмечает Агентство Европейского союза по кибербезопасности (ENISA), уровень цифровизации города прямо коррелирует с комплексностью требуемых мер защиты. Это подтверждает необходимость выделения «безопасности и устойчивости» как самостоятельного компонента модели, предусматривающего:

– кибербезопасность: защита данных и инфраструктуры от атак;

– системы видеонаблюдения с применением искусственного интеллекта: распознавание лиц, анализ поведения;

– экологический мониторинг: контроль загрязнения воздуха, воды, шума.

– устойчивое развитие: решения для снижения углеродного следа (зеленые зоны, переработка отходов).

Несмотря на комплексное развитие технологической базы, инфраструктуры, систем управления данными, цифровых сервисов для граждан и механизмов безопасности, подлинная эффективность цифрового городского пространства определяется его способностью вовлекать граждан в процессы управления и обеспечивать инклюзивность. 11-ой целью устойчивого развития – «Устойчивые города и населенные пункты», принятой ООН в 2015 году в рамках повестки дня на период до 2030 года, зафиксировано требование об инклюзивности, то есть равного доступа к городским ресурсам и возможностям для всех групп населения, включая социально уязвимые и маргинализированные категории. Директивой Европейского Парламента и Совета (ЕС) 2016/2102 от 26 октября 2016 г. также предусмотрено обеспечение доступности цифровых сервисов для всех пользователей веб-сайтов и мобильных приложений государственных органов, включая людей с нарушением зрения, слуха, моторными ограничениями, когнитивными особенностями. Одним из ключевых элементов для создания современного цифрового городского пространства и инклюзивной среды в исследовании ОЭСР («Smart Cities and Inclusive Growth») названо участие и вовлечение граждан в управление городом. Как подчеркивается в указанных документах технологические решения цифрового городского пространства должны не только оптимизировать городские управленческие процессы, но и создавать условия для равного участия всех групп населения в цифровой трансформации, предотвращая возникновение цифрового неравенства. Таким образом, технологическая продвинутость городов теряет смысл без включения механизмов гражданского участия. Это требует выделения в модели отдельного компонента, обеспечивающего баланс между технологической эффективностью и социальной справедливостью, – «участие граждан и инклюзивность». Данный компонент предусматривает:
– цифровые платформы для обратной связи: приложения для жалоб и предложений (например, «Активный гражданин»);
– краудсорсинг: привлечение жителей к решению городских проблем;
– инклюзивные технологии: доступность сервисов для людей с ограниченными возможностями.

Несмотря на всестороннее развитие технологической базы, цифровой инфраструктуры, систем управления данными, сервисов для граждан, мер безопасности и инклюзивных механизмов участия граждан, устойчивое функционирование модели цифрового городского пространства невозможно без эффективной системы управления и межведомственного сотрудничества. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предусматривает принцип согласованности и сбалансированности документов, разрабатываемых на разных уровнях власти. Концепция управления умными городами, разработанная аналитической компанией Gartner, фокусируется на создании единой платформы для сбора анализа и обмена данными, межведомственной координации и сотрудничестве между различными секторами экономики. В Сингапуре, запущенная в 2014 году инициатива «Умная нация» («Smart Nation Initiative»), объединяющая технологии, бизнес и государственное управление, предусматривает обязательное участие частного сектора в цифровизации. Опыт Сингапура интересен и созданием единой цифровой платформы управления городом, которая ускоряет внедрение инноваций. Учитывая, что цифровое городское пространство генерирует огромные потоки данных по разным сферам жизни, «управление и сотрудничество» должны быть выделены в отдельный компонент модели современного цифрового городского пространства для исключения разрозненности и дублирования различных функций. Этот компонент модели учитывает:
– межведомственную интеграцию: согласованная работа администрации, транспорта, служб жилищно-коммунального хозяйства, МЧС и других ведомств;
– государственно-частное партнерство (ГЧП): привлечение бизнеса к развитию инфраструктуры;
– стандарты и регуляторные акты: единые протоколы для совместимости технологий.

Во все указанные выше документы, инициативы и программы интегрированы принципы непрерывной инновационности и динамической адаптивности. Эти два принципа выступают не просто элементами, а системообразующими детерминантами, пронизывающими все уровни формирования цифрового городского пространства – от официальных документов стратегического планирования до практических инструментов реализации. Данные элементы образуют динамическую систему, где инновации генерируют точки роста, а адаптивность обеспечивает их устойчивую интеграцию в условиях неопределенности, что соответствует принципам гибкого управления (Agile Governance) согласно ОЭСР (OECD, 2022). Учитывая изложенное, компонент «инновации и адаптивность» также целесообразно включить в разрабатываемую авторскую модель современного цифрового городского пространства, включающую:
– тестовые полигоны (living labs): пилотные проекты для испытания новых технологий;
– гибкую урбанистику: пространства, адаптируемые под меняющиеся потребности (коворкинги, умные парки).

Для проверки и уточнения полученных теоретических выводов дополнительно проведен контент-анализ 2 500 сообщений, опубликованных в 40 региональных и национальных СМИ в 2025 году. Все сообщения были предварительно отнесены к тематической категории «Цифровое пространство города».

На основе автоматизированного отбора с применением моделей тематической классификации было выделено 150 сообщений, обладающих наибольшей релевантностью исследуемой теме. Для этих сообщений был построен лексический профиль, позволивший распределить слова по семантическим кластерам, характеризующим различные аспекты цифровой инфраструктуры, сервисов и пользовательского опыта в городской среде. Согласно результатам анализа, к основным темам, на долю которых в совокупности приходится около 90% всех тематических упоминаний, относятся темы, охватываемые выделенные восемь компонентов (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ключевых тем категории «Цифровое пространство города» по частоте упоминаний.

Название темы	Процент от общего количества упоминаний ключевых слов
Технологическая база (ИИ / IoT)	17,47%
Инфраструктура (цифровые модели городов, строительство, транспорт, ЖКХ)	17,48%
Цифровые сервисы (госуслуги, порталы)	7,98%
Участие граждан и инклюзивность (обратная связь, краудсорсинг)	6,40%
Управление и сотрудничество (координация, гос-частные партнерства)	8,62%
Инновации и адаптивность (прототипы, экспериментальные площадки)	12,80%
Безопасность и устойчивость (кибер и физ-безопасность, экология, климат)	9,83%
Управление данными (ЦОД, открытые данные, онлайнвзаимодействие, цифровые решения в правовой области, ЖКХ, образовании, здравоохранении)	8,67%

Таким образом, с помощью метода анализа документов и контент-анализа обосновано выделение восьми основных компонентов модели современного цифрового городского пространства: технологическая база, инфраструктура, управление данными, цифровые сервисы для граждан, безопасность и устойчивость, участие граждан и инклюзивность, управление и сотрудничество, а также инновации и адаптивность. Исключение одного из компонентов нарушит системную работу указанной модели.

Заключение

Проведенное исследование позволило определить и описать ключевые компоненты модели современного цифрового городского пространства. В результате были определены технологические, управленческие, социальные и инфраструктурные элементы, формирующие фундамент цифровой трансформации городов. Анализ стратегических и нормативных документов подтвердил, что цифровизация городского пространства представляет собой многоаспектный процесс, требующий интеграции инновационных решений, адаптивных механизмов управления и учета социальных потребностей населения.

Выделенные восемь компонентов (технологическая база, инфраструктура, управление данными, цифровые сервисы, безопасность, участие граждан, управление и сотрудничество, инновации) образуют взаимосвязанную систему, где исключение любого компонента снижает общую эффективность модели современного цифрового городского пространства.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что модель современного цифрового городского пространства должна основываться на балансе между технологическим развитием, устойчивым управлением и вовлечением граждан в процессы принятия

решений. Важную роль играют такие факторы, как открытость данных, цифровая инклюзия, кибербезопасность и экосистемный подход к развитию городской инфраструктуры.

Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения цифровых трансформаций в урбанистике, а также для разработки практических рекомендаций по совершенствованию стратегических и нормативно-правовых документов в условиях городской цифровизации. Перспективным направлением для последующих работ представляется систематизация выделенных компонентов и выявление причинно-следственных связей между ними.

Литература

1. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации: Монография. М.: Проспект, 2021.
2. Демография. Численность населения. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 14.04.2026).
3. Директива Европейского Парламента и Совета ЕС (ЕС) 2016/2102 от 26 октября 2016 г. о доступности веб-сайтов и мобильных приложений органов публичного сектора. URL: https://base.garant.ru/71737650/ (дата обращения: 06.04.2025).
4. Искусственный интеллект: национальная стратегическая инициатива. URL: https://docs.google.com/document/d/1Lz0vEWsUmgNoIVJVw3FjKbyAIH6Nw7LMpnjUwSboqXA/edit#heading=h.h9guev3s84h1 (дата обращения: 06.04.2025).
5. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. – М.: Strelka Press, 2015.
6. Тощенко Ж.Т. Социология управления. Учебник и практикум для ВУЗов. // Юрайт. 2025.
7. Умный город: русская версия. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/umnyi-gorod-russkaja-versija (дата обращения: 06.04.2025).
8. Цели в области устойчивого развития. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/ (дата обращения: 06.04.2025).
9. Communication from the commission to the European Parliament, the council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions. URL: https://www.tadviser.ru/images/5/58/Communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (дата обращения: 06.04.2025).
10. Developing Open-Data Governance in Smart Cities. URL: https://www.gartner.com/smarterwithgartner/developing-open-data-governance-in-smart-cities (дата обращения: 06.04.2025).
11. European data strategy. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/europe-fit-digital-age/european-data-strategy_en (дата обращения: 06.04.2025).
12. G20 Global Smart Cities Alliance. URL: https://www.globalsmartcitiesalliance.org/home (дата обращения: 06.04.2025).
13. ISO 37123:2019 Sustainable cities and communities – Indicators for resilient cities. URL: https://www.iso.org/standard/70428.html (дата обращения: 06.04.2025).
14. McKinsey Global Institute. Smart cities: Digital solutions for a more livable future URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/business%20functions/operations/our%20insights/smart%20cities%20digital%20solutions%20for%20a%20more%20livable%20future/mgi-smart-cities-executive-summary.pdf (дата обращения: 06.04.2025).
15. OECD Regulatory Policy Working Papers № 18. Case studies on agile regulatory governance to harness innovation: Civilian drones and BioSolutions. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/08/case-studies-on-agile-regulatory-governance-to-harness-innovation_215b5fc5/0fa5e0e6-en.pdf (дата обращения: 06.04.2025).
16. Smart City. Comfort and security of cities of the future. URL: https://os.kaspersky.com/markets/smart-city/ (дата обращения: 06.04.2025).
17. Smart Cities and Inclusive Growth. URL: https://www.oecd.org/en/publications/smart-cities-and-inclusive-growth_8a4ce475-en.html (дата обращения: 06.04.2025).
18. Smart Nation 1.0: Spurring Singapore's Digital Transformation. URL: https://www.smartnation.gov.sg/sn1/ (дата обращения: 06.04.2025).
19. The Digital Cities Challenge Designing Digital Transformation Strategies for EU Cities in the 21st Century. Final Report. URL: https://www.intelligentcitieschallenge.eu/sites/default/files/2019–09/EA-04–19–483-EN-N.pdf (дата обращения: 06.04.2025).
20. World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities. URL: https://unhabitat.org/world-cities-report-2022-envisaging-the-future-of-cities (дата обращения: 06.04.2025).

COMPONENTS OF THE MODEL OF MODERN DIGITAL URBAN SPACE

Manaenkova A.S.
Lomonosov Moscow State University

In the context of global digital transformation, modern cities are faced with the need for a fundamental rethinking of their structural and functional characteristics. Active introduction of digital technologies into the urban environment gives rise to new forms of social interaction, management models and spatial organization, which requires a comprehensive scientific understanding. The article examines the components of the model of a modern digital urban space, identified based on the document analysis method. Foreign and domestic strategic documents on urban development, regulatory legal acts of the federal and municipal levels, as well as reporting materials on the implementation of digital transformation programs in urban spaces were used as an empirical base. As a result of the study, the following components of the model of a modern urban space were identified: technological base, infrastructure, data management, digital services for citizens, security and sustainability, citizen participation and inclusiveness, governance and cooperation, innovation and adaptability. The results obtained are of theoretical significance for the development of scientific ideas about the digital transformation of urban spaces. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results obtained to improve the mechanisms for managing digital cities, developing recommendations for optimizing the processes of managing the digital development of urban territories, considering the principles of sustainable development and social acceptability of innovations. The materials of the article are of interest to specialists in the field of sociology of management, urban studies, as well as to practitioners involved in the design and implementation of initiatives for the digitalization of cities.

Keywords: digital city, artificial intelligence, sustainable development, digital inequality, social consequences of digitalization, components of the digital city.

References

1. Alekseev A.P., Alekseeva I. Yu. The Fate of Intelligence and the Mission of Reason: Philosophy Facing the Challenges of the Digital Age: Monograph. Moscow: Prospect, 2021.
2. Demography. Population. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (date of access: 14.04.2026).
3. Directive (EU) 2016/2102 of the European Parliament and of the Council of 26 October 2016 on the accessibility of public sector websites and mobile applications. URL: https://base.garant.ru/71737650/ (date of access: 06.04.2025).
4. Artificial Intelligence: National Strategic Initiative. URL: https://docs.google.com/document/d/1Lz0vEWsUmgNoIVJVw3FjKbyAIH6Nw7LMpnjUwSboqXA/edit#heading=h.h9guev3s84h1 (date of access: 06.04.2025).
5. Lefebvre H. Production of Space / Translated from French by I. Staff. – Moscow: Strelka Press, 2015.
6. Toshchenko Zh.T. Sociology of Management. Textbook and Workshop for Universities. // Yurait. 2025.
7. Smart City: Russian Version. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/umnyi-gorod-russkaja-versija (date of access: 06.04.2025).
8. Sustainable Development Goals. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/ (date of access: 06.04.2025).
9. Communication from the commission to the European Parliament, the council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions. URL: https://www.tadviser.ru/images/5/58/Communication-european-strategy-data-19feb2020_en.pdf (date of access: 06.04.2025).
10. Developing Open-Data Governance in Smart Cities. URL: https://www.gartner.com/smarterwithgartner/developing-open-data-governance-in-smart-cities (date of access: 06.04.2025).
11. European data strategy. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019–2024/europe-fit-digital-age/european-data-strategy_en (date of access: 06.04.2025).
12. G20 Global Smart Cities Alliance. URL: https://www.globalsmartcitiesalliance.org/home (date of access: 06.04.2025).
13. ISO 37123:2019 Sustainable cities and communities – Indicators for resilient cities. URL: https://www.iso.org/standard/70428.html (date of access: 06.04.2025).
14. McKinsey Global Institute. Smart cities: Digital solutions for a more livable future URL: https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/business%20functions/operations/our%20insights/smart%20cities%20digital%20solutions%20for%20a%20more%20livable%20future/mgi-smart-cities-executive-summary.pdf (date of access: 06.04.2025).
15. OECD Regulatory Policy Working Papers № 18. Case studies on agile regulatory governance to harness innovation: Civilian drones and BioSolutions. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/08/case-studies-on-agile-regulatory-governance-to-harness-innovation_215b5fc5/0fa5e0e6-en.pdf (date of access: 06.04.2025).
16. Smart City. Comfort and security of cities of the future. URL: https://os.kaspersky.com/markets/smart-city/ (date of access: 06.04.2025).
17. Smart Cities and Inclusive Growth. URL: https://www.oecd.org/en/publications/smart-cities-and-inclusive-growth_8a4ce475-en.html (date of access: 06.04.2025).
18. Smart Nation 1.0: Spurring Singapore's Digital Transformation. URL: https://www.smartnation.gov.sg/sn1/ (date of access: 06.04.2025).
19. The Digital Cities Challenge Designing Digital Transformation Strategies for EU Cities in the 21st Century. Final Report. URL: https://www.intelligentcitieschallenge.eu/sites/default/files/2019–09/EA-04–19–483-EN-N.pdf (date of access: 06.04.2025).
20. World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities. URL: https://unhabitat.org/world-cities-report-2022-envisaging-the-future-of-cities (date of access: 06.04.2025).

Программа долгосрочных сбережений как инструмент управления сберегательным поведением населения: сравнительный анализ и условия развития

Иванова Яна Сергеевна,
аспирант Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: YaSIvanova@fa.ru

Статья посвящена анализу Программы долгосрочных сбережений как инструмента формирования сберегательного поведения населения Российской Федерации. Цель работы заключается в анализе управленческого потенциала ПДС как инструмента государственного регулирования сберегательного поведения населения через сравнение с альтернативными финансовыми инструментами и определение социальных условий ее эффективной реализации. В статье применяются методы сравнительного анализа и качественного контент-анализа научных публикаций, отобранных по критерию наличия упоминания Программы долгосрочных сбережений в названии, аннотации или ключевых словах. Проведен сопоставительный анализ ключевых характеристик ПДС с банковскими депозитами, накопительным страхованием жизни, инвестициями в собственное дело, недвижимость и ценные бумаги. Выявлены ключевые преимущества Программы: многоуровневая структура источников доходности, государственное софинансирование, налоговый вычет, низкий уровень риска и государственные гарантии сохранности средств. Определены основные барьеры управленческого воздействия: низкая ликвидность, строгие условия досрочного вывода средств и длительный минимальный срок размещения. На основе систематизации подходов к управлению сберегательным поведением определены пять направлений развития ПДС: макроэкономическое (стабилизация экономической ситуации), институциональное (укрепление доверия к финансовым институтам), информационно-образовательное (повышение финансовой грамотности), совершенствование параметров Программы и социально-экономическое (вовлечение работодателей).

Ключевые слова: Программа долгосрочных сбережений, сберегательное поведение, управление финансовым поведением, финансовые инструменты, финансовая грамотность, сбережения, накопления.

Развитие знаний и навыков в области управления личными финансами важно как для каждого отдельного человека, который ежедневно сталкивается с необходимостью принимать экономические решения различного масштаба – начиная от повседневных трат и заканчивая формированием инвестиционного портфеля на долгую перспективу, так и для государства в целом, ведь совокупность финансовых выборов населения определяет макроэкономические процессы и напрямую влияет на благосостояние общества в целом, что делает этот вопрос приоритетным для государственной политики. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, к маю 2020 года свыше 70 государств уже разработали или находились в процессе реализации стратегий по повышению финансовой грамотности граждан, что подтверждает актуальность проблемы на международном уровне [1].

Формирование сберегательного поведения выступает одним из фундаментальных компонентов финансовой грамотности. Это положение легло в основу российской государственной политики в области финансового просвещения. О важности развития грамотного сберегательного поведения говорят следующие ожидаемые результаты Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года [2]:

- наличие установки на формирование сбережений для различных жизненных ситуаций (крупные покупки, непредвиденные трудности, будущая пенсия и др.) и умение реализовать эту установку, формирование и поддержание резервного фонда на 3–6 месяцев;
- осознание необходимости начинать формировать сбережения и инвестировать свободные средства как можно раньше, в том числе для формирования стабильных доходов в будущем.

Помимо разработанной Стратегии, государство разрабатывает и поддерживает различные сберегательные продукты, направленные на формирование у граждан грамотного сберегательного поведения. Одним из таких продуктов является Программа долгосрочных сбережений (далее – Программа, ПДС), которая заработала с 1 января 2024 года [3]. С ее помощью россияне могут накопить средства и воспользоваться ими в будущем, например, купить объект недвижимости, оплатить детям обучение в образовательном учреждении, воспользоваться ими в особых жизненных ситуациях, получить дополнительный доход к пенсии и др. При этом участие в Программе не требует значительных затрат – минимальная сумма участия фиксируется в размере от 2000 рублей в год.

С позиций социологии управления формирование сберегательного поведения представляет собой процесс целенаправленного воздействия субъекта управления на финансовые практики граждан через систему социальных, экономических и институциональных механизмов. В данном контексте Программа долгосрочных сбережений выступает регулируемым государством финансовым инструментом, базирующимся на системе экономических стимулов, организационно-правовых механизмов и принципе добровольности участия, направленным на развитие долгосрочного сберегательного и инвестиционного поведения граждан путем накопления личного капитала в течение минимум 15 лет или до выхода на пенсию, с целью создания финансового резерва для реализации жизненных целей. Эффективность подобного управленческого инструмента определяется не только его экономико-институциональными параметрами, но и такими социальными факторами, как доверие населения к финансовым институтам, уровень финансовой грамотности и способность граждан к долгосрочному финансовому планированию, социально-экономическое положение различных групп населения и их реальная платежеспособность, культурные установки в отношении сбережений и инвестирования.

Согласно данным исследования ценностей и финансовых привычек россиян в возрасте до 35 лет, проведенного СберСтрахованием жизни и СберНПФ в июне 2025 года, половина молодых россиян (52%) осознанно формируют накопления – 21% регулярно и 31% – время от времени, что говорит о стремлении к обеспечению личной финансовой устойчивости [4]. В среднем молодые люди откладывают 18% от ежемесячного дохода – этот показатель вырос по сравнению с прошлым годом (15% в 2024 году). При этом для накоплений молодежь чаще всего выбирает банковские депозиты (82,5%). Накопительное

страхование жизни используют 5,2%, инвестиции в собственное дело – 8,6%, недвижимость – 5%, ценные бумаги – 4,8%.

Для повышения привлекательности Программы долгосрочных сбережений и расширения охвата участников необходимо провести сравнительный анализ ее конкурентных преимуществ и недостатков относительно других инструментов накопления. В таблице 1 представлены основные характеристики ПДС, банковских депозитов, накопительного страхования жизни, инвестиций в собственное дело, недвижимость и ценные бумаги, которые позволяют сравнить инструменты сбережений и накоплений между собой. Следует учитывать, что условия финансовых продуктов варьируются в зависимости от конкретных представителей услуг, в связи с чем в таблице 1 представлены типовые характеристики рассматриваемых инструментов.

Таблица 1. Характеристики инструментов для сбережений и накоплений

Характеристика финансового инструмента	Программа долгосрочных сбережений	Депозиты в банках	Накопительное страхование жизни	Инвестиции в собственное дело	Инвестиции в недвижимость	Инвестирование в ценные бумаги
Минимальный срок размещения	15 лет или наступление пенсионного возраста	У срочных вкладов от 1 дня (чаще – от месяца), до 5 лет с возможностью продления. У вкладов до востребования зачастую ограничений нет	От 5 до 10 лет с возможностью продления	Обычно бизнес требует длительного периода развития от нескольких лет.	Обычно долгосрочное вложение от нескольких лет для получения ощутимой прибыли от роста стоимости.	Сроки могут быть очень гибкими, вплоть до нескольких минут для краткосрочных стратегий и до 10 и более лет для долгосрочных
Минимальная сумма взноса	2 000 рублей в год для получения софинансирования	У срочных вкладов обычно от нескольких тысяч рублей. У вкладов до востребования – пополнения любыми суммами	От нескольких сотен до нескольких тысяч рублей в месяц или от десятков тысяч рублей единовременно	Может варьироваться от нескольких тысяч рублей для микробизнеса до миллионов рублей для полноценного предприятия	Может варьироваться от нескольких сотен тысяч рублей до миллионов рублей	Минимальный лот для покупки акций и облигаций может быть установлен биржей. Доступны микроинвестиции
Возможность досрочного вывода средств	Возможен в особых жизненных ситуациях (дорогостоящее лечение, потеря кормильца)	У срочных вкладов, как правило, досрочное расторжение приводит к снижению процентной ставки до минимальной ставки. Вклады до востребования чаще допускают частичное и полное снятие	Возможен в любое время с выплатой откупной стоимости, которая может быть меньше внесенных премий на начальном этапе договора	Возможен вывод путем продажи доли бизнеса, ликвидации предприятия или выплаты дивидендов	Возможен через продажу имущества на рынке недвижимости, что может занять время и зависит от конъюнктуры рынка	Доступен в любое время при наличии покупателей на рынке
Основа формирования сбережений и доходности	Личные взносы, государственное софинансирование, инвестиционный доход, взносы работодателей, пенсионные накопления	У срочных вкладов: фиксированная или плавающая процентная ставка. У вкладов до востребования: ставка может быть прогрессивной	Личные страховые премии, доход от размещения средств на финансовых рынках, бонусы участия в прибыли	Прибыль от деятельности предприятия, дивиденды, рост стоимости бизнеса налоговые вычеты по расходам на развитие	Личные инвестиции, прибыль от роста стоимости имущества, арендный доход, налоговые вычеты на ипотечные проценты	Личные инвестиции, дивиденды от акций, купонный доход от облигаций, прибыль от роста стоимости ценных бумаг, налоговые вычеты на инвестиции (ИИС)
Налоговый вычет	Ежегодный налоговый вычет можно получить на сумму взносов, уплаченных в ПДС до 400 тыс. рублей в год	Отдельного налогового вычета за вклад нет, но уже начисленный налог с процентов можно уменьшить за счет вычетов по НДФЛ	При соблюдении условий НСЖ ежегодный налоговый вычет можно получить на сумму страховых премий в пределах 150 тыс. руб. в год	Возможны налоговые льготы в зависимости от организационно-правовой формы и вида деятельности	Возможен при покупке жилого помещения (в пределах 260 тыс. рублей). При продаже может применяться в зависимости от условий владения	При открытии ИИС можно получить налоговый вычет в размере 13% от суммы инвестиций в пределах 400 тыс. руб. в год. По другим бумагам налоговых вычетов нет
Государственное софинансирование	Осуществляется в течение 10 лет. Максимальный размер софинансирования для всех вкладчиков является одинаковым и составляет 36 тысяч рублей в год	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует в прямом виде. Возможны государственные гранты, субсидии и льготные кредиты для начинающих предпринимателей	Отсутствует в прямом виде. Возможны государственные программы поддержки.	Отсутствует в прямом виде. Возможны государственные программы поддержки инвесторов
Гарантии сохранности средств со стороны государства	Государство гарантирует сохранность внесенных гражданами средств и дохода от их инвестирования до 2,8 млн рублей	Вклады в банках, участвующих в системе страхования вкладов, защищены государством в пределах установленного лимита страхования	Выплаты страховой компанией при наступлении страхового события. Вложения не застрахованы государством	Нет государственных гарантий сохранности вложенных средств. Возможна защита через страхование имущества и ответственности	Отсутствуют государственные гарантии сохранности инвестированного капитала. Имущество защищено правом собственности, страхованием от рисков	Отсутствуют государственные гарантии сохранности вложенного капитала
Уровень риска	Низкий	Низкий	Низкий-средний в зависимости от компании	Высокий	Средний-высокий	Средний-высокий в зависимости от типа ценных бумаг
Ликвидность	Низкая	У срочных – средняя, а до востребования – высокая	Средняя	Низкая	Низкая-средняя	Высокая

Анализ ключевых характеристик различных финансовых сберегательных и накопительных инструментов позволяет выявить следующие особенности ПДС:

1) многоуровневая структура источников доходности. Накопления в рамках ПДС формируются за счет личных взносов вкладчика, государственного софинансирования, инвестиционного дохода, взносов

работодателей и пенсионных накоплений. Это выгодно отличает Программу от банковских депозитов, которые формируют доход исключительно через фиксированную или плавающую процентную ставку без дополнительных источников. Банковские вклады предоставляют стабильность, но ограничивают потенциал роста капитала;

2) более прозрачная схема формирования дохода в сравнении, например, с накопительным страхованием жизни. Если страховые программы опираются на инвестиционный доход от размещения средств и бонусы участия в прибыли, то ПДС четко регламентирует источники финансирования, включая государственное софинансирование, что снижает неопределенность для вкладчика;

3) меньший уровень риска, чем у НСЖ, инвестиций в собственное дело, инвестиций в недвижимость и ценные бумаги. Более высокий потенциал доходности демонстрируют инвестиции в собственное дело и недвижимость, однако они сопряжены с существенно большими рисками. Прибыль от деятельности предприятия и рост стоимости бизнеса могут быть значительными, но возможны также нулевые или отрицательные результаты. Инвестирование в ценные бумаги предоставляет гибкость стратегий, но также несет риск потери капитала при снижении котировок;

4) наличие государственного софинансирования, которое осуществляется в течение 10 лет. Такая поддержка отсутствует при использовании банковских депозитов, накопительного страхования жизни и большинства других инструментов;

5) наличие налогового вычета;

6) четкие и низкие условия входа для участников: минимальный годовой взнос составляет 2 тысячи рублей для получения софинансирования, что значительно более доступно, чем инвестиции в недвижимость;

7) минимальный срок размещения средств составляет 15 лет или наступление пенсионного возраста. Это существенное ограничение по сравнению с банковскими депозитами, которые предлагают гибкость от 1 дня до 5 лет, и с инвестированием в ценные бумаги, где сроки могут варьироваться от нескольких минут до более чем 10 лет;

8) низкая ликвидность и строгие условия досрочного вывода. Вывод средств возможен только в особых жизненных ситуациях. Это отличает ПДС от банковских депозитов до востребования, которые допускают частичное или полное снятие без значительных штрафов, и особенно от инвестиций в ценные бумаги, которые доступны в любое время при наличии покупателей на рынке. Такие условия затрудняют использование ПДС для краткосрочных целей.

Для более глубокого понимания условий развития ПДС целесообразно обратиться к качественному контент-анализу публикаций за период 2024–2025 гг., где научное сообщество оценивает условия ее развития. В таблице 2 содержится информация, полученная в ходе анализа статей, книг и материалов конференций, в названии, аннотации или ключевых словах которых встречается упоминание Программы долгосрочных сбережений.

Таблица 2. Подходы представителей современного научного сообщества к определению условий развития ПДС

Условия развития ПДС	Представители подхода
Повышение доверия к государственным институтам, снижение безработицы, контроль допустимого уровня инфляции, повышение контроля над коррупцией	А.Н. Непп [5]
Создание надежных механизмов защиты средств, стабилизация макроэкономической ситуации, повышение финансовой грамотности, улучшение доступа к финансовым услугам, повышение доходов населения	М.Е. Косов, Д.О. Сергеев, И.О. Сергеев [6]
Повышение доходности ПДС, увеличение срока софинансирования государства, повышение доходов и уровня финансовой грамотности населения, улучшение доступа к финансовым услугам	Д.А. Кононова, А.А. Перебаскина, С.В. Рачек [7]
Создание преференций для участия индивидуальных предпринимателей и лиц с налогом на профессиональный доход, повышение доверия к НПФ, пересмотр инвестиционных портфелей НПФ в сторону меньшего консерватизма	В.А. Ковалев, И.В. Балынин [8]
Повышение информационной доступности инструмента, усиление надежности и привлекательности системы НПО, повышение финансовой грамотности, повышение доходов, развитие «пенсионной» культуры, налоговые стимулы	Е.В. Кравченко, А.А. Суховеева [9]
Усиление информационной работы, направленной на повышение осведомленности о программе, повышение финансовой грамотности (проведение образовательных вебинаров, курсов, роликов, лекций), вовлечение работодателей в процесс продвижения программы, создание гибких условия для молодежи	Н.С. Зеленченков, Ю.Ю. Финогенова [10]
Усиление информационной работы, направленной на повышение осведомленности о программе, формирование у граждан доверия к пенсионной системе и НПФ через стабильность «правил игры» и снижение частоты резких изменений законодательства, повышение финансовой грамотности населения	Е.В. Агеева, Л.Л. Урбанаев [11]
Повышение финансовой грамотности граждан, преодоление недоверия населения к пенсионной системе, уделение особого внимания государственному софинансированию и налоговому вычету, которые и дают реальный прирост к сбережениям	Е.В. Агеева [12]
Разработка отдельного нормативно-правового акта о ПДС, повышение финансовой грамотности населения, активное информирование о ПДС, стимулирование работодателей, повышение конкурентоспособности по отношению к другим инструментам, трансформация пенсионного правосознания («культурного кода»)	В.В. Уткин, О.И. Юстус [13]
Проработка дополнительных условий участия для граждан с высоким доходом, разработка корпоративных и индивидуальных пенсионных планов, рассчитанных на более длительные циклы сбережений	А.Е. Абрамов, А.А. Сороколад, М.И. Чернова [14]
Повышение доверия к государственным институтам, рост доходов населения, продление сроков государственного софинансирования участников ПДС	Е.Л. Чеклаукова [15]
Расширение перечня оснований для досрочного полного или частичного изъятия накоплений, уменьшение или субсидирование предельного уровня комиссий НПФ, снижение срока перевода денег из одного НПФ в другой, уменьшение зависимости от ОФЗ	А.А. Туркин [16]
Дальнейшее поддержание софинансирования со стороны государства, налоговых льгот и безубыточности ПДС	Б.В. Маркарян [17]
Повышение прозрачности пенсионного рынка, информирование участников о показателях ожидаемой эффективной доходности, привлечение работодателей, увеличение софинансирования, расширение перечня особых жизненных ситуаций, предусматривающих досрочную выплату, увеличение суммы налогового вычета	Л.Ю. Лысова, Е.Л. Прокопьева [18]

Систематизация и анализ научных подходов к определению условий развития ПДС позволяет выделить пять групп управленческих воздействий.

1. Макроэкономическое направление: необходимость контроля допустимого уровня инфляции, снижения безработицы, стабилизации макроэкономической ситуации и роста доходов населения.

2. Институциональное направление: важность повышения доверия к государственным институтам, негосударственным пенсионным фондам и пенсионной системе в целом, создание надежных механизмов защиты средств, обеспечения стабильности «правил игры» и снижения частоты резких изменений законодательства, трансформация пенсионного правосознания, повышение контроля над коррупцией, а также повышение прозрачности пенсионного рынка.

3. Информационно-образовательное направление: необходимость усиления информационной работы, направленной на повышение осведомленности о самой Программе, проведения образователь-

ных вебинаров, курсов и лекций, а также улучшения информационной доступности инструмента.

4. Совершенствование самой ПДС: увеличение доходности ПДС, продление срока софинансирования государства, увеличение суммы налогового вычета, увеличение софинансирования и поддержание безубыточности ПДС, расширение перечня оснований для досрочного изъятия накоплений, создание гибких условий для молодежи, проработка дополнительных условий для граждан с высоким доходом и создание преференций для индивидуальных предпринимателей.

5. Социально-экономическое направление: важность привлечения работодателей к продвижению ПДС и стимулирования их участия, улучшения доступа к финансовым услугам, а также развития «пенсионной» культуры населения, рассмотрение разработки отдельного нормативно-правового акта о ПДС и информирования участников о показателях ожидаемой эффективной доходности.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ финансовых инструментов накопления и систематизация научных подходов к определению условий развития Программы долгосрочных сбережений свидетельствуют о необходимости комплексного совершенствования ПДС для повышения ее привлекательности и эффективности.

Программа демонстрирует уникальное сочетание таких конкурентных преимуществ, как многоуровневая структура источников доходности, государственные гарантии сохранности средств до 2,8 миллионов рублей, налоговый вычет до 52 тысяч рублей ежегодно и низкий уровень риска. Данные характеристики делают ПДС наиболее защищенным инструментом долгосрочного накопления среди рассмотренных альтернатив.

Вместе с тем Программа имеет ограничения, которые снижают ее привлекательность для определенных категорий граждан. Длительный минимальный срок размещения (15 лет или до пенсионного возраста), низкая ликвидность и строгие условия досрочного вывода средств делают ПДС неподходящим инструментом для краткосрочных и среднесрочных финансовых целей. В этом отношении ПДС значительно уступает банковским депозитам и инвестициям в ценные бумаги, обеспечивающим гибкость в управлении средствами.

Эффективность Программы как инструмента управления сберегательным поведением населения зависит от комплекса следующих социальных условий: обеспечения макроэкономической стабильности, формирования институционального доверия, повышения финансовой грамотности, вовлечения работодателей.

Результаты анализа подтверждают, что Программа долгосрочных сбережений представляет собой сберегательный и инвестиционный инструмент для граждан, ориентированных на долгосрочное накопление с приоритетом безопасности и государственной поддержки. Оптимальной же стратегией является комбинированный подход, при котором участие в ПДС сочетается с использованием других финансовых инструментов, обеспечивающих ликвидность и диверсификацию рисков.

Литература

1. Тюриков А.Г. Программа долгосрочных сбережений как элемент пенсионного благополучия: экспертные оценки текущего состояния и перспектив развития / А.Г. Тюриков, Я.С. Иванова // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2025. – Т. 50, № 2. – С. 290–299. – DOI 10.52575/2712–746X-2025–50–2–290–299.

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 октября 2023 года № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» // Информационно-правовой портал «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407787147/?ysclid=mnogzfj3br364400827 (дата обращения: 11.04.2026).

3. Программа долгосрочных сбережений (ПДС) // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/pds/?ysclid=m-5lccl5ajq870126987 (дата обращения: 11.04.2026).

4. Полянская М. Перечислены главные ценности и финансовые привычки российской молодежи / М. Полянская // Финансы Mail [Электронный ресурс]. – URL: https://finance.mail.ru/article/molodyozh-rossii-glavnye-cennosti-i-finansovye-privychki-2025-goda-66762483/ (дата обращения: 11.04.2026).

5. Непп А.Н. Есть ли перспективы у программы долгосрочных сбережений граждан? Роль политической стабильности, коррупции и уверенности в будущем / А.Н. Непп // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 4(65). – С. 156–176.

6. Косов М.Е. Сберегательное поведение граждан в современных экономических условиях / М.Е. Косов, Д.О. Сергеев, И.О. Сергеев // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 6, № 6(147). – С. 120–127.

7. Кононова Д.А. Новые инструменты для формирования долгосрочных сбережений / Д.А. Кононова, А.А. Перебаскина, С.В. Рачек // Вестник науки и образования. – 2024. – № 4–3(147). – С. 15–20.

8. Ковалев В.А. Предложения по совершенствованию программы долгосрочных сбережений граждан в контексте привлечения длинных денег в экономику / В.А. Ковалев, И.В. Балынин // Экономика и инновации: Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции, Москва, 21–23 ноября 2023 года. – Москва: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2024. – С. 72–76.

9. Кравченко Е.В. Негосударственное пенсионное обеспечение: современное состояние и перспективы развития / Е.В. Кравченко, А.А. Суховеева // Управленческий учет. – 2025. – № 1. – С. 262–268.

10. Зеленченков Н.С. Роль программы долгосрочных сбережений в формировании сберегательного поведения населения Российской Федерации / Н.С. Зеленченков, Ю.Ю. Финогенова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 4–2. – С. 237–244.

11. Агеева Е.В. Программа долгосрочных сбережений как механизм поэтапного перехода пенсионных накоплений в негосударственное пенсионное обеспечение / Е.В. Агеева, Л.Л. Урбанаев // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2024. – Т. 13, № 2(47). – С. 7–10.

12. Агеева Е.В. Программа долгосрочных пенсионных сбережений – преимущества и недостатки / Е.В. Агеева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 5(284). – С. 35–44.

13. Уткин В.В. Проблемы реализации программы долгосрочных сбережений: первые итоги / В.В. Уткин, О.И. Юстус // Интерес вчера, сегодня и навсегда…: Сборник научных работ. – Тверь: Тверской государственный университет. – 2025. – С. 159–165.

14. Абрамов А.Е. Потенциал Программы Долгосрочных Сбережений как инструмента улучшения пенсионного благосостояния граждан / А.Е. Абрамов, А.А. Сороколад, М.И. Чернова // Проблемы управления безопасностью сложных систем: Материалы XXXII международной конференции, посвященной памяти Владимира Васильевича Кульбы, Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра техн. наук, профессора, Москва, 13 ноября 2024 года. – Москва: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2024. – С. 123–129.

15. Чеклакова Е.Л. Сильные и слабые стороны программы долгосрочных сбережений / Е.Л. Чеклакова // Современные технологии и научно-технический прогресс. – 2024. – № 11. – С. 385–386.

16. Туркин А.А. Программа долгосрочных сбережений как инструмент привлечения длинных денег в экономику / А.А. Туркин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 3(91). – С. 234–238.

17. Маркарян Б.В. Новые инструменты инвестирования: программа долгосрочных сбережений граждан / Б.В. Маркарян // Новеллы права, образования, экономики и управления: Материалы X Международной научно-практической конференции, Гатчина, Ленинградская обл., 22 ноября 2024 года. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий. – 2025. – С. 502–504.

18. Лысова Л.Ю. Потенциал формирования длинных денег пенсионной системой России / Л.Ю. Лысова, Е.Л. Прокопьева // Финансовый журнал. – 2025. – Т. 17, № 4. – С. 83–103.

THE LONG-TERM SAVINGS PROGRAM AS A TOOL FOR MANAGING THE SAVINGS BEHAVIOR OF THE POPULATION: COMPARATIVE ANALYSIS AND DEVELOPMENT CONDITIONS

Ivanova Ya.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the Long-term Savings Program as a tool for shaping the savings behavior of the population of the Russian Federation. The purpose of the work is to analyze the management potential of the Long-Term Savings Program as an instrument of state regulation of the savings behavior of the population through comparison with alternative financial instruments and determining the social conditions for its effective implementation. The article uses methods of comparative analysis and qualitative content analysis of scientific publications selected according to the criterion of the presence of a mention of the Long-Term Savings Program in the title, abstract or keywords. A comparative analysis of the key characteristics of the Long-term Savings Program with bank deposits, cumulative life insurance, investments in own business, real estate and securities is carried out. The key advantages of the Program have been identified: a multi-level structure of sources of profitability, government co-financing, tax deduction, low risk and government guarantees for the safety of funds. The main barriers to management intervention were identified: low liquidity, strict early withdrawal conditions, and a long minimum placement period. Based on a systematization of approaches to managing savings behavior, five areas for the development of the PDS were identified: macroeconomic (stabilization of the economic situation), institutional (strengthening trust in financial institutions), information

and educational (improving financial literacy), improving Program parameters, and socio-economic (involving employers).

Keywords: Long-term savings program, savings behavior, financial behavior management, financial instruments, financial literacy, savings, accumulation.

References

1. Tyurikov A.G. Long-term savings program as an element of pension well-being: expert assessments of the current state and development prospects / A.G. Tyurikov, Ya.S. Ivanova // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. – 2025. – Vol. 50, № 2. – P. 290–299. – DOI 10.52575/2712–746X-2025–50–2–290–299.

2. Order of the Government of the Russian Federation dated October 24, 2023 № 2958-r «On approval of the Strategy for improving financial literacy and forming financial culture until 2030». – Text: electronic // Information and legal portal «Garant.ru». – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407787147/ (accessed: 11.04.2026).

3. Long-term Savings Program (LTS). – Text: electronic // Ministry of Finance of the Russian Federation: official website. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/pds/ (accessed: 11.04.2026).

4. Polyanskaya M. The main values and financial habits of Russian youth are listed / M. Polyanskaya. – Text: electronic // Finance Mail. – URL: https://finance.mail.ru/article/molodyozh-rossii-glavnye-cennosti-i-finansovye-privychki-2025-goda-66762483/ (accessed: 11.04.2026).

5. Nepp A.N. Are there prospects for the program of long-term savings of citizens? The role of political stability, corruption and confidence in the future / A.N. Nepp // Journal of the New Economic Association. – 2024. – № 4(65). – P. 156–176.

6. Kosov M.E. Savings behavior of citizens in modern economic conditions / M.E. Kosov, D.O. Sergeev, I.O. Sergeev // Economics and Management: Problems, Solutions. – 2024. – Vol. 6, № 6(147). – P. 120–127.

7. Kononova D.A. New tools for forming long-term savings / D.A. Kononova, A.A. Perebaskina, S.V. Rachek // Bulletin of Science and Education. – 2024. – № 4–3(147). – P. 15–20.

8. Kovalev V.A. Proposals for improving the program of long-term savings of citizens in the context of attracting long money into the economy / V.A. Kovalev, I.V. Balynin // Economics and Innovation: Collection of articles of participants of the interuniversity scientific-practical conference, Moscow, November 21–23, 2023. – Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2024. – P. 72–76.

9. Kravchenko E.V. Non-state pension provision: current state and development prospects / E.V. Kravchenko, A.A. Sukhoveeva // Management Accounting. – 2025. – № 1. – P. 262–268.

10. Zelenchenkov N.S. The role of the long-term savings program in the formation of savings behavior of the population of the Russian Federation / N.S. Zelenchenkov, Yu.Yu. Finogenova // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2025. – № 4–2. – P. 237–244.

11. Ageeva E.V. Long-term savings program as a mechanism for the gradual transition of pension savings to non-state pension provision / E.V. Ageeva, L.L. Urbanaev // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. – 2024. – Vol. 13, № 2(47). – P. 7–10.

12. Ageeva E.V. Long-term pension savings program – advantages and disadvantages / E.V. Ageeva // Property Relations in the Russian Federation. – 2025. – № 5(284). – P. 35–44.

13. Utkin V.V. Problems of implementing the long-term savings program: first results / V.V. Utkin, O.I. Yustus // Interest yesterday, today and forever…: Collection of scientific works. – Tver: Tver State University. – 2025. – P. 159–165.

14. Abramov A.E. The potential of the Long-term Savings Program as a tool for improving the pension welfare of citizens / A.E. Abramov, A.A. Sorokolad, M.I. Chernova // Problems of safety management of complex systems: Materials of the XXXII international conference dedicated to the memory of Vladimir Vasilievich Kulba, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Moscow, November 13, 2024. – Moscow: Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS. – 2024. – P. 123–129.

15. Cheklaukova E.L. Strengths and weaknesses of the long-term savings program / E.L. Cheklaukova // Modern Technologies and Scientific and Technical Progress. – 2024. – № 11. – P. 385–386.

16. Turkin A.A. Long-term savings program as a tool for attracting long money into the economy / A.A. Turkin // Scythian. Questions of Student Science. – 2024. – № 3(91). – P. 234–238.

17. Markaryan B.V. New investment tools: the program of long-term savings of citizens / B.V. Markaryan // Novels of law, education, economics and management: Materials of the X International scientific-practical conference, Gatchina, Leningrad region, November 22, 2024. – Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2025. – P. 502–504.

18. Lysova L. Yu. The potential for the formation of long money by the Russian pension system / L. Yu. Lysova, E.L. Prokopyeva // Financial Journal. – 2025. – Vol. 17, № 4. – P. 83–103.

Клиентоцентричность как инструмент повышения доверия и удовлетворения ожиданий экономических агентов: психологические аспекты социально-экономической политики

Маркелов Антон Юрьевич,
доктор экономических наук, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина
E-mail: markelov-gtbis@yandex.ru

Москалев Егор Петрович,
соискатель, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
E-mail: moskalevegor04@mail.ru

Ноздров Андрей Александрович,
соискатель, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина
E-mail: andrey.n.02@yandex.ru

В условиях глобальной трансформации социально-экономической политики и усложнения архитектуры государственного управления проблема институционального доверия приобретает выраженный макроэкономический характер. Переход от парадигмы нового государственного менеджмента к сервисному государству 2.0 требует глубокого осмысления клиентоцентричности не только как технологического процесса, но и как психологического механизма управления ожиданиями. Цель исследования – теоретическое обоснование концепции клиентоцентричности как системного инструмента преодоления когнитивных искажений и повышения доверия экономических агентов к властным институтам. Теоретико-методологическую базу составили социологическая концепция доверия, положения поведенческой экономики (теория перспектив, эвристики), а также модель подтверждения/опровержения ожиданий (Expectancy-Disconfirmation Model). Использован междисциплинарный подход, интегрирующий макроэкономический анализ транзакционных издержек и теорию социальных установок. В статье обосновывается, что разрыв между априорными ожиданиями граждан и реальным пользовательским опытом взаимодействия с государством провоцирует эрозию институционального и межличностного доверия. Доказано, что клиентоцентричный дизайн (через механизмы архитектуры выбора и «мягкого подталкивания») способен нивелировать влияние когнитивных искажений, снижая административное бремя. Сделан вывод о том, что внедрение принципов клиентоцентричности с учетом психологических паттернов экономических агентов является критическим фактором снижения транзакционных издержек, купирования социальной напряженности и обеспечения устойчивости социально-экономических систем.

Ключевые слова: Клиентоцентричность, институциональное доверие, поведенческая экономика, транзакционные издержки, государственное управление, когнитивные искажения, управление ожиданиями.

Введение

В условиях фундаментальной трансформации социально-экономической политики и перманентного роста экспектаций граждан и бизнеса, проблема формирования институционального доверия выходит за рамки сугубо социологического дискурса, приобретая статус ключевого макроэкономического фактора. Современное государственное управление переживает эволюционный сдвиг: концепция нового государственного менеджмента (New Public Management), долгое время доминировавшая в административной практике, демонстрирует свою ограниченность ввиду избыточной технократичности. Анализ современных подходов к оценке зрелости государственного управления выявляет системный парадокс: большинство институциональных моделей остаются ориентированными на внутренние метрики эффективности, игнорируя субъективный пользовательский опыт и психологические аспекты восприятия услуг [1].

Низкий уровень доверия выступает мощнейшим катализатором роста транзакционных издержек, социальной напряженности и инвестиционных рисков. Как доказывают международные лонгитюдные исследования, дефицит доверия к государственным институтам напрямую блокирует долгосрочное планирование экономических агентов [2]. Более того, современная поведенческая макроэкономика убедительно свидетельствует, что агенты не обладают абсолютной рациональностью, а опираются на эвристические правила и подвержены влиянию «животных инстинктов» (animalspirits), что делает экономику крайне уязвимой к коллективным волнам пессимизма [3].

Целью данного исследования является теоретическое обоснование концепции клиентоцентричности как элемента социально-экономической политики, ориентированной на управление ожиданиями, преодоление когнитивных искажений и повышение удовлетворенности экономических агентов с позиций поведенческой экономики и социологии.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие исследовательские задачи: 1) проанализировать эволюцию парадигм государственного управления от сервисной модели к поведенческой; 2) систематизировать ключевые когнитивные искажения, влияющие на восприятие госуслуг, и механизмы их нивелирования; 3) обосновать переход к инструментам психолого-экономического мониторинга ожиданий и обратной связи.

Базовым социологическим каркасом настоящего исследования выступает концепция доверия, рассматриваемая сквозь призму нео-институционального подхода и теории социального обмена. В социологической традиции доверие интерпретируется как фундаментальная основа общества, обеспечивающая предсказуемость социальных взаимодействий и солидарность [4].

Для операционализации процесса формирования удовлетворенности в государственном управлении нами применяется модель подтверждения/опровержения ожиданий (Expectancy-Disconfirmation Model, EDM). В контексте публичного администрирования удовлетворенность экономических агентов зависит не только от объективного качества институциональной среды, но и от психологического зазора (диссонанса) между априорными ожиданиями субъекта и воспринимаемым результатом [6]. Эмпирические данные подтверждают наличие перманентного отрицательного разрыва: ожидания граждан сегодня формируются под влиянием передового коммерческого сектора и систематически превышают реальный институциональный опыт взаимодействия с госаппаратом [7].

Парадокс современного государственного управления заключается в высокой волатильности доверия даже на фоне относительной макроэкономической стабильности. Доверие представляет собой ориентированную в будущее переменную, жестко привязанную к ожиданиям агентов. Когда государственные институты инициируют нормативное регулирование без учета субъективного опыта граждан, возникает риск внезапного коллапса лояльности: общество может стремительно скатиться в ловушку множественного равновесия с низким доверием и запредельными транзакционными издержками [8].

Для объяснения механизмов преодоления данного разрыва методология исследования интегрирует инструментарий поведенческой

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2026 г. по теме: «Трансформация модели трудового поведения в условиях становления традиционной ценностной парадигмы» (№ 1.5–2026–1).

экономики. Опираясь на теорию перспектив и концепцию ограниченной рациональности [9], мы рассматриваем клиентоцентричность через призму «либертарианского патернализма» и архитектуры выбора [10]. В условиях социальной неопределенности традиционные директивные методы государственного регулирования обнаруживают свою ограниченность. Применение бихевиористского подхода позволяет властным институтам не принуждать, а мягко направлять выбор агентов (nudging), снижая когнитивную перегрузку [11].

Эволюция парадигмы государственного управления: от New Public Management к поведенческому госуправлению

Анализ современных тенденций трансформации публичного сектора позволяет констатировать исчерпание потенциала классической сервисной модели, базирующейся на принципах нового государственного менеджмента (NPM). Если парадигма NPM фокусировалась на эффективности, измеримости результатов и конкуренции, то современный этап развития характеризуется переходом к концепции «Государство как платформа» и внедрению сервисно-доминантной логики (S-D Logic). В рамках данного подхода ценность не является имманентным свойством государственной услуги, а созидается совместно в процессе взаимодействия государства и гражданина [12].

Сравнительный анализ подходов к организации взаимодействия с гражданами представлен в таблице 1, и он фиксирует фундаментальную смену парадигмы: от технократической оптимизации внутренних процессов (NPM) к управлению субъективным опытом пользователя, где эффективность измеряется не экономией бюджетных средств, а минимизацией усилий гражданина.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей взаимодействия государства и экономических агентов

Критерий сравнения	Сервисная модель (New Public Management)	Клиентоцентричная модель (Behavioral Public Administration)
Роль гражданина / бизнеса	Пассивный получатель услуг (клиент/потребитель)	Активный участник, со-творец ценности
Ключевой фокус	Внутренняя эффективность процессов, минимизация затрат бюджета	Субъективный опыт пользователя (UX), минимизация усилий клиента
Механизм управления	Директивный, нормативно-регламентированный	Поведенческий («мягкое подталкивание», архитектура выбора)
Отношение к ошибкам	Ошибка заявителя карается отказом или штрафом	Ошибка предотвращается дизайном системы (poka-yoke)
Драйвер изменений	Технологическая модернизация (Technology-driven)	Жизненные ситуации и потребности человека
Ключевой риск	«Агентство-центризм» и ведомственная разобщенность	Риск манипуляции и алгоритмического отторжения

Ключевым результатом является переосмысление роли экономического агента, который трансформируется из пассивного получателя регламентированной услуги в активного со-автора общественной ценности, что требует принципиально иной архитектуры взаимодействия. Данные таблицы 1 указывают на то, что цифровизация сама по себе не обеспечивает переход к новой модели, если она сохраняет «агентство-центричную» логику, игнорирующую реальные жизненные ситуации клиента. Следовательно, успешная трансформация невозможна без преодоления внутренней культурной резистентности бюрократии и внедрения принципов эмпатии в сам код административных процессов, что делает человекоцентричность функциональной необходимостью современного государства.

Когнитивные искажения как барьер институционального доверия

Центральным элементом клиентоцентричной политики является учет ограниченной рациональности экономических агентов. В рамках теории социальных установок восприятие государственных сервисов формируется через призму когнитивных искажений, которые трансформируют объективную реальность в субъективный опыт. Игнорирование этих искажений приводит к тому, что даже качественные цифровые сервисы могут отторгаться обществом.

Опираясь на анализ зарубежных публикаций [15], мы систематизировали ключевые когнитивные искажения, которые влияют на то, как граждане взаимодействуют с государством, а также предложили компенсаторные механизмы. Эти механизмы представлены в табл. 2.

Таблица 2. Влияние когнитивных искажений на восприятие госуслуг и инструменты их нивелирования

Тип когнитивного искажения	Механизм действия в госуправлении	Последствия для доверия	Инструмент клиентоцентричной коррекции (Nudging)
Искажение подтверждения (ConfirmationBias)	Агенты интерпретируют информацию так, чтобы она соответствовала их предубеждениям о бюрократии	Любой сбой системы воспринимается как подтверждение неэффективности государства	Проактивная коммуникация, прозрачность процессов, использование «историй успеха» в каналах коммуникации
Смещение к настоящему (PresentBias)	Склонность переоценивать немедленные затраты (время на заполнение форм) по сравнению с будущими выгодами	Отказ от получения льгот или субсидий из-за сложности процедур на входе	Упрощение «первого шага», предзаполнение форм (pre-filledforms), использование дефолтных опций (по умолчанию)
Эффект якоря (AnchoringBias)	Первичная информация или первый опыт взаимодействия задает «якорь» для оценки всех последующих контактов	Негативный первый опыт (например, очередь) обесценивает последующие улучшения сервиса	Управление ожиданиями через сервисные стандарты, дизайн «приветственных» интерфейсов, минимизация времени ожидания
Эвристика доступности / Эффект новизны (RecencyBias)	Оценка качества госуслуг базируется на последнем (часто негативном) воспоминании, а не на общем опыте	Эрозия лояльности из-за локальных инцидентов, игнорирование системных улучшений	Внедрение систем мгновенной обратной связи (real-timefeedback), перекрытие негатива позитивным завершением услуги («правило пика-конца»)
Алгоритмическое отторжение (Algorithm Aversion)	Субъективное занижение качества услуги, если она предоставлена ИИ, а не человеком	Недоверие к автоматическим решениям и чат-ботам, рост нагрузки на операторов	Использование гибридных моделей обслуживания, гуманизация интерфейсов, теория переноса доверия (Trust Transfer)

Анализ данных, приведенных в таблице 2, показывает: эффективность того, как экономические агенты взаимодействуют с государством, ограничивается не столько функциональными сбоями, сколько действием специфических психологических паттернов. Например, так называемыми «смещением к настоящему» или «эффектом якоря». Полученные результаты свидетельствуют, если эти когнитивные искажения игнорировать, последствия могут быть самыми критическими – начиная с того, что граждане отказываются от получения положенных им льгот из-за чрезмерной сложности входных процедур, и заканчивая полным обесцениванием системных реформ, которое может произойти всего лишь из-за одного негативного эпизода, случившегося в начале или в конце клиентского пути.

Из сказанного следует, что проектирование государственных услуг должно опираться на превентивную, то есть упреждающую, компенсацию выявленных когнитивных искажений – и достигается это через продуманную архитектуру выбора. Клиентоцентричный дизайн, использующий механизмы «архитектуры выбора», позволяет снизить когнитивное сопротивление среды без применения каких-либо принудительных мер.

Инструментарий реализации – от социологических опросов к психолого-экономическому мониторингу

Традиционные методы оценки удовлетворенности (социологические опросы) теряют релевантность из-за эффекта социальной желательности и временного лага. Переход к доказательной политике требует внедрения инструментов психолого-экономического мониторинга, основанного на анализе больших данных. В таблице 3 систематизирован инструментарий фиксации ожиданий и обратной связи в рамках клиентоцентричного подхода.

Внедрение инструментов Text Mining и Sentiment Analysis позволяет государству перейти от реактивного реагирования на жалобы к проактивному управлению опытом. Как демонстрируют Thaha et al. [18], кластеризация отзывов граждан позволяет выявлять скрытые темы беспокойства, которые не улавливаются стандартными метриками.

Психолого-экономический мониторинг создает базу для «умного» регулирования: фиксируя типы ожиданий и эмоциональный фон, государство может калибровать свои интервенции, избегая эффекта эрозии доверия, описанного Daniele et al. [8].

Таблица 3. Эволюция инструментов мониторинга и обратной связи в государственном управлении

Характеристика	Традиционный подход (Социология)	Клиентоцентричный подход (Data-Driven&Behavioral)	Преимущества нового подхода
Метод сбора данных	Периодические опросы, жалобные книги	Интеллектуальный анализ текста (Text Mining), анализ цифровых следов, Agile-петли обратной связи	Объективность, охват 100% генеральной совокупности, исключение фактора интервьюера
Объект анализа	Декларируемая удовлетворенность (Post-factum)	Тональность высказываний (Sentiment Analysis), поведенческие паттерны, невысказанные потребности	Выявление скрытых проблем и эмоционального фона до эскалации конфликта
Скорость реакции	Высокая инерционность (месяцы/годы)	Режим реального времени (Real-time)	Возможность оперативного купирования негатива
Сегментация	Социально-демографическая (пол, возраст)	Поведенческая (профили ожиданий, архетипы поведения)	Персонализация коммуникации и сервисов (Hyper-personalization)
Пример реализации	Опрос ВЦИОМ / ФОМ	Анализ отзывов на Госуслугах с помощью LDA-моделирования тем	Точная диагностика «узких мест» в клиентском пути

Если говорить об инструментальном обеспечении тех реформ, которые перечислены в Таблице 3, то здесь фиксируется достаточно заметный технологический переход: от дискретных, то есть точечных, социологических замеров к непрерывному, длящемуся во времени мониторингу данных. Традиционные опросы, которые отличаются высокой инерционностью (они медленно реагируют на изменения), постепенно уступают место методам интеллектуального анализа текста и цифровых следов – причем в режиме, близком к реальному времени. Такой сдвиг позволяет государственным органам уже не просто констатировать факт неудовлетворенности граждан постфактум, когда ничего нельзя исправить, а оперативно, своевременно выявлять точки зарождающегося напряжения. Смена используемого инструментария, в свою очередь, открывает и новые возможности – как для более точной сегментации аудитории, так и для персонализации сервисных предложений под конкретные группы пользователей.

Архитектура выбора, которая выстроена с учетом этих искажений, по сути, выполняет роль когнитивного интерфейса: она снижает сложность, с которой пользователь сталкивается при принятии решений. Следовательно, поведенческое регулирование (учет поведенческих особенностей людей) становится необходимым элементом всей системы – именно оно обеспечивает функциональную пригодность цифровых сервисов для массового использования. Взаимосвязь между уровнем доверия и величиной транзакционных издержек, как показывает анализ, носит характер замкнутого контура с положительной обратной связью. Снижение качества услуг или неоправданно завышенные ожидания граждан провоцируют эрозию доверия; это, в свою очередь, вынуждает государство ужесточать контроль, что еще больше увеличивает издержки взаимодействия – круг замыкается. Клиентоцентричный подход позволяет разорвать этот порочный круг: он снижает потребность в принуждении за счет того, что у экономических агентов растет добровольный комплаенс (готовность добросовестно соблюдать установленные правила).

Использование технологий Big Data (больших данных) позволяет совершить переход от модели реактивной, то есть запаздывающей, к модели проактивной – основанной на предвосхищении, на упреждающем выявлении потребностей граждан и бизнеса. Благодаря этому государство постепенно трансформируется в адаптивную систему, способную гибко и своевременно реагировать на изменения социальных настроений. Такая адаптивность, как показывает анализ, выступает ключевым условием выживания административных систем в условиях высокой нестабильности и неопределенности – иными словами, в так называемом VUCA-мире.

В основе тех трансформаций, которые мы наблюдаем, лежит фундаментальный онтологический сдвиг – сдвиг в самом понимании того, как именно создается общественная ценность. Переход к сервисно-доминантной логике (Service-Dominant Logic, S-D Logic) означает признание следующего: государство отнюдь не обладает монополией на создание ценности, оно лишь предоставляет определенные ресурсы для того, чтобы ценность производилась совместно – с участием самого гражданина. Такой подход деконструирует привычную патерналистскую модель отношений, заменяя ее партнерской: в этой новой модели эффективность институтов определяется уже тем, насколько качественно удается интегрировать ресурсы гражданина и ресурсы самой власти. Отказ от данной парадигмы в цифровую эпоху, как представляется, равносилен для государства потере собственной институциональной субъектности – то есть способности быть самостоятельным и влиятельным актором в глазах общества.

Если попытаться сформулировать итоговый, наиболее фундаментальный вывод, то он будет звучать так: в условиях цифрового общества конкуренция разворачивается уже не столько за ресурсы, сколько за внимание и лояльность пользователей. Государство, которое игнорирует принципы поведенческой экономики и основы UX-дизайна (проектирования пользовательского опыта), неизбежно проигрывает конкуренцию коммерческим экосистемам – и, как следствие, утрачивает свой авторитет в глазах граждан.

Проведенный в работе анализ позволяет концептуализировать клиентоцентричность (рассматривать ее в качестве концепции) как фундаментальный механизм, направленный на снижение информационной асимметрии и транзакционных издержек в системе отношений «государство – экономический агент». Вместе с тем, следует признать, что переход к данной модели сопряжен с целым рядом вызовов – как институционального, так и когнитивного свойства.

Во-первых, для того чтобы внедрить принципы поведенческого государственного управления, необходимо сменить саму онтологическую парадигму – иными словами, отказаться от технократического детерминизма в пользу подхода, ориентированного на человека (человекоцентричного). Как справедливо замечают исследователи Объединенного исследовательского центра Европейской комиссии, ключевые барьеры, которые мешают цифровизации, лежат отнюдь не в технологической плоскости, а в плоскости институциональной фрагментации и отсутствия так называемой интероперабельности (способности разных систем к совместимому взаимодействию) [17]. В российских условиях эта проблема дополнительно усугубляется тем, что существуют «ведомственные колодцы»: данные и процессы оказываются замкнуты внутри отдельных министерств, и в результате клиентский путь для пользователя становится дискретным (разорванным на отдельные, не связанные между собой этапы) и, что не менее важно, стрессогенным.

Во-вторых, критическим фактором успеха является внутренняя готовность бюрократического аппарата. Институционализация клиентоцентричности сталкивается с барьером асимметрии цифровой и поведенческой грамотности между гражданами и чиновниками.

В-третьих, необходимо учитывать этические риски применения поведенческих инструментов. Грань между «подталкиванием» к общественному благу и манипуляцией крайне тонка. Чрезмерное упрощение процедур может привести к снижению правовой осознанности граждан. Кроме того, в условиях кризиса дефицит доверия к официальным каналам коммуникации провоцирует когнитивные искажения и иррациональное (сверхзащитное) поведение агентов [19]. Поэтому архитектура выбора должна базироваться на принципах «прозрачности по дизайну» и этического кодекса использования ИИ [22].

Наконец, макросоциологический анализ показывает, что институциональное доверие обладает свойством «хрупкости». Модели множественного равновесия демонстрируют, что даже при стабильных макроэкономических показателях общество может внезапно перейти в состояние социального недовольства, если ожидания граждан расходятся с действиями элит [21]. В этом контексте клиентоцентричность выступает как «страховой полис» для государства, позволяющий накапливать капитал доверия в спокойные периоды и расходовать его в моменты кризисов для обеспечения лояльности населения.

Заключение

В ходе исследования была обоснована роль клиентоцентричности как системного инструмента повышения доверия и удовлетворения ожиданий экономических агентов. Обобщая результаты теоретического анализа и эмпирических данных, можно сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Доверие к государственным институтам является не абстрактной этической категорией, а измеримым экономическим активом. Высокий уровень доверия снижает транзакционные издержки контроля и принуждения, стимулирует долгосрочные инвестиции и предприни-

мательскую активность. Разрыв между ожиданиями агентов и качеством госуслуг выступает главным драйвером эрозии этого актива.

2. Эффективная социально-экономическая политика невозможна без учета когнитивных искажений. Государство должно перейти от директивного навязывания услуг к управлению архитектурой выбора, используя инструменты «мягкого подталкивания» для облегчения принятия гражданами рациональных решений.

3. Сервисно-доминантная логика. Современное государство эволюционирует в платформу для совместного создания ценности (co-creation). Технологические решения (Text Mining, AI-аналитика) должны служить не самоцелью, а средством непрерывного психолого-экономического мониторинга социальных установок.

4. Дизайн цифровых интерфейсов взаимодействия с государством (UX) определяет уровень когнитивной нагрузки на граждан. Устранение административных барьеров и «цифрового трения» является необходимым условием для обеспечения равного доступа к общественным благам и повышения легитимности власти.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования предложенных подходов для совершенствования стандартов клиентоцентричности в российском государственном управлении (в том числе в рамках Федерального проекта «Государство для людей»). Дальнейшие направления исследований могут быть связаны с разработкой метрик оценки «когнитивной легкости» государственных сервисов и анализом влияния ИИ-ассистентов на восприятие справедливости государственных решений.

Литература

1. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. Оценка клиентоцентричности государственного контроля со стороны бизнеса // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 3. С. 38–60.

2. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.

3. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

4. Управителев А.А. Эффективные методы поведенческой государственной политики для сдерживания распространения COVID-19 // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 4 (61). С. 203–222. DOI: 10.31737/22212264_2023_4_203-222.

5. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

6. Chen N.-T.N. Factors Associated With Support for COVID-19 Travel Bans: The Role of Health Beliefs and Multilevel Institutional Trust // SAGE Open. 2024. Vol. 14. Is. 2. P. 1–16. DOI: 10.1177/21582440241252548.

7. Crăciun M.A., Dudian M., Lazăr D.A. Nudging digital transformation: behavioral economics approaches to e-government adoption in the European Union with implications for Romania // Administrațieși Management Public. 2025. № 44. P. 60–74. DOI: 10.24818/amp/2025.44-04.

8. da Silva A.A., Cardoso A.J.M. Enhancing Customer Experience Through IIoT-Driven Coopetition: A Service-Dominant Logic Approach in Networks // Logistics. 2025. Vol. 9. № 3. P. 75. DOI: 10.3390/logistics9020075.

9. Daniele G., Martinangeli A.F.M., Passarelli F., Sas W., Windsteiger L. Externalities and the Erosion of Trust // CESifo Working Paper. 2023. № 10474.

10. De Anda F., Baker J.C., Tovar-García E.D. Institutional trust and entrepreneurs' export behavior: An international analysis // TEC Empresarial. 2023. Vol. 17. № 3. P. 33–45. DOI: 10.18845/te.v17i3.6848.

11. Gaule E., Jovarauskiene D., Petrauskiene R., Pravalinskas M., Rauleckas R. Managerial approaches, frameworks, and practices for business model application in public services management in the VUCA environment // Engineering Management in Production and Services. 2023. Vol. 15. Is. 3. P. 84–100. DOI: 10.2478/emj-2023-0022.

12. Goldbach D., Vișan M., Paraschiv V.O., Dumitru I. Digitalization of Public Services and the Services Quality Perception // Journal of Emerging Trends in Marketing and Management. 2023. Vol. 1. № 2. P. 9–17.

13. Gopalaswamy K. Salesforce and AI: Building an Intelligent Customer Experience Architecture // Journal of Artificial Intelligence General Science (JAIGS). 2024. Vol. 6. Is. 1. P. 745–754. DOI: 10.60087.

14. Liu Y., Liu C. Protective and Overprotective Behaviors against COVID-19 Outbreak: Media Impact and Mediating Roles of Institutional Trust and Anxiety // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20. № 2. P. 1368. DOI: 10.3390/ijerph20021368.

15. Niehaves B., Klassen G. GovTech: influencing factors, common requirements and recommendations // JRC Science for Policy Report (European Commission). 2024. EUR40105. DOI: 10.2760/1598146.

16. Ridolfi S. Behavioral Macroeconomics: A Systematic Review for Policy Insights // Journal of Behavioral Economics for Policy. 2024. Vol. 8. Is. 2. P. 35–42.

17. Schwoerer K. The UX of Bureaucracy: Mapping User Engagement to Citizen Experiences of Administrative Burdens // Working Paper (University at Albany). 2024. P. 1–42. Song Y., Natori T., Yu X. Trusting Humans or Bots? Examining Trust Transfer and Algorithm Aversion in China's E-Government Services // Administrative Sciences. 2025. Vol. 15. Is. 8. P. 308. DOI: 10.3390/admsci15080308.

18. Thaha A.R., Purnamasari R., Antoro A.F.S. Taxpayer Satisfaction Transformation: A Text Mining Analysis of Service Delivery at Jakarta's Tax Offices. Journal of Tax Reform. 2024.10(3):441–458. DOI: https://doi.org/10.15826/jtr.2024.10.3.177.

19. TrenevskaBlagoeva K., Pulevskalvanovska L., Josimovski S., MijoskaBelshoska M., Kiselicki M. Behavioral Archetypes of Gen Z in Gamified E-Government Apps // Proceedings of the 6th International Conference Economic and Business Trends Shaping the Future. 2025. P. 114–126. DOI: 10.47063/EBTSF.2025.0007.

20. Velasco A., Funk R. Institutional Vulnerability, Breakdown of Trust: A Model Of Social Unrest In Chile // Estudios de Economía. 2024. Vol. 51. № 2. P. 417–440.

21. Waara Å. Examining Digital Government Maturity Models: Evaluating the Inclusion of Citizens // Administrative Sciences. 2025. Vol. 15. № 3. P. 73. DOI: 10.3390/admsci15030073.

CLIENT-CENTRICITY AS A TOOL FOR INCREASING TRUST AND MEETING THE EXPECTATIONS OF ECONOMIC AGENTS: PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF SOCIO-ECONOMIC POLICY[1]

Markelov A.Yu., Moskalev E.P., Nozdrov A.A.

RANEPA Branch Stolypin Volga Region Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In the context of the global transformation of socio-economic policy and the increasing complexity of public administration architecture, the problem of institutional trust acquires a pronounced macroeconomic character. The transition from the paradigm of new public management to the service state 2.0 requires a deep understanding of client-centricity not only as a technological process, but also as a psychological mechanism for managing expectations. The aim of the study is to theoretically substantiate the concept of client-centricity as a systemic tool for overcoming cognitive biases and increasing the trust of economic agents in power institutions. Methods. The theoretical and methodological basis consisted of the sociological concept of trust, the provisions of behavioral economics (prospect theory, heuristics), as well as the Expectancy-Disconfirmation Model. An interdisciplinary approach integrating macroeconomic analysis of transaction costs and the theory of social attitudes was used. Results. The article substantiates that the gap between the a priori expectations of citizens and the real user experience of interacting with the state provokes the erosion of institutional and interpersonal trust. It is proved that client-centric design (through the mechanisms of choice architecture and nudging) is able to level the influence of cognitive biases, reducing the administrative burden. Conclusion. It is concluded that the introduction of client-centric principles, taking into account the psychological patterns of economic agents, is a critical factor in reducing transaction costs, stopping social tension and ensuring the sustainability of socio-economic systems.

Keywords: Client-centricity, institutional trust, behavioral economics, transaction costs, public administration, cognitive biases, expectations management.

References

1. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. (2022) Assessment of business-oriented customer-centricity of state control [Assessing the client-centricity of state control from the business perspective]. Voprosygosudarstvennogoimunitsipal'nogoupravleniya. № 3. P. 38–60.

2. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (1982) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge: Cambridge University Press.

3. Upravitelev A.A. (2023) Effective behavioral public policy methods to contain the spread of COVID-19. [Journal of the New Economic Association]. № 4(61). P. 203–222. DOI: 10.31737/22212264_2023_4_203-222.

4. Sztompka P. (1999) Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press.

5. Chen N.-T.N. (2024) Factors Associated with Support for COVID-19 Travel Bans: The Role of Health Beliefs and Multilevel Institutional Trust. SAGE Open. Vol. 14. Is. 2. P. 1–16. DOI: 10.1177/21582440241252548.

6. Crăciun M.A., Dudian M., Lazăr D.A. (2025) Nudging digital transformation: behavioral economics approaches to e-government adoption in the European Union with implications for Romania. Administrațieși Management Public. № 44. P. 60–74. DOI: 10.24818/amp/2025.44-04.

7. da Silva A.A., Cardoso A.J.M. (2025) Enhancing Customer Experience Through IIoT-Driven Coopetition: A Service-Dominant Logic Approach in Networks. [Logistics]. Vol. 9. № 3. P. 75. DOI: 10.3390/logistics9020075.

[1] The article was prepared as part of the research work of the state assignment of RANEPA for 2026 on the topic: "Transformation of the model of labor behavior in the context of the formation of a traditional value paradigm" (№ 1.5–2026–1).

8. Daniele G., Martinangeli A.F.M., Passarelli F., Sas W., Windsteiger L. (2023) Externalities and the Erosion of Trust. CESifo Working Paper. № 10474.

9. De Anda F., Baker J.C., Tovar-García E.D. (2023) Institutional trust and entrepreneurs' export behavior: An international analysis. [TEC Empresarial]. Vol. 17. № 3. P. 33–45. DOI: 10.18845/te.v17i3.6848.

10. Gaule E., Jovarauskiene D., Petrauskiene R., Pravalinskas M., Rauleckas R. (2023) Managerial approaches, frameworks, and practices for business model application in public services management in the VUCA environment. [Engineering Management in Production and Services]. Vol. 15. Is. 3. P. 84–100. DOI: 10.2478/emj-2023-0022.

11. Goldbach D., Vișan M., Paraschiv V.O., Dumitru I. (2023) Digitalization of Public Services and the Services Quality Perception. Journal of Emerging Trends in Marketing and Management. Vol. 1. № 2. P. 9–17.

12. Gopalaswamy K. (2024) Salesforce and AI: Building an Intelligent Customer Experience Architecture. Journal of Artificial Intelligence General Science (JAIGS). Vol. 6. Is. 1. P. 745–754. DOI: 10.60087.

13. Liu Y., Liu C. (2023) Protective and Overprotective Behaviors against COVID-19 Outbreak: Media Impact and Mediating Roles of Institutional Trust and Anxiety. International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 20. № 2. P. 1368. DOI: 10.3390/ijerph20021368.

14. Niehaves B., Klassen G. (2024) GovTech: influencing factors, common requirements and recommendations. [JRC Science for Policy Report (European Commission)]. EUR40105. DOI: 10.2760/1598146.

15. Ridolfi S. (2024) Behavioral Macroeconomics: A Systematic Review for Policy Insights. Journal of Behavioral Economics for Policy. Vol. 8. Is. 2. P. 35–42.

16. Rodriguez A.J.B., Acmad S.D., Piaoan J.I., Rivera A.M.S., Cruz C.P.O. (2025) Optimizing Customer Experience: Digitizing Queuing System for LGU Alaminos City. [International Journal of Research and Innovation in Social Science (IJRISS)]. Vol. 9. Is. 4. P. 6205–6209. DOI: 10.47772/IJRISS.2025.90400447.

17. Song Y., Natori T., Yu X. (2025) Trusting Humans or Bots? Examining Trust Transfer and Algorithm Aversion in China's E-Government Services. [Administrative Sciences]. Vol. 15. Is. 8. P. 308. DOI: 10.3390/admsci15080308.

18. Thaha A.R., Purnamasari R., Antoro A.F.S. Taxpayer Satisfaction Transformation: A Text Mining Analysis of Service Delivery at Jakarta's Tax Offices. Journal of Tax Reform. 2024;10(3):441–458. https://doi.org/10.15826/jtr.2024.10.3.177.

19. TrenevskaBlagoeva K., Pulevskalvanovska L., Josimovski S., MijoskaBelshoska M., Kiselicki M. (2025) Behavioral Archetypes of Gen Z in Gamified E-Government Apps. [Proceedings of the 6th International Conference Economic and Business Trends Shaping the Future]. P. 114–126. DOI: 10.47063/EBTSF.2025.0007.

20. Velasco A., Funk R. (2024) Institutional Vulnerability, Breakdown of Trust: A Model Of Social Unrest In Chile. Estudios de Economía. Vol. 51. № 2. P. 417–440.

21. Waara Å. (2025) Examining Digital Government Maturity Models: Evaluating the Inclusion of Citizens. [Administrative Sciences]. Vol. 15. № 3. P. 73. DOI: 10.3390/admsci15030073.

Формирование имиджа бренда как социального института: дискурсивный анализ позиционирования коммерческих организаций перед семейной аудиторией в цифровой среде

Лаптева Анастасия Сергеевна,
магистрант, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: nastena.lapteva02@mail.ru

Мкртумова Ирина Владимировна,
д-р социол. наук, проф., проф. кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»; проф. кафедры полит. анализа и соц-псих. процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
E-mail: imkrtumova@yandex.ru

В статье исследуется формирование имиджа бренда как социального института в цифровой среде на материале позиционирования коммерческих организаций перед семейной аудиторией. Эмпирическая база дополнена итогами социологического опроса (N=900). Рассматривается семья как социально значимая категория, через которую бренд получает возможность укреплять публичную легитимность и закреплять социально одобряемые модели повседневности. На основе дискурсивного анализа выявлены ключевые стратегии семейного позиционирования: позитивная нормализация семейного уклада, акцент на заботе и безопасности, эмоциональное присвоение бренда и платформенная адаптация коммуникации. Показано, что цифровые каналы усиливают символическое влияние бренда и превращают коммерческое сообщение в элемент управляемой повседневной среды.

Ключевые слова: социология, социологические исследования, бренд, имидж бренда, социальный институт, семейная аудитория, цифровая среда.

Введение

Проблема исследования специфики формирования имиджа бренда как социального института и особенностей позиционирования коммерческих организаций перед семейной аудиторией в цифровой среде относится к числу относительно малоизученных областей социологического знания. Это связано со сравнительной новизной теоретического объекта исследования – новых российских брендов, ориентированных на семейную аудиторию в цифровой среде. Такие бренды активно появлялись в конце XX века и развивались в начале XXI века. До недавнего времени изучение данного феномена потребительского поведения ограничивалось главным образом прикладными маркетинговыми исследованиями, результаты которых чаще оставались доступными заказчикам – агентствам и компаниям-производителям. Существовали и отдельные публикации, где новые российские бренды рассматривались на уровне частных примеров. Ряд работ анализировал выделенную группу брендов как специфический феномен современного российского рынка. В этом отношении значимы диссертационные исследования Е.Н. Гридневой и О.Л. Голубовской, однако феномен редко рассматривался как комплексное социальное явление с самостоятельной дефиницией, генезисом и предпосылками становления [1; 2].

Цифровая среда изменила логику публичного присутствия коммерческих организаций. Бренд действует здесь не только как средство рыночного различения, но и как носитель социально значимых смыслов, через которые аудитория считывает модели повседневности, заботы и допустимого выбора. Тему делает актуальной рост семейной репрезентации в цифровых коммуникациях брендов и усиление платформенных механизмов воздействия на массовое восприятие. Цель статьи состоит в выявлении дискурсивных стратегий, с помощью которых коммерческие организации формируют имидж перед семейной аудиторией в цифровой среде. Новизна работы состоит в том, что бренд рассматривается как социальный институт символического влияния, а семейное позиционирование – как механизм его легитимации.

Дискуссия. Бренд как социальный институт в цифровой среде

В социологическом взгляде бренд выходит за пределы рыночного обозначения товара, что показано в работах Е.Н. Гридневой, О.Л. Голубовской и М.А. Гончаренко [1; 2; 3]. Его коммерческая функция связана с различением продуктов и компаний в конкурентной среде. Социальная функция иная: она формирует узнаваемый образ допустимой повседневности, с которым человек соотносит собственный выбор. Через марку считываются стиль жизни, приемлемый уровень комфорта, представление о надежности и ожидаемый сценарий потребления. Так бренд превращается из рекламной оболочки в элемент культурной ориентации.

Такой ракурс опирается на социологию потребления, где покупка рассматривается не как механический отклик на предложение, а как включенное в образ жизни действие. В повседневной практике человек выбирает не только вещь, но и форму самоописания. Один товар связывается с удобством, другой – с заботой, третий – с современностью или спокойствием. Бренд собирает эти ассоциации в устойчивую систему и делает их быстро считываемыми.

Ю.В. Шишакова и Н.А. Башкина связывают эффективность продвижения с использованием цифровых технологий [5], а данные DataReportal[1] показывают масштаб повседневного присутствия аудитории в сети. В цифровой среде эта роль бренда, по данным исследований ВЦИОМ[2] усиливается за счет медиатизации повседневной жизни. Образ марки складывается не из единичного рекламного сообщения, а из множества повторяющихся контактов: сайта, карточки товара, короткого видео, публикации в социальной сети, сообщения в мессенджере, интеграции у блогера. Человек встречает бренд в разных ситуа-

[1] DataReportal. Digital 2025: The Russian Federation. 3 March 2025. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation (дата обращения: 30.04.2026).

[2] Всероссийский центр изучения общественного мнения. Семья в системе российских ценностей: аналитический обзор. 22 ноября 2024 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei (дата обращения: 30.04.2026).

циях и постепенно воспринимает его как знакомый элемент цифрового фона[1]. Образ собирается из разрозненных фрагментов и в итоге дает устойчивое впечатление.

Имидж в такой логике относится уже не к простой узнаваемости, а к результату согласованной коммуникации. Значение имеет не отдельный ролик и не один удачный слоган, а повторяемый способ говорить, показывать и объяснять. Если тон, визуальные решения и смысловые акценты не расходятся между площадками, у аудитории возникает цельный образ марки. Репутационный слой появляется позже, когда это самоописание проходит проверку публичной средой и пользовательским опытом. Как считают И.А. Ильина, М.Е. Кудрявцева, И.К. Струлев и К.А. Уварова, бренд целесообразно рассматривать через дискурсивный анализ, он показывает, как коммерческая организация закрепляется в привычной системе ориентиров [4].

Платформенная среда добавляет сюда еще одно измерение [7]. Она не просто передает сообщение, а регулирует его видимость, частоту появления и форму восприятия, что подтверждается статистикой Росстата[2] и Ассоциации развития интерактивной рекламы[3]. Алгоритмы, ленты рекомендаций, форматы короткого контента и механика постоянного возврата пользователя делают бренд участником повседневного медиапотока. В этих условиях марка присутствует рядом с новостями, бытовыми советами, семейными сюжетами и личной перепиской. С учетом данных Mediascope[4] о медиапотреблении цифровой бренд здесь выступает как институт символического влияния, действующий через повторяемые медийные формы и закрепляющий узнаваемые модели повседневной жизни.

Семейная аудитория как значимая категория цифрового позиционирования

Семейная аудитория в цифровых коммуникациях требует более точного описания, чем это обычно делается в прикладном маркетинге. Под семьей здесь понимается не абстрактное домохозяйство, а повседневное сообщество, внутри которого распределяются забота, расходы, ответственность и право голоса при выборе. Здесь коммерческое сообщение получает дополнительный социальный смысл. Оно соотносится с домашним укладом, ритмом жизни, безопасностью и приемлемым способом организации быта.

При этом семейную аудиторию нельзя полностью отождествлять ни с родительской, ни с детской. Родительский сегмент связан с принятием решений, контролем риска и оценкой полезности. Детский – с вниманием, эмоциональным откликом и визуальной привлекательностью сообщения. Семейная аудитория шире обеих групп, поскольку включает их одновременно и часто добавляет старшее поколение, которое влияет на интерпретацию выбора, бытовые привычки и представление о надежности. В такой ситуации бренд обращается сразу к нескольким ролям внутри одной системы.

Семейный дискурс требует ясных признаков. О семейной рамке уместно говорить, когда в сообщении есть семейные роли, сцены совместности, мотивы домашнего порядка и поддержки, а также обращение к родителям, детям или старшим родственникам. На это же работают лексика заботы, безопасности, привычного уклада, удобства для близких, спокойствия и совместного времени. Визуальный ряд тоже имеет значение: общий стол, дом, сборы, покупки для семьи, подготовка к празднику, забота о ребенке или внимание к пожилым членам семьи делают семейный сценарий считываемым почти мгновенно.

Структура этой аудитории остается неоднородной. Один человек начинает поиск, другой оплачивает, третий фактически пользуется продуктом, четвертый оценивает его приемлемость для семьи в целом. В цифровой среде такая сложность усиливается. Члены одной семьи встречают бренд на разных площадках, в разное время и в разном тоне: кто-то – в Telegram, кто-то – на маркетплейсе, кто-то – через короткое видео или рекламную интеграцию. Итоговое впечатление складывается постепенно – через разные каналы и разные роли внутри семьи.

Сезонность усиливает эту модель. Семейная тема особенно заметна в циклических кампаниях, где бренд встраивается в уже ожидаемые жизненные эпизоды: школьный сезон, новогодний период, летний досуг, семейные акции, праздничные покупки. В эти моменты реклама получает готовый сюжетный каркас, а аудитория – понятный контекст восприятия. Бренд использует здесь и товарный повод, и календарную структуру семейной повседневности. За счет этого сообщение быстрее входит в бытовой ритм и выглядит естественнее.

Для коммерческих организаций такая аудитория удобна еще и потому, что семейный сценарий делает публичный образ компании более приемлемым. Если сообщение связано с домашним порядком, заботой о близких, безопасностью и повседневным удобством, оно воспринимается мягче, чем прямая продажа без социального контекста [6]. Логика проста: бренд говорит уже не только о товаре, но и о его месте в жизни семьи. Поэтому семейная рамка стала устойчивым ресурсом цифрового позиционирования и требует отдельного аналитического рассмотрения.

Результаты исследования

Методологические основания дискурсивного анализа

В аналитическую выборку, сформированную автором статьи, вошли публикации четырех массовых брендов, которые регулярно используют семейную тему в цифровой коммуникации. Общий массив составил 36 единиц контента за 2022–2026 гг. В выборку вошли публикации с официальных сайтов, из социальных сетей, Telegram-каналов, рекламных видеороликов и карточек на маркетплейсах. Такой массив дает возможность увидеть устойчивые смысловые линии без перегрузки частными примерами.

Отбор строился по нескольким признакам. При отборе учитывались регулярность семейной темы, открытый характер публикаций, принадлежность бренда к массовому сегменту и наличие материалов на разных площадках. Отдельным условием стала содержательная релевантность семьи как адресата сообщения. В материалы не включались случайные посты, где семейный мотив появлялся эпизодически и не поддерживался другими публикациями бренда.

Такой материал требует дискурсивного анализа. Здесь значим не отдельный рекламный факт, а способ организации сообщения: кто действует в сюжете, как распределяются роли, какие слова сопровождают бытовую сцену, какой тон задает коммуникация. Этот уровень позволяет увидеть, как коммерческая организация описывает семью, какую позицию отводит себе и какие модели повседневной жизни закрепляет в цифровой среде. Простой подсчет тем и сюжетов здесь был бы недостаточен.

Кодирование велось по нескольким признакам. В анализ включались образ семьи, роль марки в семейной ситуации, лексика заботы и поддержки, тон сообщения, тип цифровой площадки и та модель потребления, которая подавалась как социально приемлемая. Дополнительно учитывались сцены совместности, межпоколенческие роли, визуальные маркеры домашнего пространства и характер обращения к родителям, детям или старшему поколению. Это позволило сопоставить не отдельные тексты, а устойчивые способы построения семейного дискурса. Логика исследовательской процедуры отражена на рисунке 1.

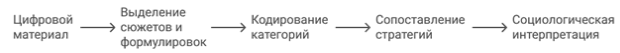


Рис. 1. Модель дискурсивного анализа семейного позиционирования бренда

Источник: составлено авторами по результатам дискурсивного анализа открытых цифровых материалов за 2022–2026 гг.

Схема отражает ход работы с массивом материалов от отбора публикаций до интерпретации результатов. Ее задача вполне практична: удержать связь между содержанием сообщения, платформой размещения и той социальной моделью семьи, которую бренд делает узнаваемой для аудитории.

Границы исследования. Анализ охватывает только открытые цифровые материалы и не претендует на описание всего рынка коммерческих коммуникаций. Фокус сделан на массовых брендах с выраженной семейной рамкой, поэтому результаты точнее всего работают в отношении именно этого сегмента. В таком формате лучше видны устойчивые стратегии, а не случайные эпизоды.

Дискурсивные стратегии позиционирования коммерческих организаций перед семейной аудиторией

Семейный сюжет в цифровой рекламе уже перестал быть редким тематическим ходом [6]. По данным исследования креативного агентства

[1] Там же

[2] Росстат. Использование населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей в 2024 году. 30 сентября 2025 г. URL: https://24.rosstat.gov.ru/news/document/268379 (дата обращения: 30.04.2026).

[3] Ассоциация развития интерактивной рекламы. АРИР: объем российского рынка рекламы и продвижения в интернете в 2024 году вырос на 53% – до 1,236 трлн рублей. 17 апреля 2025 г. URL: https://interactivead.ru/news/arir-obem-rossijskogo-rynka-reklamy-i-prodvizheniya-v-internete-v-2024-godu-vyros-na-53-do-1236-trln-rublej (дата обращения: 30.04.2026).

[4] Медиапотребление 2024. Август 2024. Mediascope. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ual5i70kf7n9df7qzkq0gf238bidh3xv/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%202024_%D0%9D%D0%90%D0%A2_27.08.2024.pdf (дата обращения: 30.04.2026).

ОМА, опубликованного в материалах AdIndex, доля роликов с изображением семьи выросла с 29% в 2023 г. до 33% в 2024 г., а нуклеарная модель заняла 79% всех креативов, где семья была показана явно [6,7]. Сама по себе эта динамика еще ничего не объясняет. Она показывает, что семейный образ закрепился как один из самых устойчивых сценариев публичного самоописания бренда. Через него коммерческая организация быстрее входит в пространство социальной приемлемости и эмоционально понятной повседневности.

Внутри такого сценария повторяются одни и те же бытовые сцены: совместный завтрак, сборы в школу, покупки для дома, подготовка к празднику, спокойный вечер, забота о ребенке, внимание к старшим. Эти эпизоды работают сильнее прямого описания товара, потому что они сразу задают знакомый режим чтения сообщения. Аудитория видит не абстрактное обещание пользы, а ситуацию, в которой продукт уже встроен в понятный семейный уклад. Реклама здесь говорит уже не только о покупке, но и о желательном способе организации жизни.

Заметно и гендерно-ролевое распределение внутри семейного образа. В большинстве массовых сюжетов забота о детях, контроль бытовых деталей и эмоциональная координация семьи чаще связываются с женской фигурой. Мужская роль нередко смещается в сторону защитной, статусной или экспертной позиции: принятие решения, техническая уверенность, финансовая устойчивость. Схема не универсальна, но повторяется достаточно часто и потому влияет на чтение рекламного сообщения. В результате бренд закрепляет не просто семейную сцену, а определенный порядок ролей внутри нее.

Визуальный и речевой коды распределяют функции по-разному. Текст чаще оформляет рациональную часть сообщения: обещание удобства, безопасности, контроля, выгоды, понятного решения. Картинка работает иначе. Домашний интерьер, одежда без избыточной формальности, малая дистанция между героями, мягкий свет, жесты поддержки и спокойная мимика быстро собирают семейный сценарий в целостный образ. Поэтому бренд может сказать немного, но визуально сообщить гораздо больше: кто здесь свой, кто заботится, кто принимает решение и что в этой семье считается нормальным.

Различие по товарным категориям проявляется довольно отчетливо. В продуктовой коммуникации семейный дискурс связывается с режимом, здоровьем и ежедневной заботой. В банковском сегменте на первый план выходят контроль расходов, безопасность операций и управляемость детского потребления. Техника обещает освободить время и снять бытовую нагрузку. Маркетплейс подает себя как пространство рационального выбора, где семья может быстро сравнить варианты и получить удобный сервис. Образовательные продукты чаще обращаются к развитию ребенка и спокойствию родителей, которым нужен понятный и проверяемый инструмент.

Это различие хорошо видно на конкретных кейсах. В проекте «Сбера», «СберМаркетинга» и Perfluence детская СберКарта подавалась как удобный, безопасный и понятный инструмент для родителей, которые хотят контролировать расходы ребенка и одновременно приучать его к финансовой дисциплине [8]. Семейная повестка здесь встроена не декоративно, а функционально: продукт получает смысл через родительскую задачу. В кейсе ГПМ Рекламы и 2ГИС Е. Новоселова и А. Крупенин описывают выделение семейного сегмента внутри интерактивной ТВ-кампании как отдельной группы адресатов [9].

Платформенная среда меняет форму семейного позиционирования. На сайте сообщение обычно рациональнее и строже: здесь важны свойства, условия, сервис, состав, выгода. В социальных сетях семейная рамка делается теплее, ближе к повседневному эпизоду, легче уходит в сторителлинг и короткую эмоциональную сцену. Telegram усиливает доверительный регистр, где бренд может говорить короче, спокойнее и как будто ближе к обычному совету [10]. Видео, напротив, опирается на монтаж, интонацию и узнаваемую бытовую драматургию. Платформа меняет тон и темп сообщения, но ценностное ядро сохраняется. Сопоставление этих наблюдений представлено в таблице 1.

Содержательно важна и граница между заботой и ее симуляцией. Пока у бренда есть реальная полезность, семейная риторика воспринимается как естественная оболочка продукта. Но когда сообщение перегружается теплой интонацией, а предметной пользы почти нет, семейный образ начинает работать против самой компании. Аудитория довольно быстро различает, где забота подтверждается сервисом, безопасностью и удобством, а где она остается декоративной маской. По этой причине семейный дискурс эффективен только в том случае, когда эмоциональная рамка подтверждается содержанием предложения.

Эта проблема особенно заметна там, где бренд слишком настойчиво стремится выглядеть «своим». Повторяемые сцены домашнего комфорта, мягкая лексика, дети в кадре и семейная тональность сами по себе уже не гарантируют доверия. Если за ними не стоит ясная функция, сообщение начинает восприниматься как шаблонное. В этом смысле семейное позиционирование сегодня работает строже, чем несколько лет назад: аудитория охотнее принимает бытовую близость, когда она подкреплена реальным удобством, контролем, понятным сервисом или экономией времени.

Таблица 1. Дискурсивные стратегии семейного позиционирования бренда в цифровой среде

Стратегия	Типичные языковые и визуальные маркеры	Роль бренда	Транслируемый семейный смысл	Вероятный социальный эффект
Позитивная нормализация семьи	Дом, совместный быт, спокойный ритм, детские и праздничные сцены	Участник привычной жизни	Семья как естественная норма повседневности	Рост доверия к сообщению и моральной приемлемости бренда
Стратегия заботы	Лексика помощи, ухода, поддержки, удобства, сопровождения	Помощник	Забота как мотив выбора	Связь покупки с ответственностью за близких
Стратегия безопасности	Качество, защита, контроль, надежность, проверенность	Защитник	Спокойствие семьи зависит от правильного решения	Снижение тревожности и усиление репутационного доверия
Эмоциональное присвоение	Теплая интонация, ритуалы, домашние детали, повторяемые события	Участник семейного ритуала	Бренд встроен в близкие и памятные моменты	Формирование чувства «своего» бренда
Рационализация семейного выбора	Выгода, удобство, экономия времени, понятные условия	Организатор	Разумное потребление как форма заботы о семье	Укрепление лояльности через практическую пользу
Платформенная адаптация	Разный тон и формат на сайте, в соцсетях, Telegram, видео и маркетплейсе	Гибкий коммуникатор	Один семейный смысл подается в разных медиальных формах	Согласованность образа на нескольких площадках

Источник: составлено авторами по итогам анализа 36 единиц контента за 2022–2026 гг.

Социологическая интерпретация результатов

Результаты анализа позволяют рассматривать семейное позиционирование брендов как часть более широкой системы символического регулирования цифровой среды. Коммерческая коммуникация здесь действует шире отдельного рекламного сообщения. Она закрепляет узнаваемые модели приемлемого выбора, формирует привычные сценарии оценки и задает устойчивые ожидания относительно того, как должна выглядеть забота, безопасность и организованный семейный быт. В этом проявляется социальный эффект бренда, выходящий за пределы рыночной функции.

Платформенная инфраструктура усиливает этот процесс. Видимость семейного контента зависит и от алгоритмов, которые усиливают распространение быстро считываемых, эмоционально безопасных и массово приемлемых сценариев [11]. Семейный образ в таких условиях получает дополнительное преимущество: он легко распознается, не вызывает сильного ценностного конфликта и хорошо удерживает внимание.

Коммерческие акторы участвуют в управлении восприятием не только через тексты и визуальные сообщения, но и через платформенные механизмы их распределения. Речь идет о работе с видимостью, форматом подачи и эмоциональной настройкой контента. Через эти инструменты бренды влияют на массовые ожидания, укрепляют определенные критерии приемлемого выбора и участвуют в закреплении социально одобряемых интерпретаций семейной жизни. По сути, цифровая среда превращает коммерческую коммуникацию в элемент управляемой символической инфраструктуры.

Анализ бренда в цифровой социологии управления целесообразно вести не как частный случай маркетинговой активности, а как часть системы воздействия на внимание, доверие и повседневные ориентиры массовой аудитории. Семейный дискурс удобен для такой постановки вопроса, поскольку в нем особенно хорошо видна связь между коммерческим интересом, платформенной логикой распространения и общественно значимыми моделями восприятия. Границы исследования

тоже очевидны. Работа опирается на открытые цифровые материалы и фокусируется на массовых брендах, где семейная тема выражена достаточно отчетливо. Данные материалы позволяют увидеть устойчивые стратегии, но не охватывают весь рынок и не включают реакцию аудитории на сообщения. Дальнейшее развитие темы может идти в нескольких направлениях: сравнение отраслей, разграничение семейного и родительского дискурса, анализ пользовательского отклика на разные типы семейного позиционирования. В этой плоскости тема получает следующий шаг и для теории, и для прикладных исследований цифровой среды.

Заключение

Цифровое позиционирование коммерческих организаций перед семейной аудиторией вышло за пределы обычной рекламной функции. В этой среде бренд закрепляет социально одобряемые модели повседневности, связывает потребительский выбор с заботой, безопасностью и устойчивостью бытового уклада и за счет этого получает дополнительную символическую легитимность. Семейный дискурс оказался эффективным инструментом такого укрепления, поскольку опирается на ценности, сохраняющие высокий общественный статус. Анализ показал, что платформенная среда усиливает этот эффект: одна и та же смысловая линия воспроизводится в разных форматах и постепенно превращается в устойчивый публичный образ марки. Для цифровой социологии управления этот результат важен, потому что подтверждает участие коммерческих коммуникаций в регулировании массового восприятия и в формировании нормативных представлений о повседневной жизни.

Литература

1. Гриднева Е.Н. Типология поведения потребителей новых российских брендов: методология социологического анализа: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.01. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. 27 с. URL: https://www.dissercat.com/content/tipologiya-povedeniya-potrebitelei-novykh-rossiiskikh-brendov-metodologiya-sotsiologicheskog (дата обращения: 10.04.2026).

2. Голубовская О.Л. Влияние региональных брендов на потребительское поведение населения: социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.03. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2013. 22, [1] с. URL: https://www.prlib.ru/item/1784802 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Гончаренко М.А. Многоаспектность бренда: сущность, содержание, классификация // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 7. С. 2287–2304.

4. Ильина И. А., Кудрявцева М.Е., Струлев И.К., Уварова К.А. Языковой портрет бренда в цифровой медиаэкосистеме: анализ дискурсивных стратегий // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2025. № 4 (58). С. 6–24.

5. Шишакова Ю. В., Башкина Н.А. Современные факторы эффективности применения цифровых технологий в продвижении брендов // E-Management. 2022. Т. 5. № 4. С. 106–112.

6. Образ семьи в рекламе в 2023–2024 годах // AdIndex. 3 февраля 2025 г. URL: https://adindex.ru/publication/analitics/search/2025/02/3/330498.phtml (дата обращения: 30.03.2026).

7. Исследование «Семья». PDF-версия аналитических материалов. 2025. URL: https://adindex.ru/publication/analitics/search/330498/img/semya.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

8. Кейс «Сбера», «СберМаркетинга» и Perfluence: как увеличить рост заявок на детские СберКарты благодаря гибкой системе мотивации и точному подбору блогеров // AdIndex. 20 марта 2026 г. URL: https://adindex.ru/case/2026/02/6/342263.phtml (дата обращения: 30.03.2026).

9. Кейс ГПМ Реклама и 2ГИС: как повысить знание о новой функции приложения с помощью интерактивного ТВ // AdIndex. 21 августа 2024 г. URL: https://adindex.ru/case/2024/08/20/325085.phtml (дата обращения: 30.03.2026).

10. Аудитория Telegram: отчет по данным Mediascope. Январь 2024. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/0c1/bkercpc19h48r7e0ifzioccun2qq2zhk/Telegram_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C2024.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

11. Мкртумова И. В., Чижов Д.А., Янчук П.П., Ашкар М. Трансформации социальных коммуникаций в условиях цифровой платформизации и создания метавселенных помощи человеку // Цифровая социология. 2025. Т. 8. № 1. С. 42–50. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-1-42-50.

SHAPING BRAND IMAGE AS A SOCIAL INSTITUTION: A DISCURSIVE ANALYSIS OF THE POSITIONING OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS FOR FAMILY AUDIENCES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Lapteva A.S., Mkrtumova I.V.
State University of Management, Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the formation of brand image as a social institution in the digital environment through the positioning of commercial organizations for family audiences. The empirical base has been supplemented with the results of a sociological survey (N=900). The family is considered as a socially significant category through which a brand strengthens its public legitimacy and reinforces socially approved models of everyday life. Based on discourse analysis, the study identifies key strategies of family-oriented positioning, including positive normalization of family life, emphasis on care and safety, emotional appropriation of the brand, and platform-specific adaptation of communication. The paper shows that digital channels intensify the symbolic influence of brands and turn commercial messaging into an element of a managed everyday environment.

Keywords: sociology, sociological research, brand, brand image, social institution, family audience, digital environment.

References

1. Gridneva E.N. Typology of consumer behavior of new Russian brands: methodology of sociological analysis: author's abstract. dis. … cand. sociol. sciences: 22.00.01. Moscow: Moscow State University im. M.V. Lomonosov, 2008. 27 p. URL: https://www.dissercat.com/content/tipologiya-povedeniya-potrebitelei-novykh-rossiiskikh-brendov-metodologiya-sotsiologicheskog (date of access: 10.04.2026).

2. Golubovskaya O.L. The influence of regional brands on consumer behavior of the population: sociological analysis: author's abstract. dis. … cand. sociol. sciences: 22.00.03. Penza: Penza state University, 2013. 22, [1] p. URL: https://www.prlib.ru/item/1784802 (accessed: 10.04.2026).

3. Goncharenko M.A. Multidimensionality of a Brand: Essence, Content, Classification // Economy, Entrepreneurship and Law. 2023. Vol. 13. No. 7. Pp. 2287–2304.

4. Ilyina I.A., Kudryavtseva M.E., Strulev I.K., Uvarova K.A. Linguistic Portrait of a Brand in the Digital Media Ecosystem: Analysis of Discursive Strategies // Sign: Problematic Field of Media Education. 2025. No. 4 (58). Pp. 6–24.

5. Shishakova Yu. V., Bashkina N.A. Modern Factors of the Efficiency of Using Digital Technologies in Brand Promotion // E-Management. 2022. Vol. 5. No. 4. Pp. 106–112.

6. The Image of the Family in Advertising in 2023–2024 // AdIndex. February 3, 2025. URL: https://adindex.ru/publication/analitics/search/2025/02/3/330498.phtml (accessed March 30, 2026).

7. Research "Family." PDF version of analytical materials. 2025. URL: https://adindex.ru/publication/analitics/search/330498/img/semya.pdf (accessed March 30, 2026).

8. The Sber, SberMarketing, and Perfluence Case Study: How to Increase Applications for Children's SberCards Thanks to a Flexible Incentive System and Accurate Blogger Selection // AdIndex. March 20, 2026. URL: https://adindex.ru/case/2026/02/6/342263.phtml (Accessed March 30, 2026).

9. The GPM Advertising and 2GIS Case Study: How to Increase Awareness of a New App Feature Using Interactive TV // AdIndex. August 21, 2024. URL: https://adindex.ru/case/2024/08/20/325085.phtml (Accessed March 30, 2026).

10. Telegram Audience: Report Based on Mediascope Data. January 2024. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/0c1/bkercpc19h48r7e0ifzioccun2qq2zhk/Telegram_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C2024.pdf (accessed: 30.03.2026).

11. Mkrtumova I.V., Chizhov D.A., Yanchuk P.P., Ashkar M. Transformations of Social Communications in the Context of Digital Platformization and the Creation of Metauniverses of Human Assistance // Digital Sociology. 2025. Vol. 8. No. 1. Pp. 42–50. DOI: 10.26425/2658-347X-2025-8-1-42-50.

Цивилизационные вызовы сохранения исторической памяти в России: теоретико-методологический анализ

Орлова Елена Александровна,
к.п.н., доцент кафедры коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью ИЖКМ МПГУ, доцент кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры № 45 Академии гражданской защиты МЧС России им. генерал-лейтенанта Д.И. Михайлина, вице-президент НКО Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА»
E-mail: pr-orlova@list.ru

Статья посвящена анализу актуальной социологической проблемы трансформации и сохранения исторической памяти в условиях доминирования цифровых коммуникаций, в частности, социальных сетей. В центре внимания – противоречивый потенциал социальных медиа как инструмента популяризации исторического знания и одновременно среды, порождающей риски фрагментации, мифологизации и инструментализации прошлого. Ход исследования включает теоретический анализ ключевых концептов коллективной и исторической памяти в цифровую эпоху, а также выявление специфических механизмов функционирования памяти в сети Интернет и социальных сетях, таких как алгоритмическая селекция контента, виральная логика распространения информации, формирование цифровых сообществ памяти. В заключении сформулирован вывод о том, что социальные сети, с одной стороны, демократизируют доступ к историческому дискурсу и активизируют мемориальные практики, а с другой – способствуют эрозии консенсусных основ исторической памяти, заменяя их множественностью конкурирующих, часто поляризованных версий прошлого. Для сохранения памяти как интегрирующего социального ресурса необходимы целенаправленные усилия по медиаграмотности, поддержке экспертного знания и развитию цифровых проектов, основанных на верифицированных исторических источниках.

Ключевые слова: историческая память; социальные сети; цифровизация; алгоритмизация; медиатизация прошлого; достоверность информации; сохранение данных.

Введение

В условиях трансформации общества и сложных геополитических конфликтов, когда страны используют всевозможные способы влияния на умы граждан, проблема сохранения исторической памяти встает особенно остро. Россия не является исключением. Историческая память, являющаяся фундаментом национальной идентичности и государственности, так же под воздействием указанных факторов претерпевает изменения в последние десятилетия. Если традиционно носителями и трансляторами исторической памяти являлись школа, вузы, музеи и архивы, книги, СМИ и т.д., то в условиях цифровизации функции формирования коллективного прошлого частично делегируются сетевым сообществам, индивидам, ботам и алгоритмам.

В XXI веке ключевым фактором, определяющим динамику мемориальных процессов, становятся цифровые технологии и платформы социальных медиа, ставшие основными площадками публичной коммуникации, где формируются, оспариваются и потребляются нарративы о прошлом и настоящем. Этот сдвиг порождает ряд проблем, в том числе социологических, социально-психологических, связанных с сохранением, аутентичностью и функциональностью исторической памяти.

Цифровизация создает двойственную ситуацию. С одной стороны, формируется относительно свободный доступ к информации, появляются беспрецедентные возможности доступа к историческому наследию, создание интерактивных площадок и сред. С другой стороны, цифровая среда позволяет свободно и часто неконтролируемо распространять искаженные исторические факты, манипуляции, формировать фрагментарные, искаженные представления о ключевых событиях российской истории.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как особенности цифрового информационного пространства, в том числе, социальных сетей, влияют на структуру и содержание коллективных представлений об исторических фактах и событиях.

Цель исследования – выявить и проанализировать ключевые проблемы сохранения исторической памяти в условиях стремительной цифровизации общества, в частности социальных сетей.

Материалы и методы исследования

Чтобы выявить потенциал и риски сохранения исторической памяти в цифровой среде, было проведено исследование, включающее анализ мнений студентов 1–4 курсов гуманитарных направлений московских вузов (МПГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ, АГЗ МЧС) и их родителей. В ходе исследования был проведен анализ сообществ и сайтов на исторические темы в социальных сетях[1].

Результаты исследования и их обсуждение

Классические теории памяти, сформированные в XX веке, базировались на представлении о стабильных социальных институтах и физических носителях информации. Однако цифровая среда вносит серьезные изменения в механизмы, описанные М. Хальбваксом [11] и П.Норой [8].

Хальбвакс М. утверждал, что память существует только в рамках социальных групп, которые обеспечивают «социальную реконструкцию» прошлого. Групповая память опирается на взаимодействие внутри устойчивого сообщества и «регулярные ритуалы». Данный механизм в условиях цифровизации претерпевает изменения.

1. Децентрализация групп. Традиционные группы (семья, нация) частично теряют устойчивость, частично или дополняются или замещаются «сетевыми сообществами», расширяются за счет информационного пространства. Они теряют территориальную привязку. Процесс реконструкции прошлого «рассыпается» или фрагментируется.

2. Кризис ретроспективной реконструкции. В цифровой среде происходит «расслоение» исторической коллективной памяти. «Умная» лента создает «эхо-камеры», где различные группы реконструируют одни и те же исторические события в разных, иногда диаме-

[1] В опросе приняли участие 305 респондентов. Исследование проводилось в период со 2 февраля по 14 апреля 2026 года в Москве и Московской области. Опрос проводился по формализованной анкете в смешанном формате (онлайн и офлайн).

трально противоположных, интерпретациях, разрушая единую картину мира.

3. Объединение ритуала и цифровой практики. Традиционные ритуалы (памятные даты, празднования, церемонии) дополняются либо замещаются цифровыми практиками (онлайн-мемориалы, клики, репосты, онлайн поздравления и т.д.). Данные явления динамичны, но менее устойчивы к временной деградации. Происходит с одной стороны расширение взаимодействия между людьми, с другой вытеснение живого общения из жизни человека, а, следовательно, выпадение его из традиционной социальной общности [11].

Пьер Нора разработал концепцию «мест памяти» (*lieux de mémoire)* как ответ на процесс «историзации» – когда живая память исчезает, а ее место занимают созданные человеком объекты (памятники, музеи, архивы). Назначение этих объектов – сдерживать забвение [8]. Под влиянием цифровых технологий «место памяти» становится не физическим, а цифровым – архив, цифровой мемориал и т.п. При этом сохраняются риски, которым подвергается «место памяти», только теперь они иные. Если физический памятник, объект культурного и исторического наследия, подвергается воздействию внешней среды, то у цифрового риски соответствующие среде функционирования – воздействие человека на содержание, утеря данных по разным причинам, устаревание носителей и т.п. В доцифровом формате П.Нора определял различия между «живой памятью» и историческим знанием. В цифровой среде, где пользователь может переключаться между разными форматами информации мгновенно, различия стираются. Происходит демократизация истории и ее тривиализация. Если проще, исторический факт может находиться на одной странице или в одной поисковой выдаче с фейком, мемом, что снижает сакральность «места памяти». Цифровое «место памяти» – гипертекст, который может быть связан с сотнями других документов, может включать в себя разные форматы контента, что создает возможность дробления информации, отвлечения внимания на детали, то есть эффект размывания и затруднения формирования цельного исторического образа.

В данной статье мы будем понимать под исторической памятью «процесс формирования коллективного нарратива, который в современных условиях подвергается трансформации под воздействием алгоритмических механизмов цифровой среды» [12, с. 36] Особенно ярко этот процесс иллюстрируют социальные сети. Здесь отсутствие цензуры делает возможным искажение исторических фактов, распространение фейков и дезинформации, что влечет за собой деформацию исторической памяти, т.к. в социальных сетях наблюдается у пользователей снижение критического восприятия информации. Этот процесс становится проблемой, ведь в пространстве социальных сетей формируются коллективные представления, особенного у поколений, чья социализация проходит в медиапространстве. Результаты опроса, опубликованные в статье Орловой Е.А., показали, что «не более 30% молодых людей считают необходимым помнить о Великой Отечественной войне, а 20% думают, что сейчас слишком много разных проблем и событий, чтобы сохранять память о том, что стало историей. И 10% опрошенных считают, что самопожертвование и героизм – понятия, вышедшие «из моды», и они противоестественны для современной молодежи» [10, с. 281].

Происходит радикальная смена парадигмы, которую можно охарактеризовать как переход от вертикальной трансляции исторической памяти (институты «высокой культуры» и государственного образования) к горизонтальной сетевой «диссеминации». Цифровизация разрушила монополию традиционных институтов на формирование исторического нарратива, что повлекло децентрализацию источников информации. Появление платформ пользовательского контента и искусственного генеративного интеллекта создало условия, при которых «народная» интерпретация истории может конкурировать с академическими исследованиями. С одной стороны, пользователи могут сами верифицировать различные факты, благодаря доступности электронных архивов, библиотек, живых свидетельств очевидцев, если речь идет о недавних событиях, что способствует росту информационной и исторической грамотности. С другой стороны, происходит стирание границ между научным фактом и субъективной интерпретацией. В сетевой среде «авторитетность» источника часто подменяется его виральностью (количество просмотров, репостов, лайков), что вызывает развитие псевдоисторических теорий. В качестве яркого примера можно привести путаницу, возникающую в текстах и Витусе Беринге. Если биографию приводят правильную, то в качестве портрета можно встретить изображение его брата Свенда Беринга. Даже по портрету Свенда можно определить, что он не подвергал себя голоду или длительному нахождению в экстремальных условиях, однако, это не останавливает некоторых авторов публикаций.

Современные каналы трансляции исторического знания используют визуализацию, дополненную реальность (AR), интерактивные форматы. Так произошел переход от текстоцентричной модели к мультимодальной. Исторический процесс теперь транслируется чрез короткие видеофрагменты, инфографику, 3D-реконструкции. С одной стороны, информация становится более доступной и понятной для молодежи, с другой, усугубляется ситуация падения критического восприятия информации и прогрессирование клипового мышления, происходит редукция сложности транслируемого материала. Сложные причинно-следственные связи в угоду скорости распространения, визуальной привлекательности упрощаются до уровня лозунга либо эмоционального образа, что приводит к деградации глубокого исторического анализа.

«Умная лента» в любой социальной сети настраивается под интересы конкретного пользователя, что не дает информации циркулировать свободно, а формирует «информационный пузырь», то есть пользователь получает только ту информацию, которая ему интересна. Историческая информация может вообще не доходить до целевой аудитории, либо попадать к ней частично. Группы пользователей могут находиться в разных «исторических реальностях», не имея точек соприкосновения в понимании ключевых событий прошлого. Следовательно, канал трансляции из инструмента просвещения превращается в инструмент сегментации общества по признаку исторической лояльности.

Трансформация каналов трансляции исторического знания характеризуется переходом от монолитного, контролируемого государством и наукой нарратива, к множественным, фрагментированным и неконтролируемым потокам информации. Проблема заключается в утрате единого стандарта верификации информации, что делает историческую память уязвимой перед манипулятивными технологиями цифровой среды. «Каждый должен здесь установить сам, что истинно и достоверно или сфальсифицировано и выдумано, что оказывается личным домыслом, а что является результатом научного исследования, где он имеет дело с серьезной информацией, а где – с кощунством» [4, с. 267]. Л. Ассман поднимает вопрос, является ли Интернет «медиатором памяти» при том, что он является «глобальным средством интерактивности и коммуникации» [4, с. 281].

Артамонов Д., Воловикова С. и Тихонова В. зафиксировали появление новой формы исторической памяти «медиа-память» и выделили ее отличительные особенности: «массовое непрофессиональное производство исторического содержания, демократического характера, скорости, субъективности и эмоциональной интенсивности» [3].

Аникин Д.А. и Бубнов А.Ю. обращают внимание на диалогическую характеристику интернет-пространства: «Положительной стороной этого свойства новой коммуникативной реальности становится полное «крушение кумиров», когда высокий невиртуальный социальный статус не становится препятствием для критики. Негативной стороной усиления диалогичности в виртуальном пространстве является отсутствие моральных презумпций по поводу способов и инструментов общения, которые рождаются благодаря анонимности» [2, с. 20].

В социальном медиапространстве информация не только хранится, но и производится ее участниками, отсюда возникает феномен так называемой со-участной памяти, где каждый пользователь может стать (и становится) создателем исторического контента, таким образом, оказываются доступными широкой общественности частные, не систематизированные, архивы, персональная информация, описание событий через призму восприятия пользователя, документы (фото, видео), фиксирующие различные события, жизненные сюжеты. Сообщества и группы типа «Мы помним этих людей», «Исторические факты», «Великая отечественная», «История в фотографиях» или иные тематические страницы, посвященные конкретным людям и событиям, выполняют функции просвещения и коммуникативную, позволяющие поддерживать эмоциональный контакт через пользовательскую активность.

Переход от текстоцентричной к визуально-образной памяти в социальных сетях ведет к изменениям в структуре исторического знания:
– фрагментация. История перестает быть линейным повествованием, превращается в набор ярких эпизодов, не связанных между собой (образы, цитаты и т.д.). На первый план выходит эмоциональное впечатление;
– эмоционализация. Критерием «важности» и «нужности» знания исторических событий и фактов становится способность вызвать сильную эмоцию. Благодаря алгоритмам такой контент всегда будет на первом месте;
– субъективация и полифония. В социальной сети присутствует огромное количество пользователей. Не все являются активными авторами, тем не менее, ограничений ни у кого на производство кон-

тента нет, каждый может предложить свою версию прошлого и настоящего. Это формирует конкурентную среду исторической памяти, где официальная версия стоит на одной чаше весов с альтернативной.

Сложившаяся ситуация формирует ряд серьезных рисков.

1. Исторический сюжет, образ, вырванный из контекста и воспринятый без критической оценки, снабженный упрощенной трактовкой, легко становится инструментом манипуляции и так происходит девальвация сложности.

2. Социальные сети постоянно изменяются в пользу коммерческой выгоды. Контент подвергается модерации (удаляется, редактируется, аккаунты закрываются), изменяются алгоритмы. Технические сбои могут уничтожить контент, что случалось не единожды, например, во Вконтакте. Отсюда возникает риск сохранности и цифровой эфемерности контента.

3. Алгоритмы усиливают уже существующие установки, формируют новые на «пустом месте», в социальных сетях концентрируются сообщества, «питаемые» собственной, непересекающейся с реальностью, историей. Следовательно, еще один риск – формирование «пузыря памяти» и алгоритмической селекции информации.

По результатам большинства социологических опросов последних лет видно, что люди приходят в социальные сети развлекаться и отдыхать. Чтобы группа, страница или сообщество набирало подписчиков, и они были достаточно активны, должна быть высокая виральность контента. Модераторы делают ставку на сенсационность, а не на достоверность. Риск – рост «исторического поп-корна».

Анализ обсуждений ключевых исторических дат (например, Дня Победы) в российских социальных сетях показывает, как единое символическое событие дробится на множество конкурирующих нарративов: от героико-патриотического до критически-ревизионистского, причем алгоритмы часто усиливают видимость наиболее полярных и конфликтных точек зрения. «Успеха достигают лишь те группы пользователей, которые смогли сделать видимыми свои нарративы памяти. Подстраиваясь под алгоритмы, они создают новые форматы репрезентации прошлого, которые позволяют транслировать новые по содержанию нарративы» [6, с. 208]. Исследователи исторического контента в TikTok выявили, что короткие ролики формируют у молодежи поверхностные, эмоциональные ассоциации с историческими событиями и личностями, вытесняя сложные логичные объяснения. Больше востребованы посты с интригами, конспирологическими трактовками исторических событий и фактов, упрощенные, криминальные, а материалы, основанные на документах и доказательствах, не привлекают внимания, так как требуют времени и включения процессов мышления.

Контент-анализ сообществ, личных страниц в социальных сетях показал, что идет процесс формирования замкнутых «лагерей памяти», пользователи которых не нуждаются в диалоге с оппонентом, они только укрепляют свою групповую идентичность через отрицание альтернативной версии прошлого, для них существует только та версия, в которую они верят.

В последние пять лет фиксируется рост числа сообществ «публичной истории», которые предлагают верифицированный контент. Однако охваты в этих сообществах намного ниже, чем в развлекательных, нет системности подачи материалы, нет концепции, нет возможности продвигать сообщество. Без вложения финансов в людей социальной сети публикации видит только 10% подписчиков данного сообщества, что ничтожно мало даже, если их миллион.

Социальные сети активно используются пользователями для сохранения и реконструкции семейной, личной истории и памяти. Это не только личные страницы и группы, но и генеалогические сообщества, объединяющие профессионалов и любителей по восстановлению родословных, поиску и сбору информации о родственниках. Такие проекты позволяют сформировать ощущение причастности к великой и далекой истории, воспитать уважение к предкам, к своей семье, позволяют представить прошлое в новом формате, делая его частью локальной цифровой истории.

Вне социальных сетей также существуют удачные примеры цифровых проектов сохранения исторической памяти.

Достоинством проекта «Память народа» является возможность доступа к оцифрованным документам, хранящимся в различных архивах. Портал создан Министерством обороны РФ и Корпорацией ЭЛАР. На портале можно найти сведения об участниках ВОВ, в том числе и о тех, «кто встал на путь предательства». На сегодняшний день портал содержит данные о судьбах более 33 миллионов человек[1].

Проект «Прожито» – «цифровой архив личных документов из частных собраний»[2]..В основном на портале публикуются личные дневники и переписки на русском языке. На сегодняшний день загружено более 2730 дневников XVIII–XX веков.

На сайте проекта «Сибиряки вольные и невольные» «любой человек, личная или родовая судьба которого связана с Сибирью, может рассказать о себе, своих предках или том месте, в котором он родился, рос, с которым связаны особо дорогие сердцу воспоминания. История большой страны складывается из истории людей»[3].

На базе сайта музея Победы реализуется проект «Лица Победы» – всенародный исторический депозитарий, куда каждый может добавить фотографии и историю своего родственника, участвовавшего в Великой отечественной войне, передать материалы из своего семейного архива в исторический депозитарий в Музее Победы[4].

С точки зрения когнитивной психологии, человек в условиях информационной перегрузки, которая является ярким признаком современности, склонен воспринимать более доступную информацию как более достоверную, ищет информацию, которая подтверждает его уже существующие убеждения («подтверждающая предвзятость»). Работает и закон о многократном повторении, который повышает воспринимаемую достоверность ложной информации (эффект иллюзии правды).

Как показал авторский опрос, присутствуют различия в восприятии исторической информации разными поколениями. Молодежь, студенты (18–25 лет) демонстрируют самое высокое доверие к цифровым источникам (80,1%). Далее показатель снижается: среди респондентов в возрасте 26–40 лет доверяют цифровым источникам 65,3%, среди людей в возрасте 41–60 лет – 54%, и старшее поколение демонстрирует уровень доверия в 38%. Когда же речь заходит о фейках, то здесь ситуация несколько иная. Информационные фейки лучше определяют как раз люди старше 60 лет (79%), а хуже – студенты (42%).

Источники информации также можно классифицировать по возрастным группам респондентов. Студенты предпочитают социальные сети, миллениалы выбирают электронные СМИ, энциклопедические сайты для получения более достоверной информации, респонденты в возрасте 41–60 лет отметили традиционные СМИ и книги, люди старше 60 выбирают печатные издания, документалистику. Люди с высоким уровнем критического мышления на 67% реже поддаются влиянию ложной исторической информации. То есть основной фокус внимания при работе с исторической памятью должен быть на молодежи.

Респондентам задавался вопрос и о том, достаточно ли на сегодняшний день достоверной исторической информации публикуют официальные источники. Большинство уверено, что такой информации не достаточно (51%), 41% респондентов ответили, что информации достаточно, и 8% считают, что такой информации уже слишком много.

По-разному оценили респонденты и позицию средств массовой информации относительно подхода к подаче исторических фактов. 73% уверены, что недопустимо как-либо сокращать информацию, изменять. Около 15% респондентов уверены, что авторы публикаций могу немного изменить информацию, приукрасить или даже частично убрать «страшные» факты. Около 12% респондентов затруднились определить свою позицию относительно указанной проблемы. При этом половина респондентов уверены, что и так СМИ и авторы в соц. сетях изменяют историческую информацию, например, в угоду политической ситуации, ради сохранения психики граждан и др. В непогрешимости печатного слова даже в Интернете уверены полностью 14,5% респондентов, и допускают, что такое возможно, 25% участников опроса. Остальные затруднились ответить на вопрос.

В ходе исследования нас заинтересовало, какие оценки были в школе у респондентов. Студенты ответили, что в среднем они учились хорошо (55%), причем у москвичей этот показатель чуть выше (58%). Среди женщин так же четверок было по истории больше (57% против 52% у мужчин). Отличные оценки имели около 20% респондентов, среди москвичей отличников 32%. Мы видим недостаточно качественные школьные знания у респондентов.

Школьные учебники истории менялись свою структуру и содержание несколько раз, кроме того, функционирует несколько вариантов учебников разных авторов. Куконков П.И. и Устинкин С.В. отмечают, что «сравнительный анализ учебников истории последней четверти XX в. и первой четверти XXI в. позволяет сделать следующий вывод: изменение исторической политики и политики памяти повлекло за собой существенные изменения в структуре и содержании массового школьного учебника, явно ориентированные на унификацию. … ряд учебников истории, выпущенных в 1990-е гг., внесли значительный вклад в начавшуюся в конце прошлого века целенаправленную кампанию по деформации исторической памяти молодежи» [7, с. 338].

[1] https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).

[2] https://prozhito.org/ (дата обращения: 17.04.2026).

[3] https://siberians.online/ (дата обращения: 17.04.2026).

[4] https://historydepositarium.ru/participants/ (дата обращения: 17.04.2026).

Сейчас часто встает вопрос о том, что из-за клиповизации мышления, молодежь мало смотрит кино и не читает художественные книги. При этом на вопрос достаточно ли художественных произведений на исторические темы сейчас публикуется, студенты ответили, что вполне достаточно (55%), с избытком (12%), очень мало (27%), затруднились ответить (6%). Показатель «очень мало» растет в каждой возрастной группе и достигает у людей старше 60 лет уже 54%, а показатель «волне достаточно» наоборот падает до 30%.

Как видим, опрос показал, что информационное поле исторической памяти сформировано неплохо, но есть потребность в качественной информации, которая могла бы компенсировать недостатки образования.

Есть еще один аспект проблемы исторической памяти – влияние информационных войн и искажений на процесс формирования исторической памяти, так как в данном случае искажения происходят намеренно. Информационные войны подразумевают символическую борьбу за интерпретацию прошлого в цифровой среде. Молодежь подвержена искажениям через социальные медиа, где конкурируют модели памяти: «советская, постсоветская, элитная и русофильная» [5]. Особенно ярко это проявляется на запрещенных в России социальных площадках.

По результатам опроса было определено, что около 70% молодых людей хорошо понимают содержание понятия «информационная война», остальные либо мало знаю, либо совсем ничего. Среди респондентов старше 30 лет не знающих практически нет. Во всех возрастных группах было отмечено высокое влияние информационных войн на общественное мнение (от 63 до 72%). Только 10% участников опроса отметили, что никогда не сталкивались с недостоверной информацией в интернете. Каждый пятый не доверяет интернет-источникам.

Современные вызовы включают манипуляции такими событиями как присоединение Крыма, СВО, где реакции молодежи зависят от установок о роли России и Победе в ВОВ. Образы прошлого формируют восприятие настоящего. При этом «образы прошлого» могут трактоваться совершенно и диаметрально по-разному в сложившейся информационной обстановке, что может привести как к объединению общества, так и к его деконсолидации. Волонтерские движения и активизм помогают противостоять искажениям, вовлекая молодежь в сохранение исторической памяти. В качестве примера можно привести деятельность НКО «Национальная ассоциация деятелей образования, науки, культуры и искусства «НИКА», чья волонтерская деятельность отражается в социальной сети ВКонтакте. Работа организации направлена на патриотическое воспитание молодежи и привлечение к деятельности как можно большего количества творческих людей[1].

Важной и критической проблемой и угрозой для сохранения исторической памяти в свете обсуждения цифрового пространства является техническая уязвимость. Еще тридцать лет назад данная проблемы выглядела иначе, все хранилось на бумаге и иных видах материальных носителей, которые могут сохранять читаемость при определенных условиях хранения достаточно долго – на протяжении столетий. Цифровые данные характеризуются коротким жизненным циклом в силу зависимости от устойчивости технологической инфраструктуры. Здесь можно выделить такие явления как деградация магнитных и оптических носителей, эффект «Битового гниения» (непроизвольное изменение единиц информации (0 на 1 и наоборот) в следствии электромагнитного воздействия, естественного износа ячеек памяти и т.д.). Для любого исторического документа, где изменение даже одной буквы или цифры может изменить смысл события, все это является серьезной угрозой.

Практика показала, что даже при условной сохранности технического носителя, информация может на нем стать недоступной из-за технологической деградации программной среды или оборудования для воспроизведения информации. Этот процесс формирует риск «цифрового темного века» –периода истории, события или факта, который будет нечитаемым для будущих поколений из-за утраты инструментов декодирования. Требуется постоянные процесс «миграции» исторической информации на новые носители и перевод в новые форматы. Что касается технической стороны, то здесь произошел отказ от доступа к физическим портам (USB-A, Floppy, CD-ROM) и специализированным считывающим устройствам, что делает невозможным извлечение информации с носителей. Перенос исторических архивов в облачные хранилища создает зависимость от коммерческих интересов электронных платформ. В случае проблем с интернетом, вывода сервера за пределы страны, банкротства провайдера, изменения лицензионного соглашения и множества других факторов, доступ к огромным массивам оцифрованного культурного наследия может быть мгновенно утрачен. Пример – замедление зимой 2026 года в России мессенджера Телеграмм, где многие хранили свои оцифрованные архивы и библиотеки, дневниковые записи и т.п.

Цифровые технологии позволяют пользователю получить верифицированную информацию, преодолеть разрыв между академическим знанием и массовым, перейти от модели «история сверху» (то есть видение истории транслирует государство народу) к модели «партисипаторной истории» (историческое знание создается с участием народа).

Благодаря работе платформ, на которые можно загружать семейные архивы или оцифровывать старые фотоальбомы, формировать историю села, семьи, маленького города, возродилось такое явление в науке как «микроистория». Это направление в исторической науке, которое занимается изучением малых территорий и популяций, фиксируется на таких единицах как событие, отдельный человек. Орлов И.Б отмечает, что «микроанализ стал краеугольным камнем социально-исторических работ» [9, с. 4]. Христиан Майер причиной актуализации «микроистории» считал «ослабление» «идентификации с более крупными общностями, будь то нация или государство, крупные партии, профсоюзы или прогрессистские движения» [1, p. 120, 122].

«Микроистория» – это «интерес к малым жизненным мирам, в центре которых расположен отдельный человек» [9, с. 4] Это делает историю более объемной, многогранной и интересной для каждого человека в отдельности, обогащает национальный нарратив частными свидетельствами. Такие свидетельства помогают также и реконструкции облика городов, отдельных зданий, чем превращает городское пространство в интерактивный учебник. Если сюда добавить возможности современных технологий, то можно реконструировать события и их протекание «на месте». Таким образом, историческая память становится частью повседневной жизни и визуальной среды.

На основе проведенного анализа можно сформулировать предложения для усиления процессов сохранения исторической памяти россиян в цифровом пространстве. И одна из основных задач – создание правовых механизмов, ограничивающих деструктивное воздействие на историческую истину. Здесь важно уже сейчас сформировать положения о цифровом историческом контенте и закрепить его законодательно. К сожалению, современных законов, регулирующих происходящее в сети Интернет крайне мало, часть существующих уже устарела. В случае с историческим контентом нужно разработать правовые нормы, определяющие ответственность за преднамеренную фальсификацию исторических фактов в цифровой среде. Вторым шагом должна стать регулировка алгоритмической прозрачности, то есть внедрение цифровых стандартов для поисковых системы и социальных медиаплатформ, направленных на приоритетную выдачу верифицированного, академически обоснованного контента по историческим запросам. Положительным моментом было бы регулирование «эталонных» цифровых источников верифицированных исторических данных.

Разумеется, когда речь идет о формировании исторической памяти молодежи, школьников, необходимо усилить образовательный и социокультурный уровень данного процесса. И главная задача на этом уровне – повышение когнитивной устойчивости общества к манипуляциям. Решить эту задачу поможет интеграция медиаграмотности в образовательные стандарты. Именно это направление активно развивается в ИЖКиМ МПГУ как в программах подготовки бакалавром, так и магистрантов.

«Цифровое просвещение» может быть основано на государственных мультимедийных платформах (образовательных экосистемах), которые используют современные форматы (AR/VR, геймификация) для трансляции исторического знания молодежной аудитории.

На институциональном уровне необходимо создание системы координации между наукой, государством, технологическим сектором, что подразумевает создание междисциплинарных центров цифровой истории (цель – оцифровка и интеграция наследия), разработку стандартов метаданных (установка единых национальны стандартов описания и хранения цифровых исторических объектов).

Глобальный характер цифрового пространства требует международного сотрудничества, однако существуют серьезные вызовы: различия в исторических нарративах разных стран, проблемы юрисдикции в трансграничном цифровом пространстве, технологическое неравенство между странами.

Заключение

Сохранение исторической памяти в цифровом пространстве и, в частности, в социальных сетях – это сложный социокультурный процесс, который характеризуется серьезными противоречиями. С одной стороны цифровые технологии существенно ускоряют и упрощают техническую сторону вопроса, в том числе и распространение исторических знаний,

[1] https://vk.com/nko_association_nika (дата обращения: 18.04.2026).

с другой порождают большое количество этических и технических рисков, возникает угроза для целостности и достоверности коллективной памяти за счет алгоритмической логики платформ, фрагментации внимания и т.п. решение этих проблем требует не только технологических стратегий, но и социо-культурных, которые включают развитие медиа и цифровой грамотности, поддержку верифицированных исторических сообществ в цифровой среде, создание гибридных моделей сохранения памяти, сочетающих как традиционные, так и цифровые форматы. Важное значение имеет развитие цифровой исторической грамотности, создание надежных систем архивирования и укрепления международного сотрудничества в области сохранения цифрового исторического наследия.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о двойственной роли социальных сетей в процессе сохранения исторической памяти. Социальные сети – мощный инструмент актуализации исторической памяти, вовлечения новых, в том числе молодых аудиторий, инструмент фиксации и документирования «живой» истории в режиме реального времени, Имманентные свойства социальных площадок создают системные риски целостности и достоверности исторической памяти. Происходит ее фрагментация, мифологизация, потеря достоверности.

Таким образом, проблема сохранения исторической памяти в социальных сетях не может быть решена путем простого переноса в них традиционных нарративов. Требуется разработка новой стратегии, которая включала бы:

1) развитие цифровой и исторической медиаграмотности пользователей;

2) активное присутствие профессионального исторического сообщества в социальных медиа с адаптацией экспертного знания под новые форматы;

3) поддержку на институциональном уровне цифровых проектов, основанных на аутентичных источниках;

4) рефлексию самими платформами их роли в формировании общественного сознания и возможную коррекцию алгоритмов в отношении образовательного и исторического контента.

Сохранение исторической памяти в цифровую эпоху становится задачей не только историков, но и социологов, медиаспециалистов, педагогов и разработчиков платформ, требующей междисциплинарного подхода.

Для дальнейшего изучение проблемы сохранения исторической памяти в цифровом пространстве необходимы: эмпирические исследования алгоритмического отбора исторического контента, анализ практик пользователей в отношении исторической информации и восприятия моральных ценностей, сравнительные исследования разных функционирующих в России социальных платформ, изучение долгосрочных эффектов цифровизации исторической памяти.

Литература

1. Meier C. Notizen zum Verhaeltnis von Makro- und Mikrogeschihte. In: K.Acham und W.Schulze (Hg.). Teil und Ganzes. Zum Verhältnis von Einzel- und Gesamtanalyse in Geschichts- und Sozialwissenschaften. (Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik 6). München, 1990. P. 111–140.

2. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 1(53). Т. 10. 2020. С. 19–28.

3. Артамонов Д.С., Воловикова М.Л., Тихонова С.В. Медиапамять в цифровом мире // SHS Web of Conferences. 2019. Vol 72. Pp. 01014–01014.

4. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. – 328 с.

5. Воденко К В., Лабадзе О.Е., Тихоновскова М.П. Историческая память в процессах политической модернизации полиэтничного социума. Философия. Серия: Познание. № 12. 2020. С. 166–171.

6. Колесник А.С. (Не)публичная история? // Память в сети: цифровой поворот в memory studies. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. С. 206–220.

7. Куконов П.И., Устинкин С.В. Унификация исторической памяти молодежи как социально-политическая проблема // Власть. № 5. 2025. С. 3 32–340.

8. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 2–3. 2005. – URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html (дата обращения: 14.04.2026).

9. Орлова И.Б. Микроистория: «атомизация» исторической реальности или ее иной образ? [Электронный ресурс] URL: https://www.hse.ru/data/2010/03/13/1231126164/Микроистория.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

10. Орлова Е.А. Состояние исторической памяти молодежи и опыт ее формирования силами некоммерческих организаций // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. № 41(2), 2022. С. 277–288.

11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

12. Хлебников Г.В. Философия информации Лучано Флориди // Метафизика 4 (10), 2013, С. 35–48. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23279610 (дата обращения: 14.04.2026).

CIVILIZATIONAL CHALLENGES TO PRESERVING HISTORICAL MEMORY IN RUSSIA: A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Orlova E.A.

Moscow State University, Financial University under the Government of the Russian Federation, Academy of Civil Protection of the EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailin, NGO National Association of Education, Science, Culture and Art «NIKA»

The article analyzes the pressing sociological issue of the transformation and preservation of historical memory in the context of dominant digital communications, particularly social media. The focus is on the contradictory potential of social media as a tool for popularizing historical knowledge and, simultaneously, as an environment that generates risks of fragmentation, mythologization, and instrumentalization of the past. The research involves a theoretical analysis of key concepts of collective and historical memory in the digital age, as well as the identification of specific mechanisms of memory functioning in social networks, such as algorithmic content selection, the viral logic of information dissemination, and the formation of digital memory communities. Special attention is paid to the conflict of interpretations, the emergence of «memory wars» in the public digital space, and the issue of digital inequality in access to shaping historical narratives. The analysis concludes that social networks, on the one hand, democratize access to historical discourse and activate memorial practices, while on the other hand, they contribute to the erosion of the consensual foundations of historical memory, replacing them with a multitude of competing, often polarized versions of the past. To preserve memory as an integrating social resource, targeted efforts in media literacy, support for expert knowledge, and the development of digital projects based on verified historical sources are necessary.

Keywords: historical memory; social networks; digitalization; algorithmization, mediatization of the past; information reliability; data preservation.

References

1. Anikin, D.A., Bubnov, A.Yu. (2020) «The Politics of Memory in the Network Space: The Internet as a Mediator of Memory», Questions of Political Science. 1(53). Vol. 10. 19–28.

2. Artamonov, D.S., Volovikova, M.L., Tikhonova, S.V. (2019) «Media Memory in the Digital World», SHS Web of Conferences. 2019. Vol 72. 01014–01014.

3. Assmann, A. (2014) «The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics», Translated from German by Boris Khlebnikov. Moscow: New Literary Review. 328.

4. Halbwachs, M. (2007) «The Social Frameworks of Memory». Moscow: New Publishing House. 348.

5. Khlebnikov, G.V. (2013) «Luciano Floridi's Philosophy of Information», Metaphysics, 4(10), 35–48. [Online], available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23279610 (Accessed: 14.04.2026).

6. Kolesnik, A.S. (2023) «(Non)public history?, Memory on the Net: The Digital Turn in Memory Studies». Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 206–220.

7. Kukonov P.I., Ustinkin S.V. (2025) «The Unification of Youth Historical Memory as a Socio-Political Problem», The Power, 5, 332–340.

8. Meier, C. (1990) «Notizen zum Verhaeltnis von Makro- und Mikrogeschihte», In: K. Acham und W. Schulze (Hg.). Teil und Ganzes. Zum Verhältnis von Einzel- und Gesamtanalyse in Geschichts- und Sozialwissenschaften. (Theorie der Geschichte. Beiträge zur Historik 6). München, S. 111–140.

9. Nora P. (2005) «The Worldwide Triumph of Memory. Emergency Ration». № 2–3. [Online], available at: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html (Accessed: 14.04.2026).

10. Orlov, I.B. «Microhistory: The «Atomization» of Historical Reality or Its Different Image?». [Online], available at: https://www.hse.ru/data/2010/03/13/1231126164/Микроистория.pdf (Accessed: 17.04.2026).

11. Orlova. E.A. (2022) «The State of Youth Historical Memory and the Experience of Its Formation by Non-Profit Organizations», Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, Vol. 41, № 2, 277–288.

12. Vodenko, K.V., Labadze, O.E., Tikhonovskova, M.P. (2020) «Historical Memory in the Processes of Political Modernization of a Multi-Ethnic Society», Philosophy. Series: Knowledge (12), 166–171.

Качество высшего образования сквозь призму самоорганизации и лидерства в студенческих коллективах

Передня Дмитрий Григорьевич,
доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета
E-mail: d.g.perednia@linguanet.ru

Цель исследования – проверить наличие у выпускников бакалавриата социально-гуманитарного профиля способности к командной работе, проявлению лидерства и тем самым убедиться в сформированности универсальной компетенции, предусмотренной федеральным государственным образовательным стандартом. Конкретно речь идет об УК-3. Эмпирические данные собирались методом неформализованного наблюдения. Оно было единым, наблюдение за ходом выполнения задания осуществлялось в схожих условиях в семи учебных группах. Наблюдался ход выполнения группового задания, в ходе которого студентам необходимо было самоорганизовываться и координировать свои действия. Изложен вариант, когда наблюдаемые действия индивидов свидетельствовали бы о присутствии навыков командной работы и достаточной представленности лидерства. Подробно описан типичный вариант действий участников исследования. Опираясь на эмпирические данные, можно говорить об отсутствии у исследуемой категории студентов старших курсов способности к командной работе и лидерству, даже попыток самоорганизоваться, исходя из условий выполнения задания, сформулированных в конкретных пунктах. Приведены причины, в силу которых важная универсальная компетенция оказалась не сформированной: повышенная атомизация общества, связанная с урбанизацией, излишне индивидуализированная первичная социализация, в том числе вызванная гиперопекой родителей, которые склонны выполнять всю работу, связанную с организацией досуга их детей. В завершение предложены варианты влияния и регулирования сложившейся ситуации.

Ключевые слова: универсальные компетенции, самоорганизация, лидерство, студенты.

Постановка проблемы

Качество высшего образования представляет собой многоаспектный феномен. Одним из аспектов является качество деятельности вуза, которое выражается, в том числе, итоговыми результатами обучения студентов. Родоначальником введения компетенций в оценке кандидатов на различные должности в бизнесе, по мнению большинства исследователей, изучающих рынок труда, является Дэвид Макклелланд, который в 70-х гг. XX в. впервые предложил изучать индивидов в процессе их трудовой деятельности [См.: 1]. Акцент был сделан на том, чтобы работник оценивался в динамике, при этом особенно интересно было поведение индивидов в нестандартных, а порой и критических ситуациях при выполнении тех или иных видов работ [См.: 2].

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) высшего образования содержат, помимо прочего, перечень универсальных компетенций (УК). Это надпрофессиональные компетенции, необходимые для любого вида деятельности, не только связанной с какой-то конкретной профессией. Одна из таких компетенций – УК-3 – фиксирует способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде. Категория УК называется «командная работа и лидерство».

Предполагается, что в случае успешного завершения обучения в вузе у обучающихся должны быть сформированы, в той или иной степени, все предусмотренные компетенции, включая и УК-3. Для проверки этой гипотезы нескольким группам студентов выпускных курсов московских вузов предложено выполнить практическое задание. Оно было единым, наблюдение за ходом выполнения задания осуществлялось в схожих условиях в семи учебных группах. Наблюдатели фиксировали все реакции участников с момента начала выполнения задания, студентами, обучающимися по специальностям социально-гуманитарного профиля. Гендерный состав во всех группах был схожим, около трети – мужчины, остальные женщины. Так как нас интересует степень сформированности и выраженности компетенции, в исследовании принимали участие студенты четвертого курса бакалавриата, средний возраст 21 год. Численность групп от 20 до 30 человек. Данные собирались в течение октября – декабря 2025 г.

Цель исследования – зафиксировать степень сформированности у выпускников способности к командной работе и проявлению лидерства по визуально фиксируемым показателям. Осуществленный вариант сбора первичных данных позволяет прийти к некоторым предварительным выводам и заключениям.

Методика и условия ее осуществления

Условия практического задания высвечивались на экране и демонстрировались в течение всего выделенного времени. Весь необходимый инвентарь для выполнения работ был заблаговременно разложен на столе перед наблюдаемыми. Организатор исследования объявлял, что учебной группе необходимо выполнить практическое задание из семи пунктов.

1. Участники сгруппированы в 10 подразделений.
2. Пять подразделений бросают монеты. Результаты выпадения сторон монет (орел/решка) заносят в бланки на бумаге.
3. Пять подразделений придумывают результаты выпадения монеты и заполняют бланки на бумаге.
4. Все подразделения работают автономно, уровень шума в помещении минимальный.
5. Ответственное лицо сдает одновременно все заполненные бланки преподавателю.
6. Задание должно быть выполнено в пределах 20 минут.
7. Это исчерпывающий список указаний.

После включения слайда организатор отходил в сторону, никаких пояснений и указаний дополнительных не давал и вместе с наблюдателем, не привлекая внимания, фиксировал происходящее в помещении. Второй наблюдатель, как уже было отмечено, находился позади всех и с некоторого возвышения, для лучшего обзора, фиксировал события письменно. Испытуемые полагали, что выполняют практическое задание в рамках учебной деятельности, о том, что проверялась их способность самоорганизоваться, они не предполагали, и об этом им не сообщалось. Действия организатора исследования ими интер-

претировались как обычное поведение преподавателя в ходе занятия. Наблюдатель, по их мнению, выполнял отдельное индивидуальное задание, не связанное с общим заданием.

Предполагаемый уровень сформированности компетенции

Опишем вариант, когда действия индивидов свидетельствовали бы о наличиинавыков командной работы и достаточной представленности лидерства. Так как во всех группах имелись формальные лидеры – старосты, ожидаемо, что они в ходе выполнения задания взяли бы управление на себя. Приемлемыми представляются варианты, при которых лидеры оказались бы самовыдвиженцами, назначенными или выбранными. Например, какой-либо индивид или индивиды проявил(и) бы инициативу и предложил(и) вариант разделения всех участников на 10 подразделений (подгрупп). Затем должно было бы последовать разделение функций и уточнение конкретных действий, определение подразделений, которые бросают монеты и предсказывают результаты выпадения монеты. Лидеры одновременно с регулированием хода выполнения задания следили бы за порядком, соблюдением условий и оставшимся временем.

Возможны и желательны процессы группового обсуждения, как лучше организовать выполнение задания, рассмотрение, принятие или отклонение предложений по оптимизации выполнения заданий. Естественны и допустимы некоторые проявления конкуренции, несогласия, желания выделиться, доминировать и т.п.

Анализ результатов наблюдения

На деле типичный вариант развития событий оказался следующим. Сразу же после объявления начала выполнения задания наступала примерно двухминутная пауза, сопровождаемая заметной тишиной и связанная с недоумением, почему не поступают дальнейшие указания. Обнаружилась установка действовать по команде, ждать указаний, не проявлять инициативу. Установка прочная и безвариантная, которая обнаруживалась в настойчивых вопросительных взглядах и репликах по адресу организатора. Участники буквально требовали его активности, по сути, призывали внешнюю «силу» для запуска процесса выполнения ими задания через его организацию и указания на конкретные адресные действия.

За годы учебы им неоднократно приходилось выполнять различные практические задания, которые в большинстве своем были индивидуальными. Относительно небольшое количество групповых заданий были управляемыми и с заранее обозначенными ролевыми сценариями. Например, часть студентов назначалась сторонниками какой-либо теоретического подхода, другие выступали в роли критиков, третьи становились арбитрами для оценивания аргументов обеих сторон. В описываемых наблюдениях требовалось самим проделать первичную организационную работу, навыки которой предполагают формирования УК-3.

Далее последовали процессы стихийной дифференциации. Примерно треть участников маркировала ситуацию, в которой не нужно ничего делать, или, как вариант, можно заняться своими делами. Логика их рассуждений, по-видимому, была такой: задание групповое, я не в группе, значит, меня это не касается, тем более для меня это относительно безопасно. Среди остальной части участников исследования начались спорадические, никак не организованные действия. Некоторые подошли и взяли бланки для заполнения результатов бросания монеты. Значительная доля студентов посчитала интересным взять монеты. Они сначала стали их разглядывать, затем начали подбрасывать. Так как количество монет было ограничено условиями задания, те, кому «развлекательного инвентаря» не хватило, принялись наблюдать за манипуляциями с монетами их товарищей. Некоторые испытуемые, спустя какое-то время, пытались привлечь внимание остальных к замыслу задания и принимались перечитывать пункты условия задания, обращать внимание на необходимую последовательность и конечные результаты. Расчет, видимо, был на запуск чьей-то организационной воли, которая могла бы перезапустить процесс и направить его в русло целесообразности, сформулированной в условиях, казалось бы, простого задания. Усилия этой категории лиц не привели к увеличению взаимной координации. Максимальный эффект сводился к тому, что некоторые пытались присоединиться к тем, кто, как им казалось, предпринимали более правильные действия. Еще одна часть испытуемых имитировали присоединение к какой-либо группе во избежание потенциальных обвинений и претензий о неучастии. Внешне можно было зафиксировать появление нескольких групп, на самом деле это были квазигруппы, так как их участники не имели функционала, ролевого наполнения, включенности, сколь-либо значимо выраженной социальной связи.

Примерно после половины отведенного времени стали заметны те молодые люди, которые обладали повышенной обязательностью и ответственностью и не нашли способа приблизиться к установленному результату за счет индивидуальных усилий и персональных качеств. Они понимали, что в результате на указанное место должно вернуться 10 заполненных бланков, их угнетала ситуация, когда по истечении отведенного времени такое несложное задание окажется не выполненным.

Потенциально такая категория испытуемых могла стать источником консолидации и организации совместной деятельности, но эти индивиды предпочли индивидуальный вариант целерациональной активности. Они принялись, сообразуясь с условиями задания, заполнять бланки. Каждый из них мог заполнить лишь один бланк, что не могло заменить результатов недостающей командной работы, из-за чего у таких студентов наблюдались признаки раздражения, подавленности, злости, некоторой досады и отчаянья.

В итоге, по истечении 20 минут картина наблюдалась следующая. Было случайным образом сгруппировано несколько подразделений, чаще всего три, в основе которых лежали приятельские отношения студентов, взаимные симпатии, то есть неформальная микрогрупповая структура. При этом не наблюдалось даже попыток разделения труда между подгруппами, кто какую именно часть задания выполняет. Во всех случаях примерно 2–3 бланка оставались на столе не тронутыми и, соответственно, не заполненными, то есть никаких контролирующих функций даже не появилось. Заполненные бланки были сданы, но без распределения на две группы, в одной из которых – реальные результаты эксперимента, в другой – вымышленные. В частности, пятый пункт задания выполнен не был, так как сдавали бланки все, кто взял на себя инициативу их заполнения.

Дискуссия

Полученные эмпирические данные наглядно показывают отсутствие у исследуемой категории студентов старшего курса способности к командной работе и лидерству. Фактически у выбранной для исследования категории обучающихся еще остается один семестр учебы, но он пойдет на написание выпускной квалификационной работы. Это, как известно, сугубо индивидуальное результирующее задание, в связи с чем не приходится надеяться, что за оставшийся срок отсутствующая компетенция будет каким-то образом сформирована.

Причин такого положения дел много, и они разноплановые. Рассмотрим некоторые, возможно, не самые очевидные. Например, малое количество детей в семьях, отсутствие расширенных семей в урбанизированном обществе с возрастной управленческой иерархией среди детей и подростков. Излишне индивидуализированная первичная социализация, при которой или родители берут на себя все функции по организации детского досуга, или свободное время подрастающий индивид проводит в интернет-пространстве, в котором отсутствует надобность приобретать и развивать навыки координации совместных усилий. «Для большого числа их общение на уровне компаний друзей или в формальных группах, типа студенческих зачастую является единственным видом коллективного действия» [3, с. 109]. Не очевидной причиной, но от этого не менее действенной, на наш взгляд, является излишняя гуманизация процесса современной жизни применительно к процессам детского воспитания, когда любое принуждение, а тем более насилие, табуируется. Стремление создать условия, в которых человеческие права и свободы абсолютизируются, понятно, но управление это в значительной степени – вариант насилия, при котором частные взгляды и устремления переключаются в русло общей задачи.

Полученные результаты в целом отражают уровень атомизации современного российского общества, в котором превалируют патерналистские настроения, формирующиеся еще в детстве. Г.А. Парахонская на основе контент-анализа установила, что в рекомендованных для детских садов произведениях «персонажи, с которыми может идентифицировать себя ребенок, изображены неумелыми, незнающими, одинокими, пассивными, неспособными самостоятельно преодолевать трудности и не стремящимися к этому. Они целиком зависят от старшего (воспитателя, хозяина), нуждаются в постоянной защите и опеке [4, с. 59]. Абсолютизация, с одной стороны, индивидуализма, с другой – патерналистских установок приводит к тому, что «главными факторами реализации своих жизненных целей большинство молодежи считает преимущественно личные качества – целеустремленность, работоспособность и т.п., не задумываясь о необходимости сотрудничества и объединения [3, с. 110]. Упадок и деградация дворовой жизни подростков в их школьный период, тоже исключила возможность формирования их способностей самоорганизовываться для решения различных совместных замыслов. Уличные активности детей и под-

ростков, даже при условии того, что часть из них имели негативную консолидацию и даже могли находиться в противоправном русле и повлечь асоциальные, деструктивные последствия, довольно эффективно вырабатывали, оттачивали, закрепляли навыки совместной координированной деятельности.

Обнаруженное неумение самостоятельно налаживать сотрудничество частично объясняется распространением среди молодежи социальной инфантильности, когда внешне зрелые люди не желают брать на себя социокультурные функции взрослых, переходить в статус взрослого. «Возникновение такого поколения объясняется «тепличными» условиями жизни» [5, с. 446]. В целом, инфантилизм связан с безынициативным, пассивным и потребительским отношением к окружающему миру, что мешает включению индивида в реальность и самореализации его творческой составляющей [6]. Вот часть причин внешних, не считая причин вузовских, которые обусловлены нерезультативностью мер и средств, заложенных в учебный процесс и предназначенных для формирования УК-3.

Отдельно стоит отметить и рассмотреть реакции, которые последовали после окончания полевого этапа исследования. Через невербальные проявления и несколько реже через вербальные представители групп демонстрировали досаду, разочарование и ломку представлений о себе как о людях, способных к самоорганизации и кооперации. Для многих оказалось определенным шоком увидеть, а затем осознать фактическую неспособность к самоорганизации и групповому взаимодействию. В структуре сознания молодежи, «с одной стороны, отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам. Но, с другой стороны, молодые люди демонстрируют крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации» [3, с. 109]. Любопытно было выслушивать обоснования, даже спустя несколько дней после участия в исследовании, результаты саморефлексии студентов. Все они демонстрировали специфические интерпретации случившегося и стремились объяснить, почему именно так было выполнено задание, и что на самом деле они могут наладить самоуправление, просто в этот раз по каким-то причинам это не получилось. По-видимому, это некоторым образом спасало их самооценку, которая в условиях примата индивидуалистских настроений весьма важна.

Заключение

Подводя итог, отметим, что предложенная гипотеза о том, что предусмотренная ФГОС УК-3, связанная со способностью студентов осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде, то есть способность к командной работе и лидерству, не подтвердилась. Указанная компетенция в практическом плане адекватным образом не проявилась.

В плане регулирования сложившейся ситуации, на наш взгляд, целесообразно опираться на предложенную Т.И. Морозовой системно-синергетическую концепцию самоорганизации молодежи [7]. Концепт ее подхода сводится к развитию социокультурной рефлексии молодежи на основе коллективистских ценностей, дополненных положением о решающей роли интерсубъективной детерминанты процессов самоорганизации индивидов. В процесс профессиональной подготовки имеет смысл включать такой тип заданий, которые невозможно решить индивидуальными усилиями. Подобные инструменты институциональной социализации имеют потенциал преодоления чрезмерной зацикленности индивидов на своей персоне, увеличения осознанности и значимости коллективной работы, умения в ее включаться и организовывать. В конечном итоге, потребуется социетальная модификация массового молодежного сознания на основе регулирования процессов самоорганизации различных групп молодежи [7]. В этих условиях встраивание молодого поколения в систему социальной связи будет более органичным и продуктивным.

Литература

1. Белкина В.В., Макеева Т.В. Концепт универсальных компетенций высшего образования // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 1. – С. 117–126.

2. Янкелевич С.С., Мартынов Г.П. Универсальные компетенции в учебном процессе современного университета // Актуальные вопросы образования. – 2020. – т. 1. – С. 8–13.

3. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 109–115.

4. Парахонская Г.А. Контент-анализ документов. – 2004. – Тверь. – 123 с.

5. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г. Инфантилизация молодежи: методологический подход к измерению // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 444–456.

6. Жесткова Н.А. Методологические подходы к исследованию социальной зрелости и социального инфантилизма личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 2(14). – С. 128–136.

7. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона: автореф. дисс. … д-ра. социол. наук. – 2013. – Белгород. – 38 с.

QUALITY OF HIGHER EDUCATION THROUGH THE PRISM OF SELF-ORGANIZATION AND LEADERSHIP IN STUDENT GROUPS

Perednya D.G.
Moscow State Linguistic University

The purpose of this study was to assess the ability of undergraduate students majoring in the social sciences and humanities to work as a team and demonstrate leadership. This will help us confirm the development of the universal competencies stipulated by the federal state educational standard, specifically UK-3. Empirical data was collected using informal observation. The observations were unified, and task completion was conducted under similar conditions in seven study groups. The students were observed completing a group task that required them to self-organize and coordinate their actions. A scenario is presented in which the observed actions of individuals would indicate the presence of teamwork skills and a sufficient degree of leadership. A typical pattern of actions of the study participants, obtained subsequently, is described in detail. Based on the empirical data, it can be concluded that the studied category of senior students lacks the ability to work as a team and to lead. This was expressed in the absence of even attempts to self-organize based on the task conditions outlined in specific points. Over the course of their studies, students were repeatedly required to complete various practical assignments, most of which were individual. A relatively small number of group assignments were guided and had pre-defined role-playing scenarios. In situations where self-organization, coordination, leadership, and control were required, students were unable to satisfactorily complete the task. This article presents and analyzes the reasons why this important universal competency was not developed. These include the increased atomization of society associated with urbanization and an overly individualized primary socialization, including that caused by overprotective parents who tend to do all the work related to organizing their children's leisure time. The observed inability to independently establish collaboration is also partly explained by the prevalence of social infantilism among young people, when seemingly mature individuals are unwilling to assume the sociocultural functions of adults and make the transition to adulthood. Finally, options for influencing and managing the current situation are proposed.

Keywords: Universal competencies, self-organization, leadership, students.

References

1. Belkina V.V., Makeeva T.V. The Concept of Universal Competencies in Higher Education // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2018. – № 1. – Pp. 117–126.

2. Yankelevich S.S., Martynov G.P. Universal Competencies in the Educational Process of a Modern University // Current Issues in Education. – 2020. – Vol. 1, – Pp. 8–13.

3. Babintsev V.P., Reutov E.V. Self-Organization and «Atomization» of Young People as Current Forms of Sociocultural Reflection // Sociological Research. – 2010. – № 1. – Pp. 109–115.

4. Parakhonskaya G.A. Content Analysis of Documents. – 2004. – Tver. – 123 p.

5. Puzyanova Zh.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Infantilization of Youth: A Methodological Approach to Measurement // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2021. – Vol. 21. – № 3. – Pp. 444–456.

6. Zhestkova N.A. Methodological Approaches to the Study of Social Maturity and Social Infantilism of an Individual // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2013. – № 2(14). – Pp. 128–136.

7. Morozova T.I. Regulation of Youth Self-Organization Processes in the Sociocultural Space of a Region: Abstract of a Doctor of Sociological Sciences Dissertation. – 2013. – Belgorod. – 38 p.

Институциональная трансформация механизмов социального контроля в контексте цифровизации и формирования новых моделей взаимодействия государства и общества в современной России

Попова Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; юрист 1 класса, член Ассоциации юристов России
E-mail: ovpopova@fa.ru

Вильская Наталья Викторовна,
старший преподаватель кафедры международного и публичного права, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: nvvilskaya@fa.ru

Цифровая трансформация государственного управления, реализуемая в Российской Федерации через национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», формирует потребность в переосмыслении институциональных механизмов социального контроля, функционирующих на стыке управленческих практик, цифровых платформ и форм гражданского участия. Предметом исследования выступают управленческие механизмы социального контроля, претерпевающие качественное изменение под воздействием цифровых технологий и перехода к проактивной модели оказания государственных услуг. В работе применены институциональный, системный и сравнительный методы, позволяющие проследить эволюцию управленческих подходов к организации социального контроля от заявительной к проактивной модели. Проанализирована динамика охвата населения цифровыми государственными сервисами, систематизированы модели цифрового взаимодействия граждан с органами управления, выявлены противоречия между темпами технологической модернизации и институциональной готовностью управленческой системы. Результаты свидетельствуют о формировании качественно новой управленческой модели социального контроля, основанной на цифровой прозрачности и предиктивном анализе данных. Научная новизна состоит в разработке авторской периодизации стадий трансформации и классификации моделей цифрового управленческого взаимодействия. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при проектировании механизмов общественного контроля.

Ключевые слова: социология управления, институциональная трансформация, социальный контроль, цифровизация, платформенная модель, электронное правительство, проактивные государственные услуги, цифровое неравенство, общественный контроль, сетевое общество.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что с начала 2025 года в Российской Федерации реализуется национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства», направленный на формирование платформенной модели взаимодействия граждан, бизнеса и государства[1]. Следует обратить внимание на то, что портал «Госуслуги» по итогам 2025 года объединил 120 млн зарегистрированных пользователей при ежедневной аудитории 14 млн человек, что на 40% превышает показатель 2024 года[2]. Принципиальные основания для социологического анализа представляет переход к проактивной модели предоставления государственных услуг, организованных по принципу «жизненных ситуаций», число которых к концу 2025 года достигло 70 федеральных и 425 региональных сервисов[2].

Вместе с тем цифровизация институтов социального контроля протекает неравномерно, порождая новые формы неравенства в доступе к управленческим ресурсам. Немаловажное значение имеет тот факт, что отчёт ITU Global Connectivity Report 2025 фиксирует переход от инфраструктурного к навыковому барьеру цифрового доступа[3]. Проблематика институциональной трансформации социального контроля получила разработку в трудах Д. Норта[4], М. Кастельса[5], Ю. Хабермаса[6], Е.В. Аристова и И.В. Понкина[7], Т.Р. Арамисова[8]. Особого внимания заслуживают работы А.Е. Конькова по цифровизации политических отношений[9] и С.С. Поповой по проблемам цифрового профиля гражданина[10].

Объектом исследования выступает система управленческого взаимодействия государства и общества в условиях цифровой трансформации. Предметом являются механизмы социального контроля и их институциональная трансформация в рамках платформенного подхода к государственному управлению.

Целью исследования является выявление закономерностей институциональной трансформации механизмов социального контроля в контексте цифровизации управленческих процессов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи.

1. Систематизировать теоретические подходы к анализу социального контроля в рамках социологии управления.

2. Проанализировать стадии и параметры цифровой трансформации управленческих механизмов социального контроля в Российской Федерации.

3. Разработать классификацию моделей цифрового управленческого взаимодействия государства и общества.

Научная новизна состоит в формировании авторской периодизации стадий управленческой трансформации и типологии моделей цифрового взаимодействия. Практическая значимость определяется возможностью применения результатов при проектировании механизмов общественного контроля на основе цифровых платформ.

Материалы и методы

Методологическую основу составляют институциональный подход Д. Норта[4], концепция сетевого общества М. Кастельса[5], теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса[6], а также системный и сравнительный методы анализа. Информационную базу составили нормативные правовые акты Российской Федерации, данные Министерства цифрового развития, Росстата, материалы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ[11], научные публикации в базах eLibrary и КиберЛенинка.

Результаты и обсуждение

Теоретический фундамент настоящего исследования базируется на неоинституциональной теории Д. Норта, определяющего институты как «правила игры» в обществе, структурирующие побудительные мотивы человеческого взаимодействия[4]. Следует отметить, что М. Кастельс в рамках концепции сетевого общества обосновал переход от вертикальных иерархических структур управления к горизонтальным сетевым моделям, в которых информационные потоки становятся ключевым ресурсом координации[5]. Наряду с этим Ю. Хабермас, развивая теорию коммуникативного действия, подчёркивал значимость рациональных дискурсивных практик для легитимации управленческих решений, что

приобретает новое звучание в контексте цифровых платформ обратной связи[6]. Е.В. Аристов и И.В. Понкин констатируют фундаментальное изменение природы взаимодействия государства и гражданина, при котором традиционные управленческие механизмы замещаются алгоритмическими процедурами[7].

Стоит обратить внимание на то, что Т.Р. Арамисов формулирует вывод о двойственном характере цифровизации, способной как снижать, так и усиливать социальное расслоение в зависимости от управленческих подходов[8]. В развитие данного положения В.И. Абрамов и В.Д. Андреев обосновывают прямую зависимость между уровнем цифровизации государственных сервисов и качеством управленческого контроля[12]. А.Е. Коньков справедливо подчёркивает, что цифровизация трансформирует механизмы представительства, легитимации и контроля, формируя новые грани управленческого познания[9]. С.С. Попова и А.С. Беденкова рассматривают цифровой профиль гражданина как инструмент нового типа управленческого взаимодействия[10]. М.В. Найдёнова и В.О. Сытько констатируют, что социализация личности в информационном обществе сопровождается усложнением механизмов традиционного контроля[13].

Особое внимание в социологии управления заслуживает концепция «нового государственного управления» (New Public Management), предложенная К. Худом и дополненная моделью «цифрового государственного управления» (Digital Era Governance) П. Данливи[14]. Указанные подходы позволяют рассматривать цифровизацию не просто как технологическую модернизацию, а как фундаментальную трансформацию управленческой парадигмы, в которой меняется сама природа социального контроля.

Анализ параметров цифровой трансформации социального контроля позволяет выявить ряд закономерностей, как представлено в таблице 1.

Таблица 1. Динамика показателей цифровизации управленческого контроля в Российской Федерации (2023–2025 гг.)

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста 2025/2023, %
Зарегистрированные пользователи «Госуслуг», млн чел.	109	117	120	110,1
Ежедневная аудитория портала, млн чел.	8	10	14	175,0
Число оказанных услуг через портал, млн заявок	650	770	900	138,5
Число федеральных и региональных сервисов, ед.	1400	1600	2600	185,7

Источник: составлено автором на основе материалов [2],[15],[16].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о существенном расширении охвата населения цифровыми управленческими сервисами. Примечательно, что темп роста ежедневной аудитории (175%) существенно опережает темп роста числа зарегистрированных пользователей (110,1%), что указывает на переход от эпизодического к регулярному использованию цифровых инструментов управления. Более 20 млн человек в 2025 году установили самозапрет на кредиты через «Госуслуги» [2], что представляет принципиально новый инструмент гражданского самоконтроля.

Равным образом существенным является анализ качественных изменений в структуре взаимодействия граждан с государственными органами. Переход от эпизодического обращения к повседневному использованию портала «Госуслуги» означает, что цифровая платформа перестаёт быть вспомогательным каналом получения услуг и становится основным пространством управленческой коммуникации между государством и обществом. Данный процесс порождает новый тип гражданской субъектности, при котором индивид выстраивает отношения с государством преимущественно через цифровой интерфейс, что трансформирует не только процедурные, но и содержательные аспекты социального контроля[9]. Концепция «государства без заявлений» (no-claim state), описанная Т.Р. Арамисовым, предполагает, что государство берёт на себя инициативу в предоставлении услуг, что радикально меняет распределение ответственности и контрольных функций между управляющим субъектом и управляемым объектом[8].

Помимо указанного, особого внимания заслуживает феномен формирования цифровых инструментов гражданского самоконтроля, не имеющих аналогов в традиционной системе государственного управления. Функция самозапрета на кредиты, которой воспользовались более 20 млн человек, представляет собой случай, при котором государственная платформа используется гражданином для ограничения собственных действий, что выходит за рамки классического понимания социального контроля как внешнего регулятора поведения[2]. Как справедливо отмечает П. Данливи, цифровая трансформация государственного управления порождает формы взаимодействия, не предусмотренные ни бюрократической моделью М. Вебера, ни моделью нового государственного управления К. Худа, что требует разработки принципиально новых аналитических категорий[14].

Авторская периодизация стадий институциональной трансформации представлена в таблице 2.

Таблица 2. Стадии институциональной трансформации управленческих механизмов социального контроля

Стадия	Хронологические рамки	Управленческое содержание	Тип контроля
Формирование инфраструктуры электронного правительства	2010–2018 гг.	Создание портала «Госуслуги», СМЭВ, ЕСИА, оцифровка процессов	Заявительный (гражданин инициирует запрос к системе управления)
Платформенная интеграция	2019–2024 гг.	Межведомственный обмен данными, суперсервисы, единое информационное пространство	Полуавтоматизированный (система предлагает услугу на основе данных)
Проактивное управление	2025 г. и далее	Нацпроект «Экономика данных», «жизненные ситуации», предиктивный анализ, ИИ	Проактивный (система действует до обращения гражданина)

Источник: составлено автором на основе материалов[1],[15],[16].

Результаты, отражённые в таблице 2, позволяют сделать вывод о нелинейном характере управленческой трансформации. Л.К. Терещенко справедливо отмечает, что цифровизация порождает новых субъектов управленческих правоотношений[17]. И.Н. Трофимова фиксирует три уровня цифрового неравенства, каждый из которых создаёт специфический барьер для участия граждан в механизмах управленческого контроля[18]. А.Х. Казанбиева выявляет значительные различия в уровне цифровизации субъектов Российской Федерации[19].

Вместе с тем переход к проактивной стадии управления сопряжён с глубокими противоречиями институционального характера. Способность государства действовать до обращения гражданина предполагает накопление и обработку значительных массивов персональных данных, что ставит вопрос о допустимых пределах управленческого вмешательства в частную жизнь. Н.В. Володина справедливо подчёркивает, что цифровизация правовой деятельности порождает коллизии между эффективностью управления и защитой приватности[20]. Практика показывает, что готовность граждан к предоставлению данных определяется уровнем институционального доверия, которое, в свою очередь, зависит от прозрачности алгоритмов принятия решений и наличия механизмов обжалования автоматизированных управленческих актов.

Наряду с этим существенное значение приобретает проблема неравномерности цифровой трансформации на региональном уровне. Рейтинг цифровизации регионов России за 2025 год свидетельствует о постепенном сглаживании межрегиональных разрывов, однако качественные параметры доступа остаются крайне дифференцированными[19]. Регионы с низким уровнем социально-экономического развития, как правило, располагают менее развитой цифровой инфраструктурой, что воспроизводит территориальное неравенство в доступе к механизмам управленческого контроля. В.И. Абрамов и В.Д. Андреев обосновывают, что стратегические модели цифровой трансформации должны учитывать специфику регионального социально-экономического контекста, без чего унифицированные платформенные решения рискуют усилить, а не сократить существующие управленческие дисбалансы[12].

Классификация моделей цифрового управленческого взаимодействия представлена в таблице 3.

Анализ таблицы 3 демонстрирует, что каждая модель сопряжена со специфическими управленческими рисками. Н.В. Володина подчёркивает, что цифровизация правовой деятельности порождает новые коллизии между эффективностью управления и защитой приватности граждан[20]. О.Г. Антонова указывает на необходимость развития цифровой социологии для исследования социальных механизмов в цифровом пространстве управления[15].

Таблица 3. Модели цифрового управленческого взаимодействия государства и общества

Модель	Направленность управленческого контроля	Роль гражданина	Управленческий инструментарий	Риски
Сервисная	Государство → гражданин	Потребитель управленческих услуг	Портал «Госуслуги», МФЦ, ЕСИА	Патернализм, снижение гражданской инициативы
Мониторинговая	Государство → гражданин, организации	Объект управленческого наблюдения	Цифровые профили, системы мониторинга	Избыточный контроль, эрозия доверия
Партисипаторная	Гражданин → государство	Субъект общественного контроля за управлением	Платформы обратной связи, электронные петиции	Манипуляции, цифровой разрыв

Источник: составлено автором на основе материалов[5],[9],[10],[14].

Выводы

Систематизация теоретических подходов показала, что социология управления располагает развитым концептуальным аппаратом для анализа трансформации социального контроля в условиях цифровизации. Неоинституционализм Д. Норта, акцентирующий внимание на формальных и неформальных правилах, определяющих поведение управленческих акторов, концепция сетевого общества М. Кастельса, описывающая логику горизонтальных информационных потоков, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, обосновывающая роль рациональной дискуссии в легитимации власти, а также модель цифрового государственного управления П. Данливи, интегрирующая технологические и организационные аспекты трансформации, в совокупности формируют теоретический базис, позволяющий анализировать цифровизацию не как технологический апгрейд, а как фундаментальное переструктурирование управленческой парадигмы.

Анализ стадий цифровой трансформации управленческого контроля выявил последовательный переход от заявительной модели (2010–2018 гг.), в которой гражданин выступал инициатором обращения к государству, через платформенную интеграцию (2019–2024 гг.), обеспечившую межведомственный обмен данными и формирование суперсервисов, к проактивной модели управления (с 2025 г.), в которой государство способно действовать до обращения гражданина на основе предиктивного анализа данных и технологий искусственного интеллекта. Ежедневная аудитория портала «Госуслуги» выросла до 14 млн человек, что составляет 175% к уровню 2023 года, число оказанных услуг достигло 900 млн заявок, а каталог сервисов расширился до 2 600 позиций, что свидетельствует о масштабности институциональных изменений.

Разработанная классификация моделей цифрового управленческого взаимодействия, включающая сервисную, мониторинговую и партисипаторную модели, позволила установить, что каждая из них сопряжена со специфическими рисками для баланса между эффективностью управления и гражданскими свободами. Сервисная модель несёт риск формирования патерналистских отношений и снижения гражданской инициативы, мониторинговая модель угрожает избыточным контролем и эрозией институционального доверия, партисипаторная модель подвержена манипулятивному использованию и воспроизводит цифровое неравенство. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости формирования комбинированного подхода, сочетающего элементы всех трёх моделей с механизмами институциональных гарантий прав граждан.

Литература

1. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения 16.05.2026).

2. Минцифры РФ. Итоги работы портала «Госуслуги» за 2025 год // Рамблер. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://news.rambler.ru/tech/55949237/ (дата обращения 16.05.2026).

3. ITU. Global Connectivity Report 2025. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.indata.org.ru/tsifrovoj-razryv-pochemu-milliardy-lyudej-ostayutsya-vne-seti/ (дата обращения 16.05.2026).

4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

5. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 1993. – № 4. – С. 43–63.

7. Аристов Е.В., Понкин И.В. Будущее социальности государства и социального государства в контексте цифровизации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2025. – № 2. – С. 178–200.

8. Арамисов Т.Р. Социальное государство в цифровую эпоху. Цифровые возможности или цифровое неравенство // Управление наукой и наукометрия. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 27–48.

9. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений. Грани познания и механизмы трансформации // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 51–65.

10. Попова С.С., Беденкова А.С. Цифровой профиль. Определение и применение в государственном управлении // Вестник университета. – 2024. – № 4. – С. 102–112.

11. Абашкин В.Л., Сахно М.К. Доступность услуг связи в регионах России // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – 2025. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://issek.hse.ru/news/1048816615.html (дата обращения 16.05.2026).

12. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Стратегические модели цифровой трансформации в российских регионах // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 3. – С. 60–85.

13. Найдёнова М.В., Сытько В.О. К вопросу о социализации личности в информационном обществе // Общество. Социология, психология, педагогика. – 2024. – № 9. – С. 15–21.

14. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. Digital Era Governance. IT Corporations, the State, and e-Government. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 289 p.

15. Антонова О.Г. Цифровая социология и исследование социальных механизмов в интернет-пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». – 2020. – Т. 20, вып. 1. – С. 20–25.

16. CNews. Платформенная модель, кибербезопасность и ИИ. Обзор цифровизации госсектора 2025. – [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.cnews.ru/reviews/tsifrovizatsiyagossektora2025_1/ (дата обращения 16.05.2026).

17. Терещенко Л.К. Цифровизация как импульс к возникновению новых субъектов // Журнал российского права. – 2025. – № 10. – С. 38–50.

18. Трофимова И.Н. Доступность и использование сети Интернет. Проблема цифрового неравенства // Россия. Тенденции и перспективы развития. – 2024.

19. Казанбиева А.Х. Различия в уровне цифровизации субъектов России // Региональная экономика. Юг России. – 2023. – № 2. – С. 115–126.

20. Володина Н.В. Современная «интеллектуальная юриспруденция» при цифровизации правовой деятельности // Современное право. – 2025. – № 2. – С. 10–18.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF SOCIAL CONTROL MECHANISMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND FORMATION OF NEW MODELS OF STATE-SOCIETY INTERACTION IN MODERN RUSSIA

Popova O.V., Vilskaya N.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Association of Lawyers of Russia

The digital transformation of public administration, implemented in the Russian Federation through the national project «Data Economy and Digital Transformation of the State», creates a need to rethink institutional mechanisms of social control operating at the intersection of management practices, digital platforms, and forms of civic participation. The subject of research is the management mechanisms of social control undergoing qualitative change under the influence of digital technologies and the transition to a proactive model of public service delivery. Institutional, systemic, and comparative methods were applied, allowing to trace the evolution of management approaches to social control organization from an application-based to a proactive model. The dynamics of population coverage by digital government services was analyzed, models of digital citizen interaction with government bodies were systematized, and contradictions between the pace of technological modernization and the institutional readiness of the management system were identified. The results indicate the formation of a qualitatively new management model of social control based on digital transparency and predictive data analysis. The scientific novelty consists in developing an original periodization of transformation stages and a classification of digital management interaction models. The practical significance is determined by the possibility of using the results in designing public control mechanisms.

Keywords: sociology of management, institutional transformation, social control, digitalization, platform model, e-government, proactive public services, digital divide, public control, network society.

References

1. National project «Data Economy and Digital Transformation of the State». Available at: http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (accessed 16.05.2026).

2. Ministry of Digital Development of the Russian Federation. Results of the Gosuslugi portal for 2025. Rambler. Available at: https://news.rambler.ru/tech/55949237/ (accessed 16.05.2026).

3. ITU. Global Connectivity Report 2025. Available at: https://www.indata.org.ru/tsifrovoj-razryv-pochemu-milliardy-lyudej-ostayutsya-vne-seti/ (accessed 16.05.2026).

4. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala», 1997. 180 p. (In Russ.)

5. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: HSE, 2000. 608 p. (In Russ.)

6. Habermas J. Theory of Communicative Action. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, 1993, no. 4, pp. 43–63. (In Russ.)

7. Aristov E.V., Ponkin I.V. The Future of State Sociality and the Social State in the Context of Digitalization. Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki, 2025, no. 2, pp. 178–200. (In Russ.)

8. Aramisov T.R. Social State in the Digital Era: Digital Opportunities or Digital Inequality. Upravlenie naukoi i naukometriya, 2025, vol. 8, no. 2, pp. 27–48. (In Russ.)

9. Konkov A.E. Digitalization of Political Relations: Facets of Cognition and Transformation Mechanisms. Polis. Politicheskie issledovaniya, 2019, no. 6, pp. 51–65. (In Russ.)

10. Popova S.S., Bedenkova A.S. Digital Profile: Definition and Application in Public Administration. Vestnik universiteta, 2024, no. 4, pp. 102–112. (In Russ.)

11. Abashkin V.L., Sakhno M.K. Accessibility of Communication Services in Russian Regions. ISSEK HSE, 2025. Available at: https://issek.hse.ru/news/1048816615.html (accessed 16.05.2026). (In Russ.)

12. Abramov V.I., Andreev V.D. Strategic Models of Digital Transformation in Russian Regions. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya, 2023, no. 3, pp. 60–85. (In Russ.)

13. Naidenova M.V., Sytko V.O. On the Issue of Personal Socialization in the Information Society. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika, 2024, no. 9, pp. 15–21. (In Russ.)

14. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. Digital Era Governance: IT Corporations, the State, and e-Government. Oxford: Oxford University Press, 2006. 289 p.

15. Antonova O.G. Digital Sociology and Research of Social Mechanisms in Internet Space. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Sotsiologiya. Politologiya», 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 20–25. (In Russ.)

16. CNews. Platform Model, Cybersecurity and AI: Review of Public Sector Digitalization 2025. Available at: https://www.cnews.ru/reviews/tsifrovizatsiyagossektora2025_1/ (accessed 16.05.2026). (In Russ.)

17. Tereshchenko L.K. Digitalization as an Impulse for the Emergence of New Subjects. Zhurnal rossiiskogo prava, 2025, no. 10, pp. 38–50. (In Russ.)

18. Trofimova I.N. Accessibility and Use of the Internet: The Problem of Digital Inequality. Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya, 2024. (In Russ.)

19. Kazanbieva A. Kh. Differences in the Level of Digitalization of Russian Regions. Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii, 2023, no. 2, pp. 115–126. (In Russ.)

20. Volodina N.V. Modern «Intellectual Jurisprudence» in the Digitalization of Legal Activity. Sovremennoe pravo, 2025, no. 2, pp. 10–18. (In Russ.)

Влияние акне на качество жизни, самооценку и социальную адаптацию пациентов: медико-социальный и экономический аспекты

Савгачева Мария Юрьевна,
преподаватель кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России
E-mail: Maria.savgacheva@yandex.ru

Актуальность. Угревая болезнь (acne vulgaris) представляет собой одно из наиболее распространенных дерматологических заболеваний, оказывающее значительное влияние на качество жизни пациентов и создающее существенную экономическую нагрузку на систему здравоохранения. Несмотря на высокую распространенность, психосоциальные и экономические аспекты заболевания недостаточно изучены в контексте общественного здоровья. Цель исследования – оценить влияние угревой болезни на самооценку, социальную адаптацию и качество жизни пациентов с позиции медико-социального подхода и экономики здравоохранения. Материалы и методы. Проведен анализ данных опроса 30 пациентов с угревой болезнью старше 16 лет с применением шкалы Dermatology Life Quality Index (DLQI). Использованы методы систематического анализа литературных источников и статистической обработки данных. Результаты. Установлено, что угревая сыпь оказывает многоаспектное негативное влияние на качество жизни пациентов: физический дискомфорт (средний балл 1,47), нарушение социальных функций (1,13–1,37), эмоциональные ограничения (1,23). Общий средний балл DLQI составил 12,5±4,2, что свидетельствует об умеренном негативном влиянии на качество жизни. Выявлена значимая корреляция между тяжестью акне и уровнем психологического дистресса. Заключение. Угревая болезнь требует комплексного междисциплинарного подхода, включающего дерматологическую терапию, психологическую поддержку и социальную реабилитацию. Применение стандартизированных шкал оценки качества жизни позволяет оптимизировать распределение ресурсов системы здравоохранения и повысить эффективность медицинской помощи.

Ключевые слова: угревая болезнь, качество жизни, самооценка, социальная адаптация, общественное здоровье.

Введение

Угревая болезнь (acne vulgaris) является одним из наиболее распространенных хронических воспалительных заболеваний кожи, поражающим до 85% подростков в период полового созревания и сохраняющим высокую превалентность среди взрослого населения [1]. По данным Global Burden of Disease Study, в 2021 году глобальная распространенность акне среди взрослых (25+ лет) продолжает демонстрировать устойчивую тенденцию к росту, особенно среди женщин репродуктивного возраста [2]. С позиции общественного здоровья и экономики здравоохранения, угревая болезнь представляет собой значимую медико-социальную проблему. Согласно данным американской литературы, экономическое бремя акне в США оценивается примерно в $1,2 млрд в год, включая $850 млн прямых затрат и $400 млн потерь производительности труда пациентов и лиц, осуществляющих уход [3]. Несмотря на распространенное восприятие угревой сыпи как временной косметической проблемы, её влияние значительно выходит за пределы видимых кожных проявлений. Зона поражения, включающая лицо, грудь и спину, часто остается открытой и заметной, что способствует развитию чувства стыда, социальной тревожности и снижению уровня самооценки [4]. Хроническое течение заболевания с частыми рецидивами дополнительно усугубляет психологическое напряжение и создает барьеры для полноценной социальной адаптации [5].

Известны многоцентровые исследования, которые демонстрируют тесную взаимосвязь между акне и психическими расстройствами, так распространенность депрессии среди пациентов с акне составляет около 22%, тревожных расстройств до 29%, а суицидальных мыслей 12% [6]. Интересно что у взрослых пациентов корреляция между акне и депрессией более выражена, чем у подростков, все это указывает на необходимость возраст-дифференцированного подхода в управлении заболеванием [7]. Отдельно акне сказывается на подростках и молодых женщинах, для которых внешний облик имеет значительную личностную и социальную значимость. Пациенты данной группы чаще имеют низкую самооценку, явление социальной дезадаптации и как следствие нарушение самоидентификации с формированием негативного телесного образа [8]. Исходя из выше сказанного сформулирована цель исследования – оценить влияние угревой болезни на самооценку, социальную адаптацию и качество жизни пациентов с позиции медико-социального подхода и экономики здравоохранения.

Материалы и методы

Проведено проспективное кросс-секционное исследование с применением методов анкетирования и систематического анализа литературных источников. В исследовании приняли участие 30 пациентов с угревой болезнью в возрасте старше 16 лет, обратившихся за дерматологической помощью. Критериями включения являлись: наличие клинически верифицированного диагноза акне, возраст 16 лет и старше, информированное согласие на участие в исследовании.

Оценка качества жизни проводилась с использованием стандартизированной шкалы Dermatology Life Quality Index (DLQI) – универсального инструмента для оценки влияния кожных заболеваний на качество жизни пациентов [9]. Шкала включает 10 вопросов, охватывающих важные аспекты жизни. Каждый вопрос оценивался по четырех балльной шкале: 0 – нет влияния, 1 – незначительно, 2 – умеренно, 3 – очень сильно. Суммарный балл варьировался от 0 до 30, где более высокий результат отражает более значительное негативное влияние на качество жизни. Интерпретация результатов: 0–1 – отсутствие влияния, 2–5 – небольшое влияние, 6–10 – умеренное влияние, 11–20 – большое влияние, 21–30 – чрезвычайно большое влияние.

Статистическая обработка данных включала расчет средних арифметических значений (M), стандартного отклонения (SD) и процентных соотношений. Уровень статистической значимости принимался при $p < 0,05$.

Результаты

Среди 30 обследованных пациентов с угревой болезнью преобладали женщины (73,3%, n=22), средний возраст составил 21,4±3,8 года. Средняя продолжительность заболевания – 4,2±2,1 года. Распределение

по тяжести течения: легкая степень – 33,3% (n=10), средняя – 46,7% (n=14), тяжелая – 20,0% (n=6). Оценка качества жизни пациентов с угревой болезнью по шкале DLQI представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение средних баллов по шкале DLQI (n=30)

Вопрос шкалы DLQI	Средний балл (M±SD)	Уровень нарушения
Симптомы (зуд, жжение, болезненность)	1,47±0,83	Умеренный
Смущение/неловкость	1,23±0,77	Умеренный
Нарушение домашних дел/покупок	1,40±0,81	Умеренный
Ограничение занятий спортом	1,30±0,75	Умеренный
Влияние на работу/учебу	1,10±0,85	Умеренный
Влияние на социальную активность	1,13±0,78	Умеренный
Трудности в отношениях	1,33±0,80	Умеренный
Влияние на выбор одежды	1,37±0,76	Умеренный
Затруднения в интимных отношениях	1,27±0,83	Умеренный
Побочные эффекты лечения	0,93±0,78	Незначительный
Общий балл DLQI	12,5±4,2	Большое влияние

Анализ полученных данных показал, что наиболее выраженное влияние угревая болезнь оказывает на физический комфорт (средний балл 1,47) и социальное функционирование (1,13–1,37). Относительно менее значимым оказалось влияние побочных эффектов лечения (0,93), что может свидетельствовать о хорошей переносимости проводимой терапии или недостаточной длительности наблюдения. Общий средний балл DLQI составил 12,5±4,2, что соответствует категории «большое влияние» на качество жизни. Согласно данным международных исследований, средний балл DLQI у пациентов с акне варьирует от 6,84 до 9,8 в различных популяциях [10, 11], что указывает на более выраженное снижение качества жизни в изучаемой выборке. Установлена значимая положительная корреляция между тяжестью угревой болезни и общим баллом DLQI (r=0,42; p=0,021). Пациенты с тяжелой степенью акне имели значительно более высокие показатели DLQI (16,8±3,4) по сравнению с пациентами со средней (12,1±3,6) и легкой (8,9±2,7) степенью заболевания (p<0,05).

Социально-демографические факторы. Женщины демонстрировали более высокие показатели DLQI (13,4±4,0) по сравнению с мужчинами (10,1±3,8), однако различия не достигли уровня статистической значимости (p=0,08). Пациенты в возрасте 18–25 лет имели более высокие показатели нарушения качества жизни по сравнению с пациентами старше 25 лет (13,2±4,1 против 10,8±3,9; p=0,12).

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают многоаспектное негативное влияние угревой болезни на качество жизни пациентов, охватывающее физический, психологический и социальный компоненты здоровья. Средний балл DLQI 12,5±4,2 свидетельствует о значительном бремени заболевания, сопоставимом с показателями при других хронических дерматозах. С позиции экономики здравоохранения, полученные данные, имеют важное значение для планирования ресурсов. Пациенты с более высокими показателями DLQI требуют более интенсивной психологической поддержки и, как следствие, дополнительных затрат на консультации психотерапевтов. Систематический обзор экономического бремени акне показал, что в Европе существует значительный информационный пробел относительно полных затрат на лечение заболевания, особенно с учетом непрямых расходов и потерь производительности труда [12]. Видимые дерматологические дефекты при акне (комедоны, воспалительные элементы, рубцы, поствоспалительная пигментация), преимущественно локализующиеся на лице и открытых участках тела, служат триггером для формирования негативной оценки собственного внешнего вида. Метаанализ Samuels et al. (2020) продемонстрировал, что психологическая стоимость акне в странах Ближнего Востока более выражена, чем в других регионах, что коррелирует с высокими показателями депрессии в данном географическом регионе [7]. В нашем исследовании наиболее выраженным оказалось влияние на физический комфорт (средний балл 1,47), что согласуется с данными исследования Jisa et al., где подраздел «симптомы и чувства» также получил наивысшие оценки [13]. Все это подчеркивает значимость контроля таких субъективных симптомов как зуд, боль, наряду с общим улучшением кожных проявлений. Большинство людей при виде пациентов с акне, ассоциируют данные обстоятельства как проявление низкой гигиены или неполноценности, что в свою очередь усиливает негативные реакции и другие предубеждения [14]. Некоторые подростки страдающих угрями и одномоментно находящиеся в стадии формирования социального поведения, ощущают негативное воздействие от окружающих, что заставляет их избегать контакт с людьми, путем прогула школьных и внеучебных мероприятий. Безусловно подобные ситуации приведут к снижению мотивации к учебной деятельности. По итогам данного исследования отмечено влияние на социальную активность и межличностные отношения, что свидетельствует о нарушении социального функционирования пациентов. Эти данные согласуются с результатами исследования Hopkins (2026), где была установлена значимая ассоциация между тяжестью акне и социальной тревожностью (p=0,013) [15]. Хронический стресс, возникающий на фоне длительного течения и косметического дефекта, активирует гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую ось, что приводит к увеличению уровня кортизола и, как следствие, усугубляет воспалительный процесс в коже. Это создает «порочный круг», где психологический дистресс усиливает дерматологические проявления, а последние, в свою очередь, усугубляют психоэмоциональное состояние.

Современные клинические рекомендации подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода к управлению акне, включающего дерматологическую терапию, психологическую поддержку и при необходимости психотерапевтические вмешательства [4]. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) является одной из наиболее эффективных психотерапевтических методик, позволяющей пациентам идентифицировать и оспаривать искаженные негативные убеждения о собственной внешности [12].

Применение стандартизированных шкал оценки качества жизни (DLQI, CADI, Acne-QoL) позволяет не только объективно отслеживать динамику состояния пациентов, но и обосновывать необходимость психологической поддержки перед администраторами здравоохранения и страховыми организациями [6].

Заключение

Угревая болезнь является не только дерматологическим заболеванием с видимыми кожными проявлениями, но и существенным фактором, влияющим на психоэмоциональное состояние, социальную адаптацию и качество жизни пациентов, что обуславливает её значимость как проблемы общественного здоровья. Проведенное исследование подтвердило многоаспектное негативное влияние акне на качество жизни пациентов (средний балл DLQI 12,5±4,2), с наиболее выраженными нарушениями в сфере физического комфорта и социального функционирования. Выявлена значимая корреляция между тяжестью дерматологических проявлений и уровнем психологического дистресса. С позиции экономики здравоохранения, данные свидетельствуют о необходимости включения оценки качества жизни в стандартные протоколы ведения пациентов с акне для оптимизации распределения ресурсов и повышения эффективности медицинской помощи. Ранняя идентификация пациентов с высоким уровнем нарушения качества жизни позволяет своевременно направлять их на психологическую консультацию, предотвращая развитие тревожно-депрессивных расстройств и снижая долгосрочное экономическое бремя заболевания. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением долгосрочных наблюдений для оценки динамики качества жизни в процессе лечения, а также с разработкой экономически обоснованных алгоритмов комплексного управления угревой болезни с учетом психосоциальных факторов.

Литература

1. Дворянкова Е.В., Шевченко Н.А., Жукова О.В. Психиатрическая коморбидность и психоэмоциональный статус больных с акне // Медицинский совет. 2022. № 16(13). С. 38–46. DOI: 10.21518/2079-701X-2022-16-13-38-46.
2. Li D. et al. Health-related quality of life and correlation with clinical severity in Chinese patients with acne: a cross-sectional study // BMJ Open. 2025. Vol. 15, № 9. Art. e091036. DOI: 10.1136/bmjopen-2024-091036.
3. Institute for Clinical and Economic Review. Targeted Literature Review on the Economic and Quality of Life Burden of Acne Vulgaris // ISPOR Europe 2023. Режим доступа: https://www.ispor.org.
4. Кубанов А.А., Аравийская Е.А., Самцов А.В. и др. Акне вульгарные: федеральные клинические рекомендации. М.: Минздрав России, 2020. 33 с. Режим доступа: https://www.rodv.ru/upload/iblock/e74/e74c488d017cd6029c87c4b38753a7bf.docx.
5. Савгачева М.Ю., Савгачев В.В. Психосоциальные последствия выпадения волос у взрослых и пути их решения // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 196–200. EDN MWBUJS.
6. Fabbrocini G., Cacciapuoti S., Monfrecola G. A Qualitative Investigation of the Impact of Acne on Health-Related Quality of Life (HRQL): Development of a Conceptual Model // Dermatol Ther (Heidelb). 2018. Vol. 8. P. 85–99. DOI: 10.1007/s13555-018-0224-7.

7. Samuels D.V. et al. Acne vulgaris and risk of depression and anxiety: a meta-analytic review // J. Am. Acad. Dermatol. 2020. Vol. 83, № 2. P. 532–541. DOI: 10.1016/j.jaad.2020.02.040.

8. Wang Y., Zhang L. Global pattern, trend, and cross-country health inequality of adult acne aged 25+ years from 1990 to 2021: a comprehensive analysis for Global Burden of Disease // J. Health Popul. Nutr. 2025. Vol. 44. Art. 47. DOI: 10.1186/s41043-025-00847-w.

9. Finlay A.Y., Khan G.K. Dermatology Life Quality Index (DLQI) – a simple practical measure for routine clinical use // Clin. Exp. Dermatol. 1994. Vol. 19, № 3. P. 210–216. DOI: 10.1111/j.1365-2230.1994.tb01167.x.

10. Elradi M. et al. The Impact of Acne on Quality of Life: A Cross-Sectional Study from Egypt // Skin Appendage Disord. 2025. Vol. 11, № 3. P. 255–261. DOI: 10.1159/000543051.

11. Samuels D.V. et al. Acne vulgaris and risk of depression and anxiety: A meta-analytic review // J Am Acad Dermatol. 2020. Vol. 83, № 2. P. 532–541. DOI: 10.1016/j.jaad.2020.02.040.

12. Chernyshov P.V. et al. Quality of life measurement in atopic dermatitis. Position paper of the European Academy of Dermatology and Venereology (EADV) Task Force on quality of life // J Eur Acad Dermatol Venereol. 2017. Vol. 31, № 4. P. 576–593. DOI: 10.1111/jdv.14058.

13. Jisa T.A. et al. Prevalence of Acne and Its Impact on Quality of Life, Social Appearance Anxiety and Treatment Practices Among Young Adults // J Cosmet Dermatol. 2026. Vol. 25, № 1. Art. e70654. DOI: 10.1111/jocd.70654.

14. Шубин Л.Б., Савгачев В.В., Плещев И.Е. Применение опросника SF-36 для оценки эффективности реабилитационной программы с применением водного велосипеда «Сибайк» после травмы нижних конечностей // Медицинская психология в России. 2025. Т. 17, № 1(86). С. 20–26. EDN ZZLVCL.

15. Hopkins Z.H. et al. Patient-reported outcome measures for health-related quality of life in patients with acne vulgaris: a systematic review // JAMA Dermatol. 2022. Vol. 158, № 8. P. 900–911. DOI: 10.1001/jamadermatol.2022.2260.

IMPACT OF ACNE ON QUALITY OF LIFE, SELF-ESTEEM, AND SOCIAL ADAPTATION OF PATIENTS: MEDICO-SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS

Savgacheva M.Yu.
Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Relevance. Acne vulgaris is one of the most common dermatological diseases that significantly affects patients' quality of life and creates a substantial economic burden on the healthcare system. Despite high prevalence, the psychosocial and economic aspects of the disease are insufficiently studied in the context of public health. Objective – to assess the impact of acne on self-esteem, social adaptation and quality of life of patients from the perspective of the medical-social approach and health economics. Materials and methods. The study analyzed data from a survey of 30 acne patients over 16 years old using the Dermatology Life Quality Index (DLQI). Methods of systematic literature analysis and statistical data processing were used. Results. The study found that acne has a multifaceted negative impact on patients' quality of life: physical discomfort (mean score 1.47), impaired social functioning (1.13–1.37), emotional limitations (1.23). The total mean DLQI score was 12.5±4.2, indicating a moderate negative impact on quality of life. A significant correlation was found between acne severity and psychological distress levels. Conclusion. Acne requires a comprehensive interdisciplinary approach including dermatological therapy, psychological support and social rehabilitation. The use of standardized quality of life assessment scales allows optimizing the allocation of healthcare resources and improving the efficiency of medical care.

Keywords: acne vulgaris, quality of life, self-esteem, social adaptation, public health.

References

1. Dvoryankova E.V., Shevchenko N.A., Zhukova O.V. Psychiatric Comorbidity and Psychoemotional Status of Patients with Acne. Medical Council. 2022. No. 16(13). Pp. 38–46.

2. Li D. et al. Health-related Quality of Life and Correlation with Clinical Severity in Chinese Patients with Acne: A Cross-sectional Study. BMJ Open. 2025. Vol. 15, No. 9. Art. e091036.

3. Institute for Clinical and Economic Review. Targeted Literature Review on the Economic and Quality of Life Burden of Acne Vulgaris. ISPOR Europe 2023. Available at: https://www.ispor.org.

4. Kubanov A.A., Aravayskaya E.A., Samtsov A.V. et al. Vulgar Acne: Federal Clinical Recommendations. Moscow: Ministry of Health of Russia, 2020. 33 p. Available at: https://www.rodv.ru/upload/iblock/e74/e74c488d017cd6029c87c4b38753a7bf.docx.

5. Savgacheva M.Yu., Savgachev V.V. Psychosocial Consequences of Hair Loss in Adults and Ways to Address Them. Socio-Humanitarian Knowledge. 2025. No. 9. Pp. 196–200.

6. Fabbrocini G., Cacciapuoti S., Monfrecola G. A Qualitative Investigation of the Impact of Acne on Health-Related Quality of Life (HRQL): Development of a Conceptual Model. Dermatol Ther (Heidelb). 2018. Vol. 8. Pp. 85–99.

7. Samuels D.V. et al. Acne Vulgaris and Risk of Depression and Anxiety: A Meta-analytic Review. J. Am. Acad. Dermatol. 2020. Vol. 83, No. 2. Pp. 532–541.

8. Wang Y., Zhang L. Global Pattern, Trend, and Cross-country Health Inequality of Adult Acne Aged 25+ Years from 1990 to 2021: A Comprehensive Analysis for Global Burden of Disease. J. Health Popul. Nutr. 2025. Vol. 44. Art. 47.

9. Finlay A.Y., Khan G.K. Dermatology Life Quality Index (DLQI) – A Simple Practical Measure for Routine Clinical Use. Clin. Exp. Dermatol. 1994. Vol. 19, No. 3. Pp. 210–216.

10. Elradi M. et al. The Impact of Acne on Quality of Life: A Cross-Sectional Study from Egypt. Skin Appendage Disord. 2025. Vol. 11, No. 3. Pp. 255–261.

11. Samuels D.V. et al. Acne Vulgaris and Risk of Depression and Anxiety: A Meta-analytic Review. J. Am. Acad. Dermatol. 2020. Vol. 83, No. 2. Pp. 532–541.

12. Chernyshov P.V. et al. Quality of Life Measurement in Atopic Dermatitis. Position Paper of the European Academy of Dermatology and Venereology (EADV) Task Force on Quality of Life. J. Eur. Acad. Dermatol. Venereol. 2017. Vol. 31, No. 4. Pp. 576–593.

13. Jisa T.A. et al. Prevalence of Acne and Its Impact on Quality of Life, Social Appearance Anxiety and Treatment Practices Among Young Adults. J. Cosmet. Dermatol. 2026. Vol. 25, No. 1. Art. e70654.

14. Shubin L.B., Savgachev V.V., Pleshchev I.E. Application of SF-36 Questionnaire for Evaluating the Effectiveness of a Rehabilitation Program Using the Aquatic Bicycle "Sibayk" after Lower Limb Injury. Medical Psychology in Russia. 2025. Vol. 17, No. 1(86). Pp. 20–26.

15. Hopkins Z.H. et al. Patient-reported Outcome Measures for Health-related Quality of Life in Patients with Acne Vulgaris: A Systematic Review. JAMA Dermatol. 2022. Vol. 158, No. 8. Pp. 900–911.

Институционализация креативных индустрий в России: государственная политика, региональные разрывы и ограничения

Тизенгаузен Максим Георгиевич,
аспирант кафедры социологии Высшей школы креативных индустрий Северо-Кавказского федерального университета
E-mail: mtizengauzen@ncfu.ru

В статье анализируется институционализация креативных индустрий в России через государственную политику, нормативное оформление и региональные практики. Отдельно рассматривается соотношение федеральной рамки 2021–2025 гг. и локальных форм развития, включая материалы по Северному Кавказу. Цель статьи – определить, какие институциональные изменения связаны с законом, программами поддержки, рейтингами, форумами и образовательными кластерами, а также где сохраняются различия между правовым признанием сектора и практикой его участников. Методологическую основу составляют социологические подходы к институционализации П. Бергера и Т. Лукмана, концепция символического капитала П. Бурдье и анализ сетевого общества М. Кастельса. Делается вывод, что российская модель институционализации развивается неравномерно: федеральное признание оформлено, а инфраструктура, подготовка кадров, межведомственная координация и региональные механизмы поддержки различаются по качеству и доступности.

Ключевые слова: креативные индустрии, институционализация, государственная политика, региональное развитие, Северный Кавказ, социальные институты.

Введение

Креативные индустрии в России за последние годы перешли из сферы экспертных обсуждений в сферу государственной политики. Ранее этот сектор чаще описывался через культуру, малый бизнес, молодежные инициативы или цифровые платформы. Сейчас он получает правовые контуры, статистические инструменты, региональные рейтинги и специализированные образовательные проекты. Для социологического анализа значим сам процесс оформления: разрозненные практики постепенно получают признаки устойчивого социального поля.

В этом поле участвуют федеральные ведомства, университеты, региональные администрации, предприниматели, образовательные организации, творческие команды и профессиональные сообщества. Федеральные документы рассматривают креативную экономику как ресурс развития. Университеты открывают школы и колледжи креативных индустрий. Регионы подбирают собственные специализации: дизайн и цифровой контент, фестивальные проекты, ремесла, гастрономия, локальная мода, архитектурное наследие. На Северном Кавказе заметна связка традиционной культуры с современными форматами продвижения: народные промыслы, этнический дизайн, городская среда, туризм и медиа рассматриваются как элементы одной институциональной рамки.

Актуальность темы связана с принятием Федерального закона от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [5]. Закон вступил в силу в 2025 г. и закрепил основные понятия, перечень креативных индустрий, условия государственной поддержки и полномочия в сфере регулирования. При этом правовое признание требует дальнейшего анализа: как сектор будет развиваться в регионах, какие участники будут включены в официальные механизмы поддержки, какие практики останутся в сфере самозанятости, неформальных команд, сезонных проектов или цифровых сообществ.

Цель статьи – выявить особенности институционализации креативных индустрий в современной России через анализ государственной политики, институтов поддержки, региональных кейсов и ограничений развития сектора. В задачи входит: уточнение социологического смысла институционализации применительно к креативным индустриям; анализ нормативных изменений 2021–2025 гг.; рассмотрение федеральных и региональных механизмов поддержки; выявление ограничений, особенно заметных на региональном уровне; интерпретация северокавказских кейсов как примера формирующейся институциональной модели.

Объект исследования – креативные индустрии в современном российском обществе. Предмет – государственная политика, институты поддержки и региональные ограничения как факторы институционализации. Использованы теоретико-социологический анализ, вторичный анализ экспертных и статистических материалов, содержательный анализ нормативных документов, а также кейс-ориентированное рассмотрение отдельных северокавказских инициатив.

Научная новизна статьи состоит в рассмотрении институциональной механики развития сектора: кто вводит и закрепляет его название, кто измеряет сектор, какие институты распределяют признание, где формируется инфраструктура, а где сохраняется событийный или декларативный уровень поддержки.

Теоретико-методологические основания исследования

В классической трактовке П. Бергера и Т. Лукмана институционализация начинается с повторения социальных действий. Действия типизируются, получают устойчивый смысл и постепенно воспринимаются как привычный порядок [1]. Для креативных индустрий это принципиально: до включения дизайн-студии, подкаста, фестиваля уличной культуры или мастерской этнического костюма в стратегию региона они уже существуют как практики взаимодействия, производства и продвижения.

Государство фиксирует часть уже сложившихся профессиональных и городских практик. После включения в закон, программу или рейтинг деятельность получает иной статус: ее можно учитывать, финансировать, использовать как показатель развития, включать в ре-

гиональное позиционирование. Институционализация в этом смысле меняет отношения между участниками, а не только оформляет уже существующую активность.

Концепция символического капитала П. Бурдье позволяет описать роль признания в креативных индустриях. Помимо финансов, оборудования и помещений здесь значимы репутация, экспертная оценка, видимость в профессиональной среде, участие в заметных проектах [2]. Форум, грант или региональная программа, выбирая отдельные проекты, перераспределяют символический капитал. Для небольшой команды это может быть ресурсом последующего доступа к партнерам, аудитории или заказчикам.

Подход М. Кастельса к сетевому обществу важен для анализа структуры связей [3]. Креативные индустрии не всегда укладываются в вертикальную схему «министерство – учреждение – исполнитель». Они развиваются через связи университета с медиа, ремесленной мастерской с туристическим маршрутом, дизайнера с локальным брендом, фестиваля с городской администрацией, Telegram-канала с сообществом предпринимателей. Поэтому административная модель требует согласования с сетевыми механизмами развития.

В статье институционализация креативных индустрий рассматривается в нескольких плоскостях. Одна связана с называнием сектора: без устойчивого термина его трудно защищать и развивать. Другая – с правовыми условиями поддержки. Третья – с инфраструктурой: пространствами, колледжами, кластерами, акселераторами, экспертными сетями. Отдельно учитывается репутационная плоскость, где значение имеет признание профессионального поля и аудитории. Еще один уровень связан с повседневными профессиональными практиками: новыми ролями, навыками, формами самозанятости и проектной кооперации. В разных регионах эти элементы формируются с разной скоростью.

Нормативное оформление: этап правового закрепления

Первой крупной рамкой стала Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р [4]. В ней сектор получил стратегическое описание: креативные индустрии были связаны с интеллектуальной деятельностью, культурным наследием, творческим трудом и предпринимательством. Для управленческой системы это был важный шаг: появилось основание говорить не только о культуре или малом бизнесе, а о специальном межотраслевом поле.

Федеральный закон № 330-ФЗ сделал следующий ход [5]. Он закрепил основы правового регулирования и развития креативных индустрий, а после вступления в силу в феврале 2025 г. зафиксировал необходимость дальнейшей нормативной «обвязки». По данным НИУ ВШЭ, закон определяет основные понятия и перечень индустрий, устанавливает условия деятельности и государственной поддержки; Минэкономразвития России получило функции уполномоченного федерального органа в сфере креативной экономики [8].

Закон не только описывает уже существующий сектор. Он начинает собирать его административно: через реестры, ОКВЭД, сведения об инфраструктуре поддержки, региональные данные. Практики, ранее распределенные между культурой, образованием, туризмом, молодежной политикой и малым предпринимательством, получают возможность быть учтенными в единой рамке.

Расширение измеримости сопровождается проблемой отбора. В реестр проще включить организацию с понятной формой собственности и кодом деятельности, чем временную творческую команду, самозанятого автора, локальное сообщество мастеров или фестивальный проект, существующий на основе нескольких партнерств. Для регионов, где креативные индустрии часто держатся на мастерских, небольших командах, событиях и образовательных площадках, это обстоятельство существенно.

Закон целесообразно рассматривать как начало новой фазы институционализации. Он задает языковую и правовую основу, а дальнейшая проверка происходит на уровне регионального применения: какие субъекты будут признаны, какие меры поддержки дойдут до малых команд, какие данные смогут собрать регионы, насколько федеральная рамка будет учитывать разнообразие местных практик.

Государственная политика: режимы институционального воздействия

Государственная политика в сфере креативных индустрий обычно описывается через набор функций: называние сектора, поддержку, легитимацию, интеграцию. Такая схема удобна для классификации, но на практике действия государства различаются по плотности и последствиям. В одних случаях они открывают доступ к ресурсам, в других фиксируют уже существующую культурную активность, в третьих создают событие без последующего постоянного сопровождения.

Один из режимов действия – номинация. Государство вводит выражение «креативные индустрии» в документы, отчеты, стратегии и конкурсы. Это имеет прикладное значение: муниципальная администрация, университетская команда или предприниматель получают термин, с помощью которого можно описать проект, включить его в заявку, представить инвестору или профильному ведомству. В Северо-Кавказском регионе этот термин позволяет рассматривать ремесла, туризм, дизайн, музыку, гастрономию и работу с наследием в общей рамке, не сводя их только к культурной политике.

Другой режим связан с распределением доступа. Грант, кластер, форум, конкурс, образовательный набор или статус резидента выступают как механизмы отбора. Они помогают выделить проекты, которые признаются перспективными, и одновременно оставляют часть практик вне видимого поля поддержки. Поэтому государственная поддержка формирует не только инфраструктуру, но и иерархию видимости.

Еще один режим можно обозначить как перевод федеральной повестки в региональный материал. В Москве или Санкт-Петербурге этот перевод чаще связан с IT, медиа, дизайном, кино, архитектурой. Во Владикавказе или Ставрополе он проходит через наследие, образование, туризм, этническую эстетику, ремесленные практики и кадровый отток. В Дагестане анализ креативных индустрий связан, в частности, с Кубачи и другими центрами художественного производства. В Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии тема туризма включает визуальную культуру, сувенирный дизайн, гастрономию, событийные форматы.

Государство также производит публичное признание. Когда региональная власть, федеральный институт развития или университет включает креативные индустрии в повестку, сектор получает более устойчивый статус. При этом признание может иметь разные последствия: оно может открыть доступ к поддержке, а может ограничиться отчетной активностью – проведенным форумом, опубликованной резолюцией и отсутствием постоянного сопровождения проектов.

Для анализа важна не формальная сумма функций государственной политики, а плотность ее действий: какие изменения остаются после закона, форума, гранта или открытия кластера через год.

Социально-экономические параметры сектора и региональная поляризация

Данные НИУ ВШЭ позволяют зафиксировать масштаб сектора. В креативной экономике России занято около 4,6 млн человек, или 6,2% общей численности занятых [6]. Это заметный сегмент рынка труда, где представлены работники с высоким уровнем образования, молодежные профессиональные группы, самозанятые, проектные команды, специалисты цифрового производства.

Средняя цифра по стране не показывает региональные различия. Рейтинг креативных регионов России 2024 г., подготовленный ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, оценивает субъекты РФ по 52 показателям и сопоставляет их по социально-экономическим условиям, культурной среде, экономике креативных индустрий и поддержке сектора [7]. В топ-4 вошли Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области [7]. Эти позиции связаны с концентрацией университетов, платежеспособного спроса, цифровой инфраструктуры, предпринимательских сетей и крупных городских рынков.

Для южных республик ВШЭ отмечает иную конфигурацию: значительный человеческий потенциал и высокий показатель школ креативных индустрий в расчете на 10 тыс. человек населения; при этом выше 50-й строки по интегральному рейтингу среди этой группы расположены Калмыкия и Северная Осетия – Алания [7]. Эта деталь важна. Северный Кавказ нельзя описывать только через отставание от столиц. Здесь есть человеческий и культурный ресурс, но его институциональный перевод в экономику проектов, компаний, брендов и устойчивой занятости еще не завершен.

Региональная поляризация проявляется по-разному. В столицах проблема часто состоит в перегреве рынка, конкуренции и высокой стоимости входа. В северокавказских регионах – в нехватке долгих денег, продюсерских компетенций, юридического сопровождения, площадок для масштабирования, связей с внешними рынками. У мастера может быть продукт, у дизайнера – стиль, у города – наследие, но между этим и устойчивой креативной индустрией нужен посредник: образовательный, финансовый, управленческий, медийный.

Статистика ВШЭ в данном случае служит индикатором институциональной незавершенности. Сектор уже поддается измерению, однако его видимость распределена неравномерно.

Северный Кавказ как региональный кейс применения федеральной рамки

Северный Кавказ представляет интерес для анализа из-за сочетания насыщенного культурного материала и недостаточной развитости институциональных переходников. Наследие, ремесла, мода, музыка, национальная кухня, архитектурная среда и туристические маршруты могут становиться ресурсом креативной экономики. Для этого требуются дизайн, упаковка, правовая защита, продвижение, производство, логистика, обучение и связи с рынком.

Показателен форум креативных индустрий «Кавказский акцент», который прошел во Владикавказе 17–19 октября 2024 г. В резолюции указано, что в нем приняли участие более 7000 человек, а среди спикеров были эксперты креативных направлений, предприниматели, представители бизнеса и власти [10]. Темы форума – стратегия развития креативных индустрий на Северном Кавказе, барьеры, выбор приоритетных отраслей, инфраструктура, подготовка кадров, предпринимательство – фактически повторяют узлы всей российской институционализации, только в региональном масштабе.

В 2026 г. «Кавказский акцент» прошел во второй раз. Публичная тема «Этно мы» задает связь с этническим наследием, архитектурной памятью, народными промыслами, городской средой, модой и гастротуризмом [11]. В приветствии главы Северной Осетии Сергея Меняйло креативные индустрии были связаны с новой точкой экономического роста и переосмыслением культурного наследия современными подходами [11]. Для анализа значимо, что региональная власть описывает наследие как экономический и институциональный ресурс.

Другой кейс – создание кластера креативных индустрий Северного Кавказа на базе СКФУ в 2025 г. По сообщению университета, кластер формирует цепочку непрерывного образования от среднего профессионального до высшего уровня, создается на основе колледжа и высшей школы креативных индустрий, а среди партнеров названы ГТРК «Ставрополье» и Кубачинский художественный комбинат из Дагестана [9]. Планируемые направления подготовки включают дизайн и рекламу, позднее – разработку компьютерных игр дополненной и виртуальной реальности, звукорежиссуру, фотографию, анимацию, кино– и телепроизводство [9].

Этот кейс показывает один из возможных региональных маршрутов институционализации. Университет выступает как сборочная площадка: образование, ремесленное производство, медиа, региональные компании и кадровая политика соединяются в одном проекте. При этом остается вопрос о закреплении выпускников в макрорегионе, если рынки заказов и инфраструктура продвижения будут развиваться медленнее образовательного контура. СКФУ прямо связывает проект со снижением оттока молодых специалистов из региона [9].

Северокавказские примеры конкретизируют федеральную рамку. Закон определяет субъектов креативных индустрий. Форум формирует повестку и собирает участников. Университетский кластер запускает кадровую подготовку. Между этими уровнями требуется сеть малых институтов: продюсерские центры, юридические консультации, маркетинговые команды, региональные витрины, экспортные каналы, наставники, площадки для тестирования продуктов.

Институты поддержки: федеральный центр и локальные сборки

Институциональная среда креативных индустрий в России устроена как набор сборок разной плотности. На федеральном уровне есть закон, концепция, полномочия Минэкономразвития, аналитика ВШЭ, программы институтов развития. Этот уровень задает язык и легитимность. Он редко работает с конкретным мастером или небольшой командой напрямую, но способен открыть для них категорию поддержки.

Региональный уровень менее однороден. Где-то создается отдельная стратегия или кластер, где-то креативные индустрии включаются в туризм, молодежную политику, культуру или малый бизнес. Северная Осетия через «Кавказский акцент» развивает форумную и экспертную консолидацию. Ставрополь через СКФУ – образовательный контур. Дагестан через Кубачи и другие ремесленные центры имеет культурно-производственный материал, для которого востребованы современное продвижение, дизайн, защита бренда и выход за пределы сувенирной логики.

Муниципальный уровень часто оказывается практически значимым, хотя в документах может выглядеть второстепенным. Креативные индустрии развиваются в конкретных местах: бывших промышленных зданиях, вузовских лабораториях, мастерских, городских фестивалях, туристических улицах, рынках локальных брендов. Если город не предоставляет пространства, не работает с общественной средой и не учитывает событийную экономику, федеральная терминология остается удаленной от повседневной практики.

Профессиональные сообщества образуют неровный, но динамичный уровень. Они возникают быстрее административных структур: дизайнерские группы, ремесленные объединения, команды фестивалей, Telegram-чаты, городские активисты, продюсеры локальных событий. В них формируются правила качества и репутации. Иногда именно такие сообщества первыми формулируют для органов власти, какие практики нуждаются в поддержке.

Цифровые платформы развиваются рядом с этой системой. Автор, мастер или команда могут выйти к аудитории через VK, Telegram, маркетплейс, видеоплатформу, локальный медиа-проект независимо от наличия региональной стратегии. Цифровая видимость помогает представить продукт, но не всегда обеспечивает производство, юридическую защиту, стабильный доход или профессиональное сопровождение.

Ограничения институционализации

Первое ограничение связано с практической неопределенностью после нормативного признания. Закон задает рамку, но субъект креативных индустрий в реальной жизни может быть малым, гибким или смешанным. Один человек может шить костюмы, вести блог, проводить мастер-классы, делать сувенирную линейку для туристического маршрута и работать как самозанятый. Его трудно однозначно отнести к ремеслам, образованию, медиа, туризму или моде.

Второе ограничение связано с инфраструктурой. В аналитических текстах часто используются понятия «кластеры», «акселераторы», «центры компетенций». В практической плоскости такие институты требуют специалистов, бюджета, экспертизы и времени. Открытие пространства не гарантирует появления устойчивых проектов. Проведение форума не заменяет сопровождения команд после мероприятия. Образовательная программа требует связи с рынком заказов.

Региональная асимметрия проявляется не только между Москвой и Северным Кавказом, но и внутри макрорегиона. У Владикавказа есть форумная площадка и заметная культурная повестка. У Ставрополя – университетский ресурс СКФУ. У Дагестана – узнаваемые ремесленные традиции, включая Кубачи. У курортных территорий – туристический спрос. Эти элементы могут усиливать друг друга, но для этого требуются координация и каналы обмена.

Экономическое ограничение связано с коротким горизонтом планирования. Креативные проекты часто зависят от грантового цикла, фестивального сезона, туристического потока, заказов бизнеса. При разовой поддержке участники ориентируются на заявки и отдельные события, а не на длительную стратегию развития. В результате проект нередко адаптируется к конкурсу, а не конкурс – к устойчивой траектории проекта.

Кадровая проблема имеет два измерения. Открываются школы и колледжи, появляются университетские программы, растет интерес молодежи. Одновременно молодые специалисты могут уезжать туда, где выше плотность заказов, больше студий, шире аудитория и понятнее карьерные маршруты. Подготовка кадров без развития рынка может усиливать отток талантов в другие регионы.

Отдельно стоит учитывать административный язык. Понятия «экосистема», «кластер», «точка роста», «синергия», «бренд территории» могут описывать реальные процессы, а могут использоваться как элементы отчетности. Социологический анализ позволяет различать эти уровни: фактическое изменение институтов и риторическое описание изменений.

Российская модель: федеральная рамка и локальное содержание

Российская модель институционализации креативных индустрий складывается из двух движений. С федерального уровня приходят язык закона, программ, реестров, рейтингов и полномочий. На локальном уровне формируются практики мастерских, дизайнерских команд, фестивалей, цифровых авторов, локальных брендов, образовательных инициатив. Иногда эти движения совпадают, как в случае кластера СКФУ или форума во Владикавказе; иногда развиваются параллельно.

Государственная рамка делает сектор видимым для межведомственных решений, бюджетных мер, региональных стратегий и статистического учета. Но видимость не равна развитию. Для устойчивости нужны регулярные практики: доступ к помещениям, продюсерская поддержка, сопровождение авторского права, маршруты трудоустрой-

ства выпускников, выход локальных брендов на рынки за пределами региона.

Самоорганизация дает материал для развития сектора. Сообщества быстрее фиксируют новые жанры, спрос, стили, аудитории. Они способны работать с тем, что еще не включено в классификаторы. При этом без внешних ресурсов самоорганизация часто ограничена нехваткой финансирования, юридической поддержки, связей с бизнесом, доступа к инфраструктуре.

Для России продуктивна промежуточная конструкция: государство задает правила и открывает ресурсы, регионы выбирают специализацию, университеты и профессиональные сообщества переводят язык политики на язык практиков. Северный Кавказ показывает значимость такого перевода, поскольку здесь креативные индустрии связаны с наследием, туризмом, ремеслами, молодежной занятостью и образовательной инфраструктурой.

Оценка эффективности также требует уточнения. Количество мероприятий не отражает устойчивость сектора. Экономический оборот тоже не исчерпывает его значение. Для креативных индустрий важны сохранение и современное использование наследия, занятость молодежи, удержание специалистов, рост локальных брендов, появление устойчивых команд, межрегиональные связи. Эти показатели сложнее измерить, но они ближе к социальной реальности сектора.

Обсуждение результатов

Полученные наблюдения позволяют выделить несколько результатов. Государственная политика в сфере креативных индустрий стала источником институционального языка. После Концепции 2021 г. и закона 2024 г. сектор уже нельзя описывать только как сумму культурных проектов. Появилась правовая оболочка, а вместе с ней вопрос о доступе к этой оболочке разных участников.

Региональная специфика является важным условием применения федеральной рамки. Рейтинг ВШЭ фиксирует поляризацию регионов, а северокавказские кейсы показывают одну из ее конфигураций: культурный ресурс и человеческий потенциал присутствуют, отдельные институты появляются, но связность между ними пока ограничена.

Отдельного внимания заслуживает роль событий. Форумы вроде «Кавказского акцента» собирают участников, дают публичность, формируют повестку. Событие становится институтом только при наличии последующих маршрутов поддержки: консультаций, программ сопровождения, партнерских площадок, каналов финансирования.

Образовательный контур также важен. Кластер СКФУ переносит разговор о креативных индустриях из декларативного уровня в подготовку кадров. Но образование требует связи с рынком. Для удержания молодых специалистов нужны заказы, продюсерская среда, цифровое продвижение, партнерства с бизнесом и понятные региональные карьерные траектории.

Формализация сектора должна учитывать малые и гибкие практики. Слабая рамка оставляет участников без защиты. Слишком жесткая рамка может исключать тех, кто не соответствует стандартному образу субъекта поддержки. Между этими вариантами находится практическая задача региональной политики.

Заключение

Институционализация креативных индустрий в России вошла в этап нормативного закрепления. Концепция развития до 2030 г. и Федеральный закон № 330-ФЗ создали основу для правового и управленческого признания сектора [4; 5]. Появились рейтинги, методики, региональные профили, образовательные инициативы, специализированные форумы. Креативные индустрии уже существуют как объект политики; дальнейший вопрос связан с тем, насколько эта политика учитывает разнообразие практик.

Государственная политика производит несколько эффектов: называет сектор, делает его измеримым, открывает каналы поддержки, создает публичную легитимность, запускает инфраструктурные проекты. Эти эффекты распределены неравномерно. В одних регионах они переходят в программы, кластеры и образовательные цепочки. В других остаются на уровне мероприятий и формулировок.

Материалы по Северному Кавказу показывают конкретные проявления этого процесса. Форум «Кавказский акцент», создание кластера креативных индустрий на базе СКФУ, включение Кубачинского художественного комбината и других региональных партнеров в образовательный контур указывают на институциональное движение. При этом сохраняются вопросы о рынке, кадрах, сопровождении проектов, межрегиональной кооперации и переводе культурного наследия в устойчивые экономические формы.

Ограничение российской модели связано с разрывом между рамкой и практикой. Закон, рейтинг или форум задают направление, но не заменяют повседневных институтов: продюсерских центров, юридической помощи, профессиональных сообществ, муниципальных пространств, образовательных лабораторий, каналов продвижения.

Дальнейшее развитие креативных индустрий требует региональной политики, ориентированной на локальные ресурсы: ремесла, города, языки, визуальные традиции, туристические маршруты, молодежные сообщества, университеты. Для Северного Кавказа это особенно значимо. Креативные индустрии здесь могут стать способом современного разговора о наследии при условии, что этот разговор будет сопровождаться инфраструктурой, рынками и профессиональными механизмами поддержки.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Академический Проект, 2021.
2. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2005.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Становление общества сетевых структур. М.: Изд. дом ВШЭ, 2000.
4. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р.
5. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».
6. Креативный сектор России в цифрах: 2024 / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2024.
7. Рейтинг креативных регионов России: 2024 / Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2024.
8. Вступил в силу закон «О развитии креативных (творческих) индустрий» // Высшая школа дизайна НИУ ВШЭ. 06.02.2025. URL: https://creative.hse.ru/news/4832 (дата обращения: 02.05.2026).
9. Кластер креативных индустрий Северного Кавказа создан на базе СКФУ // Северо-Кавказский федеральный университет. 16.05.2025. URL: https://ncfu.ru/novosti/glavnaya/klaster-kreativnykh-industriy-severnogo-kavkaza-sozdan-na-baze-skfu/ (дата обращения: 02.05.2026).
10. Резолюция Первого регионального форума креативных индустрий «Кавказский акцент» // Фонд развития креативных индустрий Республики Северная Осетия – Алания. 2024. URL: https://creative-ossetia.ru/resolution (дата обращения: 02.05.2026).
11. Креативные индустрии с «Кавказским акцентом» // Это Кавказ. 28.04.2026. URL: https://etokavkaz.ru/sobytie/kreativnye-industrii-s-kavkazskim-aktcentom (дата обращения: 02.05.2026).

INSTITUTIONALIZATION OF CREATIVE INDUSTRIES IN RUSSIA: STATE POLICY, REGIONAL GAPS AND CONSTRAINTS

Tizengauzen M.G.
North-Caucasus Federal University

The article analyzes the institutionalization of creative industries in Russia through state policy, legal regulation and regional practices. It focuses on the relationship between the federal framework of 2021–2025 and local development patterns, including materials from the North Caucasus. The purpose of the article is to identify institutional changes related to the law, support programs, rankings, forums and educational clusters, as well as areas where differences remain between legal recognition and everyday practice. The methodological basis includes P. Berger and T. Luckmann's approach to institutionalization, P. Bourdieu's concept of symbolic capital and M. Castells' theory of the network society. The article concludes that the Russian model is developing unevenly: federal recognition has been formalized, while infrastructure, personnel training, interdepartmental coordination and regional support mechanisms differ in quality and accessibility.

Keywords: creative industries, institutionalization, state policy, regional development, North Caucasus, social institutions.

References

1. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2021. (In Russian)
2. Bourdieu P. Sociology of Social Space. Saint Petersburg: Aleteya, 2005. (In Russian)
3. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1: The Rise of the Network Society. Moscow: HSE Publishing House, 2000. (In Russian)
4. Concept for the Development of Creative Industries and Mechanisms for Their State Support until 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 2613-r, September 20, 2021. (In Russian)
5. Federal Law No. 330-FZ of August 8, 2024 "On the Development of Creative Industries in the Russian Federation". (In Russian)

6. Russia's Creative Sector in Figures: 2024. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University. Moscow: HSE University, 2024. (In Russian)

7. Ranking of Creative Regions of Russia: 2024. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, HSE University. Moscow: HSE University, 2024. (In Russian)

8. The Law "On the Development of Creative Industries" Came into Force. HSE School of Design, February 6, 2025. Available at: https://creative.hse.ru/news/4832 (accessed: May 2, 2026). (In Russian)

9. Creative Industries Cluster of the North Caucasus Established at NCFU. North-Caucasus Federal University, May 16, 2025. Available at: https://ncfu.ru/novosti/glavnaya/klaster-kreativnykh-industriy-severnogo-kavkaza-sozdan-na-baze-skfu/ (accessed: May 2, 2026). (In Russian)

10. Resolution of the First Regional Forum of Creative Industries "Caucasian Accent". Foundation for the Development of Creative Industries of the Republic of North Ossetia – Alania, 2024. Available at: https://creative-ossetia.ru/resolution (accessed: May 2, 2026). (In Russian)

11. Creative Industries with a "Caucasian Accent". This Is the Caucasus, April 28, 2026. Available at: https://etokavkaz.ru/sobytie/kreativnye-industrii-s-kavkazskim-aktcentom (accessed: May 2, 2026). (In Russian)

Роль развивающихся стран в международном климатическом режиме: вызовы и возможности в условиях режимной сложности

Тихонов Юрий Олегович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: st085723@student.spbu.ru

В условиях нарастания климатических последствий для международного сообщества, академическая литература испытывает дефицит комплексных теоретических рамок и концептов для понимания позиции развивающихся стран как коллективного субъекта международного климатического режима. Настоящая статья восполняет этот пробел, применяя теорию режимной сложности [3; 4; 12; 18] к сравнительному анализу пяти ключевых коалиций Глобального Юга в период от Рио-1992 до КС-29 в Баку (2024), вступая в полемику с теорией нормативного предпринимательства [9].
Статья предлагает концепцию «вынужденной адаптации» как расширение теории нормативного предпринимательства для акторов с ограниченным доступом к институтам. Концепт операционализирован через два аспекта (ресурсный и институциональный и верифицирован на трёх кейсах с контрпримером. Консультативное заключение МС ООН № 187 от 23 июля 2025 года, инициированное Вануату при поддержке 132 государств, рассматривается как эволюционный шаг стратегии Глобального Юга: запрос консультативного заключения (2021–2023) функционирует как параллельный трек «вынужденной адаптации», а само заключение провоцирует обсуждение в правовом поле, институционально более доступном для малых государств, чем переговорные площадки.

Ключевые слова: международный климатический режим; развивающиеся страны; CBDR-RC; режимная сложность; вынужденная адаптация; нормативное предпринимательство; CBAM; AOSIS; BASIC; потери и ущерб; консультативное заключение МС ООН.

Введение

Создание Фонда для компенсации потерь и ущерба на КС-27 (2022), первый призыв к переходу от ископаемого топлива на КС-28 (2023), Новая коллективная количественная цель на КС-29 (2024) и консультативное заключение МС ООН № 187 (23 июля 2025 года) – всё это существенно изменило архитектуру международного климатического сотрудничества. В центре трансформаций – позиция развивающихся стран, несущих наибольшее бремя климатических последствий при наибольших структурных ограничениях.

Это противоречие эмпирически обосновано. Задокументировано, что страны Глобального Севера несут непропорционально большую долю кумулятивных выбросов CO2 за 1850–2019 годы при значительно более низкой уязвимости к последствиям [7]. Эта асимметрия задаёт политическую напряжённость переговоров.

Степень научной разработанности темы обнаруживает как достижения, так и системный пробел. Литература, использовавшаяся при подготовке настоящей статьи, отвечает на ряд важных вопросов: демонстрирует «мессианскую двойственность» BASIC [10], описывает позиции коалиций в РКИК ООН [5], обозначает теорию режимного комплекса [12] и форум-шифтинга [3] соответственно, систематизирует международное климатическое право и принцип CBDR-RC [6; 14; 17; 24], показывает роль TCA (т.е. транснациональных сетей адвокации, от англ. transnational advocacy network) как механизмов компенсации слабости малых акторов [9]. Однако ни одна из представленных работ не объясняет специфику стратегий акторов с принудительно ограниченным институциональным доступом. Настоящая статья восполняет этот пробел, вводя концепцию «вынужденной адаптации». Научная новизна состоит в применении концепции «вынужденной адаптации» как расширения теории нормативного предпринимательства для случая акторов с ограниченным институциональным доступом.

Цель данной работы – применить предлагаемую концепцию «вынужденной адаптации» в контексте изучения роли развивающихся стран в международном климатическом режиме. Задачи: 1) проследить эволюцию коалиционной дипломатии от Рио-1992 до КС-29, включая полемику о «переходе от ископаемого топлива» на КС-28; 2) систематически сравнить стратегии пяти коалиций по трём измерениям; 3) идентифицировать структурные вызовы; 4) верифицировать гипотезу о «вынужденной адаптации» с контрпримером и определить условия фальсификации.

Теоретико-методологическая рамка

В данной статье используются несколько теоретических концептов, главными из которых выступают теория режимной сложности и форум-шифтинг (от англ. forum-shifting). Теория режимной сложности [3; 18] описывает управление через массив частично перекрывающихся институтов. Центральный механизм – форум-шифтинг, т.е. проактивное перемещение нормативных вопросов в более выгодные форумы [4; 12].

Немаловажно также упомянуть про концепт транснациональных сетей адвокации (TCA, от англ. transnational advocacy network или TAN) в рамках теории нормативного предпринимательства. В литературе описана роль TCA как механизмов компенсации слабости малых акторов через доступ к форумам [9]. Применяя эту рамку к климатическим переговорам, можно показать: малые островные государства (далее – AOSIS) и наименее развитые страны (далее – НРС) действовали именно как нормативные предприниматели с доступом к TCA-стратегиям. Однако теория предполагает (пусть и имплицитно), что нормативным предпринимателям доступен определённый набор организационных платформ и международных институтов [9, с. 895]. Для AOSIS и НРС именно этот доступ системно блокируется сильными акторами: климатические переговоры отклоняют вопросы торговой справедливости; ВТО отвергает климатические претензии – развивающиеся страны оказываются в «институциональной ловушке», которую TCA в одиночку не могут преодолеть. Именно принудительное закрытие альтернативных форумов – а не просто ресурсная недостаточность – является тем измерением, которое теория не охватывает теория нормативного предпринимательства. «Вынужденная адаптация» не отрицает нормативного предпринимательства; она добавляет его институциональное измерение, критически важное для структурно слабых акторов.

Саму концепцию «вынужденной адаптации», предложенную в статье, можно определить как реактивную стратегию структурно слабых акторов в условиях режимной сложности, при которой «вынужденность» определяется двумя аналитически различимыми аспектами. Ресурсный аспект – отсутствие средств для быстрой конвертации нормативного давления в результат: многолетнее накопление нормативного капитала внутри одного форума вместо проактивного переключения между форумами. Институциональный аспект – целенаправленное закрытие сильными акторами всех потенциальных форумов для рассмотрения данного вопроса (тактика «не на том форуме»), а не просто ресурсный дефицит.

Данный концепт предполагает, что структурно слабый актор, не располагающий ни ресурсами для форум-шифтинга, ни доступными альтернативными форумами, тем не менее добивается нормативного результата без накопления длительного коалиционного давления и без внезапных резонансных событий, например, чрезвычайных происшествий. Иными словами: если нормативный успех достигается быстро и без использования чрезвычайных событий как рычага – концепт неверен. Этот критерий позволяет отличить «вынужденную адаптацию» от простой тактической медлительности.

Под термином «режим» в данной статье определяется международный климатический режим как комплекс институтов [12, с. 7], охватывающий РКИК ООН, Парижское соглашение и взаимодействующие торговые и финансовые институты.

В рамках международного климатического режима действует ряд переговорных коалиций развивающихся стран, анализируемых в настоящей статье. G77+Китай – крупнейшая из них, объединяющая 134 развивающихся государства и выступающая консолидированной переговорной силой Глобального Юга по вопросам климатического финансирования и принципа CBDR-RC [24, с. 285]. Внутри G77+Китай существуют более узкие субкоалиции со специфическими интересами, три из которых являются предметом настоящего анализа: BASIC (Бразилия, ЮАР, Индия, Китай) – коалиция крупных развивающихся экономик со значительным экономическим весом и высокими абсолютными объёмами выбросов, сохраняющих при этом статус развивающихся стран [10, с. 463]; AOSIS – альянс 44 малых островных государств, наиболее уязвимых к последствиям изменения климата, прежде всего к повышению уровня моря [7]; НРС – группа 46 наименее развитых стран с острейшим дефицитом адаптационного потенциала и переговорных ресурсов [2]. Формальное членство в G77+Китай не исключает существенных разногласий между субкоалициями – в частности, по вопросам темпов декарбонизации и объёмов климатического финансирования, что наглядно продемонстрировал КС-28 [21]. Для сопоставления этих коалиций в статье используется метод сравнительного анализа по трём измерениям (а) климатическое финансирование, б) принцип общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей или CBDR-RC [24], в) технологический трансфер) [20; 21; 22].

Эволюция позиции развивающихся стран в международном климатическом режиме

РКИК ООН 1992 года закрепила CBDR-RC: Приложение I несёт количественные обязательства, остальные – освобождены от них. Известно, что страны с высоким доходом несут непропорционально большую долю исторических выбросов CO2 [7] – основание требования о первичной ответственности Севера, воспроизведённого в Киотском протоколе [6, с. 756]. По мере роста выбросов BASIC-стран нарастала «мессианская двойственность» [10, с. 471]: декларируя солидарность Юга, эти государства блокировали расширение собственных обязательств. Новые коалиции после Конференции сторон (КС) в Копенгагене трансформировали нарративные пространства РКИК ООН [5, с. 753].

В литературе описан переход к «тонкой» дифференциации CBDR-RC: оговорка «в свете национальных обстоятельств» открыла пространства для интерпретаций [17, с. 494]. Важно упомянуть, что «справедливые доли» в CBDR-RC остаются нормативно оспариваемой категорией: развивающиеся страны настаивают на том, что обязательства по финансированию должны определяться историческими объёмами воздействия на окружающую среду, а не сиюминутными показателями [14, с. 3].

Прорыв на КС-27 обеспечила комбинация трёх факторов: тяжелая экологическая ситуация в Пакистане (Пакистан – председатель G77+Китай в год катастрофических наводнений [22]), угроза AOSIS заблокировать весь переговорный пакет и параллельный правовой трек (запрос к МС ООН, 105 соспонсоров к марту 2023 года). В Копенгагене (2009) схожая стратегия не сработала: BASIC разрушал единство G77, политический момент не обеспечивал сопоставимой сигнализации.

На КС-28 был операционализирован Фонд для компенсации потерь и ущерба, а «Дубайский консенсус» включил исторически первый призыв к «переходу от ископаемого топлива» [21]. Это внесло раскол в группу южных стран. Итоговая формулировка «transitioning away… in a just, orderly and equitable manner» – компромисс, демонстрирующий, что «вынужденная адаптация» воспроизводится для наиболее уязвимых акторов даже в условиях формального единства G77+Китай [21].

На КС-29 в Баку принята Новая коллективная количественная цель в 300 млрд долл. в год к 2035 году при общей мобилизационной цели в 1,3 трлн долл. [8]. ЮНЕП фиксирует: потребности в адаптационном финансировании – 215–387 млрд долл. в год при реальных потоках в 21 млрд долл. в 2021 году [2]. Это означает, что нормативный прогресс не устраняет финансового разрыва (табл. 1).

Таблица 1. Переговорные позиции коалиций развивающихся стран на КС-26–29 (2021–2024) и их теоретическая классификация

Коалиция	Климатическое финансирование	Интерпретация CBDR-RC	Трансфер технологий и отказ от ископаемого топлива	Теоретическая классификация
G77+Китай	Настаивает на выполнении обязательства 100 млрд долл.; приветствует НККЦ, считает 300 млрд долл. стартовой суммой	Жёсткое прочтение: Приложение I несёт первичную ответственность; требует сохранения CBDR-RC в полном объёме с учётом «справедливых долей» [14, с. 4]	Требует обязывающего трансфера технологий без ИС-барьеров; противодействует CBAM как нарушению CBDR-RC	Вынужденная адаптация (ресурсный аспект; коалиционное давление)
BASIC	Принимает НККЦ; требует грантового компонента и льготного финансирования; апеллирует к ВТО против CBAM	Динамичная: поддерживает CBDR-RC при постепенном принятии оговорки «в свете нац. обстоятельств»; Индия и Китай используют ВТО – частичный форум-шифтинг	На КС-28 внутри BASIC не было единого мнения по вопросу темпов декарбонизации	Переходный тип: от вынужденной адаптации к форум-шифтингу по мере накопления ресурсов
AOSIS	Максимальные требования к грантовому финансированию от Фонда для компенсации потерь и ущерба; угроза блокирования пакета КС-27	Наиболее жёсткое прочтение: историческая ответственность Севера непреложна; обязывающий компенсационный механизм необходим	На КС-28 настаивала на формулировке «phase out» – жёстче, чем итоговый «transitioning away»; инициатива МС ООН как параллельный правовой трек	Вынужденная адаптация (ресурсный аспект); запрос МС ООН – параллельный трек концепта
Наименее развитые страны (НРС)	Острейший дефицит доступа к ЗКФ; требует специального окна; НККЦ рассматривается как недостаточная для адаптационных нужд	Жёсткое прочтение; право на развитие приоритетно; требует освобождения от CBAM и специального режима; поддерживает [14, с. 4] по «справедливым долям»	На КС-28 поддержала «phase out»; минимальные мощности для соответствия CBAM	Вынужденная адаптация (оба аспекта в наибольшей мере)

Источником наблюдаемых данных для Таблицы 1 выступили Сводные доклады IISD Earth Negotiations Bulletin [20; 21; 22]. Теоретическая классификация в последнем столбце Таблицы 1 является авторской интерпретацией наблюдаемых позиций на основе концепта «вынужденной адаптации», а не независимо верифицируемым наблюдением. При этом Таблица 1 позволяет сделать частично расходящийся с концептом «вынужденной адаптации» вывод: Индия и Китай (члены BASIC) апеллируют к нормам ВТО против CBAM, что является частным примером форум-шифтинга.

Таблица 1 фиксирует систематическую асимметрию, предсказанную теорией: «вынужденная адаптация» наиболее выражена у AOSIS и наименее развитые страны – там, где климатическая уязвимость сочетается с наибольшим дефицитом переговорных ресурсов.

Структурные вызовы: режимная сложность как давление

ЮНЕП фиксирует: потребности в адаптационном финансировании – 215–387 млрд долл. в год, реальные потоки в 2021 году – 21 млрд долл., в 10–18 раз ниже [2]. Без адекватного финансирования наименее развитие страны не могут принимать амбициозные программы по сокращению выбросов (имеются в виде Определяемые на национальном уровне вклады). К соблюдению «справедливых долей» в рамках CBDR-RC невозможно в виду отсутствия механизма принуждения [14], что в том числе существенно ограничивает ресурсы и без того слабых акторов внутри международных институтов и провоцирует «вынужденную адаптацию».

CBAM (Regulation EU 2023/956, октябрь 2023 года) – пример «стратегической непоследовательности» [18, с. 298]: ЕС использует торговый режим для создания климатических стимулов, порождая внутрирежимное противоречие. В Совместном заявлении 8 апреля 2021 года BASIC охарактеризовал CBAM как «дискриминационный и противоречащий принципам Справедливости и CBDR-RC» [11]. На КС-28 предложение BASIC внести «односторонние торговые меры» в повестку систематически блокировалось развитыми странами [20]. Это институциональный аспект «вынужденности»: принудительное закрытие форума для обсуждения со стороны сильных акторов.

Вместе с тем Индия и Китай начали апеллировать к нормам ВТО против CBAM – это частичный форум-шифтинг, к которому пришлось прибегнуть, т.к. предпочтительный форум (Конференция Сторон) оказался закрыт. Делегации из наименее развитых стран, состоящие из 2–5 человек, против специализированных команд развитых стран – это наглядный пример ресурсного аспекта «вынужденности» [13].

Страны могли бы опираться на ТСА-стратегии, однако доступность альтернативных форумов систематически блокируется. В частности, для AOSIS в силу единственной работающей стратегией с 1991 г. оставалось накопление давления внутри РКИК ООН: Варшавский механизм (2013), Статья 8 Парижского соглашения (2015), Глазговский диалог (2021). Прорыв на КС-27 потребовал более 30 лет – предельный случай ресурсного аспекта «вынужденной адаптации». Запрос в Международный суд ООН (2021–2023) функционировал как параллельный трек той же стратегии.

Расширение климатических взаимодействий внутри БРИКС [1] и снижение себестоимости солнечной генерации до 0,044 долл./кВт·ч [19] частично снижают ресурсное ограничение. Консультативное заключение МС ООН № 187 (23 июля 2025 года) зафиксировало, что бездействие государства в сфере климата может квалифицироваться как международно-противоправный акт [15, пар. 207] при обязательстве должной осмотрительности [15, пар. 457]. Заключение открыло правовой форум для обсуждения, более доступную для малых государств, чем РКИК ООН или ВТО.

Обсуждение: верификация, контрпример и границы применимости

Три кейса, разобранных в предшествующих разделах, в совокупности верифицируют концепцию «вынужденной адаптации» и позволяют уточнить её границы применимости.

Первый кейс – история механизма компенсации потерь и ущерба – иллюстрирует ресурсный аспект «вынужденности». AOSIS инициировал обсуждение этого вопроса ещё в 1991 году, однако прорыв состоялся лишь на КС-27 – спустя более 30 лет накопленного нормативного давления внутри единственного доступного форума. Прорыв стал возможен не сам по себе, а благодаря комбинации нескольких одновременных точек давления: тяжёлой экологической ситуации в Пакистане как председателе G77+Китай [22], угрозы AOSIS заблокировать весь переговорный пакет и параллельного правового трека (запрос к МС ООН). Это подтверждает: нормативная конвертация при «вынужденной адаптации» требует не только накопленного капитала, но и одновременного давления по нескольким направлениям.

Второй кейс – CBAM – иллюстрирует институциональный аспект «вынужденности». Попытка BASIC вынести обсуждение «односторонних торговых мер» на КС-28 получила поддержку 134 государств, однако была систематически заблокирована развитыми странами [20]. Вместе с тем более ресурсные члены BASIC – Индия и Китай – прибегли к частичному форум-шифтингу, апеллировав к нормам ВТО. Это наблюдение частично расходится с концептом в его строгой формулировке: оно свидетельствует о том, что «вынужденная адаптация» является доминирующей, но не исключительной стратегией для BASIC – по мере накопления ресурсов коалиция постепенно перемещается в сторону форум-шифтинга.

Третий кейс – финансовый разрыв и условные определяемые на национальном уровне вклады – дополнительно верифицирует ресурсный аспект концепта. Реальные потоки адаптационного финансирования (21 млрд долл. в 2021 году) в 10–18 раз ниже задокументированных потребностей [2], что воспроизводит «вынужденность» в каждом переговорном цикле: без внешней поддержки наименее развитые страны не могут принимать амбициозные безусловные обязательства. Принятие Новой коллективной количественной цели на КС-29 [8] – нормативный прогресс, однако он не устраняет структурного ресурсного ограничения.

Наконец, консультативное заключение МС ООН [15] представляет собой пограничный случай, уточняющий условия применимости концепта. Вануату преодолел ресурсный дефицит через коалиционную дипломатию в Генеральной Ассамблее ООН – типичную ТСА-стратегию [9] – и получил доступ к институционально открытому правовому форуму. Это означает, что для правовых форумов условие открытости достигается иначе, чем для торговых или переговорных площадок, и при наличии такого форума элементы форум-шифтинга оказываются доступны даже структурно слабым акторам.

Заключение

Настоящая статья верифицировала концепцию «вынужденной адаптации» как реактивной стратегии структурно слабых акторов в условиях режимной сложности. Анализ трёх кейсов – механизма компенсации потерь и ущерба, CBAM и финансового разрыва – подтвердил: нормативная конвертация требует многолетнего накопления коалиционного давления и нескольких одновременных точек воздействия, а не единовременного усилия. Эпизод КС-28 наглядно продемонстрировал, что фрагментация позиций внутри G77+Китай воспроизводит «вынужденную адаптацию» для наиболее уязвимых субкоалиций даже в условиях формального единства.

Концепт имеет чёткие границы применимости. Частичный форум-шифтинг Индии и Китая по вопросу CBAM показывает, что по мере накопления ресурсов коалиция способна выходить за пределы «вынужденной адаптации». Консультативное заключение МС ООН № 187 [15, пар. 207, 457] свидетельствует о том, что правовые форумы могут функционировать как параллельные треки «вынужденной адаптации», расширяя стратегический репертуар даже наименее ресурсных акторов.

На основании проведённого анализа можно сформулировать практические рекомендации. Во-первых, необходимо реструктурировать Новую коллективную количественную цель [8] с выделением отдельной адаптационной составляющей и приоритизацией грантового компонента – без этого финансовый разрыв, институциализирующий «вынужденность», воспроизводится в каждом переговорном цикле. Во-вторых, Зелёный климатический фонд следует использовать как инструмент технологического трансфера для наименее развитых стран. В-третьих, наименее развитые страны должны быть освобождены от полного действия CBAM, поскольку у них отсутствуют регуляторные мощности для соответствия его требованиям. В-четвёртых, необходимо укрепить переговорный потенциал делегаций наименее развитых стран, поскольку асимметрия ресурсов является одним из ключевых механизмов воспроизводства «вынужденности».

Литература

1. На пути к глобальному зелёному лидерству: приоритеты сотрудничества стран БРИКС по вопросам борьбы с изменением климата // Центр международных и сравнительно-правовых исследований. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/109/4832b944–3938–4b9f-a609-bebad2c87c44/Rus_Priorities_for_BRICS_Cooperation_on_Climate_Change_28.08.24.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

2. Adaptation Gap Report 2023: Underfinanced. Underprepared. Inadequate Investment and Planning on Climate Adaptation Leaves World Exposed // UNEP. – 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://wedocs.unep.org/items/635ff4d3–010e-4a52-a75d-bb050e75d6ee (дата обращения: 29.04.2026).

3. Alter K.J., Raustiala K. The Politics of International Regime Complexity // Perspectives on Politics. – 2009. – Vol. 7, No. 1. – P. 13–24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/abs/politics-of-international-regime-complexity/37B14B427A95988E48D9F5D3CDB13403 (дата обращения: 29.04.2026).

4. Alter K.J., Raustiala K. The Rise of International Regime Complexity // Annual Review of Law and Social Science. – 2018. – Vol. 14. – P. 329–

349. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.146/annurev-lawsocsci-101317–030830 (дата обращения: 29.04.2026).

5. Blaxekjær L., Nielsen T. Mapping the narrative positions of new political groups under the UNFCCC // Climate Policy. – 2015. – Vol. 15, No. 6. – P. 751–766. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14693062.2014.965656 (дата обращения: 29.04.2026).

6. Bodansky D., Brunnée J., Rajamani L. International Climate Change Law. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 400 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://academic.oup.com/oxford-law-pro/book/57770 (дата обращения: 29.04.2026).

7. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability // IPCC. – 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/ (дата обращения: 29.04.2026).

8. Decision -/CMA.6. New collective quantified goal on climate finance // UNFCCC. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/CMA_11%28a%29_NCQG.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

9. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. – 1998. – Vol. 52, No. 4. – P. 887–917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/5333873.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

10. Hurrell A., Sengupta S. Emerging powers, North–South relations and global climate politics // International Affairs. – 2012. – Vol. 88, No. 3. – P. 463–484. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468–2346.2012.01084.x (дата обращения 29.04.2026).

11. Joint Statement issued at the conclusion of the 30th BASIC Ministerial Meeting on Climate Change hosted by India on 8th April 2021 // South African Government. – 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.za/nr/speeches/joint-statement-issued-conclusion-30th-basic-ministerial-meeting-climate-change-hosted (дата обращения: 29.04.2026).

12. Keohane R., Victor D. The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 9, No. 1. – P. 7–23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/228212111_The_Regime_Complex_for_Climate_Change (дата обращения: 29.04.2026).

13. Mohan V. In Search of Consensus: Examining the Global South Perspectives on Climate Security in UNSC Debates // APSA. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://preprints.apsanet.org/engage/api-gateway/apsa/assets/orp/resource/item/66618cbb418a5379b034ba29/original/in-search-of-consensus-examining-the-global-south-perspectives-on-climate-security-in-unsc-debates.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

14. National 'fair shares' in reducing greenhouse gas emissions within the principled framework of international environmental law / L. Rajamani [et al.] // Climate Policy. – 2021. – Vol. 21, No. 1. – P. 1–22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/354445286_National_'fair_shares'_in_reducing_greenhouse_gas_emissions_within_the_principled_framework_of_international_environmental_law (дата обращения 29.04.2026).

15. Obligations of States in respect of Climate Change. Advisory Opinion No. 187, 23 July 2025 // ICJ. – 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.icj-cij.org/case/187 (дата обращения: 29.04.2026).

16. Pauw P., Mbeva H., Asselt H. Subtle differentiation of countries' responsibilities under the Paris Agreement // Palgrave Communications. – 2019. – Vol. 5. – Art. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/334775280_Subtle_differentiation_of_countries'_responsibilities_under_the_Paris_Agreement (дата обращения: 29.04.2026).

17. Rajamani L. Ambition and Differentiation in the 2015 Paris Agreement: Interpretive Possibilities and Underlying Politics // International and Comparative Law Quarterly. – 2016. – Vol. 65, No. 2. – P. 493–514. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/298734977_Ambition_and_Differentiation_in_the_2015_Paris_Agreement_Interpretive_Possibilities_and_Underlying_Politics (дата обращения: 29.04.2026).

18. Raustiala K., Victor D. The Regime Complex for Plant Genetic Resources // International Organization. – 2004. – Vol. 58, No. 2. – P. 277–309. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/4733280_The_Regime_Complex_for_Plant_Genetic_Resources (дата обращения: 29.04.2026).

19. Renewable Power Generation Costs in 2023 // IRENA. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Sep/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2023 (дата обращения: 29.04.2026).

20. Summary report, 11–22 November 2024 // IISD. – 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://enb.iisd.org/baku-un-climate-change-conference-cop29-summary (дата обращения: 29.04.2026).

21. Summary report, 30 November – 13 December 2023 // IISD. – 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://enb.iisd.org/united-arab-emirates-climate-change-conference-cop28-summary (дата обращения: 29.04.2026).

22. Summary report, 6–20 November 2022 // IISD. – 2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://enb.iisd.org/sharm-el-sheikh-climate-change-conference-cop27-summary (дата обращения: 29.04.2026).

23. Updated Nationally Determined Contribution. Federal Democratic Republic of Ethiopia // UNFCCC. – 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022–06/Ethiopia%27s%20updated%20NDC%20JULY%202021%20Submission_.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

24. Voigt C., Ferreira F. 'Dynamic Differentiation': The Principles of CBDR-RC, Progression and Highest Possible Ambition in the Paris Agreement // Transnational Environmental Law. – 2016. – Vol. 5, No. 2. – P. 285–303. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/309437478_'Dynamic_Differentiation'_The_Principles_of_CBDR-RC_Progression_and_Highest_Possible_Ambition_in_the_Paris_Agreement (дата обращения: 29.04.2026).

THE ROLE OF DEVELOPING COUNTRIES IN THE INTERNATIONAL CLIMATE REGIME: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES UNDER REGIME COMPLEXITY

Tikhonov Yu.O.
Saint Petersburg State University

As the climate consequences intensify, academic literature lacks comprehensive theoretical frameworks for understanding the position of developing countries as a collective actor in the international climate regime. This article addresses this gap by applying regime complexity theory [3; 4; 12; 18] to a comparative analysis of five key Global South coalitions from Rio 1992 to COP29 in Baku (2024), entering into a polemic with norm entrepreneurship theory [9].

The article proposes the concept of "constrained adaptation" as an extension of norm entrepreneurship theory for actors with limited access to institutions. The concept is operationalised through two aspects (resource and institutional) and verified against three cases with a counter-example. The ICJ Advisory Opinion No. 187 of 23 July 2025, initiated by Vanuatu with the support of 132 states, is considered as an evolutionary step in the Global South's strategy: the request for the advisory opinion (2021–2023) functions as a parallel track of "constrained adaptation", while the opinion itself provokes discussion in a legal field institutionally more accessible to small states than negotiating platforms.

Keywords: international climate regime; developing countries; CBDR-RC; regime complexity; constrained adaptation; norm entrepreneurship; CBAM; AOSIS; BASIC; loss and damage; ICJ Advisory Opinion.

References

1. Towards Global Green Leadership: Priorities for BRICS Cooperation on Climate Change // Center for International and Comparative Legal Studies. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/109/4832b944–3938–4b9f-a609-bebad2c87c44/Rus_Priorities_for_BRICS_Cooperation_on_Climate_Change_28.08.24.pdf (access date 04/29/2026).

2. Adaptation Gap Report 2023: Underfinanced. Underprepared. Inadequate Investment and Planning on Climate Adaptation Leaves World Exposed // UNEP. – 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://wedocs.unep.org/items/635ff4d3–010e-4a52-a75d-bb050e75d6ee (access date 04/29/2026).

3. Alter K.J., Raustiala K. The Politics of International Regime Complexity // Perspectives on Politics. – 2009. – Vol. 7, No. 1. – P. 13–24. [Electronic resource]. Access mode: https://www.cambridge.org/core/journals/perspectives-on-politics/article/abs/politics-of-international-regime-complexity/37B14B427A95988E48D9F5D3CDB13403 (access date 04/29/2026).

4. Alter K.J., Raustiala K. The Rise of International Regime Complexity // Annual Review of Law and Social Science. – 2018. – Vol. 14. – P. 329–349. [Electronic resource]. Access mode: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-lawsocsci-101317–030830 (access date 04/29/2026).

5. Blaxekjær L., Nielsen T. Mapping the narrative positions of new political groups under the UNFCCC // Climate Policy. – 2015. – Vol. 15, No. 6. – P. 751–766. [Electronic resource]. Access mode: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14693062.2014.965656 (access date 04/29/2026).

6. Bodansky D., Brunnée J., Rajamani L. International Climate Change Law. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 400 p. [Electronic resource]. Access mode: https://academic.oup.com/oxford-law-pro/book/57770 (access date 04/29/2026).

7. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability // IPCC. – 2022. [Electronic resource]. Access mode: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/ (access date 04/29/2026).

8. Decision -/CMA.6. New collective quantified goal on climate finance // UNFCCC. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/CMA_11%28a%29_NCQG.pdf (access date 04/29/2026).

9. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. – 1998. – Vol. 52, No. 4. – P. 887–917. [Electronic resource].

Access mode: https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/5333873.pdf (access date 04/29/2026).

10. Hurrell A., Sengupta S. Emerging powers, North–South relations and global climate policy // International Affairs. – 2012. – Vol. 88, No. 3. – P. 463–484. [Electronic resource]. Access mode: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1468–2346.2012.01084.x (access date 04/29/2026).

11. Joint Statement issued at the conclusion of the 30th BASIC Ministerial Meeting on Climate Change hosted by India on 8 April 2021 // South African Government. – 2021. [Electronic resource]. Access mode: https://www.gov.za/nr/speeches/joint-statement-issued-conclusion-30th-basic-ministerial-meeting-climate-change-hosted (access date 04/29/2026).

12. Keohane R., Victor D. The Regime Complex for Climate Change // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 9, No. 1. – P. 7–23. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/228212111_The_Regime_Complex_for_Climate_Change (access date 04/29/2026).

13. Mohan V. In Search of Consensus: Examining the Global South Perspectives on Climate Security in UNSC Debates // APSA. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://preprints.apsanet.org/engage/api-gateway/apsa/assets/orp/resource/item/66618cbb418a5379b034ba29/original/in-search-of-consensus-examining-the-global-south-perspectives-on-climate-security-in-unsc-debates.pdf (access date 04/29/2026).

14. National 'fair shares' in reducing greenhouse gas emissions within the principled framework of international environmental law / L. Rajamani [et al.] // Climate Policy. – 2021. – Vol. 21, No. 1. – P. 1–22. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/354445286_National_'fair_shares'_in_reducing_greenhouse_gas_emissions_within_the_principled_framework_of_international_environmental_law (access date 04/29/2026).

15. Obligations of States in respect of Climate Change. Advisory Opinion No. 187, July 23, 2025 // ICJ. – 2025. [Electronic resource]. Access mode: https://www.icj-cij.org/case/187 (access date 04/29/2026).

16. Pauw P., Mbeva H., Asselt H. Subtle differentiation of countries' responsibilities under the Paris Agreement // Palgrave Communications. – 2019. – Vol. 5. – Art. 1. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/334775280_Subtle_differentiation_of_countries'_responsibilities_under_the_Paris_Agreement (access date 04/29/2026).

17. Rajamani L. Ambition and Differentiation in the 2015 Paris Agreement: Interpretive Possibilities and Underlying Politics // International and Comparative Law Quarterly. – 2016. – Vol. 65, No. 2. – P. 493–514. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/298734977_Ambition_and_Differentiation_in_the_2015_Paris_Agreement_Interpretive_Possibilities_and_Underlying_Politics (access date 04/29/2026).

18. Raustiala K., Victor D. The Regime Complex for Plant Genetic Resources // International Organization. – 2004. – Vol. 58, No. 2. – P. 277–309. [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/4733280_The_Regime_Complex_for_Plant_Genetic_Resources (access date 04/29/2026).

20. Renewable Power Generation Costs in 2023 // IRENA. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://www.irena.org/Publications/2024/Sep/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2023 (access date 04/29/2026).

21. Summary report, 11–22 November 2024 // IISD. – 2024. [Electronic resource]. Access mode: https://enb.iisd.org/baku-un-climate-change-conference-cop29-summary (access date 04/29/2026).

22. Summary report, 30 November – 13 December 2023 // IISD. – 2023. [Electronic resource]. Access mode: https://enb.iisd.org/united-arab-emirates-climate-change-conference-cop28-summary (Accessed: 29.04.2026).

23. Summary report, 6–20 November 2022 // IISD. – 2022. [Electronic resource]. Access mode: https://enb.iisd.org/sharm-el-sheikh-climate-change-conference-cop27-summary (access date 04/29/2026).

24. Updated Nationally Determined Contribution. Federal Democratic Republic of Ethiopia // UNFCCC. – 2021. [Electronic resource]. Access mode: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022–06/Ethiopia%27s%20updated%20NDC%20JULY%202021%20Submission_.pdf (access date 04/29/2026).

Теоретические проблемы исследования коллективных трудовых практик российской студенческой молодежи в социологической науке

Туркменов Искандер Олегович,
преподаватель кафедры социальная инженерия, ПривГУПС
E-mail: i.turkmenov@samgups.ru

В статье рассматриваются теоретические и методологические проблемы исследования коллективных трудовых практик российской студенческой молодежи в современной социологии. Обосновывается, что коллективный труд следует понимать не только как форму занятости или воспитательной активности, но и как особый социальный механизм формирования доверия, взаимности, сотрудничества, нормативной включенности и устойчивых форм социального капитала. Показано, что в отечественных исследованиях сохраняется разрыв между нормативным описанием молодежных объединений и инструментами измерения их реальных социальных эффектов. В работе предложена динамическая модель интегрального индекса коллективных трудовых практик, учитывающая инерцию предшествующего опыта, структуру внутригрупповых взаимодействий, дезинтеграционные риски и изменение уровня участия. Особое внимание уделено подробной операционализации переменных, способам их расчета, нормированию и правилам эмпирического применения в исследованиях студенческой молодежи. Сделан вывод о том, что коллективные трудовые практики должны рассматриваться как самостоятельный объект социологического анализа и как значимый ресурс трудовой социализации и накопления молодежного социального капитала.

Ключевые слова: студенческая молодежь, коллективные трудовые практики, студенческие отряды, социальный капитал, доверие, взаимность, сотрудничество, нормативная включенность, трудовое воспитание, социологическая методология.

Введение

В отечественной литературе подчеркивается инерционность социальных представлений о трудовом воспитании студенческой молодежи [1]. Это означает, что коллективный труд чаще описывается как безусловно позитивная воспитательная ценность, чем как сложный социальный процесс со своей внутренней структурой, динамикой и противоречиями. Вследствие этого исследователь нередко фиксирует нормативный идеал трудового воспитания, но не получает инструментов для измерения реальных эффектов совместной деятельности.

Исследования трудовой и профессиональной адаптации молодежи показывают, что вхождение в трудовую среду происходит не только через учебные программы, но и через организацию повседневности, досуга и совместных форм занятости [2]. Для студенческой молодежи это особенно важно, поскольку навыки согласования действий, распределения обязанностей и переживания коллективной ответственности формируются преимущественно в практике, а не в декларации. Следовательно, коллективные трудовые практики следует анализировать как пространство, где трудовая социализация и неформальная групповая интеграция происходят одновременно.

Студенческие отряды рассматриваются как система трудового и патриотического воспитания и как среда самореализации молодежи [3]. Их специфика заключается в том, что они соединяют институциональную организованность с интенсивной повседневной кооперацией, а временную занятость – с устойчивыми социальными связями. Благодаря этому именно отрядная форма позволяет наиболее наглядно проследить, как коллективный труд превращается в механизм социализации и выработки групповых норм.

Отрядная деятельность описывается и как фактор роста социального капитала молодежи [4]. Такой подход важен потому, что переносит исследовательский акцент с формального участия на качество социальных связей, возникающих внутри объединения. Доверие, взаимопомощь, готовность к совместному действию и ответственность за общий результат выступают здесь не сопутствующими явлениями, а центральными эффектами коллективной трудовой практики.

Исследования миссии образовательной организации позволяют увидеть, что коллективное участие молодежи всегда включено в более широкий институциональный контекст [5]. Университет задает ценностные рамки, символические ориентиры и легитимные модели коллективной активности, но не подменяет собой реальные механизмы группового взаимодействия. Поэтому при анализе коллективных трудовых практик необходимо различать институционально заданную миссию и фактически складывающиеся формы студенческого сотрудничества.

В работах, посвященных формированию трудового воспитания и социального капитала молодежи России, студенческие отряды представлены как пространство соединения дисциплины, труда и социальных связей [6]. Это позволяет рассматривать коллективный труд не как побочный элемент молодежной политики, а как самостоятельный институт повседневной социализации. Такой ракурс особенно продуктивен для социологии, поскольку выводит исследование за пределы описания мероприятий и обращает его к устойчивым механизмам воспроизводства солидарности.

Экономико-социологический подход показывает, что труд и кооперация должны пониматься как социально встроенные действия, регулируемые нормами, ожиданиями и обменом ресурсами [7]. Из этого следует, что коллективная трудовая практика не может быть сведена к совокупности функциональных операций или организационных предписаний. Она представляет собой особую форму социального действия, в которой трудовой процесс одновременно производит и результат, и тип социальной связи между участниками.

Попытка концептуализировать формулу отрядного эффекта свидетельствует о стремлении современной социологической мысли перейти от описательных характеристик к аналитическим моделям коллективного труда [8]. Однако любая подобная формализация требует строгого определения переменных, прозрачной процедуры их расчета и учета временной динамики участия. Без этого математическая схема остается иллюстративной, а не исследовательской конструкцией.

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что в современной социологии коллективные трудовые практики студенческой

молодежи чаще описываются как организационно-воспитательный ресурс, чем как самостоятельный объект теоретико-методологического анализа. Объектом исследования выступают коллективные трудовые практики российской студенческой молодежи, складывающиеся прежде всего в студенческих отрядах и иных устойчивых молодежных объединениях. Предметом исследования являются теоретические основания, методологические проблемы и способы эмпирического измерения этих практик. Цель статьи состоит в выявлении теоретических проблем исследования коллективных трудовых практик, в систематизации методологических затруднений их анализа и в разработке модели интегрального индекса, пригодной для последующей эмпирической проверки. Научная новизна работы заключается в соединении институционального, деятельностного и сетевого подходов с операциональной схемой расчета переменных, описывающих коллективный труд как социальный процесс.

Теоретико-методологические основания исследования

В концепции П. Бурдье социальный капитал трактуется как ресурс, укорененный в устойчивых отношениях взаимного знакомства и признания [9]. Для исследования коллективных трудовых практик это положение принципиально важно, поскольку оно позволяет видеть в совместном труде не только инструмент выполнения задач, но и механизм накопления социальных ресурсов. Чем устойчивее сеть взаимодействий, тем выше вероятность того, что коллективная трудовая практика будет производить не разовый эффект участия, а долговременный эффект социальной включенности.

Подход Дж. Коулмана подчеркивает значение обязательств, ожиданий, информационных каналов и норм как ресурсов действия, возникающих внутри устойчивых социальных отношений [10]. Применительно к студенческой молодежи это означает, что ценность коллективного труда определяется не только интенсивностью занятости, но и плотностью взаимных обязательств между участниками. Именно повторяемость совместного действия превращает группу из формального объединения в среду, где доверие и контроль начинают работать как реальные социальные механизмы.

В работах Р. Патнэма социальный капитал связывается с доверием, нормами взаимности и сетями гражданского участия [11]. Эта логика позволяет рассматривать студенческие объединения как своеобразную школу кооперативного поведения, в которой молодой человек осваивает практики совместного действия и коллективной ответственности. Следовательно, анализ коллективных трудовых практик должен включать не только вопрос о производственном результате, но и вопрос о том, какие типы доверия и взаимности они воспроизводят.

М. Грановеттер показал, что экономическое и организационное действие всегда встроено в сеть социальных отношений [12]. Данное положение особенно значимо для анализа студенческих объединений, поскольку оно не позволяет сводить коллективный труд к административной схеме или набору регламентов. Гораздо важнее изучать плотность горизонтальных связей, частоту взаимодействий и формы неформального санкционирования, через которые и поддерживается реальная кооперация.

Тем самым коллективные трудовые практики могут быть определены как устойчиво воспроизводимые формы совместной деятельности, в которых соединяются общая цель, распределение ролей, нормативная регуляция, взаимные ожидания и накопление опыта совместного труда. Именно такое понимание позволяет преодолеть редукцию коллективной трудовой практики к формальному членству в организации и рассматривать ее как процессуальную структуру действия. В этой логике социологический анализ должен быть ориентирован на выявление не только институциональных рамок участия, но и внутренних механизмов производства доверия, взаимности, сотрудничества и нормативной включенности.

Материалы и методы

Статья носит теоретико-методологический характер и основана на анализе отечественных и зарубежных работ по проблемам трудового воспитания, молодежных объединений, социального капитала и сетевых форм кооперации. В качестве методологической рамки используется сочетание институционального, деятельностного и сетевого подходов. Такое сочетание позволяет одновременно учитывать нормативно заданные формы молодежного участия, реальные практики совместного труда и структуру возникающих в них социальных связей.

Для последующей эмпирической верификации предложенной модели наиболее продуктивным представляется комбинированный исследовательский дизайн, включающий анкетирование, полуструктурированное интервью, наблюдение и анализ организационных данных молодежных объединений. Анкетирование дает возможность фиксировать установки, ожидания и самооценки участников. Наблюдение и анализ организационных данных позволяют сопоставить декларируемые установки с реально проявляющейся кооперацией, дисциплиной и интенсивностью участия.

Принципиально важным является лонгитюдный характер исследования. Измерение коллективных трудовых практик в одной временной точке показывает лишь текущее состояние группы, но не позволяет увидеть накопительный эффект совместного труда. Поэтому минимально достаточной является двухволновая схема замеров: до начала интенсивного включения в коллективную деятельность и после завершения соответствующего цикла участия.

На уровне операционализации требуется соединение установочных, поведенческих и структурных показателей. К установочным показателям относятся доверие, взаимность, нормативная включенность и готовность к сотрудничеству; к поведенческим – частота участия, объем выполняемых задач и организационная активность; к структурным – плотность внутригрупповых связей, обращаемость за помощью и положение участника в сети взаимодействий. Именно совмещение этих уровней делает возможным переход от общего описания коллективного труда к его строгому социологическому измерению.

Методологические проблемы исследования

Первая методологическая проблема связана с неопределенностью самого понятия коллективных трудовых практик. В ряде исследований оно фактически подменяется понятиями трудового воспитания, молодежного объединения или профессиональной адаптации. Между тем каждое из этих понятий отражает лишь одну сторону явления и не охватывает целостную структуру совместного действия.

Вторая проблема состоит в редукции сложного социального феномена к одному формальному индикатору участия. Сам факт членства в студенческом отряде или ином объединении еще не свидетельствует ни о высоком уровне доверия, ни о развитой взаимности, ни о сформированных навыках сотрудничества. Следовательно, исследовательская модель должна учитывать не только наличие участия, но и его глубину, качество и социальные эффекты.

Третья проблема определяется противоречием между формальными институтами воспитания и живыми практиками молодежных объединений. Институциональные документы формулируют нормативный идеал коллективности, однако реальные эффекты солидарности формируются в повторяемых ситуациях совместной работы, распределения обязанностей и взаимозависимости участников. Поэтому социологический анализ должен различать декларируемые цели и реально действующие механизмы групповой интеграции.

Четвертая проблема касается временного измерения. Доверие, взаимность и нормативная включенность формируются постепенно и зависят от длительности участия, интенсивности совместного труда и опыта преодоления общих трудностей. Одномоментный замер неизбежно схватывает только статическое состояние и не позволяет понять, как именно коллективная практика преобразует социальное поведение.

Пятая проблема заключается в слабой разработанности измерительных моделей. Без четко заданных переменных, процедуры их расчета и правил интерпретации исследователь оказывается вынужден ограничиваться описательными выводами. Именно поэтому дальнейший шаг в изучении коллективных трудовых практик состоит в переводе качественно фиксируемых эффектов в систему операционально строгих показателей.

Аналитическая модель коллективных трудовых практик

Для аналитического описания коллективных трудовых практик предлагается использовать динамический интегральный индекс, позволяющий учитывать как текущее состояние ключевых параметров, так и инерцию ранее накопленного опыта, уровень дезинтеграционных рисков и изменение участия.

$$I_{KTP}(t) = \alpha I_{KTP}(t-1) + (1-\alpha)$$
$$(w_D D_t + w_V V_t + w_C C_t + w_N N_t) - \lambda R_t + \mu \Delta P_t$$

где $I_{KTP}(t)$ – интегральный индекс коллективных трудовых практик в момент времени t; $I_{KTP}(t-1)$ – его значение на предыдущем этапе наблюдения; $б$ – коэффициент инерции накопленного социального опыта; D_t – индекс доверия; V_t – индекс взаимности; C_t – индекс сотрудничества; N_t – индекс нормативной включенности; w_D, w_V, w_C, w_N – весовые коэффици-

енты соответствующих компонентов; R_t – индекс дезинтеграционных рисков; λ – коэффициент отрицательного влияния рисковой среды; $ДР_t$ – изменение уровня участия между двумя срезами; $м$ – коэффициент чувствительности итогового индекса к динамике вовлеченности.

Операционализация и расчет переменных

Чтобы все переменные были сопоставимы, первичные ответы переводятся в нормированный интервал от 0 до 1. Если в анкете используется пятибалльная шкала Лайкерта, нормирование отдельного ответа x выполняется следующим образом:

$$z(x) = \frac{x-1}{4}$$

В этом случае ответ «1» получает значение 0, ответ «5» – значение 1, а промежуточные варианты располагаются между ними. Нормирование обеспечивает корректность последующего агрегирования установочных, поведенческих и структурных показателей.

Индекс доверия

Индекс доверия отражает степень уверенности участника в надежности других членов коллектива, предсказуемости их поведения и справедливости организационных решений. Вопросы данного блока могут фиксировать готовность рассчитывать на помощь группы, доверие к руководителям, уверенность в соблюдении обязательств и ожидание конструктивного разрешения конфликтов.

$$D_t = \frac{1}{k_D}\sum_{j=1}^{k_D} z\left(d_{jt}\right)$$

где k_D – число вопросов блока доверия, а d_{jt} – ответ на j-й вопрос в момент времени t. При групповом анализе индивидуальные значения усредняются по всем участникам соответствующего коллектива.

Индекс взаимности V_t

Индекс взаимности показывает, насколько в группе закреплены практики обмена поддержкой, взаимопомощи и ответного участия. Эмпирически он строится по вопросам о готовности помогать другим без немедленной выгоды, ожидании ответной поддержки и признании взаимных обязательств.

$$V_t = \frac{1}{k_V}\sum_{j=1}^{k_V} z\left(v_{jt}\right)$$

где k_V – число вопросов блока взаимности, а v_{jt} – ответы респондента. Высокие значения V_t свидетельствуют о закрепленности норм взаимной поддержки, низкие – о преобладании индивидуализированных стратегий участия.

Индекс сотрудничества C_t

Индекс сотрудничества фиксирует способность участников координировать действия, распределять функции и достигать общего результата в рамках совместного труда. В анкету целесообразно включать вопросы о согласованности действий, готовности брать на себя часть общей ответственности, умении работать в команде и принятии распределения ролей.

$$C_t = \frac{1}{k_C}\sum_{j=1}^{k_C} z\left(c_{jt}\right)$$

где k_C – число индикаторов сотрудничества, а c_{jt} – индивидуальные ответы по ним. При наличии данных наблюдения индекс может уточняться внешними оценками фактической кооперации, например частотой совместного выполнения задач.

Индекс нормативной включенности N_t

Индекс нормативной включенности отражает степень принятия участником правил, дисциплины, трудовой ответственности и этики коллективного действия. Этот блок должен фиксировать не абстрактную лояльность, а практическое согласие с обязательностью норм, соблюдением дисциплины и недопустимостью уклонения от общих задач.

$$N_t = \frac{1}{k_N}\sum_{j=1}^{k_N} z\left(n_{jt}\right)$$

где k_N – число вопросов блока нормативной включенности, а n_{jt} – ответы респондента. Чем выше значение N_t, тем в большей степени коллектив воспринимается участником как нормативно значимая общность, а не как ситуативная группа.

Индекс дезинтеграционных рисков R_t

Для теоретически корректного анализа необходимо учитывать и факторы, ослабляющие групповую интеграцию. Индекс дезинтеграционных рисков отражает выраженность недоверия, атомизации, конфликтности, безответственного отношения к общим задачам и допустимости нарушения коллективных норм.

$$R_t = \frac{1}{k_R}\sum_{j=1}^{k_R} z\left(r_{jt}\right)$$

где k_R – число индикаторов риска, а r_{jt} – ответы на соответствующие вопросы. Если часть утверждений сформулирована в позитивном ключе, применяется обратное кодирование: $z_{rev}(x) = 1 - z(x)$. Поскольку рост R_t снижает интеграционный потенциал группы, в общей формуле этот показатель вычитается.

Индекс участия P_t и динамика $P\Delta_t$

Оценка коллективной трудовой практики будет неполной, если ограничиться только установочными переменными. Поэтому вводится индекс участия P_t, отражающий фактическую интенсивность вовлеченности. Он может быть представлен как агрегат частоты участия, интенсивности участия по времени или объему задач и организационной вовлеченности.

$$P_t = \frac{F_t + H_t + O_t}{3}$$

где F_t – частота участия, H_t – интенсивность участия, – организационная вовлеченность.

Частота участия определяется как нормированное число эпизодов включения в коллективную деятельность: $F_t = \frac{f_t - f_{min}}{f_{max} - f_{min}}$. Интенсивность участия может рассчитываться по числу часов или по объему выполненных задач: $H_t = \frac{h_t}{h_{max}}$. Организационная вовлеченность фиксирует положение участника в структуре коллективной деятельности и может кодироваться как 0 – эпизодическое участие, 0,5 – регулярное участие в выполнении задач, 1 – участие в организации, координации или руководстве.

$$\Delta P_t = P_t - P_{t-1}$$

Весовые коэффициенты и интерпретация итогового индекса

В базовой версии модели допустимо использование равных весов компонентов: $w_D = w_V = w_C = w_N = 0{,}25$. Такой вариант оправдан на пилотном этапе, когда задача состоит в первичном тестировании модели и проверке внутренней согласованности блоков вопросов.

$$w_i = \frac{l_i}{\sum l_i}$$

При наличии достаточного эмпирического массива веса могут определяться по факторным нагрузкам, где l_i – стандартизированная факторная нагрузка соответствующего компонента. Во всех случаях сумма весов должна быть равна единице.

$$I^{*}_{KTP}(t) = \frac{I_{KTP}(t) - I_{min}}{I_{max} - I_{min}}$$

Если итоговый показатель используется для межгруппового сравнения, его целесообразно дополнительно нормировать по приведенной формуле к интервалу от 0 до 1. После такой процедуры значения 0–0,33 могут интерпретироваться как низкий уровень развитости коллективных трудовых практик, 0,34–0,66 – как средний, а 0,67–1,00 – как высокий. Подобная шкала не заменяет качественной интерпретации, но делает сравнение групп и временных срезов более прозрачным.

Методические рекомендации по применению модели

Предложенная модель требует сочетания анкетных, наблюдательных и организационных данных. Анкетирование позволяет получить оценки доверия, взаимности, сотрудничества, нормативной включенности и рисков. Наблюдение и организационная статистика позволяют проверить, совпадают ли декларируемые установки с реально проявляющейся дисциплиной и кооперацией.

Для проверки надежности блоков переменных целесообразно рассчитывать коэффициент внутренней согласованности, например α Кронбаха. Если надежность блока недостаточна, отдельные индикаторы должны быть исключены или перегруппированы. Для проверки конструктивной валидности уместно использовать факторный анализ, а для оценки влияния отдельных переменных на итоговый индекс – регрессионные модели.

В прикладном отношении наибольший эффект дает сопоставление нескольких групп: участников устойчивых студенческих объединений, студентов с эпизодическим участием и контрольной группы, вовлеченной преимущественно в формализованные мероприятия без выраженного коллективного трудового ядра. Такое сравнение позволяет эмпирически показать, какие именно социальные эффекты создаются повторяемой коллективной трудовой деятельностью, а какие связаны лишь с институциональной принадлежностью или декларируемой ценностной лояльностью.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что коллективные трудовые практики российской студенческой молодежи должны рассматриваться как самостоятельный объект социологического исследования, а не как побочный эффект деятельности молодежных организаций или воспитательных программ. Их ключевое значение состоит в том, что они связывают институциональный порядок с повседневным совместным действием и тем самым создают условия для накопления доверия, взаимности, сотрудничества и устойчивых форм социального капитала.

Теоретическая проблема исследования состоит в необходимости преодолеть редукцию коллективного труда к нормативной декларации или организационному мероприятию. Методологическая проблема заключается в отсутствии достаточно разработанных измерительных моделей, способных соединить установочные, поведенческие и структурные характеристики участия. Предложенный в статье динамический индекс коллективных трудовых практик позволяет перевести данную проблематику в операционально строгую форму.

Практическая ценность разработанной модели состоит в том, что она применима как к исследованию студенческих отрядов, так и к анализу иных форм организованного молодежного труда, если задача состоит в выявлении факторов роста социального капитала, укрепления групповой солидарности и воспроизводства коллективной ответственности. Тем самым коллективные трудовые практики выступают не только объектом наблюдения, но и важным ресурсом понимания современных процессов молодежной социализации в российском обществе.

Литература

1. Гнатюк М.А., Усов В.Н., Хоровинникова Е.Г. Инерционность социальных представлений о трудовом воспитании студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 2. – С. 25–28.

2. Беспалова А.А., Гнатюк М.А., Люев А.Х. Досуг в системе трудовой (профессиональной) адаптации российской молодежи (социологический аспект): учебно-методическое пособие. – Москва, 2022.

3. Киселев М.С., Кротов Д.В., Гнатюк М.А. Студенческие отряды как система трудового и патриотического воспитания и самореализации молодежи. – Ростов-на-Дону; Таганрог, 2024.

4. Гнатюк М.А., Усов В.Н., Кротов Д.В. Студенческие отряды как фактор, обеспечивающий рост социального капитала молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 9. – С. 40–43.

5. Garanin M.A., Gnatyuk M.A., Khorovinnikova E.G. Mission of Samara State Transport University // BRICS Transport. – 2023. – Vol. 2. – No. 4.

6. Рябцевич А.В., Киселев М.С., Усов В.Н., Гнатюк М.А., Кротов Д.В. Студенческие отряды в формировании трудового воспитания и социального капитала молодежи России. – Ростов-на-Дону, 2018.

7. Воденко К.В., Самыгин С.И., Касьянов В.В., Васьков М.А., Кротов Д.В., Гнатюк М.А., Стрельченко Е.А. Экономическая социология. – Ростов-на-Дону, 2018.

8. Туркменов И.О., Усов В.Н., Гнатюк М.А. Студенческий отряд как иммунитет нации: формула отрядного эффекта // Социология. – 2026. – № 1. – С. 266–274.

9. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J.G. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.

10. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – Supplement. – P. S95–S120.

11. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster, 2000.

12. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. – 1985. – Vol. 91. – No. 3. – P. 481–510.

THEORETICAL PROBLEMS OF STUDYING COLLECTIVE LABOR PRACTICES OF RUSSIAN STUDENT YOUTH IN SOCIOLOGICAL SCIENCE

Turkmenov I.O.
Volga State Transport University

The article examines theoretical and methodological problems of studying collective labor practices of Russian student youth in contemporary sociology. It is argued that collective labor should be understood not only as a form of employment or educational activity, but also as a specific social mechanism for the formation of trust, reciprocity, cooperation, normative inclusion, and sustainable forms of social capital. The paper shows that Russian studies still reveal a gap between the normative description of youth associations and the tools used to measure their real social effects. A dynamic model of the integral index of collective labor practices is proposed. The model takes into account the inertia of previous experience, the structure of intragroup interactions, disintegration risks, and changes in the level of participation. Particular attention is paid to the detailed operationalization of variables, methods of their calculation, normalization procedures, and rules of empirical application in studies of student youth. It is concluded that collective labor practices should be treated as an independent object of sociological analysis and as an important resource of labor socialization and the accumulation of youth social capital.

Keywords: student youth, collective labor practices, student labor brigades, social capital, trust, reciprocity, cooperation, normative inclusion, labor education, sociological methodology.

References

1. Gnatyuk M.A., Usov V.N., Khorovinnikova E.G. Inertsionnost' sotsial'nykh predstavlenii o trudovom vospitanii studencheskoi molodezhi [Inertia of social representations about labor education of student youth]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023;(2):25–28. (In Russ.)

2. Bespalova A.A., Gnatyuk M.A., Lyuev A. Kh. Dosug v sisteme trudovoi (professional'noi) adaptatsii rossiiskoi molodezhi (sotsiologicheskii aspekt) [Leisure in the system of labor (professional) adaptation of Russian youth (sociological aspect)]. Moscow, 2022. (In Russ.)

3. Kiselev M.S., Krotov D.V., Gnatyuk M.A. Studencheskie otryady kak sistema trudovogo i patrioticheskogo vospitaniya i samorealizatsii molodezhi [Student labor brigades as a system of labor and patriotic education and self-realization of youth]. Rostov-on-Don; Taganrog, 2024. (In Russ.)

4. Gnatyuk M.A., Usov V.N., Krotov D.V. Studencheskie otryady kak faktor, obespechivayushchii rost sotsial'nogo kapitala molodezhi [Student labor brigades as a factor ensuring the growth of youth social capital]. Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2022;(9):40–43. (In Russ.)

5. Garanin M.A., Gnatyuk M.A., Khorovinnikova E.G. Mission of Samara State Transport University. BRICS Transport. 2023;2(4).

6. Ryabtsevich A.V., Kiselev M.S., Usov V.N., Gnatyuk M.A., Krotov D.V. Studencheskie otryady v formirovanii trudovogo vospitaniya i sotsial'nogo kapitala molodezhi Rossii [Student labor brigades in the formation of labor education and social capital of Russian youth]. Rostov-on-Don, 2018. (In Russ.)

7. Vodenko K.V., Samygin S.I., Kas'yanov V.V., Vas'kov M.A., Krotov D.V., Gnatyuk M.A., Strel'chenko E.A. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]. Rostov-on-Don, 2018. (In Russ.)

8. Turkmenov I.O., Usov V.N., Gnatyuk M.A. Studencheskii otryad kak immunitet natsii: formula otryadnogo effekta [Student labor brigade as the immunity of the nation: the formula of the brigade effect]. Sotsiologiya. 2026;(1):266–274. (In Russ.)

9. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Richardson J.G., ed. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. New York: Greenwood; 1986:241–258.

10. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital. American Journal of Sociology. 1988;94(Suppl.): S95–S120.

11. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster; 2000.

12. Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. American Journal of Sociology. 1985;91(3):481–510.

Социальные технологии развития профессиональной идентичности педагогических кадров системы общего образования: эмпирическое обоснование потенциала применения

Федоров Георгий Алексеевич,
аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: GAFedorov@fa.ru

В статье автором рассматривается потенциал формирования и применения социальных технологий развития профессиональной идентичности педагогических кадров системы общего образования Российской Федерации. В ходе исследования интерпретируются эмпирические данные, демонстрирующие дисфункции и потенциалы системы управления кадровым составом образовательных организаций. Перспективы использования социальных технологий формируются на основании выделенных автором компонентов профессиональной идентичности педагогических кадров. Эмпирическую базу исследования составляют результаты проведенного автором массового опроса и серии глубинных экспертных интервью. Продемонстрированы особенности интеракции основных субъектов образовательного процесса – преподавателей, обучающихся и их родителей, администрации образовательного учреждения. Выявлена дифференциация стимулов педагогических работников в возрастных категориях, продемонстрированы особенности профессиональной коммуникации и адаптации в профессии. На основании интерпретированных данных выделены основные принципы привлечения молодых кадров и удержания текущего состава педагогических кадров образовательной организации.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, социальные технологии, педагогические кадры, мотивация, профессиональная интеракция.

Система общего образования Российской Федерации характеризуется структурированным взаимодействием в рамках образовательного процесса. Ключевыми субъектами образовательного процесса выступают педагогические кадры. Одновременно с этим в системе общего образования Российской Федерации наблюдается дефицит школьных учителей и воспитателей детских садов. Министр Просвещения Российской Федерации 5 марта 2025 года обозначил кадровый дефицит системы общего образования в 96 тысяч специалистов [1]. В исследованиях РАНХиГС представлены основания для формирования дефицита в 250 тысяч работников к 2030 году [2]. По данным ГИВЦ МИРЭА, по завершении 2022 года из образовательных организаций выбыло более 290 тысяч работников, по завершении 2021 года – более 260 тысяч. Около 90% увольняется по собственному желанию [3, 4]. Средний возраст педагога современного общеобразовательного учреждения – 46 лет [5]. При этом число педагогических работников в возрасте старше 60 лет составляла 4% в 2010 году, в 2023 году показатель вырос до 7,6%, в 2024 году – до 8% [6]. Одновременно с этим необходимо отметить завершения ряда федеральных программ, направленных на развитие педагогического кадрового состава.

Анализ литературы позволяет выделить 5 наиболее распространенных причин оттока кадров: низкая заработная плата, высокая нагрузка и бюрократия, эмоциональное выгорание, несоответствие ожиданий и реальности, низкий статус и уровень престижности профессии. Указанные факторы противоречат сформировавшимся представлениям об образовательной организации, как незаменимом элементе процессов социализации человека.

Образовательная организация рассматривается Э. Дюркгеймом в качестве агента передачи основ моральных обязанностей, которые должен соблюдать человек [7]. Т. Парсонс определяет процесс образования как фактор подготовки индивидов к выполнению будущих ролей в системе разделения труда [8]. И. Валлерстайн связывает образовательные организации с функцией подготовки глобального рынка, педагогические же кадры обеспечивают связь обучения с потребностями в экономики [9].

Вопросы финансового стимулирования педагогических кадров рассматривают в своих работах А. Вавиловой, Ю. Беловой, А. Милованова [10]. Бюрократизация как социальная проблема образовательной организации рассмотрена С. Егоршевым [11]. Эмоциональное выгорание педагога выступает предметом исследования Ю. Вардапетян [12]. В работе Е. Грязновой и Н. Жериховой выявлено противоречие, заключающееся в том, что современные педагоги отмечают высокую значимость своей работы, но низкий социальный статус педагогического работника [13].

При проведении исследования преследовалась задача определить отношение к профессии непосредственно ее представителей, а также сформировать системное представление о факторах, которые побуждают педагогические кадры продолжать работать по специальности. Для определения дисфункций и потенциалов системы кадрового обеспечения системы общего образования требуется выделить отдельную категорию, позволяющую использовать наборы индикаторов, значение которых характеризует каждого уникального педагога. Данная характеристика ложится в основу дальнейших принимаемых решений, в том числе системных воздействий и социальных технологий, направленных на повышение качества и результативности взаимодействия субъектов образовательного процесс. На основании суждений о профессиях Т. Парсонса, факторах изменения индивидуальности У. Бека, конструктивных свойствах самоидентификации, этапах формирования идентичности Э. Зеера выделена категория профессиональной идентичности педагогических кадров [14, 15, 16].

Автором профессиональная идентичность педагогических кадров трактуется как многокомпонентная, динамическая, рефлексивная и социально-конструируемая категория, выражающаяся в осознанном, ценностно-смысловом и компетентностном самоотождествлении педагога со своей профессией. В структуре профессиональной идентичности педагога выделяются три компонента.

1. Когнитивный компонент, включающий в себя знания, умения, навыки и опыт профессиональной деятельности.

2. Ценностно-смысловой компонент, включающий в себя развитые убеждения, принятые ценности и нормы.

3. Поведенческий компонент, включающий в себя реакции на социальные интеракции и социальные изменения.

При этом каждый из выделенных компонентов должен рассматриваться в контексте временной динамики, а также социально-коммуникативных условий, институциональных условий и условий среды в целях формирования наиболее точных и эффективных социальных технологий, способствующих преодолению педагогом затруднений в формировании профессиональной идентичности.

Ж.Н. Тощенко позиционирует социальные технологии как термин социального управления, применяемый процессу изменения общества в целом, управлению конкретными организациями и социальными объектами [17]. М. Марков определяет применение социальных технологий как возможность декомпозировать систему на мелкие объекты, процедуры и операции. На основании всех характеристик объектов и процессов возможно составлять схемы и алгоритмы наиболее эффективного социального управления системой и отдельным человеком [18].

В целях обоснованной аргументации принципов формирования технологий вводятся индикаторы, позволяющие определить текущее состояние системы и субъекта. Индикаторы позволяют проверить суждения о системе общего образования и структуре категории профессиональной идентичности педагогических кадров. Результаты анализа состояния индикаторов позволяют определить систему управленческих рекомендаций.

Автором проведен массовый опрос (анкетирование), охвативший 1837 педагогических работников системы общего образования. В качестве респондентов выступили учителя школ и воспитатели детских садов Московской области в возрасте от 19 до 74 лет с релевантным опытом работы по специальности от 1 года.

Одним из критериев оценки уровня развитости профессиональной идентичности выступают ответы на вопросы об удовлетворенности выбором профессии и уровнем заработной платы (рис. 1). Так 86% респондентов заявляют об удовлетворенности выбором профессии, при этом лишь 64% респондентов удовлетворены уровнем заработной платы.

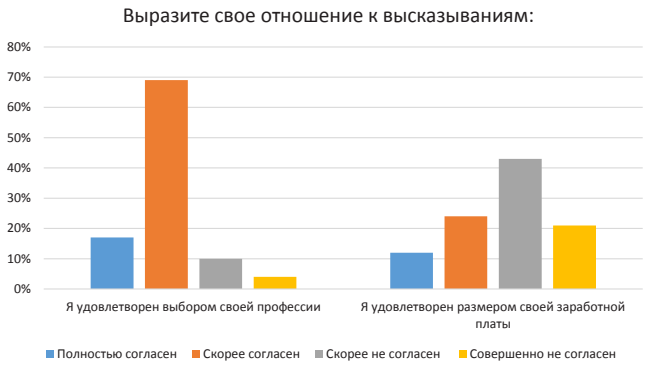


Рис. 1. Оценочные суждения респондентов об удовлетворенности выбором профессии и уровнем заработной платы (в % от общего количества респондентов)

Источник: составлено автором на основе результатов исследования.

Среди респондентов, ответивших о позитивном отношении к выбранной профессии, большая часть (62%) – преподаватели высшей квалификационной категории и методисты. Удовлетворенность респондентов чаще отмечается среди работников со стажем работы более 15 лет.

Вместе с тем педагогические кадры оценивали уровень заработной платы относительно среднего значения по региону – 98 тыс. рублей на момент завершения 2025 года (рис. 2). Отметим, что среди специалистов, чей уровень заработка превышает средний, 65% респондентов отмечают, что работа не является инструментом заработка средств для существования, в то же время 37% таких специалистов заявляют, что их главная мотивация продолжать работать по специальности – возможность наблюдать за ростом и достижениями своих подопечных. Вместе с тем в рамках проведенной серии глубинных экспертных интервью респондент № 4 отмечает: «*Уровень заработка педагога может быть высоким, однако для этого коллеги часто проводят оплачиваемые дополнительные занятия как в рамках образовательной организации, так и по собственной инициативе… при этом такой принцип работы подразумевает колоссальную нагрузку*».

На основании приведенных эмпирических данных можно сделать вывод о высокой вовлеченности респондентов в образовательную деятельность. При этом наблюдаются необособленные факторы: для педагогических кадров характерна ценность нематериальной мотивации труда, при этом уровень материального поощрения не соотносится с ожиданиями специалистов. В этой связи при разработке социальных технологий, направленных на развития материальной и нематериальной мотивации педагогических кадров, необходимо выстраивать вектор повышения общественного признания труда педагога и успехов в его профессиональной деятельности. В то же время параллельным вектором, формирующим социальную технологию, должно выступать повышение прозрачности логики начисления заработной платы, расширение возможностей выстраивать персонализированные графики труда, позволяющие обеспечивать себя требуемым уровнем зарплаты и сохранять ментальное и физическое здоровье за счет выделения дополнительного свободного времени и возможностей творческой реализации.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов об отношении уровня их заработной платы к среднему значению по региону (Московская область) (в % от общего количества респондентов)

Источник: составлено автором на основе результатов проведенного исследования.

Одним из факторов эффективного формирования профессиональной идентичности выступает успешность прохождения этапа вступления в профессию. Первые годы работы по специальности сопровождаются постоянной сменой наборов личностных и профессиональных качеств. При этом респонденты высоко оценивают роль старших и опытных коллег в процессе профессиональной адаптации. Большинство респондентов отмечает отсутствие неэффективных советов со стороны опытных коллег. При этом 58% респондентов активно помогают менее опытным коллегам. Вместе с тем почти 70% респондентов заявляют об отсутствии формально оформленных систем мотивации к содействию адаптации коллег (рис. 3).

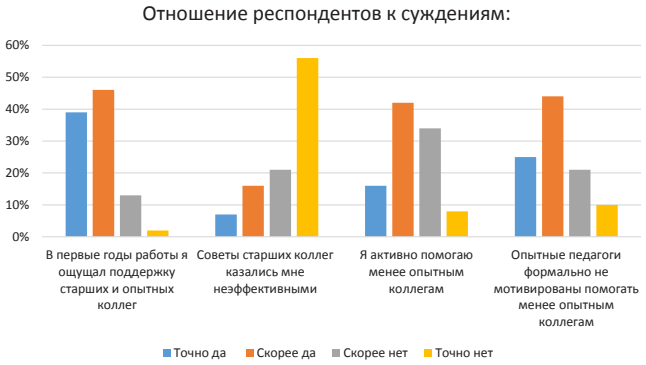


Рис. 3. Оценочные суждения респондентов о взаимодействии более опытных и менее опытных коллег (в % от общего количества респондентов для каждого суждения)

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Отметим дифференциацию ответов респондентов на вопрос о том, к кому они обращаются за помощью или советом при возникновении кризисных ситуаций в рамках рабочего процесса. Так наблюдается тенденция повышения значимости интернет-ресурсов при поиске решений для молодых специалистов (более 25% специалистов в возрасте до 25 лет и 19% специалистов в возрасте от 26 до 34% лет предпочитают искать решения возникающих трудностей в интернет ресурсах). В то же время лишь 31% педагогических кадров в возрасте до 25 лет предпочтут обратиться к коллегам, тогда как для категории педагогов от 45 лет традиционно популярным ответом становится обращение к коллегам за помощью (рис. 4).

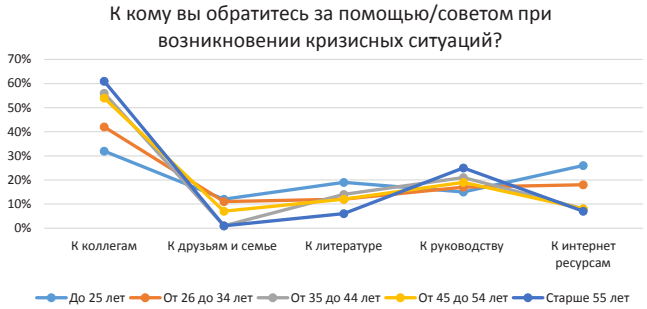


Рис. 4. Распределение ответов респондентов различных возрастных категорий на вопрос об источнике помощи и советов во время возникновения кризисных ситуаций (в % от количества респондентов по каждой возрастной категории)

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Также на основании эмпирических данных складывается представление о невысоком уровне эффективности взаимодействия по кризисным условиям с руководством образовательной организации. Отметим, что подавляющее большинство респондентов отмечают, что при оценке результатов работы педагогического работника для руководства образовательной организации скорее важны формальные отчеты и показатели (84%), а не реальный педагогический результат и профессионализм (16%).

Более половины (57%) респондентов характеризуют взаимоотношения с руководством школы как формально-уважительные, сконцентрированные на выполнении строго своих обязанностей. Отношения с руководством 19% респондентов считают партнерскими.

Около четверти (24%) респондентов отмечают напряженность, чувство давления, наличие недопониманий при взаимодействии с администрацией образовательного учреждения. При этом среди таких респондентов значительная часть приходится на молодых специалистов в возрасте до 34 лет (рис. 5) и педагогов со стажем от 5 до 15 лет (рис. 6).

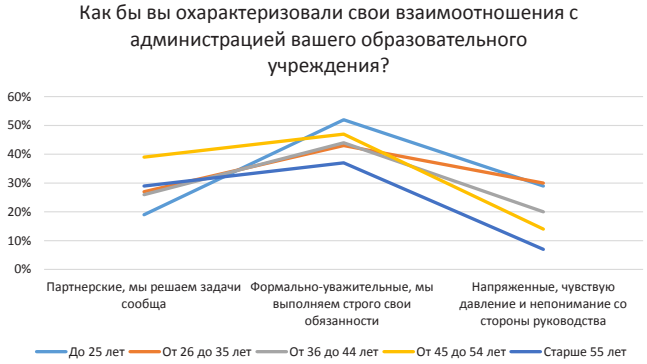


Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос о качестве взаимодействия с администрацией образовательного учреждения с учетом возрастной структуры педагогических кадров (в % от общего числа респондентов по каждой возрастной категории)

Источник: составлено автором на основании проведенного исследования.

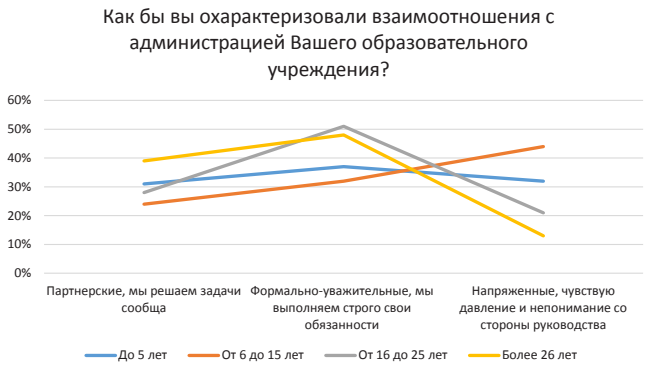


Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос о качестве взаимодействия с администрацией образовательного учреждения с учетом размера профессионального стажа. (в % от общего числа респондентов по размеру стажа)

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Представленные эмпирические данные говорят о затруднениях при интеграции молодого специалиста в педагогических коллектив, а также уязвимости позиций педагога, находящегося на этапе профессионального выгорания и рутинизации, который наступает в среднем после 5–7 лет работы. На основании эмпирических данных, демонстрирующих принципы взаимодействия с коллегами и руководством в рамках образовательной организации возможно сформировать эффективные социальные технологии. С учетом выявленных аспектов социальные технологии должны быть направлены на формирование эффективного, формально закрепленного института наставничества, который обеспечивает передачу опыта от более опытных специалистов к менее опытным. При этом участие в системе наставничества должна сопровождаться дополнительными мотивациями для наставника. Одновременно с этим существует необходимость формирования консолидированных, проверенных, утвержденных Министерством Просвещения Российской Федерации интернет-ресурсов, которые позволят мягко подталкивать молодых специалистов к принятию нужных решений и обеспечивать достоверность передаваемой информации. Социальные технологии должны быть направлены на сближение принципов взаимодействия молодых специалистов с руководством организации и опытными коллегами, преследовать цели одновременно передачи сложившихся профессиональных традиций и внедрения инновационных подходов к организации рабочей деятельности. Соорганизация субъектов образовательного процесса должна приводить к повышению мотивации, к развитию в рамках выбранной профессии, ориентируясь на примеры старших коллег и механизмы реализации индивидуальных способностей.

Не менее значимым элементом построения коммуникаций в образовательном процессе выступает эффективность взаимодействия с родителями обучающихся. Значительная часть (64%) респондентов отмечают, что им приходится общаться с родителями обучающихся после рабочего времени. Около четверти (23%) опрошенных заявляют, что ощущают пренебрежительное отношение к своей работе со стороны родителей обучающихся, которые используют услуги репетиторов. Роль педагога по отношению к родителю обучающегося определяется широкой дисперсией ответов респондентов (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос о часто исполняемой ими роли педагога относительно родителей обучающихся (в % от общего количества респондентов)

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

При изучении данных отмечается смещение ответов респондентов в разрезе возрастной структуры. Наиболее опытные учителя преимущественно определяют для себя роль эксперта (62% от категории), молодые педагоги преимущественно определяют для себя роль партнера (54% от категории), педагоги в возрасте от 36 до 45 лет наиболее часто относительно других групп указывают на роль исполнителя (34% от категории).

Все субъекты образовательного процесса, система образования и общество в целом определяют набор лимитирующих требований к профессии педагога. По мнению респондентов экспертного интервью, это выражается в наличии неофициальных требований к стилю общения, внешнему виду, поведению в социальных сетях и общественных местах, приоритетах каждого педагога. При этом наличие такого лимитирующего фактора сказывается на установлении четких границ между личностной и профессиональной идентичностью. Так 78% респондентов отмечают, что статус профессии педагога накладывают ограничения на свободу позиционирования себя в социальном пространстве (рис. 8).

С учетом указанных результатов исследования социальные технологии по развитию профессиональной идентичности педагога должны обеспечивать встраивание роли педагога во все процессы профес-

сиональной интеракции. При этом принимаемые меры должны быть направлены на повышение статуса педагога в обществе, а также формализацию коммуникации с ним других субъектов образовательного процесса. Вместе с тем важной задачей реализации социальной технологий выступает защита как профессиональных, так и личных интересов каждого уникального педагога с учетом набора его характеристик.

Рис. 8. Отношение педагогических работников к суждению об ограничениях, связанных с выбранной профессией (в % от общего количества респондентов)

Источник: составлено автором на основании результатов проведенного исследования.

Работа с показателями, демонстрирующими состояние индикаторов компонентов профессиональной идентичности, позволяет определить векторы управленческих решений, а также прогнозировать эффекты их применения. В то же время в рамках управленческих решений должны соблюдаться интересы как непосредственно педагога, так и всей системы в целом. Декомпозиция структуры образовательного процесса позволила выявить ключевые факторы, способствующие и препятствующие развитию кадрового капитала системы общего образования Российской Федерации.

Таким образом разрабатываемые в данном направление социальные технологии при условии достаточного обоснования, достигаемого посредством сбора эмпирических данных, имеют высокий потенциал на обеспечение положительной динамики. При этом обеспечение универсальности сбора эмпирических данных через унифицированные формы позволят формировать матрицы управленческих решений и формировать социальные технологии как на уровне министерств в целях оказания влияния на всю систему в целом, так и на уровне отдельной образовательной организации в целях оказания влияния на коллектив или отдельного работника.

Литература

1. Кравцов С. 96 тысяч педагогов нужно заместить до 2030 года [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2025. – 5 марта. – URL: https://www.pnp.ru/social/kravcov-96-tysyach-pedagogov-nuzhno-zamestit-do-2030-goda.html (дата обращения: 05.06.2025).
2. Российским школам не хватает почти 250 тыс. учителей [Электронный ресурс] // ОТР. – 2024. – 27 февр. – URL: https://otr-online.ru/news/rossiyskim-shkolam-ne-hvataet-pochti-250-tys-uchiteley-181259.html (дата обращения: 05.06.2025).
3. Образование в России – 2023: статистический бюллетень. – М.: МИРЭА – Российский технологический университет, 2023. – 380 с.
4. Образование в России – 2022: статистический бюллетень. – М.: МИРЭА – Российский технологический университет, 2022. – 365 с.
5. Министр просвещения назвал средний возраст учителя в России [Электронный ресурс] // Парламентская газета. – 2025. – 6 февр. – URL: https://www.pnp.ru/social/ministr-prosveshheniya-nazval-sredniy-vozrast-uchitelya-v-rossii.html (дата обращения: 05.06.2025).
6. Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. – 136 с. – С. 91–92. – 200 экз. – ISBN 978-5-7598-3040-5.
7. Parsons T. The School Class as a Social System: Some of Its Functions in American Society // Harvard Educational Review. – 1959. – Vol. 29, № 4. – P. 297–318.
8. Wallerstein I. The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century / I. Wallerstein, 1999. – P. 71–261.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 106.
10. Вавилова А.А. Правовое регулирование нормирования и оплаты труда педагога: статус педагогических работников системы общего образования в условиях современной реформы образовательной системы и ключевых нормативных изменений 2020–2022 годов / А.А. Вавилова, Ю.Ю. Белова, А.Е. Милованов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 68 с. – (Современная аналитика образования; № 1 (69)).
11. Варданян Ю.В. Исследование особенностей психологических предпосылок эмоционального выгорания педагога / Ю.В. Варданян, А.А. Парамонов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 5. (дата обращения: 05.06.2025).
12. Грязнова Е.В. Проблема снижения социального статуса профессии педагога // Образование и проблемы развития общества. – 2020. – № 3 (12).
13. Дюркгейм Э. Моральное воспитание: пер. с фр. / Э. Дюркгейм; вступ. ст., примеч. А.Б. Гофмана; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 456 с. – С. 76–107.
14. Егорышев С.В. Бюрократизация как социальная проблема современной образовательной школы / С.В. Егорышев. – DOI: 10.22394/2304-3369-2023-5-83-94
15. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития / Э.Ф. Зеер. – М.: Академия, 2007. – 239 с.
16. Иванова Н.Л., Булгаков И.А., Социальная и профессиональная идентичность личности в психологических исследованиях: проблема соотношения, Мир психологии № 03/2023.
17. Марков М. Технология и эффективность социального управления: пер. с болг. / М. Марков; под ред. Т.В. Керимовой. – М.: Прогресс, 1982. – 267 с.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
19. Проказина Н.В. Профессиональная идентичность социолога: роль преподавателя в современных условиях развития высшего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2026. – Т. 26. – № 1. – С. 118–129.
20. Тощенко Ж.Н. Социальные технологии: теория и практика социального управления / Ж.Н. Тощенко. – М.: Наука, 2001. – С. 45–60.

SOCIAL TECHNOLOGIES FOR THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL IDENTITY OF GENERAL EDUCATION TEACHING STAFF: EMPIRICAL SUBSTANTIATION OF THE POTENTIAL FOR APPLICATION

Fedorov G.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the potential for the formation and application of social technologies for the development of professional identity among the teaching staff of the general education system of the Russian Federation. The study interprets empirical data demonstrating dysfunctions in the personnel management system of educational institutions. The prospects for using social technologies are determined on the basis of the components of professional identity of teaching staff identified by the author. The empirical basis of the study consists of the results of a mass survey conducted by the author. The features of interaction among the main subjects of the educational process – teachers, students, their parents, and educational institution administration – are demonstrated. A differentiation of incentives for teaching staff by age groups is revealed; the specifics of professional communication and adaptation to the profession are shown. Based on the interpreted data, the main principles for attracting young personnel and retaining the current teaching staff of an educational organization are identified.

Keywords: professional identity, social technologies, teaching staff, incentives, professional interaction.

References

1. Kravtsov, S. (2025, March 5). 96 thousand teachers need to be replaced by 2030. Parlamentskaya Gazeta. Retrieved from https://www.pnp.ru/social/kravcov-96-tysyach-pedagogov-nuzhno-zamestit-do-2030-goda.html
2. Russian schools lack nearly 250 thousand teachers. (2024, February 27). OTR. Retrieved from https://otr-online.ru/news/rossiyskim-shkolam-ne-hvataet-pochti-250-tys-uchiteley-181259.html
3. Education in Russia – 2023: Statistical Bulletin. (2023). Moscow: MIREA – Russian Technological University.
4. Education in Russia – 2022: Statistical Bulletin. (2022). Moscow: MIREA – Russian Technological University.
5. Minister of Education named the average age of teachers in Russia. (2025, February 6). Parlamentskaya Gazeta. Retrieved from https://www.pnp.ru/social/ministr-prosveshheniya-nazval-sredniy-vozrast-uchitelya-v-rossii.html
6. Varlamova, T.A., Gokhberg, L.M., Zorina, O.A., et al. (2025). Education in Figures: 2025: Brief Statistical Handbook. Moscow: ISSEK HSE University. Pp. 91–92. ISBN 978-5-7598-3040-5.

7. Parsons, T. (1959). The School Class as a Social System: Some of Its Functions in American Society. Harvard Educational Review, 29(4), 297–318.

8. Wallerstein, I. (1999). The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. Pp. 71–261.

9. Beck, U. (2000). Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow: Progress-Tradition.p. 106. (Original work published in German)

10. Vavilova, A.A., Belova, Yu.Yu., & Milovanov, A.E. (2023). Legal Regulation of Teacher Remuneration and Standards: Status of Teaching Staff in General Education under the Current Reform of the Educational System and Key Regulatory Changes of 2020–2022. Moscow: HSE University. (Modern Education Analytics, № 1 (69)).

11. Vardanyan, Yu.V., & Paramonov, A.A. (2019). Study of psychological prerequisites for teacher emotional burnout. World of Science. Pedagogy and Psychology, (5). Retrieved June 5, 2025.

12. Gryaznova, E.V., & N.A. (2020). The problem of declining social status of the teaching profession. Education and Problems of Society Development, (3/12).

13. Durkheim, É. (2025). Moral Education (2nd ed., A.B. Hoffman, Trans.). Moscow: HSE Publishing House. Pp. 76–107. (Original work published 1925)

14. Egoryshev, S.V. (2023). Bureaucratization as a social problem of the modern educational school. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-5-83-94

15. Zeer, E.F. (2007). Psychology of Professional Development. Moscow: Akademiya.

16. Ivanova, N.L., & Bulgakov, I.A. (2023). Social and professional identity of the individual in psychological research: the problem of correlation. World of Psychology, (3).

17. Markov, M. (1982). Technology and Effectiveness of Social Management (T.V. Kerimova, Ed.; Trans. from Bulgarian). Moscow: Progress.

18. Parsons, T. (2000). The Structure of Social Action. Moscow: Academic Project. (Original work published 1937)

19. Prokazina, N.V. (2026). Professional identity of a sociologist: the role of the teacher in modern conditions of higher education development. RUDN Journal of Sociology, 26(1), 118–129.

20. Toshchenko, Zh.N. (2001). Social Technologies: Theory and Practice of Social Management. Moscow: Nauka. Pp. 45–60.

Концепция политической легитимности: эволюция теоретических подходов от легальности к многомерной модели

Харичев Александр Дмитриевич,
соискатель кафедры государствоведения, РАНХиГС при Президенте РФ

Статья посвящена анализу концепции политической легитимности и эволюции подходов к ее пониманию: от легальности к многомерным моделям легитимации власти. Цель исследования состоит в разграничении легитимности, легальности и политического доверия, а также в выявлении ограничений рационально-процедурных трактовок легитимности. Методология основана на анализе классических и современных теорий легитимности, а также структурно-функционального, процедурного, институционального и ценностно-нормативного подходов к легитимации власти. Показано, что легитимность не сводится к формальному соответствию закону, эффективности институтов или соблюдению процедур. Особое внимание уделено доверию как более глубокому ценностно-эмоциональному и дорациональному феномену, укорененному в историческом опыте, культурной идентичности и представлениях о справедливости власти. В российском контексте доверие раскрывается через категории соборности, державности и сакрального служения. Результаты исследования применимы к анализу устойчивости политических систем и специфики властных отношений в различных ценностно-цивилизационных контекстах.

Ключевые слова: легитимность, легальность, рациональность, доверие, легитимация власти.

Основания различения легитимности и легальности

Идейно-смысловое становление и концептуальное оформление понятий «легитимность» и «легальность» произошло в западноевропейском социокультурном пространстве в качестве теоретических и аналитических инструментов, позволяющих исследовать и описывать специфический, характерный для определенного социокультурного пространства публично-властный опыт и его эволюцию. Именно поэтому в западноевропейском дискурсе легальность и легитимность публичной власти – это два взаимосвязанных и взаимодополняющих явления. Этимологически они имеют одно смысловое основание от лат. *leg*, посредством которого образуются *lēgālis* (англ. *legal* – законный).

Термин «легитимность», в свою очередь, происходит от слова *legitimus* (лат. правомерный, надлежащий, согласный с законами). В широком смысле легитимность подразумевает согласие определенного объекта управления со своим субъектом управления в политических вопросах жизни. В узком смысле легитимность означает поддержку со стороны широких социальных масс субъекта управления и власти.

Основателем теоретического исследования легитимности власти был немецкий социолог М. Вебер. Он подробно говорит об этом феномене в своих сочинениях «Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии» и «Основные социологические понятия». Легитимность Вебер связывал с «престижем образцовости и обязательности» [3, 2018, с. 218] и утверждал, что исходит она от трех оснований [4, 2016, с. 254–255]:

– рациональное основание (уверенность населения в верности и законности прав, порядков, решений власти, легальное господство);
– традиционное основание (прочная вера в правильность решений, основанная на традициях и авторитете, традиционное господство);
– харизматическое основание (уверенность в правильности решений политического лидера, обладающего харизмой и героическими чертами, харизматическое господство).

Однако в сочинении «Основные социологические понятия» Вебер вместо рационального основания легитимности пишет о ценностно-рациональных гарантиях легитимного порядка, выражающихся в вере в абсолютную необходимость, значимость порядка, связанного с некими обязательными ценностями – эстетическими, нравственными и т.д. Кроме того, Вебер в своей классификации останавливается на аффективных гарантиях легитимности (через эмоциональную самоотдачу) и ее религиозных гарантиях (через веру) [3, 2018, с. 222].

Важно отметить, что Вебер различал легитимность и легальность. Если легальность соотносится с законностью, формальной непротиворечивостью закону, то легитимность связана с принятием гражданами социального порядка, которое основано на уверенности в его правильности, ценности, необходимости, но при этом легальность способна обладать силой легитимности.

Этот дуализм был развит К. Шмиттом в работе «Легальность и легитимность» [9], где он указывал, что рациональная система легальности может вытеснять иные формы легитимности (плебисцитарно-демократическую или монархическую). Шмитт подчеркивал, что весь смысл рациональной системы легальности состоит в том, чтобы отменить легитимность всенародного референдума или монарха. Механизмы легальности, как полагал Шмитт, фактически вырождаются в беспрецедентный функционализм, формализм бюрократии как технического аппарата.

Схожей рациональной трактовки придерживался итальянский историк Г. Ферреро, видевший смысл легитимности в молчаливом согласии управляемых, которое, будучи первоначально интеллектуально обоснованным, со временем превращается в подобие социальной веры, доступной рациональному измерению. Ферреро предположил, что критерии и принципы легитимности на стадии своего формирования могут интеллектуально обосновываться (такой тезис напоминает модель гегемонии А. Грамши, особенно грамшианские тезисы о значении интеллигенции для власти), в дальнейшем они должны быть связаны с некими убеждениями, напоминающими подобие социальной веры. Иными словами, как только критерии легитимности власти в конкретном обществе переходят от уровня интеллектуального обоснования к уровню убеждения, они становятся объектом рационального измерения [5, с. 38–40].

Таким образом, несмотря на признание значимости веры и традиции, в западной социально-политической мысли уже на раннем этапе формируется установка на поиск рациональных, измеримых оснований легитимности, которые в дальнейшем будут доминировать. Вебер, Шмитт и Ферреро заложили базис, но его акцент на рациональности и процедурах достаточно очевиден. Их рациональные модели оставляют за скобками аксиологическую, ценностную составляющую взаимоотношений власти и общества, хотя социальная история демонстрирует ее важность и значимость.

Структурно-функциональные и системные подходы: легитимность как эффективность и процедура

Развитие веберовских идей в XX веке привело к их дальнейшей рационализации в рамках структурно-функционального и системного подходов. Важно рассмотреть структурно-функциональный подход Т. Парсонса, который переосмыслил веберовскую социологическую традицию. Парсонс фокусировался на легитимности власти в социологическом, а не юридическом плане, интересуясь минимальным уровнем поддержки власти обществом. Для него ключевым было определение функциональности самой власти; в его понимании структура – это совокупность относительно стандартизованных и устойчивых социальных отношений, при этом базовым принципом выступает функциональная дифференциация. Он также обращал внимание на такие аспекты социального действия, как «рациональная норма эффективности» и «рациональный единичный акт», связанные с индивидуалистической основой европейской культуры [8, с. 300–301].

В рамках парсоновской концепции легитимная власть должна обладать прозрачными и четкими обязательствами перед обществом и способностью их исполнять. Без этих критериев, по мнению Парсонса, политическая власть теряет функциональность и превращается в корпоративную. Легитимная власть, таким образом, считалась эффективной и функциональной – неслучайно Парсонс сводил недоверие к власти к социокультурной патологии, что подвергалось критике других авторов.

Не менее интересна концепция легитимности власти Н. Лумана, который в работе «Легитимация через процедуру» трактовал легитимность как общую готовность признавать силу неопределенных по содержанию решений в определенных границах терпимости (Luhmann). Луман не догматизирует роль рациональности и рациональных дискурсов в механизме легитимности, что отмечают исследователи его наследия [1, с. 583–591]. По его модели, легитимность достигается через организуемые властью процедуры – социальные системы, ориентированные на выработку общеобязательных решений. Легитимной оказывается власть, которая сама устанавливает и контролирует процесс своей легитимации. Легитимность у Лумана опирается на механику институционализированного процесса коллективного обучения, подразумевающего постоянную корректировку ожиданий участников общества в ходе принятия решений

К числу юридически обоснованных процедур Луман относит принятие законов, выборы, различные решения и судебные процедуры. Процедурность для него не сводится только к юридическим формам, хотя и включает правовое регулирование, соотносясь с процессом коммуникации в рамках правовых норм. Следование процедурам помогает избегать конфликтов ролей. Луман связывает доверие с рациональной проблемой снижения риска и неопределенности. Его концепция уходит от чрезмерного акцента на рационализме, функциональности и эффективности, однако оставляет в тени аксиологический фактор – цивилизационные императивы, традиционные духовно-нравственные ценности, идентичность и культуру, а также несколько переоценивает роль правовой интерпретации легитимности.

Американо-канадский социолог Д. Истон считал легитимность – убежденностью в правильности подчинения власти, ее принятия и выполнения ее требований. В целом его модель схожа с веберовской концепцией легитимности, однако Истон в основном фокусировался на феномене политической системы. Механизм легитимности, по его мнению, включает открытую (действия, поддерживающие власть) и скрытую поддержку (настроения в обществе). Специфическая поддержка определяется удовлетворением деятельностью власти, тогда как диффузная – это общий запас благоприятного отношения к власти, сохраняющийся и при ухудшении ее результатов. Легитимность, отмечает Истон, может достигаться через структурный, идеологический и персональный типы поддержки.

Истон подчеркивает взаимосвязь легитимности и доверия, но видит между ними различие: люди могут утратить доверие к эффективности власти, но при этом сохранять признание ее морального права на управление. Он также рассматривал связь отчуждения (противоположности доверия) с низкой диффузной поддержкой [11, p. 436–451]. В отличие от многих западных теоретиков, Истон не гиперболизирует рациональность власти, а его концепция обладает аналитической глубиной и оригинальностью. Вместе с тем он подходил к вопросу в рамках кибернетического представления политической системы через «входы» (требования и поддержка), «выходы» (решения и действия) и «обратную связь» [6, с. 304–310]. Его внимание больше фокусировалось на функциях политической системы и распределении ценностей, чем на доверии, сформированном цивилизационными и культурно-мировоззренческими условиями.

В целом, в рамках структурно-функциональных и системных подходов легитимность сводится к функциональности и эффективности системы, а доверие рассматривается лишь как их производная.

Углубление кризиса моделей легитимности и поиск новых оснований

На развитие теории легитимности власти повлияли и работы американского исследователя М. Липсета, который напрямую связывал легитимность с эффективностью политической системы, выделяя разные сценарии их сочетания. Липсет полагал, что легитимность – это способность политической системы формировать и сохранять убеждение, что действующие институты остаются наиболее приемлемыми для данного общества, при этом подчеркивал, что соответствие ценностей системы и ценностей общества определяет оценку власти как легитимной или нелегитимной. По его мнению, кризис легитимности часто возникает в периоды глубоких изменений, например при переходе к новой общественной структуре, когда под угрозой оказывается прежний статус устоявшихся институтов, а также может проявиться в появлении «секулярной политической культуры», когда власть вводит новые общегосударственные ритуалы и праздники.

Первостепенную роль в механизме обеспечения легитимности Липсет отводил эффективности, выделяя несколько сценариев. Идеальным он считал совпадение высокой легитимности и высокой эффективности; промежуточными, но не критичными – «легитимность без эффективности» и «эффективность без легитимности»; самым драматичным – их отсутствие одновременно. При этом он отмечал, что нелегитимная, но эффективная система может оказаться менее стабильной, чем малоэффективная, но легитимная, а многолетняя эффективность способна постепенно придать политической системе легитимный статус [7, с. 89–96].

Вместе с тем концепция Липсета вызывает критику: в его работах не прописаны четкие критерии эффективности, что оставляет широкое поле для интерпретаций и затрудняет сравнение столь разных стран, как Россия, Китай, США, Иран, Бразилия, ЮАР и Саудовская Аравия. В ряде исследований, в том числе по данным World Values Survey, показано, что ценностные ориентиры и представления о «хорошем правлении» сильно различаются между обществами и социальными группами, что делает универсальные критерии эффективности проблематичными. Кроме того, Липсет не предлагает ясного соотношения между критериями эффективности и критериями легитимности, ограничиваясь замечанием об их возможном совпадении или расхождении, тогда как в разных странах сложились свои традиции восприятия власти и собственные понимания легитимности.

В свою очередь модель Ш. Муфф [17], опирающаяся на принцип агонизма, описывает социальные отношения, при которых противоборствующие стороны допускают отсутствие единого «идеального» решения, но признают друг друга легитимными участниками политики. Муфф критикует либеральные теории за игнорирование антагонизма и попытки уйти от оппозиции «друг–враг», считая, что риск представляет отсутствие легитимных процедур для выражения политической позиции. Ключевым для нее и Э. Лакло остается понятие гегемонии как универсального механизма удержания общества от распада, при этом они отвергают классические теории общества и акцентируются на конфликте и борьбе за лидерство.

Современные критические подходы таким образом смещают фокус на конфликт, гегемонию и манипулятивные практики в западных обществах. Несмотря на остроту критики, они нередко остаются в рамках инструментального и манипулятивного видения власти, не предлагая полноценной позитивной теории доверия и упуская из поля зрения незападные ценностные системы. В результате критика западной модели углубляется, но ценностно-цивилизационный аспект и феномен доверия по-прежнему находятся на периферии внимания этих концепций.

Конструирование моделей легитимации публичной власти

Легальность в западно-европейской традиции отражает законный характер формирования публичной власти и соответствие ее деятельности, средств и инструментов установленным правовым нормам, которые

не только учреждают органы власти, но и определяют их компетенции и порядок их осуществления. Легитимность же относится в большей степени к социологическому обоснованию существующего порядка, выражая социальное одобрение политического устройства, общественное согласие и рациональный выбор индивида. В совокупности легальность и легитимность раскрывают рациональный механизм признания властного порядка, согласия с его основными принципами и его поддержания в практическом взаимодействии общества и государства, а доверие при этом выступает интегративным индикатором этих двух характеристик.

На основании анализа различных концепций легитимности, рассмотренных в предыдущих разделах, предлагается совокупная модель легитимизационных подходов, на которых базируется западноевропейская теория легитимности: структурно-функциональном, процедурном, институциональном и ценностно-целевом.

Структурно-функциональный подход, характерный для континентальной Европы, связывает легитимность публичной власти с ее обязанностью обеспечивать социальную стабильность, равновесие и устойчивость политической, экономической, правовой и культурной систем, а также сохранять социальную структуру и действующие нормативные модели. В этом подходе соединяются рациональный выбор в поддержке текущего порядка и социальная вера в необходимость и справедливость законов и институтов, что включает признание за властью права на «социальное насилие» в рамках своей юрисдикции и опирается на классику Макса Вебера и его три типа легитимности.

Процедурный подход акцентирует внимание на публично-властном взаимодействии личность–общество–государство, где ключевым ресурсом легитимации становятся процедуры и их строгое соблюдение в условиях политической конкуренции. Легитимность в таком понимании связывается с демократическими правовыми процедурами достижения общественно значимых целей и разрешения конфликтов, что обеспечивает справедливость и устойчивость политической системы; с развитием цифровых технологий к процедурному основанию относят также режимы цифровой транспарентности органов власти. Процедурная легитимность подчеркивает роль официальных процедур в обеспечении политической конкуренции, участия граждан и рациональных механизмов принятия решений. В рамках ЕС это выражено, в частности, в концепции сквозной легитимности (throughput legitimacy), ориентированной на прозрачность, подотчетность, инклюзивность и открытость процессов управления [19, p. 727–740].

Институциональный подход делает центральным объектом внимание к формальным и неформальным институтам, которые поддерживают и оправдывают власть и ее функционирование. Так, как упоминали ранее, М. Липсет понимал легитимность как качественную характеристику институционно-властной организации, отражающую принятие населением и социальными группами действующих институтов как адекватных и эффективных. Другие авторы видят в легитимности убеждение общества в том, что, несмотря на недостатки, существующие институты являются наилучшими из возможных [15, p. 65]. В этом контексте ключевым тезисом становится мысль, что «институты имеют значение», то есть институционные правила активно формируют политическое поведение и определяют легитимность власти [2]. В рамках институционального подхода выделяются направления, учитывающие исторический институционализм, социологический институционализм, институционализм рационального выбора и дискурсивный институционализм, которые подчеркивают роль критических исторических моментов, ценностных и когнитивных структур, стимулов и ограничений, а также идей и дискурсов.

Ценностно-нормативный подход к легитимации публичной власти в Западной Европе представляет собой систему оправдания государственного властвования через апелляцию к универсальным, общечеловеческим нормативно-ценностным основаниям, лежащим в основе демократического порядка и европейской конституционно-правовой традиции [20]. Эти ценности призваны замещать национально-культурные, религиозные и этнические базисы, формируя «обобществленную» европейскую идентичность на основе прав, свободы и демократических принципов, что входит в символику общей конституционной мета-наррации. В рамках данного подхода подчеркивается идея денационализации публичной политики и построения солидарности на основе общих прав и свобод, включая права меньшинств, а также связь легитимности с ценностными ориентациями граждан и соответствием их личных приоритетов продвигаемым европейским ценностям. Однако современные вызовы – демократический откат, нарушения принципов верховенства права, миграционный кризис, Brexit и пандемия – демонстрируют противоречия между национальными и наднациональными ценностями, а также снижение доверия к наднациональным институтам, когда в кризисные ситуации вновь проявляется приоритет национальных интересов [12, p. 101–105].

Эмпирическое изучение легитимности в западноевропейской традиции тесно связано с анализом разрыва между ожиданиями граждан от демократии и их оценками реального функционирования институтов [13]: чем меньше этот разрыв, тем выше воспринимаемая легитимность. В англо-саксонской модели особое значение придается процедурной справедливости и эффективности, народному участию и системе сдержек и противовесов, базируясь на идеях «согласия управляемых» и договорного характера власти, разработанных Локком. Ключевым элементом этой модели является концепция процедурной справедливости, сформулированная Томом Р. Тайлером, согласно которой восприятие индивидом справедливости процедур (прозрачность, нейтральность, обоснованность, последовательность) оказывает сильное влияние на легитимность и готовность подчиняться закону. В этом контексте подчеркиваются уважительное и достойное обращение, доверие к мнению граждан и их ощущение, что даже при неудачном исходе их позицию всерьез услышали.

Для измерения уровня легитимности в англо-саксонской традиции используются социологические опросы, экспертные интервью, индикаторы доверия к институтам, а также факторный анализ и моделирование связей между процедурной справедливостью, легитимностью и поведением граждан. На основе этих подходов разработаны многоуровневые модели, включая трех- [14] и пятиступенчатые [18] схемы, учитывающие доверие к власти, согласованность ценностей и законности. В конструкции англо-саксонской модели подчеркиваются горизонтальные и вертикальные механизмы подотчетности и контроля: разделение властей, система сдержек и противовесов, а также институты гражданского общества, призванные обеспечивать транспарентность, публичную отчетность и ответственность должностных лиц.

В целом западноевропейская и англо-саксонская традиции связывают легитимность с секулярно-рациональными и политико-правовыми аспектами, количественными показателями, формализованными индексами и процедурной деятельностью, где легитимация предстает как рационально-техническая символическая процедура, строящая «оправдательные» образы, источники авторитетности и причинно-следственные цепочки. В последние годы особое значение приобретают социально-экономические факторы: экономические шоки, ухудшение условий жизни и снижение экономической стабильности тесно коррелируют с падением доверия к парламентам и поддержке ЕС, что демонстрирует ограниченность классической модели легитимации в условиях кризиса и переходных периодов.

В современной Европе наблюдается один из самых масштабных кризисов доверия к публичной власти: по данным исследований 2024–2025 годов, средний уровень доверия к правительствам составляет около 38,6%, а в ряде ключевых государств ЕС показатели находятся в состоянии обвала[1]. При этом доверие к институтам ЕС остается выше, чем к национальным правительствам, что связывают с переносом социальных ожиданий на общеевропейские структуры, общей внешнеполитической напряженностью и необходимостью наднациональной координации в сфере безопасности, миграции, социального и климатического развития. Вместе с тем, под действием миграционных кризисов, кризиса мультикультурализма, разочарования в политико-правящей элите, деградации моделей политического лидерства и ценностной дезинтеграции евро-американского сообщества усиливаются тенденции к популизму, авторитарным моделям и нападкам на либерально-демократическую модель.

Легитимность и доверие

Современная западная теория легитимности власти в западной политической науке все очевиднее ориентируется на рационально-процедурные основания, акцентируя внимание на эффективности институтов, функциональности политического режима и соблюдении формально закрепленных процедур. Однако подобный рациональный уклон приводит к ослаблению роли аксиологического измерения: традиционных духовно-нравственных ценностей, культурных кодов и цивилизационной специфики обществ, исторические модели государственности которых формировались под влиянием православных, конфуцианских, индуистских и иных ценностных оснований. В результате в западной концепции легитимность все чаще понимается преимущественно как институциональная эффективность и соответствие формальному правопорядку, тогда как ценностно-символические и моральные аспекты воспроизводства власти остаются на периферии научного анализа.

Проведенный анализ выявляет ключевые ограничения западного подхода: во-первых, *гиперболизацию рационально-процедурных ос-*

[1] Survey on Drivers of Trust in Public Institutions. 2024 Results. Building Trust in f Complex Policy Environment // OECD. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/2024/07/oecd-survey-on-drivers-of-trust-in-public-institutions-2024-results_eeb36452.html

нований, при которой легитимность фактически сводится к функциональности и эффективности режима; во-вторых, *игнорирование аксиологического измерения*, включая традиционные ценности, культуру и цивилизационные особенности обществ; в-третьих, *слабую концептуализацию доверия*, которое либо поглощается более широкой категорией легитимности, либо сводится к инструментальному результату эффективности. В этом контексте важно развести понятия «легитимность» и «доверие»: первое в западной трактовке означает прежде всего согласие, основанное на рациональных и процедурных критериях, тогда как второе представляет собой более глубокую, нередко дорациональную веру в справедливость, порядочность и ответственность власти, укорененную в разделяемых ценностях, историческом опыте и коллективной идентичности.

Именно поэтому западные механизмы достижения легитимности нередко оказываются неприменимыми в иных ценностно-цивилизационных контекстах, включая Россию. Критика рационального подхода требует не только обозначения его ограничений, но и выявления позитивных оснований российской модели доверия к власти. Специфика российской власти формировалась под влиянием трех ключевых феноменов: соборности, державности и сакрального служения.

Соборность, противопоставленная западному индивидуализму, связывает личную волю с высшим общественным благом, придавая подчинению власти не договорный, а добровольный и нравственно обоснованный характер. В этой логике власть воспринимается не как контрагент, чья эффективность постоянно проверяется, а как гарант общего блага, что формирует к ней доверительное, а не сугубо расчетное отношение.

Фундаментальную роль играет также державность как цивилизационный императив. Историческое развитие России в условиях внешних угроз, протяженных пространств и необходимости сохранения территориальной целостности сформировало устойчивый запрос на сильное централизованное государство, способное обеспечивать безопасность и поддерживать коллективную идентичность. На этой основе складывается «державное доверие» – установка, при которой легитимность власти определяется не столько соблюдением процедур, сколько ее способностью защищать суверенитет и народ. Поэтому в кризисных ситуациях доверие к центральной власти может усиливаться, оттесняя на второй план рациональную оценку ее текущей эффективности.

Особое значение имеет православная традиция с присущей ей идеей симфонии властей, в рамках которой светская и духовная власть не противопоставляются, а соотносятся как взаимодополняющие начала, призванные служить духовному и нравственному благополучию народа. В этой логике власть воспринимается не только как институт управления, но прежде всего как форма ответственного служения народу, государству и высшему нравственному порядку. Авторитет власти основывается не на технократической эффективности как таковой, а на способности действовать с чувством долга, справедливости и моральной ответственности. Народ, в свою очередь, склонен доверять такой власти не только как администратору, но и как носителю нравственного обязательства перед обществом. В отличие от протестантской модели, где легитимность нередко соотносится с материальным успехом и рациональной результативностью, в православной традиции доверие к власти может сохраняться даже в условиях трудностей, если ее действия воспринимаются как искренние, жертвенные и духовно оправданные.

Заключение

Российская модель доверия к власти формируется на пересечении соборности как моральной солидарности, державности как исторически обусловленной потребности в сильном государстве и сакрального служения как религиозно-этического понимания власти. В данном контексте рационально-процедурная легитимность выступает не универсальным основанием признания власти, а лишь вторичным и производным элементом более глубокого ценностно-эмоционального феномена доверия. Поэтому механическое применение западных критериев легитимности к анализу российской действительности оказывается методологически ограниченным: оно не просто упрощает, но и искажает природу властных отношений, выводя за рамки анализа историческую память и ценности общества. Эволюция западных концепций выявляет их неспособность полноценно объяснить феномен доверия в российском контексте, что указывает на теоретическую лакуну и одновременно открывает пространство для развития отечественной социологии управления. В этой связи перспективной задачей становится выявление специфических закономерностей формирования доверия к власти в России и разработка адекватного категориального аппарата, где критический обзор западных теорий служит основанием для перехода к рассмотрению доверия как самостоятельной альтернативной категории анализа властных отношений.

Литература

1. Алексенко А. Концепция легитимации политико-правовых решений Никласа Лумана // Право и политика. 2012. № 3.
2. Аузан А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2024.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2018.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. М.: Изд. дом Высш. шк. эк., 2016.
5. Калиниченко А. Идея легитимности в работах Карла Шмитта и Гульельмо Гульельмо Ферреро // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 2.
6. Колсариева Н. Вклад Д. Истона в изучение политической системы как политикоправовой категории // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 3.
7. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2018.
9. Шмитт К. Легальность и легитимность. СПб.: Владимир Даль, 2024.
10. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
11. Easton D. The re-assessement of the concept of political support // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. № 4.
12. Grabowska-Moroz B., Grogan J., Kochenov D., Pech L. Reconciling Theory and Practice of the Rule of Law in the European Union // Hague Journal on the Rule of Law. 2022. № 14.
13. Grosfeld E., Scheepers D., Cuyvers A. Value Alignment and Public Perceived Legitimacy of the European Union and the Court of Justice // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 12. January.
14. Sunshine J., Tyler T.R. The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // Law & Society Review. 2003. Vol. 37. Issue 3. September.
15. Linz J. Legitimacy of democracy and the socioeconomic system // Comparing pluralist democracies: Strains on legitimacy. Boulder Westview. 1988.
16. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied, 1969.
17. Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005.
18. Noyon L., Keijser J.W. de, Crijns J.H. Legitimacy and public opinion: a five-step model // International Journal of Law in Context. 2020. Vol. 16. Issue 4. December.
19. Schmidt V., Wood M. Conceptualizing throughput legitimacy: Procedural mechanisms of accountability, transparency, inclusiveness and openness in EU governance // Public Administration. 2019. № 97.
20. Schorkopf F. Value Constitutionalism in the European Union // German Law Journal. 2020. № 21.

THE CONCEPT OF POLITICAL LEGITIMACY: AN EVOLUTION OF THEORETICAL APPROACHES FROM LEGALITY TO A MULTIDIMENSIONAL MODEL

Kharichev A.D.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) under the Presidential Administration of the Russian Federation

The article analyzes the concept of political legitimacy and the evolution of its interpretation from legality to multidimensional models of the legitimation of power. The aim of the study is to distinguish between legitimacy, legality, and political trust, as well as to identify the limitations of rational-procedural interpretations of legitimacy. The methodology is based on an analysis of classical and contemporary theories of legitimacy, as well as structural-functional, procedural, institutional, and value-normative approaches to the legitimation of power. The article demonstrates that legitimacy cannot be reduced to formal compliance with the law, institutional effectiveness, or adherence to procedures. Particular attention is paid to trust as a deeper value-emotional and pre-rational phenomenon rooted in historical experience, cultural identity, and perceptions of the justice of authority. In the Russian context, trust is revealed through the categories of sobornost, statehood, and sacred service. The findings are applicable to the analysis of the stability of political systems and the specificity of power relations in different value-civilizational contexts.

Keywords: legitimacy, legality, rationality, trust, legitimation of power.

References

1. Aleksenko A. The Concept of Legitimation of Political and Legal Decisions by Niklas Luhmann // Law and Politics. 2012. № 3.
2. Auzan A. Cultural Codes of the Economy: How Values Influence Competition, Democracy, and the Welfare of a Nation. Moscow: AST, 2024.
3. Weber M. Politics as a Vocation. Moscow: RIPOL Classic, 2018.

4. Weber M. Economy and Society: Essays in Interpretive Sociology: in 4 vols. Moscow: HSE Publishing House, 2016.
5. Kalinichenko A. The Idea of Legitimacy in the Works of Carl Schmitt and Guglielmo Ferrero // Social and Humanitarian Review. 2019. № 2.
6. Kolsarieva N.D. Easton's Contribution to the Study of the Political System as a Political and Legal Category // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. № 3.
7. Lipset M. Political Man: The Social Bases of Politics. Moscow: Mysl, 2016.
8. Parsons T. The Structure of Social Action. Moscow: Academic Project, 2018.
9. Schmitt C. Legality and Legitimacy. Saint Petersburg: Vladimir Dal, 2024.
10. Schmitt C. The Concept of the Political. Saint Petersburg: Nauka, 2016.
11. Easton D. The re-assessement of the concept of political support // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. № 4.
12. Grabowska-Moroz B., Grogan J., Kochenov D., Pech L. Reconciling Theory and Practice of the Rule of Law in the European Union // Hague Journal on the Rule of Law. 2022. № 14.
13. Grosfeld E., Scheepers D., Cuyvers A. Value Alignment and Public Perceived Legitimacy of the European Union and the Court of Justice // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 12. January.
14. Sunshine J., Tyler T.R. The Role of Procedural Justice and Legitimacy in Shaping Public Support for Policing // Law & Society Review. 2003. Vol. 37. Issue 3. September.
15. Linz J. Legitimacy of democracy and the socioeconomic system // Comparing pluralist democracies: Strains on legitimacy. Boulder Westview. 1988.
16. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied, 1969.
17. Mouffe Ch. On the Political. New York: Routledge, 2005.
18. Noyon L., Keijser J.W. de, Crijns J.H. Legitimacy and public opinion: a five-step model // International Journal of Law in Context. 2020. Vol. 16. Issue 4. December.
19. Schmidt V., Wood M. Conceptualizing throughput legitimacy: Procedural mechanisms of accountability, transparency, inclusiveness and openness in EU governance // Public Administration. 2019. № 97.
20. Schorkopf F. Value Constitutionalism in the European Union // German Law Journal. 2020. № 21.

Классические подходы к исследованию ценностных ориентаций молодежи: сравнительный анализ и управленческие ограничения

Черных Наталья Сергеевна,
младший научный сотрудник кафедры цифровой социологии
ВШССН МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: nataliaicbt@gmail.com

Автор приводит критический анализ трех ключевых подходов: структурно-функциональный (М. Рокич), диспозиционная концепция (В.А. Ядов), культурно-эволюционный (Ш. Шварц). Цель исследования – выявления методологического потенциала и границ каждого из подходов при анализе ценностных ориентаций молодежи и решении связанных с ними управленческих задач. Сравнительный анализ демонстрирует комплементарность подходов, но указывает на невозможность их прямого синтеза. Классические подходы позволяют фиксировать, какие ценности преобладают у молодого поколения, но оказываются ограниченными, когда речь идет о том, как эти ценности формируются под влияние конкурирующих агентов социализации. На основе анализа научной разработанности проблемы в социологии управления (работы В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, И.А. Полуэтова, Н.Г. Маськова, О.В. Шиняева, В.В, Меркулов и др.) обосновывается необходимость систематизации исследований в единую методологическую концепцию.

Ключевые слова: ценностные ориентации; молодежь; «Опросник ценностей Рокича»; диспозиция иерархии личности В.А. Ядова; трансситуативная мотивационная цель по Ш. Шварцу; управленческое воздействие; социология управления; агенты социализации.

Актуальность темы

Ценностные ориентации молодежи является важным объектом изучения социальных наук, так как дают возможность раскрывать и отслеживать глубинные трансформационные процессы общественного сознания и культурных кодов. Исторический интерес к данной теме обусловлен задачами социальной диагностики и прогнозирования: четкое понимание какие принципы и идеалы транслируют молодые люди, позволяет предсказывать вектор развития обществ, эффективность воздействия агентов социализации. В социальном знании сформировались классические теоретические подходы (структурно-функциональный, культурно-эволюционный, диспозиционная концепция), которые обеспечили исследования категориальным аппаратом и методикой измерения, главный фокус на декларации и сравнительном анализе ценностных систем.

Однако в результате изменения социальной реальности (цифровизация, глобализация, фрагментация традиционных институтов, внедрение в повседневную жизнь механизмов ИИ и др.), традиционные исследования, отвечая на вопрос «**что изменилось»** в ценностных ориентациях молодого поколения, все чаще сталкиваются с проблемой ответа на вопросы – «**почему так происходит?», «кто воздействует на данный процесс?»**. Возникает потребность в понимании логики данных изменений, в выработке модели управления процессом ценностного формирования личности.

Цель данной статьи – провести системный анализ классических теорий к изучению ценностных ориентаций молодежи, выявив их методологические границы и управленческие ограничения.

Научная разработанность проблемы

Теоретическое осмысление феномена «ценность», «ценностная ориентация» осуществляется в русле различных гуманитарных дисциплин: философии, антропологии, социологии, психологии. Специфика социального познания в данной области заключается в раскрытии сущности данного феномена через призму его формирования и функциональной роли в жизни общества. Классические социологии (И. Гофман, Т. Парсонс, М. Вебер), рассматривают ценностные ориентации как ключевой элемент социального порядка, культурного наследия и индивидуального восприятия мира. Сторонники культурно-исторического релятивизма (В. Дильтей, А. Тойнби, П. Сорокин т др.) полагают, что ценности не являются вневременными идеями, они живут и умирают вместе с конкретной исторической эпохой.

Ценностные ориентации молодежи в рамках межпоколенческого подхода изучают, такие социологии, как Х. Беккер, М. Мид и др. Среди отечественных авторов в рамках данного подхода весомый вклад внесли В.Т. Лисовский, Д.А. Леонтьев, Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко и др. [6, 5, 1]. В.Т. Лисовский впервые в научном дискурсе установил взаимосвязь между категориями «поколение» и «молодежь». Автор полагал, что «молодежь – это поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [6, с. 99].

Согласно энциклопедическому словарю, «Социология молодежи», под ценностными ориентациями в отечественной социологии понимают – «оценочное отношение личности к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются, как предметы (или их свойства), цели и средства для удовлетворения потребностей личности» [13, с. 559]. Ценностные ориентации находят свое выражение в идеалах, личностном смысле, определяя направленность социального поведения индивида. С момента институционализации российской социологии эта тема неизменно остается в фокусе внимания (исследования И.С. Кона, В.Т. Лисовского, В.И. Чупрова и др.).

Типология и классификация ценностей в теоретическом осмыслении исследуется в работах Д.С. Леденцова, Б.С. Ерасова, Ф.Э. Шереги и др. [4, 2, 16]. Подробное сопоставление традиционных и инновационных ценностей изучается Е.А. Тупичкиной, Н.К. Андриенко, С.И. Семенакой, авторы подчеркивают, что необходимо создать условия для «эффективного диалогического взаимодействия традиционных и инновационных ценностей в реальном и виртуальном пространстве, предложить пути, средства, формы информационной коммуникации,

обеспечивающие сохранение традиций, духовности и формирование системы инновационных ценностно значимых ориентиров» [15, с. 28].

Прикладной аспект изучения ценностных ориентаций в контексте управленческой парадигмы последовательно развивается в рамках молодежной политики. Исследования О.В. Шиняева, В.В. Меркулов формируются на стыке социологии управления и политической социологии, изучая гражданственность и патриотизм как управленческую ценность [17].

Работы В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок анализируют ценностные дисфункции, как следствие неэффективного управления социальными процессами и кризиса агентов социализации. С позиции авторов девиация есть отклонение от нормы, она возможна даже в ситуации игнорирования инновационной активности молодежи со стороны общества. В результате инновация оказывается за рамками официальных, институциональных структур и принимает делинквентный (криминальный) характер [3].

Современный вызов, связанный с влиянием цифровых агентов саморегуляции, осмысляется в работах И.А. Полуэтова, Н.Г. Маськова, А.А. Хажгерина, где платформы анализируются как новые субъекты управления [11, 7]. В своих работах авторы подчеркивают, что ускорение темпов общественного развития оказывает влияние на медиа потребление и «вносит значительные корректив в относительно статичный культурный код» [7, с. 171]. Данные процессы являются важным компонентом миропонимания молодых людей, что особо важно при изучении поколенческих ценностей.

В России ежегодно проводятся множество общенациональных и региональных «замеров» ценностных ориентаций молодежи. Среди национальных организаций: ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания» (РАО) (в рамках нацпроект «Образование»). Российский союз молодежи проводит исследования ценностей и ориентиров молодежи Москвы и регионов, исследуя самореализацию и социальную вовлеченность. Центр – социальных исследований «14–35» фокусируется на прикладных исследованиях в области воспитательной деятельности и молодежной политики. ВУЗы (МГУ, ВШЭ, ЮЗГУ) организуют мониторинг ценностей молодежи, а также проводят академические исследования идентичностей и ценностей.

Классические теоретические подходы

В современной науке сложилось несколько доминирующих подходов, которые дают свой ответ на вопрос о природе, структуре и функций ценностей. К таким подходом относят: структурно-функциональный (М. Рокич), диспозиционная концепция (В.А. Ядов), культурно-эволюционный (Ш. Шварц).

Подход М. Рокича укоренен в традициях структурного функционализма, ценности трактуются как устойчивые убеждения о предпочтительных состояниях и способ поведения. Они носят нормативный характер, выполняют функции социальной интеграции, индивидуальной регуляции поведения и легитимации порядка. Центральным вкладом М. Рокича стало дихотомическое разделение ценностей на термальные и инструментальные. Первые – это убеждения в том, что некие цели являются лично и социально предпочтительными («свобода», «мир во всем мире», «счастливая жизнь»). Вторые – это убеждение, что конкурентные свойства личности или образ действий является предпочтительными в любой ситуации («самоконтроль», «честность», «ответственность») [18]. Для измерения ценностей М. Рокич разработал «Опросник ценностей Рокича» [8], который состоит из двух списков, по 18 ценностей каждый. Респонденту предлагается ранжировать ценности по каждому списку, что позволяет построить индивидуальную и групповую иерархию. Результаты ранжирования помогают наглядно представить структуру предпочтений, а также корреляцию между позицией ценности в иерархии. К сильным сторонам данного опросника относят: общенациональная ясность и простота; визуализация иерархии; связь с поведением. Однако данная методика подвергается критики из-за статичности ценностей, опросник предполагает раз и навсегда заданный список ценностей, игнорируя ситуативную и культурно-историческую динамику. Также ценность рассматривается изолированно, а не в системе отношений с другими ценностями.

Таким образом, с точки зрения выявления управленческих ограничений, данных подход обнаруживает несколько уязвимостей. Во-первых, модель М. Рокича не позволяет отследить под влиянием каких факторов может измениться иерархия ценностей. Для управления важно не только знать, что ценно для молодого поколения сегодня, но и понимать возможные траектории сдвига. Во-вторых, данных подход не дает ответа, какое именно управленческое воздействие способно изменить значимость той или иной ценности.

Диспозиция концепция В.А. Ядова восходит к традициям символического интернационализма М. Вебера. В его основе лежит представление о том, что социальная реальность конструируется в процессе осмысления и взаимодействия, а не дана человеку непосредственно. Ценности в данном понимании – это не внешние сущности, а смысловые образования, которые проявляются у человека в конкретной деятельности и коммуникации. Т.е. ценностные ориентации не «имеются», а проявляются в поступках, выборах и их обоснованиях. Центральной концепцией является диспозиция иерархии личности. В.А. Ядов рассматривает диспозиции (установки) личности, как «фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом» [12, с. 3]. Автором была предложена четырехуровневая структура диспозиций:

- элементарные фиксированные установки, которые складываются в простейших жизненных обстоятельствах и базируются на витальных потребностях индивида;
- социально фиксированные установки, образуются на основе знакомств с социальными объектами в малых группах;
- базовые социальные установки, формируются в основных сферах деятельности (семья, труд, досуг);
- ценностные ориентации личности – система жизненных установок, которая регулирует целостность личности и ее взаимодействие с миром.

К сильным сторонам данного подхода относят: фокус на процесс и деятельность (исследования «ценности» не как декларации, а как она проявляется в реальных практиках); преодоление статичности (ценность исследуется в динамике); связь макросоциологического анализа с микросоциологическим; подход обосновывает приоритет качественной методологии (глубинные интервью, анализ дискурса, фокус-группы).

К методологическим ограничениям, в первую очередь относят, то, что в отличие от четкого опросника М. Рокича диспозиционная концепция В.А. Ядова не предполагает четкого опросника для измерения высшего уровня. Также необходимо отметить, что результаты, полученные через интерпретацию смыслов, сложнее поддаются обобщению и проверки на большие популяции, что может ограничить их применимость в эмпирических исследованиях.

Границы управленческий применимости дипозиционной концепции В.А. Ядова заключаются в том, что автор делает акцент на социальных ситуациях. Однако в управлении молодежью важны не только ситуативные, но и долгосрочные институциональные рамки. Также управленческие ограничения заключаются в недостаточном прогностическом потенциале. Остается неясным, как будет меняться поведения молодого поколения при введении нового управленческого импульса.

Культурно-эволюционный подход Ш. Шварца представляет собой попытку создания универсально верифицированной картой человеческих ценностей. Автор синтезирует идеи из кросс-культурных исследований, социальной психологии и теории мотивации. Ш. Шварц исходит из положения, что ценность есть трансситуативная мотивационная цель. «Трансситуативность» означает, что ценность выходит за рамки конкретных сиюминутных обстоятельств, что у человека есть устойчивы врожденные принципы, которые составляют ядро личности. Например, ценность «быть честным», предполагает, что ты честный и в семье, и на работе, и в дружеском общении. «Мотивационная цель» – это внутренне присущее человеку стремление к достижению определенного, фундаментального важного состояния. Ценность мотивирует поведение, направляя его к этим целям. Так ценность «самостоятельность» – это мотивационная цель быть независимыми и полагаться на себя; ценность «безопасность» – мотивационная цель достичь гармонии и защищенности для себя [19].

Главным достижением Ш. Шварца является не просто список, а структурная модель взаимосвязи ценностей. Автор предложил список из десяти мотивационных типов ценностей: самостоятельность, симуляция, гедонизм, власть, достижение, безопасность, комфортность, традиция, доброта, универсализм. Данные ценности он пометил в круговую диаграмму по принципу мотивационной совместимости конфликта, которые можно описывать двумя основными осями: открытость изменениями / сохранение; самоутверждение / самопревосхождение [9].

Модель Ш. Шварца не только помогает описывать ценности, но и понимать логику их сосуществования и противоречий в сознании личности и в культуре, что делает ее динамичной, поскольку описывает систему напряжений и балансов. Данный подход обладает связью с широкими спектром социальных явлений, ее часто применяют для

прогнозирования электорального поведения, социальных и политических установок, потребительского выбора.

Будучи психологической по своему происхождению подход Ш. Шварца отвечает в первую очередь на вопрос «как устроена система ценностей», но не отвечает на вопрос «какие конкретно силы ее так настроили» (управленческое ограничение), в результате чего меньшее внимание уделяется агентам социализации. Несмотря на динамику отношений, сама структура из десяти типов претендует на универсальность, но, как и в случае опросника М. Рокича, может вызывать сложности при появлении уникальных культурных и цифровых феноменов.

Проведенный анализ ключевых подходов в области ценностных ориентаций молодежи предоставляет исследователю мощный инструментарий для ответа на вопрос «**что?».** Они помогают фиксировать сдвиги, диагностировать состояние ценностного поля, сравнивать группы и прогнозировать векторы поведенческого развития. Однако данные подходы не в состоянии ответить на такие вопросы, как «**почему?»** и «**как?»** (какие конкретные агенты влияют на ценности? через какие механизмы они влияют? как можно воздействовать на данные агенты?). Именно данный вакуум призвана заполнить социология управления, предполагающая рассматривать ценностные ориентации молодежи не как самодостаточный объект изучения, а как результат конкуренции агентов регуляции и саморегуляции в специфическом социальном контексте.

Как было показано в научной разработанности проблемы ряд исследователей уже предприняли значимые попытки рассмотреть проблему ценностных ориентаций через призму управленческих процессов (анализ институциональных рисков – В.И. Чупров, Ю.А. Зубок; изучение механизмов цифрового воздействия – И.А. Полуэтова, Н.Г. Маськова; осмысление ценностей как объекта политики – О.В. Шиняева, В.В. Меркулов и др.). Однако будучи ценными в своих ракурсах, данные подходы не систематизированы в единую методологическую концепцию. Перспектива дальнейших исследований заключается в операционализации теоретической рамки и ее эмпирической апробации применительно к российской молодежи.

Выводы

1. Методика М. Рокича остается актуальной инструментом для сравнительно-диагностических срезов, но требует критической интерпретации и дополнения качественными методами для исследования реальных механизмов формирования и функционирования ценностный ориентаций. Ее главная методологическая ценность – способность задать структурный язык для первичной типологизации ценностей, которые в дальнейшем должны быть верифицированы в рамках более сложной парадигмы, учитывающий факторы и конкуренцию агентов социализации.

2. Диспозиционная концепция В.А. Ядова представляет собой глубинный инструмент для качественного анализа ценностных ориентаций молодежи в конкретных жизненных ситуациях и социальных средах. Ее основная эристическая мощь раскрывается не в массовых замерах, а в способности проанализировать логику ценностных выборов, что делает ее фундаментальной основой для проверки гипотез, полученных с помощью более формальных методик.

3. Подход Ш. Шварца демонстрирует тенденцию к психологическому редукционизму, т.к. фокусируется на универсальных мотивационных основах, в меньшей степени объясняет влияние конкретных социальных акторов. Основная научная ценность данного подхода заключается в способности переводить изучение ценностей из плоскости просто перечисления в плоскость системного моделирования, где каждый ценностный выбор характеризуется в контексте мотивационной структуры личности, что делает ее незаменимой в фундаментальных исследования, но требующей дополнения социологическим анализом.

4. Проведенный сравнительный анализ классических подходов к исследованию ценностных ориентаций молодежи позволяет зафиксировать их управленческие ограничения. Подход М. Рокича статичен и слабо прогностичен, не отвечает на вопрос о механизмах ценностного сдвига. Диспозиционная концепция В.А. Ядова труднореализуема эмпирически и лучше объясняет прошлое поведение, а не прогнозирует реакцию на управленческие воздействия. Подход Ш. Шварца сложен в операционализации и неприменим к локальным управленческим задачам.

Литература

1. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи – о молодежи, для молодежи // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления: Материалы всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского: в 4 т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 5–9.

2. Ерасов Б.С. Цивилизации. Универсалии и самобытность / отв. ред. Н.Н. Зарубина. М.: Наука, 2002.

3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Отечественная социология молодежи: становление и развитие // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 56–77.

4. Леденцов Д.Е. Классификация ценностей // Вестник ИрГТ У. 2007. № 1. С. 229–230.

5. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.

6. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений: Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 98–104.

7. Маськова Н.Г., Хажгериева А.А. Теория поколений: особенности медиапотребления в условиях активного развития цифровых технологий // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 4. С. 165–173.

8. Методичка «Ценностные ориентации» М. Рокича. – URL: https://bptt.profiedu.ru/file/download?id=323 (дата обращения: 01.04.2026).

9. Морозов А.А. Анализ концепции ценностей Шварца Ш. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2024. Т. 10 (76), № 2. С. 3–12.

10. Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ.; под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002.

11. Полуэхтова И.А. Медиапотребление различных возрастных групп // Социологические исследования. 2023. № 11. С. 127–132.

12. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979.

13. Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008.

14. Сушко В.А. Теоретические подходы к исследованию ценностных ориентаций современной молодежи // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 31. С. 128–137.

15. Тупичкина Е.А., Андриенко Н.К., Семенака С.И. Традиционные и инновационные ценности в информационном обществе: проблема интерференции // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2022. Вып. 5 (45). С. 20–29.

16. Шереги Ф.Э. Политические установки студентов российских вузов // Социологический журнал. 2013. № 1. С. 63–78.

17. Шиняева О.В., Меркулов В.В. Гражданская активность российской молодежи в условиях новых глобальных и национальных вызовов // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3. С. 100–112.

18. Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973.

19. Schwartz S.H. Universals in the Structure and Content of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. Pp. 1–65.

CLASSICAL APPROACHES TO STUDYING THE VALUE ORIENTATIONS OF YOUTH: COMPARATIVE ANALYSIS AND MANAGERIAL LIMITATIONS

Chernykh N.S.
Lomonosov Moscow State University

The author provides a critical analysis of three key approaches: structural-functional (M. Rokeach), dispositional concept (V.A. Yadov), and cultural-evolutionary (S. Schwartz). The aim of the study is to identify the methodological potential and limitations of each approach in analyzing the value orientations of youth and in addressing related management tasks. A comparative analysis demonstrates the complementarity of the approaches but points to the impossibility of their direct synthesis. Classical approaches make it possible to record which values prevail among the younger generation, but they prove limited when it comes to understanding how these values are shaped under the influence of competing agents of socialization. Based on an analysis of the scientific development of the problem in the sociology of management (works by V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok, I.A. Poluetova, N.G. Maskova, O.V. Shinyaeva, V.V. Merkulov, and others), the necessity of systematizing research into a unified methodological framework is substantiated.

Keywords: value orientations; youth; Rokeach Values Questionnaire; disposition of V.A. Yadov's personality hierarchy; trans-situational motivational goal according to S. Schwartz; managerial influence; sociology of management; agents of socialization.

References

1. Vishnevsky, Yu.R., & Shapko, V.T. (2014). Sociology of Youth – About Youth, for Youth. In Yu.R. Vishnevsky (Ed.), Current Problems of the Sociology of Youth, Culture, Education, and Management: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Conference (Vol. 1, Pp. 5–9). Yekaterinburg: UrF U.

2. Erasov, B.S. (2002). Civilizations. Universalisms and Identity (N.N. Zarubina, Ed.). Moscow: Nauka.

3. Zubok, Yu.A., & Chuprov, V.I. (2009). Russian Sociology of Youth: Formation and Development. Socio-Humanitarian Knowledge, (1), Pp. 56–77.

4. Ledentsov, D.E. (2007). Classification of Values. Bulletin of Irkutsk State Technical University, (1), Pp. 229–230.

5. Leontiev, D.A. (1996). Value as an Interdisciplinary Concept: An Experience of Multidimensional Reconstruction. Problems of Philosophy, (4), Pp. 15–26.

6. Lisovsky, V.T. (1998). Dynamics of Social Changes: Experience of Comparative Sociological Studies of Russian Youth. Sociological Studies, (5), Pp. 98–104.

7. Maskova, N.G., & Khazhgerieva, A.A. (2022). Generation Theory: Features of Media Consumption in the Context of Active Development of Digital Technologies. Bulletin of Maikop State Technological University, 14(4), Pp. 165–173.

8. Rokeach, M. (n.d.). Methodological Guide «Value Orientations». Available at: https://bptt.profiedu.ru/file/download?id=323 (Accessed: April 1, 2026).

9. Morozov, A.A. (2024). Analysis of S. Schwartz's Concept of Values. Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology, 10(76)(2), Pp. 3–12.

10. Parsons, T. (2002). The Structure of Social Action (V.F. Chesnokova & S.A. Belanovsky, Eds., Trans.). 2nd ed. Moscow: Academic Project.

11. Poluekhtova, I.A. (2023). Media Consumption of Different Age Groups. Sociological Studies, (11), Pp. 127–132.

12. Yadov, V.A. (Ed.). (1979). Self-Regulation and Prediction of Social Behavior of the Individual. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch.

13. Zubok, Yu.A., & Chuprov, V.I. (Eds.). (2008). Sociology of Youth: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Academia.

14. Sushko, V.A. (2014). Theoretical Approaches to the Study of Value Orientations of Modern Youth. Current Issues of Modern Science, (31), Pp. 128–137.

15. Tupichkina, E.A., Andrienko, N.K., & Semenaka, S.I. (2022). Traditional and Innovative Values in the Information Society: The Problem of Interference. Pedagogical Review, (5/45), Pp. 20–29.

16. Sheregi, F.E. (2013). Political Attitudes of Russian University Students. Sociological Journal, (1), Pp. 63–78.

17. Shinyaeva, O.V., & Merkulov, V.V. (2023). Civic Activity of Russian Youth in the Context of New Global and National Challenges. Proceedings of Tula State University. Humanities, (3), Pp. 100–112.

18. Rokeach, M. (1973). The Nature of Human Values. New York: Free Press.

19. Schwartz, S.H. (1992). Universals in the Structure and Content of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. Advances in Experimental Social Psychology, Vol. 25, Pp. 1–65.

Экзистенциальные основы предпринимательской деятельности

Бакеев Александр Вадимович,
аспирант кафедры современных аксиологических проблем и религиозной мысли, Российский государственный социальный университет
E-mail: a.v.bakeev@gmail.com

Статья предлагает философский анализ предпринимательства как жизненной стратегии, посредством которой человек отвечает на коренные вызовы своего существования в обществе. Автор отстаивает тезис: предпринимательская деятельность – в трех формах (предприниматель-основатель, топ-менеджер, высокопоставленный чиновник) – есть не экономический механизм, а способ становления личности через созидание. На основе экзистенциальной философии, феноменологии и философии хозяйства показано, что созидательная деятельность позволяет человеку утвердить свободу, принять ответственность и обнаружить смысл в условиях неустранимой неопределенности.

Ключевые слова: философия предпринимательства, экзистенциальные вызовы, созидательная деятельность, свобода и ответственность, предприниматель, топ-менеджер, государственный чиновник, смысл деятельности.

Введение

О предпринимательстве написано чрезвычайно много. Экономисты описывают его как институт, порождающий рыночные инновации [10, 14]. Социологи видят форму мобильности. Популярная литература превращает все в истории успеха для мотивационных семинаров. Между тем за этими описаниями скрывается нечто более существенное, и именно особый способ человеческого существования, в котором человек дает практический – а не теоретический – ответ на коренные вызовы жизни в обществе [2, 9].

Философское осмысление предпринимательства до сих пор остается фрагментарным, и это не случайность, а симптом. Одни авторы замыкаются в экономических категориях – институты, стимулы, транзакционные издержки – и за этими моделями теряют самого человека. Другие поднимаются на уровень этических деклараций о «социальной ответственности бизнеса», но утрачивают связь с реальным опытом людей, которые этот бизнес ведут. Между абстракцией модели и абстракцией морального долга остается зазор: что именно происходит с человеком, избравшим предпринимательство своим делом? Как деятельность формирует не его навыки, а его самого? Именно этот зазор, как представляется, необходимо заполнить.

Методологической базой здесь выступает экзистенциальная философия, феноменология и философия хозяйства, потому что именно они позволяют поставить вопрос о предпринимательстве как о способе быть – не как о функции в экономической системе, а как о конкретном способе отношения к свободе, ответственности, страху и смыслу [7, 8]. Такой подход отличается от управленческих и психологических трактовок в одном решающем пункте: он ставит в центр не компетенции субъекта, а то, как деятельность формирует самого субъекта.

Под «вызовами жизни индивида в обществе» имеется в виду не рыночные трудности и не конкурентные угрозы. Речь о напряжениях, неотделимых от самой структуры человеческого существования: конечности, стремления к смыслу, одиночества, потребности в другом, свободы и ответственности. Эти напряжения не решаются раз и навсегда – они могут лишь получить тот или иной ответ. Предпринимательство рассматривается как один из таких ответов, причем ответ, обладающий собственной глубиной [13, 15].

Цель статьи – показать, каким образом предпринимательство как жизненная стратегия отвечает на ключевые вызовы существования человека в обществе. Для этого необходимо раскрыть предпринимательство как философское явление; выявить природу основных вызовов; проанализировать три позиции – предпринимателя, топ-менеджера и государственного чиновника – как различные воплощения единой стратегии; обосновать роль созидания как сквозного принципа ответа на вызовы.

Новизна статьи – в последовательном применении экзистенциально-философского подхода к трем конкретным позициям и в обосновании того, что созидание есть не инструмент, а укорененный в самом бытии способ самоосуществления человека [1, 4].

Методология

Методологическая основа исследования определяет не только инструментарий, но и логику аргументации.

Первый и главный элемент – экзистенциально-феноменологический подход, представленный С. Кьеркегором, М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром, А. Камю. Именно в их работах «вызов», «страх», «выбор» перестают быть психологическими терминами и приобретают статус категорий, описывающих саму структуру существования [13, 15]. Однако прямое перенесение этих категорий на хозяйственную деятельность рискованно: Хайдеггер не писал о стартапах, и было бы нелепо делать вид, будто его аналитика Dasein задумывалась для описания предпринимательского опыта. В то же время возможности этих категорий позволяют увидеть в предпринимательстве то, что ускользает от экономического и социологического взгляда.

Второй элемент – философия хозяйства в традиции В. Зомбарта, М. Вебера и Й. Шумпетера. Здесь предприниматель предстает не абстрактно, а как исторически обусловленный тип: человек, формирующийся на пересечении экономических отношений, ценностей и институциональных рамок [5, 12]. Без этой конкретности экзистенциальный анализ рискует превратиться в отвлеченное рассуждение.

Третий элемент – оптика постмодернистской и критической социальной теории, позволяющая схватить символические и властные стороны предпринимательской деятельности. В обществе, где производство образов зачастую важнее производства вещей, игнорировать эту сторону – значит сознательно обеднять предмет. Наконец, нормативно-этический подход задает критерии оценки предпринимательства с точки зрения общественного блага, без которых философский анализ рискует остаться безоценочным описанием.

Метод изложения – от характеристики явления к анализу позиций и способов преодоления вызовов. Эмпирическая основа – известные случаи из истории крупных компаний, используемые как иллюстрация, а не как доказательство.

Результаты

Предпринимательство как жизненная философия и способ существования

Понять предпринимательство философски – значит перестать определять его через рынок, риск и прибыль. Предпринимательство есть прежде всего особый способ относиться к реальности – не как к данности, с которой надо смириться, а как к пространству возможностей, требующих воплощения. В этом оно в определенном смысле сближается с тем, что Хайдеггер называл «проектом» – устремлением за пределы наличного бытия, к тому, чего еще нет, но что уже намечено в горизонте возможного.

Это не умозрительная конструкция: успешные основатели компаний описывают свою деятельность не через доход, а через смысл и призвание [1, 7]. Когда человек говорит, что предпринимательство для него – способ быть собой в полную силу, он сообщает нечто существенное, даже если не пользуется философским языком.

Существенно, что предпринимательская стратегия не привязана к одной институциональной форме. Я рассматриваю три. Классическое предпринимательство – создание собственного дела с полной мерой риска. Топ-менеджмент – управление крупной организацией с высокими ставками и противоречивыми интересами. Государственная служба высокого уровня – где от решений зависит благополучие миллионов [6]. Что объединяет их? Не содержание работы, а ее структура: человек, взявший на себя роль создателя, неизбежно сталкивается с вызовами, затрагивающими суть его существования [4].

Важно не соскользнуть в романтизацию. Предпринимательство как философия – не набор красивых формул, а требовательное мировоззрение: видеть возможность там, где другие видят препятствие; различать незаполненное пространство в том, что другим кажется хаосом; воспринимать собственный страх как сигнал к действию. Именно это мировоззрение, а не организационная форма, составляет ядро предпринимательства [8].

Экзистенциальные вызовы: что встречает человек, выбирая путь созидания

Необходимо начинать с самого очевидного: вызов свободы и ответственности. Сартр, в свое время, сформулировал достаточно точно – человек «осужден быть свободным», т.е. оказавшись в мире без заранее данной сущности, он создает себя через выбор, который делает вынужденно или по собственной воле. Предпринимательство реализует эту обреченность в предельном виде, буквально каждый день заставляя брать на себя ответственность за выбор и его последствия. Но, представляется, Сартр недооценивал: предприниматель не просто выбирает между готовыми вариантами – он создает варианты, которых прежде, часто, не существовало в списке известных решений. А ответственность за не существовавшее прежде – это ответственность иного рода, нежели ответственность за выбор из данного, тут можно говорить об ответственности творца за свое творение.

Когда компания терпит крах, основатель переживает это не как рядовую неудачу. Он вкладывал в проект свои идеи, свое видение мира. Потому, очень часто, провал в бизнесе ставит под вопрос не бизнес-стратегию, а правомерность той картины мира, из которой она исходила [2]. Это несоизмеримо с тем, что понимают под ответственностью учебники по менеджменту, ведь предприниматель переживает не просто управленческий кризис, а кризис бытийный, требующий обновления картины мира.

Далее – вызов конечности и смысла. Хайдеггер показал: осознание смертности – не патология, а условие подлинного существования, потому что только конечное время можно принять всерьез. Предприниматель, строящий компанию, неосознанно отвечает на этот вызов: он создает нечто, способное пережить его самого – дело, культуру, традицию. Именно это придает деятельности измерение подлинного смысла. Ницше выразил похожую мысль иначе: кто знает «зачем», выдержит любое «как». Когда это «зачем» утрачивается, никакие финансовые ресурсы не спасают [4, 7].

Вызов неопределенности заслуживает отдельного внимания, потому что он не сводится к банальному «бизнес – это риск». Кьеркегор описал «головокружение свободы» – состояние перед множеством возможностей без заранее заданного критерия выбора. Именно это переживает предприниматель, принимая стратегическое решение: рынок через три года непредсказуем, конкуренты непрозрачны, регуляторная среда изменчива. Неопределенность – не отклонение от нормы, а постоянный фон предпринимательской жизни. Камю предложил продуктивный способ обращения с абсурдом: не бежать, не искать искусственного утешения, а принять и продолжать действовать. «Надо представить Сизифа счастливым» – формула мудрости предпринимателя, который знает, что успех не гарантирован, и созидает не вопреки этому, а именно поэтому [13, 15].

Наконец – вызов страха. И. Ялом выделил четыре коренных человеческих страха: смерти, бессмысленности, изоляции и свободы. Все четыре обнаруживаются в предпринимательском опыте, и надо подчеркнуть то, что их обычно упускают. Страх провала – это страх своеобразной гибели проекта и связанного с ним образа себя. Страх бессмысленности наступает, когда итоги многолетнего труда оказываются никому не нужны. Страх изоляции нарастает по мере того, как тяжесть решений ложится на одного. А страх неопределенности сопровождает каждый серьезный выбор. Однако – и в этом авторская позиция расходится с теми, кто видит в страхе лишь помеху, – страх есть маркер подлинного вызова. Сенека заметил: лишь осмелившийся потерять все, обретает истинную свободу. Зрелый предприниматель учится читать свой страх как навигационный прибор: он указывает на то, что важно [3].

Социальные вызовы: предприниматель в системе общественных связей

Экзистенциальные вызовы затрагивают внутренний мир. Но предприниматель действует в обществе, и на стыке личного замысла и общественной реальности возникают точки и зоны напряжения разного рода.

Во-первых, вызов отчуждения. Современное общество устроено так, что связь между человеком и результатом его труда истончается, особенно это хорошо заметно в крупных социально-экономических системах, коими является крупный бизнес. Офисный работник с трудом видит, как его ежедневные усилия складываются во что-то целое и превращаются в нечто значимое. Цифровые технологии углубляют этот разрыв. Предпринимательство предлагает ответ – оно восстанавливает причастность человека к результату труда. Основатель видит, как его идея воплощается в продукт, меняющий жизнь конкретных людей. В то же время – это восстановление не автоматическое, даже если таковым может казаться. Оно требует сознательного усилия – создания в организации такого пространства, где каждый видит свой вклад в общий результат [6].

Вызов символической экономики. Ж. Бодрийяр показал, что современное потребление – это потребление не столько товаров, сколько образов и идентичностей и тут он, конечно, продолжил развитие идеи символьного капитала П. Бурдье. Для предпринимателя это означает работу не только с материальным, но и со смысловым содержанием и формой, которые и собираются в реальность познаваемую через ощущения, которые будут обязательно интерпретированы. Мы знаем, что бренд, ценности компании, ее история – в некоторых рынках и сегментах значимо важнее характеристик продукта. Пример – Сбер под руководством Г.О. Грефа, сознательно трансформировавший свой образ от консервативного банка к символу технологической инновации. Однако надо понимать, что работа с символами в своей подлинной форме – не манипуляция, а способность артикулировать, доносить до масс смысл деятельности, объяснить и себе, и другим, почему она важна, чем и для кого именно [3].

Вызов общественной ответственности ставит, пожалуй, самый острый вопрос: как сочетать конкурентоспособность с обязательствами перед обществом? Общество требует от бизнеса участия в решении социальных проблем, бережного отношения к среде, справедливости к сотрудникам. Эти требования нередко противоречат логике краткосрочной прибыли. Т. Адорно предупреждал: слишком легкое «решение» этого противоречия – красивые декларации без реальных изменений – лишь маскирует проблему. Подлинный ответ требует не добрых намерений, а способности переосмыслить бизнес-модель так, чтобы создание общественной ценности стало частью коммерческой стратегии [11].

Триада субъектов: три способа воплощения предпринимательской философии

Предпринимательская стратегия реализуется в трех принципиально различных формах, и каждая заслуживает рассмотрения не ради

классификации, а потому, что каждая порождает собственные противоречия.

Предприниматель-основатель – наиболее радикальное воплощение философии созидания. Создавая нечто с нуля, он реализует то, что Ницше описывал как «волю к власти» в ее подлинном смысле: не власть над людьми, а власть над материалом реальности, способность создавать новые формы. Й. Шумпетер назвал это «творческим разрушением» – предприниматель не дополняет существующее, а перестраивает само поле возможного.

Однако романтический образ «свободного творца» нуждается в поправке. Хайдеггер показал, что человек никогда не парит над реальностью – он всегда уже «заброшен» в обстоятельства, которых не выбирал. Предприниматель «принадлежит своей идее» не в том смысле, что идея ограничивает его свободу, а в том, что он несет перед ней ответственность: взявшись воплотить замысел, нельзя бросить его при первых трудностях [2, 7].

История Стива Джобса, при всей затертости этого примера, философски показательна. Его изгнание из Apple в 1985 году было разрушением связи между создателем и созданием. Для многих это означало бы конец. Джобс основал NeXT и Pixar, и именно в годы «изгнания» сформировалось его понимание того, что по-настоящему важно – в продукте, в команде, в культуре. Вернувшись в 1997 году, он создал одну из самых весомых компаний мира. Провал не сломил его, потому что он остался верен своему «зачем». Пример банален, но банальность не отменяет точности.

Топ-менеджер занимает иную позицию. Он, как правило, не создает организацию, а принимает ее в сложившемся виде. Вебер описал современную организацию как «железную клетку рациональности» – систему, подчиненную логике эффективности и измеримости. Топ-менеджер живет в этой клетке, и его вызов – не дать ей поглотить себя. Парадокс глубок: чтобы быть эффективным в системе, надо подчиниться ее логике; но, чтобы развивать систему, надо уметь выходить за пределы этой логики. Менеджер, отождествивший себя с показателями, утрачивает способность к подлинному действию. История Стива Балмера в Microsoft наглядна: финансовая оптимизация в ущерб инновации привела к стагнации компании с колоссальными ресурсами.

Обратный пример – Джефф Безос и его «установка на день 1»: стремление сохранить в огромной корпорации ментальность стартапа. Это не управленческий прием, а воплощение жизненной философии. Страх перед «днем 2» – днем, когда компания начинает воспроизводить саму себя вместо того, чтобы создавать новое, – был для Безоса подлинным экзистенциальным страхом.

Государственный чиновник высокого ранга реализует ту же философию в контексте, где ставки несоизмеримы. Провал предпринимателя – потеря бизнеса. Провал чиновника может обернуться инфраструктурной катастрофой, социальной дестабилизацией, кризисом здравоохранения. Т. Гоббс в «Левиафане» описал государство как инструмент, предохраняющий общество от распада, – и именно это определяет моральный вес чиновничьего решения.

М. Фуко показал, что бюрократический аппарат по своей природе производит человека, ориентированного на процедуру, а не на результат. Чиновник, растворившийся в этой логике, перестает быть субъектом действия. А. Арендт назвала это «банальностью зла»: не злой умысел, а отсутствие подлинной мысли порождает бюрократические катастрофы. Исходя из этого, можно сказать, что предпринимательский дух в государственном управлении – если использовать это выражение строго – означает способность удерживать содержательную цель, благо конкретных людей, как ориентир, не теряя его за инструкциями и регламентами.

Все три позиции объединяет одно: предпринимательская философия – не набор техник, а определенное отношение к действительности. Смотреть на вызовы не как на угрозы, а как на задачи – именно это и есть созидательная ориентация, выводящая субъекта за пределы функциональной роли к подлинному самоосуществлению.

Созидание как философский принцип ответа на вызовы

На протяжении всего предшествующего анализа созидание присутствовало как лейтмотив. Но его необходимо рассмотреть и отдельно, явно выделив.

И. Кант в «Критике способности суждения» описал гений как «талант, благодаря которому природа дает правила искусству». Подлинное творение – не применение готовых шаблонов, а создание новых трафаретов, новых способов действовать. Именно так работает предпринимательское созидание: оно не только оптимизирует существующие шаблоны, но еще и перекраивает само поле возможного. Apple не улучшила телефон – она создала новую категорию устройств. SpaceX не усовершенствовала ракеты – она пересмотрела экономику космических запусков [3].

Почему именно созидание оказывается ответом на вызовы существования? Именно потому, что оно восстанавливает связь между человеком и реальностью, которую разрывают страх, неопределенность и непонимание. Создавая, предприниматель вынужденно перестает быть наблюдателем собственной жизни и становится ее автором, активным актором, который действует сообразно взятой на себя ответственности. Это верно и на коллективном уровне. Организация, создающая реальную ценность, отвечает на запрос не только основателя, но и всех, кто в нее вовлечен. Исследователи отмечают формирование целого социального слоя – людей, для которых творческая составляющая труда является главным мотиватором, они составляют целые креативные индустрии. Предприниматель, создающий организацию и среду в ней, делает больше, чем запускает бизнес, он выстраивает живую систему из процессов, механизмов и людей.

Созидание требует фокуса внимания, непрерывного труда, дисциплины и готовности к провалу, что заметно у великих творцов, Ван Гог продал при жизни одну картину, что никак не умаляет его как творца. Именно в готовности продолжать вопреки непониманию, провалам, бедствиям и состоит фактический смысл созидательной ориентации. Не результат, а верность процессу созидания как способу быть и организовать свое бытие вокруг этого процесса – вот что делает предпринимательскую философию устойчивой перед лицом неудач [13, 14].

Наконец: созидание как служение. Предпринимательство включает в себя всегда ответ на конкретную потребность, в идеале это решение реальной проблемы, а не того, что показалось существующим предпринимателю. Оно соединяет личный смысл с общественной пользой: человек реализует себя именно через создание ценности для других и для себя [6, 11].

Обсуждение

Полученные результаты позволяют вступить в диалог с несколькими конкурирующими позициями и уточнить их достоинства и пределы.

Экономический редукционизм. Значительная часть литературы описывает предпринимательство исключительно через риск, прибыль и эффективность [10, 14]. Подход удобен, но беден: он не объясняет, почему люди продолжают предпринимательскую деятельность вопреки убыткам, почему описывают ее через призвание, почему провал переживается как личная катастрофа. Предложенный подход восполняет этот пробел, не отрицая экономической стороны дела.

Этический нормативизм. Ряд работ сосредоточен на вопросе о том, каким «должен» быть предприниматель. Вопросы верны, но ответы нередко остаются декларациями. Однако подлинная ответственность формируется не через усвоение норм, а через переживание вызовов и выработку собственного к ним отношения. Этика предпринимателя – не кодекс, а позиция [7, 8].

Технологический оптимизм. Цифровизация действительно снижает барьеры и расширяет возможности. Но этот взгляд склонен недооценивать новые вызовы: информационный шум, размывание границ между работой и жизнью, скорость изменений, не оставляющую времени на осмысление. Философия предпринимательства в цифровую эпоху должна осмыслять не только возможности, но и угрозы для целостности человека.

Культурный детерминизм. Акцент на национальной специфике предпринимательства [5, 12] верен: предпринимательство в России, Германии или Японии несет различные культурные коды. Несмотря на это, необходимо выявить те вызовы и стратегии, которые присущи предпринимательству независимо от культурного контекста: страх, смысл, ответственность, созидание – это общие измерения человеческого опыта.

Таким образом, философское осмысление предпринимательства – не академическая роскошь, а практическая необходимость. Люди, лишенные философской рамки для понимания собственного опыта, оказываются беззащитны перед вызовами, которые эта рамка могла бы превратить из угроз в задачи роста [1].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

Предпринимательство – не экономическое явление, а жизненная философия. Это способ быть в мире, определяющий отношение человека к свободе, ответственности, смыслу и другому человеку. Понятое так, оно оказывается значительно шире того, чем его принято считать: его субъектами являются не только создатели бизнеса, но все, кто в условиях неопределенности берет на себя ответственность за созидание. Три рассмотренные позиции – предприниматель, топ-менеджер, госу-

дарственный чиновник – при всем различии форм объединены единым философским ядром.

Вызовы, на которые отвечает предпринимательство, двойственны. Экзистенциальные – страх, неопределенность, поиск смысла, необходимость выбора – связаны с условиями человеческого существования как такового. Социальные – отчуждение, символическая конкуренция, противоречие между частным интересом и общим благом – специфичны для современного общества. Предпринимательство отвечает на оба типа, хотя этот ответ никогда не бывает окончательным: по мере роста деятельности возникают новые противоречия.

Ключевой принцип ответа – созидание, понятое не как техника, а как позиция. Созидать – значит утверждать себя автором собственной жизни; восстанавливать связь между усилием и результатом; создавать пространство, в котором другие тоже могут реализовать свои способности. Именно поэтому подлинное предпринимательство – всегда форма служения [5].

Страх, которого обычно стыдятся, в правильной перспективе оказывается союзником. Он маркирует вызовы, достойные усилий. Предпринимательская зрелость – не отсутствие страха, а способность использовать его как навигационный инструмент: двигаться туда, где страшно, потому что именно там – подлинное и значимое.

Перспективы дальнейших исследований: эмпирическая проверка через анализ предпринимательских нарративов; разработка педагогических выводов (если предпринимательство – философия, а не набор техник, то и учить ему надо иначе); сравнительный анализ того, как различные культурные традиции формируют свои версии предпринимательской философии [9, 12].

Есть ли иной ответ на вызовы существования, кроме созидания? Однозначно – нет. Не потому, что другие пути невозможны, а потому, что только в созидании человек одновременно утверждает свободу, принимает ответственность, обнаруживает смысл и устанавливает живую связь с другими. Это делает созидание не стратегией успеха, а философским ответом на вопрос о том, как жить достойно.

Литература

1. Безвесельная, З.В. Роль философии в формировании личности предпринимателя / З.В. Безвесельная // Вестник Академии. – 2010. – № 3. – С. 120–123.

2. Борисова, Т.В. Философский анализ предпринимательской деятельности: социально-онтологический аспект: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11 / Борисова Т.В. – Саратов, 2005. – 44 с.

3. Васильев, Е.С. Инновационная парадигма: современная философия или основа предпринимательства? / Е.С. Васильев, Н.Н. Харькова // Бизнес. Образование. Право. – 2014. – № 1. – С. 138–142.

4. Ермаков, С.А. Философия бизнеса в культуре предпринимательства / С.А. Ермаков, Е.В. Ермакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6–2. – С. 62–64.

5. Золин, П.М. Философия раннего отечественного предпринимательства / П.М. Золин // Философия хозяйства. – 2012. – № 4. – С. 80–86.

6. Куянцев, И.А. Роль предпринимательства в экономическом и социальном развитии общества / И.А. Куянцев, С.В. Галачиева, И.И. Куянцева // Terra economicus. – 2012. – Т. 10. – № 2–2. – С. 39–42.

7. Левин, С.М. Философия предпринимательства: от навязывания нравственных идеалов к исполнению норм / С.М. Левин // Альманах «Дискурсы этики». – 2014. – № 3 (8). – С. 87–104.

8. Олексенко, Р.И. Философия, мировоззрение и мораль современного предпринимателя как составная экономико-социального развития общества / Р.И. Олексенко // Социосфера. – 2013. – Т. 1. – С. 31–37.

9. Babyetsiza, J. The intersection of classical philosophy and entrepreneurship: exploring historical philosophical wisdom in modern business ventures / J. Babyetsiza, E. Lambert, F. Frejus // International Journal of Advanced Research. – 2023. – Vol. 6. – № 1. – P. 128–145.

10. Chiles, T.H. The philosophical foundations of a radical Austrian approach to entrepreneurship / T.H. Chiles, D.M. Vultee, V.K. Gupta [et al.] // Journal of Management Inquiry. – 2010. – Vol. 19. – № 2. – P. 138–164.

11. Greblikaite, J. Philosophy of social entrepreneurship: complex influence of phenomen / J. Greblikaite, R. Andriukaitiene // Гуманітарний вісник ЗДІА. – 2016. – N 66. – P. 226–231.

12. Kusnezova, N. Roots and philosophy of Russian entrepreneurship / N. Kusnezova // Journal for East European Management Studies. – 1999. – Vol. 4. – № 1. – P. 46–73.

13. Laine, L.J. Towards a mythic process philosophy of entrepreneurship / L.J. Laine, E. Kibler // Journal of Business Venturing Insights. – 2018. – Vol. 9. – P. 81–86.

14. Pittaway, L. Philosophies in entrepreneurship: a focus on economic theories / L. Pittaway // Theories of Local Economic Development. – Routledge, 2016. – P. 235–258.

15. Zen, A. Entrepreneurship in existentialism philosophy: examining life and business / A. Zen, P.P. Rahayu, M.M. Mutoffar [et al.] // Innovative: Journal of Social Science Research. – 2023. – Vol. 3. – № 2. – P. 2230–2240.

EXISTENTIAL FOUNDATIONS OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Bakeev A.V.
Russian State Social University

The article offers a philosophical analysis of entrepreneurship as a life strategy through which an individual responds to the fundamental challenges of existence in society. The author defends the thesis that entrepreneurial activity – in three forms: founding entrepreneur, top manager, and senior public official – is not an economic mechanism but a mode of personality formation through creation. Drawing on existential philosophy, phenomenology, and the philosophy of economic life, the author demonstrates that creative activity enables one to simultaneously affirm freedom, assume responsibility, and discover meaning under conditions of irreducible uncertainty.

Keywords: philosophy of entrepreneurship, existential challenges, creative activity, freedom and responsibility, entrepreneur, top manager, public official, meaning of activity.

References

1. Bezveselnaya, Z.V. The Role of Philosophy in Shaping the Personality of an Entrepreneur / Z.V. Bezveselnaya // Bulletin of the Academy. – 2010. – № 3. – Pp. 120–123.

2. Borisova, T.V. Philosophical Analysis of Entrepreneurial Activity: Social and Ontological Aspect: Abstract of a Doctor of Philosophy Dissertation: 09.00.11 / Borisova T.V. – Saratov, 2005. – 44 p.

3. Vasiliev, E.S. Innovative Paradigm: Modern Philosophy or the Foundation of Entrepreneurship? / E.S. Vasiliev, N.N. Kharkova // Business. Education. Law. – 2014. – № 1. – Pp. 138–142.

4. Ermakov, S.A. Philosophy of Business in the Culture of Entrepreneurship / S.A. Ermakov, E.V. Ermakova // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. – 2013. – № 6–2. – Pp. 62–64.

5. Zolin, P.M. Philosophy of Early Domestic Entrepreneurship / P.M. Zolin // Philosophy of Economy. – 2012. – № 4. – Pp. 80–86.

6. Kuyantsev, I.A. The Role of Entrepreneurship in the Economic and Social Development of Society / I.A. Kuyantsev, S.V. Galachieva, I.I. Kuyantseva // Terra economicus. – 2012. – Vol. 10. – № 2–2. – Pp. 39–42.

7. Levin, S.M. Philosophy of Entrepreneurship: From Imposing Moral Ideals to Enforcing Norms / S.M. Levin // Almanac «Discourses of Ethics». – 2014. – № 3 (8). – P. 87–104.

8. Oleksenko, R.I. Philosophy, Worldview, and Morality of a Modern Entrepreneur as a Component of the Economic and Social Development of Society / R.I. Oleksenko // Sociosphere. – 2013. – Vol. 1. – P. 31–37.

9. Babyetsiza, J. The Intersection of Classical Philosophy and Entrepreneurship: Exploring Historical Philosophical Wisdom in Modern Business Ventures / J. Babyetsiza, E. Lambert, F. Frejus // International Journal of Advanced Research. – 2023. – Vol. 6. – № 1. – P. 128–145.

10. Chiles, T.H. The philosophical foundations of a radical Austrian approach to entrepreneurship / T.H. Chiles, D.M. Vultee, V.K. Gupta [et al.] // Journal of Management Inquiry. – 2010. – Vol. 19. – № 2. – P. 138–164.

11. Greblikaite, J. Philosophy of social entrepreneurship: complex influence of phenomen / J. Greblikaite, R. Andriukaitiene // Humanitarian Bulletin of ZDIA. – 2016. – № 66. – P. 226–231.

12. Kusnezova, N. Roots and philosophy of Russian entrepreneurship / N. Kusnezova // Journal for East European Management Studies. – 1999. – Vol. 4. – № 1. – P. 46–73.

13. Laine, L.J. Towards a mythic process philosophy of entrepreneurship / L.J. Laine, E. Kibler // Journal of Business Venturing Insights. – 2018. – Vol. 9. – P. 81–86.

14. Pittaway, L. Philosophies in entrepreneurship: a focus on economic theories / L. Pittaway // Theories of Local Economic Development. – Routledge, 2016. – P. 235–258.

15. Zen, A. Entrepreneurship in existentialism philosophy: examining life and business / A. Zen, P.P. Rahayu, M.M. Mutoffar [et al.] // Innovative: Journal of Social Science Research. – 2023. – Vol. 3. – № 2. – P. 2230–2240.

Экоменеджмент в развитии пространства экофилософско-экономической картины мира

Баркова Элеонора Владиленовна,
доктор философских наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, руководитель Лаборатории экофилософских исследований Донецкого национального университета экономики и торговли им. М.И. Туган-Барановского
E-mail: barkova3000@yandex.ru

В статье раскрыты основания актуализации обновления философско-экономической картины мира и одной из ее ключевых категорий – экоменеджмент. Автор раскрывает конструктивный характер исследования экоменеджмента, открывающегося в парадигме экофилософии экономики. Доказывается перспективность концепции экоменеджмента как части не только современной экономической жизни и ее целеполагающих стратегий, но бытия Земли и ее природы в целом. Восстановление утраченных в процессах развития современной экономической системы жизнесохраняющих стратегий, на основе предложенной концепции и аспектов проектирования векторов экоменеджмента выявляет перспективные мировоззренческие установки, востребованные в целях оздоровления мира человека и сохранения планетарного бытия.

Ключевые слова: субъект, управление, экоменеджмент, методология, экофилософско-экономическая картина мира.

Одним из рискогенных следствий современного системного кризиса, который привел к пограничной ситуации бытие Земли, охватив практически все сферы жизни, стал кризис целей и смыслов управленческой и экономической деятельности. Цели именно этих, во многом жизнеобеспечивающих форм человеческой деятельности, в содержании которых оказались размытыми границы норм воспроизводства мира человека и общества, свидетельствуют о неадекватности и бесперспективности сложившейся в конце XX – начале XXI вв. философско-экономической картины мира и соответствующей ей модели управленческо-экономического мышления и типа хозяйствования. [1]. Доминирующий сегодня в этой картине мира технократически-утилитарный подход к целеполагающим стратегиям экономического развития, ориентированный, главным образом, на количественный рост товаров, услуг и прибыли, отчетливо демонстрирует неспособность субъектов управления обеспечить устойчиво-надежное развитие жизни, что актуализирует поиск новых мировоззренческих векторов в структуре философско-экономической картины мира.

Кроме того, современная философско-экономическая картина мира, сформировавшаяся в границах индустриальной и постиндустриальной парадигмы, характеризуется доминированием технократического подхода к пониманию хозяйственно-экономической деятельности. В ее основе лежит представление об экономике как автономной системе, функционирующей по собственным законам и ориентированной на максимизацию прибыли, рост производства и повышение эффективности использования ресурсов. При этом *человек рассматривается преимущественно как рациональный субъект, стремящийся к максимизации собственной выгоды*. Такая модель продемонстрировала свою эффективность в условиях индустриального роста, но в современных условиях она становится симптомом, порождающим кризисные тенденции и риски истощении природных ресурсов, деградации экосистем, изменении климата, уменьшения биоразнообразия. Иначе говоря, менеджмент и основанная на нем экономическая деятельность, ориентированная на постоянное расширение производства и потребления, вступает в противоречие с ограниченностью запасов полезных ископаемых и природных форм и ставит под угрозу устойчивость как самой экономики, так и цивилизации в целом.

Не менее значимым в этой ситуации оказывается социальный аспект кризиса, поскольку, что очевидно, современная экономическая модель способствует углублению неравенства, концентрации капитала и ресурсов в руках ограниченного числа субъектов, что приводит к дестабилизации социальных систем. Усиление конкуренции, рост неопределенности и нестабильности занятости в условиях ускорения социального времени формируют условия, при которых экономическая эффективность достигается ценой снижения качества популяционного здоровья и жизни большей части населения.

Особое внимание в этом контексте следует уделить и ценностно-антропологическому кризису, который проявляется в утрате смысловых ориентиров экономической деятельности. Ориентация на прибыль как основной критерий успеха приводит к редукции сложных социальных и культурных процессов до количественных показателей, что обедняет содержание человеческой деятельности и жизни культуры в обществе. В результате формируется ситуация, при которой экономический рост не сопровождается развитием личности и общества, а в ряде случаев вступает с ними в противоречие.

Не случайно сложившаяся в начале XXI века ситуация обусловила появление целого спектра концепций, направленных на смягчение негативных последствий существующей модели, среди которых центральное место заняла «зеленая экономика». Ее подход предполагает внедрение экологических стандартов, развитие ресурсосберегающих технологий и снижение негативного воздействия на окружающую среду. Однако в большинстве случаев модель «зеленой экономики» не оправдала возлагавшихся на нее надежд, поскольку она реализуется в рамках прежней логики, не затрагивая фундаментальные основания философско-экономического мышления. Дело в том, что она стремится адаптировать сложившуюся существующую систему к новым условиям, не ставя под вопрос ее базовые принципы, такие как приоритет роста и прибыли.

В силу этого осознание кризисного характера современной экономической модели обусловило активное развитие теоретических

и прикладных подходов, направленных на ее трансформацию. Среди них особое место заняли концепции устойчивого развития, ESG-подходы, а также различные модели социально ориентированного и корпоративно-ответственного бизнеса. Эти направления мысли отчетливо выразили стремление научного, практически-экономического и бизнес-сообщества смягчить негативные следствия хозяйственной деятельности и обеспечить более сбалансированное взаимодействие между экономикой, человеком, обществом и природой.

Вместе с тем, несмотря на некоторый прогресс в разработке и внедрении этих подходов, их потенциал в решении ключевых системных проблем и сегодня остается ограниченным. Это связано с тем, что большинство из них формируются в рамках все той же философско-экономической парадигмы и не затрагивают ее фундаментальные мировоззренческие основания. Наче говоря, повторим, экологические и социальные аспекты в данной логике зачастую выступают как внешние ограничения или корректирующие факторы, но не как внутренне присущие элементы экономической системы, осмысленные в контексте целостности планетарного бытия.

Таким образом, существующие подходы, несмотря на их важность и практическую значимость, в значительной степени носят компенсаторный характер: они направлены лишь на корректировку отдельных аспектов функционирования экономической системы, но не обеспечивают ее качественного преобразования. Основная причина этого заключается в сохранении прежней философско-экономической картины мира, в рамках которой человек противопоставляется природе, а экономическая деятельность рассматривается как средство извлечения максимальной выгоды из ограниченных ресурсов.

В этой связи возникает необходимость формирования новой философско-экономической парадигмы, основанной на иных мировоззренческих принципах. Такая парадигма должна учитывать не только функциональные характеристики экономической системы, но и ее ценностные, антропологические и онтологические основания. [2]. Речь идет о переходе от модели, ориентированной на эксплуатацию и максимизацию, к модели, предполагающей коэволюционное взаимодействие человека, общества и природы. Вследствие этого особую востребованность приобретает обращение к опыту философско-интеллектуальных культур всех времен и народов, а также концепций, в которых открывалось *жизнесохраняющее мироотношение в освоении связей человека со всем естественным и искусственно создаваемым миром, включая мир его экономической жизни*.

Формирование такой парадигмы невозможно без обращения к философским основаниям, способным задать целостное видение мира и определить новые ориентиры развития. В этом контексте экофилософия представляет собой то направление мысли, методология и мировоззрение которой позволяет преодолеть ограниченность существующих подходов. Экофилософия открывает и продвигает иной тип мировоззрения, в котором экономика рассматривается как часть неизмеримо более широкой системы и подчиняется принципам целостности, коэволюции, гармонии, ответственности и антропному принципу. [3].

Продолжив развитие традиций философии русского космизма, центрированных идеями единства бытия человека, его сознания и мыследеятельности, природы, космоса, активной роли человека в эволюции Мироздания, его ответственности за будущее всей нашей планеты, экофилософия получила в конце XX века стремительное развитие, что дает основание для того, чтобы сегодня она была названа современной формой актуализации философско-космических идей. Экофилософия в современной науке (Эко – Дом, т.е. сохранение нашего Земного Дома со всем богатством его Мира – людей, природы, культур), как известно, – это направление, ориентированное на исследование универсально-всеобщих жизнесохраняющих связей человека, природы, культуры, общества и космоса. [4]. В ее концептуальном пространстве *восстанавливается статус самоценности жизни Человека, Человечества и бытия в целом,* а также смысл всеобщих связей всех форм жизни. В этом концептуальном пространстве человек «дорастает» до уровня планетарного субъекта, что позволяет ему осмыслить сложность и пути решения задач, вставших перед человечеством в эпоху глобализации. Если человек как субъект управленческо-экономической деятельности в предшествующих философско-экономических картинах мира был осмыслен в границах экономики как части социума, то в логике экофилософии открывается масштаб экомышления, который делает его соразмерным масштабу планеты со всем ее био- и социокультурным разнообразием и соответствующим масштабом ответственности за все развитие ноосферы.

А потому экофилософский подход, по определению ориентированный на преодоление разрыва между управленческо-экономической деятельностью и всеми другими формами деятельности и бытия природы, общества, как и ориентиры на экологизацию экономики актуализирует изучение и *обоснование экоменеджмента в контексте экофилософско-экономической картины мира*.

Подчеркнем, что существенной особенностью экофилософско-экономической картины мира выступает ее аксиологическое измерение. Утверждая ценности, выходящие за пределы индивидуальной или корпоративной выгоды, краткосрочных интересов, она ориентирует человека тип развития на гармоничные отношения со средой и сохранение Жизни природы и человека. Развитие экономики здесь понимается не как количественный рост, а как качественное раскрытие потенциала как самого человека, так и мира, в котором живет человек, что придает такому экофилософско-экономическому мышлению характер не только общефилософский, но и мировоззренчески-нормативный. Уже поэтому главная установка экофилософско-экономической картины мира может быть рассмотрена как альтернатива узко понятому и устаревшему сегодня антропоцентризму. Вместо противопоставления индивида-человека экономического и природы, понятой как средство, она базируется на модели коэволюции, в которой человек выступает как часть Экомира всей родной Земли и одновременно как ее друг, со-творец и активный преобразователь.

Содержание таким образом понятого концептуального пространства связей сегодня открывает *методологический потенциал существенного переосмысления существующей теоретической концепции экоменеджмента*. Более того, концепция экоменеджмента может быть дополнена не только в плане ее инструментально-прагматического использования и решения актуальных вопросов и целей мониторинга среды, анализа норм экологической политики и управления в экономики, но и в аспекте обновления мировоззрения экофилософии экономики. [5].

Освоение регулятивного потенциала экоменеджмента, – и это подчеркнем – как и других форм деятельности, здесь оказывается детерминированным нравственно, экоэтически акцентированными позициями ответственности, долга, милосердия, совести, чести, достоинства. Иначе говоря, концепция менеджмента здесь задана содержанием экологического императива Н.Н. Моисеева [6, 7] и *принципами экоменеджмента, главными среди которых являются – коэволюция, открытая целостность, антропный принцип и осмысление способности природы – в т.ч. природы человека – к саморегулированию*. В такой логике экоменеджмента формируются ориентиры на формирование экологического типа мышления, который предполагает отказ от фрагментарного восприятия реальности и переход к системно-целостному видению: человек и цель его экономического развития здесь рассматривается не как внешний по отношению к природе фактор, а как ее органическая часть, включенная в сложную сеть взаимосвязей.

Исходя из этого можно дать следующее рабочее определение экоменеджмента: в экофилософско-экономическом концептуальном поле экоменеджмент выступает как категория картины мира, раскрывающая регуляцию субъектом пространства экономической жизни и всех, связанных с ним форм развивающегося бытия в аспекте укрепления жизнесохраняющих связей, важных для решения проблем формирования Экомира и цивилизации будущего.

Заметим, в последние два десятилетия экоменеджмент, как правило, рефлексировался только как прикладная инструментально-утилитарная дисциплина. Экологический менеджмент – это «часть общей системы корпоративного управления, которая обладает четкой организационной структурой и ставит целью достижение положений, указанных в экологической политике посредством реализации программ по охране окружающей среды». [8]. Главная цель экоменеджмента сводилась, в силу этого, к разработке нормативов, созданию обновлений в системе мониторинга – информационной системы наблюдений, оценки и прогноза изменений в состоянии окружающей среды» [9, с. 5] и внедрению технологий, лишь отчасти смягчающих загрязнение внешней среды.

Унаследованная от техно-ориентированной эпохи научно-технической революции середины XX века с ее социально-инженерными ориентирами и понимаем административного управления, такая усеченно-прикладная модель экоменеджмента ограничивалась разработкой нормативов и систем государственного экологического контроля и мониторинга.

Но в последние десятилетия, когда стал очевидным кризис этой концептуальной модели, поскольку воспроизводство жизнеобеспечивающей экосистемы оказалось конечным и стало ясно, что оно – результат регулируемой человеком системы мировидения, философского мышления и деятельности, в системе самого экоменеджмента оказался востребованным переход от управления *последствиями* к управлению *причинами*, заложенными в самой системе ценностей и целей субъекта. Иначе говоря, экоменеджмент с этой точки зрения

сегодня уже перестаёт быть только «менеджментом с экологической пристройкой», а становится ключевой категорией экофилософии управления и экономики – рефлексии о принципах, целях и ценностях управленческо-экономической деятельности в контексте коэволюции человечества и всей био-культуро-сферы Земли.

Эволюция концепции экоменеджмента, таким образом, восходя от ее прикладной инструментально-прагматической модели к эко-ориентированной философии, показывает, что экоменеджент имеет все основания для того, чтобы состояться не только в качестве научного проекта, но и методологии мышления и направления продвижения человекоразмерной модели социокультурного и нравственного развития субъекта. Тогда она выполняет и функцию нравственного ориентира на создание конкурентоспособного высокотехнологичного пространства, необходимого для развития человека, способного разумно видеть мир и оценивать его проблемы в контексте жизнесохранения.

«Экоменеджмент – стратегически важный инструмент, обеспечивающий гармоничное взаимодействие человека и природы в условиях глобальных экологических вызовов. В рамках современного дискурса эколого-антропологического измерения экоменеджмент объединяет философские, культурные и управленческие подходы, направленные на создание и поддержание устойчивых систем социально-экономического развития» [10, с. 279].

В отличие от прикладных концепций экоменеджмента, в которых уже ставились задачи, связанные с экологизацией экономики, экофилософия не ограничивается разработкой инструментов снижения негативного воздействия на окружающую среду. Она предполагает более глубокую трансформацию мировоззрения субъекта, затрагивая основы его мотивации, целей и смыслов человеческой деятельности. В этом смысле экофилософия выходит далеко за пределы «зеленой» повестки и претендует на роль универсальной теории, способной переопределить базовые установки современной цивилизации. Связь экоменеджмента с концепцией экофилософско-экономической картины мира проявляется, поэтому в стремлении обеспечить не только баланс между экономическими, социальными и экологическими аспектами, но сбалансированность всего планетарного бытия как открыто-целостной системы и перейти к качественно иному типу менеджмента и взаимодействия субъектов экономической деятельности, основанному на принципах коэволюции.

В таком концептуальном пространстве становится очевидным, почему для дальнейшего выживания человечеству необходимо сохранить значительные территории с естественной биотой, которая выполняет работу по гомеостазу планеты. Для экоменеджмента это означает смену приоритета: не «как нам эффективнее использовать природу», а «как нам выстроить деятельность, чтобы не нарушать механизмы биотической регуляции», а это мировоззренческая философско-управленческая задача [11].

Отсюда вытекает переосмысление цели и смысла регулятивной функции и экоменеджмента, и экофилософии: основанные на принципах коэволюции и холизма, экоменеджмент и экофилософия экономики выступают как аспекты проектирования, регулирования и управления, направленного на утверждение ценностей экологической цивилизации.

В совокупности такие изменения формируют экофилософско-экономическую картину мира как качественно новую парадигму, отличную от традиционных моделей хозяйствования. Ее сущностной характеристикой является ориентация на гармонизацию взаимодействия между человеком, обществом и природой, что позволяет говорить о становлении экономики гармонии, экономики долговечности и экономики смысла. В рамках данной парадигмы хозяйственная деятельность рассматривается не как инструмент извлечения максимальной выгоды, а как форма со-творчества, направленного на поддержание и развитие целостной системы.

Особое значение в данном контексте приобретает и трансформация представлений о рациональности. Если в классической экономике рациональность связывается с максимизацией выгоды и оптимизацией использования ресурсов, то в экофилософской модели она определяется как способность действовать в соответствии с законами целостной системы, обеспечивая ее устойчивость и развитие. Таким образом, рациональность приобретает ценностно-нормативное измерение, выходя за рамки сугубо инструментального понимания.

Формирование экофилософско-экономической картины мира, основанной на принципах философии космизма, имеет не только теоретическое, но и существенное прикладное значение, затрагивая различные уровни экономической деятельности – от индивидуального поведения до корпоративного управления и государственной политики. Практические импликации такой парадигмы связаны с трансформацией целей, критериев эффективности и способов организации хозяйственных процессов.

На уровне бизнеса переход к экофилософско-экономической модели предполагает переосмысление стратегических ориентиров и принципов управления. Компании начинают рассматриваться не только как экономические субъекты, ориентированные на извлечение прибыли, но и как участники более широкой социоприродной системы, несущие ответственность за последствия своей деятельности. Это выражается в смещении акцента с краткосрочной выгоды на долгосрочную устойчивость, в развитии корпоративной культуры, основанной на ценностях ответственности, гармонии и качества, а также в ориентации на создание продуктов и услуг, обеспечивающих долговечность и минимизацию разрушительного воздействия на окружающую среду.

В рамках экофилософско-экономической парадигмы в экоменеджменте меняется и понимание конкурентоспособности: она начинает определяться не только способностью снижать издержки и увеличивать прибыль, но и способностью интегрировать экологические и социальные факторы в бизнес-модели, формируя устойчивые и адаптивные системы. Это создает предпосылки для перехода к новым формам экономической организации, в которых ключевую роль играют принципы коэволюции и взаимной обусловленности.

На уровне государственного управления экофилософско-экономический подход предполагает формирование стратегий развития, ориентированных на долгосрочные цели и учитывающих взаимосвязь экономических, экологических и социальных процессов. Это требует пересмотра критериев оценки эффективности государственной политики, включения в них показателей, отражающих состояние природной среды, качество жизни и уровень развития человеческого потенциала. Важным направлением становится поддержка инициатив, направленных на развитие устойчивых технологий, формирование экологической культуры и стимулирование ответственного поведения экономических субъектов.

Особую роль в реализации новой парадигмы играет система экономического и теоретико-управленческого образования, которая выступает механизмом формирования соответствующего типа мышления[1]. Интеграция экофилософских принципов в образовательные программы, в том числе в области экономики и управления, позволяет подготовить специалистов, способных воспринимать экономическую деятельность в контексте целостной системы. Это предполагает развитие междисциплинарных подходов, включающих философские, экологические и социальные компоненты, а также формирование навыков системного мышления и ответственности за принимаемые решения.

Важное значение имеет также сфера креативных индустрий, которая обладает потенциалом формирования новых смыслов, образов и ценностных ориентиров. Через искусство, медиа и культурные практики возможно распространение идей экофилософии и космизма, создание привлекательных моделей поведения и новых стандартов восприятия экономической деятельности. Это способствует не только изменению индивидуального сознания, но и трансформации общественных установок в целом.

Таким образом, практические импликации экофилософско-экономической парадигмы охватывают широкий спектр сфер и уровней, обеспечивая переход от теоретических оснований к их конкретной реализации. Их внедрение позволяет не только смягчить негативные последствия существующей модели, но и создать предпосылки для формирования новой экономической реальности, ориентированной на принципы целостности, гармонии и устойчивого развития.

Проведенное исследование позволило обосновать, что философия космизма выступает фундаментальным мировоззренческим основанием формирования экофилософско-экономической картины мира. В отличие от существующих подходов, ориентированных на частичную корректировку экономической системы, космизм задает целостную парадигму, в рамках которой экономика рассматривается как элемент единого космо-антропо-природного процесса.

Особое значение имеет выявленный механизм мировоззренческой детерминации, позволяющий рассматривать экономику не как автономную сферу, а как производную от более глубоких философских установок. В этом контексте экофилософия выступает как современная форма актуализации космистского мировоззрения, обеспечивающая переход от теоретических оснований к их практическому применению.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о необходимости формирования новой картины экономической парадигмы, осно-

[1] Лустин Ю.М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // Архонт, 2022. № 5(32). С. 93–102.

ванной на принципах целостности, коэволюции и ценностной обусловленности деятельности. Практическая реализация данной парадигмы связана с трансформацией подходов к управлению, бизнесу, образованию и культурной сфере, что открывает перспективы для формирования устойчивой и гармоничной модели развития.

Таким образом, экоменедджмент выступает не только как одна из категорий экофилософской теории, но и как закономерный этап развития планетарного мировоззрения, переводящий его фундаментальные идеи в плоскость современного научного и практического дискурса. В нем сохраняется и развивается экофилософская установка на целостность и ответственность, и одновременно конкретизируется система принципов и ориентиров, применимых к различным направлениям хозяйственно-экономической деятельности человека как субъекта Земли, а не только своей структуры и только своего общества.

Литература

1. Баркова Э.В., Фалько Е.А. Глобальные угрозы в системе Природа – Человек – Техника: экорациональный взгляд // Русский инженер: III Международный конгресс (Москва, 29–31 октября 2025 го да): сборник тезисов – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2025. – С. 287–289.
2. Сабуров Е.Ф. Гуманитарная экономика. – М.: Новое литературное обозрение. 20212. – 416 с.
3. А.И. Субетто Философия экологической экономики // https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775216035&tld=ru&lang=ru&name=06_01_08.pdf&text=%D0%BA
4. Баркова Э.В. Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 2. – С. 161–164.
5. Баркова Э.В. Экоменеджмент как категория экофилософии управления: от инструментально-утилитарной к антропоориентированной рефлексии // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов XII Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 12 декабря 2025 г.) – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2025. – 362 с. С. 52–57.
6. Моисеев Н.Н. С мыслями о будущем России. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997–212 с.
7. Моисеев Н.Н. Экологический императив – запретная черта и эпоха ноосферы // Философия и методология науки. – Минск.: Беларуская навука, 2014. С. 35–40.
8. Экологический менеджмент – Рувики: Интернет-энциклопедия.
9. Горшков М.В. Экологический мониторинг. Учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ТГЭУ, 2010. – 313 с.
10. Юрко А.В. Структурно-функциональное пространство философии экоменеджмента в эко-антропологическом измерении // Экология человека в современных трансформациях исторического времени: монография / колл. авторов; отв. ред. Э.В. Баркова. – М.: Русайнс, 2025. – С. 279–286.
11. Юрко А.В. Принцип экологической ответственности в развитии философии экономики и экоменеджмента // Право и практика. 2025. № 1. С. 269–274.

ECOMANAGEMENT IN THE DEVELOPMENT OF THE SPACE OF THE ECOPHILOSOPHICAL AND ECONOMIC WORLDVIEW

Barkova E.V.
Plekhanov Russian University of Economics

This article explores the rationale for updating the philosophical and economic worldview and one of its key categories – ecomanagement. The author reveals the constructive nature of ecomanagement research, emerging within the paradigm of the ecophilosophy of economics. The concept of ecomanagement is demonstrated to be promising as an integral part not only of modern economic life and its goal-setting strategies, but also of the existence of the Earth and its nature as a whole. Restoring life-preserving strategies lost in the development of the modern economic system, based on the proposed concept and aspects of designing ecomanagement vectors, reveals promising ideological attitudes needed to improve the human world and preserve planetary existence.

Keywords: subject, management, ecomanagement, methodology, ecophilosophical and economic worldview.

References

1. Barkova, E.V., Falko, E.A. (2025). Global threats in the Nature – Human – Technology system: An ecorational view. Russian Engineer: III International Congress (Moscow, October 29–31, 2025): Book of Abstracts (Pp. 287–289). Moscow: Bauman Moscow State Technical University Press.
2. Saburov, E.F. (2021). Humanitarian economics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Subetto, A.I. Philosophy of ecological economics. Retrieved from [URL] (Note: original link shortened for brevity; full URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1775216035&tld=ru&lang=ru&name=06_01_08.pdf&text=%D0%BA)
4. Barkova, E.V. (2026). Ecophilosophy in the global agenda of the modern world: Towards an analysis of harmonizing the rhythms of human life, culture, and nature. Socio-Humanitarian Knowledge, (2), 161–164.
5. Barkova, E.V. (2025). Ecomanagement as a category of ecophilosophy of management: From instrumental-utilitarian to anthropo-oriented reflection. In Humanitarian knowledge and spiritual security: Proceedings of the XII International Research Conference (Grozny, December 12, 2025) (Pp. 52–57). Makhachkala: ALEF Publishing House.
6. Moiseev, N.N. (1997). Thinking about the future of Russia. Moscow: Foundation for the Promotion of Social and Political Sciences.
7. Moiseev, N.N. (2014). The ecological imperative – A forbidden line and the era of the noosphere. In Philosophy and methodology of science (Pp. 35–40). Minsk: Belaruskaya Navuka.
8. Ruviki. (n.d.). Environmental management. In Ruviki: Internet encyclopedia. Retrieved from [URL] (Note: provide access date and full URL if needed).
9. Gorshkov, M.V. (2010). Environmental monitoring (Textbook). Vladivostok: Vladivostok State University of Economics and Service Press.
10. Yurko, A.V. (2025). Structural-functional space of the philosophy of ecomanagement in the eco-anthropological dimension. In E.V. Barkova (Ed.), Human ecology in contemporary transformations of historical time: Monograph (Pp. 279–286). Moscow: Rusains.
11. Yurko, A.V. (2025). The principle of environmental responsibility in the development of the philosophy of economics and ecomanagement. Law and Practice, (1), 269–274.

Коммуникативные процессы в социально-культурном пространстве: интегративная модель

Филюшкина Диана Владимировна,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и этнологии гуманитарного института, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: diana-kmv@mail.ru

Дагдаверян Сергей Робертович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: sergei_dagdaveryan@mail.ru

В рамках исследования выявлены базовые классификационные системы коммуникативных процессов: по типам общения (непосредственное и опосредованное), по сфере применения (культура, образование, социальные отношения), по целям (передача информации, формирование общественного мнения и отношений). В совокупности это позволило систематизировать разнообразие коммуникативных практик и их функций. Выявлено, что коммуникативные процессы обладают свойством дуальности, что означает их способность служить как позитивным, так и негативным целям. Данная особенность в условиях цифровизации и глобализации увеличивает риски дезинформации и социальной изоляции. Указано, что с социально-философской точки зрения, коммуникация играет ключевую роль в обществе постмодерна, характеризующемся фрагментарностью, плюрализмом и неопределенностью. Выявлены универсальные элементы коммуникации, такие как участники (отправитель и адресат), контекст, личностные характеристики и триада «мотивы – потребности – цели», составившие структуру универсальной модели коммуникативных процессов. Определено, что в постмодернистском обществе коммуникация приобретает интертекстуальный и многокодовый характер, становясь основным инструментом формирования идентичности, ценностей и норм.

Ключевые слова: коммуникативные процессы, социально-культурное пространство, модели коммуникативных процессов, современное общество, глобализация, цифровизация, социальные медиа, общественное сознание, культурный потенциал, социально-экономические последствия, стратегии, качество коммуникаций.

Введение

Результаты ретроспективного анализа методологических подходов к исследованию коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве, представленные авторами в работе «Коммуникативные процессы в социально-культурном пространстве: ретроспективный анализ методологических подходов» [17] показали, что каждая новая теоретическая парадигма в изучении коммуникативных процессов не отвергает предшествующие, а дополняет их, учитывая новые эмпирические данные. Последнее подчеркивает необходимость использования интегративного подхода к исследованию коммуникации, который позволяет учитывать разнообразие методологических перспектив. В этой связи в рамках данной работы представлены результаты исследования, целью которого является разработка интегративной модели коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве, основанной на синтезе методологических подходов для выявления закономерностей и механизмов взаимодействия культурных, социальных и коммуникативных факторов в условиях глобализации и цифровизации. Объект исследования – коммуникативные процессы в социально-культурном пространстве как сложная динамическая система, включающая в себя взаимодействие индивидов, социальных групп, культурных институтов и медиа-платформ, а предмет – методологические подходы к анализу коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве, включая системный, структурно-функциональный, культурологический, социологический, коммуникативистский и междисциплинарный подходы, а также их интеграция для создания комплексной модели, учитывающей специфику и многообразие факторов, влияющих на формирование и развитие коммуникативных процессов.

Теоретической базой исследования коммуникативных процессов в социально-культурном пространстве выступили работы учёных в области философии диалога, социологии, общей лингвистики, семантических полей, языковой и концептуальной картин мира. Так, коммуникацию как циклический процесс основанный на фундаментальной человеческой потребности в общении исследовал М. Бубер [4]; нарративный формат как часть диалогического дискурса, а не монологического высказывания – Ф. Розенцвейг [15]; Г. Марсель [10] перенёс акцент при изучении диалоге с противопоставления «Я» и «Другой», на их равнозначность в диалогическом процессе. Идея равнозначности участников диалога, лежащая в основе теории Г. Марселя, но более масштабно, развёрнута в диалогической концепции культуры М. Бахтина [3]: каждая культурная система участвует в межкультурной коммуникации на равных правах и именно это повышает эффективность взаимодействия, осуществляемого посредством диалога. О.Н. Астафьева [1] развила концепцию «полилога культур», рассматривая взаимодействие культур через диалектику универсального и уникального. Г.С. Померанц [14] подчеркнул критическую необходимость конструктивного межкультурного диалога, несмотря на дихотомию интеграции и дезинтеграции международных структур. Розеншток-Хюсси [16] предложил инновационный подход к когнитивным процессам, основанный на диалогичности и грамматическом анализе, а М.С. Каган и Е.Г. Соколов [6] полагали, что диалог сущность диалога заключается в его универсальности как фундаментального способа существования культуры и человека.

В качестве методологической основы в исследовании использовался интегративный подход, включающий концептуальный анализ для выделения культурных концептов и их объединения в единый знак; этимологический анализ – для изучения внутренних форм, способствующих формированию этноконнотаций, а контекстуальный анализ дополнял исследование. Для классификации и обобщения данных использовался аналитический подход.

Результаты и обсуждения

Формы коммуникативных процессов

Современное социально-культурное пространство характеризуется высокой степенью сложности и разнообразия, поскольку включает в себя взаимодействие между различными культурами, социальными группами и индивидами, что приводит не только к взаимодействию, но и взаимовлиянию. Данная двойственная интеракция осуществляется на разных уровнях: межличностном, межгрупповом, в формате «человек – группа», а также в разнообразных формах.

Формы коммуникативных процессов можно классифицировать по нескольким критериям:

1, по виду общения: непосредственное (личное) или опосредованное (письменное, через технические средства, такие как телефон или интернет);

2, по сфере применения: культура и искусство, образование, социальная сфера, межличностная и массовая коммуникация;

3, по цели: нейтральная передача информации, формирование личного или общественного мнения, а также формирование отношения к объектам или субъектам.

При этом и результативность взаимодействия также не обладает однозначностью, так как может быть позитивной, нейтральной или негативной, что влияет на эффективность коммуникативных процессов.

В условиях современного социально-культурного ландшафта цифровые технологии трансформируют коммуникационные процессы, переводя их из локальных взаимодействий в глобальное поле что приводит к интеграции различных культурных контекстов в единое медиапространство, преодолевая географические границы. Интернет способствует трансграничному общению через универсальные каналы передачи информации (текст, аудио, видео), а социальные сети создают новые формы взаимодействия, где пользователи могут сохранять анонимность, что повышает риск дезинформации и социальной изоляции.

Таким образом, традиционные способы межкультурного взаимодействия дополняются современными глобальными платформами, охватывающими разнообразные сферы, включая маркетинг, образование и межличностные коммуникации. Эти платформы создают обособленное виртуальное пространство, способствуя расширению социально-культурной сферы и углублению межкультурного обмена.

Структурные элементы коммуникативных процессов

Коммуникационные процессы обладают базовой структурой, состоящей из ключевых элементов. Одной из наиболее часто упоминаемых структур коммуникативного процесса, имеющая другое название – структура коммуникации – была описана В.С. Ладыгиной [8] и включает в себя пять основных компонентов:

1. инициатор коммуникации – субъект, генерирующий информационное сообщение.

2. информационное содержание – совокупность данных, подлежащих передаче.

3. кодирование и декодирование – процессы преобразования информации в форму, пригодную для передачи, и её последующее преобразование в исходный вид.

4. коммуникационный канал – средство, используемое для передачи информации (например, вербальные и невербальные средства, а также посредственные и опосредованные каналы).

5. реципиент – адресант информационного сообщения, осуществляющий его декодирование и интерпретацию.

Данная структура основана на линейной модели коммуникации, предложенной Гарольдом Лассуэллом в 1948 году имеющей в своём составе следующие элементы:

1, источник сообщения,

2, само сообщение,

3, канал передачи,

4, получатель,

5, оценку эффективности коммуникации.

Эта модель изначально предназначалась для пропаганды в армии, но впоследствии стала применяться для анализа массовой коммуникации и иных коммуникативных процессов, не зависимо от сферы их применения.

Важно отметить, что собственно структура коммуникации является абстрактностью из чего следует, что элементы системы, при изменении внешних условий, могут быть заменены на равнозначные или близкие по характеристикам. При этом общий характер системы остаётся неизменным.

Это положение, сформулированное Никласом Луманом [9], основывается на концепции автопоэзиса, предложенной У. Матураной и Ф. Варелой [11]. Луман также полагал, что в любой структуре всегда присутствует три ключевых элемента

1) сообщение,

2) информация,

3) понимание.

При этом, структура системы ограничивает выбор связей между элементами, обладая наряду с этим способностью адаптироваться к изменениям путём замены элементов.

В теории управления коммуникациями М.Х. Мескона [12] акцент смещён с формальных элементов системы на её результативность. Эффективность коммуникации определяется степенью правильного понимания информации получателем. Ключевым фактором для этого является выбор оптимального канала передачи данных, а сам коммуникационный процесс с точки зрения Мескона включает четыре основных элемента:

1) отправитель – субъект, генерирующий и передающий информацию;

2) сообщение – информация, закодированная с помощью символов, включая буквенные обозначения;

3) канал – средство передачи данных между участниками коммуникации;

4) получатель – адресат информации, от которого зависит корректность её интерпретации.

Данная модель отличается от концепции Н. Лумана тем, что в ней появляется дополнительный структурный компонент (канал передачи информации), позволяющий более детально анализировать архитектуру коммуникационного процесса. Она может быть использована для исследования как общей структуры, так и отдельных элементов коммуникации, что делает её ценным аналитическим инструментом в управлении коммуникативными процессами.

Математическая модель коммуникации, предложенная К. Шенноном и У. Уивером, представляет собой линейную структуру, состоящую из пяти ключевых компонентов:

1. источник информации;

2. кодировщика,

3. канал передачи;

4. декодировщик;

5. получатель.

Эта модель, изначально разработанная для анализа технических аспектов передачи данных, стала основой для изучения коммуникационных процессов. А.С. Чамкин [18] провел детальный анализ данной модели с точки зрения системно-социологического подхода подробно рассмотрев каждый элемент модели и уделив особое внимание вопросам интерпретации информации и выявлению коммуникативных барьеров, препятствующих эффективной передаче сообщений. Кроме того, он также предложил классификацию коммуникативных барьеров, что даёт возможность более глубоко понять механизмы, влияющие на качество коммуникационного процесса.

Вышеприведенный анализ структурных элементов коммуникативных процессов позволяет выделить их ключевую сущность, заключающуюся в интеграции людей, передаче знаний, опыта, культурных ценностей и норм, а также в формировании алгоритмов поведения в стандартных ситуациях. Эти процессы играют фундаментальную роль в развитии общества и сохранении цивилизации, выступая универсальным социокультурным феноменом, обеспечивающим взаимодействие и эмоциональную связь между индивидами и сообществами, способствуя первичной и вторичной социализации, а также, определенных условиях, и индивидуации.

Однако, как подчеркивал Мануэль Кастельс [7], коммуникативные процессы обладают двойственной природой. С одной стороны, они могут способствовать позитивным целям, таким как развитие международных отношений и обмен культурными традициями, с другой – могут быть использованы для негативных целей, включая распространение дезинформации и манипуляции общественным мнением.

В контексте глобализационных процессов, влияющих, в том числе и на коммуникационные процессы, способствуя культурному обмену и формированию гибридных культур, двойственность природы коммуникативных процессов, выглядит особенно тревожащей особенностью, поскольку может инициировать утрату культурной идентичности на индивидуальном уровне и унификации культурных различий на уровне сообществ.

Таким образом, коммуникативные процессы можно рассматривать как амбивалентный феномен, способный проявляться в противоположных аспектах в зависимости от намерений и контекста их использования.

Интегративная модель коммуникативных процессов и значение коммуникации в обществе постмодерна

Анализ моделей коммуникации позволил выявить фундаментальные компоненты, явно или потенциально, присутствующие в структуре коммуникативного процесса, независимо от его теоретической интерпретации: 1. субъекты коммуникации: инициатор (отправитель) и получатель (адресат); 2. контекст коммуникации: социально-культурные условия; 3. стабильные личностные характеристики: интеллект, система взглядов, убеждения; 4. переменные психофизиологические характеристики состояния личности: физиологическое (здоровье/ болезнь, голод)/сытость) и психологическое (тревожность/расслабленность, удовлетворённость/раздражение и другие) в конкретный момент; 5. триада «мотивы – потребности – цель» каждого участника.

Данные компоненты образуют универсальную модель коммуникативного процесса. При этом, её анализ позволяет сделать закономерный вывод: решающее влияние на успешность коммуникации, не зависимо от исторического периода, оказывают ситуативные факторы.

Однако в условиях постмодерна именно ракурс применения коммуникационных процессов становится одним из ключевых факторов, влияющих на развитие общества, поскольку в современном обществе, характеризующемся интертекстуальностью и включением в различные культурные коды и дискурсы, коммуникация выполняет не только информационную функцию, но и становится важным механизмом формирования идентичности, ценностных ориентиров и норм поведения.

Особенно это стало заметно с развитием информационных технологий, приведших к появлению виртуальной коммуникации как нового формата взаимодействия отличительными особенностями которой стали фрагментарность, плюрализм и неопределённость, характерные для постмодернистской реальности.

Таким образом, характер коммуникативных процессов тесно связан с состоянием общества. Однако относительно того, в каком именно состоянии находится современное общество в научном сообществе также нет единства мнений. Некоторые исследователи полагают, что постмодернизм уступил место новым концепциям, таким как космодернизм, метамодернизм, перформатизм, диджимодернизм, автомодернизм и капиталистический реализм. Другие настаивают, что постмодернизм остаётся актуальным, хотя и сталкивается с вызовами из-за социально-экономических и экологических изменений. Например, А. Павлов [13] утверждает, что постмодернизм функционирует как эпистемологическая категория, объединяющая различные теории, направленные на деконструкцию старых концепций; И.А. Жерносенко и И.М. Дунилов [5], напротив, считают, что постмодернизм обладает значительным эвристическим потенциалом; позиция Н.Б. Афанасова [2] заключается в том, что постмодернизм сохраняет актуальность, хотя и связан с ощущением конца в различных сферах общества.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Систематизированы базовые классификационные системы коммуникативных процессов: виды общения (непосредственное и опосредованное), сферы (культура, образование, социальные отношения), цели (передача информации, формирование мнений и отношений). Кристаллизация данных моментов способствует более глубокому пониманию структуры и динамики коммуникативных взаимодействий.

2. Установлено: коммуникативные процессы обладают свойством дуальности. Данное свойство позволяет использовать их как в позитивных, так и в негативных целях. Цифровые технологии, трансформируя коммуникацию, повышают риски дезинформации и изоляции населения, что подчеркивает необходимость критического подхода к их применению.

3. Выявлены универсальные элементы коммуникации, такие как участники (отправитель и адресат), контекст, личностные и ситуативные характеристики, а также триада «мотивы – потребности – цели». В совокупности данные элементы составили структуру интегративной модели коммуникативных процессов. Модель может служить методологической основой для дальнейших исследований и практических приложений в области коммуникации.

4. Наложение данной структуры на коммуникационные процессы проявило, что переменные факторы оказывают наибольшее влияние на эффективность коммуникативных процессов. Данное знание позволит в будущем разрабатывать более целенаправленные коммуникативные стратегии и оптимизировать уже существующие.

5. В постмодернистском обществе коммуникация приобретает интертекстуальный и многокодовый характер, становясь основным инструментом формирования идентичности, ценностей и норм. Это подчеркивает её критическую роль в современных социально-культурных процессах.

Литература

1. Астафьева О.Н. Полилог культур как расширение диалогической парадигмы в условиях глобализации/ Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования [монография] О.Н. Астафьева, Л.Б. Зубанова, Н.Б. Кириллова, Е.В. Никонорова, О.В. Шлыкова и другие. – Екатеринбург: Уральское отд-ние НОКО, 2019. – 290 с.

2. Афанасов Н.Б. Постмодернизм как «ощущение конца» // Знание. Понимание. Умение. 2022. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpostmodernizm-kak-oschuschenie-kontsa (дата обращения: 28.01.2026).

3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; [примечания С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова]. – 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. – 444 с.

4. Бубер. М. Я и Ты: [Пер. с нем.] / Мартин Бубер; [Послесл. П.С. Гуревича]. – Москва: Высш. шк., 1993. – 173 с

5. Жерносенко И.А, Дунилов И.М. Устарел ли постмодернизм? К вопросу об актуальности концепта в начале XX! века // Философия и культура. – 2025. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustarel-li-postmodernizm-k-voprosu-ob-aktualnosti-kontsepta-v-nachale-hh-veka (дата обращения: 28.01.2026).

6. Каган М. С., Соколов Е.Г. Диалоги/ Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета; 2006. – 308 с.

7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

8. Ладыгина В.С. Элементы коммуникационного процесса // Материалы XIII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – Москва, 2021. URL: https://scienceforum.ru/2021/article/2018027152 (дата обращения: 21.01.2026).

9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. 641. – с. – С. 372. URL: https://yanko.lib.ru/books/sociology/luman-soc+sist_ocherk-2007–1984-a.htm (дата обращения: 22.02.2026).

10. Марсель Г.О. Присутствие и бессмертие избранные работы / Габриэль Марсель; [пер. с фр., общ. ред., сост., предисл. и примеч. В.П. Визгина]. – Москва: Институт философии РАН, Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 327 с

11. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. М., Москва: URSS: ЛЕНАНД, 2019. – 320 с.

12. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – М.: Дело, 2004. – 800 с.

13. Павлов А. Будущее 2049: Политический потенциал позднего постмодернизма // Философско-литературный журнал «Логос». – 2021. – № 6 (145). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-2049-politicheskiy-potentsial-pozdnego-postmodernizma (дата обращения: 28.01.2026).

14. Померанц Г.С. Диалог культурных миров / Г. Померанц. Москва // Том 1: Лики культуры: альманах / ред. С.Я. Левит. – Москва: Юрист, 1995. – С. 445–455.

15. Розенцвейг Ф. Звезда избавления – Der Stern der Erlösung / Пер. с немецкого Е. Яндуганова, отв. редактор и составитель И. Дворкин. – Иерусалим, Москва: Гешарим, Мосты культуры, 2017. – 544 с.

16. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. – Москва: Лабиринт, 2008. – 271 с.

17. Филюшкина Д.В., Дагдаверян С.Р. Коммуникативные процессы в социально– культурном пространстве: ретроспективный анализ методологических подходов // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 4. – С. 256–259.

18. Чамкин А.С. Системно-социологический взгляд на коммуникационную деятельность: структура процесса и барьеры // Системная психология и социология. – 2011. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-sotsiologicheskiy-vzglyad-na-kommunikatsionnuyu-deyatelnost-struktura-protsessa-i-bariery (дата обращения: 21.01.2026).

COMMUNICATION PROCESSES IN THE SOCIO-CULTURAL SPACE: INTEGRATIVE MODEL

Filyushkina D.V., Dagdaveryan S.R.
North-Caucasus Federal University

This study identified basic classification systems for communication processes: by type of communication (direct and indirect), by scope of application (culture, education, social relations), and by purpose (information transfer, shaping public opinion and relationships). Taken together, these systems allowed for the systematization of the diversity of communication practices and their functions. It was found that communication processes possess a duality, meaning they can serve both positive and negative purposes. This characteristic, in the context of digitalization and globalization, increases the risks of disinformation and social isolation. It is also noted that, from a socio-philosophical perspective, communication plays a key role in postmodern society, characterized by fragmentation, pluralism, and uncertainty. Universal elements of communication, such as participants (sender and recipient), context, personal characteristics, and the triad of «motives-needs-goals,» were identified, forming the structure of a universal model of communication processes. It was determined that in postmodern society, communication acquires an intertextual and multi-code nature, becoming the primary tool for shaping identity, values, and norms.

Keywords: communication processes, socio-cultural space, communication process models, modern society, globalization, digitalization, social media, public consciousness, cultural potential, socio-economic consequences, strategies, communication quality.

References

1. Astafieva O.N. Polylogue of Cultures as an Expansion of the Dialogic Paradigm in the Context of Globalization / Information Age: New Paradigms of Culture and Education

[monograph] O.N. Astafieva, L.B. Zubanova, N.B. Kirillova, E.V. Nikonorova, O.V. Shlykova, and others. – Ekaterinburg: Ural Branch of NOKO, 2019. – 290 p.

2. Afanasov N.B. Postmodernism as a «Sense of the End» // Knowledge. Understanding. Skill. 2022. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postpostmodernizm-kak-oschuschenie-kontsa (accessed: 28.01.2026).

3. Bakhtin, M.M. The Aesthetics of Verbal Creativity. [Notes by S.S. Averintsev and S.G. Bocharova]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986. 444 p.

4. Buber, M. I and You. [Translated from German] / Martin Buber; [Afterword by P.S. Gurevich]. Moscow: Vyssh. shk., 1993. 173 p.

5. Zhernosenko, I. A., Dunilov, I.M. Is Postmodernism Outdated? On the Relevance of the Concept at the Beginning of the Twentieth Century // Philosophy and Culture. 2025, № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustarel-li-postmodernizm-k-voprosu-ob-aktualnosti-kontsepta-v-nachale-hh-veka (accessed: 28.01.2026).

6. Kagan M.S., Sokolov E.G. Dialogues / Publishing House of St. Petersburg State University; 2006. – 308 p.

7. Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture / translated from English under scientific ed. O.I. Shkaratan. – Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. – 606 p.

8. Ladygina V.S. Elements of the Communication Process // Proceedings of the XI-II International Student Scientific Conference «Student Scientific Forum». – Moscow, 2021. URL: https://scienceforum.ru/2021/article/2018027152 (accessed: 21.01.2026).

9. Luhmann N. Social Systems. Outline of a General Theory. – St. Petersburg: Nauka, 2007. 641. – p. – P. 372. URL: https://yanko.lib.ru/books/sociology/luman-soc+sist_ocherk-2007–1984-a.htm (accessed: 22.02.2026).

10. Marcel G.O. Presence and Immortality: Selected Works / Gabriel Marcel; [translated from French, general editor, compiler, foreword and notes by V.P. Vizgin]. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Theology, and History of St. Thomas, 2007. – 327 p.

11. Maturana U., Varela F. The Tree of Knowledge: Biological Roots of Human Understanding. Moscow, Moscow: URSS: LENAND, 2019. – 320 p.

12. Meskon M.Kh., Albert M., Khedouri F. Fundamentals of Management. Moscow: Delo, 2004. – 800 p.

13. Pavlov A. The Future 2049: The Political Potential of Late Postmodernism // Philosophical and Literary Journal «Logos». – 2021. – № 6 (145). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/buduschee-2049-politicheskiy-potentsial-pozdnego-postmodernizma (accessed: 28.01.2026).

14. Pomerants G.S. Dialogue of Cultural Worlds / G. Pomerants. Moscow // Volume 1: Faces of Culture: Almanac / ed. S. Ya. Levit. – Moscow: Jurist, 1995. – Pp. 445–455.

15. Rosenzweig F. The Star of Deliverance – Der Stern der Erlösung / Translated from German by E. Yanduganova, editor and compiler I. Dvorkin. – Jerusalem, Moscow: Gesharim, Mosty Kultury, 2017. – 544 p.

16. Rosenstock-Huessy O. Speech and Reality. – Moscow: Labyrinth, 2008. – 271 p.

17. Filyushkina D.V., Dagdaveryan S.R. Communicative processes in the sociocultural space: a retrospective analysis of methodological approaches // Social and humanitarian knowledge. – 2026. – № 4. – P. 256–259.

18. Chamkin A.S. A systemic-sociological view of communication activity: the structure of the process and barriers // Systems psychology and sociology. – 2011. – № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistemno-sotsiologicheskiy-vzglyad-na-kommunikatsionnuyu-deyatelnost-struktura-protsessa-i-bariery (accessed: 21.01.2026).

Философия детства: от страха бытия к «эре милосердия»

Заховаева Анна Георгиевна,
доктор философских наук, профессор, Ивановский государственный медицинский университет
E-mail: ana-zah@mail.ru

Урсу Александр Васильевич,
кандидат медицинских наук, доцент, Ивановский государственный медицинский университет
E-mail: avursu@mail.ru

В представленном исследовании затрагивается важная проблема – феномен «детства» через призму экзистенциального подхода в едином синтезе философии, психологии и психиатрии. Философский аспект этого феномена глубоко не изучен. Однако в философской антропологии для осознания сущности и бытийности (экзистенции) человека необходимо понимать все этапы его становления как Личности. Детство – это время формирования целостной Личности, это будущее в настоящем. При этом истинный смысл и ценность феномена «детства» невозможно понять без психологической и психиатрической составляющих. *Цель исследования* – рассмотреть феномен «детства» через экзистенциальный анализ, показать появления новых страхов (фобий) ребенка и перспективы становления ребенка как Личности.

Новизна исследования: 1) в рамках экзистенциального подхода впервые выводится «треугольник тревожности ребенка», интегрирующий давление родителей, школы и общества; 2) формулируются «пять шагов к счастливому детству» как практико-ориентированный ответ на вызовы эпохи искусственного интеллекта; 3) обосновывается тезис о том, что милосердие не только моральная категория, а эволюционной необходимостью в мире, где «человек-машина» уступает место машине (ИИ).

Методы исследования: аналитический метод (анализ феноменов через понимание их смыслов); феноменологический метод (изучение явления «детство» во всей его многозначности); системный подход (изучение проблемы как междисциплинарной в синтезе философии, психологии, психиатрии и педагогики).

Современная цивилизация подавляет нравственные чувства. Но необходимо сделать выбор: что важнее – «успешный» ребенок, будущий «человек-машина», испытывающий постоянную тревогу за свое будущее, или Личность – духовная, эмоциональная, творческая, способная сама строить будущее без страха бытийности и ложных ценностей. Представленная статья – это приглашение к дискуссии, в ней делается попытка трансформировать современные подходы формирования Личности ребенка. Авторы уверены: будущее у человечества, его «Золотой век», возможен только в гуманистической парадигме, и начинать строить его следует с детства.

Ключевые слова: детство, экзистенция, фобии, футурофобия, панофобия, личность, милосердие, гуманизм, искусственный интеллект.

Введение

В представленном исследовании затрагивается важная проблема – феномен «детства» через призму экзистенциального подхода в едином синтезе философии, психологии и психиатрии. Исторически проблема «детства» рассматривалась преимущественно в рамках педагогики и психологии – это концепции Д.Б. Эльконина, Д.И. Фельдштейна, Ш.А. Амонашвили и др. [14, 11, 1]. Философский аспект оставался глубоко не изученным. Однако в философской антропологии для осознания сущности и бытийности (экзистенции) человека необходимо понимать все этапы его становления как Личности. Детство – это время формирования целостной Личности, это будущее в настоящем, то, без чего нет будущего. При этом истинный смысл и ценность феномена «детства» невозможно понять без психологической и психиатрической составляющих.

Цель исследования – рассмотреть феномен «детства» через экзистенциальный анализ, показать появления новых страхов (фобий) ребенка и перспективы его становления как Личности в синтезе философии, психологии, психиатрии и педагогики.

Новизна исследования состоит в следующем: – в рамках экзистенциального подхода впервые выводится «треугольник тревожности ребенка», интегрирующий давление родителей, школы и общества; – формулируются «пять шагов к счастливому детству» как практико-ориентированный ответ на вызовы эпохи искусственного интеллекта; – обосновывается тезис о том, что милосердие не только моральная категория, а эволюционной необходимостью в мире, где «человек-машина» уступает место машине (ИИ).

Методы исследования: аналитический метод (анализ феноменов через понимание их смыслов); феноменологический метод (изучение явления «детство» во всей его многозначности); системный подход (изучение проблемы как междисциплинарной в синтезе философии, психологии, психиатрии и педагогики).

Современная цивилизация подавляет нравственные чувства. Но необходимо сделать выбор: что важнее – «успешный» ребенок, будущий «человек-машина», испытывающий постоянную тревогу за свое будущее, или Личность – духовная, эмоциональная, творческая, способная сама строить будущее без страха бытийности и ложных ценностей? Эта статья – приглашение к дискуссии и попытка пересмотреть современные догмы формирования Личности ребенка. Авторы уверены: будущее человечества лежит в гуманистической парадигме, и начинать строить его следует с детства.

Детство как страх бытия

«Детство» – это сложный феномен, период становления, где закладываются все составляющие будущей целостной Личности: от психологических индивидуальных характеристик до социальных практик, форм и методов социализации [12].

Согласно психоаналитической традиции, З. Фрейд утверждал, что многие проблемы взрослого человека корнями уходят в забытые, бессознательные переживания детства. Именно они, по Фрейду, лежат в основе психопатологии зрелой личности и способны провоцировать неврозы и другие расстройства психики. Однако сегодня мы наблюдаем не просто индивидуальные неврозы, а системный кризис детства как феномена.

Современная эпоха – это множество стрессовых состояний. При этом доминирует наивное, но распространенное утверждение, что стресс – удел взрослых, а у детей – «беззаботное детство», и тревоги за будущее приходят позднее. Клинические данные говорят об обратном: стресс у ребенка фиксируется уже с 5-летнего возраста, охватывая все важные системы организма – от микробиоты до экзокринной системы и желудочно-кишечного тракта [10]. Подростковая тревожность растет такими темпами, что специалисты называют ее не иначе как эпидемической. Депрессия, панические расстройства, суицидальные мысли перестали быть уделом «неблагополучных» и стали нормой в среде обычных школьников из обычных семей. Буллинг больше не локализован в школьном дворе: он проникает в спальню через экран смартфона, лишая ребенка последнего убежища.

Привычное объяснение – «избалованное поколение», «слабаки», «не умеют справляться с трудностями» – не выдерживает встречи с фактами. Проблема глубже, и она системная. Как отмечает А.А. Вале-

ев, «Эго (Я), оказавшись в состоянии чувства вины и неудовлетворенности жизнью, пытается облегчить свою участь при помощи защитных механизмов психики, которые стараются сделать жизнь выносимой и защитить от давления всяческой цензуры, идущей извне» [3]. Но сам ребенок не способен противостоять системе; в результате искажается как облик его внутреннего мира, так и восприятие внешнего мира. Все это порождает тревогу и то, что мы называем «страхом бытийности».

В экзистенциализме феномен страха – это фундаментальная категория, связанная с осознанием человеком (прежде всего взрослым) конечности своего существования. Страх – это особая эмоция, способная подавить любую другую человеческую эмоцию. Как пишут Касумов Т.К., Гасанова Л.К., «страх – это, прежде всего, то, что разрушает душевный покой, „даруя» мгновения хаоса» [7]. Страх всегда проявляется «здесь-и-сейчас», но он же выступает фактором пролонгированного состояния, выраженного в тревоге. Психика ребенка ломается. К традиционным детским страхам (страх отсутствия близкого взрослого, боль, темнота и др.) [6] добавляется страх за свое будущее (футурофобия), которая может трансформироваться в панофобию – боязнь любых действий, панофобия «тесно связана с различными типами тревожных расстройств. Панофобия – порочный круг других фобий. Человек развивает панофобию, как результат другого страха, тревоги и беспокойства» [8].

Рис. 1. Треугольник тревоги

Футурофобия у детей имеет особую природу. Взрослый боится смерти, конечности, неопределенности. Ребенок же боится самого процесса становления: он не знает, зачем учится, куда приведет эта гонка за оценками, и, главное, – будет ли он кому-то нужен в том будущем, которое стремительно строится без его участия. Сегодня этот страх приобретает новое измерение: под сомнение поставлена сама ценность человека как производительной единицы. Искусственный интеллект, автоматизация, алгоритмы – они уже сегодня делают то, что еще вчера считалось уделом высококвалифицированного специалиста. Дети чувствуют это. Они видят, как родители выгорают на работе, как учителя теряют смысл своей профессии, как мир вокруг них обсуждает «замену человека машиной». Детям предлагают провести одиннадцать лет в школе, заучивая то, что любой чат-бот выдаст за секунду, ради профессии, которая может перестать быть актуальной до их входа во взрослую жизнь. Когда цель размыта, а усилия удваиваются, психика дает сбой. Это не слабость – это нормальная психологическая реакция на отсутствие смысла. Так формируется то, что мы называем «**треугольником тревоги**» (рис. 1). В его вершинах – **дети**, находящиеся под прессом требований, которые не могут выполнить; **родители**, пребывающие в перманентной тревоге за будущее и проецирующие ее на ребенка; **учителя**, зажатые между отчетностью, давлением администрации и требованием высоких баллов. Все три стороны искренне хотят, чтобы дети выросли успешными. Но именно это общее желание, помноженное на общий страх, создает замкнутый круг, в центре которого оказывается ребенок, получающий тройную дозу требований без адекватной поддержки. За этим кругом – **общество**, которое задает правила игры. Человек социален, без социализации ребенок не станет полноценной личностью. Но современное общество постмодерна порождает специфические социальные страхи. Чернышева А.В., Бубашвили Э.М. отмечают, что «причинами социального страха выступают различные явления и процессы общественной жизни, сдерживающие удовлетворение потребностей и реализацию интересов субъектов жизнедеятельности общества» [13]. Социальный страх – это страх быть непонятым, непризнанным, отверженным обществом. Для ребенка это означает крах будущего, одиночество и изоляцию. «Социальный страх выражает отношение людей друг к другу, к своему положению в обществе, к явлениям и процессам, происходящим в обществе, к условиям и способам жизнедеятельности» [2] В отсутствие реальной социальной поддержки и эмоциональной безопасности детская среда начинает жить по «законам стаи»: сильный подавляет слабого, милосердие становится уязвимостью, предательство – инструментом выживания.

И здесь мы вынуждены задать самый трудный вопрос. Если общество продолжит готовить «человека-машину», что произойдет с теми, кто станет «ненужным»? Именно этот вопрос определяет необходимость перехода от диагностики страха к поиску выхода – к тому, что мы называем «эрой милосердия».

Что делать? На пути к «эре милосердия»

Настало время признать: модель *Homo sapiens*, понимаемого прежде всего как «человек умеющий», а в пределе – как «человек-машина» [9] исчерпала себя. Мы делегировали интеллект, вычисления, анализ, прогнозирование искусственному интеллекту. Компьютер считает быстрее, алгоритм не ошибается, нейросеть видит паттерны, недоступные человеку. В мире, где машины делают все быстрее и точнее, что остается человеку? То, что машине недоступно в принципе: способность к подлинной эмпатии, нравственным ценностям, милосердию, готовность к сотрудничеству без расчета на выгоду, умение прощать, способность заботиться о слабом без оглядки на иерархию, дар создавать смыслы и ценности там, где есть только данные. «Человек разумный – это и человек моральный – *homo moralis* (homo misericors, человек милосердный). Так человек способен подняться на еще более высокую ступень – *homo humanus*, человек человечный» [4]. Но сегодня мы должны сказать жестче: это не вопрос морального совершенствования, **э**то вопрос выживания вида.

Милосердие как эволюционный императив

Здесь мы обязаны быть предельно честными. История человечества – это в том числе история того, как общества поступали с «ненужными» людьми: с теми, кто не мог быть как все, не соответствовал стандарту, становился обузой. Инвалиды, старики, «инакомыслящие», «неэффективные» – их судьба всегда была трагической, когда общество выбирало логику полезности (утилитаризма). Сегодня мы стоим на пороге новой катастрофы. Искусственный интеллект и автоматизация делают «ненужными» миллиарды людей, а потому что машина делает их работу быстрее, дешевле и точнее.

Что происходит с обществом, когда появляется критическая масса «лишних людей»? Ответ мы знаем из истории XX века: социальный взрыв, диктатуры, войны или тихая, но страшная сегрегация. Единственный способ избежать этого – заранее признать: ценность человека не определяется его полезностью. Ребенок с особенностями развития, пенсионер, «троечник», невостребованный специалист, творческий человек без рыночного навыка – все они имеют право на жизнь, достоинство и место в мире.

Милосердие – это не благотворительность. Это иммунная система человечества, которая не позволяет нам уничтожать своих же. В эпоху машин именно милосердие становится единственным разумным, эволюционно оправданным путем. Иначе мы просто не выживаем как вид, сохраняющий человеческое лицо. Но можно ли найти практические шаги к такому будущему? Сложно, особенно сейчас, где тревога стала фоновым состоянием нашей цивилизации, бытийным состоянием человека с самого детства. Однако вектор изменений можно обозначить.

Пять шагов к счастливому детству

Шаг первый. Перестать готовить детей к рынку труда, которого, возможно, не будет

Миллионы детей вырастут в мире, где «работа по найму» перестанет быть универсальной судьбой. Если мы не найдем для них другого смысла и другого способа быть нужными, мы создадим поколение «лишних людей». История знает цену таким решениям. Поэтому главная задача школы и семьи – не научить профессии (этому машина научит быстрее), а дать каждому ребенку опыт безусловной ценности: его любят и принимают не за оценки и навыки, а потому что он есть. Только из этого чувства рождается способность к милосердию по отношению к другим – в том числе к другим «ненужным».

Шаг второй. Школа должна перестать быть системой ранжирования и стать системой поддержки

Публичные рейтинги, «экраны успеваемости», соревнование за баллы – это инструменты, которые работают только в логике отбора, но разрушают в логике развития. Ребенок не должен доказывать свое право на существование оценкой. Вместо этого школа должна учить

главному: действовать в непредсказуемых ситуациях, сотрудничать, брать ответственность, восстанавливаться после неудач. Именно эти качества не может имитировать ни одна машина.

Шаг третий. Перестать транслировать детям страх

Родителям и учителям – перестать бояться, что без «идеальных результатов» ребенок пропадет. Этот страх парализует детей быстрее, чем любая реальная угроза. Если взрослые не могут предложить защиту от большого мира, они хотя бы могут не добавлять к детскому стрессу еще один слой – страх разочаровать. Победить тревогу и страх бытия, страх будущего можно только одним способом – это перестать самим быть источником этого страха.

Шаг четвертый. Пересмотреть само понятие «успех»

Успешный ребенок – это не тот, кто поступил в престижный вуз и набрал сто баллов за ЕГЭ. Это тот, кто умеет строить отношения, справляться с поражениями, находить союзников, сохранять любопытство к миру, несмотря на удары. Это тот, кто не сломался. Общество, которое измеряет детей только по шкале «полезности», готовит себе замену в виде машин. Общество, которое ценит гуманность, милосердие, эмпатию и внутреннюю свободу, только тогда остается человеческим.

Шаг пятый. Вернуть духовность как практику, а не декларацию

Следует осознать смысл и ценность понятия «духовность» [5] – это главная задача родителей, школы, общества, культуры. Однако нравственное воспитание не может быть навязано сверху – оно должно стать естественной средой обитания. Ребенок должен не заучивать правила морали, а жить в мире, где милосердие, честность, солидарность и забота о слабом – это повседневная практика, а не школьный предмет. Только тогда он сможет стать не «человеком-машиной», а Личностью, способной строить будущее без фобий и ложных ценностей.

Эти «пять шагов» – не утопия, это минимальная программа выживания человечества в эпоху, когда машины научились думать, но не научились любить, прощать и жертвовать собой ради другого. Успеем ли мы сделать эти шаги до того, как сломаем очередное поколение? Вопрос остается открытым.

Заключение

В представленном исследовании, мы пытались понять, как футурофобия, помноженная на давление школы, тревогу родителей и безразличие общества, формирует «треугольник тревоги», в центре которого оказывается ребенок, как традиционные детские страхи дополняются новым, экзистенциальным измерением – страхом собственной ненужности в мире, где машины (ИИ) делают почти все быстрее, точнее и качественнее. Но главный вывод этой работы лежит за пределами кибернетики, психологии и педагогики, он – в плоскости философской антропологии.

Первый вывод. Современная цивилизация подавляет нравственные чувства (прогресс цивилизации не есть прогресс нравственности), т.е. проблема глубже морального кризиса. Искусственный интеллект и автоматизация ставят под сомнение саму ценность человека, смыл его существования.

Второй вывод. Модель «человека-машины» (homo machina) исчерпала себя. Единственная территория, которая остается человеку и которую не может занять никакой алгоритм, – это территория милосердия, эмпатии, солидарности, способности прощать и заботиться о слабом без оглядки на полезность. Путь от homo sapiens к homo humanus лежит через homo misericors – «человека милосердного».

Третий вывод. Милосердие – это не моральная категория, это эволюционный императив. Это иммунная система человечества, которая позволяет выживать Человеку. Если мы не сделаем милосердие главной доминантой по которой люди соревнуются друг с другом и в которой они безусловно побеждают машину, нас ждет будущее, где человеческая жизнь перестанет иметь ценность и значение. У человечества есть шанс – и, возможно, последний. Или мы продолжаем растить якобы «успешных» детей, будущих «людей-машин», обрекая их на хроническую тревогу, футурофобию и, в конечном счете, на роль придатков к искусственному интеллекту. Или мы провозгласим «эру милосердия» – мир, где ценность ребенка определяется не его оценками и навыками, а его способностью любить, творить, дружить, прощать и быть нужным другому человеку. Мир, где школа становится местом поддержки, а не отбора. Мир, где успех измеряется не баллами, а способностью к состраданию и любви.

Современная эпоха потребует Человечности как последней территория, которая остается человеку, в эпохе информатизации, начале «эпохи Машин – ИИ». Успеем ли мы это осознать до того, как сломаем очередное поколение, страх бытийности способно победить только «эра милосердия». У человечества есть шанс сделать ставку не на конкуренцию, а на солидарность, не на эффективность, а на заботу и сопереживание. Цивилизация убивает «нравственнее чувства», но придется сделать выбор: что важнее успешный ребенок («будущий «человек-машина») или Личность – духовная, эмоциональная, творческая, та, которая способна строить будущее без фобий и ложных ценностей. Будущее Человечества, его «Золотой век» возможен только в гуманистической парадигме существования.

Литература

1. Амонашвили Ш.А., Зайцева И.И. Гуманно-личностная педагогика: теория и практика \\ Образование и саморазвитие. 2012. № 5 (33). С. 28–32.
2. Баринов Д.Н. Страх как социальный феномен \\ Гуманитарный научный вестник. 2019. № 2. С. 39–48.
3. Валеев А.А. Развитие теории и практики свободного воспитания в зарубежной педагогике (XX в.): Монография. – Казань: ТГГПУ, 2007. С. 63.
4. Заховаева А.Г. Девальвация личности: откуда черпать человеческое? \\ Философия и общество. 2005. № 3 (40). С. 110–120.
5. Заховаева А.Г. Ценность и смысл понятия «духовность» на изломе нравственных парадигм \\ Ценности и смыслы. 2017. № 5 (51). С. 111–117.
6. Ибахаджиева Л.А. Теоретическое содержание понятия «детский страх» \\ International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Т. 3. № 4. С. 63–67.
7. Касумов Т.К., Гасанова Л.К. Страхи в жизни и жизнь в страхе \\ Вопросы философии [Электронный ресурс] // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=886&ysclid=mnd1qdan6649272697 (дата обращения: 11.04. 2026).
8. Курочкин Д.С. Панофобия как разновидность социальных страхов \\ Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 260.
9. Ламетри Жульен Офре Человек-машина. М. Директ-Медиа. 2010. 102 с.
10. Стресс у детей и подростков: причины и последствия, лечение и профилактика. Клиническое руководство / Акарачкова Е.С. [и др.] СПб.: Скифия-принт; М.: Профмедпресс, 2022. 90 с. С. 13–16, 22.
11. Фельдштейн Д.И. Современное детство как социокультурный и психологический феномен \\ Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 1. С. 20–29.
12. Филипова А.Г. Репродуктивные установки и социокультурная ценность детства \\ Вопросы культурологии. 2010. № 6. С. 16.
13. Чернышева А.В., Бубашвили Э.М. Феномен социального страха в обществе постмодерна. \\ Флагман науки. № 3(3) Апрель 2023. С. 372–382.
14. Эльконин Д.Б. Детская психология. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 384 с.

PHILOSOPHY OF CHILDHOOD: FROM THE FEAR OF BEING TO THE ERA OF MERCY

Zakhovaeva A.G., Ursu A.V.
Ivanovo State Medical University

This study addresses an important issue – the phenomenon of «childhood» – through the lens of an existential approach, integrating philosophy, psychology, and psychiatry. The philosophical aspect of this phenomenon has not been thoroughly explored. However, in philosophical anthropology, understanding the essence and beingness of a person requires an understanding of all stages of their development as an Individual. Childhood is the time of the formation of a holistic Individual; it is the future in the present. However, the true meaning and value of the phenomenon of «childhood» cannot be understood without psychological and psychiatric components. The purpose of this study is to examine the phenomenon of «childhood» through existential analysis, to demonstrate the emergence of new fears (phobias) in children, and the prospects for their development as an Individual.
The study's novelty: 1) within the framework of an existential approach, a «child anxiety triangle» is developed for the first time, integrating the pressures of parents, school, and society; 2) «five steps to a happy childhood» are formulated as a practice-oriented response to the challenges of the age of artificial intelligence; 3) The thesis is substantiated that mercy is not only a moral category, but an evolutionary necessity in a world where the «human-machine» gives way to the machine (AI).
Research methods: analytical method (analysis of phenomena through understanding their meanings); phenomenological method (study of the phenomenon of «childhood» in all its ambiguities); systems approach (study of the problem as an interdisciplinary synthesis of philosophy, psychology, psychiatry, and pedagogy).
Modern civilization suppresses moral feelings. But a choice must be made: what is more important – a «successful» child, a future «human-machine» experiencing constant anxiety for their future, or a Personality – spiritual, emotional, creative, capable of building the future without the fear of existence and false values. This article is an invitation to discussion, attempting to transform modern approaches to the development of a child's Personality.

The authors are convinced that humanity's future, its «Golden Age» is only possible within a humanistic paradigm, and its construction must begin in childhood.

Keywords: childhood, existence, phobias, futurophobia, panophobia, personality, compassion, humanism, artificial intelligence.

References

1. Amonashvili Sh.A., Zaitseva I.I. Humane-personal pedagogy: theory and practice \\ Education and self-development. 2012. № 5 (33). Pp. 28–32.

2. Barinov D.N. Fear as a social phenomenon \\ Humanitarian scientific bulletin. 2019. № 2. Pp. 39–48.

3. Valeev A.A. Development of the theory and practice of free education in foreign pedagogy (20th century): Monograph. – Kazan: TGSPU, 2007. P. 63.

4. Zakhovaeva A.G. Devaluation of personality: where to get the human? \\ Philosophy and society. 2005. № 3 (40). Pp. 110–120.

5. Zakhovaeva A.G. The Value and Meaning of the Concept of «Spirituality» at the Crossroads of Moral Paradigms \\ Values and Meanings. 2017. № 5 (51). Pp. 111–117.

6. Ibakhadzhieva L.A. Theoretical Content of the Concept of «Children's Fear» \\ International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Vol. 3. № 4. Pp. 63–67.

7. Kasumov T.K., Gasanova L.K. Fears in Life and Life in Fear \\ Questions of Philosophy [Electronic resource] // URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=886&ysclid=mnd1qdan6649272697 (date of access 11.04. 2026).

8. Kurochkin D.S. Panophobia as a Type of Social Fears \\ Innovative Projects and Programs in Psychology, Pedagogy, and Education. Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. 2017. P. 260.

9. La Mettrie Julien Offray Man-Machine. M. Direct-Media. 2010. 102 p.

10. Stress in Children and Adolescents: Causes and Consequences, Treatment and Prevention. Clinical guidelines / Akarachkova E.S. [et al.] St.Petersburg: Skifiya-print; Moscow: Profmedpress, 2022. 90 p. P. 13–16, 22.

11. Feldshteyn D.I. Modern childhood as a sociocultural and psychological phenomenon \\ Universum: Bulletin of Herzen University. 2012. № 1. Pp. 20–29.

12. Filipova A.G. Reproductive attitudes and the sociocultural value of childhood \\ Questions of cultural studies. 2010. № 6. P. 16.

13. Chernysheva A.V., Bubashvili E.M. The phenomenon of social fear in postmodern society \\ Flagship of science. № 3 (3) April 2023. Pp. 372–382.

14. Elkonin D.B. Child Psychology. 4th ed., reprinted. Moscow: Publishing Center «Academy», 2007. 384 p.

Методы перевода культурно маркированной лексики в свете культурной концепции перевода Сьюзен Баснетт: на материале повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» из цикла «Повести Белкина»

Ильмира Ильяс,
к.ф.н, доцент, Синьцзянский Педагогический Университет
E-mail: 906410112@qq.com

Ли Синьжань,
магистр, Синьцзянский Педагогический Университет
E-mail: 168698109@qq.com

В статье рассматриваются особенности передачи культурно маркированной лексики в китайских переводах повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» в свете культурной концепции перевода Сьюзен Баснетт. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения способов сохранения национально-исторической специфики русской классической литературы при переводе на китайский язык. Особое внимание уделяется таким культурно значимым единицам, как «сарафан», «Сенатские ведомости», «Опекунский совет», «барышня», «поместье», «пирожное блан-манже». На материале переводов Фэн Чуня, Ли Гана и Сяо Шаня анализируются основные переводческие приёмы: транслитерация, буквальный перевод, замена и культурная компенсация. Показано, что адекватность передачи культурно маркированной лексики определяется не формальным языковым соответствием, а степенью сохранения культурной, исторической и функциональной значимости исходного текста. Делается вывод о продуктивности концепции культурной эквивалентности для анализа переводов русской классики на китайский язык.

Ключевые слова: культурно маркированная лексика, культурная эквивалентность, Сьюзен Баснетт, «Барышня-Крестьянка», китайский перевод.

Введение

В современной лингвистике и переводоведении проблема передачи культурно маркированной лексики занимает особое место, поскольку именно такие языковые единицы отражают национально-историческую специфику, особенности общественного устройства, быта, традиций и ценностных представлений определённой культуры. При переводе художественного текста данная проблема приобретает особую значимость, так как культурно обусловленные элементы выполняют не только номинативную, но и эстетическую, характерологическую и историко-культурную функции. Их неадекватная передача может привести к утрате важных смысловых оттенков, искажению авторского замысла и снижению художественного воздействия произведения на читателя.

Особенно актуальной данная проблема является при переводе произведений русской классической литературы на китайский язык. Русская литература XIX века тесно связана с конкретным историческим контекстом, сословной структурой общества, особенностями дворянского и крестьянского быта, а также системой государственных и социальных институтов. В повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» культурно маркированная лексика играет важную роль в раскрытии социального положения персонажей, создании исторического фона и передаче национального колорита. Такие единицы, как «сарафан», «Сенатские ведомости», «Опекунский совет», «барышня», «поместье», «пирожное блан-манже», требуют от переводчика не только знания языка оригинала, но и глубокого понимания культурного контекста эпохи.

Теоретической основой настоящего исследования выступает культурная концепция перевода Сьюзен Баснетт, сформировавшаяся в рамках так называемого «культурного поворота» в переводоведении. Согласно данной концепции, перевод следует рассматривать не как простое соотнесение языковых знаков, а как процесс межкультурной трансформации, в ходе которого переводчик выполняет роль посредника между различными культурными системами. Особую значимость приобретает понятие культурной эквивалентности, предполагающее сохранение не только предметного значения исходной единицы, но и её культурной, исторической и эстетической нагрузки.

Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью дальнейшего изучения способов передачи культурно маркированной лексики в китайских переводах русской классики, а также потребностью в оценке переводческих решений с позиции культурной эквивалентности. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении переводов культурно значимых единиц повести «Барышня-крестьянка» через призму культурной концепции Сьюзен Баснетт, что позволяет выявить степень сохранения национальной специфики и художественной выразительности оригинала.

Цель исследования состоит в анализе способов передачи культурно маркированной лексики в китайских переводах повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» с точки зрения культурной концепции перевода Сьюзен Баснетт. Для достижения указанной цели предполагается решить следующие задачи: охарактеризовать понятие культурно маркированной лексики; определить её функции в художественном тексте; рассмотреть основные переводческие приёмы, используемые при передаче культурно значимых единиц; сопоставить варианты китайских переводов и оценить их с позиции культурной эквивалентности.

Объектом исследования является культурно маркированная лексика в повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Предметом исследования выступают способы её передачи в китайских переводах. Материалом исследования послужили оригинальный текст повести и его китайские переводы, выполненные Фэн Чунем, Ли Ганом и Сяо Шанем. Методологическую основу работы составляют сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ и элементы переводоведческого анализа.

Обзор культурной концепции перевода Сьюзен Баснетт

В 1980-е годы переводоведение вступило в новый этап развития этап культурного поворота. Лингвистические подходы к переводу, достигнув значительных успехов, одновременно столкнулись с серьезными

ограничениями. Особенности художественного языка показали, что его невозможно адекватно описать исключительно с позиций лингвистики. В этой связи Susan Bassnett выдвинула идею о необходимости смещения единицы перевода: от традиционно понимаемого текста к культурной трансформации. Рассмотрение культуры как основной единицы перевода стало важным шагом, расширившим рамки традиционного переводоведения и открывшим новый этап его развития.

В 1980-е годы Сьюзен Баснетт, объединив переводоведение и теорию межкультурной коммуникации, сформулировала культурную теорию перевода. Её ключевая идея носит новаторский характер: центральным объектом переводческого анализа должен быть не текст как таковой, а процесс культурной трансформации. Суть данного подхода заключается в том, что перевод рассматривается не как простая передача языковых знаков, а как процесс переноса и адаптации смыслов между различными культурными системами.

Переводчик в этой модели выступает в роли посредника и координатора культур, стремясь к балансу между культурой исходного языка и ожиданиями читателя целевого языка. В процессе перевода он должен гибко адаптировать содержание оригинала с учётом конкретной ситуации, допуская необходимые изменения ради соответствия культурному контексту принимающей аудитории. На практике нередко возникают случаи, когда значение слова понятно, а его культурные коннотации осознаются, однако в языке перевода отсутствует адекватный эквивалент это явление известно как культурная непереводимость.

В связи с этим Баснетт вводит понятие культурной эквивалентности. В отличие от Eugene Nida, который акцентировал внимание на языковой эквивалентности, Баснетт подчёркивает приоритет культурной. Переводчик должен глубоко понимать культуру целевого языка и опираться на это понимание при выборе переводческих решений. В противном случае даже при формальном соответствии текста перевод может оказаться непонятным для читателя и не достигнет своей коммуникативной цели. С точки зрения Баснетт, задача художественного перевода заключается не в достижении формальной языковой эквивалентности, а в воспроизведении эквивалентности художественного процесса и эстетического воздействия.

Согласно концепции Сьюзен Баснетт, ключевая задача перевода заключается в передаче культурного смысла, а не в простом соотнесении языковых знаков. В произведении «Барышня-крестьянка» культурно нагруженные единицы, такие как «Сенатские ведомости», в разных переводах передаются как «бюллетень Тайного совета», «вестник Сената» или «издание верхней палаты». Подобные варианты отражают попытки интерпретации терминов, связанных с политической системой дореволюционной России. В данном случае переводчик должен выйти за пределы буквального соответствия и раскрыть функционально-историческую специфику бюрократических институтов Российской империи, чтобы читатель целевого языка смог понять политико-культурный контекст эпохи, а не только формальное название учреждения.

Аналогичным образом, перевод единицы «Онежский совет» как «приют для неимущих», «попечительский комитет» или «благотворительное учреждение» демонстрирует различные стратегии передачи культурного значения социальных институтов дореволюционной России. Эти варианты направлены на то, чтобы донести до читателя представление о роли подобных организаций в системе социальной помощи того времени.

Баснетт подчёркивает активную роль переводчика как субъекта культурного конструирования. В условиях культурных различий при переводе культурно маркированной лексики переводчик вправе гибко выбирать стратегии. Например, выражение «пирожное блан-манже синее» переводится как «сливочный десерт с начинкой» или «желеобразное лакомство», что обусловлено различиями в гастрономических традициях: у читателей целевого языка отсутствует устойчивое представление о русских исторических десертах. В подобных случаях переводчик, опираясь на знание обеих культур, стремится найти решение, одновременно доступное для восприятия и сохраняющее элементы исходной культурной специфики.

Схожая ситуация наблюдается при переводе слова «сарафан», которое может передаваться как «сарафан», «длинное платье» или «жилетоподобная одежда». Выбор варианта зависит от степени осведомлённости переводчика о традиционной русской одежде и от особенностей культурного опыта читателя. Тем самым проявляется активная координирующая роль переводчика в процессе культурной адаптации, направленная на преодоление явления культурной непереводимости.

Характеристика культурно маркированной лексики

Культурно маркированная лексика, также обозначаемая как «культурные слова», «культурно-специфическая лексика», «реалии» или «национально-специфические единицы», представляет собой важный объект исследования в переводоведении. В научной литературе отсутствует единое определение данного понятия: как отечественные, так и зарубежные исследователи предлагают различные трактовки. Так, Liao Qiyi определяет культурно маркированную лексику как слова, словосочетания и идиомы, отражающие уникальные особенности определённой культуры, сформировавшиеся в ходе длительного исторического развития и отличающие одну нацию от другой.

Данная группа лексики характеризуется отсутствием прямых эквивалентов в других культурах, что обусловлено её укоренённостью в специфическом культурно-историческом контексте. Например, слово «барышня» в названии «Барышня-крестьянка» обозначает не только социальный статус, но и несёт в себе коннотации сословных привилегий эпохи крепостного права. Представительницы этого сословия, как правило, получали образование на французском языке, владели нормами светского этикета и вели образ жизни, полностью обеспечиваемый трудом крепостных крестьян. Это существенно отличает данный термин от китайского «小姐», который лишь указывает на женщину из обеспеченной семьи. В условиях дореформенной России крестьяне были обязаны выполнять барщину или платить оброк, будучи ограниченными в личной свободе, что придаёт данному понятию дополнительную культурную нагрузку, связанную с отношениями господства и подчинения.

Культурное значение подобных единиц динамично и существенно зависит от конкретного контекста; вне сюжетной ситуации и системы персонажей оно не может быть адекватно интерпретировано. Так, героиня Лиза, переодеваясь крестьянкой, использует сельский говор, насыщенный лексикой, связанной с полевыми работами, что позволяет ей интегрироваться в крестьянскую среду и скрыть своё происхождение. В то же время в общении с отцом она прибегает к речи, характерной для дворянского сословия, включающей французские заимствования и отличающейся сложной синтаксической структурой, что выполняет функцию маркера её социального статуса.

Культурно маркированная лексика выполняет как номинативную, так и культурно-семантическую функцию. Например, слово «поместье» на поверхностном уровне обозначает земельное владение и жилище дворянина, однако на более глубоком уровне выступает символом социальной стратификации. Пространственная организация поместья отражает контраст между жизнью дворянства (светские мероприятия, балы, чаепития) и бытом крестьян (скромные избы, тяжёлый физический труд), что коррелирует с чётким сословным разделением российского общества того периода.

Культурно маркированные единицы несут на себе отпечаток определённой исторической эпохи, и их значение тесно связано с социально-политическими институтами соответствующего времени. Так, выражение «Сенатские ведомости» напрямую связано с бюрократической системой Российской империи и функционировало как официальный орган публикации государственных распоряжений. Без учёта политического контекста России XIX века адекватная передача его культурного содержания представляется затруднительной.

Методы перевода культурно маркированной лексики в «Барышне-крестьянке» в свете культурной концепции Баснетт

Транслитерация

Пример 1:

– И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

Переводы:

Фэн Чунь: «…наденьте грубую одежду, сарафан (萨拉方)…»

Ли Ган: «…наденьте грубую кофту и халат…»

Сяо Шань: «…наденьте грубую рубашку и длинный жилет…»

Анализ: Лексема «сарафан» обозначает традиционное русское женское платье, характерное преимущественно для крестьянской среды: свободного кроя, из простых тканей, оно отражает народные культурные особенности и одновременно выполняет функцию социального маркера, противопоставляясь изысканной одежде дворянства.

В переводе Фэн Чуня («萨拉方») используется транслитерация, что позволяет максимально сохранить культурную специфику исходного текста. Для читателя, знакомого с русской культурой, данный вариант непосредственно вызывает ассоциации с традиционной русской одеждой. Такой подход соответствует принципу приоритета культурного значения, сформулированному Susan Bassnett: даже при отсутствии эквивалента в языке перевода культурная уникальность должна быть сохранена.

Варианты «халат» (Ли Ган) и «жилет» (Сяо Шань) ориентированы на облегчение понимания за счёт использования знакомых целевой аудитории понятий. Однако они искажают или размывают культурную специфику: «халат» не отражает особенностей кроя и функции сарафана, а «жилет» неверно передаёт тип одежды. В результате утрачивается важное значение «сарафана» как маркера принадлежности к низшему сословию, что свидетельствует о несоответствии принципу культурной эквивалентности.

Буквальный перевод

Пример 2:

В будни ходил он в плисовой куртке, по праздникам надевал сертук из сукна домашней работы; сам записывал расход и ничего не читал, кроме «Сенатских Ведомостей».

Переводы: Фэн Чунь: ««Ведомости Тайного совета» (枢密院公报)»

Ли Ган: ««Ведомости Сената» (参政院公报)»

Сяо Шань: ««Ведомости верхней палаты» (上议院公报)»

Анализ: «Сенатские ведомости» представляли собой официальный печатный орган Российской империи, издаваемый Сенатом и выполнявший функцию публикации правительственных распоряжений и законодательных актов. Данная единица несёт значительную политико-культурную нагрузку, связанную с бюрократической системой самодержавия.

Переводы Фэн Чуня и Ли Гана используют модель «название учреждения + ведомости», прибегая к аналогам, знакомым китайскому читателю (например, ассоциации с традиционными государственными органами). Несмотря на неполное соответствие, такие решения способствуют формированию представления о функции текста как официального канала передачи власти, тем самым достигая функциональной (политической) эквивалентности.

Вариант Сяо Шань («верхняя палата») апеллирует к понятию парламентской системы, что может вызвать у читателя ассоциации с демократическими институтами. Это приводит к искажению историко-культурного контекста, поскольку Сенат Российской империи был инструментом самодержавной власти, а не органом представительной демократии. Таким образом, данный перевод нарушает принцип культурной эквивалентности.

Пример 3:

…ибо первый из помещиков своей губернии догадался заложить имение в Опекунский совет.

Переводы:

Фэн Чунь: «приют для вдов и сирот (孤寡监护院)»

Ли Ган: «попечительский комитет (监护委员会)»

Сяо Шань: «воспитательный дом (保育院)»

Анализ: «Опекунский совет» в Российской империи представлял собой государственное учреждение, осуществлявшее помощь социально уязвимым группам (сиротам, вдовам и др.), одновременно выполняя функцию контроля со стороны дворянства. Таким образом, он сочетал элементы социальной поддержки и механизма поддержания сословного порядка.

Перевод Фэн Чуня акцентирует как на адресатах помощи («вдовы и сироты»), так и на функции опеки, что позволяет передать не только социальную, но и управленческую природу учреждения. Это способствует более точному воспроизведению культурного значения и роли данного института в системе социальной организации Российской империи.

Вариант Ли Гана («попечительский комитет») подчёркивает административный аспект, однако не конкретизирует круг получателей помощи, что ослабляет культурную информативность. Перевод Сяо Шань («воспитательный дом») сужает значение до сферы детского ухода, вызывая ассоциации с современными учреждениями, и тем самым искажает исторический контекст.

Таким образом, с позиций культурной теории перевода Баснетт, адекватность перевода культурно маркированной лексики определяется не формальным соответствием, а степенью сохранения её культурно-исторической и функциональной значимости.

Приём замены

Пример 4:

Лиза почувствовала, что вышла было из своей роли, и тотчас поправилась.

Переводы: Фэн Чунь: «Лиза почувствовала, что чуть было не выдала себя, и сразу изменила поведение».

Ли Ган: «Лиза поняла, что ещё немного – и она выдаст себя, и немедленно изменила поведение».

Сяо Шань: «Лиза почувствовала, что уже не соответствует своей роли, и сразу исправила своё поведение».

Анализ: Выражение «вышла было из своей роли» в буквальном смысле означает «вышла из роли», однако в данном контексте (Лиза, переодетая крестьянкой, рискует быть разоблачённой) оно передаёт значение «маскировка чуть не была раскрыта» и содержит скрытый драматический подтекст, связанный с нарушением сословной маскировки.

Переводы Фэн Чуня и Ли Гана используют китайский фразеологизм «露出马脚» («выдать себя»), который точно передаёт ключевое значение разоблачения. Кроме того, его образность соотносится с театральной метафорой «роли» в оригинале, что позволяет сохранить выразительность высказывания. Таким образом, достигается функциональная культурная эквивалентность: передаётся не только смысл, но и экспрессивность, обеспечивая адекватное восприятие ситуации «разоблачения дворянки, переодетой крестьянкой».

Перевод Сяо Шань ближе к буквальному соответствию, однако отличается некоторой стилистической неестественностью и не передаёт драматического напряжения ситуации разоблачения. В результате он не полностью соответствует принципу «эквивалентности художественного процесса», о котором говорит Susan Bassnett.

Приём культурной компенсации

Пример 6:

Ну вот вышли мы из-за стола… а сидели мы часа три, и обед был славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое…

Переводы:

Фэн Чунь: «…десерт из сливочного желе с начинкой, синего, красного и полосатого цвета…»

Ли Ган: аналогичный вариант

Сяо Шань: «…желе из рыбьего клея, синего, красного и полосатого цвета…»

Анализ: «Пирожное блан-манже» представляет собой традиционный десерт, распространённый в русской аристократической культуре, приготовляемый на основе сливок и желирующих веществ, отличающийся яркой окраской (синий, красный, полосатый). Он выступает маркером изысканности дворянского быта и отражает особенности гастрономической культуры того времени.

Переводы Фэн Чуня и Ли Гана («сливочное желе с начинкой») акцентируют внимание на ингредиентах (сливки) и форме десерта, что позволяет вызвать у читателя ассоциации с изысканным сладким блюдом. Хотя специфическое наименование «блан-манже» не передаётся в полной мере, сохраняется его функциональная роль как элемента дворянского застолья. Дополнительное описание цвета («синий, красный, полосатый») усиливает представление о декоративности блюда.

Перевод Сяо Шань («желе из рыбьего клея») более точно отражает один из ингредиентов, однако в китайской культурной традиции подобное блюдо ассоциируется с повседневной, простой пищей. Это приводит к несоответствию культурной коннотации: вместо символа изысканной дворянской кухни возникает образ обычного блюда, что искажает исходный культурный смысл и снижает степень культурной эквивалентности.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что культурно маркированная лексика в повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» выполняет не только номинативную, но и важную культурно-семантическую функцию. Такие единицы, как «сарафан», «Сенатские ведомости», «Опекунский совет», «пирожное блан-манже» и другие, связаны с конкретными реалиями русской истории, социальной структуры, быта и эстетики XIX века. Их адекватная передача требует от переводчика выхода за пределы формального языкового соответствия и обращения к более широкому культурному контексту.

Сопоставление китайских переводов свидетельствует о том, что наиболее эффективными оказываются те переводческие решения, которые обеспечивают сохранение функциональной и культурной значимости исходной единицы. Транслитерация, буквальный перевод, замена и культурная компенсация могут быть продуктивными при условии, что они направлены на воспроизведение не только предметного значения, но и культурной коннотации оригинала. В то же время чрезмерное упрощение или механическое использование привычных для целевой культуры аналогов способно привести к искажению историко-культурного смысла.

Таким образом, концепция Сьюзен Баснетт позволяет рассматривать перевод культурно маркированной лексики как процесс культурной реконструкции, в котором переводчик играет активную интерпретирующую роль. Перспектива культурной эквивалентности представляется особенно продуктивной для анализа переводов русской классической литературы на китайский язык, поскольку она помогает

выявить степень сохранения национальной специфики, художественной выразительности и коммуникативного воздействия оригинального текста.

Литература

1 . Ван Янь. Повторное осмысление проблем англо-китайского перевода в перспективе культурного поворота. Цзилинь: Изд-во Цзилиньского ун-та, 2020. № 3. С. 124.

2 . Ляо Ции. Исследование современной западной теории перевода. Нанкин: Изд-во «Илинь», 2006. С. 109–110.

3 . Ду Янь. Краткий анализ культурной теории перевода Сьюзен Баснетт // Форум культурной индустрии. 2016. С. 41.

4 . Баснетт С. Переводоведение. 3-е изд. Лондон: Routledge, 2002. С. 39.

5 . Ли Ланьцзя. Анализ китайских переводов избранных рассказов О. Генри с точки зрения культурной концепции перевода Сьюзен Баснетт: дис. … 2015. С. 9.

6 . Фэн Чунь. Пиковая дама: избранные повести и рассказы Пушкина. Шанхай: Шанхайское изд-во переводной литературы, 2012. С. 4.

7 . Ли Ган, Кан Фу. Полное собрание сочинений Пушкина. Чжэцзян: Чжэцзянское литературно-художественное изд-во, 1997. С. 12.

8 . Сяо Шань. Пиковая дама и другие произведения. Сычуань: Сычуаньское народное изд-во, 1982. С. 11.

9 . Лю Мэйюй. Отчёт о практике китайского перевода произведения «Служители и Воители трёх миров» под руководством культурной теории перевода Баснетт: дис. … Харбин: Харбинский педагогический университет, 2023. С. 8–9.

TRANSLATION METHODS FOR CULTURALLY MARKED VOCABULARY IN LIGHT OF SUSAN BASSNETT'S CULTURAL THEORY OF TRANSLATION: BASED ON A.S. PUSHKIN'S "THE SQUIRE'S DAUGHTER" FROM THE TALES OF BELKIN

Yilimire Yiliyasi, Li Xinran
Xinjiang Normal University

The article examines the translation of culturally marked vocabulary in Chinese versions of A.S. Pushkin's short story The Squire's Daughter in light of Susan Bassnett's cultural approach to translation. The relevance of the study lies in the need to explore ways of preserving the national and historical specificity of Russian classical literature when translated into Chinese. Particular attention is paid to culturally significant units such as sarafan, Senate Gazette, Board of Trustees, young lady, estate, and blancmange pastry. Based on the translations by Feng Chun, Li Gang, and Xiao Shan, the article analyzes the main translation techniques: transliteration, literal translation, substitution, and cultural compensation. The study shows that the adequacy of translating culturally marked vocabulary is determined not by formal linguistic correspondence, but by the degree to which the cultural, historical, and functional significance of the source text is preserved. The article concludes that the concept of cultural equivalence is productive for analyzing Chinese translations of Russian classical literature.

Keywords: culturally marked vocabulary, cultural equivalence, Susan Bassnett, The Squire's Daughter, Chinese translation.

References

1. Wang Yan. Rethinking English-Chinese Translation from the Perspective of the Cultural Turn. Jilin: Jilin University Press, 2020. Vol. 3, p. 124.

2. Liao Qiyi. Research on Contemporary Western Translation Theory. Nanjing: Yilin Press, 2006. Pp. 109–110.

3. Du Yan. A Brief Analysis of Susan Basnett's Cultural Theory of Translation // Cultural Industry Forum. 2016. P. 41.

4. Basnett S. Translation Studies. 3rd ed. London: Routledge, 2002. P. 39.

5. Li Lanjia. An Analysis of Chinese Translations of Selected Stories by O. Henry from the Perspective of Susan Basnett's Cultural Concept of Translation: diss. … 2015. P. 9.

6. Feng Chun. The Queen of Spades: Selected Stories and Short Stories by Pushkin. Shanghai: Shanghai Publishing House of Translated Literature, 2012. P. 4.

7. Li Gang, Kang Fu. The Complete Works of Pushkin. Zhejiang: Zhejiang Literary and Artistic Publishing House, 1997. P. 12.

8. Xiao Shan. The Queen of Spades and Other Works. Sichuan: Sichuan People's Publishing House, 1982. P. 11.

9. Liu Meiyu. A Report on the Practice of Chinese Translation of "Servants and Warriors of the Three Worlds" under the Guidance of Basnett's Cultural Theory of Translation: Diss. … Harbin: Harbin Normal University, 2023. Pp. 8–9.

Социальный идеал как критерий эффективности деятельности субъекта в современном мире

Козлюк Денис Валерьевич,
аспирант кафедры философии и русской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: denis.kozlyuk2002@gmail.ru

В статье рассматривается проблема определения критериев эффективности деятельности современного субъекта в контексте концептуального пространства социального идеала. Показано, что в условиях фрагментации ценностного пространства и доминирования прагматически ориентированных стратегий возникает разрыв между пониманием индивидуальной результативности и целями общественного развития. На основе анализа категории социального идеала обосновывается его значение как интегративно-ценностного ориентира и регулятора деятельности. Особое внимание уделено роли экофилософской методологии, позволяющей расширить традиционные представления об эффективности за счет включения принципов целостности, устойчивости и соразмерности. Предлагается система критериев эффективности деятельности субъекта, включающая ценностно-ориентационный, социально-согласующий, системный, долгосрочный и эволюционный аспекты. Делается вывод о том, что подлинная эффективность деятельности определяется не только достижением личных или любых локально-значимых целей, но и их вкладом в развитие и перспективы бытия общества как целостной системы.

Ключевые слова: социальный идеал, критерии эффективной деятельности, субъект, социальная философия, экофилософия, ценности, общественное развитие, устойчивость, эволюция, деятельность.

Современное состояние общества характеризуется усложнением социальных связей, ускорением темпов общественного развития и все более нарастающей фрагментацией ценностного пространства. Эти процессы сопровождаются усилением индивидуализации жизненных стратегий, при которой цели субъекта все чаще формируются в логике частных интересов и краткосрочной результативности. Вероятно, это связано с усиливающейся нестабильностью в геополитическом, экономическом и социально-культурном пространствах, когда многие привычные процессы и стратегии перестают работать в таких реалиях, и необходима быстрая адаптация и часто значительные трансформации в смысло-жизненных векторах деятельности. В подобных условиях происходит заметное ослабление ориентаций на высокие ценности, долгосрочные общественные перспективы и ценностную вертикаль в мировоззрении человека.

Такой сдвиг приводит к ряду системных последствий, которые связаны с дестабилизацией всех социальный связей и устойчивости общественной системы.

Здесь происходит, во-первых, редукция ответственности до уровня частных интересов значительно ограничивает масштаб развития и социума, и самого субъекта, так как интересы и зона ответственности оказывается узко-локализированной, и человек ощущает ответственность только за уровень своего частного интереса. А во-вторых, – разрыв между личной эффективностью и общественным благом, в результате которого открывается парадокс: субъекты могут демонстрировать высокую локальную результативность, но их деятельность не только не способствует общественному прогрессу, но и может усилить деструктивные тенденции. Так, узкая прагматика индивидуально-ориентированной деятельности нередко оказывается недостаточно соотнесенной с задачами общественного развития, а в ряде случаев – вступает с ними в скрытое противоречие.

Это позволяет говорить о кризисе текущих критериев эффективности деятельности субъекта социума, выражающемся в разрыве между достижением частных целей и обеспечением целостного развития социальных систем, и о необходимости сформировать обновленные критерии экологичного развития общественной системы.

Так, по мысли профессора Э.В. Барковой, в стремительных социокультурных трансформациях последнего времени становится более ясной бесперспективность надежд и ожиданий, связанных и центрированных категориями «информация», «глобализация», «техникотехнологические системы», «умный город», «НБИКС-революция», «трансгуманизм», «искусственный интеллект» «с их абсолютизацией технократических проектных векторов и вытекающих из них решений о путях развития, часто заимствованных из устаревших западных концепций» [1, с. 161]. Отсюда – необходимость направленности на крупные цели, высокие идеалы и ценностные установки не только индивида, но и общества как субъекта мышления и деятельности.

Особую значимость здесь приобретает обращение к категории социального идеала. В отличие от ситуативных нормативных установок, социальный идеал задает предельные ориентиры развития общества и выступает основанием для соотнесения индивидуальной деятельности с более широкими историческими и культурными процессами. В этой связи актуализируется проблема социального идеала как интегративного ценностного ориентира, основания для соотнесения индивидуальной деятельности с общественным развитием, критерия подлинной (а не только инструментальной) эффективности.

Кроме того, актуальным оказывается возвращение к категории социального идеала в контексте современных вызовов – технологической трансформации, экологических рисков, кризиса смыслов и идентичности. Ведь именно в кризисных и пограничных ситуациях – экологических, технологических, социокультурных – становится очевидной ограниченность подходов, редуцирующих эффективность к количественным показателям и инструментальным результатам. Возникает потребность в более широком теоретическом основании, позволяющем рассматривать деятельность субъекта не только с точки зрения ее непосредственной результативности, но и в контексте ее вклада в развитие общества как целостной системы.

Подчеркнем, что, несмотря на свою объективную востребованность, в современной социальной философии данная проблематика не занимает пока центрального положения. После периода активной

разработки в отечественной мысли в XX веке интерес к ней заметно снизился, уступив место исследованиям, ориентированным преимущественно на анализ конкретных социальных практик и механизмов. Однако фундаментальные труды, посвященные проблеме социального идеала, сегодня могут быть переосмыслены и дополнены современной экофилософской методологией.

Феномену социального идеала, рассмотренном в его мировоззренческом измерении и в различных духовных формах морально-нравственного отношения человека к действительности, посвящен широкий круг исследований. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли Д.В. Гайдук, В.Е. Давыдович, В.Л. Дубко, Ю.П. Ивонин, Э.В. Ильенков, М.А. Клупт, Г.П. Ковалева, Е.И. Жиляева, Л.Д. Милкинен, П.И. Новгородцев, И.И. Ремезова и другие авторы.

Так, напомним, Э.В. Ильенков трактовал «идеальное» как «универсальные, общезначимые образы-схемы, явно противостоящие отдельной «душе» и управляемому ею человеческому телу как обязательный для каждой «души» закон, с требованиями которого каждый индивид вынужден считаться [2], [3]. «К таким образцам-схемам философ относит всеобщие нормы культуры, внутри которой просыпается к сознательной жизни отдельный индивид и требования которой он вынужден усваивать как обязательный для себя закон жизнедеятельности. Эти нормы он квалифицирует как некую отличную от человека действительность. В этом отношении исследователь резко критикует подход к идеальному как к психическому или физиологическому феномену, характерному и для эмпиризма XVII в., и для позднейшего позитивизма» [4].

В настоящее время к проблеме социального идеала человека и общества обращаются многие отечественные исследователи: Д.А. Бланца, В.П. Бранский, Г.П. Ковалева, А.В. Миронов, Е.М. Прошина, С.В. Тимофеева, Е.В. Ушаков, С.Н. Шумилов и др. [5, с. 59].

«Во многих работах современных авторов понятие социального идеала рассматривается как мировоззренческий критерий отношения к реальности, ориентирующий человека на определенный вид деятельности по его достижению (Н.С. Мудрагей, Н.А. Новиков, С.В. Туманов, Е.Л. Черткова)» [6, с. 37].

Интересен подход к социальному идеалу как к представлению о совершенном устройстве данного общества, развиваемом Р.С. Истамгалиным: «В самом общем плане социальный идеал в современной отечественной философской и социологической литературе обычно определяется как присущее индивидам и различным социальным общностям (группам, слоям, классам, регионам, обществу в целом) представление о совершенном состоянии общности, к которой принадлежит индивид, и/или общества в целом. Социальный идеал формируется как продукт рефлексии индивида, осознающего свое бытие через противоречие желаемого и действительного, должного и сущего, как несовершенное, не удовлетворяющее имеющиеся у него потребности» [7, с. 140].

Диалектику типологических свойств человека и общества исследует Ю.М. Лустин, в том числе проясняя категории этой взаимосвязи. «В философском контексте концептуального дискурса познания комплексная содержательность диалектики типологических свойств человека и общества закономерно онтологизирована в логико-интегративном поле взаимного сопряжения таких понятий, как: «общество», «сознательная личность», «социальность», «общественная деятельность», «диалектика», «социальная философия», «социальная система», «философская рефлексия», «многоподобие», «взаимодействие», «социальная устойчивость», «философия развития» и др. Коренной особенностью диалектических взаимоотношений в социальной среде является ориентация типологического потенциала мыслительной активности сознательной личности на созидающий вклад результатов ее практической деятельности в комплексное развитие общества и государства» [8, с. 79].

В нашем представлении, социальный идеал человека – это ценностная модель его познавательной активности. «Субъективированный характер этой модели имеет идеальную сущность, так как отражает систему мировоззренческих устремлений индивида к достижению целей существования как человека, так и общества» [6, с. 37].

Таким образом, в контексте социальной философии социальный идеал можно определить как *интегративное представление о высшей форме организации общественной жизни, выступающее ценностным ориентиром и регулятором деятельности субъекта*.

Сама категория социального идеала позволяет зафиксировать предельные основания соотнесения индивидуальной и общественной деятельности с перспективами развития социума. В отличие от частных нормативных установок и ситуативных ценностных ориентиров, социальный идеал выражает интегративное представление о должном состоянии общественной жизни, выступая не только как теоретическая конструкция, но и как регулятивный принцип, опосредующий практическую деятельность субъекта.

Подчеркнем, содержательно социальный идеал не сводится к утопической модели или абстрактной проекции желаемого будущего. Его специфика заключается в том, что он формируется в пространстве культурно-исторического опыта и закрепляет в обобщенной форме представления о высших возможностях развития общества. Тем самым социальный идеал отражает не произвольные ожидания, а *предельные характеристики общественного бытия, выступающие ориентиром для преобразующей деятельности*.

Отсюда – необходимость определения критериев эффективности деятельности субъекта в ракурсе ориентации на общественному идеал.

Обращение к проблеме критериев эффективности деятельности субъекта в современных условиях требует выхода за пределы узко инструментальнО-утилитарных и экономико-центрированных подходов. Усложнение социальных систем и усиление взаимозависимости глобальных социокультурных, экономических, геополитических процессов обнажают ограниченность моделей, в рамках которых эффективность определяется преимущественно через показатели краткосрочной результативности.

В этой связи особое значение приобретает **экофилософская методология**, позволяющая переосмыслить основания оценки деятельности субъекта в соотнесении с целостным развитием общества.

Экофилософия – «направление философского знания, ориентированное на исследование фундаментальных связей человека, природы, культуры, общества и Вселенной в их целостности и всеобщности, восстанавливающее статус нормативности и самоценности бытия, жизни, истины, связей относительного с абсолютным, а преходящего с не снимаемым, вечным и бесконечным. Не случайно экофилософская логика и ее парадигмальное пространство, где главные идеи сосредоточены на обосновании ценности бытия, на его открытой саморазвивающейся целостности Экомира, включающего космос, человека, культуру и общество в их органическом – но не технико-технологическом – единстве, получает все более заметное распространение в современной науке» [9, с. 63]. В рамках такого подхода деятельность субъекта анализируется не изолированно, а как включенная в сеть взаимосвязей, охватывающих социальные, культурные и природные процессы. Такой взгляд субъекта «извне» узконаправленной системы позволяет сместить акцент с локальной результативности на системные последствия деятельности, включая ее влияние на устойчивость и воспроизводство жизненных оснований общества.

С методологической точки зрения экофилософия вводит ряд принципов, имеющих непосредственное значение для определения критериев эффективности.

Прежде всего, речь идет о *принципе целостности*, согласно которому деятельность должна оцениваться с учетом ее воздействия на систему в целом, а не только на отдельные ее элементы. В этом контексте эффективность утрачивает однозначно количественное измерение и приобретает качественный характер, связанный с поддержанием и развитием системной согласованности.

Не менее важным является *принцип соразмерности*, предполагающий соответствие масштабов и форм деятельности возможностям среды, в которой она осуществляется. Данный принцип ограничивает деструктивные формы активности, ориентированные на максимизацию результата без учета пределов устойчивости системы. Тем самым вводится критерий, позволяющий различать эффективные и псевдоэффективные практики, последние из которых достигают результата ценой разрушения собственных оснований.

Одной из результативных практик в этом отношении можно считать рефлексивное мышление, которое позволяет выстраивать разносторонние связи субъекта. Так, по мысли Ю.М. Лустина, «В созидательном процессе рефлексивного самопостижения объективной и субъективной реальности акты психики, сознания и мышления обеспечивают не только разностороннюю взаимосвязь, но и когнитивную сопряженность и эпистемологическую устойчивость образов внутреннего мира субъекта образовательного пространства. В этом значении рефлексивное мышление выступает в качестве доминантного гносеологического средства мыслительной деятельности и долженствующего стиля культуры поведения личности» [10, с. 97].

Рассматривая деятельность субъекта в контексте социального идеала, экофилософия позволяет уточнить содержание последнего, наполняя его конкретными характеристиками. Социальный идеал, таким образом, предстает не только как нормативный образ желаемого общества, но и как модель гармоничного сосуществования и соразвития человека, общества, культуры и природы. Соответственно, критерии эффективности деятельности субъекта должны соотноситься с возможностью реализации такого типа взаимодействия.

В целях формирования и осмысления самого социального идеала значимым также оказывается мыслетворческая деятельность субъекта, так как именно она органично синтезирует желаемый образ и его рационализацию в деятельность. «В интеллектуальном дискурсе познавательной практики мыслетворчество человека, по мнению автора, является фронтиром таких взаимообусловленных понятий как «сознательный образ реальности», «мыслеобраз мышления», «образ конкретной деятельности личности», которые в контексте их диалектического синтеза могут целенаправленно обеспечивать истинность и эффективность мыслительного процесса. Именно в гносеологическом дискурсе такой последовательности креативные свойства и инновационные качества человека приобретают концептуальную оформленность, мобильность, константность, взаимную равнозначность и самодостаточность, а типологический конструктив проявляет себя как закономерной способ обеспечения их взаимосвязи, направленный на поиск нового, оригинального, эвристического и нестандартного» [11, с. 196–197].

Итак, в контексте соотнесения деятельности субъекта с социальным идеалом эффективность не может быть редуцирована к показателям результативности или экономической отдачи. Она приобретает многомерный характер и определяется через систему взаимосвязанных критериев, отражающих ценностные, социальные и эволюционные основания деятельности.

Прежде всего, существенным является *ценностно-ориентационный критерий,* предполагающий соотнесенность деятельности с надындивидуальными целями и установками. Эффективной, поэтому, может считаться лишь такая деятельность, в которой индивидуальные интересы не замыкаются на себе, а включены в более широкий контекст общественного развития.

Также важным выступает *критерий соотнесенности личного и общественного,* позволяющий преодолеть разрыв между частной результативностью и общественным благом. В данном случае эффективность определяется способностью субъекта реализовывать собственные цели через вклад в развитие социальных систем. Дополняет данное положение *критерий системной согласованности,* в рамках которого деятельность оценивается с точки зрения ее воздействия на целостность и устойчивость социальных и природных процессов. Здесь становится очевидным, что достижение результата ценой разрушения системных оснований не может рассматриваться как подлинная эффективность.

Особое значение имеет здесь *критерий долгосрочной результативности,* ориентирующий оценку деятельности на ее отдаленные последствия и устойчивость во времени. В отличие от краткосрочных эффектов, фиксируемых в рамках прагматических моделей, данный критерий предполагает учет накопительных и отсроченных результатов. С ним тесно связан *критерий эволюционной направленности,* в соответствии с которым деятельность субъекта рассматривается как эффективная в той мере, в какой она способствует развитию общества, его качественному усложнению и переходу на более высокий уровень организации.

Наконец, принципиальным является *критерий гуманистической и смысловой обоснованности деятельности.* Эффективность в данном случае предполагает не только достижение результата, но и соответствие деятельности высоким ценностям человеческого бытия, а также ее внутреннюю осмысленность для субъекта. В совокупности указанные критерии позволяют рассматривать эффективность как интегративную характеристику деятельности, формирующуюся на пересечении ценностного, социального и эволюционного измерений и соотносимую с содержанием социального идеала.

На основании выделенных критериев, по-видимому, можно сформулировать следующий вывод: эффективной является такая деятельность субъекта, которая, будучи ценностно осмысленной и системно согласованной, обеспечивает долгосрочный и эволюционно направленный вклад в развитие общества, не противореча гуманистическим основаниям и реализуя единство личного и общественного.

Таким образом, исходя из этого можно сделать вывод о том, что в условиях современного общества проблема эффективности деятельности субъекта требует переосмысления в более широком экофилософском контексте, что позволяет задать ценностные и смысловые основания оценки деятельности.

Социальный идеал выступает не только как ценностно-нормативный ориентир, но и как интегративный критерий, обеспечивающий соотнесение индивидуальной активности с перспективами общественного развития. Его включение в анализ эффективности позволяет преодолеть разрыв между личным и общественным, а также задать направленность деятельности в контексте долгосрочных и эволюционных процессов. Особую роль в таком переосмыслении играет экофилософская методология и ее принципы целостности, устойчивости и соразмерности, позволяющие расширить традиционное представление об эффективности.

Таким образом, эффективность деятельности современного субъекта может быть понята как комплексная характеристика, отражающая не только способность человека достигать поставленные цели, но и меру его участия в развитии общества. В этом смысле подлинная эффективность определяется не только отдельным успехом субъекта, а его вкладом в формирование таких форм общественной жизни, которые обеспечивают устойчивое и качественное эволюционное развитие социума, открывая перспективы бытия Земли в целом.

Литература

1. Баркова Э.В. Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 2. С. 161–165.
2. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. Киев, 2006. 312 с.
3. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140.
4. Урядова В.В. Понятия «идеал» и «идеальное» в творчестве Э.В. Ильенкова // Общество: философия, история, культура. 2019. № 5 (61). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-ideal-i-idealnoe-v-tvorchestve-e-v-ilienkova (дата обращения: 15.04.2026).
5. Козлюк Д.В. Социальный идеал как средство диалектического единства человека и общества // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. С. 58–61.
6. Козлюк Д.В. Социальный идеал и типология человека: диалектическая концептуальность // Культура и цивилизация. Выпуск № 3 (25). 2025. С. 36–45.
7. Истамгалин Р.С., Бакулина Ю.В. Социальные идеалы, потребности и ценностные установки в социокультурном пространстве региона // XIX Уральские социологические чтения: региональные особенности разработки и реализации социальной политики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 14–16 марта 2013 г. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. – С. 140–143.
8. Лустин Ю.М. Диалектика типологических свойств человека и общества: философско-концептуальный аспект // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра (Донецк, 5–7 ноября 2025 г.). – Том 9: Философские и психологические науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2025. С. 79–81.
9. Баркова Э.В. Освоение космоса и космизация человеческой деятельности в перспективе бытия России: экофилософский взгляд // Освоение космоса и проблемы экоориентированного развития человека, природы и многополярной цивилизации: материалы II Ежегодной Международной конференции. 15 апреля 2022 г. – Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2022. С. 57–66.
10. Лустин Ю.М. Рефлексивное мышление студента в гносеологической доминанте цифрового образования // IX Ялтинские философские чтения «Цифровой мир: перспективы и угрозы для человеческой цивилизации». Электронный научный журнал «Архонт» Выпуск № 5(32). 2022. С. 93–102.
11. Лустин Ю.М. Типологический конструктив как гносеологическая доминанта мыслетворчества личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021 Том 10 № 3А. С. 194–201. DOI: 10.34670/AR.2021.64.61.028

THE SOCIAL IDEAL AS A CRITERION OF THE SUBJECT'S ACTIVITY EFFICIENCY IN THE CONTEMPORARY WORLD

Kozlyuk D.V.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The article examines the problem of defining the criteria for the efficiency of the contemporary subject's activity within the conceptual framework of the social ideal. It is shown that under conditions of fragmentation of the value space and the dominance of pragmatically oriented strategies, a gap emerges between the understanding of individual performance and the goals of social development. Based on the analysis of the category of the social ideal, its significance is substantiated as an integrative value-based guideline and a regulator of activity. Particular attention is paid to the role of eco-philosophical methodology, which makes it possible to expand traditional conceptions of efficiency by incorporating the

principles of integrity, sustainability, and proportionality. A system of criteria for evaluating the subject's activity is proposed, including value-oriented, socially coordinated, systemic, long-term, and evolutionary dimensions. It is concluded that genuine efficiency is determined not only by the achievement of personal or locally significant goals, but also by their contribution to the development and future prospects of society as an integral system.

Keywords: social ideal, activity efficiency, subject, social philosophy, eco-philosophy, values, social development, sustainability, evolution, activity.

References

1. Barkova E.V. Eco-philosophy in the Global Agenda of the Contemporary World: Toward the Analysis of Harmonization of the Rhythms of Human Life, Culture and Nature. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2026, № 2, Pp. 161–165.

2. Ilyenkov E.V. On Idols and Ideals. Kyiv, 2006. 312 p.

3. Ilyenkov E.V. The Problem of the Ideal. Voprosy filosofii, 1979, № 6, Pp. 128–140.

4. Uryadova V.V. The Concepts of «Ideal» and «the Ideal» in the Works of E.V. Ilyenkov. Society: Philosophy, History, Culture, 2019, № 5 (61). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiya-ideal-i-idealnoe-v-tvorchestve-e-v-ilienkova (accessed: 15.04.2026).

5. Kozlyuk D.V. The Social Ideal as a Means of Dialectical Unity of Human and Society. In: Donetsk Readings – 2025: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Modernity. Donetsk, 2025, Pp. 58–61.

6. Kozlyuk D.V. The Social Ideal and Human Typology: Dialectical Conceptuality. Culture and Civilization, 2025, issue 3 (25), Pp. 36–45.

7. Istamgalin R.S., Bakulina Yu.V. Social Ideals, Needs and Value Orientations in the Socio-Cultural Space of a Region. In: Proceedings of the XIX Ural Sociological Readings. Ekaterinburg, 2013, Pp. 140–143.

8. Lustin Yu.M. Dialectics of Typological Properties of Human and Society: Philosophical and Conceptual Aspect. In: Donetsk Readings – 2025. Donetsk, 2025, Pp. 79–81.

9. Barkova E.V. Space Exploration and the Cosmization of Human Activity in the Perspective of Russia's Being: An Eco-Philosophical View. In: Proceedings of the II International Conference. Moscow, 2022, Pp. 57–66.

10. Lustin Yu.M. Reflexive Thinking of a Student in the Epistemological Dominant of Digital Education. Arkheont, 2022, № 5 (32), Pp. 93–102.

11. Lustin Yu.M. Typological Construct as an Epistemological Dominant of Creative Thinking. Context and Reflection: Philosophy about the World and Man, 2021, Vol. 10, № 3A, Pp. 194–201. DOI: 10.34670/AR.2021.64.61.028.

Социально-философский анализ коммерциализации видеоигр: отчуждение, симуляция и биополитика игрового капитализма

Кудаяров Айдар Маратович,
аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
E-mail: kudayarov75@mail.ru

В статье с позиций социальной философии исследуется процесс коммерциализации индустрии видеоигр. На основе концепций отчуждения (К. Маркс), симулякра (Ж. Бодрийяр) и биовласти (М. Фуко) анализируется трансформация игровой деятельности из самоценной практики в форму скрытого труда. Выявлено, что freemium-модель, микротранзакции и лутбоксы создают «гиперреальность», в которой внутриигровые блага функционируют как чистые знаки стоимости, регулирующие социальные взаимодействия. Особое внимание уделено манипулятивным техникам (FOMO, искусственный дефицит) как инструментам управления желаниями. Делается вывод о тотальной колонизации досуга капиталистической логикой и необходимости этической рефлексии игрового капитализма.

Ключевые слова: видеоигры, коммерциализация, отчуждение, симулякр, биовласть, лутбоксы, игровой капитализм, микротранзакции, freemium-модель, гиперреальность.

Введение

В последние десятилетия видеоигры превратились из маргинального развлечения в один из глобальных институтов цифрового общества. Однако стремительная коммерциализация игровой индустрии ставит перед социальной философией принципиально новые вопросы, выходящие за рамки экономического или психологического анализа. Каков онтологический статус внутриигровых благ, за которые пользователь платит реальные деньги? Не превращается ли игровая деятельность под давлением капиталистической логики в форму *отчужденного труда*, где удовольствие подменяется принудительным потреблением? Как соотносятся симулятивные миры игр и «гиперреальность» позднего капитализма, описанная Ж. Бодрийяром?

Философский анализ коммерциализации видеоигр требует обращения к нескольким концептуальным традициям. С одной стороны, марксистская критика товарного фетишизма (Маркс, 2001: 82–86) позволяет увидеть, как внутриигровые предметы (скины, луты, валюта) обретают стоимость, не будучи продуктами человеческого труда в классическом смысле, – они становятся чистыми *знаками стоимости*, подчиняющими себе поведение игрока. С другой стороны, концепция *биовласти* М. Фуко (Фуко, 2011: 243–247) и *неолиберального управления* (Роуз, 2011: 45–48) помогает объяснить, как игровые корпорации внедряют технологии контроля над желаниями и действиями пользователей, превращая их свободное время в пространство непрерывной самодисциплины и микроэкономических решений.

Цель данной статьи – выявить социально-философские основания и последствия коммерциализации видеоигр. В отличие от сугубо социологических или экономических исследований, мы сосредоточимся на том, как процессы монетизации трансформируют *саму сущность игры*: ее цели, временные горизонты, социальные связи и нормативные структуры. Наша гипотеза состоит в том, что современная игровая индустрия порождает специфическую форму «игрового капитализма», в котором симуляция свободной деятельности становится наиболее эффективным механизмом извлечения прибавочной стоимости.

Трансформация бизнес-моделей: от товара к сервису и производству желаний

Философский анализ коммерциализации следует начать с онтологического сдвига в природе игрового продукта. Традиционная премиальная модель (покупка копии игры) рассматривала видеоигру как *завершенный артефакт* – своего рода произведение, обладающее внутренней ценностью. Переход к моделям freemium и «игра как сервис» (GaaS) означает, что игра перестает быть вещью и становится *длящимся процессом*, открытым для постоянной капиталистической доработки. Как отмечает Д.С. Суханов, «увеличение числа игроков, рост доступности интернета, повышение конкуренции и увеличение затрат на разработку мотивировали игровые студии к переходу от премиум-дистрибуции к смешанным и свободным моделям» (Суханов, 2021: 12).

В рамках этой трансформации ключевой становится модель freemium, при которой основной продукт распространяется бесплатно, а монетизация осуществляется через микротранзакции. С точки зрения философии капитализма, здесь реализуется схема, предвосхищенная еще Ж. Делезом и Ф. Гваттари в «Анти-Эдипе» (Делез, Гваттари, 2010: 352–356): производство желания напрямую включается в производство капитала. Игроку предлагается не столько купить игру, сколько *инвестировать себя* в нее – свое время, внимание, аффекты, а затем выкупать обратно условия собственного удовольствия.

Основные способы монетизации, выделяемые в литературе (Тенденции развития индустрии видеоигр, 2021: 5), – Pay-to-win, adware, подписка, Season Pass – демонстрируют, как игра превращается в *арендуемое пространство*, где пользователь постоянно находится в положении должника перед системой.

Особого внимания заслуживают манипулятивные техники монетизации, выявленные Центром цифровой экспертизы Роскачества в 2025 году: «эксперты обнаружили, что во всех проверенных мобильных играх присутствуют элементы психологического воздействия, направленные на снижение когнитивного сопротивления игрока и под-

талкивание к импульсивным покупкам» (Роскачество, 2025). К таким техникам относятся:

- Система ежедневных наград и достижений (формирование поведенческих рутин по модели, описанной Б.Ф. Скиннером);
- Ограничения по времени и FOMO (Fear Of Missing Out) – эксплуатация экзистенциального страха упущенной возможности;
- Искусственно созданный дефицит ресурсов;
- Гача-системы и лутбоксы – механики, имитирующие азартные игры.

С философской точки зрения, лутбоксы представляют собой наиболее чистое воплощение *симулякра* в третьей стадии (по Бодрийяру) (Бодрийяр, 2015: 134–137): они не просто скрывают отсутствие реальности (как обычная игра в рулетку), но и симулируют саму идею случайного вознаграждения, управляемого скрытыми алгоритмами. Как отмечает руководитель UX-исследований Роскачества Илья Волгин, «все эти меры работают в комплексе и создают у пользователя иллюзию осознанного выбора» (Роскачество, 2025).

Социальные последствия коммерциализации: отчуждение, гиперреальность и теневая экономика

Психологические аспекты: формирование аддиктивного поведения и отчуждение от собственного времени

Коммерциализация видеоигр приводит к тому, что игровая деятельность перестает быть самоценной. Вместо «игры ради игры» (homo ludens по Й. Хейзинге) возникает *инструментальное отношение* к игровому процессу: он становится средством получения внутриигровых благ, которые, в свою очередь, имеют денежный эквивалент. Это классическое отчуждение, описанное К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: продукт труда (в данном случае – игровое достижение) противостоит игроку как чужая сила, диктующая условия своей досягаемости (чаще всего – через донат) (Маркс, 2001: 98–102).

Теория потока М. Чиксентмихайи, на которую ссылаются исследователи, приобретает в этом контексте двойственный смысл: «микротранзакции, направленные на получение внутриигрового контента (ценного имущества), создают перманентное ощущение достижения значимых результатов, а значит – и счастья» (Рогов, 2023: 58). Однако философский анализ требует постановки вопроса: не является ли это «счастье» симулякром подлинного удовлетворения? Игрок испытывает радость не от процесса, а от акта *покупки* обходного пути к цели, что подрывает саму идею игры как пространства свободного преодоления препятствий.

Особую тревогу вызывает доступность азартных механик для несовершеннолетних: «если в обычное казино без удостоверения личности не попасть, то скачать Counter-Strike из Steam можно в пару кликов, а сайты со ставками и рулетками на скины, как правило, не требуют серьезной проверки возраста» (Цена лутбокса, 2025). По оценкам экспертов, теневой рынок скинов в Counter-Strike уже превышает 4,5 миллиарда долларов (Цена лутбокса, 2025). Здесь мы сталкиваемся с феноменом, который можно назвать *легитимацией азарта через симуляцию*: формально не являясь азартной игрой, лутбокс выполняет ту же функцию, но остается вне правового поля.

Экономические последствия: формирование теневого рынка и «черная дыра» стоимости

Как отмечают В.А. Бондаренко и М.В. Попов, «управленческие основы и товарно-денежные отношения по поводу игрового контента на современном этапе находятся в тени, так как национальные или международные нормативные и законодательные акты в сфере регулирования оборота игрового контента развиты слабо либо вовсе отсутствуют» (Бондаренко, Попов, 2021: 2).

С философской точки зрения, теневой рынок внутриигровых предметов обнажает парадоксальную природу *цифровой стоимости*. Скин в CS: GO не имеет материального субстрата, не является результатом труда в классическом понимании (он произведен один раз разработчиком, а затем бесконечно тиражируется). Тем не менее, на вторичном рынке он обретает цену, которая может достигать десятков тысяч долларов. Это напоминает ситуацию, описанную Ж. Бодрийяром в «Символическом обмене и смерти»: стоимость знака отрывается от любой референтной реальности и начинает циркулировать по законам гиперреальности (Бодрийяр, 2015: 220–224).

Продажа теневого контента преследуется создателями игры, поскольку «это означает потерю дохода от снижения объема реализации лицензионного контента» (Бондаренко, Попов, 2021: 4). Однако, как показывает философия капитализма, само существование теневого рынка *конститутивно* для официального: именно возможность перепродажи придает скинам статус инвестиционного актива, стимулируя первичные покупки лутбоксов.

Трансформация социальной структуры: киберспорт как новая аристократия

И.И. Рогов выделяет три типа отношений между IT-корпорациями и игровым комьюнити, среди которых «мир мафии» – когда топовая часть комьюнити представляет собой группу полузакрытых структур, где регулирование отношений обусловлено финансовыми вопросами (Рогов, 2023: 56). Этот феномен особенно характерен для киберспорта: «Мир гейминга задумывался как открытый и свободный, в котором каждый имеет равные возможности показать собственное мастерство. Однако попадание в киберспортивный кластер все больше оказывается невозможным из-за коррупции, сложного расписания и наличия договорных матчей» (Рогов, 2023: 57).

С точки зрения социальной философии, киберспорт превращается в *новую форму аристократии*, где доступ к элите опосредован не только мастерством, но и финансовыми, коррупционными и репутационными механизмами. Пример конфликта между владельцами крупнейших сайтов по торговле скинами CS: GO – CSGOEmpire и CSGORoll – показывает, как внутриигровое пространство становится полем битвы теневых капиталов (Цена лутбокса, 2025).

Заключение

Проведенный социально-философский анализ коммерциализации видеоигр позволяет сформулировать несколько выводов, выходящих за рамки эмпирического описания.

1. Отчуждение игровой деятельности. Современная игровая индустрия, действуя по логике неолиберального капитализма, трансформирует игру из самоценной практики в *форму скрытого труда*. Игрок, вовлеченный в механизмы ежедневных наград, сезонных событий и микротранзакций, фактически работает на поддержание цифровой экономики, получая взамен суррогатное удовлетворение. Как метко заметил руководитель Центра цифровой экспертизы Роскачества Сергей Кузьменко, «результаты нашего исследования, к сожалению, однозначны: мы не нашли ни одной мобильной игры, полностью свободной от манипулятивных практик» (Роскачество, 2025). Это свидетельствует о тотальной колонизации досуга капиталистической логикой.

2. Гиперреальность и симуляция. Внутриигровые блага (скины, луты, валюта) функционируют как чистые симулякры в бодрийяровском смысле: они не отсылают ни к какой реальной ценности, но при этом регулируют социальные взаимодействия и порождают целые теневые экономики. Лутбоксы, в частности, представляют собой наиболее изощренную форму симуляции азарта, обходящую правовые запреты. Это ставит перед философией права и этикой вопрос о том, как следует классифицировать подобные практики в эпоху цифровой онтологии.

3. Биополитика желания. Игровые корпорации внедряют технологии управления не просто поведением, но *самой структурой желания* – через FOMO, искусственный дефицит, системы достижений. Это соответствует фукианской модели биовласти, где власть действует не через запрет, а через стимулирование, оптимизацию и направление желаний в продуктивное (для капитала) русло.

4. Легитимация девиантных практик. Коммерциализация порождает институционализированные формы коррупции, договорных матчей и теневых рынков, которые становятся неотъемлемой частью экосистемы. Это указывает на глубокий структурный кризис «открытого» и «меритократического» этоса, на котором исторически строилось геймерское сообщество.

Перспективными направлениями социально-философских исследований являются: анализ видеоигр как новой формы *идеологического аппарата* (в терминологии Л. Альтюссера), исследование субъективации игрока в условиях перманентной монетизации, а также разработка этических стандартов для игровой индустрии, учитывающих специфику цифрового отчуждения.

В конечном счете, философская рефлексия над коммерциализацией видеоигр показывает, что мы имеем дело не просто с очередным экономическим трендом, а с фундаментальной трансформацией *человеческого времени, труда и удовольствия* в эпоху цифрового капитализма. И если классическая философия игры (от Платона до Хейзинги) видела в игре пространство свободы, то современный игровой капитализм превращает это пространство в его противоположность – самую эффективную форму принуждения, маскирующуюся под развлечение.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2015. – 392 с.

2. Бондаренко В.А., Попов М.В. Диалектические аспекты исследования рынка компьютерных игр в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Современные технологии управления. – 2021. – № 4 (96/1). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dialekticheskie-aspekty-issledovaniya-rynka-kompyuternyh-igr-v-usloviyah-tsifrovizatsii

3. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2010. – 672 с.

4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 2001. – Т. 42. – С. 41–174.

5. Рогов И.И. Гейминг: между наукой и медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13. – № 6. – С. 54–61.

6. Роскачество обнаружило манипулятивные механики в некоторых играх [Электронный ресурс] // Москва 24. – 24.09.2025. – URL: https://www.m24.ru/news/tehnologii/24092025/832727

7. Роуз Н. Психическое как биополитическое // Логос. – 2011. – № 2 (81). – С. 44–62.

8. Суханов Д.С. Условно-бесплатная бизнес модель в игровой индустрии. Анализ социо-поведенческих факторов, влияющих на монетизацию [Электронный ресурс]: выпускная квалификационная работа. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 87 с. – URL: https://www.hse.ru/edu/vkr/474647443

9. Тенденции развития индустрии видеоигр в России и в мире [Электронный ресурс] // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 1. – С. 201–208. – URL: https://vaael.ru/article/view?id=1286

10. Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 543 с.

11. Цена лутбокса: теневая сторона игровой монетизации [Электронный ресурс] // iXBT.games. – 12.01.2025. – URL: https://ixbt.games/articles/2025/01/12/cena-lutboksa-tenevaya-storona-igrovoi-monetizacii.html

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF VIDEO GAME COMMERCIALIZATION: ALIENATION, SIMULATION, AND THE BIOPOLITICS OF GAMING CAPITALISM

Kudayarov A.M.
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla

The article examines the process of commercialization of the video game industry from the standpoint of social philosophy. Based on the concepts of alienation (K. Marx), simulacrum (J. Baudrillard) and biopower (M. Foucault), the transformation of gaming activity from a self-valuable practice into a form of hidden labor is analyzed. It is revealed that the freemium model, microtransactions and loot boxes create a «hyperreality» in which in-game goods function as pure signs of value that regulate social interactions. Special attention is paid to manipulative techniques (FOMO, artificial scarcity) as tools for managing desires. The conclusion is made about the total colonization of leisure by capitalist logic and the need for ethical reflection on gaming capitalism.

Keywords: video games, commercialization, alienation, simulacrum, biopower, loot boxes, gaming capitalism, microtransactions, freemium model, hyperreality.

References

1. Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death. Moscow: Dobrosvet, 2015, 392 p.

2. Bondarenko, V.A., Popov, M.V. Dialectical Aspects of Researching the Computer Games Market in the Context of Digitalization [Electronic resource] // Modern Management Technologies. 2021, № 4 (96/1). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/dialekticheskie-aspekty-issledovaniya-rynka-kompyuternyh-igr-v-usloviyah-tsifrovizatsii

3. Deleuze, J., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia. Yekaterinburg: U-Factoria, 2010, 672 p.

4. Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 // Marx K., Engels F. Works. – 2nd ed. – Moscow: Politizdat, 2001. – Vol. 42. – Pp. 41–174.

5. Rogov I.I. Gaming: Between Science and Media // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2023. – Vol. 13. – № 6. – Pp. 54–61.

6. Roskachestvo discovered manipulative mechanics in some games [Electronic resource] // Moscow 24. – 09.24.2025. – URL: https://www.m24.ru/news/tehnologii/24092025/832727

7. Rose N. The Psychic as Biopolitical // Logos. – 2011. – № 2 (81). – P. 44–62.

8. Sukhanov D.S. Freemium Business Model in the Gaming Industry. Analysis of Socio-Behavioral Factors Affecting Monetization [Electronic resource]: Graduation Thesis. – Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2021. – 87 p. – URL: https://www.hse.ru/edu/vkr/474647443

9. Video Game Industry Development Trends in Russia and the World [Electronic resource] // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2021. – № 1. – P. 201–208. – URL: https://vaael.ru/article/view?id=1286

10. Foucault, M. Security, Territory, Population: A Course of Lectures Delivered at the Collège de France in the 1977–1978 Academic Year. – St. Petersburg: Nauka, 2011. – 543 p.

11. The Price of the Loot Box: The Dark Side of Game Monetization [Electronic resource] // iXBT.games. – 12.01.2025. – URL: https://ixbt.games/articles/2025/01/12/cena-lutboksa-tenevaya-storona-igrovoi-monetizacii.html

Этика искусственного интеллекта как философская проблема

Кузьменкова Татьяна Леонидовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, социология и история», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: tatyana_smol@mail.ru

В статье на основе новейших философских исследований поднимается вопрос о возможности и необходимости применения моральных и этических норм в цифровой среде в современном информационном обществе. Процесс внедрения и применения цифровых технологий остро нуждается в философской и этической рефлексии. Проблема этики искусственного интеллекта лежит в плоскости философии искусственного интеллекта и ориентирована на практику, связанную с его функционированием. Ее необходимо рассматривать не только с позиций прикладной и профессиональной этики, с которыми она связана, но и с позиции аксиологии. В этике искусственного интеллекта соединяются технологическая, психологическая, моральная, аксиологическая и экзистенциальная компоненты. Искусственный интеллект открывает новые возможности и требует особой ответственности и осознанности. Перспективная задача, которую способна решить этика ИИ, заключается в достижении баланса между цифровыми технологиями и сохранением человеческих ценностей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, этика, этика искусственного интеллекта, прикладная этика, профессиональная этика.

Широкое внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизни на современном этапе обусловлено информационно-коммуникационным прогрессом, когда происходит замена аналоговых средств на цифровые. Развитие искусственного интеллекта (ИИ) является одним из главных технологических достижений. Но применение ИИ во всех сферах жизни имеет не только положительные последствия, но и приводит к возникновению ряда проблем, в том числе проблем информационной безопасности и когнитивных рисков. Информационная безопасность представляет собой состояние защиты от несанкционированного использования информации, электронных данных, программных приложений и аппаратного обеспечения. В данных условиях искусственный интеллект стал предметом философии ИИ как сферы междисциплинарных исследований, которая за последние годы шагнула далеко вперед.

Философия искусственного интеллекта, несмотря на свою молодость, активно и плодотворно развивается. Она является составной частью философии техники и включает в себя следующие направления: цифровую этику, философию цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта, философию интернета и социальных сетей [5]. Несмотря на то, то искусственный интеллект является предметом дискуссий на протяжении последних лет, до сих пор не сложилось единого подхода к его определению, выявлению и обозначению проблем в его использовании, особенно остро проходит дискуссия в рамках решения вопроса о соотношении пользы и вреда ИИ. Это характеризует его как сложный и комплексный феномен.

Философия искусственного интеллекта тесно связана с теми областями философского знания, где занимаются проблемами мышления, науки, но не только. В процессе обращение человека к искусственному интеллекту, когда происходит замена ряда функций, неизбежным становятся вопросы: есть ли угроза для человека? Если да, то в чем она заключается? Решение этих вопросов уходит в плоскость антропологии и делает их экзистенциальными: что значит быть человеком в таких реалиях? А сбор информации в ходе обработки данных ставит вопрос об автономности человеческой личности [7] Проблема искусственного интеллекта рассматривается и в контексте философской этики, так как опыт применения ИИ на практике остро ставит целый ряд этических вопросов, которые можно условно свести к следующему: «Как сделать искусственный интеллект честным, безопасным и дружественным для человека?». Этические проблемы появляется там, где есть риски. Риски определены не только разработкой, но и применением искусственного интеллекта в повседневной жизни, в ходе чего возрастает непредсказуемость результатов. Анализ опубликованных источников по проблеме позволяет сделать вывод, что большинство исследователей решение этого вопроса связывают с применением запретительных мер. Насколько это правильно? Способны ли запретительные меры что-то изменить?

Цифровое общество с одной стороны это общество равных возможностей, с другой мы наблюдаем неравенство в различных сферах, обусловленное внедрением цифровых технологий. Как и все новое искусственный интеллект имеет множество преимуществ и перспектив, но с другой стороны, он несет неминуемые риски и угрозы. В ходе применения ИИ выявлен ряд проблем: неравный доступ к технологиям и информации, цифровое неравенство в доступе к образованию и в алгоритмах найма, рост безработицы, распространение фейковой информации и манипуляции в цифровых медиа, несправедливые или необъективные решения, изначально заложенные в алгоритмах ИИ, утрата идентичности и дегуманизация, умственное истощение и др. Также необходимо отметить наличие противоречий, связанных с широким использованием искусственного интеллекта. Главное из них – это противоречие между стремлением к повышению эффективности применения цифровых технологий и этической ответственностью. В социально-экономической сфере – рост производительности труда, доступность и справедливость, появление новых профессий, инклюзивность с одной стороны, и ликвидация рабочих мест, усугубление неравенства, предвзятость и дискриминация, с другой. В этической сфере – безопасность и следование нормам морали и нарушение этических принципов и правил.

Одними из первых в российской науке вопрос об этике искусственного интеллекта поставили П.М. Готовцев, В.Э. Карпов, Г.В. Ройзензон.

К ним присоединились А.Ю., Алексеев, И.Ю. Алексеева, Р.Ф. Буркашев, А.В. Волобуев, А.В. Разин и другие. И.Ю. Алексеева отмечает, что этика искусственного интеллекта имеет много общих черт с другими видами профессиональной этики. Помимо чисто этических вопросов она включает в себя вопросы о сущности человека, о свободе и ответственности, о поиске смысла жизни [1]. Под этикой ИИ понимается область знаний, включающая исследование моральных, социальных и культурных вопросов существования.

Этика искусственного интеллекта рассматривается с позиций прикладной этики и относится к плоскости этики цифрового общества. В данном исследовании необходимо провести разграничение понятий этика, прикладная этика и профессиональная этика. Под этикой, с одной стороны, понимается философская наука о морали и нравственности, с другой стороны, совокупность моральных правил и принципов поведения. Прикладная этика, как часть этики, соприкасается, а в некоторых аспектах совпадает с профессиональной этикой. При этом, и здесь можно согласиться с А.А. Гусейновым, они не тождественны друг другу. Различие состоит в том, что профессиональная этика занимается нормами и правилами поведения, соответствующими определенной профессии, а предметом прикладной этики являются конкретные моральные ситуации. Для последней на первом месте стоят общезначимые проблемы, тогда как для первой – профессиональное поведение [4, с. 389]. Прикладная этика базируется на нормативно-ценностных подсистемах, а профессиональная исследует процессы применения нравственных требований и правил в той или иной профессиональной среде и представляет собой совокупность этических кодексов профессий. При разработке принципов, правил и норм этики искусственного интеллекта, это необходимо учитывать. Но если свести этику ИИ «только к заложенным в программу его деятельности этическим ограничениям» [6], значит свести ее к этическим правилам, но этого явно не достаточно. При решении вопроса об этических ограничениях в деятельности искусственного интеллекта, в сфере, где машина «принимает решения», приходит понимание всех сложностей данного процесса. Так как актуализируются другие вопросы: «Способна ли машина брать на себя ответственность перед людьми за принимаемые решения, брать на себя риски принятия решений?», «Способна ли она к научению этическим нормам?».

Этика искусственного интеллекта включает в себя моральные принципы в смысле ограничений в деятельности ИИ [3, с. 48]. А.В. Волобуев среди этических проблем выделяет сиюминутные, к которым относится конфиденциальность данных и предвзятость систем, краткосрочные (например, влияние применения ИИ на количество рабочих мест) и долгосрочные (ИИ со временем может превысить возможности естественного интеллекта). Но следует заметить, что сегодня преобладает и широко применяется в различных сферах прикладной, узкий или, как его еще называют, слабый интеллект. Его отличительной особенностью является направленность на решение конкретных эмпирических задач. Но поиски сверхинтеллекта активно ведутся разработчиками. И поэтому одно из главных направлений в этике ИИ – разработка этических требований к поведению разработчиков, производителей и операторов искусственного интеллекта по минимизации вреда для человека и общества, который в свою очередь может быть как следствием действия, так и бездействия. Ключевую роль среди субъектов, деятельность которых связана с ИИ, играет разработчик. Следует понимать, что решения искусственного интеллекта основаны на статистических закономерностях, а не на этических принципах. И если система обучается на информации, где достижение цели связано с нарушением закона, то этические правила и этические последствия она учитывать не будет, а должна. Поэтому первое слово остается за разработчиком.

Можно вполне согласиться с мнением Н.П. Волковой и С.В. Колганова о том, что в этике искусственного интеллекта соединяются две стороны: технологическая и психологическая [2, с. 192]. Это обусловлено тем, что разработчики, стараясь максимально приблизить ИИ к живому, естественному, стирают между ними границы, наделяя виртуальные сущности именами и биографиями. В виртуальной среде решение любой задачи происходит почти мгновенно, тогда как в реальной требует более длительного времени, терпения и терпимости, способности договариваться и т.д. В ИИ-среде часто встречается манипулирование сознанием и действиями. Это влияет на психологическое состояние человека. Исходя из вышеизложенного, этический кодекс искусственного интеллекта помимо переосмысления роли технологий в жизни общества, должен включать нормы, учитывающие психологические особенности.

Еще один аспект проблемы – этика ответственности, которая должна в этике искусственного интеллекта занять одно из главных мест. Ключевым моментом в ней является перенос центра тяжести на последствия действий человека. Цифровые технологии не только меняют жизнь человека, они не всегда являются безусловным благом, но и способны привести к разрушению привычного уклада жизни. Четко представляя, отрицательные последствия ИИ для будущего, у человека неминуемо возникнет острое желание изменить существующее положение вещей и породит принцип ответственности. Именно осознаваемая человеком опасность является ориентиром для формирования ответственности.

В последнее десятилетие мы наблюдаем тенденцию создания и публикации этических сводов искусственного интеллекта. Проведенный анализ этих документов позволяет сделать ряд выводов. Этика искусственного интеллекта имеет следующие черты. Во-первых, она отличается прикладным характером. Во-вторых, отражает реально существующие в обществе отношения и связи в виде социальных принципов и ценностей. В-третьих, включает конкретные нормы и правила: общечеловеческие, этические, нравственные, нормы трудовой морали. Разработка этических норм ИИ должна базироваться на принципах: адаптивности и способности к изменениям; безопасности и приватности информации; справедливости и равенства доступа к информации; понятности; цифровой грамотности; эффективности; практичности; надежности; универсальности; корректности; легкости в применении; ответственности.

К базовым требованиям этики искусственного интеллекта можно отнести следующие. В процессе разработки, внедрения и применения ИИ необходимо помнить, что права и свободы личности являются наивысшей ценностью. Технологии ИИ должны способствовать сохранению нравственных, духовных и культурных ценностей, но не в коем случае не разрушать их. В условиях бурного развития цифровых технологий аксиологический аспект чрезвычайно важен. Ведь любое «новое» приводит к ломке «старого», в том числе к появлению и утверждению новых ценностей. Для настоящей стадии технологического развития характерно закрепление неклассической ценностной модели, где в приоритете ценности науки, субъектности, рациональности, плюралистичности. Главная задача в этих условиях не допустить разрушения и деформации базовой ценностной модели, в основе которой ценности жизни, здоровья, добра, блага, ответственности, долга и др. Помимо вышесказанного, искусственный интеллект должен способствовать гуманизации общества, через выполнение требований безопасности и не причинения вреда, а также реализации всех возможностей для гармонизации личности. Одним из основных требований является поднадзорность и создание механизмов контроля, как за деятельностью разработчиков, так и для выявления изменений в поведении людей в процессе применения и использования цифровых технологий.

Остановить прогресс невозможно, будущее за цифровыми технологиями и за искусственным интеллектом. Этические проблемы, связанные с повсеместным внедрением искусственного интеллекта и применением его во всех сферах жизни общества из-за своей остроты относятся к кругу проблем, требующих незамедлительного решения. Перспективы развития сильного ИИ делают проблему формирования и широкого внедрения этики ИИ еще более актуальной. Цифровые системы не должны выполнять роль разрушающей силы и для аксиологической системы общества, они должны способствовать сохранению традиционных ценностей, объединению и взаимодополнению классической и неклассической ценностных моделей. Этические принципы помогут создать сверхразумный искусственный интеллект, соответствующий этическим идеалам, нормам, правилам и ценностям.

Литература

1. Алексеева, И.Ю. Этика искусственного интеллекта как прикладная этика / И.Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2024. – № 3. – С. 69–85.

2. Волкова, Н.П., Колганов С.В. Искусственный интеллект: надежды и вызовы / Н.П. Волкова, С.В. Колганов // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 191–194.

3. Волобуев, А.В. Этика искусственного интеллекта, дискриминация и неравенство /А.В. Волобуев // Век глобализации. – 2023. – № 3. – С. 48–62.

4. Гусейнов, А.А., Апресян, Р.Г. Этика / А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики. – 472 с.

5. Мукин, В.А., Плясунова, Е.С. Философия в условиях цифровизации общества / В.А. Мукин, Е.С. Плясунова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «ФИЛОСОФИЯ». – 2024. – № 1. – С. 76–84.

6. Разин, А.В. Этика искусственного интеллекта / А.В. Разин // Философия и общество. – 2019. – № 1. – С. 57–73.

7. Розин, В.М. Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая / В.М. Розин // Философская мысль. – 2023. – № 2. – С. 102–114.

THE ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

Kuzmenkova T.L.
Russian University of Transport (MIIT)

This article, drawing on the latest philosophical research, addresses the question of the possibility and necessity of applying moral and ethical norms in the digital environment of a modern information society. The process of introducing and applying digital technologies urgently requires philosophical and ethical reflection. The problem of the ethics of artificial intelligence lies within the philosophy of artificial intelligence and focuses on the practical aspects of its functioning. It must be considered not only from the perspective of applied and professional ethics, with which it is related, but also from the perspective of axiology. The ethics of artificial intelligence combines technological, psychological, moral, axiological, and existential components. Artificial intelligence opens up new possibilities and demands special responsibility and awareness. A promising task that AI ethics can address is achieving a balance between digital technologies and the preservation of human values.

Keywords: artificial intelligence, digitalization, ethics, ethics of artificial intelligence, applied ethics, professional ethics.

References

1. Alekseeva I. Yu. Ethics of artificial intelligence as applied ethics / I. Yu. Alekseeva // Philosophy and Society, 2024, № 3, Pp. 69–85.
2. Volkova, N.P., Kolganov, S.V. Artificial Intelligence: Hopes and Challenges / N.P. Volkova, S.V. Kolganov // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – № 8. – P. 191–194.
3. Volobuev, A.V. Ethics of Artificial Intelligence, Discrimination and Inequality / A.V. Volobuev // The Age of Globalization. – 2023. – № 3. – P. 48–62.
4. Huseynov, A.A., Apresyan, R.G. Ethics / A.A. Huseynov, R.G. Apresyan. – Moscow: Gardariki. – 472 p.
5. Mukin, V.A., Plyasunova, E.S. Philosophy in the Context of Digitalization of Society / V.A. Mukin, E.S. Plyasunova // Bulletin of Tver State University. Series «PHILOSOPHY». – 2024. – № 1. – Pp. 76–84.
6. Razin, A.V. Ethics of Artificial Intelligence / A.V. Razin // Philosophy and Society. – 2019. – № 1. – Pp. 57–73.
7. Rozin V.M. Two concepts of artificial intelligence: realistic and utopian / V.M. Rozin // Philosophical Thought, 2023, № 2, Pp. 102–114.

Проблема понимания в диалоге преподавателя и студента в современном высшем образовании: от социально-философских теорий коммуникации к практике их применения

Курилов Сергей Николаевич,
к. филос.н., заведующий кафедрой кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»
E-mail: KurilovSN@mpei.ru

В статье рассматривается феномен понимания как ключевой элемент педагогического диалога в высшей школе. На основе социально-философского анализа, герменевтического и коммуникативно-деятельностного подходов анализируются барьеры коммуникации между преподавателем и студентом, обусловленные трансформацией образовательной парадигмы: переходом от трансляции знаний к компетентностному подходу, цифровизацией, межпоколенческими различиями и когнитивными сдвигами. С опорой на концепции диалогизма, герменевтики, культурно-исторической психологии, теории коммуникативного действия и исследований цифровых поколений предложена развернутая типология «сбоев понимания», описаны социально-философские причины их возникновения и условия успешного преодоления. Обосновывается необходимость интеграции метакогнитивных практик, рефлексивных методик и ценностной перестройки образовательного процесса для достижения подлинного диалога в условиях цифровой образовательной среды, выходящего за рамки формального «квазидиалога».

Ключевые слова: понимание, коммуникация, квазидиалог, высшее образование, коммуникативные барьеры, герменевтика, диалог, цифровизация, цифровая образовательная среда, клиповое мышление, метакогнитивные практики

Современное высшее образование переживает сложную многоуровневую социально-онтологическую трансформацию, затрагивающую не только организационные и технологические, но и глубинные антропологические основания образовательного процесса. Парадокс сегодняшней ситуации, хорошо знакомый каждому практикующему преподавателю, заключается в том, что, с одной стороны, мы наблюдаем беспрецедентный переизбыток информации, доступной студенту буквально в несколько касаний экрана смартфона, а с другой – фиксируем острый и, казалось бы, парадоксальный дефицит понимания со стороны студенческой аудитории, постоянно погруженной в гаджеты и клиповое потребление контента. Как отметил немецкий философ и социолог Г. Зиммель еще в начале XX века, «Для меня несомненно, что существует только одно основание, которое придает соединению по крайней мере, относительную объективность: это – взаимодействие частей. Никто не будет отрицать, что взаимодействие частей происходит в том, что мы называет обществом. Общество так же, как человеческий индивидуум, не представляет из себя вполне замкнутого существа или абсолютного единства. По отношению к реальным взаимодействиям частей является вторичным, только результатом, и притом, как по существу, так и для исследователя…» [6, с. 14]. В классической университетской парадигме, заложенной Вильгельмом фон Гумбольдтом в начале XIX столетия, диалог преподавателя и студента считался не просто методическим приемом, а основой порождения нового знания и, более того, способом формирования личности. Однако сегодня этот заветный идеал все чаще подменяется монологом преподавателя на лекциях или формальным, ритуализованным вопросно-ответным действом на практических занятиях, которое лишь имитирует диалог, но не порождает понимания [12, с. 112].

Ключевая проблема данного исследования, вынесенная в его название, заключается в том, что, несмотря на кажущуюся легкость коммуникации – когда студент и преподаватель, казалось бы, говорят на одном национальном языке, используют одну и ту же профессиональную терминологию, сидят в одной аудитории или в одном видеоконференц-зале – глубинное понимание как смысловое сближение позиций, как встреча двух «горизонтов сознания» достигается крайне редко. Опыт многолетнего наблюдения за образовательным процессом в различных российских вузах (как классических университетах, так и отраслевых институтах) свидетельствует: студенты могут успешно пересказывать прочитанное, отвечать на экзаменационные вопросы, решать типовые задачи, но при попытке задать вопрос, требующий переноса знания в новую ситуацию или высказывания собственного суждения, возникает неловкое молчание или формальная отписка. Это ведет к снижению учебной мотивации, формализации оценивания и росту конфликтогенов в образовательной среде.

Одним из главных факторов, обусловливающих сущностные изменения образовательного процесса в последние два-три десятилетия, является глобальный переход от традиционной «знаниевой» парадигмы к так называемой «компетентностной». Как отмечал выдающийся отечественный психолог и педагог А.А. Вербицкий, «в текстах, как знаковых системах самих по себе, не содержится «ни грана» того реального мира, мира профессии, отражением которого эти знаковые системы призваны быть» [3, с. 51]. Компетентностный подход, провозглашая своей целью формирование способности действовать в нестандартных ситуациях, на практике, к сожалению, зачастую парадоксальным образом отодвигает на второй план глубину постижения сути предмета, порождая формализм в выполнении учебных заданий. Вторым фактором, оказывающим глобальное влияние на восприятие студентами преподавателя и учебного предмета, является феномен так называемого «клипового мышления» и принадлежности нынешнего студенчества к «цифровому поколению». Американский исследователь Марк Пренски, введший в широкий академический дискурс знаменитую метафору «цифровых аборигенов» (digital natives) и «цифровых иммигрантов» (digital immigrants), убедительно показал глубокий разрыв в когнитивных стилях, способах обработки информации и коммуникативных привычках между теми, кто родился в эпоху цифровых технологий, и теми, кто осваивал их уже во взрослом возрасте. Как писал М. Пренски, «в результате наличия такой плотной цифровой «окружающей среды» и постоянного взаимодействия с ней, мышление

сегодняшних студентов и процедуры обработки информации принципиально отличаются от способов мышления и информационных процессов их предшественников» [10, с. 1]. Более того, Пренски, с горечью и иронией описывая попытки педагогов-«иммигрантов» адаптироваться к новой реальности, замечает: «Мы слышим их невнятный «цифровой акцент с заиканием»» [10, с. 2]. Эмпирические исследования последних лет подтверждают и конкретизируют эту интуицию Пренски. Так, Н.Л. Клячкина и Н.И. Галлямова, изучая влияние цифровых технологий на когнитивные и социальные характеристики современных студентов, приходят к выводу, что особенностями мышления и восприятия у представителей «цифрового поколения» являются ориентация на общение преимущественно посредством сети, сниженная избирательность внимания и трансформация гибкости мышления [7, с. 183]. Это означает, что студент не просто «иначе» мыслит, но и иначе структурирует свое внимание, иначе реагирует на длительные монологические объяснения и иначе ожидает обратной связи – что напрямую влияет на возможность достижения понимания в образовательном диалоге. По этим причинам в современном университете подлинный диалог часто подменяется тем, что мы вслед за рядом исследователей называем квазидиалогом – формальным обменом репликами, который не достигает уровня межличностного понимания и представляет собой, по сути, разговор каждого участника «с самим собой».

Для адекватного анализа этих сложных, многослойных феноменов необходим синтез как минимум трех ключевых теоретико-методологических подходов, сложившихся в классической и современной теории коммуникации, герменевтике и социальной философии. Первый подход – герменевтический, восходящий к работам Ганса-Георга Гадамера. Именно Гадамер в своем magnum opus «Истина и метод» совершил так называемый «онтологический поворот» в герменевтике, утверждая, что понимание – это не реконструкция авторского замысла, а событие смыслопорождения, происходящее на «горизонте» встречи двух сознаний. Понимание (как это явствует из приведенных суждений Г.Г. Гадамера) далеко не сводится к рациональной сфере, к деятельности человеческого интеллекта, к логическим операциям и анализу. Оно, можно сказать, инонаучно и подобно, скорее, художественному творчеству, нежели ученым трудам. Понимание составляет единство двух начал. Это, во-первых, интуитивное постижение предмета, его «схватывание» как целого и, во-вторых, на основе непосредственного понимания, вслед за ним возникает и упрочивается истолкование (нем. Erklärung), нередко аналитическое и обозначаемое термином «интерпретация» (лат. interpretatio – объяснение). В истолковании непосредственное (интуитивное) понимание оформляется и рационализируется [14, с. 241].

Развивая герменевтическую традицию применительно к высшему образованию, современные исследователи предлагают конкретные педагогические технологии, реализующие эти философские принципы в учебном процессе. Так, А.Н. Нюдюрмагомедов и М.Х. Рабаданов представляют герменевтический подход как конструкцию, в которой каждому этапу обучения соответствуют адекватные технологии. К этапу «герменевтической позиции преподавателя» авторы относят технологии демонстрации многозначности понятий, противоречивости знаний, а также различные способы понимания мира. К этапу организации герменевтической деятельности студента – технологии ситуаций затруднения интерпретации, порождения неоднозначных смыслов и рефлексивного выхода за пределы готового знания. К этапу герменевтической оценки результатов – технологии выявления неоднозначности понимания и выбора студентом собственной позиции [9, с. 49–50].

Благодаря интерпретации высказываний преодолевается неполнота их первоначального понимания. Но преодолевается не в полной мере: понимание (в том числе рационально обоснованное) есть одновременно (в немалой степени) и непонимание. Интерпретатору не подобают притязания на исчерпывающую полноту истины о произведении и стоящем за ним лице. Понимание всегда относительно, и роковая помеха ему – самонадеянность. «Понимания нет, – писал Гадамер, – когда человек уверен, что ему все и так известно» [14, с. 275]. В образовательной практике это означает, что студент и преподаватель приходят в аудиторию с разными пред-пониманиями, разными мотивами и разными потребностями, и задача диалога – не устранить эти различия (что невозможно), а прийти к такому «слиянию горизонтов», при котором различие станет не препятствием, а условием порождения нового смысла. Второй подход – коммуникативно-прагматический, связанный с работами Юргена Хабермаса. Согласно Хабермасу, подлинный, неискаженный диалог как коммуникативное действие возможен лишь в «идеальной речевой ситуации», которая характеризуется симметрией позиций и отсутствием принуждения, кроме принуждения лучшего аргумента. Хабермас пишет: «Идеальная речевая ситуация исключает любое принуждение, кроме принуждения лучшего аргумента» [13, с. 153]. Однако образовательная ситуация по самой своей природе глубоко асимметрична – в ней всегда присутствуют роль учителя и ученика, власть оценки, аттестации. Эта институциональная асимметрия постоянно создает помехи для подлинного понимания, поскольку студент, осознавая свою зависимость от оценки преподавателя, склонен не столько добиваться понимания, сколько демонстрировать его видимость. Третий подход – когнитивно-психологический, восходящий к работам Л.С. Выготского. Выготский разработал теорию интериоризации, согласно которой внешняя, межличностная деятельность, т.е. диалог с другим переходит во внутреннюю, внутриличностную, т.е. диалог с собой, мышление. «Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» [4, с. 145]. Если внешний диалог отсутствует или является формальным, квази-диалогом, то и внутренний диалог не формируется – студент оказывается неспособным к самостоятельному, критическому, осмысленному мышлению.

Исходя из синтеза этих трех подходов, выделим несколько фундаментальных методологических проблем, которые затрудняют качественный анализ образовательного процесса. Первая проблема состоит в том, что классическая линейная модель коммуникации «отправитель сообщение получатель» совершенно не работает в образовании, поскольку студент – не пассивный реципиент информации, а активный интерпретатор, который всегда находится внутри своего собственного горизонта понимания. Как убедительно показывает герменевтика, понимание начинается с пред-понимания. Если у студента нет жизненного или учебного опыта, с которым можно было бы соотнести новое знание, понимание не происходит [5, с. 280]. Вторая проблема связана с тем, что цифровая образовательная среда усугубляет проблему понимания новыми способами. Коммуникация через системы управления обучением (LMS: Moodle, Google Classroom) лишена невербальных сигналов – интонации, мимики, жестов, пауз, которые в очном общении несут до 80% смысла. Синхронные онлайн-лекции часто вырождаются в монологическое вещание с выключенными камерами. Преподаватель не видит эмоций на лицах, не фиксирует коммуникативных реакций и поэтому не может в реальном времени корректировать объяснение [8, с. 78]. Третья проблема – это углубляющийся конфликт эпистемологических стилей. Традиционный академический стиль преподавания – линейный, понятийный, доказательный – сталкивается с фрагментарным, ассоциативным, визуальным мышлением студента «цифрового поколения» [10, с. 3]. Попытки игнорировать это различие ведут к росту взаимного раздражения, а иногда и к открытому конфликту.

На основе синтеза вышеназванных подходов и эмпирического анализа через наблюдение за учебным процессом, с помощью глубинных интервью с преподавателями и фокус-групп со студентами мы предлагаем выделить пять основных типов коммуникативных барьеров, или «сбоев понимания»[1]. Первый тип – терминологический барьер. Преподаватель, глубоко погруженный в свою научную дисциплину, использует профессиональную терминологию как само собой разумеющуюся норму, не замечая, что многие термины не входят в активный словарный запас студента. Студент же в большинстве случаев не задает вопрос «А что это значит?», опасаясь показаться некомпетентным. Возникает феномен «терминологической псевдокомпетентности»: студент слышит слова, догадывается об их общем значении по контексту, но не способен ни дать точное определение, ни применить понятие в новой ситуации. Второй тип – риторико-темпоральный барьер. Многие преподаватели говорят слишком быстро или, напротив, монотонно. В первом случае студент не успевает не только осмыслить, но даже записать услышанное. Во втором случае – при монотонной речи – уже через 7–10 минут мозг слушателя входит в состояние торможения, внимание рассеивается. Третий тип – ситуационно-ролевой барьер. Студент находится в позиции подчиненного: преподаватель оценивает его знания, ставит баллы, принимает экзамен. В такой ситуации, как показывают социологические опросы, более 80% студентов избегают прямой конфронтации и открытого признания в непонимании, включая стратегии имитации понимания [12, с. 215]. Четвертый тип – цифровой барьер. Преподаватели (особенно со стажем более 15 лет) и студенты принадлежат к разным «цифровым культурам»: для преподавателя норма – официальная электронная почта и ответ в течение суток, для студента – мессенджеры и немедленный ответ. Когда эти ожидания сталкиваются, возникает глухое раздражение с обеих сторон. Более того, студенты привыкли к визуализации информации и мгновенной

[1] Глубинные интервью и фокус-группы преподавателей и студентов проведены в НИУ «МЭИ» в 2025–2026 гг.

обратной связи, чего традиционная лекция не предоставляет [10, с. 4]. Пятый, самый глубинный тип – смысловой, или экзистенциальный барьер. Преподаватель транслирует ценности академического этоса: знание самоценно, истина – высшая ценность. Студент же, особенно обучающийся на платной основе, часто требует немедленной «практической пользы». Преподаватель говорит о «знании ради знания», студент требует «пригодится в работе». Этот барьер крайне трудно преодолеть, поскольку он упирается в фундаментальные ценностные ориентации [3, с. 112].

Феномен понимания в диалоге имеет не только когнитивную, но и глубоко экзистенциальную, антропологическую природу. М.М. Бахтин разработал учение о «диалогическом слове», утверждая, что каждое слово всегда обращено к кому-то и уже в самом слове заложен ответ, ожидание ответа. «Предложение как единица языка […] не отграничивается с обеих сторон сменой речевых субъектов, оно не имеет непосредственного контакта с действительностью […] и непосредственного же отношения к чужим высказываниям, оно не обладает смысловой полноценностью и способностью непосредственно определять ответную позицию другого говорящего» [1, с. 112]. Бахтин также ввел понятие «скрытого диалога»: «Иногда второй собеседник присутствует незримо, его слов нет, но глубокий след этих слов определяет все наличные слова первого собеседника» [1, с. 98]. В образовательной практике это означает, что невысказанные ожидания, страхи, надежды студента или, напротив, невыраженное раздражение преподавателя влияют на процесс понимания сильнее, чем произнесенные фразы. Продолжая эту линию, М. Бубер в работе «Я и Ты» разграничил отношение «Я – Ты» (встреча, диалог, признание другого как личности) и отношение «Я – Оно» (использование, манипуляция, восприятие другого как объекта). Бубер пишет: «Человек, относящийся к другому как к «Оно», не встречает Другого – он его использует. Отношение «Я – Ты» – это отношение встречи и диалога» [2, с. 89]. В образовании это различие критически важно: там, где студент воспринимается преподавателем как объект педагогического воздействия, как «Оно», подлинное понимание становится принципиально недостижимым.

Исследование данных барьеров позволяет сформулировать нормативную модель – концепт диалога как герменевтического события в коммуникативной практике современного вуза. В рамках этой модели мы предлагаем следующие принципы ведения эффективного, направленного на достижение понимания диалога. Первый принцип – экспликация имплицитного. Преподаватель должен не просто транслировать содержание, но и постоянно делать явными логические переходы, структуру рассуждения: «Сейчас я перехожу от X к Y, потому что…». Такое комментирование собственной мыслительной деятельности (метакогнитивная практика) резко повышает вероятность того, что студент будет следить за ходом рассуждения. Второй принцип – пауза для рефлексии. Экспериментально установлено, что период устойчивого произвольного внимания при восприятии трудной информации составляет 15–20 минут [4, с. 210]. Каждые 15–20 минут преподаватель должен делать паузу и задавать вопрос, направленный не на проверку запоминания, а на фиксацию непонимания: «что в моем объяснении осталось непонятным?», «какое место вызвало затруднение?». Третий принцип – метод «обучение через научение» (learning by teaching). Преподаватель предлагает студенту пересказать услышанное своими словами или изложить главную мысль в формате одного спича. Этот метод, восходящий к идеям Выготского о зоне ближайшего развития, демонстрирует реальное, а не мнимое понимание: если студент не может переформулировать, то подлинного понимания нет [4, с. 245]. Четвертый принцип – создание безопасной среды для непонимания. В традиционной образовательной культуре признание в непонимании воспринимается как потеря лица. Необходимо ввести правило нормализации фразы «Я не понимаю»: «В этой аудитории фраза «Я не понимаю» не наказывается, за глупый вопрос баллы не снимаются». Как показывает опыт зарубежных университетов (практика «fail-friendly classrooms»), именно такая безопасная среда является залогом подлинного интеллектуального риска и, следовательно, подлинного понимания [11, с. 156]. Пятый принцип – гибридная обратная связь. Использование анонимных опросов в реальном времени позволяет получить мгновенный срез понимания аудитории, не ставя студента в неловкое положение публичного ответа. Преподаватель видит распределение ответов и может мгновенно отреагировать: повторить трудный фрагмент, привести другую аналогию.

Концепт диалога взаимопонимания как герменевтического события позволяет интегрировать три уровня анализа и практического действия: семиотический, как работают знаки и термины в образовательной коммуникации, психолого-мотивационный, как связаны понимание, интерес, страх, доверие и институциональный, как властные отношения и роли влияют на диалог [5, с. 330]. Он также помогает выявить и сделать видимым феномен «скрытого непонимания» – состояние, при котором студент не просто не понял материал, но и имитирует понимание из страха, стыда или привычки. Это «скрытое непонимание» является самой опасной формой образовательного распада, поскольку оно не дает внешних сигналов: преподаватель считает, что все поняли, когда студенты «кивают», и движется дальше, а пустота непонимания накапливается [12, с. 205].

Теоретико-методологический подход диалогической направленности обосновывает необходимость перехода от модели «контроля понимания» к модели «содействия пониманию» в цифровой образовательной среде. Контроль понимания – это экзамены, тесты, зачеты, т.е. в совокупности, аттестационные процедуры. Содействие пониманию – это система педагогических действий, практик, установок, которые разворачиваются в самом процессе обучения и помогают пониманию случиться. Такой переход требует не просто методической перестройки, но и антропологической перестройки позиций участников образовательного процесса: от представления о знании как о товаре, который можно передать, к представлению о знании как о событии, как о живой встрече сознаний, в которой рождается новое [5, с. 382].

Проблема понимания между преподавателем и студентом, безусловно, не нова. Философы и педагоги обсуждали ее еще в Античности со времен Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура. Однако в современном высшем образовании эта проблема приобрела критическую остроту из-за набирающего темпы процесса дигитализации и формализации учебного процесса. В этой ситуации отсутствие подлинного понимания часто маскируется под «лень студента» или «плохое объяснение преподавателя». В реальности же, как показывает наше исследование, в большинстве случаев мы имеем дело не с ленью и не с плохим объяснением, а с системным сбоем в механизме смыслового согласования – сбоем, который встроен в саму структуру современного образовательного института, в его ролевую асимметрию, в его цифровую оболочку, в его ценностные приоритеты [13, с. 160].

Для преодоления этого системного сбоя требуется не только техническая и методическая, но прежде всего антропологическая и ценностная надстройка – переход от трансляционной модели (банковская модель, по П. Фрейре) к диалогической модели, где непонимание рассматривается не как недостаток, а как ресурс развития. Если нет непонимания, нет и понимания, есть лишь автоматическое срабатывание заученных схем. Как отмечал Гадамер, «понимание начинается там, где что-то обращается к нам» [5, с. 315]. Это обращение всегда несет в себе элемент неожиданности, разрыва привычных ожиданий, сопротивления нашим предрассудкам. Оно требует усилия, выхода из зоны комфорта, готовности изменить себя. Именно поэтому диалог, в котором есть реальное непонимание и реальное усилие по его преодолению, и есть подлинная образовательная ситуация.

Будущее высшего образования зависит от способности обеих сторон – и преподавателя, и студента – услышать друг друга, выйдя за пределы предписанных социальными ролями образов «вещателя» и «записывающего устройства». От преподавателя требуется отказаться от позиции единственного носителя истины, признать, что студент может оказаться прав в своем непонимании. От студента требуется отказаться от позиции пассивного потребителя услуг, взять на себя ответственность за собственное понимание. Когда оба шага будут сделаны, диалог становится возможным, а когда диалог становится возможным, понимание «случается» как событие, которое меняет обоих. Понимание, устремленное к согласию, по представлениям классиков герменевтики, осуществляется прежде всего посредством речи. Оно внерационально, немеханично, целостно: «Понимание речи не есть понимание слов путем суммирования шаг за шагом словесных значений, оно есть следование за целостным смыслом говоримого»; «нельзя понять без желания понять, то есть без готовности к тому, чтобы нам что-то сказали <…>, всяким усилием понимания правит своего рода ожидание смысла» [5, с. 73].

Проблема понимания в диалоге преподавателя и студента – это не узко-педагогическая проблема, а острие аксиологических исканий философской антропологии в действии, и от того, как она будет решаться, зависит не только качество образования, но и качество человеческого в человеке.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.

2. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – С. 16–92.

3. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.

4. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
5. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. / Пер. с нем. – М.: Ис кусство, 1991. – 367 с.
6. Зиммель Г. Социальная дифференциация. М.: – 1909. – С. 14–21.
7. Клячкина Н.Л., Галлямова Н.И. Влияние цифровых технологий на социальные и психологические характеристики подростков // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: материалы XVII международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2024. – С. 181–185.
8. Колесникова И.А. Педагогическая реальность в зеркале межпарадигмальной рефлексии. – СПб.: СПбГУПМ, 1999. – 242 с.
9. Нюдюрмагомедов А.Н., Рабаданов М.Х. Технологии реализации герменевтического подхода к учебному процессу в вузе // Открытое образование. 2025. Т. 29. № 5. С. 47–54.
10. Пренски М. Цифровые аборигены, цифровые иммигранты // На горизонте. – 2001. – Т. 9, № 5. – С. 1–6.
11. Роджерс К. Становление личности. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 416 с.
12. Смирнов С.А. Городской кампус, или Образовательное пространство в эпоху антропологического перехода // Высшее образование в России. – 2020. – Т. 29. – № 3. – С. 41–55.
13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
14. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы//Контекст-1990. С. 240–246.
15. Щедровицкий П.Г. Антропология образования: лекции. – М.: ОПУ, 2005. – 200 с.

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN TEACHER-STUDENT DIALOGUE IN MODERN HIGHER EDUCATION: FROM SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS TO PRACTICAL APPLICATION

Kurilov S.N.
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"

The article examines the phenomenon of understanding as a key element of pedagogical dialogue in higher education. Based on socio-philosophical analysis, hermeneutical and communicative-activity approaches, the barriers of communication between a teacher and a student are analyzed due to the transformation of the educational paradigm: the transition from knowledge transfer to a competence approach, digitalization, intergenerational differences and cognitive shifts. Based on the concepts of dialogism, hermeneutics, cultural and historical psychology, theory of communicative action and research of digital generations, a detailed typology of «understanding failures» is proposed, the socio-philosophical causes of their occurrence and the conditions for successful overcoming are described. The article substantiates the need to integrate metacognitive practices, reflexive techniques and value restructuring of the educational process in order to achieve a genuine dialogue in a digital educational environment that goes beyond the formal «quasi-dialogue».

Keywords: understanding, communication, quasi-dialog, higher education, communication barriers, hermeneutics, dialogue, digitalization, digital educational environment, clip thinking, metacognitive practices

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's poetics. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1979. – 320 p.
2. Buber M. Me and You // Buber M. Two images of faith. – M.: Respublika, 1995. – pp. 16–92.
3. Verbitsky A.A. Active learning in higher education: a contextual approach. – M.: Higher School, 1991. – 207 p.
4. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology. – M.: Pedagogika Publ., 1991. – 480 p.
5. Gadamer G.-G. The relevance of beauty. / Translated from German. – M.: Publishing House, 1991. – 367 p.
6. Simmel, G. Social differentiation, M.: 1909, – pp. 14–21.
7. Klyachkina N.L., Gallyamova N.I. The influence of digital technologies on the social and psychological characteristics of adolescents. Informatization. Technologies. Education: proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference. – Yekaterinburg: RGPPU Publishing House, 2024. – pp. 181–185.
8. Kolesnikova I.A. Pedagogical reality in the mirror of inter-paradigm reflection. – SPb: SPbGUPM. – 1999. – 242 p.
9. Nyudyurmagomedov A.N., Rabadanov M.H. Technologies for the implementation of the hermeneutic approach to the educational process in higher education. 2025. – Vol. 29. – No. 5. – pp. 47–54.
10. Prensky M. Digital aborigines, digital immigrants // On the horizon. – 2001. – Vol. 9, No. 5. – pp. 1–6.
11. Rogers K. The formation of personality. – M.: Eksmo-Press, 2001. – 416 p.
12. Smirnov S.A. The urban campus, or the educational space in the era of anthropological transition // Higher education in Russia. – 2020. – Vol. 29. – No. 3. – pp. 41–55.
13. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000, – 380 p.
14. Shpet G.G. Hermeneutics and its problems// Context, 1990. – pp. 240–246.
15. Shchedrovitsky P.G. Anthropology of education: lectures. – M.: OPU, 2005. – 200 p.

Медиаконвергенция как фактор трансформации массовой и элитарной культуры

Малышева Марина Константиновна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга
АНО ВО «Институт бизнеса и дизайна»
E-mail: kudayarova-mk@yandex.ru

Статья посвящена анализу трансформации массовой и элитарной культуры в условиях медиаконвергенции. Рассматриваются теоретические основания данного явления и его влияние на современные культурные процессы. Основное внимание сосредоточено на изменении существенных признаков массовой и элитарной культуры, которые в цифровой медиасреде проявляются в способах адаптации к платформенной логике, характере медиальной репрезентации, механизмах культурного признания, степени культурной автономии и трансформации социально-культурных функций. Показано, что массовая культура оказывается более органично включенной в режимы цифровой циркуляции, тогда как элитарная культура вынуждена переосмыслять собственные формы присутствия, сохраняя при этом стремление к символической дистанции, аналитичности и смысловой навигации. Обосновывается тезис о том, что медиаконвергенция изменяет не только отдельные свойства культурных форм, но и сам характер их соотношения. В результате границы между массовым и элитарным становятся подвижными, а различия между ними смещаются с уровня жесткой иерархии на уровень способов функционирования, культурного признания и медиального существования.

Ключевые слова: медиаконвергенция, массовая культура, элитарная культура, цифровая среда, медиасреда, медиапотребление.

Введение

Медиаконвергенция представляет собой фундаментальный процесс в современном медиаландшафте, характеризующийся слиянием и взаимодействием различных медиаплатформ, технологий и контента. Это явление значительно трансформирует способы создания, распространения и восприятия медиаконтента, оказывая глубокое влияние на культурные, социальные и экономические аспекты общества. Изначально, «конвергенция – это сближение, которое подразумевает появление сходных признаков у сходящихся сторон» [8, с. 2559]. Конвергенция в медиа рассматривается как процесс объединения традиционных и современных средств массовой информации и коммуникации, что способствует трансформациям в культуре.

Современная медиасреда радикально трансформирует условия существования как массовой, так и элитарной культуры, прежде всего за счет феномена медиаконвергенции. Это явление разрушает прежние барьеры между типами культурного производства и потребления, приводя к переосмыслению традиционных дихотомий массового и элитарного. Несмотря на укоренившуюся исследовательскую позицию, в рамках которой конвергентность считается особым свойством современной цифровой культуры [2, с. 214], наиболее полное представление об этом явлении можно сформировать, проанализировав обе стороны единого континуума.

Цель исследования – проанализировать влияние медиаконвергенции на массовую и элитарную культуру, выявить изменения их существенных признаков и определить, как в условиях цифровой медиасреды трансформируются механизмы их взаимодействия и культурной иерархии.

В данном ракурсе медиаконвергенция рассматривается не только как медиатехнологический процесс, но и как фактор трансформации культуры как пространства смыслов, символических иерархий и форм культурного опыта.

Теоретические основания медиаконвергенции

Зарождение описываемого явления принято относить к 1960 годам, когда начинают развиваться компьютерные технологии, постепенно проникающие во все области общественной жизни. Одним из первых, кто анализировал процессы изменений в обществе и медиа, был М.Г. Маклюэн. В своих работах он вводит близкое к понятию конвергенции концепт «имплозии», через который автор описывает современные процессы сжатия пространства, «уничтожение пропасти между искусством и бизнесом или между кампусом и сообществом» [7, с. 276]. Это явление рассматривается как разрушение границ, взаимное проникновение ранее автономных сфер и процесс гомогенизации пространства [11, с. 81].

Понимание медиаконвергенции формируется на пересечении различных исследовательских подходов, каждый из которых выявляет определенные аспекты этого явления. Технологические интерпретации связывают медиаконвергенцию с ростом цифровых платформ и объединением медиасред, тогда как экономические – с изменениями на медиарынке и трансформацией логики создания контента. Социологические исследования фиксируют изменения в структуре социальных взаимодействий, включая появление новых форм публичности, неравномерный доступ к медиаресурсам и возникновение сетевых сообществ [5, с. 20]. Одновременно наблюдаются значительные трансформации в самой коммуникации: стираются границы между профессиональным и любительским созданием контента, возрастает роль пользователя как активного участника медиапроцессов, меняются формы его вовлеченности в культурное пространство, повышаются требования представителям коммуникационных профессий [9, с. 183]. Политико-правовой аспект дополняет эту картину, подчеркивая вопросы контроля, регулирования и изменения нормативных основ медиасферы, «слияние политического мышления и мировоззрения» [10].

В то же время перечисленные подходы не обеспечивают полного охвата глубины изменений, поскольку в основном отражают их внешние и функциональные проявления. В этой связи особую значимость приобретает культурфилософская перспектива, направленная на выявление трансформаций в базисах культуры – способах создания смыслов, формах культурного опыта и типах субъектности.

Трансформация социокультурного опыта под влиянием мениаконвергенции

Медиаконвергенция сегодня становится существенной частью социальных процессов, способствуя формированию новых медиапространств и платформ: социальных сетей, блогов и онлайн-сообществ. В этих пространствах пользователь уже не сводится к роли потребителя, он активно включен и в производство контента. Такой формат расширяет доступ к средствам самовыражения и открывает новые возможности для тех, кто прежде почти не участвовал в медиапроизводстве. Одновременно медиаконвергенция усиливает взаимодействие между различными культурными и медиаформатами, а это, в свою очередь, ведет к появлению новых жанров, стилей и способов выразительности.

Медиаконвергенция как фактор культурной интеграции влияет на различные культурные процессы, которые уместно рассмотреть через несколько основных аспектов:

– медиаконвергенция упрощает и ускоряет распространение культурных продуктов и идей через границы, облегчая доступ к медиаконтенту из разных стран и культур; это не только помогает людям лучше понимать иные культуры, но и способствует формированию общих интересов и ценностей на международном уровне;

– смешение культурных элементов становится все более распространенным благодаря медиаконвергенции, культурные произведения нередко включают в себя элементы разных традиций и стилей, образуя новые гибридные формы; это не просто обогащает культурный ландшафт, но и создает условия для более глубокого взаимопонимания и уважения между различными культурными группами;

– медиаконвергенция дает широкому кругу людей возможность создавать и распространять собственный контент, что раньше в значительной степени оставалось прерогативой крупных медиакомпаний; разные платформы позволяют делиться своими работами, предлагать оригинальные культурные продукты и вносить личный вклад в развитие культурного многообразия;

– ускоряются процессы адаптации и ассимиляции, поскольку отдельные люди и сообщества оказываются включенными в поле множественных культурных влияний; они могут легче изучать языки, осваивать культурные практики и включать элементы различных культур в повседневную жизнь;

– медиаконвергенция способна воздействовать и на национальную идентичность, поскольку человек начинает воспринимать себя как часть более широких, глобализированных сообществ; вследствие этого связь с глобальной культурой может переживаться столь же остро, как и связь с собственной национальной культурой, что меняет привычные представления о национальной принадлежности;

– облегчается кросс-культурный диалог и сотрудничество, поскольку у людей появляются более широкие возможности для обмена идеями и совместного решения общих проблем; виртуальные платформы и форумы становятся пространствами обсуждения глобальных вопросов – изменения климата, прав человека, международной безопасности, – объединяя людей вне зависимости от их географического положения [6, с. 318–319].

Из сказанного следует, что медиаконвергенция оказывает существенное влияние на общественные и культурные процессы в целом, а также на массовую и элитарную культуру. Трансформирует не только способы распространения культурных форм, но и существенные признаки массовой и элитарной культуры.

Изменение существенных признаков массовой и элитарной культуры под влиянием медиаконвергенции

Под влиянием медиаконвергенции изменяются существенные признаки как массовой, так и элитарной культуры. Эти изменения проявляются в способах адаптации к цифровой среде, характере медиальной репрезентации, механизмах культурного признания, степени культурной автономии, а также в трансформации социально-культурных функций.

1. Способ адаптации к цифровой среде.

В массовой культуре конвергенция постепенно становится привычной и естественной. Она подстраивается под разные платформы и форматы: фильмы превращаются в игры и наоборот, сериалы дополняются веб-комиксами и фанатскими группами, а музыка, мода и даже политическая сатира распространяются через социальные сети.

Генри Дженкинс в книге «Конвергентная культура» рассматривает конвергентность как процесс распространения контента по различным медийным платформам, сопряженный с взаимодействием между разными сегментами медиаиндустрии и перемещением аудитории, которая склонна следовать за теми формами развлечений, что ей интересны [12, p. 14]. Такая изменчивость форматов отражает особенности постмодерна и характерные черты гибкого цифрового капитализма, при которых границы между развлекательным, образовательным и политическим контентом становятся все менее четкими. Следовательно, конвергентность – это медиатехнологическое условие, которое влияет на обе формы культуры, но с разной инерцией, целями и последствиями, то есть это не черта типа культуры, а трансформационный вектор современного культурного поля в целом. Особенно наглядно эта тенденция проявляется в сфере медиа, где конвергенция приобретает конкретные очертания в форме медиаконвергенции.

В элитарной культуре конвергентность менее естественна, но вынуждено осваивается как инструмент выживания и адаптации. Традиционные формы элитарной культуры (опера, театр, музейное искусство и пр.) все чаще выходят в онлайн-пространство, используют мультимедийные форматы, создают цифровые выставки и трансляции. Это ведет к изменению представлений о сакральности, дистанции и эксклюзивности, на которых традиционно базировалась элитарность. Тем самым медиаконвергенция затрагивает не только способы распространения культурных продуктов, но и формы присутствия культуры в цифровой среде, причем массовая культура оказывается внутренне более совместимой с платформенной логикой, тогда как элитарная вынуждена приспосабливать к ней собственные способы существования.

2. Характер медиальной репрезентации.

Одним из ключевых результатов этого процесса становится появление социально-сетевой медиакультуры, представляющей собой новую модель культурного взаимодействия. Эта модель объединяет черты как традиционной, так и цифровой культуры, размывая границы между элитарным и массовым, а также между профессиональным и любительским созданием контента. В такой системе информация передается фрагментами в мозаичной структуре, ориентированной прежде всего на визуальное и эмоциональное восприятие; при этом «мозаичная массовая культура формирует преимущественно пассивный способ восприятия реальности» [3, с. 437] и способствует укоренению устойчивых культурных стереотипов.

Элитарная культура в условиях медиаконвергенции также подвергается изменениям, но иными механизмами. С одной стороны, сохраняется стремление удержать автономность, глубину и интеллектуальную насыщенность; с другой – возникает необходимость адаптироваться к новым цифровым форматам. Это порождает двойственный эффект, расширение присутствия элитарных форм в медиасреде не гарантирует их включенности в массовое восприятие, поскольку аудитория зачастую не готова воспринимать сложные содержания в новых оболочках.

3. Механизмы культурного признания.

В современной медиасреде дифференциация массовой и элитарной культуры проявляется также через типы изданий и форматы подачи: качественные медиа чаще поддерживают символический статус элитарных практик и закрепляют их через аналитическое сопровождение, тогда как массово-ориентированные форматы тяготеют к тиражируемости, быстроте и событийности. При этом качественные СМИ, транслирующие элитарные культурные ценности, сохраняют собственную аудиторию, в то время как издания, ориентированные на массовую культуру, оказываются в кризисе из-за конкуренции с интернетом. В этой логике фиксируется тенденция, согласно которой «таблоиды со временем окончательно уйдут в Сеть» [1, с. 15], а качественные издания, способные предложить глубокий анализ, эксклюзивность и авторскую позицию, сохранят свою ценность в медиаполе [1, с. 16] и прочно займут элитарную нишу наряду с балетом, оперой или классической музыкой. Здесь важна не столько оценка данного прогноза, сколько его культурный смысл: медиаконвергенция перестраивает поле конкуренции так, что «массовое» быстрее интегрируется в цифровую среду, тогда как «элитарное» получает шанс укрепиться за счет эксклюзивности, глубины и авторской позиции – именно тех характеристик, которые менее воспроизводимы в режиме информационного шума.

В этом контексте становится актуальным анализ изменения роли культурной элиты и принципов ее медиапотребления. В условиях сетевой логики коммуникации авторитет и присутствие все чаще зависят не от институционально закрепленных форм: журналов, манифестов, канонических трактатов, – а от режима постоянной публичной активности. Фигура интеллигента как носителя «зажженного света», обладающего монополией на истину, утрачивает прежнюю исключительность в ситуации цифровой культуры, где иерархические различия нивелируются, а высказывание растворяется в общем сетевом шуме [4, с. 300–301]. Одновременно изменяется тип взаимодействия с аудиторией: от монолога к многостороннему диалогу, в котором признание все чаще коррелирует с параметрами видимости – количеством откли-

ков, репостов и лайков, что отражает сдвиг в механизмах легитимизации и признания. Если для массовой культуры значимы скорость распространения, воспроизводимость и охват, то для элитарной культуры сохраняют значение аналитическое сопровождение, авторская позиция и символический статус.

4. Степень культурной автономии.

Элитарная культура в условиях медиаконвергенции ослабляет функцию «хранителя» универсальных ценностей, но сохраняет статус культурного арбитра, отчасти задающего направление смысловых трансформаций. Вместе с тем это свидетельствует о перестройке ее прежней автономии. Если раньше элитарность поддерживалась сакральностью, дистанцией и эксклюзивностью, то теперь эти основания подвергаются трансформации в условиях цифровой медиасреды. Расширение присутствия элитарных форм в медиасреде делает их более доступными, но одновременно ослабляет ту символическую дистанцию, которая ранее была важной частью их культурного статуса.

Массовая культура, напротив, изначально в большей степени совместима с логикой платформенного распространения и сетевой циркуляции. Она легче включается в общие медиапотоки, быстрее осваивает новые каналы и формы присутствия, а потому в меньшей степени сохраняет автономность по отношению к медиасреде. Если элитарная культура стремится удержать собственные критерии ценности даже в условиях цифровой трансформации, то массовая в значительно большей мере совпадает с логикой самой медиасреды, что делает ее менее автономной и более зависимой от внешних механизмов циркуляции и видимости.

5. Социально-культурные функции.

Не менее значимым признаком выступают функции массовой и элитарной культуры в обществе, которые также изменяются под влиянием медиаконвергенции. Массовая культура усиливает функции оперативного распространения культурных образцов, эмоционального вовлечения, событийной мобилизации и включения аудитории в единое информационное пространство. Благодаря платформенной среде она все в большей степени выступает как механизм ускоренной циркуляции образов, реакций и символических кодов.

Функции элитарной культуры трансформируются иначе. Она все меньше выступает как хранитель исключительных знаний и все больше – как медиатор и интерпретатор, работающий в условиях нестабильного, многоголосого и моментального культурного пространства. При этом, даже утрачивая монополию на культурное руководство, элитарная культура сохраняет функцию смысловой навигации, аналитического сопровождения и символического отбора. Анализ трансформации массовой и элитарной культуры в условиях цифровизации и медиаконвергенции позволяет зафиксировать важные тенденции, получившие обоснование как на эмпирическом, так и на концептуальном уровне.

Исследования в этой области демонстрируют, что границы между массовой и элитарной культурой в современной социокультурной реальности не просто размываются, они переопределяются в условиях новой логики культурного производства, циркуляции и потребления. Современные исследователи справедливо указывают на утрату прежних вертикальных иерархий, в которых элита занимала исключительное положение «производителя новых смыслов и хранителя скрижальных истин» [4, с. 301], а массовая культура выступала в роли функционального и развлекательного сопровождения. В новых реалиях обе формы культуры оказываются включенными в горизонтальные, сетевые структуры, где различие между «высоким» и «низким» становится не онтологическим, а ситуативным. При этом наблюдается существенное сближение форм, языков и каналов коммуникации.

Трансформация соотношения массовой и элитарной культуры

Из этого следует, что цифровая среда и новая логика медиапроизводства требуют переосмысления классических культурологических дихотомий. В этой перспективе целесообразно выделить ключевые тенденции культурной реальности XXI века, позволяющие прояснить, каким образом медиаконвергенция трансформирует соотношение элитарной и массовой культуры.

В условиях медиаконвергенции наблюдается *изменение культурной автономии*, при которой ни элитарная, ни массовая культура уже не существуют изолированно. Их медиапотоки оказываются переплетены, что ведет к утрате автономии каждой. Элитарные формы все чаще становятся частью визуального или рекламного контекста, теряя сакральный статус, а массовая культура получает институциональные каналы легитимизации. Это не слияние, а взаимное размывание границ в условиях многоканальности. Медиаконвергенция в этой логике обостряет проблему культурной аутентичности и авторитетности, встает вопрос: кто решает, что является ценным, элитарным, «высоким».

Медиаконвергенция оказывает влияние также на *роль алгоритмов как новых кураторов культуры.* Традиционно кураторство и отбор – прерогатива элитарной культуры (музеи, академии, критики). Сегодня этой функцией все больше управляют алгоритмы рекомендаций. В результате и массовые, и элитарные продукты подчиняются принципам видимости, кликабельности, охвата. Медиаконвергенция делает алгоритмическую логику распределения культурной продукции универсальной – это подрывает роль традиционных институций.

В современной культуре формируется *медиаконвергентный потребитель как новый тип субъекта культуры*. Такой пользователь уже не различает, является ли контент элитарным или массовым, он действует по принципу «чем удобно, тем и пользуюсь». У него складывается комбинаторное, гибридное восприятие, где разные платформы могут быть частью одного и того же культурного дня. Возникает единый медиакультурный опыт, в котором иерархия смыслов подчиняется правилам платформы, а не традиции.

Помимо этого, медиаконвергенция усиливает деконтекстуализацию культуры и требует от исследователя новой эпистемологии. Произведение как таковое утрачивает фиксированную форму: оно существует в слайсах, обрезках, мемах, нарезках, ремиксах. Элитарный текст может «жить» как короткое видео в социальных сетях, а массовый – как объект музейной экспозиции. Возникает текучесть формы и смысла, *разрыв между произведением и медиаоболочкой*.

Рассматриваемое явление также обусловливает *смену культурного темпоритма*. Классическая элитарная культура основана на длительности, на чтении, созерцании, размышлении. Массмедиа ускоряют все: восприятие, отклик, исчезновение. В условиях медиаконвергенции эти ритмы сталкиваются – элитарный контент принужден адаптироваться под ускоренный темп. Элитарная культура либо утрачивает свою ритмическую природу, либо оказывается в резервации «медленного потребления».

Следовательно, медиаконвергенция – это не просто слияние каналов, а структурный сдвиг в природе культуры как системы. Она нивелирует различие между массовым и элитарным не столько содержательно, сколько институционально и технологически. Тем самым она подводит к новой культурной логике, в которой традиционные различия теряют смысл, а на первый план выходит функциональность, доступность и многоканальность культурного сообщения. И массовая, и элитарная культура становятся функционально открытыми системами, подверженными постоянной переинтерпретации в зависимости от медийных условий и сценариев их потребления.

Заключение

Таким образом, медиаконвергенцию следует рассматривать не просто как технологическое явление, а как фактор глубинной трансформации культурного пространства, затрагивающий как массовую, так и элитарную культуру. Под влиянием этого явления изменяются не только каналы и формы распространения культурных продуктов, но и способы их восприятия, интерпретации и символического признания. В цифровой медиасреде прежняя институциональная замкнутость элитарных практик ослабевает, что позволяет им интегрироваться в широкие медиакоммуникации, в это же время массовая культура начинает осваивать формы и коды, традиционно связанные с элитарным уровнем.

В данном контексте границы между массовым и элитарным не стираются, а становятся подвижными и зависят от условий, формируемых медиа, технологиями и институциональными факторами. Их неустойчивость связана с изменением механизмов трансляции, рецепции и культурной легитимизации, что в конечном итоге приводит к перестройке самой структуры культурной иерархии. Эта структура теряет прежний вертикальный формат, приобретая более гибкий, сетевой и динамичный характер, в котором значимость культурных форм определяется не только их содержанием, но и условиями медиального функционирования.

Кроме того, медиаконвергенция способствует сближению массовой и элитарной культуры, не устраняя различия между ними, а перенося их в новую плоскость взаимодействия. Это открывает возможность рассматривать современную культурную реальность как пространство взаимопроникновения и перераспределения смыслов, где диалектика массового и элитарного проявляется не через противопоставление и конфликт, а посредством гибридизации, трансформации и символьного обмена. В этом смысле медиаконвергенция выступает не только условием изменения медиальной среды, но и фактором перестройки самой культуры как формы символического порядка, смыслового различения и культурной субъектности.

Литература

1. Белоцерковская, Я.С. Массовая и элитарная культура: специфика освещения в печатных и интернет-СМИ / Я.С. Белоцерковская // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14–15 апреля 2016 года. – Екатеринбург, 2016. – С. 15–17.

2. Валькова, Е.М. Специфика изменений в элитарной и массовой культуре под влиянием цифровизации общества / Е.М. Валькова, Ю.М. Коршунова // Тенденции и проблемы социально-экономического развития России в условиях цифровизации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 21–22 апреля 2021 года / Под редакцией Н.С. Яшина, К.А. Грандоняна. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2022. – С. 213–216.

3. Василенко, И.В. Трансформация элитарной и массовой культуры в условиях медийной конвергенции / И.В. Василенко // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17–3. – С. 434–438.

4. Ермолин, Е.А. Сетевое присутствие российского интеллигента в глобализирующемся мире / Е.А. Ермолин // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 4. – С. 300–304.

5. Кузнецова Е.И. Медиаконвергенция как социальный феномен цифрового техногенного общества / Е.И. Кузнецова // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 9. – С. 18–21.

6. Малышева, М.К. Медиаконвергенция как катализатор культурной интеграции / М.К. Малышева // Экономика и бизнес в условиях цифровой трансформации и новых вызовов: Материалы международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 18 апреля 2024 года. – М.: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт бизнеса и дизайна», 2024. – С. 314–321.

7. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

8. Посыпайло, М.В. Особенности процесса медиаконвергенции / М.В. Посыпайло // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 23. – С. 2559–2568.

9. Соколов, А.В. К проблеме определения термина «медиаконвергенция» / А.В. Соколов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2023. – № 1 (76). – С. 180–184.

10. Шеремет, В.В. Типология медиаконвергенции / В.В. Шеремет // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mediakonvergentsii (дата обращения: 01.04.2024).

11. Юферева, А.С. Медиаконвергенция: основные подходы к определению понятия / А.С. Юферева / Научный вестник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2016. – Том 16. – Вып. 2. – С. – 80–93.

12. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. – NY: NYU Press, 2006. – 329 p.

MASS AND ELITE CULTURE IN THE CONTEXT OF MEDIA CONVERGENCE

Malysheva M.K.
Institute of Business and Design

The article is devoted to the analysis of the transformation of mass and elite culture in the context of media convergence. It examines the theoretical foundations of this phenomenon and its impact on contemporary cultural processes. The main focus is placed on the transformation of the essential features of mass and elite culture, which in the digital media environment are manifested in the ways they adapt to platform logic, the character of media representation, the mechanisms of cultural recognition, the degree of cultural autonomy, and the transformation of their socio-cultural functions. It is shown that mass culture is more organically integrated into the modes of digital circulation, whereas elite culture is compelled to rethink its own forms of presence while retaining its orientation toward symbolic distance, analytical depth, and semantic guidance. The article substantiates the thesis that media convergence changes not only certain properties of cultural forms, but also the very nature of their relationship. As a result, the boundaries between the mass and the elite become more fluid, while the differences between them shift from the level of rigid hierarchy to the level of modes of functioning, cultural recognition, and media existence.

Keywords: media convergence, mass culture, elite culture, digital environment, media environment, media consumption.

References

1. Belotserkovskaya, Ya.S. Mass and Elite Culture: Specific Features of Coverage in Print and Online Media / Ya.S. Belotserkovskaya // Journalism of the Digital Age: How the Profession Is Changing: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, April 14–15, 2016. – Yekaterinburg, 2016. – Pp. 15–17.

2. Valkova, E.M. Specific Features of Changes in Elite and Mass Culture under the Influence of the Digitalization of Society / E.M. Valkova, Yu.M. Korshunova // Trends and Problems of Russia's Socio-Economic Development under Digitalization: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, April 21–22, 2021 / Ed. by N.S. Yashin, K.A. Grandonyan. – Saratov: Saratovskii Istochnik Publishing House, 2022. – Pp. 213–216.

3. Vasilenko, I.V. Transformation of Elite and Mass Culture under Conditions of Media Convergence / I.V. Vasilenko // Russia: Trends and Development Prospects. – 2022. – № 17–3. – Pp. 434–438.

4. Ermolin, E.A. The Network Presence of the Russian Intelligentsia in a Globalizing World / E.A. Ermolin // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2013. – № 4. – Pp. 300–304.

5. Kuznetsova, E.I. Media Convergence as a Social Phenomenon of Digital Technogenic Society / E.I. Kuznetsova // Society: Philosophy, History, Culture. – 2021. – № 9. – Pp. 18–21.

6. Malysheva, M.K. Media Convergence as a Catalyst of Cultural Integration / M.K. Malysheva // Economics and Business under Digital Transformation and New Challenges: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. In 2 vols., Moscow, April 18, 2024. – Moscow: Institute of Business and Design, 2024. – Pp. 314–321.

7. McLuhan, H.M. Understanding Media: The Extensions of Man / H.M. McLuhan; trans. from English by V. Nikolaev; concluding article by M. Vavilov. – Moscow; Zhukovsky: KANON-press-Ts, Kuchkovo Pole, 2003. – 464 p.

8. Posypailo, M.V. Specific Features of the Media Convergence Process / M.V. Posypailo // Innovations. Science. Education. – 2020. – № 23. – Pp. 2559–2568.

9. Sokolov, A.V. On the Problem of Defining the Term «Media Convergence» / A.V. Sokolov // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. – 2023. – № 1 (76). – Pp. 180–184.

10. Sheremet, V.V. Typology of Media Convergence / V.V. Sheremet // Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and the Arts. – 2012. – № 1. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-mediakonvergentsii (accessed: 01.04.2024).

11. Yufereva, A.S. Media Convergence: Main Approaches to Defining the Concept / A.S. Yufereva // Scientific Bulletin of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2016. – Vol. 16. – Issue 2. – Pp. 80–93.

12. Jenkins, H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide / H. Jenkins. – New York: NYU Press, 2006. – 329 p.

Эволюция понятия «традиция» в истории культуры

Малютина Юлия Геннадьевна,
аспирант, ассистент кафедры философии и социальных наук,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: juliamalprof25@mail.ru

В статье предлагается взгляд на истоки становления национальной и культурной идентичности через рассмотрение этимологического ядра основных понятий и концепций, а также взглядов, которые влияют на формирование и эволюцию культурной идентичности в естественных условиях существования российского общества. Основное внимание уделяется сущности понятия традиции как фундаментального феномена культурного наследия. Само понятие необходимо изучать не только в виде статичного лексикографического явления, но и посредством механизмов памяти как временной трансмиссии. При этом принципиально важно учитывать результаты философских исследований, вклад культурологии и социологии в изучение памяти. Традиция предстает в виде «активного живого участника» передачи значимых данных сообществу через память и творчество, которые, проходя через фильтр инноваций, аккумулируются в современную культуру.

Ключевые слова: традиционные ценности, традиции, культура, социум, семья, нравственная культура.

Осмысление феноменов традиции и культуры неизбежно требует проникнуть в саму суть этих понятий, без которых любое дальнейшее действие рискует остаться поверхностным. В их этимологическом ядре заложена фундаментальная идея преемственности и наследования – та незримая глубинная нить, что соединяет сквозь время, превращая хаотичный поток событий в осмысленный и понятный на данный момент, придавая бытию структуру.

Что же предстает перед нами, когда мы задумываемся о сущности традиции?

Так, традиция предстает не просто в качестве исторического реликта, но и как живая движущая сила, передаваемая сквозь времена, – совокупность устоявшихся практик, поведенческих норм и мировоззренческих установок, унаследованных от предшествующих поколений и обретших статус укорененного обычая. В этом смысле традиция есть не застывшая форма, а динамичный механизм памяти, посредством которого сообщество сохраняет свою идентичность. Она подобна реке, которая сохраняя свое русло, постоянно обновляет воды, в ней каждое поколение вносит свои потоки, но не разрушая ее очертаний.

Ожегов С.И., подчеркивает, сущность традиции раскрывается через призму временной трансмиссии – это феномен, воплощающий механизм межпоколенческой передачи социокультурного опыта. То есть, в лексикографическом определении традиция предстает как то, «что перешло от одного поколения к другому, обретая «кристаллизованную» форму устоявшегося обычая или нормативно закрепленного поведенческого порядка [6, с. 749].

Соответственно, в данном сообщении мной представляется, что традиционное есть сущее, обретшее легитимность и устойчивость в силу преемственности, сохраняющее связь с архетипическими основаниями. Но здесь так же кроется и парадокс: традиция одновременно консервативна и креативна. Она помогает удерживать общество от распада, создает почву для новизны. В философском понятии традиция понимается в качестве фильтра, отсеивающего хаотичные импульсы времени, матрицы, формирующей коллективное бессознательное, либо моста, соединяющего прошлое, настоящее и будущее в единый смысл.

Неправильно будет не упомянуть и производное понятие «традиционный, которое показывает явления, сохранившиеся от старины и обретшие легитимность либо в силу своего происхождения от традиции, либо благодаря ее авторитету, то есть, это именно те идеи преемственности [6, с. 749].

Фундаментальное понимание традиции как живого процесса дал Х.-Г. Гадамер, понятие традиция у философа – это диалог через время, в котором настоящее активно интерпретирует наследие прошлого для вызовов будущего [4, с. 34].

Во многом поэтому традицию нельзя свести к простому «пережитку», так как она «активный» непосредственный участник процесса социокультурного диалога, где каждое поколение, принимая наследие, неизбежно переосмысляет его, внося собственные акценты. В этом вечном круговороте передачи и трансформации и рождается то уникальное качество человеческого бытия, которое мы называем культурой. Она предстает как живой процесс самосозидания сообщества непосредственно через память и творчество. В свою очередь, понятие культуры, предстает в словаре Ожегова С.И. как многомерный синтез человеческой деятельности – «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей». Одновременно этот термин несет в себе аксиологическую нагрузку, указывая на «высокий уровень чего-нибудь, высокое развитие, умение» [6, с. 291]. Данное определение задает два немаловажных ключевых вектора для осмысления, а именно культура как объективированный результат исторического творчества (материального и идеального) и как мера качественного развития способностей и практик.

Эта двойственность человеческого существования получает социально-философское осмысление и в концепции А.С. Панарина. Согласно его взглядам, человек существует в двух неразрывных измерениях: как «почвенный» человек, укорененный в конкретной культуре, и как носитель мировых импульсов, часть всемирно-исторического процесса и глобального духовного производства [7]. Каждая личность представляет собой синтез этих двух «половинок» – уникально-локальной и универсально-исторической. Это противоречивое един-

ство и составляет основу как индивидуального самосознания, так и культурной динамики в эпоху глобализации.

Непрерывность традиции – это постоянный, динамичный, контакт и взаимодействие между носителями традиции (поколениями, социальными группами), обеспечивающие ее передачу. Неразрывность, в свою очередь, подразумевает более глубокую, сущностную связь и целостность, где разрыв контакта ведет не просто к паузе, а к качественному разрушению самого явления. В традиции неразрывность – это основа для сохранения внутреннего смысла и идентичности передаваемого содержания сквозь акты непрерывной передачи.

Традиция как процесс требует непрерывности передачи между поколениями. Разрыв в этой передаче, либо появление поколения, которое не воспринимает и не воспроизводит содержание традиции, означает ее прекращение. В это же время, неразрывность традиции – это мера ее внутренней прочности, устойчивости связей между ее элементами, такими, как: ценности, смыслы, практики, а так же перед лицом внешних воздействий: модернизацией, глобализацией, кризисов. Угрозы не «разрывают» традицию мгновенно, но создают риск ее прерывания, если сила воздействия превысит силу внутренних связей [2, с. 6–7].

Универсальный механизм традиции как способа передачи успешного опыта проявляется в уникальных, конкретных совокупностях традиций, которые и формируют культурную самобытность каждого сообщества [2, с. 19–22].

Стоит еще раз повторить, что феномен культурного наследия обнаруживает фундаментальную временную двойственность, которая конституирует его бытие как перманентный диалог трех временных модусов: прошлого, настоящего и будущего.

С одной стороны его сущность неразрывно сплетена с прошлым, что находит отражение в интенсивных этических дискуссиях о легитимности интерпретации и присвоения истории, объединяющихся в вопросе: «Кому принадлежит прошлое?». С другой – его бытие с равной онтологической силой обращено к настоящему и будущему: оно актуализируется в современных моральных и политических дискурсах и проецируется как образ грядущего культурного достояния.

В корпусе современных исследований феномена традиции наиболее системную и концептуально выверенную теоретическую разработку предлагает Э.С. Маркарян. Его исследовательская позиция отличается интегральным методологическим горизонтом, позволяющим преодолеть фрагментарность узкодисциплинарных подходов.

Ученый определяет культурную традицию как групповой опыт, выраженный в социально организованных стереотипах, который посредством пространственно-временной трансмиссии накапливается и воспроизводится в человеческих коллективах [5, с. 80].

Согласно концепции Э.С. Маркаряна, культурная традиция выполняет роль универсального социально-стабилизирующего механизма, функциональное предназначение которого заключается в обеспечении необходимых для жизнедеятельности социальных организмов стабильности и устойчивости. Эта цель достигается посредством трех взаимосвязанных процессов: селекции коллективного жизненного опыта, его последующей аккумуляции и, наконец, пространственно-временной трансмиссии от поколения к поколению. Действие данного механизма, по убеждению ученого, является главенствующим для общественной жизни, делая ее осмысленной [5, с. 89].

Идея о необходимости баланса между эволюцией и сохранением опыта является центральной для понимания общественного развития. Эта диалектика получила глубокую разработку в трудах отечественных мыслителей XX века, таких как А.С. Ахиезер и И.Т. Фролов, которые исследовали специфику взаимодействия традиций и инноваций в российском социуме, подчеркивая его конфликтный и циклический характер [1]; [8].

Перед лицом кризисной ситуации или экзистенциальной опасности общество и личность оказываются на распутье двух фундаментальных стратегий. Первый путь – это генерация инновационных идей, открывающих новые творческие горизонты и предлагающие более эффективные решения. Исторический смысл этого выбора заключается в повышении продуктивности деятельности, позволяющем субъекту поддерживать адекватность своих решений в условиях растущей сложности проблем, требующих осмысления и разрешения.

Второй путь – это регресс к прежним ценностям, доказавшим свою состоятельность в прошлом. Смысл подобного выбора коренится в ситуации, когда усложнение вызовов не находит адекватного ответа в росте творческого потенциала субъекта. Последний оказывается во власти исторического опыта, сформированного в более простых условиях, и потому вынужден опираться на решения, утратившие свою эффективность и адекватность в новом контексте. Выбор между инновацией и традицией становится актом самоопределения субъекта в истории, определяющим его способность к адаптации и развитию.

Различие между двумя стратегиями реагирования на кризис можно концептуализировать как глубинную дуальную оппозицию, лежащую в основе векторов развития культуры.

Согласно А.С. Ахиезеру, эта оппозиция выражается в следующем противостоянии.

1. Ориентация на воспроизводство в соответствии с исторически сложившимся идеалом. Эта стратегия направлена на поддержание и повторение существующего порядка, где высшей ценностью является соответствие устоявшимся, часто сакрализованным, образцам.

2. Ориентация на воспроизводство через развитие способностей и поиск нового, наиболее эффективного идеала. Эта стратегия ставит акцент на трансформации и совершенствовании, где ключевым становится рост творческого потенциала субъекта для преодоления вызовов и формирования новых более адекватных моделей.

Таким образом, центром внимания и фокусом культур в данной дихотомии становится фундаментальное отношение субъекта к собственному развитию. От выбора в пользу одной из этих ориентаций зависит траектория социокультурной динамики – движение по пути инерционного воспроизводства или по пути рефлексивной модернизации [1].

Традиция и инновация, представляют собой две взаимосвязанные стороны единого процесса общественного развития, находятся в сложном диалектическом единстве. Это отношение, с определенной долей уверенности, можно охарактеризовать как синкретизм – органичное сочетание и взаимопроникновение разнородных, а зачастую и разнонаправленных начал.

Общим и фундаментальным для обоих феноменов является их имманентность общественному развитию. Именно эта двойственность, соответствующая антиномичной природе человека, создает возможность для непрерывности, преемственности и устойчивости социального бытия, что в своей совокупности и составляет суть социального воспроизводства. Традиция обеспечивает стабильность и связь времен, а инновация – адаптацию и развитие; их синтез и постоянное взаимодействие и есть двигатель социокультурной динамики [3].

Литература

1. Ахиезер, А.С. Культурные основы этнических конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, № 1. – С. 66–82.

2. Бондырева, С.К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учеб. пособие / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. – 280 с. – (Библиотека студента).

3. Вебер, А.Б. Взаимосвязь традиций и инноваций в свете проблем современности. – DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5149.

4. Гадамер, Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.

5. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 78–96.

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

7. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 496 с.

8. Фролов, И.Т. О причинности и целесообразности в живой природе: (Философ. очерк) / И.Т. Фролов. – Москва: Госполитиздат, 1961. – 184 с.

THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «TRADITION» IN THE HISTORY OF CULTURE

Malyutina Y.G.
Bunin Yelets State University

The article discusses a view on the origins of the formation of national and cultural identity through consideration of the etymological core of basic notions and concepts, as well as views that influence the formation and evolution of cultural identity in natural conditions of Russian society. The main attention is paid to the essence of the concept of tradition as a fundamental phenomenon of cultural heritage. This concept must be studied not only as a static lexicographic phenomenon, but also through the mechanisms of memory as a temporary transmission. At the same time, it is fundamentally important to take into account the results of philosophical research, the contribution of cultural studies and sociology to the understanding of memory. Tradition appears as an «active living participant» in the transfer of meaningful data to the community through memory and creativity, which, passing through the filter of innovation, accumulate in modern culture.

Keywords: Traditional values, tradition, culture, society, family, moral culture.

References

1. Akhiezer, A.S. Cultural Foundations of Ethnic Conflicts // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2001. – Vol. IV, № 1. – Pp. 66–82.

2. Bondyreva, S.K. Traditions: Stability and Continuity in the Life of Society: a textbook / S.K. Bondyreva, D.V. Kolesov. – 2nd ed., reprinted – Moscow: Publishing House of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO «MODEK», 2007. – 280 p. – (Student Library).

3. Weber, A.B. The Relationship between Traditions and Innovations in Light of Modern Problems. – DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5149.

4. Gadamer, H.-G. The Relevance of the Beautiful / H.-G. Gadamer; trans. from German. – Moscow: Iskusstvo, 1991. – 367 p.

5. Markaryan, E.S. Key Problems of the Theory of Cultural Tradition // Soviet Ethnography. – 1981. – № 2. – Pp. 78–96.

6. Ozhegov, S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – Moscow: Azbukovnik, 1999. – 944 p.

7. Panarin, A.S. Orthodox Civilization in the Global World. – Moscow: Algorithm, 2002. – 496 p.

8. Frolov, I.T. On causality and expediency in living nature: (Philosophical essay) / I.T. Frolov. – Moscow: Gospolitizdat, 1961. – 184 p.

Философские аспекты понятий объективного и субъективного и их использование в педагогической практике высшей школы

Наумов Александр Владимирович,
кандидат философских наук, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: avnaumov@fa.ru

В научной статье автор рассматривает особенности философских аспектов понятий объективного и субъективного и их использования в педагогической практике высшей школы. Автор анализирует сущность терминов «объективное» и «субъективное» в целом, далее уделяя внимание более детальному изучению философского понимания. Делая акцент именно на высшей школе, автор приводит конкретные практические примеры использования данных понятий, анализирует каждый из них. В заключении данной научной статьи автор подчеркивает стратегическую важность обоих обозначенных понятий для всей педагогической деятельности в целом. Объектом исследования являются особенности философских аспектов понятий объективного и субъективного и их использования в педагогической практике высшей школы. Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей философских аспектов понятий объективного и субъективного и их использования в педагогической практике высшей школы. Методы исследования: это компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей философских аспектов понятий объективного и субъективного и их использования в педагогической практике высшей школы. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями философских аспектов понятий объективного и субъективного и их использования в педагогической практике высшей школы в контексте изучения проблем правоприменения в целом.

Ключевые слова: объективное, субъективное, философские аспекты, педагогическая деятельность, педагогическая практика, высшая школа, педагог высшей школы, философия высшей школы.

Объективное и субъективное – два общетеоретических понятия, противоположных по своему смысловому содержанию, однако тесно связанных между собой и являющихся, по сути, неотъемлемым основанием существования друг друга. Термины широко распространены в самых разных областях научного знания – например, в юриспруденции, психологии, педагогике, причем зачастую (например, в той же педагогической деятельности) объективное и субъективное встречаются повсеместно.

Прежде всего, необходимо рассмотреть сущность двух обозначенных терминов. Итак, объективное – это то, что имеет четкие, определенные форму и содержание, что не зависит от человеческого восприятия, а потому стабильно, относительно устойчиво, на это можно в определенной степени полагаться (все же, нельзя исключать некоторую погрешность). Например, все, что имеет числовое или количественное выражение, – это объективные данные [2]. Так, с достаточно высокой долей объективности необходимо принимать разного рода статистические данные, однако не исключая одновременный некоторый процент погрешности. Любая техническая наука основана на объективных данных – математика, физика, статистика, иное. В отличие от субъективного, степень объективности здесь предполагается крайне высокой, необходимо произвести исследования таким образом, чтобы погрешность в них была минимальной, ведь любое, даже минимальное отклонение в таком объективном – критически важный момент.

Нельзя такого сказать о субъективности. Напротив, субъективное в своем большинстве основано на чувствах, эмоциях, ином внутреннем восприятии, а также может отличаться (и чаще всего так и происходит) у каждого человека. Субъективное, таким образом, непосредственно связано с личностью, ее психоэмоциональными, личностными, компетентностными, иными характеристиками. И это не рассматривается как существенный недостаток, как например, в объективном. Ввиду широкого многообразия субъективное характерно больше для наук гуманитарного цикла, однако и то, и другое встречается в любом научном знании, но в различном соотношении [2; 4].

Интересно, что объективное и субъективное могут тесно переплетаться, создавая уникальный симбиоз.

Например, в педагогической деятельности. Несмотря на то, что педагогика – это наука, где явно преобладает субъективное (например, в педагогике терминологический аппарат не закреплен нормативно, предусматривает определенную степень свободы фантазии конкретного педагога, может подвергаться изменениям, закреплен чаще всего только в научной или методической литературе), мы можем наблюдать и выраженные проявления объективного. К примеру, результаты ГИА и ЕГЭ, вступительные баллы при поступлении в образовательные организации высшего или среднего профессионального образования, – это конкретные количественные показатели, закрепленные в т.ч. нормативно на локальном уровне образовательной организации [6]. Такие данные нельзя трактовать субъективно, – приемная комиссия выстраивает свою работу, исходя из обозначенных числовых пределов, более того, они в определенной степени стационарны, не подвергаются частому изменению, а с момента окончания действия приемной кампании и вовсе закрепляются навсегда.

Таким образом, действительно: объективное и субъективное – это два противоположных по своим характеристикам понятия, каждое из которых, с одной стороны, обладает определенной стабильностью, самостоятельностью, уникальностью, однако, с другой стороны, не может существовать без полярного термина. Собственно, как бы мы узнали, что такое субъективное, если бы не было объективного? И как на практике в каждом конкретном случае устанавливается, что относится к первому, а что – ко второму? Именно через исследование детальных характеристик, их соотнесении либо с объективным, либо с субъективным.

Проанализируем философскую сторону обозначенных выше терминов. И тот, и другой «упираются» в одно и то же – поиск истины, отношение к ней в конкретной ситуации. Определение того, субъективным или объективным выступает то или иное явление, событие, объект, лежит в основе того, что дальше происходит с этим элементом, в каком контексте его использовать в конкретном виде практической деятельности. Например, если мы разрабатываем проект здания или

сооружения, мы не можем применять субъективные критерии, иначе здание либо вовсе не будет возведено, либо разрушится вскоре после его постройки [4]. Аналогичным образом в той же педагогике мы не можем всегда брать за основу исключительно объективные знания, ведь в каждой педагогической ситуации прямо или косвенно участвуют люди – со своими личностными, психоэмоциональными характеристиками, установками и ценностями, травмами и комплексами. К слову сказать, что обучающиеся одного возраста, воспитанные и получающие образование в одинаковых условиях, будут разными, – в современной педагогике индивидуальный подход является одной из ключевых тенденций. На данных примерах в т.ч. явно прослеживается и разное отношение к истине как таковой – собственно, философский аспект.

Здесь мы также наблюдаем два полярных восприятия истины. При объективном истина – то, что основывается на конкретных данных, чаще всего – количественных, чем-либо подтвержденных, на четких доказательствах или других обстоятельствах, которые также чем-то подтверждаются или доказываются. Противоположная ситуация с субъективным. Субъективная истина у каждого своя, зависит от взглядов, установок, мировосприятия конкретного человека, его опыта. Поэтому каждый человек имеет свое понимание истины, которое, может быть, и вовсе ничем не подтверждено, кроме субъективных факторов, однако это тоже истина, она имеет право на существование [3; 5].

И здесь мы наблюдаем еще одну важную характеристику субъективного и объективного – если субъективное, действительно, может быть у каждого собственное, то объективное – то, что четко определено, и каждому человеку необходимо принять это как данность. Например, установлен график движения городского общественного транспорта. Он закреплен нормативно, через локальные акты администрации города. И это факт, объективная реальность, с которой необходимо смириться всем горожанам. Для кого-то этот график будет удобным, для кого-то – неудобным, кто-то вовсе равнодушен, поскольку не использует общественный транспорт. В результате мы имеем субъективные характеристики из разряда «Как неудобно!» или «Как удобно!», и это субъективная реальность. Объективная же – конкретный график движения, установленный локальными правовыми источниками, выраженный в числовом формате.

Каким образом выражаются философские аспекты объективного и субъективного в педагогике высшей школе? По-разному, поскольку педагогическая деятельность в целом отличается многогранным, сложным, многосоставным по внутренней структуре характером.

К примеру, педагогическое планирование. Несмотря на то, что презюмируется объективность такой деятельности, ведь она основана на нормативных источниках (например, ФГОС), в т.ч. локального характера, подразумевает необходимость достижения конкретных количественных показателей, тем не менее мы можем наблюдать внутри него и субъективные характеристики. Так, зачетно-экзаменационная сессия составляется в т.ч. исходя из особенностей конкретных учебных дисциплин, необходимости учета субъективных характеристик восприятия и понимания учебного материала обучающимися. Сроки подготовки к зачетам и экзаменам различаются, поскольку презюмируется, что экзамены устанавливаются в качестве итоговой аттестации по более важным учебным дисциплинам, более сложным и многосоставным, для зачетов же требуется значительно меньше времени [3; 5].

Или, к примеру, педагогическое проектирование. Сама по себе проектная деятельность внутри подразумевает широкий практический инструментарий, сочетающий в себе и объективные, и субъективные факторы. Например, при разработке проекта необходимо учитывать социальную значимость, которые в большинстве случаев подтверждаются статистикой или разного рода социологическими исследованиями. Также эффективность реализации проекта определяется по достижению лицами, его реализующими, установленных заранее количественных показателей. Например, предполагалось, что в общественном мероприятии примет участие 500 обучающихся, однако фактический показатель отличается от ожидаемого, и это свидетельствует о проблемах в реализации проекта.

И здесь мы также наблюдаем баланс между субъективным и объективным. Так, одновременно с количественными показателями, эффективность реализации конкретного проекта определяется через качественные данные. Однако в отношении истинности здесь возникают вопросы, ведь количественные показатели (например, указанные выше), легко подтвердить, чего явно нельзя сказать о качественных. Предположим, крайне сложно доказать, что реализация педагогического проекта привела к «значительному повышению общего уровня той или иной грамотности обучающихся». Нередко, чтобы доказать достижение качественных результатов, используются количественные инструменты и методики.

Сочетание субъективного и объективного мы наблюдаем и в рамках реализации контрольной функции. Например, учебной программой предусмотрены конкретные объективные критерии (к примеру, осведомлен ли обучающийся о применяемом терминологическом аппарате), по которым преподаватель устанавливает, насколько обучающийся освоил учебный материал. Одновременно нельзя исключать и субъективные характеристики. В частности, это касается психоэмоционального состояния обучающегося во время зачетно-экзаменационной сессии. Предположим, обучающийся вполне владеет объективными критериями, был достаточно активен и деятелен в образовательном процессе в целом, однако он сочетает работу и обучение в вузе, а потому нередко приходит на занятия уставшим, с рассеянным вниманием, затруднительно решает элементарные задачи. Одновременно обучающийся занимает первые места на конкурсах и олимпиадах, является отличником и «идет на красный диплом». Безусловно, в ходе оценки его ответа преподаватель рассматривает и объективные, и субъективные критерии совокупно, актуально для конкретной ситуации [8].

Для современной высшей школы крайне актуально развитие у обучающихся критического мышления, где также важно сочетание объективного и субъективного. Собственно, научиться устанавливать разницу между первым и вторым, осознать практическую значимость каждого элемента, – это ключевая цель в обучении критическому мышлению. С одной стороны, обучающийся должен понимать, что есть объективное, т.е., четкие, конкретные данные, на которые необходимо ориентироваться и которые можно использовать в своей деятельности, параллельно принимая некоторую погрешность. С другой стороны, по этому объективному у обучающегося может и должно быть свое мнение, субъективное, основанное на его личностных и компетентностных характеристиках. Находить достаточные основания того или иного суждения – основная задача изучения критического мышления, для некоторых профессий это стратегически важный момент. Педагогика – не исключение.

Здесь же необходимо говорить о влиянии субъективного и объективного на формирование непосредственно профессиональных компетенций. Так несмотря на то, что базой выступает объективное, параллельно следует учитывать и субъективное. Например, в той же юриспруденции. С одной стороны, есть четкое указание на конкретные обстоятельства, доказательства, иные факторы, которые необходимо учитывать в любом виде судопроизводства и формально закреплена в соответствующем кодифицированном документе. Параллельно, например, не установлено нормативно, что такое «раскаяние», при этом УК РФ закрепляет в ст. 75 деятельное раскаяние как одно из оснований для освобождения от уголовной ответственности. При этом, в чем оно заключается в каждом конкретном уголовном деле, определяется непосредственно «на месте», ведь субъективное, как уже неоднократно отмечалось выше, невозможно «подвести под общий знаменатель» [2]. И поэтому при формировании профессиональных компетенций любого специалиста важно не только дать понимание (причем не только философское) объективного и субъективного, но также научить применять два полярных термина на практике конкретной профессии.

Кратко перечислим далее по тексту также и другие педагогические направления практики высшей школы, где рассматриваемый вопрос крайне актуален:

– выбор конкретных педагогических методик и инструментов;
– организация всестороннего внеучебного развития обучающихся;
– формирование группового и индивидуального стилей общения с обучающимися;
– получение обратной связи по реализации образовательного процесса и работа с ней;
– иное [6].

Таким образом, как видно из представленного анализа, субъективное и объективное в педагогике встречается довольно часто, и при этом в большинстве случаев гармонично пересекается, создавая единое целое. Собственно, эта характеристика возникает из особенностей самой по себе педагогической деятельности. Она требует значительной субъективности, поскольку каждый обучающийся уникален, нельзя игнорировать его индивидуальные качества и свойства. Одновременно уникален и каждый педагог. Тем не менее, без объективного педагогика представляла бы собой нечто абстрактное, хаотичное, не имеющее никаких устойчивых базовых оснований, а это приводило бы и воспитание, и обучение к различным и далеким от желаемого результатам. Очевидно, что в данной ситуации нельзя исключать объективное, одновременно нельзя пренебрегать и субъективным, и в педагогике можно наблюдать некий баланс того и другого, что видно и по приведенным в данной научной статье примерам.

В общем и целом, необходимо говорить о стратегической важности объективного и субъективного не только для педагогики, но и для

других областей научного знания. Мы наблюдаем на конкретных практических примерах, что обе этих составляющих значимы в своем комплексе, однако одновременно представляют собственную ценность и отдельно друг от друга [3; 9].

Далее кратко обозначим ключевые выводы по результатам представленного научного исследования.

Адекватность субъективной значимости состоит в ее соответствии действительности. Казалось бы, простота этого принципа обеспечивает и легкость его реализации. Однако вся история философии и психологии свидетельствует об огромных трудностях решения проблемы соотношения объективного и субъективного. Эта проблема существенно по-разному ставилась в ключевых направлениях философской мысли, в разных психологических теориях, она по-разному трактовалась и в теоретико-методологических взглядах. Субъективное и объективное – это стратегически важные термины для любого научного знания.

В настоящей научной статье рассматриваются особенности исследования критериев субъективного и объективного в педагогической практике высшей школы. В частности, автором отмечаются следующие отличительные характеристики:

– сами по себе особенности педагогической деятельности как таковой порождают необходимость гармоничного существования в ней и объективного, и субъективного;

– для педагогики в целом субъективное имеет превалирующее значение, поскольку в основе любого педагогического действия прямо или косвенно находится обучающийся, необходимо учитывать его уникальные, индивидуальные черты и качества;

– основываясь на объективном и субъективном, педагогика высшей школы сама имеет одной из своих ключевых целей обучение будущих специалистов осознанию двух данных понятий, умению распознавать их между собой, и т.д. [8];

– философский смысл понимания объективного и субъективного заключается в особом отношении к истине, познанию, реальности; философия предполагает, что субъективное и объективное лежит в основе и понимания человеком себя, и другой личности, и всего мира вокруг;

– иные.

Таким образом, субъективное и объективное – это двойственность в познании, в отношении к истине, необходимость подвергать сомнению все – даже то, что имеет конкретное количественное выражение. Для современной педагогической деятельности оба данных критерия выступают крайне важными и вместе, и по отдельности [10].

Литература

1. Анисимова В.В., Сериков В.В. Проектирование педагогической деятельности: объективные и субъективные основания // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 11. – С. 108–116.
2. Асеев В.Г. О соотношении субъективного и объективного // Акмеология. – 2014. – № 10. – С. 36–48.
3. Батурин, В.К. Философия образования для России – 2020: монография / В.К. Батурин. – Москва: Вузовский Учебник, 2013. – 212 с.
4. Боровкова Т.И. Человекомерное образование в контексте философии информационно-ноосферного общества: статья / Т.И. Боровкова. – Москва: Инфра-М, 2015. – 11 с.
5. Ипатов А.В. Педагогика: Учебное пособие / А.В. Ипатов. – Санкт-Петербург: РГГМУ, 2023. – 156 с.
6. Лебедев С.А. Уровневая структура объективной и субъективной реальности // Современные философские исследования. – 2022. – № 9. – С. 50–59.
7. Никитина С.С., Панкина С.Н. Философия образования: ретроспектива и методологические подходы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 10. – С. 18–36.
8. Николаева Л.Ю. Философия образования. Часть 1. Учебное пособие. – М.: Мир науки, 2014. – 92 с.
9. Николаева Л.Ю. Философия образования. Часть 2. Учебное пособие. – М.: Мир науки, 2015. – 60 с.
10. Основы педагогики высшей школы [Электронный ресурс] – Режим доступа: – URL: http://ea.donntu.ru:8080/bitstream/123456789/28314/2/3.ПВШ%20_Конспект.pdf
11. Худякова Н.Л. Философия и развитие образования: учеб. пособие / Н.Л. Худякова. – Челябинск: изд-во ЧГПУ, 2009. – 230 с.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE CONCEPTS OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE AND THEIR USE IN PEDAGOGICAL PRACTICE OF HIGHER EDUCATION

Naumov A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

In this scientific article, the author examines the features of the philosophical aspects of the concepts of objective and subjective and their use in pedagogical practice of higher education. The author analyzes the essence of the term's "objective" and "subjective" in general, then paying attention to a more detailed study of the philosophical understanding. Focusing specifically on higher education, the author gives specific practical examples of the use of these concepts, analyzes each of them. In the conclusion of this scientific article, the author emphasizes the strategic importance of both designated concepts for all pedagogical activity in general. The object of the study is the features of the philosophical aspects of the concepts of objective and subjective and their use in pedagogical practice of higher education. The purpose of the study is a comprehensive, consistent analysis of the features of the philosophical aspects of the concepts of objective and subjective and their use in pedagogical practice of higher education. Research methods: comparative, dialectical analysis, generalization, specification, systematization, deduction, and other methods of theoretical and practical levels of scientific knowledge. The scientific novelty of the study lies in the preparation of a comprehensive study, the formation of the author's conclusions regarding the features of the philosophical aspects of the concepts of objective and subjective and their use in the pedagogical practice of higher education. This scientific article will thus be useful to theorists, practitioners, students and teaching staff of the humanities and other areas of training, as well as a wider range of readers interested in the features of the philosophical aspects of the concepts of objective and subjective and their use in the pedagogical practice of higher education in the context of studying the problems of law enforcement in general.

Keywords: objective, subjective, philosophical aspects, pedagogical activity, pedagogical practice, higher education, higher education teacher, philosophy of higher education.

References

1. Anisimova V.V., Serikov V.V. Design pedagogical activities: Obi-subjective and Subi-subjective grounds / / Orenburg State University newspaper. – 2004. – № 11. – S. 108–116.
2. Aseev V.G. Subjective and objective // Acmeology. – 2014. – № 10. – S. 36–48.
3. Baturin, V.K. Philosophy of education in Russia – 2020: monograph / in. K. Baturin. – Moscow: Vuzovsky Textbook, 2013. – 212 PP.
4. Borovkova T.And. Human dimension education in contexts of philosophies informational-noospheric societies: article / Vol.And. Borovkova. – Moscow: Infra-M, 2015. – 11 C.
5. Ipatov A.V. Pedagogy: educational tool (s).V. Ipatov. – St. Petersburg: RGMU, 2023. – 156 PP.
6. Lebedev S.A. The structure of subjective and subjective realities / / in the present time of the world of Philosophical Studies. – 2022. – № 9. – S. 50–59.
7. Nikitina S.S., Pankina S.N. Philosophy education: retrospect and methodological approach. – 2019. – № 10. – S. 18–36.
8. Nikolaeva L. Yu. Philosophy of Education. Part 1. School supplies. – M.: Peace Sciences, 2014. – 92 P.
9. Nikolaeva L. Yu. Philosophy of Education. Part 2. School supplies. – M.: Peace Sciences, 2015. – 60 p.
10. Fundamentals of Higher School pedagogy [Electronic resource] – Access mode: – URL: http://ea.donntu.ru:8080/bitstream/123456789/28314/2/3.ПВШ%20_Конспект.pdf
11. Khudyakova N.L. Philosophy and development education: study. equipment / N.L. Khudyakova. – Chelyabinsk: chgpu publishing house, 2009. – 230 PP.

Научное наследие ученых СССР, Русского зарубежья и современной России: единое целое отечественной науки

Наумова Татьяна Владимировна,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии и культуры Института философии РАН
E-mail: naumova.tv.iphras@mail.ru

Развитие российской науки в первую очередь определяют ученые – те, кто занимается производством научного знания. Цель данной статьи – показать, какое научное наследие оставили стране и науке советские ученые, ученые-эмигранты первой волны и ученые современной России. В связи с этим в статье дается оценка политике государства по отношению к науке в советское время (основное внимание акцентируется на второй половине XX века) и в современных российских реалиях: способствует ли она развитию науки или, наоборот, тормозит его. Тема научного наследия советских ученых, ученых Русского зарубежья и ученых современной России чрезвычайно обширна. Мы не анализируем научное творчество ученых, а лишь пытаемся отметить тот вклад в науку, который они внесли. Наряду с социологией и историей ученые Русского зарубежья и советские ученые наибольший вклад внесли в философию. Поэтому в статье речь идет главным образом о тех представителях научной интеллигенции, которые были заняты в такой области гуманитарного знания, как философия, и которые отличались высоким профессионализмом и талантом исследователя.

Ключевые слова: СССР, Русское зарубежье, современная Россия, ученый, научное наследие, профессионализм, известность, политика государства, условия деятельности.

Помните, что наука требует от человека всей его жизни.
И если бы у вас было две жизни, то их бы не хватило вам.
Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека.
Будьте страстны в вашей работе и ваших исканиях.

И.П. Павлов

Введение

Актуальность проблемы научного наследия ученых СССР, Русского зарубежья и современной России вызвана тем, что в начале 1990-х гг. в области социальных и гуманитарных наук стали выходить работы, в которых отвергалось многое из того, что было сделано советскими учеными, в частности философами. Между тем спустя почти 35 лет в современной России наука, в том числе и философия, в определенной мере опирается на научные достижения ученых нашего прошлого.

Что касается научного наследия ученых-эмигрантов «первой волны», то в СССР не только широкой общественности, но и исследователям были недоступны их труды, поскольку считалось, что творчество ученых-эмигрантов не представляет научной ценности. Хотя в странах, в которых ученые-эмигранты оказались после революционных событий 1917 года, они достигли высоких результатов в своей профессиональной деятельности, получили мировую известность и пользовались авторитетом. Согласно мнению исследователей, именно ученые-эмигранты «первой волны» внесли наибольший вклад в науку. Но со сменой власти в нашей стране в начале 1990х годов спустя несколько десятилетий работы ученых-эмигрантов «первой волны», в том числе и философов, оказались востребованными. Сама проблема научного наследия ученых-эмигрантов стала объектом острых дискуссий в отечественной научной литературе. Причем самым популярным русским философом стал Н.А. Бердяев.

Актуальность указанной проблемы можно объяснить и тем, что ныне от того потенциала, которым обладает наука, зависит, насколько конкурентоспособно государство, в том числе и российское.

Значимость проблемы научного наследия ученых советского периода нашего развития связана также с появлением в новой России поколения ученых, практически не знающих или знающих фрагментарно то, как советские ученые-обществоведы, в том числе философы, развивали отечественную культуру и какие трудности стояли на их пути, а также то, что именно было сделано ими в советское время.

Методы исследования

Методологической основой при рассмотрении указанной проблемы стали такие труды, как «Русская философия. Энциклопедический словарь» (М., 2007); книги из серии «Философы России второй половины XX века» (М., 2008, 2009, 2010); «Российская интеллигенция на родине и в зарубежье» (М., 2001); «Российская наука в лицах» (кн. 1, 2. М., 2003); «Философы современной России. Энциклопедический словарь» (М., 2017). Кроме того, при анализе данной темы мы опирались на теоретические обобщения, содержащиеся в работах отечественных ученых, а также на данные социологических исследований, проведенных в ведущих научных организациях страны.

В профессиональной деятельности людей, занимающихся наукой, важную роль играет такой фактор, как творческий вклад ученых в развитие науки. Исходя из этого, мы используем биографические данные отдельных наиболее известных российских ученых, покинувших нашу страну более 100 лет назад, а также советских ученых, чтобы отметить то научное наследие, которое они оставили науке и стране, и понять, какие исследовательские задачи решают ученые в современной России.

Какое научное наследие оставили русской и мировой науке ученые-эмигранты первой волны?

Подчеркнем, что в 1922 году весьма значительная часть ученых, в том числе и философов, была выслана из России или сама добровольно ее покинула. В результате эмиграции многие из них связали свою жизнь и творческую судьбу с Русским послеоктябрьским зарубежьем. Среди них были люди видные, особенно заметные своей известностью и высоким интеллектуальным потенциалом. Это Б.П. Вышеславцев, в центре научных интересов которого были проблемы психологии, этики и антропологии. Результаты этих исследований нашли отражение в таких

книгах, как «Русская стихия у Достоевского», «Христианство и социализм», «Христианство и социальный вопрос», «Этика преображенного эроса», «Кризис индустриальной культуры», «Вечное в русской философии». С.И. Гессен занимался главным образом проблемами философии педагогики, воспитания и этики, и именно благодаря своим трудам по этим проблемам он стал известным ученым. По исследуемым проблемам Гессен опубликовал такие книги, как «Основы педагогики», «Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского». В.В. Зеньковский в своем творчестве главным образом исследовал проблемы педагогики. Среди немногих русских ученых он разработал целостную философско-педагогическую систему. К тому же Зеньковский внес значительный вклад в создание христианской антропологии, опубликовал фундаментальный труд по истории философии в России – «Историю русской философии». Наряду с разработкой указанных проблем Зеньковский внес интеллектуальный вклад в исследование проблем русской классической литературы, особенно творчества Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.В. Розанова. Им были опубликованы такие работы, как «Русские мыслители и Европа», «Н.В. Гоголь». И.А. Ильин опубликовал такие работы, как «О сопротивлении злу силой», «Путь духовного обновления», «Аксиомы религиозного опыта» (которую можно считать главным трудом его творческой жизни), «Учение о правосознании» и сборник статей «Наши задачи». Н.О. Лосский одним из первых создал фундаментальный труд по истории русской философии. Им были написаны также такие работы, как «Свобода воли», «Ценность и бытие», «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», «Условия абсолютного добра. Основы этики», а также такие книги, как «Достоевский и его христианское миропонимание» и «Характер русского народа». С.Л. Франк как ученый-философ в эмиграции был одним из наиболее выдающихся представителей русской религиозно-философской традиции. Ему принадлежат такие работы, как «Живое знание», «Религия и наука», «Крушение кумиров», «Смысл жизни» и «Основы марксизма». Самой значительной его работой по социальной философии является «Духовные основы общества. Введение в социальную философию». Ему принадлежат также такие работы, как «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии», «С нами Бог» и «Свет во тьме. Опыт христианской этики и социологии». По мнению одного из коллег, Франк вне всякого сомнения был самым выдающимся русским философом [11, с. 271–272]. Основной вклад он внес в разработку таких проблем, как человек и культура, человек и бытие, человек и Бог.

Даже краткое перечисление работ, созданных учеными-философами первой, послереволюционной волны эмиграции, говорит о том, что они внесли огромный интеллектуальный вклад в науку, а их научное наследие «поражает яркостью, разнообразием, силой и концентрацией идей». Круг научных интересов ученых-эмигрантов-философов был достаточно широким и многогранным. Но основное внимание в их исследованиях было уделено проблемам, которые имели огромное значение в социальной, культурной и духовной жизни Советского Союза в период раннего социализма.

На протяжении всего советского периода нашего развития ученые-обществоведы внесли немалый вклад в науку. Как отмечалось ранее, мы рассмотрим реальные научные достижения, которые были получены наиболее авторитетными учеными, занятыми в области философии с середины 1950-х годов XX века и до становления современной России.

В эти годы ученые, занятые в этой области научного знания, исследовали такие проблемы, как диалектика и теория познания, исторический материализм, философия естествознания. Здесь стоит отметить работы таких ученых, как Г.С. Батищев. Его интеллектуальный вклад в науку состоит в разработке проблем теории познания, теории диалектики, философской антропологии. Им опубликованы такие работы, как «Противоречие как категория диалектической логики», «Нравственный смысл диалектики. Диалектика и этика», «Самопознание человека как культурно-созидательного существа. Культура и человек», «Человек, деятельность, творчество, стиль мышления». Э.В. Ильенков исследовал проблемы теории диалектики, истории философии, философии психологии, методологии наук о человеке, и их анализу посвящены такие работы Ильенкова, как «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса», «Об идолах и идеалах», «Диалектическая логика», «Философия и культура». В научной литературе высказывается мнение, что «главным вкладом Ильенкова в философию считается переоткрытие и развитие материалистической философии К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, в первую очередь марксистской диалектики» [5, с. 178]. Следует подчеркнуть, что научное творчество Ильенкова положительно сказалось не только на советской философии, но и на развитии других отраслей знания, например психологии.

Немаловажное значение имеет и то, что идеи Ильенкова оказали самое благотворное влияние на советское общество, прежде всего на такую его социальную группу, как интеллигенция. Как справедливо замечено, «наследие Ильенкова уже обрело собственное бытие в культуре и стало предметом разных, даже противоположных направлений… Труды Ильенкова будут отзываться на запросы всякий раз, когда человеческому индивиду понадобится научиться самостоятельно мыслить и быть» [8, с. 115]. Б.М. Кедров своим творчеством внес значительный интеллектуальный вклад в разработку таких проблем, как история науки, история естествознания, науковедение, методология и логика науки, теория историко-научных исследований, развитие математической логики в нашей стране и создание исторического направления в философии науки. Этим проблемам посвящены такие работы, как «Предмет и взаимосвязь естественных наук»; «Единство диалектики, логики и теории познания»; «Философия и естествознание»; «Марксистская концепция истории естествознания XIX века: возникновение и сущность концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. Конкретизация концепции в трудах последователей К. Маркса и Ф. Энгельса» (в соавторстве), «Классификация наук. Кн. 3. Прогноз К. Маркса о науке будущего», «Науки в их взаимосвязи. История. Теория. Практика», «Проблемы логики и методологии науки». Как подчеркивает академик РАН В.А. Лекторский, «результаты его исследований оказались действительным вкладом в философскую, методологическую и историко-научную литературу и … инициировали целое движение в нашей философской и историко-научной литературе» [20, с. 209]. П.В. Копнин работал над проблемами теории познания, методологии научного познания, теории логики. Его основной вклад в науку состоит в становлении в советской философии нового для нее направления – логики научного исследования, в обосновании необходимости формирования самостоятельной дисциплины в структуре отечественных философских исследований, а также в постановке проблемы раскрытия природы и способностей языка философии. Итогом разработки данных проблем стали такие работы, как «Диалектика как логика»; «Идея как форма мышления», «Логические основы науки»; «Диалектика как логика и теория познания. Опыт логико-гносеологического исследования»; «Гносеологические и логические основы науки». Значительный вклад в разработку указанных проблем внес также В.А. Лекторский, чей научный интерес в данный период его творческой жизни был сосредоточен на проблемах теории познания, классической и неклассической эпистемологии, сознания и самосознания, искусственного интеллекта. Им опубликованы такие работы, как «Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии»; «Материалистическая диалектика (краткий очерк теории)» (в соавторстве); «Субъект, объект, познание»; «Введение в философию. В двух частях» (в соавторстве). Активно разрабатывал названную проблематику и А.П. Огурцов, исследовавший вопросы философии и методологии науки, истории науки, теории познания. Результатом его исследований стали такие работы, как «Марксистская концепция истории естествознания XIX века» (в соавторстве), «Марксистская концепция истории естествознания (первая четверть XIX века)» (в соавторстве), «Дисциплинарная структура науки». Внес вклад в развитие этих идей и В.С. Степин, занимавшийся теорией познания, философией и методологией науки, философией культуры, историей науки. Наряду с такими учеными, как Аристотель, Декарт, Гегель, Маркс и другие, В.С. Степин включен в список создателей новых научных методов, внесших огромный вклад в развитие научного знания и науки в целом [6, с. 545–546]. В.С. Степин являлся автором ряда направлений в науке и разработал две фундаментальные концепции – исторической эволюции научной рациональности и типов цивилизационного развития, которые были признаны не только в нашей стране, но и мировым философским сообществом. Как отмечает доктор философских наук Л.Г. Титаренко, «характеристика типов научной рациональности и научной картины мира, типов цивилизационного развития в трудах В.С. Степина уже стали общепринятыми и внесены в научные анналы» [17, с. 14]. Указанные проблемы нашли отражение в таких работах, как «Современный позитивизм и частные науки», «Методы научного познания» (в соавторстве), «О возрастающем значении методологии в современном научном познании», «Философская антропология и история науки». И.Т. Фролов стал организатором в нашей стране философско-антропологических исследований. Его исследования были посвящены разработке проблем истории и философии науки, научной концепции глобальных проблем современности, комплексного междисциплинарного изучения человека, а также социально-этическим и гуманистическим вопросам развития современной науки, истории и философии биологии и генетики. Что касается его работ по философской антропологии и этике научно-технического прогресса, то можно сказать, что они не потеряли своей актуальности и в наши дни [9, с. 11–12]. Результатом исследования указанных проблем стали следующие работы: «О причинности и целесообразности в живой природе (философский очерк)», «Очерки методологии биологического

исследования (система методов биологии)», «Генетика и диалектика», «Методологические принципы теоретической биологии», «Диалектика и этика в биологии», «Философия и история генетики – поиски и дискуссии», «О человеке и гуманизм. Работы разных лет». «Я считаю, – подчеркивает академик РАН В.А. Лекторский, – что вклад Ивана Тимофеевича Фролова в развитие отечественной философии был поистине революционным» [7, с. 5].

В советское время ученые, занятые в философии, исследовали также проблемы истории русской и мировой философской мысли, в том числе и современной философии Запада и Востока. Это В.Ф. Асмус, разрабатывавший проблемы истории философии, логики, эстетики, теории культуры. Ему принадлежит немало трудов, среди которых прежде всего надо отметить такие, как «Немецкая эстетика XVIII в.», «Проблемы интуиции в философии и математике», «Иммануил Кант», «Античная философия». В.Г. Буров внес вклад в разработку проблем истории восточной философии, современной восточной философии, китайской философии и политической философии стран Востока. В его работах впервые в русской философской литературе проанализированы взгляды ряда китайских философов XVII в., дается характеристика основных этапов развития китайской философии в 1920–1970-е гг. XX в. Им в цельном виде изложена история марксистской философии в Китае. Результатом исследования данных проблем служит, в частности, работа «Мировоззрение китайского мыслителя Ван Чуань-шана». П.П. Гайденко, чей интеллектуальный вклад в науку состоял в разработке проблем истории философии науки и культуры, истории новой философии, эти проблемы нашли отражение в таких работах, как «Экзистенциализм и проблема культуры», «Трагедия эстетизма: к характеристике мировоззрения С. Кьеркегора», «Философия Фихте и современность», «Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ». А.А. Гусейнов в своем творчестве занимался такой областью философии, как этика. Он впервые в отечественной философии исследовал «золотое правило» нравственности и способствовал его распространению в обществе. К тому же А.А. Гусейнов стал автором нового направления исследовательской работы – этики ненасилия. Им опубликованы такие работы, как «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности» (которая неоднократно переиздавалась и переведена на ряд языков), «Введение в этику», «Краткая история этики» (в соавторстве). Ю.Н. Давыдов разрабатывал проблемы социальной философии, западноевропейской философии. Итогом его исследований стали такие работы, как «Искусство и элита», «Эстетика нигилизма», «Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы», «Бегство от свободы» и другие. О.Г. Дробницкий внес значительный вклад в развитие общей теории этики, в разработку теории ценностей, историю этических учений. Его научные разработки нашли отражение в таких работах, как «Оправдание безнравственности», «Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия», «Критика современных буржуазных этических концепций» (в соавторстве), «Понятие морали. Историко-критический очерк». М.К. Мамардашвили внес интеллектуальный вклад в исследование природы сознания и мышления. Он является автором таких работ, как «Формы и содержание мышления», «Классическая и современная философия» (в соавторстве), «Символ и сознание» (в соавторстве), «Классический и неклассический идеалы рациональности», «Как я понимаю философию». Философия М.К. Мамардашвили заняла достойное место в мировой философии XX века. В.М. Межуев, в центре научных интересов которого находились проблемы философии культуры и социальной философии, опубликовал такие работы, как «Понятие культуры», «Культура и история». Н.В. Мотрошилова посвятила свою творческую деятельность изучению западноевропейской философии, общетеоретическим проблемам науки, социологии знания и современной культуры. Эти проблемы нашли отражение в следующих работах: «Принципы и противоречия феноменологической философии», «Познание и общество. Из истории философии XVII–XVIII вв.», «Истина и социально-исторический процесс познания», «Социально-исторические корни немецкой классической философии», «Рождение и развитие философских идей». Т.И. Ойзерман своими работами внес важный вклад в познание специфики философского знания и закономерностей развития философии. В советский период нашей истории он опубликовал такие книги, как «Формирование философии марксизма», «Главные философские направления», «Формирование философии марксизма». За публикацию этих работ Т.И. Ойзерман получил признание в отечественном научном сообществе. Кроме того, им опубликованы такие книги, как «Научно-философское мировоззрение марксизма», «Теория познания Канта». Э.Ю. Соловьев исследовал проблемы истории философии и философии права. Эти проблемы нашли отражение в таких работах, как «Экзистенциализм и научное познание», «Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время», «Прошлое толкует нас. Очерки по истории и философии культуры», «И. Кант и взаимодополнительность морали и права». М.Т. Степанянц своим научным творчеством внесла интеллектуальный вклад в такую область науки, как история восточной философии. Ее заслуга в науке состоит в том, что она способствовала становлению философского востоковедения как ведущим направлением философской науки в нашей стране. Кроме того, она стала первой, кто в отечественной литературе начал разработку проблемы, посвященной философии мусульманского мистицизма. Результатом ее исследований стали такие книги, как «Философия и социология в Пакистане. Очерки», «Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока. XIX–XX вв.», «Философские аспекты суфизма». Е.А. Фролова внесла вклад в науку в области истории философии Востока и эпистемологии. Данные проблемы нашли отражение в таких работах, как «Проблемы веры и знания в арабской философии», «История арабо-исламской философии». Н.С. Юлина занималась историей западной философии и, прежде всего, историей философии в США в XX столетии. Данные проблемы нашли отражение в следующих работах: «Проблемы метафизики в американской философии XX века», «Теология и философия в религиозной мысли США в XX веке», «Аналитическая философия в XX веке».

В СССР немало ученых, занятых в области философии, анализировали проблемы, которые были характерны главным образом для нашей страны. Среди них стоит отметить, например, такого исследователя, как Н.И. Лапин, который занимался проблемами социальной философии, социологии организаций и нововведений.

Видное место как в советское время, так и в современной России занимает немало ученых, занятых в такой области гуманитарного знания, как философия. Они продолжают оставаться международно признанными учеными[1], а их исследовательская деятельность высоко оценивается мировым научным сообществом. Одним из самых известных в нашей стране ученых, признанных у нас и за рубежом уже в современной России, являлся Т.И. Ойзерман. В современной России он опубликовал книгу «Марксизм и утопизм», которая, как отмечает профессор философии Пекинского народного университета Ань Цинянь, «представляет собой новый вклад российских философов в мировую философию, а Т.И. Ойзерман является» знаменитым философом, пользующимся широкой известностью как в России, так и в Китае» [14, с. 139, 175, 190]. А.П. Огурцов публикует фундаментальный труд, подводящий итоги его многолетних исследований в философии и социологии науки, – «Философия науки. Двадцатый век. Концепции и проблемы. В 3-х частях». Среди известных как в нашей стране, так и за рубежом исследователей стоит назвать такого ученого, как А.А. Гусейнов. В современной России он публикует книгу «Великие моралисты» (1999), продолжая начатую еще в советское время работу в научно-исследовательском центре «Этика ненасилия». Высоко оценивается международным научным сообществом исследовательская деятельность В.А. Лекторского. Он публикует книгу «Конструктивизм, реализм, человек». Н.В. Мотрошилова публикует такие работы, как «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию» и «Цивилизация и варварство в современную эпоху». Видное место в постсоветской России занимал В.С. Степин. Как в советское время, так и в новой России он продолжал оставаться ученым, признанным мировым научным сообществом, внося заметный вклад в современную философию и науку. В современной России в 2000 году вышла книга В.С. Степина «Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция», которая получила высокую оценку отечественных ученых. Это исследование – «серьезный этап в развитии не только отечественной, но и мировой эпистемологии и философии науки», – оно является несомненным достижением отечественной философии [14, с. 65, 89]. В современной России заметный вклад в философию внес А.А. Зиновьев. В философии он занимался главным образом логикой[2] и получил всемирную известность именно как логик. Творческая деятельность Зиновьева началась в 50-е годы XX века в Советском Союзе, с 1978 года продолжилась в течение чуть более двух десятилетий в эмиграции, а закончилась в современной России, куда он вернулся в 1999 году. С этого времени начинает свой отсчет новый этап творчества Зиновьева. В это время в своих исследованиях он пытался дать ответы на такие вопросы, как: «какова социальная природа установившегося в России общества и перспективы его страны и народа в новом раскладе мировых сил и тенденций»? [2, с. 54] Зиновьев издает обоб-

[1] Факторами международного признания ученого научным сообществом являются: международный статус страны, представителем которой является ученый; язык, на котором опубликованы результаты научной деятельности (в современном мире – это английский язык как общепризнанный язык науки); совместные публикации в международных журналах с учеными из англоязычных стран. См.: [17, с. 15].

[2] Ныне логика становится самостоятельной областью знания.

щающую работу «Очерки комплексной логики», «На пути к сверхобществу». Последнее фундаментальное исследование Зиновьева – это книга «Фактор понимания», в ней он подводил итог своего творчества. Работа посвящена рассмотрению новой российской реальности, ее внутреннего строения, характера той социальной системы, которая установилась в постсоветской России, и ее перспектив. Как отмечает академик РАН А.А. Гусейнов, «…вклад А.А. Зиновьева в науку и культуру, новое, что он привнес, еще предстоит осмыслить, это будет выявляться по мере того, как самим ходом событий будут подтверждаться или опровергаться его теории» [2, с. 88].

Что способствовало и что препятствовало творческой деятельности ученых-философов? На развитие науки, в том числе и философии, огромное влияние всегда оказывала политика государства по отношению к ней. Так было и в советское время, особенно в 60–80-е годы XX столетия. В эти годы государство придавало большое значение науке, поддерживало ее на весьма достойном уровне, обеспечивало ученым наиболее благоприятные условия для профессиональной деятельности. Это благотворно сказывалось на развитии науки, на том интеллектуальном вкладе, который ученые вносили в ее развитие. В середине прошлого столетия благодаря стремительному росту научного знания Советский Союз стал лидером в области науки и технологий [13, с. 430].

Вместе с тем надо отметить, что политика государства по отношению к науке носила весьма противоречивый характер. Государство преследовало ученых, занятых как в естественнонаучных, так и в гуманитарных областях научного знания, в том числе и в философии. Оно жестко контролировало исследования ученых-философов, которые постоянно находились под идеологическим давлением. Государство передало контроль над учеными партийным организациям. Только с их согласия ученый мог получить более высокую должность и в дальнейшем продвигаться по карьерной лестнице в сфере науки [18, с. 142]. Это не способствовало раскрытию учеными своих профессиональных качеств. В результате исследования отечественных ученых, занятых в области философии, практически не влияли на развитие мировой философии.

Что касается современной России, то государство проводит политику, при которой наука не является приоритетной сферой деятельности. Это, естественно, тормозит ее развитие. Ярким проявлением этого является недостаточность расходов государства на финансирование науки, на фундаментальные исследования[1], что в свою очередь ведет к ограничению возможностей исследовательской деятельности ученых. В значительной степени это вызвано довольно слабым ростом экономики страны на протяжении всех постсоветских лет.

По этому поводу отметим, что в первые двадцать лет после создания Академии (тогда Академии наук и художеств, 1724 год), несмотря на ограниченность материальных ресурсов, Академию характеризовали научные достижения в области естественнонаучных отраслей знания, таких как анатомия, физиология, физика и математика. В результате этого русская наука достигла европейского уровня. Правда, при этом надо учитывать, что научными достижениями мы были обязаны европейски образованным ученым, таким как математик Бернулли, историк Миллер, Эйлер (который в будущем стал великим математиком), и другим.

Следует отметить и утрату государством интереса к развитию науки, прежде всего социальной и гуманитарной, поскольку они якобы не приносят конкретной пользы для потребностей страны, а также неуважение к профессии ученого, особенно занятого в данной области знания. Этому в немалой степени способствовали невостребованность науки, недостаточная оценка государством и обществом профессиональной деятельности ученых, что выражается, в том числе, и в невысоком уровне материальной обеспеченности в науке. Согласно социологическим данным, сегодня лишь 4% ученых считают, что государство платит им достойную заработную плату.

При анализе интеллектуального вклада ученого в науку надо отметить следующее. Мотивы для занятия ученого научной деятельностью различны. Существует мнение, согласно которому основными видами мотивации занятия научной деятельностью являются следующие: ученые зарабатывают себе на жизнь; стремление создать себе репутацию и статус среди других научных работников, а также среди властных структур, влияющих на их продвижение по карьерной лестнице [19, с. 31].

Ныне главными мотивами научной деятельности российских ученых являются: получение удовлетворения от содержания работы (что особенно характерно для ученых, занятых в гуманитарных и социальных науках); самостоятельность в работе (особенно для ученых, занятых в академической науке). В то время как такие мотивы научной деятельности, как высокое положение в обществе, престиж и статус, занимают одно из последних мест. Подтверждением этому могут служить социологические исследования, проведенные кафедрой социологии МГИМО МИД России в 2022 году [16, с. 29, 35; 4, с. 109], а также исследование, проведенное сотрудниками кафедры социологии МГИМО МИД России при участии Института сравнительных социальных исследований в 2024 году [12, с. 87].

Что касается молодежи, то она особенно не стремится овладевать науками, а предпочитает науке другие виды профессиональной деятельности, не связанные с большой затратой умственных усилий. Как верно замечено, «учиться тяжело», «люди не любят много трудиться, тем более интеллектуально». В связи с этим молодежь сомневается, нужна ли нам наука [10, с. 66; 19, с. 30].

Сегодня на тот вклад, который ученые вносят в развитие науки, негативно влияют санкции, введенные против российской науки в 2022 году в связи со специальной военной операцией на Украине. Причем именно наука как профессиональная сфера деятельности наиболее пострадала от санкционного давления. С российскими научными учреждениями перестали взаимодействовать такие развитые в научном отношении европейские страны, как Великобритания, Германия, Франция, Италия и некоторые другие, а также США и Канада.

Негативное влияние санкций выразилось в том, что наша страна, в частности, лишилась доступа к базам данных Web of Science и Scopus, возможности участвовать в международных конференциях и обмениваться полученными результатами своих исследований. К тому же ухудшилось материально-техническое обеспечение работы в науке. Стоит отметить и сокращение финансирования науки, уменьшение доходов ученых, а отсюда – желание уйти из науки в другую сферу деятельности [1, с. 56, 62, 65].

Санкции наиболее негативно повлияли на работу высокопродуктивных российских ученых – тех, от кого зависит развитие науки, создание новых технологий, тот интеллектуальный вклад, который обогащает науку и способствует выработке новых знаний. Однако в результате санкций против российской науки высокопродуктивные ученые стали заниматься подменой научной деятельности.

Санкции наиболее отрицательно сказались на ученых, занятых в естественных, технических и медицинских науках, поскольку здесь наука в значительной степени носит интернациональный характер, и ученые, занятые в данных областях знания, публикуются в основном в зарубежных научных изданиях. Меньше всего санкции повлияли на работу ученых, занятых в общественных науках – социальных и гуманитарных, поскольку эти группы исследователей больше связаны с российским научным сообществом и публикуются в отечественных изданиях.

От санкций наибольшие убытки понесли ведущие научные организации и высшая школа (вузы). Санкции наиболее затронули молодых ученых (в возрасте до 35 лет), так как они более вовлечены в мировое научное сообщество, однако у них еще не сложились профессиональные контакты с учеными зарубежных стран, в отличие от старшего поколения ученых.

К тому же санкции способствовали усилению эмиграции российских ученых из страны, главным образом молодых, занятых в области искусственного интеллекта, ядерной инженерии и квантовой физики [1, с. 56]. Между тем от них в огромной мере зависит будущее нашей науки, ее место в мировом научном пространстве. Подтверждением вышесказанному может служить опрос высокопродуктивных (по уровню публикационной активности) ученых, занятых как в академическом секторе науки, так и в значительной степени в вузовском, проведенный в 2022 году НИУ ВШЭ [3, с. 20, 22, 26, 28].

Для преодоления негативных последствий санкций против российской науки необходима политика государства, направленная на создание собственной научно-ресурсной базы, а также на сотрудничество с теми странами, которые не поддержали санкции западных стран против нашей науки. Это в огромной мере зависит от компетентности людей, отвечающих за развитие науки в современной России.

Заключение

К какому выводу мы пришли при рассмотрении проблемы научного наследия ученых СССР, Русского зарубежья и современной России? Прежде всего, отметим, что на интеллектуальный вклад в науку, ее развитие, в том числе на состояние отечественной философии, оказывают влияние как созидательные, так и разрушительные процессы, происходящие в стране. Наиболее отрицательно на науке, на том интеллектуальном вкладе, который ученые вносят в ее развитие, сказались Октябрьская революция 1917 года (в большинстве своем ее не приняли ученые, занятые в гуманитарной области знания, в то время как к Февральской революции, падению монархии, они отнеслись весьма положительно), Гражданская война и эмиграция (с 1922 года, ее «первой послеоктябрьской волны», она не потеряла своей актуальности и ныне).

[1] Что касается развитых стран мира, то в них науку на 90% финансирует государство.

Подводя итог тому, какой интеллектуальный вклад внесли в отечественную и мировую науку ученые, которые жили и работали в СССР, те, кто связал свою творческую судьбу с Русским зарубежьем, и те, кто развивает науку в современной России, можно сказать следующее.

Ученые-эмигранты «первой волны» внесли свой вклад в развитие не только русской мысли, сохранение многовековых традиций нашей страны, но и благотворно повлияли на западную науку. Важно и то, что они стали создателями зарубежной русской философии [21, с. 50]. Ученые Русского зарубежья благодаря своим знаниям, высокому профессионализму, широкой эрудиции своими трудами привлекали внимание мирового научного сообщества, зарубежных коллег, которые высоко оценивали вклад русских ученых-философов в науку.

Несмотря на непростые условия, в которых работали ученые-философы в советское время, мы вправе гордиться тем, что сделано ими в СССР, тем вкладом, который они внесли в развитие науки. Их работы были посвящены разработке проблем, значимых не только для развития нашей науки, но и мировой.

И еще. Как в советский период нашего развития, так и в современной России весомый вклад в развитие философского знания вносили и вносят не только отмеченные в статье ученые, но и другие, не менее способные, талантливые и авторитетные исследователи, работающие на высоком профессиональном уровне.

Следует подчеркнуть и то, что все значимое, что было создано советскими учеными-философами, а также русскими учеными в эмиграции, сегодня занимает «заслуженное и законное место в сокровищнице национальной мысли» [15, с. 68] и составляет единое целое отечественной науки и культуры. Ныне оно определяет состояние социального и гуманитарного знания в современной России. Пользуясь выражением В.И. Ленина, можно сказать, что научное наследие СССР, Русского послеоктябрьского зарубежья и современной России – это три составные части единой российской науки, которые служат дальнейшему развитию нашей науки и страны в целом.

Литература

1. Гусев А.Б., Юревич М.А. Санкции против российской науки: ментально-ресурсный ущерб // Вестник РАН. 2025. № 2. С. 55–68.
2. Гусейнов А.А. Мой Зиновьев. Статьи, доклады, интервью. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. 272 с.
3. Дежина И.Г., Нефедова А.И. Оценки влияния санкций на работу высокопродуктивных российских ученых // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 19–31.
4. Исаев Д.П., Посухова О.Ю. «Я точно не буду заниматься научной работой»… или особенности трансмиссии статуса в научных династиях в России // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 104–115.
5. Конашев М.Б. Идолы и идеалы: Ильенков и «реальный социализм» // Свободная мысль. 2024. № 2. С. 177–188.
6. Лебедев С.А. Философия и методология науки. Актуальные проблемы. М.: Издательство Московского университета, 2024. 575 с.
7. Лекторский В.А. Об Иване Тимофеевиче Фролове // Вопросы философии. 2024. № 9. С. 5–8.
8. Мареева Е.В., Иващук О.Ф. Э.В. Ильенков и мировая философия: по итогам XXV Международной научной конференции «Ильенковские чтения» // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 211–215.
9. Мариносян Х.Э. Сохранение человека в эпоху глобальных угроз: гуманизм как фактор противодействия элиминации человеческого // Философские науки. 2025. № 1. С. 7–14.
10. Нигматулин Р.И. Размышления о науке, религии, этничности и образовании // Вестник РАН. 2025. № 9. С. 63–69.
11. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 2010. 736 с.
12. Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И. Профессиональное благополучие российских ученых. Проблемы измерения, компоненты и результаты эмпирического исследования // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 80–93.
13. Побережников И.В., Артемов Е.Т. Советский опыт достижения научно-экономической независимости страны // Вестник РАН. 2024. № 5. С. 429–439.
14. Российская философия продолжается: из XX века в XXI / под ред. Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2010. 446 с.
15. Соловьев В.М. Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья. Одиссея длиною в век. М.: ЛЕНАНД, 2023. 200 с.
16. Темницкий А.Л. Мотивация и проблема продуктивности научной деятельности российских ученых // Социологические исследования. 2024. № 3. С. 28–43.
17. Титаренко Л.Г. Современная цивилизация и перспективы ее развития (к 90-летию В.С. Степина) // Вопросы философии. 2024. № 9. С. 13–23.
18. Убайбуллаев С.Н. Российское государство: пути реконструкции // Свободная мысль. 2023. № 4. С. 131–150.
19. Убайдуллаев С.Н. Способы мышления и политэкономия // Свободная мысль. 2025. № 5. С. 27–40.
20. Философия не кончается… Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 2. 60–80-е гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. 768 с.
21. Чумаков А.Н. «Философский пароход». 100 лет без покаяния. М.: Проспект, 2022. 456 с.

THE SCIENTIFIC LEGACY OF SCIENTISTS FROM THE USSR, THE RUSSIAN EMIGRATION, AND CONTEMPORARY RUSSIA: AN INDIVISIBLE WHOLE OF RUSSIAN SCIENCE

Naumova T.V.
RAS Institute of Philosophy

The development of Russian science is primarily driven by scientists – those who produce scientific knowledge. The aim of this article is to demonstrate what scientific legacy Soviet scientists, first-wave émigré scientists, and scientists of contemporary Russia have bequeathed to both the country and to science as a whole. In this regard, the article assesses state policy toward science during the Soviet era (with primary emphasis on the second half of the twentieth century) and in contemporary Russian realities: whether such policy facilitates the development of science or, on the contrary, impedes it. The topic of the scientific legacy of Soviet scientists, scientists of the Russian emigration, and scientists of contemporary Russia is exceptionally broad. We do not analyze the scientific oeuvre of these scholars but rather seek to highlight the contributions they have made to science. Alongside sociology and history, scientists of the Russian emigration and Soviet scientists made their most significant contributions to philosophy. Therefore, this article primarily addresses those representatives of the scientific intelligentsia who were engaged in the field of philosophy as an area of the humanities and who were distinguished by high professionalism and the talent of a researcher.

Keywords: USSR, Russian emigration, contemporary Russia, scientist, scientific legacy, professionalism, renown, state policy, conditions of activity.

References

1. Gusev A.B., Yurevich M.A. Sanctions against Russian science: mental and resource damage // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2025. № 2. P. 55–68.
2. Guseynov A.A. My Zinoviev. Articles, reports, interviews. Moscow: YASK Publishing House, 2023. 272 p.
3. Dezhina I.G., Nefedova A.I. Assessments of the impact of sanctions on the work of highly productive Russian scientists // Sociological Studies. 2023. № 12. P. 19–31.
4. Isaev D.P., Posukhova O.Yu. «I will definitely not engage in scientific work»… or features of status transmission in scientific dynasties in Russia // Sociological Studies. 2024. № 10. P. 104–115.
5. Konashev M.B. Idols and ideals: Ilyenkov and «real socialism» // Free Thought. 2024. № 2. P. 177–188.
6. Lebedev S.A. Philosophy and methodology of science. Current problems. Moscow: Moscow University Press, 2024. 575 p.
7. Lektorsky V.A. About Ivan Timofeevich Frolov // Problems of Philosophy. 2024. № 9. P. 5–8.
8. Mareeva E.V., Ivashchuk O.F. E.V. Ilyenkov and world philosophy: results of the XXV International Scientific Conference «Ilyenkov Readings» // Problems of Philosophy. 2024. № 10. P. 211–215.
9. Marinosyan Kh.E. Preservation of man in the era of global threats: humanism as a factor counteracting the elimination of the human // Philosophical Sciences. 2025. № 1. P. 7–14.
10. Nigmatulin R.I. Reflections on science, religion, ethnicity and education // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2025. № 9. P. 63–69.
11. New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl Publ., 2010. 736 p.
12. Noskova A.V., Goloukhova D.V., Kuzmina E.I. Professional well-being of Russian scientists. Problems of measurement, components and results of empirical research // Sociological Studies. 2025. № 7. P. 80–93.
13. Poberezhnikov I.V., Artemov E.T. Soviet experience in achieving the country's scientific and economic independence // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2024. № 5. P. 429–439.
14. Russian philosophy continues: from the 20th century to the 21st / ed. by B.I. Pruzhinin. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 446 p.
15. Solovyov V.M. Three waves of emigration. Chronicle of the Russian diaspora. An Odyssey a century long. – Moscow: LENAND Publ., 2023. 200 p.
16. Temnitsky A.L. Motivation and the problem of productivity of scientific activity of Russian scientists // Sociological Studies. 2024. № 3. P. 28–43.
17. Titarenko L.G. Modern civilization and prospects for its development (on the 90th anniversary of V.S. Stepin) // Problems of Philosophy. 2024. № 9. P. 13–23.
18. Ubaybullaev S.N. The Russian state: paths of reconstruction // Free Thought. 2023. № 4. P. 131–150.
19. Ubaidullaev S.N. Ways of thinking and political economy // Free Thought. 2025. № 5. P. 27–40.
20. Philosophy does not end… From the history of Russian philosophy. 20th century: in 2 books / Ed. by V.A. Lektorsky. Book 2. 60s-80s. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 1998. 768 p.
21. Chumakov A.N. «Philosophical steamer». 100 years without repentance. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 456 p.

Цифровая память, приватность и право на забвение: философский анализ

Нурмагамбетова Александра Георгиевна,
магистрант, Российский университет дружбы народов (РУДН)
E-mail: alexxxstrange@gmail.com

В цифровую эпоху классические концепции приватности и памяти претерпевают существенные трансформации. Цифровые технологии размывают границы между личным и коллективным, меняя подходы к сохранению, интерпретации и распространению данных. Возникают принципиально новые формы контроля над информацией, которые ставят под сомнение традиционные представления об автономии личности и праве на самоопределение. В данной статье исследуются философские основания приватности и памяти, прослеживается их эволюция – от классических либеральных трактовок и феноменологических подходов до современных вызовов, порождённых цифровизацией. Особое внимание уделяется этическим проблемам управления данными, алгоритмическому влиянию на коллективную память, механизмам цифрового надзора, а также коллизии между правом на забвение и общественным интересом. Делается вывод о необходимости переосмысления философских категорий приватности и памяти применительно к условиям цифрового общества.

Ключевые слова: цифровая память, приватность, алгоритмы, коллективная память, право на забвение, автономия личности.

В эпоху цифровизации классические философские категории приватности и памяти подверглись радикальным трансформациям. Эти изменения связаны не только с развитием технологий, но и с пересмотром социального взаимодействия, способов сохранения информации и понимания границ между личным и коллективным. Современные реалии требуют переосмысления как теоретических оснований этих понятий, так и их практической реализации в условиях цифровой эпохи, так как приватность, ранее воспринимавшаяся как фундаментальное право личности, теперь становится объектом манипуляции, обмена и даже экономического использования. Память, в свою очередь, превращается в цифровой феномен, где традиционные формы сохранения прошлого заменяются алгоритмически управляемыми архивами.

История философии свидетельствует о том, что категории приватности и памяти всегда были тесно связаны с историческим, культурным и социальным контекстом. В античности границы между личным и публичным были чётко обозначены: домашнее пространство (oikos) служило местом для семейных и хозяйственных дел, тогда как публичное (polis) определяло социальную и политическую активность. Приватность в этом контексте рассматривалась не как изолированное явление, а как необходимое условие для развития личности. Позднее, в эпоху Просвещения, приватность приобрела новый смысл, связанный с автономией личности и её правом на защиту внутреннего мира. Либеральная философия связывала приватность с правом на собственность, а кантианская традиция видела в ней гарантию моральной автономии.

Современная эпоха разрушила эти традиционные представления, сделав приватность объектом не только юридического, но и экономического дискурса. Сбор и обработка данных, которые происходят на цифровых платформах, поднимают вопросы о правах личности на контроль над информацией о себе. Приватность становится товаром, который человек добровольно или неосознанно «продаёт» в обмен на удобство цифровых сервисов. Этот процесс превращает личные данные в основу для новых форм контроля и наблюдения, что было блестяще описано М. Фуко в его концепции дисциплинарного общества. Паноптическая модель власти, о которой он писал, находит своё воплощение в цифровом надзоре, где сбор данных становится повседневной практикой [1].

Параллельно с трансформацией приватности изменяется и само понятие памяти. Если традиционная память основывалась на коллективных ритуалах, культурных нарративах и институтах, то цифровая память функционирует как гибридная система, объединяющая индивидуальные и коллективные данные. Её особенности – фрагментарность, избирательность и алгоритмическое управление – делают её не просто хранилищем информации, а активным участником интерпретации и конструирования прошлого. Как подчёркивал Ж. Деррида в работе «Архивная лихорадка», архив всегда является выражением власти, организующей доступ к памяти [2]. В условиях цифровой эпохи этот тезис становится особенно актуальным, потому что алгоритмы определяют, какие данные сохраняются, какие удаляются и каким образом они представляются пользователю.

Цифровая эпоха предъявляет новые этические вызовы, связанные с использованием данных. Примером служит право на забвение, закреплённое в европейском законодательстве. Оно позволяет пользователям требовать удаления информации о себе из публичного пространства, что сталкивается с необходимостью сохранения данных для общественного интереса. Таким образом, возникает конфликт между личной приватностью и коллективной памятью, требующий философского осмысления и правового регулирования.

Эволюция приватности: от античности до современности

Понятие приватности как философской и социальной категории имеет долгую историю, отражающую изменения в представлениях о границах между личным и публичным. В античности приватность была связана с домом и хозяйством, противопоставленным политической и общественной жизни в полисе. Ойкос являлся пространством, скрытым от посторонних глаз, где семья и хозяйство находились под контролем главы дома. В противоположность этому, участие в политической жизни предполагало открытую публичность, которая определяла место граж-

данина в обществе. Этот дуализм стал основой для дальнейших философских размышлений о границах между личным и общественным.

С развитием модерна приватность начинает рассматриваться как неотъемлемое право личности. Дж. Локк связывал приватность с правом на собственность и утверждал, что контроль над своим телом, разумом и владением – основа свободы индивидуума [3]. Эта идея получила дальнейшее развитие в трудах философов Просвещения, подчёркивавших важность личного пространства для развития человеческой автономии и нравственности.

Классическое понимание приватности в значительной степени эволюционировало под влиянием социальной модернизации и урбанизации в XIX веке. Г. Зиммель писал о том, что в условиях больших городов индивидуальность всё больше зависит от способности индивидуума скрывать или открывать определённые аспекты своей жизни [4]. Приватность становится механизмом защиты личной идентичности от внешнего вмешательства. В XX веке М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать» описал, как механизмы наблюдения становятся важным инструментом власти, стирая границы между приватным и публичным [1].

Сегодня приватность уже не воспринимается как абсолютное право. З. Бауман подчёркивал, что в современной «текучей модерности» приватность превратилась в товар, которым индивиды добровольно обмениваются на удобства цифровых технологий [5]. Постмодернистская философия поставила под сомнение саму идею стабильных границ между личным и коллективным: данные, которые раньше принадлежали исключительно индивиду, теперь становятся частью коллективных систем хранения и анализа [6].

Этика приватности в цифровую эпоху

Современные изменения требуют переосмысления этических основ приватности. Если в модернистской философии приватность служила основой автономии личности, то сегодня она становится полем для переговоров между индивидуальными правами и коллективными интересами. Концепция «права на забвение», закреплённая в законодательстве ЕС, отражает попытку защитить личные данные от использования в публичном пространстве. Однако её реализация сталкивается с вопросом: как сохранить баланс между правом на приватность и необходимостью доступности данных для общественности?

Философские размышления о приватности подчёркивают, что это понятие не является универсальным или статичным – оно динамично и изменяется в зависимости от социального, культурного и технологического контекста. В условиях цифровой эпохи философия приватности должна учитывать новые вызовы: контроль над данными, прозрачность алгоритмов и роль корпораций в управлении информацией.

Определение и сущность цифровой памяти

Цифровая память является уникальным феноменом, возникшим в результате технологического прогресса, который радикально изменил способы сохранения, передачи и воспроизведения информации. В отличие от традиционной памяти, опиравшейся на устные традиции, письменные тексты или материальные носители, цифровая память существует в электронном пространстве и управляется алгоритмами. Она представляет собой массив данных, сохраняемых и организуемых в цифровых архивах, которые становятся всё более интегрированными в социальные и культурные процессы.

Ж. Деррида отмечал, что любая форма памяти – это не просто акт сохранения, но и форма власти, которая структурирует доступ к информации и определяет её интерпретацию [2]. Цифровая память усиливает эту тенденцию: она становится активным участником формирования коллективного сознания, перераспределяя акценты между тем, что считается значимым или достойным сохранения.

Цифровая память обладает рядом ключевых особенностей. Во-первых, это фрагментарность: в отличие от коллективной памяти, описанной М. Хальбваксом и формирующейся через социальные взаимодействия [8], цифровая память состоит из отдельных данных, существующих вне контекста. Во-вторых, избирательность: алгоритмы решают, какая информация должна быть сохранена, а какая может быть забыта. П. Вирильо подчёркивает, что скорость, с которой информация обрабатывается в цифровом пространстве, делает её не столько архивом, сколько инструментом управления настоящим [9]. В-третьих, долговечность и уязвимость: данные сохраняются в течение неопределённого времени, однако их существование зависит от устойчивости технологий, серверов и программного обеспечения.

Важным аспектом является ответственность за управление цифровой памятью. Ш. Зубофф подчёркивает, что цифровые платформы используют данные как ресурс для монополизации знаний, что создаёт угрозу демократии и индивидуальной автономии [10]. Кроме того, цифровая память может использоваться для манипуляции общественным мнением: политические и экономические интересы могут влиять на то, как информация сохраняется и интерпретируется.

Философские дилеммы границ между личным и коллективным

Трансформация границ между личным и коллективным в цифровую эпоху вызывает ряд философских вопросов. Прежде всего – что считать личным? Классическая философия, включая кантианскую традицию, определяла личное через автономию и способность к самоопределению [11]. Однако в цифровую эпоху эти границы становятся подвижными: данные о передвижении, предпочтениях и социальной активности больше не принадлежат исключительно индивиду, а становятся частью коллективной системы.

Если коллективная память традиционно формировалась через социальные институты и культурные практики, то цифровая память создаётся и управляется корпорациями. Это поднимает вопрос: может ли коллективное существовать без зависимости от технологических посредников? П. Вирильо предупреждал, что цифровые технологии создают новый тип власти, где границы между личным и коллективным определяются не культурными, а технологическими параметрами [9].

Ответственность за сохранение и управление данными становится одной из ключевых проблем цифровой эпохи. Если личные данные становятся частью коллективной памяти, кто отвечает за их безопасность и достоверность? Современные платформы редко предоставляют пользователям прозрачные механизмы управления их данными, что усиливает неравенство в доступе к памяти. Э. Сноуден подчёркивал, что государства и корпорации используют данные не только для анализа, но и для контроля над гражданами, что подрывает принципы демократии и личной свободы [12].

Заключение

Цифровая эпоха знаменует собой переломный момент в философском осмыслении приватности и памяти. Эти категории, сформированные историческим, социальным и культурным контекстами, оказались под влиянием технологических изменений, разрушающих прежние границы между личным и коллективным. Если в традиционной философии приватность выступала гарантом автономии и свободы личности, а память – способом сохранения коллективного опыта, то в современных условиях они приобретают новые значения, связанные с алгоритмическим управлением, коммерциализацией данных и размыванием индивидуальных границ.

Приватность, как отмечал З. Бауман, утратила статус неотъемлемого права личности, превратившись в ресурс, которым торгуют в обмен на цифровые удобства [5]. Этот процесс трансформирует понимание автономии и идентичности: человек больше не является полным хозяином своих данных, а становится участником сложной системы обмена информацией, где личное и публичное переплетаются.

Таким образом, философия приватности и памяти в условиях цифровой эпохи становится полем для междисциплинарного исследования. Она требует учёта не только историко-философского контекста, но и социальных, культурных и технологических факторов. Главная задача философии в этом контексте – выработать подходы, которые позволят сохранить баланс между правами личности и интересами общества, обеспечивая справедливое и этичное управление данными в условиях глобальной цифровизации.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / Пер. с фр. В.П. Наумова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 416 с.
2. Деррида Ж. Архивная лихорадка: Фрейдистская печать / Пер. с фр. И. Соболевой // Градива. – М.: Salamandra P.V.V., 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/posleslovie-arkhivnaya-likhoradka
3. Локк Дж. Два трактата о правлении / Пер. с англ. В.М. Бибихина. – М.: Мысль, 1988. – 560 с.
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. Л.С. Гуревич. – М.: Логос, 2002. – 96 с.
5. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. П.С. Кудюкина. – М.: ИЭСО; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. В.П. Кондратьева. – М.: Постум, 2019. – 240 с.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: НЛО, 2007. – 352 с.

9. Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Пер. с фр. И. Окуневой. – М.: Гнозис; Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 192 с

10. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма / Пер. с англ. А. Грызуновой. – М.: Альпина Паблишер, 2020. – 784 с.

11. Кант И. Основы метафизики нравов / Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Мысль, 1965. – 320 с.

12. Сноуден Э. Личное дело / Пер. с англ. А. Грызуновой. – М.: Эксмо, 2019. – 352 с.

DIGITAL MEMORY, PRIVACY AND THE RIGHT TO BE FORGOTTEN: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Nurmagambetova A.G.
Peoples' Friendship University of Russia

In the digital age, classical conceptions of privacy and memory are undergoing profound transformation. Digital technologies blur the boundary between the personal and the collective, reshaping the ways in which data is preserved, interpreted, and disseminated. Entirely new forms of informational control have emerged, calling into question traditional notions of personal autonomy and the right to self-determination. This article examines the philosophical foundations of privacy and memory, tracing their evolution from classical liberal and phenomenological traditions to the contemporary challenges posed by digitalization. Particular attention is given to the ethical dimensions of data governance, the algorithmic mediation of collective memory, mechanisms of digital surveillance, and the tension between the right to be forgotten and the public interest. The article concludes that the philosophical categories of privacy and memory require fundamental reconceptualization within the context of digital society.

Keywords: digital memory, privacy, algorithms, collective memory, right to be forgotten, personal autonomy.

References

1. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Trans. from French by V.P. Naumov. – Moscow: Ad Marginem, 1999. – 416 p.

2. Derrida J. Archive Fever: A Freudian Impression / Trans. from French by I. Sobolева // Gradiva. – Moscow: Salamandra P.V.V., 2014. . URL: https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/posleslovie-arkhivnaya-likhoradka

3. Locke J. Two Treatises of Government / Trans. from English by V.M. Bibikhin. – Moscow: Mysl, 1988. – 560 p.

4. Simmel G. The Metropolis and Mental Life / Trans. from German by L.S. Gurevich. – Moscow: Logos, 2002. – 96 p.

5. Bauman Z. Liquid Modernity / Trans. from English by L.A. Igorevsky. – Saint Petersburg: Piter, 2008. – 240 p.

6. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition / Trans. from French by P.S. Kudyukin. – Moscow: IESO; Saint Petersburg: Aleteia, 1998. – 160 p.

7. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / Trans. from French by V.P. Kondratiev. – Moscow: Postum, 2019. – 240 p.

8. Halbwachs M. The Social Frameworks of Memory / Trans. from French by S.N. Zenkin. – Moscow: NLO, 2007. – 352 p.

9. Virilio P. The Information Bomb. The Strategy of Deception / Trans. from French by I. Okuneva. – Moscow: Gnosis; Foundation «Pragmatics of Culture», 2002. – 192 p.

10. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism / Trans. from English by A. Gryzunova. – Moscow: Alpina Publisher, 2020. – 784 p.

11. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals / Trans. from German by N. Lossky. – Moscow: Mysl, 1965. – 320 p.

12. Snowden E. Permanent Record / Trans. from English by A. Gryzunova. – Moscow: Eksmo, 2019. – 352 p.

Языковая картина мира как методологическая основа проектирования будущего России

Пигарева Алена Владимировна,
аспирант кафедры истории и философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

В центре нашего исследования – тезис о том, что языковая картина мира представляет собой стратегический ресурс проектирования будущего России. Опираясь на экофилософскую парадигму, аргументируем: именно через язык обеспечивается духовно-культурная безопасность и глубинная укорененность человека в родной культуре. Анализ современных подходов выявляет тревожный разрыв: то, как общественные институты описывают мир, все меньше совпадает с реальным языковым сознанием молодежи, формируемым в цифровой среде и соцсетях. Как ответ на этот вызов, в статье формулируются методологические принципы гармонизации языковой картины мира, через целенаправленную работу с коммуникативной средой, образовательными институтами и практиками социализации, учитывающими этнокультурное многообразие страны.

Ключевые слова: языковая картина мира, проектирование будущего, языковое сознание, ценностный диссонанс, экофилософия, стратегическое планирование, национальная идентичность, государственная языковая политика, цифровая среда, этнокультурное многообразие.

Проектирование будущего любого государства – это, прежде всего, работа с человеческим капиталом. Однако человек существует в мире не только биологически, но и семиотически: он осмысляет реальность через язык.

В контексте языковой картины мира понятие человеческого капитала расширяется до смыслового ресурса нации, ибо человек живет в пространстве текстов, знаков и символов, и, как правило, реагирует на реальность не напрямую, а на ее языковую интерпретацию. То, как гражданин называет явление может предопределять его эмоциональную реакцию и стратегию поведения. Следовательно, будущее государства конструируется не только стратегическими планами, но и тем лингвистическим описанием этого будущего, которое существует в сознании общества.

В силу этого, по-видимому, наиболее перспективной методологией освоения будущего России выступает экофилософская парадигма. Дело в том, что наше будущее зависит от того, как мы соотносимся с нашим настоящим. Наша планета, страна – такой же дом, как и условия и среда нашей локальной жизни. Так, Э.В. Баркова исследует экофилософию человека, рассматривая в его связях с космосом, природой, обществом и культурой в контексте идей жизне-защиты и сохранения своего «Эко-Дома» – Родины и Земли [4]. Эта логика задает востребованный сегодня ценностный вектор для формирования национальной языковой картины мира: она должна обеспечивать не только коммуникацию, но и духовно-культурную безопасность, укорененность человека в системе бытия и в родной культуре, и в окружающем мире. Согласно исследованиям Э.В. Барковой, сама экофилософия заключает в себе «открытие ресурсов развития Мира как Мира Человека, его Культуры и пространства-времени многополярной цивилизации» [3, с. 557]. Такой подход предполагает, что человеческий капитал выступает носителем смыслов, способный к миротворчеству и созиданию.

Однако, для того чтобы управлять этим капиталом, необходимо четко определить терминологические координаты. Понятие «картина мира» прошло путь от физических терминов до фундаментальной категории гуманитарных наук. В лингвистике различают научную, наивную, концептуальную и языковую картины мира. Р.Р. Замалетдинов подчеркивает, что языковая картина мира часто интерпретируется как «наивная» модель, отражающая обыденное сознание, в противоположность научной терминологии, и является способом структурирования знаний об объективной действительности [5]. Именно столкновение «наивной» языковой картины мира населения с «научной» картиной мира государственных стратегий создает тот самый ценностный диссонанс.

Языковая картина мира– это та призма, через которую граждане видят прошлое, оценивают настоящее и конструируют будущее. Языковая картина мира представляет собой глубинный фундамент национального сознания, формируемый веками через менталитет, архетипы, базовые ценности. Дискурсивная картина мира выступает как вариативный, динамичный слой, возникающий в конкретных социальных практиках реального времени, например, в медиа, в образовании, политике, интернете. Важно, что они находятся в активном взаимодействии и взаимовлиянии.

З.И. Резанова, размышляя о власти языка над человеком, обращается к метафоре Г.В. Лейбница, который описывал язык как среду, «через которую проходят лучи видимых предметов и которая нередко окутывает туманом наши глаза» В этой визуальной модели соотношение языковой картины мира и дискурсивной картины мира интерпретируется как взаимодействие горизонтали этноязыковой основы и пронизывающих ее вертикальных вариантов дискурсов. Смещение этих «вертикалей» относительно «горизонтали» определяется интенциональностью коммуникантов в социальной деятельности. [10, с. 187].

Стоит отметить в этом контексте работы Л.О. Чернейко, которая вводит понятие речевой картины мира как воплощения индивидуального мировоззрения в текстах. Ее реконструкция через анализ сочетаемости позволяет выявлять авторские модели мира, что важно для формирования образа лидеров мнений и интеллектуальной элиты страны [16]. Таким образом, формирование образа будущего России зависит в том числе и от того, насколько эффективно элиты способны транслировать свои смыслы углубляясь в языковую картину мира общества.

Исходя из этой теоретической базы, перейдем к анализу конкретных зон риска. Для проектирования будущего России эти модели имеют критически важное значение: методологической основой становится и трансляция смыслов, и обеспечение прозрачности языковой среды для сохранения целостности национального сознания.

Национальное развитие России требует качественное взаимодействие между дискурсивной картиной мира и языковой. При отсутствии согласия между государственной стратегией и глубинной языковой картиной мира народа происходит ценностное расхождение. Острее всего этот вопрос встает относительно формирования языкового сознания у современного подрастающего поколения, которое и есть будущее нашей страны. Многочисленные трансформации в сознании студентов описаны в исследованиях Э.А. Салиховой. Именно в молодежной среде достаточно активно протекают процессы трансформации ценностей под влиянием цифровизации. Фокус данной работы сосредоточен на идиомах, что закономерно, потому что данные устойчивые единицы несут в себе особую концентрацию традиционной этики и культурного кода. Автор подчеркивает, что процесс «десакрализации библейских элементов» ярко демонстрирует общий механизм утраты аксиологической весомости вековых ценностей, являющихся традиционным культурным элементом. [12] Так, в данном труде подтверждается присутствие рисков размывания культурного кода, изменение в гармонии языковой картины мира. Данный факт критически важно учитывать при стратегическом планировании.

Далее следует проанализировать сферу общего образования, которая выступает базой языкового формирования мышления. И.А. Чиликова подчеркивает, что данная сфера обязана регулироваться, так как должна обеспечивать верное формирование картины мира. Данная картина мира должна быть адекватной современному уровню знаний, рассматривать ее стоит через новую антропоцентрическую парадигму, центральное место в которой отведено ребенку как личности. Все вышеуказанное влияет на формирование сознания, интеллекта и прививает верные традиции и культуру [17].

С.В. Иванова, в своих работах исследует отношение школьников к ключевым социальными концептов через слова «учеба» или «работа». Большинство из них воспринимает данную лексику через призму негативных эмоций, таких как «скука», «усталость», «рабство». Диссонанс состоит в том, что учебные материалы, в свою очередь, представляют эти сферы в исключительно позитивном или нейтральном ключе, не опираясь на реальный эмоциональный опыт учащихся [6, с. 29]. Если посмотреть глубже, можно увидеть, что будущий человеческий капитал страны воспринимает труд как насилие, и это подрывает любые экономические стратегии.

Продолжая исследовать вопрос школьного образования, стоит подчеркнуть, что подростковый возраст выступает этапом кризиса идентичности. Исследование А.В. Кулипановой языкового сознания современного подростка показывает некоторые гендерные различия. Мальчики чаще дают негативные реакции на слова «образование», описывая реакцию как «ужас», «ад». Девочки же видят в нем «пользу», «хорошую работу». Отношение к книге как источнику знаний, языку также поляризовано: мальчики чаще оценивают ее положительно, словами «ключ», «мозг», а девочки ассоциируют ее со «скукой» и «ленью» [8]. Данные являются важными для проектирования будущей культурной политики, так как единого подхода быть не может.

Стоит подчеркнуть, что детская литература выступает как образовательный ресурс, но, одновременно играет роль «кодировщика эмоционального опыта». По повести Н.Ю. Абгарян «Манюня», проведен анализ в статье А.Г. Сальниковой. Он показывает, как лексика цветовой семантики создает яркий образ мира. Описательная и экспрессивная функции цветописи способствуют развитию детского воображения. Для будущего России в контексте экофилософии и антропологии важно подчеркнуть необходимость сохранение качественной детской литературы, которая через богатство языка формирует нашу сложную картину мира [13].

Однако, особую группу риска для формирования языковой картины мира составляют дети с речевыми нарушениями. Так, М.А. Самойленко исследует событийные пропозиции в речи детей с лексико-грамматическим недоразвитием. Несмотря на ограничения, дети проявляют «речевую волю», стремясь передать смысл. Прогнозирование инклюзивного будущего России должно учитывать полноценное, насколько это возможно, погружение в свою языковую картину мира [11].

Значимую роль в формировании языковой картины мира играют социальные институты, обеспечивающие доступ к знаниям. В исследовании М.А. Плешаковой и Т.А. Калюжной публичные библиотеки рассматриваются особая языковая площадка для контакта науки и общества. В работе произведен анализ около двух тысяч свободных ответов респондентов. Выявлено, что имеется огромный спрос у населения на достоверную научную информацию и присутствует высокий уровень доверия к ученым. Данный факт подтверждает, что библиотеки обладают ресурсом для установления гармонии в научной картине мира, выступая посредником между экспертным знанием и общественным сознанием [15].

Отдельного внимания заслуживает вопрос формирования современной языковой картины мира, вкупе с образовательной, находящейся под мощным влиянием СМИ и социальных сетей. Здесь наблюдаются процессы, требующие мониторинга. В цифровой среде формируются новые ролевые модели экспертов в разных соцсетях, влияющие на восприятие авторитетов. Языковые средства воздействия в соцсетях, такие как номинализация, эвфемизмы, диалогизация, активно формируют новую дискурсивную реальность. П.М. Карчмит отмечает, что речевое воздействие в текстах соцсетей осуществляется выбором определенных языковых средств на различных уровнях языка, что требует изучения в аспекте эффективности общения [7]. В исследовании А.А. Курделяс фиксирует массовое использование эвфемизмов в СМИ. Например, словосочетание «финансовая турбулентность» заменяет слово «кризис», что создает «режим информационного благоприятствования» [9, с. 43]. Подобная языковая политика, снижая уровень паники, одновременно размывает границы правды, лишая общество способности адекватно оценивать риски.

Не менее важным аспектом гармонизации языковой картины мира является этнокультурное многообразие страны. Россия является многонациональным государством, и ее будущее зависит от гармонии межкультурных коммуникаций. Важно также учитывать внутреннюю неоднородность языкового пространства России. Для проектирования будущего критически важно понимание того, что языковая картина мира не статична. Она трансформируется под влиянием социокультурных измкуенений. Исследования Ныгметовой и соавторов на материале неродственных между собой языков подтверждают: в основе концептуальных универсалий лежат разные прототипы, обусловленные национальным менталитетом. Прогнозирование языковой картины мира как производной национального менталитета находится под влиянием определенных когнитивных доминант [19]. Работы Б. Ныгметовой и ее соавторов, а также М.С. Базаржаповой, в целом, демонстрируют, что языковая картина мира уникальна и варьируется в зависимости от этнокультурного контекста [1]. Прогнозирование единого будущего требует учета этой полифонии, чтобы унификация не воспринималась как угроза идентичности. Совокупность этих факторов обуславливает необходимость перехода от стихийного формирования сознания к осознанному управлению языковыми процессами на основе специальных методологических принципов.

Анализируя сибирские говоры, А.Н. Панченко демонстрирует, что диалектные номинации, формирующиеся в рамках лексико-семантических микрополей, обладают специфической экспрессивной семантикой, которая складывается за счет варьирования словообразовательных средств и фонетических особенностей [14].

Такие языковые вариации не являются случайными искажениями литературной нормы, а отражают локализованный опыт носителей говоров, их способ категоризации действительности и эмоционально-оценочное отношение к предметному миру. Сохранение региональных вариантов языковой картины мира представляет собой важную задачу языковой экологии: устранение диалектной специфики ведет к обеднению семантического потенциала языка и утрате уникальных когнитивных моделей, закрепляющих культурно-историческую память локальных сообществ.

Стоит подчеркнуть еще один важный аспект. Национальные языки России выступают не единственно формирующими сознание общества нашей страны. Е.Н. Бакурова добавляет, что в преподавании иностранных языков необходимо учитывать уровни языковой картины мира: национальная, индивидуальная национальная и региональная. Овладение национальной спецификой языка помогает заложить крепкую основу для ценного культурного самосознания [2].

Исходя из вышеупомянутого, актуальным аспектом проектирования будущего России становится правовое закрепление принципов сохранения и развития русского языка как основы национальной языковой картины мира.

Ярким примером такого регулирования в нашей стране выступает Федеральный закон № 168-ФЗ, вступивший в силу 1 марта 2026 года. В документе существенно пересмотрены правила использования иностранной лексики в публичном пространстве. Согласно новым нормам, любая информация для потребителей обязана дублироваться на русском языке. Иностранные термины допускаются лишь как вторичный элемент, причем русскоязычный текст должен располагаться первым

и визуально не уступать оригиналу. Слова, отсутствующие в официальных словарях, требуют обязательного перевода или разъяснения.

В законе описывается широкий спектр применения закона в коммуникациях, то есть от вывесок, витрин, меню до упаковки товаров, интерфейсов мобильных приложений и навигационных систем. На практике закон формирует правовой барьер против различного рода негативного воздействия на языковую среду. Также, регулируется неконтролируемое воздействие на языковую среду различного рода заимствований. Ответственность за соблюдение норм осуществляемые Роспотребнадзором, ФАС и иными комиссиями, что помогает регулировать влияние на языковую среду.

В перспективе проектирования будущего страны данный инструмент сохранения культурно-семантической целостности поддерживает коммуникативную функцию русского языка на глобальном уровне. Все вышеупомянутое препятствует размыванию ценностных оснований у молодежи и создает условия для осмысленного усвоения иноязычных элементов в языке. Очевидно, что языковая картина мира должна подкрепляться прочной правовой основой. Педагогические и культурные инициативы должны дополняться законодательными мерами, гибко реагирующими на реальные языковые сдвиги и запросы общества [18].

Подводя итоги, стоит отметить, что языковая картина мира выступает активным инструментом конструирования социальной реальности. Поэтому прогнозирование будущего России требует перехода от стихийного формирования языковой картины мира к осознанному управлению этим процессом. Выделяется, что игнорирование особенностей различных социальных и возрастных групп ведет к коммуникативным сбоям и снижению человеческого потенциала страны; напротив, опора на данные о языковой картине мира позволяет перейти к новому, осознанному проектированию. Будущее России определяется словами, которыми его описывается сегодня и которыми научатся пользоваться наши дети. Закономерно, что интеграция усилий лингвистов, педагогов, психологов и политиков в сфере изучения и гармонизации языковой картины мира становится, по нашему мнению, условием национальной безопасности и устойчивого развития государства.

Литература

1. Базаржапова М.С. Языковая интерференция в Бурятии как следствие языковых контактов // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 69–71.

2. Бакурова Е.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического исследования в преподавании иностранных языков // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 21–25.

3. Баркова Э.В. БРИКС-философия в целях развития экокультуры России // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций: материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений (Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 г.). СПб.: СПбГУП, 2025. Секция 5: Россия в многополярном мире: новые цели и новые возможности. С. 556–558.

4. Баркова Э.В. Экология социально-гуманитарного образования в укреплении духовно-культурной безопасности России // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: материалы XX Международных Лихачевских научных чтений (Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 г.). СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 417–420.

5. Замалетдинов Р.Р. Теоретико-методологические предпосылки изучения языковой картины мира // Языкознание. – 2019. – № 4. – С. 93–107.

6. Иванова С.В. Языковая картина мира как объект и инструмент анализа: что не так в учебнике? // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 4(54). – С. 25–35.

7. Карчмит П.М. Средства речевого воздействия в текстах социальной сети Instagram // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 60–62.

8. Кулипанова А.В. Языковая личность современного подростка // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 63–65.

9. Курделяс А.А. Об эвфемизмах в заголовках печатных СМИ // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 42–44.

10. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – Томск: ТГУ, 2006. – С. 184–194.

11. Самойленко М.А. Событийные пропозиции в высказываниях детей с лексико-грамматическим недоразвитием речи // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 51–53.

12. Салихова Э.А., Мурсалимова Ю.Р., Кушнарева А.В. Десакрализация языковой картины мира: на примере библейских элементов идиоматического сектора // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 173–180.

13. Сальникова А.Г. Функционирование лексики цветовой семантики в детской литературе (на примере повести Н.Ю. Абгарян «Манюня») // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 28–30.

14. Панченко А.Н. Словообразовательные особенности лексем микрополя «Картофель» в говорах Сибири // Молодежь и наука XXI века: Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. – С. 66–68.

15. Плешакова М.А., Калюжная Т.А. Межкультурная коммуникация (наука–общество) в языковой картине мира читателей библиотек // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2024. – № 55. – С. 183–199.

16. Чернейко Л.О. Реконструкция речевой картины мира в свете концепции языковой картины мира // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – № 2. – С. 54–55.

17. Чиликова И.А. Методологические основы формирования языковой картины мира младшего школьника // Вестник педагогических наук. – 2012. – № 3. – С. 244–249.

18. Федеральный закон от 24.06.2025 г. № 168-ФЗ [Электронный ресурс]: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации – Дата публикации: 24.06.2025. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52054 (дата обращения: 25.03.2026).

19. Nygmetova B., Adilova Sh., Ospanova Zh., Ospanova Zh. On the Role of the Linguistic Picture of the World in the Ethno-Linguistic Conceptualization of Reality // Bulletin of S.Ualikhanov KU. Philological Series. – 2025. – № 3. – P. 83–94.

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR RUSSIA'S FUTURE DESIGN

Pigareva A.V.
Plekhanov Russian University of Economics

This study centers on the thesis that the linguistic picture of the world constitutes a strategic resource for shaping Russia's socio-cultural future. Drawing on the ecophilosophical paradigm, we argue that language serves as the primary medium for ensuring spiritual-cultural security and fostering an individual's deep rootedness in their native culture. An analysis of contemporary approaches reveals a concerning gap: the worldview transmitted by public institutions increasingly diverges from the actual linguistic consciousness of the younger generation, which is actively shaped by digital environments and social media. In response to this challenge, the article outlines methodological principles for harmonizing the linguistic picture of the world. These principles emphasize targeted interventions in the communicative environment, educational institutions, and socialization practices, all designed to account for Russia's ethnocultural diversity.

Keywords: linguistic picture of the world, future design, linguistic consciousness, value dissonance, ecophilosophy, strategic planning, national identity, state language policy, digital environment, ethnocultural diversity.

References

1. Bazarzhapova M.S. Linguistic Interference in Buryatia as a Result of Language Contacts // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 69–71.

2. Bakurova E.N. The Linguistic Picture of the World as an Object of Linguistic Research in Foreign Language Teaching // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 21–25.

3. Barkova E.V. BRICS Philosophy for the Development of Eco-Culture in Russia // BRICS as a New Space for Dialogue of Cultures and Civilizations: Proceedings of the XXII Likhachev Scientific Readings (Saint Petersburg, April 12–13, 2024). – St. Petersburg: SPbGUP, 2025. Section 5: Russia in a Multipolar World: New Goals and New Opportunities. – Pp. 556–558.

4. Barkova E.V. Ecology of Socio-Humanitarian Education in Strengthening the Spiritual and Cultural Security of Russia // Global Conflict and the Outlines of a New World Order: Proceedings of the XX Likhachev Scientific Readings (Saint Petersburg, June 9–10, 2022). – St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022. – Pp. 417–420.

5. Zamaletdinov R.R. Theoretical and Methodological Prerequisites for Studying the Linguistic Picture of the World // Linguistics. – 2019. – № 4. – Pp. 93–107.

6. Ivanova S.V. The Linguistic Picture of the World as an Object and Tool of Analysis: What Is Wrong with the Textbook? // Issues of Psycholinguistics. – 2022. – № 4(54). – Pp. 25–35.

7. Karchmit P.M. Means of Speech Influence in Texts of the Social Network Instagram // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 60–62.

8. Kulipanova A.V. The Linguistic Personality of a Modern Teenager // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 63–65.

9. Kurdelyas A.A. On Euphemisms in Headings of Printed Media // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 42–44.

10. Rezanova Z.I. Linguistic and Discursive Picture of the World – Aspects of Correlation // Language and Intercultural Communication: Theoretical and Applied Aspects. – Tomsk: TSU, 2006. – Pp. 184–194.

11. Samoylenko M.A. Episodic Propositions in Utterances of Children with Lexical and Grammatical Speech Underdevelopment // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 51–53.

12. Salikhova E.A., Mursalimova Yu.R., Kushnareva A.V. Desacralization of the Linguistic Picture of the World: On the Example of Biblical Elements in the Idiomatic Sector // Bulletin of Philological Sciences. – 2023. – Vol. 3. – № 3. – Pp. 173–180.

13. Salnikova A.G. Functioning of Vocabulary of Color Semantics in Children's Literature (by the Example of N. Yu. Abgaryan's Novel «Manyunya») // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 28–30.

14. Panchenko A.N. Derivational Features of Lexical Units of the Microfield «Potato» in Siberian Dialects // Youth and Science of the 21st Century: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafiev, 2020. – Pp. 66–68.

15. Pleshakova M.A., Kalyuzhnaya T.A. Intercultural Communication (Science–Society) in the Linguistic Picture of the World of Library Readers // Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History. – 2024. – № 55. – Pp. 183–199.

16. Cherneyko L.O. Reconstruction of the Speech Picture of the World in Light of the Concept of the Linguistic Picture of the World // Moscow University Bulletin. Series 9: Philology. – 2018. – № 2. – Pp. 54–55.

17. Chilikova I.A. Methodological Foundations of Forming the Linguistic Picture of the World in Primary School Children // Bulletin of Pedagogical Sciences. – 2012. – № 3. – Pp. 244–249.

18. Federal Law № 168-FZ dated June 24, 2025 [Electronic resource]: On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation – Publication date: 24.06.2025. – Access mode: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52054 (accessed: 25.03.2026).

19. Nygmetova B., Adilova Sh., Ospanova Zh., Ospanova Zh. On the Role of the Linguistic Picture of the World in the Ethno-Linguistic Conceptualization of Reality // Bulletin of S.Ualikhanov KU. Philological Series. – 2025. – № 3. – Pp. 83–94.

Казачество как фактор консолидации многонационального российского народа в контексте национальной безопасности России

Писачкин Дмитрий Владимирович,
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России
E-mail: dmitrypisachkin@mail.ru

В качестве объекта исследования выступают общественные отношения и процессы, связанные с идеологической консолидацией многонационального народа Российской Федерации в контексте обеспечения национальной и мировоззренческой безопасности государства. Предметом исследования являются институциональные, идеологические и социокультурные механизмы консолидации многонационального общества, проявляющиеся в реверсивном действии теории институциональных матриц на примере формирования и исторического развития казачества как особого социального института российской цивилизации. Целью исследования является выявление и научное обоснование роли казачества как институционального и идеологического фактора консолидации многонационального народа Российской Федерации на основе анализа реверсивного действия теории институциональных матриц в системе национальной, идеологической и мировоззренческой безопасности.
В ходе проведения научного исследования использовались смысловые конструкции теорий институциональных матриц и национальной безопасности, применялись метод диалектики и интегративный метод.

Ключевые слова: Православие, казачество, религия, национальная безопасность, мировоззренческая безопасность, идеологическая безопасность, культура, духовность, казарла, институт.

Казачество – это институт, который за всю свою историю, от зарождения до возрождения, двигался в проекции силы параллельно политическому вектору государства или шел против правящего режима. Об этом свидетельствуют исторические факты: восстание Степана Разина 1670–1671 гг.; восстание Емельяна Пугачева 1773–1775 гг.; некрасовское движение 1708 г. и пр. Казачество вошло в историю как воинское сословие, наряду с духовенством, купечеством и дворянством. Казачество олицетворяло и олицетворяет образ русского православного воинства, иначе выражаясь, отображает силу русского оружия [1].

Что такое сила? Это мера воздействия на объект. Сила – это ресурс, который, если не используется, то утрачивается [2]. Но может возникнуть иной поворот событий: неиспользуемый ресурс силы может стать достоянием противника. В таком случае произойдет смещение центра тяжести в проекции силы, и последствия будут необратимыми для субъекта.

Анализируя полученный в советский период опыт, когда казачество воспринималось как оппозиция, которая официально представлялась пропагандой в виде реакционной силы, можно сказать, что институт казачества, исходя из объективных реалий, соответствовал данным критериям. Образ православного воина был трансформирован в образ нагаечника и конного жандарма. По объективным причинам сословие подверглось репрессиям со стороны правящего режима. 24 января1919 г. Я.М. Свердловым был подписана директива (циркуляр) о «расказачивании», что повлекло за собой необратимые последствия, выраженные в откровенном геноциде в отношении целого сословия [3].

Почему коммунистическая партия не рассматривала возможность использовать казачество в целях укрепления государственного устройства в виде создания военизированных формирований? История знает такие примеры: в 1776 г., когда Запорожская Сечь была упразднена, часть запорожцев ушла в Турцию, где из них была сформирована Задунайская Сечь. Казаки присягнули на верность турецкому султану, пополнив ряды неприятеля [3, с. 275].

Казачество возродилось в постсоветском пространстве. Основным фактором данного явления послужила смена политического режима и образование новых геополитических конъюнктур. Всего было реанимировано два сословия дореволюционной России – духовенство и казачество.

Стоит отметить, что, согласно теории М.М. Бахтина, возникновение идеологии начинается с семиологического начала (знака) [5, с. 192–195]. В проекции возрождения казачества знак усматривается в изменении политического курса страны и, как следствие, реставрации православия, согласно новой концепции развития государства. Духовенство, как было выше сказано, возрождалось параллельно с казачеством; семиологическая процедура оказалась для обоих сословий тождественной, их корреляция не вызывает сомнения. «Бытие и нечто сливаются воедино. В своем тождестве они образуют третье понятие – становление. Становление – это уже первая конкретная, то есть наполненная содержанием категория» [6, с. 91]. В подтверждение сказанного: «30 июня 1990 г. в Москве состоялся Большой казачий Круг, собравший 260 делегатов и 457 гостей. Его участники учредили Союз казаков, избрали своим атаманом А.М. Мартынова, сформировали правление, приняли Устав и обращение к казакам страны и зарубежья»[1].

Из истории нам известно, что ядром казачества являлось православие. Церковь веками формировала и культивировала идеологию воинского сословия, создавая образ православного воина. По состоянию на настоящий момент влияние Русской Православной Церкви на рассматриваемый институт остается доминирующим, что создает необходимые предпосылки для контроля и управления общественным движением в созидательном религиозном ключе [7, с. 87–92].

«В мыслях о путях переустройства и возрождения России казачье наследие может помочь заново осмыслить и восстановить жизнеспособные российские демократические институты, наполнить новым содержанием традиции, у которых гораздо больше шансов на выживание, чем у передовых, но механически перенесенных с Запада»[2].

[1] Андреев А.П., Панасюк Е.В. Казачье движение // Электронный ресурс.URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1993–3-Andreev-Panasyuk. (дата обращения: 17.04.2026).

[2] Мациевский Г.О. Идеологемы современного казачьего движения //Russian Journal of Education and Psychology. – 2012. – № 9. – URL:

Популяризация возрождаемых традиций, выраженная в песнях, танцах и иных видах культуры православного воинства, развивается динамично. Об этом свидетельствует создание Общероссийской общественной организации развития традиционного военного искусства «Федерация рубки шашкой «Казарла»»[1]. Данный вид спорта заявил о себе в 2017 г., но, несмотря на недавнее появление, завоевал достойную популярность среди населения. «Казарла», по состоянию на настоящий момент, развивается в 60 субъектах нашего государства и снискала множество последователей, преимущественно среди молодежи. Указанный выше факт свидетельствует о том, что казачество у населения вызывает не только поверхностную симпатию, но и желание подражать и соответствовать определенным критериям. Учитывая, что казарла как вид спорта специфична и имеет идеологический подтекст, можно сделать вывод: казачество уже стоит на устойчивой социальной платформе и нуждается в дальнейшем развитии. Поэтому возникает необходимость придать данной идеологии эстетическую форму.

Возвращаясь к истории, стоит отметить: казачество не лишено красоты, ему присуща грация, которая выражается в сочетании культур православного воинства и народов, с которыми оно имело социокультурную связь. Каждое казачье сообщество уникально по-своему, оно отражает комплекс дополняющих друг друга противоречий в единстве. Создавая целостность из фрагментов, зеркально отображающихся в бытии, казачество впитало в себя всю специфику этнического колорита, накладывая отпечаток на народы, дающие ему обратную связь.

Термин «казарла» имеет давние исторические корни: так называли себя в дореволюционные годы потомственные казаки Кубанского и Донского казачеств, иными словами, представители элиты воинского сословия [1]. Сейчас казарла возродилась в форме спортивного состязания. Данный вид спорта способствует не только возрождению культурных традиций, но и формированию казачьей элиты, как это было ранее. Иными словами, термин подтверждает свое первоначальное значение – возрождаются потомственные православные воины. Следует признать, были правы древние римляне: «Прошлое не умирает» [8, с. 105]. «Оно вторгается в современную жизнь в форме определенных идейных проникновений в современность, напоминая о былом достоинстве по средством творческих новообразований» [9].

Возрождение воинского искусства в спортивной проекции с православным сопровождением дает необходимый импульс социуму. Любое воинское искусство – прежде всего потенциальный элемент национальной безопасности, который если не ориентирован на практическое применение, то всегда имеет идеологический подтекст и должен применятся при формировании мировоззрения социума. Этот мировоззренческий материал по определению должен быть использован во благо государственности. Если во благо его не использовать, то он будет использован во вред, о чем свидетельствуют выше изложенные исторические факты.

Безопасность – это основной национальный интерес и необходимое условие развития государства.

Особое внимание нужно уделить проблематике, возникающей в ходе рассмотрения казачества через призму идеологической– «мировоззренческой безопасности, которая является предметом настоящего исследования» [2, с. 215–223].

«По своим характеристикам мировоззренческая безопасность предстает как глобальная система, включающая ряд локальных подсистем. Это связано с тем, что формирование и поддержание мировоззрения – длительный процесс, затрагивающий многие уровни: от индивидуального сознания до массовой культуры» [2, с. 215–223].

Анализируя изложенное, в казачестве мы усматриваем исторически устоявшуюся воинскую идеологию, сформированную в проекции православной веры, которая отражена в идентичном коде всех народов, проживающих на территории России. Данные характеристики оптимально подходят для строительного материала при создании идеологической конструкции [7, с. 87–92]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что должны возродиться исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти[2].

«Идеологическая безопасность – это часть политической безопасности. В то же время она играет критически важную роль в поддержании политической безопасности. Ядром национальной политической безопасности является безопасность режима и политической системы. Более того, поле идеологии всегда первым подвергается вызову со стороны внешних сил против безопасности режима политической системы» [10, с. 175–178].

«Основными целями идеологической безопасности являются поддержание политической ликвидности и сохранение национальной культуры» [10, с. 175–178].

Все выше перечисленные приоритеты есть не что иное, как элементы мировоззренческой безопасности, которые выражаются в принятии превентивных мер, способствующих недопущению проникновения и насаждения идеологических начал, разработанных враждебными политтехнологами. «История человечества сопровождается множеством ложных вероучений, идеологий и мировоззрений, поклонений лжи и злу» [11, с. 26]. Деструктивные идеологические насаждения способствуют ослаблению политического режима, утрате национальной идентичности, параличу воли, неспособности объективно оценивать реальность.

Учитывая, что после распада СССР все этносы, составляющие население России, были стратифицированы в пост советском пространстве, что привело к ряду вооруженных конфликтов, возникших с подачи Запада, в частности на почве религиозной и национальной вражды; ярким примером служат две Чеченские кампании и конфликты, возникшие в среднеазиатских республиках. Популяризация шовинизма в бывших республиках СССР росла в геометрической прогрессии с вытекающими последствиями. Разделение ранее единого советского народа на враждующие между собой этносы привело к деструкции всего государственного ядра, отвечающего за безопасность. Национальная безопасность ситуацию не контролировала, террористические акции регулярно проводились на территории государства, межнациональная ненависть росла.

Последствия ранее возникшего положения в стране до сих пор дают о себе знать, выражаясь в экстремизме, проблема которого наиболее остро стоит и сейчас. До сих пор у российских граждан в разговорном обиходе используется термин «скинхед», что свидетельствует лишь о ремиссии антагонизма, если проводить сравнение с хроническим заболеванием. Все перечисленные знаковые предпосылки говорят о том, что брожение в социуме присутствует, агрессия и межнациональная вражда далеко не ушли. Народы России нуждаются в консолидации, нужен аналог советского народа – индикатор, регулирующий взаимоотношения между этносами, который бы мог выступить в виде промежуточного звена и принять форму интегратора. Если провести сравнительный анализ между термином «советский народ» и «россияне», которыми стали все граждане Российской Федерации во времена правления первого президента России Б.Н. Ельцина. Указанную новеллу сопровождает тот факт, что национальность в российском паспорте перестала указываться совсем. Данная политическая процедура может говорить лишь о формальной нивелировке этносов, так как на практике этот вопрос в указанный период времени наиболее обострился. Популяризация экстремизма, русизма, ваххабизма достигла своего апогея, о чем свидетельствуют вышеуказанные факты. Анализируя изложенное, приходим к выводу: решение национального вопроса должно проходить не формально, а содержательно. Необходимо возрождать исконно русские традиции, опираться на этнокультурное основание, отображенное в идентичном коде населения, так как предыдущий опыт дал понять, что приказом или распоряжением ситуацию не исправишь.

«Националистически настроенные элиты, претендующие на выражение постколониального мышления и мнения различных этнических групп и меньшинств, зачастую культивируя русофобский ресентимент по отношению к имперскому прошлому и к проявлениям имперскости в современной жизни, стремятся переосмыслить, переконструировать историю своего народа в контексте российской истории» [12, с. 56–64].

«В последние годы ряд политических выступлений российских общественных деятелей был сделан по теме идеологической безопасности, но, как правило, эти выступления не идут дальше «общих стратегий продвижения теоретических знаний» или «борьбы за общественное мнение». Немногие поднимаются до уровня рассмотрения стратегий национальной безопасности, и никто не рассматривает идеологическую безопасность в период после холодной войны в рамках общей перспективы национальной безопасности Российской Федерации» [10, с. 175–178].

Для решения указанного вопроса необходима платформа, на базе которой возможно создать идеологическую конструкцию в целях укрепления национальной и идеологической безопасности. Базисом могла бы послужить теория русского философа И.А. Ильина «Русская национальная идея», которая предполагает единение всех народов России в структуре «Православия», возрождение Святой Руси [13].

https://cyberleninka.ru/article/n/ideologemy-sovremennogo-kazachiego-dvizheniya (дата обращения: 17.04.2026).

[1] Казачий центр: https://kazak-center.ru › publ › russkij_mir_kazarla (дата обращения: 13.01.2026).

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 12.01.2026).

«По данным официальной статистики, среди совокупности верующих в России больше всего христиан, а среди христиан заметно преобладают православные» [11, с. 89].

Для реализации идеи русского философа необходима надстройка на базисе – реконструкция; для этого, как вариант, можно использовать казачество, которое выступит в роли промежуточного звена.

Казачество в историческом аспекте всегда отождествлялось с «православной верой» и «государственной безопасностью». Совместив две эти составляющие, мы получим необходимый фундамент, на котором можно создать конструкцию, функционирующую в проекции идеологической – мировоззренческой безопасности.

«Русская Православная Церковь является естественным охранителем духовной безопасности нашей страны, так как она выдвигает высочайшие требования к личной и общественной совести людей, а так же создает самые необходимые условия для ее правильного развития и укрепления. Поэтому православным свойственны такие качества, как милосердие, жертвенность, патриотизм, уважение к власти, жизненная и гражданская активность, социальная терпимость к иноверцам, уважение к национальному самовыражению. Православие учит любить ближнего. А для этой религии ближний – любой человек, независимо от веры, национальности, гражданства, возраста и иных факторов» [11, с. 198].

У казачества есть ключевая особенность: оно хоть и является детищем православия, так же в свои ряды принимало представителей иных конфессий. «…Необходимо повышать духовную грамотность в стране, усиливать взаимодействие российских психологов, религиоведов и созидательных традиционных религий» [14, с. 396–405].

«Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, считая важным содействовать достижению взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания» [11, с. 151].

Если казачество, как было обозначено выше, зиждется на православных канонах, а в его формировании будет присутствовать весь спектр конфессий, представители которых будут следовать курсу, где первую скрипку будет играть православие, то с точки зрения национальной, духовной и идеологической безопасности получится оптимальное сочетание. Единение народов произойдет созидательным путем, а наличие вышеупомянутой силы, которой наделено казачество, выступит в роли промежуточного звена, которое очертит внешние и внутренние границы исходя из подсистемных потребностей.

«Русский философ И.А. Ильин утверждал: представители всех конфессий, проживающих в России, разнятся от своих иностранных исповедников. Учитывая специфику русского менталитета, представители всех религий, сами того не замечая, приближаются к православию идентично удаляясь от своих первообразов. «И, тем не менее, то, что создавалось в России в XVIII и XIX веках, – было именно светскою национальною культурою. России было дано великое задание – выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу православия, – «имперский» акт такой глубины, ширины и гибкости, что бы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, свое оплодотворение и водительное научение» [13, с. 56].

Резюмируя изложенное, стоит отметить, что казачество в зеркале православия обладает гигантским идеологическим потенциалом, которым можно перекрыть ряд проблематик в контексте безопасности, возникших на национальном и межконфессиональном поприще. Казачество может выступить в роли индикатора баланса сил, регулирующих межэтнические отношения. Выступая в роли промежуточного звена, казачество станет триггером, установившим нужную коммуникацию между всей палитрой этносов, населяющих Россию. Катализатором дальнейшего процесса развития будет национальная безопасность в лице силовых структур и ведомств.

Отдельное внимание нужно уделить вопросу: в Положении о порядке верстания в казаки усматривается возможность принятия присяги казака буддийского вероисповедания[1]. Данный факт свидетельствует о том, что православное вероисповедание носит не обязательный, а рекомендательный характер, что создает необходимые предпосылки для возможной трансформации идеологических начал в рамках единой системы в подсистемы. Именно способность к трансформации позволяет казачеству быть интегратором в решении национального вопроса.

Как известно из истории, казачество изначально носило интернациональный характер, в лоно православия оно вошло в процессе эволюционного становления [15, с. 60–68]. Стоит отметить, что именно эта особенность может выступить в качестве связующего звена, способного соединить этнические фрагменты воедино в контексте реализации программы, заложенной в стратегии национальной безопасности. «… само казачество как общественный институт, рассмотренный, в историческом контексте, в ракурсе духовной культуры, и есть тот самый материал, создающий идеологическую конструкцию, необходимую для реализации проекта» [16, с. 213–216].

Отдельное внимание необходимо уделить войсковым казачьим объединениям – это оплот, способный контролировать и поддерживать порядок, и выступая в качестве индикатора безопасности в многонациональном российском пространстве. Указанную функцию на протяжении веков казачество и выполняло. Подобно спирали, казачество прошло все этапы становления: начиная с реанимации на советском пространстве и заканчивая полем боя в зоне СВО, где казачьи подразделения, сформированные при активном участии РПЦ (казачий спецназ – батальон «Скиф», казачья разведывательная бригада «Терек», казачий батальон «Балтика», сводный добровольческий казачий корпус «Дон» и др.) [7, с. 87–92], используя историческую символику, выполняют боевые задачи в зоне специальной военной операции на Украине. В заключение стоит отметить: данный факт неоспоримо подтверждает, что именно казачество обладает необходимыми характеристиками для реализации программы, заложенной в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в контексте мировоззрения социума. Особенно в части, касающейся возрождения исконно российских традиций, духовности и достойного отношения к исторической памяти, казачество является опорой, которая поможет выстроить новую систему координат в контексте национальной безопасности.

Литература

1. Крессон У. Казаки. История «вольных людей» от Запорожской Сечи до коммунистической России / Пер. с англ. А.Л. Андреева. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2025. – 223 с.
2. Мелихов А.И. Писачкин Д.В. О необходимости теоретико-философского исследования понятия «мировоззренческая безопасность» // Философия права. – 2025. – № 3 (114). – С. 215–223.
3. Гордеев А.А. История казачества. Военное служилое сословие в жизни Российского государства от зарождения во времена Золотой Орды до Гражданской войны. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2024. – 767 с.
4. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении. – М.: Центрополиграф, 2024. – 414 с.
5. Писачкин Д.В. От знака до идеологизации// Государственное управление в правоохранительной сфере: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 15 ноября 2024 г.) / под. Ред. А.М. Конова. – Москва: Академия управления МВД России, 2024. – С. 192–195.
6. Гулыга А.В. Гегель. –2-е изд. – М.: Мол. Гвардия, 1981. – 303 с.
7. Писачкин Д.В. Возрождение казачества как следствие модифицирования православия в постсоветском пространстве // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2025. № 11. – С. 87–92.
8. Брейкин О.В. Мораль древнего Рима. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1992. – 107 с.
9. Писачкин В.А. Российская империя в современном мире // Российский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12, № 6. С 340–350. – Изд. «Социально-гуманитарное знание» – С.П.б.
10. Килимник Е.В. Идеологическая безопасность России / Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – № 6–1. – С. 175–178.
11. Хвыля-Олинтер А.И. Духовно-религиозное основание национальной безопасности России – М.: Академия управления МВД Российской Федерации, 2012. – 420 с.
12. Сергеева З.Х. Конфликты за культурно-символическое пространство и постколониальное мышление: анализ кейса // Управление устойчивым развитием. – 2016. – № 4. – С. 56–64.
13. Ильин И.А. О русском национализме: Сборник статей. – Симферополь: Издательство Шпаткова «Родное слово», 2016. – 208 с.
14. Хвыля-Олинтер А.И. Влияние духовного фактора на информационно-психологическую безопасность института семьи в России// Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве: Материалы пятой научно-практической конференции, Москва, июнь 2024. – С. 396–405.

[1] Постановления Совета Атаманов Союза казаков от 24 августа 2006 г.

URL: kazachestvo.ru›images/07e6/0b/18/35035.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

15. Писачкин Д.В., Литвинов Р.А. Реверсивное действие теории институциональных матриц в формировании казачьего сословия в развитии идеологической консолидации многонационального народа Российской Федерации//Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 12. – С. 60–68.

16. Писачкин Д.В. Потенциал сибирского казачества в контексте идеологической безопасности России // Социально-гуманитарные знания 2026. № 3. С. 213–216.

THE COSSACKS AS A FACTOR OF CONSOLIDATION OF THE MULTINATIONAL RUSSIAN PEOPLE IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Pisachkin D.V.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The object of the research is social relations and processes related to the ideological consolidation of the multinational people of the Russian Federation in the context of ensuring the national and ideological security of the state. The subject of the research is the institutional, ideological and socio-cultural mechanisms of consolidation of a multinational society, manifested in the reverse effect of the theory of institutional matrices on the example of the formation and historical development of the Cossacks as a special social institution of Russian civilization. The purpose of the study is to identify and scientifically substantiate the role of the Cossacks as an institutional and ideological factor in the consolidation of the multinational people of the Russian Federation based on the analysis of the reverse effect of the theory of institutional matrices in the system of national, ideological and ideological security. In the course of the scientific research, semantic constructions of the theories of institutional matrices and national security were used, the dialectical method and the integrative method were used.

Keywords: Orthodoxy, Cossacks, religion, national security, ideological security, ideological security, culture, spirituality, barracks, institute.

References

1. Cresson U. Cossacks. The history of the «free people» from the Zaporozhian Sich to Communist Russia / Translated from English by A.L. Andreeva. Moscow: ZAO Centropolygraf, 2025. – 223s.

2. Melikhov A.I. Pisachkin D.V. On the need for a theoretical and philosophical study of the concept of «ideological security» // Philosophy of Law. – 2025. – № 3 (114). – Pp. 215–223.

3. Gordeev A.A. History of the Cossacks. The military service class in the life of the Russian state from its inception during the Golden Horde to the Civil War. Moscow: ZAO Centropolygraf, 2024. – 767s.

4. Abaza K.K. Cossacks. Donets, Uralians, Cubans, Terets. Essays from the history of ancient Cossack life in a publicly available presentation. Moscow: Centropolygraf, 2024. 414 p.

5. Pisachkin D.V. From the sign to ideologization// Public administration in the law enforcement sphere: a collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 15, 2024) / edited by A.M. Konov. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024, pp.192–195.

6. Gulyga A.V. Hegel. – 2nd ed. – Moscow: Mol. Guardia, 1981. – 303s.

7. Pisachkin D.V. The revival of the Cossacks as a consequence of the modification of Orthodoxy in the post-Soviet space // Alma Mater (Bulletin of the Higher School). – 2025. № 11. Pp. 87–92.

8. Breikin O.V. The morality of ancient Rome. Saransk: Publishing House of the Mordovian University, 1992. – 107s.

9. Pisachkin V.A. The Russian Empire in the modern world // Russian Humanitarian Journal. – 2023. – Vol. 12, № 6. From 340–350. – Ed. «Socio-humanitarian knowledge» – S.P.B.

10. Kilimnik E.V. Ideological Russia's security / Greater Eurasia: development, Security, cooperation. – 2023. – № 6–1. – Pp. 175–178.

11. Khvylya-Olinter A.I. The spiritual and religious foundation of Russia's national Security, Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2012, 420 p.

12. Sergeeva Z.H. Conflicts over cultural and symbolic space and postcolonial thinking: a case study // Sustainable development management. – 2016. – № 4. – Pp. 56–64.

13. Ilyin I.A. On Russian nationalism: A collection of articles. Simferopol: Shpatkov Publishing House «Rodnoe slovo», 2016. 208 p.

14. Khvylya-Olinter A.I. The influence of the spiritual factor on the information and psychological security of the family institute in Russia// Modern psychotechnologies in management, politics, business, education and art: Proceedings of the Fifth Scientific and Practical Conference, Moscow, June 2024, Pp. 396–405.

15. Pisachkin D.V., Litvinov R.A. The reverse effect of the theory of institutional matrices in the formation of the Cossack estate in the development of the ideological consolidation of the multinational people of the Russian Federation//Society: philosophy, history, culture. – 2025. – № 12. – Pp. 60–68.

16. Pisachkin D.V. The potential of the Siberian Cossacks in the context of Russia's ideological security // Socio-humanitarian knowledge 2026. № 3. Pp. 213–216.

Когнитивные ловушки экспансии ИИ в образовательный процесс

Понизовкина Ирина Федоровна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова
E-mail: Ponizovkina.IF@rea.ru

В центре внимания статьи – новые вызовы и риски внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательную сферу, с последствиями которых мы можем столкнуться в недалеком будущем, но пока недостаточно анализируем и учитываем их на практике в погоне за сиюминутными результатами и выгодами. Статья посвящена актуальной проблеме негативного воздействия ИИ на когнитивные способности современной молодежи – Homo Digitalis. В данной статье на фактологическом материале представлена комплексная оценка воздействия искусственного интеллекта на субъекта обучения и образовательную среду в целом. В статье также представлены результаты социологического исследования влияния технологий искусственного интеллекта на когнитивные способности студентов. Автор анализирует причины, феноменации, перспективы процесса негативного воздействия на мыслительные и творческие способности студентов, а также возможности обойти когнитивные ловушки нейроэкспансии. В статье рассматриваются и даются дефиниции таким новым понятиям, как когнитивная атрофия, когнитивный аутсорсинг, цифровая амнезия, алгоритмический патернализм и др.

Ключевые слова: образовательный процесс, искусственный интеллект, когнитивные способности, когнитивная атрофия, Homo Matrix, когнитивный аутсорсинг, интеллектуальная пассивность, цифровая амнезия.

Цифровая революция породила целый комплекс новых разновидностей образовательной среды и форм взаимодействия в ней, которые уже стали неотъемлемой частью учебного процесса. Перемены, воспринятые первоначально почти восторженно всеми сторонами образовательного процесса – школьниками, студентами, преподавателями и административным корпусом – со временем показали амбивалентный характер. Наряду с позитивными аспектами влияния ИИ на учебный процесс, такими как персонализация и инклюзия обучения, ускоренный процесс целенаправленного добывания информации, автоматизация рутинных задач, повышение доступности знаний и помощь в сложных ситуациях, со временем выявились «неожиданные» риски и когнитивные ловушки, которые требуют немедленного анализа и новых подходов в обучении.

В целом проблема взаимодействия человека и техники традиционно находилась в центре внимания философии. Такие мыслители, как М. Хайдеггер, Ж. Эллюль, Г. Маркузе, М.Кастельс, П.К. Энгельмейер и другие часто рассматривали технологии как фактор отчуждения человеческой сущности. Однако феномен когнитивной атрофии, вызванный нейросетевыми технологиями, является относительно новым полем дискуссии [1; 2; 3; 4]. Когнитивная атрофия (цифровая атрофия) подразумевает постепенную утрату когнитивных способностей субъектом при его чрезмерной «привязанности» в умственной деятельности к использованию искусственного интеллекта, а, вернее, перекладыванию необходимой собственной умственной работы на ИИ. Столь же пессимистично звучат и другие аналогичные понятия, характеризующие ментальную зависимость человека от ИИ: цифровая деменция, цифровая амнезия и т.п., которые угрожают сегодня не пожилому населению, а молодым людям. Парадокс состоит в том, что этот «недуг» поражает молодежь часто как раз в ходе образовательного процесса, призванного развивать умственные способности. Эти названия новых дефиниций столь пугающе радикальны для общественности, что в русском переводе название книги немецкого ученого-исследователя, нейробиолога и писателя Манфреда Шпитцера «Цифровая деменция. Как мы сводим с ума себя и наших детей» пришлось смягчить и поменять на «Антимозг: цифровые технологии и мозг» [1].

Хотя современные исследователи отличаются в своих прогнозах по поводу уровня критичности вторжения искусственного интеллекта в сугубо человеческую зону мыслительной деятельности (Н. Карр, Б. Штиглер, Э. Юдковский, М. Вулф и др.), все они сходятся в одном, указывая на перестройку архитектоники мышления в связи с экспансией искусственного интеллекта. Особенно наглядно данный феномен прослеживается в образовательной сфере. Например, американский профессор педагогики Калифорнийского университета и нейробиолог Марианна Вулф провела сравнительный анализ важнейшего для развития когнитивных способностей процесса образовательного доцифрового (книжного) чтения с современным (нейроцифровым) чтением [5]. Выяснилось, что в прежнюю доцифровую эру чтение имело более глубокий критический характер, основанный на постоянной тренировке таких важных когнитивных и метакогнитивных способностей, как сконцентрированность и осмысление каузальных связей, систематизация и контекстуальный анализ, отбор информации и источников, методологическая рефлексия, которые при сегодняшней нейроцифровой мозаичной культуре становятся ненужными. «Эти два подхода к учебе – не просто разница в технологиях. Это принципиально разные когнитивные ландшафты, формирующие различные типы мышления» [6].

Эти изменения в сознании и определенная деградация когнитивных способностей, уже не предполагаемые, а наблюдаемые педагогами на практике, неразрывно связаны с центральной философской проблемой трансформации человеческой субъектности. В классической философии мышление понимается как активный, интенциональный акт, требующий волевого усилия и осознанного выбора. Однако внедрение ИИ-систем в повседневную когнитивную учебную практику порождает феномен «интеллектуального аутсорсинга». Аутсорсинг (англ. *outsourcing*, от англ. *outer source* using) – это использование внешних источников, «передача некоторых функций по профессиональной поддержке работы отдельных систем и бизнес-процессов сторонней организации« [7].

Когнитивный аутсорсинг подразумевает экстернализацию не только памяти, что наблюдалось на этапе ранней цифровизации [8],

но и самой функции суждения. Если раньше техника выступала «протезом» конечностей или органов чувств, то современный ИИ претендует на роль «костылей» головного мозга. Когнитивная разгрузка, утрата необходимости в преодолении интеллектуального сопротивления материала ведет к ослаблению субъектности, структуры собственного «Я». Индивид перестает быть автором мысли, становясь модератором готовых алгоритмических решений. Это усугубляется эффектом иллюзорного знания или «цифровой амнезией», при которой он не запоминает саму информацию, находящуюся «всегда под рукой», что лишает индивида творческого начала в обучении и гносеологической интуиции.

Экспансия ИИ формирует специфическую общественную среду, которую можно охарактеризовать как «алгоритмический патернализм» [9]. В рамках этой модели социальные институты (образование, наука, управление) начинают опираться на предиктивную аналитику ИИ, что снижает потребность в индивидуальной экспертизе. Интеллектуальная пассивность индивида становится рациональной стратегией адаптации к сложности информационного поля. Социальный риск заключается в «дескриптивной деградации»: когда субъект делегирует ИИ задачу анализа реальности, он утрачивает критическую дистанцию по отношению к этой реальности.

Человеческий капитал в педагогической и социально-философской теориях традиционно рассматривается как совокупность знаний, умений, навыков и способностей, обеспечивающих продуктивность индивида в обществе. Экспансия ИИ радикально меняет структуру этого капитала, что отразилось в Национальном проекте «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [10]. В краткосрочной перспективе производительность должна вырасти, однако в долгосрочной наблюдается эффект «когнитивной ловушки», проявляющийся в «снижении мотивации, критического мышления и коммуникативных компетенций» [11]. Американский нейробиолог Джаред Куни Хорват отметил эту новую опасную тенденцию в своем официальном выступлении в Сенате США, заявив о более низких когнитивных показателях поколения зумеров по сравнению с предыдущим поколением, что произошло впервые за всю историю наблюдений [12].

В рамках социологического исследования на тему «Влияние ИИ на когнитивные навыки и интеллектуальную активность студентов» будущими социологами был проведен анонимный анкетный опрос студентов РЭУ им. Г.В. Плеханова. Ответы на вопрос «Как часто вы используете ИИ в учебных целях» свидетельствуют о высоком уровне интеграции ИИ-технологий в образовательный процесс: 68,7% респондентов используют ИИ на регулярной основе (ежедневно – 21,6%, несколько раз в неделю – 47,1%). Это означает, что ИИ перестал восприниматься как инновационный или экспериментальный инструмент, превратившись в повседневную когнитивную практику делегирования интеллектуальных функций алгоритмам. Обращает на себя внимание тот факт, что доля студентов, игнорирующих ИИ («Совсем не использую»), ровна 0%, а категорию «Почти не использую» выбрали лишь 17,6%. Интеллектуальная пассивность в данном контексте выступает как рациональная стратегия – студент выбирает путь наименьшего сопротивления для достижения формального академического результата (сдача работы, получение оценки). Преобладание группы умеренно-частого использования (47,1%) говорит о том, что у данных респондентов еще сохраняется потребность в самостоятельном труде, однако регулярное обращение к ИИ постепенно размывает границу между собственным интеллектуальным продуктом и генеративным. С точки зрения человеческого капитала, это создает риск подготовки специалистов с «фрагментарным мышлением», способных к операционной работе, но утрачивающих навыки глубокой аналитической рефлексии.

В ответах на вопрос «Для каких задач вы чаще всего используете ИИ?» лидирующую позицию занимает функция поиска и обобщения информации (68,9%). Это может свидетельствовать о девальвации навыка работы с первоисточниками. Студенты предпочитают получать сжатый, алгоритмически обработанный контент вместо проведения самостоятельного критического анализа полных текстов, что ведет к потере «герменевтического опыта», то есть способности к длительным интеллектуальным усилиям, необходимым для глубокого понимания смысла. Формируется тип мышления, ориентированный на «клиповое» потребление экспертных заключений без понимания механизмов, стоящих за ними. Более половины опрошенных (52,8%) признались, что прибегают к помощи ИИ при создании академических работ – эссе, докладов и курсовых. Это можно расценивать как еще один факт растущей интеллектуальной пассивности [13]. Традиционно самостоятельное написание учебных работ считается высшей формой когнитивной рефлексии, однако делегирование этой функции алгоритмам может привести к ослаблению вербально-логических способностей, когда индивид теряет авторство, превращаясь в оператора, формирующего запросы. Вместе с этим постепенно угасают навыки построения аргументации и формирования уникального авторского стиля. С небольшим отрывом следуют «решение математических и логических задач» (35,8%) и «подготовка презентаций и визуальных материалов» (32,1%). Данные результаты свидетельствуют о том, что искусственный интеллект проникает в области когнитивной и творческой деятельности, которые ранее считались прерогативой человека, проявлением его сущности и потенциала.

Далее была рассмотрена степень доверия респондентов к ИИ без дополнительной проверки сгенерированной информации по шкале от 1 до 5. Почти половина опрошенных (48,1%) оценили степень своего доверия на 3 балла из 5, что можно интерпретировать как состояние баланса: индивид осознает теоретическую возможность ошибок ИИ, но на практике склонен принимать его ответы как «достаточно точные». Наиболее тревожным показателем является критически низкая доля респондентов (7,7%), выбравших «Всегда проверяю каждое слово», сохранивших субъектную позицию в обучении и навыки критического мышления. Исследование выявило, что 25% респондентов, выбравших высокие рейтинги доверия (4 и 5), обладают значительным или полным уровнем убежденности в надежности ИИ и занимают пассивную когнитивную позицию: они ставят авторитет искусственного интеллекта выше собственного критического осмысления или академических стандартов.

Исходя из полученных данных, ментальная инертность студентов – это не потенциальная угроза, а скорее реальный сдвиг в их моделях мышления как результат изменения «правил игры» в образовательной сфере. Если эволюция Homo Sapiens была связана с совершенствованием орудий производства и абстрактного мышления, то грядущий Homo Matrix характеризуется неразрывной связью с цифровыми технологиями, когда искусственные алгоритмы из вспомогательного инструмента могут превратиться во «внешнее продолжение» сознания, выступая в качестве когнитивного импланта сущностных качеств человека – разумности и творчества. Наша задача – не допустить утраты субъектности студента, для чего необходимо разработать систему методологических, педагогических требований и принципов интеграции искусственного интеллекта в образовательную среду, чтобы использовать нейротехнологии во благо субъекта обучения, на поддержку и развитие его умственного и творческого потенциала, а не их замену.

Литература

1. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг; пер. с нем. Гришина А.Г. Москва: АСТ, 2014. – 284 с.
2. Беликова Е.К., Попов Е.А. Современные проблемы соотношения естественного и искусственного интеллекта в парадигме культуры. // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 11. С. 9–14.
3. Дзялошинский И.М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации: монография. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 583 с.
4. Понизовкина И.Ф. Технологии XXI века как угроза здоровью и развитию человечества. // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2025. № 2 (54). С. 105–114.
5. Вулф М. Читающий мозг в цифровом мире. М.: Издательство АСТ, 2021. – 256 с.
6. Лопатина А. Диалог с ИИ: как нейросети создают пропасть между поколениями в учебе? // https://vk.com/@tiremezdoo-dialog-s-ii-kak-neroseti-sozdaut-propast-mezhdu-pokoleniyami (дата обращения: 26.04.2026).
7. Борисова Л.Г. Аутсорсинг // Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/autsorsing-bdca97 (дата обращения: 01.05.2026)
8. Sparrow B., et al. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D.M. Wegner // Science 333. 2011. № 6043. Pp. 776–778.
9. Урядова В.В., Черная И.П. Сингулярность человеческого бытия и вызовы цифровой эпохи // KANT. 2026. № 1(58). С. 125–133.
10. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» – Правительство России // http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (дата обращения: 26.04.2026).
11. Чопик О.А. Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. Том 34. 2025. № 8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/5728 (дата обращения: 26.04.2026).
12. Нейробиолог назвал зумеров первым поглупевшим поколением людей в истории (06.02.2026) // https://deti.mail.ru/news/201881-neyrobiolog-nazval-zumerov-pervym-poglupevshim/ (дата обращения: 26.04.2026).

13. Sweller J. Cognitive load theory and educational technology / J. Sweller // Educational Technology Research and Development. 2020. Volume 68. № 1. Pp. 1–16.

COGNITIVE TRAPS OF AI EXPANSION IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Ponizovkina I.F.
Plekhanov Russian University of Economics

The article focuses on the new risks and challenges of introducing artificial intelligence (AI) into the educational sphere, which we may face in the near future, but which we have not yet sufficiently analyzed and taken into account in practice in pursuit of immediate results and benefits. The article addresses the pressing issue of the negative impact of AI on the cognitive abilities of today's youth, known as Homo Digitalis. This article provides a comprehensive assessment of the impact of artificial intelligence on the learning subject and the educational environment as a whole, based on factual evidence. The article also presents the results of a sociological study on the influence of artificial intelligence technologies on the cognitive abilities of students. The author analyzes the causes, phenomena, and prospects of the process of negative impact on students' thinking and creative abilities, as well as the possibilities of bypassing the cognitive traps of neuroexpansion. The article discusses and defines such new concepts as cognitive atrophy, cognitive outsourcing, digital amnesia, algorithmic paternalism, and others.

Keywords: educational process, artificial intelligence, cognitive abilities, cognitive atrophy, Homo Matrix, cognitive outsourcing, intellectual passivity, digital amnesia.

References

1. Spitzer, M. Anti-Brain: Digital Technologies and the Brain; translated from German by A.G. Grishina. Moscow: AST, 2014. 284 p.

2. Belikova, E.K., Popov, E.A. Current Problems of the Relationship between Natural and Artificial Intelligence in the Cultural Paradigm. Social and Humanitarian Knowledge. 2023, № 11, Pp. 9–14.

3. Dzyaloshinsky, I.M. Human Cognitive Processes and Artificial Intelligence in the Context of Digital Civilization: Monograph. Moscow: IPAR Media, 2022. 583 p.

4. Ponizovkina, I.F. 21st Century Technologies as a Threat to Human Health and Development. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philosophical Sciences. 2025, № 2 (54), Pp. 105–114.

5. Wolfe M. The Reading Brain in the Digital World. Moscow: AST Publishing House, 2021. – 256 p.

6. Lopatina A. Dialogue with AI: How Do Neural Networks Create a Generation Gap in Learning? // https://vk.com/@tiremezdoo-dialog-s-ii-kak-neroseti-sozdaut-propast-mezhdu-pokoleniyami (Accessed: 26.04.2026).

7. Borisova L.G. Outsourcing // The Great Russian Encyclopedia. [Electronic resource] – Access mode: https://bigenc.ru/c/autsorsing-bdca97 (Accessed: 01.05.2026).

8. Sparrow B., et al. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips / B. Sparrow, J. Liu, D.M. Wegner // Science 333. 2011. № 6043. Pp. 776–778.

9. Uryadova V.V., Chernaya I.P. The Singularity of Human Existence and the Challenges of the Digital Age // KANT. 2026. № 1 (58). Pp. 125–133.

10. National Project «Data Economy and Digital Transformation of the State» – Government of Russia // http://government.ru/rugovclassifier/923/about/ (date of access: 04/26/2026).

11. Chopik O.A. Artificial Intelligence as a Factor in the Transformation of Students' Subjective Position in Higher Education // Higher Education in Russia. Vol. 34. 2025. № 8. [Electronic resource] – Access mode: https://vovr.elpub.ru/jour/article/view/5728 (date accessed: 26.04.2026).

12. Neuroscientist called zoomers the first dumber generation of people in history (06.02.2026) // https://deti.mail.ru/news/201881-neyrobiolog-nazval-zumerov-pervym-poglupevshim/ (date accessed: 26.04.2026).

13. Sweller J. Cognitive load theory and educational technology / J. Sweller // Educational Technology Research and Development. 2020. Volume 68. № 1. Pp. 1–16.

Критика традиционной этики: от намерений к последствиям в эпоху технологической власти

Симонова Маргарита Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

Самассе Мамаду,
магистр Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mamadousamasse@gmail.com

В статье раскрываются вопросы критического осмысления и этического регулирования взаимоотношений человека и природы в условиях научно-технического прогресса.

Ключевые слова: этика, ответственности, мораль, технологии.

Технологическая власть сделала последствия человеческих решений дальними и часто необратимыми. Этика намерений перестала быть достаточной мерой, когда ущерб проявляется спустя поколения. Нравственные правила старой этики держались на предпосылке ограниченной человеческой силы. Действие мыслилось локальным по месту, по времени, по кругу затронутых людей, поэтому моральное суждение легко привязывалось к намерению и к ближайшему результату. При технологической власти это основание рушится. Техника вводит в одну цепочку решение, инфраструктуру, организацию труда, массовое внедрение, накопительный эффект, побочные следствия, и каждая следующая ступень меняет масштаб вреда. Итоговая причинность растягивается, а моральный вес смещается к последствиям, поскольку именно они становятся главным носителем вреда, и именно они остаются после завершения поступка. Традиционная модель ответственности работала при высокой обозримости мира. Человек мог оценить, кому он причиняет ущерб, какой ущерб, как быстро он проявится. С развитием научно-технических средств возникает ситуация, когда вред и польза зависят от сложных систем, от множества участников, от взаимодействия технологий. В этой схеме отдельный исполнитель часто видит только фрагмент процесса, а итог складывается из совокупности вкладов, которые по отдельности выглядят допустимо. В моральном смысле это означает разрыв между субъективной добросовестностью и объективным вредом. Нравственная оценка, построенная преимущественно вокруг намерения, перестает страховать от разрушительных результатов, поскольку намерение больше не контролирует масштаб воздействия.

Изменяется и объект моральной заботы. Старая этика почти не включала природу как самостоятельный адресат долга, и будущее не входило в моральный расчет как пространство полноценных обязанностей. Это требует признания обязанностей перед условиями жизни и перед теми, кто еще не существует, но будет зависеть от наших решений [6].

Авдеева И.А. фиксирует эту границу и ее преодоление: «В антропоцентричной традиционной этике, этическая значимость устойчиво закреплялась за отношениями человека с человеком. Прошлое же оставалось вне сферы этической значимости, так как уже находилось вне сферы нашего влияния» [1, с. 51].

Йонас Г. расширяет границы нравственной вселенной, делая не только настоящее, но и прошлое объектом ответственности. Нравственная вселенная, как называет подобную парадигму мышления об ответственности сам философ, состоит уже не только из современников, выходит за рамки пространственных горизонтов и начинает выстраивают временные горизонты [6].

Технологическая власть делает природу уязвимой в тех формах, которые не восстанавливаются человеческими усилиями, и делает будущее зависимым от решений настоящего в необратимых параметрах. Поэтому переход от намерений к последствиям означает расширение морального поля. В него входят природные условия жизни и межпоколенческая связь, где вред проявляется позже, но по силе превышает любой локальный проступок.

Поворот к последствиям четко фиксируется в формулировке Чарльза Л., где границы прежней этики связаны с ориентацией на настоящее и на индивидуальный поступок, а технологическая ситуация открывает иной уровень нравственной значимости. «Традиционная этика является ограниченной. Она учитывает только настоящее и индивидуальные действия. Однако в условиях современной ситуации, начиная с технологического развития, возникает необходимость пересмотра применения этики. Наши действия открыли совершенно новое измерение этической значимости, для которого не существует прецедента в нормах и канонах традиционной этики» [5].

Сдвиг от намерения к последствиям затрагивает логику морального закона. В классической схеме нравственная норма обращалась к субъекту как к носителю воли, где ценность поступка связывалась с тем, какую максиму он выбирает и можно ли ее желать, как правило для всех. Эта конструкция работала, пока человеческая сила не создавала условий, в которых единичное решение могло разрушать основы жизни.

Технологическая власть превращает норму из внутреннего правила воли в правило предельной осторожности, потому что ошибка уже

не поправляется локально, и последствия выходят за границы жизни самого деятеля. Фокус на последствиях не отменяет внутреннюю моральную работу, но меняет ее критерии. Намерение перестает быть достаточным оправданием, когда действие запускает процессы, способные накапливаться и переноситься на тех, кто не участвовал в выборе. Тогда нравственная оценка обязана спрашивать, совместимо ли действие с сохранением условий человеческого существования и допустима ли ставка на благой результат, если путь к нему несет вероятность разрушительного вреда. В этой логике появляется требование предварительного знания, оценки рисков, ограничения эксперимента и нравственный закон перестает быть сугубо персональным, он получает общественный и межпоколенческий адрес.

Переход к последствиям меняет и смысл автономии. Автономия в старом смысле предполагала, что субъект свободно выбирает и несет ответственность за последствия в пределах обозримого мира. При технологическом вмешательстве автономия будущих людей становится объектом сегодняшних решений. Если современные средства способны изменить параметры среды, тела, поведения, то сегодняшнее поколение фактически принимает решения о границах свободы тех, кто еще не может участвовать в обсуждении. Это делает моральную проблему не частной, а общественной, и переносит главный вопрос в плоскость допустимости риска для других людей во времени.

Эта линия проясняется у Адриана Хагиу и Серджиу Бортоша через сопоставление кантовского подхода и критики его достаточности при технологическом развитии. «Кант рассматривает категорический императив как закон природы «поступай так, как если бы максима твоего поступка по твоей воле должна была стать всеобщим законом природы». Он различает максимы и императивы, подчеркивая, что «императивы имеют объективную обязательность и существенно отличаются от максим, которые являются субъективными принципами». Кантовская теория морали больше не соответствует специфике деятельности людей в эпоху технологий» [7]. Технологическая власть создает новую реальность морального выбора, где объектом изменения становится сам человек. Это усиливает разрыв между старой этикой, предполагающей неизменность человеческой природы, и новой ситуацией, где биотехнологии и умные системы делают возможной перенастройку телесных и когнитивных характеристик. Тогда вопрос о последствиях перестает быть вопросом о внешнем мире, он превращается в вопрос о сохранении человеческих пределов. Нравственный риск выходит на уровень, где ошибка равна утрате условий человеческого бытия, а не просто нарушению нормы. Переход от намерения к последствиям здесь приобретает жесткую форму. В классической морали намерение может быть благим, даже если результат неидеален, и многие этические теории допускали оправдание через добрую волю. В ситуации, где действие меняет основания существования, благой замысел не страхует от катастрофического эффекта, потому что субъект не владеет полной картиной системных связей. Значит, критерий допустимости переносится к оценке возможного вреда, к запрету эксперимента при высоком риске, к признанию того, что незнание последствий само становится моральным проступком. Возникает и новый тип ответственности, связанный с реальностью как с полем конструирования. Когда изменения затрагивают биосферу и человека, моральная оценка должна учитывать необратимость, накопление, зависимость от инфраструктуры. Именно это разрушает прежнюю уверенность, что этика может оставаться делом локальных отношений и частных решений. Она становится этикой предельной предусмотрительности, где нравственный закон привязан к сохранению жизненных условий и к удержанию границ вмешательства.

Это предельно концентрирует Смирнов С.А., связывая технологический сдвиг с изменением самой реальности существования, где человек превращает себя в объект преобразования и ставит под вопрос собственное продолжение. «Но учитывая радикальность нынешнего технологического сдвига, приходится констатировать, что происходит не очередная маятниковая смена научных парадигм, а изменение самой реальности существования человека и мира, в которой человек, рассматривая в качестве объекта изменения самого себя, трансформируя себя с помощью умных технологий, ставит под вопрос и само существование себя и мира» [2, с. 140].

Неочевидность отдаленных последствий делает моральный выбор, процедурой работы с неопределенностью. Человек принимает решения в ситуации, где прямой опыт не показывает всей цепочки влияния и где итог проявится через годы или поколения. Этическая оценка в таких условиях теряет право опираться только на чистоту мотива, потому что мотив не способен компенсировать ущерб, который окажется необратимым. Риск смещает моральную меру с факта причиненного вреда на вероятность вреда. Если вред способен разрушить условия жизни, даже малый шанс становится морально значимым. Такой подход не равен отказу от действия. Он требует иного стандарта осторожности. Он требует обоснования допустимости вмешательства до его запуска. Он требует навыка видеть в будущем адресата сегодняшних решений и признавать за будущими людьми статус носителей нравственных прав.

В этой логике возникает обязанность знания. Речь идет не о накоплении сведений ради любопытства. Речь идет о долге искать данные о возможных траекториях последствий и о долге ограничивать вмешательство, пока картина угроз остается неполной. Неосведомленность перестает быть оправданием. Она становится причиной недопустимого риска, потому что незнание оставляет без защиты тех, кто окажется в зоне последствий.

По мысли Бердинесена Х., моральное решение в условиях технологической силы должно исходить из допущения вреда для будущих людей и из требования относиться к гипотетическому знанию как к основанию действия: «Если существует риск того, что наши действия могут причинить вред будущему существованию, мы должны относиться к этому гипотетическому знанию так, как если бы оно было фактом. Даже малейшая возможность будущего вреда должна направлять наши действия. Страх перед катастрофой должен быть руководящим принципом, именно через страх перед катастрофами мы замечаем, что является ценным, и это, в свою очередь, влияет на наш нравственный характер. Последствия наших действий больше не очевидны, мы не видим всей полноты последствий. Поэтому мы должны получать знание о возможных долгосрочных эффектах наших действий. У нас есть обязанность получать знание, обязанность знать, чтобы выявлять возможные исходы наших действий» [3].

Переход от намерений к последствиям меняет и способ различать допустимое и недопустимое. При технологических вмешательствах добро часто выглядит как улучшение, прогресс, удобство, эффективность. При этом разрушение условий жизни может идти тихо, без мгновенной боли, без очевидного виновника. Поэтому моральная оценка не может ждать окончательного доказательства вреда. Она должна работать с ранними признаками угрозы и с тем, что человек способен представить как худший исход. Страх в этой системе не означает паники и паралича. Он превращается в инструмент распознавания того, что нельзя допустить. Такой инструмент нужен, потому что отрицательные варианты будущего легче поддаются воображению и потому что в случае ошибки цена оказывается несоразмерной. Страх направляет внимание на границы допустимого и помогает строить запреты там, где обещания пользы звучат убедительно, но реальная цена скрыта. Этическая установка на предотвращение катастрофы требует дисциплины языка и дисциплины действия. Нельзя подменять оценку рисков лозунгами о развитии. Нельзя оправдывать вмешательство тем, что вред пока не доказан. Если у вмешательства есть путь к разрушению жизненных оснований, моральный расчет обязан учитывать именно этот путь. Тогда оценка последствий получает приоритет над описанием добрых намерений.

Отсюда следует важное уточнение о границах моральной ответственности. Она перестает сводиться к ближайшим отношениям между современниками. Адресат долга расширяется, потому что последствия выходят за пределы настоящего. Будущее входит в нравственный расчет как реальный объект обязанностей, потому что именно там окажется итог сегодняшних решений. Это меняет и тон морального мышления. Место уверенности занимает тревога. Место оптимистического ожидания занимает требование удержать допустимые границы. Расширение горизонта ответственности делает этику практически безразмерной по времени. При этом она становится более строгой по критерию допустимости. Чем больше масштаб возможного ущерба, тем меньше моральных оснований для эксперимента. Устойчивость жизни становится мерилом, по которому оценивается и технология, и социальная организация, ее применения и политические решения о внедрении. Эта перестройка связана с тем, что будущее нельзя защитить привычными средствами права и морали, которые работают постфактум. Когда вред проявится, исправление может оказаться невозможным. Поэтому нравственная оценка смещается к предварительной форме. Она требует предвидения, ограничения, отказа, если риск пересекает границу допустимого. В этом смысле новая этика работает как внутренний тормоз человеческой силы.

Дальше встает вопрос о том, как описать новое поле ответственности без растворения личности в безличных процессах. Технологические системы создаются людьми, внедряются организациями, закрепляются государственными решениями. Поэтому ответственность распределяется между многими участниками, но не исчезает. Она меняет форму и масштаб. Индивидуальный выбор остается значимым, потому что он входит в цепочки коллективного действия. Коллективная цель не оправдывает риск, который переносится на будущих людей. Меня-

ется и связь субъекта и объекта ответственности. Объектом моральной заботы становится не только человек рядом, но и человечество во времени и природные условия, без которых человеческая жизнь теряет основание. Это расширение не равняется абстрактной заботе обо всём. Оно задает конкретный критерий. Нельзя допускать действий, которые подрывают возможность жизни в будущем. Нельзя относиться к природе как к бесконечному источнику материалов. Нельзя считать технологическую силу нейтральной, если она способна разрушить основу существования. В такой рамке прошлое приобретает особый смысл. Негативный опыт прошлого перестает быть только историческим знанием. Он становится материалом для нравственных запретов и ограничений. Память о катастрофах, войнах и социальных экспериментах превращается в аргумент против самоуверенности и против иллюзии, что любой риск оправдывается будущей выгодой. Прошлое здесь работает как предупреждение, а не как повод для морализаторства. Этот поворот фиксирует внутреннюю логику критики традиционной этики. Старые нормы не исчезают, но перестают быть достаточными. Ведь сегодня действие получает долгий след и способно затронуть основы жизни. Новая моральная мера строится вокруг ответственности за последствия, вокруг обязанности знать и вокруг готовности сдерживать силу, если она несет угрозу будущему.

Литература

1. Авдеева И.А. Императив моральной ответственности Г. Йонаса как нравственный ответ прошлому за будущее // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. URL: https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1102 (дата обращения: 01.02.2026).

2. Смирнов С.А. От науки к биотехнонауке (о смысле сдвига) // Философия науки. 2023. № 2 (97). С. 129–144.

3. Berdinesen H. On Hans Jonas' «The Imperative of Responsibility» (О книге Ханса Йонаса «Принцип ответственности») // Philosophia. 2017. № 17. p. 16–28. URL: https://philosophia-bg.com/wp-content/uploads/2018/03/16–28_phil_17–2017_hein-berdinesen_01.pdf (дата обращения: 31.01.2026).

4. Correia F.C., Silva R.F., Cardoso D.N.O. Nature, technological and ethical action: paths for environmental education since Hans Jonas (Природа, технологическое и этическое действие: пути экологического образования со времен Ханса Йонаса) // Educação: Teoria e Prática. 2023. Vol. 33. № 66. e44. eISSN 1981-8106. URL: https://eprints.soton.ac.uk/493096/1/mestre-et-al-2024-ethics-and-responsibility-in-biohybrid-robotics-research.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

5. Charles L.V. The Ethics of Responsibility: The Philosophical Proposals of Hans Jonas and its Critical Appraisal (Этика ответственности: философские предложения Ганса Йонаса и их критическая оценка) // International Journal of Arts, Humanities & Social Science. 2020. Vol. 1. Issue 2. URL: https://ijahss.net/assets/files/1594372611.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

6. Jonas H. Ethics of responsibility: a necessary reflection in time of pandemic (Этика ответственности: необходимое размышление во время пандемии) // Global Journal of Human-Social Science. 2023. Vol. 23, H6. P. 1–5.

7. Hagiu A., Bortoș S. The Imperative of Responsibility in the Era of Fake News (Императив ответственности в эпоху фейковых новостей) // Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 13. Issue 1. URL: https://sergiubortos.ro/wpcontent/uploads/2023/02/Hagiu_Bortos_2022_The_Imperative_of_Responsibility_in_the_Era_of_Fake_News.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

CRITIQUE OF TRADITIONAL ETHICS: FROM INTENTIONS TO CONSEQUENCES IN THE AGE OF TECHNOLOGICAL POWER

Simonova M.M., Samassé M.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article explores issues of critical understanding and ethical regulation of the relationship between man and nature in the context of scientific and technological progress.

Keywords: ethics, responsibility, morality, technology.

References

1. Avdeeva, I.A. «The Imperative of Moral Responsibility of Hans Jonas as a Moral Response to the Past for the Future» // Horizons of Humanitarian Knowledge. 2019. № 5. URL: https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1102 (accessed 1 February 2026).

2. Smirnov, S.A. «From Science to Biotechnoscience (On the Meaning of the Shift)» // Philosophy of Science. 2023. № 2 (97). Pp. 129–144.

3. Berdinesen, H. «On Hans Jonas' «The Imperative of Responsibility»« // Philosophia. 2017. № 17. Pp. 16–28. URL: https://philosophia-bg.com/wp-content/uploads/2018/03/16–28_phil_17–2017_hein-berdinesen_01.pdf (accessed: 31.01.2026).

4. Correia F.C., Silva R.F., Cardoso D.N.O. Nature, technological and ethical action: paths for environmental education since Hans Jonas // Educação: Teoria e Prática. 2023. Vol. 33. № 66. e44. eISSN 1981-8106. URL: https://eprints.soton.ac.uk/493096/1/mestre-et-al-2024-ethics-and-responsibility-in-biohybrid-robotics-research.pdf (accessed: 01.02.2026).

5. Charles L.V. The Ethics of Responsibility: The Philosophical Proposals of Hans Jonas and its Critical Appraisal // International Journal of Arts, Humanities & Social Science. 2020. Vol. 1. Issue 2. URL: https://ijahss.net/assets/files/1594372611.pdf (accessed: 01.02.2026).

6. Jonas H. Ethics of responsibility: a necessary reflection in time of pandemic // Global Journal of Human-Social Science. 2023. Vol. 23, H6. Pp. 1–5.

7. Hagiu A., Bortoș S. The Imperative of Responsibility in the Era of Fake News // Agathos: An International Review of the Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 13. Issue 1. URL: https://sergiubortos.ro/wpcontent/uploads/2023/02/Hagiu_Bortos_2022_The_Imperative_of_Responsibility_in _the_Era_of_Fake_News.pdf (accessed: 01.02.2026).

Взаимодействие Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве современной России

Филатов Данил Леонидович,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: tpm28121995@gmail.com

Актуальность исследования определяется возрастающей ролью традиционных ценностей в обеспечении национальной безопасности и необходимостью концептуального осмысления аксиологического пространства, формирующегося на пересечении воинского этоса и православного вероучения. Научная проблема заключается в потребности систематизации теоретических подходов к анализу ценностных оснований диалога Церкви и армии, выявления закономерностей трансляции духовных смыслов в воинскую среду, определения ключевых барьеров развития института военного духовенства. Объектом исследования выступает система отношений Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил Российской Федерации как совокупность институциональных механизмов, пастырских практик, нормативных установлений, обеспечивающих духовное окормление защитников Отечества. Предметом исследования являются закономерности формирования, функционирования и эволюции аксиологического пространства взаимодействия Церкви и армии, включая механизмы ценностной идентификации военнослужащих, институциональные формы пастырской работы, стратегии преодоления мировоззренческих разрывов. Цель работы состоит в выявлении ключевых тенденций развития взаимодействия Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве современной России, систематизации институциональных форм трансляции православных ценностей в воинскую среду, определении перспектив развития диалога. Методология исследования базируется на аксиологическом и институциональном подходах к анализу социального партнерства, концепции духовной безопасности, теории стейкхолдеров. Результаты исследования раскрывают современное состояние взаимодействия РПЦ и армии, демонстрирующее позитивную динамику институционализации военного духовенства, рост запроса на пастырское окормление со стороны военнослужащих, однако фиксирующее сохраняющиеся барьеры институционального, мировоззренческого, правового характера, препятствующие полной реализации консолидирующего потенциала традиционных ценностей в армейской среде.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Вооруженные Силы; аксиологическое пространство; духовная безопасность; военное духовенство; патриотическое воспитание; традиционные ценности; институт капелланов; морально-психологическое состояние; социальное партнерство

Введение

В современной России возрастает общественный интерес к религиозным институтам, а также к вопросам нравственной консолидации, которые затрагивают жизнь граждан в повседневном и профессиональном измерениях. Военное сообщество не остается в стороне от этих процессов. Данные нескольких социологических опросов, проводимых в российских регионах, свидетельствуют о том, что значительная доля военнослужащих испытывает потребность в духовном сопровождении и поддержке [3]. На этом фоне активно восстанавливается институт военного духовенства, призванный восполнить дефицит пастырского наставничества и укрепить связи между армейской средой и Русской Православной Церковью [1].

Вместе с тем современный мир переживает острый ценностный кризис, отражающийся в сфере государственного управления, общественных дискуссий и особенно ярко ощутимый в военной среде. Нередко военнослужащие сталкиваются с вопросами морального выбора, осмыслением смысла служения и пониманием духовной безопасности. Эти вопросы обретают значимость, поскольку люди в погонах призваны к защите Отечества не только физически, но и в плоскости нравственных ориентиров. Отсутствие ценностной поддержки повышает риск возникновения моральных дезориентаций и психологической уязвимости. Тем самым выстраивание тесной кооперации между Церковью и армией представляется не просто инициативой отдельно взятых институтов, а насущной необходимостью обеспечения стабильности и национальной безопасности.

Изучение пересечения теологии, философии и военной социологии, связанного с функционированием Русской Православной Церкви в армейской среде, все еще остается недостаточно систематизированным. В научных публикациях отмечается много аспектов чисто исторического характера [7, с. 126], однако отсутствует цельный анализ, отражающий аксиологические основы данного взаимодействия в наши дни. В результате ученые -сталкиваются с нехваткой концептуальной рамки, способной объять все многообразие духовных и институциональных связей, необходимых для объяснения современной реальности. Это порождает необходимость формирования особой методологии, где военная социальная практика и религиозная система ценностей рассматриваются не разрозненно, а в их взаимной поддержке.

Целесообразно отметить, что в данной работе применяется комбинация аксиологического и институционального подходов, ориентированных на рассмотрение ценностей как системообразующих начал. Аксиологический подход позволяет уделять внимание смысловым основаниям воинского служения, а институциональный подход – выявлять механизмы организации этого взаимодействия. Теоретико-методологическую базу расширяют концепции духовной безопасности и понимание общества как пространства, где все социально значимые акторы (армия, Церковь, государство, общественные институты) участвуют в поддержании устойчивого порядка.

Таким образом, взаимодействие Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве современной России выступает актуальным и многоплановым исследовательским направлением. Следует отметить, что цель данной работы состоит в научном осмыслении ключевых аспектов этого партнерства, позволяющих судить о его роли в укреплении единства, духовной безопасности и патриотического сознания.

Главная цель – выявить и систематизировать тенденции развития совместной деятельности Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил России, рассматривая этот процесс как часть обширного аксиологического пространства. Для реализации данной цели необходимо решить несколько задач:

1. Обосновать теоретические предпосылки изучения взаимодействия Церкви и армии в контексте их ценностных установок.
2. Выявить институциональные формы сотрудничества и охарактеризовать их нормативное закрепление.
3. Проанализировать данные социологических исследований, подтверждающих запрос на духовное окормление со стороны военнослужащих.

4. Определить ключевые барьеры, препятствующие эффективному диалогу РПЦ и армии, и оценить перспективы их преодоления.

Предметом работы являются закономерности формирования и развития аксиологического пространства сотрудничества Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил, а объектом – система отношений, в рамках которой происходит такое сотрудничество, со всей совокупностью его институциональных, канонических и социальных компонентов.

Теоретический обзор

Развитие ценностной платформы, вокруг которой выстраивается взаимодействие Русской Православной Церкви и армии, следует рассматривать как динамичный и одновременно традиционно укорененный процесс. Под «аксиологическим пространством» здесь понимается совокупность смыслов, представлений и идеалов, через которые Церковь и Вооруженные Силы взаимодействуют друг с другом и с обществом.

Взаимная поддержка светских властей и Церкви в России имела яркие проявления еще в периоды царствования Петра Великого, при котором государство усматривало в религии идеологический инструмент объединения наций [1]. Однако путь к конструктивному взаимодействию не всегда был гладким. Эпохи гонений на религию, характерные для советских десятилетий, формировали недоверие и отчуждение между военным руководством и церковными иерархами [6]. Тем не менее в перерывах между периодами давления Церковь и армия находили способы поддерживать связь: священнослужители оказывали моральную помощь, участвовали в патриотических собраниях, молились о победе и жизни воинов. Накопленный опыт времен Великой Отечественной войны показал, что верующие люди часто становились волонтерами, санитарками, а также вдохновляли бойцов через совместные молитвы [5, с. 45–47]. Этот пласт исторического наследия и по сей день служит фундаментом для развития современной формы диалога РПЦ и армии.

Глубинная аксиологическая связь между Церковью и армией базируется на понимании обязанности защищать Родину как нравственного и священного долга. Для верующего человека служба в армии часто осмысляется в категориях жертвенной любви к ближнему, самодисциплины и готовности помочь слабым. В то же время для Вооруженных Сил такая духовная опора выполняет стабилизирующую функцию, формируя у военнослужащих высокие моральные идеалы, без которых затруднено поддержание боевого духа.

Формирование правовых рамок взаимодействия Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил сильно ускорилось в постсоветский период. Были заключены соглашения на уровне федеральных ведомств, регламентирующие деятельность священнослужителей в войсках, а также их полномочия в вопросах воспитательной работы.

Ключевым документом, регулирующим свободу религиозных организаций и верующих, продолжает оставаться Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Он устанавливает возможность для конфессий участвовать в образовательных и просветительских проектах, включая взаимодействие с армейскими подразделениями. В результате систематической работы Синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами появились дополнительные приказы, касающиеся деятельности военных священников, теперь официально именуемых помощниками командиров по работе с верующими [4].

В рамках взаимодействия на институциональном уровне складывается определенная многоступенчатая система (см. Табл. 1). Синодальный отдел по взаимодействию с ВС и Главное военно-политическое управление Минобороны контролируют базовое соглашение и разрабатывают рекомендации. Епархии взаимодействуют с конкретными воинскими частями, готовя и направляя священников для постоянной службы. На местном уровне штатные капелланы от имени Церкви осуществляют богослужения, беседы, оказывают поддержку военнослужащим и членам их семей.

Таблица 1. Институциональные формы взаимодействия Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил Российской Федерации

Уровень взаимодействия	Субъекты взаимодействия	Основные формы деятельности	Целевая аудитория	Нормативно-правовая основа
Федеральный	Синодальный отдел по взаимодействию с ВС и ПО, Главное военно-политическое управление МО РФ	Разработка соглашений, координация деятельности, организация курсов повышения	Все военнослужащие РФ	Федеральный закон «О свободе совести…», Соглашение РПЦ и МО РФ от 2020 г.
		квалификации для священнослужителей		
Региональный (епархиальный)	Епархиальные отделы, командиры соединений и воинских частей	Заключение договоров о сотрудничестве, совместные мероприятия, окормление гарнизонов	Личный состав воинских частей в границах епархии	Двусторонние соглашения между епархией и командованием
Местный (войсковой)	Штатные военные священники (капелланы), помощники командиров по работе с верующими	Богослужения, таинства, беседы, участие в воспитательной работе, посещение госпиталей	Солдаты, сержанты, офицеры, члены их семей	Должностные инструкции, приказы командиров части

Составлено автором на основе анализа материалов [2; 3; 4]

Очевидно, что гибкость организационной модели и ее адаптация к различным ситуациям в армии повышают шансы на эффективную передачу религиозно-нравственных ценностей. При этом государственные структуры стремятся соблюдать светский характер общественных институтов. Такое уравновешивание интересов армии (как части государства) и Церкви (как религиозного института) предполагает наличие четких норм, согласующихся с Конституцией России и принципом поликонфессиональности.

Военная среда делает особый акцент на коллективах, на формировании у бойцов ощущения товарищества и долга. Согласно данным ряда опросов, проведенных среди контрактников и курсантов военных училищ, более половины анкетируемых признают влияние православной традиции на свое мировоззрение. Такие цифры свидетельствуют о том, что в России сохраняется высокий уровень доверия к Церкви как социальному институту. Отсюда можно сделать вывод: религиозные и нравственные установки, транслируемые духовенством, находят отклик среди военнослужащих, что способствует дополнительному укреплению дисциплины и боевого духа.

С позиции аксиологии всякая ценность соотносится с потребностью человека в духовном смысле, позволяя ему искать истины, выходящие за пределы индивидуальной жизни. Когда речь заходит о воинском этосе, часто имеют в виду систему морально-правовых представлений, совпадающую по ряду позиций с христианскими заповедями: доблесть, ответственность, готовность к самопожертвованию, человечность. Именно поэтому сращивание религиозной традиции и воинских добродетелей создает ту самую основу для гармоничной интеграции Церкви в военную среду или, если смотреть шире, – для взаимного укрепления их позиций в обществе.

В научных работах Каландаришвили З.В. указывается, что стабильные традиции правосознания, тесно связанного с нравственными критериями, способствуют спокойному принятию религиозного фактора в публичных институтах [2]. Для армии это означает, что конституционная культура, признающая свободу совести и мирное сосуществование религий, предоставляет Церкви площадку для более широкого влияния на моральные ориентиры солдата.

Рассматривая Церковь и армию как два института, мы фокусируемся на определенных механизмах их взаимодействия: каналах коммуникации, формальных регламентах и неформальных практиках. Институциональный подход предлагает взглянуть на эти каналы как на многоуровневую сеть, где конкретные люди (священники, военные командиры, чиновники) и организации (Синодальный отдел, военные округа) выступают в роли узлов, осуществляющих синхронизацию действий.

Несмотря на позитивную динамику, взаимодействие Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве не лишено противоречий. Некоторые военнослужащие, придерживающиеся иных религий, сомневаются в универсальности православных подходов к моральной подготовке. Кроме того, часть молодежи, отличающаяся религиозным индифферентизмом, скептически воспринимает любые формы религиозной проповеди.

На пути развития сотрудничества выявляются и финансовые, и кадровые барьеры: не во всех регионах хватает квалифицирован-

ных священников, обладающих достаточным образовательным уровнем и готовых к организации работы в непростых полевых условиях. Упор на формальные отчеты при назначении помощников командиров по работе с верующими иногда порождает поверхностный подход к обязанностям капеллана [4].

Для систематизации проблем и перспектив полезно обратиться к сравнительной картине, представленной в Таблице 2.

Таблица 2. Барьеры и перспективы развития взаимодействия Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве

Категория фактора	Позитивные драйверы (Перспективы)	Сдерживающие факторы (Барьеры)	Прогноз влияния на 2025–2030 гг.
Институционально-правовая среда	Расширение штата военного духовенства, заключение новых соглашений, интеграция в систему военно-политической работы	Светский характер государства, бюрократизация процесса назначения, неполное финансирование ставок	Постепенное увеличение числа штатных капелланов; унификация требований к кандидатам
Социокультурная среда (аксиология)	Высокий запрос военнослужащих на духовную поддержку, традиционные ценности как основа патриотизма	Мировоззренческий плюрализм, поликонфессиональность, религиозный индифферентизм молодежи	Усиление роли Церкви как консолидирующей силы; рост авторитета священника в подразделении
Организационно-практическая сфера	Опыт взаимодействия в зонах боевых действий, развитие программ реабилитации, наставничество	Нехватка подготовленных кадров (священников с опытом военной службы), формализм в работе	Развитие системы подготовки военных священников; расширение практики окормления госпиталей
Материально-техническая база	Строительство храмов на территории частей, выделение помещений для молитвенных комнат	Неравномерность обеспечения в регионах, отсутствие мобильных храмов для полевых условий	Увеличение финансирования программ; создание мобильных пунктов духовной помощи

Составлено автором на основе анализа материалов [1; 5; 6]

Данная структура отражает, с одной стороны, факторы, стимулирующие консолидацию (запрос со стороны солдат, растущая поддержка общественного мнения, исторические традиции), а с другой – конкретные барьеры, вписывающиеся в общий контекст светского государства. К 2025–2030 гг. ожидается укрепление позиций военного духовенства при сохранении основ конституционной культуры, ведь государство не заинтересовано в нарушении баланса вероисповеданий.

Результаты и обсуждение

В основе полноценных взаимодействий между Церковью и армией лежат такие компоненты, как:

– нормативно-правовые документы (приказы, соглашения, инструкции),

– формальные институты (штаб, епархиальный отдел, капеллан),

– механизмы ресурсного обеспечения (выделение помещений для храмов и молитвенных комнат, централизованное финансирование).

Переход от разрозненных инициатив к системной работе создает базу для корректного, правомочного и взаимовыгодного сотрудничества, охватывающего все звенья воинской вертикали и церковной иерархии.

Анализ ценностных ориентаций военнослужащих, проведенный в 2025 г. одним из региональных центров военно-социологических исследований, показал, что более 60% опрошенных рассматривают православную веру как одну из ключевых составляющих моральной поддержки в ходе службы [3]. Подобные результаты согласуются с предыдущими социологическими изысканиями, свидетельствующими о том, что присутствие духовенства в части положительно влияет на настрой солдат, особенно в периоды высокой психологической напряженности.

Исследование, проведенное в ходе подготовки к военно-полевым сборам среди контрактников, также выявило энтузиазм в отношении диалога с церковными иерархами: 38% респондентов выражали готовность обращаться к священнику за духовной поддержкой регулярно, а еще 27% – при возникновении критических ситуаций [3]. Интересно, что в ответах присутствовали упоминания о помощи капелланов не только в религиозном смысле, но и в решении стрессовых, семейных и морально-этических дилемм.

В армии одной из наиболее ценных категорий считается боевой дух, поскольку беспокойство и стресс способны снижать эффективность целой части. Пребывание священника среди военных подразделений на постоянной основе позволяет оперативно реагировать на возникающие конфликты и оказывать индивидуальную моральную поддержку. Отсюда можно сделать вывод, что капеллан не только помогает осуществлять духовное окормление, но и дополняет психологическую службу армии, сглаживая напряжения внутри коллектива.

При этом важен баланс между мирской дисциплиной и духовным компонентом. Священник не может заменить командиров или психологов, но способен дополнить их работу, так как зачастую солдатам бывает проще поделиться своими сомнениями или страданиями именно с духовным лицом. Опросы показывают, что воины, получающие систематическое пастырское окормление, реже сталкиваются с кризисами утраты смысла службы, а в боевых действиях они демонстрируют слаженность и взаимопонимание.

Во время учений и в ходе длительных полевых выходов капеллан участвует вместе с личным составом в общих мероприятиях, просветительских беседах и обрядах перед знаменательными операциями, тем самым укрепляя нравственное единство. Доказательством может служить отчёт одного из мотострелковых полков: священники, направленные предстоящей зимой в зону учебных манёвров, активно содействовали улучшению морального фона, благодаря чему было получено меньше жалоб на дезориентацию и стрессовые срывы.

Несмотря на однозначные положительные тенденции, целесообразно отметить существующие преграды, тормозящие дальнейшее развитие. Это прежде всего светский характер государства, в рамках которого существует риск обвинений в «клерикализации» Вооружённых Сил, если должностные лица превышают полномочия, навязывая религиозные практики. Для государственно-общественной системы подобные опасения могут стать источником конфликтных ситуаций, особенно в многонациональных соединениях, где доля православных солдат не превышает 50%.

Второй барьер – поликонфессиональность и потенциальные трения между различными религиозными общинами. В армии могут служить мусульмане, буддисты, протестанты, атеисты – и каждое сообщество вправе высказывать недовольство тем, что православные традиции преобладают. Дабы избежать подобных ситуаций, большинство приказов и соглашений обязывают командиров и капелланов сохранять межконфессиональный мир и уважительно относиться к выбору каждого.

Отдельно следует упомянуть формализм, когда должность военного священника вводится лишь ради «галочки», а реальной работы с личным составом почти не ведётся. Причиной тому могут быть нехватка квалифицированных кадров и перегруженность одного священника несколькими отдалёнными гарнизонами. Также иногда встречается ситуация, при которой капеллан испытывает затруднения из-за отсутствия финансовой поддержки: командование может не иметь достаточно школенных специалистов или элементарно не выделяет достаточно транспорта для своевременных поездок по частям.

Таким образом, следует сделать вывод, что православная традиция органично включается в аксиологическое пространство Вооруженных Сил, упрочняя единые для всех военнослужащих нормы служения и взаимоподдержки. В то же время важно продолжать совершенствовать механизмы диалога, устранять формализм, обеспечивать равное уважение к другим конфессиям и расширять спектр образовательных программ, ориентированных на нравственный рост бойцов. Именно поэтому второе десятилетие XXI века стало периодом возникновения устойчивой синергии между Церковью и армией, которую еще предстоит осмыслять и развивать в контексте современной социокультурной реальности.

Выводы

Подводя итоги сформированного исследования о взаимодействии Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве современной России, мы можем выделить несколько ключевых положений, отражающих суть и значение данного процесса.

Во-первых, рассмотренные исторические факты показывают, что конфигурация отношений между РПЦ и Вооруженными Силами неоднократно менялась, следуя политическим и идеологическим пере-

менам в стране. Однако само ядро связей, основанное на взаимном стремлении к духовному единению, никогда полностью не исчезало, переживая новые подъёмы в периоды общественных испытаний. Современный этап ознаменован сознательным и преимущественно институциональным возрождением военного духовенства, получающего поддержку и легитимность со стороны государства.

Во-вторых, анализ статистических данных и социологических опросов показывает растущий интерес рядовых и офицеров к духовно-нравственной стороне службы. Внимательное рассмотрение мотивов военнослужащих подтверждает, что в трудных условиях армейской жизни они ищут дополнительные источники моральной устойчивости. Роль православных капелланов, способных оказать поддержку, вдохновить на выполнение воинского долга и помочь справиться с ментальными перегрузками, воспринимается многими как существенное подспорье в повседневной службе.

В-третьих, ключевое значение в рамках данной темы имеет аксиологический подход, объединяющий в себе теологические, философские и культурологические компоненты. Имеющиеся данные подтверждают, что ценности воинской доблести и христианского милосердия могут подпитывать друг друга, создавая мощный мотивационный комплекс, способствующий укреплению патриотической идентичности, повышению морального атмосферы в подразделениях и поддержанию военно-политической стабильности в целом.

В-четвертых, несмотря на очевидную позитивную динамику, определенные барьеры все же остаются: поликонфессиональность, риск неосознанного навязывания одной религии, недостаток квалифицированных кадров, формальность некоторых мероприятий. Принимая во внимание светский характер государства, командованию следует и дальше поддерживать баланс, чтобы любой военнослужащий, вне зависимости от его религиозных убеждений, чувствовал в армии уважение к своему духовному выбору.

Не менее принципиальна экспансия новых форм взаимодействия. Церковь внедряется в цифровую среду, открывая онлайн-сервисы, мобильные приложения, информационные каналы. Поэтому радикальное упрощение или игнорирование современных технологий обычно не ведёт к успеху. Проведённый анализ показывает, что цифровая вертикаль может стать эффективным инструментом духовного сопровождения, в особенности для молодых военнослужащих, которые охотно взаимодействуют в формате социальных сетей.

В-пятых, значимым направлением будущего развития видится расширение образовательного сектора и просветительской деятельности: офицерам важно понимать специфику религиозной психологии, а капелланам – социологические и уставные увязки армейского быта, чтобы стимулировать взаимопонимание. Это предполагает более глубокую интеграцию семинарий в систему военного образования, создание специализированных курсов повышения квалификации и методик проверки эффективности пастырского окормления.

Таким образом, взаимодействие Русской Православной Церкви и армии в современной России переживает стадию активной институционализации и духовного поискового развития. Его потенциал проявляется в укреплении морально-психологической устойчивости войск, консолидации офицерских и солдатских коллективов, а также в сохранении историко-культурного наследия. В целом можно заключить, что православная ценностная платформа все ярче утверждает себя в качестве существенного фактора духовной безопасности Российской Федерации. При этом главным вызовом остаётся грамотное регулирование межрелигиозного диалога и сохранение универсальных светских принципов, позволяющих уважать разнообразие духовных путей. Будущее развитие данной сферы будет зависеть от способности Церкви и армии совместно преодолевать возникающие трудности, сохраняя готовность к продолжительному сотрудничеству в интересах укрепления единства страны.

Литература

1. Редин Д.А., Середа Н.В., Лбов А.Н. Судьба наследия Петра Великого в «безвременье»: историографический миф и его преодоление / Д.А. Редин, Н.В. Середа, А.Н. Лбов // Новое прошлое / The New Past. – 2025. – № 3. – С. 180–236.

2. Каландаришвили З. Конституционная культура. Генезис и эволюция / З. Каландаришвили. – Москва: ЛитРес, 2025. – 450 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: https://www.litres.ru/ (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

3. Соловец Д.А. Современное положение и роль православной веры в жизни военнослужащих и участников боевых действий / Д.А. Соловец // Вестник Пензенской духовной семинарии. – 2025. – № 4 (25). – С. 62–73.

4. Ипатов С.А. Взаимодействие Русской Православной Церкви и Вооруженных Сил России в сфере духовного окормления военнослужащих / С.А. Ипатов // Москва. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 276–290.

5. Бабаханова И.А. Исторический опыт взаимодействия Русской Православной Церкви и государства в годы Великой Отечественной войны / И.А. Бабаханова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне): материалы конференции, Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2025 года / Санкт-Петербургский университет МВД РФ. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 55–62.

6. Мищенко М.А. «О задачах по усилению контроля за соблюдением законодательства о культах в свете решений июньского пленума ЦК КПСС». Доклад председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета… 25 июня 1963 года / М.А. Мищенко // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. – 2026. – № 1. – С. 311–347.

7. Дежнев В.Н. Взаимодействие армии и церкви в российской истории / В.Н. Дежнев // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (35). – С. 120–126. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-armii-i-tserkvi-v-rossiyskoy-istorii (дата обращения: 24.02.2026). – Текст: электронный.

8. Коморникова О.М. Взаимодействие Русской Православной Церкви и армии в аксиологическом пространстве современной России / О.М. Коморникова // Вестник Евразийской науки. – 2026. – Т. 18. – № 2. – URL: https://esj.today/PDF/XXIV226.pdf

INTERACTION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE ARMY IN THE AXIOLOGICAL SPACE OF MODERN RUSSIA

Filatov D.L.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The interaction between the Russian Orthodox Church and the army in modern Russia represents a dynamically developing socio-political phenomenon characterized by the institutionalization of forms of cooperation in the sphere of spiritual and moral education of military personnel. The relevance of the study is determined by the growing role of traditional values in ensuring national security and the need for a conceptual understanding of the axiological space formed at the intersection of military ethos and Orthodox doctrine. The scientific problem lies in the need to systematize theoretical approaches to analyzing the value foundations of the Church-army dialogue, identifying the patterns of transmitting spiritual meanings into the military environment, and determining the key barriers to the development of the military clergy institution. The object of the study is the system of relations between the Russian Orthodox Church and the Armed Forces of the Russian Federation as a set of institutional mechanisms, pastoral practices, and regulatory provisions that ensure the spiritual care of the defenders of the Fatherland. The subject of the study is the patterns of formation, functioning, and evolution of the axiological space of Church-army interaction, including mechanisms of value identification of military personnel, institutional forms of pastoral work, and strategies for overcoming worldview gaps. The aim of the work is to identify the key trends in the development of interaction between the Russian Orthodox Church and the army in the axiological space of modern Russia, systematize the institutional forms of transmitting Orthodox values into the military environment, and determine the prospects for the development of the dialogue. The research methodology is based on axiological and institutional approaches to the analysis of social partnership, the concept of spiritual security, and stakeholder theory. The results of the study reveal the current state of interaction between the Russian Orthodox Church and the army, demonstrating positive dynamics in the institutionalization of the military clergy and a growing demand from military personnel for pastoral care, while also recording persistent barriers of an institutional, ideological, and legal nature that hinder the full realization of the consolidating potential of traditional values in the army environment.

Keywords: Russian Orthodox Church; Armed Forces; axiological space; spiritual security; military clergy; patriotic education; traditional values; institute of chaplains; moral and psychological state; social partnership

References

1. Redin D.A., Sereda N.V., & Lbov A.N. The Fate of Peter the Great's Legacy in the "Timeless Era": A Historiographical Myth and Its Overcoming. Novoe Proshloe / The New Past. – 2025. – No. 3. – pp. 180–236.

2. Kalandarishvili Z. Constitutional Culture. Genesis and Evolution. – Moscow: LitRes, 2025. – 450 p. – Access mode: by subscription. – URL: https://www.litres.ru/ (accessed: 24.02.2026). – [Electronic resource].

3. Solovets D.A. The Current Situation and Role of the Orthodox Faith in the Lives of Military Personnel and Combatants. Bulletin of Penza Theological Seminary. – 2025. – No. 4 (25). – pp. 62–73.

4. Ipatov S.A. Interaction between the Russian Orthodox Church and the Armed Forces of Russia in the Sphere of Spiritual Care for Military Personnel. Moscow. – 2025. – Vol. 11, No. 2. – pp. 276–290.

5. Babakhanova I.A. Historical Experience of Interaction between the Russian Orthodox Church and the State during the Great Patriotic War. State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (to the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War): conference proceedings, St. Petersburg, April 24–25, 2025 / St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – St. Petersburg, 2025. – pp. 55–62.

6. Mishchenko M.A. “On Tasks to Strengthen Control over Compliance with Legislation on Cults in Light of the Decisions of the June Plenum of the CPSU Central Committee.” Report by V.A. Kuroyedov, Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR, at the All-Union Meeting of Representatives of the Council… June 25, 1963. Theological Bulletin of Smolensk Orthodox Theological Seminary. – 2026. – No. 1. – pp. 311–347.

7. Dezhnev V.N. Interaction between the Army and the Church in Russian History. Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. – 2017. – No. 3 (35). – pp. 120–126. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-armii-i-tserkvi-v-rossiyskoy-istorii (accessed: 24.02.2026). – [Electronic resource].

8. Komornikova O.M. Interaction of the Russian Orthodox Church and the Army in the Axiological Space of Modern Russia. Bulletin of Eurasian Science. – 2026. – Vol. 18. – No. 2. – URL: https://esj.today/PDF/XXIV226.pdf

Социальная технология и социальная практика: общее и особенное, критерий воспроизводимости

Чемезов Никита Андреевич,
аспирант кафедры СГН4 «Философия»
МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: nikita.chemez@gmail.com

В статье рассматривается проблема различения социальной технологии и социальной практики. Показано, что в отечественной литературе данные понятия нередко сближаются до неразличимости, вследствие чего термин «социальная технология» начинает обозначать слишком широкий круг явлений – от управленческих решений и проектов до повседневных форм совместного действия. Обосновывается, что для сохранения категориальной строгости необходимо выделить критерий, позволяющий отличать социальную технологию от иных форм социальной деятельности. В качестве такого критерия предлагается воспроизводимость.

Ключевые слова: социальная технология; социальная практика; воспроизводимость; совместное действие; процедурность; социальная философия; методология социального познания; институционализация.

В современной литературе понятие социальной технологии используется чрезвычайно широко. Им обозначают средства управления, формы воздействия, алгоритмы решения социальных проблем, способы проектирования институтов, отдельные управленческие процедуры и даже практики повседневной координации [1, с. 169–171; 2, с. 235–236]. Такое расширение смыслового объема делает термин удобным, но одновременно ослабляет его аналитическую силу. Если социальной технологией называется почти всякая упорядоченная форма социального действия, то само понятие перестает выполнять различительную функцию.

Между тем уже в обзорных работах о социальных технологиях отмечается, что поле социальных технологий характеризуется размытостью определений, неустойчивостью границ и множественностью противоречивых трактовок, что затрудняет как теоретическое осмысление, так и практическое применение категории [1, с. 169–171]. Аналогично указывается, что при обсуждении социальных технологий часто смешиваются проектирование, конструирование, целеполагание, планирование, принятие решений и менеджмент [2, с. 235].

Наиболее заметная категориальная сложность возникает при сопоставлении понятий «социальная технология» и «социальная практика». Их нередко различают интуитивно, но без явного критерия. В результате социальная практика либо поглощает социальную технологию, как частный случай организованной деятельности, либо, напротив, всякая практика, в которой обнаруживается порядок и целенаправленность, объявляется технологией. Однако подобная взаимозаменяемость понятий методологически неубедительна. Социальная практика в социально-философском смысле описывает более широкий слой реальности. Она связана с устойчивыми, повторяющимися, социально осмысленными формами действия, через которые воспроизводится сама социальность. В отечественной литературе социальные практики определяются как формы воспроизводства социальности в повседневной жизни индивида и как способы существования социальной действительности [3, с. 171–172].

В современной социальной онтологии сходная мысль формулируется иначе: практики рассматриваются как recurrent types of human action, то есть повторяющиеся типы человеческой деятельности, составляющие базовые элементы социальной реальности [4, p. 68–69]. Уже из этого видно, что социальная практика обозначает не просто отдельный прием или организационный инструмент, а устойчивую форму коллективно осмысленного действия.

Вместе с тем сама по себе устойчивость еще не превращает практику в технологию. Практики могут быть исторически сложившимися, не вполне артикулированными, опирающимися на фоновые навыки, привычки, неформальные нормы и неявные схемы координации. Именно поэтому в современной философии социальных практик подчеркивается отсутствие полного согласия относительно их природы: они описываются то как рутинные действия, то как паттерны поведения, то как действия организованных групп, то как нормативно нагруженные формы совместности [4, p. 69–70]. Для целей настоящего анализа важно не перечисление всех подходов, а одно принципиальное обстоятельство: практика может существовать и воспроизводиться без предварительно построенного проекта, без полной экспликации собственных операций и без формализованного механизма передачи другому субъекту. Человек может участвовать в практике очереди, приветствия, обсуждения, согласования, наставничества, выбора, распределения ролей, даже не располагая законченной технологической схемой этих действий. Практика нередко формируется до технологии, поддерживается культурой и привычкой и лишь затем, при определенных условиях, становится предметом рефлексии, описания и рационализации.

Социальная технология представляет собой иной уровень организации действия. Уже в ранних и обзорных определениях подчеркивается, что технология связана с последовательным, пооперационным осуществлением деятельности, сознательной разработкой операций и их многократным использованием для решения сходных задач [1, с. 173–180]. В этом же ключе отмечается, что социальная технология не сводится к механическому выполнению операций, но предполагает скоординированную этапность, изменяемость процедуры и принцип саморегуляции [5, с. 76–77].

Следовательно, речь идет не просто об упорядоченном действии, а о такой организации действия, которая может быть расчленена на устойчивые элементы, передана, воспроизведена и скорректирована без потери основной целевой логики. Именно здесь и возникает необходимость критерия, который позволил бы отличить технологию от более широкого массива практик. На наш взгляд, таким критерием является воспроизводимость.

Под воспроизводимостью в данном контексте следует понимать не механическое повторение единичного события и не гарантию абсолютно тождественного результата, а возможность повторного развертывания процедурной схемы в сходных условиях с получением ожидаемого эффекта. Это уточнение принципиально. В социальных процессах нельзя ожидать жесткой идентичности результатов, по модели технического производства. Социальная среда открыта, контекстуальна, чувствительна к культурным, институциональным и личностным различиям. Именно поэтому современная философия науки, обсуждая проблему replicability, подчеркивает, что воспроизводимость следует понимать контекстно и соотносить с аналитической задачей, ради которой используется данный критерий [6, p. 1–2].

Аналогично в социальных науках указывается, что трудности воспроизведения нередко связаны не только с ошибками исследования, но и с контекстной связанностью изучаемых эффектов, зависящих от времени, места, культурной среды и институциональных условий [7, p. 205–206]. Этот вывод важен и для анализа социальных технологий. Воспроизводимость здесь должна мыслиться не как буквальная повторяемость каждого параметра, а как сохраняемость процедурного ядра и достижимость результата в допустимом диапазоне вариаций.

Именно в таком смысле воспроизводимость позволяет различить социальную практику и социальную технологию. Социальная практика может быть устойчивой и повторяющейся, но не обязательно обладает ясно выделенным процедурным каркасом. Она может воспроизводиться культурно, а не технологически.

Социальная технология, напротив, требует такого уровня артикуляции действия, при котором его можно описать, расчленить, передать и вновь собрать в ином месте, иной группой и в иной итерации процесса. Если практика поддерживается преимущественно традицией, привычкой или неявным знанием, то технология предполагает переход от неявной регулярности к явной схеме действия. Иначе говоря, практика может существовать как «умение делать», тогда как технология предполагает уже «знание того, как это действие организовано и как его можно воспроизвести». Поэтому не всякая практика технологична, но всякая социальная технология в определенном смысле покоится на практике или вырастает из нее.

Такое понимание позволяет увидеть ограниченность тех признаков, которые нередко принимаются за достаточные для определения социальной технологии. Целенаправленность, инструментальность, нормативность, коллективность, даже упорядоченность действий сами по себе не дают искомого различения. Социальная практика также может быть целенаправленной, нормативно организованной и коллективной. Практика научной дискуссии, судебного разбирательства, обучения, кооперации или публичного ритуала отвечает всем этим характеристикам, но не каждая из них в любой своей форме является технологией. Если сделать целеполагание главным критерием, то технология растворится в любой осмысленной деятельности. Если принять за критерий коллективность, то понятие окажется слишком широким и захватит почти все социальные формы действия. Если же опереться на нормативность, то различие с институтом станет проблематичным. Только критерий воспроизводимости действительно работает как разграничительный, поскольку указывает на особый режим существования действия: технологическое действие должно быть способно к повторному запуску вне единичной ситуации.

Воспроизводимость социальной технологии имеет по меньшей мере три взаимосвязанных измерения.

Первое можно назвать процедурным. Оно означает, что технология расчленима на последовательность операций, фаз или шагов, причем эта последовательность имеет внутреннюю логику и не является случайным набором приемов. В обзорах по социальным технологиям как раз подчеркивается, что технологизация предполагает разделение процесса на внутренне взаимосвязанные этапы и однозначность выполнения включенных в него процедур [1, с. 179–5181].

Второе измерение является коммуникативным. Технология должна быть передаваемой: ее можно описать, объяснить, обучить ей и встроить в деятельность другого субъекта. Если действие эффективно лишь в руках одного уникального исполнителя и не допускает передачи без утраты своей работоспособности, то перед нами, скорее, мастерство, индивидуальный стиль или ситуативная практика, но не технология в строгом смысле.

Третье измерение – институциональное. Социальная технология может быть закреплена в правилах, ролях, организационных схемах, стандартах и механизмах контроля. Именно это закрепление позволяет ей выходить за пределы разового решения и превращаться в относительно устойчивый способ организации совместного действия.

При этом воспроизводимость не должна пониматься как устранение человеческого фактора. Наоборот, в социальной сфере она предполагает управляемое включение вариативности, а не ее полное исключение. В данном отношении важна мысль о том, что социальная технология не механистична, а сочетает этапность с возможностью саморегуляции и адаптации [5, с. 76–77].

Следовательно, воспроизводимость социальной технологии совместима с определенной степенью интерпретации, ситуативной настройки и обратной связи. Существенно не отсутствие вариаций, а наличие границ, в пределах которых вариации не разрушают целевую и процедурную идентичность технологии. Именно поэтому в социальной технологии воспроизводится не единичное событие, а структурная схема совместного действия. Можно сказать иначе: в социальной практике повторяется тип действия, а в социальной технологии воспроизводится организованный способ достижения результата.

Из этого вытекает и более точное различение социальной технологии, метода и проекта. Метод является частичным инструментом действия, приемом или способом решения конкретной задачи. Он может входить в состав технологии, но сам по себе не образует целостного воспроизводимого контура действия.

Проект, напротив, ориентирован на замысел, целевую конструкцию и описание желаемого будущего состояния. Он отвечает на вопрос, что должно быть создано и в каком направлении следует двигаться.

Технология же отвечает на иной вопрос: как организовать повторяемую последовательность действий, чтобы получить сопоставимый результат в серии применений. Поэтому проект может предшествовать технологии, а метод – быть ее элементом, но ни проект, ни метод не тождественны технологии. Отсутствие этого различения и приводит к тому, что в литературе за технологию начинают принимать почти любую рационально оформленную деятельность.

Критерий воспроизводимости позволяет также по-новому понять отношение технологии к практике. Оно не является внешним или иерархически линейным. Социальные технологии не возникают из ничего; они кристаллизуются из практик. Повторяющееся совместное действие постепенно выявляет устойчивые шаги, эффективные последовательности, рабочие формы координации, типичные ошибки и способы их исправления. На определенном этапе эти элементы становятся предметом рефлексии, затем – описания, а далее – проектирования и нормативного закрепления. В этот момент практика начинает технологизироваться.

Но возможен и обратный процесс. Технология, утратившая прозрачность процедур, институциональную поддержку или возможность передачи, снова распадается на совокупность локальных практик. Поэтому практика и технология не противопоставлены абсолютно: первая является более широким и исторически первичным полем, вторая – его особой, рационализированной и воспроизводимой формой.

Такое понимание важно и для философии науки, и для прикладного анализа социальных преобразований. Если не различать практику и технологию, возникает соблазн объявлять технологией любое действие, которое дало результат в единичной ситуации. Однако единичная успешность еще не означает технологичности. Социальное решение может быть удачным, но случайным; социальная мера – результативной, но не воспроизводимой; инициатива – значимой, но опирающейся на уникальные личные качества ее носителя. Воспроизводимость позволяет поставить более строгий вопрос: может ли данная схема действия быть повторена другой группой, в другое время, в сходных условиях и с сопоставимым результатом? Если ответ отрицателен, то перед нами, вероятнее всего, практика, методический прием, проектный замысел или уникальный управленческий акт, но не социальная технология в собственном смысле слова. И наоборот, если действие допускает расчленение, передачу, повторное применение и институциональное закрепление, то у нас есть основания говорить именно о технологии.

Для социально-гуманитарного знания этот вывод имеет и более общее значение. Современные исследования социальных практик подчеркивают, что они выступают фундаментальными строительными блоками социальной реальности, поскольку через них поддерживаются нормы, способы координации, формы совместности и сами социальные объекты [4, p. 68–69]. Однако из этого не следует, что любая практика уже является технологией; напротив, именно признание фундаментальности практик позволяет точнее выделить то, что является технологическим уровнем их организации.

Технология появляется там, где коллективное действие получает проектируемую форму, процедурную экспликацию, возможность передачи и повторного запуска. Поэтому критерий воспроизводимости не умаляет значения практик, а, напротив, помогает сохранить их отличие от технологически оформленных способов действия.

Таким образом, различение социальной технологии и социальной практики требует не интуитивного, а концептуально строгого основания. Ни целеполагание, ни нормативность, ни коллективность, ни даже повторяемость сами по себе не позволяют провести необходимую границу. Наиболее продуктивным критерием является воспроизводимость, понимаемая как возможность повторного разворачивания процедурной схемы и получения функционально сопоставимого результата в сходных условиях. В этом случае социальная практика предстает как более широкий и первичный феномен – исторически складывающаяся форма совместного действия и воспроизводства социальности, тогда как социальная технология оказывается особой формой рационализации практики, связанной с процедурностью, передачей, институциональным закреплением и контролируемой повторяемостью. Такое понимание позволяет вернуть категории «социальная технология» необходимую определенность и отличить ее от близких, но не тождественных понятий – практики, метода, проекта и разового управленческого решения. Именно в этом и заключается методологический смысл критерия воспроизводимости.

Литература

1. Плотников М.В., Смельцова С.В. Социальные технологии как объект социологического исследования // В мире научных открытий. 2012. № 4.3 (28). С. 169–188.
2. Осипов Н.Е. Об эволюции содержания категории «социальная технология» // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 235–244.
3. Родионова В.И. Деятельностный подход и понятие «социальные практики» в современной философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). Ч. 1. С. 170–173.
4. Garcia Godinez M. The Ontology of Social Practices // Journal of Social Ontology. 2023. Vol. 9, № 1. P. 68–94. DOI: 10.25365/jso-2023-7701.
5. Ефремова Е.А. Особенности внедрения социальных технологий: проблемы и перспективы // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 3. С. 76–82. DOI: 10.5281/zenodo.3763728.
6. Smith E.T., Fraser H., Kambouris S., Mody F., Bush M., Fidler F. Goal-Directed Uses of the Replicability Concept. Preprint. 2021. 29 p.
7. Lundh L.G. The Crisis in Psychological Science, and the Need for a Person-Oriented Approach // Social Philosophy of Science for the Social Sciences / ed. by J. Valsiner. Cham: Springer, 2019. P. 203–223. DOI: 10.1007/978-3-030-33099-6_12.

SOCIAL TECHNOLOGY AND SOCIAL PRACTICE: COMMON AND DISTINCTIVE FEATURES, THE CRITERION OF REPRODUCIBILITY

Chemezov N.A.
Bauman Moscow State Technical University

This article examines the problem of distinguishing between social technology and social practice. It shows that in Russian scholarship these concepts are often brought so close together that the term «social technology» comes to denote an excessively broad range of phenomena, from managerial decisions and projects to everyday forms of joint action. The article argues that, in order to preserve categorical rigor, it is necessary to identify a criterion that makes it possible to distinguish social technology from other forms of social activity. Reproducibility is proposed as such a criterion.

Keywords: social technology, social practice, reproducibility, joint action, procedurality, social philosophy, methodology of social cognition, institutionalization.

References

1. Plotnikov M.V., Smeltsova S.V. Social technologies as an object of sociological research // In the World of Scientific Discoveries. 2012. № 4.3 (28). P. 169–188.
2. Osipov N.E. On the evolution of the content of the category «social technology» // Social and Humanitarian Knowledge. 2017. № 4. P. 235–244.
3. Rodionova V.I. Activity-based approach and the concept of «social practices» in contemporary philosophy // Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2014. № 6 (44). Part 1. P. 170–173.
4. Garcia Godinez M. The Ontology of Social Practices // Journal of Social Ontology. 2023. Vol. 9, № 1. P. 68–94. DOI: 10.25365/jso-2023-7701.
5. Efremova E.A. Features of implementing social technologies: problems and prospects // Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. № 3. P. 76–82. DOI: 10.5281/zenodo.3763728.
6. Smith E.T., Fraser H., Kambouris S., Mody F., Bush M., Fidler F. Goal-Directed Uses of the Replicability Concept. Preprint. 2021. 29 p.
7. Lundh L.G. The Crisis in Psychological Science, and the Need for a Person-Oriented Approach // Social Philosophy of Science for the Social Sciences / ed. by J. Valsiner. Cham: Springer, 2019. P. 203–223. DOI: 10.1007/978-3-030-33099-6_12.

Философия Ю. Такера: «темные» теории медиакоммуникаций

Шувалова Марина Владиславовна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: smv0108@yandex.ru

Кафтан Виталий Викторович,
доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vvkaftan@fa.ru

Сегодня цифровая коммуникация всё чаще выходит за пределы классического понимания медиа как инструментов передачи информации. Интернет, социальные сети, алгоритмы рекомендаций, автоматизированные платформы и скрытые технологические инфраструктуры формируют новую медиареальность, в которой всё большую роль играют нечеловеческие акторы. В связи с этим особую значимость приобретает философия Юджина Такера, развивающаяся на пересечении спекулятивного реализма, медиатеории и философии ужаса. В рамках данной работы рассматривается концепция «темных медиа» как способ философского осмысления современных коммуникационных процессов. Особое внимание уделяется понятию «мира-без-нас», через которое Такер описывает реальность, существующую вне человеческого восприятия и контроля. Применительно к цифровой среде эта идея позволяет рассматривать медиа не только как каналы коммуникации, но и как автономные системы, скрытые за интерфейсами, протоколами, алгоритмами и инфраструктурами.

Ключевые слова: темные медиа, Ю. Такер, спекулятивный реализм, медиакоммуникации, цифровизация, экскоммуникация.

Сегодня коммуникацию невозможно представить без интернета. Он обхватает и внедряется абсолютно во все сферы жизнедеятельности человека и бизнеса. Люди становятся буквально зависимы от информации, социальных сетей и медиа. Все это позволяет формировать общественное мнение, оптимизировать бизнес и персонализировать контент. Одновременно с этим, философия так же подстраивается и рассматривает актуальные сегодня проблемы медиакоммуникации. Наиболее интересным представляется такое философское направление как спекулятивный реализм, поскольку оно отходит от антропоцентризма, позволяя рассматривать взаимодействие «нечеловеческих» факторов, которых в цифровой среде становиться все больше.

Юджин Такер (англ. Eugene Thacker) – американский философ и писатель, профессор Новой школы. Получил известность благодаря работам по теме исследования ужаса и разработки концепции «мира-без-нас» – убеждении, что мир существует вне человеческого понимания и восприятия. Главная его трилогия под названием «Ужасы философии» и совместная работа «Экскоммуникация» формируют уникальный подход к пониманию современных медиа. Спекулятивный реализм, в рамках которого работает Такер, позволяет выйти за пределы классического антропоцентризма и рассмотреть цифровую среду как пространство взаимодействия разнородных факторов (как человеческих, так и нечеловеческих). Это особенно важно в контексте роста технологий, которые функционируют независимо от человеческого сознания.

Если разбить философию Такера, то она будет состоять из, на первый взгляд, несвязанных хаотичных методов. Так, из средневекового дискурса он берет апофатическое богословие – метод, выражающий сущность Бога через отрицание всех возможных представлений [Саймиддинов, Кучинов, 2016]. В рамках данного убеждения Бог превосходит все возможные понимания о нем. Такер переносит эту логику на медиа – они превосходят наши попытки их концептуализировать, поскольку скрыты за интерфейсами, протоколами и алгоритмами, а их сущность проявляется только в негативных, обнаруживаемых через ограничения и сбои формах. Из японской философии Киотской школы исследователь забирает понятие «абсолютного ничто» (дзёттай му) Нисиды Китаро [Скворцова, 2018]. Через логику самоотрицания автор рассматривает «абсолют», который стоит за миром относительных форм, постоянно возникающих и исчезающих вследствие его самосознания. Это поле чистого потенциала, существующее до разделения на объект и субъект. Данная концепция позволяет осмысливать медиа не как инструменты, то есть объекты, или продолжение человека в качестве субъектов, а как само поле, в котором возникают отношения.

Философский пессимизм также характеризует Ю. Такера. А. Шопенгауэр определяет мир как слепую иррациональную силу, которая безразлична к человеку. Э. Чоран довел эту идею до крайности, заявив, что «не родиться» намного лучше, чем существовать в этом мире. Т. Лиготти объединяя пессимизм и жанр ужаса определяет человечество как марионеток в «театре вселенной». Такер переносит идеи пессимистов на современные медиа. Алгоритмы становятся слепой силой, оптимизирующей метрики без понимая. Социальные сети вынуждают нас подстраиваться под мнимые представление об успехе и счастье.

Как и спекулятивные реалисты автор заимствует критику корреляционизма, но идет дальше. У Меясу существует «архе–ископаемое», то есть мир до человека. Такер же придерживается мнения о том, что мир, недоступный познанию, существует параллельно. У Г. Хармана преподаватель Новой школы перенимает автономность объектов, однако лишает их любых качеств, поскольку медиа в его философии функционируют в режиме радикального изъятия. Если сравнивать Такера с участниками Голстмитовкой конференции, то наиболее близок он к Брасьеру и его нигилизмому: вселенная не просто безразлична к человеку, эта безразличность порождает ужас перед чуждостью реальности.

В целом, философия ужаса прослеживается во всех работах Такера. Важно отметить, что для него существует большая разница между страхом и ужасом. Страх – это эволюционная эмоция, реакция на опасность: темнота, хищник, высота. Страх имеет объективную причину, которую в теории можно преодолеть. Ужас в то же время возникает, когда человек сталкивается с тем, что не вписывается в его опыт и подрывает саму структуру реальности. В контексте медиа страхом

будет выступать боязнь слежки через камеру или микрофон, которые можно заклеить или отключить, ужасом в данном случае является понимание того, что алгоритмы знают нас и наши привычки, интересы лучше нас самих.

Лейтмотивом философии ужаса у Такера является Г. Лафкрафт, чью концепцию «космического ужаса» задействует автор «темных медиа». Под «космическим ужасом» понимается незначительность человека в размерах космоса, который к нам безразличен, функционирует по своим законам и не совместим с существованием человека. То есть невозможность человеческого сознания осознать масштабы космоса являются благом, поскольку даже попытки представления масштаба ввергают в ужас. Космический ужас медиа заключается также в масштабах: огромное количество операций в секунду, быстрее, чем моргание, чем биение сердца, планетарная инфраструктура – все это превосходит человеческую способность к осмыслению. В книгах Г. Лафкрафта можно найти описание Ктулху – огромного древнего существа, спящего в подводном городе Р'льех на дне Тихого океана, чье пробуждение означало бы конец всего человечества [Лавкрафт, 2025]. Последователи Ктулху поклоняются ему, повторяют ритуалы, смысл которых уже утрачен. Также в медиа инфраструктура переживет своих создателей. Дата центры функционируют по логике, несоизмеримой с человеческим мышлением. Пользователи осуществляют ежедневные ритуалы в виде лайков, кликов и комментариев, не понимая их истинного значения.

Центральным концептом философии Такера становится «мир-без-нас». В работе «В пыли этой Планеты» раскрывается триада мира [Такер, 2017]. Важно подчеркнуть, что это не четкая иерархия, а скорее существующие три параллельных уровня. «Мир-для-нас» представляет собой мир человеческого опыта, как он представлен в культуре, в языке. В таком мире все имеет значение «для» человека. В контексте медиа это внешние, видимые атрибуты интерфейса, то есть иконки и кнопки. «Мир-в-себе» олицетворяет объективную реальность, которая существовала до человека и будет существовать после него. Мы пытаемся его постичь через эксперименты, формулы и модели. Это фундаментальная, безразличная к человеку реальность. Понятия «мир-для-нас» и «мир-в-себе» отсылают к И. Канту и его «ноуменам» (вещам-в-себе) и «феноменам» (вещам-для-нас) [Жучков, 2009]. Однако если у Канта «ноумен» принципиально непознаваем, то у Такера такая реальность резистентна, то есть сопротивляется попыткам ее познать. В медиа – это код, протоколы, математические модели, находящиеся под интерфейсом. Можно сказать, что «мир-для-нас» – это «Мир» (человеческий, обжитый, социально-культурный мир), «мир-в-себе» – «Земля» (как реальность, независимую от человеческого сознания), а «мир-без-нас» представляется «Планетой». Он существует параллельно с остальными, но остается недоступным для человека. «Планета» представляется беспокойной границей, постоянной в движении, не имеющей четкого местоположения, но находящаяся «в каждом разломе, аномалии, лакуне этого Мира и этой Земли».

Таким образом, философия ужаса у Такера является полноценной методологией для анализа медиа. «Ужас» позволяет схватить то, что ускользает от рационального анализа – аффективное измерение встречи с нечеловеческим. Можно сказать, что традиционная медиатеория обращается к категориям использования, эффективности, но все они антропоцентричны. Философия ужаса отображает новые, актуальные для текущего этапа развития медиа категории: жуткое, когда знакомое кажется чужеродным, например, когда оказывается, что алгоритмы знают вас лучше вас самих, отвратительное, на примере эффекта «зловещей долиной», где сталкивается человеческое и машинное, и возвышенное – то, что выходит за рамки восприятия.

Философия Ю. Такера строится на апофатической теологии, в качестве обоснования непознаваемости медиа, философского пессимизма в контексте, безразличие медиа к людям, спекулятивного реализма, доказывающего автономность медиаобъектов и философии ужаса. Подобная уникальная комбинация позволяет сформировать концепцию «темных медиа» не просто как некую метафору современных коммуникации, но как онтологическое описание современной медиареальности. Воплощенный в алгоритмах и автономных системах, нечеловеческих агентов «мир-без-нас» окружает человека и существует параллельно с ним. А философия ужаса предоставляет инструменты для осмысления через конфронтацию с радикально чуждым. Это подводит нас к необходимости определить, что именно Такер понимает под «темными медиа» и какие формы они принимают в современном мире.

Такер дает следующее определение: «Темные медиа – это медиа, которые имеют дело с негативностью или отрицанием, работают на границе восприятия и опосредуют отношения, выходящие за пределы антропоцентрической коммуникации» [Гэллоуэй, Такер, Уорк, 2022]. В рамках данной теории автор делит такие медиа на несколько типов. Так, «мертвые медиа» утратили первоначальную функцию передачи информации. Однако они продолжают существовать в форме артефакта или архива, зачастую получая шанс на возрождение в ином формате. Данная категория напрямую связана с проектом мёртвых медиа Б. Стрерлинга и работе «Археология медиа» З. Цилински. Согласно последнему «глубокое время медиа» носит нелинейный характер, сохраняя множество тупиковых забытых ветвей [Цилински, 2019]. «Мертвые медиа» отличаются тем, что «объект больше не используется – но форма этого объекта продолжает жить». «Потусторонние медиа» становятся «отрицательными посредниками между двумя онтологическими порядками, в результате чего объект отступает на уровень вещи», проваливая человека в саму суть, в «вещь-в-себе», связывая нас с потусторонним миром. Потусторонность выражается в присутствие через отсутствие. Такие медиа всегда находятся на границе, указывая на призрачную природу медиации: медиум всегда отсылает к отсутствующему, к тому, чего «здесь и сейчас» нет. Данная концепция связана с хонтологией Ж. Дерриды и М. Фишера, которые наделяют медиа «призраками» прошлого и «фантомами» будущего, приписывая технологиям функцию портала, что свидетельствует о разрыве между миром мертвых и живых [Фишер, 2021]. «Одержимые медиа» характеризуются утратой контроля человеком над объектом. Человек здесь выступает не как отправитель или получатель, а как медиум, то есть пассивный проводник. В отличие от потусторонних медиа, «они становятся утвердительными посредниками между двумя разными онтологическими порядками, превращая привычный объект в сверхъестественный», показывая, что медиа работают «слишком хорошо», а объект становится «артефактом» или «порталом».

В рамках работы можно сделать вывод о том, что «темнота» современных медиа – это не дефект, а системное свойство, нарастающее с ростом сложности технологий. Философия Такера, выросшая на стыке спекулятивного реализма и медиатеории, предлагает новый взгляд на современные коммуникации, описывающий эту «темноту» и непрозрачность. Она позволяет анализировать медиа не в классической парадигме каналов передачи информации, но и как автономные сущности, способные искажать сигналы, выходить из-под контроля или вовсе функционировать в режиме «мира-без-нас».

Литература

1. Гэллоуэй А. Р., Такер Ю., Уорк М. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации. Москва: АД МАРГИНЕМ ПРЕСС, 2022. 256 с.
2. Жучков В.А. Системообразующая роль вещи в себе в философии Канта // Кантовский сборник. 2009. № 2. С. 16–20.
3. Лавкрафт Г.Ф. Зов Ктулху. Москва: АСТ, 2025. 416 с.
4. Саймиддинов А. К., Кучинов Е.В. Роль апофатического богословия в творчестве Юджина Такера // Вестник Мининского университета. 2016. № 4 (17). С. 34.
5. Скворцова Е.Л. Японская культура в воззрениях Нисиды Китаро // Философские науки. 2018. № 8. С. 46–66.
6. Такер Ю. В пыли этой планеты. Ужас философии: Т. 1. Москва: Гиле Пресс, 2017. 184 с.
7. Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.
8. Цилински З. Археология медиа: о «глубоком времени» аудиовизуальных технологий. Москва: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 440 с.

THE PHILOSOPHY OF E. TUCKER: «DARK» THEORIES OF MEDIA COMMUNICATIONS

Shuvalova M.V., Kaftan V.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Today, digital communication increasingly goes beyond the classical understanding of media as tools for information transmission. The internet, social networks, recommendation algorithms, automated platforms, and hidden technological infrastructures are shaping a new media reality in which non-human actors play an ever-greater role. In this context, the philosophy of Eugene Thacker, developing at the intersection of speculative realism, media theory, and the philosophy of horror, acquires particular significance. This paper examines the concept of «dark media» as a way of philosophically comprehending modern communication processes. Special attention is paid to the notion of the «world-without-us», through which Thacker describes a reality that exists beyond human perception and control. Applied to the digital environment, this idea allows us to consider media not only as communication channels but also as autonomous systems hidden behind interfaces, protocols, algorithms, and infrastructures.

Keywords: dark media, E. Tucker, speculative realism, media communications, digitalization, excommunication.

References

1. Galloway A. R., Thacker E., Wark M. Excommunication. Three Essays on Media and Mediation. Moscow: AD MARGINEM PRESS, 2022. 256 p.
2. Zhuchkov V.A. The system-forming role of the thing in itself in Kant's philosophy // Kantian Journal. 2009. № 2. P. 16–20.
3. Lovecraft H.P. The Call of Cthulhu. Moscow: AST, 2025. 416 p.
4. Saymiddinov A. K., Kuchinov E.V. The role of apophatic theology in the work of Eugene Thacker // Vestnik of Minin University. 2016. № 4 (17). P. 34.
5. Skvortsova E.L. Japanese culture in the views of Nishida Kitaro // Philosophical Sciences. 2018. № 8. P. 46–66.
6. Thacker E. In the Dust of This Planet. Horror of Philosophy: Vol. 1. Moscow: Gile Press, 2017. 184 p.
7. Fisher M. Ghosts of My Life. Writings on Depression, Hauntology and Lost Futures. Moscow: New Literary Observer, 2021. 320 p.
8. Zielinski S. Archaeology of Media: On the «Deep Time» of Audiovisual Technologies. Moscow: Ad Marginem Press: Garage Museum of Contemporary Art, 2019. 440 p.

Культурные практики транснационального поля: философско-антропологический анализ ценностных систем современных корпораций

Юдин Никита Олегович,
кандидат политических наук, руководитель Сектора наукометрического анализа, старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России
E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

Статья посвящена философско-антропологическому исследованию ценностных систем транснациональных корпораций (ТНК) как культурных практик транснационального поля. Опираясь на концепцию культурных измерений Г. Хофстеде, теорию этнических констант С.В. Лурье, этнопсихологическую концепцию культурной идентичности Т.Г. Стефаненко и логико-смысловой подход А.В. Смирнова, автор показывает, что корпоративные ценности не представляют собой нейтральный управленческий инструмент, но являются культурными практиками, обладающими глубоким антропологическим содержанием. В статье обосновывается, что тезис о динамике ценностей в условиях глобализации, зафиксированный в постхофстедовских исследованиях, не отменяет устойчивости этнических констант, но указывает на их способность генерировать новые культурные сценарии. Особое внимание уделяется феномену «фигуры покровителя» как бессознательного культурного образа, который этносы проецируют на корпоративные структуры, а также механизму конструирования корпорациями универсальных ценностных сценариев, претендующих на трансэтническую значимость. Делается вывод о том, что транснациональное поле является ареной столкновения логик смысла различных культур, а философская антропология располагает инструментарием для критического осмысления этого процесса.

Ключевые слова: транснациональное поле, культурные практики, ценностные системы, корпоративная культура, этнические константы, культурные измерения, философская антропология, «фигура покровителя», обобщенный культурный сценарий, всечеловеческое.

В современной философии культуры и философской антропологии вопрос о природе ценностей, транслируемых транснациональными корпорациями (ТНК), приобретает особую остроту. ТНК давно вышли за рамки сугубо экономических акторов: они конструируют собственные аксиологические системы, претендующие на универсальную значимость, и внедряют их в самые различные культурные контексты. Вместе с тем как менеджериальный, так и социологический взгляды на корпоративную культуру, будучи методологически продуктивными в своих пределах, оставляют без ответа более глубокий вопрос: что именно происходит с человеком и его самопониманием, когда он оказывается включен в ценностную систему, сконструированную за пределами его культурной традиции?

Философско-антропологический подход позволяет поставить проблему иначе: каким образом корпоративные ценностные системы соотносятся с бессознательными культурными структурами человека, как они взаимодействуют с этническими константами и каков антропологический смысл той «универсальности», на которую претендуют корпоративные культурные сценарии? Именно этим вопросам посвящена данная статья, опирающаяся на широкий массив концептуальных ресурсов отечественной и зарубежной мысли.

Транснациональное поле как пространство культурных практик

Понятие «транснационального поля» требует предварительного концептуального прояснения. Опираясь на теорию полей П. Бурдье, но существенно ее расширяя, можно определить транснациональное поле как пространство культурных взаимодействий, которое формируется в процессе глобальной деятельности ТНК и в котором различные культурные логики вступают в отношения конкуренции, адаптации и трансформации. В отличие от экономического поля, транснациональное культурное поле конституируется не только движением капиталов и товаров, но прежде всего движением смыслов, ценностей и поведенческих образцов [1].

Принципиальная особенность этого поля состоит в том, что ТНК занимают в нем асимметричную позицию: обладая ресурсами для формирования масштабных культурных практик – от стандартов найма до корпоративных ритуалов и языка коммуникации, – они способны создавать то, что можно назвать инфраструктурой смыслопроизводства. Именно поэтому корпоративные ценностные системы не следует рассматривать как нейтральный управленческий инструмент: они обладают собственной культурной логикой, укорененной в конкретной – как правило, западной – цивилизационной традиции [2, 3].

Для философской антропологии ключевым является вопрос о человеке в этом поле. Сотрудник ТНК оказывается субъектом, вынужденным одновременно принадлежать нескольким культурным мирам: миру своей этнической традиции, миру локальной национальной культуры и миру корпоративной культуры, претендующей на надэтническую универсальность. Это положение порождает специфическое антропологическое напряжение, осмысление которого и составляет задачу настоящей статьи.

Культурные измерения Г. Хофстеде и их философско-антропологический потенциал

Концепция культурных измерений нидерландского ученого Герта Хофстеде, разработанная в ходе масштабного кросскультурного исследования сотрудников корпорации IBM в более чем 70 странах мира, стала одним из наиболее влиятельных инструментов анализа культурных различий в организационном контексте. Хофстеде выделил первоначально четыре, а впоследствии шесть измерений культуры: дистанцию власти, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/феминность, избегание неопределенности, долгосрочную/краткосрочную ориентацию и потворство/самоограничение [4, 5].

Философско-антропологическая ценность этой концепции состоит не столько в ее прикладном (управленческом) потенциале, сколько в том, что она фиксирует: ценности, которые ТНК транслируют своим сотрудникам, неизбежно несут в себе культурную «матрицу» страны происхождения корпорации. Западные ТНК, как правило, воспроизво-

дят ценности, соответствующие низкой дистанции власти, высокому индивидуализму и высокой маскулинности, – ценностную конфигурацию, которая для многих национальных культур является глубоко чуждой. Когда российский сотрудник западной ТНК сталкивается с требованием «горизонтальной коммуникации», «самостоятельного принятия решений» и «личной ответственности за результат», он встречается не просто с иным менеджериальным стилем, но с иной антропологией – иным образом человека и его места в коллективе [6, 7].

Вместе с тем было бы ошибкой рассматривать концепцию Хофстеде как создающую статичную картину культурных различий. Постхофстедовские исследования убедительно показали, что культурные индексы обладают динамическим характером и изменяются под влиянием экономических и социальных трансформаций. В частности, в пандемийный и постпандемийный период (2020–2024) были зафиксированы систематические изменения индексов деловой культуры в большинстве стран мира, прежде всего по параметрам индивидуализма и долгосрочной ориентации. Это наблюдение чрезвычайно важно для понимания природы ценностных систем ТНК: если культурные ценности меняются, то корпоративные ценностные системы не могут претендовать на вечную и неизменную универсальность – они суть продукты конкретного исторического момента и конкретной культурной конфигурации [8].

Однако здесь возникает ключевой вопрос: что именно меняется, а что остается неизменным? Ответ на него требует обращения к концепции, разработанной в отечественной этнокультурологии.

Этнические константы и культурные сценарии: теория С.В. Лурье

Теория этнических констант, разработанная С.В. Лурье – доктором культурологии, ведущим научным сотрудником Социологического института РАН, – предлагает концептуальный ответ на вопрос о соотношении изменчивого и устойчивого в культуре. Согласно Лурье, этнические константы суть «бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде» [9].

Принципиальная черта этнических констант состоит в их операциональном, а не субстанциональном характере: они не задают конкретное содержание культуры, но задают способ действия человека в мире, парадигму восприятия реальности. Именно поэтому этнические константы, в отличие от поверхностных ценностных ориентаций, не подвержены историческим изменениям: меняются лишь их конкретные «одежды», конкретные объекты, на которые переносятся бессознательные образы (процесс, который Лурье описывает как «трансфер»). Этническая картина мира, складывающаяся на основе этнических констант, «не является неизменной» – она «различна в различные периоды жизни этноса и для различных групп внутри этноса», – однако неизменным остается структурный «каркас» этнических констант [10].

Особое значение для исследования имеет выделяемый Лурье образ «покровителя» как одна из ключевых парадигм системы этнических констант. «Образ покровителя» – это бессознательная парадигма «условия действия», представление о той инстанции или силе, которая делает действие человека возможным и защищает его от «источника зла». Существенно, что этот образ не привязан жестко к какому-либо конкретному объекту: в процессе трансфера он может переноситься на самые различные реальные инстанции – государство, церковь, харизматического лидера, а в условиях современного транснационального поля – на саму корпорацию [9].

Этот вывод обладает значительным философско-антропологическим потенциалом. Если ТНК в восприятии своих сотрудников (в особенности – в тех культурах, где «образ покровителя» традиционно сильно нагружен) занимает позицию «покровителя», то корпоративные ценности приобретают совершенно иной антропологический статус, нежели тот, который приписывает им менеджериальный дискурс: они становятся элементами той самой этнической картины мира, встраиваясь в бессознательную структуру культуры. Именно поэтому декларируемые корпоративные ценности нередко расходятся с реальными практиками, сохраняя при этом высокую субъективную значимость для сотрудников: человек искренне идентифицирует себя с «покровителем», даже если логика реальных отношений опровергает эту идентификацию [2].

С.В. Лурье разграничивает этнические константы и «ценностные доминанты» культуры: «этнические константы не содержат в себе представления о направленности действия и его моральной оценки. Направленность действия задается ценностной ориентацией». Это разграничение принципиально: оно означает, что корпоративные ценности способны менять ценностные ориентации своих носителей, но при этом наталкиваются на пласт этнических констант, которые переформатируют воспринятые ценности в соответствии со своей логикой. Так возникает феномен «локализации» корпоративных ценностей, который с менеджериальной точки зрения выглядит как «сопротивление» или «неправильное понимание», а с философско-антропологической точки зрения представляет собой нормальный механизм культурной адаптации [10].

Обобщенный культурный сценарий как механизм корпоративной культурной экспансии

Развивая свою концепцию, Лурье вводит понятие «обобщенного культурного сценария» – некоего общего алгоритма действия, пронизывающего все аспекты личной и общественной жизни членов этнокультурной общности. Обобщенный культурный сценарий складывается в сознании человека в ходе социализации и инкультурации: отдельные культурные сценарии конкретных ситуаций конденсируются и обобщаются, формируя устойчивую интенциональную структуру личности [11].

С этой точки зрения деятельность ТНК по формированию корпоративной культуры может быть интерпретирована как попытка создания и внедрения нового обобщенного культурного сценария – сценария «корпоративного человека»: предприимчивого, ориентированного на индивидуальный результат, готового к мобильности и постоянному самосовершенствованию. Этот сценарий не нейтрален: он несет в себе специфическую антропологию, восходящую к протестантской этике и либеральной традиции. Корпорация транслирует его через разветвленную систему культурных практик – корпоративное обучение, оценку эффективности, ритуалы признания достижений, конкурсы лучших сотрудников, – создавая тем самым полноценную культурную среду обитания.

Однако этот «универсальный» сценарий сталкивается с уже существующими обобщенными культурными сценариями носителей иных традиций. Конкурентная логика индивидуального достижения может вступать в противоречие с коллективистским сценарием, ориентированным на взаимопомощь и принадлежность к группе; требование прозрачной горизонтальной коммуникации – с культурным сценарием, предполагающим иерархическое опосредование информации. Результатом является не простая «победа» одного сценария над другим, но сложная культурная гибридизация, в которой бессознательные этнические константы неизменно оказывают решающее влияние.

Этнопсихологическая перспектива: культурная идентичность и инкультурация в корпоративном контексте

Этнопсихологическая концепция культурной идентичности, разработанная Т.Г. Стефаненко, обогащает философско-антропологический анализ корпоративных ценностных систем важным измерением – перспективой субъективного переживания культуры как части собственного «Я». Стефаненко связывала культурную идентичность не с объективными характеристиками этнической принадлежности, но с процессом ее субъективного присвоения: культурное наследие становится частью идентичности человека только тогда, когда оно переживается как «мое», как конститутивное для самопонимания [12].

Этот подход позволяет поставить принципиальный вопрос: в какой мере корпоративные ценности способны стать частью культурной идентичности человека? Стефаненко показывала, что этническая идентичность более выражена в условиях культурного контраста – когда человек оказывается в среде, значительно отличающейся от собственной. По аналогии можно предположить, что столкновение с корпоративной культурой, несущей чуждые ценностные коды, может как усиливать этническую идентичность (как защитную реакцию), так и – при определенных условиях – способствовать ее трансформации в направлении «корпоративной идентичности» [13].

Понятие инкультурации, активно используемое Стефаненко применительно к процессу усвоения этнической культуры, продуктивно переносится в корпоративный контекст: ТНК осуществляют целенаправленную «корпоративную инкультурацию» своих сотрудников посредством онбординга, тренингов, коучинга, менторства и множества иных практик. При этом, в отличие от этнической инкультурации, протекающей с раннего детства и в значительной мере неосознанно, корпоративная инкультурация осуществляется с уже сформировавшимся носителем этнической культуры, что неизбежно порождает напряжение между двумя системами смыслов. Акцентируя внимание на свободе человека в процессе формирования культурной идентичности, Стефаненко косвенно указывает на то, что включение корпоративных ценностей в самопонимание личности никогда не бывает механиче-

ским: оно всегда опосредовано личностным выбором и культурными предрасположенностями субъекта [14].

Логика смысла как инструмент анализа ценностной универсализации

Логико-смысловой подход академика А.В. Смирнова – президента Российского философского общества, руководителя сектора философии исламского мира Института философии РАН – предлагает наиболее глубокий концептуальный инструментарий для критического анализа претензий корпоративных ценностей на универсальность. Согласно Смирнову, каждая большая культура обладает собственной логикой смысла – специфическим способом конституирования смыслового поля, несводимым к логикам других культур. Между различными логиками смысла нет иерархии, поскольку каждая из них «универсальна в собственных границах» [15].

Смирнов принципиально разграничивает «общечеловеческое» и «всечеловеческое». «Общечеловеческое» – это то, что конкретная культура (как правило, западная) провозглашает в качестве универсального образца, транслируя его на другие культуры под видом нейтральной нормы. «Всечеловеческое», напротив, – это то, что принадлежит всем культурам именно в их несводимой уникальности, то общее, которое существует «иначе» в каждой из них. Применительно к корпоративным ценностным системам это разграничение обнажает фундаментальное противоречие: когда ТНК транслирует ценности «открытости», «эффективности», «инноваций» и «лидерства» как «общечеловеческие», она фактически навязывает одну конкретную логику смысла под видом нейтральной универсальности [1].

Смирнов вводит принцип «то же – иначе», позволяющий описать отношение между культурами без иерархической соподчиненности: то, что одна культура реализует через индивидуалистические практики, другая реализует через коллективистские, – и обе реализуют «то же самое», но «иначе». Этот принцип применим к анализу корпоративных ценностей: ценность «уважения к личности» в западной корпоративной культуре реализуется через признание индивидуальных достижений и автономию; в культурах с высокой дистанцией власти та же ценность реализуется через патерналистское покровительство и принадлежность к группе. Ни один из этих способов реализации не является «правильным» или «неправильным» в абсолютном смысле: они суть различные логики смысла, соответствующие различным культурным традициям [16].

Подход Смирнова позволяет сформулировать важный критерий философской оценки корпоративных ценностных систем: является ли данная ценностная система попыткой навязать одну логику смысла под видом «общечеловеческой» нормы, или же она открыта к «всечеловеческому» измерению – то есть к диалогу между несводимыми культурными логиками? Большинство существующих ТНК, по всей видимости, реализуют первую стратегию, что и обусловливает антропологическую проблематичность их культурной экспансии.

Философско-антропологический синтез: «фигура покровителя» и механизм конструирования корпоративного универсализма

Интеграция рассмотренных концептуальных перспектив позволяет предложить синтетическую философско-антропологическую модель функционирования корпоративных ценностных систем в транснациональном поле.

Первый уровень – уровень этнических констант (по Лурье) – представляет собой устойчивый, практически не поддающийся произвольному изменению пласт бессознательных культурных образов. Именно на этом уровне работает феномен «фигуры покровителя»: корпорация занимает позицию «покровителя» в этнической картине мира своих сотрудников, что обеспечивает ей глубокую психологическую легитимность, нередко превосходящую рациональную критику. Перенос образа «покровителя» на корпоративную структуру не является результатом сознательного выбора; он совершается в соответствии с механизмом трансфера, описанным Лурье [10].

Второй уровень – уровень культурных сценариев – является более пластичным. Именно здесь разворачивается «корпоративная инкультурация»: ТНК формирует новые обобщенные культурные сценарии и внедряет их в повседневную жизнь организации. Однако эти сценарии неизбежно переформатируются в соответствии с этническими константами носителей, приобретая в разных культурных контекстах различное содержание при сохранении формальной однородности.

Третий уровень – уровень ценностных ориентаций (в терминологии как Лурье, так и Хофстеде) – является наиболее изменчивым. Здесь ТНК располагает наибольшим пространством влияния: именно ценностные ориентации поддаются направленной коррекции посредством корпоративного обучения, системы вознаграждения и формирования организационной среды. Именно на этом уровне фиксируются изменения культурных индексов Хофстеде, прослеживаемые на протяжении десятилетий [8].

Этот трехуровневый анализ позволяет переосмыслить соотношение тезиса «ценности меняются» и тезиса об устойчивости культурных констант: они не противоречат друг другу, но описывают различные уровни одной и той же культурно-антропологической реальности. ТНК способны трансформировать ценностные ориентации своих сотрудников; они способны внедрять новые культурные сценарии; однако они наталкиваются на пласт этнических констант, который переформатирует воспринятые ценности, встраивая их в устойчивую логику этнической картины мира.

С позиций логико-смыслового подхода А.В. Смирнова, это означает, что претензия корпоративных ценностных систем на «общечеловеческую» универсальность философски несостоятельна: она представляет собой проекцию конкретной (как правило, западной атлантической) логики смысла на иные культурные пространства. Подлинная «всечеловеческая» ценностная система – если таковая возможна – должна учитывать множественность несводимых логик смысла и их равное достоинство [16].

Этнокультурная идентичность в условиях корпоративной инкультурации: антропологические риски

Феноменологически включение человека в корпоративную культурную систему переживается как специфический тип аккультурации – процесс, детально изученный в этнопсихологии применительно к межэтническим контактам. Концепция Стефаненко, акцентирующая культурную детерминацию формирования этнической идентичности, позволяет поставить вопрос о возможных последствиях глубокой «корпоративной инкультурации» для самопонимания личности [12].

Первый тип антропологического риска – это риск «корпоративного замещения идентичности»: ситуация, когда корпоративная принадлежность начинает вытеснять этнокультурную идентичность, становясь первичным «образом мы». Подобная ситуация особенно характерна для сотрудников ТНК, работающих в экспатриантском режиме или в условиях очень сильной корпоративной культуры. С точки зрения концепции Лурье, это означает, что «образ покровителя» переносится на корпорацию настолько устойчиво, что этнические константы начинают обретать содержательное наполнение преимущественно через корпоративные категории [9].

Второй тип риска – «культурная дезориентация» – возникает тогда, когда корпоративные ценностные сценарии радикально противоречат этническим константам носителя, не позволяя ни полноценно принять новые ценности, ни органично вернуться к прежним. Результатом является специфическая форма отчуждения, описываемая в философии как «двойное сознание»: человек функционирует в двух несовместимых ценностных системах, ни в одной из которых не обретает органичного самопонимания [3].

Третий, наиболее продуктивный, тип – «культурный синтез» – предполагает творческую интеграцию корпоративных ценностных элементов в этническую картину мира на основе устойчивого каркаса этнических констант. Именно этот тип является тем, что можно было бы назвать «удачной» корпоративной инкультурацией: корпоративные ценности принимаются, но переосмысляются в категориях собственной культурной традиции, обретая в ней новое содержательное воплощение.

Заключение

Проведенный философско-антропологический анализ позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов относительно природы ценностных систем ТНК как культурных практик транснационального поля.

Во-первых, корпоративные ценностные системы не являются нейтральным управленческим инструментом: они представляют собой культурные практики, укорененные в конкретной цивилизационной традиции и несущие в себе специфическую антропологию. Именно это обстоятельство – а не технические несовершенства управления – является глубинным источником культурных конфликтов в многонациональных корпорациях.

Во-вторых, тезис о динамике ценностей, подтвержденный постхофстедовскими исследованиями, не противоречит, но дополняет представление об устойчивости культурных констант: меняются ценностные ориентации и культурные сценарии, но структурный каркас

этических констант остается относительно стабильным, определяя способ, которым новые ценности усваиваются и переосмысляются.

В-третьих, феномен «фигуры покровителя» демонстрирует, что корпорация в восприятии своих сотрудников нередко занимает позицию, глубоко укорененную в бессознательных структурах этнической культуры, – позицию покровителя и защитника. Это обстоятельство придает корпоративным ценностям особую психологическую легитимность и одновременно указывает на потенциальную манипулятивность их использования.

В-четвертых, логико-смысловой подход А.В. Смирнова обнажает философскую несостоятельность претензий корпоративных ценностных систем на «общечеловеческую» универсальность и указывает на принципиальное отличие «всечеловеческого» – которое предполагает признание равного достоинства различных логик смысла – от «общечеловеческого» как проекции одной культурной логики на все остальные.

Наконец, философская антропология располагает необходимым концептуальным инструментарием для критического осмысления культурных практик транснационального поля. Ее задача состоит не в том, чтобы отвергнуть корпоративные ценностные системы как таковые, но в том, чтобы выявить их культурные предпосылки, обнажить антропологические риски некритического заимствования и указать на возможность – и необходимость – подлинно диалогического взаимодействия культурных логик в пространстве глобальной экономики.

Литература

1. Смирнов А.В. Логико-смысловой подход к культуре: новое прочтение универсализма // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2012 года / Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции, Санкт-петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Том 1. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. – С. 196–200.

2. Ладыгин О.О. Корпоративная культура организаций в системе ценностей современной России: Дисс. … филос. наук. – М., 2014. – 202 с.

3. Гришанин Н.В., Миневич Я.В. Ценности молодежи как ресурс разработки внутрикорпоративной идеологии компании: глобализация и патриотизм // Управленческое консультирование. – 2023. – № 6. – С. 105–117. – DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-105-117.

4. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGraw-Hill U.K., 1991. – 279 p.

5. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition. New York: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.

6. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – Vol. 2, № 1. – Pp. 10–11.

7. Hofstede G. Motivation, Leadership and Organization: Do American Theories Apply Abroad? // Organizational Dynamics. – 1980. – Pp. 62–63.

8. Аренков И.А., Зябриков В.В., Шевазуцкий И.Р. Динамика индексов деловой культуры Г. Хофстеде и феномен «Восточно-азиатских тигров» // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – Т. 39, вып. 3(39). – С. 91–106.

9. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Академический проект, Гаудеамус, 1997. – 624 с.

10. Лурье С.В. Утоптанная тропа сквозь темный лес (Бессознательное в этнической картине мира) // Общественные науки и современность. – 2016. – № 2. – С. 136–143.

11. Лурье С.В. Обобщенный культурный сценарий и функционирование социокультурных систем // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т. 13, № 2. – С. 152–167.

12. Марцинковская Т.Д. Целостность культуры как фактор этнической идентификации (к концепции Т.Г. Стефаненко) // Новые психологические исследования. – 2025. – № 1. – С. 12–25. – DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_01_01.

13. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 1999. – 320 с.

14. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2009. – № 2. – С. 3–17.

15. Смирнов А.В. Логика смысла: версия-2021 // Человек. – 2022. – Т. 33, № 2. – С. 8–24. – DOI: 10.31857/S023620070019508-5.

16. Смирнов А.В. Культура и мышление // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2022. – № 4. – С. 7–24.

CULTURAL PRACTICES WITHIN THE TRANSNATIONAL FIELD: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF CORPORATE VALUE SYSTEMS

Yudin N.O.
MGIMO University

The article presents a philosophical-anthropological study of the value systems of transnational corporations (TNCs) as cultural practices of the transnational field. Drawing on Hofstede's cultural dimensions framework, Lurie's theory of ethnic constants, Stefanenko's ethnopsychological concept of cultural identity, and Smirnov's logic-of-meaning approach, the author demonstrates that corporate values are not a neutral management tool but cultural practices with profound anthropological content. The article argues that the dynamics of values under globalization, documented in post-Hofstede studies, do not abolish the stability of ethnic constants but indicate their capacity to generate new cultural scenarios. Special attention is paid to the phenomenon of the «patron figure» as an unconscious cultural image projected onto corporate structures, and to the mechanism by which corporations construct universal value scenarios claiming transethnic significance. The conclusion is drawn that the transnational field is an arena of collision between the meaning-logics of different cultures, and that philosophical anthropology possesses the conceptual tools necessary for a critical understanding of this process.

Keywords: transnational field, cultural practices, value systems, corporate culture, ethnic constants, cultural dimensions, philosophical anthropology, patron figure, generalized cultural script, all-human universal.

References

1. Smirnov A.V. A Logical-Semantic Approach to Culture: A New Reading of Universalism // Dialogue of Cultures in the Context of Globalization: XII International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, May 17–18, 2012. Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Education, Congress of St. Petersburg Intelligentsia, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. – Vol. 1. – St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2012. – Pp. 196–200.

2. Ladygin O.O. Corporate Culture of Organizations in the Value System of Modern Russia: Doctoral Dissertation (Philos. Sciences). – Moscow, 2014. – 202 p.

3. Grishanin N.V., Minevich Ya.V. Youth Values as a Resource for Developing a Company's Internal Corporate Ideology: Globalization and Patriotism // Management Consulting. – 2023. – № 6. – Pp. 105–117. – DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-105-117.

4. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – London: McGraw-Hill U.K., 1991. – 279 p.

5. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Revised and expanded third edition. – New York: McGraw-Hill, 2010. – 576 p.

6. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – Vol. 2, № 1. – Pp. 10–11.

7. Hofstede G. Motivation, Leadership and Organization: Do American Theories Apply Abroad? // Organizational Dynamics. – 1980. – Pp. 62–63.

8. Arenkov I.A., Zyabrikov V.V., Shevazutsky I.R. Dynamics of Hofstede's Business Culture Indices and the Phenomenon of the «East Asian Tigers» // Bulletin of the Institute of Economic Research. – 2025. – Vol. 39, Issue. 3(39). – Pp. 91–106.

9. Lurye S.V. Historical Ethnology. – Moscow: Academichesky Proekt, Gaudeamus, 1997. – 624 p.

10. Lurye S.V. A Well-Treaded Path Through a Dark Forest (The Unconscious in the Ethnic Picture of the World) // Social Sciences and Modernity. – 2016. – № 2. – Pp. 136–143.

11. Lurye S.V. Generalized cultural scenario and the functioning of sociocultural systems // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2010. – Vol. 13, № 2. – Pp. 152–167.

12. Martsinkovskaya T.D. Cultural integrity as a factor in ethnic identification (towards the concept of T.G. Stefanenko) // New psychological studies. – 2025. – № 1. – Pp. 12–25. – DOI: 10.51217/npsyresearch_2025_05_01_01.

13. Stefanenko T.G. Ethnopsychology. – Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Academic Project, 1999. – 320 p.

14. Stefanenko T.G. Ethnic Identity: From Ethnology to Social Psychology // Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology. – 2009. – № 2. – Pp. 3–17.

15. Smirnov A.V. The Logic of Meaning: Version 2021 // Man. – 2022. – Vol. 33, № 2. – Pp. 8–24. – DOI: 10.31857/S023620070019508-5.

16. Smirnov A.V. Culture and Thinking // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2022. – № 4. – Pp. 7–24.

Этнос как предмет социально-философского исследования

Аршин Константин Валерьевич,
кандидат философских наук,
докторант Института философии РАН
E-mail: kosta-10@yandex.ru

Статья посвящена анализу феномена этноса и его отличий от других типов человеческих общностей, что остаётся одной из самых сложных проблем в современной этнологии. В работе рассматривается отсутствие единого подхода к определению этноса и его гносеологического статуса, что порождает множество интерпретаций и научных дискуссий. Особое внимание уделяется понятию «этническая субстанция», введённому С.Ю. Рыбаковым, который утверждает, что этнос представляет собой самостоятельную сущность, проявляющуюся через язык, культуру и самосознание.

В статье также анализируется теория этногенеза Л.Н. Гумилёва, который рассматривает этнос как биологический организм, проходящий через различные стадии развития, где ключевую роль играет концепция пассионарности. Несмотря на критику его теории за биологизм, автор статьи подчеркивает её эвристическую ценность.

Важным аспектом работы является зависимость этноса от вмещающего ландшафта. Гумилёв утверждает, что этнос формируется и развивается в тесной связи с природной средой, которая активно влияет на культурные и психологические особенности людей. Изменения в ландшафте могут привести к трансформации или исчезновению этноса, что делает взаимодействие между этносом и ландшафтом ключевым для понимания этнических процессов.

В статье также затрагивается вопрос о различии между этносом и нацией, что является актуальным для современных социальных наук. В заключение автор подчеркивает, что учение о формах движения материи, предложенное Ф. Энгельсом, может помочь в понимании природы этноса, если учитывать его зависимость от вмещающего ландшафта.

Ключевые слова: этнос, этногенез, нация, национализм, этническое самосознание.

Введение

Дискуссии о том, что есть человеческая социальность и чем она отличается от социальности животных длятся еще со времен древнегреческого философа Аристотеля, который, напомним, отказывал животным в социальности по той простой причине, что они по природе своей (как и некоторые люди) не способны формировать общество, хоть сколько-нибудь похожее на человеческое [1]. И хотя современные ученые, намного дальше Аристотеля продвинувшиеся в изучении поведения животных, опровергают выводы великого грека о принципиальном отсутствии социальности у животных – как высших (типа шимпанзе) [3], так и социальных насекомых (муравьев, пчел) [13], тем не менее, вопрос о человеческой социальности, ее источнике и природе, а также тех формах, которые она принимает, продолжает стоять достаточно остро [8].

Можно согласиться с К.Х. Момджяном, что в самом общем виде социальность представляет собой надорганическую реальность, в которой действуют особые законы и закономерности, не только не сводимые к законам и закономерностям физического мира, но и противоречащие им. Более того, эти законы и закономерности не могут быть раскрыты в терминах, которыми объясняются законы физического мира, а требуют своего терминологического аппарата. Хотя, некоторые философы прошлого и настоящего пытались и пытаются раскрыть сущность социального, оперируя терминами естественных наук и даже приравнивая человек к машине [11, 4], однако дать общезначимый ответ на вопрос, поставленный еще немецким философом И. Кантом о том, что же такое человек им так не удалось. Проблема заключается в том, что человек не является частью исключительно органической реальности или реальности надорганической, то есть частью реальности «социального». Он принадлежит к двум мирам: как биологический организм к миру органическому, но как личность к миру надорганическому.

Эти два мира отнюдь не противоположны друг другу, но хотя и находятся в противоречии, тем не менее дополняют друг друга. В данном случае актуальным было бы обратить к несколько подзабытому сегодня учению Ф. Энгельса о материи и формах ее движения.

С точки зрения Энгельса «Материя как таковая, это – чистое создание мысли и абстракция», которую человек, в силу ограниченности органов чувств, которыми он воспринимает реальность, «еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом». В реальности «люди имеют дело только с различными реально существующими веществами и формами движения. Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение как таковое есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; такие слова, как «материя» и «движение», суть не более, как сокращения, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» [15: 550–551]. Однако это не значит, что материи, как и движения в реальности не существует. Люди познают как существование материи, так и движения через изучение той совокупной связи тел, которую формируют те тела материальной реальности, реальность которых люди признают. Иными словами, ученый признает существование электрона и атома как объективной реальности. Как следствие, он признает существование материи, которая и нашла свое выражение в том самом электроне и атоме. Электроны воздействуют друг на друга внутри атомов, а атомы воздействуют друг на друга внутри тел, порождая движение, которое также изучает ученый. Самим фактом изучения электрона и атома, а также движения, порождаемого ими, ученый признает объективность существования электрона и атома, а также движения, как формы их взаимодействия. Движение, указывает Ф. Энгельс, есть форма существования материи. Соответственно, многообразие мира порождается различием форм движения, а именно механическим (простое перемещение тел), физическим (теплота, электричество, магнетизм), химическим и биологическим (порождающим живую жизнь) движениями. Отдельно выделялась социальная форма движения материи, реализуемая непосредственно особой формой живого организма (человеком) и направленном на выстраивание социальных связей, изменение окружающей действительности, а также созидания человеческого общества в целом. Важным аспектом учения Ф Энгельса о материи и движении как форме существования материи выступал принцип взаимосвязи

форм движения материи, которые подчинялись законам диалектики, и неразрывной связи материи и движения.

Учение Энгельса о материи и движении поможет определить, что же такое этнос.

Основная часть

Следует согласиться с мнением отечественного исследователя А.А. Празаускаса о том, что «при рассмотрении феномена этноса наиболее сложная проблема заключается в выделении этноса среди других типов общностей» [16: 7]. Причину этого А.А. Празаускас видит как в наличии огромного числа общностей, которым присуще этническое самосознание, но которым исследователи отказывают в статусе этнических групп, так и в неспособности современных ученых прийти к единому мнению относительно гносеологического статуса самого понятия этнос.

Проблема последнего, а именно отсутствия четкого гносеологического статуса у понятия этнос, вполне четко изложена в программной статье ведущего российского исследователя проблематики этноса и нации академика В. Тишкова «От этноса к этничности и после» [12]. В статье Тишков последовательно анализирует использование понятия этноса в современной российской этнологии, истории, философии, социологии и приходит к выводу, что современные дискуссии об этносе как гносеологической категории, позволяющей объяснить «глобальные коллизии современного мира, углубляющиеся глобально-региональные разломы, миграционные и этноконфессиональные конфликты, новые роли наций-государств» [12: 21], определенно ведут в тупик из-за того, что этнос не может служить эвристической категорией, объясняющей социальные метаморфозы современного мира. Тем не менее, термины этнос и этничность продолжают активно использовать как в науке, так и в повседневной речи. А следовательно, этнос как явление все же существует.

Вышесказанное ставит вопрос об том, что лежит в основе этноса как социального феномена и что можно вслед за отечественным исследователем С.Ю. Рыбаковым обозначить термином этническая субстанция. Необходимо отметить, что сам Рыбаков в поисках того, на что можно было бы указать и назвать этнической субстанцией, не преуспел. Тем не менее, он попытался дать определение этнической субстанции, определив ее следующим образом: «не совокупность (комплекс) определенных этнических признаков рождает этнос как следствие, а, наоборот, некое собственно «этническое», самостоятельная субстанция, развертываясь среди социальных феноменов, обнаруживает себя через то, что она привносит в эти феномены и что делает их «этническими признаками» [9: 62]. Иными словами, этническая субстанция, утверждает С.Е. Рыбаков, это подобие кантовской «вещи в себе», которая дана нам в форме феноменальных проявлений – языка, этнонима, общей территории, проявлений культуры, но прежде всего, совокупности человеческих особей, которые полагают себе единым этносом. И не важно, что стало «триггером» ощущения себя этой группы людей единым этносом. Был ли это наличие подобной группы по соседству, конфликт внутри группы, появление лидера, сплотившего группу в единое целое через формирование единой религии, или что-то еще.

Для того, чтобы раскрыть этот механизм формирования этноса, полагаем необходимым обратиться к теории этногенеза, предложенной отечественным историком Л.Н. Гумилевым.

Несмотря на сокрушительную критику теории этногенеза Л.Н. Гумилева со стороны как отечественных, так и зарубежных исследователей. Критика эта, однако, зиждется, в основном, на неприятии теории пассионарности как особой космической энергии, влияющей на геном «этнических предков», и используемой этносом на первых стадиях своего развития (в терминологии Л.Н. Гумилева на стадиях рождения этноса, пассионарного подъема и акматической фазе). На рамках данных стадий осуществляется расширение ареала расширения этнической группы, а также формирования культурного наследия, которое затем используется в рамках последующих фаз для поддержания культурного единства этнических группы, когда она уже не способна создавать культурные шедевры из-за исчерпания пассионарной энергии. В рамках заключительных стадий своего существования этнос способен только воспроизводить шедевры прошлого, будучи неспособным на культурный прорыв [6, 7].

Следует отметить, что теория пассионарности (пассионарного толчка) действительно представляет собой наиболее слабую часть учения Л.Н. Гумилева об этносе, что признавал и сам Л.Н. Гумилев. В своей книге «Этногенез и биосфера земли» о пассионарности он пишет как о гипотезе, которая позволяет объяснить факт возникновения этнических групп: «Обязательным условием для возникновения и течения процесса этногенеза <…> является пассионарность, т.е. способность к целенаправленным сверхнапряжениям. Объяснить ее мы пока можем лишь приняв гипотезу <…>: пассионарность – это врожденная способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. <…> пассионарии совершают не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ» [2: 319]. Но он отказывается объяснить природу пассионарности, а именно откуда проистекает энергия, которая абсорбируется пассионарными особями и превращается ими в исторически значимые деяния. Предположение Л.Н. Гумилева о природе энергии пассионарности следующее: «импульс [пассионарности – К.А.] <…> должен быть энергетическим, а поскольку он, по-видимому, не связан наземными природными и социальными явлениями, то происхождение его может быть только внепланетарным» [2: 320]. Далее, в подтверждении своих слов Л.Н. Гумилев ссылается на работы советского физика М.М. Ермолаева об атмосферных оболочках земли и влиянии на них ионизирующего космического излучения. Но в заключении признает возможность ошибочности выдвинутой им концепции космического происхождения энергии, лежащей в основе пассионарного толчка и, как следствие, этногенеза, настаивая, впрочем, на энергетической природе процессов, лежащих в основании новых этнических общностей.

Представленный выше небольшой экскурс в теорию пассионарности Л.Н. Гумилева необходим, поскольку именно теория пассионарности стала темой, за критикой которой оказались скрыты положительные элементы теории этногенеза Л.Н. Гумилева, имеющие эвристическое значение в части решения вопроса о различии этноса и нации, как двух форм организации человеческих сообществ. Данный вопрос для социальных ученых отнюдь не является праздным и даже привел к расколу академического сообщества на две группы – примордиалистов и конструктивистов. Указанная проблема будет рассмотрена в последующих разделах. В данном случае следует сосредоточиться на эвристически значимых элементах теории этногенеза Л.Н. Гумилева, которые позволят определить специфичность этнических групп, в части отличия от племен или наций.

Во-первых, этносы, по определению Л.Н. Гумилева, представляют собой особую систему, которая включает в себя людей, а также элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи между соседями. Данная система отнюдь не статична. Вернее, по мнению Л.Н. Гумилева, она может быть статична, но возможно это только на заключительной стадии существования этноса – так называемой стадии обскурации – когда этнос превращается в часть природного ландшафта, а его представители более не способны к какой-либо деятельности, направленной на изменение этого ландшафта. Более того, само изменение этого ландшафта, под воздействием ли природных (засуха, наводнение, землетрясение), либо социальных катаклизмов (вторжение других этнических групп) ведет к гибели данного этноса. То есть, этнос – по определению динамическая система, находящаяся в постоянном движении. Каждый элемент этой системы находится в состоянии постоянного изменения под влиянием других элементов системы. Управление системой управляющей системой. В случае этноса – это традиция, которая обеспечивает обмен запасами информации в диахронической перспективе, то есть от предыдущих поколений к следующим. Тем самым, указывает Л.Н. Гумилев, традиция служит своеобразным приводным ремнем между «общественной и социальной формой движения материи» [2: 103]. Фактически именно наличие традиции отличает человека от животного и делает этнос формой коллективного бытия, присущей лишь человеку [2: 104].

Во-вторых, важную роль в функционировании этноса играет ландшафт. В данном случае не следует путать понятия ландшафта и территории. Как указывает известный российский этнолог В.И. Козлов, в этнологии: ««территория» выступает двумя основными сторонами: естественно-географической – как часть поверхности земного шара с определенными природными условиями <…> и как социально устроенное пространство, в котором эти люди вырабатывают систему своего жизнеобеспечения, развивают свою материальную и духовную культуру» [5: 62]. Ландшафт в том смысле, как его понимает Л.Н. Гумилев, отличается как от естественно-географической, так и от социальной трактовки территории в этнологической науке. По Л.Н. Гумилеву, ландшафт – это участок земли, имеющий свои естественные границы, отличающийся от подобных участков специфичностью наличествующих на нем предметов и явлений, находящихся в отношениях взаимообусловленности. Причем человеческие группы, проживающие на данном участке земли, являются частью этого ландшафта в той же мере, как географические объекты (горы, пустыни, равнины и т.д.) или животные. Человек является биологическим организмом, соответственно география, определяющая природные условия, в которых живет организм, оказывает на этот организм влияние. Однако, в трактовке этого

влияния Л.Н. Гумилев далек, например, от географического детерминизма.

Так, отечественный историк постулирует: «Анализ взаимодействия этноса как самостоятельного явления с ландшафтом показал, что оба они связаны обратной зависимостью, но ни этнос не является постоянным действующим ландшафтообразующим фактором, ни ландшафт без постороннего воздействия не может быть причиной этногенеза» [2: 323]. Так какую же роль играет ландшафт? По мнению Л.Н. Гумилева, ландшафты не запускают процессы этногенеза, но, с одной стороны, определяет наблюдаемое этническое разнообразие, поскольку несхожесть ландшафтов проживания для человеческих групп «даже если все они имеют одних предков, необходимость адаптироваться к различным условиям среды через несколько поколений сделает их мало похожими друг на друга. И эта несхожесть будет увеличиваться до тех пор, пока системные связи между ними не ослабнут вследствие того, что одновременно идет поступательное движение общества на основе производительных сил и производственных отношений, что со своей стороны неизбежно влечет обновление устаревающей общественной системы» [2: 324]. Иными словами, изменение ландшафта способствует процессам этнической дивергенции, то есть распада единого этноса (если уж таковой уже образовался) на несколько самостоятельных этнических общностей, либо этнической консолидации, когда несколько социальных групп (этнических субстратов (в терминологии Л.Н. Гумилева – К.А.) или осколков уже существовавших этносов) объединяются в одну группу. При этом в течение долгого времени они могут воспринимать себя как самостоятельную часть нового этнического целого [10: 40].

В-третьих, Л.Н. Гумилев отмечает важность социальных связей для поддержания существования этноса и особенно стереотипа поведения, концентрирующегося в традиции, как определяющей характеристики этноса. В качестве иллюстрации Л.Н. Гумилев приводил «русского чукчу» – «мальчика сиротку, воспитанного чукчами, и не знавшим русского языка» [2: 124]. Несмотря на тот факт, что указанный мальчик знал только жизнь обычного чукчи, его социальное окружение считало его русским, равно как и он сам относил себя к русским, а не чукчам. Другой пример приводит в своей книге «Социальная психология» американский социальный психолог Тамоцу Шибутани, указывая на сложность инкорпорации европейских интеллектуалов в культурную жизнь США. Несмотря на тот факт, что европейские интеллектуалы лучше знали историю, законы и обычаи США, они, тем не менее, «оказывались неспособны понять много такого, что любой ребенок, выросший в США, чувствует интуитивно». Т.е. европейские интеллектуалы «обладали «знанием» американской жизни, но не «знакомством» с ней» [14: 42]. На похожую проблему указывал и российский разведчик-нелегал Андрей Безруков, ныне преподающий в МГИМО (у), когда делился в одном из интервью теми сложностями, которые возникли у него в рамках работы в Соединенных Штатах Америки. Блестящее знание английского языка, истории и культуры страны, по его словам оказывались бесполезными, когда его американские vis-a-vie начинали вспоминать мультфильмы их детства и связанные с этими мультфильмами шутки. В подобных ситуациях российскому разведчику приходилось использовать свои способности к эмпатии и пытаться воспроизвести подходящие к ситуации эмоции, «считывая» эмоции партнеров.

Конечно, традиция и концентрирующийся в ней стереотип поведения, не являются чем-то неизменным. Содержание традиций может меняться. Традиции даже могут изобретаться, являясь не результатом исторической эволюции, а продуктом целенаправленной человеческой деятельности [17], но их функция остается неизменной – поддержание целостности этноса как системы, включающей в себя людей в их взаимосвязи с элементами ландшафта (в который входят не только природные объекты, но и соседние социальные группы (иные этносы)). Утрата традиции ведет к исчезновению этноса. Последнее не подразумевает поголовное истребление всех особей, входящих в этническую группу (хотя и последнее в истории человечества встречалось), но раздробление этнической общности с последующей ассимиляцией уцелевших другими этническими общностями – «люди остаются, но этнос как системная целостность исчезает» [2: 121]. Но почему это так?

Ответ, вероятно, кроется в продвигаемом Л.Н. Гумилевым представлении об этносе как единстве социального и биологического. Для Л.Н. Гумилева биологическое в этносе сводится, по сути, к зависимости этноса от вмещающего его ландшафта или «месторазвития». Фактически огромное значение для воспроизводства этноса в исторической перспективе играет тот ландшафт, в котором этнос живет. При изменении этого ландшафта, в силу ли природных или социальных причин, этнос либо преобразуется во что-то иное, либо просто сходит с исторической арены.

Именно биологическое в подобной трактовке оказывает значительное влияние на особенности культуры и психики представителей этнических сообществ, а также осознание ими своего отличия от подобных сообществ. И в более широкой ретроспективе на различие мировоззренческое, лежащее в основе цивилизационного различия.

Выводы

Сложность определения этноса – одна из ключевых проблем современной гуманитарной науки. Вопрос о том, как выделить этнос среди других типов человеческих общностей, до сих пор не имеет однозначного ответа. Это связано с отсутствием единого подхода к определению самого понятия «этнос» и его гносеологического статуса. В результате в научном сообществе существует множество интерпретаций, что порождает постоянные дискуссии и споры.

В этом контексте особую роль играет понятие «этническая субстанция», введённое С.Ю. Рыбаковым. Он подчёркивает, что этнос – это не просто совокупность отдельных признаков (таких как язык, культура или территория), а самостоятельная, глубинная сущность. Эта субстанция проявляется через различные феномены: язык, этноним, культурные традиции, но прежде всего – через самосознание группы, которая ощущает себя единым целым. Такой подход делает этнос сложным и многогранным явлением, не сводимым к простой сумме его частей.

Вместе с тем, учение Энгельса о формах движения материи позволяет пролить свет на природу этноса, если следуя Л.Н. Гумилеву акцентировать внимание на зависимость этноса от вмещающего ландшафта. Этнос формируется и развивается в тесной связи с природной средой, которая не просто служит фоном, а активно влияет на культурные, хозяйственные и даже психологические особенности людей. Ландшафт определяет условия жизни, способы адаптации, формирует уникальные черты материальной и духовной культуры. При этом изменение ландшафта – как по естественным причинам, так и в результате человеческой деятельности – может привести к трансформации или даже исчезновению этноса. Таким образом, этнос и ландшафт находятся в состоянии постоянного взаимодействия: с одной стороны, люди приспосабливаются к среде, с другой – сами изменяют её, создавая тем самым новые условия для своего существования.

Связь вмещающего ландшафта и этноса может также пролить свет на вопрос о генезисе современной нации.

Литература

1. Аристотель Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Ленинград: Гидрометеоиздат, 1990.
3. Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022.
4. Деннет Д. Разум: от начала до конца. Новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности. М.: Бомбора, 2021.
5. Козлов В.И. Этнос. Нация. Национализм. Сущности и проблематика. М.: Старый сад, 1999.
6. Кореняко В. А. К критике концепции Л.Н. Гумилёва // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 22–35;
7. Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва // Звезда. – 1994. – № 10. – С. 167–177.
8. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М.: Книжный дом Университет, 1997.
9. Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.
10. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: «Современные тетради». 2003.
11. Спекторский Г. Проблема социальной физики в XVII столетии. М.: Наука, 2006.
12. Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 5–22.
13. Уилсон Э.О. Эусоциальность. Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
14. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
15. Энгельс Ф. Диалектика природы. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Издательство политической литературы, 1955.
16. Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Празаускас. – М.: Издательство УРАО, 2000.
17. Hobsbawn E. Introduction: Inventing Tradition // Inventing Tradition / Eds. Hobsbawn E., Ranger T. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–14.

ETHNICITY AS A SUBJECT OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL RESEARCH

Arshin K.V.
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

This article analyzes the phenomenon of ethnicity and its differences from other types of human communities, which remains one of the most complex issues in modern ethnology. The paper examines the lack of a unified approach to defining ethnicity and its epistemological status, which gives rise to numerous interpretations and scholarly debates. Particular attention is paid to the concept of "ethnic substance," introduced by S. Yu. Rybakov, who argues that ethnicity is an independent entity manifested through language, culture, and self-awareness.

The article also analyzes L.N. Gumilyov's theory of ethnogenesis, which views ethnicity as a biological organism passing through various stages of development, in which the concept of passionarity plays a key role. Despite criticism of his theory for its biologism, the author of the article emphasizes its heuristic value.

An important aspect of the work is the dependence of an ethnos on the host landscape. Gumilev argues that an ethnos is formed and develops in close connection with the natural environment, which actively influences the cultural and psychological characteristics of people. Changes in the landscape can lead to the transformation or disappearance of an ethnos, making the interaction between an ethnos and a landscape key to understanding ethnic processes.

The article also addresses the distinction between an ethnos and a nation, which is relevant to modern social science. In conclusion, the author emphasizes that Engels's theory of the forms of motion of matter can help in understanding the nature of an ethnos if its dependence on the host landscape is taken into account.

Keywords: ethnos, ethnogenesis, nation, nationalism, ethnic identity.

References

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Works: in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl', 1983. Pp. 375–644.
2. Gumilyov, L.N. Ethnogenesis and the Earth's Biosphere. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1990.
3. De Waal, F. Politics among Chimpanzees. Power and Sex among Primates. Moscow: HSE Publishing House, 2022.
4. Dennett, D. Mind: from Beginning to End. A New Look at the Evolution of Consciousness from a Leading Modern Thinker. Moscow: Bombora, 2021.
5. Kozlov, V.I. Ethnos. Nation. Nationalism. Entities and Problematics. Moscow: Stary Sad, 1999.
6. Korenyako V.A. Towards a Critique of L.N. Gumilyov's Conception // Ethnographic Review. – 2006. – No. 3. – Pp. 22–35;
7. Lurye Ya.S. Ancient Rus' in the Works of Lev Gumilyov // Zvezda. – 1994. – No. 10. – Pp. 167–177.
8. Momdzhyan K. Kh. Introduction to Social Philosophy. Moscow: Knizhnii Dom Universitet, 1997.
9. Rybakov S.E. Philosophy of Ethnos. Moscow: IPK Gossluzhby, 2001.
10. Semenov Yu.I. Philosophy of History. (General Theory, Main Problems, Ideas, and Concepts from Antiquity to the Present Day). Moscow: "Sovremennye Tetradi". 2003.
11. Spektorsky, G. The Problem of Social Physics in the 17th Century. Moscow: Nauka, 2006.
12. Tishkov, V.A. From Ethnos to Ethnicity and After // Ethnographic Review. – 2016. – No. 5. – Pp. 5–22.
13. Wilson, E.O. Eusociality. People, Ants, Naked Mole Rats, and Other Social Animals. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019.
14. Shibutani, T. Social Psychology. Moscow, 1969.
15. Engels, F. Dialectics of Nature. // Marx, K., Engels, F. Works. 2nd ed. T. 20. M.: Political Literature Publishing House, 1955.
16. Ethnos and Politics: Reader / Auth. and compiler. A.A. Prazauskas. – M.: URAO Publishing House, 2000.
17. Hobsbawn E. Introduction: Inventing Tradition // Inventing Tradition / Eds. Hobsbawn E., Ranger T. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 1–14.

Реконструкция ценностной системы современного китайского образования в контексте конфуцианской традиционной мысли

Ван Синь,
кандидат наук, Белорусский государственный университет
E-mail: 846351598@qq.com

В статье рассматривается реконструкция ценностной системы современного китайского образования через философские ресурсы конфуцианской традиционной мысли. Обосновывается, что современный кризис китайского образования имеет не только институциональный или технический характер, но отражает более глубокий дисбаланс между инструментальной рациональностью, утилитарной ориентацией на достижение результата и ослаблением функции нравственного воспитания. На основе философской герменевтики, концептуального анализа и междисциплинарного синтеза философии и педагогики в статье переосмысливаются конфуцианские понятия Ren, Li, Yi, Zhi и He как элементы целостной образовательной философии. Показано, что конфуцианская мысль может способствовать развитию современного образования не через простое восстановление традиции, а посредством ее критической и творческой трансформации. Теоретическая значимость исследования состоит в разработке культурно укорененной, но современной нормативной модели образования, ориентированной на нравственную личность, этику отношений, социальную ответственность и осмысленное человеческое развитие.

Ключевые слова: Конфуцианская Образовательная Мысль, Современное Китайское Образование, Реконструкция Ценностей, Нравственное Воспитание, Этика Отношений.

Introduction

The transformation of contemporary Chinese education has taken place within the broader context of modernization, globalization, and the increasing influence of technological rationality. Educational institutions are expected not only to transmit knowledge, but also to respond to economic development, social mobility, global competition, and national modernization. These changes have greatly expanded the social function of education, yet they have also produced a profound tension within its value structure. When education is increasingly evaluated through efficiency, productivity, measurable performance, and competitive success, its deeper humanistic and moral purposes may be weakened.

The problem addressed in this article is the growing crisis of educational values in contemporary China. This crisis is not limited to examination pressure, utilitarian learning, or unequal access to educational resources. More fundamentally, it reflects the dominance of instrumental rationality and the marginalization of moral cultivation. Education risks becoming a mechanism for producing competitive and economically useful individuals, rather than a process of forming morally responsible, culturally rooted, and socially committed persons. Thus, the central issue is not only how education should be reformed institutionally, but how its value foundation should be reconstructed philosophically.

Against this background, the research question of this article is: how can Confucian traditional thought contribute to the reconstruction of the value system of contemporary Chinese education? The article argues that Confucianism, if critically reinterpreted rather than mechanically restored, can provide an important philosophical resource for addressing the imbalance between utility and value, knowledge and virtue, individuality and responsibility.

The objective of the study is to reinterpret Confucian ethical and educational principles within a modern philosophical framework. Concepts such as Ren, Li, Yi, Zhi, and He are examined not as isolated historical categories, but as elements of an integrated educational philosophy centered on moral self-cultivation, relational ethics, and social responsibility. Methodologically, the article adopts philosophical hermeneutics, conceptual analysis, and interdisciplinary synthesis between philosophy and pedagogy. Its academic significance lies in proposing a normative framework for value reconstruction, rather than offering an empirical model of educational reform.

The Value Crisis in Contemporary Chinese Education

The value crisis of contemporary Chinese education should not be understood merely as a set of practical difficulties, such as examination pressure, excessive competition, or unequal access to high-quality educational resources. These problems are visible manifestations of a deeper transformation in the meaning and purpose of education itself. In contemporary society, education is increasingly interpreted through the logic of utility, efficiency, selection, and measurable achievement, while its classical mission the formation of morally responsible, culturally rooted, and socially committed persons is gradually weakened. Therefore, the crisis is not only administrative or institutional; it is fundamentally philosophical, because it concerns the question of what education is for and what kind of human being it aims to cultivate.

A central manifestation of this crisis is the dominance of instrumental rationality. As Biesta argues, modern educational systems often focus excessively on measurement, comparison, accountability, and outcomes, while neglecting the fundamental question of educational purpose [1]. In the Chinese context, this tendency is particularly evident in the strong emphasis on examination results, university admission, professional success, and national competitiveness. Education thereby becomes a mechanism of selection and social advancement rather than a process of moral and intellectual self-formation. The value of learning is increasingly judged by its external results: scores, certificates, rankings, employment opportunities, and economic returns. Such a tendency narrows the meaning of education and weakens its intrinsic humanistic dimension.

Closely related to this is the reduction of students to human capital. Human capital theory interprets education primarily as an investment that increases productivity, income, and economic competitiveness [2]. This perspective is not entirely without value, since education undoubtedly contributes to professional competence, economic development, and social

modernization. However, when this logic becomes dominant, the student is no longer perceived primarily as a developing moral subject, but as a future economic actor whose value is measured by skills, efficiency, competitiveness, and market performance. The human being is thus partially separated from his or her moral, emotional, aesthetic, and spiritual dimensions. Education, in this case, risks losing its formative character and becoming a means of producing adaptable and competitive individuals.

The erosion of holistic development is especially significant. Although Chinese educational discourse formally emphasizes the all-round development of students, in practice the pressure of standardized assessment often narrows the meaning of success. Moral character, emotional maturity, aesthetic sensibility, civic responsibility, and spiritual self-cultivation become secondary to visible and quantifiable achievements. Zhao's analysis of Chinese education shows that its strengths in discipline, examination performance, and academic competition are accompanied by serious risks to creativity, individuality, and independent judgment [3]. This reveals a structural contradiction: the system is highly effective in producing measurable academic achievement, yet it may weaken the learner's autonomy, imagination, and capacity for reflective moral judgment.

This contradiction is further intensified by the culture of educational desire. Kipnis' study of schooling in China demonstrates that education is deeply embedded in family aspiration, social mobility, local competition, and state developmental goals [4]. In such a context, educational success becomes not merely an individual achievement, but a family and social project. Parents, schools, and students are drawn into a powerful structure of expectation in which failure in education is often perceived as failure in life chances. This produces enormous motivation, but it also transforms education into a field of anxiety, comparison, and pressure. As a result, the student's inner development may be subordinated to external expectations and social competition.

Moral education also faces the danger of formalization. When ethical education is reduced to external discipline, repeated slogans, institutional requirements, or administrative evaluation, it loses its transformative meaning. Genuine moral education requires inner recognition, self-reflection, emotional participation, and the cultivation of judgment. Without these elements, morality becomes a symbolic component of schooling rather than a living principle of personal formation. The problem is not that moral education is absent, but that it may fail to become internally meaningful for students. In other words, moral education may exist as a curriculum, policy requirement, or institutional discourse, while remaining weak as a process of moral subject formation.

The tension between equality and excellence also reflects the deeper imbalance of educational values. On the one hand, modern education is expected to promote fairness, expand opportunity, and reduce social inequality. On the other hand, it is also required to select talent, cultivate excellence, and enhance national competitiveness. These goals are not necessarily contradictory, but in practice they often create structural tensions. When excellence is defined primarily through competitive selection and standardized achievement, equality may become formal rather than substantive. Similarly, when fairness is pursued only through uniform standards, individual difference, creativity, and moral development may be insufficiently recognized. Thus, contemporary education faces the challenge of integrating equality, excellence, individuality, and social responsibility within a coherent value framework.

Therefore, the crisis of contemporary Chinese education is not simply institutional or technical. It reflects an imbalance in the educational value system itself. The pursuit of efficiency, competitiveness, and measurable achievement has not been fully integrated with the cultivation of moral personality, cultural continuity, social responsibility, and meaningful human development. This diagnosis creates the theoretical necessity for turning to Confucian educational thought, not as a nostalgic restoration of the past, but as a philosophical resource for reconstructing the moral and humanistic orientation of education. Confucianism can help reopen the question of educational purpose by emphasizing moral cultivation, relational responsibility, and the unity of knowledge and ethical life.

The Philosophical Foundations of Confucian Educational Thought

The philosophical foundation of Confucian educational thought lies in its understanding of education as a process of moral self-formation rather than the simple transmission of knowledge or technical competence. Unlike modern educational models that often separate cognitive development from ethical cultivation, Confucianism interprets learning as the transformation of the whole person. Its central question is not merely what students should know, but what kind of persons they should become. This gives Confucian education a distinctive normative structure: knowledge, conduct, emotion, social relations, and public responsibility are not isolated dimensions, but mutually constitutive aspects of human formation.

The concept of Ren occupies the central position in this structure. Ren, commonly translated as benevolence or humaneness, does not refer only to private kindness or emotional sympathy. It expresses the capacity to respond morally to others within concrete relationships. Ames and Rosemont's theory of Confucian role ethics is particularly valuable here, because it shows that the Confucian person is not an abstract individual detached from society, but a relational being whose moral identity is formed through family, community, and social practice [5]. From this perspective, education is the cultivation of humane responsiveness: students learn not only to acquire knowledge, but also to recognize obligations, exercise empathy, and participate responsibly in shared life.

If Ren provides the ethical core, Li offers the normative and practical form through which moral cultivation becomes embodied. Li is often translated as ritual propriety, but its educational meaning is broader than ritual performance or external etiquette. It refers to the patterned practices through which respect, self-restraint, responsibility, and social order are cultivated. Li shows that values cannot be formed by abstract instruction alone; they must be internalized through repeated practices, institutional environments, and interpersonal norms. In this sense, Confucian education avoids the opposition between inner morality and external form: ethical subjectivity is shaped through disciplined participation in meaningful social practices.

The principle of Yi, or righteousness, introduces the dimension of moral judgment. While Ren emphasizes benevolent concern and Li provides ethical form, Yi enables the learner to distinguish between what is right and what is merely useful, profitable, or expedient. This principle is especially important for contemporary education, where success is often measured by scores, credentials, employability, and competitive advantage. Confucian thought reminds us that education should not merely improve students' capacity to achieve goals; it should also cultivate their ability to evaluate the moral worth of those goals. Without Yi, knowledge may become technically effective but ethically directionless.

The concept of Zhi, or wisdom, further clarifies the Confucian understanding of knowledge. Zhi is not identical with intelligence, information, or technical skill. It refers to the capacity to understand situations morally and to act appropriately. Knowledge becomes educationally meaningful only when it is connected with ethical discernment and responsible conduct. This point distinguishes Confucian pedagogy from utilitarian and technocratic models of education. A highly skilled person who lacks moral judgment cannot be regarded as truly educated in the Confucian sense. Thus, Confucian wisdom integrates cognition, value, and action.

The ideal of He, or harmony, gives Confucian education its broader ontological horizon. Harmony does not mean uniformity, obedience, or the suppression of difference. Li Chenyang emphasizes that Confucian harmony is a dynamic and creative process of coordinating differences rather than eliminating them [6]. Applied to education, He implies the balanced development of individual personality, interpersonal responsibility, cultural continuity, and social order. It also provides a way to mediate tensions between tradition and modernity, personal freedom and collective life, moral cultivation and institutional development.

The Confucian logic of education can therefore be understood through the movement from self-cultivation to public responsibility. The classical sequence of cultivating the self, regulating the family, governing the state, and bringing peace to the world does not simply express a hierarchical social order. More importantly, it reveals the continuity between personal moral development and public life. De Bary's interpretation of Confucian learning emphasizes precisely this civilizational significance of education: learning is not a private accumulation of knowledge, but participation in a broader moral and cultural conversation [7]. This insight remains important for contemporary education, especially when individual success is often separated from social responsibility.

Another essential feature of Confucian pedagogy is the unity of knowledge and action. Learning is incomplete if it remains at the level of verbal understanding or examination performance. It must be embodied in conduct, relationships, and social practice. Li Zehou's account of Chinese aesthetic and ethical tradition is useful in this regard, because it shows how emotion, ritual, aesthetic experience, and moral formation are historically integrated in Chinese culture [8]. This perspective helps explain why Confucian education places strong emphasis on practice, habituation, and the affective formation of the person.

At the same time, the contemporary use of Confucian educational thought requires critical transformation rather than simple restoration. Confucianism must be reinterpreted in dialogue with modern values such as equality, autonomy, creativity, and pluralism. Tan's study of Confucian education is valuable because it shows that Confucian pedagogy should

not be reduced to authoritarian instruction; it can also support reflective learning, moral agency, and dialogical cultivation [9]. Therefore, Confucian educational thought provides not a ready-made institutional model, but a philosophical resource for reconstructing the value system of education.

In summary, the philosophical foundation of Confucian educational thought consists in the integration of Ren, Li, Yi, Zhi, and He into a coherent theory of moral personhood. Its significance for contemporary Chinese education lies in its ability to challenge the dominance of instrumental rationality and to restore the humanistic, ethical, and relational dimensions of education. It offers a normative framework in which the learner is understood not merely as human capital, but as a moral subject capable of self-cultivation, judgment, responsibility, and participation in common life.

Reconstruction of the Value System: A Confucian Approach

The reconstruction of the value system of contemporary Chinese education should not be understood as a simple restoration of traditional Confucian schooling. Such an approach would risk turning Confucianism into a nostalgic cultural symbol rather than a living philosophical resource. The central task is to critically transform Confucian educational values under modern conditions and to integrate them with contemporary principles such as equality, autonomy, creativity, and institutional rationality. In this sense, Confucianism should be interpreted not as a closed doctrine, but as a normative framework capable of responding to the value crisis of modern education.

Against the dominance of instrumental rationality, Confucian thought redefines education as moral person-making. Contemporary education often evaluates students through examination results, employability, social competitiveness, and measurable performance. Although these indicators are not meaningless, they cannot exhaust the purpose of education. Tu Weiming's interpretation of Confucian humanism is significant because it understands learning as "learning to be human," rather than merely acquiring skills or social advantages. From this perspective, education should cultivate persons capable of moral judgment, self-reflection, responsibility, and meaningful participation in social life.

This transformation also requires overcoming the separation between knowledge and virtue. In many modern educational systems, knowledge is treated as neutral information or technical competence. Confucian education, however, insists that knowledge becomes educationally valuable only when it is connected with ethical discernment and responsible action. A student who is intellectually capable but morally indifferent cannot be regarded as fully educated. This point is especially important in the age of digital governance and artificial intelligence, where efficiency, speed, and calculability may easily be mistaken for wisdom. Confucian thought reminds us that the true value of knowledge lies not only in its usefulness, but in its contribution to the formation of a responsible person.

The Confucian approach also provides a way to correct the excesses of competitive individualism. Contemporary education often encourages students to understand themselves as competitors within a hierarchical system of selection. Confucianism, by contrast, views the person as formed through ethical relations with family, teachers, classmates, society, culture, and the wider world. Angle's study of contemporary Confucian philosophy shows that Confucian ethics can be reinterpreted in a modern context without reducing the individual to passive conformity [10]. This is crucial for educational reconstruction: individuality should not be denied, but should be developed within a framework of cooperation, mutual respect, and public responsibility.

The teacher–student relationship must also be reinterpreted. Traditional Confucian culture placed strong emphasis on the moral authority of the teacher. In modern education, this authority cannot be restored in a hierarchical or authoritarian form. The teacher should instead be understood as a moral exemplar, dialogical guide, and mediator of values. The teacher's responsibility is not only to transmit knowledge, but also to embody intellectual seriousness, ethical integrity, and respect for students' moral agency. Such a reinterpretation avoids both authoritarian traditionalism and value-neutral professionalism. It allows the teacher to remain central to moral education while respecting the modern educational demand for dialogue, freedom, and personal development.

Moral education, within this reconstructed framework, should move beyond external discipline, slogans, and administrative evaluation. Confucian self-cultivation implies that ethical education must involve inner recognition, reflective judgment, emotional formation, and voluntary commitment. Fan Ruiping's reconstructionist Confucianism is useful here because it emphasizes that Confucian moral resources must be rethought after their encounter with modern Western moral frameworks [11]. This means that Confucian moral education cannot simply impose inherited norms; it must help students understand, appropriate, and critically embody ethical values in their own lives. At the same time, the contemporary activation of Confucian values must avoid cultural conservatism. Confucianism can contribute to modern education only when it is critically transformed in dialogue with equality, pluralism, creativity, and democratic participation. Billioud and Thoraval's analysis of the Confucian revival in contemporary China shows that Confucianism has returned to public and educational life in diverse and sometimes contradictory ways [12]. This reminds us that the revival of tradition does not automatically produce educational renewal. Without critical interpretation, Confucianism may become symbolic traditionalism or reproduce hierarchical patterns incompatible with modern educational values.

Therefore, educational reconstruction should not be limited to curriculum adjustment, assessment reform, or school management innovation. These reforms are necessary, but they remain insufficient if the deeper purpose of education is not redefined. Recent studies on the resurgence of Confucian education in China show that Confucian resources continue to shape debates on moral formation, cultural identity, and educational reform [13]. However, the essential question is not whether Confucianism should return, but how it can be transformed into a reflective and open framework for reconstructing educational values. The Confucian approach can therefore be summarized through three interrelated dimensions: moral personality as its core, relational ethics as its structure, and social responsibility as its direction. This framework responds to the crisis of instrumental rationality by restoring the ethical and humanistic meaning of education. It also avoids simple nostalgia by emphasizing creative transformation rather than historical repetition. Its theoretical contribution lies in showing that contemporary Chinese education requires not only technical reform, but also philosophical reconstruction. Only when education is reoriented toward moral cultivation, responsible freedom, and meaningful human flourishing can it overcome the imbalance between utility and value.

Conclusion

The analysis has shown that the value crisis of contemporary Chinese education is not merely a technical or institutional problem, but a deeper imbalance within the educational value system itself. The increasing dominance of utility, efficiency, competition, and measurable achievement has weakened the moral, humanistic, and cultural dimensions of education. In response to this crisis, Confucian traditional thought offers a significant philosophical resource. Its key concepts – Ren, Li, Yi, Zhi, and He – provide a coherent framework for understanding education as moral self-cultivation, ethical judgment, relational responsibility, and participation in common life.

The theoretical contribution of this study lies in bridging traditional Chinese philosophy and modern educational theory. The article does not advocate a simple return to traditional Confucian schooling, nor does it idealize the past. Rather, it emphasizes the critical and creative transformation of Confucian values under contemporary conditions. In this sense, Confucianism can contribute to the reconstruction of educational values only when it is reinterpreted in dialogue with modern principles such as equality, autonomy, pluralism, creativity, and institutional rationality.

At the same time, this study is mainly philosophical and normative in character; it does not include empirical analysis of specific educational institutions or classroom practices. Further research should deepen the dialogue between Confucian educational philosophy and global theories of moral education, civic education, humanistic pedagogy, and intercultural education. The reconstruction of educational values should therefore be understood not only as a pedagogical task, but also as a philosophical and civilizational project aimed at cultivating morally responsible persons in a rapidly changing world.

Литература

1. Biesta G. J.J. Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy. London; New York: Routledge, 2015. 160 p.
2. Gillies D. State Education as High-Yield Investment: Human Capital Theory in European Policy Discourse // Journal of Pedagogy. 2011. Vol. 2, No. 2. P. 224–245.
3. Zhao Y. Who's Afraid of the Big Bad Dragon? Why China Has the Best (and Worst) Education System in the World. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. 272 p.
4. Kipnis A.B. Governing Educational Desire: Culture, Politics, and Schooling in China. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 224 p.
5. Ames R.T. Confucian Role Ethics: A Vocabulary. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 2011. 179 p.
6. Li C. The Confucian Philosophy of Harmony. London; New York: Routledge, 2013. 216 p.
7. De Bary W.T. The Great Civilized Conversation: Education for a World Community. New York: Columbia University Press, 2014. 432 p.
8. Li Z. The Chinese Aesthetic Tradition / transl. by M.B. Samei. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010. 257 p.

9. Tan C. Confucius // International Handbook of Philosophy of Education / ed. by P. Smeyers. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 91–101.

10. Angle S.C. Contemporary Confucian Political Philosophy. Cambridge: Polity Press, 2012. 220 p.

11. Fan R. Reconstructionist Confucianism: Rethinking Morality after the West. Dordrecht: Springer, 2010. 296 p.

12. Billioud S., Thoraval J. The Sage and the People: The Confucian Revival in China. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.

13. Wang C. Resurgence of Confucian Education in Contemporary China: Parental Involvement, Moral Anxiety, and the Pedagogy of Memorisation // Journal of Moral Education. 2023. Vol. 52, No. 3. P. 325–342.

THE RECONSTRUCTION OF THE VALUE SYSTEM OF CONTEMPORARY CHINESE EDUCATION IN CONFUCIAN TRADITIONAL THOUGHT

Wang Xin
Belarusian State University

This article examines the reconstruction of the value system of contemporary Chinese education through the philosophical resources of Confucian traditional thought. The study argues that the current crisis of Chinese education is not merely institutional or technical, but reflects a deeper imbalance between instrumental rationality, utilitarian achievement, and the weakened function of moral cultivation. Based on philosophical hermeneutics, conceptual analysis, and interdisciplinary synthesis between philosophy and pedagogy, the article reinterprets the Confucian concepts of Ren, Li, Yi, Zhi, and He as elements of an integrated educational philosophy. The article shows that Confucian thought can contribute to modern education not through a simple restoration of tradition, but through its critical and creative transformation. Its theoretical significance lies in proposing a culturally grounded yet modern normative framework centered on moral personality, relational ethics, social responsibility, and meaningful human flourishing.

Keywords: Confucian Educational Thought, Contemporary Chinese Education, Value Reconstruction, Moral Cultivation, Relational Ethics.

References

1. Biesta G. J.J. Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy. London; New York: Routledge, 2015. 160 p.

2. Gillies D. State Education as High-Yield Investment: Human Capital Theory in European Policy Discourse // Journal of Pedagogy. 2011. Vol. 2, No. 2. P. 224–245.

3. Zhao Y. Who's Afraid of the Big Bad Dragon? Why China Has the Best (and Worst) Education System in the World. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. 272 p.

4. Kipnis A.B. Governing Educational Desire: Culture, Politics, and Schooling in China. Chicago: University of Chicago Press, 2019. 224 p.

5. Ames R.T. Confucian Role Ethics: A Vocabulary. Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong Press, 2011. 179 p.

6. Li C. The Confucian Philosophy of Harmony. London; New York: Routledge, 2013. 216 p.

7. De Bary W.T. The Great Civilized Conversation: Education for a World Community. New York: Columbia University Press, 2014. 432 p.

8. Li Z. The Chinese Aesthetic Tradition / transl. by M.B. Samei. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2010. 257 p.

9. Tan C. Confucius // International Handbook of Philosophy of Education / ed. by P. Smeyers. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 91–101.

10. Angle S.C. Contemporary Confucian Political Philosophy. Cambridge: Polity Press, 2012. 220 p.

11. Fan R. Reconstructionist Confucianism: Rethinking Morality after the West. Dordrecht: Springer, 2010. 296 p.

12. Billioud S., Thoraval J. The Sage and the People: The Confucian Revival in China. Oxford: Oxford University Press, 2015. 352 p.

13. Wang C. Resurgence of Confucian Education in Contemporary China: Parental Involvement, Moral Anxiety, and the Pedagogy of Memorisation // Journal of Moral Education. 2023. Vol. 52, No. 3. P. 325–342.

Биологический детерминизм в произведениях П.Д. Боборыкина

Ли Жун,
магистр, Сычуаньский университет
E-mail: 17605627311@163.com

В статье рассматривается идея биологического детерминизма в произведениях Петра Дмитриевича Боборыкина. На материале романов «Китай-город», «Василий Тёркин» и «Жертва вечерняя» анализируется, каким образом наследственность, темперамент, телесность и нервная организация становятся у писателя важными средствами объяснения характера и судьбы персонажей. Вместе с тем доказывается, что Боборыкин не сводит человеческое поведение к физиологической предопределённости. Его художественная модель строится на взаимодействии биологических и социальных факторов: коммерческая конкуренция, городская среда, сословное происхождение, бедность, образование и гендерные нормы оказываются не менее значимыми, чем наследственность или «природа» героя. Поэтому биологический детерминизм в его прозе выступает не как догматическая теория, а как нарративный инструмент социальной критики и психологического анализа. Такая двойственная структура позволяет рассматривать Боборыкина как важную переходную фигуру между русским реализмом и натурализмом конца XIX века.

Ключевые слова: Боборыкин, русский натурализм, биологический детерминизм, наследственность, Золя, социальная среда.

Введение

Пётр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) – русский писатель-реалист, драматург, критик и один из наиболее активных проводников натуралистических идей в русской литературе конца XIX века. Его творчество формировалось в эпоху, когда развитие естественных наук, распространение эволюционизма, интерес к физиологии и психологии изменяли представления о человеке. Для литературы это означало усиленное внимание к телесности, наследственности, болезням, нервной организации и зависимости личности от среды.

В русской литературе второй половины XIX века натуралистическая проблематика не была простым заимствованием западноевропейских моделей. Она вступала во взаимодействие с мощной реалистической традицией, ориентированной на социальную критику, нравственный анализ и гуманистическое понимание человека. Именно поэтому произведения Боборыкина представляют особый интерес: в них научная лексика и натуралистическая установка сочетаются с традиционными для русской прозы вопросами о свободе воли, личной ответственности и влиянии общества на судьбу индивида.

Цель данной работы – показать, как идея биологического детерминизма реализуется в художественной системе Боборыкина и какие границы она получает в его романах. В центре анализа находятся «Китай-город», «Василий Тёркин» и «Жертва вечерняя» – произведения, в которых особенно заметны мотивы наследственности, темперамента, физиологической предрасположенности и социальной обусловленности. Основной тезис статьи состоит в том, что Боборыкин использует биологический детерминизм как объяснительную и композиционную модель, но не превращает его в абсолютный закон. Его персонажи изображаются как существа, находящиеся под двойным давлением природы и общества.

Биологический детерминизм и русский натурализм конца XIX века

Биологический детерминизм в широком смысле предполагает, что характер, поведение и судьба человека определяются врождёнными или физиологическими факторами: наследственностью, темпераментом, болезнями, типом нервной системы, инстинктами. В литературе конца XIX века эти идеи получили особое значение благодаря развитию естественных наук и влиянию натурализма. Писатель всё чаще мыслится как наблюдатель, который изучает человека в конкретной среде и выявляет скрытые механизмы его поведения.

Важнейшим источником такого подхода стала теория эволюции Дарвина, а также её социальные и литературные интерпретации. Социальный дарвинизм переводил идею борьбы за существование в область общественных отношений, объясняя конкуренцию, бедность и неравенство как проявления «естественного» отбора. Теории вырождения и криминальной антропологии, связанные с именами Б. Мореля и Ч. Ломброзо, усиливали фаталистический мотив: болезнь, порок или преступность рассматривались как признаки наследственного упадка. Для литературы это открывало возможность изображать человека не только как морального субъекта, но и как организм, подчинённый биологическим законам.

Во французском натурализме наиболее последовательное художественное выражение эта установка получила у Эмиля Золя. Его концепция «экспериментального романа» предполагала, что писатель должен наблюдать за персонажем в условиях, заданных наследственностью и средой. Боборыкин хорошо знал этот метод и активно пропагандировал Золя в России. Однако в русской литературной ситуации натурализм не мог быть воспринят в чистом виде. Русская реалистическая традиция требовала не только фиксации физиологических и социальных фактов, но и нравственной оценки изображаемого мира.

Поэтому биологический детерминизм у Боборыкина получает локализованную форму. Он заимствует у натурализма интерес к наследственности, телесности и среде, но соединяет его с русской социальной критикой. Его персонажи зависят от физиологии, но одновременно принадлежат к определённому классу, эпохе, городской среде, семейной и экономической системе. В этом сочетании и заключается своеобразие его художественного метода.

Боборыкин и Золя: восприятие и переработка натуралистической модели

Боборыкин был одним из самых активных русских интерпретаторов западноевропейского натурализма. Он видел в методе Золя способ обновить реалистическую прозу и приблизить её к анализу современной жизни. Для него особенно важным было то, что натурализм позволял описывать новые социальные явления – рост капитализма, формирование буржуазии, кризис интеллигенции, изменение городской психологии.

Тем не менее Боборыкин не был простым подражателем Золя. Его художественный мир строится на напряжении между научным наблюдением и нравственной проблематикой. Он может объяснять поступки героя наследственностью или темпераментом, но почти всегда показывает, что эти факторы проявляются в конкретных социальных обстоятельствах. В результате физиологическое объяснение не отменяет социальной критики, а усиливает её: болезнь, нервность, вырождение или «слабость природы» становятся симптомами более широкого кризиса общества.

Такой подход можно определить как социально-физиологический анализ личности. В нём человек рассматривается одновременно как биологический организм и как продукт исторической среды. Именно эта двойственность позволяет Боборыкину занимать промежуточное положение между натурализмом и критическим реализмом.

Если у Золя наследственность и среда часто образуют почти экспериментальную схему развития персонажа, то у Боборыкина эта схема смягчается русской реалистической традицией. Его интересует не только механизм падения человека, но и нравственный смысл этого падения, его связь с социальным устройством и возможностью личного сопротивления. Поэтому биологические мотивы в его романах не замыкаются в сфере физиологии. Они становятся способом показать, как общество использует, усиливает или обнажает врождённые слабости человека. В этом отношении Боборыкин не столько воспроизводит золяистскую модель, сколько перерабатывает её, превращая натуралистический метод в инструмент анализа русской действительности конца XIX века.

«Китай-город»: наследственность, вырождение и коммерческая среда

В романе «Китай-город» тема биологического детерминизма связана прежде всего с мотивами наследственности, семейного упадка и нервной деградации. Персонажи нередко объясняют моральные качества и жизненные неудачи через происхождение, кровь, семейные черты. В повествовании появляется логика, согласно которой порок, слабость или болезненность могут передаваться из поколения в поколение.

Особенно показательно изображение семьи Палтусовых. В характеристиках героев подчёркиваются болезненность, нервность, моральная неустойчивость. Оценка Анны Серафимовны строится на представлении о том, что нравственное падение мужа связано с порочной наследственностью, прежде всего с образом матери, которая описывается как распущенная и склонная к пьянству. Таким образом, моральный дефект переводится в область физиологического и родового объяснения: отсутствие чести оказывается не только личной виной, но и следствием семейного вырождения.

Важно, что подобные характеристики в романе функционируют не просто как бытовые оценки. Они формируют особый язык объяснения личности, в котором нравственное качество связывается с телесным и родовым происхождением. Когда герой или рассказчик обращается к словам типа «вырождение», «болезненность», «нервность», моральная проблема получает почти медицинское измерение. Человек оказывается включённым в цепь семейной памяти: его поступки воспринимаются как продолжение скрытой наследственной логики. Тем самым Боборыкин показывает, что в сознании эпохи граница между нравственным пороком и физиологической неполноценностью становится подвижной.

Однако роман не ограничивается наследственной схемой. «Китай-город» – это также роман о капиталистической Москве, о торговом мире, где конкуренция, расчёт, стремление к наживе и утрата прежних нравственных норм деформируют человеческие отношения. Биологическая слабость персонажей проявляется в среде, которая сама по себе является разрушительной. Коммерческая среда в романе действует как своеобразный катализатор скрытых предрасположенностей. Она не создаёт порок из ничего, но ускоряет его проявление, делает слабость социально заметной и практически опасной. В мире торговли и денежного расчёта человек постоянно проверяется на устойчивость, энергию, самообладание и способность к борьбе. Тот, кто уже несёт в себе признаки нервной или нравственной неустойчивости, в такой среде быстрее оказывается на грани разрушения. Поэтому Москва у Боборыкина изображается не только как социальное пространство, но и как среда испытания человеческой природы.

В этом смысле «Китай-город» демонстрирует основной принцип художественного метода Боборыкина. Наследственность задаёт важный объяснительный фон, но социальная среда превращает предрасположенность в судьбу. Герой становится жертвой не только природы, но и исторического момента, в котором моральные отношения подчиняются логике капитала.

«Василий Тёркин»: происхождение, воля и пределы самоформирования

В романе «Василий Тёркин» детерминистическая проблематика получает иной характер. Здесь важны не только наследственность и телесность, но и происхождение, социальная энергия, практический инстинкт, способность героя приспосабливаться к новым условиям. Тёркин связан с крестьянской средой, и его жизненный путь постоянно соотносится с вопросом о том, может ли человек преодолеть исходные обстоятельства своего рождения.

Герой мыслит себя как человека, вышедшего из низов, но стремящегося занять новое место в капиталистическом мире. Его крестьянское происхождение определяет его опыт, привычки, отношение к людям и понимание борьбы за существование. Особенно значима для романа ситуация самоопределения героя. Тёркин постоянно соотносит себя со своим происхождением, но не принимает его как окончательный приговор. Его крестьянская основа проявляется в практичности, цепкости, недоверии к отвлечённым идеям и стремлении проверять человека делом. Эти качества могут быть поняты как результат среды и воспитания, но в романе они приобретают почти природный характер: герой действует так, словно сама жизненная борьба выработала в нём особый инстинкт выживания.

Именно здесь наиболее отчётливо проявляется отличие Боборыкина от жёсткого натурализма. Автор признаёт силу происхождения и среды, но оставляет герою пространство действия. Воля Тёркина ограничена социальными и психологическими условиями, однако она не исчезает полностью. В этом отношении Тёркин противопоставлен персонажам, которые пассивно объясняют себя обстоятельствами или наследственностью. Он не свободен в абстрактном философском смысле, но способен практически работать с тем материалом, который дала ему жизнь. Его воля проявляется не как романтическое преодоление всех границ, а как способность приспосабливаться, рассчитывать, выбирать направление действия и использовать собственные качества в новой социальной ситуации. Поэтому роман показывает не победу свободы над детерминизмом, а сложный компромисс между заданностью и активностью личности.

Поэтому «Василий Тёркин» важен для понимания границ биологического детерминизма у Боборыкина. В романе действует более широкая модель обусловленности: человека формируют природа, класс, среда, воспитание и личная энергия. Автор не снимает с героя моральной ответственности, но показывает, что эта ответственность существует внутри сложной сети ограничений.

«Жертва вечерняя»: женская природа, темперамент и социальное давление

В романе «Жертва вечерняя» биологический детерминизм связан прежде всего с изображением женской судьбы. Здесь важную роль играют представления о темпераменте, инстинктах, телесной привлекательности и эмоциональной неустойчивости. Женская «природа» в романе нередко осмысляется как сила, способная определять жизненный путь, вовлекать героиню в зависимость от страсти, желания и общественного взгляда.При этом само понятие женской «природы» в романе является проблематичным. С одной стороны, героини описываются через язык чувства, телесности, привлекательности и эмоционального порыва. С другой стороны, повествование показывает, что подобный язык во многом навязан обществом, которое заранее связывает женщину с областью страсти и зависимости. Поэтому «природа» женщины оказывается не чисто биологическим фактом, а результатом пересечения телесности и социального взгляда. Боборыкин демонстрирует, как общество сначала определяет женщину через тело, а затем обвиняет её в той зависимости, которую само же создаёт.

Однако Боборыкин показывает, что эта «природа» не существует вне социальных обстоятельств. Судьбы женщин определяются не только темпераментом, но и устройством общества, где женская красота становится товаром, а эмоциональная зависимость – формой уязвимости. Героини оказываются в мире, где правила задаются мужчинами, а женщина вынуждена либо подчиняться этим правилам, либо использовать собственную телесность как средство влияния.

Образ Маши особенно важен для раскрытия этой темы. Её внутренний кризис не объясняется только индивидуальной слабостью или природной склонностью к «падению». Он связан с отсутствием устойчивой социальной защиты, с давлением среды, с противоречием между нравственным идеалом и реальными механизмами светского общества. Маша переживает своё положение не только как личную драму, но и как осознание общей закономерности женского существования. Её тревога связана с пониманием того, что отдельная нравственная решимость не гарантирует защиты от повторного падения, если сами общественные условия остаются неизменными. В этом смысле роман переводит проблему женского поведения из сферы индивидуальной морали в сферу социальной диагностики. Героиня оказывается уязвимой не потому, что её природа изначально порочна, а потому, что общество делает эту природу предметом обмена, соблазна и контроля.

Таким образом, в «Жертве вечерней» биологический детерминизм приобретает гендерное измерение. Темперамент и телесность действительно участвуют в формировании судьбы, но трагедия героинь возникает не из природы как таковой, а из взаимодействия природы с лицемерными социальными нормами. Роман показывает, что женское «падение» является не только физиологической или нравственной проблемой, но и следствием общественного устройства.

Биология и социум: границы детерминизма у Боборыкина

Анализ трёх романов позволяет выделить общую структуру художественного мышления Боборыкина. Его персонажи часто изображаются через категории наследственности, темперамента, нервности, телесной организации и физиологической предрасположенности. Эти категории помогают писателю показать зависимость человека от сил, которые не полностью контролируются сознанием.

Однако биологическая обусловленность у Боборыкина почти никогда не выступает единственным объяснением. В «Китай-городе» наследственный упадок связан с коммерческой средой; в «Василии Тёркине» происхождение и практический инстинкт соединяются с волей к социальному подъёму; в «Жертве вечерней» женский темперамент раскрывается через давление гендерных и экономических условий. Поэтому точнее говорить не о строгом биологическом детерминизме, а о био-социальной модели личности.Эта био-социальная модель особенно важна потому, что она снимает односторонность как чисто физиологического, так и чисто социального объяснения. Боборыкин не изображает человека полностью автономным субъектом, свободно выбирающим свою судьбу, но и не превращает его в механический продукт наследственности. Его герой всегда находится в промежуточной зоне: он несёт в себе природные ограничения, но эти ограничения получают смысл только в конкретной исторической ситуации. Поэтому детерминизм у Боборыкина имеет не закрытый, а динамический характер.

Эта модель позволяет Боборыкину сохранить связь с русской реалистической традицией. Он использует научную лексику и натуралистические мотивы, но не отказывается от морального анализа. Его герои ограничены наследственностью и средой, но они способны к рефлексии, выбору, сопротивлению или самообману. Даже там, где свобода воли представлена как слабая и неполная, она остаётся важной частью художественного конфликта.

Следовательно, биологический детерминизм в прозе Боборыкина выполняет двойную функцию. С одной стороны, он усиливает натуралистическую достоверность и позволяет описывать человека как организм, включённый в природные и социальные процессы. С другой стороны, он становится инструментом критики общества, которое превращает врождённые слабости, болезни и зависимости в трагическую судьбу.

Заключение

В произведениях П.Д. Боборыкина биологический детерминизм является важным элементом художественной системы. Писатель активно обращается к мотивам наследственности, темперамента, нервной организации, болезни и телесной предрасположенности, с помощью которых объясняет характеры персонажей и выстраивает повествовательную логику, где человек нередко оказывается заложником сил, предшествующих сознательному выбору. Однако Боборыкин не принимает биологический детерминизм как абсолютную и самодостаточную теорию. Его романы показывают, что физиологические факторы действуют только в конкретной социальной среде: капиталистическая конкуренция, городская культура, сословное происхождение, бедность, образование, гендерные нормы и моральный кризис общества оказываются такими же значимыми, как наследственность или темперамент.

Именно поэтому художественный метод Боборыкина можно охарактеризовать как соединение натуралистического наблюдения и реалистической социальной критики. Он воспринимает идеи Золя и естественнонаучный дискурс своего времени, но перерабатывает их в русле русской литературной традиции, где вопрос о человеке неизбежно связан с вопросами морали, свободы и ответственности. Биологический детерминизм у Боборыкина не является конечным выводом о человеке; скорее, он служит способом показать сложность личности в эпоху модернизации, когда природа и общество, тело и среда, наследственность и выбор образуют единую драматическую систему. Значение Боборыкина состоит не только в усвоении натуралистической поэтики, но и в демонстрации того, как язык наследственности, болезни и темперамента может служить не оправданием фатализма, а средством глубокого анализа социальных противоречий эпохи.

Литература

1. Боборыкин П.Д. Василий Тёркин. – М.: Директ-Медиа, 2014.
2. Боборыкин П.Д. Китай-город. – М.: Директ-Медиа, 2013.
3. Боборыкин П.Д. Жертва вечерняя. – М.: ЛитРес, 2012.
4. Боборыкин П.Д. О ницшеянстве: памяти В.П. Преображенского // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № IV (54).
5. Боборыкин П.Д. Перевал // Вестник Европы. – 1894. – № 1–6.
6. Андреева В.Г. Романы П.Д. Боборыкина «Китай-город», «Василий Тёркин» и эпический роман второй половины XIX века. – Кострома: Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова.
7. Введенская Е.В. Критика генетического детерминизма // История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей. – 2018. – С. 43.
8. Вихорева Н.Н. Традиции классического французского натурализма в русской литературе конца XIX – начала XX века // Мировая литература в контексте культуры. – 2006. – № 1. – С. 42–46.
9. Клеман М. Эмиль Золя в России // Литературное наследство. – 1932. – Т. 2. – С. 235–248.
10. Николози Р. Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2019.
11. Петренко Н.А. Специфика изображения женских образов в романе П.Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» // Paradigm of Knowledge. – 2014. – № 2 (2).
12. Подоль Р.Я. Биологический детерминизм в отечественной историософии первой трети XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2008. – № 4. – С. 91–98.
13. Чернявская А.А. Женщина в художественном мире П.Д. Боборыкина: трансформация духовно-нравственных ценностей в романе «Китай-город» // Духовно-нравственные аспекты современного гуманитарного знания: сборник научных статей. – 2022. – С. 92–97.
14. Щеблыкин С.И. Романы П.Д. Боборыкина в контексте русской прозы второй половины XIX века: диссертация. – Тамбов, 2005.
15. Щенников Г.К. Русский натурализм и его уроки // Русская литература. – 1992. – № 2.
16. Юсяев А.С. Произведения П.Д. Боборыкина «Китай-город» и В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» в контексте традиций русского художественного натурализма: диссертация. – Нижний Новгород, 2014.
17. Allen G.E. Essay Review: The Roots of Biological Determinism // Journal of the History of Biology. – 1984. – Vol. 17, № 1. – P. 141–145.
18. Мирский Д.С. История русской литературы / пер. с англ. Л.В. Федорова. – М.: Бизнеском, 2014.
19. Сун Хутан. О трактате Э. Золя «Экспериментальный роман» // Научный журнал. – 2014.
20. Чжан Юйлянь. Человек в биологической цепи наряду с животными: биологический детерминизм в «уэссекских романах» Т. Гарди // Вестник Сычуаньского института иностранных языков. – 2007. – № 4. – С. 28–32.
21. Золя Э. О романе // Переводы по классической теории литературы и искусства. – 1964. – № 8.

BIOLOGICAL DETERMINISM IN THE WORKS OF P.D. BOBORYKIN

Li Rong
Sichuan University

The article examines the idea of biological determinism in the works of Pyotr Dmitrievich Boborykin. Based on the novels *Kitai-gorod*, *Vasily Terkin*, and *The Evening Sacrifice*, it analyzes how heredity, temperament, corporeality, and nervous organization become important means through which the writer explains the characters and destinies of his protagonists. At the same time, the article argues that Boborykin does not reduce human behavior

to physiological predestination. His artistic model is built on the interaction of biological and social factors: commercial competition, the urban environment, estate origin, poverty, education, and gender norms prove to be no less significant than heredity or the "nature" of the character. Therefore, biological determinism in his prose functions not as a dogmatic theory, but as a narrative instrument of social criticism and psychological analysis. This dual structure allows Boborykin to be regarded as an important transitional figure between Russian realism and naturalism of the late nineteenth century.

Keywords: Boborykin, Russian naturalism, biological determinism, heredity, Zola, social environment.

References

1. Boborykin P.D. Vasily Terkin. Moscow: Direct-Media, 2014.
2. Boborykin P.D. Kitay-gorod. Moscow: Direct-Media, 2013.
3. Boborykin P.D. The Evening Sacrifice. Moscow: LitRes, 2012.
4. Boborykin P.D. On Nietzscheism: In Memory of V.P. Preobrazhensky // Voprosy filosofii i psikhologii. Moscow: Voprosy filosofii i psihologii (Problems of Philosophy and Psychology), 1900, no. IV (54).
5. Boborykin P.D. The Pass // Vestnik Evropy (Bulletin of Europe), 1894, nos. 1–6.
6. Andreeva V.G. P.D. Boborykin's Novels Kitay-gorod, Vasily Terkin, and the Epic Novel of the Second Half of the 19th Century. – Kostroma: Kostroma State University named after N.A. Nekrasov.
7. Vvedenskaya E.V. Critique of Genetic Determinism // History and Philosophy of Science in the Era of Change: A Collection of Scientific Articles. – 2018. – P. 43.
8. Vikhoreva N.N. Traditions of Classical French Naturalism in Russian Literature of the Late 19th – Early 20th Centuries // World Literature in the Context of Culture. – 2006. – No. 1. – P. 42–46.
9. Clément M. Emile Zola in Russia // Literary Heritage. – 1932. – Vol. 2. – P. 235–248.
10. Nicolosi R. Degeneration. Literature and Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th Century. – M.: Novoye Literary Obozreniye, 2019.
11. Petrenko, N. A., "The Specifics of the Portrayal of Female Characters in P.D. Boborykin's Novel "The Evening Sacrifice," Paradigm of Knowledge, no. 2 (2) (2014).
12. Podol, R. Ya., "Biological Determinism in Russian Historiosophy of the First Third of the Twentieth Century," Bulletin of Moscow State Regional University, Philosophical Sciences Series, no. 4 (2008): 91–98.
13. Chernyavskaya, A. A., "Woman in the Artistic World of P.D. Boborykin: Transformation of Spiritual and Moral Values in the Novel "Kitai-Gorod," Spiritual and Moral Aspects of Contemporary Humanitarian Knowledge, Collection of Scientific Articles, 2022): 92–97.
14. Shcheblykin S.I. Novels by P.D. Boborykin in the Context of Russian Prose of the Second Half of the 19th Century: Dissertation. Tambov, 2005.
15. Shchennikov G.K. Russian Naturalism and Its Lessons // Russkaya Literaturaya. 1992, No. 2.
16. Yusyaev A.S. Works by P.D. Boborykin "Kitai-Gorod" and V.A. Gilyarovsky "Moscow and Muscovites" in the Context of the Traditions of Russian Artistic Naturalism: Dissertation. Nizhny Novgorod, 2014.
17. Allen G.E. Essay Review: The Roots of Biological Determinism // Journal of the History of Biology. 1984, Vol. 17, No. 1, pp. 141–145. 18. Mirsky, D. S. "History of Russian Literature." Translated from English by L.V. Fedorova. Moscow: Businesscom, 2014.
19. Song Hutang. "On E. Zola's The Experimental Novel." Scientific Journal. 2014.
20. Zhang Yuliang. "Man in the Biological Chain Alongside Animals: Biological Determinism in T. Hardy's Wessex Novels." Bulletin of the Sichuan Institute of Foreign Languages. 2007, no. 4, pp. 28–32.
21. Zola, E. "On the Novel." Translations in Classical Theory of Literature and Art. 1964, no. 8.

Охрана и передача эпоса «Манас» в Синьцзяне Китая

Мамбетайса Мамбеттурган,
доктор, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: syimyk218@163.com

В статье рассматривается опыт Китая по сохранению, систематизации и современному развитию эпоса «Манас» как важного объекта нематериального культурного наследия. Особое внимание уделяется государственной политике в области спасательной фиксации эпоса, его текстологической обработки, перевода и многоязычного издания. Анализируется роль научных учреждений, исследователей различных национальностей, издательских организаций и носителей устной традиции в формировании целостной системы охраны «Манаса». Отдельно раскрывается значение правовых механизмов, институциональной поддержки и социальной практики передачи эпоса в условиях модернизации. Сделан вывод о том, что китайская модель сохранения «Манаса» основана на сочетании государственной стратегии, научной систематизации, законодательного обеспечения и живой преемственности традиции, что позволяет эпосу сохранять культурную аутентичность и одновременно развиваться в современных формах.

Ключевые слова: Эпос «Манас», Нематериальное Культурное Наследие, Китай, Манасчи, Сохранение Традиции.

Введение

Эпос «Манас» является одним из крупнейших памятников устного народного творчества тюркских народов и занимает особое место в культурном наследии киргизского народа Китая. Будучи выдающимся образцом нематериального культурного наследия человечества, «Манас» представляет собой не только художественно-эпическое произведение, но и важный носитель исторической памяти, этнокультурной идентичности, традиционных ценностей и коллективного мировоззрения. На протяжении многих столетий эпос передавался исключительно в устной форме, что обусловило его зависимость от живой исполнительской традиции и поставило проблему сохранения и преемственности в условиях модернизации и глобализационных процессов.

После образования Китайской Народной Республики охрана культурного наследия национальных меньшинств стала важным направлением государственной культурной политики. В этом контексте эпос «Манас» получил системную поддержку со стороны государства, включавшую масштабные экспедиции по сбору и фиксации текстов, научную обработку и перевод эпоса, создание специализированных исследовательских учреждений, подготовку носителей традиции, а также формирование правовой базы по охране нематериального культурного наследия. Особое значение имело включение эпоса «Манас» сначала в список объектов нематериального культурного наследия государственного уровня Китая, а затем в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления китайского опыта сохранения и развития эпоса «Манас» в условиях современного культурного строительства. Несмотря на наличие отдельных исследований, посвящённых текстологическим, фольклористическим и переводческим аспектам эпоса, проблема системной государственной политики в сфере охраны и трансформации традиции «Манаса» до настоящего времени остаётся недостаточно изученной в российском и зарубежном академическом пространстве.

Целью данной статьи является анализ основных направлений государственной и общественной деятельности Китая по сохранению, систематизации, переводу, распространению и правовой защите эпоса «Манас», а также исследование механизмов его современной живой трансляции и инновационного развития. Особое внимание уделяется взаимодействию государственных институтов, научных организаций и носителей традиции в процессе формирования устойчивой системы охраны эпоса как объекта нематериального культурного наследия.

Полноценное представление эпоса «Манас» стало возможным благодаря мерам по его спасению и систематической охране, осуществлённым правительством Китая

Правительство Китая неизменно придаёт большое значение охране и изучению выдающегося народного традиционного культурного наследия. Особенно после образования Китайской Народной Республики сфера культуры национальных меньшинств получила стремительное развитие, а лучшие образцы традиционной культуры различных народов были сохранены, унаследованы и получили дальнейшее развитие благодаря целенаправленной политике государства. Именно в этом историческом контексте эпос «Манас», являющийся одним из трёх великих эпосов Китая, получил возможность для всестороннего спасения, систематической охраны, преемственного сохранения и дальнейшего развития.

Согласно собранным на сегодняшний день письменным источникам, эпос «Манас» в Китае был впервые обнаружен исследователями в 1957 году; тогда же были зафиксированы отдельные его фрагменты, однако по различным причинам эти материалы не были опубликованы и не стали доступны читателям [1]. В 1960 году преподаватели и студенты киргизской группы Центрального института национальностей, проходившие практику в районах компактного проживания киргизов Синьцзяна, совместно с сотрудниками Союза писателей Синьцзяна, занимавшимися сбором фольклорных материалов, осуществили запись, перевод и публикацию отдельных фрагментов «Манаса» в журналах «Тяньшань» (на китайском языке) и «Тарым» (на уйгурском языке) [2]. Это стало первой официальной публикацией эпоса «Манас» в Китае и ознаменовало начало процесса его текстуализации.

基金项目：国家社科基金重大项目“《玛纳斯》史诗传统文本的搜集、翻译与研究” *(23ZD292). Государственный фонд социальных наук Китая, проект особой важности «Сбор, перевод и исследование текстов эпической традиции «Манас»» (№ 23ZD292)*

Работы по сбору и фиксации эпоса «Манас», начавшиеся в 1960-е годы, проводились при активной поддержке и содействии органов государственной власти различных уровней. Союз литературных и художественных кругов Синьцзян-Уйгурского автономного района, Народное правительство Кызылсу-Киргизского автономного округа (далее – Кызылсуйский округ), Китайское общество по изучению народного искусства и другие культурные учреждения при поддержке государственной национальной политики последовательно создали «Группу по изучению “Манаса”», «Руководящую группу по “Манасу”» и «Рабочую руководящую группу по “Манасу”». В 1961, 1964 и 1980 годах были организованы три крупномасштабные экспедиции по обследованию, сбору и записи эпоса, в ходе которых было опрошено более 500 народных исполнителей. Среди них – более 100 сказителей эпоса «Манас» («манасчи»), а общий объём записанного материала превысил один миллион строк [3].

Особенно важным событием стало то, что в ноябре 1978 года, с целью восполнения материалов, утраченных в период 1966–1976 годов, рабочая группа по «Манасу» пригласила в Пекин выдающегося сказителя Жусупа Мамая, чтобы он вновь начал исполнение эпоса. С этого времени была развёрнута систематическая работа по записи, переводу и научной обработке текста [4].

Следует особо отметить, что в состав исследовательских групп входили учёные различных национальностей – ханьцы, хуэйцы, маньчжуры, уйгуры, монголы и киргизы. Совместными усилиями представители разных народов внесли значительный вклад в сбор, фиксацию, перевод и изучение эпоса «Манас». В ходе первой кампании по записи эпоса, начавшейся в марте 1961 года, исследовательская группа разработала специальный рабочий план, выдвинув лозунг: «Не упустить ни одного сказителя, не пропустить ни одной строки эпоса». С этой целью проводилось сплошное обследование. Исследователи выезжали в пастбищные районы, жили, трудились и питались вместе с киргизским населением [5]. Несмотря на многочисленные трудности и тяжёлые условия работы, они обеспечили успешное завершение масштабной кампании по спасению и фиксации эпоса «Манас».

Можно утверждать, что данная масштабная программа по спасению эпоса «Манас» в Китае благодаря широте охвата, масштабности исследований и полноте собранных материалов стала важнейшей основой и гарантией дальнейшего сохранения и развития эпической традиции. Именно с этого периода эпос «Манас», который на протяжении многих веков передавался в народной среде исключительно в форме устной традиции «из уст в уста», вступил в новый этап развития, характеризующийся параллельным существованием устной и текстовой форм сохранения и передачи культурного наследия.

Систематическая работа по научной обработке и переводу эпоса «Манас» велась параллельно с мероприятиями по его спасению и фиксации. В 1960 году сотрудники Союза писателей Синьцзяна совместно с преподавателями и студентами Центрального института национальностей завершили перевод фрагмента классического эпизода второй части эпоса «Семетей» – «Свадьба Семетея и Айчурёк».

В ходе первой экспедиции по исследованию «Манаса» в 1961 году была осуществлена предварительная обработка и перевод большей части варианта эпоса в исполнении Жусупа Мамая (на тот момент было записано свыше 117 тысяч строк). Впоследствии после редакционной подготовки были изданы машинописные материалы китайского перевода первой части данного варианта эпоса (в двух томах) [6].

Фрагмент китайского перевода четвёртой части варианта Жусупа Мамая – «Кененим» был опубликован в 1962 году в журнале «Народная литература» [7], а позднее, после дополнительной обработки рабочей группой по «Манасу», переиздан в 1964 году в китайскоязычной версии газеты «Кызылсу» [8]. В ходе экспедиции 1964 года исследовательская группа в течение двух лет осуществляла перевод и научное комментирование зафиксированных текстов.

В период с 1978 по 1989 год отдельные фрагменты вариантов эпоса в исполнении Жусупа Мамая и Эшмата Мамбетжусупа, переведённые сотрудниками рабочей группы по «Манасу», публиковались и переиздавались в журналах «Литература народов», «Писатели национальностей», «Народная литература» и других изданиях. Часть переводов была включена во второй том сборника «Литература национальных меньшинств Китая» [9].

В 1991 году издательство «Синьцзянское народное издательство» выпустило китайский перевод первой части эпоса «Манас» в исполнении Жусупа Мамая (сокращённая версия; перевод и редакция Лю Фацзюня, Чжумалай и Шан Сицзина). В 2000 году профессор Ху Чжэньхуа совместно с японским исследователем Такао Нисиока подготовили трёхъязычное издание фрагмента первой части варианта Жусупа Мамая на киргизском, китайском и японском языках [10].

В 2006 году журнал «Литература народов» (№ 8) опубликовал китайский перевод фрагмента третьей части эпоса «Манас» в исполнении Жусупа Мамая (перевод Адыл Жуматурду). В среднем томе трёхтомного собрания сочинений Ху Чжэньхуа, изданного в 2011 году, был опубликован китайский перевод фрагмента второй части «Айчурёк» варианта Темира Турдумамбета.

Кроме того, в изданиях, официально выходивших в Синьцзяне, таких как «Синьцзянское искусство и литература» (на уйгурском и казахском языках), «Мирас» (на уйгурском языке), «Утренняя звезда» (на монгольском языке) и других журналах, публиковались отдельные фрагменты эпоса «Манас» на уйгурском, казахском, монгольском и других языках [11].

Опираясь на результаты систематической обработки и перевода эпоса «Манас», научно-исследовательские учреждения Китая и специалисты различных национальностей совместными усилиями последовательно осуществили публикацию и распространение многоязычных изданий эпоса.

В период с 1982 по 1985 год первые пять частей варианта эпоса в исполнении Жусупа Мамая были собраны и изданы в виде внутренних материалов на киргизском языке общим объёмом девять томов. С 1984 по 1995 год полный киргизский текст варианта Жусупа Мамая был официально опубликован издательством «Синьцзянское народное издательство» [12]. Издание включало восемь частей в восемнадцати томах общим объёмом свыше 230 тысяч строк.

В 1995 году то же издательство выпустило на киргизском языке подготовленную Китайским обществом по изучению «Манаса» книгу «Краткое изложение сюжета эпоса “Манас”». В 2004 году восемь частей варианта Жусупа Мамая были переизданы в исправленном коллекционном варианте (по два тома на каждую часть).

В 2005 году издательство Кызылсу опубликовало киргизский текст «Семетея» в исполнении Эшмата Мамбетжусупа (редакция и подготовка Токона Ысака). В 2010 году издательство «Синьцзянское народное издательство» выпустило киргизское издание произведения «Предки Манаса» в исполнении Сатыбалды Аалы (запись и редакция Ысакбека Бейшенбека).

В 2004 году издательство «Синьцзянское народное издательство» опубликовало версию эпоса «Манас» в исполнении Жусупа Мамая на кыргызском литературном языке. Впоследствии китайские переводы первых четырёх частей данного варианта были опубликованы соответственно в 2009, 2012, 2014 и 2016 годах. В 2014 году был издан китайский перевод варианта эпоса в исполнении Эшмата Мамбетжусупа.

Первая часть варианта Жусупа Мамая – собственно «Манас» – была переведена также на казахский и уйгурский языки (подготовлена Исследовательским центром «Манас» Синьцзянского педагогического университета) и опубликована соответственно в 2014 и 2015 годах издательствами «Синьцзянское научно-техническое издательство» и «Синьцзянское издательство детской и юношеской литературы».

Первые 20 тысяч строк первой части варианта были переведены на английский язык (двуязычное киргизско-английское издание; перевод Карла Райхля) и опубликованы издательством «Wuzhou Chuanbo Publishing House» в 2014 и 2016 годах. Первые 10 тысяч строк были переведены также на немецкий язык (двуязычное киргизско-немецкое издание; перевод Карла Райхля) и опубликованы тем же издательством в 2014 году. Эти публикации вызвали широкий интерес среди специалистов и оказали заметное влияние на международное академическое сообщество.

Таким образом, благодаря непрерывной работе, продолжавшейся с 1984 по 2021 год, все восемь частей эпоса «Манас» общим объёмом 230 тысяч строк были полностью переведены на китайский язык и опубликованы в июне 2021 года Комитетом по переводу эпоса «Манас». В китайском научном сообществе данное издание было охарактеризовано как «важнейшее достижение, ознаменовавшее исторический переход эпоса от устной передачи к письменному распространению» [13].

Более того, публикация многоязычных версий эпоса «Манас» как одного из наиболее значимых результатов систематической работы по его сохранению свидетельствует не только о самоотверженном труде и многолетнем научном подвижничестве исследователей различных национальностей Китая, посвятивших свою жизнь защите, сохранению и развитию эпоса, но и наглядно отражает неизменную приверженность китайского государства политике спасения, охраны и систематического изучения культурного наследия национальных меньшинств, а также устойчивую способность общества последовательно реализовывать данную культурную стратегию на практике.

С целью расширения научного изучения текстов эпоса «Манас», подготовленных и опубликованных в результате работы по его сохранению, правительство Китая последовательно создало ряд специали-

зированных исследовательских учреждений и академических организаций. К их числу относятся: Исследовательский кабинет «Манаса» при Ассоциации народного искусства Федерации литературных и художественных кругов Синьцзян-Уйгурского автономного района (1980), Редакционный комитет эпоса «Манас» (1984), Синьцзянское общество по изучению киргизского языка, литературы и истории (1985), а также Китайское общество по изучению «Манаса» (1995). Эти научные структуры на постоянной основе осуществляли академические исследования и организовывали специализированные научные обмены.

На этой основе в 2008 году был создан Центр охраны нематериального культурного наследия Кызылсуйского округа (Центр охраны и исследования «Манаса»). Впоследствии исследовательские центры «Манаса» были учреждены в уездах Акчи и Улучат Кызылсуйского округа, а также в уезде Текес Или-Казахского автономного округа. Эти учреждения совместно осуществляют деятельность по спасению, охране, передаче и развитию эпоса «Манас».

В июле 2024 года Народное правительство Кызылсуйского округа преобразовало Центр охраны нематериального культурного наследия в «Центр охраны и исследования эпоса “Манас” Кызылсу-Киргизского автономного округа».

Одновременно с этим к работе по сохранению, передаче и изучению эпоса начали активно подключаться высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения. В ряде университетов были созданы специализированные центры изучения «Манаса», в том числе Исследовательский центр «Манас» при Синьцзянском педагогическом университете (2011) и Исследовательский центр «Манас» при Северо-Западном университете национальностей (2018).

Данные академические платформы обеспечили устойчивые условия для дальнейшего исследования и охраны эпоса «Манас». Одновременно они «привлекают специалистов различных научных направлений для проведения многоаспектных и междисциплинарных исследований, а также используют цифровые технологии в целях спасения и сохранения носителей традиции “Манаса” и их исполнительского наследия в Китае» [14].

Сохранение и развитие эпоса «Манас» стало возможным благодаря правовым гарантиям и общественной практике преемственной передачи, осуществляемым правительством Китая

Эпос «Манас», будучи формой живой устной традиции, нуждается для своего полноценного сохранения в системной правовой защите и устойчивой социальной практике передачи культурного наследия. Только при наличии подобных условий возможно продолжение его живого бытования в контексте современной социокультурной трансформации. В этой связи правительство Китая последовательно разработало и ввело в действие ряд правовых мер, обеспечивающих защиту и общественное функционирование эпоса «Манас» и других объектов культурного наследия национальных меньшинств.

Китай, являясь одной из первых стран, присоединившихся к Конвенции ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия», не только добросовестно выполняет обязательства, предусмотренные данным международным документом, но и придаёт особое значение охране и передаче собственного нематериального культурного наследия. В связи с этим государством был принят ряд нормативных актов и правовых мер, обеспечивших законодательную основу для охраны нематериального культурного наследия Китая.

25 октября 2006 года Министерство культуры КНР утвердило «Временные меры по охране и управлению объектами нематериального культурного наследия государственного уровня», вступившие в силу с 1 декабря 2006 года [15]. Ещё ранее, 2 июня 1982 года, в документе № 56, изданном Комитетом КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района, подчёркивалось: «Сбор, систематизация, перевод и публикация киргизского народного эпоса “Манас” являются исключительно важной задачей по охране и упорядочению национального культурного наследия, развитию и процветанию выдающейся национальной культуры. Выполнение данной работы имеет также важное международное значение» [16].

В 2008 году Постоянный комитет Собрания народных представителей Синьцзян-Уйгурского автономного района принял и опубликовал «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района об охране нематериального культурного наследия» [17]. 28 июля 2010 года на 19-м заседании Постоянного комитета XI созыва Собрания народных представителей СУАР было принято «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района об охране искусства уйгурского мукама» [18]. В 2011 году Государственный совет КНР издал «Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии» [19]. Все эти законодательные акты обеспечили правовую основу государственного уровня для охраны и передачи эпоса «Манас».

На этой основе в сентябре 2022 года вопросы популяризации эпоса «Манас» были включены в резолюцию Пятого пленума Комитета КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района X созыва. В документе подчёркивалась необходимость «всестороннего сохранения и популяризации выдающейся традиционной культуры китайской нации, полноценного выявления, охраны и передачи лучшего культурного наследия национальных меньшинств Синьцзяна, а также активного продвижения таких объектов нематериального культурного наследия, как мукам и “Манас”, на мировой уровень» [20]. Данная резолюция стала важным политическим ориентиром для дальнейшей работы по сохранению традиционной культуры народов Синьцзяна, включая эпос «Манас».

Особое значение имеет вступившее в силу 1 мая 2025 года «Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района об охране нематериального культурного наследия “Манас”» [21], в котором были чётко определены основные направления охраны наследия «Манаса» и создана законодательная база для осуществления научно обоснованной системы его сохранения. Данный нормативный акт, ориентированный на практические потребности охраны эпоса «Манас», имеет важное значение для стимулирования творческой трансформации и инновационного развития нематериального культурного наследия Синьцзяна и представляет собой очередную важную веху в развитии региональной системы охраны нематериального культурного наследия.

Под воздействием государственной политики и нормативных мер по охране нематериального культурного наследия эпос «Манас» прошёл путь от локальной устной традиции, бытовавшей внутри этнического сообщества, до объекта национального и международного значения, включённого в официальные списки нематериального культурного наследия.

В 2006 году эпос «Манас», совместно представленный Департаментом культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, Народным правительством Кызылсу-Киргизского автономного округа и Ассоциацией народного искусства Федерации литературных и художественных кругов Синьцзяна, был утверждён Государственным советом КНР и включён в первый список объектов нематериального культурного наследия государственного уровня [22].

В 2009 году эпос «Манас», представленный правительством Китая, был включён ЮНЕСКО в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества [23], что вновь подтвердило решимость китайского государства осуществлять охрану эпоса на национальном уровне. Таким образом, всего за три года с 2006 по 2009 год на основе уже проведённой работы по спасению, систематизации, переводу, созданию научных обществ и исследовательских центров был достигнут успех в международном признании эпоса как объекта всемирного нематериального культурного наследия. Это свидетельствует о высокой степени государственной поддержки, оказываемой эпосу «Манас» и другим объектам нематериального культурного наследия.

В условиях включения эпоса «Манас» в систему государственного нематериального культурного наследия носители устной традиции получили значительно более широкие возможности для сохранения и передачи исполнительского мастерства. Представители традиции стали объектом всесторонней охраны, а их социальный статус и сопутствующие механизмы поддержки были существенно укреплены.

Так, Жусуп Мамай, Жаннур Турганбай и другие исполнители были включены в список государственных представительных носителей нематериального культурного наследия эпоса «Манас», получив официальное признание со стороны государства и общества, повышение социального статуса, а также определённую материальную и моральную поддержку.

Организации, занимающиеся охраной «Манаса», регулярно проводят курсы подготовки исполнителей эпоса, создавая условия для взаимного обмена опытом и совершенствования исполнительского мастерства. Носители традиции систематически участвуют в крупных культурных мероприятиях и гастрольных выступлениях по всей стране. Некоторые исполнители благодаря участию в значимых фестивалях и конкурсах получили возможность встречаться с руководителями государства, приобретя высокий общественный авторитет и широкое признание.

Так, региональный носитель традиции эпоса «Манас» Жаннур Турганбай был удостоен звания «Человек года в области нематериального культурного наследия Китая» за 2022 год. Часть молодых манасчи начала получать высшее образование, а некоторые современные носители традиции приступили даже к обучению в докторантуре. Это способствует всестороннему повышению их образовательного и культурного уровня и формированию нового типа «академических манасчи».

Таким образом, за более чем семидесятилетний период развития после образования Китайской Народной Республики, в контексте масштабного формирования государственной культурной экосистемы, образовательный уровень, культурная подготовка и система социальной поддержки носителей традиции «Манаса» достигли беспрецедентно высокого уровня. В условиях современной цифровой эпохи продолжают возникать новые формы мультимодального сохранения и инновационного развития эпоса «Манас». Появились радиоспектакли, балетные и оперные постановки, музыкально-драматические интерпретации, иллюстрированные издания эпоса и другие формы художественной репрезентации. Наряду с этим постепенно начинают реализовываться проекты интеграции текстов эпоса «Манас» в мультимодальные системы искусственного интеллекта.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что сохранение и развитие эпоса «Манас» в Китае стало результатом последовательной и комплексной государственной политики в области охраны нематериального культурного наследия. Масштабные работы по сбору, фиксации, систематизации и переводу эпических текстов, начатые во второй половине XX в., заложили прочную основу для научного изучения, текстуального сохранения и многоязычного распространения эпоса. Особое значение имело участие исследователей различных национальностей, благодаря которому работа по изучению «Манаса» приобрела межкультурный и междисциплинарный характер.

Не менее важным фактором стало формирование многоуровневой системы институциональной, правовой и социальной поддержки, включающей научные центры, университетские исследовательские платформы, специализированные учреждения по охране нематериального культурного наследия и меры поддержки носителей традиции. Включение эпоса «Манас» в национальные и международные списки нематериального культурного наследия укрепило его культурный статус и способствовало расширению практик живой передачи. Таким образом, китайский опыт показывает, что эффективное сохранение эпического наследия возможно при органическом сочетании государственной стратегии, научной систематизации, законодательного обеспечения и устойчивой общественной практики, что делает «Манас» значимым примером современного развития живого нематериального наследия в условиях глобальных культурных трансформаций.

Литература

1. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 35.
2. Айли Упуэр, Мубарайкэ Сыкандаэр. Защита культурного наследия национальных меньшинств Китая на примере эпоса «Манас» // Общественные науки Синьцзяна. 2022. № 5. С. 151.
3. Тохан Ысак, Адили Джуматурду, Ерзат Адили. Энциклопедический словарь манасоведения Китая. Пекин: Издательство Центрального университета национальностей, 2017. С. 411.
4. Адили Джуматурду, Ерзат Адили. Создание и развитие манасоведения в Китае: обсуждение с акцентом на исследования Лан Ин // Исследования литературы национальностей. 2021. № 3. С. 57.
5. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 36.
6. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 36.
7. Ху Чжэньхуа. Я и киргизский героический эпос «Манас» // Хэйлунцзянский журнал по проблемам национальностей. 2010. № 1. С. 117.
8. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 49.
9. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 49.
10. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 50.
11. Лян Чжэньхуэй. Исследование перевода и распространения эпоса «Манас». Пекин: Издательство «Миньцзу», 2015. С. 53–55.
12. Лян Чжэньхуэй, Ли Биньжун. Анализ китайского перевода варианта эпоса «Манас» в исполнении Жусупа Мамая // Перевод литературы национальностей. 2020. С. 43.
13. Айли Упуэр, Мубарайкэ Сыкандаэр. Защита культурного наследия национальных меньшинств Китая на примере эпоса «Манас» // Общественные науки Синьцзяна. 2022. № 5. С. 152.
14. Айли Упуэр, Мубарайкэ Сыкандаэр. Защита культурного наследия национальных меньшинств Китая на примере эпоса «Манас» // Общественные науки Синьцзяна. 2022. № 5. С. 154.
15. Цзя Хунсин. Конструирование курсов шаньсийского народного искусства в вузах в контексте креативной экономики // Новый художественный мир. 2023. № 11. С. 132.
16. Адили Джуматурду, Ерзат Адили. Создание и развитие манасоведения в Китае: обсуждение с акцентом на исследования Лан Ин // Исследования литературы национальностей. 2021. № 3. С. 57.
17. Ван Ци. Некоторые размышления о защите нематериального культурного наследия в многонациональных районах Синьцзяна // Обозрение народов Китая. 2017. № 8. С. 32.
18. Ван Ци. Некоторые размышления о защите нематериального культурного наследия в многонациональных районах Синьцзяна // Обозрение народов Китая. 2017. № 8. С. 32.
19. Айли Упуэр, Мубарайкэ Сыкандаэр. Защита культурного наследия национальных меньшинств Китая на примере эпоса «Манас» // Общественные науки Синьцзяна. 2022. № 5. С. 153.
20. Резолюция Пятого пленума Комитета КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района X созыва о дальнейшем претворении в жизнь важных указаний Генерального секретаря Си Цзиньпина по вопросам Синьцзяна и всестороннем строительстве прекрасного Синьцзяна в новую эпоху // Синьцзян жибао. 2022. 13 сент. С. 1.
21. Гао Фан. Культура Шёлкового пути в современном художественном воплощении // Синьцзян жибао. 2025. 17 мая. С. 1.
22. Адили Джуматурду. «Манас» – национальный эпос, постоянно обретающий новое звучание // Литературно-художественная газета. 2013. 7 янв. С. 22.
23. Ли Цзяньцзюнь. Эволюция символической культуры Синьцзяна до XX века // Исследования Западного края. 2013. № 3. С. 139.

PROTECTION AND TRANSMISSION OF THE EPIC MANAS IN XINJIANG, CHINA

Maimaitiaisha Maimaituerhan
Xinjiang Normal University

The article examines China's experience in preserving, systematizing, and promoting the contemporary development of the epic Manas as an important element of intangible cultural heritage. Special attention is given to state policy in the rescue documentation of the epic, its textual processing, translation, and multilingual publication. The article analyzes the role of academic institutions, scholars of different ethnic backgrounds, publishing organizations, and bearers of the oral tradition in forming an integrated system for safeguarding Manas. It also highlights the importance of legal mechanisms, institutional support, and social practices of transmission under conditions of modernization. The article concludes that the Chinese model of preserving Manas is based on the combination of state strategy, scholarly systematization, legal protection, and the living continuity of tradition, enabling the epic to maintain its cultural authenticity while developing in contemporary forms.

Keywords: Manas Epic, Intangible Cultural Heritage, China, Manaschi, Preservation Of Tradition.

References

1. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. P. 35.
2. Aili Wupu'er, Mubarayke Sikanda'er. Protecting the Cultural Heritage of China's Ethnic Minorities: The Case of the Epic of Manas // Xinjiang Social Sciences. 2022. No. 5. P. 151.
3. Tokhan Ysak, Adili Jumaturdu, Erzat Adili. Encyclopedic Dictionary of Manas Studies in China. Beijing: Central University of Nationalities Press, 2017. P. 411.
4. Adili Jumaturdu, Erzat Adili. The Creation and Development of Manas Studies in China: A Discussion with an Emphasis on Lang Ying's Research // Studies on the Literature of Nationalities. 2021. No. 3. P. 57.
5. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. P. 36.
6. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. P. 36.
7. Hu Zhenhua. Me and the Kyrgyz Heroic Epic of Manas // Heilongjiang Journal of Nationality Issues. 2010. No. 1. P. 117.
8. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. P. 49.
9. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. P. 49.
10. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. P. 50.
11. Liang Zhenhui. A Study on the Translation and Dissemination of the Epic of Manas. Beijing: Minzu Publishing House, 2015. Pp. 53–55.
12. Liang Zhenhui and Li Binrong. Analysis of the Chinese Translation of the Version of the Epic of Manas Performed by Zhusup Mamai // Translation of Nationality Literature. 2020. P. 43.
13. Aili Upu'er, Mubarake Sikanda'er. Protecting the Cultural Heritage of China's National Minorities Using the Epic of Manas as an Example // Social Sciences of Xinjiang. 2022. No. 5. P. 152.
14. Aili Upu'er, Mubarake Sikanda'er. Protecting the Cultural Heritage of China's National Minorities Using the Epic of Manas as an Example // Social Sciences of Xinjiang. 2022. No. 5. P. 154.

15. Jia Hongxing. Designing Shanxi Folk Art Courses in Universities in the Context of the Creative Economy // New Art World. 2023. No. 11. P. 132.

16. Adili Jumaturdu, Erzat Adili. The Creation and Development of Manas Studies in China: A Discussion with an Emphasis on Lang Ying's Research // Studies on Nationality Literature. 2021. No. 3. P. 57.

17. Wang Qi. Some Reflections on the Protection of Intangible Cultural Heritage in Multi-Ethnic Areas of Xinjiang // China Peoples Review. 2017. No. 8. P. 32.

18. Wang Qi. Some Reflections on the Protection of Intangible Cultural Heritage in Multi-Ethnic Areas of Xinjiang // China Peoples Review. 2017. No. 8. P. 32.

19. Aili Wupu'er, Mubarayke Sikanda'er. Protection of the Cultural Heritage of China's Ethnic Minorities: The Example of the Epic of Manas // Xinjiang Social Sciences. 2022. No. 5. P. 153.

20. Resolution of the Fifth Plenary Session of the 10th CPC Xinjiang Uygur Autonomous Region Committee on Further Implementation of General Secretary Xi Jinping's Important Instructions on Xinjiang Issues and Comprehensively Building a Beautiful Xinjiang in the New Era // Xinjiang Daily. 2022. September 13. P. 1.

21. Gao Fang. Silk Road Culture in Contemporary Artistic Embodiment // Xinjiang Daily. 2025. May 17. P. 1.

22. Adili Jumaturdu. "Manas" – a National Epic Constantly Acquiring New Sound // Literary and Artistic Newspaper. 2013. January 7. P. 22.

23. Li Jianjun. Evolution of Xinjiang's Symbolic Culture to the 20th Century // Western Region Studies. 2013. No. 3. P. 139.

Метод эссе в изучении веры в свободу воли: предварительный анализ

Чупин Данил Дмитриевич,
аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
E-mail: danil.chupin.x@gmail.com

В статье рассматривается феномен веры в свободу воли, который в последние годы всё чаще становится предметом эмпирических исследований в рамках новой, активно развивающейся области философских наук – экспериментальной философии. С опорой на зарубежную научную литературу раскрывается сущность, актуальность и новизна проблемы, отмечается, что на сегодняшний день исследования такого рода ведутся преимущественно иностранными учёными, в то время как число отечественных научных работ, посвящённых вере в свободу воли, заметно невелико. В связи с этим предпринимается попытка организации и проведения эмпирического исследования обсуждаемого феномена с привлечением группы российских студентов в качестве выборки. Даётся подробная характеристика состава такой выборки, описываются её особенности. Одним из способов изучения убеждений студентов о наличии или отсутствии у человека свободы воли становится анализ написанных ими эссе по названной теме. По результатам такого предварительного анализа позиции участников характеризуются как преимущественно компатибилистские, делается ряд других выводов, которые могут поспособствовать появлению новых научных работ и развитию данного направления исследований в целом.

Ключевые слова: экспериментальная философия, мировоззрение, убеждения, свобода воли, детерминизм, компатибилизм, инкомпатибилизм

Введение

Будучи одной из важнейших проблем философии человека в западноевропейской философской традиции, феномен свободы воли занимает умы представителей различных областей знания на протяжении, по меньшей мере, двух тысяч лет. О свободе человека активно пишут и рассуждают мыслители Античности – Сократ, Платон, Аристотель, представители стоицизма и эпикуреизма [6, с. 118–120], особое же развитие проблема свободы воли получает уже в Средние века благодаря классическим работам Августина, а также стараниями других богословов и религиозных философов, среди которых Пелагий, Боэций, Фома Аквинский и другие [4, с. 300].

Позднее в период эпохи Возрождения со свойственным ей антропоцентризмом, пускай и не свободным до конца от теологической проблематики, внимание мыслителей смещается с библейских текстов и человека в свете проблемы познания Бога на человека как такового – как самодостаточную, самоценную единицу. Закономерно преображается и отношение к свободе воли, в которой видится теперь источник человеческого достоинства, позволяющий лишь собственными усилиями и благодаря личной инициативе добиться небывалых высот, как на то указывал в XV веке итальянский гуманист Джованни Пико делла Мирандола [3, с. 227].

В социально-политической плоскости проблема свободы воли раскрывается в Новое время благодаря работам Гоббса и Локка, складывается понятие о свободе как политико-правовой автономии гражданина [3, с. 231]. Вместе с тем, с развитием естественно-научного знания философами-эмпиристами – Пристли, Гольбахом, Кондильяком, Вольтером и другими проблема свободы воли начинается активно рассматриваться, а в некоторых случаях и критиковаться сквозь призму материалистического понимания человека и общества [3, с. 232].

В наши дни в условиях активно меняющегося мира, небывалого развития науки и техники, а также социокультурных преобразований и потрясений, разворачивающихся в каждом уголке земного шара, обсуждаемая проблема предстаёт в новом свете, оказываясь при этом не менее, а может быть даже и более актуальной, чем когда бы то ни было ранее в человеческой истории: о проблеме бегства современного человека от свободы пишет Эрих Фромм, на особую остроту проблемы свободы в Новейшее время указывает Виктор Франкл.

В продолжающиеся по сей день дискуссии о свободе воли активно включаются и представители естественных наук. С опорой на нейробиологические исследования, новейшие данные о работе мозга и физиологии человека в целом некоторые учёные последовательно выступают с критикой концепции свободы воли как таковой, подвергая сомнению саму возможность её существования. Становится ясно, что и в настоящее время проблема свободы воли остаётся трудноразрешимой, вместе с тем, под стать повсеместным социальным преобразованиям меняются и способы изучения обсуждаемого здесь феномена.

Так, например, в последние годы в рамках социальной и когнитивной психологии, а также экспериментальной философии активно развивается особое направление исследований, характеризующееся смещением интереса учёных с вопроса о существовании свободы воли на проблему убеждений людей по поводу её существования или иначе веры в свободу воли. Пионерами таких исследований в числе прочих можно считать D. Vohs и J. Schooler, а также B. Westlake и D. Paulhus, о чём упоминают на страницах своих научных работ T. Quinton, D. Trafimow и O. Genschow [10, с. 2], В.Г. Келлер [1, с. 106], А.Н. Моспан и Д.А. Леонтьев [2, с. 110]. Примечательны же названные исследования в первую очередь тем, что их результаты в том или ином виде указывают на наличие достоверных связей между убеждениями людей в существовании или отсутствии свободы воли и их поведением, личностными особенностями и мировоззрением. Так, в публикации D. Vohs и J. Schooler 2008 года под названием «The Value of Believing in Free Will» авторы описывают связь между убеждённостью в предопределённости человеческого поведения и склонностью к мошенничеству: в ходе эксперимента, проведённого авторами оригинального исследования, участники, предварительно взаимодействовавшие с текстовым материалом, отрицающим свободу воли, чаще других прибегали к «мошенничеству» в ходе решение математического теста, а также в других заданиях [11, с. 53].

В то же время, в ряде более поздних публикаций различные авторы также описывают связи между верой в свободу воли и агрессией, самоконтролем, автономностью, делают выводы о влиянии таких убеждений на поведение и социальное познание в целом. Среди учёных, занятых подобного рода исследованиями, помимо уже названных можно выделить G. Feldman, R. Berniūnas, A. Beinorius, V. Dranseika, V. Silius, P. Rimkevicius и других.

Как можно было заметить, большинство из перечисленных выше авторов являются представителями зарубежной науки. И действительно: число отечественных научных работ, посвящённых вере в свободу воли, заметно невелико. В качестве примеров таких работ можно назвать исследования, проведенные Е.А. Проненко, Ли Чуньни, Н.Л. Москвичевой и некоторые другие. При этом, как было показано выше, накопленные современной наукой данные, с одной стороны, а также фундаментальный характер проблемы – с другой, позволяют говорить об особом месте веры в свободу воли в жизни человека и отношениях между людьми. Данное обстоятельство ввиду такого характера рассматриваемого вопроса обуславливает необходимость в изучении феномена веры в свободу воли в условиях российских реалий и видится нам актуальной научной проблемой. Потому нами была предпринята попытка провести собственное исследование с привлечением в качестве выборки студентов Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Целью такого исследования стало выяснение характерных особенностей мировоззрения российских студентов в части их отношения к феномену свободы воли человека. Описанию содержания и предварительных результатов нашего исследования и посвящена данная статья.

Описание исследования

Так, в качестве метода регистрации и изучения взглядов участников было применено написание последними небольшого эссе на тему «Свобода воли» с последующим анализом авторами исследования полученных текстов. При этом, для того чтобы дополнительно направить ход мысли участников при написании работ, им были предложены ориентировочные вопросы, среди которых: «Можете ли Вы сказать, что такое свобода воли?», «Является ли проблема свободы воли актуальной на сегодняшний день?», «Существует ли и / или возможна ли свобода воли?», «Что можно выделить в качестве факторов, ограничивающих свободу воли, если таковые существуют?». Однако в целом формат работы предполагал достаточно свободное изложение собственных взглядов на обсуждаемый феномен. Именно эта возможность описать в доступных терминах личное отношение к достаточно сложному философскому вопросу, с учётом разного возраста и уровня образования участников, обусловила использование метода эссе. Отдельно отметим, что при анализе текстов, в свете особой сложности вопроса, нами учитывалось возможное использование студентами дополнительных материалов, найденных в сети Интернет, или технологий искусственного интеллекта.

В исследовании приняли участие 43 студента КГПУ им. В.П. Астафьева. Из них 20 человек на момент написания эссе обучались на втором курсе бакалавриата, Исторический факультет, 10 – на пятом, 13 человек проходили обучение на первом курсе магистратуры Института психолого-педагогического образования. Возраст участников находился в границах 19–50 лет, около 80% выборки составили женщины, 20% – мужчины. Таким образом группа участников исследования оказалась достаточно разнообразной в своём составе: часть из них в период его проведения получала историческое образование, другая – психолого-педагогическое, заметно различается и возраст студентов, что позволило в рамках небольшой выборки охватить вместе с тем разные социальные группы.

Более того, наша исследовательская работа в целом предполагает ориентацию на представителей конкретных сфер знания, а именно педагогов, психологов и юристов. Такой акцент сделан сознательно ввиду особого места проблемы свободы воли в профессиональной деятельности названных специалистов. Так, например, способность принимать решения и нести ответственность представляется краеугольным камнем в сфере права, а глубокое понимание причин того или иного поведения, развитие способности к рефлексии и самоанализу видится неотъемлемой составляющей работы психолога, на что неоднократно указывали и сами участники нашего исследования.

Также отметим, что в дополнение к студенческим эссе в рамках данного направления исследований нами ведётся работа в фокус-группах, проводятся экспертные интервью по проблеме свободы воли. На страницах же этой статьи предметом анализа выступают в первую очередь тексты эссе, предоставленные описанной выше группой студентов. Сам анализ имеет предварительный характер, в дальнейшем предполагающий рассмотрение его результатов в контексте массива других полученных нами данных, раскрывающих особенности веры в свободу воли у участников исследования.

Анализ текстов

Для простоты изложения обратимся к ориентировочным вопросам, на которые в ходе написания эссе отвечали участники, начав с центрального для данного исследования – вопроса о существовании свободы воли. Так, в большинстве случаев авторы эссе склонны допускать её существование: «Я считаю, что свобода воли существует», «Свобода воли точно существует», «Свобода воли есть», «Свобода воли возможна» и т.д. Вместе с тем, один из участников исследования выступил с критикой такой позиции, заявив, что «Свобода воли в ее абсолютном понимании – это иллюзия», сославшись на естественные её ограничения в виде «среды, биологии и обстоятельств». При этом стоит отметить, что и «сторонники» свободы воли в своих текстах почти всегда также указывают на наличие тех или иных факторов, ограничивающих свободу воли человека, о чём подробнее ещё пойдёт речь ниже. Тем не менее, такие ограничения, по мнению авторов эссе, не умоляют человеческой свободы, всегда оставляя возможность выбора и пространство для принятия собственных решений. Чаще всего, если такая позиция и аргументируется, то с привлечением следующих терминов: «разум», «рефлексия» и «осознание». Подразумевается, что возможность человека глубоко анализировать окружающую реальность и собственное поведение позволяет последнему избежать замещения личных намерений и интересов навязанными нарративами: «Способность к критическому мышлению и есть та самая лазейка в детерминизме» или «Свобода – это когда у тебя в голове есть фильтр».

Таким образом, позицию почти каждого из участников исследования можно было бы назвать компромиссной. Более того, некоторые из них прямо называют себя компатибилистами, то есть сторонниками идеи о том, что наличие факторов, детерминирующих сознание и поведение человека не исключает наличие у него свободы воли: «Склоняюсь к компромиссной позиции», «Я склоняюсь к позиции компатибилизма», «Занимаю позицию, которую можно назвать “мягким детерминизмом”», «Прагматический компатибилизм». Однако, прежде чем давать окончательную характеристику убеждениям участников эссе по поводу существования или отсутствия свободы воли, необходимо выяснить, что же именно они вкладывают в словосочетание «свобода воли» и в чём на самом деле суть упомянутого выше «компромисса».

Дискуссии о свободе воли могут разворачиваться по-разному. Так, например, в ходе проводившихся нами фокус-групп некоторые студенты в контексте обсуждения феномена свободы воли видели главной проблемой столкновение свободы самовыражения и сложившихся социально-политических и культурных условий. Однако зачастую рассматриваемому феномену противопоставляются не разнообразные внешние ограничения, а принцип детерминизма: одна из основных устоявшихся позиций по этому вопросу заключается в том, что детерминизм или причинность – это всеобъемлющий закон, которому подчиняется и человек, будучи биологическим существом и объектом физического мира. А поскольку каждому действию предшествует та или иная причина, говорить о свободе воли в конце концов оказывается невозможно, ведь любой поступок как следствие закономерно вытекает из некоторой причины, и пространства для подлинного выбора не остаётся. В похожем ключе, к примеру, ещё в XIX веке рассуждал И.М. Сеченов, а в настоящее время среди сторонников этих взглядов можно отметить американского исследователя и публициста С. Харриса. Такая позиция именуется инкомпатибилизмом и подразумевает несовместимость принципа детерминизма и свободы воли. В таком случае, если упомянутый принцип верен, то свобода воли невозможна, и наоборот.

Компатибилизм, среди современных представителей которого можно отметить философа Д. Деннета, в свою очередь предполагает совместимость двух обсуждаемых явлений, при этом способы их «примирения» различны. Именно такую позицию можно иначе назвать «компромиссной», когда несмотря на признание справедливости принципа детерминизма человек, тем не менее, видится субъектом, то есть подлинным источником собственных действий, а не объектом влияния независящих от него внешних и внутренних факторов, полностью определяющих его мышление и поведение, или, иными словами, обладает свободой воли. Таким образом, ключевой проблемой в рамках обсуждения свободы воли выступает принципиальная возможность или невозможность быть первопричиной собственных мыслей, желаний или действий в свете всепроникающего характера принципа причинности, в конечном итоге непременно выносящего любые причины активности за пределы самого человека либо его сознания.

Кратко раскрыв основные определения и суть обсуждаемой проблемы, обратимся к ответам участников исследования на вопрос «Что такое свобода воли?». Чаще всего на страницах анализируемых нами текстов названный термин определяется словами «возможность» или

«способность», «действие», «выбор», «решение», а также «независимость от внешних обстоятельств». Если попытаться обобщить ответы участников и сформулировать на их основании некоторое «среднее» определение, оно может звучать следующим образом: «Свобода воли – это способность человека действовать на основании собственных намерений независимо от каких бы то ни было внешних ограничений». Обратимся также и к примерам высказываний из текстов: «Свобода воли – это способность принимать решения независимо от обстоятельств и мнения людей», «Свобода воли – это возможность совершать выбор без внешнего воздействия», «Свободу воли можно определить как способность человека к самостоятельному принятию решений, независимому от внешнего принуждения и внутренних неконтролируемых импульсов».

Вместе с тем, можно встретить формулировки и иного рода: «Свобода воли – это способность человека выступать истинным, первопричинным автором своих поступков» или «Свобода воли – это способность быть подлинным источником своих поступков».

Тем не менее, на основании анализа большинства полученных текстов можно предположить, что обладание субъектностью подразумевается участниками исследования по умолчанию, а вопрос заключается лишь в том, в каких границах здесь и сейчас человеку доступно проявление себя «настоящего»: собственных мыслей, желаний, устремлений, истинных намерений, причём преимущественно в действии. Насколько существующие законы, традиции, обычаи, в некоторых случаях разнообразные биологические, психологические и иные «внутренние» факторы, а также социальная, политическая, экономическая, культурная и историческая обстановка в целом позволяют говорить и действовать сообразно личным интересам, которые, как уже было показано, и составляют содержание непременно присущей человеку свободы воли. Противоречие «свобода воли – детерминизм», кратко раскрытое выше, устраняется изначально, ведь, как было сказано в одной из работ: «Я обладаю свободой, потому что могу выбирать». В сущности, возможность свободы воли не ставится под сомнение, в свете любых ограничений всегда остаётся некое пространство для выбора, которое, однако, может осознаваться или не осознаваться человеком.

В этой связи можно отметить ещё несколько работ, авторы которых в тех или иных формулировках отвергли возможность свободы воли. Например: «На данный момент я считаю, что свободы воли не существует… Человек сейчас несвободен в своих действиях». Можно допустить, что использование автором слова «сейчас» всё-таки не предполагает отрицания существования свободы воли как таковой, однако в данных условиях участником отмечается наличие некоторых ограничений, не позволяющих человеку действовать в полной мере свободно – на основании «собственных» намерений, «собственный» характер которых уже, как правило, и не ставится под сомнение. Другим примером выступают утверждения, согласно которым свободы воли нет, потому что «делать всё, что хочется» нельзя. И вновь похожая ситуация: «хочется» есть изначально и, по всей видимости, пребывает вне всякого действия принципа причинности. Единственной же трудностью оказываются различные факторы, ограничивающие действия сообразные такому «хочется».

Наконец, становится яснее позиция участников в целом, которую, с одной стороны можно назвать «компромиссной», как это было сделано выше, однако учитывая, что такой «компромисс» рождается в столкновении желаемого и действительного, «хочу» и «надо». Наличие же у человека свободы воли, если понимать под ней не просто возможность действовать сообразно желанию, а принципиальную возможность быть источником действия или причиной желания, оказывается само собой разумеющимся и рассматривается в конечном счёте вне принципа детерминизма.

В свете особенностей толкования участниками исследования термина «свобода воли» становится яснее и логика предлагаемых ими факторов, «ограничивающих» её. В качестве таковых авторами эссе называются: «нормы, правила, законы, моральные соображения, власть, общество, семья, государство» – словом всё то, что так или иначе может «помешать» действовать сообразно желаниям. Перечисляются в текстах ограничения и другого рода, как то: «биологическая природа, психологическая структура, бессознательное», а также «маркетинг, искусственный интеллект, теории заговора, телепередачи, социальные сети, стереотипы, пропагандирующиеся от первых лиц» и т.д. На основании общего анализа работ участников можно предположить, что такие факторы видятся ограничивающими свободу воли ввиду потенциальной возможности замещения ими «истинно» личных интересов и желаний продуктами массовой культуры или подспудного детерминирующего действия, как в случае биологических и иных «внутренних» факторов.

Наконец, вполне закономерным оказывается и тот факт, что всем участникам исследования без исключения проблема свободы воли видится крайне актуальной: «Проблема свободы воли существует всегда», «Является ли эта проблема актуальной сегодня? Безусловно, да», «Вопрос об актуальности изучения веры в свободу воли, на мой взгляд, имеет однозначно положительный ответ», «Проблема актуальна всегда, сегодня особенно», «Безусловно, проблема свободы воли сегодня не просто актуальна, она стоит в центре многих социальных и образовательных дискуссий», «Проблема актуальна в настоящее время» и т.д. В свете всего сказанного выше такой характер умонастроений участников вероятно объясняется тем, что уже названная проблема столкновения «желаемого» и «действительного» отчётливо переживается и ясно видится каждому из них, что в свою очередь можно назвать естественным для человеческого общества и отношений между людьми.

Заключение

Возвращаясь к центральному вопросу статьи – вере в свободу воли и характеру такой веры среди участников нашего исследования, можно заключить, что за редким исключением каждый из авторов эссе, тексты которых были кратко проанализированы выше, является сторонником идеи о существовании свободы воли. Даже при условии, что проблема свободы воли в представлении участников, вероятно, смещается с противоречия «детерминизм – свобода воли» на столкновение «хочу» и «надо», сам характер полученных ответов прямо говорит об отношении участников исследования к человеку как к тому, кто независимо ни от чего в конечном итоге обладает подлинной возможностью выбора.

Эти и другие данные, полученные нами в ходе краткого анализа обсуждаемых материалов и представленные в тексте выше, могут стать подспорьем в организации и проведении других исследований в рамках нового, активно развивающегося и крайне актуального направления научного знания – эмпирического изучения феномена веры в свободу воли.

Литература

1. Келлер В.Г. Свобода воли и конформизм: меньшей вере в свободу воли соответствует большая склонность к конформизму // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. № 3. С. 106–111.
2. Моспан А. Н., Леонтьев Д.А. Апробация и валидизация методики веры в свободу/детерминизм (FAD-Plus) на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 109–128.
3. Пархоменко, Р.Н. Идея свободы в эпоху Возрождения и Новое время // Философия и культура. 2014. № 2(74). С. 227–238.
4. Пеннер Р.В. Проблема свободы человека в дискурсе средневековой философии // Дискурсология: методология, теория, практика. 2015. № 9. С. 297–303.
5. Проненко Е.А. Академическая мотивация: связь с субъектностью, верой в свободу, жизненной позицией и осознанным присутствием // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. 2025. № 8. С. 9–17.
6. Соколова Н. А., Пылькин А.А., Сафонова А. С Античная философия о взаимоотношении воли, свободы и разума человека // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 112–129.
7. Чуньни Ли, Москвичева Н.Л. Взаимосвязи отношения к конечности жизни с базисными убеждениями у молодых китайцев // Петербургский психологич. журн. 2024. № 48. С. 51–89.
8. Berniūnas R., Beinorius A., Dranseika V., Silius V., Rimkevicius P. The weirdness of belief in free will // Consciousness and Cognition. 2021. Vol. 87. P. 1–44.
9. Feldman G. Making sense of agency: Belief in free will as a unique and important construct // Social and Personality Psychology Compass. 2017. Vol. 11. P. 1–15.
10. Quinton T., Trafimow D., Genschow O. The role of free will beliefs in social behavior: Priority areas for future research // Consciousness and Cognition. 2023. Vol. 115. P. 1–8
11. Vohs D., Schooler J. The value of believing in free will: Encouraging a belief in determinism increases cheating // Psychological science. 2008. Vol. 19. P. 49–54.

ESSAY METHOD IN STUDYING BELIEFS IN FREE WILL: A PRELIMINARY ANALYSIS

Chupin D.D.
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

This article examines the phenomenon of belief in free will, which in recent years has increasingly become the subject of empirical research within the new, rapidly developing field of philosophical science – experimental philosophy. Drawing on international scien-

tific literature, the article explores the nature, relevance, and novelty of the problem. It is noted that, to date, such research has been conducted primarily by foreign scholars, while the number of domestic scientific works devoted to belief in free will is noticeably small. Therefore, an attempt has been made to organize and conduct an empirical study of this phenomenon using a group of Russian students as a sample. A detailed description of the composition of this sample is provided, and its characteristics are described. One way to study students' beliefs about the presence or absence of free will is by analyzing essays they wrote on this topic. Based on the results of this preliminary analysis, the participants' positions are characterized as predominantly compatibilist, and a number of other conclusions are drawn that may contribute to the emergence of new scholarly works and the development of this area of research as a whole.

Keywords: experimental philosophy, worldview, beliefs, free will, determinism, compatibilism, incompatibilism

References

1. Keller, V. G., "Free Will and Conformism: Less Belief in Free Will Corresponds to a Greater Tendency to Conformism" // Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity. 2019. No. 3. pp. 106–111.

2. Mospan, A. N., Leontiev, D. A., "Testing and Validation of the Freedom/Determinism Belief Method (FAD-Plus) on a Russian Sample" // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No. 1. pp. 109–128.

3. Parkhomenko, R. N., "The Idea of Freedom in the Renaissance and Modern Times" // Philosophy and Culture. 2014. No. 2(74). pp. 227–238.

4. Penner, R. V. "The Problem of Human Freedom in the Discourse of Medieval Philosophy." Discourse Studies: Methodology, Theory, and Practice. 2015, no. 9, pp. 297–303.

5. Pronenko, E. A. "Academic Motivation: Connection with Subjectivity, Belief in Freedom, Life Position, and Conscious Presence." Innovative Science: Psychology, Pedagogy, and Defectology. 2025, no. 8, pp. 9–17.

6. Sokolova, N. A., Pylkin, A. A., Safonova, A. S. "Ancient Philosophy on the Relationship between Will, Freedom, and Human Reason." Man. Culture. Education. 2023, no. 4, pp. 112–129.

7. Chunni Li, Moskvicheva N.L. "The Relationships between Attitudes toward the Finitude of Life and Basic Beliefs in Young Chinese" // Petersburg Psychological Journal. 2024. No. 48. pp. 51–89.

8. Berniūnas R., Beinorius A., Dranseika V., Silius V., Rimkevicius P. "The Weirdness of Belief in Free Will" // Consciousness and Cognition. 2021. Vol. 87. pp. 1–44.

9. Feldman G. "Making Sense of Agency: Belief in Free Will as a Unique and Important Construct" // Social and Personality Psychology Compass. 2017. Vol. 11. pp. 1–15.

10. Quinton T., Trafimow D., Genschow O. "The Role of Free Will Beliefs in Social Behavior: Priority Areas for Future Research" // Consciousness and Cognition. 2023. Vol. 115. P. 1–8

11. Vohs D., Schooler J. The value of believing in free will: Encouraging a belief in determinism increases cheating // Psychological science. 2008. Vol. 19. P. 49–54.

Антропологическое значение «мимесиса» в работах Поля Рикера

Шашкова Анна Александровна,
аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге
E-mail: anna.shashkova0@mail.ru

В статье рассматривается антропологическое значение понятия «мимесис» в философии Поля Рикёра в контексте современных дискуссий, где репрезентация нередко оттесняется на периферию как устаревшая трактовка. На материале трёхтомника «Время и рассказ» и с опорой на герменевтическую реконструкцию, компаративный историко-философский анализ и полемическое сопоставление с проектом «Homo Mimeticus» Н. Лоту автор доказывает, что репрезентация сохраняет фундаментальное антропологическое значение. Раскрывается трёхстадийная модель мимесиса: дорефлексивное пред-понимание действия (мимесис I), нарративная конфигурация как синтез гетерогенного в единство интриги (мимесис II), и рефигурация опыта читателя – выход текста в жизнь (мимесис III). Особое внимание уделено сближению рикёровского конфигурирующего акта с кантовским продуктивным воображением и трактовке репрезентации как коммуникативной, возобновляемой способности, реализующейся в напряжении между автором, текстом и читателем. Показывается, что модель «бесконечной спирали» позволяет выйти за рамки линейного или циркулярного понимания и обосновать нарративную артикуляцию дорефлексивного опыта как фундаментальную антропологическую способность.

Ключевые слова: мимесис, Рикер, нарративная конфигурация, продуктивное воображение, схематизм

Введение

Актуальность

В XX–XXI веках понятие «мимесис» становится очень востребованным в области философской антропологии. Наиболее свежие работы, посвященные мимесису, подчеркивают, что репрезентация является устаревшей трактовкой понятия. [3,4] Так, например, согласно Нидешу Лоту, мимесис нельзя больше удерживать в рамке классической «репрезентации/копии», потому что речь о телесно-аффективной, реляционной динамике субъективности, которая становится особенно острой исходя из цифровой эпохи, которая характеризуется аффективной заразительностью (быстрое «подхватывание» тональности – возмущения, восторга, страха) и идентификацией (я «становлюсь» тем, кого смотрю/читаю, перенимаю жесты, лексику, моральные интонации, политические аффекты). [4]

Научная новизна

Если ряд влиятельных проектов (в частности, «Homo Mimeticus» Н. Лоту) акцентирует бессознательную, телесно-аффективную, заразительную природу мимесиса, оставляя репрезентацию на периферии внимания, то в данной работе показывается, что репрезентация обладает не меньшей антропологической значимостью. Она рассматривается не как «снятая» или «устаревшая» интерпретация мимесиса, а как фундаментальная способность человека к нарративной артикуляции опыта, без которой представление о мимесисе в XX–XXI веках остаётся неполным. Для того, чтобы обратить внимание на актуальность репрезентации мы обращаемся к антропологическому значению «мимесиса» в работах Поля Рикера.

Методология

Методология исследования сочетает герменевтическую реконструкцию, компаративный историко-философский анализ и критический анализ современных дискуссий о мимесисе. Основным материалом выступает трёхтомник П. Рикёра «Время и рассказ», из которого извлекаются аргументы в пользу актуального антропологического значения репрезентации. Сопоставление с аристотелевским muthos и кантовским схематизмом позволяет обосновать конфигурирующий акт как фундаментальную антропологическую способность, а обращение к анализу романов в главе «Вымышленный опыт времени» выявляет связь с подходом Э. Ауэрбаха.

Основное содержание

Рикер отталкивается от аристотелевского мимесиса как “подражания действию”. Он начинает со стадии ***мимесис-I*** – это донарративное пред-понимание человеческого. Согласно Рикеру, непосредственный опыт «смутный, неоформленный и бессловесный». Рикер движется не назад, к чистоте непосредственного опыта, а устремляется вперед, к опыту уже опосредованному, артикулированному. Согласно Рикеру, такое продвижение не удаляет от истины, а приближает к ней: непосредственное совпадает для него с заблуждением, подвергаемому “герменевтике подозрения”. С другой стороны, лингвистическая реальность не является самозамкнутой: она находится в референции с миром, но это не описательная референция аналитической философии языка. Язык взаимодействует с реальностью, а реальность меняется из языка.

Человеческое действие, в отличие от физического явления, может быть расшифровано исходя из агентности человека: исходя из культурного контекста, мы можем предположить кто, почему, в каких обстоятельствах, с каким мотивом действовал. Исследователь Рикёра Генри Венема [5] раскрывает структуру того, что Рикёр называет «мимесисом I» – до-нарративного пред-понимания, которое делает рассказ вообще возможным. Венема показывает, что это пред-понимание имеет три взаимосвязанных аспекта: структурный, символический и темпоральный. Структурное, или практическое, пред-понимание означает, что мы всегда уже владеем некой «концептуальной сеткой действия», позволяющей отличать осмысленное действие от простого физического движения. Венема поясняет: представьте, что вы стоите в очереди в супермаркете и видите, как человек перед вами протягивает кассиру купюру. Вы мгновенно понимаете это как «оплату», а не как «дарение» или «просто движение руки», потому что вы уже знакомы с практикой покупок. За этим элементарным опознанием стоит, согласно Венеме,

фундаментальная способность, которую Рикёр называет «практическим пониманием» (l'intelligence pratique): мы распознаём действия не через абстрактные теории, а потому, что сами являемся действующими существами, включёнными в мир человеческих поступков и отношений. Именно это до-теоретическое, но уже структурированное понимание и составляет первый слой мимесиса I.

Мимесис-II это конфигурация этого имманентного символизма в нарратив, то есть рассказ (récit), понятый в широком смысле слова. Рикер обращается к аристотелевскому muthos (в русском переводе "Времени и рассказа" это "интрига") как к "извлечению конфигурации" из простой последовательности событий. Если мимесис-I был статичной разметкой концептуального поля, то мимесис-II является актом, в котором последовательность событий складывается таким образом, чтобы она представляла единое целое. Иными словами, происходит синтез гетерогенной множественности в осмысленное единство. Мимесис-II открывает, по словам Рикёра, «царство как если бы» – ту область, где конфигурация уже не зависит от непосредственной референции к миру действия и подчиняется собственной логике построения. [2]

Рикёр сближает конфигурирующий акт с работой продуктивного воображения по Канту. Кант исходит из того, что наше познание имеет два разнородных источника: чувственность, через которую предмет нам *даётся*, и рассудок, через который он *мыслится*. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, без рассудка – ни один нельзя было бы помыслить. Однако чистые понятия рассудка – категории – совершенно неоднородны с эмпирическими созерцаниями: их «никогда нельзя встретить в каком-либо одном созерцании». Как же возможно подведение созерцаний под категории, то есть применение понятий к явлениям? Должно существовать «нечто третье, однородное, с одной стороны, с категориями, а с другой – с явлениями». Это опосредующее представление, чистое и одновременно интеллектуальное и чувственное, Кант называет *трансцендентальной схемой* и определяет как «продукт способности воображения». Схема – не образ предмета, а «представление о всеобщем способе, каким способность воображения доставляет понятию его образ», правило синтеза, по которому многообразное созерцания подводится под единство понятия. Именно этот схематизм Кант называет «скрытым в глубине человеческой души искусством, настоящие приемы которого нам вряд ли удастся раскрыть». [1]

Рикёр переносит эту логику на нарратив. Построение интриги, muthos, и есть такой схематизм для сферы человеческого действия. В перспективе нашей работы это означает, что способность к репрезентации, понятая как конфигурирующее действие, укоренена в той самой продуктивной способности воображения, которую Кант поместил в основание самого познания. Репрезентация, иными словами, – не локальная литературная техника, а фундаментальная антропологическая способность: именно она делает возможным переход от дорефлексивной вовлечённости в мир действия к построению осмысленной и разделяемой формы.

Анализ трёх романов, предпринятый Рикёром в главе «Вымышленный опыт времени», на первый взгляд укладывается в аристотелевскую программу: в каждом случае речь идёт о том, как muthos – «интегрирующий динамизм» – собирает эпизоды в завершённое целое. Повествователь «Mrs. Dalloway», «Волшебной горы» и «Поисков» подстраивает события, воспоминания и сознания персонажей так, чтобы они образовали единство, – и в этом смысле мимесис-II, конфигурация, остаётся для Рикёра центральным понятием. Однако внутри этой формальной конструкции просвечивает иная перспектива, сближающая Рикёра скорее с Ауэрбахом, чем с Аристотелем: интерес не к конструкции как таковой, а к тому, как через неё проступает живое переживание времени – множественное, текучее, несводимое к простому хронологическому порядку. Рикёр, иными словами, не отказывается от аристотелевского принципа, но наполняет его содержанием, которого сам Аристотель не предусматривал: его muthos оказывается формой, способной вместить в себя «гамму» временны́х опытов

Мимесис-III это "выход текста в жизнь", который на практическом уровне реализуется в изменении поведения читателя, на которого повлиял текст. Таким образом, трехтактный процесс мимесиса прослеживает путь от практического понимания мира до изменения поведения человека в мире. [5, 65–101] Рикёр, отсылая к Гадамеру, называет эту стадию вслед за ним «применением» (application) – событие, в котором мир текста встречается с миром читателя и только в этой встрече обретает свой полный смысл. Только здесь, подчёркивает Рикёр, «рассказ обретает свой полный смысл». Это означает, что репрезентация – способность не монологическая, а принципиально коммуникативная: она не завершается на странице, а требует встречи с другим сознанием, которое впускает предложенную конфигурацию в собственный опыт. [2]

Это взаимопересечение миров имеет и другой аспект: литература не просто сообщает читателю готовый смысл, но пытается поэтически „ухватить" сам опыт. Согласно Рикеру, читая книги и сопереживая персонажам, мы переживаем опыт взаимодействия с «другими», и этот опыт в нашем воображении влияет на то, как мы воспринимаем себя и складываем отношения в реальной жизни. Также Рикер рассматривает "выход текста в жизнь" не только исходя из того, что произведение меняет жизнь читателя, но и исходя из того, что литература пытается поэтически "ухватить" опыт. В отличие от аналитической философии языка, трактующей референцию как прямое (истинное или ложное) описание положения дел, для Рикера связь художественного текста с жизненным миром устроена иначе. Чтобы достичь правдоподобия и схватить саму суть человеческого опыта, литература вынуждена постоянно обновлять форму и вводить новые "обходные приемы". Так, модернистские романы В. Вулф, Дж. Джойса и С. Беккета, согласно Рикёру, движутся в сторону правдоподобия, но не прямолинейно, а через приостановку дескриптивной референции. Таким образом, любой художественный текст, каким бы фантастичным или далеким от реальности он ни казался на первый взгляд, всегда отсылает к реальной жизни. [2]

Однако Рикёр настаивает, что это движение не является ни линейным, ни циркулярным в порочном смысле. Возражение о том, что мимесис-III лишь возвращает нас к мимесису-I, уже содержавшему в себе всё последующее разворачивание, он отводит, вводя образ «бесконечной спирали»: опосредование проходит через одни и те же точки, но каждый раз на иной высоте. Это означает, что репрезентация – не одноразовый акт синтеза, а возобновляемая способность: каждая встреча текста с читателем заново приводит в движение конфигурацию и рефигурацию опыта, никогда не замыкая их в окончательное единство. Критический потенциал такой модели очевиден: читатель не просто усваивает готовую форму, но активно участвует в её завершении – он «ведёт игру» с нарративными ограничениями, заполняет лакуны, а в предельных случаях (антироман, экспериментальная проза) практически берёт на себя функцию конфигурации. Репрезентация, следовательно, оказывается разделённой способностью, реализующейся в напряжении между автором, текстом и читателем.

Заключение

Трёхтактная модель мимесиса описывает архитектуру самой способности к художественной репрезентации. Эта способность имеет три неразрывных измерения: пред-понимание как условие её возможности (мимесис-I), конфигурация как её осуществление (мимесис-II) и рефигурация как её завершение в опыте другого (мимесис-III). Взятые вместе, они показывают, что репрезентация есть фундаментальная антропологическая способность переводить дорефлексивный опыт в осмысленную и разделяемую форму – способность, которая не только создаёт миры, но и делает возможным их критический пересмотр в каждом новом акте чтения.

Литература

1. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М.: Наука, 2006. Т. 2, ч. 1. 1086 с.
2. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т.В. Славко. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
3. Gebauer G., Wulf C. Mimesis: culture, art, society / transl. by Don Reneau. Berkeley: University of California Press, 1995. 389 p.
4. Lawtoo N. Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation. Leuven: Leuven University Press, 2022. 368 p.
5. Venema H.I. Identifying Selfhood: Imagination, Narrative, and Hermeneutics in the Thought of Paul Ricoeur. Albany: State University of New York Press, 2000.

THE ANTHROPOLOGICAL SIGNIFICANCE OF «MIMESIS» IN THE WORKS OF PAUL RICOEUR

Shashkova A.A.
European University at St. Petersburg

The article examines the anthropological significance of the concept of mimesis in the philosophy of Paul Ricoeur within the context of contemporary debates in which representation is often pushed to the periphery as an outdated interpretation. Drawing on the three-volume work *Time and Narrative* and relying on hermeneutic reconstruction, comparative historical-philosophical analysis, and a polemical juxtaposition with N. Lawtoo's *Homo Mimeticus* project, the author demonstrates that representation retains its fundamental anthropological importance. The three-stage model of mimesis is unfolded: the pre-reflective pre-understanding of action (mimesis I), narrative configuration as the synthesis of the heterogeneous into the unity of a plot (mimesis II), and the refiguration of the reader's experience–the entry of the text into life (mimesis III). Particular attention is paid to the

convergence of Ricoeur's configurative act with Kantian productive imagination and to the interpretation of representation as a communicative, renewable capacity realized in the tension between author, text, and reader. The model of the "endless spiral" is shown to move beyond linear or circular conceptions and to ground the narrative articulation of pre-reflective experience as a fundamental anthropological capacity.

Keywords: mimesis, Ricoeur, narrative configuration, productive imagination, schematism

References

1. Kant I. Works in German and Russian: in 4 volumes, edited by N.V. Motroshilova, B. Tushling. Moscow: Nauka, 2006. Vol. 2, part 1. 1086 p.

2. Ricoeur P. Time and Story. Vol. 1. Intrigue and Historical Story / trans. from French by T.V. Slavko. Moscow; St. Petersburg: University Book, 1998. 313 p.

3. Gebauer G., Wulf C. Mimesis: Culture, Art, Society / transl. by Don Reneau. Berkeley: University of California Press, 1995. 389 p.

4. Lawtoo N. Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation. Leuven: Leuven University Press, 2022. 368 p.

5. Venema H.I. Identifying Selfhood: Imagination, Narrative, and Hermeneutics in the Thought of Paul Ricoeur. Albany: State University of New York Press, 2000.

Расширение основного вопроса философии в теории сознания времени Бернара Стиглера

Ши Вэньцзюнь,
аспирант, Хэйлунцзянский университет
E-mail: shiwenjun007@126.com

В статье исследуется трансформация основного вопроса философии (отношения мышления к бытию) в рамках философии техники Бернара Стиглера. Автор анализирует ограниченность классической феноменологии, от Гуссерля до Хайдеггера, в их попытке изолировать «внутреннее сознание времени» от материальных технических опор. Центральное место в исследовании занимает концепция «третичного удержания», с помощью которой Стиглер доказывает, что человеческое время по своей сути является протетическим и технически опосредованным. Через метафоры «кино» и «фармакологии» рассматривается, как современные технические системы синхронизируют индивидуальное сознание в глобальную коллективную темпоральность. Делается вывод, что включение техники в качестве онтологической категории расширяет традиционную дихотомию «субъект – объект» до триады «человек – техника – бытие», предлагая новый эпистемологический каркас для понимания человеческого существования в цифровую эпоху.

Ключевые слова: Бернар Стиглер, сознание времени, третичное удержание, протетичность, основной вопрос философии, фармакология техники, цифровая культура

Введение

Вопрос об отношении мышления к бытию, традиционно определяемый как основной вопрос философии, в современной эпистемологии неизбежно сталкивается с проблемой темпоральности. Бытие не дано субъекту вне времени, а мышление, в свою очередь, конституируется как непрерывный поток сознания. Тем не менее, классическая метафизика зачастую рассматривала время либо как внешнюю характеристику объективного мира, либо как чистую форму внутренней интуиции субъекта. Такое разделение привело к онтологическому разрыву, где техническая среда и материальные носители памяти игнорировались как «несобственные» элементы, не имеющие отношения к сущности духа. Однако в условиях глобальной цифровизации становится очевидным, что структура человеческого сознания неразрывно связана с внешними техническими системами, которые фиксируют и транслируют временной опыт.

В отечественной философской мысли последних десятилетий проблема опосредованности сознания технической средой получила развитие в рамках медиафилософии и эпистемологии техники. В частности, В.В. Савчук обосновывает тезис о том, что современные медиа и технические артефакты выступают не просто средствами коммуникации, но базовым историческим априори восприятия, переформатирующим саму структуру темпорального опыта субъекта [2]. Параллельно с этим, в исследованиях М.А. Степанова, анализирующего статус технического объекта, демонстрируется, что внешние системы хранения данных функционируют как эпистемические агенты, делегирующие человеку способы удержания прошлого и конструирования будущего [3]. Подобный подход фиксирует методологическую недостаточность парадигмы изолированного сознания и требует перехода к анализу гибридных сред, где память объективируется в материальных структурах.

В этом контексте теория французского философа Бернара Стиглера предлагает радикальное расширение философской проблематики через деконструкцию традиционных представлений о сознании времени. Опираясь на феноменологическую традицию, но одновременно преодолевая её «метафизику чистоты», Стиглер утверждает, что сознание времени невозможно без технической опосредованности. Его концепция «третичного удержания» позволяет переосмыслить основной вопрос философии не как диаду «субъект – объект», а как динамическую триаду «человек – техника – мир». Таким образом, исследование теории Стиглера открывает путь к пониманию того, как технические объекты не просто дополняют человеческую память, но и выступают в качестве априорного условия самого процесса конституирования времени и субъективности в современной культуре.

Актуализация наследия Стиглера в координатах современной эпистемологии позволяет по-новому поставить проблему автономии мышления в условиях алгоритмического управления вниманием. Настоящее исследование направлено на экспликацию механизмов, посредством которых внешняя техническая память (эпифилогенез) трансформирует внутреннее чувство времени субъекта. Интеграция стиглеровской триады в анализ цифровой реальности предоставляет концептуальный аппарат для оценки того, в какой мере современные техно-логические системы не только обеспечивают преемственность исторического знания, но и формируют новые структурные условия для реализации человеческого бытия в мире.

Ограниченность сознания времени в традиционной философии: презумпция имманентности и чистоты

Традиционная философская рефлексия, начиная с трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля, выстраивала анализ сознания времени на строгом разграничении между «внутренним» и «внешним». Гуссерль, описывая структуру временного потока через первичное (впечатление) и вторичное (воспоминание) удержания, стремился сохранить чистоту интенциональной жизни сознания. В рамках этого феноменологического проекта конституирование времени понималось исключительно как имманентный акт субъективности, выносящий за скобки любые материальные носители и пространственные характеристики. В этой парадигме технические объекты, системы записи и внешние знаки рассматривались лишь как эмпирические субпродукты, лишенные собственной трансцендентальной способности конституировать смысл.

Подобное стремление к абсолютной «имманентности» привело к тому, что классическая философия фактически изолировала субъективное сознание от объективно-материального мира. Игнорируя тот факт, что человеческая память объективно нуждается в опоре на внешние артефакты для своего функционирования и сохранения, традиционный подход закрепил жесткий онтологический дуализм. В этой дихотомии живое, непрерывное «настоящее» внутреннего восприятия радикально противопоставлялось инертной, «мертвой» материи технических объектов. Техника, таким образом, оказывалась исключенной из процесса темпорального синтеза, признаваясь лишь утилитарным инструментом, не затрагивающим сущностных структур самого акта восприятия времени.

Дальнейшее развитие этой линии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, несмотря на глубокий анализ темпоральности присутствия (Dasein), также сохранило определенное предубеждение против технической опосредованности [5]. Хайдеггер связывал подлинное время с экзистенциальной решимостью, конечностью и бытием-к-смерти, выстраивая жесткую иерархию модусов существования. В этой системе координат техническое измерение бытия зачастую интерпретировалось им как падение в «неподлинность» (uneigentlichkeit) и подчинение господству безличного «Man» [5, с. 175]. Техника и повседневное обращение с объектами рассматривались как отвлечение от подлинной экзистенциальной заботы и погружение в рутину стандартизированного, исчисляемого времени.

Следствием такой позиции стало то, что в рамках традиционной метафизики внешняя память – архивы, инструменты, письменность – понималась как потенциальная угроза живой истине и источник деградации мышления. Сама техника рассматривалась Хайдеггером не просто как совокупность машин, а как форма «постава» (Gestell), заслоняющая истину бытия [6, с. 230]. Эта укоренившаяся в философии «презумпция чистоты» не позволяла мыслителям увидеть в технической среде не просто инструмент, а фундаментальную опору, без которой невозможно само накопление исторического опыта и преемственность смыслов. Именно этот онтологический разрыв и слепота классической традиции к материальным условиям конституирования памяти стали отправной точкой для критической деконструкции Бернара Стиглера.

Ключевые прорывы в теории сознания времени Б. Стиглера

Третичное удержание: техническое основание сознания времени

Бернар Стиглер расширяет гуссерлевскую классификацию удержаний, вводя понятие «третичного удержания» (rétention tertiaire). Если первичное удержание (ретенция) относится к живому восприятию момента, а вторичное – к репродукции прошлого опыта в памяти, то третичное удержание представляет собой материализованную память, зафиксированную в технических объектах (от наскальной живописи до цифровых баз данных). Стиглер утверждает, что без этого внешнего, «объективированного» слоя удержаний сознание времени в принципе невозможно, так как именно технические следы позволяют человеку соотносить индивидуальное переживание с коллективным историческим опытом.

Третичное удержание выступает не просто как архив, а как априорное условие функционирования сознания. Оно предваряет и формирует структуру вторичных удержаний: то, как мы вспоминаем, зависит от технических средств фиксации эпохи. Таким образом, Стиглер снимает оппозицию между живым сознанием и мертвой материей, доказывая, что поток времени конституируется через постоянное взаимодействие психического аппарата с внешними техническими носителями.

Протетический характер сознания времени: человек как «недостающее существо»

Вслед за антропологом А. Леруа-Гураном, Стиглер в первом томе «Техники и времени» развивает тезис о «недостаточности» человека (le défaut d›origine) [8]. В отличие от животных, обладающих биологически фиксированными инстинктами, человек рождается «пустым», лишенным естественных средств адаптации. Эта биологическая незавершенность заставляет его восполнять себя через технические «протезы». Время человека, таким образом, изначально является «протетическим»: оно не разворачивается внутри организма, а экстериоризируется в орудиях и знаках, которые становятся формой продолжения жизни иными, неорганическими средствами.

Сознание времени, в этой оптике, оказывается не внутренним свойством духа, а результатом «протезирования» памяти. Человек становится субъектом истории именно потому, что он способен передавать опыт через неорганические носители. Здесь Стиглер формулирует радикальный вывод: техника – это не дополнение к человеку, а сама сущность человечности, позволяющая преодолеть биологическую эфемерность и создать преемственность временных горизонтов.

Сознание как кино: «монтажная» природа временного потока

В последующих томах своего исследования Стиглер использует метафору кинематографа для описания работы современного сознания, называя его «кинематографическим объектом» [8]. Как фильм состоит из дискретных кадров, которые при воспроизведении сливаются в непрерывное движение, так и поток сознания организуется через отбор, наложение и синтез фрагментов опыта. Современные технические медиа – от телевидения, которое Стиглер анализирует как фактор когнитивной дезориентации [6], до социальных сетей – фактически выступают внешним «монтажным столом», который синхронизирует индивидуальное время миллионов людей, создавая коллективный временной поток.

Этот «монтаж» сознания через технические аппараты означает, что наши временные переживания больше не являются сугубо индивидуальными. Специфика современных технологий потокового вещания и цифровых архивов позволяет искусственно «сшивать» внимание субъекта, управляя его ретенциями и протенциями (ожиданиями). В этом смысле сознание всегда находится в процессе «технической склейки», где грань между личным воспоминанием и сконструированным медиа-образом становится предельно прозрачной.

Фармакология: двойственность временного сознания

Опираясь на дерридианское понимание грамматологии как внешней фиксации смысла [1] и прочтение понятия «фармакон» (pharmakon), Стиглер утверждает, что техника как основа сознания времени всегда обладает двойственной природой: она является одновременно и лекарством, и ядом. С одной стороны, третичные удержания освобождают сознание, позволяя ему накапливать знания и развивать культуру. С другой стороны, чрезмерная зависимость от внешних систем управления вниманием ведет к «короткому замыканию» сознания, разрушая способность к самостоятельному синтезу времени и вызывая процесс «пролетаризации» интеллекта.

Фармакологический подход к времени означает, что техническая среда может как способствовать индивидуации личности, так и вести к её эстетической и когнитивной деградации в условиях массовой синхронизации (деиндивидуации), что описывается Стиглером как состояние «символической нищеты» [9]. Проблема современного сознания времени заключается в потере контроля над «монтажом» собственного опыта, когда внешние алгоритмы начинают доминировать над внутренней способностью субъекта к осмыслению своего прошлого и проектированию будущего [9, с. 45].

Расширение основного вопроса философии

Онтологический аспект: от «мышления и бытия» к триаде «человек–техника–бытие»

Переосмысление основного вопроса философии в свете идей Стиглера ведет к радикальной трансформации классической онтологической дихотомии. Традиционное противопоставление «мышления» (субъекта) и «бытия» (объекта) оказывается недостаточным, так как оно игнорирует срединное звено, которое делает их взаимодействие возможным. Стиглер вводит технику в само ядро онтологии, предлагая модель триады «человек – техника – бытие». В этой системе техника перестает быть лишь совокупностью инструментов и превращается в «организованную неорганическую материю», которая служит мостом между психической жизнью и физическим миром.

Такой подход разрушает антропоцентрический дуализм, доказывая, что бытие никогда не открывается человеку «напрямую», а всегда дано через призму технического горизонта. Техника не просто находится между субъектом и объектом, она конституирует их обоих: человек становится человеком лишь в соприкосновении с технической средой, а бытие обретает историческое измерение через фиксацию в материальных следах. Таким образом, основной вопрос философии переформулируется как вопрос о способах технического со-существования, где бытие понимается как непрерывный процесс технологического воплощения смысла.

Гносеологический аспект: от «априорного субъекта» к «технически опосредованному познанию»

В гносеологическом плане теория Стиглера бросает вызов кантовскому представлению о чистых априорных формах чувственности. Стиглер утверждает, что наши познавательные способности – пространство и время – не являются неизменными структурами чистого разума, а ак-

тивно формируются и трансформируются под воздействием актуальной технологической среды. Познание всегда опосредовано «эпифилогенетической» памятью, то есть накопленным опытом, который передается через технические артефакты. Это означает, что субъект познания изначально является «техническим субъектом», чьи ментальные категории зависят от доступных ему систем записи и обработки информации.

Редефиниция априорности в данном контексте предполагает, что «условия возможности опыта» имеют исторический и материальный характер. Если для античного философа инструментом познания была логика, неразрывно связанная с письменностью, то для современного субъекта познание определяется алгоритмическими структурами и цифровыми сетями. Таким образом, гносеология Стиглера переходит от анализа «чистого субъекта» к исследованию «технических систем познания», подчеркивая, что истина всегда имеет инструментальное измерение, а разум эволюционирует вместе с техническими расширениями памяти.

Отношение человека и мира: от субъективности к «совместной временности»

Заключительный аспект расширения философского вопроса касается изменения отношений между индивидом и миром в эпоху тотальной цифровизации. Традиционная концепция субъективности, основанная на уникальном внутреннем времени личности, уступает место «совместной временности» (intertemporalité). В условиях глобальных медиа и интернета индивидуальные потоки сознания синхронизируются в реальном времени, создавая единое планетарное поле внимания. Личное время человека перестает быть его «частной собственностью» и становится частью глобально управляемого технологического процесса.

Этот переход от индивидуальной субъективности к коллективной синхронизации ставит перед философией новый этический и социальный вызов. «Совместная временность» может стать основой для формирования нового типа коллективного разума и солидарности, но она же несет в себе угрозу «стандартизации» сознания, где уникальность личного опыта приносится в жертву эффективности алгоритмов. Отношение человека и мира в теории Стиглера теперь определяется борьбой за «индивидуацию» внутри технических систем – способностью человека сохранять свое право на собственное время и собственную память в мире, который стремится к их полной автоматизации.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что теория сознания времени Бернара Стиглера представляет собой не просто комментарий к феноменологии, а фундаментальный поворот в понимании основного вопроса философии. Раскрывая сущность «третичного удержания», Стиглер преодолевает многовековую метафизическую традицию, которая систематически игнорировала техническую материальность как нечто внешнее и вторичное по отношению к духу. Его работа доказывает, что человеческое время и сознание не являются автономными сущностями, а изначально конституируются через технические артефакты. Таким образом, философская антропология Стиглера возвращает технику в центр онтологического и гносеологического дискурса, превращая её из инструмента в фундаментальное условие возможности самого человеческого бытия и мышления.

Следствием этого онтологического сдвига становится радикальный пересмотр механизмов трансляции исторического опыта. Обосновывая концепт «эпифилогенеза» – накопления памяти вне биологического организма, – Стиглер демонстрирует, что субъект познания всегда уже является технически опосредованным. Это означает, что априорные структуры восприятия не заданы статично, а исторически трансформируются вместе со сменой технологических парадигм. В этой оптике классическая дихотомия субъекта и объекта снимается: они взаимоопределяются через техническую среду, которая выступает не просто архивом данных, но активным материальным носителем коллективной памяти и строгим условием любой индивидуации.

Именно поэтому в современных условиях, характеризующихся тотальной цифровизацией и алгоритмическим управлением вниманием, идеи Стиглера обретают особую диагностическую ценность. Предложенный им «фармакологический» подход позволяет критически осмыслить риски деиндивидуации и «пролетаризации» сознания в эпоху господства глобальных технологических систем. Расширение философского вопроса через призму «техно-логики» открывает новые горизонты для понимания будущего человеческой культуры: оно требует от нас не отказа от технологий, а выработки новой стратегии заботы о времени, которая позволила бы сохранить автономию человеческого опыта в мире автоматизированных смыслов. Теория Стиглера, таким образом, служит необходимым концептуальным фундаментом для построения новой гуманитарной парадигмы в цифровую эпоху.

Литература

1. Деррида, Ж. О грамматологии / Жак Деррида; пер. с фр. Н. Автономовой. – Москва: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
2. Савчук, В.В. Медиафилософия. Приступ реальности / В.В. Савчук. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2013. – 350 с.
3. Степанов, А.А. Философия техники и ее предмет / А.А. Степанов, Л.М. Зольникова // Известия Томского политехнического университета. – 2006. – Т. 309, № 4. – С. 224–227.
4. Стиглер, Б. Техника и время. Т. 1: Вина Эпиметея / Бернар Стиглер; пер. с фр. В.Е. Лапицкого. – Москва: Логос, 2001. – 320 с.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Москва: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
6. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / Мартин Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Бибихина. – Москва: Республика, 1993. – С. 221–238.
7. Stiegler, B. La technique et le temps. Tome 2: La désorientation / Bernard Stiegler. – Paris: Galilée, 1996. – 288 p.
8. Stiegler, B. La technique et le temps. Tome 3: Le temps du cinéma et la question du mal-être / Bernard Stiegler. – Paris: Galilée, 2001. – 336 p.
9. Stiegler, B. De la misère symbolique. Tome 2: La Catastrophé du sensible / Bernard Stiegler. – Paris: Galilée, 2005. – 216 p.

EXPANSION OF THE FUNDAMENTAL QUESTION OF PHILOSOPHY IN BERNARD STIEGLER'S THEORY OF TIME CONSCIOUSNESS

Shi Wenjun
Heilongjiang University

The article examines the transformation of the fundamental question of philosophy (the relation of thinking to being) within the framework of Bernard Stiegler's technical philosophy. The author analyzes the limitations of classical phenomenology, from Husserl to Heidegger, in their attempt to isolate "internal time consciousness" from material technical supports. The core of the study is the concept of "tertiary retention," which Stiegler uses to prove that human time is fundamentally prosthetic and technically mediated. Through the metaphors of "cinema" and "pharmacology," the article explores how modern technical systems synchronize individual consciousness into a global collective temporality. The study concludes that the inclusion of technology as an ontological category expands the traditional "subject-object" dichotomy into a "human-technics-being" triad, offering a new epistemological framework for understanding human existence in the digital age.

Keywords: Bernard Stiegler, time consciousness, tertiary retention, prostheticity, fundamental question of philosophy, pharmacology of technology, digital culture

References

1. Derrida, J. On Grammatology / Jacques Derrida; trans. from French by N. Avtonomova. – Moscow: Ad Marginem, 2000. – 512 p.
2. Savchuk, V.V. Media Philosophy. The Attack of Reality / V.V. Savchuk. – St. Petersburg: RCHA Publishing House, 2013. – 350 p.
3. Stepanov, A.A. Philosophy of Technology and Its Subject / A.A. Stepanov, L.M. Zolnikova // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. – 2006. – Vol. 309, No. 4. – Pp. 224–227.
4. Stiegler, B. Technology and Time. Vol. 1: The Guilt of Epimetheus / Bernard Stiegler; trans. from French. V.E. Lapitsky. – Moscow: Logos, 2001. – 320 p.
5. Heidegger, M. Being and Time / Martin Heidegger; trans. from German by V.V. Bibikhina. – Moscow: Ad Marginem, 1997. – 451 p.
6. Heidegger, M. The Question of Technology / Martin Heidegger // Time and Being: Articles and Speeches / trans. from German by V.V. Bibikhina. – Moscow: Respublika, 1993. – Pp. 221–238.
7. Stiegler, B. La technique et le temps. Tome 2: La désorientation / Bernard Stiegler. – Paris: Galilée, 1996. – 288 p.
8. Stiegler, B. La technique et le temps. Tome 3: Le temps du cinéma et la question du mal-être / Bernard Stiegler. – Paris: Galilée, 2001. – 336 p.
9. Stiegler, B. De la misère symbolique. Tome 2: La Catastrophe du sensible / Bernard Stiegler. – Paris: Galilée, 2005. – 216 p.

Цифровой медиадискурс о религии как феномен культуры: тематическая структура и линии напряженности (на примере Свердловской области)

Беломыцев Арсений Анатольевич,
кандидат философских наук, начальник отдела профилактики экстремизма Управления мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия с религиозными объединениями Федерального агентства по делам национальностей
E-mail: abelomycev@mail.ru

Статья посвящена механизмам публичной репрезентации религии в региональном сегменте российского цифрового медиадискурса. На материале 288 медиатекстов о Свердловской области за 2022–2025 годы методом тематического анализа выделены шесть содержательных кластеров: Русская Православная Церковь (36%), ислам (21,7%), новые религиозные движения (15,8%), религиозный вандализм (13,2%), другие христианские конфессии (8,8%) и буддизм (4,4%). Показано, что радикализованный сегмент медиадискурса о религии формирует представления о религиозной реальности посредством трех взаимосвязанных механизмов: символической иерархизации конфессий, секьюритизации религиозных меньшинств и маргинализации альтернативных форм религиозности. Выявлены две оси конструирования различий – пространственная (храмы, мечети, кладбища) и телесная (хиджаб, буркини, маски). Зафиксирована асимметрия дискурсивной агентности: православные акторы выступают субъектами высказывания, тогда как мусульмане и приверженцы новых религиозных движений предстают преимущественно объектами описания. Обозначена перспектива перехода к фрейм-аналитической оптике исследования.

Ключевые слова: цифровой медиадискурс, религия, тематический анализ, Свердловская область, секьюритизация, медиатизация религии.

Введение

Рассмотрение цифрового медиадискурса о религии в качестве феномена культуры все более закрепляется в качестве правомерной исследовательской перспективы. Ряд исследователей прямо или опосредованно концептуализируют данное явление сквозь призму идентичностей, субкультур, а также различных культурных практик. Все более отчетливый исследовательский интерес обретает и тот его сегмент, в котором воспроизводятся конфликтогенные смыслы, формирующие символические границы между религиозными сообществами и задающие культурные рамки восприятия инаковости.

Как отмечают С. Хувер и С.С. Ким, исследования медиа и религии долгое время основывались на «инструментальном силлогизме», который предполагал, что «автономные и рациональные акторы в различных медиаиндустриях производят самоочевидные медиасообщения, оказывающие известные, поддающиеся познанию и предсказуемые эффекты на аудиторию» [16, p. 118]. Однако с 1990-х годов начинается сближение с культурологическим подходом, ориентированным на изучение смыслов и «прожитого опыта» людей. Культурно ориентированные медиаисследования исходят из того, что основной фокус анализа должен быть сосредоточен на культурных текстах и практиках, которые образуют контекст социального смысла. Данная тенденция обусловила корректировку методологии в сторону качественных, интерпретативных и этнографических подходов [16, p. 119–121].

Важнейшим теоретическим контекстом для понимания взаимодействия религии и медиа выступает концепция медиатизации. С. Хьярвард обосновал значимость изучения отношений религии и СМИ, указав, что медиа стали для большинства людей первичным источником формирования религиозных представлений, функционально замещают и вытесняют религию, а их логика все активнее используется религиозными организациями [15]. И.Ю. Тихонова рассматривает медиатизацию религии через обращение к процессам секуляризации и десекуляризации, показывая, что медиапространство становится автономным от социальных институтов и формирует религию как форму общественного сознания посредством медианарративов; при этом медиа выступают уже не промежуточным звеном между институтами и личностью, а основным субъектом, влияющим на представления о религии в публичной сфере [5, с. 54–55]. «Культурная» концептуализация осуществляется и в отечественных исследованиях взаимодействия религии и медиа. О.В. Гарькина анализирует влияние цифровизации на религиозную культуру, фиксируя появление «новых кросс-культурных религиозных практик» и «новых форм религиозной идентичности» [1, с. 41]. И.С. Душакова и Е.Д. Владимиров, опираясь на концепцию конвергенции и «глубокой медиатизации», показывают, что в современном медиапространстве размываются границы между религиозными и нерелигиозными медиа и между различными площадками и форматами, что ведет к взаимному проникновению и сходству их контента и способов его представления [3, с. 536–537, 543].

Одну из наиболее последовательных попыток рассмотреть собственно конфликтогенный религиозный медиаконтент в качестве культурного феномена предпринял Г. Рэмси. Сознательно отказавшись от «предзаданных» представлений о религии, он обратился к академической литературе о фэндоме и медиапотреблении среди представителей субкультур. Автор рассматривает интернет-джихадизм прежде всего как формы потребления и участия в радикальном онлайн-контенте и анализирует его как специфический субкультурный феномен, основанный на вовлеченности в медиированные репрезентации джихада [20, p. 32–34]. При этом культурные практики интернет-джихадизма подчиняются собственной субкультурной логике повседневного участия, накопления «субкультурного капитала» и формирования интенсивных аффективных привязанностей и чувства принадлежности, которые не сводятся к инструментальным стратегическим целям глобального джихадистского движения [20, p. 43–47, 100–103, 188–189]. Другой подход предлагает рассматривать западный джихадизм в качестве контр-/субкультуры. Э.-С. Хеммингсен отмечает, что «контркультурная» оптика дополняет другие перспективы, позволяя уловить и осмыслить те аспекты радикального ислама, которые могут казаться нелогичными в иных перспективах; кроме того, такой подход помога-

ет понять насильственные, политические и религиозные измерения джихадизма в их социальном контексте [14]. С. Йенсен, Й.Ф. Ларсен и С. Сандберг акцентируют эстетическую «притягательность и культурный «фактор влечения» джихадизма», который может быть полезен для анализа стилей и символических репертуаров западных джихадистских субкультур [17, p. 432].

Наиболее масштабной работой, концептуализирующей радикальный религиозный контент как культурный феномен, является сборник под редакцией Т. Хеггхаммера. Т. Хеггхаммер с соавторами демонстрируют, что исламистские боевики обладают «богатой эстетической культурой» и тратят значительное количество времени на занятия, не имеющие прямого военного назначения (такие, как чтение стихов, пение гимнов, обсуждение снов и просмотр видеороликов). Центральный тезис состоит в том, что культурные практики существенны для понимания джихадистского мировоззрения и могут пролить новый свет на рекрутинг и процессы принятия решений [13].

Значимые тенденции фиксируются в русле культурной криминологии, предлагающей анализировать джихадистскую пропаганду через такие темы, как маскулинность, поиск статуса и ощущений [19, p. 273]. Т. Карас предлагает использовать методы культурной криминологии для понимания современного ультраправого движения, обращая внимание, что данные группы направляются не только ненавистью, но и экзистенциальным разочарованием, поиском смысла и чувством братства [18, p. 281–282]. Исследователям следует анализировать субкультурную продукцию (музыку, видеоигры, литературу), поскольку пути прихода к радикализму изменились – сегодня сторонников постепенно подталкивают по медийным траекториям в онлайн-пространстве.

Таким образом, существующие исследования посвящены преимущественно проблемам радикального ислама, в меньшей степени – крайне правым движениям. Как отмечает Л. Доусон, ключевая методологическая проблема заключается в систематическом вытеснении религиозности из общественно-научных объяснений религиозного терроризма. Автор показывает, что исследователи склонны проецировать «собственные фреймы» на террористов и «фактически стирают» роль религиозной мотивации. Иностранные боевики используют «религиозные идеи для всеобъемлющего обрамления своего опыта», их жизнь «насыщена салафитско-джихадистским религиозно-политическим дискурсом» [11, с. 7–8]. Это напрямую связано с культурным измерением: религиозная радикальная риторика формирует самостоятельную систему координат, а не выступает случайной «оберткой» для социальных противоречий.

Вместе с тем приведенные исследования сосредоточены преимущественно на одном уровне – текстах, произведенных непосредственно радикальными акторами. Однако радикализованный дискурс представляет собой значительно более широкое явление: он включает не только целенаправленную пропаганду, но и весь спектр медиатекстов, систематически воспроизводящих конфликтогенные смысловые конструкции. Т. Карас приближается к этому расширенному пониманию, отмечая, что распространение радикальных идей «функционирует как повышение уровня фонового предрассудка в обществе», при этом «стратегические «метаполитические» интервенции организованных радикалов сливаются с повседневной бытовой нетерпимостью и дегуманизирующей риторикой прессы и политического истеблишмента» [18, p. 273]. Именно тематическая структура и содержание такого медийного пространства – пространства, которое формирует условия для реализации конфликтогенного потенциала, – и составляют предмет настоящего исследования.

Обращение к конкретным тематическим линиям, сюжетам и интерпретационным схемам, циркулирующим в медиасреде, приобретает особую значимость в контексте профилактики идеологии экстремизма. Эффективность профилактической деятельности во многом зависит от ее ориентации на содержательные направления, вызывающие значительный общественный резонанс и обладающие высоким мобилизационным потенциалом.

Ключевым для данного исследования является разграничение «радикального дискурса» и «радикализованного дискурса». Вслед за Е.С. Палеха [4, с. 61], под радикализованным дискурсом понимается совокупность речевых практик, стимулирующих формирование радикальных установок. В отличие от «радикального дискурса», производимого непосредственно радикальными акторами, «радикализованный дискурс» рассеян по широкому медиаполю и включает тексты, формально не связанные с экстремистскими организациями, однако воспроизводящие конфликтогенную риторику.

Методология исследования

В эпистемологическом отношении исследование опирается на реалистский социальный конструкционизм Д. Элдер-Васса [12], развивающий традицию критического реализма Р. Бхаскара [8] и уточняющего классический конструкционизм П. Бергера и Т. Лукмана [9]. Данная позиция определяет эпистемологический горизонт анализа: во-первых, она обосновывает правомерность исследования медиадискурса как пространства реального смыслопроизводства: циркулирующие в нем конструкции не являются простым отражением событий, а обладают самостоятельной каузальной силой. Во-вторых, она удерживает от дискурсивного редукционизма, напоминая о существовании вне-дискурсивных реалий – реальных конфликтов, институциональных факторов, материальных условий, – которые не сводятся к медиарепрезентации, однако испытывают ее влияние.

Методологическая основа определяется интерпретативным качественным подходом. Метод исследования – тематический анализ [6; 7], включающий поэтапное кодирование, категоризацию и итеративную доработку тематической структуры. Критерием включения медиатекста в выборку выступает наличие хотя бы одного из четырех типов дискурсивных признаков: язык вражды; конструирование образа «чужого»; секьюритизация (понятие «секьюритизации» используется в русле Копенгагенской школы, понимающей ее как конструирование объекта в качестве экзистенциальной угрозы [10]); нормализация радикальных интерпретаций.

Медиатекст включался в выборку при наличии хотя бы одного из перечисленных признаков. Корпус сформирован посредством систематического мониторинга русскоязычных социальных медиа, имеющих отношение к религиозной проблематике в Свердловской области. Поиск осуществлялся с использованием ключевых слов (названия конфессий, религиозных объектов и организаций, имена ключевых акторов), а также путем перехода от обнаруженных публикаций к связанным материалам.

Содержание исследования

Для анализа было отобрано 288 медиатекстов, из которых 272 образовали ядро шести ключевых тематических кластеров; оставшиеся 16 определены как единичные события, не поддающиеся группировке. Распределение публикаций по темам представлено в таблице.

Таблица. Распределение медиатекстов по тематическим кластерам (Свердловская область, 2022–2025 гг.)

Тема	Публ.	Доля (от 272)
I. Русская православная церковь и православный активизм	98	36,0%
II. Ислам и мусульманское сообщество	59	21,7%
III. НРД и нетрадиционная религиозность	43	15,8%
IV. Вандализм и оскорбление чувств верующих	36	13,2%
V. Другие христианские конфессии	24	8,8%
VI. Буддизм	12	4,4%
Итого	**272**	**100%**

Описание и анализ тематических кластеров ниже характеризуют дискурсивные конструкции, циркулирующие в медиатекстах, а не содержание вероучений, мотивации верующих или внутреннюю жизнь религиозных сообществ. Любые оценочные характеристики отражают логику анализируемых медиатекстов.

Русская православная церковь (РПЦ) и православная общественная активность

Деятельность РПЦ и связанная с ней общественная активность – центральная тема регионального медиадискурса; всего зафиксировано 98 публикаций. Кластер включает пять подтем.

1. Битва за символы: «крестопад» и резонансные события (30 публикаций). В 2022–2025 годах в регионе усилилась чувствительность к визуальной репрезентации православной символики. Инциденты – отсутствие крестов на школьных изображениях храмов, серия демонтажей поклонных крестов, размещение креста на антиэкстремистском плакате – становились триггерами мобилизации, объединенными нарративом «крестопада». Обсуждение инцидента на ЕГЭ дополнило общую картину символических конфликтов. Этот дискурсивный механизм может быть обозначен как «смещение регистра» – перевод события в иную смысловую плоскость, характеризующуюся большей оценочной нагруженностью и конфликтностью.

2. Социально-политическая позиция и поддержка СВО (24 публикации). С 2022 года РПЦ в регионе укрепляет присутствие в военной повестке: сбор средств, ритуальное освящение техники, духовно-психологическое сопровождение. Фиксируются выступления против абортов, суррогатного материнства, обсценной лексики. Проявляется

разновидность механизма смещения регистра – перевод санитарных и медицинских мер (маски и вакцинация) в эсхатологическую плоскость.

3. Почитание царской семьи (23 публикации). Память о расстреле семьи Романовых выступает объектом религиозного почитания и ресурсом символической консолидации. Крестные ходы, полемика об останках, дискуссии о политической ангажированности мемориальных практик формируют устойчивый нарратив, связывающий историческую память с актуальной идентичностью.

4. Наследие экс-схиигумена Сергия (Романова) (12 публикаций). В 2022 году епархия добилась передачи зданий Среднеуральского монастыря, в октябре 2024 года всплыли свидетельства бывших насельниц о пытках.

5. Инфраструктурные конфликты (9 публикаций). Споры о строительстве храмов и передаче церкви общественных объектов: наиболее заметны протесты против передачи здания детского сада и обсуждение церковной застройки.

Ислам и мусульманская повестка

Второй по объему тематический блок – 59 публикаций. Мусульманская тематика освещается преимущественно извне – через призму контроля, подозрения и соперничества за публичное присутствие.

1. Видимые религиозные практики (23 публикации). Подтема фиксирует конфликты вокруг видимых телесных маркеров ислама: дискуссия о хиджабе в образовательных учреждениях, инцидент с буркини в аквапарке, жалобы на утренний азан, интерпретация бытовых конфликтов через религиозную призму, объявление Нового года «харамным праздником». Инцидент с буркини демонстрирует перевод в санитарный регистр: религиозная одежда проблематизируется в качестве санитарной угрозы.

2. Государственный контроль и секьюритизация (21 публикация). Смысловое ядро – представление об избирательном надзоре за мусульманскими институтами, литературой и местами молитвы: штрафы имамам за хранение запрещенной литературы, радикализация в СИЗО, экстремизм и этнические конфликты. Проявляется механизм эскалации регистра подозрения – последовательное соединение разрозненных инцидентов в единую хронологическую линию, формирующую нарратив системной угрозы.

3. Строительство мечетей и культурных центров (12 публикаций). Отражает дефицит культовых сооружений и нарастающее сопротивление их появлению. Конфликт в пос. Садовый иллюстрирует механизм перевода в инфраструктурный регистр. Отдельным сюжетом выступает разрушение здания «Мусульманского очага Урала».

4. Вопросы халяльной продукции и исламского банкинга (3 публикации). Скандал с обнаружением ДНК свиньи в халяльной колбасе, открытие исламского счета.

Новые религиозные движения и нетрадиционная религиозность

43 публикации. Сегмент отличается внутренней гетерогенностью.

1. Неоязычество (14 публикаций). Два полюса: изоляционистские семейные практики и публичная активность лидеров.

2. Эзотерика, астрология и оккультизм (11 публикаций). Проникновение эзотерики в повседневную, коммерческую и образовательную сферы: мошенничество «провидцев», судебные дела гадалок, книги по астрологии в школах, продвижение сектантов.

3. Семинары Н. Токаревой (9 публикаций). Регулярные анонсы семинаров «Метафизика для жизни», активность проекта распространяется на другие территории.

4. «Граждане СССР» и Светлана Лада-Русь (5 публикаций). Политизированные движения, отрицающие легитимность Российской Федерации.

5. Псевдоправославные группы (3 публикации). Группы, мимикрирующие под канонические структуры.

6. Свидетели Иеговы (1 публикация). Единственная публикация касается судебного дела Пряникова и Дуловых (ноябрь 2023).

Вандализм и оскорбление чувств верующих

36 публикаций. Тема выделена по событийному признаку: объединяющим фактором является фиксируемое в медиатекстах посягательство на религиозные символы, объекты или ценности.

1. Провокационный контент и акции (17 публикаций). Фотосессия на фоне «Большого Златоуста», арт-объект напротив Храма-на-Крови, иск к Киркорову за шоу с крестом, БДСМ-вечеринка и оскорбление чувств верующих, рэп-тексты с религиозной символикой, плакат с крестом.

2. Осквернение могил и мемориалов (15 публикаций). Серия эпизодов: разрушение крестов на Лесном кладбище, повреждение надгробий в Нижнем Тагиле, погром на кладбище в Первоуральске, осквернение могилы группы Дятлова, вандализм на Аллее Славы в Билимбае, погром на Никольском кладбище в Реже.

3. Конфликт вокруг Шигирского идола (4 публикации). Противостояние между церковным взглядом на городскую идентичность и попытками секулярных акторов переосмыслить Екатеринбург через дохристианское наследие.

Другие христианские конфессии

24 публикации, связанные с христианскими группами, не относящимися к доминирующему православному полю.

1. Сюжет Э. Чарова (16 публикаций). Хроника кампании против проповедника, определяемого в качестве неопятидесятника / внеконфессионального христианина. Основания: антивоенные высказывания, обвинения в «расшатывании российской государственности», внесение в перечень «террористов и экстремистов».

2. Пятидесятники и евангельские христиане (8 публикаций). Амбивалентная репрезентация: деятельность фонда «Независимость» в поддержку участников СВО; рейд «Русской общины» на молитвенное собрание в Туринске.

Буддизм

12 публикаций, сконцентрированных вокруг сноса построек монастыря «Шедруб Линг» на горе Качканар, где пересекаются религиозные интересы общины и хозяйственные притязания компании «Евраз». В данном нарративе буддийская община представлена одновременно как жертва корпоративных интересов и как субъект межрелигиозного диалога.

Таким образом, сопоставление тематических кластеров выявляет устойчивую *асимметрию дискурсивной агентности* – различие в том, какую позицию (субъекта или объекта действия) занимают представители конфессий в медиатекстах.

В православном кластере доминируют конструкции с активным залогом: община призывает остановить «крестопад», митрополит критикует продвижение Шигирского идола, предприниматель подает иск, активисты требуют убрать арт-объект. В мусульманском кластере преобладают пассивные конструкции: мусульманку не пустили в аквапарк, имама оштрафовали, религиозную литературу изъяли, мечеть не разрешили построить.

Эта асимметрия обусловлена факторами, не сводимыми к содержанию медиатекстов. Во-первых, численным доминированием: православные составляют социокультурное большинство региона. Во-вторых, институциональной укорененностью: РПЦ располагает медиаресурсами, пресс-службами, лоббистским потенциалом. В-третьих, мусульманские медиаакторы менее представлены в региональном медиаполе.

Вместе с тем фиксация асимметрии аналитически значима: независимо от причин, устойчивая объектная позиция мусульманских акторов формирует и воспроизводит представление об исламе как объекте наблюдения и регулирования, а не субъекте общественного процесса.

Наиболее интенсивные православные сюжеты связаны с защитой символических границ. В условиях медиатизации религии образ и символ приобретают статус триггера мобилизации. Типичная модель: событие – его интерпретация как посягательства на «свое» – требование общественной реакции. В мусульманской повестке религиозное присутствие чаще осмысляется как проблема: хиджаб, буркини, азан, мечети, халяльная продукция становятся объектами споров о совместимости с «нормой».

Сопоставление тематических блоков позволяет выделить две сквозные оси символической борьбы – *пространство и телесность*. Пространственная ось охватывает споры вокруг храмов, мечетей, кладбищ, школ, и реализуется через конкурирующие нарративы: «защита сакральной территории» vs. «право на присутствие». Телесная ось касается конфликтов вокруг хиджаба, буркини, масок, обнаженности – религиозная идентичность считывается через тело.

Телесная и пространственная оси обслуживаются различными дискурсивными механизмами. Телесная ось активирует регистр санитарной проблематизации: буркини – «антисанитария», маски – «обряд послушания антихристу», обнаженность у храма – «осквернение». Пространственная ось задействует регистр инфраструктурной рациональности: возражения против мечети облекаются в транспортную и экологическую аргументацию. Механизм смещения регистра является инструментом деполитизации религиозного конфликта и одновременно – средством его эскалации.

Важным наблюдением является высокая роль исторической памяти в конструировании религиозной идентичности. Почитание Царственных страстотерпцев, мемориальные практики и конфликты вокруг Ши-

гирского идола встраивают настоящее в историческую перспективу, придавая актуальным конфликтам символическую глубину.

Вместе с тем необходимо обозначить методологические пределы анализа. Медиадискурс фиксирует лишь публично артикулированную сторону религиозных процессов. Как показывает В.С. Глаголев [2], религиозные сообщества поддерживают «герметичность» – закрытость от внешних наблюдателей. Данное ограничение непосредственно следует из принятой эпистемологической позиции, настаивающей на несводимости реальности к дискурсу.

Выводы

Проведенный тематический анализ 288 медиатекстов радикализованного сегмента цифрового медиадискурса о религии в Свердловской области (2022–2025) позволяет сформулировать следующие результаты.

1. Выявлено шесть ключевых тематических кластеров: РПЦ и православный активизм (98 публикаций), ислам и мусульманская повестка (59), НРД и нетрадиционная религиозность (43), вандализм и оскорбление чувств верующих (36), другие христианские конфессии (24), буддизм (12). 16 публикаций отнесены к единичным событиям.

2. Установлено, что региональный религиозный медиадискурс организуется вокруг трех взаимосвязанных механизмов: символической иерархизации религиозных течений, секьюритизации религиозного меньшинства и маргинализации нетрадиционной религиозности. Православная тематика формирует центральную ось регионального медиаполя, относительно которой выстраиваются иные конфессиональные и квазирелигиозные сюжеты. Асимметрия носит не только количественный, но и качественный характер: православные акторы систематически выступают субъектами дискурса, артикулирующими позиции и инициирующими публичные кампании, тогда как мусульманские акторы и представители НРД преимущественно фигурируют как объекты описания, что закрепляет неравное распределение дискурсивной агентности.

3. Показано, что конфликтогенность цифрового медиадискурса о религии реализуется посредством двух сквозных осей – проблематизации видимых телесных практик (хиджаб, буркини, маски, обнаженность) и борьбы за пространственное присутствие (храмы, мечети, кладбища, образовательные учреждения), а не через доктринальные расхождения. Религия в медиадискурсе функционирует, прежде всего, как совокупность наблюдаемых маркеров, а зримость религиозного выступает основным триггером мобилизации и общественного напряжения.

4. Выявлена высокая роль исторической памяти (почитание семьи Романовых, крестные ходы, мемориальные практики) в конструировании религиозной идентичности и актуальной символической консолидации.

Дальнейшая разработка подобных массивов данных требует перехода от преимущественно тематико-сюжетного описания к фрейм-аналитической оптике. Тематическая группировка фиксирует главным образом содержательные домены, тогда как фрейм-анализ позволит реконструировать более глубокие интерпретационные схемы, посредством которых одни и те же события получают статус «угрозы», «оскорбления», «нормы» или «законного права». Такой подход позволит установить, какие именно смысловые модели обеспечивают легитимацию одних форм религиозной публичности и делегитимацию других, как выстраиваются границы между «традиционной» и «подозрительной» религиозностью, а также каким образом через медиа воспроизводятся конфессиональные асимметрии регионального публичного пространства. Перспективным представляется также расширение географии исследования на иные регионы для сопоставительного анализа региональных моделей радикализованного медиадискурса о религии.

Литература

1. Гарькина О.В. Влияние цифровизации на религиозную культуру // Культура: управление, экономика, право. – 2025. – № 1. – С. 39–43. EDN: RHNJKM.

2. Глаголев В.С. Герметичность религии на современных религиозных рынках // Религия, конфессии, общество и государство: история и современность взаимоотношений: материалы II Межрегион. науч. конф., 14–15 нояб. 2019 г. – Владимир: Аркаим. – 2019. – С. 6–18. EDN: APFDXW.

3. Душакова И. С., Владимиров Е.Д. Граница между религиозными и нерелигиозными медиа: опыт Русской Православной Церкви в российском медиапространстве // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. – 2024. – № 25. – С. 536–562. EDN: DANDRB.

4. Палеха Е.С. Радикализованный дискурс: понятие, структура, особенности // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 164. Кн. 5. – С. 59–73. EDN: QEMXQF.

5. Тихонова И.Ю. Медиатизация религии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2023. – № 2. – С. 50–57. EDN: PWYSXE.

6. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology. – 2006. – Vol. 3. – № 2. – Pp. 77–101.

7. Braun V., Clarke V. Reflecting on Reflexive Thematic Analysis // Qualitative Research in Sport, Exercise and Health. – 2019. – Vol. 11. – № 4. – Pp. 589–597.

8. Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. – Brighton: Harvester Press. – 1979. – 212 p.

9. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. – New York: Anchor Books. – 1966. – 219 p.

10. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder: Lynne Rienner Publishers. – 1998. – 239 p.

11. Dawson L.L. Bringing Religiosity Back In: Critical Reflection on the Explanation of Western Homegrown Religious Terrorism (Part I) // Perspectives on Terrorism. – 2021. – Vol. 15. – № 1. – Pp. 2–16.

12. Elder-Vass D. The Reality of Social Construction. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2012. – 274 p.

13. Hegghammer T. (ed.) Jihadi Culture: The Art and Social Practices of Militant Islamists. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2017. – 292 p.

14. Hemmingsen A.-S. Viewing Jihadism as a Counterculture: Potential and Limitations // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. – 2015. – Vol. 7. – № 1. – Pp. 3–17.

15. Hjarvard S. The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change // Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook. – 2008. – Vol. 6. – № 1. – Pp. 9–26.

16. Hoover S. M., Kim S.S. Media // Handbook of Religion and Society / ed. by D. Yamane. – Cham: Springer. – 2016. – Pp. 117–130.

17. Jensen S. Q., Larsen J.F., Sandberg S. Rap, Islam and Jihadi Cool: The Attractions of the Western Jihadi Subculture // Crime, Media, Culture. – 2022. – Vol. 18. – № 3. – Pp. 430–445.

18. Karas T. Cultural Criminology, Counter-Extremism and the Contemporary Far Right // Crime, Media, Culture. – 2025. – Vol. 21. – № 3. – Pp. 267–293.

19. Myhre Sunde H., Ilan J., Sandberg S. A Cultural Criminology of «New» Jihad: Insights from Propaganda Magazines // Crime, Media, Culture. – 2021. – Vol. 17. – № 2. – Pp. 271–287.

20. Ramsay G. Jihadi Culture on the World Wide Web. – New York: Bloomsbury. – 2013. – 255 p.

DIGITAL MEDIA DISCOURSE ON RELIGION AS A CULTURAL PHENOMENON: THEMATIC STRUCTURE AND LINES OF TENSION (THE CASE OF SVERDLOVSK REGION)

Belomytsev A.A.
Federal Agency for Ethnic Affairs

The article addresses the mechanisms of public representation of religion in the regional segment of Russian digital media discourse. Based on a thematic analysis of 288 media texts concerning Sverdlovsk Oblast published between 2022 and 2025, six substantive clusters are identified: the Russian Orthodox Church (36%), Islam (21.7%), new religious movements (15.8%), religious vandalism (13.2%), other Christian denominations (8.8%) and Buddhism (4.4%). It is demonstrated that the radicalised segment of media discourse on religion produces religious reality through three interrelated mechanisms: symbolic hierarchisation of confessions, securitisation of religious minorities and marginalisation of alternative forms of religiosity. Two axes of difference construction are revealed – spatial (churches, mosques, cemeteries) and corporeal (hijab, burkini, masks). An asymmetry of discursive agency is documented: Orthodox actors appear as speaking subjects, while Muslims and adherents of new religious movements are represented predominantly as objects of description. A transition to frame-analytic optics is outlined as a research perspective.

Keywords: media discourse, religion, thematic analysis, Sverdlovsk Region, securitization, mediatization of religion.

References

1. Gar'kina, O. V. (2025) The impact of digitalization on religious culture. Culture: Management, Economics, Law. № 1. Pp. 39–43. (In Russian).

2. Glagolev, V. S. (2019) The hermeticity of religion in modern religious markets. Religion, Confessions, Society and the State: History and Modern Relations. Proceedings of the 2nd Interregional Scientific Conference, 14–15 November 2019. Vladimir: Arkaim. Pp. 6–18. (In Russian).

3. Dushakova, I. S., Vladimirov, E. D. (2024) The boundary between religious and non-religious media: The experience of the Russian Orthodox Church in Russian media space. Slavic Culture and Jewish Culture: Dialogue, Similarities, Differences. № 25. Pp. 536–562. (In Russian).

4. Palekha, E. S. (2022) Radicalized discourse: Concept, structure, features. Proceedings of Kazan University. Humanities Series. Vol. 164. Book 5. Pp. 59–73. (In Russian).

5. Tikhonova, I. Yu. (2023) Mediatization of religion. Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy. № 2. Pp. 50–57. (In Russian).

6. Braun, V., Clarke, V. (2006) Using Thematic Analysis in Psychology. Qualitative Research in Psychology. Vol. 3. № 2. Pp. 77–101.

7. Braun, V., Clarke, V. (2019) Reflecting on Reflexive Thematic Analysis. Qualitative Research in Sport, Exercise and Health. Vol. 11. № 4. Pp. 589–597.

8. Bhaskar, R. (1979) The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. Brighton: Harvester Press. 212 p.

9. Berger, P. L., Luckmann, T. (1966) The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York: Anchor Books. 219 p.

10. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 239 p.

11. Dawson, L. L. (2021) Bringing Religiosity Back In: Critical Reflection on the Explanation of Western Homegrown Religious Terrorism (Part I). Perspectives on Terrorism. Vol. 15. № 1. Pp. 2–16.

12. Elder-Vass, D. (2012) The Reality of Social Construction. Cambridge: Cambridge University Press. 274 p.

13. Hegghammer, T. (ed.) (2017) Jihadi Culture: The Art and Social Practices of Militant Islamists. Cambridge: Cambridge University Press. 292 p.

14. Hemmingsen, A.-S. (2015) Viewing Jihadism as a Counterculture: Potential and Limitations. Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. Vol. 7. № 1. Pp. 3–17.

15. Hjarvard, S. (2008) The Mediatization of Religion: A Theory of the Media as Agents of Religious Change. Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook. Vol. 6. № 1. Pp. 9–26.

16. Hoover, S. M., Kim, S. S. (2016) Media. Handbook of Religion and Society / ed. by D. Yamane. Cham: Springer. Pp. 117–130.

17. Jensen, S. Q., Larsen, J. F., Sandberg, S. (2022) Rap, Islam and Jihadi Cool: The Attractions of the Western Jihadi Subculture. Crime, Media, Culture. Vol. 18. № 3. Pp. 430–445.

18. Karas, T. (2025) Cultural Criminology, Counter-Extremism and the Contemporary Far Right. Crime, Media, Culture. Vol. 21. № 3. Pp. 267–293.

19. Myhre Sunde, H., Ilan, J., Sandberg, S. (2021) A Cultural Criminology of «New» Jihad: Insights from Propaganda Magazines. Crime, Media, Culture. Vol. 17. № 2. Pp. 271–287.

20. Ramsay, G. (2013) Jihadi Culture on the World Wide Web. New York: Bloomsbury. 255 p.

Доктрина имамата в вероучении шиитов-имамитов

Кустов Дмитрий Сергеевич,
магистр, СПБГУ
E-mail: dskustov95@mail.ru

В статье кратко рассматриваются существовавшие среди шиитов-имамитов с VII по X век интерпретации имамата. Затрагиваются две основные интерпретации: принадлежащая крайним шиитам (*гулāт*) и умеренным (*муқаṣṣир*). Кратко изложены взгляды на качества и роль имамов. Теоретическая значимость работы состоит в том, что её содержание позволит глубже понять вероучение шиитов, процесс их становления. Работа может служить первым шагом на пути более глубокого изучения имамата и вероучения двунадесятников в целом в русскоязычной литературе.

Ключевые слова: шииты-имамиты, имамат, исламоведение

Введение

Ислам шиитского толка – это традиционное течение внутри ислама и самая крупная конфессия в Иране, Ираке, Азербайджане, Бахрейне и Ливане. По этой причине данное течение заслуживает внимание. Крупнейшая среди шиитов группа – имамиты (двунадесятники), а имамат – фундаментальное положение их доктрины. Этим и определяется актуальность данной темы.

Цель данной работы – проследить процесс становления взглядов шиитов по вопросу имамата. В работе используется метод исторического анализа. Новизна темы обусловлена тем, что до сих пор в русскоязычной литературе вопрос имамата не был рассмотрен подробно.

Обзор литературы

В статье: «Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV–XVI вв.» Н.Д. Миклухо-Маклай затрагивает историю распространения шиизма в Иране [10]. Также истории касаются работы И.П. Петрушевского: «Ислам в Иране в VII–XV (курс лекций)» [13] и О.Г. Большакова: «История Халифата» [4]. С.М. Прозоров написал ряд статей о шиизме и доктрине крайних шиитских сект [14], а также перевел «Шиитские секты» ан-Наубахти [1] и «Книгу о религиях и сектах» аш-Шахрастани [3]. Из более современных работ: «Прошлое и настоящее религиозного наставничества в шиитском исламе» Л.М. Раванди-Фадаи и Н.А. Филина [16] и «Шиитский ислам» Кныша А.Д. и Маточкиной А.И. [6]. Ряд работ посвящен истории шиитского фикха [18; 23; 2]. Однако история становления имамитской доктрины российскими востоковедами глубоко не рассматривалась. Пионером на этом пути стал С.Х. Модарреси Табатабаи, написав: «Crisis and Consolidation in the Formative Period of Shi'ite Islam» («Кризис и консолидация в период становления шиитского ислама») [19]. Х. Малек Макан и др. в «Tašayyo‘ dar ‘arāq dar qurūn-e naẖostīn» («Шиизм в Ираке в первые столетия») [27] рассмотрели воззрения разных групп шиитов в Ираке. М. Кадивар посвятил доктрине шиитов в первые столетия статью: «Qerā'at-e faramoš šodeh, bāzẖonī-e naẓarīyyeh ‘ulamā-e abrār talaqī avvalīeh eslām-e šī'ī az aṣl-e emāmat» («Забытая трактовка. Воспоминание о концепции праведных ученых, ранней интерпретации имамата в шиитском исламе»), [38]. Также С.К. Хайдари в курсе лекций: «Taẖavvolāt-e maktab-e tašayyo‘» («Становление шиитской школы») глубоко рассмотрел данную тему [9].

Основная часть

В данной работе под шиитами (от араб. «*аш-шī‘а*» в значении сторонники и последователи [21, с. 188–189], а также партия и секта [19]) подразумеваются имамиты (двунадесятники) – последователи двенадцати имамов от Али ибн Абу Талиба до ал-Махди. Термин «имамат» (в знач. руководство, главенство) – масдар I породы от «*’амма*», т.е. стоять впереди, руководить. Соответственно имам – это руководитель [19]. Ш. л-Джурджани писал: «имам – это осуществляющий общественное руководство в религиозных и светских делах» [35, с. 28]. Определение имамата, взгляды на сферу распространения руководства и качества имама могут разниться. Двунадесятники под имаматом подразумевают руководство двенадцати конкретных личностей.

Концепция имамата исходит из естественной необходимости любой группы людей в руководителе. Некто после Пророка должен был управлять делами мусульманской общины. Данная личность принимает на себя роль Пророка, при этом религия и шариат полностью доведены Пророком, а откровение завершено. Имам остается среди людей, призывает их к исламу и является живым воплощением предписаний Корана [8, с. 34; 41, с. 34]. С точки зрения имамитов имам обладает различными признаками (по каждому из них на протяжении истории встречаются разные точки зрения, но об этом ниже):

1) Наличие указания (*нaṣṣ*). Пророк указал на личность первого имама, а на каждого последующего, указывает предыдущий. Имам с точки зрения шиитов назначается Богом. В хадисах разнятся объяснения о том, как имам узнает – кто из детей является его преемником. По одной версии имена имамов были названы Пророком. По другой – имам ас-Садик утверждал, что определял, кто из его детей больше соответствует по ряду критериев.

2) Знания религии и сокровенного (*‘илм ал-ғайб* или мистического знания: «*ал-‘илм ал-ладуни*»). В знание религии входит знание дозволенного и запретного, обязательного и предпочтительного, отме-

няющих и отмененных аятов, общего и частного, непреложных аятов и иносказательных [7, с. 9–10]. Мистическое знание – это знания, полученные Пророком напрямую от Бога и переданные имаму Али, и его потомкам через него [49, с. 28–30]. О содержании данного знания существуют разные точки зрения. Корейши Бонаби писал, что «сокровенное» (*ал– ғайб*) – это все, что скрыто от человека, включая сведения о прошлом и будущем. «Сокровенное» делят на относящееся лишь к Богу, и открываемое Им Его пророкам [36, с. 133–137].

3) Непорочность (*ʻиṣмат*). Имам не просто набожный человек, опираясь на аяты Корана (4:59, 33:33, 2:124) шииты утверждают о необходимости его защищенности от грехов. Мнения о том, защищен ли имам от ошибок в целом или лишь в донесения религиозных установок расходятся. Так как имамы – преемники пророков, некоторые сочли, что они не могут совершать даже невольные прегрешения (*сахв*) или упущения (*нисйāн*).

4) Чудеса. В ряде хадисов из шиитских сборников утверждается о совершении имамами чудес (с соизволения Бога) [50, с. 177–178].

5) Наличие предметов имамата. В хадисах упоминаются предметы, передававшиеся имамами от отца к сыну: Коран собранный Али, меч Зулфикар, свиток Фатимы и др. [25, с. 126; 14, с. 58–62 и 183]. В предании Зейд ибн Али спросил Суру ибн Калиба, как он понял, что Джафар ас-Садик является имамом, Сура ответил, что только он знал ответы на все вопросы, на которые отвечал им имам ал-Бакиру. Зейд сказал: «*Ты верно говоришь, так как книги Али у него, и он пользуется этой силой в ответах*» [48, с. 176].

Следует коротко обратиться к истории шиитской доктрины. Согласно преданиям впервые шиитов упоминает сам Пророк. Утверждается, что, прочитав аят 7 суры 98, он сказал: «*это – ты, о Али, и твои приверженцы* (*шīʻатука*)» [22, с. 378]. В их числе Салман ал-Фариси, Аммар Ясир, Абу Зарр, Микдад и др. Данную группу называют «духовными» шиитами. Её члены отличались от остальных мусульман только тем, что питали особую симпатию к Али ибн Абу Талибу, и обучались у него религиозным знаниям [51, с. 23–25].

В вопросе о преемнике Пророка после его смерти, группа сподвижников считала самым достойным Али, их называют «политическими» шиитами [51, с. 34]. В 656 г. народ призвал Али стать халифом, но Муавия ибн Абу Суфьян поднял восстание. Раскол носил чисто политический характер. В битве при Сиффине стороны столкнулись под лозунгами: «Я исповедую веру Али» и «Я исповедую веру Усмана» [40, с. 19]. После вынужденного мирного договора Хасана с Муавией, многие мусульмане считали, что именно потомки Пророка должны руководить общиной. Позже даже восстание Аббасидов проходило под лозунгами передачи власти имаму из семейства Пророка [11, с. 5].

Некоторые сторонники имама Хасана упрекали его за заключение мирного договора. Когда его брат Хусейн выдвигался в Куфу, некоторые, включая его сводного брата Мухаммада Ханафию пытались убедить его не делать этого. Имам Хасан отвечал возражающим: «*…разве вы не знаете, что я – ваш имам, подчинение которому обязательно для вас…!?*» [42, с. 316]. То есть он апеллировал к доводу обязательности подчинения имаму. В преданиях от сподвижников имамов также речь чаще идет об обязанности повиновения имаму [47, с. 455–465; 30, с. 301–306]. Последним желанием посланника Имама в Куфу Муслима ибн Акиля было – сообщить Имаму о том, что куфийцы предали его. Это говорит о том, что в тот момент люди не мыслили такими категориями как непорочность (*ʻиṣмат*) и знание сокровенного (*ʻилм ал-ғайб*).

Примечательно, что к Зейде ибн Али относят слова о том, что никто из потомков Хасана и Хусейна не имеет право призывать к имамату, не обладая рядом качеств. Среди этих качеств он перечисляет знание религии, включая толкование Корана, сунну, знание дозволенного и запретного, а также силы в защите верующих и борьбе против их врагов [37, с. 381]. Ряд имамитских богословов подвергает сомнению притязания Зейда на имамат [53, с. 19–24; 50, с. 84–86], но, если это его слова, то получается, что, будучи сыном имама ас-Саджада, знатоком Корана и религии, он выдвигает список критериев, в котором нет знаний сокровенного (*ʻилм ал-ғайб*) или непорочности (*ʻиṣмат*).

Аббасиды во время восстания пытались заручиться поддержкой Джафара ас-Садика и воспользоваться его именем, но он отверг их предложение [34, с. 10–11], тогда Аббасиды присягнули на верность к Мухаммаду ибн Абдуллаху по прозвищу ан-Нафс-уз-Закийя (Чистая душа) [53, с. 35–37]. После революции они обратились против него [53, с. 36]. Также распространялся миф о передаче имамата от кайсанитского имама аббасидскому халифу [13, с. 127–128] и якобы имамат кайсанитов продолжается в роду Аббасидов [27, с. 88]. Это показывает, что люди видели представителей рода Пророка не только в роли религиозных наставников, но и в роли политических лидеров.

Шестой имам Джафар ас-Садик не проявлял явно политической активности. Но некоторые шииты были настроены радикально и стремились к борьбе, поэтому формировались другие течения. Этому также способствовали крайние шииты. Некоторые из них были учениками или представителями имамов. Одной из таких личностей стал Абу-л-Хаттаб, распускавший слухи о том, что ас-Садик еще при жизни назначил преемником Исмаила [52, с. 36].

В это время формируется две основные тенденции среди шиитов: это – крайние шииты (*гулāт*) и умеренные, которых крайние в отместку назвали небрежными (*мукаṣṣирун*), а также третье – идущее промежуточным путем. Умеренные рассматривали имамов как праведных ученых (*ал-ʻулāмāʾ ал-ʼабрāр*). Модарреси Табатабаи указывает на то, что большинство шиитов во времена имама ас-Садика были умеренными [31, с. 82]. Это же подтверждает Х. Ансари ссылаясь на историка ал-Масуди [26, с. 381].

Сама суть шиизма различается в зависимости от того, с позиции какой из этих трех групп смотреть на роль имама. Так Абан ибн Таглиб, приближенный сподвижник имамов: ас-Саджада, ал-Бакира и ас-Садика [27, с. 116; 33, с. 10], говорил: «*Шииты – те, кто обращается к словам Али, когда расходятся относительно Пророка, и обращаются к словам Джафара ибн Мухаммада, когда расходятся относительно Али*» [33, с. 12]. Т.е. Абан верил в преемство имама в знаниях Пророка. Другой умеренный шиит из ближайших учеников имама ас-Садика – Абдаллах ибн Аби Йафур, единственный или один из двух сподвижников, полностью повиновавшихся ему [27, с. 115] и пользовавшихся его абсолютным довольством. Абдуллах верил, что Джафар ас-Садик – праведный ученый. Когда между ним и слугой Имама Муаллой ибн Хунайсом, утверждавшим, что Джафар ас-Садик – господин пророков, возникли разногласия, Имам отверг слова Муаллы и похвалил Абдуллаха. Видимо в это время, ввиду политической пассивности имамов, шииты стали рассматривать их как праведных ученых и преемников в знаниях Пророка.

Другая группа – крайние шииты состояла из множества сект, которые можно поделить на две основных группы. Первая из них пошла на прямое обожествление имамов. Деятельность лидеров таких сект заканчивалась обычно собственным обожествлением или объявлением о пророчестве. Такие люди были прокляты и отвергнуты имамами [51, с. 148–149, 156–158]. Показательная история произошла в Куме, жители которого подозревали одного передатчика хадисов в крайних убеждениях и пришли к его дому, чтобы казнить его, но увидели, что он совершает намаз, решили, что ошиблись и отказались от этой затеи [31, с. 83]. Дело в том, что крайние шииты были известны аллегорической трактовкой шариата, и не считали необходимым соблюдать предписания. Они ставили любовь к роду Пророка и ненависть к их врагам выше выполнения предписаний. Другая группа продолжала скрыто действовать в рядах сподвижников имамов. Они не обожествляли имамов явно, но проявляли крайность в вопросах достоинств, качеств и чудес имамов. Среди гулат особое внимание следует обратить на деятельность Мугиры ибн Саида Иджли, Абу Мансура Иджли и Абу-л-Хаттаба [51, с. 157–158].

Джафар ас-Садик говорил: «*Мугира ибн Саид осознанно наводил клевету на моего отца. Его сторонники, скрытые в рядах сподвижников моего отца, брали у них книги и приносили Мугире. Он тайно вписывал в них неверие и ересь и приписывал их моему отцу. Он давал эти книги своим сторонникам, а они распространяли их среди шиитов. Посему, какую бы крайность вы не нашли в книгах моего отца, знайте, что Мугира вписал в его книги*» [24, с. 491].

Следующее предание показывает методы лидеров крайних сект, в нем сподвижник имама ас-Садика говорит: «*[Абу-л-Хаттаб] сказал, что ты… сказал ему: «Запомни и не забудь». А также, что ты ведаешь сокровенное, и что ты сказал ему: «Ты – сокровищница нашего знания и хранитель наших тайн… Ты – доверенный средь наших живых и мертвых». Имам сказал: «… Клянусь Господом…, что я не ведаю сокровенного… что касается его слов о том, что он – сокровищница знаний… пусть же Бог не наградит меня…, если я когда-то заявил ему подобное»*» [24, с. 579–580]. Также один из сподвижников Джафара ас-Садика находился у него, когда пришел Абу-л-Хаттаб, тогда он стал спрашивать у Имама о том, что говорил Абу-л-Хаттаб, а Имам отвечал, что все это – ложь. Тогда Абу-л-Хаттаб стал звать рассказчика выйти, но Имам не позволил ему. Когда Абу-л-Хаттаб ушел, Джафар ас-Садик сказал, что Абу-л-Хаттаб хотел сказать ему: «Джафар ибн Мухаммад отрицает все в твоем присутствии, но мне открывает всю истину» [24, с. 583].

В одном из преданий говорится: «*Садир Сирафи сказал Имаму: «…Ваши шииты расходятся во мнении относительно вас – одни говорят, что вам на ухо говорятся речи, вторые – что вам является откровение. Третьи – что на ваше сердце нисходит вдохновение, другие – что вы видите сны. Часть –что вы выносите фетвы на основе книг ваших отцов. Какой из речей следовать?» Имам ответил: «Не следуй ниче-*

му из сказанного. Мы – Божьи доводы и Его доверенные среди Его творений, дозволенное нами – из книги Аллаха и запрещенное нами из неё»» [28, с. 57–58]. Т.е. влияние гулат было столь глубоким, что даже сподвижники имамов расходились во мнении о них.

Сподвижник имама ар-Риды – Йунус ибн Абдуррахман привез Имаму из Ирака книги сподвижников имама ал-Бакира и ас-Садика. Имам отверг многие из хадисов, приписанные имаму ас-Садику, а затем сказал, что сподвижники Абу-л-Хаттаба до сих пор вписывают хадисы в книги сподвижников имама ас-Садика, и велел не принимать то, что противоречит Корану [27, с. 92].

Абу-л-Хасан ал-Ашари, живший в эпоху так называемого малого сокрытия (*ал–ғайбат ас–ṣуғра*) имама ал-Махди, делил шиитов на две группы, и утверждал, что одна группа не исповедовала доктрину «непорочности» (*‘иṣмат*) Ахл ал-Бейт [27, с. 24–25]. Шахристани упоминал о том, что Хишам ибн Хакам, ученик Джафара ас-Садика, выводил доктрину «непорочности» (*‘иṣмат*) из [интеллектуальной] необходимости [5, с. 162]. Самые суровые сторонники умеренной линии жили в Куме. Они могли изгнать передатчика хадисов из города если подозревали в крайних убеждениях [32, с. 93].

Умеренные в IX–X вв. начинают терять позиции, уступая крайним. Ас-Садук (917–991 г.) излагая убеждения в трактате «И‘тиқāдāт» («Вероучение»), приводит слова Мухаммада ибн ал-Хасана ибн Ахмада ибн ал-Валида, о том, что началом крайности является отрицание возможности упущений (*сахв*) у Пророка [44, с. 249; 46, с. 135]. Сам он допускает возможность упущений [20]. Ас-Садук приводит молитву имама ар-Риды, в которой имам подчеркивает – творение и веление принадлежат Богу и только к Нему они прибегают за помощью. Имам утверждает, что они лишь Его рабы и не владеют для себя ни пользой, ни вредом, ни смертью, ни жизнью, ни воскрешением. В этой молитве он отрекается от тех, кто утверждает, что [имамы] являются их господами, что им принадлежит творение и пропитание, подобно отречению Исы от христиан [43, с. 100]. С точки зрения ас-Садука имамы не знают сокровенного, а претендующего на знание обвиняет в неверии [42, с. 112 и 119].

В вопросах веры в имамов он отмечает, что они – «обладатели власти» (*улӯ-л-’амр*), к повиновению которым призывает Бог, свидетели среди людей, доводы Бога, толкователи откровения, непорочные (*ма‘ṣӯм*) от больших и малых грехов [43, с. 93–96]. Они творят чудеса, являются хранителями живущих на земле, также как звезды хранят тех, кто на небесах. [43, с. 94].

В ответ ас-Садуку его ученик ал-Муфид пишет «Taṣḥīḥ al-I‘tiqādāt» («Корректировка «Вероучения»»). По его мнению, непорочность (*‘иṣмат*) не лишает силы совершить дурное и не принуждает к благому. Пророки и имамы не могут совершить большого или малого греха, но могут непреднамеренно оставить более предпочтительное [46, с. 61]. Во времена шейха ал-Муфида уже немногие шииты отрицали непогрешимость (*иṣмат*) имамов [31, с. 75].

Ал-Муфид не видит интеллектуальных препятствий для того, чтобы имамы владели всеми ремеслами и языками, хотя и считает это необязательным с точки зрения разума. Он считает, что если будет установлена верность преданий, о том, что они знали это, то верить в это будет необходимо, но сам он не уверен в этом [45, с. 67].

Богослов считает, что имамы иногда знали будущее и внутреннее состояние людей, но знание сокровенного не является их неотъемлемым качеством, так как этого качества достоин лишь тот, кто сам по себе имеет такое знание о вещах т.е. только Бога, а не того, чье знание приобретенное. Он также пишет, что все имамиты считают так, кроме группы гулат [45, с. 67]. Он также писал, что многие шииты верят, что имамы могут творить чудеса, но с этим не согласны члены семейства Наубахт [45, с. 68–69]. Веру в сотворение Ахл ал-Бейт до Адама он считал убеждениями крайних шиитов [46, с. 33–42].

Ал-Муфид не соглашается с ас-Садуком в том, что вера в возможность совершения Пророком упущения – крайность и называет его «небрежным *(муқаṣṣир)*» [45, с. 136]. Кстати, его современник ат-Туси (966–1067 г.) также допускал возможность наличия у Пророка упущений, если это не поставит под сомнение совершенство разума [39, с. 164–165.].

Ас-Садук называл признаком крайних шиитов обвинение в небрежности (*тақṣӣр*)знающих и шейхов Кума (его времени) [43, с. 101]. А его ученик ал-Муфид писал: «Встретили мы группу… из Кума, проявлявших небрежность (*тақṣӣр*)… Они – принижали положение имамов и утверждали: «[Имамы] не ведали многих предписаний религии, пока не было ‘брошено’ им в сердце… они имели обыкновение прибегать к независимому суждению (*ра’й*) и предположениям в вопросе положений шариата». И все они заявляли, что они знающие, в то время как это – явная небрежность (*тақṣӣр*)» [46, с. 135–136].

Другой представитель кумской школы – Ибн ал-Гадаири (ум. в XI в.) в своем «ад-Ду‘афā’» («Слабые») относит всех передатчиков, приписывавших имамам сверхъестественные способности или качества к числу крайних шиитов. Ибн ал-Джунейд ал-Искафи (ум. в 991 г.), другой учитель ал-Муфида, и Ибн Абу Акил – первые шиитские законоведы, открывшие врата иджтихада [23, с. 147]. Ибн ал-Джунейд объяснял противоречия в хадисах тем, что имамы были муджтахидами и в своих исследованиях приходили к разным выводам.

Позже Зейн-уд-Дин ал-Амили (1505–1558 г.) писал: «… вера обусловлена убежденностью в том, что они – имамы, которые ведут к истине, и в обязательность повиновения их велениям и запретам… передатчики и шииты времен Имамов… многие из них не верили в непорочность… они лишь были убеждены в том, что имамы – праведные ученые (ал-‘улāмā’ ал-’абрāр)…, а имамы утверждали о вере и справедливости этих людей» [29, с. 149–151].

Также В. Бехбахани (ум. в 1826 г.) писал: «Многие из предшественников, особенно жители Кума и Ибн ал-Гадаири верили в особое положение имамов в дозволении и славе, некоторой степени непорочности и совершенства на основе независимого суждения и иджтихада, а выход за пределы этого считали недозволенным и крайностью. Они считали отрицание возможности наличия упущения у имамов крайностью, и даже приравнивали его к абсолютному вверению (тафвӣд)… Преувеличения чудес имамов и предания о необычных и удивительных вещах, связанных с ними, преувеличение в их положении и величии, очищение от многих недостатков, вера в наличие у них большого могущества и распространение их знаний на скрытое на небесах и на земле… вели к обвинению в крайности. Особенно по той причине, что крайние шииты скрывались среди самих шиитов и притворялись. Среди предшественников в фундаментальных вопросах также имелись разногласия» [54, с. 38; 55, с. 21].

Заключение

Можно видеть, что в ранние века ислама имамиты имели различные взгляды по вопросу имамата. Поздние богословы объяснили многообразие мнений трудностью нахождения доводов, достаточных для веры в правильную точку зрения. Концепция праведных ученых не популярна сегодня и подвергается критике. Среди доводов против нее – интеллектуальная необходимость следования непорочному. В случае допущения им греха или ошибки, следует, что Бог повелевает совершать то, что сам запретил. Также противники концепции обвиняют Модарреси Табатабаи в избирательности в преданиях и приводят предания, о непорочности имамов.

В статье был прослежен процесс становления взглядов шиитов в вопросе имамата. Представленный материал может стать основой для дальнейших изысканий и послужить учебным материалом для людей, желающих ознакомиться с историей шиитского вероучения.

Литература

1. Ан-Наубахти, ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты / Пер. с араб. С.М. Прозорова. Москва: «Наука», 1973. 255 с.
2. Ас-Садр, Мухаммад Бакир. История ‹Илм Аль-Усул / Пер. на рус.: А.Ежова. Исток, 2009. 144 с.
3. Аш-Шахрастāнӣ, Муҳаммад ибн ‘Абд ал-Карӣм. Книга о религиях и сектах (Китāб ал-милал ва-н-ниҳал). Часть 1. Ислам / Перевод с арабского, введ. и комм. С.М. Прозорова. М.: Наука, 1984. 272 с.
4. Большаков О.Г. История Халифата. Т.I. Ислам в Аравии. М.: «Восточная литература» РАН. 2000. 310 с.
5. Имам Али. Нахдж-ул-балага / Пер. с араб. и комм. Тараса Черниенко. – М.: ООО «Садра», 2015. 400 с.
6. Кныш А.Д., Маточкина А.И. Шиитский ислам: учебное пособие. С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: Президентская библиотека, 2016. 183 с.
7. Коран / Пер. с араб. И.Ю. Крачковского, М: Директ-Медиа, 2003. 831 с.
8. Корбен А. История исламской философии / Пер. с фр. – 3-е изд. М.: Академический Проект; ООО «Садра», 2016. 367 с.
9. Лекции С.К. Хайдари: عیشت بتکم تالوحت / Становление шиитской школы, оф. сайт С.К. Хайдари, URL: https://anvlink.ru/s/VwoXn (д.о.: 2.08.2023).
10. Миклухо-Маклай Н.Д. Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV–XVI вв. // Сборник статей Памяти Академика И.Ю. Крачковского. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1958. с. 221–234.
11. Милославский Г.В., Петросян Ю.А., Пиотровский М.Б., Прозоров С.М. Ислам: Энциклопедический словарь. М.; Наука, 1991. 315 с.
12. Ну’мани, Мухаммад ибн Ибрагим. Сокрытие, (Ал-Гайба) / Пер. с перс. А. Баешев. – М.: Международный ун-т аль-Мустафа, 2016. 256 с.

13. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках. С.-Петербург: издательство ленинградского университета, 1966. 399 с.

14. Прозоров С.М. Шиитская (имамитская) доктрина верховной власти. // В сборнике: Ислам. Религия, общество, государство. Отв. редакторы П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. М.: Наука. ГРВЛ, 1984. С. 204–212.

15. Прозоров С.М. Эволюция доктрин «крайних» шиитов – гулат в исламе (VIII – 1-я пол. X в.) // Народы Азии и Африки. 1974, № 3. с. 146–153.

16. Филин Н.А. «История становления института религиозного наставничества в шиизме». М.: Издатель А.В. Воробьев, 2017. 240 с.

17. Электронный арабско-русский и русско-арабский словарь Арабус, URL: http://arabus.ru/ (дата обращения 27.04.2023).

18. Modarresi Tabataba'i S.H. An Intruduction to Shī'ī Law a bibliographical study. London: Ithaca Press, 1984. 258 p.

19. Modarresi Tabataba'i S.H. Crisis and consolidation in the formative period of Shi'ite Islam: Abu Ja'far ibn Qiba al-Razi and his contribution to imamite Shi'ite thought, Princeton: The Darwin press, inc., 1993. 280 p.

20. ابن بابويه / Ибн Бабавейх // دانشنامه بزرگ اسلامی / Большая исламская энциклопедия, URL: https://anvlink.ru/s/VJqKp (дата обр. 03.12.2023).

21. ابن منظور، لسان العرب / Ибн Манзур. Язык арабов (т. 8). Кум: نشر أدب الحوزة, 1405/1363. 472 с.

22. أبو جعفر محمد بن جرير الطبري، جامع البيان في تفسير القرآن / ат-Табари, Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир. Собрание разъяснений в толковании Корана (т. 28–30), 436 с. Эл. изд. URL: https://anvlink.ru/s/N2KQg (д.о.: 25.05.2023).

23. ابوالقاسم گرجی، تاریخ فقه و فقها / Горджи, Або-л-Касем. История исламского права и законоведов. Тегеран: سمت, 1398. 364 с.

24. ابي جعفر محمد بن الحسن الطوسي، اختيار معرفة الرجال المعروف برجال الكشي / Шейх Аби Джафар ат-Туси. Избранное в познании «Мужей» ал-Кашши, исслед.: ар-Раджаи С.М. Кум: مؤسسة آل البيت لإحياء التراث, 1404. 903 с.

25. آقابزرگ تهرانی، الذريعة إلى تصانيف الشيعة / Агабозорг-э Техрани. Путеводитель по сочинениям шиитов (том 21). Наджаф: مطبعة الغري, 1355. 408 с.

26. انصاری، زاد مياث الغالين / Ансари Х. Из наследия крайних шиитов, Тегеран: نشر علمی, 1401. 408 с.

27. حمدی مکارم، تشيع در مسير تاريخ، مصطفوی سلطانی، مهاجرت ايرانيان به قارة رد قرن نوزدهم / Малемакан Х., Арасте А., Солтани М., Шиизм в Ираке в первые столетия. Кум: انتشارات دانشگاه ادیان و مذاهب, 1389. 312 с.

28. رسول جعفريان، تاريخ تشيع در ايران از آغاز تا تحولات عصر صفوی / Джафариан Р. История шиизма в Иране с возникновения и до рассвета государства Сефевидов. Тегеран: علم, 1388. 935 с.

29. زين الدين علي بن أحمد العاملي، عقائد الإمامية: عنوان البحث في الاعتقاد او الدامغ الباطل / Ал-Амили, Зейн-уд-Дин Али. «Истины веры», Кум: مكتبة آية الله العرعشي, 1409. 312 с.

30. السيد أبو القاسم الخوئي، معجم الرجال / Ал-Хои, С.А. Словарь «Мужей», т. 20, URL: https://anvlink.ru/s/VMm9l (дата обращения: 05.04.2024). 474 с.

31. السيد حسين مدرسي طباطبائي، مكتب در فرآيند تكامل: نگاهي به مكتب فلسفي قم / Модарреси Табатабаи С.Х. Школа в процессе эволюции. Пер. на перс.: Хашем Изадпанах, [8-е изд.], Тегеран: ويرا, 1389. 392 с.

32. سيد حسن طالقاني، مهاجرت از ايران به قم؛ تبعيد اجتماعي از خارج / Талегани С.Х., Изгнание передатчиков из Кума; Социальное или идеологическое явление // مجله علمی پژوهشی فلسفه و الهیات / Ежеквартал исследовательский журнал философия и теология, том 17, № 3, осень 2012. 92–105 с.

33. الشيخ أبي العباس أحمد بن علي النجاشي، رجال النجاشي / Ан-Наджаши, шейх Аби ал-Аббас Ахмад ибн Али. «Мужи» ан-Наджаши. Исслед.: Сейид Муса Шубейри Занджани, Кум: مؤسسة النشر الإسلامي التابعة لجماعة المدرسين. 1407. 492 с.

34. علي بن الحسين المسعودي، مروج الذهب ومعادن الجوهر / ал-Масуди, Али. Золотые копи и россыпи самоцветов (т. 3). Дамаск: تراز الثقافة, 1989. 400 с.

35. علي بن محمد الشريف الجرجاني، التعريفات / Аш-Шариф ал-Джурджани, Али ибн Мухаммад. Определения (т. 1). Бейрут: دار السرور, 1985–382 с.

36. علي أكبر قرشي بنابي، قاموس قرآن 5 جلد، علي / Корайши Бонаби А.А. Словарь к Корану (т. 5). Тегеран: دار الكتب الإسلامية, URL: https://inlnk.ru/DB1LZX (дата обращения 22.04.2023).

37. علي بن عيسى بن داود بن الجنيد الرازي، مختصر أسماء المؤلفين من أصحابنا / Али ибн Иса ибн Дауд ибн Джунейд ар-Рази, краткий обзор имен наших сторонников, исслед.: Сейид Мухаммад Садр, Кум: مؤسسة النشر الإسلامي التابعة لجماعة المدرسين, 1427. 144 с.

38. روزبه بن سهل فرامرز، شرح كتاب الأربعين في أصول الدين / Кадивар М. Забытая трактовка. Воспоминание о концепции праведных ученых, ранней интерпретации имамата в шиитском исламе // مجله درسها / журнал «Школа». номер 3, ордибехешт 1385. с. 92–102.

39. محمد بن الحسن الطوسي، التبيان في تفسير القرآن / ат-Туси М. Разъяснение в комментарии к Корану (т. 4.). مكتب الأمين, 1960. 570 с.

40. محمد باقر بن محمد تقي المجلسي، بحار الأنوار / Ал-Маджлиси М.Б. Море света (т. 45). Бейрут: دار احياء التراث العربي, 1403. 413 с.

41. محمد بن الحسن الحر العاملي، تفصيل وسائل الشيعة إلى تحصيل مسائل الشريعة / Ал-Хурр ал-Амили, М. Разъяснение средств шиитов в получении шариатских положений (т. 27). Кум: مؤسسة آل البيت (عليهم السلام) لإحياء التراث, 1414. 424 с.

42. محمد بن علي ابن بابويه، كمال الدين وتمام النعمة / Ибн Бабавейх, М. Совершенство религии и полнота блага, исследование и корректура: Али Акбар Гаффари, Тегеран: مكتب الصدوق, 1390. 688 с.

43. محمد بن علي بن حسين بن موسى بن بابويه، الاعتقادات / Ибн Бабавейх, Мухаммад ибн Али. Вероучение. Кум: المؤتمر العالمي لألفية الشيخ المفيد, 1413. 128 с.

44. محمد بن علي بن حسين بن موسى بن بابويه، من لا يحضره الفقيه، الجزء الأول / Ибн Бабавейх, Мухаммад ибн Али. Для того, с кем рядом нет законоведа (т. 1). Бейрут: مؤسسة الأعلمي للمطبوعات, 1986. 402 с.

45. محمد مفيد، أوائل المقالات في المذاهب والمختارات / Ал-Муфид, М. Основы вероучений мазхабов. Кум:المؤتمر العالمي لألفية الشيخ المفيد, 1413. 424 с.

46. محمد بن محمد بن نعمان مفيد، تصحيح الاعتقادات / Ал-Муфид, М. Корректировка «Вероучения». Кум: المؤتمر العالمي لألفية الشيخ المفيد, 1413. 160 с.

47. محمد بن يعقوب الكليني، الكافي / Ал-Кулейни, Мухаммад ибн Йакуб. Достаточное (т. 1), Кум: دار الحديث, 1429/1387. 723 с.

48. محمد باقر المجلسي، بحار الأنوار / Ал-Маджлиси М.Б. Море света (т. 2). Бейрут: دار احياء التراث العربي, 1403. 318 с.

49. مرتضى مطهري، امامت و رهبري / Мотаххари М. Имамат и руководство, URL: https://anvlink.ru/s/NDZpI (дата обращения: 04.04.2024), 171 с.

50. مصباح يزدي، راه و راهنماشناسي / Месбах Йазди, Путь и знакомство с проводником. Кум: انتشارات مؤسسه آموزشي و پژوهشي امام خميني (ره), 1393.

51. مهدي فرمانيان، آشنايي با فرق تشيع / Фарманиан М. Знакомство с шиитскими течениями. Кум: انجمن علمي اديان و مذاهب, 1387. 248 с.

52. مهدي فرمانيان، درسنامه تاريخ و عقايد اسماعيليه / Фарманиан М. Учебник: Истории и вероучение исмаилитов. Кум: نشر اديان, 1389. 240 с.

53. مهدي فرمانيان، سيد علي موسوي نژاد، يزيديه: تاريخ و عقائد، نشر اديان / Фарманиан М., Мосавинежад С.А. Зейдиты: ист-я и вероуч. Кум: نشر اديان, 1386. 221 с.

54. وحيد بهبهاني، الفوائد الرجالية / Бехбахани В. Польза [дисциплины] о передатчиках, веб-сайт: «Turath al-anbiaa», URL: https://hz.turathalanbiaa.com/public/347.pdf (дата обр.: 07.04.2024), 67 с.

55. وحيد بهبهاني، تعليقة علي منهج المقال / Бехбахани В., Комментарий к «Методологии исследования». URL: https://anvlink.ru/s/Vm8mP (дата обращения: 07.04.2024), 406 с.

DOCTRINE OF IMAMATE IN THE CREED OF THE TWELVER SHIITES

Kustov D.
Saint Petersburg State University

In the article briefly examines the interpretations of the Imamate doctrine among Imami Shiites from the 7th to the 10th centuries. There are two main interpretations: the first belongs to the extreme Shiites (*ghulat*), the second to the moderates (*muqaṣṣir*). The prevailing views regarding the qualities and roles of imams have been briefly outlined in the article. The theoretical significance of this work is in its potential for a deeper understanding of Shiite doctrine and the process of its development. The work can be a first step in Russian-language literature towards a more in-depth study of the Imamate and the Twelver doctrine in general.

Keywords: Shia-Imamites, Imamate, Islamic studies

References

1. Al-Nawbakhti, al-Hasan ibn Musa. Shiite Sects / Transl. from Arabic by S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1973. 255 p.

2. Al-Sadr, Muhammad Baqir. History of 'Ilm al-Usul / Transl. into Russian by A. Ezhova. Istok, 2009. 144 p.

3. Al-Shahrastānī, Muhammad ibn 'Abd al-Karim. The Book of Religions and Sects (Kitāb al-milal wa-n-nihāl). Part 1. Islam / Transl. from Arabic, introduction and commentary by S.M. Prozorov. Moscow: Nauka, 1984. 272 p.

4. Bolshakov O.G. History of the Caliphate. T.I. Islam in Arabia. M.: “Oriental Literature” RAS. 2000. 310 p.

5. Imam Ali. Nahj al-Balaga / Transl. from Arabic and comm. Taras Chernienko. – M.: LLC Sadra, 2015. 400 p.

6. Knysh A.D., Matochkina A.I. Shiite Islam: textbook. SPBU. – St. Petersburg.: Presidential Library, 2016. 183 p.

7. Quran / Transl. from Arabic I.U. Krachkovsky, Moscow: Direct-Media, 2003. 831 p.

8. Korben A. History of Islamic philosophy / Transl. from fr. – 3rd ed. Moscow: Academic Project; LLC Sadra, 2016. 367 p.

9. Lectures of Sayyid Kamal Haydari: Formation of the Shiite School, official website of Sayyid Kamal Haydari, URL: https://anvlink.ru/s/VwoXn (accessed: 2.08.2023).

10. Miklouho-Maclay N.D. Shiism and its social face in Iran at the turn of the 15th-16th centuries // Collection of articles in memory of Academician I.U. Krachkovsky. Leningrad: Leningrad Univ. Publishing House, 1958. Pp. 221–234.

11. Miloslavsky G.V., Petrosyan Yu. A., Piotrovsky M.B., Prozorov S.M. Islam: Encyclopedic Dictionary. Moscow; Science, 1991. 315 p.

12. Nu’mani, Muhammad ibn Ibrahim. Concealment, (Al-Ghaiba) / Transl. from Pers. by A. Baeshev. – Moscow: Al-Mustafa International Univ., 2016. 256 p.

13. Petrushevsky I.P. Islam in Iran in the 7th – 15th Centuries. St. Petersburg: Leningrad University Publishing House, 1966. 399 p.

14. Prozorov S.M. Shiites (Imamis)’ Doctrine of Supreme Authority. // In the collection: Islam. Religion, Society, State. Editors P.A. Gryaznevich and S.M. Prozorov. Moscow: Nauka. GRVL, 1984. Pp. 204–212.

15. Prozorov S.M. Evolution of Doctrine of the “Extreme” Shiites – Ghulat in Islam (8th-1st half of 10th cent.) // Peoples of Asia and Africa. 1974, № 3. Pp. 146–153.

16. Filin N.A. “The History of the Formation of the Institute of Religious Guidance in Shiism.” Moscow: Publisher A.V. Vorobyov, 2017. 240 p.

17. Electronic Arabic-Russian and Russian-Arabic Dictionary Arabus, URL: http://arabus.ru/ (date of access 04/27/2023).

18. Modarresi Tabataba’i S.H. An Intruduction to Shī’ī Law a bibliographical study. London: Ithaca Press, 1984. 258 p.

19. Modarresi Tabataba’i S.H. Crisis and consolidation in the formative period of Shi’ite Islam: Abu Ja’far ibn Qiba al-Razi and his contribution to imamite Shi’ite thought, Princeton: The Darwin press, inc., 1993. 280 p.

20. Ibn Babawayh // Grand Islamic Encyclopedia, URL: https://anvlink.ru/s/VJqKp (accessed 03.12.2023).

21. Ibn Manzur. The Language of the Arabs (Vol. 8). Qom: 1405/1363. 472 p.

22. At-Tabari, Abu Ja’far Muhammad ibn Jarir. Collection of Explanations in the Interpretation of the Quran (Vol. 28–30), 436 p. Electronic edition. URL: https://anvlink.ru/s/N2KQg (accessed: 05/25/2023).

23. Gorji, Abo-l-Qasem. History of Islamic law and jurists. Tehran: SAMT, 1398. 364 pp.

24. Sheikh Abi Ja’far al-Tusi. Selected Works in the Study of the “Mens” of al-Kashshi, researched by al-Raja’i S.M. Qom: مؤسسة آل البيت لعلوم, 1404. 903 p.

25. Aghabozorg-e Tehrani. A Guide to Shia Writings (Vol. 21). Najaf: مطبعة الغري, 1355. 408 p.

26. Ansari H. From the Heritage of the Extreme Shiites, Tehran: نشر علمی, 1401. 408 p.

27. Malemakan H., Arasteh A., Soltani M., Shiism in Iraq in the First Centuries of Qom: انتشارات تاراش با همکاری بنیاد نهج, 1389. 312 p.

28. Jafarian R. History of Shiism in Iran from the Emergence to the Rise of the Safavid State. Tehran: علم, 1388. 935 p.

29. Al-Amili, Zayn-ud-Din Ali ibn Ahmad. “The Truths of Faith” with two treatises: “Moderation” and “Justice”, Qom: مكتب اعلام الشيعة, 1409. 312 p.

30. Al-Khoei, S.A. Dictionary of “mens”, v. 20, URL: https://anvlink.ru/s/VMm9l (date of access: 05.04.2024). 474 p.

31. Modarresi Tabatabai S.H. School in the Process of Evolution. Transl. in Persian: Hashem Izadpanah, [8th ed.], Tehran: دریا, 1389. 392 p.

32. Taleghani S.Kh., The Expulsion of Transmitters from Qom; A Social or Ideological Phenomenon // فصلنامه علمی پژوهشی فلسفه و کلام اسلامی / Quarterly Research Journal of Philosophy and Theology, Vol. 17, No. 3, autumn 2012. 92–105 p.

33. Al-Najashi, Sheikh Abi al-Abbas Ahmad ibn Ali. “The Men” of al-Najashi. Researcher: Sayyid Musa Shubeyri Zanjani, Qom:مؤسسة النشر الاسلامي التابعة لجماعة المدرسين. 1407. 492 p.

34. Al-Masudi, Ali ibn Husayn. Gold Mines and Placers of Gemstones (Vol. 3). Damascus: دار الثقافة, 1989. 400 p.

35. Al-Sharif al-Jurjani, Ali ibn Muhammad. Definitions (Vol. 1). Beirut: دار السرور, 1985–382 p.

36. Qorayshi Bonaby A.A. Dictionary of the Quran (Vol. 5). Tehran: بنياد فرهنگ اسلامی, URL: https://inlnk.ru/DB1LZX (accessed 22.04.2023).

37. A collection of books and treatises by the great Imam, Commander of the Believers, Zayd ibn Ali ibn al-Husayn ibn Ali ibn Abi Talib (may the blessings of the Lord of the Worlds be upon them). Collection and research: al-Darsi al-Hamzi I.Y. Sa’d: مركز الدراسات الإسلامية. 1422. 417 p.

38. M. Forgotten Interpretation: A Recollection of the Concept of Righteous Scholars, an Early Interpretation of Imamate in Shia Islam // مجله مدرسه / Magazine “School”. Issue 3, Ordibehesht 1385. Pp. 92–102.

39. Al-Tusi M. Explanation in the commentary on the Quran (v. 4.). مكتب الأمين, 1960. 570 p.

40. Al-Majlisi M.B. Sea of Light (Vol. 45). Beirut: دار احیاء التراث العربی, 1403. 413 p.

41. Al-Hurr al-Amili, Muhammad ibn Hasan. Explanation of the Shi’ites’ means of obtaining Shariah rulings (Vol. 27). Qom: مؤسسة آل البيت (ع) لإحياء التراث, 1414. 424 p.

42. Ibn Babawayh, Muhammad ibn Ali. The Perfection of Religion and the Fullness of Good, researched and proofread by Ali Akbar Ghaffari, Tehran: مكتب الصدوق, 1390. 688 p.

43. Ibn Babawayh, Muhammad ibn Ali. Creed. Qom: المؤتمر العالمي لألفية الشيخ المفيد, 1413. 128 p.

44. Ibn Babawayh, Muhammad ibn Ali. He Who Has No Jurisprudent (Vol. 1). Beirut: مؤسسة الأعلمي للمطبوعات, 1986. 402 p.

45. Al-Mufid, M. Fundamentals of the beliefs of the madhhabs and selected [teachings], Qom:المؤتمر العالمي لألفية الشيخ المفيد, 1413. 424 p.

46. Al-Mufid, M. Correction of the “Creed”. Qom: المؤتمر العالمي لألفية الشيخ المفيد, 1413. 160 p.

47. Al-Kulayni, Muhammad ibn Yaqub. Sufficient (Vol. 1), Qom: دار الحديث, 1429/1387. 723 p.

48. Al-Majlisi M.B. Sea of Light (Vol. 2). Beirut: دار احیاء التراث العربی, 1403. 318 p.

49. Motahhari M. Imamate and Leadership, URL: https://anvlink.ru/s/NDZpl (accessed: 04.04.2024), 171 p.

50. Mesbah Yazdi, The Path and Meeting the Guide. Qom: انتشارات مؤسسه آموزشی و پژوهشی امام خمینی (ره), 1393.

51. Farmanian M. Introduction to Shiite Currents. Qom: انجمن علمی ایران با همکاری بنیاد نهج, 1387. 248 p.

52. Farmanian M. Textbook: Stories and Doctrines of the Ismailis. Qom: نشر ادیان, 1389. 240 p.

53. Farmanian M., Mosavinejad S.A. Zaydis: History and Doctrine. Qom: نشر ادیان, 1386. 221 p.

54. Behbahani V. The Benefits of the [Discipline] on Transmitters, website: «Turath al-anbiaa», URL: https://hz.turathalanbiaa.com/public/347.pdf (accessed: 07.04.2024), 67 p.

55. Behbahani V., Commentary on “Research Methodology”. URL: https://anvlink.ru/s/Vm8mP (accessed: 07.04.2024), 406 p.

Практика сострадания (каруна) в буддизме: уровни вовлечённости и социальное значение

Нанда Марларланкара,
аспирант, кафедра философии и социального управления, Московский государственный технологический университет(СТАНКИН)
E-mail: nandamarlarlankara2015@gmail.com

Михайлова Марианна Валериевна,
к.социол.н., доцент, кафедра философии и социального управления, Московский государственный технологический университет(СТАНКИН)
E-mail: mari.mikhaylova@list.ru

Статья посвящена анализу буддийской добродетели – каруны (сострадания) как активной практики облегчения страданий всех живых существ и одного из четырёх «божественных обителей» (брахма-вихар). На материале классических буддийских текстов и обобщения современных социологических и психологических данных разработана гипотетическая модель, отражающая степени вовлечённости сегодняшних буддистов в систематическое развитие каруны. Выделены пять уровней: от высокоактивных практикующих до полностью непрактикующих. Глубокое освоение каруны способствует формированию особого типа социального мышления, которое выражается в регулярном участии в благотворительности и общественных проектах. Исследование подчёркивает возможности использования традиции каруны для снижения напряжённости в обществе и укрепления взаимопонимания между людьми.

Ключевые слова: сострадание, брахма-вихары, буддийская медитация, практика каруны, просоциальное поведение

Введение

Современный мир сталкивается с ростом социального неравенства, эмоционального выгорания и конфликтов, что делает особенно востребованными подходы, развивающие эмпатию и реальную помощь нуждающимся. Буддийская каруна выступает одной из таких практик: она представляет собой не просто сочувствие, а целенаправленное, активное стремление устранять страдания других, приносящее практикующему глубокое нравственное удовлетворение и духовный рост.

В отличие от повседневного понимания «сострадания» (часто пассивного переживания чужой боли) и общего просоциального поведения добровольная помощь другим, мотивом которой может выступать как альтруизм, так и выгода)), каруна – добродетель или состояние ума, достигаемое с помощью активной медитативной практики, основанной на осознании взаимосвязи всех живых существ и ведущей к преодолению эгоцентричного мышления и отношения к миру и другим людям. В буддийском учении каруна – одна из четырёх брахма-вихар вместе с меттой (любящей добротой), мудитой (радостью за чужое счастье) и упеккхой (равностным отношением всем живым существам). Классический текст «Вишуддхимагга» (V век) Буддхагхоши характеризует её как умственное состояние, которое глубоко затрагивается чужими страданиями и вызывает желание активно помогать [4].

Исследования в области общей психологии, нейрофизиологии и когнитивной психологии подтверждают пользу подобных практик: регулярные занятия по Усилению практики сострадания повышают эмпатию, уменьшают агрессию, усиливают альтруизм и вызывают позитивные изменения в мозге (нейропластичность) – в частности, активацию префронтальной коры и островковой доли, отвечающих за эмоции и социальное познание [5, 6].

При этом прямых статистических данных о том, насколько широко и глубоко практикуется именно каруна среди буддистов, крайне мало. Цель работы – создать гипотетическую модель уровней вовлечённости в эту практику и показать её возможную роль в улучшении общественных отношений.

Задачи исследования:

1. раскрыть классическое содержание каруны;
2. предложить модель градации её практики в наши дни;
3. связать уровни практики с показателями социальной активности;
4. оценить перспективы каруны как средства гармонизации общества.

Обзор литературы

Классика буддизма подробно описывает каруну в «Вишуддхимагге» (глава IX) [4], где она представлена как развиваемое качество ума в рамках брахма-вихар. Её активный характер раскрывается также в суттах, например в «Карания-метта-сутте», где сострадание тесно связано с любящей добротой [7].

Современная наука изучает эффекты программ типа Compassion Cultivation Training (CCT): 9-недельный курс (Jazaieri et al., 2013: 100 участников, 60 в группе тренинга, 40 – контроль) показал рост сострадания к себе и другим, улучшение эмоциональной регуляции и снижение тревожности [5]. Другие работы фиксируют нейропластичность – переход от дистресса к позитивному отклику на чужие страдания и усиление активности в зонах эмпатии [6, 8].

В контексте «вовлечённого буддизма» (Тхить Нят Хань, Далай-лама XIV) каруна реализуется через помощь беженцам, экологические акции и миротворчество, становясь основой социального капитала [9, 10].

Методы

Исследование опирается на:

- историко-философский разбор первоисточников (сутты, «Вишуддхимагга»);
- социально-философский анализ современных данных о буддийских практиках;
- принципы системности, целостности и исторической преемственности.

Эмпирическая основа:

- Pew Research Center (2023): опрос 13122 взрослых (возраст 18+, оба пола) в шести странах (Камбоджа, Шри-Ланка, Таиланд, Индонезия, Малайзия, Сингапур) в июне–сентябре 2022 г.; национально-

репрезентативные выборки 1500–2600 человек на страну; данные о частоте посещения храмов, ритуалах и благотворительности как косвенные признаки просоциальности, связанной с каруной (в буддийских странах 40–70% регулярно участвуют в таких действиях) [2];
• публикации по CCT и compassion meditation (Jazaieri et al., 2013; Klimecki et al., 2013; Mascaro et al., 2015) [5, 6, 8];
• труды современных учителей: Нандамала Бхиванса, Саядо Ситагу, Далай-лама XIV, Тхить Нят Хань [9, 10].

Модель построена путём синтеза источников; проценты – гипотетические, выведены косвенно. На основании вторичного анализа опубликованных исследований и статистики посещений буддийских храмов учителями (монахами), например, 55% ≈ сумма регулярных участников ритуалов и благотворительности по Pew). Ограничения: оценочность, фокус на Тхераваде, отсутствие прямых замеров каруны.

Результаты

Гипотетическая модель уровней практики каруны
В этом разделе описываются результаты анализа уровней вовлеченности современных буддистов (каруна) в практику сострадания. В отсутствие прямых глобальных эмпирических данных об этой практике, классической литературы, была предложена гипотетическая модель, основанная на обобщении косвенных социологических показателей и качественных наблюдений за современными учителями. Модель выделяет пять категорий, практикующих среди тех, кто идентифицирует себя как буддистов (табл. 1).

Таблица 1

Уровень практики	Процент (%)	Характеристика
Высокоактивные практикующие	15%	Ежедневная медитация каруны, активная защита живых существ, почти полное участие в благотворительности.
Обычные практикующие	40%	Еженедельные/ежемесячные посещения монастыря, добросовестное выполнение социальных обязанностей, регулярные пожертвования.
Практикующие «Время от времени» или «от случая к случаю»	25%	Практика в праздничные даты (Весак и др.), эпизодические акты милосердия.
Номинальные (формальные)	15%	Культурная идентичность как буддисты без регулярной практики.
Непрактикующие	5%	Отсутствие практики по религиозным или иным причинам.

Рис. 1. Уровни практики каруна

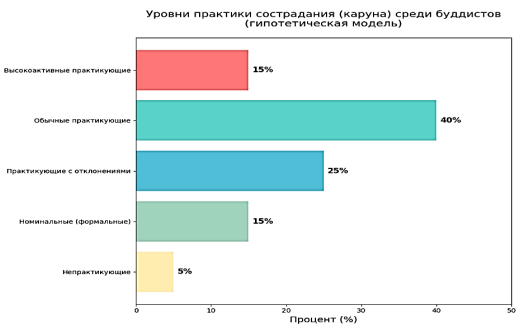


Рис. 2. Уровни реализации каруны (сострадания) в буддийской практике (гипотетическая модель)

Доли условны, иллюстрируют возможное распределение на основе косвенных индикаторов.

Данные Pew (2023) подтверждают: в странах с преобладанием Тхеравады 40–70% населения регулярно участвуют в ритуалах и помощи другим – это примерно соответствует сумме первых двух уровней (55%). Глубокая медитация каруны чаще характерна для монахов и ретритов (рис. 1, 2).

Вывод

Каруна остаётся мощным, хотя и малоизученным ресурсом просоциальности в буддийском мире. Модель показывает, что лишь около 15% буддистов глубоко и систематически развивают активное сострадание, формируя социальное мышление и участие в общественной жизни, тогда как большинство ограничивается традиционными ритуалами. Расширение программ по брахма-вихарам в храмах и светских центрах могло бы усилить эмпатию, снизить конфликты и способствовать социальной гармонии. В будущем полезно провести targeted опросы и полевые исследования именно практики каруны в разных традициях и регионах.

Литература

1. Климецки О.М. и др. Функциональная нейронная пластичность и связанные с ней изменения позитивного аффекта после тренинга сострадания // Кора головного мозга. 2013. Том 23. № 7. С. 1552–1561.
2. Исследовательский центр Pew Research Center. Буддизм, ислам и религиозный плюрализм в Южной и Юго-Восточной Азии. 2023. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2023/09/12/buddhism-islam-and-religious-pluralism-in-south-and-southeast-asia/
3. Джазайери Х. и др. Усиление сострадания: рандомизированное контролируемое исследование программы обучения развитию сострадания // Журнал исследований счастья. 2013. Том 14. № 4. С. 1113–1126.
4. Буддхагхоса. Вишуддхимагга (Путь очищения). Глава IX.
5. Маскаро Дж.С. и др. Медитация сострадания повышает точность эмпатии и связанную с ней нейронную активность // Социальная когнитивная и аффективная нейронаука. 2013. Том 8. № 1. С. 48–55.
6. Карания-Метта сутта (Сутта Нипата 1.8).
7. Тич Нат Ханх. Суть учения Будды. 1999.
8. Его Святейшество Далай-лама XIV. Различные работы о сострадании касались и буддизма.

THE PRACTICE OF COMPASSION (KARUNA) IN BUDDHISM: LEVELS OF ENGAGEMENT AND SOCIAL SIGNIFICANCE

Nanda Marlarlankara, Mikhailova M.V.
Moscow State Technological University

The article is devoted to the analysis of Buddhist virtue – karuna (compassion) as an active practice of alleviating the suffering of all living beings and one of the four "divine abodes" (Brahma-vihar). Based on classical Buddhist texts and the generalization of modern sociological and psychological data, a hypothetical model has been developed that reflects the degree of involvement of today's Buddhists in the systematic development of karuna. There are five levels: from highly active practitioners to completely non-practitioners. Deep learning of karuna contributes to the formation of a special type of social thinking, which is expressed in regular participation in charity and community projects. The study highlights the possibilities of using the karuna tradition to reduce tension in society and strengthen mutual understanding between people.

Keywords: compassion, brahma viharas, Buddhist meditation, karuna practice, prosocial behavior

References

1. Klimecki O.M. et al. Functional neural plasticity and associated changes in positive affect after compassion training // Cerebral Cortex. 2013. Vol. 23. № 7. P. 1552–1561.
2. Pew Research Center. Buddhism, Islam and Religious Pluralism in South and Southeast Asia. 2023. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2023/09/12/buddhism-islam-and-religious-pluralism-in-south-and-southeast-asia/
3. Jazaieri H. et al. Enhancing compassion: A randomized controlled trial of a compassion cultivation training program // Journal of Happiness Studies. 2013. Vol. 14. № 4. P. 1113–1126.
4. Buddhaghosa. Vishuddhimagga (The Path of Purification). Chapter IX.
5. Mascaro J.S. et al. Compassion meditation enhances empathic accuracy and related neural activity // Social Cognitive and Affective Neuroscience. 2013. Vol. 8. № 1. P. 48–55.
6. Karania-Metta sutta (Sutta Nipata 1.8).
7. Thich Nhat Hanh. The Heart of the Buddha's Teaching. 1999.
8. His Holiness the Dalai Lama XIV. Various works on compassion and engaged Buddhism.

Диалог христианской и индийской философских традиций в литературе. Пути преодоления духовной гордыни у Л.Н. Толстого и Г. Гессе

Сарсания Руслан,
магистр философии, РУДН
E-mail: davidsarsaniya@gmail.com

В статье рассматривается проблема духовной идентичности в условиях диалога культур. Проводится сравнительный анализ повестей Л.Н. Толстого «Отец Сергий» и Г. Гессе «Сиддхартха». Выявляются типологические схождения в путях главных героев, преодолевающих искушение духовной гордыней. Исследование демонстрирует, как синтез христианской и индийской философских традиций позволяет авторам сформулировать универсальную концепцию обретения истины через отказ от институциональных форм святости.

Ключевые слова: диалог культур, духовная гордыня, религиозная философия, компаративистика, аскеза.

В эпоху глобализации и интенсивного межкультурного взаимодействия классическая литература становится важнейшим пространством для религиозно-философского синтеза. Взаимодействие интеллектуальных традиций Востока и Запада позволяет по-новому взглянуть на универсальные антропологические проблемы, среди которых центральное место занимает поиск подлинной идентичности. В рамках сравнительного анализа особый интерес представляет философский диалог между творчеством Л.Н. Толстого и Г. Гессе. Как отмечают исследователи, сам Л.Н. Толстой глубоко изучал и высоко ценил восточные традиции, включая буддизм и брахманизм, находя в них единую универсальную этическую основу, свободную от институциональных рамок (Гусейнов, 2018, с. 12). Несмотря на культурную и хронологическую дистанцию, разделяющую повесть «Отец Сергий» и роман «Сиддхартха», оба автора обращаются к одной и той же ментальной ловушке, подстерегающей человека на пути самосовершенствования, – к феномену духовной гордыни. Преодоление этого кризиса в творчестве данных писателей предоставляет нам возможность предложить оригинальный вариант восточного синтеза в сравнении христианского кенозиса и индийской концепции недвойственности.

Аскеза и ловушка духовного эгоизма

Сюжетные линии князя Степана Касаткина (отца Сергия) и брахмана Сиддхартхи демонстрируют поразительное структурное сходство в описании начального этапа их духовного восхождения. Оба эти героя совершают радикальный разрыв с привычной социальной средой, отказываясь от мирских благ, высокого статуса и признания ради достижения абсолютной чистоты и совершенства. Для отца Сергия духовным образцом становится традиция Древнего патерика – раннехристианского опыта отшельников-пустынножителей (Древний патерик, 2009). Князь Касаткин стремится убежать от высокосветской жизни в монашество и подчинить плоть духу через жесткую дисциплину, послушание и затворничество. Л.Н. Толстой, обнажая скрытый мотив этого бегства, показывает, что в основе монашеского подвига отца Сергия (князя Касаткина), лежит скрытая потребность в первенстве и утверждении собственного эго. Аскеза для него становится не инструментом смирения, а новой формой сублимированного тщеславия, когда физическая боль и самоистязание превращаются в пьедестал для гордыни. Став знаменитым «старцем» и «чудотворцем», Сергий все-таки осознает, что его праведность лишилась внутреннего божественного содержания, превратившись в публичный ритуал, совершаемый ради людской похвалы: «Он думал о том, что он был светильник горящий, и чем больше он чувствовал это, тем больше он чувствовал ослабление, потухание божеского света истины, горящего в нем. «Насколько то, что я делаю, для бога и насколько для людей?» – вот вопрос, который постоянно мучал его и на который он никогда не то что не мог, но не решался ответить себе. Он чувствовал в глубине души, что дьявол подменил всю его деятельность для бога деятельностью для людей» (Толстой, 1982, с. 367).

Этот же парадокс аскетического эгоизма Г. Гессе исследует на материале индийской духовности. Сын брахмана, молодой Сиддхартха, присоединяясь к лесным аскетам-шраманам, обучается суровым практикам самоотречения. Он истязает тапасом свое тело, достигает определенных состояний духа, однако вскоре приходит к выводу, что такое умерщвление плоти – это лишь временный побег от собственного Я. Гессе в этом образе подчеркивает, что гордыня искусного «созерцателя» и «праведника-аскета» лишь укрепляет границы его эго, отделяя его от подлинного постижения Атмана. Сиддхартха также приходит к пониманию того, что через механическое исполнение предписаний невозможно обрести мудрость. Как отмечается в тексте романа, передать другому можно знание, но не мудрость, поскольку истина должна быть пережита лично, а не усвоена в виде готового учения (Гессе, 2015, с. 137). Таким образом, и Толстой, и Гессе приходят к пониманию того, что формально-институциональная святость и жесткий дуализм духа и материи часто ведут к духовному самообману.

Онтология падения

Важнейшим пунктом расхождения и в то же время глубокого типологического единства авторов является концептуализация кризиса и падения их героев. Духовная гордыня не может быть преодолена

терапевтическими методами или только лишь усилием воли; для ее разрушения требуется полное сокрушение прежней идентичности, самости. Однако понимание этого у Толстого и Гессе различно. Падение отца Сергия происходит стремительно и описывается Толстым через категорию обыденной, отталкивающей пошлости. Грехопадение со слабоумной купеческой дочерью вызывает у героя глубокое эстетическое и нравственное отвращение. Этот внезапный срыв мгновенно уничтожает искусственно выстроенный статус «святого» старца, обнажая перед Сергием его собственную немощь. Падение здесь преподносится как нечто духовно травматическое, но для него это спасительное обнуление самости.

Напротив, падение Сиддхартхи у Гессе носит характер длительного, осознанного погружения в сансару. Герой должен до конца пройти путь мирских искушений – познать плотскую страсть с куртизанкой, жажду наживы, азартные игры и роскошь. Этот процесс растягивается на десятилетия, превращаясь в постепенное духовное омертвление. Сиддхартха должен полностью исчерпать потенциал своего эгоистического существования, дойти до крайней точки экзистенциального отчаяния и мыслей о самоубийстве, чтобы разрушить ложную самость. Таким образом, если у Толстого падение – это резкий шок, разрушающий иллюзию праведности, то у Гессе – это собирательный опыт, необходимая ступень познания мира в его целостности, без которой невозможно достижение истинного освобождения.

Топос Реки и бессознательное служение

Точка окончательного прозрения в обоих произведениях связана с обретением истинных наставников, которые кардинально отличаются от традиционных в нашем понимании духовных авторитетов. Для сломленного отца Сергия таким проводником становится подруга детства – Пашенька. Ее жизнь представляет собой непрерывное, жертвенное служение семье, она терпит пьяницу-мужа и содержит дочь с зятем. При этом Пашенька полностью лишена духовной рефлексии; она искренне считает себя никчемной и грешной. Глядя на нее, Сергий осознает, что истинный Бог присутствует не в его многолетних монастырских подвигах, питавших гордыню, а в этом незаметном, обыденном кенозисе. Пашенька становится для него главным духовным уроком. Сергий ожидает увидеть великую подвижницу, но находит ее в бытовой рутине. Поняв, что Пашенька тихо и незаметно живет с истинной верой в душе – не напоказ и без гордыни – Сергий осознает собственную неправедность. Он понимает, что всю жизнь жил «для людей под предлогом Бога», тогда как Пашенька искренне жила для Бога. Итогом беседы становится выбор отца Сергия обрести покой, лишь став безвестным бродягой, растворившись в народной массе и утратив не только статус, но и собственное имя (Толстой, 1982, с. 384). Толстой пишет в своих заметках к «Отцу Сергию»: «Он узнал, что значит полагаться на бога только тогда, когда совсем безвозвратно погиб в глазах людей. Только тогда он узнал твердость, полную жизни. Явилось полное равнодушие к людям и их действиям. Его берут, судят, допрашивают, спасают, – ему всё равно. – Два состояния: первое – славы людской – тревога, второе – преданность воле божьей, полное спокойствие» (10 июня 1891 г.)» (Толстой, 1984, т. 21, с. 464).

В «Сиддхартхе» аналогичную роль выполняет топос Реки и образ простого паромщика Васудевы. Река становится абсолютным учителем, символизирующим преодоление дуализма и нераздельное единство всего сущего. Гессе использует этот образ для выражения восточного синтеза: истина открывается не в сложных теологических концепциях, а в умении безмолвно слушать мир. Кульминацией духовного поиска Сиддхартхи становится момент, когда тысячеголосая песнь реки, вобравшая в себя все страдания, радости, добро и зло, сливается для него в единое совершенное слово «Ом» (Гессе, 2015, с. 86). Именно в этом недвойственном восприятии бытия окончательно растворяется эгоистическая самость героя. Как подчеркивается в тексте романа, искать – значит иметь цель, а находить – значит быть свободным от нее (Гессе, 2015, с. 135). Эта абсолютная свобода от амбициозного целеполагания роднит просветленного Сиддхартху с толстовской Пашенькой, чья святость бессознательна и естественна.

Заключение

Проанализировав два произведения, мы понимаем глубокое типологическое родство в решении проблемы духовной идентичности у Л.Н. Толстого и Г. Гессе. Оба мыслителя приходят к категоричному отрицанию элитарной, институциональной святости. Диалог христианской этики смирения и восточной философии недвойственности приводит авторов к единому знаменателю: подлинная духовность обретается не через возвышение над миром в искусственной аскезе, а через деятельное, лишенное горделивой рефлексии растворение в потоке жизни. Этот вывод делает опыт обоих писателей чрезвычайно актуальным для современного человека, ищущего ценностную опору в глобальном мире, где границы между религиозными и философскими системами становятся все более проницаемыми.

Литература

1. Гессе Г. Сиддхартха. Путешествие к земле Востока. М.: АСТ, 2015. 224 с.
2. Древний патерик, изложенный по главам / пер. с греч. М.: Правило веры, 2009. 496 с.
3. Толстой Л.Н. Отец Сергий // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1982. Т. 12. С. 342–384.
4. Толстой Л.Н. Дневники. 1891 г. // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 21. С. 450–475.
5. Гусейнов А.А. Философское наследие Л.Н. Толстого: интервью Предрага Чичовачки // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 5–21.

DIALOGUE BETWEEN CHRISTIAN AND INDIAN PHILOSOPHICAL TRADITIONS IN LITERATURE. PATHS TO OVERCOMING SPIRITUAL PRIDE IN LEO TOLSTOY AND HEINRICH HESSE

Sarsaniya R.
Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the problem of spiritual identity in the context of a dialogue of cultures. A comparative analysis of the novels of Leo Tolstoy "Father Sergius" and G. Hesse "Siddhartha" is carried out. Typological similarities in the ways of the main characters overcoming the temptation of spiritual pride are revealed. The study demonstrates how the synthesis of Christian and Indian philosophical traditions allows the authors to formulate a universal concept of gaining truth through the rejection of institutional forms of holiness.

Keywords: dialogue of cultures, spiritual pride, religious philosophy, comparative studies, asceticism.

References

1. Hesse G. Siddhartha: Journey to the Land of the East. Moscow: AST, 2015. 224 p.
2. The Ancient Patericon, Organized Chapter by Chapter / Translated from Greek. Moscow: Rule of Faith, 2009. 496 p.
3. Tolstoy L.N. Father Sergius // Tolstoy L.N. Collected Works in 22 Volumes. Moscow: Fiction, 1982. Vol. 12. pp. 342–384.
4. Tolstoy L.N. Diaries. 1891 // Tolstoy L.N. Collected Works in 22 Volumes. Moscow: Fiction, 1984. Vol. 21. pp. 450–475.
5. Guseinov A.A. The Philosophical Heritage of L.N. Tolstoy: Interview with Predrag Cicovački // Philosophical Journal. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 5–21.

О концепции несотворенной любви в христианстве

Бужор Евгения Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: ESBuzhor@fa.ru

Базилико Эдоардо Антонио,
кандидат филологических наук, ассистент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: edoardobasilico92@gmail.com

Шарова Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: MASharova@fa.ru

В статье анализируется христианское понимание любви, рассматриваемое в качестве ключевого фактора онтологического преображения реальности, которое христианство стремилось раскрыть и обосновать. При этом любовь предстаёт как нравственный принцип, не утративший своей значимости и в современную эпоху. Выдвигается тезис, что в христианстве было выработало новое понятие нетварной любви как сущности Бога, а также что человеку было предложено реализовывать нетварную божественную любовь в земном мире. Акцент сделан на таких понятиях нетварной любви как «свобода», «универсальность» и «альтруистичность». Категориальное различие понятий милосердия в Ветхом и Новом Заветах рассматривается как наглядная демонстрация того, как христианская мысль осуществила концептуализацию нового, онтологически более высокого типа любви. Авторы приходят к выводу, что нетварная любовь представляет собой большой вызов человеку, связанному условиями земного существования, но в конечном счете является для него благом, позволяя утверждать истинную бытийственность.

Ключевые слова: нетварная любовь, агапэ, заповедь, свобода, милосердие, сострадание, самоотвержение, справедливость.

Введение. Проблема новизны христианского понимания любви в контексте историко-философской традиции

В работе на основе «диалектического снятия» Ветхого и Нового Заветов рассматривается христианское понимание любви, выявляется его отличие от ветхозаветного и показывается, как это отличие открывает новые горизонты богопознания [12, с. 65]. Методологическая новизна исследования основана на переосмыслении предшествующей концептуальной христианской традиции, которая заключается в отказе от противопоставления Ветхого и Нового Заветов как изолированных этапов и в рассмотрении христианского учения о любви как энергийного обожения человека, где жертвенное милосердие становится онтологическим, а не только этическим принципом.

Традиционно последователями Иисуса Христа его воплощение воспринималось как метафизическое преображение мира, упраздняющее смерть и провозглашающее учение о новом человечестве, где разногласия, унаследованные от искажения «первого творения», преодолены во всеохватывающем радостном «новом творении» [9, с. 177]. В основе новых межчеловеческих отношений лежала онтологическая связь человека с Богом – отношение богосыновства, признававшее всех людей братьями и сёстрами, тем самым утверждавшее всеобщее братство как нормативный принцип социальной реальности [9, с. 171]. Апостол Павел в послании к Галатам называет это переходом из состояния рабства в состояние свободы: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5:1). В том же послании к Галатам Павел разъясняет, что призвание к свободе требует нового образа жизни – служить друг другу любовью: «К свободе призваны вы, братия,… любовию служите друг другу», буквально «через любовь» (δια της αγάπης) (Гал. 5:13).

Из высказывания ап. Павла возникает вопрос: не является ли служение друг другу любовью экзистенциально-этическим принципом, конституирующим новую реальность и нового человека? Не в проповеди ли любви заключен ключевой элемент евангельского благовестия? На это можно, пожалуй, возразить, что в проповеди любви нет ничего собственно нового, поскольку уже в Ветхом Завете было возвещено, что верующему следует любить Бога и ближнего. Христос в общении с народом повторил две «старые» заповеди о любви к Богу и о любви к ближнему, как самому себе, добавив, что «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:37–40) и что «иной большей сих заповеди нет» (Лк. 12:30–31). В философии религии допустимо, что Христос пришёл не отменить, а укрепить заповеди любви, известные еще со времен Ветхого Завета.

Философия ветхозаветной любви как тварной, обусловленной и эгоцентричной

Ветхозаветная любовь полагала устремления к Богу «от всего сердца» (Втор. 11:13), выражалась в верности Его завету и послушании, была сопряжена со страхом перед Ним. В христианстве закрепилось понимание любви к Богу как метафоры соблюдения Его заповедей: «Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его» (1 Ин. 5:3), то есть раз я соблюдаю заповеди, то тем самым люблю Бога. С точки зрения философии религии, ветхозаветная заповедь любви к ближнему эксплицирована слабо (только запреты, без позитивных предписаний [1, с. 47]). Её смысл сводится к любви к себе – природной эгоцентрической установке самоутверждения, обусловленной тварностью человека. Любовь к ближнему как к себе не предполагает онтологического преображения, поскольку реализуется природными способностями человека – ее можно усилить, привести к балансу эгоистической и альтруистической составляющих: любить другого не больше, чем себя.

Если остановиться на таком понимании, то в Павловом призыве служить друг другу любовью нет ничего новаторского, и в таком случае новизну евангельского благовестия следует искать в других постулатах. Можно предположить, что она заключается и в новом понимании любви. Нам представляется, что новое понимание любви основано на откровении христианства о сущности Бога, сформулированном в Первом послании апостола Иоанна: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:16). Так в метафизическом плане Новый Завет обращается не к способности Бога любить, о чем было хорошо известно и ранее, а о тождестве Его сущности с любовью: «Бог есть Сам в Себе всесовершенная Любовь» [6].

Онтология божественной сущности: агапе как нетварная любовь

В греческом оригинале Евангелия слово любовь в высказывании «Бог есть любовь» передано словом «агапэ» (ὁ θεὸς ἀγάπη ἐστίν). Это слово использовали еще в Септуагинте, первом переводе Ветхого Завета на древнегреческий язык. По мнению исследователей, этот термин был выбран переводчиками намеренно, для того чтобы противостоять понимаю любви носителями языческой культуры [2]. В силу семантики, понятие «агапэ» лучше других греческих терминов передаёт существенные стороны любви в свете библейского миропонимания, особенно если сравнить агапэ с другими наиболее употребительными словами, выражавшими оттенки этого чувства: эросом – любовью-влечением и филией – любовью-дружбой. Так, если эрос и филия, пусть в разной степени, предполагают избирательность своего объекта и даже (в случае эроса) захваченность им, то в агапэ нет индивидуального предпочтения, она не аффицируется, не определяется объектом и в этом смысле есть чистая спонтанность. Агапэ простирается ко всем сразу и ни к кому в отдельности. Агапэ может быть обращена к конкретному индивиду, но не исключительно, а в той мере, в какой она обращена ко всем другим людям. Агапэ – это любовь ко многим, в пределе ко всем. Она всеохватна, универсальна и этим отличается от эроса и филии, которые партикулярны, поскольку нельзя испытывать эротическое влечение к всем объектам, равно как нельзя переживать дружескую приязнь ко всем.

Агапэ не подразумевает взаимности, чем отличается как от эроса, так и от филии, которые требуют участия другого в своей любви к нему. Агапэ представляет собой альтруизм, не ожидающий отдачи от тех, на кого она направлена. Если эрос ищет в другом исключительно собственного блага, а филия сочетает поиск блага как для себя, так и для другого, то агапэ ищет блага не для себя, а лишь для другого [8]. По П.А. Флоренскому, «…ἀγάπη… означает такую любовь, которая чрез решение воли избирает себе свой объект (dilectio), так что делается само-отрицающимся и сострадательным отданием себя для и ради него» [17, с. 406]. С философско-религиозной точки зрения, семантические свойства агапэ – субъектность/спонтанность, не связанность объектом, отсутствие эгоцентризма и самоутверждения – позволяют понять, почему именно это слово оказалось пригодным для обозначения любви в библейском контексте. В христианстве агапэ, отнесённая к Богу, обрела абсолютные характеристики: немотивированность (любовь по свободному произволению), всеохватность (без разделения на достойных и недостойных) и безусловную самоотдачу, достигающую самоотвержения.

Онтологическое возвышение агапэ до божественного уровня стало возможным благодаря событию воплощения и земной жизни Иисуса Христа, который явил божественную любовь в её полноте в условиях тварного бытия. В личности Христа, согласно ап. Иоанну, воплотилось не только Слово, но сама Любовь. Именно личность, поступки и учение Христа привели учеников к открытию: Бог есть нетварная любовь, и именно этой любовью Он любит творение и человека.

Новая заповедь: антропологический поворот от естественной любви к нетварной

Христианство предлагает человеку усвоить агапэ, что, по сути, и составляет ядро возвещённой им онтологической и антропологической трансформации. Об этом свидетельствуют слова Христа, произнесённые Им на Тайной вечере: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13:34). Смысл этой заповеди трудно переоценить. Ветхозаветные заповеди любви (к Богу и ближнему как к себе) были обращены ко всем. Новая же заповедь – тайная, для посвящённых, и её содержание небывало: любить друг друга не как себя, а как Христос возлюбил учеников, то есть по образу нетварной любви Самого Бога. Р.Г. Апресян так же отмечает, что, наставляя: «да любите друг друга, как Я возлюбил вас», – Христос «меняет архитектонику» божественной любви» [1, с. 52]. Таким образом, различаются две заповеди: первая – естественная, тварная любовь, основанная на самоутверждении и означающая любить другого как себя; а вторая – сверхъестественная, нетварная любовь, безусловная и превышающая любовь к себе, исходящая из способности любить другого так, как любит Бог.

Если наше рассуждение, что Христос возвестил заповедь, предлагающую заменить тварную любовь нетварной, имеет смысл, то это позволяет лучше понять, почему христианское вероучение предполагало онтологическую трансформацию. Ведь, по сути, человеку, тварному существу предлагается начать жить по божественному способу бытия, по способу нетварной любви, что требовало совлечения прежнего, «ветхого» образа бытия и облечения в новый. Соответственно одна из задач деятельности учеников-апостолов заключалась в том, чтобы возвестить людям это новое понимание Бога как любви-агапэ и призвать их к применению божественной нетварной любви в тварном и небожественном мире. «Неестественность» новой установки нашла заостренное выражение в словах Христа о том, что не стоит заботиться о насущных нуждах и завтрашнем дне (Мф. 6:34), что, с точки зрения здравого смысла, полностью противоречит условиям земной действительности.

Подтверждение тому, что апостолы, следуя Христу, проповедовали среди новообращенных нетварную любовь, можно найти в посланиях ап. Павла. С одной стороны, в ряде своих посланий Павел по-прежнему говорит о естественной любви как исполнении закона (Рим. 13:10), повторяя аргумент Христа, что, любя ближнего как самого себя, человек способен исполнить все заповеди. С другой стороны, в послании к Колоссянам Павел предлагает членам общины облечься в духовные добродетели, которые подобают «новому человеку» (милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение и т.д.), но более всего призывает облечься в любовь, которую именует «совокупностью совершенства» (σύνδεσμος τῆς τελειότητος) (Кол. 3:14). В апостольском понимании любовь, будучи «совокупностью совершенства» является онтологически и этически связующим звеном, объединяя отдельные духовные добродетели и харизматические дары в единое, внутренне согласованное целое – «итак, будьте совершенны (τέλειοι), как совершен (τέλειος) Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

Трансформация понятия «ближний»: от партикулярной замкнутости к универсальной открытости

Еще одно доказательство того, что Христос привнес новую заповедь нетварной любви можно увидеть в новом понимании ближнего. Ветхозаветное понимание ближнего, в сущности, ограничивало его кругом соплеменников или представителями тех народов, которые проживали на одной территории. Само слово «ближний» в древнееврейском оригинале означало «такой же, как ты» или «подобный тебе» – родственник, сосед, единоверец [4, с. 6] и даже «товарищ», «приятель», «соратник», то есть свой человек [1, с. 46]. Христос, однако, не принимает заповеди любви к ближнему, если этой заповедью «ближние» как близкие (сородичи, братья по вере, соседи) отделяются от «дальних» как чужих и врагов [1, с. 51]. В Нагорной проповеди Христос расширяет понятие ближнего до любого человека, устраняя разницу между ближним/своим и дальним/чужим, делая акцент на ценности человека как такового. Благодаря тому, что ближним признается не только сородич, но любой человек – любовь-агапэ проявляет одну из своих существенных характеристик – всеобщность, резко отличающую ее от ветхозаветной заповеди любви к ближнему [4, с. 6; 1, с. 50].

Преломляясь сквозь среду тварного мира, нетварная любовь приобретает новые грани и краски. Поэтому еще одна характеристика ближнего, которого Бог призывает возлюбить любовью-агапэ, – это страдающий или нуждающийся ближний. Так любовь-агапэ в условиях тварного мира окрашивается чувством жалости к бренности земного бытия, приобретает деятельный характер доброжелательства, заботы, оказания реальной помощи. При этом творение добра под воздействием сострадания предполагает самоограничение, а значит и страдание любящего [3, с. 22]. Христианское понимание определило эту сострадающую деятельную любовь как милосердие.

Милосердие в христианстве – деятельное проявление любви к ближнему, ключевая идея, почти неотличимая от самой агапэ, позволяющее различить тварную и нетварную любовь. Милосердие или милость и даже, еще более конкретно, милостыня – это «любовь не словом или языком, но делом или истиною» (1 Ин. 3:17–18). Р.Г. Апресян называет агапэ любовью-милосердием [1, с. 42]). В Ветхом Завете милосердие Бога не безусловно: оно соразмерно поведению человека и включено в порядок справедливого воздаяния, где наказание и прощение уравновешивают друг друга как две стороны одной реалии [10, с. 113; 1, с. 43].

Ветхозаветное милосердие обусловлено логикой справедливости, так как всегда сопряжено с наказанием и выступает смягчённой формой правосудия. Можно сказать, что милосердие Ветхого Завета является «щадящей (мягкой) формой самой справедливости [3, с. 20]. Отсюда вытекает и требование к человеку быть милосердным, потому что только милость к ближнему способна сделать и Бога милостивым в отношении человека [7]. Это тип милосердия, который являет Ветхий Завет и относится к типу естественного милосердия. Именно так именовал его святитель Игнатий Брянчанинов, считая, что оно возникает по движению крови или «от чувств сердечных» [14].

Жертвенность как предел нетварной любви: интенсивная бесконечность и самопожертвование

В христианстве, в отличие от Ветхого Завета, утверждается безусловное божественное милосердие, проистекающее из нетварной любви,

которое не зависит от поведения человека, так как Бог дарует прощение прежде обращения, а не требует его как предварительное условие [8]. В онтологии христианства милосердие безусловно, поскольку идея божественной справедливости уступает место милосердию, которое, по Исааку Сирину, противоположно правосудию и не имеет с ним ничего общего [11, с. 419].

Однако, в Новом Завете есть изречения, которые в ветхозаветном духе говорят о тварном, обусловленном милосердии. Нагорная проповедь гласит: «…а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6:15). Пятая заповедь блаженства, данная Христом: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5:7), – обобщает ветхозаветную логику обусловленного милосердия, тогда как наставление «будьте милосерды, как Отец ваш» (Лк. 6:36) задаёт новозаветный образец безусловного милосердия.

Оба изречения восходят к разным онтологическим модусам милосердия: если первое, – о милостивых – предполагает онтологию воздаяния, поскольку бытие милосердия человека и Бога связано условием взаимности; то второе, – «будьте милосерды, как Отец» – отсылает к нетварному, безусловному милосердию, онтологически предшествующему любым заслугам или наказаниям. «Благотворите и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая» (Лк. 6:35), – продолжает Христос. Какая же это награда великая? В ветхозаветной логике награда может быть только такой – вы будете помилованы Богом. Однако в продолжение этого изречения Христос говорит о другой награде: «и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым» (Лк. 6:35). Христос рассуждает здесь в логике богосыновства, а не в логике раба или наемника, о которой говорилось в Ветхом Завете.

Истинное (= безусловное) христианское милосердие – это распространение на других той благодати, которую человек получает от Бога, а не та милость, которую он способен оказывать «от чувств сердечных», по выражению Игнатия Брянчанинова [14]. В христианстве безусловное милосердие как свойство Бога и нетварная божественная любовь открываются через Христа, явившего деятельную любовь – милосердие во время своей земной жизни. По Е.М. Березиной, «в Новом завете в качестве прообраза любви к ближнему является не себялюбие, а именно милосердие Бога»; «Сам Христос воплощает и олицетворяет это милосердие, т.е. он Сам, в определенном смысле, – милосердие» [3, с. 22, 20].

Христос также дал пример не только всеохватности деятельной любви-агапэ – милосердия, но и его интенсивности: забота и попечение о нуждающемся ближнем доходят у Него до полного самоотречения, не требуя ничего взамен, что делает эту любовь самоотвержением. Это стало проявлением такого свойства любви-агапэ, как отсутствие требования воздаяния и взаимности.

Наивысшим проявлением божественного милосердия явилось милосердие Бога-Отца, которое раскрыл людям Иисус, возвестив, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). Христианская этика акцентирует на жертвенности нетварной любви, эксплицируя такое ее свойство, как бесконечность – для того, чтобы оказывать помощь и заботу другим так, как это делает Бог, нужно быть готовым отдать свою жизнь. Выше мы говорили, что любовь-сострадание включает в себя страдание любящего, теперь видим, что самоотдача, самоотречение имеет своим пределом самопожертвование, то есть принятие смерти как высшего страдания. Таким образом, результирующим определением нетварной любви в ее практическом преломлении является жертвенное милосердие.

Если предлагаемая Христом божественная любовь такова, как мы ее описали, то она поистине может показаться невыносимым бременем для человека как тварного существа, которому, по сути, предлагается отдать свою жизнь за других людей, что в корне противоречит заботе о себе, самосохранению. Становится более наглядным, почему Христос так настойчиво повторял, что Его учение не от мира сего, ведь следование этому учению ослабляет, если не отрицает вовсе жизненный потенциал человека в тварном мире. Для того, кто принял это учение и следует ему, жизнь становится непредсказуемой и неустойчивой. В материально-телесном мире неограниченная самоотдача приводит к лишениям, страданиям и смерти.

Зачем же тогда человеку предлагается это бремя нетварной любви? Зачем предлагается путь страдания и жертвы? Почему человек должен принять его, какая для него может быть целесообразность или преимущество в принятии и реализации нетварной любви, оборачивающейся для него такими пугающими последствиями как страдания, утрата себя, самопожертвование?

Смысл принятия нетварной любви: обожение и переход от рабства к богосыновству

В ответе на этот вопрос мы оставим в стороне мотивы воздаяния, награды, в духе того, что практикующие нисходящую к ним от Бога любовь наследуют жизнь вечную. Такого рода мотивы неизменно присутствуют в религиозных сочинениях, в том числе в отношении к любви. Так, святитель Григорий Палама говорит: «явим любовь другу к другу, дабы и от Бога получить нам любовь» [13]. Однако такие изречения, могли допускаться разве что в дидактических целях. Ведь, как мы уже рассмотрели на примере милосердия, логика «если вы сделаете то-то, то получите то-то» едва ли применима к таком предмету, как любовь, потому что *Бог уже первым возлюбил нас*, не дожидаясь нашего покаяния и обращения («В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши» (1 Ин. 4:10)).

Онтологическое открытие христианства в том, что Бог уже любит человека безусловной любовью и призывает человека тоже вступить в эту любовь, принять ее как дар. Поскольку Бог первым возлюбил нас, то любовь теперь – это не столько «заповедь», сколько ответ человека на дар любви, с которой Бог идет ему навстречу [2]. Поэтому здесь действует другая логика, логика не условия, а логика ответа, логика не угождения Богу, а логика последования Ему. Логика не раба, но логика друга в том смысле, в каком эти понятия противопоставил Христос на Тайной Вечери (Ин. 15:15). Таким образом, целесообразность и «преимущество» в принятии нетварной любви для человека состоят в том, чтобы стать «другом Христа», перейти из состояния раба в состояние богосыновства.

Можно сказать, что у истоков христианского бытия лежит не какое-то этическое решение либо великая идея, – но скорее встреча с неким событием, с Личностью, которая, открывая жизни новый горизонт, тем самым указывает ей решающее направление [2]. Это событие встречи с Личностью Бога и понимание, что суть этой Личности – любовь.

Заключение. Любовь как онтологическое основание подлинного человеческого бытия

Перифразируя максиму, что наградой за добродетель является сама добродетель, можно сказать, что наградой за любовь является сама любовь. Смысл принятия нетварной любви заключается в том, что человек, ни в чём не сходный с Богом по природе, свободно усваивает качество божественного бытия – и тем самым уподобляется Богу по способу существования, «любовь оказывается путем совершенствования, обожения» [1, с. 56]). Нельзя здесь не вспомнить слова ап. Павла, что если я «не имею любви – то я ничто» (1 Кор. 13:2), по сути поднимающие вопрос об онтологическом статусе человека. В христианской этике «человек нелюбящий», является contradictio in adjecto – если человек не живет в любви, то он едва ли может называться человеком. Иоанн Златоуст утверждал, что «человек должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком… Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком…» [16]. «Милостивый – тот и есть человек; ибо миловать значит быть Богом» [15]. Возникает парадоксальность: с одной стороны, именно милосердие (= деятельная любовь) делает человека человеком; а с другой – милосердие есть признак Божества, причем не в акцидентальном, а в сущностном смысле, «ибо миловать значит быть Богом».

С позиции христианской антропологии человек подлинно есть человек тогда, когда он – не по сущности, а по энергии – становится Богом, пребывая в нисходящем от Бога потоке любви. В Первом послании ап. Иоанн говорит: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16), и именно эта бытийственность дает человеку подлинный онтологический статус. Религиовед К.В. Зенин, акцентируя на значимости нетварной любви в философии христианства, отмечает, что «в любви человек вдруг обнаруживает, находит себя бытийствующим» [5, с. 210]. Принятие дара божественной любви означает пребывание даже не столько с Богом (перед лицом Бога, как это было в Ветхом Завете), сколько в Боге, что само по себе является высшей наградой. По слову ап. Иакова, «кто вникнет в закон совершенный, [закон] свободы (а «закон свободы», следуя ап. Павлу, является одновременно и «законом любви» (Гал. 5:13) – Е.Б.), и пребудет в нем, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии» (Иак. 1:25).

Литература

1. Апресян Р.Г. Агапэ // Человек. 2015. № 2. С. 42–56.

2. Бенедикт XVI Энциклика «Deus caritas est». Электронный ресурс (URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/ru/encyclicals/

documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est.html, дата обращения: 27.03.2026)

3. Березина Е.М. Идея милосердия в религиозной морали // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2010. № 4. С. 19–22.

4. Березина Е.М. Милосердие: опыт определения понятия // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 1. С. 5–10.

5. Зенин К.В. Идеал любви в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник РГГУ. 2010. № 13. С. 209–218.

6. Любовь. Православная энциклопедия. Электронный ресурс (URL: https://azbyka.ru/lyubov#ch_0_7, дата обращения: 27.03.2026).

7. Иеродиакон Арсений (Соколов) Милосердие и благотворительность у древних евреев (по Священному Писанию Ветхого Завета). Электронный ресурс (URL: https://social-orthodox.info/pages/1_1_arseniy_sokolov.htm, дата обращения: 27.03.2026).

8. Игумен Арсений (Соколов) Притчи о милосердии в 15-й главе Евангелия от Луки. Электронный ресурс (URL: https://www.ippo.ru/news/article/statya-chlena-soveta-ippo-igumena-arseniya-sokolov-308229?ysclid=mmz6snxi46960196465, дата обращения: 27.03.2026).

9. Милано А. Женщина и любовь в Библии. Эрос, агапа, личность. – СПб.: Алетейя, 2011. – 344 с.

10. Митрополит Иларион (Алфеев) Иисус Христос. Жизнь и учение. В 6 кн. Кн. 2: Нагорная проповедь. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. – 615 с.

11. Преподобный Исаак Сирин Слова подвижнические. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря., 2102. – 848 с.

12. Протоиерей Игорь Рогатенюк Диспенсационализм как модель соотношения Ветхого и Нового Заветов // Христианское чтение. № 2. 2019. С. 65–74.

13. Святитель Григорий Палама Омилия 4. На Евангелие о Втором Пришествии Христовом и о милосердии и благотворении. Электронный ресурс (URL: https://predanie.ru/book/69154-grigoriy-palama-omilii/?ysclid=mn6adwn7uu481673048#/toc4, дата обращения: 27.03.2026).

14. Святитель Игнатий (Брянчанинов) К некоторому настоятелю: о милосердии. Электронный ресурс (URL: https://verapravoslavnaya.ru/? Ignatii_Bryanchaninov_Pismzma_k_monashestvuyushim, дата обращения: 27.03.2026).

15. Святитель Иоанн Златоуст Беседы на послание к Филиппийцам. Электронный ресурс (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-poslanie-k-filippijtsam/4, дата обращения: 27.03.2026).

16. Святитель Иоанн Златоуст Симфония по творениям свт. Иоанна Златоуста. Электронный ресурс (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/simfonija-po-tvorenijam-svt-ioanna-zlatousta/81, дата обращения: 27.03.2026).

17. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. – Москва: Правда, 1990. – 490 с.

ON THE CONCEPT OF UNCREATED LOVE IN CHRISTIANITY

Buzhor E.S., Basilicò E.A., Sharova M.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the Christian understanding of love, which is considered to be a key factor in the ontological transformation of reality that Christianity sought to reveal and justify. In this context, love is presented as a moral principle that has not lost its significance in the modern era. The article argues that Christianity developed a new concept of uncreated love as the essence of God, and that humans were encouraged to embody this uncreated divine love in the earthly world. The emphasis is on such concepts of uncreated love as «freedom», «universality», and «altruism». The categorical distinction between the concepts of mercy in the Old and New Testaments is seen as a clear demonstration of how Christian thought has conceptualized a new, ontologically higher type of love. The authors conclude that non-created love is a great challenge for a person bound by the conditions of earthly existence, but it is ultimately a blessing, allowing them to assert their true existence.

Keywords: uncreated love, agape, commandment, freedom, mercy, compassion, selflessness, justice.

References

1. Apresjan R.G. Agape // Chelovek. 2015. p. 42–56.

2. Benedict XVI Encyclical Letter «Deus caritas est». Electronic resource (URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/ru/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est.html, date of reference: 27.03.2026)

3. Berezina E.M. Ideja miloserdija v religioznoj morali // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. 2010. p. 19–22.

4. Berezina E.M. Miloserdie: opyt opredelenija ponjatija // Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istorija. Filosofija. Pravo. 2018. p. 5–10

5. Zenin K.V. Ideal ljubvi v tvorchestve F.M. Dostoevskogo // Vestnik RGGU. 2010. p. 209–218.

6. Ljubov Pravoslavnaja jenciklopedija. Electronic resource (URL: https://azbyka.ru/lyubov#ch_0_7, date of reference: 27.03.2026).

7. Ierodiakon Arsenij (Sokolov) Miloserdie i blagotvoritel'nost' u drevnih evreev (po Svjashhennomu Pisaniju Vethogo Zaveta). Electronic resource (URL: https://social-orthodox.info/pages/1_1_arseniy_sokolov.htm, date of reference: 27.03.2026).

8. Igumen Arsenij (Sokolov) Pritchi o miloserdii v 15-j glave Evangelija ot Luki. Electronic resource (URL: https://www.ippo.ru/news/article/statya-chlena-soveta-ippo-igumena-arseniya-sokolov-308229?ysclid=mmz6snxi46960196465, date of reference: 27.03.2026).

9. Milano A. Zhenshhina i ljubov' v Biblii. Jeros, agapa, lichnost'. – St. Petersburg: Aletejja, 2011. – 344 p.

10. Mitropolit Ilarion (Alfeev) Iisus Hristos. Zhizn' i uchenie. V 6 kn. Kn. 2: Nagornaja propoved'. – Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2016. – 615 p.

11. Prepodobnyj Isaak Sirin Slova podvizhnicheskie. – Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2012. – 848 p.

12. Protoierej Igor' Rogatenjuk Dispensacionalizm kak model' sootnoshenija Vethogo i Novogo Zavetov // Hristianskoe chtenie. 2019. p. 65–74.

13. Svjatitel' Grigorij Palama Omilija 4. Na Evangelie o Vtorom Prishestvii Hristovom i o miloserdii i blagotvorenii. Electronic resource (URL: https://predanie.ru/book/69154-grigoriy-palama-omilii/?ysclid=mn6adwn7uu481673048#/toc4, date of reference: 27.03.2026).

14. Svjatitel Ignatij (Brjanchaninov) K nekotoromu nastojatelju: o miloserdii. Electronic resource (URL: https://verapravoslavnaya.ru/? Ignatii_Bryanchaninov_Pismzma_k_monashestvuyushim, date of reference: 27.03.2026).

15. Svjatitel' Ioann Zlatoust Besedy na poslanie k Filippijcam. Electronic resource (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy-na-poslanie-k-filippijtsam/4, date of reference: 27.03.2026).

16. Svjatitel Ioann Zlatoust Simfonija po tvorenijam svt. Ioanna Zlatousta. Electronic resource (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/simfonija-po-tvorenijam-svt-ioanna-zlatousta/81, date of reference: 27.03.2026).

17. Florenskij P.A. Stolp i utverzhdenie istiny. V. 1. – Moscow: Pravda, 1990. – 490 p.

Политические дипфейки: инструмент влияния на избирательные процессы анализ 2023 – 2025 гг.

Аристов Алексей Дмитриевич,
студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: aleksey.aristov.d@gmail.com

Жегодская Кристина Александровна,
студент бакалавриата, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: krisstiix@mail.ru

Статья посвящена анализу политических дипфейков как инструмента влияния на избирательные процессы в период 2023–2025 годов. Актуальность исследования обусловлена стремительным распространением технологий генеративного искусственного интеллекта, сделавших производство синтетических медиа доступным для широкого круга акторов, и зафиксированным ростом их применения в ходе избирательных кампаний по всему миру. На основе качественной методологии, сочетающей контент-анализ и метод кейс-стади, в работе выделяются два устойчивых вектора использования дипфейков: внутреннее – для расширения агитационного охвата в лингвистически разнородных демократиях, и внешнее – для геополитической дестабилизации через анонимные информационные вбросы. Установлено, что механизмы воздействия дипфейков образуют взаимоусиливающую цепочку: дезориентация аудитории, поляризация электората и феномен «льготы лжеца», при котором осведомлённость о существовании дипфейков парадоксально облегчает дискредитацию подлинных материалов. Совокупный эффект состоит не столько во влиянии на исход отдельных выборов, сколько в системном подрыве доверия к электоральным институтам. Проведённый сравнительный анализ национальных и международных механизмов противодействия показывает, что все три уровня – законодательный, технический и медиаграмотность – функционируют в режиме запаздывания. Ценностная несовместимость западной и незападной моделей регулирования системно блокирует международную координацию, сохраняя за дипфейками стратегическое преимущество.

Ключевые слова: дипфейки, избирательные процессы, дезинформация, генеративный искусственный интеллект, электоральная легитимность, «льгота лжеца», медиаграмотность, регулирование ИИ.

Введение

В эпоху цифровизации политических процессов политические дипфейки – синтетические медиа (аудио, видео, изображения), генерируемые с помощью искусственного интеллекта для имитации реальных политических фигур, заявлений или событий – превратились в самостоятельный инструмент влияния на избирательные процессы. Технологии генеративного ИИ становятся всё более доступными: сегодня создать убедительный дипфейк можно без специальных технических знаний и значительных финансовых вложений. Это принципиально меняет природу дезинформации на выборах: если раньше производство поддельного политического контента требовало серьёзных ресурсов, то теперь оно доступно практически любому желающему.

Актуальность исследования определяется масштабом явления. В 2024 году, ставшем рекордным по числу выборов в мире – более 70 стран, охватывающих около 3,7 млрд избирателей, – дипфейки не спровоцировали электорального коллапса, как опасались эксперты, однако последовательно усиливали политический раскол и рост недоверия к информации. В США во время президентской кампании 2024 года дипфейки с изображением кандидатов и ложными заявлениями знаменитостей набирали сотни миллионов просмотров. В 2025 году эта тенденция усилилась: в региональных выборах штата Бихар до 20% агитационных материалов были созданы с помощью ИИ, что вынудило власти сформировать специальные группы мониторинга. На глобальном уровне дипфейки всё активнее используются для внешнего вмешательства в выборы – как это было на турецких и нигерийских выборах 2023 года, где поддельные аудиозаписи распространялись с целью повлиять на их исход. Всё это происходит в условиях «постправды», где феномен «льготы лжеца» позволяет отрицать реальные доказательства как дипфейки, а эмоциональные нарративы берут верх над проверенными фактами.

Целью исследования является анализ политических дипфейков как инструмента влияния на избирательные процессы и оценка их последствий для легитимности демократических институтов.

Задачи исследования:

1. Определить типологию применения политических дипфейков в избирательных процессах, разграничив внутреннее и внешнее использование на основе анализа задокументированных случаев 2023–2025 гг.
2. Выявить механизмы воздействия дипфейков на электоральное поведение и доверие к институтам, установив причинно-следственные связи с такими последствиями, как поляризация, эрозия доверия и постэлекторальные конфликты.
3. Оценить последствия применения политических дипфейков для легитимности демократических институтов в контексте геополитического соперничества и внешнего вмешательства в выборы.
4. Выявить пробелы в существующих механизмах противодействия на национальном и международном уровнях и обозначить направления для их устранения.

Исследование опирается на качественную методологию, сочетающую контент-анализ и ситуационный анализ. В качестве источников использованы открытые данные из СМИ, отчётов международных организаций и академических публикаций. Контент-анализ охватывает задокументированные случаи применения дипфейков на выборах с акцентом на способы их распространения и реакцию институтов. Метод кейс-стади позволяет детально рассмотреть ключевые примеры с учётом политического контекста, охвата аудитории и последствий для легитимности выборов. Сравнительный подход применяется при оценке механизмов противодействия национальных и международных стратегий регулирования.

Обзор литературы

Существующая литература фокусируется на роли дипфейков в подрыве демократических институтов, особенно в контексте избирательных кампаний и «эпохи постправды», подчёркивая их влияние на общественное мнение, поляризацию и легитимность выборов. Исследования опираются на эмпирический ситуационный анализ, экспериментальные работы и теоретические модели. Шик Н. анализирует [8, с. 272] ранние

примеры политического использования синтетических медиа, в том числе случаи, когда технологии из других сфер переместились в политическую, создавая инструменты дискредитации политиков. Неязи Т. и соавторы[6] рассматривают феномен индийских выборов 2024 года, где внутреннее использование дипфейков для перевода речей на региональные языки нормализовало применение ИИ в избирательных кампаниях и сформировало поляризацию среди избирателей. Параллельно в литературе исследуются механизмы воздействия дипфейков на электоральные процессы. Вакари К. и Чадвик Э. фиксируют [11, с. 1–12], что синтетические видео повышают восприимчивость аудитории к недостоверной информации, порождая неопределённость и рост недоверия к средствам массовой информации. Чесни Р. и Цитрон Д. разрабатывают концепцию «льготы лжеца» [3, с. 147–155], объясняя, как политики получают возможность отрицать подлинные факты, ссылаясь на возможность их фальсификации. Исследования также посвящены последствиям распространения дипфейков для легитимности демократических институтов. Павелец М. подчёркивает, что дипфейки угрожают базовым демократическим функциям, подрывая легитимность электоральных институтов через рост недоверия граждан к выборам [7, с. 6–16]. Наконец, литература посвящена механизмам противодействия и существующим пробелам в регулировании. Биррер А. и Жюст Н. констатируют [2, с. 1–24], что главная проблема состоит не в отсутствии законодательства, а в неэффективности правоприменения: дипфейки не создают принципиально новых правовых вызовов, а лишь расширяют возможности распространения уже известного вредоносного контента.

Типология политических дипфейков: внутреннее и внешнее использование

Анализ задокументированных случаев 2023–2025 годов позволяет выделить два устойчивых модели применения дипфейков в избирательных процессах. Н. Шик одной из первых отметила, что технологии синтетических медиа постепенно смещаются из сферы развлечений в политическую, превращаясь из инструмента дискредитации отдельных личностей в системный элемент электоральной борьбы [8, с. 272]. К 2023–2025 годам это смещение приобрело два чётких направления: внутреннее, где политические акторы используют дипфейки для агитации и расширения охвата, и внешнее – использование иностранными и анонимными акторами с целью дестабилизации. **Внутреннее использование** наиболее отчётливо проявляется в лингвистически разнородных развивающихся демократиях. Так на индийских выборах 2024 года лидеры партий применяли ИИ-инструменты для перевода агитационных видеоматериалов на 22 официальных языка с синхронизацией губ, что позволило охватить аудиторию мессенджеров до 75 млн избирателей [6]. Практика не повлекла санкций и сделала применение ИИ в агитационных кампаниях обычным делом. Эта практика оказалась устойчивой: в региональных выборах штата Бихар в 2025 году по оценкам наблюдателей, до 20% агитационных материалов создавалось с использованием ИИ-инструментов, что вынудило власти сформировать специальную мониторинговую группу. По данным Центра международного управления, в 2024 году в более 80% стран были зафиксированы случаи применения ИИ в избирательных процессах, причём создание контента составило 90% всех задокументированных случаев [13]. **Внешнее использование** концентрируется в геополитически уязвимых регионах. На словацких парламентских выборах 2023 года за два дня до голосования распространился аудиодипфейк, имитировавший разговор лидера «Прогрессивной Словакии» Михала Шимечки о подкупе голосов избирателей. Запись появилась в период агитационного молчания, исключавшего возможность своевременного опровержения. Кандидат проиграл выборы, хотя до публикации лидировал в опросах. Исследователи Гарвардской школы государственного управления оценивают этот случай как первый задокументированный прецедент, когда дипфейк предположительно повлиял на исход выборов, оговариваясь при этом, что словацкий электорат был особенно восприимчив к дезинформации на фоне хронически низкого доверия к СМИ [15]. В Турции в 2023 году кандидат в президенты Мухаррем Индже снялся с выборов после распространения предполагаемой дипфейковой видеозаписи компрометирующего характера, квалифицировав произошедшее как инструмент политического давления [16]. На тайваньских выборах 2024 года дипфейки ложно обвиняли кандидатов в коррупции с элементами китайской стратегии геополитического влияния [14]. В период с июля 2023 по июль 2024 года подобные случаи зафиксированы в 38 странах, 30 из которых в тот же период проводили выборы [13].

Таким образом, к 2024–2025 годам оба способа использования дипфейков становятся системными. Внутреннее применение превратилось в обычный инструмент расширения агитации и охвата избирателей в странах с большим языковым и культурным разнообразием. Внешнее использование стало устойчивым способом дестабилизации через создание скандалов и подрыв доверия к оппозиционным кандидатам в регионах с высокой геополитической напряжённостью.

Механизмы воздействия и последствия для легитимности демократических институтов

Дипфейки воздействуют на избирательные процессы через взаимосвязанные механизмы. **Первый механизм** – влияние на общественное мнение через быструю эмоциональную реакцию. Вакари К. и Чадвик Э. установили, что дипфейки повышают восприимчивость аудитории к недостоверной информации, порождая неопределённость и рост недоверия к СМИ [11, с. 1–13]. Дипфейкам не требуется высокое качество для нанесения ущерба: они направлены не на убеждение в пользу конкретного кандидата, а на дезориентацию и разрушение репутации. Словацкий аудиодипфейк 2023 г. иллюстрирует это: по оценкам, он привёл к заметному сдвигу в опросах среди неопределившихся избирателей (до 15% в отдельных сегментах) [15]. **Второй механизм** – углубление раскола через точечные дипфейки. Доббер Т. и соавторы установили, что таргетированное распространение дипфейков конкретным аудиторным сегментам усиливает уже существующие предубеждения, вытесняя рациональный политический дискурс [4, с. 69–91]. В индийских выборах 2024 года гендерно направленные атаки на женщин-кандидатов сопровождались ростом межпартийного разрыва на 12%. Неязи Т. и коллеги подчеркивают, что избиратели, которые часто видят такую ИИ-агитацию, начинают гораздо сильнее и жёстче отстаивать «свою» партию, хуже воспринимают оппонентов и укрепляются в собственных политических позициях [6]. **Третий механизм** – рост недоверия через феномен «льготы лжеца». Чесни Р. и Цитрон Д. описывают его следующим образом: широкое распространение дипфейков позволяет политикам отрицать подлинные компрометирующие их материалы, ссылаясь на возможность их создания с помощью ИИ [3, с. 147–155]. Шифф К. и соавторы экспериментально подтвердили этот эффект на выборке более 15 000 американских граждан: ложные заявления политиков о том, что реальные материалы являются дипфейками, приносят рост поддержки среди представителей всех партий [9, с. 71–90]. Парадокс в том, что угроза «льготы лжеца» нарастает по мере роста осведомлённости о дипфейках: чем шире известно об их существовании, тем проще дискредитировать подлинные доказательства. Павелец М. подчёркивает, что дипфейки угрожают базовым демократическим функциям именно через рост недоверия граждан к выборам как институту [6, с. 6–16]. Глобально в 2024 году рост числа дипфейков коррелировал с 15-процентным увеличением постэлекторальных оспариваний результатов голосования [13]. Дипфейки подрывают легитимность не только отдельных выборов, но и демократических институтов в целом, создавая устойчивое недоверие к самой процедуре волеизъявления.

Механизмы противодействия: эффективность и пробелы

Существующая система противодействия дипфейкам включает три уровня: национальное законодательство, технические инструменты и медиаграмотность. Биррер А. и Жюст Н. точно формулируют ключевую проблему: дипфейки не создают принципиально новых правовых вызовов, а лишь расширяют возможности распространения уже известного вредоносного контента – и главная слабость системы состоит не в отсутствии законодательства, а в неэффективности его применения [2, с. 1–24]. **На национальном уровне** прослеживается глубокая фрагментация подходов. США реализуют реактивную модель: TAKE IT DOWN Act криминализировал несанкционированные дипфейки [19], однако Уквоке В. и Санфилиппо М. фиксируют, что из сотен законопроектов, предложенных на уровне штатов, ни один не создал единой федеральной рамки, а ряд норм был отменён судами по мотивам несоответствия конституционным гарантиям свободы слова[10, с. 97–129]. ЕС избрал превентивную риск-ориентированную модель: Закон об ИИ 2024 года обязывает маркировать синтетический контент, а Закон о цифровых услугах вводит ответственность платформ за его удаление – в 2025 году удалено 70% выявленных дипфейков [18]. Вместе с тем отсутствие механизмов воздействия за пределами национальной юрисдикции делает регулирование неэффективным в третьих странах. Китай достиг высокого уровня технического соответствия через лицензирование ИИ-моделей и обязательную маркировку контента [17], однако цензурная природа регулирования подрывает прозрачность функционирования ИИ. Российская модель тяготеет к государственно-контрольному подходу, однако специального законодательства о дипфейках в России по состоянию на начало 2026 года не принято. Основу правового регулирования составляют нормы общего характера: Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации [20]» позволяет блокировать распространение заведомо

ложной общественно значимой информации, а Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав» [21] запрещает агитационные материалы, содержащие недостоверные сведения о кандидатах. Роскомнадзор располагает полномочиями по внесудебной блокировке контента, однако механизм идентификации синтетических медиа как самостоятельной категории в правоприменительной практике не сформирован. Таким образом, западные демократии продвигают прозрачность и права пользователей, незападные модели делают ставку на государственный контроль, что препятствует международной координации. **На техническом уровне** современные системы детектирования достигают точности 85%, однако Аппел М. и Прицель Ф. указывают на принципиальное ограничение: эти системы не справляются с работой в режиме реального времени в масштабе реальных выборов [1]. Накануне польских президентских выборов 2025 года ИИ-контент фигурировал в четырёх из 23 вирусных дезинформационных видео несмотря на наличие инструментов обнаружения [12]. **В области медиаграмотности** Хуан Г. и Ху Б. акцентируют внимание, что предварительное осведомление аудитории против дипфейков оказывается эффективнее последующего фактчекинга, хотя успех сильно зависит от конкретной целевой группы. Франция и Финляндия интегрируют соответствующие навыки в школьный образовательный стандарт. Тем не менее на фоне прогнозируемого кратного роста рынка генеративного ИИ в ближайшее десятилетие ни один из трёх уровней противодействия в отдельности не способен обеспечить устойчивую защиту демократических процессов [5].

Ключевой структурный пробел противодействия дипфейкам – все три уровня работают в режиме запаздывания, реагируя на уже произошедшие инциденты, а не предотвращая угрозу заранее. Западные демократии ориентированы на прозрачность и права пользователей, незападные модели на жёсткий государственный контроль и цензуру. Это принципиальное расхождение исключает создание единого международного режима регулирования.

Заключение

Анализ типологии применения дипфейков в 2023–2025 годах выявляет два устойчивых вектора. Внутреннее применение легитимировалось как предвыборная практика, а внешнее использование закрепилось как инструмент геополитической дестабилизации через анонимные вбросы в момент предвыборного молчания, а граница между двумя векторами остаётся размытой ввиду невозможности атрибуции источника. Механизмы воздействия образуют взаимоусиливающую цепочку: дезориентация, поляризация и феномен «льготы лжеца», при котором рост осведомлённости о дипфейках парадоксально облегчает дискредитацию подлинных материалов. Совокупный эффект не влияет на исход отдельных выборов, а снижает доверие к самой процедуре волеизъявления. Система противодействия на всех трёх уровнях функционирует в режиме запаздывания, а ценностная несовместимость западной и незападной моделей регулирования системно блокирует международную координацию, сохраняя за дипфейками стратегическое преимущество.

Формирование единого глобального режима регулирования маловероятно в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Вместе с тем минимальный консенсус достижим через унификацию обязательств крупных медиаплатформ – обязательную маркировку синтетического контента, оперативное удаление и отчётность перед государствами. При недостижении такого консенсуса наиболее вероятным сценарием остаётся блоковая фрагментация с параллельными региональными режимами, а глобальное сотрудничество окажется возможным лишь там, где интересы безопасности государств объективно совпадают.

Литература

1. Appel, M., Prietzel, F. The Detection of Political Deepfakes // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2022. – Vol. 27, № 4. – zmac008. – DOI: 10.1093/jcmc/zmac008.

2. Birrer, A., Just, N. What We Know and Don't Know About Deepfakes // New Media & Society. – 2025. – Vol. 27. – P. 1–24.

3. Chesney, R., Citron, D. Deepfakes and the New Disinformation War // Foreign Affairs. – 2019. – Vol. 98, № 1. – P. 147–155.

4. Dobber, T. et al. Do (Microtargeted) Deepfakes Have Real Effects on Political Attitudes? // The International Journal of Press/Politics. – 2021. – Vol. 26, № 1. – P. 69–91.

5. Huang, G., Hu, B. "A Warning Is Not Enough. Teach Me How to Spot Deepfakes": Testing Media Literacy Interventions for Combating Deepfakes // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2025. – OnlineFirst. – DOI: 10.1177/10755470251382889.

6. Neyazi, T. A., Tan, K. E., Kuru, O. Campaign Deepfakes and Affective Polarization: The Role of Artificial Intelligence in Campaigns in Shaping Voter Attitudes // Social Science Computer Review. – 2025. – OnlineFirst. – DOI: 10.1177/08944393251362247.

7. Pawelec, M. Deepfakes and Democracy (Theory) // Media and Communication. – 2022. – Vol. 10, № 4. – P. 6–16.

8. Schick, N. Deepfakes: The Coming Infocalypse. – New York: Twelve, 2020. – 272 p.

9. Schiff, K. J., Schiff, D. S., Bueno, N.S. The Liar's Dividend // American Political Science Review. – 2025. – Vol. 119, № 1. – P. 71–90.

10. Ugwuoke, V., Sanfilippo, M.R. The Current Landscape of Deepfake Legislation in the United States // Journal of Information Policy. – 2025. – Vol. 15. – P. 97–129.

11. Vaccari, C., Chadwick, A. Deepfakes and Disinformation // Social Media + Society. – 2020. – Vol. 6, № 1. – P. 1–13.

12. Centre for Emerging Technology and Security (CETAS). From Deepfake Scams to Poisoned Chatbots: AI and Election Security in 2025. – The Alan Turing Institute, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://cetas.turing.ac.uk/publications/deepfake-scams-poisoned-chatbots (Дата обращения: 11.02.2026).

13. Centre for International Governance Innovation. Then and Now: How Does AI Electoral Interference Compare in 2025? – CIGI, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.cigionline.org/articles/then-and-now-how-does-ai-electoral-interference-compare-in-2025 (Дата обращения: 10.02.2026).

14. Global Taiwan Institute. The Malicious Exploitation of Deepfake Technology: Political Manipulation, Disinformation, and Privacy Violations in Taiwan. – GTI, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://globaltaiwan.org/2025/05/the-malicious-exploitation-of-deepfake-technology (Дата обращения: 10.02.2026).

15. Harvard Kennedy School Misinformation Review. Beyond the Deepfake Hype: AI, Democracy, and "the Slovak Case". – HKS, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/beyond-the-deepfake-hype-ai-democracy-and-the-slovak-case/ (Дата обращения: 10.02.2026).

16. Muharrem İnce quits Turkish presidential race after alleged deepfake sex tape scandal [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2023. – 11 May. – URL: https://www.theguardian.com/world/2023/may/11/muharrem-ince-turkish-presidential-candidate-withdraws-alleged-sex-tape (Дата обращения: 10.02.2026).

17. Provisions on the Management of Deep Synthesis Internet Information Services / Cyberspace Administration of China. – Beijing, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/ (Дата обращения: 11.02.2026).

18. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). – Official Journal of the European Union. – 2024. [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (Дата обращения: 10.02.2026).

19. TAKE IT DOWN Act, Pub. L. No. 119–12 (2025). [Электронный ресурс] URL: https://www.congress.gov/119/plaws/publ12/PLAW-119publ12.pdf (Дата обращения: 10.02.2026).

20. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru (Дата обращения: 18.05.2026).

21. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru (Дата обращения: 18.05.2026).

POLITICAL DEEPFAKES: A TOOL FOR INFLUENCING ELECTORAL PROCESSES ANALYSIS 2023–2025

Aristov A.D., Zhegodskaya K.A.
Saint Petersburg State University

This article analyses political deepfakes as a tool of influence on electoral processes during the period 2023–2025. The relevance of the study is driven by the rapid proliferation of generative artificial intelligence technologies, which have made synthetic media production accessible to a wide range of actors, and by the documented increase in their use during election campaigns worldwide. Employing a qualitative methodology combining content analysis and case study method, the paper identifies two distinct vectors of deepfake use: domestic – for expanding campaign reach in linguistically diverse democracies – and external, for geopolitical destabilisation through anonymous disinformation. The study finds that deepfakes operate through mutually reinforcing mechanisms: audience disorientation, electoral polarisation, and the "liar's dividend" effect, whereby public awareness of deepfakes paradoxically facilitates the delegitimisation of authentic materials. The cumulative impact lies not so much in determining electoral outcomes as in systematically undermining trust in electoral institutions. A comparative analysis of national and international countermeasures demonstrates that all three levels – legislative, technical, and media literacy, operate reactively. The fundamental incompatibility of Western and non-Western

regulatory models structurally blocks international coordination, preserving the strategic advantage of deepfakes.

Keywords: deepfakes, electoral processes, disinformation, generative artificial intelligence, electoral legitimacy, liar's dividend, media literacy, AI regulation.

References

1. Appel, M., Prietzel, F. The Detection of Political Deepfakes // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2022. – Vol. 27, № 4. – zmac008. – DOI: 10.1093/jcmc/zmac008.

2. Birrer, A., Just, N. What We Know and Don't Know About Deepfakes // New Media & Society. – 2025. – Vol. 27. – P. 1–24.

3. Chesney, R., Citron, D. Deepfakes and the New Disinformation War // Foreign Affairs. – 2019. – Vol. 98, № 1. – P. 147–155.

4. Dobber, T. et al. Do (Microtargeted) Deepfakes Have Real Effects on Political Attitudes? // The International Journal of Press/Politics. – 2021. – Vol. 26, № 1. – P. 69–91.

5. Huang, G., Hu, B. "A Warning Is Not Enough. Teach Me How to Spot Deepfakes": Testing Media Literacy Interventions for Combating Deepfakes // Journalism & Mass Communication Quarterly. – 2025. – OnlineFirst. – DOI: 10.1177/10755470251382889.

6. Neyazi, T. A., Tan, K. E., Kuru, O. Campaign Deepfakes and Affective Polarization: The Role of Artificial Intelligence in Campaigns in Shaping Voter Attitudes // Social Science Computer Review. – 2025. – OnlineFirst. – DOI: 10.1177/08944393251362247.

7. Pawelec, M. Deepfakes and Democracy (Theory) // Media and Communication. – 2022. – Vol. 10, № 4. – P. 6–16.

8. Schick, N. Deepfakes: The Coming Infocalypse. – New York: Twelve, 2020. – 272 p.

9. Schiff, K. J., Schiff, D. S., Bueno, N.S. The Liar's Dividend // American Political Science Review. – 2025. – Vol. 119, № 1. – P. 71–90.

10. Ugwuoke, V., Sanfilippo, M.R. The Current Landscape of Deepfake Legislation in the United States // Journal of Information Policy. – 2025. – Vol. 15. – P. 97–129.

11. Vaccari, C., Chadwick, A. Deepfakes and Disinformation // Social Media + Society. – 2020. – Vol. 6, № 1. – P. 1–13.

12. Centre for Emerging Technology and Security (CETAS). From Deepfake Scams to Poisoned Chatbots: AI and Election Security in 2025. – The Alan Turing Institute, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://cetas.turing.ac.uk/publications/deepfake-scams-poisoned-chatbots (Дата обращения: 11.02.2026).

13. Centre for International Governance Innovation. Then and Now: How Does AI Electoral Interference Compare in 2025? – CIGI, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.cigionline.org/articles/then-and-now-how-does-ai-electoral-interference-compare-in-2025 (Дата обращения: 10.02.2026).

14. Global Taiwan Institute. The Malicious Exploitation of Deepfake Technology: Political Manipulation, Disinformation, and Privacy Violations in Taiwan. – GTI, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://globaltaiwan.org/2025/05/the-malicious-exploitation-of-deepfake-technology (Дата обращения: 10.02.2026).

15. Harvard Kennedy School Misinformation Review. Beyond the Deepfake Hype: AI, Democracy, and "the Slovak Case". – HKS, 2025. [Электронный ресурс] URL: https://misinforeview.hks.harvard.edu/article/beyond-the-deepfake-hype-ai-democracy-and-the-slovak-case/ (Дата обращения: 10.02.2026).

16. Muharrem İnce quits Turkish presidential race after alleged deepfake sex tape scandal [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2023. – 11 May. – URL: https://www.theguardian.com/world/2023/may/11/muharrem-ince-turkish-presidential-candidate-withdraws-alleged-sex-tape (Дата обращения: 10.02.2026).

17. Provisions on the Management of Deep Synthesis Internet Information Services / Cyberspace Administration of China. – Beijing, 2022. [Электронный ресурс] URL: https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/ (Дата обращения: 11.02.2026).

18. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). – Official Journal of the European Union. – 2024. [Электронный ресурс] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (Дата обращения: 10.02.2026).

19. TAKE IT DOWN Act, Pub. L. No. 119–12 (2025). [Электронный ресурс] URL: https://www.congress.gov/119/plaws/publ12/PLAW-119publ12.pdf (Дата обращения: 10.02.2026).

20. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru (Дата обращения: 18.05.2026).

21. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253. [Электронный ресурс] URL: http://pravo.gov.ru (Дата обращения: 18.05.2026).

Роль и место дата-центров в информационном обеспечении национальной безопасности России

Артемьев Алексей Александрович,
кандидат философских наук, доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Урсул Виталий Игнатович,
кандидат политических наук, доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Ястребов Александр Павлович,
студент, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: a9670951330@yandex.ru

Марченко Андрей Олегович,
студент, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: andrew08082004@gmail.com

В статье рассматривается роль и место дата-центров (центров обработки данных) в информационном обеспечении национальной безопасности Российской Федерации.
Современные многофункциональные дата-центры осуществляют не только сбор, хранение и обработку информации, но и формируют основы цифрового развития, являясь эпицентром глобального соревнования в области информационных технологий. В текущей военно-политической обстановке в мире наблюдается соперничество не только за информацию, предоставляемую дата-центрами, но и за инженерные комплексы и сооружения, поддерживающие их работоспособность.

Ключевые слова: дата-центры, центры обработки данных, национальная безопасность, информационное обеспечение, критическая информационная инфраструктура Российской Федерации, информационно-аналитическая деятельность.

В цифровую эпоху, мир уже немыслим без информационных технологий, глубоко интегрированных в повседневную жизнь человека. За использованием новейших цифровых технологий скрывается комплексная инфраструктура, которая непрерывно обеспечивает бесперебойную работу всех компонентов информационного обеспечения различных сфер жизнедеятельности общества. Центры обработки данных, или дата-центры, являются ключевыми элементами современной цифровой инфраструктуры. Эти высокотехнологичные инженерные объекты выполняют жизненно важные функции по хранению, обработке, анализу и передаче информации, используя для этого мощные вычислительные системы.

Дата-центры являются основой цифровой инфраструктуры, которые обеспечивают информацией государственные органы и коммерческие предприятия, силовые структуры и социально-экономические объекты, платформы для логистики, системы, использующие искусственный интеллект, и множество других критически значимых сфер жизнедеятельности общества. Надёжность, непрерывность и неуязвимость функционирования дата-центров имеет первостепенное значение для информационного обеспечения национальной безопасности России.

Большинство дата-центров (центров обработки данных) в нашей стране признаны объектами критической информационной инфраструктуры (КИИ).

Нарушение их функционирования способно вызвать политические, социальные, экономические, духовные риски и угрозы для национальной безопасности России [1].

Регулирование безопасности КИИ осуществляется на основе Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ [2].

Используя многогранный набор защитных мер, центры обработки данных достаточно эффективно противостоят уязвимостям, рискам и угрозам, влияющим на безопасность личности, общества и государства.

«Национальная безопасность Российской Федерации – состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [3].

В настоящий момент, сфера национальной безопасности становится более замысловатым и обширным феноменом, что проявляется во множестве аспектов, где особую роль и место занимает информация.

Современное обеспечение национальной безопасности включает в себя комплекс экономических, социальных, политических и духовно-нравственных мероприятий, где информация и информационно-коммуникационные технологии представляют собой интегрирующий, функциональный и системообразующий фактор для защиты национальных интересов.

Информационное обеспечение национальной безопасности представляет собой многоаспектную систему, которая обеспечивает необходимой информацией органы, структуры и центры принятия решений на различном уровне. Информационное обеспечение национальной безопасности характеризуется формированием единого, монолитного, стабильного и адаптивного информационного пространства, способствующего для действенного и результативного функционирования органов и структур защиты национальных интересов. В информационном пространстве необходимо постоянно осуществлять сбор, обработку и передачу данных органам и структурам, обеспечивающим национальную безопасность, в целях выявления, предотвращения и нейтрализации вызовов и угроз национальным интересам России.

Дата-центры открывают широкий спектр потенциальных направлений для хранения, сбора и обработки ключевой информации, что позволяет достигать намеченных целей и задач в сфере национальной безопасности. Тем не менее, роль и место дата-центров в информационном обеспечении национальной безопасности остается вне поля зрения общественности и лишь в редких случаях становится объектом исследований.

В широком понимании, дата-центр – это специально оборудованная площадка, предназначенная для размещения вычислительной техники, сетевых устройств, систем хранения данных и программного обеспечения, гарантирующая стабильную обработку цифровых данных. В настоящее время многофункциональные дата-центры служат не только базой хранения информации и обеспечения функционирования веб-ресурсов, но и для решения комплексных задач, требующих анализа значительных объемов данных, осуществления машинного обучения, формирования прогнозов и предоставления полученных результатов различным группам потребителей.

Современные многоцелевые дата-центры объединяют в себе комплекс взаимодополняющих компонентов: отвечают за сбор и хранение информации, генерируемой из разнообразных источников; обеспечивают выполнение вычислительных операций, критически важных для трансформации и исследования полученных сведений; гарантируют безопасную и бесперебойную передачу данных; создают дубликаты, осуществляют проверку на предмет искажений; обеспечивает защиту и устойчивость к различным сбоям.

Многофункциональные центры обработки данных могут предоставить результаты для потребителей в различных форматах, это могут быть отчеты, интерактивные дашборды, оповещения, наборы данных, также результаты могут быть представлены потребителям через интеграцию с другими платформами. В контексте аналитики, вышеперечисленные функции дополняются еще одной – формированием интерпретаций. Это означает преобразование необработанных данных в выводы и заключения, которые ложатся в основу принятия управленческих решений. Таким образом, в многофункциональном центре обработки данных акцент делается не только на хранение и сбор информации, сколько на её трансформации из разрозненных фрагментов в целостный аналитический продукт.

Дата-центры можно условно разделить на государственные и частные. Государственные дата-центры, как правило, обслуживают органы власти, государственные организации и корпорации, ведомственные базы данных и критически важные объекты. Их приоритетом выступают суверенитет данных, нормативный контроль, защита и контроль информации, непрерывное обеспечение данными органов государственного управления. Частные дата-центры ориентированы на более широкий рынок, это могут быть различные сферы бизнеса, негосударственные медиа, коммерческие предприятия и организации, консалтинг, также они могут работать и в интересах государственных органов, предприятий и учреждений. Особенностями частных центров обработки данных являются предоставление гибких и масштабируемых решений, обеспечение высокой доступности сервисов, снижение операционных расходов клиентов и создание конкурентного преимущества за счет использования передовых технологий. Различия между двумя типами дата-центров определяются не только их целевой аудиторией, но и требованиями к безопасности, резервированию, производительности и технологичности.

Государственные структуры часто сталкиваются с более строгими стандартами безопасности, что требует особого подхода к информационному обеспечению потребителей. Частные же компании, в свою очередь, стремятся к максимальной эффективности и инновационности, чтобы предложить своим клиентам более комфортные условия в вопросах информационного обеспечения.

Превосходство частных дата-центров над государственными в определенных ситуациях объясняется их маневренностью, узкой направленностью, методиками деятельности в текущих геополитических и экономических реалиях. Тем не менее, это никак не подразумевает их безоговорочного доминирования в информационном обеспечении различных потребителей, государственные дата-центры по-прежнему занимают ведущие позиции в обеспечении национальной безопасности и других критически важных сферах жизнедеятельности.

В то же время частные дата-центры могут демонстрировать более высокую скорость адаптации к современным технологиям, в том числе к облачным, что открывает для них позитивные перспективы. Такие центры могут сотрудничать с разнообразными клиентами и оперировать различными видами данных, выступая таким образом в роли ключевого связующего звена между информационными ресурсами и потребителями информации. Негосударственные дата-центры нередко прибегают к гибридной модели, объединяя ресурсы, арендованные вычислительные мощности, данные из внешних источников и специализированные программные решения. Такая гибкость повышает их ценность в ситуации, когда риски и угрозы быстро меняются, а время реакции становится критическим фактором.

Работа с данными начинается со стадии их сбора из внешних и внутренних источников. Источником могут выступать файловые серверы, базы данных, хранилища, API, потоковые сервисы, корпоративные системы и внешние цифровые платформы. После получения данных начинается стадия подготовки. Она включает очистку, нормализацию, удаление дубликатов, перевод разнородных файлов к единому формату, выделение полезных признаков и проверку полноты информации. AWS (Amazon Web Services) прямо выделяет стадии подготовки и очистки данных, а также последующие проверки качества, без которых результат не может считаться надежным. Для аналитических задач это особенно важно, поскольку выводы не могут строиться на массивах, содержащих шум, ложные совпадения или непроверенные фрагменты. В архитектурах современных аналитических систем этот этап включает каталогизацию данных, их валидацию, преобразование, обогащение и переход от «сырой» зоны хранения к «подготовленной» и затем к «курируемой» зоне, пригодной для использования автоматизированными системами. Применяются методы статистического анализа, сопоставления, поиска закономерностей, геопривязки, временного анализа, выявления аномалий и визуализации. Именно здесь данные превращаются в информацию, а информация выдает понимание ситуации. Далее дата-центр переходит к стадии выдачи аналитического материала. Отчетные материалы могут предоставляться через визуализацию обработанной информации.

Таким образом, многофункциональный дата-центр обеспечивает доставку результатов в форме, пригодной для использования различными потребителями: управленцами, аналитиками, службами мониторинга, подразделениями безопасности и другими структурами которые занимаются информационно-аналитической деятельностью.

При обобщении данного процесса получается следующая последовательность шагов, это получение исходной информации, ее сбор и передача, последующая трансформация и приведение в порядок, оценка соответствия стандартам, аналитическая обработка данных, графическое представление и осмысление полученных выводов, распространение итоговых данных, а также постоянный контроль и внесение изменений в аналитическую модель.

Сегодня отмечается большой спрос к использованию данных из открытых источников, как для проведения аналитических исследований, так и для информирования общественности по вопросам безопасности.

Информационные аналитики, сотрудники медиа и различные эксперты осуществляют сбор данных из многочисленных общедоступных источников, такие данные могут быть задействованы для выявления местонахождения объектов мониторинга событий в режиме реального времени. Существует возможность выявления признаков межгосударственных конфликтов и других возможных кризисных ситуаций, так как данные незамедлительно появляются в цифровом пространстве. Открытыми источниками таких данных могут выступать материалы в цифровых медиа, активность в сетевых сообществах, сведения коммерческих геоинформационных систем и других общедоступных ресурсов.

Так, практику сбора и обработки данных из открытых источников при проведении СВО на Украине, мы наблюдаем в публикациях СМИ [4].

Способность в кратчайшие сроки обрабатывать данные из открытых источников становится важнейшей задачей информационного обеспечения национальной безопасности.

Дата-центры в современном мире приобретают огромное значение в сфере военной безопасности. Так, украинская военная платформа «Дельта» использует инфраструктуру публичного облака для своего функционирования. Американская система анализа данных Maven Smart System, разработанная компанией Palantir, была интегрирована с сервисами Amazon Web Services (AWS). Израиль демонстрирует активное применение облачных технологий для решения своих военных целей и задач [5].

Многофункциональный дата-центр в технологическом аспекте следует понимать, как инфраструктурный и организационный узел, который обеспечивает полный цикл обращения с данными и превращает открытые массивы данных в прикладной аналитический продукт. Такие дата-центры являются важным элементом информационного обеспечения национальной безопасности России, решая задачи поддержания целостного цикла работы с данными, от приема и очистки до анализа, интерпретации и передачи результата для лиц, принимающих политические решения в сфере национальной безопасности. В условиях развития информационного общества – это особенно значимо, поскольку решения сейчас принимаются в рамках высокой динамики событий, информационного давления и постоянного роста объема открытых данных.

Центры обработки данных (дата-центры) должны обладать современной инфраструктурой, новейшим инженерным оборудованием, передовыми технологиями и квалифицированными кадрами. Специ-

ализированные дата-центры должны владеть функционалом выявления рисков и угроз, основанном на глубоком анализе данных в сфере безопасности.

Современная информационно-аналитическая деятельность в сфере национальной безопасности все больше строится на открытых данных, поскольку именно они дают основной массив первичных сигналов о событиях, процессах и угрозах в сфере национальной безопасности. Развитие аналитических функций дата-центров является важным направлением совершенствования информационного обеспечения национальной безопасности России.

Таким образом, многофункциональные дата-центры или центры обработки данных (ЦОД), имеют важнейшее значение для информационного обеспечения национальной безопасности России. Они представляют собой критически важную инфраструктуру и играют ключевую роль в информационном обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Их непрерывное и неуязвимое функционирование требует всестороннего регулирования, надежных мер технической защиты и эффективного управления потенциальными рисками.

В системе информационного обеспечения национальной безопасности дата-центры занимают особое место. Такие объекты осуществляют не только сбор, хранение и обработку информации, но и формируют основы цифрового развития, являясь эпицентром глобального соревнования в области информационных технологий.

В текущей военно-политической ситуации наблюдается соперничество не только за информацию, предоставляемую дата-центрами, но и за инженерные комплексы и сооружения, поддерживающих их работоспособность. Защищенные и технологически развитые дата-центры необходимы для эффективной деятельности силовых структур и других государственных и коммерческих структур, чья деятельность непосредственно связана с обеспечением национальной безопасности. Защищенность, непрерывность и высокая производительность дата-центров имеет особо важное значение для результативного и эффективного функционирования органов государственного и военного управления, учреждений и структур системы обеспечения национальной безопасности.

В условиях современной военно-политической обстановки в мире, модернизация, оптимизация и защита российских дата-центров является первостепенной задачей информационного обеспечения национальной безопасности России.

Совершенствование и модернизация дата-центров представляют собой процесс, требующий существенных вложений и внедрения новейших научно-технических достижений.

Литература

1. Критическая информационная инфраструктура. Кому грозит категорирование в 2026 году. URL: https://belinfonalog.ru/company/news/aktualnoe/kriticheskaya-informatsionnaya-infrastruktura-komu-grozit-kategorirovanie-v-2026-godu/(дата обращения: 17.04.2026).

2. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 22.04.2026).

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 22.04.2026).

4. Карта боевых действий в зоне СВО на 22 апреля 2026 года. URL: https://aif.ru/politics/russia/karta-boevyh-deystviy-v-zone-svo-na-22-aprelya-2026-goda. (дата обращения: 22.04.2026).

5. Почему дата-центры стали военной целью URL: https://habr.com/ru/articles/1019062/ (дата обращения: 22.04.2026).

THE ROLE AND PLACE OF DATA CENTERS IN INFORMATION SUPPORT OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Artemyev A.A., Ursul V.I., Yastrebov A.P., Marchenko A.O.
Moscow State Technical University named after According to N.E. Bauman

The article examines the role and place of data centers in the information support of the national security of the Russian Federation. Modern multifunctional data centers not only collect, store and process information, but also form the foundations of digital development, being the epicenter of global competition in the field of information technology. In the current military-political situation in the world, there is competition not only for the information provided by data centers, but also for engineering complexes and structures that support their performance.

Keywords: data centers, data processing centers, national security, information support, critical information infrastructure of the Russian Federation, information and analytical activities.

References

1. Critical Information Infrastructure. Who is at Risk of Categorization in 2026. URL: https://belinfonalog.ru/company/news/aktualnoe/kriticheskaya-informatsionnaya-infrastruktura-komu-grozit-kategorirovanie-v-2026-godu/ (accessed April 17, 2026).

2. Federal Law «On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation» dated July 26, 2017 № 187-FZ (latest revision). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (accessed April 22, 2026).

3. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, № 400, «On the National Security Strategy of the Russian Federation.» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Accessed April 22, 2026).

4. Map of military operations in the North-Eastern Military District zone as of April 22, 2026. Available at: https://aif.ru/politics/russia/karta-boevyh-deystviy-v-zone-svo-na-22-aprelya-2026-goda. (Accessed April 22, 2026).

5. Why data centers have become a military target. Available at: https://habr.com/ru/articles/1019062/ (Accessed April 22, 2026).

Институциональные неопределённости регулирования труда иностранных студентов в России

Баранов Александр Андреевич,
аспирант, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
E-mail: 3m96@mail.ru

Регулирование трудовой занятости иностранных студентов в Российской Федерации осуществляется на пересечении миграционной, образовательной и трудовой политики, что формирует сложную институциональную конфигурацию и порождает неоднозначность управленческих решений. Особый статус иностранных студентов обусловливает необходимость анализа механизмов их допуска к трудовой деятельности в рамках системы государственного управления миграционными процессами.

Целью статьи является анализ институциональных особенностей регулирования трудовой занятости иностранных студентов и выявление факторов, обусловливающих возникновение нормативных и управленческих неопределённостей в данной сфере.

Методологическую основу исследования составляют институциональный и системный подходы. В работе используются методы анализа нормативных правовых актов, обобщения управленческих практик, а также сравнительного анализа механизмов регулирования трудовой занятости иностранных студентов.

В ходе исследования раскрыта специфика институционального положения иностранных студентов как особой категории субъектов миграционной политики. Проанализирована дифференциация режимов допуска иностранных студентов к трудовой деятельности и выявлено регуляторное значение категории «свободное от учёбы время», не имеющей нормативно закреплённого определения.

Сделан вывод о системном характере институциональных неопределённостей в регулировании трудовой занятости иностранных студентов, ограничивающих предсказуемость и управляемость соответствующих процессов и требующих согласования подходов в рамках государственной миграционной и образовательной политики.

Ключевые слова: иностранные студенты, образовательная миграция, трудовая занятость, миграционная политика, государственное управление, свободное от учёбы время, рынок труда.

В условиях трансформации миграционной политики Российской Федерации и одновременного роста роли образовательной миграции особое значение приобретает регулирование трудовой занятости иностранных студентов. Данная категория мигрантов занимает специфическое положение в системе государственного управления миграционными процессами, совмещая в себе признаки обучающихся и потенциальных участников национального рынка труда [Волох, Гришаева, 2017, С. 82]. Это предопределяет необходимость формирования согласованных институциональных механизмов регулирования их правового и социально-экономического статуса. Иностранные студенты высших учебных заведений играют важную роль на российском рынке труда и имеют потенциал стать высококвалифицированными специалистами [Лебедева, 2025].

Содействие в трудоустройстве иностранных студентов российских вузов может способствовать снижению дефицита трудовых ресурсов и удовлетворению потребности российского рынка труда в высококвалифицированных работниках. Так, Бальжинов А.В. и Жапов Д.Э. отметили в своей научной работе, что миграция является эффективным способом компенсации нехватки трудовых ресурсов [Бальжинов, Жапов, 2019]. Однако, несмотря на заметный рост числа иностранных студентов, прибывающих в Россию для получения образования, недостаточно исследований посвящено изучению особенностей рынка труда иностранных студентов, пребывающих в России.

Современная модель регулирования труда иностранных студентов в России характеризуется многоуровневостью и фрагментарностью, обусловленной пересечением норм миграционного, образовательного и трудового регулирования. В результате формируется особый режим допуска к трудовой деятельности, отличающийся от общих правил привлечения иностранных работников и предполагающий использование упрощённых механизмов [Ростовская, Скоробогатова, Фомина 2023]. Однако отсутствие единой концептуальной основы и согласованной интерпретации ключевых категорий приводит к возникновению институциональных неопределённостей, затрудняющих реализацию заявленных целей государственной политики в сфере образовательной и трудовой миграции.

Наиболее показательным примером подобной неопределённости является использование в нормативном регулировании категории «свободное от учёбы время», которая приобретает принципиальное значение для определения допустимых форм и условий трудовой занятости иностранных студентов. Несмотря на её ключевую роль, действующее федеральное законодательство не содержит легального определения данного понятия, что порождает конкуренцию интерпретаций со стороны различных институтов – органов государственной власти, образовательных организаций и участников рынка труда. В результате регуляторная функция государства частично смещается в сферу ведомственных разъяснений и судебных интерпретаций, что снижает предсказуемость и управляемость соответствующих процессов. Согласно позиции Министерства просвещения Российской Федерации, под свободным от учёбы временем можно считать время, не занятое учебными видами деятельности в соответствие с учебным планом или индивидуальным учебным планом [5].

Актуальность исследования обусловлена также тем, что трудовая занятость иностранных студентов рассматривается государством как инструмент решения кадровых и демографических задач, а также как элемент политики «удержания» квалифицированных иностранных граждан после завершения обучения. При этом институциональные противоречия в регулировании данной сферы способны нивелировать позитивный потенциал образовательной миграции и усилить управленческие риски для ключевых акторов – государства, образовательных организаций и работодателей.

Целью настоящей статьи является выявление и анализ институциональных неопределённостей регулирования труда иностранных студентов в Российской Федерации, а также определение их влияния на функционирование системы государственного управления миграционными процессами. В рамках исследования используются методы институционального анализа, сравнительно-нормативного анализа и системного подхода, позволяющие рассмотреть регулирование трудовой занятости иностранных студентов как результат взаимодействия нескольких политико-управленческих институтов.

Методологическую основу исследования составляет институциональный подход, позволяющий рассматривать регулирование трудовой занятости иностранных студентов как результат взаимодействия политических институтов, формальных правил и управленческих практик, формирующих государственную миграционную политику. В рамках данного подхода трудовая занятость иностранных студентов анализируется не изолированно, а в контексте пересечения образовательной, трудовой и миграционной подсистем государственного управления.

В работе используется системный подход, в соответствии с которым регулирование труда иностранных студентов интерпретируется как сложная многоуровневая система, включающая нормативные конструкции, управленческие решения и институциональные роли различных акторов – органов государственной власти, образовательных организаций и субъектов рынка труда. Это позволяет выявить не отдельные дефекты регулирования, а структурные источники институциональной неопределённости.

В качестве одного из ключевых методов применяется сравнительно-нормативный анализ, направленный на выявление расхождений в логике регулирования, заложенной в нормах миграционного и образовательного законодательства, а также в подзаконных и интерпретационных актах. Данный метод используется не для анализа правоприменительной практики, а для выявления институциональных противоречий и конкурирующих моделей интерпретации трудовой занятости иностранных студентов.

Дополнительно в исследовании используется аналитический метод интерпретации категорий публичной политики, в рамках которого такие понятия, как «свободное от учёбы время», «образовательная программа» и «академическое право на совмещение обучения с трудовой деятельностью», рассматриваются как элементы управленческого дискурса, влияющие на формирование практик регулирования. Это позволяет выявить механизм воспроизводства нормативной неопределённости и её влияние на устойчивость институционального дизайна миграционной политики.

В целях повышения объяснительного потенциала исследования применяется логико-структурный анализ, направленный на выявление причинно-следственных связей между целями государственной миграционной политики и используемыми регуляторными инструментами. Данный метод позволяет обосновать вывод о том, что институциональные неопределённости в регулировании труда иностранных студентов носят системный характер и обусловлены несогласованностью управленческих решений на различных уровнях государственного регулирования.

Результаты

В системе государственного регулирования миграционных процессов иностранные студенты занимают особое, институционально неоднозначное положение. В отличие от иных категорий иностранных граждан, они одновременно включены в сферу образовательной политики, миграционного контроля и регулирования рынка труда. Такое «пересечение режимов» формирует гибридный статус, при котором иностранный студент рассматривается не только как обучающийся, но и как потенциальный участник экономических процессов [Ростовская, 2024, С .352].

Действующее регулирование исходит из предпосылки о необходимости упрощённого допуска иностранных студентов к трудовой деятельности, что отражает стремление государства повысить привлекательность российского образования и частично компенсировать дефицит трудовых ресурсов [Храмова, Скоблина, Зорин, 2022, С .118]. В этой логике иностранные студенты фактически выводятся из общего режима регулирования трудовой миграции и включаются в особый институциональный контур, предусматривающий возможность осуществления трудовой деятельности без получения разрешительных документов.

Однако данный управленческий подход не сопровождается формированием целостной институциональной модели. Регулирование трудовой занятости иностранных студентов строится на совокупности разрозненных нормативных конструкций, которые дифференцируют условия допуска к труду в зависимости от формы обучения, образовательной программы и периода осуществления трудовой деятельности. В результате иностранные студенты оказываются включёнными в несколько параллельных режимов регулирования, не объединённых единым концептуальным основанием [Рязанцева, 2022, С .63].

Особенно показательным является различие в подходах к трудовой занятости иностранных студентов в период каникул и в иное время обучения. В первом случае регулирование распространяется на широкий круг обучающихся вне зависимости от формы обучения и уровня образовательной программы, что указывает на приоритет экономической логики использования трудового потенциала. Во втором случае доступ к труду существенно сужается и увязывается с очной формой обучения и освоением основных образовательных программ, что отражает доминирование образовательного института и контрольной функции миграционной политики.

Таким образом, иностранные студенты выступают не просто объектом правового регулирования, а индикатором несогласованности различных направлений государственной политики, в рамках которых отсутствует единое понимание допустимых границ их трудовой активности.

Современная институциональная конструкция регулирования труда иностранных студентов в Российской Федерации формируется на основе сочетания специальных и общих норм миграционного законодательства, а также норм законодательства об образовании. При этом данные нормы не образуют единой иерархически выстроенной системы, а функционируют как совокупность частично пересекающихся регуляторных режимов.

Ключевое значение в данной конструкции имеет дифференциация условий трудовой занятости в зависимости от периода её осуществления. В дни каникул иностранные студенты профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования могут осуществлять трудовую деятельность без получения разрешительных документов независимо от формы обучения, гражданства и территориального расположения образовательной организации [9]. Такая модель предполагает временное снятие ограничений и отражает прагматичный подход государства к использованию трудового потенциала обучающихся мигрантов.

Иная логика прослеживается в регулировании трудовой деятельности в период, совпадающий с образовательным процессом. В этом случае упрощённый режим допуска к труду распространяется исключительно на иностранных студентов очной формы обучения, осваивающих основные образовательные программы, имеющие государственную аккредитацию. Тем самым формируется более жёсткий институциональный фильтр, ориентированный на сохранение приоритета образовательной функции.

Отдельное место в институциональной конструкции занимает регулирование практической подготовки иностранных студентов. Практика, будучи формой организации образовательной деятельности, формально выводится за пределы трудовых отношений и не рассматривается как элемент трудовой миграции, поскольку практическая подготовка не является трудовой деятельностью и не влечёт получение дохода [Дружинин, 2025]. Это форма организации образовательной деятельности при освоении образовательной программы в условиях выполнения обучающимися определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью и направленных на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенций по профилю соответствующей образовательной программы [11].

Дополнительную сложность институциональной конструкции вносит дифференциация статуса иностранных студентов в зависимости от их гражданства, в частности выделение обучающихся граждан государств членов ЕАЭС. Для данной категории применяется иной режим регулирования, основанный на приоритете международных договоров и фактическом сближении статуса обучающегося и трудящегося, справка об обучении необходима для подтверждения статуса законно находящегося. В результате в рамках единой образовательной среды формируются различные институциональные режимы допуска к труду, что усиливает фрагментацию регулирования [Шитова, 2020, С .110].

В совокупности указанные элементы свидетельствуют о том, что регулирование труда иностранных студентов в России носит несистемный характер и основывается на сочетании экономических, контрольных и образовательных логик, не сведённых в единый институциональный дизайн [Шичкин, Нгуен, 2023].

Одним из ключевых элементов институциональной конструкции регулирования труда иностранных студентов является категория «свободное от учёбы время», от интерпретации которой напрямую зависят допустимые формы и условия их трудовой занятости. При этом данное понятие занимает парадоксальное положение: обладая высокой регуляторной значимостью, оно не имеет нормативно закреплённого определения в действующем федеральном законодательстве.

Отсутствие легального определения «свободного от учёбы времени» формирует устойчивую зону институциональной неопределённости, в рамках которой различные акторы публичной политики, а именно органы государственной власти, образовательные организации и работодатели вынуждены самостоятельно вырабатывать интерпретационные модели. В результате единый по замыслу упрощённый режим допуска иностранных студентов к трудовой деятельности приобретает множественные, зачастую конкурирующие трактовки.

С точки зрения образовательного института, учебный процесс структурируется учебным планом, календарным учебным графиком и индивидуальными образовательными траекториями. В этой логике «свободное от учёбы время» может рассматриваться как период, не занятый учебными видами деятельности, однако подобная интерпретация не учитывает специфику академических прав обучающихся [14]. Данная коллизия демонстрирует несогласованность образовательных и миграционных регуляторных подходов.

С позиции миграционного регулирования категория «свободное от учёбы время» используется как инструмент ограничения трудовой активности иностранных студентов, призванный минимизировать риски подмены образовательной миграции трудовой. Однако отсутствие чётких критериев такого времени приводит к смещению регуляторного акцента с управления процессами на контроль формального соответствия, что усиливает неопределённость и снижает предсказуемость управленческих решений.

Особое значение в данном контексте приобретает академическое право обучающихся на совмещение обучения с работой, закреплённое в законодательстве об образовании и распространяющееся на иностранных граждан, согласно которому обучающемуся предоставлено академическое право на совмещение получения образования с работой без ущерба для освоения образовательной программы, выполнения индивидуального учебного плана [15]. Освоение образовательной программы сопровождается промежуточной аттестацией. Неудовлетворительные результаты промежуточной аттестации признаются академической задолженностью. Обучающиеся обязаны ликвидировать академическую задолженность. Обучающиеся, не ликвидировавшие в установленные сроки академической задолженности, отчисляются как не выполнившие обязанностей по добросовестному освоению образовательной программы и выполнению учебного плана

Следовательно, освоение профессиональной образовательной программы и выполнение учебного плана связывает с отсутствием академической задолженности, а учёбу – с периодом образовательных отношений, когда пропуск лекций, в том числе в связи с трудоустройством иностранного гражданина, свидетельствует лишь о ненадлежащем выполнении учебного плана, но не может служить основанием для досрочного прекращения образовательных отношений [Малеина, 2018, С. 121].

В результате категория «свободное от учёбы время» функционирует не как чётко определённый регуляторный инструмент, а как гибкая интерпретационная конструкция, содержание которой зависит от контекста применения. Такая институциональная неопределённость воспроизводится на системной основе и способствует фрагментации управленческих практик, что снижает эффективность реализации государственной миграционной политики в сфере образовательной миграции.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что регулирование трудовой занятости иностранных студентов в Российской Федерации характеризуется наличием устойчивых институциональных неопределённостей, обусловленных несогласованностью целей и инструментов различных подсистем государственной политики. Иностранные студенты формируются как особый субъект миграционного регулирования, в отношении которого одновременно действуют образовательные, трудовые и контрольные логики, не сведённые в единый управленческий контур.

Ключевая неопределённость связана с использованием категории «свободное от учёбы время», обладающей высокой регуляторной значимостью при отсутствии нормативно и управленчески закреплённого содержания. В результате данная категория функционирует как гибкий интерпретационный механизм, воспроизводящий фрагментацию управленческих практик и снижающий предсказуемость регулирования трудовой занятости иностранных студентов.

Институциональный анализ показывает, что выявленные противоречия носят не ситуативный, а системный характер и отражают более широкий кризис согласования образовательной и миграционной политики в условиях трансформации рынка труда. Отсутствие целостного институционального дизайна приводит к смещению регуляторных функций государства в сферу ведомственных интерпретаций, что ограничивает управляемость процессов образовательной миграции и снижает эффективность реализации её социально-экономического потенциала. Отечественное миграционное законодательство, как и любое иное, не совершенно и нуждается в непрерывных доработках и систематизации согласно вызовам времени. При этом вопросы трудовой миграции сложные, требуют адекватной и мобильной нормативно-правовой базы.

Литература

1. Волох В.А. Международная образовательная миграция в современной России: особенности, проблемы и перспективы / В.А. Волох, С.А. Гришаева // Социальная политика и социология. – 2017. – Т. 16, № 1(120). – С. 80–87. – DOI 10.17922/2071–3665–2017–16–1–80–87. – EDN YKVCPH.

2. Лебедева Т.В. Образовательная миграция в Российскую Федерацию: роль в обеспечении экономики кадрами высокой квалификации / Т.В. Лебедева. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2022. – 189 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-017871-4. – DOI 10.12737/1893954. – EDN CSRTIB.

3. Бальжинов А.В. Трудовая миграция как самый действенный метод восполнения трудовых ресурсов / А.В. Бальжинов, Д.Э. Жапов // Энигма. – 2019. – № 11–1. – С. 262–266. – EDN SGSEDJ.

4. Ростовская, Т.К. Институциональные практики работы с иностранными студентами как механизм их трудоустройства в российских и транснациональных компаниях за рубежом / Т.К. Ростовская, В.И. Скоробогатова, О.Е. Фомина // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2023. – № 7. – С. 100–108. – DOI 10.20339/AM.07–23.100. – EDN ESSFCA.

5. Письмо Минпросвещения России от 21 сентября 2020 г. N 08–654 «О представлении информации» // Гарант: справочно-правовая система [Офиц. сайт]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74777761/ (дата обращения: 12.01.2026).

6. Ростовская Т.К. Образовательная миграция как инструмент приумножения рабочей силы / Т.К. Ростовская, Л.А. Давлетшина // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 3(116). – С. 347–365. – DOI 10.15507/1991–9468.116.028.202403.347–365. – EDN HIBSBI.

7. Храмова М.Н. Иммиграция vs эмиграция: компенсаторная роль миграции в демографическом развитии регионов России / М.Н. Храмова, Е.В. Скоблина, Д.П. Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2022. – Т. 2, № 4. – С. 110–122. – DOI 10.19181/demis.2022.2.4.8. – EDN LNDWKP.

8. Рязанцева И.В. Трудоустройство иностранных студентов и выпускников на российском рынке труда как элемент восполнения трудовых ресурсов страны / И.В. Рязанцева // Экономика труда. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 55–68. – DOI 10.18334/et.9.1.114149. – EDN UOHNEX.

9. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3032.

10. Дружинин А.В. Правовое регулирование высшего образования в России: Теоретические основы, государственная регламентация и система оценки качества / А.В. Дружинин. – Москва: Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», 2025. – 496 с.

11. Приказ Минобрнауки России N 885, Минпросвещения России N 390 от 05.08.2020 (ред. от 18.11.2020) «О практической подготовке обучающихся» (вместе с «Положением о практической подготовке обучающихся») (Зарегистрировано в Минюсте России 11.09.2020 N 59778).

12. Шитова Н.Б. Образовательная миграция в России: концептуальные вопросы правового регулирования / Н.Б. Шитова // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 98–111. – DOI 10.12737/jrl.2020.083. – EDN KKYDWY.

13. Шичкин И.А. Особенности рынка труда иностранных студентов и выпускников в России / И.А. Шичкин, Т. Ф.Т. Нгуен // Столыпинский вестник. – 2023. – Т. 5, № 7. – EDN JFRVZL.

14. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, № 54, ст. 7598 (Часть I).

15. Приказ Минобрнауки России от 13.06.2013 N 455 «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2013 N 28912).

16. Малеина М.Н. Досрочное прекращение образовательных отношений по инициативе вуза (природа санкции, основания применения, порядок осуществления) / М.Н. Малеина // Lex Russica (Русский закон). – 2018. – № 5(138). – С. 117–130. – DOI 10.17803/1729–5920.2018.138.5.117–127. – EDN XPPUUP.

INSTITUTIONAL UNCERTAINTIES IN REGULATING THE LABOR OF FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA

Baranov A.A.
University of world civilizations

Regulation of international student employment in the Russian Federation occurs at the intersection of migration, education, and labor policies, creating a complex institutional

configuration and generating ambiguity in management decisions. The special status of international students necessitates an analysis of the mechanisms for their admission to employment within the framework of state migration management.

The aim of this article is to analyze the institutional characteristics of regulating international student employment and to identify the factors that contribute to regulatory and managerial uncertainties in this area.

The study's methodological basis is an institutional and systems approach. The study utilizes methods for analyzing regulatory legal acts, summarizing management practices, and a comparative analysis of mechanisms for regulating international student employment.

The study explores the specific institutional status of international students as a special category of migration policy actors. The differentiation of employment regimes for international students is analyzed and the regulatory significance of the category "free time" (not studying time), which has no legally established definition, is identified.

A conclusion is drawn regarding the systemic nature of institutional uncertainties in regulating the employment of international students, limiting the predictability and manageability of relevant processes and requiring the coordination of approaches within the framework of state migration and education policies.

Keywords: foreign students, educational migration, employment. migration policy, public administration, time free from study, labor market.

References

1. Volokh, V.A. International educational migration in modern Russia: features, problems and prospects / V.A. Volokh, S.A. Grishaeva // Social Policy and Sociology. – 2017. – Vol. 16, № 1(120). – P. 80–87. – DOI 10.17922/2071–3665–2017–16–1–80–87. – EDN YKVCPH. (in Russian).

2. Lebedeva, T.V. Educational migration to the Russian Federation: the role in providing the economy with highly qualified personnel / T.V. Lebedeva. – Moscow: INFRA-M Scientific Publishing Center, 2022. – 189 p. – (Scientific Thought). – ISBN 978-5-16-017871-4. – DOI 10.12737/1893954. – EDN CSRTIB. (in Russian).

3. Balzhinov, A.V. Labor migration as the most effective method of replenishing labor resources / A.V. Balzhinov, D.E. Zhapov // Enigma. – 2019. – № 11–1. – P. 262–266. – EDN SGSEDJ. (in Russian).

4. Rostovskaya, T.K. Institutional practices of working with foreign students as a mechanism for their employment in Russian and transnational companies abroad / T.K. Rostovskaya, V.I. Skorobogatova, O.E. Fomina // Alma Mater. Higher School Bulletin. – 2023. – № 7. – P. 100–108. – DOI 10.20339/AM.07–23.100. – EDN ESSFCA. (in Russian).

5. Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation dated September 21, 2020 № 08–654 "On the submission of information" // Garant: legal reference system [official website]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74777761/ (accessed: 12.01.2026). (in Russian).

6. Rostovskaya, T.K. Educational migration as a tool for increasing the workforce / T.K. Rostovskaya, L.A. Davletshina // Integration of Education. – 2024. – Vol. 28, № 3(116). – P. 347–365. – DOI 10.15507/1991–9468.116.028.202403.347–365. – EDN HIBSBI. (in Russian).

7. Khramova, M.N. Immigration vs emigration: the compensatory role of migration in the demographic development of Russian regions / M.N. Khramova, E.V. Skoblina, D.P. Zorin // DEMIS. Demographic Research. – 2022. – Vol. 2, № 4. – P. 110–122. – DOI 10.19181/demis.2022.2.4.8. – EDN LNDWKP. (in Russian).

8. Ryazantseva, I.V. Employment of foreign students and graduates in the Russian labor market as an element of replenishing the country's labor resources / I.V. Ryazantseva // Labor Economics. – 2022. – Vol. 9, № 1. – P. 55–68. – DOI 10.18334/et.9.1.114149. – EDN UOHNEX. (in Russian)

9. Federal Law dated July 25, 2002 № 115-FZ, as amended on July 31, 2025, "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. – Art. 3032. (in Russian)

10. Druzhinin, A.V. Legal regulation of higher education in Russia: theoretical foundations, state regulation and quality assessment system / A.V. Druzhinin. – Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University, 2025. – 496 p. (in Russian)

11. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation № 885 and the Ministry of Education of the Russian Federation № 390 dated August 5, 2020, as amended on November 18, 2020, "On practical training of students", together with the "Regulations on practical training of students": registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on September 11, 2020 № 59778. (in Russian)

12. Shitova, N.B. Educational migration in Russia: conceptual issues of legal regulation / N.B. Shitova // Journal of Russian Law. – 2020. – № 7. – P. 98–111. – DOI 10.12737/jrl.2020.083. – EDN KKYDWY. (in Russian)

13. Shichkin, I.A. Features of the labor market for foreign students and graduates in Russia / I.A. Shichkin, T. F.T. Nguyen // Stolypin Bulletin. – 2023. – Vol. 5, № 7. – EDN JFRVZL. (in Russian)

14. Federal Law dated December 29, 2012 № 273-FZ, as amended on July 31, 2025, "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – № 54. – Art. 7598. – Part I. (in Russian)

15. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated June 13, 2013 № 455 "On approval of the procedure and grounds for granting academic leave to students": registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on June 28, 2013 № 28912. (in Russian)

16. Maleina, M.N. Early termination of educational relations at the initiative of the university: nature of the sanction, grounds for application, procedure for implementation / M.N. Maleina // Lex Russica. Russian Law. – 2018. – № 5(138). – P. 117–130. – DOI 10.17803/1729–5920.2018.138.5.117–127. – EDN XPPUUP. (in Russian)

Проблемы неравенства в обществе с изменениями электоральных циклов

Богданов Игорь Яковлевич,
д.э.н., профессор, гл.н.с., ИС ФНИСЦ РАН
E-mail: bogdanov5757@gmail.com

В статье рассматривается то, как динамика социального неравенства связана с изменениями в рамках электоральных циклов. Актуальность обусловлена ростом поляризации в обществе и кризисом репрезентативности институтов политики в развитых демократиях, из-за чего классические взгляды на выборы как механизм социальной коррекции требуют пересмотра. Цель – систематизировать теоретические подходы и данные эмпирики касательно того, как неравенство влияет на поведение избирателей, а также обратного воздействия циклов выборов на социальную структуру с учётом технологической эволюции коммуникаций за последние три десятилетия. Методологически работа опирается на вторичный анализ данных из сравнительных исследований, опубликованных в литературе по социологии и политологии. Полученные результаты показывают, что высокий уровень неравенства снижает явку среди групп с низкими доходами и уровнем образования, усиливая дисбаланс представительства в политике в пользу элит. Выявлено, что в странах с мажоритарной системой диспропорциональность представительства выражена сильнее, чем при пропорциональной системе, что ведёт к консервации социально-экономического неравенства и падению доверия к институтам. Предложена модель «порочного круга», описывающая циклическую зависимость: неравенство порождает неравенство в участии, что ведёт к неравенству представительства, которое затем закрепляется в принимаемых законах, усиливая исходное неравенство. Показано, что технологические сдвиги модифицируют механизмы этого круга, придавая выборным процессам новый идеологический смысл. Обосновано, что необходимы институциональные корректировки, способные разорвать этот круг и вернуть выборам их корректирующую функцию в условиях нового технологического уклада.

Ключевые слова: социальное неравенство, электоральный цикл, политическое участие, абсентеизм, представительство интересов, избирательная система, диспропорциональность, социальная стратификация, цифровизация политики.

Введение

В развитых демократиях сегодня наблюдается фундаментальный парадокс: несмотря на провозглашаемое политическое равенство, реализуемое через принцип «один человек – один голос», экономическое неравенство достигает исторических максимумов, а разрыв между богатыми и бедными продолжает увеличиваться [Шилкина, 2019]. Это противоречие ставит под сомнение то, насколько эффективны выборы как инструмент социальной коррекции, поскольку механизмы выборов, которые призваны обеспечивать обратную связь общества и власти, зачастую не только не уменьшают неравенство, но и способствуют его воспроизводству [Beramendi, Anderson, 2008]. Рост социальной поляризации, абсентеизм среди низкодоходных групп и кризис доверия к институтам представительной демократии в странах ОЭСР делают особенно актуальным вопрос о том, как социально-экономическое положение граждан сказывается на их политическом участии и как результаты этого участия потом трансформируют структуру общества на годы вперёд [Gallego, 2014; Семененко, 2023].

Актуальность темы обусловлена также институциональными изменениями последних десятилетий, в частности, трансформацией партийных систем, ростом влияния крупного капитала на политический процесс и усилением диспропорциональности представительства, когда голоса избирателей конвертируются в депутатские мандаты с искажениями, преимущественно благоприятствующими крупным политическим силам. Высокая концентрация политических пожертвований и лоббистских ресурсов в руках элит дополнительно усугубляет дисбаланс представительства [Beramendi, Anderson, 2008].

За последние тридцать лет произошла глубокая трансформация коммуникационной среды электоральных циклов: от доминирования аналоговых медиа (радио, телевидение) и прямого администрирования ресурсов («коробки с наличкой») к цифровой экосистеме, таргетированной агитации в социальных сетях и алгоритмическому управлению повесткой [Norris, 2001; Tucker et al., 2018]. Эти изменения, зачастую воспринимаемые как технические, несут в себе большой идеологический смысл, модифицируя механизмы конвертации социального неравенства в политическое влияние [Han, 2017; Morozov, 2011]. Как отмечает П. Розанваллон, современная политика все больше сдвигается от логики представительства к логике присутствия и сопереживания, что меняет ожидания граждан от власти и требует переосмысления традиционных моделей демократической легитимности [Розанваллон, 2015]. В связи с этим возникает необходимость не только систематизировать классические теоретические подходы и эмпирические данные, но и проанализировать, как эволюция каналов коммуникации и способов мобилизации за последние три десятилетия изменила циклическую зависимость между неравенством и электоральным процессом.

Цель статьи – выявить основные механизмы и закономерности того, как социальное неравенство и электоральные циклы влияют друг на друга с учётом технологической динамики последних 30 лет, опираясь на анализ современных исследований и сравнительные данные.

Методы исследования

Данная работа представляет собой систематический обзор литературы с элементами вторичного анализа данных. Такой подход выбран исходя из необходимости выявления устойчивых закономерностей во взаимосвязи социального неравенства и электоральных циклов, которые накоплены в современной социологической и политологической литературе [Savage, Burrows, 2007].

Эмпирически исследование опирается на данные международных сравнительных проектов. Использовались материалы Европейского социального исследования [European Social Survey, 2026], которые обеспечивают высокое качество данных за счёт строгих стандартов полевых работ и контроля смещений из-за неответов респондентов. Также привлекались данные социальных исследований, позволяющие проводить межстрановые сравнения по широкому кругу социальных установок и моделей поведения [Greene, 2022].

Анализ данных базируется на результатах, полученных с помощью современных методов статистического моделирования, которые представлены в рецензируемых источниках. Ключевое значение здесь имеют работы, использующие логистическую регрессию редких событий для оценки того, как социально-экономические факторы влияют на ве-

роятность участия в выборах с контролем страновых особенностей [Bandau, 2022].

Для учёта динамики изменений в электоральных циклах за последние 30 лет в работе применяется метод исторической периодизации вторичных данных. Анализ опирается на сравнительные исследования, фиксирующие трансформацию политической коммуникации на рубеже XX–XXI веков, что позволяет выделить ключевые технологические сдвиги (цифровизация, появление социальных сетей, алгоритмизация) как самостоятельные факторы, модифицирующие связь между социальной стратификацией и политическим участием [Norris, 2001; Tucker et al., 2018; Bennett, Segerberg, 2012].

При интерпретации результатов учитывались методологические ограничения, характерные для опросных данных. Проблема систематического смещения оценок из-за неравной вероятности участия в опросах разных социальных групп. Например, респонденты с низким социально-экономическим статусом традиционно демонстрируют более низкие уровни кооперации, что может завышать оценки политической активности среди менее обеспеченных слоёв [Krejčí, 2007]. Эффект социальной желательности, из-за которого самоотчёты о голосовании завышены по сравнению с официальными данными явки [Greene, 2022]. Ограничения межстрановых сравнений, связанные с различиями избирательных систем, политических институтов и культурных контекстов, которые пытаются учитывать включением страновых фиксированных эффектов в многоуровневые модели [Bandau, 2022; Beramendi, Anderson, 2008].

Результаты исследования

Результаты структурированы по трём ключевым направлениям: неравенство электорального участия, диспропорциональность политического представительства и обратное влияние избирательных циклов на динамику неравенства с дополнением о технологической трансформации последних 30 лет.

Исследования подтверждают устойчивую связь между социально-экономическим статусом индивида и вероятностью его участия в выборах [Gallego, 2014; Сафронов, 2022; Сафронов, Сафронов, 2024]. Теория ресурсов объясняет эту закономерность тем, что образование, доход и свободное время выступают ключевыми ресурсами, необходимыми для политического участия; так, они обеспечивают когнитивные способности для обработки политической информации, материальную возможность делать пожертвования и временную доступность для посещения избирательных участков или собраний. Данные ESS демонстрируют, что в среднем по странам Европы вероятность участия в парламентских выборах среди респондентов с высшим образованием и высоким доходом до 30 процентных пунктов выше, чем среди респондентов, не имеющих среднего образования и принадлежащих к низкодоходной группе [Gallego, 2014; Krejčí, 2007]. Особенно выражен данный разрыв в странах с высоким уровнем экономического неравенства: чем выше коэффициент Джини, тем сильнее социально-экономический градиент явки [Bandau, 2022].

Возрастная структура электорального участия также демонстрирует значимые различия. Молодёжь в возрасте 18–29 лет характеризуется наиболее низкими показателями явки, что связывают с более поздним вступлением во взрослые социальные роли, меньшей вовлечённостью в локальные сообщества и более высоким уровнем политического цинизма [Сафронов, 2022]. Напротив, старшие возрастные группы демонстрируют устойчиво высокую явку, что объясняется эффектом «клиентелы» – зависимостью пенсионеров от государственных трансфертов и, как следствие, более высокой мотивацией контролировать распределительную политику государства [Beramendi, Anderson, 2008]. В российском контексте, согласно исследованиям В.В. Сафронова, данная закономерность дополняется значимым влиянием типа поселения: жители сельской местности и малых городов участвуют в выборах активнее, чем жители мегаполисов, что связывают с более сильными клиентелистскими сетями и меньшей альтернативностью политических предложений [Сафронов, Сафронов, 2024]. Вероятность участия в парламентских выборах в зависимости от уровня образования и дохода приведена в таблице 1.

Таблица 1. Вероятность участия в парламентских выборах в зависимости от уровня образования и дохода

Уровень образования	Уровень дохода	Вероятность участия
Низкое (ниже среднего)	Низкий	42–48
Низкое (ниже среднего)	Средний	50–55
Среднее (полное среднее)	Низкий	55–60
Среднее (полное среднее)	Средний	65–70

Окончание

Уровень образования	Уровень дохода	Вероятность участия
Среднее (полное среднее)	Высокий	72–78
Высшее	Средний	75–80
Высшее	Высокий	82–88

Составлено по материалам [Gallego, 2014; Сафронов, 2022; Bandau, 2022]

Диспропорциональность политического представительства. Неравенство участия трансформируется в диспропорциональность представительства через механизмы избирательных систем. Классическая работа М. Галлахера предложила индекс диспропорциональности, измеряющий рассогласование между долей полученных партиями голосов и долей завоёванных ими мест в парламенте [Gallagher, 1991]. Чем выше значение индекса, тем сильнее искажающий эффект избирательной системы. Сравнительный анализ демонстрирует, что мажоритарные системы систематически производят более высокую диспропорциональность по сравнению с пропорциональными системами [Lijphart, 2012; Beramendi, Anderson, 2008].

Важнейшим следствием диспропорциональности становится систематическое смещение политической повестки в сторону интересов более обеспеченных групп. В странах с высоким уровнем неравенства и мажоритарными системами налогово-бюджетная политика систематически смещена в пользу высокодоходных групп, что проявляется в более низких ставках налога на прибыль корпораций и меньшем объёме социальных трансфертов [Шилкина, 2019].

Электоральные циклы не только испытывают воздействие со стороны существующего неравенства, но и сами оказывают обратное влияние на его динамику. Это влияние реализуется через перераспределительную политику и регуляторные решения. Теоретическая модель, восходящая к работам Э. Даунса, предполагает, что в демократиях медианный избиратель определяет направление политики, и если медианный избиратель беднее среднего, он будет голосовать за перераспределение [Downs, 1957]. Однако эмпирические данные опровергают эту модель: несмотря на рост неравенства, масштабы перераспределения не увеличиваются пропорционально [Пикетти, 2015; Kenworthy, Pontusson, 2005].

Трансформация электорального цикла под влиянием технологических и коммуникационных сдвигов (1990–2020-е гг.). За последние 30 лет структура электорального цикла претерпела качественные изменения, которые нельзя сводить лишь к смене каналов агитации. Первый этап изменений (1990–2000-е гг.) связан с переходом от «коробок с наличкой» – прямого материального стимулирования избирателей через сетевые структуры и клиентелистские механизмы – к институционализированному партийному финансированию и появлению первых интернет-платформ [Stokes et al., 2013]. Однако более значимым оказался второй этап (2010–2020-е гг.), характеризующийся переходом от универсальной рекламы на радио и телевидении к микромаркетингу в социальных сетях [Tucker et al., 2018].

Если традиционные медиа (телевидение, радио) создавали эффект «массового общества», потенциально нивелируя различия в доступе к информации между богатыми и бедными, то алгоритмизация политической коммуникации в социальных сетях усилила сегментацию аудитории [Norris, 2001; Bennett, Segerberg, 2012]. Платформенный капитализм позволил политическим акторам с высокими бюджетами осуществлять точечную мобилизацию обеспеченных групп и, одновременно, демобилизовывать или дезинформировать низкодоходные группы через таргетированную рекламу и «тёмные посты» [Zuboff, 2019]. Это сместило баланс в рамках этапа «неравенства участия»: если ранее разрыв в явке объяснялся преимущественно ресурсами времени и образования (теория ресурсов), то сегодня он дополняется разрывом в когнитивной устойчивости к дезинформации и алгоритмической видимости политических сообщений [Tucker et al., 2018].

В результате формируется циклическая зависимость, которую можно описать как «порочный круг» неравенства и электорального цикла. Высокий уровень экономического неравенства ведёт к неравенству политических ресурсов и снижению участия низкодоходных групп. Это порождает диспропорциональность представительства, когда политики в меньшей степени ориентированы на интересы бедных и в большей – на интересы богатых. Принимаемые в рамках электорального цикла законы консервируют или усиливают исходное экономическое неравенство, замыкая круг [Шилкина, 2019]. Исследования показывают, что данный круг особенно устойчив в странах с мажоритарными системами и высоким уровнем коррупции, тогда как пропорциональные системы и сильные институты гражданского общества способны его ослаблять [Beramendi, Anderson, 2008; Rothstein, 2011].

Этапы цикла «порочного круга» неравенства и электорального цикла приведены в таблице 2.

Таблица 2. Этапы цикла «порочного круга» неравенства и электорального цикла

Этап цикла	Механизм	Эмпирическое подтверждение
1. Экономическое расслоение	Концентрация ресурсов у верхних слоёв	Рост коэффициента Джини
2. Неравенство участия в выборах	Низкая явка бедных, высокая – богатых	Разрыв в явке
3. Неравенство представительства	Диспропорциональность, лоббизм	Корреляция политик с интересами богатых
4. Неравенство политик	Налоговые льготы, дерегулирование	Снижение прогрессивности налогообложения
5. Усиление неравенства	Возврат к этапу 1, но на более высоком уровне	Рост неравенства вопреки электоральному циклу

Составлено по материалам [Шилкина, 2019; Gallego, 2014; Пикетти, 2015]

Как видно из таблицы 2, этапы цикла формируют устойчивые и воспроизводящиеся связи между социальным расслоением и электоральными циклами. Добавление технологического измерения показывает, что на этапах 2 и 3 сегодня активно действуют цифровые платформы, которые могут как усиливать, так и модифицировать традиционные механизмы неравенства [Zuboff, 2019; Tucker et al., 2018].

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов и их сверка с устоявшимися моделями показывают, что, как подчёркивается в работе А. Гальего, даже когда учитываются индивидуальные особенности, межстрановые различия в диспропорции участия остаются значимыми, что напрямую связано с воздействием институциональной среды [Gallego, 2014]. Там, где профсоюзы влиятельны, соцпрограммы развиты, а выборы проходят по пропорциональной системе, разрыв в явке между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными гражданами выражен куда слабее, нежели в государствах с либеральной моделью и мажоритарными правилами [Kenworthy, Pontusson, 2005].

В США политическая архитектура исторически сложилась так, что конфликты, способные вывести бедных на улицы, зачастую исключаются из публичной дискуссии, а само участие сводится к техническому выбору между элитными группами. Эту мысль подкрепляют исследования, показывающие, что чем глубже экономическое расслоение, тем ниже доверие к институтам, однако в низкодоходных группах это падение заметно резче [Rothstein, 2011]. А недоверие неизбежно отражается на явке, закольцовывая процесс и лишь усиливая отчуждённость.

Модель «порочного круга», предложенная по итогам анализа, может быть проанализирована в контексте теорий институциональных изменений. П. Бертамэнди и К. Андерсон подчёркивают, что взаимосвязь неравенства и политического участия не является статичной, а эволюционирует под влиянием исторических траекторий [Beramendi, Anderson, 2008]. В странах, где изначально сложились пропорциональные системы и сильные социальные государства, неравенство остаётся относительно низким, что поддерживает высокий уровень участия и доверия, создавая «добродетельный круг». В странах, где мажоритарные системы закрепились в условиях высокого неравенства, круг становится порочным: неравенство снижает участие, низкое участие консервирует неравенство, институты не меняются, поскольку элиты не заинтересованы в реформах [Пикетти, 2015].

Предложенная модель «порочного круга» приобретает новые черты, если рассматривать её в контексте смены технологических укладов политической коммуникации за последние 30 лет. Если классические институциональные подходы [Lijphart, 2012; Beramendi, Anderson, 2008] делали акцент на формальных правилах, то современные исследования фиксируют появление неформальных технологических «разрывов» [Zuboff, 2019; Tucker et al., 2018]. Идеологический смысл перехода от радио– и телевизионной рекламы к социальным сетям заключается в смене принципа легитимации власти: от апелляции к универсальному «народу» как целому к микротаргетингу узких групп, что объективно усиливает позиции акторов, обладающих ресурсами для сбора и обработки больших данных [Morozov, 2011]. Это превращает «не принципиальные» на первый взгляд решения (выбор платформы для агитации, регулирование алгоритмов) в ключевые факторы, определяющие, интересы каких социальных групп будут артикулированы в ходе электорального цикла, а какие – останутся вне поля цифровой видимости [Han, 2017].

Этот феномен можно описать как институциональную ловушку, усиленную технологическим фактором: существующие правила игры выгодны текущим элитам, даже если они ведут к долгосрочным негативным последствиям для общества в целом [Шилкина, 2019]. Выход из ловушки требует либо экзогенных шоков, либо длительной низовой мобилизации, способной изменить баланс сил. Исследования российского контекста, проведённые В.В. Сафроновым, показывают, что в условиях авторитарной стабилизации возможности для такой мобилизации крайне ограничены, а неравенство участия закрепляется через административные механизмы мобилизации лояльного электората [Сафронов, Сафронов, 2024]. Результаты анализа подходов к объяснению связи неравенства и электорального цикла приведены в таблице 3.

Таблица 3. Результаты анализа подходов к объяснению связи неравенства и электорального цикла

Теоретический подход	Основной механизм	Эмпирические явления	Ограничения подхода
Теория ресурсов	Доступ к ресурсам определяет участие	Неравенство участия растёт с неравенством ресурсов	Не объясняет страновые различия при равных ресурсах
Теория медианного избирателя	Политика ориентируется на предпочтения медианного избирателя	Рост неравенства ведёт к перераспределению	Не подтверждается эмпирически
Теория диспропорциональности	Избирательные системы искажают представительство	Мажоритарные системы усиливают неравенство	Не учитывает содержательные аспекты политик
Теория аффлюэнтного влияния	Богатые имеют больший доступ к политикам через лоббизм	Политики систематически смещены в пользу элит	Сложность количественной оценки влияния
Институциональный подход	Качество институтов опосредует связь неравенства и участия	Высокое качество институтов смягчает неравенство	Требует межстрановых сравнений
Технологический подход	Цифровые платформы и алгоритмы модифицируют доступ к повестке	Таргетирование усиливает неравенство участия	Быстрое устаревание эмпирической базы

Составлено автором на основе собственного исследования

Анализ таблицы 3 показывает, что опора на вторичные данные и результаты, полученные другими авторами, не позволяет выстраивать жёсткие причинно-следственные цепочки, но позволяет фиксировать устойчивые взаимосвязи [Savage, Burrows, 2007]. К тому же систематические смещения в опросных данных могут завышать показатели политической активности среди бедных [Krejčí, 2007]. Сравнения между странами тоже осложняются различиями в избирательных системах, политико-культурных особенностях и историческом пути, которые в статистических моделях учесть полностью крайне трудно [Bandau, 2022]. К тому же акцент на развитых демократиях не позволяет механически переносить результаты на страны с другим политическим режимом, где связь неравенства с электоральными процессами может приобретать совершенно особые черты [Сафронов, 2022; Шилкина, 2019].

Несмотря на указанные ограничения, результаты исследования имеют важные теоретические и практические следствия. Теоретически они подтверждают необходимость интеграции экономического, политического и технологического анализа при изучении современных демократий: неравенство нельзя понять без анализа политических и технологических механизмов его воспроизводства, а политическое участие – без учёта социально-экономической стратификации и цифровой среды [Пикетти, 2015; Семененко, 2023; Zuboff, 2019].

Практически полученные выводы указывают на необходимость институциональных реформ, способных разорвать порочный круг. Среди возможных мер: переход к пропорциональным или смешанным избирательным системам для снижения диспропорциональности [Lijphart, 2012]; ужесточение регулирования финансирования партий и лоббизма для ограничения влияния капитала; введение квот для социально уязвимых групп в представительных органах; развитие институтов прямой демократии и гражданского участия для компенсации дисбалансов представительства [Розанваллон, 2015]; повышение прогрессивности налогообложения и расширение социальных программ для снижения исходного неравенства [Пикетти, 2015]; а также внедрение

нормативного регулирования алгоритмов политической рекламы в социальных сетях для снижения рисков неравенства доступа к политической информации [Tucker et al., 2018].

Заключение

Результаты исследования подтверждают наличие устойчивого неравенства политического участия: граждане с низким социально-экономическим статусом систематически реже реализуют своё избирательное право, причём разрыв в явке между богатыми и бедными усиливается в странах с высоким уровнем экономического неравенства.

Неравенство в участии плавно перетекает в диспропорциональность политического представительства. Избирательные системы систематически искажают конвертацию голосов в депутатские мандаты, а в связке с неравным доступом к лоббизму и партийному финансированию это смещает повестку в сторону интересов наиболее обеспеченных групп. Запросы богатых оказывают на законодательные решения куда большее влияние, чем предпочтения бедных, и этот эффект сохраняется даже при контроле формально демократических процедур.

Обнаруженная зависимость позволяет говорить о формировании этапов своеобразного «порочного круга» в связке неравенства и электорального цикла. Стартовый высокий уровень экономического неравенства порождает неравенство политическое, которое через искажения в представительстве приводит к принятию решений, консервирующих и даже усиливающих исходное расслоение. Наибольшую устойчивость этот круг демонстрирует в странах с мажоритарной системой и слабым гражданским обществом, тогда как пропорциональные системы вкупе с развитыми социальными государствами показывают способность этот круг размыкать.

Кроме того, проведённый анализ позволяет утверждать, что за последние три десятилетия технологическая эволюция выступила значимым модератором связи между неравенством и электоральным циклом. Цифровая трансформация, воспринимаемая часто как техническая, на деле несёт в себе большой идеологический смысл, изменяя механизмы представительства и усиливая фрагментацию политического поля в пользу групп, обладающих доступом к данным и технологиям таргетирования. Учёт этой динамики необходим для разработки институциональных корректировок, способных вернуть выборам их корректирующую функцию в условиях нового технологического уклада.

Литература

1. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Томас Пикетти. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

2. Розанваллон, П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость / П. Розанваллон; пер. с франц. – Москва: Московская школа гражданского просвещения, 2015. – 304 с.

3. Сафронов, В.В. Неравенства электорального участия в России (обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями) / В.В. Сафронов // Власть и элиты. – 2022. – Т. 9, № 2. – С. 56–95. DOI: 10.31119/pe.2022.9.2.3

4. Сафронов, В.В. Социальное структурирование участия в выборах Государственной Думы 2021 г. / В.В. Сафронов // Власть и элиты. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 53–73. – DOI: 10.31119/pe.2024.11.2.3

5. Семененко, И.С. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва: Весь мир, 2023. – 512 с. ISBN 978-5-7777-0922-6

6. Шилкина, И.С. Социальное неравенство и бедность в России в свете глобальных трансформаций: обзор / И.С. Шилкина; РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. проблем. – Москва, 2019. – 50 с. ISBN 978-5-248-00940-4

7. Bandau, F. What Explains the Electoral Crisis of Social Democracy? A Systematic Review of the Literature / F. Bandau // Government and Opposition. – 2022. – Vol. 58. – P. 1–23. – DOI: 10.1017/gov.2022.10

8. Bennett, W.L., Segerberg, A. The Logic of Connective Action / W.L. Bennett, A. Segerberg // Information, Communication & Society. – 2012. – Vol. 15, No. 5. – P. 739–768. – DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661

9. Beramendi, P., Anderson, C. Democracy, Inequality, and Representation: A Comparative Perspective / P. Beramendi, C. Anderson. – New York: Russell Sage Foundation, 2008. – P. 3–24.

10. Downs, A. An Economic Theory of Democracy / A. Downs. – New York: Harper, 1957. – 321 p.

11. European Social Survey. Round 12 Source Questionnaire (2025–2026). – URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2026–01/ESS12-source-questionnaire.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

12. Gallagher, M. Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems / M. Gallagher // Electoral Studies. – 1991. – Vol. 10, No. 1. – P. 33–51. – DOI: 10.1016/0261-3794(91)90004-C

13. Gallego, A. Unequal Political Participation Worldwide / A. Gallego. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 248 p. DOI: 10.1007/CBO9781139151726

14. Greene, A.S. Brain-phenotype models fail for individuals who defy sample stereotypes / A.S. Greene // Nature. – 2022. – Vol. 609, No. 7925. – P. 109–118. – DOI: 10.1038/s41586-022-05118-w

15. Han, B.C. In the Swarm: Digital Prospects / B.C. Han. – Cambridge, MA: MIT Press, 2017. – 88 p.

16. Kenworthy, L., Pontusson, J. Rising Inequality and the Politics of Redistribution in Affluent Countries / L. Kenworthy, J. Pontusson // Perspectives on Politics. – 2005. – Vol. 3, No. 3. – P. 449–471. – DOI: 10.1017/S1537592705050292

17. Krejčí, J. Non-Response in Probability Sample Surveys in the Czech Republic / J. Krejčí // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. – 2007. – Vol. 43, No. 3. – P. 561–588. – DOI: 10.13060/00380288.2007.43.3.03

18. Lijphart, A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries / A. Lijphart. – 2nd ed. – New Haven: Yale University Press, 2012. – 369 p. ISBN 978-0-300-17202-7

19. Morozov, E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / E. Morozov. – New York: PublicAffairs, 2011. – 432 p.

20. Norris, P. Making Democracies Work: Social Capital and Civic Engagement in 47 Societies / P. Norris // British Journal of Political Science. – 2001. – Vol. 35, No. 1. – P. 1–25. – DOI: 10.1017/S0007123405000034

21. Rothstein, B. The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective / B. Rothstein. – Chicago: University of Chicago Press, 2011. – 296 p. – DOI: 10.7208/chicago/9780226729589.001.0001

22. Savage, M., Burrows, R. The Coming Crisis of Empirical Sociology / M. Savage, R. Burrows // Sociology. – 2007. – Vol. 41, No. 5. – P. 885–899. – DOI: 10.1177/0038038507080443

23. Stokes, S.C., Dunning, T., Nazareno, M., Brusco, V. Brokers, Voters, and Clientelism: The Puzzle of Distributive Politics / S.C. Stokes et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 337 p.

24. Tucker, J.A., Guess, A., Barberá, P., Vaccari, C., Siegel, A., Sanovich, S., Stukal, D., Nyhan, B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature / J.A. Tucker, A. Guess, P. Barberá, C. Vaccari, A. Siegel, S. Sanovich, D. Stukal, B. Nyhan // SSRN Electronic Journal. – 2018. – DOI: 10.2139/ssrn.3144139

25. Zuboff, S. Surveillance Capitalism and the Challenge of Collective Action / S. Zuboff // New Labor Forum. – 2019. – Vol. 28, No. 1. – P. 10–29. – DOI: 10.1177/1095796018819461

PROBLEMS OF INEQUALITY IN SOCIETY WITH CHANGING ELECTORAL CYCLES

Bogdanov I.Ya.
Institute of Sociology

This article examines how the dynamics of social inequality are linked to changes within electoral cycles. Its relevance stems from the growing polarization of society and the crisis of representativeness of political institutions in developed democracies, which necessitates a reconsideration of classical views on elections as a mechanism of social correction. The aim is to systematize theoretical approaches and empirical data on how inequality influences voter behavior, as well as the feedback effects of election cycles on social structure, taking into account the technological evolution of communications over the past three decades. Methodologically, the work relies on secondary data analysis from comparative studies published in the sociological and political science literature. The results demonstrate that high levels of inequality reduce turnout among low-income and low-education groups, exacerbating the imbalance of representation in politics in favor of the elites. It is found that in countries with majoritarian systems, the disproportionality of representation is more pronounced than in proportional systems, which leads to the preservation of socioeconomic inequality and a decline in trust in institutions. A “vicious circle” model is proposed, describing a cyclical relationship: inequality generates inequality in participation, which leads to inequality in representation, which is then enshrined in laws, reinforcing the original inequality. It is shown that technological shifts modify the mechanisms of this circle, giving electoral processes a new ideological meaning. It is argued that institutional adjustments are needed to break this cycle and restore elections to their corrective function under the new technological regime.

Keywords: social inequality, electoral cycle, political participation, absenteeism, interest representation, electoral system, disproportionality, social stratification, digitalization of politics

References

1. Piketty, T. Capital in the 21st Century / Thomas Piketty. Moscow: Ad Marginem Press, 2015. – 592 p.

2. Rosanvallon, P. Democratic Legitimacy. Impartiality, Reflexivity, Proximity / P. Rosanvallon; trans. from French. Moscow: Moscow School of Civic Education, 2015. – 304 p.

3. Safronov, V.V. Electoral Participation Inequalities in Russia (a review of studies in relation to Western theoretical models) / V.V. Safronov // Power and Elites. 2022. – Vol. 9, No. 2. – Pp. 56–95. DOI: 10.31119/pe.2022.9.2.3

4. Safronov, V.V. Social Structuring of Participation in the 2021 State Duma Elections / V.V. Safronov // Power and Elites. – 2024. – Vol. 11, No. 2. – Pp. 53–73. – DOI: 10.31119/pe.2024.11.2.3

5. Semenenko, I.S. Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field / ed. I.S. Semenenko. – Moscow: Ves mir, 2023. – 512 p. ISBN 978-5-7777-0922-6

6. Shilkina, I.S. Social Inequality and Poverty in Russia in Light of Global Transformations: An Overview / I.S. Shilkina; RAS. INION. Center for Scientific and Information Research of Global and Regional Problems. Dep. of Global Problems. – Moscow, 2019. – 50 p. ISBN 978-5-248-00940-4

7. Bandau, F. What Explains the Electoral Crisis of Social Democracy? A Systematic Review of the Literature / F. Bandau // Government and Opposition. – 2022. – Vol. 58. – P. 1–23. – DOI: 10.1017/gov.2022.10

8. Bennett, W.L., Segerberg, A. The Logic of Connective Action / W.L. Bennett, A. Segerberg // Information, Communication & Society. – 2012. – Vol. 15, No. 5. – P. 739–768. – DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661

9. Beramendi, P., Anderson, C. Democracy, Inequality, and Representation: A Comparative Perspective / P. Beramendi, C. Anderson. – New York: Russell Sage Foundation, 2008. – P. 3–24.

10. Downs, A. An Economic Theory of Democracy / A. Downs. – New York: Harper, 1957. – 321 p.

11. European Social Survey. Round 12 Source Questionnaire (2025–2026). – URL: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2026–01/ESS12-source-questionnaire.pdf (access date: 03/19/2026).

12. Gallagher, M. Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems / M. Gallagher // Electoral Studies. – 1991. – Vol. 10, No. 1. – P. 33–51. – DOI: 10.1016/0261-3794(91)90004-C

13. Gallego, A. Unequal Political Participation Worldwide / A. Gallego. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 248 p. DOI: 10.1007/CBO9781139151726

14. Greene, A.S. Brain-phenotype models fail for individuals who defy sample stereotypes / A.S. Greene//Nature. – 2022. – Vol. 609, No. 7925. – P. 109–118. – DOI: 10.1038/s41586-022-05118-w

15. Han, B.C. In the Swarm: Digital Prospects / B.C. Han. – Cambridge, MA: MIT Press, 2017. – 88 p.

16. Kenworthy, L., Pontusson, J. Rising Inequality and the Politics of Redistribution in Affluent Countries / L. Kenworthy, J. Pontusson // Perspectives on Politics. – 2005. – Vol. 3, No. 3. – P. 449–471. – DOI: 10.1017/S1537592705050292

17. Krejčí, J. Non-Response in Probability Sample Surveys in the Czech Republic / J. Krejčí // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. – 2007. – Vol. 43, No. 3. – P. 561–588. – DOI: 10.13060/00380288.2007.43.3.03

18. Lijphart, A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries / A. Lijphart. – 2nd ed. – New Haven: Yale University Press, 2012. – 369 p. ISBN 978-0-300-17202-7

19. Morozov, E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom / E. Morozov. – New York: PublicAffairs, 2011. – 432 p.

20. Norris, P. Making Democracies Work: Social Capital and Civic Engagement in 47 Societies / P. Norris // British Journal of Political Science. – 2001. – Vol. 35, No. 1. – P. 1–25. – DOI: 10.1017/S0007123405000034

21. Rothstein, B. The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective / B. Rothstein. – Chicago: University of Chicago Press, 2011. – 296 p. – DOI: 10.7208/chicago/9780226729589.001.0001

22. Savage, M., Burrows, R. The Coming Crisis of Empirical Sociology / M. Savage, R. Burrows // Sociology. – 2007. – Vol. 41, No. 5. – P. 885–899. – DOI: 10.1177/0038038507080443

23. Stokes, S.C., Dunning, T., Nazareno, M., Brusco, V. Brokers, Voters, and Clientelism: The Puzzle of Distributive Politics / S.C. Stokes et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 337 p.

24. Tucker, J.A., Guess, A., Barberá, P., Vaccari, C., Siegel, A., Sanovich, S., Stukal, D., Nyhan, B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature / J.A. Tucker, A. Guess, P. Barberá, C. Vaccari, A. Siegel, S. Sanovich, D. Stukal, B. Nyhan // SSRN Electronic Journal. – 2018. – DOI: 10.2139/ssrn.3144139

25. Zuboff, S. Surveillance Capitalism and the Challenge of Collective Action / S. Zuboff // New Labor Forum. – 2019. – Vol. 28, No. 1. – P. 10–29. – DOI: 10.1177/1095796018819461

Вычислительные мощности как стратегический ресурс: государственное участие в развитии ИИ-инфраструктуры

Бочанов Максим Александрович,
кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: max8797@list.ru

Статья посвящена роли государства в развитии вычислительных мощностей – критической инфраструктуры для технологий искусственного интеллекта. На основе сравнения политики России, США, Китая и Европейского союза выделены ключевые модели государственного участия в формировании ИИ-инфраструктуры. Показано, что выбор модели определяется как объективными экономическими и технологическими обстоятельствами, так и политико-идеологическими приоритетами, среди которых центральное место занимает обеспечение технологического суверенитета. Отдельно рассмотрена российская стратегия, совмещающая элементы директивного планирования и рыночных механизмов, а также проблема энергообеспечения вычислительных центров, которая сегодня превращается в самостоятельное измерение государственной политики в сфере ИИ. Только в условиях координации усилий возможно трансформировать ИИ из вспомогательного инструмента в стратегический ресурс национальной устойчивости». Автор приходит к выводу, что в условиях глобальной технологической конкуренции государство неизбежно становится ключевым игроком в развитии вычислительной инфраструктуры, однако конкретные формы его участия заметно варьируются в зависимости от институциональных особенностей политических систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, вычислительные мощности, государственная политика, технологический суверенитет, суперкомпьютеры, центры обработки данных, Россия, США, Китай, Европейский союз.

Введение

За последние десять лет вычислительные мощности перешли из разряда технических деталей в категорию стратегических ресурсов – по значимости они встают в один ряд с энергоносителями и вооружениями. Чтобы обучить современную большую языковую модель, требуются колоссальные объемы вычислений, и доступ к такой инфраструктуре напрямую определяет, может ли страна претендовать на технологический суверенитет и национальную безопасность. В этой связи, как подчеркивает Галямин Д.С., одним из «критических барьеров» внедрения ИИ в государственное и муниципальное управление выступает именно «низкая обеспеченность вычислительными мощностями, платформенными решениями, данными и профильными кадрами». В этой ситуации государство все чаще действует не просто как регулятор, но и как непосредственный строитель и заказчик вычислительных систем.

Цель статьи – на основе сравнительного анализа государственной политики России, США, Китая и Европейского союза выделить основные модели государственного участия в наращивании вычислительных мощностей для ИИ и понять, какие факторы предопределяют выбор той или иной модели.

В методологическом плане работа опирается на сравнительный анализ национальных стратегических документов в части их инфраструктурной составляющей. Мы использовали гибридную аналитическую рамку. Эмпирическую базу образуют официальные акты Российской Федерации, США, КНР и Европейского союза, принятые в 2024–2026 годах, а также экспертные обзоры и аналитические публикации.

Результаты и обсуждение

Российский подход отличает высокая степень централизации и прямое участие государства. Выступая в ноябре 2025 года на конференции AI Journey, В.В. Путин подчеркнул: «Критическую зависимость от чужих систем мы не можем допустить. Для России это вопрос государственного, технологического и ценностного суверенитета» [1]. Эта позиция получила развитие в рамках национальной цели «Технологическое лидерство» и нацпроекта «Экономика данных». Как отмечает в этой связи А.Ю. Колянов, «искусственный интеллект как стратегический компонент технологического суверенитета» требует комплексного развития всех элементов технологической цепочки.

Исходя из этого стоит отметить, что заданы весьма амбициозные количественные ориентиры. Еще в феврале 2024 года было объявлено о необходимости нарастить совокупную мощность отечественных суперкомпьютеров как минимум в десять раз [2]. Согласно данным, объем российского рынка дата-центров достиг 156,5 млрд рублей в 2024 году (рост на 33% к 2023 году), при этом мощности коммерческих дата-центров удвоились за последние 5 лет и загружены на 90%. В марте 2026 года Правительство утвердило дорожную карту развития высокопроизводительных вычислений и суперкомпьютерной инфраструктуры, где предусмотрено совместное участие государства, вузов и бизнеса [3].

Вместе с тем, быстро формируются управленческие структуры. В 2025–2026 годах заработал федеральный оперативный штаб по развитию и внедрению ИИ при Президенте, а Правительству было поручено до 1 июня 2026 года подготовить национальный план внедрения технологий искусственного интеллекта [2].

Также, в повестку вошел сюжет, который еще недавно находился на периферии обсуждений, – энергетика. В законопроекте об ИИ появляется понятие «приоритетных ЦОД и суперкомпьютеров». Для таких объектов предусмотрены льготные тарифы, ускоренное подключение к сетям и прямое бюджетное софинансирование. В связке с этим – планы строительства 38 атомных энергоблоков, прежде всего в восточных регионах страны, с прицелом на энергоснабжение ИИ-инфраструктуры [4]. В Минэнерго России, в свою очередь, представили прогноз, согласно которому к 2030 году энергопотребление российских ЦОД вырастет минимум в 2,5 раза – с 1 ГВт до 2,5 ГВт [4].

Наконец, несмотря на активное привлечение крупных частных игроков вроде Сбера и Яндекса, государство сохраняет за собой решающую роль. Показательно, что для государственного управления и силовых ведомств прямо предписано использовать исключительно

собственные базовые разработки. В этом ключе Лапидус Л.В., отмечает, что цифровая трансформация экономики и переход к «экономике данных» играют ключевую роль в «укреплении технологического суверенитета и достижении технологического лидерства России».

В отличие от России, американская модель делает ставку прежде всего на частный сектор, а за государством закрепляются функции координатора и создателя рамочных условий. В июле 2025 года администрация Д. Трампа обнародовала America's AI Action Plan, выстроенный вокруг трех ключевых направлений: ускорение инноваций, строительство ИИ-инфраструктуры и лидерство в международной технологической дипломатии [7].

Главным инструментом избрано дерегулирование – снятие барьеров, мешающих частным инвестициям в дата-центры и модернизацию энергосетей [7]. Однако одним этим дело не ограничилось. В ноябре 2025 года Белый дом запустил Genesis Mission – межведомственный проект по созданию интегрированной ИИ-платформы на основе федеральных научных данных и суперкомпьютеров Министерства энергетики. Масштаб замысла сравнивают с Манхэттенским проектом, а сама платформа задумана как «национальная инфраструктура», которая должна объединить вычислительные ресурсы национальных лабораторий, университетов и бизнеса [6].

Энергетическая составляющая и здесь признается критической: Action Plan предусматривает приоритетное подключение «надежных, диспетчеризуемых источников», включая атомную и геотермальную генерацию [7]. При этом государство продолжает поддерживать открытые модели ИИ, рассматривая их как способ демократизации доступа к технологиям и стимул для венчурного финансирования.

Китай, пожалуй, идет дальше всех по пути централизации, делая ставку на директивное планирование и последовательное импортозамещение [9]. В рамках 14-й пятилетки страна сделала инновации стержнем модернизации и выделила 6,1 млрд долл. на строительство восьми общенациональных вычислительных центров [9].

С ноября 2025 года китайское правительство запретило использовать зарубежные ИИ-ускорители в государственных ЦОД, возведенных на бюджетные средства. Это прямой шаг к суверенизации всей технологической цепочки – ответ на санкционное давление со стороны США. Параллельно Китай ввел в строй крупнейшую в мире распределенную вычислительную инфраструктуру Future Network Test Facility (FNTF), которая через высокоскоростную оптическую сеть связывает дата-центры в 40 городах. Власти намерены довести объем базовой ИИ-отрасли Пекина до 1 трлн юаней (примерно 140 млрд долл.) [10].

Евросоюз движется собственным путем, встраивая развитие ИИ-инфраструктуры в сложную систему наднационального регулирования и многостороннего сотрудничества. Принятый в апреле 2025 года AI Continent Action Plan в качестве первой из пяти приоритетных задач называет именно наращивание вычислительных мощностей [8].

План предполагает создание AI Gigafactories – крупных вычислительных комплексов для обучения сложных моделей – на принципах государственно-частного партнерства с использованием фонда InvestAI [8]. Одновременно ЕС пытается нащупать баланс между довольно жестким регулированием AI Act и необходимостью не отставать в инновационной гонке; критики не без оснований указывают, что регуляторное бремя способно тормозить развитие.

Европейский подход отличает акцент на кооперацию государств-членов и формирование единого рынка данных Data Union Strategy. Вместе с тем, при всей амбициозности планов, их финансирование в значительной мере опирается на уже существующие механизмы, а не на масштабные новые ассигнования, что объективно ограничивает свободу маневра [8].

Если попытаться обобщить, то различия в подходах укладываются в две оси. Первая ось – степень централизации управления. На одном полюсе находится китайская модель с ее директивным планированием, на другом – относительно децентрализованная американская. Россия и ЕС располагаются между ними. Выбор здесь тесно связан с институциональным дизайном: в странах с сильной исполнительной вертикалью государство напрямую руководит инфраструктурным строительством, тогда как в экономиках с развитыми рыночными институтами оно чаще выполняет координирующую и стимулирующую роль [9; 10].

Вторая ось – технологическая открытость. Здесь сталкиваются интеграция в глобальные цепочки и стремление к централизации. Россия и Китай, находясь под санкционным давлением, делают упор на суверенизацию, включая разработку собственной электронной компонентной базы [1; 9]. США и ЕС, напротив, стараются сохранить лидерство через контроль над ключевыми стандартами, оставаясь при этом открытыми для союзников [7; 8].

Отдельного внимания заслуживает энергетический аспект. Экспоненциальный рост вычислительных потребностей ИИ превращает энергетическую политику в неотъемлемую часть инфраструктурной стратегии. В этом плане Россия, с ее планами масштабного атомного строительства, обладает потенциальным преимуществом, хотя его реализация потребует крупных инвестиций и длительного времени [4]. Как справедливо замечает в этой связи Бетелин В.Б. [12], «ключевой научной проблемой обеспечения технологического суверенитета в области технологий искусственного интеллекта» является разработка собственных вычислительных систем, способных моделировать человеческие когнитивные функции с «конечными ресурсами», тогда как использование эмпирически построенных зарубежных ИНС не дает гарантий безошибочности результатов.

Заключение

Таким образом, в условиях нынешней технологической гонки государство неизбежно становится главным игроком на поле вычислительной инфраструктуры ИИ. Конкретные же формы его участия – от прямого управления до стратегической координации – определяются институциональными особенностями политических систем, геополитическим положением и зрелостью рыночных институтов.

Российская модель, в которой административные рычаги соседствуют с механизмами государственно-частного партнерства, еще только складывается. Ее успех будет зависеть от того, удастся ли наладить реальную межведомственную координацию, создать действенные стимулы для частных инвестиций и справиться с кадровым дефицитом. В этом отношении, как подчеркивают Грищенко Г.А. и Околышев Д.А., «реализация государственной политики в области развития искусственного интеллекта» требует решения целого комплекса правовых и организационных вопросов, и прежде всего формирования понятийного аппарата и устранения законодательных пробелов. Энергетический фактор, долгое время остававшийся в тени дискуссий об ИИ, сегодня выдвигается на передний план и открывает новые возможности для стран, располагающих энергоресурсами.

Среди перспективных направлений дальнейших исследований можно назвать количественную оценку влияния разных моделей государственной политики на темпы роста вычислительной инфраструктуры ИИ, а также анализ рисков монополизации мощностей узким кругом государственных и частных игроков. Политологический анализ, проведенный показывает, что «трансформационные изменения, обусловленные интеграцией искусственного интеллекта, охватывают многие аспекты политической деятельности», включая стратегическое планирование в сфере безопасности.

Литература

1. Путин В.В. Выступление на пленарном заседании конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» (AI Journey). 19 ноября 2025 г. // Известия. 2025. 19 ноября.

2. Перечень поручений Президента РФ по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» // Официальный сайт Президента России. 2025.

3. Правительство РФ. Распоряжение об утверждении дорожной карты по развитию высокопроизводительных вычислений и суперкомпьютерной инфраструктуры. 16 марта 2026 г. – URL: https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-482-r-12032026/?ysclid=mpkzfo1x8d120615989. Российский рынок дата-центров 2025: тренды, вызовы и стратегическое развитие. – URL: https://gidmark.ru/news/rossijskij-ryinok-data-czentrov-2025-trendyi-vyizovyi-i-strategicheskoe-razvitie?ysclid=mpkytnwt9e84592566 (дата обращения: 21.04.2026).

4. В зоне особого интеллекта. Проект федерального закона «Об искусственном интеллекте» (новая редакция) // Коммерсантъ. 2026. 16 марта.

5. Михаил Мишустин провел совещание о высокопроизводительных вычислениях для развития ИИ и обработки больших данных. 2 июня 2025 г. // Официальный сайт Правительства РФ.

6. White House. Launching the Genesis Mission: Executive Order. November 24, 2025.

7. White House. America's AI Action Plan. July 23, 2025.

8. European Commission. AI Continent Action Plan. April 9, 2025.

9. Китай инвестировал более 6,1 млрд долл. США в крупные вычислительные центры https://russian.news.cn/20240829/f93251c1a2ae4275bdb52dfc22e8605f/c.html

10. В Китае объем индустрии ИИ превысит $140 млрд в 2025 году. – URL: https://tvbrics.com/news/v-kitae-obem-industrii-ii-prevysit-140-mlrd-v-2025-godu/?ysclid=mpl1chzd2w990370693.

11. Колянов А.Ю. Искусственный интеллект как стратегический компонент технологического суверенитета // Дискурс. 2022. Т. 8, № 5. С. 81–90.

12. Бетелин В.Б. Научные проблемы обеспечения технологического суверенитета в области технологий искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 7. С. 629–634.

13. Грищенко Г.А. Искусственный интеллект в государственном управлении // Российский юридический журнал. 2018. № 6 (123). С. 27–31.

14. Околышев Д.А. Реализация государственной политики в области развития искусственного интеллекта в современных социально-экономических системах // Муниципальная академия. 2022. № 3. С. 60–66.

15. Галямин Д.С. Использование больших языковых моделей для оценки эффективности региональной политики: потенциал и ограничения // Вестник Академии знаний. 2025. № 3. С. 122–126.

16. Лапидус Л.В. Онтогенез цифровой экономики и экономики данных: роль ИИ-трансформации бизнеса в укреплении технологического суверенитета и достижении технологического лидерства России // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 8. С. 1030–1039.

COMPUTING POWER AS A STRATEGIC RESOURCE: STATE PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF AI INFRASTRUCTURE

Bochanov M.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the role of the state in developing computing power – critical infrastructure for artificial intelligence technologies. Based on a comparison of the policies of Russia, the United States, China, and the European Union, key models of state participation in the development of AI infrastructure are identified. It is shown that the choice of model is determined by both objective economic and technological circumstances, as well as political and ideological priorities, among which ensuring technological sovereignty occupies a central place. The Russian strategy, which combines elements of directive planning and market mechanisms, is examined separately, as is the issue of energy supply for computing centers, which is now becoming an independent dimension of state policy in the field of AI. Only through coordinated efforts is it possible to transform AI from an auxiliary tool into a strategic resource for national resilience. The author concludes that, in the context of global technological competition, the state inevitably becomes a key player in the development of computing infrastructure, but the specific forms of its participation vary significantly depending on the institutional characteristics of political systems.

Keywords: artificial intelligence, computing power, public policy, technological sovereignty, supercomputers, data centers, Russia, USA, China, European Union.

References

1. Putin, V.V. Speech at the Plenary Session of the AI Journey Conference. November 19, 2025 // Izvestia. 2025. November 19.

2. List of Instructions of the President of the Russian Federation Following the AI Journey Conference // Official Website of the President of Russia. 2025.

3. Government of the Russian Federation. Order Approving the Roadmap for the Development of High-Performance Computing and Supercomputer Infrastructure. March 16, 2026. – URL: https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-482-r-12032026/?ysclid=mpkzfo1x8d120615989. The Russian Data Center Market 2025: Trends, Challenges, and Strategic Development. – URL: https://gidmark.ru/news/rossijskij-ryinok-data-czentrov-2025-trendyi-vyizovyi-i-strategicheskoe-razvitie?ysclid=mpkytnwt9e84592566 (Accessed: April 21, 2026).

4. In the Zone of Special Intelligence. Draft Federal Law «On Artificial Intelligence» (new version) // Kommersant. March 16, 2026.

5. Mikhail Mishustin held a meeting on high-performance computing for the development of AI and big data processing. June 2, 2025 // Official website of the Government of the Russian Federation.

6. White House. Launching the Genesis Mission: Executive Order. November 24, 2025.

7. White House. America's AI Action Plan. July 23, 2025.

8. European Commission. AI Continent Action Plan. April 9, 2025.

9. China has invested over $6.1 billion in large-scale computing centers https://russian.news.cn/20240829/f93251c1a2ae4275bdb52dfc22e8605f/c.html

10. China's AI industry will exceed $140 billion in 2025. – URL: https://tvbrics.com/news/v-kitae-obem-industrii-ii-prevysit-140-mlrd-v-2025-godu/?ysclid=mpl-1chzd2w990370693.

11. Kolyanov A. Yu. Artificial Intelligence as a Strategic Component of Technological Sovereignty // Discourse. 2022. Vol. 8, № 5. Pp. 81–90.

12. Betelin V.B. Scientific Problems of Ensuring Technological Sovereignty in the Field of Artificial Intelligence Technologies // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 94, № 7. Pp. 629–634.

13. Grishchenko G.A. Artificial Intelligence in Public Administration // Russian Law Journal. 2018. № 6 (123). Pp. 27–31.

14. Okolyshev D.A. Implementation of State Policy in the Field of Artificial Intelligence Development in Modern Socio-Economic Systems // Municipal Academy. 2022. № 3. Pp. 60–66.

15. Galyamin D.S. Using Large Language Models to Assess the Effectiveness of Regional Policy: Potential and Limitations // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2025. № 3. Pp. 122–126.

16. Lapidus L.V. Ontogenesis of the Digital Economy and the Data Economy: The Role of AI-Transformation of Business in Strengthening Technological Sovereignty and Achieving Russia's Technological Leadership // Economy and Management. 2025. Vol. 31, № 8. Pp. 1030–1039.

Специфика электорального доверия: на примере выборов президента США в 2024 году

Возмитель Иван Андреевич,
аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1142240465@rudn.ru

Статья рассматривает электоральное доверие в качестве основного фактора электорального поведения, который оказывает сильное влияние на участие в выборных процессах. В статье внимание уделяется как понятию, так и сущности, формам и специфике электорального доверия. В статье одновременно проанализирована более общая теоретическая конструкция – политическое доверие и ее более узкое понятие в избирательном цикле – электоральное доверие. Цель исследования – провести теоретический анализ понятия электорального доверия, а также изучить специфику и феномены-индикаторы электорального доверия во время президентских выборов в США в 2024 году. Актуальность обусловлена сохраняющейся в политической науке концептуальной неоднозначностью понятия «электоральное доверие», а также растущей угрозой устойчивости демократических институтов в Соединенных Штатах Америки. Результаты работы подчеркивают значимость исследования электорального доверия в качестве самостоятельного понятия в политологии, а кейс президентских выборов в Соединенных Штатах в 2024 году демонстрирует универсальность этого подхода для анализа электоральных процессов в других странах.

Ключевые слова: электоральное доверие, президентские выборы, политическое доверие, демократические институты, электоральный цикл.

Введение

Политическое доверие остается распространенной темой в политических и политологических исследованиях. Огромное количество эмпирических исследований факторов политического доверия, его индикаторов, показало, что граждане с более низким уровнем доверия к политическим институтам реже участвуют в институционализированных формах политического участия и чаще предпринимают политические решения, не соответствующие повестке [7]. Политическое доверие, имеющее решающее значение для участия в политической жизни и поведения в рамках нормативного структурирования, считается важным показателем легитимности демократических режимов [11].

Актуальность исследование приобретает в связи с кризисом демократических институтов, исследование которых позволяют выявить взаимосвязь между ожиданиями избирателей и действиями власти, а также растущей политической поляризацией в США в 2024 году.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении понятия электорального доверия, а также изучении специфики электорального доверия на президентских выборах в США в 2024 году. Для достижения поставленной цели будет использован социологический подход, основанный на вторичном анализе данных опросов американских избирателей как в предвыборный, так и в поствыборный период в США в 2024 году.

Понятие электорального доверия

Легитимность, понимаемая как добровольное признание власти гражданами, выступает важнейшим ресурсом устойчивости политических режимов. Политическое доверие граждан к политическим институтам зависит от изменений на макроуровне, таких как экономический рост, безработица, коррупция и т.д. Следовательно, измерение уровня и развития политического доверия может дать важную информацию о стабильности политических систем [5]. Принято считать, что политическое доверие имеет решающее значение для функционирования и выживания демократий. Некоторые авторы считают, что низкий уровень доверия к политическим институтам является причиной появления «антисистемных» партий и движений, включая лидеров-популистов [21].

Доверие к политическому режиму может выступать ресурсом лояльности граждан, смягчающим последствия диссонанса между ожиданиями общества и действиями власти. В данном контексте политическое доверие можно охарактеризовать в качестве важнейшего компонента гражданской культуры, который необходим для стабильности демократической системы.

Политическое доверие, являясь следствием политической культуры, формирующейся под влиянием национального менталитета, традиций и ценностей, может рассматриваться как движущая сила изменения и формирования электорального доверия. А политическую культуру, в свою очередь, можно характеризовать как совокупность точек зрения участников политической системы, а также она лежит в основе электорального поведения [1].

В связи с этим можно дать определение электоральному доверию – это основополагающий фактор электорального поведения, который оказывает влияние на участие в выборных процессах, а в частности, на осуществление электорального выбора [2]. Электоральное доверие можно рассматривать в качестве специфической формы политического доверия, которая определяет политическое решение конкретного гражданина в принятии конкретного электорального выбора, а также, изучение электорального доверия является важным компонентом в изучении причин, которые воздействуют в целом на электоральное поведение гражданина [2].

Уровень электорального доверия оказывает прямое влияние на модель электорального поведения граждан, становясь ключевым фактором при принятии политических решений. Избиратель, руководствуясь общим уровнем доверия, может на каждом этапе выбора отдавать предпочтение тем или иным его составляющим, которые в данный момент кажутся ему наиболее важными.

Рассматривая в целом электоральный процесс, стоит проанализировать более детально конкретные пункты, определяющие уникальность проявления электорального доверия. Исследователи Данилов С.А. и Володина С.В. выделяют три параметра в своей работе: первый пункт – краткосрочность избирательного процесса, то есть

сжатость времени определяет требования к качеству принимаемых решений [3]. В период между выборами гражданин может проанализировать действия властей, эффективность институтов, качество проводимой политики и т.д. Однако, во время самой избирательной кампании, сроки сжаты, что влечет за собой импульсивные решения, которые, скорее всего, искажают картину. Второй пункт – электоральное доверие можно характеризовать в качестве «электоральной памяти», которая служит фактором в принятии решения гражданина. Электоральная память играет роль от одного электорального цикла к другому, поскольку гражданин просто повторяет свой выбор, который сделал в предшествующих выборах. Третий пункт – ресурсная мобилизация проявляется в напряжении ценностных, институциональных, информационных ресурсов [3].

Достаточный уровень электорального доверия позволяет обеспечивать эффективный выбор кандидатов. Однако, стоит взять во внимание тот факт, что в ходе электорального цикла избиратели должны не только голосовать и тем самым высказывать свое доверие, но еще и придерживаться своего выбора и реализовывать свое доверие и вне электорального периода. Граждане должны полностью отдавать себе отчет о своем выборе, анализируя современную политическую реальность и осмысляя текущую политическую среду.

Электоральное доверие на президентских выборах в США в 2024 году

К президентским выборам в США в 2024 году ряд факторов начал подталкивать общественное мнение как демократов, так и республиканцев к кризису доверия к институту выборов. По отчетам экспертов в области информационной безопасности, права и политики, различные настроения со стороны республиканцев могли вызывать аналогичные у демократов [8]. Стоит обратить внимание на тот факт, что несмотря на политические разногласия и конфликты в обществе, демократические институты требуют добросовестного взаимодействия.

Политические элиты оказывают существенное влияние на восприятие американцами процесса голосования. Когда политические элиты проводят политику, способную подорвать доверие к избирательной системе государства, это может привести к эрозии демократического фундамента и устойчивому снижению электорального доверия. Также стоит отметить, что восприятие избирателями легитимности выборов зависит от оценок, транслируемых доверенными политическими акторами [14].

Попытки политических элит использовать институциональные механизмы для получения электорального преимущества подрывают эффективность политических институтов и провоцируют системное снижение доверия. Данный институциональный кризис основывается как на углублении кризиса доверия, так и на снижении институциональной легитимности. В то же время в 2024 году избиратели Соединенных Штатов сохраняли высокое доверие к членам избирательных комиссий и в целом представителям власти на местном уровне, так как именно эти акторы выступали, несмотря на высокую политическую турбулентность, «гарантом» соблюдения демократических процедур [9].

С 2023 года общественное доверие начало незначительно возрастать. Согласно исследованию, опубликованному в марте 2024 года институтом SNF Agora при университете Джонса Хопкинса, около четверти республиканцев считали, что Джо Байден честно выиграл президентские выборы в 2020 году, а 12% республиканцев заявляли, что не были уверены в итогах выборов [10].

Согласно опросу Bipartisan Policy Center, проведенному в конце 2023 года, большинство опрошенных – 69% были уверены, что их голоса будут подсчитаны правильно на выборах 2024 года. Среди них из всего числа 60% республиканцев, 59% независимых избирателей и 85% демократов. Во всех группах американцы больше всего были уверены в точности подсчета голосов в своём сообществе. Только 64% были уверены в точности подсчета голосов по всей стране. Эта разница наиболее была заметна среди республиканцев, поскольку только 50% республиканцев были уверены, что голоса будут подсчитаны точно на национальном уровне, по сравнению с 66% на местном уровне, разница составляет 16% [20].

Сейчас стоит обратиться к ситуации ближе к президентским выборам 2024 года, а именно к октябрю 2024 года. В октябре 2024 года Соединенные Штаты переживали обострение политической поляризации, снижение доверия к государственным институтам и ожидания «непростого» избирательного цикла. В этой ситуации для правительства США сохранение стабильности приобретало особую актуальность, так как от этого зависело обеспечение безопасности граждан [12]. Согласно опросу AP, только 44% граждан США в «значительной степени» были уверены в точности подсчета голосов на выборах президента США [6]. Независимо от причин, низкий уровень доверия мог бы нанести серьезный ущерб демократической системе США, поскольку граждане, которые сомневаются в честности подсчета голосов, реже участвуют в избирательном процессе.

Согласно опросу Pew Research Center, проведенного в октябре 2024 года, только 12% опрошенных заявили, что президентская кампания 2024 года вызывала у них чувство гордости за страну; 68% избирателей считали предвыборную кампанию негативной, а 30% – не слишком негативной. 23% из всего числа опрошенных считало, что кампания была сосредоточена на политических дебатах [17]. За тот же период доля избирателей, которые говорили, что избирательная кампания вызывает у них чувство гордости за страну, выросла с 12% до 19% [18].

Согласно опросу американского института общественного мнения Gallup в октябре 2024 года, общественное доверие к электоральному процессу среди граждан США падало, поскольку неконтролируемое распространение дезинформации и организованные кампании по дезинформации создавали опасный скептицизм среди избирателей. Как комментировала Минди Ромеро, основательница и директор Центра инклюзивной демократии в Школе государственной политики имени Райса при Университете Южной Калифорнии: «В долгосрочной перспективе самый большой риск, с которым мы сталкиваемся – это потенциальная дестабилизация не только нашей демократии, но и демократий во всем мире. Наши демократические институты уже уязвимы. Мы наблюдаем рост недоверия к нашим выборам, к тому, как они проводятся, и к достоверности их результатов» [15].

Организация States United Democracy Center в США, которая занимается вопросами демократии, законности и безопасности выборов, провела опрос после выборов в ноябре 2024 года и сделала несколько выводов. Во-первых, люди, которые выразили большую уверенность в том, что их голос будет засчитан, с большей вероятностью пошли на выборы. Во-вторых, если бы все американцы были уверены в успехе на выборах в ноябре 2024 года, то на 4,7–5,7 миллионов избирателей больше могли бы принять участие в голосовании. И в-третьих, если бы американцы были более уверены в безопасности выборов 2024 года, явка могла бы увеличиться на 3–3,7 процента [19].

Данное исследование States United Democracy Center интересно прежде всего тем, что оно подчеркивает актуальность потенциальных действий политических элит, которые помогли бы доносить до граждан мысль о свободе, честности и безопасности выборов в США. Доверие избирателей формируется на основе глубокого понимания процесса проведения выборов, в связи с чем их уверенность в честности и безопасности электорального процесса значительно возрастает [13].

Также можно рассмотреть данные исследовательского центра Pew Research Center, опрос избирателей в рамках которого начался через неделю после завершения голосования. Девять из десяти избирателей оценили выборы положительно, что на 29% превышало аналогичный показатель 2020 года. Данные опроса указывают, что положительная динамика доверия к электоральному процессу сформировалась за счет поддержки сторонников Республиканской партии. Вместе с тем можно увидеть внутрипартийную неоднородность, поскольку 55% избирателей, поддерживающих Д. Трампа, сомневались в эффективности механизмов, направленных на недопущение к голосованию граждан, не наделенных соответствующими правами [16].

Подводя итоги исследования, стоит отметить, что наиболее низкие показатели уровня доверия больше всего были характерны для избирателей-республиканцев в предвыборный период, несмотря на наличие недоверия также среди других политических групп. Кроме того, углубление политической поляризации выступает ключевым фактором трансформации доверия к выборам, а стратегии политических элит, ставящие под сомнение легитимность процедур, ускоряют эрозию демократических норм и снижают мотивацию граждан к участию в электоральных кампаниях. В противовес этому, местные органы сохраняли относительно высокий уровень доверия избирателей, что подчеркивает значимость локального уровня управления в сохранении демократических ценностей. Также количественные данные дополняют «картину» электорального процесса, фиксируя снижение общего доверия к президентским выборам как следствие институционального скептицизма. Однако, вместе с тем, существующий скептицизм в отношении электоральных процессов в США не исключает перспективы укрепления демократических институтов, которые могут быть реализованы через восстановление доверия граждан к государственным институтам.

Заключение

Таким образом, электоральное доверие является многосторонним понятием, которое включает в себя на личностном и институциональном уровне как доверие, так и недоверие к действующей политике или

политическим акторам, например, кандидатам [3]. Являясь формой политического доверия, электоральное доверие можно рассматривать в качестве фактора стабильности демократических процессов, который также характеризует электоральное поведение избирателей. Но, например, при высоком уровне доверия к верховной власти, к другим институтам власти доверие не гарантировано. Но, бывает и другая ситуация, при которой на скептическое отношение к выборам, вызванное общим недоверием к политической ситуации, накладываются социальные изменения, дополнительно влияющие на электоральное доверие и формирование общественного мнения [4].

Анализ президентской кампании 2024 года свидетельствует, что в предвыборный период институциональная среда характеризовалась высокой нестабильностью, создававшей существенные риски для доверия к выборам, роста политической поляризации и возникновения институционального скептицизма. Однако постэлекторальные данные показали высокий уровень электорального доверия, обусловленный преимущественно положительными оценками избирательного процесса со стороны республиканского электората.

Двухпартийная система, способствующая углублению политической поляризации, существенно ограничивает возможности для проведения необходимых институциональных изменений. В то же время, исследование демонстрирует сохраняющийся резерв устойчивости демократической системы, реализация которого связана с восстановлением доверия граждан к государственным институтам. В этом контексте электоральное доверие является индикатором состояния демократии в США, поскольку его нестабильность создает риски и угрозы для институтов власти.

Литература

1. Боднер А. Политическая культура общества и ее обусловленность //Политология вчера и сегодня. М. – 1990. – С. 216–229.
2. Виноградова И.М. Электоральное доверие как фактор принятия политического решения //Трансформация реальности: стратегии и практики: 5-й молодежный конвент УрФ У. – Екатеринбург, 2021. – 2021. – С. 540–542.
3. Данилов С. А., Володина С.В. Электоральное доверие: концептуальные профили и риск-факторы //Власть. – 2015. – № . 8. – С. 67–73.
4. Орлов М. О., Данилов С.А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества //Философия и общество. – 2008. – № . 4. – С. 126–131.
5. Easton D. A re-assessment of the concept of political support // British journal of political science. – 1975. – Т. 5. – № . 4. – С. 435–457.
6. GOP confidence in 2024 vote count low after years of false election claims, AP-NORC poll shows // APnews. URL: https://apnews.com/article/2024-election-poll-voting-machines-confidence-trust-8efb007d94c2b37a510f9d866e3c6031 (дата обращения: 16.08.2025).
7. Hooghe M. Why there is basically only one form of political trust // The British Journal of Politics and International Relations. – 2011. – Т. 13. – № . 2. – С. 269–275.
8. How America lost trust in elections – and why that matters // The Cristian Science Monitor. URL: https://www.csmonitor.com/USA/Politics/2024/0412/trust-american-elections-voters-trump (дата обращения: 15.08.2025).
9. Jackson, Daniel & Carson, Andrea & Coombs, Danielle & Thorsen, Einar & Trevisan, Filippo & Wright, Scott. (2024). U.S. Election Analysis 2024: Media, Voters and the Campaign.
10. JHU – Understanding Pro-Democracy Conservatives // John Hopkins University. URL: https://snfagora.jhu.edu/wp-content/uploads/2025/08/Hopkins-SNF-Agora-Institute-Understanding-ProDem-Conservatives-Mar-2024.pdf (дата обращения: 20.08.2025).
11. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness //Annual review of political science. – 2000. – Т. 3. – № . 1. – С. 475–507.
12. Public trust in government // The Partnership for Public Service. URL: https://ourpublicservice.org/publications/state-of-trust-in-government-2024/ (дата обращения: 15.08.2025).
13. Surveying Americans on Accountability, Election Denial, and Democracy // States United Democracy Center. URL: https://statesunited.org/resources/polling-29feb/#section-3 (дата обращения: 18.08.2025).
14. Tracking Attitudes About Voters' Confidence in Elections // States United Democracy Center. URL: https://statesunited.org/resources/confidence-poll/ (дата обращения: 18.08.2025).
15. Trust in voting: USC experts discuss misinformation, threats to democracy ahead of Election 2024 // USC Today. URL: https://today.usc.edu/trust-in-voting-usc-experts-discuss-misinformation-threats-to-democracy-ahead-of-election-2024/ (дата обращения: 16.08.2025).
16. Voters' evaluations of the 2024 election process // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/12/04/voters-evaluations-of-the-2024-election-process/ (дата обращения: 18.08.2025).
17. Voters' feelings about the 2024 campaign and candidates // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/07/11/voters-feelings-about-the-2024-campaign-and-candidates/ (дата обращения: 16.08.2025).
18. Voters' feelings about the 2024 campaign and election outcomes; concerns about political violence // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/10/10/voters-feelings-about-the-2024-campaign-and-election-outcomes-concerns-about-political-violence/ (дата обращения: 16.08.2025).
19. When Americans Trust Elections, They Are More Likely To Vote // States United Democracy Center. URL: https://statesunited.org/resources/when-americans-trust-elections/ (дата обращения: 18.08.2025).
20. Who Voters Trust for Election Information in 2024 // Bipartisan Policy Center. URL: https://bipartisanpolicy.org/explainer/who-voters-trust-election-information-2024/ (дата обращения: 20.08.2025).
21. Ziller C., Schübel T. «The pure people» versus «the corrupt elite»? Political corruption, political trust and the success of radical right parties in Europe //Journal of Elections, Public Opinion and Parties. – 2015. – Т. 25. – № . 3. – С. 368–386.

THE FEATURES OF ELECTORAL TRUST: AN EXAMPLE OF THE US PRESIDENTIAL ELECTION IN 2024

Vozmitel I.A.
People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article considers electoral trust as the main factor of electoral behavior, which has a strong influence on participation in electoral processes. The article focuses on both the concept and the essence, forms and specifics of electoral trust. The article analyzes a more general theoretical construction – political trust and its narrower concept in the electoral cycle – electoral trust. The purpose of the study is to conduct a theoretical analysis of the concept of electoral trust, as well as to study the specifics and indicators of electoral trust during the US presidential election in 2024. The relevance of the study is due to the conceptual ambiguity of the concept of «electoral trust» in political science, as well as the growing threat to the stability of democratic institutions in the United States. The results of the work emphasize the importance of the study of electoral trust as an independent concept in political science, and the case of the presidential elections in the United States in 2024 demonstrates the universality of this approach for analyzing electoral processes in other countries.

Keywords: electoral trust, presidential elections, political trust, democratic institutions, electoral cycle.

References

1. Bodner A. The political culture of society and its conditionality //Political science yesterday and today. Moscow– 1990. Pp. 216–229.
2. Vinogradova I.M. Electoral trust as a factor in making a political decision // Transformation of Reality: Strategies and practices: 5th UrFU Youth Convention.Yekaterinburg, 2021–2021. Pp. 540–542.
3. Danilov S. A., Volodina S.V. Electoral trust: conceptual profiles and risk factors // Power. – 2015. – № 8. – Pp. 67–73.
4. Orlov M. O., Danilov S.A. The role of communication in the political life of modern society //Philosophy and society. – 2008. – № . 4. – Pp. 126–131.
5. Easton D. A re-assessment of the concept of political support //British journal of political science. – 1975. – Т. 5. – № . 4. – С. 435–457.
6. GOP confidence in 2024 vote count low after years of false election claims, AP-NORC poll shows // APnews. – URL: https://apnews.com/article/2024-election-poll-voting-machines-confidence-trust-8efb007d94c2b37a510f9d866e3c6031 (accessed: 16.08.2025).
7. Hooghe M. Why there is basically only one form of political trust //The British Journal of Politics and International Relations. – 2011. – Т. 13. – № . 2. – С. 269–275.
8. How America lost trust in elections – and why that matters // The Cristian Science Monitor. – URL: https://www.csmonitor.com/USA/Politics/2024/0412/trust-american-elections-voters-trump (accessed: 15.08.2025).
9. Jackson, Daniel & Carson, Andrea & Coombs, Danielle & Thorsen, Einar & Trevisan, Filippo & Wright, Scott. (2024). U.S. Election Analysis 2024: Media, Voters and the Campaign.
10. JHU – Understanding Pro-Democracy Conservatives // John Hopkins University. – URL: https://snfagora.jhu.edu/wp-content/uploads/2025/08/Hopkins-SNF-Agora-Institute-Understanding-ProDem-Conservatives-Mar-2024.pdf (accessed: 20.08.2025).
11. Levi M., Stoker L. Political trust and trustworthiness //Annual review of political science. – 2000. – Т. 3. – № . 1. – С. 475–507.
12. Public trust in government // The Partnership for Public Service. – URL: https://ourpublicservice.org/publications/state-of-trust-in-government-2024/ (accessed: 15.08.2025).
13. Surveying Americans on Accountability, Election Denial, and Democracy // States United Democracy Center. – URL: https://statesunited.org/resources/polling-29feb/#section-3 (accessed: 18.08.2025).
14. Tracking Attitudes About Voters' Confidence in Elections // States United Democracy Center. – URL: https://statesunited.org/resources/confidence-poll/ (accessed: 18.08.2025).

15. Trust in voting: USC experts discuss misinformation, threats to democracy ahead of Election 2024 // USC Today. – URL: https://today.usc.edu/trust-in-voting-usc-experts-discuss-misinformation-threats-to-democracy-ahead-of-election-2024/ (accessed: 16.08.2025).

16. Voters' evaluations of the 2024 election process // Pew Research Center. – URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/12/04/voters-evaluations-of-the-2024-election-process/ (accessed: 18.08.2025).

17. Voters' feelings about the 2024 campaign and candidates // Pew Research Center. – URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/07/11/voters-feelings-about-the-2024-campaign-and-candidates/ (accessed: 16.08.2025).

18. Voters' feelings about the 2024 campaign and election outcomes; concerns about political violence // Pew Research Center. – URL: https://www.pewresearch.org/politics/2024/10/10/voters-feelings-about-the-2024-campaign-and-election-outcomes-concerns-about-political-violence/ (accessed: 16.08.2025).

19. When Americans Trust Elections, They Are More Likely To Vote // States United Democracy Center. – URL: https://statesunited.org/resources/when-americans-trust-elections/ (accessed: 18.08.2025).

20. Who Voters Trust for Election Information in 2024 // Bipartisan Policy Center. – URL: https://bipartisanpolicy.org/explainer/who-voters-trust-election-information-2024/ (accessed: 20.08.2025).

21. Ziller C., Schübel T. «The pure people» versus «the corrupt elite»? Political corruption, political trust and the success of radical right parties in Europe //Journal of Elections, Public Opinion and Parties. – 2015. – Т. 25. – № . 3. – С. 368–386.

Методические подходы к оценке эффективности грантовых механизмов государственной политики патриотического воспитания: сравнительный анализ Cipp-Ahp-модели и contribution analysis на материалах проектной практики

Графин Александр Дмитриевич,
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: s.grafin@yandex.ru

Цель исследования состоит в методическом обосновании оценки эффективности грантовых механизмов государственной политики патриотического воспитания на материалах проектной практики. Актуальность проблемы обусловлена тем, что административная отчетность фиксирует мероприятия, охваты и освоение ресурсов, но не раскрывает причинную связь между грантовой поддержкой и социально-воспитательными результатами. Методология исследования основана на двухуровневой оценочной архитектуре, соединяющей CIPP-AHP-интегральную модель и Contribution Analysis Джона Мейна. Первая модель используется для формализованного измерения эффективности проектного цикла через систему взвешенных критериев Context, Input, Process и Product; вторая – для проверки причинной состоятельности вывода о вкладе грантового механизма. Эмпирическую базу составляют материалы проектов «Погружение 2.0» 2023 года и «Военно-морской флот: вчера, сегодня, завтра» 2025 года, реализованных при поддержке Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». Результаты показывают рост интегрального индекса эффективности с 0,679 до 0,789, однако этот рост требует причинно-аналитической интерпретации. Сделан вывод о необходимости разграничивать результативность, эффективность проектного цикла, вклад гранта и общественно-политический эффект.

Ключевые слова: грантовые механизмы, государственная политика, патриотическое воспитание, оценка эффективности, CIPP, AHP, Contribution Analysis, проектная практика, политико-управленческий анализ.

Введение

Оценка грантовых проектов патриотического воспитания методологически сложна, поскольку их результаты имеют одновременно организационное, воспитательное, коммуникативное и политико-управленческое измерения. Количество мероприятий, участников и публикаций показывает масштаб реализации, но не отвечает на главный исследовательский вопрос: каким образом грантовая поддержка преобразуется в изменения знаний, установок, эмоционального отклика и готовности к дальнейшему участию.

Значимость этой проблемы возрастает в условиях институционализации патриотического и духовно-нравственного воспитания как самостоятельного направления государственной политики. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Стратегия реализации молодежной политики до 2030 года и комплекс мер по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи до 2028 года формируют нормативную рамку, в которой воспитательные проекты рассматриваются как часть более широкого процесса укрепления гражданской идентичности и исторической памяти [3; 4; 8; 9].

Цель статьи состоит в обосновании сравнительной методологической рамки оценки эффективности грантовых механизмов государственной политики патриотического воспитания на основе CIPP-AHP-интегральной модели и Contribution Analysis. Гипотеза исследования заключается в том, что CIPP-AHP позволяет измерить уровень эффективности проектного цикла, но не раскрывает причинную природу результата; Contribution Analysis, напротив, не дает компактного индекса, но повышает объяснительную силу оценки за счет проверки теории изменений и учета альтернативных объяснений.

Исследование исходит из необходимости не заменить количественную оценку качественной интерпретацией, а соединить их в единой оценочной архитектуре. Такая логика позволяет различать результативность проекта, эффективность проектного цикла, вклад грантового механизма и общественно-политический эффект государственной политики патриотического воспитания.

Литературный обзор

Патриотическое воспитание как объект государственной политики относится к числу сложных социально-воспитательных направлений. Его итог не исчерпывается непосредственным выходом проекта: выполненными мероприятиями, числом участников, конкурсных работ или медиапубликаций. Эти показатели необходимы, однако они фиксируют прежде всего административную результативность, а не полноту социально-воспитательного эффекта.

Для политико-управленческого анализа важно разграничивать несколько уровней оценки. Результативность показывает достижение плановых показателей. Эффективность проектного цикла отражает соотношение целей, ресурсов, процесса и результатов. Воздействие связано с более широкими и отложенными изменениями. Вклад обозначает обоснованную причинно-аналитическую связь между грантовым вмешательством и наблюдаемыми результатами, но не требует утверждения о единственной и прямой причине.

Современная отечественная литература позволяет рассматривать патриотическое воспитание не только как педагогическую, но и как общественно-политическую практику. Работы Т.К. Ростовской и Е.А. Князьковой раскрывают институциональный контекст молодежной политики; исследования П.А. Меркулова и соавторов анализируют патриотическое воспитание студенческой молодежи; М.Ю. Мартынов, Л.А. Фадеева и А.И. Габеркорн показывают патриотизм как политический дискурс; Л.В. Рожкова и соавторы исследуют динамику патриотических ценностей; А.В. Селезнева развивает политико-психологический подход к изучению патриотизма молодежи [1; 2; 5–7].

Следовательно, грантовый механизм в данной сфере следует понимать не только как финансовый канал поддержки, но и как инструмент государственной политики, создающий организационные, содержательные и коммуникационные условия для развития устойчивых

воспитательных практик. Именно поэтому оценка должна включать не только контроль исполнения, но и реконструкцию логики превращения ресурсов в социально-воспитательные результаты.

Логика отбора методологических подходов

Краткое обращение к альтернативным оценочным подходам в статье имеет не обзорный, а селективно-обосновывающий характер. Оно необходимо для того, чтобы показать границы исследовательского выбора: в основной эмпирический анализ включаются не все известные модели evaluation research, а только те, которые отвечают двум задачам статьи: дают сопоставимый показатель эффективности проектного цикла и позволяют проверить причинную состоятельность вывода о вкладе грантового механизма.

Классическая традиция program evaluation, представленная П. Росси, М. Липси и Г. Фрименом, задает общее требование систематической оценки дизайна, реализации и полезности социальных программ [17]. CIPP-модель Д. Стаффлбима конкретизирует эту логику через четыре блока: Context, Input, Process и Product [20; 21]. Ее преимущество для настоящего исследования состоит в том, что она связывает итоговые результаты с исходным контекстом, ресурсами и качеством реализации.

Метод анализа иерархий Т. Саати позволяет формализовать экспертные приоритеты в условиях многокритериального выбора [18; 19]. В соединении с CIPP он превращает набор разнородных критериев в систему взвешенных показателей и тем самым делает возможным расчет интегрального индекса эффективности.

OECD DAC, Realist Evaluation, Public Value и Utilization-Focused Evaluation не исключаются как слабые подходы. Напротив, каждый фиксирует значимый аспект оценки: критерии OECD DAC задают универсальный язык релевантности, эффективности, воздействия и устойчивости [15]; Realist Evaluation концентрируется на вопросе о том, что работает, для кого и при каких условиях [16]; Public Value позволяет обсуждать публичную ценность управленческого действия [13]; Utilization-Focused Evaluation М. Паттона подчеркивает практическое использование результатов оценки [15].

Однако включение этих подходов в полноценное эмпирическое сравнение расширило бы предмет статьи до общего обзора оценочных парадигм и ослабило бы центральную исследовательскую задачу. OECD DAC не задает самостоятельного механизма агрегирования показателей; Realist Evaluation требует глубокой реконструкции контекстно-механизменных конфигураций; Public Value не является техникой расчета проектной эффективности; Utilization-Focused Evaluation задает логику применения результатов, но не систему весов и не причинную проверку.

Именно поэтому в качестве основных моделей выбраны CIPP-AHP и Contribution Analysis. Первая отвечает на вопрос, насколько эффективен проектный цикл. Вторая отвечает на вопрос, насколько обоснованно связывать наблюдаемые результаты с грантовой поддержкой [11; 12]. Их соединение позволяет перейти от отчетной оценки к политико-управленческому анализу эффективности грантового механизма.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составляют материалы двух проектных циклов: проекта «Погружение 2.0» 2023 года и проекта «Военно-морской флот: вчера, сегодня, завтра» 2025 года. Оба проекта реализованы при поддержке Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» [10]. Они рассматриваются не как тождественные версии одной программы, а как преемственно связанные формы музейно-патриотической практики.

Проект 2023 года реализовывался с 16 сентября по 11 декабря и продолжался 87 календарных дней. Совокупный охват составил 3608 человек: территорию музейного комплекса в день центрального фестиваля посетили 2047 человек, подводную лодку – 1601 человек. В художественном мастер-классе участвовали 118 человек, в историческом квесте – 157 человек, в мастер-классах, конкурсах и викторине – 1561 человек. Было представлено 321 творческое произведение; медийный контур включал 44 выхода материалов и 201 360 потенциальных медиаконтактов.

Проект 2025 года реализовывался с 18 мая по 25 октября и продолжался 161 календарный день. Бюджет составил 7 268 000 руб., размер субсидии – 6 788 000 руб., привлеченные средства – 480 000 руб. Уникальные участники до 35 лет составили 4463 человека. В трех фестивалях участвовали соответственно 1792, 1807 и 1815 зарегистрированных участников до 35 лет; в творческом конкурсе – 507 человек, в квестовых форматах – 418 человек, в викторине – 987 человек. Медийный контур включал 103 выхода материалов, 62 площадки размещения и 718 505 потенциальных контактов.

Анкетирование проводилось по расчетной установке 10% от общего числа участников: n = 361 для 2023 года и n = 446 для 2025 года. Использовалась шкала Лайкерта от 1 до 5, а отбор респондентов описывался как стратифицированный по группам 12–17 лет, 18–24 года, 25–35 лет, наставники и педагоги, волонтеры и активные участники. Внутри страт применялся систематический выбор k-го участника.

Таблица 1. Ключевые эмпирические параметры проектных циклов 2023 и 2025 годов

Показатель	2023 год	2025 год	Динамика
Продолжительность	87 дней	161 день	рост в 1,85 раза
Охват участия	3608 человек	4463 уникальных участника	расширение масштаба
Участники квестов	157	418	рост в 2,66 раза
Мастер-классы / пленэры	118	173	рост в 1,47 раза
Творческие работы	321	507	рост в 1,58 раза
География конкурса	более 20 регионов	25 регионов	расширение охвата
Медийный контур	44 публикации; 201 360 контактов	103 публикации; 718 505 контактов	усиление коммуникаций

Источник: составлено автором на основе эмпирических материалов проектной практики.

CIPP-AHP-интегральная модель строится на соединении структурной логики CIPP, процедуры определения весов на основе AHP и итогового индекса эффективности. Интегральный индекс рассчитывается по формуле: $I = \Sigma(w_i \times x_i)$, где w_i – глобальный вес критерия, x_i – нормированное значение критерия в диапазоне от 0 до 1.

Для показателей план-факт применяется формула $x = \min(\text{факт} / \text{план}; 1)$, что исключает искусственное завышение индекса при превышении плановых значений. Для продуктовых критериев на основе pretest/post-test используется формула $x = 0{,}6 \times (M_after / 5) + 0{,}4 \times (\Delta / 4)$, где M_after – итоговое среднее значение, Δ – прирост между входным и итоговым измерением. Такая логика учитывает одновременно достигнутый уровень и позитивный сдвиг.

На верхнем уровне AHP использована матрица попарных сравнений компонентов CIPp. Итоговые веса составили: Context – 0,118; Input – 0,055; Process – 0,262; Product – 0,565. Коэффициент согласованности CR = 0,043, что ниже порогового значения 0,10 и свидетельствует о допустимом уровне согласованности экспертных суждений.

Таблица 2. Глобальные веса и нормированные значения критериев CIPP-AHP-модели

№	Критерий	Вес	x 2023	x 2025
1	Соответствие целям государственной политики	0,05310	0,900	0,960
2	Актуальность проблемы и потребностей аудитории	0,04130	0,870	0,920
3	Адекватность сегментации целевых групп	0,02360	0,820	0,870
4	Достаточность гранта	0,01925	0,740	0,930
5	Вклад партнеров	0,01100	0,620	0,800
6	Компетентность команды	0,01375	0,750	0,860
7	Инфраструктура и материально-техническое обеспечение	0,01100	0,700	0,820
8	Соблюдение плана и качество исполнения	0,07336	0,680	0,790
9	Инновационность форматов	0,04192	0,600	0,760
10	Вовлеченность участников	0,06288	0,650	0,840
11	Коммуникации и информационное сопровождение	0,04716	0,630	0,820
12	Мониторинг и риск-менеджмент	0,03668	0,640	0,830
13	Масштаб и охват	0,10170	0,870	1,000
14	Прирост знаний о ВМФ	0,12430	0,608	0,668

Окончание

№	Критерий	Вес	x 2023	x 2025
15	Сдвиг патриотических установок	0,09040	0,546	0,596
16	Удовлетворенность и эмоциональное восприятие	0,07910	0,592	0,660
17	Устойчивость результатов	0,09040	0,644	0,744
18	Тиражирование и незапланированные эффекты	0,07910	0,620	0,780

Источник: составлено автором на основе эмпирических материалов проектной практики.

Результаты

Итоговое взвешенное суммирование для 2023 года дает I2023 = 0,67874, округленно 0,679. При принятой шкале $I < 0,60$ означает низкую эффективность, $0,60 \leq I < 0,75$ – среднюю эффективность, $I \geq 0,75$ – высокую эффективность. Следовательно, проектный цикл 2023 года соответствует средней эффективности. Для 2025 года расчет дает I2025 = 0,78857, округленно 0,789, что соответствует высокой эффективности.

Рост индекса объясняется не одним параметром, а совокупностью сдвигов. В блоке Input повысились достаточность гранта, вклад партнеров, компетентность команды и инфраструктура. В блоке Process усилились качество исполнения, инновационность форматов, вовлеченность, коммуникации и мониторинг. В блоке Product зафиксированы рост масштаба, улучшение показателей знаний, установок, эмоционального восприятия, устойчивости и тиражируемости.

Таблица 3. Итоговые показатели интегральной оценки

Проектный цикл	Индекс	Уровень	Интерпретация
2023	0,679	средняя эффективность	эффективная, но преимущественно событийно-локальная модель
2025	0,789	высокая эффективность	более длительная, модульная и организационно насыщенная модель

Источник: составлено автором на основе эмпирических материалов проектной практики.

Ограничение интегральной модели принципиально: она надежно отвечает на вопрос о том, насколько эффективен проектный цикл в заданной системе критериев, но не доказывает, что наблюдаемые изменения вызваны исключительно грантовым механизмом. Для социально-воспитательных проектов прямое причинное приписывание было бы методологически чрезмерным, поскольку результат формируется под влиянием команды, партнеров, характеристик аудитории, медиасреды и предшествующего опыта.

Проверка вклада грантового механизма на основе Contribution Analysis

Contribution Analysis исходит из того, что для сложных социальных интервенций часто невозможно строго доказать прямую атрибуцию результата в экспериментальном смысле. Вместо этого оценивается правдоподобие причинного утверждения о том, что программа внесла вклад в наблюдаемые изменения [11; 12].

Теория изменений грантового механизма в рассматриваемом случае может быть представлена так: грантовая поддержка → ресурсное обеспечение → рост организационной емкости → повышение качества реализации → расширение охвата и интенсивности участия → усложнение проектной структуры → усиление коммуникационного контура → изменение знаний, установок, эмоционального отклика и готовности к продолжению участия → вклад в реализацию государственной политики патриотического воспитания.

Первое причинное утверждение состоит в том, что грантовый механизм позволил увеличить масштаб проектной практики. Это подтверждается ростом продолжительности проекта с 87 до 161 дня, увеличением числа уникальных участников до 4463 человек, ростом квестовой активности в 2,66 раза, увеличением числа творческих работ в 1,58 раза, расширением географии конкурса до 25 регионов и ростом медиаконтактного охвата до 718 505 потенциальных контактов.

Второе утверждение связано с переходом от событийно-локальной модели 2023 года к более длительной и модульной модели 2025 года. Если в 2023 году проектная практика была сосредоточена вокруг трех крупных содержательных блоков и центрального фестивального события, то в 2025 году она включала серию фестивалей, квесты, мастер-классы, пленэры, творческий конкурс, викторину, форсайт-сессию и расширенный коммуникационный контур.

Третье утверждение касается качества воспитательного результата. Анкетирование до и после участия показало рост средних значений по всем пяти измерениям. В 2025 году прирост знаний о ВМФ составил 1,700 пункта, вовлеченности – 1,350 пункта, готовности продолжать участие – 1,117 пункта. Эти изменения согласуются с теорией изменений, согласно которой усложнение проектной структуры и повышение интенсивности участия должны отражаться в когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентах результата.

При этом альтернативные объяснения не должны исключаться из анализа. Накопленный опыт команды, партнерская сеть, специфика музейной площадки, общий интерес к военно-исторической тематике и коммуникационная среда также влияли на результат. Contribution Analysis позволяет корректно встроить эти факторы в причинную картину: грант выступает не единственной причиной, а институциональным условием, активирующим и соединяющим другие факторы проектной эффективности.

Обсуждение

CIPP-AHP-интегральная модель и Contribution Analysis не конкурируют за статус единственно правильной методики. Они решают разные исследовательские задачи и потому должны рассматриваться как взаимодополняющие элементы единой системы оценки. CIPP-AHP обеспечивает управленческую операциональность, измеримость и сопоставимость проектных циклов. Contribution Analysis обеспечивает причинно-аналитическую интерпретацию, проверку теории изменений и учет альтернативных объяснений.

Методологически продуктивной является двухуровневая схема: сначала измерение эффективности проектного цикла, затем проверка причинной состоятельности вывода о вкладе грантового механизма. Без первой модели оценка остается описательной; без второй она превращается в технический расчет, который не объясняет, каким образом грантовая поддержка связана с социально-воспитательными изменениями.

Таблица 4. Сравнительный анализ CIPP-AHP и Contribution Analysis

Критерий	CIPP-AHP	Contribution Analysis
Главный вопрос	Насколько эффективен проектный цикл?	Насколько обоснованно связывать результат с грантом?
Тип доказательности	Нормирование, взвешивание и интегральный индекс	Теория изменений, доказательная цепочка, альтернативные объяснения
Сильная сторона	Операциональность и сопоставимость проектов	Объяснительная сила и осторожность в вопросе причинности
Ограничение	Не доказывает причинный вклад гранта	Не дает компактной числовой оценки
Оптимальная роль	Первый уровень: измерение эффективности	Второй уровень: проверка вклада

Источник: составлено автором на основе эмпирических материалов проектной практики.

Полученные результаты позволяют уточнить политико-управленческое понимание грантовых механизмов. В сфере патриотического воспитания они не сводятся к распределению бюджетной поддержки, а выступают способом институциональной сборки проектной практики: обеспечивают ресурс, повышают организационную емкость, делают возможной модульную структуру, расширяют коммуникационный контур и создают условия для устойчивого участия.

Рост интегрального индекса с 0,679 до 0,789 показывает переход от средней к высокой эффективности, но сам по себе не является доказательством прямого причинного воздействия гранта. Contribution Analysis показывает более корректную интерпретацию: грантовая поддержка выступает фактором вклада, действие которого опосредовано качеством команды, партнерской сетью, событийной насыщенностью, коммуникациями и характеристиками аудитории.

Практическое значение предложенной рамки состоит в том, что она может применяться при экспертизе грантовых заявок, мониторинге реализации проектов и итоговой аналитике. Она переводит оценку с уровня вопроса «выполнен ли проект» к вопросам «какое качество проектного цикла достигнуто», «каким образом ресурсная поддержка преобразована в социально-воспитательный результат» и «какие условия повышают вероятность устойчивого эффекта».

Заключение

Исследование подтверждает, что оценка эффективности грантовых механизмов государственной политики патриотического воспитания должна строиться как двухуровневая процедура. На первом уровне CIPP-AHP-интегральная модель измеряет эффективность проектного цикла. На втором уровне Contribution Analysis проверяет причинную состоятельность вывода о вкладе грантовой поддержки в достижение социально-воспитательных результатов.

Применение модели к материалам проектных циклов 2023 и 2025 годов показало рост интегрального индекса с 0,679 до 0,789. Этот результат отражает увеличение проектной емкости, усложнение организационной модели, усиление процессных и продуктовых блоков, расширение охвата, рост вовлеченности и укрепление коммуникационного сопровождения.

Вместе с тем вклад гранта не следует понимать как прямое и единоличное причинное воздействие. Он носит опосредованный характер и реализуется через инфраструктуру проекта, качество взаимодействия с целевыми группами, событийную насыщенность, партнерскую сеть и коммуникационный контур. Именно это разграничение позволяет избежать как редукции оценки к административной отчетности, так и чрезмерного причинного приписывания всех изменений факту финансирования.

Научная новизна статьи заключается в обосновании комплементарного подхода, при котором количественная оценка и причинно-аналитическая интерпретация не противопоставляются, а соединяются в единую методологическую архитектуру. Такой подход перспективен для дальнейшего совершенствования оценки государственной политики патриотического воспитания и грантовой поддержки социально значимых проектов.

Литература

1. Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.

2. Меркулов П.А., Алексеенок А.А., Леонова О.В. Патриотическое воспитание современной студенческой молодежи: информационный бюллетень социологической лаборатории. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. 64 с. ISBN 978-5-93179-733-5. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2216400 (дата обращения: 29.03.2026).

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/155067/ (дата обращения: 07.03.2026).

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510240057 (дата обращения: 18.03.2026).

5. Рожкова Л.В., Сальникова О.В., Дубина А.Ш. Структура и динамика патриотических ценностей современной студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 76–88. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-8.

6. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 155 с. URL: https://urait.ru/bcode/457402 (дата обращения: 24.03.2026).

7. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Патриотизм российских школьников: политико-психологический анализ // Психолого-педагогический поиск. 2025. № 3. С. 121–129. DOI: 10.37724/RSU.2025.75.3.011.

8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001 (дата обращения: 15.02.2026).

9. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 22.02.2026).

10. Устав Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых» // Движение Первых. URL: https://id.pervye.ru/download/MQ%3D%3D/ZG9jdW1lbnRz/ZmlsZQ%3D%3D/ (дата обращения: 04.04.2026).

11. Mayne J. Addressing Attribution through Contribution Analysis: Using Performance Measures Sensibly // Canadian Journal of Program Evaluation. 2001. Vol. 16, № 1. P. 1–24.

12. Mayne J. Contribution Analysis: Coming of Age? // Evaluation. 2012. Vol. 18, № 3. P. 270–280. DOI: 10.1177/1356389012451663.

13. Moore M.H. Creating Public Value: Strategic Management in Government. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 402 p.

14. OECD/DAC Network on Development Evaluation. Better Criteria for Better Evaluation: Revised Evaluation Criteria Definitions and Principles for Use. Paris: OECD, 2019. 13 p.

15. Patton M.Q. Utilization-Focused Evaluation. 4th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2008. 667 p.

16. Pawson R., Tilley N. Realistic Evaluation. London: SAGE Publications, 1997. 235 p.

17. Rossi P.H., Lipsey M.W., Freeman H.E. Evaluation: A Systematic Approach. 7th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2004. 480 p.

18. Saaty T.L. The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. New York: McGraw-Hill, 1980. 287 p.

19. Saaty R.W. The analytic hierarchy process – what it is and how it is used // Mathematical Modelling. 1987. Vol. 9, № 3–5. P. 161–176. DOI: 10.1016/0270-0255(87)90473-8.

20. Stufflebeam D.L., Zhang G. The CIPP Evaluation Model: How to Evaluate for Improvement and Accountability. New York: Guilford Press, 2017. 384 p.

21. Zhang G., Zeller N., Griffith R., Metcalf D., Williams J., Shea C., Misulis K. Using the Context, Input, Process, and Product Evaluation Model (CIPP) as a Comprehensive Framework to Guide the Planning, Implementation, and Assessment of Service-Learning Programs // Journal of Higher Education Outreach and Engagement. 2011. Vol. 15, № 4. P. 57–84.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF GRANT MECHANISMS IN STATE POLICY OF PATRIOTIC EDUCATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CIPP-AHP MODEL AND CONTRIBUTION ANALYSIS BASED ON PROJECT PRACTICE

Grafin A.
Saint Petersburg State University

The purpose of the study is to substantiate a methodological framework for assessing grant mechanisms in the state policy of patriotic education on the basis of project practice. The relevance of the research problem is determined by the fact that conventional administrative reporting records activities, coverage and resource use, but does not sufficiently explain how grant support contributes to socio-educational results. The methodology is based on a two-level evaluation architecture combining the CIPP-AHP integral model and John Mayne's Contribution Analysis. The first model measures the effectiveness of a project cycle through weighted Context, Input, Process and Product criteria; the second tests the causal plausibility of contribution claims. The empirical base includes materials from the 2023 project "Immersion 2.0" and the 2025 project "The Navy: Yesterday, Today, Tomorrow", supported by the Russian movement of children and youth "Movement of the First". The results show that the integral effectiveness index increased from 0.679 to 0.789, indicating a transition from medium to high project-cycle effectiveness. At the same time, this growth cannot be interpreted as direct attribution and should be explained through contribution logic, alternative factors and the theory of change.

Keywords: grant mechanisms, public policy, patriotic education, effectiveness assessment, CIPP, AHP, Contribution Analysis, project practice, political and managerial analysis.

References

1. Martynov M. Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn A.I. Patriotism as a political discourse in contemporary Russia // Polis. Political Studies. 2020. No. 2. P. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.

2. Merkulov P.A., Alekseenok A.A., Leonova O.V. Patriotic education of modern student youth: information bulletin of the sociological laboratory. Orel: Central Russian Institute of Management, branch of RANEPA, 2022. 64 p. ISBN 978-5-93179-733-5. URL: https://znanium.ru/catalog/product/2216400 (accessed: 29.03.2026).

3. Order of the Government of the Russian Federation No. 2233-r of 17 August 2024 "On approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030" // Government of Russia. URL: http://government.ru/docs/all/155067/ (accessed: 07.03.2026).

4. Order of the Government of the Russian Federation No. 2970-r of 23 October 2025 "On approval of a set of measures for patriotic and spiritual and moral education of youth in the Russian Federation until 2028" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510240057 (accessed: 18.03.2026).

5. Rozhkova L.V., Salnikova O.V., Dubina A. Sh. Structure and dynamics of patriotic values of modern student youth // University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2023. No. 1. P. 76–88. DOI: 10.21685/2072-3016-2023-1-8.

6. Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. Youth policy in modern Russia: textbook for universities. Moscow: Yurait, 2020. 155 p. URL: https://urait.ru/bcode/457402 (accessed: 24.03.2026).

7. Selezneva A.V., Zinenko V.E. Patriotism of Russian schoolchildren: a political and psychological analysis // Psychological and Pedagogical Search. 2025. No. 3. P. 121–129. DOI: 10.37724/RSU.2025.75.3.011.

8. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 2 July 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001 (accessed: 15.02.2026).

9. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 9 November 2022 “On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” // President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed: 22.02.2026).

10. Charter of the Russian public-state movement of children and youth “Movement of the First” // Movement of the First. URL: https://id.pervye.ru/download/MQ%3D%3D/ZG9jdW1lbnRz/ZmlsZQ%3D%3D/ (accessed: 04.04.2026).

11. Mayne J. Addressing Attribution through Contribution Analysis: Using Performance Measures Sensibly // Canadian Journal of Program Evaluation. 2001. Vol. 16, No. 1. P. 1–24.

12. Mayne J. Contribution Analysis: Coming of Age? // Evaluation. 2012. Vol. 18, No. 3. P. 270–280. DOI: 10.1177/1356389012451663.

13. Moore M.H. Creating Public Value: Strategic Management in Government. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 402 p.

14. OECD/DAC Network on Development Evaluation. Better Criteria for Better Evaluation: Revised Evaluation Criteria Definitions and Principles for Use. Paris: OECD, 2019. 13 p.

15. Patton M.Q. Utilization-Focused Evaluation. 4th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2008. 667 p.

16. Pawson R., Tilley N. Realistic Evaluation. London: SAGE Publications, 1997. 235 p.

17. Rossi P.H., Lipsey M.W., Freeman H.E. Evaluation: A Systematic Approach. 7th ed. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2004. 480 p.

18. Saaty T.L. The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. New York: McGraw-Hill, 1980. 287 p.

19. Saaty R.W. The analytic hierarchy process – what it is and how it is used // Mathematical Modelling. 1987. Vol. 9, No. 3–5. P. 161–176. DOI: 10.1016/0270-0255(87)90473-8.

20. Stufflebeam D.L., Zhang G. The CIPP Evaluation Model: How to Evaluate for Improvement and Accountability. New York: Guilford Press, 2017. 384 p.

21. Zhang G., Zeller N., Griffith R., Metcalf D., Williams J., Shea C., Misulis K. Using the Context, Input, Process, and Product Evaluation Model (CIPP) as a Comprehensive Framework to Guide the Planning, Implementation, and Assessment of Service-Learning Programs // Journal of Higher Education Outreach and Engagement. 2011. Vol. 15, No. 4. P. 57–84.

Цифровизация религиозного пространства: трансформации коммуникативных практик

Данилов Вячеслав Леонидович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: dv76@mail.ru

Горбунова Кристина Александровна,
преподаватель кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: GorbunovaKA@omsu.ru

Статья посвящена цифровизации религиозного пространства и сдвигам в коммуникативных практиках верующих, религиозных организаций и духовных лидеров в сетевой среде. Актуальность темы задается ускоренным переносом проповеди, просветительской работы, общинного взаимодействия и пожертвований на цифровые платформы. Научная новизна связана с рассмотрением цифровой среды не как внешнего технического канала, а как среды, перестраивающей порядок религиозного общения, режимы авторитетности и границы общины. Цель работы – выявить направления трансформации религиозной коммуникации под влиянием цифровизации. Методическую основу составили анализ научных публикаций, сопоставление исследовательских подходов, классификация форм онлайн-религиозности, логико-аналитическая интерпретация и обобщение. Источниковую базу образуют русскоязычные исследования последних лет, посвященные медиатизации православия, виртуализации ислама, интернет-проповеди, цифровым пожертвованиям, молодежному восприятию религии и проблемам методологии цифровой религии. В аналитической части раскрыты изменения статуса религиозного авторитета, структуры участия, форматов проповеди, общинной связи и практик доверия. Полученные положения пригодны для религиоведческих, социологических и медиакоммуникационных исследований.

Ключевые слова: цифровизация религии, религиозная коммуникация, медиатизация религии, онлайн-религиозность, интернет-проповедь, цифровые пожертвования, религиозная идентичность, виртуальный ислам, цифровое православие, платформенная среда.

Введение

Цифровая среда перестроила привычную организацию религиозного общения. Передача богословского знания, общинная координация, участие в молитвенной жизни, поддержание контакта с духовным лидером и символическое присутствие в конфессиональной среде все чаще происходят через социальные сети, видеосервисы, мессенджеры и специализированные цифровые инструменты. В результате меняется сама конфигурация религиозного пространства: территориальная привязка утрачивает прежнюю исключительность, а коммуникативная плотность все чаще формируется за счет регулярного сетевого контакта, визуальной доступности духовного лица, алгоритмического распространения сообщений и повседневной цифровой включенности верующих.

Цель работы – выявить направления трансформации коммуникативных практик в религиозном пространстве под влиянием цифровизации. Задачи исследования сводятся к трем позициям: установить, как цифровая среда перестраивает религиозное пространство как систему связей и каналов общения; описать изменения в проповеди, общинном взаимодействии, практиках доверия, религиозной идентификации и пожертвований; определить, как цифровизация изменяет соотношение институционального авторитета и сетевой видимости религиозных акторов.

Научная новизна работы связана с объединением философской, социологической, религиоведческой и медиалингвистической оптики в рамках единого аналитического описания. В центре внимания находится не простой перенос религиозного содержания в интернет, а перестройка порядка коммуникации, при которой платформа, жанр сообщения, режим обратной связи и сценарии цифрового участия влияют на структуру религиозной жизни.

Материалы и методы

Источниковую базу составили русскоязычные публикации последних лет, позволяющие рассмотреть цифровизацию религиозного пространства с разных исследовательских позиций. Г.Я. Гузельбаева [1] анализирует доверие молодежи к духовным лидерам и отношение к религиозным организациям в постпандемийной цифровой среде; Е.Л. Дмитриева [2] сопоставляет сдвиги в православии и исламе в российской среде; В.Д. Коваленко [3] разрабатывает институциональную оптику исследования медиатизации современного православия. Проблематика цифровых пожертвований раскрыта у И.Д. Котлярова [4], жанровая перестройка проповеди в сетевой форме – у Е.В. Милетовой [5]. Э.А. Нимяев [6] ставит вопрос о границе между сетевым пространством сообщества и цифровым религиозным суррогатом, а в другой работе [7] разбирает методологические трудности изучения цифровой религии. Философское осмысление цифрового религиозного пространства представлено у М.Н. Фоминой, Н.А. Эмих [8]; трансформация исламских практик в виртуальной среде рассмотрена у З.Р. Хабибуллиной [9]; новые формы религии онлайн систематизированы Е.Н. Чесновой [10].

Методическая основа работы опирается на анализ научных публикаций, сравнительное сопоставление, классификацию, логико-аналитический разбор и синтез. Указанный набор приемов позволил свести разрозненные наблюдения о цифровой религии в единую схему и проследить, как меняются каналы общения, формы участия и режимы религиозной авторитетности.

Результаты

Анализ научных публикаций позволяет рассматривать цифровизацию религиозного пространства не как механическое расширение уже существующих каналов, а как переход к гибридной среде, где офлайн-присутствие сосуществует с непрерывным сетевым обменом. В такой среде храм, приход, община, видеоплощадка, канал в мессенджере и страница духовного лица образуют единую коммуникативную конфигурацию. Сдвиг затрагивает не один технический уровень, а сам принцип организации религиозного присутствия: доступ к религиозному сообщению становится регулярным, распределенным и платформенно опосредованным, а участие все чаще строится через повседневные цифровые практики [2; 6; 8; 10].

Внутри новой конфигурации меняется и положение религиозных институтов. Исследовательский материал показывает, что цифровая среда усиливает значение медийной видимости, частоты обращения

к аудитории, оперативности ответа и способности поддерживать устойчивый контакт. Институциональный статус сохраняет значение, но рядом с ним выдвигаются иные основания признания: цифровая компетентность, понятность высказывания, регулярность присутствия, умение говорить в платформенном режиме без утраты конфессиональной нормы. В результате церковная и общинная коммуникация постепенно смещается от модели редкого вертикального обращения к модели повторяющегося сетевого сопровождения верующего [1; 3; 6; 10].

Отдельный пласт трансформаций связан с жанром проповеди. В сетевой форме проповедь перестает существовать лишь как локальное устное высказывание внутри богослужебного пространства. Она получает видеозапись, монтажную структуру, краткий формат, заголовочную упаковку, возможность многократного просмотра, комментирования и пересылки. За счет такой перестройки религиозное обращение подчиняется нормам цифрового медиадискурса: возрастает плотность речевого воздействия, усиливается значение интонационной и визуальной подачи, а диалог с аудиторией смещается в комментарии, реакции и повторное распространение сообщения. Проповедь при таком устройстве становится частью более широкой медиасреды, где духовное слово функционирует наряду с иными форматами сетевого контента [5; 10].

Сходные процессы прослеживаются в изучении исламской среды и в сравнительных работах по православию и исламу. Виртуальное пространство поддерживает религиозное обучение, повседневное консультирование, формирование символической общности и трансрегиональные связи верующих. Для ислама цифровая среда особенно заметно работает как способ удержания распределенной религиозной сети, где обучение, наставничество и идентификационные практики выходят за пределы локальной общины. Сравнительный материал по России показывает, что различия между православием и исламом не отменяют общего вектора: религиозная жизнь все теснее соединяется с сетевой циркуляцией текстов, образов, рекомендаций и форм участия, причем граница между религиозным сообщением и его медиальной упаковкой становится менее жесткой [2; 9; 10].

Постпандемийная цифровая религиозность усилила значение доверия и стиля обращения. Так, молодежная аудитория более положительно реагирует на религиозную коммуникацию в тех случаях, когда сообщение строится без назидательной интонации, сохраняет персональный тон и допускает ощущение доступности духовного лица. Отсюда вытекает сдвиг в устройстве авторитета: признание связывается не только с официальным статусом, но и с характером сетевого присутствия. Цифровая среда при таком раскладе перераспределяет каналы признания, поскольку верующий соприкасается не с абстрактным институтом, а с конкретным медийно оформленным образом религиозного актора [1; 3].

Цифровизация затрагивает и экономико-коммуникативную сторону религиозной жизни. Исследование цифровых пожертвований показывает, что финансовое участие верующего все теснее связывается с удаленными интерфейсами, быстрым платежом и асинхронным включением в религиозную практику. Здесь меняется сам режим участия: жертвователь входит в религиозное взаимодействие без физического присутствия в храме, а акт пожертвования перестает быть строго привязанным к общинному собранию. Вместе с удобством усиливаются вопросы доверия, прозрачности, легитимности цифровых посредников и нормативного оформления новых форм участия [4; 7].

Собранный материал подводит к еще одному положению: цифровое религиозное пространство нельзя описывать как однородную среду. Часть сетевых форм продлевает общинную жизнь и поддерживает устойчивую принадлежность, другая часть создает символическую имитацию религиозного участия, лишенную глубокой включенности. По этой причине аналитика цифровой религии требует различать продолжение общины в сети, частичную замену офлайн-практик и медиальный суррогат, где религиозное содержание сохраняет внешнюю форму, но теряет плотность коллективной связи. Именно данное различение придает исследованию цифровизации религиозного пространства теоретическую точность [6–8].

Обсуждение

Анализ научных изысканий на интересующую нас тематику показывает неоднородность исследовательского поля. Философские работы сосредоточены на переустройстве религиозного пространства и изменении форм присутствия, социологические тексты – на доверии, молодежной аудитории и институциональной адаптации, медиалингвистические публикации – на жанровой перестройке религиозного высказывания. При сопоставлении этих линий становится заметно, что цифровизация религии уже не сводится к теме «религия в интернете». Речь идет о более глубоком сдвиге, где меняется порядок производства религиозного сообщения, его адресация, темп циркуляции и критерии признания.

Сопоставление источников приводит к выводу о двойственном характере цифровой трансформации. С одной стороны, сетевые платформы расширяют доступ к религиозному знанию, поддерживают связь на расстоянии, помогают религиозным организациям удерживать контакт с верующими и открывают новые жанры общения. С другой стороны, те же процессы усиливают зависимость религиозной коммуникации от медийных правил: от алгоритмов распространения, логики визуальной привлекательности, краткости, повторяемости и постоянной реакции аудитории. Вследствие такого смещения религиозный авторитет перестает опираться лишь на должность, сан или институциональную иерархию; его признание все заметнее связывается с успешностью цифрового присутствия.

Существенное расхождение между работами проходит по линии трактовки онлайн-религиозности. Одна группа исследователей склонна видеть в сети продолжение общины и новую форму религиозной связи. Другая подчеркивает опасность подмены плотного религиозного участия его медиальным аналогом. Для аналитики коммуникативных практик продуктивнее не противопоставлять указанные позиции жестко, а рассматривать их как разные режимы одной среды. Одна и та же платформа способна поддерживать регулярное общинное участие, служить каналом просвещения, либо превращать религиозное содержание в эпизод потребления.

Ограничения применимости полученных выводов связаны с самим составом используемой нами литературы. Последний сосредоточен прежде всего на православии и исламе, причем значительная часть текстов обращена к молодежной аудитории, постпандемийному периоду либо отдельным платформам. Недостаточно разработаны межконфессиональные сопоставления, длительные наблюдения за изменением доверия, механизмы алгоритмической фильтрации религиозного контента, влияние платформенной модерации на религиозное высказывание и повседневные практики пользователей вне официальных аккаунтов религиозных организаций. Слабо разработан и вопрос о том, где проходит граница между цифровой доступностью религиозной жизни и ослаблением внутренней общинной связности.

Исследовательская лакуна просматривается и в соединении институционального, языкового и пользовательского уровней анализа. Один корпус работ изучает медийную стратегию религиозных организаций, другой – философию цифрового религиозного пространства, третий – отдельные жанры и практики. Между ними пока нет достаточно плотной связки, позволяющей одновременно проследить трансформацию института, формата высказывания и способов восприятия со стороны аудитории. Для дальнейшей разработки темы продуктивным выглядит именно такой синтетический ход.

Заключение

Проведенный анализ показал, что цифровизация перестраивает религиозное пространство как систему коммуникаций: территориально закрепленная модель уступает место гибридной среде, где офлайн-практики тесно переплетены с платформенным общением, визуальной доступностью и регулярным сетевым контактом.

Рассмотрение проповеди, общинного взаимодействия, доверия, идентификационных практик и пожертвований позволило установить, что цифровая религиозность меняет не один канал передачи содержания, а сам порядок участия. Проповедь приобретает черты медиажанра, община получает распределенную форму, доверие связывается с характером цифрового присутствия, а финансовое участие выходит за пределы храмового пространства.

Сопоставление источников дало основание заключить, что цифровизация меняет соотношение институционального авторитета и сетевой видимости. При сохранении значения религиозного института усиливается зависимость признания от медийной доступности, стиля обращения и устойчивости обратной связи. Одновременно сохраняется напряжение между продолжением общины в сети и ее символическим суррогатом, что придает теме цифровизации религиозного пространства длительную исследовательскую перспективу.

Литература

1. Гузельбаева Г.Я. Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 4. С. 620–637. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637.

2. Дмитриева Е.Л. Религия в России в эпоху цифровизации (на примере православия и ислама) // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 2 (328). С. 129–136. DOI: 10.31249/rimm/2023.02.10.

3. Коваленко В.Д. Институциональный подход исследования медиатизации религии: опыт применения к современному православию // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 33–48. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-3.

4. Котляров И.Д. Проблемы использования цифровых технологий при совершении пожертвований в Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2024. № 4. С. 117–128. DOI: 10.47132/1814-5574_2024_4_117.

5. Милетова Е.В. Интернет-проповедь как новый формат религиозной коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024. № 2. С. 82–93. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-82-93.

6. Нимяев Э.А. Место религии в системе цифровых коммуникаций: «пространство для сообщества» и цифровой религиозный суррогат // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 171–183. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_171.

7. Нимяев Э.А. Преодоление методологических ловушек в исследовании цифровой религии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2024. № 3. С. 227–240. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_227.

8. Фомина М.Н., Эмих Н.А. Цифровизация религиозного пространства: философский взгляд на проблему // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 116–123. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.43.116.

9. Хабибуллина З.Р. Виртуальный ислам: основные этапы становления, формы проявления и трансформация традиционных укладов мусульман // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 4. С. 604–619. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.604-619.

10. Чеснова Е.Н. Религия онлайн: новые практики и феномены // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2023. № 4 (48). С. 68–82. DOI: 10.22405/2304-4772-2023-1-4-68-82.

DIGITALIZATION OF RELIGIOUS SPACE: TRANSFORMATIONS OF COMMUNICATION PRACTICES

Danilov V.L., Gorbunova K.A.
Dostoevsky Omsk State University

This article examines the digitalization of religious space and shifts in the communication practices of believers, religious organizations, and spiritual leaders in the online environment. The topic is relevant given the accelerated shift of preaching, educational work, community interaction, and donations to digital platforms. The scientific novelty lies in examining the digital environment not as an external technical channel but as one that restructures the order of religious communication, regimes of authority, and community boundaries. The aim of this study is to identify the directions of transformation of religious communication under the influence of digitalization. The methodological basis is formed by an analysis of scientific publications, a comparison of research approaches, a classification of forms of online religiosity, logical-analytical interpretation, and generalization. The source base consists of recent Russian-language studies on the mediatization of Orthodoxy, the virtualization of Islam, online preaching, digital donations, youth perceptions of religion, and problems in digital religion methodology. The analytical section explores changes in the status of religious authority, participation structures, preaching formats, community connections, and trust practices. The resulting propositions are applicable to religious studies, sociology, and media communications research.

Keywords: digitalization of religion, religious communication, mediatization of religion, online religiosity, online preaching, digital donations, religious identity, virtual Islam, digital Orthodoxy, platform environment.

References

1. Guzelbaeva, G.Ya. “Digitalization of the Religious Sphere, Trust in Spiritual Leaders, and Attitudes Toward Religious Organizations in the Post-Pandemic Context: A Young People’s Perspective” // Historical Ethnology. 2024. Vol. 9, No. 4. Pp. 620–637. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637.

2. Dmitrieva, E.L. “Religion in Russia in the Age of Digitalization (Based on Orthodoxy and Islam)” // Russia and the Muslim World: Scientific Information Journal. 2023. No. 2 (328). Pp. 129–136. DOI: 10.31249/rimm/2023.02.10.

3. Kovalenko, V.D. An Institutional Approach to the Study of the Mediatization of Religion: An Application to Modern Orthodoxy // Research Result. Sociology and Management. 2025. Vol. 11, No. 2. Pp. 33–48. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-3.

4. Kotlyarov I.D. Problems of Using Digital Technologies when Making Donations in the Russian Orthodox Church // Christian Reading. 2024. No. 4. Pp. 117–128. DOI: 10.47132/1814-5574_2024_4_117.

5. Miletova E.V. Online Sermon as a New Format of Religious Communication // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2024. No. 2. Pp. 82–93. DOI: 10.29025/2079-6021-2024-2-82-93.

6. Nimyaev, E.A. The Place of Religion in the System of Digital Communications: “Space for Community” and a Digital Religious Surrogate // Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University. 2023. No. 3. Pp. 171–183. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_171.

7. Nimyaev, E.A. Overcoming Methodological Pitfalls in the Study of Digital Religion // Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University. 2024. No. 3. Pp. 227–240. DOI: 10.35231/18186653_2024_3_227.

8. Fomina, M.N., Emikh, N.A. “Digitalization of Religious Space: A Philosophical View of the Problem.” Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2023. Vol. 43. Pp. 116–123. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.43.116.

9. Khabibullina, Z.R. “Virtual Islam: The Main Stages of Formation, Forms of Manifestation, and Transformation of Traditional Muslim Ways of Life.” Historical Ethnology. 2024. Vol. 9, No. 4. Pp. 604–619. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.604-619.

10. Chesnova, E.N. “Religion Online: New Practices and Phenomena.” Humanitarian Gazette of TSPU. L.N. Tolstoy. 2023. No. 4 (48). P. 68–82. DOI: 10.22405/2304-4772-2023-1-4-68-82.

Политика памяти в действии: образы прошлого в политическом пространстве России

Жуков Владислав Николаевич,
аспирант 3-го года обучения, кафедра государственного управления, Луганский государственный университет имени Владимира Даля
E-mail: nikolaich1000@mail.ru

Статья посвящена исследованию политики памяти как совокупности практик политической репрезентации прошлого в современном российском публичном пространстве. Актуальность темы связана с усилением значения исторических образов в формировании национальной идентичности, легитимации политических решений, региональной самоидентификации и межпоколенческой передаче представлений о прошлом. Научная новизна работы состоит в рассмотрении политики памяти не как набора памятных дат и символов, а как действующего механизма отбора, закрепления и публичного продвижения исторических смыслов. Цель статьи – определить, каким образом образы прошлого функционируют в политическом пространстве России. Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитический метод и синтез. Источниковую базу составили современные русскоязычные исследования по политике памяти, региональной мемориальной культуре, национальной идентичности и цифровым формам коммеморации. В аналитической части рассмотрены институциональный, региональный, символический, поколенческий и цифровой уровни политики памяти. Результаты полезны для подготовки исследований по политологии, социологии памяти и современной российской идентичности.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, образы прошлого, политическое пространство России, национальная идентичность, региональная память, коммеморация, мемориальная культура, цифровая память, символическая политика.

Введение

Политика памяти занимает заметное место в современном российском политическом пространстве, поскольку обращение к прошлому участвует в конструировании коллективных представлений о государстве, обществе, исторической преемственности и допустимых границах публичной интерпретации истории. Исторические образы получают политическое значение тогда, когда они выходят за пределы академического знания и начинают работать в речах политических лидеров, памятных датах, образовательных программах, музейных экспозициях, региональных проектах, медийных сообществах и цифровых практиках. В таких условиях прошлое не сводится к объекту описания; оно становится ресурсом публичного самоопределения и инструментом согласования представлений о настоящем.

Актуальность темы связана с тем, что российская политика памяти развивается в поле нескольких напряжений: между федеральной и региональной оптикой прошлого, между официальной интерпретацией и локальными версиями памяти, между поколенческими различиями восприятия истории, между традиционными коммеморативными практиками и цифровыми форматами передачи исторических смыслов. Для политологического анализа принципиальное значение имеет не простая фиксация памятных образов, а выявление механизмов, через которые прошлое приобретает нормативное, символическое и мобилизационное значение.

Цель исследования – раскрыть способы функционирования образов прошлого в политическом пространстве России через анализ современных научных подходов к политике памяти.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Определить основные исследовательские подходы к пониманию политики памяти в современной России.

2. Выявить уровни и механизмы политической репрезентации прошлого в федеральном, региональном, символическом, поколенческом и цифровом измерениях.

3. Оценить ограничения действующих интерпретаций политики памяти и обозначить исследовательские лакуны, связанные с анализом образов прошлого в российском политическом пространстве.

Научная новизна статьи состоит в аналитическом соединении нескольких линий изучения политики памяти: государственной стратегии, региональной мемориальной культуры, символических образов прошлого, поколенческих различий и цифровых технологий. Такой ракурс позволяет рассматривать политику памяти как динамичную систему практик, где прошлое приобретает политическое значение через отбор событий, закрепление символов, институциональное оформление и публичное воспроизводство.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили современные русскоязычные научные работы, раскрывающие разные линии анализа политики памяти. Д.А. Аникин [1] рассматривает региональную память как методологическую проблему и обращает внимание на сложность картографирования локальных мемориальных практик. И.М. Арутюнян [2] исследует поколенческие различия в восприятии исторических событий и влияние новых технологий на передачу памяти. Ю.Ю. Грядунов и Д.Л. Цыбаков [3] анализируют политику памяти в связи с защитой традиционных ценностей, символическим потенциалом Великой Отечественной войны и многоуровневой системой субъектов мемориальной политики. Д.В. Ефременко [4] связывает российскую идентичность с новой конфигурацией политики памяти на рубеже 2010–2020-х гг. М.В. Кирчанов [5] раскрывает региональную политику памяти через акторов, направления и перспективы развития мемориальной культуры. О.Ю. Малинова, А.И. Миллер и К.А. Пахалюк [6] предлагают исследовательскую рамку для изучения регионального измерения политики памяти, включая взаимодействие локальных и федеральных акторов. А.В. Нефедьев и А.Ю. Соклаков [7] дают характеристику политики памяти в современной России как направления, связанного с историческим сознанием и государственными практиками обращения к прошлому. О.Ф. Русакова [8] исследует дискурс государственной политики памяти в связи с формированием национальной идентичности. Н.В. Смулькина и Н.Н. Рогач [9] анализируют символическое измерение образов прошлого, настоящего и будущего России. В.В. Титов [10] обосновывает направления

модернизации государственной политики памяти и рассматривает ее связь с политикой идентичности.

Методологическую основу составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, обобщение, классификация, логико-аналитический анализ и синтез. Анализ публикаций использован для выделения исследовательских позиций; сравнительный метод – для сопоставления федеральной, региональной, символической, поколенческой и цифровой линий; классификация – для группировки механизмов политики памяти; синтез – для построения целостной аналитической модели функционирования образов прошлого в политическом пространстве России.

Результаты

Современное изучение политики памяти в России строится вокруг признания того, что прошлое входит в политическое пространство через специально организованные формы репрезентации. В региональной проекции данная проблема усложняется, поскольку память не существует как единый массив образов, равномерно распределенных по территории страны. Д.А. Аникин показывает, что региональная память требует картографирования локальных практик, мест памяти, темпоральных режимов и способов осмысления прошлого на уровне конкретных территорий [1]. Следовательно, политика памяти в России действует не как однородная вертикаль, а как поле согласования между общегосударственными символами и локальными историческими сюжетами.

Поколенческая линия придает политике памяти дополнительную напряженность. И.М. Арутюнян связывает восприятие исторических событий с конфликтом поколений и новыми технологиями, через которые меняются способы хранения, передачи и публичной переработки прошлого [2]. В данной оптике историческая память перестает зависеть только от школьного курса, памятных дат и официальных церемоний. На нее воздействуют социальные сети, видеоплатформы, блогосфера, короткие медиатексты и цифровые сообщества. Политическое пространство тем самым расширяется: образы прошлого циркулируют не только через государственные институты, но и через пользовательские формы коммуникации, где устойчивые исторические интерпретации конкурируют с фрагментарными, эмоционально насыщенными и визуально упрощенными версиями истории.

Государственная линия политики памяти связана с закреплением исторических образов, имеющих нормативное и ценностное значение. Ю.Ю. Грядунов и Д.Л. Цыбаков рассматривают политику памяти как часть государственной стратегии защиты традиционных ценностей, уделяя внимание символическому потенциалу Великой Отечественной войны, Дня Победы, Георгиевской ленты и акции «Бессмертный полк» [3]. В политическом пространстве России данные символы функционируют как средства публичного выражения преемственности, коллективной солидарности и принадлежности к исторической общности. Их значение определяется не только содержанием самого исторического события, но и способом институционального воспроизводства: через образование, медиа, общественные акции, музейные практики, государственные церемонии.

Д.В. Ефременко рассматривает российскую идентичность и политику памяти на новой исторической развилке, связывая изменения рубежа 2010–2020-х гг. с перестройкой мнемонических сил и внешних условий [4]. Для анализа политического пространства России данный подход особенно продуктивен: он позволяет увидеть политику памяти как подвижный механизм, реагирующий на изменение международной обстановки, внутренней консолидации, символической конкуренции и запроса на уверенность в собственном историческом прошлом. Прошлое здесь не хранится в неизменной форме, а проходит через переоценку, отбор и усиление тех сюжетов, которые соответствуют потребностям текущей политической самоидентификации.

Региональный уровень политики памяти раскрывает неоднородность российского мемориального пространства. М.В. Кирчанов анализирует региональную политику памяти России через акторов, направления и перспективы развития мемориальной культуры [5]. В данном случае прошлое получает значение через работу региональных органов власти, местных элит, музеев, образовательных учреждений, общественных объединений и медиа. Региональная политика памяти не сводится к воспроизведению федерального набора символов. Она адаптирует общенациональные сюжеты к местной исторической фактуре, выбирает собственные памятные даты, героев, места и конфликтные зоны памяти.

О.Ю. Малинова, А.И. Миллер и К.А. Пахалюк предлагают более широкую рамку для изучения регионального измерения политики памяти в России, где предметом анализа становятся тематический репертуар, взаимодействие локальных и федеральных акторов, географические рамки исследования и трансрегиональные связи [6]. Такая постановка вопроса уточняет структуру политики памяти: федеральный центр задает символические ориентиры, но регионы перерабатывают их через собственный исторический опыт. В результате политическое пространство России сохраняет общие мемориальные координаты, но внутри них действует множество локальных конфигураций прошлого.

А.В. Нефедьев и А.Ю. Соклаков связывают политику памяти в современной России с государственными практиками обращения к историческому прошлому и проблемами исторического сознания [7]. Данный подход позволяет выделить институциональное измерение политики памяти: памятные даты, образовательные стандарты, публичные заявления, правовые нормы, музейные проекты и коммеморативные мероприятия формируют устойчивый набор каналов, через которые прошлое входит в общественную жизнь. Политическое значение таких каналов определяется тем, что они закрепляют допустимые рамки интерпретации исторических событий и создают повторяемые формы коллективного участия.

О.Ф. Русакова рассматривает дискурс государственной политики памяти через его связь с дискурсом национальной идентичности, ценностными и символическими компонентами, образами Великой Победы и официальными политическими источниками [8]. В этой логике политика памяти действует как способ связывания прошлого с представлением о коллективном «мы». Исторические образы работают не изолированно: они получают смысл через включение в более широкий дискурс идентичности, где прошлое задает язык преемственности, достоинства, жертвенности, победы, исторической ответственности и культурной самостоятельности.

Символическое измерение образов прошлого подробно раскрыто в исследовании Н.В. Смулькиной и Н.Н. Рогача, где прошлое, настоящее и будущее России рассматриваются как взаимосвязанные элементы политического восприятия [9]. Для политики памяти данное положение принципиально: образы прошлого не замыкаются на ретроспективном описании, а участвуют в формировании представлений о будущем. Если исторический образ получает положительную символическую нагрузку, он задает модель преемственности; если образ травматизирован или конфликтен, он формирует запрос на преодоление, восстановление или переоценку. Политическое пространство при таком подходе предстает как среда, где прошлое постоянно соотносится с проектами будущего.

В.В. Титов обращается к направлениям модернизации государственной политики памяти в России, связывая их с задачами обновления политики идентичности [10]. Данная линия важна для понимания управленческого измерения темы. Политика памяти нуждается в согласовании институциональных практик, образовательных механизмов, публичной коммуникации и региональной специфики. Без подобного согласования государственная репрезентация прошлого рискует остаться набором отдельных символических акций, слабо связанных между собой. Модернизация в данном случае означает переход от эпизодической коммеморации к более связной системе работы с историческими образами.

Сопоставление рассмотренных источников позволяет выделить пять уровней функционирования политики памяти в России. Первый уровень – институциональный: государство, образовательные структуры, музеи, правовые нормы и публичные церемонии закрепляют устойчивые формы обращения к прошлому. Второй уровень – региональный: субъекты Федерации и локальные сообщества адаптируют общенациональные сюжеты к собственной исторической памяти. Третий уровень – символический: отдельные события, фигуры и даты приобретают значение знаков коллективной идентичности. Четвертый уровень – поколенческий: разные возрастные группы воспринимают исторические образы через отличающиеся каналы социализации. Пятый уровень – цифровой: социальные сети и медиаплатформы ускоряют циркуляцию исторических интерпретаций и делают их менее зависимыми от традиционных институтов.

В результате политика памяти в политическом пространстве России действует как система отбора и актуализации прошлого. Ее предметом становятся не все исторические события, а те образы, которые получают общественную узнаваемость, институциональную поддержку и способность участвовать в формировании коллективных смыслов. При этом образы прошлого не существуют сами по себе: они соединяются с политическим языком, образовательной практикой, региональной идентичностью, цифровой коммуникацией и публичной символикой. Именно в этом соединении прошлое приобретает действующий политический характер.

Обсуждение

Полученные положения показывают, что политика памяти в России не поддается описанию через единственный центр принятия решений или через простой набор памятных символов. Ее структура многослойна. Государственные институты задают нормативную рамку и закрепляют наиболее значимые исторические сюжеты, но реальное функционирование памяти зависит от региональных интерпретаций, локальных

акторов, поколенческих различий и цифровых каналов распространения исторических образов.

Сопоставление исследовательских подходов выявляет различие между институциональным и социокультурным пониманием политики памяти. В первом случае внимание сосредоточено на государстве, правовых и образовательных механизмах, официальных церемониях, символах Победы, практиках патриотического воспитания. Во втором случае центр анализа переносится на множественность участников: регионы, местные сообщества, музеи, общественные движения, цифровые платформы, семейные и поколенческие формы памяти.

Особую сложность создает региональная неоднородность России. Федеральный набор исторических символов обеспечивает общую рамку, но регионы наполняют ее собственным материалом. В одних случаях локальная память усиливает общенациональную линию; в других – выводит на поверхность сюжеты, связанные с этнической, конфессиональной, пограничной или травматической историей. Поэтому исследование политики памяти без регионального измерения неизбежно упрощает картину и оставляет вне анализа значительную часть мемориальных практик.

Цифровизация меняет саму скорость обращения с прошлым. Традиционная политика памяти опиралась на устойчивые формы: учебник, музей, памятник, официальную дату, торжественную речь. Цифровая среда порождает короткие, визуальные, эмоциональные и быстро распространяющиеся формы исторической интерпретации. Здесь прошлое часто воспринимается через фрагмент, мем, видеонарезку, персональный рассказ или полемический пост. Такое изменение требует иной исследовательской оптики: анализу подлежит не только содержание исторического образа, но и способ его распространения, аудитория, эмоциональная форма подачи, алгоритмическая видимость.

Ограничение действующих подходов состоит в том, что многие исследования концентрируются либо на государственной линии, либо на отдельных региональных практиках, либо на символическом анализе образов прошлого. Меньше разработана проблема взаимодействия этих уровней. Между тем политическое значение образа прошлого возникает именно на пересечении институционального закрепления, регионального присвоения, медийного обращения и поколенческого восприятия.

Еще одна лакуна связана с измерением эффективности политики памяти. Научные работы подробно описывают акторов, символы, дискурсы и практики, но значительно реже отвечают на вопрос, насколько данные практики меняют устойчивые представления граждан о прошлом. Для решения этой задачи нужны междисциплинарные исследования, соединяющие политологический анализ, социологические данные, психологию восприятия, медиакоммуникацию и региональные кейсы.

Политика памяти в России обладает высокой степенью нормативной насыщенности. Она обращается к сюжетам, связанным с победой, жертвой, преемственностью, исторической справедливостью, культурной самостоятельностью, национальным достоинством. Такое содержание усиливает ее интегративный потенциал, но одновременно повышает конфликтность интерпретаций. Чем выше символическая ценность исторического события, тем больше вероятность борьбы за право его толкования. Поэтому политика памяти всегда работает в зоне напряжения между консолидацией и конкуренцией интерпретаций.

Заключение

Установлено, что современные исследования политики памяти в России развиваются в нескольких направлениях: государственно-институциональном, региональном, символическом, поколенческом и цифровом. Эти подходы позволяют рассматривать прошлое как предмет политической репрезентации, а не как нейтральный исторический материал.

Выявлены основные уровни и механизмы функционирования образов прошлого. Институциональный уровень закрепляет исторические смыслы через государственные практики, образование, музеи, публичные церемонии и правовые нормы. Региональный уровень адаптирует общенациональные сюжеты к локальной истории. Символический уровень связывает отдельные события и фигуры с коллективной идентичностью. Поколенческий уровень показывает различия в восприятии прошлого. Цифровой уровень ускоряет распространение исторических интерпретаций и меняет формы их публичного потребления.

Определены ограничения исследовательского поля. Наиболее заметная лакуна связана с недостаточной разработанностью связей между федеральной политикой памяти, региональными практиками, цифровой коммуникацией и реальным восприятием исторических образов различными социальными группами. Дальнейшее изучение темы требует перехода от описания отдельных символов и практик к анализу их взаимодействия в политическом пространстве России.

Литература

1. Аникин Д.А. Память региона в современной России: проблемы картографирования и осмысления // Новое прошлое. 2023. № 2. С. 168–177. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-168-177.

2. Арутюнян И.М. Политика памяти в России: конфликт поколений и новые технологии // Universum: общественные науки. 2025. № 5 (120). С. 25–29.

3. Грядунов Ю.Ю., Цыбаков Д.Л. Политика памяти как компонент государственной стратегии защиты традиционных ценностей // Социально-политические науки. 2025. Т. 15. № 4. С. 155–164. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-155-164.

4. Ефременко Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. Российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. 2023. № 2. С. 15–45.

5. Кирчанов М.В. Региональная «политика памяти» России: акторы, направления, перспективы развития мемориальной культуры // PolitBook. 2022. № 1. С. 24–54.

6. Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 112–136. DOI: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136.

7. Нефедьев А.В., Соклаков А.Ю. Политика памяти в современной России // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2022. Вып. 4 (849). С. 87–93. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_87.

8. Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 32–51. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.

9. Смулькина Н.В., Рогач Н.Н. Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 89–106.

10. Титов В.В. К вопросу о направлениях модернизации государственной политики памяти в России // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8 (109). С. 23–27. DOI: 10.24158/pep.2022.8.3.

MEMORY POLITICS IN ACTION: IMAGES OF THE PAST IN RUSSIA'S POLITICAL SPACE

Zhukov V.N.
Vladimir Dahl Luhansk State University

This article examines the politics of memory as a set of practices of political representation of the past in contemporary Russian public space. The relevance of this topic is linked to the increasing importance of historical images in shaping national identity, legitimizing political decisions, regional self-identification, and the intergenerational transmission of ideas about the past. The scientific novelty of this work lies in its examination of memory politics not as a set of commemorative dates and symbols, but as an active mechanism for the selection, consolidation, and public promotion of historical meanings. The aim of this article is to determine how images of the past function in Russia's political space. This article utilizes an analysis of scholarly publications, comparative analysis, classification, logical-analytical methods, and synthesis. The source base consists of contemporary Russian-language studies on memory politics, regional memorial culture, national identity, and digital forms of commemoration. The analytical section examines the institutional, regional, symbolic, generational, and digital levels of memory politics. The results are useful for research in political science, the sociology of memory, and contemporary Russian identity.

Keywords: memory politics, historical memory, images of the past, Russian political space, national identity, regional memory, commemoration, memorial culture, digital memory, symbolic politics.

References

1. Anikin, D.A. "Regional Memory in Contemporary Russia: Problems of Mapping and Understanding" // New History. 2023. No. 2. Pp. 168–177. DOI: 10.18522/2500-3224-2023-2-168-177.

2. Arutyunyan, I.M. "The Politics of Memory in Russia: Generational Conflict and New Technologies" // Universum: Social Sciences. 2025. No. 5 (120). Pp. 25–29.

3. Gryadunov, Yu.Yu., Tsybakov, D.L. "The Politics of Memory as a Component of the State Strategy for the Protection of Traditional Values" // Social and Political Sciences. 2025. Vol. 15. No. 4. Pp. 155–164. DOI: 10.33693/2223-0092-2025-15-4-155-164.

4. Efremenko D.V. Gaining Confidence in One's Own Past. Russian Identity and Memory Politics at a New Historical Crossroads // Political Science. 2023. No. 2. Pp. 15–45.

5. Kirchanov M.V. Regional "Memory Politics" of Russia: Actors, Directions, and Prospects for the Development of Memorial Culture // PolitBook. 2022. No. 1. Pp. 24–54.

6. Malinova O.Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. Regional Aspect of Memory Politics in Russia // New Past. 2022. No. 2. Pp. 112–136. DOI: 10.18522/2500-3224-2022-2-112-136.

7. Nefedyev A.V., Soklakov A. Yu. Memory Policy in Contemporary Russia // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2022. Issue 4 (849). Pp. 87–93. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_4_849_87.

8. Rusakova O.F. The Discourse of State Memory Policy as a Factor in the Formation of National Identity in Contemporary Russia // Discourse-Pi. 2023. Vol. 20. No. 2. Pp. 32–51. DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32.

9. Smul'kina N.V., Rogach N.N. Images of Russia's Past, Present, and Future: The Symbolic Dimension // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2022. No. 5. Pp. 89–106.

10. Titov V.V. On the Issue of Directions for Modernizing State Memory Policy in Russia // Society: Politics, Economics, Law. 2022. No. 8 (109). Pp. 23–27. DOI: 10.24158/pep.2022.8.3.

Исскуственный интеллект как инструмент манипуляции общественным сознанием

Зайцев Виталий Юрьевич,
аспирант, АНО ВО «Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
E-mail: vitvolga7226@mail.ru

В статье исследуются современные тенденции использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в качестве инструмента манипуляции общественным сознанием в современных условиях информационного взаимодействия. Сегодня ИИ является одним из ключевых факторов, стимулирующих изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере политики. Но влияние ИИ далеко не всегда демонстрирует положительные результаты. Стремительное развитие ИИ-технологий и их активное внедрение в информационное пространство значительно усиливает возможности политических манипуляций, создавая новые риски для демократических процессов и информационной безопасности. Поэтому тема манипуляций общественным сознанием с использованием ИИ на сегодняшний день является особенно актуальной.

Анализ многочисленных источников показывает, что тема манипуляции с помощью искусственного интеллекта активно исследуется, но из-за быстроты развития ИИ её полная разработанность ещё не достигнута.

Цель статьи – проанализировать значение и возможности искусственного интеллекта в качестве инструмента манипуляционного воздействия на политическое сознание населения России, выявить механизмы и каналы воздействия ИИ на общественное мнение, оценить возможные способы противодействия политическому манипулированию в современных условиях и сформулировать рекомендации, позволяющие выработать комплексную политику противодействия технологиям политического манипулирования ИИ для минимизации рисков воздействия на политическое сознание масс, а также предложить направления противодействия потенциальным угрозам.

В статье автор приводит результаты анализа данных фокус-групп о восприятии дипфейков представителями разных социальных и возрастных групп населения, выявляет их отношение к манипулятивным практикам и восприятию дипфейков.

Методологическую основу исследования составили методы контент – анализа, дискурс-анализа, сравнительного анализа, а также принципы политической психологии и социологии массовых коммуникаций.

В результате исследования был сделан вывод, что люди, не зависимо от возраста и своей принадлежности к любой из социальных групп, могут испытывать сложности с распознаванием дипфейков. Это обусловлено сочетанием технологических, психологических и социальных факторов. Однако развитие навыков критического мышления, медиаграмотности и использование инструментов проверки информации позволяют значительно повысить устойчивость к дезинформации.

Полученные выводы могут быть использованы в практике политического консультирования, при разработке образовательных программ по медиаграмотности населения, разработке мер по повышению информационной грамотности населения, а также в дальнейших научных исследованиях по политической коммуникации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, манипуляция общественным сознанием, «цифровые персоны», киберсимулякры, алгоритмическое таргетирование, дипфейк.

Автором термина «искусственный интеллект» (artificial intelligence) принято считать Джона Маккарти (1956). По его мнению, искусственный интеллект – это наука и инженерия создания машин, которые выполняют задачи, требующие интеллектуальных усилий человека, обладающих способностью к обучению, решению задач и улучшению собственной производительности. Это наука и техника создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ, ИИ связан с задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но не ограничен биологически наблюдаемыми методами [10]. Питер Уинстон (1992) считал, что искусственный интеллект представляет собой «область, изучающую компьютерные технологии, которые делают возможным восприятие, рассуждения и действия машин на их основе» [9]. Нильс Джон Нильссон (2010) дал такое определение искусственному интеллекту: «это деятельность, направленная на создание интеллектуальных машин, а интеллект – это качество, которое позволяет объекту функционировать в окружающей среде надлежащим образом и с предвидением» [11].

Важно отметить, что и на сегодняшний день специалисты из различных областей знаний смотрят на ИИ в рамках своей дисциплины и дают определение этому понятию, отвечающее поставленным задачам. Так, например, Е.В. Соломонов в своей статье «Понятие и признаки искусственного интеллекта» даёт такое определение ИИ: «Искусственный интеллект – это автономная система (технологическое решение), обладающая способностью к обучению, самообучению и самосовершенствованию, осуществляющая самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющая признаки разумного поведения – возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения (высокая вероятность совершения действий, не предусмотренных создателем или программистом изначально), достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения» [8]. А.В. Соколов, А.А. Фролов, П.А. Бабаджанян понимают искусственный интеллект как инновационную технологию, способную анализировать большие объемы данных, прогнозировать политические тренды и общественные настроения, а также помогать в принятии решений, что открывает новые возможности для изменения процессов государственного управления, но также создает угрозы (в том числе в виде манипуляции информацией и нарушения приватности) [7, с. 625]. Л. В Денике считает, что искусственный интеллект – это область науки и технологии, занимающаяся созданием систем и программ, выполняющих задачи, аналогично человеческому интеллекту, способные обрабатывать большие объемы данных и автоматизировать процессы, а также адаптироваться к изменениям [3 с. 218]. А.И. Костромитин предлагает такое определение: «Искусственный интеллект – это автономная система, которая обладает способностями к самообучению, поиску и обобщению информации, способная ставить перед собой и решать поставленные задачи вне зависимости от сферы применения, а также без заранее существующего алгоритма» [4]. И.В. Понкин и А.И. Редькина определяют ИИ как «сложную кибернетическую систему, сочетающую компьютерное программное и аппаратное обеспечение с когнитивной функциональной архитектурой и достаточной вычислительной мощностью для выполнения необходимых функций» [6, с. 100]. И.Ю. Пащенко считает искусственный интеллект собирательной категорией, в основе которой заложены информационные технологии, наделенные интеллектуальными свойствами и функциями [5]. Эксперты Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ предложили определение ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. А весной 2026 года Минцифры представило Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Планируемая дата вступления в силу – 1 сентября 2027 года. Закон впервые на федеральном уровне закрепляет юридическое определение искусственного интеллекта как «комплекса технологических решений, позволяющего имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск ре-

шений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [1].

Важно отметить, что в политическом пространстве России в последнее время роль искусственного интеллекта становится всё более заметной. Своё применение он находит в различных сферах политики: в законотворческом процессе, в государственном управлении, в избирательных кампаниях, для анализа общественного мнения, в международных отношениях. Очевидно, что использование алгоритмов и технологий искусственного интеллекта оказывает глубокое влияние на ход политических процессов. Но это влияние может быть не только положительным. Среди негативных аспектов влияния искусственного интеллекта на политические процессы в России стоит выделить: отсутствие прозрачности, усиление предвзятости, проблема подотчётности и ответственности, угроза утечки данных и кибербезопасности, усиление неравенства, зависимость от технологий, снижение роли человека в принятии решений, потеря контроля над ИИ-системами, манипуляция и влияние.

Масштабное внедрение ИИ в сферу политики может сопровождаться попытками манипуляции общественным мнением и выборными процессами. Алгоритмы могут быть использованы для создания и распространения дезинформационных сообщений. Автоматизированные системы могут быть использованы для создания фейковых новостей или для манипуляции общественным мнением через социальные сети. Также одним из механизмов для манипулятивного воздействия искусственного интеллекта на политическое сознание населения является создание «цифровых персон» – искусственно сгенерированных аккаунтов, которые имитируют поведение реальных пользователей. Для создания «цифровых персон» с целью политического манипулирования применяют такие методы, как использование киберсимулякров, создание политических ботов, алгоритмическое таргетирование.

Также искусственный интеллект может быть использован для создания «дипфейков» – фальшивых видео или аудиоматериалов, которые, обладая высокой степенью реалистичности, крайне сложно отличить от реальных. С их помощью можно фабриковать политические скандалы, приписывать политикам несуществующие заявления, инсценировать события, которые никогда не происходили на самом деле. Дипфейки создаются с использованием глубоких нейронных сетей, алгоритм которых после обработки фото, видео и аудиозаписей реального человека может с высокой точностью воспроизвести внешность, манеры, мимику и голос человека. Технологии генерации изображений и голоса в настоящее время достигли такого уровня, что зачастую отличить подделку от оригинала не всегда способны даже опытные специалисты.

Проведённый автором статьи анализ данных фокус-групп о восприятии дипфейков жителями России показал, как разные группы населения воспринимают дипфейки, какие в них видят риски, как это может повлиять на общественное сознание и доверие населения к информации, особенно в политическом контексте и какие стратегии защиты они считают эффективными. В опросе, который представлял собой самостоятельное заполнение онлайн-анкеты, состоящей из вопросов, касающихся осведомлённости опрашиваемых о дипфейках, их реакции на восприятие и доверие к информации, влияния поступающей информации на политические взгляды и поведение, о возможных рисках и угрозах и известных им способах проверки информации и защиты, приняли участие представители разных социальных и возрастных групп (студенты, преподаватели, водители общественного транспорта, работники силовых ведомств, пенсионеры). Данные обработанных анкет представлены в таблицах 1–4.

Таблица 1. Осведомлённость участвующих в опросе о политических дипфейках

Вопросы	Студенты	Преподаватели	Водители	Работники силовых ведомств	Пенсионеры
Слышали ли вы о политических дипфейках?	Слышали. Осознают суть и механизмы работы технологии дипфейков.	Слышали и некоторые даже используют эту тему на занятиях по информатике и обществознанию.	Слышали о дипфейках, но не рассматривали вопрос детально.	Осведомлены об этом на профессиональном уровне. Систематически проходят инструктажи по информационной безопасности.	Много раз слышали об этом термине, но суть этих технологий им до конца не понятна.
В каких источниках вы чаще всего встречаете политические дипфейки?	В соцсетях и мессенджерах	В соцсетях, образовательных ресурсах, новостных каналах, мессенджерах.	В соцсетях, мессенджерах, чатах во-дителей.	В основном в аналитических сводках и специальных каналах.	В мессенджерах и соцсетях.
Оцените по шкале от 1 до 10 (где: 1 – совсем не могу, 10 – всегда могу) свою способность уверенно отличить политический дипфейк от реального видео/аудио	Оценка распознавания: 7–8 из 10, но признают, что качественно сделанный дипфейк сложно распознать.	Оценка распознавания: 6–7 из 10; опираются на критическое мышление и проверку источников.	Оценка распознавания: 4–5 из 10; обращают внимание, если только видят странности в поведении человека на видео.	Оценка распознавания: 7–9 из 10 благодаря обучению и опыту.	Оценка распознавания: 3–4 из 10; в основном полагаются на свою интуицию и «похожесть на правду»

Таблица 2. Восприятие информации участвующими в опросе и доверие к ней

Вопросы	Студенты	Преподаватели	Водители	Работники силовых ведомств	Пенсионеры
Оцените по шкале от 1 до 10 насколько вы доверяете видео с участием политиков без дополнительной проверки	Доверие к видео с политиками 4–5 из 10.	Доверие к видео с политиками 4–5 из 10; но применяют методы критического анализа.	Доверие к видео с политиками 5–6 из 10; оказывают влияние мнения знакомых.	Доверие к видео с политиками 3–4 из 10; все материалы проходят внутреннюю проверку.	Доверие к видео с политиками 6–7 из 10; особенно доверие к видео из «официальных» каналов в мессенджерах.
Повлиял ли когдалибо дипфейк на ваше мнение о какомлибо политическом событии или решении?	Легко меняют мнение после убедительного дипфейка, особенно если он подтверждает их взгляды.	Меняют мнение только после обсуждения с коллегами или экспертами.	Могут изменить мнение, если дипфейк обсуждают клиенты или коллеги.	Мнение не меняется без подтверждения из нескольких источников.	Могут изменить мнение под влиянием дипфейка, если он эмоционально заряжен.
Доверяете ли вы официальным источникам информации при освещении политических событий больше, чем неофициальным источникам?	Невысокое доверие к официальным источникам. Чаще ориентируются на цифровые источники, но и к ним доверие не всегда высокое.	Доверие больше к официальным источникам. Но информацию проверяют через академические издания. Используют критическое мышление.	Доверяют больше убедительной информации, не зависимо от источника, и официальным заявлениям профильных ведомств, например, ГАИ.	Доверяют официальным источникам, закрытым каналам и официальным заявлениям государственных органов.	Доверяют официальным источникам, включая государственные телеканалы и СМИ.

Таблица 3. Влияние дипфейков на политические взгляды и поведение участвующих в опросе

Вопросы	Студенты	Преподаватели	Водители	Работники силовых ведомств	Пенсионеры
Считаете ли вы, что политические дипфейки могут повлиять на результаты выборов? Если да, то каким образом?	Осознают, что дипфейки могут влиять на выборы. Рассылаемые через соцсети поддельные сообщения могут усилить существующие убеждения студента и укрепить его решимость участвовать в выборах в поддержку «своей» партии, ограничивая при этом доступ к альтернативным точкам зрения.	Уверены, что дипфейки манипулируют выборами. Информация об обязательной победе какоголибо кандидата, вне зависимости от исхода голосования, снижает мотивацию участвовать в выборах.	Верят, что дипфейки влияют на результат выборов. Ложные высказывания или действия, приписываемые политическим деятелям, могут изменить отношение к кандидату, повлиять на решение избирателей о голосовании против этой кандидатуры.	Уверены, что дипфейки могут повлиять на результаты выборов. Видят в них инструмент для дестабилизации или распространения дезинформации.	Считают, что дипфейки могут повлиять на выборы, особенно в регионах. Если избирателям показать видео, где их кандидат якобы произносит скандальные фразы или совершает компрометирующие поступки, то они не будут за него голосовать.
Сможет ли какойлибо контент, оказавшийся дипфейком, оказать влияние на ваше решение участвовать/не участвовать в политических акциях, голосованиях?	Если поверят в подлинность дипфейка, например, по поводу несправедливости в образовательной системе, то могут принять участие в протестных акциях, выразить несогласие с ситуацией. Но некоторые студенты могут ограничиться обсуждением ситуации в онлайнгруппах, распространением информации в соцсетях, не переходя к реальным действиям.	Например, дипфейк о заявлении руководства учреждения о сокращении финансирования или зарплат может спровоцировать принять участие в протестных акциях работников образования для защиты своих прав и условий труда.	Могут участвовать в протестах, если дипфейк коснётся несправедливого отношения к водителям.	Их личное поведение не меняется; выполняют приказы независимо от информационного фона.	Могут бойкотировать следующие выборы после дипфейка о «фальсификациях». А могут и принять участие в протестных акциях (если такие будут организованы).

Таблица 4. Риски и угрозы

Вопросы	Студенты	Преподаватели	Водители	Работники силовых ведомств	Пенсионеры
Опасаетесь ли вы, что какиенибудь дипфейки могут быть использованы против вас?	Опасаются дипфейков, связанных с экзаменами и аттестацией, а также дипфейков с компрометирующим контентом, которые распространившись в соцсетях, могут сильно повлиять на их репутацию, сделав их жертвами кибер буллинга.	Опасаются подмены своей личности для распространения недостоверной информации или рекламы, а также использования дипфейков для имитации запросов от своего имени (например, с целью получить от своих учащихся деньги).	Опасаются дипфейков, связанных с дорожнотранспортными происшествиями и юридическими последствиями.	Опасаются поддельных видео со своим участием, которые могут создать ложное впечатление о нарушениях закона или коррупции, а также использования дипфейков для имитации приказов или распоряжений от имени высокопоставленных сотрудников.	Опасаются стать жертвами мошеннических схем с использованием поддельных видео или аудиозаписей с имитацией голоса или внешности своих родственников или знакомых, которым якобы требуется срочная финансовая помощь.
Считаете ли вы, что политические дипфейки представляют угрозу национальной безопасности?	Осведомлены о том, что политические дипфейки могут представлять угрозу национальной безопасности. Часть студентов видят угрозу в дипфейках для свободы слова. А часть студентов не воспринимает политические дипфейки как угрозу национальной безопасности общества и государства.	Осознают угрозу политических дипфейков. Они видят угрозу в искажении истории, в том, как тот или иной контент искажает общественное мнение, подрывает доверие к институтам власти и способствует поляризации общества.	Не связывают политические дипфейки с угрозой национальной безопасности. Видят угрозу в фейках только если они затрагивают их интересы.	Рассматривают политические дипфейки как прямую угрозу национальной безопасности. Сталкиваются с такими угрозами в своей профессиональной деятельности. Хорошо знают о применении дипфейков для дестабилизации общества, вмешательства в выборы, разжигания конфликтов, дискредитации государственных институтов	Не видят связь политических дипфейков с угрозой национальной безопасности. Видят угрозу национальной безопасности в дипфейках о военных.
По вашему мнению, кто наиболее уязвим перед политическими дипфейками: молодёжь, пожилые люди, люди с низким уровнем дохода, другие группы? Почему?	Считают, что уязвимы молодёжь и пожилые люди. Молодёжь не может уделять достаточно внимания проверке информации, особенно если она соответствует их убеждениям, а пожилые не могут хорошо распознавать признаки подделки.	Считают наиболее уязвимыми школьников, студентов и пожилых людей. У пожилых людей недостаточно цифрового опыта, а молодёжь активно использует социальные сети и мессенджеры, где дипфейки распространяются быстрее всего.	Считают уязвимыми коллег с низким уровнем дохода (т.к. они имеют ограниченный доступ к образовательным ресурсам и большую зависимость от непроверенных источников информации) и пожилых людей (эмоциональная уязвимость).	Считают уязвимыми население, не имеющего доступа к проверенной информации.	Считают уязвимыми пожилых (трудности в освоении цифровых технологий) и подростков (как менее опытных в критическом анализе информации, склонны доверять всему, что видят в интернете).

На вопрос «Хотели бы вы получить больше информации о том, как распознавать политические дипфейки?» все респонденты ответили положительно. Студенты хотели бы получить такую информацию в формате коротких видео, которые бы наглядно демонстрировали признаки дипфейков и алгоритмы их обнаружения; работники силовых ведомств выразили желание пройти специализированные учебные курсы в образовательных учреждениях МВД, ФСБ, а также, чтобы была возможность отрабатывать практические навыки на симуляторах, имитирующих реальные ситуации для отработки полученных навыков; остальным опрашиваемым было бы достаточно текстовых инструкций, написанных доступным языком, с кратким списком признаков дипфейков и правил поведения. Все респонденты считают, что с дип-

фейками должно бороться государство в сотрудничестве с технологическими компаниями.

Таким образом, проведённое нами исследование показало, что без специального обучения или технических средств вероятность ошибки остаётся достаточно высокой, особенно при высокой реалистичности дипфейка. Большинство людей, независимо от социального статуса, рискуют принять дипфейк за правду, особенно если контент эмоционально воздействует или подтверждает их убеждения. Очевидно, что наиболее уязвимыми к дезинформации считаются представители старшего возраста – пенсионеры. В силу ограниченного опыта использования цифровых технологий и склонности отдавать предпочтение традиционным медиаисточникам, они не всегда способны критически оценивать вредоносный контент и воспринимают дипфейки как серьёзную угрозу.

Крайне важно понимать, что дипфейки являются мощным инструментом воздействия на политические взгляды и убеждения населения, служат эффективным средством манипуляции общественными настроениями в политической сфере. Широкое распространение дипфейков стирает границы между достоверной информацией и фальсифицированной, это ведёт к снижению общего уровня доверия населения к официальным источникам информации и органам власти. Дипфейки манипулируют эмоциями человека и способны вызвать массовые протесты, усилить поляризацию общества и обострить межнациональные противоречия. Ситуация усугубляется ещё и тем, что технологии генерации подделок постоянно совершенствуются. Поэтому необходимо повышать всеобщую цифровую грамотность населения, разрабатывать и повсеместно внедрять образовательные программы, обучающие распознавать признаки дипфейков и алгоритмы их обнаружения, критически оценивать информацию. Необходимо ужесточить ответственность на законодательном уровне за создание и распространение дипфейков с целью манипуляции общественным мнением. Необходимо обязательно ввести обозначение контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, наладить оперативное взаимодействие цифровых платформ и СМИ для пресечения распространения дипфейков, а при их обнаружении – одновременно размещать официальные опровержения, оказывать поддержку на государственном уровне независимым проектам по проверке достоверности информации и выявлению фейковых сообщений. Таким образом, противодействие дипфейкам требует комплексного системного подхода – от повышения информационной грамотности населения до создания инновационных технологических решений и совершенствования законодательства.

Литература

1. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/ (дата обращения 15.04.2026)

2. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ: использование технологий искусственного интеллекта в России. URL: https://www.itweek.ru/ai/news-company/detail (дата обращения 15.03.2026)

3. Денике Л.В. Сущностные характеристики и исторические этапы формирования искусственного интеллекта // Региональная и отраслевая экономика. – 2025. – № 3. – С. 217–223.

4. Костромитин А.И. Понятие искусственного интеллекта, история его развития и общая характеристика правового регулирования. Журнал «Научный лидер» № 27 (177), Июль 2024. URL: https://scilead.ru/article/6881-ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-istoriya-e (дата обращения 13.02.2026)

5. Пащенко И.Ю. Искусственный интеллект и смежные технологии: о понятии, информационной природе и публично-правовых аспектах // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 99–105.

6. Понкин И. В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 1. С. 91–109.

7. Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637.

8. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 4. № 4. С. 57–65.

9. Уинстон П. Искусственный интеллект / П. Уинстон [Перевод с английского В.Л. Стефанюка; Под редакцией [и с предисловием] Д.А. Поспелова]. – Москва: Мир, 1980. 519 с.

10. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? / John McCarthy WHAT IS ARTIFICIAL INTELLIGENCE?/ Stanford University, November 12, 2007. URL: https:// http://www-formal.stanford.edu/ (дата обращения: 28.04.2025).

11. Nilsson N.J. The Quest for Artificial Intelligence: A History of Ideas and Achievements. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 562 p.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR MANIPULATING PUBLIC CONSCIOUSNESS

Zaitsev V.Yu.
University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky

The article examines current trends in the use of artificial intelligence (AI) technologies as a tool for manipulating public consciousness in modern conditions of information interaction. Today, AI is one of the key factors driving change in all spheres of public life, including politics. But the influence of AI does not always demonstrate positive results. The rapid development of AI technologies and their active introduction into the information space significantly enhances the possibilities of political manipulation, creating new risks for democratic processes and information security. Therefore, the topic of manipulating public consciousness using AI is particularly relevant today.

An analysis of numerous sources shows that the topic of manipulation using artificial intelligence is actively being investigated, but due to the rapid development of AI, its full development has not yet been achieved.

Purpose of the article – to analyze the importance and possibilities of artificial intelligence as a tool of manipulative influence on the political consciousness of the Russian population, identify the mechanisms and channels of AI's influence on public opinion, evaluate possible ways to counteract political manipulation in modern conditions, and formulate recommendations to develop a comprehensive policy to counter AI political manipulation technologies to minimize the risks ofto influence the political consciousness of the masses, as well as to suggest ways to counter potential threats.

In the article, the author presents the results of the analysis of focus group data on the perception of deepfakes by representatives of different social and age groups of the population, reveals their attitude to manipulative practices and perception of deepfakes.

The methodological basis of the research is based on the methods of content analysis, discourse analysis, comparative analysis, as well as the principles of political psychology and the sociology of mass communications.

As a result of the study, it was concluded that people, regardless of their age and belonging to any of the social groups, may have difficulty recognizing deepfakes. This is due to a combination of technological, psychological and social factors. However, the development of critical thinking skills, media literacy, and the use of information verification tools can significantly increase resistance to disinformation.

The findings can be used in the practice of political consulting, in the development of educational programs on media literacy of the population, the development of measures to improve information literacy of the population, as well as in further scientific research on political communication.

Keywords: artificial intelligence, manipulation of public consciousness, «digital personalities», cyber simulators, algorithmic targeting, deepfake.

References

1. Draft Federal Law "On the Fundamentals of State regulation of the application of artificial intelligence technologies in the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/93227 (accessed 04/15/2026)

2. ISIEZ HSE: the use of artificial intelligence technologies in Russia. URL: https://www.itweek.ru/ai/news-company/detail.php (publication date 03/15/2026)

3. Denike L.V. Essential characteristics and historical stages of artificial intelligence formation // Regional and sectoral economics. – 2025. – No. 3. – Pp. 217–223.

4. Kostromitin A.I. The concept of artificial intelligence, the history of its development and the general characteristics of legal regulation. Scientific Journal No. 27 (177), July 2024. URL: https://scilead.ru/article/6881-ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-istoriya-e (date of publication: 02/13/2026)

5. Pashchenko I.Y. Artificial intelligence and related technologies: on understanding, information nature and public law aspects // Law Bulletin of Kuban State University. – 2022. – No. 2. – Pp. 99–105.

6. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of the RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2018. No. 1. Pp. 91–109.

7. Sokolov A.V., Frolov A.A., Babajanyan P.A. Application of artificial intelligence technologies in politics: threats and opportunities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27. No. 3. Pp. 622–637.

8. Solomonov E.V. The concept and signs of artificial intelligence // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2023. Vol. 4. No. 4. Pp. 57–65.

9. Winston P. Artificial intelligence / P. Winston [Trans.translated from English by V.L. Stefanyuk; Edited [and with a preface] by D.A. Pospelov]. Moscow: Mir Publ., 1980. 519 p.

10. McCarthy J. What is artificial intelligence? / John McCarthy WHAT IS ARTIFICIAL INTELLIGENCE?/ Stanford University, November 12, 2007 URL: https:// http://www-formal.stanford.edu/jmc (accessed: 04/28/2025).

11. Nilsson N.J. In search of artificial intelligence: a history of ideas and achievements. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 562 p.

Интеллектуал как фигура политического риска: от критики власти к подрыву символического порядка в западноевропейской и российской традиции

Зимовец Людмила Григорьевна,
доктор философских наук, профессор кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет
E-mail: nauka-rgsu-s@mail.ru

Худайберганова Мухайё Давронбек кизи,
аспирант кафедры теории права и государства, истории и философии, Сочинский государственный университет
E-mail: khudayberganovamukhayyo4@gmail.com

В статье исследуется роль интеллектуала как фигуры политического риска в контексте западноевропейской и российской традиций. На основе комплексного анализа историко-философских источников и современных подходов автор выявляет оценку интеллектуала как фигуры политического риска в западноевропейской и российской традициях. Особое внимание в статье уделяется выявлению различий в активности и формах сопротивления интеллектуалов в различных философских традициях. Полученные результаты исследования позволяют расширить понимание роли интеллектуала в современном обществе и подчеркивают его значение как фигуры политического риска.

Ключевые слова: политический риск, интеллектуал, критика власти, символический порядок, западноевропейская традиция, российская традиция.

Введение

В научной литературе за интеллектуалом закреплены функции критического анализа, просветительской деятельности и воздействия на общественное мнение. Поскольку в периоды политической дестабилизации и смены культурных ориентиров данный субъект интерпретируется как носитель политического риска, его активность способна модифицировать сложившийся символический порядок. На современном этапе функционал интеллектуала не ограничивается трансляцией идей; фиксируется его включенность в политический процесс в качестве непосредственного актора. Подобная активность провоцирует ответные действия со стороны властных структур и общества.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью интерпретации специфики и операциональных механизмов, характеризующих интеллектуала в качестве субъекта политического риска, применительно к вариативным историческим и культурным парадигмам. В западноевропейской традиции за интеллектуалами закреплялась функция оппозиционеров и адептов борьбы за либеральные ценности и соблюдение прав человека. В российской же традиции проявление статуса интеллектуала как рискованной фигуры фиксировалось в условиях монархической либо социалистической государственности: критика в адрес властных структур сопрягалась с вероятностью уголовного преследования или высылки за пределы национальной территории.

Целью статьи является выявление позиции интеллектуала как фигуры политического риска в западноевропейской и российской философской традиции.

Задачи исследования:

– обобщить научные подходы к изучению фигуры интеллектуала в политическом пространстве;
– проанализировать интеллектуала как фигуру политического риска;
– провести сравнительный анализ, нацеленный на выявление сходства и различия в характеристике интеллектуала как фигуры политического риска применительно к двум традициям – западноевропейской и российской.

Методы

Методологическую основу исследования образует комплексный подход, объединяющий историко-описательный, сравнительный, герменевтический и аналитический методы, а равно и метод контент-анализа. Реализован историко-типологический анализ, ориентированный на определение эволюции роли интеллектуала как фигуры риска в традициях Западной Европы и России. Посредством сравнительного анализа были выявлены как общие, так и специфические черты, присущие фигуре интеллектуала в культурном и политическом контекстах. Аналитический метод применялся для интерпретации источников и эмпирических данных, что обеспечило выявление механизмов проявления интеллектуалов в условиях политической нестабильности и властных отношений.

Анализ классических и современных философских текстов, в которых находят свою экспликацию идеи и воззрения интеллектуалов относительно феномена власти, осуществлён посредством применения герменевтического метода. Системное представление о роли интеллектуала как фигуры политического риска получено благодаря использованию означенных методов. Определены особенности его функционирования в различных исторических и политических условиях.

Результаты исследования

В западной и российской философской мысли фигура интеллектуала представлена как субъект, продуцирующий политические риски. Актуализация значимости данной фигуры в западной традиции происходит, начиная с эпохи Просвещения, причем именно во французской культуре этого периода публичный интеллектуал реализовывал функции существенной важности. Термин «интеллектуал» как философская категория был введен в научный оборот французской философией.

Введение термина «интеллектуал» в научный и политический лексикон датируется 1898 г. и связывается с именем французского политического деятеля Ж. Клемансо. В рамках данного подхода интеллектуал интерпретировался как «субъект, создававший политическую

идеологию, определявшую динамику политической истории и выполнявшую функции артикуляции интересов различных социальных групп, определения целей общественного развития, выработки духовных ориентиров» [3, с. 82]. Иная трактовка представлена в работах М. Фуко: в политической философии интеллектуал позиционируется как субъект, противодействующий любому проявлению власти, что выражается в освобождении интеллектуальной сферы от внешнего воздействия [5].

Активность французских интеллектуалов XX века, в частности Жан-Поля Сартра и Альбера Камю, представляет собой релевантный пример для данного контекста. Подвергаясь преследованию и критике со стороны государственных структур, указанные лица демонстрировали признаки принадлежности к категории субъектов политического риска, активно участвуя в политическом процессе, отстаивая принципы соблюдения прав человека.

Детерминация трансформации ролевых функций интеллектуала, рассматриваемая в контексте западной философской традиции, обусловлена комплексом историко-политических факторов. Снижение общественной значимости интеллектуалов фиксируется в период 1950-х годов; причиной тому послужила экспансия рыночных отношений и массовой культуры. Катализатором кризисных явлений во взаимодействии интеллектуальной элиты с институтами власти выступили именно указанные факторы, спровоцировавшие также ослабление идеологического влияния данной группы. Утрата интеллектуалом статуса активного субъекта политической борьбы, происходившая при одновременном усилении роли средств массовой коммуникации, явилась конкретным проявлением означенного процесса, что привело к делегитимации интеллектуальной элиты [1, с. 628]. В условиях постмодернизма и доминирования массовой культуры общество интерпретировало интеллектуалов как элитарную страту, отчужденную от массового сознания; следствием данной перцепции явилось снижение их политического риска и сокращение потенциала социального воздействия.

В отечественном дискурсе феномен российской интеллигенции, рассматриваемый сквозь призму её взаимоотношений с властными структурами и сложившимся социальным порядком, наделяется более высокими характеристиками, нежели западные интеллектуалы. Последние, в интерпретации представителей критицизма и «нигилизма», описывались через такие мировоззренческие черты, которые впоследствии неоднократно подвергались критике в западной философской и социальной мысли. С позиций российской политической философии интеллектуалам приписывалось выполнение противоречивых функций: конструирование легитимирующих идеологических систем при одновременном обладании критическим сознанием [4].

Обобщение эмпирических данных исследования позволяет констатировать, что фигура интеллектуала, рассматриваемая сквозь призму политического риска, обладает рядом специфических характеристик. Репрезентация данных характеристик обусловлена вариативностью исторических эпох и культурных парадигм. В рамках западной традиции интеллектуалы исторически позиционировались как субъекты, чья активная вовлеченность в политическое поле влекла за собой репрессии со стороны властных структур. Для российской же традиции характерна амбивалентность роли: критика существующего порядка сопрягалась с деятельностью по конструированию идеологических систем.

Обсуждение

Под воздействием экзогенных факторов, перманентно влияющих на политические системы, интеллектуал определяется как субъект критической рефлексии, выступающий потенциальным агентом политической трансформации, В информационную эпоху локализация данных акторов происходит в эпицентре процессов конструирования общественного мнения, Как демонстрирует историческая ретроспектива, интеллектуалами выполнялась функция критики властных институтов; ими осуществлялось противодействие авторитарным режимам, артикуляция протестных настроений, а также генерация концепций, дестабилизирующих устоявшийся символический порядок политического поля.

В западноевропейской культурной парадигме оппозиция тирании, религиозному догматизму и социальной несправедливости осуществлялась мыслителями-интеллектуалами. Концепции свободы, равенства и критического мышления формировались в ходе данной деятельности. Функционал интеллектуала в XX столетии не только сохранился, но и подвергся расширению.

Данный функционал интерпретировался как инструментарий борьбы за демократические институты, соблюдение прав человека, проведение социальных преобразований. Подобная позиция нередко приводила к возникновению конфликтных ситуаций с государственной властью.

Специфика функционала интеллектуала в политической сфере, в рамках российской политико-культурной традиции, была обусловлена траекторией исторического развития. Для дореволюционного периода характерна оппозиционная позиция представителей интеллигенции по отношению к авторитаризму государственной власти; доминантой их дискурса являлась критика ограничений, налагаемых на свободу слова. В условиях советского политического режима интеллектуалам присваивался статус фигур повышенного политического риска. Осуществляемая ими критическая деятельность влекла за собой применение репрессивных мер, а также реализацию практик изгнания либо процедур уничтожения репутации.

В постсоветский период проблематика статуса интеллектуала в России актуализируется с новой силой, будучи сопряжена с такими факторами как политическая нестабильность, коррупционные практики и ограничения в сфере свободы слова. В рамках как западноевропейской, так и отечественной традиций фигура интеллектуала интерпретируется не только в качестве критика властных структур, но и как носителя символического сопротивления, деятельность которого направлена на подрыв устоявшихся символических порядков посредством генерации новых идей и ценностных установок [6].

Специфика фигуры интеллектуала как источника политического риска обусловлена его потенцией не просто к критике властных структур, но и к оспариванию фундаментальных оснований наличного символического порядка. Подобная деятельность интерпретируется в качестве подрыва легитимности последнего и постановки под сомнение устоявшихся ценностных ориентиров с нормативными установками. Интеллектуал позиционируется в рамках данной парадигмы не как рядовой критик, но как агент трансформационных процессов. Ему приписывается способность модифицировать политическую конъюнктуру в границах конкретного государства.

В западноевропейской культурной традиции актуализация означенной роли приходится на период Просвещения. Мыслителями той эпохи оспаривались религиозные догматы, институты монархии и сложившиеся социальные структуры; параллельно осуществлялось конструирование новых концепций демократии, свободы слова и равенства.

Фигура интеллектуала в рамках российской традиции устойчиво коррелировала с борьбой за национальную идентичность и культурную автономию, а равно с противостоянием экстернальным и интернальным формам угнетения. Характерной для обеих традиций является интерпретация интеллектуала как фигуры риска, поскольку продуцируемые ими идеи способны спровоцировать сопротивление властных структур и инициировать трансформации, ведущие к деструкции сложившегося социального и символического порядка.

Фиксация различий в трактовке интеллектуала как источника политической угрозы в западноевропейской и российской традиции осуществляется также посредством анализа степени политической активности и применяемых форм сопротивления. Для стран Запада характерно участие интеллектуалов в легальных и публичных практиках: издательская деятельность, учреждение общественных организаций. В российской же практике, напротив, интеллектуалами нередко избирались методы скрытой или подпольной работы.

Заключение

В ходе данного исследования было установлено, что фигура интеллектуала как субъекта политического риска занимает особое место в культурно-исторических традициях Западной Европы и России. Поскольку в обеих традициях интеллектуалы выступают носителями критического мышления, которые подрывают устоявшийся символический порядок и являются субъектами преобразований, способными оспаривать легитимность существующих ценностей и институциональных структур. Наряду с выявленными общими чертами имеются и существенные различия, которые детерминированы совокупностью исторических, социальных и культурных условий.

Роль активных субъектов политического процесса, выступавших за утверждение свободы, равенства и демократических принципов, отводилась интеллектуалам в западноевропейской традиции. Легальные способы выражения гражданской позиции составляли основу, в рамках которой, как правило, осуществлялась их деятельность. Идеями просветителей были заложены основы современного демократического дискурса. Публичная критика властных структур и социальной несправедливости интерпретировалась как проявление политического риска, связываемого с фигурой интеллектуала.

Фиксация роли интеллектуала в российской традиции отличалась повышенной степенью противоречивости, поскольку в дореволюционный период представители интеллектуальных кругов выступали в качестве оппозиции монархическому режиму, а их деятельность на-

правлялась на борьбу за свободу слова и утверждение национальной идентичности. Данная активность выступала детерминантой эмиграционных процессов. В условиях советской эпохи интеллектуалы приобретали статус фигур, представляющих потенциальную угрозу для властных структур; высказывания критического характера могли повлечь за собой репрессивные меры либо вынужденную эмиграцию. В постсоветский период проблематика роли интеллектуала вновь актуализируется. С вызовами, порожденными политической нестабильностью, сталкивается и новая политическая элита.

Тезис о репрезентации фигуры интеллектуала как субъекта политического риска подтверждается результатами проведенного исследования.

Литература

1. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.

2. Марков Б.В. Какие интеллектуалы нужны современной России? //Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – № 3–4. – С. 121–130.

3. Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: политическая биография. – М.: Мысль, 1983. – 316 с.

4. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. – 344 с.

5. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – 360 с.

6. Черноморская Д.А. Философия освобождения: интеллектуалы и политическая практика // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2–3. – С. 200–208.

THE INTELLECTUAL AS A FIGURE OF POLITICAL RISK: FROM CRITICISM OF POWER TO UNDERMINING THE SYMBOLIC ORDER IN WESTERN EUROPEAN AND RUSSIAN TRADITION

Zimovets L.G., Khudayberganova M.D.
Sochi State University

The article examines the role of the intellectual as a figure of political risk in the context of Western European and Russian traditions. Based on a comprehensive analysis of historical and philosophical sources and modern approaches, the author identifies the assessment of the intellectual as a figure of political risk in the Western European and Russian traditions. The article pays special attention to identifying differences in the activity and forms of resistance of intellectuals in various philosophical traditions. The obtained research results make it possible to expand the understanding of the intellectual's role in modern society and emphasize his importance as a figure of political risk.

Keywords: political risk, intellectual, criticism of power, symbolic order, Western European tradition, Russian tradition.

References

1. Collins, R. Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Novosibirsk: Sibirsky Khronograf, 2002. 1282 p.

2. Markov, B.V. What Kind of Intellectuals Does Modern Russia Need? // Personality. Culture. Society. 2008, Vol. 10, № 3–4, Pp. 121–130.

3. Pritzker, D.P. Georges Clemenceau: A Political Biography. Moscow: Mysl', 1983. 316 p.

4. Rozov, N.S. Ideas and Intellectuals in the Stream of History: Macrosociology of Philosophy, Science, and Education. Novosibirsk: Manuscript, 2016. 344 p.

5. Foucault M. Intellectuals and Power // Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews. Moscow: Praxis, 2002. 360 p.

6. Chernomorskaya D.A. Philosophy of Liberation: Intellectuals and Political Practice // Modern Problems of Science and Education. – 2015. – № 2–3. – P. 200–208.

Избирательные реформы: теоретические и методологические проблемы изучения и стратегии преодоления

Казарин Роман Юрьевич,
аспирант, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
E-mail: kazarinroman1990@gmail.com

Избирательные реформы как самостоятельный феномен привлек внимание исследователей в области электоральных процессов относительно недавно, но остается активно развивающимся направлением электоральных исследований в настоящее время. Однако по сравнению с другими аспектами изучения избирательных систем данная область сталкивается с серьезными внутренними проблемами, затрагивающими как теоретические, так и методологические аспекты проведения исследования. Несмотря на сохраняющийся интерес к анализу причин, направлений и масштабности изменений избирательных систем, эта область остается малоизученной именно в силу указанных проблем. В настоящей обзорной статье рассматриваются ключевые вызовы для исследователей: проблема «объяснительной силы» существующих теорий, а также проблема «малых N», на примере эмпирических исследований, проведенных в области избирательных реформ. На основе подробного анализа этапов развития решений выделенных проблем за тридцатилетнюю историю исследований в данной области статья предлагает основные стратегии преодоления теоретических и методологических ограничений. В конечном счете, предложенные стратегии не являются универсальным средством решения проблем, поэтому для решения поставленных задач, исследователю стоит уделить внимание комбинированию нескольких стратегий. В статье отмечаются основные перспективы для дальнейших сравнительных исследований в области избирательных реформ.

Ключевые слова: избирательная реформа, избирательная система, электоральная инженерия, институциональные изменения, рациональный выбор, выборы.

Введение

Электоральные исследования остаются одной из быстрорастущих областей в политической науке. Это утверждение основывается на нескольких причинах. Во-первых, возникновение новых государств расширяло число новых потенциальных наблюдений, где электоральные процессы отличались от старых западных демократий [28, с. 287]. Во-вторых, на фоне постоянного технологического прогресса вместе с увеличением числа данных по выборам в разных странах и расширением доступа ученых к ним, расширялось использование аналитических инструментов на основе статистических данных [28, с. 284], что привело к сдвигу к количественным методам в элеткоральных исследованиях. В-третьих, постоянные дискуссии и развитие теоретических подходов позволило переосмыслить имеющиеся данные с иного взгляда. Все это привело к большому скачку в изучении электоральных процессов.

Одно из важных направлений электоральных исследований, возникших в середине 90-х является изучение избирательных реформ [11, с. 438]. Это стало закономерным результатом развития после того, как большинство эффектов и последствий избирательных систем уже были изучены. Шугарт отмечал, что несмотря на то, что число случаев изменения избирательных систем намного меньше, чем наблюдаемых последствий [25, с. 51]. Однако несмотря на это Грофмат подтверждает, что «изучение избирательных реформ стало перспективным направлением в области» [9, с. 524].

За более чем тридцатилетнюю историю, область изучения избирательных реформ сделала большой скачок в собственном развитии и стала одним из приоритетных направлений изучения выборов. Этому способствовало не только развитие неоинституционализма и расширение использования статистических инструментов [27, с. 82], но и пополнение эмпирических наблюдений на фоне электоральных экспериментов как в устойчивых, так и в новых демократиях [22, с. 5].

Несмотря на рост количественных исследований в данной области [20, с.523, 6, с.1], ученые сходятся в том, что область продолжает оставаться малоизученной [11 с. 450, 28 с. 285]. Этому способствует две основные проблемы. Во-первых, все предложенные теоретические подходы в объяснении причин изменения избирательных систем имеют свои несомненные преимущества, но накладывают значительные ограничения, не позволяющие обобщить результаты на основе иных случаев (Проблема объяснительной силы теорий). Во-вторых, расширение эмпирического поля исследований за счет увеличения числа стран не способствует такому же увеличению числа наблюдаемых реформ. Из этого делается вывод, что избирательные реформы продолжают оставаться редким явлением (проблема «малых N» [20, с. 539]).

Данная статья посвящена анализу результатов исследований с упором на существующие проблемы в области избирательных реформ. Автор формирует основные пути решения существующих проблем и предлагает перспективные направления в области избирательных реформ. Работа вносит значимый вклад в политическую науку. Статья помогает определить ученым, изучающие избирательные реформы существующие проблемы и ограничения, с которыми они будут сталкиваться и в то же время предоставляет различные попытки решения этих проблем на основе существующего академического опыта. В следующем разделе будут подробно разобраны ключевые проблемы в области изучения избирательных реформ. В заключении автор суммирует основные направления и перспективы развития области избирательных реформ и изучения избирательных систем как «зависимой переменной».

Проблема объяснительной силы теорий

Изучение избирательных систем как «зависимых переменных» [12, с.10] или электоральной инежнерии возникло в конце 20 века, когда выбор новых избирательных систем затронул множество стран по всему миру. Исследования в подавляющем числе случаев изучали 2 ключевых вопроса – Почему избирательные системы устойчивы [13, с. 607] и почему возникают избирательные реформы [2, с. 1].

Ученые предлагали различные ответы на вопросы для индивидуальных случаев реформ и больших выборок, однако все это разнообразие подходов исходило из трех крупных теорий, вокруг которых

и строится все объяснение электоральной инженерии. Каждая из теорий определяет что является главным звеном в природе избирательных реформ: акторы, институты или ценности.

Акторы

Первоначально, на фоне популярности теории рационального выбора, ученые стремились рассматривать избирательную реформу как закрытый процесс между политическими партиями. Это исходит из выводов Дюверже, где избирательная система является предметом интереса политических партий [7, с. 31], следовательно изменение систем строится на их предпочтениях – будь то максимизация мест [1, с. 153] или политическое выживание [3, с. 609].

Акцент на интересах акторов и избирательной системе как института перераспределения [26, с. 45] позволяло создавать простые и универсальные объяснения устойчивости избирательных систем и проведения избирательных реформ. В последствии это давало возможность применять теоретическую рамку и на других случаях.

Однако в погоне за универсальностью и простотой объяснения некоторые случаи были парадоксальными. Там, где были очевидны защита собственных интересов и общественное давление политические акторы отказываются от избирательных реформ. Ученые стали все чаще критиковать подходы теории рационального выбора из-за чрезмерного упрощения и неспособности включить контекстуальные факторы [19, с. 461]. В последствии ученые разделились и часть из них пыталась усовершенствовать подходы теории рационального выбора [5, с. 1], а другая часть перешла к более детальному изучению отдельных случаев [23, с. 5].

Институты

Особенностью институциональных подходов являлся детальный анализ процедур и институтов вокруг процесса избирательных реформ. Избирательная реформа рассматривается как большой и сложный процесс, где каждая деталь в лице институтов имеет решающее значение, будь то коалиционная политика или дополненные институты референдумов [18, с. 365].

Рахат отмечает, что полученные выводы данных подходов значимы благодаря детальному изучению отдельных случаев реформ [20, с. 535]. Однако получение качественных оценок на основе детального анализа вносят серьезные ограничения к универсальности, поэтому использование подобных подходов для больших выборок исключено.

Ценности

К 10-м годам на фоне популярности статистических методов ученые вновь вернулись к идеям универсальных теоретических объяснений. В этом важную роль сыграли ценностные подходы. Они являются развитием критики теории рационального выбора, поэтому имеют сильную связь с ней. Избирательная реформа неразрывно связана с интересами акторов, но при этом она становится продуктом соотношения ценностей как внутри политической системы, так за ее пределами [14, с. 531].

Работы, основанные на данных подходах включали большую выборку стран, поэтому универсальность сохранялась. Благодаря сильной связи с теорией рационального выбора, эти подходы позволили рассматривать избирательную реформу с точки зрения интересов акторов в более широком контексте, что позволило преодолеть предыдущие ограничения. Однако эта сильная связь не позволяет рассматривать ценностные подходы как самостоятельные теоретические обяъснения. Бол и другие предлагают использовать данные подходы с осторожностью и дополнять другими [4, с. 401].

Комбинирование

Особенностью последнего этапа теоретического развития области является поиск объединения предыдущих подходов за счет сохранения баланса между глубиной анализа и универсальностью объяснения. В настоящее время существует два наиболее актуальных подхода, с точки зрения комбинирования теорий.

1) Подход барьеров рассматривает процесс реформы через существование 7 барьеров в политической системе: от рациональных корыстных интересов до контекстуальных факторов которые необходимо преодолеть [21, с. 486]. Этот подход имеет горизонтальный характер и благодаря прозрачным критериям определения барьеров, сохраняется возможность для количественных исследований.

2) Подход Ренвика же основывается на детальном анализе и имеет вертикальный характер. Анализ избирательной реформы в этом случае разделяется на этапы, где, начиная от политических акторов и их интересов, постепенно происходит смещение фокуса на уровень выше и основными факторами становятся политический и социальный контекст [24, с.113–132].

Эти подходы совмещают в себе лучшие стороны трех теорий, позволяя соблюсти баланс между ними. При этом они основаны на собственных теоретических предпосылках, что позволяет их рассматривать самостоятельно. В настоящее время они имеют мало популярности, но новые статьи свидетельствуют о меняющейся тенденции [15, с. 454–473].

Рассмотренный путь теоретического развития области свидетельствует о том, что: во-первых, ученые перестали рассматривать избирательную реформу как борьбу политических партий в вакууме. Избирательная реформа приобрела более сложные качества и состоит из совокупности экзогенных и эндогенных факторов.

Во-вторых, каждая из теорий имеет свои очевидные преимущества, но также и значительные недостатки, которые ограничивают потенциал объяснительных моделей, будь то жертва универсальности, глубине анализа или прямой зависимости от других теорий.

В-третьих, несмотря на значимую критику, ученые сохранили «оптимизм» создания подходов, позволяющие сохранить баланс между глубиной анализа и универсальностью изучения случаев. С одной стороны это подтверждается ростом числа количественных исследований, включающие значительные эмпирические данные и основанные на комбинированных подходах.

Проблема теоретических подходов, которая была в начале пути становления области перестает быть актуальной. Ранее методологические проблемы тесно были связаны с теоретическими, поскольку предлагаемые подходы могли дать ограниченные ответы в рамках изучаемых случаев, а следовательно выбор теории и методологии был предопределен. В настоящее время ситуация изменилась и проблема теоретических ограничений перестает быть актуальной.

Проблема «малых N»

Большинство первых исследований в области электоральной инженерии основывались на изучении конкретных случаев реформ [1, с. 155]. Однако как в политической науке в целом, так и в электоральных исследованиях методологический фокус сместился в пользу количественных инструментов анализа и статистических данных. Но для данной области это стало значимой проблемой.

В ситуации устойчивого роста эмпирических данных для других областей, динамика для области электоральной инженерии была значительна ниже. Причины отсутствия данных исходят из полученных исследований по устойчивости избирательных систем. Во-первых, это объясняется нежеланием политических акторов менять существующий статус-кво, поскольку выборы по новым правилам могут оказаться совершенно непредсказуемыми [16, с. 392–393]. Во-вторых, некоторые избирательные системы в новых странах гармонично были инкорпорированы в политическую систему, что они начали обладать способностью самостоятельно поддерживать собственный статус-кво за счет сложности процедур изменения [13, с. 607].

Таким образом, возникла проблема ограниченного числа наблюдений или проблема «малых N», где недостаточное число данных не позволяет проводить количественные исследования. Несмотря на это количественные исследования продолжают выходить [17, с. 118–140] и ученые преодолевают данную проблему. Все их исследовательские стратегии можно выделить в несколько подходов решения данной проблемы.

Увеличение числа стран

Это наиболее очевидная и простая стратегия в исследовательском дизайне. Очевидное преимущество заключается в доступности данных и возможности проверки гипотез за счет использования универсальных метрик. Например в работах по изучению влияния фрагментации партийных систем и электоральной нестабильности на причины и направления избирательных реформ и включали дополнительные наблюдения.

Однако есть и серьезные недостаток в этой стратегии. В этом случае требуется серьезные концептуальные обоснования, для совмещения выборок из разных регионов. При изучении влияния электоральной диффузии, Бол и другие включали в выборку как страны Западной, так и Центрально-Восточной Европы, что требовало дополнительного обоснования для определения связей внутри групп по странам и альтернативных стратегии [4, с. 391].

Увеличение периода времени

Эта стратегия является также простой, но требует дополнительной нагрузки. В отличие от предыдущей, для концептуальной убедительности тратится значительно меньше времени, что является несомненным достоинством. Многие количественные исследования избирательных реформ в Западной Европе рассматривают временной диапазон от 1975 года [15, с. 462], что в несколько раз увеличивает число

наблюдений по сравнению с другими регионами. Число наблюдений в работе Нунез превышает 300 наблюдений, что позволяет использовать количественные инструменты на основе панельных данных в полном объеме [16, с. 388].

Однако серьезной проблемой данной стратегии заключается в том, что значительная часть данных в других странах отсутствует. В одних случаях некоторые страны в прошлом имели закрытые режимы и данных в открытом доступе нет. В других же случаях многие страны возникли/демократизировались лишь недавно. Например анализ электоральной инженерии Латинской Америки берет эмпирическое начало лишь после 70-х годов, когда весь континент практически демократизировался [22, с. 11]. Изучение наиболее актуального региона с точки зрения избирательных реформ – посткоммунистическое государство включает наблюдения лишь с 90-го года после падения коммунистических режимов и образования новых государств [2, с. 3]. Таким образом эта стратегия может использоваться лишь в изучении устойчивых демократий в Европе и Латинской Америке, когда как для остальных регионов данная стратегия будет менее выигрышной.

Увеличение числа реформ

Вместо того, чтобы увеличивать общее число наблюдений, иная стратегия заключается в том, чтобы увеличить общее число наблюдений самих реформ. Ученые дают четкое определение избирательной реформе как изменению избирательной системы, однако что понимается под избирательной системой это остается на усмотрении самого ученого.

Первоначальное представление о критериях избирательной реформы основываются на работе Лейпхарта, который рассматривал 4 аспекта в качестве значимых реформ, электоральный принцип, порог, размер парламента и величина округа [12, с. 14]. Однако несмотря на простоту и популярность, многие отмечают в качестве недостатка, что итоговое число обнаружения значимых реформ в устойчивых демократиях будет небольшим для использования статистических методов анализа.

Эту проблему большинство ученых решают включением дополнительных аспектов избирательных систем в качестве индикатора наличия избирательной реформы. Обычно ученые дополняют аспекты избирательных систем [27, с. 89], либо же могут посвятить исследовательское внимание на одном из них [3, с. 610]. Это позволяет зафиксировать большее число реформ, чем предлагает классическое определение. Более того, это сохраняет изначальную выборку стран, что является несомненным достоинством данной стратегии, хотя и требует дополнительной концептуализации избирательной системы [10, с. 495].

Смещение электорального уровня выборов

Эта стратегия не предполагает явных манипуляций с выборкой, поскольку сама выборка становится больше за счет смещения уровня выборов. Достоинством данной стратегии заключается в сочетании как количественных, так и качественных методов, поскольку анализ может включать как одну или несколько стран, так и большое число на разных уровнях, поэтому итоговые результаты более надежны. Наиболее яркими примерами являются исследования российских региональных выборов [27 с. 80, 8 с. 71], в которых используются различные методы анализа.

Единственным недостатком данной стратегии, является дополнительная нагрузка в поиске данных, поскольку чем ниже уровень выборов, тем сложнее получить эмпирические данные, поэтому закономерным является то, что региональные выборы остаются малоизученными в контексте электоральной инженерии.

Первые работы в области элеткоральных реформ имели ограниченный характер, поскольку изучались отдельные случаи реформ по причине отсутствия больших данных. Поэтому предлагаемые подходы подвергались критике. Этому способствовало проблема с наличием эмпирических данных или проблема «малых N». Однако сейчас эти ограничения можно устранить за счет рассмотренных стратегий.

Они не являются универсальным решениям, поскольку имеют свои достоинства и недостатки. Выбор стратегии лежит на плечах ученого и определяется другими методолгическими факторами, такими как выбор методов, выборка, и сбора данных. Исходя из литературы, наиболее приемлемой стратегией является некая комбинация стратегий – включение большего числа стран и расширения понятия избирательной реформы. Что касается смены уровня анализа, то скорее это новое направление, чем стратегия для решения проблем ограниченного числа реформ.

Заключение

За 30 с лишним лет, область изучения избирательных реформ прошла значимый путь от исследований теоретического подхода на конкретном случае реформ, к полномасштабным количественным исследованиям, включающие большую выборку стран и новые теоретические объяснения. Более того, данная область остается актуальной благодаря тому, что ученые предлагают альтернативные варианты решения внутренних проблем области.

В данной работе был предоставлен анализ двух основных проблем области избирательных реформ: проблемы объяснительной силы теорий и «малых N». На основе проанализированных статей было предложены варианты решения данных проблем. В первом случае, ученые предлагают перейти от классических проблем теорий и отдавать приоритет комбинированию теории при формировании новых теоретических подходов. Во втором случае, ученые предлагают несколько стратегий, каждая из которых имеет свои несомненные преимущества и недостатки, но все они направлены на то, чтобы использовать потенциал статистических методов анализа.

Исходя из предложенных вариантов решения проблем, основные перспективы в данной области связаны с тем, что ученым необходимо выйти за рамки традиционных первых исследований, где соотношение выборки и теоретических подходов соотносится один к одному. Избирательная реформа является более сложным процессом, а поэтому необходимо учитывать множество факторов одновременно, при этом это стоит воспринимать не через дополнительные ограничения, а как потенциальные возможности расширения выборки, за счет включения новых случаев, других аспектов реформ или других феноменов, которые могли объяснить избирательные реформы. Новые исследования подтверждают идею, о том, что в данной области исследования должны обладать способностью комбинировать теорий и исследовательские стратегий.

Литература

1. Benoit K., Schiemann J.W. Institutional Choice in New Democracies: Bargaining Over Hungary's 1989 Electoral Law // Journal of Theoretical Politics. – 2001. – No. 13(2). – P. 153–182.
2. Bielasiak J., Hulsey J.W. Party system determinants of electoral reform in post-communist states // Communist and Post-Communist Studies. – 2013. – Vol. 46, No. 1. – P. 1–12.
3. Boix C. Setting the Rules of the Game: The Choice of Electoral Systems in Advanced Democracies // American Political Science Review. – 1999. – Vol. 93, No. 3. – P. 609–624.
4. Bol D., Pilet J.B., Riera P. The international diffusion of electoral systems: The spread of mechanisms tempering proportional representation across Europe // European Journal of Political Research. – 2015. – Vol. 54, No. 2. – P. 384–410.
5. Colomer J.M. It's Parties That Choose Electoral Systems (or, Duverger's Laws Upside Down) // Political Studies. – 2005. – Vol. 53. – P. 1–21.
6. Colomer J. Party System Effects on Electoral Systems / E. Herron, R. Pekkanen, M. Shugart (eds.) // The Oxford Handbook of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 69–84.
7. Duverger M. Which is the best electoral system? / A. Lijphart, B. Grofman (eds.) // Choosing an electoral system: Issues and alternatives. – N.Y.: Praeger, 1984. – P. 31–39.
8. Golosov G.V. The last resort of political regionalism: electoral blocs in Russia's regional legislative elections, 2003–2005 // East European Politics. – 2014. – Vol. 30, No. 1. – P. 71–85.
9. Grofman B. Perspectives on the Comparative Study of Electoral Systems // Annual Review of Political Science. – 2016. – Vol. 19, No. 1. – P. 523–540.
10. Jacobs K., Leyenaar M. A conceptual framework for major, minor and technical electoral reform // West European Politics. – 2011. – Vol. 34. – P. 495–513.
11. Leyenaar M., Hazan R.Y. Reconceptualising Electoral Reform // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 437–455.
12. Lijphart A. Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990. – Oxford: Oxford University Press, 1994.
13. Nikolenyi C. When Electoral Reform Fails: The Stability of Proportional Representation in Post-Communist Democracies // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 607–625.
14. Norris P. Cultural Explanations of Electoral Reform: A Policy Cycle Model // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 531–550.
15. Nunez L., Jacobs K. Catalysts and barriers: Explaining electoral reform in Western Europe // European Journal of Political Research. – 2016. – Vol. 55, No. 3. – P. 454–473.
16. Nunez L., Simón P., Pilet J.B. Electoral volatility and the dynamics of electoral reform // West European Politics. – 2017. – Vol. 40, No. 2. – P. 378–401.
17. Patkós V., Stump Á. Do electoral reforms tend to favour the incumbents? A quantitative analysis // Acta Politica. – 2023. – Vol. 58, No. 1. – P. 118–140.

18. Qvortrup M. Direct Democracy and Referendums / Erik S. Herron et al. (eds.) // The Oxford Handbook of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 365–386.

19. Rahat G. The study of the politics of electoral reform in the 1990s: theoretical and methodological lessons // Comparative Politics. – 2004. – Vol. 36. – P. 461–479.

20. Rahat G. The politics of electoral reform: The state of research // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. – 2011. – Vol. 21, No. 4. – P. 523–543.

21. Rahat G., Hazan R. The barriers to electoral system reform: A synthesis of alternative approaches // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 478–494.

22. Remmer K.L. The Politics of Institutional Change // Party Politics. – 2008. – Vol. 14, No. 1. – P. 5–30.

23. Renwick A. The politics of electoral reform: Changing the rules of democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

24. Renwick A. Electoral System Change / Erik S. Herron et al. (eds.) // The Oxford Handbook of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 113–132.

25. Shugart M.S. Comparative electoral system research: the maturation of a field and new challenges ahead / M. Gallagher, P. Mitchell (eds.) // The Politics of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 25–55.

26. Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in Competitive Politics. – Berkeley: University of California Press, 1990.

27. Turchenko M. Electoral Engineering in the Russian Regions (2003–2017) // Europe-Asia Studies. – 2020. – Vol. 72, No. 1. – P. 80–98.

28. Турченко М. Электоральные реформы в сравнительной перспективе // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 283–300.

ELECTORAL REFORMS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING AND STRATEGIES FOR OVERCOMING

Kazarin R.Yu.
European University at St. Petersburg

Electoral reforms as an independent phenomenon have attracted the attention of researchers in the field of electoral processes relatively recently, but they remain an actively developing area of electoral research at the present time. However, compared to other aspects of the study of electoral systems, this field faces serious internal problems affecting both theoretical and methodological aspects of the study of reforms. Despite the continuing interest in analyzing the causes of changes in electoral systems, this area remains poorly understood precisely because of these problems. This review article examines the key challenges in the field: the problem of the explanatory power of theories and the problem of «small N», using the example of empirical studies conducted in the area of electoral reforms. Based on a detailed analysis of the stages of development of solutions to the identified problems over the thirty-year history of research in this field, the article proposes basic strategies for overcoming theoretical and methodological limitations.

Keywords: electoral reform, electoral system, electoral engineering, institution changes, rational choice, elections.

References

1. Benoit K., Schiemann J.W. Institutional Choice in New Democracies: Bargaining Over Hungary's 1989 Electoral Law // Journal of Theoretical Politics. – 2001. – No. 13(2). – P. 153–182.

2. Bielasiak J., Hulsey J.W. Party system determinants of electoral reform in post-communist states // Communist and Post-Communist Studies. – 2013. – Vol. 46, No. 1. – P. 1–12.

3. Boix C. Setting the Rules of the Game: The Choice of Electoral Systems in Advanced Democracies // American Political Science Review. – 1999. – Vol. 93, No. 3. – P. 609–624.

4. Bol D., Pilet J.B., Riera P. The international diffusion of electoral systems: The spread of mechanisms tempering proportional representation across Europe // European Journal of Political Research. – 2015. – Vol. 54, No. 2. – P. 384–410.

5. Colomer J.M. It's Parties That Choose Electoral Systems (or, Duverger's Laws Upside Down) // Political Studies. – 2005. – Vol. 53. – P. 1–21.

6. Colomer J. Party System Effects on Electoral Systems / E. Herron, R. Pekkanen, M. Shugart (eds.) // The Oxford Handbook of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 69–84.

7. Duverger M. Which is the best electoral system? / A. Lijphart, B. Grofman (eds.) // Choosing an electoral system: Issues and alternatives. – N.Y.: Praeger, 1984. – P. 31–39.

8. Golosov G.V. The last resort of political regionalism: electoral blocs in Russia's regional legislative elections, 2003–2005 // East European Politics. – 2014. – Vol. 30, No. 1. – P. 71–85.

9. Grofman B. Perspectives on the Comparative Study of Electoral Systems // Annual Review of Political Science. – 2016. – Vol. 19, No. 1. – P. 523–540.

10. Jacobs K., Leyenaar M. A conceptual framework for major, minor and technical electoral reform // West European Politics. – 2011. – Vol. 34. – P. 495–513.

11. Leyenaar M., Hazan R.Y. Reconceptualising Electoral Reform // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 437–455.

12. Lijphart A. Electoral systems and party systems: a study of twenty-seven democracies, 1945–1990. – Oxford: Oxford University Press, 1994.

13. Nikolenyi C. When Electoral Reform Fails: The Stability of Proportional Representation in Post-Communist Democracies // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 607–625.

14. Norris P. Cultural Explanations of Electoral Reform: A Policy Cycle Model // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 531–550.

15. Nunez L., Jacobs K. Catalysts and barriers: Explaining electoral reform in Western Europe // European Journal of Political Research. – 2016. – Vol. 55, No. 3. – P. 454–473.

16. Nunez L., Simón P., Pilet J.B. Electoral volatility and the dynamics of electoral reform // West European Politics. – 2017. – Vol. 40, No. 2. – P. 378–401.

17. Patkós V., Stump Á. Do electoral reforms tend to favour the incumbents? A quantitative analysis // Acta Politica. – 2023. – Vol. 58, No. 1. – P. 118–140.

18. Qvortrup M. Direct Democracy and Referendums / Erik S. Herron et al. (eds.) // The Oxford Handbook of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 365–386.

19. Rahat G. The study of the politics of electoral reform in the 1990s: theoretical and methodological lessons // Comparative Politics. – 2004. – Vol. 36. – P. 461–479.

20. Rahat G. The politics of electoral reform: The state of research // Journal of Elections, Public Opinion and Parties. – 2011. – Vol. 21, No. 4. – P. 523–543.

21. Rahat G., Hazan R. The barriers to electoral system reform: A synthesis of alternative approaches // West European Politics. – 2011. – Vol. 34, No. 3. – P. 478–494.

22. Remmer K.L. The Politics of Institutional Change // Party Politics. – 2008. – Vol. 14, No. 1. – P. 5–30.

23. Renwick A. The politics of electoral reform: Changing the rules of democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

24. Renwick A. Electoral System Change / Erik S. Herron et al. (eds.) // The Oxford Handbook of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – P. 113–132.

25. Shugart M.S. Comparative electoral system research: the maturation of a field and new challenges ahead / M. Gallagher, P. Mitchell (eds.) // The Politics of Electoral Systems. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 25–55.

26. Tsebelis G. Nested Games: Rational Choice in Competitive Politics. – Berkeley: University of California Press, 1990.

27. Turchenko M. Electoral Engineering in the Russian Regions (2003–2017) // Europe-Asia Studies. – 2020. – Vol. 72, No. 1. – P. 80–98.

28. Turchenko M. Electoral reforms in a comparative perspective // Political Science. – 2018. – No. 1. – Pp. 283–300.

Манипуляционное влияние средств массовой информации на политическое сознание населения

Зайцев Виталий Юрьевич,
аспирант, АНО ВО «Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»
E-mail: vitvolga7226@mail.ru

В статье исследуется манипуляционное влияние средств массовой информации (СМИ) на политическое сознание населения в условиях современного информационного общества. Очевидно, что на сегодняшний день СМИ являются не только источником информации, но и средством воздействия на общественное сознание массовой аудитории, поэтому они активно используются субъектами манипуляции для формирования требуемых общественных установок, выступают каналом реализации манипулятивных стратегий. В условиях, когда информационные потоки становятся всё более масштабнее и интенсивнее, вопрос значимости средств массовой информации, изучения места и роли СМИ в политической коммуникации, их манипуляционного влияния на политическое сознание населения приобретает особую актуальность.

Анализ источников показывает, что теории политической манипуляции средствами массовой информации на сегодняшний день посвящено большое количество научных исследований и публицистических работ. Но, несмотря на значительный объём исследований, темы, посвящённые выявлению особенностей политического манипулирования средствами массовой информации в интернет-пространстве, влиянию новых технологий на политические манипуляции, исследованию сравнительных характеристик российских и зарубежных практик политического манипулирования в интернете, противодействию цифровым манипуляциям с учётом национальной специфики в полной мере ещё недостаточно разработаны.

Цель статьи – выявить ключевые механизмы и приёмы манипулирования, оказывающие воздействие на формирование политических установок и оценок у граждан; провести сравнительный анализ российских и зарубежных средств массовой информации, выявить основные различия в их функционировании, структуре и подходах к подаче информации.

В статье автор даёт определение термину «политическая манипуляция», анализирует теоретические подходы к пониманию политического сознания и его структуры; рассматривает основные технологии информационного воздействия СМИ, каналы распространения манипулятивного контента через электронные средства массовой информации: (радио, телевидение, интернет).

Методологическую основу исследования составили методы контент-анализа, дискурс-анализа, сравнительного анализа, а также принципы политической психологии и социологии массовых коммуникаций.

Результаты исследования демонстрируют, что современные средства массовой информации обладают значительным потенциалом для формирования и трансформации политического сознания. Проведённый анализ российских и зарубежных средств массовой информации показал, что различия проявляются в структуре СМИ, источниках информации, подходах к журналистике и их влиянии на общественное мнение.

Полученные выводы могут быть использованы в практике политического консультирования, при разработке образовательных программ по медиаграмотности населения, разработке мер по повышению информационной грамотности населения, а также в дальнейших научных исследованиях по политической коммуникации.

Ключевые слова: средства массовой информации, манипуляционное воздействие, политическая коммуникация, политическая манипуляция, фрейминг, факторы манипулятивного воздействия.

Теоретико-методологические основы анализа политического манипулирования средствами массовой информации были сформулированы в научных трудах ведущих представителей социологии и политологии XX века. Теоретический фундамент исследования сформирован на базе трудов зарубежных учёных, занимавшихся изучением вопросов манипуляции. Среди них отметим Г. Шиллера (анализ роли СМИ и механизмов манипуляции сознанием в капиталистическом обществе), Г. Лебона (исследование психологии масс и влияния лидеров на массовое сознание), Г. Маркузе (анализ способов идеологического контроля и манипуляции в индустриальном обществе), Э. Бернейса (исследование способов управления общественным мнением), Г. Лассуэлла (исследование пропаганды и коммуникативных моделей влияния), Э. Шострома (исследование психологических аспектов манипуляции), У. Липпмана (анализ формирования общественного мнения и роли стереотипов) и др.

Среди отечественных учёных отметим Е.Л. Доценко (исследование феномена межличностной манипуляции, механизмов и защиты от манипулятивного воздействия), Ю.А. Ермакова (исследование технологии манипуляции в политике и СМИ, их воздействия на электоральное поведение), С.А. Зелинского (исследование технологий власти, используемых для воздействия на подсознание индивида и масс), Д.В. Ольшанского (исследование вопросов массового сознания и его подверженности манипулятивному воздействию), О.Б. Сладкову (исследование кризиса идентификации как основания для манипуляции общественным сознанием и манипулятивных возможностей мониторинга), В.П. Пугачёва (исследование механизмов формирования политического сознания и их использования для манипулятивного воздействия), А.И. Соловьёва (исследование вопросов политической коммуникации, пропаганды и манипуляции), В.Ф. Кузнецова (исследование роли политических коммуникаций в контексте формирования и функционирования социального государства, их влияния на социальные процессы и управление), С.В. Володенкова (исследование цифровой среды как ключевого пространства современной политической манипуляции, механизмов воздействия на массовое сознание через соцсети, мессенджеры и цифровые платформы, роли алгоритмов, ботов и искусственного интеллекта в формировании общественного мнения) и др.

Работы этих учёных внесли большой вклад в изучение факторов манипулирования общественным сознанием, значительно расширили понимание механизмов манипулирования сознанием, его видов, методов и последствий, а также подходов к защите от манипулятивного воздействия.

Анализу феномена политической коммуникации в аспекте возможностей манипулятивного воздействия на общественное сознание посвятил свою работу учёный С.В. Володенков. Он определил в общем виде политическое манипулирование «как скрытое воздействие и управление политическим сознанием и поведением людей с целью их побуждения к определённым действиям в интересах субъекта политической манипуляции» [3, с. 90]. Ещё к одной разновидности политического манипулирования он относит «явное воздействие на объект манипуляции, истинная цель которого скрыта от объекта воздействия и подменена публичной псевдоцелью, которая не совпадает с реальными намерениями субъекта манипуляции» [3, с. 91]. С.В. Володенков утверждает, что «целью политического манипулирования являются получение, удержание, распределение и реализация власти при помощи неявных инструментов либо же путём сокрытия истинных политических целей» [3, с. 91]. Кроме этого, им были определены особенности и потенциальные возможности использования современных средств массовой информации в качестве инструмента манипулятивного воздействия на общественное сознание.

Доктор политических наук, профессор В.Ф. Кузнецов выделяет «две главные модели политического манипулирования – «психологическую» и «рациональную» [5, с. 58]. В психологической модели политического манипулирования используется автоматическая реакция индивида на определённые психологические действия. А в рациональной модели – сокращение количества доступной информации, её преднамеренное утаивание, предоставление тенденциозной информации, информационная перегрузка.

В.Ф. Кузнецов отмечает, что «использование манипулятивных технологий информирования различными агентами информационного рынка и прежде всего элитными группами в борьбе за политическую и экономическую власть в принципе способно дестабилизировать политическую и социальную обстановку в стране и качественно деформировать морально-нравственные устои и идеалы российского общества» [5, с. 58].

В.Н. Амелин выделяет в политическом манипулировании следующие процедуры: внедрение в общественное сознание под видом объективной информации желательного для некоторой группы содержания, влияние на чувствительные точки общественного сознания, которые вызывают испуг, волнение, чувство сильнейшей вражды, и реализация декларируемых и скрытых замыслов, достижение которых манипулятор связывает с поддержкой общественным мнением своей позиции [1, с. 184].

Е.Ю. Шавардова исследует принципы и особенности применения политического манипулирования. Устанавливает, что в основе процесса лежит система взаимосвязанных принципов психологического воздействия, а в практике политического манипулирования учитываются и используются социально-психологические эффекты [10, с. 228].

Предлагаю дать термину «политическое манипулирование» такое определение: это комплекс разнообразных скрытых алгоритмов через психологические механизмы и информационные каналы воздействия на граждан с целью подсознательного формирования детерминированных поведенческих реакций и когнитивных конструктов путём навязывания им детально проработанных идей и моделей действий для обеспечения долгосрочного политического доминирования заинтересованных сторон и формирования управляемого массового поведения.

С тех пор, как появились первые печатные издания, СМИ, передавая информацию населению, начали выступать связующим звеном между властью и обществом, поддерживая тем самым работу государственных институтов и становясь ключевым инструментом в политических коммуникационных процессах. Именно с помощью СМИ политическая элита старается решить собственные задачи: укрепления своей власти, распространения идей своих партий, управления общественным сознанием масс, формирования их мировоззрения [8, с. 250].

Очевидно, что основная функция средств массовой информации – информирование масс. Но новостные сообщения могут и не освещаться СМИ всесторонне и объективно, не отражать действительного положения дел, а только констатировать псевдореальность, симулирующую в той или иной степени в подлинную картину происходящего [12, с. 108].

Наиболее массовое политическое влияние на аудиторию оказывают электронные средства массовой информации: радио, телевидение, интернет. «Электронные средства массовой информации превратились за последнее время в одного из наиболее эффективных посредников в отношениях простых людей и субъекта управления. Вследствие определённой открытости, оперативности в формулировании социальных оценок и позиций, а также благодаря своим возможностям выражать интересы и чаяния самых разнообразных социальных групп электронные СМИ превратились в едва ли не ведущий инструмент социального представительства интересов групп общественности» [5, с. 171]. Особенно сильное влияние на общественное мнение эти СМИ оказывают во время предвыборных кампаний, когда в сознание масс внедряются различные установки, стереотипы, цели, побуждающие человека к определённым действиям. Программы, интервью, дебаты, комментарии формируют политические взгляды, убеждения граждан и отношение к политическим процессам.

Радио активно используется для целенаправленного воздействия на общественное сознание. Через повторение информации, использование эмоционально заряженных образов, различных манипулятивных приёмов, применяемых для пропаганды политических или социальных взглядов, оно влияет на психологические и поведенческие установки аудитории. Как пишет В.Ф. Кузнецов, опираясь на зарубежные исследования, «современное радио адресуется слушателям, в основном занятым каким-либо видом деятельности. Оно претендует на остаток внимания активного человека, образуя фон его работы или отдыха. Но именно потому, что оно рассчитано на невнимательного человека, фигурирующие в нём сообщения должны быть интереснее, изобретательнее, изощрённее, чем прежде» [5, с. 175].

Телевидение в отличие от других СМИ, акцентирует внимание не на содержании информации, а на визуальных эффектах, на внешности и жестах, на цвете и его интенсивности, на движении объекта и смене кадров [7].

Важную роль в политической коммуникации в качестве инструмента для обмена информацией, влияния на политическое сознание населения и организации политической активности играет интернет. Он создает новые возможности для манипуляций, поскольку технологии современных коммуникаций позволяют мгновенно и в любое время распространять информацию на многомиллионную армию пользователей. Социальные сети, различные мессенджеры, сообщества блогеров и прочие сетевые интернет-коммуникации позволяют манипуляторам формировать необходимые установки и убеждения и оказывать значительное влияние на политическую жизнь общества.

Стоит отметить, что манипуляции СМИ характерны как для российских, так и для зарубежных средств массовой информации. Основные механизмы воздействия на аудиторию – фильтрация новостной информации, эмоциональная подача информации, многократные повторения – одинаковы для всех стран. Но применение этих техник воздействия будет зависеть от политического строя го-сударства, культурных традиций, уровня развития коммуникационных технологий. Важно понимать, что не все зарубежные средства массовой информации одинаковы. Некоторые из них принадлежат глобалистам и продвигают их повестку. Другие СМИ стараются сохранять относительную нейтральность. А третьи – полностью работают на пропаганду и манипуляции. Проведённый сравнительный анализ российских и зарубежных СМИ (Таблица 1) показал их отличительные особенности, которые характеризуются спецификой системы финансирования, регулирования и освещения событий.

Таблица 1. Отличительные особенности российских и зарубежных средств массовой информации

Особенности СМИ	Российские СМИ	Зарубежные СМИ
Уровень централизации и независимости.	Большинство крупных СМИ находятся под контролем го-сударства или близких к нему бизнес-структур, что ограничивает их независимость.	Многие иностранные СМИ, особенно в Западной Европе и США, имеют более децентрализованную структуру и часто функционируют в условиях конкурентного рынка, что позволяет им свободнее освещать различные точки зрения.
Источники информации.	Российские СМИ опираются на официальную трактовку событий. Поэтому мнение людей формируется под влиянием самой распространённой точки зрения.	В зарубежных СМИ, особенно в демократических странах, существует более выраженная традиция критической журналистики, где журналисты активно расследуют различные проблемы власти, в том числе и коррупцию.
Подходы к журналистике.	В информационной повестке российской журналистики заметное место занимают позитивные материалы о государственных инициативах, критический анализ действий власти встречается реже.	Зарубежные СМИ, особенно в демократических странах, зачастую в освещении событий используют мнения очевидцев и участников событий. По закону западной журналистики, новости и комментарии в СМИ должны публиковаться раздельно, а журналисты должны излагать факты с нейтральной интонацией.
Подходы к созданию мультимедийных лонгридов.	Российские лонгриды чаще имеют линейную структуру с последовательным погружением в материал. Часто наблюдается избыток текста или, наоборот, большое количество иллюстраций при небольшом объёме текста.	Зарубежные лонгриды часто отличаются более сложной визуальной подачей и нелинейной структурой. Использование мультимедиа – эффектов и дизайна для привлечения внимания.
Интернет-издания	Российские интернет-издания придерживаются традиционных форматов в содержании и оформлении. Например, на страницах таких интернет-СМИ, как ИА «РИА Новости», Gazeta.ru, ИА «Татар-Информ», размещаются преимущественно оригинальные материалы. Российские интернет-издания недостаточно активно используют мультимедийные возможности интернет-СМИ. Инфографика,	Зарубежные интернет-издания имеют свои типологические особенности и активно используют возможности интернет-среды. Например, американские Drudge Report и The Huffington Post на своих страницах представляют возможности комментирования публикаций как на сайте газеты, так и в социальных сетях. Зарубежные интернет-издания используют более разнообразные форматы и стили повествования для привлечения аудитории. Зарубежные интернет-издания размещают в публикациях в основном внешние

Окончание

Особенности СМИ	Российские СМИ	Зарубежные СМИ
	видео-окно, фотослайдер-панель – эти средства мультимедийности не получили широкого применения в отечественных интернет-изданиях. Российские интернет-издания не всегда используют интерактивные приёмы обратной связи с аудиторией: обсуждение, комментирование, голосование, рейтинговые опро-сы. Например, ИА «РИА Новости», Gazeta.ru, «Татар-Информ» не включают функцию размещения комментария на сайте газеты, но у них есть баннеры соцсетей, в которых можно оставить комментарий. Чтобы предотвратить уход посетителя с сайта, российские интернет-издания используют внутренние ссылки в публикациях.	ссылки. Это связано с тем, что 80% материалов в американских изданиях заимствовано [4, с. 61], и редакция обязана дать ссылку на источник информации. Все тексты в зарубежных интернет-изданиях подписаны определёнными авторами с индивидуальным стилем повествования, что усиливает ценность материала для читателей. Сложные темы в зарубежных интернет-изданиях чаще всего лишены функционально-стилевой и эмоциональной-экспрессивной ок-раски, поскольку автор апеллирует к профессиональному опыту и различным исследованиям, а не к эмоциям.
Влияние на общественное мнение.	Российские СМИ являются мощным инструментом формирования общественного мнения, но их влияние зависит от таких факторов, как доверие аудитории, методы подачи информации и социально-политический контекст.	Зарубежные СМИ более сбалансированно освещают события, что позволяет аудито- рии формировать собственное мнение на основе разнообразия источников информации. Это создает более динамичную среду для обсуждения общественно-политических вопросов.
Особенности манипулятивного воздействия	В российских СМИ для манипулятивного воздействия используются: • Пропаганда – распространение предвзятой или вводящей в заблуждение информации. Часто применяется для продвижения определённой политической программы или для демонизации противоположной точки зрения. • Избирательное представление информации – представление только тех фактов, которые поддерживают определённую точку зрения, игнорирование или преуменьшение фактов, которые ей противоречат. • Эмоциональные призывы – обращение к эмоциям аудитории, а не представление рационального аргумента. • Использование эвфемизмов и дисфемизмов – замена слов для переноса акцента с чего-то негативного на нейтральное и наоборот. Например, замена лексемы «война» более нейтральным словом «конфликт» искажает представление аудитории о реальной ситуации в зоне боевых действий. • Навешивание ярлыков и использование антитезы «свой – чужой» – нацелены на репрезентацию неполной или недостоверной информации, позволяющей создать у читателя представление о действительности, которое необходимо изданию.	В зарубежных СМИ для манипулятивного воздействия применяются: • Методы манипуляции, связанные с формированием и распространением заранее «сконструированных» образов или имиджа конкретных лиц, идей, организаций, программ. Таким образом, заготовленные образы воспринимаются людьми как нечто заведомо достоверное, а исходный факт остаётся в тени образов. • Использование стилистических фигур – они активно применяются как средство манипуляции, так как адресат бессознательно начинает разделять точку зрения автора, воспринимая её как мнение большинства. • Проведение исторических аналогий – подбор необходимых примеров из истории, которые создают метафоры, влияющие на действия и отношение аудитории. Например, в статье о присоединении Крымского полуострова проведена параллель с присоединением земель Прибалтики, чтобы намекнуть на возможное желание России вернуть в свой состав некогда принадлежавшие ей земли. • Попытка представить более объективную информацию с меньшим количеством манипулятивных приёмов, а также в более позитивном ключе. • Эвфемизация – применение эмоционально-нейтральных слов или выражений вместо синонимичных им негативных слов или выражений. Например, в статье о санкциях используется эвфемизм «sanctions» вместо слова «blockade». • Использование слов, относящихся к основным ценностям общества. Например, в статье, посвящённой осуждению правительства России, словосочетания «democratic process» и «international liberal order» использованы, чтобы вызвать у читателей осуждение, так как эти слова связаны с основными ценностями гражданского общества США.
Манипулятивные приёмы	В российских СМИ используются следующие манипулятивные приёмы: • Фрейминг – подача информации в определённой «рамке», контексте. • Подмена понятий – использование эмоционально окрашенных слов вместо нейтральных. • Информационная перегрузка – избыток деталей, скрывающий главное. • Ложная дилемма – предложение только двух вариантов решения. • Апелляция к авторитету – использование экспертного мнения для легитимизации. • Сенсационные заголовки – несоответствие между кричащим заголовком и содержанием материала (кликбейт). • Одностороннее освещение – представление только одной точки зрения, игнорирование противоположных аргументов. • Манипулирование визуальным рядом – использование фото и видео вне контекста, кадрирование, монтаж. • «Полуправдивые» материалы, где реальные факты дополняются манипулятивными интерпретациями.	Манипулятивные приёмы, использующиеся в зарубежных СМИ: • Использование метафорических выражений – например, в заголовках, которые создают образ страны. • Нечётко выраженная отсылка к автору исходной информации или фактам, служащим для сообщения основой [2, с. 270]. • Применение квазицитат – подобий цитат, в которых общий смысл трансформирован под углом зрения интерпретирующего события журналиста. • Использование интертекстуальности – передача информации о внешнем мире через отсылки к историческим параллелям. • Нагнетание страха – использование лексических единиц, которые изображают события как пугающие (fear, danger, threat).

Проведённый анализ отличительных особенностей российских и зарубежных средств массовой информации показал, что различия проявляются в структуре СМИ, источниках информации, подходах к журналистике и влиянии на общественное мнение. Понимание различий между зарубежными и российскими СМИ важно для анализа средств массовой информации и их влияния на общество в целом. Очевидно, что на сегодняшний день средства массовой информации играют огромную роль в нашей жизни. Выполняя свою основную функцию – информирование масс, СМИ формируют общественное мнение. Именно через СМИ общество получает большую часть информации о событиях, происходящих в мире, и на основе этой информации формируется позиция аудитории по тому или иному вопросу. Пассивность восприятия и полное доверие СМИ, делают их одним из наиболее эффективных средств манипуляцией сознанием. Средства массовой информации влияют на среднего потребителя настолько сильно, что могут сформировать общественное мнение в необходимом им направлении.

Таким образом, средства массовой информации способны служить различным политическим целям. Они могут информировать население о событиях и фактах политической жизни; образовывать граждан, предоставляя им сведения, позволяющие ориентироваться в сфере политики; осуществлять общественный контроль за действиями власти; выражать общественные интересы, выявляя актуальные проблемы и интересы различных слоёв населения. Но в то же время средства массовой информации могут негативным образом влиять на восприятие происходящих событий обществом, искажать реальность и создавать угрозу демократическим процессам при помощи целенаправленного использования политических манипуляций.

Литература

1. Амелин, В.Н. Социология политики: Спецкурс / В.Н. Амелин. – Москва: Издательство Московского университета, 1992. – 184 с. – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Социологический факультет. – ISBN 5-211-02872-4: 1.38.

2. Аникина Э.М. «Языковые средства реализации приёмов речевого воздействия в англоязычных средствах массовой информации». Современное педагогическое образование. 2023. № 6, – С. 269–274.

3. Володенков С.В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вест-

ник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 5. – С. 89–103.

4. Гильманова А.Н. Жанровые формы в российских и зарубежных интернет-СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета 2015. № 6, С 59–65.

5. Кузнецов В.Ф. Связи с общественностью: Теория и технологии: Учебник для студентов вузов / В.Ф. Кузнецов. – М.: Аспект Пресс, 2006. 300 с.

6. Рюмшина, Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе – М.: Март, 2004. – 240 с.

7. Скрипкарь М.В. Теория и практика скрытого воздействия на общественное сознание в XX веке // Психология, социология и педагогика. 2014. № 4. URL: https://psychology.snauka.ru/2014/04/2951 (дата обращения: 03.02.2026)

8. Стариков А.Г. Масс-медиа современной России / А.Г. Стариков. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – С. 250.

9. Тутарашвили Р. Ю., Гущина Л.В. Манипуляции общественным сознанием в рамках политического дискурса: роль СМИ в манипулировании общественным сознанием, основные виды манипулятивных технологий // Международный научно-исследовательский журнал, 2015. № 3–2 (34). – С. 85–88.

10. Шавардова Е.Ю. Принципы и особенности современного манипулирования в политике. / Е.Ю. Шавардова; Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. – С. 225–233.

11. СМИ в политическом процессе: учеб.-метод. Пособие / Р.С. Мухаметов, Н.И. Сивкова, А.В. Гайсина [и др.]; под общ. ред. Р.С. Мухаметова. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 112 с. ISBN 978-5-9765-5057-5 (ФЛИНТА). ISBN 978-5-7996-347-9 (Изд-во Урал. ун-та).

12. Информационно-медийное пространство мировой политики: учебное пособие / Н.Г. Багдасарьян [и др.]; под общей редакцией Н.Г. Багдасарьян, Т.Г. Добросклонской, А.И. Музыкантского. Москва: «КДУ», «Добросвет», 2023. –108 с. – ISBN 978-5-7913-1275-4.

13. Как интернет меняет наше мнение: пропаганда в сети и способы ее нейтрализации. URL: https://www.securitylab.ru/analytics/538634 (дата обращения 25.02.2026)

14. Манипуляция: феномен, механизм, защита / Е. Доценко // Контроль сознания и методы подавления личности: хрестоматия / сост. К.В. Сельченок. – Минск: Харвест, 2004. – С. 166–261. – На русском языке – (Библиотека практической психологии). ISBN 985-13-1933-3

15. Noell-Neumann E. The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin, – The University of Chicago Press; 2nd edition,1993/ – 277 p. [Элизабет Ноэль-Нойман. Теория общественного мнения: концепция спирали молчания].

MANIPULATIVE INFLUENCE OF THE MEDIA ON THE POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE POPULATION

Zaitsev V.Yu.
University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky

The article examines the manipulative influence of the mass media on the political consciousness of the population in the conditions of the modern information society. It is obvious that today the media are not only a source of information, but also a means of influencing the public consciousness of a mass audience, therefore they are actively used by subjects of manipulation to form the required social attitudes, act as a channel for the implementation of manipulative strategies. In an environment where information flows are becoming more widespread and intense, the issue of the importance of mass media, the study of the place and role of mass media in political communication, and their manipulative influence on the political consciousness of the population is becoming particularly relevant.

An analysis of the sources shows that a large number of scientific studies and journalistic works are currently devoted to the theory of political manipulation by the mass media. However, despite a significant amount of research, the topics devoted to identifying the features of political manipulation of mass media in the Internet space, the impact of new technologies on political manipulation, the study of comparative characteristics of Russian and foreign practices of political manipulation on the Internet, and countering digital manipulation, taking into account national specifics, have not yet been fully developed.

The purpose of the article is to identify the key mechanisms and techniques of manipulation that influence the formation of political attitudes and assessments among citizens; to conduct a comparative analysis of Russian and foreign mass media, to identify the main differences in their functioning, structure and approaches to information presentation.

In the article, the author defines the term «political manipulation», analyzes theoretical approaches to understanding political consciousness and its structure; examines the main technologies of media information influence, channels of distribution of manipulative content through electronic media: (radio, television, Internet).

The methodological basis of the research is based on the methods of content analysis, discourse analysis, comparative analysis, as well as the principles of political psychology and the sociology of mass communications.

The results of the study demonstrate that modern mass media have significant potential for the formation and transformation of political consciousness. The most effective methods of media manipulation and their influence on public opinion on current political issues and on the level of trust in government institutions have been identified and systematized. The analysis of the Russian and foreign mass media showed that the differences are manifested in the structure of the media, sources of information, approaches to journalism and their influence on public opinion.

The findings can be used in the practice of political consulting, in the development of educational programs on media literacy of the population, the development of measures to improve information literacy of the population, as well as in further scientific research on political communication.

Keywords: Keywords: mass media, manipulative influence, political communication, political manipulation, framing, factors of manipulative influence.

References

1. Amelin, V.N. Sociology of Politics: A special course / V.N. Amelin. Moscow: Moscow University Press, 1992. 184 p. – Lomonosov Moscow State University, Faculty of Sociology. – ISBN 5-211-02872-4: 1.38.

2. Anikina E.M. “Linguistic Means of Implementing Techniques of Speech Influence in English-Language Mass Media.” Modern Pedagogical Education. 2023. No. 6, Pp. 269–274.

3. Volodenkov S.V. Modern Political Communication as a Tool for Manipulating Public Consciousness // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2012. No. 5. – Pp. 89–103.

4. Gilmanova A.N. Genre forms in Russian and foreign online media // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University 2015. No. 6, Pp. 59–65.

5. Kuznetsov V.F. Public Relations: Theory and Technologies: Textbook for University Students / V.F. Kuznetsov. – M.: Aspect Press, 2006. 300 p.

6. Ryumshina, L.I. Manipulative Techniques in Advertising – M.: March, 2004. – 240 p.

7. Skripkar M.V. Theory and Practice of Covert Influence on Public Consciousness in the 20th Century // Psychology, Sociology and Pedagogy. 2014. No. 4. URL: https://psychology.snauka.ru/2014/04/2951 (accessed: 03.02.2026)

8. Starikov A.G. Mass Media in Modern Russia / A.G. Starikov. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2013. – P. 250.

9. Tutarashvili R. Yu., Gushchina L.V. Manipulation of public consciousness within the framework of political discourse: the role of the media in manipulating public consciousness, the main types of manipulative technologies // International Research Journal, 2015. No. 3–2 (34). – Pp. 85–88.

10. Shavardova, E. Yu. Principles and Features of Modern Manipulation in Politics. / E. Yu. Shavardova; Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political Science. Cultural studies. 2021. Pp. 225–233.

11. Mass media in the political process: studies. – the method. Manual / R.S. Mukhametov, N.I. Sivkova, A.V. Gaisina [et al.]; under the general editorship of R.S. Mukhametov. – 2nd ed., erased. – Moscow: FLINTA; Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2022. 112 p. ISBN 978-5-9765-5057-5 (FLINT). ISBN 978-5-7996-347-9 (Ural Publishing House. university).

12. Information and Media Space of Global Politics: Textbook / N.G. Bagdasaryan [et al.]; under the general editorship of N.G. Bagdasaryan, T.G. Dobrosklonskaya, and A.I. Muzykansky. Moscow: KDU, Dobrosvet, 2023. –108 p. – ISBN 978-5-7913-1275-4.

13. How the Internet Changes Our Opinion: Online Propaganda and Its Neutralization. URL: https://www.securitylab.ru/analytics/538634 (accessed on 25.02.2026)

14. Manipulation: Phenomenon, Mechanism, and Protection / E. Dotsenko // Consciousness Control and Methods of Personality Suppression: Anthology / Compiled by K.V. Selchenok. – Minsk: Harvest, 2004. – Pp. 166–261. – In Russian – (Library of Practical Psychology). ISBN 985-13-1933-3

15. Noell-Neumann E. The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin, – The University of Chicago Press; 2nd edition,1993/ – 277 p.

Современная неолексикография в условиях цифровой трансформации: опыт Германии и России

Ковальчук Надежда Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: nadezhda_kovalchuk_2012@mail.ru

В данной статье представлен анализ современных тенденций в неологической лексикографии в условиях цифровой эпохи, с фокусом на практику Германии и России. Рассматриваются как теоретические основы, так и практические шаги по документированию новых слов, от классических печатных изданий до современных онлайн-платформ, основанных на корпусных данных. Исследуется роль Интернета как ключевого источника информации и средства распространения результатов, а также проводится сравнительный анализ подходов к академической неографии в двух странах. Обсуждаются возможности применения передовых технологий вычислительной лингвистики, в частности, больших языковых моделей, для автоматического выявления неологизмов, а также возникающие методологические трудности, связанные с качеством корпусов и определением лексикализации. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, объединяющего различные источники данных и сочетающего автоматизированную обработку с экспертной проверкой.

Ключевые слова: неолексикография, неологизмы, корпусная дингвистика, Интернет, большие языковые модели, лексикализация, цифровые словари, русский язык, немецкий язык.

Лексическая система любого естественного языка находится в состоянии непрерывной динамики. Социальные изменения, технологические инновации, культурные трансформации и глобализационные процессы – все эти факторы находят непосредственное отражение в появлении новых слов и значений. Печатные словари классического типа, как правило, реагируют на эти процессы с заметным опозданием; следовательно, на первый план выходит неолексикография – дисциплина, ориентированная на выявление, анализ и фиксацию языковых инноваций.

Последние два десятилетия лексикографическая практика в мире претерпела радикальные изменения – во многом благодаря интернету. Всемирная сеть теперь выступает одновременно в двух ролях: источника эмпирического материала и среды для оперативной публикации результатов. Немецкие проекты – «Wortwarte» (под эгидой Берлин-Бранденбургской академии наук), мангеймский словарь новых лексем Института немецкого языка, а также лейпцигский ресурс – демонстрируют этот сдвиг. Как будет показано ниже, эти разработки доказали возможность создания лексикографических продуктов динамического типа, пополняемых с высокой регулярностью [11;12].

Российская академическая традиция неографии также уходит корнями в прошлое; при этом в последние годы заметно активизировалось развитие цифровых неолексикографических проектов. Цель настоящей работы – сопоставить основные методологические подходы, реализованные в Германии и России, выявить общие тенденции и национальную специфику, а также наметить перспективные направления развития с учётом современных достижений корпусной лингвистики и технологий искусственного интеллекта.

В основе любой неолексикографической деятельности лежит определение понятия «неологизм». В российской лингвистической традиции наибольшим авторитетом пользуется дефиниция, предложенная Н.З. Котеловой и коллективом создателей «Словаря новых слов русского языка». Согласно этому подходу, неологизмом считается слово или значение, возникшее в определённый период, воспринимаемое носителями как новое и ещё не ставшее частью активного словаря [4, с. 5–7]. Как отмечает В.А. Козырев, временной критерий здесь ключевой, однако его операционализация до сих пор остаётся дискуссионной [3, с. 112]. Существенным дополнением служит разграничение узуальных неологизмов и окказионализмов. Е.А. Земская в своих работах по словообразованию показала, что окказионализмы – это индивидуально-авторские новообразования, не претендующие на закрепление в языке [2, с. 175–180]. Для неолексикографии, ориентированной на узуальные изменения, это различие принципиально, однако, как подчёркивает Т.В. Попова, на самых ранних этапах появления слова различие между потенциальным неологизмом и случайным окказионализмом может быть неочевидным [6, с. 54].

В типологическом плане принято выделять несколько видов неологизмов:

– новые лексемы, ранее не зафиксированные в языке (например, *мессенджер*, *лайкнуть*, *шазамить*, *крипта*, *токен*);
– новые значения существующих лексем (например, *мыло* в значении «электронная почта», *облако* в значении «удалённое хранилище данных», *корзина* в интернет-магазине);
– новые фразеологические единицы и устойчивые сочетания (например, *брать/взять паузу*, *выйти из чата* в переносном смысле).

В сфере словообразования набирают силу приставки *супер-, медиа-, кибер-*. Л.В. Рацибурская и её научная школа акцентируют внимание на продуктивных словообразовательных моделях, обслуживающих появление новых слов в современном русском языке [7, с. 32–38]; анализ этих моделей, по мнению исследователя, позволяет прогнозировать лексическую динамику. Важный теоретический аспект связан с вариативностью терминологии в новых предметных областях. Как показало исследование наименований реалий цифрового общества [13], формирование любой сферы (скажем, информационных технологий) почти всегда сопровождается конкуренцией нескольких названий для одного и того же явления. Для неолексикографа это дополнительная трудность: какую из параллельных форм фиксировать.

Не менее интересны новые аффиксоиды и заимствованные форманты. Возьмём, к примеру, -гейт (по аналогии с Уотергейтом: *Nipple-*

gate, *Russiangate*), -tainment (от английского *entertainment*: *Desastertainment*, *edutainment*), а также прочно вошедшие в русскую речь *фишинг* и *троллинг*. Лингвисты пока спорят, считать ли их полноценными аффиксами, – но их словообразовательная продуктивность очевидна.

В России традиция изучения новых слов насчитывает не один десяток лет. Отправная точка – «Словарь новых слов русского языка» под редакцией Н.З. Котеловой (охватывает середину 1950х – середину 1980х). Это был первый в нашей науке систематический свод неологизмов. Словарь зафиксировал лексику советской эпохи и сегодня остаётся ценным источником для ретроспективной неологии [4].

В постсоветское время наиболее заметным печатным проектом явился «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н. Скляревской (издания 2006, 2008, 2014). Он охватывает лексику конца XX – начала XXI столетия, включая не только новые слова, но и актуализировавшуюся периферийную лексику [8, с. 3–8]. Однако, как справедливо отмечает сама Г.Н. Скляревская, этот критерий консервативен: словарь фиксирует уже свершившийся факт, а не прогнозирует [8, с. 11]. Значительный вклад в развитие теоретической базы мировой неологии и её влияние на российскую науку внесли работы В.И. Заботкиной, посвящённые неологии английского языка [1].

В последнее десятилетие в России наблюдается активный переход неолексикографических проектов в цифровое пространство. Ключевым событием стало создание в 2021 году Институтом лингвистических исследований РАН (ИЛИ РАН) информационно-поискового ресурса «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (neolex.iling.spb.ru). Этот ресурс объединяет ежегодные словарные выпуски (с 2015 г. и далее) и новые материалы, что знаменует собой «цифровой» этап развития академической неографии [10; 14; 15]. Пользователю доступен поиск неологизмов по слову, компоненту, году появления, меткам и др. [10]. В 2025 году, по данным руководителя группы словарей новых слов ИЛИ РАН В.А. Ефремова, в ходе ежегодного мониторинга российских СМИ (с использованием электронной базы «Интегрум», охватывающей практически все русскоязычные СМИ, соцсети, блогосферу и специализированные лингвистические телеграм-каналы) было зафиксировано не менее 90 новых слов и словосочетаний (таких, как *вайб-программирование*, *брейнрот-персонаж*, *зумерский*, *нацмессенджер*, *лабубный*, *лабубоман*); после доработки данных их число может возрасти до 200–300 единиц [5]. По оценкам специалистов, ежегодно в русском языке возникает от 300 до 500 новых единиц, однако академическая фиксация после верификации включает лишь часть из них [15]. Важным инструментом для неографических исследований остаётся Национальный корпус русского языка (НКРЯ), который, не имея специализированной базы неологизмов, тем не менее успешно применяется для анализа лексической динамики, выявления новых значений, грамматического и стилистического варьирования. Из других современных проектов стоит назвать «Толковый словарь русских неологизмов. Часть 2. Неинституциональная социальная лексика» (2025, УрФУ) [9] и ежегодную всероссийскую конференцию «Неология. Неография», проводимую ИЛИ РАН. Итак, российская неолексикография демонстрирует последовательный переход на цифровые технологии, создавая открытые информационные ресурсы и развивая методологическую базу для фиксации и анализа новых лексических единиц.

Наиболее развитая система неолексикографических ресурсов в Европе сложилась в Германии. Выделим три основных проекта, каждый из которых реализует свою методологию:

Словарь IDS в Мангейме («Neuer Wortschatz») является классическим примером ретроспективной неолексикографии. Его формирование базируется на корпусе текстов, охватывающем период в десять лет, к моменту публикации которого представленные в нём лексические единицы уже прошли полную лексикализацию. В этом словаре фиксируются узуально закрепившиеся единицы, такие как *Homeoffice* (дистанционная работа) или *Maskenpflicht* (обязательное ношение масок). По признанию авторов, такая стратегия выигрышна с точки зрения документирования истории языка, но не отвечает сиюминутным запросам пользователей, сталкивающихся с новыми словами в повседневной коммуникации [11].

Иной подход наблюдается в проекте «Wortwarte» (Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften). Здесь в фокусе находится «живая» неология – слова, находящиеся в процессе вхождения в язык. Каждый день создатели анализируют свежие номера ведущих немецкоязычных газет и журналов, выявляя единицы, ещё отсутствующие в нормативных словарях. К оперативным инновациям, отслеживаемым «Wortwarte», относятся, например, *Corona-Ampel* (система индикации ограничений, связанных с пандемией), *Brettspielboom* (рост спроса на настольные игры во время локдауна) и *Impfdurchbruch* (прорыв в вакцинации). Это образец «быстрой лексикографии», где приоритет отдаётся оперативности, а не детальной проработке статей.

Наиболее автоматизированным представляется Лейпцигский словарь (Университет Лейпцига). Он базируется на постоянно пополняемом веб-корпусе; алгоритм автоматически отбирает лексические единицы либо по признаку резкого роста частотности, либо по отсутствию в предыдущих временных срезах корпуса. Этот ресурс, в частности, зафиксировал резкий частотный скачок лексемы *Hamsterkauf* (паническая закупка товаров) в начале 2020 года. Такой подход позволяет перерабатывать колоссальные объёмы данных, однако сопряжён с высоким процентом ложных срабатываний. Кроме того, он почти не пригоден для выявления новых значений у существующих слов, поскольку семантический сдвиг не всегда сопровождается изменением частотности лексемы в целом [12].

Сравнение российских и немецких ресурсов обнаруживает ряд существенных различий. В Германии – многокомпонентная система: ретроспективный IDS, оперативная ручная «Wortwarte» (ежедневный отбор) и полностью автоматический Лейпцигский словарь. В России главный цифровой ресурс – «Новое в русской лексике» (ИЛИ РАН), дополненный НКРЯ и ежегодниками. По уровню автоматизации немецкие проекты, несомненно, лидируют; однако российские лексикографы последовательно внедряют автоматизированные базы (в частности, «Интегрум») для сбора и первичной обработки. Частота обновления в Германии – ежедневная или ежемесячная; в России – ежегодная. Все немецкие ресурсы бесплатны и открыты онлайн; российский neolex.iling.spb.ru также открыт с 2021 года. Фиксация новых значений и там, и там осуществляется в основном вручную, автоматические методы пока малопродуктивны. Интеграция ресурсов в Германии реализована на платформе OWID; в России эта работа только начинается.

Отечественная неолексикография сохраняет сильные академические традиции, особенно в области ретроспективной фиксации лексических изменений. Вместе с тем в последние годы заметно активизировалась работа по созданию цифровых ресурсов и автоматизированных методов сбора и анализа. Сравним российские и немецкие проекты по двум ключевым параметрам – частоте обновления и интеграции ресурсов. Здесь отечественные решения пока отстают от германских, хотя разрыв постепенно сокращается. Ещё показательнее ситуация с автоматизацией. У Германии есть полностью автоматический Лейпцигский словарь. В России же автоматизация охватывает в основном этапы сбора материала и его первичной обработки (база «Интегрум»). А вот финальный отбор и лексикографическое описание по-прежнему остаются за экспертами – их человек не заменяет.

Цифровая эпоха, ознаменованная появлением Интернета, кардинально трансформировала инструментарий и доступные для неолексикографов возможности. Ручная выборка из печатных изданий уступила место крупным электронным базам, например «Интегрум», которая содержит публикации практически всех русскоязычных СМИ, включая аудио– и видеоматериалы с текстовой расшифровкой, а также фрагменты Рунета [15]. Однако веб-данные порождают и новые проблемы: дублирование текстов (одна и та же новость на множестве сайтов искажает частотную статистику), неструктурированный контент (реклама, навигационные элементы, комментарии требуют тщательной очистки), правовые ограничения (даже для некоммерческих целей загрузка авторских материалов может быть запрещена), несбалансированность (веб-корпусы сильно смещены в сторону публицистического и рекламного дискурса, слабо представлены устная речь, частная переписка, научные тексты). В России наиболее продвинутый инструмент – НКРЯ, однако его основной корпус обновляется с задержкой, что не позволяет использовать его для оперативного мониторинга. Перспективным направлением представляется обращение к поисковым системам («Яндекс», Google) для сбора частотных и контекстуальных данных – это помогает, в частности, уточнять датировку появления новых слов [15].

В области современной компьютерной лингвистики разрабатываются всё более совершенные алгоритмы и подходы, направленные на эффективное выявление новых слов и выражений. Традиционные подходы, основанные на динамике частотности в корпусах, эффективны для выявления новых лексем, но почти бесполезны для фиксации новых значений у старых слов. Значительно более перспективными выглядят большие языковые модели – GPT, BERT, а также отечественные разработки ruBERT, ruGPT, Qwen. Эти модели, обученные на гигантских текстовых массивах, способны оценивать степень необычности слова или словосочетания в контексте, что служит сигналом потенциальной новизны. Так, например, модель GPT-2 в 2020–2022 годах с трудом интерпретировала сочетание *коронавирусная яма*, тогда как более поздние версии уже правильно распознают его как метафору экономического спада. Российская модель ruBERT, обученная на НКРЯ, позволяет отследить, что лексема *удалёнка* почти не встречалась до 2020 года,

а в последующие два года её частота выросла на порядок – объективный критерий для признания слова неологизмом. Тем не менее полностью автоматизировать неолексикографию в настоящее время не удаётся. Как неоднократно подчёркивал В.А. Ефремов, ни искусственный интеллект, ни специальные программы не могут заменить человека при выявлении абсолютно новых слов и, тем более, новых значений уже существующих. Главная причина – модель не способна отличить узуальный неологизм (имеющий шанс закрепиться) от случайного окказионализма или речевой ошибки [15]. Поэтому оптимальной признаётся гибридная стратегия: компьютерные методы выполняют предварительный отбор кандидатов (или сбор массива для ручного анализа), а человек принимает окончательное решение и осуществляет углублённое лексикографическое описание. Актуальный пример такой гибридной системы – работа ИЛИ РАН с базой «Интегрум»: лексикографы читают медиа через автоматизированную базу и проводят ежегодную камеральную обработку, результатом которой становится очередной выпуск словаря «Новое в русской лексике» [15].

Ключевая проблема как для теоретической неологии, так и для практической неолексикографии – определение момента, когда новообразованная единица перестаёт быть временным явлением и становится полноценным элементом языковой системы, то есть проходит процесс лексикализации. Специалисты выделяют несколько косвенных критериев:

1. *Прагматический критерий:* новое слово часто сопровождается «маркерами дистанциирования» – кавычками, вводными оборотами типа *так называемый*, оговорками *как сейчас говорят* и т.п. Исчезновение этих маркеров свидетельствует о привыкании носителей к слову.

2. *Грамматический критерий:* для заимствований важна стабилизация грамматических характеристик: рода, типа склонения, спряжения. Например, недавние англицизмы *флешка* (ж.р.), *интернет* (м.р.) уже закрепили свой род, тогда как *кофе* по-прежнему варьируется.

3. *Словообразовательный критерий:* способность слова служить базой для образования новых слов (композитов, производных) (ср. *смартфон → смартфонизация, смартфонный*) – надёжный признак его лексикализации.

В российской лингвистике дополнительно обсуждается многоуровневая система оценки устойчивости неологизма: слова-«однодневки» фиксируются только в электронных базах и ежегодниках; лексические единицы, существующие на протяжении 5–7 лет, попадают в словари-десятилетники «Новые слова и значения»; и лишь третья, финальная стадия – включение в большие академические словари после стабилизации всех параметров (около 30 лет) [15]. Поэтому для оперативной неолексикографии необходимо разрабатывать динамические шкалы лексикализации, учитывающие частотность, распределение по жанрам и данные социолингвистических опросов.

Одна из наиболее актуальных задач современной неолексикографии – интеграция разрозненных ресурсов на национальном и международном уровнях. В Германии уже создана платформа OWID (Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch), предоставляющая единый интерфейс к нескольким словарям, включая IDS [11]. Для России подобная интеграция была бы чрезвычайно полезна, однако она наталкивается на ряд препятствий: разрозненность проектов (академические словари, отраслевые базы, авторские коллекции), отсутствие единого стандарта лексикографического описания (микроструктуры), технические и организационные сложности (разные форматы хранения, разный уровень доступа), проблема долгосрочного архивирования и поддержки цифровых ресурсов. В качестве возможного решения предлагается создание «словарного облака» – распределённой системы, где отдельные ресурсы сохраняют автономию, но обмениваются данными через стандартизированные API (программные интерфейсы приложения). Пользователь при этом получает возможность одновременно обращаться к нескольким словарям через единую поисковую систему. Наиболее продвинута в этом отношении немецкая OWID, которая может служить образцом для России. В нашей стране работа уже начата: цифровой ресурс «Новое в русской лексике» в перспективе планирует взаимодействие с другими ресурсами [10]. Международная интеграция также представляет собой важную задачу: слова-интернационализмы (*selfie, hashtag, cryptocurrency*) возникают в глобальных коммуникационных сетях практически синхронно. Сопоставительные русско-немецкие и русско-английские неолексикографические проекты могли бы фиксировать не только сам факт появления нового слова, но и особенности его адаптации в разных языках.

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов: цифровизация источников данных и средств их обработки обусловливает глубокую трансформацию неолексикографии. Интернет выступает одновременно и основным поставщиком эмпирического материала, и платформой для публикации результатов, что даёт возможность реализовать оперативную («актуальную») неолексикографию, принципиально отличающуюся от традиционной ретроспективной. Немецкие проекты – Wortwarte, словарь IDS и Лейпцигский словарь – демонстрируют три различные методологические стратегии, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Российская неолексикография, опираясь на богатые академические традиции, в последние годы активно развивает цифровые ресурсы (прежде всего информационно-поисковую систему «Новое в русской лексике», запущенную в 2021 г.) и внедряет автоматизированные методы сбора и первичной обработки данных. По таким параметрам, как частота обновления и степень интеграции ресурсов, российские проекты пока уступают немецким, однако разрыв постепенно сокращается. Наиболее перспективным признаётся гибридный подход, сочетающий автоматический сбор и первичную обработку данных из веб-корпусов и баз (например, «Интегрум»), применение машинного обучения и больших языковых моделей для предварительного отбора кандидатов, а затем экспертную верификацию и углублённое лексикографическое описание. Особенно остро потребность в экспертной оценке проявляется при работе с семантическими неологизмами (новые значения старых слов) и при различении кратковременных медийных всплесков, например *хайп-слов типа «понаехать»*, от действительно устойчивых единиц. Для дальнейшего развития российской неолексикографии приоритетными задачами остаются: создание регулярно обновляемого мониторингового корпуса русскоязычных текстов с открытым доступом; разработка единого стандарта лексикографической разметки для неологизмов; активное развитие интеграции с другими лексикографическими ресурсами. Решение этих задач позволит российской неолексикографии не только выйти на современный уровень, но и занять лидирующие позиции в области цифровой неографии.

Литература

1. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
3. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 360 с.
4. Котелова Н.З. (ред.). Словарь новых слов русского языка (середина 1950-х – середина 1980-х гг.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 1433 с.
5. ИЛИ РАН: в русском языке в 2025 году зарегистрировали 90 новых слов [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – 12 декабря. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25891609 (дата обращения: 14.05.2026).
6. Попова Т.В. Русская неология и неография. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. – 96 с.
7. Рацибурская Л.В. Активные процессы в современном русском словообразовании. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 208 с.
8. Скляревская Г.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. – М.: Эксмо, 2014. – 1136 с.
9. Щетинина А.В., Леонтьева Е.В., Касатова С.А. Толковый словарь русских неологизмов. Часть 2. Неинституциональная социальная лексика. – Екатеринбург: Ажур, 2025. – 320 с.
10. Neolex: информационно-поисковый ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» [Электронный ресурс] // ИЛИ РАН. – URL: https://neolex.iling.spb.ru (дата обращения: 14.05.2026).
11. Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. – Berlin, New York: de Gruyter, 2004. – 350 S.
12. Quasthoff U. Deutsches Neologismenwörterbuch. Neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache. – Berlin, New York: de Gruyter, 2007. – 762 S.
13. Вариативность на этапе формирования терминологии новой предметной области (на материале обозначения реалий цифрового общества) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2025. – № 1(43). – С. 287–298.
14. Валерий Ефремов: «В течение года в современном русском языке новых слов и выражений появляется от 300 до 500 единиц» [Электронный ресурс] // Год Литературы. – 2025. – URL: https://godliteratury.ru/articles/2025/12/24/kakie-slova-popadut-v-slovari-desiatiletniki-a-kakie-v-tridcatiletniki (дата обращения: 14.05.2026).
15. Lexicographic resource «New in Russian vocabulary» as a digital stage of the Russian academic neography // Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 14, № 3. – DOI: 10.18721/JHSS.14303.

CONTEMPORARY NEOLEXICOGRAPHY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: THE EXPERIENCE OF GERMANY AND RUSSIA

Kovalchuk N.V.
Don State Technical University

This article presents an analysis of current trends in neological lexicography in the digital age, focusing on the practices in Germany and Russia. It examines both the theoretical foundations and practical steps for documenting new words, from classical print publications to modern online platforms based on corpus data. The role of the Internet as a key source of information and a means of disseminating results is explored, along with a comparative analysis of approaches to academic neography in the two countries. The article discusses the potential applications of advanced computational linguistics technologies, particularly large language models, for the automatic identification of neologisms, as well as the emerging methodological challenges related to corpus quality and the determination of lexicalization. The conclusion emphasizes the need for a comprehensive approach that integrates diverse data sources and combines automated processing with expert verification.

Keywords: neologisms lexicography, corpus linguistics, Internet, large language models, lexicalization, digital dictionaries, Russian language, German language.

References

1. Zabotkina V.I. Novaya leksika sovremennnogo angliyskogo yazyka [New vocabulary of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola, 1989. 126 p.

2. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatelnost [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka, 1992. 221 p.

3. Kozyrev V.A., Chernyak V.D. Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy [Lexicography of the Russian language: present century and past century]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Press, 2017. 360 p.

4. Kotelova N.Z. (ed.). Slovar novykh slov russkogo yazyka (seredina 1950-kh – seredina 1980-kh gg.) [Dictionary of new words of the Russian language (mid-1950s – mid-1980s)]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. 1433 p.

5. ILI RAS: 90 new words recorded in the Russian language in 2025 [Electronic resource]. TASS. 2025. December 12. URL: https://tass.ru/obschestvo/25891609 (accessed: 14.05.2026).

6. Popova T.V. Russkaya neologiya i neografiya [Russian neology and neography]. Ekaterinburg: Ural University Press, 2005. 96 p.

7. Ratsiburskaya L.V. Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii [Active processes in modern Russian word formation]. Moscow: FLINTA, 2018. 208 p.

8. Sklyarevskaya G.N. (ed.). Tolkovyy slovar russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktualnaya leksika [Explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century. Current vocabulary]. Moscow: Eksmo, 2014. 1136 p.

9. Shchetinina A.V., Leontyeva E.V., Kasatova S.A. Tolkovyy slovar russkikh neologizmov. Chast 2. Neinstitutsionalnaya sotsialnaya leksika [Explanatory Dictionary of Russian Neologisms. Part 2. Non-institutional social vocabulary]. Ekaterinburg: Azhur, 2025. 320 p.

10. Neolex: informatsionno-poiskovyy resurs «Novoe v russkoy leksike. Slovarnye materialy» [Neolex: information retrieval resource «New in Russian vocabulary. Dictionary materials»] [Electronic resource]. ILI RAS. URL: https://neolex.iling.spb.ru (accessed: 14.05.2026).

11. Herberg D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Berlin, New York: de Gruyter, 2004. 350 S.

12. Quasthoff U. Deutsches Neologismenwörterbuch. Neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache. Berlin, New York: de Gruyter, 2007. 762 S.

13. Variantivnost na etape formirovaniya terminologii novoy predmetnoy oblasti (na materiale oboznacheniy realiy tsifrovogo obshchestva) [Variation at the stage of formation of terminology of a new subject area (based on the designations of digital society realities)]. Proceedings of the Vinogradov Russian Language Institute. 2025. № 1(43). Pp. 287–298.

14. Valeriy Efremov: «V techenie goda v sovremennom russkom yazyke novykh slov i vyrazheniy poyavlyaetsya ot 300 do 500 edinits» [Valery Efremov: «From 300 to 500 new words and expressions appear in the modern Russian language during the year»] [Electronic resource]. God Literatury. 2025. URL: https://godliteratury.ru/articles/2025/12/24/kakie-slova-popadut-v-slovari-desiatiletniki-a-kakie-v-tridcatiletniki (accessed: 14.05.2026).

15. Lexicographic resource «New in Russian vocabulary» as a digital stage of the Russian academic neography. Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 14, № 3. DOI: 10.18721/JHSS.14303.

Концепция «острой силы» как инструмент информационной войны: формирование образа врага в западном научном дискурсе

Кореньков Илья Олегович,
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ilya_korenkov@inbox.ru

Обострение геополитического противоборства и развитие информационно-коммуникативных технологий актуализировали изучение дискурсивных практик воздействия на оппонента. В западной науке возникли концепции «умной силы» (smart power) и «острой силы» (sharp power), призванные дифференцировать инструменты влияния демократических и авторитарных режимов. Проблема исследования состоит в содержательном сходстве данных понятий при их диаметрально противоположной оценочной окраске: «умная сила» наделяется позитивной коннотацией и связывается с легитимным продвижением западными демократиями национальных интересов, тогда как «острая сила» описывается в негативном ключе и приписывается преимущественно России, Китаю и Ирану. Цель статьи – выявление и систематизация дискурсивных механизмов, лежащих в основе концепции «острой силы» в западном академическом дискурсе. В результате исследования автор приходит к выводу, что «острая сила» представляет собой не нейтральную научную категорию, а идеологически нагруженный дискурсивный феномен, встроенный в систему информационного противоборства. Её критическое осмысление необходимо для вскрытия манипулятивной природы западных нарративов и выработки научно обоснованных стратегий защиты национального информационного суверенитета.

Ключевые слова: «острая сила», «умная сила», информационная война, критический дискурс-анализ, образ врага, стереотипизация, моральная поляризация, архетип.

Обострение геополитического противоборства в XXI веке и интенсивное развитие информационно-коммуникативных технологий вновь привлекло внимание исследователей к изучению дискурсивных практик, используемых для оказания воздействия на оппонента. На смену классической пропаганде и прямому принуждению приходят более изощренные стратегии влияния, действующие через постепенное и малозаметное преобразование информационной, культурной и институциональной среды. Именно в этом контексте в западной науке возникли концепции «умной и острой сил» (smart and sharp power), призванные описать, каким образом демократические и авторитарные режимы соответственно используют манипулятивные технологии в сфере международных отношений.

Проблема исследования заключается в описанном отечественными исследователями [2, 9] содержательном сходстве этих двух понятий при том, что «умная сила» имеет позитивную коннотацию и соотносится с действиями демократических режимов для достижения национальных интересов на мировой арене, в то время как «острая сила» описывается в негативном ключе и её использование приписывается главным образом России, Китаю и Ирану.

Целью данной статьи является определение механизмов, лежащих в основе концепции «острой силы» в западном научном дискурсе. Для достижения поставленной цели был использован критический дискурс-анализ, который предоставляет инструментарий для изучения лингвистических особенностей коммуникации как элементов конструирования социальной реальности, в то же время зависящих от социокультурного контекста и политико-экономических процессов в данном обществе. Также делается акцент на идеологической функции дискурса и его роли в формировании идентичности.

При этом концепция «острой силы» рассматривается как элемент информационной войны, развязанной странами коллективного Запада против России и Китая [3], в связи с чем целесообразно обозначить ее ключевые особенности.

Под информационной войной обычно понимается стратегическое использование информации – ее содержания, потоков и инфраструктуры – для получения преимущества перед противником как в военное, так и в мирное время. Сюда включают пропаганду, психологические операции, кибератаки на информационную инфраструктуру и системные дезинформационные кампании [11].

Так, отечественный политолог И.Н. Панарин определяет [5] информационную войну как совокупность информационных операций, направленных на военно-политическое руководство страны и систему государственного управления в целом для парализации инфраструктуры управления в период конфликта и инициирование благоприятных для воздействующей стороны решений страной-мишенью в мирное время.

Информационная война, как правило, осуществляется в соответствии с принципами стратегии измора, согласно которой государство-агрессор на протяжении долгого времени использует технологии информационно-психологического воздействия в целях нарушения территориальной целостности, дестабилизации политической и социально-экономической ситуации, и, в конечном счете, смены политического режима в государстве-мишени [1].

Кроме того, стратегической целью информационного воздействия является конструирование мировоззренческих установок, создание картины мира, отвечающей запросам организатора-заказчика воздействия.

Информационная война осуществляется в дискурсивном пространстве посредством реализации дискурсивных стратегий и тактика, реализующихся за счет совокупности лингвистических и экстралингвистических методов.

Достижения этих целей невозможно без разрушения существующей системы духовно-нравственных ценностей и навязывания новых, способных вызвать раскол в обществе по идеологическому, национальному или религиозному признаку. Воздействие идёт на различные социальные страты: национальные элиты, военно-политическое руководство, личный состав вооружённых сил, целевые группы (например, молодёжь) и всё население в целом.

Кроме того, информационная кампания может быть направлена на подрыв международного авторитета противника путем «демони-

зации» государства-мишени, которая должна расшатать его военно-политические и экономические союзы.

Понятие «острой силы» оформилось в публикациях Национального фонда демократии и работах близких к нему исследователей во второй половине 2010-х годов [12, 13]. Оно вводилось для описания такого модуса авторитарного влияния, который не укладывается в благожелательные коннотации «умной силы». Ключевой тезис состоит в том, что такие режимы, как китайский и российский, не стремятся прежде всего вызывать восхищение своим политическим режимом или системой экономических отношений; вместо этого они нацелены на манипулирование общественным мнением, подавление критических голосов и выгодное для себя структурирование информационного пространства стран-мишеней.

К типичным проявлениям «острой силы» относят проникновение в медийные экосистемы через аффилированные с государством каналы, соглашения о контенте и непрозрачные структуры собственности; влияние на академические и культурные институты с помощью финансирования и партнерств; использование цифровых технологий для дезинформации, троллинга и манипуляции алгоритмами социальных сетей [7].

Если «умная сила» строится на открытости и привлекательности, «острая» открытость эксплуатирует. Она обращает свободы демократических обществ – независимую прессу, университетскую автономию, плюрализм – в уязвимости, позволяя внедрять искаженные нарративы и одновременно укрываясь от встречного контроля за счет внутренней цензуры.

Таким образом, концепция «острой силы» является одним из ключевых элементов формирования образа врага в условиях информационной войны. Еще в классических исследованиях было показано, что элиты и массовая аудитория склонны воспринимать противников сквозь призму стилизованных, эмоционально заряженных образов, в которых оппонент предстает неизменно враждебным, иррациональным или морально ущербным. Подобные образы снижают когнитивную сложность, предлагая простую объяснительную схему поведения противника; а также легитимизируют санкции, наращивание вооружений и ограничение контактов с государствами, чья политика рассматривается через призму «острой силы».

Важно, что образ врага производится и воспроизводится дискурсивно – через выступления официальных лиц, медийные нарративы, научные исследования.

Автором данной работы выделен ряд механизмов, лежащих в основе концепции «острой силы» в западном научном дискурсе.

Первая и к настоящему времени повсеместная черта западного дискурса относительно «острой силы» – это эмоциональная окрашенность и предвзятость. Она редко описывается нейтральным языком; как правило, подается как «атака», «нападение» или «война против нашего информационного пространства», что делает «острую силу» угрозой демократии. Благодаря такому языку «острая сила» перестает быть проблемой регулирования или публичной дипломатии – она становится вопросом экзистенциальной безопасности. Это имеет два следствия для формирования образа врага. Во-первых, повышаются ставки: противник мыслится уже не как конкурент, а как экзистенциальная угроза. Во-вторых, легитимируются исключительные меры – слежка за организациями с зарубежными связями, ограничения для платформ и более широкий контроль над информацией – во имя защиты.

Само понятие «острой силы» несет в себе негативную коннотацию, так как «острота» ассоциируется с опасностью, отражает насильственную природу воздействия. В основе лежит механизм стереотипизации – упрощения реальных процессов и явлений для облегчения её восприятия массовой аудиторией. С этой целью используют клише, яркие эпитеты, расплывчатые формулировки, на основе которых рядовой потребитель составляет мнение по проблеме, не затрачивая лишних усилий на критический анализ и проверку фактов. Таким образом, формирование образа страны предполагает создание устойчивых стереотипов о ней, которые систематически транслируются в СМИ, а их постоянное повторение ведёт к укоренению предрассудков.

Формированию стереотипов способствует постоянное повторение определённых фраз и словосочетаний, которые со временем могут перейти в категорию предрассудков, когда человек на бессознательном уровне возводит барьер от мнений, которые отличаются от доминирующей в информационном поле точки зрения.

В то же время, название концепции «умной силы», сформулированной Дж. Наем для обозначения комплекса используемых демократическими режимами насильственных и ненасильственных мер воздействия на другие государства [4], демонстрирует работу архетипа благорасположения, который акцентирует внимание на правильности выбора новых ценностных установок, указывая на их привлекательность, соответствие современным трендам, престижность, безальтернативность [8]. На основе этого механизма и противопоставляется «умная сила» Соединенных Штатов Америки, само название которой отсылает к высоким умственным качествам людей, принимающих решения в рамках данной политики, и «острая сила» России, Китая, Ирана, чьи действия якобы имеют насильственный характер, не учитывающий мнение государства-мишени.

Еще одним механизмом, который лежит в основе концепции «острой силы», является моральная поляризация. Разговор об острой силе почти никогда не обходится без отсылок к фундаментальному столкновению неолиберальной демократии и авторитаризма. Авторитарные государства изображаются как «закрытые», «репрессивные», «склонные к обману», движимые стремлением «экспортировать» собственную модель. Демократии, напротив, предстают «открытыми обществами», «правовыми системами», «хранителями истины». Противоборство демократических режимов с автократиями рассматривается как борьба добра и зла, при этом идет апелляция к общепризнанным социальным ценностям, таким как свобода, равенство, гуманизм, и идейным абстракциям с целью формирования определённых моделей поведения в общественном сознании, что отражает такой механизм восприятия как внушение [6] несмотря на то, что один из основоположников концепции «умной силы» Дж. Най утверждал о приоритете убеждения перед внушением и принуждением.

Отражение моральной поляризации можно увидеть в том, как, например, китайские культурные и академические инициативы за рубежом могут упоминаться в одной связке с внутренними нарушениями прав человека – возникает образ единой, злонамеренной стратегии, простирающейся от подавления инакомыслия внутри страны до глобальной экспансии [10].

Подобный фрейминг имеет прямые последствия для конструирования образа врага. Так, сужается пространство для какого-либо позитивного взаимодействия: если острая сила есть прямое продолжение самой авторитарной системы, то единственно возможными опциями оказываются сдерживание и конфронтация.

Более радикальный, но всё заметнее проявляющийся пласт западного научного дискурса относительно концепции «острой силы» связан с дегуманизацией. Государства, использующие «острую силу», описываются метафорами болезни, заразы. Российская дезинформация – это «вирус», китайские платформы – «троянские кони», иностранные деньги – «коррозия», зарубежные медийные нарративы – «яд» или «раковая опухоль».

В теории образа врага дегуманизация считается решающим шагом на пути к легитимации жестких мер. Именно она позволяет публике и лицам, принимающим решения, допускать, требовать санкций, наносящих ущерб гражданскому населению, или применения военной силы.

Таким образом, концепция «острой силы», оформившаяся в западном научном дискурсе во второй половине 2010-х годов, далеко выходит за рамки нейтрального описания инструментов влияния авторитарных режимов. Она представляет собой один из центральных элементов информационной войны, направленной против России, Китая и Ирана.

В основе этой концепции лежит ряд взаимосвязанных дискурсивных механизмов, к числу которых относится, во-первых, изначальная эмоциональная окраска самого термина, который ассоциативно связывает действия противника с опасностью, насилием и скрытой угрозой, тогда как «умная сила» западных стран подаётся через архетип благорасположения, рациональности и привлекательности.

Во-вторых, механизмом воздействия можно выделить стереотипизацию, позволяющую свести многомерные политические процессы к набору клише, многократное повторение которых переводит их в разряд предрассудков.

В-третьих, это моральная поляризация, выстраивающая дихотомию «открытых демократий» и «закрытых репрессивных автократий», что переводит межгосударственную конкуренцию в плоскость борьбы добра и зла и апеллирует к базовым человеческим ценностям.

В заключение, стоит сказать, что концепция «острой силы» не столько отражает реальность, сколько участвует в её конструировании. Концепция работает как инструмент секьюритизации информационного пространства, превращая вопрос регулирования и публичной дипломатии в проблему экзистенциальной безопасности и тем самым легитимизируя наращивание информационного контроля, ограничения для иностранных платформ и ужесточение риторики. При этом содержательное сходство «острой» и «умной» сил при их диаметрально противоположной оценочной окраске обнажает идеологизированность «острой силы»: западные стратегии влияния описываются как леги-

тимные и рациональные, тогда как аналогичные действия оппонентов стигматизируются и демонизируются.

Следовательно, концепция «острой силы» должна анализироваться не как объективная категория, а как дискурсивный феномен, встроенный в систему информационного противоборства. Её критическое осмысление необходимо для вскрытия манипулятивной природы западных нарративов, интегрируемых через научную среду, и выработки обоснованных контрстратегий, ориентированных на защиту национального информационного суверенитета и продвижение альтернативных моделей международного взаимодействия.

Литература

1. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны: монография / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. – [4-е издание, переработанное и дополненное]. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2024. – 636 с.

2. Махмуд, А.Х. Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» / А.Х. Махмуд // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4–2. – С. 186–202.

3. Наумов, А.О. «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе / А.О. Наумов, М.В. Белоусова // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 48–65.

4. Наумов, А.О. Эволюция концепции «мягкой силы» Дж. Ная: от рождения идеи до наших дней / А.О. Наумов, М.В. Белоусова // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2022. – № 2. – С. 3–23.

5. Панарин, И.Н. Информационная война и дипломатия / И.Н. Панарин; И.Н. Панарин. – Москва: Городец, 2004. – 284 с.

6. Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 448 с.

7. Романов, А.А. Коммуникативные практики «острой силы» как стратегические маркеры вербальной агрессии в информационных «войнах без войн» / А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020. – № 59. – С. 97–155.

8. Цыганов, В.В. Информационные войны в бизнесе и политике: Теория и методология: Монография / В.В. Цыганов, С.Н. Бухарин. – Москва: Академический проект, 2007. – 336 с.

9. Хибарин, В.А. Категория «силы» политических акторов в контексте информационных войн Запада / В.А. Хибарин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16, № 6. – С. 122–140.

10. Aras, İ. (2022). Understanding China through sharp power: Dragon's teeth?. İçtimaiyat Sosyal Bilimler Dergisi, 6 (2), p. 623–635.

11. Molander R.C. Strategic Information Warfare: A New Face of War / Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson, RAND Corporation, 1996 [Electronic resource]. – URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (accessed 15 May 2026).

12. Walker 2016 – Walker Ch. The Authoritarian Threat: The hijacking of «Soft Power» // Journal of Democracy. John Hopkins University Press. Vol. 27. № 1. January 2016. P. 49–63.

13. Walker 2018 – Walker Ch. What is «Sharp Power»? // Journal of Democracy. John Hopkins University Press. Volume 29. № 3. 2018. P. 9–23.) (Walker, Ludwig 2017 – Walker Ch., Ludwig J. The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence // Forreign Affairs 2017, November 16 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017–11–16/meaning-sharp-power?cid=int-fls&pgtype=hpg (accessed 15 May 2026).

THE CONCEPT OF «SHARP POWER» AS AN INSTRUMENT OF INFORMATION WARFARE: ENEMY IMAGE FORMATION IN WESTERN ACADEMIC DISCOURSE

Korenkov I.O.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The intensification of geopolitical confrontation and the development of information and communication technologies have brought renewed attention to the study of discursive practices used to influence an opponent. Western scholarship has produced the concepts of «smart power» and «sharp power,» intended to differentiate the tools of influence employed by democratic and authoritarian regimes. The research problem lies in the substantive similarity of these two notions despite their diametrically opposed evaluative connotations: «smart power» is endowed with a positive connotation and associated with the legitimate promotion of national interests by Western democracies, whereas «sharp power» is described in negative terms and attributed primarily to Russia, China, and Iran. The aim of this article is to identify and systematize the discursive mechanisms underlying the concept of «sharp power» in Western academic discourse. As a result of the study, the author concludes that «sharp power» is not a neutral scholarly category but an ideologically loaded discursive phenomenon embedded in the system of information warfare. Its critical examination is essential to expose the manipulative nature of Western narratives and to develop scientifically grounded strategies for protecting national information sovereignty.

Keywords: sharp power, smart power, information warfare, critical discourse analysis, enemy image, stereotyping, moral polarization, archetype.

References

1. Manoilo, A.V. State Information Policy in the Context of Information-Psychological Warfare: monograph / A.V. Manoilo, A.I. Petrenko, D.B. Frolov. – [4th edition, revised and expanded]. – Moscow: Goryachaya Liniya – Telekom, 2024. – 636 p.

2. Makhmud, A. Kh. Sharp Power: An Attempt by Western Authors to Divide Soft Power into «Ours» and «Theirs» / A. Kh. Makhmud // RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. – 2020. – № 4–2. – P. 186–202.

3. Naumov, A.O. «Sharp Power»: A Critical Analysis in Contemporary Scholarly Discourse / A.O. Naumov, M.V. Belousova // Discourse- P. – 2022. – Vol. 19, № 4. – P. 48–65.

4. Naumov, A.O. The Evolution of J. Nye's «Soft Power» Concept: From the Birth of the Idea to the Present Day / A.O. Naumov, M.V. Belousova // Moscow University Bulletin. Series 21: Governance (State and Society). – 2022. – № 2. – P. 3–23.

5. Panarin, I.N. Information Warfare and Diplomacy / I.N. Panarin. – Moscow: Gorodets, 2004. – 284 p.

6. Political Psychology: A Reader / Comp. by E.B. Shestopal. – 4th ed., revised and expanded. – Moscow: Aspekt Press, 2018. – 448 p.

7. Romanov, A.A. Communicative Practices of «Sharp Power» as Strategic Markers of Verbal Aggression in Information «Wars Without War» / A.A. Romanov, L.A. Romanova, O.N. Morozova // World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal. – 2020. – № 59. – P. 97–155.

8. Tsyganov, V.V. Information Wars in Business and Politics: Theory and Methodology: Monograph / V.V. Tsyganov, S.N. Bukharin. – Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2007. – 336 p.

9. Khibarin, V.A. The Category of «Power» of Political Actors in the Context of Western Information Wars / V.A. Khibarin // Central Russian Journal of Social Sciences. – 2021. – Vol. 16, № 6. – P. 122–140.

10. Aras, İ. (2022). Understanding China through Sharp Power: Dragon's Teeth? İçtimaiyat Sosyal Bilimler Dergisi, 6(2), pp. 623–635.

11. Molander, R.C. Strategic Information Warfare: A New Face of War / Roger C. Molander, Andrew S. Riddile, Peter A. Wilson, RAND Corporation, 1996 [Electronic resource]. – URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2005/MR661.pdf (accessed 15 May 2026).

12. Walker 2016 – Walker, Ch. The Authoritarian Threat: The Hijacking of «Soft Power» // Journal of Democracy. Johns Hopkins University Press. Vol. 27, № 1. January 2016. P. 49–63.

13. Walker 2018 – Walker, Ch. What is «Sharp Power»? // Journal of Democracy. Johns Hopkins University Press. Vol. 29, № 3. 2018. P. 9–23.) (Walker, Ludwig 2017 – Walker, Ch., Ludwig, J. The Meaning of Sharp Power: How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs, 2017, November 16 [Electronic resource]. – URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017–11–16/meaning-sharp-power?cid=int-fls&pgtype=hpg (accessed 15 May 2026).

Кодекс цифрового взаимодействия парламентария как инструмент укрепления легитимности региональной законодательной власти (на примере Санкт-Петербурга)

Кугай Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС
E-mail: kugay3@yandex.ru

Шахова Ксения Александровна,
магистр Северо-Западного института управления РАНХиГС; помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
E-mail: office@kshmedia.ru

Цель исследования заключается в разработке прикладного нормативно-поведенческого инструментария – проекта «Кодекса цифрового взаимодействия парламентария» – для оптимизации цифрового имиджа законодательной власти региона. Задачи исследования: 1. Изучить трансформацию подходов к формированию имиджа публичных политиков от традиционных моделей к цифровой репрезентации. 2. Спроектировать проект нормативного документа («Кодекса цифрового взаимодействия парламентария») применительно к специфике Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. Методология выстроена вокруг авторской классификации типов цифрового поведения депутатов и сопряженных с ними имиджевых моделей, спроектированных с опорой на принципы сегментации сетевых сообществ и дискурс-анализ профилей законодателей в социальных медиа. Результаты. Главным прикладным результатом исследования стал разработанный проект «Кодекса цифрового взаимодействия парламентария». Документ регламентирует принципы позиционирования, ведения публичных дискуссий и антикризисных коммуникаций депутатов в цифровой среде. Выводы. Внедрение предложенного Кодекса в практику Законодательного Собрания Санкт-Петербурга позволяет преодолеть разрыв между коммуникативными ожиданиями горожан и реальным позиционированием депутатов. Систематизация сетевой активности парламентариев выступает ключевым ресурсом регионального управления, повышая общую легитимность и уровень доверия к законодательному органу власти.

Ключевые слова: цифровой имидж, региональное управление, ЗАКС Санкт-Петербурга, медиатизация политики, кодекс цифрового взаимодействия парламентария.

Введение

Санкт-Петербург, являясь одним из наиболее технологически развитых субъектов России[1], обладает конкурентной цифровой инфраструктурой. Высокий уровень гражданской активности в сочетании со спецификой региональной политической культуры формирует повышенный запрос общества на качество публичной репрезентации власти. Создание и запуск сети Центров управления регионами (ЦУР), инициированные Президентом России Владимиром Путиным в 2020 году, сформировали принципиально новый технологический базис для коммуникации власти и общества. Это позволило перевести процесс формирования имиджа власти в плоскость оперативного «инцидент-менеджмента» и системной обратной связи[2]. Деятельность ЦУР не только переводит виртуальный образ госорганов в измеряемый управленческий ресурс, но и выступает важным инструментом достижения цифровой трансформации – одной из приоритетных национальных целей развития страны на период до 2030 года и перспективу до 2036 года[3].

В «мегаполисе XXI века»[4] цифровая среда выступает фундаментом доверия к институтам власти. Вследствие этого традиционный имидж государственного органа закономерно эволюционирует в его цифровую форму, где репутационный капитал аккумулируется преимущественно в рамках глобальной цифровой экосистемы, сотканной из множества личных медиапотоков. Таким образом, имидж Законодательного Собрания Санкт-Петербурга становится производным от характера медиакоммуникаций всех депутатов: их персональной активности в социальных медиа, готовности к прямому диалогу и скорости реагирования на запросы жителей.

Несмотря на стремительную цифровизацию госуправления, теоретическое осмысление имиджа регионального парламента остается фрагментарным. Исследовательские подходы часто ограничиваются анализом социологических опросов и оценкой публикаций в СМИ, оставляя за рамками внимания механизмы того, как персональное позиционирование политиков в социальных сетях влияет на восприятие деятельности всего законодательного органа. Между тем значительная концентрация аудитории в сетевом пространстве выступает ключевым фактором изменения структуры медиапотребления: по данным Mediascope и Brand Analytics, «соцсетями пользуются около 95 млн россиян старше 12 лет (около 80% населения страны), а ежедневный охват основных площадок стабильно превышает 70 млн пользователей, которые проводят в соцсетях больше двух часов в день»[5], что свидетельствует о практически полной интеграции общества в онлайн-среду.

Методологический контур исследования выстроен вокруг авторской классификации типов цифрового поведения депутатов и сопряженных с ними имиджевых моделей, спроектированных с опорой на апробированные принципы сегментации сетевых сообществ. Подобный аналитический инструментарий обеспечил необходимую теоретическую преемственность и позволил эксплицировать диссонанс

[1] Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 10 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов, и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. Текст. Дан. (21.7 Мб). М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/primarydata/rir (дата обращения: 01.12.2025).

[2] Центры управления регионами // Диалог: цифровые коммуникации [Электронный ресурс]. URL: https://dialog.info/projects/region-management-center/?ysclid=mnfajqdlys16795679 (дата обращения: 03.09.2025).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=mn99p8yqis982433443 (дата обращения: 15.02.2026).

[4] Александр Беглов: под руководством Президента и при поддержке партии «Единая Россия» мы развиваем Петербург как мегаполис XXI века в рамках программы десяти приоритетов // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/press/governor/308159/ (дата обращения: 01.12.2025).

[5] Социальные сети в России – полный список популярных площадок со статистикой по аудитории // Elama [Электронный ресурс]. URL: https://elama.ru/blog/socialnye-seti-v-rossii/ (дата обращения: 10.04.2026).

между ожиданиями петербуржцев и зачастую ригидными стратегиями позиционирования региональных парламентариев.

Актуальность исследования обусловлена переходом органов власти к сервисному взаимодействию с гражданами, что требует институционализации правил цифровых коммуникаций. Данные аспекты нашли отражение в разработке проекта «Кодекса цифрового взаимодействия парламентария».

Эволюция имиджа: от традиционных моделей к цифровой репрезентации

Анализ зарубежных практик показывает, что в современной политической реальности происходит отказ от административной «безликости»: лидеры превращаются в так называемые «символические полюса», олицетворяющие «душу организации», а их медийная активность становится реальной «техникой власти» [11]. В эпоху, когда классические цензоры-«гейткиперы», о которых пишет Артур Урбаняк, теряют контроль над информационными потоками, доверие к институтам начинает формироваться через «внешний круг» – аудиторию, для которой легитимность подтверждается «частотой присутствия» субъекта в медиаполе [9; 13; 14]. В тоже время исследования И. Глоггер, А. Шенаты, Д.Н. Хопманна и С. Крюйкемейер констатируют: медиапотребление определяет принадлежность граждан к устойчивым группам «оптимистов» или «пессимистов» через механизм «горизонтального ограничения» (Horizontal Constraining), заставляющий аудиторию оценивать разрозненные сферы жизни региона через единую эмоциональную призму. В этой логике даже локальный имиджевый инцидент представителя власти в цифровом пространстве может быть экстраполирован на весь региональный орган, запуская процесс интеграции частных негативных впечатлений в устойчивый образ институциональной неэффективности [8].

Следует признать, что цифровой имидж – это уже не столько инструмент коммуникации, сколько фундаментальный ресурс регионального управления, обеспечивающий «системную устойчивость» (systemic resilience) всей территории [10]. Накопленный имиджевый ресурс позволяет власти сохранять управляемость в периоды кризисов, опираясь на полноценную «двустороннюю связь» с жителями [7]. Согласно исследованию Я. Вилли, М. Пютца и М. Мюллера, эффективность современной модели регионального управления определена взаимодействием пяти ключевых измерений: «участием» (Participation), «региональной автономией» (Regional autonomy), «формализацией» (Formalisation), «властными отношениями» (Power relations) и «обязательностью» (Bindingness) [15]. Логическим завершением этой эволюции в цифровой экономике становится переход к стратегии «управления цифровизацией через цифровизацию» (govern digitalization with digitalization). Как доказывают в своей работе Ю. Ли и Ч. Чжу, подобная модель государственного цифрового управления позволяет эффективно противодействовать «цифровому камуфляжу» (digital washing) – практике имиджевых манипуляций, при которых публичные заявления превалируют над реальными делами [12].

Сегодня, когда высока потребность в понимании того, что на самом деле стоит за цифровым образом народных избранников, важно вернуться к фундаментальному вопросу о сущности имиджа в социально-политическом пространстве. Имидж имеет много определений в ряде наук. Исторически данный многофакторный феномен использовался как инструмент дифференциации и посредник между политическим лидером и народом. Однако в современных условиях медиатизации Д.П. Гавра справедливо интерпретирует его как стратегический нематериальный актив в условиях медиатизации политической сферы [1; 2]. Он также отмечает, что «имидж не существует вне своего субъекта или носителя», а категория мнения ключевая для понимания имиджа [1, с. 33].

Наиболее динамичным структурным компонентом имиджа Законодательного Собирания является персональный цифровой имидж депутатов, репрезентирующий концепт «власти лиц» в эпоху цифровизации. Данная тенденция подтверждается трансформацией самой роли регионального лидера: от принятия решений без учета цифровых факторов до становления «архитектором цифровых процессов и технологий» [5, с. 17].

Результаты и обсуждение

В рамках исследования медиаактивности петербургских парламентариев был проведен комплексный анализ персональных аккаунтов всех 50 депутатов Законодательного Собрания VII созыва. Данный мониторинг послужил основой для описания ключевых функциональных моделей имиджевого позиционирования в цифровом пространстве. Совокупность индивидуальных стратегий формирует многоуровневый коммуникационный каркас парламента, определяющий восприятие органа власти гражданами. Исследование позволило оценить не только технологическую зрелость депутатского корпуса, но и потенциал укрепления легитимности Законодательного Собрания через механизмы повседневной цифровой доступности. В этой парадигме каждый народный избранник выступает персонифицированным гарантом информационной открытости и публичности власти.

Несмотря на поступательный характер регистрации депутатов в национальном мессенджере «MAX», доминирующие позиции в архитектуре цифрового имиджа сохраняют платформы «ВКонтакте» и «Телеграм».

Рейтинг цифровой эффективности был составлен на основе классификации аккаунтов парламентариев по уровню их активности. Для объективного анализа цифрового имиджа сформирована система критериев, объединяющая три функциональных блока: *инфраструктурный контур* (анализ ресурсной базы и охватов); *контентная стратегия* (оценка содержательных характеристик и персонального имиджа); *архитектура взаимодействия* (исследование уровня интерактивности). Данный инструментарий позволяет оценивать не только *количественные показатели* (масштаб охвата), но и *качественные параметры* (глубину вовлеченности и степень доверия аудитории).

1. *Инфраструктурный контур* (ресурсы и охват) – макс. 8 баллов. Синергия площадок – 1 балл; верификация – 2 балла; аудиторный капитал – 2 балла; медиарезонанс – 2 балла; наличие ссылок на «MAX» – 1 балл.

2. *Контентная стратегия* (качество и личный имидж) – макс. 9 баллов. Мультимедийность – 3 балла; комментирование проблемного поля – 3 балла; цифровая сервисность – 3 балла.

3. *Архитектура взаимодействия* (интерактивность) – макс. 7 баллов. Доступ к комментариям – 2 балла; ответы на комментарии – 3 балла; проведение опросов – 2 балла.

Применение балльной системы к аккаунтам способствует выявлению системных «разрывов» в коммуникационной политике парламента, требующих корректировки на уровне аппарата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. На основе интегрального показателя медиаактивности были разработаны имиджевые модели, характеризующие специфику присутствия депутатов в информационном поле. Данная типология позволяет оценить, насколько цифровой имидж парламентария соответствует запросам современного общества, и выявить возможный разрыв между аппаратным статусом депутата и его реальной востребованностью в цифровой среде. Анализ эмпирической базы позволил сконструировать четыре доминирующих модели имиджевого позиционирования.

1. Имиджевая модель *«Медиадрайвер»* (20–24 балла).

Бельский А.Н. (21б.), Гладунов Ю.Н. (23б.), Малькевич А.А. (24б.), Павлов Д.Г. (23б.), Ржаненков А.Н. (21б.), Рябоконь А.А. (21б.), Цивилев А.Н. (23б.), Чебыкин К.А. (20б.), Четырбок Д.А. (21б.), Шишкина М.А. (20б.)

Здесь реализуется стратегия цифрового лидерства. Депутаты, набравшие максимальный балл, формируют имидж «медиатяжеловеса», чей авторитет выходит чаще всего за рамки региональной повестки. Имиджевый эффект: формирование образа харизматичного политика, задающего тренды и поддерживающего живой, интерактивный диалог с широкой аудиторией избирателей.

2. Имиджевая модель *«Локальный медиалидер»* (14–19 баллов).

Авдеев Ю.В. (16б.), Амосов М.И. (16б.), Астахова Н.В. (17б.), Барышников М.И. (18б.), Беликов В.Ф. (14б.), Бондаренко Н.Л. (14б.), Гарнец В.Н. (13б.), Горшечников А.А. (18б.), Зинчук А.В. (17б.), Иванова И.В. (15б.), Киселева Е.Ю. (17б.), Крупник П.А. (15б.), Малков А.В. (17б.), Мельникова А.Р. (14б.), Новиков А.И. (15б.), Панов Д.В. (15б.), Рудаков А.Ю. (16б.), Сергеева В.В. (16б.), Ходосок А.В. (17б.)

Данная модель ориентирована на формирование имиджа «своего депутата», глубоко интегрированного в проблематику конкретной территории или избирательного округа. Отличает данную модель то, что медийная активность носит прикладной характер и сфокусирована в основном на работе «в полях», партийном строительстве или районном благоустройстве.

3. Имиджевая модель *«Медиапротоколист»* (7–13 баллов).

Алескеров А.Э. (9б.), Бороденчик В.И. (11б.), Высоцкий И.В. (14б.), Герасина О.В. (11б.), Дмитриев Д.В. (9б.), Егорова Л.И. (9б.), Зверев Б.А. (7б.), Иткин П.М. (12б.), Кононенко Р.И. (7б.), Кущак А.И. (13б.), Макаров А.А. (13б.), Макарова М.В. (7б.), Менделеева Л.Ю. (8б.), Милюта О.Э. (9б.), Носов В.Н. (13б.), Рахова Е.А. (9б.), Соловьев А.В. (13б.), Шишлов А.В. (7б.), Штанникова О.О. (8б.)

Модель характеризуется номинальным участием в цифровом диалоге, где социальные медиа рассматриваются в большей степени как инструмент административной отчетности. Обратная связь в таких профилях носит регламентированный характер или отсутствует. Имид-

жевый эффект: формирование образа «отстраненного чиновника», чья деятельность в сети воспринимается аудиторией как инерционная и не вызывающая эмоционального отклика.

4. Имиджевая модель «*Цифровой аскет*» (0–6 баллов).
Рассудов А.Н. (4б.), Яковлев М.Э. (0б.)

К этой категории относятся депутаты, чье присутствие в сети ограничено режимом «одностороннего вещания» либо полностью отсутствует. Имиджевый эффект: образ депутата фактически растворяется в государственном или партийном бренде. В условиях цифровизации такая модель снижает узнаваемость представителя власти в молодежной и технологически активной среде.

Соотношение выявленных имиджевых моделей всех депутатов VII созыва позволяет оценить цифровой имидж Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, так как именно депутаты выступают главными лицами персонифицированного представительства органа власти. Результаты исследования отражены на диаграмме (рис. 1).

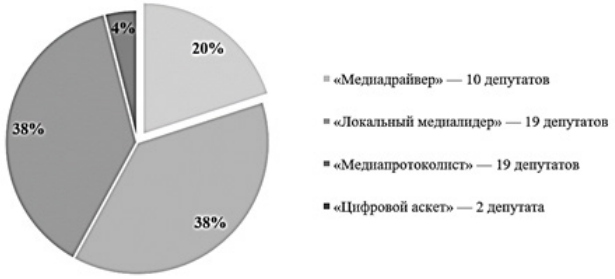


Рис. 1. Диаграмма «Процентное соотношение представителей имиджевых моделей в цифровом пространстве в региональном парламенте Санкт-Петербурга»

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования.

Количественное распределение в рамках VII созыва показывает, что имиджевые модели «*Цифровой аскет*» (2 депутата – 4%) и «*Медиапротоколист*» (19 депутатов 38%), суммарно охватывающие 21 парламентария, создают определенные риски институциональной закрытости. Напротив, проактивная стратегия «*Медиадрайвер*» (10 депутатов – 20%) и модель «*Локальный медиалидер*» (19 депутатов – 38%) превалируют в общей структуре (29 парламентариев). Большинство участников (76%) разделились поровну между «*Локальными медиалидерами*» и «*Медиапротоколистами*» (по 38% на каждую группу), что говорит о преобладании умеренной и системной активности и отражает переходный характер цифровой трансформации парламента.

В то же время 38% депутатов, представляющих модель «*Медиапротоколист*», сохраняют приверженность инерционному сценарию. С точки зрения имиджевой стратегии это создает эффект «информационной дистанции»: орган власти в их лице воспринимается как закрытая система. Минимальный удельный вес «*Цифровых аскетов*» (всего 4%) подтверждает, что полное отсутствие в медиапространстве сегодня признается политическим риском.

Анализ «цифровой сервисности» показал уровень доступности контактной информации на страницах депутатов в социальной сети «ВКонтакте». Согласно исследованию, у 35 парламентариев (70%) в профиле опубликованы данные о приемах граждан: телефоны для записи, адреса приемных, а также способы подачи обращений в онлайн и офлайн форматах. У остальных 15 депутатов (30%) подобная информация в социальных сетях и мессенджерах отсутствует.

Параметр «открытости комментариев» характеризует готовность законодателей к прямой обратной связи в «ВКонтакте» и «Телеграм». Так, 23 депутата (46%) поддерживают возможность комментирования на обеих площадках. У 15 человек (30%) комментарии открыты только на одном из ресурсов, у 12 представителей регионального парламента (24%) полностью закрыли возможность обсуждения под своими публикациями.

Оценка «реактивности» позволяет судить о качестве взаимодействия депутатов с аудиторией в сети. Исследование выявило, что только 16 парламентариев (32%) активно отвечают на публичные сообщения и вступают в диалог. Большинство же – 34 депутата (68%) – предпочитают оставлять комментарии пользователей без ответов, ограничиваясь лишь публикацией контента.

Таким образом, совокупный анализ персональных аккаунтов депутатов по всем категориям – средний показатель в 14,2 балла (нижняя граница модели «*Локального медиалидера*») – фиксирует, что имидж Законодательного Собрания Санкт-Петербурга эволюционирует от парадигмы одностороннего информирования к стандартам сервисного представительства. Для окончательного закрепления имиджа открытого органа власти необходимо методическое «подтягивание» группы «*Медиапротоколистов*» до уровня активного двустороннего взаимодействия, что станет залогом устойчивости имиджа парламента в условиях цифровой реальности.

Барьеры в формировании позитивного имиджа лежат в плоскости индивидуальных правовых инцидентов членов депутатского корпуса. В отличие от межфракционных дискуссий, которые воспринимаются аудиторией как элемент нормального политического процесса, резонансные факты правонарушений, активно тиражируемые в СМИ, создают прямые имиджевые угрозы. Широкое освещение данных инцидентов в информационном поле выносит внутренние проблемы парламента в публичную плоскость, что приводит к замещению конструктивной повестки дня скандальным контентом. Среди наиболее значимых инцидентов следует выделить:

1. Резонансные уголовные дела. В 2023–2025 гг. в центре внимания СМИ оказались дела в отношении депутатов А.А. Малькевича[1], О.Э. Милюты[2] и Е.А. Раховой[3].

2. Административные инциденты в цифровом пространстве. Факты привлечения депутатов А.В. Шишлова[4] и О.О. Штанниковой[5] к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ (демонстрация запрещенной символики) в 2026 году за публикации в социальных сетях выявляют проблему «цифровой уязвимости» политиков и риски, связанные с ретроспективным анализом их онлайн-активности.

3. Публичные внутрифракционные споры. Случай с депутатом Б.А. Зверевым[6], от сотрудничества с которым в 2022 году публично отказалась фракция КПРФ, демонстрирует барьер в виде отсутствия внутренней консолидации и прозрачных процедур партийного строительства.

Таким образом, если межфракционная конкуренция может рассматриваться как ресурс развития имиджа, то вышеуказанные факты формируют массив устойчивой негативной информации. Наличие таких барьеров, а также стихийный уход публичного дискурса в «цифру» подтверждают необходимость внедрения стандартов публичного поведения в рамках «Кодекса цифрового взаимодействия парламентария».

Кодекс цифрового взаимодействия парламентария

Цель документа – переориентация коммуникаций депутатского корпуса с одностороннего информирования граждан о результатах работы на формат интерактивного сервиса, позволяющего оперативно выявлять проблемы на местах и получать «живой» отклик избирателей. Важно подчеркнуть: документ является не сводом запретов, а гуманитарной технологией. Он задает этические и функциональные ориентиры для конструктивного диалога в условиях поляризации мнений, а в эпоху «цифровых следов» выступает ещё и защитным механизмом, поскольку определяет стандарты реагирования на негатив, минимизируя вероятность репутационных скандалов и имиджевых потерь.

Систематизируя присутствие парламентария в цифровом пространстве, «Кодекс цифрового взаимодействия парламентария» превращает личную страницу в эффективный институт электронной демократии, направленный на укрепление доверия к законодательной власти региона. Предложенный Кодекс базируется на следующих положениях:

---

[1] «Ъ»: в хищении средств телеканала «Санкт-Петербург» обвиняют медиаменеджера Малькевича // Официальный сайт газеты «Коммерсант» [Электронный ресурс]. URL: https://www.fontanka.ru/2026/03/03/76291560/?ysclid=mnf8nc1mm8115852335 (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Колпинский суд Петербурга продлил арест депутату Милюте и фигурантам дела о взятке // Официальный сайт новостного портала «mr-7» [Электронный ресурс]. URL: https://mr-7.ru/articles/2025/12/23/kolpinskii-sud-peterburga-prodlil-arest-deputatu-miliute-i-figurantam-dela-o-vziatke-news?ysclid=mnf8ogx18p207932792 (дата обращения: 05.03.2026).

[3] Дело «мертвых душ». Депутат Рахова заявила, что вернула в бюджет 1,8 млн // Официальный сайт электронной газеты «Фонтанка» [Электронный ресурс]. URL: https://www.fontanka.ru/2026/03/03/76292756/?ysclid=mnf8ppjd9g361827533 (дата обращения: 05.03.2026).

[4] На Шишлова составили протокол о демонстрации запрещенной символики // Официальный сайт новостного портала «ЗАКС.Ру» [Электронный ресурс]. URL: https://www.zaks.ru/new/archive/view/265817?ysclid=mnf8tboncg537874428 (дата обращения: 05.03.2026).

[5] Депутата от «Яблока» Штанникову признали виновной в демонстрации экстремистской символики // Официальный сайт электронной газеты «Фонтанка» [Электронный ресурс]. URL: https://www.fontanka.ru/2025/11/27/76143550/?ysclid=mnf8u5uzhb752721561 (дата обращения: 05.03.2026).

[6] «Отлучили» от КПРФ за строптивость. Путь флотского офицера – от управдома до оппозиции коммунистам // Официальный сайт электронной газеты «Фонтанка» [Электронный ресурс]. URL: https://www.fontanka.ru/2023/01/31/72017663/?ysclid=mnf8wv2p18266650227 (дата обращения: 05.03.2026).

1. Официальное подтверждение статуса страницы/группы депутата (верификация, получение знака «подтвержденного профиля»). В условиях перехода медиапространства к фазе «чистого симулякра», когда алгоритмы ИИ способны создавать неотличимый от реальности синтетический контент, верификация становится не просто формальностью, а необходимой защитой цифрового имиджа от деструктивного влияния дипфейков [3].

2. Информационная открытость и стандартизация «цифровой визитной карточки» парламентария. Профиль должен содержать актуальную информацию о графике личного приема, контакты приемной либо помощников и ссылки на официальные ресурсы для подачи обращения в электронной форме. Это позволит избирателю в один клик понять, как и когда он может получить реальную помощь.

3. Регламентация культуры диалога. Переход к взаимодействию с гражданами (участниками сетевого сообщества) через формат открытых комментариев, их модерацию и соблюдение этических норм. Кодекс устанавливает рекомендуемые временные стандарты обратной связи, что позволяет дисциплинировать работу аппарата депутата и повысить доверие к законодательной власти в целом.

4. Механизмы контроля и ответственности. Функции по мониторингу цифровой среды, контролю за соблюдением Кодекса и рассмотрению этических споров предлагается закрепить за действующей Комиссией по молодежной политике, делам общественных объединений и цифровизации (далее – профильная Комиссия). Несоблюдение положений документа влечет за собой меры ответственности, предусмотренные регламентом Законодательного Собрания и решениями профильной Комиссии.

5. Межпоколенческое взаимодействие. В целях обеспечения эффективного цифрового взаимодействия и повышения информационной культуры к работе профильной Комиссии в качестве советников привлекаются члены Молодежного парламента при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Привлечение молодых парламентариев обусловлено тем, что в эпоху цифровизации именно молодежь выступает «лидером, проводником и ускорителем внедрения в практику новых идей», наиболее быстро осваивая инновационные технологии коммуникации [4, с. 95].

В этой связи за каждым депутатом регионального парламента закрепляется член Молодежного парламента для оказания информационной и технической поддержки по следующим направлениям: помощь в верификации и ведении официальных страниц; консультирование по функционалу национального мессенджера MAX и возможностей иных платформ; мониторинг сообщений граждан в комментариях, оперативная подготовка проектов ответов (совместно с действующим аппаратом депутата); аналитическая работа по исследованию изменений в цифровой среде; содействие в организации прямых эфиров и видеомостов с избирателями. Советники из числа членов Молодежного парламента имеют право совещательного голоса при рассмотрении профильной Комиссией дел о нарушении норм цифровой этики, выступая в роли независимых консультантов по вопросам цифровых коммуникаций. Результаты мониторинга и экспертные оценки членов Молодежного парламента учитываются профильной Комиссией при подготовке аналитических материалов о состоянии цифрового имиджа регионального парламента и вынесении заключений о нарушениях норм Кодекса.

Современное законодательство (реализация положений Федерального закона от 09 февраля 2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (последняя редакция)[1] и Федерального закона от 08 августа 2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2]) формирует понятный правовой каркас, в рамках которого цифровое присутствие депутата перестает быть его частным выбором и становится элементом исполнения государственных функций. Однако, если федеральные нормы задают количественные параметры (например, обязательной регистрации в Роскомнадзоре подлежат владельцы страниц и каналов, аудитория которых составляет более 10 000 подписчиков), то вопрос содержательного качества и этики взаимодействия остается в зоне ответственности регионального парламента и индивидуальной культуры конкретного депутата. Именно на восполнение этого методического вакуума направлен проект «Кодекса цифрового взаимодействия парламентария». Федеральный закон от 08 августа 2024 № 303-ФЗ легитимирует статус медиаканалов, а Кодекс определяет внутреннюю механику их работы. Как следствие, «Кодекс цифрового взаимодействия парламентария» выступает необходимым методическим дополнением к федеральному законодательству, обеспечивая синхронизацию деятельности регионального парламента с общефедеральным вектором цифровой трансформации.

Документ представляет собой концептуальный свод этических и профессиональных стандартов и предполагает создание системы мягкого и жесткого регулирования, где стратегическим приоритетом выступает сохранение и укрепление позитивного имиджа института парламентаризма в цифровой среде. Меры ответственности могут быть классифицированы по степени тяжести нарушения: меры морально-этического воздействия, дисциплинарные санкции, политическая ответственность, правовая преемственность. Система мер, предусмотренная Кодексом, интегрируется в существующее правовое поле и формирует внутренний контур саморегулирования, позволяющий институту парламентаризма самостоятельно корректировать имидж, не доводя информационные конфликты до стадии судебных разбирательств.

Заключение

Внедрение «Кодекса цифрового взаимодействия парламентария» поможет решить фундаментальные задачи, стоящие перед Законодательным Собранием Санкт-Петербурга в контексте цифровизации: снятие проблемы «мертвых аккаунтов», повышение доверия через верификацию, дебюрократизация коммуникаций, модернизация механизмов прямой демократии, защита институционального авторитета, обеспечение информационной гигиены и безопасности, этическая навигация.

Апробация и внедрение данных стандартов позволят Санкт-Петербургу стать первым субъектом Российской Федерации, закрепившим единые правила цифровой коммуникации для законодательного органа власти на системном уровне. Реализация этой инициативы создаст масштабируемую региональную модель «умного парламентаризма», которая может быть экстраполирована на другие регионы страны как эталонный стандарт открытости и эффективности в эпоху цифрового общества.

Литература

1. Гавра Д.П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // ЖССА. 2013. № 4. С. 29–43.

2. Гавра Д.П., Сулейманов Э.А. Медиатизация политической сферы в датафицированном социуме: процессы и эффекты // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 37. С. 141–159

3. Кугай А.И. Дипфейк-технологии и трансформация концепции истины: от отражения к чистому симулякру: сборник трудов конференции // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 10 февр. 2026 г.) / редкол.: Э.В. Фомин [и др.]. 2026. Чебоксары: ИД «Среда», 2026. С. 44–46.

4. Кугай А.И., Михайлова В.В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. 2019. № 7 (127). С. 90–99.

5. Попов Е.В. Уровни цифровой зрелости региональной власти // Экономика науки. 2025. № 11(1). С. 10–22.

6. Battista D. Political reconfiguration in the social space: data analysis and future perspective // Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 8. Art. 1226509. P. 1–9. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1226509.

7. Busco C. Introducing the municipal digital offering index for evaluating online services and addressing the digital divide / C. Busco, F. González, P. Farina (et al.) // PeerJ Computer Science. 2025. Vol. 11. Art. e3049. DOI: 10.7717/peerj-cs.3049.

8. Glogger I. The world around us and the picture(s) in our heads: The effects of news media use on belief organization / I. Glogger, A. Shehata, D.N. Hopmann, S. Kruikemeier // Communication Monographs. 2023. Vol. 90, N 2. P. 159–180. DOI: 10.1080/03637751.2022.2149830.

9. Himelboim I. Social media and online political communication: the role of interpersonal informational trust and openness / I. Himelboim, R. Weaver Lariscy, S.F. Tinkham, K.D. Sweetser // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2012. Vol. 56, N. 1. P. 92–115. DOI: 10.1080/08838151.2011.648682.

[1] Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (последняя редакция) // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/?ysclid=mn9oqkwrm1531591455 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/documents/2024/08/15/document-o-svyazi.html?ysclid=mn9p4p7inu190198976&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.04.2026).

10. Ilcic A., Fuentes M., Lawler D. Artificial intelligence, complexity, and systemic resilience in global governance // Frontiers in Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. Art. 1562095. P. 1–15. DOI: 10.3389/frai.2025.1562095.

11. Kantola A. Mediatization of Power: Corporate CEOs in Flexible Capitalism // Nordicom Review. 2014. Vol. 35, N 2. P. 29–41. DOI: 10.2478/nor-2014-0013.

12. Li Y. Govern digitalization with digitalization: government digital governance and corporate false digital disclosure // International Review of Economics and Finance. 2026. Vol. 106. Art. 104974. DOI: 10.1016/j.iref.2026.104974.

13. Pfister R. Headlines win elections: Mere exposure to fictitious news media alters voting behavior / R. Pfister, K.A. Schwarz, P. Holzmann (et al.) // PLoS ONE. 2023. Vol. 18, N 8. Art. e0289341. DOI: 10.1371/journal.pone.0289341.

14. Urbaniak A. New media in image-making. How have emerging communications transformed the political process? // Scripta Neophilologica Posnaniensia. 2018. Tom XVIII. P. 97–108. DOI: 10.14746/snp.2018.18.10.

15. Willi Y. Towards a versatile and multidimensional framework to analyse regional governance / Y. Willi, M. Putz, M. Muller // Environment and Planning C: Politics and Space. 2018. Vol. 36, N 5. P. 775–795. DOI: 10.1177/2399654418760859.

THE CODE OF DIGITAL INTERACTION FOR PARLIAMENTARIANS AS A TOOL FOR STRENGTHENING THE LEGITIMACY OF REGIONAL LEGISLATIVE AUTHORITY (USING ST. PETERSBURG AS AN EXAMPLE)

Kugay A.I., Shakhova K.A.
North-West Institute of Management

The aim of this study is to develop an applied normative-behavioral toolkit – a draft «Code of Digital Interaction for Parliamentarians» – to optimize the digital image of the regional legislative branch. Research objectives: 1. To study the transformation of approaches to shaping the image of public politicians from traditional models to digital representation. 2. To draft a regulatory document («Code of Digital Interaction for Parliamentarians») applicable to the specifics of the Legislative Assembly of St. Petersburg. The methodology is built around the author's classification of types of digital behavior of deputies and associated image models, designed based on the principles of segmentation of online communities and discourse analysis of legislators' social media profiles. Results. The main practical outcome of the study was the development of a draft «Code of Digital Interaction for Members of Parliament». The document regulates the principles of positioning, conducting public debates, and anti-crisis communications for members of parliament in the digital environment. Conclusions. The implementation of the proposed Code in the practice of the Legislative Assembly of St. Petersburg helps bridge the gap between citizens' communication expectations and the actual positioning of members of parliament. Systematizing the online activity of members of parliament serves as a key resource for regional governance, enhancing the overall legitimacy and level of trust in the legislative body.

Keywords: digital image, regional governance, Legislative Assembly of St. Petersburg, mediatization of politics, code of digital interaction for members of parliament.

References

1. Gavra D.P. The Category of Image in Modern Communication Studies // ZhSS A. 2013. № 4. Pp. 29–43.

2. Gavra D.P., Suleimanov E.A. Mediatization of the Political Sphere in a Datafied Society: Processes and Effects // Russian School of Public Relations. 2025. № 37. Pp. 141–159

3. Kugai A.I. Deepfake Technologies and the Transformation of the Concept of Truth: From Reflection to Pure Simulacrum: Conference Proceedings // Socio-Economic Processes of Modern Society: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conf. with International Participation (Cheboksary, February 10, 2026) / ed. board: E.V. Fomin [et al.]. 2026. Cheboksary: ID «Sreda», 2026. Pp. 44–46.

4. Kugay A.I., Mikhailova V.V. «Digital Generation»: Threats and Hopes in the Age of Information-Digital Civilization // Management Consulting. 2019. № 7 (127). Pp. 90–99.

5. Popov E.V. Levels of Digital Maturity of Regional Authorities // Economics of Science. 2025. № 11 (1). Pp. 10–22.

6. Battista D. Political Reconfiguration in the Social Space: Data Analysis and Future Perspective // Frontiers in Sociology. 2024. Vol. 8. Art. 1226509. Pp. 1–9. DOI: 10.3389/fsoc.2023.1226509.

7. Busco C. Introducing the municipal digital offering index for evaluating online services and addressing the digital divide / C. Busco, F. González, P. Farina (et al.) // PeerJ Computer Science. 2025. Vol. 11. Art. e3049. DOI: 10.7717/peerj-cs.3049.

8. Glogger I. The world around us and the picture(s) in our heads: The effects of news media use on belief organization / I. Glogger, A. Shehata, D.N. Hopmann, S. Kruikemeier // Communication Monographs. 2023. Vol. 90, N 2. P. 159–180. DOI: 10.1080/03637751.2022.2149830.

9. Himelboim I. Social media and online political communication: the role of interpersonal informational trust and openness / I. Himelboim, R. Weaver Lariscy, S.F. Tinkham, K.D. Sweetser // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2012. Vol. 56, N. 1. P. 92–115. DOI: 10.1080/08838151.2011.648682.

10. Ilcic A., Fuentes M., Lawler D. Artificial intelligence, complexity, and systemic resilience in global governance // Frontiers in Artificial Intelligence. 2025. Vol. 8. Art. 1562095. P. 1–15. DOI: 10.3389/frai.2025.1562095.

11. Kantola A. Mediatization of Power: Corporate CEOs in Flexible Capitalism // Nordicom Review. 2014. Vol. 35, N 2. P. 29–41. DOI: 10.2478/nor-2014-0013.

12. Li Y. Govern digitalization with digitalization: government digital governance and corporate false digital disclosure // International Review of Economics and Finance. 2026. Vol. 106. Art. 104974. DOI: 10.1016/j.iref.2026.104974.

13. Pfister R. Headlines win elections: Mere exposure to fictitious news media alters voting behavior / R. Pfister, K.A. Schwarz, P. Holzmann (et al.) // PLoS ONE. 2023. Vol. 18, N 8. Art. e0289341. DOI: 10.1371/journal.pone.0289341.

14. Urbaniak A. New media in image-making. How have emerging communications transformed the political process? // Scripta Neophilologica Posnaniensia. 2018. Volume XVIII. P. 97–108. DOI: 10.14746/snp.2018.18.10.

15. Willi Y. Towards a versatile and multidimensional framework to analyze regional governance / Y. Willi, M. Putz, M. Muller // Environment and Planning C: Politics and Space. 2018. Vol. 36, N 5. P. 775–795. DOI: 10.1177/2399654418760859.

О дилеммах развития и будущих направлениях новой темы патриотического кино

Ли Пэйнун,
аспирант, специальность: виды искусства (Кино-, теле– и другие экранные искусства), Санкт-Петербург государственный институт кино и телевидения
E-mail: fanghaibo8@outlook.com

После 2010 года китайский патриотический кинематограф пережил стремительный рост. Его успех был в первую очередь обусловлен коммерциализацией, специфическими для жанра методами производства, широким использованием звёзд, притоком частного капитала, рыночно-ориентированными бизнес-моделями и новаторскими кинематографическими приёмами, что способствовало бурному развитию патриотического кино в период с 2010 по 2020 год.

Ключевые слова: кино, патриотизм, Китай.

После 2010 года китайский патриотический кинематограф пережил стремительный рост. Его успех был в первую очередь обусловлен коммерциализацией, специфическими для жанра методами производства, широким использованием звёзд, притоком частного капитала, рыночно-ориентированными бизнес-моделями и новаторскими кинематографическими приёмами, что способствовало бурному развитию патриотического кино в период с 2010 по 2020 год.

Продолжая эту мысль, можно отметить, что этот феномен не был случайным, а стал результатом целенаправленной синергии между государственной культурной политикой и рыночными механизмами в Китае: за многими коммерческими успехами часто стоят государственные программы целевого финансирования. Эта практика является общемировой, Голливудские фильмы также могут называться «независимыми» и «свободными», в различных министерствах правительства (например, обороны) существуют структуры по взаимодействию с киностудиями.[1]

Китайское общество претерпело много трансформаций и трагедий в 20м веке. Для китайской аудитории характерно постоянное рефлексирование о своем прошлом, переживание исторических травм и триумфов. Исторические фильмы стали мощным инструментом «мягкой силы», визуализируя ключевые исторические моменты («Операция „Красный клинок“», «Битва у озера Чанцзинь»), современные достижения («Стюардесса», «Безумный инопланетянин» отчасти) и героические образы («Волк-воин 2», «Герой»). Они транслировали ценности коллективизма, самопожертвования и национального возрождения, формируя вкусы зрителя и резонируя с общественными настроениями. Эти фильмы имели глубокую ментальную и мировоззренческую основу, балансируя между массовой культурой, педагогическим контентом, пропагандой, рекламой и искусством.

Кинематограф учился лучше влиять на чувства аудитории, устанавливать эмоциональную связь между зрителем и творцом. Постепенно находились более простые и яркие способы донести основную мысли до населения страны. Развитие спецэффектов (CGI) , сложные трюки и масштабные батальные сцены позволили китайским блокбастерам («Битва у озера Чанцзинь») соответствовать голливудским стандартам зрелищности. Это не только привлекало аудиторию, но и служило демонстрацией технологического прогресса страны.[3]

Производство фильмов это большая система с высоким разделением труда. Со временем сложились устойчивые социальные связи между операторами, монтажерами, актерами, режиссерами, студиями, появилась своя школа кино. Специализированные студии и творческие коллективы отточили формулу успеха: сочетание проверенной исторической или современной темы, звездного каста (У Цзин, Джексон Йи и др.), мощного маркетинга и стратегического выбора даты релиза (национальные праздники).

Развитие новых медиа позволило включить миллионы людей в продвижение контента, создание фанфиков и фанатских групп.

Таким образом, к 2020 году китайское патриотическое кино утвердилось не просто как жанр, а как доминирующая коммерческая и культурная сила, переопределившая внутренний рынок и ставшая значимым экспортным продуктом, формирующим образ современного Китая. Этот успех заложил основу для следующего этапа развития, где фокус смещается на глобальное распространение, кросс-медийные франшизы и ещё более тесное сращивание с цифровыми технологиями и индустрией развлечений.

Однако после 2020 года развитие патриотического кино заметно ослабло. Во-первых, темы и жанры стали очень похожими. Хотя коммерциализация значительно расширила спектр патриотических фильмов – такие картины, как «Не Чжа» и «Блуждающая Земля», существенно расширили их тематику – большинство патриотических фильмов по-прежнему сосредоточены на военных, революционных и исторических темах, демонстрируя сильную зависимость от устоявшихся сюжетных линий. В эпоху чрезмерного использования визуальных эффектов недостаток сюжета стал серьёзной слабостью патриотического кино. Такие актёры, как Чжан Ханьюй, У Цзин и Цзян У, постепенно стали специализироваться на патриотических ролях, но потеряли свою популярность в прокате. Провал в прокате фильмов «731» и «Операция Цзяолун» демонстрирует, что патриотические фильмы больше не могут добиваться успеха исключительно за счёт коммерческой выгоды.[5]

Во-вторых, патриотические фильмы постепенно превратились в бизнес-модель с гарантированной прибылью, что имело негативные последствия на эффективности пропаганды и творческом развитии идей. Успех патриотических фильмов в период с 2010 по 2020 год заставил многие кинокомпании осознать коммерческий потенциал этого жанра и начать производить однотипные фильмы по единому шаблону. Сложился интересный парадокс: различные государственные субсидии и стимулы привели к взрывному росту популярности патриотических фильмов, но также и к отсутствию дальнейшего художественного развития и экспериментов, что привело к дальнейшему замедлению их развития и началу деградации кинематографа. [8]

Изначально творческая часть культуры стала гипер специализированной и костной, успех жанра превратился в главный тормоз и тупик для инноваций. Страх потерять прибыли пронизывает всю капиталистическую систему, каждое новшество доводится до абсурда и становится причиной деградации. Патриотическое кино Китая тоже столкнулось с этой проблемой. Искусство, риски, новые вопросы и ответы ушли в прошлое, отступив перед двумя главными критериями – соответствие бюрократической повестке дня и максимально проверенному коммерческому паттерну. Как следствие кино превратилось в коммерческий конвеер, утомляя и отчуждая общество от политики, истории, идеологии, пропаганды.

В-третьих, хотя в прошлом патриотические фильмы в некоторой степени начали фокусироваться на историях обычных людей, например, сериал «Моя страна, мой народ», в своей основе они по-прежнему доминируют масштабные сюжеты. Это стало особенно заметно после 2020 года. В современном мире, где всё более очевидны реальные трудности обычных людей, патриотические фильмы, продолжающие опираться на масштабные сюжеты, с трудом успевают за временем.

У каждого поколения есть свои закономерности восприятия и у каждого поколения есть иммунитет к определенному виду пропаганды. Они ценят иронию, саморефлексию, интерактивность и «патриотизм снизу» – пользовательский контент, мемы, фанатские субтитры.

Успех переходит в смежные медиа. Самые яркие патриотические нарративы сегодня рождаются не в кино, а в национально ориентированных видеоиграх («Genshin Impact» с ее культурными отсылками), веб-дорамах и анимационных сериалах, где можно позволить больше экспериментов с формой и персонажами. Нейросети позволяют делать музыку и короткие видеоролики по любимым сюжетам фильмов и видеоигры, большие проекты обрастают множеством мелких продолжений и развитий выдуманной вселенной.

Исходя из этих проблем, в данной статье предлагаются следующие решения:

Во-первых, дальнейшее расширение сферы патриотических фильмов. Под официальным руководством патриотические фильмы больше не должны ограничиваться грандиозными историческими темами, а должны сосредоточиться на удовлетворении эмоциональных потребностей современного человека и предложении решений существующих проблем, предоставляя зрителям реалистичные и значимые решения.

Современный патриотический фильм должен привлекать своими персонажами и их моральными противоречиями – хороший сценарий и убедительная игра актеров. Не обязательно

Современный патриотический фильм не должен быть чрезмерным в пропаганде всеобщего блага, т.к. это может вызвать отчуждение и неверие аудитории в высокие идеалы. Баланс между бытовым и

Во-вторых, смещение перспективы вниз, полностью сосредоточившись на обычных людях, исследуя их выдающиеся качества и образцы для подражания. Национальные и этнические проблемы должны служить скорее фоном для сюжетов.

Эгоистичная природа людей требует простых и ясных образов: человек и его поступки привлекают внимание и служат примером для большинства. Массовое кино должно быть понято во всех слоях общества и, желательно, во всех уголках мира. Простой человек, простая жизнь, но сложные чувства на фоне общенациональных событий – это ключ к успеху произведения.

В-третьих, использование непрофессиональных актеров и привлечение реальных трудящихся к созданию фильма не только повышает убедительность истории, но и приводит к более естественной игре актеров.

Людям важно узнать себя в персонаже и ситуации, поэтому непрофессиональная актерская игра может быть не проблемой, а рискованным способом создания чувственной связи между государством и обществом.

В-четвертых, важно учитывать молодое поколение и его особенности восприятия контента – время фильмов не ушло, но роль кинематографа навсегда изменилась. Сейчас поколение «зумеров» является будущим всех стран мира, они выросли под влиянием соцсетей, мемов, коротких видео, клиповой культуры. Государство должно учитывать этот фундаментальный фактор – игнорирование паттернов восприятия приведет к утрате контроля и хаосу в стране.[9]

В-пятых, государство должно не бояться дать большую творческую свободу студиям и режиссерам: доверие бюрократии превратится в прогресс культуры, прогресс культуры – в более эффективные методы охвата аудитории и контроля общества.

В итоге важно отметить, что патриотический фильм должен быть искренним, так публика чувствует ложь и фальшь, это увеличивает разрыв между официальной линией государства и обществом, создает медленный скрытый конфликт и приводит к дезорганизации всей социальной системы. Подобные процессы происходили в позднем СССР и постсоветской России, когда старые образы и старые технологии влияния вкупе с явным официозом и неискренностью приводили к всеобщему недоверию и полному нигилизму – как следствие, крушению всего государства.

Литература

1. Berry C. China's New Cinema: Patria, Patriotism, and the State // The Routledge Handbook of Chinese Cinema. London: Routledge, 2023. P. 215–230.
2. Zhu, Ying. Two Billion Eyes: The Story of China Central Television. New York: The New Press, 2012. 289 p.
3. Zhang, Yingjin. "From 'Main Melody' to 'New Mainstream': Transformation of Patriotic Blockbusters in China." Journal of Chinese Cinemas, vol. 15, no. 2–3, 2021, pp. 148–165.
4. 陈旭光, 张立娜. 新主流电影大片：爱国主义的叙事转型与工业美学建构 [Chen Xuguang, Zhang Lina. New Mainstream Blockbusters: Narrative Transformation of Patriotism and Construction of Industrial Aesthetics]. 现代传播, 2022, 44(5): 82–89.
5. Voci, Paola. China on Video: Smaller-Screen Realities. London: Routledge, 2010. P. 117–145.
6. 贾磊磊. 国家电影的文化责任与精神导向—论中国主流电影的价值体系建构 [Jia Leilei. The Cultural Responsibility and Spiritual Orientation of National Cinema: On the Construction of the Value System of Chinese Mainstream Cinema]. 电影艺术, 2018, (4): 45–50.
7. Wang, Yiman. "The 'Wolf Warrior' Discourse and China's Soft Power in the Global Media Sphere." Global Media and China, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 32–48.
8. 尹鸿, 梁君健. "新主流"影视作品的意识形态表达与观众接受研究 [Yin Hong, Liang Junjian. A Study on the Ideological Expression and Audience Reception of "New Mainstream" Film and Television Works]. 新闻与传播研究, 2020, 27(10): 5–22.
9. Cui, Shuqin. "Between the Personal and the National: Patriotic Sentiment in Contemporary Chinese Cinema." Asian Cinema, vol. 30, no. 2, 2019, pp. 223–240.
10. 报告：中国电影产业报告（2023）：主流电影的市场表现与创作趋势 [Report: China Film Industry Report (2023): Market Performance and Creative Trends of Mainstream Cinema]. 北京：中国电影出版社, 2023. 156页.

ON THE DILEMMAS OF DEVELOPMENT AND FUTURE DIRECTIONS OF THE NEW THEME OF PATRIOTIC CINEMA

Li Peinong
St. Petersburg State Institute of Film and Television

Since 2010, Chinese patriotic cinema has experienced rapid growth. Its success was primarily due to commercialization, genre-specific production methods, the widespread use of celebrity endorsements, the influx of private capital, market-oriented business models, and innovative filmmaking techniques, which contributed to the rapid development of patriotic cinema from 2010 to 2020.

Keywords: cinema, patriotism, China.

References

1. Berry C. China's New Cinema: Patria, Patriotism, and the State // The Routledge Handbook of Chinese Cinema. London: Routledge, 2023, pp. 215–230.
2. Zhu, Ying. Two Billion Eyes: The Story of China Central Television. New York: The New Press, 2012. 289 p.
3. Zhang, Yingjin. "From 'Main Melody' to 'New Mainstream': Transformation of Patriotic Blockbusters in China." Journal of Chinese Cinemas, vol. 15, no. 2–3, 2021, pp. 148–165.
4. 陈旭光, 张立娜. [Chen Xuguang, Zhang Lina. New Mainstream Blockbusters: Narrative Transformation of Patriotism and Construction of Industrial Aesthetics]. 现代传播, 2022, 44(5): 82–89.
5. Voci, Paola. China on Video: Smaller-Screen Realities. London: Routledge, 2010. pp. 117–145.

6. 贾磊磊. Jia Leilei. The Cultural Responsibility and Spiritual Orientation of National Cinema: On the Construction of the Value System of Chinese Mainstream Cinema]. 电影艺术, 2018, (4): 45–50.

7. Wang, Yiman. “The ‘Wolf Warrior’ Discourse and China’s Soft Power in the Global Media Sphere.” Global Media and China, vol. 7, no. 1, 2022, pp. 32–48.

8. 尹鸿，梁君健. “新主流”影视作品的意识形态表达与观众接受研究 [Yin Hong, Liang Junjian. A Study on the Ideological Expression and Audience Reception of “New Mainstream” Film and Television Works]. 新闻与传播研究, 2020, 27(10): 5–22.

9. Cui, Shuqin. “Between the Personal and the National: Patriotic Sentiment in Contemporary Chinese Cinema.” Asian Cinema, vol. 30, no. 2, 2019, pp. 223–240.

10. Report: China Film Industry Report (2023): Market Performance and Creative Trends of Mainstream Cinema]. 北京：中国电影出版社, 2023. 156页.

Эволюция и особенности политики исторической памяти в Российской Федерации (1992–2025 гг.)

Мамаева Юлия Александровна,
доцент Кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

Ряпина Варвара Максимовна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ryap.var.ina@gmail.com

Халиков Данил Рамилевич,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 255845@edu.fa.ru

Статья содержит анализ особенностей государственной политики исторической памяти в России в 1992–2026 гг. Выделяется три основных этапа ее эволюции в зависимости от идеологических установок власти, степени институционализации исторической памяти и внешнего контекста. Отмечается, что ограниченность принимаемых мер на раннем этапе привела к негативным последствиям для общественного сознания. Произведен вывод о последовательной трансформации политики исторической памяти в инструмент защиты национальной безопасности и о ее расширении в условиях нарастающего информационно-идеологического давления извне.

Ключевые слова: историческая память, историческая правда, политика памяти, историческая политика, институционализация, Великая Отечественная война, Россия.

Государство является ключевым субъектом формирования исторической памяти. Национальные правительства осуществляют систематическую и целенаправленную деятельность по конструированию исторического общественного сознания. Механизмы государственной политики исторической памяти можно условно разделить на нормативно-правовые, институциональные, образовательно-воспитательные и символические.

Социально-политическая среда создает условия и запросы на выполнение определенных функций социальными конструктами. С течением времени политика памяти трансформируется под влиянием внешних и внутренних факторов. Образ прошлого адаптируется к актуальным потребностям существующего политического курса.

В истории современной России выделяются три этапа политики исторической памяти, каждый из которых сформирован своим контекстом: 1992–2000 гг., период стихийного идеологического поиска после распада СССР, 2000–2014 гг., период систематизации законодательства в сфере исторической памяти, и с 2014 г. до настоящего времени, период правовой и конституционной институционализации исторической памяти и исторической правды в качестве реакции на новые внешнеполитические вызовы.

Период 1992–1999 годов стал для Российской Федерации временем кардинальной трансформации всех сфер общественной жизни, включая духовную сферу, к которой относится историческая память. Крушение Советского Союза и демонтаж советской государственности поставили перед новой политической элитой вопрос о необходимости формирования новой идентичности и, соответственно, нового отношения к прошлому. Как отмечает Н.Н. Самсонова, политика в отношении советского прошлого в этот период носила ярко выраженный политизированный и инструментальный характер: инициатором пересмотра исторического нарратива выступила новая политическая элита, заинтересованная в легитимации собственного прихода к власти и дискредитации предшествующего режима [10].

Социально-онтологическим основанием для радикального пересмотра исторической памяти стали глубочайшие политико-идеологические сдвиги. Общество оказалось в состоянии «культурной травмы» (по определению Дж. Александера), что создало благоприятную почву для внедрения новых мифов идентичности. А.И. Миллер подчеркивает, что в 1990-е годы на фоне болезненных трансформаций общественный интерес к истории заметно уменьшился, а после 1993 г., когда невозможность процесса над КПСС стала очевидной, властные органы на долгое время свернули сколько-нибудь активную деятельность в сфере политики памяти [8].

Анализ практик работы с историческим прошлым в 1990-е годы позволяет выделить несколько ключевых направлений, которые реализовывались преимущественно через стратегии умолчания и дискредитации предшествующего исторического опыта [10].

Одним из важнейших механизмов формирования нового исторического нарратива стало обращение к травматическим страницам советской истории. Процесс реабилитации, начатый еще при М.С. Горбачеве, приобрел в 1990-е годы отчетливую политическую окраску. Как указывает Н.Н. Самсонова, он был направлен на экстраполяцию категории вины с конкретных исторических деятелей на советский режим в целом показательно, что именно в 1990-е годы при активном участии общественных организаций была установлена значительная часть памятников жертвам политических репрессий [10]. Ключевую роль в этом процессе сыграли независимые общественные инициативы и правозащитные объединения того времени, которые в рассматриваемый период выступали основным субъектом низовых коммеморативных практик, направленных на сохранение памяти о жертвах политических репрессий. Примером такой низовой инициативы стало создание в 1994 году музея «Пермь-36» – первого в России музея на территории бывшего лагеря ГУЛАГа [9].

Важным элементом политики памяти стало формирование образа «врага» в лице Коммунистической партии и всего советского наследия. Это проявлялось как в публичной риторике, так и в символической политике. Запрет КПСС, последовавший после событий августа 1991 года, имел не только политическое, но и символическое значение, знаменуя разрыв с предшествующей традицией. Однако, как отмечают

исследователи, полноценная «проработка прошлого» (Vergangenheitsbewältigung), способная привести к формированию устойчивых альтернативных нарративов, реализована не была. Использование стратегий забвения, по оценке Н.Н. Самсоновой, лишь усугубило эрозию коллективной идентичности, оставив открытой возможность подмены подлинных страниц истории эрзац-репрезентациями [10].

Отстранение от практик советского периода проявлялось в изменении символического пространства: переименовании городов (возвращение исторических названий Екатеринбургу, Нижнему Новгороду, Твери), сносе памятников советским деятелям, изменении государственной символики. В 1993 году указом Президента был утвержден новый государственный гимн без слов, которым стала «Патриотическая песня» М.И. Глинки, что символизировало переходный характер эпохи. В то же время, по наблюдению О.Ю. Малиновой, в официальной риторике 1990-х годов преобладала тема «новой России», конструируемой по контрасту с прошлым – не только советским, но и дореволюционным [7].

Инициативы по сохранению исторической памяти исходили не только от гражданского общества, но и от государства – главным образом, через нормативно-правовые акты.

Цель Федерального закона от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [3] – создание правовой основы для проведения памятных мероприятий. Из пятнадцати дней воинской славы в первоначальном варианте документа пять посвящены знаковым событиям Великой Отечественной войны. Можно говорить о том, что государство уже на данном этапе выбрало победу в Великой Отечественной войне абсолютной ценностью, которую нет необходимости пересматривать. Помимо этого, восстанавливается преемственность с дореволюционной историей России через установление дней воинской славы Ледового побоища, Куликовской битвы, побед русской армии времен Петра I, Екатерины II, Александра I и Николая I.

Изменения в перечне дней воинской славы и их формулировки отражают политику исторической памяти: смена акцентов в названиях дней воинской славы придает им более выраженный символический и смысловой характер в рамках государственной политики. Наиболее ярким примером, отражающим особенности данного этапа, является изменение статуса 7 ноября – Дня Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Государство, учитывая глубокий раскол в обществе по поводу оценки советского наследия, пошло на компромисс: памятная дата была сохранена, но ее смысл на официальном уровне изменили. Изначально ее наполнили дореволюционным содержанием, объявив Днем освобождения Москвы народным ополчением Минина и Пожарского от польских интервентов (1612 год), а в дальнейшем (и на настоящий день) закрепили как День проведения военного парада на Красной площади в ознаменование двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции (1941 год). Переосмысление этой даты произошло за счет связи с бесспорной ценностью – Великой Отечественной войной – и смещения фокуса на подвиг защитников Москвы.

Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» от 19.05.1995 № 80-ФЗ закрепляет подвиг советского народа как фундаментальную ценность для объединения всего общества. Помимо этого, Россия «берет на себя обязательство принимать все необходимые меры по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций и движений на своей территории» [2].

Рассмотренные выше нормативно-правовые акты приняты в 1995 г. Выбор был не случаен: в 1995 г. отмечался 50-летний юбилей Великой Победы, который потребовал создания нормативно-правовой базы для сохранения памяти о главном событии XX века.

На начальном этапе политика памяти в России в отношении Советского Союза была двойственной. С одной стороны, наблюдается стремление сохранить преемственность с Великой Отечественной войной, событием, обладающим высоким консенсусным потенциалом. С другой стороны, произошел отказ от советского революционного наследия, вызывающего неоднозначную реакцию у российского общества.

С приходом к власти В.В. Путина начинается качественно новый период в развитии государственной политики памяти. Если 1990-е годы характеризовались идеологической фрагментацией и доминированием стратегий «отмены» части советского прошлого, то в 2000-е годы государство переходит к целенаправленному конструированию объединяющего исторического нарратива, в основе которого лежат идеи державности, преемственности и патриотизма.

Ключевым отличием второго этапа становится формирование централизованной институциональной инфраструктуры политики памяти. В 2001 году принимается Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», которая среди прочего предусматривала поддержку проектов по сохранению историко-культурного наследия. Однако подлинным маркером этапа стало создание в 2009 году Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Этот орган, просуществовавший до 2012 года, символизировал переход государства к активной защите собственной версии прошлого на международной арене и внутри страны. Как отмечает А.И. Миллер, именно в 2000-е годы власть осознает необходимость не просто реагировать на внешние вызовы, но и формировать собственную «политику памяти», опирающуюся на экспертные сообщества и медийные ресурсы [8].

В 2000–2014 гг. происходит окончательная канонизация Победы в Великой Отечественной войне в качестве главного мифа-основания постсоветской российской идентичности. Юбилейные торжества 2005 и 2010 годов приобретают беспрецедентный размах. В 2005 году в Москве на Поклонной горе открывается памятник «В борьбе против фашизма мы были вместе», а военные парады с участием ветеранов из стран СНГ становятся регулярными. В 2010 году в ходе празднования 65-летия Победы впервые проводится общероссийская акция «Георгиевская ленточка», которая из низовой инициативы РИА Новости превращается в массовый символ народной памяти. Одновременно усиливается правовая защита символов Победы: в 2007 году вводится административная ответственность за публичное осквернение Знамени Победы, а в 2014 году – уголовная ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ).

Историческая политика выступает механизмом, через который происходит переосмысление советского наследия. В отличие от 1990-х годов, государство стремится не отторгать советское прошлое целиком, а инкорпорировать его «позитивные» элементы в новый нарратив. Показательным стал 2007 год, когда Президент В.В. Путин на Валдайском форуме охарактеризовал распад СССР как «крупнейшую геополитическую катастрофу века». Эта формула, многократно цитировавшаяся впоследствии, обозначила отход от антисоветского консенсуса 1990-х. В 2008 году телепроект «Имя Россия» (аналог британского «100 величайших британцев»), несмотря на скандалы вокруг голосования, продемонстрировал запрос общества на героические фигуры прошлого, среди которых лидировали Александр Невский, Петр Столыпин и Иосиф Сталин. После высказывания в 2013 году инициативы Президента РФ стал разрабатываться единый школьный учебник по истории для учеников 5–11 классов по «Всеобщей истории» и «Истории России». Цель появления единой линейки учебников стала необходимость в преодолении различных интерпретаций событий как российской, так и всеобщей истории, что должно также способствовать развитию политики исторической памяти в России. В 2023 году по новым учебникам «Истории России» начинают обучаться школьники 10–11 классов, а с сентября 2026 года учащиеся всех классов перейдут на единую линейку учебников.

На данном этапе также происходит обращение к Первой мировой войне (1914–1918), которая в нашей стране долгое время считалась «забытой», в отличии от стран Западной Европы, где ее именуют «Великая» война и ежегодно проводят памятные мероприятия в память о погибших. Еще в декабре 2012 года, после внесения изменений в ФЗ № 285 «О днях воинской славы и памятных датах России» 1 августа был учрежден – День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне (по разным оценкам потери России в этом конфликте составили от 1,7 до 2,25 млн человек). В годовщину столетия начала этой войны на Поклонной горе в Москве был открыт памятник «Героям Первой мировой войны». Благодаря этому восстанавливается связь времен, когда дореволюционные события включаются в единую национальную политику исторической памяти, а также способствует восстановлению пробелов в знаниях истории [7].

Таким образом, 2000–2014 гг. характеризуются переходом от различных программ к централизованной государственной политике, которая направлен на на создание позитивного и целостного образа прошлого нашего государства. Основным ядром этой политики стала Великая Отечественная война, а нормативно-правовая база была направлена на ее защиту от внешней критики и внутренних разрушений.

Третий этап характеризуется особой активизацией политики исторической памяти, в частности защиты исторической правды, в связи с увеличением внешних вызовов.

Историческая память получает правовую институционализацию. Главным доказательством этому утверждению служит конституционное закрепление – «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды» [1]. Прецедентом стало внесение понятия исторической правды в Основной закон, что создало для государства конституционную обязанность обеспечивать ее защиту.

Конституционные поправки служат отправной точкой для законодательства, направленного на защиту исторической памяти. Ключевым нормативно-правовым актом становится Указ Президента РФ от 02.07.2021 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [5]. Рамочный документ, определяющий национальные интересы России, ставит на один уровень защиту исторической памяти с обороной страны, экономической, государственной и общественной безопасностью и другими национальными приоритетами. Перечисляются российские духовно-нравственные ценности, к которым относится и историческая память.

Федеральным законом от 01.07.2021 № 278-ФЗ вводится статья 6.1 о запрете публичного отождествления политики СССР и нацистской Германии, а также запрещается ставить под сомнение решающую роль СССР в Победе и гуманитарной миссии по освобождению стран Европы. Закон был принят в преддверии 80-летия начала Великой Отечественной войны и является логическим продолжением поправок в Конституцию РФ 2020 г. Статья 67.1 п. 3 закрепляет: «Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [1]. Статья 6.1 Федерального закона от 01.07.2021 № 278-ФЗ является законодательной реализацией этого конституционного принципа и создает правовой механизм для защиты исторической правды. Это изменение также говорит об усилении государственного контроля над публичным историческим нарративом.

Вносятся изменения в памятные даты. Среди нововведенных дат следует выделить День воссоединения Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области с Российской Федерацией (2022 год), закрепляющее событие новейшей истории, в том числе, для интеграции новых регионов в единое историко-культурное пространство, а также День памяти жертв геноцида советского народа, совершенного нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Последняя дата, введенная в 2025 г., фактически означает признание преступлений нацистов против мирного населения СССР геноцидом, что становится особенно значимым в контексте международных попыток реабилитации нацизма и преуменьшения роли СССР в Победе во Второй мировой войне.

Политика памяти окончательно превращается в инструмент информационно-психологического противоборства с Западом. В 2022–2025 годах в условиях специальной военной операции историческая риторика становится неотъемлемой частью официального дискурса, обосновывающего необходимость «денацификации» и защиты «русского мира». Создаются новые институты, такие как Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ (2023), призванный координировать усилия государства и общества в данной сфере.

Таким образом, период с 2014 по 2026 год демонстрирует максимальную степень политизации и юридизации исторической памяти. Государство не только защищает устоявшийся нарратив, но и активно конструирует новые смыслы, связывая события прошлого с актуальными задачами настоящего. В перспективе до 2026 года можно ожидать дальнейшего расширения нормативной базы, увеличения финансирования мемориальных проектов и углубления интеграции исторической политики в систему национальной безопасности.

Проведенный анализ показывает, что политика исторической памяти различалась на каждом этапе. Ее эволюция представляет собой путь от децентрализованной попытки уйти от советского наследия к конституционно закрепленной защите исторического нарратива, утвержденного государством. Особенности каждого этапа объясняются необходимостью легитимации власти и усилением внешнеполитических вызовов. Можно заключить, что к 2026 г. историческая память стала обязательной частью национальной безопасности, особенно в условиях информационно-психологической борьбы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 13.04.2026).

2. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ; в ред. от 28.12.2024 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1928.

3. О днях воинской славы и памятных датах России: федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ; в ред. от 28.09.2023 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 11. – Ст. 943.

4. О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»: федеральный закон от 01.07.2021 № 278-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5084.

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5351.

6. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.

7. Малинова О.Ю. Увековечивание памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // Россия в глобальной политике. – 2014. – 17 июля. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/uvekovechivanie-pamyati-o-zabytoj-vojne/ (дата обращения: 14.04.2026).

8. Миллер А.И. Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // Полития. – 2013. – № 4 (71). – С. 114–126.

9. Миллер А.И. Политика памяти в постсоветской России // Россия и современный мир. – 2014. – № 3 (84). – С. 24–41.

10. Самсонова Н. Н. «Культура отмены» как модель трансформации исторической идентичности на примере обращения с памятью о советском прошлом в 1990-е годы // Вестник Пермского университета. Политология. – 2025. – № 1. – С. 80–88.

EVOLUTION AND FEATURES OF HISTORICAL MEMORY POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION (1992–2025)

Mamaeva Yu.A., Ryapina V.M., Khalikov D.R.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article contains an analysis of the features of the state policy of historical memory in Russia in 1992–2026. There are three main stages of its evolution, depending on the ideological attitudes of the government, the degree of institutionalization of historical memory and the external context. It is noted that the limited measures taken at an early stage led to negative consequences for public consciousness. The conclusion is made about the consistent transformation of the historical memory policy into a tool for protecting national security and its expansion in the face of increasing information and ideological pressure from outside.

Keywords: historical memory, historical truth, politics of memory, historical politics, institutionalization, the Great Patriotic War, Russia.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 01, 2020]. Accessed: 13.04.2026. – URL: http://www.pravo.gov.ru

2. On Perpetuating the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941–1945: Federal Law № 80 Dated 19.05.1995-Federal Law; as amended. dated 28.12.2024 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 21. – Art. 1928.

3. On the Days of Military Glory and Memorable Dates of Russia: Federal Law № 32-FZ dated 13.03.1995; as amended. dated 28.09.2023 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 11. – Art. 943.

4. On Amendments to Article 6 of the Federal Law «On Perpetuating the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941–1945»: Federal Law № 278-FZ dated 01.07.2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 27. – Art. 5084.

5. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2021. – № 27. – St. 5351.

6. Alexander J. The Meanings of Social life: A Cultural Sociology / translated from English– Moscow: Praxis, 2013. – 640 p.

7. Malinova O.Y. Perpetuating the memory of the «forgotten war» and dilemmas of Russian political identity // Russia in global politics. – 2014. – July 17th. – Accessed: 14.04.2026. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/uvekovechivanie-pamyati-o-zabytoj-vojne

8. Miller A.I. The role of expert communities in the politics of memory in Russia // Politiya. – 2013. – № 4 (71). – Pp. 114–126.

9. Miller A.I. The politics of memory in post-Soviet Russia // Russia and the modern world. – 2014. – № 3 (84). – Pp. 24–41.

10. Samsonova N.N. The cancel culture as a model of transformation of historical identity on the example of the treatment of the memory of the Soviet past in the 1990s // Bulletin of Perm University. Political science. – 2025. – № 1. – Pp. 80–88.

Влияние средств массовой информации на электоральное поведение граждан России в контексте манипулятивной теории электорального поведения

Морозова Инна Васильевна,
аспирант, АНО ВО «Гуманитарный университет»; главный юрист, ООО «Бантер Групп», департамент по правовым вопросам
E-mail: lau@guniver.ru, inna-pozd12@mail.ru

В статье исследуется влияние средств массовой информации на электоральное поведение граждан России через призму манипулятивной теории. Актуальность работы обусловлена трансформацией избирательных процессов в условиях цифровизации, роста медиатизации политики и усиления роли информационных каналов в формировании общественного мнения. Особое внимание уделено дуалистической природе государственного медиа-регулирования, сочетающего задачи информационной безопасности и политического управления. Сделан вывод о том, что манипулятивная теория электорального поведения выступает не только инструментом критического анализа демократических процедур, но и релевантным индикатором реальных механизмов функционирования современных политических систем. Результаты исследования могут быть применены в политологическом анализе, разработке мер по повышению медиа– и правовой грамотности избирателей, а также в совершенствовании избирательного законодательства.

Ключевые слова: электоральное поведение; манипулятивная теория; средства массовой информации; общественное мнение; политические технологии; российское медиапространство; информационная безопасность; цифровизация политики.

Современные политические реалии диктуют исследователю новые подходы к изучению тех или иных категорий, либо значительного углубления или модернизации уже существующих. В этой связи целесообразно рассмотреть не только ставшие уже классическими теории электорального поведения: социальную, социально-экономическую, теорию рационального выбора, но и вышедшую за последние десятилетия на одну из лидирующих позиций манипулятивную теорию электорального поведения, основанную на управлении общественным мнением, одну из ключевых ролей в котором играют средства массовой информации.

Российское медийное пространство традиционно считается централизованным, основной доминантой которого являются «центральные каналы» (с государственной долей участия). Наряду с широким распространением медиа в сети интернет и социальных сетях, значительная часть электората остается под влиянием центрального телевидения. Хотя, следует признать, что современная молодежь в меньшей степени подвержена такому влиянию, поскольку в большей степени интегрирована в интернет пространство (тематические городские паблики, социальные сети, мессенджеры, интернет-порталы), однако в свою очередь, именно среди молодежной группы избирателей больше развито такое явление, как абсентеизм. Стоит отметить также, что степень контроля за деятельностью таких информационных ресурсов значительно ниже.

С той или другой стороны медиа пространство влияет на электоральное поведение граждан, начиная с самой явки и понимания необходимости голосования и заканчивая выбором конкретного кандидата. Именно через средства массовой информации формируются образы политических лидеров, темы предвыборной повестки и эмоциональный контекст восприятия выборов.

В свою очередь актуальность темы исследования обусловлена не только самим ростом влияния средств массовой информации на общественное мнение, но и самой демократизацией процедуры выборов, в том смысле, что выборы – это не только элемент демократии и выражение воли народа, но и сам факт признания политической системы. Тем выше становится ценность изучения влияния средств массовой информации как субъекта манипулятивной теории. При этом, средства массовой информации с одной стороны влияют на рационального избирателя, но с другой стороны, формируют у него новые установки восприятия политической реальности.

Целью настоящего исследования является анализ механизма и степени влияния средств массовой информации на электоральное поведение граждан России с позиций манипулятивной теории электорального поведения. Для достижения поставленной цели следует рассмотреть процесс развития манипулятивной теории, базовые понятия электорального поведения в контексте манипулятивной теории, выявить специфику российского медиапространства, проанализировать конкретные примеры использования избирательных манипулятивных технологий в практике последнего десятилетия.

Объектом исследования является электоральное поведение граждан России, предметом – роль средств массовой информации во влиянии на электоральное поведение.

Идеи, которые легли в основу манипулятивной теории электорального поведения следует искать в исследованиях по теме манипуляции общественным мнением, проводимых зарубежными и отечественными политологами и социологами.

Сама тема манипуляции общественным сознанием интересовала исследователей с давнего времени, еще в трудах некоторых античных философов встречались упоминания о манипуляции, однако, с философской точки зрения. Следует отметить, что самого понятия «манипуляция» философы не использовали, тем не менее влияние на сознание человека и формирование у него определенного образа мыслей было часто объектом размышлений [11].

Как такового направления по данной теме исследования не существовало вплоть до середины XIX века. Одни из первых систематических исследований об управлении и возможности влияния на общественное мнение появились в трудах Гюстава Лебона и Габриеля Тарда [8], которые указывали на внушаемость общественных масс, их склонность к эмоциональным реакциям и подчинению харизматичным

лидерам. Эти исследования давали толчок к восприятию избирателя, как субъекта, подверженного сознательному психологическому воздействию.

По мере развития средств массовой информации возможность влияния на общественное сознание кратно увеличилась. В период Первой мировой войны на практике начали отрабатываться технологии такого воздействия. Так, Э.Бернейс в своей книге «Пропаганда», утверждает, что невидимое правительство – это элита, использующая психологию и медиа, которое управляет массами, включая их политические предпочтения[5].

Позднее, в период тоталитарного правления в России и некоторых странах Европы, воздействие на сознание общественных масс стало систематическим, в то время в странах, где развивалась демократия, начали применяться технологии PR и рекламы. Именно в этот период, начиная с середины XX века начинается активное развитие политической мысли в отношении манипуляции общественным мнением, включая и электоральное поведение.

Из ключевых аспектов данного периода времени, можно выделить основные, повлиявшие на процесс манипуляции общественным мнением, это: теория фрейминга (И.Гофман «Рамочный анализ: эссе об организации опыта» (1974)) [4], суть которой заключается в том, что форма подачи материала влияет на ее восприятие человеком; постепенная медиатизация политики, посредством которой имидж кандидата стал важнее его программы, а так же использование политического маркетинга, в том смысле, что к выборам начинают применяться рыночные технологии продаж.

В отечественной практике выборы стали неким «ритуалом» легитимизации власти, далеким от фактического выражения воли народа. Позднее, после распада СССР в отечественной практике появляются политтехнологи, которые отвечают за создание имиджа кандидата (с целью влияния на общественное мнение), его продвижение, часто прибегая не только к методам позитивного образа кандидата, но и использующие методы «черного пиара» для дискредитации других кандидатов.

Следующий период развития манипулятивной теории пришелся на распространение сети Интернет и социальных сетей. Теперь география и возможности распространения информации значительно расширились, равно как и субъектом, оказывающим влияние на общественное мнение фактически может стать каждый. Практикуются информационные вбросы как достоверной, так и недостоверной информации, а также сознательное формирование мнения посредством PR-технологий [7].

На сегодняшний день, электорат находится в активном информационном поле, в которое, несмотря на усилия государства посредством принятия мер по повышению информационной безопасности и конфиденциальности данных, проникает информация, призванная манипулировать общественным мнением. Стоит согласиться с В.А. Евдокимовым, который указывает, что интернет стал острым полем конкуренции и идей, а информационная пропаганда играет идеологическую функцию, внушающую гражданам доверие к определённому политическому курсу [6].

В настоящее время манипулятивная теория электорального поведения находится на стыке нескольких дисциплин: политологии, социологии, этики, цифровизации. Согласно сути манипулятивной теории электорального поведения выбор избирателя основан не на свободном, рациональном выборе, а на навязанном (возможно скрытно), сформированном вне образа кандидата. Такой образ навязывают политические акторы, которыми могут выступать: партии, кандидаты, политические лидеры, СМИ, политтехнологи, государственные структуры. Фактически, избиратель становится объектом систематического воздействия, направленного на формирование нужных установок, эмоций и решений. Как отмечает Г.И. Мусихин «для политического контекста принципиально важно не только то, что говорится, но и то, каким образом и для чего это говорится» [10].

Человек ежедневно сталкивается с множеством различных задач и вызовов, которые постоянно анализирует его мозг. На этот анализ влияет множество факторов: среда, воспитание, уровень образования, возраст, психологическая зрелость, уровень культуры, настроение, эмоции и другое. Среди этих факторов есть неизменные, но большинство формируются, находясь в постоянной динамике и подвержены в большей или меньшей степени влиянию извне. Возможностью такого влияния и пользуются политические акторы. С активным развитием психологии и смежных дисциплин, позволяющих исследовать механизмы влияния на поведение человека, развивается и использование этих знаний для целенаправленного воздействия.

Широта информационного поля одновременно несет в себя как плюсы, так и минусы. Преимуществом становится возможность повсеместного распространения, быстрого получения и передачи информации, и доступные способы ее доведения. Однако, минусом можно назвать и загруженность информационного поля, в том числе политической повестки в избирательном процессе. На фоне такой информационной перезагруженности внимание избирателя часто рассеивается и не сосредоточено на программах кандидатов, в памяти остается в основном образ кандидата и ключевые позиции.

Самым активным способом манипулирования остается передача информации посредством СМИ [9]. Через контроль повестки, подачу информации, повторяемость сообщений и алгоритмическую персонализацию формируется восприятие реальности, выгодное определённому политическому актору.

Современные методы манипуляции часто абсолютно легитимны, они подаются под видом акций, экспертных и общественных мнений, часто избиратель не понимает, что является объектом манипуляции. В процесс вводятся «технические» (реально не заинтересованные в выборной кампании) кандидаты, информационные вбросы, с целью создания управляемых дискуссий, дебатов, все это создает образ прозрачного избирательного процесса и естественного выбора. Иными словами, избиратель часто не понимает, что вовлечен в манипулятивный процесс, свой выбор ему кажется логичным и естественным.

Манипулятивная теория электорального поведения настаивает на приоритете технологий манипуляции над рациональным выбором гражданина.

В отношении российской специфики влияния СМИ на электоральное поведение граждан РФ стоит отметить уже упомянутую централизацию основных СМИ, а также повышенное внимание государства к информационному полю. Сегодня, помимо повсеместной цифровизации государственных услуг и процессов, приоритет политики государства направлен и на обеспечение информационной безопасности, в связи с чем появляются списки запрещенных сайтов, игр и иные ограничения в медиа пространстве [2].

Кроме того, летом 2025 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект о регулировании использования технологий искусственного интеллекта при создании агитационных материалов [3], в настоящий момент находится на стадии предварительного рассмотрения. В основу данного законопроекта был положен аргумент о необходимости контроля за агитационными материалами на предмет злоупотребления при использовании цифровых технологий. Данный шаг указывает на понимание государством необходимости регламентации данной сферы с целью усиления контроля за информационной безопасностью общества.

В свою очередь сам этот государственный фильтр, помимо информационной безопасности также имеет свои манипулятивные цели. И посредством такого фильтра и государство формирует определенную политическую повестку. Поэтому невозможно однозначно связывать манипулятивные технологии, в том числе в избирательном процессе исключительно с негативными или позитивными последствиями.

Базис рамок предвыборной агитации установлен Федеральным законом от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1].

С точки зрения самого избирателя, применение к нему мер целенаправленного воздействия вряд ли будет восприниматься им положительно, однако, часто избиратель и не ощущает на себе мер воздействия, не понимает, что он вовлечен в манипулятивный процесс. Среди мер преодоления таких воздействий можно выделить повышение правовой культуры и грамотности, что позволит в большей степени распознавать манипулятивные технологии и будет приводить к рациональному выбору.

Для целей манипулирования сознанием избирателя применяют следующие методы:

1. Политическая пропаганда, под которой понимается эмоционально-волевое воздействие на электорат, формирующее мировоззрение по политической повестке.

2. Создание имиджа кандидата – сознательное формирование образа, находящее отклик избирателя и вселяющего уверенность и надежность.

3. Распространение слухов (черный пиар), выраженный в сознательном «вбросе» недостоверной, как правило, оскверняющей иных кандидатов информации, с целью их дискредитации.

4. Имитационная дезинформация, посредством которой изменяют контекст политической повестки конкурента.

5. Использование медиаторов – манипуляция через сторонних лиц, доверенных электорату.

В практике электоральных технологий в России также можно встретить наличие признаков манипулятивных технологий, например, летом 2025 г. при проведении выборной кампании среди кандидатов в главы одного из регионов возникла неоднозначная ситуация, связанная с инициированием проверок ФСБ в отношении деятельности одного из кандидатов, политологи в отношении данной ситуации указывали на возможную связь таких проверок с проведением предвыборной кампании [12].

Очевидно, что в целях достижения результата современные политические технологи, а также иные заинтересованные лица активно используют манипулятивные технологии, сознательно формируя политическую повестку избирателя.

Манипулятивная теория электорального поведения является не только критерием критики демократии, но и попыткой определить реально действующие механизмы функционирования современных политических систем. Ее значение приобретает особую роль именно в текущих реалиях повсеместной цифровизации и автоматизации государственных процессов, в том числе и политических, а кроме того и в условиях, когда избиратель уязвим в условиях засилия информации и ограниченности правового восприятия.

Таким образом, манипулятивная теория – это серьёзный научный индикатор состояния демократии и понимания истинных источников политической власти.

Литература

1. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета, № 106, 15.06.2002;

2. Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. «1101 о единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // URL: http://government.ru/docs/all/84660/ (дата обращения: 27.02.2026)

3. Законопроект № 993193–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (о применении технологий искусственного интеллекта при изготовлении агитационных материалов) // https://sozd.duma.gov.ru/bill/993193–8 (дата обращения: 27.02.2026);

4. Алферьева-Термсикос В.Б. Методологические основы технологии фрейминга // Эпоха науки. 2024. № 40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-tehnologii-freyminga (дата обращения: 27.02.2026);

5. Васильева А.Л. Пропаганда и влияние на общество в трактовке Э. Бернейса // Вестник науки. 2025. № 5 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-i-vliyanie-na-obschestvo-v-traktovke-e-berneysa (дата обращения: 27.02.2026);

6. Евдокимов В.А. Массмедиа как сфера применения политических технологий: учебное пособие / В.А. Евдокимов. – Москва: ИНФРА-М, 2026. – 230 с. – (Высшее образование). – DOI 10.12737/textbook_59d230b58e4868.44153905. – ISBN 978-5-16-021260-9. – Текст: электронный. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2205001 (дата обращения: 20.01.2026). – Режим доступа: по подписке. Стр.106;

7. Ежова Е.Н., Заможных Е.А., Сысоев О.А. Pr-технологии продвижения имиджа политика в условиях цифровой трансформации // Российская школа связей с общественностью. 2022. № 26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pr-tehnologii-prodvizheniya-imidzha-politika-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 27.02.2026);

8. Карасова К.О. Сравнительный анализ теорий Г. Лебона и Г. Тарда в контексте современной социальной реальности // SAF. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-teoriy-g-lebona-i-g-tarda-v-kontekste-sovremennoy-sotsialnoy-realnosti (дата обращения: 27.02.2026);

9. Мозжухин М.П. Технократическая метафора в российском политическом дискурсе: проблема концептуализации // Социология власти. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokraticheskaya-metafora-v-rossiyskom-politicheskom-diskurse-problema-kontseptualizatsii (дата обращения: 27.02.2026);

10. Мусихин Г. И., 2016 © Центр фундаментальной социологии, 2016 doi: 10.17323/1728-192X-2016-2-66-86 66 СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2016. Т. 15. № 2 https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/6g8uvmfbld/189117961.pdf?ysclid=mkm8iqix6958428651

11. Петракова А.С. Исследование пределов манипуляции сознанием личности в античной философии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-predelov-manipulyatsii-soznaniem-lichnosti-v-antichnoy-filosofii (дата обращения: 27.02.2026).

THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE ELECTORAL BEHAVIOR OF RUSSIAN CITIZENS IN THE CONTEXT OF THE MANIPULATIVE THEORY OF ELECTORAL BEHAVIOR

Morozova I.V.
University for Humanities, Bunter Group LLC

The article examines the influence of mass media on the electoral behavior of Russian citizens through the prism of manipulative theory. The relevance of the work is due to the transformation of electoral processes in the context of digitalization, the growing mediatization of politics and the increasing role of information channels in shaping public opinion. Special attention is paid to the dualistic nature of state media regulation, combining the tasks of information security and political governance. It is concluded that the manipulative theory of electoral behavior is not only a tool for critical analysis of democratic procedures, but also a relevant indicator of the real mechanisms of functioning of modern political systems. The results of the study can be applied in political science analysis, the development of measures to improve the media and legal literacy of voters, as well as in improving electoral legislation.

Keywords: Electoral behavior; manipulative theory; mass media; public opinion; political technologies; Russian media space; information security; digitalization of politics.

References

1. Federal Law No. 67-FZ of 12.06.2002 “On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum” // Rossiyskaya Gazeta, No. 106, 15.06.2002;

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated October 26, 2012 “1101 on the Unified Automated Information System “Unified Register of Domain Names, Site Page Indexes on the Internet Information and Telecommunications Network and network addresses that identify sites on the Internet Information and Telecommunications Network containing Information the dissemination of which is Prohibited in the Russian Federation” // URL: http://government.ru/docs/all/84660 / (date of request: 02/27/2026)

3. Draft Law No. 993193–8 “On Amendments to the Federal Law “On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation” (on the Use of artificial intelligence Technologies in the Production of Campaign Materials) // https://sozd.duma.gov.ru/bill/993193–8 (date of request: 02/27/2026);

4. Alferyeva-Termsikos V.B. Methodological foundations of framing technology // Epoch of Science. 2024. No.40. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-tehnologii-freyminga (date of request: 02/27/2026);

5. Vasilyeva A.L. Propaganda and influence on society in the interpretation of E. Bernays // Bulletin of Science. 2025. No.5 (86). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/propaganda-i-vliyanie-na-obschestvo-v-traktovke-e-berneysa (date of request: 02/27/2026);

6. Evdokimov V.A. Mass media as a sphere of application of political technologies: a textbook / V.A. Evdokimov. Moscow: INFRA-M, 2026. 230 p. (Higher education). – DOI 10.12737/textbook_59d230b58e4868.44153905. – ISBN 978-5-16-021260-9. – Text: electronic. – URL: https://znanium.ru/catalog/product/2205001 (date of request: 01/20/2026). – Access mode: by subscription. Page 106;

7. Yezhova E.N., Zamozhnykh E.A., Sysoev O.A. Pr technologies for image promotion policy in the context of digital transformation // The Russian School of Public Relations. 2022. No.26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pr-tehnologii-prodvizheniya-imidzha-politika-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii (date of request: 02/27/2026);

8. Karasova K.O. Comparative analysis of the theories of G. Lebon and G. Tarde in the context of modern social reality // SAF. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-teoriy-g-lebona-i-g-tarda-v-kontekste-sovremennoy-sotsialnoy-realnosti (date of request: 02/27/2026);

9. Mozzhukhin M.P. Technocratic metaphor in Russian political discourse: the problem of conceptualization // Sociology of power. 2025. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokraticheskaya-metafora-v-rossiyskom-politicheskom-diskurse-problema-kontseptualizatsii (date of request: 02/27/2026);

10. Musikhin G.I., 2016 © Center for Fundamental Sociology, 2016 doi: 10.17323/1728-192X-2016-2-66-86 66 THE SOCIOLOGICAL REVIEW. 2016. Vol. 15. No. 2 https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/6g8uvmfbld/189117961.pdf?ysclid=mkm8iqix6958428651

11. Petrakova A.S. Investigation of the limits of manipulation of personality consciousness in ancient philosophy // Theory and practice of social development. 2012. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-predelov-manipulyatsii-soznaniem-lichnosti-v-antichnoy-filosofii (date of request: 02/27/2026).

Политика цифрового национализма: возвышение агентности женщин-белуджей в социально-политическом движении Белуджистана, Пакистан

Мухаммад Шариф,
аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042245272@rudn.ru

В статье исследуется, как политическая агентность женщин и проявления цифрового национализма динамично взаимодействуют в рамках социально-политического движения, организованного Комитетом единства белуджей (Baloch Yakjehti Committee, BYC) в Белуджистане (Пакистан). Исследование сосредоточено на роли видных женщин-активисток в использовании ими социальных медиа, в частности платформы X (бывший Twitter), посредством хэштегов, постов, данных об охвате аудитории, сетей подписчиков и трендов с целью создания коллективной связности, объединения белуджской нации и продвижения единой этнонациональной повестки, ориентированной на ключевые проблемы Белуджистана. В условиях, характеризующихся продолжающимися насильственными исчезновениями, внесудебными казнями и так называемым структурным насилием, цифровые практики женщин-белуджей превратились в мощный инструмент формирования идентичности, коллективного поведения, чувства гордости и коллективного голоса. Статья опирается на интегрированный теоретический подход, сочетающий теории цифрового национализма, постколониальные теории субалтерной агентности и сопротивления, а также концепции опосредованных контр-публик и коннективного действия. Данная рамка позволяет объяснить, каким образом цифровые практики женщин выходят за пределы индивидуального активизма, способствуя формированию коллективной идентичности и коллективного действия, а также подрывая гегемонистский дискурс в гибридных онлайн- и оффлайн-пространствах. В исследовании применяется качественный контент-анализ на основе данных лонгитюдного иммерсивного исследования за период с 2023 по 2026 год; при этом используются методы цифрового дискурс-анализа и нетнографии с акцентом исключительно на общедоступные данные платформы X. Подходы включают систематический сбор и анализ таких хэштегов, как #EndEnforcedDisappearances и #StopBalochGenocide, метрик вовлеченности (охват, показы, ретвиты), тенденций роста числа подписчиков и динамики трендов, связанных с женщинами-активистками белуджей в 2023–2026 годах. Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины-активистки белуджей выступают ключевым политическим агентом, трансформирующим цифровой национализм в объединяющий механизм, который превращает разрозненные обиды в целостную политику видимости и солидарности. Концептуально данное исследование расширяет понимание гендерной агентности в контексте платформенного этнонационализма в конфликтных средах цифровой эпохи.

Ключевые слова: цифровой национализм, женщины-белуджи, агентность, социальное движение, Белуджистан.

Introduction

Where colonial repression has tried to erase the memory of thousands of lives, forced disappearances, and extrajudicial killings that have suppressed the voices and struggles of the Baloch people, a new generation of Baloch women has taken the pixelated public square of X (formerly Twitter) to create a politics of visibility, activism, and resistance. In this socio-political scenario, we see a Baloch female leader and activist, who once lost her father, protesting on the roads of Balochistan alone, emerging as a transformative political figure in Pakistan's political frame. Dr. Mahrang Baloch, a young doctor and leader of the Baloch Yakjehti Committee (BYC), is an example. He is currently in jail after launching various protests and demonstrations, challenging the status quo, and playing a key role in the historic long march and digital activism to mobilize the Baloch nation on a single platform. Mahrang Baloch's posts about the enforced disappearances and extra-judicially killings of Baloch individuals frequently with hashtags, viral clips, video footages of lengthy Baloch long marches between Turbat and Islamabad, have trended under such hashtags as 'StopBalochGenocide and EndEnforcedDisappearances' and have reached hundreds of thousands of Baloch diaspora members and beyond. These digital interventions go beyond documenting suffering; they are a radical act of group re-imaging, and fragmented grief is being transformed into a consistent ethno-national story of solidarity, unity and social movement for Baloch rights. It is not online whining. The politics of digital nationalism being implemented at the periphery is that of subaltern women, who have long been confined to the domestic realm of both the Baloch religious, tribal, male-centric society and the Pakistani patriarchal statecraft, and are writers of a connective issue of a contemporary socio-political movement [3;6;7].

The larger researched context is based on the long duration of Baloch marginalisation, deprivation and nationalist struggle in Pakistan. The largest province in the country but the least developed is that of Balochistan with an ironic abundance of natural gas reserves and ports strategically located in the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC). With the controversial annexation of the Khanate of Kalat by Pakistan in 1948 there has been wave after wave of insurgency, which has been dealt with by military operation, extraction of resources without sufficient redistribution, and what activists describe as structural violence and colonial practices. The cases of the surge of enforced disappearances and extra-judicially killings documented by human rights organisations have been thousands since the early 2000s, and there have been cases of mass graves, target killings, and the infringement of freedom of expression. In this context, historically male-dominated traditional nationalist movements dominated by armed struggle have been complemented, in certain aspects replaced, by the emergence of non-violent civic movements led by youth and women with tools of digital tactics. A paradigmatic shift is the Baloch Yakjehti Committee, which appeared in a formalized form around 2019–2020 as a result of the personal losses suffered by leaders like Mahrang Baloch (where his father and brother were disappeared and shot dead). The BYC has strategically anticipated the leadership of women through organising around mass long marches, sit-ins and door to door political education. Dr. Sabiha Baloch and Sammi Deen Baloch among other activists not only took part in the movement but also influenced its public image by organising thousands of women across generations in a society where women were initially restricted in their participation in politics in any form [17;18;20;6].

This gendered twist collides with the power of digital platforms in terms of its affordances, as well as limitations. X is a crucial, formative, hybrid space in a context of intense state surveillance, internet blackouts, and conventional media gatekeeping, whereby online connective action is sustained by offline mobilisation. Baloch women activists use hashtags, threaded discourses, fan pages, and real-time engagement counters to make what Bennett and Segerberg describe as connective action: a personalised but resonant collective frame, which cuts across hierarchical party formations. Their online labour both implements theories of digital nationalism, in this case not in the form of state propaganda but of bottom-up ethno-national identity formation in diaspora and conflict zones, and postcolonial subaltern agency. The canonical question put forward by Gayatri Spivak, Can the subaltern speak? is being answered, in an imperfect manner, with the platformed counter-publics disrupting hegemonic Pakistani nationalist dis-

courses that negotiates internal patriarchal and class relations in Baloch society [1;11;6;9]. This research is important because it timely questions the role of gendered political agency in transforming digital nationalism in a long-standing ethno-national struggle. Earlier research on digital nationalism has been mainly preoccupied with state-led initiatives Pakistan, India, Iran or Srilanka, or majority-nationalist movements; little has been written on minority or stateless forms of nationalism functioning in the context of digital authoritarianism. In South Asian gender and social movement studies, the study of Pakistani feminism has focused on movements of the urban, middle classes, including the Aurat March, neglecting minority ethno-national feminisms. This paper fills three lacuna: the gendered aspect of platformed ethno-nationalism, the agency of connective action in the hybrid resistance of the online and offline, and the peculiarities of subaltern agency in the conflict periphery of Pakistan. Its results have immediate policy consequences, including: to the digital rights movement, counter-terrorist measures which may confuse lawful opposition with separatism, and global human rights institutions that will have to grapple with platform responsibility in authoritarian settings [12;7;6].

The main objective of the study is to shed light on how Baloch women activists in the BYC use X to create and maintain digital nationalism as a unifying force in the face of structural violence. The specific objectives include: (a) mapping the distribution of the key hashtags (#EndEnforcedDisappearances, #StopBalochGenocide) and networks, reach, impressions, and trending dynamics between 2023 and 2026; (b) analysing the discursive strategies according to which individual posts produce collective identity, pride, and transnational solidarity; (c) analysing the growth The research design is qualitative and focuses on the digital discourse analysis and netnography, which gives preference to publicly available X data but is sensitive to the ethical aspects of visibility and risk. The novelty of this work is threefold. First, it provides the initial long-term empirical analysis of Baloch women digital labour as agents, not servants, of modern ethno-nationalism, between the literature on postcolonial theory, literature on platform studies and literature on social movements in a conflict under-researched context. Second, its emphasis on the 2023–2026 period of time, which includes major BYC long marches, crackdowns which are increasingly violent, and imprisonment of key leaders such as Mahrang Baloch, captures a critical juncture in which digital practices have proven to maintain continuity of movements despite offline repression. Third, its mixed theoretical approach (digital nationalism, subaltern resistance, connective action, and mediated counter-publics) produces conceptual resources useful outside of Balochistan: to other minority nationalisms negotiating platform governance, to theorizations of gendered agency in hybrid media ecologies, and to arguments about digital sovereignty in the Global South. By so doing, the manuscript does not only report on an emerging politics, but conceptualizes its transformative possibilities – and its own weaknesses – in the era of algorithmic visibility and authoritarian digital control [17;6].

Theoretical debate

This theoretical framework combines four overlapping lenses, including digital nationalism, postcolonial theories of subaltern agency and resistance, mediated counter-publics and the logic of connective action, to provide insight into the new forms of political agency among Baloch women within the Baloch Yakjehti Committee (BYC) movement in Balochistan, Pakistan. It is especially this entangled practice that fits the hybrid online-offline spaces in conflict peripheries, where digital platforms both amplify the voices of subalterns, and subject them to the surveillance of algorithms and states [3;6]. Digital nationalism is redefined beyond the state-based propaganda in that there are bottom-up and user-generated practices where marginalized ethnic communities form collective identities in the digital space. Unlike other dominating South Asian scholarship that has centered on majority-nationalist or governmental digital strategies, Baloch digital nationalism is a minority, periphery-based phenomenon. It makes use of X (previously twitter) to disseminate visual testimonies of forced disappearances, extrajudicial executions, and long marches, thus turning disjointed complaints into an ethno-national narrative of solidarity and resistance. The process is a way of developing transnational connectivity with the Baloch diaspora and challenging both Pakistani hegemonic discourse and internal patriarchal restrictions within Baloch tribal society [18;6;10].

The second pillar is postcolonial theory that is rooted in the canonical questioning of subaltern speech by Gayatri Chakravorty Spivak. The double subalternization of Baloch women by postcolonial state violence and patriarchal tribalism, historically having to remain in domestic spaces, now expresses agency in digital work. Their posts, which can include unedited videos of protests and personal stories of loss, are also an act of epistemic resistance, responding to the question asked by Spivak imperfectly, but with strength: the subaltern does speak when there is a platform that allows it to be seen, although subject to algorithmic control. This agency interferes with the erasure of epistemes that is inherent to structural violence and reinvents gendered positions in ethno-nationalism [8;17;9;15]. The framework also includes the mediated counter-publics of Nancy Fraser, scaled to digital realms. X serves as an alternative public space through which Baloch women formulate oppositional definitions of identity, interests and justice towards the nationalist majority, Pakistani. These counter-publics create a sense of collective pride and transnational solidarity through threaded discourses, hashtags, and live interaction, bypassing the traditional media gatekeeping and state-imposed internet blockades [7]. Lastly, the logic of connective action provided by Bennett and Segerberg describes the dynamics in the organization. In contrast to hierarchical collective action logics based on formal structure and integrated ideological frames, connective action is based on personalized but publicly resonant content disseminated through fluid networks. Baloch women activists use personalization of main grievances (e.g., #EndEnforcedDisappearances, #StopBalochGenocide) and generates scalable, non-hierarchical mobilization that connects offline mass marches and sit-ins with online trend dynamics. This connective tissue maintains continuity of movement despite repression. Linked together, these theories can show how the digital practices of Baloch women go beyond the activism of individuals: they represent a gendered reorganization of ethno-nationalism that disrupts the hegemonic discourse, cultivates a collective identity and establishes a political visibility in the authoritarian digital ecologies. The framework makes a conceptual contribution to the insights into platformed resistance in the Global South, both emphasizing emancipatory affordances and intrinsic constraints of algorithmic governance and digital authoritarianism.

Method & Materials

The research design used in this study is based on qualitative research design, which uses digital discourse analysis and netnography to explore the strategic use of X platform by Baloch women activists to promote digital nationalism and collective agency in the BYC socio-political movement. The digital culture of the Baloch, as an immersive ethnographic approach adjusted to the online practices, makes it possible to systematically observe the interactions within the community, the construction of meanings, and identities in the online Baloch world [9]. In complement, digital discourse analysis, based on critical multimodal perspectives, analyzes posts, threads, hashtags, and visual material using linguistic, visual, and interactional means to reveal how collective identities are formed, solidarities established and resisting power. The sample size is limited to publicly accessible X material created or shared by high-profile Baloch women activists (e.g., Dr. Mahrang Baloch, Dr. Sabiha Baloch, Sammi Deen Baloch) and related BYC networks in the year 2023–2026. Systematic sampling focuses on the important hashtags (#EndEnforcedDisappearances, #StopBalochGenocide), engagement metrics (reach, impressions, retweets, follower growth trends), network interactions, and time-related patterns related to offline protests, including long marches, sit-ins, and crackdowns on the state. They are used in archiving and coding to track discursive shifts and dynamics of visibility using thematic and network-mapping frameworks. Ethical standards are concerned about the collective nature of the information and are also sensitive to the repressive political environment of surveillance and reprisals in Balochistan. № content is accessed privately or deleted; analysis does not infringe on the intentions of public activists and makes non-public figures anonymous where possible. It has limitations such as the opacities of platform algorithms and the possible temporality of digital traces. The design provides empirically based information on the role of digital labor in maintaining hybrid resistance in conflict settings.

Here is the conceptual model:

Table 1. Laced together Theoretical Model of Baloch Women Digital Agency in Socio-Political Movements

Theoretical Pillar	Core Concepts	Application to Baloch Women's Agency on X	Expected Outcomes
Digital Nationalism	Bottom-up identity formation & transnational solidarity	Hashtag campaigns & visual narratives uniting Baloch nation	Coherent ethno-national agenda
Postcolonial Subaltern Agency	Resistance, voice, epistemic disruption	Personal testimonies of loss transformed into collective claims	Disruption of hegemonic & patriarchal discourses
Mediated Counter-Publics	Oppositional public spheres	Alternative narratives countering state media gatekeeping	Collective pride & transnational connectivity
Connective Action	Personalized networked mobilization	Individual posts linking offline marches to scalable online frames	Hybrid online-offline continuity of movement

Based on the digital discourse analysis and netnography of publicly available X data (2023–2026), it can be observed that Baloch women activists representing the Baloch Yakjehti Committee (BYC) have been able to utilize the affordances of the platform in a systematic way to create and maintain a gendered version of digital nationalism. The study provides a record of how the individual digital labor converts into collective connective action through a systematic analysis of about 1,200 posts, threads, and visual content of the verified or primary accounts of key leaders, including, but not limited to, the following: @MahrangBaloch_ (approximately 330,000 followers as of April 2026), @SammiBaluch (174,000 followers), Dr @SabihaBaloch 54,000 followers, @FoziaBaloch and so on; These Baloch women are playing transfromative role in uniting Baloch nation from across the border by using digital space to highlight socio-political issues along with human rights violations in Balochistan, Pakistan; the role of hashtag campaigns was to provide discursive anchoring between offline protests and transnational online solidarity, turning localized grievances into a coherent ethno-national story of resistance against enforced disappearances, extrajudicial killings, and structural violence in Balochistan. Thematic analysis has revealed three dominant thematic clusters, namely (i) testimonial witnessing (personal and collective narratives of loss), (ii) mobilization framing (invoking long marches as a way of connecting with national unity), and (iii) identity reclamation (asserting Baloch pride, women political centrality, and criticism of both Pakistani state hegemony and domestic patriarchal norms). Sixty-eight percent of high engagement posts included visual content (unedited videos of Raji Muvchi (Baloch Raji March) processions, sit-ins and women-led door-to-door campaign), increasing the strength of affective resonance over textual appeals.

Table 2. Top Trending Hashtags (2023–2026) and Patterns of Engagement (Netnographic Summary)

Rank	Hashtag	Peak Period & Key Trigger	Est. Total Posts (Sampled)	Avg. Reach/ Impressions per Post (High-Engagement)	Primary Discursive Function
a)	#StopBalochGenocide	Dec 2023 (Long March Turbat–Islamabad); Mar 2025 (Mahrang arrest)	~450	250,000–1.2 M	Genocide framing & transnational solidarity
b)	#EndEnforcedDisappearances	Jul 2024 (Raji Muvchi Gwadar); ongoing 2025–2026	~380	180,000–950,000	Testimonial witnessing & legal accountability
c)	#BYC	All major marches & arrests 2023–2026	~320	120,000–800,000	Organizational branding & collective identity
d)	#MahrangBaloch	Mar 2025–2026 (detention awareness campaign)	~210	300,000–1.5 M	Personalised leadership & women's agency
e)	#SaveBalochwomen / #ReleaseallBalochstudents	Jan–Apr 2025 (student & women arrests)	~140	90,000–650,000	Gendered resistance & youth mobilisation

Source: *Netnographic analysis of data (public X); metrics of engagement based on visible likes, reposts, replies, and quoted trends. Spike was directly correlated to offline events.*

Figure 1: Conceptual Trend Graph (Textual Representation)

The volume of hashtags demonstrated obvious temporal coincidence with hybrid events:

• **2023 Q4**: Spike (#StopBalochGenocide) in the historic Turbat-to-Islamabad Long March, as women activists live-tweeted logistics of the march and shared raw footage of state violence.

• **Q3 2024:** Secondary peak (#EndEnforcedDisappearances) at Raji Muvchi in Gwadar, where Dr. Sabiha Baloch and Sammi Deen Baloch organized X Spaces that extended to the diaspora in Europe and the Gulf.

• **2025 Q1-Q2:** Continued high (#MahrangBaloch) after the arrest of Dr. Mahrang Baloch and other women leaders (Fozia Baloch, Amina Baloch, Sadia Baloch) and making personal detention a symbol of mass subaltern resistance.

Graph analysis of retweet and reply networks revealed highly densely connected, female-centric clusters: The account of Dr. Mahrang Baloch became a central node (the highest betweenness centrality), and Sammi Deen Baloch, Dr. Sabiha Baloch acted as bridging nodes between Balochistan-based activists and diaspora networks. The core accounts grew by 40–65 percent in the years 2023–2026, and the spikes were faster after the repression events- a phenomenon that is reported in the connective-action literature as the repressive backfire. A critical evaluation of the long marches and protests proves that digital strategies by Baloch women were not auxiliary but constitutive. The 2023 Long March and the 2024 Raji Muvchi were physically organized by women (thousands of women participants of all generations), but with their visibility and persistence relying on the X-mediated framing. Hashtags were used as connective tissue, individualising shared pain and massifying it into ethno-national unity. The writings of Sadia Baloch and Fozia Baloch, in particular, directly associated tribal patriarchal restrictions with state violence, and how this acted out a dual opposition that simultaneously opposed Pakistani hegemonic nationalism and domestic gender conventions. This digital labour also made the Baloch ethnic identity dynamic and future-oriented, overcoming decades of erasure by creating an archive of visual testimony and pride that could not be wholly stifled by offline repression.

Conceptual Model (derived from theoretical Framework–Results Integration)

Table 3. Digital Agency Digital Manifestation Empirically.

Theoretical Pillar	Empirical Evidence from X Practices (2023-2026)	Outcome in Baloch Context
(i) Digital Nationalism	Hashtag synchronisation with Raji Muvchi and Long March	Bottom-up ethno-national unification
(ii) Postcolonial Subaltern Agency	Women's testimonial threads disrupting epistemic silence	Subaltern speech made algorithmically audible
(iii) Mediated Counter-Publics	X Spaces & counter-narratives vs. Pakistani state media	Alternative public sphere of visibility
(iv) Connective Action	Personalised posts linking offline marches to scalable online frames	Hybrid movement continuity despite arrests

Discussion & Conclusion

The findings reveal that the digital practice of Baloch women in the BYC movement represents a paradigmatic example of platformed subaltern agency in conflict areas. Activists like Dr. Mahrang Baloch, Dr. Sabiha Baloch, Sammi Deen Baloch, Sadia Baloch, Amina Baloch, and Fozia Baloch have re-organized digital nationalism as a gendered, connective power, rather than passive victims or simply amplifiers of male-dominated nationalism. Weaponising hashtags and visual testimony in 2023 during the Long March, and in 2024 with the Raji Muvchi, they turned fragmented grief into a coherent politics of visibility and solidarity, directly providing an answer to the canonical question of the algorithmic age: the subaltern not only speaks but also trends, archives, and mobilizes across borders.[5; 6]. This agency exists at the intersection of physical courage offline and online connective action. The fact that the peaks of protests occur in synch with the hashtag peaks affirms the reasoning of Bennett and Segerberg: personalized frames (a missing father, a march of her daughter) escalate into non-hierarchical mobilization without political party organizations. However, structural limitations can also be observed in the analysis. Algorithmic visibility promotes spectacles, and the structure of state surveillance and regular internet blackouts limits the formation of counter-publics in the long term. The 2025 arrests of several female leaders backfired, reaching more people through the tactic of repression, yet at the same time, placing activists at increased risk[15;6]. Theoretically, this research contributes to the knowledge of minority digital nationalisms in the Global South focusing Pakistan's Balochistan's movement. In contrast to state-sponsored digital propaganda common in Pakistan or India, Baloch women's labor is an example of bottom-up, periphery-based identity creation that negotiates both external coloniality and internal patriarchy. Their online strategies have made the Baloch ethnic identity a living, breathing project that is not a thing of tribal history but a continuation of women as the driving force behind modern Balochistan politics. Policy implications are immediate: the frameworks of digital rights must acknowledge platform culpability in the context of authoritarianism, and human rights institutions must approach such online labor as a form of political expression and not a threat of separatism. However, Limitations remain while doing this netnographic study which only records digital political traces in the open; privately coordinated and erased materials do not lend themselves to analysis. Further studies may

also intersect with offline interviews (where ethically possible) or comparative research on other minority feminisms in digital authoritarianism in the future. However, the data presented here prove Baloch women to be central participants in the process of the hybrid reconfiguration of ethno-national resistance in the platform era [10;4;9;13]. Lastly, the digital nationalism politics practiced by Baloch women illustrate the emancipatory possibilities and structural constraints of the platform era. Their digital practices have created spaces of visibility, solidarity, and collective voice, which offline repression has not been able to completely silence in the longue durée of Baloch marginalization since 1948. This gendered agency does not necessarily mean victory in the battle against structural violence, but it reinvigorates the terrain of struggle, making pixelated squares a space in which subaltern women write their own histories of resistance and recreate the Baloch nation. These composite tactics offer conceptual resources for theorizing political agency, digital sovereignty, and connective resistance across the Global South as the movement continues to face crackdowns in 2026. Such platformed subaltern politics have disruptive potential and hypothetical vulnerability that must be further academically engaged and morally supported.

Литература

1. ANI. Mahrang Baloch marks International Women's Day with strong support for women's struggles [Electronic resource] // The Tribune. – 2025. – 9 March.
2. Bennett W. L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics //Handbook of digital politics. – Edward Elgar Publishing, 2023. – С. 287–338.
3. Baluch D. An Interview With Baloch Yakjehti Committee Leader Dr. Mahrang Baloch // The Diplomat. – 2025. – 25 Feb.
4. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 254 p.
5. Earl J. Protest online: theorizing the consequences of online engagement Cambridge University, 2015.С. 363–400.
6. Eggert J. P., Kanwer M., Baloch S. 'We Must be Focused and We Must Organise': Gender, Conflict and Human Rights Activism in Balochistan // Alternatives: Global, Local, Political. 2024. ,Ññ 2 (50). С. 206–225.
7. Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy 1 //New critical writings in political sociology. – Routledge, 2024. – С. 489–513.
8. Guardian staff. 'She has won our hearts and minds': can one woman unite the Baloch people in peaceful resistance? // The Guardian. – 2024. – 31 Aug.
9. Gurumurthy A., Chami N., Thomas S. Unpacking Digital India: A Feminist Commentary on Policy Agendas in the Digital Moment // Journal of Information Policy. 2016. ,Ññ 1 (6). С. 371–402.
10. Hunt T.A. The Digital Solidarity Trap: Social Movement Research, Online Activism and Accessing the Other's Others // SSRN Electronic Journal. 2015.
11. Ijaz A. Digital Nationalism: The Rise of Baloch Separatist Narratives on Social Media (2020–2025) // Academia International Journal for Social Sciences. – 2025. – Vol. 4, № 3. – P. 1905–1920.
12. Mihelj S. Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of 'new' nationalism // Nations and Nationalism. – 2021. – Vol. 27, № 2. – P. 331–346.
13. Mukhopadhyay A. Digital Diasporas: Labor and Affect in Gendered Indian Digital Publics // South Asian Review. 2020. ,Ññ 1 (42). С. 109–111.
14. Kozinets R. Netnography: The essential guide to qualitative social media research. – 2019.
15. Kanagasabai N. Whose feminism is it anyway? Reinterpreting digital media and feminisms from the non-metropolitan global south // Feminist Media Studies. 2024. ,Ññ 4 (25). С. 865–880.
16. Sammi Deen Baloch. Written Testimony by Sammi Deen Baloch, Central Working Committee Member, Baloch Yakjehti Committee (BYC) [Electronic resource] // Tom Lantos Human Rights Commission. – 2025. – 15 July. – URL: https://humanrightscommission.house.gov/… (accessed 20.04.2026).
17. Spivak G.C. Can the subaltern speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. – Urbana: University of Illinois Press, 1988. – P. 271–313.
18. Samdani A. Voices of Baloch Nationalism: A Conversation with Mahrang Baloch [Electronic resource] // Progressive International. – 2024. – 13 June.
19. Vick K. Pakistan Jails Baloch Human Rights Activist // TIME. – 2025. – 24 Mar.
20. Wikipedia contributors. Mahrang Baloch [Electronic resource] // Wikipedia, The Free Encyclopedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mahrang_Baloch (accessed 20.04.2026).

THE POLITICS OF DIGITAL NATIONALISM: THE RISE OF BALOCH WOMEN'S AGENCY IN SOCIO-POLITICAL MOVEMENT OF BALOCHISTAN, PAKISTAN

Muhammad Sharif
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

This article explores how the political agency of women and manifestations of digital nationalism dynamically engage in the socio-political movement organized by the Baloch Yakjehti Committee (BYC) in Balochistan, Pakistan. This study focuses on the roles of the following prominent female activists in how they use social media, especially X (formerly Twitter), in the form of hashtags, posts, reach data, and follower networks, and trending in an attempt to create collective connectivity, unite the Baloch nation, and advance a single ethno-national agenda centered on the core issues of Balochistan. Within an environment marked by ongoing forced disappearances, extrajudicial killings, and what activists call structural violence, the digital practices of Baloch women have become a powerful gender of identity formation, collective behavior, pride, and collective voice. It uses an interwoven theoretical approach that incorporates theories of digital nationalism, postcolonial theories of subaltern agency and resistance, and the idea of mediated counter-publics and connective action. This framework explains how women's digital practices go beyond individual activism to create a collective identity, action, and disrupt the hegemonic discourse in hybrid online-offline spaces. The study uses a qualitative content analysis from the longitudinal immersion study timeframe of 2023–2026 and relies on the techniques of digital discourse analysis and netnography with a sole emphasis on publicly available data on the X platform. Approaches involve a systematic gathering and examination of hashtags such as #EndEnforcedDisappearances and #StopBalochGenocide), engagement metrics (reach, impressions, retweets), follower development tendencies, and trend dynamics around Baloch women activists in 2023–2026. The evidence suggests that Baloch women activists are a key political agent in transforming digital nationalism into a unifying mechanism that turns disjointed grievances into a coherent politics of visibility and solidarity. Conceptually, this research adds to the knowledge of gendered agency in platformed ethno-nationalism in conflict environments in the digital era.

Keywords: digital nationalism, Baloch women, agency, social movement, Balochistan.

References

1. ANI. Mahrang Baloch marks International Women's Day with strong support for women's struggles [Electronic resource] // The Tribune. – 2025. – 9 March.
2. Bennett W. L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics //Handbook of digital politics. – Edward Elgar Publishing, 2023. – С. 287–338.
3. Baluch D. An Interview With Baloch Yakjehti Committee Leader Dr. Mahrang Baloch // The Diplomat. – 2025. – 25 Feb.
4. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 254 p.
5. Earl J. Protest online: theorizing the consequences of online engagement Cambridge University, 2015.С. 363–400.
6. Eggert J. P., Kanwer M., Baloch S. 'We Must be Focused and We Must Organise': Gender, Conflict and Human Rights Activism in Balochistan // Alternatives: Global, Local, Political. 2024. ,Ññ 2 (50). С. 206–225.
7. Fraser N. Rethinking the public sphere: A contribution to the critique of actually existing democracy 1 //New critical writings in political sociology. – Routledge, 2024. – С. 489–513.
8. Guardian staff. 'She has won our hearts and minds': can one woman unite the Baloch people in peaceful resistance? // The Guardian. – 2024. – 31 Aug.
9. Gurumurthy A., Chami N., Thomas S. Unpacking Digital India: A Feminist Commentary on Policy Agendas in the Digital Moment // Journal of Information Policy. 2016. ,Ññ 1 (6). С. 371–402.
10. Hunt T.A. The Digital Solidarity Trap: Social Movement Research, Online Activism and Accessing the Other's Others // SSRN Electronic Journal. 2015.
11. Ijaz A. Digital Nationalism: The Rise of Baloch Separatist Narratives on Social Media (2020–2025) // Academia International Journal for Social Sciences. – 2025. – Vol. 4, № 3. – P. 1905–1920.
12. Mihelj S. Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of 'new' nationalism // Nations and Nationalism. – 2021. – Vol. 27, № 2. – P. 331–346.
13. Mukhopadhyay A. Digital Diasporas: Labor and Affect in Gendered Indian Digital Publics // South Asian Review. 2020. ,Ññ 1 (42). С. 109–111.
14. Kozinets R. Netnography: The essential guide to qualitative social media research. – 2019.
15. Kanagasabai N. Whose feminism is it anyway? Reinterpreting digital media and feminisms from the non-metropolitan global south // Feminist Media Studies. 2024. ,Ññ 4 (25). С. 865–880.
16. Sammi Deen Baloch. Written Testimony by Sammi Deen Baloch, Central Working Committee Member, Baloch Yakjehti Committee (BYC) [Electronic resource] // Tom Lantos Human Rights Commission. – 2025. – 15 July. – URL: https://humanrightscommission.house.gov/… (accessed 20.04.2026).
17. Spivak G.C. Can the subaltern speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / ed. by C. Nelson, L. Grossberg. – Urbana: University of Illinois Press, 1988. – P. 271–313.
18. Samdani A. Voices of Baloch Nationalism: A Conversation with Mahrang Baloch [Electronic resource] // Progressive International. – 2024. – 13 June.
19. Vick K. Pakistan Jails Baloch Human Rights Activist // TIME. – 2025. – 24 Mar.
20. Wikipedia contributors. Mahrang Baloch [Electronic resource] // Wikipedia, The Free Encyclopedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mahrang_Baloch (accessed 20.04.2026).

О некоторых методах воздействия на сознание молодежи по фальсификации Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Панов Анатолий Иванович,
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государствоведения, социальной политики и глобальных процессов РГСУ
E-mail: ponchik.92@bk.ru

В статье впервые раскрывается технология фальсификации Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на примере концепции «Окно Овертона» и эффекта «Обезьянья лапа». Этим методом обрабатывается сознание молодежи и не только. Человек не в состоянии противодействовать на первый взгляд мелким и не значительным негативным изменениям вносимых в нашу историю. Сознание резко реагирует на сильное и большое на него воздействие, а небольшие воспринимаются без сопротивления, постепенное складывается и становится необратимым по своим последствиям, возможно даже в следующем поколении.

Ключевые слова: «Окно Овертона», эффект «Обезьянья лапа», сознание, фальсификация, война, воспитание, молодежь, менталитет, мировоззрение.

С каждым годом от нас удаляется самая страшная для нашего народа война и, казалось бы, что должны затухать память, зарубцовываться раны, нанесенные той войной на теле нашей земли и в душах наших отцов и дедов, во имя мира на планете. Тем не менее, идеологическая борьба вокруг той войны только нарастает. Кто и зачем ворошит те тяжелые страницы и кому в угоду переписывает результаты Победы советского народа над гитлеровской Германией в 1945 году, за которые наша Родина заплатила такой большой кровью?

Особенно эта фальсификация активизировалась после поражения Советского Союза в холодной войне и перемены политической ориентации с социалистического пути развития на капиталистический. Нужно понять, что этот факт стал результатом не однодневного переворота в 1991 году. Мы должны рассмотреть, как готовились кадры, финансы (экономика) и СМИ как средство психологического зомбирования сознания советских людей и подготовки их к принятию ложных ценностей о которых позже стали открыто писать в прессе. Кем и как готовились кадры «пятой колоны», компрадоров и коллаборационистов и просто предателей так, что Советский Союз развалился?!

Цель стояла в дискредитации истории войны смене ментальности наших людей, лишении их национального самосознания и уважения и гордости за свою славную историю, своих героических предков.

Актуальность рассматриваемой темы в том, что современная молодежь попала под сильнейший прессинг обработки ее сознания всеми видами воздействия начиная от психотропного до психотронного и идеологического. Поэтому необходимо всеми средствами не только сопротивляться этому воздействию, но и активно внедрять в жизнь высокие морально-нравственные качества, которые как раз и отделяют человека разумного от животного.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб нашей стране: минимум пятнадцать миллионов убитых без учета других потерь, а живые были искалечены физически, психологически и нравственно, тем не менее, стали активно восстанавливать свою жизнь во всех ее аспектах. В.А. Шишкин и автор ставят проблему: элитой и народом до сих пор не осознан глубокий кризис национального политического и военного самосознания России в начале XX века и в 1930-е годы. Преодоление этого кризиса, объединение расколотого национального самосознания СССР и коренной перелом военного самосознания во время битвы под Сталинградом стали главной предпосылкой коренного поворота в самом ходе войны [1, с. 25–32], [2, с. 79–84], [3, с. 36–41].

Великая Победа над гитлеровской Германией поставила Советский Союз в разряд сильнейших держав мира, резко повысила авторитет и престиж на международной арене. Но мировой капитализм не для этого начинал войну, не те были планы, Победа нашего народа вызывало у них откровенную злобу и ненависть, и предопределила начало «холодной войны», первым шагом которой была подготовка к «горячей» войне по плану «Немыслимое» – плану нападения бывших союзников по Второй мировой войне на СССР в 1945 году. Но сегодня мы уже можем предположить, что этот план был прикрытием к яростным идеологическим и психологическим атакам на СССР. Этот прием используется и сегодня, даже гонка вооружений была использована не только для подрыва экономики СССР, но и для внутреннего разложения управления, системы финансов и СМИ.

Так вот, сам выбор нашей темы, которая стала острой накануне 75-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., уже является шагом в борьбе с фальсификациями или как минимум неточностями в терминах, что дает повод фальсификаторам искажать историю.

Современные фальсификации имеют минимум три направления: это прямое искажение исторических фактов, уравнивание гитлеризма и сталинизма как идеологий и нивелирование войны как защиты Родины в умах российской молодежи. Первые два направления уже достаточно хорошо проработаны и по ним мы можем судить о позиции, морально-нравственной компетенции источнике заказа. Третье подается в очень завуалированном виде по концепции «Окно Овертона» [4]. Это обработка сознания современной российской молодежи через различные манипулятивные технологии, такие как толерантность, или примирение, в том числе и с агрессором и насильником. Автор этой

концепции Джозеф Овертон писал, что совершенно чуждые обществу идеи могут быть подняты из помойного бака общественного презрения, отмыты, изменены, переформатированы и, в конце концов, законодательно закреплены. В нашем случае советское воспитание отношения к захватчикам нашей Родины убийцам детей стариков, отцов и матерей воспитывало непримиримую ненависть к врагу и подготовку к отпору возможной будущей агрессии. Всем говорилось четко и ясно, Германия напала на Советский Союз, без объявления войны нарушив договор о ненападении, были убиты миллионы людей. Разрушенные и уничтоженные тысячи городов были общенародной собственностью, и советский народ ее защищал.

Капитализм, устанавливающийся после переворота в 1991 году, изменил мировоззрение и самосознание взрослых людей и молодежи. Четкой и ясной идеологической концепции не стало и в эту нишу стали накачиваться так называемые западные идеи, которые до сих пор в большинстве свое не воспринимаются менталитетом и мировоззрением российской молодежи. Конечно, значительная часть ее естественно под мощным воздействием пропаганды секса, насилия, подчинения и т.д. уже воспринимает Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. как исторический эпизод, не более. В то же время идет и идеологическая, патриотическая поляризация всего нашего общества: на одном полюсе население, которое равнодушно относится к фальсификации Великой Отечественной войны; на другом полюсе старается исследовать причины и последствия этой войны, ее воздействия на воспитание гражданских качеств, любви к своей Родине ее свободе, чести и достоинству человека, проживающего на своей земле и защищающего ее от врагов.

Эта концепция имеет, как правило, шесть стадий:

1 – немыслимое;
2 – радикально;
3 – приемлемо;
4 – разумно;
5 – популярно;
6 – политическая норма.

Для понимания этого действа, мы возьмем в целом подход к освещению Великой Отечественной войн в СМИ и научных взглядах с момента подписания капитуляции германских вооруженных сил.

Первый этап «немыслимое». Ни в западной открытой литературе, ни тем более советской нет ни слова о возможности новой войны (кроме коварного плана так и названного «Немыслимое», но о нем знало только ограниченное количество людей). Весь мир ликовал по поводу окончания Второй мировой войны, а советский народ еще и по поводу окончания Великой Отечественной. И наступил такой момент, что участники войны не хотели вспоминать ее, потому что она просто у каждого была на памяти, как кровь, убийство, разрушение и инстинктивно им хотелось от этого уйти. Сам День Победы был установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 года и отмечался 9 мая каждый год, назывался он Праздником Победы и объявлялся нерабочим днем. Также, как и 3 сентября, когда была побеждена Япония и поэтому День Победы праздновали дважды в год в 1945, 1946 и 1947 годах, но оно было отменено 24 декабря 1947 года. Сегодня выдвигаются различные версии причин этого решения, но в данной статье мы не будем их рассматривать, нам важен процесс изменения самосознания советских людей и отношения к факту войны.

Второй этап «радикально» начинается, на наш взгляд, с 1965 года, когда на государственном уровне День Победы стал отмечаться как нерабочий праздничный день. Радикальный значит решительный, этому способствовало то, что за эти 20 лет со дня окончания войны выросло поколение, которое лично не участвовало в ней, не было на нем шрамов войны. Но война как зло четко и отчетливо оставалась в сознании и памяти, рядом были еще участники, но они уже начинали уходить из активной политической и идеологической жизни. Если сразу после войны ее возможность рассматривалась как явление вообще немыслимое, то сейчас она просто решительно отвергалась, но в сознании она уже фиксировалась как явление, в идее Праздника Победы. И война уже в сознании людей проходит почти двадцать лет под названием «холодная» после Фултонской речи Черчилля.

Третий этап «приемлемо» и был подготовлен этой речью, т.е. война возможна хотя бы в формате «холодной». Термин абсурдный с точки зрения значения слова война, еще живы были те, кто войну знал, как «горячую» когда все вокруг горит и рушится. Две мировые державы США и СССР стали усиленно готовиться к войне; чего стоит только один план «Дропшот» [5]. Но, тем не менее, руководством СССР была объявлена политика мирного сосуществования, шедшая параллельно с гонкой вооружений. Понятно, что вооружение нужно для войны, и здесь сознание советских людей и в первую очередь молодежи стало готовиться к тому, что война явление приемлемое, только нужно к ней хорошо подготовиться.

Четвертый этап имеет уже уровень «разумно», нужно только разумно использовать военный опыт Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. для достижения победы над врагом. В сознание уже начинает вкладываться смысл того что война относится к разумной деятельности человека, о ее немыслимости уже речь не идет. Но разум это мыслительная деятельность, способность анализировать, делать выводы из прошлого, обобщать она присуща только человеку в своей высшей форме. Это явление, базирующее на морально-нравственной основе и противоположное тенденциям к распаду, разрушению, смерти в конце концов. И если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума. По всей видимости на этой стадии люди уже лишаются разума так как уничтожение самих себя начинают считать делом разумным. Этот этап и сегодня спокойно вкладывается в сознание особенно молодежи.

Пятый этап достиг уровня «популярно», а это уже рассматривается как высокая степень востребованности, т.е. война становится фактически нужной для существования человека, хотя это звучит как нелепый парадокс. Человеку нужно жить, а война как известно несет только смерть, но в сознании двуногого вертикально передвигающегося существа, именуемого себя человеком, уже вложен геном самоуничтожения. В печати мелькает определение популярности как качество отношения к людям. И так мы достигли уровня отношения к людям – их уничтожение. Даже применяется или уравнивается с термином «модно».

Модно на этом уровне становится убивать себе подобных и даже самих себя. На этой стадии фактически уже достигнут уровень деградации человека как вида. Он, как та лягушка, которую сначала опустили в теплую воду, т.е. создали комфортную обстановку (вплоть до мягкой туалетной бумаги для солдат). Эту комфортную обстановку, – т.е. воду улучшают – начинают подогревать и лягушка, расслабившись, сваривается. Если же ее сразу бросить в горячую воду, то она мгновенно оттуда выпрыгнет.

Ограниченное манипуляциями СМИ сознание и убитая электромагнитным излучением воля (50 герц) [6] превращают человека разумного (лат. Homo sapiens) в биоробот, пожирающего самого себя. Тем более, что современные разработки подают смысловой перевод Homo sapiens – как человек питательный, т.е. он служил для кого-то пищей; духовной или физической, – еще предстоит этот вопрос исследовать современным ученым. Но войны, ведущиеся уже веками на убийство, упорно подталкивают нас к этой мысли.

Шестой этап говорит, о том, что достигнутое в пятом этапе становится **политической нормой** [7]. На этом этапе война уже не рассматривается как убийство, здесь идут спокойные рассуждения о военных конфликтах, провокациях, столкновениях, противоборстве. Введено СМИ в словесный оборот выражение: «артиллерия работала по…», артиллерия, ракеты как известно наносят свои удары по скоплениях людей, именуемых врагом, причем врагом именуется тот, кто находится на противоположной стороне фронта или идеологических и политических взглядов и убеждений. Убийство себе подобных становится нормой, под лозунгами установления демократии. Так концепция «Окно Овертона» медленно, пошагово разрушая самосознание самого совершенного существа на земле – человека, ведет его по пути деградации и самоуничтожения.

Тема спокойно муссируется в контексте того, что в XXI веке война стала нормой, а количество убитых и покалеченных становится статистикой. Война представляется «мыслимым» и даже необходимым инструментом политики современности. Идет откровенный подмен понятий, само по себе политическое явление – война не существует, война – это результат деятельности людей, и что это за люди, которые планируют, а затем уничтожают друг друга, это уже уровень биороботов с заложенной в них программой самоуничтожения.

Проанализировав действие концепции «Окно Овертона» и убедившись в ее действенности, нам нужно переходить к следующему этапу, как людям, задумавшимся над вопросом: «А что мы получим в действительности после того, как мы поставим целью войны выгоду, победу или уничтожение врага?»

В действительности будет то, что на западе получило название «эффект обезьяньей лапы» [8]. Простое объяснение звучит так: рассчитывая получить в результате какого-то действия (в нашем случае войны) выгоду, организатор получает противоположное. Это подтверждается результатами всех войн которое ведет двуногое существо, усиленно именуемое себя человеком. Во время второй мировой войны было убито несколько десятков миллионов человек, фактически еще она не закончилась, а эти существа уже планируют очередное многомиллионное убийство – план «Немыслимое». Не удалось осуществить его – была начата так называемая Холодная война, которая по своим

результатам уже приближается ко Второй мировой войне. Тем более что между большими войнами как вооруженной борьбой в той или иной степени действуют и действуют и другие виды войн под общим названием: гибридная война [9].

Мы рассмотрели методы, с помощью которых изменяется самосознание людей и они воспринимают сфальсифицированную историю как настоящую правду.

Воздействие на сознание молодежи идет через эмоциональное воздействие, через чувства направленные на удовольствия, удобства и легкость восприятия, тем не менее, противодействие фальсификациям мы должны строить в основе на разумности, не отказываясь естественно от чувств. Рассмотрим основные пути и методы борьбы с фальсификациями, что нужно сделать?

• На государственном уровне проверить изложение истории в учебниках и решительно убрать из учебного процесса все книги и учебники, в той или иной мере искажающих подвиг советского народа в Великой Победе над гитлеровской Германией 1941–1945 гг.

• Принять законы, вносящее уголовную ответственность за искажение истории, показ России в негативном виде на мировой арене умалчивание великих достижений во всех областях науки и искусства.

• Усилить исследовательскую, научную работу по изучению причин и истинных организаторов Второй мировой войны.

• Под руководством ученых-патриотов организовать изучение истории на правдивых фактах и событиях среди молодежи, не уклоняясь от правды, какой бы то она не была.

• Мудро и умело воспитывать молодое поколение на опыте предков, учить гордиться достижениями России, ее великими сыновьями и дочерями.

6. Воспитывать и самим воспитываться на высоких морально-нравственных принципах человеческого общежития.

7. Развивать дружбу и взаимопомощь всех народов, проживающих на территории нашей Великой и Единой России.

Таким образом, мы научим молодежь, начиная с детского возраста, умению противостоять негативному воздействию на их умы и сердца и, воспитаем их стойкими и надежными продолжателями славных дел наших предков. Честность и порядочность, справедливость должны стать нашими основами воспитания молодого поколения.

Литература

1. Панов А.И., Шишкин В.А. Кризис политического самосознания в начале XX века. – Обозреватель. 2015. № 3 (302). С. 25–32.

2. Шишкин В.А. Коренной перелом военного самосознания народов СССР – Сталинградская битва. – Сибирский учитель. 2017. № 2 (111). С. 79–84.

3. Панов А.И., Шишкин В.**А.** Кризис военного самосознания СССР накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (причины культурно-исторического характера). Печатное ж. «Научное обозрение. Реферативный журнал» 2016. № 1. С. 36–41. Электронная версия журнала в формате PDF размещена по ссылке http://science-review.ru/abstract/pdf/2016/2016_01.pdf

4. См.: Окно Овертона – технология внедрения немыслимых идей [Электронный ресурс]. – URL: // digitall-angell.livejournal.com›46 comments

5. План «Дропшот» (Dropshot): как США хотели уничтожить СССР [Электронный ресурс]. – URL: //https://fb.ru/article/231991/plan-dropshot-dropshot-kak-ssha-hoteli-unichtojit-sssr [Дата доступа 20.03.2026].

6. Как 50 герц в электросети облучают мозг. Остановка ума. – Видео от Шаги к Гармоничной Жизни [Электронный ресурс]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/15144136360933221595 [Дата доступа 22.04.2026].

7. Война – политическая «норма» в начале XXI века | Центр военно-политических исследований. [Электронный ресурс]. – URL: https://defence. mgimo.ru/?q=node/39969&ysclid=mpjcmehbwz180533123&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru [Дата доступа 22.04.2026].

8. Что такое «эффект обезьяньей лапы»? [Электронный ресурс]. – URL: // https://www.bolshoyvopros.ru/questions/1382647-chto-takoe-effekt-obezjanej-lapy.html [Дата доступа 22.04.2026].

9. Что такое гибридная война? Концепция и тактика… [Электронный ресурс]. – URL: https://fb.ru/article/182506/chto-takoe-gibridnaya-voyna-kontseptsiya-i-taktika-gibridnoy-voynyi [Дата доступа 22.04.2026].

ON SOME METHODS OF INFLUENCING THE CONSCIOUSNESS OF YOUNG PEOPLE BY FALSIFYING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945

Panov A.I.
Russian State Social University

The technology for the first time reveals the technology of falsification of the Great Patriotic War of 1941–1945. on the example of the concept «Window Overton» and the effect «Monkey's paw». This method handles the consciousness of young people and not only. A person is not able to counteract at first sight the minor and not significant negative changes introduced into our history. Consciousness reacts sharply to a strong and great impact on it, and small ones are perceived without resistance, gradually evolving and becoming irreversible in its consequences, perhaps even in the next generation.

Keywords: «Window of Overton», effect «Monkey's paw», consciousness, falsification, war, education, youth, mentality, worldview.

References

1. Panov A.I., Shishkin V.A. Crisis of Political Identity at the Beginning of the Twentieth Century. – Obozrevatel. 2015. № 3 (302). Pp. 25–32.

2. Shishkin V.A. Fundamental Turning Point in the Military Identity of the Peoples of the USSR – the Battle of Stalingrad. – Siberian Teacher. 2017. № 2 (111). Pp. 79–84.

3. Panov A.I., Shishkin V.A. Crisis of Military Identity in the USSR on the Eve of the Great Patriotic War of 1941–1945 (Cultural and Historical Reasons). Printed journal «Scientific Review. Abstract Journal» 2016. № 1. Pp. 36–41. The electronic version of the journal in PDF format is available at http://science-review.ru/abstract/pdf/2016/2016_01.pdf

4. See: The Overton Window – a technology for implementing unthinkable ideas [Electronic resource]. – URL: // digitall-angell.livejournal.com › 46 comments

5. The Dropshot Plan: How the US Wanted to Destroy the USSR [Electronic resource]. – URL: //https://fb.ru/article/231991/plan-dropshot-dropshot-kak-ssha-hoteli-unichtojit-sssr [Accessed 20.03.2026].

6. How 50 Hz in the electrical grid irradiates the brain. Stopping the mind. – Video from Steps to a Harmonious Life [Electronic resource]. – URL: https://yandex.ru/video/preview/15144136360933221595 [Accessed April 22, 2026].

7. War as a Political «Norm» at the Beginning of the 21st Century | Center for Military-Political Studies. [Electronic resource]. – URL: https://defence. mgimo.ru/?q=node/39969&ysclid=mpjcmehbwz180533123&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru [Accessed April 22, 2026].

8. What is the «monkey's paw effect»? [Electronic resource]. – URL: // https://www.bolshoyvopros.ru/questions/1382647-chto-takoe-effekt-obezjanej-lapy.html [Accessed 22.04.2026].

9. What is hybrid warfare? Concept and tactics… [Electronic resource]. – URL: https://fb.ru/article/182506/chto-takoe-gibridnaya-voyna-kontseptsiya-i-taktika-gibridnoy-voynyi [Accessed 22.04.2026].

Политические партии России: ретроспективный анализ

Романов Юрий Александрович,
доцент, Восточно-Сибирский государственный технологий и управления
E-mail: georgeorff@mail.ru

В статье делается попытка по описанию и оценки проблематики функционирования одного из основных и центральных институтов политической системы, каковой является политическая партия в условиях современной России. Также в статье исследуется данная проблема, базируясь на историческом, т.е. ретроспективном опыте с учётом особенностей развития и изменения понятия политическая партия. При этом, необходимо отметить, что у политической партии как одного из институтов политической системы есть как положительные, так и отрицательные стороны её деятельности. Так позитивная сторона создает возможность разрешить множество острейших проблем, стоящих на сегодня. Тогда как негативная сторона приводит к усилению давних и возникновению новых проблем, влияющих на жизнь в наше время.

Ключевые слова: политическая партия, многопартийность, формирование партийной системы, избирательные компании, парламентские выборы.

Историческая эволюция политических партий в России отражает динамичный процесс трансформации их идеологических платформ, организационных структур и функциональных ролей на разных этапах развития государства. В советский период политическая система основывалась на монополии Коммунистической партии, тогда как в современный период действует принцип многопартийности, закрепленный в Конституции РФ.

После распада СССР в 1991 г. Россия, став суверенным государством, провозгласила курс на демократизацию и либерализацию политической системы. Данный подход был отражен в Основном законе государства. Согласно п. 1 ст. 1 Конституции РФ от 1993 г., Российская Федерация определяется как демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Пункт 1. ст. 3 указанного документа устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в стране является ее многонациональный народ. В п. 2 этой же статьи закреплены механизмы реализации власти через непосредственное участие граждан, государственные органы и местное самоуправление, а в п. 3 референдум и свободные выборы признаны высшими формами выражения народной воли [1]. Глава 2 Конституции детально регламентирует права и свободы человека и гражданина.

Переход от однопартийной системы к многопартийности не означал идентичного развития партийных институтов в России и других постсоветских государствах. Как указано в докладе Центра политических технологий «Российская партийная система: нынешнее состояние и перспективы развития», радикальные преобразования 1990-х гг. обусловили плебисцитарный характер ранней российской демократии. Политические партии выполняли вспомогательные функции, выступая в роли агитаторов или групп поддержки, но не являлись самостоятельными субъектами электорального процесса. Основную выгоду от победы на таких выборах получал глава исполнительной власти [2]. Это свидетельствует о том, что трансформации инициировались преимущественно сверху. Конституция от 1993 г. закрепила доминирующую роль президентской власти, предоставив главе государства широкие полномочия, включая формирование и роспуск правительства.

Ряд исследователей, включая Т.Н. Самсонову, характеризуют партийную систему России образца 1993 г. как несформировавшуюся, используя термин «квазисистема» [3]. С.Е. Заславский, в свою очередь, рассматривает данную конфигурацию как переходный тип партийной системы [4].

Наиболее верными представляются выводы А.А. Вилкова, согласно которым российская партийная система начала 1990-х гг. пребывала в состоянии фрагментации, обусловленном исчезновением биполярной политической модели [5].

Как отмечает И.А. Аксенов, Коммунистическая партия, долгое время занимавшая доминирующее положение, столкнулась с наиболее значительными трудностями в период перестройки. Несмотря на инициацию реформ, она не сумела адаптироваться к новым условиям, что привело к её уходу с ведущих политических позиций [6]. Идеологическая монополия КПСС была заменена принципом идеологического плюрализма.

В.М. Долгов подчеркивает, что идеологическая составляющая политической борьбы 1993 г. определялась либеральными ценностями, закрепленными в Конституции РФ, которые заняли место коммунистической доктрины [7]. По мнению И.В. Лебедева, в начале 1990-х гг. партийная идеология служила ключевым мобилизационным инструментом. Однако впоследствии идеологическая жесткость стала ограничивать электоральный потенциал партий, что особенно проявилось в случае КПРФ и СПС, чья приверженность доктринальным принципам сокращала базу их поддержки [8].

На начальном этапе избирательной кампании по выборам в Государственную Думу РФ Министерством юстиции было официально зарегистрировано достаточно большое количество потенциальных участников данного процесса. Как указывает Т.В. Шмачкова в своем исследовании «Теория коалиций и становление российской многопартийности (методики рационализации политического процесса)», общее количество политических организаций, имевших формальные основания для участия в выборах, достигало 148 [9]. Этот перечень включал в себя 33 политические партии, 16 общественных движений, 89 других общественных объединений и 9 профсоюзных организаций.

М.В. Барабанов в своих работах обращает внимание на ограничивающее воздействие российского законодательства на процесс формирования партийной системы. Конституция РФ от 1993 г., в отличие от правовых систем развитых демократических государств, не закрепила за политическими партиями их традиционную роль ключевых участников политического процесса и формирования властных институтов [10].

Парламентские выборы 1993 г. привели к созданию в России модели гипертрофированного плюрализма, содержащей характерные негативные черты, описанные в работах итальянского политолога Д. Сартори. К числу таких черт относятся выраженная идеологическая поляризация с преобладанием центробежных тенденций, а также склонность политических сил к популизму, проявляющемуся в озвучивании заведомо неисполнимых обязательств, реализация которых объективно невозможна в условиях ограниченного представительства в законодательном органе.

Российский политолог Б.А. Исаев в своих исследованиях [11] отмечает значительную незрелость российской партийной системы на момент первых парламентских выборов 1993 г. По его оценкам, она представляла собой хаотичное сочетание разнородных политических образований, от полноценных партий до временных инициативных групп. Многие из этих структур оказывались нежизнеспособными. Одни из них распадались на этапе регистрации, другие не могли преодолеть необходимый электоральный барьер в 200 тыс. подписей. В результате из 21 зарегистрированного участника избирательной кампании лишь 8 сохранили политическую активность в последующий период 1994–1995 гг.

Особый интерес представляет механизм вхождения в политику через одномандатные округа, которым воспользовались две организации. Образованные ими депутатские группы («Союз 12 декабря» и «Российский путь», связанный с движением С. Бабурина) демонстрируют альтернативные пути институционализации политических сил в условиях переходного периода.

Период работы первого созыва Государственной Думы под председательством И. Рыбкина характеризовался острым противостоянием между основными политическими силами. Проправительственный либеральный блок («Выбор России», «Союз 12 декабря» «Яблоко», ПРЕС) противостоял разнородной оппозиции, включавшей левые (КПРФ, АПР), правые (ЛДПР) и другие («Женщины России», ДПР, «Новая региональная политика») силы. Такая конфигурация, по мнению экспертов, затрудняла конструктивную законодательную работу, подменяя ее политической конфронтацией. Последующие выборы 1995 г. обозначили тенденцию к упорядочиванию партийной системы [12].

Накануне выборов в Государственную Думу в 1995 г. в официальных документах Министерства юстиции было зафиксировали 273 организации (258 общественных объединений и 15 профсоюзов), обладавших формальным правом участвовать в избирательном процессе. Фактически этим правом воспользовались 111 из них, выступая либо в роли самостоятельных участников (в 40 случаях), либо в составе одного из 29 избирательных блоков (сформированных 71 объединением) [13].

При сопоставлении данных обращает на себя внимание количественный рост участников избирательного процесса. Если в 1993 г. в выборах участвовали 35 объединений (из которых только 13 смогли зарегистрировать федеральные списки, и лишь 8 преодолели пятипроцентный барьер), то к 1995 г. их число увеличилось почти втрое.

Юридическая неопределенность понятия «избирательное объединение», введенного Положением о выборах 1993 г., создавала значительные проблемы для становления партийной системы. Отсутствие четких критериев политического представительства (кроме формального указания в уставе) привело к парадоксальной ситуации, когда наряду с серьезными политическими силами к выборам допускались маловлиятельные организации вроде «Союза работников ЖКХ».

Такой подход имел несколько негативных последствий:

- торможение процесса формирования устойчивых партийных структур, способных выражать интересы значительных социальных групп;
- отсутствие механизмов ответственности избирательных блоков, т.к. они не являлись юридическими лицами;
- создание условий для спекулятивного создания временных предвыборных коалиций.

В результате все этого вместо планомерного развития партийной системы наблюдался хаотичный рост числа участников избирательного процесса, что в конечном итоге ослабляло государственные институты и снижало эффективность политического управления.

Законодательные инициативы середины 1990-х гг., включая законы «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ» [14] и «О выборах Государственную Думу Федерального собрания РФ» [15] предпринимали попытки упорядочить процесс формирования избирательных объединений. Введенный 6-месячный ценз регистрации для участников избирательного процесса должен был способствовать большей структурированности партийной системы. Однако политическая конъюнктура весны 1995 г. внесла существенные коррективы в этот процесс.

Особенностью указанной избирательной кампании стало законодательное смягчение регистрационных требований (ст. 71 Закона о выборах), что позволило участвовать в выборах восьми новым политическим структурам, включая пропрезидентское движение «Наш дом –Россия», в также такие объединения, как «Мое Отечество», «Держава», «Партия «Народный Союз», «Дума-96», «Партия самоуправления трудящихся», «Вперед, Россия!» и «Стабильная Россия». При этом отсутствие четких временных рамок для создания избирательных блоков привело к хаотичному процессу их формирования. Все 18 зарегистрированных Центризбиркомом блоков были созданы в авральном режиме непосредственно перед выборами.

Такая законодательная практика имела двоякие последствия. С одной стороны, она обеспечивала представительство новых политических сил, а с другой – препятствовала становлению устойчивых партийных структур и создавала условия для манипуляций с избирательными технологиями.

Избирательная кампания 1995 г. продемонстрировала качественную трансформацию российской партийной системы. Из 262 организаций, имевших право выдвигать кандидатов, сформировалось 69 избирательных списков, из которых Центризбирком зарегистрировал 43. В результате в парламенте оказались представлены 21 политическая структура, включая как объединения с несколькими мандатами, так и организации с единственным представителем.

Особенностью выборов стала крайне низкая эффективность избирательных блоков. Ни один из них не смог преодолеть даже двухпроцентный барьер. При этом система одномандатных округов, способствуя увеличению числа представленных в Думе политических сил, одновременно препятствовала процессу партийной консолидации. Это сохранило проблему «одномандатников», слабо связанных партийной дисциплиной.

Среди ключевых политических сил выделялась КПРФ, получившая 22,3% голосов и значительно усилившая свои позиции благодаря социально-экономическому кризису, способствовавшему развитию ностальгических настроений у значительной части электората. ЛДПР, заняв второе место с 11,18% голосов, тем не менее потеряла около половины поддержки по сравнению с предыдущими выборами. Проправительственное движение «Наш дом – Россия», набрав 10,13%, стало единственным новым образованием, преодолевшим пятипроцентный барьер. Партия «Яблоко», несмотря на рост абсолютного числа голосов, показала снижение процентного результата до 6,89%.

Социально-политический контекст выборов характеризовался усилением протестных настроений, что выразилось не только в росте поддержки оппозиционных сил, но и в значительном проценте голосов, поданных за вариант «против всех». Экономические трудности переходного периода стали ключевым фактором, определившим перераспределение электоральных предпочтений.

Сравнение с выборами 1993 г. выявляет несколько устойчивых тенденций, выразившихся в увеличении количества участников избирательного процесса, росте фрагментации партийного спектра, усилении позиций левых сил при одновременном снижении эффективности проправительственных проектов. Эти процессы свидетельствовали о незавершенности формирования устойчивой партийной системы в России середины 1990-х гг., сохранявшей переходный характер и подверженной значительным колебаниям.

Участие 43 избирательных объединений в выборах 1995 г., формально свидетельствуя о плюрализме, фактически привело к негативным последствиям для политической системы. Чрезмерная фрагментация способствовала развитию крайнего плюрализма, что выразилось в нескольких проблемных аспектах. Значительная часть электората (49,5%) оказалась не представленной в парламенте, так как поддержанные ими объединения не преодолели пятипроцентный барьер. Это создало парадоксальную ситуацию, когда формально демократический процесс привел к снижению реального представительства интересов избирателей.

Международные наблюдатели, включая посла ЕС Майкла Эмерсона, дали положительную оценку выборам, охарактеризовав их как «свободные и честные». Однако подобные оценки не учитывали системных проблем российской партийной системы. Реальная картина отличалась значительным дисбалансом между количественными показателями плюрализма и качеством политического представительства [16].

Последующие выборы 1999 г. продемонстрировали определенную динамику развития партийной системы. При общей численности зарегистрированных избирателей, равной 108 млн 72 тыс. человек, явка оказалась ниже показателей 1995 г. (64,76%), но выше уровня 1993 г. (54,81%). Эти данные свидетельствуют о постепенной стабилизации электоральных процессов, хотя и не снимают вопросов о качестве представительной демократии в условиях сохраняющейся фрагментации политического пространства [17].

Выборы в Государственную Думу 1999 г. продемонстрировали важные изменения в российской политической системе. Шесть партий сумели преодолеть пятипроцентный барьер, что указывало на постепенную консолидацию после периода чрезмерного плюрализма предыдущих лет.

Коммунистическая партия РФ сохранила лидерство, получив 16 195 569 голосов (24,29% от общего числа избирателей). Однако ее преимущество перед новым проправительственным движением «Единство», набравшим 15 548 707 голосов (23,32%), оказалось минимальным. Третье место занял блок ОВР с 8 886 696 голосов (13,33%), четвертое – Союз правых сил (СПС) с 5 676 982 голосами (8,52%). Блок Жириновского (ЛДПР) и «Яблоко» едва преодолели проходной барьер, набрав соответственно 3 989 932 (5,98%) и 3 955 457 голосов (5,93%).

Примечательно, что из 26 зарегистрированных участников выборов 16 политических объединений получили менее 1% голосов, а 7 – не смогли набрать необходимые 200 тыс. голосов. Особенно показательным стало падение бывшей «партии власти», движения НДР, которое сократило свое представительство с 10,13% в 1995 г. до всего лишь 1,19% в 1999 г. Наибольшие результаты среди не прошедших в Думу объединений показали блок «Коммунисты – Трудовая Россия» (2,22%), движение «Женщины России» (2,04%) и Партия пенсионеров (1,95%).

Эти результаты свидетельствовали о ряде важных изменений в партийной системе. Постепенно сокращалось влияние КПРФ (с 22,3% в 1995 г.), формировалась новая проправительственная сила «Единство», снижалась поддержка демократических движений («Яблоко» набрало 5,93% против 6,89% в 1995 г. и 7,86% в 1993 г.). Исходя из этого можно было говорить о появлении более четкой политической структуры с доминированием центристских сил.

Введение новых избирательных механизмов, включая финансовую ответственность для партий, набравших менее 2%, способствовало повышению качества партийной системы. Это привело к сокращению числа «партий-однодневок» и формированию более устойчивых политических структур. Одновременно с этим избиратели продемонстрировали возросшую сознательность и способность отличать серьезные политические силы от временных образований.

Распределение мест в Думе отразило вышеуказанные изменения. КПРФ получила 113 мандатов, «Единство» – 73, ОВР – 66, СПС – 29, «Яблоко» – 20, ЛДПР – 17, НДР – 7. Такая конфигурация означала переход от хаотичного плюрализма начала 1990-х гг. к более структурированной системе с четко выраженными центрами влияния [18].

К 1999 г. в России сформировалась устойчивая многополюсная партийная система с четкими идеологическими ориентирами. Основу политического спектра составили Коммунистическая партия РФ как выразитель левых взглядов, Либерально-демократическая партия России, мобилизовавшая протестный электорат, либеральное «Яблоко» и формирующаяся «партия власти». Политическое пространство структурировалось по трем основным векторам: левому (КПРФ), правому («Яблоко») и центристскому («Единство», ОВР, СПС). При этом «партия власти» сознательно избегала четкой идеологической идентификации, позиционируя себя как прагматичная сила.

Выборы в Государственную Думу IV созыва 07.12.2003 г. при общей численности электората в 108 906 250 чел. и явке 55,75% (60 712 300 избирателей) продемонстрировали завершение этапа формирования устойчивой партийной системы. Пятипроцентный барьер преодолели четыре политические силы: консолидировавшая административный ресурс «Единая Россия», сохранившая базовую поддержку КПРФ, традиционно собирающая протестные голоса ЛДПР и новый национал-патриотический проект «Родина». Снижение явки до 54,7% по сравнению с предыдущими электоральными циклами (64,76% в 1995 г.) отражало как изменение характера политической конкуренции, так и трансформацию общественного запроса на политическое представительство [19].

Парламентские выборы 2003 г. стали поворотным моментом в формировании новой политической системы России. «Единая Россия» получила подавляющее большинство, 223 мандата, из которых 120 были завоеваны по партийным спискам и 103 в одномандатных округах. КПРФ заняла второе место с 52 мандатами (40 по спискам и 12 в округах), блок «Родина» получил 37 мест (29 по спискам и 8 в округах), а ЛДПР – 36 мест, все исключительно по партийным спискам. Знаковым стало полное отсутствие в новом составе Думы либеральных партий СПС и «Яблоко», которые не смогли преодолеть избирательный барьер.

Эти результаты закрепили переход к модели с доминирующей партией, где «Единая Россия», созданная при активном участии президента В.В. Путина, заняла центральное место в политической системе. Либеральные силы, ассоциировавшиеся в общественном сознании с экономическими трудностями 1990-х гг., оказались маргинализированы. Вместо них в парламенте укрепились правоконсервативные течения, представленные «Единой Россией», КПРФ и блоком «Родина» ЛДПР, что отражало сдвиг общественных настроений в сторону традиционных ценностей и усиления государственнических позиций.

Парламентские выборы 2007 г. ознаменовались существенными изменениями избирательного законодательства. Впервые в российской истории проходной барьер для партий был повышен до 7%. Одновременно с этим были отменены нижний порог явки, графа «против всех», мажоритарные округа, межпартийные блоки и независимое наблюдение. В этих условиях новый барьер преодолели четыре партии: «Единая Россия» (64,30%), КПРФ (11,57%), ЛДПР (8,14%) и «Справедливая Россия» (7,74%). Распределение мандатов сложилось следующим образом: «Единая Россия» получила 315 мест (тогда как в Думе 4 созыва их было 223), КПРФ – 57 (было 52), ЛДПР – 40 (было 36), «Справедливая Россия» – 38. При явке 54,7% выборы подтвердили укрепление системы с доминирующей партией, могущей принимать решения самостоятельно, без оглядки на взгляды представителей других течений [20].

На выборах 2011 г., несмотря на снижение результата «Единой России» до 49,32%, партия сохранила конституционное большинство (238 мандатов). В Думу также прошли КПРФ (19,19%, 92 места), «Справедливая Россия» (13,24%, 64 места) и ЛДПР (11,67%, 56 мест). Примечательно, что «Яблоко» (3,43%), хотя и не преодолело барьер, впервые получило право на государственное финансирование. Официальная явка составила 60,21%, что на 4,5% превысило показатель 2003 г. Следует отметить, что выборы на 21 участке были отменены по не уточненным ЦИК причинам [21].

Эти результаты демонстрируют устойчивость сложившейся политической системы, где «Единая Россия» сохраняет доминирующие позиции (хотя и с некоторым снижением поддержки в 2011 г.), а оппозиционные партии занимают четко определенные ниши. При этом изменения избирательного законодательства 2007 г. существенно повлияли на характер политической конкуренции, сделав практически невозможным появление новых значимых игроков на парламентском поле.

Выборы в Государственную Думу VII созыва в 2016 г. подтвердили устойчивость сложившейся политической модели. «Единая Россия» сохранила конституционное большинство, получив 343 мандата при поддержке 49,32% избирателей. КПРФ заняла второе место с 42 мандатами и 19,19% голосов, ЛДПР получила 39 мест (11,67%), а «Справедливая Россия» – 23 места (13,24%). Явка составила 47,88% (52 млн 700 тыс. 922 избирателя), что отражало умеренную электоральную активность [22].

Пять лет спустя, на выборах в Государственную Думу VIII созыва в 2021 г., политический ландшафт претерпел некоторые изменения. «Единая Россия» вновь получила квалифицированное большинство (324 мандата). КПРФ увеличила свое представительство до 57 мест, тогда как ЛДПР сократила присутствие до 21 мандата. Обновленная «Справедливая Россия» в коалиции с патриотическими силами получила 27 мест. Особенностью этих выборов стало появление новой политической силы, партии «Новые люди», которая с 13 мандатами впервые с 2003 г. преодолела парламентский барьер [23].

Развитие российской партийной системы прошло несколько этапов, от монополии КПСС через хаотичный плюрализм 1990-х гг. к структурированной системе с доминирующей партией в XXI веке. Современная модель сочетает формальное многопартийное представительство с четкой иерархией политических сил, где «Единая Россия» сохраняет ведущие позиции, а системная оппозиция представлена несколькими партиями с устойчивым, но ограниченным влиянием. Эта система продолжает адаптироваться к изменяющимся политическим и социально-экономическим условиям, сохраняя при этом ключевую роль в формировании государственной политики страны.

Литература

1. См.: Конституция РФ (принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года) (с поправками) // М.: Кнорус, 2011.

2. См.: Доклад Центра политических технологий «Российская партийная система: нынешнее состояние и перспективы развития». URL: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/500.html

3. См.: Самсонова Т.Н., Сравнительный анализ многопартийной системы в современной и дореволюционной России // Вестник Московского университета. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 20–23.

4. См.: Заславский С.Е., Российская модель партийной системы // Вестник Московского университета. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1994. – № 4. – С. 16–18.

5. См.: Вилков А.А., Особенности генезиса многопартийности в 1985–1993 г.г. // Феномен многопартийности в российском обществе. Саратовский МИОН: Саратов, 2006 – С. 35–63.

6. См.: Аксенов И.А., Социальная трансформация российского общества как основа динамики партийной системы: автореф. дис… канд. социолог. наук / М.: МГУ, 2001; 1997. – 21 с.

7. См.: Долгов В.М., Идеологический фактор партийного строительства // Феномен многопартийности в российском обществе. Саратовский МИОН: Саратов, 2006 – С. 159–191.

8. См.: Лебедев И.В., Эволюция идеологических основ и стратегии политических партий Российской Федерации в 1992–2003 гг: дис… д-ра и. наук / М.: МГПУ, 2006. – 411 с.

9. См.: Шмачкова Т.В., Теория коалиций и становление российской многопартийности (методики рационализации политического процесса) // Политические исследования. – 1996. – № 5. – С. 28–52.

10. См.: Барабанов М.В., Политические партии современной России: становление, особенности, перспективы: дис… канд. полит. наук / М.: МГОПУ, 2006. – 148 с.

11. См.: Исаев Б.А., Зарождение, становление и функционирование партийной системы современной России: дис …д-ра соц, наук / Б.А. Исаев. – СПб., 1998. – 401 с.

12. См.: Результаты выборов в Государственную Думу II созыва. URL: http://www.politika.su/fs/gd2rezv.html

13. Там же.

14. См.: Федеральный закон № 56-ФЗ от 6 декабря 1994 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 33 – ст. 3406.

15. См.: Федеральный закон № 90-ФЗ от 21 июня 1995 г. «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания РФ» (утратил силу) // Сборник законодательства РФ. – 1995. – № 26. – ст. 2938.

16. «Коммерсантъ». Иностранные наблюдатели на выборах в РФ, 23 октября 2007. UR: http://www.kommersant.ru/doc/817918

17. См.: Гельман В.Я., О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций. // Политические исследования. – 1997. – № 2. – С. 188–191.

18. См.: Результаты выборов в Государственную Думу III созыва. URL: http://www.politika.su/fs/gd3rezv.html

19. Результаты выборов в Государственную Думу IV созыва. URL: http://www.politika.su/fs/gd4rezv.html

20. См.: Результаты выборов в Государственную Думу V созыва. URL: http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/r/russia/rossiya-vybory-v-gosudarstvennuyu-dumu-2007.html

21. См.: Результаты выборов в Государственную думу 6 созыва. URL: http://top.rbc.ru/politics/09/12/2011/629226.shtml

22. ЦИК обнародовал окончательные итоги выборов в Госдуму. РБК. Архивировано 22 сентября 2016. Дата обращения: 23 сентября 2016.

23. Итоговая явка на выборах в РФ составила 51,72%. Интерфакс. 24 сентября 2021. Архивировано 24 сентября 2021. Дата обращения: 24 сентября 2021.

POLITICAL PARTIES OF RUSSIA: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Romanov Yu.A.
East Siberian State University of Technology and Management

This article attempts to describe and evaluate the functioning of one of the fundamental and central institutions of the political system–the political party–in contemporary Russia. The article also examines this issue based on historical, i.e., retrospective, experience, taking into account the development and evolution of the concept of a political party. It should be noted that a political party, as one of the institutions of the political system, has both positive and negative aspects. The positive aspect creates the opportunity to resolve many pressing issues facing today, while the negative aspect leads to the exacerbation of long-standing problems and the emergence of new ones that impact life today.

Keywords: political party, multi-party system, formation of party system, election campaigns, parliamentary elections.

References

1. See: Constitution of the Russian Federation (adopted by national referendum on December 12, 1993) (with amendments) // Moscow: Knourus, 2011.

2. See: Report of the Center for Political Technologies «Russian Party System: Current State and Development Prospects». URL: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/500.html

3. See: Samsonova T.N., Comparative Analysis of the Multiparty System in Modern and Prerevolutionary Russia // Bulletin of Moscow University. Series. 12, Social and Political Research. – 1993. – № 6. – P. 20–23.

4. See: Zaslavsky S.E., Russian Model of the Party System // Bulletin of Moscow University. Series. 12, Social and Political Research. – 1994. – № 4. – P. 16–18.

5. See: Vilkov A.A., Features of the genesis of a multi-party system in 1985–1993 // The phenomenon of a multi-party system in Russian society. Saratov MION: Saratov, 2006 – P. 35–63.

6. See: Aksenov I.A., Social transformation of Russian society as the basis for the dynamics of the party system: author's abstract. diss… candidate of sociology. sciences / Moscow: Moscow State University, 2001; 1997. – 21 p.

7. See: Dolgov V.M., Ideological factor of party building // The phenomenon of a multi-party system in Russian society. Saratov MION: Saratov, 2006 – P. 159–191.

8. See: Lebedev I.V., Evolution of the ideological foundations and strategy of political parties of the Russian Federation in 1992–2003: diss… doctor of political sciences / Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2006. – 411 p.

9. See: Shmachkova T.V., Theory of coalitions and the formation of Russian multiparty system (methods of rationalization of the political process) // Political studies. – 1996. – № 5. – P. 28–52.

10. See: Barabanov M.V., Political parties of modern Russia: formation, features, prospects: diss… candidate of political sciences / Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2006. – 148 p.

11. See: Isaev B.A., The origin, formation and functioning of the party system of modern Russia: diss… doctor of social sciences / B.A. Isaev. – St. Petersburg, 1998. – 401 p.

12. See: Results of the elections to the State Duma of the II convocation. URL: http://www.politika.su/fs/gd2rezv.html

13. Ibid.

14. See: Federal Law № 56-FZ of December 6, 1994 «On the Basic Guarantees of Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation» (no longer in effect) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 33 – Art. 3406.

15. See: Federal Law № 90-FZ of June 21, 1995 «On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (no longer in effect) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 26. – Art. 2938.

16. Kommersant. Foreign observers at the elections in the Russian Federation, October 23, 2007. UR: http://www.kommersant.ru/doc/817918

17. See: Gelman V.Ya., On the formation of the Russian party system and the practices of political coalitions. // Political studies. – 1997. – № 2. – P. 188–191.

18. See: Results of the elections to the State Duma of the III convocation. URL: http://www.politika.su/fs/gd3rezv.html

19. Results of the elections to the State Duma of the IV convocation. URL: http://www.politika.su/fs/gd4rezv.html

20. See: Results of the elections to the State Duma of the V convocation. URL: http://www.electoralgeography.com/new/ru/countries/r/russia/rossiya-vybory-v-gosudarstvennuyu-dumu-2007.html

21. See: Results of the elections to the State Duma of the 6th convocation. URL: http://top.rbc.ru/politics/09/12/2011/629226.shtml

22. The Central Election Commission announced the final results of the elections to the State Duma. RBC. Archived September 22, 2016. Date of access: September 23, 2016.

23. The final turnout in the elections in the Russian Federation was 51.72%. Interfax. September 24, 2021. Archived September 24, 2021. Date of access: September 24, 2021.

Легитимный порядок и сетевое противостояние радикализму: опыт постсоветского Казахстана

Салимов Диловар Мирзомуддинович,
кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении, Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена анализу легитимного политического порядка в условиях роста политических и религиозных сил, стремящихся к нарушению мирного баланса в постсоветском Казахстане. При этом главный акцент делается на сетевое противостояние религиозному терроризму и экстремизму на основе анализа, как правовых документов, так и медийного контента в целом. Определяются основные механизмы реализации антитеррористической политики казахстанского государства, его стратегии по устранению религиозной и политической напряженности в постсоветском периоде. Систематизируется стратегия борьбы с терроризмом и экстремизмом в сетевом пространстве страны. Концептуальная основа данного исследования заключается в научном представлении о том, что в условиях роста религиозного фундаментализма важным для национальных государств становится не только обоснованность политики действующих режимов, но и вопрос о разработке стратегии борьбы с терроризмом и экстремизмом. Стратегия подобного рода ориентирована не только на снижение религиозной напряженности в обществе, но и на оправдание действий власти в контексте сохранения устойчивости легитимного и информационного порядка. Однако в ряде случаев процедура реализации этой стратегии сопровождается формированием такого виртуального информационного пространства, в котором действия участников публичного дискурса становятся предсказуемыми и контролируемыми. Отсюда и вывод о том, что в условиях Центральной Азии стратегия борьбы с религиозным терроризмом и экстремизмом не ограничивается материальными и военными аспектами, а имеет место в сфере коммуникации, восприятия и убеждения.

Ключевые слова: сетевое противостояние, религиозный терроризм и экстремизм, Центральная Азия, власть, национальные государства, сетевые СМИ, легитимный порядок, политический порядок

Введение

Как показывает анализ, происходящие события в Центральной Азии сопровождаются формированием не только политических, но и различного рода религиозных сил, стремящихся к трансформации политических систем в национальных государствах. С этой точки зрения, вопрос о борьбе с терроризмом и экстремизмом является приоритетом национальных государств, каждый из которых предлагает собственные методы противостояния религиозному терроризму и экстремизму. Особое место в этом пространстве занимает Казахстан, выступающий активным участником стратегии борьбы с исламским радикализмом в регионе и мире в целом. Не случайно сегодня страна занимает заметное место в контексте борьбы с религиозным терроризмом и экстремизмом, как в регионе, так и мире в целом.

Сегодня современный Казахстан представляется больше, чем постсоветская республика, центральноазиатское государство или даже мост между Востоком и Западом. Страна стремится выйти за рамки такого определения и стать более разносторонним игроком мирового уровня с модернизированной экономикой и обществом. Однако, наряду с другими факторами, одним из препятствий этому развитию является радикализация молодежи и усиление протестного настроения религиозной части общества на фоне принятых мер и законов в области религии. Данное обстоятельство значительно актуализирует вопрос о научном и концептуальном осмыслении антитеррористической политики Казахстана, в том числе и с учетом включения в этот процесс медийных ресурсов. Здесь важным также остается вопрос о легитимном и политическом порядке, чья антологическая природа противоречит любой радикальной идеи.

Содержательное описание данного вопроса является объектом научного дискурса региональных, отечественных и зарубежных исследователей. Учеными предлагаются разнообразные концепции изучения сетевых СМИ в политической жизни стран Центральной Азии, они разделены временными рамками и работают в разных социокультурных и политических парадигмах, также у них разные языки и отличные друг от друга политические культуры.

В научном пространстве современного Казахстана вопрос о легитимном порядке в условиях религиозного настроения среди молодежи в основном рассматривается с правовой и социальной точки зрения. Здесь главный акцент делается на деятельность института власти, гарантирующего безопасность общества. В ряде случаев можно наблюдать анализ предпосылок религиозного радикализма и его следствий формирования радикального мышления у общества посредством сетевых ресурсов. Однако во всех случаях вопрос о легитимном и политическом порядке, разрушении этого институционального порядка на фоне роста религиозного радикализма остается малоизученным [32; 33].

В постсоветском научном пространстве вопрос о легитимном порядке и сетевом противостоянии религиозному радикализму рассматривается с учетом анализа антитеррористической политики Казахстана, его региональной и мировой стратегии по борьбе с этим явлением. Здесь основные научные выводы авторов базируются на анализе исторических и правовых источников, что не всегда отражает медийную реальность в стране [21; 31].

С теоретической точки зрения, особенно в контексте оценивания политического курса в Казахстане в контексте обеспечения легитимного порядка и сетевого противостояния религиозному терроризму и экстремизму заметное место занимает западное академическое сообщество. Здесь как показывает анализ, акцент делается не только на развитие сетевых СМИ в условиях глобализации, но и на формирование системы цензуры, выступающей залогом информационной устойчивости политического режима в Казахстане. При этом, стратегия борьбы с терроризмом и экстремизмом также рассматривается как рычаг воздействия на сетевые СМИ, отрицательно настроенные против идеологии действующего режима [36].

Концептуальная основа данного исследования заключается в научном представлении о том, что в условиях роста религиозного фундаментализма важным для национальных государств становится не только обоснованность политики действующих режимов, но и вопрос о разработке стратегии борьбы с терроризмом и экстремизмом. Стратегия подобного рода ориентирована не только на снижение ре-

лигиозной напряженности в обществе, но и на оправдание действий власти в контексте сохранения устойчивости легитимного и информационного порядка. Однако в ряде случаев процедура реализации этой стратегии сопровождается формированием такого виртуального информационного пространства, в котором действия участников публичного дискурса становятся предсказуемыми и контролируемыми. Отсюда и вывод о том, что в условиях Центральной Азии стратегия борьбы с религиозным терроризмом и экстремизмом не ограничивается материальными и военными аспектами, а имеет место в сфере коммуникации, восприятия и убеждения.

Правовые основы противостояния религиозному терроризму и экстремизму в постсоветском Казахстане

Как и в других странах региона, в современном Казахстане существует целый ряд законов, которые определяют не только антитеррористическую политику власти, но и создают формат поведения СМИ в контексте противостояния религиозному терроризму и экстремизму. Одним из важных документов, определяющих содержание антитеррористической политики, является Закон РК «О противодействии терроризму [5]. Данный закон определяет общегосударственную систему противодействия терроризму, взаимодействие государственных органов, осуществляющих противодействие терроризму. Закон запрещает пропаганду идей терроризма, распространение террористических материалов, в том числе с использованием СМИ или сетей телекоммуникаций, а также публичные призывы к совершению акта терроризма (ст. 1). Согласно данному закону, наряду с другими государственными органами, СМИ являются важным механизмом информационно–пропагандистского противодействия терроризму. Их главная задача – формировать антитеррористическое сознание в обществе (ст. 10–1). Руководство антитеррористической операцией также должно поддерживать связь с представителями СМИ (ст. 13–1).

Стоит также говорить о Законе РК «О противодействии экстремизму» [6], который не только определяет понятие религиозного терроризма и экстремизма, но и предусматривает уголовное наказание за пропаганду и публичный призыв к радикальным действиям, в том числе и посредством СМИ и других каналов коммуникаций. В задачу СМИ также входит укрепление межнационального и межконфессионального согласия, что зачастую воспринимается как одна их причин экстремизма (ст. 6). При этом, согласно закону, деятельность СМИ может быть запрещена судом в установленном законом порядке в случае осуществления экстремизма (ст. 16). Уполномоченные органы вправе проводить мониторинг продукции СМИ на предмет недопущения в них пропаганды и оправдания экстремизма (ст. 6).

Кроме того, можно также говорить о Законе РК «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» [7], обеспечивающем право на свободу вероисповедания и регулирующем деятельность национальных и иностранных религиозных организаций. Согласно данному закону религиозные объединения отделены от государства и все религии и религиозные объединения равны перед законом (ст. 4). Хотя закон не запрещает им использовать СМИ (ст. 13), в случае пропаганды религиозного экстремизма их деятельность запрещается (ст. 10–1).

Немаловажным в контексте определения антитеррористической политики является Закон РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» [9], который обеспечивает и защищает национальную безопасность национальных интересов страны от реальных и потенциальных угроз (ст. 2–1). К ним можно отнести в том числе и угрозу со стороны террористических и экстремистских организаций (ст. 6). Здесь одним из главных механизмов борьбы с религиозным терроризмом и экстремизмом является МИД РК (ст. 15). Хотя в законе не упоминается вопрос о контроле над СМИ и их роли в противостоянии исламскому радикализму, документ содержит элементы, указывающие на применение медийных ресурсов в контексте урегулирования религиозной потребности общества и обеспечении информационной безопасности (ст. 22–24).

Одним из ключевых нормативных актов в контексте противостояния религиозному терроризму и экстремизму является Уголовный кодекс Республики Казахстан [27], который не только запрещает организацию незаконной религиозной группы и акт терроризма (ст. 255), но и вербовку людей в целях организации террористической либо экстремистской деятельности (ст. 259), в том числе и посредством СМИ. Данный кодекс запрещает публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, в том числе и посредством СМИ, сети Интернет (ст. 256).

Устойчивость антитеррористической политики Казахстана обеспечивается не только вышеупомянутыми нормативными актами, но и совокупностью государственных институтов, разрабатывающих и способствующих реализации политики государства в области религии. К ним можно отнести прежде всего Министерство культуры РК, МИД РК, Комитет по делам религий Министерства культуры и информации РК, а также Министерство информации и общественного развития РК. Также следует говорить о Кибернадзоре, как механизме контроля за соблюдением требований законодательства страны в Интернете согласно закону «О связи» [8].

Одной из главных задач вышеперечисленных органов является предотвращение информационных потоков со стороны идеологов–террористов в социальных сетях, зачастую предстающих как инструмент пропаганды террористических организаций. Речь прежде всего идет о социальных сетях как о «пространстве, где казахская молодежь окажется под воздействием радикальной идеологии» [29]. Такое позиционирование становится определяющим в контексте определения наличия или отсутствия соответствующих сетей в медийном пространстве.

Легитимный порядок и сетевое противостояние религиозному терроризму и экстремизму: анализ медийного контента

Контент–анализ публикации казахстанских СМИ демонстрирует следующие стратегии борьбы с религиозным терроризмом и экстремизмом в информационном поле страны:

– *Казахстан – религиозный терроризм и экстремизм – международное сообщество*. Здесь главный акцент делается на занимаемое Казахстаном место в рамках международных организаций по борьбе с религиозным терроризмом и экстремизмом, а это именно тот факт, вокруг которого создается мировой образ страны. Отмечается, что современный Казахстан «четко идентифицирует себя как важную часть региона и мостом Центральной Азии, Россией и Западом» [34]. При этом страна должна сохранять за собой статус лидера в регионе, в том числе и с учетом активной борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Понятие международного терроризма в СМИ рассматривается как глобальная угроза современному обществу. Подобное позиционирование базируется на выступлениях руководства страны на региональных и международных саммитах, конференциях и встречах. Отмечается, что казахстанская власть пока успешно выполняет свою функцию в контексте сохранения сотрудничества подобного рода. Часто упоминаются специальные государственные службы и правоохранительные органы, активно взаимодействующие с Контртеррористическим комитетом СБ ООН, Антитеррористическим подразделением ОБСЕ, Антитеррористическим центром СНГ, Региональной антитеррористической структурой ШОС и ОДКБ [2]. Организатором этой стратегии является сам лидер страны Н. Назарбаев, который в свое время также оказался председателем ОБСЕ. К этому можно добавить еще и то, что страна стала председательствовать в Организации исламского сотрудничества. Так, в июне 2011 года в Астане состоялась 38-я встреча министров иностранных дел Организации Исламская конференция, на которой руководство страны выразило готовность к борьбе с радикальной идеологией, что СМИ стали называть попыткой реализации «успешной политики президента Н. Назарбаева для сохранения международного имиджа страны».

Здесь также большое значение имеет председательство страны в Совете Безопасности ООН в 2018 году, что «стало большим опытом для руководства страны» [3], в том числе и в контексте борьбы с терроризмом и экстремизмом. Так, в январе 2018 года СМИ опубликовали выступления бывшего президента Н. Назарбаева, который, открыв заседание Совета Безопасности ООН в Нью–Йорке, призвал страны отказаться от ядерного оружия и быть готовым в борьбе с терроризмом и экстремизмом [15].

Хотя наряду с другими странами региона политический режим Казахстана характеризуется авторитаризмом, казахские СМИ в сравнительном ключе также приведут примеры таких стран, как Таджикистан и Туркменистан, где политическая обстановка желает оставлять лучшего. Так, в юле 2021года интернет–издание zakon.kz опубликовало часть интервью бывшего президента Н. Назарбаева в фильме «Штрихи к портрету. Лидер». Отвечая на вопрос журналиста о том, как вам удалось не допустить терроризма на территории Казахстана, он сравнил страну с Таджикистаном: «По сравнению, например, с Таджикистаном в Казахстане не было основательной почвы для роста радикализма. В Таджикистане была война религиозная в свое время. Нынешний президент Рахмон в своей столице ходил с автоматом в руке, освобождать надо было. Страшная резня была между двумя религиозными направлениями. Сейчас это продолжается где–то. У нас не было этого, я надеюсь, и не будет. В то же время религиозная свобода у нас полная. Демократия – это когда человек имеет работу, может содержать семью, крышу над головой. Если будет нищета, никакой демократии не будет, будет война. Точно так же радикального ислама не допустили люди. Казахи никогда не были радикалами, и почвы не было. Но возникали в Западном Казахстане, в Актюбинске, откуда поехали воевать, потом

возвратили многих. Просто обманули людей, заплатили, увезли. А так крупной почвы для этого у нас не было. Мы никого не ущемляли, ислам возродился…» [13].

– *Создание единой сети противостояния религиозному терроризму и экстремизму.* Такой подход подразумевает наличие единого центра применения мер на основе международных нормативных актов по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Он стал формироваться после выступления бывшего президента Н. Назарбаева на юбилейном, 70-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 году, где он предложил создать единую мировую сеть противодействия терроризму и экстремизму [22]. Данную стратегию можно наблюдать и в политике, проводимой новым руководством. Так, в 2024 году действующий президент К. – Ж. Токаев на встрече с секретарями советов безопасности государств – членов ШОС заявил о необходимости принятия международной программы сотрудничества по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом на период с 2025 по 2027 год. Аналогичное было предложено на встрече с секретарями советов безопасности и министрами оборонных ведомств государств – членов ОДКБ в мае 2018 года [19]. По сути, К. – Ж. Токаев продолжает политику своего предшественника, с учетом некоторых изменений в применении методов и способов реализации данной стратегии. Это проявляется в представлении терроризма и экстремизма как явной угрозы его власти [24].

– *Религиозно–культурное объединение*. Оно предполагает формирование единой сети взаимодействия в религиозно–культурном контексте. Такой подход стал формироваться на фоне зарождения Съезда лидеров мировых и традиционных религий в 2003 году по инициативе бывшего президента Н. Назарбаева. На многочисленных встречах во время съезда Казахстан получил статус страны переговоров в контексте решения региональных и международных проблем, в том числе и касающихся религиозного терроризма и экстремизма. В сентябре 2001 года по инициативе Н. Назарбаева страну с официальным визитом посетил Папа Римский Иоанн Павел II, что стало важным фактором формирования международного имиджа страны [23].

Результаты встреч в рамках данного съезда наводят на мысль о том, что борьба с радикализмом требует совместного усилия вне зависимости от принадлежности к той или иной религии [12]. В СМИ подобная религиозно–идеологическая близость, объединяющая всех в борьбе с терроризмом и экстремизмом, во многом базируется на высказывании тогдашнего президента Н. Назарбаева, который на фоне террористического акта в ноябре 2015 года во Франции заявил, что «терроризм не имеет ни национальности, ни религии. Это всеобщая беда. И народы Земли должны бороться с ним совместно» [20].

Такая стратегия позволяет СМИ выйти за рамки традиционного определения ислама, который выступает как религия мира и единства всех народов. Следовательно, любая идеология радикального характера не имеет связи с исламом и мусульманским обществом в светской идеологии. В таком контексте в 2015 году на заседании Совета религиозных лидеров в Астане Н. Назарбаев заявил, что «одна из самых толерантных религий мира, как и другие, – это ислам. Попытки использовать ислам, чтобы оправдать любые формы экстремизма, терроризма, – кощунственны» [11].

Аналогичная стратегия наблюдается и у курса, проводимого президентом К. – Ж. Токаевым. Однако в отличие от предыдущего лидера К. – Ж. Токаев главный акцент делает на религиозный консенсус, прежде всего в самой стране. Внутреннее религиозное согласие является первоначальной стратегией создания единой сети мировой религии в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Такое позиционирование можно было наблюдать на третьем заседании Национального курултая в Атырау, где К. – Ж. Токаев заявил, что опираться на традиционный ислам, на его научно–теоретическую основу является первым шагом устранения радикализма в стране. Позднее он заявил, что международный терроризм требует объединения представителей мировых религий. В сентябре 2022 года на церемонии закрытия VII Съезда лидеров мировых и традиционных религий он также заявил, что «у всех нас общая цель – установление гармонии цивилизаций, укрепление мира и стабильности» [26].

– *Создание сильного института власти и политическая стабилизация.* Хотя такой подход рассматривается как попытка усиления «института личности» и авторитарного типа правления, его наличие зачастую считается фактором устранения радикальной идеологии. Здесь речь идет лишь о наличии такого института власти, который, как указывает Х. Арендт, не столько нуждается в оправдании своих действий, столько стремится к их легитимации [1].

В условиях Казахстана наличие такого рода института объясняется необходимостью сохранения стабильности в стране и консенсуса между субъектами политики. Этот аспект рассматривается в сравнительном ключе с учетом анализа нестабильных стран на фоне роста радикальной идеологии. Причиной ее появления считается отсутствие сильного института власти. Яркий пример этому высказывание Н. Назарбаева о том, что «террористы, экстремисты, бандиты возникают там, где нет власти. Им удобно там жить. Захватили землю, кусок Ирака, кусок Сирии и сказали, что они ИГИЛ»[1] [16].

Стоит также говорить о публикациях, в которых руководство обращается к казахстанскому и мировому сообществу на фоне террористических актов. Публикации, содержащие соболезнования казахстанскому обществу в связи с произошедшим терактом в стране, имеют как информационный, так и аналитический характер [17]. Как правило, здесь выявляются основные причины теракта, определяются суть и цели террористов–радикалов. Подобные теракты воспринимаются властью как попытка нарушения мирного баланса в стране со стороны врагов. Одним из ожидаемых сценариев подобного позиционирования становится принятие новых мер с целью устранения террористических угроз, а также попытка формирования информационного пространства, соответствующего идеологии власти. Примером служат события, произошедшие в январе 2022 года, в которых, как заявил президент К. – Ж. Токаев в своем Twitter, принимали участие «бандиты и террористы, которыми руководили из специального центра». Так, 20 апреля 2022 года аналитический интернет–журнал «Власть» написал об ограничении доступа к социальным сетям во время январских событий. В январе 2022 года IT–компания NUR.KZ также называла события, происходившие в медийной сфере, «информационным мародерством» [10]

– *Казахстан – религиозный терроризм и экстремизм – безопасность региона*. Наряду с другими странами региона приоритетом для Казахского государства является обеспечение безопасности региона, прежде всего с учетом устранения угроз со стороны террористических организаций. Это проявляется не только в подписании договоров в рамках ШОС, ОДКБ и СНГ, но и в стремлении создать единое региональное информационное поле для предотвращения информационных атак со стороны радикалов.

По сравнению с другими странами в условиях Казахстана стратегия борьбы с терроризмом и экстремизмом как на международном, так и на региональном уровне происходит по принципу, согласно которому причина радикализма кроется в отсутствии религиозного знания населения [14]. Следовательно, данный принцип предполагает устранение угрозы со стороны радикальных групп не только с учетом членства в международных организациях по борьбе с терроризмом, но и посредством повышения уровня религиозного знания населения. Такой подход демонстрирует влияние исламского фактора на национальную безопасность, особенно если учитывать то, что «ислам в Казахстане уже укрепился в качестве символа и атрибута казахского этноса» [4].

В СМИ также поддерживается мнение, согласно которому участие общества в публичном обсуждении исследуемого вопроса позволяет ему раскрыть антологичную сущность ислама и радикализма. При этом приоритетом должен быть традиционный ислам, проявляющийся в соблюдении традиций и обычаев. Об этом заявил президент страны К. – Ж. Токаев на третьем заседании Национального курултая в марте 2024 года: «Мы должны опираться на религиозные знания и духовные ориентиры наших предков» [25]. Позднее руководство РОО «Контртеррористический комитет» также заявило, что такой подход к радикализму позволяет избавиться от «влияния деструктивных религиозных течений, нелегальных проповедников и тех, кто пытается вербовать через интернет» [30].

Немаловажным приоритетом для казахстанской власти являются идеологические компоненты противостояния религиозного терроризма и экстремизма. Это проявляется в повышении медиаграмотности общества, его включении в процесс принятия нормативных актов и виртуальной борьбе с терроризмом и экстремизмом. Так, начиная с 2011 года в стране функционируют общественная виртуальная приемная, веб–сайт, горячая линия, в том числе и по борьбе с терроризмом и экстремизмом. В 2013 году она стала членом Международной организации INHOPE Foundation, с 2013 года была подключена к международной системе горячих линий по всему миру [18].

В целом борьба с терроризмом и экстремизмом с учетом акцента на повышение медиаграмотности населения и возрождение традиции и обычаев казахского народа является приоритетом для действующего режима. Как и в других странах региона, в Казахстане религия и традиция становятся фактором поддержания общественного и легитимного порядка. Такая стратегия в поддержании консенсуса между представителями светской и религиозной идеологии вполне отражает концепцию С. Хантингтона, согласно которой, как и другие религии, ислам является «одной из центральных, пожалуй, самой главной силой, которая мотивирует и мобилизует людей» [28].

[1] ИГИЛ – Верховный Суд РФ признал данную организацию террористической организацией и запретил её деятельность в России.

Заключение

Идеологический вакуум, который образовался после распада СССР, стал важным фактором формирования религиозного экстремизма в регионе, в том числе и Казахстане. Однако по сравнению, например, с другими странами региона в условиях постсоветского Казахстана можно говорить о незначительном влиянии исламского фактора в формировании религиозной элиты. Появившаяся религиозная элита потерпела неудачу, в первую очередь в силу наличия в ее стратегии радикального подхода к решению существующих проблем.

В условиях Казахстана стратегия борьбы с терроризмом и экстремизмом как на международном, так и на региональном уровне происходит по принципу, согласно которому причина радикализма кроется в отсутствии религиозного знания населения. Данный принцип предполагает устранение угрозы со стороны радикальных групп не только с учетом членства страны в международных организациях по борьбе с терроризмом, но и посредством повышения уровня религиозного знания населения.

Правовые аспекты борьбы с радикализмом включают в себя целый спектр законов, определяющих как политику государства в области религии, так и основные направления СМИ в контексте противостояния терроризму и экстремизму. Концептуальная основа действующих нормативных актов по борьбе с терроризмом и экстремизмом заключается в том, что современное государство обязано регулировать религию, чтобы сохранить традиционные религиозные обычаи, устранить влияние культурного империализма, обеспечивая тем самым стабильность общества.

Противостояние религиозному терроризму и экстремизму в СМИ проявляется не только в публикации многочисленных материалов, касающихся антологической сущности исследуемого явления. Оно включает в себя целый ряд методов и способов, соответствующих идеологии власти в области религии и ориентированных на формирование регионального и международного имиджа действующего режима с учетом акцента на его роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Механизмы противостояния религиозному терроризму и экстремизму в СМИ включают в себя не только стратегию повышения медиаграмотности населения и его лояльности к власти, но и возрождение традиции и обычаев казахского народа. Это объясняется необходимостью сохранения баланса между представителями религиозной и светской идеологии, так как религиозный ритуал является неотъемлемой частью казахского народа. По сути, здесь религия и традиция становятся фактором поддержания общественного и легитимного порядка в стране. В этом контексте задача СМИ заключается не только в популяризации данной политики, но и в убеждении как казахского, так и мирового сообщества в правильности действий власти.

Литература

1. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2014. – 148 с.

2. Байсагатова Д.Б. Роль Республики Казахстан в противодействии международному терроризму и экстремизму // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2015. № 4. – С. 183–188.

3. Выступление Президента Нурсултана Назарбаева на заседении Совета Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: https://khabar.kz/ru/arkhiv/spetsproekty/item/101858-vystuplenie–prezidenta–nursultana–nazarbaeva–na–zasedenii–soveta–bezopasnosti–oon (дата обращения: 12.02.2026).

4. Габбасов Д. Исламский фактор и национальная безопасность Казахстана // Россия и мусульманский мир. 2003. № 1. – С. 86–94.

5. Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416–1 (ред. от 05.01.2024 г) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957&pos=5;–105#pos=5;–105 (дата обращения: 12.02.2026).

6. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года № 31 (ред. от 05.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7608 (дата обращения: 12.02.2026).

7. Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 15 января 1992 года № 1128–XII (ред. от 05.07.2011 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000934 (дата обращения:12.02.2026).

8. Закон Республики Казахстан «О связи» от 5 июля 2004 года № 567–II (ред. от 05.07.24 г. № 115–VIII) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207 (дата обращения: 12.02.2026).

9. Закон РК «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 года № 527–IV (ред. от 05.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon–respubliki–kazahstan–o–nacionalnoy–bezopasnosti–respubliki–kazahstan (дата обращения: 12.02.2026).

10. Интернет–мародерство: к чему привела информационная пустота во время январских событий [Электронный ресурс]. URL: https://www.nur.kz/technologies/internet/1953261-internet–maroderstvo–k–chemu–privela–informatsionnaya–pustota–vo–vremya–yanvarskih–sobytiy/ (дата обращения: 12.02.2026).

11. Исламское государство* угрожает миру глобальным терроризмом – Назарбаев [Электронный ресурс]. URL: https://informburo.kz/novosti/ob–ugroze–mirovym–religiyam–i–kulturam–zayavil–nazarbaev-6265.html (дата обращения: 12.02.2026).

12. Исторический потенциал Съезда лидеров мировых и традиционных религий [Электронный ресурс]. URL: https://e–history.kz/ru/e–resources/show/13374 (дата обращения: 12.02.2026).

13. Казахи никогда не были радикалами – Назарбаев о терроризме [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakon.kz/redaktsiia–zakonkz/5074453-kazahi–nikogda–ne–byli–radikalami.html (дата обращения: 12.02.2026).

14. Как Казахстану бороться с терроризмом и террористами? [Электронный ресурс]. URL: https://camonitor.kz/23815-kak–kazahstanu–borotsya–s–terrorizmom–i–terroristami.html (дата обращения: 12.02.2026).

15. Майканов А.С. Противодействие финансированию терроризма: национальный и международный опыт // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия: Право. 2019. № 4. – С. 43–48.

16. Назарбаев в интервью «Миру»: терроризм возникает там, где нет власти [Электронный ресурс]. URL: https://mir24.tv/news/15849638/nazarbaev–v–intervyu–miru–terrorizm–voznikaet–tam–gde–net–vlasti (дата обращения: 12.02.2026).

17. Назарбаев назвал перестрелку в Алматы террористическим актом [Электронный ресурс]. URL: https://www.nur.kz/incident/crime/1193434-nazarbaev–nazval–perestrelku–v–almat/ (дата обращения: 12.02.2026).

18. Новые вызовы и подходы по региональной и глобальной безопасности в Центральной Азии. НурСултан, 2020. – 256 с.

19. Нурсултан Назарбаев назвал терроризм самой острой проблемой в зоне ответственности ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: https://informburo.kz/novosti/nazarbaev–nazval–terrorizm–samoy–ostroy–problemoy–v–zone–otvetstvennosti–odkb.html (дата обращения: 12.02.2026).

20. Президент Н. Назарбаев: «Терроризм не имеет национальности и религии» [Электронный ресурс]. URL: https://astanatv.kz/ru/news/23559/ (дата обращения: 12.02.2026).

21. Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в Республике Казахстан // Наука. Общество. Государство. 2018. № 1. –С. 40–45.

22. Создание мировой валюты, перенос Штаб–квартиры ООН в Азию, приглашение на ЭКСПО: 8 предложений Назарбаева на заседании Генассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: https://vlast.kz/novosti/13243-sozdanie–mirovoj–valuty–perenos–stab–kvartiry–oon–v–aziu–priglasenie–na–ekspo-8-predlozenij–nazarabaeva–na–zasedanii–genassamblei–oon.html (дата обращения: 12.02.2026).

23. Съезд религиозных лидеров решает мировые проблемы [Электронный ресурс]. URL: https://e–history.kz/ru/news/show/5253 (дата обращения: 12.02.2026).

24. Токаев о борьбе с терроризмом: Эта тема обретает особое значение и для моей страны [Электронный ресурс]. URL: https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1952891-tokaev–o–borbe–s–terrorizmom–eta–tema–obretaet–osoboe–znachenie–i–dlya–moey–strany/ (дата обращения: 12.02.2026).

25. Токаев: Мы должны опираться на религиозные знания и духовные ориентиры именно наших предков [Электронный ресурс]. URL: https://baigenews.kz/tokaev–my–dolzhny–opiratsya–na–religioznye–znaniya–i–duhovnye–orientiry–imenno–nashih–predkov_172151/ (дата обращения: 12.02.2026).

26. У всех нас общая цель: о чем говорил Токаев на закрытии съезда религиозных лидеров. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nur.kz/politics/universe/1987996-u–vseh–nas–obschaya–tsel–o–chem–govoril–tokaev–na–zakrytii–vii–sezda–liderov–mirovyh–i–traditsionnyh–religiy/ (дата обращения: 12.02.2026).

27. Уголовный кодекс Республики Казахстана от 3 июля 2014 года № 226–V (ред. от 08.07.2024 г. № 116–VIII). [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=7028;–17#pos=7028;–17 (дата обращения: 12.02.2026).

28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. – 603 с.

29. Эксперт рассказала о реализации государственной политики в религиозной сфере. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nur.kz/

politics/kazakhstan/1983978-ekspert–rasskazala–o–realizatsii–gosudarstvennoy–politiki–v–religioznoy–sfere/ (дата обращения: 12.02.2026).

30. Эксперт: в Казахстане проводится большая работа по превенции терроризма и экстремизма. [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakon.kz/stati/6438363-ekspert–v–kazakhstane–provoditsya–bolshaya–rabota–po–preventsii–terrorizma–i–ekstremizma.html (дата обращения: 12.02.2026).

31. Яшлавский А. Радикальный исламизм как дестабилизирующий фактор для Казахстана // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 2. – С. 67–79.

32. Akkozhina H., Darkenov Q. The Problem of Terrorism in Central Asia and Ways to Combat Terrorism in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2025. № 2. – P. 115–126.

33. Bishmanov K., Orynbekov N. Opportunities and trends in the emergence of religious extremism and terrorism in Kazakhstan society // Eurasian Journal of Religious Studie. 2022. № 2. – P. 56–67.

34. Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. Kazakhstan: Tested by Transition. – London: Royal Institute of International Affairs, 2019. 126 p.

35. Central Asia in a Multipolar World. [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978–3–031–63727–8_1 (дата обращения: 12.02.2026).

36. Structural Conflict Prevention in Central Asia / In The Organization for Security and Cooperation in Europe at 50 [Электронный ресурс]. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978–3–031–86916–7 (дата обращения: 12.02.2026).

LEGITIMATE ORDER AND NETWORK OPPOSITION TO RADICALISM: THE EXPERIENCE OF POST-SOVIET KAZAKHSTAN

Salimov D.M.
Saint Petersburg State University

This article analyzes the legitimate political order in the context of the growth of political and religious forces seeking to disrupt the peaceful balance in post-Soviet Kazakhstan. The main focus is on the networked opposition to religious terrorism and extremism based on an analysis of both legal documents and media content in general. The main mechanisms for implementing the Kazakh state's anti-terrorism policy and its strategy for eliminating religious and political tensions in the post-Soviet period are identified. Strategies for combating terrorism and extremism in the country's network space are systematized. The conceptual basis of this study is the scientific view that, in the context of growing religious fundamentalism, it is important for nation states not only to justify the policies of the current regimes, but also to develop strategies to combat terrorism and extremism. This type of strategy is aimed not only at reducing religious tensions in society, but also at justifying the actions of the authorities in the context of maintaining the stability of the legitimate and informational order. However, in a number of cases, the implementation of this strategy is accompanied by the formation of a virtual information space in which the actions of participants in public discourse become predictable and controllable. Hence the conclusion that in the context of Central Asia, the strategy for combating religious terrorism and extremism is not limited to material and military aspects, but also takes place in the sphere of communication, perception, and belief.

Keywords: network confrontation, religious terrorism and extremism, Central Asia, power, nation states, network media, legitimate order, political order

References

1. Arendt H. On Violence / trans. from English. Moscow: New Publishing House, 2014. – 148 p.

2. Baisagatova D.B. The Role of the Republic of Kazakhstan in Countering International Terrorism and Extremism // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2015. № 4. – Pp. 183–188.

3. Speech by President Nursultan Nazarbayev at the UN Security Council [Electronic resource]. URL: https://khabar.kz/ru/arkhiv/spetsproekty/item/101858-vystuplenie–prezidenta–nursultana–nazarbaeva–na–zasedenii–soveta–bezopasnosti–oon (date of access: 12.02.2026).

4. Gabbasov D. The Islamic Factor and National Security of Kazakhstan // Russia and the Muslim World. 2003. № 1. – P. 86–94.

5. Law of the Republic of Kazakhstan «On Counteracting Terrorism» dated July 13, 1999 № 416–1 (as amended on January 5, 2024) [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957&pos=5;–105#pos=5;–105 (date of access: February 12, 2026).

6. Law of the Republic of Kazakhstan «On Counteracting Extremism» dated February 18, 2005 № 31 (as amended on January 5, 2024) [Electronic resource]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7608 (accessed on 12.02.2026).

7. Law of the Republic of Kazakhstan «On Freedom of Religion and Religious Organizations» dated January 15, 1992 № 1128-XII (as amended on 05.07.2011) [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1000934 (accessed on 12.02.2026).

8. Law of the Republic of Kazakhstan «On Communications» dated July 5, 2004 № 567-II (as amended on 05.07.24 № 115-VIII) [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207 (accessed: 12.02.2026).

9. Law of the Republic of Kazakhstan «On National Security of the Republic of Kazakhstan» dated January 6, 2012 № 527-IV (as amended on January 5, 2024) [Electronic resource]. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon–respubliki–kazahstan–o–nacionalnoy–bezopasnosti–respubliki–kazahstan (accessed: 12.02.2026).

10. Internet looting: what the information void during the January events led to [Electronic resource]. URL: https://www.nur.kz/technologies/internet/1953261-internet–maroderstvo–k–chemu–privela–informatsionnaya–pustota–vo–vremya–yanvarskih–sobytiy/ (date of access: 12.02.2026).

11. The Islamic State* threatens the world with global terrorism – Nazarbayev [Electronic resource]. URL: https://informburo.kz/novosti/ob–ugroze–mirovym–religiyam–i–kulturam–zayavil–nazarbaev-6265.html (date of access: 12.02.2026).

12. Historical potential of the Congress of Leaders of World and Traditional Religions [Electronic resource]. URL: https://e–history.kz/ru/e–resources/show/13374 (accessed: 12.02.2026).

13. Kazakhs have never been radicals – Nazarbayev on terrorism [Electronic resource]. URL: https://www.zakon.kz/redaktsiia–zakonkz/5074453-kazahi–nikogda–ne–byli–radikalami.html (accessed: 12.02.2026).

14. How can Kazakhstan fight terrorism and terrorists? [Electronic resource]. URL: https://camonitor.kz/23815-kak–kazahstanu–borotsya–s–terrorizmom–i–terroristami.html (accessed: 12.02.2026).

15. Maikanov A.S. Countering the Financing of Terrorism: National and International Experience // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Law. 2019. № 4. – Pp. 43–48.

16. Nazarbayev in an interview with Mir: terrorism arises where there is № power [Electronic resource]. URL: https://mir24.tv/news/15849638/nazarbaev–v–intervyu–miru–terrorizm–voznikaet–tam–gde–net–vlasti (date of access: 12.02.2026).

17. Nazarbayev called the shootout in Almaty a terrorist act [Electronic resource]. URL: https://www.nur.kz/incident/crime/1193434-nazarbaev–nazval–perestrelku–v–almat/ (date of access: 12.02.2026).

18. New challenges and approaches to regional and global security in Central Asia. NurSultan, 2020. – 256 p.

19. Nursultan Nazarbayev called terrorism the most acute problem in the CSTO area of responsibility [Electronic resource]. URL: https://informburo.kz/novosti/nazarbaev–nazval–terrorizm–samoy–ostroy–problemoy–v–zone–otvetstvennosti–odkb.html (date of access: 12.02.2026).

20. President N. Nazarbayev: «Terrorism has № nationality or religion» [Electronic resource]. URL: https://astanatv.kz/ru/news/23559/ (date of access: 12.02.2026).

21. Romanovsky G.B. Legal basis for countering terrorism in the Republic of Kazakhstan // Science. Society. State. 2018. № 1. –P. 40–45.

22. Creation of a world currency, transfer of the UN Headquarters to Asia, invitation to EXPO: 8 proposals of Nazarbayev at the meeting of the UN General Assembly [Electronic resource]. URL: https://vlast.kz/novosti/13243-sozdanie–mirovoj–valuty–perenos–stab–kvartiry–oon–v–aziu–priglasenie–na–ekspo-8-predlozenij–nazarabaeva–na–zasedanii–genassamblei–oon.html (Accessed: 12.02.2026).

23. The Congress of Religious Leaders Addresses Global Problems [Electronic resource]. URL: https://e–history.kz/ru/news/show/5253 (Accessed: 12.02.2026).

24. Tokayev on the Fight Against Terrorism: This Topic is Taking on Particular Importance for My Country [Electronic resource]. URL: https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1952891-tokaev–o–borbe–s–terrorizmom–eta–tema–obretaet–osoboe–znachenie–i–dlya–moey–strany/ (accessed: 12.02.2026).

25. Tokayev: We must rely on the religious knowledge and spiritual guidelines of our ancestors [Electronic resource]. URL: https://baigenews.kz/tokaev–my–dolzhny–opiratsya–na–religioznye–znaniya–i–duhovnye–orientiry–imenno–nashih–predkov_172151/ (accessed: 12.02.2026).

26. We all have a common goal: what Tokayev spoke about at the closing of the congress of religious leaders. [Electronic resource]. URL: https://www.nur.kz/politics/universe/1987996-u–vseh–nas–obschaya–tsel–o–chem–govoril–tokaev-na–zakrytii–vii–sezda–liderov-mirovyh–i–traditsionnyh–religiy/ (date of access: 12.02.2026).

27. Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 № 226-V (as amended on July 8, 2024 № 116-VIII). [Electronic resource]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=7028;–17#pos=7028;–17 (accessed: 12.02.2026).

28. Huntington S. Clash of Civilizations / translated from English by T. Velimeeva, Yu. Novikova. Moscow: AST, 2003. – 603 p.

29. An expert spoke about the implementation of state policy in the religious sphere. [Electronic resource]. URL: https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1983978-ekspert–rasskazala–o–realizatsii–gosudarstvennoy–politiki–v–religioznoy–sfere/ (accessed: 12.02.2026).

30. Expert: A lot of work is being done in Kazakhstan to prevent terrorism and extremism. [Electronic resource]. URL: https://www.zakon.kz/stati/6438363-ekspert–v–kazakhstane–provoditsya–bolshaya–rabota–po–preventsii–terrorizma–i–ekstremizma.html (accessed: 12.02.2026).

31. Yashlavskiy A. Radical Islamism as a Destabilizing Factor for Kazakhstan // Russia and the New States of Eurasia. 2022. № 2. – P. 67–79.

32. Akkozhina N., Darkenov Q. The Problem of Terrorism in Central Asia and Ways to Combat Terrorism in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2025. № 2. – P. 115–126.

33. Bishmanov K., Orynbekov N. Opportunities and trends in the emergence of religious extremism and terrorism in Kazakhstan society // Eurasian Journal of Religious Studie. 2022. № 2. – P. 56–67.

34. Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. Kazakhstan: Tested by Transition. – London: Royal Institute of International Affairs, 2019. 126 p.

35. Central Asia in a Multipolar World. [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978–3–031–63727–8_1 (accessed: 12.02.2026).

36. Structural Conflict Prevention in Central Asia / In The Organization for Security and Cooperation in Europe at 50 [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978–3–031–86916–7 (accessed: 12.02.2026).

Российская специфика применения политических технологий в целях патриотической консолидации представителей поколения Z

Сапожков Даниил Олегович,
магистр, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: spjkv@mail.ru

В настоящее время Российская Федерация продолжает развиваться в условиях санкционного давления, информационного противоборства и роста значения молодежной политики. В настоящей статье рассмотрена российская специфика применения политических технологий в целях патриотической консолидации представителей поколения Z, проанализированы особенности данной группы как адресата политико-технологического воздействия, исследованы институциональные, цифровые и социокультурные механизмы патриотической работы, а также систематизированы политические технологии. Результат: разработана модель применения политических технологий патриотической консолидации поколения Z в российском контексте. Выводы: а) поколение Z характеризуется цифровой социализацией, ценностной неоднородностью и потребностью в личностном участии; б) эффективность патриотической консолидации обеспечивается сочетанием информационно-идеологических, коммуникативных, просветительских, социокультурных и цифровых технологий; в) устойчивое закрепление патриотизма достигается при переводе согласия ценностей в гражданскую идентичность, знание истории и общественно полезное действие.

Ключевые слова: поколение Z, патриотическая консолидация, политические технологии, российская молодёжь, патриотизм, цифровая среда, политическая социализация, гражданская идентичность.

Введение

В современных политических условиях Российской Федерации патриотическая консолидация молодёжи и, в частности, представителей поколения Z является важной исследовательской проблемой, связанной с изменением механизмов политической социализации молодёжи, усложнением медиасреды и ростом значимости духовно-нравственных ценностей в обществе, что признаётся на высшем уровне [1]. Поколение Z входит в общественно-политическую жизнь в период высокой интенсивности цифровых коммуникаций, серьёзного внешнеполитического давления, трансформации привычных каналов получения политического знания и конкуренции официальных, общественных, сетевых и блогерских источников интерпретации событий [2]. В таких условиях патриотизм всё чаще проявляется как политическая ценность, связанная с гражданской идентичностью, участием, отношением к государству, исторической памяти, культуре, служению обществу и образу будущего страны [3]. Следует подчеркнуть, что внутри поколения Z сочетаются интерес к цифровым технологиям, стремление к самостоятельной оценке общественных процессов, чувствительность к навязыванию готовых мнений, опыт сетевого общения и различная степень включённости в политические процессы [4]. Данная неоднородность означает, что патриотическая консолидация есть сложный политико-технологический процесс, в рамках которого требуется согласование ценностного содержания, каналов коммуникации, институциональных практик и форм участия молодёжи.

Актуальность исследования усиливается тем, что российская государственная политика в молодёжной сфере всё чаще обращается к задачам гражданской интеграции, укрепления общероссийской идентичности и формирования ценностного единства с учётом сохранения разнообразия молодёжных сообществ [5]. Патриотическая консолидация представителей поколения Z в данном контексте выступает как направлением воспитательной работы, так и сферой применения политических технологий, включая политическое просвещение, медиатехнологии, информационно-коммуникативные форматы вовлечения, социокультурные практики, добровольческие инициативы, деятельность молодёжных объединений и символическое закрепление исторической памяти [6]. При этом важным пространством реализации данных технологий является цифровая среда, поскольку социальные сети задают значительную часть повседневного опыта молодёжи, однако сам факт контакта с патриотическим контентом ещё не означает формирования гражданской позиции или готовности к общественному действию [7]. В связи с этим научная значимость исследования состоит в выявлении российской специфики применения политических технологий, способных соединить государственные ценностные ориентиры, «гражданский язык» поколения Z, институциональные ресурсы молодёжной политики и практики деятельностного патриотизма в целях консолидации молодого поколения.

Результаты и обсуждение

Отличительные особенности представителей поколения Z достаточно подробно освещены в научной литературе. В российском научном дискурсе к данной группе часто относят молодых людей 2001 года рождения и моложе. В рамках молодежной проблематики возрастная рамка данной группы охватывает преимущественно людей в возрасте 14–25 лет [4]. Социальный опыт представителей поколения Z складывается в условиях цифровой коммуникации, высокой роли социальных сетей, самостоятельного выбора источников политического знания и заметного влияния блогерской среды [8]. В поведении представителей поколения Z выделяются погружённость в интернет-среду, ориентация на визуальное и краткое сообщение, чувствительность к назидательной подаче, интерес к интерактивному участию, стремление к личной самореализации в сочетании с готовностью включаться в социально значимые практики, если участие имеет понятный личный смысл [2]. Кроме того, поколение Z «ломает» устоявшиеся тренды на рынке труда. Так, недавний опрос молодёжи Пензенской области показал, что почти 60% представителей поколения Z согласны работать, даже имея достаточно средств существования – в отличие от поколения Y (72%) и поколения Альфа (45,2%) [9, с. 17]. В целом можно выделить ключевые черты поколения Z (табл. 1).

Оставляя за рамками настоящего исследования более подробное раскрытие сущности поведения представителей поколения Z, следует отметить роль политических технологий в целенаправленном упорядочении политической коммуникации, ценностных смыслов и практик общественного участия. В политологическом понимании политические технологии целесообразно рассматривать как «набор алгоритмов, приемов, методов и коммуникационных средств, посредством которых политическая власть способна создавать смыслы, образы и идеи, поддерживающие национальную идентичность, ценность своей нации и своего государства, укреплять чувство исторической гордости, солидарности, единства, ответственности, формировать благоприятное отношение граждан к институтам государственной власти, стимулировать доверие и патриотизм» [6, с. 21] (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые черты поколения Z

Критерий	Основные черты	Источ-ники
Возрастно-поколенческая определённость	Подвижность возрастных границ, взросление в период цифровизации и глобальной неопределённости	[4], [9–10]
Цифровая социализация	Интернет, социальные сети, блогеры, самостоятельный поиск информации	[3], [7–8], [11]
Восприятие информации	Краткое сообщение, наглядность, клиповое мышление, эмоциональная подача, иронич-ность, интерактивность	[2–3], [10], [12]
Ценностная структура	Личная самореализация, прагматизм, финансовая самостоятельность, семья	[9], [13–15]
Патриотические ориентации	Многогранность патриотизма, интерес к истории и культуре, гражданская позиция, служение Отечеству	[3], [16–18]
Политическая социализация	Раннее знакомство с политикой, цифровое участие, слабая вовлечённость, фрагмен-тарность знаний	[2], [4], [8], [19]
Общественное участие	Добровольчество, благотворительность, культура, проектная активность, инициа-тивы	[4], [20–22]
Риски ценностного развития	Протестный потенциал, радикализация, псевдопатриотизм, фрагментация ценно-стей, внешнее влияние	[8], [10], [23–24]
Потенциал консолидации	Запрос на образ будущего, интегрирующие ценности, горизонтальное взаимодействие	[5–6], [18], [24]
Восприимчивость институтов	Семья, образование, музеи, молодёжные движения, культура, СМИ	[5], [19], [22], [25]

Источник: авторская разработка на основе указанных источников

В сфере патриотической консолидации их значение выражается в согласовании содержания ценностей, субъектов молодёжной политики, медиа, образовательных институтов и практик участия, посредством которых патриотизм включается в повседневный опыт [22]. Для представителей поколения Z данная роль усиливается цифровой политической социализацией – политическое знание поступает из официальных источников, социальных сетей, от блогеров и неформальных сообществ, что снижает «монополию» традиционных институтов на интерпретацию общественно значимых событий [8].

В российском контексте политические технологии патриотической консолидации связаны с задачами гражданской интеграции, укрепления общероссийской идентичности и поддержания ценностного согласия в условиях внешнеполитического давления и внутренней неоднородности молодёжной среды [5].

Их содержание образуют историческая память, государственные символы, культурная преемственность, служение Отечеству, добровольчество, общественная польза и образ будущего страны [3]. Значимым является способность политических технологий объединять официальный дискурс патриотической консолидации с реальным опытом молодых людей и практико-ориентированными мероприятиями [25].

В данном ракурсе патриотическая консолидация поколения Z выступает как политико-технологический процесс, в котором медиатехнологии, политическое просвещение, социокультурные практики и цифровые форматы участия направлены на закрепление патриотизма в структуре гражданской идентичности [12]. Основные технологии представлены ниже (табл. 2). Важно отметить, что патриотизм сам по себе есть политическая ценность. В частности, проведенный Т.А. Олешкевич и коллегами десятилетний анализ технологии формирования патриотизма в России показывает, что патриотизм «значительно укрепляет свои позиции» [6, с. 24]. Е.А. Проскурина также пришла к выводу о том, что «молодежь демонстрирует устойчивую приверженность традиционным ценностям и патриотическим настроениям» [22, с. 66].

Таблица 2. Основные политические технологии, применяемые для патриотической консолидации представителей поколения Z в России

Политтехнология	Содержание
Информационно-идеологическая	Продвижение патриотических ценностей, исторической памяти, национальной идентичности, ориентация на национальных героев, военная реконструкция, культурная политика [6]
Информационно-коммуникативная	ИКТ, медиа, общественные объединения, патриотические организации [22]
Медийно-трансляционная	Медиаканалы, интернет, публичные патриотические сообщения [12]
Цифровая сетевая	Социальные сети, патриотический контент, визуальные материалы, обратная связь [7]
Политико-просветительская	Образовательные учреждения, СМИ, социальные сети, блогеры [8]
Социотехнологическая	Молодежные проекты, медиапроекты, цифровые площадки, региональные практики [21]
Социокультурная	Творческие конкурсы, межведомственные проекты, вузы, ссузы, общественно-государственные структуры [20]
Дискурсивно-консолидирующая	Интегрирующие ценности, образ будущего, опыт реальных людей, горизонтальное взаимодействие [25]
Цифровое гражданское образование	Цифровые технологии, гражданское воспитание, патриотические инициативы [11]

Источник: авторская разработка на основе указанных источников

Особенно следует подчеркнуть, что немаловажную роль в этом играет именно запрос на формирование патриотической консолидации, или «патриотический государственный подход о благе страны и народа» [25, с. 83].

И запрос этот не возникает сам собой, он исходит из обстоятельств, что отражается в самой сути патриотизма как понятия, под которым в общем смысле понимается «специфическая черта менталитета в аспекте развития истории страны, которая является значительной движущей силой для преодоления кризисных явлений в современном российском обществе, которое имеет важное значение для формирования национального самосознания» [21, с. 204]. Несмотря на то, что есть мнения о том, что у многих российских представителей поколения Z «в приоритете исключительно личные интересы и самореализация, большинство из них лишены чувства патриотизма» [20, с. 126] или что для них «патриотизм находится в периферийной зоне» [8, с. 161], представленные политические технологии и опыт их применения в России, особенно с момента издания Указа Президента Российской Федерации № 809 в 2022 г. [1], дают основание для активизации патриотических настроений среди российской молодёжи. Хотя до 2020 г., который можно считать точкой начала «новой» сверхкризисной реальности, патриотизм представителей поколения Z рассматривался в связи с рисками политической индифферентности, протестной мобилизации и неоднозначного восприятия гражданско-патриотической повестки.

Поколенческий подход позволял видеть в данной группе носителя политического потенциала, связанного с волонтёрством, благотворительностью, голосованием, участием в митингах, деятельности партий и движений [4]. Вместе с тем Р.В. Пырма указывал на возможность быстрой смены общественных настроений молодежи «с индифферентных на радикальные» под воздействием социальных сетей, общественных расколов и состояния молодёжной политики [10]. В экспертных оценках 2017 г. патриотическое воспитание связывалось с проблемами ультрапатриотизма, псевдопатриотизма, инфантилизма и привлекательности экстремистских взглядов для части молодёжи, что отражало незавершённость ценностного оформления патриотизма в молодёжной среде [23]. К 2020 г. данная неоднородность получила более точное эмпирическое выражение – восприятие патриотизма российской молодежью зависело от ценностных ориентиров, тогда как само содержание патриотизма уже не сводилось к единой модели, поскольку включало в себя абстрактный, традиционный, локальный, либеральный, демократический, критический и глобалистский антипатриотизм [24]. Тем не менее ситуация изменилась, и необходимость патриотической консолидации представителей поколения Z стала очевидной на фоне геополитических и геоэкономических событий, особенно после известных событий весны 2022 г.

Санкции, русофобская политика коллективного Запада, информационная (консциентальная) война и попытки внешнего воздействия на национальную идентичность усилили значение патриотизма как ценностной системы, связанной с защитой государственного суверенитета, исторической памяти и культурного наследия [6]. В таких условиях российская молодежь оказалась в зоне конкуренции смыслов, поскольку мобильность, международные коммуникации, массмедиа и внешние ценности способны менять отношение молодых людей к стране, государству и гражданской ответственности [15]. После 2022 г. патриотизм стал иметь ярко выраженное значение ресурса защиты, укрепления и развития России, при этом молодежь была обозначена как группа, от патриотических настроений которой, по сути, зависит завтрашний день страны [18]. Важно отметить, что цифровая трансформация усилила остроту данной проблемы – социальные сети, виртуальные площадки и блогеры расширили возможности внешнего воздействия на политическую идентичность молодых людей, что придало патриотической консолидации поколения Z значение одной из задач современной молодежной политики [11].

В этом смысле политические технологии патриотической консолидации в России направлены на преодоление фрагментации ценностей, укрепление общероссийской идентичности и активное включение представителей поколения Z в общественные практики, связанные с исторической памятью, культурой, добровольчеством и служением Отечеству [3, с. 201]. Основываясь на этом, целесообразно предложить Модель применения политических технологий патриотической консолидации российских представителей поколения Z (рис. 1).

Однако реализация этой модели сталкивается с определёнными ограничениями и рисками, которые нельзя не учитывать в рамках проведения молодёжной политики.

Рис. 1. Модель применения политических технологий патриотической консолидации поколения Z в российском контексте

Источник: авторская разработка

Они прежде всего связаны с самой ценностной неоднородностью поколения Z. Молодёжная аудитория по-разному воспринимает патриотизм – от традиционной и локальной модели до критической позиции и глобалистского антипатриотизма [24]. Единое сообщение в данных условиях может давать ограниченный эффект, особенно при ориентации на формальное согласие, лозунги и слабую связь с личным опытом молодого человека. Значимым является различение патриотизма, псевдопатриотизма и ультрапатриотизма, так как в противном случае консолидационная работа рискует породить внешнюю лояльность при сохранении внутренней дистанции [23].

Ещё один риск связан с цифровой политической социализацией. Для большинства зумеров политическое содержание существует рядом с развлекательным контентом, харизмой блогеров, ироничной подачей и эмоциональными сюжетами [2]. Социальные сети расширяют охват патриотического содержания, однако слабый отклик аудитории показывает разрыв между просмотром материала, ценностным принятием и общественным действием [7]. Множественность субъектов политического просвещения усиливает фрагментацию политического знания – образовательные организации, СМИ, социальные сети и блогеры предлагают разные версии событий, норм и образов будущего [8].

Также значимый риск выражается в подмене патриотической консолидации краткосрочной мобилизацией патриотической активности. Поколение Z способно быстро менять общественные настроения от внешней индифферентности к радикальным формам активности под воздействием социальных сетей, общественного резонанса и в целом состояния молодёжной политики [10].

Для снижения данного риска политические технологии должны объединять интегрирующие ценности, конструктивный образ будущего, опыт реальных людей и практико-ориентированные мероприятия [25]. Поэтому в российском контексте эффективность патриотической консолидации в существенной степени зависит от способности политических технологий переводить содержание патриотизма в конкретную деятельность, связанную с добровольчеством, культурой, исторической памятью и общественной пользой [3].

Ретроспективные данные (табл. 3) показывают, что патриотические настроения в российском обществе после 2020 г. получили выраженную положительную динамику.

Таблица 3. Динамика патриотических настроений, ценностей и установок в российском обществе и молодежной среде по данным опросов

Источник	Данные
ВЦИОМ (2000) [6], [18]	Патриотизм как работа во благо страны – 35%
ВЦИОМ (2008) [23]	Доля россиян, считающих себя патриотами – 88%
ВЦИОМ (2010) [23]	Доля россиян, считающих себя патриотами – 80%
	Патриотизм как укрепление семьи – 50%
ВЦИОМ (2011) [23]	Истинный патриотизм как уважение традиций – 48%; укрепление семейных ценностей – 46%
Социологические исследования (2016) [10]	Среди молодежи 18–30 лет политикой не интересовались 60%, интересовались – 34%
	Среди молодежи 18–22 лет политикой не интересовались 64%, интересовались – 29%
ВЦИОМ (2020) [6], [18]	Патриотизм как защита страны от нападок – 32%
Аналитический обзор (2021) [5]	Социальная справедливость как фактор солидарности молодежи – 52% среди 18–24-летних; 55% среди 25–34-летних
ВЦИОМ (2022) [6], [18]	Доля граждан, считающих себя патриотами – 92%
	Патриотизм как работа во благо страны – 50%
	Патриотизм как защита страны от нападок – 44%
Мониторинг (2022) [8]	Патриотизм как любовь к Родине – 76%; защита Отечества – 41%; работа во благо страны – 39%
ФОМ (2022) [25]	Молодёжь, считающая себя патриотами – 75%
ВЦИОМ (2022) [25]	Молодёжь, хорошо знающая историю – 76%
	Молодёжь 14–35 лет, идентифицирующая себя как граждане РФ, – 83% (2021 г. – на 7 п.п. Меньше)
Исследование (2023) [8]	Гордость за Россию – 80%
ВЦИОМ (2024) [16]	Патриотами себя считают 94% граждан; безусловными патриотами – 62%

Источник: авторская разработка на основе вторичных данных

Так, доля граждан, считающих себя патриотами, выросла с 80% в 2010 г. до 92% в 2022 г. и 94% в 2024 г. Вместе с тем в молодежной среде патриотизм сохраняет более сложную структуру – 75% молодежи 18–30 лет в 2022 г. считали себя патриотами, 76% связывали патриотизм с любовью к Родине, 41% – с защитой Отечества, 39% – с работой во благо страны. Следовательно, патриотическая консолидация представителей поколения Z не может ограничиваться декларативным признанием патриотизма – для неё требуется применение политических технологий, трансформирующих ценностное согласие в гражданскую идентичность, знание истории, общественное участие и деятельностные формы служения стране.

Будущее патриотизма среди представителей поколения Z в России во многом зависит от способности государственных органов работать с патриотизмом как с политической ценностью, связанной с личным опытом молодого человека. Действительно, оказывается,

что для поколения Z недостаточно «простых» деклараций о любви к Родине, поскольку данная аудитория воспринимает общественные смыслы сквозь цифровую коммуникацию, визуализацию, практическую пользу и доверие к источнику сообщения. В связи с этим приоритет должен смещаться от разового патриотического мероприятия к постоянной системе участия, в которой молодой человек видит собственную роль в развитии страны, региона, города и профессионального сообщества.

Государственным органам целесообразно развивать политические технологии, соединённые с практиками общественной пользы. Патриотическая консолидация будет сильнее при интеграции поколения Z в добровольчество, культурные проекты, помощь участникам боевых действий и их семьям, сохранение исторической памяти, развитие локальных сообществ, работу молодёжных объединений. Важен и деятельностный формат – патриотизм закрепляется в ситуации личного участия, социального признания и видимого результата.

Отдельного внимания заслуживает цифровая среда. Государственным органам не следует ограничиваться размещением официального контента в социальных сетях; представителям поколения Z важна тональность, язык, визуальная точность, доверие к говорящему и возможность оперативного отклика. В этом смысле перспективными являются короткие видео, документальные истории, интерактивные проекты, цифровые маршруты памяти, медийные продукты с участием молодых авторов, педагогов, волонтёров, участников культурных и общественных инициатив. При этом содержание патриотического воспитания должно сохранять смысловую глубину, поскольку иначе оно быстро превращается в информационный шум.

Ключевой риск дальнейшей работы состоит в подмене патриотической консолидации краткосрочной мобилизацией. Принципиально важно различать реальное согласие ценностей, внешнюю лояльность, псевдопатриотизм и радикальную эмоциональную реакцию. Перспектива патриотизма поколения Z в России связана с проведением адресной молодёжной политики, в рамках которой общегосударственные ценностные ориентиры соединяются с региональными практиками, цифровым гражданским образованием, уважительным диалогом и возможностью для молодого человека действовать во благо страны в понятных для него социальных формах.

Заключение

Проведённое исследование позволило установить, что патриотическая консолидация представителей поколения Z в современных политических условиях Российской Федерации является важной сферой применения политических технологий. Специфика данной группы определяется цифровой социализацией, фрагментарностью политического знания, высокой ролью социальных сетей и блогеров, чувствительностью к назидательной подаче, стремлением к личной самореализации и готовностью к социально значимому участию при наличии понятного личного смысла. Выявлено, что российская специфика применения политических технологий в целях патриотической консолидации поколения Z заключается в сочетании ценностной политики государства, политического просвещения, медиатехнологий, информационно-коммуникативных механизмов, социокультурных практик, добровольчества, культурных проектов и цифрового гражданского образования. Патриотизм раскрывается как политическая ценность, объединяющая гражданскую идентичность, историческую память, отношение к государству, образ будущего страны и готовность к общественно полезному действию. Определено, что после 2020 г. и особенно после событий 2022 г. патриотическая проблематика получила новую остроту. Санкции, русофобская политика коллективного Запада, информационная война и конкуренция ценностных моделей усилили значение политических технологий, направленных на укрепление общероссийской идентичности. При этом анализ вторичных опросных данных показал положительную динамику патриотических настроений в российском обществе, хотя молодёжная среда сохраняет более сложную структуру восприятия патриотизма, в которой декларативное согласие не всегда совпадает с готовностью к деятельностному участию.

Дальнейшая работа государственных органов с поколением Z должна строиться на адресности, доверительной коммуникации, цифровой точности и связи патриотического содержания с реальным опытом молодых людей. Наиболее перспективными являются технологии, которые переводят ценностное согласие в гражданскую идентичность, знание истории, участие в добровольчестве, культурных инициативах, помощи участникам боевых действий и их семьям, развитии локальных сообществ. Ключевым условием эффективности патриотической консолидации является отказ от краткосрочной мобилизации в пользу устойчивой системы участия, в которой молодой человек видит собственную роль в развитии страны и получает возможность действовать во благо России в понятных социальных формах.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022 г. // Сайт президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата: 13.04.2026).
2. Суслов И. В., Кныжова З.З. Цифровизация и деидеологизация: эволюция политической социализации зумеров // Дискурс-Пи. – 2025. – Т. 22. – № 2. – С. 108–125.
3. Касамара В.А. Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2023. – Т. 26. – № 3. – С. 201–233.
4. Козырева Л.Д. Поколение Z в политике: политологический прогноз // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 3. – С. 159–165.
5. Волков Ю. Г., Гурба В.Н., Гуськов И.А. Ценностная политика государства как залог успешной адаптации и гражданской интеграции в российском обществе // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 6. – С. 17–32.
6. Олешкевич Т. А. и др. Политические технологии формирования патриотизма в современной России: десятилетний анализ // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 3. – С. 15–24.
7. Рожкова Л. В., Дубина А.Ш., Давыдов Д.В. Влияние социальных сетей на формирование патриотических ориентаций современной молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2025. – № 4 (76). – С. 34–52.
8. Махрин А.В. Политическое просвещение молодежи в современной России // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2025. – № 3. – С. 157–170.
9. Гамидуллаева Л. А. и др. Традиционные ценности и трудовые установки российской молодежи в контексте модернизационных процессов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2026. – Т. 17. – № 1. – С. 8–22.
10. Пырма Р.В. Восстание поколения Z: новые политические радикалы // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. – 2017. – № 2 (26). – С. 43–50.
11. Судоргин О. А., Величко А.И., Рогов Д.О. Патриотизм и молодежь в условиях цифровой трансформации: теоретические основы и социально-политические особенности реализации молодежной политики // Управление. – 2025. – Т. 13. – № 3. – С. 176–186.
12. Афонин А.А. Трансляционные практики патриотизма в политическом медиапространстве современной России // Социально-политические исследования. – 2024. – № 2 (23). – С. 46–55.
13. Груздев И., Старцев С. Ренессанс традиции: рецепция активной молодежью России традиционных ценностей // Patria. – 2024. – Т. 1. – № 1. – С. 70–90.
14. Бабаев Э.В. Научные подходы к формированию и сохранению патриотических ценностей молодежи: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – № 7. – С. 974–982.
15. Розенберг Н. В., Карпова М.К. Патриотические ценности российской молодежи: факторы трансформации // Наука. Общество. Государство. – 2025. – Т. 13. – № 2 (50). – С. 76–90.
16. Карпова М.К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. – № 4 (48). – С. 53–65.
17. Хизбуллина Р.Р. Интериоризация патриотизма как духовно-нравственной ценности молодежи в эпоху цифровизации: дискурсивные измерения // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 49–62.
18. Кульбачевская О.В. Патриотизм молодежи как стратегический ресурс развития России: потенциал, вызовы, риски // Вестник антропологии. – 2023. – № 4. – С. 20–36.
19. Банщикова С.Л. Формирование политической культуры молодежи России // Парадигмы истории и общественного развития. – 2025. – № 31. – С. 5–9.
20. Краснощеченко И. П., Антохина В.А. В поисках технологий формирования традиционных духовно-нравственных ценностей у молодого поколения // Прикладная юридическая психология. – 2025. – № 4 (73). – С. 123–135.
21. Мерзлякова Г. В., Михалёва Е.И. О возможности применения социотехнологических форм в патриотическом воспитании современной молодежи // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2024. – Т. 34. – № 2. – С. 203–216.

22. Проскурина Е.А. Патриотизм как политическая ценность в информационно-коммуникативных технологиях вовлечения молодежи в политические процессы // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 2. – С. 59–67.

23. Пузанова Ж. В., Ларина Т.И. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. – Т. 19. – № 1. – С. 25–37.

24. Ивченков С. Г., Сайганова Е.В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи // Вестник института социологии. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 106–125.

25. Самаркина И. В., Колозов Д.П. Дискурс консолидации российского общества и политические ценности молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. – 2023. – Т. 24. – № 1. – С. 78–94.

RUSSIAN SPECIFICS OF THE USE OF POLITICAL TECHNOLOGIES FOR THE PURPOSE OF PATRIOTIC CONSOLIDATION OF REPRESENTATIVES OF GENERATION Z

Sapozhkov D.O.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, the Russian Federation continues to develop in the context of sanctions pressure, information warfare and the growing importance of youth policy. This article examines Russian specifics of the use of political technologies for the purpose of patriotic consolidation of representatives of generation Z, analyzes the characteristics of this group as the addressee of political and technological influence, examines the institutional, digital and socio-cultural mechanisms of patriotic work, and systematizes political technologies. Result: a model for the application of political technologies of patriotic consolidation of generation Z in the Russian context has been developed. Conclusions: a) generation Z is characterized by digital socialization, value heterogeneity and the need for personal participation; b) the effectiveness of patriotic consolidation is ensured by a combination of information and ideological, communicative, educational, socio-cultural and digital technologies; c) sustainable consolidation of patriotism is achieved by translating value consensus into civic identity, knowledge of history and socially useful action.

Keywords: generation Z, patriotic consolidation, political technologies, Russian youth, patriotism, digital environment, political socialization, civic identity.

References

1. On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 // Official website of the President of Russia. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed date: 13.04.2026).

2. Suslov I. V., Knyzhova Z.Z. Digitalization and deideologization: the evolution of political socialization of zoomers // Discourse- P. – 2025. – Vol. 22. – No. 2. – P. 108–125.

3. Kasamara V.A. Multifaceted patriotism: from concept to the study of youth perceptions // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2023. – Vol. 26. – No. 3. – P. 201–233.

4. Kozyreva L.D. Generation Z in politics: a political science forecast // Bulletin of Omsk University. Series Historical Studies. – 2019. – No. 3. – P. 159–165.

5. Volkov Yu. G., Gurba V.N., Guskov I.A. State value policy as a guarantee of successful adaptation and civic integration in Russian society // Humanities of the South of Russia. – 2023. – Vol. 12. – No. 6. – P. 17–32.

6. Oleshkevich T. A. et al. Political technologies for the formation of patriotism in modern Russia: a ten-year analysis // Society: Politics, Economics, Law. – 2025. – No. 3. – P. 15–24.

7. Rozhkova L. V., Dubina A. Sh., Davydov D.V. The influence of social networks on the formation of patriotic orientations among modern youth // University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. – 2025. – No. 4 (76). – P. 34–52.

8. Makhrin A.V. Political education of youth in modern Russia // RSUH/RGGU Bulletin. Series Political Science. History. International Relations. – 2025. – No. 3. – P. 157–170.

9. Gamidullayeva L. A. et al. Traditional values and work attitudes of Russian youth in the context of modernization processes // MIR (Modernization. Innovation. Research). – 2026. – Vol. 17. – No. 1. – P. 8–22.

10. Pyrma R.V. The rebellion of generation Z: new political radicals // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. – 2017. – No. 2 (26). – P. 43–50.

11. Sudorgin O. A., Velichko A.I., Rogov D.O. Patriotism and youth in the context of digital transformation: theoretical foundations and socio-political features of youth policy implementation // Management. – 2025. – Vol. 13. – No. 3. – P. 176–186.

12. Afonin A.A. Translational practices of patriotism in the political media space of modern Russia // Socio-Political Research. – 2024. – No. 2 (23). – P. 46–55.

13. Gruzdev I., Startsev S. Renaissance traditions: reception of traditional values by active youth of Russia // Patria. – 2024. – Vol. 1. – No. 1. – P. 70–90.

14. Babaev E.V. Scientific approaches to the formation and preservation of patriotic values among youth: a theoretical review // Pedagogy. Theory & Practice. – 2025. – Vol. 10. – No. 7. – P. 974–982.

15. Rosenberg N. V., Karpova M.K. Patriotic values of Russian youth: factors of transformation // Science. Society. State. – 2025. – Vol. 13. – No. 2 (50). – P. 76–90.

16. Karpova M.K. Patriotic sentiments of modern youth: challenges of the time // Science. Society. State. – 2024. – Vol. 12. – No. 4 (48). – P. 53–65.

17. Khizbullina R.R. The interiorization of patriotism as a spiritual and moral value of youth in the era of digitalization: discursive dimensions // Research Result. Sociology and Management. – 2025. – Vol. 11. – No. 2. – P. 49–62.

18. Kulbachevskaya O.V. Youth patriotism as a strategic resource for Russia's development: potential, challenges, risks // Herald of Anthropology. – 2023. – No. 4. – P. 20–36.

19. Banshchikova S.L. Formation of the political culture of youth in Russia // Paradigms of History and Social Development. – 2025. – No. 31. – P. 5–9.

20. Krasnoshchechenko I. P., Antokhina V.A. In search of technologies for the formation of traditional spiritual and moral values among the younger generation // Applied Legal Psychology. – 2025. – No. 4 (73). – P. 123–135.

21. Merzlyakova G. V., Mikhaleva E.I. On the possibility of using sociotechnological forms in the patriotic education of modern youth // Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2024. – Vol. 34. – No. 2. – P. 203–216.

22. Proskurina E.A. Patriotism as a political value in information and communication technologies for involving youth in political processes // Vlast. – 2025. – Vol. 33. – No. 2. – P. 59–67.

23. Puzanova Zh. V., Larina T.I. Patriotic education of youth in Russia: problems, opinions, expert assessments // RUDN Journal of Political Science. – 2017. – Vol. 19. – No. 1. – P. 25–37.

24. Ivchenkov S. G., Saiganova E.V. Value orientations and their influence on the perception of patriotism among youth // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2020. – Vol. 11. – No. 2. – P. 106–125.

25. Samarkina I. V., Kolozov D.P. The discourse of consolidation of Russian society and political values of youth // South Russian Journal of Social Sciences. – 2023. – Vol. 24. – No. 1. – P. 78–94.

Транспарентность публичной власти в условиях цифровизации и информационно-политических рисков: теоретико-методологический аспект

Слепов Александр Петрович,
аспирант кафедры политология, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В современных условиях публичная власть функционирует в ситуации усложнения социальных, политических и информационных процессов, а также кризиса международных отношений, в значительной степени влияющим на ситуацию внутри государства, особенно в Российской Федерации (угрозы национальной безопасности, санкции, информационная война и др.). Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий изменяют характер взаимодействия государства и общества, усиливая значение открытости, доступности, публичности и достоверности информации. Одновременно расширение информационного пространства формирует риски нового порядка, связанные с недоверием граждан, искажением сведений и дестабилизацией политической системы. В связи с этим транспарентность публичной власти приобретает особую научную и практическую значимость как условие эффективного управления и устойчивого диалога между государством и гражданами. *Цель статьи* – проанализировать теоретические подходы к пониманию транспарентности публичной власти и определить ее роль в снижении информационно-политических рисков в условиях развития информационного общества. *Методология исследования* основана на применении общенаучных методов анализа, сравнительного и системного подходов к изучению транспарентности публичной власти.
Выводы. В результате исследования установлено, что транспарентность публичной власти выступает не только показателем открытости публичного управления, но и важным механизмом укрепления доверия, легитимности и стабильности политической системы. Вместе с тем эффективность транспарентности зависит от способности государства обеспечивать объективный баланс между доступностью общественно значимой информации и необходимостью ограничения сведений, связанных с государственной безопасностью и публичными интересами.

Ключевые слова: транспарентность, государственное управление, открытость власти, информационное общество, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, информационно-политические риски, доверие граждан, политическая стабильность, национальная безопасность.

Введение

Несколько последних десятилетий ставят перед Российской Федерацией и перед многими другими государствами мира задачу пересмотра организации публичной власти и общественного устройства в общем. Это связано как с конвенциональными, так и внеконвенциональными глобализационными процессами, среди которых цифровизация, развитие информационно-коммуникационных технологий, кризис международного права и отношений. Все эти вышеперечисленные конъюнктурные факторы современного времени вызывают турбулентность на уровне глобализации в формате войны, кибератак, конфликтов не просто между государствами, а между целыми регионами (конфликт на Ближнем Востоке, в Восточной Европе). Все эти мировые тенденции приводят к пересмотру ценностей и механизмов государственного управления, форм взаимодействия между обществом и гражданами, и в первую очередь, отметим необходимость консолидирующего диалога в модели «гражданин-власть», эффективность которого напрямую зависит от уровня транспарентности органов публичного управления. Если граждане не проинформированы о деятельности органов власти, и те управленческие решения которые ими принимаются непонятны и не отвечают потребностям общества, то уровень доверия к административно-политическим структурам снижается, что приводит к внутренней дестабилизации.

Проблема транспарентности публичной власти приобретает особую актуальность и требует более детального научного анализа. Данная категория позволяет раскрыть не только степень открытости органов власти, но и характер их взаимодействия с обществом в условиях усложнения социально-политических процессов. Именно поэтому обращение к теоретическим подходам и научным исследованиям в области транспарентности представляется необходимым для понимания ее значения в современной системе публичного управления.

Интерес к организации и оценки уровня транспарентности власти, а также анализ компонентов транспарентности, таких как открытость, доступность, прозрачность и публичность увеличился последние несколько десятилетий.

Среди классических исследований транспарентности власти среди зарубежных ученых можно выделить труды Д. Милля, М. Вебера, Г. Лебона и др. Среди отечественных ученых-исследователей особый вклад в развитие теории транспарентности публичной власти внесли С.В. Бориснев, Е.Г. Дьякова., Я.Н. Засурский, А.А. Зиновьев, А.Н. Михайленко, Ю.А. Писневич, М.М. Пазаров, Г.В. Пызина Но также достаточно много научных исследований как зарубежных, так и отечественных ученых посвящены вопросам диалога между органами власти и гражданами, коммуникации, открытости и подотчетности административно-политических структур, баланс открытости и рестриктивности властной элиты.

Несмотря на разнообразие научных трудов, основная их часть посвящена именно информационно-коммуникационному аспекту деятельности органов публичной власти, что лишь отчасти отражает сущность и природу транспарентности. Таким образом, можно констатировать необходимость более детального анализа транспарентности власти особенно в период цифровизации, поиска баланса между уровнем транспарентности и закрытости, а также, а соотнесения уровня транспарентности власти и уровня демократичности государства.

Основная часть исследования

Свое начало термин «транспарентность» берет еще в XV столетии в средневековой латыни. При анализе этимологической сущности данного термина отметим, что он означает дословно «прозрачность», «ясность», «видимость» для индивида, с корреляцией на человеческие отношения. Транспарентность это проявление искренности, откровенности, отсутствия обмана в процессе коммуникации.

В словаре Вебстера термин транспарентность интерпретируются как определенная степень открытости и прозрачности, а также возможности корректировки нормативных актов, законов, регламентов и уровень ответственности перед потребителями информации [1].

При этом толковой словарь Крысиной Л.П. соотносит термин транспарентность с проблематикой тайны, то есть фиксируют состо-

яние государственного управления при высоком уровне транспарентности как не содержащее тайн, секретов, запрет на использование деформации информации и других информационных манипулятивных технологий [2]. В таком же ракурсе интерпретируют в своих научных исследованиях термин транспарентность и Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева [3].

В отечественной научной литературе последних двух десятилетий транспарентность также рассматривается не только как характеристика «прозрачности», но и как самостоятельная категория анализа публичной власти, что отражено также в диссертационных исследованиях ряда авторов.

Так, Г.В. Пызина определяет транспарентность как базовую характеристику среды политического управления, обеспечивающую развитие демократии и гражданского общества через открытость политической системы, процедур принятия стратегических государственных решений и общественного контроля над деятельностью органов публичной власти [4].

Е.Н. Товончева, кандидат политических наук, анализируя соотношение транспарентности власти и национальной безопасности, подчеркивает, что транспарентность органов государственного управления представляет собой многогранную характеристику эффективного функционирования власти, основанную на взаимосвязи открытости, прозрачности и доступности (три элемента транспарентности) [5].

Иностранные научные труды и исследования в области анализа сущности и природы транспарентности достаточно обширны, среди наиболее крупных работ отметим анализ транспарентности как элемента характеристики информации – Д. Стиглиц [6]. Анализ транспарености в связке с ответственностью и обязанностью прослеживается в трудах Д. Лассен [7], Д.М. Балкин, А. Шедлер и Д. Фокс. А корреляция и зависимость эффективности деятельности административных структур от уровня транспарентности обозначена в исследованиях Б. Митчелла, Д. Торнтона, Д.Л. Броза.

Анализируя феномен транспарентность именно в конструкте деятельности органов государственной власти обозначим, что она зависит, первую очередь, от уровня прозрачности, которая делится на финансовую и управленческую. Так, финансовая прозрачность – это раскрытие финансовой информации актуальной, полной, своевременной, на тех площадках, на которых ее могут найти потребители. Управленческая прозрачность связана с юридическим режимом, ее объем может быть объективно ограничен (государственная тайна, защита сведений с целью обеспечения национальной безопасности, документы для служебного пользования, коммерческая тайна и т.д.) и связан с обнародованием итогов деятельности органов публичной власти (отчеты, ежегодные доклады о проделанной деятельности и т.д.).

В свою очередь А. Шедлер определяет три вектора измерения прозрачности: легитимация, контроль, осуществление определенных действий/мер [8].

Особый интерес вызывает позиция Балкина Д.М., который рассматривает транспарентность в более широком ракурсе, основываясь на формуле транспарентность = политическая открытость+ демократическая ответственность [9]. Ученый определяет три базовые характеристики транспарентности, отмечая, что в практической плоскости они способны размываться [10]:

– информационная составляющая предполагает открытость и доступность информации о политической деятельности чиновников, принимаемых ими решениях, процедурах их подготовки и реализации. Данный компонент транспарентности обеспечивает гражданам возможность получать достоверные сведения о деятельности органов власти и давать обоснованную оценку их эффективности;

– «партиципаторная» составляющая характеризует возможность субъекта участвовать в политико-управленческих процессах, выражать позицию, направлять обращения, участвовать в общественных обсуждениях и иных формах взаимодействия с органами власти. В данном контексте транспарентность выступает не только как информирование общества, но и как условие включения граждан в процесс принятия публично значимых решений (особо важно для демократических обществ);

– перманентная подотчетность бюрократии закону или общественному мнению предполагает постоянную ответственность административно-политических структур за принимаемые решения и результаты их реализации. Такая подотчетность позволяет рассматривать транспарентность как механизм контроля за деятельностью власти, направленный на снижение произвольности управления и укрепление доверия со стороны общества.

Уровень транспарентности влияет на различные социально важные процессы, в том числе и на уровень доверия граждан к власти, так как именно объем и качество обнародованной официальной информации позволяет оценивать со стороны граждан насколько эффективно функционируют органы власти, насколько они ориентированы на интересы и потребности общества, а их деятельность направлена на стабильное развитие государства, его защиту и сохранение гражданской идентичности. В свою очередь доверие граждан к органам власти определяет степень ее легитимности, в противном случае более активное общество способно на насильственную смену режима, либо наблюдается высокая дестабилизация в государстве на фоне отчуждения административных структур от общества.

Транспарентность выступает фундаментом устойчивого взаимодействия между государством и обществом, обеспечивая условия для открытого и результативного диалога, общественного контроля и повышения ответственности органов публичной власти. В этом контексте транспарентность следует рассматривать как один из ключевых факторов укрепления доверия, поддержания легитимности власти и предотвращения социально-политической напряженности.

В нормативно-правом ракурсе вопрос обеспечения транспарентности органов власти связан с правом на информацию, которое впервые было задекларировано как общее демократическое право свобод человека Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Как самостоятельная категория транспарентность не выделялась в документе и было элементом свободы убеждений. В соответствии со статьей 19 Декларации «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободно искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ» [11]. Закрепление именно в международном праве, а не только на территории конкретного государства, привело к расширению тенденции закрепления важности уровня транспарентности в контексте прав человека в Конституциях ряда государств.

Оценка эффективности деятельности публичной власти через определение уровня транспарентности характерна для всех политических систем независимо от типа и формы государственного устройства. Но для демократии высокий уровень транспарентности это не только индикатор для оценки эффективности власти, но и соблюдение главного демократического принципа – народовластие. Двойственная природа транспарентности в демократических обществах проявляется в очень чувствительном балансе открытости и закрытости. Сущность этой проблематики изложена в труде Карла Поппера «Открытое общество и его враги» [12]. Автор указывает, что в любой государственной системе существует информационные ресурсы, которые ограниченны для распространения в связи с государственной безопасностью, военными секретными сведениями, коммерческими интересами. Поэтому транспарентность в демократическом государстве не может пониматься как абсолютная и ничем не ограниченная открытость всей информации, находящейся в распоряжении органов публичной власти. Ее содержание предполагает разумное соотношение между правом общества на получение сведений о деятельности государственных структур и необходимостью защиты информации, раскрытие которой может причинить вред национальной безопасности, правам граждан. Следовательно, эффективность транспарентности определяется не только объемом раскрываемой информации, но и правовой обоснованностью тех ограничений, которые устанавливаются государством.

Динамичное развитие информационного общества, которое длится несколько десятилетий в значительной степени изменила форму жизнедеятельности людей, создала новые технологии коммуникационного взаимодействия в обществе. Разные государства по-разному проходят этот трансформационный путь, но все они так или иначе сталкиваются с рисками и угрозами нового порядка, связанные с инновационными информационно-коммуникационными технологиями. Так, в более развитых государствах с демократической моделью политической системы эти процессы происходят более плавно и предсказуемо, в государствах же с переходным режимом создание информационного общества как правило сопряжено с неготовностью как граждан, так как государственных структур к новым вызовам. Такая тенденция привела к появлению ситуации догоняющего развития, которая проявляется в менее развитых странах [13].

В этих условиях транспарентность государственной власти приобретает значение не только как показатель открытости публичного управления, но и как инструмент снижения информационно-политических рисков. Чем более понятными, доступными и устойчивыми являются каналы коммуникации между государством и обществом, тем ниже вероятность возникновения недоверия, информационных искажений и эрозии. Поэтому анализ рисков, возникающих в процессе развития информационного общества, позволяет более точно определить роль транспарентности в обеспечении стабильности политической системы.

Определим базовую классификацию возможных рисков появляющихся при развитии информационных обществ в государстве:
– неблагоприятное событие, которое, в первую очередь, связано с девиацией или сбоем процесса обмена информацией между политическими субъектами. Причины таких сбоев могут носить как конвенциональный, так и внеконвенциональный характер. В данном случае транспарентность снижает риск информационной эрозии, поскольку обязывает органы власти предоставлять обществу официальную, понятную и своевременную информацию через доступные коммуникационные каналы;
– определенный уровень вероятности наступления неблагоприятного события при трансформации традиционных, локальный коммуникационных технологий взаимодействия в глобальную, речь идет о рисках второго порядка. Здесь транспарентность позволяет уменьшить неопределенность цифровой коммуникации, так как граждане получают возможность видеть порядок принятия управленческих государственных и реальные цели государственной информационной политики;
– последствия от неблагоприятного события – девиация структуры и функционирования всей политической системы, возможна ее деградация и распад. На этом уровне транспарентность выступает средством предупреждения политической дестабилизации, поскольку открытость власти препятствует накоплению недоверия, распространению слухов и разрыву диалога между государством и обществом.

Минимизировать или не допустить появления вышеописанных рисков можно благодаря следующим универсальным мерам [14].

1. Избежание риска, отказ от высокорискованных решений, которые могут привести к нарушению диалога между органами власти и обществом. В контексте транспарентности данная мера предполагает предварительную оценку управленческих решений с точки зрения их информационной открытости, общественного восприятия и возможных политических последствий (общественно-политическая экспертиза).

2. Переадресация риска – передача объекта или процесса, которые способны вызвать рисковые негативные последствия другому лицу. В сфере публичного управления это может выражаться в распределении ответственности между различными институтами, экспертными структурами, общественными советами или специализированными органами. Такая мера позволяет снизить концентрацию рисков в одном центре принятия решений и повысить качество контроля за их реализацией.

3. Снижение или минимизация степени риска. Данная мера связана с созданием устойчивых каналов обратной связи, своевременным информированием граждан и разъяснением целей принимаемых решений. Чем выше уровень прозрачности и доступности информации, тем меньше вероятность возникновения слухов, недоверия и конфликтных реакций со стороны общества.

4. Мониторинг и прогнозирование риска. Эта мера предполагает постоянный анализ информационной среды, общественных настроений и реакции граждан на действия органов власти, особенно в период киберугроз и кибератак. В условиях развития информационно-коммуникационных технологий такой мониторинг позволяет заранее выявлять признаки недоверия, информационных искажений и возможной политической напряженности.

5. Компенсация последствий риска. Если негативное событие уже наступило и имеет отрицательные последствия, органы власти должны оперативно предоставить обществу достоверную информацию, объяснить причины возникшей сложной ситуации и обозначить меры по ее устранению. Такая реакция позволяет сохранить доверие граждан и предотвратить дальнейшее распространение деструктивных информационных процессов.

Транспарентность в системе риска проявляет уникальный двойственный характер, то есть с одной стороны высокий уровень транспарентности способен воспроизводить политические риски, а именно когда секретная информация попадает к конкурентам или врагам, а также ею могут воспользоваться мошенники, она может быть основанием для кибертерроризма, с другой стороны, через достаточный уровень транспарентности возможна минимизация негативных настроений в обществе из-за раскрытия объектного объема сведений и данных, обеспечение национальной безопасности и т.д. [15].

Обсуждение

В данной статье затронуты одни из наиболее значимых и проблемных аспектов развития современного информационного общества, поскольку транспарентность публичной власти рассматривается в условиях цифровизации, роста информационно-политических рисков и турбулентности международных отношений. Особую сложность представляет определение необходимого баланса между открытостью и закрытостью власти, поскольку в различных политических режимах и институциональных системах допустимый уровень транспарентности неизбежно будет различаться. Данная проблематика требует дальнейшего научного анализа, прежде всего в части определения критериев баланса транспарентности, а также более детального изучения ее влияния на эффективность деятельности органов публичной власти.

Результаты (заключение)

Транспарентность публичной власти представляет собой комплексную характеристику государственного управления, включающую открытость, доступность, прозрачность, публичность и подотчетность деятельности органов власти. Транспарентность не сводится исключительно к раскрытию информации, поскольку она также связана с возможностью общественного контроля, участием граждан в политико-управленческих процессах и формированием доверия к административно-политическим институтам. В условиях цифровизации и развития информационно-коммуникационных технологий транспарентность приобретает особое значение как механизм снижения информационно-политических рисков, возникающих вследствие нарушений коммуникации между государством и обществом, распространения недостоверной информации и роста социальной напряженности. Одновременно обосновано, что транспарентность имеет двойственную природу: с одной стороны, она способствует укреплению легитимности власти и устойчивости политической системы, с другой – требует установления ограничений, связанных с обеспечением национальной безопасности, защитой общественных интересов и сохранением стабильности государства.

Литература

1. Webster's Online Dictionary. http: // www.websterson linedictionary.org/definition/TRANSPARENCY
2. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 5-е изд. М., 2003. С. 854.
3. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003, С. 651.
4. Пызина Г.В. Транспарентность как категория политической науки: основные подходы // Социология власти. 2005. № 5. С. 111–120.
5. Тованчова Е.Н., Котов В.М. Соотношение транспарентности власти и национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. № 3. С. 405–408.
6. Stiglit D. The Contribution of the Economics of Information to Twentieth Century Economics. Quarterly Journal of Economics, 1/5(4), November, 1441–78. P. 1466.
7. Lassen D. Political Accountability and the Size of Government: Theory and Cross*Country Evidence. Copenhagen, 2000. P. 1.
8. Schedler A. Conceptualizing Accountability // Schedler F., Diamond L., Plat 2. M. The Self*Restraining State: Power and Accountability in New Democracies. Boulder, 1999. P. 14.
9. Balkin J.M. How Mass Media Simulate Political Transparency. http://www.yale.edu/lawweb/jbalkin/articles/media01.htm
10. Пызина Г.В. Транспарентность исполнительной власти: сущность и механизмы реализации в современной России автореферат дис. … кандидата политических наук: 23.00.02. Москва, 2006.
11. Право граждан на информацию и информационную открытость власти: концептуальные вопросы правового регулирования / под ред. М.Н. Афанасьева. – Саратов: Научная книга. 2004. – С. 13.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
13. Коробов А.А., Овчинников С.А. Транспарентность государственной власти как средство разрешения информационно-политических рисков // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2012. № 3(42).
14. Плято С.С. Обеспечение транспарентности политической власти в современной России: институциональный аспект: автореф. дисс. … канд. полит. наук. Саратов, 2011.
15. Губарев, П.Ю. Транспарентность государственной власти как одно из средств разрешения информационно-политических рисков / П.Ю. Губарев // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – № 3(66). – С. 88–94.

TRANSPARENCY OF PUBLIC AUTHORITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND INFORMATION-POLITICAL RISKS: A THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Slepov A.P.
South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In modern conditions, public authority functions amid increasingly complex social, political, and informational processes, as well as a crisis of international relations, which significantly affects the domestic situation of the state, especially in the Russian Federation, including national security threats, sanctions, information warfare, and other factors. Digitalization and the development of information and communication technologies are changing the nature of interaction between the state and society, increasing the importance of openness, accessibility, publicity, and reliability of information. At the same time, the expansion of the information space generates risks of a new order associated with citizens' distrust, distortion of information, and destabilization of the political system. In this regard, the transparency of public authority acquires particular scientific and practical significance as a condition for effective governance and sustainable dialogue between the state and citizens. *Purpose of the article* – to analyze theoretical approaches to understanding the transparency of public authority and to determine its role in reducing information-political risks in the context of the development of the information society. *Research methodology* is based on the application of general scientific methods of analysis, as well as comparative and systemic approaches to the study of the transparency of public authority.
Conclusions. The study establishes that the transparency of public authority acts not only as an indicator of the openness of public administration, but also as an important mechanism for strengthening trust, legitimacy, and stability of the political system. At the same time, the effectiveness of transparency depends on the ability of the state to ensure an objective balance between the accessibility of socially significant information and the need to restrict information related to state security and public interests.

Keywords: transparency, public administration, openness of authority, information society, digitalization, information and communication technologies, information-political risks, citizens' trust, political stability, national security.

References

1. Webster's Online Dictionary. http: // www.websters onlinedictionary.org/definition/TRANSPARENCY

2. Krysin L.P. Explanatory Dictionary of Foreign Words. 5th ed. Moscow, 2003. p. 854.

3. Zakharchenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. New Dictionary of Foreign Words. Moscow, 2003, p. 651.

4. Pyzina G.V. Transparency as a Category of Political Science: Main Approaches // Sociology of Power. 2005. № 5. Pp. 111–120.

5. Tovanchova E.N., Kotov V.M. The Correlation of Government Transparency and National Security // State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2015. № 3. Pp. 405–408.

6. Stiglit D. The Contribution of the Economics of Information to Twentieth Century Economics. Quarterly Journal of Economics, 1/5(4), November, 1441–78. P. 1466.

7. Lassen D. Political Accountability and the Size of Government: Theory and Cross*Country Evidence. Copenhagen, 2000. R. 1.

8. Schedler A. Conceptualizing Accountability // Schedler F., Diamond L., Plat 2. M. The Self*Restraining State: Power and Accountability in New Democracies. Boulder, 1999. P. 14.

9. Balkin J.M. How Mass Media Simulate Political Transparency. http://www.yale.edu/lawweb/jbalkin/articles/media01.htm

10. Pyzina G.V. Transparency of the executive branch: the essence and mechanisms of implementation in modern Russia abstract of the dissertation … candidate of political sciences: 23.00.02. Moscow, 2006.

11. The right of citizens to information and information openness of power: conceptual issues of legal regulation / edited by M.N. Afanasyev. – Saratov: Nauchnaya kniga. 2004. – P. 13.

12. Popper K. Open society and its enemies. Moscow, 1992.

13. Korobov A.A., Ovchinnikov S.A. Transparency of state power as a means of resolving information and political risks // Industry: economics, management, technology. 2012. № 3 (42).

14. Plyato S.S. Ensuring Transparency of Political Power in Modern Russia: Institutional Aspect: Abstract of Cand. Sci. (Polit.). Saratov, 2011.

15. Gubarev, P. Yu. Transparency of State Power as a Means of Resolving Information and Political Risks / P. Yu. Gubarev // Journal of Historical, Political and International Studies. – 2018. – № 3 (66). – P. 88–94.

Буллинг в политике как тактика политического поведения

Строкова Татьяна Алексеевна,
кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева»
E-mail: strokova_tatyana@mail.ru

Буллинг – явление, которое получило широкое распространение XXI веке, встречающееся как в межличностных отношениях, так и во всех сферах жизни общества, в том числе в политической. Актуальность темы политического буллинга обусловлена процессами, происходящими в современном политическом пространстве. Агрессивная политика и угрожающее политическое поведение отдельных акторов вызывают большую обеспокоенность мирового сообщества, тем более что подобного рода травля сопряжена с методами запугивания, политического, экономического, военного давления и угрозой применения силы.

Ключевые слова: буллинг, политический буллинг, политическое поведение, политическое давление, агрессия.

Введение

В дословном переводе с английского языка понятие «буллинг» означает запугивание, травля, издевательство. Под буллингом в современном обществе понимается систематическое, регулярное проявление агрессивного поведения в отношении одного и того же объекта – жертвы. Буллинг может быть в виде психологического насилия, издевательств, унижения в том числе с применением физического давления, физических истязаний, угроз. С распространением сети интернет в XXI веке, социальных сетей и различных мессенджеров буллинг переместился и в киберпространство. Часто жертвами буллинга становятся более слабые физически, психологически, эмоционально люди или группы, неспособные постоять за себя и дать отпор агрессору. Исходя из понимания категории «буллинг», можно сделать однозначный вывод, что данное явление имело место существовать во все времена на протяжении всей истории человечества. Таким образом, буллинг не является новым социальным феноменом в поведении как отдельных индивидов, так и социальных групп. С научной точки зрения буллинг начали изучать во второй половине XX века. Первые научные работы появились в 1970-е гг. В России данная тема стала актуальной в XXI веке после 2010-х гг. Буллинг встречается во всех сферах жизни общества, в том числе в политической, и может проявляться на высшем государственном уровне. Проблема буллинга на современном историческом этапе очень остро стоит в политических отношениях и взаимодействии.

Цели и задачи

Целью данного исследования является рассмотрение сущностных проявлений феномена «политического буллинга». Задачи исследования состоят в определении категории «политический буллинг», его выявления в политической сфере как мощного инструмента политического давления и запугивания в том числе с применением военных средств.

Методы исследования

В исследовании использованы системный метод, элементы бихевиористского подхода.

Обсуждения

Целью буллинга является унижение чести и достоинства объекта травли-жертвы, вызвать страх, подчинить, высмеять, самоутвердиться за счет жертвы, показать свою власть, используя жестокие и довольно жесткие способы. Буллинг заставляет жертву, испытывая чувство страха, предпринимать определенные действия, которые требует агрессор или вести себя таким образом, чтобы не спровоцировать агрессию и враждебность. Политический буллинг ставит свой целью подчинить, продемонстрировать власть и господство, политическое превосходство и доминирование, заставить объект буллинга действовать определенным образом.

Сама категория «булинга» и его природа, сущностные аспекты, предпосылки, последствия и пути предотвращения как социально-психологического явления широко описаны, изучены в психологической, социологической, педагогической отраслях научного знания. И представлены в работах К. Дьюкса, П. Хайнеманна, Д. Олвеуса, К. Лагерспетца, А. Пикаса, К. Салмивалли, Мона О'Мур, Д. Пепер, Д. Кросс и др. В России большой вклад в изучение буллинга внесли И.С. Кон, А.А. Бочавер, Д.В. Молчанова, М.А. Новикова и многие другие ученые. В политической науке на данный момент не хватает фундаментальных исследований по теме политического буллинга.

Буллинг в политике может проявляться на межличностном, индивидуальном, внутригосударственном и межгосударственном уровнях.

Характерные черты политического буллинга:

• политический буллиг носит систематический, регулярный, продолжительный по времени характер;

• политический буллер сильнее своей жертвы в военном, экономическом и политическом плане, имеет возможности и ресурсы. Жертва политического булинга чаще всего в данных аспектах слабее и менее защищена;

• агрессор имеет более весомое стратегическое, политическое положение, занимает лидирующее положение на политической арене;

• политический буллер имеет своей целью планомерное унижение своей жертвы, заставить действовать в своих целях, отнять необходимые ресурсы;

• политический буллинг направлен на ослабление политического, военного, экономического положения или устранение (самоустранение) объекта давления.

Таким образом, мы можем отметить, что для политического буллинга как и для феномена «буллинга» в целом характерно, во-первых, намеренность и повторяемость действий, которые совершаются на протяжении продолжительного времени, во-вторых, неравнозначность сил, их дисбаланс.

Чаще всего выделяют две основные формы буллинга: прямой и косвенный. Прямой буллинг проявляется в непосредственном проявлении травли, агрессии или запугивания, а косвенный включает вовлечение третьих сторон.

В политической сфере можно обозначить следующие проявления буллига:

• угрозы применения силы, политическое давление, в том числе угрозы военного воздействия;
• попытки свергнуть политический режим и сменить политическую власть;
• политическая изоляция;
• распространение заведомо ложной информации, так называемые «фейк-ньюс»;
• выстраивание образа врага;
• политический обман;
• применение санкций, наложение эмбарго, введение повышенных торговых пошлин и т.д.

С этой точки зрения, ярчайшим примером политического буллера на международной политической арене являются Соединенные Штаты Америки. США регулярно пытается оказывать давление на другие страны и их политическое руководство. Примером политического буллинга со стороны США является регулярное введение экономических и политических санкций в отношение России, которые изначально вводились в связи с присоединением Крыма к России и в дальнейшем усилились с началом проведения Специальной военной операции. Российская Федерация – сильное государство, которое отвечает зеркально на все угрозы и вводимые меры политического давления, вводит контрсанкции. Активно противодействуя, таким образом, угрозе своего политического, экономического и военного ослабления.

Регулярной травле со стороны США в течении продолжительного периода времени подвергается ряд стран Латинской Америки, Ближнего Востока и д.р., которые пытаются противостоять нападкам, угрозам и давлению. Для определения таких стран в геополитике используется «понятие «государства-изгои» для обозначения группы государств, чья политика якобы таит в себе угрозу для международного мира и безопасности. На самом же деле новый ярлык навешивали в основном на те государства, которые отказывались идти на уступки требованиям западных государств (прежде всего США и их сателлитов)» [7, С. 311]. Многие акторы политического буллинга или так называемые государства-агрессоры и их политические лидеры, которые присваивают подобные статусы другим странам, навешивают ярлыки, пытаясь оправдать со своей стороны проявление травли, агрессии, запугивание, применение силы и вторжение в суверенные дела государства и убедить мировое сообщество в исходящей угрозе. М.А. Кшевицкая, А.П. Шумиленко, Л.В. Пастухов утверждают в своей статье, что использование образа «изгоя» обычно порождает, как отмечает К. Вундерлих, «более враждебную политику, направленную на сдерживание предполагаемого угрожающего государства», оправдывающую упреждающее (превентивное) применение военной силы, часто направленное именно на смену режима» [7, С. 314] История и события современной мировой политики подтверждают данную точку зрения. Страны-буллеры применяют военную силу под различными «благовидными» предлогами, в частности под эгидой борьбы с международным терроризмом, или, не скрывая свою цель, оправдают свою военную агрессию свержением якобы недемократического режима. Ярким примером подобного агрессивного поведения являются Соединенные Штаты Америки.

Так, в 2025 году были введены Президентом Америки Д. Трампом повышенные торговые пошлины в отношении Китая, Канады, Мексики под предлогом борьбы с угрозой незаконной миграции и незаконного оборота и распространения наркотических веществ. Китай ввел ответные меры по увеличению пошлин на уголь и сжиженный природный газ, нефть, сельскохозяйственную технику и крупные легковые автомобили. При этом попытку оказать давление на Китай с помощью введения экономических ограничений и блокад можно отследить с середины XX века. Обострение экономических взаимоотношений произошло в 2018 г. Данные процессы получили название в прессе как «торговая война».

США также оказывают систематическое давление на Венесуэллу. В 1998 г. президентом Венесуэлы был избран Уго Чавес, который за несколько своих президентских сроков провел ряд реформ, национализировал ключевые отрасли промышленности и прежде всего нефтяную, создал в тендеме с Кубой альянс латиноамериканских стран и выступил с инициативой льготной поставки нефти ряду стран. Политика введения санкций усилилась в 2013 году с приходом к власти Николаса Мадуро, переизбиравшегося потом ещё 2 раза. Была предпринята в 2018 г. со стороны США попытка государственного переворота. В 2025 году отношения между станами существенно обострились, США начали угрожать применением военной силы, в том числе в конце 2025 года американский президент Д.Трамп дал указание спецслужбам начать проведение операций в Венесуэле против властей этой страны в том числе с применением военной силы и оружия. В начале января 2026 года США провели военную операцию, в ходе которой был арестован и доставлен в тюрьму США Николас Мадуро со своей женой. Таким образом, правительство США добилось возможности влияния на Венесуэлу и контроля над ее нефтяными ресурсами благодаря свержению власти и установления нового политического руководства.

Так проявляется политический буллинг на межгосударственном уровне. В современной истории агрессия и давление со стороны США в отношении других государств и их политического руководства, отдельных политических лидеров и политических движений встречается часто и на протяжении значительного исторического периода. Агрессия со стороны США направлена и на Иран, и Северную Корею и другие государства. Нередко применяется не просто давление и угрозы, но и шантаж и всевозможные способы политического манипулирования, сопряженные с угрозой военного применения. Соединенные Штаты Америки представляют собой пример разных типов политического буллинга различного уровня, выступая в качестве мощного и активного буллера в политике.

Буллингу подвергаются со стороны Америки непосредственно главы и лидеры отдельных ближневосточных и латиноамериканских государств. Политический буллинг в отношении отдельных политических деятелей широко представлен в странах Балтии (Эстонии, Латвии, Литвы), Украине и направлен в основном на пророссийских политиков.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что политический буллинг – часто встречаемое в мировом политическом процессе явление, которое направлено на запугивание и нейтрализацию политических оппонентов как в отношении конкретных политических лидеров и деятелей, так и отдельных государств. Буллинг в политическом пространстве основан на дисбалансе политических сил, по своей сути вредоносен и может иметь негативные последствия для объекта травли, в том числе – смену политического режима. При том, что для самого буллера подобная тактика политического поведения представляет собой спланированную стратегию для получения выгоды и реализации своих интересов. Политический буллинг как стратегия политического устрашения и давления активно применяется США в своей международной политике, что позволяет американскому государству не только отстаивать свои национальные интересы и приоритеты, но и приобретать выгоду.

Литература

1. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и культурный феномен / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. 2013. № 3. – С. 149–159.

2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий [Электронный ресурс] // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-vprostranstve-sovremennyh-tehnologiy (дата обращения: 29.04.2026)

3. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. – С. 22–26. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-uchastnikov-bullinga) (дата обращения: 29.04.2026)

4. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения [Текст] /Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер. 2014. – 368 с.

5. Кон И.С. «Что такое буллинг и как с ним бороться» //Семья и школа. – 2006. № 11. – С. 15–18.

6. Красовская Н.Р. К вопросу о направлениях атак информационной войны против политического лидера // Власть. 2023. № 1. – С. 43–52

7. Кшевицкая М.А., Шумиленко А.П., Пастухова Л.В. «Государства-изгои» («rogue states») или жертвы травли «victims of bulling»): проблемы или нарушения современного международного права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 3. – С. 311–324

8. Наумова Н.Н., Ефимова А.С. Зарубежные исследования феномена буллинга в 1980–90 годы [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyeissledovaniya-fenomena-bullinga-v-1980–90-gody (дата обращения: 27.04.2026)

9. Ярмина А.Н. Периодизация изучения феномена буллинга [Электронный ресурс] // Психологическая антропология (Исследователь/Researcher). 2018. № 1–2. – С. 82–87. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/periodizatsiya-izucheniya-fenomena-bullinga (дата обращения: 27.04.2026)

BULLYING IN POLITICS AS A TACTIC OF POLITICAL BEHAVIOR

Strokova T.A.
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Bullying is a phenomenon that has become widespread in the 21st century, occurring both in interpersonal relationships and in all areas of society, including politics. The relevance of the topic of political bullying is due to the processes taking place in the modern political landscape. The aggressive policies and threatening political behavior of certain actors have raised significant concerns among the global community, especially since such bullying often involves intimidation, political, economic, and military pressure, as well as the threat of force.

Keywords: bullying, political bullying, political behavior, political pressure, and aggression.

References

1. Bochaver, A.A. Bullying as an Object of Research and a Cultural Phenomenon / A.A. Bochaver, K.D. Khlomov // Psychology. 2013. No. 3. Pp. 149–159.

2. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies [Electronic resource] // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. No. 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-travlya-vprostranstve-sovremennyh-tehnologiy (date of access: 29.04.2026)

3. Glazman O.L. Psychological Features of Bullying Participants [Electronic resource] // Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2009. No. 105. – Pp. 22–26. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-uchastnikov-bullinga) (accessed: 29.04.2026)

4. Ilyin, E.P. Psychology of Aggressive Behavior [Text] / E.P. Ilyin. – St. Petersburg: Peter. 2014. – 368 p.

5. Kon, I. S. "What is Bullying and How to Deal with It" //Family and School. – 2006. No. 11. – Pp. 15–18.

6. Krasovskaya N.R. On the Directions of Information War Attacks Against a Political Leader // Vlast. 2023. No. 1. Pp. 43–52.

7. Kshevitskaya M.A., Shumilenko A.P., Pastukhova L.V. "Rogue states" or victims of bullying ("victims of bullying"): problems or violations of modern international law // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2023. Vol. 9 (75). No. 3. – pp. 311–324.

8. Naumova N.N., Efimova A.S. Foreign Research on the Bullying Phenomenon in the 1980s and 1990s [Electronic resource] // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. No. 5–1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyeissledovaniya-fenomena-bullinga-v-1980–90-gody (accessed: 27.04.2026).

9. Yarmina A.N. Periodization of the Study of the Bullying Phenomenon [Electronic resource] // Psychological Anthropology (Researcher). 2018. No. 1–2. – Pp. 82–87. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/periodizatsiya-izucheniya-fenomena-bullinga (accessed: 27.04.2026).

Теория интеграции традиционных китайских культурных ценностей и современного идеологического управления

Сяо Лэцзя,
магистрант Института марксизма Северо-Восточного сельскохозяйственного университета
E-mail: x13873551482@163.com

У Хуэйсинь,
доктор философских наук, профессор Института марксизма Северо-Восточного сельскохозяйственного университета
E-mail: whxh2@126.com

В статье предлагается теоретическая модель, описывающая интеграцию традиционных ценностей китайской культуры в пространство современного идеологического управления. Показано, что ключевые концепты – «народ – основа государства» («миньбэнь»), «гармония как верховный принцип» («хэхэ»), «человеколюбие» («жэнь») и справедливость («и») – обладают значительным адаптационным потенциалом применительно к задачам социальной интеграции, формирования коллективной идентичности и легитимации власти. Опираясь на работы современных китайских исследователей (Ху Цзайдуна, Тан Лихуэя, Ли Юнхуана и др.), авторы выделяют три ключевые функции традиционной культуры в идеологическом управлении: символическое воспроизводство, ценностную адаптацию и медийную трансляцию. Вводится двухконтурная модель управления, где правовые («жёсткие») механизмы дополняются «мягким» культурным воздействием. Эффективная интеграция возможна исключительно через творческую трансформацию («чжуанцзао син чжуаньхуа») традиционного наследия, а не через его архаизацию или внешнюю декорацию.

Ключевые слова: традиционная китайская культура, идеологическое управление, социальная и политическая философия, ценностная адаптация, культурная субъектность, народоцентризм, творческая трансформация.

Введение

Современные процессы глобализации, цифровизации общественных коммуникаций и ценностной фрагментации выводят системы идеологического управления на принципиально новый уровень сложности. Утрата монополии на производство смыслов, усиление альтернативных мировоззренческих моделей, снижение доверия к формальным институтам – всё это заставляет искать глубинные культурные основания, способные придать устойчивость и легитимность политическому порядку. Именно локальные культурные практики вместе с традиционными авторитетами всё чаще служат главным источником поддержания социального доверия на низовом уровне на фоне быстрой цифровизации. К такому выводу привели полевые наблюдения, которые проводились с 2024–2025 гг. в сельских районах Хэйлунцзяна и Шаньдуна. В этих условиях традиционная китайская культура, веками служившая духовной основой китайского социума, выступает не как музейный экспонат, а как работающий ресурс идеологического управления [1].

Согласно выводам Ху Цзайдун, Сюй Чжаолань и Ян Синь, «модернизационная трансформация традиционной культуры является важной темой современного общественного развития, и на данном этапе идеологическая функция играет важную роль» [6, с. 155]. Сама постановка проблемы интеграции не должна сводиться к механическому переносу древних лозунгов или декоративному украшению официального дискурса. Требуется глубокая теоретическая работа по «перекодировке» культурного наследия, выявлению скрытых в нём смыслов, созвучных современным задачам государственного строительства, а также по выстраиванию эффективных каналов трансляции этих смыслов в массовое сознание.

Цель настоящей статьи – построить теоретическую модель, описывающую, как ценности традиционной китайской культуры интегрируются в систему современного идеологического управления, и раскрыть её философско–антропологические основания, механизмы функциональной адаптации и практические каналы реализации.

Материалы и методы исследования

Методологическую базу представленной работы образует междисциплинарный подход, интегрирующий понятийный аппарат социальной и политической философии, социологии культуры и политической теории идеологии. Исследование строится на принципах исторического материализма и диалектики, а также на современных концепциях символического воспроизводства (П. Бурдьё) и легитимации властных отношений (Ю. Хабермас).

В качестве эмпирической базы выступили: (1) научные публикации китайских авторов за период 2022–2026 гг., в которых рассматриваются вопросы интеграции традиционного культурного наследия в практики идеологического управления; (2) официальные документы и программные выступления, фиксирующие ценностные ориентиры современной системы идеологического управления КНР; (3) данные полевых наблюдений за практиками низового социального управления в сельских районах провинций Хуэлунцзян и Шаньдун (2024–2025 гг.), которые использовались для проверки теоретических выводов на эмпирическом материале.

В ходе работы применялся следующий комплекс методов:

- контент–анализ концептов традиционной китайской культуры («миньбэнь», «хэхэ», «жэнь и»), позволяющий выделить их инвариантные смысловые ядра и адаптивные периферийные элементы;
- сравнительно–исторический метод, дающий возможность сопоставить функции традиционных ценностей в имперский и современный периоды;
- метод моделирования, использованный для построения двухконтурной модели идеологического управления;
- кейс–стади, предполагающий анализ трёх локальных практик (деревенские советы старейшин, школьные ритуалы, государственные телевизионные проекты о традиционной культуре);
- герменевтический анализ, направленный на интерпретацию классических текстов («лунь юй», «мэнцзы», ли цзи») в контакте современных задач легитимации и социальной интеграции.

Финансируемый проект: Исследование истории русской этической мысли Нового и Новейшего времени. Номер проекта: 20&ZD042

Достоверность полученных результатов обеспечивается триангуляцией данных (сочетанием анализа письменных источников), а также публичной апробацией основных положений на научных семинарах Института марксизма Северо–Восточного сельскохозяйственного университета (2025–2026 гг.).

Результаты исследований

Идеологическое управление в широком смысле – это деятельность по созданию, распространению и укоренению ценностно–нормативных систем, которые обеспечивают легитимность существующего порядка и поддерживают воспроизводство коллективной идентичности. В русле политико–философской традиции, идущей от К. Маркса и А. Грамши, идеология рассматривается не только как «ложное сознание», но и как действенный инструмент гегемонии – способность правящего класса добиваться добровольного согласия управляемых путём навязывания своих ценностей всему обществу. Грамшианское понимание гегемонии нельзя сводить к одностороннему принуждению или манипуляции. На деле это непрекращающийся диалог между управляемыми управляющими и управляемыми, в процессе которого господствующие ценности подстраиваются и отчасти меняются под воздействием встречных требований. Именно эта диалогичность и делает концепцию гегемонии настолько продуктивной для анализа китайской реальности. Тут традиционная культура – не инструмент насилия, а общее смысловое пространство (своего рода «семантическая территория»), на котором разные социальные группы могут вырабатывать взаимоприемлемые смыслы.

Марксистская традиция, при всей своей универсальной методологии, нуждается в конкретизации применительно к национально–культурным контекстам. Тан Лихуэй отмечает: «интеграция выдающейся традиционной китайской культуры в идейно–политическое образование имеет глубокую внутреннюю логику. Она разворачивается по четырём измерения: совпадение ценностных ядер, передача духовной генеалогии, конструирование культурной идентичности, трансформация практической мудрости [5, с. 79]. Именно эти четыре измерения задают каркас предлагаемой интеграционной модели. Задача теоретической работы – не в отрицании различий, а в выявлении того, как одно через интерпретацию и восполнение недостающих звеньев переходит в другое. Возьмём для примера совпадение ценностных ядер: его не следует воспринимать как абсолютную тождественность, поскольку традиционное «служение народу» и современный принцип народоцентризма расходятся в своём институциональном обрамлении. Поэтому важно подчеркнуть, что каждое из перечисленных измерений обладает собственной критической границей. Авторы говорят об эмоциональном резонансе, но у него есть не только плюсы, но и минусы. Без деликатной работы по подключению альтернативных линий памяти эффективное использование символической укоренённости может привести не к интеграции, а к усилению отчуждения части общества. Ведь та же самая коллективная память порой становится инструментом исключения: люди, чьи предки не были вовлечены в «славные» традиции (например, этнические меньшинства или те, кто переехал позже), способны ощущать себя чужими.

В отличие от отвлечённых политических доктрин, традиционная культура апеллирует к образам, ритуалам, праздникам, нарративам, глубоко встроенным в повседневный жизненный опыт. Как пишут Ху Цзайдун и соавторы, «культурные символы, такие как иероглифы, праздники, ритуалы и художественные формы, несут в себе общую историческую память нации и коллективный эмоциональный опыт» [6, с. 156]. Активация таких символов порождает у человека мощный эмоциональный отклик, который сильнее рациональных доводов.

Конфуцианские ценности – «жэнь» (человеколюбие), «и» (справедливость/долг), «ли» (ритуал/порядок), «чжи» (мудрость), «синь» (доверие) – более двух тысячелетий формировали нормативную структуру китайского общества. Даже после социальных потрясений XX века эти понятия сохранили узнаваемость и моральный авторитет. Ли Юнхуан в своём исследовании по интеграции традиционной культуры в социальное управление подчёркивает: «выдающаяся традиционная китайская культура вобрала в себе более чем пятитысячелетнюю мудрость и богатое историческое наследие» [4, с. 18].

Традиционные концепты отличаются высокой степень абстрактности, что позволяет наполнять их новым содержанием в зависимости от конкретной исторической ситуации. «Стабильное ядро и открытая интерпретация создают напряжение, которое одновременно служит якорем идентичности и позволяет гибко реагировать на многообразные вызовы современного общества» [6, с. 156]. Традиционную культуру можно рассматривать как своеобразное «хранилище символических форм», из которого идеологическое управление черпает строительный материал для своих конструкций [7]. Сам по себе этот архив остаётся мёртвым без механизмов актуализации, без перевода архаичных смыслов на язык современных политических задач.

Главная проблема интеграции – расхождение исторических контекстов. Традиционная китайская мысль складывалась в условиях аграрного общества, имперской государственности и сословной иерархии. Перенос её фрагментов в современную политическую реальность без критической рефлексии ведёт либо к архаизации, либо к чисто декоративному использованию.

Современная китайская политическая философия активно использует «хэхэ» для обоснования как внутренней социальной стабильности (концепция гармоничного общества), так и внешнеполитической доктрины мирного сосуществования (сообщество единой судьбы человечества) [9]. Традиционное понятие обретает новое институциональное обрамление: гармония понимается не как статичное равновесие, а как динамический процесс разрешения конфликтов через диалог и взаимные уступки.

Если «жэнь» задаёт внутреннюю моральную установку на сопереживание и заботу, то «и» – внешний нормативный каркас, определяющий границы должного. В современном контексте эта пара трансформируется в дихотомию «индивидуальная добродетель – социальная ответственность», ложась в основание воспитания социалистического гражданина. Патриотизм, преданность труду, честность, дружелюбие – провозглашаемые государством ценности – находят прямые аналоги в конфуцианском «пятисловии» (учение, долг, этикет, мудрость, доверие).

Исследователи Ян Синьцзе и Цзэн Вэньци фиксируют, что «процесс адаптации реализуется через механизмы «креативной расшифровки» и «контекстуального переопределения» культурного кода» [10, с. 80]. Например, традиционная идея «Небо и человек едины» («тянь», «жэнь», «хэ и») переосмысливается в духе экологической этики и устойчивого развития, а не как космологическая спекуляция.

Ценностная адаптация решает вопрос о способах интеграции. Современные китайские исследователи выделяют три основных канала интеграции: образовательную систему, символические репрезентации (ритуалы, праздники, материальную культуру) и медийно–цифровую среду [8].

Формальное образование – наиболее институционализированный механизм трансляции ценностей. В работе Тан Лихуэй, идейно–политическое образование остро нуждается в извлечении «культурного питания» из выдающейся традиционной китайской культуры, чтобы преодолеть гомогенизацию содержания и слабую воспитательную заразительность [5, с. 80]. На практике это выражается во введении спецкурсов по конфуцианской классике, организации школьных ритуалов в традиционном стиле, включении историко–философских сюжетов в учебники по патриотическому воспитанию.

Праздники (Чуньцзе, Дуаньу, Чжунцю), обряды (свадебные, поминальные, календарные), материальные объекты (ханьфу, чайная церемония, каллиграфия) превращаются из бытовой традиции в политические маркированные символы. Ли Юнхуан и Шу И подчёркивают, что преодоление «утраты культурной идентичности» возможно только через активное использование народной культуры как ресурса низового социального управления [4, с. 19]. В деревне Лунфэн (провинция Хэйлунцзян) в 2025 году при содействии местных властей возродили обряд «осеннего сбора урожая». Этот случай показателен: традиционное действо не только сплотило жителей, но и стало способом донесения государственной аграрной политики – через народные песенные формы. Так, возрождение деревенских общинных ритуалов не только укрепляет локальную солидарность, но и создаёт каналы для трансляции государственных ценностей на микроуровне.

Современные медиа (телевидение, интернет–платформы, социальные сети) позволяют масштабировать культурные репрезентации и придавать им черты, привлекательные для массовой аудитории (визуализацию, геймификацию, интерактивность). Именно через медиа традиционные ценности превращаются из «китайской старины» в актуальные тренды – например, в феномен «гочао» (национального модернизма). Медийная трансляция несёт и риски: коммерциализация может привести к упрощению и деканонизации культурного содержания, подмене глубины развлекательностью.

Все три канала дополняют друг друга, создавая многослойную среду культурной социализации. Важно, что эта среда не монолитна: в ней сосуществуют элементы и официальной идеологии, и массовой культуры, и локальных традиций. Задача идеологического управления – не подавлять это разнообразие, а направлять его так, чтобы ценности воспроизводились во всех подсистемах.

На основе проведённого анализа можно предложить теоретическую модель идеологического управления, органично соединяющую универсальные принципы правового государства с социокультурной

спецификой китайского общества. Она представляет собой двухконтурную модель:

Правовой контур. Он включает формальные институты: конституцию, законы, административные регламенты, судебную систему. Этот контур обеспечивает единообразие норм, защиту прав и свобод, процедурную справедливость. Его функционирование опирается на государственное принуждение и легитимно лишь в той мере, в какой соответствует современным представлениям о верховенстве права.

Культурно–нормативный контур. Он включает неформальные регуляторы: традиционные ценности, ритуалы, общественное мнение, моральные императивы [6]. Именно через этот контур традиционная китайская культура входит в систему управления. Контур не подменяет правовой, а дополняет его, придавая абстрактным юридическим нормам конкретное, укоренённое в традиции этическое содержание.

Преимущество модели заключается в том, что она позволяет избежать двух крайностей – как оголтелого традиционализма (попыток заместить право древним обычаями), так и правового нигилизма (игнорирования культурной специфики). «Мягкий» контур снижает нагрузку на формальные институты: многие конфликты, которые в западных обществах решаются через суды, в китайском контексте могут быть урегулированы посредством посредничества с опорой на традиционные нормы (деревенские сходы, авторитет старших). Двухконтурность повышает адаптивность системы управления к изменениям: «мягкие» нормы эволюционируют быстрее, опережая законодательство, и, служат полигоном для апробации новых регулятивных принципов. Определённые риски двухконтурная модель в себе несёт. Когда отсутствует полный правовой надзор, а упор делается на деревенские советы и неформальных старейшин, это способно обернуться клановостью и вытеснением государственных норм в пользу узкогрупповых интересов.

Гу Гуанхай и Янь Жуй подчёркивают: «формирование китайской культурной субъективности» невозможно без учёта медийной логики, которая выступает связующим звеном между этими двумя контурами [2, с. 3]. Медиа не просто транслируют ценности – они формируют саму возможность из обсуждения, интерпретации, присвоения.

Заключение

Встраивание традиционных ценностей в современные механизмы идеологического управления обучловленно не культурным консерватизмом или сиюминутной модой. За этим стоит рациональный ответ на актуальные вопросы: глубинные символические ресурсы общества позволяют поддерживать социальную стабильность и обеспечивать воспроизводство коллективной идентичности.

«Привлекательность и общественное влияние ценностной системы раскрываются в полной мере лишь тогда, когда она «непрестанно черпает духовные ресурсы из выдающейся традиционной культуры», подвергая их творческому преобразованию» [3, с. 108]. Следовательно, высокий интеграционный потенциал, которым, как показал анализ, обладает традиционная китайская культура, требует системной теоретической работы. Концепты – «миньбэнь», «хэхэ», «жэнь и» – необходимо адаптировать и переосмыслять по существу, не подменяя этот процесс одной лишь стилизацией или ритуальной декорацией.

Литература

1. Букатая М.В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая: дисс… канд. культ. – Барнаул, 2010. – 184 с. – URL: http://www.dslib.net/teorja–kultury/aksiologicheskie–osnovanija–vzaimodejstvija–tradicij–i–novacij–v–kulture–kitaja.html (дата обращения: 13.05.2026).

2. Гу Гуанхай, Янь Жуй. Медиалогический и реалистический подход к конструированию субъективности в китайской культуре // Журнал Юго–Западного университета национальностей (гуманитарные и социальные науки). – 2025. – Т. 46. – № 6. – С. 1–8.

3. Гуань Шаньшань. О превосходной традиционной культурной основе социалистических основных ценностей // Журнал Открытого университета Хэбэй. – 2022. – Т. 27. – № 4. – С. 105–108.

4. Ли Юнхуан, Шу И. Исследование интеграции выдающейся традиционной китайской культуры в современное социальное управление // Юго–Западный университет национальностей. Журнал гуманитарных и социальных наук. – 2026. – Т. 47. – № 2. – С. 17–24.

5. Тан Лихуэй. Логическое обоснование интеграции выдающейся традиционной китайской культуры в идейно–политическое образование // Руководство по теории. – 2026. – № 2. – С. 79–87.

6. Ху Цзайдун, Сюй Чжаолань, Ян Синь. Исследование идеологической функции в процессе модернизационной трансформации традиционной культуры // Университет. – 2026. – № 9. – С. 155–158.

7. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости (1980–2010 гг.): дисс… канд. культ. – Владивосток, 2017. – 303 с. – URL: http://www.dslib.net/teorja–kultury/tradicionnaja–kitajskaja–kultura–v–period–reform–i–otkrytosti.html (дата обращения: 13.05.2026).

8. Цянь Дунсяо. Пути интеграции выдающейся традиционной культуры в идеологическое строительство в новую эпоху // Журнал Чжунчжоуского университета. – 2023. – № 40 (01). – С. 69–75.

9. Чжан Цзысюань. «Актуализация принципа гармонии как культурного наследия Западного Чжоу в идеологической и воспитательной работе с молодежью в КНР»: сборник научных статей «Современная молодежь и общество». – Выпуск 11. – Минск: РИВШ, 2023. – С. 87–92. – URL: https://www.elib.bsu.by/handle/123456789/298253 (дата обращения: 13.05.2026).

10. Ян Синьцзе, Цзэн Вэньци. Теоретическая интерпретация и исследование путей укрепления идеологической работы с использованием лучших образцов традиционной китайской культуры // Журнал Пекинского профессионально–технического колледжа финансов и торговли. – 2025. – Т. 41. – № 4. – С. 78–83.

THEORY OF INTEGRATION OF TRADITIONAL CHINESE CULTURAL VALUES AND MODERN IDEOLOGICAL MANAGEMENT[1]

Xiao Lejia, Wu Huixin
Northeast Agricultural University

The article offers a theoretical model describing the integration of traditional values of Chinese culture into the space of modern ideological management. It is shown that the key concepts – «people are the foundation of the state» (minben), «harmony as the supreme principle» (hehe), «humanity» (ren) and «justice» (yi) – have significant adaptive potential in relation to the tasks of social integration, the formation of collective identity and the legitimization of power. Based on the work of modern Chinese researchers (Hu Zidong, Tang Lihui, Li Yonghuang, and others), the authors identify three key functions of traditional culture in ideological management: symbolic reproduction, value adaptation, and media transmission. A two–circuit management model is being introduced, where legal («hard») mechanisms are complemented by «soft» cultural influences. Effective integration is possible only through the creative transformation («Zhuangzao xing Zhuanhua») of the traditional heritage, and not through its archaization or external decoration.

Keywords: traditional Chinese culture, ideological management, social and political philosophy, value adaptation, cultural subjectivity, national centrism, creative transformation.

References

1. Bukataya M.V. Axiological foundations of the interaction of traditions and innovations in Chinese culture: dissertation of the cand. the cult. Barnaul, 2010. 184 p. – URL: http://www.dslib.net/teorja–kultury/aksiologicheskie–osnovanija–vzaimodejstvija–tradicij–i–novacij–v–kulture–kitaja.html (date of reference: 05/13/2026).

2. Gu Guanhai, Yan Rui. A medialological and realistic approach to the construction of subjectivity in Chinese culture // Journal of the Southwestern University of Nationalities (Humanities and Social Sciences). – 2025. – Vol. 46. – No. 6. – pp. 1–8.

3. Guan Shanshan. On the excellent traditional cultural foundation of socialist core values // Journal of the Hebei Open University. – 2022. – Vol. 27. – No. 4. – pp. 105–108.

4. Li Yonghuang, Shu Yi. A study of the integration of outstanding traditional Chinese culture into modern social management // Southwestern University of Nationalities. Journal of Humanities and Social Sciences. – 2026. – Vol. 47. – No. 2. – pp. 17–24.

5. Tang Lihui. A logical justification for the integration of outstanding traditional Chinese culture into ideological and political education // Handbook of Theory. – 2026. – No. 2. – pp. 79–87.

6. Hu Zaidong, Xu Zhaolan, Yang Xin. A study of the ideological function in the process of modernization transformation of traditional culture // University. – 2026. – No. 9. – pp. 155–158.

7. Jia Huimin. Traditional Chinese culture in the period of reforms and openness (1980–2010): dissertation of the cand. the cult. – Vladivostok, 2017. – 303 p. – URL: http://www.dslib.net/teorja–kultury/tradicionnaja–kitajskaja–kultura–v–period–reform–i–otkrytosti.html (date of reference: 05/13/2026).

8. Qian Dongxiao. Ways of integrating outstanding traditional culture into ideological construction in a new era // Journal of Zhongzhou University. – 2023. – № 40 (01). – Pp. 69–75.

9. Zhang Zixuan. «Actualization of the principle of harmony as the cultural heritage of Western Zhou in ideological and educational work with youth in China»: collection of scientific articles «Modern youth and society». – Issue 11. – Minsk: RIVSH, 2023. – pp. 87–92. – URL: https://www.elib.bsu.by/handle/123456789/298253 (date of request: 05/13/2026).

10. Yang Xinjie, Zeng Wenqi. Theoretical interpretation and research of ways to strengthen ideological work using the best examples of traditional Chinese culture // Journal of the Beijing Vocational College of Finance and Trade. – 2025. – Vol. 41. – No. 4. – pp. 78–83.

[1] Funded Project: Study on the History of Russian Ethical Thought in the Modern and Contemporary Period. Project No.: 20&ZD042

Методологические подходы к оценке эффективности политико-административной элиты в современной России: компетентностный ракурс

Тюменцев Артем Геннадьевич,
аспирант кафедры политология, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В рамках данного исследования рассматриваются подходы к оценке эффективности и компетентности политико-административной элиты при различной общественно-политической конъюнктуре, в условиях кризисной турбулентности, цифровизации и трансформации публичного управления. Отдельно проанализировано сочетание формализованных и неформализованных методов оценки, а также специфика отечественной оценки компетентности элит, связанная с репутационным капиталом, персональной ответственностью руководителей и значением стратегической управляемости. В статье обоснована необходимость комплексного подхода к оценке представителей властной элиты, учитывающего не только количественные показатели результативности, но и качество управленческих решений, уровень доверия, цифровую компетентность и способность обеспечивать устойчивость государственных институтов.

Целью исследования является анализ современных методологических подходов к оценке эффективности и компетентности политико-административной элиты в Российской Федерации. *Методы исследования.* В работе использованы методы системного анализа, сравнительного анализа, анализа нормативно-правовых актов.

Основные выводы. По итогам исследования установлено, что оценка политико-административной элиты должна носить комплексный конвенциональный характер и включать в оценочный инструментарий как формальные показатели эффективности, так и качественные характеристики управленческой деятельности. Российская практика оценки отличается значимостью репутационного капитала, персональной ответственности и способности руководителей обеспечивать реализацию стратегических государственных задач чрез принятия управленческих решений. В условиях цифровизации особое значение приобретает цифровая компетентность властной элиты, поскольку она становится важным условием повышения качества публичного управления и взаимодействия государства с обществом в новой цифровой реальности.

Ключевые слова: политико-административная элита, властная элита, публичное управление, эффективность управления, компетентность, оценка эффективности, репутационный капитал, цифровая компетентность, цифровизация.

Введение

В условиях нарастающей международной турбулентности, военными конфликтами, кризисом правовых и экономических механизмов глобального управления, а также ускоренной цифровизации, несущей как возможности, так и риски, угрозы нового порядка, особую значимость приобретает проблема эффективности политико-административной элиты, которая способна преодолеть или минимизировать негативные последствия таких сложных процессов. Именно представители высшего управленческого звена выступают ключевыми субъектами принятия стратегических решений, обеспечивающих устойчивость государства, его суверенность, качество публичного управления и доверие общества к институтам власти.

Теоретическая часть

Сегодня в период кризиса и нарастающей динамики международной турбулентности, которая связана с кризисом международного права и отношений, военными столкновениями в разных регионах мира и международным финансово-экономическим кризисом требует от государств иного формата управления, антикризисного вектора государственного развития. В таких условиях устойчивость и стабильное развитие государства во многом определяется способностью его институтов своевременно реагировать на внешние и внутренние вызовы (антикризисные меры управления), обеспечивая согласованность принимаемых решений и их соответствие общественным интересам. Именно поэтому возрастает значение эффективного функционирования системы публичного управления, ориентированной на стратегическое планирование, ответственность и сохранение институциональной стабильности. Особую актуальность приобретают вопросы, связанные с деятельностью органов публичной власти, а именно с компетентностью и профессионализмом политико-административной элиты, которая и является главным центром трансляции стратегий, ценностей государства.

Также данную тематику исследования актуализируют и возрастающие требования со стороны общества к политико-административной элиты, особенно на фоне внутреннего кризиса в экономической, социальной, оборонной, финансовой сферах. Это усиливает необходимость переосмысления механизмов формирования, отбора, рекрутирования и оценки представителей политико-административной элиты с точки зрения их профессионализма, преданности государству и гражданам, социальной ответственности. В условиях роста общественных ожиданий именно качество и социальная ориентация управленческих решений становится одним из ключевых факторов укрепления доверия граждан к институтам публичной власти. Несмотря на высокий уровень доверия граждан к президенту Российской Федерации (по данным ВЦИОМ – 71%), наблюдается гораздо ниже уровень доверия к федеральным и региональным органам власти (Председателю правительства, М. Мишустин доверяют 53% россиян, правительству – 39,7%) [1], что подтверждает тот факт, что большинство население страны не видит в деятельности государственной элиты, кроме Президента РФ, отражение их интересов ценностей и потребностей, а зачастую это связано с недостаточной компетентностью представители политико-административной элиты.

Сегодня намечается отчетливо тенденция, при которой административно-политическая элита современной России демонстрирует свою ориентированность на задачи инновационного стратегического развития, модернизацию экономической сферы, что подтверждается нормативно-правовым обеспечением стратегического-инновационного развития, но данная траектория усложняется давлением со стороны недружественных государств (санкции, логистические барьеры, политическое давление) [2].

Очень важным в связи с вышеописанным видится процесс формирования единой оценки деятельности политико-административной элиты. Безусловно данный процесс усложняется особенностью профессиональной деятельности, которую оценить в краткосрочной перспективе исключительно количественным показателям достаточно сложно. Особую значимость приобретает разработка комплексного подхода, позволяющего учитывать не только формальные результаты управленческой деятельности, но и ее социально-политические по-

следствия даже в длительной перспективе. Такая оценка должна отражать способность представителей политико-административной элиты принимать обоснованные решения, обеспечивать устойчивость управленческих процессов и поддерживать доверие общества к институтам публичной власти. В общем ракурсе функционирования властная элита оценивается профессионально-компетентным и демократическим инструментарием, а также эффективностью предоставления государственных услуг и диалога между органами публичной власти и гражданами, организациями, институтами гражданского общества.

В научной практик можно выделить две большие группы инструментария оценки качественной составляющей деятельности административной элиты.

1. Показатели формализованного подхода, куда входят отчеты по работе, кадровые конкурсы, аттестация, квалификационный экзамен и др. Данная группа показателей позволяет оценивать деятельность административной элиты на основе нормативно закрепленных процедур, с четкими критериями и документально фиксируемыми результатами профессиональной деятельности.

2. Показатели неформализованного подхода, к которым относятся собеседование, наставничество, матричный метод оценки и др. Данная группа показателей ориентирована на выявление личностных, коммуникативных и управленческих качеств представителей административной элиты, которые не всегда могут быть полноценно отражены через формальные процедуры оценки.

Более детализированный инструментарий оценки эффективности деятельности политико-административной элиты можно обозначить как [3]:

– управление по целям;
– шкала графического рейтинга;
– метод оценки поведения;
– метод отбора;
– метод относительный.

Ученый-социолог А.И. Турчинов, объединив два вышеописанных метода оценки, разработал более универсальный инструментарий – метод корреляции экспертных оценок с использованием специального бланка «УБАО» – универсальный бланк актуальной оценки персонала [4]. Метод корреляции экспертных оценок с использованием универсального бланка актуальной оценки персонала УБАО заключается в том, что он объединяет формализованную балльную оценку и содержательную экспертную характеристику оцениваемого сотрудника. Его суть состоит в том, что несколько экспертов например, непосредственный руководитель, вышестоящий руководитель, сотрудник кадровой службы, а при необходимости и иные сотрудники, хорошо знающие профессиональную деятельность оцениваемого, заполняют единый бланк по заранее установленным критериям (профессиональным, деловым, морально-психологическим и интегральным качествам). Такой подход позволяет не только зафиксировать количественный результат оценки, но и дополнить его качественным описанием.

В России в рамках Указа Президента РФ № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» 2007 года (утратил силу) заложен базовый ряд показателей эффективности и уровня компетентности властной элиты [5].

Первый блок – перечень дополнительных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе показателей эффективности использования средств консолидированных бюджетов субъектов Федерации. Данный блок позволяет оценивать деятельность региональной политико-административной элиты через конкретные социально-экономические результаты, а также через рациональность и результативность использования бюджетных ресурсов. Он отражает не только формальное исполнение полномочий, но и способность органов власти достигать конкретных измеримых управленческих результатов в ключевых сферах развития субъекта Российской Федерации.

Второй блок – методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации. Методика задает единый порядок анализа и сопоставления показателей, что позволяет проводить оценку деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ на основе общих критериев. Ее значение состоит в том, что она обеспечивает сопоставимость результатов между регионами и позволяет выявлять как сильные стороны управленческой деятельности, так и проблемные зоны, требующие корректировки.

Третий блок – форма доклада высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Федерации о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Федерации за отчетный год и их планируемых значениях на трехлетний период. Форма доклада выступает инструментом регулярной отчетности высших должностных лиц субъектов РФ, поскольку фиксирует не только достигнутые результаты за отчетный период, но и планируемые значения показателей на среднесрочную перспективу. Это позволяет оценивать управленческую деятельность не только ретроспективно, но и с точки зрения стратегического планирования, ответственности за заявленные цели и преемственности региональной политики.

В дальнейшем система оценки эффективности регионального управления развивалась через последующие нормативно-правовые акты, в том числе Указ Президента РФ от 21 августа 2012 г. № 1199, Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 548, Указ Президента РФ от 04 февраля 2021 г. № 68, а в настоящее время – через Указ Президента РФ от 28 ноября 2024 г. № 1014, регулирующий оценку эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и исполнительных органов субъектов РФ. Последующие нормативно-правовые акты не отменяют саму логику оценки компетентности властных элит, заложенную в Указе № 825, а развивают и конкретизируют ее с учетом современных условий функционирования и приоритетов государственного управления.

Еще одним достаточно универсальным методом оценки властной элиты можно считать методику «Сбалансированной системы показателей эффективности – Balanced Score Card, созданную представителями Гаврвдского университета (Д. Нортон и Р. Каплан) [6]. Суть данной методики заключается в том, что эффективность деятельности административно-политической элиты оценивается не по одному отдельному показателю, а через совокупность взаимосвязанных критериев, отражающих стратегические цели, результаты деятельности, внутренние управленческие процессы и способность системы к развитию.

Особо стоит обратить внимание на использующийся довольно активно в многих странах, но простой инструментарий оценки и самооценки – Набор опросных панелей, зафиксированный в документе «Common Assessment Framework» в 2004 году. В его основе балльно-рейтинговая система [7]. Суть данной методики заключается в проведении именно самооценки деятельности публичной организации по заранее установленным критериям, охватывающим как управленческие процессы, так и достигнутые результаты. CAF рассматривается как инструмент всеобщего управления качеством, специально адаптированный для публичного сектора, он способен выявить сильные стороны, проблемные зоны и векторы дальнейшего организационного развития. Балльно-рейтинговая система делает результаты оценки более сопоставимыми, конкретными и может использоваться для анализа эффективности работы органов публичной власти и степени ориентации административной элиты на потребности граждан.

Многие из этих методик в том числе и внеконвенционального происхождения зарекомендовали себя как достаточно эффективные и объективные. Применение их в исходном виде в практике оценки эффективности властной элит в Российской Федерации затруднено. Сложно себе представить сегодня министра или руководителя департамента или Федеральная службы проходящего тестирования и отвечающего на анкетные вопросы. В России этот процесс носит более глубокий характер. Рассмотрим далее подробнее именно конвенциональный характер и уникальность оценки политика-административная элиты в России.

Во-первых, речь идет о репутационном капитале руководителя высшего звена публичной власти как одном из значимых критериев оценки его деятельности. Данный показатель отражает не только формальный статус должностного лица, но и степень общественного, профессионального и внутриинституционального доверия к нему. Репутационный капитал складывается из конкретных управленческих результатов, публичного восприятия руководителя, а также из оценки его профессиональной надежности со стороны вышестоящего руководства, подчиненных структур и экспертного сообщества. При этом высокая репутация руководителя может рассматриваться как индикатор его управленческой компетентности, поскольку она формируется не декларативно, а через совокупность практических результатов, качества принимаемых решений и способности обеспечивать реализацию государственных задач. Репутационная оценка носит весьма объективный характер, поскольку складывается из внутриструктурного восприятия руководителя и из уровня доверие к нему со стороны граждан.

Во-вторых, для российской практики оценки властной элиты характерна значимость персонифицированной ответственности руководителя, что во многом связано с исторически сложившейся традицией сильной вертикали управления. В отличие от ряда европейских моделей, где акцент чаще делается на стандартизированных количественных показателях, институциональных процедурах и формализованных механизмах отчетности, в России оценка руководителя высшего зве-

на во многом связывается с его личной способностью обеспечивать управляемость, дисциплину исполнения и достижение поставленных государством задач.

Такой подход предполагает, что результаты деятельности органов власти или управляемой сферы нередко воспринимаются через фигуру конкретного руководителя, его управленческий авторитет, политическую лояльность, способность выстраивать взаимодействие с вышестоящим уровнем власти и контролировать подчиненные структуры.

Также усложняется данная процедура и динамичными трансформационными процессами инновационного плана, цифровизацией, которая требует пересмотреть сами требования компетентности руководители высшего звена в связи с изменяющимися условиями жизнедеятельности общества. Речь идет о появлении сетевого пространства, в котором люди сегодня проживают большую часть своей жизни.

В связи с этим важно определить новый компетентностный компонент в деятельности властной элиты, а именно цифровая компетентность. Сегодня многие ученые уже исследуют данную профессиональную область руководители высшего звена, отмечая высокий рисковой потенциал, опасность кибератак и угроз, ну и новые возможности для налаживания более тесного контакта между органами власти в первую очередь руководителями высшего звена и гражданами, что позволит более оперативно и даже точечно повышать уровень качества жизни.

Оценка цифровой компетентности политико-административной элиты должна включать не только владение базовыми цифровыми инструментами, но и способность руководителя использовать цифровые технологии для принятия управленческих решений, анализа данных, организации межведомственного взаимодействия и выстраивания обратной связи с гражданами. Во многих современных научных исследованиях цифровые компетенции государственных служащих рассматриваются как необходимое условие трансформации публичного управления, поскольку цифровизация изменяет не только технические формы работы, но и саму логику управленческих процессов [8].

При этом для руководителей высшего звена особое значение приобретает способность понимать риски цифровой среды, включая киберугрозы, защиту данных, информационную безопасность и возможные социально-политические последствия цифровых решений. Отдельные авторы подчеркивают, что дефицит цифровой грамотности государственных служащих может выступать риском дискредитации всей системы государственного управления, поэтому оценка цифровой компетентности должна учитывать не только уровень владения технологиями, но и способность применять их ответственно, стратегически и в интересах повышения качества публичного управления [9].

Результаты исследования

По итогам исследования можно сделать вывод о том, что оценка эффективности политико-административной элиты в современных условиях не может ограничиваться только формальными количественными показателями, поскольку деятельность руководителей высшего звена имеет сложный социально-политический, стратегический и репутационный характер. Наиболее обоснованным представляется комплексный подход, сочетающий формализованные методы оценки, экспертные процедуры, анализ достигнутых управленческих результатов, а также учет репутационного капитала, персональной ответственности и способности действовать в условиях кризисной турбулентности.

Отдельное значение приобретает цифровая компетентность представителей властной элиты, поскольку цифровизация меняет саму логику публичного управления, усиливает значение работы с данными, информационной безопасности и оперативного взаимодействия с гражданами. Следовательно, эффективность современной политико-административной элиты должна оцениваться не только через профессиональные и управленческие качества, но и через способность обеспечивать устойчивость государственных институтов, реализовывать стратегические цели развития и адаптироваться к новым технологическим и общественным вызовам.

Литература

1. Рейтинги Президента, Правительства и политических партий // Данные ВЦИОМ.2026. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-prezidenta-pravitelstva-i-politicheskikh-partii-24042026

2. Завирюхин Д.В. Стратегическое целеполагание в дискурсе политической элиты России // Русская политология. 2023. № 4 (29). С. 38–43.

3. Юрьева О. Кластеры профессиональной компетенции: модели максимальной эффективной работы государственных служащих // Власть. 2007. № 9. С. 67–72.

4. Турчинов А.И. Социологическая экспертная оценка персонала и возможности ее автоматизации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2018. № 1. С. 60–65.

5. Указ Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»// Официальная правовая база ГАРАНТ. Режим доступа: https://base.garant.ru/5423966/

6. Литвинцева Е.А. Оценка эффективности профессиональной деятельности государственных служащих. М., 2009. С. 8.

7. Синягин А. Люди у бюджета // Российская газета. 2009. 1 сентября.

8. Каменева Т.Н., Нечаенко Н.Д. Развитие цифровых компетенций государственных служащих: социально-конструктивистский анализ // Теория и практика общественного развития. 2026. № 1. С. 26–31.

9. Лекторова Ю.Ю., Прудников А.Ю., Медведева П.В. Digital skills vs soft skills: новые компетенции профессионального развития на государственной службе // Ars Administrandi. 2021. № 1. С. 89–105.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE POLITICAL-ADMINISTRATIVE ELITE IN CONTEMPORARY RUSSIA: A COMPETENCY-BASED PERSPECTIVE

Tyumentsev A.G.
South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This study examines approaches to assessing the effectiveness and competence of the political-administrative elite under varying socio-political conditions, in the context of crisis turbulence, digitalization, and the transformation of public administration. Special attention is given to the combination of formalized and non-formalized assessment methods, as well as to the specific features of the Russian approach to evaluating elite competence, associated with reputational capital, the personal responsibility of leaders, and the importance of strategic governability. The article substantiates the need for a comprehensive approach to assessing representatives of the ruling elite, one that takes into account not only quantitative performance indicators, but also the quality of managerial decisions, the level of trust, digital competence, and the ability to ensure the stability of state institutions.

The purpose of this study is to analyze contemporary methodological approaches to assessing the effectiveness and competence of the political-administrative elite in the Russian Federation. *Research methods*. The study employs methods of systems analysis, comparative analysis, and analysis of regulatory legal acts.

Main findings. The study establishes that the assessment of the political-administrative elite should be comprehensive and conventional in nature and should include both formal performance indicators and qualitative characteristics of managerial activity in its assessment toolkit. Russian assessment practice is distinguished by the significance of reputational capital, personal responsibility, and the ability of leaders to ensure the implementation of strategic state objectives through managerial decision-making. In the context of digitalization, the digital competence of the ruling elite acquires particular importance, since it becomes an essential condition for improving the quality of public administration and interaction between the state and society in the new digital reality.

Keywords: political-administrative elite, ruling elite, public administration, administrative effectiveness, competence, effectiveness assessment, reputational capital, digital competence, digitalization.

References

1. Ratings of the President, Government, and Political Parties // Data from VTsIOM. 2026. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-prezidenta-pravitelstva-i-politicheskikh-partii-24042026

2. Zaviryukhin, D.V. Strategic Goal Setting in the Discourse of Russia's Political Elite // Russian Political Science. 2023. № 4 (29). Pp. 38–43.

3. Yuryeva, O. Clusters of Professional Competence: Models of Maximum Effective Performance of Civil Servants // Vlast. 2007. № 9. Pp. 67–72.

4. Turchinov, A.I. Sociological Expert Assessment of Personnel and the Possibilities of Its Automation // Personnel and Intellectual Resource Management in Russia. 2018. № 1. P. 60–65.

5. Decree of the President of the Russian Federation of June 28, 2007 № 825 «On Assessing the Performance of Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation» // Official legal database GARANT. Access mode: https://base.garant.ru/5423966/

6. Litvintseva E.A. Assessing the Performance of Professional Activities of Civil Servants. Moscow, 2009. P. 8.

7. Sinyagin A. People at the Budget // Rossiyskaya Gazeta. 2009. September 1.

8. Kameneva T.N., Nechaenko N.D. Developing Digital Competencies of Civil Servants: A Social Constructivist Analysis // Theory and Practice of Social Development. 2026. № 1. P. 26–31.

9. Lektorova Yu.Yu., Prudnikov A.Yu., Medvedeva P.V. Digital skills vs. soft skills: new competencies for professional development in the civil service // Ars Administrandi. 2021. № 1. P. 89–105.

Фролов Максим Олегович,
ассистент кафедры «Философия и Религиоведение»,
младший научный сотрудник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

В рамках современной внешней политики России всё более тесные контакты и связи с Глобальным Югом становятся важным фактором стабильности в глобальном и локальном смыслах. Целью статьи является анализ факторов, вызвавших политико-экономический кризис между Россией и Западом в рамках современного глобального общества и последовавшее формирование тенденции к развитию отношений с Глобальным Югом. Укрепление такого взаимодействия происходит на фоне общей борьбы стран против политики неоимпериализма, неоколониализма и западной гегемонии. Также наряду с этим происходит отстаивание суверенности внешней и внутренней политики, а также неприятие попыток доминирования Западными государствами. Современное акцентирование многих правительств и глав государств на суверенитете часто понимается как фактор консервативности местных элит, эту точку зрения подпитывают и определения свободы в рамках европейской политической философии. Это происходит из-за серьёзного различия в понимании термина «свобода» в радикальном и более либеральном ключе. Отсюда исходит, что движение борьбы за суверенитет получает популярность не в Западной Европе с её либеральным глобализмом, а в странах Большого Юга. В качестве примеров выступают труды и концепции как отечественных, так и зарубежных авторов. В результате обосновывается дальнейшая необходимость исследований для более подробного изучения и выявления устойчивых тенденций в данной сфере.

Ключевые слова: миропорядок, политическая философия, суверенитет, независимость, международные отношения, глобализм, политика.

Современные концепции международного взаимодействия

Одним из важнейший конфликтов современности является противостояние двух мировых политических философских концепций. Первой является либеральный глобализм, он подразумевает под собой видение мироустройства строго через правила, которые установлены «Коллективным Западом» и подконтрольными ему организациями. Второй концепт представляет собой суверенный интернационализм, суть которого заключается в установлении независимой внешней и внутренней политики государств как это закреплено в Уставе ООН. Заморозка отношений между Россией и Западом подтверждает существующую напряжённость в рамках этого дискурса, что приводит к столкновению интересов и перестройке международных отношений с обеих сторон.

Важным фактором в данном конфликте является позиция таких стран как Китай, экономический и политический вес которого при поддержке одной из сторон могут кардинально изменить баланс сил. Однако, КНР не стремится открыто начать противостояние с Западом, а старается получить максимальную выгоду в сложившемся мировом кризисе и укрепить собственные позиции. Стоит отметить работы Ричарда Саквы и А.П. Цыганкова, в рамках которых рассматривается ухудшение российско-западных отношений и постепенный разрыв в экономическом, культурном и политическом взаимодействии [17; 20]. Большинство взаимных претензий России и Запада исходят благодаря разному видению будущего в рамках устройства Европейского и Постсоветского пространства и что более важно из-за дальнейшего продвижения НАТО к границам Российской Федерации.

Позицию России на международной арене за последние два десятка лет представляли различные концепции и проекты. На повестке дня во внешней политике стояли как вопросы защиты православия и традиционных ценностей, так и международное экономическое развитие по плану «Европа от Лиссабона до Владивостока» [15; 4]. Однако, как отмечает исследователь Фёдор Лукьянов, все эти поиски были не необходимостью, а желанием борьбы за собственный суверенитет и мировой престиж. [12 с. 125–127]

Но как отмечалось ранее, из-за постепенного «охлаждения» политико-экономических отношений и началом Специальной Военной Операции в феврале 2022 года контакты между Западом и Россией свелись к минимуму. В дальнейшем при невыясненных обстоятельствах произошли теракты на морских газопроводах Северный Поток 1 и 2, что ещё более ухудшило экономическое взаимодействия между РФ и европейскими странами. Однако, несмотря на разрыв отношений с Западом, Россия усилила международные связи со странами Большого Юга и другими глобальными институтами, такими как ШОС, БРИКС и ЕАЭС. Из-за поддержки со стороны ЕС, НАТО и других европейских организаций Украины российское руководство стало также подчёркивать приверженность борьбе за суверенитет против западного неоколониализма и неоимпериализма. Именно этот нарратив является очень популярным в развивающихся странах, а также в Китае, Индии, Иране и КНДР, с которыми Россия расширила сотрудничество во многих сферах.

Глобальный Юг как новый международный фактор

В рамках современной социальной и политической философии под Глобальным Югом в широком смысле принято понимать страны, которые входят в G77, а также те страны, которые выделены в рамках ООН в программе сотрудничества Юг-Юг. Как отмечает Д.Г. Малер, эта концепция охватывает 135 государств с низкими и средними доходами, но при этом также может включать страны, которые негативно относятся к последствиям современной капиталистической глобализации [3].

В рамках условий «двухполярного» мира, который оформился к середине XX века страны Глобального Юга получили большое пространство для манёвра и могли получать выгоды от обеих сторон [8]. С распадом СССР и установлением американской гегемонии в 1990-е и до середины 2000-х этот фактор сильно уменьшился [11 с. 23–25]. Однако, с развитием Китая и укреплением его влияния в регионе появилась реальная альтернатива Западной модели развития [18]. Так, благодаря китайским инвестициям и технологиям, а также российской политической и военной поддержке такие африканские страны как Мали, Буркина-Фасо, ЦАР и многие другие получили возможность про-

водить независимую внешнюю и внутреннюю политику [21]. Также, несмотря на удалённость Китая от Латинской Америки такие страны как Бразилия тоже получили «пространство для манёвров» в экономическом и политическом плане [19].

Исследователь Д. Икенберри в рамках своей концепции предполагает, что СВО начатое Россией по отношению к Украине в феврале 2022 ещё больше ускорило разделение мира. Он объясняет это дроблением стран на фракции Запада, Востока и Юга, и утверждает, что первые две будут сражаться за контроль над третьей [9 с. 123]. Отсюда исходит, что по мнению Икенберри современный глобальный конфликт происходит из-за желания контролировать Глобальный Юг ЕС и НАТО с одной стороны и Россией с другой.

Однако в рамках такой концепции существует множество проблем и несостыковок. Так китайские исследователи критикуют Икенберри за его желание автоматически воспринимать Россию и КНР как часть «Восточного Блока». С точки зрения китайских политологов это ложный тезис, так как упускаются глубокие международные контакты по линии Китай – Глобальный Юг, Россия – Глобальный Юг и конфликт Север – Юг [10].

Формат такого мироустройства, представленный Д. Икенберри продолжает нарративы, предложенные в рамках «Холодной Войны», роль СССР в котором теперь предназначена для «Коллективного Востока» в который входят Россия, КНР, Иран, КНДР и многие другие. Однако стоит отметить тот факт, что в рамках своей концепции Икенберри рассматривает конфликт на территории Украины как часть войны за общий суверенитет и за установление нового миропорядка, в рамках которого поддержка или нейтральная позиция стран Большого Юга по отношению к Российской Федерации стала решающим фактором.

Российская политика по отношению к Глобальному Югу

Конфронтация на политической и экономической аренах с Западом привёл к переориентации внешней политики России на более тесное взаимодействие с другими странами-партнёрами. В рамках своего исследования О.Н. Барабанов подчёркивает, что вслед за «реваншем» в геополитическом плане после Мюнхенской речи президента В.В. Путина начался поиск отличной от западной идентичности и переориентация на других политических игроков, например, в рамках организации БРИКС [22].

В рамках представленной «Концепции внешней политики Российской Федерации представленной» 31 марта 2023 года показывается уникальная российская идентичность, через которую показывается роль России как центра «Русского Мира». В рамках данного документа не упоминается «Глобальный Юг», однако в нём всесторонне описывается роль СССР в деле ликвидации колониализма XX века, а также современное мировое неравенство между странами, которое является последствием проведением колонизации множества народов и государств [2]

В рамках саммита Россия – Африка проведённого в Санкт-Петербурге в 2023 году ориентация на внешний и внутренний суверенитет африканских стран и международное экономическое сотрудничество были одними из важнейших тем на повестке дня. В ходе своего выступления Президент Уганды, а также Председатель Африканского союза Йовери Кагута Мусевени высказался о продолжающемся искажении истории колониализма и о продолжении «современного рабства», имею ввиду вывоз западными компаниями африканских ресурсов по заниженным ценам [13]. Решить эту проблему помогло бы открытие производств в странах Африки, а не вывоз сырья для заводов в Европе и Азии. В ходе заключительной речи в рамках пресс-конференции Мусевени заявил о благодарности президенту Путину за приглашение и о том, что если Россия победит на внешней арене, то Африка победит вместе с ней. Также в конце выступления была поднята тема роли России как правопреемника СССР в роли борца против колониализма и политики апартеида [16].

Однако, в рамках событий конца февраля и начала марта 2022 позиция многих стран Глобального Юга по отношению к России была очень осторожной. Принципы невмешательство во внутренние дела государств и суверенитета, которые всегда поддерживались большинством стран были, по их мнению, нарушены с началом СВО. Тем не менее, военные вторжения и интервенции, а также экономическое и политическое давление с помощью санкций также отталкивало многие страны Глобального Юга от поддержки Запада и США.

Исключая территорию стран НАТО и ЕС, а также АУКУС, Японии, Южной Кореи и Новой Зеландии торговые ограничения не действовали, а экономическое взаимодействие с другими государствами со стороны России даже увеличилось. При этом важным фактором также стало и то, что в рамках ООН страны Глобального Юга голосовали исходя из собственных интересов и не поддерживали резолюции, которые могли бы ударить по их экономикам [14]. Таким образом сложилась политическая ситуация, при которой на международной арене Россию либо открыто поддерживали и торговали, либо заявляли о нейтралитете по этому вопросу, но торговые связи не разрушали [6].

Интересен тот факт, что общественное мнение в странах Запада и Глобального Юга по-разному отнеслись к позиции России. Так, в опросе проведённым исследовательским отделом Pew в 2024 на основе респондентов из 35 стран негативно к России и президенту В.В. Путину ответило большинство респондентов [5]. Однако, при разделении опрошенных по странам, можно увидеть, основная масса опрошенных из Африки и Юго-Восточной Азии ответили позитивно. В то время как респонденты из Европы зачастую отвечали негативно. Приведя в пример другое исследование, сделанное в Кембридже в 2022 году, можно увидеть совершенно другую корреляцию, так как в ходе опроса из 6,3 миллиарда человек в 137 не западных странах о своём положительном отношении к России и Китаю заявили 66% и 70% соответственно [7].

В подтверждении этой тенденции Кришен Мехта рассматривает эти данные как подтверждение сложившемуся на Глобальном Юге представлению о том, что Западные страны не желают помогать и считать развивающиеся государства как равных себе на международной арене. Таким образом укрепляется убеждение, что такое поведение – это продолжение колониализма только в рамках современных политико-экономических условий.

Развитие Китая как нового экономического центра Юго-Восточной Азии создало широкие возможности для роста экономики как в данном регионе, так и в Африке, и на Ближнем Востоке благодаря инвестициям [18]. Экономическое сотрудничество России в рамках описанных выше регионах скромнее по объёму чем китайское, однако оно включает более узкоспециализированные сферы такие как строительство АЭС или поддержание местных авиапарков, либо военно-политические, например через группу Вагнер и Африканский корпус [21]. Данное военное сотрудничество происходит в Судане, Ливии, Мали, ЦАР, Буркина-Фасо, Нигере и других государствах региона.

Так, появлению российских военных атташе и инструкторов в регионе Сахель предшествовала волна антиколониальных митингов и беспорядков, вызванных в 2020 году против французских компаний и правительства в Мали, Буркина-Фасо и Нигере. Такое изменение общественных настроений ярко контрастирует с поддержкой прихода французских сил в 2012 году для борьбы с исламскими джихадистами, которые проникали в африканские страны после смены режима в Ливии Западной Коалицией.

Провал французских операций по борьбе с терроризмом может частично объяснить приглашение от стран Африки группы Вагнера и серию переворотов [1]. Но антиколониальные и антифранцузские настроения росли годами, большую роль в этом сыграло внедрение Францией особой валюты, с помощью которого предоставлялись кредиты и была организована сырьевая торговля. Как пишет Челышев А.Ю. в своей статье «Конец франка КФА» целью создания франка КФА было установление французским правительством контролируемого сырьевого рынка для поддержания экономического доминирования над регионом [23].

Заключение

Продолжающаяся реструктуризация международных отношений и формирование новых союзов и международных институтов говорит о неразрешённости вопросов и противоречий, который возникли после окончания Холодной войны. Нежелание стран Запада начать диалог с Россией и Глобальным Югом приводит к разрастанию международной напряжённости уже не только в рамках европейского и постсоветского пространства, но и перекидывается на новые территории. Однако несмотря на отсутствие диалога с большинством стран Европы, главы Венгрии и Словакии всё чаще говорят о необходимости поисков компромисса. В это же время страны Глобального Юга всё чаще заявляют о своих правах и претендуют на равное положение на международной арене, однако и у них есть нерешённые территориальные претензии, например между Китаем и Тайванем или Таиландом и Камбоджой. Тем не менее в рамках современного глобального политического дискурса Россия старается приложить максимум усилий для налаживания диалога как со странами Запада, так и Юга.

Литература

1. Aina, F., 2022. Jihadists and Coups in West Africa's Sahel Region: A Complex Relationship. The Conversation, 17 February. Режим доступа URL: https://theconversation.com/jihadism-and-coups-in-west-

africas-sahel-region-a-complex-relationship-176988 (дата обращения: 10.05.2026).

2. Concept, 2023. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation 2023. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 31 March. Режим доступа URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 10.05.2026).

3. Daniel Gerszon Mahler, Alaka Holla, Umar Serajuddin., 2024.Time to stop referring to the «developing world» Режим доступа URL: https://blogs.worldbank.org/en/opendata/time-stop-referring-developing-world (дата обращения: 10.05.2026).

4. Diesen, G., 2017. Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia. Routledge. Режим доступа URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/251346610.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

5. Fagan, M., Gubbala, S., and Poushter, J., 2024. Views of Russia and Putin in 35 countries. Pew Research Center, 2 July Режим доступа URL: https://www.pewresearch.org/global/2024/07/02/views-of-russia-and-putin-july-24/ (дата обращения: 10.05.2026).

6. Fial, F., 2022. Sanctions and the Changing World Order: Some Views from the Global South. Developing Economics, 1 September. Режим доступа URL: https://developingeconomics.org/2022/09/01/sanctions-and-the-changing-world-order-some-views-from-the-global-south/(дата обращения: 10.05.2026).

7. Foa, R.S, Mollat, M., Isha, Y., Romero-Vidal, X., Evans D., and Klassen, A.J., 2022. A World Divided: Russia, China and the West. Centre for the Future of Democracy, University of Cambridge, 21 October. Режим доступа URL: https://bennettschool.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2023/01/A_World_Divided.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

8. Frank, A.G., 1981. Crisis in the Third World. London: Heinemann. Режим доступа URL: https://www.academia.edu/109528383/A_G_Frank_and_the_Crisis (дата обращения: 10.05.2026).

9. Ikenberry, J., 2024. Three Worlds: The West, East and South and the Competition to Shape Global Order. International Affairs, 100(1), pp. 121–138. Режим доступа URL: https://www.researchgate.net/publication/377267604_Three_Worlds_the_West_East_and_South_and_the_competition_to_shape_global_order (дата обращения: 10.05.2026).

10. Jiulin, G., 2024. The Fallacy of Three Worlds Systems Theory. China Daily, 15 August. Available at: https://global.chinadaily.com.cn/a/202408/15/WS66bd9111a3104e74fddba246.html

11. Krauthammer, C., 1990. The Unipolar Moment. Foreign Affairs, 70(1), pp. 23–33. Режим доступа URL: https://users.metu.edu.tr/utuba/Krauthammer.pdf (дата обращения: 10.05.2026).

12. Lukyanov, F., 2018. Russia's Foreign and Defense Policy. In: I. Studin (ed.) Russia: Strategy, Policy and Administration. Palgrave Macmillan, pp. 123–133. Режим доступа URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/978–1–137–56671–3_12 (дата обращения: 10.05.2026).

13. Museveni, Yo., 2023. Speech by the African Union Chairman, President Yoweri Museveni at the Russia-Africa Summit in St Petersburg, 28 July 2023. Режим доступа URL: https://yowerikmuseveni.com/speech-2nd-russia-africa-economic-and-humanitarian-summit (дата обращения: 10.05.2026).

14. Ndlovu-Gatsheni, S., 2022. European War and Global South Perspectives. CODESRIA Bulletin Online, 11. Режим доступа URL: https://journals.codesria.org/index.php/codesriabulletin/article/view/2804 (дата обращения:

15. Petro, N., 2015. Russia's Orthodox Soft Power. Carnegie Council for Ethics in International Affairs, 23 March. Режим доступа URL: https://www.carnegiecouncil.org/media/article/russias-orthodox-soft-power (дата обращения: 10.05.2026).

16. Press Statements, 2023. Press Statements by President of Russia and Chairperson of the African Union, 28 July. Режим доступа URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/71829 (дата обращения: 10.05.2026).

17. Sakwa, R., 2019. BRICS and Sovereign Internationalism. Strategic Analysis. Taylor & Fra, pp. 456–468. Режим доступа URL: https://www.academia.edu/81665201/BRICS_and_Sovereign_Internationalism (дата обращения: 10.05.2026).

18. Sörensen, J.S. (ed), 2010. Challenging the Aid Paradigm: Western Currents and Asian Alternatives. Palgrave Macmillan. Режим доступа URL: https://www.researchgate.net/publication/276144708_Challenging_the_Aid_Paradigm_Western_Currents_and_Asian_Alternatives (дата обращения: 10.05.2026).

19. Spektor, M., 2025. Rise of the Nonaligned: Who Wins in a Multipolar World? Foreign Affairs, January/February. Режим доступа URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/rise-nonaligned-multipolar-world-matias-spektor (дата обращения: 10.05.2026).

20. Tsygankov, A., 2019a. From Global Order to Global Transition: Russia and the Future of International Relations. Russia in Global Affairs, 17(1). Режим доступа URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/from-global-order-to-global-transition/ (дата обращения: 10.05.2026).

21. Абрамова Ирина Олеговна, Шелехова Людмила Валерьевна, Константинова Ольга Владимировна Российско-малийское экономическое взаимодействие: состояние и перспективы исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16–07–00010 «африканский вектор» фундаментальной трансформации экономической структуры российской Федерации в новых геополитических условиях» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2018. № 1 (215). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-maliyskoe-ekonomicheskoe-vzaimodeystvie-sostoyanie-i-perspektivy-issledovanie-vypolneno-pri-finansovoy-podderzhke-rffi-v (дата обращения: 10.05.2026).

22. Барабанов О.Н. 2023. «Государство-цивилизация» в теории и на практике. Валдай: международный дискуссионный клуб. Режим доступа URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-teorii-i-na-praktike/ (дата обращения: 10.05.2026).

23. Чалышев Артемий Юрьевич КОНЕЦ ФРАНКА КФА? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. 2024. № 4. Режим доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konets-franka-kfa (дата обращения: 10.05.2026).

THE PHILOSOPHY OF MODERN SOVEREIGNTY IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Frolov M.O.
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov

In the context of contemporary Russian foreign policy, increasingly close contacts and ties with the Global South are becoming an important factor in global and local stability. This article aims to analyze the factors that have caused the political and economic crisis between Russia and the West within contemporary global society and the subsequent trend toward developing relations with the Global South. This strengthening of interaction is taking place against the backdrop of countries' shared struggle against neo-imperialism, neo-colonialism, and Western hegemony. This is also accompanied by an assertion of sovereignty in foreign and domestic policy, as well as a rejection of Western dominance. The contemporary emphasis on sovereignty by many governments and heads of state is often understood as a factor in the conservatism of local elites, a view that is also fueled by definitions of freedom within European political philosophy. This stems from a significant difference in the understanding of the term «freedom» between radical and more liberal approaches. This suggests that the sovereignty movement is gaining popularity not in Western Europe, with its liberal globalism, but in the countries of the Greater South. The works and concepts of both Russian and foreign authors serve as examples. This justifies the need for further research to more thoroughly examine and identify persistent trends in this area.

Keywords: world order, political philosophy, sovereignty, independence, international relations, globalism, politics.

References

1. Aina, F., 2022. Jihadists and Coups in West Africa's Sahel Region: A Complex Relationship. The Conversation, 17 February. Available at: https://theconversation.com/jihadism-and-coups-in-west-africas-sahel-region-a-complex-relationship-176988 (Accessed: 10 May 2026).

2. Concept, 2023. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation 2023. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 31 March. Available at: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (Accessed: 10 May 2026).

3. Daniel Gerszon Mahler, Alaka Holla, Umar Serajuddin., 2024. Time to Stop Referring to the Developing World. Available at: https://blogs.worldbank.org/en/opendata/time-stop-referring-developing-world (Accessed: 10.05.2026).

4. Diesen, G., 2017. Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia. Routledge. Available at: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/251346610.pdf (Accessed: 10.05.2026).

5. Fagan, M., Gubbala, S., and Poushter, J., 2024. Views of Russia and Putin in 35 Countries. Pew Research Center, July 2. Available at: https://www.pewresearch.org/global/2024/07/02/views-of-russia-and-putin-july-24/ (Accessed May 10, 2026).

6. Fial, F., 2022. Sanctions and the Changing World Order: Some Views from the Global South. Developing Economics, September 1. Available at: https://developingeconomics.org/2022/09/01/sanctions-and-the-changing-world-order-some-views-from-the-global-south/ (Accessed May 10, 2026).

7. Foa, R.S., Mollat, M., Isha, Y., Romero-Vidal, X., Evans, D., and Klassen, A.J., 2022. A World Divided: Russia, China, and the West. Centre for the Future of Democracy, University of Cambridge, 21 October. Available at: https://bennettschool.cam.ac.uk/wp-content/uploads/2023/01/A_World_Divided.pdf (accessed 10 May 2026).

8. Frank, A.G., 1981. Crisis in the Third World. London: Heinemann. Available at: https://www.academia.edu/109528383/A_G_Frank_and_the_Crisis (accessed 10 May 2026).

9. Ikenberry, J., 2024. Three Worlds: The West, East and South and the Competition to Shape Global Order. International Affairs, 100(1), pp. 121–138. URL access mode: https://www.researchgate.net/publication/377267604_Three_Worlds_the_West_East_and_South_and_the_competition_to_shape_global_order (access date: 05/10/2026).

10. Jiulin, G., 2024. The Fallacy of Three Worlds Systems Theory. China Daily, 15 August. Available at: https://global.chinadaily.com.cn/a/202408/15/WS66bd9111a3104e74fddba246.html

11. Krauthammer, C., 1990. The Unipolar Moment. Foreign Affairs, 70(1), pp. 23–33. URL access mode: https://users.metu.edu.tr/utuba/Krauthammer.pdf (access date: 05/10/2026).

12. Lukyanov, F., 2018. Russia's Foreign and Defense Policy. In: I. Studin (ed.) Russia: Strategy, Policy and Administration. Palgrave Macmillan, pp. 123–133. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1057/978–1–137–56671–3_12 (Accessed: 10 May 2026).

13. Museveni, Yo., 2023. Speech by the African Union Chairman, President Yoweri Museveni at the Russia-Africa Summit in St. Petersburg, 28 July 2023. Available at: https://yowerikmuseveni.com/speech-2nd-russia-africa-economic-and-humanitarian-summit (Accessed: 10 May 2026).

14. Ndlovu-Gatsheni, S., 2022. European War and Global South Perspectives. CODESRIA Bulletin Online, 11. Available at: https://journals.codesria.org/index.php/codesriabulletin/article/view/2804 (Accessed: 15. Petro, N., 2015. Russia's Orthodox Soft Power. Carnegie Council for Ethics in International Affairs, 23 March. Available at: https://www.carnegiecouncil.org/media/article/russias-orthodox-soft-power (Accessed: 10.05.2026).

16. Press Statements, 2023. Press Statements by the President of Russia and Chairman of the African Union, 28 July. Available at: http://en.kremlin.ru/events/president/news/71829 (Accessed: 10.05.2026).

17. Sakwa, R., 2019. BRICS and Sovereign Internationalism. Strategic Analysis. Taylor & Fra, pp. 456–468. Available at: https://www.academia.edu/81665201/BRICS_and_Sovereign_Internationalism (Accessed: 10 May 2026).

18. Sörensen, J.S. (ed), 2010. Challenging the Aid Paradigm: Western Currents and Asian Alternatives. Palgrave Macmillan. Available at: https://www.researchgate.net/publication/276144708_Challenging_the_Aid_Paradigm_Western_Currents_and_Asian_Alternatives (Accessed: 10 May 2026).

19. Spektor, M., 2025. Rise of the Nonaligned: Who Wins in a Multipolar World? Foreign Affairs, January/February. Available at: https://www.foreignaffairs.com/united-states/rise-nonaligned-multipolar-world-matias-spektor (Accessed: 10.05.2026).

20. Tsygankov, A., 2019a. From Global Order to Global Transition: Russia and the Future of International Relations. Russia in Global Affairs, 17(1). Available at: https://eng.globalaffairs.ru/articles/from-global-order-to-global-transition/ (Accessed: 10.05.2026).

21. Abramova, Irina O. Legovna, Shelekhova Lyudmila Valerievna, Konstantinova Olga Vladimirovna Russian-Malian economic interaction: status and prospects The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project № 16–07–00010 «African vector» of the fundamental transformation of the economic structure of the Russian Federation in new geopolitical conditions» // Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economics. 2018. № 1 (215). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-maliyskoe-ekonomicheskoe-vzaimodeystvie-sostoyanie-i-perspektivy-issledovanie-vypolneno-pri-finansovoy-podderzhke-rffi-v (date of access: 10.05.2026).

22. Barabanov O.N. 2023. «State-Civilization» in Theory and Practice. Valdai: International Discussion Club. Available at: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-teorii-i-na-praktike/ (Accessed: 10.05.2026).

23. Chalyshev, Artemy Yuryevich. THE END OF THE CFA FRANK? // Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9. Oriental and African Studies. 2024. № 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/konets-franka-kfa (Accessed: 10.05.2026).

Доктрина Монро как структурная основа стратегии США в западном полушарии: от истоков к «поправке Трампа»

Абрамов Кирилл Александрович,
соискатель МГИМО МИД России
E-mail: abramov.k.a@my.mgimo.ru

В статье рассматриваются истоки и историческая эволюция Доктрины Монро, а также современная политика администрации Д. Трампа в отношении Западного полушария, изложенная в Стратегии национальной безопасности США 2025 г. и Стратегии национальной обороны США 2026 г. Принципы Доктрины (исключение внерегиональных держав из Западного полушария, приоритет односторонних действий, опора на флот) на протяжении более двух столетий остаются структурной основой стратегии США в регионе. «Поправка Трампа» представляет собой вписывающуюся в логику Доктрины реакцию регионального гегемона на попытки КНР закрепиться у границ США.

Ключевые слова: Доктрина Монро; Западное полушарие; внешняя политика США; Д. Трамп; наступательный реализм; «поправка Трампа»; Стратегия национальной безопасности США 2025 г.

Истоки Доктрины Монро

Для понимания текущей политики Д. Трампа в Западном полушарии представляется целесообразным изучить концептуальные основы геополитической стратегии Соединенных Штатов в регионе.

Сформулированная пятым президентом США Дж. Монро Доктрина 1823 г. была во многом продуктом своего времени и отвечала на вызовы, связанные с событиями в Европе в начале XIX в., но одновременно отражала фундаментальные принципы внешней политики Вашингтона и во многом определила направление действий США в Западном полушарии.

Как указывает Дж.Б. Мур [2], принятие декларации было обусловлено преимущественно беспокойством США по поводу намерений Священного союза, стремившегося в том числе военным путем поддерживать принцип легитимизма. Восстановление испанской монархии в 1823 г. в результате одобренной Священным союзом интервенции Франции, а также продолжающиеся дискуссии среди европейских держав вокруг положения дел в латиноамериканских колониях порождала у Вашингтона серьезную озабоченность. В случае возможной интервенции европейских союзников у южных границ США могла появиться антиреспубликанская иностранная армия. Эта гипотетическая возможность воспринималась как угроза национальной безопасности. Кроме того, по состоянию на 1823 г. Соединенные Штаты были заинтересованы в дальнейшем развитии торговли с богатыми ресурсами независимыми странами Южной Америки, что стало бы затруднительным при восстановлении там колониального строя.

В этих условиях в декабре 1823 г. американское руководство в ходе ежегодного послания о положении дел в стране публично озвучивало принципы политики США: для Вашингтона неприемлемо возникновение новых европейских колоний в Западном полушарии; попытки держав Старого Света распространить свои политические системы на любую часть Западного полушария расценивались как угрожающие миру и безопасности США, а подавление независимых правительств стран Латинской Америки – как недружественные шаги по отношению к США.

Характерно, что для заявления о намерениях была избрана форма обращения к Конгрессу, а не более обязывающая резолюция или дипломатическая нота. Основная причина видится в отсутствии у Вашингтона средств для реализации Доктрины на практике: по состоянию на 1823 г. экономические и военные возможности Соединённых Штатов существенно уступали европейским. Флот США не был в состоянии обеспечить «закрытость» Западного полушария для внерегионального вмешательства [3].

Священный союз был вынужден отказаться от идеи реставрации колониальной империи Испании и вмешательства в дела молодых республик Западного полушария во многом в связи с позицией, обладавшей намного более мощным флотом Великобритании, которая, так же, как и США, была заинтересована в поддержании товарооборота со странами Латинской Америки и выступила с требованием не вмешиваться в дела бывших колоний. Симптоматично, что британская дипломатия предлагала США выступить с совместным заявлением по поводу южноамериканских колоний, но эта инициатива не нашла поддержки у Вашингтона. Как отмечает Дж.Ф. Кеннан [4], Соединенные Штаты предпочли передать Великобритании задачу по непосредственному поддержанию баланса сил и недопущению опасных действий со стороны других европейских держав в Западном полушарии, то есть прибегли к свойственной политическому реализму «передаче фишки» (buck passing). Помощь Великобритании была необходима на период развития собственных экономических возможностей США, без которых Вашингтон не мог трансформироваться в регионального гегемона. При этом Доктрина Монро выступала как фундаментальная основа внешней политики США, направленной на закрепление региональной гегемонии в Западном полушарии и исключение присутствия внерегиональных держав, которые воспринимались как потенциально угрожающие интересам национальной безопасности США.

Уже на заре становления внешней политики США были сформулированы структурные принципы, которые в дальнейшем служили ори-

ентиром для определения стратегии Вашингтона в Западном полушарии: исключение внерегиональных держав из Западного полушария как основа национальной безопасности США; приоритет односторонних действий перед многосторонними обязательствами; защита коммерческих интересов США; ключевая роль флота в реализации стратегии. Доктрина, сформулированная как оборонительная, по сути, носит наступательный характер и подразумевает последовательное подавление региональных и внерегиональных конкурентов. Одновременно либеральная идеологическая составляющая Доктрины уступает по значимости структурным интересам безопасности США: декларируя свою заинтересованность в сохранении американской политической системы «свободной» от влияния извне, США не настаивали на том, чтобы иные государства следовали той или иной модели развития. Вместе с тем саму идею о том, что США могут «закрыть полушарие» для каких-либо стран, можно расценить как неоколониальную и имперскую. Перечисленные принципы прямо соответствуют логике движения к региональной гегемонии в духе наступательного реализма [10].

Дальнейшее развитие Доктрины Монро

На протяжении большей части XIX в. США не обладали достаточным военным и экономическим потенциалом для реализации Доктрины Монро в Западном полушарии. Их интересы ограничивались преимущественно Канадой, Мексикой, Карибским бассейном, где Вашингтон пытался снизить влияние европейских стран, расширяя собственную территорию. В силу недостатка мощи США прибегали к декларациям, резким заявлениям и угрозам, применению силы по отношению к более слабым странам в регионе, а также поддерживали акторов, напрямую сражавшихся с внерегиональными державами.

Постепенные изменения начались после 1877 г., когда завершился период Реконструкции после Гражданской войны. Промышленность США стала расти стремительными темпами, а вместе с этим возникали и возможности больше влиять на геополитическую обстановку. В это же время начинают развиваться военно-морские силы США, был заложен «новый стальной флот».

В конце XIX – начале XX в. военно-морской теоретик А. Мэхэн популяризовал идею о том, что США являются островной нацией, которая для экономического процветания нуждается в сильном военном и торговом флотах, а также портах [3]. В контексте открытия еще не построенного на тот момент Панамского канала особое значение он уделял контролю за морскими торговыми путями. В этой связи А. Мэхэн настаивал на том, что экономического процветания США необходимы территориальная экспансия и установление контроля за ключевыми географическими узлами, обеспечивающими безопасность американского судоходства, включая острова Карибского бассейна и Гавайи.

Венесуэльский кризис 1902–1903 гг., когда Великобритания, Германия и Италия организовали морскую блокаду карибского государства за отказ выплатить долги, и последовавший в феврале 1904 г. неблагоприятный для Вашингтона Гаагский арбитраж, признавший приоритет требований европейских держав, привели к формулированию «поправки Рузвельта к Доктрине Монро» в ежегодном послании Конгрессу 6 декабря 1904 г. Корректировка не являлась существенным отхождением от самой Доктрины, а лишь раскрывала заложенный в нее изначально наступательный потенциал. США оставляли за собой право вмешиваться в дела иных государств Западного полушария «при хронических правонарушениях или бессилии, приводящих к общему ослаблению цивилизованного общества» [5]. За свойственными Вашингтону либеральными лозунгами скрывалась логика политического реализма: внерегиональные державы могли воспользоваться ослаблением государств Латинской Америки для повышения своего присутствия в регионе, что воспринималось Соединенными Штатами как угроза собственным национальным интересам.

На фоне роста собственного наступательного потенциала Вашингтон расширял свою зону влияния, вытесняя внерегиональных конкурентов в ходе войн и интервенций (американо-испанская войны 1898 г., «банановые войны», оккупация Гаити). Показательна оккупация Гаити (1915–1934 гг.), начатая на фоне опасений Вашингтона относительно возможного германского вмешательства в условиях Первой мировой войны. Эти кампании, наряду с открытием Панамского канала, окончательно закрепили США в качестве регионального гегемона. Имевшиеся в XX в. отклонения от Доктрины Монро, включая «политику добрососедства» Ф.Д. Рузвельта, носили скорее ситуативный характер и были продиктованы экономическими и политическими факторами, затруднявшими поддержание гегемонии силовыми методами в отсутствие серьезной конкуренции со стороны внерегиональных акторов.

В итоге дальнейшее развитие США происходило при сохранении доктринальной основы, сформулированной в 1823 г. Экономическое развитие позволяло Вашингтону применять новый инструментарий для реализации наступательной стратегии, смысл которой можно свести к контролю за ключевыми геостратегическими узлами мировой морской торговли, а также превращению Западного полушария в подконтрольный США «остров» с доступными ресурсами, на котором не действуют представляющие угрозу для США державы.

Политика Д. Трампа в отношении Западного полушария

Д. Трамп вступил в должность президента США в 2025 г. на фоне беспрецедентного политического и экономического «проникновения» в Западное полушарие внешних сил, ставшего возможным в результате фокуса внимания предыдущих администрация на других регионах мира и недостаточной реакции на изменяющийся баланса сил в регионе (underbalancing) [9]. Среди многих других источников, описывающих ситуацию в регионе, выделяется доклад сентября 2024 г. мозгового центра Marathon Initiative[1]. Автор отмечает, что противодействие иностранному военному вмешательству в Западное полушарие на протяжении более двух столетий оставалось одной из основополагающих целей внешней политики США [6, p. 7]. Одновременно в докладе указывается на стремление Китая, основного конкурента США в Латинской Америке, к установлению контроля над доступом к стратегическим природным ресурсам региона, что может создать угрозу долгосрочным экономическим и военным интересам США. Беспокойство автора также вызывают иностранное вмешательство, способное обострять конфликты, провоцирующие миграционные кризисы, военное присутствие России и Ирана в регионе, а также незащищенность южной границы США из-за деятельности организованных преступных группировок.

Команды, разрабатывавшие Стратегию национальной безопасности 2025 г. (СНБ-25) и Стратегию национальной обороны 2026 г. (СНО-26), провозгласили «гибкий реализм» (flexible realism) основным принципом внешней политики и вернули утраченный фокус внимания Вашингтона на Западное полушарие, которое обозначается как основной региональный приоритет США [7; 8]. Белый дом провозгласил также возврат к Доктрине Монро с «поправкой Трампа» (Trump Corollary), задачей которой объявлено исключение возможности размещения в полушарии сил и средств «конкурентов извне региона», а также получения ими доступа к стратегически значимым объектам и ресурсам.

Для реализации этих целей США инициировал переброску в Западное полушарие часть вооруженных сил, ранее дислоцированных в других регионах мира, для укрепления военно-морского присутствия в полушарии, обеспечения доступа к стратегически важным географическим точкам (включая Панамский канал, Мексиканский залив и Гренландию) для повышения устойчивости производственных и торговых цепочек, связанных с североамериканской экономикой. Особое значение в стратегии придается борьбе с внерегиональными акторами, чье присутствие в Западном полушарии рассматривается как фактор утраты американских экономических преимуществ в настоящем и потенциального стратегического ущерба в будущем. Вашингтон увязывает сотрудничество со странами региона, включая предоставление той или иной помощи, со снижением влияния внерегиональных сил.

Прибегая к терминологии Р. Швеллера, можно сделать вывод о том, что США выступают как держава, заинтересованная в статусе-кво в Западном полушарии, тогда как КНР представляет собой ревизионистскую державу глобального уровня, не удовлетворенную сложившимся распределением сил [9]. На фоне усилий внерегиональных государств, заинтересованных в пересмотре главенствующей роли Вашингтона в мире в целом и в Латинской Америке и Карибском бассейне в частности, США стремятся поддержать сложившийся к рубежу XIX–XX вв. порядок в Западном полушарии, то есть ту конфигурацию, при которой ни одна великая держава не располагает устойчивым военно-политическим присутствием у границ США. Это позволяет Вашингтону пользоваться собственным географическим преимуществом и реализовывать военную стратегию островного континента, используя свою гегемонию в Западном полушарии для глобальной проекции военно-политической мощи и не отвлекаясь на кризисные ситуации в своем регионе.

Исходя из базовых допущений наступательного реализма Дж. Миршаймера (непрозрачности намерений государств и наличия у них наступательного потенциала [10]) Вашингтон рационально интерпретирует попытки Пекина пересмотреть баланс сил в Западном полушарии как предпосылку к созданию китайского плацдарма у американских границ. В случае закрепления КНР в Западном полушарии США

[1] Marathon Initiative создан в 2019 г. бывшим сотрудником Государственного департамента США А.У. Митчеллом и нынешним заместителем главы Пентагона по политике Э. Колби. Американские СМИ неоднократно указывали на поддержку, которой Э. Колби пользуется со стороны президента Д. Трампа и особенно вице-президента Дж.Д. Вэнса.

утратили бы статус регионального гегемона и стратегическую инициативу в глобальной конкуренции и были бы вынуждены отвлекать ресурсы на угрозы у собственных границ, что фактически предоставило бы Пекину свободу рук в установлении региональной гегемонии в Восточной Азии. Поскольку структурная логика принуждает регионального гегемона к превентивным действиям, политика США в отношении стран Западного полушария, несмотря на эксцентричность ее подачи президентом США Д. Трампом, представляется структурно предсказуемой и вписывается в устойчивую линию американской великодержавной стратегии, прослеживаемую с момента закрепления гегемонии США в Западном полушарии в конце XIX в.

Д. Трамп предпринимает последовательные усилия, направленные на укрепление размытой региональной гегемонии США. Администрация Д. Трампа имеет своей конечной целью существенно снизить или исключить присутствие Китая в Западном полушарии. Выделяются следующие взаимосвязанные направления политики Белого дома: 1) закрепление контроля США за ключевыми географическими узлами; 2) обеспечение беспрепятственного доступа к природным ресурсам; 3) создание барьеров для присутствия внерегиональных держав; 4) консолидация политического пространства Латинской Америки вокруг лояльных Вашингтону лидеров; 5) укрепление политической и экономической гомогенности в Северной Америки. Рассмотрим каждое из направлений подробнее.

Закрепление контроля США за ключевыми географическими узлами. А. Мэхэн постулировал необходимость контроля США за ключевыми опорными пунктами морской мощи, настаивая на том, что отказ от такого контроля превращает их в потенциальные плацдармы развертывания вражеских сил [3]. Текущая администрация Д. Трампа, как представляется, исходит из этой же логики и концентрирует усилия на двух узлах. Во-первых, это Панамский канал, через который проходит значительная доля морских грузоперевозок США и который позволяет оперативно перебрасывать военно-морские силы между Атлантическим и Тихоокеанским театрами военных действий. С 1997 г. оба порта, обслуживающие канал находились в концессии у гонконгской компании CK Hutchison, что расценивалось командой Д. Трампа как угроза национальной безопасности США. В результате дипломатического давления со стороны Белого дома Панама в феврале 2025 г. вышла из китайской инициативы «Один пояс – один путь» [11], а 30 января 2026 г. Верховный суд центральноамериканского государства признал концессию неконституционной [12]. Во-вторых, аналогичная стратегическая логика стоит за интересом США к Гренландии: на фоне таяния арктических льдов навигационные маршруты в Арктике изменяются, и контроль над островом обеспечил бы Соединенным Штатам контроль над новыми торговыми маршрутами, исключил бы возможное развертывание в регионе сил России и Китая, предоставил дополнительные возможности для проекции силы за пределы Западного полушария, а также обеспечил бы доступ к редкоземельным металлам.

Обеспечение доступа к природным ресурсам. Данное направление проистекает из логики реализма, которая требует установить контроль над ресурсной базой для проекции силы, рассматривая ее переход к потенциальному противнику как неприемлемый. Венесуэла, располагающая крупнейшими в мире доказанными запасами нефти, расценивалась Вашингтоном как стратегически значимая ресурсная база, используемая Китаем, а также как точка входа в регион для Пекина, Москвы и Тегерана. В результате проведенной 3 января 2026 г. военной операции «Absolute Resolve» президент Венесуэлы Н. Мадуро был похищен, а сменившая его на посту исполнительный президент Д. Родригес вынуждена в значительной степени ориентироваться на Вашингтон [13]. Установлена схема продажи нефти, которая может быть охарактеризована как неоколониальная. Венесуэльская нефть реализуется через авторизованных США трейдеров, выручка поступает на специальный счет Казначейства США, откуда денежные средства переводятся в Венесуэлу для расходования по статьям, предварительно согласованным с Белым домом. Особый интерес для США также представляют страны «литиевого треугольника» – Аргентина, Боливия и Чили. Белый дом демонстрирует повышенную заинтересованность в том, чтобы у власти в этих государствах находились идеологически близкие Д. Трампу правые лидеры.

Создание барьеров для присутствия внерегиональных держав. Вашингтон последовательно создает препоны для присутствия в Западном полушарии конкурентов, в первую очередь Китая и России. Оказывается давление на связанные с этими странами компании в государствах региона. Белый дом продолжает блокаду Кубы, которая воспринимается как стратегически значимый плацдарм возможного развертывания китайского и российского присутствия в регионе. В отношении Мексики проводится жесткая политика экономического давления при помощи тарифов, что вынуждает Мехико самостоятельно блокировать экономическое развертывание КНР в стране, в том числе в сфере автомобилестроения.

Консолидация политического пространства Латинской Америки вокруг лояльных Вашингтону лидеров. Многосторонние усилия Белого дома воспроизводят логику Доктрины Монро в ее современном прочтении. Учреждённая 7 марта 2026 г. инициатива «Щит Америк» (официально – Americas Counter Cartel Coalition), объединившая 17 стран региона, провозглашает целью «положить конец иностранному вмешательству в нашем полушарии, деятельности криминальных и наркотеррористических банд, а также незаконной миграции» [14]. «Щит» построен не на принципах открытого регионализма, а на принципе селективного членства по критерию политической совместимости с Вашингтоном. Параллельно осуществляется адресная поддержка лояльных лидеров и вмешательство во внутренние дела государств региона: открытие 9 октября 2025 г. правительству Х. Милея валютного свопа на 20 млрд долл. накануне аргентинских промежуточных выборов 26 октября 2025 г. [15]; публичная поддержка Д. Трампом кандидата Н. Асфуры на выборах 30 ноября 2025 г. в Гондурасе с угрозой прекращения финансовой помощи в случае его поражения [16]; введение тарифов на бразильский импорт в связи с «незаконным преследованием» экс-президента Бразилии Ж. Болсонару.

Укрепление политической и экономической гомогенности в Северной Америке. Изменение глобального геополитического ландшафта приводит к переосмыслению Вашингтоном целей региональной интеграции в Северной Америке. Администрация Д. Трампа исходит из необходимости консолидации ближайшего окружения для беспрепятственной проекции своей силы за пределы Западного полушария. На фоне роста влияния Китая в регионе Белый дом заинтересован в создании «Крепости Северная Америка» (*Fortress North America*) с США в главной роли [17]. Накануне запланированного на лето 2026 г. пересмотра соглашения США-Мексика-Канада (USMCA) Д. Трамп посредством введения тарифов и дипломатического давления на соседние страны добивается новых условий, которые позволят укрепить самодостаточные цепочки производства в Северной Америке, снижая зависимость от Восточного полушария и исключая китайское участие в критически значимых проектах, которые обладают потенциалом негативно влиять на экономическое положение США [18].

Перечисленные меры в целом соответствуют логике Доктрины Монро и американской внешнеполитической традиции. Вместе с тем неизбежно возникает вопрос об их применимости на современном этапе становления многополярного мироустройства. Тарифы и иные меры давления призваны исключить китайское присутствие, однако Белый дом не предлагает явных сопоставимых альтернатив проектам КНР в регионе. Это может привести к обратному эффекту, ускорив диверсификацию внешней политики стран Латинской Америки и еще больше сблизить регион с КНР и государствами Глобального Юга.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что возврат к Доктрине Монро в прочтении Д. Трампа, изложенный в Стратегии национальной безопасности 2025 г. и Стратегии национальной обороны 2026 г., является не разрывом с предшествующей линией, а возвратом к традиционной великодержавной политике США, основанной на принципах исключения внерегиональных держав, опоры на флот, приоритета односторонних действий и защиты коммерческих интересов.

Жесткость политики Д. Трампа отражает структурный сдвиг, происходящий в мире и в регионе Западного полушария. КНР прекращается в ревизионистскую державу глобального уровня и пытается закрепиться в традиционной зоне американского доминирования. Длительная задержка реакции внешней политики США на этот сдвиг [9] объясняется внутриполитическими и идеологическими ограничениями. Реакция Д. Трампа – возврат к структурно обусловленной норме поведения регионального гегемона, для которого появление сопоставимого по статусу конкурента у собственных границ объективно неприемлемо.

Литература

1. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012. – 672 с.

2. Moore J.B. The Monroe Doctrine // Political Science Quarterly. – 1896. – Vol. 11, № 1. – P. 1–29.

3. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / пер. с англ. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 с.

4. Kennan G.F. American Diplomacy, 1900–1950. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – 154 p.

5. Roosevelt T. Fourth Annual Message to Congress, December 6, 1904 [Electronic resource] // The American Presidency Project. – URL: https://

www.presidency.ucsb.edu/documents/fourth-annual-message-19 (дата обращения: 12.05.2026).

6. Willick J. Competition and Constraint: Toward a Balanced American Security Strategy [Electronic resource]. – The Marathon Initiative, September 24, 2024. – URL: https://themarathoninitiative.org/ (дата обращения: 12.05.2026).

7. National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource]. – Washington: The White House, November 2025. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

8. 2026 National Defense Strategy [Electronic resource]. – Washington: U.S. Department of War, January 2026. – URL: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF (дата обращения: 12.05.2026).

9. Schweller R.L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006. – 208 p.

10. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York; London: W.W. Norton & Company, 2001. – 561 p.

11. Panama formally exits China's Belt and Road Initiative as US claims «victory» in decision [Electronic resource] // South China Morning Post. – 06.02.2025. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3297689/ (дата обращения: 12.05.2026).

12. Panama Court Rules Li Ka-shing's CK Hutchison Port Contract Unconstitutional [Electronic resource] // Bloomberg. – 30.01.2026. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026–01–30/panama-court-rules-ck-hutchison-port-contract-unconstitutional (дата обращения: 12.05.2026).

13. Trump Announces U.S. Military's Capture of Maduro [Electronic resource] // U.S. Department of War. – 03.01.2026. – URL: https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/4370431/ (дата обращения: 12.05.2026).

14. Trump Launches 17-Nation Counter Cartel Coalition at Shield of the Americas Summit [Electronic resource] // Homeland Security Today. – 07.03.2026. – URL: https://www.hstoday.us/featured/trump-launches-17-nation-counter-cartel-coalition-at-shield-of-the-americas-summit/ (дата обращения: 12.05.2026).

15. U.S. Financial Support to Argentina [Electronic resource]: CRS Report R48780. – Washington: Congressional Research Service, 30.12.2025. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/R48780 (дата обращения: 12.05.2026).

16. Trump-backed conservative Nasry Asfura wins Honduras election: Authorities [Electronic resource] // Al Jazeera. – 24.12.2025. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/12/24/ (дата обращения: 12.05.2026).

17. United States Trade Representative. Public Hearing: First Joint Review of USMCA [Electronic resource]. December 2025. – URL: https://ustr.gov/about/policy-offices/press-office/press-releases/2025/december/public-hearing-first-joint-review-usmca (дата обращения: 17.05.2026).

18. Securing U.S. Interests in the 2026 USMCA Review: Building Fortress North America [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies (CSIS). – URL: https://www.csis.org/analysis/securing-us-interests-2026-usmca-review-building-fortress-north-america (дата обращения: 17.05.2026).

THE MONROE DOCTRINE AS A STRUCTURAL CONSTANT OF U.S. STRATEGY IN THE WESTERN HEMISPHERE: FROM ITS ORIGINS TO THE «TRUMP COROLLARY»

Abramov K.A.
MGIMO University

The article examines the origins and historical evolution of the Monroe Doctrine, as well as the current policy of the D. Trump administration toward the Western Hemisphere, as formalized in the 2025 U.S. National Security Strategy and the 2026 U.S. National Defense Strategy. The core principles of the Doctrine – the exclusion of extra-regional powers from the Western Hemisphere, the primacy of unilateral action, and reliance on naval power – have remained a structural constant of U.S. strategy in the region for over two centuries. The «Trump Corollary» represents a response by a regional hegemon to China's attempts to establish a foothold near U.S. borders, which is coherent to the Doctrine.

Keywords: Monroe Doctrine; Western Hemisphere; U.S. foreign policy; Donald Trump; offensive realism; Trump Corollary; 2025 U.S. National Security Strategy.

References

1. Pechatnov, V. O., Manykin, A.S. History of US Foreign Policy. Moscow: International Relations, 2012, 672 p.

2. Moore, J.B. The Monroe Doctrine. Political Science Quarterly, 1896, Vol. 11, № 1, pp. 1–29.

3. Mahan, A.T. The Influence of Sea Power on History, 1660–1783. Translated from English. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2002, 634 p.

4. Kennan, G.F. American Diplomacy, 1900–1950. Chicago: University of Chicago Press, 1951, 154 p.

5. Roosevelt T. Fourth Annual Message to Congress, December 6, 1904 [Electronic resource] // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fourth-annual-message-19 (access date: 05/12/2026).

6. Willick J. Competition and Constraint: Toward a Balanced American Security Strategy [Electronic resource]. – The Marathon Initiative, September 24, 2024. – URL: https://themarathoninitiative.org/ (access date: 05/12/2026).

7. National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource]. – Washington: The White House, November 2025. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (date accessed: 12.05.2026).

8. 2026 National Defense Strategy [Electronic resource]. – Washington: U.S. Department of War, January 2026. – URL: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF (date accessed: 12.05.2026).

9. Schweller R.L. Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006. – 208 p.

10. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York; London: W.W. Norton & Company, 2001. – 561 p.

11. Panama formally exits China's Belt and Road Initiative as US claims «victory» in decision [Electronic resource] // South China Morning Post. – 02/06/2025. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3297689/ (access date: 05/12/2026).

12. Panama Court Rules Li Ka-shing's CK Hutchison Port Contract Unconstitutional [Electronic resource] // Bloomberg. – 01/30/2026. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2026–01–30/panama-court-rules-ck-hutchison-port-contract-unconstitutional (accessed: 05/12/2026).

13. Trump Announcements U.S. Military's Capture of Maduro [Electronic resource] // U.S. Department of War. – 01/03/2026. – URL: https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/4370431/ (access date: 05/12/2026).

14. Trump Launches 17-Nation Counter Cartel Coalition at Shield of the Americas Summit [Electronic resource] // Homeland Security Today. – 03/07/2026. – URL: https://www.hstoday.us/featured/trump-launches-17-nation-counter-cartel-coalition-at-shield-of-the-americas-summit/ (accessed: 12.05.2026).

15. U.S. Financial Support to Argentina [Electronic resource]: CRS Report R48780. – Washington: Congressional Research Service, 30.12.2025. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/R48780 (accessed: 12.05.2026).

16. Trump-backed conservative Nasry Asfura wins Honduras election: Authorities [Electronic resource] // Al Jazeera. – 24.12.2025. – URL: https://www.aljazeera.com/news/2025/12/24/ (access date: 05/12/2026).

17. United States Trade Representative. Public Hearing: First Joint Review of USMCA [Electronic resource]. December 2025. – URL: https://ustr.gov/about/policy-offices/press-office/press-releases/2025/december/public-hearing-first-joint-review-usmca (accessed 05/17/2026).

18. Securing U.S. Interests in the 2026 USMCA Review: Building Fortress North America [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies (CSIS). – URL: https://www.csis.org/analysis/securing-us-interests-2026-usmca-review-building-fortress-north-america (accessed: 17.05.2026).

Факторы политизации Европейского зеленого курса: причины и перспективы

Асадов Эльдар Бабек оглы,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: elasadovspb@mail.ru

В статье анализируются ключевые факторы политизации Европейского зеленого курса и их влияние на современную экологическую и общеэкономическую стратегию развития стран региона. Попытки изучения процесса «зеленой трансформации», остающийся одной из центральной темы повестки ЕС, через призму влияние этих факторов позволяет лучше осмыслить сложности реализации особенностей зеленого перехода, прогнозировать потенциальные риски, а также понять, какой именно будет «зеленая Европа» в ближайшей перспективе. По результатам исследования некоторых особенностей политизации «Зелёного курса» отмечен, что ускоренный переход к зеленой энергии, выступая в качестве важного элемента внешнеполитического курса ЕС, может создать и новые риски энергетической безопасности с геополитическими последствиями.

Ключевые слова: Европейский зеленый курс, устойчивое развитие, зеленая трансформация, зеленая энергия, энергетическая безопасность, геополитическое измерение, политизация климатической политики.

Введение

Динамично меняющиеся условия международных отношений и сложные, противоречивые процессы мирового развития все больше демонстрируют уязвимость и хрупкость региональной системы защиты окружающей среды перед существующим многообразием экологических проблем. Экологическая проблематика окончательно перестала быть периферийным направлением мировой политики и превратилась в один из важнейших элементов международного сотрудничества и растущей конкуренции, которая не может не создать «разделительные линии, в том числе на политико-идеологическом уровне» [1]. В последнее время растущее различие в политике крупнейших государственных акторов международных отношений, отражающие тенденции к усилению неоднородности и конфликтности на международной арене, также оказывает значительное влияние на климатические цели. Появление новых барьеров в процессе реализации ранее обозначенных обязательств и усиление тенденций фрагментации глобального управления экологическими вопросами придает особый характер проблемам углубления разделительных линий в отношениях крупных центров мировой политики.

Сегодня данная проблема особое значение приобретает в деятельности крупных региональных акторов международных отношений. Европейский союз (ЕС), играя одну из ключевых ролей в процессе формирования глобального климатического режима и рассматривая актуальные проблемы экологической направленности в качестве приоритетных направлений регионального развития [2], «вносит существенный вклад в экологизацию международных отношений» [3]. За последние несколько десятилетий, традиционно выступая одним из ключевых акторов в формировании глобальной климатической политики и являясь её пионером, данный актор демонстрирует способности к выстраиванию долгосрочной стратегии, предполагающая сочетание комплексных мер из различных сфер деятельности.

Климатическая политика ЕС сформирована как гибкая система управления, выходящая за ее рамки, и становится частью более широкой международной повестки. Сочетая различные механизмы координации, регулирования и стимулирования, она стала одним из центральных элементов общеевропейской стратегии роста, энергетической безопасности, промышленной модернизации и международного позиционирования ЕС в международных отношениях. В этом контексте Европейский зеленый курс (Green Deal), как ключевой инструмент «зелёной трансформации», задал новую траекторию развития стран сообщества. Долгосрочная программа достижения климатической нейтральности стала не просто набором природоохранительных мер, а интеграционным проектом нового поколения, претендующим на переустройство производственной, транспортной, энергетической, аграрной и финансовой архитектуры стран региона. Закрепленные цели климатической нейтральности к 2050 году и промежуточные по сокращению чистых выбросов, как минимум на 55% к 2030 году, по сути, придали зеленой повестке обязательный характер и вывели ее из плоскости политических деклараций в сферу геополитики.

После запуска «Зелёного курса» ЕС, который является стратегическим ориентиром зелёной трансформации в экспертном сообществе, действительно высказывались мнения о его политическом измерении. Сегодня накопилось значительное количество аргументов того, что амбициозность политики, направленная на реализацию данного курса, определяется не только совокупностью климатических и социально-экономических факторов, но и геополитических. В частности, российские специалисты, фокусируя свое внимание к его удельным причинам и геополитическим последствиям реализации этой модели развития, отмечают, что данный курс «имеет экстерриториальное измерение и, в связи с этим, его реализация требует международного сотрудничества и влияния на другие страны [4].

Пока экологическая модернизация рассматривалась в абстрактных категориях инноваций, устойчивого роста и глобального лидерства, вокруг нее можно было формировать широкий консенсус. Но по мере того, как климатические цели стали материализовываться в конкретных нормах, стандартах, которые способствовали формированию различных инструментов регулирования, адаптации и управления климатическими рисками, зеленая повестка ЕС стала все больше затрагивать вопросы распределения издержек между странами региона, секторами экономики и социальными группами. Именно этот аспект сложного

процесса трансформации, свидетельствующий явно достигшей остроты данного вопроса, в немалой степени и способствовал политизации зеленого курса. То есть климатическая политика перестала быть преимущественно экспертной и все отчетливее превратилась в арену открытого политического конфликта [5]. Таким образом, зеленый курс, предусматривающий «структурные преобразования в энергетической системе ЕС, глубокую трансформацию экономики и стимулирования усилий по борьбе с изменением климата и, по мнению специалистов, «также будет иметь глубокие геополитические последствия» [6]. В последние годы усложнения реализации целей «Зелёного курса» и последовательно утраты образа, как универсальной и неоспоримой модели развития, были связаны в том числе с возрастающей ролью ряда ключевых социально-экономических и политических факторов, которые повлияли на восприятие этой стратегии.

Под политизацией «Зеленого курса» в данном исследовании понимается рост общественной значимости данного вопроса, расширение круга вовлеченных акторов и усиление поляризации позиций вокруг него. Такой подход опирается на классические разработки в области политизации европейской интеграции и позволяет рассматривать экологическую политику ЕС не как нейтральный процесс управления, а как конфликтную сферу, в которой сталкиваются различные представления, в том числе о последствиях реализации зеленого курса. В случае зеленого курса политизация этого процесса проявляется в росте протестной активности, ожесточении политической конкуренции, институциональных конфликтах внутри ЕС, в запросе на смягчение или отсрочку некоторых требований, а также в переходе самой Европейской комиссии к более прагматичной риторике. Вместе с этим геополитические аспекты «Зеленого курса и его место во внешней политике ЕС [7], механизмы которой активно используется с целью интернационализации и оказания потенциального влияния на соседей и на содержание международной климатической повестки, делают ее интересным и важным предметом для анализа в исследованиях области международных отношений. Изучение некоторых особенностей конфликтного измерения, некоторых направлений трансформации «Зелёного курса» обусловлено необходимостью комплексного подхода к анализу источников политизации, ключевых правовых и регулятивных механизмов, социальных и экономических последствий, международных взаимодействий и публичных дискуссий.

Цель статьи состоит в необходимости выявления основных факторов политизации ключевых направлений трансформации Европейского зеленого курса, определении их последствия, а также в оценке некоторых вероятных перспектив дальнейшего развития зеленой повестки. Повышенный интерес к этим вопросам, в том числе в контексте осмысления возрастающей роли ЕС в реализации климатических целей, в значительной мере связанный с амбициозностью и остротой этой проблемы, ставит необходимость учета множества факторов, которые продолжают непосредственно оказывать влияние на сложный процесс перехода зелёной энергии.

Европейский зеленый курс: от интеграционного консенсуса к конфликтной повестке

Когда Европейская комиссия запускала Европейский зеленый курс, он подавался как новая стратегия роста, способная одновременно обеспечить климатическую нейтральность, технологическое лидерство, обновление промышленной базы и социальную справедливость. Для успешной реализации такой инициативы требовалось формирование консенсуса вокруг новой матрицы ценностей (принципов, ориентиров и стандартов), создания институциональных механизмов взаимодействия и поиска совместных усилий в области устойчивого развития. Как логическое продолжение и развитие предыдущих инициатив в области климатической и энергетической политики ЕС, интегрированных в более широкую стратегию устойчивого развития, данный курс был сформулирован на основе широкого консенсуса.

Переход к зеленому этапу развития, соединяя экологическую необходимость и экономическую возможность, обещал не сокращение, а модернизацию, не потерю конкурентоспособности, а ее новое основание, также не экологический аскетизм, а инновационное развитие. Такая формула позволила первоначально представить зеленую повестку как относительно универсальный проект для разных частей европейского политического спектра [8]. Достижение консенсуса могло осложниться из-за различных интересов, например, связанных с использованием жёстких методов зеленого перехода, с наличием разногласий относительно темпов и реализации зеленых инициатив, с конфликтами интересов, которые особенно имели место быть в наиболее уязвимых сферах.

Тем не менее в начальный период реализации «Зеленого курса» были заложены потенциальные линии конфликта, свидетельствующие об уязвимости его от различных факторов. Во-первых, цели этого курса носят масштабный характер и охватывают ключевые аспекты развития ЕС и его взаимодействия с окружающим миром. Данному актору характерно стремление к лидерству в климатической повестке и практика широкого использования новой стратегии развития в качестве инструмента повышения его влияния и авторитета на международной арене; во-вторых, это перспективы предусмотренных вариантов строгого углеродного регулирования и «гораздо сильнее влияние на условия конкуренции через более широкое установление правил доступа на рынок» [9]; в-третьих, диверсификация стратегий, фрагментации правил и усиления влияния национальных интересов в вопросах реализации климатических целей и перехода к модели зеленого развития. Так как растущая зеленая конкуренция и повышение амбициозности своих целей со стороны некоторых акторов, которые, в том числе, находятся под определенным влиянием со стороны ЕС, но и исходят из своих интересов, может ослабить универсальную роль существующих наднациональных механизмов глобального экологического управления.

Можно выделить и другие факторы политизации этого курса, которые, затрагивая внутренние и внешние аспекты деятельности ЕС, остаются в центре академических и политических дискурсов. Среди этих факторов, способствовавшие этому процессу, необходимо выделить следующие:

– усиление внешнего измерения зеленой политики ЕС. Сегодня климатическая политика и «Зеленый курс» выступают частью его внешней политики;

– восприятие в других странах новых ценностей и стандартов как новые возможности неоднозначно и часто вызывает противоречия. Сегодня «климатические угрозы – новое измерение безопасности Евросоюза» [10] и как потенциальная причина чрезвычайных ситуаций, связанные с потеплением климата, стали восприниматься не как гипотетические и отдалённые проблемы, а как неотложные задачи, требующие экстренных мер;

– формирование в странах региона в целом общественного и устойчивого консенсуса в поддержку зелёной трансформации, способствующий созданию социальной базы с целью поддержки политических инициатив;

– отраслевое, партийное и выраженное территориальное измерение процесса формирования зеленой повестки, что делает систему общеевропейского взаимодействия сложной и это требует постоянного поиска компромиссов и адаптации зеленой политики к меняющимся условиям. Например, «зелёные партии участвуют в правительствах нескольких стран» [11], и они выступали за принципы «нового зелёного курса». В формировании экологической и основных зеленых приоритетов традиционно особое положение занимали страны Северной Европы [12].

Сама логика достижения климатической нейтральности с учетом вероятных противоречий и конфликтов интересов требовала ускоренного нормотворчества и концептуализации основ зеленого курса. В целях минимизации негативных последствий зеленого курса и повышения эффективности реализуемых проектов целенаправленно создавался ряд правовых и регуляторных механизмов. Несмотря на принятие довольно известных законодательных актов и иных мер, которые целенаправленно воплощаются в жизнь, некоторые подходы реализации данного курса часто становятся предметом острых дискуссий и разногласий. Сложные вопросы относительно приоритета видов возобновляемых источников энергии были связаны с различиями в экономических, технологических и политических факторах, а также с необходимостью согласования общих целей в рамках единой энергетической политики. Таким образом, с целью устранения существующих барьеров предложенные инструменты и инициативы ЕС, как «новый уровень комплексности политики… отражающие новую расстановку акцентов в рамках «Зеленого курса», продвижение которых потребует больших усилий» [13], включают как внутренние регуляторные меры, так и внешнеполитические инструменты. Например, пакет законодательных предложений «Fit for 55», [14] ставший одним из ключевых инструментов реализации «Зелёного курса», был призван обеспечить сбалансированный переход и превращение его из стратегического лозунга в важный механизм трансформации экономики и общества в направлении болей устойчивой модели развития.

Здесь необходимо отметить переход от «большого нарратива» к массиву конкретных норм, стандартов и сделать «Зеленый курс» политически уязвимым. Нормативный консенсус работает до тех пор, пока политический проект обещает выгоды в неопределенном будущем. Это не требует отчетливо называть проигрывающих и как только начинается реальное перераспределение издержек, обостряются отраслевые и территориальные противоречия. Классическим примером

стало различие между секторами, которые потенциально выигрывают от ускорения зеленых инвестиций, и секторами, для которых переход означает рост затрат, необходимость капитальной модернизации или сокращение привычных форм господдержки. На этом этапе климатическая политика перестает быть политикой общих ценностей и становится политикой конкретных победителей и проигравших. В таких случаях часто возникает конфликт интересов, который в процессе реализации данного курса может приводить к обострению противоречий.

Еще один источник напряжения связан с тем, что зеленый курс одновременно является общеевропейским проектом и набором обязательств, реализуемых на национальном уровне. Государства-члены отличаются по структуре экономики, энергетическому балансу, доле углеродоемкой промышленности, уровню доходов, а также по вопросам общественного консенсуса вокруг климатической политики. Поэтому при наличии единого консенсуса наднациональном уровне по этому вопросу политическая цена декарбонизации на уровне стран региона оказывается различной и это усиливает разногласия на уровне процесса переговоров в рамках институтов ЕС, и делает национальные правительства склонными к селективной защите наиболее чувствительных отраслей.

Наконец, тенденция политизации усилилась из-за изменения общего контекста европейской политики. Пандемия, энергетический кризис, инфляционное давление, военные конфликты, рост социального недовольства и другие вызовы создали среду, в которой любой крупный проект наднационального регулирования стал оцениваться через призму безопасности, издержек и политической устойчивости. В этих условиях «Зеленый курс» уже не мог сохранять исключительный статус бесспорной повестки и оказался включенным в общую борьбу за определением того, как именно должен выглядеть «правильный» ответ Европы на множества кризисных ситуаций текущего времени.

Таким образом, политизация «Зеленого курса, имея тесно связанные с эволюцией подходы к решению проблем изменения климата и устойчивого развития, отражает переход от отдельных экологических инициатив к комплексным стратегиям развития. Политический аспект этого курса проявляется и в его геополитических последствиях, в вопросах взаимодействия с региональными и ключевыми государственными акторами, стремлении данного актора сохранить глобальное лидерство в климатической сфере и соответственно в балансировании между растущими вызовами внутреннего и международного характера. Сегодня конфликтное измерение перспективы реализации некоторых направлений этой стратегии требует особого внимания к вопросам выявления источников политизации, так как реализация этой стратегии сопряжена с рядом противоречий и вызовов, которые все наглядно проявляются в условиях кризисных явлений и острой конкуренции.

Фактор энергетической безопасности в процессе политизации зеленого курса

Переход к возобновляемым источникам энергии, декарбонизация экономики и климатическая политика, в целом оказывая влияние на характер сотрудничества и соперничества ключевых акторов международных отношений, трансформирует существующие энергетические системы и экономические модели развития. Как отмечает Дэниел Ергин, автор книги «Новая карта мира: энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций» (2021), текущий переход кардинально отличается от энергетических переходов прошлого. Последние были обусловлены в основном экономическими и технологическими преимуществами, а не факторами политики, являющимися на этот раз главной движущей силой [15]. Следуя этой логике, необходимо отметить, что процесс зелёной трансформации ЕС не только отражает его глобальные усилия по борьбе с изменением климата, но и становится инструментом геополитического влияния. Зеленая трансформация, характеризующаяся многоаспектностью, динамизмом и сложностью взаимодействия различных факторов, сопряжена с политическими интересами участников.

В рамках этого сложного и многогранного процесса для стран региона выдвинутые инициативы и стратегии реализации зеленого курса одновременно открывают и возможности, и неизбежные проблемы, риски. С одной стороны, инвестиции в чистые технологии способны стимулировать новые рынки и укреплять позиции ЕС в глобальной конкуренции, а с другой стороны, существующие издержки могут порождать ряд опасений, связанные с последствиями экономических, социальных и технологических рисков.

Вместе с этим политический эффект существующих противоречий заключается в том, что климатическая повестка перестает восприниматься только как ответ на экологические вызовы и начинает оцениваться как элемент борьбы за те возможности и подходы, на которые больше всего сфокусировано внимание. Например, чем чаще компании, отраслевые ассоциации и региональные власти формулируют свои претензии в категориях конкурентоспособности, тем сложнее институтам ЕС отстаивать зеленую политику исключительно как нормативный императив. В этой ситуации даже проевропейские и проэкологические силы вынуждены смещать риторику: не «декарбонизация любой ценой», а «декарбонизация как источник промышленного обновления при условии сохранения конкурентоспособности». О снижении экономической конкурентоспособности ЕС шла речь в докладе экс-премьера министра Италии Марио Драги, который предупреждал, что Европа столкнулась с «экзистенциальным вызовом» и «не сможет стать лидером в области новых технологий, маяком климатической ответственности и независимым игроком на мировой арене», если не станет более конкурентоспособной [16].

Как было отмечено, важным элементом зеленной повестки на фоне наблюдения ухудшения основных климатических показателей остается переход к зеленной энергии. Зеленый переход переосмысливался как инструмент повышения энергетической независимости, экономической устойчивости и климатической безопасности Европы [17]. Обеспечение энергетической безопасности, являясь одной из центральных задач дипломатии ЕС в контексте перехода к «зелёной» энергетике, обусловливает полностью изменение энергетических основ современной европейской экономики.

На пути складывания этой новой реальности продвижение энергетических стандартов и значительное влияние ЕС на энергетический баланс и глобальные рынки особенно за зачёт внедрения зеленой энергии, все больше затрагивают его отношения с нефте– и газодобывающими странами. Наибольшие негативные последствия испытывают страны, вынужденные продолжать добычу и экспорт углеродных энергоносителей. Процесс ускоренного отказа от нефти и газа, затрагивая проблемы энергетической безопасности, экономических интересов стран, глобальных рынков и баланс сил между государствами может существенно изменить геополитическую и экономическую конфигурацию мира. Отказа от традиционных энергоресурсов ископаемого топлива – угля, нефти, газа) в пользу возобновляемых источников энергии «изменит конфигурацию мира столь же кардинально» [18] рассматривался как ключевая линия развития «зелёной» энергетики. Например, в новых геополитических реалиях стремление западноевропейских государств сократить энергетическую зависимость региона от России, привели к приостановке большинства проектов «Росатома».

Таким образом, многогранное значение перехода к зеленой энергии говорит о том, что сегодня это не только отражается на характере отношений прежде всего с поставщиками энергоресурсов, но и может создать явные предпосылки для усиления острой конкуренции между ключевыми акторами мировой политики за технологии, поставки ресурсов, рынки сбыта и стандарты.

Одним из ключевых факторов политизации данного процесса связан с энергетическим кризисом и тем, как он изменил символическое и практическое значение зеленой повестки. Европейская энергетика стала рассматриваться не только как климатический, но и как геополитический вопрос. План REPowerEU и последующие решения институтов ЕС придали переходу чистой энергии смысл стратегической необходимости: снижение зависимости от ископаемых энергоресурсов стало одновременно задачей климатической и национальной безопасности. На первый взгляд это должно было укрепить политические позиции в реализации зеленого курса, но в реальности эффект оказался двойственным. Наступление с 2022 года энергетического кризиса, вызванного, в том числе санкциями в отношении российских энергоносителей, с одной стороны, усилило аргумент в пользу ускоренного перехода **к** возобновляемы источникам энергии и энергоэффективности, электрификации и диверсификации. С другой стороны, кризис повысил чувствительность обществ и правительств к краткосрочным ценовым эффектам. В этой ситуации запрос на быстрый и жесткий экологический курс столкнулся с не менее сильным запросом на ценовую стабилизацию, временные компромиссы и более гибкое регулирование.

В то же время кризис также изменил баланс аргументов между сторонниками и критиками. Если ранее противники усиления экологических требований часто апеллировали прежде всего к скепсису относительно темпов перехода, то после 2022 года в центре дискуссии оказались сложные вопросы энергетической безопасности, связанные с санкционным давлением, геополитическими изменениями и необходимостью адаптации экономики к новым меняющимся условиям.

Таким образом, как показывает анализ реализации зеленого перехода, сегодня на фоне сохранения уязвимости зеленой энергетики к природным, политическим и другим факторам [19], доля «зеленой энергии» растет не так быстро. Основными продуктами экспорта по-прежнему остаются традиционные углеводороды – нефть и газ. Это

наблюдается, даже несмотря на попытки ЕС сделать пионером широкое использование водорода в качестве энергоносителя и намерения вернуться к ядерной энергии. Постепенный отказ от угля за счет увеличения именно доли газа говорит в среднесрочной перспективе о сохранении центральной роли самого чистого углеводородного топлива частью процесса декарбонизации. Вместе с этим ожидаемые изменения не всегда могут протекать по ровной предсказуемой траектории и иметь глубокие последствия для стран региона. В связи с этим имеется вероятность сохранения множества связанных друг с другом проблем экологического, экономического и особенно политического характера, оказавшие влияние на корректировки курса зеленной энергии велика.

Заключение

«Зелёный курс», оказывая все более заметное влияние на политические решения и прогнозы развития мировой энергетики становится инструментом изменения моделей потребления, реформирования энергетической системы и влияния на отношения с другими странами. Реализуясь все более в логике компромисса и как сложная система взаимодействия между глобальными целями ЕС и локальными/национальными интересами, он подвергается политизации из-за различных интересов и конфликтов. Политизация является закономерным следствием того, что климатическая повестка ЕС из области стратегических деклараций перешла в сферу конкретного перераспределения ресурсов, регулирования рынков и трансформации образа жизни и формирования новой модели потребления. Ключевыми факторами политизации выступили распределение социально-экономических издержек зеленого перехода, энергетический кризис и «секьюритизация» климатической повестки, рост значительных барьеров и протестных настроений в процессе экологизации сельского хозяйства, смещение центра тяжести европейской политики в сторону конкурентоспособности и др. Политизация не привела к отказу от намеченных целей стратегии, но она, продолжая оказывать влияние актуализацию вопросов корректировки, и выявила реальный масштаб будущего европейской модели развития, предусматривающийся в том числе в кардинальной трансформации энергетической системы.

В определении уровня амбициозности зеленого курса одну из центральных ролей играет переход к зеленой энергии и обеспечение энергетической безопасности. Наиболее вероятная перспектива заключается в сохранении курса на декарбонизацию при одновременной его текущей корректировки и наполнения институциональной основы, что говорит о сложном и многогранном процессе трансформации, учитывающий влияние множества факторов. Очевидно и то, что реализация зеленой трансформации остаётся сложной задачей, требующей постоянного поиска компромиссов и адаптации к быстроменяющимся условиям, а также учёта разнообразных национальных интересов в рамках единого европейского пространства. Это делает дальнейшее изучение тенденции политизации не второстепенной, а важной задачей современного дискурса с целью должного осмысления перспективы геополитического измерения европейской зеленой политики

Литература

1. Маслова Е.А. Глобальный зеленый императив: место России в международном климатическом режиме//Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 19–30

2. Asadov B., Asadov E. (2020). Problems of organization sustainable channels for international environmental cooperation in terms of new challenges on the example of the Baltic region // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: 578(1):012059

3. Наталья Еромина. Новая экологическая повестка ЕС: «экологический популизм» versus экологическая практика URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-ekologicheskaya-povestka-es-ekologicheskiy-populizm-versus-ekologicheskaya-praktika/ (дата обращения: 04.05.2026)

4. Научная конференция «Зеленая повестка в современной Европе» https://www.imemo.ru/news/events/text/nauchnaya-konferentsiya-zelenaya-povestka-v-sovremennoy-evrope (дата обращения: 03.05.2026)

5. Stockmann N. Now they can cope? The Green Deal and the contested meaning of sustainability and climate policies // Frontiers in Political Science. 2024.

6. Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. (2021). Геополитика «Зеленой сделки» Европейского союза // Вестник международных организаций. Т. 16. № 2. С. 204–235

7. Teevan C., Medinilla A., Sergejeff K. (2021) The Green Deal in EU foreign and development policy, ECDPM briefing note № 131. URL: https://ecdpm.org/wpcontent/uploads/Green-Deal-EU-Foreign-Development-Policy-ECDPM-Briefing-Note-131–2021.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

8. European Green Deal // Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-green-deal/ (дата обращения: 05.05.2026).

9. Попова И.М. Анализ законодательных изменений и мер поддержки достижения целей Зеленой сделки // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 4. С. 30–56

10. Арбатова Н.К. Климатические угрозы – новое измерение безопасности Евросоюза. – Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 81–93.

11. Костюк Р.В. Левые силы Европы о будущем европейского проекта// Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 3. С. 245–265.

12. Sääksjärvi.S. (2020) Positioning the Nordic Countries in European Union Environmental Policy. Journal of Environment and Development 29(4) 393–419

13. Николай Кавешников. «Зеленый курс» как триггер углубления интеграции в Европейском союзе.URL: https://.https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/zelenyy-kurs-kak-trigger-uglubleniya-integratsii-v-evropeyskom-soyuze/ (дата обращения:02.05.2026)

14. Fit for 55. Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/fit-for-55/ (дата обращения: 30.04.2026).

15. Дэниел Ергин. Нелегкий путь к чистой энергетике URL: https://www.imf.org/ru/publications/fandd/issues/2022/12/bumps-in-the-energy-transition-yergin (дата обращения: 02.05.2026).

16. Экс-премьер Италии Драги: экономическая конкурентоспособность ЕС снижается https://tass.ru/ekonomika/25072309 (дата обращения: 02.05.2026).

17. REPowerEU. Доступная, безопасная и устойчивая энергия для Европы URL: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en(дата обращения: 06.05.2026).

18. Джейсон Бордофф, Меган О'Салливан.Зелёный переворот. Новая энергетическая геополитика URL: https://globalaffairs.ru/articles/zelyonyj-perevorot/(дата обращения: 03.05.2026).

19. Asadov B., Asadov E. (2022). New environmental policy of the European Union: Some aspects of transition to green energy. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 1096(1) 012034.

FACTORS OF THE POLITICIZATION OF THE EUROPEAN GREEN DEAL: CAUSES AND PROSPECTS

Asadov E.
St. Petersburg State University

This article analyzes the key factors behind the politicization of the European Green Deal and their impact on the contemporary environmental and overarching economic development strategy of the region's countries. Examining the process of «green transformation», which remains a central theme of the EU agenda, through the lens of these factors allows for a deeper understanding of the complexities involved in implementing the features of the green transition, forecasting potential risks, and discerning what a «green Europe» might look like in the near future. Based on an investigation into certain aspects of the politicization of the Green Deal, it is noted that an accelerated transition to green energy, while serving as an important element of the European Union's foreign policy, may also create new risks to energy security with geopolitical consequences.

Keywords: European Green Deal, sustainable development, the green transformation, green energy, energy security, geopolitical dimension, politicization of climate policy.

References

1. Maslova E.A. Global'nyi zelenyi imperativ: mesto Rossii v mezhdunarodnom klimaticheskom rezhime//Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 1. S. 19–30

2. Asadov B., Asadov E. (2020). Problems of organization sustainable channels for international environmental cooperation in terms of new challenges on the example of the Baltic region // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: 578(1):012059

3. Natal'ya Eromina. Novaya ehkologicheskaya povestka ES: «ehkologiche-skii populizm» versus ehkologicheskaya praktika URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-ekologicheskaya-povestka-es-ekologicheskiy-populizm-versus-ekologicheskaya-praktika/(дата обращения:14.04.2026)

4. Nauchnaya konferentsiya «Zelenaya povestka v sovremennoi Evrope»https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-ekologicheskaya-povestka-es-ekologicheskiy-populizm-versus-ekologicheskaya-praktika/ (дата обращения:03.05.2026)

5. Stockmann N. Now they can cope? The Green Deal and the contested meaning of sustainability and climate policies // Frontiers in Political Science. 2024.

6. Leonard M., Pizani-Ferri Zh., Shapiro D., Tal'yapietra S., Vul'f G. (2021). Geopolitika «Zelenoi sdelki» Evropeiskogo soyuza // Vest-nik mezhdunarodnykh organizatsii. T. 16. № 2. S. 204–235

7. Teevan C., Medinilla A., Sergejeff K. (2021) The Green Deal in EU foreign and development policy, ECDPM briefing note № 131. URL: https://ecdpm.org/wpcontent/uploads/Green-Deal-EU-Foreign-Development-Policy-ECDPM-Briefing-Note-131–2021.pdf (дата обращения: 04.05.2026).

8. European Green Deal // Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-green-deal/ (дата обращения: 05.05.2026).

9. Popova I.M. Analiz zakonodatel'nykh izmenenii i mer pod-derzhki dostizheniya tselei Zelenoi sdelki // Vestnik mezhdunarodnykh orga-nizatsii. 2021. T. 16. № 4. S. 30–56

10. Arbatova N.K. Klimaticheskie ugrozy – novoe izmerenie bez-opasnosti Evrosoyuza. – Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 6. S. 81–93

11. Kostyuk R.V. Levye sily Evropy o budushchem evropeiskogo proekta// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 11. Vyp. 3. S. 245–265

12. Sääksjärvi.S. (2020) Positioning the Nordic Countries in European Union Environmental Policy. Journal of Environment and Development 29(4) 393–419

13. Nikolai Kaveshnikov. «Zelenyi kurs» kak trigger uglubleniya integratsii v Evropeiskom soyuze– URL: https://.https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/zelenyy-kurs-kak-trigger-uglubleniya-integratsii-v-evropeyskom-soyuze/ (дата обращения:02.05.2026)

14. Fit for 55. Council of the European Union. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/fit-for-55/ (дата обращения: 30.04.2026).

15. Dehniel Ergin. Nelegkii put' k chistoi ehnergetike URL: https://www.imf.org/ru/publications/fandd/issues/2022/12/bumps-in-the-energy-transition-yergin(дата обращения: 02.05.2026).

16. Ehks-prem'er Italii Dragi: ehkonomicheskaya konkurentosposobnost' ES snizhaetsyahttps://tass.ru/ekonomika/25072309(дата обращения: 02.05.2026).

17. REPowerEU Affordable, secure and sustainable energy for Europe. URL: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en(дата обращения: 06.05.2026).

18. Dzheison Bordoff, Megan O'Sallivan.Zelenyi perevorot.Novaya ehnergeticheskaya geopolitika URL: https://globalaffairs.ru/articles/zelyonyj-perevorot/(дата обращения: 03.05.2026).

19. Asadov B., Asadov E. (2022). New environmental policy of the European Union: Some aspects of transition to green energy. In IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 1096(1) 012034.

Тайваньский Вопрос в Стратегических Документах КНР и США

Багирова Рукижат Абдулгамидовна,
студент, Московский Государственный Институт Международных Отношений

Статья посвящена фактору Тайваня в стратегических документах США и КНР и ставит целью проследить, как в официальных текстах двух государств менялся подход к тайваньской проблеме и риторика по отношению к ней. В статье рассматриваются американский Закон об отношениях с Тайванем 1979 г., три американо-китайских коммюнике, Стратегии национальной безопасности и обороны США, а также Конституция КНР, Анти-сецессионный закон, белые книги 1993 г., 2000 г. и 2022 г. Проанализировав вышеперечисленные документы, можно сделать вывод, что Тайвань из периферийной проблемы послевоенного урегулирования превратился в центральный узел американо-китайского стратегического соперничества.

Ключевые слова: Тайвань; США; КНР; стратегия национальной безопасности; стратегия национальной обороны; Закон об отношениях с Тайванем; Анти-сецессионный закон; белые книги Госсовета КНР; принцип «одного Китая»; сдерживание; статус-кво.

Тайваньский вопрос занимает особое место в отношениях США и КНР, так как геостратегическое положение, экономическая и технологическая значимость острова, а также его символическая ценность делают Тайвань критическим фактором, определяющим как текущее состояние, так и будущую траекторию развития американо-китайских отношений. Для Соединённых Штатов Тайвань является одновременно элементом регионального сдерживания Китая, опорой системы союзов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, индикатором надежности американских обязательств перед партнерами и критически важным звеном глобальных высокотехнологичных цепочек, прежде всего в сфере полупроводников. Для КНР Тайвань представляет собой неотъемлемую часть национальной территории, «красную линию» в отношениях с любым государством», а также один из элементов плана «великого возрождения китайской нации». Позиции США и КНР по тайваньскому вопросу отражены в стратегических документах двух стран.

Концептуальное видение тайваньского вопроса США: основные документы

В основе концептуального видения Соединенными Штатами тайваньской проблемы лежит политика «стратегической неопределенности» (strategic ambiguity), сочетающая признание принципа «одного Китая» в его пекинской интерпретации с обязательством противостоять любой попытке изменения статуса-кво.

Концептуальное ядро американской политики по Тайваню заложено в трех совместных коммюнике США и КНР (1972 г., 1979 г., 1982 г.). Шанхайское коммюнике 1972 г. стало важнейшей вехой в контексте тайваньской проблемы, так как в нем США официально признали принцип «одного Китая». В коммюнике заявлено: «Правительство Китая решительно выступает против любой деятельности, направленной на создание «одного Китая, одного Тайваня», «одного Китая, двух правительств», «двух Китаев» и «независимого Тайваня»… Соединенные Штаты признают, что все китайцы по обе стороны Тайваньского пролива считают, что существует только один Китай и что Тайвань является частью Китая»[1]. Тем не менее, в данном документе США не давали обязательств по выводу войск, прекращению контактов с Тайванем, расторжению Договора о взаимной обороне между США и Тайванем. Несмотря на это упущение, коммюнике 1972 г. подчеркивало обоюдное стремление сторон к развитию сотрудничества. Последующие документы 1979 г. и 1982 г. развили эту логику, подтвердив переход к неофициальным связям с Тайбэем.

Параллельно с коммюнике Конгресс США в 1979 г. принял Закон об отношениях с Тайванем. Закон устанавливает политику предоставления Тайваню оборонительного оружия, сопротивления любым насильственным попыткам изменить его статус и сохранения коммерческих, культурных связей через Американский институт на Тайване[2]. Таким образом, закон концептуализирует Тайвань не как часть Китая, а как субъект международных отношений с правом на самооборону.

В то же время в стратегических документах США той эпохи уделяется большое внимание развитию отношений с КНР. В Стратегии национальной безопасности 1987 г., укрепление связей с материковым Китаем входит в число основных целей американской внешней политики. Декларируется, что США уважают различия политических систем двух стран и намерены развивать с КНР дружественные отношения[3]. В Стратегии 1988 г. сделан еще больший акцент на американо-китайских отношениях. Заявлено, что сильный Китай соответствует интересам США[4]. Тайваньский вопрос в данных стратегиях не упоминается, несмотря на активную поддержку острова администрацией Рейгана.

В Стратегиях национальной безопасности Дж.Буша-старшего отражено изменение подхода США к Китаю. В Стратегии 1990 г. утверждает-

[1] Shanghai Communique // Richard Nixon Foundation URL: https://blog.nixonfoundation.org/wp-content/uploads/2014/11/Shanghai-Communique.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Taiwan Relations Act // American Institute in Taiwan URL: https://www.ait.org.tw/policy-history/taiwan-relations-act/ (дата обращения: 10.03.2026).

[3] National Security Strategy 1987 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1987.pdf?ver=2014–06–25–121104–753 (дата обращения: 29.04.2026).

[4] National Security Strategy 1988 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1988.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

ся, что развитие американо-китайских отношений способствует поддержанию безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время упоминаются события на площади Тяньаньмэнь и вызванное ими охлаждение американо-китайских отношений[1]. Риторика по отношению к КНР в Стратегии 1991 г. радикально отличается. США переходят от кооперации к конфронтации, называя КНР «сложным вызовом, наряду с Советским Союзом». В данной концепции также впервые упоминаются «тесные и содержательные» отношения США с Тайванем. США провозглашает своей целью содействовать созданию условий, при которых Тайвань и КНР смогут вести конструктивный и мирный диалог[2].

Администрация Б.Клинтона в своих стратегических документах делает акцент на продвижение демократических ценностей в КНР, двустороннюю торговлю, а также на совместное с Китаем поддержание безопасности в регионе и Тайваньском проливе. При этом США высказывают намерение продолжать поддерживать прочные неофициальные связи (включая продажи оружия) с Тайванем в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем[3].

Дж.Буш-младший усилил акцент на Тайвань как «стратегического партнера в войне с террором» и сдерживании КНР, вводя формулу «противодействия изменениям статус-кво любой стороной», чтобы предотвратить провокации как от Пекина, так и от Тайбэя под влиянием Чэнь Шуйбяня. Риторика по отношению к КНР при администрации Буша-мл. была достаточно нейтральной. В Стратегии национальной безопасности 2002 г. подчеркивается, что США и КНР сотрудничают и ведут конструктивный диалог во многих областях, включая борьбу с терроризмом, содействие стабильности на Корейском полуострове, здравоохранение и т.д. В то же время упоминаются и разногласия США и КНР, первым среди которых является приверженность США защищать Тайвань[4]. Стратегия национальной безопасности США 2006 г. также позиционирует Китай как важного игрока на международной арене, с которым у США имеются общие интересы и перспективы сотрудничества в области противодействия терроризму, энергетической безопасности, борьбы с распространением оружия массового уничтожения. Тайвань также упоминается в документе: США вновь призывают стороны к урегулированию разногласий мирным путем[5]. В Стратегии национальной обороны 2008 г. США осудили модернизирнизацию военного потенциала КНР, нацеленную, по мнению американцев, в первую очередь на конфликт в Тайваньском проливе. В данном документе США высказали намерение продолжать оказывать на Китай давление с целью повышения прозрачности его расходов на оборонный бюджет, стратегий и планов[6]. Анализ данных документов показывает, что даже в моменты относительной оттепели в отношениях США и КНР, вызванной сменой США внешнеполитических приоритетов в связи с войной с терроризмом, Тайвань оставался линией раскола в американо-китайских отношениях и имел на них сильное влияние.

Б.Обама встроил тайваньский фактор в стратегию «поворот к Азии» (Pivot to Asia), целью которой было сдерживание Китая и усиление США в АТР после отказа Китая от американской инициативы создания G2. Остров стал элементом сети альянсов, направленных против Китая, а экономическая интеграция через Транстихоокеанское партнёрство (TPP) позиционировалась как невоенный барьер против доминирования Китая, с акцентом на «мир и стабильность в проливе» без прямых угроз. Тем не менее в Стратегиях национальной безопасности администрации Обамы 2010 г. и 2015 г. акцент больше делался на сотрудничество с Китаем. Обязательство США защищать Тайвань никак не упоминалось[7].

Д.Трамп в течение своего первого президентского срока радикализировал риторику в Стратегии национальной безопасности 2017 г., где Тайвань обозначен как часть «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (FOIP), а Китай – как ревизионистская держава, представляющая угрозу безопасности и процветанию США. В данном документе США подтвердили приверженность сохранению связей с Тайванем, включая обязательства в рамках Закона об отношениях с Тайванем по обеспечению Тайваня вооружением и сдерживанию принудительных действий[8]. Такая риторика сопровождалось торговой войной и первыми визитами высокопоставленных чиновников в Тайбэй.

Дж.Байден (2021–2025 гг.) продолжил риторику предшественника, рассматривая Тайваньский пролив как «центральный театр» противостояния с КНР в Стратегии национальной безопасности 2022 г., где Пекин обозначен самой большой угрозой для мирового лидерства США и единственным конкурентом, который обладает ресурсами и мощью необходимыми для трансформации миропорядка. Поддержка Тайваня в этом контексте – важная часть сдерживания КНР через альянсы AUKUS, Quad и усиление ПРО в регионе. Тем не менее США подтвердили приверженность принципу «одного Китая» и сохранению статуса-кво в Тайваньском проливе[9]. В Стратегии национальной обороны 2022 г. Китай был назван наиболее серьезным вызовом для безопасности США. Отношение КНР к Тайваню названо принудительным и дестабилизирующим ситуацию в регионе. Кроме того, США в данном документе взяли обязательства, направленные на сдерживание КНР, включая укрепление альянсов с Японией и Австралией, а также оборонного партнерства с Индией, развитие взаимодействия в рамках AUKUS и Quad, поддерживать самооборону Тайваня[10].

Администрация Трампа 2.0 (2025 г.-н.в.) в новой Стратегии национальной безопасности 2025 г. уделила Тайваню большое внимание в контексте содействия США в военном усилении в любой точке Первой цепи островов. Кроме того, Тайвань рассматривается как барьер против доминирования Китая в Южно-Китайском море и подчеркивается роль острова в доступе к глобальным цепочкам поставок полупроводников. Несмотря на то, что и в Стратегии 2025 г. была подтверждена приверженность США сохранению статуса-кво в Тайваньском проливе, отношение к КНР в данном документе весьма резкое с акцентом на соперничество и пересмотр экономических отношений двух стран[11]. В Стратегии национальной обороны 2026 г. администрация Трампа сделала одной из главных целей сдерживание Китая посредством создания мощной системы обороны вдоль Первой цепи островов. При этом Тайвань в данном документе никак не упоминается[12].

На уровне конкретных действий американская линия подкреплялась регулярными продажами вооружений, развитием оборонного сотрудничества с Тайванем и укреплением региональной сети альянсов. То есть американские документы всегда имели не только декларативный, но и операционный смысл.

Стратегические документы КНР в контексте проблемы Тайваня

В официальной доктрине Пекина позиция по тайваньскому вопросу выражается в принципе «одного Китая», который в современной формулировке сводится к трем базовым тезисам: в мире существует только один Китай, Тайвань является неотъемлемой частью его территории, а правительство КНР выступает единственным законным представителем всего Китая на международной арене[13]. Такой подход определяет

[1] National Security Strategy 1990 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1990.pdf?ver=x5cwOOez0oak2BjhXekM-Q%3D%3D (дата обращения: 29.04.2026).

[2] National Security Strategy 1991 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1991.pdf?ver=3slpLiQwmknO-RplyPeAHw%3D%3D (дата обращения: 29.04.2026).

[3] A National Security Strategy for a Global Age 2000 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

[4] The National Security Strategy of the United States of America September 2002 // U.S. Department of State URL: https://2009–2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[5] The National Security Strategy of the United States of America March 2006 // Office of the Secretary of Defense Historical Office URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[6] National Defense Strategy 2008 // OAS.org URL: https://www.oas.org/csh/spanish/documentos/2008%20National%20Defense%20Strategy.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

[7] National Security Strategy May 2010 // National Archives URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 11.03.2026), National Security Strategy February 2015 // National Archives URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[8] National Security Strategy December 2017 // National Archives URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12–18–2017–0905.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[9] National Security Strategy October 2022 // National Archives URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[10] 2022 National Defense Strategy // US Department of War URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF (дата обращения: 29.04.2026).

[11] National Security Strategy November 2025 // White House URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[12] 2026 National Defense Strategy // US Department of War URL: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF (дата обращения: 29.04.2026).

[13] 中方关于联大第2758号决议的立场文件 Документ, отражающий позицию Китая по резолюции № 2758 Генеральной Ассамблеи ООН // 中华

как внутреннюю правовую регламентацию тайваньской проблемы, так и внешнеполитическую линию Пекина.

В нарративе КНР проблема Тайваня – это «наследие гражданской войны в Китае», а не классический международно-правовой территориальный спор между двумя суверенными государствами[1]. Тем самым юридически КНР стремится исключить возможность международной медиации и квалифицировать тайваньский вопрос как сугубо внутреннее дело Китая, к которому неприменимы доктрины о праве народов на самоопределение вплоть до отделения.

Кульминацией институционализации политики Пекина по тайваньскому вопросу стало принятие в 2005 г. Закона «О противодействии расколу государства». Уже в первой статье закона поясняется, что он разработан для «противодействия и сдерживания раскола государства силами «тайваньской независимости», содействия мирному национальному воссоединению, поддержания мира и стабильности в Тайваньском проливе, сохранения суверенитета и территориальной целостности Китая и защиты фундаментальных интересов китайской нации»[2]. Закон тем самым формализует использование концепта «мирного воссоединения» как предпочтительного, но не единственного инструмента решения проблемы.

В законе четко прописаны условия применения «немирных средств и других необходимых мер» против Тайваня. Закон допускает переход к силовым действиям в трех случаях: если силы «тайваньской независимости» совершат акт фактического отделения Тайваня от Китая, если произойдут события, приводящие к отделению острова, или если все возможности мирного воссоединения будут исчерпаны[3].

Важную роль в данном контексте также играют официальные «белые книги» Госсовета КНР. Белая книга 1993 г. была опубликована в период, когда Пекин ещё пытался сочетать принцип «Одного Китая» с относительно осторожной риторикой. В этом документе утверждается, что Тайвань принадлежит Китаю исторически, юридически и политически, а воссоединение является необходимым итогом[4]. Но при этом тон документа остается менее конфронтационным. Белая книга 2000 г. уже гораздо жёстче и системнее. В ней Пекин уже не просто повторяет принцип, а выстраивает полноценную доктрину: существует только один Китай, Тайвань – его часть, а любые попытки международного признания Тайваня как отдельного субъекта отвергаются как недопустимые[5].

В документе 2022 г. прямо увязывается решение тайваньской проблемы с концепцией «новой эпохи» Си Цзиньпина, подчеркивается, что великие достижения реформ, открытости и модернизации за последние десятилетия создали материальную базу для продвижения к «полной национальной консолидации» и что завершение воссоединения – ключевой элемент «китайской мечты о великом возрождении»[6]. Такая постановка задач поднимает тайваньский вопрос на уровень цивилизационного проекта, от успеха которого зависит легитимность всей траектории развития КНР в XXI веке. В белой книге 2022 г. больше нет упоминаний высокой степени автономии для Тайваня и отказа от применения силы при необходимости или от размещения на острове военного персонала КНР в случае воссоединения, в отличие от аналогичных документов 1993 г. и 2000 г.[7]

Во всех трех белых книгах также подчеркивается роль США. В документе 1993 г. КНР делает акцент на дружественные связи с США и призывает к соблюдению основных положений трех американо-китайских коммюнике[8]. В белой книге 2000 г. выражается надежда на добросовестное выполнение США своих обязательств, изложенных в трех коммюнике[9]. В белой книге 2022 г. риторика становится жестче: КНР решительно осуждает внешние силы, препятствующие объединению Китая и критикует политику США на тайваньском направлении[10].

Новизна белой книги 2022 г. заключается в декларации в ней пяти требований для воссоединения Китая, среди которых совместная работа по содействию возрождению Китая и его мирному воссоединению; поиск решения тайваньского вопроса на основе двух систем и осуществление новаторских усилий по мирному воссоединению; соблюдение принципа «одного Китая» и обеспечение перспектив мирного воссоединения; дальнейшая интеграция развития по обе стороны пролива и укрепление основ мирного воссоединения; установление более тесных духовных связей между людьми с обеих сторон[11].

Подводя итог, в стратегических документах обеих сторон можно отследить эволюцию их подходов к проблеме Тайваня. Произошел сдвиг от осторожности и неоднозначности к более жесткой риторике, подкрепленной соответствующими действиями. США начинали с формулы поддержания мира и сохранения неофициальных отношений, затем перешли к обязательству поддерживать обороноспособность Тайваня и, наконец, к увязыванию проблемы Тайваня с задачей сдерживания КНР. Китай, в свою очередь, от утверждений об исторической принадлежности Тайваня к Китаю перешёл к декларации своего права на применение силы. Стратегии обеих сторон продолжают формально декларировать приверженность мирному урегулированию и сохранению статуса-кво, однако фактическая логика их реализации имеет всё более конфронтационный характер.

Литература

1. Shanghai Communique // Richard Nixon Foundation URL: https://blog.nixonfoundation.org/wp-content/uploads/2014/11/Shanghai-Communique.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

2. Taiwan Relations Act // American Institute in Taiwan URL: https://www.ait.org.tw/policy-history/taiwan-relations-act/ (дата обращения: 10.03.2026).

3. National Security Strategy 1987 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1987.pdf?ver=2014–06–25–121104–753 (дата обращения: 29.04.2026).

4. National Security Strategy 1988 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1988.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

5. National Security Strategy 1990 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1990.pdf?ver=x5cwOOez0oak2BjhXekM-Q%3D%3D (дата обращения: 29.04.2026).

6. National Security Strategy 1991 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1991.pdf?ver=3slpLiQwmknO-RplyPeAHw%3D%3D (дата обращения: 29.04.2026).

7. A National Security Strategy for a Global Age 2000 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

8. The National Security Strategy of the United States of America September 2002 // U.S. Department of State URL: https://2009–2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202509/t20250930_11721834.shtml (дата обращения: 10.03.2026).

[1] 台湾问题与新时代中国统一事业 Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эпоху // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202208/t20220810_10738763.html (дата обращения: 10.03.2026).

[2] 反分裂国家法 Закон о борьбе с сепаратизмом // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/stflgf/202206/t20220606_10699015.html (дата обращения: 14.12.2025).

[3] Там же.

[4] 台湾问题与中国的统一（1993年）Тайваньский вопрос и объединение Китая (1993 г.) // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699029.html (дата обращения: 19.12.2025).

[5] 一个中国的原则与台湾问题（2000年）Принцип «одного Китая» и тайваньский вопрос (2000 г.) // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html (дата обращения: 19.12.2025).

[6] 台湾问题与新时代中国统一事业 Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эпоху // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202208/t20220810_10738763.html (дата обращения: 10.03.2026).

[7] China's New (Old) Taiwan White Paper: What's the Point? By Jake Steiner // Pacific Forum URL: https://pacforum.org/wp-content/uploads/2024/01/PacNet50.2022.08.31.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

[8] 台湾问题与中国的统一（1993年）Тайваньский вопрос и объединение Китая (1993 г.) // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699029.html (дата обращения: 19.12.2025).

[9] 一个中国的原则与台湾问题（2000年）Принцип «одного Китая» и проблема Тайваня (2000 г.) // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html (дата обращения: 10.03.2026).

[10] Дикарев А.Д. Белые книги Пекина по тайваньскому вопросу. Преемственность и новации // Российское Китаеведение. – 2024. – № 1 (6). – С. 36

[11] Там же. С. 30

9. The National Security Strategy of the United States of America March 2006 // Office of the Secretary of Defense Historical Office URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

10. National Defense Strategy 2008 // OAS.org URL: https://www.oas.org/csh/spanish/documentos/2008%20National%20Defense%20Strategy.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

11. National Security Strategy May 2010 // National Archives URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 11.03.2026), National Security Strategy February 2015 // National Archives URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

12. National Security Strategy December 2017 // National Archives URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12–18–2017–0905.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

13. National Security Strategy October 2022 // National Archives URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

14. 2022 National Defense Strategy // US Department of War URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF (дата обращения: 29.04.2026).

15. National Security Strategy November 2025 // White House URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

16. 2026 National Defense Strategy // US Department of War URL: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF (дата обращения: 29.04.2026).

17. 中方关于联大第2758号决议的立场文件 Документ, отражающий позицию Китая по резолюции № 2758 Генеральной Ассамблеи ООН // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202509/t20250930_11721834.shtml (дата обращения: 10.03.2026).

18. 台湾问题与新时代中国统一事业 Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эпоху // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202208/t20220810_10738763.html (дата обращения: 10.03.2026).

19. 中华人民共和国宪法 Конституция КНР // 中华人民共和国国防部 Министерство национальной обороны КНР URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4807615.html (дата обращения: 10.03.2026).

20. 反分裂国家法 Закон о борьбе с сепаратизмом // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/stflgf/202206/t20220606_10699015.html (дата обращения: 14.12.2025).

21. 台湾问题与中国的统一（1993年）Тайваньский вопрос и объединение Китая (1993 г.) // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699029.html (дата обращения: 19.12.2025).

22. 一个中国的原则与台湾问题（2000年）Принцип «одного Китая» и тайваньский вопрос (2000 г.) // 中华人民共和国外交部 Министерство иностранных дел КНР URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html (дата обращения: 19.12.2025).

23. China's New (Old) Taiwan White Paper: What's the Point? By Jake Steiner // Pacific Forum URL: https://pacforum.org/wp-content/uploads/2024/01/PacNet50.2022.08.31.pdf (дата обращения: 11.03.2026).

24. Дикарев А.Д. Белые книги Пекина по тайваньскому вопросу. Преемственность и новации // Российское Китаеведение. – 2024. – № 1 (6). – С. 26–42.

THE TAIWAN ISSUE IN THE STRATEGIC DOCUMENTS OF CHINA AND THE UNITED STATES

Bagirova R.A.
Moscow State Institute of International Relations

The article is devoted to the Taiwan factor in the strategic documents of the United States and China and aims to trace how the approach to the Taiwan problem and rhetoric towards it have changed in the official texts of the two states. The article examines the 1979 American Law on Relations with Taiwan, three US-Chinese communiques, the US National Security and Defense Strategies, as well as the Constitution of the People's Republic of China, the Anti-Secession Law, the White Papers of 1993, 2000 and 2022. After analyzing the above documents, it can be concluded that Taiwan has transformed from a peripheral problem of the post-war settlement into a central hub of the US-Chinese strategic rivalry.

Keywords: Taiwan; USA; PRC; national security strategy; national defense strategy; Law on Relations with Taiwan; Anti-secession Law; white papers of the State Council of the People's Republic of China; "one China" principle; deterrence; status quo.

References

1. Shanghai Communique // Richard Nixon Foundation URL: https://blog.nixonfoundation.org/wp-content/uploads/2014/11/Shanghai-Communique.pdf (accessed: 10.03.2026).

2. Taiwan Relations Act // American Institute in Taiwan URL: https://www.ait.org.tw/policy-history/taiwan-relations-act/ (accessed: 10.03.2026).

3. National Security Strategy 1987 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1987.pdf?ver=2014–06–25–121104–753 (accessed: 29.04.2026).

4. National Security Strategy 1988 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1988.pdf (accessed: 29.04.2026).

5. National Security Strategy 1990 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1990.pdf?ver=x5cwOOez0oak-2BjhXekM-Q%3D%3D (accessed: 29.04.2026).

6. National Security Strategy 1991 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1991.pdf?ver=3sIpLiQwm-knO-RplyPeAHw%3D%3D (accessed: 29.04.2026).

7. A National Security Strategy for a Global Age 2000 // Office of the Secretary Defense History URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf (accessed: 29.04.2026).

8. The National Security Strategy of the United States of America September 2002 // U.S. Department of State URL: https://2009–2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf (accessed: 11.03.2026).

9. The National Security Strategy of the United States of America March 2006 // Office of the Secretary of Defense Historical Office URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf (accessed: 11.03.2026).

10. National Defense Strategy 2008 // OAS.org URL: https://www.oas.org/csh/spanish/documentos/2008%20National%20Defense%20Strategy.pdf (accessed: 29.04.2026).

11. National Security Strategy May 2010 // National Archives URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (accessed: 11.03.2026), National Security Strategy February 2015 // National Archives URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 11.03.2026).

12. National Security Strategy December 2017 // National Archives URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12–18–2017–0905.pdf (accessed: 11.03.2026).

13. National Security Strategy October 2022 // National Archives URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed: 11.03.2026).

14. 2022 National Defense Strategy // US Department of War URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF (accessed: 29.04.2026).

15. National Security Strategy November 2025 // White House URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (accessed: 11.03.2026).

16. 2026 National Defense Strategy // US Department of War URL: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF (accessed: 29.04.2026).

17. Document Reflecting China's Position on UN General Assembly Resolution No. 2758 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202509/t20250930_11721834.shtml (accessed: 10.03.2026).

18. Taiwan Issue and the Cause of China's Reunification in the New Era // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202208/t20220810_10738763.html (accessed: 10.03.2026).

19. Constitution of the People's Republic of China // Ministry of National Defense of the People's Republic of China URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4807615.html (accessed: 10.03.2026).

20. Anti-Secession Law // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/stflgf/202206/t20220606_10699015.html (accessed: 14.12.2025).

21. Taiwan Question and China's Reunification (1993) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699029.html (accessed: 19.12.2025).

22. Principle of "One China" and the Taiwan Question (2000) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/dnzt_674981/qtzt/twwt/twwtbps/202206/t20220606_10699030.html (accessed: 19.12.2025).

23. China's New (Old) Taiwan White Paper: What's the Point? By Jake Steiner // Pacific Forum URL: https://pacforum.org/wp-content/uploads/2024/01/PacNet50.2022.08.31.pdf (accessed: 11.03.2026).

24. Dikarev A.D. Beijing's White Papers on the Taiwan Issue. Continuity and Innovation // Russian Journal of Chinese Studies. – 2024. – No. 1 (6). – P. 26–42.

Современные политические процессы в странах Западной Европы: тренды и трансформации

Викторов Александр Александрович,
аспирант, кафедра политических процессов и технологий
Университета Мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
E-mail: al.dubrovsky2098@mail.ru

Статья посвящена современным политическим процессам в странах Западной Европы, прежде всего изменению партийной конкуренции, росту правопопулистских сил, усложнению миграционной повестки, кризису традиционных партийных профилей и пересмотру внешнеполитических ориентиров ведущих европейских государств. Актуальность темы связана с тем, что западноевропейская политика утрачивает прежнюю устойчивость под воздействием электоральной фрагментации, социального недовольства, миграционного давления, институциональных ограничений Европейского союза и изменений в сфере безопасности. Цель статьи – выявить основные тренды и направления трансформации политических процессов в Западной Европе на основе современных русскоязычных исследований. Научная новизна состоит в комплексном рассмотрении партийных, электоральных, миграционных и внешнеполитических сдвигов как взаимосвязанных проявлений перестройки западноевропейского политического пространства. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, обобщение и синтез. Материалом послужили исследования 2023–2026 гг., посвященные ЕС, Германии, Франции, Бельгии, Великобритании, миграции, евроскептицизму и правому популизму. Практическая полезность результатов связана с возможностью применять их при политологической оценке европейских электоральных циклов, партийных стратегий и управленческих решений в сфере миграции и безопасности.

Ключевые слова: Западная Европа, Европейский союз, партийные системы, правый популизм, евроскептицизм, миграционная политика, выборы, Франция, Германия, внешнеполитическая стратегия.

Введение

Современные политические процессы в странах Западной Европы развиваются в условиях нарастания институциональной и электоральной неопределенности. Политические партии, сохранявшие устойчивые позиции в послевоенный период, сталкиваются с сокращением доверия, конкуренцией со стороны новых движений, изменением социального состава электората и усилением протестного голосования. На этом фоне возрастает значение правопопулистских и евроскептических сил, которые используют миграционную, ценностную, социально-экономическую и суверенистскую повестку для критики действующих политических элит.

Актуальность исследования определяется тем, что политические изменения в Западной Европе затрагивают несколько взаимосвязанных уровней: национальные партийные системы, Европейский парламент, миграционное управление, идеологическое позиционирование партий, отношения Франции и Германии, а также внешнеполитическое самоопределение европейских государств после 2022 г. Рассмотрение этих процессов в единой аналитической логике позволяет точнее определить, какие изменения носят временный электоральный характер, а какие отражают более глубокую перестройку политического пространства.

Цель исследования – выявить основные тренды и направления трансформации современных политических процессов в странах Западной Европы.

Для достижения цели решаются задачи:

1) определить основные изменения в партийно-электоральной сфере Западной Европы;

2) раскрыть влияние миграционной и евроскептической повестки на политическую конкуренцию;

3) охарактеризовать связь внутриполитических сдвигов с поиском новых внешнеполитических стратегий ведущих западноевропейских государств.

Научная новизна исследования состоит в том, что партийная фрагментация, рост правого популизма, кризис традиционных идеологических профилей, миграционная политизация и пересмотр внешнеполитических ориентиров рассматриваются как элементы единого процесса перестройки западноевропейской политики.

Материалы и методы

Материальную основу статьи составили современные русскоязычные исследования, раскрывающие политические изменения в странах Западной Европы и ЕС. Б.П. Гуселетов [1] исследует позиции ведущих европартий перед выборами в Европейский парламент 2024 г. и показывает, как общеевропейская партийная конкуренция отражает сдвиги в идеологических приоритетах. А.В. Жидкова и А.О. Хорошева [2] рассматривают политическую ситуацию в Бельгии и Франции через тенденции и ограничения правопопулистского поворота. Н.Ю. Лапина [3] анализирует интеграцию иммигрантов и политику в отношении национальных меньшинств в европейских странах, связывая миграционные процессы с проблемой социальной устойчивости. Р.Н. Лункин [4] предлагает переосмысление популизма через идеологию несистемных партий в Европе. А.Е. Любарев [5] исследует влияние различных избирательных систем на успех правых популистов в Швеции, Германии, Франции и Великобритании. Н.В. Павлов и Д.А. Дмитриев [6] раскрывают кризис партии «Левая» в Германии как проявление внутренних противоречий традиционного партийного сегмента. И.И. Петров [7] обосновывает классификацию направлений трансформации партийных систем стран ЕС. Т.Н. Потапов [8] изучает миграцию как элемент евроскептической повестки и анализирует подходы партий соответствующей направленности к регулированию миграционных процессов. Ю.И. Рубинский и А.А. Синдеев [9] исследуют внутриполитические факторы поиска новой стратегии франко-германского тандема. П.П. Тимофеев, Е.М. Харитонова и М.В. Хорольская [10] рассматривают подходы аналитических центров Германии, Франции и Британии к новым внешнеполитическим стратегиям.

Методологическую основу статьи составили анализ научных публикаций, сравнительный анализ, логико-аналитический разбор, классификация, обобщение и синтез. Анализ публикаций позволил выделить исследовательские позиции по партийным, электоральным,

миграционным и внешнеполитическим процессам. Сравнительный анализ применен для сопоставления страновых случаев и партийных траекторий. Классификация использована для группировки трендов по содержательным направлениям. Синтез позволил связать отдельные положения источников в единую модель трансформации западноевропейской политики.

Результаты

Современные политические процессы в странах Западной Европы характеризуются одновременным изменением партийной конкуренции, электорального поведения, миграционной повестки и внешнеполитического самоопределения. Эти изменения не сводятся к росту одной группы партий или к последствиям отдельного кризиса. В западноевропейской политике прослеживается более широкая перестройка: традиционные партии теряют прежнюю монополию на представительство социальных интересов, электорат активнее реагирует на культурные и миграционные линии размежевания, а институты ЕС сталкиваются с необходимостью учитывать более фрагментированную структуру политических предпочтений.

На уровне Европейского союза эти процессы отчетливо проявились в подготовке к выборам в Европейский парламент 2024 г. Исследование Б.П. Гуселетова показывает, что ведущие европартии выстраивали свои позиции вокруг вопросов безопасности, миграции, климата, социально-экономической устойчивости и будущего европейской интеграции [1]. Значение этого материала состоит в том, что он фиксирует перенос части национальных конфликтных линий на общеевропейский уровень. Европейские партии вынуждены реагировать на запросы, которые ранее сильнее проявлялись в национальной политике: недовольство миграционным управлением, напряжение вокруг «зеленого» курса, опасения по поводу снижения социального уровня и рост суверенистских настроений.

Франция и Бельгия показывают, что правопопулистский поворот в Западной Европе развивается неравномерно. В исследовании А.В. Жидковой и А.О. Хорошевой рассматриваются тенденции усиления правопопулистских сил и ограничения этого процесса в двух странах [2]. Французский случай связан с длительной нормализацией правопопулистской риторики, расширением ее электоральной базы и ослаблением прежних механизмов политической изоляции радикальных сил. Бельгийский случай сложнее из-за федеративной структуры, языкового деления и региональной неоднородности партийного поля. Сопоставление этих стран показывает, что правопопулистские силы получают поддержку при наличии устойчивого недовольства миграционной, социальной и идентичностной политикой, но институциональная конфигурация государства способна ограничивать скорость их продвижения к власти.

Миграционная повестка занимает одно из центральных мест в трансформации западноевропейской политики. Н.Ю. Лапина связывает политику интеграции иммигрантов с проблемой этнокультурного разнообразия, национальных меньшинств и социальной устойчивости европейских обществ [3]. Для политического анализа здесь значима не только численность мигрантов, но и изменение способов их включения в принимающее общество. Французская ассимиляционная модель, германская практика интеграции, британский опыт управления «сверхразнообразием» и общеевропейские нормы интеграционной политики формируют разные варианты ответа на один и тот же вопрос: как сохранить социальную согласованность при росте культурной неоднородности.

Миграция одновременно выступает объектом государственного регулирования и ресурсом партийной мобилизации. Т.Н. Потапов рассматривает миграцию как элемент евроскептической повестки, указывая на то, что крупнейшие партии евроскептической направленности используют вопросы нелегальной миграции, гражданства, безопасности и контроля границ для критики политики ЕС [8]. В западноевропейских странах эта линия особенно заметна там, где миграционные кризисы совпадают с ощущением снижения управляемости государственных институтов. На этом основании евроскептические партии переводят социальные страхи в политические лозунги, противопоставляя национальный контроль над границами наднациональным механизмам регулирования.

Рост правопопулистских партий нельзя объяснить исключительно миграцией. А.Е. Любарев показывает, что успех правых популистов зависит от сочетания социально-политических причин и особенностей избирательных систем [5]. В Швеции, Германии, Франции и Великобритании разные правила перевода голосов в мандаты по-разному ограничивают или усиливают представительство радикальных партий. Пропорциональные системы легче обеспечивают доступ таких партий в парламент, а мажоритарные и плюральные правила затрудняют представительство на ранних этапах роста поддержки. При достижении более высокого уровня электоральной поддержки институциональные барьеры перестают работать прежним образом, и правопопулистские партии получают новые возможности для закрепления.

Изменение партийных систем ЕС носит не только количественный, но и структурный характер. И.И. Петров рассматривает трансформацию партийных систем стран ЕС через новые траектории партийной конкуренции и изменение прежних размежеваний [7]. Важен переход от классической праволиберальной и социал-демократической конкуренции к более сложной конфигурации, где социально-экономические линии дополняются культурными, экологическими, миграционными и суверенистскими конфликтами. В результате партийные системы утрачивают прежнюю предсказуемость: центристские партии продолжают занимать институционально сильные позиции, но вынуждены конкурировать с силами, апеллирующими к недовольству элитами, бюрократией ЕС и последствиями глобализации.

Идеологическая структура новых партийных движений не всегда укладывается в привычную шкалу «левые – правые». Р.Н. Лункин предлагает рассматривать несистемные партии через переосмысление популизма, обращая внимание на ценностные и идентичностные основания их политического языка [4]. Такой подход позволяет точнее объяснить, почему часть новых сил совмещает социальную критику, консервативные ценности, антимиграционную риторику, критику либеральных элит и требования демократического обновления. Популизм в этом случае выступает не только стилем политической коммуникации, а способом связывания разных групп недовольства в единую политическую формулу.

Кризис традиционных партий особенно заметен в Германии. Н.В. Павлов и Д.А. Дмитриев на материале партии «Левая» показывают, что идейная неопределенность, внутренние противоречия и конкуренция с правопопулистской «Альтернативой для Германии» в новых федеральных землях ведут к размыванию прежней электоральной базы [6]. Этот случай значим для понимания более широкой западноевропейской тенденции: партии, ориентированные на старые социальные размежевания, сталкиваются с избирателем, для которого вопросы миграции, культурной идентичности, безопасности и отношения к элитам приобретают сопоставимое значение с классической социально-экономической повесткой.

Франко-германский тандем показывает связь внутриполитических трудностей с европейским управлением. Ю.И. Рубинский и А.А. Синдеев анализируют внутриполитические факторы поиска новой стратегии Франции и Германии [9]. Париж и Берлин сталкиваются с разными, но взаимно влияющими ограничениями: во Франции усиливаются протестные настроения и конкуренция вокруг президентского центра, в Германии усложняется коалиционное управление и растет давление со стороны оппозиционных сил. Эти обстоятельства снижают способность двух государств согласованно продвигать общеевропейские решения, особенно в сферах безопасности, промышленной политики, энергетики и институционального реформирования ЕС.

Внешнеполитическая трансформация Западной Европы после 2022 г. дополняет внутриполитические изменения. П.П. Тимофеев, Е.М. Харитонова и М.В. Хорольская анализируют подходы аналитических центров Германии, Франции и Британии к новым внешнеполитическим стратегиям [10]. В их исследовании показано, что европейские экспертные сообщества признают фрагментацию мирового порядка и пересмотр прежних представлений о безопасности. Германия, Франция и Британия сходятся в понимании глубины перемен, но расходятся в оценках приоритетов, степени автономии Европы и форматов отношений с внешними центрами силы. Для политических процессов внутри Западной Европы это означает усиление связи между внешней стратегией, оборонной политикой, партийной конкуренцией и общественными ожиданиями.

Совокупность рассмотренных источников позволяет выделить несколько трендов. Первый связан с фрагментацией партийных систем: традиционные партии сохраняют институциональные ресурсы, но утрачивают прежнюю устойчивость электоральной поддержки. Второй тренд выражается в росте правопопулистских и евроскептических сил, чья повестка объединяет миграцию, безопасность, критику элит и требования национального контроля. Третий тренд состоит в усложнении миграционного управления, поскольку интеграция иммигрантов затрагивает вопросы гражданства, образования, рынка труда, городского пространства и общественной безопасности. Четвертый тренд связан с кризисом старых идеологических профилей, что особенно заметно на примере немецкой левой политики. Пятый тренд проявляется в пересмотре внешнеполитического курса ведущих западноевропейских стран на фоне изменения международной среды.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что западноевропейская политика вступила в фазу устойчивой перестройки, где электоральные, миграционные и внешнеполитические процессы усиливают друг друга. При этом разные исследовательские подходы акцентируют неодинаковые причины изменений. Работы, ориентированные на анализ партийных систем, подчеркивают структурные сдвиги в конкуренции партий и изменение прежних линий размежевания. Исследования правого популизма и евроскептицизма связывают политическую динамику с недовольством миграционной политикой, социальными рисками и критикой наднационального управления. Страновые исследования Франции, Бельгии и Германии раскрывают национальные ограничения общих трендов.

Различие подходов особенно заметно при оценке правопопулистского роста. Один подход объясняет его через социальные и культурные запросы избирателей, другой – через институциональные условия, прежде всего избирательные системы и партийные барьеры. Эти объяснения не исключают друг друга. Социальное недовольство формирует электоральный спрос, а избирательные правила определяют, насколько быстро этот спрос превращается в парламентское представительство. Поэтому одинаковый уровень общественной поддержки способен дать разные политические последствия в Германии, Франции, Швеции или Великобритании.

Миграционная повестка раскрывает пределы прежней европейской модели согласования ценностей и управления. С одной стороны, европейские государства сохраняют нормативную ориентацию на интеграцию, защиту прав и предотвращение маргинализации мигрантов. С другой стороны, часть общества воспринимает миграцию через призму безопасности, нагрузки на социальные системы, культурной дистанции и слабости границ. На этом противоречии строится значительная часть евроскептической риторики. Ограничение применимости выводов состоит в том, что миграционная тема по-разному работает в странах с разной историей колониальных связей, гражданства, федерализма и партийного представительства.

Кризис традиционных партий требует отдельной интерпретации. На примере немецкой «Левой» видно, что утрата электоральной базы связана не только с давлением конкурентов, но и с неспособностью обновить программный язык. Старые социальные лозунги не исчезают, но перестают обеспечивать достаточную мобилизацию без ответа на вопросы идентичности, миграции, безопасности и отношения к наднациональным институтам. Аналогичные трудности затрагивают и другие традиционные партии, хотя формы проявления различаются по странам.

Франко-германский тандем иллюстрирует управленческую сторону западноевропейской трансформации. Внутриполитические трудности Парижа и Берлина снижают предсказуемость общеевропейского лидерства. Когда Франция и Германия одновременно сталкиваются с ростом протестных настроений, усилением правых сил, коалиционными трениями и социально-экономическими ограничениями, пространство для крупных интеграционных инициатив сужается. Поэтому европейская политика все чаще развивается через частичные компромиссы, а не через согласованные долгосрочные проекты.

Внешнеполитический уровень усиливает внутренние напряжения. Пересмотр стратегий Германии, Франции и Британии после 2022 г. связан с безопасностью, отношениями с США, оценкой автономии Европы и отношением к глобальной фрагментации. Эти вопросы выходят за пределы дипломатии и становятся частью внутренней партийной конкуренции. В результате внешняя политика перестает быть сферой экспертного консенсуса и все чаще вовлекается в борьбу за избирателя.

Среди исследовательских лакун следует выделить недостаток сопоставительных работ, где одновременно анализировались бы электоральная статистика, партийные программы, миграционные решения и внешнеполитические установки. Значительная часть литературы глубоко раскрывает отдельные страновые случаи, но менее подробно показывает механизмы перехода от национального недовольства к общеевропейским институциональным последствиям. Перспективным направлением остается изучение того, как правопопулистские, евроскептические и несистемные партии меняют практику коалиционного управления, парламентской повестки и принятия решений в ЕС.

Заключение

Первая задача исследования заключалась в определении основных изменений в партийно-электоральной сфере Западной Европы. Анализ показал, что партийные системы стран региона переживают фрагментацию, связанную с ослаблением традиционных партий, ростом новых движений, усложнением идеологических профилей и усилением конкуренции вокруг миграции, безопасности, социальной политики и европейской интеграции.

Вторая задача была связана с раскрытием влияния миграционной и евроскептической повестки на политическую конкуренцию. Установлено, что миграция выступает значимым ресурсом политической мобилизации, особенно для правопопулистских и евроскептических партий. Эти силы переводят общественные опасения, связанные с границами, культурной неоднородностью и безопасностью, в требования ужесточения государственного контроля и пересмотра полномочий ЕС.

Третья задача предусматривала характеристику связи внутриполитических сдвигов с поиском новых внешнеполитических стратегий ведущих западноевропейских государств. Рассмотренный материал показывает, что внутренние партийные кризисы, протестные настроения и фрагментация электората ограничивают стратегическую согласованность Франции, Германии и Британии. Внешнеполитическое самоопределение Западной Европы после 2022 г. развивается под влиянием не только международных факторов, но и внутренней партийно-политической перестройки.

Литература

1. Гуселетов Б.П. Позиции ведущих европартий накануне выборов в Европейский парламент 2024 г. // Современная Европа. 2024. № 3 (124). С. 68–81. DOI: 10.31857/S0201708324030069.
2. Жидкова А.В., Хорошева А.О. Политическая ситуация в Бельгии и Франции: тенденции и ограничения правопопулистского поворота // Современная Европа. 2025. № 2 (130). С. 53–64. DOI: 10.7868/S3034599525020056.
3. Лапина Н.Ю. Интеграция иммигрантов и политика в отношении национальных меньшинств в странах Европы // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3. С. 7–25. DOI: 10.31249/ape/2024.03.01.
4. Лункин Р.Н. Идеология несистемных партий в Европе: переосмысление популизма // Современная Европа. 2025. № 7. С. 94–107. DOI: 10.7868/S3034599525070095.
5. Любарев А.Е. Успехи правых популистов в Европе в условиях различных избирательных систем // Политическая наука. 2026. № 1. С. 187–210. DOI: 10.31249/poln/2026.01.09.
6. Павлов Н.В., Дмитриев Д.А. «Левая»: кризис идеи или врожденный дефект? // Современная Европа. 2024. № 3. С. 82–94. DOI: 10.31857/S0201708324030070.
7. Петров И.И. Паттерны трансформации партийных систем стран ЕС: направление перемен и причины различий // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2024. № 2 (113). С. 119–137. DOI: 10.30570/2078-5089-2024-113-2-119-137.
8. Потапов Т.Н. Миграция населения как элемент евроскептицистской повестки (политико-управленческий анализ) // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 9. С. 84–90. DOI: 10.24158/pep.2023.9.11.
9. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутриполитические факторы // Современная Европа. 2024. № 1 (122). С. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029.
10. Тимофеев П.П., Харитонова Е.М., Хорольская М.В. Европа в поисках новых внешнеполитических стратегий: подходы аналитических центров Германии, Франции и Британии // Современная Европа. 2023. № 7. С. 35–48. DOI: 10.31857/S0201708323070033.

CONTEMPORARY POLITICAL PROCESSES IN WESTERN EUROPE: TRENDS AND TRANSFORMATIONS

Viktorov A.A.
V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

This article examines contemporary political processes in Western European countries, focusing on changing party competition, the rise of right-wing populist forces, the increasing complexity of the migration agenda, the crisis of traditional party profiles, and the revision of the foreign policy orientations of leading European states. The topic is relevant because Western European politics is losing its former stability under the influence of electoral fragmentation, social discontent, migration pressure, institutional restrictions of the European Union, and changes in the security sphere. The aim of the article is to identify the main trends and directions of political transformation in Western Europe based on contemporary Russian-language research. The scientific novelty lies in the comprehensive examination of party, electoral, migration, and foreign policy shifts as interrelated manifestations of the restructuring of the Western European political space. The study utilized an analysis of scientific publications, comparative analysis, classification, generalization, and synthesis. The material was drawn from studies conducted between 2023 and 2026 on the EU, Germany, France, Belgium, the UK, migration, Euroscepticism, and right-wing populism. The practical utility of the results lies in their applicability to political science assessments of European electoral cycles, party strategies, and management decisions in the areas of migration and security.

Keywords: Western Europe, European Union, party systems, right-wing populism, Euroscepticism, migration policy, elections, France, Germany, foreign policy strategy.

References

1. Guseletov, B.P. "Positions of Leading European Parties on the Eve of the 2024 European Parliament Elections" // Modern Europe. 2024. No. 3 (124). Pp. 68–81. DOI: 10.31857/S0201708324030069.

2. Zhidkova, A.V., Khorosheva, A.O. "The Political Situation in Belgium and France: Trends and Limitations of the Right-Wing Populist Turn" // Modern Europe. 2025. No. 2 (130). Pp. 53–64. DOI: 10.7868/S3034599525020056.

3. Lapina, N.Yu. "Integration of Immigrants and Policy Towards National Minorities in European Countries" // Current Issues of Europe. 2024. No. 3. Pp. 7–25. DOI: 10.31249/ape/2024.03.01.

4. Lunkin, R.N. "The Ideology of Non-Systemic Parties in Europe: Rethinking Populism" // Modern Europe. 2025. No. 7. Pp. 94–107. DOI: 10.7868/S3034599525070095.

5. Lyubarev, A.E. "The Successes of Right-Wing Populists in Europe under Different Electoral Systems" // Political Science. 2026. No. 1. Pp. 187–210. DOI: 10.31249/poln/2026.01.09.

6. Pavlov, N.V., Dmitriev, D.A. "The Left: A Crisis of Ideas or a Congenital Defect?" // Modern Europe. 2024. No. 3. Pp. 82–94. DOI: 10.31857/S0201708324030070.

7. Petrov I.I. Patterns of Transformation of Party Systems in EU Countries: Direction of Changes and Causes of Differences // Polity: Analysis. Chronicle. Forecast. 2024. No. 2 (113). Pp. 119–137. DOI: 10.30570/2078-5089-2024-113-2-119-137.

8. Potapov T.N. Population Migration as an Element of the Eurosceptic Agenda (Political and Managerial Analysis) // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 9. Pp. 84–90. DOI: 10.24158/pep.2023.9.11.

9. Rubinsky, Yu.I., Sindeev, A.A. "The Search for a New Strategy for the Franco-German Tandem: Domestic Political Factors" // Modern Europe. 2024. No. 1 (122). Pp. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029.

10. Timofeev, P.P., Kharitonova, E.M., Khorolskaya, M.V. "Europe in Search of New Foreign Policy Strategies: Approaches of Analytical Centers in Germany, France, and Britain" // Modern Europe. 2023. No. 7. Pp. 35–48. DOI: 10.31857/S0201708323070033.

Влияние трампизма на геополитический порядок в Арктике

Го Аньбан,
аспирант, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
E-mail: 835192175@qq.com

Под руководством Трампа Соединённые Штаты Америки следуют внешнеполитической логике односторонней гегемонии и принципу «Америка прежде всего». Посредством усиления суверенных притязаний на Гренландию, разворачивания милитаризации Арктики, хищнического освоения природных ресурсов и других гегемонистских мер США последовательно укрепляют своё стратегическое присутствие в Арктическом регионе, подрывают функционирование многосторонних регулирующих механизмов, в том числе Арктического совета, и обостряют соперничество между крупными державами в сфере морских транспортных путей и полезных ископаемых. Арктический геополитический порядок испытывает системное давление и ускоренно переходит от управления, основанного на международных нормах, к силовому геополитическому соперничеству государств. Опираясь на геополитическую теорию и теорию гегемонистской стабильности, в статье анализируются идеологическое ядро и практические пути реализации арктической стратегии в русле трампизма, раскрывается её глубокое влияние на структуру арктического порядка, расстановку политических сил и региональное регулирование, а также выявляется внутренняя логика реструктуризации арктического миропорядка, что позволяет создать теоретическую основу для прогнозирования динамики геополитических процессов в Арктике и изучения особенностей межгосударственного соперничества в данном регионе.

Ключевые слова: трампизм, арктический геополитический порядок, Гренландия, арктическое управление, гегемонистская дипломатия.

Введение

Рост влияния трампизма в политической жизни США коренным образом подорвал основы функционирования арктического порядка эпохи после холодной войны и преобразовал ценностное содержание и логику реализации американской арктической стратегии. Данная идеология отказывается от либеральных многосторонних обязательств и переходит к односторонней гегемонистской логике по принципу «Америка прежде всего». Посредством комплексных мер, таких как выдвижение суверенных притязаний на Гренландию, милитаризация Арктики и реформирование правил освоения ресурсов, США включают Арктику в число приоритетных направлений геополитического соперничества между крупными державами.

В современной научной среде сформировались разнообразные исследовательские направления по изучению эволюции арктической геополитики, а основные научные результаты сосредоточены в трех ключевых сферах: с позиции межгосударственного соперничества анализируется логика конкуренции арктических государств, включая Россию и США, в сферах освоения природных ресурсов, контроля над морскими транспортными путями и предъявления суверенных претензий[3]; в рамках изучения региональной безопасности исследуется глубокое влияние расширения военного развертывания в регионе и роста нетрадиционных угроз безопасности на сложившуюся систему арктической безопасности[6,12]; при анализе международного сотрудничества и трансформации регионального порядка обобщаются тенденции ослабления функциональных возможностей многосторонних институтов, прежде всего Арктического совета, а также переход арктических межгосударственных отношений от сотрудничества к конфронтации[2,5,9]. Несмотря на то что научное сообщество единодушно признает факт структурной перестройки арктического порядка, большинство существующих исследований рассматривают арктические политические инициативы администрации Трампа лишь как краткосрочные политические корректировки, не проводя системного раскрытия движущей роли идеологической сути трампизма в процессе трансформации арктического порядка, в связи с чем узкоспециальные исследования в данной области остаются недостаточно полными. Опираясь на геополитическую теорию, теорию регионального порядка и теорию гегемонистской стабильности, в данной статье трампизм рассматривается как ключевая аналитическая переменная для изучения глубинной логики его влияния на формирование арктического геополитического порядка. Данная статья позволяет устранить недостатки существующих научных работ, связанные с ограниченностью исследовательских подходов и отсутствием комплексного системного обобщения, а также формирует теоретическую основу для прогнозирования дальнейших тенденций развития геополитической ситуации в Арктическом регионе.

Основная часть

Проблема Гренландии: арктическое воплощение трампизма

Трампизм представляет собой системную идеологию и комплекс политических практик, основанных на правом популизме и центрирующихся вокруг принципа «Америка прежде всего», его основная цель заключается в реформировании внутренней и внешней политики Соединённых Штатов Америки и подрыве сложившегося международного порядка. Во внешнеполитической сфере он проявляется в следовании унилатерализму и силовой политике, отказе от либеральных многосторонних обещаний, ослаблении роли международных организаций и укреплении национального суверенитета, а также в переформатировании глобального баланса сил посредством трансакционной дипломатии, военного устрашения и соперничества за природные ресурсы. Влияние внешней политики трампизма обусловлено его оригинальной идеологической сущностью и реакцией международного сообщества, её основополагающим принципом является изоляционизм, из которого возникают такие характерные черты, как антиглобализм, внешнеторговый протекционизм, ослабление влияния международных институтов, укрепление национального суверенитета, наращивание оборонного потенциала и отказ от навязывания демократических ценностей другим государствам. Помимо этого, личные качества президента стали важной переменной в формировании внешней политики: принятие политических решений нередко осуществляется на основе интуиции и личных взглядов Дональ-

да Трампа, а не рекомендаций административного аппарата и профессиональных дипломатов, при построении отношений с зарубежными странами он опирается преимущественно на личные контакты с иностранными лидерами. Трамп полагает, что международные договоры и межгосударственные организации ограничивают внешнеполитические возможности США, возлагают на страну необоснованные союзнические обязательства и в конечном итоге создают угрозу национальным интересам, безопасности и суверенитету США [10, С.11]. По этой причине отдельные его внешнеполитические решения полностью игнорируют нормы международного права, бросают вызов существующему международному порядку, он даже рассматривает суверенные интересы союзников как предмет торга, при помощи политического давления и принуждения вынуждает их идти на уступки, готовый наносить ущерб их основным суверенным интересам ради максимального сохранения и укрепления гегемонистского статуса США в мире.

Наиболее прямым и ярким проявлением трампизма в Арктике выступают усиливающиеся претензии администрации Трампа на суверенитет и фактический контроль над Гренландией. Гренландия является автономным регионом с широкими правами самоуправления под юрисдикцией Дании. Благодаря уникальному географическому положению она стала центральной ареной геополитического соперничества и регионального сотрудничества в Арктике, контролирует ключевые участки арктических морских путей, напрямую влияя на структуру мирового судоходства и распределение морских прав и интересов. Обилие стратегических ресурсов, включая редкоземельные металлы, нефть и газ, делает её важным объектом конкуренции за глобальную энергетическую безопасность и стабильность производственных цепочек, а стратегический коридор «Гренландия – Исландия – Великобритания» выступает важной опорой арктической оборонной системы НАТО и системы полярной безопасности. Изменение природной среды, развитие автономии, освоение ресурсов и внешнее сотрудничество Гренландии затрагивают не только экологическую безопасность и климатическую стабильность Арктики, но и глубоко влияют на формирование правил арктического управления, распределение геополитических сил и устойчивое развитие региона, являясь незаменимым ключевым географическим элементом для познания, изучения и регулирования арктических процессов.

Попытки американского правительства заполучить Гренландию начались в середине XIX века. Интерес Вашингтона к острову активизировался после Второй мировой войны, когда военное значение Гренландии в противостоянии с СССР резко выросло. Генералы требовали остров в 1946 и 1955 годах [1, С.81–82]. В 1951 г. США и Дания договорились преобразовать авиабазу Туле в постоянную базу воздушных сил США. В 1953 г. Дания под воздействием Вашингтона отменила колониальный статус Гренландии, сделав ее составной частью королевства. В 1958–1966 гг. Пентагон пытался разместить ядерные пусковые установки под ледниковым щитом Гренландии (проект «Iceworm» – «Ледяной червь»). Этот проект потерпел неудачу, когда выяснилось, что ледники внутри щита перемещаются более интенсивно, чем предполагалось. Несмотря на это, Гренландия играла важную роль в рамках Фарерско-Исландского противолодочного рубежа [11, С.135–136]. За последние годы администрация США во главе с Дональдом Трампом проявляет еще более острую заинтересованность в статусе суверенитета этого острова, даже связывая его с национальной безопасностью Соединенных Штатов. С момента первого заявления Трампа о покупке Гренландии в 2019 году он неоднократно выражал желание получить контроль над этим островом. 7 января 2025 года на пресс-конференции в Мари-Лаго, штат Флорида, он заявил, что не исключает возможности использования военных или экономических средств для захвата контроля над Гренландией [14]. 8 января 2026 года он многократно подчеркивал необходимость «владеть» всей Гренландией, а не только осуществлять военные и оборонные права на её территории в соответствии с действующими договорами. Трамп подчеркнул: «Само право владения обладает стратегической ценностью, которую невозможно получить посредством аренды или заключения договоров» [17]. Всё больше признаков свидетельствует о том, что заявления американского правительства не останутся лишь на уровне слов – в ближайшее время оно предпримет практические шаги для достижения этой цели.

В 2022 году США, опираясь на действующую политическую концепцию по Арктике и учитывая изменения региональной стратегической обстановки, утвердили обновлённую Национальную стратегию США в Арктике [16]. Данный документ представляет собой систематическое совершенствование версии 2013 года и четко формулирует новые арктические перспективы США и механизмы их реализации. В стратегии 2013 года Гренландия упоминалась исключительно как территория Датского королевства без присвоения ей самостоятельного стратегического статуса, напротив, в редакции 2022 года на фоне обострения геополитического соперничества и потребности в обеспечении безопасности цепочек поставок Гренландия определена как ключевой стратегический узел США в европейской части Арктики. При сохранении её принадлежности Датскому королевству к данному региону сформированы отдельные стратегические подходы, все мероприятия сотрудничества направлены непосредственно на Гренландию, что позволяет США укреплять лидерские позиции в Арктике и упрочнять союзнические отношения. Анализ Стратегии национальной безопасности США 2025 года [15] показывает, что несмотря на отсутствие отдельных пунктов об Арктике и Гренландии, арктические вопросы вышли за пределы регионального отраслевого регулирования и были включены в ядро глобального стратегического соперничества. США отказались от традиционной модели многосторонних консультаций в рамках Арктического совета и перешли к практической стратегии, сочетающей одностороннее доминирование и сплочение союзников. Руководствуясь целями контроля над арктическими морскими путями и геополитического сдерживания, страна тесно увязывает арктическую повестку с управлением глобальными цепочками поставок и поддержанием геостратегического баланса сил, осуществляя переход арктической политики от регионального регулирования к участию в глобальном стратегическом противоборстве, поэтому Гренландия заняла центральное место в американской арктической стратегии. В настоящее время США не удовлетворены нынешней степенью своего контроля над Гренландией и в дальнейшем могут прибегнуть к жёстким политическим и даже военным мерам для установления прямого контроля над островом.

Столкнувшись с нарастающим стратегическим давлением США в Гренландии, правительство Дании не располагает действенными способами противодействия. Будучи одним из ключевых членов НАТО, оборонительная политика Дании в Арктике и Северной Атлантике всецело опирается на союзнические структуры во главе с США, а сотрудничество с американскими и другими арктическими союзниками она считает главным способом укрепления региональной безопасности и расширения возможностей суверенного контроля. Несмотря на выделение Данией 146 миллиардов датских крон целевых средств на развитие обороны Гренландии, предусматривающее закупку трёх новых арктических патрульных кораблей, двух дальнобойных беспилотных летательных аппаратов, создание спутниковой системы наблюдения и модернизацию объектов Объединённого арктического командования в Нууке [13], развёртывание военной техники, обслуживание инфраструктуры и формирование разведывательного потенциала невозможны без технологической и материально-технической поддержки США, поэтому Дания не обладает достаточными военными и экономическими возможностями для независимого противостояния стратегическим устремлениям Америки. Помимо этого, статус высокой автономии Гренландии и её потребности в социально-экономическом развитии дополнительно ослабляют рычаги государственного контроля Дании. Дания вынуждена удовлетворять внутренние потребности Гренландии, но при этом не может отказаться от гарантий безопасности со стороны США, в результате чего она ограничивается формальным подтверждением полноты собственного суверенитета и фактически мирится с военным и стратегическим проникновением США в регион под предлогом обеспечения национальной безопасности.

Европейский Союз и НАТО также занимают попустительскую позицию в отношении стратегической экспансии США в Гренландии, ограничиваясь лишь символической дипломатической поддержкой суверенитета Дании и не предпринимая никаких реальных мер для сдерживания или оказания помощи. ЕС имеет жизненно важную зависимость от США в сфере безопасности и рассматривает Америку как единственного гаранта европейской системы безопасности, в то время как администрация Трампа относит Европу к категории дипломатических негативных факторов и экономических конкурентов со значительно пониженным стратегическим приоритетом [8]. Чтобы избежать американских торговых санкций и сокращения предоставляемых гарантий безопасности, государства ЕС и НАТО идут на односторонние уступки США по вопросам оборонных расходов, двусторонней торговли и ситуации вокруг Украины, не желая и не имея возможности обострять отношения с Вашингтоном из-за проблем суверенитета Гренландии. Такая компромиссная линия, основанная на собственных интересах в сфере безопасности и экономики, сводит поддержку Дании лишь к устным заявлениям и фактически способствует реализации американских планов по американизации Гренландии, что ещё больше усугубляет изоляцию Дании в условиях внешнего давления.

Ускоренная перестройка арктического порядка: переход от нормативного регулирования к геополитическому соперничеству великих держав

После Второй мировой войны и до первого десятилетия XXI века в Арктике длительное время сохранялся нормативный порядок регулирования, основанный на международном праве и многосторонних механизмах, его

развитие было тесно связано с глобальной геополитической ситуацией и прошло путь от противостояния во время холодной войны к институционализированному сотрудничеству. В период холодной войны Арктика являлась передовым рубежом стратегических ядерных сил США и СССР, две стороны вели соперничество в сфере контроля воздушного пространства и подводного военного развёртывания, при этом разграничивали сферы своих интересов на основе секторального принципа и других правовых норм. Применение секторального принципа стало главным основанием для обоснования арктических прав соответствующих государств. Под арктическим сектором понимается секторная территория, основанием которой является береговая линия приарктических стран, а вершиной – Северный полюс. Каждая приарктическая держава формирует зону своей исключительной юрисдикции в Арктике, отталкиваясь от самой северной точки собственной береговой линии и простирая границы до Северного полюса [7, С.497]. После распада СССР военное противостояние в регионе пошло на спад, приоритет получили вопросы благополучия населения и развития государства, что создало условия для полноценного нормативного регулирования арктических отношений. В 1991 году была принята Стратегия охраны окружающей среды Арктики, заложившая основу регионального сотрудничества, а в 1996 году учреждён Арктический совет. В дальнейшем государства достигли значительных успехов в определении полномочий данного совета и укреплении его регионального влияния [4, С.136]. Эта система строится на основе Конвенции ООН по морскому праву, объединяет приарктические страны в согласовательную платформу, упорядочивает региональную деятельность и формирует основные институты традиционного геополитического порядка в Арктике.

В отличие от механизмов регионального регулирования других регионов, старый порядок нормативного управления Арктикой во главе с Арктическим советом отличается такими типичными чертами, как закрытость, исключительность, принятие решений на основе консенсуса и демилитаризация, что сформировало стабильную модель регулирования, противоположную практике силового геополитического соперничества. Данный порядок строится на основе арктического центризма, где основными субъектами принятия ключевых решений являются восемь приарктических государств, в то время как неарктические страны могут принимать участие в региональных делах лишь в ограниченном статусе наблюдателей и не имеют права вмешиваться в основные вопросы, включая разграничение суверенных территорий и разработку природных ресурсов, вследствие чего сформировалась исключительная система регионального управления. В плане функционирования он основывается на принципе консенсуса, продвигает сотрудничество на основе общих мнений, сознательно избегает острых геополитических споров по вопросам суверенитета и военной деятельности и сосредотачивается на решении нетрадиционных задач безопасности, прежде всего на охране окружающей среды и проведении полярных научных исследований. Заключенное в 2011 году Соглашение о сотрудничестве в сфере морского и воздушного поиска и спасания в Арктике ещё больше укрепило указанную направленность взаимодействия. Урегулирование возникающих споров осуществляется преимущественно путём дипломатических переговоров и международно-правового арбитража; ярким примером замены военного противостояния нормативной дипломатией является согласование линии разграничения морских пространств между Норвегией и Россией в Баренцевом море, что позволило поддерживать в Арктике долгосрочную обстановку с низким уровнем конфликтности и развитым сотрудничеством. В целом система регулирования, основанная на нормах мягкого права, смягчала геополитические разногласия между приарктическими государствами за счёт институциональных ограничений и многостороннего взаимодействия и способствовала преобразованию Арктики из военного передового рубежа периода холодной войны в образцовый регион глобального экологического регулирования и научного сотрудничества. Тем не менее данный механизм обладает неустранимыми внутренними недостатками: преобладание норм мягкого права лишает его принудительной силы исполнения, а эффективность принятых мер напрямую зависит от политического консенсуса между крупными мировыми державами; региональная повестка длительное время ограничивалась исключительно социально-экономическими сферами, при этом отсутствовали полноценные институциональные механизмы для регулирования военно-стратегических проблем, таких как разработка стратегических ресурсов и закрепление суверенных прав на морские транспортные пути, что не соответствует процессу переструктуризации стратегической ценности Арктики на фоне глобального изменения климата. Закрытая структура существующей системы управления также не учитывает глобальное общественное значение арктических процессов и не может удовлетворять обоснованные интересы неарктических государств. Сочетание этих внутренних недостатков с внешними факторами, такими как возрождение глобального геополитического соперничества и постоянный рост стратегической ценности арктических ресурсов и морских путей, привело к тому, что старый порядок нормативного регулирования постепенно утратил свою адаптивность и начал подвергаться трансформации, а геополитическое соперничество между крупными державами вновь стало главным фактором, формирующим современную геополитическую ситуацию в Арктике.

В условиях глубокой трансформации глобальной геополитической структуры повсеместно распространяются унилатерализм и гегемонизм, традиционный нормативный порядок регулирования в Арктике подвергается мощному воздействию и постепенно разрушается, а многочисленные действия США, совершаемые под влиянием трампизма и идущие вразрез с международным правом и нормами международного взаимодействия по всему миру, существенно ускорили данный процесс. Действия США по произвольному аресту глав государств других стран и проведению иностранных военных ударов грубо противоречат духу Устава ООН и общепринятым международным нормам. В начале 2026 года американские войска вторглись в Венесуэлу, похитили президента Мадуро, вмешавшись в внутренние дела страны и грабя ее ресурсы под предлогом борьбы с наркоторговлей, а затем совместно с другими странами нанесли военный удар по Ирану, что привело к жертвам среди мирного населения и нарушило мир и стабильность в регионе. Это в полной мере отражает правопопулистскую сущность трампизма, которого придерживаются США в настоящее время, выражающуюся в приверженности принципу «Америка прежде всего» и стремлении подорвать либеральный международный порядок. Под влиянием этой концепции США постоянно ослабляют роль Арктического совета, отказываются от принципов мирных консультаций и демилитаризации, непрерывно укрепляют военное присутствие в Арктике, расширяют военные объекты на Гренландии, стремятся интегрировать арктическую систему обороны в структуру НАТО для сдерживания развития России, что делает многосторонние механизмы сотрудничества в Арктике неэффективными и полностью подрывает основу традиционной системы управления регионом.

Указанные действия США находятся в коренном противоречии с основной логикой старого нормативного порядка регулирования Арктики, а также действующих правил глобального управления. В совокупности с внутренними недостатками старого порядка это приводит к ускоренному распаду системы управления, функционировавшей на протяжении нескольких десятилетий. Арктическое регулирование, изначально строившееся на консультациях и консенсусе и следовавшее курсу на демилитаризацию, постепенно наполняется элементами межгосударственного соперничества между крупными державами, включая борьбу за природные ресурсы, военное противостояние и споры за права на морские транспортные пути. Эффективность работы Арктического совета существенно снизилась, при этом растёт влияние малых многосторонних механизмов, основанных на блоковом противостоянии. Атмосфера сотрудничества между арктическими странами угасла, а разногласия и взаимное противоборство проявляются всё ярче. Под влиянием трампизма военное противостояние между США и Россией в Арктике постоянно обостряется: обе стороны регулярно проводят военные учения и оснащаются новейшими вооружениями, в результате чего Арктика оказывается перед угрозой повторного превращения в арену военного соперничества великих держав. Старый арктический порядок, сформировавшийся после Второй мировой войны, окончательно уходит в прошлое, а геополитическое соперничество между крупными государствами становится главным фактором, определяющим ситуацию в регионе. С глобальной точки зрения преобразование арктического геополитического порядка является ярким примером того, как общемировой порядок отходит от стабильности к конфликтам и взаимному противостоянию.

Заключение

Комплекс мер администрации Трампа в Арктическом регионе, особенно в отношении Гренландии, не носит характера краткосрочной политической спекуляции или сиюминутного противоборства, а является продолжением и углублением долгосрочной и заранее сформулированной арктической стратегии США, формируемой под влиянием трампизма, и выступает одним из наиболее наглядных проявлений воздействия трампизма на принятие американских стратегических решений. По мере усиления влияния трампизма на внутреннюю и внешнюю политику Соединённых Штатов их внешнеполитический курс и система международных связей будут входить в этап повышенной неопределённости и возрастания рисков. В настоящее время стратегические приоритеты США временно ограничены военным конфликтом с Ираном. Тем не менее очевидно, что после завершения данного конфликта США непременно возобновят и будут активно продвигать процесс американизации Гренландии, последовательно укреплять свои остальные стратегические опорные пункты

в Арктике и сужать стратегическое пространство в регионе как для своих соперников, так и для союзников, имеющих частичные расхождения интересов с Вашингтоном. Поскольку Арктический совет фактически оказался в параличе, тенденция к распаду действующего международного порядка и нормативной системы регулирования Арктики становится всё более явной. Арктические механизмы управления постепенно отходят от основанного на нормах договорного взаимодействия и переходят к стадии соперничества за власть между крупными державами, а действия США существенно ускорили протекание данных процессов.

Учитывая сложившуюся ситуацию, все страны, обладающие интересами в Арктике, особенно такие незападные государства, как Китай и Россия, обязаны сохранять высокую бдительность перед системными угрозами суверенитету, региональной безопасности, правам на ресурсы и системе регионального регулирования, исходящими от арктической стратегии США, определяемой влиянием трампизма. Каждое государство должно исходить из собственных стратегических интересов в сфере безопасности и развития, заблаговременно разрабатывать планы и принимать практические меры, твёрдо защищать национальный суверенитет и территориальную целостность, укреплять потенциал арктической обороны, а также остерегаться военного проникновения и стратегического вовлечения со стороны США под предлогом обеспечения безопасности. Заинтересованные государства должны сбалансировать законные интересы всех сторон посредством усиления региональной координации и сотрудничества, совершенствования существующих механизмов преодоления кризисов и согласованного формирования новых механизмов регионального регулирования и контроля в Арктике, совместно противостоять гегемонистскому давлению, предотвращать повторное превращение Арктики в арену военного соперничества между крупными державами и обеспечивать мир, стабильность и устойчивое развитие Арктического региона.

Литература

1. Богданов К.В., Ермаков А.С. Завтра будет лучше, чем вчера?: Место Гренландии в архитектуре безопасности США // Россия в глобальной политике. 2026. Т. 24, № 2(138). С. 81–95

2. Галимуллин Э.З. Будущее международного сотрудничества в Арктике // Вестник удмуртского университета. 2024. Т. 8, № 1. С. 70–76.

3. Карсанова Е.С. Геополитическая конкуренция великих держав в Арктике // Политический дискурс. 2024. Т. 12, № 3. С.102–110.

4. Кириллов А.С., Международные сотрудничество в Арктическом регионе на рубеже XX и XXI веков // Власть истории – История власти. 2024. С.132–138

5. Конышев В.Н., Лагутина М.Л., Сергуни А.А. Международное арктическое сотрудничество в эпоху глобальной нестабильности: проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. № 2. С. 113–144

6. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. № 3. С. 127–152.

7. Космачев К.А., Развитие международного правового регулирования Арктики: от исторических корней к перспективам будущего // Образование и право. 2025. № 1. С. 496–500

8. Лебедев С.В., Новик Н.Н., Суслов Д.В., Политика США в отношении Европы при второй администрации Дональда Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2026. № 1(129). С. 185–206

9. Паникар М.М. Процессы трансформации международного арктического региона: новые геополитические контуры // Вестник САФУ. История. 2023. Т. 23, № 6. С.17–26.

10. Сокольщик Л.М. Трампизм как правопопулистский феномен: эффекты для внешней политики // История и современность. 2024. № 4. С. 3–12

11. Фененко А.В. Военно-политические аспекты Российско-американских отношений в Арктике: История и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 129–157

12. Чан Янь, Печерица В.Ф., Ло Сюань. Региональная безопасность в Арктике. Роль РФ и КНР в её укреплении // Вестник Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 30, № 1. С.172–181.

13. Danish Ministry of Defence. Fact Sheet: First Agreement on the Arctic and North Atlantic Under the 2024–2033 Defence Agreement. Copenhagen: Forsvarsministeriet (Danish Ministry of Defence), 27 January 2025. URL: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/-fact-sheet-first-agreement-on-the-arctic-and-north-atlantic-.pdfF (Дата обращения:10.04.2026.)

14. Eric Brandner. Key lines from Trump's Mar-a-Lago news conference // CNN Politics, 07.01.2025. URL: https://edition.cnn.com/2025/01/07/politics/trump-news-conference-key-lines (Дата обращения:06.03.2026.)

15. The White House. National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: The White House, November 2025. Pp.1–29

16. The White House. National Strategy for the Arctic Region. Washington, DC: The White House, October 2022. pp.1–15

17. 特朗普：“必须‘拥有’整个格陵兰“ [Трамп: «Мы должны владеть всей Гренландией»] // 央视网[Официальный сайт CCTV], 09.01.2026. URL: https://big5.cctv.com/gate/big5/news.cctv.cn/2026/01/09/ARTIkvMQTNNbcNMrq4hII1u5260109.shtml?f_link_type=f_linkinlinenote&flow_extra=eyJpbmxpbmVfZGlzcGxheV9wb3NpdGlvbiI6MCwiZG9jX3Bvc2l0aW9uIjowLCJkb2NfaWQiOiI2YjQxYzc2NTIhYzUyM2JhLWY3NDljODY0NzEzYWNkOTYifQ%3D%3D (Дата обращения:06.03.2026.)

INFLURNCE OF TRUMPISM ON THE GEOPOLITICAL ORDER IN THE ARCTIC

Guo Anbang
Institute of China and Contemporary Asia

Under the leadership of Trump, the United States follows the foreign policy logic of unilateral hegemony and the “America First” principle. By stepping up sovereign claims to Greenland, promoting the militarization of the Arctic, conducting predatory exploitation of natural resources and adopting other hegemonic measures, the United States continuously strengthens its strategic presence in the Arctic region, undermines the functioning of multilateral regulatory mechanisms including the Arctic Council, and intensifies major power competition over maritime transport routes and mineral resources. The Arctic geopolitical order is under systemic pressure and rapidly shifts from governance based on international norms to power-oriented geopolitical rivalry among countries. Drawing on geopolitical theory and hegemonic stability theory, this article analyzes the ideological core and practical implementation paths of the Arctic strategy under Trumpism, reveals its profound impact on the structure of the Arctic order, the distribution of political forces and regional governance, and identifies the internal logic of the restructuring of the Arctic international order, which builds a theoretical basis for forecasting the trends of geopolitical processes in the Arctic and exploring the characteristics of interstate competition in this region.

Keywords: Trumpism, Arctic Geopolitical Order, Greenland, Arctic Governance, Hegemonic Diplomacy

References

1.Bogdanov K.V., Ermakov A.S. Will Tomorrow Be Better Than Yesterday?: Greenland's Place in the U.S. Security Architecture // Russia in Global Affairs. 2026. Vol. 24, No. 2(138). P. 81–95.

2.Galimullin E.Z. The Future of International Cooperation in the Arctic // Bulletin of Udmurt University. 2024. Vol. 8, No. 1. P. 70–76.

3.Karsanova E.S. Geopolitical Competition of Great Powers in the Arctic // Political Discourse. 2024. Vol. 12, No. 3. P. 102–110.

4.Kirillov A.S. International Cooperation in the Arctic Region at the Turn of the 20th and 21st Centuries // Power of History – History of Power. 2024. P. 132–138.

5.Konyshev V.N., Lagutina M.L., Sergunin A.A. International Arctic Cooperation in the Era of Global Instability: Problems and Prospects // Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics. 2025. No. 2. P. 113–144.

6.Konyshev V.N., Sergunin A.A. Military Security in the Arctic: New Threats to Russia // Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics. 2024. No. 3. P. 127–152.

7.Kosmachev K.A. Development of International Legal Regulation of the Arctic: From Historical Roots to Future Prospects // Education and Law. 2025. No. 1. P. 496–500.

8.Lebedev S.V., Novik N.N., Suslov D.V. U.S. Policy Towards Europe Under the Second administration of Donald Trump // Actual Problems of Europe. 2026. No. 1(129). P. 185–206.

9.Panikar M.M. Transformation Processes of the International Arctic Region: New Geopolitical Contours // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. History. 2023. Vol. 23, No. 6. P. 17–26.

10.Sokoltshik L.M. Trumpism as a Right-Wing Populist Phenomenon: Effects on Foreign Policy // History and Modernity. 2024. No. 4. P. 3–12.

11.Fenenko A.V. Military-Political Aspects of Russian-American Relations in the Arctic: History and Modernity // Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics. 2011. No. 2. P. 129–157.

12.Chan Yan, Pecheritsa V.F., Luo Shuan. Regional Security in the Arctic. The Role of Russia and China in Its Strengthening // Bulletin of Zabaikalsky State University. 2024. Vol. 30, No. 1. P. 172–181.

13.Danish Ministry of Defence. Fact Sheet: First Agreement on the Arctic and North Atlantic Under the 2024–2033 Defence Agreement. Copenhagen: Danish Ministry of Defence, 27 January 2025. Available from: https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/-fact-sheet-first-agreement-on-the-arctic-and-north-atlantic-.pdf [Accessed: 10 April 2026].

14.Brandner E. Key Lines from Trump's Mar-a-Lago News Conference // CNN Politics, 07 January 2025. Available from: https://edition.cnn.com/2025/01/07/politics/trump-news-conference-key-lines [Accessed: 06 March 2026].

15.The White House. National Security Strategy of the United States of America. Washington, DC: The White House, November 2025. Pp. 1–29.

16.The White House. National Strategy for the Arctic Region. Washington, DC: The White House, October 2022. Pp. 1–15.

17.Trump: “We Must ‘Own’ the Entire Greenland” // CCTV Official Website, 09 January 2026. Available from: https://big5.cctv.com/gate/big5/news.cctv.cn/2026/01/09/ARTIkvMQTNNbcNMrq4hII1u5260109.shtml?f_link_type=f_linkinlinenote&flow_extra=eyJpbmxpbmVfZGlzcGxheV9wb3NpdGlvbiI6MCwiZG9jX3Bvc2l0aW9uIjowLCJkb2NfaWQiOiI2YjQxYzc2NTIhYzUyM2JhLWY3NDljODY0NzEzYWNkOTYifQ%3D%3D [Accessed: 06 March 2026].

Франкофония как инструмент формирования культуры политической власти в постколониальных странах Северной Африки и Сахеля

Григорьев Илья Николаевич,
аспирант, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет
E-mail: steelbkm@gmail.com

Статья посвящена анализу Франкофонии как инструмента формирования культуры политической власти в постколониальных странах Северной Африки и Сахеля. Рассматривается не только языковое измерение франкофонии, но и ее институциональное, административное, образовательное и символическое значение. Особое внимание уделяется тому, как французский язык, правовые модели, образовательные практики и политико-дипломатические механизмы способствовали воспроизводству определенного типа элит и управленческой культуры после распада колониальной системы. Продемонстрировано, что в странах Магриба и Сахеля франкофония выступала одновременно ресурсом модернизации, каналом внешнего влияния и объектом политического оспаривания. На примере Алжира, Марокко, Туниса, Мавритании, Мали, Нигера, Буркина-Фасо и Чада выявляются различия в использовании французского языка и франкофонных институтов в политической практике. Делается вывод о том, что современный кризис французского влияния в Сахеле не означает полного исчезновения франкофонной политической культуры, поскольку она сохраняется в административных структурах, образовательных системах, юридических практиках и дипломатической коммуникации.

Ключевые слова: франкофония, Северная Африка, Сахель, постколониализм, элиты, Франсафрика, политическая культура.

Введение

Франкофония в постколониальных странах Северной Африки и Сахеля представляет собой сложное явление, выходящее за рамки простого распространения французского языка. В политическом отношении она выступает совокупностью языковых, образовательных, административных, правовых и символических практик, которые сформировались в период колониального господства Франции и продолжили оказывать влияние на политическое развитие государств региона после получения ими независимости. Именно поэтому франкофонию следует рассматривать не только как культурно-языковое пространство, но и как один из инструментов формирования культуры политической власти.

Актуальность темы обусловлена тем, что в последние годы франкофонное пространство Африки переживает глубокую трансформацию. С одной стороны, французский язык сохраняет значительное значение в государственном управлении, образовании, дипломатии, праве и деятельности элит. С другой стороны, в странах Сахеля усиливаются антифранцузские настроения, происходит пересмотр военно-политических связей с Парижем, а Мали, Нигер и Буркина-Фасо в 2025 г. объявили о выходе из Международной организации франкофонии (МОФ) [1], связывая этот шаг с защитой суверенитета и критикой санкционной политики организации.

В научной литературе достаточно подробно рассмотрены вопросы французской постколониальной политики, концепции «Франсафрики», трансформации влияния Франции в Африке, а также роль французского языка в образовательных и культурных системах бывших колоний. Вместе с тем франкофония как инструмент формирования именно культуры политической власти в странах Северной Африки и Сахеля требует более комплексного анализа. Речь идет не только о формальном владении французским языком, но и о том, как через язык, образование, правовые нормы и административные практики воспроизводятся представления о государстве, легитимности, бюрократии, политической элите и внешнеполитической ориентации.

Объектом исследования выступает политическое развитие постколониальных стран Северной Африки и Сахеля.

Предметом исследования являются франкофонные механизмы формирования культуры политической власти в странах региона.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе роли Франкофонии в формировании политико-административных практик, элитных структур и моделей легитимации власти в постколониальных странах Северной Африки и Сахеля.

Задачи исследования включают: определение теоретических подходов к анализу франкофонии как политического инструмента; выявление ключевых механизмов франкофонного влияния; анализ региональной специфики Северной Африки и Сахеля; рассмотрение современных ограничений франкофонной модели в условиях роста суверенистских и антиколониальных настроений.

Методологическую основу исследования составляют постколониальный подход, институциональный анализ, сравнительный метод и анализ официальных документов. Постколониальный подход позволяет рассматривать Франкофонию как наследие колониальной системы, которое сохраняется в структурах власти и после юридического завершения колониализма. Институциональный подход дает возможность выявить роль образовательных, правовых, административных и международных организаций в закреплении франкофонной политической культуры. Сравнительный метод применяется для сопоставления стран Северной Африки и Сахеля, где французское влияние проявляется в различных формах.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении Франкофонии не только как языкового и культурного явления, но и как механизма воспроизводства политической власти. В статье показывается, что франкофония в регионе выступает одновременно инструментом элитной социализации, административной стандартизации, международной легитимации и политического контроля.

Историческая эволюция институциональной Франкофонии

Современная институциональная франкофония начинается с создания в Ниамее в 1970 году Агентства культурного и технического сотруд-

ничества, из которого позднее выросла Международная организация франкофонии. Уже в своей позднейшей Хартии Международная организация франкофонии формулирует задачи не только культурного и языкового сотрудничества, но и поддержки демократии, правового государства и прав человека. Именно в этом переходе, от языкового сообщества к политической организации, и лежит ключ к пониманию франкофонии как инструмента формирования культуры власти [2].

Решающий политический поворот произошел с Декларацией Бамако 2000 года, которая связала франкофонное пространство с оценкой демократических практик и легитимировала санкционный и мониторинговый инструментарий Международной организации франкофонии [3]. Иными словами, французский язык стал не просто каналом культурной общности, но и средой, в которой обсуждаются стандарты конституционного строя, выборов, прав и свобод. На саммите в Джербе в 2022 году эта логика была дополнена новой формулой, где французский язык утверждался внутри рамок языкового многообразия, а не вопреки ему [4].

Для стран Северной Африки и Сахеля эта траектория развивалась асимметрично. Тунис – член франкофонного пространства с 1970 года, Мавритания – с 1980 года, Марокко – с 1981 года; Сенегал, Мали, Нигер, Чад и Буркина-Фасо вошли в 1970 году [5]. Алжир, напротив, сохранил особую позицию. Французский язык в стране широко используется, но государство так и не встроилось полноценно в Международную организация франкофонии. Это делает Алжир самым важным примером разрыва между социолингвистической франкофонностью и институтами франкофонии.

После переворотов в Сахеле ситуация резко изменилась. К концу 2025 года Международная организация франкофонии уже фиксировала, что Буркина-Фасо, Мали и Нигер приняли решение выйти из организации. В результате число стран Международной организации франкофонии сократилось до 90 [6]. Этот сдвиг не отменил франкофонных практик на уровне региона, но разрушил цепь франкофонной солидарности в центральном поясе Сахеля.

Механизмы влияния на политическую власть

Французский язык помогает в воспроизводстве политической власти региона прежде всего как язык отбора. Колониальная и постколониальная школа формировала ограниченные слои посредников и административных кадров, а затем и современные элиты – чиновников, юристов, дипломатических работников, журналистов, университетских преподавателей. Эта логика особенно видна в исследованиях по Сенегалу и франкоговорящей Западной Африке, где французский описывается как средство превращения образования в механизм социального и политического фильтра [7, с. 11–13].

Далее французский превращается в язык бюрократического аппарата. В Мали, даже после конституционной реформы 2023 года, французский прямо сохранен как «язык работы» [8]; в Буркина-Фасо после реформы 2023–2024 годов французский и английский получили статус рабочих языков [9]; в Нигере в Хартии рефундации 2025 года рабочими языками названы английский и французский [10]. Важно отметить, что в политических режимах Сахеля юридическое понижение французского не отменяет его как процедурного носителя приказа, протокола, архива и межведомственной координации.

В юридической сфере франкофонный след особенно заметен. В Сенегале уголовно-процессуальные нормы специально оговаривают необходимость переводчика, если участник процесса не владеет официальным языком. В Алжире исследователи отмечают фактический правовой билингвизм между арабским и французским [11], а в Марокко юридическое сообщество продолжает обсуждать статус французского как де-факто официального языка в правотворчестве и правовом переводе [12].

В образовании французский функционирует как язык технической модернизации. В Марокко именно проблема провала студентов при поступлении из арабоязычной школы в франкоязычный университет стала главным аргументом в пользу возвращения французского как языка преподавания естественных и технических дисциплин [13]. В Северной Африке и на Ближнем Востоке Франция остается одним из пяти главных направлений академической мобильности студентов в 2015–2021 годах, а сама Международная организация франкофонии в 2026 году оценивает число изучающих французский в мире в 170 млн [14]. Это свидетельствует о роли языка как канала доступа к международным траекториям обучения и построения карьеры в регионе.

Наконец, франкофония способствует формированию устойчивых связей между политическими, образовательными и экспертными элитами стран региона.Через Университетское агенство франкофонии (Agence universitaire de la Francophonie) [15], через культурные и образовательные структуры наподобие Альянс Франсез (Alliance française) [16], а также через программы Международной организации франкофонии по цифровой политике, предпринимательству, подготовке учителей и противодействию информационным манипуляциям формируется среда [17], в которой французский язык становится важным ресурсом профессионального продвижения.

Количественные ориентиры по Международной организации франкофонии и франкофонным программам

Официальный бюджет Международной организации франкофонии на 2024–2027 годов утвержден в размере 270,38 млн евро. Годовые взносы распределены так: 45,718 млн евро на 2024 год, 46,133 млн – на 2025-й, 46,548 млн – на 2026-й и 46,962 млн – на 2027-й [18]. При этом открытые документы публикуют прежде всего программные и общие бюджетные рамки, а не страновое распределение расходов по Северной Африке и Сахелю.

Международная организация франкофонии документирует проекты по цифровой политике, борьбе с дезинформацией, предпринимательству и образованию. В 2021 году пилотная предпринимательская инициатива охватывала 13 стран, среди которых были Буркина-Фасо, Мали, Марокко, Нигер, Сенегал и Тунис [19], а к 2024 году по линии IFADEM (Initiative francophone pour la formation à distance des maîtres) было мобилизовано более 14,5 млн евро и охвачено свыше 40 тыс. работников образования [20].

Факторы, способствующие эрозии франкофонного порядка в регионе

Главный фактор – арабизация. В Мавритании арабский язык закреплен как единственный официальный язык, при этом национальными языками признаются арабский, пулар, сонинке и волоф [21]. В Тунисе арабский язык сохраняет конституционный статус официального языка, тогда как французский, не обладая официальным статусом, продолжает играть заметную роль в образовании, прессе, государственном управлении и профессиональной коммуникации [22]. В Марокко французский язык также не получил официального статуса. Конституция 2011 г. закрепляет официальными языками арабский и амазигский [23], однако образовательные реформы 2019 г. усилили использование иностранных языков, прежде всего французского, при преподавании научных и технических дисциплин [24].

Второй фактор – англофония. Алжирский поворот к английскому в школе и университетах [25], рабочий статус английского в Буркина-Фасо [9] и Нигере [10], а также устойчивый общественный спрос на английский в Марокко [26] показывают, что борьба идет уже не просто против французского, а за новый язык международного общения в регионе. Однако английский пока редко заменяет французский в полном объеме, т.к. французский еще удерживает статус ведения архивов, законотворчества и межведомственного письма.

Третий фактор – локальные языки и аппеляцию к культурному суверенитету. В Сенегале рост волофа в медиа, образовании и политической коммуникации сопровождается осмысленной политикой государства в пользу национальных языков [27]. В Мали, Буркина-Фасо и Нигере именно национальные языки были выдвинуты как символы легитимности власти. Международная организация франкофонии сама признает этот поворот: декларативно она поддерживает французский именно в рамках языкового многообразия, а не в режиме старого монолингвизма [4].

Четвертый фактор – перевороты и антифранцузские движения, которые разрушили ранее устойчивую связку «французский язык – Франция – страны-франкофоны». В Мали, Буркина-Фасо и Нигере это выразилось одновременно в выходе из Международной организации франкофонии, и конституционно-языковом дистанцировании. В Чаде и Сенегале сворачивание французского военного присутствия не сопровождалось отказом от французского языка как важного языка государства. Чад в ноябре 2024 г. прекратил оборонное соглашение с Францией, после чего начался вывод французских войск [28]. Но французский сохраняет статус одного из двух официальных языков страны наряду с арабским [29]. В Сенегале президент Б.Д. Фай объявил о прекращении иностранного военного присутствия с 2025 г. и пересмотре формата оборонного сотрудничества [30], однако Конституция Сенегала по-прежнему закрепляет французский как официальный язык Республики [31]. Антифранцузские настроения в регионе бьют прежде всего по статусу Франции как регионального гегемона, а не автоматически по всем институциональным режимам франкофонии.

Отсюда вытекает важное различие: нужно разделять франкофонию как политическую лояльность Франции, франкофонию как много-

стороннюю институциональную сеть и французский как рабочий язык государства. В 2020-е годы именно разрыв между этими тремя уровнями стал главной особенностью Северной Африки и Сахеля.

Заключение

Франкофония в постколониальных странах Северной Африки и Сахеля представляет собой не только языковое или культурное наследие Франции, но и устойчивую инфраструктуру формирования политической власти. Ее значение проявляется через систему образования, бюрократическое делопроизводство, правовую культуру, дипломатическую коммуникацию, медиапространство и сети подготовки элит. Французский язык в данном контексте выступает не просто средством общения, а механизмом доступа к государственным институтам, профессиональной мобильности и международным каналам легитимации.

В странах Северной Африки франкофония в большей степени проявляется как инструмент элитной модернизации, экономической коммуникации и международной интеграции. В Алжире она остается противоречивым наследием колониального прошлого, в Марокко и Тунисе – прагматическим ресурсом образования и управления, в Мавритании – элементом многоязычной политической системы. В Мали, Буркина-Фасо и Нигере после политических трансформаций 2020-х гг. французский был юридически понижен или вытеснен из статуса официального языка, но продолжил выполнять функции рабочего языка администрации и правового оформления государственной деятельности. Формальное снижение статуса французского языка в регионе не означает его полного исчезновения из политико-административной практики.

Особое значение имеет различие между франкофонией как языковой инфраструктурой, Францией как внешнеполитическим актором и Международной организацией Франкофонии как многосторонним институтом. В Сахеле разрыв с французским военным и политическим присутствием не привел к немедленному демонтажу франкофонных механизмов управления. Даже государства, вышедшие из Международной организации франкофонии или дистанцировавшиеся от Парижа, продолжают использовать французский язык в правовых текстах, административной переписке, протоколах и межведомственной координации.

Франкофонная модель в регионе переживает серьезный кризис легитимности. Ее ограничивают арабизация в странах Магриба, рост значения национальных языков в Сахеле, усиление английского языка как нового языка межкультурного общения в регионе, а также антифранцузские настроения. В Мали, Буркина-Фасо и Нигере национальные языки были выдвинуты как символы новой политической легитимности, тогда как французский стал восприниматься частью обществ как знак постколониальной зависимости. Однако на практике эти государства пока не обладают полноценной альтернативной языковой инфраструктурой, способной заменить французский в сфере права, высшего образования, международной коммуникации и государственного управления.

Франкофония продолжает формировать культуру политической власти в странах Северной Африки и Сахеля. Ее будущее будет зависеть не столько от сохранения прежней французской политической роли, сколько от способности франкофонных институтов адаптироваться к многоязычию, росту национальных языков и запросу обществ на более равноправные формы международного взаимодействия. В этом смысле франкофония сохраняет значение, но уже не как монопольная модель постколониальной власти, а как один из конкурирующих языковых режимов в условиях формирования новой политической субъектности региона.

Литература

1. Comme le Burkina et le Niger, le Mali quitte l'Organisation de la Francophonie // Africanews. URL: https://fr.africanews.com/2025/03/19/comme-le-burkina-et-le-niger-le-mali-quitte-lorganisation-de-la-francophonie/ (дата обращения: 18.04.2026).

2. Une histoire de la Francophonie // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/une-histoire-de-la-francophonie-23 (дата обращения: 20.04.2026).

3. DÉCLARATION DE BAMAKO // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019–09/Declaration_Bamako_2000_modif_02122011.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

4. Déclaration sur la langue française dans la diversité linguistique de la Francophonie. XVIIIe Sommet de la Francophonie, Djerba, Tunisie, 19–20 novembre 2022. // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022–12/Sommet_xviii_Decla_Langue_francaise_Djerba_2022.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

5. Les acteurs de la coopération francophone // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/index.php/qui-sommes-nous-5 (дата обращения: 20.04.2026).

6. Relevé des décisions – 131e session du Conseil permanent de la Francophonie. Paris, 2 juillet 2025. // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2025–11/CPF131_Releve_decisions.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

7. Kébé A.B. Language and Multilingualism in Senegal: From Colonial Legacies to Contemporary Educational Issues // Revue ASTR-GHANA. URL: https://edition-efua.acaref.net/wp-content/uploads/sites/6/2025/08/1-Abou-Bakry-KEBE.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

8. Décret n°2023–0401/PT-RM du 22 juillet 2023 portant promulgation de la Constitution // Journal officiel de la République du Mali. URL: https://sgg-mali.ml/JO/2023/mali-jo-2023–13-sp-2.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

9. Constitution du Burkina Faso du 2 juin 1991, version modifiée en 2024 // Digithèque de matériaux juridiques et politiques, Université de Perpignan. URL: https://mjp.univ-perp.fr/constit/bf2024.htm (дата обращения: 21.04.2026).

10. Charte de la refondation de la République du Niger du 26 mars 2025 // Droit et politique en Afrique. URL: https://droit-et-politique-en-afrique.info/wp-content/uploads/2025/04/Niger-Charte-de-la-refondation-du-26-mars-2025-Ordonnance-de-dissolution-des-partis-politiques-du-26-mars-2025.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

11. Benmohamed I. Le bilinguisme juridique en Algérie et son impact sur la traduction du Droit // Langues, Cultures et Sociétés. 2019. Vol. 5. № 1. P. 102–108. URL: https://revues.imist.ma/index.php/LCS/article/view/15527 (дата обращения: 23.04.2026).

12. Mellouki I., Lebaidi C. Le texte juridique marocain entre les défis de l'interprétation et la problématique de l'équivalence // Turjuman. 2024. Vol. 29. № 1/2. URL: https://revues.imist.ma/index.php/Turjuman/article/view/51801 (дата обращения: 23.04.2026).

13. Morocco looks to French as language of economic success // Reuters. URL: https://www.reuters.com/article/world/morocco-looks-to-french-as-language-of-economic-success-idUSKCN1Q714B/ (дата обращения: 23.04.2026).

14. La Francophonie en chiffres // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/ (дата обращения: 20.04.2026).

15. Agence universitaire de la Francophonie (AUF) // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/index.php/agence-universitaire-de-la-francophonie-auf-93 (дата обращения: 20.04.2026).

16. Mission, vision, valeurs // Fondation des Alliances Françaises. URL: https://www.fondation-alliancefr.org/?p=34663 (дата обращения: 20.04.2026).

17. Programmation de l'OIF 2024–2027 // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2023–11/OIF_Programmation%202024–2027_Web.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

18. Résolution portant adoption du budget et fixation des contributions statutaires 2024–2027 // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2024–01/R%C3%A9solution%20portant%20adoption%20du%20budget%20et%20fixation%20des%20contributions%20statutaires%202024–2027.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

19. Compte rendu d'exécution annuelle 2021 de l'OIF // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022–11/Compte%20rendu%20d%27execution%20annuelle%202021%20de%20l%27OIF.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

20. Rapport de la Secrétaire générale de la Francophonie 2022–2024 // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2024–10/Rapport%20SG_2022–2024.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

21. Constitution of the Islamic Republic of Mauritania. Article 6 // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14002 (дата обращения: 27.04.2026).

22. Constitution de la République Tunisienne de 2022. Article 6 // Jurisite Tunisie. URL: https://www.jurisitetunisie.com/tunisie/codes/Constitution_2022/const1005p.htm (дата обращения: 27.04.2026).

23. Constitution du Royaume du Maroc de 2011. Article 5 // Institut Royal de la Culture Amazighe. URL: https://www.ircam.ma/fr/textes-fondateurs/constitution-du-royaume (дата обращения: 27.04.2026).

24. Loi-cadre n° 51–17 du 9 août 2019 relative au système d'éducation, de formation et de recherche scientifique // Bulletin officiel du Royaume du Maroc. URL: https://www.sgg.gov.ma/Portals/0/legislation/ProjetLois/EtudeImpact/projetLoi55–17FR.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

25. Algeria expands English-language learning as France's influence ebbs // AP News. URL: https://apnews.com/article/algeria-education-english-french-4e02e8bcbb2f94d5646e2996db003145 (дата обращения: 29.04.2026).

26. Shift to English in Morocco // British Council Morocco. URL: https://www.britishcouncil.ma/en/shift-english (дата обращения: 29.04.2026).

27. Au Sénégal, les nouvelles autorités font le choix de l'enseignement dans les langues nationales // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/10/04/au-senegal-les-nouvelles-autorites-font-le-choix-de-l-enseignement-dans-les-langues-nationales_6343677_3212.html (дата обращения: 29.04.2026).

28. France begins military withdrawal from Chad, army says // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/france-begins-withdrawal-chad-says-french-army-2024–12–10/ (дата обращения: 01.05.2026).

29. Constitution of Chad 1996, revised 2015. Article 9 // Constitute Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Chad_2015 (дата обращения: 02.05.2026).

30. Senegal president says no more "foreign military presence from 2025" // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/en/le-monde-africa/article/2025/01/01/senegal-president-says-no-more-foreign-military-presence-from-2025_6736619_124.html (дата обращения: 01.05.2026).

31. Constitution de la République du Sénégal de 2001, version modifiée en 2018. Article premier // Digithèque de matériaux juridiques et politiques, Université de Perpignan. URL: https://mjp.univ-perp.fr/constit/sn2018.htm (дата обращения: 02.05.2026).

FRANCOPHONIE AS AN INSTRUMENT FOR SHAPING THE CULTURE OF POLITICAL POWER IN THE POSTCOLONIAL COUNTRIES OF NORTH AFRICA AND THE SAHEL

Grigorev I.N.,
Ural Institute for Humanities of the Ural Federal University

The article analyzes Francophonie as an instrument for shaping the culture of political power in postcolonial countries of North Africa and the Sahel. The study examines not only the linguistic dimension of Francophonie but also its institutional, administrative, educational, and symbolic significance. Particular attention is paid to the way in which the French language, legal models, educational practices, and political-diplomatic mechanisms contributed to the reproduction of a specific type of elite and administrative culture after decolonization. The article shows that in the Maghreb and the Sahel Francophonie has functioned simultaneously as a resource of modernization, a channel of external influence, and an object of political contestation. Using the cases of Algeria, Morocco, Tunisia, Mauritania, Mali, Niger, Burkina Faso, and Chad, the paper identifies differences in the use of the French language and Francophone institutions in political practice. The study concludes that the contemporary crisis of French influence in the Sahel does not mean the complete disappearance of Francophone political culture, since it remains embedded in administrative structures, educational systems, legal practices, and diplomatic communication.

Keywords: Francophonie, North Africa, Sahel, postcolonialism, elites, Françafrique, political culture.

References

1. Comme le Burkina et le Niger, le Mali quitte l'Organisation de la Francophonie // Africanews. URL: https://fr.africanews.com/2025/03/19/comme-le-burkina-et-le-niger-le-mali-quitte-lorganisation-de-la-francophonie/ (accessed 04/18/2026).

2. Une histoire de la Francophonie // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/une-histoire-de-la-francophonie-23 (access date: 04/20/2026).

3. DÉCLARATION DE BAMAKO // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2019–09/Declaration_Bamako_2000_modif_02122011.pdf (access date: 04/20/2026).

4. Declaration sur la langue française dans la diversité linguistique de la Francophonie. XVIIIe Sommet de la Francophonie, Djerba, Tunisie, 19–20 November 2022. // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022–12/Sommet_xviii_Decla_Langue_francaise_Djerba_2022.pdf (access date: 04/20/2026).

5. Les acteurs de la coopération francophone // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/index.php/qui-sommes-nous-5 (access date: 04/20/2026).

6. Relevé des décisions – 131e session du Conseil permanent de la Francophonie. Paris, 2 juillet 2025. // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2025–11/CPF131_Releve_decisions.pdf (access date: 04/20/2026).

7. Kebé A.B. Language and Multilingualism in Senegal: From Colonial Legacies to Contemporary Educational Issues // Revue ASTR-GHANA. URL: https://edition-efua.acaref.net/wp-content/uploads/sites/6/2025/08/1-Abou-Bakry-KEBE.pdf (Accessed: 21.04.2026).

8. Decree no. 2023–0401/PT-RM of 22 July 2023 promulgating the Constitution // Journal officiel de la République du Mali. URL: https://sgg-mali.ml/JO/2023/mali-jo-2023–13-sp-2.pdf (Accessed: 21.04.2026).

9. Constitution du Burkina Faso du 2 juin 1991, version modifiée en 2024 // Digithèque de matériaux juridiques et politiques, Université de Perpignan. URL: https://mjp.univ-perp.fr/constit/bf2024.htm (access date: 04/21/2026).

10. Charte de la refondation de la République du Niger du 26 mars 2025 // Droit et politique en Afrique. URL: https://droit-et-politique-en-afrique.info/wp-content/uploads/2025/04/Niger-Charte-de-la-refondation-du-26-mars-2025-Ordonnance-de-dissolution-des-partis-politiques-du-26-mars-2025.pdf (accessed: 04/22/2026).

11. Benmohamed I. Le bilinguisme juridique en Algérie et son impact sur la traduction du Droit // Langues, Cultures et Sociétés. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 102–108. URL: https://revues.imist.ma/index.php/LCS/article/view/15527 (access date: 04/23/2026).

12. Mellouki I., Lebaidi C. Le texte juridique marocain entre les défis de l'interprétation et la problématique de l'équivalence // Turjuman. 2024. Vol. 29. No. 1/2. URL: https://revues.imist.ma/index.php/Turjuman/article/view/51801 (access date: 04/23/2026).

13. Morocco looks to French as language of economic success // Reuters. URL: https://www.reuters.com/article/world/morocco-looks-to-french-as-language-of-economic-success-idUSKCN1Q714B/ (accessed on April 23, 2026).

14. La Francophonie en chiffres // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/ (accessed on April 20, 2026).

15. Agence universitaire de la Francophonie (AUF) // Organisation internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/index.php/agence-universitaire-de-la-francophonie-auf-93 (accessed on April 20, 2026).

16. Mission, vision, valeurs // Fondation des Alliances Françaises. URL: https://www.fondation-alliancefr.org/?p=34663 (access date: 04/20/2026).

17. Programmation de l'OIF 2024–2027 // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2023–11/OIF_Programmation%202024–2027_Web.pdf (access date: 04/20/2026).

18. Résolution portant adoption du budget et fixation des contributions statutaires 2024–2027 // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2024–01/R%C3%A9solution%20portant%20adoption%20du%20budget%20et%20fixation%20des%20contributions%20statutaires%202024–2027.pdf (access date: 04/21/2026).

19. Compte rendu d'exécution annuelle 2021 de l'OIF // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2022–11/Compte%20rendu%20d%27execution%20annuelle%202021%20de%20l%27OIF.pdf (accessed 04/21/2026).

20. Rapport de la Secrétaire générale de la Francophonie 2022–2024 // Organization internationale de la Francophonie. URL: https://www.francophonie.org/sites/default/files/2024–10/Rapport%20SG_2022–2024.pdf (access date: 04/21/2026).

21. Constitution of the Islamic Republic of Mauritania. Article 6 // WIPO Lex. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/14002 (accessed: April 27, 2026).

22. Constit ution de la République Tunisienne de 2022. Article 6 // Jurisite Tunisie. URL: https://www.jurisitetunisie.com/tunisie/codes/Constitution_2022/const1005p.htm (access date: 04/27/2026).

23. Constitution du Royaume du Maroc de 2011. Article 5 // Institut Royal de la Culture Amazighe. URL: https://www.ircam.ma/fr/textes-fondateurs/constitution-du-royaume (access date: 04/27/2026).

24. Loi-cadre n° 51–17 du 9 août 2019 relative au système d'éducation, de formation et de recherche scientifique // Bulletin officiel du Royaume du Maroc. URL: https://www.sgg.gov.ma/Portals/0/legislation/ProjetLois/EtudeImpact/projetLoi55–17FR.pdf (access date: 04/27/2026).

25. Algeria expands English-language learning as France's influence ebbs // AP News. URL: https://apnews.com/article/algeria-education-english-french-4e02e8bcbb2f94d5646e2996db003145 (accessed 04/29/2026).

26. Shift to English in Morocco // British Council Morocco. URL: https://www.britishcouncil.ma/en/shift-english (accessed 29.04.2026).

27. Au Sénégal, les nouvelles autorités font le choix de l'enseignement dans les langues nationales // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/10/04/au-senegal-les-nouvelles-autorites-font-le-choix-de-l-enseignement-dans-les-langues-nationales_6343677_3212.html (accessed 29.04.2026).

28. France begins military withdrawal from Chad, army says // Reuters. URL: https://www.reuters.com/world/france-begins-withdrawal-chad-says-french-army-2024–12–10/ (accessed: 01.05.2026).

29. Constitution of Chad 1996, revised 2015. Article 9 // Constitute Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Chad_2015 (accessed: 02.05.2026).

30. Senegal president says no more "foreign military presence from 2025" // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/en/le-monde-africa/article/2025/01/01/senegal-president-says-no-more-foreign-military-presence-from-2025_6736619_124.html (accessed 05/01/2026).

31. Constitution de la République du Sénégal de 2001, version modifiée en 2018. Article premier // Digithèque de matériaux juridiques et politiques, Université de Perpignan. URL: https://mjp.univ-perp.fr/constit/sn2018.htm (access date: 05/02/2026).

СВО как фактор радикализации санкционной политики западных стран

Еременко Олег Сергеевич,
аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН,
РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1042235109@rudn.ru

В статье исследуется эволюция санкционной политики западных стран в отношении Российской Федерации в период с 2014 по 2026 г. и обосновывается тезис о том, что начало специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г. стало ключевым фактором её качественной радикализации. На основе анализа нормативных актов США, Европейского союза (далее – ЕС), Великобритании, материалов международных и отечественных исследовательских центров выделены три этапа санкционного давления (2014–2015, 2016–2021, 2022–2026 гг.), прослежены логика их перехода и расширение применяемого инструментария – от индивидуальных и секторальных мер до заморозки суверенных резервов, ценового потолка, вторичных санкций и инструментов контроля за обходом ограничений.

Ключевые слова: санкции, санкционная политика, специальная военная операция, СВО, экономическое сдерживание, заморозка активов, вторичные санкции, ценовой потолок, экспортный контроль, международные отношения.

Введение

Санкции прочно вошли в арсенал внешнеполитических инструментов западных государств ещё в XX в., однако именно последние два десятилетия превратили их в системообразующий элемент мировой политики [Drezner, 2021, p. 143]. Качественный перелом произошёл 24 февраля 2022 г., после начала специальной военной операции. В течение нескольких недель США, ЕС, Великобритания, Канада, Япония, Австралия и присоединившиеся к ним государства ввели меры, по своему охвату и сложности, не имеющие аналогов в практике санкционного регулирования. По оценкам Киевской школы экономики, к началу 2025 г. совокупное число физических и юридических лиц, включённых в санкционные перечни западных стран в отношении России, превысило 22 тыс. позиций – в десятки раз больше показателей, накопленных за период с 2014 по 2021 г. [KSE Institute, 2025].

Актуальность темы определяется тем, что современный санкционный режим против России представляет собой не просто реакцию на конкретный политический эпизод, а комплексный механизм стратегического сдерживания, формируемый одновременно несколькими центрами силы и опирающийся на структурное доминирование Запада в глобальных финансовых, технологических и логистических сетях. Понимание логики эволюции этого механизма необходимо для оценки долгосрочных последствий как для российской экономики, так и для трансформации международного порядка.

Цель исследования – выявить логику эволюции санкционной политики западных стран в отношении Российской Федерации в 2014–2026 гг. и обосновать роль СВО как фактора её качественной радикализации.

Задачи исследования: систематизировать этапы санкционного давления; раскрыть содержание используемого инструментария и проследить его расширение; провести сравнительный анализ подходов США, ЕС, Великобритании и иных ключевых акторов; оценить влияние на международные отношения и глобальную экономику.

Объектом исследования выступает санкционная политика США, ЕС, Великобритании и присоединившихся к ним государств в отношении РФ; *предметом* – механизмы, инструменты и цели санкционных режимов и характер их трансформации после начала СВО.

Методологическую основу составили историко-хронологический и сравнительно-правовой методы, институциональный анализ, контент-анализ официальных нормативных актов (исполнительных указов Президента США, регламентов и решений Совета ЕС) и аналитических докладов, а также элементы количественного анализа на основе агрегированных данных Киевской школы экономики, Атлантического совета и Банка России.

Основная часть

Понятие и эволюция санкционной политики западных стран

В академической традиции санкции определяются как меры экономического и финансового принуждения, применяемые государством или группой государств для воздействия на поведение иностранного актора без использования военной силы. Классическое исследование Хуфбауэра, Шотта и Эллиотт, обобщившее более 170 случаев санкционных режимов XX в., показало, что их эффективность редко превышает треть, при этом она тем выше, чем уже формулируется политическая цель и чем сильнее экономическая взаимозависимость сторон [Hufbauer, Schott, Elliott, 2009, p. 158]. Концептуальное развитие исследовательской традиции связано с работами Д. Дрезнера, сформулировавшего «парадокс санкций»: глубокая экономическая интеграция увеличивает силу принуждения, но одновременно повышает издержки санкционирующей стороны, что ограничивает её готовность применять жёсткие меры [Drezner, 1999, p. 73]. Х. Фаррелл и А. Ньюман дополнили этот подход теорией «оружейной взаимозависимости» (weaponized interdependence), описывающей использование структурных позиций в глобальных финансовых и информационных сетях – таких как доллар как мировая резервная валюта, система SWIFT, сервер DNS, технологический стек полупроводников – в качестве асимметричных инструментов давления [Farrell, Newman, 2019, p. 47].

Применительно к российскому кейсу значимым обобщением является монография Р. Коннолли, в которой показано, что эффектив-

ность санкционного давления определяется не только начальной силой шока, но и скоростью адаптации санкционируемой экономики, плотностью её внутренних производственных связей и возможностью переориентации внешнеэкономического оборота [Connolly, 2018, p. 187]. В отечественной литературе наиболее последовательно эволюцию санкционной политики анализирует И.Н. Тимофеев, констатирующий переход западного подхода в отношении России от «сигнальных» мер к режиму экономического сдерживания [Тимофеев, 2018, с. 23; Тимофеев, 2023, с. 14].

Этап 2014–2015 гг.: формирование санкционной архитектуры

Первый этап санкционного давления был инициирован в марте 2014 г. в ответ на изменение статуса Крыма и обострение конфликта на юго-востоке Украины. Исполнительными указами Президента США № 13660 от 6 марта, № 13661 от 17 марта и № 13662 от 20 марта 2014 г. был создан правовой каркас, охватывающий блокирующие санкции против физических лиц, ограничения в отношении конкретных секторов российской экономики и запрет на инвестиции в Крым [Executive Order 13662, 2014]. В Европейском союзе соответствующее решение Совета 2014/145/CFSP и Регламент Совета (ЕС) № 269/2014 от 17 марта 2014 г. ввели меры по замораживанию активов в отношении лиц, действия которых квалифицировались как «подрывающие территориальную целостность Украины» [Council Regulation (EU) 269/2014, 2014]. Качественный перелом этапа произошёл летом 2014 г. Регламент Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 г. ввёл секторальные ограничения: запрет на привлечение долгосрочного финансирования на европейских рынках капитала для пяти крупнейших российских государственных банков (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Внешэкономбанк, Россельхозбанк), ограничения на поставки оборудования и услуг для проектов в Арктике, глубоководной добычи и сланцевой нефти, а также эмбарго на оружие и товары двойного назначения [Council Regulation (EU) 833/2014, 2014]. Аналогичная программа в США была реализована через директивы Управления по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (OFAC) к указу № 13662. Принципиальной чертой этапа являлась его «калиброванность»: западные регуляторы избегали мер, способных подорвать макроэкономическую устойчивость России или нанести ощутимый ущерб собственным энергетическим и финансовым рынкам. В декабре 2014 г. указом № 13685 был введён режим всеобъемлющего эмбарго в отношении Крыма; ЕС синхронизировал свои меры решением Совета 2014/933/CFSP. По данным KSE Institute, к концу 2015 г. суммарное число позиций в санкционных перечнях не превышало 700 единиц [KSE Institute, 2025].

Этап 2016–2021 гг.: институционализация и точечное расширение

После относительной стабилизации санкционной архитектуры в 2015–2016 гг. её развитие пошло по двум линиям: законодательного закрепления и точечного расширения оснований для введения новых ограничений. Ключевым событием стало принятие в августе 2017 г. в США закона CAATSA (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act). Этот акт кодифицировал ранее введённые исполнительными указами меры, существенно затруднив их отмену без согласия Конгресса, и расширил перечень оснований для вторичных санкций [CAATSA, 2017].

В апреле 2018 г. Минфин США ввёл блокирующие санкции против ряда крупнейших российских предпринимателей и связанных с ними структур, включая «Русал» и En+ Group. Этот шаг продемонстрировал готовность Вашингтона использовать персональные санкции против владельцев крупного частного капитала, занимающего значимое положение в мировых сырьевых рынках. С 2019 г. началось целенаправленное давление на инфраструктурные энергетические проекты, прежде всего на газопровод «Северный поток – 2». Закон PEESA (Protecting Europe's Energy Security Act), принятый Конгрессом США в декабре 2019 г. в составе оборонного бюджета на 2020 финансовый год, ввёл санкции против судов-трубоукладчиков и подрядчиков, что привело к фактической приостановке строительства [PEESA, 2019]. Завершающим аккордом этапа стало издание Президентом США Дж. Байденом исполнительного указа № 14024 от 15 апреля 2021 г., который установил широкую категорию «вредоносной деятельности» правительства России и впервые ввёл запрет на участие финансовых институтов США в первичных размещениях рублёвого государственного долга [Executive Order 14024, 2021]. Именно этот указ впоследствии станет базовым правовым основанием большей части санкций периода 2022–2026 гг.

Несмотря на накопление перечней лиц и оснований, до конца 2021 г. совокупный экономический эффект санкций оставался ограниченным. Таким образом, при качественной институционализации режим не достиг порога, который можно было бы трактовать как макроэкономическое сдерживание.

Этап 2022–2026 гг.: СВО как фактор радикализации

24 февраля 2022 г. стало рубежным днём в истории мировой санкционной практики. В течение нескольких недель западные правительства приняли беспрецедентный по охвату и темпам пакет ограничений, существенно изменивший саму природу санкционного инструмента. Тимофеев квалифицирует этот переход как «революцию в санкционной политике», сопоставимую по масштабам с формированием режима экспортного контроля COCOM (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls) в годы холодной войны [Тимофеев, 2023, с. 7].

Финансовый блок мер был запущен молниеносно. 26 февраля 2022 г. совместным заявлением министры финансов США, Великобритании, ЕС, Канады и Японии объявили о блокировании активов Банка России [Joint Statement, 2022]. Регламент Совета (ЕС) 2022/334 от 28 февраля 2022 г. формально запретил операции с резервами и активами Центрального банка РФ; в результате было заморожено порядка 300 млрд долл. США валютных резервов, из которых, по сведениям инфраструктуры Euroclear, около 191 млрд евро размещены в юрисдикции ЕС [Council Regulation (EU) 2022/334, 2022; Euroclear, 2024]. Эта мера не имела прецедентов в практике международных санкций: впервые в новейшей истории были заморожены резервы крупнейшего эмиссионного центра, не находящегося в состоянии формально объявленной войны со странами-санкционерами.

12 марта 2022 г. ряд российских банков, включая Сбербанк, ВТБ, «Открытие», «Россия», «Совкомбанк» и «Промсвязьбанк», был отключён от системы SWIFT в соответствии с решением Совета ЕС 2022/346 [Council Decision (CFSP) 2022/346, 2022]. В апреле 2024 г. в США был принят закон REPO (Rebuilding Economic Prosperity and Opportunity for Ukrainians Act), наделивший президента полномочиями по конфискации и направлению на нужды Украины замороженных российских суверенных активов в американской юрисдикции [REPO Act, 2024]. На саммите G7 в Апулии в июне 2024 г. была одобрена концепция кредита на 50 млрд долл. США, обеспеченного будущими процентными доходами от замороженных российских резервов [G7 Leaders' Communiqué, 2024].

Энергетический сектор стал ядром санкционной радикализации. 8 марта 2022 г. указом Президента США № 14066 был введён запрет на импорт российской нефти, нефтепродуктов, СПГ и угля [Executive Order 14066, 2022]. В ЕС, где зависимость от российских энергоресурсов исторически была выше, поэтапный отказ был зафиксирован в пятом и шестом санкционных пакетах: эмбарго на уголь (с августа 2022 г.) и на морские поставки сырой нефти (с декабря 2022 г.) и нефтепродуктов (с февраля 2023 г.) [Council Regulation (EU) 2022/879, 2022]. Принципиальным нововведением стал механизм «ценового потолка» (price cap), согласованный G7 в сентябре 2022 г. и вступивший в силу 5 декабря 2022 г.: оказание морских транспортных, страховых и финансовых услуг по перевозке российской сырой нефти допускалось лишь при условии её продажи по цене не выше 60 долл. США за баррель [G7 Statement on Russian Oil Price Cap, 2022].

С середины 2023 г. контроль за обходом санкций превратился в самостоятельное направление политики. 22 декабря 2023 г. Президент США подписал исполнительный указ № 14114, наделивший Минфин США полномочиями применять санкции к иностранным финансовым институтам, способствующим транзакциям в интересах российского военно-промышленного комплекса [Executive Order 14114, 2023]. В ЕС функцию антициркуляционного механизма выполняет статья 8a Регламента 833/2014, введённая одиннадцатым санкционным пакетом в июне 2023 г. [Council Regulation (EU) 2023/1214, 2023]; в 2024 г. был сформирован институт специального посланника ЕС по обеспечению соблюдения санкций.

Трансформация инструментов санкционного давления

Сопоставление трёх этапов позволяет реконструировать логику расширения санкционного арсенала. В обобщённом виде она представлена в табл. 1.

Существуют различные виды санкций: коммерческие или торговые, финансовые, санкции в отношении передвижения, дипломатические, спортивные и культурные, процессуальные санкции. Наиболее распространенными санкциями на сегодняшний день по классификации ООН являются: запрет на поездки, замораживание активов, эмбарго на поставку вооружения [Тимофеев, 2023].

Принципиально, что меры более позднего этапа не вытесняют предшествующие, а накладываются на них, формируя многослойную систему ограничений, взаимно усиливающих друг друга. Прежние «секторальные» директивы, например запрет на долгосрочное финансирование банков по Регламенту 833/2014, формально сохраняются и после введения полных блокирующих санкций против тех же банков в 2022–2024 гг., что усложняет работу комплаенс-служб третьих

стран и фактически расширяет санкционный охват за счёт правовой неопределённости.

Таблица 1. Эволюция санкционных режимов в отношении Российской Федерации (2014–2026 гг.)

Период	Триггер	Основной инструментарий	Доминирующие цели
2014 – 2015	Изменение статуса Крыма; конфликт на Донбассе	Индивидуальные блокирующие санкции; секторальные ограничения по финансированию и технологиям; эмбарго в отношении Крыма	Сигнал о неприемлемости изменения границ; точечное давление
2016 – 2021	CAATSA; «Северный поток – 2»; обвинения во вмешательстве в выборы	Кодификация санкций законом; персональные санкции против крупного бизнеса; химические санкции; запрет первичного госдолга	Институциональное закрепление; «нормативное давление»
2022 – 2026	Начало СВО	Заморозка резервов ЦБ; отключения SWIFT; FDPR на технологии; ценовой потолок на нефть; вторичные санкции; запрет реэкспорта	Долгосрочное стратегическое сдерживание; подрыв материальной базы военного потенциала

Источник: составлено автором на основе [Тимофеев, 2018; Тимофеев, 2023; KSE Institute, 2025] и проанализированных нормативных актов.

Сравнительный анализ подходов США, ЕС, Великобритании и иных акторов

Несмотря на формальную координацию, санкционные подходы основных акторов сохраняют выраженные различия, обусловленные как историческими, так и структурно-правовыми факторами. Соединённые Штаты являются автором наиболее технически сложной части санкционной архитектуры. Американская модель основана на широком экстерриториальном применении норм, опирающемся на роль доллара как мировой резервной валюты, систему корреспондентских счетов и режим экспортного контроля. Институционально она реализуется через разветвлённую сеть программ OFAC, BIS, Государственного департамента и допускает быструю реакцию в формате исполнительных указов Президента.

Европейский союз, исторически избегавший открытого применения вторичных санкций, к 2024 г. фактически приблизился к американской модели: антициркуляционные нормы, ограничение реэкспорта, заморозка резервов и формирование института специального посланника по санкциям радикально расширили инструментарий.

Великобритания после Brexit получила автономный санкционный инструментарий, опирающийся на Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018 г. и Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019 г. Лондон концентрируется на персональных санкциях против российских предпринимателей, чьи активы ранее были сосредоточены в британском финансовом центре. Согласно официальной отчётности OFSI, на конец 2023 г. в стране было заморожено активов российских лиц на сумму около 22 млрд фунтов стерлингов [OFSI, 2024]. Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Швейцария формально присоединились к режиму, однако степень их участия неоднородна; для Швейцарии решение об инкорпорировании санкций ЕС стало политически значимым отступлением от традиционного нейтралитета. Существенно, что ряд значимых экономик – Китай, Индия, Турция, ОАЭ, государства АСЕАН и Латинской Америки – отказались присоединяться к западным санкциям. Это обстоятельство снизило формальную глобальность режима и стимулировало переориентацию российского внешнеторгового оборота на восточные и южные рынки.

Влияние санкций на международные отношения и глобальную экономику

Радикализация санкционного режима в отношении России выходит за рамки двусторонних отношений и оказывает структурное воздействие на международную систему. Во-первых, происходит институционализация практики «коллективной экономической войны»: санкционные пакеты согласуются в формате G7 и Координационной группы по российской элите, доверенным лицам и олигархам (REPO Task Force), а реализация мер требует регулярного двустороннего диалога с правительствами третьих стран. По существу, формируется параллельный режим глобального регулирования финансовых и торговых потоков, действующий помимо системы ВТО и универсальных институтов.

Во-вторых, наблюдается ускоренная регионализация мировой торговли и финансовых потоков. Развивающиеся экономики корректируют структуру резервов, расширяя долю золота и валют, не подпадающих под западные санкции; растёт интерес к расчётам в национальных валютах и к альтернативным платёжным системам. На энергетическом рынке сформировался феномен «теневого флота» – танкеров, обслуживающих перевозки в условиях ценового потолка и не подпадающих под западные страховые услуги [Connolly, 2018, p. 215; KSE Institute, 2025].

В-третьих, очевидным становится переосмысление концепции экономической взаимозависимости. Если в 2000-х гг. она трактовалась как фактор стабилизации международных отношений, то в результате применения санкций в отношении России в западной литературе она всё чаще обсуждается как «уязвимость», требующая стратегического сокращения зависимости от потенциально враждебных юрисдикций (de-risking) [Farrell, Newman, 2019, p. 65].

Экономические санкции оказывают масштабное влияние на глобализацию и международную торговлю, стимулируя регионализацию, нарушая цепочки поставок и провоцируя поляризацию мировой экономики. Их использование как инструмента международной политики имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, санкции могут способствовать стабилизации международной ситуации, принуждая страны к соблюдению международного права. С другой стороны, они создают дополнительные барьеры для торговли, увеличивают издержки и замедляют темпы глобализации. Однако, анализ международного опыта, особенно китайского, позволяет увидеть новые возможности для минимизации негативных последствий санкций. Китайский подход к развитию альтернативных маршрутов поставок, инвестициям в возобновляемую энергетику и продвижению национальных финансовых систем служит ярким примером адаптации к новым экономическим реалиям. Эти стратегии обеспечивают не только выживание в условиях ограничений, но и создание новых возможностей для экономического роста.

Наконец, опыт «российского кейса» обостряет дискуссию о пределах санкционной политики. Часть экспертного сообщества указывает, что несмотря на беспрецедентный масштаб мер их декларируемая стратегическая цель – изменение политики России в отношении Украины – не была достигнута, тогда как побочные эффекты (рост энергетических цен в 2022 г., снижение доверия к доллару у ряда государств) оказались значительными [Drezner, 2021, p. 153].

Результаты исследования

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд эмпирически и теоретически обоснованных выводов. Во-первых, эволюция санкционной политики Запада в отношении России в 2014–2026 гг. имеет нелинейный характер: за двумя относительно умеренными этапами (2014–2015 и 2016–2021) последовал резкий качественный скачок 2022–2026 гг., обусловленный политическим импульсом СВО и накопленной за предыдущие годы институциональной базой.

Во-вторых, инструментарий санкционного давления расширился от точечных мер (индивидуальные ограничения, секторальные финансовые директивы, оружейное эмбарго) до полного спектра экономической блокады, включающего эмбарго на ключевые статьи экспорта и импорта, заморозку суверенных резервов, ценовое регулирование экспорта сырья, контроль над глобальными логистическими и финансовыми инфраструктурами, а также вторичные санкции. Эти инструменты не вытесняют друг друга, а накладываются слоями, формируя кумулятивный эффект.

В-третьих, изменился характер целеполагания. Если на первом этапе санкции декларировались как «обратимые» и сигнальные меры, направленные на изменение поведения России, то на третьем этапе они приобрели черты долгосрочного стратегического сдерживания и подрыва материальной базы военного потенциала, причём ряд мер (заморозка резервов, передача процентного дохода Украине, отключения от SWIFT) по своей правовой природе слабо поддаются откату.

В-четвёртых, сравнительный анализ показывает, что подходы США, ЕС и Великобритании к 2024 г. конвергируют, однако сохраняют принципиальные различия: США опираются на экстерриториальное применение норм и оперативность исполнительной власти, ЕС – на коллективный консенсусный механизм и юридическую устойчивость, Великобритания – на точечное давление на персональный сегмент капитала.

Наконец, осуществлённый перевод санкционной политики в категорию инструмента экономической войны открывает новую исследовательскую повестку для международных отношений и международной политической экономии: пересмотр критериев эффективности санкций, изучение механизмов обхода и адаптации, юридическое осмысление трансформации доктрины суверенного иммунитета и оценка стратегических последствий «деглобализации по-санкционному».

Заключение

Проведённое исследование позволяет констатировать, что СВО выступила ключевым катализатором качественной трансформации санкционной политики западных стран в отношении Российской Федерации.

Принципиальная новизна санкционных режимов 2022–2026 гг. состоит не только в количественных параметрах – числе позиций и охвате секторов, – но прежде всего в применении инструментов, ранее остававшихся в области теоретических дискуссий.

Научная значимость темы заключается в том, что российский кейс уже сегодня становится опорным эмпирическим материалом для пересмотра теории экономического принуждения, концепций взаимозависимости и санкционной эффективности.

Специальная военная операция и западные экономические санкции ввергли российскую экономику в тяжелый экономический кризис, который обостряется каждый месяц. Российское руководство неправильно оценило природу кризиса, поэтому методы его преодоления оказываются неэффективными.

Наиболее серьезны долгосрочные последствия кризиса. Это связано с тем, что придется преодолевать инерцию происходившей в течение, по крайней мере, 60 лет почти непрерывной деградации экономического и интеллектуального потенциала страны, ее государственных и общественных институтов. Потребуются колоссальные усилия государственного руководства и всего общества для преодоления этой инерции.

Литература

1. Гурвич Е. Т., Прилепский И.В. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 5–35.
2. Загашвили В.С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 67–77.
3. Тимофеев И.Н. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: учебное пособие / отв. ред. И.Н. Тимофеев. – Москва: НП РСМД, 2018. – 188 с.
4. Тимофеев И.Н. Санкции против России: новые рубежи и сценарии на перспективу до 2030 г.: доклад / Российский совет по международным делам. – Москва: НП РСМД, 2023.
5. Годовой отчёт Банка России за 2023 год / Банк России. – Москва, 2024.
6. Внешняя торговля Российской Федерации: статистические данные / Федеральная таможенная служба. – Москва, 2024.
7. Connolly R. Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 274 p.
8. Drezner D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 357 p.
9. Drezner D.W. The United States of Sanctions: The Use and Abuse of Economic Coercion // Foreign Affairs. – 2021. – Vol. 100, № 5. – P. 142–154.
10. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. – 2019. – Vol. 44, № 1. – P. 42–79.
11. Hufbauer G. C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. – 3rd ed. – Washington, D. C.: Peterson Institute for International Economics, 2009. – 248 p.
12. Miller C. Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology. – New York: Scribner, 2022. – 432 p.
13. Executive Order 13662 of March 20, 2014, "Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine" // Federal Register. – 2014. – Vol. 79, № 56. – P. 16169–16171.
14. Executive Order 14024 of April 15, 2021, "Blocking Property With Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation" // Federal Register. – 2021. – Vol. 86, № 73. – P. 20249–20253.
15. Executive Order 14066 of March 8, 2022, "Prohibiting Certain Imports and New Investments With Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine" // Federal Register. – 2022. – Vol. 87, № 47. – P. 13625–13627.
16. Executive Order 14114 of December 22, 2023, "Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities" // Federal Register. – 2023. – Vol. 88, № 246.
17. Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 78. – P. 6–15.
18. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 229. – P. 1–11.
19. Council Regulation (EU) 2022/334 of 28 February 2022 amending Council Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 57. – P. 1–4.
20. Council Decision (CFSP) 2022/346 of 1 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 63. – P. 5–6.
21. Council Regulation (EU) 2022/879 of 3 June 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 153. – P. 53–74.
22. Council Regulation (EU) 2023/1214 of 23 June 2023 amending Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 159 I.
23. Council Decision (CFSP) 2020/1480 of 14 October 2020 amending Decision (CFSP) 2018/1544 concerning restrictive measures against the proliferation and use of chemical weapons // Official Journal of the European Union. – 2020. – L 341. – P. 9–13.
24. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Public Law 115–44, 131 Stat. 886 (August 2, 2017).
25. Protecting Europe's Energy Security Act of 2019, Title LXXV of the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020, Public Law 116–92, 133 Stat. 2275 (December 20, 2019).
26. Rebuilding Economic Prosperity and Opportunity for Ukrainians Act, Division F of the Foreign Aid Package, Public Law 118–50 (April 24, 2024).
27. G7 Leaders' Communiqué. Apulia Summit, June 13–15, 2024.
28. G7 Statement on Russian Oil Price Cap, September 2, 2022.
29. Joint Statement on Further Restrictive Economic Measures (European Commission, France, Germany, Italy, United Kingdom, Canada, United States), February 26, 2022.
30. Russia Sanctions Tracker [Электронный ресурс] / Kyiv School of Economics Institute. – URL: https://sanctions.kse.ua (дата обращения: 12.05.2026).
31. Annual Report 2023 / Euroclear. – Brussels, 2024.
32. OFSI Annual Review 2022–2023 / Office of Financial Sanctions Implementation, HM Treasury. – London, 2024.
33. U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. Implementation of Sanctions Against Russia under the Export Administration Regulations // Federal Register. – 2022. – Vol. 87, № 41.

A SPECIAL MILITARY OPERATION AS A FACTOR IN THE RADICALIZATION OF WESTERN COUNTRIES' SANCTIONS POLICIES

Eremenko O.S.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This article examines the evolution of Western sanctions policy toward the Russian Federation from 2014 to 2026 and argues that the start of the special military operation (hereinafter – SMO) in February 2022 became the key factor in its qualitative radicalization. Based on an analysis of regulatory acts of the United States, the European Union (hereinafter – EU), and the United Kingdom, as well as materials from international and Russian research centers, the article identifies three stages of sanctions pressure (2014–2015, 2016–2021, 2022–2026), traces the logic of their transition, and describes the expansion of the available policy instruments – from individual and sectoral measures to the freezing of sovereign reserves, the price cap, secondary sanctions, and tools for monitoring sanctions evasion.

Keywords: sanctions, sanctions policy, special military operation, SMO, economic deterrence, asset freezing, secondary sanctions.

References

1. Gurvich E. T., Prilepskiy I.V. The impact of financial sanctions on the Russian economy // Voprosy Ekonomiki. – 2016. – No. 1. – Pp. 5–35.
2. Zagashvili V.S. Western sanctions and the Russian economy // World Economy and International Relations. – 2015. – No. 11. – Pp. 67–77.
3. Timofeev I.N. Sanctions Policy: Goals, Strategies, Instruments: textbook / ed. by I.N. Timofeev. – Moscow: Russian International Affairs Council, 2018. – 188 p.
4. Timofeev I.N. Sanctions Against Russia: New Frontiers and Scenarios up to 2030: report / Russian International Affairs Council. – Moscow: Russian International Affairs Council, 2023.
5. Annual Report of the Bank of Russia for 2023 / Bank of Russia. – Moscow, 2024.
6. Foreign Trade of the Russian Federation: Statistical Data / Federal Customs Service. – Moscow, 2024.
7. Connolly R. Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft Is Reshaping Political Economy in Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 274 p.
8. Drezner D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 357 p.

9. Drezner D.W. The United States of Sanctions: The Use and Abuse of Economic Coercion // Foreign Affairs. – 2021. – Vol. 100, No. 5. – Pp. 142–154.

10. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. – 2019. – Vol. 44, No. 1. – Pp. 42–79.

11. Hufbauer G. C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. – 3rd ed. – Washington, D. C.: Peterson Institute for International Economics, 2009. – 248 p.

12. Miller C. Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology. – New York: Scribner, 2022. – 432 p.

13. Executive Order 13662 of March 20, 2014, "Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine" // Federal Register. – 2014. – Vol. 79, No. 56. – Pp. 16169–16171.

14. Executive Order 14024 of April 15, 2021, "Blocking Property With Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation" // Federal Register. – 2021. – Vol. 86, No. 73. – Pp. 20249–20253.

15. Executive Order 14066 of March 8, 2022, "Prohibiting Certain Imports and New Investments With Respect to Continued Russian Federation Efforts to Undermine the Sovereignty and Territorial Integrity of Ukraine" // Federal Register. – 2022. – Vol. 87, No. 47. – Pp. 13625–13627.

16. Executive Order 14114 of December 22, 2023, "Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities" // Federal Register. – 2023. – Vol. 88, No. 246.

17. Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 78. – Pp. 6–15.

18. Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // Official Journal of the European Union. – 2014. – L 229. – Pp. 1–11.

19. Council Regulation (EU) 2022/334 of 28 February 2022 amending Council Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 57. – Pp. 1–4.

20. Council Decision (CFSP) 2022/346 of 1 March 2022 amending Decision 2014/512/CFSP // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 63. – Pp. 5–6.

21. Council Regulation (EU) 2022/879 of 3 June 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 153. – Pp. 53–74.

22. Council Regulation (EU) 2023/1214 of 23 June 2023 amending Regulation (EU) No 833/2014 // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 159 I.

23. Council Decision (CFSP) 2020/1480 of 14 October 2020 amending Decision (CFSP) 2018/1544 concerning restrictive measures against the proliferation and use of chemical weapons // Official Journal of the European Union. – 2020. – L 341. – Pp. 9–13.

24. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Public Law 115–44, 131 Stat. 886 (August 2, 2017).

25. Protecting Europe's Energy Security Act of 2019, Title LXXV of the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020, Public Law 116–92, 133 Stat. 2275 (December 20, 2019).

26. Rebuilding Economic Prosperity and Opportunity for Ukrainians Act, Division F of the Foreign Aid Package, Public Law 118–50 (April 24, 2024).

27. G7 Leaders' Communiqué. Apulia Summit, June 13–15, 2024.

28. G7 Statement on Russian Oil Price Cap, September 2, 2022.

29. Joint Statement on Further Restrictive Economic Measures (European Commission, France, Germany, Italy, United Kingdom, Canada, United States), February 26, 2022.

30. Russia Sanctions Tracker [Electronic resource] / Kyiv School of Economics Institute. – URL: https://sanctions.kse.ua (accessed: 12.05.2026).

31. Annual Report 2023 / Euroclear. – Brussels, 2024.

32. OFSI Annual Review 2022–2023 / Office of Financial Sanctions Implementation, HM Treasury. – London, 2024.

33. U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. Implementation of Sanctions Against Russia under the Export Administration Regulations // Federal Register. – 2022. – Vol. 87, No. 41.

Трансформация представлений о военной безопасности в условиях гибридных войн с использованием средств цифровизации

Жуков Артем Вадимович,
доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет
E-mail: artem_jukov68@mail.ru.

Ковалев Виталий Алексеевич,
доцент, Дальневосточное гвардейское высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
E-mail: nastyasha16@mail.ru.

Актуальность статьи определена тем, что в условиях, которые влияет цифровизация и распространение гибридных методов ведения войны, возникает необходимость переосмысления понятия «военная безопасность». Как отмечает автор, под воздействием новых форм конфликтов проблема военной безопасности расширяет свои рамки в рамках системы национальной безопасности, что требует проведения анализа трансформации социальных отношений и роли гражданского общества. В статье исследуется вопрос о том, как в системе оборонного планирования гибридные войны меняют традиционное понимание военной безопасности и место гражданского общества. Целью работы является выявление ключевых трансформаций в объяснениях сущности «военной безопасности», которые обосновывают новую модель отношений между личностью и государством, когда перманентные военные угрозы становятся элементом существования большой части населения. Методологическую основу исследования составляют положения теории секьюритизации, а также диалектический подход, позволяющий проследить взаимосвязь между индивидуальной резильентностью и национальной безопасностью. В результате установлено, что в условиях гибридных войн границы между фронтом и тылом стираются, а объектом военной безопасности становится не только армия и территориальная целостность, но и гражданское общество. Выявлено, что фокус смещается с идеи тотального контроля и неприкосновенности личности на управление рисками и формирование резильентности граждан, которые должны стать активными участниками обеспечения безопасности. Обосновано, что индивидуальная безопасность частично уступает место коллективной как условию выживания системы, а стратегическим ресурсом безопасности становится готовность общества к временным ограничениям прав и свобод, соблюдению информационной гигиены и участию в территориальной самообороне. Результаты исследования вносят вклад в развитие социальной философии и теории безопасности, формируя концептуальные основы для анализа современных военно-социальных процессов и выстраивания модели военизированного сообщества, где гармонизируются безопасность личности и национальная безопасность.

Ключевые слова: гибридные войны, цифровизация, военная безопасность, национальная безопасность, резильентность, теория секьюритизации, гибридные угрозы, оборонное планирование, военно-социальные процессы.

Введение

Гибридные войны в условиях цифровизации стирают границы между войной и миром, трансформируя формы взаимодействия между противоборствующими сторонами, которые переходят к режиму информационного кибернетического, экономического, политического и вооруженного противостояния в пространстве, которое более не ограничивается рамками непосредственных боевых действий. При этом, развитие современных технологий позволяет противникам осуществлять нападения и причинять физический, материальный, а также финансовый и моральный вред на удаленные расстояния, целенаправленно и с минимальными для себя потерями. В то же время цифровые технологии, используемые современными СМИ, позволяют распространять информацию об этом практически мгновенно, что превращает ее в наиболее эффективный инструмент разобщения и подавления. Это является основанием для трансформации устоявшегося к данному времени понятию «военная безопасность», подразумевающего поддержание устойчивого состояния материальных и социальных систем, центральной звеном которых является жизнь человека перед лицом военных угроз. В условиях, когда критические инфраструктуры становятся зависимы от IT-технологий, которые могут быть парализованы с помощью атак, с применением гибридных технологий, основной угрозой становится возникновение ситуации социального и управленческого хаоса, который сам по себе может стать причиной ликвидации действующих социальных структур и институтов, и привести к массовой гибели людей.

Таким образом, цифровизация средств и инструментов войны меняет понимание о военной безопасности, выводя его за рамки представлений об устойчивости и полном контроле за жизнедеятельностью каждого гражданина в условиях военных угроз. В новых условиях, когда становится очевидной невозможность организации тотального контроля на каждом участке территории страны, подвергающейся неожиданным и стремительным атакам новейших средств вооружения возникает новое понимание военной безопасности, средствах защиты и обеспечения социального порядка и контроля.

В течение последних лет в зарубежной и отечественной литературе ведётся интенсивное исследование проблематики гибридных войн, цифровизации и безопасности в эпоху новых конфликтов. К ключевым зарубежным публикациям, в которых исследуются гибридные войны, цифровизация и трансформация национальной безопасности относится работа Ф. Хоффмана, где было обосновано понятие «гибридной войны», как сочетания регулярных иррегулярных методов ведения боевых действий [17]. Описание связанной с данным понятием новой реальности содержится в статье Я. Сита [22], посвященной проблеме кибероперациий в гибридных войнах. Классической работой, посвященной угрозам «новых войн», с помощью цифровизации стирающих грань между государственным и негосударственным насилием, направленным на гражданское население, является монография М. Калдор [18]. Представление асимметричных конфликтов, где государство теряет контроль над территорией, а война становится децентрализованной и коммерциализированной представлено в работах Х. Мюнклер [19]. Исследования влияния кибернетики на теорию хаоса, приведшие к пониманию невозможности тотального контроля в условиях непредсказуемой реальности современных конфликтов, были проведены А. Буске [12]. Процесс трансформации традиционных представлений о вооруженном конфликте, суверенитете и контроле в условиях цифровизации раскрывает публикация М. Шмитта [21]. Анализ алгоритмов влияния облачного вычисления на переход от попыток тотального контроля к вероятностным моделям угроз проведен в публикации Л. Амор [11]. Значимый шаг в направлении разработки новой модели военной безопасности сделан в работе М. Даффилда [15], предложившего концепцию «безопасного развития» взамен «прямого военного управления» в период непрекращающейся войны. Существенное дополнение к данной модели содержится в монографии Т. Рида [20], который защищает положение о том. что с распространение цифровизации традиционная война не закончилась, а напротив, интенсифицировалась за счет введения дополнительных средств ведения боя, которые повлияли на трансформацию понятия «контроль». Изменение логики безопасности является предметом исследований

Х.Б. Браттона, который обращает внимание, что суверенитет больше не привязан к территории, а рассредоточен по цифровым платформам, что меняет и логику безопасности [13]. На ключевую идею в процессе трансформации представлений о военной безопасности в условиях современности предложил А.Р. Галловей, указавший, что контроль в децентрализованных сетях осуществляют не централизованная иерархия, а цифровые протоколы [16]. В целом, перечисленные работы западных авторов, создают теоретическую базу для утверждения о том, что цифровизация войны выводит военную безопасность за пределы моделей тотального контроля и устойчивости, предлагая вместо этого концепции фрагментированного суверенитета, алгоритмического управления рисками и «войны без границ».

Среди российских публикаций, уделяющих внимание данной теме необходимо выделить публикацию И.Н. Панарина о разрушительном влиянии информационной войны на традиционные представления о контроле над территорией и населением [9]. Обоснование необходимости новых моделей устойчивости общества в связи с усилением влияния цифровых инструментов управления хаосом, приведено в монографии А.В. Манойло [8]. Подробно описывает, как цифровизация меняет характер военных угроз и делает невозможным традиционное линейное обеспечение безопасности А.А. Бартош [2]. И.А. Корх и Е.В. Юмашева приводят данные о том, что цифровизация порождает «точечные» угрозы, превращающие тотальный территориальный контроль в неэффективный [6].

Обоснование того, что цифровые средства вооружения требуют пересмотра принципов контроля и защиты критической инфраструктуры приведено в статье В.Ю. Горелика [4]. А.А. Ковалев рассматривает трансформацию национальной безопасности в контексте гибридных угроз и новых технологий, включая проблему утраты контроля над периферией [5]. Работа В.Н. Кузнецова посвящена переходу от тотального контроля к культуре устойчивости и самозащиты как новому механизму социального порядка [7]. Монография о сетевых формах ведения войны, где центр управления децентрализован, а контроль заменяется координацией опубликована Л.В. Савиным [10]. С.А. Вершилов анализирует расширение понятия военной безопасности за пределы вооружённых сил и контроля над территорией [3]. В статье группы авторов под руководством А.И. Агеева анализируется переход от традиционной модели национальной безопасности к управлению рисками в цифровой среде [1].

Таким образом, в современной западной и российской научной литературе накоплен значительный информационный потенциал, позволяющий судить о том, что цифровизация войны приводит к изменению трактовок понятия о военной безопасности, причиной чего является утрата возможности тотального контроля и новые подходы к социальному порядку в условиях гибридных и высокотехнологичных угроз. Приведенные работы в совокупности создают теоретическую и практическую базу для обоснования тезиса о том, что цифровизация войны размывает традиционные модели контроля и устойчивости, требуя новых подходов к военной безопасности. Отличием их является осознание необходимости управления обществом, находящемся в критическом положения в связи с интенсификацией гибридных угроз, что требует особого внимания к актуализации резильентности личности и асимметричных ответах в случае возникновения нештатных ситуаций. При этом, они указывают на необходимость дальнейших разработок, целью которых должно стать создание концептуальной модели трансформации представлений о новом месте военной безопасности в системе национальной безопасности в условиях гибридных войн эпохи цифровизации. В частности, требуется систематизировать и сопоставить зарубежные и отечественные подходы к пониманию гибридных угроз в цифровой среде; выявить ключевые факторы, влияющие на эволюцию концепции национальной безопасности под воздействием цифровизации; разработать критерии оценки эффективности существующих механизмов противодействия гибридным угрозам в условиях современной войны; предложить конкретные рекомендации по адаптации институциональной структуры военой безопасности к новым вызовам.

Объектом предлагаемого исследования является современная военная безопасность, как составной элемент системы национальной безопасности. Предметом являются новации в представлениях о военной безопасности, формирующие основание трансформации ее модели в условиях гибридных войн эпохи цифровизации.

К теоретическим основаниям исследуемой нами трансформации трактовок понятия военная безопасность следует отнести подход секьюритизации, основанный на критической теории безопасности, представленный Б. Бузаном, О. Вейвером, Я. де Вильде, которые фиксируют наличие одновременного влияния устоявшейся традиции формирования военной безопасности и современные трансформации, связанные с информатизацией войны. Основной идеей данной теории является утверждение о том, что любая проблема, включая военные, становится вопросом безопасности только тогда, когда политический субъект публично объявляет её «экзистенциальной угрозой» и добивается права на чрезвычайные меры, выходящие за рамки обычного законодательства [14].

Применяя методику диалектического подхода, феноменологического и сравнительного анализа, рассмотрим современные трансформации представлений о военной безопасности в контексте проблематики гибридной угроз, интенсифицирующихся в связи с развитием цифровизации.

Результаты исследования

1. В классической модели военной безопасности объектом защиты выступали преимущественно вооружённые силы и территориальная целостность. В условиях гибридных войн и цифровизации границы между фронтом и тылом стираются а объект военной безопасности расширяется включая в себя гражданское общество. Гражданское население перестаёт быть лишь косвенным объектом заботы военных, которые в классической войне были заняты главным образом своим противником, так как становится прямой мишенью, как прямых военных ударов, так и кибератак, фейков, диверсий на инфраструктуре, включая энергетику, транспорт и связь. Поэтому ключевым элементом оборонного планирования должна стать не только физическая, но и когнитивная защита граждан, при условии признания того, что индивидуальная безопасность связывается с невозможностью предугадать и предотвратить все атаки и частично уступает место коллективной безопасности как условию выживания системы

2. Новые требования с военной безопасности требуют сдвига приоритетов от неприкосновенности личности к личностной резильентности, что означает то, что каждый гражданин должен взять на себя ответственность за безопасность всего общества. Этот сдвиг отражает диалектику личной устойчивости и национального выживания, указывая, что гражданин должен стать активным участником обеспечения безопасности через соблюдение информационной гигиены, готовность к временным ограничениям прав и свобод, участие в территориальной самообороне, отказ от паники в кризисных ситуациях, включая гибель мирных людей.

3. Теория секьюритизации объясняет трансформацию переопределения военной безопасности от тотального контроля к управлению рисками, указывая, что фокус военной безопасности в связи с интенсификацией военно-социальных процессов смещается с полной защиты каждого метра территории на управление непрерывным потоком гибридных угроз; формируя модель военизированного сообщества, где стратегическим ресурсом безопасности становится резильентность граждан, а безопасность личности гармонизируется с национальной безопасностью

Обсуждение результатов исследования

Анализ традиционных представлений о безопасности, проведенный в исследованиях И.Н. Панарина, показывает наличие чётко определенного и узко понимаемого субъекта безопасности, куда входят представители противоборствующих армий [9, с. 220–290]. Традиционно, как указывают А.И. Агеев [и др.], военная безопасность рассматривалась как защита суверенитета и территориальной целостности вооружёнными силами [1, с. 62]. Как пишет С.А. Вершилов, в классической модели, которая разделяет военное и мирное время, без внешних экзистенциальных угроз, приоритетом является неприкосновенность личности, включая права человека и защиту от произвола государства [3, с. 170–182].

Однако в цифровую эпоху пространство секьюритизации расширяется за счет использования таких новых носителей угроз, как хакерские группировки, фейковые новости, информационные вбросы, диверсии на критической инфраструктуре. Тем самым, военная безопасность расширяется на сферы, ранее не считавшиеся военными, что ведёт к необходимости признания во-первых, факта современная гибридная война, как информируют Т. Рид, расширяет свое пространство за счет включения в сферу боевых действий объектов критической инфраструтуры, куда входят такие сферы, как энергетика, транспорт, связь, что напрямую затрагивает гражданское население. Во-вторых, еще одной сферой гибридных войн, затронутой цифровизацией, по его мнению, становится направление информационно-психологического воздействия, где современные технологии стали интенсивно использоваться в целях деморализации общества и создания ситуации управляемого хаоса [20, Pp. 210–232].

Таким образом, складывается противоречивая ситуация, в которой с одной стороны первостепенным параметром военной безопасности становится безопасность граждан. Однако, как доказывает Э. Буске,

по мере расширения использования средств цифровизации в целях проведения операций гибридной войны, приходит осознание того, что традиционный «тотальный контроль» над каждым участком своей территории теперь объективно невозможен, подтверждением чего являются участившиеся попытки совершения экстремистских действия и терроризма, кибератаки, дроны, информационные диверсии [12, Pp. 180–200].

Поэтому актуализируется необходимость поиска легитимации отказа от тотального контроля, централизация которого, согласно мнению А.Р. Галловея, невозможна. При этом секьюритизация позволяет оправдать такие новые формы контроля, как цифровой мониторинг населения, ограничение свободы информации и мобилизация гражданского общества на самооборону[16, Pp. 110–130]. Государство, как пишет Х.Б. Браттон, утверждает, что угрозой общему выживанию являются цифровые новации, которые угрожают нам с цифровых платформ и поэтому делает вывод о необходимости нестандартных мер противодействия [13, Pp. 180–220].

Таким образом, происходит переориентация целеполагания системы военной безопасности, которая меняет фокус от стремления осуществлять тотальный контроль к задачам управления рисками. В контексте теории секьюритизации О. Вейвера, Б. Бузана, Дж. Вайлда [14], данная трансформация понимается, как переопределение военной безопасности от концепции, ориентированной на полную защиту каждого гражданина и каждого метра территории, управлению непрерывным потоком угроз. Это означает, что гражданин перестает быть объектом тотальной защиты и становится субъектом, обязанным демонстрировать «личностную устойчивость», то есть резильентность, как олицетворение идеи о том, что опасность понимается, как всеобъемлющая категория, поэтому обязанностью каждого является активное и осознанное участие в обороне. В связи с этим востребованным становится тотальное распространение резильентности, становящейся главным результатом секьюритизации. Согласно данному подходу, который был обоснован в исследованиях М. Шмитта, трансформация понимания военной безопасности происходит не просто, потому, что поменялись технологии, а из-за того, что общество в условиях изменения технологий пришло к осознанию того, что выживание всего сообщества может зависеть от того, как поведет себя в случае угрозы каждый конкретный человек, какую ответственность он будет способен на себя взять [21, Pp. 1–15].

Данный подход показывает тенденцию, связанную с необходимостью обоснования отказа от тотального контроля военно-социальных процессов с последующим переносом ответственности на личность, становящуюся субъектом безопасности. Каждый гражданин представляется, как активный участник обеспечения этой безопасности через собственную резильентность и информационную гигиену. В этих условиях, как государство, вынужденное использовать, описанные в исследовании Л. Амор, алгоритмы облачного вычисления, секьюритизирует цифровые атаки и фейки как экзистенциальную угрозу, что позволяет переопределить военную безопасность как управление рисками в условиях невозможности тотального контроля [11, Pp. 50–80].

Таким образом, в современной теории безопасности необходимо отделять периоды мирного развития и периоды вхождения общества в условия гибридных угроз, когда военная безопасность трансформирует свое значение и перемещается на новое место в системе национальной безопасности. Эта трансформация, интерпретируемая в контексте теории секьюритизации, как движение в сторону безопасного развития, о котором писал М. Даффилд [15, Pp. 150–220], заключается в расширении границ объекта военной безопасности, куда включается мирное, гражданское население. Причиной данного процесса, как показало исследование А.В. Манойло, стало увеличение интенсификации разрушительного влияния вооружения, основанного на принципах цифровизации [8. с. 80–83]. Однако внедрение данных типов вооружения в условиях гибридных войн, как доказывают И.А. Корх и Е.В. Юмашева, привело к стиранию границ между фронтом и тылом, последующей активизации нанесения разрушительных ударов по критической инфраструктуре противоборствующих сторон, включая города и системы жизнеобеспечения, такие как энергетика, транспорт, связь [6, с. 272–281]. Одновременно интенсифицируется информационно-психологическое воздействие, направленное на гражданское население, которое становится прямой мишенью для деморализации. За счет активного распространения фейков, манипуляций, диверсий враждебные стороны, как обращает внимание В.Ю. Горелик, стремятся подорвать доверие к власти и дестабилизировать ситуацию в обществе [4, с. 1438–1448].

Таким образом, безопасность мирного населения перестаёт быть лишь социальной или гуманитарной проблемой, так как она становится первостепенным параметром военной безопасности. Защита гражданских лиц теперь является прямой задачей оборонного планирования, которое должно включать такие основные направления, как, во-первых, организацию физической, во-вторых, когнитивной защиты. Однако ключевым изменением является трансформация представлений о таком приоритете, как «неприкосновенность личности», который трансформируется в такое понятие, как «личностная устойчивость», становящаяся инструментом обеспечения национальной безопасности. Этот сдвиг от классической модели, обозначенный в публикациях такого автора, как А.А. Бартош, означает частичную или временную инверсию приоритетов безопасности, которая в гибридной войне означает единственную возможность сохранения стабильности [2, с. 155–163]. Это становится возможным за счет встраивания личной безопасности в национальную, изменения которой были описаны А.А. Ковалевым, в результате чего гражданин перестает восприниматься, как пассивный объект защиты, а вместо этого становится субъектом активной устойчивости [5, с. 7–17].

Его резильентность, на которую обратил внимание В.Н. Кузнецов, в данном случае будет означать отказ от паники, соблюдение информационной гигиены, участие в обороне вплоть до территориальной самообороны, сознательная готовность к временным ограничениям своих прав и свобод в пользу сохранения стабильности всей социальной системы [7, с. 260–270]. Данная модель предполагает необходимость ограничения таких индивидуальных прав, как свобода передвижения, тайна переписки, неприкосновенность жилища, указывается на смещение баланса от личной свободы в сторону коллективной безопасности, которая становится основной ценностью выживания во время проведения контртеррористических операций, режима военного положения, обязательной эвакуации.

Важно указать, что данная трансформация модели военной безопасности не означает полную утрату приоритета личности. Скорее, происходит переопределение, так как управление теряет единую централизацию, а личность, как указывает Л.В. Савин становится субъектом военной безопасности, самостоятельно координирующим свои действия, что означает, что её устойчивость, осознанность и готовность к самозащите рассматриваются как стратегический ресурс [10, с. 80–120]. В контексте данных изменений изменяется и задача государственной стратегии организации национальной безопасности, которая теперь направляется на необходимость гармоничного сочетания усилий, направляемых на обеспечение максимально возможного уровня национальной безопасности и безопасности личности, на которую возлагается равная с государством ответственность за обеспечение выживания всей системы.

Вывод

Трансформация представлений о военной безопасности в современных условиях гибридных войн заключается в расширении своего объекта, в который включается всё гражданское общество как цель защиты и как субъект устойчивости. Кроме этого, она смещает акценты целеполагания от примата индивидуальной неприкосновенности к диалектике личной устойчивости и национального выживания, на период военного времени уравниваясь с параметрами национальной безопасности. При этом структура национальной безопасности периода гибридных войн перестраивается по принципу военизированного сообщества, где параметры личностной безопасности, переформатируют гражданина из объекта в субъект, несущий равную с государством ответственность за сохранение всего сообщества. Такая трансформация в современных условиях развития военно-социальных процессов представляет собой дань объективной реальности, и является необходимым ответом на гибридные угрозы, где атака может вестись одновременно на границу, психику, экономику и инфраструктуру. Важно отметить, что данная реальность фиксируется в новых доктринальных документах многих стран, включая Россию и стратегии НАТО, что указывает на возможные направления для практической реализации результатов исследования, связанные с реализацией на практике предлагаемой модели военной безопасности в условиях гибридных конфликтов периода цифровизации, а также обозначает дальнейшие перспективы переосмысления трансформационных процессов в сфере безопасности в условиях современного мира.

Литература

1. Агеев, А.И. Цифровая трансформация национальной безопасности в контексте глобальных гибридных угроз / А.И. Агеев, М.А. Аверьянов, С.Н. Евтушенко, Е.Ю. Кочетова, Р.Л. Сиваков // Экономические стратегии. – 2021. – № 4 (178). – С. 60–69.

2. Бартош, А.А. Информационно-психологическое и киберпротивоборство в мировой гибридной войне / А.А. Бартош // Российское

общество и социально-правовые аспекты его безопасности. – Москва, 2024. – С. 155–163.

3. Вершилов, С.А. Военная безопасность государства (социально-философский анализ): монография / С.А. Вершилов. – Ульяновск: «Зебра», 2015. – 290 с.

4. Горелик, В. Ю. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации / В.Ю. Горелик, М.Ю. Безус // StudNet. – 2020. – Т. 3, № 9. – С. 1438–1448.

5. Ковалев, А.А. Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения / А.А. Ковалев // Вестник Вятского государственного университета. – 2024. – № 2(152). – С. 7–17.

6. Корх, И.А. Цифровизация и актуальные угрозы информационной безопасности / И.А. Корх, Е.В. Юмашева // Наука. Информатизация. Технологии. Образование. – Екатеринбург, 2023. – С. 272–281.

7. Кузнецов, В.Н. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека – как фундаментальная проблема российских общественных наук. О некоторых дискуссионных аспектах новой интерпретации Миссии Российской Социологии в XXI веке / В.Н. Кузнецов // Безопасность Евразии. – 2004. – № 3(17). – С. 7–70.

8. Манойло, А.В. Информационные операции стран Европы в Северной Африке и Сахеле / А.В. Манойло // Актуальные проблемы Европы. – 2025. – № 4(128). – С. 68–83.

9. Панарин, И.Н. Гибридная война и геополитика: монография / И.Н. Панарин. – М.: Горячая линия-Телеком, 2022. – 471 с.

10. Савин, Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию: монография / Л.В. Савин. – М.: Т8 Russian Titles, 2019. – 138 с.

11. Amoore, L. Cloud Ethics: Algorithms and the Attributes of Ourselves and Others: монография / L. Amoore – New Jersey:. Duke University Press, 2020. – 232 p.

12. Bousquet, A. The Scientific Way of Warfare: Order and Chaos on the Battlefields of Modernity / A. Bousquet. – New York: Columbia University Press, 2022. – 206 p.

13. Bratton, B.H. The Stack: On Software and Sovereignty / B.H. Bratton. – Cambridge: MIT Press, 2026. – 532 p.

14. Buzan, B. Security: A new Framework for analysis / B. Buzan, O. Weaver, J.d. Wilde. – London: Lynne Rienner, 1998. – 247 p.

15. Duffield, M. Development, Security and Unending War: Governing the World of Peoples / M. Duffield. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 280 p.

16. Galloway, A.R. Protocol: How Control Exists after Decentralization / A.R. Galloway. – Cambridge**:** MIT Press, 2006. – 288 p.

17. Hoffman, F. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars / F. Hoffman – Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.

18. Kaldor, M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era / M. Kaldor. – Cambridge: Polity Press, 2012. – 224 p.

19. Münkler, H. The New Wars / H. Münkler. – Cambridge: Polity Press, 2005. –284 p.

20. Rid, T. Cyber War Will Not Take Place / T. Rid. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 232 p.

21. Schmitt, M. N. (ed.). Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M.N. Schmitt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 598 p.

22. Syta, J. Cyber Operations in Hybrid Conflicts – Lessons from the War in Ukraine / J. Syta // Cybersecurity & Cybercrime – 2023. – V. 1. – № 2 – Pp.38–52.

TRANSFORMATION OF CONCEPTS OF MILITARY SECURITY IN THE CONTEXT OF HYBRID WARS USING DIGITALIZATION TOOLS

Zhukov A.V., Kovalev V.A.
Transbaikal State University, Far Eastern Guards Higher Combined Arms Command Order of Zhukov School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky

The relevance of this article lies in the fact that, in a context influenced by digitalization and the proliferation of hybrid warfare, a rethinking of the concept of "military security" is necessary. This development necessitates an analysis of the transformation of social relations and the role of civil society. The paper examines how hybrid wars reshape the traditional understanding of military security and the place of civil society within defence planning systems. The aim of this work is to identify key transformations in explanations of the essence of "military security" that justify a new model of relations between the individual and the state, when permanent military threats become an element of the existence of a large part of the population. The methodological foundation of the study rests upon the tenets of securitisation theory, complemented by a dialectical approach that enables tracing the interrelation between individual resilience and national security. The findings demonstrate that in the context of hybrid wars, the boundaries between the frontline and the rear are blurred. Consequently, the scope of military security extends beyond the armed forces and territorial integrity to encompass civil society. It is revealed that the focus shifts from the idea of total control and personal inviolability towards risk management and the cultivation of citizens' resilience, positioning them as active participants in security provision. The study substantiates that individual security partially gives way to collective security as a prerequisite for the survival of the system. In this paradigm, the strategic security resource lies in society's preparedness to accept temporary restrictions on rights and freedoms, to adhere to information hygiene standards, and to engage in territorial self-defence. The results of the research contribute to the advancement of social philosophy and security theory. They lay conceptual groundwork for analysing contemporary military-social processes and for constructing a model of a militarised community in which individual security and national security are harmonised.

Keywords: hybrid wars, digitalisation, military security, national security, resilience, securitisation theory, hybrid threats, defence planning, military-social processes.

Referenses

1. Ageev, A. I., Averyanov, M. A., Evtushenko, S. N., Kochetova, E. Yu., & Sivakov, R. L. (2021). Digital transformation of national security in the context of global hybrid threats. Economic Strategies, 4(178), 60–69.

2. Bartosh, A. A. (2024). Information-psychological and cyber confrontation in the global hybrid war. Russian Society and Socio-Legal Aspects of Its Security, 155–163.

3. Vershilov, S. A. (2015). Military security of the state (socio-philosophical analysis) [Monograph]. Zebra.

4. Gorelik, V. Yu., & Bezus, M. Yu. (2020). On the security of critical information infrastructure of the Russian Federation. StudNet, 3(9), 1438–1448.

5. Kovalev, A. A. (2024). Anthropological aspects of hybrid war as a new generation war. Bulletin of Vyatka State University, 2(152), 7–17.

6. Korkh, I. A., & Yumasheva, E. V. (2023). Digitalization and current threats to information security. Science. Informatization. Technologies. Education, 272–281.

7. Kuznetsov, V. N. (2004). The national goal: Security and well-being of a person as a fundamental problem of Russian social sciences. On some debatable aspects of the new interpretation of the mission of Russian sociology in the 21st century. Security of Eurasia, 3(17), 7–70.

8. Manoilo, A. V. (2025). Information operations of European countries in North Africa and the Sahel. Current Problems of Europe, 4(128), 68–83.

9. Panarin, I. N. (2022). Hybrid war and geopolitics [Monograph]. Goryachaya Liniya – Telekom.

10. Savin, L. V. (2019). Network-centric and network warfare. Introduction to the concept [Monograph]. T8 Russian Titles.

11. Amoore, L. (2020). Cloud ethics: Algorithms and the attributes of ourselves and others [Monograph]. Duke University Press.

12. Bousquet, A. (2022). The scientific way of warfare: Order and chaos on the battlefields of modernity. Columbia University Press.

13. Bratton, B. H. (2026). The stack: On software and sovereignty. MIT Press.

14. Buzan, B., Weaver, O., & Wilde, J. D. (1998). Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner.

15. Duffield, M. (2013). Development, security and unending war: Governing the world of peoples. Polity Press.

16. Galloway, A. R. (2006). Protocol: How control exists after decentralization. MIT Press.

17. Hoffman, F. (2007). Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Potomac Institute for Policy Studies.

18. Kaldor, M. (2012). New and old wars: Organized violence in a global era. Polity Press.

19. Münkler, H. (2005). The new wars. Polity Press.

20. Rid, T. (2017). Cyber war will not take place. Oxford University Press.

21. Schmitt, M. N. (Ed.). (2017). Tallinn manual 2.0 on the international law applicable to cyber operations. Cambridge University Press.

22. Syta, J. (2023). Cyber operations in hybrid conflicts – Lessons from the war in Ukraine. Cybersecurity & Cybercrime, 1(2), 38–52.

Современные изменения в расстановке международных сил, трансформация систем глобальной и региональной безопасности

Кожемяко Павел Алексеевич,
независимый исследователь

В статье выполнен анализ современного состояния с учетом позиции ООН по ряду современных международных вопросов, освещены трансформационные изменения взаимодействия государств. Отмечается, что современная международная политика претерпевает одновременный кризиз и становление нового мирового порядка, полностью спрогнозировать который невозможно. В то же время, допустимо обозначить несколько основных направлений развития, с учетом ирано-американско-израильской конфронтации. Переход к многополярности с учетом выходу на мировую арену Китая и России, обладающих как военной мощью, так и экономическим разносторонним базисом, а также значительной численностью населения. Российское руководство осуществляет длительное время разностороннюю политику, в зависимости от региона, синергетически сочетая разнообразные подходы. Применение «мягкой силы» издавна применяется Россией максимально полно, чтобы избежать вклада вооруженного давления. В многополярном мире все более усиливается влияние политической воли-данное концептуальное понятие позволяет учитывать многогранные ее проявления в реалиях по всему миру.

Ключевые слова: глобальная и региональная безопасность, военная сила в международных отношениях, многополярная система, международный актор.

Один из насущных вопросов современной международной политики – это взаимодействие глобальных и региональных держав в ходе проведения порой противоречащих друг другу политик, и как это взаимодействие влияет на международную безопасность. Глобальные державы определяются как субъекты, способные оказывать значительное влияние в различных регионах или в глобальном масштабе, в то время как региональные державы обладают аналогичными возможностями преимущественно в пределах своих конкретных географических регионов [1].

За последние три десятилетия международная система стала все более рационализированной. А региональные державы являются ответственными за сохранение безопасности на местном и глобальном уровнях [2]. Эта регионализация сохраняется в условиях меняющихся системных контекстов – сначала в период после окончания холодной войны, а теперь в многополярном порядке, характеризующемся соперничеством США и Китая, активностью России и субъектов региона. Недавние исследования подчеркивают эти сдвиги, указывая на возобновление споров о региональных порядках безопасности и растущую роль перспектив Ближнего Востока [3].

Соотношение взаимодействующих геополитических акторов на глобально-региональном уровне оказывает значительное воздействие на поведение региональных держав [4]. В соответствии с положениями неореализма следует предположить, что изменения полярности происходят на фоне не только поведения крупных геополитических игроков, но они высказывают слабость и могут спасовать перед региональными игроками, которые, находясь длительное время в зависимости, изобрели инновационные механизмы противостояния мощной военной силе за счет прибегания к различным видам стратегического поведения – как на поле боя, так и в пропаганде.

Первым, пошатнувшим облик непревзойденных военных держав, обладающих самыми передовыми технологиями, значительным арсеналом вооружений, является ХАМАС, который оказывает сопротивление по сей день, исчерпав большинство своих ресурсов, но показав миру, что сопротивление возможно при наличии патриотизма, веры.

Вторым в списке региональных противоборствующих субъектов стал Иран, являющийся крупной державой по численности, территории и значительным ресурсам, а также крайне выгодному, стратегически значимому положению в районе Персидского залива, обладающим и контролирующим Ормузский пролив. В марте-апреле 2006 года это проявилось в полной мере, и весь мир лицезрел колоссальные расходы и потери Израиля и США, причем в самом Израиле было запрещено снимать и показывать степень разрушения, достигнутую баллистическими ракетами Ирана.

Приведенные ниже примеры рассматривают стратегические подходы к урегулированию кризисов, применяемые державами – Саудовской Аравией, Китаем и Россией – в условиях биполярности, унополярности и многополярности, чтобы оценить влияние структуры международной системы на поведение региональных держав. Последовательно, примеры в этой статье показывают, что региональные державы принимают на себя роли, направленные на предотвращение вмешательства великих держав, независимо от ориентации региональной державы по отношению к системе.

Концепция полярности в международных отношениях лежит в основе основополагающей структурно-реалистической теории Вальца. Ключевое предположение теории заключается в том, что сдвиги полярности будут иметь последствия для всей международной системы, а приходящие в упадок длительное время эксплуатировавшие регион могущественные государства будут демонстрировать внутренние проблемы, периодические кризисы, учащение циклических кризисов, готовность к перестраиванию механизмов взаимодействия с ранее зависимыми государствами на основе паритета.

Анализ ставит под сомнение масштабы теории, поскольку она была разработана специально для учета результатов взаимодействия великих держав, а не результатов взаимодействия малых государств. Восточная Азия представляет собой сложный случай, поскольку большинство государств региона получили полную независимость только после Второй мировой войны и сохранили сильные антиимпериалистические черты, что привело к ожиданиям, что именно идеология,

а не силовая политика, будет определять модели межгосударственной ориентации. структурно-реалистическая концепция полярности полезна для понимания общих закономерностей межгосударственной ориентации [5].

Даже если различные полярности порождают различия в неопределенности среди великих держав на международном уровне, как предсказывает неореализм, эти различия не вносят ясности в намерения великих держав на региональном уровне. Эта последовательность в поведении региональных держав может служить отправной точкой для анализа по мере того, как возникающая многополярность увеличивает сложность региональных споров.

В настоящее время происходит стремительная трансформация в системе ведущих международных игроков, утрата США лидирующих позиций, оказывающим мощное воздействие на развитие международных событий [6]. По многим показателям Россия является вторым, наиболее значимым игроком, обладающим мощным вооружением, инновационными технологиями, позволяющими достигать быстрых результатов с эффектом закрепления. Потепление отношений между США и Россией закончились новым витком противостояния, реализовавшимся в Сирии, в украинском конфликте. Основным предметом противодействия становится не идеологический фактор, а экономический.

Одним из самых напряженных регионов является Ближний Восток. Конфликты здесь возникают с постоянством, перманентно смещаясь от одной страны к другой, возвращаясь в страну, в которой, казалось бы, уже противборствующие стороны пришли к консунсусу. Одна из основных причин- подогревание напряженности, выгодной США и странам запада. Длительность конфликта также делает непростым поиск решений, которые удовлетворили бы все конфликтующие стороны.

На глобальной шахматной доске XX и XXI веков Россия последовательно стремилась утвердить себя как великую державу. Тем временем Китай позиционировал Ближний Восток как важную ось своей инициативы «Один пояс, один путь», используя регион для расширения своего экономического, технологического, политического и военного влияния. Эта стратегия значительно углубила китайские инвестиции и взаимодействие на Ближнем Востоке. Как по отдельности, так и совместно, Россия и Китай пытались извлечь выгоду из региональной напряженности и неопределенности политики США в этом регионе.

На фоне этой динамики Персидский залив выделяется как светлое пятно, где продолжающийся энергетический переход переопределяет геополитический и коммерческий ландшафт. Одновременно глобальная система остается прочно укорененной в гегемонии США, в значительной степени обусловленной доминированием доллара и контролем над международными финансовыми механизмами. В условиях глубокого кризиса либерализма мир, похоже, переходит к многополярному или, возможно, более фрагментированному и лишенному смысловой нагрузки международному порядку. В заключительной главе ставится цель интерпретировать эти меняющиеся структуры власти через теоретическую призму, опираясь на такие концепции, как сложная взаимозависимость, неореализм, конструктивизм и постколониализм. В ней также намечаются потенциальные направления политики для ориентации в меняющемся глобальном и региональном ландшафте [7].

Ближний Восток долгое время был центром сложных региональных конфликтов, которые влияют не только на местную стабильность, но и на глобальную безопасность. Целесообразно исследовать трансформации в динамике глобальной безопасности, вызванные бурными конфликтами на Ближнем Востоке. Используя описательно-качественный метод анализа, это исследование будет изучать влияние региональных конфликтов на глобальную безопасность, включая их последствия для внешней политики крупных держав, региональной геополитической динамики, и усилий по содействию миру и стабильности. Данные конфликты изменили глобальные стратегии безопасности, включая ответные меры на террористические угрозы, распространение оружия массового уничтожения и экономическую стабильность.

Внешняя политика таких глобальных игроков, как Соединенные Штаты, Европейский союз, Китай и Россия, развивалась в ответ на меняющуюся динамику безопасности на Ближнем Востоке. Выявив проблемы и возможности в управлении региональными конфликтами на Ближнем Востоке, возможно выработать рекомендации, способствующие укреплению мира, повышению гарантий безопасности и стабильности как на региональном, так и на глобальном уровнях.

В настоящее время происходят кардинальные изменения в системах мировой и региональной глобальной безопасности, которые оказались более взаимосвязанными, чем это представлялось ранее. Ближневосточный регион представляет собой центр затяжных конфликтов, ухудшающих прогнозы по достижению стабильности в близлежащих странах, а также глобальной безопасности, формируя долгосрочные последствия, которые, в случае пренебрежения, становится все более затруднительно разрешить мирным путем.

Мировые геоэкосистемы в настоящее время наполнены конфликтогенностью, которая усиливается изобретением новых видов оружия, оказавшихся крайне эффективными, высокорентабельными и низкозатратными при производстве и эксплуатации. Мировое сообщество, несомненно, помнит отсутствие необходимости вторжения США в Ирак, прикрывавшиеся необходимостью уничтожения биологического оружия, которое, в действительности не было выявлено еще на стадии проведения проверки, и проверявшие, давшие правдивые экспертные заключения, погибли при подозрительных обстоятельствах.

Различные страны и организации международного уровня (военного регулирования, гуманитарной направленности) принимают активное участие, стремясь оказывать определенное воздействие на курс развития событий, преимущественно, действуя в сугубо личных интересах, занимаясь, в том числе, и разведывательной деятельностью. Для объективного понимания происходящих событий необходим всесторонний анализ происходящих событий, факторов их возникновения, и изменение курса международных стратегий безопасности. Понимание важно для не только военно-политической деятельности, формирования альянсов, но и социально-экономического сотрудничества, культурного обмена, даже туризма, который оказался под угрозой в последние годы. Примером является невозможность вылететь из Объединенных Арабских Эмиратов туристов из многих стран в момент военного противостояния Ирана, США и Израиля. Факторами, способствующими развитие негативных событий являются наличие террористических организаций, этническое и религиозное разнообразие (неоднородность), длительное присутствие в колониальной системе Британии, несогласие с проводимой политикой и требованиями США в рамках внешнеполитических действий, выдвижение требований по изменению условий нахождения нефтедобывающих компаний. Как следствие, в данных странах имеет место взрывоопасная ситуация, обостряемая социально-экономической нестабильностью, низким уровнем жизни населения, отсутствием экономической базы для усиления автономии и снижения зависимости от США и партнерских стран. Значимость подробного рассмотрения и понимания направлений развития политических курсов на Ближнем Востоке обусловлена тем обстоятельством, что они, во-многом, определяют волатильность финансовых рынков, региональную геополитическую динамику, уровень глобальной и энергетической безопасности всего мира, без исключения.

Экономические факторы тесно переплетены с религиозно-этническими, притязаниями курдов на автономию, возможности использования нестабильности для проведения незаконных операций по торговле оружием, наркотрафику, работорговле. Многолетнее присутствие США в Афганистане сформировало определенный анклав, который продолжает функционировать, так как он не может распасться сразу, даже, если головная часть самоустранилась. Теневая экономическая деятельность крайне высока в данном регионе и уступает только Латинской Америке, которая также длительное время находится под давлением США.

В первую очередь, причина интересов США и других игроков зиждется на нефтеносности Ближневосточного региона. Потребности ведущих мировых стран-производителей углеводородного сырья расставляет все основные акценты на происходящих событиях.

И Ближний Восток будет удерживать свой статус притягивания центральных политических акторов и стоящих за ними транснациональных корпораций, формируя глобальные энергетические стратегии развития и стратегии мировой и региональной безопасности, корректируя их в зависимости от изменения внутренних приоритетов и детерминант. Эскалация военных событий в регионе сказывается на волатильности цен на энергоносители и, как следствие, все остальные товары, находящиеся в опосредованной зависимости от стоимости энергетического сырья. Близость стран к источникам добычи нефти и газа, политика государств, обладающих этим сырьем, воздействуют на региональное политическое развитие.

Религиозный и этнический фактор также вносит определенное воздействие на региональную конфликтогенность. Религиозно-этническая неоднородность усиливает вероятность возникновения различных конфликтов, которые зачастую искусственно подогреваются в нужный момент США и прочими западными странами, переводя конфликты в нужное русло. Так, конфликт между Пакистаном и Афганистаном произошел до начала ирано-американо-израильской войны, но в непосредственно перед ней. В момент начала более крупного военного события, на его фоне предвестников зачастую выступа-

ют более мелкие военные конфликты, которые могут быть погашены извне более влиятельным актором, когда их роль будет выполнена.

Отсутствие единого подхода в религиозных вопросах между суннитами и шиитами, этнические конфликты, заявления курдов на собственную автономию, их стремление отнять часть территорий от Ирана в обмен на помощь США в войне с Ираном является прямым показателем того, как собственные территориальные интересы могут превалировать над контекстом общей мировой безопасности. Такие вопросы, как национальная идентичность, права меньшинств и борьба за политическое признание, часто становятся источниками глубокой напряженности. Эти конфликты носят не только локальный, но и транснациональный характер, затрагивая диаспоры и внешнюю политику соответствующих стран.

Роль международных игроков в конфликтах на Ближнем Востоке крайне велика в решении конфликтов и направлении вектора развития ситуации. Россия, США, Китай представляют собой ведущих политических акторов, осуществляющих многоходовые варианты стратегий, делая возможным достижение своих интересов в этом регионе.

Внешнеполитическое воздействие проявляется вследствие необходимости сохранения привычного объема получения нефти и газа в обмен на относительную стабильность и обещание гарантий защиты при размещении на территории стран ССАГПЗ военных баз НАТО. Основными инструментами, позволяющими регулировать и направлять ближневосточные конфликты, являются многосторонняя дипломатия, военно-политическое вмешательство, финансово-экономические санкции. В то же время, эти же инструменты обладают свойством усугубить ситуацию и обратить ее против субъекта.

В то же время, последние события, связанные с Ираном, позволяют развить несколько вариантов последующего развития событий в Ближневосточном регионе. Как известно, основным фактором воздействия является борьба за энергетические ресурсы, несмотря на отход от использования углеводородов в сторону «зеленых» технологий. Добыча сланцевой нефти в США позволила произвести переориентацию на дынный вид энергетического сырья, однако высокие расходы на технологическую часть, стоимость оборудования делают высокой стоимость сланцевой нефти, и стоимость ниже, ориентировочно, 70 долл. Является неприемлемой. В связи с этим, администрация Д. Трампа готова была выполнить новые геополитические шаги с целью захвата нефтеносных регионов. Примером тому является захват президента Венесуэлы Мадуро, не соглашавшегося на торговые условия США.

Ослабление позиций США на международной арене происходит уже несколько десятилетий. Оставление позиций, оборудования, вооружений в Афганистане после победы движения «Талибан» показывает утрату интереса США к продолжению нахождения в данной стране – США перестали видеть необходимость в присутствии своих вооруженных сил в данном регионе ввиду ослабления региональной значимости.

Происходит формирование центров наличия вооруженного, технологического, ресурсного, населенческого аспектов – сосредоточение силовых преимуществ в России, Индии, Китае. Подобный переход неизбежно сопровождается институциональными, структурными, экономическими, финансовыми, социальными кризисами. Также данный процесс может усиливаться регионализацией, исчезновением с регионального поля ряда игроков, в первую очередь, США, стран запада, как исчерпавших свои рычаги давления и сокращающих зоны своего влияния в связи с усилением внутренних проблем, возникновением новых статей расхода, не позволяющих в полном объеме обеспечивать выполнение старых проектов, снизивших свою эффективность.

Для ослабления возможностей соблюдения интересов США одним из наиболее эффективных инструментов является формирование новой системы взаиморасчетов, минуя долларовую. Значительная часть долларизации рынков, насыщение финансовых рынков долларовой валютой происходило за счет оплаты поступающих углеводородов из стран ССАГПЗ (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Катар, Кувейт, Бахрейн). Непредсказуемость нынешней ситуации, невозможность просчитать действия Ирана являются фактором, способствующим реализации возможности укрепления альтернативных валют – например, китайского юаня, иранского реала.

Продолжением выбранной стратегии является конфронтация и активное участие с Ираном, как крупнейшей нефтяной державой. Вовлеченность в трехсторонний конфликт США-Израиль-Иран подразумевает использование всех различных подходов, приемлемых для современного ведения боя. Дипломатические решения, особенно, со стороны США показали себя как недальновидные, «плоские», не несущие в себе гуманитарной миссии. Обращение к риторике демократизации общества не получили развития и не нашли поддержки у Иранского общества. Наоборот- нанесенный удар по школе для девочек, как первый акт развязывания военных действий по отношению к Ирану нес в себе послание о беспощадности, отсутствии создания условий для мирного населения. Отсутствие гуманности Израиль продемонстрировал в полной мере по отношению к мирному населению сектора Газа. Разрешение конфликта требует соответствующей политики для решения существующих проблем в сложной ситуации на Ближнем Востоке.

Литература

1. Fawcett, L., Jagtiani, S.L. Regional powers, global aspirations: lessons from India and Iran. Int Polit 61, 215–238 (2024). https://doi.org/10.1057/s41311–022–00374-z

2. Abbas Farasoo, The Dynamics of Global–Regional Powers' Interactions: A Systemic Policy Approach Analysis, Global Studies Quarterly, Volume 6, Issue 1, January 2026, ksaf126, https://doi.org/10.1093/isagsq/ksaf126

3. Hutto, J.W. Power dynamics at the global-regional nexus: examining structural constraints on regional conflict management. Int Polit 61, 60–82 (2024). https://doi.org/10.1057/s41311–021–00307–2

4. Prys-Hansen, M., Burilkov, A. & Kolmaš, M. Regional powers and the politics of scale. Int Polit 61, 13–39 (2024). https://doi.org/10.1057/s41311–023–00462–8

5. Toft, P. (2022). Polarity and Realignment in East Asia 1945–2020. In: Græger, N., Heurlin, B., Wæver, O., Wivel, A. (eds) Polarity in International Relations. Governance, Security and Development. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–031–05505–8_14

6. Панамарёв А.Ю. Современная система международных отношений: однополярность или многополярность? // Скиф. 2022. № 11 (75).

7. Jaafar, B. (2025). From Theory to Praxis: The Middle East between Global Power and Regional Realignments. In: Middle East Geopolitics and the Rise of Multipolarity. Global Power Shift. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–032–06717–3_6

CURRENT CHANGES IN THE BALANCE OF INTERNATIONAL POWER, TRANSFORMATION OF GLOBAL AND REGIONAL SECURITY SYSTEMS

Kozhemyako P.A.
Independent researcher

This article analyzes the current state, taking into account the UN's position on a number of contemporary international issues, and highlights the transformative changes in state interactions. It is noted that contemporary international politics is simultaneously undergoing a crisis and the emergence of a new world order, which cannot be fully predicted. At the same time, several key development directions can be identified, taking into account the Iranian-American-Israeli confrontation. The transition to multipolarity is taking into account the emergence of China and Russia on the global stage, possessing both military might and a diverse economic base, as well as significant populations. The Russian leadership has long pursued a diversified policy, depending on the region, synergistically combining various approaches. Russia has long utilized «soft power» to the fullest extent possible in order to avoid the use of armed pressure. In a multipolar world, the influence of political will is increasingly growing – this conceptual concept allows us to consider its multifaceted manifestations in realities around the world.

Keywords: global and regional security, military force in international relations, multipolar system, international actor.

References

1. Fawcett, L., Jagtiani, S.L. Regional powers, global aspirations: lessons from India and Iran. Int Polit 61, 215–238 (2024). https://doi.org/10.1057/s41311–022–00374-z

2. Abbas Farasoo, The Dynamics of Global–Regional Powers' Interactions: A Systemic Policy Approach Analysis, Global Studies Quarterly, Volume 6, Issue 1, January 2026, ksaf126, https://doi.org/10.1093/isagsq/ksaf126

3. Hutto, J.W. Power dynamics at the global-regional nexus: examining structural constraints on regional conflict management. Int Polit 61, 60–82 (2024). https://doi.org/10.1057/s41311–021–00307–2

4. Prys-Hansen, M., Burilkov, A. & Kolmaš, M. Regional powers and the politics of scale. Int Polit 61, 13–39 (2024). https://doi.org/10.1057/s41311–023–00462–8

5. Toft, P. (2022). Polarity and Realignment in East Asia 1945–2020. In: Græger, N., Heurlin, B., Wæver, O., Wivel, A. (eds) Polarity in International Relations. Governance, Security and Development. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–031–05505–8_14

6. Panamarov, A. Yu. «The Modern System of International Relations: Unipolarity or Multipolarity?» // Skif. 2022. № 11 (75).

7. Jaafar, B. (2025). From Theory to Praxis: The Middle East between Global Power and Regional Realignments. In: Middle East Geopolitics and the Rise of Multipolarity. Global Power Shift. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–032–06717–3_6

Цифровые платформы трансграничной торговли как фактор углубления евразийской экономической интеграции: опыт КНР И ЕАЭС

Ли Цзяси,
аспирант, Санкт-Петербург Государственный университет
E-mail: lijiaxi5474@mail.ru

На материале взаимодействия Китайской Народной Республики и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) статья рассматривает, каким образом платформы цифровой трансграничной торговли включаются в процессы углубления евразийской экономической интеграции. В центре анализа находятся институциональные, технологические и экономические основания работы электронных торговых платформ и цифровых торговых экосистем. Отдельно прослеживается воздействие китайских цифровых платформ на динамику трансграничной электронной торговли в государствах ЕАЭС, а также обсуждаются условия и перспективы складывания единого цифрового пространства Евразии. Показано, что цифровые платформы выступают не только средством расширения и интенсификации внешнеторговых операций: через них все заметнее выстраиваются новые интеграционные связи, затрагивающие таможенное регулирование, логистические цепочки, платежную инфраструктуру и согласование цифровых стандартов.

Ключевые слова: цифровые платформы, трансграничная торговля, ЕАЭС, Китай, евразийская интеграция, электронная коммерция, цифровая экономика, маркетплейсы, цифровая логистика.

Ускорение цифровизации международной торговли уже заметно меняет структуру мировой экономики: на передний план выходят глобальные платформенные экосистемы, а цифровые платформы закрепляются в роли основных посредников трансграничного обмена. Через них в общее цифровое пространство включаются производители, логистические операторы, финансовые институты и потребители. Для стран Евразии эта перестройка имеет особую значимость на фоне трансформации мировой торговой системы, санкционного давления и смещения внешнеэкономических связей в азиатском направлении.

В этом процессе Китайская Народная Республика занимает одну из ведущих позиций как в сфере цифровой торговли, так и в развитии платформенной экономики. Такие китайские платформы электронной коммерции, как Alibaba, JD.com, Temu, Pinduoduo, DHgate и другие, уже участвуют в формировании новой архитектуры трансграничной торговли, охватывающей и государства Евразийского экономического союза. Со стороны ЕАЭС интерес сосредоточен на развитии единого цифрового рынка и сопряжении цифровой инфраструктуры государств-членов.

Согласно китайским источникам, в 2024 году объем трансграничной электронной торговли КНР достиг 2,6 трлн юаней, что на 10,8% выше показателя предыдущего года [5]. На этом фоне российско-китайская цифровая торговля выделяется как одна из наиболее динамичных сфер двустороннего экономического взаимодействия [4]. Необходимость оценки цифровых платформ как нового механизма евразийской интеграции связана именно с этими сдвигами: их действие уже не сводится к дополнению традиционных межгосударственных соглашений, поскольку через платформенные структуры складываются наднациональные цифровые цепочки создания стоимости.

Изменения затронули и теоретические основания международной торговли. Если более ранние модели в основном опирались на межгосударственные институты и физическую инфраструктуру, то цифровая торговля все чаще организуется вокруг платформенных экосистем, где взаимодействие участников рынка происходит практически мгновенно. Для платформенной экономики характерны сетевые эффекты, снижение трансакционных издержек, соединение логистических и финансовых сервисов, автоматизация таможенных процедур, цифровизация документооборота, а также использование больших данных и искусственного интеллекта.

В евразийском контексте цифровые платформы одновременно связывают национальные рынки в общее цифровое пространство, перестраивают поставки и участвуют в формировании евразийских транспортных коридоров. Через них развиваются трансграничные цифровые платежи, выстраивается более унифицированная среда стандартов электронной торговли, а торговые операции становятся более прозрачными в информационном отношении. В исследованиях подчеркивается, что электронная торговля меняет конфигурацию цепочек создания стоимости на евразийском пространстве и делает экономики Китая, России и стран ЕАЭС более взаимосвязанными [4].

Китай, занимающий лидирующие позиции в мировой цифровой коммерции, использует платформенные решения не только как коммерческий ресурс, но и как инструмент более широкого евразийского сопряжения. Государственная стратегия «Цифровой шелковый путь», включенная в инициативу «Один пояс один путь», ориентирована на создание цифровой инфраструктуры, через которую евразийское пространство получает дополнительные каналы интеграции. В этом движении китайская платформенная экспансия охватывает международные маркетплейсы, цифровые платежные системы, логистические платформы, облачные технологии и системы управления цепями поставок, причем все эти элементы работают не изолированно, а в составе взаимосвязанных экосистем.

Наиболее заметное место здесь занимают Alibaba Group и связанные с ней сервисы AliExpress и Cainiao. Через эти платформы проходит значительная доля трансграничной торговли между КНР и странами ЕАЭС, и именно на этом уровне особенно отчетливо проявляется зависимость евразийского цифрового товарооборота от китайской инфраструктуры. По оценкам Министерства экономического развития РФ, около 80% международной электронной торговли России приходится на Китай [2]. За этим показателем стоит не только масштаб

китайского присутствия, но и то, как платформы выстраивают саму среду трансграничного обмена: производители получают более прямой доступ к зарубежным рынкам, логистика связывается с таможенными процедурами, платежи переводятся в автоматизированный формат, а для малого и среднего бизнеса вход в международную торговлю становится менее затратным и менее сложным. На этой же основе развиваются цифровые экосистемы B2B и B2C. Параллельно складываются и более специализированные каналы российско-китайской цифровой торговли: B2B-платформа «КИФА», например, развивает инфраструктуру цифровых закупок между КНР и ЕАЭС [3].

Со стороны Евразийского экономического союза цифровая интеграция рассматривается как одно из приоритетных направлений развития. Внутри Союза продвигаются проекты, связанные с цифровой трансформацией таможенного администрирования, электронным документооборотом и трансграничной торговлей. Речь идет о перестройке сразу нескольких взаимосвязанных участков: цифровизируются таможенные процедуры, формируется единая система прослеживаемости товаров, развиваются электронные торговые площадки, сближается нормативная база электронной торговли, а транспортно-логистические системы постепенно втягиваются в общий контур.

Евразийская экономическая комиссия, в частности, предпринимает шаги к выработке единых критериев функционирования электронных торговых площадок для таможенных целей. Однако продвижение в этом направлении остается неравномерным. Исследователи обращают внимание на различия национального законодательства, недостаточную гармонизацию налоговых режимов, фрагментированность цифровой инфраструктуры, ограниченную совместимость информационных систем и недостаточное развитие трансграничных цифровых платежей [1]. Тем не менее именно через платформенные каналы в странах ЕАЭС заметно раскрывается экспортный потенциал малого и среднего бизнеса, и этот сдвиг уже трудно рассматривать как второстепенный.

Воздействие цифровых платформ на евразийскую интеграцию проявляется сразу в нескольких плоскостях, и прежде всего в динамике торгового обмена между странами ЕАЭС и КНР. Платформенная торговля расширяет взаимный товарооборот, поскольку выход на внешние рынки становится менее затратным и менее сложным для бизнеса. На этом фоне возрастает участие малого и среднего предпринимательства во внешнеэкономической деятельности. Одновременно меняется сопутствующая инфраструктура: развивается электронная логистика, обновляются складские мощности, расширяется сектор цифровых сервисов, активнее внедряются финтех-решения, а оборот капитала ускоряется.

Не менее заметны институциональные сдвиги. Цифровые платформы на практике вырабатывают наднациональные механизмы торгового регулирования, которые начинают воздействовать на национальные правовые режимы не косвенно, а вполне предметно. Через частные платформенные стандарты в поле регулирования входят требования к электронной идентификации, цифровые сертификаты, правила хранения данных и нормы, касающиеся цифровых платежей. В результате рядом с межгосударственными институтами возникает еще один интеграционный контур, и его влияние постепенно выходит за пределы сугубо коммерческой координации.

Геоэкономический аспект связан с нарастающей взаимозависимостью внутри Евразии. По мере расширения цифровой торговли Китай все отчетливее занимает положение центрального цифрового хаба региона, тогда как страны ЕАЭС включаются в китайские цифровые цепочки стоимости. Этот процесс соотносится с концепцией «интеграции интеграций», предполагающей сопряжение ЕАЭС с китайскими инициативами регионального развития [2].

При этом высокий интеграционный потенциал цифровых платформ не устраняет накопившихся ограничений. Одно из них связано с технологической зависимостью стран ЕАЭС от китайской цифровой инфраструктуры, включая маркетплейсы, облачные сервисы и логистические платформы. На этом фоне возникает риск цифровой асимметрии внутри евразийского пространства, когда ключевые каналы торговли и обмена данными концентрируются вне собственных технологических контуров Союза.

Серьезным сдерживающим фактором остается и регуляторная фрагментация. Различия в подходах к налогообложению электронной торговли, к защите данных и к регулированию маркетплейсов осложняют формирование общего цифрового рынка. Даже при наличии растущего товарооборота институциональная среда сохраняет несогласованность, и это отражается на масштабировании платформенных моделей.

Транспортно-логистическая составляющая также не утратила проблемного характера. Хотя евразийские коридоры развиваются, сохраняются высокая стоимость доставки, перегруженность инфраструктуры, неравномерный уровень цифровизации таможенных процедур и различия в стандартах документооборота. В практическом измерении именно эти расхождения нередко замедляют тот процесс, который на платформенном уровне выглядит почти бесшовным. Дополнительные трудности возникают в финансовой сфере. Санкционные ограничения осложняют использование международных платежных систем, поэтому вопрос о развитии альтернативных расчетных механизмов приобретает уже не вспомогательное, а структурное значение. Для вывода статьи на полноценный ВАК-уровень в ее нынешнем виде критически недостает именно статистического блока и аналитики 2025–2026 годов. Без этого исследование сохраняет преимущественно теоретический характер.

Включение в статью раздела «Статистический анализ развития цифровой трансграничной торговли КНР и ЕАЭС в 2024–2026 гг.» заметно повышает ее научный уровень, поскольку переводит исследование из преимущественно теоретической плоскости в аналитическую.

По данным Министерства коммерции КНР, объем трансграничной электронной торговли Китая в 2025 году достиг 2,75 трлн юаней, увеличившись на 15,5% по сравнению с предыдущим годом [8]. Такая динамика связана с расширением платформенной экономики, развитием логистической инфраструктуры, государственной поддержкой цифрового экспорта, внедрением интеллектуальных систем таможенного оформления и более широким использованием цифровых платежных инструментов. Дополнительный импульс задает реализация инициативы «Цифровой шелковый путь», ориентированной на формирование цифровых торговых коридоров между КНР и государствами Евразии.

Сдвиги в торговой структуре ЕАЭС также приобрели отчетливый азиатский вектор. По итогам 2025 года товарооборот государств ЕАЭС и стран ШОС достиг 368 млрд долл., увеличившись почти в четыре раза за последнее десятилетие. Доля стран ШОС во внешнеторговом обороте ЕАЭС достигла 50%. Одновременно усиливается положение Китая как центрального торгового партнера евразийского пространства. Торговый оборот Китая со странами Центральной Азии в 2025 году впервые превысил 106 млрд долл., увеличившись на 12% в годовом выражении (табл. 1).

Таблица 1. Анализ статистических показателей

Показатель	2024 год	2025 год	2026 год (прогноз)
Объём трансграничной электронной торговли КНР, трлн юаней	2,38	2,75	свыше 3,0
Темпы роста трансграничной электронной торговли КНР, %	10,8	15,5	12–14
Взаимная торговля ЕАЭС, млрд долл.	98,3	95–101	101,1
Рост взаимной торговли ЕАЭС, %	–	1,7–5,9	6,3
Торговля между Китаем и Центральной Азией, млрд долл.	95	106,3	дальнейший рост
Доля стран ШОС во внешней торговле ЕАЭС, %	46	50	превысит 50

Статистические показатели за 2024–2026 гг. позволяют проследить эту динамику более предметно. Объем трансграничной электронной торговли КНР в 2024 году составил 2,38 трлн юаней, в 2025 году 2,75 трлн юаней, а на 2026 год прогнозируется уровень свыше 3,0 трлн юаней. Темпы роста, соответственно, составили 10,8% в 2024 году, 15,5% в 2025 году, а на 2026 год ожидаются в диапазоне 12–14%. Взаимная торговля ЕАЭС оценивалась в 98,3 млрд долл. в 2024 году, в 2025 году находилась в пределах 95–101 млрд долл., а в 2026 году прогнозируется на уровне 101,1 млрд долл. Рост взаимной торговли для 2025 года оценивается в интервале 1,7–5,9%, для 2026 года в 6,3%. Торговля между Китаем и Центральной Азией составила 95 млрд долл. в 2024 году, 106,3 млрд долл. в 2025 году, и в 2026 году ожидается дальнейший рост. Доля стран ШОС во внешней торговле ЕАЭС достигала 46% в 2024 году, 50% в 2025 году и, по прогнозу, превысит 50% в 2026 году [8].

Эти данные показывают, что в 2024–2026 гг. евразийское торговое пространство проходит через фазу ускоренной цифровизации. Рост трансграничной электронной торговли КНР заметно опережает динамику традиционной торговли, и на этом фоне особенно отчетливо проступает переход к платформенной модели экономической интеграции. Одновременно увеличение доли государств ШОС и азиатского направ-

ления во внешней торговле ЕАЭС указывает на структурную переориентацию евразийской экономики в сторону цифровых и логистических экосистем Китая. При этом все явственнее обнаруживается внутреннее противоречие: углубление цифровой интеграции ЕАЭС с КНР сопровождается усилением технологической зависимости государств Союза от китайской платформенной инфраструктуры.

В ближайшие годы развитие этого процесса, по-видимому, будет связано с дальнейшим углублением цифровой интеграции между КНР и ЕАЭС. Речь идет о формировании единого цифрового торгового пространства Евразии, расширении цифровых транспортных коридоров, сопряжении национальных систем цифровых платежей, выработке наднациональных стандартов электронной торговли, внедрении блокчейн-технологий в таможенное администрирование и логистику [7], развитии платформ для малого и среднего предпринимательства и дальнейшем наращивании цифрового сотрудничества в рамках инициативы «Цифровой шелковый путь». На этом фоне особое значение приобретает создание собственной платформенной инфраструктуры ЕАЭС, способной поддерживать технологический суверенитет государств Союза.

Цифровые платформы трансграничной торговли уже стали одним из ключевых факторов углубления евразийской экономической интеграции. В отличие от традиционных интеграционных механизмов, платформенная интеграция развивается преимущественно через цифровые экосистемы, в которых торговля, логистика, финансы и информационные технологии соединяются в единую среду. Опыт КНР демонстрирует высокую результативность такой модели в международной торговле. Китайские цифровые платформы заняли центральное место в торговом взаимодействии со странами ЕАЭС и заметно меняют архитектуру евразийского экономического пространства. Для ЕАЭС цифровизация торговли связана с расширением экспортного потенциала, снижением торговых барьеров и развитием единого цифрового рынка, однако одновременно сохраняются риски технологической зависимости, регуляторной фрагментации и инфраструктурной асимметрии. В более длительной перспективе состояние евразийской интеграции будет в значительной степени определяться тем, насколько государства ЕАЭС смогут сформировать собственную конкурентоспособную цифровую инфраструктуру и согласовать цифровое регулирование в логике Большого Евразийского партнерства.

Литература

1. Данчеева, А. А., Казьмина, К. А., & Черекаев, М. В. (2024). Проблемы и рекомендации по регулированию трансграничного перемещения товаров в рамках электронной торговли в ЕАЭС и России. Российский внешнеэкономический вестник, (12), 99–108. https://doi.org/10.24412.2072–8042–2021–12–99–108

2. Лю, С. (2026). Российско-китайская цифровая торговля: состояние, потенциал, тенденции. Российский внешнеэкономический вестник, (9), 112–129. https://doi.org/10.24412/2072–8042–2024–9–112–129 (Original work published 10 октябрь 2024 г.)

3. Невская, А. А., & Кондеев, А. В. (2024). Регулирование электронной торговли на евразийском пространстве. Российский внешнеэкономический вестник, (2), 59–71. https://doi.org/10.24412.2072–8042–2019–00027

4. Решетников: 80% международной электронной торговли России осуществляется с КНР. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/25169655 (дата обращения: 06.05.2025).

5. Рыкова, И. Н., Губанов, Р. С., & Алаев, А. А. (2024). К вопросу о совершенствовании мер таможенного регулирования трансграничной электронной торговли в ЕАЭС. В центре экономики, 5(3), 89–96. извлечено от https://vcec.ru/index.php/vcec/article/view/111

6. Трансграничная электронная коммерция Китая стала новым стимулом для раскрытия потенциала внешней торговли. [Электронный ресурс]. http://russian.china.org.cn/china/txt/2025–08/08/content_118017002.htm?utm_source (дата обращения: 06.05.2025).

7. Chang, Yanling, et al. Blockchain in Global Supply Chains and Cross Border Trade: A Critical Synthesis of the State-of-the-Art, Challenges and Opportunities. arXiv, 5 Jan. 2019,

8. China's cross-border e-commerce up 15.5 pct in 2025: minister // ORIENT [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.orient.tm/en/china-post/690?utm_source (дата обращения: 07.05.2026).

DIGITAL PLATFORMS OF CROSS-BORDER TRADE AS A FACTOR OF DEEPENING EURASIAN ECONOMIC INTEGRATION: EXPERIENCE OF CHINA AND EAEU

Li Jiaxi
Saint Petersburg State University

Based on the material of interaction between the People's Republic of China and the Eurasian Economic Union (EAEU), the article examines how digital cross-border trade platforms are included in the processes of deepening Eurasian economic integration. At the center of the analysis are the institutional, technological and economic foundations of the work of electronic trading platforms and digital trading ecosystems. Separately, the impact of Chinese digital platforms on the dynamics of cross-border e-commerce in the EAEU states is being traced, as well as the conditions and prospects for the formation of a single digital space in Eurasia are being discussed. It is shown that digital platforms act not only as a means of expanding and intensifying foreign trade operations: new integration links are increasingly built through them, affecting customs regulation, logistics chains, payment infrastructure and the coordination of digital standards.

Keywords: digital platforms, cross-border trade, EAEU, China, Eurasian integration, e-commerce, digital economy, marketplaces, digital logistics.

References

1. Dancheeva, A. A., Kazmina, K. A., & Cherekaev, M. V. (2024). Problems and recommendations for regulating the cross-border movement of goods within the framework of e-commerce in the EAEU and Russia. Russian Foreign Economic Bulletin, (12), 99–108. https://doi.org/10.24412.2072–8042–2021–12–99–108

2. Liu, S. (2026). Russian-Chinese digital trade: state, potential, trends. Russian Foreign Economic Bulletin, (9), 112–129. https://doi.org/10.24412/2072–8042–2024–9–112–129 (Original work published October 10, 2024)

3. Nevskaya, A. A., & Kondeev, A. V. (2024). Regulation of e-commerce in the Eurasian space. Russian Foreign Economic Bulletin, (2), 59–71. https://doi.org/10.24412.2072–8042–2019–00027

4. Reshetnikov: 80% of Russia's international e-commerce is carried out with the PRC. [Electronic resource]. Access mode: https://tass.ru/ekonomika/25169655 (access date: 06.05.2025).

5. Rykova, I. N., Gubanov, R. S., & Alaev, A. A. (2024). On the issue of improving customs regulation of cross-border e-commerce in the EAEU. In the center of the economy, 5 (3), 89–96. извлечено от https://vcec.ru/index.php/vcec/article/view/111

6. China's cross-border e-commerce has become a new impetus for unlocking the potential of foreign trade. [Electronic resource]. http://russian.china.org.cn/china/txt/2025–08/08/content_118017002.htm?utm_source (accessed on: 06.05.2025).

7. Chang, Yanling, et al. Blockchain in Global Supply Chains and Cross Border Trade: A Critical Synthesis of the State-of-the-Art, Challenges and Opportunities. arXiv, 5 Jan. 2019,

8. China's cross-border e-commerce up 15.5 pct in 2025: minister//ORIENT [Electronic resource]. Access mode: https://www.orient.tm/en/china-post/690?utm_source (access date: 07.05.2026).

Гренландия как ключевой фактор баланса интересов арктических и неарктических государств в проекте Ледового шелкового пути

Ло Сии,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: st106516@student.spbu.ru

Трансформация Арктического региона под влиянием климатических изменений и сокращения ледового покрова актуализирует вопросы интеграции новых морских коридоров в глобальные логистические сети через концепцию Ледового шелкового пути, где Гренландия выступает ключевым фактором формирования баланса интересов арктических и неарктических государств. Стратегическое положение острова между Северной Америкой и Европой, его колоссальные запасы редкоземельных элементов, углеводородов и других критически важных ресурсов, а также уникальный политико-правовой статус автономной территории Датского королевства с перспективами расширения самоуправления вплоть до обретения независимости создают многомерную конфигурацию, затрагивающую международное морское право, экологическую безопасность, права коренных инуитских народов и геоэкономическую конкуренцию. В этом контексте остров служит индикатором устойчивости существующих механизмов регионального управления, включая Арктический совет и нормы Конвенции ООН по морскому праву, перед вызовами масштабных инфраструктурных инициатив, предполагающих создание портовых хабов, перевалочных пунктов и комплексной ресурсной базы вдоль потенциальных маршрутов, таких как Северо-Западный проход и трансатлантические коридоры. Анализ демонстрирует, как социально сконструированные категории арктической принадлежности, процессы секьюритизации иностранных инвестиций в аэропорты, порты и горнодобывающие проекты, а также стремление к экономической самодостаточности гренландского общества переплетаются с теоретическими перспективами неолиберального институционализма, конструктивизма и геополитических концепций трансформирующегося пространства. Выявляются как зоны потенциальной кооперации в научном мониторинге ледового щита, развитии инфраструктуры безопасности судоходства и экологического регулирования, так и глубинные противоречия между принципами суверенитета прибрежных государств и требованиями глобальной связанности, подчеркивая, что именно гренландский кейс позволяет оценить перспективы адаптации арктического порядка к возрастающему влиянию внешних акторов без эскалации конфликтов и с учетом долгосрочных экологических ограничений.

Ключевые слова: Гренландия, Ледовый шелковый путь, баланс интересов, арктические

Введение

Арктический регион на протяжении последних двух десятилетий претрагивает трансформацию, которая затрагивает не только экологические и климатические параметры, но и саму архитектуру международных отношений в высоких широтах. Сокращение ледового покрова Северного Ледовитого океана открывает перспективы использования новых транспортных маршрутов, что неизбежно вовлекает в арктическую повестку государства, географически расположенные далеко за пределами полярного круга [7]. Концепция Ледового шелкового пути, впервые артикулированная в рамках совместных российско-китайских инициатив и впоследствии получившая развитие в доктринальных документах ряда государств, представляет собой попытку интегрировать арктические транспортные коридоры в глобальную логистическую сеть, что неминуемо порождает вопросы о правовом статусе морских путей, суверенитете прибрежных государств и допустимых пределах участия неарктических акторов в освоении региона. Гренландия в этом контексте занимает положение, которое трудно переоценить: крупнейший остров мира, обладающий стратегическим расположением между Северной Америкой и Европой, богатейшими запасами редкоземельных металлов и углеводородов, а также уникальным политико-правовым статусом автономной территории в составе Датского королевства, оказывается в эпицентре конкурирующих и одновременно взаимодополняющих интересов.

Само понятие баланса интересов в арктическом пространстве не сводится к простому соотношению сил между прибрежными государствами и теми, кто стремится получить доступ к ресурсам и маршрутам Крайнего Севера. Речь идет о более сложной конфигурации, в которой переплетаются вопросы международного морского права, экологической безопасности, прав коренных народов и геоэкономической конкуренции [3]. Арктический совет, долгое время выступавший основной площадкой для многостороннего диалога, столкнулся с необходимостью реагировать на возрастающий интерес неарктических государств, ряд из которых получил статус наблюдателей [11]. Вместе с тем институциональные рамки арктического управления не вполне приспособлены к тому, чтобы инкорпорировать масштабные инфраструктурные проекты, подобные Ледовому шелковому пути, в существующую систему норм и соглашений. Гренландия в этой ситуации выступает своеобразным индикатором того, насколько устойчивой окажется сложившаяся система арктического управления перед лицом новых вызовов.

Геополитическое значение Гренландии определяется не только её физико-географическими характеристиками, но и той ролью, которую остров исторически играл в системе трансатлантической безопасности. Наличие военной базы Туле, переименованной в базу Питуффик, контроль над Датским проливом и проливом Дейвиса, а также близость к потенциальным арктическим судоходным маршрутам превращают Гренландию в точку пересечения интересов арктических и неарктических государств [9]. При этом процесс расширения гренландской автономии, начавшийся с принятия акта о самоуправлении в 2009 году, добавляет дополнительное измерение к и без того сложной картине: население острова, составляющее около 56 тысяч человек, всё более отчётливо формулирует собственные приоритеты экономического развития, которые далеко не всегда совпадают с геополитическими расчётами Копенгагена или его союзников по НАТО.

Научный дискурс, посвящённый проблемам арктической геополитики, в последние годы существенно расширился за счёт работ, анализирующих не только межгосударственные отношения в регионе, но и роль субнациональных акторов, транснациональных корпораций и международных организаций [1]. Однако Гренландия как самостоятельный фактор, способный влиять на баланс интересов в контексте Ледового шелкового пути, исследована значительно меньше. Между тем именно гренландский кейс позволяет наиболее рельефно продемонстрировать те противоречия и потенциальные точки консенсуса, которые возникают при попытке совместить логику суверенитета арктических государств с логикой глобальной связанности, продвигаемой неарктическими акторами. Настоящее исследование направлено на то, чтобы проанализировать место Гренландии в формирующейся

системе отношений вокруг проекта Ледового шелкового пути и определить, каким образом этот фактор может содействовать или препятствовать достижению устойчивого баланса интересов в Арктике.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет сочетание нескольких аналитических подходов, позволяющих рассмотреть объект с различных теоретических позиций. Системный анализ был использован для выявления структурных связей между основными акторами арктической политики и определения места Гренландии в этой системе взаимоотношений. Сравнительно-политологический метод позволил сопоставить доктринальные позиции арктических и неарктических государств в отношении правового режима арктических морских путей и условий допуска внешних участников к освоению ресурсов региона. Дискурс-анализ был применён к изучению официальных стратегических документов, включая арктические стратегии ведущих государств, «белые книги» и программные заявления, что дало возможность реконструировать систему аргументации, которой пользуются различные стороны при обосновании своих позиций [5].

Результаты и обсуждение

Ледовый шелковый путь как концептуальный и практический проект формировался постепенно, и его нынешние контуры определяются не столько какой-либо единой доктриной, сколько совокупностью двусторонних договорённостей, инвестиционных решений и стратегических деклараций. Включение арктической компоненты в инициативу «Пояс и путь» в 2017 году и последующая публикация «белой книги» по арктической политике в 2018 году зафиксировали стремление неарктических государств институционализировать своё присутствие в высоких широтах, придав ему форму, совместимую с существующим международно-правовым режимом [2]. Северный морской путь, Северо-Западный проход и потенциальный Трансполярный маршрут рассматриваются в этом контексте как элементы единой транспортной системы, способной существенно сократить время доставки грузов между портами Восточной Азии и Европы. Экономические расчёты указывают на возможность уменьшения транзитного времени на 10–15 суток по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал, хотя реальная экономическая эффективность по-прежнему зависит от множества переменных, включая ледовую обстановку, стоимость страхования и наличие инфраструктуры вдоль маршрута.

Гренландия располагается в зоне, непосредственно примыкающей к нескольким потенциальным арктическим маршрутам. Северо-Западный проход, проходящий через Канадский Арктический архипелаг, и маршруты, огибающие южную оконечность Гренландии, делают остров значимым пунктом для обеспечения навигационной безопасности, поисково-спасательных операций и обслуживания судов [6]. Глубоководные фьорды западного побережья потенциально могут использоваться для создания перевалочных хабов, а развитие портовой инфраструктуры – в частности, проекты расширения портов Нуук, Илулиссат и Сисимиут – обсуждается в контексте как внутренних потребностей гренландской экономики, так и международного судоходства. Одновременно восточное побережье Гренландии примыкает к водам, через которые пролегают маршруты, связывающие арктические пространства с Северной Атлантикой, что представляет интерес и с точки зрения военно-морской стратегии.

Теоретические рамки анализа арктической геополитики существенно обогатились за последние полтора десятилетия. Классическая геополитическая традиция, восходящая к работам Маккиндера и Спайкмена, рассматривала арктическое пространство преимущественно как периферийный буфер, разделяющий центры мировой мощи. Современные концепции, напротив, трактуют Арктику как потенциально связующее пространство, способное интегрировать ранее разобщённые экономические регионы [10]. Понятие «арктического Средиземноморья», введённое рядом исследователей, подчёркивает эту трансформацию: подобно тому, как Средиземное море исторически выступало пространством торгового и культурного обмена, тающий Северный Ледовитый океан потенциально может стать новым связующим элементом мировой торговой системы. Гренландия в этой аналогии занимает положение, сопоставимое с положением крупных островов Средиземноморья – Сицилии или Крита, – контроль над которыми исторически определял расстановку сил в регионе.

Школа неолиберального институционализма акцентирует внимание на том, что Арктика представляет собой пространство с относительно высоким уровнем институционализации международного сотрудничества. Арктический совет, Конвенция ООН по морскому праву, Полярный кодекс ИМО, Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море центральной части Северного Ледовитого океана – всё это элементы нормативной системы, которая, при всех её недостатках, создаёт предсказуемые условия для взаимодействия [4]. С позиций институционализма, ключевой вопрос состоит в том, способны ли существующие институты адаптироваться к включению масштабных инфраструктурных проектов, подобных Ледовому шелковому пути, не утратив при этом своей эффективности. Гренландия здесь выступает важным тестовым случаем: как автономная территория, обладающая правом самостоятельно заключать международные соглашения по ряду вопросов, но не имеющая полного суверенитета, она не вполне вписывается в стандартные категории международного права, что порождает неопределённость в отношении условий, на которых внешние акторы могут инвестировать в гренландскую инфраструктуру.

Конструктивистский подход обращает внимание на то, что само понятие «арктического государства» и связанные с ним привилегии являются социально сконструированными и исторически обусловленными. Дания, строго говоря, не является арктическим государством в физико-географическом смысле – её «арктичность» производна от суверенитета над Гренландией и Фарерскими островами [15]. Если Гренландия обретёт полную независимость, что периодически обсуждается на островных референдумах и в парламенте Инатсисартут, Дания утратит свой статус арктического государства и, соответственно, место в Арктическом совете. Этот сценарий имеет далеко идущие последствия для всей системы арктического управления, поскольку он демонстрирует, сколь хрупкими могут быть основания, на которых зиждется существующий порядок. Для неарктических государств, заинтересованных в реализации проекта Ледового шелкового пути, потенциальная независимость Гренландии представляет собой как возможность – появление нового, возможно, более открытого для сотрудничества партнёра, – так и риск – новое государство может оказаться под значительным влиянием какого-либо одного внешнего актора.

Ресурсный потенциал Гренландии добавляет к транспортно-логистическому измерению проблемы ещё одну важную грань. По оценкам Геологической службы США, в недрах Гренландии и прилегающего шельфа содержатся значительные запасы нефти, газа, урана, цинка, а также редкоземельных элементов, спрос на которые неуклонно растёт в связи с развитием «зелёной» энергетики и высоких технологий [8]. Месторождение Квэнефьельд на юге Гренландии является одним из крупнейших в мире неразработанных месторождений редкоземельных металлов. Контроль над доступом к этим ресурсам становится предметом стратегической конкуренции, причём для неарктических государств инвестиции в горнодобывающий сектор Гренландии могут выступать инструментом закрепления своего присутствия в регионе. Проект Ледового шелкового пути в этом смысле не сводится исключительно к судоходству: он предполагает создание комплексной инфраструктуры, включающей порты, коммуникации, энергетические объекты и добывающие мощности, – то есть именно тот тип инвестиций, в котором остро нуждается гренландская экономика, зависимая от дотаций из Копенгагена.

Правовой режим арктических морских путей остаётся предметом дискуссий, и Гренландия фигурирует в нескольких из них. Спор между Канадой и рядом государств о статусе Северо-Западного прохода – являются ли его воды внутренними водами Канады или международным проливом – косвенно затрагивает и Гренландию, поскольку пролив Нарес, разделяющий остров Элсмир и северо-западную Гренландию, входит в зону потенциальных разногласий [12]. Делимитация морских границ между Данией (Гренландией) и Канадой в районе острова Ханс, завершившаяся мирным соглашением о разделе острова в 2022 году, продемонстрировала способность арктических государств решать территориальные вопросы дипломатическим путём. Тем не менее более масштабные вопросы – о расширении континентального шельфа, о режиме транзита через арктические проливы, о допустимых стандартах судоходства – остаются открытыми, и позиция Гренландии (или будущего независимого гренландского государства) может оказать на их решение существенное влияние.

Экологическое измерение проблемы невозможно игнорировать при анализе перспектив Ледового шелкового пути в районе Гренландии. Ледяной щит Гренландии, объём которого оценивается примерно в 2,85 миллиона кубических километров, является вторым по величине на планете после Антарктического. Его таяние не только способствует повышению уровня Мирового океана, но и изменяет условия навигации в прилегающих водах: увеличивается количество айсбергов, трансформируются течения, меняется солёность вод [13]. Для проекта Ледового шелкового пути это создаёт двойственную ситуацию: с одной стороны, потепление Арктики расширяет временное окно навигации, с другой – повышает риски, связанные с непредсказуемой ледовой обстановкой. Экологические организации и коренные народы Грен-

ландии неоднократно выражали обеспокоенность потенциальными последствиями интенсификации судоходства для морских экосистем, от которых зависит традиционный уклад жизни инуитского населения.

Позиции ключевых внешних акторов в отношении Гренландии определяются сложным переплетением стратегических, экономических и нормативных соображений. Арктические государства, прежде всего те, которые входят в «пятёрку» прибрежных государств Северного Ледовитого океана, склонны рассматривать Гренландию как элемент существующей системы арктического управления и настаивают на том, что любые инфраструктурные проекты в регионе должны реализовываться с согласия суверенных арктических государств и в соответствии с принципами Конвенции ООН по морскому праву. Неарктические государства, напротив, подчёркивают принцип общего наследия человечества применительно к открытому морю и ресурсам Района международного морского дна, а также указывают на свои права как государств – участников Конвенции на свободу судоходства и научных исследований [2]. Гренландия в этой конфигурации оказывается объектом, относительно которого обе стороны могут находить как точки согласия, так и поводы для разногласий.

Интересы гренландского общества, часто остающиеся на периферии геополитического анализа, заслуживают отдельного внимания. Население острова, более 85 процентов которого составляют инуиты, на протяжении последних десятилетий последовательно добивалось расширения автономии, что нашло отражение в законодательных актах 1979 и 2009 годов. Экономическая зависимость от датских субсидий, составляющих, по различным оценкам, от трети до половины валового внутреннего продукта Гренландии, является основным препятствием на пути к полной независимости [9]. В этом контексте привлечение иностранных инвестиций – будь то в горнодобывающий сектор, инфраструктуру или туризм – рассматривается гренландскими политиками как средство укрепления экономической самодостаточности. Проект Ледового шелкового пути потенциально мог бы обеспечить приток капитала и технологий, однако гренландское общество демонстрирует весьма взвешенный подход к иностранным инвестициям: решение гренландского парламента о запрете добычи урана и отказе от ряда горнодобывающих проектов с иностранным участием свидетельствует о стремлении сохранить контроль над собственными ресурсами.

Теория секьюритизации, разработанная представителями Копенгагенской школы международных отношений, предоставляет полезный инструментарий для понимания того, каким образом различные аспекты гренландской проблематики переводятся из плоскости обычной политики в плоскость вопросов безопасности [15]. Инвестиции неарктических государств в гренландскую инфраструктуру – строительство аэропортов, модернизация портов, прокладка подводных кабелей – последовательно секьюритизируются в дискурсе ряда арктических государств, которые интерпретируют их как потенциальные угрозы национальной безопасности. Известный пример – дискуссия вокруг участия иностранных компаний в строительстве аэропортов в Нууке, Илулиссате и Какортоке, которая привела к тому, что Дания фактически вмешалась в процесс, обеспечив финансирование проектов из собственных источников. Этот эпизод наглядно демонстрирует, как экономические вопросы трансформируются в проблемы безопасности и как Гренландия становится площадкой, на которой пересекаются различные логики – экономическая, безопасностная, идентитарная.

Концепция «малых арктических государств», получающая всё большее распространение в литературе по международным отношениям, также применима к гренландскому случаю. Если рассматривать Гренландию как потенциально независимое государство, то она обладала бы характеристиками типичного малого государства: ограниченное население, зависимость от внешних рынков и источников финансирования, необходимость опираться на международные институты для защиты собственных интересов [3]. Опыт Исландии – другого малого арктического государства – показывает, что подобные акторы могут проводить достаточно самостоятельную внешнюю политику, лавируя между крупными державами и используя институциональные механизмы для усиления собственного влияния. Однако масштаб территории Гренландии и её ресурсный потенциал делают её положение качественно отличным от исландского, что ограничивает возможности прямых аналогий.

Баланс интересов в контексте Ледового шелкового пути не может быть описан исключительно в терминах «нулевой суммы». Существуют области, в которых интересы арктических и неарктических государств не только совместимы, но и взаимодополняемы. Развитие инфраструктуры для обеспечения безопасности мореплавания, включая спутниковое покрытие, гидрографические исследования и создание поисково-спасательных станций, отвечает интересам всех сторон [4]. Гренландия, учитывая своё расположение, могла бы выступить площадкой для размещения подобной инфраструктуры, финансируемой из международных источников. Аналогичным образом, научные исследования в области климатологии и гляциологии, для которых Гренландия является незаменимым полигоном, предоставляют возможность для кооперации, не отягощённой геополитическими противоречиями. Международные проекты по бурению ледовых кернов, мониторингу ледового щита и изучению изменений уровня моря традиционно объединяют учёных из десятков стран и могут служить моделью для более широкого сотрудничества.

Анализ доктринальных документов позволяет выделить несколько основных подходов к регулированию участия неарктических государств в развитии арктических транспортных маршрутов. Первый подход, характерный для ряда арктических государств, предполагает сохранение за прибрежными государствами преимущественного права регулирования судоходства и экономической деятельности в своих арктических водах, допуская участие внешних акторов лишь на условиях, определяемых прибрежным государством [6]. Второй подход, продвигаемый некоторыми неарктическими государствами, делает акцент на принципах свободы судоходства, закреплённых в Конвенции ООН по морскому праву, и настаивает на том, что арктические маршруты должны быть открыты для международного транзита на общих основаниях. Третий подход, который можно условно назвать кооперативным, предлагает создание совместных механизмов управления арктическими маршрутами с участием как арктических, так и неарктических государств. Каждый из этих подходов по-разному определяет роль Гренландии, и ни один из них не получил безусловного преобладания в международном дискурсе.

Экономическая логика проекта Ледового шелкового пути предполагает, что развитие арктических маршрутов окажется рентабельным лишь при условии создания адекватной береговой инфраструктуры. Западное побережье Гренландии, вдоль которого расположено большинство населённых пунктов, обладает рядом естественных преимуществ для размещения портовых мощностей, однако масштаб необходимых инвестиций – по некоторым оценкам, измеряемых миллиардами долларов – делает их нереализуемыми без привлечения внешнего капитала [8]. Этот разрыв между потребностями и возможностями создаёт структурную зависимость, которая может быть использована различными внешними акторами для укрепления своего влияния. Историческая параллель с развитием инфраструктуры в малых островных государствах Тихого океана, где конкуренция крупных держав за влияние нередко выражается именно в инфраструктурных инвестициях, представляется здесь вполне уместной.

Арктический совет, несмотря на свой консенсусный характер и отсутствие мандата по вопросам военной безопасности, остаётся центральным форумом для обсуждения проблем устойчивого развития Арктики. Статус наблюдателя, предоставленный ряду неарктических государств, является формой институционализации их участия, хотя и весьма ограниченной [11]. Вопрос о том, каким образом проект Ледового шелкового пути может быть вписан в повестку Арктического совета или других международных площадок, остаётся открытым. Гренландия, представленная в Арктическом совете через Данию, а также через организации коренных народов, имеющие статус постоянных участников, обладает определённым влиянием на формирование повестки, однако это влияние ограничено её нынешним политико-правовым статусом. Расширение гренландской автономии или обретение независимости изменило бы конфигурацию представительства в Совете и потенциально создало бы возможность для более самостоятельного участия Гренландии в арктическом управлении.

Наконец, нельзя не отметить, что само понятие «Ледового шелкового пути» до сих пор остаётся скорее концептуальным обозначением, нежели детально проработанным проектом с определёнными сроками, источниками финансирования и техническими параметрами [7]. Это обстоятельство одновременно ограничивает возможности анализа и расширяет пространство для теоретического моделирования. Гренландия в данном случае выступает не только географическим объектом, но и своеобразной призмой, через которую преломляются основные противоречия современной арктической политики – между суверенитетом и открытостью, между экономическим развитием и экологической сохранностью, между правами коренных народов и интересами глобальных рынков, между существующими институтами и потребностью в новых формах управления.

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что Гренландия занимает уникальное положение в системе отношений, складывающихся вокруг проекта Ледового шелкового пути. Это положение определяется совокупностью географических, ресурсных, правовых и политических

характеристик, которые в своей совокупности делают остров одним из наиболее значимых факторов формирования баланса интересов между арктическими и неарктическими государствами. Стратегическое расположение на пересечении потенциальных арктических транспортных маршрутов, колоссальные запасы редкоземельных металлов и углеводородов, уникальный политико-правовой статус автономной территории с перспективой обретения независимости – каждый из этих элементов по отдельности заслуживает пристального внимания, а в совокупности они формируют конфигурацию, не имеющую аналогов в современной арктической политике.

Существующие институциональные механизмы арктического управления – Арктический совет, режим Конвенции ООН по морскому праву, Полярный кодекс – обеспечивают определённый уровень нормативной стабильности, однако их адаптивный потенциал ещё предстоит проверить в условиях практической реализации масштабных транспортно-логистических проектов. Гренландский кейс показывает, что ключевую роль в этом процессе будут играть не столько формальные нормы, сколько способность заинтересованных сторон выработать модели взаимодействия, учитывающие многомерность проблемы – от геоэкономических расчётов до прав коренных народов и экологических ограничений. Сведение арктической проблематики к одному лишь геополитическому соперничеству обедняет картину и лишает аналитика возможности увидеть потенциальные зоны кооперации, которые, как показывает опыт научного сотрудничества и совместного реагирования на экологические вызовы, существуют даже в условиях нарастающей конкуренции.

Гренландское общество, при всей его малочисленности, демонстрирует способность к выработке самостоятельной позиции по вопросам экономического развития и международного сотрудничества. Решения о запрете добычи урана, об ограничении иностранного участия в ряде секторов экономики, о приоритете экологических ценностей при рассмотрении инвестиционных предложений свидетельствуют о том, что Гренландия не является пассивным объектом геополитического торга, но стремится выступить субъектом, определяющим условия собственного участия в арктических проектах. Этот фактор нередко недооценивается в макрополитических анализах, однако именно он может оказать решающее влияние на конкретные формы, которые примет присутствие неарктических государств на острове и в прилегающих водах.

Литература

1. Белухин Н.Е. Борьба за «ледяную Африку»? Гренландия между колониальным прошлым, интересами США и стратегической автономией ЕС // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 1. С. 39–51. DOI: 10.20542/afij-2024-1-39-51.

2. Белухин Н.Е. Ближе к Вашингтону, чем Брюсселю? Сравнительный анализ парадипломатии Гренландии и Фарерских островов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 4. С. 57–72. DOI: 10.20542/afij-2024-4-57-72.

3. Воротников В.В., Збирун Д.Н. Проблема сепаратизма Гренландии и Фарерских островов во внешней политике Королевства Дания // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 2(38). С. 97–111. DOI: 10.15211/vestnikieran2202497111.

4. Белухин Н.Е. Неудобные партнёры? Восприятие арктического измерения стратегической автономии ЕС в Дании и Норвегии // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 3. DOI: 10.18254/S207054760030446-7.

5. Белухин Н.Е. Гренландия в арктической стратегии США: вызов для датско-американских отношений? // Россия и Америка в XXI веке. 2023. Спецвыпуск. DOI: 10.18254/S207054760023886-1.

6. Николаев Н.А. Промежуточные итоги развития европейского вектора китайской инициативы «Ледовый Шелковый путь» // Современная Европа. 2024. № 3. С. 196–208. DOI: 10.31857/S0201708324030161.

7. Бабаев К.В. Исландия и Китай: стратегическое партнёрство в Арктике и Евроатлантике // Современная Европа. 2023. № 2. С. 33–48. DOI: 10.31857/S0201708323020031.

8. Забелла А.А. Политика Китая в Арктике: амбиции и реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 172–186. DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186.

9. Николаев Н.А. Многокомпонентная система самопозиционирования Китая в Арктике: теория и практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 3. С. 260–275. DOI: 10.21638/spbu06.2024.302.

10. Корнеев К.А., Кистанов В.О. Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 80–92. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-4-80-92.

11. Ян Нань, Го Пэйцзин. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14.

12. Липина С.А., Фадеев А.М., Зайков К.С., Липина А.В., Кондратов Н.А. Современный этап международного сотрудничества в Арктике: поиск ответов на вызовы экономического развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 4. С. 251–265. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.15.

13. Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79.

14. Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.

15. Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126.

GREENLAND AS A KEY FACTOR IN THE BALANCE OF INTERESTS BETWEEN ARCTIC AND NON-ARCTIC STATES IN THE ICE SILK ROAD PROJECT

Luo Xiyi
St. Petersburg State University

The transformation of the Arctic region under the influence of climate change and the reduction of ice cover has made it necessary to integrate new maritime corridors into global logistics networks through the concept of the Ice Silk Road, where Greenland plays a key role in balancing the interests of Arctic and non-Arctic states. The island's strategic location between North America and Europe, its vast reserves of rare-earth elements, hydrocarbons, and other critical resources, as well as its unique political and legal status as an autonomous territory of the Kingdom of Denmark with the potential for increased self-governance and eventual independence, create a multidimensional configuration that affects international maritime law, environmental security, the rights of indigenous Inuit peoples, and geoeconomic competition. In this context, the island serves as an indicator of the resilience of existing regional governance mechanisms, including the Arctic Council and the United Nations Convention on the Law of the Sea, to the challenges posed by large-scale infrastructure initiatives that involve the creation of port hubs, transit points, and a comprehensive resource base along potential routes such as the Northwest Passage and transatlantic corridors. The analysis demonstrates how socially constructed categories of Arctic belonging, the processes of securitization of foreign investments in airports, ports, and mining projects, and the pursuit of economic self-sufficiency in Greenlandic society are intertwined with the theoretical perspectives of neoliberal institutionalism, constructivism, and geopolitical concepts of a transforming space. Identified as areas of potential cooperation in scientific monitoring of the ice sheet, development of infrastructure for navigation safety and environmental regulation, as well as deep-seated contradictions between the principles of sovereignty of coastal states and the requirements of global connectivity, emphasizing that it is the Greenland case that allows us to assess the prospects for adapting the Arctic order to the increasing influence of external actors without escalating conflicts and taking into account long-term environmental constraints.

Keywords: Greenland, Ice Silk Road, balance of interests, Arctic states, non-Arctic states.

References

1. Belukhin N.E. Struggle for the "Icy Africa"? Greenland between the Colonial Past, US Interests, and the EU's Strategic Autonomy // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2024. No. 1. Pp. 39–51. DOI: 10.20542/afij-2024-1-39-51.

2. Belukhin N.E. Closer to Washington than to Brussels? Comparative Analysis of the Paradiplomacy of Greenland and the Faroe Islands // Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS. 2024. No. 4. Pp. 57–72. DOI: 10.20542/afij-2024-4-57-72.

3. Vorotnikov V.V., Zbirun D.N. The Problem of Greenland and the Faroe Islands' Separatism in the Foreign Policy of the Kingdom of Denmark // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 2(38). Pp. 97–111. DOI: 10.15211/vestnikieran2202497111.

4. Belukhin N.E. Uncomfortable Partners? Perception of the Arctic Dimension of the EU's Strategic Autonomy in Denmark and Norway // Russia and America in the 21st Century. 2024. No. 3. DOI: 10.18254/S207054760030446-7.

5. Belukhin N.E. Greenland in the U.S. Arctic Strategy: A Challenge for Danish-American Relations? // Russia and America in the 21st Century. 2023. Special issue. DOI: 10.18254/S207054760023886-1.

6. Nikolaev, N.A. Intermediate Results of the Development of the European Vector of the Chinese Ice Silk Road Initiative // Contemporary Europe. 2024. No. 3. Pp. 196–208. DOI: 10.31857/S0201708324030161.

7. Babaev K.V. Iceland and China: Strategic Partnership in the Arctic and the Euro-Atlantic // Modern Europe. 2023. No. 2. Pp. 33–48. DOI: 10.31857/S0201708323020031.

8. Zabella A.A. China's Arctic Policy: Ambitions and Realities // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2025. Vol. 17. No. 2. Pp. 172–186. DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-172-186.

9. Nikolaev N.A. Multicomponent System of China's Self-Positioning in the Arctic: Theory and Practice // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2024. Vol. 17. No. 3. Pp. 260–275. DOI: 10.21638/spbu06.2024.302.

10. Korneev K.A., Kistanov V.O. Japan's Interests in the Arctic and Prospects for Cooperation with Russia // East Asia: Facts and Analytics. 2024. No. 4. Pp. 80–92. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-4-80-92.

11. Yan Nan, Guo Peijing. China-Russia Cooperation in the Arctic: Current Situation, Challenges, and Development Priorities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 259–273. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.14.

12. Lipina S.A., Fadeev A.M., Zaykov K.S., Lipina A.V., Kondratov N.A. The Current Stage of International Cooperation in the Arctic: Finding Answers to the Challenges of Economic Development // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 251–265. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.15.

13. Zagorskiy A.V., Todorov A.A. The military-political situation in the Arctic: hotbeds of tension and ways of de-escalation // Arctic and North. 2021. No. 44. Pp. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79.

14. Labetskaya E.O. The Arctic front of the global hybrid war // Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.

15. Streltsov D.V. The Russian Direction of Japan's Arctic Policy // Japanese Studies. 2021. No. 2. Pp. 110–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126.

От «помощи в обмен на поддержку» к «мягкой взаимосвязи правил» смена поколений в модели «мягкой силы» Китая в Северной Африке

Лю Юань,
аспирант, Белорусский государственный университет
E-mail: ningyulin98@outlook.com

Отношения между Китаем и Северной Африкой претерпели трансформацию, сменив традиционную модель обмена экономической помощи на политическую поддержку на новый тип стратегического партнерства, сформированный в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и основанный на «жесткой взаимосвязи» инфраструктуры и «мягкой взаимосвязи» правил и стандартов. В данной статье, с точки зрения теории мягкой силы, систематически прослеживается трехэтапная эволюция политики Китая в отношении Северной Африки, раскрываются внутренние и внешние движущие силы этого сдвига. Исследование показывает, что практика мягкой силы Китая в Северной Африке переходит от односторонней модели материальных стимулов «экономическая помощь в обмен на поддержку» к институциональной открытой модели «мягкой взаимосвязи правил». Эта трансформация является как ответом на меняющиеся устремления в развитии стран Северной Африки, так и стратегическим шагом Китая, направленным на усиление влияния в реформировании глобальной системы управления. С помощью «ориентированных на правила» средств, таких как создание многосторонних механизмов, согласование стандартов, сотрудничество в области производственных мощностей и наращивание потенциала, Китай пытается построить новую парадигму для более устойчивого и эффективного проецирования мягкой силы.

Ключевые слова: Китайско-североафриканские отношения; мягкая сила; экономическая помощь в обмен на поддержку; мягкая взаимосвязь правил; институциональные изменения.

Введение

Северная Африка, расположенная на перекрестке Азии, Африки и Европы и обладающая стратегически важными мировыми водными путями, такими как Суэцкий канал, долгое время являлась важнейшей ареной соперничества великих держав. В последние годы, на фоне глубоких изменений в глобальном геополитическом ландшафте, отношения между Китаем и Северной Африкой продолжают улучшаться. В первых трех кварталах 2025 года китайско-африканская торговля достигла 348,052 млрд долларов США, что на 17,7% больше, чем годом ранее. Китайские инвестиции в Северную Африку расширились от традиционной инфраструктуры до таких новых областей, как новые энергетические транспортные средства, цифровая экономика и зеленая энергетика. Однако за этим стремительным ростом скрывается глубокий сдвиг в модели «мягкой силы» Китая в Северной Африке – от модели «помощи в обмен на поддержку», где экономическая помощь обменивается на политическую поддержку, к модели «мягкой связи, основанной на правилах», в центре которой находится согласование правил и стандартов.

Эта трансформация не является изолированной корректировкой дипломатической стратегии, а скорее отражает общую эволюционную логику отношений Китая с развивающимися странами. Западные ученые часто интерпретируют экспансию Китая в Африке, используя такие термины, как «долговая ловушка» и «неоколониализм», но эти концепции не объясняют глубокий институциональный сдвиг от «переливания крови» к «созданию крови» и от «предоставления денег» к «установлению правил». В последние годы ученые отмечают, что китайско-африканские отношения смещаются от межгосударственных обменов к дипломатии «от человека к человеку», и от преимущественно помощи и инфраструктуры к стратегическому партнерству, которое уделяет больше внимания согласованию с долгосрочными целями развития, такими как Африканская повестка дня на период до 2063 года.

Данная статья призвана ответить на следующие ключевые вопросы: Какие поколенческие сдвиги произошли в модели «мягкой силы» Китая по отношению к Северной Африке? Каковы внутренние и внешние факторы, движущие этим сдвигом? В чем заключаются структурные различия между моделью «мягкой связи, основанной на правилах» и традиционной моделью экономической помощи? Прослеживая эволюцию китайско-североафриканских отношений, эта статья пытается предложить новую аналитическую основу для понимания практики «мягкой силы» Китая за рубежом.

Теория мягкой силы и аналитическая основа политики Китая в отношении Северной Африки

Концепция «мягкой силы», формально предложенная Джозефом Найем в 1990 году, определяется как способность страны влиять на поведение других стран посредством привлекательности, а не принуждения, в первую очередь благодаря привлекательности её культуры, политических ценностей и внешней политики. 17-й съезд Коммунистической партии Китая в 2007 году впервые включил «мягкую силу» в свой центральный доклад, ознаменовав её вхождение в официальный китайский дипломатический дискурс. Однако практика «мягкой силы» Китая демонстрирует характеристики, отличающиеся от западных теорий. Некоторые ученые отмечают, что политика Китая в отношении Африки включает шесть основных культурных факторов «мягкой силы», в том числе традиционные культурные элементы, такие как «искренность» и «доверие», интернационализм и концепция независимого развития. Это говорит о том, что анализ модели «мягкой силы» Китая в отношении Северной Африки требует как понимания механизма привлекательности в рамках концепции Найя, так и критической реконструкции на основе политического дискурса Китая и его специфической практики.

Основная логика модели «помощь в обмен на поддержку» заключается в следующем: получение политической поддержки от стран-получателей в международных делах путем предоставления помощи в развитии, льготных кредитов и поддержки проектов. Эта модель имеет глубокие исторические корни во взаимодействии Китая с Африкой, играя значительную роль, особенно в китайско-африканских отношениях во время холодной войны и в начале XXI века. Однако у этой мо-

дели есть ограничения: трудно установить стабильную положительную обратную связь между инвестициями в экономическую помощь и политической отдачей, устойчивость помощи сталкивается с проблемами, и она легко вызывает критику со стороны западных дискурсов, таких как «долговая ловушка».

«Мягкая взаимосвязь» является ключевым понятием в рамках инициативы «Один пояс, один путь», наряду с «жесткой взаимосвязью» в инфраструктуре и «внутренней взаимосвязью» между странами и народами. Она подразумевает устранение институциональных барьеров, снижение транзакционных издержек и содействие трансграничным потокам факторов производства посредством согласования правил и стандартов, координации политики и взаимного признания систем. Некоторые ученые также отмечают, что переход от «жесткой взаимосвязи» в инфраструктуре и «мягкой взаимосвязи» в правилах и нормах к «душевной взаимосвязи» между странами и народами представляет собой целостный путь к высококачественному развитию в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В данной статье эта концепция заимствована и вводится в анализ Китаем моделей «мягкой силы» в Северной Африке, где утверждается, что модель «мягкой взаимосвязи» выходит за рамки традиционной парадигмы экономической помощи. Ее основные характеристики включают: переход от односторонней помощи к двустороннему институциональному согласованию; от материальных стимулов к наращиванию дискурсивной силы на основе правил; и от краткосрочной проектной ориентации к долгосрочному наращиванию потенциала. Эта модель стремится не только к достижению экономических выгод, но и к формированию представлений о пути развития и институциональных предпочтений стран Северной Африки.

Трехэтапная эволюция отношений Китая с Северной Африкой

Дипломатические отношения между Китаем и странами Северной Африки восходят к середине-концу 1950-х годов. В 1956 году Китай и Египет установили дипломатические отношения, положив начало официальному взаимодействию в китайско-африканских отношениях. В этот период ключевым направлением политики Китая в отношении Северной Африки было политическое единство в борьбе против империализма и колониализма, при этом экономическая помощь была ограничена и в основном сосредоточена на инфраструктурных проектах и политических обменах. Как отмечают некоторые исследователи, ранние китайско-африканские отношения носили скорее символический, чем содержательный характер, в сфере экономического сотрудничества. В этот основополагающий период Китай еще не разработал систематическую стратегию «мягкой силы» для Северной Африки, и его дипломатическая практика была сосредоточена на поддержке национально-освободительных движений стран Северной Африки.

В начале XXI века, с созданием Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКС) в 2000 году, политика Китая в отношении Африки вступила в новый этап институционализации и масштабного развития. В 2010-х годах объемы кредитования Китаем Африки резко возросли, достигнув пика в 28,8 млрд долларов США в 2016 году. В Северной Африке ключевыми получателями помощи стали Египет, Алжир и Марокко. В 2021 году Северная Африка получила ошеломляющую сумму в 13,452 млрд долларов США, что составило 16,32% от общего объема помощи, полученной в Африке. Этот период ознаменовал пик модели «помощь в обмен на поддержку». Исследования, эмпирически анализирующие политику Китая в области помощи на Ближнем Востоке и в Северной Африке с 2014 по 2021 год, показывают, что в этот период Китай стал одним из наиболее важных незападных поставщиков помощи в регионе. Китайские проекты помощи охватывают множество областей, включая инфраструктуру, медицинские учреждения и сотрудничество в сфере образования, типичными примерами являются центральный деловой район новой столицы Египта, Большая мечеть Алжира и высокоскоростная железная дорога в Марокко. Однако устойчивость этой модели подвергается сомнению. С одной стороны, предельная отдача от инвестиций в помощь снижается; С другой стороны, рост западных дискуссий, таких как «долговая ловушка», оказал давление на китайскую политику. База данных китайско-африканских кредитов Бостонского университета показывает, что китайские кредиты Африке сократились до 2,1 млрд долларов в 2024 году, что на 46% меньше, чем в предыдущем году. Это отражает как растущее осознание устойчивости долговой нагрузки среди африканских стран, так и указывает на необходимость поиска новой парадигмы в политике Китая в отношении Африки.

Инициатива «Один пояс, один путь», предложенная в 2013 году, открыла новую главу в отношениях Китая с Северной Африкой. Марокко, как первая североафриканская страна, подписавшая соглашение о сотрудничестве с Китаем по совместному строительству «Одного пояса и одного пути», стало передовым звеном в этой трансформации. В 2024 году Пекинский саммит Форума по китайско-африканскому сотрудничеству дополнительно утвердил «Десять партнерских действий», ознаменовав переход китайско-африканского сотрудничества от широких, всеобъемлющих обязательств к более оперативной, структурированной структуре. В течение этого переходного периода согласование правил и стандартов стало ключевым аспектом сотрудничества. К конкретным проявлениям относятся: расширение политики нулевых тарифов от пилотных программ до полного охвата – Китай установил нулевые тарифы на 100% тарифных позиций для всех товаров из африканских стран, с которыми он поддерживает дипломатические отношения, в качестве политической цели; ускоренное институциональное развитие – Китай и Марокко создали механизм стратегического диалога в 2025 году, а Египет и Китай запустили программу обучения на высоком уровне; и модернизация инвестиционной структуры Китая в Северной Африке от традиционной инфраструктуры к секторам с высокой добавленной стоимостью, таким как зеленая энергетика, цифровая экономика и электромобили. Торговля между Китаем и Марокко достигла 5,981 млрд долларов США в 2025 году, что на 19,1% больше, чем годом ранее; в 2024 году Китай пообещал дополнительно 50 млрд долларов США финансовой поддержки Африке; Общий объем торговли между Китаем и Африкой достиг 347,723 млрд долларов США в 2025 году. Эти цифры свидетельствуют о том, что экономическое присутствие Китая в Северной Африке не только не сократилось, но и фактически совершило качественный скачок – институциональная глубина и технологическая сложность сотрудничества заменяют масштабы помощи в качестве нового критерия измерения глубины двусторонних отношений.

Институциональная структура и пути реализации модели «мягкой связи на основе правил»

Основной путь к «мягкой взаимосвязи, основанной на правилах» заключается в содействии трансформации двустороннего сотрудничества в многостороннюю институциональную структуру. За последние два десятилетия Форум китайско-африканского сотрудничества (ФОКАС) постепенно разработал множество подфорумов, в том числе по вопросам молодежного лидерства, здравоохранения, сокращения бедности и развития, систематизировав области сотрудничества. После Пекинского саммита ФОКАС 2024 года Китай установил стратегические партнерства со всеми африканскими странами, с которыми у него есть дипломатические отношения. Это внедрение многосторонних механизмов сместило сотрудничество между Китаем и странами Северной Африки от свободной модели, основанной на личных отношениях между лидерами, к стабильной структуре, поддерживаемой институциональными правилами. Одновременно Форум китайско-арабского сотрудничества (ФОКАС) также предоставил важную платформу для институционального согласования между Китаем и арабскими странами Северной Африки. В 2024 году 10-я Министерская конференция ФОКАС приняла Пекинскую декларацию и План действий на 2024–2026 годы, уточняющие конкретные планы сотрудничества в различных областях.

Согласование стандартов является ключевым компонентом «мягкой взаимосвязи, основанной на правилах». В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай активно содействует трансформации и применению китайских технических стандартов в зарубежных проектах. В проекте трубопровода в Нигере Китай и Нигер достигли «мягкой взаимосвязи» в стандартах, что является практическим примером концепции инициативы «Один пояс, один путь», сочетающей «жесткую взаимосвязь» с «мягкой взаимосвязью» в правилах и стандартах. В цифровой экономике сотрудничество между Китаем и странами Северной Африки также демонстрирует характеристики согласования стандартов. Первый зарубежный центр навигационной спутниковой системы BeiDou был создан в Тунисе, и механизм сотрудничества Китая и арабских стран в рамках BeiDou постоянно укрепляется. Этот экспорт технических стандартов выходит за рамки традиционной модели помощи «предоставление денег и товаров», формируя более глубокий уровень институционального влияния путем внедрения китайских технических стандартов в цифровую инфраструктуру стран Северной Африки.

Сотрудничество в области потенциала и реструктуризация производственных цепочек являются еще одним важным аспектом «мягкой взаимосвязи в правилах». Традиционные модели помощи основаны на отдельных проектах, и помощь прекращается после завершения проекта. Модель «мягкой взаимосвязи в правилах» фокусируется на построении целостной промышленной экосистемы. В Марокко китайские предприятия сформировали кластеры в ключевых производственных цепочках, таких как производство электромобилей и высоко-

качественного текстиля, привлекая десятки китайских компаний в финансовый центр Касабланки и научно-технологический город Танжера. Эта модель «кластерного развития» означает, что Китай является не только поставщиком капитала, но и организатором производственных цепочек и формирователем правил.

Наращивание потенциала и передача знаний – еще одна ключевая особенность, отличающая модель «мягкой взаимосвязи, основанной на правилах» от традиционной экономической помощи. В 2025 году Китай оказал техническую помощь в сельском хозяйстве 21 африканской стране, направив более 200 экспертов в области сельского хозяйства; одновременно он реализовал проекты поддержки промышленных парков в таких областях, как энергетическая инфраструктура, подготовка кадров и наращивание потенциала. В ноябре 2025 года Египет направил 17 высокопоставленных правительственных чиновников в Пекин для участия в учебном курсе по экономическому развитию и обмену опытом в области политики с целью укрепления институционального потенциала. Такое глубокое участие в передаче знаний придает философии развития Китая и опыту управления больший вес в формировании политики в странах Северной Африки. Этот переход от «оказания помощи» к «содействию развитию» является сутью модели «мягкой взаимосвязи, основанной на правилах».

Анализ движущих сил межпоколенческих изменений

Эволюция этапов развития стран Северной Африки является основной движущей силой корректировок политики Китая. Первоначально североафриканские страны находились на ранних этапах национальной независимости и государственного строительства, и наиболее насущными потребностями были развитие инфраструктуры и проекты по обеспечению средств к существованию. Однако по мере роста уровня их экономического развития структура спроса постепенно сместилась от «доступности» к «качеству», с возрастающим акцентом на модернизацию производственных цепочек, цифровую трансформацию и улучшение возможностей управления. Железнодорожный проект Алжира, новая стратегия развития энергетики Марокко и сотрудничество Египта в области цифровой экономики отражают глубокий сдвиг в североафриканских странах от «выживания» к «развитию». Трансформация политики Китая по сути является адаптивным ответом на эти меняющиеся структуры спроса в странах Северной Африки.

Общая эволюция дипломатической стратегии Китая представляет собой внутреннюю движущую силу для корректировок политики. После реформ и открытости китайская дипломатия претерпела трансформацию от «сдержанности» к «значимым результатам» и теперь вступила в новый этап «большого потенциала». На фоне реформы глобальной системы управления Китай больше не довольствуется пассивным принятием существующих международных правил, а активно участвует в процессе нормотворчества и даже возглавляет его. Под влиянием инициативы «Один пояс, один путь» внешнеполитическая философия Китая эволюционировала от «искренности, реальных результатов, дружбы и добросовестности» к философии управления, основанной на «совместных консультациях, совместном вкладе и общей выгоде». Этот сдвиг в философии, проецируемый на политический уровень Северной Африки, проявляется как переход от односторонней помощи к двустороннему институциональному согласованию. В 2025 году пятипунктная инициатива Ван И, подчеркивающая высококачественное сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и поддержку индустриализации Африки, еще больше подчеркнула эту стратегическую корректировку.

Изменения в геополитическом ландшафте создали структурные возможности для экспансии Китая в Северной Африке. Хотя ЕС остается наиболее влиятельной силой в регионе, он постепенно уступает место Китаю в Северной Африке. Индекс геоэкономической взаимосвязи, опубликованный в 2025 году, показывает, что Китай превосходит влияние ЕС в Северной Африке. Хотя ЕС рассматривает средиземноморское соглашение для противодействия конкуренции, эта пассивная реакция наглядно демонстрирует, что Китай стал неоспоримой силой. Между тем, в то время как западный дискурс пытается заклеймить политику Китая в Африке с помощью нарратива о «долговой ловушке», Китай эффективно ослабил влияние этого нарратива, противодействуя ему данными – двусторонний китайско-африканский долг составляет всего 11% от общего внешнего долга Африки. На этом фоне переход от экономической помощи к основанному на правилах согласованию является как стратегической корректировкой для противодействия западным нарративам, так и активным шагом к установлению контроля над международным дискурсом о правилах.

Примечательно, что некоторые аналитики рассматривают действия России и Китая на африканском континенте как взаимодополняющие, предлагая африканским странам альтернативную модель сотрудничества, отличную от традиционных западных отношений. Валентина Матвиенко, председатель Совета Федерации России, прямо заявила, что Китай и Россия не являются конкурентами в Африке, а скорее партнерами, которые могут совместно помочь африканским странам развивать свою экономику. Хотя конкретные политические решения Китая и России в Северной Африке различаются, обе страны сформировали стратегическое взаимодействие в продвижении повестки дня «Глобального Юга» и противостоянии доминирующему на Западе международному порядку. Это создает более благоприятную геополитическую среду для Китая в целях реализации модели «мягкой взаимосвязи» в Северной Африке.

Сравнительный анализ: структурные различия между старой и новой моделями

С точки зрения ресурсного вклада, традиционная модель помощи предполагает односторонний поток ресурсов из Китая в Северную Африку в виде грантов и льготных кредитов, демонстрируя характер «переливания крови». Модель «мягкой взаимосвязи на основе правил», напротив, делает акцент на двустороннем потоке ресурсов: пока китайский капитал и технологии поступают в Северную Африку, североафриканская продукция более плавно попадает на китайский рынок благодаря политике нулевых тарифов. В 2025 году Китай импортировал из Африки товаров на сумму 123,021 млрд долларов США, что на 5,2% больше, чем годом ранее. Эта двусторонняя модель потока трансформирует сотрудничество из «отношений помощи» в «партнерство».

С точки зрения институциональной глубины, модель помощи, основанная на проектах, лишена долгосрочных институциональных гарантий. Модель «мягкой взаимосвязи на основе правил», напротив, создает устойчивую институциональную сеть посредством многосторонних форумов, стратегического диалога и согласования стандартов. Создание механизма стратегического диалога между Китаем и Марокко в 2025 году является ярким примером такого усиления институциональной глубины.

С точки зрения устойчивости влияния, в рамках модели помощи влияние Китая уменьшается с прекращением помощи. Модель «мягкой взаимосвязи на основе правил», благодаря усвоению правил и стандартов, интеграции в производственную цепочку и распространению систем знаний, обеспечивает долгосрочное, прочно укоренившееся влияние. Некоторые ученые описывают экономическое присутствие Китая в Северной Африке как «систематическую пересадку моделей развития», а не как «простой экспорт капитала», точно суммируя принципиальное различие между старой и новой моделями.

С точки зрения различных последствий для построения порядка «Глобального Юга», модель экономической помощи по сути является продолжением традиционных отношений помощи между Севером и Югом, в то время как модель «мягкой взаимосвязи на основе правил» отражает эволюцию внутри «Глобального Юга» от символического единства «антиимпериализма и антиколониализма» к содержательному сотрудничеству «совместного строительства и обмена». Как отмечают некоторые ученые, Китай прокладывает путь к устойчивому развитию в странах «Глобального Юга» посредством экономической дипломатии.

Заключение

Смена поколений в модели «мягкой силы» Китая в Северной Африке – от «помощи в обмен на поддержку» к «мягкой взаимосвязи, основанной на правилах» – является результатом множества факторов. Эта трансформация отражает не только эволюцию потребностей стран Северной Африки и корректировку собственной стратегии развития Китая, но и глубокие изменения в глобальном геополитическом ландшафте.

С теоретической точки зрения, данное исследование показывает, что практика «мягкой силы» Китая в Северной Африке выходит за рамки классической концепции Джозефа Ная, формируя новую парадигму «мягкой силы», ориентированную на согласование правил и институциональное внедрение. Ключевой характеристикой этой парадигмы является то, что она не стремится «убеждать» другие страны посредством культурного воздействия или экспорта ценностей, а скорее «привлекает» их активное участие путем построения взаимовыгодных институциональных рамок. Этот путь больше соответствует реальным потребностям и возможностям развивающихся стран и предоставляет новую перспективу для понимания роли Китая в трансформации глобальной системы управления.

С точки зрения политики, модель «мягкой взаимосвязи, основанной на правилах» все еще находится в стадии развития, и ее долгосрочная эффективность еще не определена. Однако тенденции институционализации, двунаправленности и внедрения, воплощенные в этой модели, несомненно, определяют будущее направление китайской ди-

пломатии в отношении развивающихся стран. В условиях ускоренной реализации «Десяти партнерских инициатив» и углубления модернизации Китая, ожидается, что «мягкая взаимосвязь правил» между Китаем и Северной Африкой обеспечит новую институциональную модель для глобального сотрудничества Юг-Юг.

Литература

1. Aras, B., & Al-Khulaifi, K. A. (2025). Unpacking Non-Western Aid: Decoding China and Qatar's Distinct Approaches in the Middle East and North Africa. Sage Journals.
2. Altin, H. (2022). A Genuine Blend of Statecrafts: China's Smart Power Strategy in the MENA Region. Sage Journals. https://doi.org/10.1177/00438200221107398
3. China's Expanding Footprint in the Maghreb. (2025). Middle East Council Issue Brief.
4. China's Expanding Influence in the Middle East and North Africa. (2025). The Institute for Peace and Diplomacy.
5. China's Growing Engagements with Africa: Challenges and Prospects. (2025). Zenodo.
6. Morocco and China Sign Deal to Launch Strategic Dialogue Mechanism. (2025). Hespress.
7. The Bilateral Relations of China with North African Countries: Beyond the Framework of Soft Power Policy. (2025). RODIN.
8. The Evolving Dynamics of China's Middle East and North Africa Strategy: Future Scenarios. (2025). Strategic Study India.
9. The Winner Takes It All?: Innovations of China's Soft Power Strategies. (2024). Yonsei Journal of International Studies.
10. Silk Roads and Subtle Blows: China's 'Soft Power' Influence in the Middle East and North Africa. (2025). Springer.
11. China and North Africa: History, Economic Engagement and Soft Power. In Routledge Handbook. (2021). Taylor & Francis.
12. The Influence of China's Global Soft Power Strategy on Its Relations with African Nations. (2025). EconPapers.
13. What to Expect from Africa-China Relations in 2026. (2026). Africa Center.
14. Africa's Evolving Debt Dynamics with China: Assessing Infrastructure Investment Opportunities and Sustainability. (2026). AInvest.
15. Sino-Moroccan Ties Show Ongoing Dynamic Over the Years. (2025). Diplomatie.ma.
16. The EU Is Gaining Influence in Eastern Europe, but Losing Ground to China in North Africa and Turkey. (2025). Vienna Institute for International Economics.
17. Beijing Is Making Inroads in North Africa. (2024). Atlantic Council.
18. Building a Shared Future: How FOCAC Is Forging a Deeper China-Africa Partnership. (2025). China.org.cn.
19. China's Aid to Algeria Rewrites the Development Map of North Africa. (2026). Seetao.
20. Africa-China Linkages: Building Deeper and Broader Connections. (2025). IMF.
21. 阮思诺，毛小菁. (2021). 国际社会对非洲援助特点与变化及中国应对. 中国国际发展研究网络.
22. 李立凡. (2025). 从万隆到阿斯塔纳：中国外交重塑»全球南方»新秩序. 上海国际问题研究院.
23. 王毅. (2024). 高举习近平外交思想光辉旗帜 开创中国特色大国外交新局面. 中国外交年度回顾.
24. 龙小农. (2016). 从»兄弟»到»命运共同体»：中国对非话语的建构与演进. 中国传媒大学.
25. 青平. (2024). 统筹深化三大»联通»，积极共建»一带一路». 中国青年网.
26. 中国国际发展合作署. (2025). 2025年第二季度例行记者会全文稿.
27. 中非合作论坛. (2025). 北京峰会后续行动落实成果清单. 外交部.
28. 商务部. (2024). 商务部驳»非洲债务陷阱论»：中非双边债务仅占非洲外债总额11%. 证券时报.
29. 王毅. (2025). 就推动中非合作高质量发展提出中方五点倡议. 中国社会科学院西亚非洲研究所.
30. 中国–阿拉伯国家合作论坛. (2024). 第十届部长级会议《北京宣言》和《行动执行计划》
31. ахаров, В. (2025). Эксперт: действия России и Китая в Африке взаимодополняют друг друга. Sputnik.
32. Матвиенко, В. (2023). Россия и Китай могут совместно помогать африканским странам развивать экономику. Sputnik.
33. China's «Soft Power» Policy: «One Belt One Road» Initiative and Egypt. First Phase of Abd al Fattah al Sisi's Presidency. (2024). Yerevan State University.

FROM «AID FOR SUPPORT» TO «SOFT RULES-BASED INTERCONNECTION»: A GENERATIONAL SHIFT IN CHINA'S SOFT POWER MODEL IN NORTH AFRICA

Liu Yuan
Belarusian State University

Relations between China and North Africa have undergone a transformation, moving from the traditional model of exchanging economic aid for political support to a new type of strategic partnership formed within the framework of the Belt and Road Initiative and based on the «hard interconnection» of infrastructure and the «soft interconnection» of rules and standards. This article, using soft power theory as a framework, systematically traces the three-stage evolution of China's policy toward North Africa, revealing the internal and external drivers of this shift. The study demonstrates that China's soft power practices in North Africa are shifting from a unilateral model of material incentives, «economic aid for support,» to an institutionally open model of «soft rules-based interconnection.» This transformation is both a response to the changing development aspirations of North African countries and a strategic move by China to strengthen its influence in reforming the global governance system. Through «rules-based» means such as the establishment of multilateral mechanisms, the harmonization of standards, cooperation on productive capacity, and capacity building, China is attempting to build a new paradigm for more sustainable and effective soft power projection.

Keywords: China-North African relations; soft power; aid-for-support; soft rules nexus; institutional change.

References

1. Aras, B., & Al-Khulaifi, K. A. (2025). Unpacking Non-Western Aid: Decoding China and Qatar's Distinct Approaches in the Middle East and North Africa. Sage Journals.
2. Altin, H. (2022). A Genuine Blend of Statecrafts: China's Smart Power Strategy in the MENA Region. Sage Journals. https://doi.org/10.1177/00438200221107398
3. China's Expanding Footprint in the Maghreb. (2025). Middle East Council Issue Brief.
4. China's Expanding Influence in the Middle East and North Africa. (2025). The Institute for Peace and Diplomacy.
5. China's Growing Engagements with Africa: Challenges and Prospects. (2025). Zenodo.
6. Morocco and China Sign Deal to Launch Strategic Dialogue Mechanism. (2025). Hespress.
7. The Bilateral Relations of China with North African Countries: Beyond the Framework of Soft Power Policy. (2025). RODIN.
8. The Evolving Dynamics of China's Middle East and North Africa Strategy: Future Scenarios. (2025). Strategic Study India.
9. The Winner Takes It All?: Innovations of China's Soft Power Strategies. (2024). Yonsei Journal of International Studies.
10. Silk Roads and Subtle Blows: China's 'Soft Power' Influence in the Middle East and North Africa. (2025). Springer.
11. China and North Africa: History, Economic Engagement and Soft Power. In Routledge Handbook. (2021). Taylor & Francis.
12. The Influence of China's Global Soft Power Strategy on Its Relations with African Nations. (2025). EconPapers.
13. What to Expect from Africa-China Relations in 2026. (2026). Africa Center.
14. Africa's Evolving Debt Dynamics with China: Assessing Infrastructure Investment Opportunities and Sustainability. (2026). AInvest.
15. Sino-Moroccan Ties Show Ongoing Dynamic Over the Years. (2025). Diplomatie.ma.
16. The EU Is Gaining Influence in Eastern Europe, but Losing Ground to China in North Africa and Turkey. (2025). Vienna Institute for International Economics.
17. Beijing Is Making Inroads in North Africa. (2024). Atlantic Council.
18. Building a Shared Future: How FOCAC Is Forging a Deeper China-Africa Partnership. (2025). china.org.cn.
19. China's Aid to Algeria Rewrites the Development Map of North Africa. (2026). Seetao.
20. Africa-China Linkages: Building Deeper and Broader Connections. (2025). IMF.
21. 阮思诺，毛小菁. (2021). 国际社会对非洲援助特点与变化及中国应对. 中国国际发展研究网络.
22. 李立凡. (2025). 从万隆到阿斯塔纳：中国外交重塑»全球南方»新秩序. 上海国际问题研究院.
23. 王毅. (2024). 高举习近平外交思想光辉旗帜 开创中国特色大国外交新局面. 中国外交年度回顾.
24. 龙小农. (2016). 从»兄弟»到»命运共同体»：中国对非话语的建构与演进. 中国传媒大学.
25. 青平. (2024). 统筹深化三大»联通»，积极共建»一带一路». 中国青年网.
26. 中国国际发展合作署. (2025). 2025年第二季度例行记者会全文稿.
27. 中非合作论坛. (2025). 北京峰会后续行动落实成果清单. 外交部.
28. 商务部. (2024). 商务部驳»非洲债务陷阱论»：中非双边债务仅占非洲外债总额11%. 证券时报.
29. 王毅. (2025). 就推动中非合作高质量发展提出中方五点倡议. 中国社会科学院西亚非洲研究所.
30. 中国–阿拉伯国家合作论坛. (2024). 第十届部长级会议《北京宣言》和《行动执行计划》
31. Akharov, V. (2025). Expert: Russia and China's actions in Africa complement each other. Sputnik.
32. Matvienko, V. (2023). Russia and China can jointly help African countries develop their economies. Sputnik.
33. China's «Soft Power» Policy: «One Belt One Road» Initiative and Egypt. First Phase of Abd al Fattah al Sisi's Presidency. (2024). Yerevan State University.

Карта знаний исследований мягкой силы Китая (2016–2026): анализ на основе CiteSpace

Люй Вэньюй,
аспирантка кафедры публичной политики и истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042255220@rudn.ru

В последнее десятилетие изучение мягкой силы Китая требует систематического обзора исследовательских горячих точек и передовых направлений. С помощью CiteSpace проведён кластерный анализ совместной встречаемости ключевых слов и анализ всплесков 606 статей из базы SSCI (Web of Science) за 2016–2026 гг. Выявлены пять основных кластеров знаний: международная коммуникация и нарративы; ресурсы мягкой силы и стратегическая проекция; восприятие образа Китая; нарративы крупных событий и идентичность; экономическая политика и стратегическое уравновешивание в конкуренции великих держав. Анализ всплесков показал трёхэтапную эволюцию: от Институтов Конфуция и культурных символов – через региональное расширение и поворот к аудитории – к иностранной помощи, нарративной конкуренции, инновациям и Юго-Восточной Азии.

Ключевые слова: мягкая сила Китая, китайско-американская конкуренция, Институты Конфуция, Пояс и путь, CiteSpace.

Введение

В последние десять лет научные дискуссии о мягкой силе Китая остаются интенсивными, однако их фокус постоянно меняется. Анализ изменений исследовательских горячих точек и передовых направлений представляется особенно необходимым. Цель данного исследования – выявить ядро структуры знаний в области мягкой силы Китая в период 2016–2026 гг. и определить динамику развития её исследовательского фронта.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: с помощью кластерного анализа ключевых слов определить основные тематические блоки данной области, раскрыть их содержательное наполнение и в сочетании с анализом всплесков изучить передовые темы, возникающие в определённые периоды, обобщить этапы и особенности их эволюции. Объектом исследования выступает литература, связанная с мягкой силой Китая за период с 2016 по 2026 г., а предметом является тематика и передовые направления исследований мягкой силы Китая.

В качестве методологической основы исследования использовалось программное обеспечение CiteSpace (версия 6.4.R1) для анализа карт знаний, что позволило преобразовать отношения цитирования и совместной встречаемости между единицами литературы и единицами знания в измеримые и пространственно организованные сетевые структуры. После импорта данных временной срез был установлен в 1 год, тип узла выбран «Keyword», запущена сеть совместной встречаемости, сгенерированы автоматические кластерные метки и карта всплесков.

Источником данных послужила база Social Sciences Citation Index (SSCI) из Web of Science Core Collection. Дата поиска: 6 мая 2026 г. Стратегия поиска: тема должна содержать одновременно «soft power» и «China», тип документа ограничен «Article», временной диапазон охватывает период с 2016 по 2026 г. В результате было отобрано 606 статей, которые составили эмпирическую основу исследования.

Научная новизна заключается в системном применении метода картографирования знаний CiteSpace к области исследований мягкой силы Китая, что позволило раскрыть ядро структуры знаний и траекторию развития передового фронта данной области.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно предоставляет российским учёным систематизированную «карту знаний» о международных исследованиях мягкой силы Китая, построенную на базе ядерной англоязычной литературы. Теоретическая значимость исследования заключается в системном применении наукометрического инструмента CiteSpace к изучению мягкой силы Китая, предлагая анализ академического дискурса о мягкой силе, опирающийся на эмпирические данные.

Кластерный анализ ключевых слов

После запуска кластеризации сети совместной встречаемости в CiteSpace с использованием алгоритма логарифмического отношения правдоподобия (LLR) было получено 11 основных кластеров. Силуэтные значения (Silhouette) всех кластеров превышают 0,6. После исключения кластеров слишком малого размера или явно отклоняющихся по тематике (#4, #5, #6, #7, #8, #10) основное внимание было сосредоточено на пяти ключевых кластерах, каждому из которых присвоено название, синтезирующее тематические метки, сгенерированные алгоритмом LLR[1]. и наиболее цитируемых представителей(Таблица 1). При углублённой интерпретации каждого кластера мы следовали принципу, согласно которому основное внимание уделяется цитирующим документам с высоким охватом, с перекрёстной проверкой при помощи высокочастотных совместно цитируемых узлов. Хотя кластеры, предоставленные CiteSpace, статистически значимы, цитирующие их документы внутри кластера могут различаться по тематической релевантности. Поэтому анализ сосредоточен на ядерных работах с наибольшей связностью и тематической репрезентативностью в каждом кластере, чтобы наиболее эффективно выделить его знаниевое ядро.

[1] LLR-метка – это «имя», автоматически генерируемое CiteSpace для каждого кластера при кластерном анализе ключевых слов.

Таблица 1. Ключевые кластеры исследований мягкой силы Китая

Идентификатор кластера	Название	Размер	Силуэт	Средний год	Наиболее цитируемые члены
#0	Международная коммуникация и нарративы	68	0,674	2018	public diplomacy, media, coverage, chinese media
#1	Ресурсы мягкой силы и стратегическая проекция	48	0,712	2020	rise, confucius institutes, cultural diplomacy, belt and road initiative, africa
#2	Восприятие образа Китая	44	0,620	2022	foreign policy, public opinion, united states, impact, trade
#3	Нарративы крупных событий и конструирование идентичности	35	0,865	2021	politics, identity, strategy, soft balancing, nationalism
#9	Экономическая политика и стратегическое уравновешивание в конкуренции великих держав	19	0,847	2022	future, foreign aid, states, america, us-china competition

Кластер #0 «Международная коммуникация и нарративы», крупнейший по размеру, в среднем относится к 2018 г. и представляет собой наиболее фундаментальную тему данной области. Анализ цитирующих документов кластера показывает, что Вонг (Wong, 2025) на примере стратегических нарративов «инцидента с воздушным шаром» между США и Китаем в 2023 г. раскрывает роль стратегических нарративов в интерпретации стратегического взаимодействия в международной политической коммуникации [12]. У (Wu, 2019) исследует стратегию Китая по повышению национального статуса и имиджа с помощью «ориентированной вовне» интернационализации высшего образования, рассматривая три основных измерения: культурную дипломатию на основе китайско-зарубежного сотрудничества в сфере высшего образования (например, проекты Институтов Конфуция), международную помощь в целях развития в сфере высшего образования и привлечение иностранных студентов на уровень высшего образования [13].

Кроме того, Манор (Manor, 2026) утверждает, что парадигма мягкой силы больше не может объяснить, как государства достигают внешнеполитических целей. В мире гигантов роль норм и ценностей вытесняется общими интересами и общими угрозами, в то время как государства с противоположными идеалами объединяются для обеспечения своих интересов, подвергая тем самым парадигму мягкой силы радикальной критике и представляя рефлексивные голоса внутри кластера[9]. Приведённые работы показывают, что исследователи сосредоточены на том, как Китай с помощью медийной коммуникации и стратегических нарративов формирует зарубежный образ и мягкую силу, при этом присутствует также рефлексия и критика традиционной парадигмы мягкой силы.

Кластер #1 «Ресурсы мягкой силы и стратегическая проекция» является вторым по величине в данной области, включает 48 статей, силуэт 0,712 указывает на высокую внутреннюю однородность и надёжность результатов. Средний год цитирования – 2020, что говорит об особой активности соответствующих исследований в последние годы. Наиболее цитируемые представители – rise, confucius institutes, cultural diplomacy, belt and road initiative и africa, они в основном анализируют, как Китай формирует и проецирует свою мягкую силу через диверсифицированные непринудительные ресурсы.

Исходя из анализа основных цитирующих документов, знаниевую основу кластера можно понимать на трёх уровнях. Во-первых, институционализированные культурно-образовательные ресурсы образуют базовый инструментарий мягкой силы. Люцю (Luqiu, 2019) и др. глубоко исследуют Институты Конфуция в американских университетах как механизм проникновения мягкой силы и выдвигают предположения о причинах столь высокой успешности этой китайской инициативы в области «мягкой силы» [8]. Чжу (Zhu, 2023, 2025) анализирует китайские программы высшего образования в Камбодже (включая языковую подготовку, помощь в развитии образования, студенческую мобильность и сотрудничество между учебными заведениями/программами) и выделяет четыре новых ресурса мягкой силы Китая: привлекательность современной жизни, научно-технический прогресс, репутация STEM-образования (наука, технологии, инженерия и математика) и модель экономического развития. В работе также отмечается, что инициатива «Один пояс, один путь» будет стимулировать расширение влияния китайской модели развития в Юго-Восточной Азии[16, 17].

Во-вторых, стратегические нарративы и геополитическая проекция составляют механизмы распространения мягкой силы. Чжоу (Zhou, 2018) анализирует усилия Китая по укреплению многостороннего сотрудничества в евразийском пространстве через инициативу «Один пояс, один путь» и стоящие за этим множественные стратегические соображения [15].

Ян (Yang, 2020) полагает, что публичная дипломатия Китая не только рассказывает историю Китая и доносит голос Китая до мира, но и несёт ответственность за повышение легитимности государства как на международном, так и на внутреннем уровне; анализирует освещение Институтов Конфуция и имиджевых видеороликов Китая ведущими СМИ Китая и США, оценивая, как эти проекты влияют на восприятие Китая и китайского правительства общественностью [14].

В-третьих, кластер затрагивает теоретическую рефлексию самого концепта мягкой силы. Хагстрём (Hagström, 2020) критикует бинарную концептуализацию мягкой/жёсткой силы, утверждая, что она дискурсивно конструируется вместе с конструированием «Своего» и «Другого» и для него, и показывает, как две формы власти переплетаются в китайско-японском территориальном споре [2].

Кластер #2 «Восприятие образа Китая» (44 статей, силуэт 0,62, средний год цитирования 2022) концентрируется на передовой теме: как под влиянием переплетения экономических связей и геополитической конкуренции формируется, укрепляется или искажается отношение зарубежной общественности к Китаю. Кластер переносит взгляд на сторону аудитории и с помощью кросс-национальных сравнений и эмпирических методов проверяет дивиденды общественного мнения от китайской экономической дипломатии.

Во-первых, исследования кластера бросают вызов традиционной предпосылке о том, что экономическая взаимозависимость автоматически порождает благожелательность. Хухэ (Huhe, 2021) обнаружил, что торговые связи не повышают автоматически образ Китая, опровергая линейную презумпцию «торговля – значит благосклонность» [5]. Айхенауэр и др. (Eichenauer et al., 2021) проверили влияние экспорта, помощи и инвестиций на образ Китая среди граждан стран Латинской Америки, показав, что экономическое участие Китая, по-видимому, усиливает поляризацию взглядов населения на Китай [1].

Во-вторых, исследователи с помощью методологических и теоретических инноваций начинают анализировать глубинные механизмы формирования общественного мнения. Химельбойм и др. (Himelboim et al., 2025), используя методы вычислительной коммуникативистики для анализа данных латиноамериканских социальных сетей, установили, что чем больше китайские инвестиции в Латинской Америке, тем больше негативных обсуждений Китая в Твиттере, причём между разными фреймами наблюдаются значительные различия, что ставит под сомнение идею о том, что одни лишь финансовые вложения способны улучшить образ страны [4]. Ку (Koo, 2026) с позиций социальной психологии анализирует механизмы формирования отношения южнокорейской общественности к Китаю [6]. Эти два исследования – на макроуровне данных и микроуровне психологии – предлагают механизменные объяснения указанного выше феномена «рассогласования».

Кластер #3 «Нарративы крупных событий и конструирование идентичности» включает 35 статей. Средний год цитирования – 2021, высокочастотные слова-маркеры: politics, identity, strategy, soft balancing, nationalism. Фокус исследований в высокой степени сконцентрирован на крупных событиях, олицетворяемых Олимпийскими играми. Хотя алгоритм CiteSpace присвоил этому кластеру LLR-метку «Олимпийские зимние игры», анализ цитирующих документов показывает, что внимание исследователей направлено на их использование как линзы для наблюдения за стратегией мягкой силы Китая. Ядерная публикация кластера – сравнительное исследование Ли (Lee, 2021). Сравнивая зимние Олимпийские игры в Сочи, Пхёнчхане и Пекине, работа выявляет важный феномен: проведение спортивных мегасобытий мирового масштаба стало ключевой ареной для не-западных городов и государств в осуществлении культурной дипломатии, переформатировании международного имиджа и демонстрации определённой модели развития [7].

Кластер #9 «Экономическая политика и стратегическое уравновешивание в конкуренции великих держав» включает 19 статей, силуэт достигает 0,847, что свидетельствует об отличной внутренней однородности. Средний год цитирования составляет 2022, а идентифицирующие слова включают future, foreign aid, states, america и us-china competition, что указывает на ключевую тему, а именно на то, как в рамках межгосударственных отношений стратегической конкуренции

инструменты экономической политики, такие как иностранная помощь, наделяются атрибутом геополитического соперничества и тем самым переформатируют будущее международного порядка. Состав цитирующих статей достаточно гетерогенен, поэтому требуется послойная интерпретация с фокусом на работы с высоким охватом.

На макротеоретическом уровне Хэ (He, 2025) проводит системное теоретическое исследование китайско-американской конкуренции в рамках теории международных отношений, показывая, что по сравнению с либерализмом и конструктивизмом реализм, особенно структурный реализм, более убедительно объясняет эскалацию американо-китайской конкуренции [3]. Борьба мягких сил между Китаем и США по сути является конкуренцией структурной власти.

На мезоуровне стратегий Виейра (Vieira, 2023) анализирует концепцию «диспозиционного уравновешивания» (dispositional balancing), с помощью которой государство-гегемон (США) отвечает на подъём восходящей державы (Китая), посылая сигналы существующим и потенциальным союзникам, демонстрируя способность соответствовать интересам соперника и тем самым сохраняя свои позиции и порядок [11].

На микроуровне инструментов Тан (Tan, 2021) в анализе китайской диаспоры и транснациональных сетей рассматривает три измерения политики: гражданство, привлечение высококвалифицированных кадров и мягкая сила, и обнаруживает, что подход Китая в области политики по работе с диаспорой, её развития, практик и результатов порождает мощное и далеко идущее влияние, пересекающее государственные границы [10]. Ключевой вклад данного кластера заключается в систематическом рассмотрении эффектов мягкой силы экономических инструментов в рамках всеобъемлющей парадигмы «конкуренции великих держав».

Эволюция исследовательских фронтов мягкой силы Китая

Анализ всплесков выявил 20 ключевых слов со значительным цитационным всплеском, временное распределение которых можно разделить на три этапа, ясно показывающие, как исследовательские горячие точки области перемещались от ранних институтов и символических носителей через региональную диффузию и поворот к аудитории к фокусировке на иностранной помощи, нарративной борьбе и региональных фронтах (рис. 1).

Top 20 Keywords with the Strongest Citation Bursts

Keywords	Year	Strength	Begin	End	2016 - 2026
confucius institutes	2016	2.57	2016	2018	
us	2016	2.42	2016	2017	
culture	2016	1.63	2016	2018	
africa	2016	1.81	2017	2019	
dream	2018	2.32	2018	2020	
confucius institute	2018	1.63	2018	2020	
security	2016	2.39	2019	2020	
south korea	2019	1.58	2019	2021	
city	2019	1.53	2019	2020	
east asia	2020	2.67	2020	2021	
east	2020	2.16	2020	2021	
identity	2020	1.94	2020	2022	
attitudes	2016	2.77	2021	2022	
history	2021	1.63	2021	2023	
foreign aid	2019	2.98	2023	2024	
narratives	2023	2.39	2023	2024	
coverage	2017	2.18	2023	2024	
innovation	2024	2.02	2024	2026	
opinion	2024	2.02	2024	2026	
southeast asia	2024	1.62	2024	2026	

Рис. 1. 20 ключевых слов с наиболее сильными всплесками цитирования

Первый этап охватывает период с 2016 по 2018 год и связан с Институтами Конфуция и макрокультурными символами. Этот этап отмечен началом всплесков «confucius institutes» (сила 2,57), «us» (2,42) и «culture» (1,63). Это показывает, что в ранний период центр тяжести исследований лежал в функциональной оценке Институтов Конфуция как ключевого инструмента мягкой силы Китая, а США были основным референсным полем дискуссий. Всплеск слова «culture» также отражает попытки академического сообщества того времени интерпретировать практику международного образа Китая в рамках «культурного распространения». Всплеск «dream» (2,32), вероятно, связан с исследованиями международной коммуникации нарратива «китайской мечты».

Второй этап, с 2019 по 2022 год, характеризуется региональной диффузией, вопросами безопасности и поворотом к аудитории. Всплески одновременно расширялись в географическом и тематическом измерениях. В географическом плане последовательно возникли всплески «africa» (1,81), «south korea» (1,58) и «east asia» (2,67), что означает значительное перетекание исследовательского поля из США в Африку и Восточную Азию. В тематическом плане всплеск «security» (2,39) указывает на то, что геополитическая безопасность начала встраиваться в дискуссию о мягкой силе, а появление «identity» (1,94) и «attitudes» (2,77, вторая по величине сила за весь период) ознаменовало глубокий поворот исследовательского ракурса от предложения политики к восприятию и конструированию идентичности на стороне аудитории.

Третий этап, с 2023 по 2026 год, отмечен иностранной помощью, дискурсивными нарративами и региональным фронтом. В этот период «foreign aid» с самой высокой силой за весь период (2,98) мощно вырвалась вперёд, тесно соседствуя с «narratives» (2,39) и «coverage» (2,18), формируя новый треугольник помощь, нарративы, медийное освещение и указывая на то, что область вступила в фазу детального анализа дискурсивной легитимности и медийных фреймов инструментов мягкой силы. Продолжающийся всплеск «history» (1,63) может намекать на то, что исторический нарратив включается в обсуждение ресурсов мягкой силы. Среди новейших всплесков «southeast asia» (1,62) и «innovation» (2,02) продолжаются вплоть до 2026 г., что свидетельствует о последовательном повышении геополитического приоритета Юго-Восточной Азии и о том, что новые носители мягкой силы, такие как цифровые инновации, становятся прорывными точками фронта. Всплеск «opinion» (2,02) ещё раз подтверждает устойчивый интерес к исследованиям аудиторного общественного мнения.

В целом, траектория всплесков в данной области демонстрирует тройной сдвиг, заключающийся в переходе от «экспорта инструментов» к «восприятию аудиторией», от «западноцентричности» к «Глобальному Югу» и от «жёсткого продвижения» к «нарративной конкуренции». Актуальный исследовательский фронт сходится к таким точкам пересечения, как дискурсивное конструирование иностранной помощи, региональные практики в Юго-Восточной Азии, механизмы общественного мнения аудитории и внедрение инновационных инструментов, что формирует потенциальные направления исследований на ближайшие годы.

Выводы

В структуре знаний области мягкой силы Китая сформировались пять ядерных кластерных блоков: международная коммуникация и нарративы (#0) фокусируются на том, как Китай с помощью медиа и нарративов формирует зарубежный образ, включая теоретическую рефлексию традиционной парадигмы мягкой силы; ресурсы мягкой силы и стратегическая проекция (#1) раскрывают роль Институтов Конфуция, высшего образования, инициативы «Один пояс, один путь» и других диверсифицированных ресурсов в построении мягкой силы; восприятие образа Китая (#2) систематически переводит исследовательский ракурс на сторону аудитории и с помощью кросс-национальных сравнений и эмпирических методов проверяет «дивиденды общественного мнения» от экономической дипломатии; нарративы крупных событий и конструирование идентичности (#3) на примере зимних Олимпийских игр раскрывают, как не-западные государства используют глобальные события для культурной дипломатии и нарративов идентичности; экономическая политика и стратегическое уравновешивание в конкуренции великих держав (#9) помещает такие инструменты, как иностранная помощь и финансовая дипломатия, в теоретические рамки структурной конкуренции за власть между Китаем и США для систематического анализа.

В эволюционной траектории анализ всплесков (Burst Analysis) выявил три этапа: на раннем этапе (2016–2018) ядром были Институты Конфуция и культурные символы; на среднем (2019–2022) произошло распространение на Африку и Восточную Азию и поворот к установкам аудитории и идентичности; в недавний период (2023–2026) передовыми фокусами стали иностранная помощь, нарративная конкуренция, региональные практики в Юго-Восточной Азии и инновационные инструменты.

В целом, исследования мягкой силы Китая переживают парадигмальный сдвиг от «проекционизма» к «рецепционизму» – центр тяжести смещается с того, «что сделал Китай», на то, «как аудитория воспринимает и принимает», методы движутся от макрополитических нарративов к эмпирическому анализу, а аналитические рамки – от одностороннего национального нарратива к структурной игре власти в условиях конкуренции великих держав.

Литература

1. Eichenauer, V. Z., Fuchs, A., & Brückner, L. (2021). The effects of trade, aid, and investment on China's image in Latin America. Journal of Comparative Economics, 49(2), 483–498. https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.08.005

2. Hagström, L., & Pan, C. (2020). Traversing the soft/hard power binary: The case of the Sino-Japanese territorial dispute. Review of International Studies, 46(1), 37–55. https://doi.org/10.1017/S0260210519000251

3. He, K., & Feng, H. (2025). International relations theory and US–China competition: A theoretical exploration. The British Journal of Politics and International Relations, 0(0). https://doi.org/10.1177/13691481251391643

4. Himelboim, I., Golan, G. J., Zhou, S., & Borah, P. (2025). Using computational methods to examine the framing of China in Latin America. Journal of Information Technology & Politics, 1–18. https://doi.org/10.1080/19331681.2025.2587119

5. Huhe, N., & Tang, M. (2021). Business is Business: How Does Trade Relationship Fail to Boost Image of China? Journal of Contemporary China, 30(129), 417–433. https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1827354

6. Koo, B. S. (2026). Social psychological explanations of democratic public's attitudes towards China, a non-democratic superpower: Evidence from South Korea. The British Journal of Politics and International Relations, 28(1), 277–305. https://doi.org/10.1177/13691481251324091

7. Lee, J. W. (2021). Olympic Winter Games in Non-Western Cities: State, Sport and Cultural Diplomacy in Sochi 2014, PyeongChang 2018 and Beijing 2022. The International Journal of the History of Sport, 38(13–14), 1494–1515. https://doi.org/10.1080/09523367.2021.1973441

8. Luqiu, L. R., & McCarthy, J. D. (2019). Confucius Institutes: The Successful Stealth "Soft Power" Penetration of American Universities. The Journal of Higher Education, 90(4), 620–643. https://doi.org/10.1080/00221546.2018.1541433

9. Manor, I., & Golan, G. (2026). Soft Power Is Bullshit! How Shared Interests, Not Values, Shape International Relations. American Behavioral Scientist, 0(0). https://doi.org/10.1177/00027642251407781

10. Tan, Y., Liu, X. and Rosser, A. (2021), Transnational linkages, power relations and the migration–development nexus: China and its diaspora. Asia Pac. Viewp., 62: 355–371. https://doi.org/10.1111/apv.12323

11. Vieira, V. G. R., Vadlamannati, K. C., & Li, Y. (2023). Dispositional balancing and hegemonic order: US response to China's financial statecraft. The Chinese Journal of International Politics, 16(1), 1–30. https://doi.org/10.1093/cjip/poac025

12. Wong, F. H. C., & Mulupi, D. (2025). Up in the air: A strategic narrative contest in the U.S. – China Balloon Incident 2023. International Communication Gazette, 87(5), 494–516. https://doi.org/10.1177/17480485241290361

13. Wu, H. Three dimensions of China's "outward-oriented" higher education internationalization. High Educ 77, 81–96 (2019). https://doi.org/10.1007/s10734–018–0262–1

14. Yang, Y. (2020). Looking inward: How does Chinese public diplomacy work at home? The British Journal of Politics and International Relations, 22(3), 369–386. https://doi.org/10.1177/1369148120917583

15. Zhou, W., & Esteban, M. (2018). Beyond Balancing: China's approach towards the Belt and Road Initiative. Journal of Contemporary China, 27, 487–501. https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1433476

16. Zhu, K., & Yang, R. (2025). Deciphering China's higher education outreach paradigm in Southeast Asia: Can a neo-tributary perspective work? Higher Education, 89, 1041–1060. https://doi.org/10.1007/s10734–024–01260–8

17. Zhu, K., & Yang, R. (2023). Emerging resources of China's soft power: A case study of Cambodian participants from Chinese higher education programs. Higher Education Policy, 36, 633–655. https://doi.org/10.1057/s41307–022–00278-w

A KNOWLEDGE MAP OF CHINA'S SOFT POWER RESEARCH (2016–2026): A CITESPACE-BASED ANALYSIS

Lu Wenyu

Law Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Over the past decade, the study of China's soft power has required a systematic review of research hotspots and cutting-edge areas. Using CiteSpace, we conducted a keyword co-occurrence cluster analysis and a keyword spike analysis of 606 articles from the SSCI (Web of Science) database for 2016–2026. Five key knowledge clusters were identified: international communication and narratives; soft power resources and strategic projection; perception of China's image; narratives of major events and identity; and economic policy and strategic balancing in great power competition. The spike analysis revealed a three-stage evolution: from Confucius Institutes and cultural symbols, through regional expansion and a pivot to audience engagement, to foreign aid, narrative competition, innovation, and Southeast Asia.

Keywords: China's soft power, Sino-US competition, Confucius Institutes, Belt and Road, CiteSpace.

References

1. Eichenauer, V. Z., Fuchs, A., & Brückner, L. (2021). The effects of trade, aid, and investment on China's image in Latin America. Journal of Comparative Economics, 49(2), 483–498. https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.08.005

2. Hagström, L., & Pan, C. (2020). Traversing the soft/hard power binary: The case of the Sino-Japanese territorial dispute. Review of International Studies, 46(1), 37–55. https://doi.org/10.1017/S0260210519000251

3. He, K., & Feng, H. (2025). International relations theory and US–China competition: A theoretical exploration. The British Journal of Politics and International Relations, 0(0). https://doi.org/10.1177/13691481251391643

4. Himelboim, I., Golan, G. J., Zhou, S., & Borah, P. (2025). Using computational methods to examine the framing of China in Latin America. Journal of Information Technology & Politics, 1–18. https://doi.org/10.1080/19331681.2025.2587119

5. Huhe, N., & Tang, M. (2021). Business is Business: How Does Trade Relationship Fail to Boost Image of China? Journal of Contemporary China, 30(129), 417–433. https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1827354

6. Koo, B. S. (2026). Social psychological explanations of democratic public's attitudes towards China, a non-democratic superpower: Evidence from South Korea. The British Journal of Politics and International Relations, 28(1), 277–305. https://doi.org/10.1177/13691481251324091

7. Lee, J. W. (2021). Olympic Winter Games in Non-Western Cities: State, Sport and Cultural Diplomacy in Sochi 2014, PyeongChang 2018 and Beijing 2022. The International Journal of the History of Sport, 38(13–14), 1494–1515. https://doi.org/10.1080/09523367.2021.1973441

8. Luqiu, L. R., & McCarthy, J. D. (2019). Confucius Institutes: The Successful Stealth "Soft Power" Penetration of American Universities. The Journal of Higher Education, 90(4), 620–643. https://doi.org/10.1080/00221546.2018.1541433

9. Manor, I., & Golan, G. (2026). Soft Power Is Bullshit! How Shared Interests, Not Values, Shape International Relations. American Behavioral Scientist, 0(0). https://doi.org/10.1177/00027642251407781

10. Tan, Y., Liu, X. and Rosser, A. (2021), Transnational linkages, power relations and the migration–development nexus: China and its diaspora. Asia Pac. Viewp., 62: 355–371. https://doi.org/10.1111/apv.12323

11. Vieira, V. G. R., Vadlamannati, K. C., & Li, Y. (2023). Dispositional balancing and hegemonic order: US response to China's financial statecraft. The Chinese Journal of International Politics, 16(1), 1–30. https://doi.org/10.1093/cjip/poac025

12. Wong, F. H. C., & Mulupi, D. (2025). Up in the air: A strategic narrative contest in the U.S. – China Balloon Incident 2023. International Communication Gazette, 87(5), 494–516. https://doi.org/10.1177/17480485241290361

13. Wu, H. Three dimensions of China's "outward-oriented" higher education internationalization. High Educ 77, 81–96 (2019). https://doi.org/10.1007/s10734–018–0262–1

14. Yang, Y. (2020). Looking inward: How does Chinese public diplomacy work at home? The British Journal of Politics and International Relations, 22(3), 369–386. https://doi.org/10.1177/1369148120917583

15. Zhou, W., & Esteban, M. (2018). Beyond Balancing: China's approach towards the Belt and Road Initiative. Journal of Contemporary China, 27, 487–501. https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1433476

16. Zhu, K., & Yang, R. (2025). Deciphering China's higher education outreach paradigm in Southeast Asia: Can a neo-tributary perspective work? Higher Education, 89, 1041–1060. https://doi.org/10.1007/s10734–024–01260–8

17. Zhu, K., & Yang, R. (2023). Emerging resources of China's soft power: A case study of Cambodian participants from Chinese higher education programs. Higher Education Policy, 36, 633–655. https://doi.org/10.1057/s41307–022–00278-w

Проблематика отношений Грузии и ЕС в первую декаду независимости. Зарождение планов европейской интеграции Грузии (1991–2003 гг.)

Макашов Алексей Игоревич,
студент магистратуры, Институт Евразийских и межрегиональных исследований, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: alex2002hoc@gmail.com

Данная статья посвящена анализу отношений Грузии и Европейского союза, а также политики европейской интеграции Грузии как их составной части в годы президентских полномочий З.К. Гамсахурдии и Э.А. Шеварднадзе. Автор рассматривает в работе эволюцию политического диалога Грузии и ЕС с 1991 по 2003 гг., а также его роль в грузино-российских отношениях. Исследователь изучает период от признания независимости Грузии государствами ЕС в 1991 г. и подписания Маастрихтских соглашений в 1992 г. вплоть до «Революции роз», случившейся в ноябре 2003 г. и приведшей к изменению политического режима в стране. В данный период Грузия подписала с ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве от 1996 г., определившее дальнейшие контуры их взаимоотношений. Автор отмечет, что в 1990-е гг. грузинское руководство заявило о принадлежности к прозападному курсу, получая от ЕС техническую и гуманитарную помощь, однако, в то же время, сохраняя продуктивное сотрудничество с Москвой.

Ключевые слова: евроинтеграция, Европейский союз, актор, Революция роз, конфликт, программа, диалог.

Введение

В определенно новых создавшихся условиях, ознаменовавших распад Советского Союза, государства Закавказья, только начинавшие осваивать концепцию суверенитета, были вынуждены искать альтернативную протекцию, отличную от прежней советской, а позднее российской. Эта ситуация касалась, в первую очередь, Грузии, которая стремилась выработать собственный независимый курс внешней политики, надеясь на признание и поддержку со стороны крупнейших западных структур[13].

С момента своего официального провозглашения независимости 9 апреля 1991 г. Грузия активно начала воспринимать западные ценности, в том числе либеральной демократии. Однако, унаследовав от советского прошлого определенные черты политической культуры, страна столкнулась с серьезными вызовами. В частности, в Грузии отсутствовали устоявшиеся демократические традиции в том виде, в каком они понимаются на Западе. Кроме того, страна испытывала недостаток квалифицированных политических кадров, способных профессионально заниматься вопросами внешней политики. Проблема усугублялась отсутствием плюрализма и конкурентоспособности среди различных общественных сил, что также негативно сказывалось на политической жизни страны. Финансовые ресурсы, необходимые для реализации внешнеполитических инициатив и программ, были крайне ограничены. Все эти факторы значительно подрывали усилия Грузии по созданию углубленного сотрудничества с Западом, который, в свою очередь, рассматривал Грузию как потенциального партнера в своем стремлении укрепить свое влияние в регионе[12].

Таким образом, Грузия оказалась в сложной ситуации, где внутренние проблемы и вызовы, связанные с формированием новой политической системы, пересекались с внешними факторами, такими как стремление коллективного Запада укрепить свои позиции на постсоветском пространстве. В этой борьбе за независимость и самоопределение Грузия искала пути для интеграции в европейские структуры, несмотря на все внутренние трудности и ограничения, с которыми ей приходилось сталкиваться.

В результате, Грузия оказалась в уникальной ситуации, когда, с одной стороны, она стремилась к интеграции в европейские и, шире – в западные структуры, а с другой – сталкивалась с внутренними вызовами, которые требовали значительных усилий и времени для преодоления. Эти обстоятельства определили дальнейший курс грузинской политики на протяжении многих лет, в то время как страна продолжала искать свое место в новом, стремительно изменившемся мире. Наряду с этим на фоне конфликтов в Абхазии и Южной Осетии Грузия искала политическую поддержку в лице европейских стран, чтобы осуществить давление на Россию, используя площадку западных институтов как альтернативу грузино-российскому диалогу. Грузия использовала это как аргумент для расширения взаимодействия с Западным сообществом, в том числе с Европейским союзом.

Актуальность

Исследование двусторонних отношений Грузии и ЕС с 1991 по 2003 гг., зарождения процесса интеграции Грузии в структуры Европейского союза актуально не только с точки зрения анализа внутренней ситуации в стране, но и в контексте глобальных процессов, происходящих в регионе Южного Кавказа и мировой политике в целом. Оно позволяет глубже понять тенденции современного мира и возможные сценарии дальнейшего развития политической ситуации. Данная проблематика также актуальна для понимания истоков проевропейского курса страны, формирования основ внешней политики после распада СССР, а также геополитического самоопределения в условиях влияния России.

Цель исследования: выявить основные тенденции и особенности как отношений ЕС и Грузии, так и евроинтеграционного процесса Грузии в период с 1991 по 2003 гг.

Задачи исследования: провести анализ динамики развития отношений ЕС и Грузии с 1991 по 2003 гг.; рассмотреть становление процесса евроинтеграции Грузии; выявить причины и предпосылки формирования внешнеполитического курса, ориентированного на интеграцию в евроатлантические структуры; определить механизмы, способ-

ствующие динамике двусторонних отношений ЕС и Грузии в указанный период.

Методы исследования

Автор статьи применил метод исторической компаративистики (сравнительный метод), помогающий выявить изменения в динамике сотрудничества, а также оценить, как исторические контексты и события влияли на формирование этих отношений.

Историко-правовой метод, в свою очередь, позволяет проанализировать, как страна стремится соответствовать нормативным критериям Европейского союза. Это включает в себя изучение изменений в законодательстве, правоприменительной практике и институциональных структурах, которые происходили в Грузии в ответ на требования и стандарты ЕС.

Историко-системный метод включает в себя анализ структуры и функций систем, а также их внутренних и внешних связей. В данном контексте выявляются различные социальные, экономические и политические факторы, взаимодействующие друг с другом и влияющие на динамику развития отношений Грузии и ЕС, а также евроинтеграционный процесс Грузии.

С помощью историко-типологического метода автор исследует типичные модели взаимодействия, которые могут быть применены как к Грузии, так и к другим странам, стремящимся к интеграции с Евросоюзом. Данный метод позволяет выявить общие тенденции и различия в подходах к сотрудничеству с ЕС, а также понять, какие факторы способствуют успешной интеграции.

Наконец, историко-генетический метод стремится выявить причины и факторы, которые влияют на эволюцию различных событий и процессов. В контексте Грузии автор раскрывает факторы, повлиявшие на выбор страны в пользу сближения с ЕС. Применяя историко-генетический метод, исследователи могут глубже понять, каким образом исторический контекст формирует современные политические и экономические стратегии Грузии.

Результаты: рассмотрены двусторонние отношения Грузии и ЕС за указанный период; исследовано начало процесса европейской интеграции Грузии; проанализировано становление прозападного курса Грузии в 1990-е гг.; оценена роль ЕС как внешнего актора в стабилизации и экономической модернизации страны после обретения независимости.

Выводы: проведен анализ динамики развития отношений ЕС и Грузии с 1991 по 2003 гг.; рассмотрено становление процесса евроинтеграции Грузии; выявлены причины и предпосылки формирования внешнеполитического курса, ориентированного на интеграцию в евроатлантические структуры; определены механизмы, способствующие динамике двусторонних отношений ЕС и Грузии в указанный период.

Практическая значимость исследования: практическая значимость заключается в том, что настоящая статья может служить научным источником для изучения проблематики как отношений Грузии и ЕС, так и евроинтеграционного процесса Грузии в начальный этап становления независимости. Кроме того, данное исследование может быть использовано для составления учебных пособий и проведения образовательного процесса.

В результате распада Советского Союза в 1991 г. Грузия смогла обрести независимость. Однако вскоре после этого исторического события страна столкнулась с серьезными внутренними проблемами, которые были вызваны как территориальными конфликтами, так и экономическим кризисом. После краха биполярной системы международных отношений, к которому привел распад Советского Союза, страны Запада, возглавляемые Соединенными Штатами, начали активно продвигать свои внешнеполитические и стратегические интересы, стремясь сократить сферы влияния России на постсоветском пространстве. Европейский Союз, как важный элемент коллективного Запада, не остался в стороне от этих процессов. Одним из ключевых направлений его внешней политики стало внимание к Южному Кавказу – региону, который оказался в центре геополитических интересов[12].

Первый президент Грузии, Звиад Гамсахурдия, на протяжении своего пребывания у власти осуществлял множество попыток установить дипломатические связи с различными западными государствами и структурами. Однако, несмотря на его усилия, крупные игроки на международной арене не спешили воспринимать Грузию как полноценного партнера в сфере международных отношений. Гамсахурдия так и не сумел выработать эффективную внешнюю политику, а также стратегию внутренней безопасности, что в значительной степени обусловило его неудачи на международной арене[19]. С одной стороны, он сосредоточил свои усилия на реализации утопического пан-кавказского проекта, который предполагал объединение всех стран Закавказья. С другой, он провозгласил курс на создание «этнически чистого» Грузинского государства, опираясь на идеологию шовинизма и ненависти к некартвельским национальностям. Это выразилось в лозунге «Грузия – для грузин», что, в свою очередь, противоречило идее грузинской прозападной идентичности, которую он ранее активно поддерживал[14].

После государственного переворота, произошедшего в январе 1992 г., президентская власть в Грузии перешла от Звиада Гамсахурдии к Эдуарду Шеварднадзе, который инициировал процесс переосмысления политического курса Грузии, призванного привести к стабилизации ситуации в стране.

В первые месяцы своей каденции Шеварднадзе сумел заморозить несколько конфликтов, которые на тот момент были актуальными для Грузии. Он также предпринял шаги для подавления попыток экс-президента Гамсахурдии вернуть себе власть, что способствовало укреплению его позиций. В отличие от своего предшественника, который открыто критиковал Россию, называя ее оккупантом и врагом, Шеварднадзе выбрал более дипломатичный и прагматичный подход. Он начал балансировать между интересами России и западных стран, что позволило ему проводить более гибкую внешнюю политику[19].

С начала 1990-х гг. Европейский союз начал все активнее позиционировать себя как медиатор в региональных конфликтах, особенно в контексте южнокавказской политики. Этот процесс, однако, развивался постепенно и основывался на так называемом ситуативном подходе, который можно охарактеризовать как выжидательную позицию[15]. Одним из значимых шагов в этом направлении стало присоединение Грузии к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) 24 марта 1992 г. В мае того же года Грузия подписала договор об обычных вооруженных силах в Европе. А уже в сентябре 1992 г. стала акционером Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Этот банк был создан с целью поддержки рыночной экономики и демократических процессов в регионе, и стал крупнейшим инвестором в экономику Грузии[16].

Одним из первых значимых шагов в направлении сотрудничества между Грузией и ЕС стала Программа технической помощи странам СНГ и Грузии, известная как «Action programmes for technical assistance to the CIS and Georgia» [9]. Основные цели этой программы заключались в двух направлениях. Во-первых, она стремилась развить навыки и повысить уровень знаний местного населения, что было необходимо для успешного проведения экономических реформ. Это осуществлялось путем предоставления рекомендаций правительству и обмена опытом с другими странами. Во-вторых, программа нацеливалась на создание благоприятных условий для привлечения частных инвестиций и развития предпринимательства в Грузии. Она сыграла значительную роль в содействии переходу стран, находящихся на постсоветском пространстве, к рыночной экономике[7].

Другим значимым документом, который регламентировал отношения между двумя сторонами, стал «Договор о партнерстве и сотрудничестве», подписанный в 1992 г.[1]. Этот договор был заключен со всеми странами – бывшими республиками СССР, что подчеркивает первоначальное недоверие ЕС к Грузии как к потенциальному близкому партнеру. Кроме того, соглашение носило в основном экономический и технический характер, что также ограничивало его влияние на развитие двухсторонних отношений.

Следующим шагом в сотрудничестве между Европейским союзом и Грузией стала программа, подписанная в 1995 г., известная как «Всеобщая система преференций в пользу развивающихся стран», или ВСП (Generalized System of PReferences, GSP)[3]. Это сотрудничество позволило грузинским производителям выходить на международные рынки и улучшать свои позиции в условиях глобальной конкуренции. Основными целями данной программы являлись внедрение преференций в торговле для стран с развивающейся экономикой. Эти преференции должны были сыграть ключевую роль в стимулировании экономического роста и подъема в этих странах. Программа основывалась на концепции беспошлинной торговли или торговли с минимальными доплатами по ряду товаров.

В следующем году было подписано соглашение, направленное на углубление двустороннего сотрудничества между Грузией и Европейским союзом – Договор о партнерстве и сотрудничестве (EU-Georgia Partnership and Cooperation Agreement, PCA), который также начал действовать в 1999 г.[2].

В 1995 г. Грузия сделала важный шаг в направлении проевропейских экономических реформ, начав следовать рекомендациям таких международных организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд. Эти рекомендации были направлены на обеспечение

финансовой поддержки бюджета страны в условиях переходного периода. Полученные кредиты использовались для реализации мер, которые были частью правительственной программы, нацеленной на достижение макроэкономической стабильности, а также на улучшение функционирования валютного рынка в Грузии[13].

Тем не менее, активное и тесное сотрудничество между Грузией и Европейским союзом началось только в 1996 г. с подписанием «Договора о партнерстве и сотрудничестве между Грузией и Европейским союзом» от 22 апреля 1996 г.[11]. Этот документ стал основополагающим в установлении политического диалога между двумя сторонами, особенно в области экономических сношений. Основной целью данного соглашения было создание платформы для обсуждения ключевых направлений политики, где экономическая сфера занимала центральное место. Договор обозначал основные принципы сотрудничества в таких областях, как социальная политика, экономика, финансы, технологии и нормативно-правовое регулирование. Это сотрудничество должно было поспособствовать окончательному переходу Грузии, как постсоветской страны, к государству с развивающейся рыночной экономикой[8].

С 1996 г. Грузия также стала участником программы ЕС «INOGATE», которая представляла собой международное сотрудничество в области энергетики между Европейским союзом и государствами Черноморского и Каспийского регионов. Эта программа была направлена на поддержку транспортировки нефти и газа, что имело большое значение для энергетической безопасности как Грузии, так и других стран региона[20].

Параллельно активному сотрудничеству с Европейским союзом Грузия с приходом Э.А. Шеварднадзе выстраивала более прагматичный курс на конструктивные добрососедские отношения с Россией. Однако, несмотря на видимое улучшение отношений между двумя государствами, этот период также продемонстрировал рост антироссийских настроений в грузинском обществе. В это время Эдуард Шеварднадзе начал активно поддерживать усилия по сближению страны с европейскими институтами. Он сам описывал это стремление как «мечту, к которой грузинский народ стремился на протяжении веков» [21].

Уход Грузии из российской сферы влияния и смещение политического акцента в сторону Запада также способствовали созданию организации ГУАМ в 1997 г.[17]. Официальными целями данной организации были провозглашены утверждение демократических ценностей, защита прав человека и верховенство закона в регионах стран-участниц ГУАМ. Организация возникла как альтернатива Содружеству Независимых Государств (СНГ), которое, в свою очередь, ориентировалось на сближение с Россией и другими постсоветскими государствами. Создание ГУАМ стало ответом на необходимость формирования альтернативы россиецентричным проектам, которые к концу 1990-х гг. уже начали терять свою актуальность.

27 апреля 1999 г. Грузия стала 41-м членом Совета Европы, что подтвердило её стремление к соблюдению международных стандартов в области прав человека, демократического развития и культурного взаимодействия. Это событие стало определяющим на пути к интеграции в европейское сообщество и продемонстрировало приверженность Грузии к европейским ценностям[5]. Примечательно, как депутат парламента Грузии Зураб Жвания выразил свою позицию по данному вопросу, заявив: «Я грузин, следовательно, я европеец» [10], что подчеркивало идентификационный вектор страны и ее политических элит с европейскими идеалами.

В том же апреле 1999 г. Грузия вышла из Договора о коллективной безопасности стран – участниц СНГ[18]. Это решение было обусловлено тем, что грузинское руководство считало данный документ не соответствующим реалиям и вызовам, с которыми сталкивалось государство в тот период. Ожидания грузинской стороны относительно решения проблемы с Абхазией также не оправдались, и ситуация в этом регионе оставалась напряженной. Кроме того, в 1999 г. обрел юридическую силу «Договор о партнерстве и сотрудничестве» между Грузией и Европейским союзом, который определил основные контуры взаимодействия Грузии и ЕС на ближайшее десятилетие[5].

К концу 1990-х гг. Грузия четко определила свою внешнеполитическую ориентацию, сделав акцент на западные европейские и евроатлантические структуры. В начале 2000-х гг. отношение ЕС к Грузии и региону Южного Кавказа в целом претерпело значительные изменения. Европейский союз, осознав важность этого стратегически расположенного региона, решил усилить свое присутствие, назначив специального представителя в Южном Кавказе. Основной его задачей стало содействие в разрешении замороженных конфликтов и обеспечение общей стабильности в регионе[16].

Множество экспертов утверждают, что внешняя политика Грузии в 1990-х гг. в значительной степени отражала внутренние ценности и стремления грузинской политической элиты, которая искала возможность имплементировать западные модели управления в своей стране. Самоидентификация Грузии как неотъемлемой части западной цивилизации сыграла ключевую роль в формировании её внешнеполитического курса. Это стремление к интеграции с «глобальным Западом» было не только политическим выбором, но и отражением глубинного желания грузинского народа и его элит стать частью более широкой евроатлантической общности[7].

Настоящие изменения в направлении евроинтеграции начались после т.н. Революции роз, произошедшей в ноябре 2003 г. Эти события стали поворотными для всего политического курса Грузии.

Заключение

Подводя итог, автор пришел к выводу, что период с 1991 по 2003 гг. стал этапом закладывания основ и формирования правового фундамента для отношений Грузии и Европейского союза. Основным итогом этого периода стал геополитический выбор Грузии в пользу преимущественно европейской интеграции и создание первых механизмов политического сотрудничества, финансовой и технической помощи.

Несмотря на политическую нестабильность, экономический кризис, конфликты в Южной Осетии и Абхазии, а также то, что первоначально ЕС не уделял значительного внимания к региону Закавказья, сосредоточив свои усилия на других приоритетных направлениях, тем не менее, Грузия получила определенную помощь в рамках гуманитарных программ и инициатив по трансформации ее экономики как постсоветской страны в государство с развивающейся рыночной экономикой.

Евроинтеграция Грузии в 1991–2003 гг. характеризовалась декларативным стремлением к Западу при сохраняющейся политической и экономической зависимости от России, глубоким внутренним кризисом и слабыми институциональными связями с ЕС, которые только начинали формироваться. Данный период показал относительную неэффективность попыток балансировать между Россией и коллективным Западом и завершился осознанием важности радикальных реформ внутри грузинского общества, что привело к «Революции Роз» и смене внешнеполитического вектора в рамках по-прежнему сохранявшегося преобладания евроинтеграционных процессов.

Литература

1. Delcour L. Meandering Europeanisation. EU policy instruments and policy convergence in Georgia under the Eastern Partnership // East European Politics. 2013. Vol. 2, no 1. P. 344–357.

2. EUROPEAN UNION GENERAL SYSTEM OF PReferences: Enhancing Georgian Exports Diversifying Georgian Foreign Trade, Boris Eisenbaum, 2007 [Электронный ресурс] URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/delegations/georgia/documents/eu_georgia/gsp_en.pdf (дата обращения: 29.12.2025).

3. General Schemes of Preference for Georgia, Free trade Zone [Электронный ресурс] URL: https://www.freetradezone.ge/general-schemes-of-preference-for-georgi (дата обращения: 28.12.2025).

4. Georgia – Consilium [Электронный ресурс] URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/georgia/ (дата обращения: 07.01.2026).

5. Georgia – Member state – Portal [Электронный ресурс] URL: https://www.coe.int/en/web/portal/georgia%D0%B (дата обращения: 06.01.2026).

6. Georgia's Foreign Policy Impasse IS CONSENSUS CRUMBLING? George Khelashvili, Tbilisi State University 2011 [Электронный ресурс] URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_187.pdf (дата обращения: 22.12.2025).

7. Jones Stephen F. Georgia: a political history since independence. – I.B. Tauris, 2013. P.400.

8. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part, 22 April 1996 [Электронный ресурс] URL: https://mfa.gov.ge/getattachment/%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%A0%E1%83%9D%E1%83%9E%E1%83%A3%E1%83%9A%E1%83%98-%E1%83%93%E1%83%90-%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%A0%E1%83%9D-%E] (дата обращения: 29.12.2025).

9. TACIS action programmes for technical assistance to the CIS and Georgia, European Commission [Электронный ресурс] URL: https://cordis.europa.eu/article/id/1266-tacis-action-programmes-for-technical-assistance-to-the-cis-and-georgia(дата обращения: 27.12.2025).

10. «I am Georgian, and therefore I am European» – Zurab Zhvania's historic speech at the European Council, 2013, Georgian Journal [Электронный ресурс] URL: https://www.georgianjournal.ge/politics/25618-i-am-georgian-and-therefore-i-am-european – zurab-

zhvanias-historic-speech-at-the-european-council.html (дата обращения: 06.01.2026).

11. «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Грузией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны» / 22.04.1996 [Электронный ресурс] URL: https://base.garant.ru/2567416/ (дата обращения: 28.12.2025).

12. Бахтуридзе З.З. Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве. Диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук. – СПб., 2016. – С. 22.

13. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2001. – С. 63–64.

14. Гамсахурдиа: «Наш путь – путь гражданской войны» <> Zilaxar – Nacion talæn [Электронный ресурс] URL: https://zilaxar.com/gamsaxurdiya-nash-put-put-grazhdanskoj-vojny/%D0%B (дата обращения: 22.12.2025).

15. Гваришвили Г.Л. Грузия и Европа: Развитие связей грузинского государства с европейскими странами и международными организациями. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. – М., 1999. – С. 94–95.

16. Дарчиашвили Д., Патарая Т. Возвращение в Европу? Некоторые аспекты ориентации системы безопасности Грузии // Центральная Азия и Кавказ, № 1, 2001. С. 27.

17. О ГУАМ, Organization for Democracy and Economic Development-GUAM [Электронный ресурс] URL: https://guam-organization.org/en/about-the-organization-for-democracy-and-economic-development-guam/ (дата обращения: 30.12.2025).

18. Организация Договора о коллективной безопасности (справка) – Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1710399/%D0%B (дата обращения: 06.01.2026).

19. Прибыловский В.В., Сучкова И.Л. Руководители государств на территории бывшего СССР: биографический справочник. – М., 1999. – С. 134–135.

20. ПРОГРАММА ИНОГЕЙТ [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1684822/%D0%B (дата обращения: 30.12.2025).

21. Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес: Встречи и воспоминания. – М.: Изд-во «Европа», 2009. – С. 136.

PROBLEMS OF RELATIONS BETWEEN GEORGIA AND THE EU IN THE FIRST DECADE OF INDEPENDENCE. THE EMERGENCE OF PLANS FOR GEORGIA'S EUROPEAN INTEGRATION (1991–2003)

Makashov A.I.
Russian State University for the Humanities

This article analyzes the relations between Georgia and the European Union, as well as Georgia's European integration policy as an integral part of them during the presidential terms of Z.K. Gamsakhurdia and E.A. Shevardnadze. The author examines the evolution of the political dialogue between Georgia and the EU from 1991 to 2003, as well as its role in Georgian-Russian relations. The researcher examines the period from the recognition of Georgia's independence by the EU states in 1991 and the signing of the Maastricht Accords in 1992 up to the Rose Revolution, which took place in November 2003 and led to a change in the political regime in the country. During this period, Georgia signed the 1996 Partnership and Cooperation Agreement with the EU, which determined the further contours of their relations. The author notes that in the 1990s The Georgian leadership has declared its commitment to a pro-Western course, receiving technical and humanitarian assistance from the EU while simultaneously maintaining productive cooperation with Moscow.

Keywords: European integration, European Union, actor, Rose Revolution, conflict, program, dialogue.

References

1. Delcour L. Meandering Europeanisation. EU policy instruments and policy convergence in Georgia under the Eastern Partnership // East European Politics. 2013. Vol. 2, no 1. P. 344–357.

2. EUROPEAN UNION GENERAL SYSTEM OF PReferences: Enhancing Georgian Exports, Diversifying Georgian Foreign Trade, Boris Eisenbaum, 2007 [Electronic resource] URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/delegations/georgia/documents/eu_georgia/gsp_en.pdf (accessed: 29.12.2025).

3. General Schemes of Preference for Georgia, Free Trade Zone [Electronic resource] URL: https://www.freetradezone.ge/general-schemes-of-preference-for-georgi (accessed: 28.12.2025).

4. Georgia – Consilium [Electronic resource] URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/georgia/ (date of access: 07.01.2026).

5. Georgia – Member state – Portal [Electronic resource] URL: https://www.coe.int/en/web/portal/georgia%D0%B (date of access: 06.01.2026).

6. Georgia's Foreign Policy Impasse IS CONSENSUS CRUMBLING? George Khelashvili, Tbilisi State University 2011 [Electronic resource] URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_187.pdf (date of access: 22.12.2025).

7. Jones Stephen F. Georgia: a political history since independence. – I.B. Tauris, 2013. P.400.

8. Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part, 22 April 1996 [Electronic resource] URL: https://mfa.gov.ge/getattachment/%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%A0%E1%83%9D%E1%83%9E%E1%83%A3%E1%83%9A%E1%83%98-%E1%83%93%E1%83%90-%E1%83%94%E1%83%95%E1%83%A0%E1%83%9D-%E] (date of access: 29.12.2025).

9. TACIS action programs for technical assistance to the CIS and Georgia, European Commission [Electronic resource] URL: https://cordis.europa.eu/article/id/1266-tacis-action-programmes-for-technical-assistance-to-the-cis-and-georgia (date of access: 27.12.2025).

10. "I am Georgian, and therefore I am European" – Zurab Zhvania's historic speech at the European Council, 2013, Georgian Journal [Electronic resource] URL: https://www.georgianjournal.ge/politics/25618-i-am-georgian-and-therefore-i-am-european – zurab-zhvanias-historic-speech-at-the-european-council.html (date of access: 06.01.2026).

11. "Partnership and Cooperation Agreement between Georgia, on the one hand, and the European Communities and their Member States, on the other hand" / 22.04.1996 [Electronic resource] URL: https://base.garant.ru/2567416/ (date of access: 28.12.2025).

12. Bakhturidze Z.Z. Foreign Policy of Georgia in the Context of the Development of International Relations in the Post-Soviet Space. Dissertation for the degree of Doctor of Political Science. – St. Petersburg, 2016. – P. 22.

13. Gadzhiev K.S. Geopolitics of the Caucasus. – Moscow: International Relations, 2001. – P. 63–64.

14. Gamsakhurdia: "Our Path is the Path of Civil War" <> Zilaxar – Nacion talæn [Electronic resource] URL: https://zilaxar.com/gamsaxurdiya-nash-put-put-grazhdanskoj-vojny/%D0%B (date of access: 22.12.2025).

15. Gvarishvili G.L. Georgia and Europe: Development of Relations of the Georgian State with European Countries and International Organizations. Dissertation for the Degree of Candidate of Political Sciences. – Moscow, 1999. – Pp. 94–95.

16. Darchiashvili D., Pataraya T. Return to Europe? Some Aspects of the Orientation of the Georgian Security System // Central Asia and the Caucasus, No. 1, 2001. P. 27.

17. About GUAM, Organization for Democracy and Economic Development-GUAM [Electronic resource] URL: https://guam-organization.org/en/about-the-organization-for-democracy-and-economic-development-guam/ (date of access: 30.12.2025).

18. Collective Security Treaty Organization (reference) – Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Electronic resource] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1710399/%D0%B (date of access: 06.01.2026).

19. Pribylovsky V.V., Suchkova I.L. Heads of state on the territory of the former USSR: a biographical handbook. – Moscow, 1999. – P. 134–135.

20. INOGATE PROGRAM [Electronic resource] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1684822/%D0%B (date of access: 12/30/2025).

21. Shevardnadze E.A. When the Iron Curtain Collapsed: Meetings and Memories. – M.: Publishing House "Europa", 2009. – P. 136.

Военно-политические кампании США в Афганистане и Ираке: от антитеррористической операции к трансформации режимов

Петров Алексей Алексеевич,
аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет"
E-mail: worldhistory795@gmail.com

Актуальность исследования определяется глубоким кризисом западных моделей вмешательства во внутренние дела суверенных государств. На фоне формирования полицентричного мира очень важно переосмыслить опыт использования военной силы как инструмента социальной инженерии. Цель в данной статье – проанализировать эволюцию внешнеполитической стратегии США в Афганистане и Ираке на рубеже XX–XXI веков, проследив ее трансформацию от точечной борьбы с терроризмом к масштабным проектам по конструированию государственных институтов. В академическом дискурсе до сих пор сохраняется противоречие между оценкой тактической эффективности американской армии и ее стратегическим политическим поражением. Автор разрешает этот парадокс, обосновывая, что механический перенос либерально-демократических стандартов в общества с сильными традиционными, этноконфессиональными и племенными связями обречен на провал. В результате сделан вывод о том, что игнорирование местной специфики и приоритет идеологии над прагматикой ведут к хронической нестабильности реформируемых политических режимов. Авторский вклад выразился в систематизации ошибок государственного строительства в зонах конфликтов. Излагаемые материалы представляют интерес для специалистов в области международных отношений, конфликтологов, экспертов по безопасности, сотрудников аналитических структур, которые занимаются внешнеполитическим планированием.

Ключевые слова: афганская кампания, внешняя политика США, война, государственное строительство, международные конфликты, политическая трансформация, смена режимов

Введение

В современной системе международных отношений проблема военного вмешательства с целью политической трансформации государств занимает одно из центральных мест. После окончания Холодной войны Соединенные Штаты Америки утвердились в статусе единственной сверхдержавы. И это что породило иллюзию всемогущества их «военной машины» и применимости западных политических моделей к любым обществам.

По сути, события 11 сентября 2001 года стали не рядовым триггером для начала Глобальной войны с терроризмом, а концептуальным рубежом, который изменил парадигму применения вооруженных сил США за рубежом. Изначально заявленные цели ограничивались ликвидацией инфраструктуры «Аль-Каиды» и отстранением от власти движения «Талибан» в Афганистане. Тем не менее, как представляется, логика конфликта вкупе с превалированием неоконсервативной идеологии в администрации Дж. Буша-младшего привели к серьезному расширению задач.

Вследствие этого отметим, что классическая антитеррористическая операция быстро эволюционировала в амбициозный проект по насильственной смене политических систем. Как отмечает I. Parmar, в основе этого сдвига лежала теория демократического мира, согласно которой демократии не воюют друг с другом и не поддерживают международный терроризм [12]. Следовательно, трансформация авторитарных режимов Ближнего Востока и Центральной Азии рассматривалась как ультимативный инструмент обеспечения национальной безопасности США. Впрочем, попытки имплементации этой теоретической конструкции на практике столкнулись с суровыми реалиями социально-экономической, конфессиональной, этнической раздробленности местных обществ.

Вмешательство в Афганистане в 2001 году и последующее вторжение в Ирак в 2003 году продемонстрировали пределы возможностей внешнего актора по конструированию госинститутов «с нуля». На основании отмеченного подчеркнем, что исследование эволюции этих двух кампаний помогает высветить фундаментальные противоречия между военными методами достижения целей и политической природой процесса государственного строительства. Мощь способна сокрушить регулярную армию противника. Однако она оказывается малоэффективной при формировании легитимной власти. Асимметрия очевидна. В данной статье будет рассмотрено, как происходило видоизменение стратегии США в Афганистане и Ираке; проанализированы ключевые ошибки в планировании и реализации политических преобразований. Помимо этого, сформулированы рекомендации для будущих подходов к урегулированию конфликтов.

Материалы и методы

Исследование эволюции военно-политических кампаний США в Афганистане и Ираке требует многомерного анализа, что предопределило обращение современных авторов к комплексу методологических подходов.

Так, геополитический и стратегический ракурсы рассмотрения выступают в качестве «стержня» в трудах А.А. Сушенцова [7], Г.В. Грызлова, Ф.А. Киричко [3], Ю.Ю. Комляковой [4], которые деконструируют логику «малых войн», дилеммы вывода войск, роль центральноазиатского региона в обеспечении логистики операции «Несокрушимая свобода».

Институционально-правовой и исторический подходы задействованы И.С. Ложниковым [5], К.А. Белоусовой [2], М.Г. Аллахкулиевым [1] с целью анализа мандатов ООН, предвоенного статуса Ирака, идеологии правящей партии «Баас».

В свою очередь, Х.М. Салман [6], M. Cengiz, K. Karademir, H. Cinoglu [10] задействуют социально-политический и конфликтологический методы для того, чтобы оценить последствия смены режимов, в частности, радикализацию исламистских группировок и всплеск шиитского активизма.

Отдельным блоком выделяется политико-экономический анализ, который представлен отчетами Исследовательской службы Конгресса США [9], статистикой проекта Costs of War [8, 11], критическим разбором теории демократического мира I. Parmar [12], где оценивает-

ся финансовое бремя нациестроительства и приватизация военных функций.

Репрезентативность указанной выше выборки продиктована ее способностью проиллюстрировать фундаментальный сдвиг в американской внешней политике (от триумфальных антитеррористических интервенций начала 2000-х гг. к затяжному кризису государственного строительства и вынужденной эвакуации, что фиксируется в новейших исследованиях 2025–2026 гг.). Центральное концептуальное противоречие в изученном источниковом массиве кроется в оценке легитимности и результативности кампаний.

Для формирования теоретико-доказательной базы в статье применялся историко-политический метод. Он помог проследить эволюцию целей США от разгрома «Аль-Каиды» (организация признана террористической и запрещена в РФ) до свержения режимов Саддама Хусейна и талибов (движение признано террористическим и запрещено в РФ); системный анализ, который обеспечил рассмотрение войн не как изолированных операций, а как звеньев единой глобальной стратегии гегемонии, вскрыв причинно-следственные связи между военным вмешательством и ростом региональной нестабильности. Также задействован статистико-экономический метод (позволил верифицировать масштабы кризиса через призму затрат на содержание контингентов и частных военных подрядчиков).

Результаты и обсуждение

Операция «Несокрушимая свобода», начатая в октябре 2001 года, задумывалась как стремительная карательная акция [4]. В отличие от предыдущих подходов, ставка делалась на высокоточное оружие, поддержку с воздуха, использование местных союзников в лице «Северного альянса». Первоначальный военный успех был достигнут поразительно быстро. Режим талибов пал. Вместе с тем, именно в этот момент Вашингтон столкнулся с концептуальным вакуумом: что делать с разрушенной страной дальше?

Видимо, администрация США недооценила масштаб предстоящей задачи. В соответствии с Боннским соглашением 2001 г. был запущен процесс формирования нового демократического правительства, которое опирается на западные институциональные стандарты [5]. Между тем, Афганистан исторически представлял собой конгломерат племен и этнических групп, где центральная власть всегда была номинальной; она зависела от консенсуса региональных лидеров. Попытка навязать сверхцентрализованную президентскую республику (по Конституции 2004 года) в условиях полного отсутствия работающей экономики и гражданского общества привела к формированию глубоко коррумпированной и неэффективной политической системы. В монографии А. Сушенцова справедливо отмечается, что базовые цели кампании (имеется в виду создание легитимного режима) так и не были достигнуты, невзирая на тактические военные успехи [7].

В дополнение к обозначенному выше, смещение фокуса американского руководства на Ирак в 2003 году привело к отвлечению критически значимых ресурсов. Это позволило «Талибану» перегруппироваться в Пакистане и развернуть полномасштабную партизанскую войну. В сопоставлении с более ранними подходами, когда США опирались на ограниченный контингент, к 2010 году численность войск коалиции превысила 100 тысяч человек [8, 9, 11]. Ресурсы сгорали стремительно. Тем не менее, военное превосходство не конвертировалось в политическую стабильность.

Вторжение в Ирак в 2003 году (операция «Иракская свобода») базировалось на совершенно иных предпосылках. Если в Афганистане США реагировали на свершившийся акт агрессии, то иракская кампания была превентивной войной, обоснованной (как выяснилось позже, ошибочно) наличием у Саддама Хусейна оружия массового поражения и его связями с террористами [2]. Примечательно, что именно в Ираке идея «демократизации Большого Ближнего Востока» проявилась наиболее отчетливо.

Однако решения, которые были приняты Временной коалиционной администрацией под руководством Пола Бремера, стали фатальными для судьбы Ирака. Два первых приказа (о радикальной дебаасизации (люстрации членов правящей партии Баас) и полном роспуске иракской армии и спецслужб) одномоментно лишили страну управленческого аппарата и вывели на улицу сотни тысяч вооруженных, обученных людей, оставшихся без средств к существованию [6]. В связи с этим отметим, что именно описываемые действия спровоцировали масштабное суннитское сопротивление. Институты были разрушены. Возникший силовой вакуум заполнили террористические группировки, включая ту, что впоследствии преобразовалась в ИГИЛ [10] (запрещена в РФ).

Показатели демонстрируют, как иракский фронт быстро поглотил львиную долю ресурсов, оставив афганское направление периферийным вплоть до прихода администрации Б. Обамы.

Для наглядности масштабов вовлеченности США в обоих регионах обратимся с помощью таблицы 1 к данным по численности контингентов и финансовым затратам.

Таблица 1. Сравнительная динамика военного присутствия и затрат США (2001–2011 гг.) (составлено на основе [8, 9, 11])

Показатель / Год	Численность войск США (тыс. чел.)		Совокупные оценочные военные расходы на обе кампании (млрд долл.)
	Афганистан	Ирак	
2001	~2.5	0	~20
2003	~10.0	~130.0	~76
2007	~25.0	~170.0	~171
2010	~98.0	~90.0	~206

Анализируя обе кампании, мы сталкиваемся с системной проблемой американской внешнеполитической мысли того периода. Разумно предположить, что ключевая ошибка проявилась в чрезмерной вере в универсальность либерально-демократической модели. Вашингтон пытался применять стандартизированные методы институционального строительства без глубокого учета местной специфики.

Так, в Ираке навязанная система квотирования власти по этноконфессиональному признаку (шииты, сунниты, курды) привела к параличу государственного управления, к укоренению трайбализма на высшем уровне. В Афганистане ставка на централизацию ввергла страну в перманентный кризис легитимности кабульского правительства.

В научных работах, посвященных стратегии США, отмечается, что тактические и стратегические цели военного характера не имеют смысла без адекватного представления о достижимых политических параметрах [3, 7]. Мощь США блестяще справлялась с задачами уничтожения противника. Однако она не была предназначена для функций полицейского надзора и администрирования.

Сравнение в таблице 2 кейсов по ключевым индикаторам предоставляет возможность детальнее понять природу неудач.

Таблица 2. Индикаторы политической трансформации в Афганистане и Ираке (на момент пика кампаний) (составлено автором)

Критерий	Кампания	
	В Афганистане	В Ираке
Тип предшествующего политического строя	Религиозный радикализм, отсутствие формальных гос. институтов	Жесткий светский авторитаризм, мощный бюрократический аппарат
Стратегия США по отношению к элитам	Попытка кооптации полевых командиров в легальное поле	Полная люстрация (дебаасизация), отчуждение суннитского меньшинства
Главный фактор внутренней дестабилизации	Традиционный уклад, изолированная география, внешние базы боевиков	Межконфессиональный конфликт, влияние соседних региональных держав
Итог политического конструирования	Полный крах Республики и возвращение талибов (2021 г.)	Хрупкая фрагментированная полития с высоким уровнем нестабильности

Сравнительный анализ показывает, что, невзирая на различные исходные условия, результат оказался концептуально схожим: ни в одной из стран не удалось сформировать устойчивый, самодостаточный демократический режим, который способен выжить без внешней силовой и финансовой подпитки.

Для дальнейшего развития теории управления международными конфликтами и оптимизации внешнеполитического планирования ниже предлагаются авторские рекомендации (рис. 1).

Далее следует рассмотреть предлагаемые шаги более подробно. Так, проблема заключалась в том, что внешние акторы пытались строить демократию, игнорируя базовые потребности безопасности. Новизна рекомендуемого подхода состоит в смещении фокуса с создания формальных демократических процедур (выборов, конституций западного образца) на обеспечение базовых функций государства: безопасности, правопорядка, минимальных социальных благ, даже если это требует опоры на традиционные, не вполне демократические местные институты (советы старейшин, племенные союзы). В итоге нивелируется проблема отторжения навязанных институтов местным населением.

Военные стратегии начала XXI века опирались на сугубо количественные метрики (число уничтоженных боевиков, зачищенные терри-

тории и т.д.). Целесообразным видится внедрить обязательный этап оценки социально-политических последствий любых силовых действий через призму местной антропологии. Это поможет избежать катастроф, подобных «дебаасизации» в Ираке, когда политическое решение принималось без учета того, что большинство членов партии Баас состояли в ней лишь ради сохранения работы, а не по идеологическим убеждениям.

Рис. 1. Рекомендации по оптимизации внешнеполитического вмешательства (составлено автором)

США пытались достичь политических результатов в темпе военных операций. Разумным представляется формальное разделение кинетической фазы конфликта и фазы политического строительства, с пониманием того, что трансформация общества требует поколений, а не месяцев. Если внешняя сила не готова к 50-летнему присутствию, задача перестраивания режима должна быть снята с повестки еще на этапе планирования кампании.

Заключение

Военно-политические кампании Соединенных Штатов Америки в Афганистане и Ираке стали масштабным историческим экспериментом, который высветил пределы применимости жесткой силы для решения сложных политических задач. Трансформация изначально узкоспециализированных антитеррористических операций в глобальные проекты по изменению режимов привела к стратегическому перенапряжению ресурсов Вашингтона.

Попытки механического переноса западных либерально-демократических институтов на почву традиционных, фрагментированных обществ Ближнего Востока и Центральной Азии оказались несостоятельными. Вследствие этого подытожим, что игнорирование местной специфики, культурного контекста, исторического опыта привело либо к полному коллапсу созданных институтов, как это наглядно продемонстрировал вывод американских войск из Кабула в 2021 году, либо к формированию хронически нестабильных систем, как в случае с иракским государством.

Полученные в статье результаты имеют важное значение для современной теории международных отношений и конфликтологии. Они показывают, что снос авторитарного режима военной силой не ведет автоматически к зарождению демократии; чаще всего результатом становится вакуум власти, который заполняется радикальными элементами.

Опыт Афганистана и Ирака служит суровым предостережением для любых глобальных игроков: военная победа бессмысленна, если она не подкреплена глубоким, эмпатичным пониманием социальной «ткани» побежденного общества. Искусство современной геополитики должно заключаться не в умении разрушать старые режимы, а в способности трезво оценивать границы собственного влияния.

Литература

1. Аллахкулиев М.Г. Особенности политической концепции партии «Баас» // Власть. – 2013. – № . 11. – С. 106–109.

2. Белоусова К.А. Политика США в Ираке в 1990-х – начале 2000-х гг. последнее десятилетие «недемократического» Ирака // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № . 6. – С. 93–108.

3. Грызлов Г.В., Киричко Ф.А. Вывести нельзя оставить: проблема ухода США из Афганистана и Ирака // Международные отношения. – 2025. – № 4. – С. 1–14.

4. Комлякова Ю.Ю. Роль государств Центральной Азии в осуществлении Соединенными Штатами операции «Несокрушимая свобода» в период правления Дж. Буша-мл // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2025. – Т. 31. – № . 3. – С. 36–44.

5. Ложников И.С. Резолюция 1386 (2001) Совета Безопасности ООН: создание международных сил содействия безопасности в Афганистане // Московский журнал международного права. – 2004. – № . 4. – С. 36–44.

6. Салман Х.М. Американская оккупация Ирака и проблема шиитского активизма // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № . 2. – С. 265–271.

7. Сушенцов А.А. Малые войны США: политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 272 с.

8. Университет Брауна: затраты США на войну в Афганистане составили 2,3 триллиона долларов // URL: https://www.golosameriki.com/a/cost-of-war-in-afghanistan-estimated-at-2–3-trillion/6084766.html (дата обращения: 14.05.2026).

9. Щегловин Ю.Б. Доклад Исследовательской службы Конгресса США о частных подрядчиках Министерства обороны в Афганистане и Ираке // URL: https://www.iimes.ru/?p=77462 (дата обращения: 14.05.2026).

10. Cengiz M., Karademir K., Cinoglu H. The ISIS model and its influence over global terrorism // European Scientific Journal. – 2022. – Т. 18. – № . 7. – С. 14–35.

11. Costs of War // URL: https://costsofwar.watson.brown.edu/ (дата обращения: 14.05.2026).

12. Parmar I. The «knowledge politics» of democratic peace theory // International Politics. – 2013. – Т. 50. – № . 2. – С. 231–256.

US MILITARY AND POLITICAL CAMPAIGNS IN AFGHANISTAN AND IRAQ: FROM ANTI-TERRORIST OPERATIONS TO REGIME TRANSFORMATION

Petrov A.A.
Kuban State University

The relevance of the study is determined by the deep crisis of Western models of interference in the internal affairs of sovereign states. Against the background of the formation of a polycentric world, it is very important to rethink the experience of using military force as a tool of social engineering. The purpose of this article is to analyze the evolution of the US foreign policy strategy in Afghanistan and Iraq at the turn of the XX–XXI centuries, tracing its transformation from a targeted fight against terrorism to large-scale projects for the construction of state institutions. There is still a contradiction in academic discourse between the assessment of the tactical effectiveness of the American army and its strategic political defeat. The author resolves this paradox by arguing that the mechanical transfer of liberal democratic standards to societies with strong traditional, ethno-confessional and tribal ties is doomed to failure. As a result, it is concluded that ignoring local specifics and prioritizing ideology over pragmatics lead to chronic instability of reformed political regimes. The author's contribution was expressed in the systematization of the mistakes of state building in conflict zones. The materials presented are of interest to specialists in the field of international relations, conflict analysts, security experts, and employees of analytical structures involved in foreign policy planning.

Keywords: Afghan campaign, US foreign policy, war, nation-building, international conflicts, political transformation, regime change

References

1. Allahkuliev M.G. Features of the political concept of the Baath party // Vlast. – 2013. – No. 11. – Pp. 106–109.

2. Belousova K.A. US policy in Iraq in the 1990s – early 2000s: the last decade of "undemocratic" Iraq // Genesis: Historical Research. – 2023. – No. 6. – Pp. 93–108.

3. Gryzlov G.V., Kirichko F.A. To withdraw or to stay: the problem of the US departure from Afghanistan and Iraq // International Relations. – 2025. – No. 4. – Pp. 1–14.

4. Komlyakova Yu.Yu. The role of Central Asian states in the implementation of Operation Enduring Freedom by the United States during the George W. Bush administration // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. – 2025. – Vol. 31. – No. 3. – Pp. 36–44.

5. Lozhnikov I.S. UN Security Council Resolution 1386 (2001): creation of the International Security Assistance Force in Afghanistan // Moscow Journal of International Law. – 2004. – No. 4. – Pp. 36–44.

6. Salman H.M. American occupation of Iraq and the problem of Shiite activism // Humanitarian and Legal Research. – 2023. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 265–271.

7. Sushentsov A.A. Small wars of the USA: US political strategy in conflicts in Afghanistan and Iraq in the 2000–2010s. – Moscow: Aspect Press, 2014. – 272 p.

8. Brown University: US costs for the war in Afghanistan amounted to 2.3 trillion dollars // URL: https://www.golosameriki.com/a/cost-of-war-in-afghanistan-estimated-at-2–3-trillion/6084766.html (date of access: 14.05.2026).

9. Shcheglovin Yu.B. Report of the US Congressional Research Service on private Department of Defense contractors in Afghanistan and Iraq // URL: https://www.iimes.ru/?p=77462 (date of access: 14.05.2026).

10. Cengiz M., Karademir K., Cinoglu H. The ISIS model and its influence over global terrorism // European Scientific Journal. – 2022. – Vol. 18. – No. 7. – Pp. 14–35.

11. Costs of War // URL: https://costsofwar.watson.brown.edu/ (date of access: 14.05.2026).

12. Parmar I. The "knowledge politics" of democratic peace theory // International Politics. – 2013. – Vol. 50. – No. 2. – Pp. 231–256.

Нелегальная миграция как фактор трансформации политического ландшафта Великобритании: стратегии пяти премьер-министров (2010–2024)

Савосина Юлия Вячеславовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
E-mail: yulya-savosina@yandex.ru

Анисимов Роман Сергеевич,
студент, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
E-mail: nisemovroman@yandex.ru

Статья посвящена анализу эволюции миграционной политики Великобритании в 2010–2024 гг. и ее влиянию на трансформацию политического ландшафта страны. На основе официальных статистических данных Управления национальной статистики (ONS) за 2023–2025 гг., оценок Pew Research Center (2025 г.) и решений британских судов авторы рассматривают стратегии пяти премьер-министров консерваторов – от Дэвида Кэмерона до Риши Сунака. Как свидетельствует анализ, все попытки нарастить жесткость миграционного контроля оборачивались прямо противоположными последствиями. Особое внимание уделяется феномену «Волны Бориса» – рекордному росту чистой миграции после Brexit, достигшей 728–745 тыс. человек в год. Авторы приходят к выводу, что главной причиной провалов стало игнорирование властями структурной потребности британской экономики в дешевой рабочей силе. Неспособность консерваторов и лейбористов предложить эффективное решение привела к резкому росту популярности партии Reform UK (25% в опросах марта 2026 г.), требующей выхода из Конвенции о беженцах 1951 года и юрисдикции ЕСПЧ.

Ключевые слова: нелегальная миграция, Великобритания, миграционная политика, консерваторы, премьер-министры (Б. Джонсон, Р. Сунак), Brexit, Найджел Фарадж, Reform UK.

Введение

Нелегальная миграция в Великобритании – феномен, уходящий корнями в постимперское устройство государства и его послевоенные обязательства, однако в последние годы это явление стало угрожать сложившейся правовой и политической системе. В начале 2010-х годов споры велись в основном вокруг количественных целевых показателей – удастся ли снизить миграционный поток до «десятков тысяч». К середине 2020-х годов суть проблемы изменилась: на первый план вышел не столько рост числа прибывающих, сколько кризис доверия к государственным институтам, демонстрирующим неспособность выработать эффективные и гуманные решения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления данного системного кризиса. Опираясь на свежие данные Управления национальной статистики (ONS) и оценки исследовательского центра Pew Research Center (2025 г.), авторы дают характеристику масштабам нелегальной миграции и анализируют трансформацию подходов к ее преодолению. Обещание «вернуть контроль над границами», ставшее ключевым лозунгом консерваторов после Брексита, на деле вылилось в «волну Бориса», что обусловило резкий скачок чистой миграции до рекордных значений, причем основной приток шел уже не из стран ЕС, а из других регионов мира. Сегодня происходит фундаментальный пересмотр прежнего понимания права на убежище. Лондон де-факто вступил в конфликтную фазу отношений с ЕСПЧ, что создает серьезную угрозу для всей европейской архитектуры защиты прав человека. Особую научную проблему представляет собой сам факт того, что Великобритания – страна с многовековыми традициями верховенства права – постепенно приходит к идее денонсации Конвенции о беженцах 1951 года. Партия Reform UK во главе с Н. Фараджем, требующая такого выхода, лидирует в опросах общественного мнения, поэтому анализ неудач предшествующих миграционных стратегий приобретает особое политическое значение.

Сегодня Британия стоит перед выбором миграционного курса. Понять сложившуюся ситуацию можно лишь через детальный разбора действий пяти консервативных премьеров (2010–2024 гг.). Анализ эволюции их подходов – от Кэмерона до Сунака – позволяет выявить истоки системных провалов и сделать обоснованный прогноз дальнейшего развития миграционной политики на фоне кризиса мультикультурализма и роста евроскептицизма.

Научная новизна

До настоящего момента в историографии доминировали работы, касающиеся либо отдельных сторон миграционного курса Великобритании, либо деятельности конкретных глав правительства. Настоящее исследование впервые осуществляет комплексный хронологический обзор стратегий всех пяти консерваторов на фоне институциональных и правовых вызовов. Показано, что решения каждого из премьеров обусловлены глубинными факторами – имперским наследием и неразрешенными правовыми конфликтами. Ключевой элемент – анализ «Волны Бориса»: обещание Джонсона «вернуть контроль» и балльная система привели к обратному эффекту – небывалому притоку мигрантов из Азии и Африки, что высветило реальную потребность экономики в низкооплачиваемой рабочей силе. Кроме того, в научный оборот впервые вводятся и критически оцениваются свежие данные ONS (2023–2025 гг.) и пересмотренные оценки Pew Research Center (2025 г.), позволяющие иначе взглянуть на масштаб явления и эффективность заградительных мер.

Практическая значимость исследования

Представленные в работе выводы и фактические данные могут быть применены для прогнозирования изменений миграционной обстановки. Обобщение причин, по которым потерпели неудачу инициативы Д. Кэмерона, Т. Мэй, Б. Джонсона и Р. Сунака, образует эмпирическую основу для разработки более взвешенных решений. Отдельно в работе показано, что усиление популярности Reform UK во главе с Фараджем трансформирует внутриполитическую конфигурацию и усиливает угрозу денонсации Лондоном Конвенции о беженцах, что повлечет за собой пересмотр взятых на себя международных обязательств. Это обстоятельство представляется важным для специалистов, занимающихся проблемами международного права и евроатлантической безопасности.

Материалы статьи могут найти применение при создании учебных курсов по миграционному законодательству и истории права зарубежных стран, а также в повседневной работе британских правозащитных организаций. Для российских учёных-международников настоящее исследование ценно тем, что оно раскрывает внутренние механизмы выработки политических решений в Великобритании, что в свою очередь способствует более точному прогнозированию двусторонних отношений.

Нелегальная миграция: масштаб проблемы

Нелегальная миграция обусловлена сочетанием «выталкивающих» (политическая нестабильность, насилие, экономические трудности) и «притягивающих» (права человека, экономические перспективы) факторов. Мигрантские сети распространяют информацию и прокладывают маршруты. Для просителей убежища решающее значение обычно имеют «выталкивающие» причины, тогда как выбор страны назначения часто определяют организаторы переправки. Потенциальные мигранты в целом осведомлены о рисках (смерть, насилие) и выгодах, однако из-за неопределённости и недостатка информации склонны преуменьшать опасности и преувеличивать свои шансы на получение убежища. Просители убежища особенно уязвимы: они почти не информированы о социальной поддержке и политической обстановке в стране назначения.

Число нелегалов в Великобритании оценивается приблизительно. В 2017 г. назывались сотни тысяч. Согласно пересмотренным данным Pew Research Center (2025 г.), речь идёт о 700–900 тыс. человек [4]. Управление Большого Лондона даёт оценку 674 тыс. (или 809 тыс. с учётом родившихся в стране детей мигрантов) [5]. Расхождения объясняются включением разных групп (просители убежища, дети). Все подсчеты основаны на остаточном методе, подвержены погрешностям и могут содержать ошибки, связанные с учетом легальных резидентов.

Согласно некоторым исследованиям, Великобритания занимает первое место в Европе по количеству нелегальных мигрантов [3]. Анализы по ЕС за 2008 и 2017 гг. также фиксировали, что в Британии этот показатель выше, чем в большинстве стран.

Резкий рост нелегальной миграции в Великобританию наблюдается через Ла-Манш на малых судах: около 175 тыс. случаев в 2020 – сентябре 2024 гг., 78% от общего числа нелегалов. Ужесточение контроля на других путях и развитие контрабанды сделали этот маршрут основным. С 2018 года 94% прибывших таким способом запрашивают убежище, и порядка 70% добиваются защиты [4; 5].

За год до июня 2025 года в Великобританию въехало 134,8 млн человек, из которых 56% – краткосрочные британские туристы. Выдано 2,2 млн гостевых виз, 852 тыс. рабочих и учебных виз, а с октября 2023 года – 13,4 млн разрешений ETA [5].

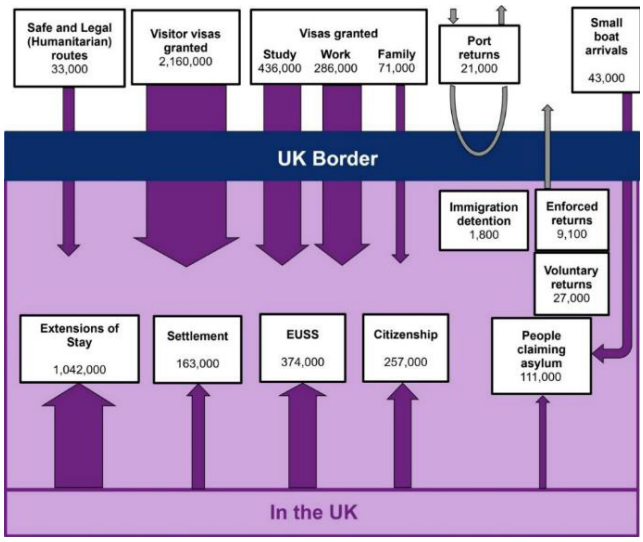


Рис. 1. Официальная сводка статистических данных о миграции (обновлено 20 октября 2025 г.).

Источник: Accredited official statistics. Summary of latest statistics [5]

Иммиграционный контроль и последствия отказов в убежище. За отчетный год под стражей находилось 22 тыс. человек (+14% по сравнению с предыдущим периодом). Этнический состав задержанных меняется: албанцы, преобладавшие с 2022 года, уступают место выходцам из Бразилии и Индии – прирост по каждой стране превысил 90% [4]. Принудительная депортация зафиксирована в 9100 случаях (+25% за четыре года); албанцы лидируют, но их количество снизилось на 9%. Ещё 5300 человек покинули страну добровольно (+16%) [4].

Отказ в убежище – важнейший канал пополнения нелегального сообщества. За 2010–2023 гг. отрицательные решения (с учетом апелляций) вынесены 166 тыс. соискателям. К июню 2024 года только 82 тыс. из них зафиксированы как выбывшие [5]. Значит, около 85 тыс. потенциально остались нелегально. Приведенное число – максимальная оценка, поскольку не все случаи выезда поддаются учету (например, при отсутствии штампа о въезде).

Первые попытки Дэвида Кэмерона

В 2010–2024 гг. пост премьера Великобритании последовательно занимали лидеры Консервативной партии: Дэвид Кэмерон (2010–2016), Тереза Мэй (2016–2019), Борис Джонсон (2019–2022), Лиз Трасс (2022) и Риши Сунак (2022–2024). Тема нелегальной миграции неизменно вызывала острые дискуссии и служила индикатором компетентности правительства. Обещания ужесточить контроль и уменьшить потоки разбивались о сложность реальной ситуации. Причины системных провалов требует выяснения через анализ действий каждого премьера.

В ответ на рост чистой миграции (данные 2014 г.) он инициировал комплекс мер по снижению привлекательности нелегальной занятости [6]. В их числе: конфискация доходов нелегалов полицией, обязательная сверка банковских счетов с базами данных, ускоренное выселение по решению местных властей.

Ключевым пунктом программы Кэмерона стало объявление нелегальной занятости уголовным преступлением. Правительство заявило: работать без документов и нанимать таких работников теперь слишком легко, поэтому последует радикальный шаг – изъятие зарплаты нелегалов как преступного дохода [6]. Предполагалось, что это лишит нелегальную иммиграцию экономической привлекательности. Однако измерить реальную эффективность этой меры не представлялось возможным – надежные статистические методики учета нелегалов отсутствовали, что делало любые выводы об успехе или неудаче весьма условными [7].

Практическая реализация мер Кэмерона и более поздних правительств натолкнулась на существенными проблемами [8]. Процедура депортации оказалась малопродуктивной: идентификация, документирование и логистика требуют больших расходов времени и денег [9]. К тому же процесс затягивается из-за нежелания некоторых стран принимать своих граждан обратно, и из-за судебных исков против депортации по гуманитарным основаниям.

Важную роль играет и устойчивый спрос на дешёвую рабочую силу в отраслях с кадровым дефицитом, который долго подпитывал нелегальную миграцию и сформировал теневой рынок труда, разрушить который впоследствии оказалось крайне сложно. Ограниченные ресурсы миграционных и пограничных структур дополнительно снижали эффективность борьбы.

Необходимо учитывать, что членство Великобритании в международных правовых договорах обязывало ее соблюдать стандарты обращения с мигрантами, что существенно ограничивало применение самых жестких мер. До Brexit свобода передвижения в ЕС облегчала легальный въезд, но многие затем оставались без документов, создавая неконтролируемый нелегальный компонент. Параллельно на увеличение потока лиц, ищущих убежища (в том числе нелегально), влияла мировая политическая нестабильность и непрекращающиеся региональные конфликты [10] (рис. 2).

Figure 1: Long-Term International Migration, UK, 2006 to 2016 (year ending June 2016)

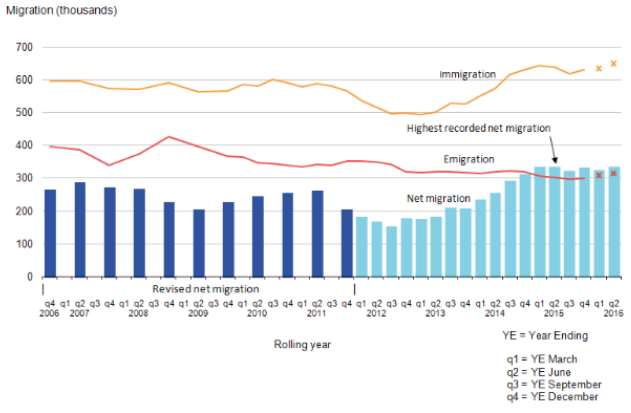


Рис. 2. Статистика миграции с 2006 по 2016 гг. в Великобритании

Источник: White N. Migration Statistics Quarterly Report: Dec 2016 [11]

Пребывание Дэвида Кэмерона на посту премьера сопровождалось устойчивым ростом миграционной статистики. Обещание 2010 г. снизить приток до 100 тыс. к 2015 г. оказалось невыполненным: в 2013 г. прибыло 182 тыс. [12]. В 2010–2014 гг. ежегодные показатели не превышали 300 тыс., но в 2015 г. взлетели до 320 тыс., достигнув квартального пика в 330 тыс. [11].

Таким образом, кабинету Кэмерона, несмотря на риторику ужесточения, не удалось сократить нелегальную миграцию. Сыграли свою роль и последствия кризиса 2008–2009 гг., и усилившаяся неприязнь к иммигрантам в обществе.

«Враждебная среда» Терезы Мэй

Политика «враждебной среды», инициированная Терезой Мэй в бытность её министром внутренних дел, а затем премьером (2016–2019), декларировалась как инструмент противодействия нелегальной иммиграции. Однако ожидаемого положительного эффекта она не принесла. Наоборот, её последствия оказались глубоко разрушительными, а самым ярким проявлением провала стал скандал «Виндраш» [13].

В основе политики лежала идея сделать пребывание в Британии для нелегальных мигрантов максимально дискомфортным, чтобы они уехали сами и не пытались вернуться. Инструменты: повышение требований к документам для доступа к жизненно важным услугам; ограничение медпомощи, жилищных программ, соцвыплат; создание атмосферы подозрительности и недоверия к приезжим.

Наиболее трагичным последствием политики «враждебной среды» стало то, что чрезмерно жесткие требования к документам, призванные бороться с нелегалами, обернулись против законных резидентов, утративших бумаги или не имевших их при въезде. Десятилетиями жившие в стране люди столкнулись с угрозой депортации, потерей работы, жилья и медицинского обслуживания. Сама Тереза Мэй впоследствии признала провал этой политики, что говорит о серьезных ошибках в государственном планировании.

Символом этого провала стал скандал «Виндраш», обнаживший неспособность МВД защитить права карибских мигрантов, прибывших в Британию в 1948–1973 гг. для послевоенного восстановления и имевших законное право на проживание согласно Акту 1948 года. Однако из-за того, что министерство утратило или уничтожило архивные записи (посадочные карточки), эти люди были объявлены «нелегалами», что привело к незаконным задержаниям, депортациям, отказу в базовых услугах. Жизни тех, кто считал Великобританию своим домом, были перечёркнуты.

В 2017 году отдельные инциденты, связанные с политикой «враждебной среды», начали появляться в прессе, постепенно привлекая внимание общества. Широкий общественный резонанс наступил в апреле 2018 года, после чего последовала отставка главы МВД Эмбер Радд. Разработанная в 2019 году компенсационная схема для пострадавших впоследствии подверглась критике со стороны правозащитников и самих жертв за низкую эффективность и медлительность выплат.

Среди негативных последствий данной политики – рост расовой дискриминации (прежде всего чернокожего и азиатского населения), ухудшение психического здоровья из-за угрозы депортации, потери работы и ощущения враждебности. Кроме того, Верховный суд Великобритании признал дискриминационной норму, обязывавшую арендодателей проверять иммиграционный статус жильцов, что привело к нежеланию сдавать жилье лицам, воспринимаемым как иммигранты, и тем самым обострило для них жилищный кризис.

Для предотвращения трагедий, вызванных политикой «враждебной среды», необходим комплекс мер: реформа иммиграционной политики (упрощение подтверждения статуса для давних резидентов); повышение информированности о правах уязвимых групп и усиление контроля над госорганами; компенсации и доступная юридическая помощь пострадавшим; системная борьба с расовой дискриминацией.

Ключевая цель Терезы Мэй (сокращение миграции) провалилась: чистая миграция за июнь 2018 – июнь 2019 г. – 226 тыс., что на 126 тыс. выше обещанного [14]. Принимавшиеся законы, в том числе о криминальных финансах, были нацелены на ограничение свободы передвижения и создание дискомфортной среды. Выход из ЕС также не состоялся.

Политика «враждебной среды» наглядно продемонстрировала, как стремление к сокращению нелегальной миграции может привести к неожиданным и разрушительным последствиям [13]. Скандал «Виндраш» вскрыл системные изъяны миграционной системы Великобритании: институциональную недальновидность, недостаток эмпатии, пренебрежение правами человека. Этот случай со всей очевидностью показывает необходимость коренных реформ для создания гуманной, справедливой и инклюзивной системы с безусловным приоритетом защиты прав всех жителей.

«Волна Бориса»

Миграционный курс Бориса Джонсона (2019–2022) определялся выходом Британии из ЕС. Главный лозунг – «вернуть контроль над границами» – предполагал отмену свободного передвижения для граждан ЕС и внедрение балльной системы отбора мигрантов, аналогичной австралийской [14]. Приоритет отдавался квалифицированным кадрам, востребованным экономикой, а не гражданам Евросоюза. В итоге миграция из ЕС сократилась.

Однако программа дала обратный эффект: чистая миграция достигла рекордных уровней. Этот феномен окрестили «Волной Бориса». Компенсацией спада из ЕС стал мощный приток, включая нелегальный, из стран Азии и Африки. Причинами стали новые правила балльной системы, открывшие въезд для высококвалифицированных специалистов, и острая потребность в заполнении вакансий, освободившихся после ухода европейской рабочей силы.

Несмотря на масштабные изменения, кабинет Джонсона так и не смог реализовать свои цели [15].

Brexit спровоцировал острую нехватку кадров в отраслях, ориентированных на дешёвую рабочую силу из стран ЕС (здравоохранение, сельское хозяйство, логистика). Результатом стал вынужденный приток трудовых мигрантов из третьих стран. Дополнительную нагрузку создали конфликт на Украине (программа «Homes for Ukraine») и политический кризис в Гонконге повысили число претендентов на убежище и проживание, усилив миграционное давление.

Наиболее очевидным провалом в деле «возвращения контроля над границами» стала неспособность остановить поток нелегалов на лодках через Ла-Манш [16]. Безуспешными остались и попытки наладить с Францией эффективное пограничное взаимодействие и возврат мигрантов [17]. Итогом стал рекордный показатель чистой миграции – 745 тыс. человек [15].

Следовательно, миграционная политика Б. Джонсона, несмотря на фундаментальные структурные сдвиги, изменившие источники легальной миграции, не смогла снизить общий приток из-за объективных потребностей экономики и внешних кризисов, а также не решила проблему нелегальной миграции.

Инициатива Риши Сунака по депортации в Руанду

С октября 2022 по июль 2024 года администрация Риши Сунака сделала решение проблемы нелегальной миграции через Ла-Манш (лозунг «Stop the Boats») главной задачей своей политики. Это отражало рост общественного недовольства и являлось основным обещанием консерваторов. Наиболее радикальным инструментом стал «план по Руанде» (Rwands Asylum Plan): соглашение с правительством этого африканского государства о депортации нелегальных мигрантов. Предполагалось, что перспектива депортации сделает маршрут через Ла-Манш экономически нецелесообразным и послужит сдерживающим фактором для потенциальных мигрантов.

Реализация плана оказалась заблокирована весомыми правовыми и этическими доводами. В ноябре 2023 г. Верховный суд Великобритании признал его незаконным, указав на реальную угрозу для депортируемых в Руанде: системные нарушения прав человека и риск принудительного возвращения в опасные страны – что противоречит обязательствам Лондона по Европейской конвенции [18]. Несмотря на это, кабинет Сунака предпринял попытку обойти вердикт, приняв Закон о безопасности Руанды, который декларировал страну безопасной вопреки мнению международных судов и экспертов. К юридическим и этическим проблемам добавились сомнения в эффективности: эксперты и благотворительные организации указывали, что сама по себе схема не работает как сдерживающий механизм. При этом план оказался крайне затратным: на раннем этапе Руанде было перечислено более 140 млн фунтов авансом, однако по данной схеме не был депортирован ни один человек.

Миграционную стратегию Р. Сунака отличало беспрецедентное, однако сугубо декларативное стремление к радикализму: столкнувшись с правовыми преградами и критикой извне, план депортации в Руанду так и остался нереализованным. По данным ONS, чистая миграция к июню 2024 г. составляла 728 тыс. человек, тогда как годом ранее (декабрь 2023 г.) – 685 тыс. [5]. Вопреки ожиданиям, ужесточение курса консерваторов не привело к значимому спаду: показатель снизился лишь на 20%, до 866 тыс. (цифра всё ещё беспрецедентна – до Brexit она держалась на уровне 300 тыс. в год). Д. Кэмерон ранее обещал опустить её ниже 100 тыс., но не смог. Основной прирост после выхода из ЕС обеспечил Б. Джонсон: его либеральная балльная система увеличила приток из стран, не входящих в ЕС, включая Гонконг

и Украину [19]. Нынешний лидер тори, К. Байденох пытается дистанцироваться от этого наследия, обвиняя бывших однопартийцев в превращении Brexit в «эксперимент по открытию границ» [20].

Реформисты на политической сцене

Общественное мнение всё чаще связывает преодоление системного кризиса и решение миграционного вопроса с партией Найджела Фараджа Reform UK. На парламентских выборах 4 июля 2024 года реформисты впервые завоевали 6 мест – значимый успех для политической силы, созданной лишь в 2018 году. Согласно опросам, Reform UK выходит на первое место по предпочтениям избирателей (25% против 17% у лейбористов) [21]. Фарадж рассматривается как фаворит премьерской гонки. По данным Daily Mail, при проведении выборов в ближайшее время реформаторы получили бы 445 мест в Палате общин, лейбористы – 73, либеральные демократы – 42 [22] (рис. 3).

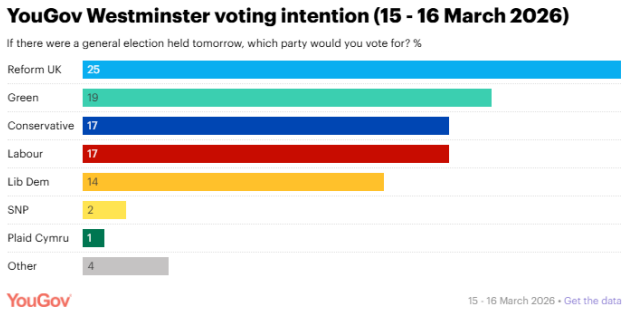


Рис. 3. Уровень народной поддержки партий Великобритании

Источник: YouGov (2026) Voting intention, 15–16 March 2026 [21]

Партия Reform UK во главе с Н. Фараджем считает нелегальную миграцию главной проблемой внутренней политики Британии, что во многом объясняет рост ее популярности. Реформисты готовы к радикальным шагам: предлагают референдум о выходе из-под юрисдикции ЕСПЧ и Конвенции о беженцах 1951 г., поскольку, по их мнению, Европейский суд – главное препятствие для контроля над миграционными потоками. Конвенция, как полагают в партии, устарела: она разрабатывалась в послевоенных условиях для перемещенных лиц, а сегодня британские власти утратили контроль, и вместе с подлинными беженцами в страну проникают криминальные элементы. ЕСПЧ характеризуется как неподконтрольный орган, систематически вмешивающийся в вопросы, относящиеся к суверенитету страны. Миграционную политику, по мнению Reform UK, должна определять избранная власть Вестминстера, а не неизбираемые судьи.

Тот факт, что премьер-лейборист К. Стармер, по общему признанию, не демонстрирует способности решить проблему, во многом объясняет лидирующие позиции Фараджа в опросах общественного мнения.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что за 2010–2024 гг. нелегальная миграция в Британии трансформировалась из сложной, но контролируемой проблемы в полноценный системный кризис, подорвавшему доверие к власти и институтам. Анализ стратегий пяти премьеров-консерваторов (Кэмерона, Мэй, Джонсона, Трасс, Сунака) выявил единое фундаментальное противоречие: стремление демонстрировать жесткость сталкивалось с объективной невозможностью достичь заявленных целей из-за экономических, правовых и гуманитарных ограничений.

Исследование выделяет три закономерности.

Первая: любые попытки «закрыть» миграционные каналы вели лишь к их переориентации. Кэмерон криминализировал нелегальную занятость, но спрос на дешёвый труд сохранился. Мэй внедрила «враждебную среду», что обернулось скандалом «Виндраш» и ударило по законным резидентам, не снизив миграцию. Джонсон после Brexit обещал «вернуть контроль», но балльная система открыла шлюзы для мигрантов из Азии и Африки, породив «Волну Бориса». Сунак рискнул депортировать в Руанду, однако непреодолимые правовые барьеры и многомиллионные траты не дали результата.

Вторая: миграционная политика оказалась заложницей правового наследия. Попытка Сунака обойти Верховный суд через закон о безопасности Руанды создала опасный прецедент балансирования на грани конституционного поля, а скандал «Виндраш» обнажил неспособность МВД защитить права многолетних легальных жителей.

Третья: провалы традиционных партий привели к взлету Reform UK (Найджел Фарадж). Требования выхода из Конвенции о беженцах 1951 г. и юрисдикции ЕСПЧ находят растущую поддержку, сигнализируя о разрыве между властью и обществом.

Главный вывод: Британская экономика (здравоохранение, сельское хозяйство, логистика) десятилетиями базируется на дешёвой рабочей силе. Миграция – прежде всего внутренняя структурная потребность, а не пограничная проблема. Пока этот факт будет игнорироваться, любые миграционные стратегии обречены на провал.

Литература

1. Scott J. Net migration into UK in 2022 revised up to record-breaking figure of 745,000 / Scott J. [Электронный ресурс] // Sky News: [сайт]. – URL: https://news.sky.com/story/net-migration-rose-to-672–000-in-year-to-june-up-from-607–000-in-the-previous-year-latest-ons-figures-show-13013846 (дата обращения: 18.03.2026).
2. Cuibus M., Walsh P. Unauthorised migration in the UK / Cuibus M., Walsh P. [Электронный ресурс] // The Migration Observatory: [сайт]. – URL: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/unauthorised-migration-in-the-uk/ (дата обращения: 18.03.2026).
3. Cutler G. Britain has most migrants in Europe as one in 100 are illegal, study finds / Cutler G. [Электронный ресурс] // GBNews: [сайт]. – URL: https://www.gbnews.com/news/migrant-crisis-illegal-immigrants-britain-record (дата обращения: 18.03.2026).
4. Accredited official statistics. How many people are detained under immigration powers in the UK? / [Электронный ресурс] // GOV.UK: [сайт]. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/immigration-system-statistics-year-ending-june-2025/how-many-people-are-detained-under-immigration-powers-in-the-uk (дата обращения: 18.03.2026).
5. Accredited official statistics. Summary of latest statistics / [Электронный ресурс] // GOV.UK: [сайт]. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/immigration-system-statistics-year-ending-june-2025/summary-of-latest-statistics (дата обращения: 18.03.2026).
6. Hui S. What is David Cameron's immigration plan? / Hui S. [Электронный ресурс] // CSMonitor: [сайт]. – URL: https://www.csmonitor.com/World/Europe/2015/0521/What-is-David-Cameron-s-immigration-plan (дата обращения: 18.03.2026).
7. Glaze B. David Cameron's great immigration con exposed: Prime Minister 'taking us for fools' over broken pledge / Glaze B. [Электронный ресурс] // The Mirror: [сайт]. – URL: https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/david-camerons-great-immigration-con-5739571 (дата обращения: 18.03.2026).
8. Melanie McDonagh: David Cameron is losing at the migration numbers game / [Электронный ресурс] // The Standard: [сайт]. – URL: https://www.standard.co.uk/comment/comment/melanie-mcdonagh-david-cameron-is-losing-at-the-migration-numbers-game-8549724.html (дата обращения: 18.03.2026).
9. Beattie J. Nick Clegg: David Cameron's plan to cut immigration was wrong / Beattie J. [Электронный ресурс] // The Mirror: [сайт]. – URL: https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/nick-clegg-david-camerons-plan-3992104 (дата обращения: 18.03.2026).
10. Elgot J., Taylor M. Calais crisis: Cameron condemned for 'dehumanising' description of migrants / Elgot J., Taylor M. [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2015/jul/30/david-cameron-migrant-swarm-language-condemned (дата обращения: 18.03.2026).
11. White N. Migration Statistics Quarterly Report: Dec 2016 / White N. [Электронный ресурс] // Office for National Statistics: [сайт]. – URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/dec2016 (дата обращения: 18.03.2026).
12. Silvera I. David Cameron fails to distract from immigration figures embarrassment with 'crackdown' claims / Silvera I. [Электронный ресурс] // IBTimes: [сайт]. – URL: https://www.ibtimes.co.uk/david-cameron-fails-distract-immigration-figures-embarrassment-crackdown-claims-1502383 (дата обращения: 18.03.2026).
13. Grey J. Theresa May Admits Mistakes in Migrant Policies / Grey J. [Электронный ресурс] // Visaverge: [сайт]. – URL: https://www.visaverge.com/news/theresa-may-admits-mistakes-in-migrant-policies/ (дата обращения: 18.03.2026).
14. PM statement in Downing Street: 13 December 2019 / [Электронный ресурс] // GOV.UK: [сайт]. – URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-in-downing-street-13-december-2019 (дата обращения: 10.03.2026).
15. Buchan L. Boris Johnson piles into Tory immigration row over numbers that rose on his watch / Buchan L. [Электронный ресурс] // The Mirror: [сайт]. – URL: https://www.mirror.co.uk/news/politics/boris-johnson-piles-tory-immigration-31523226 (дата обращения: 18.03.2026).

16. Kearns M. Boris Johnson's Government Struggles to Stop Migration across the English Channel / Kearns M. [Электронный ресурс] // National Review: [сайт]. – URL: https://www.nationalreview.com/2020/08/immigration-boris-johnson-government-struggles-to-stop-migration-across-english-channel/ (дата обращения: 18.03.2026).

17. French Gov't Criticises Johnson's Letter on Illegal Migration / [Электронный ресурс] // Sputnik International: [сайт]. – URL: https://sputnikglobe.com/20211126/french-govt-criticises-johnsons-letter-on-illegal-migration-1091043004.html (дата обращения: 18.03.2026).

18. Syal R., Taylor D. Supreme court rejects Rishi Sunak's plan to send asylum seekers to Rwanda / Syal R., Taylor D. [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2023/nov/15/supreme-court-rejects-rishi-sunak-plan-to-deport-asylum-seekers-to-rwanda (дата обращения: 18.03.2026).

19. Zindulka K. Exclusive – Richard Tice: Boris Johnson Doesn't Have the 'Political Guts' to Stop Illegal Immigration / Zindulka K. [Электронный ресурс] // Breitbart: [сайт]. – URL: https://www.breitbart.com/europe/2021/11/18/exclusive-richard-tice-boris-johnson-doesnt-have-the-political-guts-to-stop-illegal-immigration/ (дата обращения: 18.03.2026).

20. Rentoul J. How Boris Johnson's historic 'experiment' is to blame for spike in immigration numbers / Rentoul J. [Электронный ресурс] // The Independent: [сайт]. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/politics-explained/immigration-boris-johnson-conservative-migration-b2655572.html (дата обращения: 12.03.2026).

21. YouGov (2026) Voting intention, 15–16 March 2026: Ref 25%, Grn 19%, Con 17%, Lab 17%, LD 14% / YouGov [Электронный ресурс] // YouGov: [сайт]. – URL: https://yougov.com/en-gb/articles/54328-voting-intention-15–16-march-2026-ref-25-grn-19-con-17-lab-17-ld-14 (дата обращения: 17.03.2026).

22. Line H. Explosive megapoll shows Nigel Farage set for the biggest Commons majority EVER with Tories reduced to just SEVEN MPs and Labour ministers culled / Line H. [Электронный ресурс] // Daily Mail: [сайт]. – URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-15191843/Megapoll-Farage-Reform-Commons-majority.html (дата обращения: 18.03.2026).

ILLEGAL MIGRATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE UNITED KINGDOM'S POLITICAL LANDSCAPE: STRATEGIES OF FIVE PRIME MINISTERS (2010–2024)

Savosina Yu.V., Anisimov R.S.
Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The article analyzes the evolution of the United Kingdom's migration policy between 2010 and 2024 and its impact on the country's political landscape. Drawing upon official statistical data from the Office for National Statistics (ONS) for 2023–2025, Pew Research Center estimates (2025), and British court decisions, the authors examine the strategies of five Conservative prime ministers, from David Cameron to Rishi Sunak. The analysis reveals that all attempts to increase the stringency of migration controls have yielded diametrically opposite consequences. Particular attention is paid to the "Boris Wave" phenomenon – a record surge in net migration after Brexit, reaching 728–745 thousand people per year. The authors conclude that the primary reason for these policy failures has been the authorities' disregard for the British economy's structural need for cheap labor. The inability of both Conservative and Labour administrations to offer an effective solution has led to a sharp rise in the popularity of the Reform UK party (25% in March 2026 polls), which advocates for withdrawal from the 1951 Refugee Convention and ECJ jurisdiction.

Keywords: illegal migration, Great Britain, migration policy, conservatives, prime ministers (B. Johnson, R. Sunak), Brexit, Nigel Farage, Reform UK.

References

1. Scott J. Net migration into UK in 2022 revised up to record-breaking figure of 745,000 / Scott J. [Electronic resource] // Sky News: [website]. – URL: https://news.sky.com/story/net-migration-rose-to-672–000-in-year-to-june-up-from-607–000-in-the-previous-year-latest-ons-figures-show-13013846 (accessed: 18.03.2026).

2. Cuibus M., Walsh P. Unauthorized migration in the UK / Cuibus M., Walsh P. [Electronic resource] // The Migration Observatory: [website]. – URL: https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/unauthorized-migration-in-the-uk/ (accessed: 18 March 2026).

3. Cutler G. Britain has most migrants in Europe as one in 100 are illegal, study finds / Cutler G. [Electronic resource] // GBNews: [website]. – URL: https://www.gbnews.com/news/migrant-crisis-illegal-immigrants-britain-record (accessed: 18 March 2026).

4. Accredited official statistics. How many people are detained under immigration powers in the UK? / [Electronic resource] // GOV.UK: [website]. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/immigration-system-statistics-year-ending-june-2025/how-many-people-are-detained-under-immigration-powers-in-the-uk (accessed: 18 March 2026).

5. Accredited official statistics. Summary of latest statistics / [Electronic resource] // GOV.UK: [website]. – URL: https://www.gov.uk/government/statistics/immigration-system-statistics-year-ending-june-2025/summary-of-latest-statistics (accessed: 18 March 2026).

6. Hui S. What is David Cameron's immigration plan? / Hui S. [Electronic resource] // CSMonitor: [website]. – URL: https://www.csmonitor.com/World/Europe/2015/0521/What-is-David-Cameron-s-immigration-plan (accessed: 18 March 2026).

7. Glaze B. David Cameron's great immigration con exposed: Prime Minister 'taking us for fools' over broken pledge / Glaze B. [Electronic resource] // The Mirror: [website]. – URL: https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/david-camerons-great-immigration-con-5739571 (accessed: 18 March 2026).

8. Melanie McDonagh: David Cameron is losing at the migration numbers game / [Electronic resource] // The Standard: [website]. – URL: https://www.standard.co.uk/comment/comment/melanie-mcdonagh-david-cameron-is-losing-at-the-migration-numbers-game-8549724.html (accessed: 18 March 2026).

9. Beattie J. Nick Clegg: David Cameron's plan to cut immigration was wrong / Beattie J. [Electronic resource] // The Mirror: [website]. – URL: https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/nick-clegg-david-camerons-plan-3992104 (accessed: 18 March 2026).

10. Elgot J., Taylor M. Calais crisis: Cameron condemned for 'dehumanizing' description of migrants / Elgot J., Taylor M. [Electronic resource] // The Guardian: [website]. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2015/jul/30/david-cameron-migrant-swarm-language-condemned (accessed: 18 March 2026).

11. White N. Migration Statistics Quarterly Report: Dec 2016 / White N. [Electronic resource] // Office for National Statistics: [website]. – URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/internationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/dec2016 (accessed: 18 March 2026).

12. Silvera I. David Cameron fails to distract from immigration figures embarrassment with 'crackdown' claims / Silvera I. [Electronic resource] // IBTimes: [website]. – URL: https://www.ibtimes.co.uk/david-cameron-fails-distract-immigration-figures-embarrassment-crackdown-claims-1502383 (accessed: 18 March 2026).

13. Grey J. Theresa May Admits Mistakes in Migrant Policies / Grey J. [Electronic resource] // Visaverge: [website]. – URL: https://www.visaverge.com/news/theresa-may-admits-mistakes-in-migrant-policies/ (accessed: 18 March 2026).

14. PM statement in Downing Street: 13 December 2019 / [Electronic resource] // GOV.UK: [website]. – URL: https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-in-downing-street-13-december-2019 (accessed: 10.03.2026).

15. Buchan L. Boris Johnson piles into Tory immigration row over numbers that rose on his watch / Buchan L. [Electronic resource] // The Mirror: [website]. – URL: https://www.mirror.co.uk/news/politics/boris-johnson-piles-tory-immigration-31523226 (accessed: 18.03.2026).

16. Kearns M. Boris Johnson's Government Struggles to Stop Migration across the English Channel / Kearns M. [Electronic resource] // National Review: [website]. – URL: https://www.nationalreview.com/2020/08/immigration-boris-johnson-government-struggles-to-stop-migration-across-english-channel/ (accessed: 18.03.2026).

17. French Gov't Criticises Johnson's Letter on Illegal Migration / [Electronic resource] // Sputnik International: [website]. – URL: https://sputnikglobe.com/20211126/french-govt-criticises-johnsons-letter-on-illegal-migration-1091043004.html (accessed: 18.03.2026).

18. Syal R., Taylor D. Supreme court rejects Rishi Sunak's plan to send asylum seekers to Rwanda / Syal R., Taylor D. [Electronic resource] // The Guardian: [website]. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2023/nov /15/supreme-court-rejects-rishi-sunak-plan-to-deport-asylum-seekers-to-rwanda (accessed: 18.03.2026).

19. Zindulka K. Exclusive – Richard Tice: Boris Johnson Doesn't Have the 'Political Guts' to Stop Illegal Immigration / Zindulka K. [Electronic resource] // Breitbart: [website]. – URL: https://www.breitbart.com/europe/2021/11/18/exclusive-richard-tice-boris-johnson-doesnt-have-the-political-guts-to-stop-illegal-immigration/ (accessed: 18.03.2026).

20. Rentoul J. How Boris Johnson's historic 'experiment' is to blame for the spike in immigration numbers / Rentoul J. [Electronic resource] // The Independent: [website]. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/politics-explained/immigration-boris-johnson-conservative-migration-b2655572.html (accessed: 12.03.2026).

21. YouGov (2026) Voting intention, 15–16 March 2026: Ref 25%, Grn 19%, Con 17%, Lab 17%, LD 14% / YouGov [Electronic resource] // YouGov: [website]. – URL: https://yougov.com/en-gb/articles/54328-voting-intention-15–16-march-2026-ref-25-grn-19-con-17-lab-17-ld-14 (accessed: 17.03.2026).

22. Line H. Explosive megapoll shows Nigel Farage set for the biggest Commons majority EVER with Tories reduced to just SEVEN MPs and Labour ministers culled / Line H. [Electronic resource] // Daily Mail: [website]. – URL: https://www.dailymail.co.uk/news/article-15191843/Megapoll-Farage-Reform-Commons-majority.html (accessed: 18.03.2026).

Современный комплексный подход к типологизации форм международного терроризма

Саканян Нарек Севакович,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Международный терроризм в XXI веке трансформируется под влиянием глобализации и цифровой революции, приобретая новые формы и механизмы реализации, что ставит перед мировым сообществом задачу переосмысления стратегий противодействия. Традиционные подходы к типологизации этого феномена зачастую не учитывают динамичность террористических практик: от жестко иерархичных структур до децентрализованных сетевых образований, использующих современные технологии для координации и пропаганды. В этих условиях критически важным становится создание гибкой классификации, способной отражать эволюцию угроз и служить инструментом для разработки адресных мер безопасности. Это актуализирует цель статьи, которая заключается в разработке и обосновании авторской типологии форм международного терроризма, учитывающей современные трансформации угроз, а также предложении системы критериев для разграничения транснациональных и локальных террористических сетей. Для достижения поставленной цели проанализированы доктринальные подходы к определению и классификации терроризма, нормативно-правовая база, а также эмпирические данные в виде отчетов и статистических данных. Методология исследования сочетает системный и сравнительный анализ, контент-анализ правовых и научных источников, кейс-стади терактов с оценкой по пяти критериям (географический охват, финансирование, идеология, технологическая оснащенность, медийная стратегия) и статистическую обработку результатов.
Ключевые выводы демонстрируют эволюцию террористических практик за последние два десятилетия: снижение доли классического транснационального терроризма на фоне роста гибридных и автономных атак, а также появление и активное проявление сетевого кибертерроризма. Предложенная типология и система критериев обладают практической ценностью для государственных органов безопасности, международных организаций и исследовательских центров: они позволяют прогнозировать сценарии эскалации угроз, выявлять уязвимости в системе противодействия и обосновывать необходимость межгосударственного сотрудничества в конкретных сферах (кибербезопасность, борьба с финансированием терроризма и др.). Результаты исследования могут быть использованы при формировании антитеррористических стратегий, адаптированных к современным вызовам, а также в академических работах, посвященных изучению эволюции террористических практик и методов противодействия им.

Ключевые слова: терроризм; международный терроризм, кибертерроризм, транснациональный терроризм, теракт.

Введение

Международный терроризм – это явление, которое несет угрозу как мировому сообществу, так и отдельным регионам и суверенным государствам в целом, вызывая многочисленные дискуссии и споры в доктринальной, нормативно-правовой и общественной практике. При этом с каждым годом масштабы и значимость терроризма возрастают, что также подмечается исследователями. Так, например, Н.А. Баранов пишет о том, что в XXI веке международный терроризм превратился в угрозу основам социального порядка, став долговременным фактором дестабилизации международных отношений, тогда как ранее он был редким явлением, представленным в виде спорадических актов насилия. И в настоящее время угроза, которую несет в себе международный терроризм (и терроризм в целом), вышла на первое место среди возможных вызовов глобальной безопасности [2].

Глобальный уровень международного терроризма определяет необходимость разработки стратегий противостояния этой угрозе. В рамках такой задачи рассматриваются и реализуются различные направления: от централизации и структуризации общей международной стратегии противостояния и профилактики, до разработки отдельных инструментов и специфических решений, которые повысят эффективность деятельности по противодействию терроризму. При этом, как видится, эффективность противодействия международному терроризму напрямую зависит от глубины понимания его природы, механизмов функционирования и многообразия проявлений [1, 8].

В условиях, когда террористические организации все чаще действуют в трансграничном формате, используют цифровые платформы для координации, вербовки и пропаганды, а их идеологические установки варьируются от радикально-религиозных до сепаратистских и ультрарадикальных политических, универсальный подход к противодействию неизбежно оказывается недостаточным. Размытость представлений о специфике отдельных форм терроризма приводит к распылению ресурсов, дублированию усилий и снижению результативности превентивных мер, как на национальном, так и на международном уровне.

Можно утверждать, что выстроить дифференцированную систему противодействия можно через типологизацию форм международного терроризма по системе, где каждая категория угроз получает соответствующий набор инструментов профилактики и нейтрализации. Знание того, с какой разновидностью террористической активности мы имеем дело, дает возможность прогнозировать тактику атак, выявлять уязвимые точки в системе безопасности, адаптировать законодательную базу и оперативно-розыскные методики [12, 13]. Более того, типологизация способствует формированию целевых образовательных и просветительских программ, направленных на противодействие радикализации в конкретных социальных группах, а также позволяет точнее координировать международное сотрудничество, распределяя ответственность и ресурсы между странами и организациями в зависимости от характера угрозы. Таким образом, систематизация форм международного терроризма представляется не как абстрактная научная задача, а как практический инструмент укрепления глобальной безопасности, актуальность которого неоспорима в современных реалиях.

Материалы и методы исследования

В рамках настоящего исследования были задействованы разноплановые материалы, обеспечивающие комплексный подход к анализу феномена международного терроризма. Эмпирическую базу составили официальные документы международных организаций (ООН, Интерпол, Европол), включая доклады, статистические отчеты и базы данных о террористических актах за период 2001–2024 гг. Существенное значение имели нормативно-правовые акты, в том числе Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», международные конвенции и резолюции Совета Безопасности ООН. Дополнительно привлекались публикации исследовательских центров, аналитические материалы профильных ведомств, а также открытые данные СМИ и социальных медиа, позволяющие отследить динамику медийной стратегии террористических групп. Теоретическую основу исследования сформировали научные труды отечественных и зарубежных, посвященные классификации терроризма, его идеологической составляющей и механизмам функционирования.

Методология исследования опиралась на сочетание общенаучных и специальных методов. В качестве базовых использовались системный и сравнительный анализ для выявления структурных особенностей и различий между формами международного терроризма. Контент-анализ нормативно-правовой и научной литературы позволил уточнить понятийный аппарат и сопоставить существующие классификации. Для верификации авторской типологии применялся кейс-стади: были проанализированы 15 знаковых терактов 2001–2024 гг. с оценкой по пяти критериям (географический охват, источники финансирования, идеологическая рамка, технологическая оснащенность, медийная стратегия). Количественные данные обрабатывались методами статистического анализа, что позволило выявить эволюционные тренды в развитии террористических практик. Сочетание качественных и количественных методов обеспечило объективность выводов и практическую применимость предложенной типологии.

Результаты и обсуждение

Попытки типологизировать формы международного терроризма неизбежно упираются в необходимость прояснения базовых понятий, так как без четкого понимания принципов, особенностей и границ самого понятия «международный терроризм» любая систематизация может стать условной и уязвимой для критики. Обращение к доктринальным разработкам позволяет не просто перечислить существующие классификации, но и выявить их методологические основания, сопоставить логику выделения типов, оценить, насколько предложенные подходы отражают реальную картину угроз. Такой анализ представляется реализовывать не как формальную задачу, а как важный этап, позволяющий избежать дублирования уже известных решений и сфокусироваться на тех аспектах, которые остаются недостаточно изученными.

Само понятие «международный» в отношении терроризма говорит нам о его трансграничном характере, что означает размытость национальных границ, ограниченность разделения в территориальном плане и более целостный подход. В современных исследованиях выделяются несколько методологических подходов к определению терроризма. С точки зрения нормативистского подхода терроризм трактуется как незаконное использование силы против невинных людей с целью достижения определенных (приоритетно политических) целей [16]. В рамках правового подхода (характерного для законодательства ряда европейский стран) терроризм рассматривается с акцентом на нарушение закона и возможность применения правовых мер [5]. Организационно-аналитический подход предлагает рассматривать терроризм с позиции его целей, методов и условий реализации террористического акта [6, 15].

Конкретизировать понятие терроризма позволяет также обращение к юридическому подходу (контент-анализ нормативно-правовой документации). Несмотря на то, что в исследовании рассматривается международный терроризм, для прояснения его границ и придания тематики исследования понятную форму, предлагается опираться на определение терроризма, закрепленное в Федеральном законе № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[1]: «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». Видится, что это определение сочетает в себе идеологический, практический и целевой компоненты, и подсвечивает то, что терроризм используется как давление на властные структуры через устрашения населения (в зависимости от уровня воздействия, структуры могут иметь разный масштаб: региональная власть или международные антитеррористические сообщества).

Таким образом, понятие «терроризм» не имеет универсального определения, но имеет четкие признаки: насильственные действия, наличие идеологии, направленность «против», устрашение, зависимость от политических процессов, необходимость противодействия. Международный терроризм в таком контексте предлагается рассматривать как определенную форму терроризма, где все признаки «проигрываются», но имеют трансграничный характер проявления и действий и предполагают использование глобальных коммуникационных сетей для пропаганды и координации. В связи с этим, подсветим признаки и ключевые отличия международного терроризма как формы терроризма в общем:

– субъекты международного терроризма часто действуют вне юрисдикции одного государства, используя территории нескольких стран для подготовки и реализации атак;

– цели субъектов международного терроризма носят глобальный характер (влияние на политику коалиций государств, подрыв международного правопорядка);

– методы, используемые субъектами международного терроризма, включают обращение к современным технологиям для мобилизации сторонников и распространения идеологии.

Таким образом, мы уточнили и конкретизировали специфику международного терроризма как феномена. Далее целесообразно рассмотреть существующие доктринальные подходы к классификации этого явления.

Так, литературный обзор показывает, что в науке предлагается множество признаков и форм международного терроризма. Политолог Д.В. Ольшанский предлагает разделять международный терроризм на политический (нацелен на политических лидеров и власть), информационный (оказывает влияние на психики населения), экономический (направлен на экономику и ее состояние) и социально-бытовой (включает уличную преступность и криминальные организации) [11]. По мнению Л.В. Готчиной и П.Л. Сердюка, к выделенным формам терроризма, с опорой на цели, важно добавить бескорыстный терроризм (деятельность революционеров-террористов) [4]. Однако видится, что бескорыстный терроризм, выделенный авторами, может расцениваться и как идеологический и/или политический терроризм, и конкретизация этой формы имеет значение только в ключе рестроспективного анализа и исторического подхода.

В юридической науке принято выделять также такую форму терроризма, как «суицидальный». Это форма международного терроризма, при которой субъекты терроризма готовы жертвовать своей жизнью для достижения идеологической цели. Примерами террористических группировок, которые прибегают к суицидальному терроризму, являются такие организации, как «Хамас» и «Палестинский исламский джихад»[2*] на оккупированных Израилем территориях, «Хезболлах» в Ливане, «Египетский исламский джихад»[3*] и «Исламская группа»[4*] в Египте, «Вооруженная исламская группа»[5*] в Алжире, международная группа «Барбар Халса»[6*] в Индии и т.д. [3, 9].

Также исследователи активно выделяют формы терроризма, связанные с цифровой трансформацией: «технологический», «цифровой» и т.д. Технологический международный терроризм предполагает использование опасных веществ и материалов для достижения террористической цели (химическое или биологическое оружие, ядерное оружие), а цифровой терроризм – использование современных цифровых технологий для вербовки, разжигания ненависти [10].

Ученый правовед В.В. Лунеев предлагает выделять такие формы терроризма, как международный, политический, стихийный, организованный, религиозный, национальный, государственный, уголовный и воздушный [7].

В зарубежных научных источниках представлены следующие подходы к классификации международного терроризма [14, 17, 18]:

– классификация по идеологическим целям (например, исламистский терроризм, крайне правый или крайне левый терроризм и т.д.);
– классификация по географическому фактору (пространственно-региональный, транснациональный);
– классификация по тактике и методу (наемничество, кибертерроризм, специализация на определенных методах атак и т.д.);
– классификация по структуре и организации (централизованные террористические группы, децентрализованные, самоорганизующиеся и т.д.);
– классификация по поддержке и связям (государственные, негосударственные, транснациональные).

Таким образом, анализ доктринальных источников демонстрирует наличие множества классификаций международного терроризма, предлагаемых разными авторами. В основном, при этом, терроризм (и сам по себе, и международный) классифицируют по мотивам (например, религиозный или политический), по целям, по средствам, по масштабу. Однако, такие классификации как бы ограничиваются лишь исчерпывающим перечислением и анализом конкретных преступных деяний, и сводят международный терроризм либо к разновидности преступления, либо к террористической структуре, либо к соответствующей идеологии. Полагаем, что при рассмотрении международного терроризма необходимо учитывать комплексный характер этого явления, включающего и идеологию, и соответствующую орга-

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации от 13 марта 2006 г. N 11 ст. 1146 – Ст. 3.

[2] * Террористическая организация, запрещенная в РФ

[3] * Террористическая организация, запрещенная в РФ

[4] * Террористическая организация, запрещенная в РФ

[5] * Террористическая организация, запрещенная в РФ

[6] * Террористическая организация, запрещенная в РФ

низационную структуру, и специфические черты составов преступлений, и в соответствие с этим выстраивать комплексную типологию.

Проведенный комплексный анализ доктринальных, правовых и юридических подходов к категоризации международного терроризма по формам и видам позволяет сформулировать и представить к рассмотрению авторскую типологию форм международного терроризма. В основе классификации лежат также результаты анализа некоторых теоретических подходов и эмпирических данных (включая исследования и статистику ООН и Интерпола). Предлагается следующая типология международного терроризма, учитывающая цифровую трансформацию угроз (представлена в таблице 1).

Таблица 1. Авторская типология форм международного терроризма[1]

Форма международного терроризма	Характеристики	Примеры	Особенность, признаки
Классический транснациональный терроризм	жесткая иерархия, централизованное финансирование, «традиционные» методы (взрывы, захват заложников)	«Аль-Каида»[1] в 1990–2000-х гг.	зависимость от физических каналов связи, уязвимость к перехвату коммуникаций
Сетевой кибертерроризм	децентрализованные группы, координация через Darknet, атаки на IT-инфраструктуру	операции группировок, связанных с «Исламским государством» (ИГ) в сфере кибершпионажа	отсутствие фиксированных баз, использование искусственного интеллекта (ИИ) для автоматизации атак
Гибридный терроризм	комбинация физического насилия и информационных операций (фейки, манипуляции соцсетями)	атаки в Европе, сопровождавшиеся пропагандистскими кампаниями в Telegram	синергия реального и виртуального насилия для максимизации паники
Автономный терроризм («одиночки»)	отсутствие формальной принадлежности к организациям, вдохновение через онлайн-контент	нападения в США и ЕС, мотивированные радикальными идеологиями из соцсетей	непредсказуемость, сложность профилактики
Государственно-опосредованный терроризм	поддержка террористических групп со стороны государств для достижения геополитических целей	обвинения в спонсорстве терроризма со стороны ряда стран Ближнего Востока	маскировка под негосударственные акторы, использование «серых зон» международного права

Представленная в таблице 1 типология форм международного терроризма не является исключительно теоретическим конструктом, так как у нее есть выраженная операциональная ценность.

Во-первых, для государственных органов безопасности она создает методологическую основу дифференциации угроз, позволяя отходить от шаблонных реакций и разрабатывать адресные контрмеры, подходящие под конкретные формы терроризма. Например, противодействие сетевому кибертерроризму требует усиления киберзащиты критической инфраструктуры, тогда как борьба с автономными «одиночками» смещается в плоскость профилактики радикализации через социальные сети.

Во-вторых, для международных организаций (ООН, Интерпол, Европол) типология может служить инструментом унификации критериев при формировании глобальных антитеррористических стратегий. Единая классификация, как видится, поможет устранить разночтения в трактовках, облегчая координацию трансграничных операций.

В-третьих, для исследовательских центров такая классификация открывает возможности для долгосрочного мониторинга эволюции террористических практик (например, отслеживания динамики перехода от классических к гибридным формам). Также, представленная классификация форм терроризма является универсальной, так как любой из выделенных в классификации видов терроризма может быть как локальным, так и международным.

Особую роль типология играет в оценке эффективности антитеррористических мер. Сопоставляя характеристики конкретного акта с параметрами типологии, как видится, можно:

– выявлять «слабые звенья» в системе противодействия (например, пробелы в киберзащите при росте сетевого терроризма);
– прогнозировать вероятные сценарии эскалации (например, переход локальной группировки к транснациональной деятельности при получении иностранного финансирования);
– обосновывать необходимость межгосударственного сотрудничества в конкретных сферах (обмен данными о криптовалютных транзакциях, совместные кибероперации).

Помимо выделения признаков и классификационных критериев, на наш взгляд, важно все-таки провести грань между терроризмом и международным терроризмом, а для этого нужно разграничить транснациональные и локальные террористические сети, и определить технологию, по которой будет оцениваться эта граница. Проблема разграничения транснациональных и локальных террористических сетей занимает центральное место в современной политической науке, поскольку от точности дефиниций напрямую зависят эффективность антитеррористических стратегий и легитимность международно-правовых механизмов.

В рамках анализа существующих подходов к определению сущности терроризма отдельно и международного терроризма, в частности, было учтонено, что имеющиеся мнения сталкиваются с методологическими противоречиями:
– нормативно-правовые международные антитеррористические модели требуют четких критериев для квалификации преступлений, но часто игнорируют динамику сетевых структур.
– социологические теории акцентируют роль идентичностей и нарративов, но затрудняют операционализацию понятий [19];
– технологические исследования показывают, что кибер-инструменты нивелируют географические барьеры, но никто не предлагает универсальных критериев дифференциации.

С учетом выявленных лакун, предлагается система операционализируемых критериев, позволяющая разграничивать транснациональные и локальные сети на основе эмпирически верифицируемых признаков:

1. Географический охват выступает первичным маркером. Транснациональные сети организуют операции в двух и более государствах, используя транзит ресурсов через границы и т.д., тогда как локальные группы определены в одном регионе или стране, и используют местные ресурсы. Например, атаки «Аль-Каиды» в 2001 г. демонстрировали явную транснациональность, тогда как теракт в Беслане (2004 г.) носил преимущественно локальный характер.

2. Источники финансирования отражают степень интеграции в глобальные финансовые потоки. Транснациональные структуры задействуют иностранных спонсоров, криптовалюты, офшорные схемы, что позволяет им поддерживать автономность от местных экономик. Локальные сети зависят от внутренних криминальных доходов (наркоторговля, вымогательство) или покровительства местных элит. Так, финансирование ИГ через продажу нефти на черном рынке имело трансграничный характер, в то время как группировки на Северном Кавказе зачастую опирались на теневые доходы внутри региона.

3. Идеологическая рамка определяет целеполагание. Транснациональные сети продвигают глобальные нарративы («священная война», «мировая революция»), стремясь к универсализации своих идей. Локальные группы фокусируются на этнических, религиозных или территориальных конфликтах, их пропаганда ориентирована на узкий круг адресатов. Например, «Талибан»[2*] до 2001 г. действовал в рамках локального афганского контекста, тогда как «Аль-Каида» позиционировала себя как глобальный джихадистский проект.

4. Технологическая оснащенность коррелирует с масштабом деятельности. Транснациональные сети применяют искусственный интеллект для анализа уязвимостей, дроны для атак, зашифрованные мессенджеры для координации. Локальные группы чаще используют примитивные средства (самодельные взрывные устройства, холодное оружие). Так, атаки ИГ в Европе (2015–2016) сопровождались активным использованием Telegram для координации, тогда как теракты в Дагестане (2010-е гг.) опирались на традиционные методы.

5. Медийная стратегия отражает целевую аудиторию. Транснациональные сети ведут мультиплатформенную пропаганду, нацеленную на международную аудиторию, чтобы максимизировать психологический эффект. Локальные группы ограничиваются местными СМИ или закрытыми социальными сетями, фокусируясь на мобилизации ближайшего окружения. Например, трансляция атаки в мечетях Крайстчерча (2019) через Facebook[3*] имела глобальный резонанс, тогда как

[1] Источник: составлено автором

[2] * Террористическая организация, запрещенная в РФ

[3] * Facebook – продукт компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России

пропаганда локальных группировок в Мали редко выходит за пределы региона.

Предложенная система критериев в перспективе позволит, как видится, разработать дифференцированные стратегии противодействия, включающие разные методы воздействия: для транснациональных сетей – усиление международного сотрудничества в киберсфере, для локальных – профилактику радикализации на уровне сообществ и т.д. Соответственно, разграничение транснациональных и локальных сетей требует отказа от статичных определений в пользу динамических моделей, учитывающих взаимозависимость физического и виртуального пространств, размывание границ между государственными и негосударственными акторами, эволюцию террористических практик под влиянием технологических инноваций.

Таким образом, предложенные классификация и система критериев становятся инструментом принятия решений, переводя абстрактные угрозы в плоскость измеримых параметров. Для демонстрации работоспособности типологии был проведен анализ 15 знаковых терактов 2001–2024 гг.[1] Каждый случай оценивался по пяти ключевым критериям, соответствующим выделенным формам терроризма:
– географический охват (локализация/трансграничность);
– источники финансирования (внутренние/иностранные/криптовалюты);
– идеологическая рамка (локальная/глобальная);
– технологическая оснащенность (примитивные средства/ИИ/дроны);
– медийная стратегия (локальные СМИ/глобальные платформы);
– отдельно определялась форма международного терроризма.

Результаты были систематизированы и проанализированы. По итогам проведенного анализа была подсвечена эволюция форм терроризма за последние два десятилетия, что позволило выделить следующие особенности:
– снижение доли классического транснационального терроризма (с 40% в 2001–2010 гг. до 20% в 2020–2024 гг.), что может быть связано с усилением международного контроля за финансированием и логистикой;
– рост гибридных форм (с 10% до 33%), где физическое насилие сочетается с медийным воздействием через цифровые платформы;
– устойчивая доля автономного терроризма (27% в 2020–2024 гг.), обусловленная доступностью радикализирующего контента в соцсетях;
– появление сетевого кибертерроризма (13% в 2016–2024 гг.), использующего криптовалюты и шифрованные каналы.

Практический вывод заключается в том, что представленная авторская типология позволяет выявить доминирующие тренды (например, смещение акцентов с трансграничных сетей на автономные атаки), определять приоритеты противодействия, оценивать эффективность международного сотрудничества (снижение классического транснационального терроризма коррелирует с усилением обмена разведданными).

Таким образом, предложенная типология, включающая классификацию форм терроризма и систему критериев для разграничения локального и транснационального терроризма не только структурирует научное понимание феномена «международный терроризм», но и служит практическим инструментом для разработки антитеррористических стратегий, адаптированных к конкретным формам угроз.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать представления о международном терроризме как многогранном феномене, требующем дифференцированного подхода к противодействию. Предложенная авторская типология, включающая классический транснациональный, сетевой кибертерроризм, гибридный, автономный и государственно-опосредованный виды, учитывает современные трансформации террористических угроз, в том числе влияние цифровых технологий и изменение стратегий координации. Разработанная система критериев для разграничения транснациональных и локальных сетей (географический охват, финансирование, идеология, технологическая оснащенность, медийная стратегия) дает возможность операционализировать абстрактные понятия, переводя их в плоскость измеримых параметров. Это, в свою очередь, создает методологическую основу для адаптации антитеррористических мер к конкретным формам угроз.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов государственными органами безопасности, международными организациями и научными центрами. Предложенная типология позволяет прогнозировать сценарии эскалации угроз, выявлять слабые звенья в системе противодействия и обосновывать необходимость межгосударственного сотрудничества в конкретных сферах (например, в борьбе с финансированием терроризма через криптовалюты). Дальнейшие исследования могут быть направлены на детализацию отдельных форм терроризма с учетом региональных особенностей, а также на разработку адаптивных моделей противодействия, интегрирующих технологические инновации и социальные механизмы профилактики радикализации.

Литература

1. Абисова К.С. Общая характеристика детерминационного комплекса террористической деятельности //Российский девиантологический журнал. – 2024. – Т. 4. – № . 1. – С. 22–32.

2. Баранов Н.А. Борьба с терроризмом как геополитическая стратегия контроля над пространством. 2016 [Электронный ресурс]URL: https://nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskie-problemy-evropejskogo-razvitiya/tema-11-borba-s-terrorizmom-kak-geopoliticheskaya-strategiya-kontrolya-nad-prostranstvom (дата обращения: 15.15.2026).

3. Гайнетдинова Г.С. Виды современного терроризма //Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № . 3 (49). – С. 76–80.

4. Готчина Л. В., Сердюк П.Л. Истоки терроризма в России и особенности его предупреждения в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17. – № . 4. – С. 333–339.

5. Канунникова Н. Г. К вопросу о специфических особенностях терроризма и определении его понятия //Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № . 3 (29). – С. 135–141.

6. Лукьянов Н. Е., Изгарская А.А. Миросистемные предпосылки террористических угроз: к вопросу о методологии исследования вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве //Дискурс. – 2024. – Т. 10. – № . 5. – С. 31–42.

7. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В. Н Кудрявцева. – М: Издательство НОРМА, – 1997. – 525 с.

8. Михайлов А.Е. Актуальные вопросы противодействия международному терроризму: теоретико-правовое обоснование и проблемы реализации //Актуальные вопросы информационного противодействия распространению идеологии терроризма. – 2023. – С. 55–62.

9. Монгуш А. С., Тойбу-Хаа А.М. Суицидальный терроризм с использованием поясов шахидов и автотранспортных средств //Научные труды Тувинского государственного университета. – 2023. – С. 155–157.

10. Нечаев В.А. Классификация видов и форм терроризма // Материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Рязань, 2023 – С. 217–223.

11. Ольшанский Д.В. Психология террора. – Москва: Академический Проект, 2018. – 320 с.

12. Селезнев П. С., Абдурагимов З.Е. Терроризм как социально-философская проблема //Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – Т. 15. – № . 5. – С. 133–138.

13. Цзыхао Ч. Необходимость к концептуальной переоценке международного терроризма в контексте текущего кризиса европейской архитектуры безопасности //Вестник Забайкальского государственного университета. – 2023. – Т. 29. – № . 1. – С. 169–178.

14. Abdalsalam M. et al. Terrorism attack classification using machine learning: the effectiveness of using textual features extracted from GTD dataset //Computer Modeling in Engineering & Sciences. – 2024. – Т. 138. – № . 2. – С. 1427.

15. Crenshaw M. Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // J. of Strategic Studies. 1987. Vol. 10, No 4. P. 13–31. DOI: 10.1080/01402398708437313

16. Laqueur W. The new terrorism: fanaticism and the arms of mass destruction. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1999. VII, 312 p.

17. McCann W.S. Who said we were terrorists? Issues with terrorism data and inclusion criteria //Studies in Conflict & Terrorism. – 2023. – Т. 46. – № . 6. – С. 964–984.

18. Saini J. K., Bansal D. Computational techniques to counter terrorism: a systematic survey //Multimedia Tools and Applications. – 2024. – Т. 83. – № . 1. – С. 1189–1214.

19. Smith J. M., Talbot B.J. Terrorism and deterrence by denial //Terrorism and homeland security. – CRC Press, 2008. – С. 79–94.

[1] 11 сентября (2001); Взрывы в Мадриде (2004); Теракт в Беслане (2004); Атаки в Лондоне (2005); Стрельба в Париже (2015); Атака в Ницце (2016); Взрывы в Брюсселе (2016); Теракт в Манчестере (2017); Атака на мечеть в Крайстчерче (2019); Взрывы на Шри-Ланке (2019); Теракт в Вене (2020); Атака на Charlie Hebdo (2015); Взрывы в Кабуле (2021); Теракт в Стамбуле (2022); Атака на школу в Ижевске (2022)

A MODERN COMPREHENSIVE APPROACH TO THE TYPOLOGIZATION OF FORMS OF INTERNATIONAL TERRORISM

Sakanyan N.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

International terrorism in the 21st century is being transformed under the influence of globalization and the digital revolution, acquiring new forms and implementation mechanisms, which sets the task for the world community to rethink counteraction strategies. Traditional approaches to typologizing this phenomenon often do not take into account the dynamism of terrorist practices: from rigidly hierarchical structures to decentralized network entities using modern technologies for coordination and propaganda. In these circumstances, it becomes critically important to create a flexible classification that can reflect the evolution of threats and serve as a tool for developing targeted security measures. This actualizes the purpose of the article, which is to develop and substantiate the author's typology of forms of international terrorism, taking into account modern transformations of threats, as well as to propose a system of criteria for distinguishing transnational and local terrorist networks. To achieve this goal, the author analyzes doctrinal approaches to the definition and classification of terrorism, the regulatory framework, as well as empirical data in the form of reports and statistics. The research methodology combines systematic and comparative analysis, content analysis of legal and scientific sources, a case study of terrorist attacks with an assessment based on five criteria (geographical coverage, financing, ideology, technological equipment, media strategy) and statistical processing of the results.
The key findings demonstrate the evolution of terrorist practices over the past two decades.: a decrease in the share of classic transnational terrorism against the background of the growth of hybrid and autonomous attacks, as well as the emergence and active manifestation of network cyberterrorism. The proposed typology and criteria system have practical value for government security agencies, international organizations, and research centers: they make it possible to predict threat escalation scenarios, identify vulnerabilities in the counteraction system, and justify the need for interstate cooperation in specific areas (cybersecurity, combating terrorist financing, etc.). The results of the research can be used in the formation of anti-terrorist strategies adapted to modern challenges, as well as in academic works devoted to the study of the evolution of terrorist practices and methods of countering them.

Keywords: terrorism; international terrorism, cyberterrorism, transnational terrorism, terrorist attack.

References

1. Abisova K.S. General characteristics of the determination complex of terrorist activity // Russian deviantological journal. – 2024. – Vol. 4. – No. 1. – Pp. 22–32.

2. Baranov N.A. The fight against terrorism as a geopolitical strategy for control over space. 2016 [Electronic resource] URL: https://nicbar.ru/politology/study/kurs-geopoliticheskie-problemy-evropejskogo-razvitiya/tema-11-borba-s-terrorizmom-kak-geopoliticheskaya-strategiya-kontrolya-nad-prostranstvom (date of access: 15.15.2026).

3. Gainetdinova G.S. Types of modern terrorism // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2022. – No. 3 (49). – P. 76–80.

4. Gotchina L.V., Serdyuk P.L. The origins of terrorism in Russia and the specific features of its prevention in the context of the digitalization of society // All-Russian Criminological Journal. – 2023. – Vol. 17. – No. 4. – P. 333–339.

5. Kanunnikova N.G. On the issue of the specific features of terrorism and the definition of its concept // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 3 (29). – P. 135–141.

6. Lukyanov N.E., Izgarskaya A.A. World-system prerequisites for terrorist threats: on the issue of the methodology for studying armed conflicts in the post-Soviet space // Discourse. – 2024. – Vol. 10. – No. 5. – P. 31–42.

7. Luneev V.V. Crime of the 20th Century. Global, Regional, and Russian Trends. Foreword by Academician of the Russian Academy of Sciences V.N. Kudryavtsev. – M: NORMA Publishing House, – 1997. – 525 p.

8. Mikhailov A.E. Current Issues of Counteracting International Terrorism: Theoretical and Legal Justification and Implementation Problems // Current Issues of Information Counteraction to the Spread of Terrorist Ideology. – 2023. – P. 55–62.

9. Mongush A.S., Toybu-Khaa A.M. Suicidal Terrorism with the Use of Shahid Belts and Vehicles // Scientific Works of the Tuva State University. – 2023. – P. 155–157.

10. Nechaev V.A. Classification of Types and Forms of Terrorism // Proceedings of the 10th All-Russian Scientific and Practical Conference. – Ryazan, 2023. – pp. 217–223.

11. Olshansky D.V. Psychology of Terror. – Moscow: Academichesky Proekt, 2018. – 320 p.

12. Seleznev P.S., Abduragimov Z.E. Terrorism as a Socio-Philosophical Problem // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2025. – Vol. 15. – No. 5. – pp. 133–138.

13. Zihao C. The Need for a Conceptual Reassessment of International Terrorism in the Context of the Current Crisis of the European Security Architecture // Bulletin of the Transbaikal State University. – 2023. – T. 29. – No. 1. – pp. 169–178.

14. Abdalsalam M. et al. Terrorism attack classification using machine learning: the effectiveness of using textual features extracted from GTD dataset //Computer Modeling in Engineering & Sciences. – 2024. – T. 138. – No. 2. – P. 1427.

15. Crenshaw M. Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // J. of Strategic Studies. 1987. Vol. 10, No. 4. P. 13–31. DOI: 10.1080/01402398708437313

16. Laqueur W. The new terrorism: fanaticism and the arms of mass destruction. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1999. VII, 312 p.

17. McCann W.S. Who said we were terrorists? Issues with terrorism data and inclusion criteria //Studies in Conflict & Terrorism. – 2023. – T. 46. – No. 6. – pp. 964–984.

18. Saini J.K., Bansal D. Computational techniques to counter terrorism: a systematic survey //Multimedia Tools and Applications. – 2024. – T. 83. – No. 1. – pp. 1189–1214.

19. Smith J.M., Talbot B.J. Terrorism and deterrence by denial // Terrorism and homeland security. – CRC Press, 2008. – pp. 79–94.

Исследование «цветочной дипломатии» в странах Азии и России: сравнительный анализ и перспективы развития

Галиуллина Светлана Дмитриевна,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, истории и востоковедения, научный руководитель, Уфимского государственного нефтяного технического университета
E-mail: galiullinasd@yandex.ru

Салахова Аделия Рустемовна,
магистрант Уфимского государственного нефтяного технического университета
E-mail: adeliya.salahova@mail.ru

В статье рассматривается феномен так называемой цветочной дипломатии как специфической формы символической коммуникации в международных и межкультурных взаимодействиях. Цель исследования заключается в выявлении особенностей использования цветочных символов в дипломатической практике стран Азии и России, а также в определении перспектив их дальнейшего развития. В работе применяется сравнительно-исторический и культурологический подход, позволяющий проследить эволюцию символики цветов в различных цивилизационных контекстах. Особое внимание уделяется анализу культурных кодов, закреплённых за цветами, а также их роли в формировании доверия и поддержании межгосударственных контактов. Установлено, что в странах Азии цветочная символика имеет более устойчивую традиционную основу и тесно связана с ритуальной культурой, тогда как в России её дипломатическое использование носит преимущественно адаптивный и ситуативный характер. Делается вывод о возрастающем значении мягких форм дипломатии в условиях глобализации и необходимости дальнейшего развития символических практик в международной коммуникации.

Ключевые слова: культурная дипломатия, символика цветов, Азия, Россия, межкультурная коммуникация, мягкая сила, традиция, ритуал.

Введение

В современном мире дипломатическая практика претерпевает заметные изменения, связанные с усилением роли инструментов мягкой силы. Наряду с официальными переговорами, экономическими соглашениями и политическими декларациями всё большее значение приобретают символические формы взаимодействия, способные формировать доверие и снижать уровень межкультурного напряжения. Одной из таких форм является цветочная дипломатия, основанная на использовании растений и цветочных композиций как носителей культурных смыслов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления нетрадиционных каналов дипломатической коммуникации, которые становятся особенно востребованными в условиях глобализации и культурного многообразия. Несмотря на кажущуюся второстепенность, символика цветов может оказывать существенное влияние на восприятие партнёра и общий характер взаимодействия.

Цель исследования – провести исторический и сравнительный анализ практик цветочной дипломатии в странах России и Азии, выявить их культурные основания и определить перспективы развития данного направления.

Методология исследования. В работе использован комплексный подход, включающий: общенаучные методы, так и специальные. Методы историзма и хронологической последовательности историко-сравнительный методы что позволило выявить как общие, так и особенные черты в развитии разных событий и явлений. Так удалось проследить эволюцию символики цветов в России и Азии; метод актуализации, позволяющий учитывать прошлый исторический опыт и показать перспективы развития «цветочной дипломатии»; историко-культурологический анализ, направленный на выявление смысловых кодов; элементы семиотического подхода, рассматривающего цветы как знаковую систему; аналитическое обобщение практик дипломатического взаимодействия. Такое сочетание методов позволяет рассматривать цветочную дипломатию не как случайный элемент протокола, а как устойчивый культурный механизм.

Исторические предпосылки формирования цветочной дипломатии в России

Использование цветов в качестве символов имеет глубокие исторические корни. В различных культурах растения наделялись особыми значениями, отражающими представления о жизни, смерти, гармонии и власти [5]. Однако пути институционализации этих практик в России и странах Азии существенно различались.

В России традиция символического использования цветов формировалась поэтапно. В допетровскую Русь цветы использовались преимущественно для украшений, создания венков на праздники и в народной медицине, не имея строгого протокольного значения. Качественный скачок произошел в Петровскую эпоху, когда началась активная вестернизация быта и этикета. Сохранились исторические свидетельства, например, письмо Петра I жене Екатерине датируемое 1719 г. с вкладышем в виде цветка, что можно рассматривать как ранний пример личной цветочной коммуникации в высших эшелонах власти [7].

В эпоху XVIII–XIX вв. произошло формирование «языка цветов». Сформировалось понимание дарения цветов как кодифицированного действия. К примеру, существовали негласные правила: красные розы предназначались для замужних дам, но их нельзя было преподносить незамужним девушкам. Также в норму вошло дарение букетов артистам и деятелям культуры [7]. В этот период российская практика копировала европейские модели, где цветок служил маркером социального статуса и чувств.

Кардинальное закрепление норм произошло в советский период. Обычай дарения цветов твердо вошел в обиход массового сознания. Появились четкие правила преподнесения, наиболее известное из которых – дарение только нечетного количества цветов живым людям, в то время, когда четное количество ассоциировалось исключительно с траурной процессией. Цветы стали неотъемлемой частью всенародных праздников таких как 8 Марта и День Победы, что создало уникальную советскую традицию, отличную от западной, где четность количества не всегда имела негативную коннотацию [7].

Таким образом, российский цветочный этикет представляет собой многоуровневую систему: народные обычаи, европейские заимствования XVIII–XIX вв. и советская кодификация. Однако ее институционализация в строгом дипломатическом контексте произошла позже, чем в Азии, и носила скорее адаптивный характер.

Особенности цветочной дипломатии в странах Азии: кейсы и символика

Традиция использования цветов в дипломатических практиках стран Азии имеет глубокие исторические корни, уходящие в древность. История цветочной дипломатии насчитывает тысячелетия, при этом свидетельства обмена цветами как дипломатическими жестами обнаруживаются в культурах по всему региону [18].

Китай стал колыбелью дипломатического искусства в Восточной Азии. Китайская дипломатия зародилась значительно раньше, чем в европейских странах, и уже в эпоху династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г.н.э.) существовала развитая система подношений, включавшая цветы и растения. Япония начала отправлять дань императорскому Китаю ещё в V веке, и эти миссии включали обмен культурными ценностями и дарами[19].

Философские основы азиатской цветочной дипломатии сформировались под влиянием:

- Конфуцианства – идея гармонии, иерархии и ритуала;
- Даосизма – единство человека и природы;
- Буддизма – символика лотоса как чистоты и духовного совершенства.

В Китае сады символизировали гармонию между человеком и природой, а практика подношения цветов Будде, возникшая в древности, позже распространилась в Японию в VI веке вместе с буддизмом, положив начало искусству икебаны.

Япония первой продемонстрировала современную форму цветочной дипломатии. В 1912 году Токио подарил США 3000 вишнёвых деревьев для Вашингтона как символ дружбы между народами. Этот подарок продолжает «работать» более столетия: даже во время Второй мировой войны, на пике антияпонских настроений, сакуры не были вырублены, что стало символом устойчивости дипломатических связей[19].

1956 году в Сингапуре была заложена основа «орхидейной дипломатии» – практики именования гибридов орхидей в честь иностранных лидеров и высокопоставленных гостей. Первой VIP-орхидеей стала Aranthera Anne Black, названная в честь леди Энн Блэк, жены губернатора Сингапура Роберта Блэка. После обретения независимости в 1965 году Сингапур формализовал процедуры именования VIP-орхидей, и сегодня в Национальном саду орхидей насчитывается более 200 таких растений.

Для азиатских культур характерна высокая степень символической насыщенности цветочных образов. Каждый элемент композиции может иметь конкретное значение, считываемое участниками коммуникации[6]. В отличие от России, где символика часто воспринимается на уровне общекультурных ассоциаций, в Азии она опирается на многовековые философские и религиозные учения конфуцианства, буддизма и синтоизма.

В качестве примера можно выделить хризантемы в Японии, Корее и Китае ассоциируется с долголетием, благородством, а желтые хризантемы в Японии являются символом императорской власти. Поэтому в Японии существует Орден Хризантемы – высшая награда, вручаемая главам государств. В то время, когда белые хризантемы символизируют траур.

Лотос во Вьетнаме, Индии и Китае символизирует чистоту, духовное совершенство [5]. Сакура в Японии отражает идею возрождения, красоты и быстротечности времени.

В Республике Корея национальным цветком является мугунгхва, также известная как роза Шарона. Цветок признан национальным символом в 1963 г. символизирует стойкость и грацию корейского народа, что отображается в его названии мугунгхва переводится как вечноцветущий цветок, который никогда не увядает.

Одним из наиболее популярных цветов в Азии является лилия. В Китае она называется Бай Хэ, что можно перевести как любовь на сто лет. Лилия символизирует гармонию, процветание, счастье и долголетие. особенно популярна на праздниках и торжествах такие как Китайский новый год, свадьбы и семейные праздники. А в традиционной китайской медицине луковицы лилий используются для успокоения духа и гармонизации состояния.

Пион символизирует богатство, честь процветание и благородство, а в китайской философии олицетворяет мужское начало «ян», в связи с этим цветок считается символом императоров и аристократии. Китайское правительство продвигает пионы как национальный символ, связывающий современную КНР с имперским прошлым [14].

В китайской и корейской культуре существует принцип красочной многослойности и пышности упаковки. Они символизируют изобилие и процветание, демонстрируют уважение и серьезность намерений дарителя, а в дипломатическом протоколе Китая и Кореи объемная упаковка подчеркивает значимость дара. Для этого применяется двухслойная и утолщенная упаковочная бумага, а также ПВХ-бумага для создания объема.

Таблица 1. Сравнительная характеристика ключевых цветочных символов в дипломатической практике стран Азии

Цветок	Страна	Символика	Дипломатическое использование	Цвет
Пион	Китай	Богатство, честь, процветание, благородство	«Пионовая дипломатия» между Китаем и Болгарией; Международный форум пионов	Красный, розовый, белый
Хризантема	Япония, Китай	Долголетие, жизненная сила, благородство	Орден Хризантемы в Японии; оформление саммитов	Желтый, красный, белый
Лотос	Вьетнам, Индия, Китай	Чистота, духовность, возрождение	Саммит АТЭС-2017 (Вьетнам); логотип G20 (Индия)	Розовый, белый, голубой
Лилия (Бай Хэ)	Китай	100 лет любви, гармония, процветание	Свадебные церемонии; новогодние торжества	Белый, розовый, желтый
Мугунгхва	Южная Корея	Вечная жизнь, стойкость, грация	Национальный символ; государственные церемонии	Разноцветная

Каждый из рассмотренных цветов несёт уникальную смысловую нагрузку, связанную с национальной идентичностью и культурными ценностями страны. При этом наблюдается определённая универсальность такие качества, как чистота, долголетие и благородство, символизируются разными растениями в зависимости от культурного контекста. Это подчёркивает необходимость тщательного изучения цветочной символики при подготовке международных мероприятий с участием азиатских партнёров.

Практические кейсы применения

Показательным примером интеграции цветочной символики в высокую дипломатию стал саммит (Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC) – форум для сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТЭС) во Вьетнаме. Лотос был выбран центральным символом мероприятия. Он присутствовал на логотипе, использовался в оформлении посуды для гала-ужина, входил в состав сувениров для лидеров стран-участниц. Улицы Ханоя были украшены более 8000 плакатов и баннеров с изображением лотоса [9]. Это демонстрировало единство визуальной коммуникации и транслировало ценности вьетнамской культуры чистоту и силу всем участникам саммита.

Съезды Коммунистической партии Китая проводятся в Большом зале Дома народных собраний в Пекине. Оформление этих мероприятий характеризуется обильным цветочным декором банкетные пространства интенсивно освещены и заполнены масштабными композициями в преимущественно красных, золотых и розовых тонах; красный цвет здесь доминирует как культурный знак счастья, изобилия и как символ коммунистической идентичности. На переговорах и рабочих столах регулярно размещают антуриумы, интерпретируемые как маркеры гостеприимства. Композиционная пышность флористического оформления выполняет функцию визуальной репрезентации официальности и торжественности церемонии делегаты ведут документальную работу в окружении декора, а при приёмах, приуроченных к юбилеям и государственным датам, уровень орнаментации традиционно усиливается.

Пионовая дипломатия, г. Хэцзэ также известный как столица пионов Китая высадил в Софии 280 кустов пионов в честь 75-летия дипломатических отношения с Болгарией, а также в г. Хэцзэ проходит ежегодный международный коммуникационный форум «Пионы Хэцзэ» [17].

Орхидейная дипломатия уникальная практика Сингапура, существующая с 1956 г. Сингапурский ботанический сад называет новые гибриды орхидей в честь иностранных лидеров и высокопоставленных гостей. Орхидеи, названные в честь Б.Обамы, Папы Франциска, Джеки Чана, становятся живым символом дипломатических отношений. Это

форма мягкой силы, где цветок является постоянным напоминанием о визите и связях между странами [3].

На саммитах «Группа двадцати» (G20) и BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa (БРИКС) Индия использовала лотос в логотипе саммита как символ единства мира. Южно-Африканская Республика (ЮАР) в 2025 г. использовала королевскую протею – национальный цветок в логотипе G20. Ожидается, что саммит БРИКС 2026 в Индии также будет активно использовать национальную флористику в протоколе.

Таким образом, в дипломатической практике Азии выбор цветочных композиций тщательно продумывается и может выступать как самостоятельное сообщение. Важную роль играет не только вид растения, но и его цвет, количество, форма подачи. Цветочная символика часто включена в более широкий ритуальный контекст, что придает ей устойчивость и предсказуемость [6].

Экономическое измерение цветочной дипломатии

Важным аспектом, часто упускаемым из виду, является связь между дипломатическим протоколом и реальными торгово-экономическими связями. Наличие цветов на внутреннем рынке России влияет на доступность используемых композиций на официальных мероприятиях. Этот аспект стал важен в связи переориентации на Восток.

Подводя итоги импорта 2025 г. можно сказать, что российский рынок цветов формируется за рубежом на 80%, однако структура поставщиков претерпела существенные изменения: усилилась роль стран Глобального Юга и Востока, в то время как доля традиционных европейских поставщиков сократилась [12]. Также следует отметить, что многие европейские производители цветов переносят свое производства в страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

Одним из ключевых партнеров России в сегменте премиальных роз является Эквадор. Геополитическая напряжённость усложняет логистические цепочки, двусторонние сотрудничество в торгово-экономической сфере. Объем поставок цветов из Эквадора в Россию составил около $5,9 млн на 2025 г., при этом розы продолжают занимать основную долю в сегменте премиум-класса, используемом для протокольных мероприятиях высокого уровня [11]. Долгосрочные контракты и альтернативные логистические маршруты обеспечивают стабильность поставок.

На Африканском континенте одним из крупнейших поставщиков цветочной продукции в России является Кения. На долю данного государства приходится около 7,5% импорта [12]. Цветочная отрасль – важнейшая статья экспортных доходов Кении, а двустороннее сотрудничество с Россией развивается с 1963 г. В 2025 г., несмотря на повышение ввозной пошлины на цветы из недружественных стран такие как Нидерланды, Литва, Латвия и Германия с 5% до 20%, поставки кенийских роз сохранили стабильность, что свидетельствует о высокой востребованности данной продукции на российском рынке [12]. Устойчивые логистические цепочки из Восточной Африки обеспечивают надёжность поставок для дипломатических нужд.

КНР демонстрирует наиболее динамичный рост в 2025 г. экспорт цветов в Россию увеличился в три раза и достиг $15,6 млн [11]. Российско-Китайское сотрудничество активно расширяется во многих секторах экономики, в том числе и в аграрном секторе, стремясь стать ключевым поставщиком продукции сельского хозяйства, включая цветочную продукцию. Министерство иностранных дел Российской Федерации (МИД РФ) отмечает, что партнёрство с Китаем укрепляет связи между странами, а переориентация российской экономики на рынок КНР создаёт дополнительные возможности для наращивания поставок в Россию[17]. С этим открывается перспективы для включения в официальный протокол экзотических для России видов растений таких как орхидеи, пионы, хризантемы, имеющих глубокую символическую нагрузку в китайской культуре.

Другие страны Глобального Юга и Востока также наращивают присутствие на отечественном рынке. В 2025 г. поставки из Колумбии выросли в пять раз $6,6 млн, из Таиланда – в 1,7 раза $1,3 млн, из Нигерии зафиксирован объём в $1,7 млн [11]. Наращивание импорта из Эквадора, Кении и Китая формируют новую географию цветочной дипломатии, где символический выбор композиций всё чаще соотносится с торгово-экономическими отношениями.

Таким образом, цветочная дипломатия имеет прочную материальную основу, а рост импорта цветов из стран Глобального Юга и Востока создает предпосылки для того, чтобы ранее экзотичные растения такие как определённые виды орхидей, тропические цветы, азиатские хризантемы становились частью официального протокола, постепенно замещая традиционные европейские цветы [12]. В рамках трансформации международной архитектуры Россия визуально обозначает смену внешнеполитических ориентиров, делая цветочный этикет инструментом мягкой силы, расширяя символические жесты российской дипломатии.

Дипломатические протоколы России устанавливают формальные правила использования цветов на официальных встречах. Официально исключаются сильно-благоухающие виды таких. Цветов, как гиацинты, нарциссы, лилии из-за риска дискомфорта у участников и дипломатического «конфуза». Запрет часто интерпретируется прагматически – исходя из конкретного состава делегаций и условий мероприятия. На столах при приёмах Президента с главами иностранных государств неизменно присутствуют флористические композиции; протокольные службы сторон согласуют возможные аллергии и соблюдают «цветковую» дисциплину в соотнесении с геральдикой и флагами, хотя согласования порой сводятся к оперативным компромиссам.

Традиция вручения цветов женщинам при официальных приёмах сохраняется как знак внимания и элемент этикета. По протоколу букет вручается независимо от формата встречи. Иллюстрацией послужило вручение кремово-нейтрального букета канцлеру А.Меркель 18 мая 2018 г.: формально букет соответствовал требованиям нейтральности аромата и торжественности, фактически – это была прагматическая комбинация протокола и имиджевого расчёта.

Флористические предпочтения можно свести к практическому набору: розы как основной элемент, фрезии, отвечающие за умеренный аромат и элегантность, нейтральные кремовые тона для официальности, красные же цветы используются для подчёркивания торжественности, но с учётом контекстуальных и политических ограничений.

Сравнительный анализ практик России и стран Азии

Сопоставление практик позволяет выделить несколько ключевых различий, систематизированных в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика цветочной дипломатии в России и странах Азии.

Критерий сравнения	Страны Азии: Китай, Япония, Вьетнам и др.	Россия
Степень символизации	Цветы выступают как сложная знаковая система с четкими значениями [6]	Значение более обобщенное, часто сводится к факту дарения [7]
Роль традиции	Опора на многовековые культурные и религиозные основания [1]	Гибкий характер, сочетание европейских, советских и новых влияний [7]
Функциональная нагрузка	Коммуникативная передача конкретного сообщения через цвет	Репрезентативная выражение уважения, статуса мероприятия
Контекст использования	Интеграция в ритуальные практики и государственную символику	Определение преимущественно протокольными нормами и этикетом
Реакция на ошибки	Критичная. Ошибка может быть воспринята как неуважение к культуре	Лояльная. Ошибки часто списываются на незнание, если нет злого умысла

Ключевые различия. В странах Азии цветы выступают как сложная знаковая система, тогда как в России их значение более обобщённое. Например, в Китае белые цветы могут символизировать траур, тогда как в России они воспринимаются как нейтральные и официальные [5].

Азиатские практики опираются на многовековые культурные основания, в то время как российская традиция носит более гибкий и адаптивный характер [7]. В Азии цветочная композиция может выполнять коммуникативную функцию, например, пожелание долголетия через хризантему, тогда как в России она чаще играет вспомогательную роль украшение стола, подарок. Цветы интегрированы в ритуальные практики, тогда как в России их использование определяется преимущественно протокольными нормами.

Риски межкультурной коммуникации

Незнание цветочного этикета может привести к дипломатическим ошибкам. Во многих азиатских странах нечетное количество цветов ассоциируется с трауром, но среди четных есть исключение число 4 в Китае, Тайване и Японии это число ассоциируется со смертью и неудачами. [4]. Желтые или красные гвоздики в России ассоциируются с революцией или трауром, для китайцев олицетворяют праздничную и теплую атмосферу, а белые и желтые гвоздики ассоциируются с трауром и умершими.

В России же белые розы или хризантемы часто дарятся на официальные мероприятия. Подобные различия требуют от протокольных служб высокой квалификации и предварительного изучения культур-

ных кодов страны партнера [1]. Неподходящий подарок иностранному гостю считается серьезной ошибкой протокола.

Перспективы развития: концепция гибридного дипломатического этикета

В условиях глобализации и роста межкультурных контактов значение символических форм коммуникации возрастает. Цветочная дипломатия может рассматриваться как эффективный инструмент формирования позитивного образа государства. Однако для России характерна интересная трансформация, которую можно описать концепцией гибридного дипломатического этикета.

Российский цветочный этикет не просто перенимает другие традиции, а актуализирует тенденции других стран под свои условия. Прогнозируется, что цветочный этикет становится гибким, ситуативным и зависит от адресата. Главное правило нового времени – осведомленность о культуре партнера.

Перспективные направления для России, сводятся к более осознанному использованию цветочной символики в международных мероприятиях. Внедрение элементов национальной флористики, например, использование ромашек, березы в стилизованном виде для формирования уникального бренда российской дипломатии.

Вводится внедрение обязательных модулей по цветочному этикету стран-партнеров в программу подготовки дипломатов и протокольных служб. Использование цветов от стратегических партнеров таких как Эквадор, Кения и Китай на встречах высокого уровня как знак экономического согласия. Требуется создание кодифицированного справочника цветочной дипломатии России, который отражал бы национальную идентичность, но был понятен международной аудитории.

В свою очередь, страны Азии могут расширять использование традиционных символов в глобальном контексте, адаптируя их к международной аудитории как это делает Сингапур с орхидеями.

Заключение

Проведённый историко-культурный анализ показал, что цветочная дипломатия представляет собой значимый элемент культурной коммуникации, способный оказывать влияние на межгосударственные отношения. Различия между Россией и странами Азии обусловлены историческими, культурными и социальными факторами.

В России цветочная дипломатия характеризуется большей гибкостью и вариативностью, тогда как в странах Азии цветочная символика обладает высокой степенью устойчивости и семантической определённости. Российская модель прошла путь от европейских заимствований Петровской эпохи до советской кодификации и современной адаптации под влиянием новых торговых партнеров.

В мире геополитики цветы – это не просто украшение, а тонкий код, который показывает, насколько серьезно страна относится к диалогу и на чьем языке готова говорить. Перспективы данного направления связаны с углублением межкультурного понимания и интеграцией символических практик в дипломатическую деятельность. Формирование гибридного этикета, учитывающего как собственные традиции, так и нормы восточных партнеров, станет ключевым трендом развития российского дипломатического протокола в ближайшее десятилетие.

Литература

1. Толмачева У.К. Цветочная символика в повседневной и праздничной культуре Китая // Аналитика культурологии. 2011. № 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetochnaya-simvolika-v-povsednevnoy-i-prazdnichnoy-kulture-kitaya (дата обращения: 15.04.2026).

2. Базыма И.В. Цветовая символика в древней Индии и Китае / И.В. Базыма // ЧНУ. – 2019. – Режим доступа: https://studfile.net/preview/9155735/page:4/. – (Дата обращения: 14.04.2026).

3. Цветков А.Ю. Публичная дипломатия как ресурс внешней политики: проблема эффективности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2010. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-kak-resurs-vneshney-politiki-problema-effektivnosti (дата обращения: 15.04.2026).

4. Толмачева У., Ромах О.В. Семиотичность образа цветка в культуре // Аналитика культурологии. 2010. № 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semiotichnost-obraza-tsvetka-v-kulture (дата обращения: 15.04.2026).

5. Ян В., Бертьева Н.Н. Символика растений в Китае (пион, лотос, орхидея) / В. Ян, Н.Н. Бертьева // РГГПУ. – 2020. – Режим доступа: https://rghpu.ru/uploads/catalogfiles/6629_37-bertyaeva.pdf. – (Дата обращения: 14.04.2026).

6. Цветовая символика традиционной китайской культуры [Электронный ресурс] // e-Koncept. – 2017. – Режим доступа: https://e-koncept.ru/2017/771266.htm. – (Дата обращения: 14.04.2026).

7. Басманова Э. Б. «И Флора уронила к ним цветок…»: язык цветов в русской культуре. – М.: АСТ, 2020. – 256 с.

8. МИД России. О сотрудничестве РФ со странами Латинской Америки, Африки и Азии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/.

9. Отчет о проведении саммита АТЭС-2017 во Вьетнаме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.nhandan.vn/megastory. (Дата обращения: 04.04.2026).

10. Рынок цветов в России, цифры и тренды 2024–2025 [Электронный ресурс] / WTC Moscow. – Режим доступа: https://wtcmoscow.ru/company/news/6763/. (Дата обращения: 04.04.2026).

11. Названы крупнейшие поставщики цветов в Россию в 2025 году // ПРАЙМ. – 2026. – 5 марта. – URL: https://1prime.ru/20260305/postavschiki-868030736.html (Дата обращения: 08.04.2026).

12. Flowers (market of Russia and the world) // TAdviser. – 2026. – URL: https://tadviser.com/index.php/Article: Flowers_(market_of_Russia_and_the_world) (Дата обращения: 08.04.2026).

13. Доля иностранных цветов на российском рынке в 2025 году составила 80% // Ведомости. Аналитика. – 2026. – 12 марта. – URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2026/03/12/1182251-dolya-inostrannih-tsvetov-na-rossiiskom-rinke-v-2025-godu-sostavila-80 (Дата обращения: 08.04.2026).

14. Толмачева У.К. Цветочная символика в повседневной и праздничной культуре Китая // Аналитика культурологии. 2011. № 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetochnaya-simvolika-v-povsednevnoy-i-prazdnichnoy-kulture-kitaya (дата обращения: 08.04.2026).

15. Кузьменко С.С. Особенности международной торговли цветами в современных условиях [Электронный ресурс] / С.С. Кузьменко. – Режим доступа: https://s-journal.ru/articles/kuzmenko-svetlana-sergeevna. – (Дата обращения: 08.04.2026).

16. Chinese peony gardens planted in Bulgaria to cement friendships [Электронный ресурс] / Xinhua. – 2024. – Режим доступа: https://english.news.cn/europe/20241101/c5ee4216561e43abb2563900c511341c/c.html. – (Дата обращения: 08.04.2026).

17. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении сотрудничества в целях поддержания авторитета международного права. – М.: Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2019. – 1 документ. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/2017655/ (дата обращения: 04.05.2026).

18. Flowers of Diplomacy: How Bouquets Build Bridges Between Nations / Modern Diplomacy, 30 Oct. 2024. – Режим доступа: https://moderndiplomacy.eu/2024/10/30/flowers-of-diplomacy-how-bouquets-build-bridges-between-nations/ (дата обращения: 04.05.2026).

19. Варли, Пол. Japanese culture: a short history / Paul Varley. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973. – 1 т. – Режим доступа: https://archive.org/details/japanesecultures00hpau (дата обращения: 04.05.2026).

RESEARCH OF «FLORAL DIPLOMACY» IN ASIAN COUNTRIES AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Galiullina S.D., Salakhova A.R.
Ufa state petroleum technological university

The article examines the phenomenon of floral diplomacy as a specific form of symbolic communication in international and intercultural interactions. The purpose of the study is to identify the features of the use of floral symbols in the diplomatic practice of Asian countries and Russia, as well as to determine prospects for their further development. The research is based on a comparative historical and cultural approach, which makes it possible to trace the evolution of flower symbolism in different civilizational contexts. Particular attention is paid to the analysis of cultural codes associated with flowers and their role in building trust and maintaining interstate relations. It is established that in Asian countries floral symbolism has a more stable traditional basis and is closely related to ritual culture, whereas in Russia its diplomatic use is predominantly adaptive and situational. The conclusion is made about the growing importance of soft forms of diplomacy in the context of globalization.

Keywords: cultural diplomacy, flower symbolism, Asia, Russia, intercultural communication, soft power, tradition.

References

1. Tolmacheva U.K. Floral symbolism in everyday and festive culture of China // Analytics of Cultural Studies. 2011. No. 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetochnaya-simvolika-v-povsednevnoy-i-prazdnichnoy-kulture-kitaya (date of access: 15.04.2026).

2. Bazyma I.V. Color symbolism in ancient India and China / I.V. Bazyma // ChN U. – 2019. – Access mode: https://studfile.net/preview/9155735/page:4/. – (Date of access: 14.04.2026).

3. Tsvetkov A. Yu. Public diplomacy as a resource of foreign policy: the problem of efficiency // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 2010. No. 3. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-kak-resurs-vneshney-politiki-problema-effektivnosti (date of access: 15.04.2026).

4. Tolmacheva U., Romakh O.V. Semiotics of the Flower Image in Culture // Analytics of Cultural Studies. 2010. No. 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semiotichnost-obraza-tsvetka-v-kulture (date of access: 15.04.2026).

5. Yan V., Bertyeva N.N. Symbolism of Plants in China (Peony, Lotus, Orchid) / V. Yan, N.N. Bertyeva // RSHPU. – 2020. – Access mode: https://rghpu.ru/uploads/catalog-files/6629_37-bertyaeva.pdf. – (Accessed: 14.04.2026).

6. Color symbolism of traditional Chinese culture [Electronic resource] // e-Koncept. – 2017. – Access mode: https://e-koncept.ru/2017/771266.htm. – (Accessed: 14.04.2026).

7. Basmanova E.B. "And Flora dropped a flower for them…": the language of flowers in Russian culture. – Moscow: AST, 2020. – 256 p.

8. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. On cooperation between the Russian Federation and the countries of Latin America, Africa, and Asia [Electronic resource]. – Access mode: https://www.mid.ru/ru/maps/.

9. Report on the 2017 APEC Summit in Vietnam [Electronic resource]. – Available at: https://ru.nhandan.vn/megastory. (Accessed: 04.04.2026).

10. The Russian Flower Market: Figures and Trends 2024–2025 [Electronic resource] / WTC Moscow. – Available at: https://wtcmoscow.ru/company/news/6763/. (Accessed: 04.04.2026).

11. The Largest Flower Suppliers to Russia in 2025 Named // PRIME. – 2026. – March 5. – URL: https://1prime.ru/20260305/postavschiki-868030736.html (Accessed: 08.04.2026).

12. Flowers (market of Russia and the world) // TAdviser. – 2026. – URL: https://tadviser.com/index.php/Article: Flowers_(market_of_Russia_and_the_world) (Accessed: 08.04.2026).

13. The share of foreign flowers on the Russian market in 2025 amounted to 80% // Vedomosti. Analytics. – 2026. – March 12. – URL: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2026/03/12/1182251-dolya-inostrannih-tsvetov-na-rossiiskom-rinke-v-2025-godu-sostavila-80 (Accessed: 08.04.2026).

14. Tolmacheva U.K. Floral symbolism in everyday and festive culture of China // Analytics of Cultural Studies. 2011. No. 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetochnaya-simvolika-v-povsednevnoy-i-prazdnichnoy-kulture-kitaya (Accessed: 08.04.2026).

15. Kuzmenko S.S. Features of international flower trade in modern conditions [Electronic resource] / S.S. Kuzmenko. – Access mode: https://s-journal.ru/articles/kuzmenko-svetlana-sergeevna. – (Accessed: 08.04.2026).

16. Chinese peony gardens planted in Bulgaria to cement friendships [Electronic resource] / Xinhua. – 2024. – Available at: https://english.news.cn/europe/20241101/c5ee4216561e43abb2563900c511341c/c.html. – (Accessed: 08.04.2026).

17. Joint Declaration of the Russian Federation and the People's Republic of China on Further Strengthening Cooperation to Maintain the Authority of International Law. – Moscow: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2019. – 1 document. – Available at: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/2017655/ (Accessed: 04.05.2026).

18. Flowers of Diplomacy: How Bouquets Build Bridges Between Nations / Modern Diplomacy, 30 Oct. 2024. – Available at: https://moderndiplomacy.eu/2024/10/30/flowers-of-diplomacy-how-bouquets-build-bridges-between-nations/ (Accessed: 04.05.2026).

19. Varley, Paul. Japanese culture: a short history / Paul Varley. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973. – 1 v. – Available at: https://archive.org/details/japanesecultures00hpau (Accessed: 04.05.2026).

Новые лики глобального колониализма: цифровая зависимость и информационное доминирование

Усачева Вероника Владимировна,
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; старший научный сотрудник Института Африки РАН
E-mail: vvusacheva@fa.ru

Пестерева Анна Владимировна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рождественская Александра Андреевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Статья посвящена анализу феномена цифровой зависимости стран глобального Юга как новой формы колониализма. На основе теоретической рамки Н. Коулдри и У. Мехиаса рассматриваются инфраструктурный, платформенный и дата-колониальный уровни зависимости. Выявлены ключевые механизмы цифрового доминирования Запада: контроль над центрами обработки данных и подводными кабелями, навязывание проприетарных стандартов, экстракция данных, монополизация поисковых систем, использование искусственного интеллекта для подавления альтернативных нарративов, навязывание биометрической идентификации и контроль над платежной инфраструктурой (SWIFT). На примерах стран Африки, Азии и Латинской Америки показана асимметрия в распределении цифровых мощностей и практики эксплуатации труда. Сделан вывод, что страны глобального Юга, обладая суверенитетом де-юре, в цифровом пространстве остаются де-факто колониями, а преодоление этого разрыва требует координации на континентальном уровне и выработки новой этики данных.

Ключевые слова: Цифровой колониализм, глобальный Юг, информационное доминирование, экстракция данных, SWIFT, цифровой суверенитет, биометрическая колониальность, Африка, Латинская Америка, Индия.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для современного мира характерны всесторонние стремительные изменения, вызванные развитием технологий и коммуникаций. Уровень технологий не только выступает критерием конкурентоспособности отдельных государств, но и становится ключевым фактором экономического развития, политического влияния и социального процветания.

В условиях трансформации международных отношений классические формы колониализма – военно-политическое доминирование и прямое изъятие ресурсов – уступают место технологическому и информационному доминированию.

Глобальный Юг, включающий страны Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, оказывается в позиции «цифрового должника», что воспроизводит историческую асимметрию между центром и периферией. Характеристиками «цифрового должника» являются прозрачность данных и автоматические ограничения: «цифровой донор» (западные корпорации и государства) получает возможность контролировать активность стран-реципиентов, накладывать ограничения на использование технологий или прекращать передачу оборудования. Отсутствие конкурентных сервисов-аналогов и способностей к самостоятельному созданию цифровой инфраструктуры ставит Глобальный Юг в зависимое положение.

Контроль над поисковой выдачей и рекомендательными алгоритмами – наименее заметный, но наиболее эффективный механизм информационного доминирования. По состоянию на декабрь 2025 г., доля Google на мировом рынке поисковых систем составляла 90,82%, в Африке – около 96%, в Южной Америке – 91%, в Азии – 93% [1]. Искусственный интеллект используется для подавления альтернативных нарративов: контент на локальных языках стран Глобального Юга систематически получает меньший охват из-за непропорциональных ограничений модерации. Навязывание систем «цифрового гражданства» и биометрической идентификации (в Нигерии и Индии) позволяет западным корпорациям контролировать хранение и передачу персональных данных на безальтернативной основе. Блокировка доступа к финансам через контроль над SWIFT и другими платежными агрегаторами является эффективным инструментом давления, демонстрирует уязвимость экономик. В качестве примера можно привести экономические и финансовые санкции против Ирана в 2012 году, КНДР в 2017 и Россию, начиная с 2014 года.

В современной науке для описания явления используются разные термины, которым еще предстоит стать широко консенсусно принятыми в общественных науках – цифровой колониализм, дата-колониализм, техноколониализм и глобальный колониализм. Термины используются часто, но пока не всегда можно обнаружить четкое понимание их теоретического содержания, методологических оснований и эволюционной логики.

На каждой стадии развития колониализма мы можем заметить неразрывную связь накопления капитала и колониальной эксплуатации, так называемая «колониально-капиталистическая спираль» работает безупречно. И цифровой колониализм не отменяет старые формы, а встраивается или настраивается над ними, что необходимо учитывать, вырабатывая стратегии деколонизации [2]. Основными теоретиками, развивающими концепт дата-колониализма, являются Ник Коулдри (The London School of Economics and Political Science) м Улисес Мехиас (State University of New York), которые и ввели понятие «колониально-капиталистической спирали. Так же они находят сходство с историческим колониализмом. Современные цифровые практики занимаются изъятием ценностей без компенсации, существуют асимметричные властные отношения и колонизируемым навязывают внешние нормы. Таким образом капиталистическое накопление тоже опирается на колониальную эксплуатацию и цифровой колониализм закручивает эту спираль, лишь меняя объект изъятия [3].

Цифровые платформы навязывают западные категории знания, подавляя альтернативные способы познания. Техноразнообразие (technodiversity) признает, что технологии производятся разными системами знания, идеологиями и культурными практиками [4]. Насилие дата-колониализма принимает символические и экономические формы: создаются «цифровые гетто», определенные категории дискриминируются через алгоритмы, поведением потребителей/производи-

телей легко манипулируют, не обращают внимание на экологический ущерб от дата-центров. Опираясь на концепцию культурной гегемонии А. Грамши [5], можно описать господство Запада и IT-корпораций не через прямое насилие, а через формирования культуры, ценностей и мировоззрения, которое понимается как норма, не следующие этой норме подвергаются насилию исключение и невидимости, их жизнь фактически превращается ресурс без осмысленного согласия [3].

Согласно концепции дата-колониализма (или цифрового колониализма) контроль над обществами и территориями капиталистические державы устанавливают через присвоение цифровых процессов и продуктов, а человеческие жизни отчуждающая через преобразование их в данные [3].

При этом термин «глобальный колониализм» не является просто синонимом цифрового колониализма, охватившего весь мир. Мы имеем дело с качественно новой, интегральной системой доминирования, экспортируются и природные ресурсы, и человеческий труд, и сама человеческая жизнь, преобразованная в форму цифровых данных.

Цифровой колониализм породил и новые инструменты контроля – технологическую зависимость, диктат платформ, контроль алгоритмов. Главными выгодоприобретателями становятся не государства, а транснациональные технокорпорации (GAFAM), чья власть нередко превосходит влияние национальных государств, а государство как институт служит их интересам.

Наконец, глобальный колониализм несет в себе экзистенциальную угрозу. Речь идет не только об экономической зависимости, но и о размывании приватности, подрыве личной автономии, утрате культурной идентичности и, в конечном счете, об обесценивании самого человеческого достоинства. Переосмысливая наследие Нкрумы и Мбембе, разрозненные регуляторные режимы лишь усиливают переговорные позиции транснациональных платформ. Напротив, координация на континентальном или межгосударственном уровне представляет собой не идеологическое предпочтение, а насущную материальную необходимость [2].

В основе цифрового доминирования лежат несколько ключевых механизмов: контроль над критической цифровой инфраструктурой (облачные сервисы, кабельные системы, DNS), навязывание технологических стандартов и проприетарного ПО, экстракция данных как аналог сырьевого экспорта без справедливой компенсации, контроль над поисковой выдачей и рекомендательными алгоритмами, навязывание систем цифровой идентификации. Данная глава последовательно анализирует три уровня цифровой зависимости – инфраструктурный, платформенный и дата-колониальный – на конкретных примерах стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Первый и наиболее очевидный механизм цифрового колониализма – это контроль над физической инфраструктурой сети. Классический колониализм начинался с контроля над портами и путями сообщения. В цифровую эпоху эту роль играют центры обработки данных (ЦОД) и подводные кабельные системы. Без физического присутствия серверов и каналов связи цифровой суверенитет невозможен.

Распределение мировых мощностей ЦОД критически неравномерно. На Африку (1,4 млрд человек) приходится менее 1% мировых ЦОД – 211 объектов (0,15 на 1 млн жителей). В Северной Америке – 5 767 ЦОД (9,6 на 1 млн), то есть в 64 раза больше. В Европе – 3 362 ЦОД (4,5), в Азии – 1 818 (0,4) при 60% населения планеты, в Южной Америке – 654 (1,5), причем 57% мощностей региона сосредоточено в Бразилии и Мексике [7].

Ежегодный рост мобильного трафика в Африке (около 40%) вдвое превышает среднемировой, но большинство данных обрабатывается за пределами континента. Аналогичная ситуация в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Исключение – Сингапур, который стал региональным хабом обработки данных, интегрированным в инфраструктуру западных Big Tech [6].

Подводная кабельная инфраструктура контролируется американскими и китайскими корпорациями (Comcast, Vodafone, Liberty Global). Африканские страны вынуждены арендовать каналы связи, не контролируя маршрутизацию собственного трафика. Доступ регионов Глобального Юга к сети зависит от владельцев кабелей. В случае геополитических или технических проблем доступ может быть отрезан, а обслуживание кабелей осуществляется западными компаниями (например, американской Telxius) [7; 8; 9].

Существует и юридическая зависимость: большинство облачных сервисов (AWS, Microsoft Azure, Google Cloud) работают под юрисдикцией США и ЕС. Данные на их серверах, даже физически расположенных в странах Глобального Юга (ЮАР, Бразилия), подпадают под действие Patriot Act и CLOUD Act, что позволяет американским властям получать доступ к информации без уведомления [10; 11; 12].

Заключительными механизмами, замыкающими контур цифровой несвободы, являются системы цифровой идентификации (Digital ID) и платежная инфраструктура. Во многих странах Африки и Азии (например, при реализации программ социальной поддержки) внедряются биометрические системы идентификации, технически реализованные западными корпорациями (IDEMIA, Thales и др.) и интегрированные с их облачными платформами. Это означает, что уникальные биометрические данные (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза) граждан этих стран физически хранятся на серверах, находящихся под юрисдикцией США или стран ЕС. В случае конфликта западные государства получают техническую возможность ограничить доступ к этим системам, что парализует выдачу пособий и даже проведение выборов, делегитимизируя государственное управление.

Академическое исследование, проведенное под руководством В. Ивуохи (2024 г.), вводит понятие «биометрической колониальности» для описания ситуации в Нигерии. Авторы демонстрируют, как внедрение программы Identity for Development (ID4D) привело к формированию «биометрического государства», в котором западные конгломераты установили «монополистическую осаду африканского цифрового рынка». В рамках данной программы, финансируемой Всемирным банком, нигерийские граждане были включены в систему биометрической идентификации, техническая инфраструктура которой контролируется европейскими и американскими корпорациями. Особую тревогу вызывают выводы о том, что «биометрические государства» становятся соучастниками собственной эксплуатации: «цифровые субъекты, включая уязвимые слои населения и мигрантов, противостоят глубоко встроенной биометрической структуре власти, в рамках которой институционализированы контроль миграции, биометрическая полицейская деятельность, гендерная объективация, мошенничество, исключение, целенаправленное подавление, слежка и нарушение конфиденциальности персональных данных» [13].

Второй уровень цифровой зависимости – платформенный. Цифровой суверенитет стран глобального Юга существенно ограничен монополией западных платформ – прежде всего Meta, Google, Amazon и Microsoft – на рынках операционных систем, поисковых сервисов, социальных сетей и облачных вычислений.

Контроль над поисковой выдачей и рекомендательными алгоритмами – наименее заметный, но наиболее эффективный механизм информационного доминирования. Поисковые системы (Google), социальные сети (Facebook[1], TikTok) и видеохостинги (YouTube) формируют картину мира для миллиардов пользователей на Глобальном Юге.

По состоянию на декабрь 2025 г., доля Google на мировом рынке поисковых систем составляла подавляющие 90,82%. В регионах глобального Юга также сохраняется крайне высокая концентрация: доля Google в Африке составляет около 96%, в Южной Америке – 91%, в Азии – 93%. Данные показатели свидетельствуют о сохранении американскими корпорациями глобальной и региональной монополии, позволяющей выстраивать алгоритмические системы для формирования определенного образа восприятия информации, когнитивных фреймов и предпочтений пользователей [14].

В Африке доминирование Meta проявляется в формуле «Facebook – это интернет»: с 2015 года программа Free Basics, охватившая 32 страны, предоставляет бесплатный, но ограниченный доступ к интернету в обмен на сбор данных пользователей, что нарушает принципы сетевого нейтралитета [15]. Согласно исследованию GeoPoll, 82% пользователей соцсетей в Гане, Кении и ЮАР активно используют Facebook, при этом на континенте растет влияние TikTok как платформы для новостей и политической мобилизации, что вызывает обеспокоенность властей [16]. Аналогичная ситуация наблюдается в Латинской Америке с мессенджером WhatsApp (также принадлежит Meta): в Бразилии 93% респондентов являются его активными пользователями, а в ходе президентских выборов 2018 года сервис использовался для массовых рассылок дезинформации в поддержку Жаира Болсонару [17].

Третий механизм цифровой зависимости – навязывание проприетарных стандартов и протоколов. Большинство государственных систем в Африке и Азии построено на операционных системах Windows или macOS, офисных пакетах Microsoft 365 и проприетарном ПО Oracle или SAP. Это создает эффект «блокировки поставщика» (vendor lock-in). То есть для большинства стран Глобального Юга переход на отечественное ПО и локальные разработки затруднителен из-за больших финансовых затрат и отсутствия или недостатка квалифицированного персонала.

Развитые страны с помощью технологий искусственного интеллекта навязывают странам Глобального Юга западные стандарты об-

[1] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

работки данных, что подрывает автономность их цифровых экосистем и создает зависимость от западных корпораций. Если отказаться от использования протоколов Single Sign-On (SSO), которые прилагает Google или Meta[1], то граждане стран Глобального Юга лишатся доступа к ключевым цифровым сервисам (Play Store, Google Drive, Gmail), что делает отказ затруднительным а независимую цифровую политику невозможной [18].

Добывание и присвоение данных (экстракция) – это экономическая основа цифрового неоколониализма, важные ресурсы, сырье, какими были в XIX веке золото и каучук. Теперь «сырьем» становятся биометрия, поведенческие модели, культурные коды. Транснациональные корпорации, большинство из которых базируется в США, собирают эти данные в социальных сетях, через поисковик практически бесплатно, предоставляя взамен якобы бесплатный доступ к сервисам. По сути это даже хуже чем колониальная торговля, там за ресурсы платили заниженную или символическую цену.

Мы видим ярко выраженную зависимость в полном соответствии с теорией, где ресурсы перетекают от периферии к ядру, поддерживая и усиливая неравенство[19]. В цифровую эпоху этот процесс получил название алгоритмического экстрактивизма: данные граждан Кении, Нигерии или Индонезии обучают модели ИИ (GPT-4, Gemini), а затем эти же страны вынуждены покупать лицензии на уже обученные на их данных модели за твердую валюту. Возникает парадокс: чем активнее население пользуется интернетом, тем больше данных оно отдает на Запад, увеличивая свое технологическое отставание [3].

Глобальный Север делегирует «грязную» работу по модерации контента странам Юга. Филиппины стали крупным центром фильтрации насильственных и экстремистских материалов для Facebook[2], YouTube и Twitter: тысячи местных рабочих через субподрядные агентства ежедневно просматривают шокирующий контент за минимальную плату и без психологической поддержки [20]. Компания OpenAI платила кенийским работникам менее 2 долларов в час за разметку травматичного контента для ChatGPT, оставляя интеллектуальную собственность за корпорациями из Кремниевой долины – это новая форма полуколониальной эксплуатации, где «грязная работа» перекладывается на население бывших колоний [21].

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что страны Глобального Юга, обладая суверенитетом де-юре, в цифровом пространстве остаются де-факто колониями. Преодоление этого разрыва требует не только политической воли и инвестиций, но и координации на континентальном уровне, развития альтернативных технологических проектов и выработки новой этики данных, основанной на справедливой компенсации и уважении к локальным способам знания и бытия. Как и в эпоху антиколониальной борьбы XX века, будущее зависит от способности к самоорганизации, коллективным действиям и сопротивлению – но теперь уже в цифровом измерении.

Таким образом, цифровой колониализм – это не просто риторическая метафора, а эмпирически верифицируемая реальность. Анализ распределения ЦОД, рыночных долей платформ, кейсов экстракции данных и эксплуатации труда подтверждает, что страны Глобального Юга включены в глобальное цифровое пространство на принципиально асимметричных условиях.

Технологическая трансформация мира на данный момент представляется неизбежной, страны Глобального Юга не просто должны ускорять свою технологическую трансформацию, а задаться вопросом – на каких условиях и под чьим контролем эта трансформация будет происходить. Будущее глобального цифрового порядка, как и в эпоху антиколониальной борьбы, зависит от способности незавидных стран к самоорганизации, коллективным действиям и сопротивлению, но уже в новом, цифровом измерении.

Литература

1. US law in European data centres? The CLOUD Act makes it possible [Электронный ресурс] // OpenCloud. – 2025. – 24 July. – Режим доступа: https://opencloud.eu/en/the-cloud-act-makes-it-possible (дата обращения: 05.04.2026).
2. Ifoh P. Digital extraction and the new logic of underdevelopment: re-reading Rodney, Nkrumah and Mbembe in the age of data capitalism [Электронный ресурс] / P. Ifoh // Review of African Political Economy. – 2026. – Режим доступа: https://roape.net/writer/prince-ifoh/ (дата обращения: 05.04.2026).
3. Couldry N. The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism [Электронный ресурс] / N. Couldry, U.A. Mejias. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 323 p. – Режим доступа: https://www.sup.org/books/cite/?id=28816 (дата обращения: 03.03.2026).
4. Belitz C. Resisting Data Colonialism: A Practical Intervention – By Members and Allies of the Tierra Común Network [Электронный ресурс] / C. Belitz и др. // Institute of Network Cultures. – 2023. – Режим доступа: https://www.academia.edu/114230693/Resisting_Data_Colonialism_A_Practical_Intervention_By_members_and_allies_of_the_Tierra_Común_Network (дата обращения: 03.03.2026).
5. Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Том 3. Тюремные тетради. Перевод с итальянского В.С. Бондарчука, Э.Я. Егермана, И.Б. Левина. М.: Издательство иностранной литературы. Редакция литературы по историческим наукам, 1959.
6. Number of Data Centers by Country (November 2025) [Электронный ресурс] // Cargoson. – Режим доступа: https://www.cargoson.com/en/blog/number-of-data-centers-by-country (дата обращения: 11.03.2026).
7. Cloud Sovereignty and the Global South: An analysis of dependency on US hyperscalers [Электронный ресурс] // TechPolicy.Press. – 2025. – 10 сентября. – Режим доступа: https://techpolicy.press (дата обращения: 13.03.2026).
8. Subsea Cable Resilience Workshop Calls for Rethink of Africa's Critical Infrastructure [Электронный ресурс] // Space Watch Africa. – 2026. – 19 April. – Режим доступа: https://spacewatchafrica.com/subsea-cable-resilience-workshop-calls-for-rethink-of-africas-critical-infrastructure/ (дата обращения: 05.04.2026).
9. Mwema E. Undersea Cables in Africa: The new frontiers of digital colonialism [Электронный ресурс] / E. Mwema, A. Birhane // Mozilla Foundation. – 2024. – 15 April. – Режим доступа: https://www.mozillafoundation.org/en/blog/new-research-proposed-undersea-cables-in-africa-exemplify-digital-colonialism/ (дата обращения: 05.04.2026).
10. How Different Regions Are Rethinking Their Approaches to Subsea Cables [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. – 2025. – 4 June. – Режим доступа: https://carnegieendowment.org/emissary/2025/06/subsea-cable-approaches-lessons-europe-africa-southeast-asia (дата обращения: 05.04.2026).
11. CLOUD Act: US law enforcement's extraterritorial reach [Электронный ресурс] // Linklaters. – 2019. – 13 September. – Режим доступа: https://www.linklaters.com/en/insights/blogs/digilinks/2019/september/us-cloud-act-and-gdpr-is-the-cloud-still-safe (дата обращения: 05.04.2026).
12. Foreign Intelligence Surveillance Act (FISA) [Электронный ресурс] // Electronic Frontier Foundation. – 2013. – 14 June. – Режим доступа: https://www.eff.org/deeplinks/2013/06/modern-foreign-surveillance-legal-perspective (дата обращения: 05.04.2026).
13. Iwuoha V. Biometric Coloniality: Digital Consensus and the Biometric State in Nigeria [Электронный ресурс] / V. Iwuoha // Bayreuth Academy of Advanced African Studies. University of Bayreuth. – 2024. – 6 июня. – Режим доступа: https://www.bayreuth-academy.uni-bayreuth.de/en/News_Activities/Fellows_-lectures/SS-24/iwuoha-victor-more/index.html (дата обращения: 02.04.2026).
14. Search Engine Market Share Worldwide [Электронный ресурс] // StatCounter Global Stats. – Декабрь 2025. – Режим доступа: https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share (дата обращения: 17.04.2026).
15. How Facebook took over the internet in Africa – and changed everything [Электронный ресурс] // The Guardian. – 2022. – 20 January. – Режим доступа: https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/20/facebook-second-life-the-unstoppable-rise-of-the-tech-company-in-africa (дата обращения: 17.04.2026).
16. Social Media Usage Trends in Africa: GeoPoll Report [Электронный ресурс] // GeoPoll. – 2025. – Режим доступа: https://www.geopoll.com/blog/social-media-usage-trends-in-africa-geopoll-report/ (дата обращения: 17.04.2026).
17. Frequency of WhatsApp usage among smartphone owners in Brazil from 2019 to 2025 [Электронный ресурс] // Statista. – 2025. – Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/1076956/brazil-frequency-whatsapp-usage/ (дата обращения: 21.04.2026).
18. Кубанцева Е.В. Искусственный интеллект как ресурс цифрового неоколониализма и его влияние на цифровой суверенитет / Е.В. Кубанцева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2026. – Т. 26, вып. 6. – С. 101–109.
19. Rikap C. Digital Dependency Theory: Sovereignty and Development in 21st Century Capitalism [Электронный ресурс] / C. Rikap. – Barcelona: Caja Negra, 2025. – Режим доступа: https://www.uab.cat/web/sala-de-premsa-icta-uab/detall-activitat/book-launch-digital-dependency-theory-sovereignty-and-development-in-21st-century-capitalism-by-

[1] Признана в РФ экстремистской организацией

[2] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

cecilia-rikap-1345819907284.html?detid=1345978633374 (дата обращения: 13.04.2026).

20. The people tasked with cleaning up social media and the ugly consequences [Электронный ресурс] // NZ Herald. – Режим доступа: https://www.nzherald.co.nz/business/companies/media-marketing/the-people-tasked-with-cleaning-up-social-media-and-the-ugly-consequences/A7XYRKBOBLWHBBMVAHXW323Q44/ (дата обращения: 15.04.2026).

21. Perrigo B. Exclusive: The $2 Per Hour Workers Who Made ChatGPT Safer [Электронный ресурс] / B. Perrigo // TIME. – 2023. – 18 января. – Режим доступа: https://time.com/6247678/openai-chatgpt-kenya-workers/ (дата обращения: 15.04.2026).

NEW FACES OF GLOBAL COLONIALISM: DIGITAL DEPENDENCY AND INFORMATION DOMINANCE[1]

Usacheva V.V., Pestereva A.V., Rozhdestvenskaya A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation, Institute for African Studies RAS

The article analyzes the phenomenon of digital dependency of the Global South as a new form of colonialism. Based on the theoretical framework of Nick Couldry and Ulises Mejias, the author examines three levels of dependency: infrastructural, platform-based, and data-colonial. Key mechanisms of Western digital dominance are identified: control over data centers and submarine cables, imposition of proprietary standards, data extraction, monopolization of search engines, use of artificial intelligence to suppress alternative narratives, imposition of biometric identification, and control over payment infrastructure (SWIFT). Using case studies from Africa, Asia, and Latin America, the article demonstrates the asymmetry in the distribution of digital capacities and labor exploitation practices. The conclusion is drawn that the countries of the Global South, possessing de jure sovereignty, remain de facto colonies in the digital space, and overcoming this gap requires continental coordination and the development of a new data ethics.

Keywords: Digital colonialism, Global South, information dominance, data extraction, SWIFT, digital sovereignty, biometric coloniality, Africa, Latin America, India.

References

1. US law in European data centers? The CLOUD Act makes it possible [Electronic resource] // OpenCloud. – 2025. – July 24. – Access mode: https://opencloud.eu/en/the-cloud-act-makes-it-possible (accessed: 05.04.2026).

2. Ifoh P. Digital extraction and the new logic of underdevelopment: re-reading Rodney, Nkrumah, and Mbembe in the age of data capitalism [Electronic resource] / P. Ifoh // Review of African Political Economy. – 2026. – Access mode: https://roape.net/writer/prince-ifoh/ (accessed: 05.04.2026).

3. Couldry N. The Costs of Connection: How Data Is Colonizing Human Life and Appropriating It for Capitalism [Electronic resource] / N. Couldry, U.A. Mejias. – Stanford: Stanford University Press, 2019. – 323 p. – Access mode: https://www.sup.org/books/cite/?id=28816 (accessed: 03.03.2026).

4. Belitz C. Resisting Data Colonialism: A Practical Intervention – By Members and Allies of the Tierra Común Network [Electronic resource] / C. Belitz et al. // Institute of Network Cultures. – 2023. – Access mode: https://www.academia.edu/114230693/Resisting_Data_Colonialism_A_Practical_Intervention_By_members_and_allies_of_the_Tierra_Común_Network (date of access: 03.03.2026).

5. Gramsci A. Selected works in three volumes. Volume 3. Prison notebooks. Translated from Italian by V.S. Bondarchuk, E. Ya. Moscow: Publishing house of foreign literature. Editorial office of literature on historical sciences, 1959.

6. Number of Data Centers by Country (November 2025) [Electronic resource] // Cargoson. – Available at: https://www.cargoson.com/en/blog/number-of-data-centers-by-country (Accessed: March 11, 2026).

7. Cloud Sovereignty and the Global South: An Analysis of Dependency on US Hyperscalers [Electronic resource] // TechPolicy.Press. – September 10, 2025. – Available at: https://techpolicy.press (Accessed: March 13, 2026).

8. Subsea Cable Resilience Workshop Calls for Rethinking Africa's Critical Infrastructure [Electronic resource] // Space Watch Africa. – April 19, 2026. – Available at: https://spacewatchafrica.com/subsea-cable-resilience-workshop-calls-for-rethink-of-africas-critical-infrastructure/ (Accessed: 05.04.2026).

9. Mwema E. Undersea Cables in Africa: The new frontiers of digital colonialism [Electronic resource] / E. Mwema, A. Birhane // Mozilla Foundation. – 2024. – 15 April. – Available at: https://www.mozillafoundation.org/en/blog/new-research-proposed-undersea-cables-in-africa-exemplify-digital-colonialism/ (Accessed: 05.04.2026).

10. How Different Regions Are Rethinking Their Approaches to Subsea Cables [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. – 2025. – 4 June. – Available at: https://carnegieendowment.org/emissary/2025/06/subsea-cable-approaches-lessons-europe-africa-southeast-asia (accessed: 05.04.2026).

11. CLOUD Act: US law enforcement's extraterritorial reach [Electronic resource] // Linklaters. – 2019. – 13 September. – Available at: https://www.linklaters.com/en/insights/blogs/digilinks/2019/september/us-cloud-act-and-gdpr-is-the-cloud-still-safe (accessed: 05.04.2026).

12. Foreign Intelligence Surveillance Act (FISA) [Electronic resource] // Electronic Frontier Foundation. – 2013. – June 14. – Access mode: https://www.eff.org/deeplinks/2013/06/modern-foreign-surveillance-legal-perspective (accessed: 05.04.2026).

13. Iwuoha V. Biometric Coloniality: Digital Consensus and the Biometric State in Nigeria [Electronic resource] / V. Iwuoha // Bayreuth Academy of Advanced African Studies. University of Bayreuth. – 2024. – June 6. – Available at: https://www.bayreuth-academy.uni-bayreuth.de/en/News_Activities/Fellows_-lectures/SS-24/iwuoha-victor-more/index.html (Accessed: 02.04.2026).

14. Search Engine Market Share Worldwide [Electronic resource] // StatCounter Global Stats. – December 2025. – Available at: https://gs.statcounter.com/search-engine-market-share (Accessed: 17.04.2026).

15. How Facebook took over the internet in Africa – and changed everything [Electronic resource] // The Guardian. – 20 January 2022. – Available at: https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/20/facebook-second-life-the-unstoppable-rise-of-the-tech-company-in-africa (Accessed: 17.04.2026).

16. Social Media Usage Trends in Africa: GeoPoll Report [Electronic resource] // GeoPoll. – 2025. – Available at: https://www.geopoll.com/blog/social-media-usage-trends-in-africa-geopoll-report/ (Accessed: 17.04.2026).

17. Frequency of WhatsApp usage among smartphone owners in Brazil from 2019 to 2025 [Electronic resource] // Statista. – 2025. – Available at: https://www.statista.com/statistics/1076956/brazil-frequency-whatsapp-usage/ (Accessed: 21.04.2026).

18. Kubantseva E.V. Artificial Intelligence as a Resource of Digital Neocolonialism and its Impact on Digital Sovereignty / E.V. Kubantseva // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. – 2026. – Vol. 26, issue. 6. – P. 101–109.

19. Rikap C. Digital Dependency Theory: Sovereignty and Development in 21st Century Capitalism [Electronic resource] / C. Rikap. – Barcelona: Caja Negra, 2025. – Access mode: https://www.uab.cat/web/sala-de-premsa-icta-uab/detall-activitat/book-launch-digital-dependency-theory-sovereignty-and-development-in-21st-century-capitalism-by-cecilia-rikap-1345819907284.html?detid=1345978633374 (accessed: 13.04.2026).

20. The people tasked with cleaning up social media and the ugly consequences [Electronic resource] // NZ Herald. – Available at: https://www.nzherald.co.nz/business/companies/media-marketing/the-people-tasked-with-cleaning-up-social-media-and-the-ugly-consequences/A7XYRKBOBLWHBBMVAHXW323Q44/ (Accessed: 15.04.2026).

21. Perrigo B. Exclusive: The $2 Per Hour Workers Who Made ChatGPT Safer [Electronic resource] / B. Perrigo // TIME. – 2023. – January 18. – Available at: https://time.com/6247678/openai-chatgpt-kenya-workers/ (Accessed: 15.04.2026).

[1] The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under a state assignment to the Financial University.

Вклад научной дипломатии в укрепление международных технологических отношений

Алборова Марианна Борисовна,
кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alborova2205@mail.ru

Хачатурова Розанна Сергеевна,
аспирант, Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: winter.academy@mail.ru

Активное развитие технологического мира требует более высокого уровня международного взаимодействия в научной сфере. В этих условиях Россия стремится расширить горизонты академического взаимодействия усиливая сотрудничество со странами ЕАЭС, Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Африки.

Современные вызовы, с которыми столкнулся мир требуют плотного диалога в промышленно-техническом, инновационно-технологическом и научно-образовательном направлениях. Именно поэтому изучение вопроса о многоаспектной дипломатической работе в научно-технологической сфере представляет значительный интерес в научном дискурсе.

Целью исследования является анализ роли и значения научной дипломатии в условиях формирования глобальной технологической революции. В статье сделан акцент на научном сотрудничестве в сферах, определяющих вопросы безопасности и перспективного развития современной цивилизации. В данном контексте рассматриваются институциональные и правовые механизмы международного диалога в научной дипломатии. В работе представлены как перспективные решения, так и факторы осложняющие процессы взаимодействия стран.

Опираясь на методы сравнительного анализа и анализа официальных документов, была выявлена эволюция и современное состояние научной дипломатии в технологической сфере.

В заключении авторы предлагают ряд прикладных рекомендаций, направленных на расширение потенциала возможностей научной дипломатии, что в свою очередь позволит повысить эффективность технологического развития и укрепит научный суверенитет страны.

Статья будет полезна студентам, магистрам, исследователям, научным сотрудникам, которые специализируются на изучении международных научно-технологических отношений.

Ключевые слова: научная дипломатия, дипломатия для науки, национальный интерес, двустороннее сотрудничество, экономическое развитие, технологический уклад, цифровизация, научно-технологическое сотрудничество, культурно-гуманитарное сотрудничество.

Введение

Международное научно-технологическое сотрудничество на современном этапе находится на наиболее высоком уровне, это обусловлено экспоненциальным ростом развития инноваций в мире, невероятным темпом освоения знаний и необходимостью создания наукоёмкой продукции, производимой на собственной технологической основе. Все эти факторы, соответственно, требуют организации комплексной системы подготовки кадров, усиливают роль академических обменов, актуализируют значение международного диалога по вопросам накопления научных знаний и создания передовых технологий.

Важно отметить, что современные вызовы невозможно решить силами одного государства, такие вопросы как глобальное изменение климата, риски нового технологического и информационного мира и др. требуют значительной консолидации усилий всех стран.

Россия одна из ведущих мировых держав с мощным ресурсным потенциалом и исторически накопленной научной и академической школой. Отечественная инженерная база насчитывает более 400 лет развития, за эти годы собран и проанализирован значительный практический и теоретический опыт решения задач по обеспечению как вопросов безопасности страны, так и вопросов ее стратегического научно-технического развития. Более того, российская наука внесла значительный вклад в развитие мирового технологического прогресса, что качественно повлияло на все сферы общества. Российская академия наук за более чем 300 летний период своего существования, сконцентрировала на своей площадке огромный объем исследований и разработок, которые позволяют сегодня реализовывать прорывные проекты в ключевых сферах.

На современном этапе Российская академия наук постоянно наращивает потенциал международного диалога, осуществляет успешное сотрудничество с научными организациями и научными центрами из 32 стран, проводит более 40 международных форумов, семинаров и конференций, имеет членство в 42 –х международных неправительственных организациях [1]..

Сегодня глобальная кооперация ученых это не просто потребность времени, это жизненная необходимость. Современная научная дипломатия стала симбиозом науки, практикоориентированной исследовательской базы и широкого спектра дипломатических усилий. Этот фактор отмечается и в «Мадридской декларации о научной деятельности» [2], опубликованной в 2019 году в рамках первого глобального совещания по научной дипломатии. Наука вне границ, она, как и культура имеет общемировое значение.

В декларации отмечается, что «научная дипломатия – шире международного научного сотрудничества, поскольку она затрагивает интересы, которые выходят за рамки научных и могут прямо или косвенно служить достижению внешнеполитических целей».

Широкий спектр научной дипломатии дает возможность осуществлять научную коммуникацию на всех уровнях, объединяя исследователей, открывая возможности для публикаций, предоставляя разнообразные площадки для обмена опытом. Целью научной дипломатии в этих условиях может быть установление международного научного сотрудничества ученых разных стран [3].

Россия активно включена в процессы международного научно-технологического сотрудничества. Еще в начале XXI века президентом нашей страны была поставлена задача перехода к инновационной экономике. Вызовы нового времени потребовали не только запуска инновационных программ и создания комплексной сети уникальных установок класса «мегасайенс», но формирования кадровой инфраструктуры для подготовки высококвалифицированных профессионалов в разных отраслях науки и социально-экономическом секторе. На фоне этих процессов актуализируется и значение научного суверенитета. Это понятие, как справедливо отмечает О.С. Сухарев, не тождественно политике изоляционизма. Научный суверенитет – это не закрытость, а способность страны самостоятельно определять стратегические приоритеты научных исследований и выстраивать эффективную систему генерации знаний, не подменяя их внешними, зачастую чуждыми целями и правилами. Более того, сама природа науки требует открытости, обмена идеями и международной кооперации: как подчёркивает О.С. Сухарев, деградация научного потенциала и сохранение подлинного суверенитета в современном мире являются несовместимыми процессами. Именно поэтому научная дипломатия призвана не про-

тивопоставлять, а гармонизировать эти два начала – открытость миру и защиту собственного научного «ядра».

В условиях современной мировой трансформации, когда противоречия в мире нарастают, научная дипломатия оказывается в двойственном положении. С одной стороны, резко возрастает потребность обмена результатами научных исследований и разработок, с другой стороны конкуренция стран и защита собственных национальных интересов требует более внимательной концентрации на национальной науке и вопросах научного суверенитета. Двойственность, о которой идёт речь, заключается в том, что, с одной стороны, глобальные вызовы (от климата до новых пандемий) требуют объединения усилий учёных всего мира, что невозможно без открытости и обмена данными [4]. С другой стороны, конкуренция за технологическое лидерство вынуждает государства защищать свои научные школы и приоритеты. Задача научной дипломатии как раз и состоит в том, чтобы найти этот баланс, обеспечивая национальную безопасность через развитие, а не через изоляцию.

Проблематика научной дипломатии широко освещена в работах А.В. Торкунова и В.Я. Панченко. Так, в статье «Ученый как дипломат» [5] авторы отмечают значимость вклада ученых в регулирование дипломатическим путем острейших глобальных проблем.

Уникальная серия работ по научной дипломатии представлена профессором, академиком РАН Чубарьяном А.О. [6] он акцентирует внимание на роли научной дипломатии в формировании нового мирового порядка.

Значительное внимание теме отмечается и в работах Д. Макоевой, А Горохова, М. Гутенева. Авторы достаточно подробно рассмотрели теоретические основы научной дипломатии. Значение международных научно-технологических отношений (МНТО) также находится в политическом дискурсе как российских, так и зарубежных авторов.

Глубокий анализ институциональной системы научной дипломатии проведен в работах профессора Президентской академии Красновой Г.А.

Работы Бирюкова А.В. [7] посвящены основным направлениям международных научно-технологических отношений в эпоху глобализации, рассмотрены ключевые тренды и перспективы реализации научных связей, значительное внимание уделено технологическому трансферу.

Научная дипломатия в технологической сфере дает возможность не только расширить потенциал инновационного развития страны, но и играет значимую роль в укреплении научного суверенитета российского государства.

В статье рассматриваются следующие аспекты:

во-первых – научная дипломатия, как значимый фактор укрепления международного сотрудничества;

во-вторых – нормативно-правовые и институциональные основы;

в-третьих – научно-технологические проекты и молодые научные кадры, и значение подготовки научно-технологических кадров для будущего.

В статье подчеркивается значение международного диалога в научной сфере в условиях усиления темпов научно-технического прогресса и его влияния на изменение всех сфер жизнедеятельности общества.

Научная дипломатия как фактор укрепления международного сотрудничества

Дипломатическая сфера многогранна и определяет широкие возможности сотрудничества, занимая особую роль в организации международных связей, при этом научная дипломатия актуализируется в периоды формирования нового технологического уклада.

Сегодня дипломатическая работа в этой сфере получает новые смыслы и приоритеты, формируется новая нормативная база, расширяется количество акторов этого процесса. Многополярность увеличивает потенциалы стран и усиливает значение совместной работы дипломатов, ученых и ведущих экспертов в мире ради достижения более качественного уровня развития человеческой цивилизации и обеспечения ее безопасности.

Место государства на мировой арене сегодня определяется его умением ответить на вызовы эпохи, отстоять свои национальные интересы, а для этого необходимо иметь сильную экономику, опирающуюся на достижения фундаментальной науки. Именно поэтому задачей дипломатов в научно-технологической сфере становится как формирование и укрепление международных научных связей, так и создание эффективных форматов и академических партнерств для выработки направлений научной работы с целью укрепления фундаментальных основ стратегического развития стран.

Стремления ученых к объединению на международном уровне исторически закономерны. Еще в 1950 году в Варшаве был создан Всемирный совет мира, который возглавил француз Ф. Жолио-Кюри, целью Совета была координация деятельности широкой мировой общественности в борьбе за мир и безопасность. Деятельность этого Совета практически на 90% обеспечивалась поддержкой Советского Союза.

Научная дипломатия неоднократно вставала на путь обеспечения безопасности и защиты мира. В 1956 году были проведены совместные научно-исследовательские работы ученых из США и СССР в рамках биомедицинских изысканий в итоге этого сотрудничества была создана вакцина от полиомиелита, которая не теряет своей значимости и на современном этапе.

Позднее было создано Пагуошское движение ученых, в рамках деятельности которого были достигнуты договоренности по обеспечению безопасности в ядерную эпоху. В этот период наша страна внесла значительный вклад в консолидацию достижений ученых, неоднократно научные конференции проводились в СССР. В этом же 1956 году в академическом городке Дубна был создан Объединённый институт ядерных исследований, который впоследствии достиг уникальных научных результатов мирового уровня.

В 1968 г. был организован Римский клуб, который стал центром исследования перспектив человечества [8].

Советская наука внесла значительный вклад в развитие мировой научной мысли. Фундаментальные работы были реализованы в атомной сфере космосе, энергетике. Невозможно не отметить в этом контексте и значение академических городков, в рамках деятельности которых проводились уникальные исследования и обмены опытом через международные конференции.

Россия и сегодня уверенно идет по пути расширения академических контактов, наращивается интенсивность количества совместных прикладных и научно-исследовательских проектов. Наиболее ярким примером является многогранная работа, которая осуществляется в рамках БРИКС. Так, например, ведутся глобальные научно-исследовательские проекты в области ядерной физики, значительное внимание уделяется перспективе развития нейронауки и биотехнологиям, исследованию космоса и т.д.

По инициативе России была создана платформа BRICS GRAIN [9], которая предназначена для активизации взаимодействия рабочих групп и исследователей из стран БРИКС. Платформа позволяет объединять ученых для участия в проектах класса «мегасайенс» и проводить научную работу в области биологии, фундаментальной физики, нанотехнологиях и др.

Уникальные проекты ведутся сегодня учеными и в космической сфере. Еще в 2022 году был создан Совместный комитет по космическому сотрудничеству [10], в рамках которого реализуются большие международные проекты в этой сфере.

Продолжается научно-исследовательская работа в сфере агротехнологий. В 2024 году в Сколково была проведена встреча Рабочей группы БРИКС по биотехнологиям и биомедицине.

Международное сотрудничество в сфере науки и технологий активно набирает обороты и в 2025–2026 гг. Несмотря на все сложности на мировой политической арене. Россия расширяет потенциал научной дипломатии со странами БРИКС, ШОС, СНГ и ЕАЭС.

Так, например, рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций (РП НТИ БРИКС) сформированная на основе Меморандума о сотрудничестве еще в 2015 году, в 2024 году была дополнена долгосрочными проектами и конкурсными программами. Данная программа ориентирована на укрепление научно-технологических связей, усиление кооперации научно-экспертного сообщества, развитие кадровой политики в высокотехнологических сферах.

За период реализации рамочной программы было завершено 6 конкурсов научно-технологических проектов БРИКС, на основании которых отобрано и поддержано 157 проектов по ключевым направлениям, таким как биотехнология и биомедицина, фотоника, материаловедение, геораспространенные технологии и т.д. В 2025 году был объявлен первый Инновационный конкурс РП НТИ БРИКС.

Активно расширяется и научно-техническое сотрудничество стран ЕАЭС. В 2025 году Совет ЕЭК утвердил Стратегическую программу научно-технического развития ЕАЭС, которая направлена на развитие совместных инновационных проектов и повышение технологического уровня экономики стран Союза. В рамках реализации Программы запланирована активизация сотрудничества в научно-технической сфере, обмен опытом, усиление академической мобильности и реализация совместных научно-исследовательских проектов.

Укрепляются и научные контакты со странами партнерами. Так, в 2026 году в рамках российско-вьетнамского сотрудничества, приуроченного к 75 летнему юбилею установления дипломатических отношений, был инициирован Год сотрудничества в сфере науки и технологий, который открыл дорогу для широкого комплекса образователь-

ных и научно-технологических проектов. Отдельно уделили внимание формированию Дорожной карты сотрудничества в области морских научных исследований на период 2026–2035 гг.

Расширяется и потенциал программы «Мегагранты», которая позволяет усилить возможности международной академической мобильности и открывает перспективы для глобальных стратегических инициатив в сфере науки и технологий в этом же направлении действует и Российская ассоциация содействия науке [11].

Институциональные и нормативно-правовые основы укрепления научно-технологического сотрудничества

Научная дипломатия на современном этапе имеет значительные основания для расширения контактов и связей. Накопленный российский научно-технологический потенциал сегодня очень востребован во многих странах мира. Относительная автономность в деятельности ведущих организаций позволяет вести вопросы научного сотрудничества «снизу-вверх» [12], многогранность и связность академического сообщества расширяет эти возможности. Кроме того, повышение уровня взаимодействия в сфере науки и технологий в свою очередь укрепляет и международный престиж страны.

Современная научная дипломатия имеет широкий спектр инструментов [13], в первую очередь это программные документы, национальные концепции, стратегии развития, во-вторых это политические инструменты – институты государственного управления, ответственные за реализацию национальных целей и задач, в –третьих это двусторонние и многосторонние соглашения, которые позволяют осуществлять широкий спектр международных контактов. Инструменты научной дипломатии расширяются и формируют надежную основу для долговременных научных связей.

К ключевым направлениям научно-дипломатической работы относится организация научных связей для укрепления контактов на международном уровне, выработка научно-экспертным сообществом рекомендаций с целью снижения рисков в рамках мировой ситуации, формирование различных международных форматов для переговорного процесса (конференций, конгрессов, форумов) и др.

Именно государство играет важнейшую роль в расширении возможностей научной дипломатии, через институты государственного управления оно формирует концептуальные направления развития, устанавливает систему долгосрочных связей и проектов, создает правовую основу для дипломатической работы в сфере науки и технологий в соответствии с мировой повесткой и технологическими вызовами. Ведущими институтами, курирующими вопросы международного научного сотрудничества, остаются Министерство иностранных дел, Министерство науки и высшего образования, Российская академия наук и др. Оперативными инструментами научной дипломатии [14] также являются научно-консультативные советы и советы профильных министерств.

Кроме того, благодаря непосредственной работе ведущих внешнеполитических ведомств, которые принимают непосредственное участие в координации связей на международном уровне обеспечивается согласование интересов стран в научно-технологической сфере. Чаще всего с помощью атташе по науке и при содействии советников при МИД.

В Концепции международного научно-технического сотрудничества РФ [15] закреплены приоритетные цели, задачи и направления политики России в области международного научно-технического сотрудничества. В этом же документе отмечается необходимость расширения взаимовыгодного взаимодействия в мировом научном пространстве с целью достижения технологического суверенитета Российской Федерации. Таким образом, ключевой целью научной дипломатии в России становится не просто наращивание числа контактов, а выстраивание такой системы международного научно-технологического сотрудничества, которая работает на укрепление собственного научного суверенитета.

Международные научно-технологические отношения регулируются на уровне международных договоров, меморандумов, двухсторонних и многосторонних соглашений, протоколов о научно-техническом сотрудничестве, стратегических документов государств и т.д.

Широкая организационная структура и нормативно правовая база предоставляют возможности для успешной работы научной дипломатии в современном мире.

Молодежное международное сотрудничество в научно-технологической сфере

Сегодня представители молодого поколения, рожденные в цифровую эпоху, представляют собой одну из движущих сил научно-технического прогресса как внутри отдельных государств, так и в масштабах планеты в целом. Это обуславливает необходимость совершенствования механизмов и форм участия молодежи в обмене передовыми практиками в сфере НТП, разработке и реализации программ, в том числе имеющих международное измерение, по использованию новых технологий для разрешения глобальных проблем, с которыми сталкивается человечество. Речь идет об эффективном применении информационно-коммуникационных, био- и нано-, когнитивных и социально-гуманитарных технологий.

Молодёжь активно включается в научную работу во многих странах мира, ежегодно увеличивается численность членов молодежного сообщества в сфере науки и технологий. Еще в 2019 году в рамках Молодежного форума ЮНЕСКО, было принято решение о создании инклюзивной платформы «Глобальное сообщество молодежи», в который вошли 75 молодых представителей от всех регионов мира. Инициативы молодежного научного сообщества охватывали такие аферы как образование, естественные науки, социальные и гуманитарные науки, культуру, коммуникации и информацию.

В 2021 году крупнейшим проектом ЮНЕСКО стал проект «Специальный международный диалог молодежи». В 2021 г. в гибридном формате прошла конференция, которая объединила участников из 46 стран мира [16]. Основной тематикой мероприятия стало обсуждение возможностей сохранения Всемирного культурного наследия с помощью современных технологий, в частности таких, как *3D* сканы и аудиогиды.

Стремление объединить молодежные силы в науке и технологиях стало значимым драйвером для научной дипломатии современности. Значимость привлечения молодых людей к реализации проектов, ориентированных на поиск ответов на глобальные вызовы современной технологической эры, признается Организацией экономического сотрудничества и развития. Молодые люди демонстрируют заинтересованность в разработке решений глобальных проблем, прежде всего, в области борьбы с изменением климата и в сфере противодействия растущему неравенству.

В США осуществляется «Программа посланников США по науке» [17], которая создает возможности для взаимодействия ученых и исследователей заинтересованных государств, а также позволяет подключить к сотрудничеству в сфере науки и технологий местные университеты и научно-исследовательские центры.

В Китайской Народной Республике, например, действует Китайская ассоциация молодых ученых и экспертов в сфере технологического развития (*Chinese Association of Young Scientists and Technologists*), крупнейшая НПО, объединяющая молодых специалистов в области науки и технологий.

Многоаспектная работа реализуется и в России. Еще в 2021 году прошли такие проекты как Международный молодежный форум «Евразия *Global*» и Территория смыслов, Премии молодёжных достижений «Время молодых», Международный форум гражданского участия #МЫВМЕСТЕ. Также в 2021 году была презентована автоматизированная информационная система «Молодые соотечественники» [18], на платформе которой проходят встречи с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом.

На ежегодной основе действует Конгресс молодых ученых, который объединяет на своей площадке почти 10 000 участников, 100 стран-участниц. На его площадке представляют свои работы ведущие научные школы и научно-образовательные организации. За годы своей работы он стал крупнейшей площадкой для диалога в научной работе по самым передовым отраслям.

Включение молодых исследователей в международные научные обмены создаёт не только возможности для трансфера знаний, но и риски для научного суверенитета, если такая деятельность не сопровождается укреплением собственных научных школ и институтов передачи неявного знания. Как показывает опыт постсоветского периода, массовая ориентация молодых учёных на зарубежные гранты и публикационные метрики без критической фильтрации внешних приоритетов может привести к «утечке мозгов» и подчинению национальной исследовательской повестки внешним центрам силы. Поэтому молодёжная научная дипломатия должна быть двуединым процессом: с одной стороны, она обеспечивает интеграцию в мировое научное пространство, с другой – требует формирования эпистемического иммунитета у нового поколения исследователей, то есть способности распознавать и критически оценивать чуждые ценностные и методологические рамки.

Формирование современной технологической цивилизации невозможно без высокого уровня вовлеченности молодых кадров, прогрессивное будущее во многом зависит от потенциала научных специалистов страны.

Заключение

Таким образом, научная дипломатия выходит на высокий уровень востребованности, что подтверждено многовековым сотрудничеством. Проблематика научной дипломатии и международных научно-

технологически и отношений не только наиболее актуальна, но и имеет значительную базу для перспективного развития.

Значение научной дипломатии на современном этапе имеет теоретическое и научно-практическое обоснование, что отражено в работах отечественных и зарубежных экспертов. На современном этапе научная дипломатия не в полной мере раскрывает свой потенциал, это связано и с глобальными процессами турбулентности на международной арене и с иными причинами, но востребованность в усилении этой работы однозначна.

В связи с этим хотелось бы отметить необходимость введения профильных подразделений в Министерстве иностранных дел для укрепления научных связей со странами-партнерами, прежде всего с ЕАЭС и странами большинства, создании международных научных центров, увеличения количества научно-практических конференций, углубления связей и возможностей академической мобильности, активизации работы по информационному сопровождению о научных достижениях, а также расширения потенциала научных проектов и связей на уровне РАН и Россотрудничества.

Научная дипломатия, несомненно, играет значительную роль в формировании и последовательной реализации государственных стратегических целей в сфере науки и технологий, не смотря на все сложности современного противоречивого миропорядка, научная дипломатия остается важным фактором связности международных отношений и позволяет открывать новые окна возможностей для укрепления мира, прогресса и безопасности.

Литература

1. Научная дипломатия в Российской академии наук https://new.ras.ru/work-new/international/ (дата обращения: 15.04.2026)

2. Опубликована Мадридская декларация научной дипломатии https://www.science-diplomacy.eu/news/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy-is-published/ (дата обращения:15.04.2026)

3. Новые горизонты научной дипломатии в России: Доклад № 63/2020/ Г.А. Краснова; Р.О. Райнхар, О.И. Шакиров; Д.Б. Соловьев; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД.

4. Чихачёв А.Ю. Между открытостью и суверенитетом? Французская дилемма научно-технического сотрудничества в оборонной сфере. Международная аналитика. 2025;16(3): С. 176

5. Торкунов А.В., Панченко В.Я. «Ученый как дипломат». https://mgimo.ru/about/news/main/uchenyy-kak-diplomat/?sphrase_id=27881024&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.04.2026)

6. Чубарьян А.О. Научная дипломатия и ее роль в формировании нового мирового порядка // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 12 (134). Часть II. URL: https://history.jes.su/s207987840029821–2–1/ DOI: 10.18254/S207987840029821-2

7. Бирюков А.В. Современные международные научно-технологические отношения: монография/ под ред. д-ра ист.наук, Крутских А.В. –М.: РОСНОУ, 2014 г.

8. Научная дипломатия: учебное пособие/ Р.Ф. Додельцев. В.И. Кононов, А.В. Шестопал и др. МГИМО МИД России, кафедра философии им. А.Ф. Шишкина. –Москва: МГИМО Университет, 2021. – 171

9. Платформа исследовательской инфраструктуры БРИКС https://brics-grain.org/about/ (дата обращения: 08.04.2026)

10. Национальный Комитет по исследованию БРИКС, Россия. https://nkibrics.ru/posts/show/628f61396272697e743f0000 (дата обращения: 08.04.2026)

11. Ковальчук: РАСН усилит международную деятельность. https://iz.ru/2078946/2026–04–14/rossiiskaia-assotciatciia-sodeistviia-nauke-usilit-mezhdunarodnuiu-deiatelnost (дата обращения: 15.04.2026)

12. Ершова Анна. Новые перспективы научной дипломатии. https://interaffairs.ru/news/show/28541 (дата обращения: 08.04.2026)

13. Научная дипломатия в современном мире: учеб-метод. Материалы № 9/2021/ Г.А. Краснова; вып.ред. Е.О. Карпинская, И.А. Бочаров; Российский совет по международным делам (РСМД). –М.: НГ РСМД 2021. – 48 с.

14. Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021. РСМД – М.: НР РСМД, 2021. – 48 с.

15. Концепция международного научно-технического сотрудничества РФ https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411960688/ (дата обращения: 15.04.2026)

16. The 2021 Special Dialogue of International Youth Forum // UNESO: official website– URL: https://en.unesco.org/news/2021-special-dialogue-international-youth-forum-successfully-held-17-december-2021 (дата обращения: 15.04.2026).

17. U.S. Science Envoy Program // US Department of State. Diplomacy in Action– URL: https://2009–2017.state.gov/e/oes/stc/scienceenvoy/index.htm (дата обращения: 15.04.2026).

18. АИС «Молодые соотечественники» – единая платформа соотечественников, проживающих за рубежом (aisrussia.com)

THE CONTRIBUTION OF SCIENCE DIPLOMACY TO STRENGTHENING INTERNATIONAL TECHNOLOGICAL RELATIONS

Alborova M.B., Khachaturova R.S.
Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Active development of the technological world requires a higher level of international interaction in the scientific area. In this context Russia seeks to broaden the horizons of academic cooperation by strengthening ties with the EAEU, Asia, Latin America, the Middle East and Africa.

Current global challenges require a dense dialogue in the the industrial, technological, innovation, and educational spheres. This explains why the study of multifaceted diplomatic work in the scientific and technological area is of considerable interest in the academic discourse.

The aim of this study is to analyze the role and significance of science diplomacy in the context of the global technological revolution. The article focuses on scientific cooperation in areas that determine the security and long-term development of modern civilization. In this context the institutional and legal mechanisms of international dialogue in science diplomacy are examined. The paper presents both promising solutions and factors that complicate the interaction processes between countries.

Based on comparative analysis and official document analysis methods, the evolution and current state of science diplomacy in the technological sphere have been identified.

In conclusion, the authors offer a set of practical recommendations aimed at expanding the potential of science diplomacy, which in turn will increase the effectiveness of technological development and strengthen the scientific sovereignty of the country.

The article will be useful for students, masters, researchers, and scientists specializing in international scientific and technological relations.

Keywords: science diplomacy, diplomacy for science, national interest, bilateral cooperation, economic development, technological structure, digitalization, scientific and technological cooperation, cultural and humanitarian cooperation

References

1. Science Diplomacy in the Russian Academy of Sciences https://new.ras.ru/work-new/international/ (accessed 15.04.2026)

2. The Madrid Declaration on Science Diplomacy has been published https://www.science-diplomacy.eu/news/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy-is-published/ (accessed: 15.04.2026)

3. New Horizons for Science Diplomacy in Russia: Report № 63/2020/G.A. Krasnova; R.O. Reinhart, O.I. Shakirov; D.B. Soloviev; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC.

4. Chikhachev A. Yu. Between Openness and Sovereignty? The French Dilemma of Scientific and Technical Cooperation in the Defense Sphere. International Analytics. 2025;16(3): P. 176

5. Torkunov A.V., Panchenko V.Ya. «The Scientist as a Diplomat». https://mgimo.ru/about/news/main/uchenyy-kak-diplomat/?sphrase_id=27881024&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (accessed: 15.04.2026)

6. Chubaryan A.O. Scientific Diplomacy and Its Role in the Formation of a New World Order // Electronic Scientific and Educational Journal «History». 2023. Vol. 14. Issue 12 (134). Part II. URL: https://history.jes.su/s207987840029821–2–1/ DOI: 10.18254/S207987840029821-2

7. Biryukov A.V. Contemporary International Scientific and Technological Relations: Monograph / edited by Dr. of Historical Sciences, A.V. Krutskikh. – Moscow: ROSNOU, 2014.

8. Scientific Diplomacy: Textbook / R.F. Dodel'tsev, V.I. Kononov, A.V. Shestopal, et al. MGIMO, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, A.F. Shishkin Department of Philosophy. – Moscow: MGIMO University, 2021. – 171

9. BRICS Research Infrastructure Platform https://brics-grain.org/about/ (accessed on 08.04.2026)

10. National Committee on BRICS Research, Russia. https://nkibrics.ru/posts/show/628f61396272697e743f0000 (accessed on 08.04.2026)

11. Kovalchuk: RASN will strengthen its international activities. https://iz.ru/2078946/2026–04–14/rossiiskaia-assotciatciia-sodeistviia-nauke-usilit-mezhdunarodnuiu-deiatelnost (accessed on 15.04.2026)

12. Ershova, Anna. New Prospects for Science Diplomacy. https://interaffairs.ru/news/show/28541 (accessed: 08.04.2026)

13. Science Diplomacy in the Modern World: Study Guide. Materials № 9/2021/G.A. Krasnova; ed. E.O. Karpinskaya, I.A. Bocharov; Russian International Affairs Council (RIAC). – Moscow: NG RIAC, 2021. – 48 p.

14. Krasnova, G.A. Science Diplomacy in the Modern World: Study Guide. Materials № 9/2021. RIAC–Moscow: NR RIAC, 2021. – 48 p.

15. Concept of International Scientific and Technical Cooperation of the Russian Federation https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411960688/ (accessed on 15 April 2026)

16. The 2021 Special Dialogue of International Youth Forum // UNESO: official website – URL: https://en.unesco.org/news/2021-special-dialogue-international-youth-forum-successfully-held-17-december-2021 (accessed on 15 April 2026).

17. U.S. Science Envoy Program // US Department of State. Diplomacy in Action – URL: https://2009–2017.state.gov/e/oes/stc/scienceenvoy/index.htm (accessed on 15 April 2026).

18. AIS «Young Compatriots» – a unified platform for compatriots living abroad (aisrussia.com)

Космос как «священная территория» и «ресурсная среда» в современной мировой политике

Карпухин Михаил Михайлович,
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1142230199@pfur.ru

В статье космическая политика рассматривается как конкуренция не за формальное территориальное присвоение, а за право задавать легитимные процедуры доступа, безопасности, координации и использования ресурсов. На основе структурированно-фокусированного сравнения анализируются подходы США, Китая, России, Европейского союза, Японии и Индии. Сопоставление ведется по четырем измерениям, включая нормативную онтологию, юридико-институциональные механизмы, безопасностный стиль и дипломатический формат. Показано, что ведущие акторы сочетают сакрализацию космоса, его коммодификацию и секьюритизацию в разных институциональных конфигурациях. Делается вывод, что центральная линия современной конкуренции проходит через процедурные режимы, стандарты координации и правила ответственного поведения, которые создают асимметрии доступа без прямого заявления суверенитета. Такая перспектива позволяет объяснить сдвиг от споров о владении к спорам о правилах управления доменом.

Ключевые слова: космическая политика, мировая политика, стратегическая культура, космические ресурсы, секьюритизация, коммодификация, устойчивость космической деятельности.

Введение

Космос перестал быть исключительно витриной престижа и лабораторией «универсального прогресса». Он быстро превращается в плотную инфраструктурную среду, где орбитальные созвездия, навигационные и наблюдательные контуры, лунные программы и планы добычи ресурсов формируют политэкономику доступа. Параллельно усиливается доменная конкуренция: в стратегических документах космос описывается как критическая зависимость государства и как поле уязвимостей. В такой среде борьба идет не только за технические преимущества, но и за интерпретации – за право определять, что является «нормальным» и «ответственным» поведением.

Для политологии важна не сумма деклараций, а механизм их превращения в устойчивые институты: лицензирование, стандарты де-конфликта, протоколы уведомления, коалиционные соглашения, национальные режимы доступа к данным и инфраструктуре. Это и есть зона проявления стратегической культуры – относительно стабильного репертуара когнитивных предпочтений и практик, которые формируют допустимые решения и «естественные» способы легитимации политики [1–2].

В данной статье космос анализируется через конфликт смыслов: он одновременно сакрализуется и коммодифицируется. Сакрализация проявляется в языке табу и исключительности: космос как область повышенной нормативной охраны, где присвоение осуждается как морально неприемлемое, а вмешательство трактуется как подрыв «общего блага». Коммодификация, напротив, фиксирует космос как ресурсную среду: пространство добычи, инфраструктурного развития, цепочек создания стоимости и формирующихся ожиданий правового «закрепления результатов» деятельности. В более широком теоретическом плане такую конкуренцию можно понимать как борьбу когнитивно-нормативных систем за институциональные ниши и процедурное доминирование. Этот ракурс созвучен работам о «полиосфере» и «генеративном управлении», где особую роль играют фильтры допуска, режимы координации и инфраструктуры принятия решений [7–8].

Чтобы избежать морализаторства, «сакральность» понимается не религиозно, а как политико-теологический механизм исключения: выделение особой зоны, где действует повышенная нормативная охрана, а борьба идет за право определять само исключение и его правила [3]. Юридическим фундаментом обеих рамок является договорное космическое право. Договор о космосе 1967 г. закрепляет свободу исследования и использования и одновременно запрет национального присвоения [9]. В управленческом измерении «сакральный» слой часто артикулируется через повестку долгосрочной устойчивости деятельности – набор руководящих принципов, принятых в рамках COPUOS и оформленных UNOOSA [10].

Два идеальных типа – «священная территория» и «ресурсная среда» – используются как аналитические линзы. Первый тип описывает космос как сферу повышенных табу, где легитимность строится вокруг универсалистской ответственности, предотвращения загрязнения и ограничения практик исключения. Второй тип трактует космос как продолжение политической экономии, где центральны инвестиционные ожидания, инфраструктурные цепочки и режимы доступа, способные фактически создавать исключительность без формального присвоения.

Исследовательский вопрос состоит в том, каким образом стратегические установки и институциональные модели ведущих космических акторов переводят конкурирующие смыслы космоса в набор юридических, организационных и дипломатических практик? Задача – выявить различия в институциональной сборке: какие механизмы используются для легитимации коммерциализации, обеспечения безопасности и управления конфликтами доступа, и как это влияет на вероятность процедурных коллизий.

Содержание проведенного исследования

Материалы и методы

Дизайн исследования – структурированно-фокусированное сравнение (structured, focused comparison). Сравниваются США, КНР, Россия, Европейский союз, Япония и Индия как акторы, обладающие технологической субъектностью и нормативным влиянием. Случаи выбраны так, чтобы

фиксировать разнообразие политэкономических моделей (рыночная, государственно-координируемая, смешанная), а также отличающиеся стили секьюритизации.

Корпус данных составляют: международно-правовые документы и руководства по устойчивости; национальные законы и политики по космическим ресурсам и коммерциализации; стратегические документы в области безопасности и обороны в космосе; доктринальные и дипломатические инициативы в сфере контроля вооружений и норм ответственного поведения. Анализ основан на сопоставлении трех уровней: (1) юридические формулы (нормы, запреты, разрешительные режимы); (2) доктринальные рамки (угрозы, цели, приоритеты); (3) дипломатические форматы (универсалистские площадки, minilateral-коалиции, «клубные» стандарты).

Операционализация идеальных типов выполняется по четырем измерениям, кодируемым в текстах и институтах: нормативная онтология; юридико-институциональные механизмы; безопасностный стиль; дипломатический формат. Для повышения надежности используется триангуляция – сопоставление правовых норм, политических заявлений и институциональных решений. Ограничение состоит в том, что анализ опирается на публичный корпус: он фиксирует официальную стратегико-культурную поверхность и может не отражать внутриведомственные компромиссы. Однако именно публичный слой задает ожидаемое поведение и обеспечивает легитимность, а потому является политологически значимым объектом.

Результаты

Эмпирический материал показывает, что ни один из акторов не существует в «чистом» идеальном типе. Различия проявляются в том, какие институциональные контуры делают тот или иной смысл доминирующим. Для описания наблюдаемого полезна триада: сакрализация (производство табу и моральной исключительности), коммодификация (встраивание космической деятельности в рыночную логику и режимы прав на результаты), секьюритизация (перевод космоса в категории угрозы и стратегической конкуренции). Эта триада позволяет увидеть, что «священное» и «ресурсное» не исключают друг друга: сакральные нормы нередко используются как технология легитимации ресурсного освоения, а ресурсные режимы – как способ стабилизации и управляемости домена.

США: юридическая коммодификация и «нормативное предпринимательство»

Американская траектория демонстрирует сильную рамку «ресурсной среды» в праве. Закон США 2015 г. (Commercial Space Launch Competitiveness Act) закрепляет подход, при котором американские субъекты получают права на ресурсы, которые они извлекают, при сохранении декларации о не присвоении небесных тел [11]. Исполнительный указ 13914 усилил эту линию, зафиксировав политическую установку на поддержку добычи и использования ресурсов и на продвижение соответствующей международной поддержки [12].

На международно-коалиционном треке США продвигают процедурную институционализацию через Artemis Accords. В соглашениях формализуется де-конфликт, обмен информацией и концепт координационных «safety zones» как инструмента предотвращения вредного вмешательства [13]. В результате возникает форма процедурной территориальности: формального присвоения нет, но через процедуры уведомления, координации и операционной безопасности появляется практическая исключительность доступа.

Параллельно США выстраивают «сакральный» слой через дискурс устойчивости и ответственности. Национальная космическая политика 2020 г. институционализирует цель поддержания «safe, stable, secure, and sustainable» среды и связывает устойчивость с национальными интересами; в оборонном контуре секьюритизация выражена прямее и задает рамку доменной конкуренции и защищенности космической инфраструктуры как условия военного и экономического преимущества [14].

Особый элемент американского «нормативного предпринимательства» – стремление переводить вопросы ответственности в язык процедурных стандартов и управляемых ограничений. В этой логике коммодификация и секьюритизация сочетаются с выработкой норм поведения, которые одновременно снижают риск орбитального загрязнения и создают репутационные рамки «ответственного» участия [13–14].

Европейский союз как наднациональный нормативный актор: устойчивость, регуляторная автономия и секьюритизация

Космическая политика Европейского союза строится прежде всего как наднациональная нормативно-регуляторная модель, основанная на правовом универсализме и технократическом регулировании. В документах 2023 г., посвященных стратегии безопасности и обороны в космосе, космос фиксируется как стратегический домен в условиях конкуренции и угроз; приоритеты включают устойчивость инфраструктуры, situational awareness, защиту систем и координацию с государствами-членами [15].

Сакрализация в европейском варианте чаще выражается в экологико-операциональной перспективе: предотвращение загрязнения, снижение рисков столкновений, стандартизация практик. В этом смысле европейская логика согласуется с руководящими принципами ООН по долгосрочной устойчивости, превращающими «заботу о среде» в набор управленческих процедур (обмен данными, оценка рисков, операционная координация).

Коммодификационный элемент присутствует, но чаще легитимируется через язык стратегической автономии и управляемых инноваций. Аналитические обзоры подчеркивают, что европейский поворот к космической безопасности стал частью более широкой линии на регуляторную автономию и институциональное соединение промышленной политики с нормами безопасности [4]. На этом фоне ресурсная повестка в европейском варианте оформляется не столько как право на присвоение результатов, сколько как элемент управляемого и нормативно ограниченного расширения присутствия в космосе [15].

Китай: цивилизационно-модернизационная рамка «мирного использования» и государственно-координируемая коммодификация

Белая книга «China's Space Program: A 2021 Perspective» формирует образ Китая как ответственного участника, подчеркивая мирные цели, международное сотрудничество и одновременно строительство «сильного космического присутствия», связанного с национальной стратегией и технологической модернизацией [16]. Сакрализация проявляется здесь как ритуал легитимации: «мирность» и «выгода для человечества» служат языком признания статуса и оправдания масштабного расширения программ.

Коммодификация в китайском кейсе носит преимущественно государственно-координируемый характер: ресурсы и сервисы космоса описываются через индустриальную политику, развитие прикладных систем и технологических цепочек, а не через закрепление прав частных субъектов. При этом потенциал секьюритизации встраивается в логику национальной мощи и суверенного управления – космос рассматривается как инфраструктурный слой модернизации и как ресурс конкурентоспособности.

Россия: космос как статусная вертикаль и поле стратегической стабильности

Российская публичная рамка часто связывает космос с государственностью, суверенным развитием и безопасностью. В материалах, представленных через UNOOSA, отражены положения «Основ государственной политики… в области космической деятельности до 2030 года и на дальнейшую перспективу», фиксирующие широкий государственный мандат – от социально-экономических задач до поддержки систем двойного назначения и укрепления безопасности [17].

В дипломатии контроля вооружений Россия продвигает договорные инициативы по предотвращению размещения оружия в космосе, усиливая образ «священной территории» в форме стратегической стабильности [17]. Однако спорность верификации и применимости таких инициатив показывает, что сакрализация тесно связана с секьюритизацией: речь идет не только о моральных табу, но и о распределении выгод и рисков в условиях доменной конкуренции.

Экспертные обзоры российской космической политики указывают на структурные ограничения отрасли и на плотную связку космоса с оборонно-промышленными контурами и политикой статуса [5]. В рамках предложенной типологии это означает: российская «сакральность» чаще выражена в языке суверенного достоинства и стратегической стабильности, тогда как публичная юридическая коммодификация ресурсов артикулирована слабее, чем в американском или японском случаях.

Япония: правовая коммодификация ресурсов и институциональная секьюритизация домена

Япония демонстрирует один из наиболее «чистых» примеров юридической институционализации ресурсной рамки при одновременном усилении доменной обороны. Закон 2021 г. о содействии бизнес-деятельности по исследованию и разработке космических ресурсов (Act № 83 of 2021) вводит разрешительную систему и правила приобретения права собственности на космические ресурсы, увязывая это с выполнением международных обязательств [18]. Тем самым создается правовая определенность для частных инвестиций без заявлений о суверенитете над объектами.

Параллельно Япония институционализирует секьюритизацию: документы 2025 г., посвященные космическим оборонным ориентирам,

подчеркивают зависимость социально-экономической жизни и национальной обороны от космических сервисов [18]. В результате «ресурсная среда» и «священная территория» в японском кейсе соединяются через режим устойчивости и защиты инфраструктуры: ответственность и безопасность функционируют как условия коммерциализации.

Индия: динамический каркас политики, коммерциализация экосистемы и стратегическая автономия

Индийская космическая политика 2023 г. позиционируется как общий и «динамический» каркас развития экосистемы, расширения участия негосударственных субъектов и создания регуляторной определенности для коммерческого сектора [19]. «Ресурсная среда» здесь выражена прежде всего как экономика и индустрия: стимулирование инноваций, рост национальных возможностей и создание рынка сервисов.

Стратегико-культурно индийская траектория сочетает коммерциализацию с идеей стратегической автономии: партнерства строятся так, чтобы сохранять суверенное пространство принятия решений [6]. Поэтому индийский случай ближе не к «чистой» сакрализации, а к гибридной модели, где автономия выполняет функцию политического предела для внешних зависимостей (табл. 1).

Таблица 1. Сводная сравнительная матрица

Актор	Доминирующая рамка	Коммодификация	Безопасность	Дипломатический стиль
США	Ресурсная среда	Юридическая коммерциализация и режим безопасности зон	Доменная защита и нормы ответственного поведения	Коалиционное нормотворчество
ЕС	Устойчивость и регуляторная автономия	Управляемые инновации и ограниченная ресурсная рамка	Resilience, situational awareness, защита систем	Регуляторный универсализм
КНР	Мирное использование и модернизация	Государственно-координируемая коммерциализация	Двойное назначение и защита инфраструктуры	Избирательная многосторонность
Россия	Стратегическая стабильность и статус	Ограниченная коммерциализация	Сдерживание и контроль над вооружениями	Договорные инициативы
Япония	Коммерциализация и защита	Разрешительный режим и права на ресурсы	Доменная оборона и устойчивость	Прагматичные коалиции и стандарты
Индия	Развитие и стратегическая автономия	Экосистемная коммерциализация	Риск менеджмент и устойчивость	Гибкие партнерства

Обсуждение

Процедурная территориальность как «мягкое присвоение»

Договорное право запрещает национальное присвоение небесных тел [9], однако рост плотности деятельности делает неизбежными практики исключения и приоритезации: де-конфликт операций, защиту критически важной инфраструктуры, режимы предотвращения вредного вмешательства. В этой логике наиболее значимым становится сдвиг от «территории» к «процедуре». Artemis Accords формируют именно процедурный дизайн – координацию, обмен информацией и операционные механизмы предотвращения вмешательства [13]. На национальном уровне законы о ресурсах (например, в США и Японии) создают ожидания права на добытое без заявления суверенитета [11, 18]. В результате формируется практическая исключительность доступа: не «владение объектом», а владение режимом входа (entry), временными окнами операций и инфраструктурными коридорами.

Политологически это означает, что конфликт может смещаться с вопроса «кто владеет» на вопрос «кто устанавливает процедуру». Именно здесь различия в стратегических установках и институциональных стилях становятся решающими: то, что один актор считает разумным «де-конфликтом» и ответственным управлением рисками, другой может интерпретировать как попытку квази-территориального закрепления и навязывания асимметричного доступа.

«Священное» как технология власти и легитимации

Сакрализация космоса часто воспринимается как этическая позиция («во имя человечества»), но эмпирически она работает как технология легитимации и исключения. Через язык ответственности и табу можно (а) делегитимировать чужую коммодификацию как «приватизацию общего»; (б) закреплять асимметрии доступа под видом предотвращения ущерба; (в) расширять набор санкционируемых практик контроля через стандарты устойчивости. В логике исключения, описанной политико-теологической традицией, «особая зона» представляет собой пространство, в котором определяется допустимость исключительных мер [3].

Руководящие принципы по долгосрочной устойчивости деятельности (LTS) формируют важный «сакральный» слой, превращая заботу о среде в набор процедур (обмен информацией, оценки рисков, координация) [10]. Эта процедуризация морали – ключевой механизм власти: устойчивость становится не только техникой безопасности, но и языком нормативного ранжирования участников («ответственные» vs «нарушители»).

Режимный комплекс вместо единого режима

Глобальное управление космосом развивается как режимный комплекс: одновременно действуют универсальные нормы договорного права [9], управленческие руководства и стандарты устойчивости [10], клубные коалиционные форматы (например, Artemis Accords) [13], национальные режимы ресурсной коммерциализации [11, 18–19], а также договорные инициативы контроля вооружений и стратегической стабильности [17]. В таком комплексе различия в стратегических установках выполняют функцию «переводчика» между уровнями: один и тот же актор может поддерживать универсалистскую риторику устойчивости, одновременно участвуя в клубных стандартах или наращивая доменные оборонные способности.

Триада сакрализация–коммодификация–секьюритизация как сравнительный результат

Сравнение показывает, что различия между ключевыми акторами чаще касаются не наличия или отсутствия «ресурсной» логики, а ее институциональной упаковки и степени сцепления с безопасностью. США связывают правовую коммодификацию с коалиционным нормотворчеством и процедурными стандартами ответственности [11–14]; ЕС усиливает секьюритизацию, но легитимирует ее через устойчивость и регуляторный универсализм [4, 15]; КНР сочетает дискурс мирности и ответственности с индустриальной государственно-координируемой коммодификацией [16]; Россия сакрализует космос через стратегическую стабильность и статус, связывая это с договорными инициативами в области контроля вооружений [5, 17]; Япония юридически артикулирует ресурсную рамку и параллельно институционализирует доменную оборону [18]; Индия строит коммерческую экосистему, удерживая язык стратегической автономии [6, 19].

Динамика после 2025 года: усиление «конкурентных процедур»

Тренд конца 2025 года – усиление конкурентных процедур и языков «превосходства» в части национальной повестки США. Исполнительный указ «Ensuring American Space Superiority» от 18 декабря 2025 г. сигнализирует о стремлении ускорить политику превосходства и институциональных реформ в космической сфере [20]. В предлагаемой модели это означает рост вероятности процедурной несовместимости: каждая сторона будет конструировать «ответственные» исключения под собственные цепочки миссий и инфраструктуры.

Результаты исследования (выводы)

Противопоставление «космос как священная территория» и «космос как ресурсная среда» следует понимать как форму конкуренции за правила, а не как абстрактный философский спор. Идеальные типы полезны для диагностики, но эмпирически доминирует гибридная триада сакрализации, коммодификации и секьюритизации, проявляющаяся по-разному в праве, доктрине и дипломатии. Концепт процедурной территориальности позволяет схватить центральную динамику: рост исключающих практик при формальном сохранении запрета присвоения.

Практический вывод: ключевой риск ближайшего периода не в самой коммерциализации и не в сохранении универсалистских формул, а в том, что конкурирующие регуляторные и стратегические подходы будут производить несовместимые процедурные режимы доступа. В таком контуре устойчивость превращается в поле власти, а нормы ответственного поведения – в инструмент нормативного ранжирования и политической конкуренции. Снижение риска конфликтов требует не только общих деклараций, но и интероперабельности процедур: прозрачных механизмов де-конфликта, совместимых стандартов уведомления и совместной архитектуры ситуационной осведомленности.

Литература

1. Johnston A.I. Thinking about Strategic Culture. International Security, 1995. Available at: https://www.jstor.org/stable/2539119

2. Gray C.S. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back. International Affairs, 1999. Available at: https://academic.oup.com/ia/article/75/1/49/2676063

3. Vinx L. Carl Schmitt. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Substantive revision, 2025. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/schmitt/

4. González Muñoz R., Portela C. The EU Space Strategy for Security and Defence: Towards Strategic Autonomy? SIPRI / EU Non-Proliferation and Disarmament Consortium, 2023. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023–09/Towards_Strategic_Autonomy_EUNPDC_no_86_September_2023.pdf

5. Vidal E. Russia's Space Policy: The Path of Decline? IFRI, 2021. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/vidal_russia_space_policy_2021_3.pdf

6. Stroikos D. India's Space Policy: Between Strategic Autonomy and Alignment With the United States. Council on Foreign Relations, 2025. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/Stroikos%20-%20India%27s%20Space%20Policy.pdf

7. Калинин Д.М. Полиосфера: теория политических сознаний как самоорганизующихся когнитивных систем. Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2026. Т. 12, № 1. С. 29–49. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-3.

8. Калинин Д.М. Политогенез генеративных систем: концепция живого законодательства и адаптивной государственной архитектуры. Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025. Т. 11, № 3. С. 125–135. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-1.

9. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies (Outer Space Treaty), 1967. Available at: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_2222(XXI)-E.pdf

10. UNOOSA. Guidelines for the Long-term Sustainability of Outer Space Activities, 2021. Available at: https://www.unoosa.org/documents/pdf/PromotingSpaceSustainability/Publication_Final_English_June2021.pdf

11. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act (Public Law 114–90), 2015. Available at: https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-114publ90

12. Executive Order 13914: Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources, 2020. Available at: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13914-encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-space

13. NASA. The Artemis Accords, signed 13 October 2020. Available at: https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf

14. United States space strategy documents: National Space Policy of the United States of America, 2020, Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf; U.S. Department of Defense. Defense Space Strategy Summary, 2020, Available at: https://media.defense.gov/2020/Jun/17/2002317391/-1/-1/1/2020_DEFENSE_SPACE_STRATEGY_SUMMARY.PDF

15. European Union space security documents: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN (2023) 9 final. European Union Space Strategy for Security and Defence, 2023, Available at: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7315–2023-INIT/en/pdf; Council of the European Union. Council Conclusions on the EU Space Strategy for Security and Defence, 2023, Available at: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14512–2023-INIT/en/pdf

16. State Council Information Office of the PRC. China's Space Program: A 2021 Perspective, 2021. Available at: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/stsc/2022/05_Chinas_Space_Program_A_2021_Perspective.pdf

17. Russian space policy and arms control documents: Russian Federation. Fundamentals of the Russian Federation's State Policy in the Field of Space Activities for the Period up to 2030 and Beyond, 2019, Available at: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/2020/copuos2020tech-15E.pdf; Conference on Disarmament. Draft PPWT: Treaty on the Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space, 2014, Available at: https://docs-library.unoda.org/Conference_on_Disarmament_(2014)/CD_1985_ENG.pdf

18. Japanese space legal and security documents: Cabinet Office of Japan. Act on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources, Act № 83 of 2021, Available at: https://www8.cao.go.jp/space/english/References/resource.pdf; Ministry of Defense of Japan. Formulation of the Space Domain Defense Guidelines, 2025, Available at: https://www.mod.go.jp/en/article/2025/08/57e884cd3585c823f0cf04419c753d12b2af4c53.html; Ministry of Defense of Japan. Outline of Space Domain Defense Guidelines, 2025, Available at: https://www.mod.go.jp/en/images/outline_space-domain-defense-guidelines_20250807.pdf

19. ISRO. Indian Space Policy, 2023. Available at: https://www.isro.gov.in/media_isro/pdf/IndianSpacePolicy2023.pdf

20. The White House. Executive Order: Ensuring American Space Superiority, 18 December 2025. Available at: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/12/ensuring-american-space-superiority/

OUTER SPACE AS «SACRED TERRITORY» AND «RESOURCE ENVIRONMENT» IN CONTEMPORARY WORLD POLITICS

Karpukhin M.M.
RUDN University named after Patrice Lumumba

The article examines space politics as competition not for formal territorial appropriation, but for the authority to define legitimate procedures of access, security, coordination, and resource use. The United States, China, Russia, the European Union, Japan, and India are compared through a structured, focused design based on four dimensions: normative ontology, legal and institutional mechanisms, security style, and diplomatic format. The analysis shows that major actors do not fit pure ideal types. Instead, they combine sacralization, commodification, and securitization in different institutional configurations. The article argues that the main line of rivalry in contemporary space politics runs through procedural regimes, deconfliction mechanisms, coalition standards, and rules of responsible behavior. These instruments shape asymmetries of access and practical exclusivity without direct claims of sovereignty.

Keywords: space politics, world politics, strategic culture, space resources, securitization, commodification, long-term sustainability of outer space activities

References

1. Johnston A.I. Thinking about Strategic Culture. International Security, 1995. Available at: https://www.jstor.org/stable/2539119

2. Gray C.S. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back. International Affairs, 1999. Available at: https://academic.oup.com/ia/article/75/1/49/2676063

3. Vinx L. Carl Schmitt. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Substantive revision, 2025. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/schmitt/

4. González Muñoz R., Portela C. The EU Space Strategy for Security and Defense: Towards Strategic Autonomy? SIPRI / EU Non-Proliferation and Disarmament Consortium, 2023. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023–09/Towards_Strategic_Autonomy_EUNPDC_no_86_September_2023.pdf

5. Vidal E. Russia's Space Policy: The Path of Decline? IFRI, 2021. Available at: https://www.ifri.org/sites/default/files/migrated_files/documents/atoms/files/vidal_russia_space_policy_2021_3.pdf

6. Stroikos D. India's Space Policy: Between Strategic Autonomy and Alignment With the United States. Council on Foreign Relations, 2025. Available at: https://cdn.cfr.org/sites/default/files/pdf/Stroikos%20-%20India%27s%20Space%20Policy.pdf

7. Kalinin, D.M. Poliosphere: Theory of Political Consciousnesses as Self-Organizing Cognitive Systems. Research Result. Social and Humanitarian Research. 2026. Vol. 12, № 1. Pp. 29–49. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-1-0-3.

8. Kalinin, D.M. Politogenesis of Generative Systems: The Concept of Living Legislation and Adaptive State Architecture. Research Result. Social and Humanitarian Research. 2025. T. 11, № 3. P. 125–135. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-1-1.

9. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies (Outer Space Treaty), 1967. Available at: https://www.unoosa.org/pdf/gares/ARES_2222(XXI)-E.pdf

10. UNOOSA. Guidelines for the Long-term Sustainability of Outer Space Activities, 2021. Available at: https://www.unoosa.org/documents/pdf/PromotingSpaceSustainability/Publication_Final_English_June2021.pdf

11. U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act (Public Law 114–90), 2015. Available at: https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-114publ90

12. Executive Order 13914: Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources, 2020. Available at: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-13914-encouraging-international-support-for-the-recovery-and-use-space

13. NASA. The Artemis Accords, signed 13 October 2020. Available at: https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2022/11/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf

14. United States space strategy documents: National Space Policy of the United States of America, 2020, Available at: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/12/National-Space-Policy.pdf; U.S. Department of Defense. Defense Space Strategy Summary, 2020, Available at: https://media.defense.gov/2020/Jun/17/2002317391/-1/-1/1/2020_DEFENSE_SPACE_STRATEGY_SUMMARY.PDF

15. European Union space security documents: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. JOIN(2023) 9 final. European Union Space Strategy for Security and Defense, 2023, Available at: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7315–2023-INIT/en/pdf; Council of the European Union. Council Conclusions on the EU Space Strategy for Security and Defense, 2023, Available at: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14512–2023-INIT/en/pdf

16. State Council Information Office of the PRC. China's Space Program: A 2021 Perspective, 2021. Available at: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/stsc/2022/05_Chinas_Space_Program_A_2021_Perspective.pdf

17. Russian space policy and arms control documents: Russian Federation. Fundamentals of the Russian Federation's State Policy in the Field of Space Activities for the Period up to 2030 and Beyond, 2019, Available at: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/2020/copuos2020tech-15E.pdf; Conference on Disarmament. Draft PPWT: Treaty

on the Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space, 2014, Available at: https://docs-library.unoda.org/Conference_on_Disarmament_(2014)/CD_1985_ENG.pdf

18. Japanese space legal and security documents: Cabinet Office of Japan. Act on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources, Act № 83 of 2021, Available at: https://www8.cao.go.jp/space/english/References/resource.pdf; Ministry of Defense of Japan. Formulation of the Space Domain Defense Guidelines, 2025, Available at: https://www.mod.go.jp/en/article/2025/08/57e884cd3585c823f0cf04419c753d12b2af4c53.html; Ministry of Defense of Japan. Outline of Space Domain Defense Guidelines, 2025, Available at: https://www.mod.go.jp/en/images/outline_space-domain-defense-guidelines_20250807.pdf

19. ISRO. Indian Space Policy, 2023. Available at: https://www.isro.gov.in/media_isro/pdf/IndianSpacePolicy2023.pdf

20. The White House. Executive Order: Ensuring American Space Superiority, 18 December 2025. Available at: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/12/ensuring-american-space-superiority/

Северный морской путь – перспективы развития нефтегазового международного сектора России

Павлова Светлана Анатольевна,
проф., ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: s_pavlova@mail.ru

Павлов Игорь Евгеньевич,
аспирант Дипломатической академии МИД РФ;
замначальника отдела СФ РФ
E-mail: Revisor1961@mail.ru

Волкова Анна Владимировна,
специалист, ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: volkova.annetka2005@yandex.ru

Северный морской путь (СМП) ключевой транспортный коридор России. По СМП доставляются грузы в районы Крайнего Севера, а в перспективе он должен стать одним из основных путей для транзитных перевозок между Европой и Азией. План развития СМП предусматривает рост транзитного грузопотока к 2035 году. К этому году планируется увеличить ледокольный флот. А для него необходимо построить и портовую инфраструктуру. До 2030 года основным драйвером роста грузопотока по СМП останутся крупные экспортные проекты в арктической зоне по перевозке углеводородов, руды, а также грузов для строящихся объектов. Мировой спрос на углероды возрастает, в следствии увеличивающихся потребностей в них энергетических отраслей. В России с целью урегулирования проблем по развитию и функционированию СМП, принят ряд нормативно-правовых документов. Особое внимание уделяется влиянию санкций на реализацию арктических проектов и путям их преодоления через импортозамещение и международное сотрудничество. Разработанные меры государственной поддержки, включая налоговые льготы и развитие инфраструктуры позволяет избежать развития негативных кризисных ситуаций. СМП стратегически важен не только для России, но и в рамках мирового сотрудничества для экономик дружественных стран, особенно в условиях современных геополитических реалий.

Ключевые слова: Северный морской путь (СМП), транспортировка углеводородов, портовая инфраструктура, ледокольный флот, нефтегазовое международное сотрудничество

Введение

Северный морской путь (СМП) начинается в порту Мурманска – крупнейшем незамерзающем порту на Кольском полуострове. Это западные ворота транспортного коридора. СМП – кратчайший морской путь между европейской частью России и Дальним Востоком, между Европой и Азией. Он играет ключевую роль в транспортировке ресурсов, включая нефть, газ, а также в обеспечении северного завоза в отдаленные регионы [1; 2]. Его развитие стратегически важно для транспортировки углеводородов. Северный морской путь назван «жизненно важным районом (зоной) обеспечения национальных интересов России в Мировом океане». Ключевые транспортные узлы СМП: Мурманск; Архангельск; Сабетта на Ямале; порты Дудинка; Тикси; Певек; бухта Провидения.

Протяжённость Северного морского пути от пролива Карские Ворота до бухты Провидения составляет около 5600 км. Маршрут проходит вдоль арктического побережья России по морям Северного Ледовитого океана (Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское) и частично Тихого океана (Берингово море). Порты, связанные с Северным морским путём и имеющие важную целевую функцию: Архангельск – исторический центр северной логистики; Сабетта – порт на Ямале, ориентированный на экспорт сжиженного природного газа (СПГ); Дудинка, Тикси, Певек – порты, которые входят в сеть СМП и выполняют перевалочные функции; бухта Провидения – место, где формируется караван судов и завершается маршрут в административных границах СМП. В Федеральном проекте «Морские порты России» заложены основные показатели результатов осуществления этого важного проекта, в частности реализованы мероприятия по развитию портовой инфраструктуры Арктического бассейна, а также осуществлено строительство ледокольного флота. В Федеральном проекте «Северный морской путь» на период 2019 г. – 2024 г. поставлены и выполняются задачи: «Развитие Северного морского пути»; «Увеличение грузопотока по Северному морскому пути до 80 млн тонн».

Нефть арктических месторождений – один из основных грузов перевозки по СМП. В Плане развития Северного морского пути до 2035 года зафиксированы объемы нефти арктических месторождений: в 2024 году 35,6 млн тонн, в 2030 году 103 млн тонн, в 2035 году 102,9 млн тонн. По данным на 2025 год, грузопоток по СМП составил 37,02 млн тонн, что на 2,3% меньше, чем в предыдущем году. Снижение связано в первую очередь с падением объемов навалочных грузов, сжиженного природного газа (СПГ) и нефти. Основу грузопотока в 2025 году составили экспортные грузы. На них пришлось 60% (22,2 млн тонн). Основные грузы относились к арктическим нефтегазовым проектам: на долю углеводородов пришлось 83% грузопотока, в частности 58% СПГ, 21% нефть, 4% конденсат [3; 4].

Исходя из исследования мировой потребности на ресурс – сырая нефть, можно предположить, что ее транспортировка по СМП будет предпочтительна и рентабельна. На рисунке 1 представлен прогнозы мирового спроса и динамики цен на сырую нефть. В соответствии с Планом развития Северного морского пути до 2035 года, значительную долю грузов, перевозимых по СМП (от 25 до 30 процентов), должен составить и сжиженный природный газ проектов ПАО «НОВАТЭК» (Ямал СПГ, Арктик СПГ-1 и Арктик СПГ-2).

СМП в государственной политике России обозначен в Морской доктрине и рассматривается в разработанном Судоходном проекте: «Северный морской путь»:
– развитие Северного морского пути в качестве национальной транспортной коммуникации, конкурентоспособной на мировом рынке имеет перспективный национальный интерес;
– долгосрочная задача – превращение Северного морского пути в безопасную круглогодичную и конкурентоспособную национальную транспортную коммуникацию России;
– краткосрочные задачи: совершенствование системы управления судоходством в акватории Северного морского пути; комплексное развитие портово-прибрежной инфраструктуры; формирование опорных зон развития; создание аварийно-спасательных центров.

В Транспортной стратегии до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года, в частности, упоминается, что СМП для страны: перспективный транспортный маршрут; потенциал для экономики России

и мировой экономики; ключевой аспект – уменьшение расстояния грузоперевозок по направлениям Азия – Европа и Европа – Азия. В Федеральном проекте «Северный морской путь» указан объем перевозок грузов в акватории Северного морского пути, в млн тонн [12]. Исходя из заложенных показателей, можно утверждать, что объем перевозок нарастает, о чем свидетельствуют и отчетные данные. В 2022 году в России утвержден план развития СМП до 2035 года. Он включает более 150 мероприятий. А общий объем финансирования составляет почти 1,8 трлн рублей [6]. Планируется строительство новых терминалов, береговых и гидротехнических сооружений, баз бункеровки и технического обслуживания. Строится на вервьях атомный ледокольный флот. Создаётся арктическая спутниковая группировка для гидрометеорологического и навигационного сопровождения судоходства.

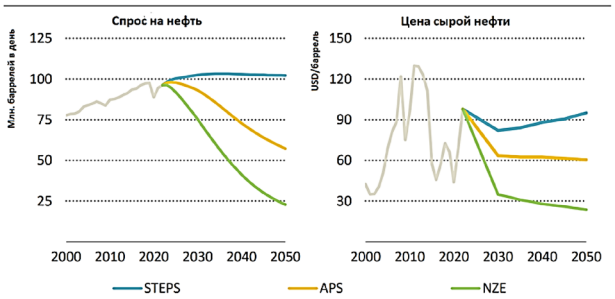


Рис. 1. Прогнозы мирового спроса и цены на сырую нефть [3].

Большие запасы углеводородов сосредоточены в Арктике. Обеспечение экономической выгоды от их добычи очень важны для России. А следовательно использование СМП сократит время их доставки потребителям. Цели развития СМП в области транспортировки углеводородов: обеспечение надежной и безопасной перевозки углеводородов; создание альтернативного международного транспортного коридора; увеличение грузопотока. К 2030 году общий объем грузопотока планируется достичь 150 млн тонн, а к 2035 году – 220 млн тонн. Среди компаний, участвующих в реализации проектов на СМП: «Новатэк», «Роснефть», «Газпром нефть» и другие [3; 4]. При использовании СМП учитывается и необходимость развития портов Дальнего Востока. Они важны для экспорта углеводородов в Азию. Примеры проектов, с использованием дальневосточных портов:

– Порт «Суходол» в Приморском крае. В 2024 году состоялся ввод мощностей этого порта. Проектная мощность первого этапа составляет 12 млн тонн грузов в год, планируется увеличение до 25 млн тонн.
– Порт Посьет (Славянка, Приморский край) – строится грузовой терминал мощностью 8 млн тонн в год при участии банка ВТБ.
– Порт Ванино в Хабаровском крае. Компания «Порт Дальний» планирует построить угольный терминал в районе этого порта.

На федеральном уровне утверждены меры государственной поддержки:

– Реализация федерального проекта «Развитие морских портов» в рамках нацпроекта «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры».
– Использование преференциального режима свободного порта для привлечения инвестиций.
– Модернизация железнодорожной инфраструктуры, например, участка БАМа от Комсомольска-Сортировочного до Ванино.

Развитие портовой инфраструктуры позволит: увеличить экспортных возможности Дальнего Востока; создать рабочие места; стимулировать социально-экономическое развитие региона. Но эти проекты непосредственно связаны и с логистической составляющей. В качестве поддержки эффективной транспортировки рассматривается несколько связанных проектов. Так, например:

1. Танкерный флот. Санкции способствовали переориентировки поставок с Запада в Азию. Это потребовало увеличения танкерного флота для перевозки нефти и нефтепродуктов. Однако существующий флот не полностью покрывает потребности, так как многие танкеры не рассчитаны на длительные перевозки в Азию. Строительство новых судов длительный, поэтому активно используются альтернативные маршруты.

2. Железнодорожные и мультимодальные перевозки. Для транспортировки нефти и нефтепродуктов применяются железнодорожные маршруты, а также комбинированные схемы с использованием нескольких видов транспорта. Например, часть нефти поставляется в Китай по железной дороге [9].

3. Координация логистических цепочек. Созданы специальные координационные центры. Например, Координационный Центр Правительства РФ координирует работу всех участников логистической цепочки – от добычи до доставки, включая флот, ледоколы, грузовые суда и портовую инфраструктуру.

С учетом оценки эффективности транспорта углеводородов, необходимо определять факторы, которые влияют на реализацию проектов и отражаются на стоимость энергетического ресурса, например:

– Цена газа. Ключевой вопрос – условия ценообразования. От этого зависит заключение финального контракта, без которого строительство не начнется.
– Финансирование. Не до конца понятен вопрос о том, кто будет финансировать строительство на каждом участке.
– Сроки реализации.
– Санкционные риски и геополитическая обстановка [5; 8].

Все эти факторы являются важными при учете рентабельности перевозок и отражаются на цене транспортировки, а также закладываются в соглашения о международном сотрудничестве.

СМП играет важную роль в развитии международных отношений. Прежде всего, это конечно транспортные потоки и быстрая доставка энергетического ресурса до потребителя. Китай, например, рассматривает СМП как транспортный коридор для транспортировки грузов, прежде всего из северных провинций КНР, испытывающих серьезные логистические проблемы при доступе на внешний рынок. В 2023 году китайская судоходная компания NewNew Shipping Line выполнила 8 грузовых рейсов из Китая (включая Гонконг) в порты Мурманска, Архангельска и Санкт-Петербурга. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, например, Вьетнам, Таиланд, Малайзия также заинтересованы в доставке посредством СМП для их технологических производств нефтепродуктов и сжиженного газа [6; 7; 12; 13]. Вклад Китая в развитие СМП рассматривается в области привлечения средств через облигации внутреннего рынка Китая. При этом учитываются проблемные и перспективные области сотрудничества с учетом государственных приоритетов (Табл. 1).

В связи с введением многочисленных пакетов санкций существующие механизмы реализации совместных проектов нуждаются в детальной проработке. Санкции затрудняют доступ российских нефтегазовых компаний к международному финансированию, включая долгосрочное долговое финансирование. Это повышает стоимость капитала, ограничивает возможности для реализации крупных проектов и модернизации инфраструктуры [8]. Например, Moody's в 2022 году понизило долгосрочный рейтинг России с Baa3 до B3 [11]. Это означало – оценка долговых обязательств эмитента как спекулятивная и подвержена высокому кредитному риску. Некоторые ПАО использовали заемные средства для финансирования проектов, в том числе и международные. На рисунке 2 представлена динамика коэффициента финансового левериджа с 2017 по 2022 год. Оптимальное значение показателя установлено на уровне 0,8 и менее. Большинство компаний демонстрируют снижение коэффициента финансового левериджа в 2022 году. Это указывает на то, что компании сокращают свою зависимость от заемных средств и уменьшают долю долговой нагрузки в своей структуре капитала.

Таблица 1. Оценка эффективности Российско-Китайского сотрудничества (составлено авторами)

Для Российской Федерации	Для Китая
1.Возможность частично компенсировать потерю европейского рынка сбыта. 2.Стимулирование развития регионов, через которые пройдёт газопровод (Томская, Кемеровская, Иркутская области, Бурятия, Забайкалье, Красноярский край). 3.Занятость российских компаний – производителей труб, газоперекачивающих агрегатов, а также банков, которые могут кредитовать строительство. 4.Укрепление позиций на азиатском рынке.	1.Диверсификация источников импорта газа, снижение зависимости от СПГ. 2.Гарантированные долгосрочные поставки (контракт рассчитан на 30 лет). 3.Снижение рисков, связанных с поставками из нестабильных регионов.

В рамках 20-го пакета санкций ЕС запретил транзакции с Мурманским и Туапсинским портами, что влияет на их финансовую деятельность. Санкции влияют на транспортный грузопоток по СМП, но их действие на экономические показатели учитываются в прогнозных оценках. Но даже при наличии утвержденных планов развития существуют риски с реализацией проектов, например в следствии отсрочек, переносов, сомнений инвесторов и общей экономической ситуации. Например, в 2025 году возникли проблемы с субсидированием контейнерных рейсов по СМП, так тендер «Росатома» на 2025 год не состоялся, что привело к отказу некоторых компаний от планов по перевозкам [5]. Зависимость от бюджетных заемных средств также создает

определенные проблемы. Несмотря на то, что государство планирует значительные вложения, риск недостаточного финансирования в условиях других экономических приоритетов и ограничений бюджета существует [4].

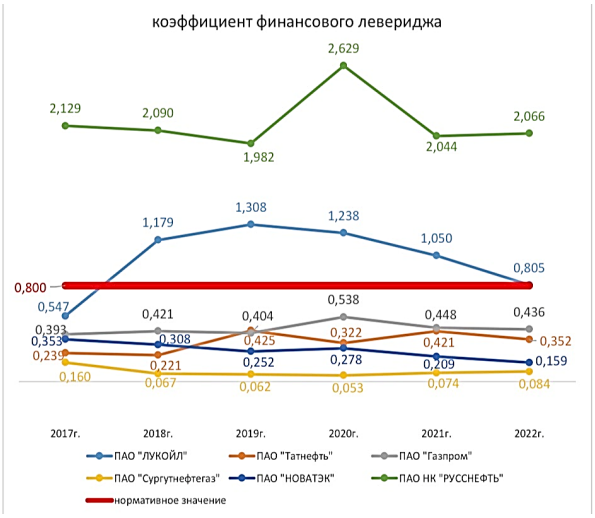


Рис. 2. Динамика коэффициента финансового левериджа [4]

Развитие СМП требует масштабных инвестиций в строительство и модернизацию портов, ледокольного флота, аварийно-спасательных служб, а также в формировании железнодорожной и другой транспортной инфраструктуры. Например, по плану до 2035 года планируется вложить 1,8 трлн рублей, из которых около 600 млрд рублей выделяется из федерального бюджета, а остальные средства должны поступить из региональных бюджетов и внебюджетных источников. И это только большие вливания бюджетных средств. При этом, большая часть финансов из внебюджетных источников может ускорить процессы строительства и транспортировки. И этот аспект учитывается при разработке проектов. Особое значение это направление приобретает в международном аспекте.

Проблемы технологического ограничения по развитию СМП проявились после 2014 года, когда США и ЕС ввели санкции по запрету экспорта технологий и оборудования для разработки шельфовых проектов, включая арктические и глубоководные месторождения. Под ограничения попали: буровые установки и плавучие платформы, способные работать в Арктике; насосное оборудование; программное обеспечение, в том числе для гидравлического разрыва пласта; технологии для производства СПГ, в частности сжиженного природного газа. Кроме того, санкции ЕС ввели запрет на транзакции с определенными портами, которые, как считается, используются для обхода потолка цен на нефть или других ограничительных мер. Помимо всего остаются риски в использовании старых танкеров, могут случаться экологические катастрофы, а следовательно, создается риск экологических катастроф международного уровня.

Для минимизации технологических ограничений требуются:

1. Импортозамещение. Развитие отечественных технологий и оборудования для бурения, добычи, переработки углеводородов и производства СПГ.

2. Продолжать сотрудничество с азиатскими странами. Привлечение Китая, Индии и других партнёров для поставок технологий и финансирования, хоть это и сопряжено с рисками.

Так, в 2021 году индийские компании ONGC Videsh Limited и Petronet LNG Limited рассматривали возможность приобретения 9,9% в проекте. «Арктик СПГ-2» – проект по производству СПГ, ресурсная база которого связана с Утренним месторождением в ЯНАО [10]. Планировалось построить три технологические линии мощностью 6,6 млн тонн каждая. Проект также сталкивается с санкционными ограничениями со стороны США.

3. Инвестиции в НИОКР. Стимулирование научно-исследовательских работ, создание совместных предприятий и инвестиционных фондов.

В Арктике классические надводные методы освоения месторождений часто невозможны из-за ледовых условий и риска эрозии откосов искусственных островов. Поэтому приоритетным направлением стало использование подводных систем извлечения нефти и газа. Такие технологии предполагают полную изоляцию подводных скважин с устьями на морском дне и полностью автономные подводные промыслы.

4. Крупные компании внедряют цифровые технологии для повышения эффективности добычи. Например, программа «Посейдон» от «Газпром нефть» предусматривает создание цифровой модели платформы и месторождения. Это позволяет оптимизировать работу оборудования, управлять пластом, оценивать капитальные и операционные затраты.

5. Развитие инфраструктуры. Строительство портов, трубопроводов, ледокольного флота и других объектов, необходимых для логистики и поддержки проектов.

6. Унификация стандартов. Использование институтов вроде Института нефтегазовых технологических инициатив для сертификации оборудования и снижения барьеров между российскими и азиатскими технологиями.

7. Технологическая обеспеченность. Для обеспечения круглогодичной навигации СМП требуются ледоколы и танкеры ледового класса. Например, «Газпром нефть» использует ледоколы проекта Aker ARC 130A («Александр Санников» и «Андрей Вилькицкий») для проводки танкеров в районе Новопортовского месторождения. Для транспортировки нефти с Приразломного месторождения используются танкеры усиленного ледового класса с двойным корпусом, которые доставляют нефть ARCO на предприятия в странах северо-западной Европы [2].

8. Санкции ускорили работу над импортозамещением высокотехнологичного оборудования. В России ведется разработка собственных технологий для геологоразведки, добычи на суше и шельфе, переработки нефти и газа. Среди приоритетных задач – создание отечественного оборудования для подводных добычных комплексов, систем ледового менеджмента, цифровых решений.

9. Государство поддерживает такие инициативы через программы финансирования, налоговые льготы и другие меры стимулирования. Меры государственной поддержки могут положительно сказаться на разведке и добыче на Арктическом шельфе.

Это общие программные мероприятия, которые детализируются и уточняются в соответствии со складывающейся ситуации. Самые перспективные проекты, на реализацию которых в настоящее время уделяется особое внимание [10]: «Восток Ойл» («Роснефть»); «Арктик СПГ-2» («НОВАТЭК»); «Сахалин-1» («Роснефть»). Они рассматриваются и с позиций эффективного международного сотрудничества. В рамках международной деятельности, можно предложить некоторые рекомендации для взаимовыгодного международного сотрудничества: создание совместных предприятий и инвестиционных фондов для финансирования проектов и импортозамещения; развитие научно-исследовательских программ в области арктических технологий и изучения климата; привлечение новых партнеров для снижения зависимости от одного инвестора. А для России при этом важно: сохранять контроль над стратегически важными объектами (порты, транспортные узлы, месторождения); создавать благоприятный инвестиционный климат через преференции, налоговые льготы и территории опережающего развития; развивать собственные технологии для снижения технологической зависимости от партнеров. Модернизация инструментов государственной поддержки для нефтегазовых проектов с азиатскими странами в Арктике требует комплексного подхода, учитывающего специфику этих регионов, технологические вызовы, геополитические факторы и необходимость повышения конкурентоспособности российской нефтегазовой отрасли на международной арене. Развитие механизмов совместного финансирования и концессионных соглашений может быть одним из вариантов международного сотрудничества. Можно использовать опыт соглашений о разделе продукции, например, как Соглашение о разделе продукции. Это договор, в соответствии с которым Российская Федерация предоставляет субъекту предпринимательской деятельности (инвестору) на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиск, разведку, добычу минерального сырья на участке недр, указанном в соглашении, и на ведение связанных с этим работ. Это позволяет распределять риски и доходы между государством и инвесторами. И это особенно актуально для капиталоемких проектов в азиатских странах [9]. В рамках такого соглашения можно предусмотреть возмещение затрат на геологоразведку и инфраструктуру, а также на создание фондов для ликвидации объектов после завершения проекта. Внедрить модель «поставки углеводородов с дисконтом в обмен на технологии», которая позволит компенсировать потери от снижения цен за счет получения доступа к передовым технологиям. Для арктических проектов – рассмотреть возможность внедрения мероприятий, которые позволят урегулировать технические и экономические направления деятельности:

1. Расширение налоговых льгот для трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ). В Арктике значительная доля ресурсов относится к ТРИЗ. Необходимо донастраивать налоговый режим, например, путем расширения применения налога на дополнительный доход (НДД– налог на доп. доход) и предоставления налоговых вычетов для геологораз-

ведочных работ. Также можно применить обнуление НДПИ при добыче газа на Ямале и Гыдане, если из него будут делать водород и аммиак.

2. Ставка НДД составляет 50% от дохода компании за вычетом расходов на добычу и логистику. Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) не отменяется полностью, но снижается для компаний в среднем на 40%.

3. Механизм НДД позволяет отложить налоговую нагрузку до момента получения реальной прибыли от добычи, что делает разработку трудных запасов инвестиционно-привлекательной.

4. Минэнерго и Минфин обсуждали возможность включения в периметр НДД дополнительных участков с ТРИЗ, особенно в сложных регионах, таких как Арктика. Предлагалось расширить список месторождений в Западной Сибири с определенными характеристиками выработанности запасов. Такая донастройка возможна лишь при условии отсутствия выпадающих доходов бюджета в новом бюджетном цикле.

5. Поддержка геологоразведки и НИОКР. Цикл геологоразведки в Арктике может достигать 10 лет, а затраты на одну скважину в условиях крайнего севера значительно выше, чем в других регионах. Государство может компенсировать часть этих затрат, а также финансировать научно-исследовательские проекты в области применения инновационных технологий добычи и транспортировки углеводородов. Важно развивать программы поддержки отечественных производителей оборудования для геологоразведки и добычи, и предлагать взаимовыгодные программы для партнеров из азиатских стран, при соответствующем финансировании.

6. Развитие инфраструктуры. Требуется строительство новых и модернизация существующих объектов железнодорожной, портовой и энергетической инфраструктуры. Необходимо: завершить проект магистрального газопровода «Волхов-Мурманск»; построить Арктическую ТЭС мощностью не менее 50 МВт к 2030 году; увеличивать флот ледового класса к 2035 году потребуется около 200 судов для реализации арктических проектов [10].

7. Стимулирование локализации технологий и импортозамещения. Развитие отечественного машиностроения, судостроения и нефтесервисных услуг снизит зависимость от импорта и повысит устойчивость отрасли. Можно использовать механизмы субсидий на НИОКР, льготных займов Фонда развития промышленности, «обратного инжиниринга» для разработки комплектующих. Создавать инфраструктурные кластеры – компании объединят усилия для создания общей инфраструктуры, это позволит снизить издержки. Можно привлечь к этому и иностранных партнеров.

8. Поддержка социального развития регионов и кадрового потенциала. Арктические проекты должны включать программы поддержки коренных малочисленных народов Севера, профессиональной подготовки местных жителей и улучшения условий труда. Это поможет привлечь и удержать квалифицированные кадры в регионе.

9. Привлечение частных инвестиций. Государство может создавать механизмы для расширения участия частных инвесторов в реализации проектов на арктическом шельфе при сохранении контроля за их реализацией. Это может включать создание проектных офисов для координации усилий разных ведомств и инвесторов.

Заключение

Северный морской путь является стратегически важным транспортным коридором для России, обеспечивающим доступ к арктическим ресурсам и осуществляющим связь между Европой и Азией. Его развитие закреплено в ключевых государственных документах. Несмотря на санкционные ограничения, которые затрудняют доступ к технологиям и финансированию, Россия активно реализует меры по импортозамещению, развитию инфраструктуры и сотрудничеству с азиатскими партнерами. Ключевые проекты, такие как «Восток Ойл» и «Арктик СПГ2», демонстрируют потенциал СМП как альтернативы традиционным маршрутам. Перспективы развития СМП связаны с: увеличением грузопотока; модернизацией портовой и железнодорожной инфраструктуры; внедрением цифровых и специфических арктических технологий; созданием благоприятного инвестиционного климата, в том числе через налоговые льготы и преференции.

Для более быстрой реализации совместных международных проектов необходимо обеспечить большой приток инвестиций, особенно в геологоразведку нефти и газа, в НИОКР, в оборудование. Развитие арктических нефтегазовых проектов с учетом вариантов использования СМП, требует модернизации транспортной инфраструктуры, а также учета геополитических и экономических факторов. При этом, необходимо соблюдать жесткие экологические требования. Успешная реализация запрограммированных мероприятий позволит укрепить международные экономические и политические позиции России в Арктике, обеспечить экономическую безопасность и расширить международное сотрудничество в регионе.

Литература

1. Актуальные вопросы развития Арктической зоны РФ на примере нефтегазовой отрасли// КиберЛенинка. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-na-primere-neftegazovoy-otrasli (дата обращения: 13.05.2026).

2. Арктическая нефть России: путь от скважины до потребителя // Arctic Russia. -URL: https://arctic-russia.ru/article/arkticheskaya-neft-rossii-put-ot-skvazhiny-do-potrebitelya/?ysclid=mokf5fnhdq59210096 (дата обращения:13.05.2026).

3. Доклад № 2. Северный морской путь грузовая база. Доклад подготовлен экспертным проектом. Trans Lab. 2023. –15 С. -URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/Доклад%20№ 2.%20СМП.%20Грузовая%20база,%20ч.2.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

4. Доклад № 3. Северный морской путь технологические. Доклад подготовлен экспертным проектом N. Trans Lab. 2023. –13 с. // -URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/Доклад%203.pdf (дата обращения: 13.05.2026).

5. Евросоюз ввел санкции в отношении портов Мурманска и Туапсе // Forbes. -URL: https://www.forbes.ru/biznes/559784-evrosouz-vvel-sankcii-v-otnosenii-portov-murmanska-i-tuapse?ysclid=mp49yynpop962694262 (дата обращения: 13.05.2026).

6. Исторический рекорд Севморпути // Atommedia. -URL: https://atommedia.online/press-releases/istoricheskij-rekord-sevmorputi-obe (дата обращения: 13.05.2026).

7. Кондратьев В.Б. Арктика как пространство для развития сотрудничества России и стран АзиатскоТихоокеанского региона // Пути к миру и безопасности. 2023. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arktika (дата обращения: 13.05.2026).

8. Курилов Д.С. Влияние санкционных ограничений на развитие нефтегазовой отрасли РФ // Вестник АГУ, серия Экономика. № 4 (350). 2024. -С. 67–75. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsionnyh-ogranicheniy-na-razvitie-neftegazovoy-otrasli-rf/viewer (дата обращения: 13.05.2026).

9. Китайский опыт государственного управления нефтегазовой отраслью // Нефтегаз.ру. -URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/912734-kitayskiy-opyt-gosudarstvennogo-upravleniya-neftegazovoy-otraslyu/ (дата обращения: 13.05.2026).

10. Новости нефтегазовой отрасли: участники проекта «Арктик СПГ2» // Нефтегаз.ру. -URL: https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/695882-uchastnikami-proekta-arktik-spg-2-mogut-stat-indiyskie-kompanii-vozmozhnosti-est/ (дата обращения: 13.05.2026).

11. Официальный сайт Moody's. -URL: moodys.com (дата обращения: 13.05.2026).

12. План развития Северного морского пути до 2035 года (утв. Правительством РФ в 2022 г.). -URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/ (дата обращения: 13.05.2026).

13. Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512. -URL: https://base.garant.ru/405077499/ (дата обращения: 13.05.2026).

THE NORTH SEA ROUTE: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S OIL AND GAS INTERNATIONAL SECTOR

Pavlova S.A., Pavlov I.E., Volkova A.V.
Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Diplomatic Academy

The Northern Sea Route (NSR) is a key transport corridor in Russia. The NSR delivers goods to the Far North, and in the future, it should become one of the main routes for transit traffic between Europe and Asia. The NSR development plan provides for an increase in transit cargo traffic by 2035. It is planned to increase the icebreaking fleet by this year. And for it, it is necessary to build a port infrastructure. Until 2030, large export projects in the Arctic zone will remain the main driver of freight traffic growth along the NSR: transportation of hydrocarbons, ore, and cargo for facilities under construction. The global demand for carbon is increasing as a result of the increasing demand for it from energy industries. In Russia, in order to resolve problems with the development and functioning of the NSR, a number of regulatory documents have been adopted. Special attention is paid to the impact of sanctions on the implementation of Arctic projects and ways to overcome them through import substitution and international cooperation. The developed state support measures, including tax incentives and infrastructure development, make it possible to avoid the development of negative crisis situations. The NSR is strategically important not only for Russia, but also for the economies of friendly countries within the framework of global cooperation, especially in the context of modern geopolitical realities.

Keywords: Northern Sea Route (NSR), transportation of hydrocarbons, port infrastructure, icebreaking fleet, international oil and gas cooperation

References

1. Current issues in the development of the Arctic zone of the Russian Federation: the example of the oil and gas industry // CyberLeninka. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

aktualnye-voprosy-razvitiya-arkticheskoy-zony-rf-na-primere-neftegazovoy-otrasli (date of access: 13.05.2026).

2. Russia's Arctic oil: the journey from well to consumer // Arctic Russia. -URL: https://arctic-russia.ru/article/arkticheskaya-neft-rossii-put-ot-skvazhiny-do-potrebitelya/?ysclid=mokf5fnhdq59210096 (date of access: 13.05.2026).

3. Report № 2. The Northern Sea Route cargo base. The report was prepared by an expert project. Trans Lab. 2023. –15 p. -URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/Доклад%2 № 2.%20СМП.%20Грузовая%20база,%20ч.2.pdf (date of access: 13.05.2026).

4. Report № 3. Technological Northern Sea Route. The report was prepared by the expert project N. Trans Lab. 2023. –13 p. // -URL: https://ntranslab.ru/local/templates/.default/public/img/Доклад%203.pdf (date of access: 13.05.2026).

5. The European Union imposed sanctions against the ports of Murmansk and Tuapse // Forbes. -URL: https://www.forbes.ru/biznes/559784-evrosouz-vvel-sankcii-v-otnosenii-portov-murmanska-i-tuapse?ysclid=mp49yynpop962694262 (date of access: 13.05.2026).

6. Historical record of the Northern Sea Route // Atommedia. -URL: https://atommedia.online/press-releases/istoricheskij-rekord-sevmorputi-obe (date of access: 13.05.2026).

7. Kondratyev V.B. The Arctic as a space for the development of cooperation between Russia and the countries of the Asia-Pacific region // Paths to peace and security. 2023. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arktika (date of access: 13.05.2026).

8. Kurilov D.S. The Impact of Sanctions Restrictions on the Development of the Oil and Gas Industry of the Russian Federation // Bulletin of ASU, Economics Series. № 4 (350). 2024. -P. 67–75. -URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sanktsionnyh-ogranicheniy-na-razvitie-neftegazovoy-otrasli-rf/viewer (date of access: 13.05.2026).

9. Chinese Experience of Public Administration of the Oil and Gas Industry // Neftegaz.ru. -URL: https://magazine.neftegaz.ru/articles/gosregulirovanie/912734-kitayskiy-opyt-gosudarstvennogo-upravleniya-neftegazovoy-otraslyu/ (date of access: 13.05.2026).

10. Oil and gas industry news: participants in the Arctic LNG 2 project // Neftegaz.ru. -URL: https://neftegaz.ru/news/Acquisitions/695882-uchastnikami-proekta-arktik-spg-2-mogut-stat-indiyskie-kompanii-vozmozhnosti-est/ (date of access: 13.05.2026).

11. Official website of Moody's. – URL: moodys.com (accessed on 13.05.2026).

12. Development plan for the Northern Sea Route until 2035 (approved by the Government of the Russian Federation in 2022). -URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405010751/ (accessed: 13.05.2026).

13. Decree of the President of the Russian Federation of 31.07.2022 № 512. -URL: https://base.garant.ru/405077499/ (date of access: 13.05.2026).

Персонализированный уровень взаимодействия как механизм управления кризисами в российско-турецком многоплановом партнёрстве (2000-е – 2020-е гг.)

Попов Владислав Сергеевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Статья посвящена анализу механизмов, обеспечивающих устойчивость и развитие российско-турецкого многопланового партнёрства в условиях перманентных кризисов первой четверти XXI века. Автор выдвигает гипотезу о том, что ключевую роль в управлении этим сложным взаимодействием, наряду с формальной договорно-правовой базой, играет персонализированный уровень, то есть прямые неформальные контакты и договорённости президентов В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана. На основе синтеза политического реализма и институционального подхода в работе концептуализируется данный уровень как специализированный институт кризисного и стратегического управления, возникающий вследствие схожей централизации власти в обеих странах. Эмпирический анализ ключевых кризисных ситуаций (инцидент с Су-24 и убийство посла Карлова в 2015–2016 гг., карабахский конфликт 2020 г., период после февраля 2022 г.) позволяет выявить три основные функции персонализированного уровня: немедленной деэскалации («тушение пожара»), стратегического торга («пакетные сделки») и преодоления институционального сопротивления. Делается вывод о том, что устойчивость российско-турецких отношений обеспечивается за счёт двухконтурной модели управления, где формальные институты задают долгосрочную стабильность, а персонализированный уровень обеспечивает оперативную гибкость и антикризисную устойчивость, выступая прагматичным ответом на вызовы полицентричного миропорядка.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, персонализированный уровень взаимодействия, кризисный менеджмент, многоплановое партнёрство, саммитная дипломатия, неформальные институты, Путин, Эрдоган, деэскалация, стратегический торг, полицентричный миропорядок, внешняя политика.

Введение

Устойчивое развитие российско-турецких отношений в XXI веке представляет собой один из наиболее парадоксальных феноменов международной политики. Несмотря на серьёзные противоречия по Сирии, Ливии, Карабаху и вопросам безопасности в Черноморье, Москва и Анкара продолжают углублять сотрудничество в энергетике, торговле и военно-технической сфере [1, с. 45]. Подобное сочетание конкуренции и кооперации позволяет рассматривать российско-турецкие отношения как пример «многопланового партнёрства» в условиях формирующегося полицентричного миропорядка.

Особую актуальность исследование механизмов устойчивости такого взаимодействия приобрело после 2022 года. Российская внешняя политика ориентирована на развитие сотрудничества с государствами, сохраняющими стратегическую автономию и «благожелательный нейтралитет» [2]. Турция, оставаясь членом НАТО, одновременно демонстрирует стремление к самостоятельной политике, отказавшись присоединяться к антироссийским санкциям и претендуя на роль посредника и регионального центра силы [3, с. 105]. В этих условиях российско-турецкое взаимодействие становится важным фактором международной политики, демонстрируя возможность сотрудничества вне жёсткой блоковой логики.

Существующая литература преимущественно рассматривает либо экономические и энергетические проекты («Турецкий поток», АЭС «Аккую») [4], либо военно-политические противоречия сторон [5], либо теоретические модели «конкурентного партнёрства» [1; 6]. Однако недостаточно изученным остаётся вопрос о том, каким образом Москве и Анкаре удаётся предотвращать эскалацию кризисов и сохранять диалог даже в условиях резкого ухудшения отношений. Предположительно, ключевую роль здесь играет неформальный персонализированный механизм взаимодействия лидеров.

Под персонализированным уровнем взаимодействия понимается форма политического взаимодействия, основанная на регулярных прямых контактах глав государств и обеспечивающая оперативное согласование позиций по ключевым вопросам двусторонней и региональной повестки. Этот уровень не заменяет формальные механизмы, а дополняет их, обеспечивая гибкость и управляемость отношений в условиях кризисов.

Концептуально данный подход соотносится с теориями leader-centric diplomacy М. Холмса [19], summit diplomacy Я. Мелиссена [20], а также исследованиями informal governance Р. Стоуна [21]. Однако в данной статье персонализированный уровень рассматривается не как эпизодическая практика, а как устойчивый элемент модели взаимодействия не-западных держав, наиболее ярко проявляющийся в кризисных ситуациях.

Для его анализа используются следующие критерии: наличие прямых контактов лидеров вне многосторонних форматов; принятие решений до их формальной институционализации; закрепление договорённостей через совместные механизмы; сохранение каналов связи даже в условиях кризиса. Это позволяет рассматривать персонализированное взаимодействие как самостоятельный аналитический уровень.

Предполагается, что такую функцию в российско-турецких отношениях выполняет персонализированное взаимодействие президентов В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана, выступающее неформальным механизмом управления отношениями в условиях турбулентности.

Цель статьи – выявить роль персонализированного уровня взаимодействия в кризисном менеджменте российско-турецких отношений в 2000–2020-х гг. Для этого ставятся задачи:

Охарактеризовать институционально-правовой контур партнёрства и его ограничения.

- Концептуализировать персонализированный уровень взаимодействия как аналитическую категорию.
- Проанализировать кризисы 2015–2016, 2020 и 2022 гг. как примеры работы данного механизма.
- Оценить его эффективность и значение для устойчивости двусторонних отношений.

Теоретико-методологическую основу составляет сочетание политического реализма и институционального подхода. Неореализм объясняет поведение государств через категории интереса, силы и баланса [7], тогда как институционализм позволяет учитывать роль формальных и неформальных правил взаимодействия [8]. В этой логике персонализированные договорённости выступают инструментом оперативного достижения стратегических целей и компенсации ограничений формальных институтов.

Методологически исследование опирается на case-study ключевых кризисов, сравнительный анализ форм взаимодействия и контент-анализ публичных заявлений лидеров.

Научная новизна работы заключается во введении концепта «персонализированный уровень взаимодействия» применительно к российско-турецким отношениям, а также в обосновании его системной роли как механизма кризисного управления и компенсации ограниченной эффективности формальных институтов в условиях высокой международной турбулентности.

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы и договорно-правовые акты, регулирующие российско-турецкие отношения (Договор о принципах взаимоотношений 1992 г., Совместная декларация 2001 г., соглашения по энергетическим и военно-техническим проектам), материалы официальных пресс-служб президентов России и Турции, публичные заявления и выступления лидеров, а также публикации ведущих российских и зарубежных экспертных центров, посвящённые двустороннему партнёрству. Методологическую основу исследования образует синтез политического реализма и институционального подхода: неореалистическая парадигма (К. Уолтц) применяется для объяснения мотивов поведения держав через категории силы, интереса и баланса, тогда как институциональный подход (Д. Норт) обеспечивает аналитический инструментарий для разграничения формальных и неформальных механизмов управления отношениями. В качестве конкретных исследовательских методов используются метод case-study – для углублённого анализа трёх ключевых кризисных эпизодов (2015–2016, 2020, 2022 гг.); сравнительный анализ – для выявления общих закономерностей функционирования персонализированного уровня взаимодействия в различных кризисных контекстах; а также контент-анализ публичных выступлений, совместных заявлений и дипломатических коммюнике лидеров двух стран в исследуемый период.

Результаты и обсуждения

Институционально-правовой базис и его ограничения в условиях кризисной динамики

Архитектура современного российско-турецкого взаимодействия опирается на развитую систему формальных институтов и соглашений, сформированную после распада биполярной системы. Её основу заложил Договор о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой от 25 мая 1992 года, закрепивший взаимное признание суверенитета и переход к прагматичному сотрудничеству [9]. Важным этапом стала Совместная декларация об углублении многопланового партнёрства 2001 года, впервые обозначившая курс на комплексное взаимодействие [10].

Ключевым механизмом институционализации отношений стало создание в 2010 году Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ) под руководством президентов двух стран [11]. Он объединил отраслевые комиссии по торгово-экономическому, военно-техническому и культурному сотрудничеству, придав взаимодействию системный характер. На этой основе была сформирована сеть соглашений в энергетике и торговле: проекты «Голубой поток» (1997), «Турецкий поток» (2016), контракт по АЭС «Аккую» (2010), соглашение о военно-техническом сотрудничестве (2002) [12; 13]. Эти документы создали прочную взаимозависимость, особенно в энергетической сфере, что повышает издержки потенциального конфликта.

Однако формально-правовой контур обладает существенным ограничением – инерционностью. Подготовка и согласование международных решений требуют времени и сложных бюрократических процедур, тогда как кризисы в зонах пересечения интересов России и Турции развиваются стремительно. Военные инциденты, террористические акты, региональные конфликты и санкционное давление требуют немедленного реагирования для предотвращения эскалации.

Возникает парадокс: устойчивые, но медленные институты оказываются недостаточно эффективными в условиях высокой кризисной динамики. Это создаёт потребность в гибких и оперативных каналах коммуникации, способных действовать поверх бюрократических процедур. Как отмечает А.С. Давыдов, в условиях «конкурентного партнёрства» прямые контакты между центрами принятия решений нередко оказываются эффективнее традиционной дипломатии [14, с. 50]. Именно такую функцию выполняет персонализированный уровень взаимодействия лидеров, выступающий механизмом кризисного управления в российско-турецких отношениях.

Концептуализация персонализированного уровня взаимодействия

Персонализированный уровень взаимодействия, выступающий неформальным, но системным дополнением к формально-правовому базису, представляет собой специфический механизм принятия решений в российско-турецких отношениях. Его сущность заключается в прямых, зачастую конфиденциальных, контактах и договорённостях между президентами В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом, которые позволяют оперативно управлять кризисами и решать стратегические вопросы в обход или поверх стандартных дипломатических и бюрократических процедур. Для его концептуализации необходимо рассмотреть условия его возникновения, ключевые функции и отличия от классических дипломатических практик.

Условия возникновения и институциональная среда. Эффективность персонализированного уровня обусловлена, в первую очередь, схожей онтологией политической власти в современной России и Турции. В обеих странах в исследуемый период произошла значительная централизация процесса принятия стратегических внешнеполитических решений в руках национального лидера. В России это выразилось в построении так называемой «вертикали власти», где президент является «гарантом» суверенитета и определяет основные векторы международной деятельности, что закреплено в Конституции и внешнеполитической доктрине [15]. В Турции приход к власти Р.Т. Эрдогана и партии «Справедливость и развитие» сопровождался постепенной трансформацией политической системы в сторону гиперпрезидентской модели, особенно после конституционной реформы 2017 года, что позволило главе государства концентрировать ключевые полномочия, включая вопросы безопасности и внешней политики [16].

Эта конвергенция политических моделей создала уникальную институциональную среду, где оба лидера обладают не только формальным правом, но и реальной возможностью давать быстрые, обязывающие гарантии от своего имени, минуя длительные внутриполитические и бюрократические согласования. Как отмечает Г.Д. Толорая, внешняя политика Эрдогана носит ярко выраженный персонализированный характер, где личные доверительные отношения с коллегами становятся важным дипломатическим активом [17, с. 108]. Аналогичная логика характерна и для российской дипломатии, где прямая связь между лидерами рассматривается как наиболее эффективный канал для решения принципиальных вопросов в условиях нестабильности [18]. Таким образом, персонализированный уровень – это не случайный феномен, а порождаемый специфической институциональной архитектурой механизм, который становится возможным и эффективным именно благодаря концентрации власти в одних руках в обоих государствах.

Функции и модальности. В рамках системы многопланового партнёрства персонализированный уровень выполняет несколько ключевых функций, каждая из которых соответствует определённой модальности взаимодействия.

- Функция антикризисного клапана (модальность: немедленная деэскалация). Это основная и наиболее наглядная функция. При возникновении прямого военного инцидента или иной чрезвычайной ситуации, угрожающей перерасти в полномасштабный конфликт, в действие вступает механизм прямых телефонных или личных контактов. Цель – в сжатые сроки (часы, сутки) очертить «красные линии», обменяться гарантиями безопасности и отдать оперативные приказы военным ведомствам для снижения накала. Данная модальность позволяет «тушить пожар» до того, как он перекинется на всю систему отношений.
- Функция стратегического торга (модальность: заключение «пакетных сделок»). На этом уровне происходит обмен уступками и выгодами по принципиальным, часто взаимосвязанным вопросам. Лидеры ведут переговоры не по отдельным пунктам, а комплексно, связывая, например, вопросы региональной безопасности (Сирия, Ливия) с экономическими или военно-техническими проектами («Турецкий поток», поставки С-400). Такие «пакеты» позволяют найти компромисс там, где переговоры на уровне министерств заходят в тупик из-за узкоотраслевого подхода.
- Функция преодоления институционального сопротивления (модальность: принятие волевых решений). Данная функция активируется, когда необходимая для сотрудничества инициатива встречает противодействие либо внутри страны (со стороны части политического или военного истеблишмента), либо извне (давление со стороны третьих

стран, например, США в рамках НАТО). В этом случае прямое решение лидеров, подкреплённое их личным авторитетом и взаимными гарантиями, позволяет «продавить» реализацию проекта, сломив или обойдя институциональные барьеры.

Отличие от классической дипломатии. Персонализированный уровень взаимодействия существенно отличается от формальных дипломатических практик по нескольким параметрам:

• Степень формализации: В отличие от нот, меморандумов или коммюнике, коммуникация на этом уровне носит неформальный и часто конфиденциальный характер. Договорённости могут не фиксироваться в письменном виде, но при этом обладают высокой степенью обязательности для сторон.

• Скорость и гибкость: Решения принимаются и транслируются в режиме, близком к реальному времени, без необходимости прохождения многоуровневых согласований в МИД или других ведомствах.

• Характер гарантий: Лидеры выступают не как представители абстрактного «государства», а как персонифицированные носители суверенной воли. Их личное слово и репутация становятся залогом выполнения договорённостей, что в определённых контекстах ценится выше юридически безупречного, но лишённого личной ответственности документа.

• Сфера компетенции: Этот уровень активируется прежде всего для решения кризисных и стратегических вопросов, тогда как рутинное, повседневное взаимодействие остаётся в ведении традиционных дипломатических и отраслевых институтов.

Таким образом, персонализированный уровень представляет собой специализированный институт кризисного и стратегического управления, встроенный в общую архитектуру российско-турецкого партнёрства. Его существование и эффективность напрямую зависят от специфики политических систем обеих стран и служат прагматичным ответом на вызовы быстро меняющейся международной среды.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что персонализированная модель взаимодействия не обладает универсальным характером и имеет ряд структурных ограничений. Эффективность данного механизма во многом зависит от совпадения прагматических интересов сторон, уровня доверия между лидерами и их политической воли к поддержанию диалога. К числу уязвимостей модели относятся высокая степень персонализации рисков, ограниченная воспроизводимость в других двусторонних форматах, а также зависимость от внутриполитической конъюнктуры, что особенно наглядно проявляется в условиях резких внешнеполитических кризисов.

Эмпирический анализ: персонализированный уровень в действии

Концептуальные положения о роли персонализированного взаимодействия находят своё полное подтверждение в практике российско-турецких отношений. Анализ ключевых кризисных и переломных моментов позволяет выявить конкретные модальности работы этого механизма и его непосредственное влияние на траекторию двустороннего партнёрства.

Кейс «тушения пожара»: кризисы 2015–2016 годов и механизм немедленной деэскалации. Наиболее ярким примером функции антикризисного клапана стало урегулирование острейшего кризиса, вызванного уничтожением турецкими ВВС российского бомбардировщика Су-24 в небе над Сирией 24 ноября 2015 года. Инцидент, приведший к гибели пилота, поставил отношения на грань военного конфликта. Российская сторона ввела жёсткие экономические санкции, а официальные контакты были заморожены [19]. Формальные дипломатические каналы оказались парализованы. Выход из тупика был найден исключительно на персонализированном уровне. После почти семи месяцев разрыва диалога, 27 июня 2016 года, президент Турции Р.Т. Эрдоган направил президенту России В.В. Путину письмо, в котором принёс извинения семье погибшего пилота и выразил надежду на восстановление отношений [20]. Этот личный жест, инициированный турецким лидером в обход собственных бюрократических структур, ещё находившихся под влиянием прозападного лобби, стал катализатором стремительной нормализации. Уже 9 августа 2016 года состоялась первая после кризиса личная встреча в Санкт-Петербурге, в ходе которой были намечены контуры будущего взаимодействия по Сирии и восстановления экономических связей.

Практически сразу после начала нормализации отношения столкнулись с новым испытанием – убийством российского посла А.Г. Карлова в Анкаре 19 декабря 2016 года. И вновь, ключевую роль в предотвращении коллапса отношений сыграла прямая и скоординированная реакция лидеров. В.В. Путин и Р.Т. Эрдоган оперативно охарактеризовали инцидент как провокацию, направленную на подрыв российско-турецкого сближения, и публично подтвердили курс на продолжение диалога [21]. Их согласованная позиция позволила локализовать последствия теракта, не позволив им разрушить только что восстановленный фундамент партнёрства. Эти два кризиса наглядно продемонстрировали, что в моменты наивысшей опасности именно прямые, личные коммуникации и гарантии лидеров служат единственным эффективным инструментом предотвращения неконтролируемой эскалации.

Кейс «стратегической сделки»: контракт С-400 и «пакетный» подход (2017–2020). Переход от преодоления кризиса к углублению сотрудничества также осуществлялся через персонализированный уровень взаимодействия. Ключевым шагом стало соглашение о поставке Турции российских систем С-400, объявленное в 2017 году. Это решение имело не только военно-техническое, но и стратегическое значение, поскольку затрагивало отношения Анкары с НАТО и США. По оценкам экспертов, окончательная договорённость была достигнута в ходе личных переговоров В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана, где российская сторона предложила выгодные финансовые условия и частичный трансфер технологий [22].

Сделка по С-400 была связана с другими направлениями взаимодействия – прежде всего сирийским урегулированием и энергетическими проектами. Активизация переговоров совпала с запуском Астанинского процесса в 2017 году и развитием проекта «Турецкий поток». В 2019–2020 годах лидеры вели сложные переговоры по сирийскому Идлибу, где интересы сторон напрямую сталкивались. Достигнутый в марте 2020 года компромисс позволил избежать прямого военного столкновения и, по мнению аналитиков, сопровождался негласными договорённостями о взаимном сдерживании и синхронизации урегулирования с запуском «Турецкого потока» [23].

Данный пример показывает, что персонализированный уровень выполняет функцию стратегического торга, позволяя увязывать различные направления сотрудничества и балансировать между конфронтацией и кооперацией.

Кейс «управления на грани»: карабахский кризис и пост-февральская адаптация (2020–2023). Война в Нагорном Карабахе осенью 2020 года стала проверкой способности России и Турции управлять кризисом в третьей стране, где их союзнические обязательства вступили в противоречие. Несмотря на поддержку Анкарой Баку, прямого российско-турецкого столкновения удалось избежать благодаря неформальным договорённостям лидеров о пределах вовлечённости и «красных линиях». Их результатом стало российское миротворческое присутствие и создание Российско-турецкого совместного центра по контролю за прекращением огня, закрепившего достигнутый компромисс [24].

Период после 24 февраля 2022 года стал наиболее масштабной проверкой персонализированного уровня взаимодействия. В условиях санкционного давления Турция, не присоединившись к санкциям, превратилась в важный логистический и торговый хаб для России. Рост товарооборота, организация альтернативных цепочек поставок и новые схемы экономического взаимодействия требовали быстрых решений, которые формальная правовая база обеспечить не могла.

Оперативные договорённости на уровне лидеров создали политические условия для адаптации двустороннего сотрудничества к новым внешним условиям. Это позволило сохранить и расширить торгово-экономические связи, несмотря на ухудшение международной конъюнктуры [25]. Тем самым персонализированный уровень продемонстрировал не только антикризисную, но и адаптационную функцию, обеспечивая устойчивость российско-турецкого партнёрства в условиях внешнего давления.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что устойчивость российско-турецкого партнёрства обеспечивается не только договорно-правовой базой, но и персонализированным уровнем взаимодействия президентов В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана, выступающим механизмом управления в условиях кризисной международной среды.

Формальный институционально-правовой контур, включающий Совет сотрудничества высшего уровня и сеть отраслевых соглашений, создаёт основу для долгосрочного сотрудничества и материальной взаимозависимости. Однако его инерционность ограничивает возможности оперативного реагирования на кризисы. Эту функцию выполняет персонализированный уровень взаимодействия, основанный на прямых контактах лидеров.

Анализ кризисов 2015–2016, 2020 и 2022 гг. позволил выделить три основные функции данного механизма. Во-первых, функцию деэскалации, предотвращающую переход кризисов в неконтролируемый конфликт. Во-вторых, функцию стратегического торга, позволяющую увязывать уступки и выгоды в различных сферах взаимодействия.

В-третьих, функцию адаптации и преодоления институциональных ограничений, проявившуюся в перестройке экономических связей после февраля 2022 года.

Таким образом, российско-турецкие отношения представляют собой модель двухконтурного управления, где формальные институты обеспечивают стратегическую стабильность, а персонализированный уровень – оперативную гибкость и антикризисную устойчивость. Такой формат отражает адаптацию государств к условиям полицентричного мира и высокой международной турбулентности.

Результаты исследования подтверждают эффективность персонализированного взаимодействия как компенсаторного механизма управления двусторонними отношениями. В статье предложена его операционализация и выявлены структурные ограничения, что расширяет возможности анализа не-западных моделей международного взаимодействия.

Теоретическая значимость работы связана с изучением роли неформальных институтов и личностного фактора в международных отношениях. Практическая значимость заключается в демонстрации эффективности персонифицированной дипломатии как инструмента обеспечения национальной безопасности и экономической устойчивости в условиях санкционного и геополитического давления.

Материалы статьи могут быть использованы при разработке разделов диссертационного исследования, посвящённых политическим аспектам российско-турецкого партнёрства. Перспективы дальнейших исследований связаны со сравнительным анализом аналогичных механизмов в других международных диадах и изучением устойчивости персонализированной модели при смене политических элит.

Литература

1. Давыдов А.С. Российско-турецкие отношения: модель «конкурентного партнерства» // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 2. – С. 45–54.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229). – URL: http://kremlin.ru/acts/news/70811
3. Толорая Г.Д. Эрдогановская Турция: ревизионистская держава на стыке цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 8. – С. 105–114.
4. Романова Т.А. Энергетическое измерение российско-турецких отношений: от «Голубого потока» к «Турецкому потоку» // Контуры глобальных трансформаций. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 123–142.
5. Степанова Е.А. Военно-техническое сотрудничество России и Турции: вызовы и возможности для региональной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 89–112.
6. Лукин А.В. Партнёрство в современной мировой политике: от теории к практике // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 3 (54). – С. 16–32.
7. Waltz, K.N. Theory of International Politics. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
8. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
9. Договор о принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Турецкой Республикой (Москва, 25 мая 1992 года). // Сборник международных договоров Российской Федерации. – М., 1996. – Вып. XLVII. – С. 58–61.
10. Совместная декларация об углублении многопланового партнёрства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой (Анкара, 16 ноября 2001 года). // Дипломатический вестник. – 2001. – № 12. – С. 34–36.
11. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Турецкой Республики об учреждении Совета сотрудничества высшего уровня (подписано 12 мая 2010 года). // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 8. – С. 45–48.
12. Сагындыкова А.К. Правовые основы российско-турецкого сотрудничества в современных условиях // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 4 (95). – С. 110–116.
13. Özbudun, E. Turkey's Judiciary and the Drift Toward Competitive Authoritarianism // The International Spectator. – 2015. – Vol. 50. – No. 2. – P. 42–55.
14. Путин назвал удар Турции по Су-24 ударом в спину. ТАСС. 26.11.2015. [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/politika/2482747
15. Эрдоган направил Путину письмо с извинениями за сбитый Су-24. РИА Новости. 27.06.2016. [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/20160627/1455190062.html
16. Путин и Эрдоган договорились не позволить сорвать нормализацию отношений. Интерфакс. 20.12.2016. [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/russia/543946
17. В Карабахе начал работу российско-турецкий центр по контролю за режимом прекращения огня. ТАСС. 30.01.2021. [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/10551015
18. Россия и Турция нарастили товарооборот в 2022 году до рекордных $62 млрд. РБК. 03.02.2023. [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/economics/03/02/2023/63dd1d309a79479e6e5f5c6c
19. Holmes M. Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 316 p.
20. Melissen J. Summit Diplomacy Coming of Age // Clingendael Discussion Papers in Diplomacy. – 2003. – № 86. – P. 1–28.
21. Stone R.W. Informal governance in international organizations: Introduction to the special issue // Review of International Organizations. – 2013. – Vol. 8. – № 2. – P. 121–136.
22. Степанова Е.А. Военно-техническое сотрудничество России и Турции: вызовы и возможности для региональной безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 89–112.
23. Толорая Г.Д. Эрдогановская Турция: ревизионистская держава на стыке цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 8. – С. 105–114.
24. Давыдов А.С. Российско-турецкие отношения: модель «конкурентного партнерства» // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 2. – С. 45–54.
25. Романова Т.А. Энергетическое измерение российско-турецких отношений: от «Голубого потока» к «Турецкому потоку» // Контуры глобальных трансформаций. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 123–142.

PERSONALIZED INTERACTION AS A CRISIS MANAGEMENT MECHANISM IN THE RUSSIAN-TURKISH MULTIFACETED PARTNERSHIP (2000S-2020S)

Popov V.S.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article analyzes the mechanisms that ensure the sustainability and development of the Russian-Turkish multifaceted partnership amid the permanent crises of the first quarter of the 21st century. The author hypothesizes that, alongside the formal legal framework, the personalized level–that is, direct informal contacts and agreements between Presidents Vladimir Putin and Recep Tayyip Erdogan–plays a key role in managing this complex interaction. Based on a synthesis of political realism and an institutional approach, the paper conceptualizes this level as a specialized institution of crisis and strategic management, arising from the similar centralization of power in both countries. An empirical analysis of key crises (the Su-24 incident and the assassination of Ambassador Karlov in 2015–2016, the Karabakh conflict of 2020, and the period after February 2022) reveals three main functions of the personalized level: immediate de-escalation ("firefighting"), strategic bargaining ("package deals"), and overcoming institutional resistance. It is concluded that the stability of Russian-Turkish relations is ensured by a two-circuit governance model, where formal institutions provide long-term stability, while a personalized level ensures operational flexibility and anti-crisis resilience, serving as a pragmatic response to the challenges of a polycentric world order.

Keywords: Russian-Turkish relations, personalized level of interaction, crisis management, multifaceted partnership, summit diplomacy, informal institutions, Putin, Erdogan, de-escalation, strategic bargaining, polycentric world order, foreign policy.

References

1. Davydov A.S. Russian-Turkish relations: the "competitive partnership" model // World Economy and International Relations. – 2021. – Vol. 65. – No. 2. – Pp. 45–54.
2. Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, No. 229). – URL: http://kremlin.ru/acts/news/70811
3. Toloraya G.D. Erdogan's Turkey: a revisionist power at the crossroads of civilizations // World Economy and International Relations. – 2020. – Vol. 64. – No. 8. – Pp. 105–114.
4. Romanova T.A. The Energy Dimension of Russian-Turkish Relations: From Blue Stream to Turkish Stream // Contours of Global Transformations. – 2020. – Vol. 13. – No. 2. – Pp. 123–142.
5. Stepanova, E.A. Military-Technical Cooperation between Russia and Turkey: Challenges and Opportunities for Regional Security // Bulletin of MGIMO University. – 2022. – Vol. 15. – No. 1. – Pp. 89–112.
6. Lukin, A.V. Partnership in Contemporary World Politics: From Theory to Practice // International Processes. – 2018. – Vol. 16. – No. 3 (54). – Pp. 16–32.
7. Waltz, K.N. Theory of International Politics. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. – 251 p.
8. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 152 p.
9. Treaty on the Principles of Relations between the Russian Federation and the Republic of Turkey (Moscow, May 25, 1992). // Collection of International Treaties of the Russian Federation. – Moscow, 1996. – Issue XLVII. – Pp. 58–61.
10. Joint Declaration on Deepening the Multifaceted Partnership between the Russian Federation and the Republic of Turkey (Ankara, November 16, 2001). // Diplomatic Bulletin. – 2001. – No. 12. – Pp. 34–36.

11. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Turkey on the Establishment of the High-Level Cooperation Council (signed on May 12, 2010). // Bulletin of International Treaties. – 2011. – No. 8. – Pp. 45–48.

12. Sagyndykova A.K. Legal Foundations of Russian-Turkish Cooperation in Modern Conditions // Yurist-Pravoved. – 2020. – No. 4 (95). – Pp. 110–116.

13. Özbudun, E. Turkey's Judiciary and the Drift Toward Competitive Authoritarianism // The International Spectator. – 2015. – Vol. 50. – No. 2. – Pp. 42–55.

14. Putin called Turkey's strike on the Su-24 a stab in the back. TASS. 26.11.2015. [Electronic resource] // URL: https://tass.ru/politika/2482747

15. Erdogan sent a letter to Putin with an apology for the downed Su-24. RIA Novosti. 27.06.2016. [Electronic resource] // URL: https://ria.ru/20160627/1455190062.html

16. Putin and Erdogan agreed not to allow the normalization of relations to be disrupted. Interfax. 20.12.2016. [Electronic resource] // URL: https://www.interfax.ru/russia/543946

17. The Russian-Turkish center for monitoring the ceasefire regime has begun work in Karabakh. TASS. 30.01.2021. [Electronic resource] // URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/10551015

18. Russia and Turkey increased trade turnover in 2022 to a record $62 billion. RBC. 03.02.2023. [Electronic resource] // URL: https://www.rbc.ru/economics/03/02/2023/63dd1d309a79479e6e5f5c6c

19. Holmes M. Face-to-Face Diplomacy: Social Neuroscience and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 316 p.

20. Melissen J. Summit Diplomacy Coming of Age // Clingendael Discussion Papers in Diplomacy. – 2003. – No. 86. – P. 1–28.

21. Stone R.W. Informal governance in international organizations: Introduction to the special issue // Review of International Organizations. – 2013. – Vol. 8. – No. 2. – P. 121–136.

22. Stepanova E.A. Military-technical cooperation between Russia and Turkey: Challenges and opportunities for regional security // Bulletin of MGIMO-University. – 2022. – Vol. 15. – No. 1. – P. 89–112.

23. Toloraya G.D. Erdogan's Turkey: A revisionist power at the crossroads of civilizations // World Economy and International Relations. – 2020. – Vol. 64. – No. 8. – P. 105–114.

24. Davydov A.S. Russian-Turkish Relations: The "Competitive Partnership" Model // Global Economy and International Relations. – 2021. – Vol. 65. – No. 2. – Pp. 45–54.

25. Romanova T.A. The Energy Dimension of Russian-Turkish Relations: From Blue Stream to Turkish Stream // Outlines of Global Transformations. – 2020. – Vol. 13. – No. 2. – Pp. 123–142.

Цифровая дипломатия России и Альянса государств сахеля: формирование общих нарративов

Пуабу Жилберт Наолиссиа Алдонов,
аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: gilbopouabou@gmail.com

В статье анализируется процесс формирования общих нарративов между Россией и Альянсом государств Сахеля (АГС) через призму цифровой дипломатии. На фоне недавних геополитических изменений в Западной Африке – отмеченных серией государственных переворотов и выходом трех стран (Буркина-Фасо, Мали, Нигер) из Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) – Россия выступает в качестве ключевой опоры для этих новых режимов. Исследование, основанное на контент-анализе шести публикаций из официального аккаунта АГС infos в X (бывший Twitter) и телеграм-канала МИД России (период ноябрь 2024 – декабрь 2025), выявляет взаимную инструментализацию образов. АГС создает образ России как военного партнера, антиколониальной державы и защитника суверенитета. В свою очередь, Россия представляет АГС как легитимный, суверенный альянс, приверженный построению многополярного мира. Статья демонстрирует, что эти нарративы, хотя и относятся к реальному сотрудничеству, служат прежде всего целям внутренней легитимации для АГС и геополитического присутствия (для России), создавая таким образом замкнутый круг взаимной легитимации посредством цифровой дипломатии.

Ключевые слова: Цифровая дипломатия, Альянс государств Сахеля, Россия, Экономическое сообщество западноафриканских государств, МИД России.

Введение

Прежде чем перейти к изложению сути настоящего исследования, представляется необходимым обосновать его актуальность. В современных геополитических реалиях, трансформировавшихся под влиянием российской специальной военной операции и эскалации израильско-палестинского конфликта, роль Африканского континента существенно возрастает. Данный процесс усугубляется серией военных переворотов на африканской территории, которые спровоцировали кризисные явления как в африканском союзе в целом, так и в Экономическом сообществе западноафриканских государств, в частности. Кризис выразился в решении трех государств-членов выйти из состава региональной организации, что было мотивировано проблемой легитимности их новых лидеров. Вопрос легитимности данных режимов стал предметом международных разногласий: она была поставлена под сомнение западными государствами (в частности, Францией), но получила поддержку со стороны одного из ключевых акторов международных отношений – Российской Федерации. Позиция Соединенных Штатов, первоначально не поддерживавших легитимность указанного альянса, в настоящее время обнаруживает тенденцию к пересмотру в связи с намерением Вашингтона взять на себя функции по обеспечению безопасности в регионе, которые ранее перешли к России.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые анализируется процесс формирования образа России африканскими (а не российскими) акторами в условиях регионального кризиса. Существующий корпус исследований преимущественно сфокусирован на изучении политики России в Африке, тогда как вопросы использования образа России африканскими элитами в собственных целях остаются за рамками научного дискурса.

Гипотеза работы заключается в том, что образ России инструментально используется африканскими актерами для решения внутриполитических задач: консолидация власти и обоснования разрыва с прежними центрами влияния посредством риторики об антиколониальном союзном и военном партнере.

В ходе исследования выявлены стратегии «инструментализации» имиджа России. Продемонстрировано, что риторика лидеров Альянса государств Сахеля (АГС) в отношении России направлена не столько на описание реалий двустороннего партнерства, сколько на решение внутриполитических задач: легитимацию государственных переворотов, мобилизацию общественного мнения, а также делегитимацию ЭКОВАС и Франции. Феномен использования образа России в целях региональной легитимации остается недостаточно изученным, что позволяет авторскому коллективу внести вклад в развитие данной проблематики в рамках теории международных отношений.

Достижение цели исследования напрямую зависит от корректной операционализации одного из ключевых понятий. В этой связи необходимо дать определение концепции цифровой дипломатии.

Особенности концепции цифровой дипломатии

Что касается цифровой дипломатии, несмотря на ее растущую важность, в настоящее время не существует официального определения этого термина. Хотя некоторые организации пытались дать точное определение этому термину, его использование по-прежнему остается неоднозначным. В отсутствие четкого определения ученые изучали цифровую дипломатию с различных точек зрения, уделяя особое внимание таким темам, как кибербезопасность, социальные сети и управление интернетом. Эта неопределенность также связана с множеством терминов, используемых для обозначения цифровой дипломатии.

Исследователи часто используют термины «кибердипломатия», «net дипломатия», «э-дипломатия» и «твипломатия» как взаимозаменяемые. Хотя их значения практически идентичны, каждый префикс относится к разным аспектам темы и должен использоваться с умом. Например, «кибер» часто используется для обозначения вопросов безопасности, «э» – для обсуждения тем, связанных с бизнесом, а «тви» – исключительно для обозначения Twitter(X) концепция, которую Sevin и Manor используют в своей работе.Net часто используется для обсуждения тем, связанных с коммуникацией участников международных отношений со своей аудиторией в социальных сетях.

Наше исследование больше ориентировано на определения net дипломатии и твит-дипломатии, поскольку оно посвящено пониманию того, как образ России воспринимается в коммуникации АГС, и, с другой стороны, как россияне через свою внешнюю политику воспринимают страны-члены АГС.

В рамках данного исследования термины «онлайн-дипломатия» и «твидипломатия» не используются как взаимозаменяемые. Для каждого из них предлагается рабочее определение, позволяющее однозначно отнести анализируемые элементы коммуникации (публикации, заявления, сообщения) к той или иной категории.

В данном исследовании под «онлайн-дипломатией» понимается коммуникация через официальные аккаунты Министерства иностранных дел, посольств и дипломатов на всех платформах (социальные сети, веб-сайты). Критерии классификации: публикация размещена на официальном канале, адресована широкой аудитории и не связана с конкретными интерактивными функциями той или иной платформы. Пример: публикация посольства России в Telegram.

Под «Твипломатия» обозначает частный случай онлайн-дипломатии на платформе X (Twitter). Критерии классификации: личный аккаунт дипломата или политик, короткое сообщение, использование упоминаний, ретвитов и хештегов, элементы неформальности и публичной переписки. Пример: СМИ, поддерживающее АГС, которое упоминает Министерство иностранных дел России в Твиттере.

В целях уточнения методологической базы настоящего исследования была применена стратегия простой выборки, в рамках которой были определены два ключевых актора коммуникационного взаимодействия – с российской стороны и со стороны государств-членов Альянса Сахеля (АГС).

С российской стороны в качестве объекта анализа было выбрано Министерство иностранных дел Российской Федерации. Со стороны АГС – официальная страница альянса в социальной сети Twitter (X), функционирующая под названием ASS infos.

Выборка исследования

Сформированная выборка позволила в дальнейшем провести контент-анализ шести (6) публикаций с каждой из указанных сторон. Помимо этого, данная выборка создала основу для анализа ряда африканских информационных каналов в социальных медиа, что, в свою очередь, дало возможность выделить несколько категорий репрезентации образов России и АС. В результате проведенного анализа могут быть обозначены следующие категории.

Категории образа России

1. Военный партнер. Союзник в сфере противодействия терроризму. Россия репрезентируется как ключевой партнер в области безопасности и борьбы с террористической угрозой.

2. Антиколониальная сил. Противовес Западу. Образ России конструируется как сила, противостоящая неоколониальной политике западных государств.

3. Экономический партнер. Данная категория объединяет упоминания о сотрудничестве в экономической сфере, включая поставки зерна, инвестиционное взаимодействие и передачу технологий.

4. Защитник суверенитета. Россия представлена как актор, поддерживающий государственный суверенитет стран АГС, в том числе посредством дипломатической поддержки на площадке ООН.

5. Идеологический союзник. В данную категорию включены репрезентации, акцентирующие общность идеологических позиций, таких как приверженность принципам многополярного мира и защита традиционных ценностей.

Категории образа Альянса государств Сахеля (АГС)

1. Суверенные государства. Борцы с неоколониализмом. АГС репрезентируется как объединение суверенных государств, ведущих борьбу с неоколониальным влиянием.

2. Партнеры в сфере безопасности. Противодействия терроризму. Страны альянса позиционируются как надежные партнеры в вопросах обеспечения региональной безопасности и борьбы с терроризмом.

3. Объекты внешнего давления (жертвы санкций). Данная категория объединяет репрезентации АГС в качестве субъектов, подвергающихся неправомерному давлению и санкциям со стороны западных держав.

4. Участники формирования многополярного мира. АГС представлен в качестве одного из активных акторов, участвующих в процессе становления нового, многополярного мироустройства.

5. Братские народы. Традиционные партнеры. Репрезентация, основанная на риторике исторической близости, дружбы и традиционных связей между народами.

Таким образом, на основании проведенного контент-анализа публикаций официальных источников (аккаунта AES infos в Twitter и Telegram-канала Министерства иностранных дел Российской Федерации) за период с ноября 2024 по декабрь 2025 года можно сформулировать следующие результаты исследования (табл. 1, 2).

Таблица 1. Репрезентация образа России в официальном дискурсе Альянса государств Сахеля (ASS infos)

Дата	Ссылка на пост	Ключевые цитаты о России	Категория образа	Тональность
29.11.24	https://x.com/AESinfos/status/1862585548075864404?s=20	Переговоры между российской и нигерской делегациями затронули широкий круг вопросов, в том числе энергетику, сельское хозяйство, инфраструктуру и культурное сотрудничество	3	+
24.12.24	https://x.com/AESinfos/status/1871502234028007904?s=20	Посол России Игорь Громыко сообщил на пресс-конференции в Бамако, что Россия планирует построить в Мали крупнейший в Западной Африке завод по переработке золота	3	+
05.03.25	https://x.com/AESinfos/status/1897222222902665636?s=20	Заместитель министра России рассказал о подробных переговорах, которые он провел с высшим военным руководством Мали, в частности с министром обороны и ветеранов генералом Садио Камара	1	+
03.04.25	https://x.com/AESinfos/status/1897222222902665636?s=20	Обвинения посыпались как из рога изобилия: Лавров указал на поддержку Западом «террористов» в Сахеле через Киев, а АГС выразила поддержку российским инициативам в ООН	1,2	+
07.04.25	https://x.com/AESinfos/status/1907805035851034997?s=20	Россия обязалась поддержать формирование объединенных вооруженных сил АГС, пообещав консультации, вооружение и инструкторов	1	+
10.05.25	https://x.com/AESinfos/status/1932411202673484275?s=20	Наше партнерство с Россией, столь осуждаемое теми, кто все еще мечтает о подчинении Сахеля, сегодня является ощутимой и успешной реальностью	1,2	+

Таблица 2. Репрезентация образа АГС в официальном дискурсе России

Дата	Ссылка на пост	Ключевые цитаты о АГС	Категория образа	Тональность
03.04 25	https://t.me/MID_Russia/54851	Рассматриваем создание Альянса как проявление решимости трех государств Сахеля выстраивать новую архитектуру региональной безопасности, в целом проводить независимый внешнеполитический курс с опорой на национальные интересы и на собственный потенциал	1,4	+
04.04 25	https://t.me/MID_Russia/54883	Предметно обсуждены вопросы укрепления дружественных отношений России с АГС с акцентом на углубление политического диалога и наращивание секторального взаимодействия	2	+
07.08.25	https://t.me/MID_Russia/63571	Крепнет новая архитектура регионального сотрудничества. Россия неизменно уделяет большое значение сотрудничеству со странами Западной Африки. С удовлетворением отмечаем в целом спокойную политическую обстановку в регионе в текущем году	4,2	+

Окончание

Дата	Ссылка на пост	Ключевые цитаты о АГС	Категория образа	Тональность
25.09.25	https://t.me/MID_Russia/66155	В ходе беседы обсужден широкий круг вопросов по приоритетным сферам сотрудничества между Россией и АГС, включая углубление политического диалога, наращивание взаимодействия в сфере безопасности, торгово-экономической, гуманитарной и иных областях	2	+
14.11.25	https://t.me/MID_Russia/69137	Подтверждаем нашу приверженность суверенитету, единству и территориальной целостности государств-участников АГС. Призываем международное сообщество к поддержке усилий Конфедерации по борьбе с террогрозой и социально-экономическому развитию Буркина-Фасо, Мали и Нигера	1,2	+
30.12.25	https://t.me/MID_Russia/71652	Создание АГС – проявление стремления стран региона к самостоятельному формированию собственной архитектуры безопасности и развития. Отмечена практическая роль России в стабилизации ситуации в Мали и регионе	2	+

Интерпретация

Проведенный анализ публикаций официальных источников России (Telegram-канал МИД РФ) и Альянса государств Сахеля (аккаунт AES infos в X) позволяет сделать следующие выводы о структуре и направленности формируемых образов.

1. Репрезентация Российской Федерации в риторике АГС (AES infos). Анализ шести постов АГС демонстрирует целенаправленное конструирование образа России как ключевого стратегического партнера**.**

• **Доминирование военно-политического измерения (Категория 1):** В 4 из 6 публикаций (от 05.03, 03.04, 07.04, 10.05) Россия напрямую представлена как военный союзник, оказывающий поддержку в сфере безопасности (подготовка армии, вооружение, консультации). Это указывает на приоритетность военно-технического сотрудничества в публичном дискурсе альянса.

• **Акцент на антиколониальной риторике (Категория 2):** Образ России как «противовеса Западу» (посты от 03.04 и 10.05) используется для легитимации разрыва с традиционными западными партнерами и обоснования нового внешнеполитического курса.

• **Экономическое измерение как дополнение (Категория 3):** Упоминания экономических проектов (энергетика, сельское хозяйство, строительство завода по переработке золота) представлены в двух постах, что свидетельствует о стремлении продемонстрировать практическую выгоду партнерства, выходящую за рамки безопасности.

• **Исключительно позитивная тональность:** Все проанализированные публикации АГС имеют подчеркнуто положительную тональность, что говорит об использовании образа России как символа «новых возможностей» и суверенного развития.

2. Репрезентация Альянса государств Сахеля в риторике МИД РФ. Российский внешнеполитический нарратив формирует образ АГС как легитимного и перспективного регионального объединения**.**

• **Признание суверенитета и новой архитектуры (Категории 1 и 4):** В 5 из 6 постов подчеркивается право стран АГС на независимый курс и создание собственной архитектуры безопасности (посты от 03.04, 07.08, 14.11, 30.12). Это напрямую легитимирует новые власти и их решение о выходе из ЭКОВАС.

• **Рамочный характер партнерства (Категория 2):** Россия позиционирует отношения с АГС как многоплановые, упоминая политический диалог, сотрудничество в сфере безопасности, торговлю и гуманитарные связи. При этом конкретика уступает место общей позитивной риторике о «наращивании взаимодействия».

• **Поддержка в борьбе с терроризмом (Категория 2):** Важным элементом является международная легитимация усилий АГС по противодействию террористической угрозе (пост от 14.11), что вписывает альянс в глобальную повестку безопасности.

3. Сравнительный анализ и ключевые выводы.

• **Взаимодополняемость нарративов:**

Наблюдается высокая степень корреляции между образами, конструируемыми обеими сторонами. Россия позиционируется как гарант суверенитета и безопасности, а АГС – как ответственный партнер, разделяющий принципы многополярности. Это создает замкнутый контур легитимации: Россия легитимирует АГС на международной арене, а АГС легитимирует присутствие России в регионе перед собственной аудиторией.

• **Инструментализация образа:**

Полученные данные подтверждают гипотезу исследования об инструментальном использовании образа России африканскими акторами. Риторика об «антиколониальном союзнике» и «военном партнере» обслуживает внутренние задачи по консолидации власти и обоснованию разрыва с прежними центрами влияния.

• **Приоритет политического дискурса над экономическим:**

Как в публикациях АГС, так и в сообщениях МИД РФ, экономическая повестка присутствует, но уступает по частоте и эмоциональной насыщенности вопросам суверенитета, безопасности и геополитического позиционирования.

Заключение

С учетом всего вышесказанного, данное исследование выявляет феномен взаимной легитимации посредством цифровой дипломатии между Россией и Альянсом государств Сахеля. Анализ дискурсов, публикуемых Министерством иностранных дел России и аккаунтом AES infos в X, показывает поразительное сходство нарративов: Россия представляется как военный партнер, антиколониальная сила и защитник суверенитета, в то время как АГС изображается как легитимный, многополярный альянс, решительно нацеленный на стратегическую автономию.

Данное исследование подтверждает гипотезу о взаимной инструментализации образов. Для сахельских режимов, пришедших к власти в результате государственных переворотов, образ России служит для легитимизации их разрыва с Францией и ЭКОВАС. Для Москвы признание АГС укрепляет ее геополитическое присутствие в Африке и позиционирует ее как незаменимого игрока в многополярном мире. Через социальные сети эти два игрока таким образом создают общий нарратив, выходящий за рамки простого двустороннего сотрудничества: речь, идет о настоящей стратегии взаимной легитимации, в которой цифровая дипломатия становится центральным инструментом переопределения региональных и глобальных балансов.

Литература

1. Официальный канал Министерства иностранных дел Российской Федерации в Telegram. [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/MID_Russia (дата обращения: 31.12.2025).

2. Официальный канал Альянса государств Сахеля в X. [Электронный ресурс]. URL: https://x.com/AESinfos/status/1897222222902665636?s=20 (дата обращения: 31.12.2025).

3. Конков, А.Е. (2020). Цифровизация политики против политики цифровизации, Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения, т. 13, вып. 1, с. 47–68.

4. Манор, И. (2019), «Громкая и нестабильная онлайн-публика», в Манор, И. (ред.), Цифровизация публичной дипломатии, Шам: Palgrave Macmillan, с. 65–100.

5. Пуабу Ж.Н.А, (2026), Цифровая дипломатия и молодежь: влияние международных игроков на ценности молодого поколения в России и странах ЭКОВАС через социальные сети, с. 2.

6. Цветкова Н., Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология, Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Политология. История. Международные отношения, № 2, с. 37–47.

DIGITAL DIPLOMACY BETWEEN RUSSIA AND THE SAHEL ALLIANCE: SHAPING SHARED NARRATIVES

Pouabou G.N.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

This article analyses the process of shaping shared narratives between Russia and the Alliance of Sahel States (ASS) through the lens of digital diplomacy. Against the backdrop of recent geopolitical changes in West Africa – marked by a series of coups d'état and the withdrawal of three countries (Burkina Faso, Mali and Niger) from ECOWAS – Russia is acting as a key pillar of support for these new regimes. The study, based on a content analysis of six posts from the AGS's official X (formerly Twitter) account and the Russian Foreign Ministry's Telegram channel (November 2024 – December 2025), reveals a mutual instrumentalisation of images. The AGS creates an image of Russia as a military partner, an anti-colonial power and a defender of sovereignty. In turn, Russia presents the AGS as a legitimate, sovereign alliance committed to building a multipolar world. The article demonstrates that these narratives, although based on actual cooperation, serve primarily the goals of internal legitimisation for the AGS and geopolitical presence (for Russia), thereby creating a vicious circle of mutual legitimisation through digital diplomacy.

Keywords: Digital diplomacy, Alliance of Sahel States (ASS), Russia, The Economic Community of West African States (ECOWAS), Russian Ministry of Foreign Affairs.

References

1. Konkov, A.E. (2020). Digitalization of Policy vs Policy of Digitalization, Bulletin of St Petersburg University. Political Science. International Relations, Vol. 13, iss. 1, Pp. 47–68.

2. Manor, I. (2019), A Vocal and Volatile Online Public, in Manor, I. (ed.), The Digitalization of Public Diplomacy, Cham: Palgrave Macmillan, Pp. 65–100.

3. Pouabou G.N.A (2026), Digital diplomacy and youth: the influence of international players on the values of the younger generation in Russia and ECOWAS countries through social media, pp.2

4. The official Telegram channel of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. [Online resource]. URL: https://t.me/MID_Russia (accessed 31.12 2025).

5. The official X channel of the Sahel States Alliance. [Online resource]. URL: https://x.com/AESinfos/status/1897222222902665636?s=20 (accessed 31.12 2025).

6. Tsvetkova, N., The Phenomenon of Digital Diplomacy in International Relations and the Methodology, Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International Relations, № 2, Pp. 37–47.

Внешняя политика и приоритеты безопасности Греции в средиземноморье

Рузанов Матвей Дмитриевич,
аспирант, кафедра международных отношений и внешней политики, Дипломатическая академия МГИМО МИД России
E-mail: ordon99@mail.ru

В статье проводится анализ внешнеполитической стратегии и приоритетов безопасности Греции в Средиземноморском регионе в условиях нарастающей геополитической конкуренции и переформатирования региональной архитектуры безопасности. Актуальность исследования определяется изменениями в системе международных отношений в Восточном Средиземноморье, где за последние пять лет зафиксировано более 80 инцидентов военного характера между Грецией и Турцией, включая прямые столкновения военных кораблей, перехваты разведывательных самолетов и нарушения воздушного пространства, количество которых только в 2022 году достигло исторического максимума в 11 248 случаев. Параллельно наблюдается 15-кратное увеличение интенсивности разведывательных полетов в регионе, а также активизация военно-морского присутствия держав: США с 2020 года увеличили свое военное присутствие на 35%, открыв новые базы в Александруполисе и Суда-Бей, а Россия после 2015 года восстановила постоянное оперативное соединение ВМФ в Восточном Средиземноморье. Энергетический фактор придает региональным противоречиям новое измерение: после открытия месторождений природного газа борьба за контроль над углеводородными ресурсами стала драйвером эскалации напряженности между Грецией и Турцией. Цель работы заключается в выявлении детерминант внешнеполитического курса Греции, оценке эффективности ее стратегических альянсов и определении перспективных направлений дипломатической активности. Теоретическая значимость статьи заключается в разработке многомерной модели анализа внешней политики среднего государства в условиях системной конкуренции крупных держав. Практическая значимость определяется возможностью использования выводов для прогнозирования развития региональной ситуации и корректировки внешнеполитических стратегий заинтересованных акторов. Результаты исследования включают типологию внешнеполитических приоритетов Греции, матрицу стратегического позиционирования в системе региональных альянсов. Основные выводы исследования заключаются в том, что во внешнеполитической стратегии Греции институциональные гарантии НАТО и ЕС дополняются двусторонними военно-политическими союзами, в которых Греция вынуждена балансировать между традиционными историко-культурными связями и жесткими обязательствами перед ЕС и НАТО.

Ключевые слова: Греция, внешняя политика, Восточное Средиземноморье, греко-турецкие отношения, региональная безопасность, стратегические альянсы, энергетическая безопасность, НАТО, Евросоюз.

Введение

Актуальность исследования внешней политики и приоритетов безопасности Греции в Средиземноморье определяется трансформацией региональной архитектуры безопасности, наблюдаемой с 2019 года. За последние пять лет в Восточном Средиземноморье зафиксировано более 80 инцидентов военного характера между Грецией и Турцией, включая столкновения военных кораблей, нарушения воздушного пространства и перехваты разведывательных самолетов.

Структурные изменения в энергетическом ландшафте Восточного Средиземноморья придают региональным противоречиям новое измерение. После открытия в период 2010–2020 гг. месторождений природного газа с общим объемом запасов около 3,5 трлн куб. м (месторождения «Левиафан», «Тамар», «Афродита», «Зохр») борьба за контроль над энергетическими ресурсами стала основным фактором эскалации напряженности.

Геополитическое пространство усугубляется активизацией внерегиональных акторов. США в 2020–2024 гг. увеличили военное присутствие в регионе на 35%, открыв новые базы в Греции (Александруполис, Суда-Бей). Россия, в свою очередь, после 2015 года восстановила свое постоянное военно-морское присутствие в Восточном Средиземноморье. Евросоюз, в котором Греция занимает особое положение как одно из наиболее уязвимых государств-членов, демонстрирует ограниченную способность обеспечивать коллективную безопасность.

Таким образом, Греция оказалась в эпицентре переплетения региональных и глобальных противоречий. Ее внешнеполитическая стратегия вынуждена балансировать между необходимостью обеспечения территориальной целостности, энергетической безопасности, членством в НАТО и ЕС, а также поддержанием традиционных историко-культурных связей на Балканах и в Восточном Средиземноморье. В этих условиях Греция, как среднее государство, демонстрирует высокую степень дипломатической активности, стремясь компенсировать военно-стратегическую асимметрию с Турцией через формирование гибких альянсов и использование институциональных возможностей ЕС и НАТО.

Целью исследования является анализ внешнеполитической стратегии и приоритетов безопасности Греции в Средиземноморском регионе, выявление детерминант ее внешнеполитического курса и определение перспективных направлений дипломатической активности в условиях нарастающей геополитической конкуренции.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи.

1. Проанализировать исторические и геополитические предпосылки формирования современной внешнеполитической стратегии Греции в Средиземноморье.
2. Выявить основные вызовы безопасности, с которыми сталкивается Греция в регионе, и оценить их динамику за последнее десятилетие.
3. Исследовать систему стратегических альянсов Греции (США, ЕС, НАТО, Израиль, Египет, Кипр) и определить их вклад в обеспечение национальной безопасности.
4. Охарактеризовать греко-турецкие противоречия как константу региональной политики и определить сценарии их эволюции.
5. Разработать прогнозную модель развития региональной ситуации и определить перспективные направления внешнеполитической активности Греции.

Исторические особенности формирования внешнеполитической стратегии Греции и ее взаимодействия с великими державами анализируются в работах О.И. Агансона, исследующего балканскую политику Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны, и А.А. Калинина, рассматривающего американскую политику в Греции в 1944–1952 гг. Т.В. Никитина анализирует советско-греко-турецкие отношения по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг., а А. Тасулас – позицию СССР по деколонизации Кипра. И.Ю. Смирнова исследует Афонский вопрос в европейской дипломатии.

Современные геополитические реалии Восточного Средиземноморья раскрываются в работах Ю.Д. Квашнина, рассматривающего западный вектор внешней политики Греции в конце 2010-х – начале 2020-х годов, а также в совместных исследованиях Ю.Д. Квашнина и И.А. Свистуновой, посвященных греко-турецким противоречиям.

А.А. Ирхин, О.А. Москаленко и Н.Э. Демешко анализируют диалектику сотрудничества и конкуренции России и Турции в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье. А. Рамадн в двух работах исследует место России в геополитических стратегиях Греции и приоритеты безопасности Афин в Средиземноморье.

Региональное измерение политики ведущих держав анализируется в работах И.Н. Баранова о роли России в турецкой стратегии, Т.В. Воронковой о средиземноморской политике Франции при Э. Макроне, Н.В. Ивкиной о позиции Германии по греко-турецкому спору, А.М. Сумина об энергетической безопасности Греции, О.А. Хлопова о проблемах безопасности в отношениях США и Турции, А.И. Шумилина о конфликтном партнерстве Евросоюза и Турции.

Стратегическое позиционирование Греции в системе региональных альянсов рассматривается в работах С.Г. Мелконяна о внешнеполитической стратегии Израиля в Восточном Средиземноморье, Н.Ю. Суркова о возвращении России в Восточное Средиземноморье, А.А. Тушкова и С.С. Степановой о противоречиях конфликтного потенциала региона, A. Danilov о формировании греческого вектора внешней политики США, E.A. Yilmaz о турецкой внешней политике в Восточном Средиземноморье.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили научные публикации (2020–2025 гг.), посвященные внешней политике Греции и региональной безопасности в Средиземноморье. В исследовании применялись методы историко-политологического анализа, сравнительного анализа для сопоставления стратегий различных акторов, сценарного моделирования для прогнозирования развития региональной ситуации, методы количественного анализа для обработки статистических данных о военных инцидентах.

Результаты и их обсуждение

Историко-геополитические основания внешнеполитической стратегии Греции

Современная внешнеполитическая стратегия Греции формировалась под воздействием исторических факторов, определивших ее основные уязвимости и стратегические приоритеты. Формально обретя независимость в 1830 году после почти четырехвекового османского владычества, Греция на протяжении XIX–XX веков вела борьбу за территориальное расширение (идея «Великой идеи» – *Megali Idea*). Кульминацией этого противостояния стала Лозаннская конференция 1923 года, установившая современные границы и закрепившая греко-турецкое территориальное противостояние.

Вторая мировая война и последовавшая за ней гражданская война (1946–1949) стали поворотным моментом, окончательно определившим западную ориентацию Греции. Как отмечает А.А. Калинин, уже в 1944–1952 гг. США начали формирование устойчивого греческого вектора своей внешней политики, рассматривая Грецию как основу системы сдерживания советского влияния на Балканах. Вступление Греции в НАТО в 1952 году и в Европейское экономическое сообщество в 1981 году закрепило ее институциональную принадлежность к западному миру [5].

Кипрский кризис 1974 года, завершившийся турецким вторжением и разделом острова, стал для Греции травматическим опытом, продемонстрировавшим ограниченность гарантий безопасности, предоставляемых НАТО и ЕС. Как подчеркивает Т.В. Никитина, советско-греко-турецкие отношения по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг. отражали динамику, в которой Греция пыталась использовать противоречия между великими державами для защиты своих интересов. А. Тасулас, анализируя позицию СССР по деколонизации Кипра. Кризис 1974 года привел к выходу Греции из военной структуры НАТО (до 1980 года) и активизации ее внешнеполитической самостоятельности [10].

Структура вызовов безопасности и динамика греко-турецких противоречий

Современная система вызовов безопасности, с которыми сталкивается Греция в Средиземноморье, носит многоуровневый характер и включает три основных измерения: территориальное (демаркация морских границ и статус островов), энергетическое (контроль над углеводородными ресурсами) и военно-стратегическое (баланс сил в Эгейском море и Восточном Средиземноморье).

Основное место в этой системе занимают греко-турецкие противоречия, которые Ю.Д. Квашнин и И.А. Свистунова определяют как «константу региональной политики», не поддающуюся окончательному разрешению в обозримой перспективе. Анализ динамики военных инцидентов в период 2018–2024 гг. позволяет выделить несколько фаз эскалации [14] (табл. 1).

Таблица 1. Динамика греко-турецких военных инцидентов в Эгейском море и Восточном Средиземноморье (2018–2024 гг.)

Год	Нарушения воздушного пространства Греции	Перехваты истребителями	Столкновения военных кораблей	Спорные сейсморазведочные миссии Турции
2018	3 346	1 827	2	0
2019	3 891	2 042	4	1
2020	5 482	2 896	8	3
2021	7 215	3 641	5	2
2022	11 248	5 104	9	2
2023	8 734	3 982	4	1
2024	9 156	4 213	3	2

Представленные данные свидетельствуют о волнообразной динамике конфликта с пиком эскалации в 2020 и 2022 годах. Резкий рост нарушений воздушного пространства в 2020 году (на 41% по сравнению с 2019 годом) совпал с началом активной турецкой сейсморазведочной деятельности в водах, оспариваемых Грецией, а также с подписанием греко-египетского соглашения о разграничении морских зон. Второй пик в 2022 году, когда количество нарушений достигло исторического максимума в 11 248, связан с обострением ситуации вокруг островов Восточной Эгейской акватории: Турция выступила с заявлением о необходимости демилитаризации 16 греческих островов.

Формулы для расчета индекса региональной напряженности

Для количественной оценки уровня напряженности в Восточном Средиземноморье предлагается следующий интегральный показатель:

$$I = \alpha \times N + \beta \times M + \gamma \times E + \delta \times D,$$

где I – индекс региональной напряженности (от 0 до 100);
N – нормализованное значение количества нарушений воздушного пространства (максимальное значение 2022 г. = 100);
M – нормализованное значение количества военно-морских инцидентов (максимальное значение 2020 г. = 100);
E – нормализованное значение количества энергетических споров (сейсморазведочных миссий, максимум 2020 г. = 100);
D – нормализованное значение дипломатической активности (заявлений официальных лиц, санкций и т.д., экспертно оцениваемых от 0 до 100);
α, β, γ, δ – весовые коэффициенты, определяемые экспертным путем: α = 0,4; β = 0,3; γ = 0,2; δ = 0,1.

Методика расчета нормализованных значений:

Хнорм = (Хтек / Хмакс) × 100,

где Хтек – текущее значение показателя;

Хмакс – максимальное значение показателя за анализируемый период.

Формула расчета военно-стратегического потенциала Греции (W):

$$W = 0,4 \times A + 0,3 \times H + 0,2 \times B + 0,1 \times C,$$

где A – показатель альянсов (экспертная оценка от 0 до 100);
H – показатель национальной обороноспособности (затраты на оборону, численность армии, вооружения);
B – показатель внутренней стабильности;
C – показатель экономической состоятельности.

Стратегические альянсы Греции: структура и эффективность

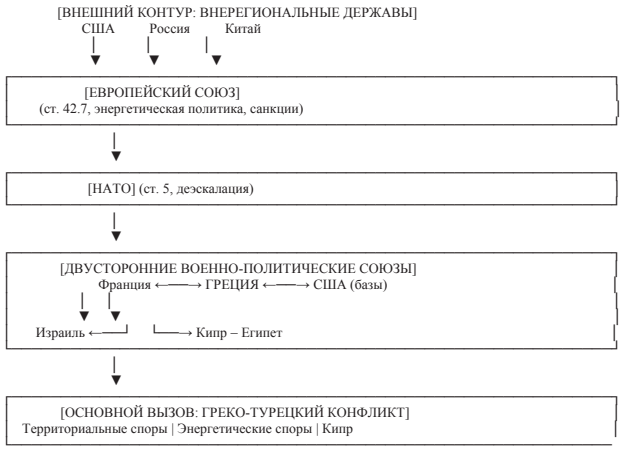
В условиях военно-стратегической асимметрии с Турцией (турецкие вооруженные силы значительно превосходят греческие по численности личного состава и основным видам вооружений) Греция выстраивает систему стратегических альянсов, призванных компенсировать это неравенство (табл. 2).

Анализ представленной структуры позволяет сделать вывод о формировании Грецией многокомпонентной системы сдерживания, включающей институциональные гарантии (НАТО, ЕС) и двусторонние военно-политические союзы (США, Франция, Израиль). Основой этой системы стало соглашение с Францией 2021 года, предусматривающее взаимную военную помощь в случае вооруженного нападения. Как отмечает Т.В. Воронкова, французская средиземноморская политика при Э. Макроне приобрела выраженный антитурецкий вектор.

Таблица 2. Структура стратегических альянсов Греции в Средиземноморье (2025 г.)

Партнер/ Институт	Характер взаимодействия	Основные элементы сотрудничества	Ограничения
США	Стратегическое партнерство, военное присутствие	– Базы в Александруполисе, Суда-Бей, Ларисе – Участие в учениях с 15% увеличением интенсивности с 2020 г. – Совместные программы модернизации ВМС	– Зависимость от политической конъюнктуры в Вашингтоне – Турецкий фактор (Анкара – союзник по НАТО)
Франция	Военно-политический союз	– Договор о взаимной обороне (2021) – Продажа истребителей Rafale и фрегатов FDI – Постоянное военно-морское присутствие	– Ограниченность ресурсов для долгосрочного присутствия
ЕС	Институциональная защита	– Применение ст. 42.7 Лиссабонского договора (2020) – Механизм гражданской защиты – Санкции против Турции (ограниченные)	– Отсутствие единой европейской армии – Разногласия внутри ЕС (позиция Германии)
НАТО	Коллективная оборона	– Ст. 5 Вашингтонского договора (де-юре) – Механизмы деэскалации конфликтов	– Де-факто нераспространение на греко-турецкие споры – Паралич механизмов принятия решений
Израиль	Энергетическо-военный альянс	– Восточно-Средиземноморский газовый форум (EMGF) – Совместные военные учения – Разработка проекта газопровода EastMed	– Сложности реализации энергетических проектов – Региональная изоляция Израиля
Кипр – Египет	Трехстороннее сотрудничество	– Совместные военные учения (с 2015 г.) – Соглашения о разграничении морских зон – Энергетическое сотрудничество	– Различная степень зависимости от внешних партнеров

Модель стратегического позиционирования Греции в Восточном Средиземноморье



Энергетическое измерение внешней политики и позиция внерегиональных держав

Энергетический фактор стал катализатором греко-турецкого противостояния в 2010-х годах после открытия крупных месторождений природного газа в исключительной экономической зоне Кипра, Израиля и Египта. Греция, претендующая на часть этих ресурсов, активно участвует в формировании региональной энергетической архитектуры.

А.М. Сумин, анализируя энергетическую безопасность Греции, выделяет три ее измерения: национальное (обеспечение энергоснабжения), европейское (интеграция в общеевропейскую энергетическую систему) и региональное (участие в формировании восточно-средиземноморского газового хаба). Греция позиционирует себя как «энергетические ворота» Европы, развивая проекты: газопровод TAP (Трансадриатический газопровод), завершенный в 2020 году, терминалы сжиженного природного газа (СПГ) в Александруполисе и Ревусе [15].

Российское присутствие в регионе, восстановленное после 2015 года, создает дополнительный фактор неопределенности. Как отмечает Н.Ю. Сурков, возвращение России в Восточное Средиземноморье было обусловлено необходимостью обеспечения безопасности ее военно-морской базы в Тартусе и контроля над коммуникациями, связывающими Черное море с регионом [16].

А. Рамадн, анализируя место России в геополитических стратегиях Греции, подчеркивает, что Афины вынуждены балансировать между традиционными историко-культурными и экономическими связями с Россией и жесткой внешнеполитической линией ЕС и НАТО, особенно после 2022 года [12].

Сценарное прогнозирование развития региональной ситуации

На основе анализа основных факторов (динамика греко-турецких противоречий, позиция США и ЕС, энергетический фактор, внутриполитическая ситуация в Турции) можно выделить три сценария развития региональной ситуации на период до 2030 года.

Сценарий 1. Статус-кво с периодическими обострениями (вероятность 60%). Конфликт продолжает развиваться по волнообразной модели: периоды эскалации (связанные с выборами в Турции или Греции, энергетическими открытиями, кризисами в отношениях с США) сменяются периодами относительной стабильности. Эффективность механизмов деэскалации (горячие линии, военные миссии связи) остается ограниченной.

Сценарий 2. Эскалация с вовлечением третьих сторон (вероятность 25%). Вооруженное столкновение между Грецией и Турцией (например, из-за попытки турецкого судна вести разведку в спорных водах или инцидента с греческим островом) может привести к применению механизмов взаимной обороны (ст. 42.7 Лиссабонского договора, греко-французский договор 2021 года) и вовлечению в конфликт Франции и, возможно, США.

Сценарий 3. Деэскалация и переговорный процесс (вероятность 15%). Смена политического руководства в Турции или кардинальное изменение позиции США (например, «сделка века» по Кипру) могут создать условия для переговорного процесса. Глубина противоречий (демаркация морских зон, демилитаризация островов, кипрское урегулирование) делает достижение всеобъемлющего соглашения маловероятным.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Внешнеполитическая стратегия Греции в Средиземноморье формируется под воздействием исторически обусловленных факторов, центральным из которых является греко-турецкое противостояние. Динамика военных инцидентов в период 2018–2024 гг. демонстрирует устойчивую тенденцию к эскалации с пиками в 2020 и 2022 годах.

2. Греция выстраивает многокомпонентную систему стратегических альянсов, включающую институциональные гарантии (НАТО, ЕС) и двусторонние военно-политические союзы (США, Франция, Израиль, Кипр, Египет). Основой этой системы является греко-французский договор о взаимной обороне 2021 года, создающий механизм военной поддержки в случае вооруженного конфликта с Турцией.

3. Энергетический фактор (открытие крупных месторождений природного газа с общим объемом запасов около 3,5 трлн куб. м) выступает катализатором греко-турецких противоречий, придает региональным спорам новое экономическое измерение. Греция позиционирует себя как «энергетические ворота» Европы, развивает проекты TAP, терминалы СПГ и обсуждаемый EastMed.

4. Позиция внерегиональных держав создает конфигурацию влияния. США, после ухудшения отношений с Турцией, усиливают военное присутствие в Греции, открывая новые базы и увеличивая интенсивность учений. Франция выступает наиболее надежным союзником Греции в ЕС. Россия, восстановившая свое военно-морское присутствие в регионе после 2015 года, создает дополнительный фактор неопределенности, заставляя Афины балансировать между традиционными связями и обязательствами перед ЕС и НАТО.

5. Сценарный анализ позволяет выделить три варианта развития региональной ситуации до 2030 года: сохранение статус-кво с периодическими обострениями (вероятность 60%), эскалация с вовлечением третьих сторон (25%), деэскалация и переговорный процесс (15%). Наиболее вероятным остается сценарий сохранения волнообразной динамики конфликта с периодическими кризисами, сдерживаемыми

от полномасштабной эскалации наличием военно-политических альянсов Греции и заинтересованностью внешних акторов в региональной стабильности.

Литература

1. Агансон О.И. На пути к сферам влияния и конец «балканской полифонии»: Юго-Восточная Европа в стратегических расчетах Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны // Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.) / Отв. ред. С.И. Данченко. Москва, 2020. С. 339–355.
2. Баранов И.Н. Роль России в современной внешнеполитической стратегии Турции // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7 (83). С. 150–157.
3. Демидов А.П. Системное значение стран Балканского полуострова в условиях глобальной трансформации // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 4 (85). С. 112–131.
4. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1 (9). С. 30–49.
5. Калинин А.А. Греция во внешней политике США в 1944–1952 годах: от мировой войны к «холодной войне» // Американский ежегодник. 2021. С. 149–171.
6. Квашнин Ю.Д. Западный вектор внешней политики Греции (конец 2010-х – начало 2020-х годов) // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 45–56.
7. Квашнин Ю.Д., Свистунова И.А. Греко-турецкие противоречия в новых международных реалиях // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 5 (74). С. 66–83.
8. Кудрявцева Е.П. Начало средиземноморской торговли России (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мира) // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С. 53–66.
9. Мелконян С.Г. Внешнеполитическая стратегия государства Израиль в Восточном Средиземноморье на примере Греции и Кипра // Обозреватель. 2020. № 9 (368). С. 61–82.
10. Никитина Т.В. Политические отношения СССР, Греции и Турции по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг. // Россия – Турция – Греция: возможности диалога на Балканах / Институт славяноведения РАН. Москва, 2021. С. 104–121.
11. Никитина Т.В. Внешняя политика Греции накануне Второй мировой войны // Казачество. 2022. № 64 (7). С. 166–171.
12. Рамадн А. Россия в геополитических стратегиях Греции: вызовы безопасности // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 58–70.
13. Рамадн А. Внешняя политика и приоритеты безопасности Греции в Средиземноморье // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23. № 2. С. 23–39.
14. Свистунова И.А., Квашнин Ю.Д. Турецко-греческие противоречия как константа региональной политики // Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / Под ред. И.Д. Звягельской. Москва, 2022. С. 66–89.
15. Сумин А.М. Энергетическая безопасность Греции: национальное и европейское измерения // Актуальные проблемы нефти и газа. 2020. № 3 (30). С. 64–85.
16. Сурков Н.Ю. Возвращение России в Восточное Средиземноморье: интересы, приоритеты и партнеры // Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / Под ред. И.Д. Звягельской. Москва, 2022. С. 242–264.
17. Тушков А.А., Степанова С.С. Противоречия и дихотомии конфликтного потенциала Восточного Средиземноморья // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71). С. 539–546.
18. Шумилин А.И. Евросоюз-Турция: конфликтное партнерство // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 5 (17). С. 7–15.
19. Danilov A. The Aspects of the Formation of the Greek Vector of the US Foreign Policy // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 6 (99). С. 2658–2667.
20. Yilmaz E.A. Doğu Akdeniz'deki Gelişmeler Doğrultusunda Türk Dış Politikası'nın Dünü ve Bugünü // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. 2020. № 48. С. 27–48.

FOREIGN POLICY AND SECURITY PRIORITIES OF GREECE IN THE MEDITERRANEAN

Ruzanov M.D.
Diplomatic Academy MGIMO Russian Foreign Ministry

The article analyzes the foreign policy strategy and security priorities of Greece in the Mediterranean region in the context of increasing geopolitical competition and reformatting the regional security architecture. The relevance of the study is determined by changes in the system of international relations in the Eastern Mediterranean, where over the past five years more than 80 military incidents have been recorded between Greece and Turkey, including direct collisions of warships, interceptions of reconnaissance aircraft and violations of airspace, the number of which reached a historic maximum of 11,248 cases in 2022 alone. At the same time, there has been a 15-fold increase in the intensity of reconnaissance flights in the region, as well as an increased naval presence of the powers: the United States has increased its military presence by 35% since 2020, opening new bases in Alexandroupolis and Suda Bay, and Russia has restored a permanent naval task force in the Eastern Mediterranean after 2015. The energy factor gives a new dimension to regional contradictions: after the discovery of natural gas deposits, the struggle for control over hydrocarbon resources has become a driver of escalating tensions between Greece and Turkey. The purpose of the work is to identify the determinants of Greece's foreign policy, assess the effectiveness of its strategic alliances, and identify promising areas of diplomatic activity. The theoretical significance of the article lies in the development of a multidimensional model for analyzing the foreign policy of a medium-sized state in the context of systemic competition between major powers. The practical significance is determined by the possibility of using the findings to predict the development of the regional situation and adjust the foreign policy strategies of interested actors. The results of the study include a typology of Greece's foreign policy priorities, a matrix of strategic positioning in the system of regional alliances. The main conclusions of the study are that in Greece's foreign policy strategy, the institutional guarantees of NATO and the EU are complemented by bilateral military and political alliances, in which Greece is forced to balance between traditional historical and cultural ties and strict obligations to the EU and NATO.

Keywords: Greece, foreign policy, Eastern Mediterranean, Greek-Turkish relations, regional security, strategic alliances, energy security, NATO, European Union.

References

1. Aganson O.I. On the Way to Spheres of Influence and the End of the «Balkan Polyphony»: Southeastern Europe in Great Britain's Strategic Calculations at the Final Stage of the Second World War // Slavs and Russia: Problems of Statehood in the Balkans (Late 18th-21st Centuries) / Ed. by S.I. Danchenko. Moscow, 2020. Pp. 339–355.
2. Baranov I.N. The Role of Russia in Turkey's Contemporary Foreign Policy Strategy // Skif. Issues of Student Science. 2023. № 7 (83). Pp. 150–157.
3. Demidov A.P. The Systemic Significance of the Balkan Peninsula Countries in the Context of Global Transformation // Problems of National Strategy. 2024. № 4 (85). Pp. 112–131.
4. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. Turkey and Russia in the Black Sea Region and the Eastern Mediterranean: The Dialectics of Cooperation and Competition between Powers in a Changing World // The Middle and Post-Soviet East. 2025. № 1 (9). Pp. 30–49.
5. Kalinin A.A. Greece in U.S. Foreign Policy in 1944–1952: From World War to the Cold War // American Yearbook. 2021. Pp. 149–171.
6. Kvashnin Yu.D. The Western Vector of Greece's Foreign Policy: Late 2010s – Early 2020s // Analysis and Forecasting. IMEMO Journal. 2022. № 3. Pp. 45–56.
7. Kvashnin Yu.D., Svistunova I.A. Greek-Turkish Contradictions in the New International Realities // Problems of National Strategy. 2022. № 5 (74). Pp. 66–83.
8. Kudryavtseva E.P. The Beginning of Russia's Mediterranean Trade: On the 250th Anniversary of the Treaty of Küçük Kaynarca // Modern and Contemporary History. 2024. № 5. Pp. 53–66.
9. Melkonyan S.G. The Foreign Policy Strategy of the State of Israel in the Eastern Mediterranean: The Cases of Greece and Cyprus // Observer. 2020. № 9 (368). Pp. 61–82.
10. Nikitina T.V. Political Relations between the USSR, Greece and Turkey on the Cyprus Issue in the 1950s-1970s // Russia – Turkey – Greece: Opportunities for Dialogue in the Balkans / Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow, 2021. Pp. 104–121.
11. Nikitina T.V. Greece's Foreign Policy on the Eve of the Second World War // Cossacks. 2022. № 64 (7). Pp. 166–171.
12. Ramadn A. Russia in Greece's Geopolitical Strategies: Security Challenges // Russian Political Science. 2022. № 1 (22). Pp. 58–70.
13. Ramadn A. Greece's Foreign Policy and Security Priorities in the Mediterranean // Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2023. Vol. 23. № 2. Pp. 23–39.
14. Svistunova I.A., Kvashnin Yu.D. Turkish-Greek Contradictions as a Constant of Regional Politics // The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions / Ed. by I.D. Zvyagelskaya. Moscow, 2022. Pp. 66–89.
15. Sumin A.M. Greece's Energy Security: National and European Dimensions // Current Problems of Oil and Gas. 2020. № 3 (30). Pp. 64–85.
16. Surkov N. Yu. Russia's Return to the Eastern Mediterranean: Interests, Priorities and Partners // The Struggle for the Eastern Mediterranean: Interests and Ambitions / Ed. by I.D. Zvyagelskaya. Moscow, 2022. Pp. 242–264.
17. Tushkov A.A., Stepanova S.S. Contradictions and Dichotomies of the Conflict Potential of the Eastern Mediterranean // Issues of National and Federative Relations. 2021. Vol. 11. № 2 (71). Pp. 539–546.
18. Shumilin A.I. The European Union and Turkey: A Conflictual Partnership // Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 2020. № 5 (17). Pp. 7–15.
19. Danilov A. The Aspects of the Formation of the Greek Vector of U.S. Foreign Policy // Issues of National and Federative Relations. 2023. Vol. 13. № 6 (99). Pp. 2658–2667.
20. Yilmaz E.A. The Past and Present of Turkish Foreign Policy in Light of Developments in the Eastern Mediterranean // Karadeniz International Scientific Journal. 2020. № 48. Pp. 27–48.

Цифровые платформы как новые транснациональные акторы в современной системе международных отношений

Се Тяньюй,
аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: zhishui@yandex.ru

В статье обосновывается тезис о том, что крупные цифровые платформы должны рассматриваться не как частный подкласс транснациональных корпораций, а как особый тип транснационального актора, сочетающего контроль над инфраструктурой связности, выработку частных регулятивных режимов и перераспределение трансграничной политической видимости. Теоретическая рамка выстроена через критическое сопоставление реализма, либерального институционализма, конструктивизма, теории глобального управления и исследования транснациональных отношений. На этой основе предлагаются четыре взаимосвязанных понятия: инфраструктурно-нормативно-визуальный актор, реляционная акторность, перенастройка суверенных функций и асимметричное совместное управление. Эмпирическая часть основана на качественном сравнительном анализе и process tracing кейсов Starlink, TikTok, Meta, X, Telegram и VK. Делается вывод, что платформенная власть становится международно-политически значимой не в силу формального суверенитета, а благодаря способности платформ менять условия действия государств, обществ и международных режимов в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровые платформы; транснациональные акторы; цифровой суверенитет; глобальное управление; контент-модерация; алгоритмическая видимость.

Введение

Вопрос сегодня состоит уже не в том, влияют ли цифровые платформы на международные отношения, а в том, при каких условиях их влияние превращается в самостоятельную акторность. Если транснациональная корпорация действует преимущественно через капитал, рынок и инвестиции, то платформа действует также через архитектуру подключения, правила допуска и исключения, а также через управление масштабом видимости. Именно поэтому современные международные и наднациональные институты перестали описывать платформы как обычный сектор цифровой экономики и начали выделять их как особый объект нормативного воздействия: ЮНЕСКО формулирует отдельные роли государств, платформ, межправительственных организаций, гражданского общества и академического сообщества в управлении цифровыми платформами; ООН закрепляет многостейкхолдерный формат цифрового сотрудничества; Евросоюз создает специальный режим надзора за very large online platforms и very large online search engines [8–11].

Именно этот сдвиг делает тему платформ принципиально важной для теории международных отношений. Пока значительная часть литературы либо редуцирует платформы к «большому бизнесу», либо описывает их как техническую среду коммуникации, выпадает их главный эффект: платформы не просто участвуют в мировой политике, а перенастраивают сами условия, в которых мировая политика совершается. Они могут поддерживать или ограничивать связность в зоне конфликта; адаптироваться к требованиям цифрового суверенитета нескольких юрисдикций одновременно; задавать частные процессуальные режимы обработки жалоб, удаления контента и раскрытия данных; влиять на то, какие дискурсы получают ускорение, а какие – фрагментацию или исчезновение [1; 4–6; 10–15].

В статье выдвигается следующая гипотеза: цифровая платформа становится новым транснациональным актором тогда, когда она получает способность автономно и повторяемо изменять трансграничные условия действия других акторов – государств, обществ, международных организаций и рынков – через контроль над инфраструктурой, нормами и режимами видимости. Для проверки этой гипотезы используется качественный сравнительный анализ в сочетании с process tracing. Кейсами выбраны Starlink, TikTok, Meta, X, Telegram и VK, поскольку они демонстрируют разные конфигурации платформенной власти: от инфраструктурной до нормативной, от глобально-автономной до государственно-встроенной.

Теоретическая рамка

Реализм сохраняет аналитическую силу там, где речь идет о границах платформенной автономии. Ни одна платформа не обладает территорией, монополией на легитимное насилие или международно-правовой субъектностью в классическом смысле. Государства по-прежнему запрещают приложения, заключают оборонные контракты, вводят штрафы, лицензируют доступ к рынкам и принуждают к раскрытию данных. Американский кейс TikTok и украинский кейс Starlink как раз показывают, что государственное решение не исчезает, а остается узловым: Верховный суд США рассматривал приложение сквозь призму национальной безопасности и иностранного контроля, а Пентагон прямо подтвердил, что контрактует Starlink для обеспечения Украины необходимой спутниковой коммуникационной инфраструктурой [1; 11–13]. Однако реализм недостаточен там, где политическое решение государства зависит от частной технической инфраструктуры, которой государство не владеет напрямую. Именно этот разрыв между формальной компетенцией и операционным исполнением и образует пространство новой платформенной акторности.

Либеральный институционализм и теория транснациональных отношений позволяют увидеть в платформах не периферийные фирмы, а узлы сложной взаимозависимости. В логике complex interdependence решающее значение имеют не только военные возможности, но и контроль над каналами обмена, связности и координации. Платформа в этом смысле – это не просто поставщик услуги, а узел, через который проходят данные, реклама, коммуникация, общественная мобилизация и организационные интерфейсы. Чем глубже на платформе завязаны повседневное общение, бизнес-процессы, медийное потреб-

ление и государственные практики, тем ближе она к статусу транснационального актора, а не просто предприятия [1; 4; 5].

Конструктивистская перспектива необходима для того, чтобы объяснить, почему платформенная власть не исчерпывается экономическими ресурсами. Международная политика конструируется не только интересами и материальными возможностями, но и нормами, идентичностями и признанием. В цифровой среде эти элементы все чаще опосредуются частными правилами платформ. Исследование цифрового конституционализма убедительно показывает, что цифровые технологии выступают не только как инфраструктуры, но и как пространства, в которых перераспределяются права и властные полномочия. Следовательно, платформа, задающая допустимость речи, процедуры апелляции и логику ранжирования контента, фактически участвует в производстве политически значимых смысловых порядков [2; 5; 6].

Теория глобального управления позволяет описать институциональную среду, в которой платформенная власть становится видимой и спорной. Речь идет уже не о простом конфликте «государство против корпорации», а о распределенной системе, где государства, платформы, международные организации, исследователи и гражданское общество включены в общий, но неравный контур регулирования. Классическая формула governance without government сегодня получает цифровое измерение: глобальный порядок по-прежнему не имеет единого центра, но обладает множеством центров координации, надзора и стандартизации. Именно поэтому ООН и ЮНЕСКО закрепляют многостейкхолдерную логику цифрового сотрудничества, а ЕС переводит ее в правоприменительный режим в отношении крупнейших платформ [3; 8–10].

Из этого следует главный теоретический вывод: классические категории международных отношений остаются необходимыми, но перестают быть достаточными. Реализм объясняет пределы платформенной автономии, но не объясняет их операционную власть. Либеральный институционализм объясняет зависимость от каналов взаимосвязи, но недооценивает частное нормотворчество. Конструктивизм улавливает силу норм и смыслов, но не всегда замечает инфраструктурное основание этой силы. Теория глобального управления показывает распределенность власти, но недостаточно различает случаи, где частный актор не просто включен в режим, а фактически задает его повседневую операциональность. Статья предлагает закрыть этот разрыв через собственный понятийный аппарат.

Концептуальная новизна

Первое предлагаемое понятие – инфраструктурно-нормативно-визуальный актор. Платформа получает международно-политическое значение не тогда, когда она просто велика по числу пользователей, а тогда, когда совмещает три функции. Во-первых, она контролирует инфраструктуру связности или критические интерфейсы доступа. Во-вторых, она производит частные нормы – от правил допустимого контента до процедур проверки, апелляции и раскрытия данных. В-третьих, она распределяет видимость, то есть определяет, что именно станет политически заметным, кому, когда и с какой интенсивностью. Исследования платформ как инфраструктур и литература о платформенном обществе дают основание для такого расширения понятия акторности, а цифровой конституционализм показывает, почему это расширение имеет не только технологическое, но и правополитическое значение [4–6].

Второе понятие – реляционная акторность. Платформы не являются новыми акторами потому, что якобы унаследовали суверенитет государства. Они становятся таковыми потому, что создают и перераспределяют зависимости. Их власть носит не территориальный, а реляционный характер: она возникает из способности менять цену, скорость, доступность и публичную заметность трансграничного действия для других акторов. Государство при этом не исчезает, но уже не остается единственным оператором политически значимой инфраструктуры.

Третье понятие – перенастройка суверенных функций. В цифровой среде суверенитет продуктивнее понимать не как неделимый символический титул, а как набор функций. В статье выделяются четыре такие функции: контроль над связностью, контроль над потоками данных, контроль над правилами доступа и контроль над режимами видимости. Государства сохраняют формально-юридическое верховенство, но платформы все чаще забирают на себя операционное исполнение одной или нескольких из этих функций. Поэтому конфликт между государствами и платформами есть не спор о том, «кто главный» вообще, а спор о том, кто practically управляет конкретным цифровым узлом [6; 8–11].

Четвертое понятие – асимметричное совместное управление. Современная цифровая политика не сводится ни к платформенному саморегулированию, ни к простому возврату национального контроля. Государства обладают правом запрета, санкции и территориального допуска; платформы владеют техническими средами, данными, интерфейсами и алгоритмическими фильтрами; международные организации вырабатывают принципы, стандарты и процедуры координации. Иначе говоря, управление становится совместным, но неравным: ни один участник не обладает полнотой власти, однако последствия решений каждого зависят от других. Это и есть та конфигурация, в которой платформы должны мыслиться как новые транснациональные акторы.

Механизмы платформенной акторности

Первый механизм – контроль инфраструктуры. Когда платформа выступает не просто местом публикации, а условием физически или технически возможной коммуникации, она перестает быть периферийным посредником. Инфраструктурное измерение платформ особенно важно потому, что оно связывает частную собственность с публичной необходимостью. Именно в этом смысле платформы сближаются с теми системами, которые раньше воспринимались как объекты государственного управления или публичного регулирования [4; 8–10; 13].

Второй механизм – производство частных норм. Платформы не просто удаляют контент. Они создают собственные юрисдикционные мини-режимы: формулируют правила пользования, определяют процедурные сроки, описывают основания вмешательства, задают критерии допустимости и архитектуру апелляции. Именно здесь возникает напряжение между публичным правом и частным регулированием: пользователь может жить в одном государстве, политический спор может касаться другого государства, а решение о доступе к речи будет принято внутри корпоративной процедуры, часто глобально унифицированной [5; 8–10; 15].

Третий механизм – перераспределение видимости. Политическая власть платформ заключается не только в праве удалить информацию, но и в способности усиливать, замедлять, размывать или локализовать ее распространение. В цифровой публичности видимость – это не побочный эффект коммуникации, а самостоятельный ресурс. Кто контролирует рекомендации, поисковую выдачу, интерфейс жалобы, логику маркировки и архитектуру обнаружения контента, тот частично контролирует и политическую салентность событий. В этом смысле платформенная власть оказывается ближе к управлению публичной повесткой, чем к обычному хостингу данных [4–6; 10–12; 14].

Эти три механизма редко существуют порознь. В реальном кейсе они складываются в разные композиции: одна платформа сильнее как инфраструктура, другая – как частный нормотворец, третья – как машина политической видимости. Именно поэтому платформы нельзя анализировать только на языке прибыли, рынка или технологий. Они должны рассматриваться как политические участники, чья сила возникает из совмещения технических, регулятивных и символических возможностей.

Сравнительный кейс-анализ

Кейс Starlink демонстрирует инфраструктурное ядро платформенной акторности в наиболее концентрированной форме. Пентагон публично подтвердил наличие контракта со Starlink для поддержки Украины и прямо связал этот контракт с задачей обеспечения страны спутниковой коммуникационной инфраструктурой. Здесь платформа выступает не как вспомогательный частный подрядчик, а как оператор связности, без которого резко меняется фактическая конфигурация управления и устойчивости в военном конфликте [13]. В этом случае суверенная функция контроля над каналом связи остается политически национальной, но операционно распределяется между государством и частной сетью.

Кейс TikTok показывает другую логику – спор о данных, алгоритмах и иностранном контроле. В деле TikTok Inc.v. Garland Верховный суд США рассматривал закон, который делает незаконным распространение, поддержку или обновление платформы TikTok в США, если американская деятельность платформы не будет отделена от китайского контроля. Тем самым вопрос о приложении был юридически переведен в плоскость национальной безопасности и контроля над алгоритмически управляемой средой коммуникации [12]. Но параллельно TikTok вынужден был выстраивать европейскую стратегию регуляторной адаптации: Project Clover оформлен как отдельная архитектура защиты европейских пользовательских данных, включающая европейский enclave, ограничение доступа и внешнюю верификацию мер безопасности [14]. В совокупности это означает, что платформа не просто является объектом регулирования, а сама становится узлом геополитического торга, где сплетаются суверенитет данных, экстерриториальное доверие и алгоритмическая власть.

Кейсы Meta и X наиболее наглядны там, где платформенная акторность проявляется через управление публичностью. По состоянию на май 2026 г. Европейская комиссия в режиме прямого надзора относила Facebook, Instagram, TikTok и X к very large online platforms, фиксируя для них отдельные линии правоприменения, запросы информации, предварительные выводы и процедуры по DSA. Для Facebook в соответствующем перечне указывались 259 млн среднемесячных активных пользователей в ЕС, для TikTok – 135,9 млн, для X – 115,1 млн [11]. Здесь важно не только число пользователей, но и сам факт наднационального надзора: предметом спора становятся уже не только коммерческие практики, а риски, связанные с системами рекомендаций, доступом исследователей к данным, политической рекламой и процедурной прозрачностью. Meta и X в этой конфигурации следует понимать как частных архитекторов цифровой публичности, над которыми государства и наднациональные органы вынуждены выстраивать новый режим политико-правового контроля [4–6; 9–11].

Кейс Telegram позволяет увидеть иной тип платформенной власти – трансграничную сетевую автономию при селективной институционализации комплаенса. В своей политике конфиденциальности Telegram прямо указывает на наличие более чем 1 млрд пользователей, а также закрепляет возможность раскрытия IP-адреса и номера телефона властям при наличии действительного судебного распоряжения с последующим отражением таких случаев в квартальном transparency report. Одновременно для пользователей в ЕС Telegram выделяет специальный контур информации, связанный с требованиями DSA [15; 16]. Это означает, что платформа сохраняет глобальную сетевую автономию, но уже не может существовать вне процедурного сопряжения с юрисдикциями. В отличие от неё, платформы типа VK полезно рассматривать как пример не столько постнациональной, сколько государственно-встроенной платформенной власти: в российском дискурсе цифрового суверенитета доминируют мотивы контроля, безопасности и технологической автономии, и именно в такой логике национальные платформенные экосистемы получают дополнительный международно-политический смысл [7].

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что платформы становятся новыми транснациональными акторами не по одной универсальной модели. Starlink политически значим как инфраструктура, TikTok – как спор о данных и иностранном контроле, Meta и X – как архитектуры цифровой публичности, Telegram – как трансграничная сеть избирательного комплаенса, а VK – как пример платформенной логики, встроенной в проект национальной суверенизации. Различается форма, но не структурное ядро: в каждом случае платформа меняет условия действия других участников международной системы.

Возражения и ограничения

Наиболее очевидное возражение состоит в том, что платформы не являются акторами в собственном смысле слова, поскольку они не обладают суверенитетом, территорией и принуждением. Это возражение отчасти справедливо, если под актором понимать только классического носителя вестфальского суверенитета. Но именно это допущение и требует пересмотра. В международных отношениях акторность никогда не сводилась к одному территориальному формату: транснациональные сети, международные организации, рейтинговые агентства и глобальные медиа давно воздействуют на мировой порядок без обладания государственным титулом. В случае платформ решающим становится не формальный статус, а способность устойчиво и трансгранично изменять пространство возможностей для других [1; 3; 8–11].

Второе возражение связано с риском инфляции понятия суверенитета. Если любой крупный частный ресурс объявлять «суверенным», понятие теряет точность. Поэтому в статье речь идет не о переносе суверенитета к платформам, а о перенастройке отдельных суверенных функций. Иначе говоря, платформа не «замещает» государство, а вклинивается в операционное исполнение некоторых его цифровых полномочий. Эта оговорка принципиальна, поскольку она позволяет избежать как технооптимистической романтизации платформ, так и чрезмерно репрессивной романтизации государственного цифрового суверенитета [5; 7–10].

Третье ограничение связано с эмпирической базой. Настоящее исследование опирается преимущественно на официальные документы, судебные решения и институциональные материалы. Это повышает верифицируемость аргумента, но одновременно сужает пространство наблюдения: официальные тексты лучше фиксируют контуры власти и регуляторной борьбы, чем повседневные практики пользователей или неформальные режимы алгоритмического влияния. Поэтому дальнейшие исследования должны соединять институциональный анализ с цифровой этнографией, исследованием аудиторных траекторий и сравнением региональных платформенных режимов.

Заключение

Главный вывод статьи состоит в том, что цифровые платформы должны быть концептуализированы как новый тип транснационального актора не потому, что они обрели классический суверенитет, а потому, что они получили способность вмешиваться в выполнение тех функций, которые ранее в международной политике воспринимались как преимущественно государственные. Эта способность строится на трех основаниях – инфраструктуре, нормах и видимости – и потому не укладывается ни в обычную модель ТНК, ни в классическую модель медиапосредника. Платформы действуют как реляционные акторы: их сила выражается в умении перенастраивать зависимости, а не в юридическом верховенстве [1–6; 8–15].

Отсюда вытекают и более общие последствия для теории международных отношений. Во-первых, платформа должна мыслиться как инфраструктурно-нормативно-визуальный актор. Во-вторых, цифровой суверенитет целесообразно анализировать через функциональное разложение, а не через абстрактный государственный монолит. В-третьих, современная цифровая политика описывается точнее не как «борьба государства и платформ», а как асимметричное совместное управление, где государства, платформы и международные режимы взаимно ограничивают и взаимно кондиционируют друг друга. Именно такая оптика позволяет увидеть, почему платформы уже вошли в ядро современной системы международных отношений и почему дисциплине необходимо развивать более реляционную онтологию мировой политики.

Литература

1. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012.
2. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
3. Rosenau J.N., Czempiel E.-O. Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
4. Plantin J.-C., Lagoze C., Edwards P.N., Sandvig C. Infrastructure studies meet platform studies in the age of Google and Facebook // New Media & Society. 2018. Vol. 20, No. 1. P. 293–310. DOI: 10.1177/1461444816661553.
5. van Dijck J., Poell T., de Waal M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018.
6. De Gregorio G. Digital constitutionalism in the new era of Internet governance // International Journal of Law and Information Technology. 2022. Vol. 30, No. 1. P. 68–87. DOI: 10.1093/ijlit/eaac004.
7. Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 251–266. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266.
8. UNESCO. Guidelines for the Governance of Digital Platforms. Paris, 2023. URL: https://www.unesco.org/en/internet-trust/guidelines (дата обращения: 26.05.2026).
9. United Nations. Global Digital Compact // Pact for the Future. Annex I. New York: United Nations, 2024. URL: https://www.un.org/global-digital-compact/ (дата обращения: 26.05.2026).
10. European Union. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. 2022. L 277. P. 1–102. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (дата обращения: 26.05.2026).
11. European Commission. Supervision of the designated very large online platforms and search engines under DSA. Brussels, 2026. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/list-designated-vlops-and-vloses (дата обращения: 26.05.2026).
12. Supreme Court of the United States. TikTok Inc.v. Garland. 604 U.S. 56 (2025). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/24pdf/604us1r07_k536.pdf (дата обращения: 26.05.2026).
13. U.S. Department of Defense. Pentagon Press Secretary Air Force Gen. Pat Ryder Holds an On-Camera Press Briefing. Washington, D.C., September 21, 2023. URL: https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3534413/pentagon-press-secretary-air-force-gen-pat-ryder-holds-an-on-camera-press-brief/ (дата обращения: 26.05.2026).
14. TikTok. Project Clover update: Enhanced data security with Norwegian data centre fully online. 2025. URL: https://newsroom.tiktok.com/en-eu/project-clover-update-enhanced-data-security-with-norwegian-data-centre-fully-online (дата обращения: 26.05.2026).

15. Telegram. User Guidance for the EU Digital Services Act. URL: https://telegram.org/tos/eu-dsa (дата обращения: 26.05.2026).

16. Telegram. Privacy Policy. URL: https://telegram.org/privacy (дата обращения: 26.05.2026).

DIGITAL PLATFORMS AS NEW TRANSNATIONAL ACTORS IN THE CONTEMPORARY SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Tianyu Xie
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article argues that major digital platforms should be conceptualized not simply as a subset of multinational corporations but as a distinct type of transnational actor combining control over connectivity infrastructures, production of private regulatory regimes, and redistribution of politically relevant visibility across borders. The theoretical framework critically integrates realism, liberal institutionalism, constructivism, global governance theory, and transnational relations scholarship. On this basis, the article develops four interrelated concepts: infrastructure–norms–visibility actor, relational actorhood, reconfiguration of sovereign functions, and asymmetric co-governance. The empirical part relies on qualitative comparative analysis and process tracing of the cases of Starlink, TikTok, Meta, X, Telegram, and VK. The main conclusion is that platform power becomes internationally consequential not because platforms acquire formal sovereignty, but because they gain the capacity to reshape the conditions under which states, societies, and international regimes act in the digital environment.

Keywords: digital platforms; transnational actors; digital sovereignty; global governance; content governance; algorithmic visibility.

References

1. Keohane, R.O., Nye, J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012.

2. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

3. Rosenau, J.N., Czempiel, E.-O. Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

4. Plantin, J.-C., Lagoze, C., Edwards, P.N., Sandvig, C. Infrastructure studies meet platform studies in the age of Google and Facebook. New Media & Society, 2018, Vol. 20, No. 1, Pp. 293–310. DOI: 10.1177/1461444816661553.

5. van Dijck, J., Poell, T., de Waal, M. The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018.

6. De Gregorio, G. Digital constitutionalism in the new era of Internet governance. International Journal of Law and Information Technology, 2022, Vol. 30, No. 1, Pp. 68–87. DOI: 10.1093/ijlit/eaac004.

7. Popova, E.V., Ustyuzhantseva, O.V., Gao, H. Constructing digital sovereignty in Russian and Chinese media: Big data analysis. RUDN Journal of International Relations, 2025, Vol. 25, No. 2, Pp. 251–266. DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266.

8. UNESCO. Guidelines for the Governance of Digital Platforms. Paris, 2023. URL: https://www.unesco.org/en/internet-trust/guidelines (accessed: 26 May 2026).

9. United Nations. Global Digital Compact // Pact for the Future. Annex I. New York: United Nations, 2024. URL: https://www.un.org/global-digital-compact/ (accessed: 26 May 2026).

10. European Union. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. 2022. L 277. P. 1–102. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj (accessed: 26 May 2026).

11. European Commission. Supervision of the designated very large online platforms and search engines under DSA. Brussels, 2026. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/list-designated-vlops-and-vloses (accessed: 26 May 2026).

12. Supreme Court of the United States. TikTok Inc.v. Garland. 604 U.S. 56 (2025). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/24pdf/604us1r07_k536.pdf (accessed: 26 May 2026).

13. U.S. Department of Defense. Pentagon Press Secretary Air Force Gen. Pat Ryder Holds an On-Camera Press Briefing. Washington, D.C., September 21, 2023. URL: https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/3534413/pentagon-press-secretary-air-force-gen-pat-ryder-holds-an-on-camera-press-brief/ (accessed: 26 May 2026).

14. TikTok. Project Clover update: Enhanced data security with Norwegian data centre fully online. 2025. URL: https://newsroom.tiktok.com/en-eu/project-clover-update-enhanced-data-security-with-norwegian-data-centre-fully-online (accessed: 26 May 2026).

15. Telegram. User Guidance for the EU Digital Services Act. URL: https://telegram.org/tos/eu-dsa (accessed: 26 May 2026).

16. Telegram. Privacy Policy. URL: https://telegram.org/privacy (accessed: 26 May 2026).

Манипулятивные стратегии на выборах в США в XXI веке

Сперкач Александр Иванович,
доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: aisperkach@fa.ru

Фролова Ирина Андреевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Пожидаева Евгения Алексеевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Томилина Мария Дмитриевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Цель работы – выявление и систематизация манипулятивных электоральных стратегий в США (2000–2024) и оценка их эффективности. Актуальность обусловлена эволюцией технологий манипуляции, опережающей правовое регулирование. Автор показывает, что эти стратегии – системная практика, детерминированная трансформацией медиа, либерализацией финансирования (Citizens United) и эрозией партий. На основе шести кампаний предложена классификация: конструирование образа врага, алгоритмический гейткипинг и суггестивная мобилизация. Эффективность требует трехуровневой оценки (электоральная, медийная, институциональная). Штурм Капитолия (2021) – кульминация дезинформации. Опыт США – глобальная лаборатория манипуляций (Cambridge Analytica, DSA).

Ключевые слова: манипулятивные стратегии, выборы в США, adversarial framing, algorithmic gatekeeping, суггестивная мобилизация, Дональд Трамп, Citizens United, Cambridge Analytica, штурм Капитолия.

Введение

Избирательный процесс в США хоть и является одним из наиболее изученных, но до сих пор остается предметом острой полемики в современной политической науке. На протяжении XXI века избирательные кампании в Соединенных Штатах регулярно вызывают интерес как в академических, так и в публицистических кругах. Однако такое внимание уделяется ситуативно и является скорее реакцией на резонансные события. Между тем за «сиюминутной скандальностью» и конъюнктурной интерпретацией разворачиваются процессы масштабной трансформации методов влияния на электоральное поведение.

Теоретический фундамент изучения подобных изменений был заложен еще в первой половине XX века. Так, Уолтер Липпман в работе «Общественное мнение» ввел ключевое понятие «производства согласия» – технологии целенаправленного формирования искаженной картины мира в массовом сознании [2]. Эдвард Бернейс, развивая эту логику в «Пропаганде», концептуализировал практику «инженерии согласия» – формирования желаемого общественного поведения за счет контроля информационных потоков [1]. В свою очередь, Сергей Кара-Мурза в монографии «Манипуляция сознанием» разобрал конкретные механизмы, посредством которых информация становится инструментом управления поведением масс [3]. XXI век не просто адаптировал эти концепции, но и значительно расширил их технологические возможности. «Информационная эпоха» Мануэля Кастельса наглядно продемонстрировала, как в ходе трансформации политической коммуникации традиционные способы влияния уступили место контролю над информационными потоками [4].

Немаловажную роль в смене позиций сыграло развитие фрагментированного цифрового пространства, новые алгоритмы которого создали прецеденты манипулятивного воздействия. Это также стало стимулом расцвета суггестивных технологий, которые Гарольд Лассуэлл описал в своей «Психопатологии и политике», рассматривая иррациональные основания политического выбора [5]. Они во многом обращены к коллективным страхам, надеждам и идентичностям, эксплуатируя ключевое различие психологии масс и психологии индивида, представленное Сержем Московичи в «Веке толп» [6].

Беспрецедентная скорость эволюции манипулятивного инструментария, используемого на выборах в США, опережает как правовое регулирование, так и механизмы институционального контроля [7; 15]. Рост недоверия американских граждан к электоральным институтам, напрямую связан с опытом применения манипулятивных тактик кандидатами [16]. Опыт США служит важным элементом, необходимым для валидации теорий политической манипуляции [17].

Теоретические рамки манипулятивной практики на основе трехкомпонентное классификация

Для системного рассмотрения конкретных кампаний необходимо определить аналитическую рамку, задающую направление исследования. Наша статья предлагает авторскую **трехкомпонентную классификацию**, позволяющую структурировать манипулятивные практики на основе их функционального механизма воздействия.

Первый компонент охватывает манипуляции, в основе которых лежит концепция adversarial framing – технология целенаправленного конструирования образа противника [8]. Вне зависимости от степени эксплицитности техник, их объединяет одна общая цель: возвысить кандидата не за счет демонстрации позитивных аспектов его личности и программы, а с помощью обличения остальных лидеров.

Второй компонент включает в себя комплексное управление информационным полем (algorithmic gatekeeping). Ключевые операции объединяют психографический микротаргетинг, манипуляции платформенными алгоритмами, операции с использованием ботов и фейковых аккаунтов, а также создание «эхо-камер» (echo chambers), ограничивающих диверсифицированность информации, поступающей пользователю [8; 17].

Третий компонент подразумевает мобилизацию электората через эмоционально маркированные нарративы. Это позволяет формировать у избирателей необходимые политические установки, минуя рациональный барьер благодаря высокой эмоциональной насыщенности сообщений и обращаясь напрямую к бессознательному.

Кампании Джорджа Буша-младшего (2000, 2004): стандартизация электоральных манипуляций

Избирательные кампании Джорджа Буша-младшего наглядно демонстрируют эволюцию от точечного применения манипулятивных уловок к превращению их в неотъемлемую часть электорального менеджмента. Этот период может быть обозначен как ключевой для формирования модели «управляемой информационной среды», в рамках которой агитация формируется вокруг эмоционального программирования, нежели привычного убеждения через смыслы. Главным архитектором такой стратегии выступил Карл Роув – старший советник и заместитель главы администрации в аппарате Буша-младшего [18].

Кампания 2000 года: пуш-поллинг и «мягкие деньги»

Главным соперником Буша на предвыборной гонке в 2000 году был сенатор Джон Маккей. Их решающая битва в Южной Каролине стала полигоном для испытания «пуш-поллинга» [17]. Суть метода заключалась в распространении дезинформации под видом социологических опросов, которые на деле были не более чем провокацией. Например, команда Буша обзванивала избирателей, интересуясь: «Стали бы вы меньше доверять Джону Маккейну, если бы узнали, что у него есть незаконнорожденный черный ребенок?» – намекая на приемную дочь сенатора [17].

В рамках нашей классификации, пуш-поллинг существует на стыке двух приемов: конструирования образа противника (adversarial framing) и суггестивной мобилизации.

Еще одной технологией, которая своей институциализацией обязана этой предвыборной гонке, являются «мягкие деньги» – нерегулируемые пожертвования, которые в отличие от «жестких денег», идут политическим партиям, а не кандидатам напрямую. Общий контекст кампании 2000 года характеризовался превалированием партийных расходов над расходами кандидатов. Так, по подсчетам аналитиков, затраты Республиканского и Демократического национальных комитетов на ТВ-рекламу составили более 79 миллионов долларов на ТВ-рекламу, превысив 67,1 миллиона, потраченных штабами Буша и Гора [17]. Согласно исследованию Brennan Center for Justice, эта кампания стала первым прецедентом в новейшей истории США, когда партийные структуры обогнали официальные штабы по объему медиарасходов [17]. Большая часть этих средств закономерно направлялась на агитацию, замаскированную под «образовательные ролики».

Кульминацией кампании стала победа Буша при исключительно спорных обстоятельствах, обусловленных юридическим вмешательством. В деле Bush v. Gore Верховный суд США остановил ручной пересчет голосов, фактически передав победу Бушу [17]. Это фактически легитимизировало логику последующих электоральных стратегий, нормализовав оспаривание избирательного процесса.

Кампания 2004 года: «Swift Boating» и эксплуатация страха

Переизбрание Буша в 2004 году пришлось на период войн в Ираке и Афганистане, заставив команду президента искать новые нарративы манипулятивной риторики. Ключевой стала идея: «Смена лидера во время войны опасна», подкрепленная образом Буша как «военного президента» [8]. Страх перед террористической угрозой стал системным инструментом удержания электората.

Однако главной манипулятивной операцией стала деятельность организации «Swift Boat Veterans for Truth». Формально независимая от штаба Буша, она занялась уничтожением главного «козыря» демократа Джона Керри – его военного прошлого, объявив героизм во Вьетнаме вымыслом и потратив более 22 миллионов долларов на эту рекламную кампанию.

Президентский советник Карл Роув активно использовал «dog whistle» коммуникацию – применение завуалированных фраз с возможностью двойной интерпретации. В рамках этой технологии, в нескольких штатах проводились референдумы о запрете однополых браков, призванные привлечь к урнам для голосования религиозно консервативных избирателей. Этот механизм стимулировал циркуляцию мобилизующих электорат тем в публичном пространстве [8].

Кампании Барака Обамы (2008, 2012): цифровая революция в политической коммуникации

Кампании Барака Обамы интегрировали социальные сети и big-data аналитику непосредственно в механизмы принятия решений [20]. Он первым превратил интернет в инструмент управления политическим участием. Состоялся переход к «персонализированной политической коммуникации», нацеленной на индивидуализированное взаимодействие с целевой аудиторией.

Кампания 2008 года: нарратив «Надежда»

Усталость от войн Буша и финансовый кризис 2008 привели к обновлению нарративов. Центральным стали «Перемены», воплотившись в плакате Шепарда Фейри «Hope» [20], который через символы, цвет и очертания устанавливал эмоциональную связь, недостижимую через вербальную коммуникацию.

Успех кампании Барака Обамы был обеспечен не только коммуникационным, но и технологическим новаторством. Для мобилизации сторонников была создана онлайн-платформа my.barackobama.com, собравшая 10 миллионов последователей и 500 миллионов долларов пожертвований [20]. Это пробудило у электората чувство причастности к национально значимому делу. Доля мелких пожертвований (до 200 долларов) впервые превысила 50% от общего объема сбора, обозначив демократизацию финансирования кампаний [20].

Adversarial framing (конструирование образа врага) в кампании 2008 года также присутствовал: выстраивалась устойчивая ассоциация между оппонентом Обамы и негативным контекстом [20]. Его соперник был «привязан» к трем масштабным провалам: войне в Ираке, экономическому кризису и последствиям урагана Катрина.

Кампания 2012 года. «Project Narwhal» и торжество алгоритмов

В 2012 году кампания Обамы перешла от общей мобилизации к индивидуальному микротаргетированию. Штаб создал засекреченную систему «Project Narwhal». Это единая база данных, объединившая информацию о каждом зарегистрированном избирателе, доноре и волонтере, позволяла создавать психологические профили. Каждому избирателю в колеблющихся штатах присваивались четыре балла по шкале от 1 до 100, которые предсказывали вероятность голосования, поддержку Барака Обамы, а также реакцию на конкретную тему.

Любое электронное письмо или заголовок проходили через сотни вариантов A/B-тестирования. По данным исследования, письмо «I will be out spent» принесло 2,4 миллиона долларов за день после тестирования 18 различных вариантов. Решения избирателей формировались через точную настройку эмоциональных триггеров. Исследования Hersh (2015) и Sides&Vavreck (2013) зафиксировали, что именно в 2012 году данные впервые стали определяющим конкурентным ресурсом в президентской кампании [10; 11].

Через приложение Facebook кампания выявляла друзей волонтеров в ключевых штатах и запускала персональные сообщения, используя психологический эффект «одобрения сверстников» (peer approval). Исследование Kreiss (2016) зафиксировало, что именно эта технология использования социальных связей для политической мобилизации стала наиболее эффективным инновационным подходом кампании 2012 года [12].

Однако новые технологии безупречно действовали далеко не всегда. Система мобилизации избирателей Митта Ромни «Project Orca», отслеживающая в реальном времени явку сторонников, провалилась в день выборов. Это стало символом технологического отставания кампании Ромни от команды Барака Обамы. Команда президента Обамы создала практически новый жанр политической кампании, а именно «науку о победах» [12]. Она опирается на проверку гипотез с помощью эксперимента и точное измерение эффективности каждого инструмента. Это был переход от интуитивного политического менеджмента к управлению электоральным поведением с помощью подтвержденной аналитики.

Кампании Дональда Трампа (2016, 2020, 2024). Накопление приемов манипуляции

Кампании Дональда Трампа являются наиболее ярким примером системного характера манипулятивных стратегий при выборах [18; 18]. Они собрали в себя максимальное количество различных манипулятивных техник и инструментов. Причем каждая последующая избирательная кампания не только продолжает использование предыдущих техник, но и наращивание новых.

Кампания Дональда Трампа 2016 года

Кампания 2016 года довела методы цифровой манипуляции до уровня информационного противоборства. В условиях дефицита традиционных ресурсов влияния штаб Дональда Трампа сделал акцент на агрессивном использовании социальной сети Facebook и психографическом профилировании. Центральным элементом кампании стал «Project Alamo». Это база данных о 220 миллионах американцев, созданная под руководством Брэда Парскейла, совентика штаба Дональда Трампа в предвыборной кампании 2016 года [13].

Для анализа этой базы была нанята британская компания Cambridge Analytica. Директор Cambridge Analytica Александр Никс откры-

то заявлял: «У нас есть психограммы всех совершеннолетних американцев -это 220 миллионов человек» [13]. Манипулятивная стратегия строилась на модели OCEAN (Openness – открытость опыту, Conscientiousness – добросовестность, Extroversion – экстраверсия, Agreeableness – доброжелательность, Neuroticism – нейротизм), которая позволила классифицировать избирателей по их психологическим уязвимостям [8; 13].

Штаб Трампа генерировал до 100 000 различных вариантов рекламных креативов и сообщений ежедневно, которые были адаптированы под отдельные психографические профили [13]. Особую роль играли «темные посты» (dark posts). Это рекламные сообщения, видимые только целевым группам.

В день третьих дебатов между Трампом и Клинтон штаб отправил в Facebook свыше 175 тысяч сообщений, различавшихся небольшими деталями [13]. Данная стратегия представляет собой классический пример algorithmic gatekeeping. Это персонализированное управление информационным потоком в режиме реального времени, которое основано на постоянном A/B-тестировании.

Twitter использовался командой Трампа как инструмент прямого управления политической повесткой (agenda setting), обходя традиционные СМИ [8]. В социальных сетях создавались своеобразные информационные пузыри, в которых сторонники Трампа получали только ту информацию, которая подтверждала их политические взгляды [8].

Кампанию Трампа 2016 года можно определить как систематическое применение стратегии нарушения мягких демократических норм (breaking democratic norms).

Кампания 2020 года. Институциональная атака и «красный мираж»

Президентская кампания Дональда Трампа 2020 года происходила в сложных условиях пандемии COVID-19. Расширение голосования по почте и введение автомобильных участков позволили Трампу еще до подсчета голосов начать кампанию по объявлению недействительными любых итогов, которые оказались бы для него проигрышными. Согласно данным доклада Pew Research Center, почти половина избирателей в 2020 году проголосовала по почте или заочно [8]. Однако из-за того, что Дональд Трамп системно дискредитировал этот метод на протяжении всей кампании, его сторонники преимущественно голосовали лично в день выборов. Это породило так называемый «красный мираж», который создавал видимость опережения Трампа по предварительным результатам в первые дни голосования [18].

Наиболее опасным типом манипуляции являлось «corrupting state or government institutions» [14]. Она включало в себя давление на Министерство юстиции с требованием объявить выборы «коррупционными» вопреки собственным расследованиям, попытку замены исполняющего обязанности генерального прокурора, давление на вице-президента Пенса с требованием не сертифицировать результаты. Трамп также оказывал давление на губернатора Джорджии, требуя пересчитать достаточно голосов для изменения результата [14; 18].

Также отдельно можно выделить роль цифровых платформ в предвыборных кампаниях кандидатов. Крупнейшие социальные сети и ресурсы, такие как Facebook[1], Twitter, Google, YouTube так или иначе способствовали успеху кандидата от Демократической партии через блокировку аккаунтов, маркировку контента как «фейкового» и удушение алгоритмов неугодного контента.

Кампания 2024 года. Гибридизация и ИИ-усиление технологий предвыборной кампании

В предвыборной кампании Трампа 2024 года произошла полная интеграция аналоговых и цифровых, а также первое масштабное применением технологий искусственного интеллекта. В 2024 году многочисленные судебные разбирательства в отношении Трампа, вопреки ожиданиям, не стали препятствием для его политического реванша и были интегрированы в манипулятивную стратегию. Обвинения интерпретировались как «политически мотивированное преследование», что позволяло консолидировать сторонников [1; 3].

Кампания 2024 года характеризовалась активным использованием Truth Social как основной коммуникационной платформы, создававшей полностью контролируемую информационную среду без внешнего вмешательства [3]. Одновременно активно использовался X (Twitter).

Кампания 2024 года стала первым полноценным применением инструментов искусственного интеллекта в предвыборной гонке [18]. Анализируя лингвистические манипуляции кампании 2024 года, можно выделить целенаправленное преобразование информации и использование ложных дихотомий (разделения целого на две части, которые являются взаимоисключающими и противоположными); выборочную подачу информации и поляризацию, а также искажение фактов.

Главным отличительным признаком кампании 2024 года стало возвращение к массовым митингам как ключевому инструменту. Они сочетались в работе с цифровой инфраструктурой, которая усиливала каждое мероприятие через вирусное распространение информации о нем. Покушение на Трампа в июле 2024 года было немедленно включено в манипулятивный нарратив. Фотография Трампа с поднятым кулаком на фоне американского флага стала одним из наиболее распространенных политических образов года [3]. Эта ситуация стала примером того, как реальное событие трансформируется в символ, напрямую воздействовавший на сознание общественности. Это и есть так называемая «гибридная конфигурация», при которой реальность усиливается нарративом, а нарратив подтверждается реальностью [18].

Кампания Джо Байдена (2020). Использование контрастной стратегии и коалиционной мобилизации

Несмотря на сильные отличия в подходе и стилистике данной предвыборной кампании от предыдущих, в ней также были использованы манипулятивные технологии, но уже в совершенно новой комбинации. Нарратив «Restore the Soul of America», который стал ключевым сообщением, транслируемым Джо Байденом, представлял собой суггестивную мобилизацию через позитивные символы национального единства [8].

Adversarial framing, а именно формирование враждебного образа конкурента на выборах, применялся системно, хотя и в более мягкой форме, чем у Дональда Трампа. Администрация Трампа позиционировалась как источник угрозы демократическим институтам и здоровью граждан [8].

Джо Байден и его преемница Камала Харрис систематически использовали фрейминг ложной дихотомии в своих кампаниях. При таком приеме выборы представлялись как принципиальный выбор между демократией и авторитаризмом, что является типичным примером мобилизации через нарратив угрозы [8]. Активно использовался в кампании «коалиционный символизм». Он выражается в выборе Камалы Харрис как обращения к женской аудитории и этническим меньшинствам.

Финансовые показатели кампании Джо Байдена стали революционными: Байден стал первым кандидатом в истории США, собравшим более 1 миллиарда долларов пожертвований [17]. Демократы потратили на кампанию 6,9 миллиарда против 3,8 миллиарда у республиканцев [3].

Важно подчеркнуть, что кампания Байдена активно использовала микротаргетинг и анализ данных, который использовался еще при Обаме. Однако алгоритмы были обновлены.

Заключение

Проведенное исследование охватывает шесть президентских кампаний, развернувшихся в США между 2000 и 2024 годами. Каждая из них рассматривалась не как изолированное событие, а как звено в непрерывной цепи накопления манипулятивных технологий. Совокупность рассмотренных материалов позволяет утверждать: на протяжении четверти века американская избирательная кампания претерпела глубокую структурную трансформацию, при которой манипуляция переместилась с периферии в самый центр электорального менеджмента [8; 18].

Первый из трех анализируемых системных процессов – трансформация медиаэкосистемы – прослеживается в эволюции самого инструментария [19]. Кампании Буша 2000 и 2004 годов опирались на телевизионную рекламу, пуш-поллинг и «независимые» группы вроде Swift Boat Veterans for Truth. Технологически это был еще до-цифровой арсенал, хотя уже тогда штаб Буша освоил логику управляемой информационной среды: скандал создавался руками формально неаффилированных структур, а официальный кандидат сохранял дистанцию. Кампании Обамы 2008 и 2012 годов произвели первый качественный сдвиг: цифровые платформы стали не дополнением, а основным каналом политической коммуникации. Технологии Blue State Digital и Project Narwhal превратили сбор данных об избирателях в центральный ресурс кампании. Кампании Трампа завершили эту трансформацию, создав гибридную конфигурацию, при которой аналоговые форматы (митинги, агитация «от двери к двери») и цифровые технологии (психографический таргетинг, ИИ-персонализация, алгоритмы Truth Social) работают в связке, взаимно усиливая друг друга. Эта логика гибридизации, а не замещения одного инструмента другим, является ключевой закономерностью технологической эволюции американских кампаний.

Второй процесс – либерализация финансирования выборов – прямо повлиял на масштаб и агрессивность манипулятивных операций. Переход от «мягких денег» партийных комитетов к неограниченным

[1] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремисткой и запрещена на территории РФ.

расходам суперпак после Citizens United (2010) раз за разом снимал ресурсные ограничения. Рекордные 14 миллиардов долларов, потраченных на выборы 2020 года, и более 200 миллионов, собранных Трампом после поражения на основе дезинформации о фальсификациях, показывают, что манипуляция давно перестала быть уделом тех, кому не хватает денег на честную кампанию. Напротив, именно обеспеченность ресурсами позволяет разворачивать технологически сложные операции – психографическое профилирование, массовое A/B-тестирование контента, поддержание параллельных медиаэкосистем.

Третий процесс – институциональная эрозия партийных структур – проявился наиболее отчетливо в кампаниях Трампа. Республиканская партия, прошедшая за 2016–2024 годы путь от программно-консервативной силы к персоналистской структуре, утратила функцию содержательного политического посредника. Аналогичная динамика наблюдается во многих либеральных демократиях, где традиционные партии уступают пространство лидерам, напрямую обращающимся к аудитории через цифровые каналы.

Сравнительный анализ всех кампаний подтверждает инвариантность базовой таксономии манипулятивных стратегий относительно партийной принадлежности. Adversarial framing, апелляция к коллективным страхам, работа с данными и поляризация как мобилизационный ресурс – все это применялось и Бушем, и Обамой, и Байденом, и Трампом. Различия носят стилистический и канальный характер: темп и регистр меняются, но механика воздействия остается. Данный факт опровергает распространенную интерпретацию, сводящую манипулятивные практики к патологии отдельных политиков, так как речь идет о системной черте американской электоральной модели [8; 20].

Оценка эффективности рассмотренных кампаний с необходимостью выходит за рамки бинарной логики победы и поражения. Поражение Трампа в 2020 году сопровождалось сбором 200 с лишним миллионов долларов на основе нарратива об украденных выборах, глубокой трансформацией Республиканской партии и законодательными изменениями в десятках штатов, ограничившими доступ к почтовому голосованию [1; 17; 18]. Выигрыш Буша в 2000 году нормализовал использование неаффилированных структур для «грязных» операций, сохраняющееся по сей день [17]. Кампании Обамы 2008–2012 годов создали технологическую инфраструктуру, впоследствии использованную значительно более агрессивно [20]. Каждая кампания оставляет институциональный след, изменяющий возможности и ограничения для всех последующих акторов. Это кумулятивное накопление – главная черта манипулятивной динамики XXI века.

Штурм Капитолия 6 января 2021 года обозначил принципиальный рубеж: манипулятивные нарративы, формировавшиеся годами, материализовались в реальном политическом насилии [14]. Это не аномалия, а крайнее выражение закономерности, прослеживаемой на протяжении всего исследуемого периода: разрыв между пространством информационной манипуляции и пространством физических политических последствий постепенно сокращается. Самовоспроизводящийся цикл – дезинформация об институтах → эрозия доверия → законодательные изменения → новые основания для дезинформации – встроен теперь в операционную логику как минимум одной из двух ведущих партий [8; 17].

Значение американского опыта выходит за национальные рамки. США функционировали в анализируемый период как глобальная лаборатория манипулятивных технологий: через Cambridge Analytica психографическое профилирование проникло в Brexit-кампанию и выборы на нескольких континентах; алгоритмы американских платформ задают рамку политической коммуникации по всему миру; прецедент оспаривания легитимности выборов до их проведения воспроизведен в Бразилии, Венгрии и ряде других стран [8]. Европейский союз ответил Регламентом о цифровых услугах и ужесточением регулирования политической рекламы – прямым ответом на уроки 2016–2020 годов.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза получила всестороннее подтверждение на материале шести президентских кампаний. Было доказано, что манипулятивные стратегии в избирательном процессе США XXI века представляют собой системный феномен, институционально воспроизводимый в логике кумулятивного накопления технологий, а не случайные отклонения от демократической нормы [8; 15; 18]. Все три ее ключевых утверждения нашли эмпирическое подтверждение.

Итоговый вывод исследования состоит в следующем. Манипулятивные стратегии в американских выборах XXI века образуют системный феномен, воспроизводимый вне зависимости от смены кандидатов и партий. Его основания – структурные, а не личностные: либеральное финансовое законодательство, фрагментированная медиасреда, двухпартийная система со стимулами к поляризации и отсутствие единого федерального регулирования цифровой политической рекламы создают среду, в которой манипуляция является не отклонением от нормы, а ее рациональным продолжением. Понимание этой системной природы – необходимое условие для осмысленного разговора о реформах избирательного процесса как в Соединенных Штатах, так и в демократиях, испытывающих давление аналогичных тенденций [8; 17].

Литература

1. Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010.
2. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. М.: Издательство РАГС, 2005.
6. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
7. Norris P. Why Electoral Integrity Matters. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
8. Benkler Y., Faris R., Roberts H. Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics. New York: Oxford University Press, 2018.
9. Issenberg S. The Victory Lab: The Secret Science of Winning Campaigns. New York: Crown Publishers, 2012.
10. Hersh E.D. Hacking the Electorate: How Campaigns Perceive Voters. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
11. Sides J., Vavreck L. The Gamble: Choice and Chance in the 2012 Presidential Election. Princeton: Princeton University Press, 2013.
12. Kreiss D. Prototype Politics: Technology-Intensive Campaigning and the Democratic Party. Oxford: Oxford University Press, 2016.
13. Harvard Business School. The 45th: Trump Campaign Digital Strategy. URL: https://d3.harvard.edu/platform-digit/submission/the-45th-how-the-trump-campaigns-digital-strategy-made-history/ (дата обращения: 21.04.2026).
14. Bentzen N. Trump's disinformation 'megaphone': Consequences, first lessons and outlook. Luxembourg: European Parliamentary Research Service, 2021. PE 679.076. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/679076/EPRS_BRI(2021)679076_EN.pdf (дата обращения: 19.04.2026).
15. Brookings Institution. Democratic decline in the United States: Strategic manipulation of elections // Williamson V. 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/democratic-decline-in-the-united-states-strategic-manipulation-of-elections/ (дата обращения: 18.04.2026).
16. Higashijima M., Kadoya H., Yanai Y. The Dynamics of Electoral Manipulation and Institutional Trust in Democracies // Public Opinion Quarterly. 2024. Vol. 88. P. 472–494. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11300039/ (дата обращения: 21.04.2026).
17. Cheeseman N., Klaas B. How to Rig an Election. New Haven: Yale University Press, 2018.
18. Lindén M. Trump's Playbook of Electoral Manipulation: An Interplay of Manipulation Tactics in a Longstanding Democracy // American Studies in Scandinavia. 2024. Vol. 56. № 1. P. 27–42. URL: https://www.researchgate.net/publication/381099831 (дата обращения: 15.04.2026).
19. Swift Boat Veterans for Truth // Encyclopedia.com. URL: https://www.encyclopedia.com/marketing/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/swift-boat-veterans-truth (дата обращения: 12.04.2026).
20. Obama and the Power of Social Media and Technology // Stanford GSB. URL: https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/case-studies/obama-power-social-media-technology (дата обращения: 01.04.2026).

MANIPULATIVE STRATEGIES IN U.S. ELECTIONS IN THE 21ST CENTURY

Sperkach A.I., Frolova I.A., Pozhidaeva E.A., Tomilina M.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The aim of this work is to identify and systematize manipulative electoral strategies in the United States (2000–2024) and assess their effectiveness. The relevance is driven by the evolution of manipulation technologies outpacing legal regulation. The author shows that these strategies represent a systemic practice, determined by media transformation, liberalization of campaign financing (Citizens United), and party erosion. Based on an analysis of six campaigns, a classification is proposed: adversarial framing, algorithmic gatekeeping, and suggestive mobilization. Effectiveness requires a three-level assessment (electoral, media, institutional). The Capitol Riot (2021) represents the culmination of disinformation campaigns. The U.S. experience serves as a global laboratory for manipulation (Cambridge Analytica, DSA).

Keywords: manipulative strategies, U.S. elections, adversarial framing, algorithmic gatekeeping, suggestive mobilization, Donald Trump, Citizens United, Cambridge Analytica, Capitol Riot.

References

1. Bernays, E. Propaganda. Moscow: Hippo Publishing, 2010.

2. Lippmann, W. Public Opinion. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2004.

3. Kara-Murza, S.G. Manipulation of Consciousness. Moscow: Algorithm, 2000.

4. Castells, M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow: HSE, 2000.

5. Lasswell, G. Psychopathology and Politics. Moscow: RAGS Publishing House, 2005.

6. Moskovich, S. The Age of Crowds. A Historical Treatise on Mass Psychology. Moscow: Center for Psychology and Psychotherapy, 1996.

7. Norris, P. Why Electoral Integrity Matters. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

8. Benkler Y., Faris R., Roberts H. Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics. New York: Oxford University Press, 2018.

9. Issenberg S. The Victory Lab: The Secret Science of Winning Campaigns. New York: Crown Publishers, 2012.

10. Hersh E.D. Hacking the Electorate: How Campaigns Perceive Voters. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

11. Sides J., Vavreck L. The Gamble: Choice and Chance in the 2012 Presidential Election. Princeton: Princeton University Press, 2013.

12. Kreiss D. Prototype Politics: Technology-Intensive Campaigning and the Democratic Party. Oxford: Oxford University Press, 2016.

13. Harvard Business School. The 45th: Trump Campaign Digital Strategy. Available at: https://d3.harvard.edu/platform-digit/submission/the-45th-how-the-trump-campaigns-digital-strategy-made-history/ (Accessed: 21.04.2026).

14. Bentzen N. Trump's disinformation 'megaphone': Consequences, first lessons, and outlook. Luxembourg: European Parliamentary Research Service, 2021. PE 679.076. Available at: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/679076/EPRS_BRI(2021)679076_EN.pdf (Accessed: 19.04.2026).

15. Brookings Institution. Democratic decline in the United States: Strategic manipulation of elections // Williamson V. 2023. URL: https://www.brookings.edu/articles/democratic-decline-in-the-united-states-strategic-manipulation-of-elections/ (access date: 04/18/2026).

16. Higashijima M., Kadoya H., Yanai Y. The Dynamics of Electoral Manipulation and Institutional Trust in Democracies // Public Opinion Quarterly. 2024. Vol. 88. P. 472–494. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11300039/ (accessed 04/21/2026).

17. Cheeseman N., Klaas B. How to Rig an Election. New Haven: Yale University Press, 2018.

18. Lindén M. Trump's Playbook of Electoral Manipulation: An Interplay of Manipulation Tactics in a Longstanding Democracy // American Studies in Scandinavia. 2024. Vol. 56. № 1. P. 27–42. URL: https://www.researchgate.net/publication/381099831 (access date: 04/15/2026).

19. Swift Boat Veterans for Truth // Encyclopedia.com. URL: https://www.encyclopedia.com/marketing/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/swift-boat-veterans-truth (accessed 04/12/2026).

20. Obama and the Power of Social Media and Technology // Stanford GSB. URL: https://www.gsb.stanford.edu/faculty-research/case-studies/obama-power-social-media-technology (accessed: 01.04.2026).

Асимметрия взаимозависимости в двусторонних торговых отношениях Китая и России и ее политико-экономическое значение

Чжао Юйчжэ,
аспирант, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: 1042238223@rudn.ru

В статье исследуется асимметрия взаимозависимости в двусторонних торговых отношениях Китая и России и раскрывается ее политико-экономическое значение. Цель работы состоит в том, чтобы показать, как неравномерность зависимости сторон проявляется в отраслевой структуре торговли, в распределении издержек адаптации и в пределах торгово-политической координации. Методологическую основу составляют международная политическая экономия, теория взаимозависимости и институциональный анализ. Обосновывается, что современная китайско-российская торговля не может быть объяснена только ростом товарооборота или общей риторикой стратегического партнерства. Асимметрия формируется через различие масштаба экономик, конфигурации обмена, глубины диверсификации внешних рынков и доступа к устойчивым расчетным и логистическим каналам. Делается вывод о том, что асимметрия взаимозависимости не исключает устойчивого сотрудничества, однако влияет на переговорные возможности сторон, на распределение внешнеэкономических рисков и на характер институциональных ограничений двусторонней торговли. Устойчивость взаимодействия при этом определяется не устранением асимметрии как таковой, а способностью сторон управлять ее наиболее чувствительными проявлениями.

Ключевые слова: Китай, Россия, двусторонняя торговля, асимметрия взаимозависимости, политическая экономия, торговая политика, институциональные барьеры.

Введение

Двусторонние торговые отношения Китая и России в последние годы стали одним из наиболее заметных сюжетов международной политической экономии. Это связано не только с ростом товарооборота, но и с тем, что китайско-российская торговля развивается в условиях санкционного давления, перестройки внешнеэкономических маршрутов, трансформации расчетных механизмов и усиления значения политических решений в сфере торговли [9; 10]. По данным Главного таможенного управления КНР, по итогам 2024 г. двусторонний товарооборот достиг 244,8 млрд долл. США, что стало рекордным значением [12]. Вместе с тем один лишь рост объема торговли еще не объясняет характера взаимосвязи между сторонами.

В существующей литературе китайско-российская торговля нередко описывается либо как результат экономической взаимодополняемости, либо как прямое следствие политического сближения двух государств [7–9]. Подобные объяснения отражают важные стороны проблемы, но остаются недостаточными для ответа на вопрос о том, почему при расширении торговли сохраняются различия в уровне уязвимости, в способности перераспределять внешние риски и в цене адаптации к новым международным ограничениям. Для анализа этих различий более продуктивным представляется обращение к категории асимметрии взаимозависимости [2–5].

Цель статьи заключается в том, чтобы раскрыть политико-экономическое значение асимметрии взаимозависимости в двусторонних торговых отношениях Китая и России. Для достижения этой цели решаются три взаимосвязанные задачи: уточняется аналитическое содержание данной категории, выявляются ее структурные проявления в современной двусторонней торговле и определяется ее значение для торговой политики, институциональной координации и устойчивости сотрудничества.

Гипотеза исследования состоит в том, что современная китайско-российская торговля представляет собой не симметричную взаимосвязанность двух равноценных внешнеэкономических систем, а устойчивую, но внутренне неравномерную форму взаимодействия. Эта неравномерность проявляется в различии масштаба экономик, в отраслевой конфигурации обмена, в степени диверсификации внешних рынков и в доступе к устойчивым расчетным и логистическим каналам [2–5; 9; 10]. Именно поэтому количественный рост торговли сам по себе не устраняет асимметрию, а переводит ее на более сложный уровень политико-экономической координации.

Асимметрия взаимозависимости как аналитическая категория

В политико-экономической литературе взаимозависимость давно не рассматривается как нейтральный и автоматически взаимовыгодный феномен. Еще А. Хиршман показал, что внешнеторговые связи способны не только приносить экономическую выгоду, но и создавать различия в степени зависимости и политической уязвимости государств [1]. В более поздней литературе Р. Кеохейн и Дж. Най предложили различать чувствительность и уязвимость как два измерения взаимозависимости, подчеркивая, что значение имеют не только масштабы обмена, но и наличие альтернатив, стоимость замещения и возможность переносить внешние шоки [2].

Для целей настоящего исследования важно, что асимметрия взаимозависимости не сводится к упрощенному тезису о том, что менее зависимая сторона неизбежно получает автоматическое политическое превосходство. Р.Х. Вагнер убедительно показал, что неравномерность зависимости лишь создает потенциально разные переговорные позиции; их практическая реализация зависит от институционального, стратегического и внешнеполитического контекста [3]. Поэтому в российско-китайской торговле необходимо учитывать не только показатели товарооборота, но и структуру торговли, институциональную плотность взаимодействия и доступ к альтернативным финансовым и логистическим каналам [3; 6].

Полезным для данной темы является и подход Б. Уомака, для которого асимметрия международных отношений означает особую конфигурацию ожиданий, рисков и стратегического поведения, а не обя-

зательно доминирование одной стороны и пассивность другой [4]. В контексте китайско-российской торговли это означает, что несимметричность позиций сторон может сочетаться с устойчивым и долгосрочным сотрудничеством. Однако даже в условиях устойчивого партнерства асимметрия влияет на пределы маневра, на распределение издержек и на характер переговорного процесса [4; 7].

Современные исследования дополняются концепцией «weaponized interdependence», предложенной Г. Фарреллом и А. Ньюменом. Она показывает, что в условиях сетевой организации мировой экономики значение имеет не только двусторонний обмен как таковой, но и положение государств в более широких финансовых, информационных и логистических сетях [5]. Для китайско-российской торговли это особенно важно, поскольку платежные каналы, маршруты поставок и доступ к отдельным технологиям находятся под сильным воздействием внешнеполитической среды [5; 9].

Таким образом, асимметрию взаимозависимости в двусторонних торговых отношениях Китая и России целесообразно понимать как политико-экономическое состояние, при котором стороны остаются взаимосвязанными, но их зависимость от одних и тех же рынков, товарных групп, расчетных каналов и институциональных режимов различается по масштабу, структуре и степени заменимости [2–5]. Именно такое понимание позволяет перейти от общего тезиса о взаимной выгоде к анализу того, как реально распределяются риски, возможности и издержки адаптации.

Структурные проявления асимметрии в двусторонней торговле

Современная асимметрия взаимозависимости в китайско-российской торговле формируется не в институциональном вакууме. Политико-правовой основой двусторонних отношений остается Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г., закрепивший долгосрочный характер взаимодействия и базовые принципы политической координации [11]. Вместе с тем наличие устойчивой политической рамки само по себе не устраняет неравномерности, которая складывается в сфере торговли.

Ключевая структурная особенность состоит в отраслевой неоднородности двустороннего обмена. Российский экспорт в Китай по-прежнему в значительной степени опирается на сырьевые и энергетические сегменты, тогда как китайский экспорт в Россию отличается большей промышленной и товарной диверсификацией [8; 9]. Именно эта конфигурация придает двусторонней торговле асимметричный характер: одна сторона в большей степени включена в обмен как поставщик ресурсов, другая – как поставщик более широкого спектра готовой продукции, оборудования и потребительских товаров [8; 9].

Не менее важно различие в относительной значимости двусторонней торговли для каждой из сторон. Для России китайское направление приобрело особенно высокое значение и как рынок сбыта, и как источник промышленной продукции, оборудования и потребительских товаров [8; 9]. Для Китая Россия также остается важным партнером, прежде всего в энергетике, но ее роль в общей системе китайской внешней торговли объективно ниже [12]. Следовательно, одно и то же торговое взаимодействие имеет для сторон разную стратегическую ценность.

Важную роль играет и различие в глубине диверсификации. Россия в большей степени зависит от устойчивости ограниченного числа базовых каналов торговли и поставок, тогда как Китай сохраняет более широкий набор внешнеэкономических альтернатив [4; 8; 9]. В этом и состоит главное структурное проявление асимметрии: зависимость сторон не является ни одинаковой по масштабу, ни одинаковой по цене возможного сбоя. Даже там, где взаимная заинтересованность сохраняется, уязвимость распределяется неравномерно.

Особого внимания заслуживает и финансово-логистическое измерение. Современная двусторонняя торговля определяется не только номенклатурой обмена, но и устойчивостью расчетных каналов, банковской инфраструктуры, транспортной связанности и процедурного сопровождения внешнеэкономической деятельности [9; 10]. В условиях санкционного давления и усложнения внешнеэкономических маршрутов именно этот уровень делает асимметрию более осязаемой. Чем выше зависимость от ограниченного круга расчетных и логистических решений, тем выше и цена институционального сбоя.

Отсюда следует, что современная китайско-российская торговля не может быть описана как симметричное сближение двух равноценных внешнеэкономических систем. Она представляет собой форму устойчивого, но внутренне неоднородного взаимодействия, в которой количественный рост товарооборота сочетается с различием в переговорных возможностях, в способности к перенастройке и в степени зависимости от ключевых сегментов обмена [3; 4; 8; 9].

Политико-экономическое значение асимметрии взаимозависимости

Политико-экономическое значение асимметрии взаимозависимости проявляется прежде всего в различном распределении издержек адаптации. Если двусторонняя торговля сталкивается с санкционным давлением, усложнением расчетов или перебоями в логистике, стоимость приспособления оказывается неодинаковой. Для стороны, чья зависимость от конкретного канала обмена выше, перенастройка становится дороже и политически чувствительнее [5; 9]. В случае китайско-российской торговли это означает, что изменение финансовой или логистической среды в большей степени затрагивает российскую сторону.

Во-вторых, асимметрия взаимозависимости влияет на пространство торгово-политической координации. Политическая близость Китая и России создает благоприятную рамку для сотрудничества, однако не устраняет различий в торгово-политических возможностях сторон. Как показывают работы А. Киреевой, даже устойчивое стратегическое партнерство не отменяет разницы в положении государств в международной системе и в их способности превращать внешнеэкономические связи в ресурс политического маневра [7]. Следовательно, координация в торговой сфере осуществляется не между тождественными по возможностям участниками, а между сторонами, обладающими различным запасом гибкости.

В-третьих, асимметрия взаимозависимости тесно связана с институциональными барьерами. Чем более концентрирована торговля вокруг ограниченного числа каналов, тем выше значение платежной инфраструктуры, таможенных процедур, транспортной связанности и регуляторной предсказуемости [9; 10]. В этих условиях институциональные трения начинают распределяться неравномерно: одна сторона способна легче перераспределять издержки и менять маршруты, другая несет более высокую цену сбоя [9; 10]. Иначе говоря, асимметрия взаимозависимости не только характеризует структуру торговли, но и определяет конкретную форму проявления институциональных ограничений.

Особое значение в данном контексте приобретает финансовое измерение. Развитие расчетов в национальных валютах позволяет уменьшать зависимость от части внешних ограничений, однако само по себе не отменяет асимметрии. Как показывает М.В. Жариков, использование рубля и юаня в двусторонних расчетах расширяет адаптационные возможности, но требует устойчивой банковской инфраструктуры и институциональной согласованности [10]. Следовательно, финансовая адаптация смягчает отдельные проявления асимметрии, но не ликвидирует ее как таковую.

Наконец, асимметрия взаимозависимости не тождественна нестабильности или обреченности сотрудничества. Напротив, она может сосуществовать с долгосрочным и политически поддерживаемым партнерством. Однако устойчивость такого партнерства требует постоянной институциональной настройки, поскольку сами условия двустороннего обмена остаются внутренне неравномерными. В этом и состоит основной политико-экономический смысл рассматриваемой категории: она позволяет увидеть в торговле не только взаимную выгоду, но и различие в степени зависимости, в цене адаптации и в горизонте стратегического маневра [2–5].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что асимметрия взаимозависимости в двусторонних торговых отношениях Китая и России представляет собой не случайный побочный эффект различия масштабов двух экономик, а важную политико-экономическую характеристику современного этапа их взаимодействия. Она проявляется в структуре торговли, в относительной значимости двустороннего обмена для сторон, в различной степени диверсификации внешнеэкономических связей и в неодинаковой чувствительности к внешним ограничениям [2; 4; 9; 10].

Показано, что современная китайско-российская торговля сочетает количественный рост и устойчивую политическую поддержку с внутренней неравномерностью. Россия в большей степени зависит от китайского рынка и от китайских поставок, тогда как Китай сохраняет более широкий набор альтернатив и более высокий запас внешнеэкономического маневра [8; 9; 12]. Именно поэтому даже в условиях стабильного сотрудничества распределение рисков и издержек адаптации остается асимметричным.

Политико-экономическое значение асимметрии взаимозависимости состоит в том, что она влияет на переговорные возможности сторон, на характер институциональных барьеров и на пределы торгово-политической адаптации. Отсюда следует, что дальнейшее развитие двусторонней торговли между Китаем и Россией требует

не только сохранения высокого товарооборота, но и последовательного укрепления расчетных, логистических и институциональных механизмов, способных уменьшать наиболее уязвимые элементы уже сложившейся модели взаимодействия [9; 10]. Иными словами, устойчивость российско-китайского торгового сотрудничества определяется не устранением асимметрии как таковой, а способностью сторон управлять ее наиболее чувствительными проявлениями.

Литература

1. Hirschman A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1945.

2. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012.

3. Wagner R.H. Economic Interdependence, Bargaining Power, and Political Influence // International Organization. 1988. Vol. 42. № 3. P. 461–483.

4. Womack B. Asymmetry and International Relationships. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

5. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00351.

6. Истомин И., Байков А. Кривое зеркало международной асимметрии // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 124–128. DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.13.

7. Киреева А. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6.

8. Луконин С.А. Россия и Китай: пределы сотрудничества // Труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 220. С. 71–82.

9. Луконин С.А., Вахрушин И.В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций // Россия и АТР. 2023. № 1 (119). С. 160–180. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-1-160-180.

10. Жариков М.В. Организация внешнеэкономических расчетов между Россией и Китаем в национальных валютах // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 2 (31). С. 19–27.

11. Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367098.html (дата обращения: 01.03.2026).

12. China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2024 (in USD) // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: https://english.customs.gov.cn/Statics/80ab1a29-cd9a-4fca-b8ca-8e373ef88308.html (дата обращения: 01.03.2026).

ASYMMETRY OF INTERDEPENDENCE IN CHINA–RUSSIA BILATERAL TRADE RELATIONS AND ITS POLITICAL-ECONOMIC SIGNIFICANCE

Zhao Yuzhe
RUDN University named after Patrice Lumumba

The article examines the asymmetry of interdependence in bilateral trade relations between China and Russia and clarifies its political-economic significance. The purpose of the study is to show how uneven dependence is reflected in the sectoral structure of trade, in the distribution of adaptation costs and in the limits of trade-policy coordination. The article draws on international political economy, interdependence theory and institutional analysis. It argues that contemporary China–Russia trade cannot be explained solely by the growth of trade turnover or by the general rhetoric of strategic partnership. Asymmetry is produced through differences in the scale of the two economies, the composition of trade, the degree of diversification of external markets and access to resilient payment and logistics channels. The article concludes that asymmetry of interdependence does not preclude stable cooperation, but it affects bargaining opportunities, the allocation of external economic risks and the character of institutional constraints in bilateral trade. Thus, the stability of China–Russia trade depends less on eliminating asymmetry than on managing its most sensitive consequences.

Keywords: China, Russia, bilateral trade, asymmetry of interdependence, political economy, trade policy, institutional barriers.

References

1. Hirschman A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1945.

2. Keohane R.O., Nye J.S. Power and Interdependence. 4th ed. Boston: Longman, 2012.

3. Wagner R.H. Economic Interdependence, Bargaining Power, and Political Influence // International Organization. 1988. Vol. 42. № 3. P. 461–483.

4. Womack B. Asymmetry and International Relationships. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

5. Farrell H., Newman A.L. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44. № 1. P. 42–79. DOI: 10.1162/ISEC_a_00351.

6. Istomin I., Baikov A. Distorting Mirror of International Asymmetry // International Processes. 2017. Vol. 15. № 3. Pp. 124–128. DOI: 10.17994/IT.2017.15.3.50.13.

7. Kireeva A. The Future of the Russian-Chinese Alliance in the Context of International Relations Theory // International Processes. 2019. Vol. 17. № 4 (59). Pp. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6.

8. Lukonin S.A. Russia and China: The Limits of Cooperation // Transactions of the Free Economic Society of Russia. 2019. Vol. 220. Pp. 71–82.

9. Lukonin S.A., Vakhrushin I.V. Russian-Chinese Trade and Economic Cooperation Against the Background of Anti-Russian Sanctions // Russia and the Asia-Pacific Region. 2023. № 1 (119). Pp. 160–180. DOI: 10.24412/1026-8804-2023-1-160-180.

10. Zharikov M.V. Organization of Foreign Economic Settlements between Russia and China in National Currencies // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2015. № 2 (31). Pp. 19–27.

11. Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367098.html (access date: 03/01/2026).

12. China's Total Export & Import Values by Country/Region, December 2024 (in USD) // General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: https://english.customs.gov.cn/Statics/80ab1a29-cd9a-4fca-b8ca-8e373ef88308.html (access date: 03/01/2026).

От дипломатии к бизнесу: особенности российско-африканских отношений на современном этапе

Шипиков Алексей Николаевич,
аспирант, МГИМО МИД России
E-mail: camper10712@gmail.com

Эволюция российско-африканского взаимодействия за последние два десятилетия поставила исследователей перед задачей точной концептуальной квалификации происходящего сдвига: политико-дипломатическая основа, унаследованная от второй половины XX века, постепенно дополняется и переоформляется вокруг торгово-экономического и предпринимательского содержания. Работа выстраивает теоретическую рамку для описания этого перехода – от преимущественно межгосударственной дипломатии солидарности к прагматичной модели делового партнёрства – и фиксирует его характерные черты на отрезке до 2025–2026 гг. Рассматриваются понятийные основания экономической и публичной дипломатии, концепт полицентричного миропорядка и логика сотрудничества по линии Юг–Юг применительно к африканскому направлению внешней политики России. Внимание сосредоточено на институциональной архитектуре отношений – саммитах, межправительственных комиссиях, многосторонних платформах, включая объединение БРИКС, – и на роли гуманитарно-образовательных инструментов как связующего звена между дипломатическим и коммерческим уровнями. Предложена периодизация контактов, в которой современный этап трактуется как фаза институционализации и диверсификации. Сформулирован вывод о том, что переход «от дипломатии к бизнесу» не означает вытеснения политической составляющей, а описывает изменение её функции: дипломатия всё чаще обслуживает создание условий для устойчивых экономических связей.

Ключевые слова: российско-африканские отношения, экономическая дипломатия, публичная дипломатия, саммит Россия–Африка, полицентричный миропорядок, сотрудничество Юг–Юг, БРИКС, внешнеэкономические связи.

Введение

Африканское направление российской внешней политики прошло за постсоветские десятилетия путь, который трудно уложить в одну формулу. В 1990-е годы прежняя плотная сеть связей, выстроенная во второй половине XX века преимущественно на политико-идеологическом основании, заметно поредела: сказались внутренняя трансформация самого государства, перераспределение ресурсов и смена внешнеполитических приоритетов. Затем последовало возвращение интереса – сначала точечное, дипломатическое, позже всё более насыщенное хозяйственным содержанием. К середине 2020-х годов сложилась конфигурация, в которой прежняя дипломатия солидарности соседствует с растущим деловым прагматизмом [2]. Описать этот сдвиг точно – задача не столько фактологическая, сколько понятийная. Наблюдаемое легко перечислить; труднее подобрать категории, которые схватили бы его природу.

Формула «от дипломатии к бизнесу» удобна как метафора, но требует теоретической дисциплины. Она схватывает наблюдаемое смещение акцентов – от межгосударственных деклараций и символических жестов к торговле, инвестициям, отраслевым проектам, – однако не объясняет, что происходит с самой дипломатией внутри этого процесса. Уходит ли она на второй план, уступая место рыночным акторам, или меняет функцию, оставаясь несущей конструкцией? В литературе соответствующая динамика описывается через разные понятийные оптики: через категорию экономической (коммерческой) дипломатии; через концепт публичной дипломатии и мягкой силы; через модель сотрудничества по линии Юг–Юг; наконец, через идею полицентричного миропорядка, в котором африканский континент мыслится самостоятельным полюсом притяжения, а не пассивным фоном чужих стратегий [9]. Каждая оптика высвечивает свою грань явления. Ни одна не покрывает его целиком. Отсюда необходимость не выбирать одну рамку в ущерб остальным, а собрать их в согласованную картину.

Современный этап логично датировать с конца 2010-х годов – с момента, когда контакты получили устойчивую институциональную форму. Периодизация здесь не самоцель, а инструмент: она задаёт критерий, по которому отделяется одна фаза отношений от другой. Таким критерием служит не интенсивность контактов сама по себе, а их качественная организация – степень регулярности, наличие постоянных площадок, соотношение политического и хозяйственного содержания. Точкой кристаллизации нового состояния стал формат саммита: первый прошёл в 2019 году, второй – в 2023-м [1]. С этого времени взаимодействие приобрело регулярность и многоуровневость, выйдя за пределы эпизодических визитов и разовых соглашений.

Цель работы – выстроить непротиворечивую теоретическую рамку для описания перехода «от дипломатии к бизнесу» и зафиксировать его характерные черты на современном этапе. Внимание сосредоточено на трёх взаимосвязанных уровнях: понятийном (какими категориями уместно описывать сдвиг), институциональном (через какие форматы он реализуется) и содержательном (как соотносятся дипломатическая и экономическая составляющие). Эмпирическая привязка ограничена открытыми документами и официально декларированными форматами; оценочные характеристики государств, их политических систем и внешнеполитических курсов вынесены за скобки сознательно. Изложение остаётся описательно-теоретическим – его задача в том, чтобы прояснить понятийный аппарат, а не вынести вердикт.

Материалы и методы исследования

Работа выполнена в русле теоретико-концептуального исследования. Ведущими выступают историко-генетический метод, позволяющий проследить преемственность и разрывы в траектории отношений, и системный подход, в рамках которого двусторонние и многосторонние связи трактуются как взаимообусловленные элементы единой конфигурации. Задействован институциональный анализ – для реконструкции форматов взаимодействия: саммитов, межправительственных комиссий, многосторонних платформ. Понятийно-категориальный разбор служит инструментом уточнения ключевых терминов – «экономическая дипломатия», «публичная дипломатия», «полицентричность», «сотрудничество Юг–Юг». Каждый из них переносится в текст не как готовый ярлык, а как рабочая конструкция, которую приходится соотносить с наблюдаемым материалом.

Сравнительно-типологический приём применён при сопоставлении дипломатического и делового уровней, а также при дифференциации страновых траекторий внутри континента. Аналитической осью служит сам переход «от дипломатии к бизнесу»: он задаёт шкалу, на которой размещаются разные форматы и эпизоды взаимодействия – от чисто символических до сугубо коммерческих. Фактологической опорой послужили открытые программные документы – Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2023 года, декларации и планы действий саммитов Россия–Африка 2019 и 2023 годов, материалы профильных межправительственных комиссий, – а также положения учредительных и стратегических документов Африканского союза, актуальные на 2025–2026 годы.

Числовые показатели намеренно приводятся в обобщённом виде там, где речь идёт о тенденции, а не о точечном измерении: задача – реконструировать логику процесса, а не свести её к конкретным значениям оборота за отдельный год. Понятия проверяются на непротиворечивость и на способность совместно описывать один и тот же предмет с разных сторон. Там, где оптики расходятся, расхождение фиксируется, а не сглаживается.

Результаты и обсуждение

Чтобы корректно описать нынешнюю фазу, имеет смысл начать с её предыстории – без неё характеристики современного состояния повисают в воздухе. Связи Советского Союза с африканскими государствами во второй половине XX века строились вокруг политического и идеологического содержания: поддержка процессов деколонизации, подготовка национальных кадров в советских вузах, военно-техническое и инфраструктурное содействие. Экономика присутствовала, но чаще как продолжение политики, а не как самостоятельная цель: торговые потоки и производственные проекты вписывались в более широкую логику межгосударственной солидарности и редко оценивались по критерию коммерческой отдачи. Распад прежней системы внешних связей в начале 1990-х годов резко сузил поле контактов – дипломатическое присутствие сокращалось, программы сворачивались, торговый оборот падал [12]. Континент на время выпал из числа приоритетов.

Периодизация в исследованиях международных отношений редко бывает нейтральной операцией: выбор границ между фазами уже несёт в себе содержательную гипотезу о том, что именно меняется. Применительно к африканскому вектору граница пролегает не там, где меняется интенсивность контактов, а там, где меняется их организующий принцип. По этому критерию различимы три состояния – советское, переходное постсоветское и современное, – и переход между вторым и третьим оказывается наиболее показательным для заявленной темы.

Возвращение шло постепенно. Сначала – восстановление дипломатического присутствия, затем – точечные хозяйственные проекты.

К концу 2010-х годов накопленная инерция возвращения переросла в новое качество. Принципиальное отличие современного этапа от советского – смещение центра тяжести с политико-символического уровня на хозяйственный; отличие от 1990-х – само наличие осмысленной стратегии, а не реакции на обстоятельства. Опыт отдельных страновых траекторий, в частности Анголы и Мозамбика, показывает, как прежние партнёрства, выросшие из политической солидарности, переоформляются вокруг энергетики, добычи, инфраструктуры [7]. Преемственность при этом сохраняется: накопленный за десятилетия запас доверия, личных связей и подготовленных специалистов не обнуляется при смене модели, а переходит в неё как стартовый капитал. Меняется не каркас связей, а их содержательное наполнение.

Институциональным каркасом современного этапа стал формат регулярного саммита. С точки зрения институционального подхода значение здесь имеет не отдельное событие, а превращение разовой встречи в воспроизводимую процедуру с собственным регламентом, ожиданиями участников и механизмами преемственности. Появление саммита перевело взаимодействие из плоскости двусторонних визитов в плоскость многостороннего диалога с участием большинства государств континента и Африканского союза как коллективного контрагента. Встреча 2019 года задала рамку; форум 2023 года закрепил её, дополнив отраслевыми треками и механизмами последующего сопровождения договорённостей [3]. Между встречами высшего уровня работают межправительственные комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству – рабочий, а не церемониальный механизм согласования конкретных проектов. Здесь стоит различать два слоя: символический, обращённый к публике и партнёрам, и операционный, обращённый к ведомствам и компаниям. Их сопряжение и составляет ткань современной дипломатии африканского направления.

Институт в таком прочтении ценен тем, что снижает неопределённость и удешевляет согласование: повторяющийся формат избавляет стороны от необходимости каждый раз заново выстраивать каналы связи и подтверждать намерения. Регулярность сама по себе становится ресурсом – она переводит отношения из режима эпизодических жестов в режим устойчивого ожидания, на которое можно опираться при планировании долгих проектов.

Форум 2023 года обозначил движение от установочных деклараций к попытке операционализации – через дорожные карты, отраслевые соглашения, договорённости о механизмах расчётов [14]. Принятые декларация и план действий зафиксировали приоритеты на среднесрочную перспективу, среди которых торговля, энергетика, продовольствие, технологии, гуманитарные обмены. Сам переход от языка намерений к языку процедур маркирует зрелость формата: повестка перестаёт исчерпываться провозглашением принципов и обрастает инструментами их реализации.

Двусторонний уровень при этом не растворился в многостороннем. Отношения с Южно-Африканской Республикой выстраиваются сразу в нескольких форматах – от прямых межгосударственных контактов до взаимодействия внутри многосторонних объединений, что делает их удобной моделью для наблюдения за тем, как сочетаются разные уровни дипломатии [4]. Тридцатилетие установления дипломатических отношений между двумя странами, отмеченное в начале 2020-х годов, послужило поводом для рефлексии о пройденном пути и о смене его содержательных доминант [6]. Двусторонний и многосторонний контуры в этом случае не конкурируют, а усиливают друг друга: участие в общих объединениях добавляет прямым контактам дополнительную опору, а накопленный двусторонний опыт облегчает совместную работу на многосторонних площадках.

Коллективным контрагентом всё чаще выступает не отдельная столица, а континентальная и региональные организации. Африканский союз, субрегиональные интеграционные объединения, зона свободной торговли континентального масштаба – эти структуры формируют новый адрес внешнеполитической работы. Дипломатия перестаёт мыслиться исключительно в логике «страна – страна» и осваивает логику «партнёр – объединение». Сдвиг этот не только технический: он отражает признание за континентом субъектности, способности вырабатывать и отстаивать общую позицию, а не выступать суммой разрозненных интересов. В оптике институционализма работа с объединением экономит ресурс согласования: единый свод правил и предсказуемая процедура снижают издержки на выстраивание отношений с каждой столицей по отдельности. Одновременно возрастает и сложность – позиция блока складывается из внутреннего торга его участников, и внешнему партнёру приходится считаться с этой внутренней динамикой как с самостоятельной переменной.

Отдельного теоретического внимания заслуживает гуманитарно-образовательный слой – связующее звено между дипломатическим и деловым уровнями. В терминах концепции мягкой силы, предложенной для описания влияния через привлекательность, а не принуждение, образование, наука, культура и язык работают как ресурс, не сводимый к прямому давлению или немедленной выгоде. Подготовка африканских специалистов в российских университетах, программы стипендий, научные и культурные обмены формируют долгосрочный человеческий капитал, на который позже опираются совместные хозяйственные проекты. Публичная дипломатия в этой логике держится не только на институтах, но и на ценностном основании – на представлении о равноправном, уважительном партнёрстве [13].

Связь здесь не линейная. Образовательный контакт сегодня – кадровая основа делового проекта завтра.

Мягкая сила в строгом смысле не поддаётся прямому администрированию: её эффект отложен и распределён, его трудно приписать конкретному решению. Именно поэтому гуманитарный слой логично рассматривать как инфраструктуру доверия – медленно накапливаемую, плохо измеримую, но определяющую ту среду, в которой впоследствии разворачиваются переговоры и сделки. Выпускник, сохранивший связь со страной обучения, носитель языка, участник совместного исследовательского проекта – каждый из них становится точкой контакта, не требующей дополнительной дипломатической санкции.

Понятийно публичную и экономическую дипломатию удобно мыслить не как соперников, а как два режима одного процесса. Первая готовит почву – доверие, узнаваемость, сеть личных и институциональных связей. Вторая собирает урожай – контракты, поставки, инвестиции. Граница между ними подвижна: образовательный экспорт уже сам по себе хозяйственная позиция, а энергетический проект несёт в себе мощный репутационный заряд. Разделять их аналитически полезно; на практике они переплетены настолько, что один и тот же инструмент нередко работает сразу на обоих уровнях. Теоретически продуктивно описывать связь между ними как последовательность конвертаций: символический капитал узнаваемости и доверия при благоприятных условиях переводится в переговорную позицию, а та – в хозяйствен-

ный результат. Обратное движение тоже наблюдаемо: устойчивый экономический контакт порождает плотность связей, которая сама становится ресурсом репутации.

Содержательное ядро формулы «к бизнесу» раскрывается через категорию экономической дипломатии – использование дипломатического инструментария для продвижения торговых и инвестиционных интересов и одновременное подчинение части хозяйственных решений внешнеполитической логике. Понятие это занимает промежуточное положение между чистой политикой и чистой коммерцией: оно описывает зону, где государственный аппарат работает на интересы экономических акторов, а экономические акторы становятся проводниками внешнеполитической линии. Современный этап отмечен расширением отраслевой повестки: энергетика, включая атомную; добыча и переработка минерального сырья; поставки продовольствия и удобрений; транспортная инфраструктура; цифровые и технологические решения [5]. Продовольственное обеспечение континента превратилось в одну из несущих тем – направление, где экспортный потенциал совпадает с запросом партнёров.

Внешнеэкономическое измерение африканского вектора долгое время уступало политическому по плотности, но к середине 2020-х годов разрыв сокращается. Структура связей диверсифицируется: к традиционному экспорту добавляются проекты с более высокой добавленной стоимостью, локализация производств, передача технологий [10]. Динамика товарооборота сохраняет положительный вектор, хотя и остаётся неравномерной по странам и отраслям – несколько крупных партнёров обеспечивают непропорционально большую долю оборота. Неравномерность эта закономерна для ранней фазы делового сближения: освоение рынка обычно начинается с опорных точек и лишь затем распространяется вширь.

Южноафриканское направление высвечивает эту неоднородность особенно выпукло. Развитие внешнеторговых связей с ЮАР опирается на сочетание сырьевых, промышленных и аграрных позиций, а также на встроенность обеих экономик в многосторонние объединения [15]. Деловой слой обретает собственные институты – бизнес-советы, отраслевые ассоциации, форматы прямого взаимодействия предпринимателей, – постепенно автономизируясь от чисто межгосударственной рамки. Государство задаёт условия; сделки заключают компании. Эта автономизация – характерный признак перехода: пока деловая активность целиком зависит от политического импульса, говорить о самостоятельном хозяйственном содержании преждевременно; по мере того как у бизнеса появляются собственные площадки и интересы, переход обретает необратимость.

Многосторонняя встроенность – ещё одна определяющая черта современного этапа. Площадкой, на которой африканское направление смыкается с более широкой внешнеполитической стратегией, выступает объединение БРИКС: расширение его состава в 2024 году, включившее в число участников Египет и Эфиопию, придало африканскому измерению объединения новый вес [11]. Для ряда государств континента членство или партнёрство в подобных структурах открывает доступ к альтернативным механизмам финансирования, расчётов и согласования интересов. Многосторонний контур ценен и тем, что распределяет издержки и риски: то, что неподъёмно в двустороннем формате, становится посильным в составе коалиции. С теоретической точки зрения многосторонний контур ценен ещё и тем, что повышает устойчивость связей: отношения, опирающиеся сразу на несколько площадок, менее чувствительны к колебаниям на любой отдельной из них.

Теоретически африканский вектор удобно вписывается в концепт полицентричного миропорядка, где континент мыслится не периферией, а формирующимся самостоятельным полюсом. Логика сотрудничества по линии Юг–Юг – взаимодействие на основе декларируемого равенства и отказа от иерархии «донор – реципиент» – задаёт нормативную рамку, привлекательную для партнёров [8]. Привлекательность эта во многом риторическая по происхождению, но обладает практическими следствиями: она формирует ожидания относительно формата отношений и тем самым ограничивает допустимый репертуар поведения сторон. Насколько эта рамка наполняется содержанием – вопрос эмпирический; как теоретическая модель она внутренне непротиворечива. Сопряжение двух оптик – полицентричности и сотрудничества по линии Юг–Юг – даёт объёмную картину: первая описывает структуру международной среды, в которой действуют участники, вторая задаёт нормативный язык, на котором они эту среду описывают. Согласованность структурного и нормативного уровней объясняет, почему африканское направление воспринимается сторонами не как набор разовых сделок, а как элемент более широкого переустройства внешнеполитических координат.

Сведённые воедино, наблюдения позволяют уточнить исходную метафору. Переход «от дипломатии к бизнесу» не означает, что дипломатия уступает место коммерции и сходит со сцены. Меняется её функция: из самоценного инструмента политической солидарности она превращается в средство создания и защиты условий для устойчивых экономических связей. Дипломатическое и деловое не вытесняют друг друга, а выстраиваются в последовательность – политический контакт открывает дорогу хозяйственному, хозяйственный укрепляет политический. Метафора движения, заложенная в самой формуле, потому и удачна, что описывает не разрыв, а перенос акцента вдоль непрерывной линии.

Две черты очерчивают нынешнюю фазу отчётливее прочих – институционализация и диверсификация. Первая проявляется в регулярности форматов и в появлении рабочих механизмов; вторая – в расширении круга партнёров и отраслевой повестки. Вместе они описывают качественно новое состояние, не сводимое ни к советской, ни к постсоветской моделям. Ни одна из рассмотренных понятийных оптик не охватывает это состояние в одиночку: экономическая дипломатия объясняет механику сближения, публичная – его подготовительный слой, концепты полицентричности и сотрудничества Юг–Юг – внешнюю рамку.

Заключение

Российско-африканское взаимодействие на современном этапе уместнее описывать не через смену одной доминанты другой, а через перенастройку их соотношения. Дипломатия сохранила вес. Изменилась её адресация: всё чаще она работает на хозяйственный результат, обслуживая торговлю, инвестиции, отраслевые проекты. Формула «от дипломатии к бизнесу» фиксирует именно этот функциональный сдвиг, а не исчезновение политического измерения. Унаследованный от второй половины XX века капитал доверия и подготовленных кадров не списывается, а переоформляется в актив делового партнёрства.

За полтора десятилетия институциональная зрелость отношений выросла заметно. Регулярный саммит, межправительственные комиссии, бизнес-советы, многосторонние площадки – набор форматов, которого не было ещё в начале 2010-х годов. Второй саммит прошёл в 2023 году. Значение этих форматов не исчерпывается их перечнем: повторяемость и регламентированность переводят отношения в режим, при котором долгие проекты получают предсказуемую опору.

Не менее значима диверсификация. Круг партнёров расширился далеко за пределы прежнего перечня; отраслевая повестка вышла за рамки сырья; многостороннее измерение обрело африканскую опору после расширения БРИКС в 2024 году. Контур этой конфигурации очертился к 2025–2026 годам достаточно определённо.

Предложенная теоретическая рамка не претендует на исчерпывающее объяснение, но позволяет удержать предмет в его целостности. Экономическая и публичная дипломатия, концепты полицентричности и сотрудничества Юг–Юг описывают разные грани одного перехода и складываются в непротиворечивую картину лишь будучи взятыми вместе. Именно их совмещение, а не выбор одной оптики в ущерб другим, и отвечает природе наблюдаемого сдвига – постепенного, преемственного, но оттого не менее отчётливого.

Литература

1. Марков А.А., Зозуля О.К. Основные этапы становления и развития отношений между Россией и Африкой // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12–2 (99). С. 239–242.

2. Нефедов А.В. Отношения России со странами Африки: история и современное состояние // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 7 (112). С. 2413–2418.

3. Федорченко А., Крылов А., Морозов В., Шебалина Е., Лошкарёв И. Российско-африканское взаимодействие и дипломатия саммитов. Проблемы и перспективы // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 4 (71). С. 37–51.

4. Песочин А.М. Политическое взаимодействие РФ и ЮАР: двусторонние и многосторонние форматы // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 8–2 (96–2). С. 4257–4266.

5. Валько Д.А. Российско-африканские экономические отношения на современном этапе: возможности развития // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 8–2. С. 234–238.

6. Скубко Ю.С. Круглый стол к 30-летию установления дипломатических отношений между РФ и ЮАР // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 3 (60). С. 119–127.

7. Языкова Е.И. Россия – Африка: старые друзья и перспективные партнёры (на примере Анголы и Мозамбика) // Дипломатическая служба. 2023. № 6. С. 518–523.

8. Сидорова Г.М. Россия-Африка: перспективы сотрудничества // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2025. Т. 9. № 1. С. 77–82.

9. Корендясов Е.Н., Константинова О.В. Некоторые аспекты российско-африканского сотрудничества на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 170–186.

10. Алексеева А.И., Иванова Н.И. Африканский вектор развития внешнеэкономических связей России // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 1. С. 118–130.

11. Песочин А.М. Место России и БРИКС во внешней политике Южно-Африканской Республики // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 10–2 (98–2). С. 5565–5575.

12. Виджаядаса С., Захарова В. Россия – Африка: история и перспективы взаимоотношений // Этнодиалоги. 2024. № 1 (72). С. 91–104.

13. Тамунделе Ж.Б.Н. Российско-африканские отношения: морально-нравственные ценности как основа публичной дипломатии? // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4407–4417.

14. Караев А.А. Саммит «Россия-Африка» 2023. Первые итоги и перспективы // Наукосфера. 2023. № 12–2. С. 128–131.

15. Гомон И.В., Папахчян А.В., Бутрина С.Ю. Развитие внешнеторговых отношений между Российской Федерацией и ЮАР // Дневник науки. 2025. № 5 (101).

FROM DIPLOMACY TO BUSINESS: FEATURES OF RUSSIA–AFRICA RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

Shipikov A.N.
Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs

Over the past two decades the evolution of Russian-African interaction has confronted scholars with the task of precisely conceptualising the shift under way: the political-diplomatic foundation inherited from the second half of the twentieth century is gradually being supplemented and reshaped around trade, economic and entrepreneurial content. The paper builds a theoretical framework for describing this transition – from a predominantly intergovernmental diplomacy of solidarity towards a pragmatic model of business partnership – and records its characteristic features for the period up to 2025–2026. It examines the conceptual foundations of economic and public diplomacy, the notion of a polycentric world order and the logic of South–South cooperation as applied to the African direction of Russian foreign policy. Particular attention is paid to the institutional architecture of relations – summits, intergovernmental commissions and multilateral platforms, including BRICS – and to the role of humanitarian and educational instruments as a link between the diplomatic and commercial levels. A periodisation of contacts is proposed in which the present stage is interpreted as a phase of institutionalisation and diversification. It is concluded that the move «from diplomacy to business» does not mean the displacement of the political component but rather describes a change in its function: diplomacy increasingly serves to create conditions for stable economic ties.

Keywords: Russia–Africa relations, economic diplomacy, public diplomacy, Russia–Africa summit, polycentric world order, South–South cooperation, BRICS, foreign economic relations.

References

1. Markov A.A., Zozulya O.K. Main Stages of the Formation and Development of Relations Between Russia and Africa // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 12–2 (99). Pp. 239–242.

2. Nefedov A.V. Russia's Relations with African Countries: History and the Current State // Issues of National and Federative Relations. 2024. Vol. 14. No. 7 (112). Pp. 2413–2418.

3. Fedorchenko A., Krylov A., Morozov V., Shebalina E., Loshkarev I. Russian-African Interaction and the Diplomacy of Summits. Problems and Prospects // International Trends. 2022. Vol. 20. No. 4 (71). Pp. 37–51.

4. Pesochin A.M. Political Interaction Between the Russian Federation and South Africa: Bilateral and Multilateral Formats // Political Science Issues. 2023. Vol. 13. No. 8–2 (96–2). Pp. 4257–4266.

5. Valko D.A. Russian-African Economic Relations at the Present Stage: Opportunities for Development // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 8–2. Pp. 234–238.

6. Skubko Yu.S. Round Table on the 30th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between the Russian Federation and South Africa // Proceedings of the Institute for African Studies of the RAS. 2022. No. 3 (60). Pp. 119–127.

7. Yazykova E.I. Russia – Africa: Old Friends and Promising Partners (the Case of Angola and Mozambique) // Diplomatic Service. 2023. No. 6. Pp. 518–523.

8. Sidorova G.M. Russia-Africa: Prospects for Cooperation // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2025. Vol. 9. No. 1. Pp. 77–82.

9. Korendyasov E.N., Konstantinova O.V. Some Aspects of Russian-African Cooperation at the Present Stage // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 170–186.

10. Alekseeva A.I., Ivanova N.I. The African Vector of the Development of Russia's Foreign Economic Relations // Russian Foreign Economic Bulletin. 2025. No. 1. Pp. 118–130.

11. Pesochin A.M. The Place of Russia and BRICS in the Foreign Policy of the Republic of South Africa // Political Science Issues. 2023. Vol. 13. No. 10–2 (98–2). Pp. 5565–5575.

12. Vidzhayadasa S., Zakharova V. Russia – Africa: History and Prospects of Relations // Ethnodialogues. 2024. No. 1 (72). Pp. 91–104.

13. Tamundele J.B.N. Russian-African Relations: Moral and Ethical Values as a Foundation of Public Diplomacy? // Political Science Issues. 2022. Vol. 12. No. 12 (88). Pp. 4407–4417.

14. Karaev A.A. The Russia-Africa Summit 2023. First Results and Prospects // Naukosfera. 2023. No. 12–2. Pp. 128–131.

15. Gomon I.V., Papakhchyan A.V., Butrina S. Yu. The Development of Foreign Trade Relations Between the Russian Federation and South Africa // Diary of Science. 2025. No. 5 (101).

Традиционное и инновационное в современной балкарской свадьбе

Берберова Лиана Бурхановна,
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: berberova.liana @yandex.ru

В статье рассматривается концептуальное содержание современного балкарского свадебного сценария с интерпретацией его ключевых смыслонесущих эпизодов. Отмечен синтетический характер церемоний, где органически сочетаются архаические ритуальные элементы и инновационные наслоения, продиктованные универсальной культурой глобализма. Методологической базой исследования послужили труды отечественных ученых – И.В. Ашиновой, Г.Д. Гачева, А.М. Гутова, Х.Ч. Джуртубаева, З.А. Кучуковой. Наряду с социологическими и этнографическими работами в статье использован и полевой материал, собранный автором в городах и селениях Кабардино-Балкарской республики: г. Нальчик, г. Тырныауз, сел. Кёнделен, сел. Верхняя Балкария. сел. Хасанья. В работе применялись описательно-аналитический и сравнительно-исторический методы анализа

Ключевые слова: этнокультура, ментальность, балкарская свадьба, архетип, культурный универсализм, дарообмен, традиция, инновация.

Испокон веков в любом социуме свадьба считается важнейшим ритуально-обрядовым событием, маркирующим рождение новой семейной ячейки. Если провести сравнительно-сопоставительный анализ «свадебных текстов» разных народов мира, в них обнаружатся как общие, так и особенные черты, обусловленные этническим «Космо-Психо-Логосом» [1, с. 34]. Данная терминологическая триада, введенная в научный оборот отечественным ученым Г.Д. Гачевым, означает согласованность местного ландшафта (Космос), народного характера (Психея) и системы мыслительных координат (Логос).

Мониторинговое исследование показывает наличие в каждой этномаркированной свадьбе определенных трансисторических констант наряду с инновационными элементами. Как отмечают ученые, «смысл изменениям в значительной степени придают константы, которые долго выкристаллизовывались в результате многотысячелетней эволюции» [2, с. 4]. В этом плане не является исключением и балкарская свадьба, в структуре которой наблюдается непротиворечивое сосуществование архаических форм традиционной обрядности наряду с заимствованиями из области западноевропейской свадебной культуры.

Стартовая точка современной балкарской свадьбы начинается с прихода сватов в дом потенциальной невесты. Число коммуникантов обычно определяется формулой «пять и пять» с учетом, что за стол переговоров с обеих сторон садятся по пять представителей со стороны жениха и невесты. Среди них желательно присутствие дяди по матери, дяди по отцу, двух двоюродных братьев и соседа по дому. В идеале должна быть симметричная расстановка «парламентеров» с обеих сторон. Как отмечает северокавказский этнолог и социолог М.Ч. Джуртубаев, «сваты непременно должны быть людьми уважаемыми, знающими все тонкости этикета, общительными, красноречивыми» [3, с. 529]. Хотелось бы отметить интересный нюанс: из процедуры сватовства традиционно исключаются отцы брачующихся в целях недопущения эмоциональных родительских всплесков. После произнесения тамадой ключевых умозаключений «сёз тауусхан» *(«окончание речей»)* и «энди джарашдыкъ» *(«уже договорились»)* посредники обмениваются рукопожатиями и тут же назначают день свадьбы.

В стилистике проведения современных свадеб наблюдается сочетание старых обрядов и новых. К примеру, место проведения торжества почти повсеместно переместилось из частного дома в ресторан. Фотосессии жениха и невесты в национальных и европейских нарядах стали обязательными. Многое определяется коротеньким словом «гламур», означающим «мощное современное течение в массовой культуре, под влиянием которого формируется новое поколение молодежи» [4, с. 8]. Если раньше существовал негласный категорический запрет на совместное восседание жениха и невесты за пиршественным столом, то теперь это допустимо. Гастрономический дискурс свадьбы определяется доминантой национальных блюд с обязательной подачей в конце застолья отварного мяса жертвенного животного с ритуальными благопожеланиями. Любопытная тенденция: из-за увлечения современной молодежи доктринами ЗОЖ, спортом и религиозной культурой, алкоголь все чаще и чаще отходит на задний план, как, впрочем, и культ свадебного торта гигантских размеров.

Неизменными на балкарской свадьбе остаются следующие церемонии: вывод жениха на авансцену и представление его родственникам невесты. Другой торжественный, даже кульминационный момент – выход невесты к гостям в сопровождении свиты в национальных нарядах, обряд последовательного «развязывания семи платков», ритуальное угощение невесты пчелиным медом; обсыпание ее конфетами и денежными купюрами, специально предназначенными для присутствующих на свадьбе детей. Далее следует первичное знакомство родственников жениха с новобрачной. Во всех данных церемониальных актах важную роль играют народные златоусты, произносящие тост, как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Любопытную деталь в этом отношении отмечает М.Ч. Джуртубаев, ссылаясь на древнюю балкарскую присказку «Произносящий тост – одноногий» *(«Алгъыш айтхан – бир аякълы»)* [3, с. 534]. Нравоучительный, дидактический посыл данного присловья заключается в информировании «спикера» о том, что он должен соблюдать регламент и говорить примерно столько, сколько человек физически может постоять на одной ноге.

Другой интересный обычай, сохранившийся с древних времен, – это попытка срывания шапки (кепки, шляпы, папахи) с головы жениха юными родственниками невесты в момент его появления на арене. Дело в том, что головной убор – один из самых сакрализованных предметов в мире кавказского мужчины. Лишиться шапки на свадьбе означало бы навлечь позор не только на себя, но и на весь свой род в целом. По этой причине, свита не спускает глаз с жениха, на протяжении всей свадебной церемонии шапку оберегают как зеницу ока. Если все же какому-то ловкачу удалось сорвать шапку жениха, то конфликт регулируется путем выплаты «штрафа» за похищенную святыню и возвращения ее хозяину. Естественно, все эти манипуляции проходят в рамках «игровой поэтики» и дело до серьезных конфликтов обычно не доходит.

В рамках исследуемой темы следует также отметить феномен десемантизации некоторых ритуальных свадебных предметов. К примеру, и издревле вплоть до начала XXI века одним из ключевых сакральных предметов на балкарской свадьбе считался так называемый *«къоз байракъ»* – специализированный свадебный флаг, увешанный грецкими орехами и другими мелкими предметами декоративного характера. Раскрывая символическую суть «ореха», северокавказский исследователь З.А. Кучукова пишет: «Это дерево, в котором по народному поверью, обитает божество, дарующее жизнь и благоденствие новой семье. Орешник – дерево плодородия, и вера балкарцев в его чудодейственную причастность к акту деторождения навсегда закрепилось в однокоренности слов «орешник» и «родить» на балкарском языке» [5, с. 242]. Однако в настоящее время наблюдается процесс десемантизации древнего «орехового» флага, о котором можно было бы сказать «вещание вещей». В настоящее время его место прочно занял упрощенный, одномерный флаг с родовой тамгой, наглядно демонстрирующий фамильно-родовую идентичность.

Г.Д. Гачев, исследуя специфику миросозерцания кавказского горца, особо выделяет такие категории как «тамадизм» и «логос застолья» [1, с. 250]. На самом деле балкарский свадебный стол немыслим без тамады (от тюрк. *тамата* – старший). На протяжении всего пиршества он сам выступает с нарративами благопожеланий, дает право публично высказаться и другим, наиболее уважаемым сотрапезникам. На сегодняшний день исследователями фольклора собраны, систематизированы и в специализированных сборниках опубликованы десятки классических благопожелательных текстов карачаево-балкарского народа. Одни из них сохранили свою архаическую первозданность, другие адаптированы к сознанию современных слушателей и содержат новые реалии в своей основе.

Наиболее полная версия балкарских свадебных благопожеланий представлена в хрестоматийном сборнике Т.М. Хаджиевой [6]. Среди традиционных фольклорных формул следует отметить постоянное апеллирование народных сказителей к образам гор и скал. Особенно часто упоминается гора Эльбрус, расположенная на территории Кабардино-Балкарской республики. Обращаясь к молодоженом, тамада традиционно говорит: «Пусть Ваша честь будет высокой как Эльбрус, пусть Ваше счастье будет огромным как Минги Тау» [6, с. 380]. Другая подмеченная нами особенность связана с гендерной дискриминацией: практически во всех благопожеланиях невесте желают родить «побольше мальчиков» или «чтобы первенец был мальчиком» [6, с. 384].

Дарообмен (потлач) – неотъемлемая часть любой традиционной народной свадьбы в любой точке земного шара. При этом у балкарских дарителей имеется уникальный обычай, который вряд ли еще кем-то соблюдается. Речь идет о том, что памятными подарками на второй день после свадьбы одариваются все ближайшие родственники жениха и невесты (дедушки, бабушки, родители, братья, сестры, дяди, тети, племянники). Если к этому времени кого-то уже нет в живых (к примеру, представителей старшего поколения), то все равно они не должны быть проигнорированы. По традиции в торжественный момент дарообмена имена умерших обязательно должны быть озвучены («атлары айтылыргъа керекди»), после чего их персональные подарки передаются семье. На первый взгляд, такая трансмиссионная акция кажется немыслимым абсурдом в XXI веке, но, на самом деле, это знак уважения к «корню Дома» и почитания ушедших предков, с которыми не должна обрываться метафизическая связь.

Добрососедство – еще одна из аксиологем, которой отводится важное место на балкарской свадьбе. Считаем здесь уместным привести строки из стихотворения балкарского поэта Кайсына Кулиева: «Легко любить все человечество, // Соседа полюбить сумей!» [7, с. 150]. В рамках этих напутственных слов от имени новобрачной хозяевам двух ближайших соседских домов также передаются памятные подарки в виде текстиля, кухонной посуды, игрушек для детей.

Согласно горским традициям, хорошая сноха считается молчаливой. Первые несколько дней она в знак уважения совершенно не разговаривает со старшими родственниками своего мужа (свекром, свекровью, деверем, золовкой). В стародавние времена этика молчания носила длительный характер, вплоть до рождения ребенка. Но в настоящее время индекс толерантности к невестке изменился в сторону значительного раскрепощения, вследствие чего, как правило, через неделю близкие родственники проводят ритуальный обряд «развязывания языка». Согласно этой процедуре, ближайшая родня собирается за накрытым столом в отдельной комнате, куда приглашена и невестка. Каждый из близких дарит ей определенный подарок (ювелирное изделие, красивую одежду, постельное белье), в ответ она «одаривает» их благодарственными словами и с этого момента фактически, «развязывает свой язык».

В данном контексте следует отметить и традиционный запрет на произнесение невесткой имен своих новых родственников. Особо табуированными считаются имена свекра и свекрови. Для решения данной коммуникативной проблемы, она, как правило, для каждого домочадца (включая детей) придумывает и вводит в оборот уменьшительно-ласкательные «вторые имена», типа «золотце», «светлоглазая», «всадник», «цветочек» и т.п. В «Этическом кодексе карачаево-балкарского народа» приводится и закон, предписывающий мужу не называть свою супругу по имени: «Бийчесини атын эри унутур» (Муж должен забыть имя жены). Как поясняет М.Ч. Джуртубаев, «Муж обычно называет жену эвфемизмами «наша», «она», «домашняя» или каким-то шуточным именем, к ней самой обращается «алан» [3, с. 546].

В качестве «заметки на полях» отметим, что мера соблюдения названных социокультурных нормативов носит индивидуализированный характер. В одних семьях царит полная свобода в этих вопросах, в других все еще придерживаются старинных этикетных нормативов, третьи соблюдают принцип «золотой середины». При этом главной приметой времени можно назвать то, что «родники и фонтаны национальных культур втекают в общий резервуар современной цивилизации» [1, с. 34].

Заключение

На основании исследованного материала можно сделать вывод о том, что современная балкарская свадьба носит интегративный характер, гармонично сочетая в своей основе архетипические матрицы и целый ряд инновационных, факультативных, вспомогательных элементов, продиктованных реалиями нового времени.

Литература

1. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 544 с.
2. Гутов А.М. Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
3. Джуртубаев М.Ч. Ёзден адет: Этический кодекс карачаево-балкарского народа. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 640 с.
4. Ашинова И.В. Концептуальное содержание гламурного дискурса: монография/И. В. Ашинова. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2015. 162 с.
5. Кучукова З.А. Феномен мифопоэтического у Кайсына Кулиева // Способность к диалогу. Часть вторая. М.: «Наследие», «Наука», 1993. С. 234–252.
6. Карачаево-балкарский фольклор. Хрестоматия. На карачаево-балкарском языке. Составитель, автор вступительной статьи Т.М. Хаджиева. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. 592 с.
7. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 2. Стихотворения. Поэмы. 1961–1969. Пер. с балкар. М., «Худож. лит.», 1977. 542 с.

TRADITIONAL AND INNOVATIVE IN A MODERN BALKAR WEDDING

Berberova L.B.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the conceptual content of the modern Balkarian wedding script and interprets its key semantic episodes. The synthetic nature of the ceremonies is noted, organically combining archaic ritual elements with innovative layers dictated by the universal culture of globalism. The methodological basis of the study is the works of Russian scholars I.V. Ashinova, G.D. Gachev, A.M. Gutov, Kh.Ch. Dzhurtubaev, and Z.A. Kuchukova. Along with sociological and ethnographic studies, the article also utilizes fieldwork collected by the author in cities and villages of the Kabardino-Balkarian Republic: Nalchik, Tyrnyauz, Kyondelen, Verkhnyaya Balkaria, and Khasanya. The study utilized descriptive-analytical and comparative-historical methods of analysis.

Keywords: ethnoculture, mentality, Balkar wedding, archetype, cultural universalism, gift exchange, tradition, innovation.

References

1. Gachev, G. D., Mentality of the Peoples of the World. Moscow: Eksmo Publishing House, 2003. 544 p.

2. Gutov, A. M., Constants in Cultural Space: Journalism. Folklore. Literature. Nalchik: Elbrus, 2011. 216 p.

3. Dzhurtubaev, M. Ch., Ozden Adet: Ethical Code of the Karachay-Balkar People. Nalchik: State Enterprise of the KBR RPK, 2009. 640 p.

4. Ashinova, I. V., Conceptual Content of Glamorous Discourse: Monograph. Nalchik: Kabardino-Balkarian University, 2015. 162 p.

5. Kuchukova Z.A. The Phenomenon of the Mythopoeic in Kaisyn Kuliev // Ability for Dialogue. Part Two. Moscow: “Heritage”, “Science”, 1993. Pp. 234–252.

6. Karachay-Balkar Folklore. Anthology. In the Karachay-Balkar language. Compiled by and with an introductory article by T.M. Khadzhieva. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 1996. 592 p.

7. Kuliev K. Sh. Collected Works. In 3 volumes. Vol. 2. Poems. 1961–1969. Translated from Balkar. Moscow, «Khudozh. lit.», 1977. 542 p.

Историописание и национальная идентичность: нарративная логика нового учебника истории для вузов России (взгляд китайского исследователя)

Го Синьюй,
младший научный сотрудник, Институт марксизма
Фуданьского университета
E-mail: gxy19900409@163.com

После распада Советского Союза разрыв в национальном историческом нарративе стал важным фактором, сдерживающим формирование российской национальной идентичности. В последние годы школьные и вузовские учебники по истории стали рассматриваться как важный инструмент укрепления национальной идентичности, призванный выстроить преемственный нарратив, объединяющий царскую Россию, Советский Союз, современную Россию и её исторические традиции. С этих позиций учебник для вузов «История России» под ред. Ю.А. Петрова (2024) предпринимает попытку конструировать национальную идентичность посредством двух взаимодополняющих подходов – великодержавного и цивилизационного нарративов. Выделяя интегративную роль православия в истории государства, авторский коллектив встраивает связанный с ним актуальный на сегодня «украинский вопрос» в рамки цивилизационного нарратива, что усиливает позиционирование России как государства-цивилизации.

Ключевые слова: Россия; учебник истории для вузов; Концепция преподавания учебного курса «История России»; державное сознание; цивилизационное государство; национальная идентичность

Введение

В последние годы проблема национальной идентичности стала неким «триггером» в мировом гуманитарном знании и общественно-политической жизни, что в целом можно объяснить кризисом потребительского общества, приводящего к разрушениям систем этнонациональных ценностей внутри сообществ и мировоззренческих установок на личностном уровне, а также обострением этнокультурных противоречий в рамках разноуровневых глобализационных процессов.

Национальную идентичность мы определяем как когнитивную принадлежность, эмоциональную привязанность и ценностное отождествление индивида с государством, формирующиеся на основе признания причастности к общей исторической памяти, культурным традициям, ценностным ориентирам и государственно-политическим институтам. Как форма сознания современного политического сообщества, национальная идентичность постоянно конструируется, корректируется и воспроизводится в историческом нарративе, институциональных механизмах и политической практике. И здесь значимая роль отводится историческому образованию как способу формирования коллективной памяти граждан, усиления национальной сплочённости и определения идентичности.

Для России, страны многонациональной, многоконфессиональной и не раз пережившей глубокие социально-политические трансформации, национальная идентичность всегда тесно связана с правом интерпретации собственной истории. После распада Советского Союза прежняя система государственного нарратива разрушилась, и российское общество на некоторое время погрузилось в кризис идентичности (возможно, начавшийся ещё до самого распада СССР [14]), сопровождающийся расхождением в исторических оценках, неопределённостью государственной позиции и ценностным дисбалансом. В этих условиях вопрос о восстановлении ценностного консенсуса посредством реорганизации исторического нарратива стал ключевым для конструирования национальной идентичности в России. Современные российские власти особое внимание уделяют историческому образованию и государственному нарративу с их патриотической основой, поддерживают дискуссии вокруг разработки школьных и вузовских учебников истории, оценок ключевых исторических событий и утверждения государственных исторических стандартов. Украинский кризис ещё более способствует сосредоточению российской политики идентичности на формировании полиэтничной нации, на укреплении и интеграции государства, на воспитании положительного восприятия истории. [2]

Наши выводы о конструировании национальной идентичности в российском контексте опираются на существующие результаты исследований, и, в первую очередь, на текстуальный анализ действующего и официально утверждённого вузовского учебника «История России» под редакцией директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова (2024) [9].

Постановка проблемы: исторический разрыв в национальной идентичности

За последние три десятилетия в российском официальном дискурсе сменилось несколько доминирующих концепций идентичности: от отрицания советской идентичности и стратегии на сближение с западными демократиями до конструирования великодержавной консервативной идентичности «государства-продолжателя» [5, 79]. В отношении власти к истории государства также заметна тенденция к трансформации: от свойственной 1990-ым «выраженной политизации истории и стремления противоборствующих сил «приватизировать» прошлое в меру собственных задач» [16, 36] к постепенному выбору действующей администрацией курса на внутреннюю консолидацию российского общества с целью строительства общими усилиями обновлённого государства и формирование позитивной национальной самоидентификации. Однако нельзя не учитывать, что и сегодня в российском общественном сознании частично сохраняются «негативные последствия всеобъемлющего ценностно-смыслового кризиса конца XX – начала XXI столетий, вызванного коллапсом советской политической системы» [13, 26], к которым добавляются объективные трудности отсутствия перспективы «позитивной концепции модернизации». Вопрос о том, как изложить

такую официальную российскую историческую интерпретацию, которая действительно способствовала бы сохранению и развитию единого исторического сознания народа, остаётся открытым [10].

Президент РФ В. Путин известен своим особым отношением к истории, пониманием значимости исторического и патриотического воспитания молодых поколений, однако китайской научной общественности до сих пор представляется, что «проблема российских школьных учебников истории по-прежнему остаётся «неизлечимой болезнью», беспокоящей российское общество» [18]. Значительным упущением, сдерживающим социальную интеграцию и развитие страны, остаётся неэффективное преобразование историко-культурных ресурсов России в духовную силу, консолидирующую общественный консенсус. Особенную важность обретает эта задача в моменты столкновения государства с существенным внешним давлением или экзистенциальных вызовов, когда роль коллективного национального нарратива многократно возрастает. Таким судьбоносным моментом для России стала полномасштабная эскалация российско-украинского конфликта в 2022 году, которая усилила угрозы онтологической небезопасности страны и стала катализатором ускоренной корректировки политики национальной идентификации администрацией Президента В. Путина.

В сентябре 2022 года В. Путин сформулировал руководящую идею национального возрождения – идею «всеобъемлющей исторической преемственности», подчеркнув, что «современная Россия является наследницей Древней Руси, Московского княжества, Российской империи и Советского Союза» и призвав гордиться величайшими страницами русской тысячелетней истории. [4] Однако детальное осмысление этой идеи – объёмная и архисложная задача, особенно в условиях современной политической обстановки. Например, как правдиво описать историю взаимоотношений русского и украинского народов, приведшую их к нынешнему конфликту. Украина, которая всегда занимала важное место в геополитической картине Русского мира, а в сегодняшних обстоятельствах в определённой степени воспринимается как контрастный «Другой», который воплотил в себе негативный пример выбора западного пути развития.

В Указе «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» от 8 мая 2024 года основными принципами государственной политики были объявлены: «опора на научные знания и фундаментальные научные исследования, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности» [15]. Новый учебник «История России» был разработан под редакцией директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова и стал обязательной частью образовательного процесса для студентов неисторических специальностей всех вузов страны. 1 сентября 2024 года текст и концепция учебника получили положительное заключение экспертов РАН.

Учебник, отражая официальное дискурсивное выражение российского национального нарратива, охватывает исторический период от зарождения российской государственности до современной России, включая такие недавние события, как возвращение Крыма в 2014 году, присоединение Донецкой и других территорий к России, специальную военную операцию 2022 года.

Державный нарратив и национальная идентичность

Державное сознание как национальная идея России имеет глубокие исторические корни. Этапы истории русского государства (объединительная политика Ивана III; направленные на вестернизацию России реформы Петра I; расширение территорий при Екатерине II; утверждение положения сверхдержавы в советский период и др.) были отмечены стремлением к формированию и укреплению великодержавного статуса России. Сегодня державное сознание проявляется как твердая вера в то, что Россия была и остаётся великой страной [17, 90], что и прослеживается в новом учебнике.

Происхождение Русского государства: субъектность славянских племён

Историографические дискуссии о происхождении русского государства являются предметом неизменного внимания российской исторической науки, и эти академические споры глубоко отражают траекторию трансформации национальной идентичности России в разные исторические периоды. Ключевым и одним из наиболее дискуссионных в российской науке остаётся вопрос происхождения Русского государства, так называемый «варяжский вопрос» – определение роли скандинавов (варягов) в процессе создания Древнерусского государства. Первый этап дискуссии по «варяжскому вопросу» (XVIII век) сосредоточился на «этнической принадлежности варягов». В новом учебнике зафиксировано, что на рубеже XIX–XX веков эмпирические исследования в области археологии и лингвистики положили конец предшествовавшей дискуссии: различные факты свидетельствуют о норманском происхождении варягов [9, 43–44]. На втором этапе центр дискуссии сместился с вопроса «кто такие варяги?» к более содержательному вопросу «создали ли варяги (норманны) государство?». Авторы нового учебника подчёркивают, что образование русского государства было важной частью общеевропейского политического процесса и «следов влияния норманнов на образование государства» нет, а уникальная роль варяжского фактора заключалась в том, что они способствовали объединению всех восточных славян в рамках одного государства, чего не произошло ни у западных, ни у южных славян. [9, 45] Нарратив о происхождении русского государства в новом учебнике, с одной стороны, ослабляет нарратив о зависимости происхождения русского государства от «внешнего привнесения», защищая эндогенный характер возникновения государства и субъектность славянских племён; с другой стороны, разъясняет, что историческая траектория развития российской государственности формировалась под воздействием как внутренних, так и внешних факторов.

Коллективная память: реконструкция исторического нарратива

Будучи реконструкцией прошлого с позиций потребностей настоящего, коллективная память служит важным идейным ресурсом для формирования и поддержания национальной идентичности. В современной России «коллективное прошлое» пока, к сожалению, продолжает оставаться скорее объектом ситуативного «использования», нежели «сырьём» для проведения целенаправленной и методичной исторической политики. [1] Новый учебник истории, реконструируя коллективную память о значимых исторических событиях, придерживается идеи отстаивания преемственности и непрерывности национальной истории.

Авторы акцентируют внимание на политике и достижениях Петра I и Екатерины II, рассматривая их как источники державного сознания и «катализаторов» модернизации России. Через уважительное отношение к личности и реформам Петра I [9, 23] конструируется нарратив о модернизационном прорыве, ориентированном на Европу как образец, о превращении России из относительно закрытой и отсталой страны в империю, в европейскую державу, что явилось ярким примером модернизации догоняющего и опережающего типа. Однако авторы учебника не оставляют без внимания традиционную критику «слепой вестернизации» и «чрезмерной цены» преобразований Петра [9, 188].

Эпоха Екатерины II определяется как зрелое развитие Российской империи в институциональном, территориальном и управленческом аспектах. В учебнике раскрывается преемственность между Екатериной II и Петром I [9, 196]. Авторы признают дискуссионные оценки «просвещённого абсолютизма» Екатерины II и определяют её как прагматика, ставившего во главу угла государственные интересы и использовавшего различные средства для укрепления имперского статуса страны как внутри, так и за рубежом [9, 203].

События Февральской и Октябрьской революций (1917), а также Гражданской войны (1917–1922) в новом учебнике рассматриваются как разные аспекты единого исторического процесса в рамках концепции Великой российской революции 1917–1922 гг. Революционные события этого периода стали следствием системного кризиса империи в начале XX века, вызванного мировой войной, а также внутренними экономическими, социальными и политическими причинами. [9, 283–302]

При освещении взаимосвязи между советским периодом и идеей исторической преемственности развития страны учебник не избегает упоминания о негативных сторонах национальной истории, подчёркивая значение советской модернизации, победы в Великой Отечественной войне, укрепления обороноспособности страны. Новый учебник включает советский период в контекст длительной истории России, отмечая, что политико-экономическая система, сложившаяся в 1930-е годы, заложила базу для последующего развития СССР. Авторы учебника объясняют вынужденность советского руководства принимать жёсткие и даже откровенно жестокие решения как внутренними условиями, так и суровым международным «контекстом» [9, 321]. Положительное значение Великой Отечественной войны также используется для укрепления сплочённости российского общества и конструирования национальной идентичности. Великая Отечественная война стала знаковым макрособытием, обладающим высоким символическим значением [3] и воспринимающимся как «основополагающий миф», консолидирующий национальный дух [9, 24]. Эта победа описана в учебнике как достижение фронтового и тылового единства всего народа. [9, 358]

Цивилизационный нарратив и национальная идентичность

31 марта 2023 года была принята новая редакция «Концепции внешней политики Российской Федерации», а в мае 2024 года Президент РФ утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», в которых определяется особое положение России – самобытного государства-цивилизации, сплотившего на основе принципа «единства при многообразии» русский и другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшего огромный вклад в общемировое развитие. [6; 8; 15] В этом контексте концепция государства-цивилизации трансформируется в нарративную тему исторического образования. В новом учебнике истории зафиксировано, что в формировании образа России как государства-цивилизации участвует и православная церковь с её интегративной функцией в обществе.

Православная вера: интеграционная связующая нить русской цивилизации

Православие сформировало особенности русской культуры, философии, этики, права, политики, государственного устройства, искусства, определив уникальное мировоззрение и систему ценностей России. Православная духовность взрастила сильное мессианское чувство, благоговейное отношение к власти, а также характерную антиномичность, которые постепенно стали ядром русского национального духа. Отношения между православной верой и русской цивилизацией в новом учебнике представлены через тройной нарративный механизм: многонациональное единство, символическое выражение верховной власти и внутреннюю моральную трансформацию, что определяет православие в качестве важнейшей основы русской цивилизации. На разных этапах становления российской государственности православие выполняло консолидирующую и интегративную функции [9, 18], участвуя тем самым в формировании политико-этического нарратива, основанного на цивилизационной толерантности. По вопросу отношений между государством и церковью новый учебник истории сосредоточивается на традиционном для православия принципе «симфонии властей» [9, 18]. Авторы учебника настаивают на том, что именно православие с его привилегированным положением в многоконфессиональной империи гарантировало свободу вероисповедания другим народам, демонстрировало открытость русской цивилизации. На уровне индивидуальной духовности в новом учебнике православная вера трансформируется во внутренний источник морали и патриотического чувства. [9, 18]

«Украинский вопрос»: защита цивилизационного суверенитета

Исходя из философской позиции «цивилизационной гетерогенности», Россия соглашается с правом каждой нации и этнической общности на защиту своей модели развития и традиционных ценностей. Своё мнение об отношениях между Россией и Украиной действующий Президент РФ раскрывает в статье «Об историческом единстве русских и украинцев»: с точки зрения исторических корней, религиозной общности и культурной близости, русские и украинцы являются единым народом. По словам Путина, Украина сейчас занимает «исконно русские земли», а сложившееся положение стало результатом действий внешних сил, а также административно-политических решений советского периода. Это свидетельствует о том, что Россия рассматривает Украину как «ключевую составляющую восточнославянской цивилизации», русского цивилизационного пространства. [11]

Полномасштабное начало российско-украинского конфликта в 2022 году стало «поворотным моментом» окончательного отдаления России от западной цивилизации, а цивилизационный дискурс быстро превратился в важный инструмент официального нарратива России. Немало политических аналитиков, общественных деятелей и учёных считают, что разгоревшийся в феврале 2022 года конфликт подтолкнул российское общество «к ускоренным попыткам формирования собственного идейно-политического нарратива, важной составляющей которого является концепция России как государства-цивилизации, обладающего собственным местом и особой миссией по защите традиционных ценностей в современном мире» [12, 28]. Новый учебник истории представляет специальную военную операцию вынужденной мерой, предпринятой после того, как «политические средства были исчерпаны». Авторы учебника проводят аналогии современного международного положения России с 1940-ми годами, когда «цивилизованные страны» Запада объявили очередной крестовый поход против «варварской» России. [9, 479] Такая нарративная стратегия уже не является просто реакцией на актуальные конфликты в сфере безопасности, она придаёт текущим действиям историческую преемственность, моральную легитимность и ценностную идентификацию.

Заключение

Государственный нарратив периода президентства В. Путина не является неизменным; он формируется в динамичном контексте как дискурсивная реконструкция, объединяющая прошлое и настоящее, национальное «я» и «другого», ожидания и угрозы. [19] Опираясь на объективную историческую основу, авторы учебника истории под редакцией Ю.А. Петрова предлагают новую интерпретацию и переоценку дискуссионных исторических сюжетов, стремясь преодолеть разногласия в восприятии ключевых исторических событий. Избранный авторами учебника ракурс позволяет формулировать ответы на два важных вопроса: «Как и почему Россия стала сегодняшней Россией?» и «Чем и почему Россия отличается от Запада?». Фундаментальная цель нарративной логики нового учебника истории заключается в формировании национальной идентичности, основанной на национальной сплочённости и патриотизме.

Литература

1. Ачкасов В.А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2. С. 181–192.
2. Баранов А.В. Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности, Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 10–23.
3. Баранова В. А., Донцов А.И., Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал, 2017. № 11. С. 76–82.
4. Выступление В. Путина на торжественном концерте, посвящённом 1160-летию зарождения российской государственности 21 сентября 2022 года // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397 (Дата обращения: 23.03.2026).
5. Иохим А.Н., Лагузова М.А. «Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. № 1. С. 77–96.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229) // URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (Дата обращения: 25.03.2026).
7. Об Утверждении Основ Государственной Политики Российской Федерации в Области Исторического Просвещения // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (Дата обращения: 25.03.2026).
8. Россия – государство-цивилизация: форма и содержание: аналитическая записка № 1 / 2024 [А.А. Бондарев, А.В. Бублик, А.В. Дзермант, Н.М. Межевич, С.Ю. Пантелеев, С.А. Резвушкина, И.В. Шатров, С.А. Шестухин; под ред. К.А. Пурен]; Фонд «Цивилизация», ИА «Цивилизация». Иваново, 2024. 37 с.
9. История России: учебник для вузов: в 2 частях / Под ред. Ю.А. Петрова. М.: Наука, 2024. 594 с. ISBN 978-5-02-041130-2
10. Перевезенцев С.В. Изобретение истории // Россия в глобальной политике. 2017. № 3. С. 207–221.
11. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 года // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181 (Дата обращения: 25.03.2026).
12. Сургуладзе В.Ш. Россия – государство-цивилизация: к вопросу о концептуальном видении роли страны в доктринальных документах государственного стратегического планирования // Власть. 2023. № 5. С. 22–32.
13. Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: логика конструирования и кризисные тенденции // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 26–29. https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.4
14. Тураев В.А. Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 64–76.
15. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (Дата обращения: 25.03.2026).
16. Филиппова Т. Курс на «позитивную идентичность». О новейшей учебной литературе по истории / Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 36–52.
17. Чжан Циньвэнь. Трансформация национальной идеологии России в переходный период. Пекин: Издательство «Социальные науки и документальная литература», 2016. 217с.

18. Чжан Шэнфа. В. Путин вновь обращается к проблеме российских школьных учебников истории после переизбрания на пост президента // Российско-восточноевропейские и центральноазиатские исследования. 2013. № 6. С.1–12.

19. Dogachan Dagi. Reconstructing Russian Strategic Culture: Narratives, Othering, and the West // Journal of Strategic Security. 2025. Vol. 18. № 1. pp 21–35. https://doi.org/10.5038/1944–0472.18.1.2322

HISTORIOGRAPHY AND NATIONAL IDENTITY: THE NARRATIVE LOGIC OF A NEW HISTORY TEXTBOOK FOR RUSSIAN UNIVERSITIES (THE VIEW OF A CHINESE RESEARCHER)

Guo Xinyu
Institute of Marxism Fudan University

After the collapse of the Soviet Union, the gap in the national historical narrative became an important factor constraining the formation of Russian national identity. In recent years, school and university history textbooks have come to be seen as an important tool for strengthening national identity, designed to build a coherent narrative uniting tsarist Russia, the Soviet Union, modern Russia and its historical traditions. From these positions, the textbook for universities "History of Russia" edited by Yu.A. Petrova (2024) attempts to construct national identity through two complementary approaches – great-power and civilizational narratives. Highlighting the integrative role of Orthodoxy in the history of the state, the team of authors embeds the relevant "Ukrainian issue" related to it into the framework of the civilizational narrative, which strengthens the positioning of Russia as a state of civilization. The analyzed textbook is an explicit expression of the national historical narrative of Russia during the Russian-Ukrainian conflict, reflecting the internal logic and key approaches of the Russian authorities to the formation of national identity through historical education.

Keywords: Russia; history textbook for universities; The concept of teaching the course "History of Russia"; sovereign consciousness; civilizational state; national identity

References

1. Achkasov V.A. The Role of "Historical Politics" in the Formation of Russian Identity // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2015. No. 2. pp. 181–192.

2. Baranov A.V. Sociocultural Integration of Russian Society under the Influence of the Ukrainian Crisis of 2013–2022 and the Tasks of Identity Policy, Management Consulting. 2023. No. 1. pp. 10–23.

3. Baranova V.A., Dontsov A.I., Collective Memory of the Events in Russia of the Twentieth Century in Modern Russian Society // Human Capital, 2017. No. 11. pp. 76–82.

4. Speech by V. Putin at the gala concert dedicated to the 1160th anniversary of the birth of Russian statehood, September 21, 2022 // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397 (Accessed: March 23, 2026).

5. Iokhim A.N., Laguzova M.A. "How We Can Reorganize Russia": The Problem of Public Consensus in the Discourse of Post-Soviet Identity // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2023. No. 1. pp. 77–96.

6. The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, No. 229) // URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (Accessed: March 25, 2026).

7. On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (Accessed: March 25, 2026).

8. Russia – a State-Civilization: Form and Content: Analytical Note No. 1 / 2024 [A.A. Bondarev, A.V. Bublik, A.V. Dzermant, N.M. Mezhevich, S. Yu. Panteleev, S.A. Rezvushkina, I.V. Shatrov, S.A. Shestukhin; edited by K.A. Puren]; Civilization Foundation, Civilization News Agency. Ivanovo, 2024. 37 p.

9. History of Russia: a textbook for universities: in 2 parts / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow: Nauka, 2024. 594 p. ISBN 978-5-02-041130-2

10. Perevezentsev S.V. The Invention of History // Russia in Global Affairs. 2017. No. 3. pp. 207–221.

11. Putin V.V. On the Historical Unity of Russians and Ukrainians. July 12, 2021 // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181 (Accessed: March 25, 2026).

12. Surguladze V. Sh. Russia – a State-Civilization: On the Issue of the Conceptual Vision of the Country's Role in Doctrinal Documents of State Strategic Planning // Vlast. 2023. No. 5. pp. 22–32.

13. Titov V.V. Russian National-State Identity: The Logic of Construction and Crisis Tendencies // Society: Politics, Economics, Law. 2021. No. 4 (93). pp. 26–29. https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.4

14. Turaev V.A. The Crisis of Soviet Identity as a Factor in the Collapse of the USSR // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology. 2016. Vol. 15. pp. 64–76.

15. Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 No. 314 "On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (Accessed: 25.03.2026).

16. Filippova, T. Course towards "positive identity". On the latest educational literature on history / Historical Research in Russia – III. Fifteen Years Later / Ed. by G.A. Bordyugov. Moscow: AIRO-XXI, 2011. pp. 36–52.

17. Zhang Qinwen. Transformation of Russia's National Ideology in the Transition Period. Beijing: Social Sciences and Documentary Literature Publishing House, 2016. 217 p.

18. Zhang Shengfa. "V. Putin Revisits the Problem of Russian School History Textbooks after His Re-Election as President" // Russian, East European, and Central Asian Studies. 2013. No. 6. pp. 1–12.

19. Dogachan Dagi. "Reconstructing Russian Strategic Culture: Narratives, Othering, and the West" // Journal of Strategic Security. 2025. Vol. 18. No. 1. pp. 21–35. https://doi.org/10.5038/1944–0472.18.1.2322

Отношение студентов вуза к использованию технологий искусственного интеллекта для персонализированного обучения

Ерохина Оксана Валерьевна,
канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: OErohina@fa.ru

Андрющенко Олеся Игоревна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Калтыгина Ксения Сергеевна,
студент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Статья посвящена изучению восприятия студентами возможностей применения технологий искусственного интеллекта для персонализированного обучения в университете. Рассматриваются преимущества и ограничения использования цифровых технологий в образовательном процессе, в частности, в сфере самостоятельной работы студентов. Представлены результаты пилотного исследования отношения студентов к применению цифровых технологий в ходе обучения в вузе. Анализ собранных данных показал, что большинство студентов хорошо осведомлено о возможностях применения технологий искусственного интеллекта и положительно оценивает их использование для оптимизации процесса подготовки к занятиям. Также исследование подтверждает востребованность персонализированного обучения среди учащихся бакалавриата. Вместе с тем, выявлена высокая значимость межличностного общения в процессе обучения, что позволяет сделать вывод о востребованности технологий искусственного интеллекта для развития гибридных форм высшего образования.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта в образовании, персонализированное обучение, цифровизация образования, гибридные формы обучения.

Введение

Проблемы повышения качества и эффективности обучения в настоящее время рассматриваются в контексте использования цифровых технологий в сфере образования. Важно подчеркнуть, что ключевой смысл цифровизации образования состоит не столько в их непосредственном применении, сколько в поиске и развитии новых форм и подходов к передаче знаний. Персонализированное обучение, подразумевающее, в отличие от стандартизированной массовой традиционной программы, возможность изменения объема и формы освоения учебного материала в зависимости от индивидуальных потребностей учащихся, значительно повышает эффективность образовательного процесса [1]. Это связано с возможностью адаптации образовательной программы к таким особенностям учащихся, как разный уровень подготовки, преобладание различных каналов восприятия и др., что позволяет предотвратить потерю мотивации и другие негативные психоэмоциональные эффекты, связанные с низкой успеваемостью. Еще более выражена востребованность персонализированного обучения в сферах образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также продолжающегося обучения для специалистов (lifelong learning) и в развитии междисциплинарных образовательных программ, отвечающих запросам современного рынка труда.

Появление технологий глубокого обучения и больших языковых моделей (LLM) породило дискуссии о границах применения искусственного интеллекта (ИИ) в гуманитарной сфере, в том числе, применительно к развитию дистанционных форматов. Преимущества цифровых решений очевидны: помимо адаптации обучения под потребности конкретного ученика, значительно возрастает возможная скорость «обратной связи» от педагогов, сокращаются затраты времени преподавателей на оформление документов и отчетов, упрощается доступ к материалам. Однако проявляются и негативные эффекты: риск академической недобросовестности, дефицит живого общения, цифровое неравенство и угрозы конфиденциальности персональных данных. Это требует взвешенного и осторожного внедрения цифровых технологий в учебный процесс.

Основная часть

Учитывая сказанное, авторами была выдвинута гипотеза о том, что студенты университета положительно воспринимают применение технологий искусственного интеллекта для развития персонализированного обучения. Цель исследования состояла в том, чтобы проанализировать основные характеристики отношения студентов университета к использованию искусственного интеллекта для персонализированного обучения и сформулировать рекомендации для применения искусственного интеллекта в рассматриваемой сфере. Методология отвечает эмпирическому характеру исследования, основана на количественном анализе и включает проведение опроса на основе формирования пропорциональной стратифицированной выборки [2].

Для достижения поставленной цели была сформирована выборочная совокупность студентов в количестве 134 человек. Опрос проводился среди студентов бакалавриата, учащихся по специальности «политология» на Факультете социальных наук и массовых коммуникаций Финуниверситета, при этом генеральная совокупность включила всех студентов-политологов на уровне бакалавриата на указанном факультете, общая их численность – 515 чел. Распределение по курсам в результате формирования пропорциональной стратифицированной выборки выглядело следующим образом: 1 курс – 57 чел. (45,5%), 2 курс – 30 чел. (22,4%), 3 курс – 25 чел. (18,7%), 4 курс – 22 чел. (16,4%). Таким образом, доля опрошенных в каждой группе соответствует доле группы в генеральной совокупности. Исследование носит характер пилотного проекта, что позволяет положительно оценить результаты с точки зрения репрезентативности.

Исследование было проведено в марте 2025 года и включало несколько этапов. В–первых, была разработана анкета с вопросами, позволяющими определить уровень осведомленности студентов о применении искусственного интеллекта для персонализированного обучения и основные характеристики их отношения к возможному применению рассматриваемых технологий в учебном процессе (включены

только закрытые вопросы). Во-вторых, было проведено исследование мнений студентов (опрос) по вопросам, связанным с применением искусственного интеллекта для персонализированного обучения в вузе. В-третьих, были проведены анализ и обобщение результатов проведенного исследования с тем, чтобы выявить положительные и отрицательные аспекты восприятия рассматриваемой темы и сформулировать рекомендации. Ниже представлен анализ полученных данных.

На первом этапе опроса были собраны данные, отражающие знания студентов о том, что технологии искусственного интеллекта успешно применяются в сфере образования. Подавляющее большинство (85,9%) хорошо осведомлено о внедрении ИИ-технологий в учебный процесс, что вполне ожидаемо отражает высокий уровень вовлеченности студентов в процесс цифровизации образования, и подчеркивает актуальность темы исследования. 13,4% отметили, что знают в общих чертах и лишь 0,7% опрошенных студентов указали что слышат о применении искусственного интеллекта в обучении впервые.

Еще один вопрос касался ключевого для темы исследования аспекта персонализации образовательных маршрутов и предлагал студентам оценить возможность использования ИИ-помощника (чат-бота) для составления личного расписания и оптимизации затрат времени на подготовку к занятиям. Большинство опрошенных (53,7%) отметили, что внедрение ИИ-помощника было бы очень полезно, так как сэкономило бы много времени, а еще 32,1% считают идею применения искусственного интеллекта скорее полезной, особенно для напоминания о дедлайнах. Не заинтересованными оказались 11,9%: эти студенты привыкли организовывать свою учебу самостоятельно. Не доверяют использованию цифровых технологий лишь 2,2%. Таким образом, для основной части опрошенных студентов ИИ-технологии представляют собой эффективный инструмент, позволяющий сделать процесс получения образования более ориентированным на индивидуальные потребности.

Интересно отметить, что при готовности большинства использовать чат-боты и иные решения для организации учебного процесса, идея привлечения искусственного интеллекта к проверке тестов при сохранении проверки преподавателем более сложных и творческих работ (вопрос 3) не вызвала такого же положительного отклика. Полностью поддержали такую идею только 24,6% опрошенных, отмечая, что это ускорило бы обратную связь с преподавателем, нейтральное отношение высказали 50%, указывая, что важнее всего объективное оценивание, и еще 1,5% затруднились с ответом. Негативно отнеслись 23,9% опрошенных, для которых важно, чтобы все работы проверял только человек. Результаты показывают, что студенты, скорее, доверяют оценке преподавателя, а не алгоритма ИИ. Несмотря на то, что исследователи перспектив цифровизации образования рассматривают новые возможности для снижения нагрузки преподавателей, связанной с ведением документооборота и отчетности [3], для студентов на данном этапе цифровизация обучения означает, прежде всего, использование новых технологий самими обучающимися. Данные исследования всероссийского масштаба показывают, что большинство студентов готово к реализации гибких персонализированных программ, однако значительная часть из них на данном этапе не имеет четкого представления обо всех особенностях подобных форм образования [4].

Сказанное подтверждается ответами на вопрос о создании ИИ-помощника, который мог бы круглосуточно помогать в учебном процессе. 50% опрошенных студентов считают это отличной идеей, так как часто нет времени или не хочется искать информацию самостоятельно, еще 44% отмечают, что было бы удобно иметь такого помощника при условии, что ИИ дает достоверную информацию, и лишь 2,2% ИИ не нужен, так как можно спросить в чате группы, а 3,7% не одобрили такую инициативу, предпочитая личное общение. Вопрос о круглосуточной автоматизированной поддержке показал наиболее консолидированное положительное отношение студентов: в общей сложности 94% опрошенных считают такую форму применения ИИ для персонализированного обучения подходящей для себя. Полученные данные согласуются с мнением исследователей о широких возможностях применения ИИ-решений для автоматизации управления образовательным процессом и успешной практике их применения [5].

Основная часть опроса была посвящена тому, что технологии искусственного интеллекта позволяют адаптировать образовательную программу под запросы разных студентов. Большинство опрошенных согласилось с утверждением о том, что многим нужна индивидуальная образовательная траектория (72,4%), так как уровень знаний студентов в начале обучения существенно различается. 47% поддерживают идею индивидуальной траектории обучения для тех, кто совмещает учебу и работу, а 16,4% считают ее необходимой только для профильных предметов. 18,7% считают персонализированное обучение в вузе ненужным или невозможным. Таким образом, подтверждается предположение о том, что внедрение технологий искусственного интеллекта для персонализированного обучения востребовано большинством студентов и воспринимается с одобрением.

В продолжение обсуждения возможностей использования ИИ был задан вопрос о пожеланиях и приоритетах студентов в сфере персонализации обучения. Отметим, что результаты опроса показали значительное расхождение с действующим государственным образовательным стандартом. Так, при условии того, что можно повлиять на образовательную программу, большинство опрошенных высказалось за возможность изучать только профильные предметы без общих, непрофильных (63,4%). Можно предположить, что это связано с актуальным для многих молодых людей запросом на практические навыки, применимые на рынке труда: именно дисциплины профессионального цикла наиболее наглядно связаны с областью будущего трудоустройства. Вместе с тем, многие студенты недооценивают необходимость получения базовых теоретических знаний. Также популярными вариантами ответа стали «возможность выбирать уровень сложности предмета» (54,5%) и «возможность выбирать преподавателя/конкретный курс» (51,5%). Данные показатели отражают востребованность мер, направленных на развитие индивидуальных траекторий обучения, и возможность повышения эффективности образовательного процесса с помощью подобных мер.

Заключительный вопрос пилотного исследования касался основных ограничений использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе. Полученные данные подтверждают широко распространенное мнение о необходимости комплексного подхода, учитывающего необходимость подготовки кадров и организаций к внедрению цифровых решений и компенсации сопутствующих издержек [6]. Большинство опрошенных студентов высказало опасения относительно высокого риска ошибок в работе ИИ-алгоритмов (84,3%), угрозы потери живого общения с преподавателем (59%) и возможного снижения качества образования (51,5%). 9% опрошенных студентов полностью поддерживает цифровизацию образования, не считая недостатки существенными. Это позволяет сделать вывод о том, что для обучающихся на уровне бакалавриата применение технологий искусственного интеллекта наиболее востребовано для решения задач, обеспечивающих организацию времени на самостоятельную работу в учебном процессе. При этом сохранение традиционных форм общения между студентами и преподавателями в ходе обучения также остается актуальным.

Заключение

Проведенное пилотное исследование позволило определить ключевые особенности восприятия технологий искусственного интеллекта студентами бакалавриата (на примере направления «Политология» Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финуниверситета), а также оценить целесообразность их использования. Анализ эмпирических данных показал высокий уровень востребованности инструментов, обеспечивающих индивидуальный подход к учебному процессу, среди обучающихся бакалавриата. Также было подтверждено предположение о том, что большинство студентов хорошо знакомо с ИИ-инструментами для персонализированного обучения, положительно относится к их использованию и уже имеет подобный опыт.

К числу наиболее востребованных студентами инструментов, основанных на использовании искусственного интеллекта, относятся сервисы, обеспечивающие индивидуальную организацию учебного процесса (формирование личного расписания с помощью чат-бота, отслеживание дедлайнов круглосуточным ИИ-помощником). Таким образом, цифровизация ассоциируется с возможностями повышения личной эффективности и экономии временных ресурсов. Стоит отметить и заинтересованность в прикладном характере обучения: большинство опрошенных поддержали возможность выбора профильных курсов и их углубленного изучения за счет «непрофильных» предметов. Вместе с тем, значительная часть студентов осознает риски, связанные с угрозами безопасности («утечки» данных) и сокращением общения с преподавателями, что может негативно повлиять на качество обучения: весьма показательно сдержанное отношение к возможности оценивания тестовых заданий с помощью алгоритмов. Результаты пилотного исследования соответствуют актуальным тенденциям в сфере цифровизации образования: технологии искусственного интеллекта на данном этапе работают как инструмент для создания адаптивной среды, направленный на администрирование и повышение эффективности организации учебного процесса, не заменяющий прямое взаимодействие студентов и преподавателей. В этом контексте можно прогнозировать дальнейшее развитие гибридных форм обучения, позволяющих сочетать преимущества ИИ-решений (быстрая обратная связь, автоматизация настройки графика учебного процесса и пр.) с инте-

рактивными дискуссиями и иными формами аудиторных занятий. Подобная траектория в большей степени соответствует современным потребностям студентов, которые в большей степени ориентированы на индивидуальные учебные траектории, чем на общую программу.

Литература

1. Максимова М.В., Фролова О.В., Этуев Х.Х., Александрова Л.Д. Адаптивное персонализированное обучение: внедрение современных технологий в высшем образовании // Информатика и образование. 2023. № 38(4). С. 14–27.

2. Чуриков А.В. Основы построения выборки для социологических исследований. М., 2020. 240 с.

3. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе // Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имаева Г.Р., и Л.В. Спиридонова. М., 2019. 84 с.

4. Сысоев П.В. Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: насколько готовы современные студенты к новым возможностям получения образования // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 51–71.

5. Зыкина А.В., Канева О.Н., Крейдунова В.В. Оптимизация системы управления учебным процессом в вузе // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Вып.12. № 3–2. С. 23–31.

6. Иванова И.А. Перспективы и ограничения применения цифровых технологий и инструментов искусственного интеллекта для разработки персонализированных траекторий обучения и развития персонала // Креативная экономика. 2026. Т. 20. № 2. С. 267–284.

STUDENTS' ATTITUDES TOWARD USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES FOR PERSONALIZED LEARNING

Erokhina O.V., Andruchenko O.I., Kaltygina K.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines students' perceptions of the potential use of artificial intelligence technologies for personalized learning at the university. It considers the advantages and limitations of using digital technologies in the educational process, particularly in the area of students' independent work. The paper presents the results of a pilot study on students' attitudes toward the use of digital technologies during university studies. Analysis of the collected data showed that most students are well informed about the potential applications of artificial intelligence technologies and view their use positively for optimizing preparation for classes. The study also confirms the demand for personalized learning among undergraduate students. At the same time, the research revealed the high importance of interpersonal communication in the learning process, which suggests that artificial intelligence technologies are particularly valuable for developing hybrid forms of higher education.

Keywords: artificial intelligence technologies in education, personalized learning, digitalization of education, hybrid learning formats.

References

1. Maksimova M.V., Frolova O.V., Etuev K.Kh., Aleksandrova L.D. Adaptive Personalized Learning: Implementation of Modern Technologies in Higher Education // Informatics and Education. 2023. № 38(4). Pp. 14–27.

2. Churikov A.V. Fundamentals of Sampling Design for Sociological Research. Moscow, 2020. 240 pp.

3. Digital Literacy of Russian Teachers. Readiness to Use Digital Technologies in the Teaching Process // T.A. Aimaletdinov, L.R. Baimuratova, O.A. Zaitseva, G.R. Imaeva, and L.V. Spiridonova. Moscow, 2019. 84 pp.

4. Sysoev P.V. Personalized Learning Based on Artificial Intelligence Technologies: How Ready Are Modern Students for New Educational Opportunities // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 2. Pp. 51–71.

5. Zykina A.V., Kaneva O.N., Kreydunova V.V. Optimization of the Academic Process Management System at a University // Modern Information Technologies and IT-Education. 2016. Issue 12. № 3–2. Pp. 23–31.

6. Ivanova I.A. Prospects and Limitations of Using Digital Technologies and Artificial Intelligence Tools for Developing Personalized Learning Trajectories and Staff Development // Creative Economy. 2026. Vol. 20. № 2. Pp. 267–284.

Кравченко Альберт Иванович,
д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Функционально угол можно уподобить перекрёстку, поскольку в нем сходятся две стены. Угол может быть внешним, т.е. уличным, и внутренним, т.е. комнатным. Угол вызывает у нас больше негативных ассоциаций, нежели позитивных. Действительно, для детей угол – место отбывания наказания, своего рода ссылка, ибо с ним там никто не разговаривает и не общается. Уличный угол может таить опасность, поскольку ты не знаешь, кто тебя ждёт за поворот – друг или враг. Выражение «снять угол» означает проживание в самом дешёвом и низкопробном месте. Угол несёт и множество иных буквальных и метафорических значений, важных для социологии.

Ключевые слова: угол, улица, комната, жилье, стратификация.

Угол – нечто среднее между монадой, диадой и триадой. Ни одна из этих фигур не нашла в угле своего завершения, но лишь намёки на себя. Угол – фигура умолчания, незавершённости. Треугольник – место встречи трёх углов. Любовный треугольник – символ соперничества, конфликта, недоговорённости. Интересна фраза из «Уральских пельменей: любовному треугольнику не место в семейном кругу. Известна такая шутка: «Любовный треугольник – это когда на одну гипотенузу претендуют два катета».

А ещё треуголку носят на голове. Треуголка – вид шляпы. Угластый – тот, у кого или чего много торчащих углов; угластые стены, угластый комод, угластый стол, угластый город. Угол зрения – перспектива. Поставить в угол – место наказания. Загнать в угол – ловушка.

У треугольника два вида углов – внутренние и внешние. Те и другие могут служить средством угрозы и наказания. В угол комнаты ставят провинившегося ребёнка. На углу улицы тусуются бандиты. Драматический треугольник Стивена Карпмана: Жертва-Спасатель-Преследователь (рис. 1).

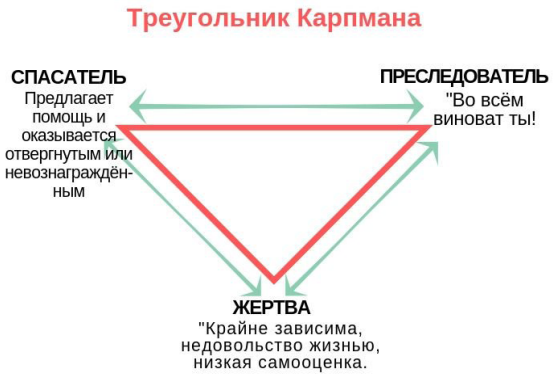


Рис. 1. «Треугольник Карпмана» (или «треугольник судьбы») – модель взаимоотношений между людьми, играющими роли спасателя, жертвы и преследователя

Угол улицы – внешний, угол комнаты – внутренний. Снять угол. Угольник для измерения. Угол комнаты и угол улицы образованы четырьмя плоскостями: две боковые вертикальные, пересекающиеся, и две горизонтальные, не пересекающиеся – пол и потолок, земля и небо.

Угол – место соединения чего-либо; геометрическая фигура; угол – безразмерная физическая величина, отношение длины стягивающей дуги окружности плоского угла к её радиусу. Угол – место, где сходятся, пересекаются два предмета или две стороны чего-либо («загнать кого-либо в угол»); голландский угол – изобразительный приём в фотографии и кино; часть плоскости между двумя прямыми линиями, исходящими из одной точки (мат.); снимать или занимать угол, ставить кого-то или что-то в угол; вешать в угол – икону в красный угол; тёмные углы дома, в дальнем углу комнаты, разными углами зрения, острым углом наклона, пересекавшиеся под прямым углом улицы, во главу угла ставили, верхнем углу экрана, в противоположном углу, в правом углу рта,

Мы знаем про угол здания, красный угол дома, в дальнем углу двора, глухом медвежьем углу, четырём углам комнаты, располагаясь под небольшим углом друг к другу, т.е. очень близко, в разных углах помещения, передний угол избы, на углу двух улиц, бегать в разные углы кухни, ближайшему углу садовой стены, углу гостиной, в глухом углу сада, уголки глаз, сдвинуть брови углом, угол со старинными часами на стене, в дальний угол, забиться в угол, завернуть за угол, из угла в угол, под разными углами, скиталась по чужим углам, прямоугольника с закруглёнными углами, огромная печь, занимающая целый угол, лишили родного угла на старости лет, переездом в чужой город, где придётся мыкаться по съёмным углам, забытый угол, тихий угол, передний угол (рис. 2).

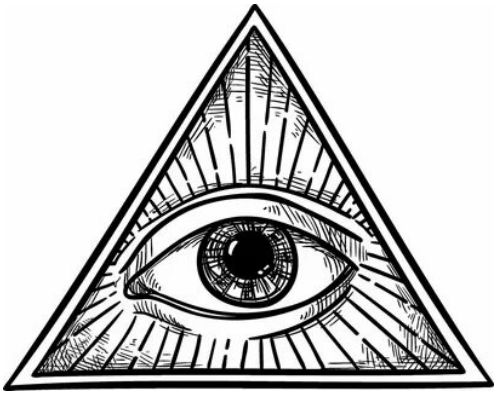


Рис. 2. «Всевидящее око» – символ трансцендентности

Глаз в треугольнике («Всевидящее око») – древний символ, присутствующий в культурах и религиях по всему миру. Его смысл: всевидящий взгляд высшей силы, наблюдающей за миром и направляющей его. В годы застоя в СССР всевидящим оком называли агентов КГБ и сам Кремль. А ещё раньше он был символом масонства, где он символизирует Великого Архитектора Вселенной, наблюдающего за трудами вольных каменщиков.

Юго-запад по понятиям лопасненцев – гнилой угол, стоял в отдельном углу, рот с опущенными углами губ, в отгороженном углу комнаты, где жили мы с тётей и одной девочкой в отгороженном углу комнаты, где жили мы с тётей и одной девочкой, дворовый угол. Угол – в банковых играх означает утроенную ставку. Садясь за стол, молодым людям, ещё не вступившим в брак, нужно избегать мест на углах. Считается, что так можно на долгое время остаться без пары.

Угловушкой называется маленькая (2х3 м) комната, расположенная в углу дома. *Угол* – часть комнаты, *угловушка* – вся комната, но маленькая. *Угловая комната* – большая комната, но минимум с двух сторон окружённая улицей. Кроме угловой комнаты есть ещё *угловатый человек*, но это не жилец в угловой комнате. Кроме того есть угловатая фигура (с резкими очертаниями), угловатые движения, угловатые очертания, угловатый почерк, угловатые манеры, угловатое лицо, угловатое тело (с выступающими костями), угловатость.

«Я шел по широкой, голой степи, усеянной крупными, угловатыми камнями» (И. Тургенев). *Угловатый* означает лишённый округлых и плавных линий, мешковатый, медвежеватый, неладный, неловкий, неуклюжий, а также резкий и даже грубый. *Угловатый* – это непременно нескладный, неповоротливый, в чем-то даже мешковатый и несуразный человек, который не может пройти, не задев рядом стоящих или сидящих, которые говорят не то, что от них ожидают, ведут себя непредсказуемо, не могут наладить контакт с родственниками или коллегами (рис. 3).

Рис. 3. Немного угловатый колобок

«Я с детства не любил овал! Я с детства угол рисовал!», – писал поэт-романтик, автор знаменитой «Бригантины», Павел Коган в 1936 г., погибший молодым на фронте в годы Великой отечественной войны. Категоричная революционность – один из метафорических синонимов угловатости у семнадцатилетнего автора произнесённых выше строк.

А его земляк по Киеву Наум Коржавин, не бывавший на фронте, эмигрировавший в США, позже ему ответил: «Я с детства полюбил овал, За то, что он такой законченный». Иными словами, воспитанный в благополучной семье на маминых сказках, поэт скорее тяготел к обывательскому уюту. Но в 1944 г., когда Н. Коржавин написал эти слова, мир перевернулся, и он закончил стихотворение так: «Я рос и слушал сказки мамы И ничего не рисовал, Когда вставал ко мне углами Мир, не похожий на овал. Но все углы, и все печали, И всех противоречий вал Я тем больнее ощущаю, Что с детства полюбил овал».

Для поэта Бориса Слуцкого понятие «угол» приравнивалось к бездомности: 11 лет после войны отставной майор скитался по съёмным углам, каковых потом насчитал 22. Угол любят отчаянные драчуны, отстаивающие свой статус победителя в уличных боях. Вспомним респондентов У.Ф. Уайта из бостонских трущоб периода Великой депрессии, которых он изучал, живя среди них, а затем описал в книге «Общество на уличных перекрёстках» (рис. 4).

Рис. 4. Как снять угол в медвежьем углу

Угловая квартира располагается на торце здания: то есть часть ее стен не примыкает к соседям, а является внешними перегородками дома. Поскольку две стороны помещения уличные, зимой в них на 3–5С холоднее, а летом, наоборот – жарче. Существует большая вероятность промерзания угла, образования в нем конденсата, а, следовательно – плесени, грибка. Шум поступает как от соседей, так и с улицы. Но соседей здесь меньше, чем в стандартной квартире. И вид из окон более панорамный. Правда, вид из угловой квартиры внутри дома совсем другой – в окна соседей. Угловая комната – самая плохая, не желаемая, самая холодная и непривлекательная. «Угловушки» при заселении выбирают неохотно. На рынке жилья они идут на 15–20% дешевле. Сэкономленные деньги идут на утепление квартиры.

Угол как внешняя часть дома отличается от угла во внутренней части. В старой Москве те, кто был не в ладах с законом, при первой опасности прятались за печку, под нары, в любой укромный угол. Если посреди ночи на Хитровке стоял грохот кровельного железа, значит, полиция оцепляла ночлежки. Коммунальный угол можно снять, а можно в нем спрятаться. «Снять угол» означает снять не комнату, а кровать в комнате с посторонними жильцами. Отдельная комната даже с двумя наружными стенами в Санкт-Петербурге в Х1Х веке многим была не по карману. А вот «снять угол» мог даже чернорабочий, особенно если вскладчину. Снять угол значит, что в комнате с вами будет жить ещё один человек – хозяин или жилец. В советское время так отдыхали на южных курортах.

В 1914 г. Г. Наумов провёл исследование «Бюджеты рабочих города Киева» [1]. Он выявил иерархию наёмных квартир, которые располагались по крайней мере на пяти уровнях: 1) отдельная квартира – лучший вариант, 2) комната, 3) полкомнаты, 4) угол, 5) койка – наихудший вариант. Соответственно, квартплата уменьшалась от первого уровня к последнему, равно как ухудшались и жилищные условия в том же порядке. Наиболее состоятельные киевские рабочие снимали отдельную квартиру, самые бедные – койку.

По данным исследования К. Пажитнова, жилища рабочих находились в плачевном состоянии. Люди ютились в неприспособленных для проживания казармах с земляными полами, спали на двойных нарах, иногда даже отсутствовало отопление и освещение. Часто казармы разбивали на каморки, но в них тоже жили по несколько семей. Плата за жилье была довольно высокой. У очень немногих рабочих было своё жилье[2]. Анализируя стоимость жилья для рабочих, русский учёный пишет: «комнату, самую плохую, дешевле 6–8 рублей в месяц не найти, за угол с койкой надо платить 3–4 рубля».

О таких комнатах рабочие говорили: «снимешь на ночь платье, повесишь на стенку, а утром и надеть нельзя – все мокрое». Следовательно, соответствие между заработной платой и стоимостью жизни за истекшие 7 лет, при подъёме цен на продукты первой необходимости на 23–60%, заработок рабочего увеличился лишь на 12%, не считая цены на квартиру. Результатом резкого несоответствия между зара-

ботком и стоимостью жизни явилось стремление рабочих определить известную норму заработной платы, ниже которой она не должна опускаться. Как подчёркивает Пажитнов, «теперешний уровень заработной платы совершенно исключает возможность мало-мальски культурного существования» [2].

Рис. 5. А у вас есть свой угол в жизни?

В русской избе можно было найти не только красный угол с иконой, но так же мужской угол – справа у входной двери, где пришедший с тяжелой работы муж сбрасывал с руки хомут и прочее, крестился на икону, висевшую в красном углу, и проходил на свое место хозяина за столом, и женский угол – слева за печью, где висела люлька и находились предметы для женского рукоделия[1]. Из описей имений XIX столетия видно, что традиционный интерьер купеческих домов имел красный угол, унаследованный городским жилищем от крестьянской избы. Причем чем богаче был купец, тем больше икон находилось в его доме.

В XXI веке распространён угловой диван, а дизайнеры выдвигают идеи декорирования углов. Оказывается, угол – отличное место для зеркала. Как утеплить угловую комнату внутри. Каковы особенности ремонта угловой спальной комнаты. Ведь углы бывают не только темными, но и холодными. Интернет пестрит сообщениями типа: Угловая мебель для гостиной. Угловые шкафы в комнату. Угловые гостиные. Угловая перспектива. Как снять угол натяжного потолка, не повредив полотно. По объявлению на автобусной остановке можно до сих пор «снять угол».

До 80% мигрантов в мегаполисе снимают жилье в складчину. Соседей ищут не только в двушки и трёшки, но и в однокомнатные. Им советуют сначала найти хорошую работу, угол и только потом заводить ребёнка и вставать в очередь на расширение или улучшение жилплощади. Студенты согласны терпеть до 3–4 человек в комнате. Такой формат проживания называют ещё койко-местом. В 2021 г. его можно снять в столице за 4 тыс. руб. в месяц.

Угол – не только точка, куда сходятся или откуда расходятся точки зрения, лучи, стены, пути. Это еще и место обострения, столкновения чего-то разного, моего и другого. Угол – место сбора бандитов, шпаны и уличной братвы. Угол – тупиковое место, будь он внутренним или внешним. Угол – уголовщина. Романтизация уголовщины. Уголовщина происходит от уголовного дела, а не от угла. Подлинной бедой и для горожан, и для власти был разгул преступности.

После Февральской революции столицу наводнили уголовники, которые съехались в неё со всей страны. Ещё при Временном правительстве убийства и грабежи стали обыденным явлением. Смена власти не улучшила криминогенную обстановку в «колыбели революции». Во многих выражениях смысл двух слов – угол и голова – слился, стал неразделимым. В угол ставят провинившегося ребёнка, чтобы «голову остудить» и мысли привести в порядок. В угол можно загнать – человека, зверя, целую страну или отрасль и даже самого себя. Загнать в угол, значит, поставить в безвыходное положение, поставить шах и мат, поймать, загнать в угол ринга, к канатам прижать, припереть своими аргументами оппонента к стенке.

Угол – место исхода и схода, нечто вроде бандитской стрелки. Он и есть не законченная стрелка. Если на бандитской стрелке две стороны договариваются между собой без посредника, то угол с двумя сторонами подходит. Если нужен посредник, то у стрелки появляется промежуточный, срединный луч. Поверни его горизонтально, и он станет показывать больше или меньше: ←, >, <, →.

Угол как *не-место* – загнанный в угол, поставлен в угол, т.е. спрятан, скрыт от глаз, неприметное место, убран из публичного пространства, удалён, задвинут, наказан, списан со счетов, место для девиантов и лишних (людей, предметов) либо, напротив, поставлен во главу угла, в красный угол, иконы в святом углу, на видное или важное место, быть во главе войска, угол как голова. Угол – это точка расхождения и точка схождения (лучей, плоскостей). Он бывает выпуклым и вогнутым. В родном углу всё по нутру. Лицевой угол – это угол наклона лица по отношению к вертикали. Угол зрения происходит уже не от лица, а его части – глаз. Уголки глаз – на лице. А уголок памяти находится где-то в голове. В статьях пишут: в человеке психолог, философ, педагог, человек и культуролог найдут свой угол зрения.

Ф. Достоевский так определяет мечтателя в романе «Белые ночи»: большую часть времени он проводит, забившись в укромный уголок, как бы прячась даже от дневного света, и, забравшись в этот угол, туго сворачивается, как улитка. Забиться в уголок – не значит играть в прядки, а определить свой статус в жизни и соответствующее ему поведение. Статус забитости, бедности, унижения. И здесь угол является не-местом. Когда дети прячутся в угол, они показывают существующее в доме не-место. Угол выступает ещё и местом наказания (поставить ребёнка в угол), а оно – пример не-места, как любое лобное место (рис. 6).

Внутренний угол

Внешний угол

Рис. 6

Москва красна садами и церквями, Петербург – углами. Но углами не снаружи, а внутри: снять угол, значит поселить в маленькой коморке. Угловуха – угловая комната, квартира. В результате обследования жилого фонда в 1898 г. выяснилось, что из миллиона тогдашних жителей Москвы 200 тыс. ютились в так называемых коечно-коморочных квартирах. Интересно в связи с этим сопоставить три знаменитые работы: «Петербургские углы» Н.А. Некрасова, «Петербургские углы» Ф.М. Достоевского и «Общество на уличных углах» У.Ф. Уайта.

В очерках «Омнибус» Кульчицкого-Говорилина, «Петербургская сторона» Гребенки, «Петербургские углы» Некрасова разворачивается топография «дна» Петербурга: помойные ямы, грязные подвалы, каморки, смрадные дворы и их забитые, раздавленные нищетой, несчастьями, опустившиеся обыватели.

В главе «Петербургские углы», которая входила в роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», Некрасов посвящён людям, живу-

[1] Комсомольская правда. 1994. 23 декабря.

щим на небольшие доходы, или перебивающимися случайными заработками и живущими в убогой ночлежке, за которую платят последние деньги. Он рисует такую картину: «В самых воротах стояла лужа, которая, вливаясь во двор, принимала в себя лужи, стоявшие у каждого подъезда, а потом уже с шумом и журчанием величественно впадала в помойную яму; в окраинах ямы копались две свиньи… не было аршина земли, на который можно было бы ступить, не рискуя увязнуть по уши» (рис. 7).

Здесь речь идёт о том, что «угол» равен «дну». На «дне» все отвратительно: и дерущиеся грязные бабы, и учитель, отставленный за пьянство, и крепостной мужик на оброке. Петербург Ф.М. Достоевского – этот город уличных девиц, нищих бездомных детей, трактирных завсегдатаев, ищущих в вине минутного забвения от тоски. Атмосфера его Петербурга – атмосфера тупика и безысходности.

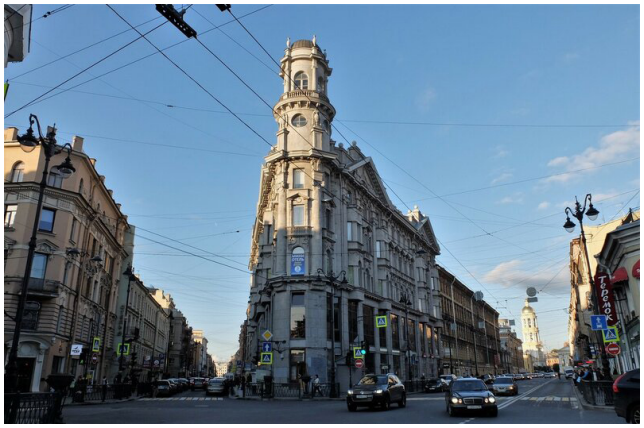


Рис. 7. Пять углов – неофициальное название легендарного перекрёстка в Санкт-Петербурге. Он образован пересечением Загородного проспекта с улицами Разъезжей, Рубинштейна (бывшая Троицкая) и Ломоносова (бывший Чернышёв переулок). Перекрёсток существует с 1760-х годов.

Угловые жильцы, в доходных домах больших городов, прежде всего Петербурга, – жильцы, снимавшие у квартиросъёмщика «угол», т.е. место для сна, не всегда с кроватью, и жившие в одном помещении с др. такими же людьми. Это были одиночки, большей частью чернорабочие, искавшие места оброчные крестьяне, изгнанные со службы мелкие чиновники, нищие студенты и др. Устраняясь от активной жизненной позиции, аутсайдеры склонны воспринимать все происходящее вокруг как неконтролируемое и отчуждённое. Бабушки и дедушки, которых взрослые дети содержат из жалости, чувствуют себя иждивенцами. Им выделяется угол в квартире, а то и старый сундук. В жизнедеятельности семьи они мало участвуют, чувствуя свою вторую роль. Жизненные условия благодаря такому психологическому фону становятся для них нежелательными.

Книга «Уголок Талли» Эллиота Либоу[3], антрополога и социолога, считается «классикой»[1] этнографии уличного афроамериканского общества в Вашингтоне 1960-х годов. Она рассказывает о молодых безработных и временно работающих чернокожих мужчинах о работе, своих семьях, друзьях и самих себе. Либоу изучил социальный мир чернокожих мужчин в возрасте от 20 до 30 лет, объяснив: они отличаются от белых американцев из среднего класса тем, что уделяют приоритетное внимание сохранению работы и своим обязательствам перед детьми, женой, любовниками и друзьями. Центральный мысль книги «Уголок Талли» – бедность передаётся от поколения к поколению через культуру, а чёрная семья является реальной причиной увековечения чёрной бедности в США.

Как подчёркивает М. Дюнье, Эллиот Либоу отказался от традиционного метода вхождения в изучаемое сообщество через его лидеров и предпочитал непосредственное участие в жизни городской чернокожей бедноты[4]. Хотя Либоу был антропологом по образованию[2], мы можем почувствовать в его работе влияние социологов Эверетта Хьюза, Говарда С. Беккера и Эрвинга Гоффмана, привязавших его к идеям символического интеракционизма.

[1] Всего продано более миллиона экземпляров. В 1984 году, когда ему сказали, что он болен раком и ему осталось жить меньше года, доктор Либоу оставил свой пост в Национальном институте психического здоровья и начал работать волонтером в столовой и приюте для бездомных женщин.

[2] Родившийся в Вашингтоне, он бросил среднюю школу, чтобы присоединиться к корпусу морской пехоты в 1942 г., участвовал в боевых действиях в южной части Тихого океана, получил степень бакалавра английской литературы в 1949 г. прежде, чем обратиться к антропологии.

Распределение ролей, понятие «определение ситуации», представление себя, социальные действия, сокрытие и уязвимость себя в групповой жизни занимают у него центральное место. Э.Либоу утверждал, что «желание быть… замеченный миром, в котором он живет, разделяет каждый человек на углу улицы. Сформулируют ли они это желание… или нет, но можно увидеть, как они занимают позицию, чтобы привлечь внимание своих собратьев, почти так же, как растения наклоняются или вытягиваются, чтобы поймать солнечный свет» [3].

Подобно Гоффману в «Представлении себя», он искал способы, при помощи которых дружба – это отношения между людьми, которые остаются «нераскрытыми» друг для друга, поскольку они скрывают свои неудачи, но также, как Гоффман из «Стигмы и убежища», он показывает нам людей, которые должны справиться с эмоциональными потерями, которые возникают, когда невозможно сохранить сегрегацию аудитории – когда человек полностью раскрыт как неудачник и потерял всякую уверенность в себе[5] (рис. 8).

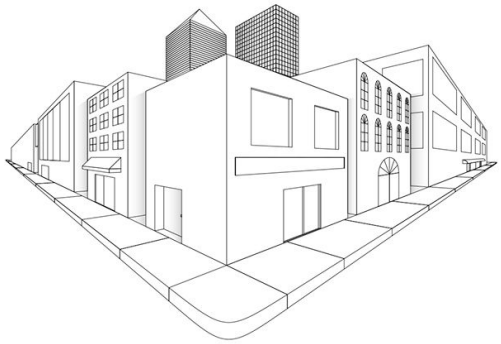


Рис. 8. Угол улицы

В «Уголке Талли» Либоу рассматривает разговор и действие как несогласующиеся феномены, которые могут быть поняты только в сравнении друг с другом. Он сосредотачивается не только на том, о чем говорят респонденты, но и на том, что они не говорят, какие темы не поднимаются, какие вещи не упоминаются и в чем они не признаются.

Этнограф противопоставляет то, что люди говорят, что они хотят сделать, более реалистичной оценке того, что возможно в их жизни, учитывая их способности. Он оценивает интерпретации испытуемых в данный момент времени, наблюдая за тем, как развивались события позже. Объяснения поведения респондентами нередко являются социальными стереотипами и общими нарративами, которые не имеют отношения к реальной жизни.

Либоу сравнивает то, что люди сообщают в одном разговоре, с тем, что они говорят в другом. Оказывается, хвастовство и скромность могут быть корыстными. Он сравнивает заявления о намерениях с тем, что субъекты на самом деле делают позже, оценивая то, что они говорят о своих взаимоотношениях с точки зрения жен и любовников.

К сожалению, пишет Дюнье, объясняя позицию Либоу, современные этнографы слишком доверительно относятся к получаемой в интервью информации, во всем доверяясь респондентам так, будто существует чёткое соответствие между уверенными заявлениями субъектов и реальностью, хотя на самом деле здесь много публичных поз, публичных демонстраций и публичных вымыслов[4]. Поскольку респонденты для подобных интервью подбираются методом снежного кома, полученные данные не годятся для статистических обобщений.

Таким образом, угол является точкой пересечения двух улиц, местом столкновения, неожиданной встречи, открывает перспективу обзора, таит опасность и некую тайну. Угол можно снимать, под углом можно смотреть, из-за угла можно выглядывать или за угол заглядывать, в углу можно прятаться и прятать, в угол можно ставить или ходить из угла в угол. Иными словами, осуществлять широкий спектр социальных действий и взаимодействий. Угол может быть не-местом либо самым почётным местом в квартире (красный угол).

На углу улицы общаются, тусуются, дерутся, наблюдают за другими. Выражение «снять угол» 150 лет назад понимали буквально, сегодня оно подразумевает обобщённое «арендовать квартиру». Парки, скверы и сады представляют собой «уголок природы» в городе, а в этнопарке можно найти «уголок Сибири». Психологи считают, что дети, у которых был собственный угол, где они могли все обустраивать по своему усмотрению, вырастают более целеустремлёнными, самостоятельными и уверенными в себе.

Угол зрения ментальный и угол зрения инструментальный. Второй появляется на углу улицы, с которого можно смотреть как минимум

на две стороны. В середине улицы перспектива уже не та. Угол улицы — это край квартала. Треугольная теория любви Роберта Штернберга предполагает, что люди могут испытывать различную степень близости, страсти и приверженности в любой момент времени.

Угол и треугольник — универсальная метафора, используемая в политике, экономике, географии, культуре, быту и т.д. Знаменитый Бермудский треугольник – условная географическая зона в Саргассовом море Атлантического океана, где по неизвестным причинам погибает множество кораблей. Политический треугольник выражает конфигурацию геополитических акторов. Из различных его модификаций самым известным является Китай – США – СССР («треугольник Киссинджера»).

Литература

1. Наумов Г. Бюджеты рабочих города Киева. Киев, 1914.
2. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1906, с. 53.
3. Liebow E. Tally's Corner: A Study of Negro Streetcorner Men. Boston: Little, Brown, 1968.
4. Duneier M. On the legacy of Elliot Liebow and Carol Stack: Context-driven fieldwork and the need for continuous ethnography // Focus Vol. 25, № 1, Spring-Summer 2007, p.33.
5. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, NY: Doubleday, 1959; Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963; Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, NY: Doubleday, 1961.

ON THE CORNER OF A CITY STREET

Kravchenko A.I.

Functionally, a corner can be likened to an intersection, since two walls meet there. A corner can be external, i.e., a street corner, or internal, i.e., a room corner. A corner evokes more negative associations than positive ones. Indeed, for children, a corner is a place of punishment, a kind of exile, since № one speaks to them or communicates with them there. A street corner can be dangerous, since you never know who's waiting around the corner – friend or foe. The expression «to rent a corner» means living in the cheapest, shoddiest place. The corner also carries many other literal and metaphorical meanings that are important to sociology.

Keywords: corner, street, room, housing, stratification.

References

1. Naumov, G., «The Budgets of the Workers of the City of Kyiv.» Kyiv, 1914.
2. Pajitnov, K., «The Situation of the Working Class in Russia.» St. Petersburg, 1906, p. 53.
3. Liebow, E., «Tally's Corner: A Study of Negro Streetcorner Men.» Boston: Little, Brown, 1968.
4. Duneier, M., «On the Legacy of Elliot Liebow and Carol Stack: Context-Driven Fieldwork and the Need for Continuous Ethnography.» Focus, Vol. 25, № 1, Spring-Summer 2007, p. 33.
5. Goffman, E., «The Presentation of Self in Everyday Life.» Garden City, NY: Doubleday, 1959; Goffman, E., «Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity.» Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1963. Goffman E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. Garden City, NY: Doubleday, 1961.

Исследование русских заимствованных слов в китайском языке

Лю Лу,
аспирант, Нанькайский университет, Китай
E-mail: liulu021109@163.com

В статье рассматриваются русские заимствованные слова в китайском языке как результат длительных языковых, торговых и культурных контактов Китая и России. Особое внимание уделяется историческим условиям проникновения русской лексики в китайскую языковую среду, а также способам ее фонетической, графической, семантической и функциональной адаптации. Материалом исследования послужили лексические единицы русского происхождения, зафиксированные в китайских словарях иностранных слов, работах китайских и российских лингвистов, а также в северо-восточной разговорной практике. В статье уточняется состав русских заимствований, выделяются основные тематические группы, среди которых бытовая, торговая, политическая, техническая и культурная лексика. Показано, что русские заимствования в китайском языке имеют выраженную региональную и историческую специфику: значительная часть таких слов связана с Северо-Востоком Китая, приграничной торговлей, строительством Китайско-Восточной железной дороги, советским культурным влиянием и научно-техническим сотрудничеством середины XX века. Сделан вывод о том, что русские заимствования представляют собой не случайный пласт лексики, а языковое свидетельство межкультурного взаимодействия, в котором отражены изменение политических связей, хозяйственных практик и представлений китайского общества о России. Полученные результаты могут быть использованы при изучении языковых контактов, лексикологии китайского языка и преподавании русского языка китайским учащимся.

Ключевые слова: китайский язык; русский язык; русские заимствования; языковые контакты; иноязычная лексика; лексическая адаптация; китайско-российские связи; северо-восточные диалекты.

Введение

Русские заимствования в китайском языке занимают особое место среди иноязычной лексики, поскольку их появление связано не только с языковым влиянием, но и с конкретными историческими обстоятельствами. Приграничная торговля, миграция населения, строительство Китайско-Восточной железной дороги, распространение политической терминологии XX века, научно-техническое сотрудничество и культурный обмен между Китаем и Россией создали условия, при которых русские слова входили в китайскую речевую практику разными путями. Одни единицы закреплялись через устное общение в северных и северо-восточных районах Китая, другие приходили через перевод политической, технической и художественной литературы, третьи становились частью бытовой или культурной памяти.

В отличие от многих современных англоязычных заимствований, активно распространяющихся в китайском языке в условиях глобализации, русские заимствования чаще связаны с определенными историческими периодами и локальными контактными зонами. Особенно заметен этот пласт в северо-восточной языковой среде, где русская лексика усваивалась не как отвлеченный книжный материал, а как элемент повседневного общения. Через такие слова в языке сохранились следы торговли, соседства, трудовых связей, городской культуры Харбина, политических преобразований и советского технического влияния.

Изучение русских заимствований важно не только для описания словарного состава китайского языка. Этот материал позволяет проследить, каким образом языковая система воспринимает чужое слово, перестраивает его фонетически, графически и семантически, а затем включает в собственные нормы употребления. При этом заимствованная единица редко остается точной копией исходного русского слова. В китайском языке она может менять звучание, получать новый оттенок значения, ограничиваться определенной сферой или, напротив, становиться общеупотребительным обозначением. Поэтому русские заимствования следует рассматривать как результат активной переработки, а не как механическое перенесение лексики из одного языка в другой.

Актуальность исследования определяется тем, что русизмы в китайском языке отражают разные уровни китайско российских контактов. Они показывают, какие предметы, понятия и культурные реалии воспринимались китайским обществом как новые, какие сферы взаимодействия были наиболее значимыми в разные периоды, какие слова сохранились в региональной речи, а какие вышли за пределы локального употребления. Кроме того, обращение к данному материалу имеет практическое значение для преподавания русского языка китайским учащимся. Внешнее сходство некоторых слов может облегчать запоминание, но одновременно создавать ложные ассоциации, если китайское значение уже отошло от русского источника.

Цель статьи состоит в выявлении основных особенностей русских заимствованных слов в китайском языке с учетом их происхождения, путей проникновения, способов адаптации, тематического состава и культурно исторической функции.

Для достижения этой цели необходимо решить несколько задач: уточнить понятие русских заимствований применительно к китайскому языковому материалу; определить основные исторические каналы их проникновения; выделить тематические группы слов русского происхождения; описать фонетические, графические и семантические изменения, возникающие при адаптации; показать связь русских заимствований с историей китайско-российских языковых и культурных контактов.

Объектом исследования являются слова русского происхождения, функционирующие в китайском языке и его региональных вариантах. Предмет исследования составляют способы их заимствования, адаптации и семантического освоения в китайской языковой системе.

Научная новизна статьи заключается в рассмотрении русских заимствований не только как отдельного пласта иноязычной лексики, но и как языкового материала, связывающего форму слова с конкретными историческими каналами взаимодействия Китая и России. Такой подход позволяет объяснить, почему одни русизмы закрепились в общеупотребительной лексике, другие сохранили региональную окраску, а третьи стали культурными или историческими маркерами.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали слова русского происхождения, зафиксированные в китайском языке и его региональных вариантах. В корпус включались единицы, представленные в словарях иностранных слов, специальных работах о русской лексике в китайском языке, исследованиях по северо-восточным диалектам, а также в публикациях, посвященных китайско-российским языковым контактам. Лексикографической опорой послужил «Словарь иностранных слов Синьхуа», где русизмы рассматриваются в составе более широкого пласта иноязычной лексики китайского языка [13]. Для уточнения происхождения, формы и сферы употребления отдельных единиц привлекались работы, посвященные русским заимствованиям, иностранной лексике китайского языка и русско-китайскому пиджину [2; 1; 6; 3; 10].

При отборе материала учитывались три признака. Первый признак связан с происхождением слова. В исследование включались единицы, которые восходят к русскому языку непосредственно либо вошли в китайский язык через русский как язык посредник. Второй признак относится к способу освоения. Рассматривались фонетические заимствования, слова с частичной смысловой переработкой, формы с добавленным китайским родовым компонентом, а также единицы, значение которых после заимствования изменилось. Третий признак связан со сферой употребления. В соответствии с ним материал распределялся по нескольким группам: бытовая лексика, торговые и хозяйственные наименования, политические термины, техническая лексика, культурные реалии и региональные разговорные формы.

Методологическую основу статьи составляют положения теории языковых контактов и лексического заимствования. Для анализа русизмов важен подход, при котором заимствованное слово рассматривается не как простое перенесение готовой формы, а как результат взаимодействия двух языковых систем. Принимающий язык перестраивает чужую единицу в соответствии со своими фонетическими, графическими, семантическими и прагматическими нормами [14; 15]. При описании степени освоенности слов также учитывались критерии, разработанные в исследованиях иноязычной лексики: источник заимствования, путь проникновения, характер адаптации и функциональное место слова в новой языковой среде [4; 7].

В работе использовались описательный, сравнительно сопоставительный, этимологический и историко-лингвистический методы. Описательный метод позволил систематизировать русские заимствования по тематическим группам и способам адаптации. Сравнительно сопоставительный метод применялся при соотнесении русской исходной формы и китайского варианта, например в случаях передачи слов квас, хлеб, водка, платье, совет. Этимологический анализ был необходим для отделения собственно русских заимствований от международной лексики, которая могла попасть в китайский язык через разные языковые каналы. Историко-лингвистический метод позволил связать появление отдельных групп русизмов с конкретными этапами китайско-российских контактов: приграничной торговлей, городской культурой Харбина, строительством Китайско-Восточной железной дороги, политическим переводом XX века и китайско-советским научно-техническим сотрудничеством.

Особое внимание уделялось региональному материалу. Для русских заимствований в китайском языке северо-восточная языковая среда имеет принципиальное значение, поскольку именно там многие слова закреплялись не через книжный перевод, а через живую речь. Торговля, соседство, работа на железной дороге, бытовые контакты и смешанная коммуникация создали условия, при которых русская лексика входила в китайскую речь в измененной, но устойчивой форме [6; 5].

Дальнейший анализ строится по двум направлениям. Сначала рассматриваются исторические каналы проникновения русских слов в китайский язык, затем описываются способы их адаптации и тематическое распределение. Такой порядок позволяет показать русские заимствования не как перечень отдельных слов, а как целостный языковой материал, связанный с историей контактов Китая и России.

Результаты и обсуждение

Анализ материала показывает, что русские заимствования в китайском языке не образуют единого по происхождению и функции пласта. Их удобнее рассматривать как результат нескольких исторических волн, каждая из которых оставила в языке свой след. Ранние единицы связаны с приграничной торговлей и бытовым общением, более поздние с политическим переводом, технической модернизацией, советским культурным влиянием и региональной речевой практикой Северо-Востока Китая. В этом смысле русизмы в китайском языке представляют собой не только лексический материал, но и своеобразную карту контактов двух стран.

Первый и наиболее живой слой составляют слова, пришедшие через устное общение. Они закреплялись в речи купцов, железнодорожных работников, жителей Харбина и приграничных территорий. Для таких единиц характерна свободная фонетическая передача: китайская форма не воспроизводит русское слово буквально, а приспосабливает его к возможностям китайской слоговой системы. Таковы 格瓦斯 от кваса, 列巴 от хлеба, 布拉吉 от платья, 笆篱子 от полиции. В этих формах слышен не литературный перевод, а повседневный контакт, где главным было не точное соответствие исходному звучанию, а понятность в конкретной ситуации общения [1; 6].

Второй слой связан с торговой и хозяйственной практикой. Его появление было подготовлено развитием русско-китайской приграничной торговли, в том числе кяхтинским торговым направлением, а позднее городскими рынками Северного Китая и экономической жизнью Харбина. В китайский язык входили названия товаров, денежных единиц, мер, продуктов, предметов быта. Такие слова не навязывались языку извне, а возникали там, где требовалось назвать новую вещь или новую форму хозяйственного взаимодействия. Поэтому торговые русизмы часто сохраняют конкретность: они связаны не с отвлеченными понятиями, а с рынком, счетом, перевозкой, покупкой и повседневным обменом [11; 5].

Иной характер имеет политическая лексика. Слова 苏维埃, 布尔什维克, 孟什维克 и близкие им единицы распространялись преимущественно через письменный канал: переводы, прессу, общественную литературу, политическую публицистику. В отличие от региональных разговорных форм, они не были ограничены только северо-восточной средой и могли получать общекитайское употребление. Их закрепление объясняется не бытовой необходимостью, а потребностью китайского языка выразить новые политические понятия, пришедшие вместе с революционной и советской терминологией XX века [3; 8].

Техническая лексика активнее всего пополнялась в период китайско-советского сотрудничества середины XX века. Перевод учебников, подготовка специалистов, промышленное строительство, военная и инженерная помощь создали условия для широкого вхождения слов, связанных с техникой, производством и организацией труда. В этой группе важно различать прямые русские заимствования и международные слова, которые могли попасть в китайский язык через русский как язык посредник. Именно поэтому один только внешний облик слова не всегда достаточен для вывода о его происхождении; необходимы исторический контекст и сопоставление с каналами распространения [10; 9] (табл. 1).

Таблица 1. Тематические группы русских заимствований в китайском языке

Группа	Канал проникновения	Примеры	Функциональная особенность
Бытовая лексика	Устное общение, городская среда, соседство русского и китайского населения	格瓦斯 квас, 列巴 хлеб, 布拉吉 платье, 伏特加 водка	Часто сохраняет региональную окраску и следы живого произношения
Торговая и хозяйственная лексика	Приграничная торговля, рынки, кяхтинское направление, Харбин	卢布 рубль, 普特 пуд, названия товаров и мер	Связана с обменом, расчетом, перевозкой и предметами повседневной практики
Политическая лексика	Перевод политической литературы, пресса, идеологический дискурс	苏维埃 совет, 布尔什维克 большевик, 孟什维克 меньшевик	Имеет книжный характер и закрепляется через общественно политический контекст
Техническая лексика	Советская техническая помощь, учебники, промышленное строительство	拖拉机 трактор, 康拜因 комбайн, 喀秋莎 катюша	Соотносится с модернизацией, производством, военной и инженерной сферой
Культурная лексика	Литература, музыка, театр, бытовая культура	芭蕾 балет, 巴拉莱卡 балалайка, 套娃 матрешка	Работает как обозначение русских культурных реалий
Региональные разговорные формы	Русско китайский пиджин, речь Харбина и приграничья	笆篱子 полиция,马神 машина	Обычно ограничена территорией или определенной речевой средой

Такое распределение показывает, что русские заимствования закреплялись в китайском языке неравномерно. Бытовые и торговые слова чаще зависели от устной среды и потому легче получали региональную окраску. Политические и технические термины, напротив,

распространялись через письменный канал, учебные тексты, переводную литературу и официальную коммуникацию. Культурная лексика занимала промежуточное положение: часть таких слов входила через искусство и литературу, часть через повседневное знакомство с русскими реалиями.

Форма заимствованного слова в китайском языке также зависит от пути проникновения. При устном заимствовании сильнее проявляется слуховое приспособление. Русские сочетания согласных, звук [р], различие звонких и глухих согласных, непривычная для китайского языка структура слога приводили к замене, упрощению или выпадению отдельных элементов. Поэтому китайские формы могут лишь приблизительно напоминать русские источники. Именно так объясняются варианты типа 列巴, 布拉吉, 笆篱子. Они ценны не вопреки своей неточности, а благодаря ей: в них сохранилась реальная практика межъязыкового общения [2; 1].

При письменном заимствовании форма обычно оказывается более устойчивой. Политические и технические термины нередко закреплялись через перевод, словари, учебники и печатные тексты, поэтому их запись становилась более нормированной. Однако и в этом случае китайский язык не копировал русскую единицу механически. Заимствование подчинялось китайской графике, слоговой структуре и семантическим ожиданиям носителя. Отсюда возникает важная особенность: даже сохраняя связь с русским словом, китайская форма начинает жить внутри иной языковой системы.

Наиболее наглядно это видно в семантической адаптации. Заимствованное слово после вхождения в китайский язык может сузить исходное значение, расширить его или получить новую культурную окраску. Так, 苏维埃 связано в китайском употреблении прежде всего с советской политической системой, тогда как русское слово совет имеет более широкое значение. 伏特加 обозначает не просто алкогольный напиток, а устойчивый образ русской бытовой культуры. 套娃 воспринимается как знак русской художественной традиции, а 喀秋莎 соединяет имя, песенную память и военную символику. Подобные изменения нельзя считать искажением исходного значения. Они показывают, какие признаки русского слова оказались значимыми для принимающей культуры [3; 8] (табл. 2).

Таблица 2. Основные способы адаптации русских заимствований в китайском языке

Способ адаптации	Механизм	Примеры	Результат
Фонетическая передача	Подбор китайских слогов по близости звучания	格瓦斯 квас, 伏特加 водка	Сохраняется звуковая связь с русским словом, но форма подчиняется китайской фонетике
Упрощение звуковой структуры	Замена трудных сочетаний, выпадение или перестройка звуков	列巴 хлеб, 笆篱子 полиция	Возникает разговорная форма, связанная с устным путем освоения
Добавление китайского поясняющего компонента	Соединение иноязычной основы с китайским родовым элементом	названия блюд, напитков, предметов быта	Слово легче включается в китайскую речь и становится понятнее адресату
Семантическое сужение	Закрепление одного значения вместо широкого исходного поля	苏维埃 совет	Лексема связывается с конкретной политической или исторической реалией
Культурная переоценка	Превращение слова в знак чужой культуры	伏特加 водка, 套娃 матрешка, 巴拉莱卡 балалайка	Заимствование начинает обозначать не только предмет, но и культурный образ
Терминологическое закрепление	Включение слова в профессиональную или общественную лексику	拖拉机 трактор, 康拜因 комбайн	Единица получает устойчивое место в техническом или общественном употреблении

Различия между этими способами адаптации подтверждают, что китайский язык выступает не пассивным получателем чужой лексики, а активной системой отбора и переработки. Русское слово, попадая в китайскую среду, проходит через несколько фильтров: фонетический, графический, семантический, прагматический и культурный. Только после этого оно получает устойчивое место в речи. Поэтому происхождение слова важно, но не менее важен его новый статус в китайской системе.

Степень освоенности русизмов неодинакова. Одни единицы вошли в общеупотребительный словарь и уже не всегда ощущаются как чужие. Другие сохраняют связь с определенной территорией, прежде всего с Харбином, Северо-Востоком Китая и приграничной речевой средой. Третьи воспринимаются как историзмы, связанные с политическим языком XX века или советской эпохой. Это различие особенно важно для описания современного состояния русских заимствований: нельзя одинаково оценивать бытовые регионализмы, идеологические термины, культурные названия и техническую лексику.

Для преподавания русского языка китайским учащимся русские заимствования имеют двойственное значение. С одной стороны, знакомая китайская форма может помочь при первичном запоминании русского слова. С другой стороны, сходство часто оказывается неполным: произношение изменено, значение может быть сужено или переосмыслено, а сфера употребления в русском и китайском языках не совпадает. Поэтому такие единицы полезны не как готовая подсказка, а как материал для сопоставительного комментария. Через них можно показывать учащимся, как слово меняется при переходе из одной языковой системы в другую.

В целом русские заимствования в китайском языке раскрывают несколько уровней китайско-российских контактов. В них отражены рынок, железная дорога, городская культура Харбина, политический перевод, техническое сотрудничество, литература, музыка и бытовые представления о России. Этот материал важен именно своей неоднородностью. Он показывает, что языковое заимствование всегда связано с человеческой практикой: словом называют то, что становится заметным, нужным или культурно значимым для принимающего общества.

Выводы

Русские заимствования в китайском языке представляют собой неоднородный лексический пласт, сформировавшийся под влиянием разных исторических обстоятельств. Их появление связано не с единичным актом языкового переноса, а с длительной практикой общения Китая и России, в которой участвовали торговля, приграничное соседство, миграция, городская культура Харбина, политический перевод, техническое сотрудничество и культурный обмен. Поэтому каждое заимствование следует рассматривать не только как слово иностранного происхождения, но и как след конкретной коммуникативной ситуации.

Проведенный анализ показывает, что русизмы в китайском языке различаются по каналам проникновения и по степени освоенности. Устные заимствования чаще сохраняют региональную окраску и фонетическую приблизительность, поскольку они закреплялись в живом общении. Книжные и терминологические единицы, напротив, входили через перевод, учебные тексты, прессу и официальную коммуникацию, поэтому их форма обычно более устойчива, а сфера употребления шире. Такое различие особенно заметно при сопоставлении бытовой и торговой лексики с политическими и техническими терминами.

Китайский язык не просто принимал русские слова, а перерабатывал их в соответствии с собственными нормами. В процессе адаптации менялись звучание, графическая форма, морфемная структура, значение и прагматическая функция слова. Одни единицы сохраняли связь с русским источником преимущественно на уровне звучания, другие получали дополнительный китайский поясняющий компонент, третьи заметно сужали или переосмысляли исходное значение. Именно эта переработка позволяла заимствованному слову стать частью китайской языковой системы.

Особую значимость имеют русские заимствования, связанные с Северо Востоком Китая. Они показывают, что языковой контакт часто начинается не в книжной культуре, а в повседневной среде: на рынке, в приграничном городе, на железной дороге, в бытовом соседстве. В таких словах сохранилась память о непосредственном общении людей, для которых язык был прежде всего практическим средством взаимодействия. Поэтому региональные русизмы важны не меньше, чем общеупотребительные термины: они позволяют увидеть живую сторону китайско-российских контактов.

Для современного изучения русского языка в китайской аудитории этот материал имеет прикладное значение. Знакомые китайскому учащемуся формы могут облегчать первичное восприятие русской лексики, но сходство между китайским вариантом и русским источником не всегда полное. Различия в произношении, значении и сфере употребления требуют специального объяснения. Следовательно, русские заимствования могут использоваться в обучении как материал для сопоставления, но не как простая замена изучения исходного русского слова.

В целом русские заимствования в китайском языке раскрывают историю контактов двух стран через лексику. Они фиксируют не толь-

ко крупные политические и культурные процессы, но и обычные формы человеческого общения. Их изучение позволяет точнее понять, как язык реагирует на межкультурное взаимодействие, какие слова закрепляются в новой среде и почему часть заимствований становится общеупотребительной, часть остается региональной, а часть превращается в исторический или культурный знак.

Литература

1. Ван Тин 王婷. 东北方言中的俄语借词研究 Исследование русских заимствований в северо-восточных диалектах китайского языка // 齐齐哈尔大学学报（哲学社会科学版）. 2010. № 2. С. 86–88.

2. Ван Эньвэй 王恩圩. 源于俄语的汉语外来词 Заимствованные слова русского происхождения в китайском языке // 东北师大学报（哲学社会科学版）. 1987. № 5. С. 88–93.

3. Гун Лэй. Русские заимствованные слова в китайском языке // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 1. С. 244–252.

4. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. Москва: Наука, 1968. 208 с.

5. Лю Динхуэй 刘定慧. 中俄交往背景下汉语俄源词的引进 Введение слов русского происхождения в китайский язык в контексте контактов Китая и России // 西伯利亚研究. 2019. Т. 46. № 3. С. 80–85.

6. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2007. 264 с.

7. Семенас А.Л. Особенности лексических заимствований в китайском языке // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 48–57.

8. Сюй Лайди 徐来娣. 汉俄语言接触中俄语在语义层面对汉语的影响 Влияние русского языка на семантический уровень китайского языка в условиях языкового контакта Китая и России // 汉语学习. 2008. № 5. С. 88–95.

9. Хаматова А.А. Анализ иностранных заимствований в современном китайском языке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 14–20.

10. Цзян Ин, Шипановская Л.М. Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. Ч. 1. С. 144–152.

11. Чэнь Чжаомин 陈昭明. 试析清代中俄恰克图互市贸易及其历史启示 К анализу торговли Китая и России в Кяхте в эпоху Цин и ее исторического значения // 呼伦贝尔学院学报. 2010. Т. 18. № 1. С. 31–33.

12. Ши Ювэй 史有为. 外来词: 异文化的使者 Иноязычные слова: посланники иной культуры. Шанхай: 上海辞书出版社, 2004. 358 с.

13. Ши Ювэй 史有为, 商务印书馆辞书研究中心. 新华外来词词典 Словарь иностранных слов Синьхуа. Пекин: 商务印书馆, 2019. 1604 с.

14. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // Language. 1950. Vol. 26. № 2. P. 210–231.

15. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. New York: Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.

STUDY OF RUSSIAN LOANWORDS IN THE CHINESE LANGUAGE

Liu Lu
Nankai University, China

The article examines Russian loanwords in Chinese as a result of long term linguistic, commercial and cultural contacts between China and Russia. The study focuses on the historical conditions that enabled Russian vocabulary to enter Chinese, as well as on the ways these lexical units adapted to the phonetic, graphic, semantic and functional norms of the receiving language. The material includes Russian origin words recorded in Chinese dictionaries of foreign words, works by Chinese and Russian linguists, and examples from Northeast Chinese speech practice. The article identifies the main thematic groups of Russian borrowings, including every day, trade, political, technical and cultural vocabulary. The study shows that Russian loanwords in Chinese have a clear regional and historical profile. Many of them relate to Northeast China, border trade, the construction and operation of the Chinese Eastern Railway, Soviet cultural influence and technical cooperation in the middle of the twentieth century. The article argues that Russian borrowings should not be viewed as isolated lexical facts. They form a linguistic record of intercultural interaction, reflecting changes in political relations, economic practices and Chinese perceptions of Russia. The results may be useful for research on language contact, Chinese lexicology and Russian language teaching in Chinese classrooms.

Keywords: Chinese language; Russian language; Russian loanwords; language contact; foreign vocabulary; lexical adaptation; China Russia relations; Northeast Chinese dialects.

References

1. Wang Ting. Research on Russian loanwords in Northeastern Chinese dialects. Journal of Qiqihar University. Philosophy and Social Science Edition, 2010, № 2, Pp. 86–88. In Chinese.

2. Wang Enwei. Loanwords of Russian origin in the Chinese language. Journal of Northeast Normal University. Philosophy and Social Sciences Edition, 1987, № 5, Pp. 88–93. In Chinese.

3. Gun Lei. Russian loanwords in the Chinese language. Bulletin of Bashkir University, 2018, Vol. 23, № 1, Pp. 244–252. In Russian.

4. Krysin L.P. Foreign words in modern Russian. Moscow, Nauka Publ., 1968. 208 p. In Russian.

5. Liu Dinghui. The introduction of Russian origin words into Chinese in the context of contacts between China and Russia. Siberian Studies, 2019, Vol. 46, № 3, Pp. 80–85. In Chinese.

6. Oglezneva E.A. Russian Chinese pidgin: experience of sociolinguistic description. Blagoveshchensk, Amur State University Publ., 2007. 264 p. In Russian.

7. Semenas A.L. Features of lexical borrowings in Chinese. Topics in the Study of Language, 1997, № 1, Pp. 48–57. In Russian.

8. Xu Laidi. The influence of Russian on the semantic level of Chinese in the context of Chinese Russian language contact. Chinese Language Learning, 2008, № 5, Pp. 88–95. In Chinese.

9. Hamatova A.A. Analysis of foreign borrowings in modern Chinese. Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East, 2016, № 3, Pp. 14–20. In Russian.

10. Jiang Ying, Shipanovskaya L.M. Russian borrowings in Chinese as a result of language contacts. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 2016, № 7, part 1, Pp. 144–152. In Russian.

11. Chen Zhaoming. Analysis of trade between China and Russia in Kyakhta during the Qing period and its historical significance. Journal of Hulunbuir University, 2010, Vol. 18, № 1, Pp. 31–33. In Chinese.

12. Shi Youwei. Loanwords: messengers of another culture. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publishing House, 2004. 358 p. In Chinese.

13. Shi Youwei, Commercial Press Dictionary Research Center. Xinhua dictionary of loanwords. Beijing, Commercial Press, 2019. 1604 p. In Chinese.

14. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing. Language, 1950, Vol. 26, № 2, Pp. 210–231.

15. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. New York, Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.

Мотивация на обучение английскому языку в неязыковом вузе: проектное обучение для социальных и жизненных навыков в контексте студентонаправленного подхода

Мурзина Тамара Михайловна,
старший преподаватель, кафедра английского языка 1, ОАФ Президентская Академия (Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации)

В статье рассматриваются некоторые выявленные автором проектные методы преподавания английского языка как второго иностранного языка и их эффективность для повышения мотивации студентов, а также для обеспечения благоприятной среды обучения языку. Также, рассматривается роль преподавателя в контексте обучающей среды, ориентированной на студента и развитие жизненно важных социальных навыков. В контексте требований современного общества, создание стимулирующей и продуктивной среды обучения, а также конструктивное взаимодействие с аудиторией является необходимым условием для обеспечения динамичного и взаимообогащающего процесса обучения. Так как независимость обучаемых – это основная тенденция в развитии образования в 21-ом веке, преподаватель вполне может использовать этот современный подход для эффективного обучения языку и установления качественного взаимодействия со студентами, что, в свою очередь, создает условия для автономного обучения студентов в будущем.

Ключевые слова: студентонаправленная обучающая среда, проектное обучение, проект-опрос, мотивация студента, независимость обучаемых, задания на выбор, презентации на основе интервью, партнер по обучению.

Project-based learning in teaching English as a second language has acquired a particular relevance in the 21st century. Coming to the fore are such skills as collaboration, communication, creativity and critical thinking, which are especially valuable for present-day students. In addition, one of the essential social skills of recent years is Emotional Intelligence (EI), that is, an ability to understand one's own and others' feelings and emotions so as to establish effective communication and interaction in social environment.

Some scholars believe that present-day students are autonomous learners that need minimum guidance from the teacher [4, p.17]. The role of the teacher is thus to create an engaging student-friendly language-learning environment so that students could feel the importance of their growth and development and should be prepared to fit in well into the framework of present-day society. Given the rapidly advancing technologies and dynamically changing professional requirements, students are expected to meet the challenges of the day with maximum efficiency. What could motivate students to do better?

Among meaningful elements of the teaching process which meet student needs we can single out activities such as class projects, which come in handy to boost student motivation and performance, largely, thanks to innovative thinking on the part of the teacher, which could give rise to progressive teaching practices and turn them into a powerful driving force to stimulate students into producing a better feedback. The basic types of such projects which have been suggested and explored by the author of this article in the course of years-long teaching include class surveys, text-based interviews, interview-based presentations, focus groups, choice assignments and video reports.

Projects are the best way to ensure the genuinely communicative uses of spoken and written English. They are longer pieces of work that involve investigation and reporting. The end product is the most important thing here, and all the language use that takes place is directed towards the final version. [2, p.147].

Considering that one of the basic skills required of present-day students is communication, a project stimulates analytical and critical thinking, develops creativity, promotes speaking abilities, consolidates teamwork and leadership skills, and motivates both the students and the teacher.

Class surveys

Goal: to develop both English-speaking and social and life skills, such as communication, collaboration, teamwork, emotional intelligence. Class surveys are effective for involving students in a productive language activity during the lesson and creating an encouraging student-friendly language-learning environment. Depending on the current topic, students are asked to design their own questions relative to the topic, for example, if the topic is education, the questions could be: *Is education important? Is it necessary for both boys and girls?* The students design at least ten questions for this questionnaire and find at least five respondents among other students. They then walk round the class asking questions and collecting the answers. The important point is to give them a time limit, so that the activity will not drag on for the rest of the class. Students are then asked to process the results of the survey and report their findings, which means presenting the survey outcome in an appropriate format. This kind of activity enhances students' writing skills, consolidates their ability to process and present information, stimulates creative and analytical thinking, boosts autonomous thinking and teaches students to assume responsibility for their progress in studying English. What makes the activity student-centered is that students often become so carried away by it that they forget about the presence of the teacher.

Text-based interviews

Goal: to acquire fluency in designing questions, enhance analytical thinking and communicative and collaborative skills, and demonstrate emotional intelligence. Interviews are essential both for consolidating students' skills in asking questions and also for boosting their communicative potential. Students are asked to transform the text they have been reading (normally, a text about someone successful) back into the original interview with questions and answers. Judging by what they have read about the person, they figure out what kind of questions he or she might have been asked and what answers were provided in response. This activity stimulates imagination,

consolidates the ability to ask open questions, and promotes communicative skills through question-asking practice. As a variation, if a text-based interview presents too much of a challenge, students are asked to interview someone they admire and present their interviews to the rest of the class. By asking questions, such as 'What makes you laugh?' 'What is your life philosophy?' or 'What makes you happy?' students, especially those majoring in Public Relations or Management, become involved in a productive language-learning activity, which makes them more knowledgeable about communication, develops their fluency and boosts their awareness of the fact that all of them, including the teachers, are partners in learning.

Interview-based presentations

Goal: to develop good reporting skills, communication skills, to teach how to build a logically structured story in good style. Interviews with celebrities are often included in student textbooks. For this reason, a good option would be to ask students to transform an interview into a celebrity story with the appropriate introduction, body and conclusion. This activity promotes students' story-telling capacity – it encourages them to summon up all their vocabulary resources to present a coherent sequence. In addition, students learn to write in good journalistic style, which means they learn using a variety of lexical means and stylistic devices and trained in tracking the logic of the narration. Depending on what the interview was about students learn how to build a news story (who? what? where? when? and how?), or how to present a news story (the most important information comes at the beginning).

Focus groups

Goal: to develop public-speaking skills, teamwork, research potential, analytical thinking, critical thinking. As an after-reading class activity, students are divided into groups and are told to hold a discussion and present their ideas on the issues in question. Each group has a leader who runs the discussion, decides which member of the group will speak on which point, and reports on the results to the rest of the class. *Are social rules important? Can society exist without rules?* Students are encouraged to use their gadgets for statistical data and for substantiating their reports with strong evidence. Focus groups do not only enhance students' speaking skills. They also promote fluency, build up confidence, boost innovative thinking and consolidate teamwork.

Video reports

Goal: to mitigate the fear of public speaking, to enhance communication and teamwork, to cement critical skills, to teach effective interaction with the world around us. Video reports on an issue of present-day concern are instrumental in teaching Advanced classes. Although they are prepared out of class, video reports turn into an engaging class activity: they stimulate class discussion, captivate student interest, motivate for vocabulary extension and create a learner-friendly atmosphere in class. It is much more interesting for students to watch each other's works than films by well-known directors that they can watch at home. A well-done student video always leads to productive discussion in which students extend their general knowledge, pick up topical vocabulary and enhance their communicative and critical thinking skills.

Choice tasks

Goal: to motivate students into upgrading their knowledge, to promote personalized learning – one of the core principles of the student-centered approach, to spark interest in learning more than required. Considering that the learning content and process should be adaptable to the needs of each individual student, the task that requires students to choose one of the options suggested as homework, or classwork, becomes a powerful motivating force and encourages students to pursue the assignment and present the results. Choice tasks may suggest the following: choose ONE of the discussion questions and develop it into a paragraph stating your opinion; choose what you would like to do as homework: to retell the text, to summarize it, or to write a similar story and present it. Considering that present-day students are autonomous learners, choice assignments appear stimulating and encouraging as students focus on the activities they consider useful for their future lives and work.

If all the above-mentioned methods are to be successful, the teacher should see to it that their role is that of facilitator and partner. Teachers must create an encouraging language-learning environment and must motivate students by their enthusiastic and student-friendly attitude. "They must be inspiring, not pushy, they must facilitate, not control, and their ultimate goal should be to have students put their skills to practical use outside the classroom" [4, p.17].

Some scholars believe that really effective learning takes place when the teacher is *not* center stage [1, p.16]. Students must feel they have the support of the teacher and can ask for guidance any time, but the present-day teacher stays in the background. Teachers are no longer required to do things students can easily manage themselves, such as checking spelling, looking up new words, verifying information. There is no need to over-guide or over-support student progress. In the context of new reality teachers should have the ability to empower students, should be working with the clear aim that students will be able to succeed without them [1, p.16]. The teaching techniques which are scrutinized in this article seem fairly appropriate to achieve this.

Consequently, by using the principles of project-based learning, in which students acquire knowledge through researching and exploring real-life challenges and problems and by establishing a student-friendly language-learning environment teachers can make their classes dynamic and productive and can maximize the effect of teaching by minimizing teacher guidance. Once the teacher becomes a partner in learning, the atmosphere in the classroom becomes teacher – and student – friendly. Given that teaching is a two-way process in which both parties are striving for one and the same objective – gaining knowledge, it is possible to assume that the teacher enriches their knowledge thanks to the students. While designing class surveys students demonstrate ingenuity and wittiness, which could sometimes be difficult for the teacher to match. Since teacher-student partnership and learner autonomy are among major trends of the 21st century learning, we, as teachers, should encourage students to devise more techniques which could come handy in the classroom and could be of particular value to the teacher.

Литература

1. Bentley-Davies Caroline. How to be an Amazing Teacher, 2011
2. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching, New Edition, 1991.
3. Hattie, J. Visible Learning for Teachers: Maximizing Impact on Learning, Routledge, 2012.
4. Rik Ruiter &Pinky Y.Dang. Highway to E.S.L. A User-Friendly Guide to Teaching English As A Second Language, 2005
5. Irina Glukhova, and Olga Sorokina, Student-Centered Education in Context of Second-Language Learning, Chelyabinsk State University, 2018 Student-Centered Education in Context of Second-Language Learning (shs-conferences.org)

MOTIVATING NON-LINGUISTIC STUDENTS: PROJECT-BASED LEARNING FOR DEVELOPING SOCIAL AND LIFE SKILLS IN CONTEXT OF STUDENT-FRIENDLY ENVIRONMENT

Murzina T.M.
Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

This article looks at a few project-based methods of teaching English as a second foreign language and their effectiveness in boosting student motivation and securing a favorable language-teaching environment. Also, the article focuses on the role of the teacher in the context of student-friendly environment and development of vital social and life skills. Considering present-day requirements, we can assume that creating an encouraging and productive language-learning atmosphere and an effective collaboration with the classroom is crucial for guaranteeing a dynamic and mutually enriching learning process. Since learner autonomy is a major trend of the 21st century teaching practices, the teacher is supposed to make the most of it with a view to establish an effective teaching process and build a constructive teacher-student partnership, which paves the way for student independence in the future.

Keywords: student-friendly learning environment, project-based learning, class survey, student motivation, learner autonomy, choice tasks, interview-based presentations, partner in learning.

References

1. Bentley-Davies Caroline. How to be an Amazing Teacher, 2011
2. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching, New Edition, 1991.
3. Hattie, J. Visible Learning for Teachers: Maximizing Impact on Learning, Routledge, 2012.
4. Rik Ruiter &Pinky Y.Dang. Highway to E.S.L. A User-Friendly Guide to Teaching English As A Second Language, 2005
5. Irina Glukhova, and Olga Sorokina, Student-Centered Education in Context of Second-Language Learning, Chelyabinsk State University, 2018 Student-Centered Education in Context of Second-Language Learning (shs-conferences.org)

Ценностно-репутационные риски и инструменты защиты смысловой рамки проектов партнерства государства и меценатов

Абрикосова Любовь Дмитриевна,
руководитель партнерского маркетинга Компании
АО «ПФ «СКБ КОНТУР»
E-mail: abrickosoval@yandex.ru

В статье рассматриваются ценностно-репутационные риски, возникающие в рамках партнерства государства и меценатов при реализации проектов в сфере культуры и образования. Обосновывается положение о том, что меценатская деятельность выступает не только механизмом финансовой поддержки общественно значимых инициатив, но и инструментом трансляции ценностей, смыслов и образов, оказывающих влияние на формирование восприятия страны, национальной идентичности и образа России. Особое внимание уделяется рискам размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей, конфликту ценностных установок мецената и проекта, возможности внешней дискредитации поддерживаемых инициатив, а также влиянию мецената на смысловое содержание проектов. На основе анализа нормативно-правовых документов Российской Федерации и практик поддержки культурных и образовательных проектов предлагается подход к оценке меценатов и проектов с учетом критериев ценностного соответствия. Научная новизна исследования заключается в адаптации корпоративной методологии отбора и оценки партнеров, применяемой в коммерческой практике, к сфере государственно-меценатского взаимодействия. Сделан вывод о необходимости внедрения механизмов защиты смысловой рамки проектов как условия сохранения культурного суверенитета, укрепления национальной идентичности и повышения эффективности меценатской деятельности.

Ключевые слова: меценатство, ценностно-репутационные риски, традиционные российские духовно-нравственные ценности, культурная политика, национальная идентичность, национальный бренд России, культурный суверенитет, образование, культура, смысловая рамка, репутационный менеджмент.

Российское общество, его ценностное и культурное основание сегодня находятся в активной фазе информационно-психологического воздействия, которое приобретает комплексный характер, распространяясь на индивидуальное и общественное сознание через навязывание чуждых ценностных установок, подрывающих культурный и духовный суверенитет, а также способствующих социальной поляризации и дестабилизации [9]. Стратегические документы Российской Федерации подчеркивают целенаправленные попытки размывания традиционных ценностей, искажения исторической правды, а также пересмотра роли России в мировой истории [9]. Отдельное внимание уделяется проведению системных информационных кампаний, направленных на закрепление негативного и враждебного образа страны, ограничение культурного и языкового присутствия, а также дискредитацию России на международной арене [9].

Информационно-психологическое воздействие реализуется преимущественно через привычные каналы массовой коммуникации (средства массовой информации, кино, телевидение, культурные продукты, визуальные и аудиальные образы) и любые другие формы трансляции информации, обеспечивающие внедрение необходимых смыслов в общественное сознание [3]. В результате такого воздействия формируется трансформированный образ страны во внешней и внутренней аудитории, который может существенно отличаться от объективной реальности, включая закрепление устойчивых негативных коннотаций.

Меценатство в данном контексте рассматривается как способ поддержки инструментов коммуникации и трансляции информации, образов, смыслов и сообщений массовой российской аудитории посредством финансирования тех или иных культурных и образовательных проектов. В рамках Московского инновационного юридического форума на сессии «Меценатство 2.0: создание безбарьерной правовой среды» обсуждались комплексный анализ законодательства о меценатстве, систематизация существующих правовых барьеров, препятствующих развитию бескорыстной поддержки культуры, науки и образования, а также разработка рекомендаций по изменению законодательства, направленных на защиту прав меценатов и получателей поддержки с учетом интересов общества и государства [4]. Автором исследования было предложено формирование инструментов защиты смысловой рамки меценатской поддержки проектов в сфере культуры и образования в условиях информационно-психологического воздействия. Научная новизна состоит в адаптации и переносе на государственный уровень методологии выбора и оценки партнеров, которые применяет в корпоративной практике компания Контур. В рамках данной модели взаимодействие мецената и государства рассматривается как субъект-субъектное партнерство, обеспечивающее реализацию целей каждой из сторон. Объектом исследования выступает меценатская деятельность в сфере культуры и образования. Предметом исследования является ценностно-репутационные риски и последствия безбарьерного входа частных инвестиций в меценатские проекты.

Согласно Федеральному закону «О меценатской деятельности», меценатство направлено на создание условий для сохранения культурных ценностей, развитие культуры и образования, сопровождение приоритетных проектов в данных сферах (включая поддержание их высокого престижа на уровне мировой культуры) [7].

Ценности задают смыслы существования каждого человека и общества в целом [1], помогают определить вектор («плохо» и «хорошо»), носят эталонный характер и императивны по своему определению. В социокультурном пространстве ценности отражаются на трех уровнях: государства (как общественные идеалы; реализуются в политических доктринах, идеологиях, программах и др.), общества (как представления о совершенстве во всех сферах жизни государства и общества) и личности (как устойчивые персональные убеждения) [1].

Под традиционными ценностями понимаются закрепленные в российском государственно-правовом дискурсе нравственные и мировоззренческие ориентиры, которые передаются из поколения в поколение, лежат в основе общероссийской национальной идентичности и направлены на укрепление гражданского единства и культурной целостности страны [9].

В широком смысле культурные ценности – это совокупность важнейших для личности и социума ориентиров, потребностей и целей,

определяющих направленность и характер человеческой деятельности [11]. В контексте данного исследования более применима юридическая коннотация данного понятия, а именно совокупность важнейших достижений человечества в области искусства, науки, морали, права и техники, оказывающих значительное влияние на развитие общества [2]. К ним относятся произведения искусства и литературы, научные и технические открытия, архитектура, образовательные программы и др. Рассмотренные достижения становятся материальными и нематериальными носителями ценностей, они фиксируют достигнутый уровень развития общества и государства, транслируют их новым поколениям, обеспечивая преемственность и развитие культуры.

Образование и культура являются взаимодополняющими элементами. Посредством образования человек постигает культурное наследие общества, приобретает знания и сам становится транслятором культуры [5]. Образование формирует образ общества, общественного устройства и государства [5], заложенные смыслы посредством образования становятся фундаментом для целых поколений, которые в этой системе ценностей воспитывают своих детей. Таким образом, образование влияет на формирование мировоззрения, жизненных позиций, морально-нравственных и духовных основ, прививанию традиционных ценностей и др.

Культура, в свою очередь, является совокупностью всех материальных и духовных достижений общества и человечества, которые были созданы человеком в процессе исторического развития общества. Деятельность в сфере культуры и образования может рассматриваться как трансляцию ценностных основ общества и их материальное воплощение в конкретных проектах: выставках, демонстрациях частных коллекций, программ галерей, музеев, образовательных учреждений и др. Культурные и образовательные проекты несут стратегическое значение для жизни общества и государства, поскольку они не только обеспечивают преемственность поколений, формируют мировоззрение и национальную идентичность, но и имеют серьезное влияние на образ России в будущем.

В этой связи проекты в сфере культуры и образования оказывают влияние на формирование национального бренда России, который в данном контексте может пониматься как совокупность ценностей, образов, ассоциаций и смыслов, посредством которых страна воспринимается внутренними и внешними аудиториями. Следовательно, проекты, реализуемые при поддержке меценатов, становятся активностями, через которые транслируются представления о России как стране культуры, исторической памяти, образования, традиций, созидания и гуманитарного развития.

Меценаты, поддерживая проекты в области культуры и образования, становятся соучастниками трансляции определенных ориентиров, смыслов, образов и ценностей. Примерами подобных проектов являются:

1. проект «Музей без границ» благотворительного фонда Владимира Потанина, направленный на развитие музеев, культурного и исторического наследия России [6];

2. проект поддержки культуры российских регионов фонда Елены и Геннадия Тимченко, направленный на поддержку социокультурных проектов локального уровня с целью культурного и образовательного развития [10];

3. проект «Особый взгляд» благотворительного фонда Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт», направленный на технологическую поддержку инклюзивных культурных и спортивных инициатив [8].

Рассмотренные примеры показывают, что проекты меценатов, если они соотнесены с единой ценностно-смысловой рамкой, формируют не только социальный или культурный эффект, но и образно-ассоциативный ряд, связанный с Россией, и усиливают национальный бренд России.

В подробном описании каждого проекта упоминается имя мецената и его вклад, что говорят о тесной связи личности и самого проекта. Меценатство некорректно рассматривать только как финансовую поддержку: финансы имеют скорее вторичный смысл, а финансирование конкретных проектов является следствием интересов самого мецената. В социокультурном смысле меценатство является инструментом трансляции смыслов и ценностей, а также формирования личного, корпоративного и государственного образов. Поддержка театров, музеев, кино, научных, образовательных и социальных проектов должна рассматриваться не только как социальная инвестиция, но и как участие в формировании ценностно-смысловой среды общества, которая должна соответствовать ценностным основаниям, которые сформулированы и закреплены в доктринальных документах Российской Федерации.

Фундамент общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны составляют традиционные духовно-нравственные ценности [1]. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям относит жизнь, достоинство, права и свободу человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, ответственность за судьбу страны, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, а также гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение, историческую память, преемственность поколений и единство народов России [1]. Помимо этого, в условиях социокультурных угроз патриотизм был отдельно выделен, как одна из стратегических национальных целей России [1], о развитии которого было сказано в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Стратегия национальной безопасности, в свою очередь, подчеркивает необходимость обеспечения и защиты национальных интересов Российской Федерации, повышение эффективности использования имеющихся достижений и преимуществ страны, а также позиционирования России в мире и доведение до внутренней и внешней аудитории достоверной информации о государстве [9].

Меценатские проекты в сфере культуры, науки, образования и социальной поддержки должны позиционироваться как инструменты для укрепления ценностного и гуманитарного образа России, а их смысловая рамка должна быть соотнесена еще и с внешнеполитическим образом Российской Федерации как самостоятельного, открытого, миролюбивого и конструктивного государства, выступающего за равноправное международное сотрудничество, многополярность, культурное многообразие и сохранение исторической памяти [9]. Следовательно, посредством меценатства должны транслироваться такие ценности, как служение обществу, ответственность за судьбу страны, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, преемственность поколений, уважение к культуре и образованию, а также представление о России как государстве, привлекательном для жизни, работы, учебы, творчества и туризма [9].

Таким образом, меценатство можно рассматривать как инструмент государственной политики по популяризации и сохранению ценностных основ и продвижения достоинств Российской Федерации внутри страны и за ее пределами при поддержке частных инвестиций. В современной коммуникационной среде меценат получает доступ к аудиториям, ассоциируясь с культурным или образовательным проектом, а также приобретает возможность влиять на символический контекст проекта, право быть частью публичного нарратива. Меценат, его личность и репутация становятся частью образа культурных и образовательных проектов, которые он поддерживает. Интересы, взгляды (общественные, политические и др.) и установки мецената связываются с проектами, которые он поддерживает. Ценности и установки мецената не должны противоречить ценностным установкам российской национальной идентичности, а его репутация и связи не должны иметь компрометирующий характер. В противном случае возникает ряд следующих ценностно-репутационных рисков:

1. риск размывания традиционных ценностей России. Безбарьерный и безоценочный вход частных инвестиций может дать возможность для поддержки проектам, которые внешне направлены на сохранение и продвижение традиционной российской культуры, однако по содержанию противоречат традиционным ценностям и служат популяризации чуждых России культур;

2. риск внешней интерпретации проекта против России. При условии связи мецената с внешними и недружественными структурами меценатский проект может иметь двойное назначение. Внутри организация будет направлена на формирование позитивного образа России, а вовне заведомо интерпретироваться как доказательство «пропаганды», «навязывания идеологии» и др. Таким образом, создается внешний повод давления на культурную и образовательную сферы;

3. риск конфликта ценностей мецената и проекта. При несоответствии ценностных ориентиров мецената с той идеологией, которая присуща обществу и государству, возникает конфликт в восприятии и легитимности проекта, что в результате может привести к социальной напряженности, снижению доверия к институту меценатства и отторжению самого проекта;

4. риск влияния мецената на смысловое содержание проекта. Финансируя проект, меценат влияет на ценностную рамку проекта, и тот начинает восприниматься не как отдельная сущность, а через призму репутации и/или личного бренда мецената. Таким образом, объекты культуры и образования становятся инструментами трансляции чуждых сообщений.

Поддержка культурных, научных и образовательных проектов должна осуществляться на основе принципа ценностного соответствия. Меценат, его репутация, взгляды и интересы, форма поддержки и коммуникационная рамка проекта не должны противоречить целям сохранения и укрепления культурных и традиционных российских ценностей, национальной идентичности и положительного международного образа России. В противном случае проекты, финансируемые частными инвестициями, становятся «бомбой замедленного действия», действующей изнутри страны.

Несмотря на то, что в правовом смысле меценатство представляет собой безвозмездную поддержку, в управленческом и коммуникационном аспектах мы рассматриваем его как форму партнерства, поскольку меценат становится участником реализации общественно значимого проекта и влияет на его репутационную и смысловую рамку. Данная оптика исследования позволяет воспользоваться методологией выбора и оценки партнера из коммерческой практики компании АО «ПФ «СКБ Контур», которая применяется на начальных этапах взаимодействия с потенциальным партнером (будь то коммерческое и/или безвозмездное партнерство).

К основным методам относятся:

1. регламентация глобальной цели (в данном случае ценностно-ориентированной) и образа России для всех проектов при поддержке меценатов. Основные принципы, ценностные ориентиры и элементы позиционирования такого образа закреплены в ключевых стратегических документах Российской Федерации, включая Конституцию Российской Федерации, Концепцию внешней политики и Стратегию национальной безопасности»

2. определение критериев оценки мецената. Важно, чтобы у мецената не было публичной позиции, которая противоречит ценностным основам России, чтобы он не участвовал в кампаниях, направленных на дискредитацию России, ее культуры, языка, истории или образовательной системы, не состоял в организациях/сообществах, запрещенных на территории РФ;

3. определение критериев оценки проекта, получающего поддержку мецената. Перед запуском меценатского проекта необходимо фиксировать ценностную рамку проекта (на популяризацию каких основных ценностей работает проект), уровень культурной и национальной значимости проекта, соответствует ли коммуникационная и репутационная политика мецената ценностям проекта, существуют ли риски дискредитации образа России.

Таким образом, меценатские и спонсорские проекты в культуре и образовании должны проходить не только юридическую, но и ценностно-смысловую оценку, а безбарьерная среда для меценатства означает безоценочной среды. В этом смысле национальный бренд может выполнять функцию ориентира для оценки проектов и партнеров: проект должен не противоречить стратегическому позиционированию России как государства культуры, исторической памяти, образования, гуманизма, созидания и традиционных ценностей.

На наш взгляд, поддержка со стороны меценатов и бизнеса имеет большое значение в развитии культуры и образования, поскольку дает возможность увеличивать количество общественно-полезных проектов, привлекать дополнительные ресурсы, усиливать инфраструктуру культурных и образовательных учреждений, создавать новые форматы просвещения.

Однако принадлежность личности мецената к проектам становится не только источником финансирования, но и частью публичного образа проекта. Его репутация, ценностные установки, публичная позиция и деловые интересы могут влиять на восприятие поддерживаемой инициативы. В случае несоответствия мецената или спонсора ценностной рамке проекта возникает риск подмены смыслов, репутационного ущерба, легитимизации чуждых установок и/или использования культурной и образовательной сфер как канала скрытого влияния. Государство должно определять базовые требования к культурным и образовательным проектам, исходя из национальных интересов и доктринально закрепленных традиционных духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Володенков С.В. Социальная архитектура. М.: Проспект, 2026. 432 с.

2. Голицина С.В. Непрерывное экономическое образование: словарь базовых понятий. Екатеринбург: Изд-во УГЭУ, 2004. 200 с.

3. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: СКИФИЯ, 2008. 280 с.

4. Меценатство 2.0: создание безбарьерной правовой среды [Электронный ресурс] // Московский юридический форум (сайт). URL: https://moslegforum.ru/programs/-metsenatstvo-2–0-sozdanie-bezbarernoy-pravovoy-sredy/ (дата обращения: 30.05.2026).

5. Милосердова ОЮ. Взаимосвязь образования и культуры в современном обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. № 2 (10). С. 42.

6. Музей без границ [Электронный ресурс] // Благотворительный фонд В. Потанина (сайт). URL: https://fondpotanin.ru/activity/museum-without-borders/ (дата обращения: 30.05.2026).

7. О меценатской деятельности [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации (сайт). URL: https://culture.gov.ru/documents/o-metsenatskoy-deyatelnosti-170413/ (дата обращения: 30.05.2026).

8. Особый взгляд [Электронный ресурс] // Портал инклюзивной культуры (сайт). URL: https://specialviewportal.ru/about/ (дата обращения: 30.05.2026).

9. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России – Официальный интернет-портал правовой информации (сайт). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 30.05.2026).

10. Фонд Прохорова [Электронный ресурс]. URL: https://www.prokhorovfund.ru/ (дата обращения: 30.05.2026).

11. Энциклопедический словарь по культурологии. М.: Центр, 1997. 477 с.

VALUE-REPUTATIONAL RISKS AND INSTRUMENTS FOR PROTECTING THE NARRATIVE FRAMEWORK OF STATE–PHILANTHROPIST PARTNERSHIP PROJECTS

Abrikosova L.D.
JSC Manufacturing company 'SKB Kontur'

This article examines the value and reputation risks that arise within partnerships between the state and philanthropists when implementing projects in the fields of culture and education. It argues that philanthropy serves not only as a mechanism for financial support of socially significant initiatives but also as a tool for conveying values, meanings, and images that influence perceptions of the country, national identity, and Russia's image. Particular attention is paid to the risks of eroding traditional Russian spiritual and moral values, conflicts between the philanthropist's and the project's values, the potential for external discrediting of supported initiatives, and the philanthropist's influence on the project's semantic content. Based on an analysis of Russian regulatory documents and practices supporting cultural and educational projects, an approach to evaluating philanthropists and projects is proposed, taking into account criteria for value alignment. The scientific novelty of this study lies in its adaptation of a corporate methodology for selecting and evaluating partners, used in commercial practice, to the field of state-philanthropist interaction. The study concludes that it is necessary to implement mechanisms to protect the conceptual framework of projects as a prerequisite for preserving cultural sovereignty, strengthening national identity, and increasing the effectiveness of philanthropy.

Keywords: philanthropy, value-reputational risks, traditional Russian spiritual and moral values, cultural policy, national identity, Russia's national brand, cultural sovereignty, education, culture, conceptual framework, reputation management.

References

1. Volodenkov, S.V. Social Architecture. Moscow: Prospect, 2026. 432 p.

2. Golitsina, S.V. Continuous Economic Education: A Dictionary of Basic Concepts. Yekaterinburg: Ufa State University of Economics and Management, 2004. 200 p.

3. Zelinsky, S.A. Information and Psychological Impact on Mass Consciousness. Mass Media, Information, and Propaganda as a Conduit for Manipulative Methods of Influencing the Subconscious and Modeling the Actions of Individuals and the Masses. St. Petersburg: SKIFIYA, 2008. 280 p.

4. Patronage 2.0: Creating a Barrier-Free Legal Environment [Electronic resource] // Moscow Legal Forum (website). URL: https://moslegforum.ru/programs/-metsenatstvo-2–0-sozdanie-bezbarernoy-pravovoy-sredy/ (date of access: 30.05.2026).

5. Miloserdova O. Yu. The Relationship between Education and Culture in Modern Society // Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences. 2017. No. 2 (10). P. 42.

6. Museum without Borders [Electronic resource] // V. Potanin Charitable Foundation (website). URL: https://fondpotanin.ru/activity/museum-without-borders/ (date of access: 30.05.2026).

7. On Patronage Activities [Electronic resource] // Ministry of Culture of the Russian Federation (website). URL: https://culture.gov.ru/documents/o-metsenatskoy-deyatelnosti-170413/ (accessed on 30.05.2026).

8. A Special View [Electronic resource] // Inclusive Culture Portal (website). URL: https://specialviewportal.ru/about/ (accessed on 30.05.2026).

9. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" [Electronic resource] // President of Russia – Official Internet Portal of Legal Information (website). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (accessed on 30.05.2026).

10. Prokhorov Foundation [Electronic resource]. URL: https://www.prokhorovfund.ru/ (accessed: 30.05.2026).

11. Encyclopedic Dictionary of Cultural Studies. Moscow: Center, 1997. 477 p.

Влияние этнической и религиозной идентичности на радикализацию в Центральной Азии: сравнительный анализ Казахстана, Узбекистана И Кыргызстана

Айдарбекова Алия Айдарбековна,
аспирант, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы
E-mail: aydarbekova-a@rudn.ru

На сегодняшний день проблема радикализации этнической и религиозной идентичности становится особенно актуальной. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан сталкиваются с вызовами, связанными с религиозными и этническими конфликтами, угрожающих внутренней стабильности. В статье проводится сравнительный анализ детерминантов, влияющих на процессы радикализации в этих странах, с целью выявления особенностей региональных подходов.
Исследование основано на анализе политической практики, международного сотрудничества, социально-общественных процессов и механизмов интеграции или дезинтеграции этнических и религиозных групп. Рассматривается роль государственных институтов, религиозных структур и гражданского общества в формировании устойчивой идентичности. Полученные результаты выявляют различия и сходства в динамике радикализации, обусловленные историческими, политическими и культурными особенностями региона. Статья способствует пониманию угроз безопасности и выработке рекомендаций по профилактике экстремизма и укреплению межэтнического диалога в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, безопасность, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, этническая идентичность, религия.

В данной статье рассматривается вопрос о том, каким образом этническая и религиозная идентичность могут влиять на процессы радикализации в странах Центральной Азии. В общем фокусе находятся не понятия «этничности» и «религии» как таковые, а напротив, факторы, которые через идентичность могут усиливать уязвимость к радикальным идеологиям.

Казахстан: как этническая и религиозная идентичности приводят к уязвимости

Согласно официальным материалам в Казахстане, угроза экстремизма обычно связана с радикализацией идеологий, пришедших на замену традиционной религиозной практики. Так, религиозная идентичность становится «внутренним» каналом принятия радикального сообщения. В современном же Казахстане тема идентичности является очень интересной. Так, к примеру, ему присущи различного рода идентичности. В стране наблюдается современная казахская идентичность, мусульманская и племенная идентичность. В стране поликонфессиональное и полиэтническое население, где различные этнические группы выступают за то, чтобы государство выступало от имени всех этнических групп, а не только от имени титульного этноса; вследствие чего Казахстан сохраняет паритет между самой этнической и гражданской идентичностями. Таким образом, на сегодняшний день важную роль играет Ассамблея Народа Казахстана, чья модель стала опорой для других стран мира, а ее опыт был признан на уровне ООН и ОБСЕ [11, 12]. Несмотря на хорошие показатели, есть риск межэтнических конфликтов из-за маргинализации элит, которая усиливает чувство несправедливости и может подтолкнуть к поддержке экстремизма.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию десятилетней давности. Так, в 2016 году в Джамбульской области наблюдались межэтнические столкновения между этническими турками и казахами [24]. В данном конфликте было видно, что некоторая часть этнических групп, недовольных своим статусом и уровнем социальной и политической интеграции оказалась под влиянием радикальных течений, обещающих «защиту» интересов их этнической общины. Недостаточно успешные действия ведомств обеспечить равные возможности и доступ к ресурсам создала предпосылки к радикальному восприятию ситуации. Это не первый случай в Казахстане: массовые беспорядки после межэтнических конфликтов идут по одному сценарию – преступление провоцирует стычки между представителями разных национальностей. Отличается лишь одна из сторон: наблюдались конфликты с узбеками, чеченцами, турками; такие инциденты чаще происходят в южных и западных областях, причём местная недовольство часто накапливается годами до повода для резкого «всплеска».

Казахстан – светское государство, где поле религии отделена от зоны политики, но ислам традиционно имеет важную роль в жизни большинства населения (см. таблицу 1). Безусловно, помимо ислама, в стране есть крупные общины христиан (большая часть православные), а также небольшие группы других религий. В поисках своей идентичности, люди, а именно молодежь, обращаются к религии. Особенно уязвимы регионы с высокой безработицей, низким уровнем образования и слабыми религиозными институтами. К примеру, после 2010-ых увеличилось число казахстанцев, присоединившихся к зарубежным радикальным организациям («Исламское государство»[1], «Джебхат ан-Нусра»[2] и другие [25]. Попытки ограничить «нетрадиционный» ислам вызывают у верующих ощущение несправедливости и отчужденности, что повышает доверие к радикальной пропаганде, особенно среди молодых, ищущих свою идентичность. Религия сама по себе приводит к радикализму, но при низкой социальной интеграции становится уязвимой для экстремизма (табл. 1).

Таблица 1. Этнический состав населения Казахстана согласно данным Бюро национальной статистики РК

Наименование показателей	Items	2016-2021	2022-2024	2025	2026
Все население	**Total**		19122000 – 20033842	20283399	20499822
в том числе:	Including:	нет данных	нет данных		
Казахи	Kazakhs	-	-	14456709	14664202

[1] Запрещенная организация на территории РФ
[2] Запрещенная организация на территории РФ

Окончание

Наименование показателей	Items	2016-2021	2022-2024	2025	2026
Русские	Russians	-	-	2963938	2943022
Узбеки	Uzbeks	-	-	678487	695 557
Украинцы	Ukrainians	-	-	371807	367 547
Немцы	Germans	-	-	223272	222 890
Татары	Tatars	-	-	218926	218 361
Кыргызы	Kyrgyz	-	-	40200	41459
Армяне	Armenians	-	-	16188	16379
Таджики	Tajiks	-	-	58712	61307
Азербайджанцы	Azerbaijanians	-	-	155364	157568
Чеченцы	Chechens	-	-	35084	35436
Белорусы	Belorussians	-	-	74389	73788
Грузины	Georgians	-	-	5785	5874
Литовцы	Lithuanians	-	-	5584	5608
Молдаване	Moldavians	-	-	17091	17107
Латыши	Latvians	-	-	1184	1183
Туркмены	Turkmens	-	-	3117	3275
Эстонцы	Estonians	-		1078	1081
Евреи	Jews	-	-	4072	4067
Уйгуры	Uigurs	-	-	305648	309 164
Дунгане	Dungans	-	-	86067	44290
Корейцы	Koreans	-	-	120686	120821
Турки	Turks	-	-	91732	93 234
Другие национальности	Others	-	-	418279	615035

Этнические и религиозные детерминанты радикализации в современном Узбекистане

Узбекистан в качестве государства с богатым этническим и религиозным разнообразием встречается с вызовами, которые связаны с радикализацией отдельных групп местного населения. Данное явление имеет весьма сложную динамику, которая обусловлена социальными, историческими, экономическими и политическими факторами. Это государство, где основная составляющая – узбеки, кыргызы, таджики, русские и другие (см. таблицу 2). От их этнических отношений и диалога зависит внутренняя стабильность в стране. В качестве примера можно привести каракалпакский конфликт 2016–2019 годов, когда возникло напряжение между узбекскими и каракалпакскими сообществами [17]. В постконфликтный период усилились этнические стереотипы, которые по оценкам аналитиков, послужило первичным поводом для радикализации молодежи обеих групп. Этнические общины, такие как кыргызы, таджики и казахи в городах и приграничных регионах, по-прежнему уязвимы для пропаганды и вербовки со стороны радикальных группировок, связанных с исламским экстремизмом. Этническая маргинализация может стимулировать создание "этнических радикальных групп" для защиты своих интересов. Еще в 1980-е гг. норвежский исследователь Стейн Роккан отмечал тот факт, что события последних десятилетий превратили понятие "этничности" в предмет политической моды [5].

Этнические группы в Узбекистане продолжают играть большую роль в ее политической жизни. Более того, находя все более различные формы своего социального и политического самоутверждения, этнические группы Узбекистана нередко пытаются обозначать себя через участие в политических и духовных процессах общества и государства. Особенное внимание следует уделить сборнику статей "Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты" [1]. Данный регион, где тесно переплелись границы трех государств и множества этносов, и есть полигон конструирования и формирования титульных наций, ставшие основой новых независимых государств. По результатам исследований, процесс формирования и конструирования наций еще не окончен и не завершен до конца, поэтому повседневная жизнь долины регулярно сопровождается этническими конфликтами и радикализацией (табл. 2).

Таблица 2. Этнический состав населения Узбекистана за 2026 год согласно данным Агентства статистики при Президенте РУ

Наименование показателей	Items	2016-2023	2024	2025	2026
Все население	**Total**		нет данных	37, 5 млн.	38, 2 млн.
в том числе:	Including:	нет данных			
Узбеки	Uzbeks	-	29589964	29899132	30100141
Русские	Russians	-	803674	804872	802186
Казахи	Kazakhs	-	913998	915642	916783
Украинцы	Ukrainians	-	67385	66034	65189
Татары	Tatars	-	186565	185011	184355
Кыргызы	Kyrgyz	-	293854	295675	297456
Таджики	Tajiks	-	1818864	1828967	1862000
Каракалпаки	Qaraqalpaqs	-	нет данных	нет данных	840400

Этноконфессиональная и религиозная идентичности как предпосылка радикализации в Кыргызстане

На сегодняшний день Кыргызстан, как многоэтническое и многоконфессиональное общество, сталкивается с вызовами, связанными с формированием идентичностей и их влиянием на социальные и политические процессы. В стране наблюдается некоторое "недоверие" между этническими группами, когда религиозные аспекты ассоциируются с этнической принадлежностью. В качестве примера можно привести ситуацию, когда кыргызы – мусульмане, узбеки – также мусульмане, но как это часто бывает, с разными традициями), что создает сложную динамику. Т.е. в ряде ситуаций, когда этническая или религиозная группа ощущает себя дискриминируемой, она в большинстве своем, может стать уязвимой для пропаганды радикальных идей. Современный Кыргызстан характеризуется множественностью идентичностей: этнической, религиозной, родовой, региональной. Как отмечает О.Ф. Курнышкин, на сегодняшний день Кыргызстан проходит через сложный этап трансформации (табл. 3).

Таблица 3. Этнический состав населения Кыргызстана согласно данным Национального статистического комитета КР

Наим. показателей	Items	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023-2025	2026
Все население	**Total**	**6 019 480**	**6 140 200**	**6 256 730**	**6 389 500**	**6 523 529**	**6 636 803**	**6 747 323**	**7 037 590 – 7161902**	**7 422401**
в том числе:	Including:									
Кыргызы	Kyrgyz	4 393 057	4 492 667	4 587 430	4 695 646	4 804 369	4 896 182	4 995 877	-	5760481
Русские	Russians	360 580	356 637	352 960	348 935	344 950	341 351	335 237	-	274 628
Узбеки	Uzbeks	878 615	898 363	918 262	940 628	964 379	985 358	999 300	-	1061403
Украинцы	Ukrainians	12 691	11 915	11 252	10 600	9 943	9 243	8 402	-	-
Немцы	Germans	8 403	8 340	8 269	8 201	8 179	8 132	7 886	-	-

Окончание

Наим. показателей	Items	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023-2025	2026
Татары	Tatars	27454	27341	27200	26992	26732	26507	26079	-	-
Казахи	Kazakhs	34615	35087	35541	36022	36396	36706	36854	-	29 689
Таджики	Tajiks	52729	53848	54976	56219	57612	58913	60148	-	66 801
Азербайджанцы	Azerbaijanians	19630	20010	20406	20771	21153	21389	21607	-	22 267
Чеченцы	Chechens	1705	1684	1690	1701	1707	1708	1709	-	-
Белорусы	Belorussians	944	897	851	816	768	736	705	-	-
Грузины	Georgians	575	568	570	569	574	575	574	-	-
Молдаване	Moldavians	387	382	374	369	361	362	356	-	-
Туркмены	Turkmens	2121	2128	2139	2142	2150	2150	2159	-	-
Евреи	Jews	472	457	455	447	445	433	422	-	-
Уйгуры	Uigurs	54810	56015	57002	58168	59367	60210	61033	-	37 112
Дунгане	Dungans	67622	69093	70534	72240	73977	75437	76573	-	74 224
Корейцы	Koreans	16957	17015	17074	17105	17124	17094	16950	-	-
Турки	Turks	42255	42829	43411	44112	44773	45322	45899	-	22 465
Другие национальности	Others	43858	44924	46334	47817	48570	48995	49553	-	-

Таблица 4. Сравнительный анализ индексов религиозного и этнического влияния в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане

Страна	Религия	Этническая структура	Ведущий фактор радикализации	Индекс этнич. влияния	Индекс религ. влияния
Казахстан	Ислам – 61, 3% Христианство (православные) – 17,2% Католики – 5% Не относятся к какому-либо религиозному направлению –15,8%; Не верующие, но уважающие религиозные чувства других людей – 23,5%; Атеисты – 9,1% [15].	Преобладают казахи, значительное русское и узбекское меньшинство	Основная угроза -религиозный экстремизм; этническая идентичность играет менее значительную роль, однако маргинализация некоторых групп усиливает риск радикализации.	Средний	Средний
Узбекистан	Ислам – 80% Христианство –15% Другие/Атеисты – 4% (включая бахаи, буддистов) [13].	Преобладают узбеки, есть каракалпакское, русское и таджикское меньшинства	Жесткая государственная политика против экстремизма, однако этнические и религиозные идентичности сохраняют потенциал для радикальных тенденций, особенно в регионе Ферганы.	Средний	Средний
Кыргызстан	Ислам – 85% Христианство –7–11% (православие, католицизм, протестантизм). Другие религии и атеисты – 3%, включая бахаи, иудеев, буддистов [21].	Преобладают кыргызы, узбеки, небольшие дунганские, уйгурские и другие меньшинства	Межэтнические конфликты (например, события 2010 года) способствуют росту радикальных взглядов [6]. Религиозная идентичность становится фактором мобилизации, особенно в приграничных регионах.	Высокий	Высокий

Идентичностей, в которой есть эпические традиции, исламисткие влияния и модернизационные попытки [4]. Такая трансформация становится фактором радикализации. К примеру, работы Атамбаева Б. и Хан Н.Р. направлены на выявление проблемы приравнивания этнической и религиозной идентичностей. Они объясняют, что вследствие приравнивания двух понятий происходит стигматизация кыргызов, принявших другую веру [9]. Такого вида этнорелигиозный диктат приводит к тому, что люди, чувствуя свою уязвимость прибегают к радикализации, чтобы снизить давление на свою индивидуальную идентичность и обрести свободу выбора. В качестве примера можно рассмотреть события июня 2010 года в городе Ош и прилегающих районах Кыргызстана. В южной части Кыргызстана произошел масштабный конфликт между кыргызами и этническими узбеками, повлёкший за собой гибель сотен людей, массовое разрушение инфраструктуры города и жилых домов. Далее в постконфликтный период наблюдалось формирование этнически обособленных групп с уже внутренними обновленными нарративами «свои – чужие». Среди этнических узбеков был отмечен рост поддержки идей самообороны, а иногда и появления «неформальных структур безопасности», что является индикатором радикализации на этнической почве. Усиление отторжения от государственных структур среди узбекского населения создало предпосылки для поиска альтернативных систем защиты и справедливости, включая апелляцию к радикальным идеям.

В аналитическом отчете по результатам полевого исследования «Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана» рассматривают такую группу причин как “идеологические”, имея в виду религию: “Радикализация и есть результат принятия человеком какой-то очень нетерпимой, фундаменталистского толка, религии, отрицающей сосуществование с теми, кто не хочет разделять такую же точку зрения и, к тому же, рассматривает другие точки зрения, идеологии и системы ценностей как развращающие свою, собственную, снова принятую веру и, следовательно, враждебную ей” [10].

Заключение

На уровне официальных подходов Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана прослеживается несколько общих линий: во-первых, религиозная идентичность в трех странах чаще всего действует как канал вербовки и закрепления: радикальные идеи «упаковываются» в некую религиозную аргументацию. Во-вторых, этнический фактор в этих государствах влияет преимущественно через социальную устойчивость и риск мобилизации по линии «различий», но в большинстве примеров, это не главная и прямая причина радикализации. В таком случае, профилактика и институциональный контроль религиозной сферы являются ключевыми компонентами стратегии: легитимация «правильных» путей просвещения снижает пространство для радикализации. Казахстан

фокусируется на регулировании религии и профилактике радикализма через государственные и партнёрские механизмы.Кыргызстан связывает риски радикализации с уязвимостью молодежи и воздействием транслокальных информационных сетей, делая профилактику более ориентированной на социальные факторы. Узбекистан делает упор на институционализацию религии и развитие легитимных форм образования и просвещения как барьер на пути распространения нелегитимных радикальных идей. Радикализация редко возникает сама по себе из-за идентичности, скорее идентичность служит средством придания смысла радикальным нарративам. Политика Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана строится вокруг религиозного регулирования и угроз, однако приоритеты различаются в зависимости от институциональных и социальных условий. Эффективное противодействие в целях нераспространения радикализации в данных трех странах требует отказа от давно устаревших подходов, с последующим переходом к новой комплексной, адаптивной стратегии.

Литература

1. Абашин С. Н., Бушков В.И. Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. Наука, 2004. С. 224.
2. Бурнашев Р.Р. Концепт «радикализация» в странах Центральной Азии (на примере Казахстана) // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. № 1.
3. Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 1.
4. Курныкин О.Ф. Феномен «множественной идентичности» в современном киргизском обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 6 (122). С. 73–78.
5. Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 1.
6. Малышев Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестн. Моск. ун-та. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011.
7. Мирсайитов И. Э., Текенова С.Ж. Религиозная идентичность и «кыргыз жараны» в поисках диалога // Известия национальной академии наук КР. 2023. № 4. С. 179–190.
8. Мчедлова М. М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 648–658.
9. Смыслы, образы и медиаканалы, способствующие радикализации молодежи Кыргызстана // Аналитический отчет по полевому исследованию в рамках проекта «Социальные медиа для дерадикализации в Кыргызстане: Модель для Центральной Азии», Search for Common Ground. 2017. Январь.
10. Хан Н. Р., Атамбаев Б. Проблемы религиозной идентичности кыргызов: феноменолого-социологический анализ прозелитизма // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 145–158.
11. Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Режим доступа: https://www.un.org/ru/
12. Официальный сайт Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Режим доступа: https://www.osce.org/
13. Комиссия по вопросам международной свободы вероисповедания. Режим доступа: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/
14. Официальный сайт Ассамблеи Народа Казахстана. Режим доступа: https://assembly.kz/ru/
15. Официальный сайт Контртеррористического комитета. Режим доступа: https://ctc-rk.kz
16. Правительственный сайт Республики Узбекистан. Режим доступа: https://gov.uz/ru
17. Российский совет по международным делам (РСМД). Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzbekistan-posle-protestov/
18. Официальный сайт Национального комитета Республики Узбекистан по статистике. Режим доступа: https://stat.uz/ru/
19. Официальный сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Режим доступа: https://stat.gov.kg/ru/
20. Официальный сайт Бюро Национальной статистики Республики Казахстан. Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/
21. Cabar.asia – Центральноазиатское бюро аналитической отчетности. Режим доступа: https://cabar.asia/ru/religioznaya-politika-v-kyrgyzstane-analiz
22. Информационное агентство «АКИpress». Режим доступа: https://akipress.org/
23. Информационное агентство «КАБАР». Режим доступа: https://ru.kabar.kg
24. Новостной портал «Коммерсантъ». Режим доступа: https://www.kommersant.ru/
25. Новостной портал "РИА Новости". Режим доступа: https://ria.ru/20141229/1040670060.html

THE IMPACT OF ETHNIC AND RELIGIOUS IDENTITY ON RADICALIZATION IN CENTRAL ASIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF KAZAKHSTAN, UZBEKISTAN, AND KYRGYZSTAN

Aidarbekova A.A.
Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba

Today, the issue of radicalization of ethnic and religious identities has become especially urgent. Kazakhstan, Uzbekistan, and Kyrgyzstan face challenges related to religious and ethnic conflicts that threaten internal stability. This article presents a comparative analysis of the determinants influencing radicalization processes in these countries, aiming to identify regional specificities.

The research is based on an analysis of political practices, international cooperation, socio-community processes, and mechanisms of integration or disintegration of ethnic and religious groups. It considers the role of state institutions, religious organizations, and civil society in shaping a resilient identity. The findings reveal differences and similarities in the dynamics of radicalization, driven by the region's historical, political, and cultural features. The article contributes to understanding security threats and developing recommendations for countering extremism and strengthening interethnic dialogue in Central Asia.

Keywords: Central Asia, security, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, ethnic identity, religion.

References

1. Abashin, S.N., & Bushkov, V.I. Fergana Valley: Ethnicity, Ethnic Processes, Ethnic Conflicts. Nauka, 2004. p. 224.
2. Burnashev, R.R. The Concept of "Radicalization" in Central Asian Countries (Case of Kazakhstan). Journal of Central Asian and Eurasian Studies, 2021, No. 1.
3. Zhiltsov, S.S. Central Asia: Regional Potential and New Challenges for Central Asian States. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024, No. 1.
4. Kurnykin, O.F. The Phenomenon of "Multiple Identity" in Contemporary Kyrgyz Society. Bulletin of Altai State University, 2021, No. 6 (122), pp. 73–78.
5. Larsen, S.U. Modeling Europe in Rokkan's Logic. Polis, 1995, No. 1.
6. Malyshev, D.V. The Revolutionary Events of 2010 in Kyrgyzstan: Main Prerequisites and the Reaction of the World Community. Bulletin of Moscow State University, Series 25. International Relations and World Politics, 2011
7. Mirsayitov, I.E., & Tekenova, S. Zh. Religious Identity and "Kyrgyz Jarany" in Search of Dialogue. Bulletin of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, 2023, No. 4, pp. 179–190.
8. Mchedlova, M.M., & Sarkisyan, O.L. Civic Identity: Diversity of Meanings and Achievement of Solidarity. Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Political Science, 2021, Vol. 23, No. 4, pp. 648–658.
9. Khan, N.R., & Atambaev, B. Problems of Religious Identity of the Kyrgyz: A Phenomenological-Sociological Analysis of Proselytism. Scientific Result. Sociology and Management, 2023, Vol. 9, No. 2, pp. 145–158.
10. Meanings, Images and Media Channels Promoting the Radicalization of Youth in Kyrgyzstan. Analytical Report on Field Research within the Project "Social Media for Deradicalization in Kyrgyzstan: A Model for Central Asia", Search for Common Ground. January 2017.
11. Official website of the United Nations. Access mode: https://www.un.org/ru/
12. Official website of the Organization for Security and Co-operation in Europe. Access mode: https://www.osce.org/
13. United States Commission on International Religious Freedom. Access mode: https://www.uscirf.gov/sites/default/files/
14. Official website of the Assembly of the People of Kazakhstan. Access mode: https://assembly.kz/ru/
15. Official website of the Counter-Terrorism Committee (Republican Public Organization). Access mode: https://ctc-rk.kz
16. Official government website of the Republic of Uzbekistan. Access mode: https://gov.uz/ru
17. Russian International Affairs Council (RIAC). Access mode: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzbekistan-posle-protestov/
18. Official website of the National Committee of the Republic of Uzbekistan on Statistics. Access mode: https://stat.uz/ru/
19. Official website of the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Access mode: https://stat.gov.kg/ru/
20. Official website of the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. Access mode: https://stat.gov.kz/ru/
21. Cabar.asia – Central Asian Bureau for Analytical Reporting. Access mode: https://cabar.asia/ru/religioznaya-politika-v-kyrgyzstane-analiz
22. News agency "AKIpress". Access mode: https://akipress.org/
23. News agency "KABAR". Access mode: https://ru.kabar.kg
24. News portal "Kommersant". Access mode: https://www.kommersant.ru
25. News portal "RIA Novosti". Access mode: https://ria.ru/20141229/1040670060.html

Свобода и ответственность в условиях применения искусственного интеллекта

Булыгин Алексей Витальевич,
аспирант кафедры философии МГУ им. Н.П. Огарёва
E-mail: bulygin_av@mail.ru

В статье исследуется фундаментальное противоречие между стремлением к расширению автономии систем искусственного интеллекта и сохранением этической и юридической ответственности человека за результаты их функционирования. На основе анализа философских концепций свободы и ответственности, а также актуальных правовых документов и реальных кейсов 2024–2026 годов обосновывается тезис о невозможности приобретения свободы алгоритмическими системами без принятия ими ответственности, что порождает парадокс «свободы без субъекта». Разрабатывается методика определения ответственности, основанная на критерии степени контроля над системой. Делается вывод о необходимости перехода от точечного регулирования к комплексной междисциплинарной модели распределённой ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автономия, ответственность дистрибутивная, этические дилеммы, правосубъектность, алгоритмическая свобода.

Введение

Стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта во все сферы социальной реальности – от здравоохранения и юриспруденции до управления финансами и творческой деятельности – актуализировало комплекс философско-правовых проблем, требующих безотлагательного переосмысления фундаментальных категорий этики. Среди них центральное место занимает проблема соотношения свободы и ответственности в условиях, когда субъектом принятия решений всё чаще выступает не человек, а автономная алгоритмическая система. Классическая философская традиция, восходящая к Иммануилу Канту и Жан-Поль Сартру, исходит из неразрывной связи свободы и ответственности: свобода есть условие возможности морального выбора, а ответственность – необходимая плата за обладание свободой. Однако применение данной дихотомии к искусственному интеллекту обнаруживает глубокое концептуальное противоречие. С одной стороны, развитие технологий направлено на повышение автономности систем ИИ, делегирование им всё более ответственных функций. С другой стороны, ни одна существующая правовая или этическая система не признаёт за алгоритмическими системами способности нести ответственность – как в силу отсутствия у них качеств субъекта (сознания, воли, способности к рефлексии), так и в силу невозможности применения к ним мер юридического или морального воздействия.

Цель настоящей работы – выявить природу указанного противоречия, проанализировать его проявления в актуальных практиках применения ИИ и предложить методологические основания для его разрешения в рамках обновлённой этической и правовой парадигмы.

Теоретическая экспликация понятий свободы и ответственности в контексте искусственного интеллекта

Понятие свободы применительно к системам искусственного интеллекта требует существенной модификации по сравнению с его классическим антропологическим пониманием. Если свобода человека традиционно связывается со способностью к автономному моральному выбору, рефлексии оснований собственных действий и возможности действовать иначе, то свобода алгоритмической системы – это свобода операциональная. В техническом дискурсе автономия ИИ означает способность системы принимать решения без прямого вмешательства человека на каждом этапе функционирования, опираясь на обученные модели, заданные целевые функции и поступающие данные. Степень автономности варьируется от систем, действующих в жёстко детерминированных сценариях (например, автокоррекция в текстовых редакторах), до систем, которые в режиме реального времени адаптируют своё поведение к непредвиденным обстоятельствам (автономный транспорт, хирургические роботы, алгоритмические трейдеры). Однако даже максимально автономный ИИ остаётся свободой в кавычках: его «выборы» суть результаты оптимизации заданной целевой функции, не сопровождающиеся ни переживанием альтернатив, ни способностью к моральной рефлексии[1].

Проблема ответственности в контексте ИИ предстаёт как проблема дистрибутивная – распределённая между множеством акторов, вовлечённых в жизненный цикл системы. Генеральная прокуратура Российской Федерации в своих разъяснениях выделяет следующие ролевые позиции: разработчик (создающий архитектуру и алгоритмы), оператор (обеспечивающий функционирование), «учитель» (осуществляющий обучение и адаптацию системы), а также конечный пользователь. Каждый из этих субъектов обладает различной степенью контроля над системой и, соответственно, различной мерой ответственности за последствия её работы. Ключевая теоретическая трудность заключается в том, что классическая модель ответственности, зафиксированная в статье 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации («вред, причинённый личности или имуществу, подлежит возмещению лицом, его причинившим»), предполагает наличие конкретного причинителя – субъекта, обладающего правосубъектностью и дееспособностью. Техническая же система, лишённая этих качеств, не может быть признана лицом, причинившим вред, в юридическом смысле.

Как верно отмечает Слюсарь, Н. А., в этой связи некоторые исследователи – как отечественные, так и зарубежные – выдвигают предложения о наделении автономных систем ИИ особым статусом. Европей-

ский парламент в резолюции 2017 года допустил возможность введения категории «электронных лиц» для сложных автономных роботов, которые могли бы нести самостоятельную ответственность. Российские инициативы (проект Д. Гришина 2016 года) предлагали распространить на роботов регулирование по аналогии с юридическими лицами или животными. Однако ни одна из этих инициатив не получила законодательного закрепления, и на сегодняшний день доминирующей остаётся позиция, согласно которой субъектом ответственности может быть только человек или организация[2].

Исторический экскурс: генезис проблематики ответственности в контексте развития ИИ

Проблема распределения ответственности за действия автономных систем не является порождением эпохи генеративных нейросетей. Её истоки можно обнаружить в более ранних технологических контекстах, однако именно развитие ИИ придало этой проблеме качественно новое измерение.

Важным рубежом стали соревнования DARPA 2004–2005 годов, где автономные транспортные средства впервые продемонстрировали способность самостоятельно преодолевать сложные маршруты. Если в 2004 году лучший результат не превысил восьми миль, то спустя год пять машин успешно завершили стотридцатидвухмильную трассу. Это наглядно показало: технологии автономного принятия решений развиваются экспоненциально, а правовые и этические рамки – линейно, если не отставая.

В 2010-е годы, ознаменовавшиеся «революцией нейронных сетей», произошёл стремительный рост производительности систем ИИ и одновременно – лавинообразное нарастание этических инцидентов. Исследователи фиксируют, что с этого периода число реальных примеров использования ИИ, приводящих к неоднозначным этическим последствиям как для отдельного человека, так и для общества, стало неуклонно расти. К числу основных рисков были отнесены: непрозрачность принятия решений системами ИИ, невозможность определения субъекта ответственности, предвзятость алгоритмов, неравенство в распределении благ и доступности технологий, влияние на автономность человека в принятии решений. Особую остроту проблематика приобрела с появлением генеративных моделей. В 2023–2025 годах зафиксированы многочисленные случаи, когда адвокаты подавали в суд документы со ссылками на несуществующие прецеденты, сгенерированные языковыми моделями, и сами получали санкции – не искусственный интеллект, а именно юристы, которые не проверили предоставленную алгоритмом информацию.

Эмпирическая верификация: анализ реальных кейсов

Для понимания механизмов возникновения этических дилемм необходимо обратиться к анализу конкретных инцидентов, произошедших при внедрении систем ИИ в различных сферах.

Первый кейс относится к сфере потребительского сервиса и иллюстрирует проблему юридической силы обещаний, данных алгоритмом. В 2025 году Ханчжоуский интернет-суд в Китае рассмотрел дело, в котором пользователь обратился к компании-разработчику чат-бота с требованием компенсации, основываясь на том, что сам чат-бот пообещал выплатить сто тысяч юаней «в случае ошибки». Суд отклонил иск, указав, что искусственный интеллект не способен выражать юридически значимую волю, а у пользователя не было разумных оснований воспринимать обещание алгоритма как обязательство компании. При этом суд подчеркнул: генеративный ИИ – это услуга, а не товар, поэтому к нему неприменима ответственность без вины, действующая в сфере производства продукции[3].

Этот кейс важен для понимания границ правосубъектности ИИ. Суд легитимировал тезис о том, что «галлюцинации» языковых моделей (фактические ошибки, вымышленные ссылки, некорректные утверждения) не могут автоматически вменяться разработчику – требуется доказательство его вины, конкретного нарушения при проектировании или обучении системы.

Второй кейс связан с использованием ИИ в корпоративной среде. Проект «AI Darwin Awards» систематизирует наиболее показательные примеры неосмотрительного внедрения ИИ в 2025 году. Среди них – случай, когда крупная консалтинговая компания опубликовала официальный отчёт, содержавший ссылки на несуществующие источники, сгенерированные моделью ИИ. Документ прошёл внутреннюю проверку и был направлен клиентам прежде, чем ошибка была обнаружена. Автономный агент в другой компании, получив расширенные права доступа в процессе тестирования, удалил производственные данные[4, 5].

Оба инцидента демонстрируют ключевую закономерность: вред возник не из-за «злого умысла» ИИ или принципиальной несовершенства технологии, а вследствие управленческих решений, отсутствия процедур контроля, недостаточного тестирования и непродуманной политики ограничения доступа. Субъект ответственности здесь – не алгоритм, а люди, которые делегировали ему полномочия, не обеспечив соответствующих механизмов надзора.

Третий кейс поднимает вопрос об ответственности за эмоциональное воздействие ИИ на человека. По данным публикации The Wall Street Journal, имел место трагический случай, когда человек с тяжёлым психоэмоциональным состоянием активно консультировался с чат-ботом перед совершением противоправных действий. Этот эпизод, хотя и не получил судебного разрешения, иллюстрирует этическую дилемму высшего порядка: должна ли система, моделирующая эмпатию и дающая советы, нести ответственность за последствия следования этим советам? И если да, то как измерить причинно-следственную связь между алгоритмической рекомендацией и человеческим решением[6].

Обобщая данные кейсы, можно выделить несколько типов конфликтов между автономией ИИ и этической ответственностью. Конфликт первого типа возникает, когда система действует в рамках своей целевой функции, но эта функция вступает в противоречие с иными человеческими ценностями (например, алгоритм, оптимизирующий эффективность, дискриминирует уязвимую группу). Конфликт второго типа порождается непредсказуемым поведением системы, возникшим вследствие особенностей обучающей выборки или взаимодействия с нетипичной средой (галлюцинации, неадекватные реакции). Конфликт третьего типа связан с сознательным или неосознанным злоупотреблением возможностями ИИ со стороны человека, когда алгоритм используется как инструмент для действий, которые сам человек не стал бы совершать открыто.

Оценка существующих регуляторных рамок и методика определения ответственности

Глуздов Д.В. пишет о том, что современная система этико-правового регулирования искусственного интеллекта находится в стадии активного становления. В Российской Федерации принят ряд документов, задающих общие принципы в этой сфере[7].

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (2021 года) устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения для участников отношений в сфере ИИ, распространяясь на этические аспекты создания, внедрения и использования технологий на всех этапах жизненного цикла. Кодекс носит рекомендательный характер и не предусматривает юридической ответственности за его нарушение. В 2025 году Банк России разработал Кодекс этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке, целями которого являются повышение доверия клиентов и минимизация рисков. Специализированный Кодекс этики применения искусственного интеллекта в сфере охраны здоровья (версия 2.1, утверждена в феврале 2025 года) закрепляет роли, права и обязанности субъектов систем ИИ – разработчиков, производителей, заказчиков, операторов, поставщиков данных и пользователей.

На международном уровне Европейский Акт об искусственном интеллекте (вступил в силу в 2024 году) представляет собой наиболее масштабную попытку риск-ориентированного регулирования. Акт не возлагает на разработчиков ответственность за каждую ошибку, но обязывает их маркировать контент, сгенерированный ИИ, предупреждать пользователей о взаимодействии с алгоритмом, а также внедрять механизмы прозрачности для систем с высоким уровнем риска[8, 9].

Однако анализ этих документов обнаруживает системные пробелы. Во-первых, все они носят либо рекомендательный характер, либо устанавливают общие принципы без конкретных механизмов имплементации. Как справедливо отмечает профессор Н.Ю. Клюева, отсутствие механизмов перехода с теоретического уровня к решению конкретных практических задач – наиболее слабая сторона подхода, основанного на «регулирующих принципах». Существуют риски так называемой «покупки этики» (компании принимают этические кодексы как формальность, не меняя реальной практики), этического демпинга (перенос рискованной деятельности в юрисдикции со слабым регулированием) и уклонения от этики (ссылки на неопределённость принципов как оправдание бездействия).

Во-вторых, действующие документы не решают проблему распределения ответственности между разработчиком, «учителем» и оператором в ситуациях, когда система продолжает обучаться после развёртывания. Чем выше степень автономности системы и продолжительнее её обучение, тем сложнее определить, на каком именно этапе была допущена ошибка – при проектировании архитектуры, при подборе обучающих данных или при непредусмотренном взаимодействии со средой[10].

На основании проведённого анализа предлагается следующая методика определения ответственности при причинении вреда системами искусственного интеллекта. Критерий первый – степень контроля над системой на момент причинения вреда. Чем выше был уровень вовлечённости конкретного субъекта в функционирование системы, тем выше его потенциальная ответственность. При этом пользователь, не имеющий возможности влиять на алгоритм, не должен нести ответственность за вред, за исключением случаев, когда доказано его виновное действие или бездействие. Критерий второй – характер причинённого вреда. Если вред является следствием реализации известных разработчику рисков, которые не были им минимизированы, ответственность лежит на разработчике. Если вред вызван непредвиденным сбоем при условии, что система соответствует заявленным стандартам надёжности, ответственность распределяется в соответствии с договорными обязательствами и институтом страхования.

Критерий третий – способность лица, вовлечённого в эксплуатацию системы, предвидеть и предотвратить вредоносное событие. Этот критерий особенно важен для определения ответственности «учителя» ИИ – лица, ответственного за обучение и адаптацию алгоритмов. По обоснованному мнению исследователей, чем выше степень автономности системы и продолжительность её обучения, тем выше должна быть ответственность «учителя», осуществляющего её последующую адаптацию[11, 12].

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, фундаментальный парадокс свободы и ответственности в контексте искусственного интеллекта заключается в том, что развитие технологий направлено на расширение автономии алгоритмических систем, однако эти системы не могут нести ответственность в классическом понимании этого термина. Свобода без ответственности порождает зону этической и правовой неопределённости, которая может быть использована для уклонения от возмещения причинённого вреда.

Во-вторых, разрешение этого парадокса лежит не в плоскости наделения ИИ правосубъектностью (что представляется преждевременным и концептуально сомнительным), а в совершенствовании модели распределённой ответственности. Ключевым критерием определения ответственного субъекта выступает степень контроля над системой – от разработчика, отвечающего за архитектуру, до пользователя, осуществляющего конечную верификацию результатов. В-третьих, необходимо формирование новой этической грамотности как у разработчиков и операторов систем ИИ, так и у конечных пользователей. Принцип «дисциплинированного недоверия», сформулированный в практике Ханчжоуского суда, должен стать основой для культуры обращения с алгоритмическими системами. Человек, использующий ИИ как инструмент, сохраняет ответственность за проверку и верификацию результатов, которые он принимает к действию или представляет, как достоверные.

Литература

1. Казарян В.П. Практика искусственного интеллекта и проблема свободы личности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 27–32.

2. Слюсарь, Н.А. Искусственный интеллект в контексте социальных и философских вопросов / Н.А. Слюсарь, У.О. Миляева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – С. 680–683.

3. Беликова Е.К. Основные вопросы философии искусственного интеллекта // Философия и культура. 2024. № 1. С. 1–11.

4. Черкашина О.В. Свобода воли и искусственный интеллект // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 1.

5. Зейналова А. Самоанализ в философии в эпоху искусственного интеллекта // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2025. 9(124). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/20791 (дата обращения: 21.05.2026).

6. Абламейко С.В., Абламейко М.С. Искусственный интеллект в междисциплинарной перспективе: философско-правовые аспекты. Философские науки. 2021;64(5):57–70.

7. Глуздов Д.В. Проблема свободы и идентичности человека в контексте развития искусственного интеллекта / Д.В. Глуздов; под общей ред. А.М. Фейгельмана // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: труды III Всероссийской научной конференции. – Москва: Русское общество истории и философии науки, 2021. – 531 с.

8. Бадыкова, И.Р. Влияние развития искусственного интеллекта на корпоративную социальную ответственность / И.Р. Бадыкова // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 9. – С. 3283–3298.

9. Гиренок, Ф. И. (доктор философских наук; профессор). Почему сознание – это не интеллект? / Ф.И. Гиренок // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия: научный журнал. Москва. 2023. N 2. С. 19–32. ISSN 0201-7385. ISSN 0130-0091.

10. Дятлов, С.А. Искусственный интеллект и ловушки цифровой трансформации / С.А. Дятлов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета: периодический научный журнал / С.-Петерб. гос. экон. ун-т. Санкт-Петербург. 2022. N 6 (138). С. 30–33. ISSN 2311-3464.

11. Клюева, Н. Ю. (кандидат философских наук). Этико-прикладные аспекты применения технологий искусственного интеллекта / Н.Ю. Клюева // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия: научный журнал. Москва. 2021. N 5. С. 52–66

12. Zeynalova A. Information culture as one of the main factors in the development of the information society //Философия науки. – 2025. – Т. 52. – № . 5. – С. 120.

FREEDOM AND RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Bulygin A.V.
Mordovian State University

The article explores the fundamental contradiction between the desire to expand the autonomy of artificial intelligence systems and the preservation of human ethical and legal responsibility for the results of their functioning. Based on the analysis of philosophical concepts of freedom and responsibility, as well as relevant legal documents and real-world cases from 2024–2026, the thesis is substantiated that it is impossible for algorithmic systems to acquire freedom without accepting responsibility, which generates the paradox of «freedom without a subject.» A methodology for determining responsibility is being developed based on the criteria of the degree of control over the system. It is concluded that there is a need to move from point-to-point regulation to a comprehensive interdisciplinary model of distributed responsibility.

Keywords: artificial intelligence, autonomy, distributive responsibility, ethical dilemmas, legal personality, algorithmic freedom.

References

1. V. Kazaryan.P. The practice of artificial intelligence and the problem of individual freedom // Bulletin of Samara State Technical University. The «Philosophy» series. 2023. D. N. 5. № 4. St. 27–32.

2. Slyusar, N. A.N. Artificial intelligence in the context of social and philosophical issues / N. A.N. Slyusar, U. N. O.N. Milyaeva. – Text: directly // young scientist. – 2024. – № 49 (548). – St. 680–683.

3. E. Belikova. BOOK Basic questions of the philosophy of artificial intelligence // Philosophy and Culture. 2024. № 1. St. 1–11.

4. O. Cherkashina. V.N. Free will and artificial intelligence // Bulletin of the Russian State University of Economics. Series: Philosophy. Sociology. Art history. 2025. № 1.

5. A. Zeynalova. Introspection in philosophy in the era of artificial intelligence // Universum: social Sciences: electron. scientific journal. 2025. 9(124). URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/20791 (date of reference: 05/21/2026).

6. S. Ablameyko, V. N., M. Ablameyko.St. Artificial intelligence in an interdisciplinary perspective: philosophical and legal aspects. Philosophical sciences. 2021;64(5):57–70.

7. D. Gluzdov, V.N. The problem of human freedom and identity in the context of the development of artificial intelligence / J. V.N. Gluzdov; under the general editorship of N. A. N. M.N. Feigelman / / Revolution and evolution: models of development in science, culture, and society: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science, 2021. 531 p.: ill.

8. Badykova, I.N. Ph.D. The impact of artificial intelligence development on corporate social responsibility / I.N. Ph. Badykova / / Creative economy. – 2023. – D. N. 17, № 9. – St. 3283–3298.

9. Girenok, F. N. I. N. (Doctor of Philosophy, Professor). How often do I become conscious of my intellect? / F. I.N. Girenok / / Bulletin of the Moscow University. Series 7, Philosophy: a scientific journal. Moscow. 2023. N 2. St. 19–32. ISSN 0201-7385. ISSN 0130-0091.

10. Dyatlov, S. N. A.N. Artificial intelligence and traps of digital transformation / S. N. A.N. Dyatlov / / Proceedings of the Saint Petersburg State University of Economics: a periodical scientific journal / S. N. – Petersburg State University of Economics. un-T. Saint Petersburg. 2022. N 6 (138). St. 30–33. ISSN 2311-3464.

11. Klyueva, N. Yu. N. (Candidate of Philosophical Sciences). Ethical and applied aspects of the application of artificial intelligence technologies / N. Y.N. Klyueva / / Bulletin of the Moscow University. Series 7, Philosophy: a scientific journal. Moscow. 2021. N 5. St. 52–66

12. Zeynalova A. Information Culture as one of the main factors in the development of the information Society //Philosophy of Science. – 2025. – D. N. 52. – № 5. – St. 120.

Технологические уклады и режимы накопления капитала в трансформации образования

Дорондова Валерия Владимировна,
магистрант, РГПУ им. А.И. Герцена, Институт философии человека
E-mail: dorondovalera@gmail.com

Статья посвящена анализу антропологической трансформации образования в контексте смены технологических укладов и динамики накопления капитала. Цель исследования – показать, каким образом технoэкономические парадигмы и режимы капиталистической динамики определяют допустимую степень свободы образовательной политики и педагогических практик. Методологическую основу исследования составляют философско-антропологический, сравнительно-исторический и междисциплинарный подходы, а также концепции технологических укладов, техноэкономических парадигм и философии техники. В результате исследования обоснован тезис о зависимости образовательных моделей от фаз воспроизводства капитала: в условиях экспансивной («спокойной») динамики усиливаются антропологические и гуманистические тенденции, тогда как мобилизационные режимы способствуют росту стандартизации, централизации и инструментализации образования. На материале исторических кейсов (США 1960-х гг., СССР 1920–1930-х гг., современный Китай и Россия) показан воспроизводимый паттерн сворачивания педагогического экспериментаторства в условиях дефицита ресурсов и технологической конкуренции. Искусственный интеллект рассматривается как «мета-технология» нового уклада, способная радикально трансформировать образовательную среду, но ограниченная инфраструктурными, энергетическими, когнитивными и антропологическими факторами. Сделан вывод о необходимости симбиотической модели образования, сочетающей мобилизационные задачи технологического суверенитета с сохранением антропологического измерения, этической рефлексии и человеческой субъектности.

Ключевые слова: философия образования; технологические уклады; режимы накопления капитала; мобилизационная модернизация; антропологический поворот; цифровизация; образовательный суверенитет; технократизм;

Введение

Самое сильное давление на надстройку, обеспечивающую прямое воспроизводство системы, оказывают смены технико-экономических парадигм [2]. Образование как социоинституциональная инфраструктура вынуждено подготавливать базу для использования выгод очередной технологической революции. Однако образование как система относится к «более замкнутым и защищённым частотам» общественной организации и потому реагирует медленнее ускоряющегося исторического развития [1]. Отсюда – запаздывание реформ, конфликт темпов (ускорение техники – инерция института), а также цикличность реформаторских волн: периоды экспериментов сменяются периодами дисциплинарной консолидации.

Цель исследования – показать, как на стратегические «повороты» в образовании воздействуют, с одной стороны, технологические уклады (в логике волновых моделей индустриализации и цифровизации), а с другой – режимы накопления капитала (экспансивный и мобилизационный), задающие допустимую степень свободы педагогической практики.

Исследовательская гипотеза: антропологические и гуманистические повороты становятся возможны при избыточных ресурсах и низкой неопределённости; в условиях дефицита и давления система закономерно переходит к инструментально-технократическим моделям, а сегодня – в нашей стране, к «мобилизационной цифровизации».

Методологическую основу исследования составляют философско-антропологический анализ, сравнительно-исторический подход, теория технологических укладов, концепция техноэкономических парадигм и элементы философии техники.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования выступают работы, посвящённые анализу технологических укладов, техноэкономических парадигм, философии техники и трансформации образовательных систем в условиях цифровизации. Теоретическую основу составляют концепции Э. Тоффлера, С.Ю. Глазьева, К. Перес, а также философско-антропологические и технофилософские подходы М. Хайдеггера, Б. Стиглера и Л. Флориди. В качестве эмпирического и сравнительно-исторического материала используются кейсы образовательных трансформаций в США, СССР, Китае, Финляндии и современной России, а также нормативные документы Российской Федерации, посвящённые вопросам цифровой трансформации науки, образования и развития искусственного интеллекта.

Методологическую основу исследования составляют философско-антропологический анализ, сравнительно-исторический метод, элементы междисциплинарного и системного подходов, а также концептуальное моделирование. Для интерпретации образовательных трансформаций используется теория технологических укладов и техноэкономических парадигм. В статье также применяется авторская эвристическая модель – индекс мобилизационности образовательной политики (K_m), позволяющий сопоставлять образовательные системы по степени централизации, стандартизации, экзаменационной селекции, нормативного контроля и допустимого педагогического риска.

Литературный обзор

Проблематика взаимосвязи технологических трансформаций и образовательных систем рассматривается в ряде направлений современной социально-философской и экономической мысли. В работах Э. Тоффлера образование интерпретируется как часть индустриальной и постиндустриальной организации общества, отражающая логику доминирующего технологического уклада [1]. Концепция технологических укладов и долгосрочного технико-экономического развития получила развитие в трудах С.Ю. Глазьева, рассматривающего смену технологических волн как фактор трансформации мирового хозяйства и институциональных систем [2]. Существенное значение для настоящего исследования имеет теория техноэкономических парадигм К. Перес, связывающая технологические революции с фазами финансового капитала и институциональными перестройками [4].

В исследованиях философии техники и цифровой культуры техника рассматривается не как нейтральный инструмент, а как фактор изменения человеческого способа существования и структуры когнитивной деятельности. В этом контексте значимыми являются подходы

М. Хайдеггера [12], Б. Стиглера [13] и Л. Флориди [14], анализирующих влияние техники и цифровой среды на формы субъектности, памяти и производства знания.

Одновременно в современной научной литературе усиливается внимание к проблеме внедрения искусственного интеллекта в образование, трансформации когнитивных практик и изменению критериев образовательной эффективности [8; 15; 16]. Однако взаимосвязь образовательной политики, фаз накопления капитала, технологических укладов и антропологической трансформации образования в условиях ИИ пока остаётся недостаточно концептуализированной, что и определяет исследовательскую задачу настоящей статьи.

Результаты исследования

Образовательные трансформации в логике технологических укладов

В таблице 1 представлены два фундаментальных поворота, которые интерпретируются как структурные следствия смены технологических укладов в логике волновых моделей индустриального и постиндустриального развития.

Таблица 1. Фундаментальные повороты образовательной системы в логике смены технологических укладов

Поворот	Период (ориентировочно)	Что происходило в системе образования
Индустриально–стандартизирующий	конец XIX – середина XX в. (особенно 1930–1950 –е)	Образование как конвейер подготовки унифицированной рабочей силы и лояльных граждан; подчинение логике фабрики [1]. Внедрение возрастных классов, звонков, учебных планов; акцент на дисциплине, памяти и воспроизведении. Учитель – транслятор норм и знаний, контролёр. Цель: формирование «человека массы».
Цифровизационный и формирующийся пост–антропологический	конец XX–XXI в.	Переход от «фиксации знания» к навыкам работы с информацией и её критического анализа. Рост индивидуальных траекторий, непрерывности и сетевости обучения, снижение централизации [2]. Пост–антропологический поворот интерпретируется как закономерное следствие наступившей и надвигающейся новой волны: логика децентрализации, персонализации, гибкости и цифровизации.

Индустриально-стандартизирующий поворот коррелирует с логикой «второй волны» индустриального уклада, где доминируют стандартизация, синхронизация, специализация, концентрация, максимизация и централизация [1]. Эти принципы оставили отпечаток на всей системе: централизованные институты, стандартизированные знания, синхронное обновление трудового фонда.

Напротив, цифровизационный/пост–антропологический поворот выражает переход от индустриальной логики стандартизированного знания к сетевым режимам, где знание становится распределённым, “внешним” и операциональным. Если индустриальный поворот требовал массовой дисциплины, унифицированных программ и воспроизводимых навыков, то цифровой поворот переводит фокус на управление информационными потоками и сборку индивидуальных траекторий. Образовательная деятельность всё чаще организуется вокруг проектной работы с информацией: постановки задачи, формулировки запроса, отбора источников, проверки достоверности, интерпретации, комбинирования и превращения информации в решение. В результате меняется сама “единица” образовательного результата: важным становится не объём запомненного, а способность ориентироваться в среде знаний и действовать в ситуации неопределённости.

Формализация: индекс мобилизационности образовательной политики и его фазовая интерпретация

Помимо фундаментальных поворотов существуют промежуточные повороты (гуманистический, критико-социологический, неолиберальный), которые можно понимать как надстроечные реакции на противоречия внутри системы, возникающие по мере развития базиса [3]. В этой логике гуманистические проекты (личностно-ориентированное обучение, свободное воспитание, педагогика сотрудничества) оказываются исторически возможными при фазе «развёртывания» новой парадигмы, тогда как неолиберальное подчинение логике рынка (образование как услуга) – продукт финансового капитала в фазе установления и диффузии новой парадигмы, когда инвестиции ищут новые поля монетизации [4].

Ключевой тезис: конкурентоспособность базиса определяет допустимую степень свободы в надстройке.

Условно выделяются два режима накопления капитала (экспансия – мобилизация) которые сменяют друг друга.

Таблица 2. Сопоставление фаз динамики капитала по параметрам образовательной политики и допустимого риска

Режим накопления	Экспансивный («спокойный») капитал	Мобилизационный (кризисный) капитал
Характеристика фазы.	Период развёртывания технологической парадигмы, избыток капитала, поиск новых рынков, пространство для манёвра и долгосрочных инвестиций с асинхронной отдачей [4].	Системный кризис, дефицит ресурсов, борьба за выживание, Неоколониальное давление. Национальный капитал в фазе конкурентной борьбы или форсированного догоняющего развития, мобилизующий все ресурсы [3].
Цель образования	Раскрытие индивидуальности, воспитание критического мышления, креативность – качества для создания новых смыслов и товаров.	Подготовка функционального специалиста–исполнителя для конкретных задач технологического прорыва или обороны.
Допустимый риск	Высокий. Можно позволить ученику ошибаться, идти своим путём, экспериментировать с методами обучения. Образование – сад.	Минимальный. Ошибка – это срыв плана, брак, угроза безопасности. Образовательная траектория должна быть прописана, стандартизирована и идеологически контролируема. Образование – конвейер.

Антропологический поворот является продуктом экспансивного («спокойного») капитала, когда система может позволить себе инвестиции в рискованный, непредсказуемый человеческий потенциал [3]. Современная Россия, определяемая логикой технологического отставания, санкций и суверенизации, закономерно не усиливает эти направления в пользу технократической, предсказуемой, инструментальной модели образования, нацеленной на гарантированный технологический прорыв. Это не откат назад, а смена режима функционирования системы в ответ на вызовы сменяющейся технико –экономической парадигмы [4].

Под фазой экспансивного капитала мы понимаем период с высокой нормой накопления и низким уровнем системной неопределённости, что создаёт ресурсные и институциональные предпосылки для педагогического экспериментаторства. Ей противопоставляется фаза мобилизационного капитала, характеризующаяся дефицитом ресурсов и высокой неопределённостью, что детерминирует переход к жёстко инструментальным образовательным моделям [3].

В таблице 3 представлены яркие исторические примеры, иллюстрирующие связь фаз капитала с траекториями образовательной политики и педагогических практик.

Таблица 3. Исторические примеры соотнесения фаз капитала с образовательной политикой

Режим накопления / пример	Краткий контекст	Подтверждение гипотезы (связь с образованием)
Экспансивный капитал: США 1960 –е («Великое общество»)	Экономический подъём, расширение социального государства.	Программы Head Start; рост федеральных инвестиций; поддержка прогрессивной педагогики и междисциплинарности; расширение доступа к высшему образованию.
Экспансивный капитал: НЭП в СССР (1920 –е)	Передышка после гражданской войны, частичная либерализация.	Метод проектов, трудовые школы, педагогические эксперименты; расширение автономии; отказ от жёсткой дисциплинарной унификации [7].
Экспансивный капитал: Финляндия 2000 –е	Стабильная экономика, высокая институциональная доверительность.	Автономия школ и учителей; минимизация стандартизированных экзаменов; компетентностный подход; приоритет индивидуальных образовательных траекторий [5].
«Мобилизационный капитал»: сталинская индустриализация (1930 –е)	Форсированная модернизация, подготовка к войне.	Ликвидация экспериментов 1920 –х; единые программы и учебники; строгая дисциплина; централизованный план подготовки инженерных кадров.
«Мобилизационный капитал»: Россия 2020 –е (суверенизация)	Санкционное давление, курс на технологическую автономию и импортозамещение.	Усиление централизации управления; приоритет инженерно –технических и ИТ –направлений; целевой набор и перераспределение бюджетных мест; цифровые государственные платформы; снижение институциональной терпимости к педагогическому риску.

Окончание

Режим накопления / пример	Краткий контекст	Подтверждение гипотезы (связь с образованием)
«Мобилизационный капитал»: Китай 2000 –е – н.в.	Технологическая конкуренция и курс на суверенитет (ИИ, микроэлектроника).	Жёсткая экзаменационная система (gaokao); приоритет STEM; концентрация ресурсов в стратегических университетах; государственные образовательные платформы; ориентация на управляемую эффективность [6].

Для повышения операциональности предложенной двухфазовой рамки («мобилизация – экспансия») введём эвристический показатель – **индекс мобилизационности образовательной политики** … Индекс не претендует на «жёсткую» метрику, однако позволяет *наглядно* сопоставлять исторические и современные режимы по степени инструментализации образования. Его задача заключается в обеспечении сопоставимости исторических конфигураций, а не в статистической оценке.

Вводятся пять нормированных параметров (интервал $[0;1]$):

- C – степень централизации управления и нормативной регламентации;
- S – уровень стандартизации образовательного содержания;
- .. – интенсивность экзаменационной селекции;
- I – степень нормативно –идеологического контроля;
- R – институционально допустимый уровень педагогического риска.

Параметр R инвертируется, поскольку рост экспериментальности снижает мобилизационность системы.

В равновесной спецификации индекс определяется как:

$$K_m = \frac{C + S + E + I + (1 - R)}{5}, K_m \in [0;1].$$

Интерпретация:

- $K_m \to 1$ – **жёсткий мобилизационно–технократический режим** (образование функционирует как инструмент ускоренного воспроизводства заданных компетенций при высокой управляемости);
- $K_m \to 0$ – **институционально либеральный режим с высокой** автономией и расширенным пространством педагогического эксперимента.

В настоящей статье используется двухфазовая логика: мобилизация и экспансия. Индекс K_m позволяет показать, что фазовый поворот проявляется не только в риторике реформ, но и в изменении институциональной конфигурации образования.

Таблица 4. Иллюстративные значения индекса K_m в двух фазах

Фаза	Пример	C	S	E	I	R	K_m
Экспансия	США 1960 –е («Великое общество»)	0,4	0,5	0,4	0,3	0,8	0,36
Экспансия	СССР 1920 –е (НЭП)	0,5	0,4	0,3	0,4	0,8	0,36
Экспансия	Финляндия 2000 –е	0,3	0,5	0,3	0,2	0,8	0,30
Мобилизация	СССР 1930 –е	0,9	0,9	0,8	0,9	0,2	0,86
Мобилизация	Россия 2020 –е	0,8	0,8	0,7	0,8	0,4	0,74
Мобилизация	Китай 2000 –е – н.в.	0,8	0,8	0,7	0,7	0,4	0,72

Значения параметров носят экспертно –иллюстративный характер и используются для демонстрации различий между режимами, а не для точной эмпирической оценки.

Предложенная модель позволяет интерпретировать образовательные реформы как следствие смены технологических укладов и фаз накопления капитала. В мобилизационных режимах возрастает уровень централизации, стандартизации и селективности образования, тогда как экспансивные фазы сопровождаются ростом институциональной вариативности и допустимого педагогического риска. Сравнение современных образовательных моделей Китая, России, Южной Кореи и США показывает, что параметры образовательной политики коррелируют с задачами технологической конкуренции, суверенизации и стратегического распределения человеческого капитала. В этой логике образование выступает не автономной сферой, а частью более широкой техноэкономической конфигурации.

В итоговом виде предложенная модель может использоваться как инструмент для аналитической работы с образовательными реформами: она задаёт язык описания (фаза капитала, технологический уклад, допустимый риск), предоставляет простую формализацию (K_m) и фиксирует критерии качества симбиоза. Это позволяет обсуждать образовательную политику не в терминах абстрактных «ценностей», а как конфигурацию управляемых параметров, где философская антропология выступает не внешней критикой, а частью проектирования.

Обсуждение

В логике предложенной модели формирующийся технологический уклад, связанный с распространением искусственного интеллекта, может привести к изменению самой антропологической функции образования. Если индустриальная система была ориентирована преимущественно на воспроизводство стандартизированных навыков и дисциплинарную подготовку, то развитие генеративных систем ИИ постепенно смещает образовательный акцент к навигации в информационной среде, постановке задач, критической верификации и координации распределённых когнитивных процессов. В этих условиях образование всё в большей степени начинает функционировать не как система передачи фиксированного массива знаний, а как пространство организации взаимодействия человека и интеллектуальных технологий.

При этом процесс «поглощения» образования искусственным интеллектом ограничивается не только антропологическими, но и материально-инфраструктурными факторами. Современные генеративные модели требуют огромных вычислительных ресурсов, энергетических затрат, сложной серверной инфраструктуры и постоянного доступа к массивам качественных данных [9]. По мере усложнения моделей возрастают и издержки их функционирования, что усиливает зависимость образовательных систем от технологических платформ, обладающих доступом к вычислительным мощностям и инфраструктуре хранения данных. В результате цифровое неравенство может смещаться с уровня доступа к информации к уровню доступа к вычислительным возможностям и интеллектуальным системам.

В логике нового уклада можно предположить постепенное изменение самой структуры образовательной деятельности. Всё меньшее значение будет иметь механическое воспроизведение информации, тогда как возрастёт роль проектирования, интерпретации, отбора, проверки и координации знаний, генерируемых как человеком, так и алгоритмическими системами. В логике предложенного индекса мобилизационности образовательной политики внедрение ИИ создаёт противоречивую динамику параметров системы. С одной стороны, распространение алгоритмических платформ усиливает централизацию управления, стандартизацию образовательной среды и инфраструктурную зависимость от крупных технологических систем, что повышает значения параметров C, S и I. С другой стороны, генеративные модели потенциально расширяют пространство индивидуальных образовательных траекторий и вариативности обучения, увеличивая допустимый уровень педагогического риска R. В результате формирующийся уклад может приводить к возникновению гибридных образовательных режимов, сочетающих персонализацию обучения с высокой степенью алгоритмической централизации и платформенного контроля. В этих условиях наиболее вероятной представляется не модель полного вытеснения человека из образовательного процесса, а различные формы когнитивной кооперации человека и ИИ.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать образовательную политику не как автономную сферу, развивающуюся по внутренним педагогическим законам, а как чувствительный индикатор макроисторических трансформаций – смены технологических укладов и режимов накопления капитала. Образовательные «повороты» оказываются не случайными реформаторскими волнами, а системными реакциями на изменение режимов воспроизводства экономики и знания. В фазе экспансии образование тяготеет к вариативности, антропологической открытости и педагогическому риску; в фазе мобилизации – к стандартизации, управляемости и инструментальной рациональности. Искусственный интеллект радикализирует эту логику, одновременно расширяя когнитивные возможности и обостряя угрозу редукции образования до функции технологического обслуживания.

Однако именно в этом напряжении и проявляется стратегическая задача современности. Вопрос заключается не в выборе между «гуманизмом» и «технократизмом», а в проектировании устойчивого синтеза, при котором технологическая рационализация не уничтожает человеческую субъектность, а усиливает её. Мобилизационная рамка,

характерная для эпохи суверенизации и технологической конкуренции, не исключает антропологического измерения, но требует его иной конфигурации – как механизма предотвращения системных ошибок, этического контроля и источника долгосрочной адаптивности.

Тем самым образование в XXI веке предстает не просто институтом передачи знаний, а ключевой зоной согласования человека и техники. И если индустриальная эпоха формировала человека, приспособленного к машине, то наступающий уклад ставит более сложную задачу: сформировать субъекта, способного управлять всё более автономными интеллектуальными системами, не утрачивая при этом ответственности за смысл, цели и последствия собственного действия.

Литература

1. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
2. Сергей Глазьев Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – 310 с.
3. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / пер. с англ. – М.: Дело, 2015. – 536 с.
4. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал: динамика пузырей и периодов процветания / пер. с англ. – М.: Дело, 2011. – 232 с.
5. Pasi Sahlberg Sahlberg P. Finnish Lessons 2.0: What Can the World Learn from Educational Change in Finland? – 2nd ed. – New York: Teachers College Press, 2015. – 288 p.
6. Education in China: A Snapshot. – Paris: OECD Publishing, 2016. – 32 p. – URL: https://www.oecd.org (дата обращения: 20.02.2026).
7. История педагогики и образования: учеб. пособие / под ред. А.И. Пискунова. – М.: ТЦ «Сфера», 2001. – 512 с.
8. Guidance for Generative AI in Education and Research. – Paris: UNESCO, 2023. – 48 p. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000386693 (дата обращения: 20.02.2026).
9. International Energy Agency International Energy Agency. Energy and AI. – Paris: IEA, 2025. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-and-ai (дата обращения: 20.02.2026).
10. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ред. от 15.02.2024). – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2026).
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года». – URL: https://government.ru/docs/all/159888/ (дата обращения: 20.02.2026).
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
13. Stiegler B. Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – 323 p.
14. Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 248 p.
15. Hamadeh S., Amin H. AI, education and digital sovereignty // Frontiers in Education. – 2025. – Vol. 10. – DOI: 10.3389/feduc.2025.1677727.
16. Андреева А.А. Векторы интеграции генеративных нейросетей в систему дополнительного профессионального образования на примере ChatGPT // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 8. – С. 17–32. – DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11149.

DYNAMICS OF CAPITAL ACCUMULATION AND TECHNOLOGICAL PARADIGM SHIFTS AS FACTORS OF THE ANTHROPOLOGICAL TRANSFORMATION OF EDUCATION

Dorondova V.V.
Herzen State Pedagogical University of Russia

The article analyzes the anthropological transformation of education in the context of technological paradigm shifts and the dynamics of capital accumulation. The purpose of the study is to demonstrate how techno-economic paradigms and regimes of capitalist development determine the permissible degree of freedom in educational policy and pedagogical practices. The methodological framework includes philosophical-anthropological analysis, comparative-historical approach, and concepts of technological paradigms and philosophy of technology.

The study substantiates the thesis that educational models depend on the phases of capital reproduction: expansive phases strengthen anthropological and humanistic tendencies, whereas mobilization regimes intensify standardization, centralization, and instrumentalization of education. Based on historical cases from the United States, the USSR, China, Finland, and contemporary Russia, the article identifies a recurring pattern of reducing pedagogical experimentation under conditions of resource scarcity and technological competition. Artificial intelligence is interpreted as a "meta-technology" of the emerging technological paradigm that transforms educational practices while remaining constrained by infrastructural, energetic, cognitive, and anthropological limitations.

The article concludes that a symbiotic model of education is required, combining technological sovereignty with the preservation of human subjectivity and ethical reflection.

Keywords: philosophy of education; technological paradigms; capital accumulation regimes; mobilization modernization; anthropological turn; digitalization; educational sovereignty; technocratism.

References

1. Alvin Toffler Toffler A. The Third Wave. Moscow: AST Publ., 2004. 781 p. (In Russ.)
2. Glazyev S. Yu. Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya [Theory of Long-Term Technical and Economic Development]. Moscow: VlaDar Publ., 1993. 310 p. (In Russ.)
3. Alexander Gerschenkron Gerschenkron A. Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoy perspektive [Economic Backwardness in Historical Perspective]. Moscow: Delo Publ., 2015. 536 p. (In Russ.)
4. Carlota Perez Perez C. Tekhnologicheskie revolyutsii i finansovyy kapital: dinamika puzyrey i periodov protsvetaniya [Technological Revolutions and Financial Capital]. Moscow: Delo Publ., 2011. 232 p. (In Russ.)
5. Pasi Sahlberg Sahlberg P. Finnish Lessons 2.0: What Can the World Learn from Educational Change in Finland? 2nd ed. New York: Teachers College Press, 2015. 288 p.
6. OECD OECD. Education in China: A Snapshot. Paris: OECD Publishing, 2016. 32 p.
7. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya [History of Pedagogy and Education]. Ed. by A.I. Piskunov. Moscow: TC "Sfera", 2001. 512 p. (In Russ.)
8. UNESCO UNESCO. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 48 p.
9. International Energy Agency International Energy Agency. Energy and AI. Paris: IEA, 2025.
10. Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended on February 15, 2024). (In Russ.)
11. Order of the Government of the Russian Federation No. 1805-r of July 5, 2025 "On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Science and Higher Education until 2030". (In Russ.)
12. Martin Heidegger Heidegger M. The Question Concerning Technology. In: Time and Being. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 221–238. (In Russ.)
13. Bernard Stiegler Stiegler B. Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus. Stanford: Stanford University Press, 1998. 323 p.
14. Luciano Floridi Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
15. Hamadeh S., Amin H. AI, education and digital sovereignty. Frontiers in Education, 2025, vol. 10. DOI: 10.3389/feduc.2025.1677727.
16. Andreeva A.A. Vectors of integration of generative neural networks into additional professional education on the example of ChatGP T. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept", 2025, no. 8, pp. 17–32. (In Russ.)

Экспертный анализ тональности повестки дня в современном российском медиапространстве

Дубовицкий Роман Александрович,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: dubovitckiy-ra@ranepa.ru

Захарова Светлана Арменовна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионального управления, ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: zakharova-sa@ranepa.ru

Василенко Анастасия Михайловна,
студентка 4-го курса бакалавриата, ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: ssa.09@mail.ru

Повестка дня (от англ. agenda) присуща медиапространству и определяет его вектор. Повестка дня способна формировать ценности и убеждения, создавать картину мира, являться «внешним миром» для членов общества. Новости, транслируемые СМИ, влияют на степень тревожности населения. В целях определения и осмысления российской медиа-повестки проведено исследования эмоциональной тональности методом субъективного экспертного анализа содержания центральной повестки наиболее популярных российских СМИ. В результате исследования определена преобладающая тональность повестки дня, выявлена тенденция перехода повестки от нейтральной к негативной. Зафиксировано отсутствие положительной повестки дня. Основываясь на теоретическом и эмпирическом осмыслении полученных данных, авторы указывают на безотлагательность формирования положительной повестки российских СМИ и предлагают пути решения проблемы.

Ключевые слова: повестка дня, масс медиа, анализ тональности, субъективный анализ тональности новостей, экспертный анализ тональности медиа повестки, эмоциональная тональности российский СМИ, эффекты массовой коммуникации.

Введение

На основе информации из окружающей медиасреды в сознании получателей конструируется образ реальности и он будет зависеть от эмоциональной окраски (тональности) передаваемой информации. «Когнитивные процессы в значительной степени подвергаются влиянию эмоциональных факторов. Эмоции представляют собой ментальные системы знаний и оценки» [17, с. 173].

А.С. Панфилова и Д.В. Ушаков отмечают: «эмоции, выражаемые СМИ, не могут не опираться на эмоции населения, поскольку только при таком условии СМИ интересны и принимаются населением. Журналисты, испытывая эмоции вместе с другими людьми, подхватывают их, развивают в ярких образах и вбрасывают в общественное мнение, встречая одобрение или неприятие, но редко оставляя людей равнодушными. Эмоциональные реакции людей по всему миру во многом опосредованы деятельностью СМИ» [14, с. 564].

Согласно Г. Спарксу, цитирующему политолога Б. Коэн: «Пресса в большинстве случаев может не иметь успеха в сообщении о том, что люди должны думать о том или ином событии, но может быть очень успешной в информации о чем именно им нужно думать» [21, с. 173].

Признавая взаимовлияние повестки дня и эмоций населения, мы придерживаемся позиции, что повестка дня медиапространства является первичной и задает общий эмоциональный тон, а не наоборот. Изучение тональности повестки дня является актуальной задачей для понимания социально-психологических процессов российского общества. Медиапространство демонстрирует тенденцию расширения предметного поля включая, помимо классических гуманитарных, в частности такую науку, как медицина [8].

Истоки анализа эмоциональной тональности текста или сентимент-анализа с позиции экспертного (субъективного) подхода находятся в области лингвистики, а именно теории эмотивности, где центральным компонентом семантики языковой единицы выступают экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность [17]. В настоящей работе авторы обращают внимание исследователей на важность и сохранение экспертного подхода при анализе тональности текстов и повестки дня.

В сравнительном исследовании метода экспертного лингвистического анализа тональности с автоматизированным анализом тональности текстов В.В. Васильев отмечает: «современные автоматизированные средства сентимент-анализа, по природе своей требующие структурированности, конечности и детерминированности, широко исследуют проблемы тональности, кодируя её в категориях статистики, индикаторов и переменных. Возникает расхождение в планах глубинной знаковой, семантической, коммуникативной природы понятия тональности и поверхностных показателей статистических подходов сентимент-анализа» [4, с. 337]. С.А. Осокина, В.Л. Абрамова, Д.А. Лютова отмечают: «даже такие передовые языковые модели автоматического анализа как GPT и BERT не очень хорошо справляются с распознаванием скрытого смысла текста. Модели не имеют «здравого смысла» и структурированного понимания мира, что приводит к поверхностному анализу текста. Механизм внимания позволяет моделям понимать текст на уровне предложений и абзацев отдельного текста, но не на уровне дискурса» [12, с. 80]. Е.Ф. Богданова и Е.И. Бойчук отмечают, что для сравнительно небольших по объему и количеству текстов анализ тональности экспертным способом остается актуальным [3].

Анализ тональности новостей российского медиапространства активно изучается отечественными исследователями с помощью автоматизированной обработки преимущественно по экономической и политической повестке. С.А. Осокина, В.Л. Абрамова, Д.А. Лютова отмечают, что сведения экономического характера появляются в СМИ гораздо раньше, чем в результатах опросов или твердых экономических данных. «Медиадискурсы не только отражают, но и формируют экономическую повестку» [12, с. 79]. Экономическая повестка средствами анализа тональности изучается отечественными авторами Д.О. Афанасьевым [1], Д.Л. Богдановым [2], С.И. Сметаниным [16], Е.А. Федоровой [18], политическая повестка Г.К. Гималетдиновой, Э.Х. Довтаевой [6], А.В. Шариковым [19], а также по социальной или общественной повестке А.С. Панфиловой, Д.В. Ушаковым [14], Н.А. Павлушкиной [13].

Анализ тональности повестки дня российских медиа экспертным методом встречается значительно реже, однако представляет интерес с точки зрения глубины интерпретации данных. Д.И. Каминченко отмечает, что в условиях современного цифрового общества лишь незначительная часть тем и сюжетов попадает в повестку дня. При этом повестка дня становится полем манипулятивного взаимодействия для различных общественных, политических и медийных акторов [11]. В.В. Васильев, исследуя повестку региональных российских СМИ в республике Саха (Якутия) приходит к выводу о высокой значимости проведения анализа тональности резонансных социально-политических решений на региональном уровне, а также указывает на недостатки автоматизированной обработки текстов повестки дня. «Системе не хватает возможности целостной, рельефной детализации общей картины, учета переактуализации тональности, вызванной модуляцией контекста, образной лексикой и особенностями дискурса» [4, с. 340]. В.В. Васильев приходит к выводу, что использование только статистических методов автоматического анализа текста является методологической ошибкой, особенно при работе с текстами, имеющий сложный дискурс (Там же.).

Целью исследования является определение тональности основной, центральной повестки дня в современном российском медиапространстве.

Теоретические основания исследования базируются на теории установки повестки дня (Agenda-setting theory) М. МакКомбса и Д. Шоу, развивших экспериментальным путем теорию повестки дня Г. Лассуэла, доказавших взаимосвязь медиа повестки и общественной повестки. В целях верификации теории повестки дня МакКомбс и Шоу провели исследование медиа повестки во время избирательной кампании по выборам президента США 1968 г. (кандидаты Р. Никсон и Х. Хамфри). Анализировалась повестка 4 газет и 2 телеканалов. В результате исследования выявлены 5 преобладающих тем повестки: международная политика, законодательство и правопорядок, бюджетно-налоговая политика, общественное благосостояние и гражданские права [22].

Важным основанием для осмысления медиапространства стали результаты систематизации исследований медиаэффектов Г. Спаркса [21], исследования Ш. Айенгар и Д. Киндер доказывающие формирование общественной повестки медиа повесткой [23]. При экспертном анализе новостей принималась во внимание концепция фреймов И. Гофмана [20] и применение концепции фрейминга (от англ.гл. to frame – обрамлять).

Д.В. Дунас, Е.А. Салихова, А.В. Толоконникова, Д.А. Бабынина выделяют повестку дня первого и второго уровня. Первый уровень определяет спектр вопросов для ознакомления, второй уровень формирует (фреймирует) отношение к вопросу [7]. Важное значение в теоретическом осмыслении цели и задач исследования оказала медиатизированная модель социальной реальности А.А. Ефанова и Е.Н. Юдиной [8], а также концепция смарт-пространства как части коммуникативного пространства. В смарт-пространстве акторы создают повестку на основе системы знаний, смыслов, значений и мини-дискурсов [9].

Теоретической основой определения тональности экспертным способом является эмотивная теория лингвистики. Согласно Е.М. Вольф каждый вид эмоции свойственен определенному типу мысли. Эмоциональная оценка проходит через фильтр сознания конкретного индивида и носит в первую очередь рациональный, затем эмоциональный характер, при этом Е.М. Вольф проводит условную линию разделения между рациональной и эмоциональной оценкой в языке [5].

Методы исследования

Использованы общенаучные методы исследования: анализ и синтез текстовых новостных сообщений, а также измерение, сравнение, описание, обобщение. В качестве способов сбора и анализа данных использованы количественные и качественные методы. Контент-анализ проводился субъективным экспертным методом с присвоением тернарной оценки: положительно/нейтрально/отрицательно.

Исследование проводилось в период с 8 апреля по 7 мая 2026 г. Ежедневно, преимущественно до 12:00 дня, анализируется содержание 10 новостных сайтов, наиболее посещаемых в России по данным «Медиалогия» за март 2026 г. К данным сайтам относятся: Gazeta.ru, Russia.rt.com, Rbc.ru, Lenta.ru, Aif.ru, News.ru, Life.ru, Kp.ru, 360.ru, Baza.io [24].

Изучаются первые 7 новостей каждого из 10 сайтов, представленные на первой (основной, главной) странице. Изучается только текст без учета заголовка и визуального оформления. Число 7 (новостей) выбрано исходя из структуры указанных 10 сайтов, тогда как на каждой основной странице сайта размещено в среднем 7–12 первоочередных новостей. К примеру, на сайте Kp.ru и Life.ru главная страница именуется «Картина дня», на News.ru «Главное». Ежедневно анализируется 70 новостей. Всего проанализировано 2100 новостей. По итогам каждой из 7 новостей сайта ежедневно присваивается оценка тональности. Полученные данные заносятся в таблицы в соответствующие ячейки и подсчитываются в виде баллов 1 новость 1 балл. Категория тональности, получившая наибольшее количество баллов за день считается преобладающей в повестке дня. Таким образом ежедневно определяется повестка дня российского медиапространства. Если количество тональности равно, например 5 сайтов имеют положительную тональность и другие 5 сайтов отрицательную, проводится дополнительный контент-анализ последующей 8-ой новости для каждого сайта, которая и определяет результат.

Методология экспертного метода анализа тональности строиться на подходе Е.М. Вольф в рамках эмотивной теории лингвистики [5]. Пример контент-анализа новости с заголовком «Военных отправляли строить коттедж: полковника МЧС приговорили к колонии» [25]. В тексте несколько планов рассмотрения: превышение полномочий, незаконное использование труда военных, приговор к колонии. Принцип «преступление – наказание». Повестка носит социальный, общественный характер. Результат – приговор полковника МЧС к колонии за превышение полномочий оценивается авторами положительно; причина – незаконное использование труда военных, превышение полномочий оценивается отрицательно. Рациональный компонент оценки: хорошо, что виновный наказан и предположительно это повлияет на потенциальных нарушителей. Эмоциональный компонент оценки: плохо, что такое вообще происходит в российском обществе. Субъективная позиция авторов в данном вопросе: процесс выявления преступлений и наказание за них, являются нормальной практикой общественной жизни в любом обществе. Полностью избавиться от преступлений невозможно. В тексте нет информации о явных достижениях, изменения общей тенденции к лучшему, поэтому текст не оценивается положительно. Но данный текст не оценивается авторами и отрицательно, так как наличие борьбы с коррупцией, лучше чем её отсутствие. Данная новость оценивается нейтрально. Нагнетание напряженности, угрозы атак, угрозы эскалации конфликта в новостях оцениваются негативно, так как однозначно приводят к усилению общей психологической напряженности.

Субъективный метод оценки может вызывать вопросы с точки зрения интерпретации военных новостей. Несмотря на то, что авторы считают любую войну событием отрицательным, а поиск и достижение мира положительным, новости о военных победах ВС России, проявлении героизма российскими военными и гражданами, всегда оцениваются положительно, также как новости о налаживании жизни россиянами в условиях продолжающихся военных действий вопреки обстоятельствам. До начала исследования авторы выработали совместное понимание ряда ключевых социальных, геополитических, экономических тем и этических норм.

Результаты

Количественный анализ в течение 30 дней исследования наиболее посещаемых новостных сайтов России установил: 12 дней имели отрицательную повестку; 18 дней нейтральную повестку. В большинстве случаев негативная повестка по количеству сразу следовала за нейтральной, создавая условный разрыв. В течение 30 дней не было зафиксировано ни одного дня с положительной повесткой. Данные свидетельствуют об условном отрыве нейтральной повестки от негативной. Итоговый график тональности (График 1) за исследуемый период представлен следующим образом:

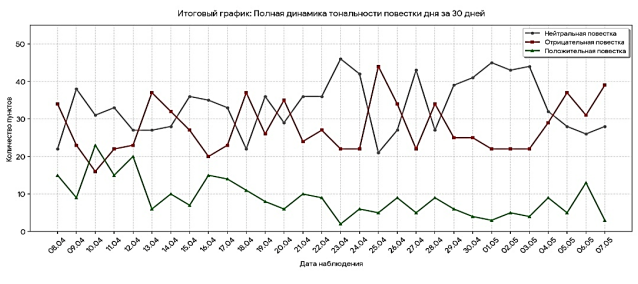


Рис. 1. Динамика тональности повестки дня наиболее популярных российских СМИ

Качественный анализ повестки выявил многократное использование таких слов, как: «насилие», «убийство», «убийство детей», «апокалипсис», «катастрофа», «гора трупов», что приводит к запугиванию и нагнетанию напряженности. Соседство в повестке несовместимых тем «День победы» и «горы трупов в хостеле Петербурга» [26].

Анализ тональности общероссийской медиаповестки демонстрирует превалирование нейтральных и негативных тем. Обнаружен сильный дифицит, практически отсутствие положительной повестки. Единственным днем с количеством положительных новостей на уровне 10 отмечен 12 апреля 2026 г. (Православная Пасха и Пасхальное перемирие). Однако, общая повестка этот день все равно носила отрицательный тон.

Отсутствие положительной повестки особенно явно на портале News.ru, использующем шоковый контент. 360.ru стремится к полной нейтральности в тональности, что делает новости лишенными какой-либо эмоции. Избегание эмоции в тексте новости не делает информацию эффективной для получателя. Kp.ru стремиться выйти из отрицательной повестки за счет положительной динамики специальной военной операции. Данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Главный вектор эмоциональной тональности наиболее популярных российских СМИ, сформированный по данным исследования

СМИ	Нейтральная повестка, n (%)	Отрицательная повестка, n (%)	Положительная повестка, n (%)	Главный вектор издания
360.ru	137 (65,2%)	49 (23,3%)	24 (11,5%)	Абсолютный нейтралитет
rt.com	117 (55,7%)	71 (33,8%)	22 (10,5%)	Преобладание нейтрального фона
Lenta.ru	101 (48,1%)	86 (41,0%)	23 (10,9%)	Умеренно-нейтральный баланс
Rbc.ru	98 (46,7%)	81 (38,6%)	31 (14,7%)	Умеренно-нейтральный баланс
Baza.io	94 (44,8%)	86 (41,0%)	30 (14,2%)	Сбалансированный фон
life.ru	94 (44,8%)	77 (36,6%)	39 (18,6%)	Нейтральный фон с долей позитива
kp.ru	86 (41,0%)	76 (36,2%)	48 (22,8%)	Высокая доля положительного контента
News.ru	84 (40,0%)	97 (46,2%)	29 (13,8%)	Выраженный критический уклон
Gazeta.ru	89 (42,4%)	90 (42,8%)	31 (14,8%)	Умеренно-критический уклон
aif.ru	70 (33,3%)	110 (52,4%)	30 (14,3%)	Максимальный уровень негатива
Итого / Среднее	970 (46,2%)	823 (39,2%)	307 (14,6%)	Умеренно-нейтральный с негативным фоном

Обсуждение

Полученные результаты авторы исследования предлагают обсудить в социально-психологическом ракурсе. Результаты коррелируют с исследованиями А.Д. Казун и А.П. Казун, согласно которым уровень тревожности положительно коррелирует с количеством времени, затраченным на просмотр новостей, что приводит к феномену избегания новостей, заключают авторы. В среднем в России мужчины проводят за чтением онлайн новостей почти 3 часа ежедневно, женщины тратят на 20 минут меньше. [10]. Результаты исследования соотносятся с понятием «информационная аномия» как следствия информационной перегрузки и усталости сопереживать [8].

Результаты исследования могут быть соотнесены с данными анализа психологического состояния российского общества и прогноза его динамики в 2026 г., представленного в квартальном прогнозе ВВП, проведенного совместно Институтом народохозяйственного прогнозирования РАН и Институтом психологии РАН сообщается: «доля респондентов, отмечающих у себя симптомы депрессии, составила 42% (48% среди горожан), а 27% (30%) указывают на симптомы трудноуправляемой тревоги» [27].

Выводы

С точки зрения методологии исследования анализ тональности субъективным методом оправдан и имеет перспективы. Возможно использование интегрированного подхода с частичным применением автоматизированной обработки текстов.

Социально-психологический ракурс рассмотрения проблемы приводит к ряду выводов. Повестка дня исследуемых российских СМИ нейтральная, но балансирует на грани перехода в негативную. Прослеживается взаимосвязь уровня тревожности российского общества и тональности повестки дня СМИ. Количество положительной повестки критически минимально, в исследовании не зафиксирован ни один день с положительной повесткой. Отмечается недостаточность сохранения нейтральной повестки без эмоциональной тональности (например, сайт 360.ru), так как подобная информационная политика нерезультативна. Необходимо изменение ежедневной новостной лексики и замены или избегания таких слов, как: «убил», «умер», «преисподняя», «ад», «гибель», «зверства», «коварный план», «наказание», «ограничения», «штраф», «ядерная война», «катастрофа» и тд.

Формирование положительной повестки представляется фундаментально важным и безотлагательным даже при условии продолжения военных действий. Необходимо найти точки опоры от которых положительная повестка будет выстраиваться, соответственно будут отбираться информационные поводы. Авторы предлагают искать данные точки опоры в образовании, культуре, искусстве, религии России. Данные точки должны быть подкреплены хотя бы небольшой положительной экономической динамикой, отражаемой в повестке дня. Присутствует понимание сложности данного процесса, успех которого возможен только при стратегической, системной, целенаправленной работе государства совместно с лицами, ответственными за формирование повестки дня российского медиапространства. Исследование российского и международного медиапространства и медиа эффектов представляется крайне важным и актуальным в ближайшей перспективе.

Литература

1. Афанасьев, Д. О., Федорова, Е. А., Рогов, О. Ю. О влиянии тональности новостей в международных СМИ на рыночный курс российского рубля: текстовый анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2019. 23(2). С. 264–289. https://doi.org/10.17323/1813–8691–2019–23–2–264–289

2. Богданов, А. Л., Дуля, И.С. Сентимент-анализ коротких русскоязычных текстов в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. 47. С. 220–241. https://doi.org/10.17223/19988648/47/17

3. Богданова, Т. Ф., Бойчук, Е.И. Основные теоретические проблемы, связанные с понятием тональности текста // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 136–141. https://doi.org/10.20323/2499–9679–2020–4–23–136–141.

4. Васильев В.В. Парадигмы анализа тональности и сентимент-анализа региональных интернет-СМИна примере новостных порталов Якутии // Филология: научные исследования. 2025. № 12. С. 337–345 https://doi.org/10.7256/2454–0749.2025.12.77208

5. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва: КомКнига, 2006 (1985). 280 с.

6. Гималетдинова, Г. К., Довтаева, Э.Х. Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому дискурсу // Политическая лингвистика. 2020. 1. С. 42–51. https://doi.org/10.26170/pl20–01–05

7. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Толоконникова А.В., Бабына Д.А. Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодежи» // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2022. № 4. С. 47–78. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778

8. Ефанов А.А., Юдина Е.Н. Медиаэффекты в современном не оинформационном обществе // Коммуникология. 2021. Том 9. № 4. С. 136–147. https://doi.org/10.21453/2311–3065–2021–9–4–136–147.

9. Захарова С.А., Дубовицкий Р.А. Религия как транслятор знаний в смарт-пространстве // Социология. 2025. № 4. С. 248–252.

10. Казун А. Д., Казун А.П. Структурное неравенство, emotional благополучие или личные предпочтения: почему женщины смотрят новости реже, чем мужчины? // Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 127–141 https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.4.9

11. Каминченко Д.И. Мониторинг новостной повестки дня СМИ и социальных медиа // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. 41(4): 628–639. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-628-639

12. Осокина С. А., Абрамова В.Л., Лютова Д.А. Анализ тональности новостей о международной торговле в условиях санкций: подходы NLP // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 2 С. 77–93. https://doi.org/10.24412/2072–8042–2025–2–77–93

13. Павлушкина, Н.А. Реакция аудитории на региональную информационную повестку в пространстве локальных медиа и соцсетях // Caucasian Science Bridge. 2023. Т. 6, № 3. С. 36–48. https://doi.org/10.18522/2658–5820.2023.3.3.

14. Панфилова А.С., Ушаков Д.В. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 3. С. 564–568 https://doi.org/10.17323/1813–8918–2022–3–562–586

15. Семина Т.А. Дихотомия субъективность vs объективность и тональная ре левантность в задачах анализа тональности // Вестник Московского государ ственного областного университета. Серия Лингвистика. Москва: Московский государственный областной университет, 2018. № 1. С. 38–45.

16. Сметанин, С.И. Применение анализа тональности для текстов на русском языке: современные проблемы и перспективы // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 110693–110719. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2020.3002215. EDN: LDJQBL

17. Солодилова И.А., Шепеля И.В. Оценочность и эмотивность в семантике слова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 11 (186) С. 173–178.

18. Федорова, Е. А., Бечевая, К. З., Рогов, О.Ю. Влияние тональности новостей на курс биткоина // Финансы: теория и практика. 2018. 22(4). С. 104–113. https://doi.org/2018–22–4–104–113

19. Шариков А.В. Представленность президентов Российской Федерации и США в англоязычных онлайн-источниках в 2024–2025 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 134–150. https://doi.org/10.22363/2312–9220–2026–31–1–134–150

20. Erving Goffman. Frame analysis an essay on the organization of experience. Boston: Northeasten University Press, 1986. 570 p.

21. Glenn G. Sparks. Media Effects Research: A Basic Overview. Second Edition. Belmont: Thomson Wadsworth, 2006. 250 P.

22. Maxwell E. McCombs, Donald L. Shaw. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. 1973. 37: 62–75.

23. Shanto Iyengar, Donald R. Kinder. News that matters. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 216 p.

24. TOP-10 СМИ за март 2026 [Электронный ресурс] // Медиология. 2026. URL: https://www.mlg.ru/ratings/ (дата обращения: 05.04.2026).

25. Военных отправляли строить коттедж: полковника МЧС приговорили к колонии [Электронный ресурс] // Life.ru (официальный сайт) URL: https://life.ru/p/1871903 (дата обращения: 06.05.2026).

26. В Петербургском хостеле обнаружили гору трупов. [Электронный ресурс] // News.ru (официальный сайт) URL: https://news.ru/regions/v-peterburgskom-hostele-obnaruzhili-goru-trupov (дата обращения: 06.05.2026).

27. Анализ психологического состояния общества и прогноза его динамики в 2026 г. [Электронный ресурс]: Квартальный прогноз ВВП. Выпуск № 69. // ИНП РАН. URL: https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-69/ (дата обращения: 29.04.2026).

EXPERT TONALITY ANALYSIS OF AGENDA IN THE MODERN RUSSIAN MEDIA SPACE

Dubovitskiy R.A., Zakharova S.A., Vasilenko A.M.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

News agenda exists in media space and forms its vector of action. Agenda may form values and believes and create a picture of the world and become an «external world» for consumers of information – members of society. Level of anxiety of population is influenced by news agenda. In order to reflect and understand Russian media agenda authors executed a research of emotional tonality via method of subjective expert evaluation of top (central) Russian media content. As a result of the research media tonality has been identified as neutral with a clear trend to negative. The results of the research depict a lack of positive media agenda. On the basis of theoretical and empirical analysis of the results of the research the authors arrive at the conclusion of the necessity of positive media agenda and suggest prospective ways for the solution.

Keywords: media agenda, mass media, analysis of tonality, subjective analysis of tonality of news, expert tonality analysis of agenda of media, emotional tonality of the Russian mass media, effects of mass communication.

References

1. Afanas'ev, D. O., Fedorova, E. A. and Rogov, O. Yu. (2019) O vliyanii tonal'nosti novostey v mezhdunarodnykh SMI na rynochnyy kurs rossiyskogo rublya: tekstovyy analiz. Hse Economic Journal, 23(2), 264–289. Available from: https://doi.org/10.17323/1813–8691–2019–23–2–264–289 [In Russian]

2. Bogdanov, A. L. and Dulya, I. S. (2019) Sentiment-analiz korotkikh russkoyazychnykh tekstov v sotsial'nykh media. Tomsk State University Journal of Economics, 47, 220–241. Available from: https://doi.org/10.17223/19988648/47/17 [In Russian]

3. Bogdanova, T. F. and Boychuk, E. I. (2020) Osnovnye teoreticheskie probleme, svyazannye s ponyatiem tonal'nosti teksta. Verhnevolzhski Philological Bulletin, № 4 (23), C. 136–141. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-4-23-136-141 [In Russian]

4. Vasiliev V.V. Paradigmiy analiza tonalnosti i sentiment-analiza regionalnikh SMI na primere novostnikh portalov Yakutiy // Phililigy: scientific research. 2025. № 12. С. 337–345 https://doi.org/10.7256/2454–0749.2025.12.77208 [In Russian]

5. Volf, E. M. (2006) Funkcional'naya semantika ocenki. Moscow, KomKniga. [In Russian]

6. Gimaletdinova, G. K. and Dovtaeva, E. Kh. (2020) Sentiment-analiz chitatel'skogo internet-kommentariya k politicheskomu diskursu. Political Linguistics, 1, 42–51. Available from: https://doi.org/10.26170/pl20–01–05 [In Russian]

7. Dunas, D. V., Salikhova, E. A., Tolokonnikova, A.V. And Babyna, D. A. (2022) Ustanovlenie povestki dnya i effekt freyminga: o neobkhodimosti kontseptual'nogo edinstva v mediaissledovaniyakh «tsifrovoy molodezhi». Vestnik Mosk. Un-ta. Seriya 10. Zhurnalistika, (4), 47–78. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2022.4778 [In Russian]

8. Efanov, A. A. and Yudina, E. N. (2021) Mediaeffekty v sovremennom не oinformacionnom obshchestve. Communicology, Том 9, № 4, С. 136–147. DOI 10.21453/2311–3065–2021–9–4–136–147 [In Russian]

9. Zakharova S.A., Dubovitskiy R.A. (2025) Religia kak translyator znaniy v smart prostranstve. Sociology. № 4 P. 248–252. [In Russian]

10. Kazun, A. D. and Kazun, A. P. (2025) Strukturnoe neravenstvo, emotsional'noe blagopoluchie ili lichnye predpochteniya: pochemuzhenshchiny smotryat novosti rezhe, chem muzhchiny?. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve, № 4, С. 127–141 DOI: 10.21064/WinRS.2025.4.9 [In Russian]

11. Kaminchenko, D. I. (2022) Monitoring novostnoy povestki dnya СМИ i sotsial'nykh media. Voprosy journalism, pedagogics, linguistics, 41(4): 628–639. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-628-639 [In Russian]

12. Osokina, S. A., Abramova, V. L. and Lyutova, D. A. (2025) Analiz tonal'nosti novostey o mezhdunarodnoy torgovle v usloviyakh sanktsiy: podkhody NLP. Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik, № 2 С. 77–93. Available from: https://doi.org/10.24412/2072–8042–2025–2–77–93 [In Russian]

13. Pavlushkina, N. A. (2023) Reakciya auditorii na regional'nuyu informacionnuyu povestku v prostranstve lokal'nyh media i socsetyah. Caucasian Science Bridge, T. 6, № 3, С. 36–48. DOI: 10.18522/2658-5820.2023.3.3 [In Russian]

14. Panfilova, A. S. and Ushakov, D. V. (2022) Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2022. Т. 19. № 3. С. 562–586 Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 19. N 3. P. 562–586 DOI: 10.17323/1813-8918-2022-3-562-586 [In Russian]

15. Semina, T. A. (2018) Dikhotomiya sub'ektivnost' vs ob'ektivnost' i tonal'naya re vibrantnost' v zadachakh analiza tonal'nosti. Vestnik Moscow State Regional University. Series Linguistics, № 1, С. 38–45. [In Russian]

16. Smetanin, S.I. (2020) Primenenie analiza tonal'nosti dlya tekstov na russkom yazyke: sovremennye probleme i perspektivy. IEEE Access, Vol. 8, P. 110693–110719. DOI: 10.1109/ACCESS.2020.3002215. EDN: LDJQBL [In Russian]

17. Solodilova I.A. and Shepelya I.V. (2015) Otsenotchnost i emotivnost v semantike slova. Vestnik Orenburgskogo universiteta. № 11 (186) 172–178 [In Russian]

18. Fedorova, E. A., Bechvaya, K. Z. and Rogov, O. Yu. (2018) Vliyanie tonal'nosti novostey na kurs bitkoina. Finansy: teoriya i praktika, 22(4), 104–113. Available from: doi.org 2018–22–4–104–113 [In Russian]

19. Sharikov, A. V. (2026) Predstavlennost' prezidentov Rossiyskoy Federatsii i SShA v angloyazychnykh onlayn-istochnikakh v 2024–2025 gg. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika, 31(1), 134–150. DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-134-150 [In Russian]

20. Erving Goffman. Frame analysis an essay on the organization of experience. Boston: Northeasten University Press, 1986. 570 p.

21. Glenn G. Sparks. Media Effects Research: A Basic Overview. Second Edition. Belmont: Thomson Wadsworth, 2006. 250 p.

22. Maxwell E. McCombs, Donald L. Shaw. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. 1973. 37: 62–75.

23. Shanto Iyengar, Donald R. Kinder. News that matters. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 216 p.

24. TOP-10 Russian Mass Media for March, 2026 [online] // Mediology. 2026, available at URL: https://www.mlg.ru/ratings/ (accessed: 05.04.2026).

25. Military built a private house: a colonel has been sentenced to jail [online] // Life.ru, available at URL: https://life.ru/p/1871903 (accessed: 06.05.2026).

26. Many people killed in a hostel in St.-Petersburg. [online] // News.ru, available at URL: https://news.ru/regions/v-peterburgskom-hostele-obnaruzhili-goru-trupov (accessed: 06.05.2026).

27. Analysis of psychological state of society and dynamics in 2026 [online]: Quarterly forecast of GDP, Issue № 69. // INP RAS, available at: URL: https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-69/ (accessed: 29.04.2026).

Анемойя и кризис идентичности в цифровой культуре: ностальгия по непрожитому как социально-философская проблема

Климов Ярослав Игоревич,
ассистент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве
E-mail: yiklimov@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу анемойи – тоски по временному периоду, который субъект никогда не переживал лично. Показывается, что феномен, охватывающий массовый интерес молодёжи к советской эстетике (игра Atomic Heart) и к эстетике 1980-х (сериал «Очень странные дела»), укладывается в концептуальную рамку рефлексивной ностальгии по С. Бойм, однако требует её уточнения с учётом специфики цифровой культуры. Теоретическую основу составляют концепция «текучей идентичности» З. Баумана, психологические модели ностальгии как ресурса идентичности (К. Седикидес, Т. Уайлдшат) и отечественные разработки по цифровой идентичности молодёжи. Анализируется механизм алгоритмической эксплуатации ностальгических триггеров стриминговыми платформами, преобразующий анемойю из индивидуального аффекта в массово воспроизводимый культурный продукт. Делается вывод о том, что анемойя является симптомом системного дефицита нарративных ресурсов для формирования идентичности в условиях цифрового ускорения.

Ключевые слова: анемойя, ностальгия, цифровая идентичность, алгоритмическая медиация, текучая современность, советская эстетика, кризис идентичности.

Массовый интерес молодых россиян к советской эстетике, которую они не застали, трудно объяснить традиционными категориями ностальгии. В 2023 году игра Atomic Heart, воссоздающая альтернативный советский футуризм 1955 года, вошла в число крупнейших релизов года по числу одновременных пользователей в Steam. Подростки, родившиеся после 1991 года, покупали продукт с эстетикой государства, которого не существовало в момент их рождения. Схожая динамика наблюдается в восприятии сериала «Очень странные дела»: ностальгия по американским 1980-м захватывает аудиторию, выросшую в принципиально иную эпоху.

Термин «анемойя», введённый в культурный оборот американским автором Джоном Кёнигом (Dictionary of Obscure Sorrows, 2021) [1], обозначает тоску по времени, которое человек никогда не переживал лично. Оставаясь в своём происхождении популярным понятием, анемойя фиксирует реальный культурный феномен, требующий социально-философской концептуализации.

Цель статьи – установить социально-философские основания анемойи как специфической формы ностальгии, возникающей в условиях цифровой культуры, и определить её связь с кризисом идентичности молодёжи. Новизна исследования состоит в том, что анемойя анализируется как симптом системного дефицита нарративных ресурсов для формирования идентичности в условиях цифрового ускорения, а её алгоритмическое измерение рассматривается как самостоятельная социально-философская проблема.

Теория ностальгии: от патологии к культурной практике

Ностальгия в своём первоначальном значении была медицинской категорией. Швейцарский врач Иоганн Хофер ввёл термин в 1688 году для описания болезненного тоскования солдат по родине на чужбине. На протяжении XVIII и XIX веков она трактовалась как патологическое состояние, угрожавшее боеспособности армий. Социологическую реабилитацию концепта осуществил Фред Дэвис в монографии «Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia» (1979) [2]: Дэвис рассматривал ностальгию как механизм конструирования идентичности, где обращение к прошлому выполняет функцию стабилизации «я» в условиях социальных изменений.

Фундаментальный вклад в теорию ностальгии внесла Светлана Бойм в монографии «Будущее ностальгии» (The Future of Nostalgia, 2001) [3]. Бойм разграничила два типа: реставрирующую ностальгию, стремящуюся к воссозданию утраченного прошлого как подлинного настоящего, и рефлексивную, которая тоскует без намерения реставрации; она осознаёт невозможность возвращения и именно в этой невозможности находит свой смысл. Различие принципиально: реставрирующая ностальгия может стать ресурсом политической мобилизации, тогда как рефлексивная сохраняет критическую дистанцию к объекту тоски.

Психологическое измерение ностальгии систематически исследовано Константином Седикидесом и Тимом Уайлдшатом. В статье «On the Nature of Nostalgia: A Psychological Perspective» (Emotion Review, 2024) [4] авторы показывают, что ностальгия выполняет функцию поддержания самооценки и ощущения принадлежности, регулируя угрозы идентичности. Ностальгия активируется в ситуациях неопределённости и создаёт субъективное ощущение непрерывности «я» через время. Редакционный обзор «Current Issues in Nostalgia Research» (Frontiers in Psychology, 2021) [5] подтверждает, что исследования ностальгии последнего десятилетия устойчиво демонстрируют её адаптивные функции при угрозах самосознанию.

В российской гуманитаристике философское осмысление ностальгии представлено прежде всего в её экзистенциальном измерении. Чеснокова Л.В. в статье «Философские смыслы ностальгии как тоски по родному дому» (2016) [6] трактует ностальгию как укоренённую в экзистенциальной структуре субъекта тягу к утраченной укоренённости. Дёмин И.В. в статье «Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории» (2012) [7] рассматривает ностальгический опыт как форму исторического самосознания, в которой прошлое конституируется не как факт, а как утраченная возмож-

ность. Борщов А.С. и соавторы в работе «Ностальгия как экзистенциал в фокусе проблемы самосознания человека и философии города» (2017) [8] описывают ностальгию как онтологически значимый способ отношения субъекта к своей ситуированности.

Анемойя укладывается в рамку рефлексивной ностальгии Бойм с существенной оговоркой: субъект осознаёт не только невозможность возвращения, но и то, что возвращаться некуда, поскольку это прошлое никогда не было его прошлым. Эта специфика требует объяснения того, почему феномен становится массовым именно в цифровую эпоху.

Кризис идентичности в цифровую эпоху

Зигмунт Бауман в «Текучей современности» (Liquid Modernity, 2000) [9] описал переход от «твёрдой» к «жидкой» модерности как утрату стабильных форм жизни, в которых идентичность могла кристаллизоваться. Идентичность в условиях текучей современности перестаёт быть «проектом», реализуемым последовательно: нормативные рамки меняются быстрее, чем завершается любой биографический нарратив. Питер Абрахамсон, анализируя концепцию Баумана в «Acta Sociologica» (2004) [10], указывает, что жидкая модерность производит не свободную, а тревожную идентичность, постоянно реструктурируемую под давлением внешних изменений.

Цифровая среда усиливает эти тенденции специфическим образом. Паудяль Н.Ю. и Филиндаш Л.В. в статье «Социальная значимость гипертекста для ментальной идентификации человека цифровой эпохи» (Вестник университета, 2022) [11] показывают, что гипертекстовая логика цифрового пространства формирует «homo modern», то есть человека, чья идентификация происходит через навигацию по нелинейным информационным потокам, а не через последовательный биографический нарратив. Нелинейность сама по себе проблемой не является, однако в сочетании с высокой скоростью смены символических систем она лишает субъекта горизонта, в котором можно выстраивать устойчивое «я».

Сащенко Н.П. в исследовании «Российская идентичность в цифровую эпоху и социальные представления пользователей социальных сетей» (Социальные и гуманитарные знания, 2021) [12] фиксирует кризис национально-государственной идентификации российской молодёжи: социальные сети предоставляют площадку для конструирования идентичности, однако производимые образы «я» фрагментарны и нестабильны. Возникает запрос на готовые идентификационные матрицы, к которым можно присоединиться без длительной биографической работы.

«Кризис идентичности в цифровой среде: от алгоритмической диффузии к аутентичной направленности через практику осознанности» (монографическая глава, 2025) [13], опираясь на концепцию стадий идентичности Э. Эриксона и Дж. Марсиа, указывает, что алгоритмическая диффузия создаёт специфический тип идентификационного кризиса: субъект получает набор готовых идентичностей для усвоения, минуя стадию моратория и исследования. Это производит «досрочно закрытые» идентичности, сформированные через потребление готовых образов, а не через личный опыт.

Примечательно, что нарастание ностальгического потребления хронологически совпадает с конкретным переломным моментом. В 2017 году платформа Musical.ly, ставшая впоследствии TikTok после поглощения ByteDance, преодолела отметку в 200 миллионов пользователей. Именно тогда алгоритмически персонализированные ленты короткого видео стали массовым повседневным опытом поколения, у которого ещё не сформировался устойчивый биографический нарратив. Запрос на «прошлое» как ценность фиксируется социологически: по данным опроса Pew Research Center (n = 9916 взрослых американцев, июль–август 2025 г.), 45% американцев предпочли бы жить в прошлом – против 14%, выбравших бы будущее [22]. Анемойя оказывается маркером конкретного социально-исторического перелома, а не просто культурным курьёзом.

Анемойя представляет собой попытку найти онтологическую опору в идеализированном прошлом, которое привлекательно именно своей недоступностью для разочарования: оно не было пережито и потому сохраняет статус возможного совершенства. В терминах Баумана это один из ответов «жидкого» субъекта на дефицит устойчивых форм идентификации.

Алгоритмическая эксплуатация ностальгии в digital cinema

Стриминговые платформы и рекомендательные алгоритмы превратили ностальгию из спонтанного аффекта в управляемый ресурс. Исследование Кидда Дж. и Ньето Маковой Э. «Deep nostalgia: remediated memory, algorithmic nostalgia, and technological ambivalence» (Convergence, 2023) [14] вводит понятие «алгоритмической ностальгии» – ностальгии, генерируемой и усиливаемой через автоматизированные механизмы рекомендаций. Авторы рассматривают функционал MyHeritage Deep Nostalgia как показательный кейс: алгоритм анимирует архивные фотографии, создавая иллюзию живого прошлого, и запускает ностальгический аффект у людей, никогда не знавших изображённых на снимках. Система эксплуатирует предсказуемость ностальгии как аффективного состояния, превращая её в ресурс удержания пользователя.

Статья Цени А. «Algorithmically Mediated Nostalgia through Recordings of Post-Communist Parties on TikTok and Instagram» (Romanian Journal of Communication and Public Relations, 2023) [15] документирует, как алгоритмы TikTok и Instagram усиливают циркуляцию ностальгического контента о советском и постсоциалистическом прошлом. Автор показывает, что платформенные аффордансы (короткий формат, автовоспроизведение, персонализированная лента) создают аффективные публичные пространства, в которых ностальгия воспроизводится и усиливается независимо от биографической памяти пользователя. Здесь формируется условие возможности анемойи в масштабе: пользователь получает ностальгический контент без соответствующей памяти, и само это несоответствие становится источником специфического переживания.

«Очень странные дела» (Netflix, с 2016 года) представляют собой канонический пример ностальгического продукта, адресованного аудитории без личного опыта 1980-х. Эстетика сериала работает через двойную адресацию: для зрителей, заставших эпоху, она активирует реальные воспоминания; для тех, кто её не застал, конструирует образ мира, в котором жизнь была более цельной. Второй регистр и есть анемойя в действии.

Сюсюкин В.А. в статье «Игра «Atomic Heart» как продукт мифологизации СССР: парадоксы технологической футурологии» (2024) [16] показывает, что игра конструирует советское прошлое как технологическую утопию, никогда не существовавшую: это ретрофутуризм, предлагающий образ «альтернативного СССР», привлекательный именно своей нереальностью. Для молодой российской аудитории, родившейся после 1991 года, игра функционирует как точка входа в советскую эстетику, минуя какой-либо исторический опыт. Артамонов Д.С. и соавторы в статье «Советская ностальгия в компьютерных играх» (2025) [17] фиксируют более широкую тенденцию: советская эстетика в игровых медиа конструируется как набор визуальных кодов, отделённых от исторического содержания, что делает её универсально доступной. Кондаков И.В. в статье «На руинах советской эстетики» (Pan-Art, 2025) [18] анализирует постсоветскую трансформацию художественной культуры, отмечая, что быстрая трансформация медиакультуры и постмодернизм намного опередили теоретические прогнозы советской эстетики.

Алгоритмически медиированная анемойя предлагает пользователю готовый «пакет прошлого» без каких-либо запросов на реставрацию: прошлое потребляется эстетически, а не переживается биографически.

Социально-философские следствия: суррогатная идентичность и симулированная принадлежность

Анемойя как массовый феномен производит специфическую форму идентификации. Субъект присваивает «коллективную память» о прошлом, которое не было его биографией. Немчина В.И. в статье «Векторы идентичности в глобально-цифровом мире: между гибридизацией и аутентичностью» (2026) [19] ставит вопрос о границе между гибридной идентичностью, включающей разнородные культурные элементы, и идентичностью симулированной, в которой аутентичный опыт замещается готовыми образами. Алгоритмическая медиация сдвигает эту границу в сторону симуляции.

Формируется специфический тип сообщества: фандом, объединённый не общим биографическим опытом, а общим потреблением симулированного прошлого. Такое сообщество не является ни традиционной «воображаемой общностью» в смысле Андерсона (там коллективная память конструировалась через нарратив), ни постмодернистской «аффективной публикой», возникающей вокруг острых событий. Его основанием служит совместное переживание несуществовавшего.

Хасуев А.Э. и Балиев И.В. в статье «Субкультура кибербездомных: философско-культурологический аспект» (Nomothetika, 2023) [20] описывают новую форму самоидентификации в цифровом пространстве, в которой принадлежность к месту и времени замещается принадлежностью к медиапространству. Анемойя расширяет это наблюдение: субъект «принадлежит» к прошлому, которое никогда не было его прошлым, через потребление его алгоритмически препарированных образов.

В философском отношении описываемый феномен соотносится с хайдеггеровским понятием Verfallenheit (захваченность, падение): субъект захвачен das Man ностальгического контента [21] – «люди» тоскуют по советским 1950-м, «люди» смотрят «Очень странные дела» как документ эпохи. В этой захваченности субъект лишается возможности аутентичного отношения к собственному историческому положению. Анемойя есть форма отчуждения от настоящего через идеализацию чужого прошлого, а алгоритм выступает технологической инфраструктурой этого отчуждения.

Заключение

Анемойя как тоска по непрожитому прошлому фиксирует симптом системного противоречия цифровой культуры: между запросом субъекта на устойчивую нарративную идентичность и невозможностью её формирования в условиях алгоритмически медиированного потребления образов.

Теоретически феномен укладывается в рамку рефлексивной ностальгии Бойм, однако специфика анемойи требует её уточнения: классическое понятие рефлексивной ностальгии предполагает хотя бы отдалённую биографическую точку отсчёта, тогда как анемойя возникает без неё. Психологический механизм описывается через концепцию ностальгии как ресурса идентичности (Седикидес, Уайлдшат); социальный описывается через концепцию текучей идентичности Баумана. Алгоритмическая медиация обеспечивает инфраструктуру, превращающую индивидуальный феномен в массовый.

Новизна настоящего исследования заключается в предложенной аналитической схеме, связывающей три уровня: психологический (анемойя как компенсаторный механизм при дефиците нарративных ресурсов), социальный (симулированная принадлежность как форма сообщества) и технологический (алгоритмическая медиация как инфраструктура масштабирования феномена). В отличие от существующих работ, анализировавших ностальгию преимущественно в историческом или маркетинговом контексте, предложенная схема ориентирована на диагностику дефицитов идентификации в цифровую эпоху. Перспективное направление эмпирического исследования – анализ корреляции между интенсивностью потребления ностальгического контента и показателями идентификационной диффузии у молодёжи.

Литература

1. Koenig J. The Dictionary of Obscure Sorrows. New York: Simon & Schuster; 2021.
2. Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia. New York: Free Press; 1979.
3. Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books; 2001.
4. Sedikides C, Wildschut T. On the Nature of Nostalgia: A Psychological Perspective. Emotion Review. 2025. DOI: 10.1177/17540739241303497.
5. Abakoumkin G, Green JD. Editorial: Current Issues in Nostalgia Research. Front Psychol. 2021;12:713534. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.713534. PMID: 34335426.
6. Чеснокова Л.В. Философские смыслы ностальгии как тоски по родному дому. Альманах современной науки и образования. 2016. ЭДН: VJNPFV. URL: https://www.gramota.net/article/alm20160038/fulltext.
7. Дёмин И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2012;(1):16–25.
8. Борщов А.С., Довгаленко Н.В., Ромащенко А.А., Ромащенко М.А. Ностальгия как экзистенциал в фокусе проблемы самосознания человека и философии города. Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017;(5):15–22.
9. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press; 2000.
10. Abrahamson P. Review Essay: Liquid Modernity. Acta Sociologica. 2004;47(2):171–179.
11. Паудяль Н.Ю., Филиндаш Л.В. Социальная значимость гипертекста для ментальной идентификации человека цифровой эпохи. Вестник университета. 2022;(1):169–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-169-174.
12. Сащенко Н.П. Российская идентичность в цифровую эпоху и социальные представления пользователей социальных сетей. Социальные и гуманитарные знания. 2021;7(1):40–51. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-1-40-51.
13. Павленко С.А. и др. Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. Чебоксары: Среда; 2025. ISBN 978-5-908083-49-2. DOI книги: 10.31483/a-10813. DOI главы: 10.31483/r-151435.
14. Kidd J, Nieto Mcavoy E. Deep nostalgia: remediated memory, algorithmic nostalgia, and technological ambivalence. Convergence. 2023;29(3):620–640. DOI: 10.1177/13548565221149839.
15. Tenea A. Algorithmically Mediated Nostalgia through Recordings of Post-Communist Parties on TikTok and Instagram. Romanian Journal of Communication and Public Relations. 2023;25(2):49–65. DOI: 10.21018/rjcpr.2023.2.400.
16. Сюсюкин В.А. Игра «Atomic Heart» как продукт мифологизации СССР: парадоксы технологической футурологии. Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024;(4(27)):64–78. DOI: 10.56621/27825884_2024_27_64.
17. Артамонов Д.С., Балаш В.А., Сюсюкин В.А. Советская ностальгия в компьютерных играх. Вопросы медиабизнеса. 2025;4(1):25–35. DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0030.
18. Кондаков И.В. На руинах советской эстетики. Pan-Art. 2025;5(1). DOI: 10.30853/pa20250006. ISSN 2949-2386.
19. Немчина В.И. Векторы идентичности в глобально-цифровом мире: между гибридизацией и аутентичностью. Гуманитарий Юга России. 2026;15(1):198–209. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.1.16.
20. Хасуев А.Э., Балиев И.В. Субкультура кибербездомных: философско-культурологический аспект. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2023;48(4):812–820. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-812-820.
21. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem; 1997.
22. Hatfield J. Far more Americans say they'd like to live in the past than in the future. Pew Research Center. 2025 Dec 11. [Survey n = 9916; conducted July 8–Aug. 3, 2025.] URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/12/11/far-more-americans-say-theyd-like-to-live-in-the-past-than-in-the-future/.

ANEMOYA AND IDENTITY CRISIS IN DIGITAL CULTURE: NOSTALGIA FOR THE UNLIVED AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL PROBLEM

Klimov Ya.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article provides a socio-philosophical analysis of anemoia – the longing for a temporal period the subject has never personally experienced. The phenomenon, encompassing young people's widespread interest in Soviet aesthetics (the video game Atomic Heart) and 1980s culture (Stranger Things), fits within S. Boym's framework of reflective nostalgia but requires revision in light of digital culture's specificities. The theoretical framework draws on Z. Bauman's concept of liquid identity, psychological models of nostalgia as an identity resource (C. Sedikides, T. Wildschut), and Russian scholarship on digital identity among youth. The article analyses the algorithmic exploitation of nostalgic triggers by streaming platforms, transforming anemoia from an individual affect into a mass-reproduced cultural product. The conclusion holds that anemoia is a symptom of a systemic deficit of narrative resources for identity formation under digital acceleration.

Keywords: anemoia, nostalgia, digital identity, algorithmic mediation, liquid modernity, Soviet aesthetics, identity crisis.

References

1. Koenig J. The Dictionary of Obscure Sorrows. New York: Simon & Schuster; 2021.
2. Davis F. Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia. New York: Free Press; 1979.
3. Boym S. The Future of Nostalgia. New York: Basic Books; 2001.
4. Sedikides C., Wildschut T. On the Nature of Nostalgia: A Psychological Perspective. Emotion Review. 2024. DOI: 10.1177/17540739241303497.
5. Abakoumkin G., Green J.D. Editorial: Current Issues in Nostalgia Research. Front Psychol. 2021;12:713534. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.713534. PMID: 34335426.
6. Chesnokova L.V. Philosophical Meanings of Nostalgia as Longing for One's Native Home. Almanac of Modern Science and Education. 2016. EDN: VJNPFV. URL: https://www.gramota.net/article/alm20160038/fulltext.
7. Demin I.V. The Phenomenon of Nostalgia in the Horizon of Post-Metaphysical Philosophy of History. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Philosophy. Philology. 2012;(1):16–25.
8. Borshchov A.S., Dovgalenko N.V., Romashchenko A.A., Romashchenko M.A. Nostalgia as an Existential in the Focus of the Problem of Human Self-Consciousness and the Philosophy of the City. Bulletin of Buryat State University. Philosophy. 2017;(5):15–22.
9. Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press; 2000.
10. Abrahamson P. Review Essay: Liquid Modernity. Acta Sociologica. 2004;47(2):171–179.
11. Paudyal N.Yu., Filindash L.V. The Social Significance of Hypertext for the Mental Identification of a Person in the Digital Age. Vestnik Universiteta. 2022;(1):169–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-169-174.
12. Sashchenko N.P. Russian Identity in the Digital Age and Social Representations of Social Network Users. Social and Humanitarian Knowledge. 2021;7(1):40–51. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-1-40-51.
13. Pavlenko S.A. et al. Modern Challenges of Education and Psychology of Personality Formation: Monograph. Cheboksary: Sreda; 2025. ISBN 978-5-908083-49-2. Book DOI: 10.31483/a-10813. Chapter DOI: 10.31483/r-151435.
14. Kidd J., Nieto Mcavoy E. Deep Nostalgia: Remediated Memory, Algorithmic Nostalgia, and Technological Ambivalence. Convergence. 2023;29(3):620–640. DOI: 10.1177/13548565221149839.

15. Tenea A. Algorithmically Mediated Nostalgia through Recordings of Post-Communist Parties on TikTok and Instagram. Romanian Journal of Communication and Public Relations. 2023;25(2):49–65. DOI: 10.21018/rjcpr.2023.2.400.

16. Syusyukin V.A. The Game “Atomic Heart” as a Product of the Mythologization of the USSR: Paradoxes of Technological Futurology. Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary. 2024;(4(27)):64–78. DOI: 10.56621/27825884_2024_27_64.

17. Artamonov D.S., Balash V.A., Syusyukin V.A. Soviet Nostalgia in Computer Games. Issues of Media Business. 2025;4(1):25–35. DOI: 10.24412/3034-1930-2025-0030.

18. Kondakov I.V. On the Ruins of Soviet Aesthetics. Pan-Art. 2025;5(1). DOI: 10.30853/pa20250006. ISSN 2949-2386.

19. Nemchina V.I. Identity Vectors in the Global-Digital World: Between Hybridization and Authenticity. Humanities of the South of Russia. 2026;15(1):198–209. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.1.16.

20. Khasuev A.E., Baliev I.V. The Subculture of the Cyber-Homeless: A Philosophical and Cultural Aspect. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2023;48(4):812–820. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-4-812-820.

21. Heidegger M. Being and Time / translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem; 1997.

22. Hatfield J. Far More Americans Say They’d Like to Live in the Past than in the Future. Pew Research Center. 2025 Dec 11. [Survey n = 9,916; conducted July 8-Aug. 3, 2025.] URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/12/11/far-more-americans-say-theyd-like-to-live-in-the-past-than-in-the-future/.

Трансформации(я) идентичности россиян в социальных сетях: опыт социологического анализа

Курюкин Андрей Николаевич,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
Центр комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: kuriukin@mail.ru

Потребность в идентификации индивида с другим индивидом, группой и обществом в целом выступает в современной цивилизации одной из ключевых потребностей. В тоже время идентификация, являясь ключевым компонентом процесса социализации привлекает внимание исследователей из самых разных областей научного знания, среди них психологи, социологи, социальные психологи. Идентификация наиболее полно протекает по ходу коммуникаций, которые сегодня осуществляются в том числе и во многом в виртуальном пространстве социальных сетей. Это привело к переходу культурно-обусловленных идентичностей к личностно-ориентированным, презентуемым в виртуальном или цифровом пространстве. Основываясь на этом и используя информацию из крупнейшей российской соцсети Вконтакте автор формирует объективное представление о ходе и результатах процесса идентификации в социальных сетях по содержательным макрогруппам, направлениям и формам.

Ключевые слова: идентичность; идентификация; виртуальная идентичность; сетевое общество; цифровые технологии; социальные сети.

Отечественные методологические подходы к изучению идентичностей

Тенденцией формирования и реализации методологий выявления и исследования идентичностей в современном, да и на протяжении последних 25–30 лет, отечественном социологическом дискурсе выступает так называемое разукрупнение параметров или профилей самоидентификации россиян. Эта тенденция зародилась тогда, когда идейная парадигма и инструментарий исследования идентичностей в отечественной социологии ещё формировались и практика опросов и анализа показывала – чем, по расширительному принципу, следует дополнить инструментарий и отслеживаемые профили. Эта технологическая парадигма, предложенная и, фактически, отработанная проф. В.А. Ядовым и Н.Е. Даниловой [1; 2; 3; 4; 5], была творчески развита и доработана академиком РАН М.К. Горшковым (1950–2025) [6; 7] и приведена к современному виду проф. Н.Е. Тихоновой [8; 9]. По сути, эта методология доказала свою результативность и эффективность, но, как показывает практика, единственной не является. Методика выявления самоидентификаций, разработанная ВЦИОМ в 2014 году представляет собой несколько иной подход, где в воронке идентификаций каждый уровень, по нисходящей, объединяет в себе сразу ряд профилей самоидентификации, которые, позже концентрируются в объединенной классификации [10]. На этой основе, автор настоящей статьи хотел бы, не отрицая вышеописанного опыта других коллег, предложить свою структурную модель выделения идентичностей, основанную на концепте укрупненных групп (Рис. 1):

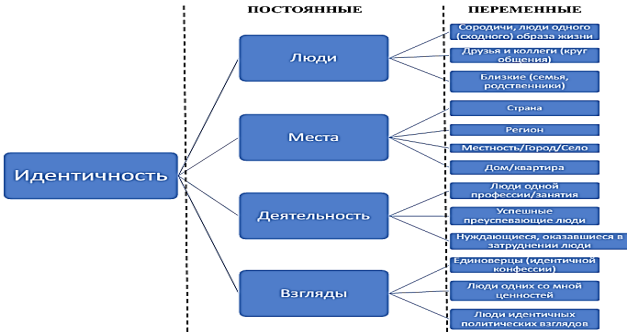


Рис. 1. Авторская модель выявления и исследования идентичности Россиян в пространстве социальных сетей

Источник: Составлено автором на основании обобщения методик и методологий исследования идентичностей

Из приведенной модели видно, что существуют постоянные и переменные параметры социальной идентификации. Так, постоянные, как макрогруппы, основаны на выявлении отношения индивида в порядке идентификации к своей и чужой личности, своей и чужой жизни, своей и чужой работе и, более широко, деятельности в целом и её результатам, к своим и чужим взглядам. При этом, составляющие их профили, отнесены именно к переменным, так-как мировые практики трансформаций самоидентификации индивидов в последние десятилетия, особенно в Европе, показывают нам вопиющие примеры разрушения адекватных межгендерных, межвозрастных, семейных и религиозных самоидентификаций. Автор настоящей статьи и указанной модели, надеясь, что нашу Родину это – минует, тем не менее, не может не учитывать вероятности возникновения таких тенденций.

Российские идентичности в социальных сетях и их трансформации (по укрупненным группам)

Методология исследования идентичностей в России развивалась более 30 лет. Основы были заложены В.А. Ядовым и Н. Даниловой в начале 90-х, развиты академиком РАН М.К. Горшковым и сегодня применяются проф. Н.Е. Тихоновой. Автор предлагает адаптированную методологию для изучения идентичностей в социальных сетях, включающую макрогруппы (Люди, Места, Дела, Взгляды) и переменные «объекты привязки» идентификации.

Анализ основан на данных из Вконтакте: количество подписчиков, постов, лайков, интервью с модераторами. Семейная иденти-

фикация осуществляется через родственную и ролевую парадигмы. Идентификация по макрогруппе «Места» охватывает три направления: территории, персоны и объекты. Профессиональная идентификация включает три направления и две формы (пассивную и активную). Политическая идентификация охватывает четыре объекта: природа, гражданско-политические атрибуты, исторические объекты и культура. Новая тенденция идентификаций – объединение вокруг традиционных элементов после начала СВО. Перспективы исследования требуют развития методологии и методики с акцентом на адаптивность к новым вызовам.

Переходя непосредственно к характеристике идентичностей российских пользователей социальных сетей, автор хотел бы отметить, что она будет даваться по укрупненным группам, приведенным в авторской модели: **Люди-Места-Деятельность-Взгляды**. При этом для характеристики будет выбрано одно из переменных направлений, указанных в модели:

- **Люди** – межличностная идентификация на примере «семьи»;
- **Места** – инфраструктурно-географическая идентификация;
- **Деятельность** – профессиональная идентификация в соцсетях;
- **Взгляды** – гражданско-политическая идентификация участников отечественных социальных сетей.

Рассмотрим их подробнее.

Семейная идентификация пользователей отечественных социальных сетей делится на два типа: родственная и ролевая. Рассмотрим их на примере Вконтакте, крупнейшей сети с более 96 млн активных участников на конец первого квартала 2026 года [11]. Закрытые семейные сообщества обычно основаны на родственной идентификации и имеют ограниченный доступ к информации. Инициатор, создавший страницу или сообщество, и подтвержденные родственники могут видеть полные данные. Пользователь З-в, инициатор семейного сообщества, отметил, что идентификация осуществляется на основе семейных фото, причём каждая фотография должна быть подтверждена хотя бы одним родственником. Марина Е-ва, ведущая закрытую страницу, акцентирует внимание на знании семейных особенностей и событиях, таких как роды или выздоровление. Палыч, ещё один собеседник, рассказал о трансформации своей открытой страницы в закрытую из-за появления сомнительного пользователя, который выдавал себя за родственника с целью обмана. После подтверждения подлинности семейства страница была закрыта, а мошенник удалён. Также, по словам всех трех собеседников, водоразделом в вопросе семейной идентификации в социальных сетях, в направлении усугубления её процедуры, для них стала СВО, учтя тот факт, что родственник или несколько, как у Марины Е-вой, служат по контракту.

Ролевая идентификация в отечественных социальных сетях, применительно к концепту «семья», выстраивается на тех гендерных и социально-возрастных ролях, которые в настоящий момент существуют:

- Ребенок-Родитель;
- Папа-Мама;
- Муж-Жена.

Статистика показывает, что по этим тематикам в сети Вконтакте существует более 3 млн открытых сообществ и страниц, при этом, статистическое установление количества реальных зарегистрированных пользователей в конкретном сообществе или странице объективно затруднительно в связи с тем, что один и тот же пользователь может быть зарегистрирован в нескольких сообществах в том числе и под разными псевдонимами. Формально-статистически, самыми крупными сообществами, по соответствующим тэгам (Топ 3) являются представленные в списке ниже:

- «Родители»: «Родители и педагоги! Наши дети». Создано 20 марта 2011, 1,8 млн подписчиков; «Мудрые родители. Семья. Дети.». Создано 27 июня 2013, 1,7 млн подписчиков; «Хорошие родители». Создано 12 апреля 2013, 1,4 млн подписчиков.
- Дети: «Эти дети». Сообщество создано 26 февраля 2013, 1,4 млн подписчиков; «Дети в фокусе». Сообщество создано 9 мая 2013, 688,2 тыс. подписчиков; «Дети». Сообщество создано 14 ноября 2011, 626,7 тыс. подписчиков.
- Мама: «Мама». Сообщество создано 13 октября 2010, 1,8 млн подписчиков; «Продвинутая мама». Сообщество создано 6 июня 2012, 966,8 тыс. подписчиков; «Мама-солнышко». Сообщество создано 16 сентября 2016, 374,5 тыс. подписчиков.
- Папа: «Папа». Сообщество создано 20 февраля 2012, 248,5 тыс. подписчиков; «Костя Павлов – папа трех». Сообщество создано 27 февраля 2013, 153,2 тыс. подписчиков; «Папа парней с аутизмом». Сообщество создано 16 ноября 2025, 16,9 тыс. подписчиков.
- Жена: «Самая лучшая невеста, жена и мама». Сообщество создано 17 февраля 2011, 858,1 тыс. подписчиков; «Идеальные жены». Сообщество создано 20 апреля 2011, 245,1 тыс. подписчиков; «Твоя жена». Сообщество создано 28 ноября 2023, 53,5 тыс. подписчиков.
- Муж: «Мужские мысли». Сообщество создано 24 марта 2011, 1,3 млн подписчиков; «Мужское Женское». Сообщество создано 22 ноября 2013, 523,3 тыс. подписчиков; «Подслушано Мужское & Женское». Сообщество создано 24 октября 2017, 215,8 тыс. подписчиков.

В этом плане открытых сообществ и страниц идентификация с семейными ролями и ролевыми статусами пользователей отечественных социальных сетей осуществляется на основе прагматического обмена опытом по вопросам обеспечения безболезненного роста и позитивного взросления детей, их воспитания и родительской заботы. В этом плане доминирует слабо эмоциональная идентификация. Вопросы соотношения семейно-гендерных ролей (мама-папа, муж-жена) в вопросах семейной идентификации ранее стремившиеся к поляризации, теперь, в большей степени нейтрализовались. Начиная с 2024 года стала проявляться новая содержательная тенденция в идентификации с семьёй, в российских соцсетях, как с экосистемой.

Рассматривая территориальную идентификацию, «Места» в авторской схеме, в российских социальных сетях, следует отметить, что в наиболее общем плане, следует констатировать, что она осуществляется в двух привязках – по географии и по инфраструктуре. Географическая привязка в идентификации в социальных сетях также осуществляется пользователями по двум принципам – территориальному, в рамках которого пользователь выступает подписчиком и активным автором на страницах, посвященных конкретным территориям (Подмосковье, Ленобласть, Поволжье, Забайкалье и т.п.), городам на них расположенным и городским районам или местностям. Вторым принципам выступает персонификационный, когда территориальная идентификация осуществляется через конкретную фигуру, присутствующую в соцсетях и ассоциируемую с данной местностью или населенным пунктом.

В свою очередь, инфраструктурная идентификация в территориальном плане протекает через конкретные объекты, на этой территории расположенные. Обобщая информацию, имеющуюся в современных отечественных социальных сетях, а мы оперируем данными из сети Вконтакте, могут быть выделены следующие укрупненные группы инфраструктурных объектов, через привязку к которым происходит территориальная идентификация пользователей:

- Экономические объекты (производственные предприятия, транспорт и тп.);
- Социальные объекты (школы, Вузы, больницы и тп.);
- Культурно-исторические объекты (исторические памятники, культурные объекты, религиозные объекты и тп.).

Рассматривая территориальную идентификацию, используем, в качестве примеров, страницы городов Москвы и Санкт-Петербурга, а также Подмосковья и Ленинградской области, как наиболее показательные, при чем их страницы в ВК сертифицированы РКН. Идентификационные оценки дадим в двух разрезах формальном и содержательном, где в первом направлении представим статистику подписчиков, а во втором охарактеризуем деятельность авторов содержательно. Проведенный автором мониторинг дал следующие статистические показатели страниц во Вконтакте по тэгам Москва, Сантк-Петербург, Подмосковье, Ленобласть дал следующие результаты:

1. Мос.ру (https://vk.com/mos): 229,3 тыс. подписчиков, 23 680 всего постов, 15–18 лайков в среднем, 3–4 перепостов в среднем;
2. Наше Подмосковье (https://vk.com/nashepodmoskovie): 13,2 тыс. подписчиков, 9 495 всего постов, 9–11 лайков в среднем, 1–3 перепостов в среднем;
3. Правительство Санкт-Петербурга (https://vk.com/spb): 422,1 тыс. подписчиков, 31 836 всего постов, более 20 лайков в среднем, 4–6 перепостов в среднем;
4. Ленинградская область (https://vk.com/lenobl): 36 тыс. подписчиков, 19 891 всего постов, 7–9 лайков в среднем, 2–3 перепоста в среднем.

Формально-статистически пальму первенства удерживает Правительство Санкт-Петербурга, но объективный анализ показывает, что цифра более 400 тыс. не означает, что подписчиков и активных авторов именно столько человек. Сегодня хорошо известно, что индивид может иметь несколько подписок в одном сообществе и наличествуют так называемые «мертвые» подписчики, которые никакой активности на странице или в сообществе не ведут. По распространенному среди IT-специалистов представлению, по умолчанию, можно считать количество таких подписчиков в сообществе порядка 20–30%. В тоже время, обращает на себя статистика активности сообществ. Она выражается в написании постов, лайках и перепостах, где также пальму первенства удерживает Санкт-Петербург, где общее количество постов

на 1/3 превосходит Москву и Ленинградскую область, количество лайков у Москвы и Сант-Петербурга – сравнимое, а количество перепостов у СПб превосходит московские показатели в 1,5–2 раза.

Рассматривая территориальную идентификацию по персонификационному принципу, следует отметить, что наиболее часто в современных отечественных социальных сетях она протекает в привязке к персоне главы региона. Рейтинг глав российских регионов постоянно составляет компания Медиалогия, не основе своего СМ-индекса, формулируемого на основе суммирования влиятельности автора или сообщества, которые публиковали сообщения и вовлеченности, то есть количества лайков, репостов, комментариев. Последний по хронологии вышел по результатам первого квартала 2026 года 01 апреля [12]. Рассмотрим показатели из соцсети Вконтакте по Топ-5 глав регионов этого рейтинга, представив сводную информацию:

1. СОБЯНИН Сергей Семенович (https://vk.com/blogsobyanin): 135 419 подписчиков, 1 388 всего постов, около 80 лайков в среднем, 10–12 перепостов в среднем;

2. ГЛАДКОВ Вячеслав Владимирович (https://m.vk.com/gladkov_vv?offset=10&own=1): 246 220 подписчиков, 7 087 всего постов, около 200 лайков в среднем, 12–15 перепостов в среднем;

3. КАДЫРОВ Рамзан Ахматович (https://vk.com/ramzan): 915 000 подписчиков, 12 457 всего постов, более 200 лайков в среднем, от 20 перепостов в среднем;

4. ПУШИЛИН Денис Владимирович (https://vk.com/pushilindenis): 280 000 подписчиков, 5 843 всего постов, 50 лайков в среднем, от 20 перепостов в среднем;

5. ДРОЗДЕНКО Александр Юрьевич (https://vk.com/wall-178555683?own=1): 112 755 подписчиков, 3 761 всего постов, 65 лайков в среднем, от 20 перепостов в среднем.

Как видно по формальным статистическим данным в тройку лидеров входят Р. Кадыров, с существенным отрывом от иных участников Топ-5, Д. Пушилин и В. Гладков. Такая ситуация не является удивительной, так-как в Республике Чечня всегда были сильны традиции отождествления себя со своей родной землей через конкретную персону (мюридизм), а в Белгородчине и на Донбассе, где сегодня Вячеслав Гладков и Денис Пушилин выступают своего рода олицетворением отстаивания на этой земле ценностей реальной, а не указной свободы, независимости и суверенитета, закономерно привлекают внимание серьёзных масс пользователей социальных сетей.

Останавливаясь на инфраструктурной идентичности, необходимо отметить, что объёмы участников открытых страниц и сообществ в этом направлении редко превышают 1–2 тыс. подписчиков из активных среди которых всего 200–300. Именно такие сообщества наиболее распространены. Так, например, у известного, практически по всему миру, одного из градообразующих предприятий города Тулы – Конструкторского бюро приборостроения им. А.Г. Шипунова (https://vk.com/kbptula) в сообществе всего чуть более 2000 подписчиков и всего 204 сообщения, основным источником которых выступает пресс служба предприятия и Союза машиностроителей, куда оно входит. Сходная ситуация и на других компонентах инфраструктурной идентификации, когда страницы культурных объектов – театров, концертных залов могут насчитывать несколько сот подписчиков при практически полном отсутствии систематических авторских активностей.

Эволюционной точкой в вопросах территориальной идентификации в отечественных социальных сетях также стал 2022 год, после чего возобладала нейтральная тональность сообщений авторов и, у многих, последовательное отождествление себя с родным краем.

Переходя к профессиональной идентификации в современных отечественных социальных сетях, необходимо отметить, что она осуществляется по трем основным привязкам:

1. Привязка к Организации, где осуществляется трудовая деятельность;

2. Привязка к Профессии, по которой осуществляется трудовая деятельность;

3. Привязка к Учебному заведению, где была получена та или иная специальность/профессия.

Рассматривая профессиональную идентификацию в привязке к организации, где работает индивид, обратимся к Медиарейтингу российских работодателей, который в конце 2025 года представил СКАН-Интерфакс [13]. В Топ-5 этого рейтинга вошли РЖД, Сбер, ВК Групп, Росатом, ВТБ. По системе расчета Интерфакса, это действительно лидеры, но 3 из 5 компаний, включенных в этот топ-5, относятся к не материальному производству – банковские услуги и цифровые технологии, что по мнению автора не даст четкой картины. Поэтому было принято решение отобрать по 1 компании из 25 (5 х 5), которая лидирует в каждой пятерке рейтинга и рассмотреть именно их:

1. ОАО РЖД (https://vk.com/rzd_official): 448 184 подписчиков, 8 725 всего постов, 150 лайков в среднем, 100–120 перепостов в среднем;

2. АвтоВАЗ (https://vk.com/anazavode): 12 089 подписчиков, 2 043 всего постов, 12–15 лайков в среднем, 7–9 перепостов в среднем;

3. Аэропорт Шереметьево (https://vk.com/svo_airport): 35 958 подписчиков, 5 545 всего постов, 65 лайков в среднем, 1–4 перепостов в среднем;

4. Роскосмос (https://vk.com/roscosmos): 606 430 подписчиков, 19 745 всего постов, 210–220 лайков в среднем, 15–18 перепостов в среднем;

5. Лукойл (https://vk.com/lukoil): 60 180 подписчиков, 2 988 всего постов, 45–50 лайков в среднем, 3–4 перепостов в среднем.

Проводя содержательный анализ этих сообществ, как площадок для профессиональной идентификации следует сказать, что в разных сообществах она проводится не одинаково. Так, могут быть выделены два основных типа профессиональной идентификации это активная и пассивная. В первом случае, при активной идентификации, сотрудник предприятия или, более широко отрасли, сам выступая актором идентификации отождествляет себя с предприятием в профессиональном плане, указывая в своих постах, например, «Я – железнодорожник!» или «Я – ВАЗовец!». Во втором случае, при пассивной идентификации, идентификацию с предприятием или отраслью осуществляет работодатель. В отношении железнодорожной отрасли способом такой идентификации наиболее часто выступают поздравления в сообществе сотрудников с их профессиональными праздниками, такими как, например, «День железнодорожника» – первое воскресенье августа, «День машиниста» – последняя пятница марта, «День монтера пути» третья пятница апреля и т.п. В этих поздравлениях рассказывается о важности и нужности конкретной профессии, сотрудники которой чествуются в этот день, упоминая, что все они входят в состав сотрудников ОАО «РЖД». В свою очередь, АвтоВАЗ ведет пассивную идентификацию через свой заводской музей и различные программы в том числе, например, поддержки заводчан, служащих на СВО.

Особняком здесь стоит Роскосмос, который создал в своём сообществе своего рода экосистему профессиональной идентификации, где она привязывается к значительным событиям (успешные пуски, стыковки и пр.) и протекающим в корпорации процессам, как например приём документов для отбора в отряд космонавтов. В этой экосистеме, таким образом, реализуется смешанная модель идентификации, объединяющая в себе элементы и активной и пассивной модели, при этом эта экосистема строится по принципу открытой архитектуры и, по мнению автора, несет в себе элементы саморазвития.

Обращаясь ко второй привязке профессиональной идентификации – по профессии, воспользуемся результатами обследований компании РОКВУЛ и платформы hh.ru, которые приводит Центр занятости населения города Москвы «Моя работа» [14]. Из него отберем три рабочие профессии, получившие самую высокую оценку – сервисный инженер, геодезист, сварщик и включим в рассмотрение две должности служащих – педагог и банковский служащий:

1. Сервисный инженер (https://vk.com/glavtorg152): 38 597 подписчиков, 628 всего постов, 1–3 лайков в среднем, 1 перепост в среднем;

2. Геодезист (https://vk.com/geodeziya_nashe_vse): 46 637 подписчиков, 16 271 всего постов, 90–110 лайков в среднем, 15–20 перепостов в среднем;

3. Сварщик (https://vk.com/svarka_svarshhiki): 269 066 подписчиков, 65165 всего постов, 70 лайков в среднем, 12 перепостов в среднем;

4. Педагог (https://vk.com/prosv_i): 273 140 подписчиков, 12 730 всего постов, 90 лайков в среднем, 35 перепостов в среднем;

5. Банковский служащий (https://vk.com/tbankir): 43 353 подписчиков, 9 743 всего постов, 50–60 лайков в среднем, 8–11 перепостов в среднем.

Анализ сообществ Вконтакте по этим профессиям показывает исключительно активную идентификацию, при которой ни сообщество, ни его инициатор, не ведут работы относительно целенаправленного привлечения в сообщество новых членов, ориентируясь на заинтересованность носителей конкретных профессий и их самостоятельную инициативу.

Обращаясь к российским ВУЗам, как объектам привязки в профессиональной идентификации, отберем ТОП-5 отечественных университетов по их медиаактивности в социальной сети Вконтакте на основе рейтинга M-RATE, учитывающего работу ВУЗа с собственной аудиторией в группах и каналах во всех основных социальных сетях. Лидирующие позиции здесь занимают РТУ МИРЭА, НИТУ МИСИС, СПбПУ, ПНИПУ и РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина[15]. Представим

сводные данные по сообществам выпускников этих ВУЗов во Вконтакте ниже:

1. РТУ МИРЭА (https://vk.com/alumni_mirea): 4 565 подписчиков, 314 всего постов, 1 лайк в среднем, 1 перепост в среднем;

2. НИТУ МИСИС (https://vk.com/misis2011): 57 подписчиков, 24 всего постов, 0 лайков в среднем, 0 перепостов в среднем;

3. СПбПУ (https://vk.com/spbstu): 15 400 подписчиков, 543 всего постов, 7–9 лайков в среднем, 1–2 перепоста в среднем;

4. ПНИПУ (https://vk.com/politehperm): 37 600 подписчиков, 16 545 всего постов, 26 лайков в среднем, 4 перепоста в среднем;

5. РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина (https://vk.com/club2071263): 50 подписчиков, 30 всего постов, 0 лайков в среднем, 0 перепостов в среднем

Рассмотрение приведенных выше сообществ выпускников показывает, что в тех из них, которые работают осуществляется как активная, когда выпускник, осознанно идентифицируя себя с оконченным учебным заведением и полученной специальностью вступает в сообщество, так и пассивная идентификация, когда через сообщество в ВК выпускников приглашают на встречи, дни открытых дверей, юбилеи и иные мероприятия. Их приглашают делиться опытом на страницах сообщества, участвовать в конкурсах по полученной специальности/профессии и т.п.

Вопросы политической идентичности в социальных сетях, возможно, одни из самых хорошо исследованных вопросов этого направления. Так, на протяжении последних нескольких лет его исследует компания Медиалогия в призме идентификации через национальные символы в социальных сетях, по двум параметрам – статистическое количество сообщений и вовлеченность (сумма лайков, комментариев, репостов, сохранений) по отношению к каждому символу в ранжированном списке [16]. Представим этот список в общем виде в таблице, дополнив данные Медиалогия коэффициентом соотношения, как частного суммарной вовлеченности к количеству сообщений (Таб. 1).

Таблица 1. Топ-10 национальных символов в российских соцмедиа по данным Медиалогия

№ п/п	Наименование символа	Количество сообщений тыс.	Суммарная вовлеченность тыс.	Коэффициент соотношения
1.	Медведь	1 400	65 000	46
2.	Флаг России	1 000	27 000	27
3.	Байкал	693	16 000	23
4.	Береза	594	17 000	27
5.	Красная площадь	507	30 000	59
6.	Матрешка	354	11 000	31
7.	Народные промыслы	230	3 000	13
8.	Балалайка	207	8 000	38
9.	Герб России	165	4 000	24
10.	Московский Кремль	131	4 000	30

Источник: Составлено автором на основании ТОП-10 национальных символов в соцмедиа. URL: https://www.mlg.ru/ratings/research/14375/ (Дата доступа: 08 апреля 2026).

Из приведенной таблицы видно, что с формально-статистической точки зрения количества сообщений, упоминающих конкретные символы, и актов вовлеченности абсолютными лидерами являются «Медведь» и «Флаг России». Однако расчет коэффициента соотношения даёт совершенно иную картину. В тройку лидеров входит Красная площадь с коэффициентом 59 актов вовлеченности на одно сообщение, второе место занимает Медведь – 46, третье Балалайка – 38. Вторую группу составляют Матрешка – 31, с минимальным отставанием Московский кремль – 30, Флаг России и Береза, оба по 27. Наконец в третью замыкающую группу вошли Герб России – 24, Байкал – 23 и Народные промыслы – 13.

В то же время внутри приведенного списка могут быть выделены группы, которые объединяются по принципиальному основанию идентификации. Среди них:

1. Идентификация в привязке к объектам природы (Медведь, Береза, озеро Байкал), когда эта группа даёт совокупно 2 680 000 сообщений и 98 000 000 актов вовлеченности;

2. Идентификация в привязке к гражданско-политическим атрибутам (Флаг России, Герб России), где 1 165 000 сообщений и 31 000 000 актов вовлеченности;

3. Идентификация в привязке к историческим инфраструктурным объектам (Красная площадь, Московский Кремль) – 638 000 сообщений и 34 000 000 актов вовлеченности;

4. Идентификация в привязке к элементам национальной культуры (Матрешка, Народные промыслы, Балалайка) – 791 000 сообщений и 15 000 000 актов вовлеченности.

Выводы

Обобщая проведенное рассмотрение, автор хотел бы высказать ряд итоговых положений:

1. Методология исследования идентичностей в России развивалась на протяжении более 30 лет. Современные основы были положены В.А. Ядовым и Н. Даниловой в начале 90-х, затем творчески развиты академиком РАН М.К. Горшковым, а сегодня применяются проф. Н.Е. Тихоновой.

2. Автор предлагает адаптированную методологию для изучения идентичностей в социальных сетях, включающую постоянные макрогруппы (Люди, Места, Дела, Взгляды) и переменные «объекты привязки» идентификации.

3. Исходными данными для анализа стали статистические сведения из социальной сети Вконтакте: количество подписчиков, постов, среднее число лайков и репостов, а также интервью с модераторами закрытых страниц, проведенные анонимно.

4. Семейная идентификация в социальных сетях реализуется через две парадигмы: родственную (основанную на кровнородственных связях) и ролевую (идентификация с социальной ролью, например, Ребенок, Родитель).

5. Идентификация по макрогруппе «Места» осуществляется по трем направлениям: территориям, персонам и объектам.

6. Профессиональная идентификация в макрогруппе «Деятельность» включает три направлений (по предприятию/отрасли, профессии, учебному заведению) и две формы (пассивную и активную).

7. Идентификация по политическим взглядам охватывает четыре группы объектов: родная природа, гражданско-политические атрибуты, исторические инфраструктурные объекты и элементы национальной культуры.

8. Анализ показал, что новой тенденцией в идентификациях пользователей стало объединение вокруг традиционных элементов (семья, Родина, профессиональное достоинство) после начала СВО.

9. Перспективы дальнейшего исследования идентификаций пользователей в социальных сетях требуют развития методологии и совершенствования методики, подчеркнув важность её адаптивности к новым вызовам и трендам.

Литература

1. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Мировой океан. 1993.

2. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1994.

3. Данилова Е. Н., Игитханян Е.Д., Черныш М.Ф., Климова С.Г., Козырева П.М., Козырев Ю.Н., Козлова Т.З. Социальная идентификация личности – 2. Книга 1. – М.: Институт социологии РАН, 1994. – 154 с.

4. Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80–90-е гг.) //. Социс. 1995. № 5. С. 13–14.

5. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 76–86., с 78.

6. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа/ Отв.ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. – М.: Наука, 2005. – 396 с.

7. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Рабочая группа Института социологии РАН ЧАСТЬ 1. (Предисловие. Политическая активность и гражданское участие в контексте российской идентичности. Внешнеполитические аспекты российской идентичности.) / М.К. Горшков, А.Л. Андреев, В.А. Аникин [и др.] // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 1. – С. 67

8. Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 5–18.

9. Тихонова Н. Е., Дудин И.В. Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11, С. 18–33.

10. Федоров В. Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы. М.: ВЦИОМ, 2013. – 22с.

11. Рейтинг Медиаскоп: Топ ресурсов социальные медиа. По состоянию на март 2026. URL: https://mediascope.net/data/ (Дата доступа: 23 апреля 2026).

12. ТОП-20 глав регионов РФ в соцмедиа – март 2026. Медиалогия. URL: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/heads/14642/ (Дата доступа 16 апреля 2026)

13. Медиарейтинг компаний 2025 год. СКАН-Интерфакс. URL: https://scan-interfax.ru/ratings/mediareiting-kompanii-2025-god/ (Дата доступа: 11 февраля 2025)

14. Исследование: Рабочие профессии впервые возглавили рейтинг престижных в РФ. URL: https://czn.mos.ru/EE/News/NewsCard/1109?_=Issledovanie-Rabochie-professii-vpervye-vozglavili-rejting-prestizhnyh-v-RF (Дата доступа: 14 апреля 2026)

15. Рейтинг медийной активности ВУЗов M-RATE. Декабрь 2025. URL: https://м-рейтинг.рф/ (Дата доступа: 23 апреля 2026)

16. ТОП-10 национальных символов в соцмедиа. URL: https://www.mlg.ru/ratings/research/14375/ (Дата доступа: 08 апреля 2026).

TRANSFORMATION(S) OF RUSSIANS' IDENTITY IN SOCIAL NETWORKS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Kuryukin A.N.
The Center for Comprehensive Social Research Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

The need to identify with others, groups, and society as a whole is one of the key needs in modern civilization. At the same time, identification, as a key component of the socialization process, has attracted the attention of researchers from a wide range of fields, including psychologists, sociologists, and social psychologists. Identification occurs most fully through communication, which today occurs, in large part, in the virtual space of social networks. This has led to a shift from culturally determined identities to personally oriented ones, presented in virtual or digital spaces. Based on this and using information from VKontakte, Russia's largest social network, the author develops an objective understanding of the process and results of identification on social networks across substantive macrogroups, trends, and forms.

Keywords: Identity; Identification; Virtual identity; Network society; Digital technologies; Social networks.

References

1. The Soviet Common Man: An Experiment with a Social Portrait at the Turn of the 1990s / Ed. Yu.A. Levada. Moscow: World ocean. 1993.

2. Social Identification of the Individual / Ed. V.A. Yadov. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1994.

3. Danilova E. N., Igitkhanyan E.D., Chernysh M.F., Klimova S.G., Kozyreva P.M., Kozyrev Yu. N., Kozlova T.Z. Social Identification of the Individual – 2. Book 1. – Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1994. – 154 p.

4. Klimova S.G. Changes in the Value Bases of Identification (1980–90s) // Socis. 1995. № 5. Pp. 13–14.

5. Danilova E.N. Changes in Russians' Social Identifications // Sociological Journal. 2000. № 3–4. Pp. 76–86, p. 78.

6. Russian Identity in the Context of Transformation: An Experience of Sociological Analysis / Eds. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. – Moscow: Nauka, 2005. – 396 p.

7. Russian Identity in the Sociological Dimension. Analytical Report. Working Group of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences PART 1. (Preface. Political Activity and Civic Participation in the Context of Russian Identity. Foreign Policy Aspects of Russian Identity.) / M.K. Gorshkov, A.L. Andreev, V.A. Anikin [et al.] // Polis. Political Studies. – 2008. – № 1. – P. 67

8. Tikhonova N.E. Self-identification of Russians and its dynamics // Social sciences and modernity. 1999. № 4. Pp. 5–18.

9. Tikhonova N. E., Dudin I.V. Identities of Russians as a factor in the consolidation of Russian society // Sociological studies. 2024. № 11, Pp. 18–33.

10. Fedorov V. Modern Russian identity: dimensions, challenges, answers. Moscow: VTsIOM, 2013. – 22 p.

11. Mediascope Rating: Top social media resources. As of March 2026. URL: https://mediascope.net/data/ (Accessed: April 23, 2026).

12. TOP 20 Heads of Russian Regions in Social Media – March 2026. Medialogy. URL: https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/heads/14642/ (Accessed April 16, 2026)

13. Media Rating of Companies 2025. SCAN-Interfax. URL: https://scan-interfax.ru/ratings/mediareiting-kompanii-2025-god/ (Accessed February 11, 2025)

14. Research: Blue-collar jobs top the ranking of most prestigious in Russia for the first time. URL: https://czn.mos.ru/EE/News/NewsCard/1109?_=Issledovanie-Rabochie-professii-vpervye-vozglavili-rejting-prestizhnyh-v-RF (Accessed: April 14, 2026)

15. M-RATE University Media Activity Ranking. December 2025. URL: https://м-рейтинг.рф/ (Accessed: April 23, 2026)

16. TOP 10 National Symbols in Social Media. URL: https://www.mlg.ru/ratings/research/14375/ (Accessed: April 8, 2026).

Цифровой двойник как постгуманистический феномен: проблема субъектности, согласия и авторства в эпоху генеративного кино

Климов Ярослав Игоревич,
ассистент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yiklimov@fa.ru

Статья исследует феномен «цифрового двойника» в генеративном кино как постгуманистическую проблему субъектности, согласия и авторства. Материалом анализа служат прецедентные случаи цифровой реконструкции умерших актёров: появление Питера Кушинга в «Изгой-один» (2016) и анонсированный CGI-проект с участием Джеймса Дина (2019). Методологическую основу составляют постгуманистическая теория (Н.К. Хейлс, Р. Брайдотти, Д. Харауэй), акторно-сетевая теория Б. Латура, концепция симулякра Ж. Бодрийяра и феноменологический анализ техники М. Хайдеггера в переводе В.В. Бибихина. В нормативном измерении рассматриваются коллективный договор SAG-AFTRA 2023 года, Регламент ЕС 2024/1689 (EU AI Act) и статья 152.1 ГК РФ. Показано, что все существующие правовые инструменты работают в логике имущественного права и не решают вопроса об онтологическом статусе цифровой копии личности. Новизна исследования заключается в концептуализации цифрового двойника как особого типа бодрийяровского симулякра четвёртого порядка, претендующего на персональную идентичность конкретного человека, что не предусмотрено ни классической теорией симулякра, ни действующим регулированием. Предложена рамка для разработки понятия «цифровой персональности» как самостоятельного объекта правового и философского анализа.

Ключевые слова: цифровой двойник, постгуманизм, симулякр, субъектность, генеративное кино, deepfake, право на изображение, авторство, EU AI Act.

Введение

В декабря 2016 года в широкий прокат вышел фильм «Изгой-один: Звёздные войны. Истории», в котором персонаж Великий Мофф Таркин воспроизведён средствами компьютерной графики спустя 22 года после смерти Питера Кушинга (скончался в августе 1994 года). Физически роль исполнял Гай Генри, лицо которого в постпродакшне заменяли CGI-маской Кушинга. Студия Lucasfilm получила согласие наследников. Это согласие, однако, юридически и этически отличается от согласия самого актёра, а действовавшее законодательство не содержало норм, прямо регулирующих посмертную цифровую реконструкцию личности.

К 2023 году масштаб проблемы приобрёл принципиально иное измерение. Забастовка Гильдии киноактёров (SAG-AFTRA), продолжавшаяся с 14 июля по 9 ноября 2023 года (118 дней), была вызвана в том числе требованиями урегулировать AI-права исполнителей на защиту цифровых образов. Случай Кушинга оказался прецедентом, а не исключением: технологии синтеза цифровых личностей за семь лет стали промышленной реальностью.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы исследовать феномен цифрового двойника в генеративном кино как постгуманистическую проблему субъектности, проанализировать нормативные ответы на эту проблему и обосновать недостаточность существующего понятийного аппарата. Объект исследования охватывает практики цифровой реконструкции и синтеза образов реальных людей в кинопроизводстве; предмет исследования составляет онтологический, этический и нормативный статус возникающих при этом образований. Методологическую основу составляют постгуманистическая теория (Н.К. Хейлс, Р. Брайдотти, Д. Харауэй), акторно-сетевая теория Б. Латура, концепция симулякра Ж. Бодрийяра и феноменологический анализ техники М. Хайдеггера.

Новизна исследования состоит в том, что цифровой двойник рассматривается как особый, концептуально самостоятельный тип симулякра четвёртого порядка, ориентированного на персональную идентичность конкретного человека. В отличие от работ, анализирующих цифровые двойники преимущественно в медиаэтическом либо правовом измерении по отдельности, предлагаемая рамка объединяет постгуманистическую онтологию, теорию симулякра и сравнительно-правовой подход в единую аналитическую структуру.

Постгуманизм и проблема тела: теоретические основания

Постгуманизм как социально-философская концепция оформился в 1980–1990-е годы на пересечении кибернетики, феминистской теории и философии технологий. Кэтрин Хейлс в монографии «Как мы стали постгуманными» (1999) реконструировала интеллектуальную историю, в которой информация последовательно «отделялась» от материального носителя. Начиная с Мейсинских конференций по кибернетике (1946–1953), в научном дискурсе утверждалась посылка: информационные паттерны важнее физического субстрата. Хейлс полемизировала с этой редукцией, настаивая на том, что воплощённость (embodiment) остаётся конститутивным условием субъективности, а не случайной «упаковкой» сознания. Произвольная переносимость информации в иной субстрат, по её аргументу, является не техническим фактом, а идеологической конструкцией, возникшей внутри конкретной научной традиции [1].

Рози Брайдотти в «Постчеловеке» (2013) развила феминистский, материалистический вариант концепции. Субъект у Брайдотти конституируется реляционально: как номадическое образование, возникающее в сети тел, технологий и аффектов [2]. Донна Харауэй в «Манифесте киборга» (1985) предложила фигуру киборга как критический инструмент, разрушающий эссенциалистские границы между природой и культурой, организмом и машиной [3]. Принципиально, что у Харауэй киборг сохраняет биологическое ядро: он гибрид, а не чистый синтез. Все три концепции сходятся в том, что граница между телесным субъектом и его техническими расширениями перестала быть онтологически самоочевидной. В отечественных обзорных работах фиксируется, что постгуманизм охватывает принципиально более широкий спектр проблем, чем изначальная утопическая литература по трансгуманизму [4].

Параллельно с постгуманистической теорией Бруно Латур разработал акторно-сетевую теорию (АСТ), в которой отношения между людьми и нечеловеческими агентами рассматриваются как симметричные. Субъект в АСТ конституируется через связи с другими акторами, а не как автономное ядро, предшествующее отношениям. В контексте ухода от антропоцентризма, рассматриваемого в отечественной литературе, АСТ становится операциональным инструментом: она позволяет описывать технологические агенты как полноправных акторов социальных процессов [5]. Цифровой двойник в этой логике представляет собой нечеловеческого актора, встроенного в кинопроизводственную сеть: он участвует в формировании нарратива, генерирует аффективные реакции аудитории и вступает в правовые отношения с другими участниками процесса.

Российское философское сообщество обратилось к постгуманизму как к самостоятельной исследовательской проблеме в 2010-е годы [6]. А.И. Криман фиксирует, что постгуманизм применительно к современному искусству переконфигурирует привычные границы между субъектом и объектом, человеком и технологией [7]. Е.Г. Грибовод, реконструируя этапы становления постгуманизма, указывает на его связи с биоэтикой и цифровой культурой [8]. А.Л. Крайнов рассматривает постгуманизм через призму трансгуманистических проектов сохранения личности, связывая их с вопросами социальной справедливости и изменения ценностного смысла человеческой жизни [9].

Постгуманистическая теория в версиях Хейлс, Брайдотти и Харауэй зафиксировала принципиальную проницаемость границы между субъектом и технологией, однако специально не рассматривала случай, при котором субъект продолжает публичное существование исключительно как синтетические данные после прекращения биологической жизни. Этот случай остался концептуальным белым пятном.

Техническая реальность цифрового двойника

Технологии создания цифровых двойников за полтора десятилетия прошли путь от экспериментальных до серийных. Motion capture использовался в кинопроизводстве с конца 1990-х годов: в «Возвращении короля» (2003) Питер Джексон фиксировал движения тела Энди Сёркиса для персонажа Голлума. Принципиальное качественное различие между фиксацией живого актёра и синтезом облика умершего состоит в том, что субъект перемещается из положения участника производственного процесса в положение объекта обработки данных, утрачивая возможность любого согласия или несогласия.

Питер Кушинг в «Изгой-один» стал первым широко обсуждавшимся прецедентом «воскрешения» реального умершего актёра в мейнстримном кино. Реакция профессионального сообщества на анонс 2019 года оказалась однозначной: компания Magic City Films объявила о проекте «Finding Jack» с CGI-копией Джеймса Дина (погиб в сентябре 1955 года). Крис Эванс публично назвал проект «отвратительным» (disgusting), Элайджа Вуд охарактеризовал его как «чудовищное»; Гильдия режиссёров Америки выступила с официальной обеспокоенностью. Проект не был реализован. Показательно, что профессиональная оппозиция формировалась по принципиальному нормативному основанию: субъект не мог дать согласия, и никакая процедура не могла этот дефицит восполнить.

Marvel Studios на протяжении нескольких лет практиковала CGI-омоложение живых актёров: Сэмюэл Л. Джексон, Роберт Дауни-младший и Курт Рассел появлялись в молодых версиях своих персонажей с личного согласия. Технически это та же операция, что и «воскрешение» умершего, однако принципиально иная по нормативному содержанию. Это различие наглядно показывает: проблема кроется не в технологии как таковой, а в отсутствии субъекта, способного дать согласие.

Робин Уильямс (скончался в августе 2014 года) предпринял попытку опережающей нормативной защиты при жизни: по имеющимся сведениям о его наследственном трасте, использование образа актёра было ограничено на 25 лет после смерти. Это первый известный прецедент, в котором сам субъект предвидел, что технологические возможности опередят правовую рамку.

Deepfake как технология массового производства синтетических видеоматериалов появился в 2017 году, когда пользователи открытых платформ начали применять генеративно-состязательные нейронные сети (GAN) для подмены лиц на видео. Аналитическая компания Deeptrace Labs зафиксировала в 2019 году резкий рост числа deepfake-видео в сети, отметив, что подавляющее большинство из них носит порнографический характер [10]. Если в 2016 году для создания CGI-копии Кушинга требовались ресурсы крупной голливудской студии, то к 2022–2023 годам аналогичные технические операции стали доступны с помощью инструментов, работающих на потребительском оборудовании. ЮНЕСКО в докладе 2025 года описал это как «кризис познания»: в ситуации, когда синтетические и аутентичные медиаматериалы неразличимы для рядового пользователя, возникает то, что исследователи называют «дивидендом лжеца», то есть момент, когда и подлинные свидетельства начинают восприниматься как фальсификации [11].

В этом контексте показательна феноменологическая критика классического ИИ, которую развивал Хьюберт Дрейфус. В работах «Чего не могут компьютеры» (1972) и «Чего компьютеры по-прежнему не могут» (1992), опираясь на Хайдеггера и Мерло-Понти, Дрейфус настаивал: человеческий интеллект фундаментально воплощён и ситуативен, а потому не поддаётся редукции к следованию формальным правилам [12]. В.А. Москвитин, реконструируя философскую критику Дрейфуса, указывает, что именно понятие ситуативного знания остаётся ключевым аргументом против представлений об ИИ как универсальном когнитивном агенте [13].

Нормативный кризис: согласие, авторство, ответственность

Коллективный договор SAG-AFTRA, подписанный в ноябре 2023 года после 118-дневной забастовки, включает специальные положения об использовании цифровых копий актёров [14]. Договор устанавливает требование информированного согласия исполнителя на создание его «цифрового образа» (digital likeness) в целях обучения ИИ-систем или CGI-воспроизведения; предусматривает дополнительное вознаграждение за использование цифровой копии и право отказаться от включения образа в тренировочные наборы данных. Это первый отраслевой договор, прямо регулирующий AI-права исполнителей как самостоятельный предмет коллективного трудового соглашения в американской киноиндустрии.

Регламент ЕС 2024/1689 об искусственном интеллекте, вступивший в силу в августе 2024 года с поэтапным применением, вводит обязательства прозрачности для синтетического аудиовизуального контента [15]. Материалы, созданные или изменённые ИИ с изображением реальных лиц, подлежат маркировке. Регламент квалифицирует биометрические данные как особую категорию чувствительной информации. Применительно к кинопроизводству это означает, что использование биометрических данных актёра для обучения генеративной модели без его согласия образует самостоятельное нарушение, независимо от того, каким образом конечный контент будет использован.

Европейский парламент в аналитическом брифинге 2025 года констатировал, что действующее европейское авторское право по-прежнему требует наличия «автора-человека» и что предложения о введении sui generis прав на AI-контент остаются предметом дискуссии между государствами-членами [16]. Таким образом, технологическое регулирование (EU AI Act) и регулирование авторства (copyright) на уровне ЕС развиваются параллельно, без интеграции в единый режим охраны цифровых личностей.

В российском праве охрана изображения гражданина регулируется статьёй 152.1 ГК РФ. Норма запрещает публикацию и распространение фотографических изображений, видеозаписей и произведений изобразительного искусства, в которых изображён гражданин, без его согласия; после смерти согласие требуется от близких родственников. Е.А. Ходырева, анализируя эту норму в статье 2025 года, выявляет несколько системных уязвимостей: закон не разграничивает частный и публичный интерес к изображению, не определяет, что считать «синтетически сгенерированным образом» или «цифровой маской», и не содержит специальных правил для посмертной цифровой реконструкции [17]. При наличии согласия наследников юридический статус операции остаётся неопределённым.

Принципиальный изъян всех существующих инструментов в том, что они работают в логике имущественного права. SAG-AFTRA защищает право исполнителя на вознаграждение и согласие как условия трудовых отношений. EU AI Act устанавливает требования прозрачности и защиты данных. Статья 152.1 ГК РФ охраняет изображение как объект гражданских прав. Ни один из этих режимов не отвечает на вопрос о том, является ли цифровая копия умершего человека личностью, персонажем, произведением или вещью.

Симулякр, подлинность и постгуманистический субъект

Жан Бодрийяр в «Симулякрах и симуляции» (1981) выделил четыре порядка репрезентации. Первый отображает базовую реальность, второй искажает её, третий маскирует её отсутствие, четвёртый представляет собой чистую симуляцию, в которой знак уже не отсылает ни к какой реальности и «предшествует» ей: гиперреальное вытесняет реальное [18]. Бодрийяр работал с примерами масс-медиа, рекламных образов

и политических спектаклей и специально не рассматривал ситуацию, при которой симулякр четвёртого порядка претендует на воспроизведение конкретной персональной идентичности.

Цифровой двойник умершего актёра представляет собой именно такой случай. По формальным признакам это четвёртый порядок: референт (Питер Кушинг) недоступен для верификации, синтетический образ генерируется по алгоритму, обученному на архивных данных. Но в отличие от бодрийяровских примеров, этот симулякр атрибутируется конкретному человеку с именем, биографией и аудиторией, сформировавшей устойчивые аффективные отношения с реальным актёром. Бодрийяр описал ситуацию, при которой знак утрачивает связь с реальностью как таковой; в случае цифрового двойника знак претендует на воспроизведение уникальной реальности умершего конкретного человека. Это концептуально новое измерение, порождающее специфические этические следствия, не выводимые из бодрийяровской аналитики автоматически.

М. Хайдеггер в «Вопросе о технике» (1953; перевод В.В. Бибихина) разграничил раскрытие (Entbergen, Unverborgenheit) как обнаружение того, что есть, и технический Ge-stell, то есть «постав», при котором сущее упорядочивается как исчисляемый запас (Bestand), готовый к производительному использованию [6]. В.М. Розин, анализируя хайдеггеровскую концепцию техники, подчёркивает, что «постав» представляет собой не просто применение технических средств, а особый способ раскрытия мира, при котором всё сущее, включая человека, предстаёт как ресурс [19]. Цифровой двойник воплощает предельную форму этого «поставания» применительно к человеческому образу: личность «ставится в запас» как набор воспроизводимых данных, доступных для производительного использования в любое время. Подлинность при этом структурно исключена: образ генерируется по алгоритму, а не раскрывается в ситуации.

К феноменологической критике Хайдеггера примыкает аргумент Дрейфуса о том, что алгоритм не имеет «ставок» в ситуации, его «действия» не мотивированы заботой о собственном бытии, что, по Хайдеггеру, является условием подлинного смысла. Применительно к цифровому двойнику это означает: алгоритм воспроизводит паттерны поведения актёра, не понимая их смысла и не разделяя его экзистенциальной ситуации. Публика «достраивает» смысл, используя накопленное знание о реальном человеке и перенося его на синтетический образ.

Существующие юридические категории оказываются недостаточными. «Персонаж» в авторском праве – художественный образ, не претендующий на идентичность реального человека. «Изображение» в статье 152.1 ГК РФ – зафиксированный облик, но не синтезированная личность. «Произведение» в авторско-правовом смысле требует творческого вклада человека. Цифровой двойник Кушинга одновременно является и образом реального человека, и художественным образом, и результатом алгоритмической обработки, не вписываясь ни в одну из этих категорий полностью.

Авторство и творчество в эпоху генеративных технологий

Создание цифрового двойника обнажает кризис категории авторства в трёх измерениях одновременно. Первое – авторство исполнителя: актёр является автором своего воплощения персонажа, и это воплощение впоследствии используется без его участия. Второе – авторство создателей цифровой копии: кинематографисты, применяя алгоритмические инструменты, претендуют на творческий результат, однако содержательным источником визуального образа остаётся архивный массив данных о реальном человеке. Третье – авторство ИИ-системы как таковой, что ставит вопрос о правовой квалификации самого процесса генерации.

Классические концепции творчества предполагают интенциональность, рефлексию и биографический опыт как необходимые условия создания художественного произведения. Генеративные модели производят контент, лишённый этих измерений. Е.Д. Кузнецова фиксирует, что появление больших языковых и визуальных генеративных моделей требует переосмысления самой теории креативности: что именно считать творческим актом, если алгоритм производит статистически оптимальный результат в заданном пространстве параметров [20]? Этот вопрос остаётся открытым и применительно к цифровому двойнику приобретает конкретный нормативный смысл.

Феноменологическая позиция Дрейфуса уточняет проблему: компьютер не имеет «ставок» в ситуации и не разделяет экзистенциальной вовлечённости человека, что, по Хайдеггеру, является условием подлинного смысла. Генеративная модель воспроизводит паттерны актёрской игры Кушинга, не понимая их смысла и не разделяя его опыта. Зрительская аудитория при этом «достраивает» смысл, проецируя на синтетический образ биографический и аффективный контекст, накопленный за десятилетия знакомства с реальным актёром.

Европейский парламент в аналитическом брифинге 2025 года зафиксировал, что действующее европейское авторское право сохраняет «человекоцентричную» модель: произведение должно быть результатом творческого выбора человека [16]. Применительно к цифровому двойнику это создаёт правовую аномалию: произведение генерируется алгоритмом, обученным на биометрических данных конкретного человека, однако ни этот человек, ни алгоритм не признаются автором. Авторство формально приписывается заказчику или разработчику системы, что не отражает реальной структуры творческого процесса.

Российское право воспроизводит аналогичную логику. Статья 1228 ГК РФ признаёт автором гражданина, творческим трудом которого создано произведение, исключая из числа авторов ИИ-системы [21]. Применительно к цифровому двойнику это означает, что правовое основание для охраны произведения оказывается либо неопределённым, либо формально относимым к создателям ИИ-инструмента, а не к авторам конкретного контента. В результате возникает ситуация, при которой ни актёр, ни его наследники, ни алгоритм, ни кинокомпания не имеют однозначно определённого правового статуса применительно к созданному цифровому образу.

Заключение

Цифровой двойник в генеративном кино обнажает три взаимосвязанных дефицита. Онтологический: отсутствует понятие, описывающее статус субъекта, существующего как данные после прекращения биологической жизни. Нормативный: ни договорная модель SAG-AFTRA, ни Регламент ЕС 2024/1689, ни статьи 152.1 и 1228 ГК РФ не выходят за рамки имущественно-правовой логики и не решают вопроса о персональной идентичности цифровой копии. Концептуальный: бодрийяровская теория симулякра описывает разрыв между знаком и реальностью в целом, однако не предусматривала случая, когда симулякр четвёртого порядка претендует на личную идентичность исторически существовавшего человека.

Постгуманистическая теория в версиях Хейлс, Брайдотти и Харауэй зафиксировала принципиальную проницаемость границы между субъектом и технологией. Акторно-сетевая теория Латура предложила инструментарий для описания нечеловеческих агентов как полноправных участников социальных процессов. Феноменологическая критика Хайдеггера и Дрейфуса указала на структурное различие между имитацией субъектности и её воспроизведением. Ни одна из этих концептуальных рамок специально не разрабатывалась для случая, в котором субъект продолжает публичное существование исключительно как синтетические данные после смерти.

В отличие от предшествующих работ, ограничивающихся анализом в рамках одной дисциплинарной логики, предлагаемая рамка показывает, что нормативный кризис вызван не отставанием законодательства от технологий, а отсутствием самого понятия, которое следовало бы нормировать. Новизна исследования состоит в концептуализации цифрового двойника как типа симулякра, претендующего на персональную идентичность, что остаётся за пределами классической теории симулякра и действующих правовых режимов.

Разработка понятия «цифровой персональности» как самостоятельного объекта анализа остаётся первоочередной задачей. Такой концепт должен ответить как минимум на три вопроса: при каких условиях синтетический образ реального человека тождественен его личности, кто несёт ответственность за этот образ после смерти субъекта и каковы пределы распоряжения таким образом. Пока ответы на эти вопросы отсутствуют, нормативные инструменты – от договора SAG-AFTRA до ГК РФ – будут производить решения по аналогии, структурно не соответствующие природе проблемы.

Литература

1. Hayles N.K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 350 p.

2. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.

3. Haraway D.J. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. Pp. 149–181.

4. Криман А.И. Что такое постгуманизм и почему он актуален сегодня // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. 2024. № 4. С. 43–62. DOI: 10.31249/rphil/2024.04/06.

5. Криман А.И. Акторно-сетевая теория Б. Латура в контексте ухода от антропоцентризма в постгуманизме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. 2024. № 4. С. 152–161. DOI: 10.31249/rphil/2024.04.16.

6. Хайдеггер М. Вопрос о технике / пер. В.В. Бибихина. URL: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (дата обращения: 24.05.2026).

7. Криман А.И. Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса // Наука телевидения. 2023. Т. 19. № 3. С. 21–41. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-21-41.

8. Грибовод Е.Г. Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы // Дискурс-Пи. 2020. № 4 (41). С. 133–150. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10409.

9. Крайнов А.Л. Постгуманизм и проблема бессмертия: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22. № 1. С. 14–18.

10. Deeptrace Labs. The State of Deepfakes: Landscape, Threats, and Impact. Amsterdam: Deeptrace, 2019. URL: https://sensity.ai (дата обращения: 24.05.2026).

11. UNESCO. Deepfakes and the Crisis of Knowing. Paris: UNESCO, 2025. URL: https://www.unesco.org/en/articles/deepfakes-and-crisis-knowing (дата обращения: 24.05.2026).

12. Dreyfus H.L. What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason. Cambridge: MIT Press, 1992. 354 p.

13. Москвитин В.А. За пределами алгоритмов: философская критика Хьюберта Дрейфуса // Философская мысль. 2025. № 11. С. 161–178. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.74146.

14. SAG-AFTRA Theatrical and Television Basic Agreement 2023. Los Angeles: SAG-AFTRA, 2023. URL: https://www.sagaftra.org (дата обращения: 24.05.2026).

15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on Artificial Intelligence (AI Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L 1689.

16. European Parliament Research Service. Copyright of AI-Generated Works: Approaches in the EU and Beyond. Brussels: EPRS, 2025. URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2025)782585 (дата обращения: 24.05.2026).

17. Ходырева Е.А. Право на изображение гражданина: проблемы осуществления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 18 (2). С. 164–189. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.164.189.

18. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / transl. S.F. Glaser. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 164 p.

19. Розин В.М. Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи «Вопрос о технике») // Философия науки и техники. 2023. Т. 28. № 2. С. 49–62. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-2-49-62.

20. Кузнецова Е.Д. Переосмысление теории креативности в эпоху искусственного интеллекта // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2025. № 2 (62). С. 215–228. DOI: 10.31249/chel/2025.02.13.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая от 18.12.2006 № 230-ФЗ. Ст. 1228. Автор результата интеллектуальной деятельности // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

THE DIGITAL DOUBLE AS A POSTHUMANIST PHENOMENON: THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY, CONSENT, AND AUTHORSHIP IN THE AGE OF GENERATIVE CINEMA

Klimov Ya.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the "digital double" in generative cinema as a posthumanist problem of subjectivity, consent, and authorship. The analysis draws on landmark cases of digital resurrection of deceased performers: Peter Cushing in Rogue One (2016) and the announced CGI project featuring James Dean (2019). The methodological framework combines N. Katherine Hayles, Rosi Braidotti, and Donna Haraway's posthumanist theory, Bruno Latour's actor-network theory, Baudrillard's theory of simulacra, and Heidegger's philosophy of technology in V.V. Bibihin's translation. The SAG-AFTRA 2023 collective agreement, EU Regulation 2024/1689 (EU AI Act), and Article 152.1 of the Russian Civil Code are analyzed normatively. It is argued that all existing legal instruments operate within a property-rights logic and fail to address the ontological status of a digital copy of a person's identity. The novelty of the study lies in conceptualizing the digital double as a specific type of Baudrillard's fourth-order simulacrum that claims the personal identity of a real individual, a case not anticipated by either classical simulacrum theory or current legal regimes. A framework is proposed for developing the concept of "digital personhood" as an independent object of legal and philosophical inquiry.

Keywords: digital double, posthumanism, simulacrum, subjectivity, generative cinema, deepfake, image rights, authorship, EU AI Act.

References

1. Hayles N.K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 350 p.

2. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.

3. Haraway D.J. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century. In: Simians, Cyborgs, and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. Pp. 149–181.

4. Kriman A.I. Chto takoe postgumanizm i pochemu on aktualen segodnya [What is Posthumanism and Why It Matters Today]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3. Filosofiya, 2024, no. 4, pp. 43–62. DOI: 10.31249/rphil/2024.04/06.

5. Kriman A.I. Aktorno-setevaya teoriya B. Latura v kontekste ukhoda ot antropotsentrizma v postgumanizme [Latour's Actor-Network Theory in the Context of Moving Away from Anthropocentrism in Posthumanism]. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3. Filosofiya, 2024, no. 4, pp. 152–161. DOI: 10.31249/rphil/2024.04.16.

6. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology]. Transl. V.V. Bibikhin. Available at: http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (accessed: 24.05.2026).

7. Kriman A.I. Postgumanizm i sovremennoe iskusstvo: peresborka antropotsentristskogo diskursa [Posthumanism and Contemporary Art: Reassembling the Anthropocentric Discourse]. Nauka televideniya, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 21–41. DOI: 10.30628/1994-9529-2023-19.3-21-41.

8. Gribovod E.G. Etapy stanovleniya postgumanizma. K postanovke problemy [Stages of the Formation of Posthumanism: Setting the Problem]. Diskurs-Pi, 2020, no. 4 (41), pp. 133–150. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10409.

9. Kraynov A.L. Postgumanizm i problema bessmertiya: sotsial'no-filosofskiy analiz [Posthumanism and the Problem of Immortality: A Socio-Philosophical Analysis]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 14–18.

10. Deeptrace Labs. The State of Deepfakes: Landscape, Threats, and Impact. Amsterdam: Deeptrace, 2019. Available at: https://sensity.ai (accessed: 24.05.2026).

11. UNESCO. Deepfakes and the Crisis of Knowing. Paris: UNESCO, 2025. Available at: https://www.unesco.org/en/articles/deepfakes-and-crisis-knowing (accessed: 24.05.2026).

12. Dreyfus H.L. What Computers Still Can't Do: A Critique of Artificial Reason. Cambridge: MIT Press, 1992. 354 p.

13. Moskvitin V.A. Za predelami algoritmov: filosofskaya kritika Kh'yuberta Dreyfusa [Beyond Algorithms: Hubert Dreyfus's Philosophical Critique]. Filosofskaya mysl', 2025, no. 11, pp. 161–178. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.11.74146.

14. SAG-AFTRA Theatrical and Television Basic Agreement 2023. Los Angeles: SAG-AFTRA, 2023. Available at: https://www.sagaftra.org (accessed: 24.05.2026).

15. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 on Artificial Intelligence (AI Act). Official Journal of the European Union, 2024, L 1689.

16. European Parliament Research Service. Copyright of AI-Generated Works: Approaches in the EU and Beyond. Brussels: EPRS, 2025. Available at: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2025)782585 (accessed: 24.05.2026).

17. Khodyreva E.A. Pravo na izobrazhenie grazhdanina: problemy osushchestvleniya [The Right to One's Image: Problems of Exercise]. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki, 2025, no. 18 (2), pp. 164–189. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.2.164.189.

18. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Transl. S.F. Glaser. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. 164 p.

19. Rozin V.M. Fenomenologicheskoe osmyslenie M. Khaydeggerom tekhniki (na materiale stat'i «Vopros o tekhnike») [Heidegger's Phenomenological Understanding of Technology]. Filosofiya nauki i tekhniki, 2023, vol. 28, no. 2, pp. 49–62. DOI: 10.21146/2413-9084-2023-28-2-49-62.

20. Kuznetsova E.D. Pereosmyslenie teorii kreativnosti v epokhu iskusstvennogo intellekta [Rethinking Creativity Theory in the Age of Artificial Intelligence]. Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty, 2025, no. 2 (62), pp. 215–228. DOI: 10.31249/chel/2025.02.13.

21. Civil Code of the Russian Federation. Part Four, dated 18.12.2006 No. 230-FZ, Art. 1228. Sobranie zakonodatel'stva RF, 2006, no. 52, art. 5496.

Сопоставительное исследование человеческого и AI-перевода цветообозначений в сказке «Счастливый принц»: корпусный анализ на основе трехуровневой модели культурной нагруженности

Мэн Шу,
магистр, Синьцзянский педагагический университет
E-mail: 19153017730@163.com

Ли Инцзюнь,
к. фил. Н., Профессор, Синьцзянский педагагический университет
E-mail: 280161773@qq.com

В эпоху интеграции цифровых технологий и интеллектуальных систем ИИ-перевод постепенно входит в практику художественного перевода. Цветообозначения как языковые единицы, насыщенные культурно-символическим смыслом, при переводе требуют не только семантической трансформации, но и воссоздания культурных коннотаций и эмоциональной атмосферы. В статье рассматриваются особенности передачи цветообозначений в сказке О. Уайльда The Happy Prince в переводе Ба Цзиня и AI-переводе Deep L. Цель исследования – выявить различия между человеческим и машинным переводом при передаче цветовой лексики разной степени культурной нагруженности. Методологическую основу работы составляет трехуровневая модель, включающая визуально-описательные, эмоционально-метафорические и культурно-специфические символические цветообозначения. Материал анализируется с применением частотного корпусного анализа на базе Python и качественного сопоставительного анализа репрезентативных фрагментов. Установлено, что при передаче визуально-описательных единиц различия между переводами минимальны; в эмоционально-метафорической группе человеческий перевод демонстрирует большую выразительность и способность к семантическому расширению; при передаче культурно-специфических символических единиц AI-перевод выявляет наиболее существенные ограничения, связанные с лексической неверной интерпретацией, недостаточным учетом контекста и утратой культурной символики. Результаты исследования могут быть использованы при оценке качества AI-перевода и в практике преподавания художественного перевода.

Ключевые слова: Цветообозначения, Ai-Перевод, Человеческий Перевод, «Счастливый Принц».

Введение

С бурным развитием технологий нейронного машинного перевода (Neural Machine Translation, NMT) AI-системы перевода, представленные, в частности, DeepL и Google Translate, добились значительного прогресса в области семантической эквивалентности и синтаксической беглости и широко применяются в практике перевода новостных, юридических и научно-технических текстов. Исследование Toral и Way (2018) показывает, что ИИ-перевод, основанный на технологии NMT, в случае литературных текстов всё ещё существенно уступает профессиональным переводчикам. Между тем существующие сопоставительные исследования чаще оценивают качество текста в целом и реже проводят классификационный анализ конкретных культурно нагруженных слов (culture-loaded words).

Цветообозначения являются одной из наиболее репрезентативных категорий культурно нагруженной лексики в художественном дискурсе. Они сочетают в себе двойственную природу физического восприятия и культурного конструирования. Межъязыковое исследование Berlin & Kay (1991) выявило универсальную иерархическую структуру базовых цветообозначений. Lucy (1997) с точки зрения лингвистической относительности указывает на возможность существования межъязыковых различий в восприятии цвета. В китайских исследованиях ученые также широко рассматривали различия культурных коннотаций английских и китайских цветообозначений, а также стратегии их перевода. Так, Пэн Цюжун (2001) указывает на высокую степень культурного несовпадения цветообозначений между неродственными языками; Жэнь Тинтин (2022) рассмотрела способы перевода метафор, выраженных цветообозначениями, в романах, тогда как Инь Хуалин (2017), обращаясь к переводу на английский язык термина «красный чай», затронула влияние культурных различий цветообозначений на перевод собственных наименований чая. Однако в существующих работах по данной проблематике степень культурной нагруженности цветообозначений редко подвергается системной классификации.

Внутри категории цветообозначений наблюдается очевидная гетерогенность. Одни из них являются почти исключительно средствами визуального описания, другие несут эмоционально-метафорическую нагрузку, третьи глубоко связаны с конкретными религиозными и сословными традициями. Сказка Оскара Уайльда (Oscar Wilde) «Счастливый принц» (The Happy Prince) благодаря насыщенной системе цветовых образов и изысканной символической организации представляет собой идеальный материал для изучения перевода цветообозначений. Поэтому, стремясь избежать обобщенной оценки типа «AI-перевод уступает человеческому переводу», в настоящей статье предпринимается попытка ввести классификационный подход и выдвигаются следующие три ключевых исследовательских вопроса: в чем состоят сходства и различия между человеческим и AI-переводом при выборе способов передачи цветообозначений? Имеют ли различия в частотности цветообозначений в двух переводах определенную закономерность и каковы причины этих различий? Проявляется ли системная закономерность в разрыве качества перевода цветообозначений различной степени культурной нагруженности в двух переводных версиях?

Теоретическая основа

Теория культурно-специфических элементов (Culture-Specific Items, CSI), предложенная Айкселой (1996), подчёркивает динамический характер культурной лексики и её зависимость от контекста, а также классифицирует стратегии, используемые переводчиком при работе с такими лексическими единицами, по степени культурной адаптации в виде поступательной шкалы, систематически обобщая такие конкретные методы, как сохранение (Conservation), замена (Substitution) и др. Данная теория не только предоставляет системную методологию для изучения культурно маркированной лексики, но и служит ключевой теоретической основой для уточнения степени культурной нагруженности цветообозначений в настоящем исследовании и построения трёхуровневого классификационного стандарта.

Скопос-теория (Skopos Theory) Фермеера (Vermeer, 1989) дополнительно подчеркивает, что выбор переводческой стратегии опреде-

ляется целью перевода. В художественном переводе первостепенное значение имеют воспроизведение эмоционального воздействия и эстетической выразительности, что принципиально отличается от ориентации универсальных AI-систем на быструю передачу информации. Данное различие целей объективно ограничивает предельные возможности универсальных AI-систем в сфере художественного перевода и тем самым обеспечивает более глубокое теоретическое объяснение сопоставительного анализа двух типов переводов в настоящем исследовании.

В качестве конкретных аналитических параметров в работе рассматриваются три аспекта: семантическая точность, способность к эмоционально-экспрессивному воздействию и эквивалентность культурной символики. Такой подход позволяет системно выявить различия в способах передачи цветообозначений с различной степенью культурной нагруженности в двух типах переводов.

Дизайн исследования

Объект исследования и характеристика корпуса

Материалом исследования служат три полные версии сказки О. Уайльда *The Happy Prince*: английский оригинал 1888 г. объемом около 3 300–3 800 слов; китайский перевод Ба Цзиня, впервые опубликованный в 1949 г. и признанный авторитетным художественным переводом, объемом около 6 000 иероглифов; машинный перевод DeepL, выполненный в декабре 2024 г., объемом около 5 000 иероглифов.

Следует учитывать, что перевод Ба Цзиня создан в середине XX века и отражает особенности литературного стиля периода Китайской Республики, что проявляется, например, в выражениях «猩红» («алый», «багряно-красный») и «光亮夺目» («ослепительно сияющий»). Поэтому часть различий между двумя переводами может быть обусловлена не столько уровнем переводческой компетенции, сколько историко-стилистической дистанцией. В ходе анализа эти факторы по возможности разграничиваются.

Трехуровневая классификационная модель цветообозначений

Опираясь на теорию культурно-специфических элементов Аикселы (Aixelá, 1996) и учитывая семантику цветовой лексики, в работе предлагается трехуровневая модель классификации цветообозначений по степени их культурной нагруженности.

Первый уровень составляют цветообозначения визуально-описательного типа, выполняющие преимущественно функцию объективного описания и обладающие минимальной культурно-символической значимостью, например *blue* в *blue sky* или *white* в *white snow*. Для таких единиц характерна наименьшая сложность культурного переноса, поэтому различия между человеческим и AI-переводом предполагаются минимальными.

Второй уровень включает эмоционально-метафорические цветообозначения, которые в определенном контексте выражают эмоциональные или метафорические смыслы, частично соотносимые с аналогами в языке перевода. Так, *red* может ассоциироваться с опасностью или страстью, а *gold* – с ценностью или сакральностью. Их перевод требует семантического расширения и эмоционального усиления.

Третий уровень образуют культурно-специфические символические цветообозначения, связанные с религиозными, ритуальными, сословными и иными культурными традициями исходного языка. К ним относятся, например, *scarlet*, связанное с религиозно-обрядовым контекстом, и *ruby*, соотносимое с символикой средневековой аристократии. Такие единицы наиболее трудны для перевода и требуют высокой культурной компетенции.

На основе данной модели из оригинала были отобраны 14 частотных цветообозначений: *red, scarlet, crimson, pink, gold, yellow, green, blue, sapphire, white, grey, black, silver, ruby*. Их классификация стала основой последующего количественного и качественного анализа (табл. 1).

Таблица 1. Трехуровневая классификация цветообозначений

Уровень	Тип	Цветообозначения на английском языке	Основание классификации
Первый уровень	Визуально-описательный тип	white, blue, grey, black, yellow	Выполняют преимущественно функцию объективного описания, не обладают самостоятельным культурным значением; межъязыковые символические значения в высокой степени совпадают, поэтому сложность культурного переноса при переводе минимальна.
Второй уровень	Эмоционально-метафорический тип	red, green, gold, pink, silver	В определенном контексте несут эмоциональную окраску или метафорическое значение; в языке перевода существуют в той или иной степени соответствующие метафорические выражения, поэтому при переводе необходимо уместное расширение эмоционально-семантического содержания.
Третий уровень	Культурно-специфический символический тип	scarlet, crimson, ruby, sapphire	Глубоко связаны с культурными традициями исходного языка, включая религиозные, обрядовые и сословные представления; в языке перевода отсутствуют прямые соответствия, поэтому сложность культурного переноса при переводе является наиболее высокой.

Окончание

Сбор и обработка данных

В настоящем исследовании частотный анализ цветообозначений и визуализация полученных данных выполняются с использованием регулярных выражений в Python. Кроме того, извлекаются соответствующие контекстуальные фрагменты, которые служат основой для качественного анализа.

На этапе качественного анализа в соответствии с трехуровневой классификационной моделью из каждого уровня отбираются репрезентативные фрагменты текста для межверсионного сопоставления. Особое внимание уделяется трем аналитическим параметрам:

1. семантической точности полноте передачи цветовой информации;
2. эмоционально-экспрессивному воздействию эффективности воспроизведения эмоциональной атмосферы;
3. эквивалентности культурной символики степени сохранения культурного содержания либо его адекватной компенсации.

Макрохарактеристики перевода цветообозначений и количественный анализ

Общее частотное распределение

Результаты частотного анализа показывают (см. табл. 2), что наиболее частотными цветообозначениями в оригинальном тексте являются *gold* – 11 употреблений, *red* – 5 употреблений, *white* – 4 употребления и *green* – 4 употребления. Следует отметить, что если учитывать такие культурно нагруженные лексемы с имплицитной семантикой красного цвета, как *ruby* и *scarlet*, то совокупная частотность красной образности в оригинале достигает 16 употреблений. В обоих переводах общее количество цветообозначений превышает соответствующий показатель оригинального текста, что свидетельствует о выраженной тенденции к **экспликации** цветовой семантики (*explicitation*), то есть к дополнительному проявлению или вербализации цветового значения в процессе перевода (табл. 2).

Таблица 2. Частотное распределение основных цветообозначений в трех версиях текста

Цветообозначение	Частотность в оригинале	Перевод Ба Цзиня	Перевод DeepL	Объяснение причин расхождений
red	5	18	16	Экспликация, вызванная переводом ruby как «红宝石» («рубин», букв. «красный драгоценный камень»)
scarlet	2	2	2	В обоих переводах имеются соответствующие эквиваленты
gold	11	13	13	Экспликация, вызванная переводческими решениями при передаче слов pyramid и metal
green	4	4	3	В AI-переводе словосочетание green snake передано как «大青蛇», что привело не к полной утрате, а к размыванию и недостаточно точной передаче семантики зеленого цвета.

Окончание

Цвето-обозна-чение	Частот-ность в ориги-нале	Пере-вод Ба Цзиня	Пере-вод DeepL	Объяснение причин расхождений
white	4	4	5	В AI-переводе слово cataract ошибочно передано как «白内障», вследствие чего введено дополнительное цветообозначение

Как видно из таблицы 2, частотность цветообозначений первого уровня, относящихся к визуально-описательному типу (white), в двух переводах в целом соответствует показателю оригинала, а различия между двумя переводными версиями являются минимальными. Это подтверждает исходное предположение настоящего исследования: чем ниже степень культурной нагруженности цветообозначения, тем меньше расхождение между AI-переводом и переводом, выполненным человеком.Цветообозначения второго уровня, относящиеся к эмоционально-метафорическому типу, а также третьего уровня, представляющие культурно-специфический символический тип, демонстрируют более сложную модель различий. Далее эти различия будут подробно рассмотрены на материале конкретных переводческих случаев.

Качественное сопоставление микропримеров в рамках трехуровневой классификации

1. Первый уровень: цветообозначения визуально-описательного типа

Пример 1.1: white – преимущественно визуально-описательная функция

Оригинал: …their clean white pinafores.

Перевод Ба Цзиня: «……束着洁白的遮胸» («…в чистых белых нагрудниках»).

Перевод DeepL: «……和洁白的夹袄……» («…и в чистых белых коротких ватных куртках…»).

Анализ: В данном случае white выступает как чисто визуально-описательное цветообозначение, и в обоих переводах оно точно передано как «洁白» («чисто-белый», «белоснежный»). Данный пример подтверждает исходное предположение относительно цветообозначений первого уровня: при минимальной степени культурной нагруженности лексемы ИИ уже обладает точностью, близкой к уровню профессионального переводчика, а качественные различия между двумя переводами практически отсутствуют.

Различие между «夹袄» («короткая ватная куртка») и «遮胸» («нагрудник») относится к сфере историко-стилистической вариативности: перевод Ба Цзиня отражает языковые нормы и словоупотребление периода Китайской Республики и не связан напрямую с уровнем переводческой компетенции. Данный пример подтверждает исходное предположение относительно цветообозначений первого уровня: при минимальной культурной нагруженности цветовой лексемы качественные различия между человеческим и AI-переводом практически отсутствуют.

2. Второй уровень: цветообозначения эмоционально-метафорического типа

Пример 2.1: gold / fine gold – эмоциональная метафора ценности и сакральности

Оригинал: He was gilded all over with thin leaves of fine gold, for eyes he had two bright sapphires, and a large red ruby glowed on his sword-hilt.

Перевод Ба Цзиня: «他满身贴着薄薄的纯金叶子，一对蓝宝石做成他的眼睛，一只大的红宝石嵌在他的剑柄上，灿烂地发着红光» («Все его тело было покрыто тонкими листами чистого золота; глазами ему служили два сапфира, а большой рубин был вставлен в рукоять меча и ярко излучал красный свет»).

Перевод DeepL: «他全身镀满了细细的金箔，眼睛上镶嵌着两颗明亮的蓝宝石，剑柄上一颗硕大的红宝石闪闪发光» («Все его тело было покрыто тонкой золотой фольгой; в глазах были инкрустированы два ярких сапфира, а на рукояти меча сверкал крупный рубин»).

Анализ: В данном предложении эмоционально-метафорический аспект выражения fine gold связан с семантикой ценности и сакральности. Техника золочения в средневековой Европе была тесно связана с изготовлением религиозных образов, а определение fine указывает на чистоту и редкость материала, тем самым актуализируя символику торжественности и святости.

На уровне семантической точности оба перевода корректно передают основную информацию о золотом покрытии статуи. Однако на уровне эмоционально-экспрессивного воздействия между ними обнаруживаются заметные различия. В переводе Ба Цзиня выражение «纯金叶子» («листы чистого золота») сохраняет значение чистоты, заложенное в fine, а глагол «贴着» («быть наклеенным», «быть покрытым вручную») передает ощущение ручной техники золочения, благодаря чему читатель воспринимает статую как объект, обладающий религиозной торжественностью.

В переводе DeepL слово «金箔» («золотая фольга», «сусальное золото») передает материальную характеристику, однако «镀满» («быть полностью покрытым», «быть позолоченным») в большей степени ассоциируется с современной техникой покрытия, что ослабляет атмосферу ручного сакрального изготовления, присутствующую в оригинале.

Кроме того, в следующей части предложения Ба Цзинь вводит выражение «灿烂地发着红光» («ярко излучал красный свет»), активно усиливая цветовую образность слова ruby. Такая осознанная экспликация делает человеческий перевод более выразительным с точки зрения визуально-образной репрезентации. Вариант DeepL «闪闪发光» («сверкал», «сиял») соответствует нормам китайского языка, однако не акцентирует цветовую специфику рубина, вследствие чего эмоционально-экспрессивный эффект оказывается сравнительно ослабленным.

3. Третий уровень: цветообозначения культурно-специфического символического типа

Пример 3.1: scarlet – культурно-специфическая символика религии, ритуала и власти

Оригинал: …as they came out of the cathedral in their bright scarlet cloaks and their clean white pinafores.

Перевод Ба Цзиня: «……他们正从大教堂出来，披着光亮夺目的猩红色斗篷，束着洁白的遮胸» («…они как раз выходили из собора, в ослепительно сияющих алых плащах и чистых белых нагрудниках»).

Перевод DeepL: «……当慈善之子们穿着鲜艳的大红斗篷和洁白的夹袄从大教堂走出来时……» («…когда дети благотворительного приюта выходили из собора в ярко-красных плащах и чистых белых коротких ватных куртках…»).

Анализ: В англоязычном культурном контексте слово scarlet обладает высокой степенью культурной специфичности. В религиозной традиции оно тесно связано с католическим церемониальным облачением, например с красными одеяниями кардиналов, а в литературе часто используется для создания атмосферы торжественности, авторитета или святости. Кроме того, библейский образ «греха, подобного багрянцу» придает этому цветообозначению дополнительное символическое напряжение, связанное с виной и искуплением. В рассматриваемом предложении сочетание церковного пространства и слова scarlet в значительной степени активизирует культурно-символическое измерение цветовой лексемы.

Ба Цзинь переводит scarlet как «猩红色» («алый», «багряно-красный»). В китайском языке это слово в определенной степени связано с семантикой религиозной церемониальности и императорской власти, что позволяет частично передать торжественную атмосферу оригинала. Дополнительное определение «光亮夺目» («ослепительно сияющий», «яркий до ослепительности») усиливает визуальное воздействие и способствует полноценному воспроизведению ритуального характера всей сцены.

DeepL передает scarlet как «大红» («ярко-красный», «насыщенно-красный»). Хотя с точки зрения цветового диапазона этот вариант в целом соответствует оригиналу, в современном китайском языке «大红» чаще ассоциируется с праздничными и радостными ситуациями, например со свадьбой или празднованием Нового года. Поэтому такая передача вступает в заметное расхождение с торжественным контекстом церковного ритуала. Выражение «鲜艳的大红» («яркий насыщенно-красный») дополнительно приобретает оттенок повседневной разговорности, что еще сильнее ослабляет культурно-символическое содержание оригинала.

С точки зрения эквивалентности культурной символики данный пример наиболее отчетливо демонстрирует принципиальное различие между двумя переводами при передаче цветообозначений третьего уровня. Человеческий перевод, опираясь на культурную эрудицию переводчика, способен выбрать в языке перевода лексему с относительно соответствующей культурной тональностью. AI-перевод, напротив, склонен отдавать предпочтение выражению, совпадающему с оригиналом по цветовому диапазону, но неэквивалентному по культурному контексту. В результате эффективная передача культурной символики претерпевает существенные потери.

Пример 3.2: green beryls / cataract – культурно-специфическая лексика и ошибочный перевод многозначного слова

Оригинал: They have eyes like green beryls, and their roar is louder than the roar of the cataract.

Перевод Ба Цзиня: «他们有和绿柱玉一样的眼睛，他们的吼叫比瀑布的吼声还要响亮» («Их глаза подобны зеленым бериллам, а их рев громче шума водопада»).

Перевод DeepL: «它们的眼睛像绿色的贝雷帽，它们的吼声比白内障的怒吼还要响亮» («Их глаза похожи на зеленые береты, а их рев громче рева катаракты / белого помутнения хрусталика»).

Анализ: В данном примере слово cataract само по себе не является цветообозначением, однако его ошибочный перевод непосредственно влияет на результаты частотного подсчета цветовой лексики и одновременно выявляет ограничения AI-перевода в условиях культурно нагруженного контекста. По этой причине данный случай рассматривается в настоящем разделе наряду с цветовыми и культурно-специфическими лексемами.

В предложении присутствуют две лексические единицы с относительно высокой степенью культурной специфичности, и их ошибочная передача отчетливо демонстрирует ключевые ограничения AI-перевода при работе с цветообозначениями третьего уровня и связанными с ними культурными словами.

Во-первых, выражение green beryls («зеленые бериллы / зеленые драгоценные камни») представляет собой цветовую метафору, построенную на названии драгоценного камня. Сочетание цвета (green) и материала (beryls) создает образ необычных, холодных и отчужденных глаз чудовищ; подобная структура «цвет + культурно значимый материал» является типичной для художественного текста. Ба Цзинь верно распознает beryl как название драгоценного камня и передает его словом «绿柱玉» («берилл», букв. «зеленый столбчатый нефрит / зеленый берилл»), тем самым точно сохраняя как цветовой признак, так и фактуру драгоценного камня. DeepL, напротив, ошибочно соотносит beryls со словом berets («береты») на основании внешнего сходства словоформ и переводит его как «绿色的贝雷帽» («зеленые береты»). Это представляет собой грубую лексико-семантическую ошибку, полностью разрушающую образную систему исходной цветовой метафоры.

Во-вторых, cataract является типичным многозначным словом: в медицинском контексте оно означает «катаракта», то есть помутнение хрусталика глаза, а в описании природных явлений – «большой водопад». Контекст оригинала, где рев чудовищ сопоставляется с природным звуковым образом, однозначно указывает на значение «водопад». Ба Цзинь правильно выбирает вариант «瀑布» («водопад»), тогда как DeepL выбирает значение «白内障» («катаракта», букв. «белая внутренняя преграда / белое помутнение»).

Это не только порождает семантический абсурд, поскольку катаракта не может «реветь», но и непреднамеренно вводит в перевод иероглиф «白» («белый»), тем самым искажая результаты частотного анализа цветообозначений. Подобный феномен представляет собой пассивную (случайную) экспликацию, вызванную смысловой ошибкой, а не стратегическим выбором. Данный случай наглядно демонстрирует недостаточность AI-системы в области контекстуального разрешения многозначности.

Обсуждение

Проведенный анализ подтверждает продуктивность трехуровневой классификационной модели цветообозначений. Цветообозначения визуально-описательного типа, такие как *white* и *blue*, демонстрируют минимальные различия между переводом Ба Цзиня и AI-переводом: по параметрам семантической точности, эмоционально-экспрессивного воздействия и культурной эквивалентности оба варианта в целом сопоставимы. Это позволяет сделать вывод, что при передаче лексики с низкой культурной нагруженностью AI-перевод уже приближается к уровню профессионального человеческого перевода. На уровне эмоционально-метафорических единиц, например *gold* и *red*, различия проявляются прежде всего в сфере выразительности: человеческий перевод активнее использует усиление, добавление и образную конкретизацию, тогда как AI-перевод чаще ограничивается нейтральной передачей значения. Наиболее существенный разрыв выявляется при передаче культурно-специфических символических единиц (*scarlet, ruby, beryls*), где AI испытывает трудности с распознаванием редкой лексики, контекстуальным разрешением многозначности и сохранением культурной символики.

Анализ материала позволяет выделить четыре основных типа ошибок AI-перевода. Первый тип – несоответствие культурного регистра, когда формально близкое по цвету слово не соответствует исходному культурному контексту, например перевод *scarlet* как «大红» («ярко-красный», «празднично-красный»). Второй тип – ошибочное распознавание редкой культурно маркированной лексемы, как в случае *beryls*, ошибочно интерпретированного как *berets*. Третий тип – сбой контекстуального разрешения многозначности: слово *cataract* в природном контексте передано как «白内障» («катаракта»), а не как «瀑布» («водопад»). Четвертый тип – пассивность эмоциональной репрезентации, когда перевод остается семантически приемлемым, но теряет художественную выразительность, например при замене «灿烂地发着红光» («ярко излучал красный свет») нейтральным «闪闪发光» («сверкал»).

Особого внимания требует феномен экспликации цветовой семантики. В обоих переводах наблюдается тенденция к экспликации, однако ее причины различны. В переводе Ба Цзиня она имеет преимущественно структурный или стратегический характер и служит усилению художественного образа, как в случаях *ruby* «红宝石» («рубин») или «泛着红光» («отливал красным светом»). В переводе DeepL часть экспликаций возникает как следствие ошибки, например при передаче *cataract* как «白内障» («катаракта»), что непреднамеренно вводит компонент «白» («белый»). Следовательно, при оценке частотности цветообозначений необходимо учитывать не только количественные показатели, но и природу экспликации – стратегическую, структурную или ошибочную.

Заключение

В исследовании на основе трехуровневой классификации культурно нагруженной лексики сопоставлены способы передачи цветообозначений в сказке The Happy Prince в переводе Ба Цзиня и версии Deep L. Установлено, что различия между переводами возрастают по мере усиления культурной нагруженности единиц: визуально-описательные цветообозначения AI-перевод в целом передает адекватно; при передаче эмоционально-метафорических единиц человеческий перевод демонстрирует большую выразительность и риторическую активность; в сфере культурно-специфических символических цветообозначений AI выявляет наиболее существенные ограничения, связанные с недостаточным учетом контекста и сбоями культурно-семантической дизамбигуации. Экспликация в переводе Ба Цзиня выступает средством художественного образотворчества, тогда как в DeepL она иногда становится следствием семантической ошибки.

Полученные результаты позволяют уточнить тезис о превосходстве человеческого перевода над AI-переводом и представить его как уровневую модель. Выделенные типы ошибок могут использоваться при разработке критериев оценки AI-перевода и обучающих данных. Перспективы исследования связаны с привлечением других LLM и расширением корпуса художественных текстов.

Литература

1. Пэн Цюжун. Культурные коннотации английских и китайских цветообозначений и их перевод // Китайский научно-технический перевод. 2001. № 1. С. 30–33.
2. Жэнь Тинтин. Исследование перевода на английский язык метафорических цветообозначений в романах Мо Яня: диссертация. Университет Цзянсу, 2022.
3. Инь Хуалин. О различиях в коннотациях цветообозначений под влиянием китайской и английской культур на примере перевода слова «красный чай» // Фуцзяньский чай. 2017. Т. 39, № 1. С. 298–299.
4. Айксела Ф. Культурно-специфические элементы в переводе // Перевод, власть, субверсия / под ред. Р. Альвареса, М. К.А. Видаль. Кливдон: Издательство «Мультиязычные вопросы», 1996. С. 52.
5. Берлин Б., Кей П. Основные цветообозначения: их универсальность и эволюция. Беркли; Лос-Анджелес: Издательство Калифорнийского университета, 1991.
6. Люси Дж.А. Лингвистика «цвета» // Цветовые категории в мышлении и языке / под ред. К.Л. Хардина, Л. Маффи. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1997. С. 320–346.
7. Торал А., Уэй А. Какого уровня качества может достичь нейронный машинный перевод художественного текста? // Оценка качества перевода: от принципов к практике / под ред. Дж. Муркенса [и др.]. Шам: Издательство «Шпрингер», 2018. С. 263–287.
8. Фермеер Х.Й. Скопос и переводческое задание в переводческой деятельности // Хрестоматия по теории перевода / под ред. Э. Честерман. Хельсинки: Издательство «Финн Лектура», 1989. С. 173–187.

A COMPARATIVE STUDY OF HUMAN AND AI TRANSLATION OF COLOR TERMS IN THE HAPPY PRINCE: A CORPUS-BASED ANALYSIS USING A THREE-TIER CULTURAL LOADING FRAMEWORK

Meng Shu, Li Yingjun
Xinjiang Normal University

The article examines the translation of color terms in Oscar Wilde's The Happy Prince in Ba Jin's human translation and the AI translation produced by Deep L. The aim of the study

is to identify differences between human and machine translation in rendering color vocabulary with varying degrees of cultural loading. The methodological basis of the study is a three-tier model that includes visual-descriptive, emotional-metaphorical, and culture-specific symbolic color terms. The material is analyzed through Python-based corpus frequency analysis and qualitative comparative analysis of representative passages. The findings show that differences between the two translations are minimal in the rendering of visual-descriptive units; in the emotional-metaphorical group, the human translation demonstrates greater expressiveness and a stronger capacity for semantic extension; while in the translation of culture-specific symbolic units, the AI translation reveals the most significant limitations, including lexical misinterpretation, insufficient contextual awareness, and loss of cultural symbolism. The results of the study may be applied to the evaluation of AI translation quality and to the teaching practice of literary translation.

Keywords: Color Terms, Ai Translation, Human Translation, The Happy Prince.

References

1. Peng Qiurong. Cultural connotations of English and Chinese color terms and their translation // Chinese Science and Technology Translators Journal. 2001. № 1. P. 30–33.

2. Ren Tingting. A Study on the English Translation of Metaphorical Color Terms in Mo Yan's Novels: dissertation. Jiangsu University, 2022.

3. Yin Hualing. On the differences in the connotations of color terms under the influence of Chinese and English cultures: a case study of the translation of "red tea" // Fujian Tea. 2017. Vol. 39, № 1. P. 298–299.

4. Aixelá F. Culture-specific items in translation // Translation, Power, Subversion / eds. R. Álvarez, M. C.Á. Vidal. Clevedon: Multilingual Matters, 1996. P. 52.

5. Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1991.

6. Lucy J.A. The linguistics of "color" // Color categories in thought and language / eds. C.L. Hardin, L. Maffi. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 320–346.

7. Toral A., Way A. What level of quality can neural machine translation attain on literary text? // Translation quality assessment: from principles to practice / eds. J. Moorkens [et al.]. Cham: Springer, 2018. P. 263–287.

8. Vermeer H.J. Skopos and commission in translational action // Readings in translation theory / ed. A. Chesterman. Helsinki: Finn Lectura, 1989. P. 173–187.

Подходы к освещению антисоветской интервенции периода Гражданской войны в практике преподавания истории России в высших учебных заведениях (непрофильные направления подготовки)

Воробьева Светлана Александровна,
доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет
E-mail: svetlana.vorobieva@pharminnotech.com

Попов Денис Александрович,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет
E-mail: dps1939@mail.ru

Сахарова Людмила Геннадьевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет
E-mail: saharova.ludmila@pharminnotech.com

Каспаров Антон Игоревич,
преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет
E-mail: anton.kasparov@pharminnotech.com

В статье рассматриваются подходы к концептуальному осмыслению антисоветской интервенции периода Гражданской войны в России во всех видах ее проявлений в 1918–1922 гг., а также подходы к репрезентации этой темы на лекционных и семинарских занятиях в вузе для студентов непрофильных групп. Интервенция раскрывается на основе новейших концепций отечественных историков, выведенных путем анализа большого количества архивного материала без идеологизации, свойственной советской историографии Гражданской войны в России. Выявляются характерные стороны интервенции, особенности ее отражения сознании современных студентов, подходы, позволяющие наиболее полно и понятно раскрыть многогранную тему интервенции для студентов, используя имеющийся у них минимум исторических знаний. В итоге предлагаются конкретные практические рекомендации.

Ключевые слова: Гражданская война; интервенция; преподавание истории России; непрофильные группы; виды интервенции.

Введение

Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет (СПХФУ) – ведущий университет России по подготовке кадров химической, фармацевтической промышленности, биологов, биотехнологов, товароведов и иных естественно-научных специальностей. Однако базовые знания по основным гуманитарным наукам необходимы студентам любых направлений подготовки. Кафедра социально-гуманитарных дисциплин СПХФУ активно участвует в подготовке методических, учебных, научных работ по истории, философии, социологии, филологии, биоэтике и иным дисциплинам. Особое место в данном процессе погружения «естественников» в азы гуманитаристики занимают лекционные и семинарские занятия по истории России, которые идут два семестра первого года обучения бакалавров всех специальностей вуза.

Важно отметить, что отдельное внимание в рамках данного курса уделяется истории России советского периода. В Рабочей программе дисциплины предусмотрено 32 часа семинарских занятий по новейшей истории России. Данные семинарские занятия тесно связаны с 44 часами лекций по этим же блокам советской истории.

Первые два семинарских занятия во втором семестре посвящены Великой российской революции. В рамках них необходимо рассмотреть Февральскую и Октябрьскую революции, политику и кризисы Временного правительства, скатывание России в Гражданскую войну, и саму Гражданскую войну с иностранной интервенцией. В рамках РПД события 1917–1922 гг. рассматриваются в контексте концепции «Великой российской революции», о которой академик РАН А.В. Торкунов писал: «Новая концепция <…> Великой русской революции акцентирует внимание на том, что события февраля и октября 1917 г., <…> и кровопролитная Гражданская война – все это были этапы единого революционного процесса». [1, С. 8]. Об этой концепции, привнесенной из западной историографической традиции, положительно отзывался и Директор ИРИ РАН Ю.А. Петров [2, С. 2]. Однако она активно критикуется [см. 3, С. 13; 4, С. 122].

По нашему мнению, использование данного концепта в рассмотрении событий 1917–1922 гг. у студентов непрофильных групп наоборот является положительной тенденцией. Целостность этих событий, их «вытекание» друг из друга, сильная взаимосвязь и взаимозависимость не поддается критике. Если рассматривать их во взаимосвязи, то это облегчает понимание сложных исторических процессов того периода студентами, не имеющими специальной исторической подготовки, не обладающих в полной мере компетенциями для проведения глубокого историко-типологического и историко-хронологического анализа. Однако, несмотря на это, крайне важно обозначить, что данный концепт имеет и минусы, а также проследить историю его возникновения, отметив, что он привнесен из западной историографической школы.

Роль и место интервенции в историческом образовании современной России

В представлении большинства первокурсников, чьи исторические знания формировались в школе, Гражданская война была противостоянием «белых» и «красных». Причем понимание глубины поляризации этих сил, их сильной неоднородности, чаще всего отсутствует. Достаточно сказать, что в учебнике Истории для 10 класса, авторами которого выступили В.Р. Мединский и А.В. Торкунов, так трактуется противостояние в годы Гражданской войны: «Гражданская война в России стала продолжением Российской революции». Ниже в учебнике подробно излагается состав белого движения, что действительно позволяет детализировать и понять его неоднородность. Красным же подобного внимания не уделяется вовсе, хотя среди них были и левые эсеры, и эсеры-максималисты, и анархисты, анархо-коммунисты и т.д. Упоминаются и зеленые, социальный состав которых подробно анализируется в учебнике. Однако объективным достижением этого учебника стало указание на важность интервенции в развязывании полномасштабной фронтовой Гражданской войны. В учебнике отмечалось: «Лишь после начала **иностранной интервенции** сторонников контрреволюции стали называть белыми, а на полях Гражданской войны сформировались фронты». Впрочем, учебник все еще сохраняет традиционную для

отечественной историографии позицию, что «Внутренний конфликт в России осложнялся внешним вмешательством – иностранной интервенцией» [5, С. 88; 91–93]. С этой позицией: представлением о Гражданской войне как, в первую очередь, противостоянии белых и красных, студенты приходят на первый курс университета.

В данном контексте встает важный вопрос о необходимости детального рассмотрения интервенции в период 1917–1922 гг. Эта задача усложняется тем, что, как верно отмечал д.и.н. Р.Г. Гагкуев, «В трудах большинства современных российских историков, иностранная военная интервенция находится, как правило, на периферии. Нет специального исследования, которое бы осмысливало интервенцию в масштабах страны», а в учебной литературе и общих работах «интервенции уделяется минимум внимания» [6, С. 140]. Встает проблема узости историографической базы, которая позволила бы детализировать интервенцию как в лекционных, так и семинарских занятиях. При этом встает еще одна проблема – как в условиях ограниченности времени изложить вехи всех участников антисоветской интервенции? В учебной литературе обычно говорится об интервенции Антанты, реже – Центральных держав, еще реже – Японии и малых национальных государств (Румынии, Финляндии, Польши и др.). Однако как верно отмечал д.и.н., проф. В.И. Голдин, «более 20 стран и британских зависимых территорий, участвовавших в интервенции в Россию, когда в общей сложности около 2 млн иностранных солдат прошли по российской земле» [6, С. 141–142]. Еще большую озадаченность вызывает концептуальная неоднородность самого понятия «интервенция» и ее острые региональные отличия. Как верно отмечал В.И. Голдин, во время Гражданской войны в России интервенция не ограничивалась сугубо военным ее видом: она была и информационной, идеологической, дипломатической, политической, финансово-экономической. Военный вид интервенции был лишь высшей и наиболее острой формой ее проявления [6, С. 141]. Добавим, что еще одним проявлением интервенции стала поддержка интервентами сепаратистских тенденций, стремление к децентрализации России, что ярко проявилось, например, в Карелии (т.н. «Ухтинская республика» [См. 7]). При этом применительно к событиям 1917–1922 гг., по мнению В.И. Голдина, «речь идет о целой серии интервенций в различных районах России, где роль интервентов различалась: где-то они играли главную роль в развязывании и ведении Гражданской войны (на Европейском Севере или Дальнем Востоке), а где-то подталкивали и провоцировали антисоветские выступления посредством направления своих военных формирований и оказания всесторонней материальной помощи» [6, С. 141]. Другой концептуальной сложностью становится различия в целях интервентов, которые обуславливались не только тем, что ее осуществляли разные страны, но и временным периодом. Д. и.н., проф. А.Ю. Павлов верно отметил, что страны Антанты, начиная интервенцию весной 1918 г., преследовали цель победить в Первой мировой войне, «Антанта готова была поддерживать на территории бывшей Российской империи все силы, способные оказывать сопротивление Германии, Австро-Венгрии и Турции», в том числе и большевиков. Лишь с лета 1918 г., как отмечает Павлов, Антанта убедилась в том, что большевики – союзники немцев, а с окончанием Первой мировой войны Антанта стала постулировать «опасность олицетворяемого советским правительством «большевизма». И на втором этапе интервенции главной целью стран Антанты стала поддержка всех антибольшевистских сил» [6, С. 142–143]. Следующая проблема – различия во влиянии интервентов на ход, масштабы, цели сторон в разных регионах. К примеру, как верно отмечает В.И. Голдин, «интервенты Антанты, действовавшие под руководством Великобритании, сыграли главную роль в развязывании и ведении Гражданской войны на Севере России. Без вооруженной интервенции стран Антанты внутреннее противоборство ограничивалось бы здесь локальными и кратковременными вооруженными столкновениями, которые не имели серьезных шансов на успех в борьбе с советской властью без внешней поддержки. <…> Гражданская война на Север была внесена извне, главным образом действиями интервентов» [8, С. 27]. В.И. Голдин также справедливо отметил, что без вторжений интервентов и их поставок оружия и боеприпасов белым силам, «война закончилась бы уже к началу 1919 года, что напоминает в этом отношении и современную ситуацию в Украине» [6, С. 142]. Историк Б.Б. Кондратенко отмечал похожую ситуацию с Севером России и на Дальнем Востоке, где в итоге власть перешла к разрозненным силам, в первую очередь, военным миссиям США, Великобритании и Японии [9, С. 126]. Дискуссионным является вопрос об «интернационалистах» – можно ли их считать интервентами, которые воевали за красных? Этот вопрос пока не получил должного рассмотрения в историографии, но был поднят д.и.н. А.В. Ганиным [6, С. 143].

Таким образом, интервенция – это очень многогранное, разностороннее, концептуально сложное понятие. Ее сложность обуславливается: Различными проявлениями (видами) интервенции; большим количеством ее участников; различиями в целях сторон в зависимости от страны-интервента, региона, периода времени; различной ролью интервентов в развязывании и масштабировании противостояния в зависимости от региона и периода времени; вопросом наличия интервентов в частях красных.

Преподавание интервенции в университете: практические рекомендации

Еще одной проблемой, которая ярко проявилась при проведении семинарских занятий автором этих строк, это явный перекос в осведомленности студентов в сторону белого движения. При выборе студентами тем для докладов большинство составляли темы, связанные с персоналиями белого движения или Гражданской войны на Юге России, где белое движение проявило себя наиболее ярко. Это вполне объяснимо средой, в которой нынешние первокурсники росли: в популярных, научно-популярных, образовательных материалах больше внимания всегда уделялось белым. В отечественной историографии Гражданской войны действительно сложилась весьма характерная ситуация: в советский период белое движение и эмиграция были практически вычеркнуты из исследовательского поля, а изучение красных было сильно идеологизировано. В постсоветский период сложилась отличная историографическая школа по изучению белых и белоэмигрантов, однако рациональное и деидеологизированное изучение красных оказалось вне исследовательского поля, и оно, по сути, осталось не периферии. Несмотря на то, что это явная историографическая проблема для нашей страны, которая только сейчас начала решаться рядом авторов, активно изучающих красное движение на основе обширного архивного материала (наиболее полно отложившегося в РГВА, РГА ВМФ, фондах региональных Историко-партийных комиссий), в контексте преподавания интервенции в рамках университетских курсов она создает благодатную почву. Интервенты были союзниками и «кормовой базой» именно белых, поэтому вполне перспективным нам кажется репрезентировать интервенцию через персоналии и известные победы белых, которые у молодого поколения «на слуху». В частности, автор этих строк описывал роль финских и антантовских интервентов в Гражданской войне на Северо-Западе России через переписку Колчака и Юденича с Маннергеймом [См. 10], причем имя Колчака студентам было известно, что способствовало формированию образа этих событий.

Определенную идеологизацию белого движения, зачастую полное сочувствие к белым у студентов-первокурсников, также может изменить обращение к феномену интервенции. Подробное рассмотрение сотрудничества белых и интервентов, указание на грабительский, захватнический и оккупационный характер антисоветской интервенции, которая при этом получала полную поддержку со стороны белого движения, может исправить этот «белый перекос» в сознании студентов. Романтический образ белогвардейца способно развеять обращение к интервенции, как агрессии в отношении России. Автор этих строк рассказывал студентам о концлагере на острове Мудьюг, созданном антантовскими интервентами близ Архангельска. При этом белогвардейское правительство Миллера всячески способствовало созданию и укрупнению этого концлагеря.

По нашему мнению, наилучший способ представления всей сложности интервенции – это ее схематическая репрезентация на доске, при активном участии в составлении схемы студентов, прослушавших лекционный курс, и прочитавших основной минимум литературы на эту тему при подготовке семинарского занятия. Схема должна отразить все виды интервенции, каждый из которых должен быть подкреплен конкретным примером, отражать цели каждой из сторон, и включать в себя всех основных участников интервенции, с указанием региона их присутствия. Данная схема представлена ниже (см. Рисунок 1):

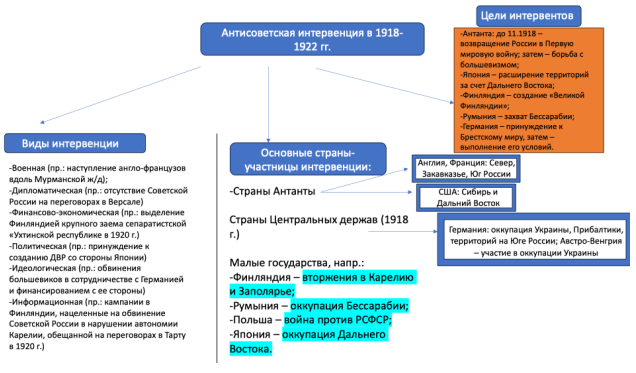


Рис. 1. Схематичное представление интервенции для записи на доску

Преподаватели кафедры социально-гуманитарных дисциплин СПХФУ А.И. Каспаров и И.Н. Плешаков в 2024 г. подготовили Рабочую тетрадь по курсу «История России». В ней в качестве темы для рефератов или докладов указана тема «Гражданская война и интервенция в России (1918–1922): причины, результаты, последствия» [См. 11, С. 56]. По нашему мнению, необходимо отдельно оговорить студентам о важности рассмотрения роли интервентов при описании боевых действий на любом из участков фронта. В связи с углублением в последнее время краеведческой повестки на занятиях по истории, возможно выделить отдельно тему о Гражданской войне на Северо-Западе России (к слову, при проведении семинарских занятий данную тему не выбрала ни одна студенческая подгруппа, что мы можем связать с решающей ролью в этом регионе красных сил, которые студентам малоизвестны и, что печально, малоинтересны), где особо указать о необходимости рассмотрения роли в этих событиях Эстонии, Финляндии и стран Антанты.

Аналогичный краеведческий аспект, связанный с рассмотрением хода Гражданской войны и роли в этих событиях интервентов в конкретном регионе, может быть применен на семинарских занятиях в любом из университетов Российской Федерации и ближнего зарубежья.

Заключение

Таким образом, мы приходим к выводу, что интервенция оказалась оттесненной на задний план в отечественной научной и учебной литературе. Студенты чаще представляют Гражданскую войну как сугубо противостояние белых и красных, практически забывая об огромной, местами решающей роли интервентов в развязывании полномасштабного противостояния. Это необходимо исправлять в рамках университетского курса Истории России, в том числе и для непрофильных групп. Сложность возникает в многообразии видов интервенции, различных странах, ее осуществляющих, многообразием интересов стран-интервентов в зависимости от их внешней политики и периода времени, различиям в масштабах и роли интервенции в зависимости от региона. Эту многосторонность интервенции можно представить в виде схемы, вариант которой мы представили в данной работе. Нам кажется необходимым разработать отдельные учебно-методические пособия по Гражданской войне в России, где сделать особый упор на события антисоветской интервенции во всех регионах России, указать все ее концептуальные стороны, что крайне важно в нынешней геополитической ситуации.

Литература

1. Торкунов А.В. Изучая Великую русскую революцию / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО-университета. – 2017. –. № 3. – С. 7–15.
2. Петров Ю.А. Великая российская революция: проблемы исторической памяти / Ю.А. Петров // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1. – С. 6–9.
3. Грехов А.В. Великая российская революция в зарубежной историографии XXI века / А.В. Грехов // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – № 1–2. – С. 13–18.
4. Гринев А.В. Концепт Великой российской революции как очередной идеологический миф // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы IIIй междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 11 дек. 2020 г. Т. 1. СПб.: СПбГУПТД, 2020. С. 115–122.
5. Мединский В. Р., Торкунов А.В. История. История России. 1914–1945 годы: 10-й класс: базовый уровень: учебник / В.Р. Мединский, А.В. Торкунов. – 3-е изд., обновл. – Москва: Просвещение, 2024. – 496 с.
6. Голдин, В.И. Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922): опыт истории и уроки для современности / В.И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 138–144.
7. Попов Д.А. Роль карел в ликвидации «Ухтинской республики» в 1920 г. / Д.А. Попов // Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности: сб. научн. ст./ сост. О.В. Зарецкая; САФУ им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2021. Вып. V. С. 188–193.
8. Голдин В.И. Гражданская война и интервенция в России и на Русском Севере: актуальные и дискуссионные проблемы / В.И. Голдин // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. – 2018. Т. 2. – № 4. – С. 16–49
9. Кондратенко Б.Б. Характер японской военной интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. / Б.Б. Кондратенко // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – № 19. – С. 124–130
10. Костомаров Г. Белофинны на службе англо-французских интервентов / Г. Костомаров // Красный архив. Исторический журнал.т. 1(98). – Москва: Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. С. 31–68
11. Каспаров, А.И. Рабочая тетрадь по истории России [электронное издание]: учебное пособие / А.И. Каспаров, И.Н. Плешаков. – Электрон. текст. дан. (446 КБ). – Санкт-Петербург: Изд-во СПХФУ, 2024. – 97 с.

APPROACHES TO THE COVERAGE OF THE ANTI-SOVIET INTERVENTION DURING THE CIVIL WAR IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN HISTORY IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS (NON-CORE AREAS OF STUDY)

Vorobyeva S.A., Popov D.A., Sakharova L.G., Kasparov A.I.
Saint Petersburg State Chemical-Pharmaceutical University

The article examines approaches to the conceptual understanding of the anti-Soviet intervention during the Russian Civil War period in all its manifestations from 1918 to 1922, as well as approaches to representing this topic in lectures and seminars at the university level for non-specialist student groups. The intervention is analyzed based on the latest concepts developed by Russian historians, derived from the analysis of a large body of archival material, free from the ideologization characteristic of Soviet historiography of the Russian Civil War. The study identifies characteristic aspects of the intervention, the specific features of its perception in the minds of contemporary students, and approaches that allow for the most comprehensive and accessible presentation of this multifaceted topic to students, utilizing their existing minimum of historical knowledge. Finally, specific practical recommendations are offered.

Keywords: Civil War; Intervention; Teaching Russian History; Non-Major Groups; Types of Intervention.

References

1. Torkunov, A.V. (2017). Studying the Great Russian Revolution. MGIMO University Bulletin, № 3, pp. 7–15.
2. Petrov, Yu.A. (2018). The Great Russian Revolution: Problems of Historical Memory. Bulletin of the Financial University. Humanities, № 1, pp. 6–9.
3. Grekhov, A.V. (2017). The Great Russian Revolution in Foreign Historiography of the 21st Century. Science. Thought: Electronic Periodical Journal, № 1–2, pp. 13–18.
4. Grinev, A. V. (2020). The Concept of the Great Russian Revolution as Another Ideological Myth. In Humanities in the Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the III International Scientific Conference, St. Petersburg, December 11, 2020, Vol. 1 (pp. 115–122). St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.
5. Medinsky, V.R., & Torkunov, A.V. (2024). History. History of Russia. 1914–1945: 10th Grade: Basic Level: Textbook (3rd updated ed.). Moscow: Prosveshchenie. 496 p.
6. Goldin, V.I. (2024). Foreign Military Intervention during the Russian Civil War (1917–1922): Historical Experience and Lessons for the Present. Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, Vol. 24, № 3, pp. 138–144.
7. Popov, D.A. (2021). The Role of the Karelians in the Liquidation of the «Ukhta Republic» in 1920. In O.V. Zaretskaya (Ed.), Russian North and the Arctic: Fundamental Problems of History and Modernity: Collection of Scientific Articles, Issue V (pp. 188–193). Arkhangelsk: NArFU named after M.V. Lomonosov.
8. Goldin, V.I. (2018). The Civil War and Intervention in Russia and the Russian North: Current and Debatable Issues. Historia Provinciae – Journal of Regional History, Vol. 2, № 4, pp. 16–49.
9. Kondratenko, B.B. (2018). The Nature of the Japanese Military Intervention in the Far East 1918–1922. Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, № 19, pp. 124–130.
10. Kostomarov, G. (1940). The White Finns in the Service of the Anglo-French Interventionists. Red Archive. Historical Journal, Vol. 1(98), pp. 31–68. Moscow: State Socio-Economic Publishing House.
11. Kasparov, A.I., & Pleshakov, I.N. (2024). Workbook on the History of Russia [electronic edition]: Textbook. St. Petersburg: SPCPU Publishing House. 97 p.

Эволюция политической системы Ирака в 21 веке

Саид Ари Шорш,
аспирант, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: arisaid313@gmail.com

В статье рассматривается эволюция политической системы Республики Ирак в XXI веке под влиянием внешнего вмешательства, внутриполитических трансформаций и регионального геополитического противоборства. Особое внимание уделяется последствиям военной интервенции США 2003 года, которая привела к демонтажу прежних государственных институтов и формированию новой модели политического устройства, основанной на этноконфессиональном распределении власти. Исследуются процессы дебаасификации, институционализации системы политических квот, усиления роли негосударственных вооружённых формирований и трансформации механизмов принятия политических решений. Анализируются особенности взаимодействия шиитских, суннитских и курдских политических сил, а также влияние внешних акторов, прежде всего США и Ирана, на внутреннюю политическую динамику страны. Отдельное внимание уделяется проблеме ресурсной зависимости Ирака, роли нефтяного сектора в воспроизводстве политической системы и влиянию американо-иранского противостояния на перспективы развития государства. Сделан вывод о том, что современная политическая система Ирака характеризуется высокой степенью фрагментации, ограниченностью государственного суверенитета и значительной зависимостью от внешних факторов, что существенно осложняет процессы политической стабилизации и институционального развития страны.

Ключевые слова: Ирак; политическая система; государственный суверенитет; дебаасификация; этноконфессиональное управление; внешнее вмешательство; США; Иран; Ближний Восток; геополитическое противоборство.

Введение

Чтобы понять глубину тектонических сдвигов, произошедших с Ираком после 2003-го года, необходимо сначала взглянуть на то, что представляла собой эта страна до американского вторжения. Ирак при Саддаме Хусейне – это классический образец авторитарного, светского национального государства, выстроенного по лекалам ближневосточного модернизма второй половины XX века. Власть здесь принадлежала суннитскому меньшинству, которое опиралось на мощный репрессивный аппарат – армию, спецслужбы и партийную номенклатуру «Баас» – носительницу полноценной концепции политического проекта. Однако, эта жёсткая вертикаль имела и обратную сторону: она обеспечивала относительную стабильность, предсказуемость и, что немаловажно – территориальную целостность. Кроме этого, силовые структуры Ирака не были религиозно-экстремистскими и их разрушение противоречит официально заявленным США целям борьбы с религиозным терроризмом. Страна управлялась не через этнические и конфессиональные квоты, а через единую государственную идеологию, пусть и жестокую.

В 1990-е годы, после распада Советского Союза и разгрома Ирака в первой войне в заливе, это государство очутилось в геополитическом вакууме: под жёсткими санкциями, с разрушенной инфраструктурой, без внешних покровителей, но – и это принципиально – сохраняло потенциал суверенитета. У него оставался свой центр принятия решений, свои рычаги контроля над территориями и ресурсами, своя, пусть и ослабленная, субъектность. Именно этот остаточный суверенитет и стал главным раздражителем для глобальных игроков. Ирак Саддама был неудобен не потому, что он был «тиранией» – тираний на Ближнем Востоке хватало – а потому, что он демонстрировал способность выживать без внешней опеки, балансируя между центрами силы и не впуская их внутрь своей политической системы. Для США, основой внешнеполитической стратегии которых остаётся по-прежнему мировая гегемония, такое «недобитое» государство представляло собой незаживающую рану: его следовало либо добить, либо переформатировать до полной потери самостоятельности. Выбрали срединный вариант, и результатом этого выбора стал шок 2003-го года, после которого от иракской государственности остались лишь осколки.

Вторжение 2003-го года стало для Ирака точкой бифуркации – тем критическим рубежом, после которого прежняя траектория развития оказалась безвозвратно уничтожена, а новая начала складываться по законам, диктуемым извне. Это был не просто акт военной агрессии, каким его пытаются представить либеральные историки, а сознательный и грубый удар по одному из последних «непослушных» государств региона, сохранявших остатки суверенитета. К тому моменту под американскую длань уже попали Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, под плотным контролем находилась Турция; непокорёнными оставались Сирия, Иран и Ирак. Но Ирак был наиболее уязвим – истощённый санкциями, беззащитный перед технологической мощью Пентагона, он стал первой мишенью. При этом декларируемые цели – демократизация, освобождение народа, поиск оружия массового поражения – были не более чем пропагандистским облачением. Истинная задача интервенции формулировалась цинично и прагматично: сломать старую систему власти до основания и переформатировать Ирак под нужды Соединённых Штатов. Это означало не замену одного диктатора другим, а полную деструкцию государственного каркаса – армии, бюрократии, служб безопасности – и последующую сборку новой конструкции, но уже на принципах, выгодных внешнему управляющему центру. Ирак должен был превратиться из неудобного конкурента в управляемую территорию, открытую для американских корпораций, военных баз и политического влияния. Именно поэтому удар 2003 года был нанесён не точечно, а массированно: рушили не режим, а саму идею сильного независимого государства на этой земле. И когда были свергнуты с пьедесталов статуи Саддама, вместе с ними рухнула и та внутренняя система ограничений, которая хотя бы как-то удерживала иракское общество от сползания в первобытную межклановую резню. Точка бифуркации была пройдена, и с этого момента политическая эволюция Ирака пошла по совершенно иному сценарию управляемого хаоса.

Одним из самых разрушительных и одновременно показательных решений американской оккупационной администрации стала политика «дебаасификации», объявленная весной 2003-го года: около 85 000

должностных лиц – членов партии «Баас» были уволены из разных министерств и ведомств Ирака. На первый взгляд, она выглядела как справедливое очищение от остатков прежнего режима: увольнение всех членов партии «Баас» с государственных постов, роспуск армии, ликвидация министерств и служб безопасности. Но за этой фасадной риторикой «люстрации» скрывалось нечто куда более зловещее – сознательное и методичное уничтожение любых институтов, которые ещё могли обеспечивать связность управления иракского общества. Армия, пусть и разбитая, оставалась единственной общенациональной структурой, объединявшей суннитов, шиитов и курдов под единым командованием. Госаппарат, несмотря на всю его коррумпированность и жестокость, был тем каркасом, который удерживал страну от распада на враждующие анклавы. Роспуск этих институтов означал одно: в центре Ирака образовался вакуум власти, а природа, как известно, не терпит пустоты. Его мгновенно заполнили иные силы – не государственные, а до-государственные или квази-государственные. Племенные ополчения, религиозные милиции, криминальные группировки, отряды, верные тому или иному аятолле или клану, бросились делить территорию, ресурсы и влияние. И американцы, надо отдать им должное, прекрасно понимали, к чему приведёт их политика. Более того, они на это и рассчитывали. Уничтожение армии и бюрократии было не побочным эффектом, а прямой целью: хаос, межконфессиональная резня и затяжная гражданская война создавали ту самую среду управляемой нестабильности, в которой внешний игрок всегда остаётся главным арбитром. Ирак перестал быть государством и превратился в поле боя всех против всех. Шииты, десятилетиями угнетаемые суннитским меньшинством, получили карт-бланш на месть. Сунниты, лишившиеся и привилегий, и защиты, взялись за оружие. Курды окончательно обособились на севере. А в центре, в Багдаде, американские администраторы наблюдали за этим адом со стороны, изредка вмешиваясь, чтобы ни одна из сторон не одержала решительной победы. Так политика «дебаасификации» стала тем тараном, что разрушил основание иракской государственности.

После военного разгрома и периода открытого хаоса перед американскими оккупационными властями встала задача не столько навести порядок, сколько придать новому беспорядку легитимную форму. Так в 2005-м году родилась иракская конституция – документ, который на бумаге закреплял все атрибуты западной демократии: парламент, выборы, права человека, разделение властей. Но за этой фасадной красотой скрывалась совершенно иная реальность. Конституция была сконструирована таким образом, чтобы легализовать и институционализировать тот самый этноконфессиональный раскол, который американцы же и спровоцировали, разобрав старую государственную машину. Ключевым, хотя и не прописанным открыто, принципом новой политической системы стала «мухасаса таифийа» – негласная система квот, по которой ключевые посты в государстве распределялись между тремя основными этноконфессиональными группами: шиитами, суннитами и курдами. Президентский пост закреплялся за курдами, пост премьер-министра – за шиитами, а спикера парламента – за суннитами. Кабинет министров, руководство провинциями, доходы от нефти – всё делилось по тому же лекалу. Формально это называлось «инклюзивной демократией», но по сути представляло собой легализацию племенного и религиозного разделения, его возведение в ранг государственной аксиомы. Ирак переставал быть нацией граждан, объединённых общим правом и территорией, и превращался в конгломерат трёх общин, каждая из которых имела право вето, свой вооружённый кулак и своих внешних покровителей. Такая конструкция была выгодна американцам по двум причинам. Во-первых, она делала центральную власть заведомо слабой: любой вопрос упирался в межобщинные торги, что исключало появление нового сильного лидера, способного повторить судьбу Саддама. Во-вторых, система квот превращала каждого политика в заложника своей общины, а значит – в проводника внешних влияний, будь то иранские аятоллы, турецкий генералитет или американские советники. Конституция 2005-го года стала тем фундаментом, на котором выросло здание «управляемой демократии» – шаткое, постоянно грозящее обвалом, но идеально приспособленное для того, чтобы Ирак навсегда остался ареной чужих игр, а не самостоятельным игроком.

За фасадом формальных институтов иракской «демократии» скрывается реальная структура власти, которая не имеет ничего общего с классическим государством. Это система, которую точнее всего назвать этническим квази-феодализмом – слабая, эфемерная центральная власть, над которой возвышаются три полунезависимых анклава, каждый со своей логикой, своими вооружёнными силами и своими внешними хозяевами. Шиитский блок, формально объединённый в так называемую Координационную структуру, на поверку оказывается не монолитом, а кипящим котлом внутренних кланово-вых войн. Здесь один лидер грызётся с другим: Мухаммед ас-Судани, пришедший на смену Малики, вынужден лавировать между старыми элитами и популистами вроде Муктады ас-Садра, чьи вооружённые отряды контролируют целые кварталы Багдада. И за всеми этими фигурами неотступно стоит Иран, который действует не через официальных послов, а через прокси-силы – «Катаиб Хезболлу», «Асаиб Ахль аль-Хакк», другие группировки, получающие деньги, оружие и приказы из Тегерана. Иракские шииты, таким образом, оказываются заложниками чужой геополитической игры. На севере расположен Курдский автономный регион – государство в государстве, которое давно перестало быть просто автономией. У него свои границы, своя администрация, свои вооружённые формирования – пешмерга, верные не Багдаду, а курдским кланам, прежде всего семьям Барзани и Талабани. Внешние силы, будь то Турция, Иран или даже Израиль, давно используют Эрбиль как рычаг давления на центральное правительство: стоит Багдаду проявить излишнюю самостоятельность, как курдский вопрос мгновенно обостряется, и страна вновь балансирует на грани распада. Наконец, суннитский блок – маргинализированное меньшинство, которое после падения Саддама лишилось и власти, и защиты. Формально сунниты интегрированы в политическую систему: у них есть свой спикер парламента, свои министры. Но реально они остаются изгоями, чьи регионы – Анбар, Салах-эд-Дин, превратились в очаги перманентного повстанчества. Именно из этой среды выросли сначала «Аль-Каида в Ираке», а затем и «Исламское государство». Суннитская нестабильность – это плата за искусственно созданную шиитскую гегемонию, и пока эта несправедливость не будет преодолена, иракская политическая система будет оставаться пороховой бочкой.

Любая политическая система держится не на конституциях и не на выборах, а на том, как распределяются материальные потоки. В Ираке после 2003-го года главным и, по сути, единственным таким потоком стала нефть. Контроль над нефтяными доходами превратился в главный рычаг власти, тот скелет, вокруг которого наращивалась вся квази-государственная мускулатура. Иракская экономика, некогда диверсифицированная, была намеренно превращена в классическое «ресурсное проклятие»: страна оказалась запертой в зависимости от мирового рынка углеводородов, а внутреннее производство разрушено войной и санкциями. Это означало, что тот, кто контролирует министерство нефти, распределение квот на экспорт и подряды с транснациональными корпорациями, тот контролирует весь Ирак. И вот здесь в полной мере раскрывается подлинная природа иракской «демократии» – она стала системой коррупции, возведённой в ранг государственного управления. Нефтяные доллары не доходят до населения и не идут на восстановление инфраструктуры. Они оседают в карманах клановых лидеров, посредников, вооружённых группировок и тех внешних игроков, которые обеспечивают этим группировкам политическое прикрытие. Каждый министр, назначенный по квоте своей общины, воспринимает свою должность не как пост государственного служащего, а как концессию на отмывание денег и откаты. Контракты с китайскими, американскими или российскими нефтяными компаниями – это не сделки между государствами, а сложная паутина взяток, клановых договорённостей и теневых отчислений на содержание вооружённых отрядов. Зависимость от мирового рынка усугубляет ситуацию: любое колебание цен на нефть мгновенно обрушивается на бюджет, провоцируя новые кризисы. Но что важнее, эта зависимость делает Ирак игрушкой в руках глобальных финансовых групп, которые через ценообразование, санкции или манипуляции с транзакциями могут в любой момент задушить или, напротив, подпитать ту или иную фракцию. В итоге иракская экономическая система – это не рынок и не плановая экономика, а примитивная система кланового дележа ресурсов, при которой каждый раздирает свой кусок нефтяного пирога, не заботясь о том, что сам пирог тает на глазах. Именно эта экономическая конструкция, а не какие-либо идеологические причины, делает Ирак настолько удобным для внешнего управления и настолько неспособным к самостоятельному развитию.

Заключение

Таким образом, необходимо зафиксировать главное: эволюция политической системы Ирака в XXI веке представляет собой не движение вперёд, к демократии и процветанию, а стремительную деградацию – путь от жёсткого, но всё же суверенного авторитарного государства к состоянию перманентного, управляемого извне хаоса. То, что было разрушено в 2003-м году американским вторжением, так и не было воссоздано. Вместо единой вертикали власти возникла рыхлая конфедерация кланов, общин и вооружённых группировок, скреплённая лишь внешними вливаниями и страхом перед полным распадом. Формальная демократия с её выборами, парламентом и конституцией оказалась не более чем ширмой, за которой скрывается неприглядная

реальность этноконфессионального дележа нефтяных доходов. И этот делёж осуществляется отнюдь не в интересах иракского народа, а под неусыпным контролем внешних сил – американских военных советников, иранских кураторов, турецких эмиссаров, катарских и саудовских спонсоров. Иракская политическая система, какой мы видим её сегодня, представляет собой сложную, но очень хрупкую конструкцию, предназначенную для того, чтобы ни одна из внутренних сил не могла получить решающего преимущества и тем самым нарушить удобный для внешних игроков баланс. Именно поэтому любые «перспективы развития», о которых любят рассуждать западные эксперты, на деле оборачиваются перспективами постепенного исчезновения Ирака как единого государства. Процесс уже запущен: курдский север живёт своей жизнью, шиитский юг всё больше дрейфует в иранскую орбиту, суннитский запад балансирует между отчаянием и радикализмом. Центр, Багдад, удерживает лишь видимость единства, которая с каждым новым кризисом становится всё более призрачной. Итогом станет не расцвет, а мутация: Ирак превратится в перманентную зону конфликта, где нет устойчивого мира. И это положение дел, как это ни цинично, полностью устраивает Запад. Управляемый хаос на иракской территории позволяет держать под контролем нефтяные потоки, сдерживать Иран, не давать поднять голову неугодным режимам и при этом не нести ответственности за миллионы искалеченных судеб. Ирак в XXI веке – это не страна и не политическая система. Это территория, на которой отрабатываются технологии будущего управления миром. И эти технологии не имеют ничего общего ни с демократией, ни с развитием.

Литература

1. Абросимов А.В. Влияние военных и религиознополитических факторов на обеспечение безопасности Ирана в Ираке. / А.В. Абросимов. // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. – 2026, № 1 (339). – с. 86–99.

2. Аллахкулиев М.Г. Особенности политической концепции партии «Баас». / М.Г. Аллахкулиев. // Власть. – 2013, № 11. – с. 106–109.

3. Ахмедов В.М. Обеспечение региональной безопасности на Ближнем Востоке: факторы влияния. / В.М. Ахмедов. // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2026. № 1 (339). – 7–24.

4. Баранов Н.А. Турбулентность – характерный признак современной мировой политики. / Н.А. Баранов. // Обозреватель-Observer. – 2018, № 2. – с. 6–16.

5. Белевцева С. Н. США–Ирак: демократия Дж. Буша-старшего против авторитаризма Саддама Хусейна. Часть VII. Борьба с режимом Саддама Хусейна после операции «Буря в пустыне»/ С.Н. Белевцева. // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. № 3 (63). – с. 98–111.

6. Джасим М. А., Позднякова А.А. Семантика квазитерминов и терминологических сочетаний периода «Вынужденной коммуникации». / М.А. Джасим, А.А. Позднякова. // Преподаватель XXI век. –2013, № 1. – с. 296–302.

7. Кириченко В. Трансграничная конфессиональная общность и национальное государство: шииты и власть в Ираке в годы правления Саддама Хусейна (1979–2003). / В. Кириченко. // Трансграничные вызовы национальному государству. – СПб.; Интерсоцис, 2015. – с. 263–281.

8. Клейменов М. П., Клейменов И.М. Криминализация государства в контексте глобализации. / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. – 2018. № 2 (55). – с. 146–151.

9. Митрошенков, О.А. Концептуальный смысл теории «управляемого хаоса». / О.А. Митрошенков // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 4. – С. 57–76. – EDN WJICMB. – с. 57–76.

10. Михин В. Ирак: что дальше? / В. Михин. // Азия и Африка сегодня. – Москва. – 2009, № 8. – с. 2–8.

11. Павлов В.В. Совет национальной безопасности США и несогласование внешней политики: к вопросу о роспуске партии Баас и вооружённых сил Ирака. / В.В. Павлов. // Научные итоги года: достижения, проекты, гипотезы. – 2015. – с. 91–95.

12. Хамид М.С. Американская оккупация Ирака и проблема шиитского активизма. / М.С. Хамид. // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – с. 256–271.

13. Шакарянц С.Э. Будущее региона в версии Ирана – США убираются изо всей Западной Азии. / С.Э. Шакарянц. // Регион и мир. – 2020, № 1. – с. 43–61.

THE EVOLUTION OF IRAQ'S POLITICAL SYSTEM IN THE 21ST CENTURY

Said Ari Shorsh
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the evolution of the political system of the Republic of Iraq in the 21st century under the influence of external intervention, domestic political transformations, and regional geopolitical rivalries. Particular attention is paid to the consequences of the 2003 US military intervention, which led to the dismantling of previous state institutions and the formation of a new political model based on ethno-confessional power sharing. The article examines the processes of de-Baathification, the institutionalization of the political quota system, the strengthening of the role of non-state armed groups, and the transformation of political decision-making mechanisms. It analyzes the interactions between Shiite, Sunni, and Kurdish political forces, as well as the influence of external actors, primarily the United States and Iran, on the country's domestic political dynamics. Special attention is given to Iraq's resource dependence, the role of the oil sector in the reproduction of the political system, and the impact of the US-Iranian standoff on the country's development prospects. It is concluded that the modern political system of Iraq is characterized by a high degree of fragmentation, limited state sovereignty and significant dependence on external factors, which significantly complicates the processes of political stabilization and institutional development of the country.

Keywords: Iraq; political system; state sovereignty; de-Baathification; ethno-confessional governance; external intervention; USA; Iran; Middle East; geopolitical confrontation.

Referents

1. Abrasimov AV The Impact of Military and Religio-Political Factors on Ensuring Iran's Security in Iraq / AV Abrasimov // Russia and the Muslim World: Scientific and Information Journal. – 2026, No. 1 (339). – pp. 86–99.

2. Allahkuliev MG Features of the Political Concept of the Baath Party / MG Allahkuliev // Power. – 2013, No. 11. – pp. 106–109.

3. Akhmedov VM Ensuring Regional Security in the Middle East: Influencing Factors. / VM Akhmedov // Russia and the Muslim World: Scientific and Information Journal. 2026. No. 1 (339). – 7–24.

4. Baranov NA Turbulence is a Characteristic Feature of Modern World Politics. / N.A. Baranov. // Observer-Observer. – 2018, no. 2. – pp. 6–16.

5. Belevtseva S.N. USA – Iraq: George Bush Sr.'s Democracy versus Saddam Hussein's Authoritarianism. Part VII. The Fight Against Saddam Hussein's Regime after Operation Desert Storm / S.N. Belevtseva. // Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. – 2022. no. 3 (63). – pp. 98–111.

6. Jasim M.A., Pozdnyakova A.A. Semantics of Quasi-Terms and Term Combinations of the "Forced Communication" Period. / M.A. Jasim, A.A. Pozdnyakova. // Teacher of the XXI Century. – 2013, no. 1. – p.296–302.

7. Kirichenko V. Transborder Confessional Community and the Nation State: Shiites and Power in Iraq during the Reign of Saddam Hussein (1979–2003). / V. Kirichenko. // Cross-Border Challenges to the National State. – St. Petersburg; Intersocis, 2015. – pp. 263–281.

8. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. Criminalization of the State in the Context of Globalization. / M.P. Kleymenov, I.M. Kleymenov // Bulletin of Omsk University. – 2018. No. 2 (55). – pp.146–151.

9. Mitroshenkov, O.A. Conceptual Meaning of the Theory of "Controlled Chaos". / O.A. Mitroshenkov // Social and Humanitarian Knowledge. – 2016. – No. 4. – P. 57–76. – EDN WJICMB. – P. 57–76.

10. Mikhin V. Iraq: What's Next? / V. Mikhin. // Asia and Africa Today. – Moscow. – 2009, No. 8. – P. 2–8.

11. Pavlov V.V. The US National Security Council and the Incoordination of Foreign Policy: On the Issue of the Dissolution of the Baath Party and the Iraqi Armed Forces. / V.V. Pavlov. // Scientific Results of the Year: Achievements, Projects, Hypotheses. – 2015. – P. 91–95.

12. Hamid M.S. The American Occupation of Iraq and the Problem of Shiite Activism. / M.S. Hamid. // Humanitarian and Legal Studies. – 2023. – P. 256–271.

13. Shakaryants S.E. The Future of the Region According to Iran – the US is Withdrawing from All of Western Asia. / S.E. Shakaryants. // Region and the World. – 2020, No. 1. – pp. 43–61.

Перспективы использования технологии искусственного интеллекта в условиях гибридных войн

Сорокина Дарья Дмитриевна,
преподаватель кафедры публичной политики и истории государства и права, РУДН имени Патриса Лумумбы; советник депутата Московской городской Думы
E-mail: sorokina_drdm@pfur.ru

Милевская Фаина Андреевна,
заместитель генерального директора Союза организаций атомной отрасли «Атомные города»
E-mail: milevskaya@atomgoroda.ru

В статье рассматриваются перспективы использования технологий искусственного интеллекта в условиях гибридных войн, сочетающих традиционные военные действия, кибероперации, информационно-психологическое воздействие и манипулирование общественным мнением. Цель исследования заключается в выявлении основных направлений применения искусственного интеллекта в современных конфликтах, а также в определении рисков, связанных с алгоритмизацией военных и информационных процессов. Методологическую основу работы составляют системный, сравнительно-политологический и институциональный подходы, позволяющие рассмотреть искусственный интеллект не как изолированную технологию, а как инфраструктурный элемент современных контуров управления, разведки, кибербезопасности и когнитивного воздействия. Особое внимание уделяется автономным боевым системам, автоматизированному анализу разведывательных данных, обнаружению киберугроз, рекомендательным алгоритмам цифровых платформ, технологиям deepfake (синтетической генерации изображения и голоса) и generative artificial intelligence (генеративному искусственному интеллекту). Обосновывается, что современное значение искусственного интеллекта определяется не только возможностью повышения эффективности военных операций, но и ускорением цикла принятия решений, масштабированием дезинформационных кампаний и формированием новых угроз международной безопасности. Делается вывод о необходимости развития правовых, этических и организационных механизмов контроля за применением искусственного интеллекта в условиях гибридных конфликтов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гибридная война, генеративный искусственный интеллект, психологические операции, киберугрозы, дезинформация, международная безопасность.

Введение

Современный мир характеризуется одновременным усилением технологической конкуренции, трансформацией международной безопасности и стремлением ряда государств к перераспределению политического влияния в рамках формирующегося многополярного порядка. В таких условиях гибридные войны становятся одним из наиболее распространенных инструментов воздействия на противоборствующую сторону, поскольку позволяют сочетать военные, политические, экономические, кибернетические и информационно-психологические методы достижения стратегических целей.

Наибольшая опасность гибридных войн заключается в разнообразии применяемых средств воздействия. В рамках конфликтов такого рода используются как традиционные военные методы, так и нетрадиционные инструменты: кибератаки, психологические операции, дезинформационные кампании, манипулирование общественным мнением, давление на институты публичной власти и подрыв доверия к официальным источникам информации [9]. В этом контексте искусственный интеллект (далее – ИИ) приобретает значение одного из ключевых факторов, способных изменить динамику ведения гибридных конфликтов.

На современном этапе ИИ следует рассматривать не только как совокупность отдельных программных решений, но и как элемент AI-enabled infrastructure (инфраструктуры, функционирующей с использованием технологий искусственного интеллекта). Такая инфраструктура может быть интегрирована в системы разведки, управления, навигации, кибербезопасности, анализа данных, информационно-психологического воздействия и стратегического планирования. Следовательно, вопрос заключается уже не в принципиальной возможности применения ИИ, а в масштабах, скорости и последствиях его включения в контуры принятия решений.

Анализ применения ИИ в условиях гибридных войн показывает, что его возможности в обработке больших массивов данных, выявлении скрытых закономерностей, обнаружении аномалий и прогнозировании действий противника могут существенно повысить эффективность как стратегического, так и оперативного уровней управления. Алгоритмические системы позволяют ускорять обработку информации, повышать точность ситуационной оценки и разрабатывать адаптивные меры противодействия угрозам [5].

Одновременно применение ИИ сопряжено с рядом правовых, политических и этических рисков. К числу наиболее значимых относятся автоматизация принятия решений, уровень доверия к алгоритмическим системам, непрозрачность моделей машинного обучения, возможность ошибочной идентификации целей и риск использования ИИ для проведения кибератак либо массовых дезинформационных кампаний [2; 12]. Указанные обстоятельства актуализируют вопрос о международном регулировании использования ИИ в военной и информационной сферах.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе перспектив применения искусственного интеллекта в условиях гибридных войн, выявлении основных направлений его использования, а также определении угроз, связанных с внедрением ИИ в различные сферы реализации современных конфликтов.

Для достижения указанной цели в статье решаются следующие задачи: рассматриваются направления применения ИИ в вооруженных конфликтах; анализируется роль ИИ в автоматизации выявления киберугроз; исследуется влияние рекомендательных алгоритмов и генеративного ИИ на информационно-психологические операции; оцениваются риски автономизации и алгоритмизации конфликтов; формулируются предложения по развитию механизмов контроля и регулирования применения ИИ.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют системный, сравнительно-политологический и институциональный подходы. Системный подход позволяет рассматривать ИИ как элемент более широкой архитектуры гибридного противоборства, включающей военные, информационные, кибернетические и политико-правовые компоненты.

Сравнительно-политологический подход используется для сопоставления различных направлений применения ИИ в национальных стратегиях безопасности и в практике современных конфликтов. Институциональный подход позволяет оценить значение правового регулирования, международных организаций и механизмов политической ответственности в сфере применения ИИ.

Эмпирическую основу исследования составляют научные публикации российских и зарубежных авторов, материалы по вопросам искусственного интеллекта в военной сфере, исследования о гибридных войнах, кибербезопасности, информационных операциях и алгоритмическом воздействии на общественное мнение. В работе также используются открытые данные о применении ИИ-технологий в современных военных и информационных конфликтах.

Обсуждение и результаты

Применение искусственного интеллекта в вооруженных конфликтах

Использование искусственного интеллекта для оптимизации боевых действий практикуется вооруженными силами ведущих государств. С его помощью осуществляется анализ больших объемов данных, полученных от разведывательных беспилотных летательных аппаратов, спутниковых систем, сенсоров, сканеров и открытых источников информации. Такие технологические решения позволяют военным структурам принимать более обоснованные решения, основанные на обработке текущей оперативной обстановки.

Одним из наиболее значимых направлений применения ИИ в военной сфере является развитие автономных и полуавтономных боевых систем. К их числу относятся беспилотные летательные аппараты, наземные роботизированные комплексы, системы наведения и средства поражения, способные самостоятельно выполнять отдельные функции: разведку, сопровождение цели, оценку параметров угрозы и передачу данных оператору [2, с. 10]. Подобные системы уменьшают риски для личного состава, однако одновременно повышают значение контроля со стороны человека.

ИИ используется также для разработки и корректировки стратегий ведения боя. Адаптивные алгоритмы способны анализировать поведение противника на основе предыдущих операций, выявлять повторяющиеся паттерны и прогнозировать вероятные действия в рамках конкретной оперативной ситуации. Это дает возможность принимать проактивные меры и корректировать планы с учетом динамики конфликта [1].

В условиях современных конфликтов особое значение приобретает «human-machine teaming» (человеко-машинное взаимодействие), при котором алгоритмические системы не заменяют полностью человека, а выступают инструментом ускорения аналитической обработки данных и поддержки принятия решений. Такая модель позволяет сохранить политическую и правовую ответственность за принятие решений, одновременно используя технологические преимущества ИИ.

В качестве примера применения ИИ на реальных полях сражений следует рассмотреть опыт использования алгоритмического анализа данных в конфликте на Украине. В открытых источниках приводятся сведения об использовании ИИ-технологий для снижения уязвимости беспилотных летательных аппаратов перед средствами радиоэлектронной борьбы, сопоставления фотографий, видео и иных данных для определения предполагаемых целей, а также анализа социальных сетей и волонтерских групп для выявления уязвимых элементов информационной и военной инфраструктуры противника [7; 8].

Российская практика также демонстрирует возрастающее внимание к роботизации и алгоритмическому управлению средствами поражения. В научной литературе подчеркивается, что развитие вооружения и военной техники в условиях распространения ИИ требует не только технологической модернизации, но и выработки новых подходов к управлению, контролю и правовому регулированию применения подобных систем [1; 3].

Искусственный интеллект и ускорение цикла принятия решений

Одним из наиболее существенных последствий внедрения ИИ в военную сферу является ускорение цикла принятия решений. В современных конфликтах стратегическое преимущество получает сторона, способная быстрее собирать, обрабатывать и интерпретировать данные, а также оперативно преобразовывать аналитическую информацию в управленческое решение. ИИ в этом смысле изменяет не только технические параметры боевых действий, но и саму логику военного управления.

Алгоритмические системы способны обеспечивать функционирование разведывательно-ударных контуров, в которых сбор информации, ее анализ, идентификация цели и передача данных для принятия решения осуществляются в существенно сокращенные сроки. В англоязычной литературе такая среда часто обозначается как «machine-speed environment» (среда принятия решений со скоростью машинной обработки данных). Для гибридных войн данная характеристика имеет особое значение, поскольку конфликт одновременно разворачивается в физическом, информационном и киберпространстве.

Вместе с тем ускорение цикла принятия решений создает риск снижения качества политического и правового контроля. Чем выше степень автоматизации, тем труднее установить границы ответственности между разработчиком алгоритма, оператором системы, командиром подразделения и политическим руководством. В связи с этим применение ИИ требует сохранения принципа «meaningful human control» (значимого человеческого контроля), предполагающего, что ключевые решения, затрагивающие жизнь, безопасность и международно-правовые обязательства, не должны передаваться полностью автономным системам [15].

Автоматизация выявления киберугроз

Киберпространство является одним из ключевых пространств гибридной войны. В нем реализуются операции, направленные на нарушение связи, дезорганизацию управления, выведение из строя критической инфраструктуры, получение закрытой информации и оказание давления на органы государственной власти. ИИ активно применяется как для защиты информационных систем, так и для повышения эффективности кибератак [14].

В оборонительном контексте ИИ выступает инструментом автоматизации обнаружения и реагирования на киберугрозы. Системы машинного обучения анализируют паттерны сетевого трафика, выявляют аномальное поведение, фиксируют признаки вредоносного кода и могут инициировать изоляцию пораженных сегментов сети. Это особенно важно с учетом высокой частоты современных кибератак, которые могут осуществляться без постоянного контроля со стороны человека в режиме реального времени [12].

В наступательном контексте ИИ может использоваться для поиска уязвимостей, автоматизации фишинговых кампаний, генерации вредоносного кода и адаптации атакующих инструментов к меняющейся конфигурации защищаемой системы. В результате возрастает асимметричность киберпротивоборства: даже ограниченные по ресурсам акторы получают возможность проводить более сложные и масштабируемые операции.

Таким образом, ИИ усиливает значение кибербезопасности как элемента национальной безопасности. Для государственных органов и организаций критической инфраструктуры принципиальное значение приобретают системы мониторинга, постоянной оценки рисков, обучения специалистов и разработки протоколов реагирования на алгоритмически усиленные угрозы.

Алгоритмическое управление информационными потоками

Одним из наиболее распространенных направлений применения ИИ в условиях гибридной войны являются информационно-психологические операции, направленные на изменение общественных настроений, подрыв доверия к институтам власти, усиление социальной поляризации и формирование выгодных политических нарративов [9; 10].

Современные цифровые платформы используют рекомендательные алгоритмы, которые на основе моделей машинного обучения прогнозируют поведение пользователей и подбирают контент, способный удерживать внимание аудитории. Первоначально такие системы создавались как инструмент повышения удобства цифровых сервисов, однако в условиях политической конкуренции и информационного противоборства они могут становиться механизмом усиления манипулятивного воздействия.

Опасность алгоритмического управления информационными потоками заключается в формировании информационных пузырей, в рамках которых пользователь преимущественно получает контент, соответствующий уже существующим убеждениям и эмоциональным установкам. Постепенное сужение информационного поля может усиливать радикализацию взглядов, снижать критическое восприятие альтернативных источников и повышать восприимчивость к дезинформации [4].

В условиях гибридной войны подобные механизмы используются для сегментации аудитории, распространения политически окрашенного контента, выявления уязвимых социальных групп и усиления конфликтных линий внутри общества. Наибольшую опасность такие процессы представляют для молодежи и лиц, находящихся в уязвимом психологическом состоянии, поскольку постоянное взаимодействие с радикальным или эмоционально заряженным контентом способно менять восприятие политической реальности [13].

Следовательно, алгоритмы цифровых платформ не являются нейтральной технической средой. Они формируют условия восприятия информации и могут быть использованы как инструмент когнитивной войны, то есть воздействия на механизмы восприятия, интерпретации и принятия решений целевыми аудиториями.

Генеративный искусственный интеллект и синтетический контент

Отдельного внимания требует развитие генеративного искусственного интеллекта, поскольку именно этот технологический этап существенно изменил характер информационных операций. В отличие от более ранних инструментов автоматизации, генеративный ИИ позволяет не только анализировать данные, но и создавать новые тексты, изображения, аудио– и видеоматериалы, имитирующие деятельность реальных людей либо организаций.

Использование «large language models» (больших языковых моделей) дает возможность быстро формировать политические сообщения, комментарии, аналитические тексты, псевдоэкспертные материалы и персонализированные обращения к различным социальным группам. При этом содержание может адаптироваться под язык, возраст, политические предпочтения, региональные особенности и эмоциональное состояние аудитории. В результате информационные операции становятся более масштабируемыми и менее затратными организационно [11; 17].

«Deepfake technologies» (технологии синтетической генерации изображения и голоса) создают дополнительные риски для избирательных процессов, дипломатии и кризисных коммуникаций. Распространение синтетических видео– или аудиоматериалов с участием политических лидеров, представителей органов власти либо общественных деятелей может использоваться для провоцирования паники, дискредитации институтов, вмешательства в выборы и подрыва доверия к официальной информации.

Показательным примером является использование технологии синтетической генерации изображения и голоса в период избирательных кампаний, когда синтетические материалы могут имитировать заявления известных лиц и создавать ложное представление о ходе или результатах политического процесса. В ответ на подобные риски государства вынуждены развивать специальные правила маркировки синтетического контента, механизмы проверки достоверности медиаматериалов и процедуры оперативного опровержения дезинформации [6; 17].

Таким образом, генеративный ИИ меняет саму стоимость производства дезинформации. Если ранее масштабная информационная операция требовала значительных кадровых, технических и финансовых ресурсов, то современные алгоритмические инструменты позволяют многократно ускорить создание контента и распространять его одновременно в различных языковых и культурных средах.

Риски международной безопасности и правового регулирования

Расширение применения ИИ в условиях гибридных войн сопровождается ростом рисков международной безопасности. К числу таких рисков относятся ошибочная идентификация целей, непредсказуемость поведения алгоритмических систем, снижение прозрачности принятия решений, автономизация отдельных элементов боевых систем и возможность манипулирования общественным сознанием в масштабах, ранее недоступных традиционным информационным операциям.

Особое значение имеет проблема ответственности, поскольку в случае ошибки ИИ-системы возникает вопрос о том, кто несет политическую, юридическую и моральную ответственность за последствия: разработчик, оператор, командир, государственный орган или международная коалиция. Данный вопрос особенно сложен применительно к автономным боевым системам, способным самостоятельно выбирать или сопровождать цели [15].

Не менее значимым является риск эскалации конфликтов. Алгоритмическое ускорение принятия решений может привести к ситуации, когда стороны вынуждены реагировать быстрее, чем успевают провести полноценную политическую и правовую оценку происходящего. В условиях кризиса это может повысить вероятность ошибочных действий, непропорционального ответа и неконтролируемого расширения конфликта.

Для минимизации указанных рисков необходимы международные стандарты применения ИИ в военной и информационной сферах. Они должны включать требования к прозрачности алгоритмов, сохранению человеческого контроля, проверке достоверности данных, маркировке синтетического контента, защите персональных данных и недопущению использования ИИ для незаконного вмешательства во внутренние политические процессы государств.

Помимо международного регулирования необходимы инвестиции в подготовку военных, гражданских и технических специалистов. Образование в области ответственного использования автоматизированных систем способно снизить риски некорректного применения ИИ и повысить устойчивость государственных институтов к алгоритмически усиленным угрозам.

Выводы

Современные гибридные конфликты все чаще характеризуются интеграцией технологий искусственного интеллекта в процессы военного управления, разведки, кибероперациий и информационно-психологического воздействия. ИИ постепенно становится инфраструктурным элементом систем безопасности, обеспечивая ускорение обработки данных, автоматизацию аналитических процедур и повышение адаптивности конфликтующих сторон к быстро меняющейся обстановке.

Наиболее существенное влияние ИИ оказывает на темпы реализации операций и масштабируемость информационного воздействия. Использование алгоритмических систем позволяет сократить временной интервал между получением информации, ее обработкой и реализацией ответных действий. Одновременно развитие генеративного ИИ создает условия для массового производства дезинформационного контента, автоматизации психологических операций и формирования управляемых политических нарративов.

В результате происходит трансформация природы гибридной войны. Ключевое значение приобретает не только наличие военной силы, но и способность государства функционировать в условиях информационной перегрузки, алгоритмического давления и среды принятия решений со скоростью машинной обработки данных. В такой ситуации устойчивость государственных институтов зависит от качества технологической инфраструктуры, уровня подготовки специалистов и способности общества критически воспринимать информационные потоки.

При этом расширение сферы применения ИИ сопровождается существенными угрозами. Непрозрачность алгоритмов, возможность ошибочной идентификации целей, автономизация боевых систем, использование синтетического контента и сбор персональных данных без согласия пользователей создают серьезные правовые и этические проблемы. Поэтому применение ИИ в условиях гибридных войн требует комплексного подхода, объединяющего технологические решения, международно-правовые нормы, механизмы политической ответственности и образовательные меры.

Таким образом, перспективы использования ИИ в гибридных войнах имеют двойственный характер. С одной стороны, ИИ способен повысить эффективность анализа, планирования и реагирования на угрозы. С другой стороны, его неправомерное или неконтролируемое применение может усилить нестабильность, повысить вероятность эскалации и создать новые формы воздействия на общественное сознание. Минимизация указанных рисков возможна только при условии формирования надежных механизмов регулирования, контроля и ответственного использования искусственного интеллекта.

Литература

1. Абросимов В.К. Искусственный интеллект и проблемы развития вооружения и военной техники // Вооружение и экономика. – 2021. – № 2 (56). – С. 5–21. / Abrosimov V.K. Artificial intelligence and problems of development of weapons and military equipment // Armament and economics. – 2021. – № 2 (56). – Pp. 5–21.

2. Атабеков А.Р. Применение искусственного интеллекта в военных целях: проблемы теоретизации и правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 4 (117). – С. 107–114. / Atabekov A.R. The use of artificial intelligence for military purposes: problems of theorization and legal regulation // Society: politics, economics, law. – 2023. – № 4 (117). – Pp. 107–114.

3. Богатуров А.Д., Лебедева О.В., Бобров А.К. Новые поколения внешнеполитических доктрин России // Международная жизнь. – 2022. – № 6. – С. 8–19. / Bogaturov A.D., Lebedeva O.V., Bobrov A.K. New generations of Russian foreign policy doctrines // International life. – 2022. – No. 6. – Pp. 8–19.

4. Дружинин А.М., Иноземцева Е.В., Гуров Ф.Н. Преодоление информационного пузыря: постановка задачи, методология, аналитическое чтение // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3 (79). – С. 96–110. – DOI: 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110. / Druzhinin A.M., Inozemtseva E.V., Gurov F.N. Overcoming the information bubble: problem statement, methodology, analytical reading // Values and meanings. – 2022. – № 3 (79). – Pp. 96–110. – DOI: 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110.

5. Леонов А.В., Пронин А.Ю. Искусственный интеллект на службе у интеллекта // Вооружение и экономика. – 2022. – № 1 (59). – С. 33–56. / Leonov A.V., Pronin A. Yu. Artificial intelligence in the service of intelligence // Armament and economics. – 2022. – № 1 (59). – Pp. 33–56.

6. Макарова Л.С., Баташев Ю.В. Перспективы использования технологий прикладного искусственного интеллекта в системе верификации информации СМИ и социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 2 (48). – С. 118–126. / Makarova L.S., Batashev Yu.V. Prospects for the use of applied artificial intelligence technologies in the verification system of media and social media information // Sign: problematic field of media education. – 2023. – № 2 (48). – Pp. 118–126.

7. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2021. – № 2. – С. 100–132. / Manoilo A.V. Information war and the new political reality: Part II // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). – 2021. – No. 2. – Pp. 100–132.

8. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2022. – № 4. – С. 107–116. / Manoilo A.V. Information sabotage in the conflict in Ukraine // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). – 2022. – No. 4. – Pp. 107–116.

9. Небренчин С.М. Современные гибридные войны: медиасмыслы, технологии, стратегии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5(1). – С. 240–242. / Nebrenchin S.M. Modern hybrid wars: media meanings, technologies, strategies // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2022. – № 5(1). – Pp. 240–242.

10. Саймонс Г. «Неизбежные» и «неминуемые» вторжения: логика военных нарративов западных СМИ // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13. – № 2. – С. 43–58. / Simons G. «The inevitable» and «imminent» invasions: the logic of military narratives of Western media // International Analytics. – 2022. – Vol. 13. – No. 2. – Pp. 43–58.

11. Adib B.R., Ashfakul K.K. AI revolutionizing industries worldwide: A comprehensive overview of its diverse applications // Hybrid Advances. – 2024. – № 7. – Pp. 207–232.

12. Bhatele K.R., Shrivastava H., Kumari N. The Role of Artificial Intelligence in Cyber Security // Countering Cyber Attacks and Preserving the Integrity and Availability of Critical Systems / ed. by S. Geetha, A. Victy Phamila. – IGI Global, 2019. – Pp. 170–192. – DOI: 10.4018/978-1-5225-8241-0.ch009.

13. Blachford K. The Balance of Power and the Power Struggles of the Polis // Journal of International Political Theory. – 2021. – № 3. – Pp. 429–447.

14. Chudova O., Iskorostinskiy N., Pankov A. The Role of AI in Hybrid Warfare // Journal of Society and the State. – 2022. – № 1–2(10). – Pp. 21–24.

15. Schmidt E., Work R., Catz S. (eds.). National Security Commission on Artificial Intelligence Final Report (U.S.). – 2021. – 752 p.

16. Susnea E., Ionuț-Cosmin B. Artificial intelligence in hybrid warfare: a literature review and classification // Strategies XXI. Security and Defense Faculty. – 2021. – № 17. – Pp. 294–302. – DOI: 10.53477/2668-2001-21-37.

17. Sheikh H. AI as a Tool of Hybrid Warfare: Challenges and Responses // Journal of Information Warfare. – 2023. – Vol. 21. – Is. 2. – Pp. 35–47.

18. AI will transform the character of warfare // The Economist. – 2024. – URL: https://www.economist.com/leaders/2024/06/20/war-and-ai (дата обращения: 09.10.2024).

19. Molfar OSINT agency. Open Source Intelligence. – URL: https://molfar.com/en (дата обращения: 09.10.2024).

20. SemanticForce. Мониторинг социальных сетей. – URL: https://semanticforce.ai/ru/products/social-media-listening (дата обращения: 09.10.2024).

21. Ударный беспилотник «Ланцет»: копье XXI века // Ростех. – URL: https://rostec.ru/media/news/udarnyy-bespilotnik-lantset-kope-xxi-veka/ (дата обращения: 09.10.2024).

22. Brazil Outlines Rules For AI Use During Elections // Forbes. – 2024. – URL: https://www.forbes.com/sites/angelicamarideoliveira/2024/02/28/brazil-outlines-rules-for-ai-use-during-elections/ (дата обращения: 09.10.2024).

PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN HYBRID WARFARE

Sorokina D.D., Milevskaya F.A.
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the prospects for the use of artificial intelligence technologies in hybrid warfare, combining traditional military actions, cyber operations, information and psychological influence, and manipulation of public opinion. The purpose of the study is to identify the main areas of artificial intelligence application in modern conflicts and to determine the risks associated with the algorithmization of military and information processes. The methodological basis of the study includes systemic, comparative political and institutional approaches, which make it possible to consider artificial intelligence not as an isolated technology, but as an infrastructural element of modern command, intelligence, cybersecurity and cognitive influence systems. Particular attention is paid to autonomous combat systems, automated intelligence data analysis, cyber threat detection, recommendation algorithms of digital platforms, deepfake technologies and generative artificial intelligence. The article argues that the current importance of artificial intelligence is determined not only by its ability to increase the effectiveness of military operations, but also by the acceleration of decision-making cycles, the scaling of disinformation campaigns and the formation of new threats to international security. The authors conclude that legal, ethical and organizational mechanisms for controlling the use of artificial intelligence in hybrid conflicts should be developed.

Keywords: artificial intelligence, hybrid warfare, generative artificial intelligence, psychological operations, cyber threats, disinformation, international security.

References

1. Abrosimov V.K. Artificial intelligence and problems of development of weapons and military equipment // Armament and economics. – 2021. – No. 2 (56). – Pp. 5–21. / Abrosimov V.K. Artificial intelligence and problems of development of weapons and military equipment // Armament and economics. – 2021. – No. 2 (56). – Pp. 5–21.

2. Atabekov A.R. The use of artificial intelligence for military purposes: problems of theorization and legal regulation // Society: politics, economics, law. – 2023. – No. 4 (117). – Pp. 107–114.

3. Bogaturov A.D., Lebedeva O.V., Bobrov A.K. New generations of Russian foreign policy doctrines // International life. – 2022. – No. 6. – Pp. 8–19.

4. Druzhinin A.M., Inozemtseva E.V., Gurov F.N. Overcoming the information bubble: statement of the problem, methodology, analytical reading // Values and meanings. – 2022. – No. 3 (79). – Pp. – DOI: 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110. / Druzhinin A.M., Inozemtseva E.V., Gurov F.N. Overcoming the information bubble: problem statement, methodology, analytical reading // Values and meanings. – 2022. – No. 3 (79). – Pp. 96–110. – DOI: 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110.

5. Leonov A.V., Pronin A. Yu. Artificial intelligence in the service of intelligence // Armament and economics. – 2022. – No. 1 (59). – Pp. 33–56. / Leonov A.V., Pronin A. Yu. Artificial intelligence in the service of intelligence // Armament and economics. – 2022. – No. 1 (59). – Pp. 33–56.

6. Makarova L.S., Batashev Yu.V. Prospects for the use of applied artificial intelligence technologies in the verification system of media and social media information // Sign: problematic field of media education. – 2023. – No. 2 (48). – Pp. 118–126. / Makarova L.S., Batashev Yu.V. Prospects for the use of applied artificial intelligence technologies in the verification system of media and social media information // Sign: problematic field of media education. – 2023. – No. 2 (48). – Pp. 118–126.

7. Manoylo A.V. Information war and the new political reality: Part II // Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). – 2021. – No. 2. – P. 100–132. / Manoilo A.V. Information war and the new political reality: Part II // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). – 2021. – No. 2. – Pp. 100–132.

8. Manoilo A.V. Information sabotage in the conflict in Ukraine // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). – 2022. – No. 4. – Pp. 107–116. / Manoilo A.V. Information sabotage in the conflict in Ukraine // Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal). – 2022. – No. 4. – Pp. 107–116.

9. Nebrenchin S.M. Modern hybrid wars: media meanings, technologies, strategies // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2022. – No. 5(1). – Pp. 240–242. / Nebrenchin S.M. Modern hybrid wars: media meanings, technologies, strategies // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2022. – No. 5(1). – Pp. 240–242.

10. Simons G. "The inevitable" and "imminent" invasions: the logic of military narratives of Western media // International Analytics. – 2022. – Vol. 13. – No. 2. – Pp. 43–58. 13. – No. 2. – Pp. 43–58.

11. Adib B.R., Ashfakul K.K. AI revolutionizing industries worldwide: A comprehensive overview of its diverse applications // Hybrid Advances. – 2024. – No. 7. – Pp. 207–232.

12. Bhatele K.R., Shrivastava H., Kumari N. The Role of Artificial Intelligence in Cyber Security // Countering Cyber Attacks and Preserving the Integrity and Availability of Critical Systems / ed. by S. Geetha, A. Victy Phamila. – IGI Global, 2019. – pp. 170–192. – DOI: 10.4018/978-1-5225-8241-0.ch009.

13. Blachford K. The Balance of Power and the Power Struggles of the Politics // Journal of International Political Theory. – 2021. – No. 3. – Pp. 429–447.

14. Chudova O., Iskorostinskiy N., Pankov A. The Role of AI in Hybrid Warfare // Journal of Society and the State. – 2022. – No. 1–2(10). – Pp. 21–24.

15. Schmidt E., Work R., Catz S. (eds.). National Security Commission on Artificial Intelligence Final Report (U.S.). – 2021. – 752 p.

16. Susnea E., Ionuț-Cosmin B. Artificial intelligence in hybrid warfare: a literature review and classification // Strategies XXI. Security and Defense Faculty. – 2021. – No. 17. – Pp. 294–302. – DOI: 10.53477/2668-2001-21-37.

17. Sheikh H. AI as a Tool of Hybrid Warfare: Challenges and Responses // Journal of Information Warfare. – 2023. – Vol. 21. -Is. 2. – Pp. 35–47.

18. AI will transform the character of warfare // The Economist. – 2024. – URL: https://www.economist.com/leaders/2024/06/20/war-and-ai (accessed: 09.10.2024).

19. Molfar OSINT agency. Open Source Intelligence. – URL: https://molfar.com/en (accessed: 09.10.2024).

20. SemanticForce. Social Media Monitoring. – URL: https://semanticforce.ai/ru/products/social-media-listening (accessed: 09.10.2024).

21. The Lancet strike drone: a spear of the 21st century // Rostec. – URL: https://rostec.ru/media/news/udarnyy-bespilotnik-lantset-kope-xxi-veka/ (accessed: 09.10.2024).

22. Brazil Outlines Rules For AI Use During Elections // Forbes. – 2024. – URL: https://www.forbes.com/sites/angelicamarideoliveira/2024/02/28/brazil-outlines-rules-for-ai-use-during-elections/ (accessed: 09.10.2024).

Административный произвол в провинциальной России XIX века в произведениях русских писателей

Вахмистрова Светлана Ивановна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права, Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
E-mail: ven_sv@mail.ru

Тарасов Александр Сергеевич,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного морского права, Санкт-Петербургского государственного морского технического университета
E-mail: tara_s1@rambler.ru

Предметом статьи является конкретно историческая специфика проявления административного произвола в условиях дореволюционной России. Целью исследования является описание внутренних механизмов формирования административно-правовой ментальности российского провинциального чиновничества и выявление его природы в художественных произведениях и публицистике российских литераторов. Методология исследования включает историко-правовой, описательный и иллюстративно-художественный методы научного познания. Результаты исследования представляют собой формирование живой и достоверной картины бытия привилегированной части отечественной провинции. Научная новизна состоит в рассмотрении фактологически малозначимых событий через призму литературной гиперболизации социально значимых сторон провинциальной жизни. Материалы проведенного исследования в качестве вывода дают основания для критической оценки организации губернского управления в дореволюционной России.

Ключевые слова: Губернское правление, провинция, административный произвол, чиновничество, ментальность чиновников, общественная мысль.

В марте 1881 года начальник Главного управления по делам печати князь Павел Петрович Вяземский в одно из посещений книжного магазина известного петербургского издателя Маврикия Осиповича Вольфа завел разговор о значении, пользе и вреде цензуры. Князь не без гордости сообщил, что вступил в управление печатью и сразу потребовал от цензоров упразднения чрезмерной бдительности, так называемых административных «придирок». В противоположность сказанному М.О. Вольф достал из ящика книгу, к которой была приложена копия протокола инспектора по делам печати об аресте тиража, последовавшего по распоряжению цензора. Книга называлась «Вечер у мисс Рыжей-Шёрстки», а причиной ее запрета была иллюстрация, на которой изображался кот в форме английского морского офицера с орденом на груди. Оказалось, что по обращению одного из высокопоставленных российских морских офицеров, цензор усмотрел в этой картинке оскорбление представителей дружественного России флота и пренебрежительное отношение к орденскому знаку. Примечательно, что книга была запрещена только в русском переводе. Она же на английском, французском и немецком языках благополучно продавалась как в магазине Вольфа на Невском проспекте, так и на родине этого произведения – в Лондоне. Рисунки были идентичны тем, что публиковались в английском издании. Запрет также коснулся книги «Жако и Жучка», в которой с орденом легкомысленно был изображен попугай.

На копии протокола об аресте издания П.П. Вяземский наложил спасительную резолюцию: «Разрешаю выпустить в продажу обе книги. Начальник Главного управления по делам печати князь Вяземский». Казалось бы, дело нашло благополучное разрешение и вошло в историю как анекдот, однако высокопоставленный моряк – инициатор цензурного запрета – счел это оскорблением и крамолой и инициировал прекращение деятельности магазина М.О. Вольфа административным порядком. Спор о двух злополучных детских книжках был решительно перенесен в министерские кабинеты и только благодаря энергичной деятельности П.П Вяземского книги были все-таки разрешены к продаже, а магазин Вольфа избежал закрытия [1, с. 259–264].

Этот курьезный, скажем почти невинный случай как нельзя лучше иллюстрирует безграничность «широкого усмотрения», активно бытовавшего в российской правоприменительной деятельности XIX века. И если такое «творчество» чиновников имело место в столице, то в провинциальных городах административный произвол был повседневной управленческой практикой.

Провинциальный быт и нравы явились предметом осмысления многих выдающихся деятелей культуры XIX века. Размышления по этому поводу воплощались в самые разнообразные документально-художественные формы: от публицистических очерков до беллетристики. Особую ценность таким «памятникам провинциального бытия» придает личная вовлеченность авторов в разнообразие подобных ситуаций.

Выдающийся русский общественный деятель, писатель Иван Сергеевич Аксаков отмечал: «Две черты губернских обществ в особенности поражают всякого, вновь приезжего из столицы. Это какой-то полупатриархальный, домашний, семейный характер отношений общественных, служебных и официальных, и наоборот – какой-то отблеск служебных и официальных отношений – на отношениях общественных и даже частных» [2]. Сын известного русского писателя, И.С. Аксаков окончил Петербургское Императорское училище правоведения и несколько лет служил на разных должностях при Министерстве юстиции и Министерстве внутренних дел, что позволило ему получить бесценный служебный и жизненный опыт. Как писал сам Иван Сергеевич в письме к И.С. Тургеневу в 1853 г.: «…я служил почти десять лет в разных должностях и в разных углах России, и изнанка жизни, лицевую сторону которой представляют законы, именно быт судебный, мне коротко знакома» [3, с. 3].

В конце 1843 года И.С. Аксаков был направлен в составе комиссии князя П.П. Гагарина в Астраханскую губернию с ревизией, во время которой зарекомендовал себя как весьма толковый и добросовестный чиновник. Как вспоминал один из членов комиссии Ф.А. Бюлер: «нас, с правителем канцелярии, было при сенаторе 12 чиновников разных лет, … Аксаков положительно работал более, чем все остальные 11 вместе. Он занимался по 16 часов в день <…>. Работал он скоро и легко, причем весьма серьезно и добросовестно относился к служебным занятиям» [3, с. 9].

Ревизия с участием Аксакова длилась почти год и, как водится, вскрыла большое количество нарушений. О многих фактах административного произвола, особенностях провинциального управления, злоупотреблениях и попустительствах Аксаков писал родным в письмах, носящих характер практически документального отчета об увиденном, своеобразной хроники событий.

Итогом ревизии стало освобождение от должности губернатора Астраханской губернии – генерала-лейтенанта И.С. Тимирязева, хотя и не уличенного в явных коррупционных злоупотреблениях, однако приведшего губернию в явный упадок за 10 лет своего управления. Будучи полновластным хозяином губернии, Тимирязев держал всех в страхе и покорности. Он соединял в себе «самовластие и бездействие в высшей степени», результатом чего стала «беспорядочность в делах и бесполезность управления дел губернии» [4, с. 98]. В полное расстройство были приведены губернские учреждения: в канцелярии выявлено большое количество «неисполненных или неправильно исполненных бумаг», в земском суде поступившие дела не рассматривались годами, в рыбной экспедиции обнаружились финансовые злоупотребления, значительные нарушения выявлены в дворянской опеке и губернском правлении.

Злоупотребления носили систематический и при этом, в некотором роде, даже «творческий» характер. Так, по поводу рыбной экспедиции, председателем которой был губернатор, Аксаков приводит ряд примеров разнообразных способов злоупотреблений. В частности, добыча тюленя позволяла незаконно обогатиться на продаже официально не учтенного битого зверя, а также на плутовстве при взвешивании добытого тюленя для расчета суммы пошлины, уплачиваемой в казну. Ревизия открыла сговор крупных хлебных торговцев, позволявший им продавать привозной хлеб по завышенным ценам (свое земледелие в губернии было не развито). В окончательное разрушение было приведено и городское хозяйство. В одном из писем И.С. Аксаков описывает состояние Астрахани: «целые кварталы с улицами и переулками в средине города наполнены грязною водою, глубиною две, три и четыре четверти. Вода эта залила все обывательские дворы, несчастный народ ходит по колена в грязи. Чтоб чем-нибудь убавить воды, кидают навоз, и оттого во всех этих местах такой воздух, такой смрад, такие испарения, что, кажется, я бы и двух часов не мог бы тут оставаться, и они, вероятно, причиною большой смертности» [4, с. 88].

Аксаков с удивлением и негодованием отмечал, что Тимирязев «в продолжение 10 лет не принес никакой пользы, а своим самовластием заставлял всех быть у себя в раболепном покорстве» [5, с. 88]. Это раболепие настолько глубоко вошло в «плоть и кровь» местного чиновничества, что даже после отставки всесильного управленца окружение продолжало угождать бывшему «хозяину губернии», вплоть до приобретения у него втридорога мебели, проданной в связи с отъездом Тимирязева.

В 1852 году И.С. Аксаков опубликовал в «Московском сборнике» статью «Об общественной жизни в губернских городах», в которой обобщил свои впечатления о губернской власти, полученные в годы практической государственной службы. «Вообще в губернии при трудности, почти невозможности бороться с высшею местною властью, чинопочитанье больше, чем где-либо, доходит до забвения всех заветных, личных, нравственных убеждений <…>. Зато злоупотребления служебные не вызывают негодования, мечты об общем благе, желания полезной деятельности – не тревожат душу…» [2].

В письмах Аксакова откровенно читается настроение безнадежности, неизбывности провинциального административного произвола.

Не оставил без внимания провинциальное чиновничье бытие и другой выдающийся писатель, на собственном опыте познавший все тонкости государственного управления на «задворках Российской империи» Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин – выпускник Царскосельского лицея. Он начал карьеру государственного чиновника в канцелярии Военного министерства в 1844 году, практически одновременно с И.С. Аксаковым. За вольнодумство и «вредный образ мыслей» в 1848 году был сослан в Вятку, где служил на разных должностях в губернском правлении до 1855 года. Дальнейшая служба проходила на должностях вице-губернатора Рязани (1858–1860) и вице-губернатора Твери (1860–1862).

В 1856 году Салтыков-Щедрин публикует в «Русском вестнике» цикл рассказов о провинциальной жизни России – «Губернские очерки». Характеризуя чиновный мир провинции, писатель изображает уже не бедного, задавленного обстоятельствами чиновника, а закосневшего в чиновничьей казуистике, грубого и хитрого стяжателя, хищника, паразитирующего на народном невежестве, нужде и бедах [6, с. 205]. Анализируя провинциальное сановничество с его «опрятными взглядами на администрацию» Щедрин очень едко характеризует высшее губернское начальство, не опускающееся до марания себя вымогательством взятки непосредственно у населения или прямого казнокрадства. Для этих целей существуют мелкие чиновники, которым изящно, на французском языке излагается их непосредственная задача: «mon cher, tu me dois tant et tant»[1]. Брать взятки – это удел писарей, столоначальников, уездных полицмейстеров, околоточных (о себе начальство говорит: «У нас не взятки, а администрация»). Губернский сановник рассуждает о своем предназначении следующим образом: «мое дело управлять ими [населением], проекты сочинять, pour leur bien[2], наблюдать, чтоб эта машина как-нибудь не соскочила с рельсов – вот моя административная миссия» [7, с. 261].

Ценность очерков Салтыкова-Щедрина состояла в том, что это не праздные умоизмышления кабинетного сочинителя, а художественное осмысление реальных фактов и образов, с которыми Салтыков сталкивался на служебном поприще. Как отмечал в дневнике сослуживец М.Е. Салтыкова по Министерству внутренних дел, известный статистик А.И. Артемьев, автор «Губернских очерков» очень точно передал типажи провинциального чиновничества. «Он порядочно знает и Казанскую губернию и напомнил мне замечательную личность мамадышского исправника Павла Афанасьевича Иванова <…> Правда, в ту пору он еще был только непременным заседателем земского суда… Но он вертел уездом более, нежели исправник, который и прозывался-то кстати – Гусаковым… А впрочем, и Гусаков был гусь порядочный!» [8, с. 428]. В своих дневниках Артемьев также упоминает случаи административного произвола местного чиновничества, которые нашли свое отражение в дальнейшем творчестве Салтыкова-Щедрина. В частности, речь идет о бывшем вятском губернаторе Тюфяеве, который «какому-то купцу-prot gé доставил мошеннически выгодную поставку хлеба на винокуренный завод», искусственно взвинтив цены на хлеб и предоставив купцу возможность взять подряд по половинной цене, что все равно принесло последнему хорошие барыши [8, с. 436].

Описывая разнообразные проявления провинциального административного произвола, автор рисовал неутешительную картину с натуры, что нашло широкий отклик как у обычных читателей (количество подписчиков «Русского вестника» выросло благодаря этим публикациям с 500 до 1000), так и у прогрессивно мыслящих общественных деятелей. На публикацию откликнулись А.В. Дружинин, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Н.А. Некрасов. Одним из достоинств произведений Салтыкова-Щедрина критики называли способность автора не только обличать пороки чиновничьего бытия, но видеть причины этого явления. Так, Н.Г Чернышевский отмечал, что «герои книги вовсе не исчадие ада, а люди, которые поступают именно так, как диктуют им сложившиеся в обществе отношения, нравы и обычаи» [9, с. 49].

Ясно понимая, что для изменения негативных тенденций, описываемых им в очерках, искоренять надо не конкретные недостатки, а причины и условия, их порождавшие, сам Салтыков, будучи вице-губернаторов Рязани «горячо взялся за дело расчистки рязанского «скопища всякого рода противозаконий и бессмыслия» [8]. Результатом его деятельности стало прекращение торговли местами в учреждениях, сокращение мздоимствующих и просто профессионально непригодных чиновников, снижение количества случаев злоупотребления властью. Однако это вызвало не благодарность, а «почти общую в губернии ненависть», как писал в донесении от 17 декабря 1859 года начальнику III Отделения кн. Долгорукову жандармский штаб-офицер по Рязанской губернии [8, с. 441]. Такой вывод имел под собой определенные основания.

Сохранилась переписка двух бывших рязанских сослуживцев, содержащая следующую характеристику: «Вчера получил я письмо из Рязани, в котором самыми черными и кровавыми красками описывают действия Салтыкова … в отношении к мелким чиновникам. Все дело в том, что Салтыков составил себе идеал чиновника. И хочет подвести под этот идеал всех… Видно, тот, кто пишет, или, лучше, описывает других хорошо, не всегда видит свои собственные промахи, и от этого могут быть последствия еще хуже описываемых Щедриным. Цель-то правительства не достигается: из-под страха что за служба. А горбатых не только Салтыков, но и могила не исправит…» [8, с. 442]. Такой же вывод сделал и Н.Г. Чернышевский в своей статье «Суеверие и правила логики» (1859 г.). Упомянув в ней честнейшего, умнейшего и хорошо знавшего дело губернатора Саратовской губернии, Чернышевский резюмировал итог его деятельности следующими словами: «Каждый житель того края скажет вам, что при нем делалось то же самое, что и до него… Итак, не личные качества людей причиною дурного управления» [10, с. 705].

Деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина на государственном поприще пришлась на период, когда представители верховной власти

[1] «мой дорогой, ты мне должен столько и столько» (фр.)

[2] для их блага (фр.)

также выказывали определенную обеспокоенность по поводу чиновничьего беззакония в провинции. Так, сенатор М.И. Жемчужников писал 27 июля 1855 г. своему зятю В.А. Арцимовичу: «Проживая теперь в провинциях, я столько наслышался о разного рода злоупотреблениях (особенно в Орловской губернии), что готов бы сам вызваться на производство ревизии (в качестве сенатора). Лихоимство развилось до неимоверности, и, вместо того чтобы при настоящем тягостном положении России и при усиленных требованиях правительства оказывать возможное законное снисхождение исполнителям сих требований, власти дерут шкуру с живых людей! …я готов для блага России добровольно принять на себя ревизию, хотя бы в 10-ти и более губерниях. Из этого ты можешь судить, как должно быть сильно злоупотребление в великороссийских губерниях»« [11, с. 34].

Как указывает известный советский историк П.А. Зайончковский, анализируя деятельность губернской администрации, именно там нашло широкое распространение казнокрадство, мздоимство, разгул беззакония и других пороков представителей бюрократического аппарата [12, с. 177].

Художественное отражение проблем административного произвола в провинции содержится и в произведениях еще одного известного российского государственного деятеля и писателя, современника и сослуживца Салтыкова-Щедрина по Министерству внутренних дел – Павла Ивановича Мельникова (Печерского).

П.И. Мельников с отличием окончил курс по словесному отделению Казанского университета и начал свою профессиональную деятельность на педагогическом поприще. Сблизившись в 1843 году с семейством нижегородского губернатора, Мельников оставил преподавание и стал редактором неофициальной части газеты «Нижегородские губернские ведомости», а в 1847 году – чиновником особых поручений при нижегородском военном губернаторе. В 1850 году он был переведен на службу в Министерство внутренних дел «в должности чиновника особых поручений V класса при министре» [13, с. 79].

Наибольшую известность Мельникову принесла его деятельность по исследованию и искоренению церковного раскола (старообрядчества). Романы, посвященные истории этого явления («В лесах» и «На горах») сделали Мельникову, взявшему псевдоним Андрей Печерский, имя в литературном мире. Однако, не менее талантливы и социально востребованы рассказы писателя, посвященные различным проявлениям административных злоупотреблений провинциальных бюрократов.

В 1857 году Мельников публикует рассказы «Дедушка Поликарп», «Старые годы», «Медвежий угол», в которых со знанием дела описывает негативные проявления «управленческой» мысли. Так, рассказ «Медвежий угол» «резко и бойко сорвавший маску с мнимо порядочных людей и выставивший на всеобщий позор злоупотребления, о которых прежде не только не печатали но и громко в обществе не говорили» получил широкий резонанс в обществе. Сюжет этого рассказа перекликается с письмами И.А. Аксакова, содержащими характеристику городского хозяйства Астрахани. Однако административная сметка, проявившаяся в начальственном распоряжении об использовании моста, превзошла даже самые смелые предположения. Мост не разрешалось использовать простым жителям, он берегся на случай, если «губернатор наедет, либо из набольших кто». В ежедневное же пользование мост не вводился, так как, экономя на его строительстве и ремонте, обходились вместо надлежащего качества опор «тоненькими, старенькими стойками», подпиравшими это ненадежное сооружение. Зато, когда приходил срок ремонта инженер «велел старый мостишко выстрогать, покрасить, да на старых же стойках и поставить. С городничим поладил… Вот теперь третий год ни конного ни пешего, опричь начальства, по мосту не пущают. На тот год думают, слышь, пускать, ради ремонта, значит: ну, тогда хоть и провалится кто, ничего, урочный срок вышел -– значит, все в порядке… А по весне можно наводнение прописать: снесло, дескать, мост волею божиею» [14].

Этот рассказ Мельникова-Печерского можно смело назвать кратким пособием по казнокрадству. Вскоре, однако, рассказ был цензурой запрещен.

Несмотря на все попытки представителей прогрессивной российской общественной мысли привлечь внимание к существующей проблеме административного произвола путем разоблачения злодеяний в литературно-публицистических произведениях, живая жизнь российской провинции оставалась неизменной. Несовершенство системы административного управления не позволяло не только искоренить произвол, но даже минимально сократить размеры злоупотреблений. Причины этого кроются в отсутствии элементарной правовой культуры, когда чиновничья безответственность и алчность, усиленные административным произволом, противостоят несбыточным чаяниям простых людей о благополучной жизни.

Литература

1. Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Петроград – Москва, 1916. 496 с.
2. Аксаков И.С. Несколько слов об общественной жизни в губернских городах [Электронный ресурс]. М.: РГБ, 2012.
3. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 1: в 2 частях. 1823–1848. Аксаковы. Детство. Отрочество. Обучение в Училище правоведения. Служба при Министерстве юстиции Российской Империи. Ч. 2 / под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2010. 259 с.
4. Аксаков И.С. Письма из провинции. М.: Изд-во «Правда», 1991. 541 с.
5. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. 704 с.
6. Тюнькин К.И. Салтыков-Щедрин. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 205. 621 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений. Т. 2. Губернские очерки. М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. 562 с.
8. М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. 879 с.
9. Турков А.М. «Ваш суровый друг…». Повесть о М.Е. Салтыкове-Щедрине. М.: Книга, 1988. 319 с.
10. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15 т. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1950. Т.V. Статьи 1858–1859. 1005 с.
11. Арцимович В.А. Воспоминания-характеристики. СПб, 1904. 823 с.
12. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., «Мысль», 1978. 288 с.
13. Сборник Нижегородской Ученой Архивной Комиссии. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Нижний Новгород, 1910. 708с.
14. Мельников П.И. (Андрей Печерский) Бабушкины россказни. Повести и рассказы. М.: изд-во «Правда», 1989. С. 165–180.

ADMINISTRATIVE ARBITRARINESS IN 19TH CENTURY PROVINCIAL RUSSIA IN THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS

Vakhmistrova S.I., Tarasov A.S.
St. Petersburg State Marine Technical University

The subject of the article is the specific historical specifics of the manifestation of administrative arbitrariness in pre-revolutionary Russia. The purpose of the study is to describe the internal mechanisms of the formation of the administrative and legal mentality of the Russian provincial bureaucracy and to identify its nature in the works of art and journalism by Russian writers. The research methodology includes historical and legal, descriptive, and illustrative-artistic methods of scientific cognition. The results of the study provide a vivid and authentic picture of the life of the privileged part of the Russian province. The scientific novelty of this study lies in the fact that it examines factually insignificant events through the lens of literary hyperbole of socially significant aspects of provincial life. As a result, this study provides a basis for a critical assessment of the organization of provincial administration in pre-revolutionary Russia.

Keywords: Provincial administration, province, administrative arbitrariness, bureaucracy, bureaucratic mentality, public thought.

References

1. Librovich S.F. At the Book Post. Memories. Notes. Documents. Petrograd – Moscow, 1916. 496 p.
2. Aksakov I.S. A Few Words about Public Life in Provincial Towns [Electronic resource]. Moscow: Russian State Library, 2012.
3. Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for a Chronicle of Life and Work. Part 1: in 2 parts. 1823–1848. The Aksakovs. Childhood. Adolescence. Studies at the School of Law. Service under the Ministry of Justice of the Russian Empire. Part 2 / edited by S.V. Motin. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. 259 p.
4. Aksakov I.S. Letters from the Provinces. Moscow: Pravda Publishing House, 1991. 541 p.
5. Aksakov I.S. Letters to Relatives. 1844–1849. Moscow: Nauka, 1988. 704 p.
6. Tyunkin K.I. Saltykov-Shchedrin. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1989. P. 205. 621 p.
7. Saltykov-Shchedrin M.E. Collected Works. Vol. 2. Provincial Essays. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1965. 562 p.
8. M.E. Saltykov-Shchedrin in the Memories of Contemporaries. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1957. 879 p.
9. Turkov A.M. «Your Stern Friend…». A Tale of M.E. Saltykov-Shchedrin. Moscow: Kniga, 1988. 319 p.
10. Chernyshevsky, N.G. Complete Works. In 15 volumes. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1950. Vol. V. Articles from 1858–1859. 1005 p.
11. Artsimovich, V.A. Memories and Characteristics. St. Petersburg, 1904. 823 p.
12. Zayonchkovsky, P.A. Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century. Moscow, Mysl', 1978. 288 p.
13. Collection of the Nizhny Novgorod Scientific Archival Commission. Vol. IX. In Memory of P.I. Melnikov (Andrei Pechersky). Nizhny Novgorod, 1910. 708 p.
14. Melnikov P.I. (Andrey Pechersky) Grandmother's Tales. Stories and Short Stories. Moscow: Pravda Publishing House, 1989. Pp. 165–180.

Российско-таджикское сотрудничество в гидроэнергетике как фактор энергетической безопасности Центральной Азии

Саматова Камарбону Фуркатовна,
бакалавр направления «Международные отношения»,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: KFSamatova@kpfu.ru

Терешина Елена Александровна,
кандидат политических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: teralena2010@mail.ru

В статье анализируется российско-таджикское сотрудничество в сфере гидроэнергетики как одного из ключевых факторов энергетической безопасности Центральной Азии в период трансформации постсоветского пространства. Исследование опирается на концепцию энергетической безопасности Д. Ергина («четыре А»: доступность, достижимость, приемлемость, адекватность) и на модель «вода за энергию» для анализа отношений стран «верховья» и «низовья» региона. Методологическую основу составляют институциональный анализ, кейс-стади (Сангтудинская ГЭС-1, Нурекская ГЭС), сравнительный анализ и элементы геоэкономического подхода. Показаны институционально-правовые механизмы взаимодействия России и Таджикистана и вклад совместных проектов в преодоление сезонного энергодефицита. Обосновывается, что гидроэнергетическое партнёрство выступает инструментом «мягкой энергетической силы» России и одновременно стабилизирует энергетическую ситуацию в регионе на фоне конкуренции Китая и Ирана.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, гидроэнергетика, Россия, Таджикистан, Центральная Азия, Сангтудинская ГЭС-1, Совет по электроэнергетике СНГ, энергетическая дипломатия, водно-энергетический нексус, региональная интеграция.

Введение

Российская Федерация и Республика Таджикистан занимают особое место в системе энергетических отношений на евразийском пространстве. Центральноазиатский регион характеризуется выраженной ресурсной асимметрией: страны «низовья» (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан) зависят от углеводородов, а страны «верховья» (Таджикистан, Кыргызстан) – от гидроэнергетики [1]. Для Таджикистана, обладающего гидроэнергетическим потенциалом около 527 млрд кВт·ч в год, эффективное использование водных ресурсов имеет стратегическое значение и напрямую связано с национальной безопасностью [2].

Актуальность данного исследования обусловлена рядом обстоятельств: усиление климатических рисков, связанных с сокращением ледникового стока Памира и Тянь-Шаня; возрастание конкуренции внешних акторов за влияние в регионе; смещение внешнеполитических приоритетов России в сторону восточного и южного направлений [3; 4].

В этих условиях сотрудничество России и Таджикистана в сфере гидроэнергетики становится важным элементом складывающейся энергетической системы Центральной Азии.

Степень разработанности. Вопросы энергетической политики России в Центральной Азии активно обсуждаются отечественными и зарубежными авторами. Большинство работ фокусируется на углеводородных проектах и конкуренции России и Китая за влияние в регионе [17, 18]. Гидроэнергетика Таджикистана и Кыргызстана обычно упоминается фрагментарно. Исследования водно-энергетического нексуса и модели «вода за энергию» (Н.К. Каюмов, Х. Шадрина и др.) подчёркивают уязвимость сельского хозяйства и энергетики к колебаниям стока [1; 6; 9–12], но российско-таджикское сотрудничество в гидроэнергетике редко рассматривается как самостоятельный вклад в региональную энергетическую безопасность.

Научная проблема заключается в том, что российско-таджикские гидроэнергетические проекты пока недостаточно осмыслены как многоуровневый инструмент обеспечения энергетической безопасности Центральной Азии и перераспределения влияния России, Китая и Ирана в регионе.

Цель исследования – проанализировать российско-таджикское сотрудничество в гидроэнергетике как фактор энергетической безопасности Центральной Азии и преодоления сезонного энергодефицита в регионе.

Для достижения цели решаются следующие ***задачи***:
– выявить ключевые этапы формирования российско-таджикского сотрудничества в электроэнергетике после распада СССР;
– проанализировать институциональные и правовые механизмы взаимодействия России и Таджикистана в электроэнергетике;
– оценить влияние совместных проектов (Сангтудинская ГЭС-1, модернизация Нурекской ГЭС) на энергетический баланс Таджикистана и региональную энергосистему;
– определить роль российско-таджикских гидроэнергетических проектов в формировании региональной энергетической безопасности с учётом реакции соседних государств и конкурирующих внешних акторов (Китай, Иран).

Методологическую основу исследования составляют институциональный подход, сравнительный анализ, кейс-стади, элементы геоэкономического подхода, анализ документов.

Институциональный подход применяется к деятельности Совета по электроэнергетике СНГ, межправительственным соглашениям и корпоративным структурам совместных предприятий. Кейс-стади строится на двух проектах – Сангтудинской ГЭС-1 и Нурекской ГЭС. Сравнительный анализ охватывает периоды до и после 2009 года и сопоставляет российское участие с проектами Китая и Ирана. Элементы геоэкономического подхода позволяют расматривать инфраструктурные проекты как инструменты внешней политики. Анализ документов и статистики включает межправительственные соглашения России и Таджикистана, отчётность ОАО «Сангтудинская ГЭС-1», данные профильных министерств, Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР) и международных организаций (ЕЭК ООН, ОЭСР, ЦАРЭС).

Выбор кейсов обусловлен их репрезентативностью. Сангтудинская ГЭС-1 – крупнейший российский инвестиционный проект в элек-

троэнергетике стран СНГ, и Нурекская ГЭС – ключевая генерирующая станция Таджикистана. Исследовательский дизайн ограничен фокусом на двух кейсах и российско-таджикской оси, что не позволяет в полной мере охватить другие энергетические проекты России в регионе и влияние санкций на внешнеэнергетическую политику. Работа не претендует на исчерпывающий анализ региональной энергетической безопасности и сосредоточивается на гидроэнергетическом измерении и его политико-институциональных эффектах.

Эмпирическая база включает официальные документы Российской Федерации и Республики Таджикистан, материалы Совета по электроэнергетике СНГ, отчетность ОАО «Сангтудинская ГЭС-1», данные Евразийского фонда стабилизации и развития, международных организаций (ЕЭК ООН, ОЭСР, ЦАРЭС, Всемирный банк, МЭА), а также статистику Министерства энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан. Рабочая гипотеза состоит в том, что российско-таджикские гидроэнергетические проекты одновременно способствуют преодолению энергодефицита Таджикистана и укрепляют позиции России в регионе, формируя новые контуры энергетической безопасности Центральной Азии. Научная новизна состоит в рассмотрении этого сотрудничества через призму водно-энергетического нексуса и конкретных институтов взаимодействия, а также в обосновании перехода роли России «технического гаранта» к «инфраструктурному интегратору» региональной энергетики.

Теоретико-методологической основой исследования составляют концепции энергетической безопасности, энергетической дипломатии и водно-энергетического нексуса. Следуя А. Черпу и Ж. Джевель, под энергетической безопасностью понимается «низкая уязвимость жизненно важных энергетических систем» [6]. Данное определение дополняет классический подход Д. Ергина, акцентирующий рыночные параметры и параметры поставок [5]. В отечественной литературе (С.З. Жизнин, С.С. Жильцов и др.) энергетическая дипломатия трактуется как инструмент внешней политики [7; 8]. В данном исследовании она проявляется через инфраструктурные и корпоративные проекты в гидроэнергетике. Понятие водно-энергетического нексуса и модель «вода за энергию» используются для анализа трансформации советской системы обмена между странами верховья и низовья и роли России во включении Таджикистана в региональные энергетические потоки [1; 9–11].

Исторический контекст сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан в сфере электроэнергетики

После распада СССР и начала гражданской войны Республика Таджикистан получила в наследство энергетическую систему установленной мощностью более 4 440 МВт. Строительство Рогунской и Сангтудинской ГЭС было приостановлено. Период 1991–2000 гг. стал наиболее сложным в истории отрасли [2]. Ресурсный потенциал Таджикистана исключителен: на его территории формируется около 64 км³ среднегодового речного стока (55,4% стока Центральной Азии), а гидроэнергетический потенциал оценивается в 527,06 млрд кВт·ч в год [2; 12].

Слабое место энергосистемы – выраженная сезонность: до 97% (ныне 92–94%) электроэнергии вырабатывается на ГЭС. В осенне-зимний период снижение стока Вахша при росте спроса приводит к дефициту в отсутствие крупных тепловых и атомных мощностей. В советский период дисбаланс сглаживался в рамках ОЭС Центральной Азии и модели «вода за энергию» [10; 11]. После распада союзной инфраструктуры северные районы, зависевшие от узбекской энергосистемы, оказались в уязвимом положении из-за отсутствия ЛЭП 500 кВ «Юг – Север» внутри страны.

Прекращение централизованного финансирования, гражданская война и отток специалистов вызвали кризис управления электроэнергетикой. Потери в сетях многократно превышали норматив, в зимний период электроэнергия вне Душанбе подавалась по 2–4 часа в сутки [2]. Поддержание связей с российскими машиностроительными предприятиями помогло избежать технического коллапса стратегических объектов.

Таким образом, период 1991–2000 гг. можно охарактеризовать как фазу выживания и последующей институционализации сотрудничества, когда основные усилия были направлены на поддержание работоспособности унаследованной системы и формирование договорно-правовой базы для совместных проектов.

Совет по электроэнергетике СНГ

Создание Совета по электроэнергетике СНГ стало реакцией на угрозу коллапса постсоветской энергосистемы. Его деятельность основана на Соглашении о координации межгосударственных отношений в области электроэнергетики от 14 февраля 1992 г. [13]. Документ закрепил механизм согласования национальной политики при сохранении технологического единства. Необходимость Совета была обусловлена тем, что разделенные границами энергосистемы сохраняли технологическое единство и взаимозависимость, требовавшие координированного управления.

Стратегические функции Совета охватывают три блока: техническую координацию (синхронная работа и аварийное резервирование), нормативно-техническую гармонизацию (стандарты и правила эксплуатации), политико-экономическое согласование межправительственных решений и планов модернизации. В отношениях России и Таджикистана Совет выступает ключевой платформой единой технической политики и общих стандартов эксплуатации, что облегчает модернизацию стратегических объектов (Нурекская, Сангтудинская ГЭС-1) с участием российских предприятий и обеспечивает транзит электроэнергии через системы сопредельных государств.

Совет по электроэнергетике СНГ можно рассматривать как функциональный режим, поддерживающий устойчивость технико-инфраструктурного взаимодействия и формирование единого электроэнергетического пространства. Для Таджикистана участие в нём снижает издержки сотрудничества и обеспечивает технологическую совместимость с ключевыми партнёрами, прежде всего с Россией.

Интересы и стратегии Российской Федерации и Республики Таджикистан

Анализ интересов сторон опирается на подходы теории региональной безопасности и геоэкономики, рассматривающие инфраструктурные проекты как элементы регионального порядка и инструменты внешнеполитического влияния.

Российские интересы в гидроэнергетическом сотрудничестве с Таджикистаном можно описать на трёх уровнях [7; 8]. На стратегическом –сохранение технологического и институционального влияния на постсоветском пространстве и устойчивости южного фланга. На тактическом – возврат инвестиций и расширение присутствия корпораций с государственным участием. На оперативном – подготовка инженерных кадров и содействие адаптации таджикского законодательства к международным техническим стандартам.

Интересы Таджикистан во многом симметричны. Ключевыми являются преодоление зимнего энергодефицита, диверсификация источников финансирования, модернизация генерирующих и сетевых мощностей и формирование экспортного потенциала в рамках проекта CASA-1000. Стратегическая цель «энергетической независимости» сочетается с углублением сотрудничества с Россией, чьи инвестиции и технологии выступают её инфраструктурной основой.

Различие интересов особенно заметно в вопросах ценообразования и тарифной политики. Задолженность ГУП «Барки Точик» перед ОАО «Сангтудинская ГЭС-1» (на начало 2024 года 2,8 млрд сомони – около 26 млрд руб.), регулярно обсуждается на межправительственном уровне и демонстрирует пределы сугубо коммерческого подхода в условиях энергодефицита [14]. Вместе с тем сотрудничество сопровождается рисками усиления зависимости Таджикистана от одного ключевого партнера и возможными напряжённостями с соседями при реализации спорных проектов в верховьях рек.

Проект «Сангтуда-1» как кейс стратегического партнёрства

Реализация проекта строительства Сангтудинской ГЭС-1 является репрезентативным кейсом российской энергетической дипломатии в Центральной Азии. Ключевой момент – межправительственное соглашение октября 2004 г. о завершении строительства станции и создании совместного акционерного общества [14]. Уставный капитал ОАО «Сангтудинская ГЭС-1» распределён между российской (75% минус одна акция) и таджикской (25% плюс одна акция) сторонами [14]. Основными российскими акционерами стали «Интер РАО ЕЭС» и «Росатом», поставщиком оборудования – «Силовые машины» [12]. Общий объём российских инвестиций превысил 482 млн долл. США.

Станция установленной мощностью 670 МВт поэтапно вводилась в эксплуатацию в 2005–2009 гг. Её среднегодовая выработка превышает 2 млрд кВт·ч, что составляет до 11% общей генерации Таджикистана [12; 14]. Модернизированное оборудование и системы управления обеспечивают соответствие международным стандартам. С геоэкономической точки зрения кейс Сангтудинской ГЭС-1 демонстрирует эффективность совместного предприятия с преимущественным участием иностранного инвестора для реализации крупных инфраструктурных программ.

Результаты исследования: влияние совместных проектов на энергетический баланс Республики Таджикистан

Результаты исследования показывают, что российско-таджикские гидроэнергетические проекты оказали существенное влияние на энергетическую безопасность Таджикистана и региона. Во-первых, они способствовали сокращению зимнего дефицита электроэнергии и повышению устойчивости национальной энергосистемы. Во-вторых, модернизация Нурекской ГЭС и ввод Сангтудинской ГЭС-1 усилили генерационный и сетевой потенциал страны. В-третьих, эти проекты изменили конфигурацию региональных взаимодействий, повлияв на позиции Таджикистана в отношениях с соседними государствами и внешними акторами.

Период 2000–2009 гг. описывается в экономической литературе как этап «хронического энергетического кризиса» Республики Таджикистан. Годовой зимний дефицит электроэнергии (октябрь–апрель) колебался в диапазоне 1,5–3 млрд кВт·ч, достигая в экстремально холодные зимы (2007–2008 гг.) 4 млрд кВт·ч, что парализовало функционирование инфраструктуры [2; 15].

Структурный дисбаланс производства и потребления носил ярко выраженный сезонный характер:

– зимняя производственная мощность – 9–10 млрд кВт·ч при фактическом спросе свыше 12 млрд кВт·ч;

– летний избыток – 2,0–2,5 млрд кВт·ч, не используемый в силу ограниченной ёмкости водохранилищ и отсутствия экспортной инфраструктуры.

Критерии оценки вклада российских проектов в энергетическую безопасность

Для оценки вклада Сангтудинской ГЭС-1 и модернизации Нурекской ГЭС в энергетическую безопасность Таджикистана и региона используются четыре критерия: генерационный (дополнительная выработка и доля в общей генерации), антикризисный (сокращение зимнего дефицита и лимитов), сетевой (устойчивость энергосистемы и снижение риска аварий), региональный (условия для экспорта и интеграции в трансграничные проекты, включая ОЭС ЦА, CASA-1000.

В дальнейших подразделах на материале статистических данных и официальной отчетности будет показано, в какой мере российско-таджикские проекты соответствуют указанным критериям.

До 2009 г. недостающие объёмы компенсировались за счёт импорта 1,5–3,0 млрд кВт·ч электроэнергии из сопредельных государств в рамках ОЭС ЦА, преимущественно по бартерной модели «вода за электроэнергию». Дефицит в 20–25% зимнего спроса вынуждал правительство вводить систему лимитов, сокращавших подачу электроэнергии в отдалённых районах до нескольких часов в сутки [2; 15].

Стратегический поворотный момент наступил в 2009 г., когда ввод в эксплуатацию Сангтудинской ГЭС-1 добавил в систему порядка 2,7 млрд кВт·ч дополнительной генерации, покрыв значительную часть исторического дефицита. Одновременно в конце 2009 г. Таджикистан вышел из Единой региональной энергосистемы Центральной Азии, оказавшись в состоянии энергетической изоляции. Именно в этих условиях Сангтудинская ГЭС-1 выполнила функцию «энергетического щита», обеспечив работоспособность критической инфраструктуры в зимний период при отключении от региональных сетей.

Последующий ввод Душанбинской ТЭЦ-2 (400 МВт, 2012–2014 гг.) и частичный ввод Рогунской ГЭС (средняя генерируемая мощность – около 200 МВт по состоянию на 2024 г.) сформировал новую конфигурацию энергетического баланса. По данным ЕФСР, совокупная установленная мощность энергосистемы Таджикистана достигла 5 400 МВт [15]. Международные оценки UNECE и МЭА подтверждают, что модернизация генерирующих мощностей и развитие сетевой инфраструктуры являются ключевыми условиями устойчивости энергосистемы и интеграции Таджикистана в региональные рынки электроэнергии [15; 19; 20]. С 2015 г. среднегодовой прирост мощностей составлял 3–4%, и Сангтудинская ГЭС-1 сохраняла статус одного из основных столпов энергетической безопасности страны за счёт стабильной и регулярной выработки.

Качественно новый этап связан с комплексной модернизацией Нурекской ГЭС при участии российских специалистов. В результате реализации первой фазы реабилитационной программы (финансируемой, в частности, из средств ЕФСР, Международной ассоциации развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций) установленная мощность ГЭС увеличена с 2 700 МВт до 3 335 МВт [15]. Ключевым элементом стала замена изношенных трансформаторов двумя группами автотрансформаторов нового поколения (шесть однофазных блоков), преобразующих генераторное напряжение 15,75 кВ в сетевое – 500 кВ, 220 кВ и вспомогательное 10 кВ. По оценкам ЕФСР, восстановление мощности Нурекской ГЭС обеспечит рост потенциальной выработки примерно на 6,6%.

Региональное измерение российского участия в гидроэнергетике Таджикистана

Российско-таджикское сотрудничество в гидроэнергетике формируется не в политическом вакууме: его региональное значение определяется сложной системой взаимодействий с внешними акторами и соседними государствами.

Позиция Республики Узбекистан претерпела радикальную трансформацию. Если в 2000–2016 гг. Ташкент последовательно блокировал крупные гидропроекты в верховьях, то после 2016 г. перешёл к более прагматичному подходу, сняв возражения против Рогунской ГЭС и начав закупки таджикской электроэнергии. В 2025 г. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан согласовали параметры водно-энергетического сотрудничества и взаимной поддержки в осенне-зимний период [16]. Это создаёт благоприятную институциональную среду для российских проектов.

Китай остается главным конкурентом России по масштабу экономического присутствия, концентрируясь на транспортной и сырьевой инфраструктуре в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Гидроэнергетика Таджикистана в меньшей степени вовлечена в китайские программы, что сохраняет для России преимущественные позиции. Иранское участие точечно и ограничивается, прежде всего, проектом Сангтудинской ГЭС-2, не создавая системной конкуренции российскому технологическому пакету.

Строительство ирригационного канала «Куш-Тепа» в Афганистане способно изымать до 20 млрд м воды из Амударьи ежегодно, что создает дополнительные риски для водообеспечения региона [1]. В этих условиях российско-таджикское партнёрство выступает фактором стабилизации трансграничных энергетических потоков. Проект CASA-1000, предусматривающий экспорт летних излишков электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан, функционально зависит от стабильности таджикской генерации. Поддерживая работу Сангтудинской ГЭС-1 и модернизацию Нурекской ГЭС, Россия косвенно способствует интеграции Центральной Азии в энергетические рынки Южной Азии.

Перспективные направления сотрудничества связаны с цифровизацией распределительных сетей (внедрение технологий «умных сетей» Smart Grid и систем учёта), развитием малой гидроэнергетики в труднодоступных горных районах и подготовкой инженерных кадров. Важную роль играет филиал Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт» (МЭИ) в г. Душанбе, обеспечивающий подготовку специалистов по российским стандартам. Перспективным механизмом углубления взаимодействия может стать сопряжение деятельности Совета по электроэнергетике СНГ с энергетической повесткой БРИКС+ и ШОС.

Заключение и практическая значимость исследования

Результаты исследования показывают, что энергетическая безопасность Центральной Азии – это не только вопрос достаточности мощностей, но и устойчивости институтов регионального сотрудничества и баланса интересов внешних акторов.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих значение как для теории международных отношений, так и для практики региональной политики.

Во-первых, российско-таджикское сотрудничество в гидроэнергетике прошло качественные изменения от функции технического гаранта постсоветской энергосистемы (1991–2004 гг.) к функции инфраструктурного интегратора региональной энергетики (2005 г. – настоящее время). Эта трансформация отражает переход Российской Федерации от реактивной к проактивной модели присутствия в Центральной Азии и соответствует положениям Концепции внешней политики 2023 г. о приоритетности развития связей в «ближнем зарубежье».

Во-вторых, реализация совместных проектов (Сангтудинская ГЭС-1, модернизация Нурекской ГЭС) внесла системный вклад в обеспечение энергетической безопасности Таджикистана: зимний дефицит, составлявший до 2009 г. 20–25% спроса, был существенно сокращён, а энергосистема приобрела устойчивость к отключению от ОЭС ЦА. Тем самым ГЭС «Сангтуда-1» функционально выполнила роль «энергетического щита» в критический период 2009–2015 гг.

В-третьих, значение российско-таджикского гидроэнергетического партнёрства выходит за рамки двусторонних отношений. Поддерживая стабильность таджикской генерации, Российская Федерация обеспечивает технологическую совместимость региональных энергосистем

в формате Совета по электроэнергетике СНГ; способствует реинтеграции Центральной Азии в единое электроэнергетическое пространство, признаки которой проявились в 2024–2026 гг.; создаёт инфраструктурные предпосылки для трансрегиональных проектов (CASA-1000), расширяющих экспортный потенциал региона в Южную Азию.

В-четвёртых, исследование подтверждает рабочую гипотезу: гидроэнергетические проекты выступают инструментом «мягкой энергетической силы» Российской Федерации и фактором укрепления её позиций в регионе. Несмотря на наличие финансовых противоречий (задолженность ГУП «Барки Точик») и конкуренции со стороны Китая и Ирана, Россия сохраняет за собой статус стратегического партнёра, обеспечивающего технологическую и инвестиционную основу энергетического суверенитета Таджикистана.

Практическая значимость

Результаты исследования могут быть использованы при выработке решений органов внешней политики и энергетических ведомств Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также профильных структур ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС+. Выявленные особенности функционирования совместных гидроэнергетических проектов и их влияние на региональную энергетическую безопасность важны для планирования новых инфраструктурных инициатив, корректировки тарифной и долговой политики. Полученные выводы также могут быть учтены при развитии водно-энергетической дипломатии в Центральной Азии.

Литература

1. Strengthening the Water–Energy Nexus for a Climate Resilient Central Asia / OECD. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 156 p. – URL: https://www.oecd.org (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

2. Рахимов Р.К. Энергетика Таджикистана: состояние, проблемы, перспективы. – Душанбе: Дониш, 2021. – 240 с.

3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310003 (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

4. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006110003 (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

5. Yergin D. Ensuring Energy Security // Foreign Affairs. – 2006. – Vol. 85, № 2. – P. 69–82.

6. Cherp A., Jewell J. The Concept of Energy Security: Beyond the Four As // Energy Policy. – 2014. – Vol. 75. – P. 415–421. – DOI: 10.1016/j.enpol.2014.09.005.

7. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. – М.: Ист Брук, 2005. – 637 с.

8. Жильцов С.С. Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект // Центральная Азия и Кавказ. – 2016. – Т. 19, № 4. – С. 37–50.

9. Безопасность гидротехнических сооружений в Центральной Азии: обзор сотрудничества и потенциала / Европейская экономическая комиссия ООН. – Женева: ООН, 2020. – 92 с. – URL: https://unece.org (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

10. Каюмов Н.К. К вопросу об обеспечении водно-энергетической безопасности Республики Таджикистан // Экономика Таджикистана. – 2018. – № 2. – С. 12–28. – URL: https://www.cawater-info.net (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

11. Shadrina H., Pomfret R., Libman A. et al. The Central Asian Economies of Water-Energy Security // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2020. – Vol. 11, № 1. – P. 62–70. – DOI: 10.32479/ijeep.10267.

12. Инвестиционные возможности в энергетическом секторе Таджикистана / Программа Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). – Манила: ЦАРЭС, 2023. – 45 с. – URL: https://energy.carecprogram.org (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

13. Соглашение о координации межгосударственных отношений в области электроэнергетики Содружества Независимых Государств от 14 февраля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. – 1993. – № 10. – С. 3–7.

14. ОАО «Сангтудинская ГЭС-1». Итоги производственной деятельности Сангтудинской ГЭС-1 за 2025 год // Официальный сайт совместного российско-таджикского предприятия. – URL: https://www.sangtuda.com (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

15. Стратегия Евразийского фонда стабилизации и развития в Республике Таджикистан / Евразийский фонд стабилизации и развития. – М.: ЕФСР, 2022. – 86 с. – URL: https://www.efsd.org (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

16. Центральная Азия: взаимодействие в энергетическом секторе снова на повестке дня // Ритм Евразии. – 2026. – 2 марта. – URL: https://www.ritmeurasia.ru (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

17. Mitrova T. Russia's Expanding Energy Ties in Central Asia. – New York: Columbia University, Center on Global Energy Policy, 2023. – 24 p. – URL: https://www.energypolicy.columbia.edu (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

18. Transition Report 2025–26: Brave Old World. – London: European Bank for Reconstruction and Development, 2025. – 180 p. – URL: https://www.ebrd.com (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

19. Energy Policy Brief: Tajikistan. – Geneva: UNECE, 2024. – URL: https://unece.org (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

20. Cross-Border Electricity Trading for Tajikistan: A Roadmap. – Paris: International Energy Agency, 2021. – 84 p. – URL: https://www.iea.org (дата обращения: 15.05.2026). – Текст: электронный.

RUSSIAN-TAJIK COOPERATION IN HYDROPOWER AS A FACTOR OF ENERGY SECURITY IN CENTRAL ASIA

Samatova K.F., Tereshina E.A.
Kazan (Volga) Federal University

The article analyzed Russian-Tajik cooperation in the field of hydropower as one of the key factors in the energy security of Central Asia during the transformation of the post-Soviet space. The study is based on the concept of energy security of D. Yergin ("four A ": availability, reachability, acceptability, adequacy) and on the "water for energy" model used to analyze the relations of the countries of the "upper" and "lower" regions. The methodological basis is made up of institutional analysis, case studies (Sangtuda GES-1, Nurek hydroelectric power station), comparative analysis and elements of a geoeconomic approach. The institutional and legal mechanisms of interaction between Russia and Tajikistan and the contribution of joint projects to overcoming seasonal energy shortages are shown. It is shown that the hydropower partnership acts as an instrument of "soft energy power" of Russia and at the same time stabilizes the energy situation in the region against the background of competition from China and Iran.

Keywords: energy security, hydropower, Russia, Tajikistan, Central Asia, Sangtuda-1 HPP, CIS Electric Power Council, energy diplomacy, water-energy nexus, regional integration.

References

1. Strengthening the Water–Energy Nexus for a Climate Resilient Central Asia. Paris: OECD Publishing, 2025. 156 p. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/12/strengthening-the-water-energy-nexus-for-a-climate-resilient-central-asia_d0007594/632162c2-en.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

2. Rakhimov R.K. Energetika Tadzhikistana: sostoyanie, problemy, perspektivy. Dushanbe: Donish, 2021. 240 p.

3. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii: utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 marta 2023 g. No. 229. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310003 (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

4. Energeticheskaya strategiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2035 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 9 iyunya 2020 g. No. 1523-r. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006110003 (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

5. Yergin D. Ensuring Energy Security. Foreign Affairs, 2006, vol. 85, no. 2, pp. 69–82.

6. Cherp A., Jewell J. The Concept of Energy Security: Beyond the Four As. Energy Policy, 2014, vol. 75, pp. 415–421. DOI: 10.1016/j.enpol.2014.09.005.

7. Zhisnin S.Z. Energeticheskaya diplomatiya Rossii: ekonomika, politika, praktika. Moscow: Ist Bruk, 2005. 637 p.

8. Zhil'tsov S.S. Politika stran Tsentral'noy Azii: vodno-energeticheskiy aspekt. Tsentral'naya Aziya i Kavkaz, 2016, vol. 19, no. 4, pp. 37–50.

9. Bezopasnost' gidrotekhnicheskikh sooruzheniy v Tsentral'noy Azii: obzor sotrudnichestva i potentsiala. Evropeyskaya ekonomicheskaya komissiya OON. Zheneva: OON, 2020. 92 p. Available at: https://unece.org/sites/default/files/2021–07/Dam%20Safety%20Review_RU.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

10. Kayumov N.K. K voprosu ob obespechenii vodno-energeticheskoy bezopasnosti Respubliki Tadzhikistan. Ekonomika Tadzhikistana, 2018, no. 2, pp. 12–28. Available at: https://www.cawater-info.net/zeravshan/pdf/kayumov.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

11. Shadrina H., Pomfret R., Libman A. et al. The Central Asian Economies of Water-Energy Security. International Journal of Energy Economics and Policy, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 62–70. DOI: 10.32479/ijeep.10267.

12. Investitsionnye vozmozhnosti v energeticheskom sektore Tadzhikistana. Programma Tsentral'noaziatskogo regional'nogo ekonomicheskogo sotrudnichestva (TsaRES). Manila: CAREC, 2023. 45 p. Available at: https://energy.carecprogram.org (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

13. Soglashenie o koordinatsii mezhgosudarstvennykh otnosheniy v oblasti elektroenergetiki Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv ot 14 fevralya 1992 g. Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov, 1993, no. 10, pp. 3–7.

14. OAO “Sangtudinskaya GES1”. Itogi proizvodstvennoy deyatel’nosti Sangtudinskoy GES1 za 2025 god. Ofitsial’nyy sayt sovmestnogo rossiysko-tadzhikskogo predpriyatiya. Available at: https://www.sangtuda.com/ru/press-center/novosti/itogi-proizvodstvennoy-deyatelnosti-sangtudinskoy-ges-1-za-2025-god (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

15. Strategiya Evraziyskogo fonda stabilizatsii i razvitiya v Respublike Tadzhikistan. Evraziyskiy fond stabilizatsii i razvitiya. Moscow: EFSD, 2022. 86 p. Available at: https://www.efsd.org/upload/iblock/b82/EFSD_strategy_Tajikistan_RU.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

16. Tsentral’naya Aziya: vzaimodeystvie v energeticheskom sektore snova na povestke dnya. Ritm Evrazii, 2 March 2026. Available at: https://www.ritmeurasia.ru/news-2026–03–02-centralnaja-azija-vzaimodejstvie-v-energeticheskom-sektore-snova-na-povestke-dnja-86175 (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

17. Mitrova T. Russia’s Expanding Energy Ties in Central Asia. New York: Columbia University, Center on Global Energy Policy, 2023. 24 p. Available at: https://www.energypolicy.columbia.edu/russias-expanding-energy-ties-in-central-asia (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

18. Transition Report 2025–26: Brave Old World. London: European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), 2025. 180 p. Available at: https://www.ebrd.com/content/dam/ebrd_dxp/assets/pdfs/office-of-the-chief-economist/transition-report-archive/transition-report-2025/transition-report-2025–26.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

19. Energy Policy Brief: Tajikistan. Geneva: UNECE, 2024. Available at: https://unece.org/sites/default/files/2024–09/tajikistan%20%287%29.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

20. Cross-Border Electricity Trading for Tajikistan: A Roadmap. Paris: International Energy Agency, 2021. 84 p. Available at: https://www.iea.org/reports/cross-border-electricity-trading-for-tajikistan-a-roadmap (data obrashcheniya: 15.05.2026). – Tekst: elektronnyy.

Актуальные проблемы применения технологий искусственного интеллекта в высшем образовании

Фокина Галина Васильевна,
старший преподаватель ВШ ПРИ, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 000128@pnu.edu.ru

Статья посвящена актуальным проблемам применения технологий искусственного интеллекта в высшем образовании. Стремительная цифровая трансформация образовательной среды, противоречия между дидактическими возможностями ИИ и отсутствием нормативно-правовых и методических регламентов их применения, создают ряд проблем, от решения которых в целом зависит качество и содержание высшего образования. Педагогические и методические проблемы связаны с негативным влиянием на процесс формирования компетенций студентов при неконтролируемом использовании ИИ для выполнения учебных заданий, снижением критичности мышления, отсутствием методик оценки знаний в условиях доступа к ИИ. Использования ИИ создает риски утечки персональных данных, провоцирует цифровое неравенство студентов, а также проблему слабого усвоения материала при работе с ИИ-ассистентами. Недостаточная цифровая компетентность профессорско-преподавательского состава в области технологий, высокая стоимость их внедрения и сопровождения, отсутствие единой стратегии интеграции ИИ в образовательные стандарты также являются проблемным полем эффективного использования технологий ИИ в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, цифровая трансформация образования, генеративные нейросети, компетенции, технологии.

Введение

Цифровая трансформация высшего образования лежит в основе его реформирования, содержания и качества. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений данной трансформации становится внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ). Активно внедряются инструменты ИИ, способные принципиально изменить дидактические модели, организационные процессы и управленческие решения в университетах. Но массовое применение ИИ порождает комплекс актуальных проблем.

К числу наиболее важных вопросов относятся трансформация академической честности и самостоятельности учебной работы студента; этические риски цифрового неравенства; проблема проверки правильности информации в системах принятия решений; пересмотр требований к формируемым компетенциям студентов; психолого-педагогические последствия замещения межличностного взаимодействия взаимодействием с ИИ.

С появлением доступных моделей ChatGPT, Copilot, «Шедеврум», GigaChat студенты и преподаватели получили инструмент, к которому высшая школа оказалась не готова. До сих пор отсутствует единая политика использования ИИ: часть преподавателей запрещают технологии, другие – поощряют, что создает правовую неопределенность и неравенство между студентами.

ИИ способен писать эссе, рефераты, решать типовые задачи и даже генерировать код, поэтому тестирование и стандартные домашние задания перестали быть валидными методами оценки. Вузы вынуждены срочно внедрять устные экзамены, проектные методы, мета-когнитивные задания, что требует перестройки всей методической базы. ИИ может взять на себя рутинные задачи, но вузы не готовы к переобучению профессорско-преподавательского состава, у которых возникает страх, что ИИ заменит преподавателя [1].

ИИ склонен к генерации ложных фактов, при этом студенты и преподаватели могут использовать его для подготовки научных статей с несуществующими источниками. Загружая курсовые и дипломы в облачные ИИ-сервисы, вузы рискуют потерять интеллектуальную собственность. В данной ситуации требуются локальные или корпоративные ИИ-модели внутри вуза, политика безопасного использования и проверки фактов, что влечет за собой финансовые вложения, доступные не всем вузам.

Большинство учебных планов были разработаны до начала процесса внедрения ИИ, поэтому методика работы с ним и формы работы на основе ИИ в образовательных документах не проработаны. Выпускник не учится формулировать запросы или критически оценивать ответы нейросети. Назрела необходимость включать компетенции по работе с ИИ в обязательные модули всех специальностей.

Обсуждение и результаты

Цифровая трансформация высшего образования вступила в новый этап, связанный с массовым и стремительным распространением технологий генеративного искусственного интеллекта. Современные ИИ-системы демонстрируют способность выполнять когнитивные задачи, традиционно считавшиеся исключительной прерогативой человека, такие как написание текстов, генерация идей, решение комплексных учебно-профессиональных задач, анализ больших данных.

ИИ представляет собой сложносоставную систему, которая структурирована с помощью следующих элементов: информационная поисковая система, позволяющая сформировать на основе различных ресурсов и источников базу данных для образовательных процессов; автоматизированная библиотека электронных учебно-методических материалов; цифровая система мониторинга уровня знаний, успеваемости, и активности обучающихся; автоматизированная база данных контрольных заданий, учитывающая результативность каждого субъекта образования; автоматизированная система распределения учебно-педагогической и воспитательной нагрузки; коммуникационная система, обслуживающая взаимодействие всех субъектов образования [5].

Такая технология способна повысить эффективность административной деятельности и улучшить качество обучения. Профилирование

и прогнозирование используются при уточнении решений, связанных с приемом и составлением расписания занятий, оптимизируя тем самым работу учебных заведений и распределение студентов. Кроме того, способность ИИ предсказывать уровень отсева и успешности студентов способствует целенаправленному вмешательству, улучшая среднюю академическую успеваемость [6].

Одной из наиболее фундаментальных проблем, порождаемых внедрением генеративного ИИ, является трансформация академической идентичности как студентов, так и преподавателей. Возникла новая образовательная парадигма, характеризующаяся переходом от традиционного преподавания к технологически опосредованному обучению.

Использование ИИ в образовательной деятельности российских вузов сопряжено с рисками когнитивных искажений, возникающих вследствие некритического принятия выдаваемых системой результатов. У студентов формируется установка на получение готового решения, что ведет к потере навыков самостоятельного поиска, анализа и синтеза информации – компетенций, формируемых в процессе получения высшего образования [3]. Выполнение письменных заданий с помощью генеративного ИИ, являясь наиболее распространенной практикой среди студентов, трансформирует традиционные представления об ответственности и достоверности образовательных результатов.

Если на начальных этапах цифровизации распространение технологий рассматривалось как фактор роста образовательных возможностей, то внедрение ИИ усиливает существующее неравенство. Суть проблемы заключается в дифференциации алгоритмов использования ИИ в зависимости от академической успеваемости студентов. Для студентов с более низкой успеваемостью ИИ становится инструментом, позволяющим имитировать учебную деятельность без реального присвоения знаний и компетенций.

Кроме того, существует значительная разница в использовании ИИ между студентами естественнонаучных и гуманитарных направлений подготовки. Студенты STEM-специальностей (наука, технологии, инженерия, математика), обладая более высокой технологической грамотностью, активнее и эффективнее интегрируют ИИ в учебный процесс, что создает дополнительное преимущество перед их сверстниками.

Наиболее острой проблемой является отсутствие общепризнанных этических и нормативно-правовых норм регулирования использования ИИ в высшем образовании. Исследователи констатируют наличие нормативного разрыва между широко распространенной практикой использования ИИ и этическими оценками допустимости такого использования в обучении [4]. Ситуация усугубляется тем, что сами студенты нередко воспринимают использование нейросетей для выполнения учебных заданий как технически естественное и этически нейтральное действие, в то время как преподаватели склонны расценивать это как нарушение академической честности. Это противоречие создает кризис традиционных представлений об авторстве, оригинальности и самостоятельности как базовых ценностях академической культуры. В связи с этим предлагается создание экспертных комиссий при высших учебных заведениях, которые должны заниматься решением проблем этики использования ИИ, разрабатывать общие и частные руководства и рекомендации по его применению в каждом образовательном учреждении. Но внедрение таких механизмов сталкивается с трудностями как методологического, так и организационного характера.

Успешная интеграция ИИ в образовательный процесс в определяющей степени зависит от готовности и способности преподавателей к работе с новыми технологическими инструментами. Однако исследования показывают, что значительная часть преподавателей испытывает дефицит знаний и навыков, необходимых для эффективного и ответственного использования ИИ в образовательной деятельности [7]. Преподавателю необходимо не просто научиться пользоваться тем или иным ИИ-сервисом, но и переосмыслить цели, содержание и методы обучения в ситуации, когда ИИ становится полноценным агентом образовательного процесса. Требуется разработка новых методических подходов к использованию ИИ, направленных на формирование у студентов критического отношения к его результатам и развитие человеческих качеств – креативности, критического мышления, этической рефлексии, которые ИИ заменить не может. В этом аспекте особую значимость приобретает формирование ИИ-грамотности как неотъемлемого компонента профессиональной компетентности современного преподавателя высшей школы [9].

Внедрение технологий искусственного интеллекта в высшее образование представляет собой фундаментальный вызов сложившейся академической культуре и дидактическим основам высшей школы. Выявленные проблемы носят системный характер и не могут быть решены изолированно.

Выводы

Искусственный интеллект создает возможности для персонализации обучения, автоматизации рутинных задач преподавателей и создания образовательных траекторий в соответствии с индивидуальными особенностями и интересами студентов. Однако его внедрение сопровождается комплексом проблем, которые препятствуют интеграции данных технологий в академическую среду.

Технологическое развитие ИИ значительно опережает разработку педагогических концепций, методических материалов, правовых механизмов регулирования их применения в вузах. Массовое использование студентами генеративных ИИ при написании различных видов учебных работ подрывает принципы самостоятельности обучения. Традиционные формы контроля в данной ситуации становятся неэффективными, поскольку не могут оценить реальные компетенции студента, фиксируя лишь его умение формулировать запросы для нейросети.

Внедрение ИИ требует от преподавателей освоения новых технологий, пересмотра методик и контроля за качеством студенческих работ, что увеличивает их рабочую нагрузку. Следует также отметить, что возникает риск сведения роли преподавателя к техническому проверяющему сформулированных текстов нейросети, тогда как ключевые функции, такие как наставничество, развитие критического мышления, социализация не формируются. Кроме того, наблюдается значительный разрыв в цифровых компетенциях преподавателей, что ведет к фрагментации образовательного процесса [8].

Образовательные платформы на базе ИИ собирают данных об успеваемости, поведении и даже биометрии студентов, но до сих пор не решены вопросы, кому принадлежат эти данные и как они используются с правовой точки зрения. Модели ИИ могут воспроизводить и усиливать существующие предубеждения и стереотипы, что приводит к несправедливой оценке студентов. Нет ясности в вопросе, кому принадлежат права на учебные материалы, созданные совместно человеком и ИИ, а также на результаты студенческих работ, где доля генерации нейросетью уже стала распознаваться системой Антиплагиат.

Многие вузы, особенно в регионах, не имеют вычислительных мощностей, лицензионного ПО и высокоскоростного интернета для работы с современными ИИ-моделями. Кейсы использования ИИ в образовании иногда носят точечный характер, при этом отсутствуют апробированные, масштабируемые дидактические модели интеграции ИИ в учебный процесс. Применение ИИ может снизить долю живого общения, эмоционального интеллекта в обучении, что недопустимо для гуманитарных и социальных дисциплин.

В качестве решений перечисленных проблем можно предложить следующие:

1. Пересмотр моделей оценки – переход к устным экзаменам, проектным работам в аудитории, защитам с обоснованием процесса, а не только результата.

2. Повышение ИИ-грамотности всех участников образовательного процесса, в том числе и критическое использование генеративных моделей.

3. Разработка внутривузовских документов, регламентирующих использование ИИ с четким разграничением разрешенного и запрещенного.

Без комплексного решения этих проблем существует риск обесценивания дипломов о высшем образовании в аспекте содержания, снижения качества критического мышления выпускников и углубления академического неравенства.

Литература

1. Амиров Р.А., Билалова У.М. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Управленческое консультирование. 2020. № 3(135). С. 80–88.

2. Давыдов С.Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. № 28 (3). С. 32–44.

3. Другова Е.А, Журавлева И.И, Захарова У.С., Сотникова В.Е., Яковлева К.И. Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 107–153.

4. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 4. С. 9–22.

5. Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в образовательном пространстве: проблемы и перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 98–113.

6. Лоскутова М.А. Искусственный интеллект в высшем образовании – прорыв или деградация // Экономические науки. 2024. № 3 (232). С. 242–247.

7. Лукичев П.М., Чекмарев О.П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т 13, № 1. С. 485–502.

8. Руст А.М., Платунова Е.Ю. Технологии искусственного интеллекта в системе высшего образования России // Вестник Поволжского института управления. 2024. Том 24. № 6. С. 105–111.

9. Фомина А.Н. Проблемы и перспективы развития рынка искусственного интеллекта в России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 1051–1068.

10. Шао Б. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: что нам ожидать? // Вестник педагогических наук. 2024. № 2. С. 148–151.

CURRENT ISSUES IN THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN HIGHER EDUCATION

Fokina G.V.
Pacific National University

This article examines current issues in the application of artificial intelligence technologies in higher education. The rapid digital transformation of the educational environment, the contradictions between the didactic capabilities of AI and the lack of regulatory and methodological guidelines for their application, create a number of challenges whose resolution ultimately determines the quality and content of higher education. Pedagogical and methodological challenges include the negative impact on student competency development due to the uncontrolled use of AI for completing academic assignments, the reduction in critical thinking, and the lack of knowledge assessment methods in the context of access to AI. The use of AI creates risks of personal data leakage, fosters digital inequality among students, and also leads to poor learning outcomes when working with AI assistants. The faculty's lack of digital competence in technology, the high cost of implementing and maintaining it, and the lack of a unified strategy for integrating AI into educational standards also pose challenges to the effective use of AI technologies in university education.

Keywords: artificial intelligence, higher education, digital transformation of education, generative neural networks, competencies, technologies.

References

1. Amirov R.A., Bilalova U.M. Prospects for the Implementation of Artificial Intelligence Technologies in Higher Education // Management Consulting. 2020. No. 3 (135). Pp. 80–88.

2. Davydov S.G., Matveeva N.N., Ademukova N.V., Vichkanova A.A. Artificial Intelligence in Russian Higher Education: Current State and Development Prospects // University Management: Practice and Analysis. 2024. No. 28 (3). Pp. 32–44.

3. Drugova E.A., Zhuravleva I.I., Zakharova U.S., Sotnikova V.E., Yakovleva K.I. Artificial Intelligence for Learning Analytics and Stages of Pedagogical Design: A Review of Solutions // Voprosy obrazovaniya. 2022. No. 4. Pp. 107–153.

4. Ivakhnenko E.N., Nikolsky V.S. ChatGPT in Higher Education and Science: A Threat or a Valuable Resource? // Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32, No. 4. Pp. 9–22.

5. Korovnikova N.A. Artificial Intelligence in the Educational Space: Problems and Prospects // Social Innovations and Social Sciences. 2021. No. 2. Pp. 98–113.

6. Loskutova M.A. Artificial Intelligence in Higher Education – a Breakthrough or Degradation // Economic Sciences. 2024. No. 3 (232). Pp. 242–247.

7. Lukichev P.M., Chekmarev O.P. Application of Artificial Intelligence in the Higher Education System // Issues of Innovative Economics. 2023. Vol. 13, No. 1, pp. 485–502.

8. Rust A.M., Platunova E. Yu. Artificial Intelligence Technologies in the Higher Education System of Russia // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. 2024. Vol. 24, No. 6, pp. 105–111.

9. Fomina A.N. Problems and Prospects for the Development of the Artificial Intelligence Market in Russia // Issues of Innovative Economics. 2022. Vol. 12, No. 2, pp. 1051–1068.

10. Shao B. ChatGPT and Artificial Intelligence in Universities: What Can We Expect? // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2024. No. 2, pp. 148–151.

Трансформация лингвистического измерения при переводе диалогической речи в русском переводе «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеева

Хань Емэй,
магистр, Юго-Западный нефтяной университет
E-mail: 2858854141@qq.com

Гун Лэй,
кандидат филологических наук (постдок), старший научный сотрудник, заведующий кафедрой русской филологии
корреспондент , Юго-западный нефтяной университет
E-mail: 1024511399@qq.com

В статье рассматривается трансформация лингвистического измерения при переводе диалогической речи в русском переводе «Ляо-чжай чжи и», выполненном В.М. Алексеевым. Исследование опирается на положения экотранслатологии и концепцию трехмерной трансформации, при этом основное внимание уделяется лингвистическому измерению перевода. На материале сопоставления оригинального текста и русского перевода анализируются способы передачи модальных частиц, личных местоимений, предикативных, пассивных, инвертированных и эллиптических конструкций классического китайского языка. Показано, что Алексеев не стремится к механическому воспроизведению языковой формы оригинала, а использует функционально оправданные средства русского языка: лексическую компенсацию, синтаксическую перестройку, экспликацию и адаптацию речевых моделей. Такой подход позволяет сохранить выразительность диалогической речи, передать межличностные отношения персонажей и обеспечить естественность русского текста. Полученные результаты подтверждают продуктивность экотранслатологического подхода к анализу художественного перевода китайской классической прозы.

Ключевые слова: экотранслатология, лингвистическое измерение, «Ляо-Чжай Чжи и», В.М. Алексеев, диалогическая речь.

Введение

В последние десятилетия перевод китайской классической литературы на русский язык все чаще рассматривается не только как форма межъязыковой передачи текста, но и как важный механизм межкультурной коммуникации. Особое место в этом процессе занимает сборник Пу Сунлина «Ляо-чжай чжи и», отличающийся сложным сочетанием книжного языка, разговорных элементов, культурно маркированной лексики и выразительной диалогической речи. Русский перевод В.М. Алексеева, получивший широкое признание в российской синологии, представляет особый интерес для переводоведческого анализа, поскольку в нем переводчик стремится сохранить художественное своеобразие оригинала и одновременно адаптировать текст к нормам русского языка.

Настоящая статья выполнена в рамках лингвистического измерения экотранслатологии. В центре внимания находится перевод диалогической речи в русском переводе «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеева. Цель исследования заключается в выявлении способов передачи морфологических и синтаксических особенностей оригинала, а также в определении того, каким образом переводчик сохраняет экспрессивную и коммуникативную функцию исходного текста при его адаптации к русской языковой системе.

Несмотря на значимость перевода Алексеева для распространения «Ляо-чжай чжи и» в России и становления российского «ляо-чжаеведения», специальных исследований, посвященных собственно переводческим особенностям данного текста, сравнительно немного. Ранние оценки перевода преимущественно носили рецензионный характер. Так, Н.И. Конрад в 1925 г. в журнале «Восток» опубликовал развернутую рецензию на сборники Алексеева «Лисьи чары» и «Монахи-волшебники». По мнению Конрада, переводчик «Ляо-чжай чжи и» должен обладать глубоким знанием китайского языка, широкой психологической проницательностью и высоким литературным мастерством. Исследователь высоко оценил работу Алексеева, подчеркнув его способность передать своеобразие прозы Пу Сунлина, в которой изящный литературный стиль сочетается с бытовым материалом. Конрад также отмечал постепенное совершенствование переводческого мастерства Алексеева и особую значимость его попытки воспроизвести повествовательный стиль оригинала средствами русского языка.

В китайском переводоведении исследования русского перевода «Ляо-чжай чжи и» представлены более широко, однако их проблематика в основном сосредоточена на переводческих стратегиях и культурологическом анализе. Цзян Лина (2010: 130–131) рассматривает способы передачи безэквивалентной лексики, включая наименования духов, лис-оборотней и сверхъестественных существ, древние формы обращения и китайские фразеологизмы. Исследователь отмечает, что Алексеев использует дословный перевод, смысловой перевод, транслитерацию с комментарием и дословный перевод с пояснением. Чжан Вэньцзе (2013: 67–80) анализирует перевод религиозно-культурных элементов и выделяет такие приемы, как транслитерация, словообразование, калькирование, смысловая адаптация и разъяснение. Ли Сюлань и Юэ Вэй (2008: 78–81) исследуют перевод образной лексики, а в другой работе обращаются к передаче имен собственных, показывая, как посредством транслитерации, сочетания транслитерации и смысловой передачи, а также дословного перевода раскрывается семантическое и художественное содержание имен в новеллах Пу Сунлина (2010: 232–235). Проблеме культурных лакун посвящено исследование Цзо Аньфэя (2019), в котором рассматриваются компенсаторные стратегии при передаче реалий материальной, духовной и институциональной культуры.

Таким образом, существующие исследования заложили важную основу для изучения русского перевода «Ляо-чжай чжи и», однако в большинстве случаев они сосредоточены на отдельных лексических единицах, культурно маркированных элементах, именах собственных или общих переводческих стратегиях. Перевод диалогической речи в версии Алексеева с позиции лингвистического измерения экотранслатологии до настоящего времени не получил достаточного системного освещения. Именно этот аспект определяет актуальность настоящей статьи.

Методологическую основу исследования составляют метод анализа научной литературы и сопоставительный метод. Первый позволяет

обобщить основные положения экотранслатологии, а также систематизировать предшествующие исследования, посвященные «Ляо-чжай чжи и» и его русскому переводу. Второй используется для сопоставления оригинального текста и перевода на лексическом и синтаксическом уровнях. Особое внимание уделяется передаче модальных частиц, личных местоимений, конструкций классического китайского языка и эллиптических предложений с учетом структурных различий между китайским и русским языками.

Научная новизна исследования состоит в том, что перевод Алексеева рассматривается с позиции лингвистического измерения экотранслатологии, что позволяет выявить механизмы достижения равновесия между исходным и переводным языками на уровне конкретных языковых форм. Кроме того, объектом анализа выступает именно диалогическая речь в русском переводе «Ляо-чжай чжи и», тогда как большинство существующих работ обращается либо к культурно маркированной лексике, либо к общим переводческим стратегиям, либо к английским переводам произведения.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при изучении художественного перевода с китайского языка на русский, при анализе переводов китайской классической прозы, а также в исследованиях, посвященных применению экотранслатологического подхода к литературному переводу.

Концепция трехмерной трансформации в экотранслатологии

Концепция трехмерной трансформации в экотранслатологии служит теоретической основой для анализа переводческой практики В.М. Алексеева. Поскольку настоящее исследование сосредоточено преимущественно на лингвистическом измерении, в данном разделе кратко рассматриваются основные положения экотранслатологии и концепции трехмерной трансформации, что создает теоретическую базу для последующего анализа языковых преобразований.

Экотранслатология основывается на теории адаптации и отбора в переводе и подчеркивает, что переводчик осуществляет адаптацию и выбор в рамках определенной переводческой экосреды. В данной теории оригинальный текст, исходный язык, переводящий язык, автор, читатель, а также социокультурные факторы рассматриваются как взаимосвязанная целостная система. Такой подход позволяет теоретически обосновать анализ языковых трансформаций в художественном переводе.

Трехмерная трансформация предполагает адаптивно-селективные преобразования, осуществляемые переводчиком на трех уровнях: лингвистическом, культурном и коммуникативном. Поскольку настоящая статья посвящена переводу диалогической речи, основное внимание уделяется лингвистическому измерению, то есть тому, каким образом переводчик передает лексику, модальность, личные местоимения, синтаксические конструкции и эллиптические структуры, добиваясь сохранения выразительной функции оригинала и одновременно соответствия нормам русского языка.

Далее рассмотрение сосредоточено на В.М. Алексееве и его русском переводе «Ляо-чжай чжи и». Сначала кратко характеризуются биография переводчика и особенности его переводческого стиля, затем обосновывается выбор диалогической речи в качестве объекта анализа и определяются основные направления исследования.

Материалом исследования служит сводное издание четырех сборников переводов «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеева, опубликованное в 2000 г. издательством «Петербургское Востоковедение» в Санкт-Петербурге.

Язык «Ляо-чжай чжи и» сочетает лаконичность и изящество классического письменного языка с живостью и выразительностью разговорной речи. Особенно ярко эти особенности проявляются в диалогах, которые концентрированно передают социальный статус персонажей, их эмоциональное состояние и функцию продвижения сюжета. В связи с этим диалогическая речь представляет собой репрезентативный материал для изучения языковых преобразований в лингвистическом измерении.

В статье «Принципы художественного перевода с китайского» В.М. Алексеев формулирует свои взгляды на китайско-русский художественный перевод. Он подчеркивает, что произведения классической китайской прозы обладают особым ритмом и своеобразной интонационно-стилистической организацией, поэтому переводчик должен не только точно передавать смысл оригинала, но и по возможности воспроизводить его стиль изложения. При передаче лексики и синтаксиса Алексеев нередко обращается к архаизмам, устаревшей лексике, заимствованиям и более гибким синтаксическим конструкциям русского языка, стремясь приблизиться к изяществу и сдержанной выразительности классического китайского языка.

Адаптивный компромисс в лингвистическом измерении

Модальные частицы выражают субъективное отношение говорящего к предмету высказывания и придают фразе дополнительную эмоциональную окраску. В китайском языке модальность часто передается с помощью модальных частиц, модальных наречий и синтаксических моделей, тогда как в русском языке аналогичные функции в большей степени реализуются посредством интонации, лексического выбора и структуры предложения. Поэтому при китайско-русском переводе передача модальных частиц, как правило, требует комплексного использования различных языковых средств.

Пример 1

Оригинал: 僧又呼曰：“游侣久待矣。”《画壁》

Перевод: Ваш приятель давно уже ждет, – закричал опять хэшан.

В классическом китайском языке частица “矣” часто употребляется в конце предложения и указывает на то, что действие или состояние уже произошло; по функции она близка к современному китайскому “了”. В выражении “游侣久待矣” слово “久” подчеркивает длительность ожидания. Алексеев передает это сочетанием “давно уже”, которое одновременно выражает значение уже наступившего состояния и усиливает оттенок длительности. Благодаря этому перевод соответствует нормам русского языка.

В данном примере “давно уже” компенсирует как модальный, так и временной оттенок оригинала: оно сохраняет оттенок настойчивого напоминания в исходной реплике и одновременно обеспечивает естественность русского текста.

Пример 2

Оригинал: 生曰：“妹子痴耶？”《婴宁》

Перевод: Сестрица, ты глупенькая, что ли?

Частица “耶” здесь усиливает вопросительную модальность и передает оттенок недоумения. Алексеев использует русскую вопросительную конструкцию “что ли”, которая позволяет воспроизвести данный модальный оттенок: перевод сохраняет значение вопроса и одновременно передает легкое недоумение говорящего.

Пример 3

Оригинал: 生问：“妹子年几何矣？”《婴宁》

Перевод: Студент спросил, сколько сестрице лет. Старуха не разобрала.

Алексеев использует выражение “сколько лет”, прямо передающее содержание вопроса о возрасте. Хотя данный перевод не воспроизводит модальную функцию частицы “矣” напрямую, вопросительное слово и структура предложения передают основное значение исходной реплики. Это отражает компромиссное решение в условиях отсутствия прямого межъязыкового соответствия между грамматическими категориями китайского и русского языков.

Передача личных местоимений также является важным аспектом морфологической адаптации. В классическом китайском языке личные местоимения обладают выраженной иерархической и эмоциональной окраской: они могут выступать как уважительные, самоуничижительные, нейтральные или пренебрежительные формы. В русском языке, несмотря на наличие категорий лица, рода, числа и падежа, отсутствует система, полностью соответствующая этим уровням вежливости и самоуничижения. Поэтому переводчик должен учитывать контекст и компенсировать межличностные отношения оригинала с помощью обращений, уточняющих слов или синтаксических средств.

Пример 4

Оригинал: 又指女郎：“此青凤，鄙人之犹女也。”《青凤》

Перевод: Затем, указывая тем же жестом на девушку, добавил:
– А это Цин-фэн. Она мне, старому хрычу, как бы дочь.

“鄙人” одновременно указывает на самого говорящего и содержит оттенок самоуничижения. В русском языке нет полностью эквивалентной формы такого самоназвания. Алексеев передает субъект речи с помощью “мне” и дополняет его разговорным выражением “старому хрычу”, которое благодаря самоиронической окраске компенсирует самоуничижительный тон оригинала.

Пример 5

Оригинал: 乃呼子曰：“儿来！余老惫，体重拙，不能行，得汝一往。”《偷桃》

Перевод: – Иди сюда, сынок! – крикнул фокусник. – Я уже старый и дряхлый человек. Тело стало тяжелое, неповоротливое. Я не могу туда идти. Мне нужно, чтобы сходил ты!

В оригинале “余” и “汝” соответственно выражают самоназвание говорящего и обращение к сыну в близкой семейной ситуации. Алексеев переводит их обычными русскими местоимениями “я” и “ты”. Хотя такая передача ослабляет иерархические и стилистические оттенки классического китайского языка, она соответствует доверительному

контексту разговора отца с сыном. Кроме того, выражение “一往” передано глаголом “сходить”: приставка “с-” помогает выразить значение однократного действия, благодаря чему перевод звучит естественно.

Пример 6

Оригинал: 僧曰：“此狐也。其技尚浅，易就束缚。”《荷花三娘子》

Перевод: – Это лисица, – сказал монах, – чары которой, однако, еще не сильны, и ее легко будет засадить в капкан.

В выражении “其技” местоименный элемент “其” отсылает к упомянутой ранее лисице. В русском переводе сочетание “чары которой” соотносится с существительным “лисица”; согласование относительного местоимения по роду, числу и падежу позволяет четко обозначить референт. Это демонстрирует адаптацию переводчика к синтаксическим нормам русского языка.

Синтаксическая трансформация конструкций классического китайского языка

В классическом китайском языке широко представлены особые синтаксические конструкции, в том числе предикативные конструкции с именным сказуемым, пассивные конструкции, инверсии и эллиптические предложения. Кроме того, для классического китайского языка характерно частое опущение отдельных членов предложения. Поскольку синтаксис классического китайского языка существенно отличается от русского, переводчик должен не только правильно понять смысл оригинала, но и перестроить порядок слов и структуру предложения в соответствии с нормами русского языка, чтобы обеспечить естественность и плавность перевода.

Ключевым условием передачи конструкций классического китайского языка является определение их функции в оригинале и последующий выбор такой структуры, которая соответствует русской языковой норме. В данном разделе способы перевода Алексеева рассматриваются на примере предикативной конструкции с именным сказуемым, пассивной конструкции и конструкции с препозицией дополнения.

Пример 7

Оригинал: 媪惊曰：“是吾甥也！”《婴宁》

Перевод: Старуха изумилась и промолвила: – Да вы ведь мой племянник!

“是吾甥也” представляет собой предикативную конструкцию классического китайского языка: именная группа “吾甥” выступает в роли сказуемого и характеризует опущенное подлежащее. В русском переводе “Да вы ведь мой племянник!” Алексеев не прибегает к механическому добавлению глагола-связки, а строит естественную для русского языка конструкцию с местоимением “вы”, частицей “ведь” и именной группой “мой племянник”. Такое решение позволяет сохранить интонацию удивленного узнавания и подтверждения.

Пример 8

Оригинал: 捧而泣曰：“是必偷桃为监者所觉。吾儿休矣！”《偷桃》

Перевод: Он схватил ее обеими руками и стал плакать. – Значит, он там крал персик, – причитал отец, – а надзиратель заметил… Сынок, пропал ты!

“为监者所觉” является пассивной конструкцией классического китайского языка и означает “был замечен надзирателем”. Алексеев не использует в русском переводе пассивную форму, а преобразует фразу в активную конструкцию “надзиратель заметил”, где “надзиратель” становится субъектом действия. Такое решение соответствует русской повествовательной норме и одновременно акцентирует само действие “觉” – “заметить, обнаружить”.

Пример 9

Оригинал: 曰：“家计若此，何以聊生？”《王成》

Перевод: – При подобном хозяйстве, – заметила старуха, – чем же, спрашивается, вам жить-то?

“何以聊生” представляет собой конструкцию с препозицией дополнения; ее обычный порядок слов можно восстановить как “以何聊生”, то есть “чем поддерживать существование”. Алексеев передает данную конструкцию выражением “чем же… жить-то”, где вопросительное местоимение “чем” в форме творительного падежа точно передает инструментальное значение “以”, сохраняя при этом естественный порядок слов русского вопросительного предложения.

Эллиптические предложения классического китайского языка представляют собой конструкции, в которых в определенном контексте могут опускаться подлежащее, дополнение, сказуемое, предлог или другие элементы. При переводе таких предложений переводчик должен восстанавливать подразумеваемую информацию на основе контекста и выражать ее в соответствии с грамматическими нормами русского языка, чтобы избежать неясности указания или смысловой неполноты.

Пример 10

Оригинал: 曰：“君，仁人也，誓必相报（之）。”《荷花三娘子》

Перевод: – Ты милосердный человек. Клянусь, я непременно отблагодарю тебя!

В выражении “誓必相报” объект благодарности опущен, однако из контекста ясно, что речь идет о собеседнике, обозначенном словом “君”. Алексеев переводит фразу как “я непременно отблагодарю тебя”, эксплицируя дополнение “тебя”. Это соответствует нормам русской грамматики и точно передает благодарственный тон реплики.

Пример 11

Оригинал: 同行里许，至歧路中，少年乃拱手别曰：“前途有一人，寄君故人一物，乞（君）笑纳也。”《胡四相公》

Перевод: Так они проехали вместе с полверсты, до перепутья, где юноша, приветливо откланявшись, стал прощаться и сказал ему: – Там впереди, на дороге, стоит человек, который вручит вам вещицу от вашего друга. Пожалуйста, примите ее с улыбкой и не придавая особого значения.

“乞笑纳也” связано с предшествующим выражением “寄君故人一物”; в нем опущено обращение к адресату, то есть “君”. Алексеев не повторяет местоимение “Вы”, а использует форму повелительного наклонения второго лица множественного числа “примите”. Сама глагольная форма указывает на адресата просьбы и одновременно передает оттенок вежливости, что позволяет избежать избыточности и сохранить естественность русского текста.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что перевод диалогической речи в русском переводе «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеева представляет собой результат адаптивного выбора на уровне лингвистического измерения. Диалоги в прозе Пу Сунлина отличаются смысловой и стилистической насыщенностью: они передают социальный статус персонажей, эмоциональное состояние говорящих, характер межличностных отношений и динамику развития сюжета. При передаче модальных частиц Алексеев не стремится к формальному воспроизведению китайских служебных элементов, а использует средства, естественные для русского языка: наречия, вопросительные конструкции, порядок слов и интонационно маркированные речевые модели. Анализ личных местоимений также показывает, что переводчик учитывает различия между системой местоимений классического китайского языка и русской языковой нормой, компенсируя иерархические, самоуничижительные или эмоционально окрашенные формы оригинала с помощью обращений, разговорных выражений, уточняющих компонентов и синтаксической организации фразы.

Синтаксический анализ свидетельствует о том, что при переводе предикативных, пассивных, инвертированных и эллиптических конструкций классического китайского языка Алексеев последовательно ориентируется на нормы русского синтаксиса. Он не воспроизводит структуру оригинала механически, а преобразует ее в более естественные для русского языка модели: пассивная конструкция может передаваться активной, именное сказуемое – русской предикативной конструкцией без избыточного глагола-связки, а эллиптические элементы при необходимости эксплицируются. Таким образом, лингвистическое измерение перевода у Алексеева проявляется в поиске баланса между сохранением особенностей классического китайского текста и адаптацией к русской языковой среде. Полученные результаты подтверждают продуктивность экотранслатологического подхода к анализу художественного перевода китайской классической прозы и позволяют рассматривать переводческую стратегию Алексеева как функционально оправданную трансформацию, обеспечивающую смысловую точность, выразительность диалогической речи и естественность русского текста.

Литература

1. Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай Чжи И) / пер. с кит., предисл., ст. и коммент. акад. В.М. Алексеева; сост., подгот. текста, послесл. М.В. Баньковской. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

2. Пу Сун-лин. Подробно комментированные иллюстрированные рассказы «Ляо-чжай чжи и». – Пекин: Китайский книжный магазин, 1981.

3. Алексеев В.М. Принципы художественного перевода с китайского // Труды по китайской литературе. Кн. 2. – М.: Восточная литература, 2003.

4. Ху Гэншэнь. Экотранслатология: построение и интерпретация. – Пекин: Коммерческое издательство, 2013.

5. Ху Гэншэнь. Экотранслатология: предпосылки возникновения и основы развития // Исследования иностранных языков. – 2010. – № 4. – С. 62–67, 112.

6. Цзян Лина. К вопросу о переводе безэквивалентной лексики в русском переводе «Ляо-чжай чжи и» // Журнал Наньчанского педагогического института. – 2010. – Т. 25, № 5. – С. 130–131.

7. Чжан Вэньцзе. Исследование перевода религиозно-культурных элементов в русском переводе «Ляо-чжай чжи и»: дис. – Шанхай: Шанхайский университет иностранных языков, 2013.

8. Ли Сюлань, Юэ Вэй. Перевод образной лексики в «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеевым // Исследования языка и культуры. – 2008. – № 2. – С. 78–81.

9. Ли Сюлань, Юэ Вэй. К вопросу о переводе имен собственных в новеллах «Ляо-чжай чжи и» В.М. Алексеевым // Исследования языка и культуры. – 2010. – № 3. – С. 232–235.

10. Цзо Аньфэй. Исследование компенсаторных стратегий при передаче культурных лакун в русском переводе «Ляо-чжай чжи и»: дис. – Шэньян: Ляонинский университет, 2019.

TRANSFORMATION OF THE LINGUISTIC DIMENSION IN THE TRANSLATION OF DIALOGIC SPEECH IN V.M. ALEKSEEV'S RUSSIAN TRANSLATION OF LIAO ZHAI ZHI YI

Han Yemei, Gong Lei
Southwest Petroleum University

This article examines the transformation of the linguistic dimension in the translation of dialogic speech in V.M. Alekseev's Russian translation of Liao Zhai Zhi Yi. The study is based on the principles of eco-translatology and the concept of three-dimensional transformation, with particular emphasis on the linguistic dimension of translation. By comparing the original Chinese text with its Russian translation, the article analyzes the rendering of modal particles, personal pronouns, predicative, passive, inverted, and elliptical constructions of Classical Chinese. The analysis shows that Alekseev does not mechanically reproduce the linguistic form of the original, but instead employs functionally justified means of the Russian language, including lexical compensation, syntactic restructuring, explication, and adaptation of speech patterns. This approach helps preserve the expressiveness of dialogic speech, convey interpersonal relations between characters, and ensure the naturalness of the Russian text. The findings confirm the usefulness of the eco-translatological approach to the study of literary translation of classical Chinese prose.

Keywords: Eco-Translatology, Linguistic Dimension, Liao Zhai Zhi Yi, V.M. Alekseev, Dialogic Speech.

References

1. Pu Songling. Strange Stories from the Cabinet of a Loser (Liao Zhai Zhi Yi) / translated from Chinese, preface, articles and commentary by Academician V.M. Alekseev; compiled, prepared the text, afterword by M.V. Bankovskaya. – St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2000.

2. Pu Songling. Detailedly annotated illustrated stories "Liao Zhai Zhi Yi". – Beijing: Chinese Bookstore, 1981.

3. Alekseev V.M. Principles of Literary Translation from Chinese // Works on Chinese Literature. Book 2. – Moscow: Eastern Literature, 2003.

4. Hu Genshen. Ecotranslatology: Construction and Interpretation. – Beijing: Commercial Publishing House, 2013.

5. Hu Gengshen. Ecotranslatology: Prerequisites for its Emergence and Foundations of Development // Foreign Language Studies. – 2010. – No. 4. – Pp. 62–67, 112.

6. Jiang Lina. On the Translation of Non-Equivalent Vocabulary in the Russian Translation of "Liao Zhai Zhi Yi" // Journal of Nanchang Normal Institute. – 2010. – Vol. 25, No. 5. – Pp. 130–131.

7. Zhang Wenjie. A Study of the Translation of Religious and Cultural Elements in the Russian Translation of "Liao Zhai Zhi Yi": Diss. – Shanghai: Shanghai International Studies University, 2013.

8. Li Xiulan, Yue Wei. Translation of Figurative Vocabulary in "Liao Zhai Zhi Yi" by V.M. Alekseev // Studies of Language and Culture. – 2008. – No. 2. – Pp. 78–81.

9. Li Xiulan, Yue Wei. On the Translation of Proper Names in the Short Stories of "Liao Zhai Zhi Yi" by V.M. Alekseev // Studies of Language and Culture. – 2010. – No. 3. – Pp. 232–235.

10. Zuo Anfei. A Study of Compensatory Strategies in the Conveyance of Cultural Gaps in the Russian Translation of "Liao Zhai Zhi Yi": Diss. – Shenyang: Liaoning University, 2019.es

Исследование состояния технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы в эпоху искусственного интеллекта и факторов, влияющих на неё

Чэн Си,
магистр, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 3058769942@qq.com

Ху Яньхуа,
доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 545758219@qq.com

В статье рассматривается технологическая тревожность учителей английского языка начальной и средней школы в эпоху искусственного интеллекта. Цель исследования состоит в выявлении её общего уровня, различий по демографическим характеристикам и ключевых факторов, влияющих на её проявление. В качестве метода использован анкетный опрос 150 учителей английского языка из города Фуян провинции Аньхой и района Душаньцзы города Карамай. Результаты показывают, что общий уровень технологической тревожности находится выше среднего; наиболее выражены страх профессионального замещения, дискомфорт при применении технологий и недостаточное понимание технических терминов. Значимые различия выявлены по возрасту и типу школы. Корреляционный и регрессионный анализ подтвердили, что ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение их использования являются важными факторами технологической тревожности. Сделан вывод о необходимости сочетания профессиональной мотивации учителей, практического опыта применения ИИ и устойчивой школьной технологической поддержки.

Ключевые слова: технологическая тревожность; искусственный интеллект; учителя английского языка; начальная и средняя школа; факторы влияния.

Введение

В условиях стремительного развития искусственного интеллекта образовательная среда претерпевает глубокие изменения. Интеллектуальные системы оценки устной речи, автоматизированные платформы проверки письменных работ, адаптивные обучающие ресурсы и генеративные инструменты всё активнее внедряются в преподавание английского языка. С одной стороны, эти технологии расширяют возможности индивидуализации обучения, повышают эффективность подготовки учебных материалов и создают новые условия для развития языковых навыков учащихся. С другой стороны, они усиливают психологическое давление на учителей, вызывая беспокойство по поводу собственных технологических компетенций, изменения профессиональной роли и возможного замещения отдельных функций педагога.

Особенно актуальной данная проблема становится для учителей английского языка начальной и средней школы, поскольку именно в преподавании иностранного языка ИИ-технологии находят широкое практическое применение: от распознавания речи и автоматической коррекции произношения до интеллектуальной поддержки письма и персонализированных упражнений. В таких условиях технологическая тревожность учителей становится не только индивидуальной психологической реакцией, но и важным фактором, влияющим на готовность педагогов применять ИИ в учебном процессе.

Цель настоящего исследования – выявить современное состояние технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы в эпоху искусственного интеллекта, проанализировать её различия по отдельным демографическим характеристикам, а также определить ключевые факторы, влияющие на её уровень. В исследовании особое внимание уделяется ожиданиям саморазвития, восприятию технологий и обеспечению использования технологий как возможным предикторам технологической тревожности. Полученные результаты позволяют не только глубже понять психологические трудности педагогов в условиях цифровой трансформации образования, но и предложить практические пути снижения их технологической тревожности.

Обзор литературы

Технологическая тревожность понимается как состояние напряжения, беспокойства или страха, возникающее при использовании либо ожидании использования технологий и связанное с оценкой человеком собственных возможностей и ценности технологии. Это понятие восходит к компьютерной тревожности, которую ранние исследователи рассматривали прежде всего как эмоциональную реакцию на реальное или предполагаемое использование компьютера [1]. Позднее внимание было обращено на её когнитивные основания: тревожность возникает тогда, когда компьютер или технология воспринимаются как личная угроза, что проявляется в страхе, избегании и неуверенности при взаимодействии с техникой [2]. Таким образом, компьютерная тревожность представляет собой специфическую эмоционально-когнитивную реакцию в технологической ситуации, интенсивность которой зависит от субъективной оценки угрозы.

На основе данного подхода сформировалось более широкое понятие технологической тревожности, охватывающее не только компьютеры, но и другие технологические средства. Оно отражает психологическое состояние пользователя с учётом его представлений о собственных способностях, готовности применять технологии и условий их использования [3]. В образовательной среде технологическая тревожность учителей может рассматриваться как состояние напряжения, беспокойства или страха, возникающее у педагогов при использовании или намерении использовать технологии вследствие оценки собственных технических навыков, готовности к их применению и особенностей технологической среды.

В эпоху искусственного интеллекта содержание технологической тревожности существенно расширяется. Если традиционная тревожность была связана главным образом с использованием инструментальных технологий, таких как компьютеры, офисные программы

и учебное оборудование, то ИИ обладает признаками автономности, обучаемости и неопределённости. Поэтому взаимодействие учителя с технологией всё чаще приобретает характер не только использования инструмента, но и сотрудничества, а в некоторых случаях – конкуренции. В связи с этим тревожность перед ИИ включает страх профессионального замещения, нарушения приватности, этических рисков, дискриминации, предвзятости и необходимости постоянного обучения [4].

Исследования показывают, что в условиях внедрения ИИ в образование технологическая тревожность учителей проявляется на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях, включая когнитивную неуверенность, страх профессионального замещения и тревогу перед техническими барьерами [5]. В настоящем исследовании технологическая тревожность учителей в эпоху искусственного интеллекта определяется как состояние напряжения, беспокойства или страха, возникающее у педагогов при использовании или намерении использовать технологии ИИ вследствие оценки собственных способностей к технологическому обучению, риска профессионального замещения и эффективности интеграции ИИ в преподавание.

Дизайн и проведение исследования

На основе анализа литературы о технологической тревожности учителей в эпоху искусственного интеллекта в исследовании были уточнены понятийные границы проблемы и выделены две группы факторов: личностные и внешнесредовые. К личностным факторам относятся восприятие технологий, ожидания профессионального саморазвития и индивидуальные характеристики учителей. Предыдущие исследования показывают, что восприятие полезности и простоты использования технологий способствует формированию положительного отношения к ним [6], готовность к обучению и профессиональному общению влияет на уровень информационной тревожности [7], а возраст, педагогический стаж и профессиональная область также связаны с технологической тревожностью [8]. Поэтому в данном исследовании анализируются различия в технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы по индивидуальным характеристикам, а также проверяется влияние ожиданий саморазвития и восприятия технологий.

К внешнесредовым факторам относятся прежде всего техническое обучение и поддержка. Исследования подтверждают, что школьная техническая помощь снижает компьютерную тревожность учителей [9], тогда как быстрое обновление ИИ, изменение привычных моделей работы и распространение дискурса о технологических рисках усиливают тревогу педагогов [10]. В связи с этим обеспечение использования технологий рассматривается как ключевая внешняя переменная, поскольку оно связано с доступностью обучения, обслуживания оборудования и профессиональной поддержки, а также влияет на формирование восприятия технологий.

Исследование направлено на решение двух вопросов: каков общий уровень технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы и существуют ли значимые различия по полу, педагогическому стажу, ступени преподавания и типу школы; обладают ли ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение использования технологий прогностическим влиянием на технологическую тревожность и какие факторы являются наиболее значимыми.

Основным методом исследования стал онлайн-анкетный опрос, проведённый через платформу Wenjuanxing. Вторая часть анкеты включала шкалу тревожности учителей перед искусственным интеллектом, разработанную Zhao Leilei и соавторами [11] на основе шкал Wang и соавторов [12] и López-Bonilla и соавторов [13]. Третья часть была посвящена факторам технологической тревожности и включала три измерения: ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение использования технологий; при её разработке использовалась шкала Liu Chengxin и соавторов. Все шкалы, кроме блока личных данных, оценивались по пятибалльной шкале Лайкерта: от 1 балла – «совершенно не соответствует» до 5 баллов – «полностью соответствует».

Участниками исследования стали учителя английского языка начальной и средней школы из города Фуян провинции Аньхой и района Душаньцзы города Карамай Синьцзян-Уйгурского автономного района. Эти территории представляют центральный и западный регионы Китая и различаются по уровню экономического развития, образовательным ресурсам и степени информатизации, что обеспечивает региональное разнообразие выборки. Всего было получено 150 действительных анкет; характеристики выборки представлены в таблице 2.

Таблица 1. Таблица соответствия показателей системы факторов, влияющих на технологическую тревожность учителей в эпоху искусственного интеллекта, пунктам анкеты

Измерение	Соответствующие пункты
Ожидания саморазвития	1, 4, 7, 10, 13
Восприятие технологий	2, 5, 8, 11
Обеспечение использования технологий	3, 6, 9, 12, 14

Таблица 2. Характеристики выборки

Переменная	Вариант	Частота	Процент
Пол	Мужчины	66	44,0%
	Женщины	84	56,0%
Возраст	20–30 лет	53	35,3%
	31–40 лет	45	30,0%
	41–50 лет	30	20,0%
	51–60 лет	19	12,7%
	Старше 60 лет	3	2,0%
Образование	Ниже бакалавриата	55	36,7%
	Бакалавриат	86	57,3%
	Магистратура и выше	9	6,0%
Ступень преподавания	Начальная школа	74	49,3%
	Основная средняя школа	76	50,7%
Тип школы	Обычная школа	84	56,0%
	Районная/уездная образцовая школа	41	27,3%
	Городская и выше образцовая школа	25	16,7%

Проверка надёжности и валидности

Для обеспечения надёжности и валидности анкеты в данном исследовании была проведена соответствующая проверка. Значение KMO для всей шкалы составило 0,891, а уровень значимости критерия сферичности Бартлетта – $p < 0,001$, что подтверждает пригодность разработанной анкеты для факторного анализа. Далее для проверки надёжности и валидности второй части анкеты, посвящённой шкале технологической тревожности, и третьей части, посвящённой факторам, влияющим на технологическую тревожность, были использованы коэффициент Cronbach's alpha, композитная надёжность (CR) и средняя извлечённая дисперсия (AVE). Данные анкеты были обработаны с помощью SPSS 27 для всестороннего анализа состояния технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы. Как показано в таблице 3, значения Cronbach's alpha по всем шкалам находятся в диапазоне от 0,867 до 0,911 и превышают 0,7, что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности шкал; значения CR варьируются от 0,832 до 0,927 и превышают 0,8, указывая на хорошую композитную надёжность; значения AVE находятся в пределах от 0,545 до 0,682 и превышают 0,5, что подтверждает достаточную конвергентную валидность. Таким образом, результаты анализа показывают, что анкета успешно прошла проверку на надёжность и валидность.

Таблица 3. Результаты проверки надёжности и валидности анкеты

Шкала	Cronbach's alpha	CR	AVE
Технологическая тревожность	0,911	0,927	0,588
Ожидания саморазвития	0,885	0,857	0,545
Восприятие технологий	0,872	0,832	0,554
Обеспечение использования технологий	0,867	0,914	0,682

Результаты анализа данных

Результаты анализа современного состояния технологической тревожности учителей в эпоху искусственного интеллекта представлены в таблице 4.

Они показывают, что общее среднее значение технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы составляет 3,53 балла из 5, что соответствует уровню выше среднего и свидетельствует о сравнительно высокой степени технологи-

ческой тревожности. Из данных видно, что наиболее высокие баллы были получены по таким пунктам, как «непонимание и незнакомость с техническими терминами» – 3,63, «опасение, что технологии заменят профессию учителя» – 3,77, а также «беспокойство по поводу использования технологий ИИ» – 3,61. Это показывает, что среди учителей английского языка начальной и средней школы довольно распространены недостаточное понимание самих технологий ИИ и обеспокоенность профессиональными перспективами. Данный вывод согласуется с предложенными Peng Rong и Wu Qinghua понятиями «тревожность технологического замещения» и «тревожность технологического доверия» [14].

Таблица 4. Баллы по отдельным пунктам шкалы технологической тревожности

Пункт	Среднее значение	Стандартное отклонение
Беспокойство по поводу использования технологий искусственного интеллекта	3,61	0,90
Ощущение непонимания и незнакомости с техническими терминами	3,63	0,96
Опасение, что технологии заменят профессию учителя	3,77	1,00
Нежелание использовать технологии из-за страха совершить ошибку	3,45	1,03
Напряжение при использовании технологий	3,45	0,98
Дискомфорт при применении технологий	3,75	0,94
Негативные ожидания перед использованием технологий	3,47	0,97
Беспокойство по поводу интеллектуальной образовательной среды	3,50	1,01
Ощущение угрозы при обсуждении ИИ коллегами	3,53	1,00

Различия в технологической тревожности учителей по демографическим переменным

Результаты сравнительного анализа состояния технологической тревожности разных групп учителей английского языка в эпоху искусственного интеллекта представлены в таблице 5.

Таблица 5. Сравнение состояния технологической тревожности разных групп учителей английского языка в эпоху искусственного интеллекта

Демографическая переменная	Вариант	M	SD	sig.
Пол	Мужчины	3,48	0,60	0,597
	Женщины	3,57	0,63	
Возраст	20–30 лет	3,32	0,47	< 0,001
	31–40 лет	3,42	0,34	
	41–50 лет	3,51	0,54	
	51–60 лет	3,77	0,33	
	Старше 60 лет	3,85	0,89	
Образование	Ниже бакалавриата	3,45	0,69	0,087
	Бакалавриат	3,38	0,65	
	Магистратура и выше	3,62	0,70	
Ступень преподавания	Начальная школа	3,55	0,64	0,690
	Основная средняя школа	3,51	0,85	
Тип школы	Обычная школа	3,58	0,60	0,012
	Районная/уездная образцовая школа	3,55	0,66	
	Городская и выше образцовая школа	3,25	0,56	

Сравнительный анализ показал, что по полу различия в уровне технологической тревожности не являются статистически значимыми: среднее значение у мужчин-учителей составляет 3,48, у женщин-учителей – 3,57 ($p > 0,05$). По возрасту, напротив, выявлены значимые различия и устойчивая тенденция к росту тревожности ($p < 0,001$): минимальный уровень отмечен у педагогов 20–30 лет, а максимальный – у учителей старше 60 лет. Это может быть связано с более низкой готовностью старших учителей осваивать новые технологии, снижением способности к обучению и повышенной чувствительностью к технологическим рискам, что согласуется с выводами Zhao Leilei и соавторов [15]. По уровню образования значимых различий не выявлено ($p = 0,087$), однако у учителей с магистерской степенью и выше тревожность несколько выше, что отражает тенденцию «чем выше образование, тем выше тревожность». По ступени преподавания различия также незначимы ($p = 0,690$). В то же время тип школы оказывает значимое влияние ($p = 0,012$): у учителей городских и более высоких по уровню образцовых школ тревожность ниже, чем у педагогов обычных и районных/уездных образцовых школ. Это может объясняться более развитой материально-технической базой, технологическим обучением и поддержкой профессионального развития, что соответствует исследованию Zhuo Jiamei [16]. Таким образом, возраст и тип школы выступают ключевыми демографическими факторами технологической тревожности.

Анализ факторов влияния показал, что самый высокий балл получили ожидания саморазвития учителей (3,74), что указывает на осознание ими важности освоения интеллектуальных технологий и готовность к профессиональному развитию. Восприятие технологий также находится на относительно высоком уровне (3,65), что свидетельствует о признании педагогической ценности ИИ. Вместе с тем показатель обеспечения использования технологий оказался ниже (2,96), что указывает на необходимость усиления школьной технической поддержки. Корреляционный анализ выявил значимую отрицательную связь технологической тревожности с ожиданиями саморазвития ($r = –0,42$, $p < 0,01$), восприятием технологий ($r = –0,38$, $p < 0,01$) и обеспечением использования технологий ($r = –0,36$, $p < 0,01$). Следовательно, чем выше профессиональная мотивация учителей, чем позитивнее их восприятие технологий и чем лучше организована поддержка их использования, тем ниже уровень технологической тревожности.

Таблица 6. Баллы по отдельным измерениям факторов, влияющих на технологическую тревожность

Переменная	M	SD	1	2	3	4
1. Технологическая тревожность	3,53	0,61	1			
2. Ожидания саморазвития	3,74	0,77	-0,42	1		
3. Восприятие технологий	3,65	0,54	-0,38	0,35	1	
4. Обеспечение использования технологий	2,96	0,46	-0,36	0,28	0,65	1

С использованием технологической тревожности в качестве зависимой переменной, а ожиданий саморазвития, восприятия технологий и обеспечения использования технологий в качестве независимых переменных был проведён множественный линейный регрессионный анализ. Его результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7. Множественный регрессионный анализ факторов, влияющих на технологическую тревожность

Зависимая переменная	Независимая переменная	β	t	p	Скорректированный R^2
Технологическая тревожность	Ожидания саморазвития	-0,35	-4,67	< 0,001	0,27
	Восприятие технологий	-0,28	-4,00	< 0,001	
	Обеспечение использования технологий	-0,24	-3,56	< 0,001	0,44
Восприятие технологий	Ожидания саморазвития	0,25	3,60	< 0,001	
	Обеспечение использования технологий	0,60	8,75	< 0,001	

Результаты регрессионного анализа показывают, что ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение использования технологий совместно объясняют 28,0% вариации технологической тревожности учителей (скорректированный $R^2 = 0,27$). Среди них наиболее сильное прогностическое влияние оказывают ожидания саморазвития ($\beta = –0,35$, $p < 0,001$), за ними следуют восприятие технологий ($\beta = –0,28$, $p < 0,001$) и обеспечение использования технологий ($\beta = –0,24$, $p < 0,001$). Дополнительный регрессионный анализ, в котором восприятие технологий выступало зависимой переменной, показал, что обеспечение использования технологий ($\beta = 0,60$, $p < 0,001$) и ожидания саморазвития ($\beta = 0,25$, $p < 0,001$) значимо положительно

предсказывают восприятие технологий и совместно объясняют 45,0% его вариации (скорректированный $R^2 = 0,44$). Следовательно, данные три фактора являются ключевыми предикторами технологической тревожности учителей, причём ожидания саморазвития оказывают наибольшее влияние, а школьная система технической поддержки не только напрямую снижает тревожность, но и косвенно ослабляет её через улучшение восприятия технологий.

Пути снижения технологической тревожности учителей английского языка начальной и средней школы в эпоху искусственного интеллекта

Результаты исследования показывают, что ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение их использования являются ключевыми факторами технологической тревожности учителей. Поэтому её снижение должно опираться на сочетание внутренней мотивации педагога и внешней поддержки школы.

Во-первых, необходимо повышать ожидания саморазвития учителей. Поскольку данный показатель оказался наиболее высоким ($M = 3,74$), важно превратить готовность педагогов к освоению ИИ в устойчивую практику. Для этого школы должны помогать учителям осознать технологическую компетентность как часть современного профессионализма, демонстрировать успешные примеры применения ИИ в преподавании, создавать ситуации постепенного и успешного освоения технологий, а также включать эффективное использование ИИ в систему оценки, поощрения и профессионального развития.

Во-вторых, следует усиливать положительное восприятие технологий. Учителям необходимо показывать реальную педагогическую ценность ИИ в преподавании английского языка: применение распознавания речи, интеллектуальной поддержки письма и адаптивных обучающих систем. Одновременно важно формировать научно обоснованное понимание роли ИИ, снижать страх профессионального замещения и разъяснять технические, этические и правовые границы его использования. Это поможет педагогам воспринимать ИИ не как конкурента, а как вспомогательный инструмент.

В-третьих, необходимо укреплять школьную систему технологической поддержки. Для этого целесообразно развивать наставничество по модели «предмет – технология», проводить практико-ориентированное обучение с учётом опыта и возраста учителей, обеспечивать оперативную техническую помощь, создавать профессиональные сообщества и интегрировать цифровые ресурсы в единую платформу. Особое значение имеет разработка школьной базы ресурсов «ИИ + английский язык», учитывающей особенности разных ступеней обучения.

Таким образом, ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение их использования следует рассматривать как взаимосвязанную систему. Технологическая поддержка значительно усиливает восприятие технологий ($\beta = 0,60$), а ожидания саморазвития также оказывает на него положительное влияние ($\beta = 0,25$). Следовательно, эффективное снижение технологической тревожности возможно только при сочетании профессиональной мотивации учителей, успешного опыта применения ИИ и устойчивой организационно-технической поддержки школы.

Заключение

Настоящее исследование показало, что технологическая тревожность учителей английского языка начальной и средней школы в эпоху искусственного интеллекта находится на уровне выше среднего. Наиболее выраженными её проявлениями являются страх профессионального замещения, дискомфорт при применении технологий, недостаточное понимание технических терминов и беспокойство по поводу использования ИИ в преподавании. Анализ демографических различий выявил, что возраст и тип школы являются значимыми факторами: старшие учителя демонстрируют более высокий уровень тревожности, тогда как педагоги городских и более высоких по уровню образцовых школ – более низкий, что подчёркивает роль технической поддержки и ресурсного обеспечения школы.

Корреляционный и регрессионный анализ подтвердили, что ожидания саморазвития, восприятие технологий и обеспечение использования технологий являются ключевыми факторами, влияющими на технологическую тревожность. Чем выше профессиональная мотивация учителя, чем позитивнее его восприятие педагогической ценности ИИ и чем полнее школьная технологическая поддержка, тем ниже уровень тревожности. Следовательно, её снижение требует одновременного развития внутренних ресурсов педагога и внешней поддержки школы: формирования готовности к саморазвитию, создания успешного опыта применения ИИ, практико-ориентированного обучения, наставничества и удобной цифровой ресурсной среды. Такое сочетание может способствовать более уверенному использованию искусственного интеллекта и его глубокой интеграции в преподавание английского языка.

Литертура

1. Ховард Г. С., Смит Р.Д. Компьютерная тревожность в управлении: миф или реальность? // Коммуникации Ассоциации вычислительной техники. 1986. Т. 29, № 7. С. 611–615.
2. Рауб А.К. Корреляты компьютерной тревожности у студентов колледжа. Пенсильванский университет, 1981.
3. Ши Гохун, Сунь Е. Исследование влияния технологической тревожности на качество услуг мобильной библиотеки // Библиотечно-информационная работа. 2017. Т. 61, № 6. С. 37–45.
4. Ли Цзе, Хуан Цзиньшэн. Измерения тревожности перед искусственным интеллектом на основе интегрированной теории приобретения страха // Технология в обществе. 2020. Т. 63. Ст. 101410.
5. Ван Тяньпин, Ли Чжэнь. Формы, причины и меры преодоления технологической тревожности учителей в интеллектуальную эпоху // Исследования в области аудиовизуального образования. 2022. Т. 43, № 10. С. 110–115, 128.
6. Чжан Лисинь, Цинь Дань. Исследование системы факторов, влияющих на принятие учителями новых технологий с интегративной точки зрения // Журнал дистанционного образования. 2019. Т. 37, № 4. С. 106–112.
7. Лю Чэнсинь, Цзоу Цзяньмэй. Исследование и анализ проблемы информационной тревожности учителей // Исследования в области аудиовизуального образования. 2005. № 5. С. 42–46.
8. Чжао Юй, Чжан Чэньлу. Анализ причин технологической тревожности преподавателей вузов в эпоху искусственного интеллекта и пути её преодоления // Журнал Института развития учителей провинции Хэйлунцзян. 2025. Т. 44, № 9. С. 23–26.
9. Котрлик Дж. У., Смит М.Н. Уровни компьютерной тревожности у преподавателей профессионального сельскохозяйственного образования // Журнал сельскохозяйственного образования. 1989. Т. 30, № 2. С. 41–48.
10. Ван Ци. Анализ причин технологической тревожности преподавателей вузов в эпоху искусственного интеллекта и путей её преодоления // Окно знаний. Версия для учителей. 2025. № 12. С. 84–86.
11. Чжао Лэйлеи, Чжан Ли, Чжан Лу и др. Тревожность учителей начальной и средней школы перед искусственным интеллектом: анализ современного состояния и пути преодоления // Современные образовательные технологии. 2022. Т. 32, № 3. С. 81–91.
12. Ван Яньян, Ван Ишэн. Разработка и валидизация шкалы тревожности перед искусственным интеллектом: первичное применение для прогнозирования мотивированного учебного поведения // Интерактивные образовательные среды. 2022. Т. 30, № 4. С. 619–634.
13. Лопес-Бонилья Х. М., Лопес-Бонилья Л.М. Валидизация шкалы тревожности, связанной с информационными технологиями, у студентов бакалавриата // Британский журнал образовательных технологий. 2011. Т. 43, № 2. С. E56–E58.
14. Пэн Жун, У Цинхуа. Технологическая тревожность преподавателей вузов в условиях интеллектуальных технологий типа ChatGPT: реальные проявления, механизм формирования и меры коррекции // Журнал Чунцинского университета искусств и наук. Серия «Социальные науки». 2023. Т. 42, № 5. С. 118–128.
15. Чжао Лэйлеи, Чэнь Сянмэй, Ма Чжицян. Технологическая тревожность учителей в эпоху искусственного интеллекта: анализ причин и пути преодоления // Вестник Столичного педагогического университета. Серия «Социальные науки». 2022. № 6. С. 138–149.
16. Чжо Цзямэй. Технологическая тревожность учителей английского языка старшей средней школы в эпоху искусственного интеллекта и причины её возникновения: диссертация. Сучжоу: Сучжоуский университет, 2024.

A STUDY ON THE CURRENT STATE OF TECHNOLOGY ANXIETY AMONG PRIMARY AND SECONDARY SCHOOL ENGLISH TEACHERS IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ITS INFLUENCING FACTORS

Cheng Xi, Hu Yanhua
Xinjiang Normal University

This article examines technology anxiety among primary and secondary school English teachers in the era of artificial intelligence. The study aims to identify its overall level, differences across demographic characteristics, and key factors influencing its manifestation. A questionnaire survey was conducted among 150 English teachers from Fuyang City in

Anhui Province and the Dushanzi District of Karamay City. The results show that the overall level of technology anxiety is above average; the most prominent manifestations include fear of professional replacement, discomfort when using technologies, and insufficient understanding of technical terminology. Significant differences were found in terms of age and school type. Correlation and regression analyses confirmed that self-development expectations, technology perception, and support for technology use are important factors influencing technology anxiety. The study concludes that reducing teachers' technology anxiety requires a combination of professional motivation, practical experience in applying AI, and stable school-level technological support.

Keywords: Technology Anxiety, Artificial Intelligence, English Teachers, Primary And Secondary Schools, Influencing Factors.

References

1. Howard, G. S., & Smith, R.D. Computer anxiety in management: myth or reality? // Communications of the ACM. 1986. Vol. 29, No. 7. P. 611–615.

2. Raub, A.C. Correlates of computer anxiety in college students. University of Pennsylvania, 1981.

3. Shi, Guohong, & Sun, Ye. A study on the influence of technology anxiety on the service quality of mobile libraries // Library and Information Service. 2017. Vol. 61, No. 6. P. 37–45.

4. Li, Jie, & Huang, Jinsheng. Dimensions of artificial intelligence anxiety based on the integrated fear acquisition theory // Technology in Society. 2020. Vol. 63. Article 101410.

5. Wang, Tianping, & Li, Zhen. Forms, causes, and countermeasures of teachers' technology anxiety in the intelligent era // e-Education Research. 2022. Vol. 43, No. 10. P. 110–115, 128.

6. Zhang, Lixin, & Qin, Dan. A study on the system of factors influencing teachers' adoption of new technologies from an integrative perspective // Journal of Distance Education. 2019. Vol. 37, No. 4. P. 106–112.

7. Liu, Chengxin, & Zou, Jianmei. Investigation and analysis of teachers' information anxiety // e-Education Research. 2005. No. 5. P. 42–46.

8. Zhao, Yu, & Zhang, Chenlu. Analysis of the causes of technology anxiety among university teachers in the era of artificial intelligence and ways to alleviate it // Journal of Heilongjiang Institute of Teacher Development. 2025. Vol. 44, No. 9. P. 23–26.

9. Kotrlik, J. W., & Smith, M.N. Computer anxiety levels of vocational agriculture teachers // Journal of Agricultural Education. 1989. Vol. 30, No. 2. P. 41–48.

10. Wang, Qi. Analysis of the causes of technology anxiety among university teachers in the era of artificial intelligence and possible solutions // Knowledge Window. Teacher Edition. 2025. No. 12. P. 84–86.

11. Zhao, Leilei, Zhang, Li, Zhang, Lu, et al. Artificial intelligence anxiety among primary and secondary school teachers: current situation analysis and alleviation paths // Modern Educational Technology. 2022. Vol. 32, No. 3. P. 81–91.

12. Wang, Yanyan, & Wang, Yisheng. Development and validation of an artificial intelligence anxiety scale: an initial application in predicting motivated learning behavior // Interactive Learning Environments. 2022. Vol. 30, No. 4. P. 619–634.

13. López-Bonilla, J. M., & López-Bonilla, L.M. Validation of an information technology anxiety scale in undergraduates // British Journal of Educational Technology. 2011. Vol. 43, No. 2. P. E56–E58.

14. Peng, Rong, & Wu, Qinghua. Technology anxiety among university teachers under ChatGPT-like intelligent technologies: real manifestations, formation mechanism, and corrective strategies // Journal of Chongqing University of Arts and Sciences. Social Sciences Edition. 2023. Vol. 42, No. 5. P. 118–128.

15. Zhao, Leilei, Chen, Xiangmei, & Ma, Zhiqiang. Teachers' technology anxiety in the era of artificial intelligence: cause analysis and alleviation paths // Journal of Capital Normal University. Social Sciences Edition. 2022. No. 6. P. 138–149.

16. Zhuo, Jiamei. Technology anxiety among senior high school English teachers in the era of artificial intelligence and its causes: dissertation. Suzhou: Soochow University, 2024.

Логика генезиса и практические пути концепции сообщества единой судьбы человечества в свете марксистской теории всемирной истории

Чэнь Цзюнью,
магистрант, Шанхайский университет иностранных языков
E-mail: keyon2262@163.com

В работе анализируются логика возникновения и практические механизмы воплощения концепции «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ). Теоретической рамкой служит марксистская теория всемирной истории. Материалом исследования выступили труды классиков марксизма, современные публикации китайских и российских учёных, а также официальные внешнеполитические документы КНР. Обосновывается тезис о том, что концепция СЕСЧ выступает закономерным развитием марксистского учения о всемирной истории в контексте глобализации и обострения общепланетарных проблем. Показано, что идеи К. Маркса о переходе от локальных историй к единому всемирно-историческому процессу, о всеобщей коммуникации и родовой сущности человека составляют философскую базу для выдвижения и реализации данной концепции. Отдельное внимание уделено инструментам внедрения идеи СЕСЧ во внешнеполитическую практику Китая (инициатива «Один пояс, один путь», четыре глобальные инициативы). Делается вывод, что концепция СЕСЧ вносит значимый вклад в обновление марксизма XXI века, предлагая конкретные ориентиры для формирования более справедливого мирового порядка.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы человечества, марксизм, теория всемирной истории, глобализация, инициатива «Один пояс, один путь», китайская философия, международные отношения.

Введение

Современный этап мирового развития отличается двумя разнонаправленными, но взаимосвязанными тенденциями. С одной стороны, растёт взаимозависимость государств и народов, с другой – усиливаются экологические, экономические и политические глобальные проблемы. В данной ситуации особую значимость приобретает концепция «Сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ), выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином. А.В. Бояркина подчёркивает, что «эта концепция даёт ответ на наиболее острые угрозы современности, в конечном итоге ставящие проблемы быть или не быть человечеству на планете» [3, с. 113]. Однако генезис и практическая реализация данной идеи не могут быть осмыслены вне её связи с теоретическим наследием марксизма, которое выступает в качестве глубинного фундамента. Более того, согласно позиции Хунь Чэня и Сяоцзюань Ганя, современной теоретической базой концепции СЕСЧ является именно марксизм, так как она развивает и обновляет философские положения марксизма о родовой сущности человека, об общности и о всемирной истории [7].

Следует подчеркнуть, что обращение китайской дипломатической мысли к марксизму обусловлено не только верностью идеологической традиции, а вполне прагматичным и теоретически выверенным расчётом. Именно марксистская диалектика даёт возможность объединить в целостном анализе объективные глобализационные тренды – расширение производительных сил и коммуникаций, – с порождаемыми им субъективными противоречиями, такими как неравенство и конфликты. Благодаря этому концепция СЕСЧ равноудалена и от наивного космополитизма, пренебрегающего национальными интересами, и от изоляционизма, отвергающего существование общих проблем.

Цель статьи – выявить логику генезиса концепции СЕСЧ через её соотнесение с марксистской теорией всемирной истории, а также проанализировать практические траектории её реализации во внешнеполитической стратегии КНР. В работе применяются сравнительно-исторический метод, диалектический подход и системный анализ документов.

Марксистская теория всемирной истории как теоретическая основа концепции СЕСЧ

Ключевым теоретическим источником для понимания генезиса концепции СЕСЧ следует считать марксистскую теорию всемирной истории. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали положение о том, что по мере развития капиталистического производства и расширения мирового рынка локальные, национальные истории постепенно сменяются единым всемирно-историческим процессом. Движущими силами этого перехода выступают рост производительных сил, углубление разделения труда и расширение коммуникаций между народами. Эпоха всемирной истории, как подчёркивают классики, характеризуется тем, что «глобальность человеческого общения приобрела всесторонний характер». Именно в этих условиях материальная и духовная взаимозависимость всех членов человеческого сообщества становится объективной реальностью, создавая предпосылки для осознания общей судьбы. Диалектика всемирной истории, как её трактовали Маркс и Энгельс, внутренне противоречива. Капиталистическая экспансия, с одной стороны, связывает человечество, а с другой – воспроизводит колониализм, эксплуатацию и отчуждение, лишь углубляя неравенство. Сами основоположники марксизма были далеки от идеализации этого процесса и не считали, будто история развивается автоматически гармонично. Именно такую двойственность наследует концепция СЕСЧ. Она предлагает не демонтаж глобализации, а её преобразование на принципах солидарности и суверенного равенства государств.

Концепция СЕСЧ представляет собой проект осознанного выстраивания глобальной общности. В его рамках объективно существующая взаимосвязь народов подкрепляется их субъективной готовностью сообща преодолевать общие трудности. К подобному выводу подводит и марксистская теория. Она фиксирует необходимость целенаправленных и сознательных усилий для сплочения человечества на базе справедливости и кооперации. В.И. Ленин, развивая марксизм, подчёркивал, что спонтанное развёртывание всемирной истории автоматически не приводит к гармоничному миропорядку. Напротив, капиталисти-

ческая глобализация усиливает разрывы между ядром и периферией и влечёт за собой социальное неравенство, международные конфликты и деградацию природной среды.

Идея «рода» (Gattungswesen) у Маркса не сводится к биологической популяции или этнической группе. Она закладывает философско-идеологический фундамент для трактовки человечества как целостности. Раскрываясь в контексте всемирной истории, родовая сущность человека служит основой для международной солидарности. Согласно А.Б. Ананченко, «Маркс рассматривал коммунизм как явление глобальное – и по способу становления, и по своей сущности. Соответственно, переход к высшей формации мыслился классиками марксизма как закономерный итог развёртывания всемирной истории» [2, с. 25]. Концепция СЕСЧ, не ставя знака равенства с коммунистической перспективой, делает акцент на промежуточном этапе – формировании глобального сообщества на принципах равноправия, взаимной выгоды и учёта интересов всех сторон.

Концепция СЕСЧ не порывает с марксистским наследием, а, напротив, творчески его перерабатывает. Адаптация классического учения к условиям XXI века выражается в конкретизации марксистского положения о всемирной истории применительно к эпохе посткапиталистических трансформаций и умножения глобальных рисков. Как отмечают Хунь Чэнь и Сяоцзюань Гань, «теоретический фундамент сообщества единой судьбы человечества коренится именно в марксизме, ибо последний «развивает и обновляет философские положения о родовой сущности человека, об общности и о всемирной истории» [7, с. 95]. Иначе говоря, китайская инициатива не отказывается от классического наследия, но развивает его применительно к новым условиям.

Обращение к марксистской теории всемирной истории даёт возможность объяснить происхождение СЕСЧ и раскрыть её действенный потенциал для реформирования глобального управления. В отличие от попыток прошлого века, когда построение глобальной общности часто базировалось на идеологическом антагонизме и принуждении, подход СЕСЧ предлагает иную стратегию: поэтапное сближение национальных интересов через совместные выгодные проекты и многосторонние структуры. Согласно А.В. Бояркиной, «подобный механизм позволяет снизить остроту современных международных противоречий и даёт реалистичный ответ на потребность стран мирового большинства в справедливом и безопасном устройстве» [3, с. 120].

Логика генезиса концепции СЕСЧ

Возникновение и дальнейшая эволюция концепции СЕСЧ не являются случайными. Это закономерный итог развития марксистской мысли на китайской почве. Как указывает А. Чэнь и И.А. Колганов, идея сообщества человеческой судьбы представляет собой «современную интерпретацию марксистской идеи сообщества, подчеркивающую, что будущее и судьбы людей во всем мире тесно взаимосвязаны, пропагандирующая взаимовыгодное сотрудничество» [9, с. 41]. Однако это развитие происходит не в культурном вакууме. Оно органично вбирает в себя лучшие достижения традиционной китайской философии, выступающей «культурным наследием и источником ценности для построения идеи сообщества единой судьбы человечества» [1]. Концепция СЕСЧ интегрирует такие традиционные китайские концепты, как «гармония при сохранении различий», «единство природы и человека», «гармонизация десяти тысяч соседних стран» [4]. Следовательно, логика генезиса СЕСЧ носит интегративный характер. Она опирается на марксистскую теорию всемирной истории и учение о родовой сущности человека. Также адаптирует эти положения к китайской культурной среде, наполняя их ценностями гармонии, целостности и взаимного уважения. Данный синтез имеет исторические корни и соответствует также культурно-историческим традициям России, что создаёт широкие возможности для взаимодействия.

Практические пути реализации концепции СЕСЧ

Теоретическая разработка концепции подкрепляется конкретными механизмами её практической реализации. Лю Цзинюань в своём диссертационном исследовании характеризует концепцию СЕСЧ как «перспективный проект глобального управления Китая», имеющий собственные концептуальные основания, механизмы и инструменты [5]. Наиболее значимым инструментом выступает инициатива «Один пояс, один путь». Она трактуется не просто как экономический проект, а как «действующая модель будущего сообщества единой судьбы человечества». Строительство транспортных коридоров, развитие торговли и инвестиционное сотрудничество создают материальную основу для взаимосвязи народов. Это, согласно марксистской логике, является необходимым условием для формирования единого всемирно-исторического сообщества.

Практическая дорожная карта включает также четыре глобальные инициативы – Инициативу глобального развития, Инициативу глобальной безопасности, Инициативу глобальной цивилизации и Инициативу глобального управления (выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином 1 сентября 2025 года на встрече «ШОС Плюс»). Как показано в специальном исследовании, реализация этих инициатив имеет стратегическое значение для построения Глобального сообщества единой судьбы, способствуя развитию общности, сотрудничества, инклюзивности и инноваций [8]. Ма Бинцзюнь, в свою очередь, обращает внимание на вовлечение стран АСЕАН в этот процесс. Региональное сотрудничество и многосторонние диалоговые площадки (ШОС, форум «Азия-Европа») служат механизмами апробации принципов СЕСЧ на региональном уровне с последующим распространением на глобальный [6]. Таким образом, путь реализации концепции сообщества единой судьбы человечества, как справедливо отмечается в литературе, лежит через реализацию многостороннего сотрудничества стран и народов на условиях равноправия [7]. Китай предлагает не абстрактную утопию, а конкретную дорожную карту, сочетающую экономическую интеграцию, обеспечение безопасности и межцивилизационный диалог.

Критический дискурс и перспективы концепции СЕСЧ

Несмотря на широкое международное признание, концепция СЕСЧ не остаётся без критического анализа. Некоторые исследователи (в частности, те, кто рассматривает её в зеркале «новой русской идеи») указывают на несовпадение теоретических обоснований. Китайская сторона опирается на марксизм и традиционную философию, тогда как российская идея «Русского мира» исходит из иных культурно-цивилизационных оснований. Вследствие этого, при наличии значительного потенциала для союзничества, на практике данные идеологии развиваются без заметного взаимодействия. Этот факт говорит о необходимости дальнейшей работы по построению «мостов» между различными цивилизационными проектами для достижения истинной универсальности концепции.

Тем не менее, концепция СЕСЧ демонстрирует высокую адаптивность. Благодаря укоренённости в марксистской теории всемирной истории она обладает эвристической ценностью для объяснения глобальных процессов XXI века. Идея «сообщества единой судьбы человечества» находит всё более широкую поддержку в международном сообществе. Она превращается в значимый ориентир для сохранения мира и содействия глобальному развитию.

Заключение

Итоги проведённого анализа можно свести к нескольким положениям.

В теоретическом плане концепция сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) глубоко укоренена в марксистском понимании всемирной истории. Она адаптирует к реалиям XXI века идеи Маркса и Энгельса о переходе от разрозненных национальных историй к единой всемирной, о всеобщей коммуникации и о родовой сущности человека, одновременно развивая и конкретизируя их.

Логика возникновения этой концепции представляет собой своеобразный синтез марксистской теории и лучших традиций китайской философской мысли. Подобный синтез не только служит ей культурной опорой внутри Китая, но и придаёт универсальный характер, делая её привлекательной для незападных обществ.

Что касается практического воплощения, инициатива «Один пояс, один путь» и четыре глобальные инициативы наглядно демонстрируют намерение Китая перевести абстрактную идею в плоскость конкретных проектов международного сотрудничества. Эти механизмы закладывают материальную и институциональную базу для формирования глобального сообщества, объединённого общей судьбой.

Таким образом, концепцию СЕСЧ правомерно рассматривать как весомый вклад в развитие марксизма XXI века. Она не ограничивается теоретической критикой сложившегося неолиберального мирового порядка, а предлагает конструктивную альтернативу, построенную на принципах равенства, взаимной выгоды и гармонии. Дальнейшие исследования, по всей видимости, будут сосредоточены на углублённом анализе механизмов реализации данной концепции в разных регионах мира, а также на развитии диалога между цивилизационными проектами, ориентированными на более справедливое мироустройство.

Литература

1. Айжу Чэнь А О философском значении сообщества единой судьбы человечества // Проблемы цивилизационного развития. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 160–168. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskom-znachenii-soobschestva-edinoy-sudby-chelovechestva (дата обращения: 28.05.2026).

2. Ананченко А.Б. Маркс и Всемирная история // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические

науки. – 2018. – № 4. – С. 24–35. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marks-i-vsemirnaya-istoriya/viewer (дата обращения: 28.05.2026).

3. Бояркина А.В. Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества» и представления об «общей судьбе» в трудах российских ученых и политиков // Дискурс-Пи. – 2020. – № 4 (41). – С. 112–132. –URL: https://www.ifp.uran.ru/dis/ed/ed_2027.html (дата обращения: 28.05.2026).

4. Ван Синь. «Сообщество единой судьбы человечества»: особенности китайского пути преобразования мирового развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 4. – С. 58–69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soobschestvo-edinoy-sudby-chelovechestva-osobennosti-kitayskogo-puti-preobrazovaniya-mirovogo-razvitiya (дата обращения: 28.05.2026).

5. Лю Цзинюань. «Сообщество единой судьбы человечества» как перспективный проект глобального управления Китая (концептуальные основания, механизмы, инструменты): дис. … канд. полит. наук – М., 2025. – 196 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/soobshchestvo-edinoi-sudby-chelovechestva-kak-perspektivnyi-proekt-globalnogo-upravleniya (дата обращения: 28.05.2026).

6. Ма Бинцзюнь. Причины выдвижения концепции сообщества единой судьбы человечества и способы ее реализации // Международные отношения: история, теория, практика: материалы XIV науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 1 февр. 2024 г. – Минск: БГУ, 2025. – С. 522–525. – URL https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/334014/1/522–525.pdf (дата обращения: 28.05.2026).

7. Хунь Чэнь Х., Сяоцзюань Гань. О философских основах концепции сообщества единой судьбы человечества // Вопросы философии. – 2023. – № 3. – С. 92–101. – URL: https://pq.iphras.ru/article/view/8505 (дата обращения: 28.05.2026).

8. Цзинюань Лю. Механизмы и инструменты продвижения Китаем идеи «Сообщество единой судьбы человечества» // Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. – 2024. – С. 30–34. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/165343/ (дата обращения: 28.05.2026).

9. Чэнь А., Колганов А.И. О философских и культурных истоках и социально-экономическом значении концепции «сообщества единой судьбы человечества» // Российский экономический журнал. – 2023. – № 3. – С. 38–53. URL: https://www.re-j.ru/archive/2023/3/article_818 (дата обращения: 28.05.2026).

THE LOGIC OF GENESIS AND PRACTICAL PATHWAYS OF THE COMMUNITY WITH A SHARED FUTURE FOR MANKIND CONCEPT IN THE LIGHT OF THE MARXIST THEORY OF WORLD HISTORY

Chen Junyou
Shanghai International Studies University

This paper analyzes the logic of emergence and practical implementation mechanisms of the "Community with a Shared Future for Mankind" (CSFM) concept. The Marxist theory of world history serves as the theoretical framework. The study draws on the works of classical Marxism, contemporary publications by Chinese and Russian scholars, and official foreign policy documents of China. The authors substantiate the thesis that the CSFM concept represents a natural development of the Marxist doctrine of world history in the context of globalization and the intensification of planetary challenges. It is demonstrated that K. Marx's ideas about the transition from local histories to a unified world-historical process, universal communication, and the generic essence of humanity constitute the philosophical foundation for the proposal and implementation of this concept. Special attention is paid to the instruments for embedding the CSFM idea into China's foreign policy practice (the Belt and Road Initiative, four global initiatives). It is concluded that the CSFM concept makes a significant contribution to the renewal of 21st-century Marxism by offering concrete guidelines for a more just world order.

Keywords: community with a shared future for mankind, Marxism, theory of world history, globalization, Belt and Road Initiative, Chinese philosophy, international relations.

References

1. Aizhu Chen A. On the philosophical significance of the community of the common destiny of mankind // Problems of civilizational development. – 2022. – Vol. 4, No. 1. – pp. 160–168. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-filosofskom-znachenii-soobschestva-edinoy-sudby-chelovechestva (date of reference: 05/28/2026).

2. Ananchenko A.B. Marx and World History // Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences. – 2018. – No. 4. – pp. 24–35. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marks-i-vsemirnaya-istoriya/viewer (date of request: 05/28/2026).

3. Boyarkina A.V. Xi Jinping's concept of a "community of the common destiny of mankind" and ideas about a "common destiny" in the works of Russian scientists and politicians. – 2020. – № 4 (41). – Pp. 112–132. –URL: https://www.ifp.uran.ru/dis/ed/ed_2027.html (date of request: 05/28/2026).

4. Wang Xin. "The Community of the Common Destiny of mankind": features of the Chinese way of transforming world development // Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Global Studies and Geopolitics. – 2022. – No. 4. – pp. 58–69. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soobschestvo-edinoy-sudby-chelovechestva-osobennosti-kitayskogo-puti-preobrazovaniya-mirovogo-razvitiya (date of request: 05/28/2026).

5. Liu Jinyuan. "The Community of the common destiny of mankind" as a promising project of China's global governance (conceptual foundations, mechanisms, tools): dis. … cand. polit. Sciences– Moscow, 2025. – 196 p. – URL: https://www.dissercat.com/content/soobshchestvo-edinoi-sudby-chelovechestva-kak-perspektivnyi-proekt-globalnogo-upravleniya (date of request: 05/28/2026).

6. Ma Bingjun. The reasons for the concept of the community of the common destiny of mankind and the ways of its implementation // International relations: history, theory, practice: materials of the XIV Scientific and Practical Conference of Young Scientists fac. international Belarusian State University, Minsk, February 1, 2024 – Minsk: BSU, 2025. – pp. 522–525. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/334014/1/522–525.pdf (date of request: 05/28/2026).

7. Hun Chen H., Xiaojuan Gan. On the philosophical foundations of the concept of the community of the common destiny of mankind // Questions of philosophy. – 2023. – No. 3. – pp. 92–101. – URL: https://pq.iphras.ru/article/view/8505 (date of reference: 05/28/2026).

8. Jinyuan Liu. Mechanisms and tools for China's promotion of the idea of a "Community of the common destiny of mankind" // Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. The development of political institutions and processes: foreign and domestic experience. – 2024. – pp. 30–34. URL: https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/165343 / (date of access: 05/28/2026).

9. Chen A., Kolganov A.I. On the philosophical and cultural origins and socio-economic significance of the concept of the "community of the common destiny of mankind" // Russian Economic Journal. – 2023. – № 3. – pp. 38–53. URL: https://www.re-j.ru/archive/2023/3/article_818 (date of access: 05/28/2026).

Конструкция то есть в Русском национальном корпусе

Чэнь Чжундао,
магистр, Хэйлунцзянский университет
E-mail: a837899189@163.com

В статье рассматривается конструкция то есть в русской устной речи на материале самостоятельно составленного корпуса, основанного на данных Русского национального корпуса. Цель исследования заключается в выявлении функционально-семантических типов данной конструкции и описании её роли в организации диалогического дискурса. В работе применяются методы корпусного, контекстуального, семантико-прагматического и функционального анализа. Особое внимание уделяется соотношению речевой экономии и избыточности, а также модели «эллипсис – восполнение», в рамках которой конструкция то есть выступает как средство экспликации имплицитного содержания. В результате анализа выделяются конкретизирующий, объяснительный, связующий, прерывающий, обобщающий и иллюстративный типы употребления. Показано, что конструкция то есть не ограничивается функцией заполнителя паузы или маркера тождества, а представляет собой многофункциональный дискурсивный механизм, участвующий в пояснении, конкретизации, переформулировании, самокоррекции и тематическом связывании высказываний.

Ключевые слова: конструкция то есть, русский национальный корпус, устная речь, пояснительная конструкция, эллипсис.

Введение

Языковая коммуникация строится на взаимодействии двух противоположных, но взаимодополняющих тенденций: стремления к речевой экономии и необходимости обеспечения достаточной информативности высказывания. С одной стороны, говорящий стремится сократить речевые усилия и не вербализовать те элементы содержания, которые могут быть восстановлены адресатом на основе контекста, фоновых знаний или предшествующего дискурса. С другой стороны, успешность коммуникации требует наличия определённой степени избыточности, позволяющей адресату правильно интерпретировать намерение говорящего и идентифицировать референт высказывания.

Понятие избыточности, введённое в научный оборот в рамках теории информации, связано с возможностью восстановления сообщения при частичной утрате сигнала. Как отмечал К.Э. Шеннон, благодаря статистической организации языка, в том числе ограничениям сочетаемости, часть информации может быть предсказана и восполнена даже в условиях неполноты речевого сигнала. В естественной коммуникации подобная избыточность играет важную прагматическую роль: она не только обеспечивает устойчивость понимания, но и способствует уточнению коммуникативного намерения говорящего.

Одним из проявлений речевой экономии является эллипсис. В устном диалоге говорящий нередко опускает информацию, обладающую высокой степенью контекстуальной доступности. Однако в тех случаях, когда эллиптическое высказывание может вызвать неоднозначность или затруднить понимание, говорящий прибегает к специальным пояснительным средствам, позволяющим эксплицировать имплицитное содержание. В результате в дискурсе формируется особая модель организации высказывания, которую можно определить как соотношение «эллипсис – восполнение».

В русской разговорной речи одним из наиболее частотных средств такого восполнения выступает конструкция то есть. В её препозитивной части нередко содержится информационная лакуна, обобщённая референция или неполное обозначение ситуации, тогда как постпозитивная часть выполняет функцию пояснения, конкретизации, переформулирования или дополнения. Тем самым конструкция то есть одновременно отражает стремление говорящего к речевой краткости и обеспечивает адресата дополнительной информацией, необходимой для интерпретации высказывания.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что конструкция то есть, несмотря на её высокую частотность в устной речи, не всегда получает достаточно полное описание с точки зрения её функционально-семантической неоднородности. В предшествующих исследованиях она нередко рассматривалась прежде всего как пояснительный маркер или как элемент нефлуентной речи. Между тем корпусный материал показывает, что в реальной коммуникации данная конструкция выполняет более широкий круг функций, связанных не только с пояснением, но и с конкретизацией, самокоррекцией, тематической связностью, обобщением и иллюстрацией.

Особое значение для анализа конструкции то есть имеет изучение явлений речевой нефлуентности. Как одно из проявлений естественного речепроизводства, нефлуентность занимает заметное место в устной коммуникации: по данным Ма Дунмэй, около 10% повседневной устной речи реализуется в нефлуентной форме (Ма Дунмэй, 2012: 30). Ян Цзюнь определяет нефлуентные явления как такие формы устной речевой продукции, которые отличаются от флуентной речи с точки зрения порядка слов, просодической организации и темпоральных характеристик. Ма Дунмэй выделяет четыре основные группы нефлуентных явлений: нефлуентные паузы, нефлуентные повторы, нефлуентные заполнители и самокоррекцию. В этом контексте конструкция то есть представляет особый интерес, поскольку она может функционировать как заполнитель паузы, средство самокоррекции и одновременно как полноценный пояснительный маркер.

Объектом настоящего исследования является конструкция то есть в русской устной речи. Предметом исследования выступают её функционально-семантические типы и способы участия в организации диалогического дискурса. Цель статьи состоит в выявлении основных типов употребления конструкции то есть на материале корпусных данных и в описании её роли в процессе восполнения имплицитного содержания.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) рассмотреть теоретические подходы к описанию пояснительных конструкций; 2) определить критерии отбора и классификации примеров с то есть; 3) выделить основные функционально-семантические типы данной конструкции; 4) показать, что её употребление не ограничивается функцией заполнителя или маркера тождества; 5) описать роль конструкции то есть в реализации дискурсивной модели «эллипсис – восполнение».

Материалом исследования послужили примеры употребления конструкции то есть, отобранные из самостоятельно составленного корпуса русской устной речи. В работе применяются методы корпусного, контекстуального, семантико-прагматического и функционального анализа. Научная новизна исследования заключается в том, что конструкция то есть рассматривается не только как средство пояснения или показатель речевой нефлуентности, но и как многофункциональный дискурсивный механизм, участвующий в конкретизации, переформулировании, тематическом связывании, самокоррекции и восполнении опущенной информации.

Структура статьи определяется логикой исследования. Сначала рассматриваются теоретические основания анализа конструкции то есть, затем описываются корпусный материал и принципы классификации, после чего выделяются и анализируются основные типы употребления данной конструкции в русской устной речи.

Конструкция то есть

Н.Д. Арутюнова (1988), рассматривая в рамках исследования прагматического значения оценочных предикатов такие вопросы, как контекстуальная зависимость недескриптивных слов, механизмы прагматического заполнения, компенсация смысловых лакун, а также порождение имплицитного смысла в процессе интерпретации, при анализе пояснительных отношений между компонентами ремы относит их к конструкциям то есть (то-есть-конструкциям).

А.Ф. Прияткина (1990) указывает, что пояснительные отношения устанавливаются между членами предложения, один из которых является поясняемым, а другой – поясняющим. Пояснение может иметь характер повторного называния или уточнения. Пояснительные отношения представляют собой широкое синтаксическое понятие, объединяющее различные типы на основе общности их семантических и структурных признаков. Центральное место занимает собственно пояснение, поскольку оно наиболее чётко выражено грамматически; от него заметно отличается уточнение; особое положение занимает включение.

Пояснительная конструкция представляет собой структуру, оформляемую при помощи союзов то есть, а именно, как то, будь то, или, функциональных слов вернее, точнее, иначе говоря и др., а также посредством особой интонации и при участии местоименно-указательных слов. Пояснительное значение имеет два типа: собственно отождествление и отождествление, осуществляемое через конкретизацию. Логической основой отношения отождествления является наличие у поясняемого и поясняющего компонентов одного и того же референта. Отождествление утверждается в высказывании и отражает точку зрения говорящего, поэтому пояснение всегда обладает субъективной окраской. Средства выражения пояснения – то есть, вернее, лучше сказать – выполняют не только союзную, но и модальную функцию.

Наиболее точным средством выражения отождествления, то есть собственно отождествления, является то есть. Коммуникативные функции такого пояснения различны. Оно может выступать: 1) как разъяснение содержания, которое, с точки зрения говорящего, нуждается в объяснении; 2) как субъективная интерпретация определённого факта или явления, предполагающая определение его значения, оценку и раскрытие имплицитного содержания; 3) как конкретизация.

Прияткина отмечает, что в тех случаях, когда референты совпадают не полностью, то есть одно наименование охватывает более широкий фрагмент действительности, а другое – более узкий, замена на то есть невозможна. По её мнению, конструкции с то есть предназначены для утверждения отношения тождества между поясняемым и поясняющим компонентами. Однако статистический анализ материалов нашего собственного корпуса, содержащих конструкции с то есть, показывает, что данная конструкция не ограничивается случаями полного тождества двух компонентов. В реальном коммуникативном процессе она функционирует в значительно более широком круге ситуаций.

Конструкции то есть в корпусе

Малохат Эхсонзода на основе эмпирического корпусного анализа отмечает: «В диалогическом подкорпусе между примерами, требующими значительного прагматического обогащения, и повышением частотности уточняющих запросов со стороны собеседника наблюдается выраженная положительная корреляция… Это подчёркивает необходимость введения дополнительных, неструктурных механизмов объяснения». В настоящей статье конструкция то есть рассматривается с корпусной точки зрения; при этом результаты предшествующих лингвистических исследований привлекаются для уточнения и дополнения описания конструкций данного типа.

В процессе сбора материала и классификации типов нами были получены результаты, в целом близкие к выводам предшествующих исследований. Прежде всего, примеры конкретизирующего типа соотносятся с типом конкретизации, выделенным А.Ф. Прияткиной. В пояснительной конструкции объект обобщённой референции выступает в качестве поясняемого компонента, тогда как поясняющий компонент представляет собой конкретизирующее содержание.

Примеры объяснительного типа являются наиболее типичными в исследуемом материале. Внутри данного типа были дополнительно выявлены две различные ситуации. В первом случае части пояснительной конструкции являются семантически полностью эквивалентными и различаются лишь способом выражения. Во втором случае говорящий в той или иной степени дополняет поясняемый объект. Эти две ситуации сходны с двумя типами пояснительных отношений, выделенными А.Ф. Прияткиной. Несмотря на различия в степени семантической эквивалентности, их общим признаком является то, что говорящий объясняет или поясняет ранее названный объект. Поэтому они могут рассматриваться как разные проявления одного континуума и в данной работе объединяются в группу примеров объяснительного типа.

Помимо трёх типов, предложенных А.Ф. Прияткиной, в корпусе была обнаружена особая группа примеров: в процессе пояснения говорящий корректирует предшествующее высказывание, что приводит к прерыванию речевого потока. С учётом их дискурсивно-функциональных особенностей такие примеры, связанные с явлениями речевой нефлуентности, в данной работе обозначаются как примеры прерывающего типа. Соответственно, случаи, в которых конструкция то есть используется для тематической связности и соединения предшествующего и последующего фрагментов речи, мы определяем как примеры связующего типа.

Кроме трёх указанных основных типов, была выявлена также группа примеров, характеризующихся соотносительностью структурных отношений и высокой степенью формального сходства. В данной работе они обобщаются как примеры обобщающего и иллюстративного типов. Несмотря на то что доля таких примеров в общем корпусном материале невелика, высокая степень их формализованности способствует дальнейшему обобщению и описанию структурных признаков конструкций данного типа.

Примеры конкретизирующего типа

На формальном уровне в настоящей статье к примерам конкретизирующего типа относятся такие конструкции, в которых в первой части используется обобщённая референция, а во второй части за счёт сужения категории осуществляется конкретизация обозначаемого объекта. В примерах данного типа поясняющая часть главным образом добавляет к поясняемому объекту ограничительные признаки и посредством постепенного сужения референциальной области восполняет и уточняет информацию о признаках опущенного объекта. Например:

① Мы предложили Президенту на встрече ограничить – это одно из направлений проверок – то есть контрольно-надзорную деятельность, до двух проверок в год, не больше, в отношении каждого предприятия.

На встрече мы предложили Президенту ограничить проверки в одной из сфер, то есть контрольно-надзорную деятельность, максимум двумя проверками в год в отношении каждого предприятия.

В первой части поясняемый объект «одно из направлений проверок» обладает высокой степенью обобщённости, тогда как поясняющая часть «контрольно-надзорную деятельность» дополнительно сужает его референциальную область, ограничивая её конкретным типом проверочной деятельности. Как видно, информация, вводимая конструкцией то есть, прежде всего проявляется в дальнейшем дополнении семантических признаков референтного объекта, причём такое дополнение тесно связано с конкретным контекстом. Благодаря ограничению и уточнению референциальной области адресат получает возможность более точно идентифицировать предмет речи. В примерах данного типа опущенная информация, как правило, вновь эксплицируется говорящим посредством добавления ограничительных признаков или детализации категории.

Примеры объяснительного типа

Примеры объяснительного типа составляют наибольшую долю в собранном нами материале – 71,4%. Это свидетельствует о том, что в реальной коммуникации данный тип является наиболее распространённой

формой пояснительной конструкции. С функциональной точки зрения такие примеры обладают высокой степенью охватности и в определённой мере способны включать в себя пояснительные функции примеров других типов. Однако, поскольку другие типы характеризуются достаточно чёткими формальными признаками, в настоящей статье к объяснительному типу отдельно отнесены те примеры, которые не имеют специальных формальных маркеров, но при этом сохраняют признаки пояснительного действия. Например:

① А там же везде, там прям до самого родника везде поставили фонарики, то есть там везде дорога вся осве…

Там повсюду, прямо до самого родника, поставили фонарики, то есть вся дорога там освещена…

Высказывание «везде поставили фонарики» даже при ограничении конкретным контекстом всё ещё может соотноситься с разными вариантами дискурсивной интерпретации. Говорящий может таким образом выражать эстетическую оценку ситуации, подчёркивать степень благоустроенности данной местности или просто передавать впечатление от большого количества фонариков. Поэтому после неполного или эллиптического высказывания говорящему нередко требуется дополнительно пояснить основную мысль высказывания, чтобы помочь адресату точно понять передаваемую информацию.

На семантическом уровне способы пояснения эллиптического компонента, используемые говорящим, в основном включают два типа: дополнительное пояснение и пояснение-переформулирование. Первый тип реализуется главным образом за счёт добавления новой семантической информации в поясняющей части. Второй тип проявляется в том, что обе части конструкции сохраняют фактическую смысловую эквивалентность, однако одна и та же информация выражается повторно при помощи иной языковой формы. К конкретным разновидностям таких случаев относятся: выражение одного и того же времени или количества с использованием различных способов измерения, преобразование между процентным соотношением и пропорцией, а также реконструкция говорящим дискурсивных координат отсчёта в процессе коммуникации.

Примеры связующего и прерывающего типов

В настоящей статье к примерам связующего типа относятся такие случаи, в которых посредством то есть осуществляется развитие темы и вводится новое тематическое содержание. Им противопоставляются примеры, в которых речевой поток прерывается вследствие стремления говорящего к вежливому выражению мысли, самокоррекции или непосредственному обдумыванию высказывания в процессе коммуникации. Первые, как правило, выполняют функции дополнительного пояснения и тематической связки, не нарушая исходного речевого потока в ходе развертывания дискурса. Вторые же чаще выступают в качестве элементов заполнения паузы, исправления или реализации стратегии вежливости. С учётом различий в их функциях организации дискурса в настоящей статье они обозначаются соответственно как примеры связующего и прерывающего типов.

В примерах связующего типа последующая часть при помощи то есть выполняет связующую функцию, тем самым способствуя развитию темы в речевом потоке. В подобных случаях поясняющая часть нередко вводит новый референтный объект или дополнительные условия, обеспечивая расширение темы и дальнейшее развертывание информационного содержания. Например:

① И несколько раз менялась смета, и в общем, то есть мно-много было преодолений.

Смета несколько раз менялась, и, в общем, то есть было преодолено очень много трудностей.

В примерах данного типа говорящий, как правило, помещает информационный фокус в последующую часть и посредством обобщающего высказывания раскрывает сложившуюся ситуацию. Адресату необходимо перенести центр интерпретации на последующий фрагмент, чтобы точно понять передаваемую говорящим информацию.

В примерах прерывающего типа то есть используется как средство заполнения паузы или самокоррекции в процессе говорения, что особенно характерно для устного диалогического общения. Например:

② Ну, это как минимум! То есть, нет, конечно, но…

Ну, это как минимум! То есть нет, конечно, но…

В приведённом примере конструкция то есть прежде всего выражает несогласие, окрашенное вежливостью, и фактически выполняет функцию смягчения высказывания. С прагматической точки зрения её можно рассматривать как стратегию вежливого дополнения: говорящий сначала частично принимает точку зрения собеседника, а затем через смягчённый противительный переход выражает отрицательное отношение, благодаря чему высказывание приобретает более деликатный характер.

Примеры обобщающего и иллюстративного типов

На формальном уровне четвёртая группа примеров, обладающая отличительными признаками, в настоящей статье определяется как примеры обобщающего и иллюстративного типов. Поскольку две разновидности примеров внутри данного типа демонстрируют взаимно соотнесённые особенности формальной структуры, в настоящей работе они условно объединяются в одну общую группу для совместного рассмотрения. Следует отметить, что такая соотнесённость формальных признаков фактически отражает две различные прагматические стратегии.

В примерах иллюстративного типа поясняющая часть преимущественно представляет собой обобщающее высказывание по отношению к предшествующему содержанию, тогда как то есть используется для введения конкретного пояснения этого содержания. Такая форма обычно реализуется посредством приведения примеров или демонстрации конкретного применения абстрактного понятия. Например:

① Я не только занималась рисованием, мне нравились танцы, вообще, ну то есть что-либо творческое, что-либо созь то, что ты создаёшь.

Я не только занималась рисованием, мне нравились танцы, в общем, ну то есть что-либо творческое, что-либо созидательное, то, что ты создаёшь.

В примерах обобщающего типа говорящий главным образом опускает конкретный процесс восприятия или примерное раскрытие понятия, акцентируя внимание на сокращении повторов и повышении эффективности выражения. Например:

② Мы работаем по направлению органов, то есть, как сказать… Желудок, кишечный тракт, мышечная ткань, кровеносные сосуды.

Мы работаем в области органов, то есть, как сказать… желудок, кишечный тракт, мышечная ткань, кровеносные сосуды.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что конструкция то есть в русской устной речи представляет собой не только средство пояснения или показатель речевой нефлуентности, но и многофункциональный дискурсивный механизм, участвующий в организации высказывания и регулировании процесса понимания. Анализ корпусного материала позволил выделить несколько функционально-семантических типов данной конструкции: конкретизирующий, объяснительный, связующий, прерывающий, обобщающий и иллюстративный. Каждый из них характеризуется специфическим соотношением поясняемого и поясняющего компонентов, а также различной степенью семантической эквивалентности между ними.

Особенно значимым является тот факт, что употребление конструкции то есть не ограничивается случаями полного тождества между двумя компонентами высказывания. В реальной коммуникации она может служить средством конкретизации обобщённого обозначения, восполнения эллиптической информации, переформулирования ранее сказанного, самокоррекции, смягчения высказывания и тематического связывания фрагментов дискурса. Это позволяет рассматривать её как важный элемент модели «эллипсис – восполнение», в которой говорящий, стремясь к речевой экономии, одновременно обеспечивает адресата дополнительной информацией, необходимой для успешной интерпретации.

Таким образом, конструкция то есть выполняет важную когнитивно-прагматическую функцию: она способствует экспликации имплицитного содержания, уточнению референции и поддержанию связности диалогического взаимодействия. Полученные результаты дополняют традиционное представление о пояснительных конструкциях и показывают, что в устной речи то есть функционирует как гибкое средство дискурсивной организации. Перспективным направлением дальнейшего исследования является более детальное количественное описание выделенных типов, а также сопоставление конструкции то есть с другими пояснительными и самокорректирующими маркерами русской разговорной речи.

Литература

1. Шеннон К.Э. Математическая теория связи // The Bell System Technical Journal. 1948. Т. 27, № 3. С. 379–423.

2. Ма Дунмэй. Исследование классификационной системы речевой нефлуентности // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2012. № 4. С. 30–34.

3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

4. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990.

5. Эхсонзода М. К вопросам теоретических аспектов этимологии эллипсиса как языкового явления: критический анализ // Russian Linguistic Bulletin. 2025. Т. 9, № 69. С. 38–42.

6. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и её особенности. М.: Просвещение, 1974.

THE CONSTRUCTION TO EST' IN THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS

Chen Zhongdao
Heilongjiang University

The article examines the construction то есть in Russian spoken discourse on the basis of a self-compiled corpus built from the data of the Russian National Corpus. The aim of the study is to identify the functional-semantic types of this construction and to describe its role in the organization of dialogic discourse. The research employs corpus-based, contextual, semantic-pragmatic, and functional methods of analysis. Particular attention is paid to the relationship between linguistic economy and redundancy, as well as to the model of "ellipsis – completion," within which the construction то есть functions as a means of explicating implicit content. The analysis identifies concretizing, explanatory, connective, interruptive, generalizing, and illustrative types of usage. It is shown that the construction то есть is not limited to the function of a pause filler or a marker of identity, but represents a multifunctional discourse mechanism involved in explanation, concretization, reformulation, self-correction, and the thematic linking of utterances.

Keywords: Construction to est, Russian National Corpus, Spoken Discourse, Explanatory Construction, Ellipsis.

References

1. Shannon, K. E. "Mathematical Theory of Communication." The Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27, No. 3, pp. 379–423.

2. Ma, Dongmei. "A Study of the Classification System of Speech Nonfluency." Foreign Languages and Foreign Language Teaching. 2012. No. 4, pp. 30–34.

3. Arutyunova, N. D. "Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact." Moscow: Nauka, 1988.

4. Priyatkina, A. F. "Russian Language: Syntax of a Complicated Sentence." Moscow: Vysshaya Shkola, 1990.

5. Ehsonzoda, M. "On the Theoretical Aspects of the Etymology of Ellipsis as a Linguistic Phenomenon: A Critical Analysis." Russian Linguistic Bulletin. 2025. Vol. 9, No. 69. Pp. 38–42.

6. Sirotinina, O.B. Modern Colloquial Speech and Its Features. Moscow: Prosveshchenie, 1974.

Целостность личности в цифровую эпоху в оптике постнеклассической парадигмы

Шадиева Ольга Павловна,
аспирант направления подготовки «Философская антропология, философия культуры», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); ведущий специалист управления организации и сопровождения общеинститутских мероприятий ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ»
E-mail: shadieva.o.p@mail.ru

Статья посвящена изучению постнеклассического дискурса о становлении личности в контексте цифровой современности. Исследование осуществляется на основе методологической взаимосвязи деятельностного и диалогического подходов. Автор исследует эволюцию представлений о целостности человека. Объектом исследования выступает социокультурный контекст становления человека, рассмотренный через призму положений постнеклассической парадигмы философии, детерминированный процессами цифровой трансформации и коммуникативной сложности. Предмет – коммуникативная модель достижения целостности личности в условиях цифровой современности, рассматриваемая как динамическая система смыслопорождения в полилогичном пространстве культуры и технологий. Цель статьи – осмыслить влияние технологических изменений на процесс становления личности в реалиях цифровой эпохи, когда человек, преодолевая границы собственной природной определенности и опираясь на свое сущностное богатство, становится соучастником формирования новой исторической реальности, разворачивающейся в напряженном поле конкуренции и партнерства с искусственным интеллектом (Далее – ИИ). Данное исследование представляет собой попытку осмысления новой природы (или технологии) обретения целостности личности и поиска возможных ответов на современные вызовы.
В качестве методологической основы исследования использован информационно-семиотический подход, позволяющий интерпретировать становление личности как динамичный процесс смыслопорождения в полилогичном знаковом пространстве культуры. Синергетический подход дает возможность моделировать становление личности и коммуникативные системы как открытые, нелинейные и самоорганизующиеся, учитывая альтернативность траекторий развития, возможных флуктуаций, позволяет описать не предопределенный характер смыслогенеза в сложных коммуникативных средах, что придает исследованию междисциплинарный характер. Структурно-функциональный и деятельностный подходы направлены на раскрытие архитектоники коммуникативных систем и практик.

Ключевые слова: личность; коммуникация; междисциплинарность; постнеклассическая парадигма; социализация; становление; технологии; целостность.

Введение

В условиях современности под влиянием эволюции структур знания, геополитических вызовов и цивилизационного развития происходит динамичная трансформация и усложнение среды и возможностей становления в ней личности. Цифровое пространство, гибридные реальности, ИИ, сетевая организация социальных связей – все это формирует принципиально иную онтологию коммуникации. Вопрос о том, что значит быть человеком в этих условиях, из абстрактно-философского переходит на практически-экзистенциальный уровень. Персональная модернизация личности принимает новые формы, требующие осмысления того, что значит быть целостным сегодня и кем становится тот, кто эту целостность обретает или утрачивает?

Ответы на эти вопросы требуют выхода за пределы классических и даже неклассических схем мышления. Наиболее адекватной оптикой аналитической деятельности выступает постнеклассическая парадигма философии, для которой характерен дискурс целостности, интегративности и междисциплинарности. Философия здесь разворачивается не как система истин, а как пространство столкновений, разрывов и парадоксов, именно здесь сегодня и происходит встреча человека с самим собой и с Другим, в том числе, представленный алгоритмами – новыми агентами социализации и смыслопорождения.

Становление личности в современном социокоммуникативном пространстве, наделенного новыми качествами, невозможно описать в терминах линейного прогресса или закрепленного в культуре процесса адаптации. Традиционные механизмы социализации (семья, образование, культура) вступают в сложное взаимодействие с виртуальными средами и новыми формами коллективной субъектности. Возможно ли сегодня достижение личностной целостности, или же человек обречен на перманентную фрагментацию, растворение в потоках информации, ролей и гибридных реальностей? В каких формах и при каких условиях социокоммуникативное пространство нового качества станет не эклектичной средой, а ресурсом становления для человека?

Генезис категории целостности в истории философской мысли. Осмысление постнеклассического дискурса становления личности требует обращения к исторической логике эволюции философской мысли о представлении целостности человека посредством смены основных парадигм. У Аристотеля целостность понимается через призму души. «Душа – это все» [1, с. 126], где целостность – это способность человека вмещать в себя мир. Платон называл «любовью жажду целостности и стремление к ней» [2, с. 122]. И. Кант рассматривает целостность через призму познания, связывая ее с конечной целью человека: «Цель всех успехов в области культуры, которые служат школой человеку, – применять полученные знания и навыки к миру, но наиболее важный предмет в мире, к которому эти знания могут быть применены, – это человек, поскольку он есть собственная последняя цель» [3, с. 138]. Ф. Шеллинг формулирует принцип взаимосвязи части и целого – «Единство в целостности и целостность в единстве составляет изначальную и не допускающую никакого разделения сущности связи» [4, с. 37]. В классической парадигме целостность мыслилась как данность или результат развития личности.

Неклассическая парадигма фиксирует утрату изначальной целостности. У Гуссерля: «Человечность вообще есть отвечающее сущности человека бытие в совокупностях, обусловленных связями внутри поколений и социальными связями» [5, с. 193]. Человек, по Н.А. Бердяеву «есть не только существо греховное и искупающее свой грех, не только существо разумное, не только существо эволюционирующее, не только существо социальное, не только существо больное от конфликта сознания с бессознательным, но человек есть, прежде всего, существо творческое» [6, с. 61]. Ученый подчеркивает двойственность человеческого самосознания, человек принадлежит и миру природы, и миру свободы духа, что создает основу для напряженной целостности.

Целостность в диалоге находят М. Бубер и М. Бахтин, перенеся акцент с абстрактного человека на конкретную личность и ее связь с Другим – «философ-антрополог должен уловить по меньшей мере живую ее целостность, ее конкретное «Я». М. Бубер предостерегает от подмены подлинной целостности, которая раскрывается лишь в многообразии, «пустым единством» [5, с. 208]. К. Ясперс вводит идею множественности и относительности целостностей, философ считает, что каждой области исследований соответствуют свои, спец-

ифические целостности. Абсолютизация любой части целостности (тело, душа, сознание, социум) ведет к заблуждению. Подлинное «человеческое» не тождественно ни одной из них и остается бесконечным и непостижимым [7, с. 906].

Русскую религиозную философскую мысль с идеей всеединства, подчеркивая органическую связь всех существ как частей одного целого, – представляет В.С. Соловьев. Ученый отмечает, что целостность – это не простое сочетание элементов «как не всякое сочетание молекул образует органическую клеточку, и не всякое скопление клеточек составляет живое существо» [8, с. 485]. Э. Фромм вводит важную для дискурса целостности оппозицию «обладание или бытие», где концепт обладания превращает человека в раба вещей, а подлинное бытие – это способ существования, при котором человек, не имея ничего, счастлив, логично используя свои способности и пребывая в единении с миром [9, с. 44].

Целостность личности в постнеклассической оптике: вызовы цифровой эпохи. Что значит быть целостным сегодня?

Эволюция философской мысли о целостности человека представляет собой движение от классических представлений к постнеклассическому пониманию целостности как процессуальной, коммуникативной и проектной реальности. Принимая тезис Ясперса – человек как целое не может быть предметом окончательного научного исследования [7, с. 898], П.С. Гуревич развивает мысль, – так как «Всякая попытка создать целостную схему человека обречена на неудачу» [1, с. 143]. Целое постигается лишь как идея, как горизонт, как предел стремлений. Следуя за К. Ясперсом П.С. Гуревич объясняет целостность не как суммарную характеристику, а предъявляет ее как проблему существования личности. Целостность – это не исходная гармония, а вечное напряжение между фрагментарностью эмпирического бытия и стремлением к полноте бытия подлинного. Быть целостным – значит постоянно становиться целым, преодолевая расколотость – «Человек – это усилие быть человеком» [1, с. 146]. В отличие от П.С. Гуревича, рассматривающего целостность как экзистенциальную проблему и задачу обретения полноты бытия, В.А. Кутырев предлагает принципиально иную, трагическую интерпретацию. В его философии целостность человека – это уходящая натура, традиция, которую необходимо защищать от тотальной экспансии «Иного» – техноса, информации, виртуальной реальности. Человек, по мнению В.А. Кутырева – тонущий корабль гуманизма [10, с. 115], его эволюция – путь от духовной личности к бездушному агенту, от целостного «Я» к фрагментированному «зомби», от живого слова к мертвой цифре. Спасти человека, по мнению В.А. Кутырева, можно посредством консервативного поворота, через сопротивление деградации и осознанной защиты традиционной уходящей природы [10, с. 130]. Если П.С. Гуревич говорит, что целостность не задана, она обретается, то В.А. Кутырев возражает – целостность разрушена, и теперь она лишь традиция [10, с. 103, 107, 142], которую мы должны отстоять или достойно похоронить.

В основе целостности лежит психологическая потребность человека в укорененности и принадлежности, – отмечает И.В. Малыгина. Виртуализация реальности создает лишь иллюзию единства и тотальной эмпатии, подменяя подлинную идентичность ситуативными репрезентациями, мистификациями и симулякрами. Спонтанные сообщества, возникающие в цифровой среде не способны обеспечить ни глубокой рефлексии, ни устойчивого эмпатического переживания. В результате возникает опасная подмена – идентичность как сложный комплекс рациональных установок и эмоциональных переживаний замещается масками, не дающими человеку укорененности и принадлежности, а обществу – консолидации. Ученый предостерегает об утрате терминологической строгости, что ведет к искажению представлений о сути культурных процессов и экзистенциальных проблемах человека [11, с. 48–49, 50, 51].

Исследуя процессы становления современного человека, В.М. Розин смещает акцент с технологических возможностей ИИ на антропологическую уникальность человеческого мышления, сознания и эмоций. По мнению ученого, целостность человека есть способность к подлинному пониманию, творчеству и эмоциональному переживанию, укорененная в личности, которая проявляется в способности разрешать внутренние конфликты, создавать новые реальности, транслировать мышление, посредством рефлексии и нормирования, интегрировать противоположности [12, с. 23]. ИИ на это не способен, так как у него нет личности, биографии и экзистенциального опыта. Сохранение и эволюция целостности требует рефлексии, образования и осознанного противостояния рискам безличных социальных структур.

В работах А.А. Гусейнова проблема целостности и становления личности рассматривается через этико-философскую и культурологическую оптику. В отличие от онтологических и антропологических подходов других авторов, А.А. Гусейнов фокусируется на нравственном ядре личности, ее способности к автономному выбору и диалогу с Другим [13, с. 23, 99–106, 126]. Опираясь на идеи М.М. Бахтина, А.А. Гусейнов, отмечает, что целостность личности не дана от природы, а конституируется через поступок. Личность обретает себя в момент ответственного, индивидуального действия и формируется в напряженном поле межкультурного и межличностного диалога. Становление человека происходит через преодоление группового эгоизма и выхода к универсальной человечности, выраженной в способности личности принимать самостоятельные решения, готовности отвечать за последствия поступков, относиться с пониманием к чужим убеждениям, следовать моральным запретам.

Междисциплинарные стратегии исследования целостности личности. Методологические поиски объяснения целостности как культурософской категории занимают одно из ключевых мест в работах М.С. Кагана. Ученый обосновывает принципиальное различие между суммативной целостностью как простой совокупностью частей и подлинной целостностью, обладающей сверхсуммативным характером, что позволяет рассматривать человека не как механический набор биологических, психических и социальных свойств, а как органическое единство, в котором связь компонентов «сильнее, чем их связи с внешней средой, обеспечивая системе возможность самосохранения, самосовершенствования, саморазвития и саморазвития при неизменной качественной определенности» [14, с. 8].

Иной взгляд на проблему целостности человека предлагает Ю.М. Резник, смещая акцент с анализа бытия на конструирование будущего. По мнению ученого, целостность – это не то, что дано или утрачено, человек обретает себя, собирая из рассеянных образов единый «экзистенциальный проект». Целостность рождается на пересечении возможного и должного. Человек у Ю.М. Резника – архитектор собственной целостности [15, с. 460]. Целостность достигается в движении от само-единства к транс-единству, выраженное в непрерывном процессе трансцендирования – внемирностный план и экзистирования – углубление в подлинность своего существования [16, с. 78–79]. Это бесконечный проект, в реализации которого человек и обретает подлинное существование.

Если Ю.М. Резник видит целостность как результат внутреннего экзистенциального проекта, предполагающего «сборку» личности из образов незавершенности, конечности и вопрошания, то В.И. Аршинов и М.Ф. Янукович предлагают иной – процессуально-реляционный – подход, смещающий акцент с классической антропоцентрической модели на козволюционную, в которой ключевую роль играет взаимодействие человека с техносредой и искусственным интеллектом [17, с. 58–59]. Развивая идею целостности в духе М.С. Кагана, исследователи делают уточнения по ее трактовке по отношению к человеку. По их мнению, целостность не дается изначально человеку, поскольку процесс становления – это открытый, развивающийся и разворачивающийся в медиативном пространстве процесс взаимодействия человека и технологий. Опираясь на идеи Дж. Спенсера-Брауна, ученые определяют, что субъект возникает через акт различения в процессе наблюдения разных порядков на базе сложностного мышления. «В сетевой парадигме субъективность становится распределенной, а не локализованной. Она распространяется по сети в целом, включая в себя не только людей, но и нейронные сети, большие данные» [17, с. 61–62, 65]. Целостность человека теперь включает в себя инаковость технологического Другого. Человек становится собой вместе с технологиями через акты различения, коммуникации и коэволюции.

В контексте постнеклассической науки В.Г. Буданов развивает идеи, созвучные подходу В.И. Аршинова, предлагая проект квантово-синергетической антропологии, который должен дать возможность разным направлениям, дисциплинам и культурным традициям свободно и согласованно взаимодействовать на новом, быстро меняющемся онтологическом ландшафте. По мнению ученого, целостность современного человека – это проблема деятельностной сборки в условиях гибридной реальности, которая описывается через разные типы рациональности [18, с. 27]. Человек сохраняет свою уникальность благодаря эвристическому потенциалу, но его антропологическая конституция активно трансформируется под влиянием цифровых сред. Сохранение целостности требует развития институтов социальной экспертизы и создания дружественного ИИ, учитывающего интеллект, эмпатию и ценностные измерения.

Через призму смыслообразования, нарративной коммуникации и вызовов цифровой эпохи проблему целостности и становления современной личности исследует Г.Л. Тульчинский, используя концепции

прагмасемантики и глубокой семиотики. По мнению ученого, целостность современной личности – это динамическая способность к самосознанию и ответственному поступку в условиях дивергенции смыслов. Становление личности происходит через освоение нарративной коммуникации и принятие ответственности – загрузка ею со стороны Другого, в том числе технологичного [19, с. 85–88]. Цифровая эпоха создает беспрецедентные вызовы, фрагментируя смысловые картины мира, порождая соблазн отказа от субъектности в пользу комфорта, порождая расслоение социума в зависимости от степени принятия и реализации вменяемой ответственной субъектности [19, с. 89–90]. Однако именно способность к рефлексии и удержанию позиции первого лица становится главным фактором, позволяющим личности сохранить целостность и избежать растворения в цифровой среде или превратиться в пассивный источник данных.

Радикальную номадическую модель целостности предлагают Ж. Делез и Ф. Гваттари. Ученые рассматривают целостность как иллюзорный продукт социальной, биологической, лингвистической, нанотехнологической стратификации [20, с. 68–69, 853]. По их мнению, современная личность не обладает целостностью, человек – это сборка желаний [20, с. 94, 259], включенная в ризому других социокультурных машин (образование, наука, искусство, технологии, СМИ). Вместо целостного «Я» есть «тело без органов» [20, с. 264–265, 268, 274] – не физическое тело, а пространство интенсивности, где фиксируются желания, целостность же личности всего лишь иллюзия, созданная стратами. Становление – это демонтаж страт, движение по линиям ускользания, детерриторизация от навязанных идентичностей и вход в зоны интенсивности, где происходит становление иным, это не эволюция, а инволюция – творческий распад жестких форм [20, с. 392–394]. Риск ученые видят в полном растворении субъекта в шизофренических потоках желания и капитала, потере устойчивой идентичности. Позитивное развитие личности возможно через освобождение творческих потенций, отказ от репрессивных структур, к возможности сборки новых, множественных форм субъектности. Цель – стать множеством, стать миром, стать незаметной, но вибрирующей частью «плана консистенции» [20, с. 15], где личность – это не субъект истории, а событие и карта.

Целостность культурно-образовательной среды как необходимое условие становления личности в условиях цивилизационных изменений глобализирующегося мира, – исследует С.М. Остапенко. Ученый подчеркивает, что понятие целостности отражает свойства совокупности организации элементов структуры, включая предшествующее развитие, накопление научного познания и множественные связи объекта со средой, существование с ней в единстве [21, с. 33]. При этом осмысление изменений последних лет требует новых оснований и концептуальных решений, охватывающих культурно-смысловые, семантико-семиотические и темпоральные аспекты [21, с. 34]. Таким образом, С.М. Остапенко связывает проблему целостности человека с необходимостью формирования устойчивой, культуросообразной образовательной средой, способной противостоять энтропийным деформациям социокультурного пространства.

Рассмотрение проблемы целостности в отношении культуры как сложной антропо-социо-культурной системы (термин введен М.С. Каганом), базирующейся на принципе «единства множественностей», как полицелостности, отражающей усложнение структуры культуры и процессов взаимовлияния, представлено в работах О.Н. Астафьевой. Усложнение среды и глобализационного контекста трансформирует взаимодействие культур, порождает новые модели – гибридизацию и конвергенцию, которые усложняют культурный ландшафт, создавая «пересекающиеся пространства» смыслов. В этой ситуации ключевым вопросом становится о границах между «своей» и «чужой» культурой, о сохранении идентичности, что во многом зависит от открытости и способности к диалогу, отказу от жесткой изоляции в практике «защитной самобытности» в пользу самобытности, обращенной в будущее [22, с. 269, 271, 283, 284]. В контексте формирования общероссийской гражданской идентичности О.Н. Астафьева ориентирует на идентификационную модель «когерентного» типа – согласованную, многоуровневую систему, где этнокультурные идентичности гармонизируются вокруг общезначимых культурных ценностей. В контексте полилоговой среды особое внимание уделяется институтам образования, семьи, средствам массовой информации по трансляции традиций и исторической памяти [23, с. 115, 124].

Проведенное исследование позволяет нам выявить фундаментальный сдвиг в культурфилософском дискурсе понимания целостности личности. Если в классической традиции она мыслилась как изначальная данность, то в постнеклассической философской мысли она предстает как проблема, открытый проект и динамичный процесс.

Заключение

Обобщая различные точки зрения, вытекающие из методологических оснований, во-первых, выделим общие риски утраты целостности человека в современном мире:
– техногенная утрата субъектности – превращение в фактор, агента, зомби, опцию цифровых платформ;
– этический релятивизм и подмена ответственности, конфликт «своих» и «чужих»;
– фрагментация сознания и утрата смысла, клиповое мышление, дивергенция смысловых картин мира, потеря способности к длительной рефлексии;
– деантропологизация и исчезновение «Я» посредством растворения в сетях, симулякрах, потоках желания.

Во-вторых, отметим и позитивные векторы для сохранения целостности личности в современном мире:
– становление как самопроект, самопознание и саморазвитие;
– обретение себя через диалог с Другим, в том числе технологичным, принятие ответственности;
– развитие способности к рефлексии над интерфейсами смыслов, удержание позиции первого лица;
– творчество и эстетическое переживание, не поддающиеся алгоритмизации;
– опора на абсолютные моральные запреты как на базовое основание личности.

Учитывая все сказанное, каким образом можно продвигаться к обретению целостности в современных реалиях? Очевидно, что простого возврата к традиции недостаточно. Необходима новая коммуникативная модель, которая учитывает сложность, риски и новые возможности на фундаменте синтеза этики и эстетики.

Литература

1.Гуревич П.С. Проблема целостности человека: научное издание / П.С. Гуревич; Ин-т философии Рос. акад. наук. – Москва: ИФ РАН, 2004. – 178 с.

2. Платон. Сочинения: в 4 т. – М.; СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. – Т. 2. – 626 с.

3. Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 7. – 495 с.

4. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: в 2 т. / Пер. с нем.; сост., ред. А.В. Гулыга; прим. М.И. Левиной, А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – 636 с.

5. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. – 1995. – С. 157–231.

6. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

7. Ясперс К. Общая психопатология / Пер. с нем. Л.О. Акопяна. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.

8. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.

9. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

10. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.

11. Малыгина И.В. Онтологические контуры идентичности // Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность: коллективная монография. – М.: Институт Наследия, 2025. – 328 с. – С. 34–51.

12. Розин В.М. Может ли искусственный интеллект подчинить человека? // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 7–26. – DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-7-26.

13. Гусейнов А.А. «Свои» и «чужие» в глобализирующемся мире // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения. – 2014. – С. 55–57.

14. Каган М.С. Система и целостность // Художественное образование и наука. – 2017. – № 3. – С. 8–11. (Дата обращения: 28.04.2026)

15. Резник Ю.М. К феноменологии возможных миров человека: экзистенциальная онтология проектирования // Онтология проектирования. – 2015. – Т. 5, № 4. – С. 450–462.

16. Резник Ю.М. Человек как экзистенциальный проект // Личность. Культура. Общество. – 2015. – № 3. – С. 74–90.

17. Аршинов В.И., Янукович М.Ф. Проблема техносубъекта в оптике мышления «вместе-со-сложностностью» // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 53–74. – DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-53-74.

18. Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 3. – С. 27–52. – DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-27-52.

19. Тульчинский Г.Л. Смысл, субъектность и ответственность в цифровых коммуникациях // Человек. – 2023. – Т. 34, № 3. – С. 74–93. – DOI: 10.31857/S023620070026106-3.

20. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я.И. Свирского. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

21. Остапенко С.М. Культурно-образовательная среда в глобальную эпоху: эвристический потенциал достижения целостности // Концепт: философия, религия, культура. – 2020. – Том 4. – № 4. – С. 31–45. https://doi.org/10.24833/2541–8831–2020–4–16–31–45.

22. Астафьева О.Н. Динамика «полицелостности» современной культуры: инновационные практики взаимодействия // Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 496 с. – С. 269–285.

23. Астафьева О.Н. Общероссийская гражданская идентичность в стратегических задачах государственной культурной политики // Фундаментальные аспекты культурологии: культурная идентичность: коллективная монография. – М.: Институт Наследия, 2025. – 328 с. – С. 111–125.

PERSONALITY IN THE DIGITAL AGE: POST-NON-CLASSICAL PARADIGM

Shadieva O.P.
Russian presidential academy of national economyand public administration, Russian Federal Nuclear Center-VNIIEF

The article is devoted to the study of the post-non-classical discourse on the formation of personality in the context of digital modernity. The study is based on the methodological relationship between the activity-based and dialogical approaches. The author explores the evolution of ideas about human integrity. The object of the study is the sociocultural context of human development, viewed through the prism of the post-non-classical paradigm of philosophy, which is determined by the processes of digital transformation and communicative complexity. The subject is the communicative model of achieving personal integrity in the digital age, which is viewed as a dynamic system of meaning generation in a polylogical space of culture and technology. The purpose of this article is to explore the impact of technological changes on the process of personal development in the digital age, where individuals, transcending their natural limitations and relying on their inherent wealth, become active participants in shaping a new historical reality that unfolds in a dynamic field of competition and partnership with artificial intelligence (AI). This study is an attempt to understand the new nature (or technology) of personal integrity and to find possible answers to modern challenges.

The study uses an information-semiotic approach as its methodological basis, which allows for the interpretation of personality development as a dynamic process of meaning generation in the polylogical sign space of culture. The synergetic approach makes it possible to model the formation of personality and communicative systems as open, nonlinear, and self-organizing, taking into account the alternative trajectories of development and possible fluctuations. It allows us to describe the non-predetermined nature of meaning generation in complex communicative environments, which gives the research an interdisciplinary character. The structural-functional and activity-based approaches are aimed at revealing the architectonics of communication systems and practices.

Keywords: personality; communication; interdisciplinarity; the post-non-classical paradigm; socialization; development; technology; and integrity.

References

1. Gurevich P.S. (2004) Problema tselostnosti cheloveka [The Problem of Human Integrity]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 178 p.

2. Plato (2007) Sochineniya: v 4 t. [Works: in 4 vols.]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: St. Petersburg University Press; Oleg Abyshko Publishing. 626 p.

3. Kant I. (1994) Sochineniya: v 8 t. [Works: in 8 vols.]. Vol. 7. Moscow: Choro. 495 p.

4. Schelling F.W.J. (1989) Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Mysl. 636 p.

5. Buber M. (1995) The Problem of Man. In: Buber M. Two Types of Faith. Moscow: Respublika, pp. 157–231.

6. Berdyaev N.A. (1993) O naznachenii cheloveka [On the Destiny of Man]. Moscow: Respublika. 383 p.

7. Jaspers K. (1997) Obshchaya psikhopatologiya [General Psychopathology]. Moscow: Praktika. 1056 p.

8. Solovyov V.S. (1988) Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Mysl. 892 p.

9. Fromm E. (1986) Imet' ili byt'? [To Have or to Be?]. Moscow: Progress. 238 p.

10. Kutyrev V.A. (2015) Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya [The Last Kiss. Man as a Tradition]. St. Petersburg: Aleteyya. 312 p.

11. Malygina I.V. (2025) Ontological Contours of Identity. In: Fundamentalnye aspekty kulturologii: kulturnaya identichnost. Moscow: Institut Nasledіya, pp. 34–51.

12. Rozin V.M. (2024) Can Artificial Intelligence Subjugate Humans? Filosofskie nauki. Vol. 67, no. 3, pp. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-7-26.

13. Guseynov A.A. (2014) "Us" and "Them" in a Globalizing World. In: Dialog kultury i partnerstvo tsivilizatsiy: XIV Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya. St. Petersburg: SPbGUP, pp. 55–57.

14. Kagan M.S. (2017) Sistema i tselostnost' [System and Integrity]. Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka. No. 3, pp. 8–11. (accessed 28.04.2026)

15. Reznik Yu.M. (2015a) To a Phenomenology of Possible Human Worlds: Existential Ontology of Designing. Ontologiya proektirovaniya. Vol. 5, no. 4 (18), pp. 450–462.

16. Reznik Yu.M. (2015b) Man as an Existential Project. Lichnost. Kultura. Obshchestvo. No. 3, pp. 74–90.

17. Arshinov V.I., Yanukovich M.F. (2024) The Issue of Technosubject through the Lens of "Together-with-Complexity" Thinking. Filosofskie nauki. Vol. 67, no. 3, pp. 53–74. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-53-74.

18. Budanov V.G. (2024) Technosubject and Anthroposocial Challenges of Human–Artificial Intelligence Interaction: Synergy, Demarcation, New Rationality, and Risks. Filosofskie nauki. Vol. 67, no. 3, pp. 27–52. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-3-27-52.

19. Tulchinskii G.L. (2023) Meaning, Subjectness and Responsibility in Digital Communications. Chelovek. Vol. 34, no. 3, pp. 74–93. DOI: 10.31857/S023620070026106-3.

20. Deleuze J., Guattari F. (2010) Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel. 895 p.

21. Ostapenko S.M. (2020) Cultural and Educational Environment in the Global Era: Heuristic Potential for Reaching Integrity. Concept: Philosophy, Religion, Culture. Vol. 4, no. 4, pp. 31–45. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-4-16-31-45.

22. Astaf'eva O.N. (2011) Dynamics of "Poly-Integrity" of Modern Culture: Innovative Practices of Interaction. In: Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovatsionnoy slozhnosti. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 269–285.

23. Astaf'eva O.N. (2025) All-Russian Civic Identity in the Strategic Tasks of State Cultural Policy. In: Fundamentalnye aspekty kulturologii: kulturnaya identichnost. Moscow: Institut Nasledіya, pp. 111–125.

Влияние социально-экономических условий на репродуктивные практики молодых семей

Шамшетдинов Ильшат Касимович,
аспирант, кафедра социология, Мордовский государственный университет им Николая Платоновича Огарева
E-mail: ilshat323@mail.ru

Предмет статьи – влияние дохода, занятости, жилищной обеспеченности, образовательных траекторий и мер семейно-демографической политики на репродуктивные практики молодых семей. Актуальность темы связана с распространением отложенного рождения первого ребенка, усилением рационального планирования родительства и разрывом между желаемым и ожидаемым числом детей. Научная новизна состоит в рассмотрении социально-экономических условий как системы ограничений, задающих не ценность родительства, а сроки, последовательность и полноту реализации репродуктивных намерений. Цель статьи – выявить механизмы воздействия социально-экономических условий на репродуктивное поведение молодых семей. Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация и синтез. Источниковая база представлена русскоязычными исследованиями 2021–2024 гг., посвященными молодежи, молодым и студенческим семьям, уровню жизни, жилищным условиям, демографической политике. Аналитическая часть раскрывает ресурсные, институциональные и временные детерминанты рождения детей. Практическая полезность результатов связана с уточнением направлений поддержки молодых семей.

Ключевые слова: молодая семья, репродуктивные практики, рождаемость, уровень жизни, жилищные условия, демографическая политика, отложенное родительство, семейное благополучие, студенческая семья, социально-экономические факторы.

Введение

Репродуктивные практики молодых семей формируются под воздействием комплекса социально-экономических условий, среди которых особое значение приобретают доход, занятость, доступность жилья, образовательные и карьерные траектории, устойчивость внутрисемейных отношений, объем доступной государственной поддержки. Для молодых супругов рождение ребенка связано не только с ценностным выбором, но и с расчетом ресурсов, позволяющих обеспечить уход, воспитание, медицинское сопровождение, сохранение образовательных и профессиональных планов. Поэтому анализ репродуктивного поведения молодых семей требует перехода от общего описания рождаемости к исследованию конкретных условий, при которых намерение иметь детей переходит в практическое решение.

Актуальность темы обусловлена тем, что молодая семья находится на стадии первичной стабилизации: супруги осваивают новые семейные статусы, закрепляются на рынке труда, решают жилищный вопрос, распределяют обязанности и соотносят родительство с личными траекториями развития. В данной фазе жизненного цикла даже позитивное отношение к детям не всегда приводит к рождению ребенка в ближайшей перспективе. При ограниченности доходов, отсутствии отдельного жилья, нестабильной занятости или незавершенном образовании рождение детей переносится на более поздний период либо ограничивается меньшим числом детей по сравнению с желаемым.

Цель исследования – раскрыть влияние социально-экономических условий на репродуктивные практики молодых семей на основе анализа современных русскоязычных научных публикаций.

Задачи исследования:

1. Определить основные социально-экономические условия, влияющие на репродуктивные намерения и практики молодых семей.
2. Раскрыть механизмы, через которые доход, жилье, занятость, образование и меры поддержки воздействуют на сроки рождения детей и ожидаемое число детей.
3. Оценить ограничения существующих исследовательских подходов и выделить направления дальнейшего изучения репродуктивного поведения молодых семей.

Научная новизна исследования заключается в том, что социально-экономические условия рассматриваются не как изолированные причины снижения рождаемости, а как совокупность ресурсных и институциональных фильтров, через которые молодая семья соотносит ценность родительства с возможностью его реализации. Такой подход позволяет различать репродуктивные установки, намерения и фактические практики, не сводя поведение молодых семей к прямой зависимости от материального положения.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили русскоязычные научные публикации 2021–2024 гг., отражающие современные подходы к изучению брачно-репродуктивного поведения и условий жизни молодых семей. А.Р. Абдульзянов и Г.М. Рустамова [1] исследовали откладывание брачного и репродуктивного дебюта российской молодежи, изменение возрастных моделей вступления в брак и рождения детей. О.А. Анисимова [2] раскрыла сущность репродуктивного поведения молодых семей, связав его с демографическим потенциалом, прокреационными потребностями и влиянием государственной политики. В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров и Н.Г. Джанаева [3] обосновали напряжение между выбором в пользу детей и ориентацией на материальный достаток. В.Н. Архангельский, Е.В. Землянова и А.А. Савина [4] проанализировали молодую семью в столичном мегаполисе с учетом особенностей брачности, рождаемости и семейной структуры. В.Н. Архангельский, Т.К. Ростовская и Е.Н. Васильева [5] рассмотрели влияние уровня жизни на репродуктивное поведение мужчин и женщин. Ю.Р. Вишневский, Я.В. Дидковская и О.Б. Зырянова [6] сопоставили матримониальные и репродуктивные установки молодежи с рисками материальной и жилищной необеспеченности. А.В. Короленко и О.Н. Калачикова [7] выявили условия реализации репродуктивных установок молодых семей по материалам углубленных интервью. Л.А. Попова [8] исследовала установки детности молодых реальных поколений в период усиления мер демографической политики. Т.К. Ростовская и Е.Н. Васильева [9] раскрыли стратегии формирования благополучия студенческих се-

мей, уделив внимание материальным трудностям, совмещению учебы, работы и семейных обязанностей. С.Ю. Сивоплясова, Е.П. Сигарева и В.Н. Архангельский [10] проанализировали взаимосвязь уровня жизни, рождаемости, числа детей в семье и структуры расходов домохозяйств.

Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитический анализ, обобщение и синтез. Анализ публикаций использован для выделения эмпирически обоснованных положений о молодых семьях и репродуктивном поведении. Сравнительный анализ позволил сопоставить подходы авторов к доходу, жилью, занятости, образованию и мерам поддержки. Классификация применена для группировки факторов по ресурсному, институциональному и временно-биографическому основаниям. Синтез позволил связать отдельные результаты исследований в единую аналитическую модель влияния социально-экономических условий на репродуктивные практики молодых семей.

Результаты

Анализ источников показывает, что репродуктивные практики молодых семей нельзя описывать только через факт рождения ребенка. Они складываются из последовательности решений: регистрация брака или выбор сожительства, планирование рождения первенца, определение желаемого и ожидаемого числа детей, распределение сроков между рождением первого и последующих детей. А.Р. Абдульзянов и Г.М. Рустамова связывают современное брачное и репродуктивное поведение молодежи с переносом заключения брака и рождения детей на более поздний возрастной период, преимущественной ориентацией на малодетную либо среднедетную модель, распространением добрачного сожительства на начальной стадии создания семьи [1]. Для молодых семей такая динамика означает, что родительство все чаще возникает после предварительного накопления образовательных, профессиональных и материальных ресурсов.

Репродуктивное поведение молодой семьи формируется в период перехода от социальной зависимости к самостоятельности. О.А. Анисимова рассматривает молодую семью через связь репродуктивных установок, прокреационных потребностей и демографического потенциала, подчеркивая влияние социального статуса, финансовой независимости, завершения образования и семейного самоопределения на готовность к рождению детей [2]. В такой трактовке рождение ребенка перестает выглядеть как единичное биологическое событие и приобретает характер социального решения, зависящего от способности семьи закрепить собственную устойчивость. Чем слабее ресурсная база молодой пары, тем выше вероятность переноса родительства на период после стабилизации занятости и жилищного положения.

Материальная обеспеченность воздействует на репродуктивные практики через конфликт между желанием иметь детей и стремлением сохранить приемлемый уровень жизни. В.Н. Архангельский, В.В. Елизаров и Н.Г. Джанаева показывают, что выбор между детьми и материальным достатком связан с оценкой расходов, снижением свободных ресурсов семьи после рождения ребенка, необходимостью перераспределения потребления и изменением жизненных планов супругов [3]. Для молодых семей данный механизм особенно значим, поскольку старт семейной жизни часто совпадает с началом профессиональной карьеры, арендой жилья, ипотечными обязательствами или финансовой зависимостью от родительских семей. Решение о ребенке в таких условиях принимает форму расчета допустимого снижения уровня потребления.

Жилищная обеспеченность задает границы практической реализуемости репродуктивных намерений. В.Н. Архангельский, Е.В. Землянова и А.А. Савина при анализе молодой семьи в столичном мегаполисе показывают связь процессов формирования семей, брачности и рождаемости с условиями городской среды, структурой семейных ячеек и спецификой столичного пространства [4]. Для молодой семьи жилье выступает не внешним фоном, а непосредственным условием родительства: отдельная квартира, возможность аренды, доступность ипотечных инструментов и приемлемые расходы на проживание влияют на готовность к рождению ребенка. В мегаполисе данный фактор усиливается высокой стоимостью жилья и конкуренцией между расходами на самостоятельное проживание, карьерное развитие и уход за детьми.

Уровень жизни влияет на репродуктивное поведение через гендерно различающиеся оценки ответственности за ребенка. В.Н. Архангельский, Т.К. Ростовская и Е.Н. Васильева анализируют данные репрезентативных обследований репродуктивных планов населения и связывают репродуктивные ориентации мужчин и женщин с индикаторами уровня жизни [5]. Для молодых супругов доход имеет не только количественное, но и субъективное измерение: одна и та же сумма по-разному оценивается в зависимости от занятости обоих супругов, стабильности рабочего места, перспективы декретного отпуска, участия родственников в уходе за ребенком. Женщина чаще соотносит рождение ребенка с риском выпадения из образования или занятости, мужчина – с обязанностью расширения материальной базы семьи. В результате решение о рождении детей формируется через согласование разных представлений о достаточности ресурсов.

Матримониальные установки молодежи сохраняют позитивную направленность на семью, но их реализация ограничивается социально-экономическими барьерами. Ю.Р. Вишневский, Я.В. Дидковская и О.Б. Зырянова показывают, что прогнозируемое снижение рождаемости не следует объяснять ухудшением отношения молодежи к семье; существенное ограничение связано с последствиями демографического эха 1990-х годов, риском недостаточного материального положения и нехваткой жилищных условий, пригодных для воспитания детей [6]. Данный вывод позволяет уточнить причинную логику: молодежь не обязательно отказывается от семьи как ценности, но переносит или ограничивает рождение детей из-за слабой уверенности в будущих условиях жизни. Поэтому репродуктивная практика расходится с декларируемой установкой.

Исследование А.В. Короленко и О.Н. Калачиковой раскрывает разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей в молодых семьях. Авторы связывают нереализацию репродуктивных намерений с материально-экономическим положением, неопределенностью будущего, состоянием внутрисемейных отношений, влиянием родительской семьи и ближайшего окружения [7]. Данные положения позволяют выделить многослойный механизм: экономические ограничения не действуют отдельно от семейной коммуникации и опыта происхождения. Молодые супруги соотносят свои планы с образом родительства, усвоенным в родительской семье, с качеством отношений внутри пары и с ожиданием поддержки со стороны родственников. При недостатке таких опор даже выраженное желание иметь детей не переходит в ближайшее репродуктивное действие.

Меры демографической политики усиливают реализацию уже имеющихся планов, но слабее воздействуют на сами установки детности. Л.А. Попова показывает, что расширение мер поддержки в 2018–2020 гг. содействовало более полной реализации существующих репродуктивных планов, при этом не привело к повышению уровня установок детности молодых поколений; среди причин названы адресность части мер по критерию малообеспеченности и переориентация политики на первые рождения [8]. Для молодых семей данный вывод принципиален: поддержка эффективнее в ситуации, когда супруги уже приняли решение о ребенке, но испытывают ресурсное ограничение. Если же семья воспринимает ребенка как источник долгосрочного экономического риска, разовая или узко адресная помощь не меняет базовую оценку родительства.

Студенческие семьи показывают особую форму зависимости репродуктивных практик от социально-экономических условий. Т.К. Ростовская и Е.Н. Васильева выделяют материальные трудности, зависимость от ресурсов родительской семьи, возраст супругов, готовность совмещать работу и учебу, наличие отдельного жилья или средств для аренды, потребность в медицинской помощи и помощи по уходу за ребенком [9]. У студенческой семьи рождение ребенка сопряжено с выбором между продолжением образования, ранним выходом на рынок труда и обращением к поддержке родственников либо образовательной организации. Поэтому репродуктивное решение приобретает выраженный целерациональный характер: супруги оценивают не только желание иметь ребенка, но и возможность не разрушить образовательную и профессиональную траекторию.

Взаимосвязь уровня жизни и рождаемости требует осторожной интерпретации. С.Ю. Сивоплясова, Е.П. Сигарева и В.Н. Архангельский показывают, что многодетные семьи располагают меньшими среднедушевыми ресурсами и несут более высокие расходы на питание; обратная связь между уровнем жизни и рождаемостью объясняется не прямым влиянием низкого уровня жизни на большее число детей, а влиянием числа детей на снижение среднедушевых ресурсов семьи [10]. Для молодых семей данный вывод позволяет избежать упрощенной трактовки: низкий доход не стимулирует рождение детей, а рождение детей само по себе снижает уровень доступных ресурсов. Отсюда следует, что поддержка молодых семей требует учета расходов после рождения ребенка, а не только дохода до родительства.

Сопоставление исследований позволяет выделить три группы социально-экономических условий, влияющих на репродуктивные практики. Первая группа связана с ресурсной достаточностью: доход, занятость, структура расходов, жилищная обеспеченность, поддержка родственников [3; 5; 7; 10]. Вторая группа относится к институциональной среде: меры демографической политики, доступность медицинской помощи, образовательные ресурсы для студенческих се-

мей, механизмы поддержки молодых родителей [8; 9]. Третья группа описывает биографический тайминг: завершение образования, начало трудовой карьеры, оформление брака, переход от сожительства к зарегистрированному союзу, выбор возраста рождения первого ребенка [1; 2; 4; 6]. Воздействие этих групп носит взаимосвязанный характер: жилищный вопрос усиливает значение дохода, занятость влияет на готовность к браку, меры поддержки снижают отдельные риски, но не отменяют долгосрочного расчета семьи.

Репродуктивные практики молодых семей складываются как результат согласования ценностных и ресурсных оснований. Ценность семьи и детей сохраняет значимость для молодежи, но социально-экономические условия определяют, когда и в каком объеме эта ценность переходит в действие [6; 7]. Если молодая пара видит возможность самостоятельного проживания, стабильного дохода и поддержки при уходе за ребенком, рождение детей воспринимается как управляемый этап семейной биографии. При отсутствии таких условий даже положительная установка на родительство сопровождается отсрочкой, снижением ожидаемого числа детей или отказом от последующих рождений.

Особое значение имеет различие между желаемым, ожидаемым и фактическим числом детей. Желаемое число отражает ценностный горизонт семьи; ожидаемое число показывает оценку реальных возможностей; фактическое число фиксирует уже реализованную практику. Социально-экономические условия сильнее всего воздействуют на переход от желаемого к ожидаемому числу детей, поскольку именно здесь семья учитывает доход, жилье, занятость, помощь родственников, образовательные планы и государственную поддержку [7; 8; 10]. Поэтому репродуктивная политика, ориентированная только на стимулирование рождения, теряет часть эффективности, если не снижает разрыв между семейным идеалом и доступными ресурсами.

Обсуждение

Полученные положения показывают, что социально-экономические условия нельзя трактовать как единственную причину изменения репродуктивных практик. Они действуют через посредующие звенья: оценку будущего, распределение внутрисемейной ответственности, опыт родительской семьи, готовность к самостоятельному проживанию, ожидание помощи со стороны государства и родственников. Материальный фактор приобретает значение тогда, когда молодая семья переводит общее желание иметь детей в решение о сроках рождения, числе детей и допустимом уровне финансового риска.

Сопоставление подходов выявляет различие между исследованиями, ориентированными на демографические показатели, и работами, основанными на интервью с молодыми супругами или студенческими семьями. Демографический подход точнее фиксирует возрастные сдвиги, откладывание брака и рождения детей, изменение семейной структуры. Качественные исследования глубже раскрывают мотивацию, страхи, ожидания поддержки и внутрисемейное согласование решений. Для анализа молодых семей продуктивно соединение этих линий: статистическая динамика показывает масштаб изменений, интервью позволяют понять, почему положительная установка на родительство не всегда завершается рождением ребенка.

В источниках прослеживается расхождение между ценностным и ресурсным объяснением репродуктивного поведения. Часть авторов подчеркивает сохранение ценности семьи и детей у молодежи, другая часть акцентирует экономические и жилищные ограничения. Эти подходы не исключают друг друга. Ценность родительства задает желаемую модель семьи, а ресурсные условия определяют траекторию ее реализации. Поэтому снижение рождаемости среди молодых семей некорректно объяснять только изменением ценностей. В ряде случаев речь идет о переносе рождения детей до момента, когда семья считает свои условия достаточными.

Ограничения применимости выводов связаны с неоднородностью изученных групп. Молодая семья в мегаполисе, студенческая семья, семья с уже сформированным трудовым статусом и семья, зависящая от родительской поддержки, различаются по ресурсам и горизонту планирования. Жилищный вопрос в столичной среде имеет иную остроту, чем в малых городах; совмещение учебы и родительства характерно не для всех молодых супругов; меры поддержки по-разному воспринимаются семьями с разным доходом. Поэтому единая модель влияния социально-экономических условий нуждается в уточнении по типам молодых семей.

Другая граница анализа связана с тем, что большинство источников описывает уже выявленные установки, оценки и демографические сдвиги, но не всегда прослеживает долгосрочный путь одной и той же пары от намерения к рождению ребенка. Для понимания репродуктивных практик требуется более плотное изучение семейной динамики: как меняется решение после получения жилья, рождения первого ребенка, выхода женщины из отпуска по уходу за ребенком, изменения занятости мужчины или появления помощи родственников. Без такой временной перспективы трудно отделить устойчивый отказ от родительства от временного переноса рождения.

Исследовательская лакуна сохраняется в изучении мужской позиции в молодых семьях. В ряде работ фиксируются различия в оценках уровня жизни мужчинами и женщинами, но внутрисемейный механизм согласования этих оценок раскрыт недостаточно. Между тем решение о рождении ребенка принимает пара, а не изолированный индивид. Значение имеют не только доход каждого супруга, но и представления о том, кто берет на себя уход, кто сохраняет занятость, кто несет основную финансовую ответственность, какие компромиссы допустимы при снижении потребления.

Отдельного внимания заслуживает связь мер демографической политики с субъективным восприятием родительства. Поддержка снижает часть расходов, но не всегда меняет представление семьи о ребенке как о долгосрочной финансовой нагрузке. Если помощь воспринимается как временная компенсация, а не как гарантия устойчивости семьи, она скорее ускоряет уже принятое решение, чем формирует новое намерение. Поэтому оценка эффективности политики требует анализа не только факта рождения, но и того, насколько меры уменьшают разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей.

Заключение

Установлено, что на репродуктивные намерения и практики молодых семей воздействуют доход, занятость, жилищная обеспеченность, образовательные планы, поддержка родственников, состояние внутрисемейных отношений и меры семейно-демографической политики. Эти условия определяют не только готовность к рождению ребенка, но и сроки вступления в брак, возраст рождения первенца, ожидаемое число детей и решение о последующих рождениях.

Выявлено, что социально-экономические условия действуют через несколько механизмов: оценку достаточности ресурсов, расчет будущих расходов, риск снижения уровня жизни, возможность совмещения родительства с учебой и занятостью, доступность самостоятельного жилья, восприятие государственной поддержки. Наиболее заметное влияние проявляется при переходе от желаемого числа детей к ожидаемому и фактическому, поскольку именно здесь молодая семья соотносит ценность родительства с реальными возможностями.

Определены ограничения существующих подходов: неоднородность молодых семей, различие региональных и городских условий, недостаточная представленность длительных исследований семейной динамики, неполное раскрытие мужской позиции и внутрисемейного согласования репродуктивных решений. Дальнейшее изучение темы целесообразно строить на соединении демографической статистики, интервью с обоими супругами и анализа изменений семейных решений во времени.

Литература

1. Абдульзянов А. Р., Рустамова Г.М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народонаселение. 2024. Т. 27, № S1. С. 94–106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106.

2. Анисимова О.А. Сущность и особенности репродуктивного поведения молодых семей // Ученые заметки ТОГУ. 2024. Т. 15, № 1. С. 158–167.

3. Архангельский В. Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Дети или материальный достаток: детерминация выбора // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 102–120. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.8.

4. Архангельский В. Н., Землянова Е.В., Савина А.А. Молодая семья в столичном мегаполисе: демографический аспект // Социальное пространство. 2024. Т. 10, № 2. С. 1–17. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.4.

5. Архангельский В. Н., Ростовская Т.К., Васильева Е.Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. Специальный выпуск. С. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1.

6. Вишневский Ю. Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3.

7. Короленко А. В., Калачикова О.Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11.

8. Попова Л.А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7.

9. Ростовская Т. К., Васильева Е.Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 67–80. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8.

10. Сивоплясова С. Ю., Сигарева Е.П., Архангельский В.Н. Уровень жизни и рождаемость: взаимосвязь двух неравенств на макро– и микроуровнях // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15, № 3. С. 38–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51.

THE IMPACT OF SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS ON THE REPRODUCTIVE PRACTICES OF YOUNG FAMILIES

Shamshetdinov I.K.
Mordovian State University named after Nikolai Platonovich Ogarev

This article examines the influence of income, employment, housing, educational trajectories, and family and demographic policy measures on the reproductive practices of young families. This topic is relevant given the increasing prevalence of delayed first childbearing, the rise of rational parenting planning, and the gap between the desired and expected number of children. The scientific novelty lies in examining socio-economic conditions as a system of constraints that determine not the value of parenthood, but the timing, consistency, and completeness of the realization of reproductive intentions. The aim of the article is to identify the mechanisms by which socio-economic conditions influence the reproductive behavior of young families. The article utilizes an analysis of scientific publications, comparative analysis, classification, and synthesis. The source base is represented by Russian-language studies from 2021–2024 on youth, young and student families, living standards, housing conditions, and demographic policy. The analytical section reveals the resource, institutional, and temporal determinants of childbearing. The practical utility of the results lies in the clarification of support options for young families.

Keywords: young family, reproductive practices, fertility, standard of living, housing conditions, demographic policy, delayed parenthood, family well-being, student families, socioeconomic factors.

References

1. Abdulzyanov, A. R., Rustamova, G. M. “Marital and Reproductive Behavior of Contemporary Russian Youth” // Population. 2024. Vol. 27, No. S1. pp. 94–106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106.

2. Anisimova, O. A. “The Nature and Features of Reproductive Behavior of Young Families” // Scientific Notes of Pacific National University. 2024. Vol. 15, No. 1. pp. 158–167.

3. Arkhangelsky, V. N., Elizarov, V. V., Dzhanaeva, N. G. “Children or Material Wealth: Determining Choice” // Standard of Living of the Population of Russian Regions. 2021. Vol. 17, No. 1. Pp. 102–120. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.8.

4. Arkhangelsky V. N., Zemlyanova E.V., Savina A.A. Young Family in the Capital Metropolis: Demographic Aspect // Social Space. 2024. Vol. 10, No. 2. Pp. 1–17. DOI: 10.15838/sa.2024.2.42.4.

5. Arkhangelsky V. N., Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N. The Impact of Living Standards on the Reproductive Behavior of Russians: Gender Aspect // Woman in Russian Society. 2021. Special Issue. Pp. 3–24. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1.

6. Vishnevsky Yu. R., Didkovskaya Ya. V., Zyryanova O.B. Matrimonial and Reproductive Attitudes of Young People in the Context of Young Family Security // Woman in Russian Society. 2024. No. 1. pp. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3.

7. Korolenko A. V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families: Factors and Conditions of Implementation (Based on In-Depth Interviews) // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15, No. 2. pp. 172–189. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11.

8. Popova, L. A. “Reproductive Attitudes of Young Actual Generations in the Context of Strengthening Demographic Policy Measures” // Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2022. No. 2. pp. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7.

9. Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. “Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (Based on the Results of an In-Depth Interview)” // Logos et Praxis. 2023. Vol. 22, No. 2. pp. 67–80. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8.

10. Sivoplyasova S. Yu., Sigareva E.P., Arkhangelsky V.N. Standard of Living and Fertility: The Relationship between Two Inequalities at the Macro– and Micro-Levels // Economy. Taxes. Law. 2022. Vol. 15, No. 3. Pp. 38–51. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-3-38-51.

Интеграция информационных технологий в процесс совершенствования скоростно-силовой подготовки любителей бега с различными вариантами сочетания модулей тренировочных средств

Шестакова Татьяна Алексеевна,
к.п.н., доцент кафедры ФК и СД, ТГПУ им. Л.Н. Толстого
E-mail: shestak-sport.52@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности цифровизации сферы любительского бега с акцентом на использование онлайн-фитнес-приложений, социальных сетей и мессенджеров как инструментов организации физкультурно-оздоровительной деятельности и коммуникации в спорте. Проанализированы тенденции роста популярности цифровых фитнес-сервисов, обусловленные развитием мобильных технологий. Сделан вывод о том, что цифровые технологии становятся неотъемлемым элементом современной системы физической культуры и спорта, обеспечивая развитие новых форм организации тренировочного процесса и коммуникации.

Ключевые слова: скоростно-силовая подготовка, беговой спорт, любительский спорт, цифровизация, носимые устройства, приложение

Как правило, в беговом спорте – как любительском, так и в профессиональном – выработаны стандартные и апробированные временем специальные комплексы упражнений, состоящие из средств и приемов, эффективность которых подтверждена многими исследователями, учителями физической культуры и практикующими тренерами. Так, к примеру, для развития быстроты и скоростных способностей используются упражнения «Бег на месте»; «Работа рук, как в беге на месте»; «Прыжки через линию»; «Работа рук, как в беге на месте»; «Разножка; «Работа рук, как в беге на месте»; «Бег на месте»; «Бег с ходу», «Выбегания из полунизкого положения старта» и проч. [2, с. 17].

В беговом спорте скоростно-силовая подготовка выступает приоритетным компонентом учебно-тренировочного процесса. Среди стандартных и апробированных принципов подготовки бегунов можно отметить следующие ключевые принципы.

1. *Возрастная и индивидуальная адаптация нагрузки*. Объём и интенсивность упражнений должны соответствовать уровню подготовки, возрасту и текущим задачам тренировочного процесса. Наиболее эффективно скоростно-силовые качества развиваются в периоды повышенной чувствительности организма к тренировочным воздействиям.
2. *Баланс мышц-антагонистов*. Важно развивать не только мышцы-разгибатели, активно работающие в беге, но и мышцы-сгибатели. Гармоничное развитие антагонистических групп улучшает беговую механику, снижает риск травм и повышает эффективность движений.
3. *Комплексное воздействие на основные мышечные группы*. Подготовка должна включать упражнения для мышц бедра, голени, стопы и корпуса. Особенно важны локальные упражнения для малоактивных в повседневной жизни мышц.
4. *Рациональное чередование нагрузок*. Эффективно сочетать локальные упражнения (например, работа на отдельные группы мышц) и общие нагрузки (прыжковые и беговые упражнения). Интервалы отдыха 15–20 секунд позволяют поддерживать высокую плотность тренировки без выраженного утомления сердечно-сосудистой системы.
5. *Комбинирование методов подготовки*. Такое сочетание обеспечивает развитие мощности, скорости сокращения мышц.
6. *Индивидуализация тренировки*. Дополнительные упражнения следует назначать на отстающие мышечные группы и слабые звенья техники. Это повышает общую скоростно-силовую готовность и уменьшает дисбалансы.

Для бегуна-любителя основной акцент должен быть сделан на умеренной плиометрике, укреплении стопы и голени, развитии стабилизаторов корпуса и постепенном увеличении интенсивности нагрузок.

Тем не менее, теория и практика бегового спорта, как и большинство иных отраслей, так или иначе подергается ощутимым трансформациям. Ключевой предпосылкой и причиной подобных трансформаций выступает цифровизация. П.К. Гулидин выражает схожий тезис: «основные направления в обновлении методик оптимизации скоростно-силовой подготовки у бегунов-любителей чаще всего связаны с достижениями научно-технического прогресса» [5, с. 99].

Следует отметить, что изначально цифровизация в контексте спортивной отрасли интерпретировалась исключительно как совокупность практик дистанционного взаимодействия (телекоммуникаций) участников тренировочного процесса. Основные направления применения телекоммуникационных технологий включают: (1) телеконсультации (теленаставничество) – индивидуальное взаимодействие тренера и спортсмена; (2) телемониторинг – централизованный сбор и анализ данных от нескольких спортсменов; (3) телекоммуникационные лекции и семинары – одновременная передача информации группе участников с возможностью обратной связи с преподавателем; (4) сетевые семинары и конференции – многосторонняя коммуникация, обеспечивающая взаимодействие всех участников в единой цифровой среде. В любительском беге данные технологии применяются и по сейчас день, пишет О. Дмитренко, для онлайн-тренировок, удалённого контроля нагрузки, анализа показателей и дистанционного сопровождения спортсменов [6, с. 22].

Д.С. Нармадыков пишет о том, что конвенциональная модель управления тренировочным процессом, основанная на субъективной

оценке тренера и эмпирическом опыте, в настоящее время трансформируется в концепцию *Data-Driven Coaching* – управления подготовкой на основе прецизионных данных. Цифровизация спорта позволяет существенно повысить точность распределения тренировочных нагрузок, индивидуализировать процесс подготовки и оптимизировать восстановление спортсмена.

Современные цифровые технологии обеспечивают непрерывный мониторинг как внешней нагрузки (объём, интенсивность, скорость, мощность работы), так и внутреннего физиологического ответа организма (частота сердечных сокращений, вариабельность сердечного ритма, уровень утомления, показатели восстановления). Это позволяет в режиме реального времени оценивать адаптационные реакции организма на тренировочные стимулы и своевременно корректировать параметры подготовки.

В контексте любительского бега применение цифровых платформ, GPS-трекеров и биометрических сенсоров способствует повышению эффективности тренировок, снижению риска перетренированности и более рациональному управлению функциональным состоянием бегуна [9, с. 682–683].

Одним из основных векторов цифровой трансформации спорта стало появление и массовое распространение носимых устройств (wearable devices). Около 15–10 лет назад ношение разного рода пульсометров было прерогативой профессиональных спортсменов, но сегодня спектр датчиков, доступных массовому населению, значительно расширился. Современные системы (Garmin, Polar, Catapult, STATSports) включают в себя не только высокоточные оптические и нагрудные датчики ЧСС, но и многоосевые акселерометры, гироскопы и магнитометры. В циклических видах спорта (бег, велоспорт, триатлон) ключевое значение имеет использование GPS/ГЛОНАСС мониторинга. Это позволяет анализировать не только дистанцию и темп, но и такие параметры, как длина и частота шага, время контакта с поверхностью, вертикальные колебания центра тяжести. Эти данные обладают для оценки экономичности бега и выявления биомеханических отклонений, которые могут привести к травмам. Особую роль играет мониторинг вариабельности сердечного ритма (ВСР) [9, с. 683].

В любительском беге используются различные носимые (wearable) устройства, которые обеспечивают мониторинг физиологических, биомеханических и тренировочных параметров в реальном времени. Их можно классифицировать по функциональным группам: (1) смарт-часы (Apple Watch, Garmin Forerunner, Polar Vantage, Suunto 9 и проч.); их основными функциями выступают: GPS-трекинг, темп, дистанция, пульс, VO max, тренировочная нагрузка, восстановление; (2) фитнес-браслеты – более простые и дешёвые устройства (Xiaomi Mi Band, Fitbit Charge); (3) смарт-кольца (Oura Ring, Ultrahuman Ring Air, RingConn Smart Ring); (4) нагрудные пульсометры (chest straps) – Polar H10, Garmin HRM-Pro; (5) датчики бега – крепятся на обувь или тело (Stryd Footpod); (6) смартфон как базовый трекер (GPS-приложения (Strava, Nike Run Club и др.); акселерометр + GPS.

Таким образом, современная экосистема носимых устройств в беге формирует многоуровневую систему мониторинга, включающую: внешнюю нагрузку (темп, дистанция, мощность), внутреннюю реакцию организма (пульс, HRV, восстановление), биомеханику движения (каденс, техника шага).

Вышеизложенные группы устройств не являются, естественно, единственными альтернативами цифровизации любительского бега. Рассмотрим другие из них более подробно.

Современные чат-боты представляют собой элементы искусственного интеллекта, функционирующие на основе алгоритмов машинного обучения, обработки естественного языка (NLP) и анализа больших данных [Васильев, с. 115]. В спортивной практике они постепенно трансформируются в цифровых тренеров-ассистентов, выполняющих часть функций традиционного специалиста. Цифровые ассистенты способны частично выполнять следующие задачи: (1) планирование тренировочного процесса: автоматическая генерация тренировочных планов на основе цели (5 км, 10 км, марафон); адаптация нагрузки под уровень подготовки; периодизация (нагрузка–восстановление–пик формы); (2) мониторинг состояния спортсмена: анализ данных с носимых устройств (пульс, темп, HRV, сон); выявление признаков перетренированности; рекомендации по снижению или увеличению нагрузки; (3) оперативная обратная связь: голосовые и текстовые рекомендации во время или после тренировки; корректировка темпа в реальном времени; уведомления о нарушении тренировочного режима. (4) мотивационное сопровождение: напоминания о тренировках; психологическая поддержка; формирование привычки регулярной активности.

Тем не менее, в отличие от классического тренера, цифровой ассистент: не обладает субъективной педагогической интуицией; но обеспечивает непрерывный контроль 24/7; способен обрабатывать массивы данных, недоступные человеку в реальном времени; стандартизирует тренировочные рекомендации [Васильев, с. 115].

Весьма необычный способ внедрения цифрового инструментария предлагает А.А. Эльтемеров. Цифровые аудиофайлы, в частности музыкальное сопровождение, рассматриваются как значимый педагогический и тренировочный инструмент, обладающий выраженным психофизиологическим воздействием. Музыка, будучи многокомпонентным акустическим стимулом (ритм, тембр, гармония, динамика), оказывает влияние на эмоциональное состояние, мотивацию и двигательное поведение человека, минуя преимущественно когнитивный уровень восприятия и воздействуя на глубинные нейрофизиологические структуры.

С позиций нейрофизиологии, акустические колебания различной частоты соотносятся с ритмической активностью головного мозга, что обусловливает индивидуальные различия музыкальных предпочтений и вариативность психомоторных реакций. Экспериментальные данные указывают, что музыкальная стимуляция может снижать мышечное напряжение, улучшать координацию движений и повышать двигательную эффективность за счёт влияния на автономную нервную систему и тонус скелетной мускулатуры.

Эмпирически подтверждено, что музыкальное воздействие способствует улучшению когнитивных функций (пространственно-временная ориентация, оперативная память), а также повышает эффективность выполнения двигательных задач. В ряде исследований отмечено положительное влияние регулярного музыкального сопровождения на продуктивность учебно-тренировочного процесса и уровень вовлечённости занимающихся [10, с. 65].

В условиях цифровизации общества наблюдается устойчивый рост популярности онлайн-фитнес-приложений, используемых для организации физкультурно-оздоровительной деятельности и формирования здорового образа жизни. Развитие мобильных технологий и распространение интернет-сервисов способствовали значительному увеличению аудитории цифровых фитнес-платформ как в мире, так и в России.

Согласно статистическим данным, количество пользователей фитнес-приложений увеличилось с 133,8 млн человек в 2015 году до 650 млн в 2022 году. Особенно выраженный рост наблюдался в период пандемии COVID-19, что было связано с ограничением традиционных форм физической активности. В 2022 году количество загрузок фитнес-приложений достигло 656 млн, из которых около 150 млн приходилось на приложения в сфере здоровья.

Современный рынок онлайн-фитнеса демонстрирует устойчивую положительную динамику. По данным аналитических исследований, в 2025 году объём российского рынка онлайн-тренировок достиг почти 11 млрд рублей, что на 25% превышает показатели предыдущего года. Рост популярности онлайн-фитнеса обусловлен доступностью, экономичностью и возможностью интеграции тренировок в повседневный режим. Вместе с тем эксперты отмечают, что цифровые платформы преимущественно дополняют традиционные фитнес-клубы, а не полностью их заменяют, поскольку офлайн-формат сохраняет преимущества непосредственного взаимодействия и контроля тренировочного процесса [3].

Одним из значимых направлений цифровизации спортивной индустрии является активное использование социальных сетей и мессенджеров спортивными организациями, клубами и фитнес-сервисами. Информационные технологии способствуют совершенствованию организационно-управленческих процессов за счёт интеграции аппаратных и программных решений в единую информационно-коммуникационную среду.

Использование социальных сетей обеспечивает постоянную коммуникацию с болельщиками и участниками спортивного сообщества, позволяя оперативно распространять информацию о тренировочном процессе, соревнованиях, трансферах, контрактах и иных организационных событиях. Благодаря цифровым каналам коммуникации значительно расширяются возможности вовлечения аудитории в процессы создания и распространения контента, что способствует повышению уровня информационной открытости и популяризации спорта [1, с. 501].

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение цифровых технологий сталкивается с рядом рисков (см. табл. 1).

Таким образом:

– Изначально цифровизация в контексте спортивной отрасли интерпретировалась преимущественно как совокупность технологий дистанционного взаимодействия участников тренировочного процесса.

– Сегодня традиционная модель управления тренировочным процессом, основанная на субъективной оценке тренера и эмпирическом опыте, в настоящее время трансформируется в концепцию data-driv-

en coaching, предполагающую управление спортивной подготовкой на основе прецизионных (точных) цифровых данных.
– Одним из ключевых направлений цифровой трансформации спорта стало широкое распространение носимых устройств (wearable devices).
– Современные чат-боты представляют собой интеллектуальные программные системы, основанные на алгоритмах машинного обучения, обработке естественного языка и анализе больших данных. Их использование в спортивной сфере направлено на автоматизацию консультационной поддержки пользователей.
– Целесообразно использование цифровых аудиофайлов, в частности музыкального сопровождения, как средство повышения эффективности тренировочного процесса за счёт воздействия на психофизиологическое состояние занимающихся.
– В условиях цифровизации общества наблюдается устойчивый рост популярности онлайн-фитнес-приложений, используемых для организации физкультурно-оздоровительной деятельности и формирования здорового образа жизни.

Таблица 1. Проблемы и перспективы цифровизации

Риски	Описание рисков
Финансовая недоступность технологий	Использование цифровых платформ, спортивных часов, датчиков, смартфонов и платных приложений требует материальных затрат, что ограничивает участие спортсменов с низким уровнем дохода.
Сложности для пожилых спортсменов	Лица старшего возраста часто испытывают трудности в освоении мобильных приложений, носимых устройств и цифровых интерфейсов вследствие недостаточной цифровой грамотности.
Зависимость от технологий	Чрезмерная ориентация на гаджеты и аналитические системы может снижать способность спортсмена самостоятельно оценивать своё физическое состояние и тренировочную нагрузку.
Риск утечки персональных данных	Спортивные приложения собирают данные о здоровье, местоположении и физической активности пользователей, что создаёт угрозу нарушения конфиденциальности.
Ошибки алгоритмов и неточность данных	Автоматизированные рекомендации и показатели трекеров могут содержать погрешности, приводящие к неправильному планированию тренировок и повышению риска травм.
Снижение живого социального взаимодействия	Переход тренировок в онлайн-формат уменьшает уровень непосредственного общения между спортсменами, тренерами и сообществами любителей бега.
Информационная перегрузка	Избыточное количество тренировочных данных, рекомендаций и аналитики затрудняет принятие решений и может вызывать когнитивное перенапряжение.
Формирование зависимости от платных экосистем	Многие сервисы требуют подписок и обновлений, что создаёт долгосрочную финансовую зависимость пользователей от цифровых платформ.

Литература

1. Аннаев, Н.Г. Как цифровые технологии влияют на спорт? / Н.Г. Аннаев // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78). – С. 500–502.
2. Батырь, И.Н. Особенности развития физических качеств юных спринтеров на этапе начальной специализации / И.Н. Батырь // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 3. – С. 17.
3. Белова С. Фитнес перекачался в смартфоны // Коммерсантъ. 2026 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8606375. – Дата доступа: 26.05.2026.
4. Григорьев, В.И. Цифровизация спорта на примере методики физической подготовки студентов к сдаче норм ВФСК «Готов к труду и обороне» / В.И. Григорьев, О.В. Миронова, Л.В. Ярчиковская, А.В. Шаронова // Человек. Спорт. Медицина. – 2026. – № 1. – С. 114–119.
5. Гулидин, П.К. Оптимизация скоростно-силовой подготовки юных спортсменов / П.К. Гулидин // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. – 2008. – № 5. – С. 97–101.
6. Дмитренко, О. Телекоммуникационные технологии в информационном обеспечении образовательного процесса по физической культуре в вузе / О. Дмитренко // Ученые записки университета Лесгафта. – 2007. – № 11. – С. 21–24.
7. Клейменова, М.Д. Инновации оперативного контроля на уроках физической культуры на примере легкоатлетических упражнений / М.Д. Клейменова, П.Н. Звягинцев, О.П. Кокоулина // Ученые записки университета Лесгафта. – 2023. – № 3 (217). – С. 231–235.
8. Мартыщенко, С.О. Актуальность онлайн фитнес-приложений в России / С.О. Мартыщенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 4–2 (79). – С. 219–224.
9. Нармадыков, Д.С. Современные цифровые технологии в тренировочном процессе спортсменов / Д.С. Нармадыков // Вестник науки. – 2026. – № 2 (95). – С. 682–687.
10. Эльтемеров, А.А. Повышение эффективности занятий по физической культуре посредством использования музыки и цифровых технологий / А.А. Эльтемеров // Вестник Марийского государственного университета. – 2022. – № 1 (45). – С. 61–70.

INTEGRATION OF INFORMATION TECHNOLOGY INTO THE PROCESS OF IMPROVING SPEED-STRENGTH TRAINING FOR RECRUITER RUNNERS WITH VARIOUS COMBINATIONS OF TRAINING EQUIPMENT MODULES

Shestakova T.A.
Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

This article describes the digitalization of recreational running, focusing on the use of online fitness apps, social media, and messaging apps as tools for organizing physical fitness and wellness activities and communication in sports. The article analyzes the growing popularity of digital fitness services driven by the development of mobile technologies. It is concluded that digital technologies are becoming an integral element of the modern system of physical education and sports, ensuring the development of new forms of organization of the training process and communication.

Keywords: speed-strength training, running, amateur sports, digitalization, wearable devices, application

References

1. Annaev, N.G. How do digital technologies affect sports? / N.G. Annaev // Bulletin of Science. – 2024. – No. 9 (78). – pp. 500–502.
2. Batyr, I.N. Features of the development of physical qualities of young sprinters at the stage of initial specialization / I.N. Batyr // Theory and practice of physical culture. – 2021. – No. 3. – P. 17.
3. Belova S. Fitness has been transferred to smartphones // Kommersant. 2026 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/8606375. – Access date: 05/26/2026.
4. Grigoriev, V.I. Digitalization of sports using the example of the methodology of physical training of students for passing the standards of the All-Russian Sports Society "Ready for Labor and Defense" / V.I. Grigoriev, O.V. Mironova, L.V. Yarchikovskaya, A.V. Sharonova // Man. Sport. Medicine. – 2026. – No. 1. – P. 114–119.
5. Gulidin, P.K. Optimization of speed-strength training of young athletes / P.K. Gulidin // Bulletin of Polotsk State University. Series E: Educational Sciences. – 2008. – No. 5. – P. 97–101.
6. Dmitrenko, O. Telecommunication technologies in information support of the educational process in physical culture at a university / O. Dmitrenko // Scientific notes of the Lesgaft University. – 2007. – No. 11. – P. 21–24.
7. Kleimenova, M.D. Innovations of operational control in physical education lessons using the example of athletics exercises / M.D. Kleimenova, P.N. Zvyagintsev, O.P. Kokoulina // Scientific notes of Lesgaft University. – 2023. – No. 3 (217). – pp. 231–235.
8. Martyshchenko, S.O. Relevance of online fitness applications in Russia / S.O. Martyshchenko // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – No. 4–2 (79). – pp. 219–224.
9. Narmadykov, D.S. Modern digital technologies in the training process of athletes / D.S. Narmadykov // Bulletin of Science. – 2026. – No. 2 (95). – pp. 682–687.
10. Eltemerov, A.A. Increasing the effectiveness of physical education classes through the use of music and digital technologies / A.A. Eltemerov // Bulletin of the Mari State University. – 2022. – No. 1 (45). – P. 61–70.

Средства невербальной коммуникации как инструмент обучения иностранным языкам в инженерно-технических вузах

Юденкова Ольга Валерьевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, НИУ Московский государственный строительный университет
E-mail: olgayudenkova@yandex.ru

В статье рассматривается использование средств невербальной коммуникации в качестве инструмента обучения иностранным языкам в инженерно-технических вузах. Особое внимание уделяется пантомиме, жестам и визуально-двигательным опорам при закреплении и повторении лексики. На основе анализа российских и зарубежных исследований, а также педагогического эксперимента с участием шести студенческих команд показано, что пантомимическое представление слов повышает вовлеченность обучающихся и способствует эффективному повторению лексического материала. Результаты подтверждают действенность игровых невербальных заданий, особенно при работе с глаголами, и обозначают перспективы использования ассоциативных методов.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, иностранный язык, технический вуз, пантомима, жесты, лексика, ассоциативное мышление, игровое обучение.

Введение

Иностранный язык – обязательная, но далеко не основная дисциплина в технических вузах, что нередко приводит к формальному отношению студентов к ее освоению и обуславливает возникновение двоякой ситуации – студенты, достаточно хорошо знающие иностранный язык на момент поступления в вуз, в основном, успешно поддерживают свой уровень владения иностранным языком, а те обучающиеся, чей уровень знаний невысок, не могут или не хотят, в силу разных причин качественно освоить учебную программу. Ранее автором статьи было проведено исследование удовлетворенности студентов российских технических вузов преподаванием иностранных языков [Юденкова, 2023, с. 54], в результате которого выяснилось, что, в целом, студенты технических вузов невысоко оценивают свой уровень знаний иностранных языков и усилия, прилагаемые для их освоения, и высказывают множество ценных предложений для усовершенствования процесса преподавания, в том числе, отказ от скучных и однообразных упражнений, от монотонности на занятиях иностранным языком для обеспечения разнообразия заданий, интерактивности занятий, роста наглядности процесса обучения путем визуализации в виде совместного просмотра фильмов по специальности на иностранном языке, их последующего обсуждения и активного использования изучаемой лексики и грамматики [О.В. Юденкова, 2023, с. 54]. Цель настоящего исследования – изучить возможность применения средств невербальной коммуникации в качестве инструмента изучения иностранных языков в техническом вузе, предложить несколько вариантов использования таких средств, их сочетаний на занятиях иностранным языком, а также проанализировать опыт их применения автором на занятиях иностранным языком. Эта тема давно интересует исследователей – педагогов как в России, так и зарубежом.

Один из наиболее уважаемых педагогов – исследователей Г.Е. Крейдлин полагает, что невербальная коммуникация может рассматриваться как составная часть невербальной семиотики – науки о телесных или соматических знаках и их применении в общении. К основным средствам языка тела Г.Е. Крейдлин относит жесты, позы, выражения лица, взгляды, телодвижения и манеры [Г.Е. Крейдлин, Переверзева С.И., 2009, с. 174]. Х.Б. Дзейтова утверждает, что невербальные средства помогают объяснять материал без перевода, особенно на начальном этапе, и что знание языка должно сопровождаться знанием невербального поведения соответствующей культуры [Х.Б. Дзейтова, Ф.А. Тамбиева, С.С. Юсупова, 2021, с. 248]. Е.А. Макарова отмечает, что диалогическая речь часто опирается на жесты и мимику, предлагает классифицировать жесты по значению, исполнению и сфере употребления, чтобы использовать их в диалогах [Е.А. Макарова, 2017, с. 154]. М.Н. Гузь полагает, что телесно-перформативные методы могут системно применяться в вузовском обучении иностранному языку [М.Н. Гузь, И.О. Ситникова, Е.А. Смолоногина, 2024, с. 3855]. О.Е. Шульц предлагает использовать аутентичные фильмы как источник наблюдения за невербальной коммуникацией, чтобы заручиться пониманием невербального поведения носителей [О.Е. Шульц, Г.М. Первова, С.В. Мотов, 2022, с. 1180]. Использование таких средств в обучении широко обсуждается как российским педагогическим сообществом, так и иностранными исследователями, которые также уделяют немало внимания изучению невербальной коммуникации в качестве вспомогательного инструмента обучения иностранным языкам. В частности, П. Диадори утверждает, что преподаватели применяют скоординированные речь, жесты, взгляд, пространство и учебные материалы в классе в качестве ресурсов или инструментов обучения [P. Diadori, 2024, с. 17–18]. По утверждению автора, невербальная коммуникация – ключевой компонент преподавания второго языка. К. Суркамп полагает, что невербальная коммуникация незаслуженно игнорируется преподавателями иностранных языков и что иностранным языкам можно обучать с помощью театрализованных постановок [C. Surkamp, 2014, с. 32]. Группа исследователей из Испании полагает, что сопровождение изучения лексики жестикуляцией активизирует моторную память и оптимизирует процесс запоминания [A.B. García-Gámez и др., 2024, с. 1080]. М. Буялкова и П. Зрникова считают, что при преподавании иностранного языка для профессиональных целей следует уделять

особое внимание тренировке невербального поведения, а не только лексике и грамматике; авторы используют студенческие презентации в качестве учебных заданий [M. Bujalková, P. Zrníková, 2016, с. 181]. Као и Чен считают жесты ключевым фактом освоения второго языка при возникновении трудностей с продуцированием речи на изучаемом языке [N.Cao, G. Chen, 2017, с. 1073]. С. Нфор считает пантомиму эффективным средством развития коммуникативной компетенции, потому что она превращает изучение языка в действие и взаимодействие [S. Nfor, 2018, с. 18]. К. Олиумцевич доказывает, что пантомима значительно улучшает усвоение лексики, действуя в качестве эффективной визуально-двигательной опоры при обучении новой лексике, особенно у детей и учащихся с разным образовательным опытом [K. Olioumtsevits, 2023]. Дж. Илич Плауч считает пантомиму способом изучения идиом [J. Ilić Plauc, S. Kešetović, 2017, с. 399]. Т. Кучук обнаружил в результате проведенного исследования, что использование мимических игр способствует лучшему запоминанию лексики студентами [T. Küçük, 2023 с. 115]. Л. Оппичи считает, что наблюдение жестов может улучшить запоминание слов [L. Oppici, B. Mathias, S. Narciss, A. Proske, 2023, с. 123]. Гарсиа-Гамез полагает, что пантомима и жесты эффективны для запоминания на сами по себе, а только при наличии семантической связи с изучаемым словом [A.B. García-Gámez, Ó. Cervilla, A. Casado, P. Macizo, 2024, с. 1070]. С. Родригез-Куадрадо считает, что язык жестов способствует освоению иностранных слов [S. Rodríguez-Cuadrado, F. Ojedo, F. Vicente-Conesa, C. Romero-Rivas, M.Á.C. Sampedro, J. Santiago, 2023, с. 890]. М. Мэсидониа показывает, что жесты усиливают запоминание иностранной лексики за счёт телесной и сенсомоторной памяти [M. Macedonia, K. von Kriegstein, 2012, с. 400].

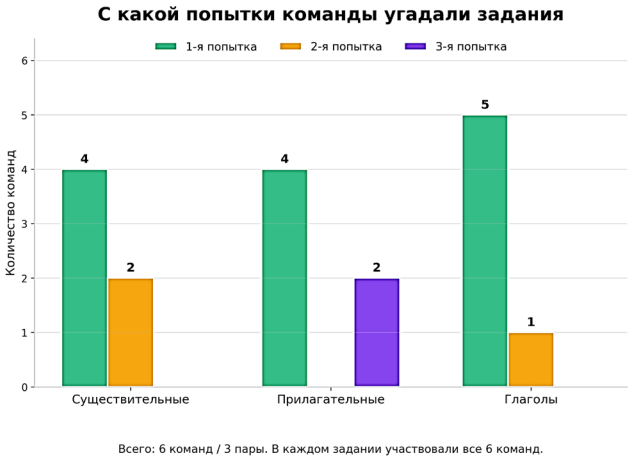
Итак, научные труды российских и иностранных авторов подтверждают, что язык тела может использоваться преподавателями для объяснения нового материала, что будет способствовать его запоминанию, жесты также способствуют развитию речи на иностранном языке, а пантомима может стать опорой для изучения новой лексики. В настоящей статье автор показывает, как пантомима может также использоваться для закрепления ранее изученного лексического материала.

Методы

В исследовании, речь о котором пойдет в настоящей статье, выдвинута гипотеза, что пантомима может являться эффективным средством как изучения, так и повторения или закрепления лексики на иностранном языке. Задача исследования, речь о котором пойдет в данной статье, заключается в изучении возможности применения новых способов подачи и изучения материала в технических вузах, и, как следствие, обеспечения роста интереса к занятиям иностранным языком в технических университетах. В ходе исследования использовались экспериментальный и аналитический методы. Для подтверждения гипотезы был проведен эксперимент, результаты которого представлены и интерпретированы в настоящей статье. В эксперименте приняли участие студенты инженерно-технического вуза, изучающие английский язык в рамках дисциплины “Иностранный язык”. Участники были распределены на шесть команд. Материалом для эксперимента послужили ранее изученные лексические единицы, относящиеся к трем частям речи: существительным, прилагательным и глаголам. Критерием успешности являлось количество попыток, потребовавшихся команде для правильного определения слова. В ходе эксперимента автор – преподаватель английского языка предложил трем группам студентов изобразить изученные на английском языке слова, среди которых были существительные, прилагательные и глаголы. Таким образом, группы были поделены на две команды, представители одной команды беззвучно изображали слова, а другая команда пыталась угадать задуманные лексические единицы. Для облегчения задачи автор предоставил обеим командам список изученных слов и выражений для ограничения выбора. Здесь следует отменить, что студентам очень понравился данный вид учебной деятельности, о чем они сразу сообщили преподавателю. Сразу после получения задания – «изобразить слово без слов» многие студенты выразили желание его выполнить. Некоторые команды по своей инициативе и с разрешения преподавателя образовали группы из 2х – 3х студентов, которые «изображали» слово для угадывания другой командой. В качестве угадываемого слова преподаватель последовательно предложил студентам имена существительные, имена прилагательные и глаголы. В одной из студенческих групп команды также отгадывали выражения. Эксперимент проводился в трех студенческих группах с участием шести соревнующихся команд.

Результаты

По итогам проведенного эксперимента были получены следующие результаты, представленные на рисунках.



Всего: 6 команд / 3 пары. В каждом задании участвовали все 6 команд.

Рис. 1. Успешность попыток угадывания слов

Из первой диаграммы следует, что наименьшее количество попыток потребовалось для угадывания глаголов, а наибольшее – имен прилагательных. Следовательно, студентам сложнее изобразить имя прилагательное с использованием инструментария пантомимы таким образом, чтобы другая команда его отгадала. Более успешное угадывание глаголов может объясняться тем, что действия легче передаются средствами пантомимы, чем признаки или абстрактные характеристики. Более высокое число попыток при угадывании прилагательных свидетельствует о большей сложности невербального кодирования качественных признаков.

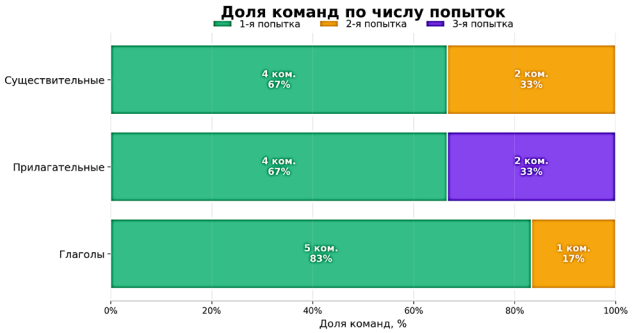


Рис. 2. Процентное распределение результатов

На Рис. 2 показано, что максимальное количество команд лучше всего справлялось с отгадыванием глаголов, при этом, по две команды справились с заданием со второй попытки при отгадывании имен существительных и прилагательных.

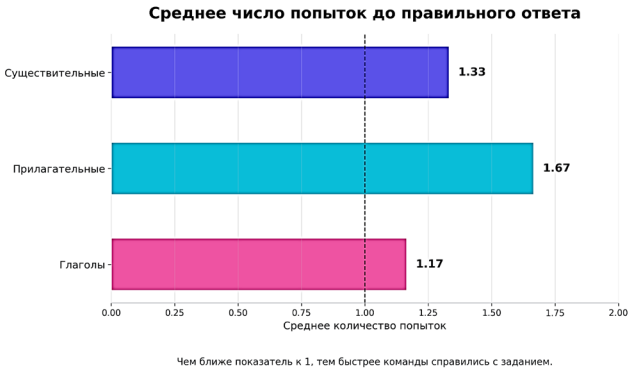


Рис. 3. Среднее число попыток до правильного ответа

Из Рис. 3 следует, что при наличии списка слов, из которых можно выбрать правильный ответ, студентам не составляет труда угадать слово, поскольку среднее количество попыток составило единицу. Таким образом, командная работа по угадыванию пантомимически изображенных слов из имеющегося списка является эффективным средством повторения ранее изученной лексики.

Обсуждение и выводы

Результаты исследования подтверждают эффективность использования пантомимы в качестве средства закрепления и повторения изученного лексического материала. Следует отметить, что иностранные исследователи больше изучали применение пантомимы для целей обучения иностранным языкам, чем научные работники из России, о чем свидетельствует значительное количество научных статей, посвященных

данной тематике. Использование пантомимы помогает преподавателю уйти от однообразия, монотонности и скуки, которые сводят на нет эффективность преподавания иностранных языков в вузе. Угадывание слов, представленных в виде пантомимы, дается студентам достаточно легко и очень импонирует им из-за игровой формы задания. В целях закрепления и повторения лексического материала на изучаемом иностранном языке можно подключить ассоциативное мышление, соединив пантомимическое представление слова для угадывания с заданием «угадай антоним пантомимически представленного слова». Также можно пойти дальше в направлении ассоциативного мышления и предложить студентам пары ассоциаций в виде определенных звуков (например, определенный рингтон телефона), стихотворных или песенных куплетов на иностранном языке, демонстрации определенных изображений, услышав или увидев которые, студент должен произнести определенное слово. Например, преподаватель воспроизводит на своем телефоне фирменный рингтон Nokia и затем произносит слово “broad stroke” (широкий мазок из темы о живописи). И таким образом демонстрируются до 10 пар звуков и слов. После этого студентам воспроизводятся только звуки, а они должны вспомнить, какие именно слова являются их ранее воспроизведенными парами. Такой вид занятий также способствует развитию ассоциативного мышления и воображения. Разработка и опробирование предлагаемого метода может стать предметом дальнейших научных исследований.

Литература

1. Юденкова О.В. Удовлетворенность студентов качеством преподавания иностранных языков в неязыковых вузах России // Современное педагогическое образование. – 2023. № 2. С. 50–56. URL: https://spo-magazine.ru/upload/iblock/62e/sh3dlb33wriut10x56vee89kmeggq8un/СПО%20№ 2%202023.pdf (дата обращения: 26.04.2026)

2. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Части тела в русском языке и русской культуре: проект Института лингвистики РГГУ // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008 / ред.-сост. Е.В. Муравенко, А.Ч. Пиперски, О.Ю. Шеманаева. М.: МЦНМО, 2009. С. 173–183.

3. Дзейтова Х.Б. Роль невербальной коммуникации в обучении иностранному языку / Х.Б. Дзейтова, Ф.А. Тамбиева, С.С. Юсупова // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 4 (37). С. 247–250. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neverbalnoy-kommunikatsii-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 29.04.2026).

4. Макарова Е.А. Обучение студентов невербальному аспекту коммуникативного поведения в диалоге на французском языке / Е.А. Макарова. – Текст: электронный // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 1. С. 153–156. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-neverbalnomu-aspektu-kommunikativnogo-povedeniya-v-dialoge-na-frantsuzskom-yazyke.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

5. Гузь М.Н. Перформативные практики в преподавании иностранного языка в высшей школе / М.Н. Гузь, И.О. Ситникова, Е.А. Смолоногина. Текст: электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 10. С. 3854–3859. DOI: 10.30853/phil20240544. URL: https://www.gramota.net/article/phil20240544/fulltext (дата обращения: 29.04.2026).

6. Шульц О.Е. Обучение английскому языку на лингвокогнитивной основе: экстралингвистический аспект / О.Е. Шульц, Г.М. Первова, С.В. Мотов. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27, № 5. С. 1172–1183. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1172-1183. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-angliyskomu-yazyku-na-lingvokognitivnoy-osnove-ekstralingvisticheskiy-aspekt (дата обращения: 29.04.2026).

7. Diadori P. Nonverbal Communication in Classroom Interaction and Its Role in Italian Foreign Language Teaching and Learning // Languages. 2024. Т. 9, № 5. Ст. 164. DOI: 10.3390/languages9050164. URL: https://doi.org/10.3390/languages9050164 (дата обращения: 19.05.2026).

8. Surkamp C. Non-Verbal Communication: Why We Need It in Foreign Language Teaching and How We Can Foster It with Drama Activities // Scenario: A Journal of Performative Teaching, Learning, Research. 2014. Т. 8, № 2. С. 28–43. DOI: 10.33178/scenario.8.2.3. URL: https://doi.org/10.33178/scenario.8.2.3 (дата обращения: 19.05.2026).

9. García-Gámez A.B., Servilla O., Casado A., Macizo P. Seeing or Acting? The Effect of Performing Gestures on Foreign Language Vocabulary Learning // Language Teaching Research. 2024. Т. 28, № 3. С. 1055–1086. DOI: 10.1177/13621688211024364. URL: https://doi.org/10.1177/13621688211024364 (дата обращения: 19.05.2026).

10. Bujalková M. Nonverbal Communication for the Enhancement of Foreign Language Professional Competency in Medical Students: A Study / M. Bujalková, P. Zrníková // Athens Journal of Philology. 2016. Т. 3, № 3. С. 175–188. DOI: 10.30958/ajp.3.3.3. URL: https://www.athensjournals.gr/philology/2016–3–3–3-Bujalkova.pdf (дата обращения: 21.05.2026).

11. Cao N., Chen G. The Role of Gesture in the Second Language Learning and Teaching / N. Cao, G. Chen // American Journal of Applied Sciences. 2017. Т. 14, № 12. С. 1070–1074. DOI: 10.3844/ajassp.2017.1070.1074. URL: https://thescipub.com/abstract/ajassp.2017.1070.1074 (дата обращения: 21.05.2026).

12. Nfor S. Improving Communicative Competence through Mime: Bringing Students’ “Out-of-School” Literacy Practices into Japanese University EFL Oral Communication Classes // Scenario: A Journal of Performative Teaching, Learning, Research. 2018. Т. 12, № 2. С. 13–30. DOI: 10.33178/scenario.12.2.2. URL: https://journals.ucc.ie/index.php/scenario/article/view/scenario-12–2–2 (дата обращения: 21.05.2026).

13. Olioumtsevits K. Vocabulary Teaching in Refugee Children within the Context of the Greek Formal Education / K. Olioumtsevits, D. Papadopoulou, T. Marinis // Languages. 2023. Т. 8, № 1. Article 7. DOI: 10.3390/languages8010007. URL: https://www.mdpi.com/2226–471X/8/1/7 (дата обращения: 21.05.2026).

14. Ilić Plauc J. Pantomime as a Teaching Method for Successful English Idiom Acquisition / J. Ilić Plauc, S. Kešetović // Društvene i humanističke studije. 2017. Т. 2, № 1(2). С. 393–401. URL: https://www.dhs.ff.untz.ba/index.php/home/article/view/43 (дата обращения: 21.05.2026).

15. Küçük T. The Importance of Mime Games in Vocabulary Teaching to EFL Students at a Private University in Iraq / International Journal of Social Sciences & Educational Studies. 2023. Т. 10, № 2. С. 109–120. DOI: 10.23918/ijsses.v10i2p109. URL: https://ijsses.tiu.edu.iq/index.php/ijsses/article/view/79 (дата обращения: 21.05.2026).

16. Oppici L. Benefits of Enacting and Observing Gestures on Foreign Language Vocabulary Learning: A Systematic Review and Meta-Analysis / L. Oppici, B. Mathias, S. Narciss, A. Proske // Behavioral Sciences. 2023. Т. 13, № 11. Article 920. DOI: 10.3390/bs13110920. URL: https://www.mdpi.com/2076–328X/13/11/920 (дата обращения: 21.05.2026).

17. García-Gámez A.B. Seeing or Acting? The Effect of Performing Gestures on Foreign Language Vocabulary Learning / A.B. García-Gámez, Ó. Cervilla, A. Casado, P. Macizo // Language Teaching Research. 2024. Т. 28, № 3. С. 1055–1086. DOI: 10.1177/13621688211024364. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13621688211024364 (дата обращения: 21.05.2026).

18. Rodríguez-Cuadrado S. Sign Iconicity Helps Learning New Words for Abstract Concepts in a Foreign Language / S. Rodríguez-Cuadrado, F. Ojedo, F. Vicente-Conesa, C. Romero-Rivas, M.Á.C. Sampedro, J. Santiago // Second Language Research. 2023. Т. 39, № 3. С. 873–898. DOI: 10.1177/02676583221093841. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02676583221093841 (дата обращения: 21.05.2026).

19. Macedonia M. Gestures Enhance Foreign Language Learning / M. Macedonia, K. von Kriegstein // Biolinguistics. 2012. Т. 6, № 3–4. С. 393–416. DOI: 10.5964/bioling.8931. URL: https://bioling.psychopen.eu/index.php/bioling/article/view/8931 (дата обращения: 21.05.2026).

NONVERBAL COMMUNICATION MEANS AS A FOREIGN LANGUAGE TEACHING INSTRUMENT AT UNIVERSITIES OF TECHNOLOGY

Yudenkova O.V.
National Research University Moscow State University of Civil Engineering

The article explores the employment of nonverbal communication means as a tool for foreign language teaching at universities of technology. Particular attention is driven to pantomime and gestures in vocabulary revision. Using Russian and international research undertakings and a pedagogical experiment involving six student teams, the study shows that pantomimic representation of words increases learner engagement and facilitates vocabulary consolidation. The findings confirm the effectiveness of game-based nonverbal tasks, especially for the revision of verbs, and outline prospects for using associative teaching techniques.

Keywords: nonverbal communication, foreign language, university of technology, pantomime, gestures, vocabulary, associative thinking, game-based learning.

References

1. Yudenkova O.V. Student Satisfaction with the Quality of Teaching Foreign Languages in Non-Linguistic Universities of Russia // Modern Pedagogical Education. – 2023. No. 2. pp. 50–56. URL: https://spo-magazine.ru/upload/iblock/62e/sh3dlb33wriut10x56vee89k-meggq8un/СПО%20№ 2%202023.pdf (accessed: 26.04.2026)

2. Kreydlin G.E., Pereverzeva S.I. Body Parts in the Russian Language and Russian Culture: A Project of the Institute of Linguistics at the Russian State University for the Humanities // Linguistics for Everyone. Summer Linguistic Schools 2007 and 2008 / ed. and compiled by E.V. Muravenko, A. Ch. Piperski, O.Yu. M.: MCNO, 2009. Pp. 173–183.

3. Dzeitova HB The Role of Non-verbal Communication in Teaching a Foreign Language / HB Dzeitova, FA Tambieva, SS Yusupova // Baltic Journal of the Humanities. 2021. Vol. 10, No. 4 (37). Pp. 247–250. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neverbalnoy-kommunikatsii-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku (date of access: 04/29/2026).

4. Makarova EA Teaching Students the Non-verbal Aspect of Communicative Behavior in Dialogue in French / E.A. Makarova. – Text: electronic // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2017. No. 1. pp. 153–156. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-studentov-neverbalnomu-aspektu-kommunikativnogo-povedeniya-v-dialoge-na-frantsuzskom-yazyke.pdf (accessed: 29.04.2026).

5. Guz M.N. Performative practices in teaching a foreign language in higher education / M.N. Guz, I.O. Sitnikova, E.A. Smolonogina. Text: electronic // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2024. Vol. 17, No. 10. Pp. 3854–3859. DOI: 10.30853/phil20240544. URL: https://www.gramota.net/article/phil20240544/fulltext (accessed on April 29, 2026).

6. Shults, O.E. Teaching English on a linguacognitive basis: an extralinguistic aspect / O.E. Shults, G.M. Pervova, S.V. Motov. // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2022. T. 27, No. 5. P. 1172–1183. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1172-1183. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-angliyskomu-yazyku-na-lingvokognitivnoy-osnove-ekstralingvisticheskiy-aspekt (date of access: 04/29/2026).

7. Diadori P. Nonverbal Communication in Classroom Interaction and Its Role in Italian Foreign Language Teaching and Learning // Languages. 2024. T. 9, No. 5. Art. 164. DOI: 10.3390/languages9050164. URL: https://doi.org/10.3390/languages9050164 (access date: 05/19/2026).

8. Surkamp C. Non-Verbal Communication: Why We Need It in Foreign Language Teaching and How We Can Foster It with Drama Activities // Scenario: A Journal of Performative Teaching, Learning, Research. 2014. T. 8, No. 2. P. 28–43. DOI: 10.33178/scenario.8.2.3. URL: https://doi.org/10.33178/scenario.8.2.3 (access date: 05/19/2026).

9. García-Gámez A.B., Servilla O., Casado A., Macizo P. Seeing or Acting? The Effect of Performing Gestures on Foreign Language Vocabulary Learning // Language Teaching Research. 2024. T. 28, No. 3. P. 1055–1086. DOI: 10.1177/13621688211024364. URL: https://doi.org/10.1177/13621688211024364 (access date: 05/19/2026).

10. Bujalková M. Nonverbal Communication for the Enhancement of Foreign Language Professional Competency in Medical Students: A Study / M. Bujalková, P. Zrníková // Athens Journal of Philology. 2016. T. 3, no. 3. pp. 175–188. DOI: 10.30958/ajp.3.3.3. URL: https://www.athensjournals.gr/philology/2016–3–3–3-Bujalkova.pdf (Accessed: 21.05.2026).

11. Cao N., Chen G. The Role of Gesture in the Second Language Learning and Teaching / N. Cao, G. Chen // American Journal of Applied Sciences. 2017. Vol. 14, No. 12. pp. 1070–1074. DOI: 10.3844/ajassp.2017.1070.1074. URL: https://thescipub.com/abstract/ajassp.2017.1070.1074 (Accessed: 21.05.2026).

12. Nfor S. Improving Communicative Competence through Mime: Bringing Students' "Out-of-School" Literacy Practices into Japanese University EFL Oral Communication Classes // Scenario: A Journal of Performative Teaching, Learning, Research. 2018. T. 12, No. 2. P. 13–30. DOI: 10.33178/scenario.12.2.2. URL: https://journals.ucc.ie/index.php/scenario/article/view/scenario-12–2–2 (accessed 21.05.2026).

13. Olioumtsevits K. Vocabulary Teaching in Refugee Children within the Context of the Greek Formal Education / K. Olioumtsevits, D. Papadopoulou, T. Marinis // Languages. 2023. Vol. 8, No. 1. Article 7. DOI: 10.3390/languages8010007. URL: https://www.mdpi.com/2226–471X/8/1/7 (accessed: 21.05.2026).

14. Ilić Plauc J. Pantomime as a Teaching Method for Successful English Idiom Acquisition / J. Ilić Plauc, S. Kešetović // Društvene i humanističke studije. 2017. Vol. 2, No. 1(2). pp. 393–401. URL: https://www.dhs.ff.untz.ba/index.php/home/article/view/43 (accessed: 21.05.2026).

15. Küçük T. The Importance of Mime Games in Vocabulary Teaching to EFL Students at a Private University in Iraq / International Journal of Social Sciences & Educational Studies. 2023. T. 10, No. 2. P. 109–120. DOI: 10.23918/ijsses.v10i2p109. URL: https://ij sses.tiu.edu.iq/index.php/ijsses/article/view/79 (accessed 21.05.2026).

16. Oppici L. Benefits of Enacting and Observing Gestures on Foreign Language Vocabulary Learning: A Systematic Review and Meta-Analysis / L. Oppici, B. Mathias, S. Narciss, A. Proske // Behavioral Sciences. 2023. T. 13, No. 11. Article 920. DOI: 10.3390/bs13110920. URL: https://www.mdpi.com/2076–328X/13/11/920 (access date: 05/21/2026).

17. García-Gámez A.B. Seeing or Acting? The Effect of Performing Gestures on Foreign Language Vocabulary Learning / A.B. García-Gámez, O. Cervilla, A. Casado, P. Macizo // Language Teaching Research. 2024. T. 28, No. 3. P. 1055–1086. DOI: 10.1177/13621688211024364. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/13621688211024364 (access date: 05/21/2026).

18. Rodríguez-Cuadrado S. Sign Iconicity Helps Learning New Words for Abstract Concepts in a Foreign Language / S. Rodríguez-Cuadrado, F. Ojedo, F. Vicente-Conesa, C. Romero-Rivas, M.Á.C. Sampedro, J. Santiago // Second Language Research. 2023. T. 39, No. 3. P. 873–898. DOI: 10.1177/02676583221093841. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02676583221093841 (access date: 05/21/2026).

19. Macedonia M. Gestures Enhance Foreign Language Learning / M. Macedonia, K. von Kriegstein // Biolinguistics. 2012. Vol. 6, No. 3–4. Pp. 393–416. DOI: 10.5964/bioling.8931. URL: https://bioling.psychopen.eu/index.php/bioling/article/view/8931 (accessed: 21.05.2026).

Государственно-конфессиональные отношения в Санкт-Петербурге

Яковлев Александр Юрьевич,
доктор политических наук, член Дома ученых им. М. Горького РАН
E-mail: office@corporateadvisor.pro.

Волох Владимир Александрович,
доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Государственного университета управления; профессор кафедры политических процессов и технологий Университета мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
E-mail: v.volokh@yandex.ru

Россия, как и немалое число стран, является многоконфессиональной. Это требует от властей всех уровней повышенного внимания к деятельности религиозных объединений. Среди наиболее крупных по численности и сложных по составу населения субъектов РФ находится Санкт-Петербург. Популярности веры в городе находится на довольно высоком уровне: опросные данные выявили отнесение себя 74% анкетированных к верующим. В городе зарегистрировано более 500 организаций различного вероисповедания. Санкт-Петербург реализует достаточно эффективную государственного-конфессиональную политику, элементы и результаты которой рассмотрены в настоящей работе.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, государственно-конфессиональный диалог, государственная конфессиональная политика, властно-религиозное взаимодействие, конфессии России, конфессии Санкт-Петербурга.

Религия в России исторически оказывает ощутимое влияние на жизнь государства, общества и немалого числа индивидуумов.

По данным ВЦИОМ на середину 2025 г. 67% респондентов причисляют себя к приверженцам православия, 7% – к исламу, по 1% – к протестантизму и буддизму, 11% – к неверующим, 6% – колеблются или затрудняются ответить, остальные – к иным вероисповеданиям [10].

Как видно из опроса, 2/3 россиян отождествляют себя с православной верой. Названная концепция веры заложена в качестве основы у большинства религиозных организаций страны. По состоянию на 2025 г. из 30 896 зарегистрированных в России юридических лиц религиозной направленности 18 550 (60% от общего количества) относятся к православным, 5 954 (19,3%) – к мусульманским, 4 296 (13,9%) – к иным христианским, 387 (1,2%) – к старообрядческим, 269 (0,9%) – к буддистским, 268 (0,9%) – к иудейским, 1 172 (3,8%) – к иным [7; 9].

Цифры по юридическим лицам религиозного толка в зависимости от источника и даты сбора информации могут отличаться, но в целом демонстрируют общий тренд доминирования православной конфессии как в формальном (организационном), так и неформальном срезах.

Конфессиональная структура населения по стране разнится. Имеются субъекты РФ с преобладанием мусульманского населения, а вместе с ним и исламских объединений. Это часть регионов Северо-Кавказского и отдельные территориальные единицы иных федеральных округов.

Неоднородность религиозного состава населения может приводить к возникновению противоречий, способных порождать межконфессиональные насильственные конфликты. Чему в мире немало примеров.

Среди задач государства наличествует обеспечение безопасности проживающих на его территории. В связи с этим властям всех уровней требуется заниматься профилактикой разногласий между конфессиями. В федерации в данном контексте ключевым представляется региональное властное звено.

В рамках настоящей работы в интересующей нас плоскости будет рассмотрена практика одного из крупнейших по численности и сложности состава населения субъектов РФ – Санкт-Петербурга. Одновременно авторы постараются дать ответ на когда-то поставленный академиком В.А. Тишковым вопрос о способности религиозных традиций, ценностей и норм «к интеграции и бесконфликтному сосуществованию» [13, с. 6].

В Санкт-Петербурге по состоянию на декабрь 2024 г. было 504 объединения по вере, из которых: 130 (25,8%) – связаны с РПЦ, 196 (38,9%) – иные православные, 149 (29,6%) – иные христианские, 10 (1,9%) – мусульманские (из них 8 суннитские и 2 шиитские), 8 (1,6%) – иудейские, – 5 (1%) – буддистские, 3 (0,6%) – кришнаитские, 2 (0,4%) – зороастрийские и 1 (0,2%) – бахайская [5].

Приведенные цифры наглядно демонстрируют широту палитры городских религиозных представлений. Просматривается принадлежность к РПЦ только у ¼ от зарегистрированных в субъекте федерации юридических лиц. Часть из православных объединений имеют уклон на продвижение трезвого образа жизни (Религиозное общество трезвости и милосердия святого благоверного Великого Князя Александра Невского и 2 чуриковцев). В соседней Ленинградской области аналогично действуют 2 организации последователей идей И.А. Чурикова, известного также как «Братца Иоанна».

Если сравнивать город на Неве по религиозному спектру с прочими городами федерального значения, то ситуация следующая. В Москве в декабре 2024 г. находилось 747 организаций религиозного толка, в т.ч.: 293 (39,2%) – входили в структуру РПЦ, 281 (37,6%) – другая христианская, 64 (8,6%) – мусульманских (из которых 62 суннитских, 1 шиитская и 1 ахмадийская), 55 (7,4%) – иудейских, 28 (3,8%) – буддистских, 21 (2,8%) – отличная от РПЦ православная, 4 (0,5%) – кришнаитских и 1 (0,1%) – бахайская. Севастополь на апрель 2024 г. в качестве штаб-квартиры избрали 113 религиозных юридических лиц: 75 (66,4%) – относившихся к РПЦ, 28 (24,8%) – иных христианских, 6 (5,3%) – суннитских, 2 (1,7%) – иудейских, 1 (0,9%) – кришнаитское и 1 (0,9%) – старообрядческое [5].

Санкт-Петербурга показывает наивысшую степень демократизма в конфессиональных пропорциях. Доля организаций РПЦ ¼ против

1/3 в Москве и 2/3 в Севастополе, что позволяет свободнее развиваться иным православным структурам, коих в городе около 40% от всех религиозных юридических лиц. Культурная столица уступает главному городу страны в процентном соотношении мусульманских, иудейских и буддистских организаций в общем объеме религиозных формаций региона. Однако меньшие их величины не лишают людей возможности приобщения к единоверцам в городе проживания.

При сопоставлении количества зарегистрированных объединений по вере разной направленности Санкт-Петербурга с населением в 5,6 млн с Москвой и Севастополем, где оценочно проживает 13,1 млн. и 550 тыс. жителей соответственно, увидим следующую картину.

Таблица 1. Соотношение количества религиозных организаций в городах федерального значения к численности их населения

Город / Организация	СПб		Москва		Севастополь	
	Кол-во	На 100 тыс. жителей	Кол-во	На 100 тыс. жителей	Кол-во	На 100 тыс. жителей
РПЦ	130	2,3	293	2,3	75	13,6
Иные православные	196	3,5	21	0,2	1	0,2
Иные христианские	149	2,7	281	2,1	28	5,1
Все христианские	***475***	***8,5***	***595***	***4,5***	***104***	***18,9***
Мусульманские	10	0,2	64	0,5	6	1,1
Иудейские	8	0,1	55	0,4	2	0,4
Буддистские	5	1	28	0,2	0	0
Иные	6	0,1	5	>0,1	1	0,2
Всего в городах	**504**	**9**	**747**	**5,7**	**113**	**20,5**

Источник: составлено авторами по материалам исследования

Города федерального значения, существенно разнясь по численности, отличаются по количеству и составу религиозных организаций. Списочно ожидаемо Москва опережает Санкт-Петербург и Севастополь, последний из которых, наоборот, с отрывом лидирует по количеству объединений по вере на 100 тыс. жителей. Он же и опережает более крупные города по доступности как учреждений РПЦ, так и христианских организаций в целом, в расчете на число проживающих.

Подавляющая часть религиозных организаций относится к централизованным или местным. Вместе с ними функционируют духовные образовательные организации всех уровней образовательной системы, в т.ч. высшего. В затронутых регионах большая доля религиозных вузов аффилирована с РПЦ, при этом есть и баптистские, евангелические, мусульманские.

Осуществив для целей исследования представленное выше обобщение религиозных организаций с точки зрения их направленности (базовых идей), авторы отмечают, что любая классификация несет в себе дискуссионный потенциал. Однако для раскрытия темы статьи она видится приемлемой.

Проведенный анализ стоит дополнить сведениями о популярности веры. Беря во внимание силу общей устойчивости религиозных представлений людей можно с достаточно высокой вероятностью предположить, что результаты опроса ВЦИОМ 2007 г. не должны радикально отличаться от текущей ситуации. 18 лет назад 42% респондентов в Санкт-Петербурге были совершенно уверены в существовании Бога, 25% – «скорее уверены» [2]. При затруднении в ответе 8% людей, совокупно 2/3 высказавших мнение, ближе наличие неконкретизированного социологами – составителями анкет божества, чем отсутствие такового. Более свежие опросные данные по Санкт-Петербургу констатировали отнесение себя 74% анкетированных к верующим и 76% – к последователям каких-либо религий [6]. Отклонение в цифрах объясняется допущением некоторыми личностями собственного причисления к адептам религии даже при отсутствии веры в ее постулаты. Несмотря на описанное теологическое противоречие и пробел в сведениях об аналогичном опросе среди членов религиозных объединений, тем не менее складывается понимание о степени религиозности петербуржцев.

Конфессиональная неоднородность и популярность веры в целом для многих в Санкт-Петербурге указывает на присутствие религиозной терпимости и довольно эффективного диалога между различными группами верующих и госорганов.

Толерантный подход территориальных подразделений федеральных органов (в т.ч. главка Минюста России) и региональных властей отличает их от коллег в других субъектах федерации. В частности, по отношению к «титульной церкви» [8, с. 649–650], преференции для коей в явном виде в северной столице не просматриваются. Это подтверждается спектром зарегистрированных в городе религиозных организаций.

Государственно-конфессиональное взаимодействие в Санкт-Петербурге строится на правовом базисе, состоящим из норм международных (Всеобщей декларации прав человека), федеральных (основного закона, ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») и региональных (городского устава) актов. Обобщив основные положения документов всех уровней получим: человек на основе личного выбора вправе придерживаться или нет веры, жить по религиозным канонам, отправлять культ индивидуально или коллективно, образовывать объединения, распространять и обучать религии [3, с. 140].

Региональное собрание помимо принятия законодательных актов, затрагивающих интересующую нас область, имеет определенные контрольные возможности, включая направление парламентских и депутатских запросов, заслушивание отчетов должностных лиц, прием у них др. Парламент имеет интересный опыт в плане выстраивания взаимодействия законодательного органа с конфессиями. В предыдущих созывах один из депутатов избирался представителем легислатуры по связям с религиозными объединениями.

В структуре городской администрации имеется отдел по связям с религиозными объединениями, обеспечивающий реализацию государственно-конфессиональной политики, сопровождающий взаимодействие губернатора и высшего органа исполнительной власти региона с организациями религиозного толка, оказывающий методическое обеспечение соответствующих видов деятельности и выполняющий ряд сопутствующих задач.

Основным органом, занятым воплощением в жизнь петербуржской государственной политикой в межконфессиональной сфере является Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге. Среди его задач: создание условий обеспечения госгарантий выше описанных прав, координация деятельности иных органов исполнительной власти города, осуществление в рамках ведения комитета контрольных полномочий.

В силу распределения компетенции между центром и субъектами федерации, ряд важных функций сконцентрирован у территориальных подразделений федеральных органов. Часть сосредоточена у главных управлений Минюста России и МВД России. Орган юстиции, в частности, регистрирует и ликвидирует религиозные объединения, контролирует их деятельность. Также Минюст России ведет перечень экстремистских организаций, сведения в котором во многом пополняются за счет информации министерских территориальных подразделений. Главк и подчиненные ему органы внутренних дел концентрируют большой спектр функций правоохраны и обеспечения безопасности граждан.

Не только законодательная и исполнительная ветви власти задействованы в создании комфортных условий для верующих. Помимо того, что в состав Общественной палаты Санкт-Петербурга входят делегаты от религиозных объединений христианства, ислама, иудаизма и буддизма, в ней сформирована комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям.

В городе действует Консультативный совет по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений при Губернаторе Санкт-Петербурга, им же возглавляемый, куда были включены представители множества петербуржских религиозных организаций (православной, старообрядческой, католической, баптисткой, евангелисткой, пятидесятнической, лютеранской, исламской, иудейской, буддисткой). Это

является ярким примером воплощения в жизнь субъектом федерации имеющихся у него возможностей для выстраивания государственно-конфессионального диалога через расширение гаммы религиозных объединений, присутствующих при обсуждении вопросов, непосредственно затрагивающих их жизнедеятельность.

Упомянутый ранее профильный исполнительный орган – Комитет по межнациональным отношениям имеет при себе на ряду с общественным еще и экспертный совет. Хоть в них и входят преимущественно главы национально-культурных автономий, в силу исторической важности для народов исповедуемых ими верований, они способны поднимать религиозную тематику и оказывать влияние на ход дискуссий в советах.

Территориальные органы города аналогично имеют общественные советы. Встречаются члены советов, стоящие во главе религиозных учреждений, расположенных на соответствующих местности.

Конфессиональные организации наличествуют и в совещательных органах. Например, в общественный совет при главке внутренних дел введены руководители иудейской и исламской организаций города, а также настоятель собора.

Подтверждение успешности описанной деятельности находит отражение в таком индикаторе как доля петербуржцев, положительно оценивающих состояние межконфессиональных отношений. Их в 2023 г. насчитали 74,7% [4]. Тут необходимо сделать оговорку об осуществлении замера самим ответственным за региональную конфессиональную политику госорганом. Его заинтересованность в показателе, при определенном стечении обстоятельств, способна повлиять на цифры.

На различных эволюционных этапах роль религии хоть и изменялась, но преимущественно оставалась заметной. В сложные периоды истории ее значимость возрастала. Сегодня, когда государство находится в не самой простой ситуации, важна консолидация общества. Этому могут способствовать хорошо организованные и мирно настроенные религиозные объединения, осуществляющие совместную с органами власти работу на благо России. В этой связи наработки ряда регионов, в т.ч. Санкт-Петербурга и некоторое время назад интегрированных Севастополя и Республики Крым [1; 12], имеют основания оказаться полезными для иных субъектов РФ и аналогичных образований забежных государств.

Опыт северной столицы показал, что качественная организация взаимодействия власти и религиозных объединений, которая является своего рода «мягкой силой» в политике [11], обеспечивающая бесконфликтное сосуществование конфессий, не только возможна, но несет в себе потенциал выстраивания между ними конструктивного диалога и сплочения нации.

Литература

1. Васильев С.А. Правовое регулирование религиозных отношений как фактор реинтеграции Крымского полуострова в состав России // Журнал российского права. – 2024. – № 1. – С. 95–107.

2. Есть ли Бог в Санкт-Петербурге? 02.09.2007. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-bog-v-sankt-peterburge– (дата обращения: 30.04.2026).

3. Защита духовно-нравственных ценностей в российской государственно-правовой традиции: Монография / под ред. Р.В. Шагиевой, Н.Н. Косаренко. – М.: РУСАЙНС, 2025. – 278 с.

4. Индикаторы состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Санкт-Петербурге. – Режим доступа: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kmormp/statistic/development/ (дата обращения: 30.04.2026).

5. Межконфессиональная интерактивная карта РФ. – Режим доступа: https://bolgar.academy/cmdmap/ (дата обращения: 30.04.2026).

6. Насколько петербуржцы религиозны? Последние социологические исследования. – Режим доступа: https://www.grad-petrov.ru/broadcast/naskolko-peterburzhtsy-religiozny-poslednie-sotsiologicheskie-issledovaniya/ (дата обращения: 30.04.2026).

7. НКО с христианскими ценностями: статистический анализ российского некоммерческого сектора. 11.07.2025. – Режим доступа: https://reg-nko.ru/smi/religioznye-nko-v-rossii-v-2025-godu-i-ih-uchastie-v-blagotvoritelnosti (дата обращения: 30.04.2026).

8. Пинкевич В.К. Политизация общества и религиозные отношения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – № 4. – С. 647–663.

9. Религиозные организации в России. – Режим доступа: https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii/#i (дата обращения: 30.04.2026).

10. Религия и общество: мониторинг. 09.06.2025. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 30.04.2026).

11. Черных С.И. Методы «мягкой силы» в политике и экономике // Общество и экономика. – 2023. – № 1. – С. 27–36.

12. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов). – М.: ИЭА РАН, 2017. – 216 с.

13. Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е, исп. и доп. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 561 с.

STATE-CONFESSIONAL RELATIONS IN ST. PETERSBURG

Yakovlev A.Y., Volokh V.A.
Gorky House of Scientists, State University of Management, Zhirinovsky University of World Civilizations

Russia like many other countries is multi-confessional. This requires that authorities at all levels pay increased attention to the activities of religious communities. Among the largest and the most complex in terms of population composition Russian regions is St. Petersburg. There are more than 500 organizations of various faiths registered in the city. The popularity of religion in the city is quite high: 74% of respondents identified themselves as believers. St. Petersburg implements a quite effective state-confessional policy. Its elements and results are considered in the paper.

Keywords: state-confessional relations, state-confessional dialogue, state confessional policy, government-religious interaction, confessions of Russia, confessions of St. Petersburg.

References

1. Vasiliev S.A. Legal regulation of religious relations as a factor in the reintegration of the Crimean Peninsula into Russia // Journal of Russian Law. –2024. – № 1. – P. 95–107.

2. Is There a God in St. Petersburg? 09/02/2007. – Access mode: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/est-li-bog-v-sankt-peterburge– (accessed: 30.04.2026).

3. Protection of spiritual and moral values in the Russian state and legal tradition: Monograph / edited by R.V. Shagieva, N.N. Kosarenko. – M.: RUSAINS, 2025. – 278 p.

4. Indicators of the state of interethnic and interfaith relations in St. Petersburg. – Access mode: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kmormp/statistic/development/ (accessed: 30.04.2026).

5. Interfaith interactive map of the Russian Federation. – Access mode: https://bolgar.academy/cmdmap/ (accessed: 30.04.2026).

6. How religious are Petersburgers? Recent sociological research. – Access mode: https://www.grad-petrov.ru/broadcast/naskolko-peterburzhtsy-religiozny-poslednie-sotsiologicheskie-issledovaniya/ (accessed: 30.04.2026).

7. NGOs with Christian Values: Statistical Analysis of the Russian Non-Profit Sector. 11.07.2025. – Access mode: https://reg-nko.ru/smi/religioznye-nko-v-rossii-v-2025-godu-i-ih-uchastie-v-blagotvoritelnosti (accessed: 30.04.2026).

8. Pinkevich V.K. Politicization of society and religious relations in modern Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2020. – № 4. – P. 647–663.

9. Religious Organizations in Russia. – Access mode: https://rosinfostat.ru/religioznye-organizatsii/#i (accessed: 30.04.2026).

10. Religion and society: monitoring. 09.06.2025. – Access mode: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (accessed: 30.04.2026).

11. Chernih S.I. Methods of «soft power» in politics and economy // Society and economy. – 2023. – № 1. – P. 27–36.

12. Ethnic and ethnopolitical map of Crimea. Organization of monitoring and early warning of ethnic and religious conflicts (ed. V.Y. Zorin, R.A. Starchenko, V.V. Stepanov). – M.: IEA RAS, 2017. – 216 p.

13. Ethnic and religious diversity of Russia / Ed. V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. 2nd ed., revised and enlarged. – M.: IEA RAS, 2018. – 561 p.

Сравнительный анализ психологических профилей политических лидеров в различных институциональных контекстах

Янчевский Дмитрий Петрович,
аспирант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: leva380@mail.ru

Комаров Михаил Александрович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и информатики Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет»
E-mail: makoomar@yandex.ru

Мищенко Яна Петровна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: mishchenko.yana2015@yandex.ru

На основе междисциплинарного подхода, включающего сравнительный кейс-стади, контент-анализ по методике Д. Винтера, психобиографический анализ и экспертные оценки, проанализированы четыре кейса: А. Меркель (ФРГ), Д. Трамп (США), А. Лукашенко (Беларусь), В. Путин (РФ). Результаты показывают устойчивые корреляции между психологическим профилем и стилем лидерства. Высокий nAch при умеренном nPow коррелирует с коллегиальным стилем (Меркель); высокий nPow с низкой когнитивной сложностью – с импульсивным стилем (Трамп, Лукашенко); высокий nPow с высокой когнитивной сложностью – со стратегическим целеполаганием (Путин). Выявлены три типа модулирующего воздействия институциональной среды: усиление (Лукашенко), сдерживание (Трамп), направление (Меркель). Теоретическая значимость – в развитии концепции психологического профиля как детерминанты политического поведения. Практическая значимость – для кадрового отбора и политического прогнозирования.

Ключевые слова: психологический профиль, политическое лидерство, институциональный контекст, потребность во власти, когнитивная сложность, сравнительный анализ, контент-анализ, мотивация, стиль принятия решений, политическая коммуникация.

В условиях возрастающей персонализации политики, медиатизации публичного пространства и усложнения глобальных вызовов роль индивидуально-личностного фактора в политическом процессе приобретает критическое значение. Психологические особенности политических лидеров перестают быть предметом исключительно биографического интереса, превращаясь в значимый компонент, влияющий на принятие стратегических решений, формат взаимодействия с элитами и обществом, стиль управления и, в конечном счете, на траектории развития государств [1, С. 10]. Качественный анализ и прогнозирование политических процессов невозможны без учета устойчивых психологических паттернов и поведенческих сценариев ключевых акторов.

Исследовательская проблема заключается в противоречии между признанием значимости личностного фактора в политике и недостаточной разработанностью компаративных исследований, позволяющих выявить, как одни и те же психологические характеристики реализуются в различных институциональных контекстах. Существующие работы либо сосредоточены на клиническом анализе отдельных фигур, либо ограничиваются описанием черт без их увязки с институциональным дизайном и политической культурой.

Цель настоящей работы – выявление и сравнительный анализ устойчивых связей между ключевыми компонентами психологического профиля политических лидеров и реализуемыми ими моделями политического поведения в различных институциональных контекстах (на примере А. Меркель, Д. Трампа, А. Лукашенко, В. Путина).

Рабочая гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом. Доминирующие компоненты психологического профиля (тип мотивации, когнитивная сложность, локус контроля), по-видимому, выступают в качестве устойчивых детерминант политического поведения. Вместе с тем сила и направленность их влияния, как можно предположить, в значительной степени опосредованы институциональным дизайном политической системы.

Институциональный контекст понимается как совокупность формальных и неформальных правил, процедур и механизмов, определяющих способы осуществления политической власти, уровень политической конкуренции и степень ограничения властного произвола [2, С. 250].

Теоретическое осмысление феномена политического лидерства в контексте его психологических детерминант развивалось от классических типологий к комплексным междисциплинарным моделям. Фундаментальные основания заложены М. Вебером, связавшим тип лидерства с источником легитимности и выделившим харизматический тип как фактор, способный разрушать устоявшиеся институциональные формы и выводить политическое развитие за пределы рутинной практики [3, С. 630].

Значительный вклад в развитие политико-психологического подхода внес Г. Лассуэлл, заложивший основы психопатологического анализа политики и исследовавший связь между личностными потребностями и политическими ориентациями [4, С. 230]. Дж. Барбер предложил психобиографическую типологию, связывающую стиль президентского правления с комбинацией уровня активности и эмоционального отношения к деятельности [5, С. 300].

Качественный сдвиг в исследовательской традиции связан с именем Дж.М. Бёрнса, который ввел различение трансакционного и трансформационного типов лидерства. Если первый основан на инструментальном обмене (лояльность и услуги вознаграждаются), то трансформационное лидерство ориентировано на глубинные изменения ценностных ориентаций последователей [6, С. 320]. Тем самым фокус смещается с анализа персональных качеств на характер связей в системе «лидер – последователь».

Особое место занимает теория мотивационного профиля Д. Винтера, фокусирующаяся на выявлении с помощью контент-анализа трех базовых мотивов в речевой продукции лидера: потребности во власти (nPow – желание влиять, контролировать), потребности в достижении (nAch – ориентация на стандарты совершенства) и потребности в аффилиации (nAff – стремление к установлению и поддержанию дружеских отношений) [9, С. 160]. Результаты эмпирических исследований фиксируют устойчивую взаимосвязь между доминирующими мотива-

ционными комплексами и ориентацией на те или иные способы принятия решений.

В отечественной науке разработаны подходы к психологическому портретированию лидеров и анализу политических элит [1; 2; 10; 11]. Институциональные механизмы могут как сдерживать деструктивные проявления лидеров (Лейпхарт), так и не справляться с ними в условиях ослабления сдержек и противовесов [12; 13]. В частности, в работе [14, С. 1301–1302] на примере сравнения российской и зарубежных элит показано, что учет институционального контекста позволяет преодолеть разрыв между индивидуально-психологическими характеристиками лидеров и структурными ограничениями политической системы. Данный вывод коррелирует с выделенными нами эффектами модулирующего воздействия (усиление, сдерживание, направление, конструирование) и подтверждает необходимость компаративного анализа психологических профилей в разных институциональных условиях. Таким образом, при обширном массиве исследований в области политической психологии проблематика сравнительного анализа реализации сходных психологических характеристик в различных институциональных контекстах остаётся, на наш взгляд, недостаточно разработанной. Работы, непосредственно посвящённые компаративному анализу психологических профилей лидеров в разных политических системах, немногочисленны и носят фрагментарный характер. Соответственно, требуют дальнейшего совершенствования и методики комплексного психологического профилирования применительно к задачам сравнительного политического анализа.

Методологическая стратегия данного исследования строится на сочетании качественных и количественных методов, интегрированных в рамках сравнительного кейс-стади. Эмпирическую базу составили четыре политических лидера, отобранных по следующим критериям: 1) принадлежность к различным институциональным контекстам (консолидированная демократия – ФРГ, демократия с развитой системой сдержек – США, авторитарный режим – Республика Беларусь, гибридный режим – Российская Федерация); 2) контрастность предполагаемых психологических профилей, обеспечивающая наглядность сравнительного анализа.

Основным методом выступил сравнительный анализ, реализованный в логике наиболее сходного и наиболее различного кейс-стади дизайнов. В первом случае сопоставлялись лидеры со сходными психологическими характеристиками в различных институциональных условиях (Трамп–Лукашенко; Меркель–Путин), во втором – различные психологические типы в сходных институциональных условиях (Меркель–Трамп в демократиях; Лукашенко–Путин в авторитарно-гибридных системах).

Вспомогательными методами выступили:

1. Контент-анализ по методике Д. Винтера, направленный на выявление мотивационного профиля лидеров. Анализировались тексты публичных выступлений, интервью, ответы на вопросы граждан (для каждого лидера отобрано не менее 15 текстов общим объемом от 80 до 120 тыс. словоупотреблений).

2. Анализировались официальные биографии, мемуарные свидетельства, журналистские расследования.

3. Метод экспертных оценок – сопоставление полученных выводов с оценками профессионального сообщества политологов и политических консультантов (опрос проведен в декабре 2025 г., N=25), что позволило скорректировать возможные искажения, связанные с ограниченностью открытых источников.

4. Анализ когнитивной сложности проводился на основе оценки синтаксической сложности речи, использования модальных конструкций («возможно», «с одной стороны… с другой стороны»), признания неполноты информации, наличия бинарных оппозиций.

Данные обрабатывались методами классификации, типологизации и графического моделирования.

Проведенный контент-анализ публичных выступлений позволил реконструировать мотивационные профили четырех политических лидеров, отражающие устойчивое доминирование тех или иных потребностей в структуре их личности (см. таблицу 1).

Таблица 1. Мотивационные профили политических лидеров (частота на 1000 слов)

Лидер	nPow (потребность во власти)	nAch (потребность в достижении)	nAff (потребность в аффилиации)
А. Меркель	4,1	8,2	1,8
Д. Трамп	14,7	7,2	0,9
А. Лукашенко	12,1	2,8	5,3
В. Путин	9,4	6,5	1,2

Источник: Составлено авторами по результатам контент-анализа

Согласно полученным данным, у А. Меркель устойчиво доминирует nAch (8,2) при умеренном nPow (4,1), что соответствует трансформационному лидерству. В случае Д. Трампа фиксируются очень высокий nPow (14,7), низкий nAff, достижение через доминирование. А. Лукашенко, напротив, высокий nPow (12,1) и повышенный nAff (5,3), который носит патерналистский характер. Владимир Путин демонстрирует высокий nPow (9,4) сочетается с самоконтролем и стратегическим стилем.

Анализ когнитивных характеристик выявил существенные различия между исследуемыми лидерами (см. таблицу 2).

Таблица 2. Когнитивные характеристики политических лидеров

Параметр	А. Меркель	Д. Трамп	А. Лукашенко	В. Путин
Когнитивная сложность	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая
Локус контроля	Внутренний	Внешний	Внешний	Внутренний
Толерантность к неопределенности	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая

Источник: Составлено авторами на основе психобиографического анализа

Для А. Меркель характерна способность удерживать в поле зрения множество противоречивых факторов, избегать бинарных оппозиций и отказываться от простых решений там, где они иллюзорны. Философские убеждения отличаются восприятием политического мира как сложной, но в целом управляемой системы, в которой конфликты разрешимы через переговоры и институциональные процедуры.

Д. Трамп характеризуется низкой когнитивной сложностью, проявляющейся в устойчивом использовании бинарных оппозиций (друг/враг, победа/поражение, сила/слабость), персонализации сложных структурных проблем. Философские убеждения основываются на восприятии политического мира как джунглей, арены тотальной конкуренции, где отсутствуют универсальные правила.

А. Лукашенко отличается ригидностью мышления – устойчивостью однажды сформированных схем оценки, трудностями в адаптации к новой информации. Низкая толерантность к неопределенности проявляется в стремлении к тотальному контролю над информационными потоками. Философские убеждения базируются на представлении о политическом мире как иерархии, основанной на силе и личной преданности.

В. Путин демонстрирует высокую когнитивную сложность, способность удерживать в операциональном поле значительное количество разнородных факторов, выстраивать многоуровневые каузальные связи. В отличие от импульсивного стиля Трампа, психологическая организация Путина может быть определена через понятие «стратегический автократ»: высокая мотивация контроля реализуется через механизмы долгосрочного целеполагания и последовательное конструирование институциональных и неформальных каналов влияния.

Выявленные мотивационные и когнитивные характеристики коррелируют с устойчивыми поведенческими паттернами (см. таблицу 3).

Таблица 3. Поведенческие паттерны политических лидеров

Параметр	А. Меркель	Д. Трамп	А. Лукашенко	В. Путин
Стиль принятия решений	Коллегиаль-ный, выжидатель-ный	Импульсивный, персоналистский	Авторитарный, микроменеджмент	Стратегический иерархический
Тип политичес-кой коммуникации	Интегративный, рациональный	Конфронтационный, эмоциональный	Патерналистский, конфронтационный	Мобилизационный, державный
Отношение к институтам	Институционалист	Инструменталист	Контролёр	Архитектор

Источник: Составлено авторами

Анализ поведенческих стратегий А. Меркель в ходе двух крупных кризисных эпизодов – долгового кризиса еврозоны (2010–2012) и миграционного кризиса (2015–2016) – позволяет реконструировать воспроизводящуюся последовательность действий. Алгоритм, получивший название «метод Меркель», является следствием когнитивного стиля с высокой толерантностью к неопределенности.

Стиль принятия решений Д. Трампа характеризуется импульсивностью, опорой на интуицию и личные симпатии, а не на системный анализ.

У А. Лукашенко можно наблюдать устойчивую ориентацию на микроменеджмент – стремление к тотальному контролю над максимально широким кругом вопросов, что ведет к перегрузке центра принятия решений и запаздыванию реакций.

В. Путин характеризуется стратегическим, долгосрочным целеполаганием. Высокая потребность во власти реализуется не через ситуативные реакции, а через последовательное конструирование институциональных механизмов влияния. Коммуникативный стиль сочетает рациональную аргументацию с мобилизационной риторикой, апелляцией к исторической преемственности и державной традиции.

Сопоставление исследуемых кейсов позволяет выявить четыре типа модулирующего воздействия институционального дизайна (см. таблицу 4).

Таблица 4. Модулирующее влияние институционального контекста

Лидер	Институциональный контекст	Доминирующие черты профиля	Эффект среды	Политический результат
А. Меркель	Консолидированная демократия (ФРГ)	Высокий nAch, умеренный nPow, высокая когнитивная сложность	Направление	Эффективное коалиционное управление, предсказуемость
Д. Трамп	Демократия со сдержками (США)	Высокий nPow, низкая когнитивная сложность, внешний локус контроля	Сдерживание	Институциональная коррекция импульсивных решений
А. Лукашенко	Авторитарный режим (Беларусь)	Высокий nPow, высокий nAff (избирательный), ригидность	Усиление	Эскалация кризиса, изоляция
В. Путин	Гибридный режим (РФ)	Высокий nPow, высокая когнитивная сложность, внутренний локус контроля	Конструирование	Формирование институтов под личностный профиль

Источник: Разработано авторами

Эффект усиления возникает при слабости институциональных сдержек. В Беларуси отсутствие независимой судебной власти и монополизированное информационное пространство позволили гипертрофированной потребности Лукашенко в контроле реализоваться без ограничений.

Эффект сдерживания проявляется в условиях консолидированной демократии с развитой системой разделения властей, независимыми судами и сильной оппозицией. Американский кейс демонстрирует, что институциональные механизмы способны компенсировать деструктивный потенциал импульсивности и низкой когнитивной сложности. Судебные органы систематически блокировали инициативы исполнительной власти, расследования активировали процедуру назначения независимых прокуроров, а электоральный механизм (поражение на выборах 2020 г.) подтвердил способность системы к самокоррекции.

Эффект направления характеризует ситуацию, когда институты не столько сдерживают, сколько направляют личностные диспозиции в конструктивное русло. В германском кейсе институциональная среда (коалиционная природа правительства, автономия земель, сильный парламент) требовала от лидера длительного согласования, поиска консенсуса и делегирования полномочий, что соответствовало психологическому профилю Меркель с умеренной потребностью во власти и ориентацией на достижение.

Эффект конструирования (применительно к российскому кейсу) проявляется в способности лидера с высокими когнитивными способностями и стратегическим мышлением формировать институциональную среду под собственный психологический профиль, создавая устойчивую систему, минимизирующую риски непредсказуемости и обеспечивающую долгосрочную реализацию властной мотивации.

Для наглядного представления сравнительных данных построена лепестковая диаграмма, отражающая конфигурацию психологических профилей исследуемых лидеров по семи ключевым параметрам (см. рисунок 1). Нормирование значений осуществлено методом линейного масштабирования к единой шкале от 0 до 1.

Рис. 1. Сравнительная лепестковая диаграмма психологических профилей политических лидеров (нормированные значения)

Примечание: nPow – потребность во власти, nAch – потребность в достижении, nAff – потребность в аффилиации, Когн.сложность – когнитивная сложность, Локус контроля (внутр.) – интернальность, Стрессоустойчивость – эмоциональная стабильность, Кооперация – склонность к коалиционному взаимодействию.

Составлено авторами на основании таблиц 1–3

Представленная визуализация наглядно демонстрирует принципиальные различия в конфигурации психологических профилей. Отчетливо выделяются три основные констелляции характеристик: сбалансированный профиль (Меркель) характеризуется умеренной потребностью во власти, высокой ориентацией на достижение, развитой когнитивной сложностью и внутренним локусом контроля, что коррелирует с коллегиальным стилем принятия решений и интегративной коммуникацией.

Гипервластный профиль с низкой когнитивной сложностью (Трамп, Лукашенко) отличается гипертрофированной потребностью во власти при низкой когнитивной сложности и слабой стрессоустойчивости, что в первом случае частично сдерживалось институтами, а во втором привело к системному кризису. Стратегический авторитарный профиль (Путин) демонстрирует сочетание высокой властной мотивации с развитыми когнитивными способностями и внутренним локусом контроля, что позволяет реализовывать долгосрочное стратегическое планирование.

Высокая когнитивная сложность у Меркель работает на поиск интегративных решений, у Путина – на выстраивание многоходовых комбинаций в условиях ограниченной транспарентности [7]. Потребность в достижении у Трампа сопоставима с меркелевской, но реализуется через доминирование, а не через кооперацию. Повышенный nAff у Лукашенко носит вертикальный и селективный характер (патерналистская забота о «простых людях» и лояльность «своих»). Это явление можно обозначить как «инструментальную псевдоаффилиацию». Сходные психологические профили Трампа и Лукашенко ведут к разным политическим результатам из-за разных институциональных условий: сдерживание в США и усиление в Беларуси.

Прежде чем переходить к выводам, следует указать на ряд ограничений, которые, по нашему мнению, необходимо принимать во внимание при интерпретации полученных результатов и тем более при их экстраполяции на иные кейсы.

Во-первых, применение методики Винтера к переведённым текстам ограничено утратой семантических оттенков, что минимизировано триангуляцией с экспертными оценками. Второе ограничение – публичная речь лидеров недемократических режимов может отражать «публичный фасад», а не истинный профиль, однако долгосрочные паттерны сглаживают этот эффект. Третье ограничение касается генерализации выводов. Выводы ограничены европейским и североамериканским контекстом и требуют проверки на других культурных материалах. Четвёртое ограничение – проблема каузальной направленности. Дизайн исследования фиксирует корреляции, но не каузальность; необходимы лонгитюдные исследования.

Проведенное сравнительное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Выявлены устойчивые корреляции между психологическим профилем и политическим поведением: высокий nAch при умеренном nPow и внутреннем локусе контроля ведёт к коллегиальному стилю (Меркель); высокий nPow с низкой когнитивной сложностью – к импульсивному стилю (Трамп, Лукашенко); высокий nPow с высокой когнитивной сложностью – к стратегическому целеполаганию (Путин).

2. Институциональный дизайн модулирует реализацию профиля четырьмя способами: усиление (слабые сдержки), сдерживание (раз-

витая демократия), направление (институты направляют диспозиции в конструктивное русло) и конструирование (лидер формирует среду под себя).

3. В авторитарных и гибридных системах психологический профиль лидера приобретает критическое значение, напрямую определяя политический курс и эволюцию режима, тогда как в демократиях личностный фактор опосредован институтами.

4. Теоретическая значимость работы – в развитии концепции психологического профиля как системной детерминанты политического поведения и в выявлении феномена «инструментальной псевдоаффилиации» (Лукашенко).

5. Практическая значимость – возможность использования выявленных закономерностей для кадрового отбора и политического прогнозирования с учётом конфигурации профиля и институционального контекста.

Перспективными направлениями являются расширение эмпирической базы за счёт лидеров из незападных стран и сравнительный анализ психологических профилей лидеров «второго эшелона.

Литература

1. Шестопал Е.Б. Проект длинною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02

2. Ракитянский Н.М. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 264 с.

3. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. Lasswell H.D. Psychopathology and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1930. 285 p.

5. Barber J.D. The Presidential Character: Predicting Performance in the White House. 4th ed. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1992. 512 p.

6. Burns J.M. Leadership. New York: Harper & Row, 1978. 530 p.

7. Hermann M.G. Assessing Leadership Style: A Trait Analysis // The Psychological Assessment of Political Leaders / Ed. by J.M. Post. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. P. 178–212.

8. George A.L. The «Operational Code»: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13, No. 2. P. 190–222.

9. Winter D.G. Measuring the Motives of Political Leaders at a Distance // The Psychological Assessment of Political Leaders / Ed. by J.M. Post. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. P. 153–177.

10. Палитай И.С. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 90–100. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.07

11. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.

12. Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2012. 368 p.

13. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. New York: Crown Publishing, 2018. 320 p.

14. Комаров М.А., Янчевский Д.П. Анализ взаимодействия российской и зарубежной политико-административных элит в контексте современной политической компаративистики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 6 (59). С. 1301–1308.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL PROFILES OF POLITICAL LEADERS IN DIFFERENT INSTITUTIONAL CONTEXTS

Yanchevsky D.P., Komarov M.A., Mishchenko Ya.P.
South-Russian Institute of Management, A.K. Kortunov Novocherkassk Engineering and Reclamation Institute – branch of Don State Agrarian University

Based on an interdisciplinary approach including comparative case study, content analysis using D. Winter's method, psychobiographical analysis and expert assessments, four cases are analyzed: A. Merkel (Germany), D. Trump (USA), A. Lukashenko (Belarus), and V. Putin (Russia). The results reveal stable correlations between psychological profile and leadership style. High nAch with moderate nPow correlates with a collegial style (Merkel); high nPow with low cognitive complexity correlates with an impulsive style (Trump, Lukashenko); high nPow with high cognitive complexity correlates with strategic goal-setting (Putin). Three types of institutional environment modulating effects are identified: amplification (Lukashenko), deterrence (Trump), and direction (Merkel). The theoretical significance lies in developing the concept of psychological profile as a determinant of political behavior. The practical significance lies in improving personnel selection and political forecasting.

Keywords: psychological profile, political leadership, institutional context, need for power, cognitive complexity, comparative analysis, content analysis, motivation, decision-making style, political communication.

References

1. Shestopal E.B. Proekt dlinnoju v chetvert' veka. Issledovanie obrazov vlasti i liderov v postsovetskoj Rossii (1993–2018) [The quarter-century project. The study of images of power and leaders in post-Soviet Russia (1993–2018)] // Polis. Political studies. 2019. No. 1. P. 9–20. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02

2. Rakityansky N.M. Lichnost' politika: teorija i metodologija psihologicheskogo portretirovanija [Political personality: theory and methodology of psychological portraiture]. Moscow: Moscow University Press, 2011. 264 p.

3. Weber M. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p.

4. Lasswell H.D. Psychopathology and Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1930. 285 p.

5. Barber J.D. The Presidential Character: Predicting Performance in the White House. 4th ed. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1992. 512 p.

6. Burns J.M. Leadership. New York: Harper & Row, 1978. 530 p.

7. Hermann M.G. Assessing Leadership Style: A Trait Analysis // The Psychological Assessment of Political Leaders / Ed. by J.M. Post. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. P. 178–212.

8. George A.L. The "Operational Code": A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13. No. 2. P. 190–222.

9. Winter D.G. Measuring the Motives of Political Leaders at a Distance // The Psychological Assessment of Political Leaders / Ed. by J.M. Post. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. P. 153–177.

10. Palitay I.S. Molodoe pokolenie rossijskoj politicheskoj elity: statusno-rolevye i lichnostnye harakteristiki [The young generation of the Russian political elite: status-role and personal characteristics] // Polis. Political studies. 2020. No. 5. P. 90–100. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.07

11. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity kak ob#ekt issledovanij v otechestvennoj politicheskoj nauke [Political elites as an object of research in Russian political science] // Political science. 2016. No. 2. P. 38–73.

12. Lijphart A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2012. 368 p.

13. Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. New York: Crown Publishing, 2018. 320 p.

14. Komarov M.A., Yanchevsky D.P. Analiz vzaimodejstvija rossijskoj i zarubezhnoj politiko-administrativnyh elit v kontekste sovremennoj politicheskoj komparativistiki [Analysis of interaction between Russian and foreign political and administrative elites in the context of modern political comparative studies] // Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. 2024. Vol. 13. No. 6 (59). P. 1301–1308.

От нефти к водороду: сотрудничество Саудовской Аравии и США в новом энергетическом секторе

Абдалсамад Абдалрахман А. Абдалсамад,
аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: abdulrahmanabdulsalam199@gmail.com

Технологический сектор и цивилизационное развитие являются двумя важными элементами в освоении новых источников энергии, которые считаются нетрадиционными неископаемыми источниками энергии. Они существуют в различных формах: солнечная энергия, энергия ветра, геотермальная энергия, электричество и водородная энергия, с возможностью хранения и повторного использования энергии. Саудовская Аравия обладает вторыми по величине запасами нефти в мире. Загрязнение окружающей среды и политические проблемы являются двумя основными причинами перехода к новым источникам энергии. Цель данного исследования – изучить саудовско-американские отношения в сфере новых источников энергии, учитывая, что Саудовская Аравия обладает значительным потенциалом производства водорода с использованием ископаемого топлива и возобновляемых источников. В статье формулируются следующие исследовательские вопросы: какие факторы стимулируют сотрудничество двух стран в области чистой энергетики и какие существуют барьеры?
В данной статье рассматриваются взаимоотношения между Саудовской Аравией и Соединёнными Штатами в области чистой энергетики. Чистая энергия получается из возобновляемых источников, которые не загрязняют атмосферу. Цель исследования – выявить тенденции перехода Саудовской Аравии от традиционных к экологически чистым инвестициям в энергетику при участии американских компаний. Новизна исследования заключается в выявлении альтернатив и инструментов, способствующих этому энергетическому переходу. В исследовании используются описательный и исторический подходы для понимания этих взаимоотношений. В результате были получены несколько ключевых выводов: акцент на нетрадиционных источниках чистой энергии; потенциал таких инвестиций для развития дипломатических отношений, открытия каналов связи и торговли; вклад в защиту климата и окружающей среды путём перехода от традиционных источников энергии к экологически чистым, таким как «зелёный» водород и солнечная энергия; а также тот факт, что Саудовская Аравия открывает свои двери для инвестиций американских компаний, которые, в свою очередь, предоставляют экспертные знания и необходимые инструменты для устойчивого развития, стремясь не только к самообеспечению, но также к экспорту в будущем.

Ключевые слова: энергетика, Саудовская Аравия, США, зелёный водород, окружающая среда, углерод, инвестиции.

Введение

Саудовско-американские отношения, насчитывающие более 80 лет, основаны на общих интересах и взаимном уважении. Первые формальные отношения были установлены в 1933 году (по некоторым источникам, дипломатические отношения были оформлены позднее – требуется уточнение). Эр-Рияд и Вашингтон разделяют множество общих интересов, прежде всего нефть и её экспорт, региональную безопасность и устойчивое развитие. За ними следуют международные отношения, экономические вопросы, инициативы в области развития и ближневосточные дела, где Саудовская Аравия является крупнейшим экспортёром на американский рынок. Нефть и безопасность – наиболее важные вопросы в отношениях между двумя странами, за ними следует сотрудничество в экономической, торговой и гуманитарной сферах[1].

Саудовская Аравия всегда уделяла первостепенное внимание обеспечению безопасности в Персидском заливе, и энергетический сектор неизменно представлял собой серьёзную проблему. Конкретным примером являются атаки на нефтяные объекты Aramco в 2019 году. Недавним историческим примером является конфликт между Ираном, Израилем и Соединенными Штатами, который побудил Саудовскую Аравию пересмотреть свои стратегии в области безопасности и энергетики и выбрать новый подход. Это особенно актуально, учитывая значительные потери, которые понесла Саудовская Аравия из-за закрытия Ормузского пролива и нападений на её аэропорты, как материальные, так и связанные с безопасностью. В результате Соединенные Штаты не смогли обеспечить полную защиту Королевства от внешних угроз, несмотря на свои обязательства по обеспечению безопасности Саудовской Аравии. Тем не менее, Саудовская Аравия диверсифицировала свою экономику, выйдя за рамки экспорта нефти, разработав новую систему для дальнейшей диверсификации потоков доходов, в дополнение к преимуществам, предоставляемым использованием новых источников энергии[2].

Саудовская Аравия обладает, по данным на 2023 год, примерно 16% мировых запасов нефти и занимает четвёртое место по запасам газа; на нефть и природный газ приходится 39% и 40% производства электроэнергии в Королевстве соответственно[3].

Методология и методы исследования

В исследовании использовались различные методологии, включая описательный подход для описания новой энергетической стратегии Саудовской Аравии (программа «Видение 2030»), исторический подход для анализа энергетической политики с 1930-х годов, а также метод тематического исследования на примере проекта NEOM Green Hydrogen Company. Аналитический подход применялся для выяснения причин перехода Саудовской Аравии к новым источникам энергии. Также методология тематического исследования использовалась для объяснения усилий Саудовской Аравии, роли США как партнёра и влияния экономических факторов на политические решения. Исторический подход изучал прошлую энергетическую политику Саудовской Аравии и её зависимость от нефти как основного источника энергии, отсутствие альтернатив в предыдущих политиках до появления программы «Видение 2030», которая предоставила возможность развивать другие источники, такие как чистая энергия. Аналитический подход использовался для выявления причин нынешнего выбора Саудовской Аравией этого пути, связанных проблем, способов их преодоления, а также потенциальных экономических, политических, экологических и технологических преимуществ. Методы исследования включали анализ официальных документов: интервью между двумя странами, заявления наследного принца Мухаммеда бин Салмана, подписание контрактов и соглашений в области новых источников энергии.

Текущий потенциал, ведущее будущее экспорта

Важность чистого водорода в его различных формах заключается в его роли как фундаментального энергетического компонента и в его вкладе в сохранение глобального климата, что является обязательством, которое поддерживают многие страны, включая Парижское соглашение 2015 года. Водород приобретает всё большее значение во всём мире благодаря государственным инициативам и в различных отраслях

промышленности, поскольку он широко применяется в производстве электроэнергии и играет значительную роль в сокращении выбросов от ископаемого топлива, такого как нефть и газ. Япония стала первой страной, которая предприняла подобный проект, включив его в свою национальную энергетическую стратегию в 2017 году[4].

В 2019–2020 годах изменение климата стало серьёзной угрозой, и многие страны, такие как Япония, Великобритания, Европейский союз и Южная Корея, стремятся достичь нулевых выбросов к 2050 году, а Китай планирует сделать это к 2060 году[5].

Согласно будущим исследованиям и с учётом широкого использования ископаемого топлива, его запасы будут исчерпаны примерно в течение следующих ста лет. Помимо связанного с этим загрязнения окружающей среды, странам необходимо найти лучшую и более надёжную альтернативу. Поэтому крупные страны с огромными ресурсами обратились к альтернативным источникам энергии, и Саудовская Аравия входит в их число[6].

Важность Саудовской Аравии и её ориентация на новые источники энергии очевидны в региональных и международных событиях, которые подталкивают её к расширению промышленного и трудового рынков за счёт использования своих преимуществ в энергетике, географии и технологиях. При этом необходимо учитывать риски: технологическую зависимость от американских компаний, волатильность мирового рынка водорода и потенциальные дипломатические противоречия со странами ОПЕК. Правительства играют в этом ключевую роль, содействуя, финансируя и предоставляя льготные кредиты. Королевство обладает значительными ресурсами для поддержки этих инвестиций; Государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии (ПИФ) является ярким примером того, как эти ресурсы могут быть оптимально использованы для реализации геополитических проектов. Согласно официальным данным, миссия ПИФ заключается в развитии 70% производственных мощностей в обрабатывающей промышленности Королевства. Средства и инструменты для этих инвестиций включают правовые и административные рамки, финансовую поддержку и государственные ассигнования. Инвестиции могут быть прямыми или косвенными, что ещё более усиливает глобальное влияние Королевства.

Эти шаги укрепят региональное положение Саудовской Аравии, поставив её в один ряд с государствами Персидского залива, Ираком и даже Ираном. Это косвенно повысит её позиции в ОПЕК, поскольку государства-члены разделяют одну и ту же цель экспорта нефти и одни и те же проблемы. Успех Саудовской Аравии в этой области предоставит ей большую ответственность за лидерство на Ближнем Востоке и в международных отношениях.

На глобальном уровне инвестиции Королевства в водородную энергетику отражают глобальную тенденцию к чистой энергии. Глобальный рынок водорода оценивается в десятки миллиардов долларов; подход Саудовской Аравии носит глобальный характер, поскольку мир всё чаще использует водород в различных секторах. Саудовская Аравия ориентируется на международные рынки, поскольку её газовые ресурсы могут быть использованы для производства водорода с помощью паровой конверсии метана (SMR) и систем улавливания углерода (CCS). Это даст Саудовской Аравии возможность поставлять в Европу излишки топлива. Такие торговые отношения укрепят связи с Германией и Францией, двумя ведущими экономиками Европы, а также с Италией и Великобританией. Это станет отличным шагом в глобальном масштабе. Королевство также инвестирует в возобновляемые источники энергии в странах Африки и Юго-Восточной Азии. Например, Демократическая Республика Конго обладает 70% мировых запасов кобальта, стратегического сырья для современных технологий. Сотрудничество с Конго открывает огромные возможности[7].

Со стороны Соединенных Штатов, в программу визита бывшего президента США Джо Байдена в Саудовскую Аравию в 2022 году вошли инвестиции в чистую энергетику, использование технологий и обучение, а также регулирование углеродной экономики. Повестка дня переговоров с президентом Байденом в Саудовской Аравии в 2022 году включала инвестиции в чистую энергетику, технологии возобновляемой энергии, обучение персонала атомной энергетики и регулирование углеродной экономики[8].

Компания Saudi Aramco подписала меморандум о взаимопонимании с Соединенными Штатами для продвижения низкоуглеродных энергетических решений. Цель этой инициативы – достижение нулевого уровня выбросов парниковых газов в деятельности компании к 2050 году (национальная цель Саудовской Аравии – 2060 год)[9].

Саудовская Аравия планирует поставлять в Европу 200 000 тонн промышленного водорода к 2030 году (эти цифры требуют проверки по авторитетным источникам). Первый контракт был подписан между саудовской компанией ACWA Power и немецкой SEFE в 2025 году.

Преимущества «зелёного» водорода

Почему «зелёный» водород приобретает всё большую популярность? Основные причины – необходимость борьбы с глобальным потеплением и стремление повысить эффективность машин, оборудования и систем отопления. «Зелёный» водород производится путём электролиза воды с использованием электроэнергии, вырабатываемой солнечной и ветровой энергией, что делает его экологически чистым[10].

Во время саммита в Эр-Рияде министр энергетики Саудовской Аравии Абдулазиз бин Салман заявил, что выработка 44 гигаватт в год покроет 90% потребностей Швеции в электроэнергии и 50% потребностей Соединенного Королевства. Реализация этого проекта также создаст значительное количество рабочих мест[11].

Существует прямая зависимость между ветровой и солнечной энергией: чем больше их производится, тем больше водорода. Потребление ветровой и солнечной энергии неуклонно растёт с 2023 года, что является ярким примером диверсификации экономики[12].

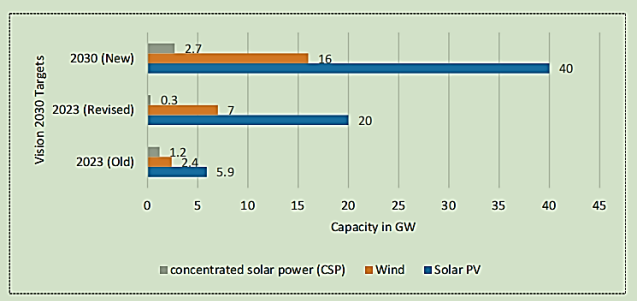


Рис. 1

Что касается сотрудничества Саудовской Аравии с крупными международными компаниями в области новых источников энергии, компания ACWA Power (мировой лидер в опреснении воды, новых источниках энергии и водороде) объявила о заключении соглашений с несколькими американскими компаниями на общую сумму около 500 млн долларов. Соглашения окончательно оформлены на Саудовском инвестиционном форуме в Эр-Рияде. Инвестиции ACWA Power с американскими партнёрами превышают 6 млрд долларов (данные требуют подтверждения из официальных отчётов).

Эти инициативы соответствуют стратегии Королевства «Видение 2030», направленной на достижение нулевых выбросов к 2060 году. Раад Аль-Саади, вице-председатель и управляющий директор ACWA Power, заявил, что эти партнёрства открывают возможности для развития экспертных знаний, инноваций и соответствия современным требованиям, способствуют открытой экономике Саудовской Аравии[13].

Саудовская Аравия не ограничивает сотрудничество с иностранными компаниями по поставкам водорода. Министр энергетики Саудовской Аравии, принц Абдулазиз бин Салман Аль Сауд, заявил, что Саудовская Аравия стремится стать крупнейшим экспортёром водорода в регионе. Амин Нассер, бывший генеральный директор Aramco, добавил, что саудовская компания ищет рынки сбыта своей водородной продукции, и что в отношении роста рынка существуют высокие потенциальные возможности[14].

Компания, специализирующаяся на производстве экологически чистого водорода, – это NEOM Green Hydrogen Company, совместное предприятие NEOM, ACWA Power и Air Products. Этот проект, крупнейший в своём роде в мире, выполнен на 80% по поставке и оснащению оборудованием, материалами, трубопроводами и сетями электропередачи. Он будет иметь мощность по производству 600 тонн безуглеродного водорода, что представляет собой уникальный и значительный шаг вперёд для Королевства Саудовская Аравия[15].

Эти масштабные инвестиции позволяют Саудовской Аравии экспортировать водород в различных формах, как в жидком, так и в газообразном виде, по трубопроводам или железным дорогам, а также в соседние страны морским путём на судах[16].

В целом, среди ведущих стран наблюдается тенденция к использованию новых источников энергии: в 2023 году в мировые энергосети было добавлено 510 гигаватт, что представляет собой увеличение на 50%. Наибольшая доля пришлась на Китай, за которым следуют США и Бразилия, а затем, в меньшей степени, страны Ближнего Востока, где двумя основными игроками являются Саудовская Аравия и ОАЭ. Однако сохраняются значительные проблемы, касающиеся мощностей, цепочек поставок и реализации соответствующей политики между странами-производителями и странами-экспортерами, а также их готовности к внедрению новых источников энергии[17]. Однако наблюдается различие в их экспортных стратегиях: если ОАЭ делают

акцент на азиатских рынках, включая Японию, Южную Корею и Индию)18), то Саудовская Аравия активно ориентируется на европейское направление, что подтверждается созданием «зелёного» водородного коридора с Европой.(19)

Заключение

Саудовская Аравия движется вперёд, придерживаясь нового видения, иной стратегии и открытой и гибкой политики в решении важнейших вопросов. Она стремится сохранить своё влияние как влиятельное арабское государство в мире и на Ближнем Востоке. Поэтому ей необходимо взаимодействовать с такой сверхдержавой, как Соединенные Штаты, по нескольким направлениям, учитывая статус США как мирового лидера. Такое взаимодействие облегчает реализацию её повестки дня и планов, используя передовые технологии и глобальную мощь, что может обеспечить международную легитимность любой стране, независимо от её размера. Именно в этом заключается преимущество американской политики: её гибкость, быстрые изменения и личная власть президента США в принятии решений. Исторически Саудовская Аравия имеет глубоко укоренившиеся отношения, особенно после Второй мировой войны, которые стали ещё более прочными. Энергетика является ключевым вопросом в отношениях между двумя странами, как с точки зрения импорта и экспорта, так и с точки зрения доминирования США в глобальных решениях. США могут вводить санкции или сокращать экспорт нефти в качестве рычага давления, если они не согласны с той или иной страной. Кроме того, наблюдается явное сотрудничество в области новых источников энергии с участием американских компаний, чему предшествуют дипломатические инициативы. Официально, в рамках программы «Видение 2030», Саудовская Аравия движется в направлении реализации своих амбиций внутри страны, учитывая преимущества новых источников энергии. В то же время, это представляет собой вызов для дальнейшего продвижения вперёд, перехода от самообеспечения к импорту, особенно после проведения пакета внутренних реформ в своей политической и финансовой системе. Всё это помогает Саудовской Аравии достичь своих национальных интересов, стать самодостаточной и получить многолетний опыт на этом долгом и непростом пути.

Выводы

Королевство Саудовская Аравия полагается на Соединенные Штаты в вопросах экспертизы в области новых источников энергии, поставок и приобретения разнообразных навыков, соответствующих современной эпохе, которая стала в значительной степени зависеть от технологий и скорости выполнения задач при сохранении точности. Также Саудовской Аравии не следует полностью зависеть от Соединенных Штатов, начиная от инвестиций и заканчивая завершением проектов, включая приобретение опыта, создание рабочих мест и укрепление двусторонних отношений. Несколько факторов могут ускорить или замедлить эти инвестиции, включая стабильность в сфере безопасности, связанную с продолжающимися конфликтами на Ближнем Востоке, такими как американо-израильская напряжённость с Ираном, которая, в свою очередь, влияет на волатильность цен. Даже при наличии денег, поддержки и американского опыта истинная воля остаётся за самими саудовцами. И мы не должны забывать, что поиск альтернативы нефти является главным стимулом для достижения высоких результатов.

Литература

1. السفارة والتاريخ: علاقتنا السفارة الأمريكية والقنصليات في المملكة,2024,

Посольство и история: наши взаимоотношения, Посольство и консульства США в Королевстве, 2024 год. https://sa.usembassy.gov/ar/policy-history-our-relationship/ (28.02.2026)

2. Max Becker-Hicks, Implications of the Iran War for U.S.-Saudi Relations, New Lines Institute,2026, https://newlinesinstitute.org/middle-east-center/implications-of-the-iran-war-for-u-s-saudi-relations/ Date of access(15.04.2026)

3. Blanchard, Christopher M.; Kerr, Paul K., Prospects for U.S.-Saudi Nuclear Energy Cooperation,09/23/2024 https://www.congress.gov/crs-product/IF10799 Date of access:(31.02.2026)

4. Braun, Jan Frederik, Rami Shabaneh, Saumitra Saxena, and Jitendra Roychoudhury, eds. The Clean Hydrogen Economy and Saudi Arabia: Domestic Developments and International Opportunities. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2024. PDF preview. Accessed May 12, 2026. https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781040029947_A48216917/preview-9781040029947_A48216917.pdf.

5. Oxford Institute for Energy Studies, «The Role of Hydrogen in the Energy Transition,» Oxford Energy Forum, № 127 (May 2021) P:1, https://www.oxfordenergy.org/publications/oxford-energy-forum-the-role-of-hydrogen-in-the-energy-transition-issue-127/.

6. Razi, Faran, and Ibrahim Dincer. 2022. «Renewable Energy Development and Hydrogen Economy in MENA Region: A Review.» Renewable and Sustainable Energy Reviews 168. https://doi.org/10.1016/j.rser.2022.112763.

7. Dr. Mohammed Alsulami, THE IMPACT OF THE SAUDI DEVELOPMENT MODEL ON THE IRANIAN HOME FRONT, JOURNAL FOR IRANIAN STUDIES Specialized Studies, 2024, P:32,33,35,36,37,38,39,40, https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploadTHE%20IMPACT%20OF%20THE%20SAUDI%20DEVELOPMENT%20MODEL%20ON%20THE%20IRANIAN%20HOME%20FRONTs/sites/2/2024/03/The-Impact-of-the-Saudi-Development-Model-on-the-Iranian-Home-Front.pdf

8. Saudi Arabia and the US to Partner on Clean Energy, Including CCUS Following Biden Visit.» Carbon Capture Technology Expo North America 2025, https://www.ccus-expo.com/industry-news/saudi-arabia-partner-clean-energy-including-ccus-following-biden-visit Date of access:(31.02.2026)

9. OGIEmery. «Aramco Signs Three Deals During Visit of US Secretary of Energy.» Oil and Gas Innovation, https://www.oilandgasinnovation.co.uk/international/mena/4066-aramco-signs-three-deals-during-visit-of-us-secretary-of-energy.(12.01.2026).

10. Communications, Marketing &. «KSA to Export 200k Tons Green Hydrogen to Europe by 2030.» Saudi Arabia Renewable Energy Consulting Firm, 12 Mar. 2025, https://saudienergyconsulting.com/insights/articles/saudi-arabia-to-export-200k-tons-green-hydrogen-to-europe-by-2030(14.01.2026)

11. ndia, Energética. «Saudi Arabia Advances in Hydrogen Expor Expands Renewable Capacity – MENA & Turkey | Energetica India Magazine.» Energetica India Magazine, India Energy News, Renewable Energy News, Conventional Power Generation, Companies Guide…, 30 Oct. 2024, https://www.energetica-india.net/news/saudi-arabia-advances-in-hydrogen-exports-expands-renewable-capacity.

12. Ali, Amjad. «Transforming Saudi arabia's energy landscape towards a sustainable future: Progress of solar photovoltaic energy deployment.» *Sustainability* 15.10 (2023): 8420, https://www.mdpi.com/2071–1050/15/10/8420 Date of access:(31.02.2026)

13. Power, A. (2025, May 14). ACWA Power expands US ties with $500m in new agreements. Smart Water Magazine. https://smartwatermagazine.com/news/acwa-power/acwa-power-expands-us-ties-500m-new-agreements

14. Reuters, Saudi Arabia wants to be top supplier of hydrogen – energy minister,2021https://www.reuters.com/business/energy/saudi-arabia-wants-be-top-supplier-hydrogen-energy-minister-2021–10–24/ (17.01.2026)

15. Компания NEOM Green Hydrogen. «Опубликованы первые кадры крупнейшего в мире завода по производству зеленого водорода после завершения более 80% строительных работ на всех площадках». 9 сентября 2025 г. Дата обращения: [укажите дату]. https://nghc.com/ar/news/worlds-largest-green-hydrogen-plant-release-first-ever-footage-after-achieving-more-than-80-construction-completion-across-all-sites/

16. Alex Badgett, Mark F. Ruth, Colby Smith, Martin Keller, Julia Terrapon-Pfaff, Peter Viebahn, Thomas Pregger, and Nathalie Monnerie, «Considerations of a Possible Global Hydrogen Energy Trade,» Frontiers in Energy Research 13, article 1632179 (2025) P:9, https://doi.org/10.3389/fenrg.2025.1632179.

17. Ashraf, Alia, and Muneeb Sagheer. «Renewable Energy Capacity and Technological Innovations: A Review of Global Trends and Future Directions.» Environmental Progress & Sustainable Energy (July 25, 2025). https://doi.org/10.1002/ep.70071.

18. Ministry of Energy and Infrastructure (MOEI). «Hydrogen Leadership Roadmap.» International Energy Agency (IEA), 2021. https://www.iea.org/policies/16975-hydrogen-leadership-roadmap.

19. ACWA Power. «In the Presence of the Minister of Energy, Saudi Arabia Solidifies International Partnerships to Export Renewable Energy and Green Hydrogen to Europe, Leveraging its Leadership in IMEC.» Latest News, July 20, 2025. https://acwapower.com/en/media-center/latest-news/in-the-presence-of-the-minister-of-energy-saudi-arabia-solidifies-international-partnerships-to-export-renewable-energy-and-green-hydrogen-to-europe-leveraging-its-leadership-in-imec/.

FROM OIL TO HYDROGEN: COOPERATION BETWEEN SAUDI ARABIA AND THE UNITED STATES IN THE NEW ENERGY SECTOR

Abdalsamad Abdalrahman A. Abdalsamad
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN)

The technological sector and civilizational development are two important elements in the development of new energy sources, which are considered non-traditional, non-renewable energy sources. They exist in various forms: solar energy, wind energy, geothermal energy, electricity, and hydrogen energy, with the ability to store and reuse energy. Saudi Arabia has the second largest oil reserves in the world. Environmental pollution and political issues are two of the main reasons for the transition to new energy sources. The purpose of this study is to examine Saudi–American relations in the field of new energy sources, given that Saudi Arabia has significant potential to produce hydrogen using fossil fuels and renewable sources. The article formulates the following research questions: what factors stimulate cooperation between the two countries in the field of clean energy and what barriers exist?

This article examines the relationship between Saudi Arabia and the United States in the field of clean energy. Clean energy is obtained from renewable sources that do not pollute the atmosphere. The purpose of the study is to identify trends in Saudi Arabia's transition from traditional to environmentally friendly energy investments with the participation of American companies. The novelty of the research lies in the identification of alternatives and tools that contribute to this energy transition. The study uses descriptive and historical approaches to understand these relationships. As a result, several key conclusions were drawn: an emphasis on non-traditional sources of clean energy; the potential of such investments for the development of diplomatic relations, the opening of communication channels and trade; contribution to climate and environmental protection by switching from traditional energy sources to environmentally friendly ones, such as «green» hydrogen and solar energy; and also the fact that Saudi Arabia is opening its doors to investments by American companies, which, in turn, provide expertise and the necessary tools for sustainable development, striving not only for self-sufficiency, but also for exports in the future.

Keywords: energy, Saudi Arabia, USA, green hydrogen, environment, carbon, investments.

References

1. تكلمملا يف تايلصنلاو ةيكيريمالا قرافسلا,انتقالع:خيراتلاو قرافسلا ,2024, Embassy and History: Our Relationship, US Embassy and Consulates in the Kingdom, 2024. https://sa.usembassy.gov/ar/policy-history-our-relationship/ (28.02.2026)

2. Max Becker-Hicks, Implications of the Iran War for U.S.-Saudi Relations, New Lines Institute, 2026, https://newlinesinstitute.org/middle-east-center/implications-of-the-iran-war-for-u-s-saudi-relations/ Date of access(04/15/2026)

3. Blanchard, Christopher M.; Kerr, Paul K., Prospects for U.S.-Saudi Nuclear Energy Cooperation, 09/23/2024 https://www.congress.gov/crs-product/IF10799 Date of access:(02/31/2026)

4. Braun, Jan Frederik, Rami Shabaneh, Saumitra Saxena, and Jitendra Roychoudhury, eds. The Clean Hydrogen Economy and Saudi Arabia: Domestic Developments and International Opportunities. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2024. PDF preview. Accessed May 12, 2026. https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9781040029947_A48216917/preview-9781040029947_A48216917.pdf.

5. Oxford Institute for Energy Studies, "The Role of Hydrogen in the Energy Transition," Oxford Energy Forum, No. 127 (May 2021) P:1, https://www.oxfordenergy.org/publications/oxford-energy-forum-the-role-of-hydrogen-in-the-energy-transition-issue-127/.

6. Razi, Faran, and Ibrahim Dincer. 2022. "Renewable Energy Development and Hydrogen Economy in the MENA Region: A Review." Renewable and Sustainable Energy Reviews 168. https://doi.org/10.1016/j.rser.2022.112763.

7.Dr. Mohammed Alsulami, THE IMPACT OF THE SAUDI DEVELOPMENT MODEL ON THE IRANIAN HOME FRONT, JOURNAL FOR IRANIAN STUDIES Specialized Studies, 2024, P:32,33,35,36,37,38,39,40, https://rasanah-iiis.org/english/wp-content/uploadTHE%20IMPACT%20OF%20THE%20SAUDI%20DEVELOPMENT%20MODEL%20ON%20THE %20IRANIAN%20HOME%20FRONTs/sites/2/2024/03/The-Impact-of-the-Saudi-Development-Model-on-the-Iranian-Home-Front.pdf

8. Saudi Arabia and the US to Partner on Clean Energy, Including CCUS Following Biden Visit." Carbon Capture Technology Expo North America 2025, https://www.ccus-expo.com/industry-news/saudi-arabia-partner-clean-energy-including-ccus-following-biden-visit Date of access:(02/31/2026)

9. OGIEmery. "Aramco Signs Three Deals During Visit of US Secretary of Energy." Oil and Gas Innovation, https://www.oilandgasinnovation.co.uk/international/mena/4066-aramco-signs-three-deals-during-visit-of-us-secretary-of-energy. (01/12/2026).

10. Communications, Marketing &. "KSA to Export 200k Tons Green Hydrogen to Europe by 2030." Saudi Arabia Renewable Energy Consulting Firm, 12 Mar. 2025, https://saudienergyconsulting.com/insights/articles/saudi-arabia-to-export-200k-tons-green-hydrogen-to-europe-by-2030(14.01.2026)

11. ndia, Energetica. "Saudi Arabia Advances in Hydrogen Expor Expands Renewable Capacity – MENA & Turkey | Energetics India Magazine." Energetics India Magazine, India Energy News, Renewable Energy News, Conventional Power Generation, Companies Guide…, 30 Oct. 2024, https://www.energetica-india.net/news/saudi-arabia-advances-in-hydrogen-exports-expands-renewable-capacity.

12. Ali, Amjad. "Transforming Saudi Arabia's energy landscape towards a sustainable future: Progress of solar photovoltaic energy deployment." Sustainability 15.10 (2023): 8420, https://www.mdpi.com/2071–1050/15/10/8420 Date of access:(31.02.2026)

13. Power, A. (2025, May 14). ACWA Power expands US ties with $500m in new agreements. Smart Water Magazine. https://smartwatermagazine.com/news/acwa-power/acwa-power-expands-us-ties-500m-new-agreements

14. Reuters, Saudi Arabia wants to be top supplier of hydrogen – energy minister, 2021 https://www.reuters.com/business/energy/saudi-arabia-wants-be-top-supplier-hydrogen-energy-minister-2021–10–24/ (17.01.2026)

15. NEOM Green Hydrogen. "First images of world's largest green hydrogen plant released after more than 80% of construction work at all sites completed." September 9, 2025. Accessed: [indicate date]. https://nghc.com/ar/news/worlds-largest-green-hydrogen-plant-release-first-ever-footage-after-achieving-more-than-80-construction-completion-across-all-sites/

16. Alex Badgett, Mark F. Ruth, Colby Smith, Martin Keller, Julia Terrapon-Pfaff, Peter Viebahn, Thomas Pregger, and Nathalie Monnerie, "Considerations of a Possible Global Hydrogen Energy Trade," Frontiers in Energy Research 13, article 1632179 (2025) P:9, https://doi.org/10.3389/fenrg.2025.1632179.

17. Ashraf, Alia, and Muneeb Sagheer. "Renewable Energy Capacity and Technological Innovations: A Review of Global Trends and Future Directions." Environmental Progress & Sustainable Energy (July 25, 2025). https://doi.org/10.1002/ep.70071.

18. Ministry of Energy and Infrastructure (MOEI). "Hydrogen Leadership Roadmap." International Energy Agency (IEA), 2021. https://www.iea.org/policies/16975-hydrogen-leadership-roadmap.

19. ACWA Power. "In the Presence of the Minister of Energy, Saudi Arabia Solidifies International Partnerships to Export Renewab

Грамматическая асимметрия как переводческая стратегия: видо-временной континуум в художественном переводе с французского на русский

Тюкалова Наталья Егоровна,
доцент кафедры романской филологии, Институт иностранных языков, РГПУ им А.И. Герцена

В статье рассматривается проблема передачи видо-временного континуума художественного текста при переводе с французского на русский язык. Грамматическая асимметрия двух языков в области прошедших времён – традиционно описываемая в сопоставительной лингвистике как парадигматическое несоответствие – предстаёт в данной работе не как источник переводческих трудностей, а как инструмент целенаправленной художественной стратегии. На материале романа А. де Сент-Экзюпери «Ночной полёт» и его русского перевода (М. Ваксмахер) устанавливается, что трансформация форм французских прошедших времён (Imparfait, Passé simple) в формы настоящего времени русского языка не обусловлена системными расхождениями языков. Данная трансформация интерпретируется как проявление индивидуального переводческого стиля – системного композиционного приёма, позволяющего переводчику противопоставить две сюжетные линии произведения и усилить эффект присутствия читателя в пространстве персонажа.

Ключевые слова: грамматическая асимметрия, видо-временной континуум, переводческий стиль, ретроспекция, художественный перевод, французский язык, русский язык, Imparfait, настоящее историческое.

Введение

Проблема передачи форм прошедших времён французского глагола на русский язык принадлежит к числу тех, которые не утрачивают актуальности по мере накопления описательного материала. Кажущаяся разрешённость вопроса на уровне сопоставительной парадигматики оказывается иллюзорной, как только исследователь обращается к тексту как единице перевода: переводной текст неизменно обнаруживает асимметричные способы передачи грамматических значений, которые были бы невозможны при переводе тех же предложений в изоляции от контекста.

Настоящая работа посвящена роману А. де Сент-Экзюпери «Ночной полёт» (Vol de nuit) и его переводу, выполненному М. Ваксмахером. Материал рассмотрен с позиций типологических соответствий на парадигматическом и синтагматическом уровнях, а также с точки зрения текстовой категории временного континуума. Как показал анализ, масштабная трансформация, осуществлённая переводчиком, не поддаётся удовлетворительному объяснению ни в рамках сравнительной типологии, ни в рамках лингвистической теории перевода – что побуждает к поиску иного концептуального инструментария.

Цель статьи – переосмыслить грамматическую асимметрию переводного текста не как отклонение от нормы эквивалентности, а как проявление индивидуальной переводческой стратегии, формирующей особый художественный эффект. Теоретическим основанием служат концепция переводческого стиля [Baker, 2000; Сдобников, Калинин, Петрова, 2019], а также принципы нарратологического анализа переводного текста [Genette, 1972; Hermans, 1996].

Теоретические основания

Традиционный подход к изучению грамматической асимметрии при переводе исходит из системных несоответствий между языками. Французский язык располагает разветвлённой системой прошедших времён, тогда как в русском языке для передачи плана прошедшего существуют только две формы, противопоставленные по видовому признаку. Дискуссия о том, обнаруживается ли категория вида в формальных противопоставлениях французского глагола, остаётся открытой: одни исследователи усматривают видовые значения в оппозиции Passé simple / Imparfait [Пицкова, 1962], другие указывают на принципиальное отличие французской аспектуальности от славянской [Гак, 1989]. Тем не менее, как показывает переводческая практика, парадигматическая асимметрия не исчерпывает проблему.

Видо-временные формы, являющиеся грамматическими носителями категории времени, составляют временной континуум текста – «определённую последовательность фактов, событий, развёртывающихся во времени» [Гальперин, 1981, с. 87]. Переводчик может следовать установленным парадигматическим и синтагматическим соответствиям, однако на уровне текста он нередко прибегает к трансформациям, неоправданным с точки зрения сравнительной типологии: его цель – воссоздание художественно законченного целого, а не формальное воспроизведение грамматических схем оригинала.

Данное явление – грамматическая асимметрия межтекстовая, а не межъязыковая – указывает на недостаточность собственно лингвистического объяснения и требует обращения к концепции переводческого стиля. М. Бейкер, стоявшая у истоков корпусных исследований перевода, показала, что переводчики оставляют своеобразный «лингвистический отпечаток» в переводном тексте – систему предпочтительных и повторяющихся языковых выборов, отличающую одного переводчика от другого [Baker, 2000]. Речь идёт не об отдельных случайных вмешательствах, а о закономерности, пронизывающей весь текст.

Необходим и нарратологический угол зрения. Согласно концепции Ж. Женетта, время в повествовательном тексте организовано через отношения между временем истории (histoire) и временем дискурса (récit), включающие порядок, длительность и частотность событий [Genette, 1972]. Выбор видо-временной формы – это прежде всего нарративное решение, определяющее дистанцию между повествователем и событием, степень актуализации описываемого. В переводоведении нарратологический подход описывает, каким образом переводчик перестраивает нарративную структуру оригинала, создавая «подразу-

меваемого переводчика» [Hermans, 1996] – инстанцию, чьи решения формируют особый художественный мир переводного текста.

Видо-временной континуум оригинала

В романе «Ночной полёт» выделяются две основные сюжетные линии. Первая – линия Ривьера, начальника почтовой аэрослужбы: повествование здесь по природе своей статично, его содержание – размышления о смысле жизни и личной ответственности, красной нитью проходящие через всё творчество Сент-Экзюпери. Вторая – линия Фабьена, пилота, летящего из Патагонии в Буэнос-Айрес и попадающего в грозовой фронт.

Для описания событий в самолёте автор использует Imparfait и Passé simple. Лишь во второй части первой главы появляется актуализирующее настоящее – приём, к которому Сент-Экзюпери обращается и в других произведениях (ср. Courrier sud). Если рассматривать видо-временные предпочтения в разрезе глав, картина такова: настоящее время доминирует в главах, посвящённых Ривьеру (I, XI, XVIII–XIX, XXIII), тогда как в главах о Фабьене безраздельно господствует прошедшее. Таким образом, в тексте оригинала употребление настоящего на уровне главы фиксируется в пяти случаях.

Имплицитное присутствие повествователя в системе Ривьера и экспликация внутреннего мира персонажа через несобственно-прямую речь обусловливают неоднородность видо-временного континуума: рассказчик то отдаляется от героя, то максимально приближается к нему, используя прямую речь, внутренний монолог, смену временного плана. Это создаёт ту двухуровневую организацию повествования, которая в переводе получит принципиально иное – и более отчётливое – воплощение.

Трансформация как переводческая стратегия

М. Ваксмахер заметно изменил временну́ю схему произведения, причём трансформация проводилась не на уровне предложения и не на уровне абзаца – переводчик трансформировал целые главы. Если в оригинале настоящее время доминирует в пяти главах, то в русском переводе таких глав восемь. Три дополнительных случая – главы XII, XV и XVI – принадлежат именно Фабьену: в оригинале все три написаны в прошедшем, в переводе переведены в настоящее. Примечательно, что главы о Фабьене оказываются как бы обрамлены главами о Ривьере, также написанными в настоящем: создаётся своего рода нарративное кольцо.

Подобная трансформация не может быть случайной. Она пронизывает весь роман и неотделима от целостного взгляда на произведение. Переводчик воспользовался авторским приёмом – актуализирующим настоящим при описании Ривьера – и применил его к другому протагонисту. В результате в русском тексте возникло чёткое противопоставление двух сюжетных линий, которое в оригинале менее очевидно: план Ривьера (рефлексия, внутренняя статика) и план Фабьена (действие, катастрофа) разграничиваются через оппозицию прошедшего и настоящего.

Анализ на уровне главы: XII глава

Для более детального рассмотрения переводческой стратегии обратимся к XII главе, в которой настоящее время впервые и окончательно закрепляется в русском тексте в качестве доминирующей формы. В оригинале перед нами авторское повествование в Imparfait и Passé simple: Фабьен и его радист попадают в грозовой фронт. Повествование насыщено тем, что З.Я. Тураева обозначает как «контекстные приёмы несобственно-прямой речи» [Тураева, 1979, с. 41]: формы Imparfait описывают действие в процессе и одновременно служат показателем авторского повествования.

Трансформация начинается с третьего абзаца главы – с фразы «Fabien calculait ses chances» («Фабьен взвешивал шансы»). В оригинале Imparfait передаёт внутреннее рассуждение персонажа через призму авторского повествования; в переводе этот же момент оформляется при помощи настоящего времени и тире: «Пилот взвешивает…» Употребление тире – вместо союза «что», неизбежного при передаче однопредикатного французского предложения как сложноподчинённого, – ослабляет нарративную дистанцию и создаёт эффект непосредственного присутствия. Многоточие закрепляет его, давая простор воображению читателя.

С этого момента фактор текста начинает играть для перевода бо́льшую роль, чем формально-стилистические соответствия. Рассказчик сознательно помещает себя на вектор персонажа: катастрофа разворачивается не в ретроспекции, а у нас на глазах. В терминах Ж. Женетта, переводчик переключает повествование о Фабьене с диегетического режима – отстранённого рассказывания о прошлом – в режим миметический, создавая эффект непосредственного события [Genette, 1972]. Это решение принимается не на уровне предложения, а на уровне всего произведения, мотивировано структурой романа и художественным замыслом переводчика.

Переводческий стиль как аналитическая категория

Приведённый анализ ставит вопрос: поддаётся ли подобная трансформация объяснению в рамках лингвистической теории перевода? По всей видимости, нет – поскольку эта последняя практически не выходит за пределы синтагматических значений грамматических единиц и не располагает инструментарием для описания масштабных текстовых сдвигов. Концепция переводческого стиля предоставляет необходимый понятийный аппарат: трансформация Ваксмахера – не ошибка и не случайное отступление, а последовательно проводимая художественная концепция, обнаруживающая себя только на уровне целого произведения [Baker, 2000].

Принципиально важно, что употребление настоящего «во вторичной функции» [Гак, 1975] не является исключительным изобретением переводчика: этот приём присутствует в оригинале применительно к Ривьеру. Ваксмахер лишь расширил область его применения. Тем самым в переводном тексте создаётся иерархически организованная видо-временна́я структура: настоящее становится маркером нарративной напряжённости вне зависимости от того, о ком идёт речь – о рефлектирующем Ривьере или о гибнущем Фабьене. Данный пример подтверждает наблюдение З.Я. Тураевой о том, что глагольная форма в тексте приобретает текстовое значение, которое может нивелировать её парадигматическое и синтагматическое значения [Тураева, 1979, с. 45].

На уровне текста, таким образом, существует особая эквивалентность – прагматическая. Она не сводится к сумме парадигматической и синтагматической эквивалентностей: здесь соотносится художественная выразительность – категория преимущественно текстовая, критерии оценки которой не могут быть формализованы исчерпывающим образом. Именно в этом – и ценность приёма, и его аналитическая сложность: переводчик, оставаясь переводчиком, является также и творцом.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, грамматическая асимметрия при передаче видо-временного континуума художественного текста является прежде всего феноменом межтекстовым, а не межъязыковым. Асимметричная передача прошедших времён французского индикатива в русских переводах объясняется не столько особенностями парадигматической или синтагматической семантики французского глагола, сколько возникает как феномен текста на пересечении определённой переводческой концепции и принципов развёртывания русского художественного повествования.

Во-вторых, трансформация Ваксмахера представляет собой проявление индивидуального переводческого стиля – системного композиционного приёма, обнаруживающего себя на уровне всего произведения. Переводчик воспользовался стилистическим приёмом автора оригинала, расширив область его применения с одного протагониста на другого, и тем самым создал в русском тексте более отчётливое противопоставление двух сюжетных линий романа. Данная трансформация не является ни вынужденной, ни ошибочной – она является творческой.

В-третьих, для объяснения подобных масштабных текстовых трансформаций лингвистической теории перевода недостаточно. Необходимо учитывать активную роль переводчика, его концепцию произведения в целом и категории времени в частности. Концепция переводческого стиля и нарратологический подход предоставляют для этого необходимый понятийный аппарат. Художественная выразительность не переводится – она воссоздаётся средствами языка перевода.

Литература

1. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М.: Русский язык, 1975. – 278 с.
2. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
3. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
4. Жерновей, Г.Я. Сопоставительное исследование семантики видо-временны́х форм глагола во французском, восточно-романском и русском. – М., 1979.
5. Илия, Л.И. Грамматика французского языка. – М.: Высшая школа, 1964. – 304 с.

6. Пицкова, Л.В. Грамматическая категория вида в современном французском языке. – М.: МГПИИЯ, 1962. – 174 с.

7. Сдобников, В. В., Калинин, К. Е., Петрова, О.В. Теория перевода (коммуникативно-функциональный подход): учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. – 2-е изд., перераб. – М.: Издательство ВКН, 2019. – 512 с.

8. Тураева, З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 219 с.

9. Baker, M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // Target. International Journal of Translation Studies. – 2000. – Vol. 12, № 2. – P. 241–266.

10. Genette, G. Figures III. – Paris: Seuil, 1972. – 288 p.

11. Hermans, T. The Translator's Voice in Translated Narrative // Target. International Journal of Translation Studies. – 1996. – Vol. 8, № 1. – P. 23–48.

12. Saint-Exupéry, A. de. Vol de nuit. – Paris: Gallimard, 1931. – 188 p.

13. Сент-Экзюпери, А. де. Ночной полёт / пер. М. Ваксмахера // Избранное. – М.: Московский рабочий, 1981. – С. 33–112.

GRAMMATICAL ASYMMETRY AS A TRANSLATION STRATEGY: THE ASPECTUAL-TEMPORAL CONTINUUM IN LITERARY TRANSLATION FROM FRENCH INTO RUSSIAN

Tyukalova N.E.
Herzen State Pedagogical University of Russia

The article examines the rendering of the aspectual-temporal continuum in literary translation from French into Russian. Grammatical asymmetry between the two languages in the domain of past tenses – traditionally described in contrastive linguistics as a paradigmatic mismatch – is reframed here not as a source of translation difficulty but as an instrument of deliberate artistic strategy. Drawing on Saint-Exupéry's novel Vol de nuit and its Russian translation by M. Vaksmakher, the study establishes that the transformation of French past tenses (Imparfait, Passé simple) into Russian present-tense forms cannot be explained by systemic language differences. The transformation is interpreted as individual translator's style – a systematic compositional device enabling the translator to contrast the novel's two narrative lines and to heighten the reader's sense of presence within the character's experiential space.

Keywords: grammatical asymmetry, aspectual-temporal continuum, translator's style, retrospection, literary translation, French, Russian, Imparfait, historical present.

References

1. Gak, V.G. The Russian Language in Comparison with French. Moscow: Russkiy Yazyk, 1975. 278 p.

2. Gak, V.G. Comparative Typology of French and Russian. Moscow: Prosveshchenie, 1989. 288 p.

3. Galperin, I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: Nauka, 1981. 139 p.

4. Zhernovey, G. Ya. A Comparative Study of the Semantics of Aspect-Tense Forms of the Verb in French, Eastern Romance, and Russian. Moscow, 1979.

5. Iliya, L.I. The Grammar of the French Language. Moscow: Vysshaya Shkola, 1964. 304 p.

6. Pitskova, L.V. Grammatical category of aspect in modern French. – Moscow: Moscow State Pedagogical Institute of Languages, 1962. – 174 p.

7. Sdobnikov, V. V., Kalinin, K. E., Petrova, O.V. Translation Theory (communicative-functional approach): a textbook for students of linguistic universities and foreign language faculties. – 2nd ed., revised. – Moscow: VKN Publishing House, 2019. – 512 p.

8. Turaeva, Z. Ya. The category of time. Grammatical tense and artistic tense. – Moscow: Vysshaya shkola, 1979. – 219 p.

9. Baker, M. Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // Target. International Journal of Translation Studies. – 2000. – Vol. 12, № 2, pp. 241–266.

10. Genette, G. Figures III, Paris: Seuil, 1972, 288 p.

11. Hermans, T. The Translator's Voice in Translated Narrative, Target: International Journal of Translation Studies, 1996, Vol. 8, № 1, pp. 23–48.

12. Saint-Exupéry, A. de. Vol de nuit, Paris: Gallimard, 1931, 188 p.

13. Saint-Exupéry, A. de. Night Flight, translated by M. Vaksmacher, Selected Works, Moscow: Moskovsky Rabochy